

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ LXIII

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ LXIII

1896

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1896

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ
ЯНВАРЬ, 1896

СОДЕРЖАНІЕ.

ЯНВАРЬ, 1896 г.

	стр
I. Сильфида. Романъ. Часть первая. Гл. I—III. Н. Н. Потапенко	7
II. Воспоминанія С. Н. Терпигорева (Атавы) . I—II	50
III. Исповѣдь Шервуда-Вѣрнаго	66
IV. Типы современной деревни. IX. (Продолженіе). Генеральскій Прохоръ. А. В. Круглова	80
V. Памяти Т. Н. Грановскаго. Ч. Вѣтринскаго	
Иллюстрація: Тимофей Николаевич Грановскій.	
VI. Воспоминанія пропадающаго человѣка. I—III. Н. П. Свѣшниковъ	142
VII. На родинѣ Жуковскаго. А. Н. Фирсова	17
Иллюстраціи: 1) Домъ Жуковскаго въ Бѣлевѣ.—2) Бѣлевское двухклассное училище имени В. А. Жуковскаго .—3) Бѣлевская публичная бібліотека въ память В. А. Жуковскаго .	
VIII. Отъ Ржева до Углича. I—III. Н. Ф. Тюменева	1
Иллюстраціи: 1) Видъ Волги между Ржевомъ и Зубцовомъ.—2) Зубцовъ.—3) Успенскій монастырь въ г. Старицѣ.—4) Митрополитъ Іовъ .—5) Гробница патріарха Іова въ Старицкомъ монастырѣ.	
IX. В. В. Верещагинъ и его произведенія. В. С. Р.	2
Иллюстраціи: 1) В. В. Верещагинъ въ 1888 году.—2) Хоръ деревней.—3) Киргизъ .—4) Колоды Мурза Робатъ въ Голодной степи.—5) Мечеть Тамерлана .—6) Гробница Тамерлана .—7) Казацкій шкель .—8) Сибѣжскія траншеи на Шипкѣ .	
X. Наставникъ царскихъ дѣтей. Б. Б. Глинскаго	230
Иллюстрація: Яковъ Карловичъ Гротъ въ 1854 году.	
XI. Курьезы изъ времени послѣдняго польскаго возстанія. Д. Омелинскаго	267
XII. Пятидесятилѣтіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества	278
XIII. Критика и бібліографія	293

1) Пермская Старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. **А. Дмитріева**. Выпускъ VI. Первые годы послѣ Юрмака и смутное время. Пермь. 1895. Пермскій край. Сборникъ свѣдѣній о Пермской губерніи, издав. губ. статист. комитетомъ. Т. III, подъ редакцію дѣйств. чл. комитета **А. А. Дмитріева**. Пермь. 1895. **Д. Корсамова**.—2) Опись собранія оружія графа **С. Д. Шереметева**. Составилъ **Э. Ленцъ**. Съ приложеніемъ 26 фотографическихъ таблицъ. Спб. 1896. **В. ч. с.**—3) **М. П. Драгомировъ**. Разборъ романа «Война и Миръ». Кіевъ. 1895. **Б. Никольскаго**.—4) Очерки изъ литературной исторіи сшодики. Историко-литературныя наблюденія и матеріалы, **Е. В. Петухова**. Спб. 1895. **А. Б—ина**.—5) Галцко-русская бібліографія XIX-го столѣтія съ уваженіемъ русскихъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Вукочинѣ (1801—1886). Составилъ **Иванъ Ем. Левитскій**. Томы I—II. Хронологическій списокъ публикацій. Львовъ. 1895. **Н. Рыжикова**.—6) Подробная опись 962 рукописейъ начала XVII до начала XIX столѣтій «Должатовскаго архива». Составлена **І. Д. Преображенскимъ** и **Н. А. Альбицинымъ**. Спб. 1895. **А. Б.**—7) Народная Академія. Доброе Слово. Книга первая. Изъ поученій высокопреосвященнѣйшаго **Павладія**, митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго. Книга вторая. Изъ поученій высокопреосвященнаго **Антонія**, архіепископа финляндскаго и выборгскаго. Изданіе **С. Г. Рункевича**. Спб. 1895. **К—ча**.—8) Сказки, собранныя братьями **Гриммами**. Иллюстрированныя **Гротъ-Югашомъ** и **Лейнвеберомъ**. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей **П. Н. Полеваго**. Спб. 1895. **А. Б.**—9) Юрод-

См. слѣд.

ство о Христѣ и Христа ради юродивые. Историческій очеркъ житія сихъ подвижниковъ благочестія Покровскаго и Василя Блаженнаго, въ Москвѣ, собора ключарь священникъ Іоаннъ Ковалевскій. Москва. 1895. и. х.—10) Въ страдѣ черныхъ христіанъ. Очерки Абиссиніи. Ф. Волина. Спб. 1895. («Полезная Библиотека»). А. п.—11) Починъ. Сборникъ Общества Любителей Россійской словесности. Москва. 1895. А. Ф.—ва.—12) Русскія книги. Съ биографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. (1703—1893). Редакція С. А. Венгера, изд. Г. В. Юдина. Вып. I и II. Спб. 1895. А. Б.—13) Священникъ Е. Сѣдывскій. Городъ Каменецъ-Подольскій. Историческое описаніе. Киевъ. 1895. Н. Л.—на.—14) В. Алексѣевъ. Древне-греческіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Спб. 1895. Б. Никольскаго,

XIV. Заграничныя историческія новости и мелочи 314

1) Газета въ древнемъ Римѣ.—2) Новыя изслѣдованія о Петраркѣ и Боккаччо.—3) Итальянская Фебра.—4) Письма Вольтера и Дидро къ Франсуа Троншену.—5) Альфредъ Раббо и его книга объ участіи Россіи въ Семилѣтней войнѣ.—6) Г-жа Жоффренъ въ Польшѣ.—7) Подлинный разсказъ Мирабо о его любви къ Софи Монье.—8) Аустерлицъ 90 лѣтъ тому назадъ и теперь.—9) Верланъ отъ XVIII вѣка до половины XIX.—9) Столѣтній юбилей Карлайля.—10) Смерть Александра Дюма и Бартелели Сентъ-Илера.

XV. Изъ прошлаго 337

1) Политическіе ссыльные въ Туруханскомъ краѣ. Д. Лазарева.—2) Царскій кучеръ. И. Савченко.

XVI. Смѣсь 341

1) Открытіе памятника императору Александру III.—2) Открытіе памятника стрѣлку Степану Яковлеву.—3) Освященіе памятника профессору Н. И. Нерсесову.—4) Освященіе памятника на могилѣ А. Н. Плещеева.—5) Семидесятилѣтіе Михайловской артиллерійской академіи и училища.—6) 50-лѣтіе пятой гимназіи.—7) 50-лѣтіе Михайловскаго воронежскаго кадетскаго корпуса.—8) 25-лѣтіе общины св. Георгія.—9) 25-лѣтіе с.-петербургскаго общества архитекторовъ.—10) 50-лѣтіе литературной дѣятельности князя Д. Р. Эрстова.—11) Чествованіе памяти Т. Н. Грановскаго и С. М. Соловьева въ Московскомъ историческомъ обществѣ.—12) Чествованіе археологическимъ институтомъ памяти Н. В. Калачова, П. И. Савваитова и Д. А. Ровинскаго.—13) Выставка изданій Д. А. Ровинскаго.—14) Диспутъ Д. В. Айналова.—15) Диспутъ А. В. Никитскаго.—16) Диспутъ М. Крашенинникова.—17) Диспутъ А. А. Спасскаго.—18) Историческое общество.—19) Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ.—20) Туркестанскій кружокъ любителей археологіи въ Ташкентѣ.—21) Отчетъ Одесской городской публичной бібліотеки за 1894 г.—22) Городскія безплатныя читальни имени И. С. Тургенева и А. Н. Островскаго въ 1894 году.—23) Читальни московскаго общества распространенія полезныхъ книгъ.—24) Городская художественная галлерей П. и С. М. Третьяковыхъ въ Москвѣ.—25) Дѣятельность костромской ученой архивной комисіи.—26) Любопытный историческій памятникъ.—27) Старина г. Путявли.—28) Къ біографіи Т. Г. Шевченко.—29) Къ біографіи Н. А. Добролюбова.—30) Некрологи: Е. А. Бѣловъ; И. С. Некрасовъ; П. М. Мартыновъ; С. М. Краевъ; А. И. Сюезь.

XVII. Замѣтки и поправки 367

1) Портретъ Петра Великаго.

XVIII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Петра Великаго съ оригинала Таннауера, исполненный красками въ хромолитографіи «Новаго Времени».—2) Осада Сарагоссы (Zaragoza). Историческій романъ Переса Гальдоса. Гл. 1—IX. Переводъ съ испанскаго Е. Уманецъ.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1896 году
(СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1896 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія шестнадцать лѣтъ (1880—1895).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

Дозволено Цензурою С. П. Б. 15/9 Марта 1895 г.

Хромолитографія Нового Времени А. С. Суворина

Библиотека "Руниверс"

СИЛЬФИДА.

(Романъ въ трехъ частяхъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

ТО БЫЛО на третій день Пасхи. Но публика, наполнявшая театръ сверху до низу, была не сборная праздничная публика, готовая стучать и шумѣть по поводу всего, что бы ни представили ей на сценѣ. Только въ двухъ верхнихъ ярусахъ попадались сомнительныя фигуры, съ невѣрными взглядами и охрипшими голосами, явившіяся сюда прямо съ Дѣвичьяго Поля. Подавляющее большинство, даже тамъ, на верхахъ, составляли истинныя театралы и цѣнители.

Въ продолженіе пяти недѣль всѣмъ прискучили великопостныя живыя картины и дивертисементы; и на этотъ первый полный спектакль короткаго весенняго сезона билеты брались за недѣлю, по подпискѣ. Партеръ наполняли блестящіе военные и штатскіе чиновные люди, а въ ложахъ пестрѣли дорогіе дамскіе наряды. Ваоры всѣхъ часто обращались къ занавѣсу, который что-то долго не подымался. Въ разныхъ концахъ театра уже слышалось сдержанное, но тѣмъ не менѣе нетерпѣливое постукиваніе палками и ногами объ полъ.

Но не одно пресыщеніе великопостными зрѣлищами привлекло сюда публику. Въ афишѣ на ряду съ именами другихъ артистовъ стояло скромное имя, которое всего нѣсколько недѣль тому назадъ было впервые произнесено, но теперь уже было у всѣхъ на устахъ. Посохова, юная, семнадцатилѣтняя танцовщица, еще не выпущенная изъ театральной школы, завладѣла умами. Послѣ Тальони, уже покинувшей сцену, она первая выступила въ «Сильфидѣ», и говорили, что юная питомица казенной школы заставляетъ забывать несравненную диву, еще недавно приводившую въ восторгъ обѣ столицы, говорили, что, съ появленіемъ Посоховой въ этой роли, на сценѣ исчезла иллюзія, потому что это была настоящая Сильфида.

Тѣ, кто не видаль, пришли убѣдиться въ этомъ, а видѣвшіе не хотѣли пропустить случай еще разъ насладиться зрѣлищемъ.

Первый актъ сопровождался шумными оваціями, не смолкавшими въ продолженіе всего антракта. Въ то время, когда за сценой раздавался громкій размѣренный стукъ, предупреждавшій зрителей о скоромъ началѣ второго акта, въ лѣвомъ проходѣ партера появилось новое лицо, на которое всѣ тотчасъ обратили вниманіе. Съ виду онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ. Военный мундиръ карабинернаго полка, которымъ онъ командовалъ, плотно обтягивалъ его мужественный прямой станъ и удивительно шелъ къ его большому росту и широкимъ плечамъ. Смуглое лицо, съ замѣтно выдавшимися скулами, съ темными маленькими татарскими глазками, съ очень густыми недлинными усами, съ едва отмѣченными слѣдами давней оспы, съ низкими курчавыми смолистаго цвѣта волосами на головѣ, — было болѣе оригинально, чѣмъ красиво. Твердо ступая, онъ неспѣшно подвигался къ первымъ рядамъ и при этомъ держалъ голову прямо, глядя въ одну случайно выбранную точку на занавѣсѣ и какъ бы не замѣчая обращеннаго на него общаго вниманія, или, скорѣе, не придавая ему значенія.

Остановившись у второго ряда, гдѣ у него было крайнее мѣсто, онъ повернулся лицомъ къ зрителямъ, приложилъ къ глазамъ лорнетъ и, съ видомъ полного безстрастія, обвелъ взоромъ два нижнихъ яруса ложъ, гдѣ онъ могъ предположить присутствіе знакомыхъ. Этотъ осмотръ сопровождался частымъ тихимъ наклоненіемъ головы, такъ какъ всюду отыскивались знакомые, но ни улыбки, ни какого либо иного выраженія удовольствія и пріятливости не появлялось на его лицѣ. Только темные глаза его какъ-то странно постоянно мѣняли свои оттѣнки, то загораясь блескомъ, то потухая, то дѣлаясь большими, то почти закрываясь, то окрашиваясь игривой усмѣшкой, то выражая равнодушіе. Они какъ бы взяли на себя обязанность говорить за все его лице.

Сидѣвшіе неподалеку отъ его кресла подымались, подходили къ нему и здоровались, иные кланялись издали, другіе протягивали

руку, оставаясь на мѣстѣ. Онъ всѣмъ отвѣчалъ молчаливымъ рукопожатіемъ, поклономъ, усмѣшкой глазъ, но никому не обмолвился ни однимъ словомъ. Губы его ни разу не разомкнулись. Это была его манера.

Второй стукъ за сценой заставилъ его опустить лорнетъ и занять свое мѣсто.

— Однако, полковникъ, вы проявляете несвойственное вамъ постоянство!—въ полголоса промолвилъ, обратившись къ нему, со-сѣдь его, по внѣшнему виду представлявшій полную ему противоположность: маленькій, щупленькій, сѣденый, вертлявый, съ чрезвычайно подвижнымъ лицомъ, съ безволосою головою, но видимо чиновный, съ важнымъ орденомъ и полной достоинства осанкой, которая, благодаря его внѣшности, мало ему удавалась.

Полковникъ повернулъ къ нему голову и вскинулъ на него вопросительный взглядъ. Тотъ пояснилъ:

— Сколько я знаю, вы не пропустили ни одной «Сильфиды»!

— Я не пропускаю ничего хорошаго!—сквозь зубы и едва шевеля губами, замѣтилъ полковникъ. — Впрочемъ, какъ видите, сегодня порядкомъ опоздалъ...

— Развѣ вы поклонникъ Посоховой?

— Поклонникъ—это слишкомъ много. Я признаю ея достоинства...

— Иные находятъ, что она выше Тальони... Вы также?

Полковникъ отрицательно покачалъ головою.

— Не выше и не ниже!..

— По-вашему, это рѣдкій случай равенства?

— Еще менѣе того! Тальони—сама муза, а Посохова—счастливый ребенокъ, явившійся на свѣтъ въ образѣ Сильфиды...

— Слѣдовательно, вы отрицаете разносторонность ея дарованія?

— Какъ могу я отрицать то, чего я не знаю. Я говорю: мы подождемъ!..

— Однако же, полковникъ, я слышалъ, что сама Тальони цѣловала ее и благословила, и признала своей наслѣдницей!..

— А мы все-таки подождемъ, князь!—отвѣтилъ полковникъ и полуобернулся назадъ, гдѣ изъ третьяго ряда къ нему обращался съ тихою рѣчью какой-то очень молоденькій офицеръ, сидѣвшій за его спиной.

— Я боюсь, Андрей Михайловичъ,—говорилъ офицеръ, сопровождая свои слова нѣсколько таинственнымъ выраженіемъ своихъ большихъ сѣрыхъ глазъ,—я боюсь, не плоха ли у васъ память на числа...

— Вы ошибаетесь, я хорошо помню всѣ числа!—спокойно и увѣренно отвѣтилъ полковникъ и прибавилъ:—сегодня пятое мая, не правда ли?

— Да, и значитъ—завтра шестое...

— Это нетрудно вычислить!..

— И теперь семь часовъ!—промолвилъ офицеръ, вынувъ изъ-подъ сюртука толстые открытые часы и показавъ полковнику циферблатъ.—Слѣдовательно до срока осталось...

— Ровно семнадцать часовъ!—съ невозмутимымъ спокойствіемъ отчеканилъ полковникъ.

— Но вы до сихъ поръ не совершили ничего удивительнаго...

— Семнадцать часовъ достаточно, чтобы совершить тысячу чудесъ... А мнѣ надо совершить только одно...

— И вы его совершите?

— Можете смѣло держать пари... я отвѣчаю за выигрышъ!

— Я буду держать!.. Непремѣнно!—съ горячностью, возвысивъ голосъ нѣсколько болѣе, чѣмъ это было прилично передъ поднятіемъ занавѣса, когда говоръ среди публики началъ замѣтно смолкать, воскликнулъ офицеръ.

У него даже покраснѣлись щеки. Очевидно, предметъ разговора близко интересовалъ его.

Въ это время за сценой раздался третій стукъ, музыканты въ оркестрѣ прекратили свои пробы, въ театральной залѣ все смолкло. Дирижеръ поднялъ палочку, оглядѣлъ оркестръ справа и слѣва, и опустилъ палочку. Раздался аккордъ, и началась прелюдія.

Оркестръ не отличался ни богатствомъ инструментовъ, ни стройностью, и никто его не слушалъ, а всѣ съ нетерпѣніемъ глядѣли на занавѣсъ, ожидая, когда, наконецъ, онъ взвоется, и передъ очами зрителей откроется волшебный міръ иллюзій, который никогда не перестанетъ привлекать человѣка. Это—минута, когда зрители, наполняющіе залъ сверху до низу, юноши и зрѣлые люди, женщины и старики, всѣ разомъ превращаются въ дѣтей и начинаютъ жаждаютъ обмана чарующей сказки.

Вотъ задрожали амуры, изображенные на занавѣсѣ, ихъ крылышки зашевелились, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ они собирались взлетѣть къверху, заволновался фонтанъ, задвигались листья окружавшихъ его причудливыхъ растений, и затѣмъ все это вмѣстѣ медленно поплыло кверху и исчезло. Разомъ какъ бы растаяла стѣна, отдѣлявшая міръ дѣйствительный отъ волшебнаго, и началась живая сказка. Эфирныя существа въ легкихъ прозрачныхъ одеждахъ, напоминавшихъ своими цвѣтами тонкіе отгѣнки облаковъ въ часъ утренней зари, живописными группами двигались въ рамкѣ свѣжаго весенняго пейзажа. Каждый ихъ поворотъ, каждое движеніе давали новую картину, одна красивѣй другой, и, казалось, что лѣсная прохлада разлилась по всему театру, а гдѣ-то въ глубинѣ сверху такъ соблазнительно струился кристальный ручей, что являлось нецѣлительное желаніе протянуть къ нему руку и зачерпнуть изъ него прозрачной воды.

Но вотъ на сценѣ произошло новое движеніе, въ которомъ

можно было разглядѣть какъ бы ожиданіе чего-то важнаго. Зрители тоже прониклись этимъ чувствомъ и насторожились. И вотъ появилась та, чье еще слишкомъ молодое имя сумѣло собрать всю эту толпу. Громъ рукоплесканій заглушилъ оркестръ и длился съ минуту. Она остановилась и съ какой-то дѣтской покорностью, съ улыбкой смущенія, наклонила голову.

Это было удивительное существо, казавшееся сотканнымъ изъ свѣта и воздуха. Средняго роста, тонкая и стройная, легка, какъ облако, подвижна, какъ мотылекъ, она какъ бы шутя только касалась пола своими миниатюрными ножками, словно красивыя крылышки носили ее надъ землей. Золотистыя кудри, сплетаясь съ гирляндой лѣсныхъ цвѣтовъ и свѣжихъ листьевъ, граціозными линиями спускались по плечамъ. Ея прекрасное лицо выражало какую-то дикую и вмѣстѣ съ тѣмъ кроткую чистоту души, безстрастіе ребенка, наивное незнаніе жизни. Сцену и зрителей часто соединяетъ удивленіе таланту, восхищеніе совершенствомъ искусства. И она танцевала превосходно, доказывая этимъ, что школьная наука не прошла для нея даромъ, и не напрасно казенная школа гордилась ею. Но бываетъ и такъ, что между сценой и зрительной залой сразу, съ перваго же появленія артиста, устанавливается какая-то необъяснимая неуволимая симпатія, что-то похожее на сродство душъ, и тогда ужъ никто не слѣдитъ за проявленіемъ искусства, никто не считаетъ ошибокъ и промаховъ; набитый сверху до низу залъ, наполненный людьми съ различными требованіями и вкусами, превращается въ одно существо, готовое дружнымъ радостнымъ крикомъ одобрять и восторженно поощрять каждое движеніе, каждый жестъ любимца. Такъ было и теперь. Посохова сразу почувствовала, что сдѣлала великое завоеваніе, что одно ея появленіе покорило театръ, и это развязало ея смущеніе, дало свободу ея движеніямъ, и она достигла той высоты искусства, которая только была ей доступна.

Этотъ спектакль былъ ея торжествомъ. Когда ея не было на сценѣ, зрители откидывались на спинки своихъ креселъ и давали отдыхъ своимъ глазамъ и нервамъ. Ихъ почти не интересовало то, что происходило въ это время на сценѣ. Но стоило только ей появиться, и театръ снова оживлялся. Разъединенные различными вкусами, понятіями и общественнымъ положеніемъ, зрители снова объединялись той безотчетной симпатіей, которую она вызывала въ нихъ.

Занавѣсъ опустился. При громъ аплодисментовъ и восторженныхъ возгласовъ, онъ снова не разъ подымался, воздушная Сильфида влетала на сцену, обводила зрителей благодарнымъ взглядомъ и кланялась. Ея имя было уже сдѣлано. Скромная звѣздочка разгорѣлась пышнымъ пламенемъ и превратилась въ звѣзду первой величины.

Въ ложахъ, въ партерѣ, въ корридорахъ, въ фойэ, въ буфетѣ поднялся оживленный говоръ. У всѣхъ на устахъ было только два имени: Тальони и Посохова. Первая являлась, какъ всѣми признанное совершенство, какъ идеаль, къ которому можно приблизиться больше или меньше, но достигнуть нельзя, вторая была живымъ явленіемъ, заставлявшимъ трепетать сердца сотней новыхъ, только-что покоренныхъ поклонниковъ. Но находились смѣльчаки, отдававшіе пальму первенства второй. Они произносили слово «молодость!»—молодость, которую Тальони всю отдала Европѣ, а къ намъ не привезла даже остатковъ ея, а привезла только свое удивительное искусство. А Посохова была сама молодость.

II.

Въ то время, какъ въ ярко освѣщенномъ театрѣ господствовало восторженное настроеніе, на дворѣ, не смотря на весеннюю пору, лилъ непрерывный дождь, и дулъ порывистый холодный сѣверный вѣтеръ. Небо было обложено тяжелыми темными тучами, беспросвѣтно закрывавшими и звѣзды и мѣсяць, и не было ни малѣйшей надежды на то, что это когда нибудь прекратится. Казалось, землѣ угрожалъ новый потопъ. По улицамъ стремительно лились потоки мутной воды, вода каскадами падала съ крышъ, заливала дворы, попадала въ подвалы, выгоняя оттуда ютившіяся въ нихъ семейства бѣдняковъ. На улицахъ и площадяхъ образовались цѣлая рѣки, которыя своимъ быстрымъ теченіемъ сбивали съ ногъ пѣшеходовъ и чуть не сваливали лошадей. Это была прескверная ночь. Вѣтеръ метался во всѣ стороны, срывая желѣзные листы съ крышъ и швыряя на далекое разстояніе черепицу. Его зловѣщее завываніе проникало въ дома и пугало обывателей.

Это случилось какъ-то неожиданно. Весь день стояла чудная майская погода, и никто не рассчитывалъ на ливень. Въ театрѣ уже началось представленіе, когда вдругъ разразилась буря, мигомъ на небѣ сгустились тучи, и полился дождь.

«Это къ лучшему, это къ лучшему!» — думалъ стоявшій передъ театромъ квартальный надзиратель, покрѣпче нахлобучивая на голову шляпу, которую срывалъ съ него вѣтеръ. Онъ повернулся къ театру спиной и пристально взглянулъ въ темноту, на площадь, которая вся была занята каретами господъ, пріѣхавшихъ въ театръ. Казалось, онъ старался въ этой темнотѣ разглядѣть что-то. Но это было невозможно. Фонари при каретахъ горѣли тускло и ничего не освѣщали. Лошади вздрагивали, хмуро опустили головы. Кучера подняли воротники, а иные прилегли на козлахъ и угрюмо молчали. Все присмирѣло въ покорномъ ожиданіи, когда расходившаяся стихія утомится и затихнетъ.

А квартальный, который был того мнѣнія, что «это къ лучшему», хотя самъ кривился, хмурился и жался отъ непогоды, продолжалъ пристально вглядываться въ темноту. И вотъ оттуда, съ площади, стала двигаться какая-то тѣнь, которая приближалась къ нему, и, наконецъ, около него остановилась высокая фигура будочника съ широкимъ скуластымъ лицомъ, въ каждой чертѣ котораго выражалась силища, съ густыми длинными усами, торчавшими книзу. Онъ былъ весь мокрый, по складкамъ его шинели струилась вода.

— Ну,—нетерпѣливо спросилъ квартальный, полагавшій, «что это къ лучшему».

— Не ѣдетъ!—отвѣтилъ усатый будочникъ.— Надо полагать, ваше благородіе, дожидается, когда пройдетъ непогодь... И то сказать, дѣло не къ спѣху... Въ театрѣ до полуночи возжаться будутъ...

— Хорошо ли глядѣль-то?

— Я-то? Хорошо ли? Да у меня, ваше благородіе, глаза волчьи... Что темнѣй, то лучше видягъ... Я бы его за полверсты разглядѣлъ...

— Да ты знаешь ли Тимоху? Не собьешься?

— Тимоху-то? Да я съ нимъ, ваше благородіе, еще вчерашняго дня въ Тверскомъ трактирѣ чай пилъ...

— Ну, то-то! Гляди же! Оно бы хорошо въ эту непогодь... Какъ разъ подъ стать...

— Я и самъ уже думаю: вотъ бы въ самый разъ... Пойдите... Тамъ что-то гудить... Съ ихней стороны... Побѣгу...

— Гляди же, чтобы чисто было!..—крикнулъ ему вслѣдъ квартальный.

Но тотъ едва ли слышалъ это поощреніе. Его и слѣдъ простылъ. Квартальный сталъ прислушиваться. Въ самомъ дѣлѣ сквозь завыванье вѣтра и шумъ падающаго дождя можно было, хорошо вслушавшись, различить однообразный гулъ кареты, ѣдущей по мостовой. Гулъ приближался, а затѣмъ изъ темноты слышались крики.

— Эй, куда прешь? Куда тебя гонить нечистая сила? Лѣвѣй вонюти!... — зычнымъ голосомъ кричалъ будочникъ, у котораго были волчьи глаза.—Лѣвѣй, тебѣ говорятъ, а не то скулы вышибу!...

«Вишь, какъ оретъ—собачья глотка! Это даже ужъ черезчуръ!»—подумалъ квартальный, но не принявъ пока никакого участія въ событіи и остался на мѣстѣ.

На площади между тѣмъ происходила возня. Кучеръ, по адресу котораго будочникъ послалъ столько любезностей, огрызнувшись и продолжалъ гнать лошадей тѣмъ путемъ, какимъ, по его мнѣнію, слѣдовало. Если бы было не такъ темно, то и всѣ другіе кучера признали бы, что онъ ѣхалъ правильной дорогой. Но будочникъ смотрѣлъ на дѣло иначе. Онъ сталъ какъ разъ передъ мордами лоша-

дей и, схвативъ свой тесакъ, замахалъ на нихъ, а затѣмъ, боясь, что они въ темнотѣ не замѣтятъ этой угрозы, онъ тѣмъ же тесакомъ хватилъ одну изъ нихъ по головѣ. Лошади шарахнулись въ сторону и завезли карету прямо въ самую гущину другихъ каретъ. Раздался трескъ. Кучера повскакивали съ своихъ мѣстъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались ругательства, поднялась свалка. Взбудораженные лошади встрепенулись и начали рваться и становиться на дыбы. Темнота скрывала выраженіе лица квартальнаго и всю его фигуру, но если бы ктонибудь какимънибудь чудомъ освѣтилъ его, или неожиданно ударила бы молнія, то глазамъ представилось бы странное зрѣлище. Блюститель порядка не только не гнѣвался по поводу происходящихъ на площади безобразій, какъ слѣдовало бы ему по должности, но даже, какъ кажется, испытывалъ удовольствіе по этому поводу. Губы его, прикрытыя густыми рыжими усами, лукаво ухмылялись, и онъ выразительно потиралъ руки.

— Аспидовъ молодець! — бормоталъ онъ себѣ подъ носъ, — ловкій дѣтина! Вишь какую капку заварилъ.

И онъ сталъ еще внимательнѣй прислушиваться. Голосъ Аспидова (онъ же будочникъ съ «волчьими глазами») покрывалъ всѣ другіе голоса, не смотря на то, что у кучеровъ были здоровыя глотки.

— Я-тѣ покажу, — кричалъ онъ, — я-тѣ научу, какъ начальства не слушаться! Вишь, тоже кучеръ называется, у чужихъ каретъ оси ломаетъ... Стой, говорятъ тебѣ!... Стой! Вотъ какъ посидишь у меня на съѣзжей, такъ будешь слушаться!... Ваше благородіе! Ваше благородіе!

Это уже относилось къ квартальному, который, услышавъ призывъ, понялъ, что наступилъ черѣдъ и ему вмѣшаться въ дѣло. Онъ оставилъ свой постъ, перешелъ съ опасностью жизни черезъ потокъ, который несся по улицѣ, и, вступивъ на площадь, скоро, по направленію голосовъ, отыскалъ то мѣсто, гдѣ происходила ссора.

При появленіи дѣйствительнаго начальства, взаимныя обличенія и ругательства смолкли. Нѣкоторые изъ кучеровъ, не взирая на ливень, сняли даже шапки.

— Что тутъ у васъ? Что за галденіе? — строго спросилъ квартальный.

— Да вотъ, ваше благородіе... Не кучеръ, а медвѣдь... Зря валить прямо на лошадей... Ему говорятъ, а онъ и въ усь не дуетъ, ваше благородіе!... У князя Абдулова кареты ось даже повредилъ...

— Который это?

— А вотъ этотъ самый!...

Аспидовъ, державшій въ рукѣ фонарь, который онъ Богъ знаетъ откуда добылъ, поднесъ его къ самому лицу широкоплечаго приземистаго мужичишки въ довольно потасканномъ кафтанѣ и облѣалой шапкѣ. У мужика было блѣдное болѣзненное лицо и узенькая рѣденькая, совсѣмъ сѣдая борода.

— Ты чей? — спросилъ его квартальный.

Тотъ снялъ шапку.

— Что и спрашивать-то?! — какимъ-то безнадежнымъ дребезжающимъ голосомъ отвѣтилъ мужикъ. — Онъ-то, Аспидовъ-то, небойсь меня знаетъ!... Вчерашняго дни его чайнымъ трахтиромъ угощаль... Вотъ истинно—аспидъ-то!... За мои же деньги въ меня же и ввязался!...

— А ты не разсуждай; ты говори:—чей?

— Чистопольевскій!... Антона Макарьевича Чистопольева, что за Москвой-рѣкой!... Ваше благородіе! я не виновать... Это онъ, будочникъ, загналъ лошадей! Вѣдь темень какая, ваше благородіе!...

— А я, братецъ ты мой, не видалъ, не знаю!...—отвѣтилъ квартальный.

— Ваше благородіе, пушай другіе скажутъ... Чай, видѣли...

— Увидишь тутъ, какъ же! Въ такую-то темь... Слышно—прѣтъ на тебя всею тройкой, только и всего!... Ему не въ кучерахъ, а на пекчѣ бы сидѣть съ бабами!—раздались голоса съ разныхъ сторонъ.

Но были голоса и другого рода, правда, робко и неопредѣленно, но какъ бы подтверждавшіе, что виною приключенія былъ Аспидовъ.

— Ну, мнѣ не разобраться тутъ!—рѣшилъ квартальный.—Да и не моя это обязанность!... Тамъ разберутъ по косточкамъ...

— Ваше благородіе! — молящимъ голосомъ запищаль старичиска. — Какъ же быть-то? Вѣдь я за дѣломъ присланъ! Дѣло-то господское!

— Ладно, ладно! Тамъ разберутъ! Эй, Аспидовъ! Поѣзжай съ нимъ, что ли! Поверни лошадей! А ты садись на козлы... Ну, живо, живо! И безъ тебя много дѣла!

— Ваше благородіе! Отпусти, ваше благородіе... Дѣло господское! Какъ же быть-то!...—молилъ мужичекъ.

— Тащи его на козлы! Эй, вы! Что стоите? Живо!

Пятеро здоровыхъ кучеровъ, обрадовавшись развлеченію, мигомъ схватили Чистопольевского кучера, посадили его на козлы и всучили ему въ руки вожжи. Въ тотъ же мигъ Аспидовъ ловкимъ прыжкомъ очутился рядомъ съ нимъ. Мужикъ что-то еще пищаль и, кажется, даже плакалъ, но тройка, управляемая Аспидовымъ, который выхватилъ у него вожжи, и провожаемая гиканьемъ кучеровъ, повернула налѣво, быстро помчалась и скрылась въ темнотѣ.

Квартальный распорядился, чтобъ кучеръ князя Абдулова увезъ поврежденную карету домой и выѣхаль съ другой. Дождь еще лилъ, но гдѣ-то далеко на западѣ туча уже стала рѣдѣть, и сквозь нее проглянуло темное небо съ десяткомъ яркихъ звѣздочекъ. Потоки на улицахъ стали уменьшаться. Порывы вѣтра становились рѣже, и ливень ослабѣвалъ.

Квартальный возвратился на свой постъ, не только не досадую на то, что произошло нарушеніе порядка, но видимо даже доволь-

ный этимъ. «Ловкая шельма этотъ Аспидовъ!—бормотать онъ себѣ подъ носъ,—этакому прохвосту можно всякое дѣло довѣрить!».

Когда дождь совсѣмъ стихъ, и въ воздухѣ носились только легкія росинки, а на небѣ тучи стали расходиться, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ проглянули звѣзды, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, дошелъ до угла, повернулъ влѣво и, пройдя еще шаговъ съ сотню, остановился около кареты, которая съ своей тройкой одиноко стояла далеко отъ фонаря, въ совершенной тѣни. Онъ вглядѣлся въ карету и въ кучера.

— Кхм... Кхм!...—какъ-то странно, искусственно, слегка прикрывая ротъ ладонью, два раза кашлянулъ онъ.

— Есть!—отвѣтилъ ему голосъ съ высоты козелъ, а затѣмъ на тѣхъ же козлахъ выпрямилась человѣческая фигура въ поношенномъ кучерскомъ кафтанѣ, въ облѣзлой шапкѣ, такая же приземистая и съ такой же жиденькой сѣдой бородкой, какая была у Чистопольевского кучера.

— Не зѣвай! — сказали полицейскій.

— И то есть! — отозвалась фигура съ козелъ.

Полицейскій пошелъ обратно и, дойдя до театральнаго подъѣзда, который былъ освѣщенъ, встрѣтилъ тамъ другого полицейскаго, очевидно, постарше чиномъ, потому что онъ вытянулся передъ нимъ и съ почитительной выдержкой отрапортовалъ:

— Готово, какъ слѣдуетъ быть, ваше высокородіе!

— Дѣльно!—отвѣтилъ тотъ и вошелъ въ подъѣздъ, а квартальный опять занялъ свой прежній постъ и продолжалъ охранять общественную тишину и порядокъ.

III.

Когда, послѣ перваго акта, въ театральномъ залѣ толпа порѣдѣла, такъ какъ большинство отправилось въ коридоры, въ фойэ и буфетъ, тамъ, по ту сторону опустившагося занавѣса, было большое движеніе, но совсѣмъ другого характера, чѣмъ то, которое наполняло сцену при поднятомъ занавѣсѣ и при звукахъ оркестра. На ряду съ рабочими, передвигавшими декораціи, среди стука молотковъ, вбивавшихъ гвозди въ доски, всюду вертѣлись фраки и военные мундиры, а среди нихъ, въ разныхъ уголкахъ сцены и кулисъ, порхали легкія фигуры въ прозрачныхъ юбочкахъ, въ длинныхъ разноцвѣтныхъ корсажахъ. Люди въ лакейскихъ ливреяхъ приносили имъ конфеты и цвѣты, слышались болтовня и веселый смѣхъ. У низенькой двери, которая вела въ уборную Сильфиды, стояло десятка два мужчинъ, желавшихъ проникнуть въ уборную. Но дверь была заперта изнутри. Сильфида попросила у всѣхъ извиненія: она переодѣвается.

Въ низенькой трехугольной уборной, гдѣ человѣку высокаго роста надо было нагибаться, за маленькимъ круглымъ столикомъ, передъ зеркаломъ, сидѣла юная артистка, только что пожавшая обильные лавры. Она старательно поправляла завитки своихъ золотистыхъ волосъ, вплетая въ нихъ цвѣты. За спиной у нея стояла миловидная горничная и осторожно застегивала ей корсажъ. Дѣвочка лѣтъ тринадцати сидѣла у стола справа, на некрашенномъ табуретѣ и, поставивъ локти на столъ, а ладонями подперевъ щеки, пристально смотрѣла на Сильфиду, не спуская съ нея глазъ. Дѣвочка лицомъ походила на нее, только черты ея лица еще не такъ опредѣлились, въ нихъ слишкомъ еще много было дѣтскаго. Не смотря на замѣтныя рябинки, нечасто разсыпанныя по всему ея лицу, она была мила и привлекательна. Волосы у нея были не длинные, прямые и совершенно льняного цвѣта. На ней былъ короткій розовый прозрачный тюникъ, и розовые чулки охватывали ея тонкія, еще не сформировавшіяся ноги.

Въ сторонѣ, на широкомъ очень старомъ креслѣ, съ оборванной обивкой, лежала куча цвѣтовъ, перемѣшанныхъ съ конфетными коробками. Одна коробка, раскрытая, лежала на столѣ и была наполовину опустошена.

— Къ чему ихъ такое множество? Куда ихъ дѣвать?—промолвила старшая сестра, сидѣвшая передъ зеркаломъ, полуповернувъ голову по направленію къ креслу съ цвѣтами и конфетами. — Возьми ихъ въ школу, Лиза! Вы тамъ истребите все въ пять минутъ... Знаешь, Лиза, я буду тебѣ отдавать всѣ конфеты, какія мнѣ будутъ приносить... Только цвѣты буду себѣ брать...

— Нѣтъ, ты забери все къ дядюшкѣ!... Мнѣ не надо!—съ грустнымъ взглядомъ, съ глазами, полными слезъ, отвѣтила младшая сестра.

— У насъ довольно этого добра заготовлено, барышня!—сказала горничная. — Барыня столько варенья да пастилы наварила!... А ужъ цвѣтовъ у насъ скоро будетъ полный садъ!...

— Мнѣ ничего не надо!—совершенно подавленнымъ голосомъ отвѣтила дѣвочка, и слезы полились изъ ея глазъ.

— Лиза, глупенькая! Чего же ты плачешь?—спросила старшая сестра, не глядя на нее, но видя ея омоченное слезами лицо въ зеркалѣ.

— Ахъ, Наташа!...—только и могла воскликнуть Лиза, и слезы неудержимо хлынули изъ ея глазъ.

Наташа уронила цвѣтокъ, который собиралась вплести въ волосы, оставила свой туалетъ и придвинулась къ сестрѣ.

— Ну, полно, полно!—нѣжно сказала она, взявъ ея обѣ руки и цѣлуя ее въ щеку.—Полно же, Лиза! Нельзя же мнѣ вѣчно сидѣть въ школѣ! Вѣдь учимся мы для того, чтобъ потомъ выходить изъ нея и танцевать на сценѣ!... Да и тебѣ не много осталось. Че-

резь два года и ты выйдешь и тоже будешь жить у дяди. Мы будем жить вмѣстѣ, мы всегда, всю жизнь будемъ вмѣстѣ... Ну, чего же ты обливаешься слезами? Послушай, Лиза, сейчасъ позовутъ на сцену, а у тебя глаза красны, какъ у кролика... Это не хорошо, перестань!...

— Я буду въ школѣ одна... Два года буду одна, безъ тебя!...— прерывистымъ голосомъ воскликнула Лиза и безпомощно опустила голову на столъ.

— Ты малодушна, Лиза! И это не правда, ты не одна, у тебя много подругъ, и тебя всѣ любятъ... Да вѣдь и я, развѣ я увѣжаю въ другой городъ или буду сидѣть взаперти? Я буду все время жить у дяди... Завтра поѣду въ контору, и меня зачислятъ въ труппу. Директоръ сказалъ это мнѣ сегодня утромъ. Завтра я, значить, сдѣлаюсь артисткой, Лиза. Я буду каждый день ѣздить на репетицію и всякій разъ непременно заѣзжать къ тебѣ въ школу. Мы будемъ видѣться каждый день, моя глупенькая Лиза... По праздникамъ я буду брать тебя къ дядѣ... А вотъ скоро лѣто, ты переѣдешь къ намъ, и мы проведемъ вмѣстѣ два съ половиной мѣсяца... У дяди чудный садъ, ты знаешь... Дядя добрый, онъ будетъ намъ стихи сочинять, помнишь, какъ прошлымъ лѣтомъ...

— Они ужъ и теперь сочинили!...— широко открывая свои бѣлые зубы, сообщила горничная, — чтобы встрѣтить васъ, Наталья Александровна!

— Милый, бѣдняжка дядя! Какъ ему тяжело жить безъ глазъ! Я буду записывать его стихи!...

— А барыня-тетушка ваша сами своеручно ужинъ приготовили и столъ накрыли, сложили ручки и ждуть... Это, говорятъ, для нашей Сильфиды!

— Ахъ, добрая тетушка! Досадно, что тебѣ, Лиза, нельзя сегодня съ нами поѣхать!

— Можетъ быть, пустять! — съ отгѣнкомъ надежды промолвила Лиза, которой ужасно хотѣлось присутствовать при этой встрѣчѣ, когда слѣпой сѣдобородый ихъ дядя-поэтъ, прежде чѣмъ заключить въ объятія счастливую успѣхомъ племянницу, торжественно прочитаетъ на память сочиненные въ ея честь стихи.

— Нѣтъ, Лиза, не пустять! Я уже просила объ этомъ Зою Ѳедоровну! Она сказала, что это невозможно, что отпустить воспитанницу въ полночь она не можетъ рѣшиться, что за этимъ надо обращаться къ директору, а ты знаешь, какъ директоръ строгъ во всемъ, что относится до воспитанницъ школы... Зоя Ѳедоровна добра ко мнѣ и къ тебѣ, но она права. Она говоритъ, что, если вдругъ съ нею что нибудь случится, въ какомъ тогда отвѣтѣ я буду! Она права, Лиза! Но это ничего. Завтра уже я къ тебѣ приѣду. Я знаю, что мнѣ будетъ хотѣться каждый день посѣщать школу, потому что я навсегда останусь въ душѣ ученицей... Ну, вытри же слезы и по-

ложи на лицо пудры... Слышишь, звонокъ Скоро на сцену... Ты кончила, Папа?

— Все кончила! — отвѣтила горничная.

— Отопри дверь!

Сказавъ это, она вытерла своимъ платкомъ слезы у сестры и погудрила ей лицо. Горничная отперла дверь, и тотчасъ же уборная наполнилась народомъ. Къ Натальѣ Александровнѣ протягивались руки, сыпались поздравленія и любезности. Она не ожидала этого, она не знала, что за дверью ждетъ такъ много народу, и на лицѣ ея выразилось безконечное смущеніе. Она краснѣла, кланялась и въ душѣ молила Бога только объ одномъ, чтобъ поскорѣе за сценой раздался второй звонокъ, когда надо покидать уборную и занимать мѣста на сценѣ.

И вотъ онъ раздался. Уборная мало-по-малу опустѣла. Лиза убѣжала на сцену. Горничная, разложивъ на полу большой платокъ, складывала въ него разныя вещицы, собираясь сдѣлать узелъ. Наталья Александровна переступила порогъ и сдѣлала нѣсколько шаговъ по деревянной лѣсенкѣ внизъ. Но вдругъ она со страхомъ слегка отшатнулась назадъ.

Передъ нею въ полумракѣ узкаго прохода, словно изъ-подъ полу выросъ, появился высокій статный молодой человекъ въ синемъ бархатномъ, обшитомъ золотымъ позументомъ камзолѣ, въ круглой цвѣтной шапочкѣ съ длинными перьями. У него было продолговатое цвѣтущее здоровьемъ лицо, съ правильными чертами, съ добрымъ привлекательнымъ выраженіемъ свѣтлыхъ глазъ. Маленькіе усики едва темнѣли надъ его ртомъ.

— Ахъ, вы меня испугали, Амосовъ! — тихо произнесла Наталья Александровна. — Откуда вы взялись?

— Я ждалъ здѣсь весь антрактъ, пока уйдутъ ваши поклонники! — отвѣтилъ Амосовъ, и что-то ревнивое промелькнуло въ его глазахъ.

— Поклонники?! — съ усмѣшкой сомнѣнія произнесла Наталья Александровна: — у меня нѣтъ поклонниковъ, Амосовъ!

— О, ихъ у васъ слишкомъ много... Цѣлый театръ!..

— Это поклонники искусства!..

— Да, но они толпятся около вашей уборной!..

— Я же ихъ не звала... Вы знаете, что они мнѣ не нужны!.. Нойдемте на сцену, Амосовъ! Федоръ Милетичъ разсердится! — прибавила она, замѣтивъ, что у Амосова глаза загораются хорошо знакомымъ ей горячимъ блескомъ.

— Наталья Александровна, постойте... одну минуту... Только десять словъ! — торопливо, съ необыкновеннымъ жаромъ, хотя и стараясь сколько возможно понижать голосъ, заговорилъ онъ: — Мы теперь свободны. Мы оба болѣе не воспитанники... Я уже зачисленъ въ балетную труппу, а вы будете зачислены завтра. Мы оба начи-

наемъ хорошо. Мнѣ сразу дали тысячу двѣсти, а вамъ дадутъ двѣ. Мы оба на хорошемъ пути, насъ цѣнять, и мы умѣемъ работать... И намъ скоро дадутъ прибавки... Ну, что жъ, значить, мы не будемъ нуждаться, и никакихъ препятствій нѣтъ... Вы знаете мои чувства... Мои чувства, Наталья Александровна, такія, что я буду молиться на васъ и служить вамъ, какъ богинѣ... Только бы вы согласились обвѣнчаться со мной, Наталья Александровна!..

Наталья Александровна слушала его съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и усиленно бьющимся сердцемъ. Но сердце ея билось не отъ любви, а скорѣе отъ страха. Она никогда еще не видала Амосова такимъ. Этотъ школьный товарищъ, наиболѣе талантливый изъ всего выпуска этого года, уже нѣсколько лѣтъ не спускаетъ съ нея глазъ. Онъ влюбился въ нее еще тогда, когда она была такою дѣвочкой, какъ Лиза, а самъ онъ тогда едва пересталъ быть мальчикомъ. Но эта любовь была молчаливая, да она и не могла быть иной въ школь, гдѣ могли допустить ухаживанье за воспитанницей кого угодно изъ постороннихъ, но строго слѣдили за тѣмъ, чтобъ не было романовъ между воспитанниками и воспитанницами, жившими подъ одной крышей. Но глаза его были выразительны, Наталья Александровна знала о его чувствѣ, и ее трогало это постоянство. Онъ ей нравился, какъ хорошій товарищъ и превосходный танцоръ; имъ, какъ лучшимъ въ курсѣ, часто, почти всегда приходилось танцевать вмѣстѣ. На его взгляды, полные влюбленности, она отвѣчала тѣмъ добрымъ дружескимъ довѣрчивымъ взглядомъ, какимъ она смотрѣла на весь міръ, а ему, можетъ быть, казалось что-то другое. Никогда ей не приходили въ голову мысли о замужествѣ— съ нимъ ли, или съ кѣмъ либо другимъ; ея дѣтское сердце ни разу еще не билось трепетно. И она не думала, что услышитъ отъ него такія рѣчи.

— Оставьте!—нѣсколько строго сказала она:—оставьте, Амосовъ... Я никогда объ этомъ не думала...

— Но... умоляю васъ... Дайте мнѣ хоть надежду!.. въ самомъ дѣлѣ умоляющимъ голосомъ промолвилъ онъ, видя, что она хочетъ уйти.

— Я не знаю, что вамъ сказать!.. Мнѣ думается, что если я когда выйду замужъ, то, можетъ быть, только за васъ...

Онъ схватилъ ея руку и поцѣловалъ. Въ это время вблизи слышались шаги, и онъ какъ-то незамѣтно въ тотъ же мигъ исчезъ.

Наталья Александровна постояла съ минуту, давъ время пройти волненію, и затѣмъ пошла на сцену. По ту сторону занавѣса уже раздавались тихіе вступительные аккорды. Кордебалетъ стоялъ на сценѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Въ большомъ одноэтажномъ домѣ, стоявшемъ за Москвой-рѣкой и окруженномъ густымъ садомъ съ старыми вѣтвистыми деревьями, еще съ утра начались приготовленія къ прїѣзду племянницы.

Антонъ Макарьевичъ Чистопольевъ рассчитывалъ, что старшая дочь его покойной сестры, съ такимъ блескомъ кончившая театральную школу и сразу сосредоточившая на себѣ надежды начальства, проведетъ у него въ домѣ праздники. Актъ въ школѣ состоялся на пятой недѣлѣ поста, и ему казалось, что къ тому не можетъ быть никакихъ препятствій. Самъ онъ, по своей слѣпотѣ, не выѣзжалъ изъ дому, а въ случаѣ надобности дѣловые визиты дѣлала жена его, Олимпиада Семеновна, которая, съ тѣхъ поръ, какъ мужъ ея потерялъ зрѣніе, отлично научилась понимать въ дѣлахъ и разговаривать съ дѣловыми и даже важными людьми. Она-то и поѣхала въ дирекцію просить объ отпускѣ къ ней старшей племянницы. Это былъ простой долгъ вѣжливости, такъ какъ Наталья Александровна, переставъ быть воспитанницей школы, имѣла право распорядиться собой, сообразно своимъ желаніямъ.

Но встрѣтилось неожиданное препятствіе. Въ концѣ святой ждали въ Москву какое-то важное начальственное лицо, имѣвшее вліяніе на судьбы театра. Къ его прїѣзду готовили оперу: «Нѣмая въ Портичи», въ которой Наталья Александровна должна была танцевать роль Нѣмой.

— Для вашей племянницы полезно будетъ показать себя съ наилучшей стороны передъ высшимъ начальствомъ!—сказало театральное начальство, на этотъ разъ добровольно отведшее себѣ мѣсто «низшаго». — А чтобы не потерять времени, ей лучше эти дни оставаться въ школѣ...

Олимпиада Семеновна должна была согласиться съ этимъ. Ей очень хотѣлось, чтобы племянница провела праздники у нея въ домѣ, но съ другой стороны она боялась своей настойчивостью сколько нибудь повредить карьерѣ юной танцовщицы.

Но въ самое пасхальное воскресенье стало извѣстно, что высшее начальственное лицо отложило свой прїѣздъ въ Москву на двѣ недѣли, и Чистопольевымъ было предложено взять племянницу на третій день, послѣ открытія спектаклей балетомъ «Сильфида», въ которомъ должна была выступить Наталья Александровна.

Не смотря на то, что она выступала въ этомъ балетѣ уже семь разъ въ продолженіе послѣдняго сезона и всегда имѣла въ немъ блестящій успѣхъ, этотъ спектакль все-таки былъ пробнымъ или дебютнымъ. Тогда она была еще воспитанницей школы и на афишахъ такъ и

было обозначено: «воспитанница Посохова»; тогда и публика смотрѣла на нее другими, какъ казалось дирекціи, болѣе снисходительными глазами. Ей надо было еще выступить безъ этой смягчающей и какъ бы просящей снисхожденія прибавки, и вотъ сегодня на афишѣ стояло просто: «Г-жа Посохова». И начальству и родственникамъ казалось, что это будетъ не то, что и театръ будетъ имѣть другой видъ, и публика иначе будетъ настроена, и пріемъ будетъ холодный, и артистка будетъ танцовать хуже.

И вотъ съ утра старики волновались. Ни Антонъ Макарьевичъ, ни Олимпіада Семеновна не собирались въ театръ, хотя Наталья Александровна, какъ дебютантка, выпросила для нихъ ложу въ первомъ ярусѣ. Антонъ Макарьевичъ давно уже не ѣздилъ въ театръ, а въ особенности въ балетъ, гдѣ безъ услугъ зрѣнія ничего нельзя было воспринять. Что же касается Олимпіады Семеновны, то она съ великимъ трудомъ, въ случаѣ только крайней нужды, переодѣвалась изъ своего свободнаго домашняго капота въ выѣздное платье и всячески избѣгала этого, тѣмъ болѣе, что она зимой принесла уже племянницѣ эту жертву: была на одномъ изъ ея ученическихъ дебютовъ.

Олимпіада Семеновна старалась заглушить волненіе своими обычными домашними занятіями. Домъ Чистопольевыхъ былъ поставленъ прилично, но скромно. Въ немъ было все необходимое, но не было ни въ чемъ излишества. О роскоши не могло быть и рѣчи. Изъ двухсотъ душъ, которыя составляли ихъ владѣніе въ Ярославской губерніи, нельзя было добыть роскошной обстановки. Въ домѣ у нихъ не было лишнихъ слугъ, а лишь столько, сколько было совершенно необходимо для поддержанія порядка. Былъ поваръ, была судомойка и прачка, двѣ горничныхъ дѣвки, кучеръ да дворникъ, онъ же садовникъ и водовозъ. Чистопольевы предпочитали оставлять людей въ деревнѣ, гдѣ они занимались болѣе производительной работой.

Но поваръ не мѣшалъ Олимпіадѣ Семеновнѣ часто заглядывать въ кухню, гдѣ она имѣла верховный надзоръ за приготовленіемъ кушаньевъ. Въ особенности же сегодня она много времени посвящала этому. На приготовленіе обѣда было мало обращено вниманія Главную заботу составлялъ ужинъ, который готовился весь примѣнительно къ вкусамъ племянницы. Особенное вниманіе было обращено на отварную стерлядку съ грибнымъ соусомъ и слоеный пирогъ со сливами.

Кромѣ того, Олимпіада Семеновна занималась отдѣлкой комнаты, предназначенной для племянницы. Вся эта комната, выходявшая окнами въ садъ, была устроена такъ, чтобъ могла напоминать раскрытую розу. Казалось, занавѣси на окнахъ, одѣяло на мягкой перинѣ, скатерть на столѣ, обивка на кушеткѣ и двухъ мягкихъ креслахъ, даже небольшой шкафчикъ и комодъ—все это были только

лепестки розы: такъ искусно и тщательно была подобрана каждая вещица.

Антонъ Макарьевичъ еще раньше Олимпіады Семеновны началъ приготовляться къ прибытію на жительство племянницы. Это были высокій, худощавый и необыкновенно статный старикъ съ длинною сѣдою бородою и длинными бѣлыми, сохранившими всю свою густоту, волосами на головѣ. Его медленные движенія, осторожные размеренные жесты, образовавшіеся благодаря его слѣпотѣ, придавали ему видъ величія. Его положеніе человѣка, лишеннаго зрѣнія, положеніе, въ которомъ онъ находился уже около пятнадцати лѣтъ, обязывало его къ сидячей жизни и лишало возможности чѣмъ либо заниматься. Его большой книжный шкафъ, наполненный любимыми книгами, которымъ онъ посвятилъ полжизни, теперь рѣдко открывался. Иарѣдка Олимпіада Семеновна почувствуетъ охоту прочесть ему что нибудь вслухъ, но она читаетъ медленно, невнятно, скоро утомляется и начинаетъ зѣвать. Племянницы бывають у него рѣдко, и онѣ читають только русскія книжки, потому что французскій языкъ имъ мало извѣстенъ, а въ его шкафу царятъ французскіе авторы.

И вотъ онъ сидитъ одинъ, и его раскрытые глаза, повидимому, смотря въ даль, но ничего не видятъ. Они видятъ другую даль, даль давно пережитаго прошлаго, даль его тихихъ спокойныхъ думъ. Иногда его губы начинаютъ что-то шептать. Тогда онъ зоветъ жену или того, кто есть въ домѣ, умѣющій владѣть перомъ. И изъ устъ его льются стихи, служащіе выраженіемъ его одинокихъ думъ. Въ молодости онъ никогда не писалъ стиховъ, но послѣ того, какъ глаза его перестали видѣть, въ душѣ его открылся родникъ поэзіи. Иногда онъ и самъ записывалъ свои строфы, но потомъ трудно было разобрать ихъ и привести въ порядокъ.

Онъ творилъ только для себя и для своихъ близкихъ друзей, и когда ему говорили о томъ, чтобъ онъ напечаталъ какое нибудь изъ своихъ стихотвореній, онъ медленно качалъ головой и отвѣчалъ:

— Мои стихи—плоды моей болѣзни! Могу ли осмѣлиться занять публику ими? Смѣю ли появиться на тѣхъ страницахъ, гдѣ печатаются Державинъ, Жуковскій и Пушкинъ?

Это были его три бога, творенія которыхъ онъ зналъ наизусть и часто произносилъ вслухъ.

Вотъ уже три дня, какъ онъ носилъ въ душѣ мысль о поэтическомъ привѣтствіи племянницѣ, когда она будетъ вступать въ его домъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выступить на самостоятельное житейское поприще. Стихи уже звучали въ его головѣ, а въ этотъ день онъ записалъ ихъ. Вотъ эти стихи:

«Изъ многихъ призванныхъ на пиршество судьбы
Сегодня стала ты ей гостею почтенной,

Любимицей боговъ и баловнемъ толпы,
 Твоею прелестью незримо побѣжденной.
 Съ невинностью въ душѣ, съ улыбкой на устахъ,
 Вступаешь на стезю, усыпанну цвѣтами.
 Невѣдомы тебѣ ни подозрѣнья страхъ,
 Ни зависть лютая съ зелеными глазами.
 О юности огонь! О чары красоты!
 О дара дивнаго святое обаянье!
 Къ твоимъ ногамъ несутъ и лавры и цвѣты,
 Восторженность похвалъ и громъ рукоплесканій.
 Но зрѣть мнѣ не дано тѣлесными очами
 Нѣмую грацію и прелестъ легкихъ позъ,
 Чтобъ могъ я ихъ воспѣть нехитрыми стихами,
 Плодами тихихъ думъ и вдохновенныхъ грезъ.
 Прими же мой привѣтъ въ сихъ строфахъ нецвѣтистыхъ,
 Которыми поэтъ дерзнулъ тебя почитать!
 Дозволь коснуться мнѣ твоихъ кудрей алатистыхъ
 И въ родственны объятія заключить!

Часовъ около шести вечера волненіе въ домѣ усилилось. Антонъ Макарьевичъ кликнулъ къ себѣ въ кабинетъ Олимпіаду Семеновну и сказалъ:

— Я слышу, пробило половина шестого. Надо послать къ Наташѣ дѣвушку...

— Ужъ я и сама объ этомъ думала!—отвѣтила Олимпіада Семеновна.

— Пошли ей платье и башмачки. Не ѣхать же ей въ казенномъ. И дадутъ ли еще, кто ихъ знаетъ? Да ночи нынче стали холодны, вчера даже морозно было. Приложи шубейку и теплыя галоши. Въ театрѣ разгорячится, трудно ли простуду схватить? Мы должны беречь Наташу.

Олимпіада Семеновна не думала, что надо посылать платье. Что за удовольствіе въ полночь, утомившись, когда думаешь только объ отдыхѣ, наряжаться въ новое платье? Но она привыкла исполнять маленькіе капризы старика, у котораго осталось такъ мало отраднаго въ жизни. Она снарядила узель и послала горничную въ школу съ строгимъ наказомъ слѣдить, чтобъ Наташа была осторожна и не простудилась.

Часовъ въ девять Тимохѣ было приказано заложить въ карету тройку, ѣхать къ театру и тамъ ждать, пока его не покличутъ, и привезти оттуда Наталью Александровну. Тутъ-то съ Тимохой и случилась бѣда.

II.

Молоденькій офицеръ, разговаривавшій съ полковникомъ, въ слѣдующемъ антрактѣ изъ третьяго ряда поднялся въ бель-этажъ и вошелъ въ литерную ложу у самой сцены. Со стороны публики ложа была завѣшена легкой шелковой драпировкой, и сидѣвшіе въ

ней не были видны остальнымъ зрителямъ. Здѣсь не было ни одной дамы, а только трое мужчинъ. Двое были также молоды, какъ и вошедшій офицеръ. На нихъ были надѣты фраки; у обоихъ шею подпирали чрезвычайно высокіе воротнички, расходившіеся въ видѣ отворотовъ подъ самымъ подбородкомъ, гдѣ темные галстуки были повязаны тяжелымъ бантомъ. У обоихъ волосы были густо завиты, щеки выбриты до половины, а выше оставлены небольшія аккуратныя бачки. Отъ нихъ сильно несло острыми духами, и въ довершеніе сходства у обоихъ на лицѣ, пониже лѣваго глаза, было насажено по родимому наросту величиной съ горошину. Это были извѣстные всей Москвѣ близнецы, братья Остужишины, которыхъ никогда нельзя было видѣть порознь, потому что они всегда были вмѣстѣ. У нихъ были одинаковые вкусы, желанія, чувства и даже, можетъ быть, мысли. За всю свою жизнь они не провели врозь ни одного дня, выросли и воспитались въ одной и той же обстановкѣ, среди одинаковыхъ впечатлѣній, и отъ этого, совершенно сходные по наружности, они слились и во всемъ остальномъ. Когда что нибудь обѣщали одинъ, то можно было не сомнѣваться, что и другой согласенъ на это. Когда обижали одного, то и другой чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Они получили отъ отца, рѣдкимъ случаемъ изъ промышленниковъ вышедшаго въ чины и протершагося въ высшій кругъ, большое состояніе и вмѣстѣ прожигали его. Они участвовали во всѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ только нужно было вышвырнуть изрядный кушъ золота, отличались добродушіемъ и веселостью и приобрѣли прозваніе «близнецовъ-молодцовъ». Они бывали въ Парижѣ, хорошо говорили пофранцузски, гдѣ-то чему-то учились; московское общество признало ихъ и принимало въ своихъ гостиныхъ. Про нихъ рассказывали, что они никакъ не могли жениться, потому что влюблялись въ одну женщину оба.

— Ва! Верховскій!—воскликнули они оба разомъ, такъ обрадовавшись появленію офицера, какъ будто именно его и ждали.

Но это у нихъ была манера: они всякаго такъ встрѣчали, но радость ихъ тотчасъ же проходила, и они вели дальнѣйшій разговоръ обычнымъ спокойнымъ тономъ.

Верховскій пожалъ имъ руки, но не долго сосредоточился на нихъ. Его не они интересовали, а третій, сидѣвшій въ креслѣ, у барьера ложи, опершись на него лѣвой рукой. Увидавъ Верховскаго, онъ поднялъ голову, а вмѣстѣ съ тѣмъ и густыя нависшія брови. При этомъ онъ перемѣнилъ мѣсто для своей правой деревянной ноги.

— А, прекрасная отроковица!—басовымъ голосомъ промолвилъ онъ,—обращаясь къ Верховскому, котораго въ пріятельскомъ кругу называли такъ за его юную женственную наружность.—А я думаю, вы не попали сегодня въ театръ...

— Я? Не попалъ? Скорѣе бы театръ провалился въ тартарары,

чѣмъ безъ меня шло бы представленіе! Развѣ вы этого не знаете?—возразилъ Верховскій.

— И театру проваливаться нѣтъ причины! Вы могли бы пожаловать къ намъ въ ложу. Видите, насъ трое! Я да мои духовныя чада, «близнецы-молодцы»!.. А вы, что же, поупись? а?

— Въ кого?

— Ну, въ кого же? Вы всегда влюблены въ ту, которая имѣетъ успѣхъ! Вы любите блестящее, Верховскій...

— А вы, генералъ?—прищуривъ глаза, спросилъ Верховскій, и глаза его выразили лукавство.

— Я? Гм... я люблю—все то, что одѣто въ женское платье!—и онъ отвѣтилъ Верховскому какимъ-то удалскимъ, залихватскимъ взглядомъ и опять переставилъ свою деревянную ногу.

У него была своеобразная внѣшность. Онъ всегда носилъ свой генеральскій мундиръ безъ эполетъ, но зато грудь его была украшена полутора-дюжиной отличій, между которыми были и австрійскія и прусскія. Онъ никогда не снималъ ихъ, какъ бы желая показать этимъ, что въ душѣ онъ—войка и готовъ на всевозможные подвиги храбрости, только деревянная нога ему мѣшаетъ. Можетъ быть, поэтому-то онъ и выставлялъ постоянно на видное мѣсто свою деревянную ногу.

У него было широкое грубоватое лицо, съ отмѣнно-крупными носомъ, губами, глазами и подбородкомъ, который, какъ и щеки, былъ выбритъ, а густые, выкрашенные въ черную краску усы были ловко закручены кверху. Черепъ его, совершенно обнаженный, былъ прикрытъ не слишкомъ искусно сдѣланнымъ кудрявымъ парикомъ, который онъ въ кругу близкихъ пріятелей довольно часто снималъ, схвативъ его двумя пальцами за клокъ волосъ, а чуть только онъ начиналъ подозрѣвать приближеніе посторонняго, какъ черепъ его опять украшался парикомъ. Жесты его были медленны и закругленны, голосъ громокъ, интонація внушительна, взгляды многозначительны, но, къ его сожалѣнію, всему этому не соответствовалъ его ростъ, который, не смотря на неизомѣрно-толстый каблукъ сапога на его единственной ногѣ и соразмѣрно съ этимъ длинную деревяшку вмѣсто другой, все-таки оказывался небольшимъ. Онъ былъ старый холостякъ, добрый малый, весельчакъ, терпѣть не могъ проводить время съ людьми своего возраста, находя ихъ слишкомъ благоразумными, а любилъ собирать вокругъ себя молодежь и питалъ непоборимую слабость къ женскому полу. Состояніе у него было не крупное, но все-же довольно значительное, простиравшееся до тысячи душъ. Кромѣ того, у него была пенсія за потерянную на войнѣ ногу и за генеральскій чинъ. О наслѣдникахъ онъ не заботился и потому могъ вести веселую жизнь безъ риска. Звали его Матвѣемъ Николаевичемъ Тугаринымъ.

— Ну, такъ какъ же, Верховскій, признавайтесь,—Сильфида васъ тронула? а?—промолвилъ онъ, когда Верховскій присѣлъ.

— Я нисколько не скрываю этого. Она прелестна. Въ ней есть то, чего нѣтъ въ другихъ...

— Что вы подъ этимъ разумѣете, прекрасная отроковица?

— Искренность наивности!—отвѣтилъ Верховскій.—Наивность мы часто видимъ на сценѣ; въ особенности здѣсь, въ балетѣ, она какъ бы обязательна, она, такъ сказать, по роли полагается. Но легко отличить наивность по роли отъ наивности истинной... И вотъ это-то и прекрасно въ ней...

— Ахъ, батюшка мой, у васъ, вижу я, тоже много этой истинной наивности!—смѣясь сказалъ Тугаринъ:--вамъ извѣстно, что ей, кажется, нѣтъ еще и семнадцати лѣтъ, а кто же въ эти годы не былъ наивенъ... Даже я былъ такимъ, клянусь вамъ честью!

Онъ разсмѣялся, и его дружнымъ смѣхомъ поддержали оба Остужинины. Генераль продолжалъ:—Погодите, она еще только пушокъ сбрасываетъ и отряхнется. Придетъ и ея время, и она обучится всему, а въ томъ числѣ и наивности по роли... Ну, а что же нашъ неистовый полковникъ? Онъ здѣсь? Не видѣли его? Онъ, кажется, не охотникъ до истинныхъ наивностей и не поклонникъ вашей Сильфиды...

— Какъ же, онъ здѣсь! Да, мнѣ показалось, что онъ во время представленія зѣвалъ изрядно... И видъ у него нынче какой-то замкнутый...

— Гм... Я полагаю, что онъ чувствуетъ себя не очень-то ловко...

— А что? Почему вы такъ думаете, генераль?

— Да какъ же! Онъ славный малый—и веселый, и любезный, и тароватый, а только вотъ прихвастнуть любить...

— Вы полагаете? Но до сихъ поръ онъ всегда держалъ свое слово!..

— Ну, что же, я и не говорю... Проиграть пари не значить—не сдержать слова. Только зачѣмъ вызываться на то, чего сдѣлать не въ силахъ? Помилуй Богъ, всю Москву втупикъ поставить захотѣлъ! Задамъ, говоритъ, задачу такую, что десять недѣль вся Москва будетъ ломать голову... Ха! Ну, видно, не такъ-то легко задачу такую придумать!..

— Не скажите этого, генераль! Полковникъ Андрей Михайловичъ Бентышъ-Полянскій скорѣе умретъ, чѣмъ чегонибудь обѣщаннаго не исполнитъ!..—съ убѣжденіемъ возразилъ Верховскій.

— Вотъ развѣ, что умретъ... Ха, ха! Пожалуй, что этимъ онъ въ самомъ дѣлѣ удивилъ бы всю Москву! Съ его милліонами, съ его молодостью, съ его карьерой—умереть... Н-да! Этимъ удивить можно!.. Но скажите ему, Верховскій, ежели увидите, что пусть ужъ лучше я проиграю пари, только бы онъ не задумалъ умирать. Я вѣдь очень его люблю, этого своенравнаго баловня счастья... И

готовъ заплатить за его общество сотню червонцевъ, которые ему ни на что не нужны...

— Не спѣшите съ этимъ, генералъ! Боюсь, что вы и такъ будете признаны проигравшимъ пари и заплатите сотню червонцевъ...

— Что-о? Да я уже его почти выигралъ! Вы развѣ забыли, что завтра въ полдень мы всѣ сходимся въ ресторанѣ Шевалье... И тутъ ужъ конецъ...

— И если бы до этого полдня оставалось всего только четверть часа, то все же я не рѣшился бы сказать, что вы уже выиграли...

— Ого, Верховскій! Вы, кажись, не карабинеръ, а вѣрите въ полковника, какъ въ Бога!..

— Да, вѣрю! Я готовъ подтвердить это...

— Чѣмъ же такимъ?

— Пари!

— О! Ну, держите, съ кѣмъ хотите, а мнѣ васъ жаль.

— Я готовъ, если угодно!—предложилъ одинъ изъ Оступишинныхъ, а другой утвердительно кивнулъ головой.

— Значить, вы за генерала?—спросилъ Верховскій, который только этого и добивался. Онъ всталъ и повернулся къ близнецамъ, на которыхъ до сихъ поръ не обращалъ вниманія.

— Мы всегда за генерала!—отвѣтили Оступишины въ одинъ голосъ. И это была правда. Они словно были прикованы къ Тутарину,—всегда съ нимъ, всегда согласны съ его мнѣнiями, всегда готовые исполнять его выдумки,—они какъ бы составляли его свиту.

— Прошу назначить!—сказалъ Верховскій.

— Жаль, что не я держу пари,—вмѣшался Тутаринъ:—я бы прижалъ васъ къ стѣнкѣ, прекрасная отроковица!

— Чѣмъ, генералъ?

— Я бы потребовалъ у васъ Дашеньку!.. Ага, ага!.. Передернуло васъ! Ха, ха!—У Верховскаго въ самомъ дѣлѣ дрогнулъ мускулъ около лѣваго глаза.

Онъ слегка покраснѣлъ, но отвѣтилъ съ чрезвычайной твердостью:

— А что бы вы поставили противъ Дашеньки, ваше превосходительство?

— О, хоть дюжину балбесовъ мужскаго пола—по вашему выбору!

Верховскій, который почему-то ни на минуту не сомнѣвался въ выигрышѣ, до такой степени онъ вѣрилъ въ полковника, не думалъ, что рискуетъ своей Дашенькой, про красоту которой говорили не только въ переднихъ, но нерѣдко и въ гостинныхъ. Его средства были весьма ограничены, и онъ подумалъ, что приобрести такимъ легкимъ способомъ двѣнадцать душъ не дурно.

— Я бы согласился!—отвѣтилъ онъ.

— Я тоже!—сказалъ Оступишинъ:—дюжину по вашему выбору, а мнѣ Дашеньку!

— А Дашеньку преподнесете мнѣ!—со смѣхомъ заявилъ генераль.

— Обязательно!—заявили Остужишины.

— На память о Верховскомъ? Ха, ха, ха! Ну, значить, я больше всѣхъ выиграю. Ха, ха, ха!..

Верховскій и Остужинъ протянули другъ другу руки, Тугаринъ торжественно разъединилъ ихъ и сказалъ:—C'est fait!..

Публика стала собираться и занимать мѣста. Антрактъ кончился. Верховскій тоже пошелъ въ партеръ. У него горѣли щеки, и сильно билось сердце. Онъ чувствовалъ, что, поставивъ на карту Дашеньку, сдѣлалъ скверное и жестокое дѣло. Его самого съ этой крѣпостной дѣвушкой связывало нѣчто болѣе сильное, чѣмъ отношеніе барина къ крѣпостной. А ужъ о Дашенькѣ и говорить нечего. Она привязалась къ нему всей душой. И вотъ онъ поддался корыстному побужденію и противопоставилъ ей дюжину крѣпостныхъ людей. На душѣ у него было отвратительно. Во время представленія онъ смотрѣлъ въ спину сидѣвшаго впереди его полковника Бентышъ-Полянскаго и дрожалъ при мысли, что эта энергичная, удалая курчавая голова на этотъ разъ не сдержитъ своихъ обѣщаній.

Въ слѣдующемъ антрактѣ онъ тотчасъ же подошелъ къ полковнику и, сильно волнуясь, сказалъ:

— Полковникъ, я поставилъ на карту очень дорогую вещь!..

Тотъ усмѣхнулся, видя, насколько этотъ молодой человѣкъ въ настоящую минуту зависитъ отъ его воли. Онъ вынулъ часы и взглянулъ на нихъ. Они показывали безъ четверти десять.

— Вы ее выиграете черезъ два часа съ четвертью, Верховскій!—сказалъ онъ съ такой увѣренностью, что у Верховскаго разомъ отлегло отъ сердца.

Въ это время въ театрѣ стоялъ шумъ и грохотъ. Вызывали Сильфиду.

III.

Въ треугольной уборной осталась только Паша. Она подошла къ маленькому окошечку, открыла его и прислушалась. «Господи ты Боже мой!—подумала она:—опять ливнемъ леть! Какъ нарочно! И темень-то какая! Хоть глазъ выколи!».

Не надолго на небѣ проглянули звѣзды. Опять сгустились тучи, рванула буря и полилъ дождь. Паша боялась, какъ бы не простудить Наталью Александровну. «Она такая нѣжненькая, такая тонкая, да легкая! Долго ли ей?».

Паша усердно принялась собирать узелъ. Она забрала сюда изъ школы все несложное имущество Натальи Александровны. Тутъ было и кое-что изъ бѣлья, попадалась и косынка и какія-то ни на что не нужныя фарфоровыя вещицы. Все это она бережно складывала въ узелъ, а когда кончила, завязала его.

Затѣмъ она стала готовить одежду для Натальи Александровны. Тетушка Олимпиада Семеновна прислала ей все новое, что ей предстояло надѣть въ первый разъ. Мѣрку для платья, для шубейки и для башмаковъ приходили снимать въ школу. Паша разложила все по стульямъ и табуретамъ и ждала.

Вошла Лиза. Она не участвовала въ послѣднемъ дѣйствии и успѣла уже переодѣться въ школьное голубое платье съ бѣлой батистовой пелериной и такимъ же передникомъ.

Она была очень мила въ этомъ скромномъ нарядѣ. Лицо ея было грустно, глаза красны отъ недавнихъ слезъ.

— Паша, — сказала она своимъ тоненькимъ голоскомъ, — расскажи мнѣ, что сегодня тетушка наготовила на ужинъ.

И, приготовившись слушать рассказъ о вкусныхъ блюдахъ, она смотрѣла на Пашу разгорѣвшимися глазками. Въ школѣ кормили однообразно и скудно, и бѣдная дѣвочка, которой Богъ далъ хорошее здоровье и славный аппетитъ, всегда страдала отъ голода.

— Ахъ, барышня! Что и говоритъ! Ужъ тетушка ваша постарались для Натальи Александровны, — отвѣтила горничная. — Стерлядку-то нынче совсѣмъ живую принесли! Такъ и трепетала! Отварили ее, да съ грибами и приготовили. А изъ мясного — бараний задъ съ чесночкомъ... А послѣ всего — слоеный пирожокъ со-сливами... Чудо, какъ вкусно все!

У Лизы навернулись на глаза слезы, такъ ей хотѣлось всего этого отвѣдать.

— Ахъ, Паша, лучше не говори! — тихимъ, подавленнымъ голосомъ промолвила она.

— А у васъ, барышня, будетъ что? — спросила Паша въ свою очередь.

— У насъ?

Она покачала головой. — У насъ будетъ тартинка!..

— А что это за кушанье такое, барышня?

— Кушанье! Развѣ это кушанье? Это — вздохъ!

— Какъ такъ — вздохъ?

— Да, вздохъ! У насъ такъ всѣ и называютъ это. Такъ и говорятъ: пришла изъ театра, приняла вздохъ и уснула...

— Да что же это такое, барышня моя? Вотъ чудеса-то!

— А это, Паша, кусочекъ французской булочки, а на ней размазано чуточка маслица, а поверхъ всего маленькій кусочекъ холодной телятинки. Проглотишь и не почувствуешь..

— Ужъ истинно — вздохъ одинъ! — согласилась Паша и сама при этомъ вздохнула. — Оттого вы такія тоненькія обѣи и легкія, какъ пухъ... Выдерживаютъ васъ!..

Въ это время на сценѣ послышался шумъ. Занавѣсъ опустили, всѣ участвовавшіе въ послѣдней картинѣ повалили за кулисы. Наталья Александровна нѣкоторое время оставалась около сцены, по-

тому что ее вызывали. Лиза полуотворила дверь изъ уборной и ждала.

И вотъ она прибѣжала съ радостнымъ лицомъ, живая, смѣющаяся, довольная своимъ успѣхомъ и тѣмъ, что это все кончилось, и что она, наконецъ, сниметъ балетный костюмъ и одѣнется въ платье, присланное тетужкой. На бѣгу она разстегивала корсажъ и весело кричала Пашѣ:

— Ну, скорѣй, скорѣй давайте все... Ахъ, какъ я устала! Какъ хочется домой!

Паша помогла ей раздѣться и тотчасъ же начала ее одѣвать. По мѣрѣ того, какъ туалетъ ея мало-по-малу приобрѣталъ опредѣленный видъ, она приходила въ восторгъ, радуясь каждой новой вещицѣ и восклицая:

— Ахъ, тетужка! Ахъ, добрая, милая!

Когда все было надѣто, она принялась разглядывать себя въ зеркалѣ. Въ этомъ черномъ платьѣ изъ плотнаго и въ то же время гибкаго шелка, въ накидкѣ изъ старинной бѣлой блонды, въ бѣлой атласной шляпкѣ, отдѣланной тѣми же блондами, перехваченными нѣжными блѣдными розами, она вдругъ почувствовала себя уже болѣе не воспитанницей театральнаго школы, а артисткой. Въ немъ она какъ бы выросла и возмужала, переставъ быть ребенкомъ и сдѣлавшись взрослой дѣвицей. Но въ совершенный восторгъ привели ее ажурные шелковые чулочки и атласные башмачки, удивительно изящно охватывавшіе ея маленькую ножку.

— Какая прелесть! Какая прелесть!—съ дѣтскимъ восторгомъ восклицала она, разсматривая себя въ зеркало.—Лиза, я начинаю думать, что я въ самомъ дѣлѣ хорошенькая!

И она звонко хохотала по поводу своихъ словъ.—Слушай, Лиза, я непременно попрошу дядю, чтобъ сдѣлали мой портретъ въ этомъ туалетѣ на память о сегодняшнемъ вечерѣ! Непременно, непременно! Ну, я готова! Прощай, Лизуха! Завтра я заѣду къ тебѣ! А ты опять плачешь! Ахъ, глупенькая!

Она обняла и крѣпко расцѣловала Лизу, которая никакъ не могла сдержать слезъ. Паша выглянула въ дверь и попросила театральнаго слугу:

— Пожалуйста, будьте такіе добрые, кликните для барышни карету барина Чистопольева,—кучеръ Тимоха!..

Слуга ушелъ. Паша вернулась.—Уже вы, Наталья Александровна, въ шубку-то закутайтесь!—сказала она, развернувъ передъ нею длинную безрукавную лисью шубу, крытую бархатомъ.—Тетужка ваша строго наказывала; а на дворѣ холодъ, буря, темь, и дождь льетъ, какъ изъ бочки...

— Кутай во что угодно, Папа!—отвѣтила Наталья Александровна, плотно завертываясь въ шубу.

— И галоши мѣховыя для ножекъ! Вотъ они, барышня!—Наталья

Александровна покорно протянула ей одну за другой ноги, еще раз расплывалась плачущую Лизу и вышла. Паша схватила узелъ и посплывала за нею.

Онѣ прошли опустѣвшую сцену, среди которой слуга при помощи метлы поднялъ густую пыль, потомъ—въ переднюю, спустились по каменной плоху освѣщенной лѣсенкѣ внизъ и очутились на улицѣ. Передъ дверью стояла карета съ раскрытой дверцей, которую держалъ за ручку полицейскій. Городской фонарь, стоявшій у самаго подъѣзда, какъ будто нарочно потухъ, загашенный вѣтромъ или отъ какой либо иной причины. Вѣтеръ рвалъ и вылъ среди густого мрака, дождь падалъ косою стѣной. Лошади вздрагивали.

— Полѣзайте, барышня! Только глядите, не оступитесь!—сказала Паша, помогая Натальѣ Александровнѣ забраться въ карету. Полицейскій поддерживалъ ее съ другой стороны. Когда Наталья Александровна вошла въ карету, Паша, прежде чѣмъ самой сдѣлать то же, обратилась къ кучеру:

— Гляди, Тимоха, полегче! Не выверни!

Тимоха кивнулъ головой и что-то промычалъ. Полицейскій схватилъ Пашу подъ руки, впахнулъ ее въ карету и захлопнулъ дверцу.

— Охъ,—воскликнула Паша:—что это онъ меня такъ больно прижалъ!

Наталья Александровна смѣялась. Ей было отъ всего весело. Тѣ пріятныя ощущенія, которыя она испытала сегодня на сценѣ, когда чувствовала, что каждый ея шагъ сопровождается успѣхомъ, благодаря холодной обстановкѣ кулисъ, до сихъ поръ прятались гдѣ-то въ глубинѣ души ея, а теперь овладѣли ею со всей своей силой. Какъ прекрасна жизнь! Какъ радостно она вступаетъ въ нее! Ни вьюга, ни дождь, непрерывно стучавшій въ окна кареты, ни холодъ, ни темнота, ничто не могло омрачить ея душу. Ей только хотѣлось поскорѣ увидѣть дядю и тетюшку, обнять ихъ и подѣлиться съ ними своими восторгами. Какъ пріятно будетъ послѣ закулисной неурядицы, послѣ долгой жизни въ школьномъ пансіонѣ, гдѣ все такъ казенно, неуютно и формально, вдругъ увидѣть себя въ свѣтломъ просторномъ домѣ, среди родныхъ, которые влюблены въ нее. Но она также думала и о бѣдняжкѣ Лизѣ, которую уже повезли домой, въ школу, накормили скуднымъ, невкуснымъ ужиномъ и погнали въ дортуаръ, строго наказавъ спать. Бѣдная дѣвочка! Завтра же надо будетъ отвезти ей чего нибудь вкуснаго и каждый день возить.

— Что это дядины лошади нынче такъ скоро бѣгутъ?—спросила она у Паши:—вѣдь это тѣ же прежніе старички?

— Тѣ самые, барышня!—отвѣчала Паша.—Надо полагать, съ холоду! А я гляжу, что Тимоха какъ будто не той дорогой ѣдетъ. Не сбился бы съ пути! Москва велика!

— Ну, что ты, Папа! Это тебѣ показалось! Тимошеей сто разъ возить по этой дорогѣ!..

— А Богъ его знаетъ! Мнѣ что-то боязно, барышня! Сердце такъ и стучить!

— Это оттого, что поздно не спишь. Ты привыкла рано ложиться. Теперь, если со мной будешь въ театрѣ ѣздить, отвыкнешь. Хочешь со мной въ театрѣ ѣздить, Папа?

— Охъ, я всюду бы за вами пошла, милая барышня!—съ чувствомъ воскликнула Папа.

— Ну, такъ я попрошу тетушку... Это Москва-рѣка? Мы ѣдемъ черезъ мостъ? Скоро, значить, дома...

— Ну, и темень же! Ничего, какъ есть, не видать!.. Вотъ, кажись, въ проулокъ повернули... Сдается, что не надо бы!.. Что это? Въ ворота въѣхали... Садомъ ѣдемъ... Да что онъ, Тимоха-го, съ ума снятиль, что ли? Должно быть, черезъ задній дворъ поѣхалъ... Вотъ остановились... Такъ и есть!

Карета въ самомъ дѣлѣ остановилась. Кто-то извнѣ растворилъ дверцу, и затѣмъ промелькнула бабья фигура съ лицомъ, закутаннымъ въ платокъ. Онѣ вышли. Передъ ними было крыльцо съ навѣсомъ, какъ имъ показалось, знакомое, еще только передъ праздникомъ выкрашенное по приказанію тетушки въ зеленый цвѣтъ. Но странно было, что никто ихъ не встрѣтилъ. Еще болѣе удивило ихъ, что на деревянной лѣстницѣ, по которой онѣ подымались, и затѣмъ въ верхнемъ стеклянномъ корридорѣ было темно, и куда тоже никто не вышелъ.

Но вотъ передъ ними растворилась и тотчасъ же, какъ только онѣ вошли, тяжело захлопнулась дверь, и онѣ очутились въ ярко освѣщенной передней съ высокимъ зеркаломъ чуть не во всю стѣну, въ которомъ онѣ отразились. Высокій бритый лакей въ голубой ливреѣ стоялъ передъ ними навтыжку. И какъ только онѣ вошли, настезъ растворилъ слѣдующую дверь, за которой видны были блестящая голубая мебель, коверъ, зажженная люстра, картина на стѣнѣ.

— Батюшки! свѣты мои! Барышня, голубушка моя! Гдѣ же это мы? Что это съ вами задумали учинить?

Она всплеснула руками и съ лицомъ, полнымъ ужаса, взглянула на Наталью Александровну. Та стояла блѣдная, съ широко раскрытыми глазами.

— Чей это домъ?—дрожащимъ голосомъ спросила она у лакея.

— Не знаю!—отвѣтилъ тотъ.

Она взялась рукой за лобъ.—Мнѣ кажется, что это намъ снится!—произнесла она и сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ открытой двери. Она переступила порогъ, смутнымъ взглядомъ обвела стѣны, увѣшанныя картинами, росписной потолокъ, мебель, стоявшій у стѣны клавикордъ. Сердце у нея сжалось до боли, въ

глазахъ потемнѣло, и шуба свалилась съ ея плечъ на полъ. Она пошатнулась и упала на руки Паши, у которой у самой дрожали колѣни, и ноги готовы были подкоситься.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Антонъ Макарьевичъ сидѣлъ въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, когда изъ столовой донесся громкій протяжный бой часовъ. Онъ насчиталъ двѣнадцать.

— Теперь, должно полагать, выходятъ изъ театра,—сказалъ онъ, предполагая, что Олимпиада Семеновна гдѣ нибудь по близости. Она дѣйствительно была рядомъ, въ гостиной, но, не привыкнувъ такъ поздно сидѣть, нечаянно вдремнула на диванѣ. Слова Антона Макарьевича разбудили ее.

— Ты говорилъ что нибудь?—спросила она, протирая глаза.— Я вѣдь уснула!

Она встала и пошла къ кабинету.

— Я говорю: двѣнадцать часовъ пробило, и теперь изъ театра выходятъ!—сказалъ Антонъ Макарьевичъ:—Экая погода! Еще Наташенькѣ не простудиться бы.

— Неужто двѣнадцать? Вотъ я таки проспала часокъ съ лишнимъ! Ну, а на столѣ у меня все готово!..

— Вели людямъ съ фонаремъ у воротъ встрѣтить!

— Давно сказано! Чай, черезъ полчаса будутъ! А что же это молодые люди не являются?

— Да вѣдь они, я думаю, до конца сидѣли!

Молодые люди, о которыхъ шла рѣчь, были племянники Чистопольевыхъ по Олимпиадѣ Семеновнѣ. Ихъ было трое, а съ ними еще четвертый—пріятель. Они заняли ту ложу перваго яруса, которую Наталья Александровна достала для тетушки.

Минуть черезъ двадцать они стучали въ сѣняхъ, отряхая съ сапогъ грязь. Потомъ они вошли въ переднюю и въ гостиную, жалуясь на погоду. Пріятель ихъ, хотя былъ вхожъ къ Чистопольевымъ, не рѣшился прійти въ такой поздній часъ.

Старшему было лѣтъ двадцать съ лишнимъ, онъ бросилъ ученье, прошелъ мимо военной службы, жилъ всегда въ деревнѣ съ своей матерью, питая большую склонность къ природѣ и хозяйству, и пріѣзжалъ въ Москву раза два въ годъ, чтобы сдѣлать необходимыя закупки. Видъ у него былъ цвѣтущій и крѣпкій, лицо смуглое, загорѣлое, и голосъ грубоватый. Другіе два учились въ Москвѣ, одинъ въ университетѣ, другой готовился въ военную службу. Всѣ

были схожи лицами, всѣ почтительно относились къ тетускѣ и не пропускали случая поцѣловать у нея руку. Они оживленно рассказывали объ успѣхѣ Наташи и сами были въ восторгѣ какъ отъ ея танцевъ, такъ и отъ всего спектакля. У младшаго, попавшаго въ театръ въ первый разъ, даже голова закружилась.

Время шло. Было уже около часу. Стали раздаваться вопросы, почему Наташа такъ долго не ѣдетъ. Объясняли тѣмъ, что ей надо долго переодѣваться.

Но вотъ пробилъ часъ и половина второго. Тетушка вскочила.— Что же это можетъ означать?— съ великой тревогой воскликнула она.— Вѣдь ужъ можно было десять разъ переодѣться! Не велико переодѣванье! Не на балъ вѣдь ѣхать!

И Антонъ Макарьевичъ вышелъ изъ кабинета, крайне озабоченный. Не случилось ли чего въ дорогѣ? Не вздумалъ ли Тимоха захватить раньше въ кабакъ и выпить лишнее?

Племянники тоже заволновались. Каждому хотѣлось показать, что онъ молодецъ. Они вызвались заложить оставшуюся въ конюшнѣ лошадь въ дрожки, въ которыхъ Олимпиада Семеновна раза три въ недѣлю ѣздила на рынокъ, и поѣхать къ театру по той дорогѣ, по которой долженъ былъ ѣхать Тимоха съ Наташей и Пашей.

Въ одну минуту это было сдѣлано. Дождь не переставалъ лить, но вѣтеръ нѣсколько утихъ. Двое старшихъ поѣхали, а младшій остался, такъ какъ ему негдѣ было сѣсть. По дорогѣ они видѣли только потоки воды, стремительно бѣжавшей по улицамъ по направлению къ Москвѣ-рѣкѣ. Ни пѣшаго, ни коннаго живого человѣка они не встрѣтили. Полицейскія будки были наглухо заперты, и блюстители порядка спали въ нихъ также мирно и сладко, какъ и обыватели въ своихъ домахъ. Ни въ одномъ окнѣ во всемъ городѣ не было видно свѣта, только сквозь церковныя окна виденъ былъ едва мерцающій свѣтъ лампы, горящей передъ образомъ. Вся Москва спала. Уличные сторожа тоже ушли въ свои норы, такъ какъ на улицахъ, залитыхъ водой, имъ негдѣ было стоять. Москва осталась безъ сторожей.

Какъ ни гнали они лошадь, но она съ большимъ трудомъ тащила тяжелыя дрожки. На каждомъ шагу встрѣчались рытвины, раза два они попадали въ глубокія ямы, вырытыя водой, останавливались и выручали экипажъ. Путешествіе оказалось нелегкимъ и небезопаснымъ.

Наконецъ, они подѣхали къ театру и увидѣли огромное зданіе, погруженное въ мракъ. Они объѣхали его со всѣхъ сторонъ, подходили къ дверямъ, пробовали отворить, но напрасно. Когда они остановились у подъѣзда, въ который обыкновенно входили артисты, у дверей, подъ навѣсомъ, они нашли человѣка въ овчинномъ тулупѣ. Онъ сидѣлъ на низенькой скамейкѣ и спалъ. Они разбудили его.

— Эй, послушай-ка, ты ночной сторожь, что ли?

— Онъ самый!—отвѣтилъ тотъ, еще полусонный.

— Давно разѣхались артисты?

Сторожь посмотрѣлъ на нихъ изумленными глазами.

— Да что вы съ того свѣта прибыли, или какъ?—спросилъ онъ.

— А ты отвѣчай, что у тебя спрашиваютъ!—можетъ, и съ того свѣта!

— Да вѣдь утро, чай, на дворѣ! Сейчасъ свѣтатъ будетъ! Часа три уже, какъ разѣхались!

— А при тебѣ разѣзжались?

— А то при комъ же? Какъ же не при мнѣ? Я одинъ тутъ!

— Не видалъ ты, артистка Посохова съ горничной когда уѣхала?

— А этого мнѣ вѣдать нельзя... я ихъ въ лицо не знаю... А чья карета-то? Кареты-то я выкликалъ!

— Чистопольева, кучеръ Тимошей, Тимоха...

— Ну, какъ же! Это я знаю! Самъ кликалъ! Тройка, кучеришка поганенькій, съ сѣденькой бородкой. Барынька въ шубейкѣ и дѣвка съ нею, съ во какимъ узломъ!.. Да онѣ чуть что не первыя уѣхали!

— Ты это вѣрно знаешь?

— Да ужъ какъ не знать! Знаю!

Имъ оставалось развести руками и поѣхать обратно ни съ чѣмъ. Между тѣмъ доя тревога, подогрѣтая новымъ обстоятельствомъ, увеличилась. Съ полчаса тому назадъ приѣхалъ Тимоха, съ окровавленной рожой, и рассказалъ случившуюся съ нимъ исторію. По его словамъ, онъ съ самаго того времени, какъ попалъ въ заключеніе, и до тѣхъ поръ, пока его не выпустили, стучалъ, кричалъ, бился и лѣзъ въ драку, доказывая, что онъ непремѣнно долженъ быть около театра, куда былъ посланъ. Но его никто не хотѣлъ слушать, а чтобы усмирить непокорнаго узника, были пущены въ ходъ мѣры, украсившія его лицо синяками, кровоподтеками и ссадинами.

Первая мысль была та, что Наташа осталась ночевать въ школѣ и какъ нибудь пріютила тамъ Пашу. Это было самое вѣроятное предположеніе. Куда же ей было дѣваться? Не вздумала же она тащиться пѣшкомъ, чтобы утонуть гдѣ нибудь въ лужѣ? А найти наемную карету въ такое позднее время и въ такую погоду, не позаботившись объ этомъ раньше, очень трудно. Да и кто бы могъ это сдѣлать? Паша ничего не понимаетъ въ такихъ дѣлахъ, а сама Наташа, по молодости, ни въ какихъ дѣлахъ ничего не понимаетъ.

Чистопольевы уже готовы были успокоиться, рѣшивъ завтра утромъ послать карету за Натальей Александровной. Но въ это время вернулись племянники.

— Такъ ты говоришь,—строго обратился старшій къ Тимохѣ,—что тебя сейчасъ только выпустили? А кто въ двѣнадцать часовъ подѣзжалъ на тройкѣ къ театру съ задней стороны?

— Да чтобъ мнѣ сквозь землю провалиться!—клялся и крестился Тимоха:—да ежели бы я тамъ былъ, такъ куда бы я дѣвался?

— Такъ что же, приснилось это сторожу, что ли? Онъ самъ выкликалъ карету Чистопольева, съ кучеромъ Тимохой, и описалъ тебя, какъ слѣдуетъ, какъ есть ты, и на тройкѣ, говорить, и барышня въ карету сѣла, а съ нею дѣвушка съ большимъ узломъ... Откуда же онъ взялъ это?

— Господи, Господи!—въ отчаяннн восклицала Олимпиада Семеновна:—такъ это онъ ее продалъ, хриstopродавецъ! Эй, Тимоха, признавайся, что сдѣлалъ съ барышней, гдѣ оставилъ ее? Худо тебѣ будетъ! Худо!

Тимоха упалъ на колѣни, поднялъ руки къ небу и громко зывалъ, чтобы Богъ наказалъ его громомъ или какимъ нибудь ужаснымъ ударомъ, если онъ говоритъ неправду. Но такъ какъ ему не вѣрили, то онъ началъ умолять:

— Пушай молодые господа, либо вы сами, барыня, поѣдутъ со мною въ самую полицію. Тамъ подтвержденіе будетъ...

Это необходимо было сдѣлать. Племянники сѣли въ карету и поѣхали въ полицію. Это было единственное мѣсто въ Москвѣ, гдѣ всю ночь горѣлъ огонь, и гдѣ можно было найти бодрствующихъ людей. Имъ тотчасъ же объяснили, что кучеръ Чистопольева былъ взятъ въ десять часовъ за беспорядокъ и буйство и выпущенъ только въ половинѣ третьяго. Тимоха, не смотря на синяки и ссадины, выразилъ на своемъ лицѣ великое удовольствіе. Его честь была восстановлена.

— Ступай въ театральную школу!—приказали ему молодые люди.

Это было рискованное намѣреніе. Въ школѣ, конечно, всѣ спятъ. Стучаться въ такую пору значить всполошить всю школу. Но бытіе стоило этого.

Уже начинался разсвѣтъ, когда карета остановилась у подъѣзда театральной школы, такъ хорошо знакомаго Тимохѣ и лошадамъ Чистопольева. Вѣтеръ стихъ, небо совсѣмъ очистилось, но звѣзды уже погасли. Начали осторожно стучаться въ дверь. Но, видно, тамъ, за дверью, спали хорошо. Никто не откликнулся. Тогда стали стучать сильнѣе. Молодыхъ людей брала досада и нетерпѣніе. Они не щадили кулаковъ.

Что-то за дверью заскрипѣло, запуршало, повернулся ключъ, щелкнулъ замокъ, и сонная физіономія съ вклокоченными баками выглянула изъ полуотворенной двери.

— Что надо? Вотъ дьяволь носить, прости Господи, по ночамъ, когда люди спятъ!—раздался хриплый голосъ привратника, которому помѣшали спать въ самую драгоценную пору, когда утренній сонъ такъ сладокъ. Но, увидавъ карету и тройку, а, можетъ

быть, даже узнавъ Чистопольевского кучера, онъ смягчился, и на лицѣ его гнѣвъ замѣнился недоумѣніемъ. Онъ даже машинально привелъ въ порядокъ свои бакенбарды.

— Выбрали времячко! — сказалъ онъ безъ сравненія мягче прежняго:—или, можетъ, что случилось!?

Тимоха съ своихъ козель спросилъ:

— Наша барышня-го, Наталья Александровна, съ дѣвушкой здѣсь, что ли, ночуютъ?

— Ужъ не знаю, право! Я что-то не видалъ ихъ! Какъ въ театрѣ выѣзжали, видалъ... съ узломъ и съ дѣвушкой... И даже со мной простились: прощай, говорятъ, Прокофій Иванычъ, ужъ я совсѣмъ нынче ухожу!.. А обратно—не видалъ. Можетъ, и проглядѣлъ какънибудь!.. А развѣ дома ихъ нѣту?

— Нѣту!—угрюмо заявилъ Тимоха.

— Фу-ты, Господи! Гдѣ же имъ быть? Должно быть, что у насъ! Не иначе!

— У нашихъ безпокойство большое! Всю ночь не спимъ! Узнать бы.

— Хм... Это надзирательницу будить! Не похвалятъ за это Зоя Ѳедоровна! Да ужъ какънибудь узнаю... Погодите минутку!

Онъ скрылся и съ четверть часа не возвращался, а когда, наконецъ, вернулся, то лицо его было красно.

— Какъ разстроились Зоя Ѳедоровна!—сообщилъ онъ, и самъ, очевидно, разстроенный:—онѣ сказываютъ, что не даромъ имъ снились лошади съ подвязанными хвостами... Это всегда къ худому означаетъ!..

— Нѣту, что ли?

— Нѣтъ, не возвращались! Прямо изъ театра куда-то уѣхали! И Зоя Ѳедоровна просили извѣстить ихъ, когда барышня отыщется! Чтобы сію минуточку!

— Мать Пресвятая Богородица! Ужъ не злодѣйство ли какое!—воскликнулъ Тимоха.

— Злодѣйство!? Какой же лихой человѣкъ надъ ними руку подыметъ!?

Молодые люди возвращались домой съ совершенно подавленнымъ видомъ. Имъ казалось, что у нихъ не отыщется словъ, чтобъ сказать тетушкѣ правду о результатахъ своего путешествія.

II.

Въ семь часовъ утра у подѣзда Чистопольевского дома стояла карета, запряженная все той же тройкой, которой пришлось такъ много поработать въ эти сутки. Но карета была вымыта и вычищена и блестѣла, какъ новая, а на козлахъ, вмѣсто «поганенькаго» Тимохи, сидѣлъ довольно статный и вполне благообразный парень въ новомъ кафтанѣ, который былъ ему нѣсколько

широкъ и коротокъ, такъ какъ былъ сдѣланъ для Тимохи. Облѣбала шапка тоже была замѣнена шляпой изъ толстаго кастора, какой-то восьмиугольной формы. Дѣло въ томъ, что Тимоха въ дневное время былъ совершенно невозможенъ на козлахъ кареты, такъ какъ лицо его было изуродовано. Кромѣ того, хотя дѣло еще далеко не было выяснено, во всякомъ случаѣ онъ не оправдалъ довѣрія, и, можетъ быть, учиненный имъ дебошъ способствовалъ неизвѣстнымъ злымъ людямъ совершить свое дѣло. Слѣдовательно, онъ былъ въ подозрѣніи, и его оставили угрюмо сидѣть въ конюшнѣ. На козлы же посадили дворника Акима, который умѣлъ править тройкой. Пришлось вынуть изъ-подъ спуда и старую лакейскую ливрею, много лѣтъ уже остававшуюся безъ употребленія, и нарядить въ нее повора Никиту, чтобы онъ сидѣлъ рядомъ съ кучеромъ и отворялъ дверцы кареты, а также помогать Антону Макарьевичу находить дорогу, куда будетъ надо.

Все это было необходимо для того, чтобы придать выѣзду Чистопольева сколь возможно приличный видъ, вполне достойный дворянина. Въ домѣ, разумѣется, вовсе не ложились спать. Антонъ Макарьевичъ, возмущенный совершившимся, рвался поскорѣе выѣхать изъ дому, чтобы заявить властямъ о случившемся и потребовать удовлетворенія. Но было бесполезно ѣхать раньше семи часовъ, его нигдѣ не приняли бы.

Негодование его было угрюмое и молчаливое. Въ то время, какъ Олимпиада Семеновна обливалась слезами и голосила на весь домъ, облегчая свое горе тысячами проклятій, которыя она посылала на голову злодѣевъ, Антонъ Макарьевичъ сидѣлъ въ креслѣ, опершись локтемъ на столъ и подперевъ ладонью голову. Онъ молчалъ. Его негодование выражалось только тѣмъ, что грудь его медленно и высоко выдымалась отъ тяжелаго дыханія. Онъ нетерпѣливо считалъ удары маятника и напряженно выжидалъ боя часовъ, и все ему казалось, что время идетъ не такъ быстро, какъ слѣдовало бы.

Онъ давно готовъ былъ къ выѣзду. На немъ былъ длинный военный сюртукъ былого времени, когда онъ, получивъ болѣзнь глазъ, долженъ былъ выйти въ отставку маіоромъ. На лѣвой сторонѣ груди красовались серебряная медаль и крестъ, полученные имъ за отличіе по службѣ. Въ десять лѣтъ разъ приходилось ему облачаться въ этотъ костюмъ. Жизнь его протекала вся въ замоскворѣцкомъ домѣ и окружавшемъ его садѣ. Только такія событія, какъ нынѣшнее, могли заставить его привести себя въ столь торжественный видъ.

Въ семь часовъ онъ также молча, какъ сидѣлъ въ креслѣ, всталъ и тихо вышелъ въ гостиную, а оттуда въ переднюю. Акимъ, тотчасъ, какъ попалъ въ ливрею, освоившійся съ ролью лакея, накинулъ ему на плечи темносѣрый плащъ, посадилъ его въ карету, а самъ вскочилъ на козлы.

И ему и кучеру было извѣстно, куда ѣхать. Всюду пріемъ начинался послѣ десяти часовъ, только главный человѣкъ во всей Москвѣ, генераль-губернаторъ, вставалъ рано, и пріемная его была открыта съ семи часовъ утра.

Этотъ старый вельможа, сумѣвшій сочетать вкусъ къ широкой жизни и вѣншему блеску Екатерининской эпохи, когда онъ вступилъ на служебное поприще, съ дѣловитостью, требуемой управленіемъ такимъ городомъ, какъ Москва, выѣзды блестящимъ цугомъ, и въ сопровожденіи внушительной свиты, съ доступностью простого гражданина, отличался столько же удивительною дѣятельностью на пользу древней столицы, сколько и веселой жизнью, создавшею ему тысячи анекдотовъ и легендъ, переходившихъ изъ устъ въ уста. Не обладая выдающимся богатствомъ, онъ былъ извѣстенъ замѣчательною щедростью, онъ украшалъ городъ общественными зданіями, садами и бульварами, размножалъ благотворительныя учрежденія и, пользуясь общимъ уваженіемъ, былъ истиннымъ хозяиномъ Москвы, и не было такого малаго и ничтожнаго дѣла, съ которымъ нельзя было бы къ нему обратиться, во что онъ считалъ бы себя недостойнымъ вниманія. Управляемая имъ много лѣтъ Москва какъ бы срослась съ нимъ и считала его своимъ. Никто не называлъ его генераль-губернаторомъ, всюду онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «князя», и губернаторскій домъ на Тверской, съ превосходнымъ садомъ, служившій украшеніемъ города, назывался «домъ князя». При немъ Москва была какъ бы княжествомъ, входившимъ въ составъ Россійской имперіи.

Зная, что у князя онъ ни въ какомъ случаѣ не встрѣтитъ отказа въ пріемѣ, Антонъ Макарьевичъ рѣшилъ прямо къ нему и обратиться. Гдѣ было ему, слѣпому старику, не способному безъ посторонней помощи сдѣлать шагъ, толкаться въ переднихъ разныхъ второстепенныхъ начальствъ, которыя, еще неизвѣстно, какъ примутъ его горе.

Когда тройка остановилась у подъѣзда княжескаго дома, съ улицы дверь была настежь открыта, и около нея стояли нѣсколько полицейскихъ, изъ чего можно было заключить, что князь уже принимаетъ. Никита довольно ловко соскочилъ съ козелъ, отворилъ дверцу и помогъ выйти оттуда Чистопольеву. Затѣмъ онъ осторожно взялъ его подъ руку и повелъ къ двери. Полицейскіе, видя величественную фигуру старика съ сѣдой бородой, котораго ведутъ подъ руку, невольно разступились, не обративъ вниманія даже на то, что карета, лошади, кучеръ, лакей и даже упряжь нисколько не свидѣтельствовали ни о знатности, ни о богатствѣ.

— Кто это здѣсь?—спросилъ у Никиты Антонъ Макарьевичъ, не выдавшій, но чувствовавшій, что здѣсь толкуются какіе-то люди.

— Это полицейскіе,—отвѣтилъ Никита и ввелъ его въ дверь.

Лѣстница была устлана коврами, а по бокамъ устлана пыш-

ными растеніями. Передняя была наполнена ливрейнымъ народомъ, единственное назначеніе котораго состояло въ томъ, чтобы своимъ множествомъ и ненужностью придавать блескъ этой передней.

Двое изъ нихъ занялись скидываньемъ съ Чистопольева шинели. Никита успѣлъ выразительнымъ жестомъ объяснить имъ, что его баринъ слѣпъ, и тѣ вдругъ почему-то почувствовали къ нему симпатію и чрезвычайно бережно стягивали съ него шинель. Отсюда надо было подняться еще на одинъ этажъ, что уже нѣсколько утомило Чистопольева, не привыкшаго къ такимъ подъемамъ. Тамъ, на площадкѣ, опять куча слугъ, потомъ передняя, и въ ней молодой чиновникъ, тотчасъ же съ любезной улыбкой обратившійся къ Антону Макарьевичу.

— Вамъ угодно видѣть князя?

— Мнѣ крайне необходимо видѣть его сіятельство!—отвѣтилъ Антонъ Макарьевичъ.—Прошу доложить обо мнѣ безотлагательно!..

Нѣкоторая озабоченная сосредоточенность тона, близкая къ строгости, произвела особенное впечатлѣніе на чиновника. Съ перваго взгляда, по отставному мундиру, по преклоннымъ лѣтамъ, по простецкому виду Никиты, онъ отнесъ посѣтителя къ обыкновеннымъ просителямъ, домогающимся справедливости въ видѣ пенсіи или пособія. Но послѣ этого заявленія, сдѣланнаго слишкомъ увѣренно, онъ подумалъ, что тутъ нѣчто другое.

— Я имѣю обязанность спросить васъ, по какому дѣлу?—мягко сказалъ онъ.

— По дѣлу моему личному, но требующему скорости, вопіющему дѣлу, каковое объясню его сіятельству!

— По крайности, смѣю спросить, о комъ буду имѣть честь доложить его сіятельству?—спросилъ онъ, слегка пожавъ плечами.

— Помѣщикъ Ярославской губерніи и дворянинъ, майоръ въ отставкѣ, Чистопольевъ!—отвѣтилъ Антонъ Макарьевичъ.

Чиновникъ удалился, но скоро вернулся.

— Князь готовъ принять васъ!—сказалъ онъ, указывая на растворенную дверь и торопясь обратиться къ новому посѣтителю, который только-что вошелъ.

— Прошу дозволить моему человѣку проводить меня. Я слѣпъ!—промолвилъ Чистопольевъ.

Чиновникъ показалъ Никитѣ движеніемъ руки, чтобы вельбарина.

Пройдя маленькую промежуточную комнатку, въ родѣ передней, они очутились въ длинной залѣ, стѣны которой были густо увѣшаны портретами государей и членовъ царственной фамиліи. У стѣнъ стояли твердые стулья съ тисненнымъ сидѣньемъ изъ кожи, съ высокими рѣзными спинками. Дорогой восточный коверъ покрывалъ весь полъ этой комнаты, высокія окна пропускали съ улицы много свѣта. Посреди комнаты съ росписного потолка спускалась

хрустальная люстра. Два мягких помѣстительныхъ кресла стояли другъ противъ друга въ самомъ концѣ залы и, очевидно, не принадлежали къ постоянной обстановкѣ этой комнаты. Они ставились въ пріемные часы и предназначались для самого князя и для посѣтителя.

Въ залѣ не было ни души. Никита осмотрѣлся въ недоумѣніи, не зная, здѣсь ли остановиться, или идти дальше.

— Гдѣ мы?—спросилъ его Антонъ Макарьевичъ.

— Въ большой залѣ,—отвѣтилъ Никита:—по коврику идемъ, а на стѣнѣ все генералы... И никого нѣтъ!..

— Подождемъ здѣсь!

И они остановились посреди залы. За дверью послышались шаги, она растворилась, и словно изъ-подъ земли выскочилъ высокій адъютантъ и громко объявилъ:

— Его сіятельство сейчасъ изволить быть здѣсь!

Вся эта торжественность, которая слѣпому, слышавшему только шаги и голоса, представлялась въ преувеличенномъ видѣ, смутила Антона Макарьевича. Онъ никогда не бывалъ въ этихъ палатахъ, потому что до сихъ поръ ему не представлялось случая беспокоить начальство. Но то, что онъ слышалъ о доступности и простомъ обращеніи князя, въ его пониманіи не вязалось съ тѣмъ, что онъ здѣсь чувствовалъ. И ему становилось не по себѣ; ужъ онъ начиналъ сомнѣваться, подлинно ли онъ обратился въ настоящее мѣсто, не примутъ ли здѣсь его бѣду холодно и казенно. Что такое онъ, скромный помѣщикъ, съ своими двумя сотнями душъ, бирюкъ, по цѣлымъ годамъ не выходящій изъ своего дома, не имѣющій никакихъ связей въ московскомъ обществѣ, никому невѣдомый и къ тому же еще слѣпецъ,—въ сравненіи съ этимъ блестящимъ вельможей, любимцемъ государя, первымъ человѣкомъ въ Москвѣ, избалованнымъ всеобщимъ поклоненіемъ?

Опять шаги — твердые, сопровождаемые звонкимъ бряцаніемъ шпоръ, и въ залу вошелъ самъ князь не высокій, но удивительно статный, съ умнымъ привѣтливымъ лицомъ, на которомъ чрезвычайно важную роль играли большой гладкій лобъ, длинный прямой носъ и густыя нависшія брови. Ему было подъ шестьдесятъ, но онъ въ высокой степени сохранилъ свойственныя ему бодрость и подвижность. Онъ былъ въ генеральскомъ сюртукѣ, съ густыми эполетами и эксельбантомъ. Войдя, онъ остановился передъ Антономъ Макарьевичемъ и съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянулъ на Никиту, который не выпускалъ руки своего барина.

— Чѣмъ могу служить вамъ, господинъ майоръ? — спросилъ онъ звучнымъ, хотя нѣсколько охрипшимъ голосомъ военнаго человѣка, привыкшаго громко командовать. Но въ словахъ его, въ той неестественной твердости, съ которой онъ произносилъ согласныя буквы, и въ романскомъ произношеніи гласныхъ легко

было разслышать иностранный акцентъ. Это могло показаться страннымъ въ русскомъ баринѣ, достигшемъ на русской службѣ высокихъ степеней и постоянно, сперва въ качествѣ офицера, а затѣмъ уже въ продолженіе пятнадцати лѣтъ въ качествѣ начальника Москвы, имѣвшемъ дѣло съ русскими людьми. Въ комъ нибудь другомъ это могло бы производить даже отталкивающее впечатлѣніе, но князю это всѣ охотно прощали. Всѣ знали, что онъ всю свою юность, до семнадцатилѣтняго возраста, провелъ въ чужихъ странахъ, преимущественно въ Парижѣ, съ своей матерью, которая дала ему блестящее европейское образованіе. Обладая всѣми качествами русскаго человѣка, будучи типическимъ представителемъ лучшихъ людей своей эпохи, живымъ памятникомъ того лучезарнаго періода въ жизни русскаго дворянства, который умеръ вмѣстѣ съ Екатериной и уже болѣе не повторялся, онъ, не смотря на всѣ старанія, никакъ не могъ вполне овладѣть языкомъ своей родины, зерна котораго не были вложены въ его сознание въ первые годы дѣтства. Постоянное пребываніе въ высшихъ кругахъ общества уже потому, когда онъ служилъ въ Россіи, не могло поправить дѣла, потому что тамъ русскій языкъ употреблялся только для канцелярскихъ бумагъ и всякаго рода казенныхъ сношеній. Только въ должности начальника Москвы, онъ почувствовалъ совершенную необходимость въ знаніи родного языка, такъ какъ ему приходилось имѣть дѣло съ людьми всѣхъ званій и состояній. Онъ принялся учиться и сдѣлалъ для всѣхъ замѣтные успѣхи. Но все же, говоря порусски, онъ сперва думалъ пофранцузски, и его рѣчь всегда отзывалась переводомъ.

Чистопольевъ отвѣтилъ:—Прошу ваше сіятельство имѣть снисхожденіе къ моей слѣпотѣ, которая не позволяетъ мнѣ видѣть ваше лицо... Мой слуга долженъ былъ ввести меня сюда...

Князь кивнулъ головой, подошелъ къ нему и взялъ его за обѣ руки.— Попрошу васъ вотъ сюда! Сядемте и будемъ говорить!

Онъ сдѣлалъ знакъ Никитѣ, чтобы тотъ вышелъ, бережно усадилъ Чистопольева въ кресло и самъ сѣлъ противъ него.

III.

— Необыкновенное обстоятельство заставило меня рѣшиться отнять дорогое время у вашего сіятельства! — промолвилъ Чистопольевъ.

Князь, выпустивъ изъ виду, что передъ нимъ сидитъ слѣпой, по привычкѣ кивнулъ головой, какъ бы прося обойтись безъ этого вступленія, обусловливаемаго вѣжливостью. Чистопольевъ продолжалъ:

— Я прихожусь роднымъ дядей молодой танцовщицѣ Посоховой...

— Какъ? Сильфидѣ? Нашей Сильфидѣ, гордости нашего балета?— воскликнулъ князь, и лицо его вдругъ оживилось удовольствіемъ:— Въ такомъ случаѣ я обязанъ поздравить васъ, господинъ майоръ! Ваша племянница обладаетъ рѣдкимъ, исключительнымъ даромъ...

Чистопольевъ грустно покачалъ головой. — Похвала вашего сѣятельства могла бы сдѣлать меня счастливымъ при другихъ обстоятельствахъ, но теперь она лишь удваиваетъ мое горе...

— Но объяснитесь же, наконецъ! Я ничего не понимаю!

— Моя племянница вчерашняго дня выступала передъ публикой въ роли Сильфиды...

— Ну, да... И я былъ въ театрѣ и съ великимъ удовольствіемъ рукоплескалъ ей! Развѣ кто нибудь обидѣлъ ее?

— Можетъ быть, гораздо хуже этого, ваше сѣятельство! Я не могу утверждать, что въ настоящее время существуетъ еще невредимой честь ея и самая жизнь...

Князь порывисто выпрямился въ креслѣ. — Что вы говорите? Можетъ ли это быть?

— Вчера, послѣ театра, она, вмѣстѣ съ посланной за нею дѣвушкой, не вернулась ни домой, ни въ пансіонъ театральной школы, откуда выбыла ко мнѣ. Ее не можемъ отыскать до настоящаго времени...

— Вчера ночью?.. съ большимъ волненіемъ спросилъ князь:— погода стояла ужасная. Я получилъ уже извѣстіе о двухъ несчастіяхъ съ людьми... Не допускаете ли вы?..

— Нѣтъ, ваше сѣятельство, не могу этого допустить. Обстоятельства дѣла двусмысленны. Мой кучеръ, за учиненіе какихъ-то будто бы непорядковъ съ другими кучерами близъ театра, былъ съ каретой и лошадьми взятъ въ полицію и выпущенъ оттуда лишь около двухъ часовъ ночи. Слѣдовательно онъ не могъ быть у театра во время разѣзда публики. Между тѣмъ ночной сторожъ въ двѣнадцать часовъ ночи выкликалъ карету Чистопольева съ кучеромъ Тимошеемъ, и на этотъ окликъ подъѣхала карета, запряженная тройкой, какъ моя, и кучеръ—лицомъ схожъ съ моимъ кучеромъ; племянница съ дѣвушкой сѣли въ карету и уѣхали...

Князь вскочилъ съ мѣста. Лицо его покраснѣло, глаза заблистали и заискрились гнѣвомъ.

— О, я давно всѣми силами борюсь противъ этого зла, коренящагося въ нашемъ дворянствѣ!— воскликнулъ онъ.— Въ Москвѣ оно распространено болѣе, чѣмъ гдѣ бы ни было! Во всемъ мірѣ существуетъ между гражданами уваженіе къ личному достоинству человѣка, а у насъ его нѣтъ,—одна распущенность нравовъ... Но кто могъ посягнуть на это дитя? У кого достало дерзости на такое дѣло?—Онъ обратился къ адъютанту тономъ строгаго приказанія:— Послать курьера къ полицеймейстеру, чтобы онъ прибылъ сюда, не медля ни минуты!

Адъютантъ послѣпно вышелъ. Князь быстрыми шагами заходилъ по комнатѣ. Онъ говорилъ съ волненіемъ:—Не понимаю, какъ совмѣщается у нихъ образованность съ столь варварскими нравами! Вѣдь героями такихъ приключеній бываютъ члены высшаго общества! Можно думать, что изъ французской литературы, которую читаютъ, они только и взяли склонность къ приключеніямъ, перешиваніямъ и всякимъ маскарадамъ!..

— Я очень сожалѣю, что своимъ рассказомъ такъ взволновалъ васъ, князь!—сказалъ Чистопольевъ:—меня глубоко трогаетъ, что вы принимаете къ сердцу горе неизвѣстнаго вамъ и незначительнаго человѣка, какъ бы оно было ваше...

— Вы ошибаетесь, это — горе наше общее! Грубость нравовъ подъ европейскимъ фраккомъ послѣдней моды, подъ блескомъ офицерскаго мундира, который и я имѣю честь носить, и вы носили, майоръ! Развѣ это не есть порокъ всего нашего высшаго сословія? Я понимаю ваше личное горе и вхожу въ него, но оно есть лишь частица нашей общей болѣзни... Но будьте увѣрены, что не будетъ упущено ни одного способа отыскать вашу племянницу, и что виновный понесетъ наказаніе безъ снисхожденія, кто бы онъ ни былъ... Я беру это на себя... Я разсматриваю этотъ поступокъ, какъ схожій съ убійствомъ... Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ возможность усугубить наказаніе, такъ какъ похищенная состоитъ еще воспитанницей театральной школы...

— Въ томъ-то и дѣло, ваше сіятельство, что изъ театральной школы она выпущена состоявшимся торжественнымъ актомъ. Выбранъ моментъ, когда это можно было совершить безнаказанно...

— Значить, былъ тонкій расчетъ!—воскликнулъ князь.— Не дѣти совершаютъ такіа дѣянія, а взрослые люди, знающіе степень отвѣтственности!

Вошелъ молодой чиновникъ и доложилъ о новомъ посѣтителѣ.— Прошу извиненія!—отвѣтилъ князь.—Сейчасъ не могу принять! Попросите обождать! Послано ли къ полицеймейстеру? Кстати, пригласите господина директора театровъ. Ему неизлишне будетъ знать, что дѣлаютъ съ его артистками наши поклонники талантовъ.

— Полицеймейстеръ прибылъ!—отвѣтилъ чиновникъ.

— Прошу его сюда!

Чиновникъ ушелъ, а князь остановился въ выжидательной позѣ.

Вошелъ громоздкій, высокій, тяжеловѣсный начальникъ полиціи, и отъ его шаговъ задрожалъ полъ. Онъ остановился въ почтительномъ отдаленіи и, глядя прямо въ лицо князю, сказалъ:

— Вашему сіятельству угодно было требовать меня!

— Да,—холодно отвѣтилъ князь:—къ моему сожалѣнію, въ городѣ нашемъ дѣлаются вещи, которыхъ вы, безъ сомнѣнія, не можете предусмотрѣть, но, по крайней мѣрѣ, полиція должна показать свою дѣятельность быстрымъ розысканіемъ виновныхъ...

Полицеймейстеръ съ удивленіемъ смотрѣлъ на князя. Это случилось очень рѣдко, чтобы онъ говорилъ съ нимъ такимъ раздраженнымъ тономъ. А главное—онъ ничего не понималъ. Но въ это время онъ случайно мелькомъ взглянулъ на Чистопольева, сидѣвшаго въ креслѣ, и въ глазахъ его промелькнуло мимолетное смущеніе. Однакожь, эту слабость онъ допустилъ только на мигъ и уже съ прежнимъ недоумѣніемъ смотрѣлъ на князя, ожидая дальнѣйшаго объясненія. Князь продолжалъ:

— Будьте любезны объяснить, какія соображенія руководствуютъ полиціей, когда она задерживаетъ до двухъ часовъ ночи кучеровъ и лошадей съ экипажами, необходимыхъ для ихъ владѣльцевъ? Въ какомъ положеніи могутъ оказаться эти господа, выйдя изъ театра въ такую погоду, какая была вчера, и не найдя своихъ экипажей? Почему они должны платиться за дурной нравъ своихъ людей?

— Ваше сіятельство, осмѣлюсь спросить, что именно подало поводъ для этихъ обвиненій?—скромно, но въ то же время съ нѣкоторымъ достоинствомъ промолвилъ полицеймейстеръ.

— Вчера ночью была такимъ образомъ задержана карета господина Чистопольева... Но это еще не столь важно, и не ради этого я пригласилъ васъ сюда. Вчера же, при разѣздѣ изъ театра произошелъ, повидимому, насильственный увозъ танцовщицы Посоховой, которая не вернулась ни домой, ни въ школу. Конечно, это должно быть лишь случайнымъ совпаденіемъ, но всякій въ полномъ правѣ думать, что полиція своимъ образомъ дѣйствій способствуетъ подобнымъ дѣяніямъ...

— Ваше сіятельство!..—хотѣлъ было что-то возразить полицеймейстеръ, но князь рѣзко перебилъ его:

— Вамъ извѣстно, что танцовщица Посохова своимъ талантомъ обратила на себя вниманіе высшаго начальства, и потому подобное обстоятельство не можетъ остаться незамѣченнымъ. Прошу васъ принять самыя строгія мѣры къ тому, чтобы сегодня же,—я прошу замѣтить это,—сегодня же было извѣстно мѣсто ея пребыванія! Въ противномъ случаѣ я буду считать, что полиція въ Москвѣ бесполезна и ненужна...

— Ваше сіятельство, можетъ ли господинъ Чистопольевъ съ увѣренностью утверждать, что увозъ Посоховой совершился не по ея желанію?

Антонъ Макарьевичъ съ волненіемъ поднялся съ своего мѣста.

— Я прошу извиненія у вашего сіятельства,—сказалъ онъ тономъ челоуѣка оскорбленнаго:—но, чтобы высказать такое предположеніе, надо имѣть особыя основанія, а есть ли они у господина полицеймейстера? Я прямо говорю: нѣтъ и не можетъ ихъ быть! Племянница моя—чистый, невинный ребенокъ, никогда не мыслившій о романическихъ похожденіяхъ. Она обожала искусство и ни на что не промѣняла бы его! Наконецъ, она никогда не рѣшилась бы на-

нести такую обиду слѣпому старику, который любитъ ее. Если бы она пожелала съ кѣмъ нибудь соединить свою судьбу, то сдѣлала бы это открыто и прямо... Я еще разъ прошу извиненія у вашего сіятельства, но не могу не высказать этого: не странно ли то обстоятельство, что увозятъ именно ту особу, чью карету полиція задерживаетъ до двухъ часовъ? По какой причинѣ случается такое совпаденіе? Почему изъ среды нарушителей порядка избранъ для задержанія въ полиціи только мой кучеръ? Почему его не выпускаютъ къ двѣнадцати часамъ, когда онъ необходимъ, а находятъ возможность отпустить въ два, когда онъ не можетъ уже быть полезенъ? Вотъ на какую сторону дѣла надлежитъ господину полицеймейстеру обратить вниманіе...

— Слѣдовательно, вы высказываете подозрѣніе, что полиція какъ бы принимала участіе въ этомъ дѣлѣ или способствовала ему?—нѣсколько холодно спросилъ князь.

— Я не смѣю этого не только высказывать, но даже думать!—отвѣтилъ Чистопольевъ.—Я передаю лишь обстоятельства, каковы они были въ дѣйствительности.

— Я не могу допустить такого предположенія! — совсѣмъ сухо замѣтилъ князь. Онъ прибавилъ почти официально:—Я могу обѣщать вамъ, господинъ Чистопольевъ, что будутъ приняты всѣ мѣры къ розысканію вашей племянницы. Это все, что я пока въ состояніи сдѣлать! Вашъ слуга сейчасъ войдетъ сюда, чтобъ проводить васъ...

Онъ сдѣлалъ знакъ человѣку, стоявшему у дверей. Вошелъ Никита и приблизился къ Антону Макарьевичу. Чистопольевъ поклонился князю и, подавъ руку Никитѣ, пошелъ за нимъ къ двери.

Антонъ Макарьевичъ возвращался домой съ самымъ безотраднымъ чувствомъ. Князь, принявшій его такъ сердечно, не вынесъ даже намека на то, что полиція въ этомъ дѣлѣ могла быть недобросовѣстна. Это было легко понять, и человѣкъ болѣе практичный и болѣе ловкій отъ такого намека воздержался бы. Вѣдь были же слабости и у князя, никто не отказывалъ ему въ нихъ, хотя это не мѣшало ему быть любимцемъ москвичей. Благодаря своему огромному вліянію въ высшихъ сферахъ, князь сумѣлъ отстоять Москву отъ притязаній очень сильной петербургской бюрократіи, впутывавшейся во всѣ дѣла и помышленія частныхъ лицъ. Онъ, такъ сказать, взялъ Москву на свою отвѣтственность, чего можно было добиться только при томъ величайшемъ довѣріи, какимъ онъ пользовался, и въ Москвѣ вольномыслящимъ людямъ жилось легче, чѣмъ въ сѣверной столицѣ. Это признавали рѣшительно всѣ. Но за то онъ близко къ сердцу принималъ все, что относилось до учрежденій, находившихся въ его вѣдѣніи. Обвинить полицію въ недобросовѣстномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ, въ подкупности, это значило набросить тѣнь на репутацію самого князя. Вѣдь

полиція подчинена ему болѣе, чѣмъ какая либо другая часть управленія.

Вотъ почему онъ такъ быстро перемѣнилъ свое отношеніе къ Чистопольеву и такъ холодно проводилъ его. Послѣ его ухода онъ еще строже, еще настойчивѣе потребовалъ отъ полицеймейстера, чтобъ это дѣло было тщательно разслѣдовано. Но это требованіе вытекало уже изъ другого источника. До появленія начальника полиціи онъ близко принялъ къ сердцу горе слѣпного старика и былъ возмущенъ насиліемъ; а послѣ заявленія Чистопольева онъ сразу сталъ на почву чиновничьихъ интересовъ.

— Вы сами убѣдились,—сказалъ онъ полицеймейстеру,— какія подозрѣнія могутъ высказываться гражданами!.. Примите же всѣ мѣры къ тому, чтобы не оставалось для этого ни малѣйшаго повода. Вы для меня—внѣ всякихъ сомнѣній, но вы не въ состояніи слѣдить за всѣми низшими органами ввѣренной вамъ части. Весьма возможно, что съ ихъ стороны и было здѣсь злоупотребленіе. Этотъ старикъ не вовсе не правъ. Во всемъ этомъ есть много страннаго... Прошу васъ употребить всю строгость, какая только имѣется въ вашемъ распоряженіи. Дѣло это надѣляетъ шуму, потому что Посохову успѣла замѣтить уже вся Москва. Намъ надобно очистить себя!..

Чистопольевъ почувствовалъ эту перемѣну. Онъ, однако, не сомнѣвался въ томъ, что князь не смягчитъ строгости своего приказанія. Но что можетъ онъ подѣлать, если полиція сама не захочетъ открыть виновнаго? А Антонъ Макарьевичъ былъ теперь убѣжденъ въ этомъ. Его чуткое ухо, научившееся не только служить ему за слухъ, но и восполнять недостатокъ зрительныхъ впечатлѣній, помогло ему разслышать въ тонѣ полицеймейстера неискренность и двойственность, чего не могъ разслышать князь. И онъ думалъ теперь, къ кому же обратиться? Кто поможетъ ему спасти несчастную дѣвочку, едва только вступившую въ жизнь, которая блеснула передъ нею такой яркой молніей и, быть можетъ, вдругъ сдѣлалась мрачной тюрьмой?

Никого у него нѣтъ. Много лѣтъ тому назадъ, когда онъ былъ моложе и служилъ, среди товарищей его были сильные люди; они были расположены къ нему. Но болѣзнь отдалила его отъ жизни и отъ людей. Онъ потерялъ ихъ изъ виду. А между тѣмъ судьба Наташи налагала на него страшную отвѣтственность. Бя отецъ и мать, умершіе чуть ли не на одной недѣлѣ, послѣ того, какъ надъ ними стряслась бѣда, поручили ему обѣихъ дѣвочекъ, тогда еще малютокъ, и у нихъ не было другого защитника.

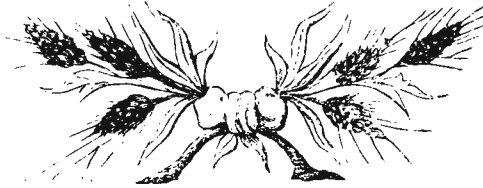
Въ глубокой задумчивости онъ не замѣтилъ, какъ карета прокатилась черезъ всю Москву, пересѣкла рѣку по мосту и уже подъѣзжала къ дому. Онъ зналъ, что тамъ съ нетерпѣніемъ ждутъ его Олимпиада Семеновна и племянники, что они надѣются услышать

отъ него рѣшающее слово, можетъ быть, даже рассчитываютъ на полное успокоеніе... А что онъ имъ скажетъ? Чѣмъ успокоить?

Было уже около десяти часовъ. Московскія газеты, конечно, ничего не сообщали о внезапномъ исчезновеніи прямо съ театральныхъ подмостковъ юной Сильфиды, но въ Москвѣ всегда были и будутъ живыя газеты, добывающія извѣстія Богъ вѣсть откуда и Богъ вѣсть какими путями разносящія ихъ по городу. И въ тѣхъ домахъ, гдѣ хозяева рано вставали, уже шли разговоры объ удивительномъ событіи, только никто еще не могъ назвать главнаго героя...

И. Потапенко.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ С. Н. ТЕРПИГОРЕВА.

I.

ВЪ ТОМУ ВРЕМЕНИ, когда надо было везти меня «опредѣлять» или «помѣщать» въ какое нибудь казенное учебное заведеніе, у отца моего средства были уже самыя маленькія. Большое имѣніе его было нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ продано за его или дѣдовскіе долги—не знаю: я объ этомъ ни его, ни другихъ никогда не спрашивалъ... Мы жили въ это время въ маленькомъ имѣньицѣ, купленномъ на собранныя крохи отъ продажи остатковъ прежняго величія. Имѣньице это было куплено почему-то на имя матери, и все оно заключалось въ ста двадцати десятинахъ земли и тридцати «душахъ», маленькомъ садикѣ, маленькой полуразвалившейся усадьбѣ съ маленькимъ, совсѣмъ почти что развалившимся, домикомъ, и флигелѣ-избѣ. Помню, зимой страшно дуло изъ оконъ, и мы всегда рады бывали, когда ихъ совсѣмъ заносило снѣгомъ: отъ этого въ комнатахъ становилось теплѣе и темнѣе, но дуло за то меньше. Покрывать домикъ былъ соломой; четыре комнаты его были расположены крайне неудобно; съ одной стороны его была галлерейка, но такая ветхая, что на нее боялись выходить. Въ домикъ жили три моихъ сестры и маленькій братъ—всѣ моложе меня, а во флигелѣ помѣщались отецъ съ матерью и я, т. е. мы ходили туда собственно ночевать только, а днемъ опять всѣ собирались въ домикъ.

Помню я эти вечерніе, а иногда ночные, переходы изъ домика во флигель, отстоявшій отъ домика саженой на сорокъ или пятьдесятъ.

Зима, вьюга, холодъ страшный, и мы, закутанные, предшествуемые сторожемъ-мужикомъ въ тулупѣ, иногда съ фонаремъ, по сугробамъ снѣга идемъ, вязнемъ; пришли во флигель—тамъ тепло, натоплено, и такъ хорошо станеть вдругъ...

— Ну, зима,—говорить матушка.

— Н-да,—отвѣчаетъ ей отецъ...

Въ этой усадьбѣ до насъ жила тоже одна оскудѣлая старуха помѣщица, П. И. Вельяминова, которая и продала намъ имѣннице, а сама переѣхала жить въ уѣздный городъ, гдѣ, ей казалось, можно было устроиться съ бѣльшими удобствами и жить, не такъ ужъ горюя о своемъ прошломъ величии, какъ тутъ, въ сугробахъ снѣга, въ степи, на берегу не то рѣки, не то проточнаго болота.

Въ это время и отецъ и мать успѣли ужъ помириться съ мыслью, что, при теперешнихъ ихъ средствахъ, имъ необходимо разстаться съ мечтой видѣть меня въ мундирчикѣ какого нибудь изъ привилегированныхъ петербургскихъ учебныхъ заведеній, они подумывали только ужъ о томъ, какъ бы имъ опредѣлить меня хоть куда нибудь, въ какое нибудь заведеніе, конечно, лучше, если это будетъ хоть немного «поблагороднѣе» уѣзднаго училища.

На мысль—отдать меня въ «благородный пансіонъ» при губернской нашей гимназіи, навель ихъ, ѣздившій къ намъ, и довольно часто, становой нашъ приставъ, П. И. Маріонковъ, личность по тому времени, изъ ряда вонъ.

— Отдайте его Чуди,—помню, при мнѣ онъ говорилъ.—Я вамъ все достану и устрою.

— А сколько платить туда надо?—спрашивали его.

— Дешево, какъ нигдѣ, сто восемьдесятъ рублей въ годъ, на всемъ готовомъ вѣдь!... Вамъ ни копейки на него больше не придется тратить. И содержаніе тамъ отличное. Кормятъ превосходно, одѣваютъ хорошо, надзоръ за ними постоянный, учиться ходятъ въ гимназію... Вѣдь тамъ все дѣти помѣщиковъ, дворянъ нашей губерніи. Вонъ Ч—овъ и богатый человекъ, а брата своей жены отдать по моему совѣту туда, и доволенъ, какъ нельзя болѣе. И потомъ вы вѣдь его можете оттуда брать три раза въ годъ въ отпускъ къ себѣ: на каникулы, на Рождество и на Святую. За своимъ Ч—въ посылаетъ лошадей, ну, а вашего кстати привезутъ: ничего не будетъ и стоитъ это. А тамъ, кончитъ гимназію—куда угодно тогда, пожелаетъ—въ университетъ, не захочетъ—на службу...

Пансіонъ этотъ для отца съ матерью былъ, кажется, открытѣмъ. Они и не подозрѣвали его существованія. Не наведи на эту мысль ихъ Маріонковъ, я бы попалъ скорѣе всего въ нашъ мѣстный кадетскій корпусъ, куда помѣститъ меня отецъ имѣлъ какія-то права или просто шансы, и объ этомъ я тоже не разъ слыхалъ ужъ разговоръ.

Спустя сколько-то времени Маріонковъ досталъ обѣщанную программу, какія-то правила и что-то еще, бумаги какія-то, которыя, я помню, все читали и перечитывали—что такое, не помню.

Случилось это осенью и глубокой осенью, потому что ужъ былъ снѣгъ. Я живо помню этотъ прїѣздъ къ намъ Маріонкова и то странное ощущеніе мое, которое я вдругъ почувствовалъ, понявъ, что отъ словъ и предположеній приходится теперь переходить уже къ дѣлу... Чѣмъ-то серьезнымъ и рѣшительнымъ повѣяло вдругъ на меня, и я увидѣлъ себя точно ужъ и теперь оторваннымъ и отъ семьи и отъ всей этой окружающей меня обстановки. Мнѣ не то, чтобы не хотѣлось разставаться съ домомъ и ѣхать въ гимназію, но какъ же это такъ вдругъ? Все время только говорили, говорили, а тутъ, нѣ вотъ, и готово... Къ тому же и матушка, ѣздившая не задолго передъ тѣмъ къ своему отцу, моему дѣду, человѣку очень богатому сравнительно, очевидно, говорила съ нимъ о предстоящемъ отправленіи моемъ въ благородный пансіонъ, и теперь при мнѣ сказала Маріонкову, что она, слава Богу, устроила при помощи своего отца и матеріальной стороны дѣла — дѣдъ согласился или вызвался платить половину, то-есть девяносто съ чѣмъ-то рублей въ годъ за право моего ученія и мое содержаніе въ пансіонѣ. Разсуждать и сомнѣваться, стало быть, было нечего дальше. И это дѣло было сдѣлано...

— Ахъ, какъ я радъ! Ну, слава Богу, слава Богу,—все повторялъ Маріонковъ.

— Да, слава Богу,—повторили съ нимъ и отецъ и мать.

— Спасибо вамъ за ваши хлопоты...

— Да, помилуйте, какія же это хлопоты? — возражалъ Маріонковъ.

— Какъ какія? Что вы говорите!

— А вотъ теперь вопросъ, — сказалъ Маріонковъ:— бумаги его у васъ всѣ въ порядкѣ? Вы знаете, вѣдь нужно: протоколъ о дворянствѣ, метрическое свидѣтельство и свидѣтельство объ оспорииваніи.

Оказалось, что ни этихъ, никакихъ другихъ бумагъ нѣтъ, ихъ надо еще доставать.

— Вы спѣшите,—сказалъ Маріонковъ, — потому что послѣ Рождественскихъ праздниковъ его можно будетъ ужъ и опредѣлить. Тамъ два раза въ годъ принимаютъ: съ перваго января и въ августѣ, когда возвращаются съ каникулъ. Къ чему же вамъ дожидаться августа, когда можно и теперь же, зимой, и даже лучше.

Рѣшили, что надо немедленно же хлопотать, куда-то писать объ этихъ необходимыхъ документахъ и кого-то просить оказать содѣйствіе къ ихъ скорѣйшей выдачѣ и высылкѣ.

— Ну, а теперь въ какой же онъ у васъ классъ подготовленъ?—спросилъ Маріонковъ.

— А вотъ надо посмотрѣть по программѣ,—сказалъ отецъ.

Начали смотрѣть программу, Маріонковъ сталъ спрашивать меня, знаю ли это, это, вотъ это, и оказалось при этомъ удивительное дѣло—по нѣкоторымъ предметамъ я могъ попасть, не смотря на мои тринадцать лѣтъ, хоть въ пятый и даже шестой классъ, а по нѣкоторымъ никуда бы меня не приняли. Я говорилъ совершенно свободно, напримѣръ, понѣмецки, зналъ литературу, то-есть перечиталъ все, что тогда было: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Грибоѣдова, перечиталъ въ журналахъ даже новѣйшихъ въ то время писателей и понятія не имѣлъ о грамматикѣ, то-есть писалъ правильно, но ни одного правила не зналъ. По исторіи перечиталъ Лоренца, Карамзина, Полеваго, Устрялова и массу другихъ сочиненій, а по ариметикѣ не зналъ не только первыхъ четырехъ правилъ, но даже и перваго изъ нихъ — сложенія простыхъ чиселъ. И такъ во всемъ и дальше. Маріонковъ пришелъ просто въ отчаяніе отъ этого.

— Что же мы будемъ дѣлать теперь? Что же мы будемъ дѣлать!—все повторялъ онъ.

Отецъ и особенно мать сидѣли съ унылыми лицами.

— Его надо готовить. Такъ вѣдь его не примутъ никуда. Въ первый классъ его не примутъ,—говорилъ Маріонковъ.

Розовая мечта и надежда о моемъ опредѣленіи въ пансіонъ разлеглись всѣ вдругъ прахомъ. Кто меня будетъ готовить? Мать была женщина безъ всякаго почти образованія, даже писала Богъ знаетъ какъ; отецъ — изъ «Университетскаго пансіона» въ Петербургѣ, заведенія на манеръ нынѣшняго лицея, и окончилъ курсъ тамъ отлично, но знанія его были, по ариметикѣ, напримѣръ, нисколько не выше моихъ, а это-то главнѣйше мнѣ и доставало и требовалось для поступленія въ третій классъ. Онъ зналъ литературу, исторію, но этихъ знаній и у меня было достаточно, хоть отбавляй... Нанять преподавателя, хоть самаго завалющаго какого, не было средствъ, да наконецъ, и когда это еще онъ приготовитъ меня? Изъ бѣды этой выручилъ опять все тотъ же нашъ становой приставъ Маріонковъ.

— А, ну-ка, я попробую, — вдругъ сказалъ онъ,—тряхну-ка я стариной, когда-то я вѣдь все это отлично зналъ, хоть и учился въ училищѣ для канцелярскихъ служителей. Давайте, попробуемъ! Что тутъ толковать! Вы хотите?—обратился онъ ко мнѣ.

— Хочу,—почти радостно тутъ ужъ сказалъ я.

— Давайте. Я буду заѣзжать раза два въ недѣлю, и будемъ вмѣстѣ заниматься. Все зависитъ отъ самого себя. Что тутъ такого, не мудрость какая!... Да право...

Отецъ и мать начали его благодарить, говорили, что это онъ дѣлаетъ такое одолженіе, котораго они никогда не забудутъ, что это и проч. и проч.

И вотъ онъ началъ прїѣзжать къ намъ. Ѣдетъ откуда нибудь мимо и заѣдетъ часа на три, на четыре, займется со мною. А то и нарочно прїѣзжалъ, скажетъ въ стану, гдѣ онъ, чтобы на случай чего знали, гдѣ его отыскать, и живетъ у насъ сутки, двое, даже трое и все время занимается со мною. И шло все это у насъ съ нимъ весело. Позаймемся, потомъ отдохнемъ, посмѣемся съ нимъ и опять часа на три примемся серьезно за дѣло. И такъ съ утра до ночи.

— Ну, что?—спрашивали его отецъ или мать.

— Да что!—отлично сдадимъ экзаменъ.

— Когда? въ августѣ?

— Зачѣмъ!—въ январѣ, послѣ праздниковъ непременно.—Главное какую-то необыкновенную бодрость и увѣренность въ себѣ, въ своихъ силахъ развилъ онъ во мнѣ. Ничего не зная, какъ это будутъ меня спрашивать на экзаменѣ, не имѣя ни малѣйшаго даже понятія о казенномъ какомъ нибудь заведеніи, объ учителяхъ, экзаменаторахъ, словомъ, обо всемъ томъ, что мнѣ предстояло испытать, я, тѣмъ не менѣе, не сомнѣвался, былъ твердо убѣжденъ, что выдержу экзаменъ.

— Главное,—твердилъ онъ мнѣ,—не теряйте духа и вѣрьте въ себя. Какія бы у васъ ни были отличныя знанія, безъ этой вѣры въ себя и спокойствія ничего нельзя подѣлать. И потомъ, надо знать суть дѣла, его смыслъ и не останавливаться на мелочахъ, не пугаться ихъ.

Въ концѣ концовъ, послѣ Рождественскихъ праздниковъ, я поступилъ въ третій классъ гимназіи, сдалъ такъ экзаменъ, что нѣкоторые учителя даже удивились моимъ познаніямъ и твердому, увѣренному моему тону.

Эта увѣренность въ себѣ, въ своихъ силахъ, подъ вліяніемъ удачъ или другого чего, развившаяся во мнѣ до смѣлости, почти до дерзости въ послѣдствіи, не разъ выручала меня въ нерѣшительные моменты моей жизни. Я брался, дѣлалъ, исполнялъ и овладѣвалъ положеніемъ, къ изумленію иногда потомъ даже и самого себя. Первый урокъ въ этомъ я получилъ отъ Маріонкова и останусь ему навсегда за него благодарнымъ...

II.

«Благородный пансіонъ», въ который я такимъ образомъ попалъ, былъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательное заведеніе. Обращая къ нему свой взглядъ теперь, черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ, я склоненъ думать, что, не смотря на массу безобразій, совершавшихся иногда въ немъ, по духу своему, по отсутствію мертвечины въ преподаваніи и въ отношеніяхъ начальства къ намъ, воспитан-

никакъ, онъ стоитъ неизмѣримо выше теперешнихъ многихъ образцовыхъ заведеній подобнаго рода. Если чиновничья мертвечина губить ужь и окрѣпшую, сложившуюся жизнь, то каково же ея влияние на молодыхъ, только еще начинающія развиваться силы... Этой губящей все, мертвящей, растлѣвающей все, мертвечины не было тамъ, и оттого оттуда выходили живые люди,—съ пороками, съ недостатками, но не мертвецы все-таки, а живые...

Помѣщался пансіонъ на углу двухъ лучшихъ улицъ въ Тамбовѣ, Большой и Дворянской, въ домѣ, подаренномъ дворянству тогдашнимъ губернскимъ предводителемъ Сергѣемъ Мартыновичемъ Лионъ. Это былъ большой, съ колоннами, съ хорами, съ стеклянными галлереями барскій домъ, построенный въ началѣ нынѣшняго столѣтія и предназначенный и приспособленный очевидно, чтобы давать въ немъ балы и обѣды—большая столовая, большая гостиная, большой залъ, большія стеклянныя галлерей, и затѣмъ для семейной жизни—клѣточки. Меня, пріѣхавшаго изъ деревни, изъ нашего домика съ запущенными окнами, поразили размѣры парадныхъ комнатъ пансіона, ихъ свѣтъ, блескъ алебастровыхъ стѣнъ, гулъ отъ шаговъ и голосовъ, масса воспитанниковъ, ходившихъ обыкновенно попарно и разговаривавшихъ... Потомъ, однако, хотя и порядочно-таки спустя, представленіе объ этомъ величій пансіонскомъ значительно утратило свои размѣры. «Масса» воспитанниковъ оказалась состоящей всего только изъ двадцати восьми человѣкъ. Я, вновь прибывшій, получилъ двадцать девятый номеръ, съ которымъ впоследствии и кончилъ курсъ. Число воспитанниковъ и послѣ никогда не достигало сорока. Это все были дѣти помѣщиковъ, дворянъ нашей же губерніи и вовсе не бѣдные, напротивъ, были между ними люди даже и очень богатые, но которыхъ родители почему нибудь не хотѣли отдавать въ петербургскія учебныя заведенія, предпочитая имѣть ихъ ближе, у себя на глазахъ, здѣсь, въ своемъ губернскомъ городѣ. У многихъ были свои дядьки, т. е. свои, привезенные съ собою, лакеи, которыхъ пансіонское начальство зачисляло въ служителей, одѣвало въ казенное форменное платье, и они, наравнѣ съ вольнонаемными, исполняли разныя обязанности—буфетчиковъ, при спальняхъ, при гардеробахъ, больницѣ и проч. Какъ ни странно это, и какъ ни комично даже, при нашемъ крохотномъ состояніи, но и у меня былъ свой, привезенный съ собою дядька, нашъ крѣпостной Филиппъ Ивановичъ, приставленный впоследствии завѣдывать въ пансіонѣ гардеробомъ. Этотъ Филиппъ былъ для меня сокровище. Степенный, серьезный, отличный портной, онъ сразу сдѣлался любимцемъ того маленькаго кружка, который вскорѣ составилъ и такъ ужь впоследствии не распался,—это были: Львовъ Александръ (умеръ прокуроромъ въ Саратовѣ), Энкель Александръ (теперь полковникъ) и Гуадонинъ Иванъ (теперь тамбовскій городской голова) и я. Вотъ и всѣ. Но мы до того

спарились, что буквально жили одними и тѣми же интересами, одной и той же жизнью. Бѣда одного изъ насъ была бѣдой и всѣхъ; точно также и радость. Всѣмъ намъ присылали изъ деревни разныхъ закусокъ, провизіи, гусей, куръ, утокъ, масло и проч., и всѣ мы по совѣсти могли сказать, что ни одинъ изъ насъ не съѣлъ ни одного кусочка одинъ, не подѣлившись съ остальными. То же самое тѣсное единеніе было у насъ и въ обсужденіяхъ волновавшихъ насъ задачъ и вопросовъ. Сразу это началось, съ первыхъ же дней моего поступленія въ пансіонъ, продолжалось все время нашего въ немъ пребыванія, и мы перенесли его потомъ и за пансіонскія стѣны, въ жизнь... Это фактъ, конечно, интересный лишь только для меня и ни для кого не любопытный, но я упоминаю объ немъ здѣсь потому, что впослѣдствіи онъ кое-что объясняетъ въ моихъ запискахъ, что интересно, можетъ быть, и для всѣхъ, имѣетъ общій интересъ, какъ характеристика того времени и тѣхъ нравовъ...

Насъ будили утромъ часовъ въ семь, мы умывались, одѣвались, шли на молитву и затѣмъ садились просмотрѣть уроки къ классамъ. Въ восемь съ чѣмъ-то насъ поили чаемъ, мы одѣвались въ шинели, и дежурный воспитатель велъ въ гимназію, гдѣ мы поступали подъ общее гимназическое начальство. По окончаніи классовъ, въ три часа за нами опять являлся нашъ дежурный воспитатель и велъ насъ обратно въ пансіонъ. Въ четыре мы обѣдали, потомъ до пяти гуляли, бѣгали, играли. Въ семь пили чай, садились готовить уроки до девяти съ половиной; потомъ ужинали, сколько-то времени гуляли еще, и затѣмъ,—молитва, и шли спать. И такъ изо дня въ день. Но подъ этой монотонной, скучной, повидимому, казенной программой препровожденія времени жила живая жизнь, росли и зрѣли живые стремленія и идеалы, вырабатывались будущіе взгляды на жизнь, складывались характеры...

Вотъ эта сторона нашей пансіонской жизни, ея особенности и отличіе отъ такихъ же сторонъ въ другихъ заведеніяхъ тогдашнихъ и нынѣшнихъ, и кажется мнѣ самой интересной, потому что интереснѣе того, какъ и какимъ путемъ идетъ у дѣтей развитіе, пробуждается и крѣпнеть сознаніе, являются и складываются стремленія, идеалы,—ничего интереснѣе и поучительнѣе быть не можетъ. Для современныхъ педагоговъ, обратившихъ все свое вниманіе на скамейки, на столы съ приспособленіями и проч. и проч., это не представляетъ, конечно, ни малѣйшаго интереса, но это можетъ быть интересно для живаго человѣка, который видитъ и въ другихъ людяхъ живую жизнь, цѣнитъ только ее одну и не разсматриваетъ ихъ, какъ манекеновъ какихъ-то, созданныхъ, правильнѣе, сдѣланныхъ, для производства надъ ними всевозможныхъ чиновнически-педагогическихъ экспериментовъ... Но, какъ бы то ни было, а мы жили, развивались и развились въ то, что мы теперь представляемъ,

поучительнымъ и удивительнымъ путемъ. По настоящему, по тому, что дѣлалось для нашего развитія начальствомъ, по тому, что они внушали намъ, по тому, какіе мы видѣли примѣры,—изъ насъ изо всѣхъ должны бы были обязательно выйти подлецы. Если что спасло насъ, такъ это—недостатокъ педагогическихъ на насъ воздѣйствій, слишкомъ большой примѣръ, живой жизни, которую педагоги съ своими системами и методами еще не успѣли въ школахъ того времени задавить. Этотъ примѣръ живой жизни, какими безобразіями ни сопровождался, спасъ насъ, не далъ намъ задохнуться и сдѣлаться тѣми жалкими, несчастными золотушными, блѣдными, съ искривленными спинами, близорукими, съ геморроями въ четырнадцать лѣтъ, какихъ сколько угодно въ теперешнихъ школахъ, устроенныхъ и ведомыхъ чиновниками-педагогами съ изсохшими мозгами и сердцемъ. Не развита была еще тогда педагогическая наука (какая злая насмѣшка надъ великимъ словомъ: наука!), и мы спаслись. Безобразія живой, распущенной жизни все-таки оказались менѣе вредными, чѣмъ воздѣйствіе чиновниковъ-педагоговъ съ ихъ мертвой наукой воспитанія. Мы были предоставлены въ довольно значительной степени самимъ себѣ. Пять нашихъ дежурныхъ воспитателей—два въ гимназій и три нашихъ пансіонскихъ, долженствовавшіе руководить нашей нравственностью, слѣдить за нею и подавать намъ собою примѣры ея, предпочитали заниматься своими дѣлами или прійти спать отъ скуки, чѣмъ соваться съ своими непрошенными руководительствами. Два самыхъ старшихъ изъ нихъ—*m-r* Коломбъ и *m-r* Беке, были дезертирами изъ арміи Наполеона I въ двѣнадцатомъ году, хвастали этимъ, какъ подвигомъ, заслугой передъ Россіей, вторымъ ихъ отечествомъ. Обоимъ имъ въ то время было слишкомъ по восемьдесятъ лѣтъ. Одинъ былъ въ «великой арміи» горнистомъ (Коломбъ), другой—барabanщикомъ въ «старой гвардіи» великаго императора. Отъ старости, или отъ чего другого, но они оба или спали, дремали все время, или занимались на глазахъ у всѣхъ насъ воровствомъ, таскали у насъ изъ ящиковъ и прямо даке со стола карандаши, перья, перочинные ножки и проч., которые прятали тутъ же къ себѣ въ бюро, а потомъ, во время смѣны ихъ дежурства, мы вновь все это у нихъ отбирали, отпирая бюро, если только они не уносили чего съ собой домой. Этимъ отбираниемъ у нихъ занимались, впрочемъ, только маленькіе—имъ это доставляло развлеченіе; большіе же, когда воспитатель красть у нихъ что либо, шли прямо къ нему и требовали возвращенія похищенной вещи, либо просто махали на это рукой, не желая связываться и снисходя къ слабости дряхлаго старика. Затѣмъ, третій, нашъ же пансіонскій воспитатель былъ молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати двухъ-трехъ, тоже французъ и тоже дезертиръ изъ арміи союзниковъ подъ Севастополемъ. Этотъ былъ прямо «альфонсъ», и опредѣленъ онъ къ намъ былъ по протекціи одной мѣстной старухи-аристократки, на со-

держанія у которой состоятъ гласно, завѣдомо для всего города. Она прїѣзжала, не стыдясь нисколько, къ намъ въ пансіонъ каждый разъ, когда онъ быть дежурнымъ, и привозила ему ранней весной свѣжихъ огурцовъ, салату и проч. изъ своихъ оранжерей и парниковъ. А онъ послѣ, проводивъ ее, показывалъ намъ пачки ассигнацій, подаренныхъ ему старухой, и угощалъ своихъ любимцевъ этими свѣжими огурцами, паштетами и проч. Я помню, мы все хотѣли подсмотреть эту парочку, что они дѣлаютъ въ дежурной комнатѣ воспитателей, куда они удалялись всякій разъ со старухой; но м-г Бронъ не только запирался въ это время тамъ на ключъ, но залѣпливалъ изнутри и замочную скважину хлѣбомъ. «Подлокотникъ», его любимчикъ изъ товарищей, сплетничавшій ему, потомъ рассказывалъ намъ его жалобы на старуху, которая была къ нему чрезвычайно ревнива и дѣлала почти каждый разъ ему сцены, когда прїѣзжала въ пансіонъ, за тѣ «шалости», которыя онъ позволялъ себѣ на сторонѣ въ свободное отъ дежурства время.

— Но м-г Бронъ знаетъ тоже вѣдь свое дѣло. Онъ знаетъ себѣ цѣну. Она его не испугаетъ. За нимъ ухаживаетъ К—а, тоже старуха. Если будетъ эта очень «финтить» и капризничать, онъ броситъ ее: К—а богаче, и характеръ у нея лучше. Да и не такая старая...— рассказывалъ намъ «подлокотникъ».

И дѣйствительно, вскорѣ визиты къ намъ въ пансіонъ одной старухи замѣнились визитами другой, еще болѣе, повидимому, нѣжной и еще выше цѣнившей достоинства нашего воспитателя. Когда она первый разъ прїѣхала къ намъ, то, вѣроятно, желая и насъ расположить въ свою пользу, привезла въ подарокъ намъ огромную, фунтовъ въ двадцать, коробку конфектъ, которую, по выходѣ старухи изъ дежурной комнаты, и внесъ намъ м-г Бронъ.

— М-ме К—а даритъ вамъ конфекты! берите, раздѣлите между собою. С—ковъ!—крикнулъ онъ одному изъ своихъ «подлокотниковъ»,—раздѣлите имъ!..

Маленькіе взяли, но старшіе—шестой, седьмой, классы иронически, съ насмѣшками отказались, а нѣкоторые прямо выругались—какъ онъ смѣетъ съ этой своей старой дурой такъ думать о насъ.

Но это его нисколько не смутило. Черезъ недѣлю послѣ знакомства съ новой старухой, м-г Бронъ явился къ намъ въ пансіонъ на дежурство ужъ не пѣшкомъ или на извозчикѣ по обыкновенію, а въ своемъ экипажѣ—парныхъ саняхъ и на своихъ лошадяхъ. Мы такъ и ахнули.

— М-г Бронъ, это вамъ? Это м-ме К—а вамъ подарила?—спрашивали его съ ядовитымъ участіемъ воспитанники и приходили нарочно въ восторгъ отъ лошадей, находя ихъ превосходными, что ему нравилось, льстило его самолюбію или честолюбію.

М-г Бронъ небрежно и съ важностью отвѣчалъ:

— Да, это мнѣ подарили. Это очень хорошія лошади...

Воспитатели наши смѣнялись съ дежурства утромъ, и слѣдовательно Бронь теперь насъ долженъ выстроить попарно и вести въ классъ, въ гимназію—какъ онъ насъ поведетъ? Мы пойдемъ по тротуару, а онъ за нами поѣдетъ? Или онъ, какъ прежде, пойдетъ съ нами, а лошади его пойдутъ за нами?.. Эти вопросы живо, помню, насъ всѣхъ интересовали, такъ какъ лошади стояли у крыльца, не отъѣзжали.

Но м-г Бронь попрежнему повелъ насъ въ классы, а лошадямъ, т. е. кучеру, приказалъ потомъ пріѣхать за нимъ въ гимназію—я уже сказалъ, что, отведя насъ туда, нашъ воспитатель (пансіонскій) сдавалъ насъ гимназическому воспитателю и самъ становился свободнымъ до трехъ часовъ, когда надо было ему вести насъ обратно въ пансіонъ.

— Онъ поѣдетъ кататься по городу,—говорили мы,—показывать лошадей.

— Заработалъ!..

И это все происходило на глазахъ воспитанниковъ, изъ которыхъ очень многимъ было лѣтъ по семнадцати или восемнадцати, и нравственное воспитаніе которыхъ ему было ввѣрено. Но еще ужаснѣе, что все это происходило на глазахъ начальства нашего, которому все это было отлично извѣстно, и которое смотрѣло на это съ совершенно непонятной индифферентностью, какъ будто рѣчь шла о самой пустой вещи. Подаривъ Брону лошадей, старуха К—а обратила вслѣдъ за тѣмъ вниманіе и на его квартиру—отдѣлала ее, и «подлокотники», которыхъ Бронь бралъ иногда къ себѣ по воскресеньямъ въ отпускъ, говорили, что она отдѣлала квартиру ему великолѣпно: вездѣ ковры, бронза, шелковыя драпери и проч. и проч.

— А какое бѣлье она ему сдѣлала,—разсказывали они,—это удивительно! Рубашки у него—совсѣмъ женскія, батистовыя и съ кружевами...

— Что за вздоръ!

— Увѣрю. Разумѣется, это ночныя. Еще бы дневныя... А кровать у него какая!

«Подлокотники» разсказывали также, что Бронь нисколько не стѣсняется со старухой, третируетъ ее, какъ только можетъ, но это нисколько не опасно, потому что она «влюблена въ него, какъ кошка» и ни за что его не броситъ, что у м-г Бронь есть прехорошенькая содержаночка изъ бывшихъ горничныхъ, которая къ нему приходитъ, когда знаетъ, что старухи у него нѣтъ, и она въ это время не можетъ къ нему пріѣхать.

— Ты видѣлъ ее?—спрашивали «подлокотника».

— Какъ же. Какъ старуха уѣдетъ, онъ сейчасъ за ней посылаетъ.

— А старуха при васъ бываетъ?

— Вона! Она каждый день у него раза три побываетъ и всякій разъ что нибудь привезетъ.

Весь городъ объ этомъ зналъ. Брона не только никто не стонился, но онъ вездѣ былъ принятъ, и всѣ находили его очень милымъ шалуномъ... Этотъ тонъ данъ былъ обществу тогдашнимъ нашимъ губернаторомъ К. К. Д—омъ, въ полномъ смыслѣ маркизомъ времени Людовика XV. Онъ развилъ тогда въ Тамбовѣ такіе нравы, которые были развѣ только въ Версали во времена регентства... Но объ этомъ, конечно, лучше меня, тогда еще мальчишки гимназиста, расскажетъ, вѣроятно, въ своихъ воспоминаніяхъ и запискахъ Петръ Исаевичъ Вейнбергъ, который былъ у К. К. Д—са въ то время чиновникомъ особыхъ порученій. По крайней мѣрѣ, теперь, встрѣчаясь съ нимъ, мы всякій разъ вспоминаемъ это чудное время!..

Но я нѣсколько уклонился въ сторону: воспоминаніе объ общественной жизни тогда въ Тамбовѣ, этомъ типичномъ дворянскомъ гнѣздѣ, наканунѣ «катастрофы», т.-е. объявленія положенія 19-го февраля, составить отдѣльную часть моихъ воспоминаній; теперь продолжаю собственно о нашей пансіонской и гимназической жизни.

Дальнѣйшая судьба м-г Брона мнѣ неизвѣстна. Когда мы оканчивали курсъ, его ужъ не было у насъ. Онъ пропалъ и изъ Тамбова. Старухи, возвысившія его изъ ничтожества, благодаря капризу, по капризу же и свергли его опять въ пропасть забвенія. Тогда на сцену выходила новая личность—нѣмецъ Адольфъ (фамиліи никакъ не могу припомнить), какой-то віолончелистъ, на котораго всѣ набросились, въ томъ числѣ и двѣ старухи.

Это наши воспитатели. Къ нимъ надо бы прибавить еще двухъ воспитателей или надзирателей гимназическихъ, съ которыми мы имѣли дѣло во время нашего нахожденія въ гимназіи, въ классахъ, но это были просто какіе-то дураки не дураки, идіоты не идіоты, которыхъ директоръ въ глаза ругалъ дураками, топалъ на нихъ, кричалъ и вообще третировалъ нисколько не лучше, чѣмъ сторожей и дворниковъ. Онъ даже и говорилъ имъ не «вы», а «ты».

Теперь два слова объ учителяхъ. Законоучитель, отецъ Яковъ, членъ консисторіи, былъ знаменитый въ губерніи мздоимецъ. Свой предметъ онъ зналъ по книжкѣ, т.-е. зналъ наизусть краткій катихизисъ Филарета и только. Остальное все, что онъ намъ преподавалъ: священную исторію, богослуженіе, исторію церкви и еще что-то, онъ задавалъ намъ по книжкѣ, отсюда и досюда, и по книжкѣ же и спрашивалъ: сидитъ и смотритъ въ книжку и слѣдитъ по ней, перевортываетъ страницу за страницей, а мы ему отвѣчаемъ... Послѣднее время, когда я его засталъ, ему было ужъ лѣтъ семьдесятъ-пять или восемьдесятъ, и онъ ужъ положительно выжилъ изъ ума. Съ нимъ дѣлали мы Богъ знаетъ что: не хочется отвѣчать, мы и затѣмъ ссору вдругъ съ кѣмъ нибудь изъ

товарищей нѣмцевъ-лютеранъ, сидящихъ тугъ же съ нами въ классѣ.

— Что за шумъ?—кричитъ онъ.

— Да какъ же, батюшка, онъ ругаетъ насъ еретиками.

— Кто?

— Да вотъ Симбергъ.

— Ахъ, онъ еретикъ! Онъ—еретикъ, а не мы! И смѣетъ онъ это!

И начиналось представленіе. Симбергъ притворно сейчасъ обижался, говорилъ, что онъ будетъ жаловаться, что его русскій законоучитель бранить и проч. и проч. А мы всѣ, также притворно, начинали защищать этого своего законоучителя, нападали на нѣмца.

— Ты, глупый, лучше внемли словамъ истины, образумься, несчастный нечестивецъ!—кричали мы на нѣмца.—Прими свѣтъ настоящаго ученія отъ Якова Петровича (законоучитель). Иначе вѣдь ты, несчастный, пропадешь... Въ гееннѣ огненной будешь! Такъ вѣдь, батюшка?—спрашивали мы законоучителя, который, спустивъ насъ, какъ стаю гончихъ, на нѣмца, самъ бездѣйствовалъ, лишь наблюдая, чтобы не дошло дѣло до драки.

— Конечно, въ гееннѣ, конечно!—соглашался онъ.

— Батюшка, вѣдь еретики всѣ тамъ будутъ?

— Всѣ, конечно.

— И лютерцы (лютеранъ онъ называлъ лютерцами) и католики?..

— Всѣ.

Тогда всѣ вдругъ кидались къ нему и начинали его благодарить, что вотъ, дескать, ему мы обязаны тѣмъ, что, какъ православные, просвѣщенные свѣтомъ истиннаго ученія, не попадемъ въ геенну огненную, а будемъ въ раю...

Между тѣмъ классъ—часть съ четвертью—кончался, что намъ и требовалось.

Но все это блѣдно въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило во время классовъ учителя математики, Г. И. Рыльского, человѣка, вообще говоря, очень недурнаго, добраго и даже знающаго, но совершенно не умѣвшаго себя поставить хотя сколько нибудь въ приличные отношенія съ учениками.

У этого ужъ буквально были цѣлыя представленія на лекціяхъ. Собирались изъ сосѣднихъ классовъ учителя, ученики, сторожа и въ отворенную дверь, покатываясь со смѣху, смотрѣли на происходящее у насъ. А происходило у насъ, да и вообще у всѣхъ, гдѣ онъ читалъ, дѣйствительно, нѣчто необычайное, невѣроятное, чему повѣрить нельзя, если не видать самъ.

Прежде всего, это былъ какой-то лагерь (ближе всего напоминаетъ лагерь Валленштейна на представленіи мейнингенцевъ), гдѣ всѣ занимались своимъ дѣломъ. Въ одномъ углу обширнаго класса спали, въ другомъ—играли въ карты, въ третьемъ—собравшись въ кучу, читали что нибудь, готовились къ слѣдующей лекціи другаго

какого нибудь учителя, и только немногіе, очередные, съ непремѣннымъ Гуадонинымъ во главѣ, встрѣчали и занимали Рыльского при входѣ въ классъ и во все время его урока. Но, по требованію дирижера, все того же Гуадонина, разъ или два во время класса, всѣ должны были, исключая спавшихъ, принимать участіе въ какомъ нибудь пѣніи или необыкновенномъ звѣриномъ хохотѣ. Были восклицанія, были цѣлыя фразы безъ всякаго содержанія, совершенно бессмысленныя, но которыхъ онъ слышать не могъ, такъ какъ зналъ, что вслѣдъ за ними непремѣнно слѣдуетъ взрывъ нечеловѣческаго хохота, паденіе скамеекъ, однимъ словомъ, проявленіе самаго высшаго безобразія и притомъ самаго громкаго. Это бывало, когда заправляющій представленіемъ Гуадонинъ находилъ, что «онъ», т.-е. Рыльскій, «заважничался», и ему надо дать острастку. Тогда Гуадонинъ оборачивался лицомъ къ классу, стучалъ линейкой по столу, какъ дѣлаютъ это дирижеры, въ классѣ водворялась мертвая тишина моментально, и вслѣдъ затѣмъ по данному имъ знаку происходилъ или взрывъ хохота или какой нибудь дурацкій, дурацкими голосами концертъ, причемъ легли къ верху ногами столы, скамейки, подушки для стиранія мѣла, линейки, книги и т. п. А Гуадонинъ подходилъ въ это время къ Рыльскому, становился возлѣ него и, какъ ни въ чемъ не бывало, указывалъ на насъ и говорилъ ему:

— Ну, развѣ, Григорій Ивановичъ, это не скоты? Ну, я васъ спрашиваю...

— Скоты, животныя! — сложивъ на груди понаполеоновски руки и съ ужасомъ поглядывая на насъ, соглашался съ нимъ Рыльскій, совершенно забывшій уже въ это время, что все это интриги, которыя сейчасъ же, на глазахъ у него, устроилъ Гуадонинъ, и онъ самъ все видѣлъ и даже останавливалъ его, зная очень хорошо по опыту, что должно послѣдовать за его постукиваніемъ по столу линейкой, и проч.

И ужъ тутъ никакія наказанія, которыя онъ, очнувшись, наконецъ, объявлялъ намъ—въ уголъ, на колѣна, вонъ изъ класса, записываніе въ штрафную тетрадь и проч., и никакія вмѣшательства воспитателей и надзирателей не приводили ни къ чему. Стоявшій все время возлѣ него Гуадонинъ съ пресерьезнымъ лицомъ говорилъ ему:

— Страсти, Григорій Ивановичъ, вы видите, такъ разыгрались, что теперь, я думаю, ничего не поможетъ!..

— Пошелъ вонъ!—кричалъ, очнувшись, на него Рыльскій.—Эты ты всему голова. Это твое дѣло!

— Я? Мое это дѣло?—съ искреннимъ, повидимому, недоумѣніемъ и участіемъ, даже обиженно говорилъ Гуадонинъ.—Да развѣ вы не видѣли, Григорій Ивановичъ, что, какъ только началось это, я все

время нахожусь здѣсь, при вашей особѣ, на случай, если бы эта разъяренная толпа, упившаяся кровью...

— Какой кровью?—вдруг спрашивалъ Рыльскій, совершенно все забывая и интересуясь ужъ узнать только, про какую это кровь онъ ему говоритъ.

— Кровью аристократовъ.

— Какихъ аристократовъ?

— Римскихъ.

— Какихъ?!

— Римскихъ,—повторилъ Гуадонинъ.

— Чепуха какая-то. Пошелъ вонъ!..

Гуадонинъ подавалъ знакъ стихнувшему во время этого разговора классу, и раздавался новый взрывъ дружно-зычнаго совершенно лошадиного ржанія.

— Ну, развѣ это не дьяволы?—обращаясь опять къ Рыльскому, говорилъ Гуадонинъ.

А тотъ, снова пораженный, съ скрещенными руками, смотря на толпу, соглашался съ нимъ:

— Дьяволы. Совсѣмъ дьяволы,—повторялъ онъ все, опять ужъ забывъ о Гуадонинѣ.

И все это продѣлывалось не маленькими мальчиками, а ужъ большими въ шестомъ и седьмомъ классѣ, когда намъ было лѣтъ по шестнадцати и по семнадцати. При воспоминаніи обо всемъ этомъ, теперь это кажется ужасно все глупымъ, но тогда было что-то заразительное, неудержимо вызывающее потребность дурачиться въ самой фигурѣ Рыльского, въ его манерѣ входить къ намъ въ классъ.

У остальныхъ учителей, если не въ такой степени, то тоже все равно, чортъ знаетъ что шло въ классахъ, особенно у двухъ еще—латинскаго и географіи, приходившихъ всегда пьяными и иногда до того, что прямо тутъ же сразу засыпали въ креслахъ, а мы, въ благодарность, что они освобождали насъ такимъ образомъ отъ урока, сидѣли въ классѣ тихо, занимались своими дѣлами или въ полголоса разговаривали, чтобы не мѣшать имъ и ихъ не разбудить.

Исключеніе изъ учителей составляли двое—учитель исторіи Е. В. Крунковъ и Л. Е. Кованько, учитель русскаго языка. Это были два друга закадычныхъ, которые вмѣстѣ окончили Харьковскій университетъ, вмѣстѣ пріѣхали въ Тамбовскую гимназію и вмѣстѣ служили въ ней въ то время лѣтъ уже двадцать. Эти двое пользовались не только общимъ уваженіемъ, но и общей горячей любовью. Можно положительно сказать, что этимъ двумъ мы обязаны были всѣмъ, что только пробудила чистаго, живого и человѣческаго въ насъ гимназія. Не смотря на то, что, какъ я говорю, они ужъ лѣтъ двадцать были учителями, они оба любили и свои предметы и самое преподаваніе ихъ. Ни тѣни чиновничьяго отношенія къ дѣлу,

чиновничьей сухости, мертвенности, безучастія къ своему дѣлу: напротивъ, необыкновенная любовь, отзывчивость, вниманіе къ каждому вопросу, обращенному къ нимъ по предмету ихъ преподаванія, все равно будь то въ классѣ, внѣ класса. Особенно ужъ Кованько. Это было нѣчто удивительное въ то время... и еще болѣе было бы удивительно, если бы онъ жилъ въ наше время, теперь... Только ужъ въ послѣдній годъ нашего пребыванія въ гимназіи къ этимъ двумъ свѣтлымъ личностямъ прибавилось еще три такихъ же: это—Алексѣй Мемноновичъ Бѣлозеровъ, инспекторъ, Преображенскій и Фразитскій, учителя латинскаго языка и математики, молодые люди, присланные изъ Петербурга, гдѣ они въ то время только что окончили въ университетѣ курсъ. Эти пятеро сразу и составили отдѣльный совершенно кружокъ, надежду и утѣшеніе всего, что было порядочнаго въ гимназіи. Встрѣчаясь съ ними, всѣ невольно чувствовали, что что-то есть гарантирующее отъ пригѣсненія, глупости, произвола. Чѣмъ-то новымъ, живымъ, свѣжимъ, бодрымъ вѣяло отъ нихъ. Старикъ Крунковъ съ Кованькой и тѣ даже стали какъ-то бодрѣе и веселѣе.

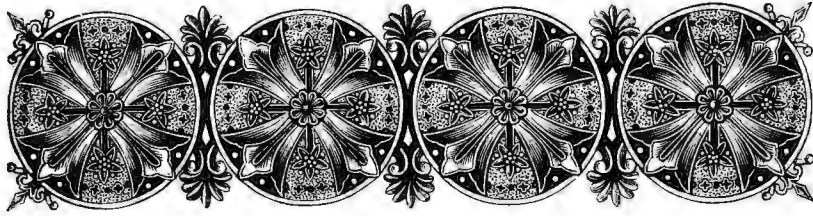
Но это все случилось, когда мы были ужъ въ шестомъ классѣ, и то въ концѣ его, къ веснѣ, передъ самыми ужъ экзаменами. Нашъ собственный гимназическій, или, правильнѣе, пансіонскій кружокъ, о которомъ я говорилъ въ началѣ этихъ воспоминаній, былъ отличенъ особеннымъ ихъ вниманіемъ. И мы къ той порѣ уже сдѣлались серьезнѣе, насъ ужъ интересовала наша дальнѣйшая судьба по выходѣ изъ гимназіи. Беря образцомъ нашихъ любимцевъ, мы всѣ ужъ мечтали въ это время и даже еще ранѣе нѣсколько объ университетѣ, въ какой кому поступить, на какой факультетъ. Нашъ кружокъ былъ положительно, и я безпристрастно это говорю, самымъ интеллигентнымъ изъ всѣхъ такихъ же товарищескихъ кружковъ, которые были до насъ, въ выпускахъ, старшихъ насъ. Жажда чтенія доходила у насъ въ кружкѣ до степени какого-то запоя. Мы читали вечерами, ночами, утромъ, для чего вставали за часъ и больше до общаго положеннаго по распisanію времени и зимой читали при свѣтѣ топившейся печки. Бывало, холодно, темно еще со всѣмъ, а мы, укрывшись шинелями, сидимъ у печки, она трещитъ, пылаетъ, одинъ кто нибудь вслухъ читаетъ, а остальные слушаютъ. И читали мы не вздоръ какой нибудь, а все серьезныя вещи: исторію Соловьева, Бѣлинскаго, который тогда только-что вышелъ, Тургенева, Костомарова, Гончарова, только-что появившагося тогда Добролюбова... И я и всѣ мы можемъ прямо сказать, что этому чтенію, или, этой охотѣ къ чтенію, развитой въ насъ преимущественно Кованькой вначалѣ, а потомъ и другими, о которыхъ я упомянулъ, мы обязаны всѣмъ нашимъ развитіемъ. Сама гимназія намъ ровно ничего не дала ни съ своей наукой, ни съ своей официаль-

ной нравственностью. Воображаю, какими бы мы вышли и куда бы мы попали, если бы брали примѣры нравственности съ нашихъ воспитателей и, слушаясь инспектора, а потомъ директора нашего Бернгарда, ничего не читали, кромѣ учебниковъ, по которымъ учителя намъ задавали уроки, а потомъ, не зная сами даже и этихъ учебниковъ, спрашивали насъ...

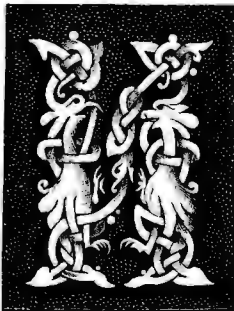
Сергѣй Терпигоревъ (Атава).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИСПОВѢДЬ ШЕРВУДА-ВѢРНАГО.

ЗВѢСТНО, что первыя положительныя свѣдѣнія о заговорѣ декабристовъ сообщены были императору Александру унтеръ-офицеромъ 3-го Украинскаго уланскаго полка Шервудомъ. Это случилось въ іюнѣ 1825 года, когда государь готовился уже къ путешествію въ Таганрогъ. Черезъ годъ, 1-го іюля 1826 года, императоръ Николай, произведя Шервуда въ офицеры гвардіи, въ ознаменованіе подвига, имъ совершеннаго, отдалъ слѣдующій указъ сенату:

«Въ ознаменованіе особеннаго благоволенія Нашего и признательности къ отличному подвигу, оказанному лейбъ-гвардіи драгунскаго полка прапорщикомъ Иваномъ Шервудомъ противъ злоумышленниковъ, посягавшихъ на спокойствіе, благосостояніе государства и на самую жизнь блаженныя памяти государя императора Александра I-го, всемилостивѣйше повелѣваемъ: къ нынѣшней фамиліи его прибавить слово Вѣрный и впредь какъ ему, такъ и потомству его именоваться Шервудъ-Вѣрный. Правительствующему сенату поручаемъ составить приличный для сей фамиліи гербъ и представить оный къ Нашему утверженію»¹⁾.

Какими свѣдѣніями пользовались до сихъ поръ историки, касавшіеся въ своихъ изслѣдованіяхъ заговора 1825 года и главнаго виновника его открытія? Весьма скромными: нѣсколькими строками донесенія слѣдственной комиссіи, обнаруженнаго правитель-

¹⁾ Въ сочиненномъ по высочайшему повелѣнію гербѣ Шервуда представлена рука, выходящая изъ облаковъ и приподнятая вверхъ для присяги.

ствомъ въ 1826 году, и брошюрою: «Шервудъ—изъ записокъ генералъ-майора Б—П.», изданною въ Берлинѣ въ 1860 году.

Донесеніе слѣдственной комиссіи сообщаетъ только слѣдующее: «Онъ (Шервудъ) доносилъ, что въ нѣкоторыхъ полкахъ 1-й и 2-й арміи есть люди, замышляющіе ниспроверженіе порядка въ государствѣ, и что они принадлежатъ къ тайному обществу, которое постепенно умножаетъ число своихъ членовъ: именуя одного изъ нихъ (Вадковскаго Федора), Шервудъ просилъ дозволенія ѣхать въ Курскъ для свиданія съ нимъ и другими, коихъ онъ считалъ его сообщниками, надѣясь имѣть чрезъ то вѣрнѣйшія и обстоятельнѣйшія свѣдѣнія. Оныя въ самомъ дѣлѣ доставлены имъ правительству въ сентябрѣ мѣсяцѣ».

Отрывокъ изъ записокъ неизвѣстнаго Б—П. сообщаетъ большія подробности о Шервудѣ; но главная и самая интересная часть ихъ содержитъ свѣдѣнія о томъ, какимъ образомъ Шервуду удалось напасть на слѣдъ заговора, и какой онъ имѣлъ затѣмъ разговоръ съ графомъ Аракчеевымъ и императоромъ Александромъ. Авторъ все это записалъ, неизвѣстно когда, на память, со словъ, — какъ онъ говоритъ, —самого Шервуда, и поэтому его рассказъ внушаетъ мало довѣрія; но, за неимѣніемъ лучшаго, этимъ рассказомъ воспользовался М. И. Богдановичъ для своей «Исторіи Александра I» и романистъ Г. П. Данилевскій для повѣсти «Каменка» (1821—1825 гг.).

Теперь, наконецъ, историческая истина можетъ восторжествовать и отодвинуть на подобающее мѣсто фантастическіе вымыслы, которыми принуждены были доселѣ довольствоваться при изложеніи событій, послѣдовавшихъ незадолго до кончины императора Александра. Дочь Ивана Васильевича Шервуда-Вѣрнаго, Ольга Ивановна, сообщила въ редакцію «Историческаго Вѣстника» собственноручныя записки или исповѣдъ отца своего; къ сожалѣнію, исповѣдъ Шервуда обрывается въ моментъ смерти императора Александра I. Но за то мы теперь знаемъ изъ достовѣрнаго источника, какимъ образомъ Шервудъ захватилъ въ свои руки нить заговора, и что затѣмъ съ нимъ происходило въ Грузинѣ и въ Петербургѣ. Кроме того, эти записки содержатъ еще одно драгоценное указаніе: въ разслѣдованіи заговора потеряны были десять драгоценныхъ дней, благодаря непонятной безпечности графа Аракчеева, огорченнаго убійствомъ въ Грузинѣ своей домоуправительницы Настасьи Минкиной и самовольно бросившаго всѣ государственныя дѣла, имѣвшіяся у него на рукахъ.

Дѣйствительно, 12-го сентября 1825 года, графъ Аракчеевъ писалъ императору Александру въ Таганрогъ: «Случившееся со мною несчастіе потеряніемъ вѣрнаго друга, жившаго у меня въ домѣ 25 лѣтъ, здоровье и разсудокъ мой такъ разстроило и ослабило, что я одной смерти себѣ желаю и ищущу, а потому и дѣлами ника-

кими не имѣю силъ и соображенія заниматься. Прощай, батюшка, вспомни бывшаго тебѣ слугу; друга моего зарѣзали ночью дворовые люди, и я не знаю еще, куда осиротѣвшую свою голову преклоню; но отсюда уѣду. Вѣрный слуга г. Аракчеевъ». Но этимъ графъ Аракчеевъ не ограничился; въ такое тревожное время, называемое имъ даже «бурнымъ», этотъ «вѣрный слуга» нашель для себя, однако, возможнымъ, подъ впечатлѣніемъ личнаго горя, самовольно передать командованіе поселенными войсками генералу Эйлеру, а ввѣренныя ему гражданскія дѣла — статсъ-секретарю Муравьеву. Въ предписаніяхъ этимъ двумъ лицамъ отъ 11-го сентября такое распоряженіе оправдывается одною и тою же причиною, а именно: «по случившемуся со мною несчастію и тяжкому разстройству моего здоровья, такъ что я никакого соображенія не могу дѣлать по дѣламъ, мнѣ ввѣреннымъ».

Извѣстіе, сообщенное графомъ Аракчеевымъ въ Таганрогъ, и распоряженія его крайне огорчили и встревожили императора Александра. По свидѣтельству Дибича, государь полагалъ, что убійство въ Грузинѣ совершено изъ ненависти къ графу Аракчееву, для того, чтобы его удалить отъ дѣлъ. «Тогда же, — свидѣтельствуеть Дибичъ, — графъ Аракчеевъ отдалъ странный, или, лучше сказать, неопозволительный приказъ, коимъ онъ по случаю приключившейся ему болѣзни назначилъ начальникомъ всѣхъ поселенныхъ войскъ генерала Эйлера. Какъ будто можно кому либо изъ командующихъ частію войскъ передавать начальство другому. Сей неопозволительный поступокъ хотя и былъ непріятенъ государю, однакоже онъ сказалъ мнѣ, что извиняеть болѣзненнымъ состояніемъ графа Аракчеева. Конечно, никому другому такой поступокъ противозаконный не прошелъ бы безъ замѣчанія. Но этотъ чловѣкъ дѣлаетъ исключеніе изъ общаго правила».

22-го сентября, императоръ Александръ успѣшилъ ободрить и утѣшить графа Аракчеева и писалъ: «Твое положеніе, твоя печаль крайне меня поразили. Даже мое собственное здоровье сильно оно почувствовало... Пріѣзжай ко мнѣ: у тебя нѣтъ друга, который бы тебя искреннѣ любилъ. Мѣсто здѣсь уединенное. Будешь ты жить, какъ ты самъ расположишь. Бесѣда же съ другомъ, раздѣляющимъ твою скорбь, нѣсколько ее смягчитъ. Но заклинаю тебя всѣмъ, что есть свято, вспомни отечество, сколь служба твоя ему полезна, могу сказать необходима, а съ отечествомъ и я неразлученъ. Ты мнѣ необходимъ».

За всѣ эти милости графъ Аракчеевъ обнималъ заочно колѣни и цѣловалъ руки государя, но не послѣдовалъ приглашенію въ Таганрогъ, ссылаясь на біеніе сердца и на ежедневную лихорадку. Дѣлами онъ также не занимался, и такая странная обстановка продолжалась до принесенія присяги императору Константину Павловичу; тогда онъ немедленно донесъ 30-го ноября 1826 года новому

государю, что, «получа облегченіе отъ болѣзни, я вступилъ въ командованіе отдѣльнымъ корпусомъ военныхъ поселеній».

Обвиняя графа Аракчеева въ преступномъ бездѣйствіи въ столь важномъ для имперіи дѣлѣ, Шервудъ справедливо пишетъ, что если безъ лести преданный графъ дѣйствовалъ бы въ семь случаевъ иначе, то «никогда бы возмущенія гвардіи 14-го декабря на Исаакіевской площади не случилось—затѣявшіе бунтъ были бы заблаговременно арестованы».

Печатаемая теперь «признанія Шервуда-Вѣрнаго», редакція «Историческаго Вѣстника» обратилась къ его дочери съ просьбой сообщить свѣдѣнія о его дальнѣйшей жизни, а также и другія оставшіяся послѣ него бумаги. Они будутъ помѣщены въ слѣдующей книжкѣ, если г-жа Шервудъ исполнитъ просьбу редакціи.

Н. Шильдеръ.

Я поступилъ въ 1819 году, 1-го сентября, въ военную службу въ 3-й Украинскій уланскій полкъ, рядовымъ изъ вольноопредѣляющихся. Въ то время полковымъ командиромъ былъ полковникъ Алексѣй Гревсъ, и полкъ квартировалъ въ Херсонской губерніи, въ городѣ Миргородѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, и такъ какъ получилъ хорошее воспитаніе и зналъ нѣсколько языковъ, то былъ принятъ радушно въ обществѣ офицеровъ; полковой командиръ и корпусъ офицеровъ меня очень любили. Гревсъ давалъ мнѣ разныя порученія и оставался всегда исполненіемъ оныхъ доволенъ; часто посылалъ меня въ Крымъ, въ Одессу, въ Киевскую, Волынскую, Подольскую губерніи, въ Москву, что дало мнѣ средство познакомиться со многими дворянами разныхъ губерній; имѣя отъ природы довольно наблюдательный и вѣрный взглядъ на вещи, я никогда ничего не пропускалъ, стараясь всегда отыскать причину мнѣнія кого бы то ни было, особенно когда говорили люди, знакомые съ науками, или духомъ времени, и люди обстоятельные. Въ 1822 и 1823 годахъ меня поражали всегда толки о какой-то перемѣнѣ въ государствѣ; по моему въ то время мнѣнію, важная въ Россіи перемѣна могла только произойти отъ двухъ причинъ: перемѣна въ государѣ, или въ переходѣ народа изъ крѣпостного состоянія въ свободное, но толки были очень нелѣпыя. Въ концѣ 1823 года случилось мнѣ быть на большомъ званомъ обѣдѣ у генерала Высоцкаго; имѣніе его Затополь было на самой границѣ Киевской губерніи и прилегало къ городу Миргороду; на обѣдѣ, между другими офицерами нашего полка, былъ поручикъ Новиковъ и изъ Тульчина адъютантъ фельдмаршала Витгенштейна, князь Бяринскій; послѣ обѣда Новиковъ спросилъ пить; слуга въ суетахъ, вѣроятно, забылъ и не подалъ; Новиковъ разсердился и сказалъ:

«эти проклятыя хамы всегда такъ дѣлаютъ»; князь Барятинскій вступился, и спросилъ, почему онъ назвалъ его хамомъ, развѣ онъ не такой же человѣкъ, какъ и онъ,—и ссора дошла у нихъ почти до дуэли; но въ горячемъ разговорѣ князь сдѣлалъ нѣсколько выраженій, которыя не ускользнули отъ моего вниманія и дали мнѣ поводъ думать, что какія-то затѣи есть. Выраженія заключались въ томъ, что не долго имъ тѣшиться надъ равными себѣ. Ссора кончилась ничѣмъ. Послѣ чего случилось мнѣ быть въ домѣ таможеннаго начальника въ Одессѣ, Плахова, гдѣ обыкновенно всегда бывали вечера, и гдѣ я всегда останавливался, когда прїѣзжалъ въ Одессу; на одномъ вечерѣ случилось нѣсколько офицеровъ изъ 2-й арміи и много иностранцевъ, не помню, кто именно эти офицеры и какихъ полковъ, но эти господа до такой степени вольно говорили о царѣ, о перемѣнахъ, которыя ожидаетъ Россія, о какомъ-то будущемъ блаженствѣ, такъ что я уже почти никакого сомнѣнія не имѣлъ, что что нибудь да кроется, но что именно, трудно было опредѣлить.

Былъ у меня знакомый, котораго я очень любилъ,—полковникъ князь Александръ Сергѣевичъ Голицынъ; я бывалъ у него въ имѣніи, Кіевской губерніи, селѣ Казацкомъ и встрѣчался съ нимъ часто у Давыдовыхъ въ Каменкѣ, Александра и Василья Львовичей, гдѣ бывали Лихаревъ, Поджіо и многіе другіе; послѣ обѣда всѣ почти, за исключеніемъ Александра Давыдова, князя Голицына и меня, запирались въ кабинетъ и сидѣли тамъ по нѣсколько часовъ, такъ что Голицынъ меня спрашивалъ: «кой чортъ они тамъ дѣлаютъ?»—разумѣется, я отвѣчалъ, что, вѣроятно, о чемъ нибудь говорятъ, чтобы ни я ни вы не слышали. Въ такомъ положеніи все оставалось, пока не ѣхалъ я проѣздомъ черезъ городъ Вознесенскъ, гдѣ квартировалъ 1-й Бугскій уланскій полкъ, и командовалъ онымъ родной братъ моего полкового командира, полковникъ Михаилъ Гревсъ; въ то самое время онъ отданъ былъ подъ судъ, и полкъ у него по высочайшему повелѣнію отнять и отданъ Сѣраковскому. Онъ меня убѣдилъ не ѣхать, куда я располагалъ, а просилъ исполнить для него одно очень серьезное порученіе, говоря мнѣ, что ему ни послать, ни надѣяться не на кого; порученіе это касалось дѣйствительнаго статскаго совѣтника, графа Якова Булгари. Полагая его найти въ Харьковѣ, я немедленно туда отправился, но не засталъ его тамъ и долженъ былъ ѣхать въ городъ Ахтырку, Харьковской же губерніи, куда прїѣхалъ я на разсвѣтѣ, отыскалъ квартиру графа Булгари, состоящую изъ двухъ небольшихъ комнатъ; первая въ родѣ передней съ однимъ окномъ, заваленнымъ чемоданомъ и разными платьями, почти темной, а другая побольше, гдѣ спалъ Булгари, и гораздо свѣтлѣе; дверь въ другую комнату открыта была на вершокъ; меня встрѣтилъ комиссіонеръ графа Булгари, грекъ Иванъ Киріаковъ, котораго я спросилъ, что дѣлаетъ графъ.

Онъ мнѣ отвѣчалъ, что еще очень рано, онъ спитъ; я закурилъ трубку, сѣлъ на стулъ такъ, что мнѣ видно было, что кто-то подъ окномъ на кровати съ покрытымъ лицомъ спитъ; полагая, что это графъ, я попросилъ Кирикова сварить мнѣ стаканъ кофе; онъ вышелъ, и я спокойно ждалъ, пока проснется Булгари, и думалъ, что онъ спитъ одинъ въ комнатѣ, но когда тогъ, на котораго я смотрѣлъ, сдернулъ съ лица одѣяло, я увидалъ незнакомую мнѣ физиономію, довольно похожую на львиную, по широкому носу, довольно хорошо сложеннаго мужчину, и какъ только онъ проснулся, первымъ вопросомъ его было: а что, графъ, спишь? Булгари отвѣчалъ, что нѣтъ, и что онъ задумался о вчерашнемъ разговорѣ; и затѣмъ спросилъ: «ну, чтожъ по твоему мнѣнію было бы самое лучшее для Россіи?».

Неизвѣстный ему отвѣчалъ: «Самое лучшее, конечно, конституція».

Графъ захохоталъ громко, промолвивъ: «Конституція для медвѣдей».

Неизвѣстный. «Нѣтъ, позвольте, графъ, вамъ сказать, конституція, примѣненная къ нашимъ потребностямъ, къ нашимъ обычаямъ».

Графъ. «Хотѣлъ бы я знать конституцію для русскаго народа», и опять захохоталъ.

Неизвѣстный. «Конечно, не конституцію 14-го сентября 1791 г. во Франціи, принятую Людовикомъ XVI-мъ. Я много объ этомъ думалъ, а потому скажу вамъ, какая конституція была бы хороша».

И затѣмъ началъ излагать какую-то конституцію. Я въ это время пересталъ курить и, смотря ему въ глаза, подумалъ: «ты говоришь по писанному; изложить на словахъ конституцію экспромтомъ дѣло не сбыточное, какого бы объема умъ человѣческой ни былъ». Когда онъ продолжалъ говорить, графъ ему сказалъ:

— «Да ты съ ума сошелъ, ты вѣрно забылъ, какъ у насъ династія велика, ну, куда ихъ дѣвать?».

У неизвѣстнаго глаза заблестали, онъ сѣлъ на кровать, засушилъ рукава и сказалъ:

— «Какъ куда дѣвать?.. перерѣзать».

Графъ. «Ну, вотъ ты уже и заврался, ты забылъ, что ихъ и за границею много; ну, да полно объ этомъ, это все вздоръ, давай лучше о другомъ чемъ нибудь говорить».

Неизвѣстный. «А я говорю—не вздоръ, а какъ вамъ нравится сочиненіе Биніона?».

Графъ. «А! который писалъ о конгрессахъ; да, тамъ много правды, но французы всегда много»... (въ это время вошелъ Кириковъ).

Я взялъ у него стаканъ съ кофеемъ, закурилъ опять трубку и сказалъ: «Скажи, что я пріѣхалъ». Онъ къ нимъ вошелъ, графъ

закричалъ: «Шервудъ, иди сюда». Я чрезъ двери отвѣчалъ: «Дайте стаканъ кофе допить». Они оба начали вставать. Допивши кофе, я вошелъ:

Графъ Булгари. «Рекомендую тебѣ, это г-нъ Шервудъ, а это г-нъ Вадковскій».

Вадковскій. «Шервудъ? Вы вѣрно иностранецъ?».

— «Да, я англичанинъ».

Булгари. «Какъ, ты еще не произведенъ въ офицеры?».

На что я ему отвѣчалъ: «Это дѣлается не вдругъ у насъ въ поселеніи, третій годъ собираютъ справки обо мнѣ, и начали тогда, когда я прослужилъ положенный четырехъ-лѣтній срокъ».

Вадковскій. «Да, у насъ чортъ знаетъ, что дѣлается, вы служите въ военномъ поселеніи, каково у васъ тамъ?».

Я отвѣчалъ: «Не совѣмъ хорошо, мало даютъ времени хозяевамъ для полевыхъ работъ, отъ этого терпятъ большой недостатокъ, ихъ замучили постройками».

Вадковскій. «Значить, поселяне очень недовольны?».

Я. «Очень».

Вадковскій. «Ну, каково офицерамъ?».

Я. «Конечно, офицерамъ лучше, но вообще всѣ недовольны; вы знаете, что Аракчеевъ шутить не любитъ».

Вадковскій. «Когда, думаете, васъ произведутъ?»

Я. «Кто ихъ знаетъ, я рассчиталъ, что на 42-мъ году буду еще прапорщикомъ».

Наконецъ разговоръ сталъ общимъ, но изъ разсказовъ обо мнѣ графа Булгари Вадковскій узналъ, что я имѣю большія связи въ поселеніи; Вадковскій, сколько могъ я замѣтить, глазъ съ меня не спускалъ все время и, когда я вышелъ спросить трубку, сказалъ графу: «какъ Шервудъ мнѣ нравится, долженъ быть умный человѣкъ». Странно, что ему Булгари отвѣчалъ: «да, весьма умный, но опаснаго ума, есть минуты, когда я его боюсь» (*mais d'un esprit dangeux, il y a des momens ou je le crains*). Все время разговоръ былъ пофранцузски. Не успѣли мы отобѣдать, какъ пришли звать графа Булгари къ графинѣ Аннѣ Родіоновнѣ Чернышевой,—она была въ Ахтыркѣ; я остался одинъ съ Вадковскимъ. Немного измѣнившись въ лицѣ, онъ подошелъ ко мнѣ и говорить:

— «Г-нъ Шервудъ, я съ вами другъ, будьте мнѣ другомъ».

На что я ему отвѣчалъ, что мнѣ очень пріятно имѣть удовольствіе съ нимъ познакомиться.

— «Нѣтъ, я хочу, чтобы вы мнѣ были другомъ, и я вамъ ввѣрю важную тайну».

Я отступилъ назадъ и сказалъ ему: «Что касается до тайнъ, я прошу васъ не слѣшать мнѣ ввѣрять, я не люблю ничего тайнаго».

— «Нѣтъ, — сказалъ Вадковскій, ударивъ по окну рукой, — оно

быть иначе не можетъ, наше общество безъ васъ быть не должно».

Я въ ту минуту понялъ, что существуетъ общество, и конечно, вредное, тѣмъ болѣе, что исторія и времена Кромвеля, Вейсгаубтовъ и Робеспьера мнѣ хорошо были извѣстны. Я на это ему сказалъ:

— «Я васъ прошу мнѣ ничего не говорить, потому что здѣсь, согласитесь, не время и не мѣсто, а даю вамъ честное слово, что приѣду къ вамъ, гдѣ вы стоите съ полкомъ» (онъ былъ поручикъ Арзамасскаго конно-егерскаго полка).

Онъ мнѣ отвѣчалъ, что—въ самомъ Курскѣ. Вадковскій задумался, входитъ Булгари, и разговоръ нашъ кончился. Я, переговоривъ все съ графомъ, въ 7 часовъ вечера отправился, и признаюсь, не безъ размышленія и внутренняго волненія. Я любилъ блаженной памяти покойнаго императора Александра I-го не по одной преданности, какъ къ царю, но какъ къ императору, который сдѣлалъ много добра отцу моему. Около 12 часовъ прибылъ я въ Богодуховъ и не успѣлъ войти на станцію, какъ вслѣдъ за мной подѣхала карета, вышла молодая дама, вошла въ комнату и, увидѣвъ меня, сказала:

— «Какъ я счастлива, это вы г-нъ Шервудъ, какими судьбами здѣсь?»

Я отвѣчалъ, что проѣздомъ изъ Ахтырки.

— Я бы себѣ вѣкъ не простила, если бы осталась на той станціи ночевать, меня уговаривали, я не согласилась; вы бы проѣхали мимо и не знали бы, что я тамъ; ночуемъ здѣсь?

Я ей сказалъ, что ночевать мнѣ нельзя, но провести часа четыре съ ней сочту за самыя пріятныя минуты моей жизни. Передъ отѣздомъ я ее спросилъ, что она такъ задумчива.

— По двумъ причинамъ,—отвѣчала она,—первая—мнѣ жаль съ вами разстаться; я бы вамъ сказала и другую, но вы должны мнѣ дать клятву, что никому въ мірѣ не скажете, что я вамъ объ этомъ говорила.

Я ей далъ честное слово.

— Вотъ почему: я ѣду теперь къ брату, боюсь я за него, Богъ ихъ знаетъ, затѣяли какой-то заговоръ противъ императора, а я его очень люблю, у насъ никогда такого императора не было, добръ, любезень,—и при этомъ задумалась.

Я хотѣлъ разспросить ее подробнѣе.

— Да,—сказала она,—Богъ ихъ знаетъ, что они затѣяли—что-то я очень грустна (je suis bien triste).

Послѣ незначительнаго разговора я съ ней разстался. Прибывъ въ г. Вознесенскъ и исполнивъ порученіе Гревса, я немедленно отправился въ Одессу, рассчитывая, что мнѣ будетъ оттуда гораздо лучше донести государю обо всемъ, что я зналъ. Я остановился въ домѣ Плахова и сталъ соображать, какъ лучше поступить,

чтобы письмо мое дошло до императора. Я придумалъ написать его величеству письмо, въ которомъ просилъ прислать и взять меня подъ какимъ бы то ни было предлогомъ по дѣлу, касающемуся собственно до государя императора, и подписался 3-го Украинскаго уланскаго полка унтеръ-офицеръ Шервудъ, потомъ вложилъ письмо въ другое, къ лейбъ-медикъ Якову Васильевичу Вилліе, прося его вручить приложенное письмо государю императору, увѣривъ его, что оно ничего въ себѣ не содержитъ предосудительнаго, и послалъ его анонимомъ. Лейбъ-медикъ Вилліе отдалъ письмо блаженной памяти Александрѹ I.

Я былъ въ г. Вознесенскѣ, Херсонской губерніи, игралъ на билліардѣ, когда вошелъ въ трактиръ адъютантъ 3-го Украинскаго уланскаго полка, поручикъ Разсоха.

— Ради Бога,—сказалъ онъ,—скорѣе отправляйтесь со мною въ полкъ къ корпусному командиру, пріѣхалъ за вами изъ Петербурга фельдъегеръ: фельдъегеря удержали въ Елизаветградѣ, а за вами прислано въ полкъ, а васъ тамъ нѣтъ; полковой командиръ въ отчаяніи, всѣ перепуганы.

— А вотъ сейчасъ, дайте доиграть партію,—отвѣтилъ я.

— Боже мой, что вы дѣлаете, ѣдьте скорѣе.

Я партію кончилъ и, простившись съ Михайломъ Гревсомъ, отправился 4-го числа іюля 1825 года въ полкъ. Мой добрый полковой командиръ меня встрѣтилъ словами:

— Шервудъ, что ты надѣлалъ?

— Полковникъ,—отвѣчалъ я,—сколько я за собой знаю, то, кажется, ничего худого.

— Прямой англичанинъ, проклятое равнодушіе; ты вѣрно чтонибудь болталъ, а, можетъ, и того хуже?

— Увѣряю васъ, что ничего не знаю и чувствую себя совершенно правымъ, ѣду спокойно.

— Дай Богъ,—отвѣчалъ этотъ благородный человѣкъ.

Съ дивизионнымъ командиромъ, генераломъ Трошинскимъ, тоже самое, и его увѣрилъ, что за собой ничего не чувствую; наконецъ, прибылъ въ корпусный штабъ. Корпусный командиръ, графъ Виттъ, мнѣ объявилъ, что за мной пріѣхалъ фельдъегеръ, и что, вѣроятно, я замѣшанъ въ какомънибудь дѣлѣ. Я графа также увѣрилъ, что никакого дѣла не знаю, и 7-го числа іюля изъ Елисаветграда отправился съ фельдъегерскаго корпуса поручикомъ Ланге. Меня привезли прямо въ Грузино 12-го іюля, гдѣ я ночевалъ на буерѣ, на рѣкѣ Волховѣ (долженъ сознаться, что мнѣ очень непріятно было, что меня привезли къ графу Аракчееву, помимо котораго я писалъ къ государю императору, и боялся, что не увижу его величества). На другой день, 13-го числа, я былъ позванъ къ графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву, онъ меня встрѣтилъ на крыльцѣ своего дома, и когда я его привѣтствовалъ обычнымъ «здравія желаю, ваше

сіятельство», графъ, осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы, подозвалъ къ себѣ, взялъ меня подъ лѣвую руку и повелъ чрезъ залу, прямо въ противоположную сторону, въ садъ, и пошелъ со мной по средней дорогѣ, приказавъ мальчику уйти дальше. Я внутренно приготовился къ всякаго рода вопросамъ и далъ себѣ слово ничего не говорить, а употребить всѣ силы видѣться съ государемъ императоромъ.

Графъ. Скажи ты мнѣ, братецъ, кто ты такой?

Я. Унтеръ-офицеръ 3-го Украинскаго уланскаго полка, ваше сіятельство.

Графъ (съ нетерпѣніемъ). Я это, братецъ, знаю лучше тебя, скажи ты мнѣ, какой ты націи?

Я. Англичанинъ, ваше сіятельство.

Графъ. Есть у тебя отецъ и мать, и гдѣ они находятся?

Я. Есть, ваше сіятельство, живутъ въ Москвѣ.

Графъ. Есть у тебя братья и сестры?

Я. Три брата и одна сестра.

Графъ. Чѣмъ они занимаются?

Я. Механикой, ваше сіятельство.

Графъ. Гдѣ ты родился?

Я. Въ Кентѣ, близъ Лондона.

Графъ. Какихъ лѣтъ ты пріѣхалъ въ Россію?

Я. Двухъ лѣтъ, ваше сіятельство, вмѣстѣ съ родителями, въ 1800 году отецъ мой былъ выписанъ въ Россію блаженной памяти покойнымъ императоромъ Павломъ Петровичемъ, какъ механикъ, и первый основалъ суконныя фабрики въ Россіи съ машинами.

Графъ. Знаешь ты языки, кромѣ русскаго?

Я. Знаю французскій, нѣмецкій и англійскій.

Графъ. О! ты, братецъ, ученѣе меня, ну, да ты англичанинъ, а у насъ въ русской службѣ дѣлается такъ: когда унтеръ-офицеръ хочетъ писать государю императору, онъ долженъ прійти и передать письмо своему взводному командиру, взводный командиръ передаетъ бы эскадронному, эскадронный—полковому, тотъ—бригадному, бригадный—дивизионному, дивизионный—корпусному, корпусный—мнѣ, а я бы и представилъ государю императору.

Я. Ваше сіятельство, смѣю ли я вамъ сдѣлать вопросъ?

Графъ. Говори, братецъ.

Я. Если я не хотѣлъ, чтобы ни взводный командиръ, ни полковой, ни корпусный, ни даже ваше сіятельство объ этомъ не знали, какъ бы вы, ваше сіятельство, приказали мнѣ въ такомъ случаѣ поступить?

Графъ остановился, долго смотрѣлъ на меня, выпустивъ мнѣ руку, и сказалъ:

— Ну, братецъ, въ такомъ случаѣ ты очень умно поступилъ, но ты, братецъ, знаешь, что я все-таки твой начальникъ, ты, вѣрно,

знаешь, какъ я преданъ государю, а потому скажи мнѣ, въ чемъ дѣло, и что хочешь государю сообщить.

Я. Я очень хорошо знаю, ваше сіятельство, что вы мой начальникъ, увѣренъ въ преданности вашей государю императору, но смѣю васъ увѣрить, какъ честный человѣкъ, что это дѣло не касается ни до вашего сіятельства, ни до военного поселенія, рѣшительно ни до чего, кромѣ собственно государя императора, а потому, ваше сіятельство, за что хотите лишить меня счастья лично объяснить дѣло государю императору.

Графъ. Ну, въ такомъ случаѣ я тебя и спрашивать не буду, поѣзжай себѣ съ Богомъ.

Графъ меня такъ этимъ поразилъ, что я ему сказалъ:

— Ваше сіятельство! Почему мнѣ вамъ и не сказать: дѣло въ заговорѣ противъ императора.

И послѣ короткаго объясненія я 13-го числа вечеромъ съ тѣмъ же фельдъегеремъ отправился и 14-го прибылъ въ Петербургъ, на Литейную, къ генералъ-лейтенанту Клейнмихелю, которому былъ представленъ. Мнѣ отвели въ его домѣ комнату вверху. Немного погодя вбѣжалъ маленькій мальчикъ, Огаревъ (что нынѣ генералъ-адъютантъ): «Васъ маменька и тетенька приказали спросить, не нужно ли вамъ книги, можетъ быть, будетъ вамъ скучно тутъ однимъ?». Я благодарилъ и просилъ, чтобы прислали. Послѣ трехъ дней гостепріимства сестеръ графа Клейнмихеля, я отправился 17-го числа въ пять часовъ пополудни вмѣстѣ съ графомъ Клейнмихелемъ во дворецъ на Каменный островъ къ государю императору; мы ждали въ комнатѣ предъ самымъ кабинетомъ его величества, пока государь откупаетъ; не болѣе какъ черезъ десять минутъ императоръ, проходя мимо насъ, взглянулъ на меня, позвалъ за собою въ кабинетъ и заперъ двери; Клейнмихель остался въ первой комнатѣ. Первое, что государь меня спросилъ, того ли Шервуда я сынъ, котораго государь императоръ знаетъ, и который былъ на Александровской фабрикѣ. Я отвѣчалъ—того самаго.

Государь. Ты мнѣ писалъ; что ты хочешь мнѣ сказать?

— Ваше величество! Полагаю, что противъ спокойствія Россіи и вашего величества существуетъ заговоръ.

Государь. Почему ты это полагаешь?

Я объяснилъ государю императору подробно все, что мною выше изложено. Государь, немного подумавши, сказалъ:

— Да, твои предположенія могутъ быть справедливы. Скажи ты мнѣ, кто эта дама, съ которой ты встрѣтился на дорогѣ?

Я отвѣчалъ государю:

— Я всегда шелъ прямой дорогой, исполнилъ долгъ присяги и готовъ жизнью жертвовать, чтобы открыть зло, въ чемъ надѣюсь легко успѣть, но умоляю ваше величество не спрашивать меня имя этой дамы, я далъ ей клятву не говорить и никогда, государь, не скажу.

Государь на меня смотрѣлъ довольно долго, не сказавъ ни слова, потомъ говорить:

— Чего же эти... хотятъ? Развѣ имъ такъ худо?

Я отвѣчалъ государю, что отъ жиру собаки бѣсятся.

Государь меня спросилъ: Какъ ты полагаешь, великъ этотъ заговоръ?

Я отвѣчалъ: Ваше величество, по духу и разговорамъ офицеровъ вообще, а въ особенности 2-й арміи, полагаю, что заговоръ долженъ быть распространенъ довольно сильно.

Государь. Какъ ты полагаешь заговоръ открытъ?

Я отвѣчалъ: Ваше величество, если позволите мнѣ, я изложу на бумагѣ, какъ думаю приступить къ этому дѣлу, и представлю вашему величеству, тѣмъ болѣе, что уже имѣю начало и знаю, что Вадковскій рѣшительно принадлежитъ къ заговору.

Государь меня спросилъ, какъ я полагаю, есть ли тутъ въ заговорѣ ктонибудь изъ лицъ поважнѣе.

Я отвѣчалъ, что я болѣе ничего не знаю, кромѣ того, что уже имѣлъ счастье передать государю, но по собственному моему взгляду нѣкоторыя учрежденія и постановленія въ государствѣ мнѣ очень не нравятся, и не можетъ быть, чтобы государственные люди дѣлали безъ намѣренія столь грубыя ошибки.

Государь меня спросилъ очень скоро (и какъ будто удивленный тѣмъ, что я сказалъ): что же именно такое?

Я отвѣчалъ: Въ военномъ поселеніи людямъ даютъ въ руки ружья, а ѣсть не даютъ, что имъ, ваше величество, остается дѣлать?

Государь. Я тебя не понимаю: какъ ѣсть не даютъ?

Я объяснилъ государю, что коренные жители или хозяева обязаны кормить свое семейство, постояльцевъ, дѣйствующихъ резервистовъ и кантонистовъ, и что они такъ заняты постройками и перевозкой лѣса изъ черкасскихъ лѣсовъ, что не имѣютъ трехъ дней въ лѣто на свои полевые работы, и что были примѣры, что люди умирали съ голоду. Конечно, ни вашему величеству, ни графу Алексѣю Андреевичу объ этомъ ничего не извѣстно, но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ можетъ быть такое положеніе военныхъ поселенъ очень опаснымъ.

Государь меня слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Я продолжалъ говорить, что министръ финансовъ издалъ гильдейское постановленіе, которымъ запрещается мѣщанамъ и крестьянамъ изъ уѣзда въ уѣздъ возить продавать хлѣбъ и всякаго рода произведения свои, чѣмъ сковали внутреннюю въ государствѣ торговлю. Такихъ ошибокъ, ваше величество, государственные люди безъ цѣли дѣлать не могли.

Государь императоръ положилъ руку свою правую на голову и, нѣсколько подумавши, сказалъ мнѣ: Какъ ты думаешь, для открытія заговора не лучше ли будетъ, если я прикажу произвестъ тебя въ офицеры?

Я отвѣчалъ государю, что ни въ какомъ случаѣ этого теперь дѣлать не надо, можетъ мнѣ дѣло испортить, а когда Богу угодно будетъ мнѣ успѣть открыть зло, тогда его величество можетъ меня произвести во что ему будетъ угодно.

На это государь, какъ ни быть сначала серьезень во все время разговора, тутъ улынулся и сказалъ: я надѣюсь тебя видѣть¹⁾.

Государь протянулъ мнѣ руку, которую я поцѣловалъ, сказавъ:

— Ваше императорское величество! я положительно еще ничего не знаю, но, государь, если оно такъ, какъ предполагаю, надо взять мѣры, и скорыя; если же оно не такъ, я, государь, исполнилъ только долгъ присяги и честнаго человѣка; прикажите, ваше величество, всѣ мѣры употребить къ открытію заговора, а я съ своей стороны надѣюсь въ этомъ успѣть.

Государь императоръ меня спросилъ на чистомъ англійскомъ нарѣчїи, говорю ли я поанглійски. На что я отвѣчалъ его величеству, что говорю.

— Ну, теперъ,—сказалъ государь,—Шервудъ, поѣзжай, напиши мнѣ скорѣе, какъ думаешь приступить къ дѣлу, и жди отъ меня приказанія.

Я поклонился государю, поцѣловалъ его величеству руку, которую государю угодно было мнѣ подать, и вышелъ изъ кабинета. Генераль-лейтенантъ Клейнмихель отвезъ меня обратно къ себѣ въ домъ на Литейную.

Между тѣмъ, когда письмо мое было уже отослано изъ Одессы къ лейбъ-медику Вилліе, со мной произошелъ случай, о которомъ я долженъ упомянуть, и которымъ воспользовался впоследствии. Революція въ Греціи началась, не знаю почему, но, видно, правительству нашему нужно было разсмотрѣть бумаги графа Якова Булгари. Въ самое это время поручикъ ея величества кирасирскаго полка Сивинисъ, назвавшись флигель-адъютантомъ, прїѣхалъ въ Москву и отъ имени императора взялъ деньги и вещи обманомъ у богатаго грека Зосима. Сивиниса въ Гатчинѣ взяли, и между его бумагами нашли промеморію графа Булгари, въ которой онъ напоминать Сивинису, чтобы по прибытіи въ Одессу не забыть какія-то самыя пустыя комиссіи; эта записка дала поводъ правительству отправить бывшаго посланникомъ въ Турціи, Дашкова, къ графу Булгари, для какой цѣли не знаю; Дашковъ, прибывъ въ Харьковъ, освидѣтельствовалъ бумаги графа Булгари, спросилъ, гдѣ его комиссіонеръ грекъ Кириakovъ, вѣроятно, предполагая отъ него узнать, что было ему нужно. Въ самое это время грекъ Кириakovъ находился въ Одессѣ, гдѣ и я былъ; Кириakovъ просилъ меня довести его до города Миргорода, Херсонской губерніи, куда я отправлялся. Я взялъ

¹⁾ Точки поставлены въ подлинникѣ.

его съ собою и заѣзжалъ въ г. Вознесенскъ; не доѣзжая до Миргорода не болѣе полуверсты, уже вечеромъ нашли огромныя тучи, громъ сильно гремѣлъ, и ударилъ такой проливной дождь, что на насъ нитки сухой не осталось; эту полверсту мы ѣхали въ совершенной темнотѣ почти два часа. Приѣхавъ въ Миргородъ, я остановился съ нимъ въ гостиницѣ и не успѣлъ переодѣться и лечь, какъ слышу—кто-то съ колокольчикомъ подѣхалъ; я говорю Кириакову: «не одни мы несчастные ѣхали въ эту ужасную погоду, кого еще Богъ принесетъ?». Слышу, отворяются двери, и кто-то громко спрашиваетъ, не здѣсь ли гостиница; хозяинъ отвѣчаетъ: «точно такъ».

— Не остановился ли кто за полчаса здѣсь?

Хозяинъ отвѣчалъ, что сейчасъ приѣхалъ сюда унтеръ-офицеръ Шервудъ.

— А, хорошо, его-то мнѣ и надо.

Я подумалъ, вѣрно какой нибудь знакомый меня спрашиваетъ, но вмѣсто знакомаго входитъ высокій мужчина, и, когда сбросилъ шинель, я увидѣлъ, что это фельдъегерь. Я подумалъ, что письмо мое не могло еще дойти до своего назначенія,—что за странность такая? Обратясь ко мнѣ, фельдъегерь спросилъ:

— Вы Шервудъ?

— Точно такъ.

— Боже мой, какая погода, я за вами ѣхалъ слѣдомъ изъ Одессы, приѣхалъ въ Вознесенскъ, а вы только-что выѣхали, ну, господа, скоро же вы ѣздите.

Я предложилъ ему чаю, просилъ сѣсть, а самъ лежу и ожидаю, что дальше будетъ; наконецъ, онъ обратился къ Кириакову и спросилъ:

— А вы кто такой?

Тотъ отвѣчалъ:

— Комиссіонеръ графа Булгари, Кириаковъ.

— Ну, собирайтесь со мной, г. Кириаковъ, и сейчасъ, я за вами приѣхалъ.

Грекъ поблѣднѣлъ, спросилъ, куда надо ѣхать.

— Узнаете послѣ.

Я спросилъ фельдъегеря, а ко мнѣ имѣетъ ли онъ какое дѣло. Онъ отвѣчалъ: никакого, но потому только меня спрашивалъ, что Кириаковъ ѣхалъ со мной и по моей подорожной (фельдъегерь былъ по фамилии Иностранцевъ).

Кириаковъ уѣхалъ чрезъ полчаса. На другой день утромъ въ городѣ поднялась тревога: какъ! изъ города военнаго поселенія увезенъ былъ кто-то, и никто ничего не знаетъ. Дивизионный командиръ, генераль-маіоръ Трощинскій, и мой полковой командиръ, которымъ я объяснилъ, какъ все случилось, были на меня въ претензіи, почему я ѣзжу съ такими людьми, и наконецъ заключили,

что не сносить мнѣ своей головы. Когда пріѣхалъ за мной фельдъегерь, генералъ Тропинскій не забылъ мнѣ напомнить этотъ случай и сказать:

— Я вамъ говорилъ, чтобы вы удалялись отъ знакомства съ подобными людьми.

При составленіи мною предположенія моего къ открытію заговора, я, между прочимъ, просилъ, чтобы послали предписаніе корпусному командиру слѣдующаго содержанія, что я былъ взятъ по подозрѣнію въ похищеніи вещей поручикомъ Сивинисомъ въ Москвѣ у грека Зосима, но оказался къ тому дѣлу не причастнымъ, при томъ государь императоръ, зная лично отца моего, по разстроеннымъ обстоятельствамъ уволилъ меня на годъ въ отпускъ съ награжденіемъ 1.000 рублей ассигн. вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ непремѣнно въ извѣстный часъ 20-го сентября, чтобы пріѣхалъ на станцію въ городъ Карачевъ, Орловской губерніи, фельдъегерь, которому бы я могъ вручить секретное донесеніе объ успѣхахъ, сдѣланныхъ мною въ открытіи заговора.

Написавъ свое предположеніе, которое было вручено государю императору, 26-го іюля, выѣхалъ я изъ Петербурга и прибылъ въ Грузино 27-го числа. (Мнѣ уже начали дѣлать неудовольствія; впоследствии благородный человѣкъ, графъ Дибичъ, самъ мнѣ рассказывалъ, что когда онъ узналъ о моемъ донесеніи, ничему не вѣрилъ, и какъ ни увѣрялъ государя, что все это выдумка, и все кончится вздоромъ, государь императоръ сказалъ: ты ошибаешься, Шервудъ говоритъ правду, я лучше васъ людей знаю; а другой меня просто разругалъ, но я не остался у него въ долгу). Графъ Аракчеевъ принялъ меня какъ нельзя лучше, всякій день я завтракалъ съ Настасьей Ѳедоровной (это въ Грузинѣ была большая честь), а обѣдалъ съ графомъ Аракчеевымъ, который всегда сажалъ меня подлѣ себя, самъ меня угощалъ, наливалъ мнѣ вино и просилъ говорить съ Шумскимъ (тогда флигель-адъютантомъ) поанглійски. Всякій день мы обѣдали въ разныхъ мѣстахъ, и всегда было нѣсколько человѣкъ изъ окружающихъ графа Аракчеева за обѣдомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ со мной обѣдалъ человѣкъ замѣчательнаго ума, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ революціонеровъ, принадлежавшій къ заговору, Батенковъ, сколько помню, инженеръ-полковникъ. Разъ шесть онъ меня спрашивалъ, за что меня привезли, и я долженъ былъ ему объяснять исторію Сивиниса и Зосима съ такими подробностями и обиженнымъ тономъ, что рѣшительно выучилъ наизусть предлинный рассказъ. Графъ Аракчеевъ далъ мнѣ за чичероне какого-то офицера Розенталя, который занимался у него капеллой, приказалъ мнѣ осмотрѣть все Грузино, окрестныя деревни, что я и сдѣлалъ, и наконецъ, 3-го августа, получено было высочайшее разрѣшеніе мнѣ ѣхать и приступить къ открытію заговора.

Графъ, отправляя меня, призвалъ къ себѣ и, вручая мнѣ би-

летъ, который у меня хранится, за подписомъ графа Аракчеева и начальника штаба Клейнмихеля, въ которомъ сказано, что я увольняюсь въ отпускъ на годъ съ дозволеніемъ имѣть пребываніе въ Россіи тамъ, гдѣ пожелаю, и по минованіи срока обязанъ явиться въ полкъ, объявилъ мнѣ высочайшую волю, сказавъ:

— Ну, смотри, Шервудъ, не ударь лицомъ въ грязь.

Я увѣрилъ графа, что если это мнѣ жизни будетъ стоить, но цѣли своей достигну. Графъ спросилъ, какъ мнѣ нравится Грузино. Я отвѣчалъ и, конечно, безъ лести, что въ моихъ глазахъ Грузино есть эмблема вкуса, прочности и порядка.

— Это такъ,—сказалъ мнѣ Аракчеевъ,—но ты мнѣ скажи, что тебѣ всего болѣе нравится въ Грузинѣ?

Я отвѣчалъ, что островъ Мелисино.

— Да, онъ, кажется, не такъ хорошо отдѣланъ.

На это я сказалъ графу:

— Можетъ быть, ваше сіятельство, но благодарность выше всѣхъ украшеній.

Графъ былъ растроганъ моимъ отвѣтомъ.

— Ну, Господь съ тобой,—прибавилъ онъ,—поѣзжай.

Все время нашего разговора начальникъ штаба Клейнмихель стоялъ возлѣ графа Аракчеева, и... конечно, я очень хорошо понималъ, что графъ, обращаясь со мною такъ ласково все время, меня изучалъ.

Я отправился прямо по Бѣлорусскому тракту въ штабъ своего полка, городъ Миргородъ, но уже дорогой наблюдалъ все, что могъ, сходилъ съ офицерами въ разныхъ мѣстахъ, по ихъ разговорамъ ясно видѣлъ, что заговоръ долженъ быть повсемѣстный. По прибытіи въ полкъ, меня съ необыкновенною радостью встрѣтили, забросали вопросами объ Аракчеевѣ, Петербургѣ, о моемъ дѣлѣ; само собою разумѣется, исторія у меня была одна: похищеніе денегъ и вещей поручикомъ Сивинисомъ у грека Зосима, а между тѣмъ, желая распустить слухъ о причинѣ, по которой меня возили въ Петербургъ, и зная, что Вадковскій хорошо знакомъ съ графомъ Булгари, я написалъ Булгари письмо, наполненное негодованіемъ, въ которомъ упрекалъ его, что его знакомство со мной доставило мнѣ только случай быть въ подозрѣніи по воровству; цѣль моя была достигнута,—все это передано было Вадковскому. Я отправился въ Одессу, гдѣ былъ у меня хорошій знакомый, поэтъ, Александръ Шипковъ, котораго я сильно подозрѣвалъ, но сколько ни старался что нибудь вывѣдать, не могъ. Я отправился тогда въ Курскъ къ Вадковскому, который мнѣ обрадовался и сказалъ, что онъ знаетъ, какую подлость сдѣлали со мною, и, когда я ему сказалъ, что по данному слову я къ нему пріѣхалъ, онъ мнѣ все рассказалъ о существующихъ обстоятельствахъ, сѣверномъ, среднемъ и южномъ, называя многихъ членовъ; на это я улыбнулся и сказалъ ему, что давно

принадлежу къ обществу, а какъ я поступилъ въ оное, я ему скажу послѣ.

— Ну, каково идутъ наши дѣла?—спросилъ я.

— Хорошо,—отвѣчалъ онъ,—и, кажется, уже пора будетъ приводить въ исполненіе, только надо будетъ собрать свѣдѣнія отъ сѣвернаго и южнаго обществъ.

— Да скажи мнѣ, подготовили ли солдатъ?

Вадковскій отвѣчалъ:—Этихъ дураковъ не долго готовить, кажется, многіе въ томъ подвинулись впередъ.

— Такъ чего лучше, я теперь совершенно свободенъ и, конечно, за обиду, мнѣ сдѣланную, и по любви къ человѣчеству употреблю весь годъ на разъѣзды отъ одного общества къ другому.

Вадковскій отъ души меня благодарилъ; я ему написалъ записку, почему я имѣю большую надежду на возмущеніе въ военномъ поселеніи, и, разумѣется, старался описать положеніе поселенія, основанное на истинныхъ фактахъ, къ несчастію, которыхъ тогда было довольно. Потомъ написалъ письма, не касающіяся, разумѣется, до заговора, такъ что только тотъ могъ понять, къ кому оныя писаны, и къ чему содержаніе оныхъ клонится, а Вадковскій полагалъ, что идетъ объ успѣхахъ общества, къ разнымъ генераламъ, полковымъ командирамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ въ Тульчинъ къ маіору Пузино и спрашивалъ его, гдѣ стоитъ Пестель съ полкомъ. Пузино впослѣдствіи по моему письму привозили въ комиссію, но онъ, разумѣется, ничего не зналъ и сейчасъ же былъ освобожденъ. Вадковскій настоялъ узнать отъ меня, кѣмъ я принять въ обществѣ. Узнавъ отъ него же, Вадковского, что сынъ графа Булгари принадлежитъ къ обществу, сказалъ ему, что я узналъ отъ Николая Булгари¹⁾. Я пробылъ у Вадковского нѣсколько дней, отправился подъ предлогомъ своей надобности въ Орловскую губернію, Карачевскій уѣздъ, въ имѣніе Гревса, гдѣ написалъ подробно графу Аракчееву все, что узналъ, что существуютъ три общества: сѣверное, среднее и южное, наименовалъ многихъ членовъ и просилъ прислать ко мнѣ въ Харьковъ кого нибудь для рѣшительныхъ мѣръ къ открытію заговора. Я пріѣхалъ въ городъ Карачевъ въ назначенное мною число и часть, нѣсколько минутъ раньше въ ожиданіи по назначенію моему фельдъегеря; но прошло нѣсколько часовъ, фельдъегерь не явился; смотритель спросилъ меня, не прикажу ли я лошадей закладывать; я сказалъ, что у меня сильно голова болитъ, и ѣхать далѣе не могу, спросилъ укусу, перевязалъ голову, три дни мнимо страдалъ, потомъ началъ понемногу выздоравливать, и наконецъ чрезъ нѣсколько дней послѣ назначеннаго срока пріѣхалъ фельдъегерь; я выслалъ подъ предлогомъ какой-го покупки смотрителя вонъ и разспросилъ фельдъ-

¹⁾ Признаніе выдуманное, но которое мнѣ чуть не стоило жизни впослѣдствіи.

егеря, почему онъ не пріѣхалъ раньше десятью днями, на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что зарѣзали въ Грузинѣ Настасью Федоровну, а потому Аракчеевъ былъ, какъ помѣшанный; между тѣмъ весь городъ сталъ меня подозрѣвать; городничій города Карачева наконецъ явился для спроса меня, кто я такой, и почему живу такъ долго на станціи. Я ему отвѣчалъ, что я унтеръ-офицеръ, остался на станціи, потому что нездоровъ, что нахожусь въ годовомъ отпускѣ, и показалъ ему билетъ за подписью графа Аракчеева и начальника штаба Клейнмихеля; городничій просто испугался, извинился, что меня обезпокоилъ, и ушелъ; но эти 10 дней разницы имѣли большія послѣдствія: никогда бы возмущеніе гвардіи 14-го декабря на Исѣакіевской площади не случилось; затѣявшіе бунтъ были бы заблаговременно арестованы. Не знаю, чему приписать, что такой государственный человѣкъ, какъ графъ Аракчеевъ, которому столько оказано благодѣянія императоромъ Александромъ I, и которому онъ былъ такъ преданъ, пренебрегъ опасностью, въ которой находилась жизнь государя и спокойствіе государства, для пьяной, толстой, рябой, необразованной, дурного поведенія и злой женщины; есть надъ чѣмъ задуматься.

Отправивъ письмо къ графу Аракчееву, поѣхалъ я въ Харьковъ увидѣться съ графомъ Яковомъ Булгари, а болѣе съ его сыномъ Николаемъ, который принадлежалъ обществу, какъ мнѣ было уже отъ Вадковскаго извѣстно; но онъ неизвѣстно куда уѣхалъ; мнѣ сказали, что скоро возвратится. Между тѣмъ я ожидалъ по письму къ графу Аракчееву присылки кого нибудь для окончательнаго открытія заговора, и 12-го числа ноября мѣсяца прибылъ въ Харьковъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка полковникъ Николаевъ подъ званіемъ есаула съ нѣсколькими казаками, подъ предлогомъ покупки кожъ, и мы съ нимъ увидѣлись въ назначенной гостиницѣ. Полковникъ Николаевъ привезъ мнѣ ордеръ отъ начальника главнаго штаба, генераль-адъютанта Дибича, слѣдующаго содержанія:

«3-го Украинскаго полка унтеръ-офицеру Шервуду.

«По письму вашему отъ 20-го сентября къ г-ну генералу отъ артиллеріи графу Аракчееву отправляется по высочайшему повелѣнію въ г. Харьковъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка полковникъ Николаевъ съ полною высочайшею довѣренностію дѣйствовать по извѣстному вамъ дѣлу.

«Вы ему укажете способы схватить графа Николая Булгари, или другого, есть ли бы въ семь случилась какая либо перемѣна, съ спискомъ, о коемъ вы говорите въ упомянутомъ письмѣ вашемъ; равно можете объясниться съ полною откровенностію и посовѣтоваться съ нимъ о мѣрахъ для совершеннаго открытія найденнаго вами. Во всякомъ случаѣ нужно будетъ присутствіе ваше въ Таганрогѣ, отъ обстоятельствъ можетъ зависѣть, что къ сему полезно

будеть для дальнѣйшихъ открытій, что таковая мѣра должна казаться противною волѣ вашей; вы о семъ также не оставьте изложить мнѣніе ваше, основанное на точномъ существѣ дѣла, полковнику Николаеву, которому извѣстно все содержаніе сего ордера, даннаго вамъ по высочайшему повелѣнію, и коего имѣете исполнить въ точности.

«Начальникъ главнаго штаба генераль-адъютантъ Дибичъ».

«Таганрогъ,
«ноября 10 дня 1825 года.

Дожидаюсь приѣзда Николая Булгари, мы оставались нѣсколько дней въ Харьковѣ, какъ неожиданно получили печальное извѣстіе о кончинѣ 19-го ноября императора. Не стану описывать, какое горестное впечатлѣніе произвело на меня это событіе; я не зналъ, что и думать; тысяча разныхъ предположеній переходили у меня въ головѣ, время тратить было нечего, событіемъ этимъ могли воспользоваться заговорщики. Я немедленно отправился въ Курскъ съ полковникомъ Николаевымъ, просилъ его остановиться въ городѣ, а самъ отправился къ Вадковскому; онъ меня встрѣтилъ съ извѣстіемъ, что государь умеръ, на что я ему сказалъ, что я знаю, что поэтому-то спѣшилъ къ нему приѣхать, и что непременно надо намъ этимъ воспользоваться; я ему предложилъ отправить меня въ Тульчинъ къ Пестелю, чтобы согласиться на счетъ нашихъ дѣйствій. Мы условились, и онъ сѣлъ писать письмо. На другой день оно было готово, онъ мнѣ далъ наставленіе о всѣхъ предосторожностяхъ, которыя я долженъ былъ взять; письмо было запечатано въ нѣсколькихъ конвертахъ, надпись сдѣлана и подписано, чтобы въ случаѣ моей смерти дорогой вручить письмо это родителю моему, проживавшему тогда въ Москвѣ; мы съ нимъ расстались. Въ ту самую ночь полковникомъ Николаевымъ Вадковскій былъ взятъ и отправленъ съ казаками въ Шлиссельбургскую крѣпость, а бумаги, хранившіяся у него въ скрипичномъ ящикѣ, были всѣ забраны. Я приѣхалъ въ Харьковъ съ тѣмъ, чтобы дождаться Николаева, и сейчасъ отправился къ графу Булгари въ домъ. Въ это самое время, надо полагать, Вадковскій кому-то рассказалъ обо мнѣ и о мнимыхъ связяхъ моихъ съ Николаемъ Булгари, а тотъ, проѣзжая чрезъ Харьковъ наканунѣ моего приѣзда, вѣроятно, рассказалъ Николаю Булгари слышанное обо мнѣ отъ Вадковского; Булгари тотчасъ понялъ, что тутъ кроется что-то, и у него, очевидно, родилось подозрѣніе. Будучи увѣренъ, что со мною никогда о существованіи общества не говорилъ, Николай Булгари принялъ меня довольно странно, приказалъ мнѣ варить кофе, разговаривали мы о незначительныхъ вещахъ, между тѣмъ Булгари выходилъ нѣсколько разъ, я видѣлъ, что онъ былъ въ какомъ-то странномъ расположеніи. Я полулежалъ на диванѣ, а онъ ходилъ по комнатѣ.

Когда мнѣ слуга принесъ кофе, я замѣтилъ, что и слуга въ лицѣ перемѣнился, и когда я у него съ подноса бралъ стаканъ, онъ мнѣ тихонько потрясъ головой и показалъ глазами на стаканъ, чтобы я кофе не пилъ. Я его понялъ и тотчасъ сказалъ, что я кофе не хочу, поставилъ стаканъ назадъ и сказалъ слугѣ: подай мнѣ лучше рюмку водки и кусочекъ хлѣба; человекъ вышелъ и тотчасъ пришелъ: я выпилъ рюмку водки. Въ продолженіе всей этой сцены Булгари молча ходилъ по комнатѣ, говорилъ мнѣ, что надѣется, что я буду у него обѣдать того дня; я отказался подъ предлогомъ, что я очень спѣшу ѣхать, и отправился въ гостиницу, гдѣ остановился въ ожиданіи полковника Николаева; въ тотъ же день я послалъ тихонько за слугой графа Булгари, и онъ разсказалъ мнѣ, что Булгари приказалъ ему молчать, когда кофе варился, насыпалъ туда какого-то бѣлаго порошку, какъ онъ выразился, и разсказалъ между прочимъ, что какой-то заѣзжалъ къ нему военный офицеръ изъ Курска наканунѣ моего приѣзда, сидѣли почти до полуночи, все разговаривали, и хотя они говорили пофранцузски, но часто поминали имена Вадковскаго и мое. Мнѣ не трудно было понять, въ чемъ дѣло. Слуга не зналъ, какъ звали этого господина, онъ его никогда прежде не видѣлъ, и сколько я ни старался узнать, кто онъ такой, никакъ не могъ; на станціи я также справлялся, не проѣзжалъ ли кто наканунѣ изъ военныхъ офицеровъ, но по книгѣ почтовой никто не проѣзжалъ. Полковникъ Николаевъ не замедлилъ приѣхать и разсказалъ мнѣ всѣ подробности, какъ онъ взялъ Вадковскаго и отправилъ его въ крѣпость, а я о томъ, какъ Булгари меня едва на тотъ свѣтъ не отправилъ. Располагая взять Булгари въ ту ночь, я послалъ узнать, дома ли онъ, и написалъ ему записку, что непредвидѣнные обстоятельства меня удержали въ Харьковѣ, и что я желалъ бы его видѣть, то будетъ ли онъ дома. Это было ровно въ половинѣ шестого часа, но посланный воротился назадъ и сказалъ, что Булгари тотчасъ послѣ обѣда взялъ почтовыхъ лошадей и выѣхалъ изъ Харькова неизвѣстно куда; отца его Якова Булгари въ то время въ Харьковѣ не было, и я съ Николаевымъ, такъ какъ нельзя было терять времени, поспѣшили ѣхать въ Таганрогъ, дабы окончательно распорядиться арестомъ всѣхъ, о которыхъ Вадковскій упоминалъ въ письмѣ своемъ.

ТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ ¹⁾.

IX.

Генеральскій Прохоръ.

I.

ТОЯЛЪ июльскій вечеръ. Было часовъ около восьми.

Я возвращался домой съ рыбной ловли.

— Не хорошо проходить мимо добрыхъ знакомыхъ, Александръ Васильевичъ!

На балконъ (если только такъ можно назвать крыльцо, огороженное перилами) маленькой дачи сидѣли генералъ Беклемишевъ и о. Иона, священникъ соснинской церкви.

Я поклонился и сказалъ:

— Спѣшу домой, Валеріанъ Несторовичъ.

— Напрасно. Пріятеля вашего нѣтъ еще дома.

Онъ не возвращался изъ монастыря.

— До сихъ поръ?

— Да... Заходите-ка чай пить... Замѣчательный чай... Мы вотъ съ о. Ионой чайкомъ балуемся, да споръ ведемъ... По-моему, святой отецъ ересь проповѣдуетъ.

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», 1894 г., октябрь.

Генераль засмѣялся.

— Вѣдь Миша сейчасъ вернется,—сказаль я.

— Что-жъ такое... Сюда же явится... Идите, будетъ вамъ колебаться... Много наловили?

— Мало... клевъ плохой.

Я прошелъ въ палисадникъ, въ которомъ не было цвѣтовъ, а торчали только двѣ жалкія березки, страдавшія, по выраженію мѣстнаго врача, малокровіемъ. Генераль называль доктора шутя «дурандасомъ» и увѣряль, что березки скоро превратятся въ роскошныя березы.

— Черезъ сто лѣтъ,—говориль докторъ.

— Конечно, надо подождать, а только онѣ не погибнуть, увидите!—увѣренно произносиль генераль.

Но позвольте, читатель, познакомить васъ съ генераломъ Беклемишевымъ.

Это былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти пяти, высокаго роста, атлетическаго сложенія. Онъ имѣль видъ богатыря, и про него всѣ говорили: «красавецъ-старикъ». Коротко подстриженные волосы и длинная борода—совершенно сѣдые, а густыя брови—черныя; взглядъ карихъ глазъ—орлиный. Крупныя черты лица какъ нельзя болѣе гармонировали съ всей фигурой и дышали благородствомъ. Голосъ отставнаго моряка то гремѣль повелительно, то ласкаль слухъ мягкими баритонными нотами. Походка у Беклемишева была чисто командирская.

Я познакомился съ генераломъ на «кумыскѣ», въ Самарской губерніи, куда онъ привозиль больную дочь. Черезъ два года я снова встрѣтился съ нимъ. Онъ жилъ на дачѣ, на берегу Волхова, почти рядомъ съ моимъ пріятелемъ-художникомъ, къ которому я пріѣзжалъ погостить. За это время я еще болѣе сблизился съ морякомъ. Къ нему неволью влекло.

Беклемишевъ былъ вдовець и жилъ на дачѣ съ сестрой, тоже вдовой, съ дочерью, болѣзненно дѣвушкою, и съ двумя сыновьями, изъ которыхъ одинъ учился въ университетѣ, а другой только что вышелъ въ отставку, хотя еще и носиль военную форму. Оба сына—страстные охотники, рѣдко бывали дома: «то на охотѣ за дичью, а то—за бабами», какъ полупрезрительно выражался отецъ. Сестра генерала занималась хозяйствомъ и читала духовныя книги. Дочь Наташа цѣлые дни лежала въ гамакѣ, въ палисадникѣ, или гуляла въ полѣ.

Валеріанъ Несторовичъ «умираль на рѣкѣ», по словамъ сестры, которая не могла понять «страсти» брата.

— Сидѣть съ удочкой цѣлые дни, «ждать»—что можетъ быть нелѣпѣе!—говорила она, пожимая узкими плечами.

— Ну, Анна Несторовна, ты ничего не понимаешь, потому такъ и судишь,—возражалъ Беклемишевъ.

Хозяинъ дачи, Прохоръ, былъ искусный рыболовъ. Онъ понравился генералу, и этотъ сдѣлался у него постояннымъ жильцомъ на лѣто. Дача плохая: тѣсная, низенькая, съ «протекціей», а Беклемишевъ за нее платилъ сто рублей.

— Да больше тридцати, много сорока никто бы не далъ, — говорилъ о. Іона.

— Ну, какъ можно, — возражалъ морякъ: — сорокъ рублей слишкомъ дешево!

— Настоящая цѣна.

— Что вы! Да и зачѣмъ мнѣ обижать трудящагося человѣка... Онъ такъ меня любитъ... Въ день моего рожденія приноситъ самую крупную добычу... На уженьѣ хлопочеть... Честный, хороший, услужливый мужикъ!

Домъ старѣлъ, разрушался, но Прохоръ и не думалъ поправлять. Зачѣмъ? Онъ аккуратно получалъ сто рублей... даже бралъ ихъ впередъ.

— Счастье генеральскому Прохору, — говорили соснинцы.

Въ деревнѣ было два Прохора: Прохоръ Заикинъ и Прохоръ Проскудинъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ у второго поселился генералъ, всѣ начали величать его генеральскимъ, а Заикина звали просто по имени... Такъ и знали всѣ: если говоритъ ктонибудь, что идетъ къ Прохору, — то это значило, что къ Заикину. Когда же указывали на Проскудина, то говорили обыкновенно: генеральскій Прохоръ. Фамилія какъ бы исчезла и забылась. Самъ Прохоръ такъ привыкъ къ новому прозвищу, что на вопросъ слѣдователя: какъ васъ зовутъ, свидѣтель? — отвѣтилъ: «Генеральскій Прохоръ, ваше высокоблагородіе!»

II.

— Мы вотъ чайкомъ балуемся, — произнесъ генералъ, встрѣчая меня.

Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и продолжалъ:

— А отче ересь проповѣдуетъ, никакъ и урезонить его не могу.

Отецъ Іона, низенькій плотный человѣкъ, съ широкимъ лоснящимся лицомъ, съ карими пронырливыми глазами, молча улыбался на слова хозяина и покуривалъ папироску, держа ее тремя пальцами.

О. Іона уже давно «священствовалъ» въ селѣ. У пастыря былъ свой домикъ, а въ немъ — полная чаша, какъ говорили всѣ. Снимая въ аренду гдѣ-то землю, онъ отдавалъ ее за тѣмъ отъ себя и получалъ прибыль. Служилъ онъ благолѣпно, но внѣ храма не интересовался паствою, какъ духовный отецъ. Онъ зналъ прекрасно всѣхъ и, живя давно въ деревнѣ, изучилъ мужика досконально.

— Нашего попа на кривой не объѣдешь! — говорили про него.

— Кто нашего попа надуетъ, тотъ трехъ дѣнь не проживетъ,— замѣчали шутники.

О. Иона отличался рѣдкимъ спокойствіемъ и добродушіемъ. Его нельзя было разсердить, взволновать.

Мужикъ говоритъ иногда что нибудь обидное по его адресу. Онъ слушаетъ спокойно, а потомъ добродушно промолвить:

— Пустое, братецъ, мололъ все... Непутныя твои рѣчи, изыди!

Сообщаютъ о. Ионѣ о возмутительномъ фактѣ. Рассказывающій горячится, волнуется. О. Иона внимаетъ спокойно.

— Батюшка, да вѣдь это... безобразіе!

— Грѣхъ, грѣхъ!—произнесетъ онъ.

— Изъ рукъ вонъ... Что же это!.. Какъ вы можете хладнокровно слушать!

— Во грѣхѣ мѣръ, во грѣхѣ... Зло сильно... надо молиться.

И сейчасъ же добавитъ:

— Не выпьемъ ли мы чайку? Что тревожиться... вредно... Господу предоставимъ... Онъ всему устроитель.

Поздоровавшись съ о. Ионой, я промолвилъ:

— За что это васъ генераль въ ереси обвиняетъ?

— За правду, единственно за нее.

Онъ докурить папироску, загасилъ ее о блюдечко и, бросивъ въ садъ, прибавилъ:

— Не хочеть признать моихъ словъ, потому только. А слова мои—истинны.

— Въ чемъ дѣло?

— Да вотъ...

Но генераль перебилъ его:

— Нѣтъ, позвольте, отче... Вы не вѣрно представите дѣло.

И, обратившись ко мнѣ, Беклемишевъ заговорилъ:

— Судите... Отецъ духовный—и такого мнѣнія... сквернаго, прямо сказать, о пасомыхъ имъ овцахъ... Выходитъ, что всѣ они, мужики—прохвосты.

— Вотъ ужъ и не правда, ваше превосходительство,—возразилъ съ улыбкой о. Иона:—не говорилъ я сего.

— А что же?

— Я говорилъ только, что мужикъ нашъ совсѣмъ не есть то, что выходитъ изъ статей иныхъ современныхъ господъ сочинителей... не есть онъ сосудъ добродѣтели.

— Ну, да: въ ротъ ему пальца не клади! Откусить? Такъ?

— Можетъ и откусить,—подтвердилъ о. Иона.

— И неблагодарный?

— Не особливо благодаренъ... и это истинно!.. Какъ всякій человѣкъ, онъ наблюдаетъ выгоду, и какъ при семъ человѣкъ недостаточно умственно и нравственно просвѣтленный, то и не считаетъ часто порокомъ того, что на самомъ дѣлѣ порочно.

— Обманеть кого угодно... Особенно барина?

— Несомнѣнно. Потому такой взглядъ у него: у барина денегъ много... Баринъ богатъ... Мнѣ одна баба на духу прямо призналась: «Ни у кого, говорить, не воровала».—На мѣстѣ жила?—спрашиваю. «Жила».— Не крада? Изъ денегъ, когда что покупала, изъ добра господскаго?—«Извѣстно, говорить, брала... Надо же подсобить своимъ. Гдѣ же бѣдному человѣку и нажитья, если не у господъ. Только какое же это воровство!» Вотъ какія у нихъ смутныя понятія, ваше превосходительство! Или вотъ еще: былъ тутъ, не особенно отсюда далече, одинъ священникъ, отецъ Ильи. Доброй души, прямо надо сказать. Придетъ къ нему мужикъ, просить обвѣнчать. Хорошо. О. Илья и говорить: «да у тебя есть ли деньги-то? Коли нѣтъ, такъ потомъ дашь. Не надуешь же отца духовнаго». Мужикъ чуть не въ ноги. Ну, повѣнчаетъ и ждетъ. А тотъ и не думаетъ отдавать. Да такъ и съѣдетъ ни на что. Ну, а какъ у о. Ильи померла жена, и пошелъ онъ въ монастырь, такъ сталъ онъ все имущество продавать, чтобы деньги дать дочери, ее пристроить. И вотъ, ваше превосходительство, на моихъ глазахъ все было. Вы какъ полагаете, мужички-то его отблагодарили? Да ни за что все пошло... вотъ какъ! Я и говорю Осипу... состоятельный былъ крестьянинъ, хозяйственный:—Что, Осипъ, вѣдь вы дешево все купили у о. Ильи.—«Чего, говорить, дешевле!».— Не хорошо, Осипъ!—«А что?»—Да онъ до васъ добръ былъ... не обременялъ... А вы какъ? А Осипъ мнѣ на это: «Добръ былъ, это правда... Чтожь, это его дѣло... Мы ему всегда за это благодарны... хороший рѣдкій человѣкъ... А только это его добрая воля была... А кто же себѣ врагъ? Коли можно дешевле, какой же дуракъ станетъ дороже давать?» Вотъ вамъ, ваше превосходительство, и истина. Вы по добротѣ разсуждаете, а я сузу по ихней натурѣ и жизни... и слова мои вѣрны!

— Э, батюшка, да вѣдь и вы не залотите дорого, если можно дешево!—сказалъ генералъ.

— Всѣ люди, всѣ человѣки, ваше превосходительство,—отвѣтилъ спокойно о. Иона:—но когда и какъ, при какихъ обстоятельствахъ жизни что воспослѣдуетъ. Дозвольте еще привести примѣръ.

— Какой?

— На сію же тему. Довелось мнѣ знать одного сочинителя. Безъ сомнѣнія, и вы его слышать изволили: Фаворскій по фамиліи ¹⁾).

— Не слыжалъ,—признался морякъ:—онъ умеръ?

— Не могу сказать, ибо ничего не знаю о немъ теперь.

— Живъ,—замѣтилъ я.

— Вы его знаете?—спросилъ Беклемишевъ:—читали?

— И читалъ, и зналъ. Немножко увлекается и нарочно усили-

¹⁾ Фамилія вымышленна.

ваеть мрачныя краски, чтобы пробудить общество. Его книга о русских рабочих—замѣчательная книга.

— А-а... Не читалъ. Ну, такъ что же дальше, отче?

— Такъ вотъ-съ... Они совершенно вѣрно замѣтили, что Оаворскій—прекрасный человѣкъ. Такого добраго сердца я и не встрѣчалъ больше. И супруга подъ пару. Къ церкви мало прилежали, даже, можно сказать, совсѣмъ были не религіозны... Но жизнью, добротой своей, любовью къ ближнему — были воистину христіане. Нуждающійся не отходилъ отъ ихъ порога неудовлетвореннымъ. Сами были въ несчастіи, а другихъ жалѣли.

— Въ какомъ несчастіи?—спросилъ генераль.

— Подъ наблюденіемъ состоялъ самъ и на отлучку не имѣлъ права. Не вѣдаю, за что, не любопытствовалъ. Такъ вотъ, изволите видѣть... Было у нихъ двое дѣтокъ, дѣвочка и мальчикъ. Избытка не было,—то-есть не то, чтобы они нуждались, нѣтъ... жили они ничего. Работалъ онъ прилежно. Но очень ужъ много помогали и на себя тратили куда меньше того, что могли бы. Держали они прислугу одну, и ей во всемъ помогала сама Агнія Владимировна... И по хозяйству, и съ дѣтьми... Даже мужу успѣвала пособлять: переписывала, переводила. Истинные труженики были. Многое имъ за сіе и за доброту простится... Да-съ!.. Жила у нихъ въ услуженіи дѣвушка Марѣуша... Ужъ третій годъ жила... Обращались они съ ней, какъ съ родной: вмѣстѣ даже пили и ѣли. Никакого различія не дѣлали. А ужъ какъ помогали! Корова пала у отца—Оаворскій на корову далъ. Въ податяхъ заминка—опять даютъ. И не одиновою... Заболѣла какъ-то Марѣуша, такъ они ее даже въ больницу не отправили, а докторъ ѣздилъ, и сама барыня за ней ходила, что сидѣлка. Не то, что лѣкарства давала, а сама натирала, ванну ей дѣлала. Словно за дочерью ходила. Такое золотое сердце было у Агнии Владимировны. Да что это... Всѣ нечистоты выносила, потому больше некому... Такъ измаялась, что и сама-то на больную походила. Я бывало говорю: «Агнія Владимировна, въ больницу ее лучше». На меня же напала, стыдить:—«пастырь, а что совѣтуете... какой тамъ уходъ?»— Я и говорить не сталъ, оно и не ловко точно, да жаль ее, и людей я знаю хорошо. Вотъ отходила она Марѣушу... поправилась та и за работу не сразу принялась, берегли все... Прошло этакъ около полугода. Самъ-то уѣхалъ въ Москву, по дѣламъ, разрѣшенье выхлопоталъ... Осталась Агнія Владимировна одна съ дѣтьми. А въ ту пору корью болѣли кругомъ, да горловыя болѣзни эти... Слегла дѣвочка, а за ней и мальчикъ. Сбилась мать. Изболѣла душой, а еще вдругъ да и ударъ ей: объявляетъ Марѣушка, что она отходить. Почему? Да, говоритъ, мамонька умираетъ, письмо пришло, и зовутъ ее безпремѣнно. Агнія Владимировна просить подождать: какъ же, говоритъ, я одна останусь съ больными дѣтьми? Нѣтъ, не хочеть: мамонька больна... Причина тоже уважительная... Отпустила и еще

что-то на дорогу дала. И что бы вы думали: нисколько не была ма-монька больна, а просто на другое мѣсто, въ Питеръ сманили, двумя рублями больше дали. И за два рубля продала она свою благодѣ-тельницу. Да еще въ какое время оставила! Какъ хотите, такъ и судите, ваше превосходительство, а вотъ вамъ сама жизнь. И таково отношеніе ихъ къ вамъ-съ и прочимъ.

— Ну, вы исключительные факты берете! — сказала Беклемишевъ.— Не все такіе... Да дѣло-то не въ томъ, а вотъ, Александръ Васильевичъ,—обратившись ко мнѣ, промолвилъ генераль:—отче не любить почему-то моего хозяина. Я его хвалю, а отче улыбается да твердить одно: «ошибаться изволите». Да помилуйте, неужели не видно человѣка? Я у него пятый годъ живу. Да какое пятый... шестой даже... и всегда онъ съ услугой, усердный, честный. Хоть бы вотъ вчера нарочно сына гонялъ за шесть верстъ, чтобы достать тарангасъ... Захотѣли сестра и дочь моя ѣхать въ Гудково... Ключъ какой-то тамъ чудотворный есть... Какая ему прибыль такъ услуживать?

— Ему лучше знать, ваше превосходительство, — промолвилъ о. Іона.— Я его не хаю... Я только говорю: онъ, какъ и всѣ... выгоду свою наблюдаетъ... И тонкаго чувства, какъ вы думаете, онъ не понимаетъ... И какъ бы онъ васъ ни почиталъ, а своего не упустить и выгоду превыше всего поставить.

— Ну, чтожъ, это «практичность и только», а все-таки Прохоръ...

Но въ эту самую минуту вошелъ онъ, который былъ предметомъ разговора.

III.

Прохоръ—высокій, бѣлокурый мужикъ изъ такъ называемыхъ «жилистыхъ», т. е. по виду худощавый, но кряжистый, лѣтъ 45—47. Рѣдная свѣтлая борода обрамляла продолговатое лицо съ желтоватымъ цвѣтомъ кожи. Я его часто видалъ, хотя и мало съ нимъ разговаривалъ. Онъ одѣвался просто, но опрятно. Въ церковь, куда онъ ходилъ каждое воскресенье, надѣвалъ «спинжакъ» и шарфъ, хотя было бы и тепло. Видъ у него былъ добродушный, нѣсколько умильный, и только сѣрые запавшіе глаза выглядывали плутовато и бойко изъ-подъ свѣтлыхъ бровей.

Прохоръ осторожно вошелъ на крыльцо, снялъ фуражку и, низко кланяясь, промолвилъ почтительно-вкрадчивымъ голосомъ:

— Чай да сахаръ, ваше превосходительство! Простите, что побезпокою...

— Ничего, ничего, Прохоръ,—ободряюще произнесъ генераль:—мы вотъ какъ разъ о тебѣ рѣчь вели... Вотъ отче тебя хаеетъ все... Беклемишевъ засмѣялся. О. Іона немного смутился.

— Я не хаяль, вапе превосходительство, а только...

— За что же меня хаять о. Ионѣ,—проговорилъ Прохоръ:—я ему ничего худого не сдѣлалъ, отъ меня и ото всей семьи онъ видитъ, какъ слѣдствуетъ, почтеніе, потому онъ нашъ пастырь, а мы его дѣти... Что ежели на счетъ чего... не по закону все... согрѣшишь... Такъ вѣдь гдѣ же... Мы всѣ грѣшныя.

— Ну, ну, я такъ пошутить, — перебилъ генераль сладко-покорную рѣчь Прохора.—О. Иона ничего худого не говорилъ о тебѣ... Онъ вообще... строгъ очень. Такъ вѣдь, отче?

О. Иона только улынулся на это.

— Отцу духовному и подобаеъ быть строгимъ,—сказалъ Прохоръ:—на то онъ и поставленъ... Ежели таперича да дать намъ волю... то что же и будетъ... Мы о. Ионѣ завсегда благодарны на его словѣ и наставленіи.

Въ его, повидимому, очень искреннемъ тонѣ прорывались фальшивыя ноты, которыхъ генераль не замѣчалъ. Но «духовный отецъ» отлично зналъ Прохора. На губахъ пастыря промелькнула насмѣшливая улыбка, но только промелькнула.

— А вотъ что, Прохоръ,—произнесъ онъ уже съ обычнымъ добродушіемъ,—зачѣмъ ты дачу-то запускаешь?

— Какъ запускаю, батюшка?

— Да смотри—протеки... Крыльцо сгнило...

— Эхъ, о. Иона,—сказалъ рыбакъ съ глубокимъ вздохомъ:—самъ знаю, что плоха становится... даже, можно сказать, совѣстно ихъ превосходительства... Да гдѣ же силы взять?.. Чѣмъ подняться? Вѣдь кабы не ихъ превосходительство... такъ совсѣмъ петля... Какіе достатки?.. Уловы плохіе, а земля — только слово, что земля. Насилу дышишь.

— А ты попросилъ бы генерала-то,—продолжалъ о. Иона.—Онъ поможетъ.

Прохоръ сладко улынулся и сейчасъ же принялъ смиренный видъ.

— Мнѣ ли о чемъ просить ихъ превосходительство... И такъ взысканы... Вѣчно должны помнить доброту ихъ... Вотъ вы, батюшка, о помощи говорите... И то ономясь лавочникъ сказываетъ мнѣ: «И счастливъ ты, Прохоръ!»—Почему же?—спрашиваю я.—«Жильца-то Богъ послалъ тебѣ... этакого... благодѣтель!» говорить.—Истинно, отвѣчаю я, благодѣтель... Что отецъ родной!..—«Ну, вотъ,—говорить это лавочникъ-то опять:—вотъ и попросилъ бы его помочь... Крышу новую... Домъ-то и поднялся бы...».—Вѣстимо такъ, да нѣшто, говорю, я смѣю... Нѣшто я скотъ безчувственный?

Прохоръ говорилъ элегически-сладко, бросая изрѣдка бѣглые взгляды на жильца.

— Да что же,—промолвилъ Беклемишевъ:—вотъ я опять тебѣ дамъ впередъ, ты и прекрываетъ.

— Ваше превосходительство, Валеріанъ Несторовичъ!.. Да ужъ извѣстно вы вашей милостью не оставите... только смѣю сказать, тутъ на такую сумму и не повернуться.

Онъ опять вздохнулъ.

— Мало?—спросилъ генераль.

— Какъ можно!.. Перво-на-перво вся крыша... да и полы надо...

Ну, тамъ...

— Да всего лучше новую дачку выстроить, — смѣясь сказалъ о. Іона.

— Ужъ это чего лучше, — въ его же тонъ, шутливо промолвилъ Прохоръ.—Да вотъ, годите, батюшка, выиграю тысячъ сорокъ, такъ домъ-то не хуже Дыркина выстрою!

Онъ почтительно разсмѣялся, помолчалъ и, кашлянувъ въ ладонь промолвилъ:

— Какъ нибудь, помаленьку, все исправимъ... Лишь бы только благодѣтели наши не наскучили жить въ здѣшней сторонѣ... да насъ не осиротили... теперь, батюшка, такъ сказать: мнѣ опосля ихъ превосходительства и не пустить другихъ, кажись... потому привыкли... точно господа свои... уѣдутъ это и заскучаешь: ждешь—не дождешься весны... приѣдутъ, и оживешь опять... истинно!..

— Да, да... привычка большое дѣло!—сказалъ о. Іона, доставая папирску изъ роговаго портсигара.—А ты это что... Не угря ли принесъ въ подарокъ Валеріану Несторовичу?

О. Іона указалъ спичкой на буракъ, который держалъ Прохоръ въ лѣвой рукѣ.

— Какіе нонче угри, батюшка! И пымаешь, такъ срамно и нести въ подарокъ... Я ужъ и то давно печалюсь... Все хочу порадовать себя.. Вотъ, думаю, словлю налима, либо сига, такого, что не стыдно будетъ и ихъ превосходительству поднести... Такъ ты хошь что бы!.. не ловятся, да и все тутъ!

Прохоръ съ досадою махнулъ рукой.

— А вотъ, ваше превосходительство, — заговорилъ онъ, мѣняя тонъ:—поѣдемте лучить... вы ономнясь говорили... вотъ я и наладилъ... ночь сегодня какъ разъ подходящая... вы одни... мы отличнымъ манеромъ.

— А-а... это хорошо, хорошо!..—воскликнулъ обрадовавшись Беклемишевъ:—спасибо, Прохоръ! Спасибо! Не забыть...

— Какъ же можно-съ, ваше превосходительство! Валеріанъ Несторовичъ! Мнѣ, да забыть!

— Спасибо!—повторилъ генераль.—Вотъ и вы не хотите ли?—обратился онъ съ предложеніемъ ко мнѣ.

Я отказался.

— Нѣтъ, мы съ Мисей будемъ сегодня читать... Давно надо кончить одну статью... Я же скоро ѣду.

— Вашъ Миша вѣрно влюбился въ игуменью и заночуетъ подлѣ монастыря.

— Да вотъ они-съ и идутъ,—сказалъ Прохоръ, замѣтившій художника, возвращавшагося съ работы, со своей «походной кухней», какъ острилъ генераль.

Мой пріятель еле передвигалъ ноги.

— Миша, заходи сюда!—крикнулъ я.

— Не могу, усталъ страшно... Десять верстъ съ этой машиной отшагалъ!—отвѣтилъ художникъ.

— Вѣдь вы же на лодкѣ,—сказалъ генераль.

— Туда на лодкѣ, а назадъ—пѣшкомъ.

— Почему же?

— Изъ-за скота Митьки.

— Какимъ образомъ?... Да зайдите на минутку... Отдохните, чайку выпейте, потомъ и пойдете.

Художникъ соблазнился предложеніемъ.

— А не холодный?

— Ну, не горячій уже... а все же теплый,—отвѣтилъ генераль.

— Давайте, стаканъ выпью... Уморился.

Онъ былъ сильно утомленъ.

— Куда же дѣвался Митька? — спросилъ я. — Вѣдь онъ всегда ѣздитъ съ тобою? Ты съ нимъ уѣхалъ?

— Съ нимъ.

— Ну?

— А тамъ — кампанія какая-то пришла въ монастырь и наняла его.

— Какъ же онъ могъ?

— Очень просто... Съ меня онъ получилъ бы вдвое меньше. Ну, и бросилъ меня. Впрочемъ, онъ предложилъ мнѣ прибавить ему полтину, тогда хотѣлъ остаться.

— Надо бы дать уже.

— Ну, нѣтъ! Это свинство! Посудите, о. Іона, — обратился художникъ къ священнику: — всѣ Митькѣ до монастыря платятъ сорокъ копеекъ, въ оба конца шесть гривенъ.

— Красная цѣна,—согласился о. Іона.

— Ну, да!.. Я же ему плачу рубль; онъ со мной закусываетъ и пьетъ вино... Мало того: не дальше, какъ въ прошлую субботу, встрѣчаю его на берегу... Чуть не плачетъ... Что такое? — спрашиваю.—Да потерялъ два рубля... Батка ругается... Чуть не избилъ... Я, по дурацкой простотѣ, возьми и дай ему два карбованца... Это, говорю, тебѣ на чай... за все лѣто... Греби лучше!.. Засмѣялся и говорить: я васъ, Михайло Степанычъ, прокачу, что на пароходѣ... И прокатить!

— А ты ему напомнилъ бы,—сказалъ я.

— Ну, его къ чорту, скотину!

Онъ махнулъ рукой.

О. Иона засмѣялся.

— Вотъ какіе вы, мужики, Прохоръ! — сказалъ онъ. — Хорошо развѣ?

— Этотъ Митька жохъ! Ему пальца въ ротъ не клади! — уклончиво отвѣтилъ Прохоръ.

— Не клади... не клади!

О. Иона поднялся съ мѣста.

— Пора и къ дому... Попадья, поди, и ужинъ сготовила, — промолвилъ онъ, ища глазами свою широкополую шляпу.

Найдя ее, онъ сталъ прощаться съ генераломъ.

— Такъ вы сегодня лучить отправляетесь?

— Да, да... Люблю я это... моихъ нѣтъ дома... самое удобное время... Поклонъ матушкѣ.

О. Иона ушелъ, а вслѣдъ за нимъ отправился и Прохоръ «налаживать» все къ лученью.

Мы еще пробыли съ полчаса у генерала. Онъ хвалилъ Прохора и удивлялся «сухости попа».

Я ничего не возражалъ. Миша любилъ поспорить, но сегодня онъ былъ утомленъ и на всѣ разсужденія Беклемишева промолвилъ только:

— Попъ-то дѣйствительно не изъ мягкихъ, но и мы — дураки!

— Какъ такъ? — воскликнулъ генералъ.

— Спать хочу, — отвѣтилъ, смѣясь, художникъ. — Потомъ когданибудь... Ты со мной?

— Конечно, — отвѣтилъ я.

Мы простились съ Беклемишевымъ, пожелавъ ему «счастья въ лученья».

IV.

Спустя недѣли двѣ, передъ отъѣздомъ изъ Соснинки, я встрѣтилъ какъ-то на станціи о. Иону.

— Что это васъ нигдѣ не видно? — спросилъ онъ, здороваясь со мною.

— Занягъ... кончаю работу... Потомъ я ѣздилъ въ Новгородъ, въ окрестности.

— Собираете матеріалы?

— Отчасти — да... О «вѣчевомъ городѣ» пишу.

— Доброе дѣло... Давно не видѣли генерала?

— Давненько... Послѣ того вечера заходилъ какъ-то... но у него сидѣлъ пріѣзжій гость... А тутъ сыновья вернулись... А я ихъ не особенно долюбливаю...

— Легкомысленные молодые люди, — произнесъ о. Иона. — Валеріанъ Несторовичъ добръ и не замѣчаетъ... Довѣрчивъ онъ... очель довѣрчивъ... Вотъ хотя бы Прохоръ...

— А что, развѣ обманулъ?

— Нѣтъ, пока... а очень ужъ къ нему расположенъ Валеріанъ Несторовичъ... Я предупреждалъ... Не внимаетъ... А Прохоръ добьется... Посмотрите—добьется.

— Чего?

— Да на счетъ дачи... Вчерась я былъ у генерала. Онъ ужъ начинаетъ поговаривать о томъ, чтобы всю дачу на свой вкусъ перестроить... съ удобствами, значить...

— Какъ, генеральъ строить свою дачу здѣсь?

— Нѣтъ, это-то бы лучше... Такъ онъ не то хочетъ... Онъ намѣренъ дать денегъ Прохору, чтобы тотъ свою дачу сънова перестроилъ.

— А Валеріанъ Несторовичъ причемъ?

— Онъ будетъ попрежнему снимать на лѣто.

— Заживать деньги?

— Вотъ, вотъ.

— Такъ что же: лучше жить въ хорошей дачѣ, чѣмъ въ плохой. Вѣроятно, у генерала есть запасныя деньги?

— Какъ не быть! Есть, есть, разумѣется. Да зачѣмъ? А если ему надоѣсть жить здѣсь? Мало ли что можетъ случиться? Зачѣмъ себя связывать?.. Ну, плоха дача у Прохора, такъ вѣдь можно опять у другого... Что за любовь такая, въ самомъ дѣлѣ, къ этому человеку! Вы полагаете, что онъ и вправду такъ ужъ привязанъ къ генералу? Пустое! Просто выгодный жилецъ. Кто дастъ сто рублей, когда вся цѣна за дачу сорокъ... Вотъ на счетъ рыбы тогда... помните, онъ о налимѣ говорилъ: лову, говоритъ нѣтъ... а плохаго и дарить срамно... А знаете ли, наканунѣ сынъ его большущаго угря продалъ инженеру... Я только конфузить не хотѣлъ... Ну, его!

Въ этотъ же день я зашелъ къ Беклемишеву и засталъ тамъ Прохора. Генеральъ очень обрадовался мнѣ, попенялъ за то, что я его забылъ.

— О пріятелѣ вашемъ не говорю. Тотъ все къ игуменьѣ ходить... Ну, что же дѣлать, если ему старушка полюбилась... ха, ха, ха! Но вы то, вы чего задропали?

— Тоже работаю... ѣздиль...

— Всѣ работаютъ... вотъ и я тоже... за работой... и вѣдь серьезная, батенька!

— Новый планъ кампаніи на щукъ и прочую рыбную тварь?— смѣясь спросилъ я.

— Какое! серьезное дѣло! Да, вы вѣдь не знаете... Мы съ Прохоромъ палладо строимъ новое!... Вы не знаете еще?

— Не знаю... Какое же это палладо?

— Э-э, батенька!

Онъ улынулся и подмигнулъ Прохору.

— Удивимъ вѣдь, Прохоръ? а?

— Да ужъ если все, какъ вы полагаете, ваше превосходительство, то дѣйствительно удивленія достойно!

— Да, братъ, ужъ если дѣлать, такъ дѣлать!

И, обратясь ко мнѣ, генераль промолвилъ:

— Даю я Прохору денегъ, чтобы выстроилъ онъ новую дачу... настоящую... съ верандой, съ башенкой... ну, и расположеніе комнатъ не такое нелѣпое... Словомъ—настоящую дачу, а не деревенскую избу.

— Это не дешево будетъ стоить,—замѣтилъ я.

— Да, рублей... мы вотъ рассчитывали... такъ около тысячи.

— Значить, надолго вы здѣсь поселяетесь?

— Да развѣ здѣсь худо? Я привыкъ... А по своему вкусу выстрою, такъ еще лучше... Привыкъ я, Александръ Васильевичъ, привыкъ къ мѣсту, и къ нему вотъ... Думалъ дать ему на крышу, да потомъ и разсудилъ: не все ли равно мнѣ, что по частямъ ему платить, что сразу дать... потомъ и заживать буду. За то настоящая дача, а не эта мерзость... Дочери удобнѣе... и кто пріѣдетъ, такъ принять есть гдѣ... А ему — дача... Умру, такъ не забудеть... Скажетъ доброе слово.

— И чтой-то вы, ваше превосходительство, о смерти задумали говорить,—произнесъ Прохоръ какъ-то испуганно и недовольно.— Такія ли ваши лѣта, чтобы о смерти помышлять... Здоровье у васъ, слава Богу, крѣпкое.

— Богу все извѣстно, Прохоръ, — перебилъ Беклемишевъ: — я такъ, къ слову. Ну, все равно, живъ буду, такъ... все же не скажешь, что я не помогу тебѣ.

— И вотъ опять тоже... Ахъ, ваше превосходительство!..

Обида и грусть зазвучали въ голосѣ Прохора:

— Да какъ же и въ глаза людямъ добрымъ я посмотрю, коли ваши милости да не буду чувствовать... Я, это, и то стою въ церкви, да и думаю: Господи, за что я такъ Тобою взысканъ... послалъ мнѣ Ты такого благодѣтеля, что замѣсто отца родного... Ужъ какъ только я и заслужу?.. не знаю!.. Думаю, думаю и удумать не могу!

Беклемишевъ довольно засмѣялся.

— Ну, заслужишь, Прохоръ... я тебѣ потому и даю, что... ты мужикъ честный... трудящійся... не пьяница... и хорошее отношеніе къ себѣ понимаешь.

— Да какъ же не понимать, ваше превосходительство!... Собака, на что тварь, и та ласку понимаетъ... Какой же такой за пропащій человекъ былъ бы я тогда, значить, ваше превосходительство, Валеріанъ Несторовичъ!

Генераль ничего не сказалъ на это. Спустя минуту, онъ произнесъ, обращаясь ко мнѣ:

— Вотъ только сестра противъ... Ей наскучило здѣсь... Ну,

да это—пустяки... Здѣсь воздухъ прекрасный... и рѣка большая... А мнѣ что и надо?... Дочери также здѣсь нравится. Да, да...

Онъ задумался и, помолчавъ, обратился къ Прохору:

— А что ты на счетъ балкона хотѣлъ сказать?

— Да вотъ, ваше превосходительство...

Я не сталъ мѣшать ихъ разговору и протислся съ генераломъ.

Когда черезъ два или три дня я опять зашелъ къ генералу, онъ мнѣ объявилъ:

— Ну, батенька, все рѣшено... Я Прохору и чекъ выдать. Пусть закупаетъ материалы... Знаете, я очень радъ, очень радъ, что былъ въ состояніи помочь хорошему человѣку, да и себѣ удобное гнѣздышко устроить на лѣто... Не такъ ли?

— Да, конечно,—промолвилъ я, понимая бесполезность всякихъ возраженій въ данномъ случаѣ.

— Вы скоро уѣзжаете?—спросилъ Беклемишевъ.

— Послѣзавтра.

— И вашъ пріятель?

— Вмѣстѣ... Онъ—на югъ, а я—на сѣверъ, въ Вологду.

Прощаясь со мною, генералъ промолвилъ весело:

— Беру съ васъ слово пріѣхать ко мнѣ на новую дачу... Она къ веснѣ уже будетъ готова... Вы вѣдь зиму въ Петербургѣ?

— Да.

— Стало быть, увидимся.

Мы дружески простились.

Когда я сообщилъ художнику, что Беклемишевъ уже выдалъ деньги Прохору, то онъ только свистнулъ.

— Что ты, Миша?... Думаешь...

— Думаю, что Прохоръ не лучше Митьки.

— Значить, о. Іона правъ?

— Этотъ попъ отлично раскусилъ мужичка... А ты знаешь... Я сегодня опять сдѣлалъ глупость...

— Какую?

— Въ родѣ прежней.

Онъ не сталъ, однако, объяснять, прибавилъ только: «Дураки мы, дураками и умремъ»... и началъ укладывать вещи въ дорожный ящикъ.

V.

Я предполагалъ прожить зиму въ Петербургѣ. Между тѣмъ дѣла задержали меня до весны въ Москвѣ. Въ маѣ я уѣхалъ на Волгу и только въ августѣ на нѣсколько дней могъ вырваться въ Петербургъ, чтобы повидаться съ издателемъ моихъ книгъ. Въ Окуловкѣ въ нашъ вагонъ сѣлъ соснинскій лавочникъ, у котораго съ художникомъ мы покупали разную мелочь. Онъ обрадовался мнѣ, какъ знакомому.

- Куда Богъ несетъ?—спросилъ онъ, подсаживаясь ко мнѣ.
- Въ Петербургъ ѣду.
- Откуда?
- Прямо изъ Самары... А вы куда ѣздили?
- Братъ померъ... такъ вотъ на счетъ сиротъ, стало... надоть было устроить... Не легкое дѣло... Какъ живете-можете?
- Помаленьку...
- Такъ-съ... Заѣдете къ нашему генералу?
- На обратномъ пути... А что генералъ: въ новой дачѣ живетъ?
- Въ новой-съ!.. Чудесная дача!.. Прямо сказать—краса! Больше тысячи стоитъ... Ну, и дача за то!..
- Отлично, стало быть! Генералъ доволенъ?
- Да-съ... А только вотъ что будетъ дальше...
- Что же такое?
- Вѣдь генералъ-то ранѣ платилъ сто въ лѣто... И теперь, значитъ, за эту цѣну сниметъ дачу у Прохора.
- Такъ же и слѣдуетъ!
- Да-съ, а только вотъ находятся люди, даютъ ему безъ мала двѣсти.
- И неужели онъ хочетъ имъ отдать?—воскликнулъ я.
- Пока что... неизвѣстно... А только соблазняетъ этакая сумма... Сами посудите: сто аль двѣсти... какое же сравненье!
- Позвольте, да вѣдь безъ генерала Прохоръ не выстроилъ бы новой дачи?
- Гдѣ же!
- Такъ что же вы и говорите?
- Оно извѣстно... Только кто же отъ своей пользы откажется?.. Не таковъ мужикъ Прохоръ, чтобы свое терять...
- Развѣ онъ такой негодай?
- Торговецъ усмѣхнулся.
- Зачѣмъ негодай!—промолвилъ онъ, поправляя большой картузь:—Прохоръ—мужикъ хорошій... услужливый... за это ему генералъ и вниманіе оказываетъ... за услугу!.. Но опять же и выгода: сотня на улицѣ не валяется... какой же дуракъ откажется!..
- Я васъ не понимаю,—сказалъ я:—по-моему, надо быть мерзавцемъ, чтобы такъ поступить съ Валеріаномъ Несторовичемъ... такой доброй души человѣкъ...
- Это точно,—согласился торговецъ:—рѣдкій человѣкъ... Ну, и Прохоръ услужливъ... За это ему все... Это такъ... А только нѣтъ тутъ, какъ вы разсуждаете, ничего мерзкаго... И всякій на мѣстѣ Прохора польститъ... Да и генералъ по добротѣ своей не станетъ обижать... А чтобы терять сто рублей... да это не по мужицкому обиходу, помилуйте!..
- Я не сталъ спорить. Зачѣмъ? Мы говорили на разныхъ языкахъ.

Возвращаясь изъ Петербурга, я завернулъ къ Беклемишеву.

Поѣздъ въ Соснинку пришелъ рано.

Напившись на станціи чаю, я отправился бродить по берегу, чтобы часа черезъ два явиться къ генералу. Зайдя въ лавочку за папиросами, я встрѣтилъ тамъ Прохора.

— Къ намъ-съ? Надолго?—спросилъ онъ, снимая шапку.

— На одинъ день... Только до ночного поѣзда.

— Къ ихъ превосходительству?

— Да... къ нему... Ну, что? выстроили новую дачу?

— Да-съ... Чудесная дача... Первая, можно сказать!

— А все генералъ вѣдь!

— Они-съ!.. Облагодѣтельствовали, можно сказать... теперь... за дачу-то мнѣ около двухъ радужныхъ даютъ... Вотъ какова дачка-то!

— Посмотрю.

— Посмотрите-съ... Видъ какой съ башни... вся рѣка-съ... далече видно!

— Кто же тебѣ даетъ двѣ сотни?

— Господинъ одинъ-съ... дилекторъ банка... такъ сказываютъ.

— Деньги хорошія. Да вѣдь тебѣ только отдать-то нельзя.

— Почему-съ?—удивленно промолвилъ Прохоръ.

— Генералъ же далъ деньги... Заживать будетъ... Когда еще сквитаетесь!

— Это точно-съ.. Только всякъсь я хозяинъ своему дому и могу отдать, кому захочу. Запретить мнѣ никто не можетъ.

— Но пока ты не выплатишь долга, какой же ты ховяинъ?

— Деньги—деньгами-съ, а моего отъ меня отнять никто не вправѣ... Дача моя не заложена... Валерьянъ Несторовичъ, дай Богъ имъ здоровья, я за него всегдашній молельщикъ... Деньги дали мнѣ просто на выплату, значить... Я имъ и записочку такую выдалъ... Они и братъ не хотѣли, да сестрица желали... Я и даль-съ... Отчего же, мы не для плутни какой, а по честному... Взялъ, и отдать надо... Въ роспискѣ такъ и прописано: дана Прохору Проскудину тысяча рублей, и выплатить ее я должонъ, значить, въ десять лѣтъ... Теперь, значить, если по сту рублей, какъ и раньше платилъ Валеріанъ Несторовичъ, то какъ разъ въ десять лѣтъ я и покрою все... Ну, а коли мнѣ по двѣ радужныхъ, или тамъ около этого будутъ платить, я и раньше очищусь... Деньги я должонъ уплатить, а чтобы контракту на дачу, мы не писали.

— Послушай, Прохоръ, да ты такія вещи говоришь, что и слушать не хочется,—сказалъ я.—Генералъ тебѣ далъ тысячу рублей. Безъ этой тысячи ты не только бы новой дачи не выстроилъ, а и старая-то развалилась бы... А ты—что: хочешь Валеріана Несторовича промѣнять на какого-то директора? Какъ тебѣ не стыдно!

Лицо Прохора приняло опять сладкое выраженіе.

— Господь съ вами, Ликсандръ Васильевичъ! Да нѣшто я могу

это сдѣлать? Я перво-на-перво резонъ только вамъ объяснилъ, что, значить де, я волею въ своемъ добрѣ поступить, какъ хочу... А чтобы да ихъ превосходительство мѣнять на кого... Да у меня и думы этакой въ умѣ нѣтъ... Валерьянъ Несторовичъ за мѣсто отца родного почитаю... Они нашъ благодѣтель... денно и ношно молиться Богу за него я долженъ.

— Я вотъ про это и хотѣлъ сказать тебѣ, Прохоръ.

— Это точно... что говорить... Я такъ и дилектору сказалъ... очинно, говорю, хорошо... цѣной вашей доволенъ и завсегда бы съ удовольствіемъ... Но какъ ихъ превосходительство—нашъ благодѣтель, можно сказать... то я не могу!

— Это хорошо.

— Да какъ же-съ!.. Нѣшто не чувствуемъ! И опять то: ихъ превосходительство и сами понять могутъ... и, если захотятъ, прибавятъ... не станутъ обижать бѣднаго человѣка... А чтобы я да промѣнять ихъ... Хреста что ли на мнѣ нѣту!

Я невольно вспомнилъ о Іону: «нѣтъ въ словахъ твердости»...

— А ты говорилъ генералу о томъ, что тебѣ даетъ директоръ за дачу?—спросилъ я у Прохора.

— Такъ, къ слову было—сказалъ.

— Что же онъ?

— А они ничего на это не отвѣтили. Только спросали: «какой это дилекторъ?». Ну, а я и самъ доподлинно-то не знаю.

— Не совѣтую, Прохоръ, просить прибавки. Обидишь ты Валеріана Несторовича.

— Да я нѣшто прошу? Я только, значить, обсказалъ все... Что же: какъ есть дѣло, я такъ и говорю... безобидно... Слава Богу, довольно знаемъ ихъ превосходительство. Никогда не были допрежъ обижены... грѣхъ сказать!.. И теперь этого не можетъ быть.

— О какой ты обидѣ говоришь? Вѣдь ты же на деньги генерала выстроилъ...

— Точно...

Но разсуждать было напрасно. Очевидно—лишніе 75 рублей соблазняли Прохора, упустить ихъ ему не хотѣлось, но онъ и боялся и невольно стѣснялся просить надбавки съ генерала. Именно съ генерала. Съ другого онъ, вѣроятно, спросилъ бы прямо. Но онъ надѣялся, что тотъ и самъ прибавитъ. Не даромъ же на «доброту» ссылался.

VI.

Дача мнѣ очень понравилась. Она была выстроена со вкусомъ, комнаты расположены удобно.

— Мой планъ... самъ все указать,—говорилъ Беклемишевъ, показывая мнѣ дачу.

Онъ былъ очень доволенъ, что я заѣхалъ, вспомнилъ его.

— Ужъ я думалъ, что вы и не заглянете... не посмотрите на мою новую дачу... Ну, спасибо, спасибо!.. Хороша вѣдь?

— Прекрасная дача.

— Да, батенька... вотъ вамъ: ему ужъ какой-то директоръ двѣсти рублей даетъ, слышите?

— Ну, и что же?

— Да ничего... Пусть даетъ.

— А если онъ отдастъ?

— Какъ отдастъ?— изумленно воскликнулъ Беклемишевъ... Да я долженъ зажечь... онъ вѣдь на мои деньги выстроилъ.

— Все такъ... Но онъ хозяинъ... у васъ вѣдь нѣтъ договора?

— Договора нѣтъ... такъ, записку я взялъ... Но что вы: Прохоръ не такой мужикъ!.. Онъ такъ благодаренъ, такъ благодаренъ мнѣ! Нѣтъ, батенька, вы съ «отче» что-то ужъ очень сквернаго мнѣнія о Прохорѣ.

— Я вѣдь вамъ ничего не говорю.

— Заразились пессимизмомъ о. Ионы, родной, не хорошо! Чтобы Прохоръ... да вотъ онъ и самъ.

Генералъ подошелъ къ окну и крикнулъ:

— Прохоръ, зайди-ка сюда!

Обернувшись ко мнѣ, онъ продолжалъ:

— Нѣтъ, дорогой... такъ нельзя о всѣхъ судить.

Прохоръ вошелъ, низко поклонился и промолвилъ обычнымъ сладкимъ, вкрадчивымъ голосомъ:

— Что прикажете, ваше превосходительство? Зачѣмъ изволили звать?

— Да вотъ, братецъ... Помнишь, ты говорилъ мнѣ о какомъ-то директорѣ банка, что ли... Дачу хотѣлъ снять у тебя за 200 рублей?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Даетъ 200?

— Двѣсти-съ... Сперва 175, а тутъ недавно всѣ двѣ сотни сулили.

Прохоръ внимательно посмотрѣлъ на меня, видимо, стараясь угадать по моему лицу, какъ я передамъ недавній разговоръ генералу.

— Ну, такъ какъ же ты?—спросилъ Беклемишевъ, очевидно впередъ уже увѣренный въ отвѣтъ.

— Да что же-съ, ваше превосходительство... Цѣна высокая... Коли бы дача пустовала, и разговоръ никакихъ не можетъ быть... отдать бы.

— А теперь?

— Нѣшто вы... раздумали жить здѣсь?

— Я? Нѣтъ... Я тебя спрашиваю: какъ же ты? Отдашь? Прогонишь меня?

Генераль улыбнулся. Ему казалось, что Прохоръ озадаченъ, смущенъ, и это забавляло моряка.

— Что вы изволите говорить, ваше превосходительство!— произнесъ Прохоръ, снова взглянувъ на меня.

Онъ не могъ рѣшить, какъ ему держаться и принять слова жильца.

— Можетъ быть, и съ меня прибавки захочешь, а?

Генераль торжествовалъ и ждалъ, что вотъ сейчасъ Прохоръ такъ отвѣтитъ, что посрамитъ однимъ словомъ и меня и о. Юну. Но рыбакъ иначе понялъ вопросъ Беклемишева. Должно быть, ему показалось, что постоялецъ хочетъ прибавить. И онъ произнесъ, улыбаясь:

— Ваше превосходительство сами знаете... ужъ вы, вѣстимо, не обидите бѣднаго человѣка...

— То-есть какъ это?— недоумѣвающе произнесъ генераль.

И это недоумѣніе его выразилось не только въ голосѣ, но и въ лицѣ.

— Я не понимаю тебя... про что ты?... Ты, стало быть, въ самомъ дѣлѣ думаешь, что я могу... долженъ тебѣ прибавить свыше ста рублей?

Генераль воззрился на Прохора. Этотъ былъ озадаченъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство... Валерьянъ Несторовичъ!... я, тоись, никогда... какъ можно... извѣстно, 200 рублей... оно и стоитъ... по дачѣ... а только, какъ вы...

— Постой, постой! — перебилъ Беклемишевъ, раздражаясь, — не путай... не сыпь словами... По дачѣ?... то-есть что по дачѣ?... Значить я, по-твоему, плачу дешево, да?

Прохоръ молчалъ.

— Да говори же!

— Не извольте гнѣваться, ваше превосходительство... Я же ничего обиднаго не сказалъ... Нѣшто я требую? Вы сами изволили спросить: даетъ, моль, дилехторъ 200? Я и говорю: даетъ. Вотъ вы опять сейчасъ: дешево ли? Какъ сказать на это?... если такъ разсуждать... по дачѣ... извѣстно дешево... кому не надо, дастъ 150!

— Да кто же тебѣ далъ денегъ на дачу, а?

Генераль поднялся съ кресла.

— Кто тебѣ помогъ выстроить дачу-то? Чья дача? Скажи... мнѣ на милость: чья дача?

— Моя-съ.

— Твоя!... Да на какія деньги выстроена?

— На ваши-съ... и мы всегда это помнимъ.

— Помнимъ!... А что говоришь... а? Я за тебя горой стоялъ... думалъ, что ты... Ну, Прохоръ, не ожидалъ, не ожидалъ!

Беклемишевъ былъ пораженъ.

— Ваше превосходительство! Напрасно изволите вы гнѣваться... Нѣшто я прошу?

- Да ты же говоришь: дешево!
- Что же, это особь статья... по такой дачѣ... извѣстно, сто рублей не плата... и ни съ кого я не возьму меньше 150—175 рублей, ну, а какъ вы...
- Что я? Изъ милости живу, значить? Обижая тебя?
- Прохоръ улыбулся плутовато.
- Ваше превосходительство, дозволейте мнѣ все сказать... по-душевному... не въ обиду, значить, а такъ... по разсужденію.
- Ну, говори.
- Генераль опять сѣлъ, но недовольное выраженіе не исчезло съ его лица.
- Вы за ту дачу сто рублей платили?
- Сто.
- Этга не въ примѣръ лучше?
- Ну, и что же?
- Какъ же можно, чтобы плата одинаковая...
- Да кто тебѣ, чортъ тебя возьми, даль денегъ на дачу? Вѣдь я, я, я?
- Премного благодарны!... По гробъ жизни Бога молить должны.
- Ты не молись, а не говори глупостей.
- Какія же глупости, ваше превосходительство? Вѣдь въ этакой дачѣ и вамъ лучше и способнѣе... У меня ли, у другого взяли бы... Все едино больше ста дали бы... А ужъ мы вамъ всегда готовы... всякое стараніе... усердные работники, ваше превосходительство... За мной ни копейки не пропадетъ... сохрани Богъ!... И что намъ считаться... Я знаю, что вы не обидите... вы нашъ благодѣтель!...
- Что ты затвердилъ одно: благодѣтель да благодѣтель!... А я, братецъ, вижу, что ты все-таки хочешь, чтобы благодѣтель тебѣ прибавилъ. Не говори... вижу!... Ну, такъ знай вотъ что: ни гроша не прибавлю! Ни гроша!... И стыдно тебѣ, Прохоръ, стыдно!... Обидѣлъ ты меня... и огорчилъ... Ступай!
- Прохоръ не ожидалъ такого оборота разговора.
- Напрасно изволите гнѣваться, ваше превосходительство... я— что же... какъ ваша воля... мы всегда,—растерянно промолвилъ онъ.
- Иди!—повторилъ сурово и въ то же время съ горечью въ голосѣ генераль.
- Прохоръ вздохнулъ.
- Прощенія просимъ, ваше превосходительство... Ежели что по неразумію... Не извольте сердиться... мы всегда...
- Онъ поклонился и, повидимому, въ смущеніи вышелъ изъ комнаты. Но въ глазахъ его не было видно особеннаго смущенія, а раскаянія тѣмъ болѣе.
- Нѣсколько секундъ генераль молчалъ.
- Это не понятно,—проговорилъ онъ, наконецъ, какъ бы про себя,—сколько лѣтъ... вотъ тутъ и узнай людей! Дѣлалъ, дѣлалъ...

Мнѣ стало жалко добраго моряка, и я сказалъ ему въ утѣшеніе:

— Всѣ люди, всѣ человѣки, Валерьянъ Несторовичъ... помните слова о. Іоны? Для мужика 100 рублей—большія деньги. Ну, и ошеломило его. Но не можетъ быть, чтобы онъ не понималъ вашего добраго отношенія... Раскаиваться будетъ.

Генералу самому хотѣлось вѣрить этому.

— Дуракъ! — произнесъ онъ и даже улынулся, — дуракъ онъ, вотъ что... Вы, пожалуй, правы: ошеломило его... Да и лавочникъ здѣшній, Козьма, плуть... онъ его навѣрное и научаеъ... Какъ бы тамъ ни было, а я не прибавлю... ни за что!... Это, значитъ, баловать... Заживу—такъ и отдавай!... Болванъ!... Никакъ его нельзя убѣдить, что не можетъ быть и рѣчи о прибавкѣ, если я выстроилъ... За что же больше, когда это «больше-то» по моей же милости... Не было бы совсѣмъ дачи... Не то, что 150, а и 100 ему никто бы не далъ. Онъ свое твердитъ... Дуракъ!...

«Ну, только не дуракъ», — подумалъ я.

Послѣ обѣда мы ѣздили кататься по Волхову вмѣстѣ съ дамами. Сестра генерала была недовольна тѣмъ, что они «закрѣпостили» себя. Но дочь находила дачу восхитительной и мѣстность прелестной. Это успокоило генерала, и хорошее расположеніе духа снова вернулось къ нему. Около десяти часовъ вечера онъ проводилъ меня до вокзала и просилъ хотя изрѣдка писать.

— А Прохору я ни копейки не прибавлю, повторяю вамъ! — сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку въ послѣдній разъ, уже въ окно вагона.

VII.

Но Прохоръ «побѣдилъ».

Я узналъ это изъ письма самого генерала, который только вскользь упомянулъ о «бестіи». Сообщая о томъ, что скоро переѣзжаетъ на дачу, Беклемишевъ прибавлялъ: «А вѣдь бестія Прохоръ побѣдилъ-таки меня... Пришлось накинуть... Но я уже съ нимъ держусь иначе... Это онъ сознаетъ, и это его угнетаетъ... Пусть!... ему полезно!... Приѣдете, я все расскажу подробно».

Мнѣ не пришлось еще разъ побывать у Беклемишева. Кочуя по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ Русскаго царства, я неожиданно попалъ въ Одессу и пробылъ тамъ два года. Незадолго до возвращенія на родной сѣверъ, меня посѣтилъ пріятель-художникъ, отправлявшійся въ Италію.

Рассказывая про что-то, онъ упомянулъ про Беклемишева.

— Ахъ, да! скажи, пожалуйста, — спросилъ я, — какъ онъ живетъ? Все еще у Прохора?

— Все... Я недавно былъ у него.

— Что подѣлываетъ?

— Какъ и раньше... Рыбачить, бесѣдуетъ съ о. Іоной... только

ужь погь теперь торжествуеть.

— А съ Прохоромъ онъ примирился?

— Ъздять вмѣстѣ на ловлю... Сначала онъ очень сердился на хозяина... а потомъ, кажется, махнулъ рукой... только ужь не защищаегь его, и когда о. Іона говоритъ о мужичкѣ въ «своемъ тонѣ», генераль ничего не возражаеть.

— Я удивляюсь,—замѣтилъ я пріятелю,—какъ у Прохора хватило духу просить прибавки!...

— Да онъ не просилъ.

— Какъ не просилъ?

— Да такъ... ходилъ и нылъ... кланялся и жалобился. Съ другимъ онъ, конечно, поступилъ бы прямѣе, ну, а съ генераломъ все-таки опаснѣе. За то такъ жалобился, что всѣ стали обвинять Беклемишева. Когда Прохору говорили: «за сто живеть генераль-то?», онъ отвѣчалъ смиренно: «что-жъ подѣлаешь, маленькій человекъ, нѣшто я могу? маленькаго человека легко обидѣть»... Такія рѣчи дошли до генерала разъ, дошли два... Онъ не вытерпѣлъ, позвалъ хозяина, выругалъ его и прибавилъ. А тому только этого и хотѣлось.

— Мнѣ писалъ Валерьянъ Несторовичъ, что Прохоръ угнетенъ переменной отношеній... правда?

— Не замѣтно, — размѣявшись промолвилъ художникъ. — Нашему генералу, по обыкновенію, все это показалось. Онъ по себѣ судить... Идеалистъ онъ неисправимый. Прохоръ такой жохъ, что на поди!... Впрочемъ, нѣтъ... онъ не хуже, не лучше другихъ... Онъ очень доволенъ прибавкой, считаетъ себя правымъ. Съ какой стати ему смущаться? О. Іона говоритъ правду: они всѣ на насъ смотрять съ такой точки зрѣнія, какой намъ, братъ, съ тобою не понять.

— Это очень скверная точка, Миша!

— Не знаю... Если хочешь, можетъ быть, и найдутся оправданія.

— Историческія?

— Пожалуй... А главное то, что мы дураки... добрые дураки... отчего не ѣздить на такихъ дуракахъ?

— Это плохое оправданіе.

— Они не идеалисты, а полные матеріалисты... Логика вѣрная.

— Позволь, а какъ ты объяснишь это: я знаю нѣкоторыхъ крѣпостныхъ, которые безъ жалованья остались служить, такихъ, которые, выйдя въ люди, поддерживали прежнихъ господъ?

— Я самъ зналъ старуху, которая всѣ свои деньги отдавала больной барышнѣ.

— Вотъ видишь!

— Это единичные факты, и это люди стараго типа... Это послѣдніе могикане крѣпостнаго времени. Знаешь, что сказалъ мнѣ какъ-то Манышевъ, помнишь Митю Манышева, нашего «философа» въ школѣ?

— Конечно!

— Такъ вотъ онъ какъ-то сдѣлалъ такое сравненіе: собака, постоянно живущая въ домѣ, привязана къ доброму хозяину, а бродячая никого не любитъ, потому что у нея нѣтъ хозяина... У прежняго мужика былъ свой баринъ, къ которому, если онъ хорошій, онъ и привязывался. Теперь ему всѣ чужіе. А такъ какъ многіе ему дѣйствительно чужіе, то онъ на всѣхъ смотритъ одинаково и съ Беклемишевыми поступаетъ такъ же, какъ и съ тѣми, которые борются съ нимъ равнымъ оружіемъ... Какъ ты думаешь?

— Но если такъ, то Прохоры правы? отчасти, по крайней мѣрѣ?

— Ихъ дѣйствія объяснимы...

— Однако, почему же мы иначе поступаемъ? Вѣдь и мы чужіе между собою... Они—чужіе намъ, въ извѣстномъ смыслѣ?

— Ты забываешь культурную разницу, тѣ воспитывающія начала, которыя вошли въ наше сознаніе, въ плоть и кровь. Все это дѣлаетъ намъ ихъ не чужими, какъ бы они съ нами ни поступали... Въ этомъ случаѣ, мы являемся дураками... Возьми генерала хотя бы. Ты думаешь, исторія съ Прохоромъ его такъ и научила, сдѣлала на будущее практичнымъ?... Нисколько! Онъ посердился, поволновался... а «начала-то», «закваска» остались и сильнѣе всякаго урока. Вотъ встрѣтишь его, поговори съ нимъ, провѣрь мои слова!

Но мнѣ не пришлось сдѣлать этого. Вернувшись въ Петербургъ, я не засталъ уже Беклемишева въ живыхъ.

Александръ Кругловъ.

ПАМЯТИ Т. Н. ГРАНОВСКАГО ¹⁾.

There is no time so miserable, but a man
may be true.

Шекспиръ, Тимонъ Аѳинскій.

Не бываетъ времени настолько ѳбдвеннаго,
чтобъ человекъ не могъ быть честенъ.

В ОДНОЙ изъ аудиторій Московскаго университета должна была состояться 12-го сентября 1839 года вступительная лекція молодого преподавателя исторіи, только что вернувшася изъ-за границы, гдѣ онъ готовился къ каѳедрѣ. Болѣе двухсотъ пятидесяти слушателей съ любопытствомъ ожидали, каковъ-то будетъ новый профессоръ. Но впечатлѣніе отъ первой лекціи получилось очень неблагопріятное. Взойдя на каѳедру, молодой лекторъ, съ красивою южною фізіономіею и длинными черными волосами, такъ смутился подъ устремленными на него взорами, что нѣсколько минутъ прошло въ томительномъ молчаніи. Наконецъ онъ заговорилъ, но голосъ его былъ такъ слабъ, шепелявъ и невнятенъ, что только немногіе студенты, сидѣвшіе впереди, разслышали кое-что ²⁾.

¹⁾ Прочитано 4-го октября 1895 года, въ день сороковой годовщины смерти Т. Н. Грановскаго, въ Русскомъ Литературномъ Кружкѣ въ Ригѣ.

²⁾ Тимоѳеѣй Николаевичъ Грановскій. Біографическій очеркъ А. Станкевича. Москва, 1869 года. Стр. 101. Свѣдѣнія и цитаты, источникъ которыхъ далѣе не указанъ, почерпнуты именно изъ этой книги. Книга Станкевича до настоящаго времени не утеряла своей цѣны, какъ единственная подробная біографія, написанная очень горячо, а болѣе всего, какъ собраніе писемъ Грановскаго, въ полномъ видѣ нигдѣ не опубликованныхъ и даже, кажется, затерянныхъ безвозвратно; по крайней мѣрѣ что-то подобное заявлялось въ «Русской Старинѣ». Но выше всего ставя «гуманность» Грановскаго, біографъ рисуетъ многія черты его личности и дѣятельности чрезчуръ расплывчато, какъ неопредѣленно и расплывчато самое понятіе «гуманности». Поэтому книга нуждается въ дополненія ея фактами тогдашней общественной жизни и болѣе полнымъ освѣщеніи ихъ, что мы и рассчитывали исполнить въ нашемъ приговоренномъ уже къ печати сочиненіи: «Т. Н. Грановскій и его время». Очеркъ, предлагаемый читателямъ, есть извлеченіе изъ названнаго сочиненія.

Профессоръ, такъ неудачно начавшій свой курсъ, и былъ знаменитый въ послѣдствіи Тимоѳеѣ Николаевичъ Грановскій, оставившій почетное имя не только въ лѣтописяхъ Московскаго университета, но и въ исторіи всего русскаго общества.

«Время было тогда очень уже смиренное, — говорить объ этой эпохѣ Тургеневъ: — правительственная сфера, особенно въ Петербургѣ, захватывала и покоряла себѣ все...». Изъ всего того, что подняло голосъ въ обществѣ въ послѣдствіи, послѣ 1855 года, «ничего даже не шевелилось, а только бродило — глубоко, но смутно — въ нѣкоторыхъ молодыхъ умахъ»¹⁾).

Что представляла изъ себя Россія того времени, слишкомъ хорошо извѣстно, чтобъ подробно цитировать изъ записокъ, воспоминаній и писемъ современниковъ рядъ тоскливыхъ жалобъ и свидѣтельствъ о всѣхъ отрицательныхъ сторонахъ тогдашняго быта. То было время крѣпостного права, время «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», время, когда въ отвѣтъ на малѣйшее сомнѣніе, что у насъ все благополучно, говорили: «Прошлое Россіи было достойно удивленія; ея настоящее болѣе, чѣмъ великолѣпно; что же касается ея будущаго, то оно выше всего, что только можетъ вообразить себѣ самое смѣлое воображеніе: вотъ какъ, милый мой, надо понимать и писать исторію Россіи»²⁾). То были, наконецъ, годы, когда даже робкій цензоръ и въ то же время профессоръ могъ съ отчаяніемъ записать въ своемъ дневникѣ: «Быть солдатомъ, а не человѣкомъ — вотъ наше единственное назначеніе... О, кровію сердца написать бы я исторію моей внутренней жизни! Проклято время, гдѣ существуетъ выдуманная, оффиціальная необходимость моральной дѣятельности, безъ дѣйствительной въ ней нужды»³⁾).

Благодаря всѣмъ этимъ внѣшнимъ условіямъ общественной жизни, все то, что «смутно бродило въ молодыхъ умахъ» — стремленія къ болѣе широкому умственному развитію и къ общественной справедливости, стремленія отъ неприглядной дѣйствительности въ чистыя области поэзіи и искусства, обратное стремленіе внести въ жизнь красоту поэзіи и правды — словомъ все то, что составляло содержаніе умственной и нравственной жизни въ двухъ-трехъ тѣсныхъ кружкахъ сороковыхъ годовъ, все это получило значеніе важныхъ въ исторіи русскаго общества явленій. Подобнымъ же образомъ и скромная дѣятельность профессора исторіи, какимъ былъ Грановскій въ теченіе пятнадцати лѣтъ, явилась дѣятельностью гораздо болѣе знаменательною и важною, чѣмъ это возможно нынѣ для такого же талантливаго профессора.

¹⁾ «Литературныя воспоминанія», соч. Тургенева, изд. 1891 года, т. X.

²⁾ Слова шефа жандармовъ Бенкендорфа, сказанныя по поводу «философическихъ писемъ» П. Чаадаева.

³⁾ «Записки и дневникъ» А. В. Никитенка, Спб., 1898 года, т. I, стр. 428.

Т. Н. Грановскій родился въ Орлѣ 9-го марта 1813 года, а воспитаніе получилъ совершенно такое, какое получали всѣ дворяне средней руки и какое охарактеризовано Пушкинымъ:

«Мы всѣ учились понемногу
Чемунибудь и какънибудь»...¹⁾

Благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, семнадцати лѣтъ отъ роду Грановскій попалъ въ Петербургъ, опредѣлился было на службу, но бросилъ ее и поступилъ въ университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1835 году. Университетъ былъ поставленъ въ это время очень плохо. Состоя на юридическомъ факультетѣ, Грановскій былъ больше заинтересованъ литературой, «Московскимъ Телеграфомъ» Полевого, самъ пописывалъ стихи, въ романтически-сентиментальномъ духѣ, былъ горячимъ поклонникомъ Пушкина и настроенный чтеніемъ Вальтеръ Скотта, увлекся въ концѣ концовъ исторіей, читалъ съ увлеченіемъ особенно французовъ, О. Тьерри и друг., ознакомился съ Нибуромъ. О послѣднемъ онъ могъ узнать и изъ «Московского Телеграфа», бывшаго въ то время на вершинѣ своего успѣха. Плетневъ, въ то время профессоръ словесности, какъ-то представилъ разъ Грановскаго, въ качествѣ особо способнаго студента, самому Пушкину.

Кругъ личныхъ знакомствъ Грановскаго за пребываніе въ университетѣ былъ очень тѣсенъ; студенты того времени по большей части съ одинаковой холодною относились какъ къ сухой и вялой университетской наукѣ, такъ и къ литературѣ и вели жизнь буршей. Грановскій не подходилъ къ ихъ компаніи уже потому, что, благодаря забывчивости отца, проигрывавшагося то и дѣло въ карты, часто буквально голодалъ, довольствуясь по недѣлямъ картофелемъ и чаемъ. Тургеневъ, познакомившійся съ Грановскимъ еще въ университетѣ, вспоминаетъ, какъ тотъ однажды читалъ ему отрывокъ изъ своей драмы «Фаустъ». Дѣло было въ темный зимній вечеръ, въ большой и пустой комнатѣ, за паткимъ столомъ, на которомъ вмѣсто всякаго угощенія стоялъ графинъ воды и банка варенья. «Фаустъ былъ представленъ высоко-поднявшимся на воздухъ, вмѣстѣ съ Мефистофелемъ; обозрѣвая широко-раскинувшуюся землю, рѣки, лѣса, поля, жилища людей, Фаустъ произносилъ задумчивый, полный грустнаго созерцанія монологъ, показавшійся мнѣ тогда прекраснымъ. Мефистофель безмолвствовалъ; я, впрочемъ, и теперь не могу себя представить, какія бы рѣчи вложилъ Грановскій въ уста бѣсу... Иронія, особенно иронія ѣдкая и безжалостная была чужда его свѣтлой душѣ... Каждое свиданіе съ нимъ оставляло во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Чуждый педантизма, исполненный плѣнитель-

¹⁾ Книга А. Станкевича, въ той части, гдѣ идетъ рѣчь о дѣтствѣ и годахъ перваго ученія Грановскаго, дополняется воспоминаніями В. Селиванова, «Русск. Старина», 1877 года.

наго добродушія, онъ уже тогда внушалъ то невольное уваженіе къ себѣ, которое столь многіе испытали»¹⁾).

По окончаніи университета Грановскій снова поступилъ на службу, писалъ кое-какія журнальныя статейки по исторіи, но это мало удовлетворяло его, и потому онъ съ радостью принялъ предложеніе попечителя Московскаго университета (съ 1835 года), С. Г. Строганова, умѣнаго отыскивать и привлекать въ университетъ талантливыхъ людей, предложеніе ѣхать за границу доканчивать образованіе, чтобъ потомъ занять каѳедру всеобщей исторіи.

За границею, главнымъ образомъ въ Берлинѣ, Грановскій пробылъ три года, въ которые сложились и опредѣлились всѣ его взгляды и нравственно-философскіе, и научно-историческіе.

Знаменитая гегелевская философія царила въ то время и въ Берлинскомъ университетѣ, гдѣ профессорами были нѣкоторые ученики Гегеля (Вердеръ, Гансъ). Не могъ не поддаться ея вліянію и Грановскій, подобно тому, какъ ей поддалась молодежь и въ Россіи, находя въ ней ключъ къ объясненію всего сущаго. Жившій съ Грановскимъ съ весны 1837 года пріятель его, Я. М. Невѣровъ, съ негодованіемъ писалъ друзьямъ, какъ Грановскій, только что перенесъ холеру, свирѣпствовавшую въ тѣ годы, не щадить себя: «Сочинилъ себѣ какое-то преглупое правило, что не покоряться должно природѣ, а идти ей наперекоръ, и съ этимъ правиломъ не хочеть ни на минуту оставить своего Гегеля и исторію».

Въ Гегелѣ Грановскій искалъ примиренія и успокоенія отъ тѣхъ сомнѣній, которыхъ не остается чуждъ на извѣстной степени развитія ни одинъ умъ, не могущій принимать на вѣру традиціонныхъ представленій о мірѣ и природѣ вещей. На второй годъ жизни Грановскаго въ Берлинѣ, туда пріѣхалъ извѣстный Н. В. Станкевичъ, «одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, — по выраженію Бѣлинскаго, — которые не всегда бываютъ извѣстны обществу, но благоговѣйныя и таинственныя слухи о [которыхъ переходятъ иногда и въ общество изъ тѣснаго круга близкихъ къ нимъ людей»²⁾). Пылкій, хотя и туманный, благодушный мечтатель Станкевичъ, на нашъ взглядъ, ни на кого изъ друзей не оказалъ такого сильнаго вліянія, какъ на Грановскаго. Изученіе философіи Гегеля Станкевичъ полагалъ нравственною обязанностью всякаго просвѣщеннаго челоуѣка, но онъ придавалъ ей своеобразную поэтическую окраску. «Поэзія и философія — душа всего сущаго», — говоритъ онъ. Грановскій усвоилъ ту критическую сторону философіи Гегеля, которая въ послѣдствіи въ лѣвой школѣ гегелианцевъ, у Фейербаха, К. Маркса и др. выдвинулась на первый планъ. «Мы можемъ, мы должны со-

¹⁾ Два слова о Грановскомъ», некрологъ, появившійся въ «Современникѣ» 1855 г. соч. Тургенева, т. X.

²⁾ Вѣлинскій, Соч., т. XII, біографическій очеркъ о Кольцовѣ.

мнѣваться—это одно изъ прекрасныхъ правъ челоуѣка!»—воскликнулъ Грановскій въ одномъ изъ своихъ писемъ. Но въ этомъ сомнѣніи, подѣ влияніемъ особенно Станкевича, онъ чаще всего останавливался на полпути, прикрывая поэтическими образами непонятное, постоянно высказывая извѣстный нравственно-философскій оптимизмъ. Въ этомъ отношеніи онъ навсегда остался романтикомъ.

Тимоеей Николаевичъ Грановскій.

Едва ли не величайшею истиною, высказанною Гегелемъ, онъ считаетъ слова: «*Wer die Welt vernünftig ansieht, den sieht sie auch vernünftig an*» (кто разумно смотритъ на міръ, тому и міръ кажется разумень) ¹⁾.

Ученіе Гегеля было тѣсно связано съ историческою наукою, къ которой и была приложена впервые идея развитія, освѣщающая

¹⁾ А. Станкевичъ, стр. 64, 65 и слѣдующія.
«истор. вѣстн.», январь, 1806 г., т. LXIII.

неожиданнымъ свѣтомъ связь и взаимоотношеніе, повидимому, ничѣмъ не связанныхъ событій и явленій. Грановскій, близко подружившійся съ профессоромъ Вердеромъ, излагавшимъ систему Гегеля, очень цѣнилъ и Ганса, читавшаго по Гегелю философію исторіи и иллюстрировавшаго свое изложеніе фактами текущей жизни; нерѣдко Гансъ являлся на лекцію не съ ветхимъ фоліантомъ, а съ послѣднимъ номеромъ французской газеты или англійскаго обозрѣнія. Эта отзывчивость на вопросы времени была, конечно, очень полезна для русскаго студента, зарывавшагося въ отвлеченности. Въ то же время на складъ историческихъ воззрѣній Грановскаго оказали сильное вліяніе знаменитый историкъ права Савиньи и создатель географіи, какъ науки, Риттеръ. Савиньи выставлялъ на первый планъ чисто историческое пониманіе государства и права, какъ выраженій внутренней жизни народа, а не какъ извнѣ наложенныхъ формъ. Школа Савиньи была по преимуществу школою консервативною. Риттеръ по отношенію къ Грановскому сыгралъ роль противовѣса тѣмъ, что высоко ставилъ и выдвигалъ культурный человѣческій элементъ въ жизни земли, творческую роль человѣка въ приспособленіи внѣшнихъ природныхъ условій къ его интересамъ и потребностямъ. Если мы упомянемъ, наконецъ, что Грановскій съ наслажденіемъ слушалъ въ Берлинѣ Ранке, восхищаясь его живымъ поэтическимъ взглядомъ на исторію, что онъ съ восторгомъ читалъ въ подлинникъ Тацита, сравнивая его съ Шекспиромъ, если вспомнимъ, наконецъ, о всегдашней симпатіи къ историкамъ французамъ, особенно къ живому рассказчику О. Тьерри, то предъ нами будутъ всѣ вліянія, которыя создали Грановскаго историка. Въ его лекціяхъ и сочиненіяхъ слились въ одно художественное гармоническое цѣлое пониманіе исторіи, какъ непрерывнаго процесса развитія, какъ прогресса человѣчества, который свершается не фаталистически, а творческою работою личностей, и умѣніе и талантъ передавать это развитіе въ художественныхъ поэтическихъ образахъ.

На третій годъ жизни Грановскаго за границей, къ нему со Станкевичемъ и Невѣровымъ присоединился и Тургеневъ, очень еще юный. Друзья проводили время почти неразлучно, вмѣстѣ занимались, читали, ходили слушать въ театръ пьесы Шиллера. Вмѣстѣ же они стали бывать у Е. П. Фроловой (урожденной Галаховой), салонъ которой славился въ это время настолько, что даже дипломаты добивались чести быть представленными большою и далеко не красивой женщиной, соединявшей вокругъ себя цвѣтъ аристократіи, науки и литературы: у нея бывали А. Гумбольдтъ, Варнгагенъ фонъ-Энзе, Беттина Арнимъ, профессора Вердеръ и Гансъ и проч. Нравственный тактъ этой женщины, умѣвшей въ каждомъ затрогивать его лучшія душевныя струны, повліялъ и на Грановскаго. Не разъ далеко за полночь шла здѣсь рѣчь о Россіи, о крѣ-

постномъ правѣ. Послѣ одной изъ такихъ ночныхъ бесѣдъ, Станкевичъ подѣ живымъ впечатлѣніемъ ея взялъ съ друзей торжественное обѣщаніе, что всѣ силы и всю дѣятельность они посвятятъ одной высокой цѣли—просвѣщенію русскаго народа¹⁾.

Вопросы общественной жизни невольно занимали Грановскаго, когда онъ думалъ о предстоящемъ возвращеніи въ Россію. Въ Вѣнѣ, гдѣ онъ побывалъ, заканчивая свои занятія, его поразила смѣсь невѣжества и самодовольства, господствовавшая здѣсь благодаря суровому меттерниховскому режиму. Интересуясь вѣнской свѣтскою жизнью, Грановскій былъ пораженъ полною противоположностью ея тому, что онъ видѣлъ у Фроловой. На одномъ парадномъ обѣдѣ аристократы, прекрасно говорившіе пофранцузски, оказались въ полномъ невѣдѣніи относительно того, когда собственно была великая французская революція. Разъ Грановскаго возмутили розсказни какой-то русской аристократки, передаваемыхъ хозяйкою дома, о прекрасномъ положеніи русскихъ крѣпостныхъ, вполнѣ до вольныхъ своею судьбою. «Я заспорилъ, разгорячился и, кажется, сыгралъ пресмѣшную роль»,—сообщалъ онъ объ этомъ въ письмѣ друзьямъ.

Пришло, наконецъ, и время возвращаться на родину. Грановскій ѣхалъ въ Россію не безъ тревожной думы о томъ, что ждетъ его, но спокойный и увѣренный въ себѣ. «Мнѣ хочется работать,—писалъ онъ:—но такъ, чтобы результатъ моей работы былъ въ ту же минуту полезенъ другимъ. Пока я внѣ Россіи — этого сдѣлать нельзя. Мнѣ кажется, что я могу дѣйствовать при настоящихъ моихъ силахъ, и дѣйствовать именно словомъ. Что такое даръ слова? краснорѣчіе? У меня есть оно, потому что у меня есть теплая душа и убѣжденія».

Очень скоро онъ заставилъ слушателей забыть печальное впечатлѣніе первой своей лекціи.

Университетъ того времени имѣлъ очень разнохарактерныя черты. При попечителѣ графѣ С. Г. Строгановѣ онъ сталъ на уровнѣ европейской науки, но было въ немъ много остатковъ и прежняго. Студенческіе нравы съ одной стороны носили отпечатокъ грубости, воспитываемой въ цѣломъ рядѣ поколѣній крѣпостнымъ правомъ, съ другой—отличались горячей преданностью умственнымъ интересамъ, какая свойственна людямъ, впервые понявшимъ цѣну духовнаго развитія: горячіе споры на философскія темы, увлеченіе Мочаловымъ въ шекспировскихъ роляхъ и т. д. шли рука объ руку съ разгуломъ въ «Британіи»—такъ назывался облюбованный студентами трактиръ, признаваемый даже инспекторомъ Нахимовымъ за нѣкоторый *status in statu*—съ побоищами противъ полиціи и

¹⁾ Невѣроу, Воспоминанія о Грановскомъ, «Русская Старина», 1880 г., апрѣль, и его же Воспоминанія о Тургеневѣ, «Русская Старина», 1888 г., ноябрь.

т. п. ¹⁾). Нѣчто подобное было и среди коллегіи профессоровъ, распадавшейся на двѣ довольно враждебныя стороны.

Представителями той университетской старины, когда студенты буянили еще и на лекціяхъ, были такіе профессора, какъ И. И. Давыдовъ, математикъ, физикъ, философъ, историкъ, словесникъ—все сразу—врагъ германской философіи, Гоголя и льстивый поклонникъ всякой власти; проф. богословія Терновскій. Какъ смотрѣли на этихъ защитниковъ православія, самодержавія и народности даже славянофилы, видно изъ того, что Хомякова однажды огорчилъ похвальный отзывъ ихъ о его статьѣ. Среди «стариковъ» вліятельны были два друга, издатели журнала «Москвитянинъ» проф. словесности Шевыревъ и русской исторіи (до 1844 г.) Погодинъ. Первый прославился открытіемъ, что Западъ уже сгнилъ и представляетъ собою трупъ, и пѣтистое елейное краснорѣчіе его вошло въ поговорку. Второй, весь зарывшись въ хартіи, былъ на каедрѣ представителемъ всѣхъ инстинктивныхъ возрѣній, какія давались тогдашней жизни, но обладалъ нѣкоторымъ здравымъ смысломъ, былъ себѣ на умѣ, и иногда даже останавливалъ Шевырева въ его обскурантизмѣ. Эта затхлая атмосфера захватывала иногда и молодыя силы. Такъ профессоръ С. Баршевъ, криминалистъ, ученикъ Савиньи и Риттера, защищалъ «изъ соображеній челоуѣколюбія» плеть и розгу. Графъ С. Г. Строгановъ не всегда былъ способенъ сдерживать благонамѣренное усердіе «стариковъ», которые были сильны тѣмъ, что поняли, чего въ сущности хотѣли извнѣ отъ университета. По прекрасному выраженію Салтыкова, въ то время отъ профессора «требовалось одно: чтобъ онъ подыскалъ обстановку для истины, уже отверженной и официально признанной таковою».

Съ другой стороны было нѣсколько профессоровъ, принесшихъ изъ-за границы завѣтныя мечты обновить общечелоуѣческимъ знаніемъ русскую мысль, принесшіе съ собою горячую вѣру въ науку и людей. «Они сохранили весь пылъ юности, и каедрѣ для нихъ были святыми наложіями, съ которыхъ они были призваны благовѣстить истину»,—говоритъ о нихъ Герценъ. Замѣчательнѣйшими изъ нихъ были П. Г. Рѣдкинъ, читавшій законовѣдніе, Никита И. Крыловъ, проф. римскаго права, Д. Л. Крюковъ, рано умершій предшественникъ Грановскаго по каедрѣ средней исторіи. Грановскій, примкнувшій къ нимъ немедленно по пріѣздѣ, скоро сравнялся, а затѣмъ и оставилъ ихъ позади по той горячей привязанности, которую умѣлъ внушать своимъ слушателямъ ²⁾).

¹⁾ О студенческихъ нравахъ сороковыхъ годовъ любопытно воспоминаніе Коллянова: Биографія А. И. Кошелева, т. II, и его же «Изъ прошлаго», «Русское Обозрѣніе», 1896 г., 1—5.

²⁾ О коллегіи профессоровъ характерны воспоминанія А. Левавасьева: «Московский университетъ 1848—1849 гг.», «Русск. Старина», 1886 г., августъ, свой неблагоприятный отзывъ о

Сочиненія Грановскаго, вышедшія въ 1892 г. третьимъ изданіемъ, только отчасти объясняютъ обаяніе его. Написалъ онъ не много. Къ нему буквально примѣнимы собственныя слова его о Нибурѣ: «Жизнь въ кругу людей, которые были въ состояніи понимать его, поддерживая внутреннюю дѣятельность..., иногда отвлекала его отъ литературной производительности. Высказанная и уясненная въ разговорѣ мысль теряла для него прелесть новизны. Онъ переставалъ считать ее своею собственностью и былъ доволенъ тѣмъ, что изустно передалъ ее другимъ, способнымъ ею воспользоваться»¹⁾. Зато, принимаясь за литературную обработку какой либо темы, Грановскій считалъ своимъ долгомъ исполнить трудъ, какъ можно тщательнѣе. Ненужнаго балласта, повтореній одной и той же мысли нельзя найти въ его законченныхъ статьяхъ; по строгости формы и языка это классическія произведенія.

Они подтверждаютъ вполнѣ то, что сказано нами о складѣ историческихъ воззрѣній Грановскаго. На первомъ планѣ слѣдуетъ поставить его убѣжденную вѣру въ прогрессъ, не фаталистическій, но дающій широкій просторъ индивидуальнымъ усиліямъ: сущность историческаго процесса—разложеніе массъ личною индивидуальною мыслью. Благодаря послѣдней, сглаживается зависимость воззрѣній и жизни народа отъ непосредственныхъ природныхъ условій. Историческій процессъ, выясняемый всеобщю исторіею, есть детерминизмъ, не сковывающій личности. «У исторіи двѣ стороны,—говорить онъ:—въ одной является намъ свободное творчество духа челоувѣческаго, въ другой—независимыя отъ него данныя природою условія его дѣятельности»²⁾. Нравственно-философскій оптимизмъ Грановскаго заставилъ его и въ исторіи признать, помимо детерминизма, неизбѣжное осуществленіе нѣкотораго «нравственнаго закона». Благоговѣнно созерцаетъ историкъ,—пишетъ онъ,—ряды стройно развивающихся, по указанію Божественнаго перста, явленій...» и т. д.³⁾ Этотъ оптимизмъ заставляеть Грановскаго порою прикрывать поэзію, художественными образами то, что съ точки зрѣнія оптимизма никакъ нельзя было объяснить. Въ блестящей характеристикѣ Тиммура, «этой кровавой и скорбной загадки», Грановскій совершенно ненаучно допускаеть, что исторія Востока «подчинена другимъ законамъ». «Тамъ народы коснѣютъ въ продолженіе вѣковъ въ непробудномъ снѣ. Имъ видятся странныя грезы, которыя они пе-

Грановскомъ Аванасьевъ ограничилъ и измѣнилъ въ его пользу въ части записокъ, пока не напечатанной, написанной послѣ смерти Грановскаго (см. объ этомъ сообщеніе въ «Русск Вѣд.» отъ 6-го окт. 1895 г.). Далѣе, любознны воспоминанія Галахова: «Сороковые годы», о «Историч. Вѣстн.», 1892 г., 1 и 2; Герцена «Былое и Думы» и ин. другое. Наиболѣе разнобразенъ матеріалъ въ девяти вышедшихъ томахъ біографіи Погодина, принадлежащей г. Барсукову.

¹⁾ Сочиненія Грановскаго, Москва, 1892 г., т. II., стр. 40.

²⁾ То же, т. I, стр. 22.

³⁾ То же, т. II, стр. 461.

рenessяютъ не только въ свою поэзію, но и въ свою исторію»¹⁾. Это смѣло и красиво, но дѣла все-таки не объясняетъ. Грановскій держался уже упомянутого гегелевскаго «*Wer die Welt vernünftig ansieht, den sieht sie auch vernünftig an*» и не хотѣлъ допустить, въ противоположность Герцену, что ни природа, ни исторія сами по себѣ никуда не идутъ, а готовы идти всюду, куда имъ укажутъ, если ничто не мѣшаетъ. По своимъ нравственно-философскимъ взглядамъ онъ такъ и остался до извѣстной степени романтикомъ тридцатыхъ годовъ.

Замѣтимъ, однако, что въ общественно-историческомъ отношеніи это разногласіе никакой особой роли не играло, имѣя значеніе лишь для внутренней жизни кружка западниковъ. Наиболѣе существенно было то, что западники, въ томъ числѣ и Грановскій, выдвигали на первый планъ живую человѣческую личность, такъ развитую на Западѣ и такъ подавленную въ Россіи крѣпостнымъ правомъ и всѣмъ, что было тѣсно связано съ этимъ учрежденіемъ. «Нравственная, просвѣщенная личность» и «сообразное требованіямъ такой личности общество»²⁾—такъ опредѣляетъ самъ Грановскій сущность своего общественнаго идеала, и сообразно этому западническое міровоззрѣніе, котораго представителемъ онъ былъ на кафедрѣ, можетъ быть опредѣлено, какъ индивидуализмъ въ широкомъ смыслѣ слова.

Этотъ взглядъ на личность связываетъ воедино всѣ статьи Грановскаго съ разсѣянными въ нихъ указаніями на отношеніе событий прошлаго къ современнымъ. Выставляя факторомъ прогресса личность, Грановскій, который, по прекрасному выраженію Герцена, «думалъ исторіей, учился исторіей и исторіей впослѣдствіи дѣлалъ пропаганду», Грановскій не разъ останавливался на томъ, какова можетъ быть роль историка и его личности. Онъ не разъ указываетъ на значеніе неподкупной исторической критики, разрушающей преданія, лестныя національному самолюбію того или другого народа³⁾. Далѣе онъ постоянно подчеркиваетъ зависимость, указываемую исторіей, между частною и общественною нравственностью, т. е. личнымъ поведеніемъ и общественными учрежденіями⁴⁾. Оба эти указанія въ то время, когда мысль о недосыгаемомъ національномъ могуществѣ Россіи кружила головы и крѣпостное право развращало

¹⁾ Соч., т. I, стр. 339.

²⁾ То же, т. II, стр. 220. Г. Скабичевскій, обстоятельно разбирающій непослѣдовательность взглядовъ Грановскаго въ статьѣ «Три челоѣка сороковыхъ годовъ» (Соч., т. I), справедливо замѣчаетъ, что «только среди общества политически-зрѣлаго талантъ и убѣжденія Грановскаго могли бы вполне выработаться и окрѣпнуть» (стр. 523—524).

³⁾ Таковы: статья о Сидѣ (т. II), магистерская диссертация, многія мѣста въ статьяхъ объ исторической литературѣ за 1847 г. (т. II).

⁴⁾ Соч., т. II, стр. 383: «частная нравственность всегда въ зависимости отъ общественной», и рядомъ, въ другой статьѣ, на стр. 384: «испанская инквизиція можетъ служить доказательствомъ того страшнаго вліянія, какое дурныя государственныя учрежденія имѣютъ на судьбу и характеръ цѣлыхъ народовъ».

всѣ сословія, имѣли, конечно, большую важность. Руководящею нитью историка при этомъ должно служить теплое чувство чело-вѣчности, развиваемой тѣмъ же изученіемъ. «Тотъ не историкъ кто не способенъ перенести въ прошедшее живого чувства любви къ ближнему и узнать брата въ отдаленномъ отъ него вѣками единоплеменникѣ»¹⁾. Нравственный судъ такого историка надъ дѣяте-лями минувшаго будетъ, въ силу этого живого чувства, вліять и на современныхъ дѣятелей. Грановскій въ свой судъ вносилъ всю сердечную мягкость и даже особенную симпатію чувствовалъ къ дѣя-телямъ «переходныхъ эпохъ», представителямъ того міровоззрѣнія, которое смѣняется новымъ: онъ повторяетъ, что нравственное до-стоинство личности не можетъ быть измѣряемо одною принадлеж-ностью къ той или другой политической партіи. Наконецъ, однимъ изъ важныхъ средствъ историка для вліянія на современниковъ Грановскій считалъ то, что онъ вслѣдъ за Нибуромъ называлъ аналогическимъ методомъ. Онъ особенно любилъ темы содержанія аналогичнаго съ содержаніемъ современныхъ вопросовъ. Такъ, его занимала параллель между культурнымъ кризисомъ въ Римско имперіи и современнымъ европейскимъ положеніемъ, дѣятельность Гракховъ и аграрная агитація въ Америкѣ и т. д. Аналогія, мель-кавшая въ его умѣ, явно чувствуется въ очеркѣ объ Океаніи, ду-ховно-угасающей вдали отъ цивилизованнаго міра; именно аналогія съ положеніемъ Россіи, въ 1852 г., когда была написана статья, совершенно отрѣзанной отъ общенія съ Западною Европой.

Такимъ образомъ идеаль историка для Грановскаго—это всесто-ронне и критически образованный челоѣкъ и гражданинъ, не только передающій рядъ болѣе или менѣе занимательныхъ «исторій», но и воспитывающій слушателей, проповѣдникъ живой дѣятельности и гуманности, не расплывающійся только въ возвышенныхъ фразахъ о добрѣ, истинѣ и красотѣ, но влагающій въ свою проповѣдь со-вершенно опредѣленные начала широкаго общественнаго индиви-дуализма.

«Въ историкѣ,—говоритъ гдѣ-то Тэнъ,—есть критикъ, который провѣряетъ факты, ученый, который собираетъ ихъ, философъ, который ихъ поясняетъ; но всѣ они должны быть скрыты за ху-дожникомъ, который повѣствуетъ».

Примѣняя это опредѣленіе ко Грановскому, нельзя не сказать что слабѣе всего въ немъ былъ критикъ. Способность къ мелочному анализу отступала на задній планъ предъ способностью его къ ху-дожественному синтезу. Послѣдній могъ проявляться съ блескомъ, потому что достаточно цѣльное философское міровоззрѣніе давало Грановскому возможность хорошо ориентироваться въ богатствѣ,

¹⁾ Соч., т. I, стр. 26.

усвоенныхъ или всегда доступныхъ фактовъ изъ разнообразнѣйшихъ областей исторіи.

Художникъ-поэтъ, болѣе созерцатель, чѣмъ публицистъ, — въ противоположность тому, что казалось бы согласно выше сказанному, — вотъ кто всегда рѣшительно преобладаетъ въ Грановскомъ. Возьмите его сочиненія, и вы найдете сколько угодно блестящихъ образовъ и художественныхъ картинъ, разсѣянныхъ здѣсь и тамъ. Вотъ кое-что, взятое на удачу. «Къ высокимъ башнямъ господскаго дома робко жмутся бѣдныя, ждущія отъ него защиты и покровительства хижины виллановъ»¹⁾. Бѣдная положительнымъ знаніемъ схоластика «была исполнена вѣры въ силы человѣческаго разума и думала, что истину можно взять съ бою, какъ феодальный замокъ»²⁾. Двойственность англиканской церкви, изъ которой католицизмъ вытѣсненъ лишь отчасти, Грановскій сравниваетъ съ полуготическимъ, полуновымъ зданіемъ. «За то католицизмъ, какъ привидѣніе, бродитъ въ ущѣлѣвпихъ остаткахъ храма, нѣкогда ему одному посвященнаго»³⁾.

Талантъ Грановскаго ученики его называютъ «живописующимъ», самого учителя называли Пушкинымъ исторіи⁴⁾. Это сближеніе имѣетъ подъ собою много основаній. Горячій поклонникъ Пушкина, Грановскій близокъ къ нему даже со стилистической стороны: у обоихъ та же простота и художественная безыскусственность языка, умѣніе избѣгать длинныхъ періодовъ даже при изложеніи отвлеченной мысли. Поэта и историка сближаетъ также умѣніе достигать художественныхъ эффектовъ самыми простыми средствами. Вспомните, напр., очеркъ о Тимурѣ⁵⁾. Образъ Тимура, «вѣявшаго вѣтромъ разрушенія на враговъ», рисуется какъ бы подавленнымъ непонятною стихійною разрушительною силою, воплотившеюся въ немъ. И «вѣтеръ разрушенія повѣялъ на собственное дѣло и родъ его». Нѣсколькими штрихами Грановскій рисуетъ картину запустѣнія, гдѣ пронесся этотъ вихрь, и центральное и самое сильное мѣсто этой картины — простыя, нисколько сами по себѣ не выразительныя слова: «Здѣсь прошли монголы».

Тайна этихъ живописныхъ эффектовъ въ томъ, что Грановскій, какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, выставляетъ на первый планъ не тѣ или иные внѣшніе признаки предмета, а впечатлѣніе, какое предметъ на него производитъ. Въ этомъ во-

¹⁾ То же, т. I, 373.

²⁾ То же, т. I, 374.

³⁾ То же, т. II, 268.

⁴⁾ Затрудняемся указать, кому первому принадлежитъ это сравненіе: оно принадлежитъ къ числу тѣхъ необычайно удачныхъ выраженій, которыя сразу идутъ въ общій оборотъ, такъ что теряется личность автора ихъ.

⁵⁾ Соч., т. I, «Четыре характеристики».

обще тайна живописанія словомъ, какъ объяснено еще Мессингомъ, и Грановскій владелъ ею въ совершенствѣ.

Это же объясняетъ отчасти, почему Грановскій писалъ такъ мало: систематическій упорный письменный трудъ былъ ему не по душѣ, онъ старался писать въ свѣтлую минуту вдохновенія, а, благодаря природной общительности, оно приходило въ обществѣ и на кафедрѣ предъ слушателями скорѣе, чѣмъ при кабинетной работѣ. «Я вообще не умѣю и не желаю писать длинныхъ статей,—говоритъ Грановскій въ одномъ письмѣ:—если не умѣешь сказать въ немногихъ словахъ того, чѣмъ полно сердце, то многорѣчию только разведешь водою собственное чувство. Вотъ моя литературная теорія».

Здѣсь, рѣчь не столько о «чувствахъ добрыхъ», сколько о чувствѣ художественномъ, артистическомъ объективномъ воспріятіи историческихъ событій.

Какъ на поклоненіи Пушкину, какъ поэту, сходились люди самыхъ разнообразныхъ взглядовъ, такъ и Грановскій-художникъ соединялъ около себя иногда ожесточенныхъ противниковъ. Это было не только при лекціяхъ его, о которыхъ сейчасъ будемъ говорить, но и по отношенію къ его печатнымъ трудамъ. Книжки «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ Грановскій охотнѣе всего помѣщалъ свои довольно рѣдкія статьи, раскупались особенно сильно. Тѣ изъ этихъ статей, которыя закончены, и до сихъ поръ не утратили своей свѣжести: онъ развернулъ въ нихъ и свой живописующій талантъ и высказалъ занимавшія его идеи. Таковы «Четыре характеристики», о которыхъ современники говорили, что онѣ слишкомъ хороши для ученаго сочиненія, статьи объ исторической литературѣ во Франціи и Англіи въ 1847 году, статья о Нибургѣ и друг. Въ двухъ томахъ его сочиненій найдется не мало страницъ, дающихъ Грановскому почетное мѣсто въ ряду русскихъ художниковъ слова; какъ классическія, онѣ должны бы стать предметомъ изученія еще со школьной скамьи. Кое-что дѣйствительно вносится уже въ хрестоматіи.

Живописующій талантъ Грановскаго вполне развертывался, однако, только на лекціяхъ. Если бы записки современниковъ не были такъ многочисленны и единодушны въ этомъ отношеніи, можно было бы усомниться въ справедливости восторженныхъ отзывовъ о томъ очарованіи, въ какое онъ повергалъ слушателей. Это былъ совершенно особый и рѣдкій ораторскій талантъ, яркимъ пламенемъ вспыхивавшій при подходящихъ условіяхъ, неподражаемая способность сообщать слушателямъ въ рѣчи, словами, тономъ голоса, взоромъ тѣ впечатлѣнія и эмоціи, какія вызывали въ немъ передаваемые событія. Грановскій никогда не читалъ по запискамъ, а всегда импровизировалъ. Онъ самъ говаривалъ, что лучшее приходитъ ему въ голову во время самаго чтенія. «Мнѣ весело, при-

знаюсь, братъ,—писалъ онъ Станкевичу:—смотришь на студентовъ, сидящихъ на ступеняхъ моей кафедрѣ или на стульяхъ кругомъ, чтобы лучше слышать и записывать». Окруженный этою сочувственною густою толпой, онъ вдохновлялся и жилъ на кафедрѣ такъ же, какъ «живетъ» на сценѣ гениальный артистъ, увлекающій властно зрителей.

Любопытна въ этомъ отношеніи параллель, которую С. М. Соловьевъ проводитъ между Грановскимъ и Д. Крюковымъ; она чрезвычайно напоминаетъ ту параллель, которую Бѣлинскій проводилъ между извѣстными актерами Мочаловымъ, рассчитывавшимъ лишь на чувство, и Каратыгинымъ, рассчитывавшимъ каждый шагъ и каждое движеніе. «Между талантомъ Крюкова и талантомъ Грановскаго такая же большая разница, какъ и между ихъ наружностью,—говоритъ Соловьевъ:—Крюковъ имѣлъ чисто великороссійскую фізіономію, круглое полное лицо, бѣлый цвѣтъ кожи, свѣтло-русые волосы, свѣтло-каріе глаза; талантъ его болѣе поражалъ съ внѣшней стороны, поражалъ музыкальностью голоса, изящною обработкою рѣчи; къ нему какъ нельзя болѣе шло прилагательное *elegantissimus*, какъ мы, студенты, его величали; но при этой элегантности, щегольствѣ, въ немъ самомъ, въ его рѣчи, чтеніяхъ было что-то холодное; его рѣчь производила впечатлѣніе, какое производитъ художественное изваяніе. Грановскій имѣлъ малороссійскую южную фізіономію; необыкновенная красота его производила сильное впечатлѣніе не на однѣхъ женщинъ, но и на мужчинъ. Грановскій своею наружностью всего лучше доказываетъ, что красота есть завидный даръ, много помогающій человѣку въ жизни. Онъ имѣлъ смуглую кожу, длинные черные волосы, черные, огненные, глубоко смотрящіе глаза. Онъ не могъ похвастать внѣшнею изящностью своей рѣчи; онъ говорилъ очень тихо, требовалъ напряженнаго вниманія, заикался, глоталъ слова; но внѣшніе недостатки исчезали предъ внутреннею силою и теплотой, которыя давали жизнь историческимъ лицамъ и событіямъ и приковывали вниманіе слушателей къ этимъ живымъ, превосходно очерченнымъ лицамъ и событіямъ. Если изложеніе Крюкова производило впечатлѣніе, которое производитъ изящное изваяніе, то изложеніе Грановскаго можно сравнить съ изящною картиной, которая дышитъ тепломъ, гдѣ всѣ фигуры ярко расцвѣчены, дышатъ, дѣйствуютъ предъ вами»¹⁾).

Въ первый же годъ чтеній Грановскаго между профессоромъ и студентами, сходящимися на лекціи его съ разныхъ курсовъ и факультетовъ, установилась неизмѣнная и тѣсная дружеская связь. Благоговѣйная тишина во время лекцій его нарушалась только шелестомъ бумаги да скрипомъ карандаша, записывавшаго лекціи.

¹⁾ См. статью профессора Виноградова о Грановскомъ: «Русская Мысль», 1898 г., кн. IV.

Но часто самые усердные невольно забывали о тетрадахъ, заслушавшись тихой и задумчивой рѣчи. И вообще даже тому, кто слово въ слово записывалъ рѣчь Грановскаго, — какъ объ этомъ согласно говорятъ всѣ свидѣтельства, — казалось послѣ, что что-то пропущено, что-то исчезло, именно общее впечатлѣніе, самый изящный тонъ и образъ лектора, неуловимые и доступные только очевидцу.

Чѣмъ художественнѣе и изящнѣе была форма лекцій, тѣмъ сильнѣе, конечно, онѣ дѣйствовали на слушателей. Восторженные поклонники Грановскаго выше всего ставили «гуманность» его, но это нѣсколько неопредѣленное понятіе мало говоритъ о положительномъ содержаніи того, что осѣдало послѣ лекцій Грановскаго въ умъ и сердца его слушателей. Важно то содержаніе, которое было въ этой идеѣ гуманности, что указано выше, важно то, что Грановскій не отдѣлялъ науки отъ жизни и менѣе всего былъ цеховымъ ученымъ. Одинъ изъ своихъ курсовъ онъ закончилъ слѣдующими словами: «Не для однихъ разговоровъ въ гостиныхъ, можетъ быть, умныхъ, но бесполезныхъ, предназначаетесь вы, а для того, чтобы быть полезными гражданами и дѣятельными членами общества. Возбужденіе къ практической дѣятельности — вотъ назначеніе исторіи. Она избавитъ насъ отъ пристрастія къ прошедшему, отъ надеждъ (фаталистическихъ и самодовольныхъ) на будущее. Позвольте мнѣ пожелать, чтобы вы избрали на всю жизнь девизомъ слова Ульриха фонъ-Гуттена: «наука пробуждается, умъ свободенъ, весело жить!» — весело не во имя тѣхъ удовольствій, которыя доставляетъ жизнь, а во имя науки и труда»¹⁾.

Повторяемъ, лекціи Грановскаго никогда не были чѣмъ-то узко-тенденціознымъ. Онъ не любилъ «рѣзать по живому», какъ выражался самъ, и подгонять факты подъ теорію. Но и въ качествѣ художника-созерцателя онъ не скрывалъ симпатій своихъ, ему было всегда чуждо то «позорное», по его выраженію, безпристрастіе, въ которомъ видно только равнодушіе историка къ разсказу. Аналогіи и сближенія съ современностью обыкновенно сами собою возникали въ умѣ слушателей. «При просмотрѣ отрывочныхъ студенческихъ записей, — указываетъ профессоръ Виноградовъ: — особенно поражаетъ простота плана, отсутствіе изысканныхъ эффектовъ, обстоятельность и добросовѣстность, съ какою лекторъ касается всего существеннаго. Не видно никакого желанія прикрасить предметъ для аудиторіи. Нѣтъ намековъ, эпохи взяты обыкновенно отдаленныя отъ дѣйствительности. Авторъ, впрочемъ, нигдѣ не скрываетъ своихъ симпатій. Рыцарство и рыцарская честь, конечно, получаютъ прочувствованную оцѣнку въ словахъ человѣка, который самъ былъ рыцаремъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Низшіе классы, об-

¹⁾ Воспоминанія о Грановскомъ въ «Русскомъ Обзорѣніи», 1898 года, февраль, 781.

ременные трудомъ и заклеянные презрѣнiемъ «лучшихъ людей», вездѣ вызываютъ глубокое состраданiе». Въ этихъ записяхъ встрѣчаемъ такія, напримѣръ, мѣста. «Въ XII столѣтiи монахи монастыря св. Германа вытребовали позволенiе своимъ крѣпостнымъ людямъ выходить на поединокъ съ людьми какого бы то ни было сословія. Въ первый разъ рабъ, несчастный рабъ былъ поставленъ наравнѣ съ другими»¹⁾. Самое слово «рабъ» тщательно вымарывалось въ это время въ печати даже благодушнымъ цензоромъ Никитенкомъ²⁾; 30-го марта 1842 года, государемъ въ государственномъ совѣтѣ было заявлено, что всякій помыселъ объ уничтоженiи крѣпостного права въ настоящую минуту «былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствiе и благо государства»³⁾. Говорить при такихъ обстоятельствахъ съ кафедры о жалкой судьбѣ раба, несчастнаго раба—было дѣломъ не совѣмъ легкимъ. Но Грановскій такъ просто и задушевно высказывалъ свои взгляды, не видя въ нихъ ни особой заслуги, ни считая нужнымъ скрывать ихъ, что обезоруживалъ обскурантовъ. По прекрасному выраженiю Герцена, какъ предъ благодушными проповѣдниками реформаціи смущались суровые судьи-инквизиторы, такъ примирительная улыбка Грановскаго смущала его противниковъ.

Ту же простоту и задушевность Грановскій вносилъ въ личныя отношенiя со студентами. «Будь личность Грановскаго болѣе своеобразна, болѣе рѣзко выражена,—пишетъ, напримѣръ, Тургеневъ:—молодые его ученики не такъ бы довѣрчиво къ нему обращались. Грановскій былъ доступенъ во всякое время, не отталкивалъ никогда никого. Проникнутый весь наукой, посвятивъ себя всего дѣлу просвѣщенiя и образованiя, онъ считалъ себя самого какъ бы общественнымъ достоянiемъ, какъ бы принадлежностью всякаго, кто хотѣлъ бы образоваться и просвѣтиться... Къ нему, какъ къ роднику близъ дороги, всякій подходилъ свободно и черпалъ живительную влагу изученiя, которая струилась тѣмъ чище, чѣмъ самъ преподаватель меньше прибавлялъ своего»⁴⁾. Молодежь льнула къ Грановскому невольно и естественно, и для нея двери его не заворялись даже во время болѣни: къ услугамъ студентовъ всегда были научный совѣтъ, его книги, простое участiе и помощь въ частныхъ дѣлахъ. Въ пользу нуждавшихся студентовъ онъ организовалъ сборы въ многочисленномъ кругу своихъ друзей⁵⁾, и трудно сказать, кого больше любили студенты, Грановскаго — профессора или человѣка.

1) Указанная статья профессора Виноградова.

2) «Сибирскій подъ цензурой 40-хъ годовъ», «Русская Старина», 1891 года, 1.

3) Біографiя Кошелева, II, 109, и Семевскій, Крестьянскій вопросъ, 7, II.

4) «Два слова о Грановскомъ».

5) «Помощь голодающимъ», Москва, 1892 г. Письмо Огарева, стр. 525.

Въ 1845 году, при защитѣ Грановскимъ диссертациі, студенты вмѣстѣ съ публикой горячо аплодировали ему и ошικάли нѣкоторыхъ оппонентовъ. Друзья послѣднихъ начали толковать о студенческомъ бунтѣ, за чтò въ то время виновнымъ грозила по меньшей мѣрѣ солдатчина. Грановскій 24 февраля просилъ студентовъ разъ навсегда прекратить выраженіе какихъ бы то ни было знаковъ одобренія. Рѣчь эта такъ полно дорисовываетъ Грановскаго, какъ профессора, что нельзя не привести ея цѣликомъ. «Мм. гг.!—говорилъ Грановскій,—благодарю васъ за тотъ пріемъ, которымъ вы почтили меня 21-го февраля. Онъ меня еще болѣе привязалъ къ университету и къ вамъ. Въ этотъ день я получилъ самую благородную и самую драгоценную награду, какую только могъ ожидать преподаватель. Теперь отношенія наши уяснились; поэтому я думаю, мм. гг., что впередъ вѣщнія изліянія вашихъ чувствъ будутъ излишни, точно такъ, какъ между двумя старинными, испытанными друзьями излишни новыя увѣренія въ дружбѣ. Теперь эти рукоплесканія могутъ только обратить на насъ вниманіе. Я прошу васъ, мм. гг., не перетолковывайте этихъ словъ въ дурную сторону. Я говорю не изъ страха за себя, даже не изъ-за страха за васъ, мм. гг.—я знаю, что страхомъ васъ нельзя остановить. Меня заставляютъ говорить причины болѣе разумныя, болѣе достойныя меня и васъ. Мы, равно и вы, какъ и я, принадлежимъ къ молодому поколѣнію,—тому поколѣнію, въ рукахъ котораго жизнь и будущее. И вамъ и мнѣ предстоитъ благородное и, надѣюсь, долгое служеніе нашей великой Россіи, Россіи, преобразованной Петромъ, Россіи, идущей впередъ и съ равнымъ презрѣніемъ внимающей и клеветамъ иноземцевъ, которые видятъ въ насъ только легкомысленныхъ подражателей западнымъ формамъ, безъ всякаго собственнаго содержанія,—и старческимъ жалобамъ людей, которые любятъ не живую жизнь, а ветхій призракъ, вызванный ими изъ могилы, и нечестиво преклоняются предъ кумиромъ, созданнымъ ихъ празднымъ воображеніемъ. Побережемъ же себя на великое служеніе. Въ заключеніе скажу вамъ, мм. гг., что гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было, если кто нибудь изъ васъ, прійдетъ ко мнѣ во имя 21 февраля, тотъ найдетъ во мнѣ признательнаго и благодарнаго брата». Эта рѣчь подала въ свое время поводъ къ обвиненіямъ противъ Грановскаго въ популярничаньи, но въ виду тогдашняго остраго настроенія должна быть признана необычайно тактичною и деликатною. Впослѣдствіи и другимъ профессорамъ приходилось не разъ просить студентовъ не аплодировать имъ, но врядъ ли кто бы то ни было могъ бы что либо добавить къ тому, что было сказано Грановскимъ.

Даже убѣжденные противники Грановскаго, не исключая и такихъ, какъ Шевыревъ¹⁾, не могли не оцѣнить того нравственно-

¹⁾ Біографія Кошелева, т. II, стр. 264.

воспитательнаго вліянія, какое оказывалъ на студенческую молодежь Грановскій. «Не пропали эти живыя впечатлѣнія, которыя выносили слушатели изъ его аудиторіи,—писалъ, на примѣръ, славянофилъ К. Аксаковъ:—онъ воспитывалъ своихъ слушателей; онъ поднималъ ихъ надъ обыденною жизнью въ высшія сферы духа, онъ будилъ въ нихъ благородныя движенія и чувства; онъ образовывалъ и устремлялъ ихъ силы; это—великое дѣло, огромное значеніе. И вотъ почему эта всеобщая любовь къ Грановскому, и вотъ почему она понятна и законна. Говорятъ: онъ ничего не написалъ, ничего не сдѣлалъ: онъ точно мало написалъ, но онъ много сдѣлалъ. Онъ могъ въ отвѣтъ на такой упрекъ указать (какъ сдѣлалъ нѣкогда Мерзляковъ) на студентовъ и сказать: вотъ мои лекціи!»¹⁾

«Но не однихъ студентовъ могъ указать Грановскій,—добавляетъ Аксаковъ:—онъ могъ указать на общество, внимавшее полной одушевленія и изящества, возвышенной, увлекательной его рѣчи, и теперь благодарно произносящее имя Грановскаго». Къ дѣятельности Грановскаго для общества и въ обществѣ мы и должны теперь перейти.

«Окружающее меня здѣсь—нерадостно,—писалъ Грановскій Станкевичу вскорѣ послѣ пріѣзда въ Москву.—Въ университетѣ у насъ есть движеніе, жизнь, но въ этой жизни есть что-то искусственное. Студенты занимаются хорошо, пока не кончили курса; по выходѣ изъ университета лучшіе изъ нихъ, тѣ, которые подавали наиболѣе надеждъ, пошлѣютъ и теряютъ участіе къ наукѣ и ко всему, что выходитъ изъ круга такъ называемыхъ положительныхъ интересовъ. Ихъ губить матеріализмъ и безнравственное равнодушіе нашего общества. Вотъ почему университетская жизнь кажется мнѣ искусственною, оторванною отъ русскаго быта». Посвящая свои силы университету, Грановскій думалъ о томъ, какъ связать жизнь его съ жизнью московскаго общества. Если гора не идетъ къ Магомету, Магометъ долженъ идти къ ней. Съ этою цѣлью Грановскій открылъ зимою 1843—1844 г. большой публичный курсъ исторіи среднихъ вѣковъ, читанный имъ въ стѣнахъ университета два раза въ недѣлю.

Въ высшемъ свѣтскомъ обществѣ Москвы, слегка фрондировавшей предъ дѣловитымъ чиновникомъ—Петербургомъ, была уже нѣкоторая мода на ученость. Въ первый же годъ профессорской дѣятельности Грановскаго его просили прочесть рядъ лекцій для дамъ Красавецъ профессоръ, «интересный» собою, очень нелюбезно, наотрѣзъ отказался занимать дамское любопытство. Теперь это долженъ былъ быть серьезный курсъ лекцій, такихъ же, какія онъ читалъ въ университетѣ.

¹⁾ «Молва» за 1857 г., № 1.

Въ исторіи русскаго общества этотъ курсъ долженъ быть отмѣченъ, какъ замѣчательное событіе. Грановскій собралъ около себя, — какъ пишетъ современникъ: — «не только людей науки, всѣ литературныя партіи и обычныхъ своихъ восторженныхъ слушателей — молодежь университета, но и весь образованный классъ города — отъ стариковъ, только что покинувшихъ карточные столы, до дѣвицъ, еще не отдохнувшихъ послѣ подвиговъ на паркетѣ, и отъ губернаторскихъ чиновниковъ до неслужащихъ дворянъ»¹⁾. Лекціи начались 23 ноября 1843 г., и публика воочію убѣдилась, что не преувеличена была молва, разнесенная по городу молодежи, о необычайномъ талантѣ лектора.

Лекціи Грановскаго были важны не только потому, что отвлекли публику отъ обычнаго празднаго препровожденія времени, но и потому, что Грановскій явился на каедрѣ публично врагомъ того узкаго націонализма, который гнѣздился въ университетѣ и господствовалъ всюду. По мѣткому выраженію Герценовскаго дневника, лекціи были «камнемъ въ голову узкимъ націоналистамъ», камнемъ тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что Грановскій, неспособный ни къ какимъ полемическимъ рѣзкостямъ, былъ такъ рыцарски сдержанъ и простъ, что не могъ вызвать никакого личнаго раздраженія. Стали указывать подъ рукой на «духъ» его лекцій, на пристрастіе къ Западу, на молчаніе о православіи, на симпатіи къ Гегелю. Печатно эти толки были высказаны Шевыревымъ въ «Москвитянинѣ», и Грановскій, принимая этотъ вызовъ, отвѣтилъ въ концѣ одной изъ лекцій.

«Обвиняють, что я пристрастенъ къ Западу, — говорилъ Грановскій: — я взялся читать часть его исторіи, я дѣлаю это съ любовью и не вижу, почему мнѣ должно бы читать ее съ ненавистью. Западъ кровавымъ пѣтомъ выработалъ свою исторію, плодъ ея намъ достается даромъ — какое же право не любить его? Если бы я взялся читать нашу исторію, я увѣренъ, что и въ нее я принесъ бы ту же любовь. Далѣе, меня обвиняють въ пристрастіи къ какимъ-то системамъ; лучше было бы сказать, что я имѣю мои ученія убѣжденія. Да, я ихъ имѣю и только во имя ихъ явился я на этой каедрѣ, — рассказывать голый рядъ событій и анекдотовъ не было моею цѣлюю». «Громъ рукоплесканій и неистовое браво, — рассказываетъ очевидецъ: — окончили его рѣчь: съ невыразимымъ чувствомъ одушевленія былъ сдѣланъ этотъ аплодисментъ, проводившій Грановскаго до самой двери аудиторіи. На этотъ разъ публика была достойна профессора. И какая плюха доносчикамъ!..».

Не смотря на новыя интриги, благодаря которымъ Грановскому пришлось подвергнуться непріятнымъ объясненіямъ съ попечите-

¹⁾ Анненковъ, статья «Замѣчательное десятилѣтіе». «Воспоминанія и критическіе очерки», т. III, стр. 74.

лемъ, курсъ удалось довести до конца. Въ теченіе всѣхъ лекцій Грановскій «прямо касался самыхъ волнующихъ душу вопросовъ и нигдѣ не явился трибуномъ, демагогомъ, а везлѣ свѣтлымъ и чистымъ представителемъ всего гуманнаго». И сочувствіе слушателей, чутко ловившихъ каждую мысль и каждое слово, вылилось при окончаніи лекцій взрывомъ восторга и благодарности, какого никогда до той поры не видывали университетскія стѣны.

«На послѣдней лекціи аудиторія была биткомъ набита,—рассказано въ Герценовскомъ дневникѣ.—Когда онъ въ заключеніе сталъ говорить о славянскомъ мирѣ, какой-то трепеть пробѣжалъ по аудиторіи, слезы были на глазахъ, и лица у всѣхъ облагородились. Наконецъ, онъ всталъ и началъ благодарить слушателей—просто, свѣтлыми, прекрасными словами, слезы были у него на глазахъ, щеки горѣли, онъ дрожалъ. «Благодарю тѣхъ,—такъ кончилъ онъ:—которые съ симпатіею слушали меня и раздѣляли добросовѣстность моихъ ученыхъ убѣжденій, благодарю и тѣхъ, которые, не раздѣляя ихъ, съ открытымъ челомъ, прямо и благородно высказывали мнѣ свою противоположность. Еще разъ благодарю васъ!». Вся аудиторія поднялась съ восторженными рукоплесканіями, раздались крики: браво! прекрасно! трѣскъ, шумъ! Дамы махали платками, другіе бросились къ каедрѣ, тѣснились пожать руку Грановскому. Онъ хотѣлъ уйти изъ аудиторіи, толпа преградила ему путь. Онъ стоялъ блѣдный, сложа руки и склоня голову, хотѣлъ еще произнести нѣсколько словъ... и не могъ. Шумъ одобренія поднялся съ новою силою, росъ и длился. Студенты густыми рядами заняли лѣстницу, и Грановскій, изнемогая отъ волненія, едва могъ пробраться въ залы университетскаго совѣта. «Я вышелъ изъ аудиторіи въ лихорадкѣ»,—замѣчаетъ Герцень, и не скоро остыло это лихорадочное возбужденіе во всѣхъ сколько нибудь впечатлительныхъ слушателяхъ¹⁾.

«Лекціи Грановскаго,—отмѣтилъ одинъ изъ современниковъ:—явленіе потому уже замѣчательное, что, не смотря на долгое время, которое онѣ продолжались (что большой искусъ для терпѣнія), онѣ выдержали свой характеръ, или, лучше сказать: публика умѣла принять, поддержать и закончить. Слѣдовательно, это не вспышка успѣха, а успѣхъ постоянный и прочный, и блистательный»²⁾. Литературные вопросы, къ которымъ въ эту пору все сильнѣе обращались интересы публики, все болѣе сливались съ вопросами жизни. «Мертвыя души», вышедшія года полтора предъ тѣмъ, произвели при своемъ появленіи впечатлѣніе событія съ огромнымъ общественнымъ значеніемъ: впервые послѣ «Ревизора» и «Горя отъ ума» Русь видѣла себя въ такомъ обнаженномъ видѣ. Подобнымъ же образомъ

¹⁾ Рассказъ о первомъ публичномъ курсѣ Грановскаго, о необычайномъ успѣхѣ и интригахъ противъ него, переданный А. Станкевичемъ, пополняется дневникомъ Герцена и матеріалами, сообщенными въ VII томѣ сочиненія Барсукова: «Жизнь и труды Погодина».

²⁾ И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, т. I, стр. 180.

успѣхъ лекцій Грановскаго показалъ, что вопросы науки для лучшей части русскаго общества сливаются съ вопросами жизни. Университетъ въ лицѣ Грановскаго сдѣлалъ первый шагъ къ обществу.

До сихъ поръ мы почти не говорили о славянофилахъ и отношеніи Грановскаго къ нимъ. Онъ былъ западникомъ, конечно, не только потому, что учился за границей, но и потому, что усвоилъ въ существенныхъ чертахъ вышеуказанный нами взглядъ на роль личности въ исторіи и ея значеніе въ общественной жизни, какъ главнаго мѣрила достоинства учреждений. Извѣстно, что славянофилы, если причислять къ нимъ Хомякова, братьевъ Кирѣевскихъ, К. Аксакова, Самарина и не многихъ другихъ, усвоили себѣ программу официальныхъ націоналистовъ, высказанную графомъ Уваровымъ: самодержавіе, православіе, народность. Но въ то время, какъ подъ народностью такіе люди, какъ Уваровъ, разумѣли всѣ имѣвшіяся въ ту минуту особенности Россіи, какъ государства, т. е. хлопотали о сохраненіи *status quo*, славянофилы подъ понятіе народности подводили многія представленія, усвоенныя отсюда же, откуда почерпали свои взгляды западники. И западники, и славянофилы одинаково думали объ уничтоженіи крѣпостного права, о реформѣ суда, объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія, о свободѣ печати. Формально славянофилы и защитники официальной народности, въ родѣ Погодина и Шевырева, сходились часто, поддерживая и личныя дружескія отношенія. Но, конечно, совсѣмъ мало общаго было, на примѣръ, между славянофилами и графомъ Уваровымъ, который заявлялъ, что «вопросъ о крѣпостномъ правѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о самодержавіи и даже единомудержавіи. Это двѣ параллельныя силы, кои развивались вмѣстѣ. У того и другого одно историческое начало; законность ихъ одинакова»¹⁾. Вслѣдствіе такой рѣзкой разницы между взглядами тогдашнихъ правительственныхъ сферъ и взглядами славянофиловъ, на послѣднихъ сверху смотрѣли чуть ли не подозрительнѣе, чѣмъ на западниковъ, готовы были видѣть въ нихъ чуть не пугачевцевъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, однако, западники не всегда имѣли возможность отличать славянофиловъ отъ Шевыревыхъ и Погодиныхъ, особенно потому, что споры по весьма понятнымъ причинамъ шли на крайне отвлеченной философской почвѣ, и примѣненій къ практическимъ сторонамъ жизни въ спорахъ не дѣлалось: дѣйствительная ежедневная жизнь носила слишкомъ ужъ застывшій, слишкомъ опредѣленный характеръ. Это же было причиною почти непонятной нынѣ ожесточенности споровъ. Въ нихъ уходила вся умственная энергія, которая теперь расходуется въ газетной и жур-

¹⁾ Жизнь и труды Погодина, т. IX, стр. 306.
«истор. вѣсти.», январь, 1896 г., т. LXIII.

нальной работѣ, въ скромной пока дѣятельности для народнаго просвѣщенія, въ болѣе живой, чѣмъ прежде, службѣ и т. п. Бѣлинскій, въ пылу увлеченія, былъ болѣе другихъ повиненъ въ томъ, что въ обществѣ плохо понимали сильную сторону славянофильства.

Грановскій немедленно по прїѣздѣ въ Москву отнесся вполнѣ отрицательно къ идеямъ славянофиловъ, хотя искренно уважалъ, даже любилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. «Ты не можешь себѣ вообразить, какая у этихъ людей философія,—писалъ онъ Станкевичу о Кирѣевскихъ:—главныя ихъ положенія: Западъ сгнилъ, и отъ него уже не можетъ быть ничего; русская исторія испорчена Петромъ. Мы оторваны насильственно отъ роднаго историческаго основанія и живемъ на удачу; единственная выгода нашей современной жизни состоитъ въ возможности безпристрастно наблюдать чужую исторію; это даже наше назначеніе въ будущемъ; вся мудрость чело вѣческая истощена въ твореніяхъ св. отцовъ греческой церкви, писавшихъ послѣ отдѣленія отъ западной. Ихъ только нужно изучать: дополнять нечего; все сказано... Кирѣевскій говоритъ эти вещи въ прозѣ, Хомяковъ въ стихахъ... Славянскій патріотизмъ здѣсь теперь ужасно господствуетъ: я съ каеэды встаю противъ него, разумѣется, не выходя изъ предѣловъ моего предмета, за чтѣ меня упрекають въ пристрастіи къ нѣмцамъ. Дѣло идетъ не о нѣмцахъ, а о Петрѣ, котораго здѣсь не понимаютъ, и неблагодарны къ нему»¹⁾.

Сначала отношенія обѣихъ сторонъ были довольно мирныя. Грановскій, вообще полагавшій, что худой миръ лучше доброй ссоры, никогда не доводилъ споровъ до ссоры, которую со стороны западниковъ вызывали Бѣлинскій, въ журнальныхъ статьяхъ не щадившій ни Шевырева, ни его друзей, и отчасти Герцень, поселившійся въ Москвѣ съ 1842 года, неистощимый спорщикъ и остроумецъ, прижимавшій противниковъ къ стѣнѣ. Съ другой стороны тѣ увкіе націоналисты, кто чувствовалъ себя униженнымъ лекціями Грановскаго, постарались раздуть мелкіе уколы самолюбія и довести дѣло до полнаго разрыва. Славянофилы: Хомяковъ, К. Аксаковъ, Самаринъ, еще усердно посѣщали публичный курсъ Грановскаго и хлопали ему не меньше другихъ²⁾. Они же участвовали въ обѣдѣ, устроенномъ Грановскому по окончаніи лекцій. Но всѣ эти Шевыревы и Давыдовы не дремали, усердно подкапываясь подъ положеніе Грановскаго въ университетѣ и намекая о «направленіи» западниковъ. Въ концѣ 1844 года въ московскомъ обществѣ распространены были стихи-пасквиль противъ старѣйшаго изъ западниковъ—Чаадаева, противъ Герцена и Грановскаго, написанные Языковымъ, подъ заглавіемъ «Не напомнимъ». Къ Грановскому умиравшій уже поэтъ, родственникъ Хомякова, обращался такъ:

¹⁾ Книга Станкевича, стр. 112.

²⁾ Пыпинъ, Бѣлинскій, т. II, 282—283.

... Ты—краснорѣчивый книжникъ,
Оракуль юношей невѣждъ,
Ты легкомысленный сподвижникъ
Безпутныхъ мыслей и надеждъ.

Ко всѣмъ западникамъ Языковъ обращался, какъ къ измѣнникамъ. Приводимъ изъ довольно длиннаго стихотворенія двѣ строфы:

Вы, людъ заносчивый и дерзкій,
Вы, опрометчивый оплотъ
Ученья школы богомерзкой,
Вы всѣ—не русскій вы народъ!

Умолкнетъ ваша злость пустая,
Замретъ проклятый вашъ языкъ!
Крѣпка, надежна Русь святая,
И Русскій Богъ еще великъ ¹⁾!

Толки, вызванные этими стихами и ихъ специфическимъ ароматомъ, повели, наконецъ, къ тому, что друзья-враги, какими долго были западники и славянофилы, разошлись окончательно. К. С. Аксаковъ первый почувствовалъ невозможность продолжать прежнія товарищескія отношенія и трогательно разстался съ Герценомъ и Грановскимъ. Къ Грановскому онъ пріѣхалъ ночью, поднялъ его съ постели и въ послѣдній разъ простился съ нимъ, какъ съ потеряннымъ другомъ, и напрасно убѣждалъ его Грановскій, что и помимо славянства есть между ними связи нравственныхъ убѣжденій, которыя должны остаться неразрывны. Аксаковъ остался непоколебимъ и уѣхалъ сильно взволнованный, въ слезахъ ²⁾.

Всего замѣчательнѣе, что, прервавъ близкія отношенія другъ съ другомъ, обѣ стороны очень скоро выяснили дѣйствительное отношеніе между собою: обѣ какъ бы спѣшили порывцарски отдать должное противникамъ. Тотъ же Аксаковъ далъ рѣзкій отпоръ стихамъ Языкова и тѣмъ, кто обрадовался имъ. Журналъ «Москвитяинъ», въ началѣ 1845 года перешедшій на три-четыре мѣсяца въ руки славянофиловъ, высказалъ рядъ взглядовъ, чрезвычайно не понравившихся защитникамъ официальной народности. Съ другой стороны, въ это же время московскіе западники въ своемъ кругу признали огромное значеніе демократической стороны славянофильства.

Первые заявили это Грановскій и Герцень, неразлучные съ самаго пріѣзда Герцена въ Москву. Второй не разъ повторялъ, что для того, чтобъ стать дѣйственною жизнеспособною общественною группою, западники должны овладѣть темами славянофиловъ., Какъ объ этомъ подробно рассказываетъ Анненковъ въ своемъ «Замѣчательномъ десятилѣтіи», Грановскій рѣзко заявилъ лѣтомъ 1845 г.

¹⁾ Барсуковъ, Погодинъ, VII, стр. 467—468.

²⁾ «Замѣчательное десятилѣтіе», стр. 86.;

во время пребыванія въ Соколовѣ, полное свое сочувствіе славянофиламъ въ ихъ отношеніи къ народу: тогда какъ западники, не исключая даже Бѣлинскаго, склонны были смотрѣть на народъ, какъ на невѣжественную только массу, съ жалостью нѣсколько презрительною, славянофилы открыли въ немъ такія явленія, какъ община, артель и т. д., показывающія о работѣ человѣческой мысли въ глубинѣ этой массы¹⁾. Въ дальнѣйшей дѣятельности Грановскаго заявленный имъ отпоръ барскому взгляду на народъ не игралъ большой роли. Но важно было уже то, что этотъ отпоръ исходилъ отъ такого авторитетнаго лица. Новый взглядъ подхватили другія болѣе молодыя силы: Тургеневъ, Кавелинъ и проч., и развили его. Цѣлая пропастъ — между изображеніемъ народныхъ иповъ у Тургенева въ «Запискахъ Охотника» и, на примѣръ, въ разсказахъ у Даля или даже у Гоголя. Впослѣдствіи Чернышевскій заявлялъ, что всѣ теоретическія заблужденія, всѣ фантастическія увлеченія славянофиловъ съ избыткомъ вознаграждаются уже однимъ убѣжденіемъ ихъ, что общинное устройство нашихъ сель должно оставаться неприкосновеннымъ при всѣхъ перемѣнахъ нѣ экономическихъ отношенійхъ. Подобное заявленіе, кажется намъ, едва ли было бы возможно, еслибъ въ сороковые годы не была уже подготовлена къ этому почва, и въ воздѣлываніи ея Грановскій и Герценъ на годъ, на два опередили Бѣлинскаго. Это должно быть отмѣчено, какъ немаловажная заслуга. Правда, ставя вопросъ о положеніи и стремленіяхъ крѣпостной массы, какъ насущнѣйшій вопросъ русской жизни, и Грановскій, и Герценъ, и Тургеневъ, и Огаревъ оставались все-таки помѣщиками; но освободить всѣхъ своихъ крестьянъ было не такъ-то легко, освобожденія крестьянъ массами и съ землею разрѣшались только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, а, во-вторыхъ, кто можетъ требовать отъ людей геройства?...

Рыцарственность, съ какою Грановскій готовъ былъ отдать дань уваженія противникамъ, была одною изъ основныхъ чертъ его натуры. Какъ странствующій рыцарь въ средніе вѣка шель на защиту всякаго угнетеннаго, такъ Грановскій отдавалъ себя всякому, кто просилъ у него помощи, не только студентамъ. Трудъ и досугъ его постоянно тратились на дѣла и нужды другихъ людей. Онъ не скупился ни временемъ, ни участіемъ. Мать, не знающая, что дѣлать со своимъ сыномъ, какъ его воспитывать, гдѣ учить, обращалась къ Грановскому. Онъ принималъ ее у себя, ѣхалъ къ ней, говорилъ съ ней и съ сыномъ, давалъ совѣты и исполнялъ все

¹⁾ Относящіяся сюда показанія П. В. Анненкова (стр. 118—124 названной книги) стоятъ довольно одиноко, но находятъ себѣ косвенныя подтвержденія. Такъ, въ воспоминашяхъ г-жи Житовой объ И. С. Тургеневѣ разсказано о бесѣдахъ, происходившихъ между нимъ и Грановскимъ на тему о крѣпостномъ правѣ («Вѣстникъ Европы», 1884 г., 11).

это точно по обязанности. Учитель, ищущій мѣста, педагогъ или гувернеръ-иностранецъ, литераторъ или молодой ученый къ нему же обращались за совѣтомъ или рекомендаціей, нужной книгой, часто за однимъ сочувствіемъ или одобреніемъ своимъ намѣреніямъ и предпріятіямъ. «Иногда хотѣлось бы имѣть свободный день, день только для себя, — говоритъ Грановскій въ одномъ изъ писемъ: — но этого никогда не случается» ¹⁾).

Отдаваясь такъ обществу, Грановскій скоро занялъ въ немъ своеобразное положеніе какого-то верховнаго нравственнаго судьи, мягкаго, терпѣливаго и снисходительнаго къ людямъ, человѣка, полнаго той доброты, которой боятся. «Такіе люди, какъ Грановскій, — говоритъ о немъ С. М. Соловьевъ: — заставляютъ многихъ внутренно охорашиваться; друзья и недруги прежде чѣмъ сдѣлать, прежде чѣмъ сказать что нибудь, задавали себѣ вопросъ: «что скажетъ объ этомъ Грановскій?». Сдѣлавшіе что нибудь, по ихъ мнѣнію, порядочное, люди, вовсе не близкіе Грановскому, спѣшили ему первому сообщить о своемъ дѣлѣ, получить отъ него одобреніе, произвести на него выгодное впечатлѣніе, чтобы повѣрить достоинство своего дѣла» ²⁾). «Въ Грановскомъ была неотразимая притягательная сила, которая собирала около него многочисленную семью молодыхъ и немолодыхъ людей, но, что всего важнѣе, людей порядочныхъ, ибо съ увѣренностью можно сказать, что тотъ, кто былъ врагомъ Грановскаго, любилъ отзываться о немъ дурно, былъ человѣкъ дурной» ³⁾). «Послѣ его смерти, — говоритъ одинъ изъ знававшихъ его людей: — ярко обнаружилось, какъ важно было его вліяніе, когда про нѣкоторыхъ изъ близко стоявшихъ къ нему лицъ стали говорить: «При Грановскомъ они не были бы таковыми» ⁴⁾). И Грановскій такъ просто несъ этотъ авторитетъ, что ему охотно и радостно подчинялись.

Къ нему можно примѣнить слова Некрасова:

Воплощенной укоризною
Свѣтель мыслью, сердцемъ чисть,
Ты стоялъ передъ отчиною...

Всѣ мягкія задушевные черты характера Грановскаго, художника въ душѣ, слегка романтика и мечтателя, наиболѣе полно сказывались въ жизни его въ тѣсномъ кружкѣ его съ Герценомъ и ихъ женами; къ кружку принадлежали, кромѣ того, Вѣлинскій въ его наѣзды въ Москву, переводчикъ Шекспира, вѣчный бурный медикъ Н. Х. Кетчеръ, Е. О. Коршъ, петербургскій другъ Грановскаго, В. П. Боткинъ, авторъ «Писемъ объ Испаніи». Каждый изъ чле-

¹⁾ Книга Станкевича, стр. 123—124.

²⁾ Рѣчь Соловьева на актѣ Московскаго университета 12-го января 1856 г. «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1856 г., т. LXXXIX, отд. VII.

³⁾ Слова Соловьева же. Указанн. выше статья Виноградова.

⁴⁾ «Вѣстникъ Европы», 1869 г., май, статья о сочиненіяхъ Грановскаго.

новъ кружка находилъ въ Грановскомъ гармонирующія себѣ струны. «Грановскій былъ одаренъ удивительнымъ тактомъ сердца,—пишетъ Герценъ.—У него все было такъ далеко отъ неувѣренной въ себѣ раздражительности, отъ притязаній, такъ чисто, такъ открыто, что съ нимъ было необыкновенно легко. Онъ не тѣснилъ дружбой, а любилъ сильно, безъ ревнивой требовательности и безъ равнодушнаго—все равно. Я не помню, чтобъ Грановскій когда нибудь дотронулся грубо или неловко до тѣхъ «волосяныхъ» нѣжныхъ, бѣгущихъ свѣта и шума сторонъ, которыя есть у всякаго человѣка, жившаго въ самомъ дѣлѣ. Отъ этого съ нимъ не страшно было говорить о тѣхъ вещахъ, о которыхъ трудно говорить съ самыми близкими людьми, къ которымъ имѣешь полное довѣріе, но у которыхъ строй нѣкоторыхъ, едва слышныхъ струнъ не по одному камертону».

10-го апрѣля 1843 года Герценъ записалъ въ дневникѣ характерныя строки, гдѣ рядомъ съ наслажденіемъ этой жизнью дружескаго круга звучитъ диссонансомъ нота, врывающаяся извнѣ, изъ дѣйствительности, холодной и равнодушной къ мечтаніямъ идеалистовъ. «Вчера,—пишетъ Герценъ,—такъ тихо, мирно сидѣли мы вечеръ у Грановскаго, мы, они, Кетчеръ и Боткинъ, какая благородная кучка людей, какой любовью перевязанная! Въ настоящемъ много прекраснаго, ловить, ловить, все ловить и всѣмъ упиваться: дружбой, виномъ, любовью, искусствомъ. Это значитъ жизнь. Впередъ смотрѣть—отрадно и страшно, тучи, вулканическія гибели и хорошая погода послѣ тучь... да можетъ солнце этихъ вѣдреныхъ дней посвѣтитъ на могилы наши. А это скверно. Нѣтъ столько самоотверженія, чтобы отказаться отъ участія въ наградѣ, когда не отказываешься ни отъ какого труда»¹⁾.

Такое же облако то и дѣло налетало на свѣтлый образъ Грановскаго и туманило его.

Университетскія занятія, изрѣдка публичный курсъ лекцій (разрѣшенъ былъ только три раза), литературная работа, свѣтская жизнь и жизнь въ кружкѣ и дома (Грановскій жилъ съ женой, кроткой и тихой, по происхожденію нѣмкой, очень счастливо), все это не удовлетворяло Грановскаго вполнѣ; его природная общительность и жажда дѣятельности не всегда находили себѣ исходъ, какой наиболѣе соотвѣтствовалъ бы его натурѣ. Онъ рассчитывалъ издавать журналъ, журнала не разрѣшили. Въ 1846 году на прошеніи о журналѣ была положена краткая, но выразительная резолюція: «Не надо». Сверхъ того, приходилось опасаться видимыхъ и невидимыхъ интригъ со стороны Давыдовыхъ, Шевыревыхъ. Приходилось не разъ ожи-

¹⁾ «Вылое и Думы» и «Дневникъ» Герцена. См. также нашу статью о В. П. Боткинѣ («Новое Слово», 1894 г., 12), гдѣ указана, на основаніи также болѣе новой «перепечатки недавнихъ дѣятелей», печатавшейся въ «Русской Мысли», характеристичная черта кружка, эта смѣива восторженно-поэтическія настроенія чувствомъ тоски и неудовлетворенности.

дать предложенія выйти въ отставку. Въ 1845 году въ разгаръ перваго публичнаго курса Грановскому предложено было въ курсѣ новой исторіи излагать реформацію съ католической точки зрѣнія, а революцію съ точки зрѣнія роялистской; Грановскій съ трудомъ отстоялъ возможность свободно излагать реформацію, совсѣмъ отказавшись отъ революціи. Всѣ эти обстоятельства въ связи съ общими тогдашнимъ отношеніемъ къ наукѣ и литературѣ ложились на Грановскаго, какъ на человѣка крайне впечатлительнаго, съ особенною силою.

Быстро слѣдовавшія одна за другою смерти близкихъ ему людей и безъ того сильно потрясли его: одинъ за другимъ умерли Станкевичъ, Е. П. Фролова, горячо любимыя сестры его. На него стали находить полосы темной хандры, *humeur noire*, охватывавшія его иногда среди веселаго круга друзей или среди работы, когда ему представлялось, какъ собственно мала она. Біографъ его сообщаетъ о цѣломъ рядѣ задуманныхъ и заброшенныхъ статей на разнообразныя темы. «Печально наше время,—писалъ онъ однажды Вердеру,—и особенно въ моемъ отечествѣ. До дѣла не достигаешь, и однакожь желаешь внутренняго мира. Напряженная дѣятельность истомила бы меня гораздо менѣе, чѣмъ это стремленіе безъ имени и цѣли». «Когда подумаешь,—говоритъ онъ въ другомъ письмѣ,—сколько годовъ уже прошло въ бесплодныхъ сборахъ и надеждахъ, то тяжело станеть на сердцѣ. Мы всѣ перешагнули за 30 лѣтъ; у всѣхъ насъ были надежды, желаніе труда, силы. Что же изъ всего вышло? Назади мало, впереди темно и неопредѣленно»¹⁾...

Недостатокъ общественной дѣятельности крайне вредно отражался и на внутренней жизни кружка. Заключенные въ немъ, какъ бѣлка въ колесѣ, друзья не могли же все время довольствоваться академическими бесѣдами, и естественно возникали острые столкновенія на почвѣ такихъ отвлеченныхъ разногласій и вопросовъ, которые при другихъ условіяхъ могли бы и не сорить людей, страстно связанныхъ другъ къ другу. Такъ, дружеская связь Грановскаго и Герцена охладѣла, мучительно для обоихъ, именно такимъ образомъ, изъ-за споровъ чисто теоретическаго философскаго характера, о безсмертіи души, о томъ, будетъ ли социальная революція полезна для социальнаго преобразованія, и т. д.²⁾

Послѣ отъѣзда Герцена за границу въ 1847 году, цѣлый рядъ тягостныхъ обстоятельствъ обрушился на Грановскаго: тревога за свое мѣсто, болѣзнь жены, смерть отца и разстройство имѣнія. Снова захватившая его хандра разрѣшилась запойною страстью къ азартной игрѣ, можетъ быть, наслѣдственною, такъ какъ отецъ и дѣдъ Грановскаго были страстными игроками. «Это былъ странный, не-

¹⁾ Книга Станкевича, стр. 181 и 144.

²⁾ Разказы объ этомъ, кромѣ книги Станкевича, въ «Быломъ и Думамъ», въ «Замѣчательномъ десятилѣтіи» и въ VIII томѣ біографіи Погодина.

виданный игрокъ!—разсказываетъ биографъ Грановскаго.—Выигрышь былъ для него исключительнымъ случаемъ, и онъ бывалъ смущенъ имъ, онъ не могъ прекратить игры, пока проигравшій партнеръ не отыгрывался или, въ свою очередь, не обыгрывалъ его самого. Странно и больно было видѣть благородный образъ Грановскаго, его блѣдное, усталое, печальное лицо, его лихорадочно блестящяе глаза за карточнымъ столомъ, среди тускнѣющаго освѣщенія поздней ночи, среди молчаливыхъ лицъ игроковъ съ выраженіемъ напряженнаго вниманія и сдержанной жадности. А онъ игралъ торопливо, разсѣянно, ронялъ карты, не умѣлъ ихъ скрыть отъ зоркихъ глазъ партнеровъ, забывалъ записывать свой выигрышъ. Онъ былъ почти всегда въ проигрышѣ и платилъ, дѣлая долги... Истомленный, измученный волненіемъ и бессонною ночью, Грановскій покидалъ игру съ внутренними упреками себѣ, и однакоже въ слѣдующую ночь печальный игрокъ являлся опять за роковымъ зеленымъ столомъ». Эта опустошительная страсть такъ завладѣла Грановскимъ, что однажды цѣлая компанія московскихъ шуллеровъ, зная, сколько у него долговъ, явилась къ нему съ предложеніемъ продать имъ свое незапятнанное имя и вмѣстѣ открыть игорный домъ¹⁾.

Все то, что заставляло Грановскаго чувствовать себя «лишнимъ человѣкомъ», заставляло бросаться въ азартную игру, лишь бы найти исходъ внутреннему томленію,—все это во сто кратъ усилилось съ наступленіемъ роковаго 1848 года. Темный періодъ съ 1848 по 1855-й годъ достаточно извѣстенъ, извѣстны тѣ строгости, превзошедшія все, что было раньше, которыя обрушились на литературу, сразу обмелѣвшую. Для университетовъ были придуманы трехсоченный комплектъ, удалены нѣкоторые профессора, изданы строжайшія правила о содержаніи университетскихъ лекцій. Графъ С. Г. Строгановъ потерялъ мѣсто московскаго попечителя, не удержался даже министръ Уваровъ, показавшійся слишкомъ либеральнымъ. У И. С. Аксакова вырвались въ эту пору стихи, живо передававшіе настроеніе общества:

Пусть сгинетъ все, къ чему сурово
Такъ долго духъ готовленъ былъ:
Трудилась мысль, дерзало слово,
Въ запасъ много было силъ...
Слабѣйте, силы,—вы не нужны!
Засни ты, духъ,—давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

«Благо Вѣлинскому: онъ умеръ во время!»—не разъ повторялъ въ эти годы Грановскій въ тяжеломъ раздумьи. «Если бы знали, какая безвыходная тяжелая хандра стала навѣщать меня,—писалъ

¹⁾ Станкевичъ, стр. 226, и Панаевъ, Литературныя Воспоминанія, Спб., 1888 г., стр. 282.

онъ однажды:—Впереди такъ пусто и темно; въ настоящемъ такъ безцвѣтно. Только въ прошедшемъ есть хорошее и святое, но я боюсь глядѣть въ ту сторону. За то не могу отдѣлаться отъ сновъ, въ которыхъ это прошедшее оживаетъ предо мною до того ясно, что просыпаясь я готовъ плакать о недавней, только что испытанной утратѣ».—«Когда же поймутъ, что человѣку нельзя помириться съ мыслью о погибшемъ собственномъ существованіи, что эта мысль, временно подавленная и заглушенная, непрерывно грызетъ его. Если бы семейное счастье залѣчивало всѣ раны сердца, неужели думаютъ, что я не понялъ бы своего счастья?»... Только эта привязанность къ женѣ и скрашивала жизнь Грановскому, среди общества, гдѣ исчезли и прежніе интересы и прежніе люди. «Сердце ноетъ при мысли, чѣмъ мы были прежде, и чѣмъ стали теперь,—писалъ Грановскій Герцену въ 1853 году.—Вино пьемъ по старой памяти, а веселья въ сердцѣ нѣтъ; только при воспоминаніи о тебѣ молодѣетъ душа». Вдобавокъ къ служебнымъ тревогамъ (для объясненія образа мыслей Грановскаго вызывали не только къ начальству, но однажды даже къ московскому митрополиту Филарету) начала преслѣдовать Грановскаго и болѣзнь ¹⁾.

Между тѣмъ началась и турецкая, а потомъ и крымская война, показавшая полную несостоятельность господствовавшей тогда системы даже въ военной области, которою она наиболѣе гордилась.

12-го января 1855 г. состоялось празднованіе столѣтія Московскаго университета. На торжественномъ официальномъ обѣдѣ въ честь университета гость за него былъ провозглашенъ по счету седьмымъ, вслѣдъ за тостами въ честь христіюбиваго, храбраго и побѣдоноснаго російскаго воинства (что звучало весьма иронически) и за Москву ²⁾. Грановскій былъ центромъ болѣе интимныхъ празднествъ, и они оживили и ободрили его.

Новое потрясеніе, пережитое всею Россіею, не могло не отразиться на немъ: 18-го февраля 1855 г. скоропостижно скончался императоръ Николай I. Грановскому суждено было видѣть только семь мѣсяцевъ новаго царствованія, но по общему признанію никогда не былъ отъ такъ бодръ, оживленъ и дѣятеленъ, какъ въ эти семь мѣсяцевъ, не смотря на жестокія физическія страданія: врачи подозрѣвали каменную болѣзнь, но противорѣчили другъ другу.

«Я какъ будто увидаль предъ собою новаго человѣка, или по крайней мѣрѣ со всѣмъ преображеннаго, — рассказываетъ Панаевъ, встрѣтившій Грановскаго весною 1855 года въ Петербургѣ, куда

¹⁾ Последняя глава книги Станкевича. Объ оскуднѣніи умственныхъ интересовъ въ московскомъ обществѣ за это время—смотри также, напр., Галахова, «Сороковые годы», и др.

²⁾ См. отчетъ о празднованіи этого юбилея въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1855 г.

онъ ѣздилъ по дѣламъ университета.—Внутренній пылъ отражался въ его благородныхъ, прекрасныхъ чертахъ, въ которыхъ мелькала грустная, но ѣдкая иронія; даже въ голосѣ его была несвойственная ему энергія. Я никогда не слышалъ, чтобъ рѣчь его лилась такъ звонко, горячо и свободно...». Грановскій говорилъ здѣсь о томъ, что Москва и все, что она представляетъ собою въ національныхъ идеалахъ исключительнаго, теряетъ съ каждымъ днемъ свое значеніе¹⁾. Вообще историческія судьбы Россіи болѣе всего занимали его въ эти дни: онъ собиралъ матеріалы для очерковъ общественнаго движенія при Александрѣ I, чаще и чаще обращался къ мысли о Петрѣ Великомъ. Лѣтомъ 1855 года палъ Севастополь. Въ воздухѣ носилось уже что-то новое, говорили о новомъ государѣ, разрѣшались новые журналы, и расширялась программа существующихъ. Грановскій былъ утвержденъ, наконецъ, деканомъ факультета, тогда какъ раньше, не смотря, что выбирали его, назначался постоянно Шевыревъ. Лѣтомъ Грановскій жилъ въ деревнѣ у знакомыхъ, возобновлялъ литературныя работы, писалъ порученный ему учебникъ всеобщей исторіи, задумывалъ журналъ и т. д., забывалъ о своей болѣзни.

По приѣздѣ осенью этого 1855 года въ Москву, Грановскій простудился и слегъ, но, еще за два дня до смерти онъ одобрилъ окончательно проектъ историко-литературнаго журнала, разработанный имъ вмѣстѣ съ Кудрявцевымъ; просматривалъ приготовленныя къ печати статьи; принималъ знакомыхъ, освѣдомлявшихся о его здоровьи, которое, казалось, поправлялось. Утромъ 4-го октября онъ еще читалъ съ карандашемъ въ рукахъ, бесѣдовалъ съ женою о предполагаемомъ публичномъ курсѣ и ожидалъ къ обѣду нѣсколькихъ студентовъ. Вдругъ онъ опустился на изголовье постели, его поразили ударъ. Последнее его слово было обращено къ женѣ. «Бѣдная!» — произнесъ онъ, цѣлуя ея руку, и впалъ въ забытѣе. Немедленно прибылъ врачъ, но Грановскій былъ уже въ агоніи и скончался, все держа руку жены въ холодѣющей рукѣ своей.

Печальная вѣсть быстро облетѣла городъ. Ей не вѣрили, всякій спѣшилъ къ дому Грановскаго въ тайной надеждѣ, что это ошибка... Въ университетѣ остановились лекціи. Профессора, студенты, знакомые и не знакомые тѣснились въ квартиру его. Смерть заставила забыть вражду къ нему и со стороны недруговъ. Теплый некрологъ, написанный Катковымъ и появившійся въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», живо передавалъ охватившее всѣхъ чувство безконечной и думиленной скорби²⁾.

¹⁾ Панаевъ, указанн. книга, стр. 240.

²⁾ № 120 «Московскихъ Вѣдомостей» 1855 г. Извлеченія изъ мелкихъ некрологовъ, живо рисующихъ страстную привязанность къ Грановскому со стороны его учениковъ и всѣхъ, кто приходилъ съ нимъ въ сколько нибудь близкое соприкосновеніе, помѣщены въ статьѣ В. Якушкія въ № 278 «Русскихъ Вѣдомостей» 1895 г.

«Ничья смерть такъ сильно не поражала университета съ незапамятныхъ временъ, какъ смерть его,—записаль въ своемъ дневникѣ профессоръ Бодянской, не слишкомъ расположенный къ Грановскому:—все безъ исключенія были подъ гнетомъ ея; съ утра и до поздней ночи двери его жилища не затворялись. Только на третій день вынесли его въ университетскую церковь. Торжественность была полная, но и того полнѣе была она на слѣдующій день, когда хоронили его. Послѣ обѣдни, совершенной ректоромъ семинаріи Леонидомъ, и панихиды профессора историко-филологическаго факультета, при помощи нѣкоторыхъ изъ другихъ, а также и самого попечителя ¹⁾, вынесли гробъ его изъ церкви до сѣнныхъ дверей и сдали студентамъ, которые понесли его гробъ на своихъ рукахъ чрезъ весь городъ на Пятницкое кладбище, разстояніемъ верстъ шесть. Путь былъ усыпанъ цвѣтами и лавровыми листьями. Давно наша столица не видала такихъ похоронъ, давно никого она такъ славно, такъ единодушно не чтила». Сравнивая похороны Грановскаго съ недавно предъ тѣмъ происходившими похоронами бывшаго министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова, пышными, но холодно-официальными, Бодянской добавляетъ: «Честь и благодарность Москвѣ, умѣвшей понять, оцѣнить и отдѣлать истинныя заслуги отъ мнимыхъ или, по крайности, взять во вниманіе и взвѣсить средства и дарованія, не увлекаясь громкостью роли (министра),—могшей почувствовать, какъ много требовалось истиннаго дарованія и умѣнія отъ покойника, чтобы возбудить въ себѣ такое повсемѣстное и единодушное сочувствіе на томъ низкомъ поприщѣ, каково поприще профессора» ²⁾).

«На древнихъ саркофагахъ встрѣчаемъ изображенія погребальныхъ процессій, изъ которыхъ можно узнать о значеніи покойнаго,—говорилъ Соловьевъ.—Если бы на надгробномъ памятникѣ Грановскаго можно было изобразить вполнѣ скорбь, слезы многочисленной семьи чужихъ людей, то этотъ памятникъ далъ бы понятіе о значеніи челоуѣка, подъ нимъ сокрытаго» ³⁾).

«Похороны его были чѣмъ-то удивительнымъ и глубоко-знаменательнымъ,—писалъ Тургеневъ:—онѣ останутся событіемъ въ памяти каждаго, участвовавшаго въ нихъ. Никогда не забуду я этого длиннаго шествія, этого гроба, тихо колыхавшагося на плечахъ студентовъ, этихъ обнаженныхъ головъ и молодыхъ лицъ, облагороженныхъ выраженіемъ честной и искренней печали, этого невольнаго замедленія между разбросанными могилами кладбища, даже тогда, когда все уже было кончено, и послѣдняя горсть земли упала на прахъ любимаго учителя... Одни и тѣ же ощущенія наполняли

¹⁾ Назимова.

²⁾ Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891 г. Выдержка изъ дневника О. М. Бодянскаго, стр. 184—185.

³⁾ Указъ, рѣчь Соловьева на актѣ 1856 г.

всѣхъ, высказывались во всѣхъ устахъ, во всѣхъ взорахъ; всѣмъ хотѣлось продлить ихъ въ себѣ, и расходиться было жутко... Всякое общее чувство, даже скорбное, связуя людей, возвышаетъ ихъ. Каждый изъ пришедшихъ на кладбище, къ какому бы направленію ни принадлежалъ онъ, слишкомъ хорошо знаетъ, чего лишилась въ Грановскомъ русская жизнь и русская наука.—Для душъ молодыхъ, еще не искушенныхъ, не утопленныхъ плоскою незначительностью житейскихъ дрязгъ, такія ощущенія особенно благотворны; подъ наитіемъ ихъ сердце крѣпнетъ, и сѣмена будущихъ добрыхъ дѣлъ и доблестныхъ поступковъ зрѣютъ въ немъ... Дай Богъ, чтобы мы научились хотя эту пользу извлекать изъ нашихъ утратъ»¹⁾.

Но и тутъ не обошлось безъ нѣкоторой рѣзкой нотки диссонанса. Общій взрывъ скорби и выраженій ея въ видѣ вѣнковъ и цвѣтовъ, сыпавшихся на пути шествія, показался неумѣстнымъ, неприличнымъ. По разсказу Бодянскаго, на другой день послѣ похоронъ «попечитель, призвавши въ одну изъ аудиторій декановъ, нѣсколькихъ профессоровъ и студентовъ, сталъ выговаривать имъ за вѣнки (лавровые), которыми наканунѣ забросали Грановскаго при опущеніи въ могилу гроба его: «Это обычай рѣшительно языческой, противный нашей церкви. Какойнибудь аѳинскій ареопагъ или римская академія могли это дѣлать, но намъ, христіанамъ, такія дѣла неприличны»²⁾. Эта странная нотация у свѣжей еще могилы Грановскаго—выраженіе того, что съ нимъ все-таки не хотѣли помириться...

Какъ бы то ни было, въ обществѣ, съ которымъ нераздѣльно слилъ онъ свое имя, во всѣхъ концахъ Россіи эта кончина отозвалась одинаково. Долго, безъ различія направленія всѣ газеты и журналы наполнялись скорбными воспоминаніями о свѣтлой личности покойнаго, о его профессорской и общественной дѣятельности. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ память его раздавались подаянія: такъ въ Харьковѣ, въ лазаретъ, гдѣ лѣчились раненые, было прислано значительное денежное приношеніе «отъ Грановскаго». Долго памяти его посвящались новыя книги, выдающіяся ученые сочиненія.

Онъ умеръ въ самомъ началѣ новой эпохи, которая сулила уже осуществленіе дорогихъ надеждъ и задушевныхъ стремленій его юности, молодыхъ и зрѣлыхъ лѣтъ. Въ обществѣ уже чувствовалось приближеніе того приподнятаго настроенія, которое такъ пре-красно было вскорѣ передано И. С. Аксаковымъ:

День встаетъ багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,

¹⁾ «Два слова о Грановскомъ».

²⁾ Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891 г., стр. 186.

для меня или масляный колобокъ, или лепешку, и пихнетъ мнѣ въ руку тихонько отъ сестеръ. Но болѣе всего крестная доставляла мнѣ удовольствіе своими разсказами: въ длинные осенніе и зимніе вечера сидитъ она бывало за своею работою, а я пристану къ ней: «крестненькая, разскажи мнѣ чтонибудь?»—«Да полно, дурачекъ, что я тебѣ буду разсказывать? Ужъ тебѣ разсказывала, разсказывала, да и говорить больше не знаю чего». Но я не отставалъ и настойчиво требовалъ, чтобы она разсказала чтонибудь. И вотъ она, не рѣдко въ пятый, или десятый разъ, начнетъ мнѣ разсказывать сказку или житіе какогонибудь святого. Хотя она была и не грамотная, но, любя слушать, какъ читаютъ, и обладая хорошою памятью, знала много сказокъ, пѣсенъ и житій угодниковъ. Кромѣ того, она могла кое-что поразсказать о нашествіи Наполеона на Москву, чему была современницею, о старинномъ богатствѣ и обширности нашего города, и о своихъ странствованіяхъ по другимъ городамъ и монастырямъ.

Изъ всего нашего семейства я болѣе всѣхъ любилъ крестную, и привязанность моя къ ней простиралась до того, что я почти не отставалъ отъ нея: пойдетъ ли она на Волгу за водой, или въ церковь, я всюду за ней; но болѣе всего я любилъ ходить съ нею къ дѣдушкѣ Василью.

Дѣдущка Василій былъ родной братъ моей крестной и посаженный отецъ и опекунъ ея и моего отца. Въ молодости своей онъ торговалъ желѣзнымъ товаромъ и, кромѣ того, какъ поговаривали, давалъ деньги подъ проценты, чѣмъ и составилъ большой капиталъ. Но овдовѣвъ, лѣтъ сорока пяти, онъ прекратилъ торговлю и посвятилъ себя исключительно богомолью. Онъ также много странствовалъ по монастырямъ и прочимъ святымъ мѣстамъ Россіи; а потомъ, когда сдѣлался уже старикомъ, постоянно ходилъ на церковную службу въ соборъ. У дѣдущки Василья былъ довольно хорошій каменный домъ на богатой Ярославской улицѣ, съ большимъ фруктовымъ и ягоднымъ садомъ, съ пчельникомъ и громаднымъ огородомъ, выходившимъ на набережную Волги. Лѣтнее время онъ проводилъ такъ: вставалъ въ третьемъ часу утра и шелъ въ садъ, гдѣ работалъ до заутрени; затѣмъ, когда ударяли въ колоколь, онъ шелъ въ церковь, по окончаніи заутрени опять принимался за свою работу до ранней обѣдни; промежутокъ между ранней и поздней обѣдней онъ тоже проводилъ въ саду, или огородѣ, а по окончаніи поздней обѣдни шелъ трапезовать. Чаю онъ никогда не пилъ, а пилъ мяту, или другую какуюнибудь траву, съ медомъ изъ своихъ ульевъ; мясного онъ тоже ничего не ѣлъ съ начала своего вдовства, а ѣлъ только то, что полагалось по уставамъ монастырскимъ. Послѣ легкаго обѣда онъ постоянно отдыхалъ—лѣтомъ въ саду на дерновой скамейкѣ, имъ самимъ устроенной, а зимой въ своей горницѣ, стѣны которой походили на часовню, такъ какъ

были увѣшаны и уставлены иконами; вся мебель состояла изъ узенькой кровати, съ жесткою войлочною постелью, двухъ или трехъ скамеекъ по стѣнамъ, простыхъ деревянныхъ стульевъ и простого же стола съ шкафчикомъ, въ которомъ находились церковныя книги, и ящикомъ, имѣвшимъ вверху десять отдѣленій, гдѣ по порядку лежали серебряныя монеты, начиная съ пятакъ и кончая талеромъ, т. е. полуторарублевиномъ; подъ этими же отдѣленіями, внизу ящика, лежали кредитные билеты и золото. Чрезъ корридоръ, противъ его горницы, была кладовая, гдѣ хранилось около трехсотъ мѣшечковъ съ мѣдными деньгами. Отдохнувъ часъ или полтора послѣ обѣда, дѣдушка опять принимался за работу до вечерни; затѣмъ шелъ къ вечернѣ, и если была всенощная, то и ко всенощной. Въ церкви, за каждою службою, онъ постоянно становился сзади праваго клироса, противъ иконы Спасителя, и молился очень усердно: на всѣ тарелки во время церковнаго сбора подавалъ отъ пятакъ до алтына (такъ называлась тогда у насъ копейка), а по выходѣ изъ церкви, всегда почти послѣднимъ, онъ одѣлялъ всѣхъ нищихъ по грошу. Мнѣ же, когда я ходилъ въ церковь съ крестною и молился хорошо, при поздравленіи его съ праздникомъ, всегда дарилъ серебряный пятакъ, а когда худо молился, то—грошъ. На большіе праздники—Рождество и Пасху, дѣдушка покупалъ цѣлый возъ муравленыхъ горшечковъ, чашечекъ и кувшинчиковъ, которые насыпалъ пшеничною мукою, гречихою, пшеномъ и дарилъ всѣмъ приходившимъ къ нему. Кромѣ того, онъ иногда оказывалъ бѣднымъ помощь, хотя и небольшую, на похороны и на свадьбы. Все свободное отъ работы время онъ проводилъ въ чтеніи божественнаго писанія, а по ночамъ очень долго молился. Говорили также, что онъ носилъ на тѣлѣ желѣзныя вериги.

Впрочемъ, говоря о благочестивой жизни дѣдушки, я долженъ сказать также, что отецъ мой, хотя наружно и почиталъ его и боялся до самой его смерти, но не особенно долубливалъ, потому что, по рассказамъ отца, доставшійся ему при семейномъ раздѣлѣ, капиталъ въ семь тысячъ рублей перешелъ весь въ руки дѣдушки, какъ опекуна, и изъ этого капитала одновременно получено было отцомъ моимъ только отъ трехъ до четырехъ тысячъ, а остальные съ процентами на капиталъ остались у дѣдушки. Нѣкоторые подьячіе предлагали отцу моему судиться съ дѣдушкой и вытребовать съ него на законномъ основаніи тысячъ до двѣнадцати, т. е. весь капиталъ съ процентами, потому что дѣдушка не бралъ никогда отъ отца никакихъ росписокъ въ полученіи отцомъ отъ него наслѣдства, вѣрно рассчитывая, что отецъ не посмѣетъ съ нимъ тягаться. Отецъ, можетъ быть, и рѣшился бы просить черезъ судъ полного возвращенія ему наслѣдства, но крестная этого не дозволила. «Если ты, Иванушка, говорила ему крестная, будешь судиться съ батюшкой (такъ наши родители и сама крестная звали

дѣдушку, потому что онъ былъ и ей отцомъ посаженнымъ), то не будетъ тебѣ отъ меня Божьяго благословенія». Отецъ мой, тоже воспитанный въ благочестивыхъ правилахъ, очень уважалъ свою мать и дорожилъ ея благословеніемъ.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ объ отцѣ моемъ. Онъ былъ красивый мужчина, высокаго роста, статный и ловкій: любилъ повеселиться, попѣть пѣсни и до шестидесятилѣтняго возраста обладалъ превосходнымъ теноромъ. По торговлѣ онъ былъ хорошимъ знатокомъ своего дѣла и считался первостатейнымъ торговцемъ. Характеръ у него былъ хорошій, мягкій; но воля, какъ и у меня, слабая. При жизни крестной, онъ всегда былъ у нея въ повиновеніи; а когда женился во второй разъ, то имъ владѣла мачиха. Проживъ съ двумя женами слишкомъ сорокъ лѣтъ, онъ, кажется, никогда не дрался, а это въ нашемъ городѣ и донынѣ рѣдкость. Имѣя уже около сорока лѣтъ, онъ никогда не осмѣливался послушаться крестной. Случалось нерѣдко, что онъ выпивалъ и погуливалъ, но никогда, въ какомъ бы ни былъ онъ ненормальномъ состояніи, при крестной, ни съ матерью, ни съ кѣмъ бы то ни было не смѣлъ завести ссоры, а на всѣ нотаци крестной только отмалчивался. Такъ тихо и спокойно текла наша жизнь до 1848 года, когда холера похитила у насъ крестную.

Въ 1846 году, мнѣ минуло семь лѣтъ, и я сталъ просить, чтобы меня отдали въ школу. Меня сначала не пускали, говоря, что я еще малъ (я дѣйствительно былъ очень маленькаго роста), что меня будутъ обижать мальчишки—мои товарищи, при томъ же наступало очень холодное время, родители и крестная опасались, чтобы я не простудился: однимъ словомъ меня жалѣли и не хотѣли еще отдавать учиться. Но я слушать ничего не хотѣлъ, плакалъ, капризничалъ и просился въ школу. И вотъ, наконецъ, 1-го ноября, мы съ крестной сначала сходили въ церковь, отстояли обѣдню и отслужили молебенъ св. Козьмѣ и Демьяну какъ молитвенникамъ о ниспосланіи Богомъ разумѣнія, а потомъ крестная, запасшись десяткомъ копеечныхъ кренделей, повела меня въ школу.

Придя въ школу, я, какъ научили меня дома крестная и маленька, поклонился учителю въ ноги, а крестная, поклонившись ему въ поясъ и вручивъ въ подарокъ принесенные крендели, просила его не оставить меня своею заботливостью, а главное—не дать въ обиду моимъ товарищамъ. Въ первый же день меня поставили къ такъ называемому форшту съ буквами, довольно большого размѣра, наклеенными на лпкѣ, и я началъ выкрикивать вмѣстѣ съ другими стоящими тутъ мальчиками: а, бе, ве, и т. д. первую строчку азбуки—шесть буквъ. На первый разъ не скоро мнѣ дали эти шесть буквъ, и почему—не знаю, но только я ихъ зубрилъ цѣлую недѣлю и едва одолѣлъ. Съ какою радостью, какъ сейчасъ помню, бѣжалъ я домой изъ школы, чтобы заявить о

своёмъ успѣхѣ. Я мечталъ, что меня расхваляютъ и расцѣлюютъ, и едва только вбѣжалъ въ горницу, закричалъ: «знаете ли что, и первую строчку совсѣмъ ужъ выучилъ!» Но мать сразу меня осадилась словами: «Да вѣдь ужъ цѣлую недѣлю учишься; пора одну-то строчку и выучить». Хотя я былъ и малъ, но мнѣ стало стыдно, что я похвасталъ такъ не кстати. Крестная же, по обыкновенію, расхвалила меня, погладила, поцѣловала въ головку и дала масляный сочень. Въ первомъ приходскомъ классѣ ученіе наше ограничивалось только букваремъ, начатками православнаго ученія и писаніемъ палокъ.

Мало помню я теперь изъ перваго года моего ученія, не помню даже, выучился ли я тамъ хоть скольконибудь читать, а писать, кажется, и палокъ не начиналъ. Но я помню очень хорошо, что розги у насъ въ то время очень часто пускались въ ходъ, и ученики другъ дружку пороли съ какимъ-то удовольствіемъ. Какъ только бывало учитель скажетъ, что такого-то нужно выпоротъ, то непременно, человекъ пять, сломя голову, бѣгутъ за розгами. Хотя мнѣ въ этомъ классѣ не приходилось еще пробовать розогъ и не удавалось никого сѣчь, но одинъ разъ я вздумалъ дома похвастаться, что сѣкъ товарища, и, придя изъ школы, сказалъ:

— Маменька, нонче одного у насъ сѣкли, я побѣжалъ, схватилъ розги, да такъ его нахлесталъ, даже до крови, четыре мальчишка его держали, насилиу сдержали.

— Ахъ, ты, мерзавецъ, ахъ, ты дуракъ! да какъ ты осмѣлился? Вотъ возьму я сейчасъ хорошій ремень да задамъ самому тебѣ такую порку, что ты у меня съ недѣлю не сядешь.

Долго она меня бранила и усовѣщевала... Помню, что она меня сравнивала съ палачемъ...

— Да знаешь ли ты, дуракъ ты эдакой, что Богъ и за сдѣланное зло не велѣлъ никого обижать, а товарищъ-то твой ничего тебѣ не сдѣлалъ, а ты его билъ. Вѣдь за это и Богъ-то на тебя прогнѣвается, и люди-то всѣ будутъ тебя осуждать, да и товарищъ-то на тебя будетъ сердиться. Ты бы прочь долженъ бѣжать, не смотрѣть на это, да молить Бога, чтобы онъ облегчилъ страданья наказуемаго.

И я понялъ, что не хорошимъ дѣломъ похвастался, но уже не захотѣлъ сознаться, что солгалъ.

Хотя я и не очень успѣшно учился въ первомъ приходскомъ классѣ, но на экзаменахъ все-таки попалъ къ переводкѣ во второй приходскій классъ. Этотъ классъ и три уѣздныхъ находились почти противъ нашего дома. Смотритель и учителя, жившіе въ училищѣ, всѣ хорошо знали наше семейство, потому что крестная продавала имъ молоко и яйца, а иногда, ради меня, и дарила. Но мое ученье и тутъ шло не блестящимъ образомъ. «Начальное чтеніе» и «Другъ дѣтей» я еще почитывалъ порядочно, потому что разные анекдоты

и мелкія повѣсти меня занимали; ариѳметика также шла у меня не совсѣмъ дурно, но чистописаніе и Законъ Божій мнѣ вовсе не давались; я помню, что два мѣсяца твердилъ наизусть второй членъ символа вѣры, но какъ только священникъ начиналъ меня спрашивать, то я непремѣнно забывалъ его и сбивался. Отецъ Петръ, такъ звали законоучителя, не разъ собирался меня выпоротъ; но пороли ли меня въ этомъ классѣ, или нѣтъ, я теперь уже забылъ.

Съ переходомъ въ уѣздное училище, я сталъ учиться прилежнѣе, потому что преподаваемые тамъ предметы меня болѣе интересовали; только чистописаніе и рисованіе были моими не любимыми предметами и, не смотря на то, что учитель этихъ предметовъ былъ очень строгій, и на его урокахъ мнѣ не разъ приходилось попробовать розогъ, я все-таки до конца ученія былъ самымъ худымъ ученикомъ у него. За то русская исторія, преподаваемая учителемъ и историкомъ нашего города Ѡ. Х. Кисселемъ¹⁾, было моимъ любимымъ предметомъ, именно вслѣдствіе того, что покойный Ѡедоръ Харитоновичъ очень рѣдко заставлялъ насъ зубрить «Краткое руководство» Устрялова и большею частью самъ, впродолженіе всего урока, ходя взадъ и впередъ по классу, рассказывалъ намъ исторію гораздо подробнѣе и проще, чѣмъ она излагалась въ учебникахъ.

Въ разсказахъ изъ географіи онъ тоже не ограничивался однимъ перечисленіемъ границъ, рѣкъ, морей и т. п., но обращалъ вниманіе учениковъ на экономическую и промышленную жизнь народовъ, на ихъ обычаи, нравы и т. п.

Въ первомъ уѣздномъ классѣ я учился настолько хорошо, что переведенъ былъ во второй съ похвальнымъ листомъ.

Въ это время, именно въ 1848 году, у насъ въ городѣ появилась довольно сильная холера, которая сразила краеугольный камень нашего дома: дорогую намъ всѣмъ и незамѣнимую нашу крестную. Мать моя около этого времени тоже сильно захворала, а со смертію крестной совсѣмъ свалилась и, пролежавъ цѣлый годъ въ постели, отдала также душу Богу.

Отецъ же, частію отъ горя, частію отъ того, что не видѣлъ уже надъ собою власти, сталъ чаще выпивать, и потому наше хозяйство и нашъ домъ начали приходить въ упадокъ. Много денегъ было потрачено на лѣченіе матери; отецъ впродолженіи рассказывалъ, что по смерти крестной у него было восемьсотъ рублей денегъ (положимъ, что тогда у насъ деньги считались на ассигнаціи, но и на ассигнаціи, по тогдашнему времени, въ нашемъ городѣ,

¹⁾ Ѡедоръ Харитоновичъ Киссель, учитель исторіи и географіи въ нашемъ училищѣ, составилъ очень не дурную и подробную исторію нашего города, изданную въ сороковыхъ годахъ въ Ярославлѣ, которую я въ дѣтствѣ еще прочелъ съ большимъ интересомъ, но затѣмъ, во всю долгодѣльную мою практику по княжней торговлѣ въ Петербургѣ, я только одинъ разъ встрѣтилъ эту книгу у покойнаго моего товарища—буккиниста Гумбольда; послѣ же, какъ мнѣ ни хотѣлось приобрести ее для себя, я не могъ найти.

эта сумма составляла чуть не капиталъ), а когда умерла мать, то на похороны ея пришлось занимать денегъ. Кромѣ того, покойница, во время своей болѣзни, на лѣченіе перевезла почти все свое приданое.

Лѣчили мать нѣсколько человекъ: сначала—подлѣкаръ Петръ Ивановичъ, потомъ—лѣкарка Елена Ивановна, потомъ городской докторъ, а потомъ какой-то пріѣзжій военный врачъ, который прямо объявилъ старшей сестрѣ, что вылѣчить больную очень трудно, почти невозможно.

Лѣченіе Петра Ивановича и Елены Ивановны, насколько я помню, было таково: придетъ Петръ Ивановичъ (онъ ходилъ почти ежедневно, а когда матери было очень худо, то и два раза въ день) и непременно принесетъ съ собою стеклянку какой нибудь микстуры; есть ли какая перемѣна въ больной, или нѣтъ, онъ непременно настаивалъ, чтобы его микстура аккуратно выпивалась, каждый разъ увѣряя, что съ этого раза больная непременно поправится. Затѣмъ Петръ Ивановичъ разсаживался около постели больной, принимался, по приглашенію матери, за постоянно выставленный къ его приходу графинчикъ съ очищенной, соленые рыжички и отварные бѣлые грибки и начиналъ рассказывать больной что нибудь изъ своей многолѣтней практики или городскія новости. Бесѣду эту онъ постоянно продолжалъ до тѣхъ поръ, пока въ графинѣ не оставалось ни одной рюмки, а на тарелкахъ—ни одного грибка. Послѣ этого онъ еще разъ увѣрялъ больную, что она должна непременно поправиться, и, получивъ свой полтинникъ гонорара, уходилъ до другого дня. На другой день онъ являлся также съ заранѣе приготовленнымъ лѣкарствомъ, и совершалась та же церемонія. Кромѣ получаемыхъ имъ полтинниковъ за визитъ, мать еще дарила ему и его женѣ нѣкоторыя свои вещи. Елена Ивановна, напротивъ, никогда не лѣчила микстурами; она постоянно приносила съ собой разные спирты и мази для натиранія. Во время бесѣды съ больной она не употребляла очищенной и не уважала соленья, какъ Петръ Ивановичъ; но для нея ставили самоварчикъ, приносили моченой брусники съ яблоками, кренделей, сладенькой водочки, а иногда и варенья. Эти два врача лѣчили нашу больную зачастую одновременно тотъ и другой, но они никогда не сходились вмѣстѣ, и отъ нихъ старались скрывать ихъ одновременное лѣченіе. Сколько получала Елена Ивановна за свои лѣкарства и визиты, не знаю; знаю только, что какъ отъ микстуръ Петра Ивановича, такъ и отъ ея мазей, наша больная нисколько не поправлялась.

Какъ ни была больна мать, но она все-таки заботилась о моемъ ученіи, часто просматривала мои уроки, заставляла при себѣ читать, поправляла неправильно произносимыя слова, а уроки священной исторіи поясняла своими рассказами.

II.

Послѣдствія кончины матери.— Постоянныя отлучки отца.— Хозяйство сестры.— Невыгодная отдача въ наймы дома.— Нужда.— Замужество сестры п женитьба отца.— Мачиха и ея вліяніе на отца.— Окончаніе мною ученію.— Отправленіе меня въ Петербургъ.— Зять.— Поступленіе мальчикомъ въ фуражечный ларь.— Первое разочарованіе.— Отказъ отъ мѣста.— Неласковый пріемъ у сестры.— Семья Басаргинныхъ.

Съ смертью матери наше семейное благосостояніе совершенно исчезло. Отецъ гораздо меньше сталъ жить дома; почти все время онъ находился въ отъѣздѣ и только недѣли черезъ двѣ, три пріѣзжалъ домой и, пробывъ день или два, опять уѣзжалъ. Выпивать онъ началъ уже не временно, какъ прежде, а почти постоянно. Хозяйкою у насъ сдѣлалась старшая моя сестра, которой было еще только четырнадцать лѣтъ. Отецъ, уѣзжая куда нибудь на базаръ или ярмарку, постоянно увѣрялъ, что скоро пріѣдетъ, и потому оставлялъ на семейныя расходы очень мало: не рѣдко случалось, что мы должны были съ полтинникомъ, а иногда и съ четвертакомъ, жить по недѣлѣ и по двѣ. Хотя сестра моя тоже работала у квартировавшей у насъ въ домѣ модистки, но въ то время женскія работы цѣнились черезчуръ дешево: она получала только гривенникъ въ день. Поэтому, какъ ни дешева тогда была жизнь, но все-таки мы, привыкшіе съ дѣтства къ бѣленькому кусочку хлѣба и къ чаю (чай у насъ въ городѣ тогда былъ роскошью: въ мѣщанскихъ семьяхъ его рѣдко пили, да и въ иныхъ купеческихъ семьяхъ пили только по одному разу въ день; при томъ же въ то время чай и сахаръ были, сравнительно, гораздо дороже, чѣмъ теперь), мы не могли довольствоваться оставляемыми отцомъ деньгами и сестринымъ заработкомъ, вслѣдствіе чего нерѣдко случалось, что сестра моя, доставъ изъ чулана какую нибудь вещичку, которая совсѣмъ въ хозяйствѣ не употреблялась, посылала меня продавать на рынокъ, а такъ какъ ни она, ни я не могли еще знать цѣны вещамъ, то я и продавалъ за то, что дадутъ.

Съ переходомъ во второй уѣздный классъ, я сталъ учиться хуже, во-первыхъ, потому, что за моимъ ученьемъ уже некому было слѣдить, во-вторыхъ, потому, что мнѣ уже не покупали нужныхъ въ этомъ классѣ учебниковъ; по нѣкоторымъ предметамъ я могъ прочитывать урокъ только въ классѣ, взявъ книгу у кого нибудь изъ товарищей.

Такъ прошло болѣе полутора года: я уже перешелъ въ третій уѣздный классъ и, съ горемъ пополамъ, доучивался, дѣлая успѣхи только въ ариметикѣ, и смѣло могу сказать, что самыя трудныя задачи по этому предмету никто изъ моихъ товарищей не могъ такъ скоро и вѣрно рѣшать, какъ я.

Отецъ въ это время сдать болѣе половины дома въ наймы на десять лѣтъ одному нашему родственнику, имѣвшему пряничную и саечную торговлю, за сто шестнадцать рублей. И эта ничтожная сумма частью была засчитана за старый долгъ отца, частью разсрочена на нѣсколько лѣтъ. Эта разорительная сдѣлка, тяготившая насъ много лѣтъ, была устроена моимъ отцомъ, какъ онъ самъ выражался, съ пьяныхъ глазъ и подъ вліяніемъ неотразимой нужды.

Впрочемъ, я долженъ сознаться, что эта сдѣлка мнѣ тогда нравилась, потому что, вслѣдствіе переселенія новыхъ жильцовъ, въ нижнемъ этажѣ нашего дома, состоявшемъ изъ двухъ небольшихъ и низенькихъ комнатъ, устроился пряничный и саечный курень; а я, будучи небольшой охотникъ до дѣтскихъ игръ и гулянья, все свободное отъ ученія время проводилъ тамъ, пособляя работать пряники, крендели и сайки, гдѣ и бывалъ сытъ. Бѣдность наша въ то время такъ была велика, что сестра иногда потаскивала изъ куреня муку и потихоньку пекла прѣсное пекиво.

Въ февралѣ 1851 года, у насъ состоялись двѣ свадьбы: сначала выдали сестру, а потомъ женился отецъ. Свадьбы эти могли состояться только вслѣдствіе помощи нашихъ родственниковъ, которые жертвовали вещами и деньгами, кто сколько могъ, на приданое сестрѣ и на свадьбу отца.

Новая хозяйка нашего дома, мачиха, какъ болѣе опытная, повела хозяйство нѣсколько лучше, чѣмъ оно велось при сестрѣ. Притомъ, имѣя хорошій характеръ, она своимъ вліяніемъ на отца заставила его нѣсколько образумиться, онъ пересталъ пьянствовать, поусерднѣе принялся за дѣло, и жизнь наша до нѣкоторой степени поправилась; мы не голодали уже такъ, какъ это случалось во время его вдовства.

Вначалѣ мачиха хотя и не обижала меня, но все-таки не такъ любила, какъ младшую мою сестру: она часто надсмѣхалась надо мною, называя меня тюфякомъ, толстомясымъ и насѣдкою, потому что я дѣйствительно былъ не похожъ на моихъ сверстниковъ: въ зимнее время, исключая школы, я почти совсѣмъ не выходилъ на улицу и все время проводилъ или въ куренѣ, или сидѣлъ на лежанкѣ, поджавъ подъ себя ноги, за какуюнибудь книгу.

Въ іюнѣ того же года, я кончилъ курсъ уѣзднаго училища, а черезъ девять мѣсяцевъ меня рѣшили отправить въ Петербургъ.

Въ мартѣ 1852 года, начались мои сборы въ Петербургъ. Спшили мнѣ, помню, суконный тулупъ, казинетовую сибирку, сапоги и нѣсколько паръ бѣлья. Отецъ, уѣзжая на ярмарку, благословилъ меня кипариснымъ распятіемъ и надѣлилъ какою-то серебряною монетою на дорогу. Наканунѣ отъѣзда я пошелъ прощаться съ родственниками, которые также давали мнѣ по нѣсколько копеекъ на дорогу, а дѣдушка Василій изъ своей кассы, т. е. описаннаго раньше

стола, отсчиталъ мнѣ двадцать пять серебряныхъ пятаконъ и приказалъ, чтобы этихъ денегъ хватило на всю дорогу до Питера. Наконецъ, 17-го марта, матица накупила мнѣ на дорогу саяекъ, баранокъ и неизбѣжное дорожное лакомство, покупаемое тогда всѣмъ вообще отправляющимся въ Петербургъ мальчикамъ—берестяной буракъ съ краснымъ медомъ, благословила меня хлѣбомъ-солью и отправила въ Петербургъ на протяжныхъ, проводивъ сама далеко за городъ.

Разставаясь первый разъ съ родиной, я не особенно грустилъ по ней, во-первыхъ, потому, что, по рассказамъ всѣхъ нашихъ родственниковъ и знакомыхъ, Петербургъ представлялся мнѣ какимъ-то золотымъ царствомъ, гдѣ люди не живутъ, а блаженствуютъ; у меня не было и въ мысляхъ, что тамъ могутъ существовать нужда, бѣдность и горе, такъ какъ объ этомъ мнѣ никто не рассказывалъ, а говорили только, что тамъ и нищія никогда не бывають безъ блага хлѣба и безъ чаю, или кофе, которыхъ въ нашемъ городѣ далеко не всѣмъ жителямъ, какъ я зналъ, приходилось видѣть и въ праздники; а, во-вторыхъ, потому, что на родинѣ я уже мало былъ къ кому привязанъ: старшая сестра, выйдя замужъ, уже болѣе года жила съ мужемъ въ Петербургѣ, и я рассчитывалъ, что буду видѣться съ нею.

Извозчикъ, взявшійся доставить меня и еще одного мальчика моего товарища по школѣ, въ Петербургъ, былъ нашъ угличскій купецъ. Онъ былъ собственно лодочникъ, имѣлъ двѣ лодки, такъ называемыя тихвинки, и занимался перевозкою на нихъ разнаго груза съ рѣки Свири до Петербурга. Онъ ѣздилъ туда ежегодно весною на своей лошади, что и называлось тогда «на протяжныхъ», т. е. на безсмѣнныхъ.

Отъ Вышняго Волочка мы должны были ѣхать по шоссе, и тутъ намъ пришлось, вслѣдствіе начавшагося теплаго времени, оставить сани и купить телѣгу, что и задержало насъ на два дня, въ которые я бродилъ по городу и особенно любовался рѣкою Цной, которая тамъ выложена гранитомъ. Дальнѣйшее наше путешествіе до Петербурга не представляло ничего интереснаго; останавливались мы въ разныхъ селахъ и городахъ лишь на столько времени, чтобы выкормить лошадь и самимъ отдохнуть; только въ Новгородѣ, въ Страстную субботу, мнѣ пришлось побывать въ Софійскомъ соборѣ и въ первый разъ увидѣть архіерейское богослуженіе. Останавливаясь на постоялыхъ дворахъ на ночлегъ или днемъ для отдыха лошади, мы пили чай или обѣдали, за что и платили, за обѣдъ копеекъ пятнадцать, а за чай копеекъ шесть или семь.

Наконецъ, 3-го апрѣля, въ среду на Пасхѣ, прибыли мы въ Петербургъ и остановились на Калашниковой пристани. Харлампій Алексѣевичъ, такъ звали нашего извозчика, въ тотъ же день повелъ меня къ сестрѣ. Мужъ моей сестры былъ мясникъ и торго-

валъ на Сѣнной площади въ такъ называемыхъ номерахъ, то-есть деревянныхъ ларяхъ, сдававшихся отъ города на каждые полгода, а квартировали они въ Спасскомъ переулкѣ. Впрочемъ, приѣздъ мой былъ не особенно во время: зять въ то время попалъ въ какія-то неприятности по торговлѣ и долженъ былъ скрываться, вслѣдствіе чего я и засталъ только одну сестру, а о зятѣ она сказала, что онъ уѣхалъ въ Финляндію. Но дня чрезъ два она повела меня въ гости къ нашимъ землякамъ, и тамъ я увидалъ зятя, скрывавшагося отъ розысковъ полиціи на антресоляхъ. Еще чрезъ день мои родные переѣхали на Черную рѣчку, лѣтнее мѣсто торговли моего зятя, а меня, въ понедѣльникъ на Фоминой недѣлѣ, по рекомендаціи земляка, отдали въ мальчики въ фуражечный ларь на Апраксиномъ дворѣ.

Слыша раньше рассказы только о великолѣпіи и богатствѣ Петербурга, я не могъ себѣ представить, чтобы въ Петербургѣ существовалъ такой рынокъ, каковъ былъ въ то время Апраксинъ дворъ. Грязные, маленькіе ларьки, сколоченные вплотную одинъ съ другимъ, съ самыми узенькими проходами между ними, казались мнѣ скорѣе какими-то клѣтками, нежели настоящими торговыми лавками. Я, мечтавшій при отправленіи въ Петербургъ, попасть въ какойнибудь богатый магазинъ въ Гостиномъ дворѣ или на Невскомъ проспектѣ, и воображавшій, что буду жить въ хорошей и чистой квартирѣ, горько разочаровался, когда очутился въ маленькой фуражечной лавчонкѣ и въ квартирѣ, помѣщавшейся буквально на чердакѣ одного изъ большихъ апраксинскихъ домовъ. Хотя хозяинъ мой былъ человѣкъ далеко не бѣдный,—у него было три фуражечныхъ ларя и кладовая съ суровскимъ товаромъ,—жилъ, можно сказать, очень сѣро. Притомъ же хозяинъ и нѣкоторые приказчики были старовѣры, и я, съ дѣтства еще наученный родными смотрѣть на нихъ, какъ на отступниковъ православной церкви, ихъ не взлюбилъ. Все это вмѣстѣ, и мизерность лавки, и мелочность самой торговли, и сѣренькая жизнь на квартирѣ, до того мнѣ не нравились, что я неохотно принимался за каждое дѣло; я или отнѣкивался отъ дѣла неумѣнъемъ, или дѣлалъ видъ, что не замѣчалъ его. Главное дѣло, лежавшее на моей обязанности по лавкѣ, было зазыванье и затаскиванье покупателей, но я такъ былъ не смѣлъ, что никакъ не могъ къ этому привыкнуть. Отъ чего, не могу уже теперь объяснить, но только помню, что мнѣ было какъ-то стыдно очень нахваливать свой товаръ и навязываться съ нимъ; а когда я видѣлъ, что покупателя нужно было насильно тащить отъ другихъ въ свою лавку, то я, большею частью, если этого не видѣлъ хозяинъ или приказчики, отходилъ отъ него и дѣлалъ видъ, будто не примѣтилъ его; за это, конечно, мнѣ нѣсколько разъ попадали внушительныя крѣпкія слова, тукманки и потасовки, но и этотъ способъ исправленія на меня мало дѣйствовалъ, и я все-таки оставался плохимъ мастеромъ

по части зазыванья. Къ тому же, по рекомендаціи одного московскаго фабриканта, комиссіи котораго мой хозяинъ исполнялъ, былъ присланъ вслѣдъ за мной еще мальчикъ, вслѣдствіе чего чрезъ пять недѣль мнѣ отказали.

Я отправился на Черную рѣчку, надѣясь найти тамъ зятя уже торгующимъ и попросить его пристроить меня къ себѣ въ мясники; но я нашелъ только одну сестру, а зятя не было. Приходъ мой сильно огорчилъ сестру: она крѣпко меня ругала за то, что я не умѣлъ служить, и мнѣ отказали; когда же я, желая похвастать и получше оправдаться, сказалъ, что мнѣ не отказывали, а я самъ отошелъ, то она еще болѣе разсердилась и закричала:

— Ахъ, ты дрянъ мальчишка! и ты смѣлъ еще отказываться, жаль, что я раньше не могла сходить къ хозяину... и если бы только услыхала, что ты не хочешь служить, то я непремѣнно попросила бы хозяина хорошенько выпоротъ тебя, да такъ, что ты и не подумалъ бы отказываться.

Конечно, вслѣдствіе такого приема, мнѣ было очень неловко жить у сестры, и я уже начиналъ тосковать по родинѣ; хотя тоски этой я не смѣлъ выразить, но мнѣ хотѣлось, чтобы представился какойнибудь случай для возвращенія обратно въ Угличъ. Зятя я не видалъ и не зналъ гдѣ онъ, потому что, на вопросъ мой о немъ, сестра только огрызнулась и сказала, что его нѣтъ и не скоро приѣдетъ; но я все-таки понялъ, что происходитъ нѣчто неладное. Прошло дней пять, а зять все не являлся, спрашивать о немъ у сестры я болѣе не смѣлъ, видя ее постоянно огорченною и часто плачущею. Однажды сестра, отправляясь въ городъ, взяла меня съ собой и привела въ Пустой рынокъ къ нашимъ дальнимъ родственникамъ и оставила тамъ. Добрые и хорошіе это были люди—Иванъ Онисифоровичъ и Анна Петровна Басаргины. Приняли они меня, какъ близкаго родного, и я прожилъ у нихъ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Иванъ Онисифоровичъ хотя и занималъ очень невысокую должность, онъ былъ не болѣе, какъ рыночный сторожъ,—былъ человекъ очень неглупый и довольно начитанный; у него стоялъ довольно порядочный сундукъ съ книгами преимущественно историческаго содержанія и русскіе романы, которые, впрочемъ, онъ очень берегъ и мало кому давалъ читать: зато онъ любилъ и, можно сказать, умѣлъ рассказать прочитанное. Такъ какъ они держали порядочную квартиру, и у нихъ было много жильцовъ-торговцевъ того же рынка, то у насъ не проходилъ ни одинъ обѣдъ, ни одинъ чай, безъ того, чтобы Иванъ Онисифоровичъ не велъ съ кѣмъ либо литературнаго разговора; особенно онъ любилъ потолковать по части исторіи. Иванъ Онисифоровичъ меня лично не обижалъ, но мнѣ приходилось слышать, какъ онъ гнѣвался на сестру за то, что та оставила меня у нихъ дня на два или на три, а теперь и не думаетъ взять къ себѣ; хотя я былъ еще и не великъ, но все-таки эти упреки кололи мое

сердце: мнѣ отъ нихъ дѣлалось еще грустнѣе, и я все болѣе тосковалъ по родинѣ. Зато Анна Петровна на столько была сердобольна, что ее можно было назвать воплощенной добротой. Она въ такихъ случаяхъ постоянно говорила:

— Ну, полно, Иванъ Онисифоровичъ, у нея теперь и такъ горе, да чтобы ей еще съ нимъ возиться. Богъ съ нимъ, вѣдь онъ насъ не объѣстъ, у насъ есть свой сынъ, неизвѣстно, что съ нимъ можетъ случиться; насъ не будетъ, такъ и его добрые люди не оставятъ.

Сердце ея было—вѣщунъ... Здѣсь, кстати, скажу нѣсколько словъ объ ихъ сынѣ, этомъ замѣчательно талантливомъ, но погибшемъ человѣкѣ.

Василій Ивановичъ, или Вася, какъ мы его постоянно звали, въ дѣтствѣ былъ отданъ въ приходскую школу, превосходно выучился чатать и писать, но такъ какъ отецъ рѣшилъ приготовить изъ него торговца, то на двѣнадцатомъ году взялъ его изъ училища и отдалъ въ Гостиный дворъ въ мебельный магазинъ въ мальчики. Прослуживъ опредѣленное число лѣтъ мальчикомъ, Вася оставался тутъ еще два года, или три, приказчикомъ, но потомъ почему-то былъ отказанъ. Въ то время, когда я поселился у Басаргиныхъ на житье и узналъ его, Вася уже былъ безъ дѣла и проживалъ у родителей. Онъ также, какъ и его отецъ, любилъ много читать, но еще болѣе любилъ писать стихи, которые дѣйствительно были хороши: это были большею частью своеобразныя сатиры, писанныя преимущественно на своихъ собратовъ по торговлѣ, на гостинодворскихъ хозяевъ и приказчиковъ: но онѣ были до того мѣтко, толково и складно написаны, что всѣ удивлялись его способности.

Въ 1853 году, отъ свирѣпствовавшей тогда въ Петербургѣ холеры Вася въ одинъ день лишился своихъ родителей; не захотѣвъ взять доставшуюся ему по наслѣдству должность рыночнаго сторожа, онъ продалъ ее за двѣсти рублей и, распродавъ также, оставшіяся послѣ родителей, разныя вещи и ховяйственныя принадлежности, началъ порядкомъ погуливать и скоро прокутилъ всѣ денежки. Послѣ этого, онъ записался въ канониры, на учреждавшуюся тогда при Балтійскомъ флотѣ, канонирскую флотилію. Прослуживъ тутъ нѣсколько мѣсяцевъ до распущенія флотиліи, онъ съ моимъ зятемъ, тогда уже выпутавшимся изъ бѣды, уѣхалъ на родину, гдѣ у него также оставалось наслѣдство: домъ и земля. Въ Угличѣ Вася влюбился въ сестру моего зятя, дѣвушку дѣйствительно замѣчательной красоты и очень неглупую и образованную по своему званію и кругу, впоследствии жившую въ Петербургѣ и сдѣлавшуюся барыней. Но Екатерина Алексѣевна, такъ звали сестру моего зятя, не отвѣтила на любовь Василія Ивановича, и какъ онъ ни старался понравиться ей, хотя былъ хорошъ умомъ и наруж-

ностію, и сколько онъ ей ни писалъ посланій и въ прозѣ и въ стихахъ, все-таки не могъ возбудить въ ней соотвѣтственнаго чувства. Съ горя Вася продалъ свои наслѣдственные домъ и землю и ушелъ въ ратники. Въ ратникахъ онъ служилъ очень счастливо; въ скоромъ времени по поступленіи, его назначили ротнымъ писаремъ и произвели въ чинъ урядника, но служба не исправила уже вкоренившагося въ немъ пристрастія къ пьянству. По выходѣ изъ ратниковъ, онъ не долгое время проболтался въ Угличѣ безъ дѣла, а потомъ продался въ солдаты, гдѣ также служилъ въ канцеляріи и нѣсколько разъ получалъ галуны, которые у него за пьянство снимали; а потомъ года черезъ три, четыре, онъ исчезъ, и до сихъ поръ никто не знаетъ, живъ онъ, или нѣтъ.

III.

Поступленіе мальчикомъ въ свѣчную лавку.—Мои обязанности.—Торговля моего хозяина.—Горячка съ покупкой золота и серебра.—Банковскій кассиръ.—Первое покушеніе.—Первая кража.—Нравственные мученія.—Вторая и послѣдующія кражи.—Костя.—Пьянство.—Потасовка.—Исчезновеніе изъ лавки.—Скитаніе по улицамъ.—Кража черезъ окно.—Сознаніе трактирщику.—Безобразіе.—Ночь въ саняхъ.—Ноожиданная встрѣча съ хозяиномъ въ Банкѣ.—Расправа въ лавкѣ.—Расчетъ съ хозяиномъ.—Пріютъ у дворниковъ.—Донось.

Я прожилъ у своихъ благодѣтелей Басаргиныхъ слишкомъ два мѣсяца, а потомъ они пристроили меня въ мальчики въ свѣчную и мѣняльную лавку въ Чернышевомъ переулкѣ.

Лавка эта была очень небольшая, и торговали въ ней только хозяинъ, приказчикъ и я. Семейство хозяина, жившее на квартирѣ, состояло изъ старухи, матери хозяина, и двухъ дѣвицъ, его сестеръ. Работа моя на квартирѣ состояла въ слѣдующемъ: вставъ въ шесть часовъ, я долженъ былъ поставить самоваръ для хозяевъ, вычистить салоги, вынести помои, затопить печи и перемыть посуду, а по воскреснымъ днямъ меня оставляли на квартирѣ до обѣда для того, чтобы наколотъ и наносить дровъ на недѣлю. Въ лавкѣ, первое время, я былъ только на посылкахъ—ходилъ въ банкъ и къ другимъ мѣняламъ обмѣнивать деньги, относилъ покупателямъ товаръ, ходилъ съ требованіями на заводы и въ склады и т. д.

По поступленіи моемъ на это мѣсто въ мальчики, я первые два года жилъ относительно хорошо. Помня еще наставленія моихъ родителей, что воровство всегда влечетъ за собою и Божье и царское наказаніе и стыдъ и срамъ передъ людьми, и что, наконецъ, по пословицѣ—воръ воруетъ не для прибыли, а для своей гибели, я два года не попользовался ни одной копейкою, хотя у насъ выручка никогда не запиралась, а денегъ въ ней постоянно находи-

лось болѣе тысячи рублей, которые провѣрялись очень рѣдко и то приблизительно, потому что, какъ я раньше объяснилъ, у насъ вмѣстѣ со свѣчной торговлею была и мѣняльная. Я слыхалъ отъ старыхъ служакъ-приказчиковъ наставленіе, что для мальчика, желающаго выйти въ люди, необходимо соблюдать три правила, заключающіяся въ слѣдующемъ: передъ хозяиномъ быть честнымъ, т. е. ничего не красть; на приказчиковъ никогда не жаловаться и не ябедничать хозяину, что бы они ни дѣлали, и стараться услуживать кухаркѣ. Насколько эти правила были справедливы и честны, я не берусь рѣшать, но все-таки долженъ сказать, что для мальчика, желающаго выйти въ люди, они были не бесполезны въ въ то время. Строго выполняя первое изъ этихъ правилъ, я крѣпко держался и второго: на приказчика никогда не ябедничалъ, хотя и зналъ за нимъ кое-какіе грѣшки; зато и приказчикъ кое-какія мои бѣды — когда разолью что, или разобью, большею частію скрывалъ отъ хозяина. Что касается третьяго правила, то оно было для меня лишнее, такъ какъ у насъ кухарки не было, и мнѣ приходилось прислуживать на кухнѣ самой хозяйкѣ.

Впрочемъ, для меня эти два года были довольно трудные; я буквально ходилъ въ сапогахъ безъ подошвъ на однѣхъ портянкахъ, и это въ осеннюю и зимнюю слякоть, когда невозможно было ступить на улицѣ, чтобы не обмочить ноги по моклышку; а я до Рождества, когда бываетъ темное время и вообще хорошая торговля въ свѣчныхъ лавкахъ, долженъ былъ цѣлый день (иногда не удавалось даже пообѣдать и попить чаю) разносить и развозить на санкахъ, или, какъ у насъ называли, на чунькахъ, покупателямъ товаръ; тринадцати и четырнадцати лѣтъ я уже носилъ на спинѣ пятипудовые ящики, а на головѣ меня заставляли относить такія ноши, въ которыхъ было болѣе чѣмъ два пуда, и ихъ приходилось иногда тащить въ Сергіевскую или на Васильевскій островъ. Бывало, когда снимешь корзинку и поставишь на чтонибудь, чтобы отдохнуть, то минутъ пять, или десять, нельзя ни голову повернуть, ни спину разогнуть. Но меня Богъ хранилъ, я ни разу не простуживался и ничѣмъ никогда не хворалъ. Не смотря на такія трудности, я въ эти два года относился къ дѣлу хорошо: хотя я былъ и не изъ бойкихъ и не безъ лѣни, но все-таки первое время мнѣ было не совсѣмъ дурно; положимъ, нельзя сказать, чтобы хозяева меня любили, но они не обижали. Одно для меня было неприятно: я сильно скучалъ по родинѣ, и мнѣ ужасно хотѣлось возвратиться въ свой родной Угличъ. На сколько была трудна наша торговля въ зимнее время, настолько лѣтомъ было хорошо. Лѣтомъ торговля была маленькая, свѣчи и масло мало требовались (тогда керосина еще не существовало), при томъ же и хозяинъ напѣ, исполнявшій должность десятника или помощника браковщика на поташномъ бугаѣ, ежедневно, кромѣ праздниковъ, обязанъ былъ ходить на

службу и возвращался въ лавку только къ вечеру, вслѣдствіе чего у насъ съ приказчикомъ было и работы мало и воли много, а подѣ словомъ «воля» мы разумѣли то время, когда хозяина въ лавкѣ не было. Безъ хозяина бывало мы и пирожками позавтракаемъ, и чайку со сливками напьемся, и ягодокъ или яблочковъ поѣдимъ, и пѣсенокъ попоемъ, и поговоримъ по душѣ; а при хозяинѣ мы не только не смѣли распорядиться чѣмъ либо, но даже разговору посторонняго никогда не заводили. Кромѣ того, безъ хозяина къ намъ не рѣдко заходили знакомые приказчики чайку попить и покалякать. Безъ хозяина я также могъ заниматься чтеніемъ; но только читать было нечего, развѣ когда что попадалось въ бумагѣ, покупаемой на обертку. Безъ хозяина я и мечталъ какъ-то свободнѣе, а помечтать я очень любилъ.

Я воображалъ себя то героемъ, въ родѣ Минина, спасающимъ отечество отъ гибели, то купцомъ-милліонеромъ, ведущимъ громадную торговлю, то землепашцемъ, то рыбакомъ, охотникомъ и т. п. Я создавалъ себѣ жену-красавицу, съ блестящимъ образованіемъ, которая превосходно поетъ и танцуетъ и т. д. Сидѣлъ ли я въ лавкѣ за какую нибудь работою, везъ ли «чунки» по лужамъ и слякоти, кололъ ли дрова — мысли мои не покидали меня ни на минуту.

Въ это время дѣла нашего хозяина шли прекрасно. 1852 годѣ былъ особенно хорошъ по работамъ на буянѣ: отправка поташа за границу такъ была велика, что такихъ годовъ не запомнятъ, почему и заработки на буянѣ были втрое и вчетверо болѣе, чѣмъ бывали ежегодно; а съ 1853 года, по случаю войны, началась горячка съ золотомъ и серебромъ, отчего всѣ мѣнялы зарабатывали неслыханные дотолѣ барыши. До этого года, я помню, мы старались избавляться отъ звонкой монеты и постоянно, когда накапливалось золото или серебро, носили его въ банкъ для обмѣна на кредитные билеты, кромѣ мелочи, которой въ банкъ не принимали, и которая намъ самимъ требовалась для размѣна. Нашъ хозяинъ былъ не изъ богатыхъ, почему и оборотовъ по мѣняльной части не могъ производить такихъ, какіе производили другіе мѣнялы; кромѣ того, онъ былъ не предприимчивъ и не смѣлъ, иначе ему было бы легко поддѣлаться къ кассиру, завѣдывавшему выдачею звонкой монеты, потому что тотъ любилъ порядкомъ погулять и не брезгалъ никакой компаніей. Хотя я ходилъ иногда къ Ивану Константиновичу Маркову, — такъ звали кассира, — съ подарками, но наши подарки, состоявшіе изъ свѣчей, мыла, масла и другихъ хозяйственныхъ принадлежностей, были ничто въ сравненіи съ тѣмъ магарычемъ, который онъ получалъ отъ крупныхъ мѣняль, какъ, на примѣръ, Смирнова, Соболева и другихъ.

Золото и серебро, сначала выдававшіяся по номинальной цѣнѣ, то-есть по 5 рублей 15 копеекъ за полуимперіаль, на какую угодно

сумму безразлично, вслѣдствіе сильнаго на него спроса отъ иностранныхъ конторъ и большой потребности въ немъ для веденія войны въ Турціи, въ скоромъ времени стало быстро подниматься и исчезать изъ обыкновенной внутренней торговли. Вслѣдствіе этого банкъ сталъ производить ограниченную выдачу: на каждое входящее лицо положено было давать по пяти полуимперіаловъ, а серебра не выше, какъ на двадцать пять рублей. Для лицъ, отъѣзжающихъ за границу, то-есть на заграничный паспортъ, звонкой монеты по номинальной цѣнѣ выдавалось на триста рублей. Но охотниковъ получить золота и на такую маленькую сумму было столь много, что въ подѣздѣ банка происходила неимовѣрная давка, а къ дверямъ кассы принуждены были, кромѣ швейцара, ставить еще военный караулъ. Кромѣ мѣняль, почти всѣ апраксинскіе, шукинскіе и гостинодворскіе торговцы посылали своихъ свободныхъ приказчиковъ и мальчиковъ за золотомъ; даже барыни и барышни, въ томъ числѣ и сестры нашего хозяина, лѣзли въ эту разношерстную толпу для того, чтобы заработать рубль или полтора. Но, впрочемъ, постороннимъ это не всегда удавалось: они иногда не попадали въ очередь; за то крупные мѣнялы, какъ хорошо знакомые со всѣмъ банковскимъ персоналомъ, проходили туда безпрепятственно, по нѣскольку разъ въ день и выносили золото и серебро мѣшками. Мнѣ не приходилось доставать много золота; пять штукъ положенныхъ полуимперіаловъ я, конечно, приносилъ ежедневно, а черезъ день или черезъ два Иванъ Константиновичъ давалъ мнѣ по двадцати штукъ, но тогда къ номинальнымъ ста тремъ рублямъ я прибавлялъ еще три рубля, то-есть вручалъ ему сто шесть рублей за двадцать полуимперіаловъ. Конечно, эта операція велась такъ, что была по возможности не замѣтна для постороннихъ: прежде всего я долженъ былъ обратить вниманіе Ивана Константиновича на себя взглядомъ, то-есть значительно подмигнуть и показать пантомимую просимое мною число золотыхъ и предлагаемый могорычъ; затѣмъ, отдавъ деньги, отойти въ сторону и дожидаться, когда онъ меня позоветъ тоже взглядомъ или ловкимъ кивкомъ головы; затѣмъ онъ, взявъ отъ меня деньги и провѣривъ ихъ незамѣтно отъ публики, не много погодя, то-есть отпустивъ прежде нѣкоторыхъ близъ стоящихъ, приказывалъ счетчику завернуть въ бумажку мои полуимперіалы и передать мнѣ. Получивъ свертокъ, я уходилъ, не считывая его въ кассѣ. Жившій тогда у насъ хозяйскій племянникъ, Костя Воробьевъ, доставалъ почти ежедневно по сотнѣ и болѣе полуимперіаловъ, но объ немъ рѣчь впереди.

Я сказалъ уже раньше, что жилъ у хозяина честно только первые два года, а потомъ меня началъ искушать бѣсъ. Ходя по Петербургу съ разными хозяйскими порученіями, я нерѣдко видѣлъ, какъ другіе мальчики лакомятся или курятъ папироски, и потому, при видѣ разныхъ выставленныхъ лакомствъ, у меня тоже слюнки

текли, и я подумывалъ, какъ бы хорошо было попробовать того или другого. И въ это время я вспоминалъ о нашей, постоянно открытой, выручкѣ и соображалъ, что могу совершенно незамѣтно взять, сколько мнѣ потребуется. Но я долго не поддавался бѣсовскому искушенію; мѣсяца два я не могъ рѣшиться на то, чтобы стащить изъ выручки, хотя она постоянно была не заперта, и я ежедневно оставался одинъ въ лавкѣ столько времени, что могъ свободно сходить въ нее. Теперь меня удерживало уже не сознаніе безчестности такого поступка, не боязнь грѣха, я уже забылъ наставленія покойной моей матери и крестной, а одно только опасеніе, что могу быть пойманъ въ кражѣ, и потому я такъ долго не рѣшался на нее.

Наконецъ, въ одно злополучное утро искушеніе было такъ сильно, что я, оставшись одинъ минутъ на пять въ лавкѣ, сряду же, по уходѣ приказчика, открылъ выручку и стащилъ оттуда четвертакъ... Но едва я закрылъ выручку, какъ кровь бросилась мнѣ въ лицо, руки и ноги затряслись, и я весь задрожалъ. Я такъ испугался первой своей кражи, что хотѣлъ положить этотъ четвертакъ обратно въ выручку; но тутъ явилась новая боязнь, что я не успѣю этого сдѣлать, и приказчикъ меня накроетъ; хотя приказчикомъ и дозволялось мнѣ ходить въ выручку, но только тогда, когда въ отсутствіе его приходилъ кто нибудь за размѣномъ или покупатель. Опасаясь, чтобы приказчикъ не замѣтилъ моего волненія и не догадался о причинѣ его, я ушелъ въ задъ лавки и тамъ спряталъ краденый четвертакъ подъ лѣстницу. Затѣмъ я вошелъ опять въ лавку, то-есть въ переднее ея отдѣленіе; въ это время вернулся приказчикъ, а я, еще чувствуя въ себѣ неестественное состояніе духа и опасаясь, что наружность моя можетъ меня выдать, сряду же по приходѣ приказчика ушелъ на дворъ. Но не успѣлъ я отойти и пяти шаговъ отъ лавки, какъ мною овладѣло новое безпокойство: мнѣ представилось, что приказчику вздумается зажечь огонь и что нибудь посмотрѣтъ въ задъ лавки, и вотъ-вотъ, сейчасъ мой четвертакъ, спрятанный подъ лѣстницею въ щелкѣ, бросится ему въ глаза и какъ разъ обличить, что онъ мною украденъ изъ выручки; поэтому я сейчасъ же вернулся со двора и увидѣлъ приказчика на галлерей напѣвающимъ пѣсенку. Я убѣдился изъ этого, что онъ ничего не замѣтилъ, и мое волненіе стало уменьшаться. Я отправился опять въ задъ, досталъ изъ-подъ лѣстницы свой четвертакъ и положилъ въ карманъ жилетки; но это мѣсто мнѣ показалось почему-то неудобнымъ, и я переложилъ его въ карманъ штановъ, но и этотъ карманъ показался почему-то ненадежнымъ, я снова вынулъ злополучный четвертакъ, завернулъ его въ бумажку и спустилъ за голенище. Дѣло происходило лѣтомъ, въ какой-то праздничный, но не табельный, день, до обѣда, а лѣтомъ, при незначительности торговли, особенно въ праздники, меня постоянно посылали обѣдать на квартиру, и оттуда я приносилъ обѣдъ приказчику. Такъ слу-

чилось и на этотъ разъ: вскорѣ послѣ того, какъ мой четвертакъ былъ уже спрятанъ въ голенищѣ, приказчикъ послалъ меня на квартиру обѣдать.

Здѣсь кстаи замѣтить, что мы съ приказникомъ, съ самаго начала, жили довольно дружно, вмѣстѣ разсуждали и осуждали хозяевъ и оба ихъ не любили, а только боялись; оставаясь наединѣ, въ свободное время, мы постоянно говорили о томъ, что хозяинъ нашъ ничего не понимаетъ въ торговлѣ, что онъ какой-то необразованный, даже неучъ, что онъ страшный скупердяй, скаредникъ, и все его семейство также скаредное, хотя на самомъ дѣлѣ они не были скаредными, а только немного скуповаты и жили расчётливо, по средствамъ. Но тогда всякая хозяйская экономія намъ казалась скаредничествомъ, и потому мы постоянно, такъ сказать, оппозировали своимъ хозяевамъ. Вслѣдствіе всего этого я, конечно, нисколько не жалѣлъ хозяйскаго добра, лишь бы только не приходилось за него отвѣчать, а тамъ хоть трава не расти.

Квартира наша въ то время находилась довольно далеко отъ лавки: мы жили въ пятой ротѣ Измайловскаго полка, почему я хотѣлъ, идя послѣ обѣда въ лавку, что нибудь купить и полакомиться, но лишь только я сталъ подходить къ дому, гдѣ мы квартировали, какъ мнѣ представилось, что сейчасъ, какъ только я явлюсь на квартиру, хозяина мнѣ прикажетъ разуться, и мой четвертакъ опять выскочитъ на свѣтъ Божій и удичитъ меня... Обезпокоенный такой мыслью, я, не доходя до своего дома, спрятался за заборъ, досталъ изъ-за голенища измучившій ужъ меня четвертакъ и спряталъ его за поясъ штановъ, надорвавъ предварительно тамъ дырку.

За обѣдомъ я сидѣлъ, какъ говорится, на иголкахъ; пообедавъ, я наскоро завязалъ приготовленный хозяйкою обѣдъ для приказчика и свободно вздохнулъ только тогда уже, когда потерялъ изъ виду окна своей квартиры, заранѣе разсчитавъ, гдѣ и какихъ купить гостинцевъ и гдѣ ихъ сѣсть. Но не суждено мнѣ было на этотъ разъ выполнить свое желаніе: лишь только я сталъ подходить къ намѣченному мѣсту за гостинцами, какъ мнѣ пришла мысль, что тутъ меня можетъ кто нибудь увидѣть и разсказать хозяевамъ; я пошелъ дальше, рѣшивъ зайти въ другое, болѣе удобное мѣсто, но и тутъ явилась та же мысль; я направился въ третье мѣсто, — опять тоже; наконецъ, дошло до того, что мнѣ уже негдѣ было покупать и не оставалось времени гдѣ сѣсть; такимъ образомъ, я принужденъ былъ возвратиться съ тѣмъ же четвертакомъ въ лавку.

Придя въ лавку и отдавъ приказчику обѣдъ, я побѣжалъ въ ретирадное отдѣленіе и тамъ спряталъ деньги за косякомъ въ темномъ углубленіи. Наконецъ, дня чрезъ два послѣ первой моей кражи, меня послали зачѣмъ-то на Васильевскій островъ, и вотъ, захвативъ украденный четвертакъ, я на этотъ разъ часть его пролакомилъ, а другую отдалъ какому-то попрошайкѣ, отъ котораго и самъ старался

убѣжать, опасаясь, чтобы онъ не пришелъ слѣдомъ за мною въ лавку и не объяснилъ хозяину о моей щедрости.

Нерѣдко потомъ, въ года зрѣлости, мнѣ приходилось сожалѣть, что меня не накрыли въ первую же кражу; по крайней мѣрѣ, меня бы изрядно поколотили, а, можетъ быть, и выпороли, что было бы еще лучше: этимъ, навѣрно, съ перваго же раза отучили бы меня отъ воровства, подобно тому, какъ родители отучили отъ прогулокъ.

Первая моя кража сошла съ рукъ благополучно, а дней чрезъ пять послѣ этого я опять залѣзъ въ выручку и снова стащилъ четвертакъ; но на этотъ разъ волненіе мое уже не было особенно сильно. Конечно, страхъ, чтобы какънибудь не узнали о моемъ воровствѣ, существовалъ, но все-таки я былъ гораздо спокойнѣе, меня уже не трясло, и я не настолько мѣнялся въ лицѣ, чтобы эта перемена могла быть примѣтна другому. За вторымъ разомъ пошелъ третій, четвертый и т. д.; воровство сдѣлалось уже систематическимъ, постояннымъ. Красть я сначала понемногу, все серебряными монетами, копеекъ по тридцати, по сорока, потомъ сталъ уже красть по полтинѣ и, наконецъ, по рублю.

Сдѣлаю маленькое отступление: съ дѣтства я былъ очень набоженъ, хотя набожность моя, можно сказать, была фиктивная: я считалъ непремѣннымъ долгомъ прочесть нѣсколько молитвъ утромъ и вечеромъ и положить узаконенное мною число земныхъ поклоновъ, выходя изъ квартиры и подходя къ квартирѣ, помолиться у воротъ на всѣ четыре стороны; проходя мимо какой либо церкви или образа, я также всегда молился, а выходя куда бы то ни было изъ лавки и подходя къ ней, я всегда читалъ: «Отче нашъ», «Богородицу» и «Помяни Господи царя Давида и всю кротость его». Молясь такимъ образомъ, я внутренне постоянно думалъ только о томъ, чтобы со мной не случилось какойнибудь бѣды или неприятности, чтобы мнѣ чего либо не разбить или не разлить; чтобы мнѣ удалось въ этотъ день получше поѣсть и попить, и полегче была бы работа; а главное—чтобы хозяева и приказчикъ не узнали, что я ворую. Поэтому, каждый разъ, залѣзая въ выручку, я также читалъ нѣсколько разъ: «Помяни, Господи, царя Давида» и т. д. На краденныя мною изъ выручки деньги я сначала только лакомился, а остатки ихъ пряталъ въ разныхъ укромныхъ мѣстахъ, по большей части, въ сортирахъ, за заборами и въ сараѣ; нерѣдко случалось, что спрятанныя такимъ образомъ деньги у меня пропадали, но я этимъ не особенно огорчался и не жалѣлъ ихъ, потому что взять изъ выручки другія деньги было не трудно, а во мнѣ уже исчезло всякое сознаніе, что красть грѣшно и безчестно; существовала только боязнь, какъ бы не попасться. Потомъ на краденныя деньги я сталъ покупать папиросы, заходить въ трактиры и портерныя, понемногу выпивать и закусывать и покупать книги, преимущественно русскіе романы. Конечно, книги, покупаемыя на эти деньги, я также тщательно пряталъ и

читалъ ихъ украдкою, а по прочтеніи или дарилъ кому нибудь, или просто бросалъ.

Около этого времени, у нашего хозяина поселился его племянникъ, жившій прежде мальчикомъ въ книжномъ магазинѣ Печаткина и отказанный отъ мѣста. Костя, такъ его звали, не былъ у насъ собственно служащимъ, но онъ, какъ свободный человѣкъ, постоянно ходилъ для насъ въ банкъ за золотомъ, и въ этомъ, надо отдать ему справедливость, онъ былъ дѣйствительно полезенъ для хозяина, потому что сумѣлъ поддѣлаться къ кассиру, нерѣдко съ нимъ угощался и доставалъ золота много, ежедневно не менѣе ста полуимперіаловъ, которые за расходами на пропитаніе кассиру приносили хозяину пользы отъ пятнадцати и до тридцати рублей каждый разъ.

Костя былъ на три или на четыре года старше меня и, можно сказать, былъ уже мальчикъ достаточно испортившійся: съ нимъ я скоро сошелся. Несмотря на то, что онъ былъ родной племянникъ хозяину, онъ не только позволялъ мнѣ при себѣ таскать изъ выручки деньги (надо замѣтить, что Костя самъ не имѣлъ права, ни подъ какимъ видомъ, ходить въ выручку), но даже меня поощрялъ и наставлялъ къ воровству, а потомъ самъ указывалъ и способъ, какъ лучше и пріятнѣе прогулять и пропить деньги.

Съ дѣтства я былъ рьянымъ патріотомъ: любилъ все русское— старые русскіе обычаи, русскую одежду, русскія кушанья, а потому предпочиталъ и пить русскую водку; любимымъ моимъ напиткомъ была березовка, къ которой я скоро пристрастился и выпивалъ ежедневно по нѣсколько стаканчиковъ.

За пьянствомъ пошелъ сряду же и развратъ, и потому мнѣ уже не хватало потаскиваемого изъ выручки серебра, я началъ потаскивать и кредитки, по три и по пяти рублей. Но въ скоромъ времени мнѣ уже не удавалось такъ часто ходить въ выручку, потому что однажды случилось слѣдующее: когда приказчикъ отлучился по необходимости изъ лавки, а я по обыкновенію залѣзъ въ выручку и, вынувъ оттуда небольшую пачку трехъ-рублевыхъ билетовъ, хотѣлъ отдѣлать изъ нихъ одну или двѣ бумажки, приказчикъ вдругъ воротился, и я, не успѣвъ положить пачку обратно, только закрыть выручку, а вся пачка, хотя и состоявшая только изъ семи билетовъ, такъ и осталась у меня. На мое счастье приказчикъ, вернувшись въ лавку, сейчасъ же послалъ меня куда-то, что и дало мнѣ возможность спрятать деньги. Когда я вернулся, то приказчикъ спросилъ меня: «не видалъ ли ты, кому я отдавалъ, или мѣнялъ, трехрублевые билеты?» и получивъ отъ меня обыкновенный отвѣтъ: «нѣтъ, не видалъ, не знаю», предупредилъ меня, чтобы я не болтался о пропавшій этихъ денегъ хозяину, что, конечно, мнѣ было слишкомъ на руку.

Съ этого раза приказчикъ сталъ все-таки осторожнѣе; если онъ

даже не надолго отлучался изъ лавки, то и тогда запираеть выручку... Зато я сталъ смѣль даже до нахальства въ воровствѣ.

Сперва я попробовалъ подобрать ключъ къ выручкѣ, раза два или три я покупалъ замки съ ключами, похожими на напгъ ключъ, но отпереть этими ключами выручки я не могъ и потому обратился къ самому отчаянному способу—воровать почти на глазахъ приказчика. Приказчикъ утромъ, послѣ чая, когда не было покупателей, любилъ выходить на галерею, посмотрѣть на прохожихъ, а я въ это время принимался заправлять лампы; такъ какъ одна лампа висѣла надъ выручкою, то я и доставалъ ее постоянно съ той стороны, съ которой находился ящикъ; доставая одною рукой лампу, я другою залѣзалъ въ выручку, предварительно отперевъ ее находившимся въ замкѣ ключемъ, доставалъ оттуда одинъ или два билета и опять запираеть; а когда это мнѣ не удавалось, то я красть мѣдныя деньги, которыхъ у насъ постоянно было насчитано и возвращено для размѣна по одному рублю, и которыя лежали въ нижнемъ ящикѣ, гдѣ не было и замка.

Не даромъ мнѣ еще въ дѣтствѣ родители говорили пословицу: «хорошій воръ семь лѣтъ только воруетъ, а на восьмой все-таки попадетъ». Такъ случилось и со мной. Прежде всего я попался въ пьянствѣ: послали меня отвезти товаръ къ одному покупателю, жившему въ Коломнѣ (не въ городѣ Коломнѣ Московской губерніи, а въ Коломнѣ у Аларчина моста); дорогой мнѣ встрѣтился Костя, и мы съ нимъ зашли въ знакомый намъ трактиръ, гдѣ просидѣли довольно долго и выпили черезчуръ, не поюношески, много, по восьми или по девяти стакановъ пуншу; конечно, я охмелѣлъ и вернулся поздно и настолько пьянымъ, что это было съ разу замѣтно. Въ это время въ лавкѣ находился хозяинъ; увидавъ меня въ такомъ состояніи, онъ и приказчикъ начали меня спрашивать, гдѣ я напился. Когда я, едва выговаривая слова, сталъ еще запираеться, то они принялись меня бить, таскали за волосы, колотили по скуламъ, поваливъ на полъ, били ногами, но я все-таки не сознавался. Наконецъ, хозяинъ приказалъ, чтобы я шелъ за нимъ въ кварталъ (тогда еще участковъ не было), пригрозивъ, что попроситъ надзирателя, чтобы тотъ отправилъ меня въ часть и тамъ хорошенько выпоролъ: «тогда, говорить, не будешь запираеться; скажешь, гдѣ и на какія деньги напился». Но и это не помогло: я ни въ чемъ не сознался, а хозяинъ, доведя меня до квартала, должно быть, не захотѣлъ срамиться и вернулся опять въ лавку, гдѣ, потаскавъ меня еще порядочно и, все-таки, не добившись признанія, бросилъ. Второй разъ я попался приказчику въ кражѣ мѣдныхъ денегъ. Я уже успѣлъ ихъ украсть, но не успѣлъ припрятать къ мѣсту; онъ меня обыскалъ и нашелъ ихъ за голенищемъ, за что, конечно, здорово таскалъ меня, сколько у него было силъ, и потомъ сказалъ хозяину, отъ котораго также послѣдовала хорошая тряска...

но все-таки меня еще не прогоняли. Наконецъ, я попался въ третій разъ и на этотъ разъ уже совсѣмъ пропалъ.

Дѣло было передъ Рождествомъ въ 1855 году: утромъ, когда приказчикъ, по обыкновенію, вышелъ на галерею поглазѣть, я, также по обыкновенію, принялся за лампы и, снимая лампу подъ вырубкою, отворилъ ящикъ и вынулъ оттуда пачку трехрублевыхъ билетовъ, намѣреваясь отдѣлить изъ нихъ себѣ парочку; въ это время, вдругъ изъ-за угла вывернулся какой-то покупатель, что заставило приказчика быстро вернуться въ лавку; я не успѣлъ не только отдѣлить что нибудь изъ пачки, но даже не успѣлъ положить ее назадъ и закрыть какъ слѣдуетъ вырубку, и бросился бѣжать въ задъ лавки. Приказчикъ кинулся за мною и, схвативъ меня за шиворотъ, вытащилъ на свѣтъ; обыскавъ, онъ нашелъ у меня въ карманѣ пачку, въ которой находилось шестнадцать трехрублевыхъ билетовъ. Отнявъ пачку и положивъ ее въ вырубку, онъ первымъ долгомъ задалъ мнѣ потасовку; потомъ, отпустивъ покупателя, опять взялся за меня; наколотившись, можно сказать, до усталости, онъ послалъ меня отнести товаръ покупателю. Я этого только и дожидался, чтобы уйти изъ лавки. Отнеся товаръ, я уже боялся вернуться, зная, что когда придетъ хозяинъ, то меня будутъ опять жестоко бить. Припрятанныхъ денегъ у меня на этотъ разъ нигдѣ не было; въ трактирѣ, гдѣ я постоянно выпивалъ, я былъ уже порядочно долженъ, и потому мнѣ пришлось проходить цѣлый день голоднымъ; но я дожидался ночи и вознамѣрился обокрасть хозяина. Я зналъ, что у насъ наверху, надъ лавкою, окно вовсе не закрывалось, а такъ, только для виду, была навѣшена на него желѣзная рѣшетка. Вотъ чрезъ это-то окно я и рѣшилъ совершить кражу.

Всю ночь я проходилъ по улицамъ, часто захаживая въ тотъ переулокъ, гдѣ находилась наша лавка; но каждый разъ я видѣлъ рядскаго сторожа на мѣстѣ и потому дожидался, когда онъ уйдетъ. Наконецъ, въ пятомъ часу, открылись находившіяся въ нашемъ ряду зеленныя лавки, а вслѣдъ затѣмъ и сторожъ ушелъ домой. Я, не долго думая, тихонько взошелъ на галерею, также тихонько подкатилъ къ дверямъ лавки лежавшую тутъ бочку, изъ-подъ масла; поставилъ на нее свѣчной ящикъ, а другой ящикъ рядомъ съ бочкой, для того, чтобы тише и удобнѣе было влѣзть на эти импровизированныя подмости. Затѣмъ, быстро и безъ шума я забрался на нихъ, перелѣзъ чрезъ находящуюся подъ дверью вывѣску и очутился на карнизѣ у самого окна... Здѣсь я немного притаился, перевелъ дыханіе, успокоился, и должно быть, не смотря на мою отчаянную рѣшительность, сердце мое въ это время сильно билось, потому что я помню, какъ руки и ноги мои сильно дрожали. Успокоившись, я осмотрѣлся, не замѣтилъ ли кто моей продѣлки; въ это время прошелъ мимо изъ зеленой лавки молодецъ за чаемъ,

но я видѣлъ, что онъ ничего не замѣтилъ; на улицѣ еще никого не было видно и слышно. Затѣмъ я также тихо снялъ съ гвоздя висѣвшую надъ окномъ рѣшетку и влѣзъ на верхъ лавки; потомъ, спустившись въ нее, направился къ выручкѣ.

Я зналъ, что ключъ отъ выручки постоянно клали въ стоящую на ней конторку, у которой не было замка. Доставъ ключъ я тотчасъ же отперъ выручку... но тутъ я страшно разочаровался. Въ выручкѣ не было на этотъ разъ ни одного билета, а лежалъ только одинъ мѣшечекъ съ серебромъ: предполагая, что хозяинъ взялъ билеты съ собой на квартиру, я не сталъ дѣлать болѣе никакихъ поисковъ, а захвативъ этотъ только мѣшечекъ, заперъ опять выручку и, тѣмъ же путемъ, вылѣзъ за окно... Здѣсь, снова осмотрѣвшись, я повѣсилъ опять на мѣсто рѣшетку и потомъ спустился внизъ; еще разъ прислушался и осмотрѣлся, а потомъ, поставивъ на мѣсто ящики и бочку, быстро, но не бѣгомъ, чтобы не подать подозрѣнiя, отправился въ трактиръ...

Такой отчаянной смѣлости, которую я выказалъ при совершенiи этой кражи, я впослѣдствiи самъ удивлялся; я даже не помню, что происходило тогда внутри меня. Явилось ли хоть скольконибудь совнанiя гнусности такого поступка, или нѣтъ? Мнѣ кажется, что во мнѣ существовалъ только страхъ, какъ бы не поймали, а совѣсть и сознание въ то время меня оставили. Придя въ знакомый мнѣ трактиръ, я взялъ отдѣльную коморку, потребовалъ туда чаю, водки и закуски и, затворившись, принялся считать деньги. Въ мѣшечкѣ серебра, какъ сейчасъ помню, оказалось семьдесятъ одинъ рубль и шестьдесятъ пять копеекъ.

Сосчитавъ деньги, я позвалъ къ себѣ буфетчика и слугу; перваго для того, чтобы уплатить долгъ, а втораго, чтобы угостить и дать на чай. Безъ сомнѣнiя, на моемъ лицѣ что нибудь отражалось, потому что буфетчикъ, войдя въ коморку, сейчасъ же спросилъ меня:

— Что это съ вами, Николай Ивановичъ, вы какой-то сегодня странный и раскраснѣвшись, какъ будто вы всю ночь работали?

— Да, — отвѣчалъ я, — дѣйствительно я сегодня всю ночь работалъ.

Но когда я ни съ того, ни съ сего, вдругъ рассказалъ ему совершенно откровенно и съ хвастовствомъ, какъ я работалъ эту ночь, то онъ испугался и, получивъ съ меня долгъ, посоветовалъ уйти изъ трактира, объясняя, что меня могутъ тутъ поймать хозяева, узнавъ отъ Кости о частомъ моемъ посѣщенiи этого трактира.

Я пошелъ въ другой трактиръ, гдѣ также взялъ отдѣльную коморку и, заказавъ водки и закуски, угостилъ слугу и далъ ему на чай, за что онъ позволилъ мнѣ уснуть на стулѣ часа полтора.

Какъ провелъ я остатокъ дня, уже не помню; помню только то,

что поздно вечеромъ я забрался въ домъ терпимости, гдѣ для меня составился какой-то безобразный оркестръ изъ пяти музыкантовъ, и всѣ дамы приняли участіе въ безобразнѣйшихъ пляскахъ и танцахъ. Прокутивъ часа два или три, я замѣтилъ, что меня обсчитываютъ—подставляютъ порожнія бутылки, вмѣсто требуемыхъ мною съ виномъ, рассорился и ушелъ. Выйдя на улицу, я почувствовалъ, что голова у меня тяжела, ноги совсѣмъ не дѣйствуютъ, и гдѣ только я присаживался, тутъ же и засыпалъ. Но, вѣроятно, благодаря моему засаленному и невзрачному костюму, меня никто не обшаривалъ; только будочникъ, разбудивъ меня, спросилъ, кто я такой и зачѣмъ ночью сплю на улицѣ. Я отвѣтилъ ему, что я мясникъ съ Сѣнной, посланъ былъ отнести товаръ къ господамъ и, уставъ, задремалъ. Ночлега, за который я въ то время дорого бы далъ, я не зналъ, гдѣ найти, и потому нанялъ извозчика на всю ночь до утра съ тѣмъ, чтобы онъ возилъ меня, гдѣ ему вздумается и какъ ему хочется, а самъ, забравшись подъ полость, просилъ разбудить меня, когда отопруть трактиры.

Тогда трактиры отпирались рано. Въ пять часовъ утра я пріѣхалъ въ старый, знакомый мнѣ трактиръ, надѣясь узнать что нибудь отъ буфетчика, такъ какъ рассчитывалъ, что у него навѣрно былъ Костя и рассказалъ ему, что обо мнѣ говорятъ хозяева; но буфетчикъ не только не захотѣлъ разговаривать со мною, но даже не впустилъ въ комнаты и сухо попросилъ меня выйти вонъ изъ заведенія. Я отправился опять въ тотъ трактиръ, гдѣ наканунѣ отдыхалъ. Проведя такимъ же образомъ, какъ и въ предшествовавшій день, часа три, я началъ уже тревожиться о своей участи, сталъ соображать, что поступокъ мой очень скверный, что долго ли, коротко ли, а мнѣ за него придется рассчитываться. Мнѣ думалось, что, хозяева, можетъ быть уже подали заявленіе о моемъ исчезновеніи и пропажѣ мѣшка съ серебромъ. Поэтому мнѣ очень хотѣлось увидеть Костю и разузнать отъ него, какіе разговоры идутъ обо мнѣ у хозяевъ. Я сознавалъ, что мнѣ такимъ образомъ не придется долго скрываться; при томъ же пьянство, бродяжничество и немѣнне настоящаго сна до того утомили меня, что силы мои начинали слабѣть, энергія прошла, и я какъ-то тупо, но вмѣстѣ съ тѣмъ боязливо, начиналъ вдумываться въ свое некрасивое положеніе. Утомленіе мое было такъ велико, а неизвѣстность о моей дальнѣйшей участи настолько тяжела, что я намѣревался уже возвратиться въ лавку; однако не рѣшался сдѣлать этого, не увидавшись прежде съ Костей. Съ этою цѣлью я все утро пробродилъ по улицамъ, по которымъ мы обыкновенно ходили съ квартиры въ лавку, надѣясь встрѣтить Костю, но на этотъ разъ его не встрѣтилъ. Въ десятомъ часу утра я пришелъ въ банкъ, рассчитывая тамъ навѣрное увидѣть въ это время Костю, а если бы этого не случилось, то я намѣренъ былъ передать швейцару, знавшему его

и меня лично, чтобы тотъ сказалъ ему, что я буду ожидать его въ какомъ нибудь трактирѣ. Я стоялъ въ подъѣздѣ банка уже болѣе четверти часа; народу было множество, а въ кассу я не могъ еще пробраться. Вдругъ слышу сзади себя знакомый голосъ:

— Николай!

Я оглянулся и увидѣлъ передъ собой хозяина.

— Ты зачѣмъ тутъ?

— Павелъ (имя приказчика) послалъ,—отвѣчаю я.

— Какъ Павелъ послалъ? Зачѣмъ?

— Сказать, чтобы Костя приходилъ скорѣе въ лавку.

— Врешь!—сказалъ хозяинъ,—пойдемъ въ лавку,—и схватилъ меня за рукавъ.

Противиться было невозможно и скрыться было некуда, кругомъ народъ, и всѣ смотрѣли не то съ любопытствомъ, не то съ недоумѣніемъ на эту сцену. Я пошелъ за хозяиномъ, который все время не выпускалъ изъ руки моей шубы. Выведя меня за ворота, онъ сѣлъ со мной на извозчика, продолжая держать меня за шубу.

Похищенный мною мѣшочекъ серебра я успѣлъ уже размѣнить на кредитные билеты, и изъ нихъ у меня оставалось только тридцать рублей и три копейки; остальные я успѣлъ уже истратить: одна часть пошла въ уплату долга въ трактиръ, а другую—я прокутилъ. Я зналъ, что эти деньги у меня не уцѣлѣютъ, а только больше обличать меня, и потому мнѣ хотѣлось ихъ или выбросить, или подсунуть подъ подушку извозчику, но этого никакъ не удавалось; хозяинъ все время зорко слѣдилъ за мною.

Приведя меня въ лавку и объяснивъ приказчику, что поймалъ-таки гуся, хозяинъ приказалъ ему раздѣть и разуть меня, а самъ въ это время началъ задавать мнѣ потасовку и дубасить кулаками, сколько было у него силъ. Затѣмъ, обыскавъ мою одежду, они отобрали оставшіяся у меня три красненькихъ и три копейки.

— Гдѣ ты взялъ эти деньги?—спросилъ хозяинъ.

— Нашелъ,—отвѣтилъ я.

— Какъ нашелъ? Гдѣ нашелъ?—и попла опять потасовка...

— Сознайся, мошенникъ! Ты изъ выручки укралъ эти деньги?

— Нѣтъ, я эти деньги нашелъ на улицѣ.

— А зачѣмъ ты укралъ изъ выручки сорокъ восемь рублей?—допрашивалъ хозяинъ.

— Я ничего не воровалъ.

— Какъ не воровалъ? Вѣдь Павелъ тебя поймалъ?

— Павелъ вреть; я не воровалъ.

Тутъ ихъ терпѣніе лопнуло; видя, что добромъ отъ меня ничего не добьешься, они съ новымъ ожесточеніемъ принялись меня таскать и бить какъ попало. Били меня, сильно били, жестоко били, до того били, что оба измучились; а я все-таки стоялъ на своемъ, ни въ чемъ не сознавался и не просилъ пощады.

Наконецъ, переговоривъ что-то потихоньку съ приказчикомъ, хозяинъ приказалъ мнѣ одѣваться. Я одѣлся и подобралъ, валявшіеся на полу ключьями, волосы.

— Ну, что же теперь хочешь,—спросилъ хозяинъ,—здѣсь оставаться, или въ деревню ѣхать?

— Въ деревню,—отвѣтилъ я совершенно безсознательно.

Хозяинъ опять посоветовался съ приказчикомъ и, вынувъ изъ выручки шесть рублей, велѣлъ мнѣ взять ихъ на дорогу. Но я не взялъ этихъ шести рублей и сказалъ:

— Позвольте мнѣ мои тридцать рублей, которые я нашелъ.

— А, такъ тебѣ этого мало! — крикнулъ хозяинъ. — Убирайся вонъ, когда такъ, не будетъ тебѣ ни копейки.

— Не будетъ, такъ и не надо, — отвѣчалъ я, вставъ у самаго выхода изъ лавки,—я пойду въ полицію, расскажу, какъ вы меня били, покажу вотъ эти волосы; да еще расскажу, что вы покупаете краденныя стекла съ казеннаго завода (съ императорскаго стекляннаго завода намъ дѣйствительно рабочіе таскали ламповыя стекла, которые мы покупали за дешевую цѣну).

Съ этими словами я быстро вышелъ изъ лавки.

Но не отошелъ я сажень тридцати или сорока, какъ меня догналъ приказчикъ и сказалъ, что хозяинъ приказываетъ мнѣ воротиться. Я сначала не хотѣлъ возвращаться, опасаясь, что меня опять начнутъ бить; но Павелъ побожился, что бить меня больше не будутъ, а хозяинъ хочетъ только прибавить мнѣ сколько-то денегъ.

Я вернулся.

— Ну, вотъ тебѣ,—сказалъ хозяинъ, когда я вошелъ въ лавку,—вотъ, если хочешь, возьми десять рублей на дорогу, а не хочешь, такъ иди, куда знаешь, жалуйся; а пожалуешься, такъ я лучше приставу подарю, а тебѣ ни копейки не дамъ.

Я постоялъ, подумалъ, почесалъ въ затылкѣ и понялъ, что дѣйствительно онъ можетъ подарить приставу, и я не только ничего не получу, но меня еще высѣкутъ. Я взялъ поданныя мнѣ двѣ синенькія ассигнаціи и ушелъ.

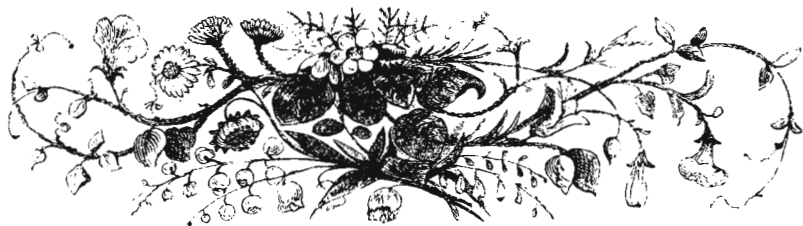
Въ домѣ, гдѣ мы квартировали, у меня было заведено знакомство съ мастерами и дворниками, которые, не смотря на то, что я былъ далеко неровныя имъ по годамъ, нерѣдко водили со мною компанію и относились ко мнѣ съ почтеніемъ за мои угощенія. Получивъ отъ хозяина деньги, я прежде всего зашелъ въ одно укромное мѣстечко, гдѣ у меня были спрятаны купленные раньше старинныя луковицею часы и два романа «Юрій Милославскій» и «Аскольдова могила»; а затѣмъ отправился къ своимъ пріятелямъ дворникамъ просить у нихъ на время пріюта. Конечно, за пару полуштофовъ мнѣ въ этомъ не отказали. Угостивъ пріятелей и самъ вмѣстѣ съ ними угостившись, я подъ вечеръ пошелъ къ хозяйкѣ, чтобы по-

лучить свои вещи, состоявшія изъ неважнаго бѣлья и одеженки, но хозяйка не пустила меня на квартиру безъ хозяина. Я до такой степени былъ тогда гадокъ, развращенъ и золь, что, хотя самъ былъ кругомъ виноватъ, рѣшился отомстить хозяину и сдѣлать на него доносъ. Съ этою цѣлью я на другое утро, не стѣсняясь дальностію разстоянія, отправился на императорскій стеклянный заводъ, рассчитывая тамъ увидѣть управляющаго заводомъ и рассказать ему, какъ воруютъ съ завода стекла, и какъ у насъ ихъ покупаютъ. Но на счастье мое я не засталъ управляющаго на заводѣ, а другимъ не захотѣлъ объяснить цѣль моего прихода. Вернувшись, я купилъ бумаги, штемпелеванныхъ конвертовъ и написалъ два одинаковые доноса, одинъ управляющему заводомъ, а другой министру удѣловъ, такъ какъ я раньше слышалъ, что эти заводы находятся подъ его вѣдѣніемъ. Но письма эти я опустилъ въ почтовый ящикъ только тогда, когда пошелъ на вокзалъ, чтобы отправиться изъ Петербурга; это было на второй или на третій день Рождества.

Н. И. Свѣшниковъ.

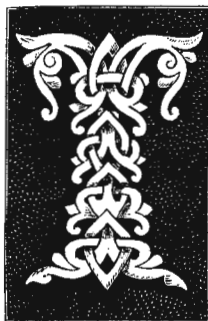
(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НА РОДИНѢ ЖУКОВСКАГО.

I.

ТУЛЬСКАЯ ГУБЕРНІЯ, по числу лицъ, родившихся или жившихъ въ ней и прославившихся на поприщахъ общественной дѣятельности, литературы, науки, занимаетъ почетное мѣсто среди губерній нашего обширнаго отечества. Назову нѣсколько извѣстныхъ именъ. Родоначальникъ знаменитаго рода Демидовыхъ, быстро достигшихъ высокаго положенія въ государствѣ и обществѣ, нажившихъ громадное богатство и отличавшихся широкою благотворительностью и большими услугами, оказанными русскому горному дѣлу, Никита Демидовичъ Ангуфьевъ былъ кузнецомъ-крестьяниномъ Тульского уѣзда. Церковные іерархи нашихъ дней по происхожденію принадлежатъ Тульской губерніи: покойный митрополитъ петербургскій Исидоръ былъ уроженцемъ Каширскаго уѣзда; митрополитъ московскій Сергій—сынъ тульского соборнаго протоіерея; Іоанникій, митрополитъ кievскій, уроженецъ Новосильскаго уѣзда. Собиратель русскихъ пѣсенъ, народныхъ вѣрованій, преданій и обычаевъ, авторъ «Сказаній русскаго народа» И. П. Сахаровъ, былъ сыномъ тульского священника. Писатель-народникъ Г. И. Успенскій, проживая на службѣ въ Тулѣ, въ талантливыхъ очеркахъ «Нравы Растеряевой улицы» изобразилъ бытъ тульской слободы «Чулково». Дѣтство Д. В. Григоровича протекло въ Каширскомъ уѣздѣ, въ имѣніи его матери; тамъ и были написаны

имъ повѣсти «Антонъ Горемыка» и «Деревня» и романы «Проселочныя дороги» и «Рыбаки». Авторъ комедіи «Свадьба Кречинскаго» А. В. Сухово-Кобылинъ—чернскій помѣщикъ. Въ томъ же уѣздѣ лѣтомъ проживалъ въ своемъ имѣніи покойный переводчикъ и издатель западно-европейскихъ классиковъ на русскомъ языкѣ Н. В. Гербель. Великій писатель земли Русской гр. Л. Н. Толстой живетъ въ Крапивенскомъ уѣздѣ, въ своей «Ясной Полянѣ».

II.

Съ Бѣлевоиъ, лучшимъ изъ уѣздныхъ городовъ Тульской губерніи, связано имя нашего поэта-романтика и воспитателя наслѣдника престола, ставшаго потомъ великимъ царемъ-освободителемъ, Василю Андреевича Жуковского, родившагося въ селѣ Мишенскомъ, отстоящемъ отъ города Бѣлева въ трехъ верстахъ. Въ самомъ городѣ три зданія служатъ памятниками поэту и воспитателю августѣйшаго наслѣдника: «домъ Жуковского», училище его имени и публичная библіотека въ память его.

Домъ, носящій имя поэта, былъ устроенъ послѣднимъ въ 1810 году для своей матери, турчанки Сальхи, получившей при крещеніи имя Елизаветы Дементьевны. Этотъ домъ, сохранившій и понынѣ прежній наружный фасадъ, деревянный, окрашенъ въ желтую краску, двухъэтажный, на кирпичномъ фундаментѣ, имѣетъ на улицу по три окна, въ каждомъ этажѣ, изъ коихъ среднее, наверху, полукруглое. Самый выборъ мѣста для дома свидѣтельствуешь о художественномъ вкусѣ и поэтическомъ духѣ Василю Андреевича. Домъ расположенъ на высокоиъ, нагорномъ берегу рѣки Оки. Изъ его верхняго полукруглаго окна открывается чудный видъ: внизу блеститъ свѣтлая ленточка «проселочной», по выраженію Глѣба Успенскаго, рѣки, за нею разстилаются на нѣсколько верстъ поемные луга, покрытые словно зеленыиъ бархатнымъ ковромъ, который какъ бы затканъ разноцвѣтными шелками, за лугами вытянулась деревня Кураково, а за послѣдней на возвышенности чернѣеть лѣсъ; направо изъ окна видны на томъ же берегу рѣки Оки бѣлый мужской Спасо-Преображенскій монастырь, далѣе женскій Кресто-Воздвиженскій монастырь; за монастырями видна часть города, а еще далѣе, такъ называемая, За-вырская часть города, утопающая въ фруктовыхъ садахъ; за городомъ, представляясь въ недалекомъ отъ него разстояніи, виднѣются рощи села Мишенскаго, которыя такъ любилъ и такъ жаждалъ всегда видѣть нашъ поэтъ; за Окой, противъ с. Мишенскаго, на высокой горѣ, красуется церковь села Темряни; налѣво изъ окна видна городская Казачья слобода, а дальпе, за Окою, на разстояніи семи верстъ, бѣлѣтся Жабынская пустынь, за которой стоитъ сосновый боръ.

Мнѣ думается, что именно живописный видъ, открывающійся съ того мѣста, гдѣ стоитъ «домъ Жуковскаго», и вдохновилъ нашему поэту прекрасную элегію «Вечерь», написанную имъ, какъ то значитса въ рукописи, въ Бѣлевѣ.

Ручей, віющійся по свѣтлomu песку,
 Какъ тихая твоя гармонія пріятна!
 Съ какимъ сверканіемъ катишься ты въ рѣку!..
 Приди, о муза благодатна,
 Въ вѣнкѣ изъ юныхъ розъ, съ цѣвницею златой;
 Склонись задумчиво на пѣнистыя воды
 И, звуки ожививъ, туманный вечеръ пой
 На лонѣ дремлющей природы.
 Какъ солнца за горой плѣнителенъ закатъ,
 Когда поля въ тѣни, а рощи отдаленны
 И въ зеркалѣ воды колеблющійся градъ
 Багрянымъ блескомъ озаренны;
 Когда съ холмовъ золотыхъ стада бѣгутъ къ рѣкѣ,
 И рева гулъ гремитъ звучнѣе надъ водами,
 И, сѣти склавъ, рыбаки на легкомъ челнокѣ
 Плыветъ у берега межъ кустами;
 Когда пловцы шумятъ, скликаясь по стругамъ,
 И веслами струи согласно разсѣкаютъ,
 И, плуги обративъ, по глыбистымъ браздамъ
 Съ полей оратаи сѣзжаютъ...
 Ужъ вечеръ... облаковъ померкнули края;
 Послѣдній лучъ зари на башняхъ умираетъ,
 Послѣдняя въ рѣкѣ блестящая струя
 Съ потухшимъ небомъ угасаетъ.
 Все тихо: рощи спятъ; въ окрестности покой;
 Простершись на травѣ подъ ивой наклоненной,
 Внимаю, какъ журчатъ, сливаясь съ рѣкой,
 Потокъ, кустами осѣненный.
 Какъ слить съ прохладю растений, оміамъ!
 Какъ сладко въ тишинѣ у берега струй плесканье!
 Какъ тихо вѣянье зефира по водамъ,
 И гибкой ивы трепетанье!.. ¹⁾.

«Ручей, віющійся по свѣтлomu песку», очевидно, есть рѣчка Бѣлевка, почти высохшая въ настоящее время и протекавшая между тѣми частями города, гдѣ стоитъ «домъ Жуковскаго» и монастыри, и послѣдній лучъ зари умираетъ на нынѣ уже несуществующихъ башняхъ женскаго монастыря, багрянымъ блескомъ озарены отдаленныя рощи села Мишенскаго и отражающійся городъ Бѣлевъ въ водахъ Оки, къ которымъ бѣгутъ съ пастбища городскія стада; по рѣкѣ снуютъ лодки рыбаковъ, и медленно движутся барки; съ поемныхъ за-окскихъ луговъ несетса ароматъ отъ многотысячныхъ цвѣтовъ...

Въ 1811 году умерла мать Василия Андреевича, и домъ ея опустѣлъ. Мнѣ не удалось узнать, кто въ немъ жилъ до 1822 года,

¹⁾ Сочиненія В. А. Жуковскаго. Изд. седьмое. Спб. 1878. Т. I, стр. 38.

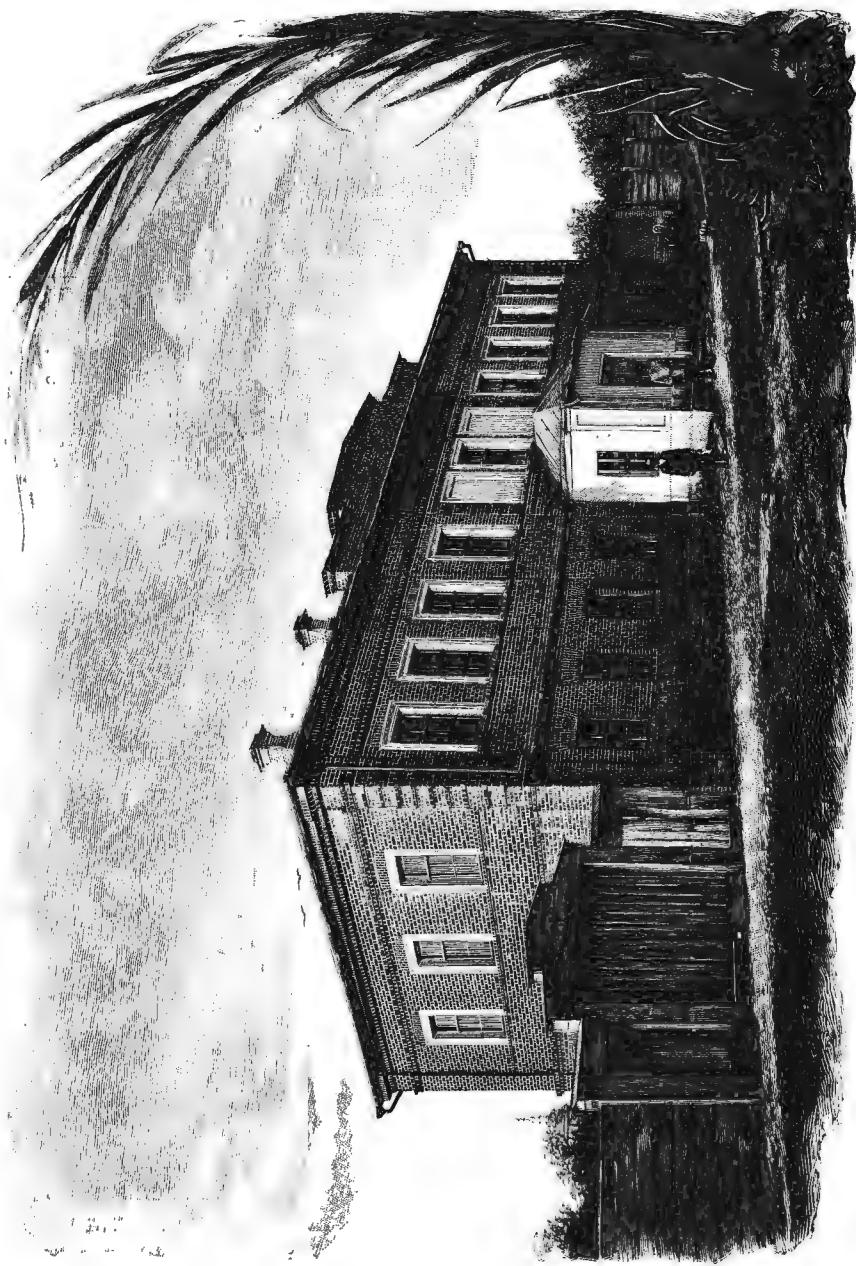
Домъ Жуковского въ Бѣлорѣ.

когда въ него временно были переведены уѣздный и земскій суды съ дворянскою опекою. Затѣмъ «домъ Жуковскаго» перешелъ во владѣніе протоколиста опеки Емельянова. 1837 годъ былъ дорогимъ годомъ для Бѣлева вообще и «дома Жуковскаго» въ особенности: въ этомъ году городъ посѣтилъ совершавшій поѣздку по Россіи государь наслѣдникъ Александръ Николаевичъ. Мѣстное преданіе гласитъ, что августѣйшій путешественникъ, сопровождаемый своимъ наставникомъ-поэтомъ, посѣтилъ бывший домъ послѣдняго и, стоя у полукруглаго окна верхняго этажа, долго любовался открывающимся оттуда видомъ на Заочье. Государь наслѣдникъ удостоилъ владѣльца дома, г. Емельянова, принять отъ него завтракъ и подарилъ ему золотую табакерку.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, по инициативѣ друга поэта, кн. Вяземскаго, министерство народнаго просвѣщенія рѣшило покупкой приобрести отъ наслѣдниковъ г. Емельянова «домъ Жуковскаго» и устроить въ немъ въ память его училище. Купивъ домъ за 2,700 рублей, собранные по подпискѣ со всей Россіи, министерство поручило исправляющему должность директора училищъ Тульской губерніи, какъ то видно изъ отношенія къ послѣднему попечителя Московскаго учебнаго округа отъ 13-го мая 1871 года за № 1756, «составить подробный планъ устройства предполагаемаго училища... и сдѣлать распоряженіе о производствѣ, на законномъ основаніи, торговъ на перестройку вышеозначеннаго дома», при чемъ строителямъ было вмѣнено въ обязанность «фасадъ онаго сохранить прежній». Затѣмъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа отношеніемъ отъ 28-го января 1872 года, за № 430 «производителемъ по перестройкѣ дома ...для приспособленія онаго подъ помѣщеніе народнаго училища» былъ назначенъ инспекторъ народныхъ училищъ Тульской губерніи г. Конопацкій.

Къ концу 1872 года зданіе это было «приспособлено», и 12-го декабря этого года состоялось въ немъ открытіе училища. Однако, въ первые же годы существованія послѣдняго, обнаружались крайняя тѣснота и неудобства помѣщенія, ибо въ училищѣ имѣлись только двѣ классныхъ комнаты въ 10¹/₂ аршинъ длины и 6¹/₂ аршинъ ширины. Въ виду этого въ 1880 году на суммы, пожертвованныя бѣлевскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и городомъ Бѣлевымъ (каждымъ по 500 рублей) и собранныя частью по подпискѣ, а частью отъ продажи сдѣланныхъ учениками вещей, всего на сумму 2,601 руб., была предпринята постройка новаго зданія для мастерскихъ, которое, правда, съ трудомъ, благодаря ограниченнымъ денежнымъ суммамъ, и было возведено.

Въ 1883 году, Россія праздновала столѣтній юбилей рожденія В. А. Жуковскаго. Бѣлевцы также почтили память своего великаго гражданина... грошевымъ пожертвованіемъ: бѣлевская дума отчислила изъ городскихъ доходовъ 2,500 рублей на нужды училища,

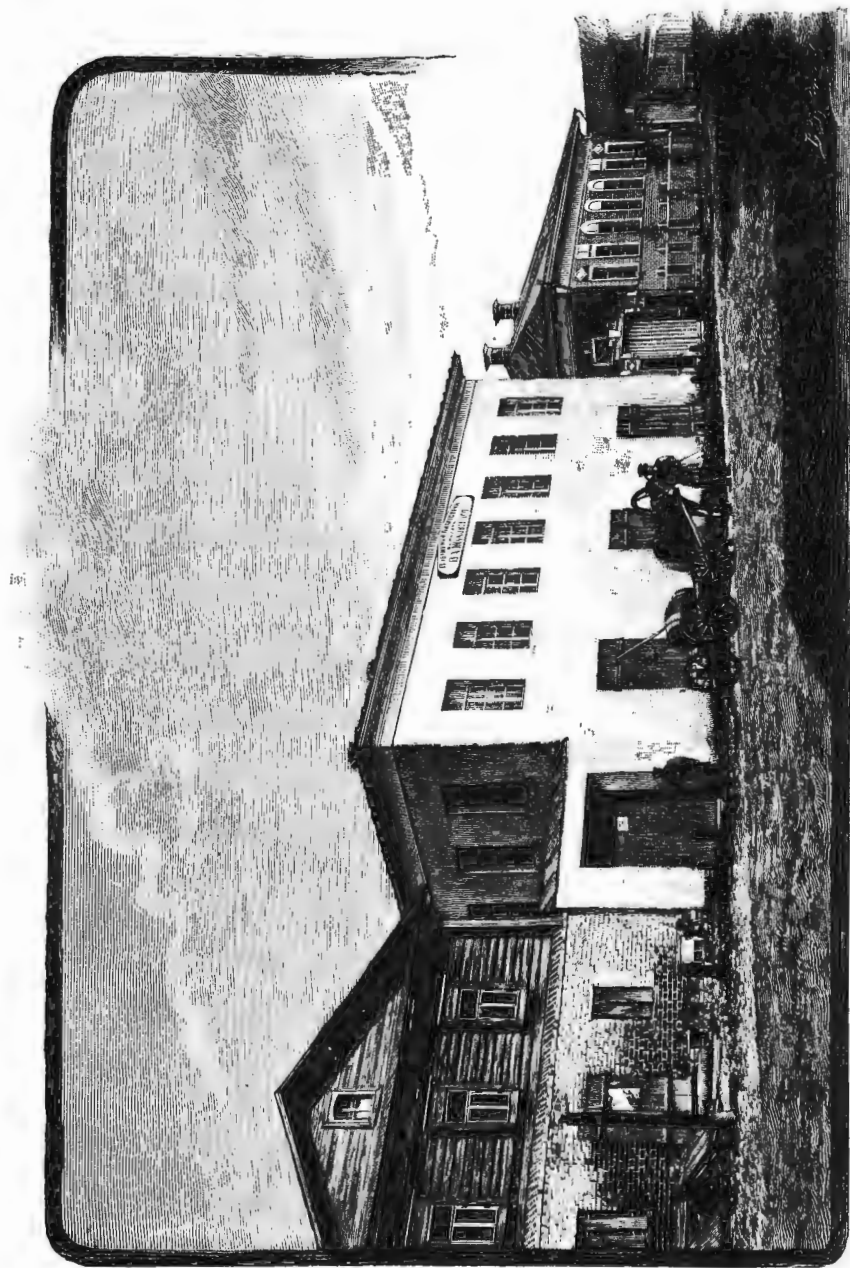

Бѣлевское двухклассное училище имени В. А. Жуковскаго.

предоставивъ распорядиться таковыми, по личному усмотрѣнію, бывшему почетному блюстителю училища бѣлевскому купцу Г. И. Игнатову. Послѣдній, единственное частное лицо, пришедшее на помощь полезному учрежденію, пополнивъ недостающую сумму изъ своихъ личныхъ средствъ, надстроилъ надъ новымъ каменнымъ зданіемъ второй этажъ. Въ этомъ зданіи въ настоящее время и помѣщается училище, при чемъ въ первомъ этажѣ находятся мастерскія, а во второмъ—два класса. Въ историческомъ же домѣ Игнатовымъ устроены квартиры для зрителя и двухъ преподавателей училища.

Въ 1884 году, бѣлевское уѣздное земское собраніе постановило ежегодно отпускать 330 рублей на жалованье учителю перваго параллельнаго класса, каковой и былъ открытъ съ половины 1885 года. Наконецъ, въ 1886 году, земское собраніе опредѣлило въ память покойнаго бѣлевскаго предводителя дворянства, барона Ивана Ивановича Черкасова, въ виду его сочувствія училищу памяти поэта, отчислить изъ запаснаго земскаго капитала 1,000 рублей на вѣчный вкладъ училищу съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала ежегодно, въ день смерти барона Черкасова, выдавались бѣднѣйшему ученику, оканчивающему курсъ преимущественно по слесарному ремеслу. Эта сумма и выдается ежегодно одному изъ учениковъ на предметъ обзаведенія необходимымъ инструментомъ.

Училище имени В. А. Жуковскаго, находящееся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, двухклассное; курсъ перваго класса трехгодичный, курсъ втораго—двухлѣтній. Помимо общихъ предметовъ, преподаваемыхъ въ министерскихъ школахъ третьяго (въ настоящее время собственно втораго) разряда, въ интересующемъ насъ училищѣ введено обученіе кузнечному, слесарному, токарному и столярному ремесламъ, при чемъ, однако, занятіе таковыми не обязательно и предоставлено усмотрѣнію учениковъ и ихъ родителей. За обученіе какъ наукамъ, такъ и ремесламъ, въ училищѣ платы не взимается, и право поступленія въ таковое имѣетъ каждый мальчикъ, достигшій 8—9-ти-лѣтняго возраста, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ. Изъ статистическихъ данныхъ, имѣющихся у меня подъ рукою, за 1884—1894 учебные годы, видно, что наибольшее число учениковъ по происхожденію мѣщане, наименьшее—дворяне. Училище никому изъ желающихъ поступить въ него не отказываетъ. Съ основанія его и до открытія при немъ земствомъ параллельнаго отдѣленія, среднимъ числомъ, въ немъ обучалось въ годъ отъ 100 до 110 учениковъ, а съ 1885 года—отъ 140 до 176 человекъ. За указанный десятилѣтній періодъ времени окончили курсъ въ первомъ классѣ 149 учениковъ, во второмъ же классѣ—93. Сравнительно наибольшее количество оканчивающихъ курсъ, особенно во второмъ классѣ, съ числомъ всѣхъ учащихся объясняется главнымъ образомъ тѣмъ,

Бieleвская публичная библиотека въ память В. А. Жуковскаго

что родители многихъ учениковъ, проучившихся въ училищѣ два или три года, берутъ ихъ отгуда и, вслѣдствіе бѣдности, опредѣляютъ ихъ къ хозяину-мастеру, или отдаютъ въ лавку. Нѣкоторые изъ оканчивающихъ полный курсъ учениковъ поступаютъ для дальнѣйшаго образованія въ другія учебныя заведенія, какъ, напр., въ Александровское училище при тульскомъ оружейномъ заводѣ, въ техническія желѣзно-дорожныя училища, въ земледѣльческія школы, въ учительскія семинаріи. Ученики, обучавшіеся въ училищѣ ремесламъ, по выходѣ изъ такового, могутъ продолжать заниматься ими въ училищныхъ мастерскихъ и впослѣдствіи. Право посѣщенія мастерскихъ, если есть свободныя мѣста, имѣютъ и мальчики, вовсе не обучающіеся въ училищѣ наукамъ.

Училище содержитя на 2.070 рублей, составляющіе проценты съ капитала, собраннаго по подпискѣ со всей Россіи, и тѣ 330 рублей, которые отпускаетъ ежегодно съ 1885 года бѣлевское земство. Такія средства, конечно, крайне не велики и не допускаютъ желательнаго расширенія учебнаго дѣла въ училищѣ и особенно мастерскихъ послѣдняго, въ которыхъ не имѣется не только никакихъ машинныхъ приспособленій, но даже и хорошаго токарнаго станка для точки желѣза, вслѣдствіе чего всѣ работы учениками производятся руками. Необходимость приобрѣтенія для мастерскихъ хотя бы только нѣкоторыхъ машинъ очевидна: въ нашъ вѣкъ, когда ручной трудъ все болѣе и болѣе вытѣсняется машиннымъ производствомъ, училище, именно по неимѣнію машинныхъ приспособленій, не можетъ, конечно, брать заказы на многія работы, да и тѣ работы, которыя могутъ быть сдѣланы руками, оно не можетъ выполнять по дешевой цѣнѣ.

Въ будущемъ году дирекція народныхъ училищъ Тульской губерніи предполагаетъ экспонировать на всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ работы учениковъ нашего училища, которое въ 1897 году будетъ праздновать двадцатипятилѣтіе своего существованія.

III.

Публичная библіотека въ память В. А. Жуковскаго была учреждена въ нашемъ городѣ въ 1858 году.

Для устройства и управленія библіотекой былъ составленъ комитетъ изъ пяти лицъ, именно: С. П. Янова (впрочемъ, вскорѣ умершаго и замѣненнаго И. А. Желябужскимъ), И. П. Пелопидасъ, П. М. Сорокина, Н. И. Игнатова и Ф. И. Максимова, который и имѣлъ свое первое засѣданіе 26-го мая 1858 года. Для помѣщенія библіотеки былъ нанятъ у городской думы принадлежащій городу домъ, который былъ приспособленъ и отдѣланъ, согласно новому своему назначенію. 27-го декабря указаннаго года, состоялось от-

крытие библиотеки. Въ этотъ день, въ 12-ть часовъ дня, въ помѣщеніи послѣдней, какъ значитъ въ журналѣ библиотеки, «молебствіе совершенно было благочиннымъ г. Бѣлева Іоанномъ Глаголевымъ. При открытіи присутствовали: члены комитета библиотеки, многіе граждане г. Бѣлева и помѣщики Бѣлевскаго уѣзда».

Въ честь учредителей библиотеки поэтомъ С. Шевыревымъ было написано стихотвореніе, которое я привожу здѣсь почти цѣликомъ:

« . . . Слава гражданамъ Бѣлева!
 Въ память дней тѣхъ золотыхъ,
 Какъ отъ промысла благова
 Благодать родного слова
 Посѣтила городъ ихъ,
 Дней, когда поэтъ Жуковскій,
 Юный гражданинъ бѣлевскій,
 Въ ихъ оградѣ выросталъ
 И берега Оки прекрасной
 Пѣсню новой, сладкогласной,
 Всѣхъ на радость оглашалъ,
 Человѣкъ безъ укоризны,
 Честь гражданъ, краса отчизны,
 Соловей ея пѣвцовъ,
 Въ память дѣлъ его и словъ
 У себя, въ своей охранѣ,
 Многомудрые граждане,
 Гдѣ процвѣлъ родной языкъ,
 Тамъ сокровищницу книгъ
 Благородно созидаютъ
 И народу открываютъ
 Слова книжнаго родникъ,
 Да течетъ онъ, напоая
 Всѣхъ сыновъ родного края
 Благотворною струей,
 Что Оки обильны воды,
 Полны силы и свободы,
 Полны памяти живой
 Тѣхъ временъ, поры той ясной,
 Какъ питомецъ ихъ прекрасной
 Небеса въ нихъ созерцалъ
 И съ волной ихъ сладкогласной
 Пѣсни новыя сливалъ».

Библиотека основана и существуетъ исключительно на частныя пожертвованія. Первоначально по подписному листу была собрана сумма въ размѣрѣ 1.309 рублей 50 коп. Въ спискѣ лицъ, «содѣйствовавшихъ пожертвованіями существованію» библиотеки, значатся многія извѣстныя имена, такъ, напр., С. Т. Аксаковъ, И. С. Аксаковъ, гр. Д. Н. Блудовъ (другъ покойнаго поэта), А. П. Зонтагъ (родственница поэта, писательница), проф. С. П. Шевыревъ, проф. Лешковъ, митрополитъ московскій Филаретъ, епископъ тамбовскій Теофанъ, епископъ харьковскій Макарій и др.

Въ настоящее время денежныя суммы библиотеки простираются до 5 тыс. рублей, изъ коихъ 3 тыс. рублей были пожертвованы купцомъ Г. И. Игнатовымъ.

Библиотека имѣетъ болѣе 2 $\frac{1}{2}$ тыс. названій книгъ, заключающихся въ болѣе 8 тыс. томахъ. Самый обширный отдѣлъ—беллетристическій, имѣющій свыше 700 названій, или около 5 тысячъ томовъ, самый бѣдный отдѣлъ дѣтской литературы, имѣющій всего до 40 названій.

Ежегодно библиотека выписываетъ лучшіе русскіе журналы и газеты.

Подписчиками библиотеки состоятъ жители какъ города, такъ и уѣзда. Всѣхъ подписчиковъ, напр., въ 1893 году, было 131 человекъ, читателей же, посѣщавшихъ читальню библиотеки, въ томъ же году было 1.221 человекъ.

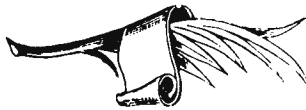
Въ библиотекѣ имѣется альбомъ «для помѣщенія въ немъ найденныхъ автографовъ покойнаго Василя Андреевича Жуковскаго и всѣхъ прочихъ о немъ свѣдѣній, событій и пожертвованій, относящихся къ публичной библиотекѣ». Этотъ альбомъ, составленный въ 1873 году бывшимъ директоромъ библиотеки В. С. Сорокинымъ, много потрудившимся на пользу этого прекраснаго учрежденія, между прочимъ заключаетъ въ себѣ шесть собственно-ручныхъ писемъ покойнаго поэта къ Карлу Яковлевичу Дезе, съ которымъ онъ былъ весьма друженъ. Эти письма по содержанію частнаго характера и касаются главнымъ образомъ дѣла, которое Дезе велъ въ сенатѣ, и по которому Жуковский сообщалъ ему изъ Петербурга разныя справки. Письма были пожертвованы библиотекѣ внучкой Дезе-Соколовой.

21-го сентября 1869 года, покойный историкъ и профессоръ Московскаго университета М. П. Погодинъ проѣздомъ черезъ Бѣлевъ посѣтилъ нашу библиотеку и, какъ значится въ названномъ альбомѣ, «былъ приглашенъ обществомъ дворянскимъ и купеческимъ къ обѣденному столу, который былъ приготовленъ въ Бѣлевскомъ городскомъ общественномъ домѣ, гдѣ помѣщается учрежденная въ память покойнаго поэта нашего и уроженца г. Бѣлева, бывшаго наставника государя императора Александра Николаевича, Василя Андреевича Жуковскаго публичная библиотека. Обѣдъ былъ обставленъ и приготовленъ въ патріархальномъ старинно-русскомъ вкусѣ и сервированъ деревянной посудой, при которомъ игралъ хоръ военной музыки. Тосты, рѣчи и задушевыя привѣтствія всѣхъ участвующихъ въ обѣдѣ лицъ лились рѣкой дорогому гостю Погодину, на что и онъ отвѣчалъ тѣмъ же».

IV.

При составленіи настоящаго краткаго очерка, кромѣ весьма незначительнаго печатнаго матеріала, я воспользовался указаніями директора библіотеки и смотрителя училища имени поэта В. В. Щеглова и изслѣдователя мѣстной старины П. М. Мартынова, которымъ и приношу за то глубокую благодарность. Вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу безъ горечи подумать о томъ, какъ мои соотечественники мало интересуются прошлымъ своихъ великихъ людей и плохо дорожатъ всѣмъ тѣмъ, что связано съ памятью такихъ людей. Въ этомъ отношеніи примѣръ «просвѣщеннаго» запада для насъ поучителенъ. Многие факты жизни Жуковского еще до сихъ поръ не обслѣдованы, а достовѣрность многого уже и напечатаннаго о немъ еще подлежитъ сомнѣнію и требуетъ самой тщательной и всесторонней провѣрки. Такъ, неизвѣстно, гдѣ была похоронена мать Василія Андреевича, Елизавета Дементьевна. Даже самое мѣсто рожденія Жуковского не установлено, по моему мнѣнію, вполне достовѣрно, такъ какъ есть основаніе предполагать, что онъ родился не въ с. Мишенскомъ, а въ Бѣлевѣ. А вѣдь Жуковский принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которыми наше отечество должно гордиться, и память о которыхъ должна быть для насъ священной; онъ оставилъ намъ въ наслѣдіе великолѣпную поэзію и въ то же время былъ воспитателемъ нашего великаго царя; завѣты мягкаго, кроткаго, добраго, человѣколюбиваго великаго учителя нашли благодарный откликъ въ столь же мягкомъ, кроткомъ, добромъ и человѣколюбивомъ сердцѣ великаго ученика.

Андрей Фирсовъ.

ОТЪ РЖЕВА ДО УГЛИЧА.

(Путевые наброски).

«Въ дорогѣ все случайно: не знаешь, на что
нападешь, не знаешь, съ кѣмъ встрѣтишься и
что замѣтишь».

ШЕВЫРЕВЪ.

I.

По пути къ Зубцову.

О, Волга, послѣ многихъ лѣтъ,
Я вновь принесъ тебѣ привѣтъ.

НЕКРАСОВЪ.

ОЛНЦЕ ярко свѣтило въ небесной синевѣ, обдавая землю цѣлыми потоками тепла и свѣта, когда мы на слѣдующій годъ, снова вернулись въ Ржевъ съ однимъ изъ участниковъ прошлогодняго путешествія въ верховьяхъ Волги ¹⁾.

Высокій шпиль ржевской соборной колокольни попрежнему ярко вырѣзывался на голубомъ небѣ, попрежнему весело пестрѣла за Волгой Князь-Дмитровская сторона, а сама Волга такъ сверкала своими золотистыми струями, что даже больно было смотрѣть. Попрежнему же, при спускѣ съ горы къ мосту, насъ осадилъ цѣлый толпы нищихъ. Сначала мы имъ подавали, но потомъ это намъ надоѣло. Зато, лишь только мы,

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ» 1894 года, т. LVI, апрѣль, май, июнь.

не опуская руки въ карманъ, прошли мимо перваго же нищаго, какъ услышали отъ него замѣчаніе:

— Ишь, пріѣзжаютъ тоже въ городъ, любятъся, а для Божьяго человѣка и денегъ нѣтъ!

Нищіе чувствуютъ себя здѣсь вполне господами и на милостыню смотрятъ, какъ на законную дань, собираемую съ обывателей.

А вотъ и старый знакомецъ—деревянный мостъ, которому, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, суждено было, въ одинъ прекрасный день, обрушиться въ Волгу. Но мы благополучно перебрались черезъ него и очутились на Князь-Дмитровской сторонѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ къ этому берегу приставали небольшіе пароходы, ходившіе сюда изъ Твери; теперь же, за мелководьемъ Волги,—а, можетъ быть, и вслѣдствіе друтихъ причинъ,—это пароходное сообщеніе прекращено, и намъ, чтобы спуститься Волгою до Зубцова, приходилось взять лодку.

Отъ моста мы повернули направо вдоль берега, и вскорѣ подошли къ живорыбнымъ садкамъ, подлѣ которыхъ помѣщался перевозъ черезъ Волгу, дающій, несмотря на близость моста, недурной заработокъ содержателю. Здѣсь же на берегу, чинно въ рядъ, были поставлены пять или шесть каменныхъ гробницъ, новенькихъ; чистенькихъ, безъ надписей. Гробницы были выставлены на продажу и сдѣланы изъ бѣлаго старецкаго камня, какъ объяснилъ намъ торговецъ съ ближайшаго сада.

На перевозѣ никого не было.

— Спать онъ, — замѣтилъ торговецъ: — время-то жаркое, а онъ только что потрапезовалъ.

На его окликъ изъ травы, неподалеку отъ мостковъ, поднялась заспанная фигура съ всклокоченными волосами. Мы спросили лодку до Зубцова.

— Что-жь, это можно,—отвѣчалъ перевозчикъ, щурясь отъ свѣта и мигая сонными глазами.

— А цѣна?

— Цѣна обнакновенная—два рубля. Вѣдь двадцать верстъ, а мнѣ, съ обратнымъ, и всѣ сорокъ будутъ.

Видно было, что на него отъ жары «такой розмаринъ напалъ», что ему даже лѣнь было и запрашивать.

Ржевъ былъ осмотрѣнъ нами еще въ прошломъ году, и мы рѣшили отправиться въ тотъ же день въ четыре часа вечера.

— Оно и лучше: не такъ знойно,—замѣтилъ перевозчикъ.

Узнавъ въ заключеніе, что его зовутъ Иваномъ Колпачниковымъ, мы велѣли ему, при первыхъ звукахъ соборнаго колокола къ вечернѣ, выѣзжать на противоположный берегъ Князь-Федоровской стороны, и направились обратно къ мосту, а новый нашъ знакомецъ—на свое облюбованное мѣстечко, въ травку.

Возвратясь на Князь-Федоровскую и побродивъ немного по городу, сдѣлавъ кое-какія покупки, мы отправились въ знакомую уже

намъ гостиницу Некрасова, на самомъ берегу Волги, и, войдя въ общую залу, были поражены изумленіемъ: вмѣсто обычнаго на Руси грязнаго полового, насъ встрѣтила дѣвушка въ бѣломъ чепцѣ и кокетливомъ передникѣ,—настоящая нѣмецкая *kellnerin*. Это во Ржевѣ-то!— въ городѣ, насквозь пропитанномъ «древнимъ благочестіемъ» и степенностью!

Но вотъ пробило наконецъ четыре часа, и на соборной колокольнѣ загудѣлъ колоколъ. Мы поспѣшили на берегъ. Волга попрежнему горѣла и сверкала, какъ расплавленный металлъ. Спускаясь съ откоса къ рѣкѣ, мы замѣтили, что отъ Князь-Дмитровской стороны отчаливаетъ и наша лодка. Черезъ нѣсколько минутъ Колпачниковъ уже цѣплялся багромъ за прибрежные камни. Въ носу лодки сидѣлъ другой Колпачниковъ, мальчуганъ лѣтъ десяти.

— Зачѣмъ онъ тебѣ?—освѣдомились мы.

— А на обратномъ пригодится. Вверхъ-то вѣдь тягой подниматься буду; на веслахъ—дольше.

— Какъ тягой?

— А вотъ зачалюсь самъ бечевой и пойду берегомъ, а лодка за мной. Вотъ тутъ ему править и придется, чтобы она носомъ въ берегъ не шла.

Мы тронулись въ путь.

Мѣрные, бархатистые звуки соборнаго колокола плавно неслись по поверхности Волги, далеко разносясь по окрестностямъ. Подъ мостомъ они на мгновение стихли, но потомъ, по мѣрѣ приближенія лодки къ собору, полились еще звучнѣе, еще величественнѣе.

Помолясь на соборъ, Колпачниковъ повернулся и въ сторону Владимірской церкви, которая съ воды кажется еще красивѣе, чѣмъ съ берега. Мы освѣдомились объ Оковецкой иконѣ.

— И теперь здѣсь находится,—отвѣчала онъ.—Днемъ по городу ходить, а ко всеобщей въ церковь вернется.

По пути къ собору былъ перекинуть, съ холма на холмъ, высокой, красивый мостъ, и внизу подлѣ него бѣлѣла часовня.

— Тутъ у насъ Иверская икона стоитъ, городская, съ московской списана,—пояснилъ Колпачниковъ.—Все Евграфъ Васильичъ Берстенева, покойничекъ, устроилъ. Онъ намъ и Оковецкую икону выхлопоталъ, и для Иверской часовню построилъ, и мостъ-отъ его же.

Мы похвалили мостъ.

— Да, супротивъ этого моста другого во всемъ городѣ нѣтъ,—крѣпокъ! А то разъ,—вотъ потѣха-то была!—онъ засмѣялся.—Есть у насъ мостокъ въ городѣ, и ничего бы себѣ, ѣздили кое-какъ. Только разъ пріѣхалъ къ намъ архіерей, въ каретѣ, на своихъ коняхъ. Поѣхалъ въ благословенную; кони-то сытые, грузные, тотъ мостокъ и продавили! Одна такъ въ мосту и завязла,—еле вытащили!

Онъ снова захохоталъ.

Вообще нашъ Харонъ оказался человѣкомъ довольно веселаго

права. Сынишка же его, сидя на носу, держалъ себя крайне степенно и видимо изображалъ изъ себя большого.

Князь-Дмитровская сторона начинала скрываться за поворотомъ, но Князь-Федоровская долго еще видѣлась позади, красуясь своимъ обрывистымъ берегомъ, своимъ соборомъ и высокою колокольнею, у подножія которыхъ впадаетъ въ Волгу ржевская рѣчка Холынка.

— Вотъ тутъ, направо-то, и имѣніе Берстеновское было, — продолжалъ просвѣщать насъ Колпачниковъ: — а подальше-то — купца Немилова, теперь Поярковское.

Противъ послѣдняго имѣнія, на лѣвомъ берегу находится бумажная фабрика Образцова, на которой, по словамъ Колпачникова, будто бы выдѣлывается бумага даже для кредитныхъ билетовъ.

За фабрикою показался Опоцкій оврагъ. Въ древности въ этихъ мѣстахъ былъ городъ, остатки земляныхъ насыпей котораго сохранились и до настоящаго времени. Во время полои воды изъ насыпи часто вымывались мѣдныя пули и серебряныя копейки. О времени основанія Опокъ, въ Тверской лѣтописи, подъ 1403 годомъ есть помята: «Того же лѣта во Твери заложень бысть городокъ на Опокахъ великимъ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Тверскимъ, того-жъ лѣта и срубленъ бысть». Изъ послѣднихъ словъ можно вывести заключеніе, что стѣны деревяннаго городка были необширны; «веснѣ почать, а въ осенинѣ кончанъ», — читаемъ въ другой неизвѣстной лѣтописи, приводимой Карамзинымъ въ примѣчаніяхъ къ V тому его исторіи. Въ 1447 году, зимою, тверской князь Борисъ Александровичъ пріѣхалъ съ княгинею въ Ржевъ, но едва не попалъ въ плѣнъ захватившимъ городъ литовцамъ и укрылся съ женою въ городкѣ на Опокахъ. Описаніе Опокъ можно найти въ описи Тверской земли, сдѣланной московскими писцами въ 1491 году. Теперь на мѣстѣ Опокъ, въ двухъ верстахъ отъ Ржева, находится село того же имени.

Налѣво потянулся высокій известняковый берегъ, а на правой сторонѣ — густой ровный сосновый боръ, куда ржевцы ѣздятъ на лодкахъ цѣлыми семьями наслаждаться чаепитіемъ среди здороваго, сосноваго воздуха; и дѣйствительно мѣстечко выбрано ими крайне удачно.

— А какъ рыба у васъ?

— Дорога. Прежде бывало налимы, щучки, головли копеечекъ по пятнадцати фунтъ были, а теперь и всѣ двадцать отдашь.

— Стерлядь попадаетъ?

— Попадаетъ — за ту и по два рубля фунтъ берутъ, а ужъ если рубль, такъ это дешево считается. Нѣтъ, противъ прежняго совсѣмъ не то стало!

Лодка быстро шла по теченію; Ржевъ давно уже скрылся изъ виду. И справа, и слѣва тянулись довольно высокіе, красивые берега, то пустынные, то поросшіе лѣсомъ и оживленные щebetаньемъ

птиць, звучно доносившимся съ берега. На лѣвой сторонѣ мы видѣли много быстрыхъ ключей; на одномъ изъ нихъ, близъ деревни Горчуково, прилажена даже небольшая водяная мельница.

Поэтичную картину представляла, на лѣвомъ же берегу, заброшенная барская усадьба, окруженная старыми деревьями сада, отражавшимися въ Волгѣ. Ветхая, деревянная башенка, стоя на берегу надъ Волгою, подобно дряхлому крѣпостному сторожу, смотрѣла на насъ пустыми отверстиями вмѣсто оконъ. Глядя на эти развалины, невольно припоминалась та свѣтлая пора, когда «порвалась цѣпь великая», и миллионы освобожденнаго русскаго народа осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ.

Но вотъ и полдороги. На лѣвомъ берегу заблѣлъ погостъ Ильи Пророка, а за нимъ показалась деревня Бойня, расположенная по рѣчкѣ Бойнѣ же, впадающей въ Волгу. Недалеко отъ устья этой послѣдней передъ нами открылась чудная панорама лѣсистаго берега, освѣщеннаго косыми лучами, опускавшася къ западу, солнца. Вообще, насколько мы могли замѣтить, лѣса содержатся здѣсь въ большомъ порядкѣ и издали похожи на расчищенные парки.

Среди разнообразныхъ пейзажей, пестрою вереницей проносившихся передъ нами, встрѣтилась и жанровая картинка. Четыре дѣвочки, чинно сидя рядкомъ на берегу ручья, впадавшаго въ Волгу, плели изъ цвѣтовъ вѣнки и примѣряли ихъ на свои миловидныя головки, оглашая окрестность нестройнымъ, но усерднымъ пѣніемъ. Насколько привлекательна была сама картинка, настолько же неприятно поразили насъ ихъ пѣсни. Онѣ были непомѣрно коротки и, не успѣвъ начаться, уже оканчивались, замѣняясь все новыми и новыми. Словъ мы не разобрали, да, признаться, и разбирать не хотѣлось: довольно было уже и того, что мы встрѣтили ихъ даже здѣсь, на берегахъ Волги! Этотъ куцый, неприглядный типъ пѣсни появился на Руси въ сравнительно недавнее время и входитъ въ моду среди молодежи, вытѣсняя мало-по-малу старую, долгую русскую пѣсню. Съ этими новыми образчиками народнаго творчества я познакомился въ Новгородской губерніи, гдѣ ихъ называютъ «чашупками». Чтобъ дать понятіе о содержаніи этой новой поэзіи, приведу, кстати, нѣсколько примѣровъ:

На качелюшкѣ качалась,—
Подъ качелюшкой вода,—
Бѣлу юбку замочила,
Коленкоровую,—да!

или:

За рѣкой солнце играетъ,
Ваня въ Питерѣ гуляетъ.
Бѣленькой, кудрявенькой,
Купи конфетку съ барынькой.

Виды Волги между Ржевомъ и Зубцовомъ.

Вверху: погость Ильи Пророка при устьѣ р. Бойни.—Посрединѣ: г. Зубцовъ издали.—
Внизу: заброшенная усадьба на лѣвомъ берегу.

или:

Если-бъ я была богата,
 Не любила бы солдата:
 У солдата усы колки,
 Настоящія иголки!

Въ приведенныхъ примѣрахъ еще видна претензія на какой-то аляповатый юморъ, а вотъ и чистая лирика новѣйшей формаци:

Ты скажи, мила подружка,
 Какъ я лѣто провела:
 На рѣчкѣ волны такъ не бились,
 Какъ сердечко у меня.

или:

Наше полужко красиво,
 Пѣлъ веселый соловей.
 Прощай, забава дорогая,—
 Голосъ милъ душѣ моей.

И надо, къ прискорбію, сознаться, что сѣмена этихъ плевель далеко разносятся вѣтромъ въ разныя стороны и привѣтствуются молодежи, какъ желанные гости.

Версты черезъ три Волга опять развернула передъ нами новую картину. Правый берегъ, пологій, поросшій травой и рѣдкимъ кустарникомъ, круто врѣзался въ Волгу, тѣсня ее къ лѣвому берегу, высокій силуэтъ котораго, изъ темнокрасной глины, казался издали каменною твердынею, выдвинутою къ самой водѣ.

Любуясь Волгою, мы поддерживали разговоръ и съ нашимъ словоохотливымъ гребцомъ. Онъ рассказалъ намъ нѣсколько анекдотовъ изъ жизни современнаго Ржева, имѣющихъ слишкомъ частный характеръ, чтобы быть интересными.

— А какъ васъ, ржевичей, дразнятъ?—задалъ я вопросъ.

— Насъ-то?

— Васъ-то.

— А кобелятниками.

— Это почему же?

— Да сказываютъ, будто мы отца родного на кобеля промѣняли.

Мы засмѣялись.

— Вѣрно, вѣрно,—продолжалъ онъ:—ужь это такъ испоконъ вѣку, что мы кобелятники. Зубцовцы—тѣ вотъ тараканники, тверичи—козлятники.

— За что же зубцовы въ тараканники попали?

— А они, вишь, таракана на Волгу поить водили.

— А тверичи?

— Тѣ опять козла на колокольню тащили, потому и козлятники.

Впрочемъ, надо замѣтить, что въ народныхъ присловьяхъ, собранныхъ Сахаровымъ, шутка о подниманіи козы на колокольню

отнесена къ тихвинцамъ, а для тверичей имѣется особый діалогъ, изъ котораго явствуетъ, что они собаку за куницу приняли.

Вечерѣло. До Зубцова было уже не далеко. Мы миновали деревню Оладыно, затѣмъ Порожекъ, съ красивымъ оврагомъ, и вскорѣ на лѣвомъ берегу, изъ-за пригорка показалась игла соборной колокольни Зубцова.

Навстрѣчу намъ плавно тянулись вверхъ по теченію стройныя, бѣлогрудыя полулодки, ясно отражавшіяся въ тихой водѣ, позолоченной косыми лучами заката.

Мы повернули за мысокъ, и передъ нами, по обѣимъ сторонамъ рѣки, раскинулся миниатюрный городокъ. Впереди видѣлся низкій плашкоутный мостъ, а за нимъ сплошною стѣною возвышалась какая-то гора, которая какъ бы загораживала Волгѣ всякое дальнѣйшее теченіе.

Мы пристали къ небольшой пристани праваго берега у самаго моста и простились съ Колпачниковымъ.

Поднявшись на пригорокъ и очутившись на базарной площади, мы тотчасъ же имѣли удовольствіе познакомиться съ мѣстнымъ урядникомъ, который любезно освѣдомился о нашемъ имени, фамиліи, чинѣ и званіи. За неимѣніемъ во всемъ Зубцовѣ ни одной гостиницы, намъ пришлось помѣститься на постояломъ дворѣ госпожи Дусечкиной, въ двухъ шагахъ отъ базарной площади.

II.

Зубцовъ.

«Зубцовъ, уѣздный городъ Тверской губерніи, при впаденіи р. Вазузы въ Волгу, съ 8480 жи- телей и важною пристанью, къ коей приходятъ товары изъ Смоленской губерніи».

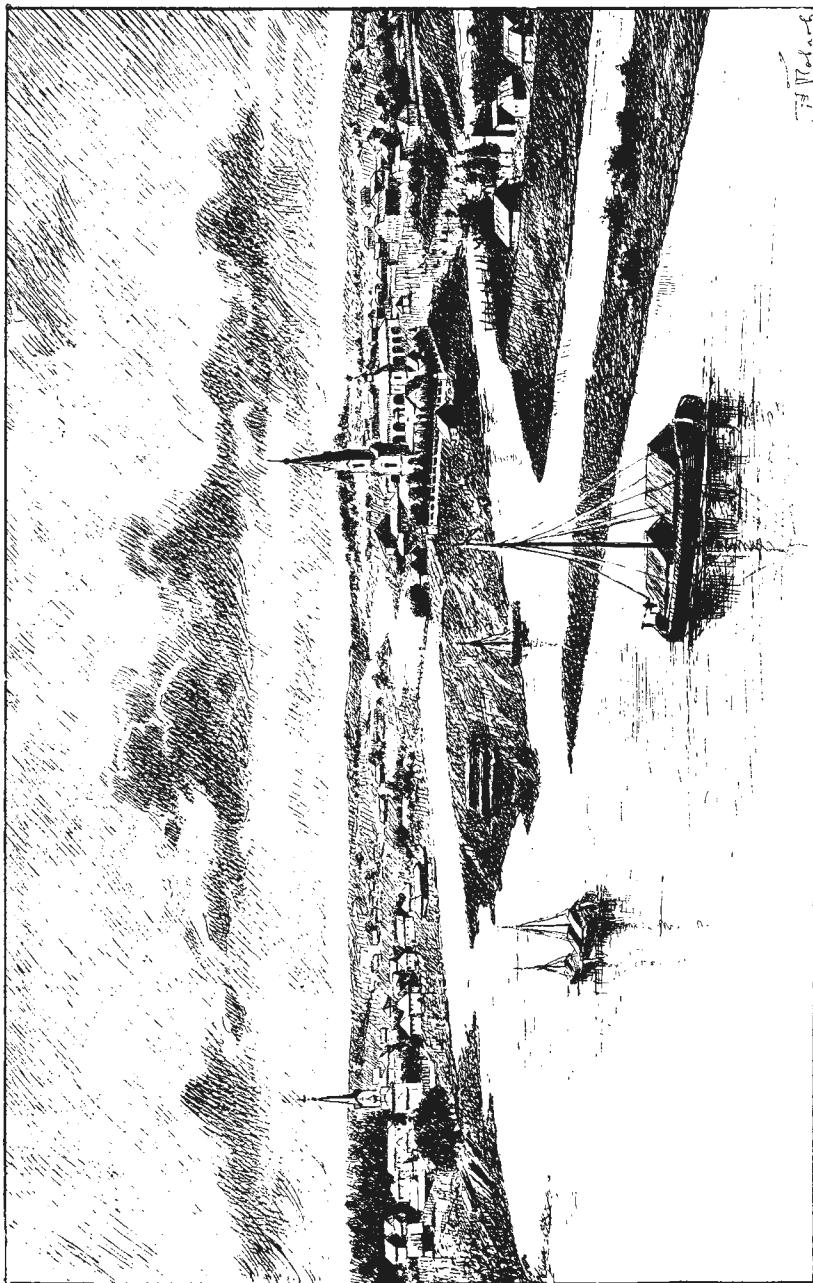
Изъ стараго словаря.

Вся литература о Зубцовѣ ограничивается, какъ кажется, нѣсколькими строками, разсѣянными тамъ и сямъ, въ описаніяхъ Тверской губерніи и въ очеркахъ г. Красницкаго, который, описывая Ржевъ, удѣляетъ попутно небольшое мѣстечко и Зубцову съ его сосѣдкою Старицей.

Вотъ краткія тѣ немногія свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось найти о прошломъ Зубцова. Лѣтопись упоминаетъ о немъ еще въ XIII столѣтіи во время войны Мстислава Удалого съ Ярославомъ Всеволодовичемъ, притѣснявшимъ новгородцевъ. Братъ Ярослава, Святославъ, осадилъ Ржевъ, но былъ отбитъ. Мстиславъ, шедшій съ войскомъ на выручку города, не нашелъ уже врага подъ его стѣнами. Далѣе лѣтописецъ продолжаетъ: «И поиде Мстиславъ, и взя

Зубъчевъ и быша на Возузѣ; и приде Володимиръ Рюриковиць съ Смольняны, идоша по Волзѣ воююще». Послѣ известной Липецкой битвы Мстиславъ возвратилъ Зубцовъ посаженному имъ на Владимірскомъ столѣ брату Ярослава, Константину. Все это происходило въ 1216 году. Черезъ тридцать два года къ Зубцову подходила Литва, а подъ 1297 годомъ мы находимъ о немъ известіе въ Никоновской лѣтописи, впрочемъ, не совсѣмъ ясное, а именно: «срубленъ бысть во тверскомъ княженіи на Волге городокъ Зобцовъ». Очевидно, что здѣсь рѣчь можетъ идти развѣ только о возобновленіи стѣнъ города, но еще вѣроятнѣе, что въ этомъ мѣстѣ въ лѣтопись вкралась ошибка, такъ какъ у тверскаго лѣтописца, подъ тѣмъ же годомъ, известіе это сообщено въ нѣсколько иной редакціи: «Срубленъ бысть городъ на Волзѣ, ко Зубцеву, на Старицѣ», и послѣднее указаніе совершенно измѣняетъ смыслъ всего известія. Въ слѣдующемъ столѣтіи, въ 1375 году, Зубцовъ былъ взятъ войсками Дмитрія Донскаго, который, осадивъ тверскаго князя Михаила Александровича въ его стольномъ городѣ, послалъ изъ-подъ Твери особую рать для покоренія городковъ, лежавшихъ вверхъ по Волгѣ. По взятіи Зубцова многіе его жители были, какъ кажется, переселены въ Москву. Но вслѣдъ за окончаніемъ войны городъ былъ опять возвращенъ тверскому князю и отданъ имъ вмѣстѣ съ другими городами старшему сыну своему Ивану Михайловичу съ внуками Александромъ и Иваномъ. Послѣднимъ зубцовскимъ княземъ былъ внукъ Александра, Иванъ Юрьевичъ, умершій бездѣтнымъ. Въ 1486 году пала Тверь, и Зубцовъ вмѣстѣ съ другими городами княжества уже навсегда перешелъ въ московскія руки. Въ 1491 году новопріобрѣтенныя владѣнія были описаны и записаны помосковски въ сохи. Тверь писалъ князь Ѳедоръ Алабышъ, Старицу—Борисъ Кутузовъ; а Зубцовъ и Опоки описаны Дмитріемъ Пѣшковымъ. Въ эпоху самозванцевъ зубцовцы поцѣловали было крестъ тушинскому вору, но потомъ вмѣстѣ съ Тверью, Старицею, Клиномъ и другими городами принесли повинную царю Василию. Этотъ переходъ къ Шуйскому не остался безъ возмездія со стороны тушинцевъ. Старица была разорена поляками и русскими приверженцами царика. Известно, что путь тушинскаго отряда лежалъ мимо Зубцова, но былъ ли онъ взятъ непріателемъ или нѣтъ, объ этомъ точныхъ свѣдѣній не имѣется. Сохранилось мѣстное преданіе, что даже въ нашемъ столѣтіи Зубцовъ чуть было не попалъ въ руки непріятелей: въ 1812 году французы будто бы доходили до этихъ мѣстностей и, зная по картѣ, что здѣсь гдѣ-то долженъ находиться городъ Зубцовъ, искали его по всѣмъ направленіямъ, но найти не могли.

— Нашъ городъ встарину большой былъ,—говорили намъ мѣстные жители:—стародревній городъ; зубками, сказываютъ, прозывался, и посейчасъ въ гербѣ у насъ зубцы обозначены. Прежде въ немъ

Зубовъ.
(Видъ съ Полуостровной горы).

семьдесятъ семь церквей насчитывали. Въ Олуневѣ, въ деревнѣ, земля и теперь еще соборному причту принадлежитъ; да и вездѣ кругомъ церкви были: и на Масловой горѣ, и въ Мозжаринѣ за Ваузой, и въ другихъ мѣстахъ.

Встарину, по словамъ г. Красницкаго, Зубцовъ производилъ обширную торговлю хлѣбомъ. Дѣйствительно, въ шестидесятыхъ годахъ съ зубцовской пристани отправлялось въ Петербургъ по Волгѣ хлѣба, сала, пеньки, льну и проч. на сумму около 2 милліоновъ рублей. Товары эти закупались частію въ Тверской губерніи, но еще болѣе въ Смоленской, откуда доставлялись въ Зубцовъ по Ваузѣ. Благодаря торговлѣ и значительному отпуску товаровъ отъ мѣстной пристани, въ Зубцовѣ развилась постройка судовъ и барокъ, изготовленіе которыхъ въ прежнія времена достигало до весьма солидной цифры—отъ трехсотъ до восьмисотъ штукъ ежегодно. Но съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, когда пути сообщенія круто измѣнили свои направленія, когда юркая, подвижная чугунка явилась слишкомъ сильнымъ конкурентомъ нашему старинному обозу и неповоротливому каравану, торговля въ Зубцовѣ начала постепенно клониться къ упадку. Въ 1872 году было сплавлено по Волгѣ съ мѣстной пристани всего на всего восемь барокъ. По словамъ г. Полевого, общая производительность Зубцова въ настоящее время не превышаетъ 60.000 рублей. Доказательствомъ же, что городъ въ прежнія времена былъ и больше и многлюднѣе, служатъ обширные пустыри, залегающіе между его церквами и разными казенными сооруженіями и составляющіе характерную черту фисіономіи Зубцова.

На слѣдующее утро мы отправились осматривать городъ. День былъ воскресный. У воротъ намъ встрѣтилась сама г-жа Душечкина въ шляпкѣ и перчаткахъ, съ зонтикомъ въ рукахъ, словомъ совершенно по праздничному.

— Раннія отошли,—заявила она:—придется вамъ ужъ къ поздней. Я сама только отъ угодника.

— Отъ какого угодника?

— Да отъ нашего отъ угодника.

— Такъ у васъ въ Зубцовѣ свой угодникъ есть?

— Какъ же! Вотъ на площади церковь.

— И мощи есть?

— Да нѣтъ же. Вы не понимаете. Это у насъ церковь Николаи угодника; ну, а по нашему говорится просто—угодникъ.

— Вотъ оно что!

— Да вы, должно быть, въ первый разъ здѣсь?

— Въ первый. Хотимъ вашъ городъ посмотреть.

— А если городъ смотрѣть,—оживилась она:—такъ есть у насъ такое мѣсто, что весь городъ передъ вами, какъ на ладони, будетъ. Ужасно какъ красиво.

— Гдѣ же это?

— А вонъ на той горѣ. — Она указала на гору, которую мы замѣтили еще вчера, и въ которую какъ бы упиралась Волга.—Это у насъ Полустова гора называется, и кладбище на ней старое Вознесенское. А ужъ видъ оттуда!... Не раскаетесь, что пошли! Сходите, сходите; до позднихъ обѣденъ еще успѣете.

Минуты черезъ двѣ мы уже были на базарной площади, на краю которой изъ-за зелени березъ возвышалась колокольня и куполъ церкви угодника.

На площади стояло десятка три телѣтъ съ привезенными на продажу товарами. Тутъ были колеса, горшки и другая глиняная посуда, но главнымъ предметомъ продажи и купли были, по видимому, поросята, потому что на площади буквально стонъ стоялъ отъ ихъ отчаяннаго, пронзительнаго визга.

Мы вмѣшались въ толпу, чтобъ прислушаться къ особенностямъ мѣстнаго выговора. Извѣстно, что встарину зубцовцы не совсѣмъ ладили съ буквою ц, вслѣдствіе чего о нихъ сложилась даже слѣдующая поговорка: Ты чей молодець?—Зубчевскій купецъ.—А гдѣ былъ?—Въ Москвѣ по міру ходилъ. Но какъ мы ни вслушивались, ничего оправдывающаго эту поговорку найти не могли. Или визгъ поросятъ былъ уже слишкомъ пронзителенъ, или дѣйствительно зубцовскіе «купчи» уже превратились въ купцовъ обыкновенныхъ. Потомъ намъ приходилось и самимъ разговаривать съ мѣстными обывателями, но неправильностей въ произношеніи мы не замѣтили.

Съ базара мы прошли въ ограду къ «угоднику». Церковь не древняя, какъ и всѣ вообще церкви въ Зубцовѣ,—и по видимому ничѣмъ особеннымъ не замѣчательна. На могилкахъ вокругъ церкви еплились лампы въ особыхъ деревянныхъ фонарикахъ, нѣсколько богомольныхъ старушекъ сидѣли вдоль стѣнъ на травѣ, въ ожиданіи поздней обѣдни.

Выйдя изъ ограды на берегъ, мы очутились на мыскѣ, какъ разъ надъ самымъ слияніемъ Волги съ Вазузою. Въ любомъ учебникѣ географіи можно прочесть, что подъ Зубцовомъ въ Волгу впадаетъ Вазуза, но при взглядѣ на слияніе обѣихъ рѣкъ намъ представилось совершенно обратное. Вазуза, широкая, стройная, почти прямая, какъ лента, подходила къ городу; правый берегъ ея составляла вышеупомянутая, высокая гора, которая, поднимаясь отвѣсною стѣною, какъ бы защищала и обезпечивала свою массую ея дальнѣйшее направленіе. И къ этой-то прямой широкой рѣкѣ приближалась, почти подъ прямымъ угломъ, не менѣе широкая, но извилистая Волга, которая, сливъ свои воды съ Вазузою, круто сворачивала теченіе по направленію русла, намѣченнаго ея притокомъ. Если бы Волга не имѣла за собою болѣе обширнаго бассейна притоковъ, большаго количества пройденныхъ верстъ и боль-

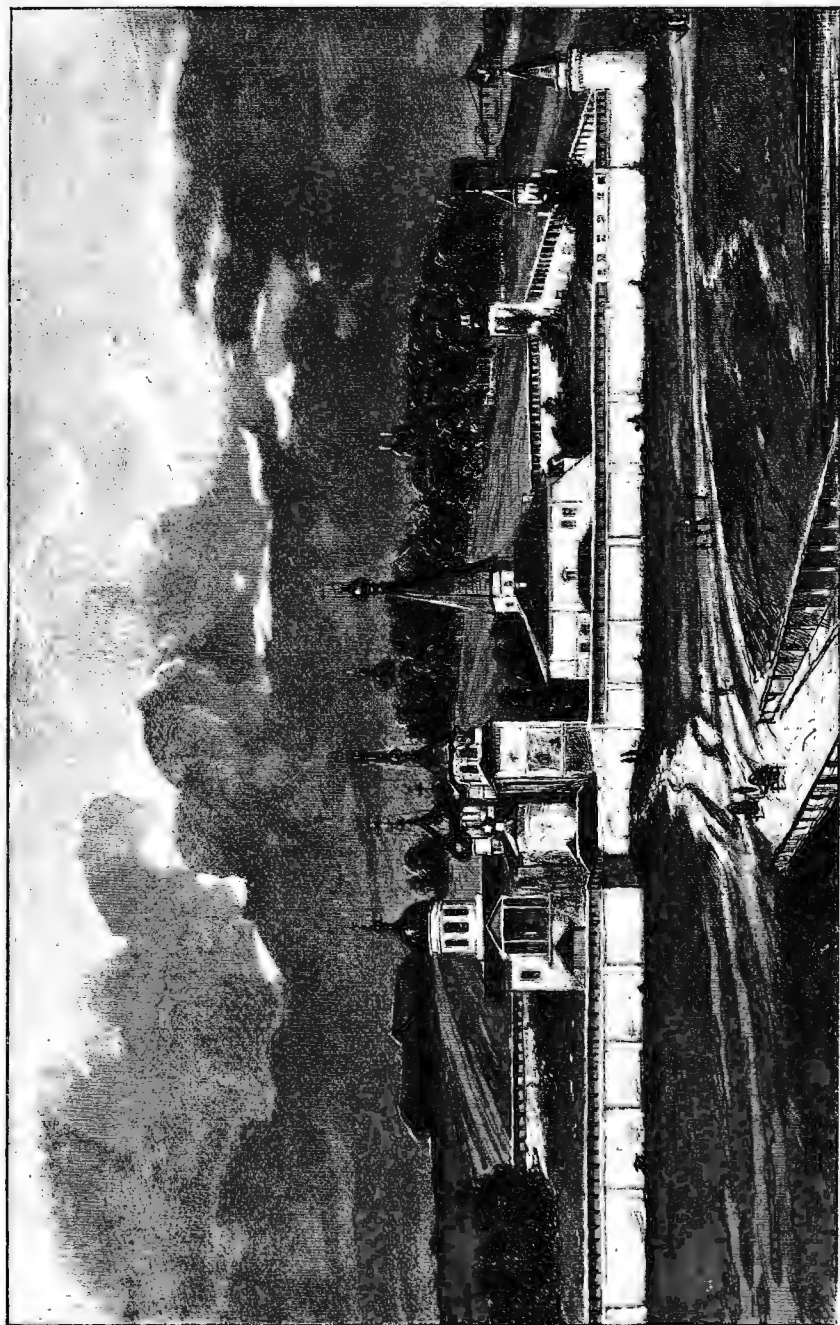
шей, сравнительно, ширины и силы паденія, то, судя по характеру слиянія, ее легко можно было бы принять за притокъ Вазузы.

Глядя съ мыска на слияніе обѣихъ рѣкъ, легко понять, что, при видѣ этой картины, въ народномъ воображеніи возникло представленіе о двухъ сестрахъ, тягущихся за первенство. Народный разсказъ о Волгѣ и Вазузѣ въ общихъ чертахъ сходенъ съ преданіемъ о соперничествѣ Ильмена съ Селигеромъ, о которомъ я упоминалъ въ своемъ мѣстѣ¹⁾. Родныя сестры Волга и Вазуза, не рѣшивъ на словахъ спора о первенствѣ, условились лечь спать вмѣстѣ и на другой день пуститься въ путь до моря Хвалынскаго. Которая изъ нихъ добѣжитъ раньше, та и старше, и почета достойнѣе. Вазуза схитрила и, поднявшись спозаранку, не будя сестры, пустилась тайкомъ въ путь, выбирая дорогу попряме и покороче. Проснулась и Волга, поднялась на ноги, и тронулась въ дальнюю путину «ни тихо, ни скоро, а какъ слѣдуетъ». Не успѣла Вазуза добѣжать до Зубцова, какъ увидѣла грозно идущую на перерѣзъ ей Волгу. Бѣглянка испугалась, немедля признала ее старшею сестрою и просила взять себя на руки и донести до моря Хвалынскаго, что Волга и исполняетъ до сего дня.—Однако и посейчасъ,—замѣчаетъ народъ:—Вазуза просыпается весною раньше Волги и будитъ свою старшую сестрицу отъ зимняго сна.—Очень легко можетъ быть, что одинъ изъ разсказовъ о соперничествѣ двухъ братьевъ-озеръ и сестеръ-рѣкъ является вариантомъ другого, но, по всей вѣроятности, разсказъ о Волгѣ и Вазузѣ долженъ былъ возникнуть ранѣе, такъ какъ онъ отличается большею естественностью и лучше приспособленъ къ подмѣченнымъ явленіямъ природы.

Вазуза беретъ начало въ Смоленской губерніи, въ болотахъ Вяземскаго уѣзда. Хотя общая длина ея простирается до 140 верстъ, но судоходна она только въ нижнемъ своемъ теченіи отъ устья р. Гжати, всего на протяженіи 42 верстъ. Говорятъ, подъ самымъ ея слияніемъ съ Волгою стоялъ монастырь, отъ котораго теперь не осталось и слѣда. Мѣстные жители прибавляютъ, впрочемъ, что къ этому монастырю принадлежала донинѣ существующая въ городѣ Спасская церковь, на берегу Волги.

Ближайшею нашею цѣлью было Полустова гора. Путь къ ней лежалъ черезъ планкоутный мостъ, перекинутый черезъ Вазузу нѣсколько повыше впаденія ея въ Волгу. Перебравшись черезъ мостъ, мы по другому берегу снова поровнялись съ знакомымъ мыскомъ и начали взбираться на гору. Крутизна была значительная, и подъемъ не легокъ, но когда мы, наконецъ, взобрались на край отвѣсной стѣны, то невольно должны были согласиться съ 1-жею Душечкиной, что видъ съ горы «ужасно какъ красивъ»: весь городъ былъ у нашихъ ногъ. Внизу, подъ самой горой, про-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», 1894 г., апрѣль, стр. 142.

Успенскій монастирь въ г. Старицѣ.

текала Волга, уже принявшая въ себя младшую сестру. Въ лѣвомъ краю виднѣлось Завазузье, часть города, болѣе похожая на пригородный посадъ, и мимо него, подобно серебристой лентѣ, съ легкими изгибами подходила къ городу Вазуза. Направо отъ нея вплоть до Волги раскинулась торговая часть города съ базаромъ и церковью угодника, за которою тянулись ряды мѣстнаго гостинаго двора. Съ базарной площади спускалась широкая дорога къ мосту черезъ Волгу, у котораго вчера пристала наша лодка. За мостомъ прямо противъ насъ, на лѣвомъ берегу Волги, находилась главная городская часть, носящая уже административный оттѣнокъ. Здѣсь и соборъ, и городская аптека, и древній валъ бывшаго здѣсь на самомъ углу, подлѣ Волги, острожка, и вышеупомянутая Спасская церковь. Соборъ построенъ при Екатеринѣ и ничѣмъ особымъ не отличается. Внутри древняго вала надъ Волгою разведены обширные капустные огороды и помѣщается зданіе городской управы. Большіе пустыри, поросшіе травой забвенія, пестрили городъ своей зеленью по всѣмъ направленіямъ, но болѣе всего ихъ было въ городской, административной части, лежавшей противъ насъ за Волгою; впрочемъ зелень эта отнюдь не портила картины, по крайней мѣрѣ на нашъ взглядъ, зубцовцамъ же эти, когда-то застроенные, а теперь унылые пустыри, вѣроятно, приводятъ на память не со всѣмъ отрадныя воспоминанія о быломъ процвѣтаніи города.

На вершинѣ горы, на которой мы находились, расположено старое Вознесенское кладбище.

Товарищъ мой тотчасъ же принялся за набросокъ разстилавшейся передъ нами панорамы Зубцова, а я отправился на поиски. Гдѣ-то, на краю этой горы, по словамъ г. Красницкаго, должна была находиться небольшая сосна, которую старожилы Зубцова относятъ къ самому отдаленному времени. Онъ же упоминаетъ и о вросшихъ въ землю памятникахъ на Вознесенскомъ кладбищѣ, съ высѣченнымъ на нихъ изображеніемъ креста и монашескаго посоха, принимаемаго за двѣ сложенные вмѣстѣ сѣкиры. На основаніи этого посоха онъ даже строитъ предположеніе о существованіи здѣсь когда-то монастыря. Но, признаюсь, ни сосны, ни памятниковъ я не нашелъ. Одно изъ двухъ: или я дѣйствительно плохо искалъ ихъ, или же сосна успѣла свалиться съ обрыва, а памятники — окончательно зарости травой, такъ какъ брошюра г. Красницкаго появилась въ свѣтъ уже двадцать лѣтъ тому назадъ, именно въ 1874 году.

Вернувшись на край обрыва къ товарищу, я засталъ его сильно не въ духѣ.

— Ну, городокъ! — воскликнулъ онъ: — никакъ не схватить! — Церковь, пустырь, пять, шесть домовъ, опять пустырь, опять церковь, пустырь и такъ далѣе. Станешь смотрѣть на соборъ, — Спаса не видно. Взглянешь на Угодника, — ни Спаса, ни собора! Ста-

нешь глядѣть на Завазузье,—Волга пропала! Да вдобавокъ еще альбомъ чуть вѣтромъ въ Волгу не унесло.

Вѣтеръ былъ дѣйствительно порядочный; съ юга изъ-за кладбища поднималась темная туча. Но надъ городомъ небо было попрежнему чисто и ясно, въ воздухѣ разносился мѣрный благовѣсть къ поздней обѣднѣ. А внизу, подобно мурашамъ, двигались въ разныхъ направленіяхъ обыватели, болѣе всего ихъ было на базарной площади и на мосту, перекинутомъ черезъ Волгу; здѣсь, кажется, были главныя жизненныя артеріи тихаго городка. Справа, со стороны Старицы къ городу подходило нѣсколько судовъ; они поднимались вверхъ по теченію конною тягою. У подножія нашей горы бечевникъ обрывался въ воду, и лошади вступали въ Волгу, направляясь вбродъ къ узкому, песчаному островку, лежавшему вдоль рѣки, у самыхъ нашихъ ногъ. Во время этого маневра одно изъ судовъ подъ напоромъ теченія сдѣлало поворотъ и стало поперегъ Волги. Началась суетня: все оживилось. Снизу слабо доносились до насъ брань и крики копошившагося у рѣки народа, порою долеталъ отчаянный, хриплый голосъ надсѣдывшагося лопмана, а виновница катастрофы, Волга, тихо и спокойно протекала мимо этихъ кричащихъ и суетящихся точекъ, даже не замѣчая, что посадила ихъ скорлупку на песчаную отмель острова. Черезъ нѣсколько времени дѣло было кое-какъ улажено, суда тронулись въ путь и подошли къ городу.

Набросокъ моего товарища былъ оконченъ, и мы поспѣшили внизъ. Спѣшить дѣйствительно приходилось, потому что туча двигалась все ближе и ближе, пошелъ мелкій дождикъ, превратившійся затѣмъ въ жестокій ливень.

Переждавъ дождикъ въ Завазузѣ, мы еще нѣсколько времени побродили по городу и послѣ обѣда начали собираться въ дальнѣйшій путь.

Отъ Зубова до Старицы считаютъ по почтовому тракту 47 верстъ, а Волгою—50. Мѣстные обыватели посоветовали намъ избрать первый путь, такъ какъ путь по Волгѣ не представлялъ особаго интереса, да, кромѣ того, въ виду довольно сильнаго противнаго вѣтра ѣхать въ лодкѣ намъ пришлось бы не менѣе восьми часовъ. Мы взяли почтовыхъ лошадей. Но прежде чѣмъ покинуть Зубовъ, я счелъ долгомъ навести еще одну справку.

П. Н. Полевой, описывая въ своей «Художественной Россіи» Тверскую губернію, приводитъ краткую біографію извѣстнаго драматурга Владислава Александровича Озерова, который оказывается уроженцемъ Зубовскаго уѣзда. По словамъ г. Полевого, авторъ «Димитрія Донскаго» родился въ 1769 году въ родовомъ помѣстьѣ отца своего—селѣ Казанскомъ, и тамъ же въ 1816 году окончилъ свою полную огорченій жизнь. «Земляки Озерова,—заканчиваетъ г. Полевой,—оказали бы истинную услугу его памяти, если-бъ въ

селѣ Казанскомъ (Зубцовскаго уѣзда) отыскали и указали потомству забытую могилу талантливаго писателя». Желая хоть сколько нибудь посодѣйствовать разъясненію этого вопроса, я обратился къ одному изъ мѣстныхъ жителей, знающему, по его словамъ, весь уѣздъ, какъ свои пять пальцевъ, но онъ положительно заявилъ, что во всемъ уѣздѣ никакого села Казанскаго нѣтъ; то же подтвердили и двое или трое изъ присутствовавшихъ при нашей бесѣдѣ. Всѣ единогласно указывали только на Казанское кладбище въ полоторыхъ верстахъ отъ города, недалеко отъ Старицкой дороги. Противъ этого кладбища, на прогивоположномъ, правомъ берегу Волги, дѣйствительно существовало старое имѣніе, принадлежавшее, впрочемъ, какимъ-то другимъ владѣльцамъ. Фамиліи Озеровыхъ никто изъ моихъ старожиловъ не зналъ. Вопросъ такъ и остался открытымъ. Лошади были поданы, и мы отправились.

Переѣхавъ по мосту черезъ Волгу, тарантасъ нашъ поднялся, мимо стариннаго вала, на соборную площадь. Вѣроятно, жизнь въ Зубцовѣ развлеченіями не отличается, потому что даже такое мало-важное явленіе, какъ проѣздъ нашего тарантаса, оказалось для обывателей чуть ли не цѣлымъ событіемъ. Заслышавъ стукъ колесъ, они уже спѣшили остановиться, съ любопытствомъ ожидая нашего приближенія, и потомъ долго, долго, не двигаясь съ мѣста, провожали насъ глазами. Но вотъ промелькнули послѣдніе домики предмѣстья, послѣдній зубцовецъ, превращенный нашимъ появленіемъ въ соляной столбъ, снова получилъ способность двигаться, и мы выѣхали въ поле, позади котораго сплошною стѣною темнѣлъ густой сосновый боръ, окружающій вышеупомянутое Казанское кладбище, расположенное на берегу Волги. Хотя надежды на отысканіе могилы Озерова не было никакой, но мы на всякій случай велѣли завернуть на кладбище.

Я разговорился съ ямщикомъ. Помѣщикомъ Озеровыхъ онъ тоже не слыхивалъ и села Казанскаго не знаетъ. Я сталъ спрашивать объ окрестностяхъ города. Гора на правомъ берегу Волги, противъ кладбища, называется Пищалиной горою и славится своимъ бѣлымъ пескомъ, идущимъ на стеклянные заводы. По ту сторону города есть высокая Маслова гора съ которой тоже открывается красивый видъ на городъ и окрестности.

— Поди-ка, обыватели-то частенько туда съ самоварами забиваются.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Погулять, на городъ полюбоваться издали.

— Чего же на него любоваться, коли они и такъ каждый день по улицамъ ходятъ?

— Ну, а гуляютъ-то у васъ гдѣ же?

— А на кладбищѣ.

— Неужели веселѣе-то мѣста не нашли?

— А что же? Зеленъ, могилки, какое-же еще веселье? А то и по городу гуляютъ, по улицамъ. Городокъ не большой, да вѣдь и людей-то немного. Просторно! Ужъ это, конечно, не Ржевъ! — глубокомысленно прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

Доѣхавъ до лѣса, мы прошли пѣшкомъ на кладбище. Окруженное густыми рядами развѣсистыхъ сосенъ, отрѣзанное отъ остального міра, погруженное въ тишину и безмолвіе, кладбище это про-

Митрополитъ Іовъ.

изводитъ сильное и въ то же время пріятное впечатлѣніе. Оттѣнокъ какой-то мягкой, кроткой грусти лежитъ на всей картинѣ, — тихой, неподвижной, точно дремлющей подъ яркими лучами лѣтняго солнца. Къ счастью, мы не встрѣтили никого изъ гуляющихъ: они неизбежно нарушили бы всю гармонію общаго построения картины. Впрочемъ, на скамьѣ у одного памятника сидѣла старушка няня съ двумя игравшими подлѣ нея дѣтьми. Мы обратились къ ней, не помнить ли она здѣсь на кладбищѣ памятниковъ семьи помѣщиковъ Озеровыхъ. Отвѣтъ былъ отрицательный. Пошли на удачу бродить около церкви и здѣсь, разсматривая надгробныя плиты, пришли къ убѣжденію, что если памятникъ Озерова, —

здѣсь ли, въ другомъ ли мѣстѣ, — быть сдѣланъ изъ мѣстнаго известняка, подобно большинству окружавшихъ насъ гробницъ, то онъ едва ли могъ сохраниться до настоящаго времени. Известнякъ этотъ крайне непроченъ, и даже такіе, сравнительно недавніе памятники, какъ, на примѣръ, съ надписями 1877 и 1879 годовъ, успѣли уже почернѣть, потрескаться и мѣстами даже лопнуть. А между тѣмъ, камень этотъ здѣсь, повидимому, въ большемъ ходу и составляетъ почти исключительный матеріалъ для надгробныхъ монументовъ. Окончивъ свои безуспѣшные поиски, мы вернулись къ тараптасу¹⁾.

Путь въ Старицу лежитъ черезъ деревни: Алексино, Тересково (село), Кальдино и Кринично; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ намъ порою встрѣчались избы на каменномъ фундаментѣ — явный признакъ обилія камня въ этихъ мѣстностяхъ.

Солнце пекло немилосердно. По сторонамъ тянулся жиденькій лѣсокъ, жалкій, унылый, точно въ конецъ истомленный зноемъ. Лошади трусили мелкою рысцою, отмахиваясь отъ оводовъ и мѣрно побрякивая бубенцами. Ямщикъ, уставясь глазами въ одну точку, сидѣлъ неподвижно и, казалось, дремалъ.

— А правда ли, — началъ я: — будто вы, зубцовцы, таракана на Волгу поить водили.

— Водили, это вѣрно. Двѣнадцать человекъ, на веревкѣ.

— Что больно много — двѣнадцать?

— Ужъ, должно быть, такое положеніе было.

Отъ нечего дѣлать я поддерживалъ разговоръ, но разговоръ этотъ не представлялъ ничего интереснаго и скорѣе наводилъ на душу печальныя думы. Передъ нами сидѣлъ человекъ, промышленяющій ямщицествомъ чуть не смолоду, слѣдовательно почти выросшій на козлахъ и могущій служить типомъ ямщика, а между тѣмъ какая огромная разница была въ немъ съ прежнимъ ямщикомъ, типомъ добраго стараго времени! Въ дѣтствѣ я еще засталъ тотъ старый, чисто русскій, широкій типъ лихова удалца-наѣзника, составлявшаго одно цѣлое съ его вѣрной неизмѣнной тройкою, которая была для него точно своя, родная, съ которою ему не страшны были ни горы, ни грязь, ни распутица, ни волки, ни разбойники. — «Голуби, не выдавай! Рѣжутъ!..» и тройка его мчится быстрѣе вольной птицы, не смотря ни на какія препятствія. Онъ былъ мастеръ ѣздить, мастеръ спѣть пѣсню, отпустить острое словечко. Любилъ онъ, чтобы сѣдокъ угостилъ его въ дорогѣ, но за это грошовое утощеніе сторицею вознаграждалъ сѣдока услужливостью, весельемъ и лихою, умѣлою ѣздою. Теперь этотъ прежній, симпатичный типъ, созданный ширью и просторомъ родной земли,

¹⁾ По словамъ Порфирьева (Ист. русск. словесн., ч. II, нов. періодъ, отд. 8, Казань, 1891, стр. 105), Озеровъ скончался въ 1816 г. въ имѣніи своего отца, находившемся въ Чистопольск. уѣздѣ Казанской губ.

съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ выродился и исчезъ окончательно всюду, гдѣ только появился его лютой врагъ — чугунка.

— Хоть бы ты пѣснию, что ли, спѣлъ, — обратился какъ нашему ямщику.

— Ну, ихъ! Я пѣсень не знаю.

— Отчего же?

— Это вотъ мужики любятъ пѣсни-то горланить, а у насъ этого заведенія нѣтъ. Вотъ только развѣ когда пьянъ напьешься.

— А трезвому нельзя?

— Да ничего хорошаго нѣтъ.

Человѣкъ онъ женатый, но любимую тему его составляли: вино, пьянство и прекрасный полъ; повѣствованія его по этой части отличались какимъ-то особымъ нахальствомъ и цинизмомъ. Мало-помалу онъ перевелъ рѣчь на проѣзжающихъ баръ и офицеровъ, которые въ деревняхъ угощали его водкою. Чѣмъ ближе была деревня, тѣмъ восторженнѣе становились его рассказы объ этихъ «добрыхъ господахъ». Но мы не поддались на удочку, ибо уже знали по опыту, чѣмъ оканчиваются у нынѣшнихъ ямщиковъ эти угощенія. Не за долго передъ тѣмъ, проѣзжая на тройкѣ вдоль Боровицкихъ пороговъ, мы раздобрились и разрѣшили ямщику выпить на нашъ счетъ въ деревнѣ. Послѣ угощенія возница сначала такъ безобразно погналъ тройку, что мы боялись вылетѣть изъ тарантаса, а черезъ пять минутъ уже спать на облучкѣ, раскачиваясь во всѣ стороны и рискуя ежеминутно упасть съ козелъ, такъ что въ продолженіе всей остальной дороги намъ приходилось самимъ смотрѣть и за нимъ и за лошадьми. Увидавъ, что надежда на угощеніе не осуществляется, нашъ зубцовецъ перемѣнилъ тактику и повелъ сладкія рѣчи о щедрости проѣзжающихъ вообще, о тароватыхъ господахъ, которые по пріѣздѣ давали ему по три рубля на водку и проч. На коней своихъ онъ, очевидно, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, всецѣло углубясь въ самое безцеремонное попрошайничество.

Наступалъ вечеръ. Жаръ давно уже свалилъ, повѣяла прохлада, а наша тройка попрежнему плелась нога за ногу, въ то время какъ ямщикъ изображалъ все новые и новые случаи щедрости проѣзжихъ, но мы уже перестали его слушать.

Вдали показалась церковь подгороднаго села. За нимъ, по сторонамъ дороги, потянулся рядъ высокихъ березъ. Въ зелени ихъ, какъ въ рамкѣ, красивою картиною мелькнула Старица, сначала издали, потомъ ближе и ближе. Колеса нашего тарантаса подскочили и загромыхали по булыжной мостовой. Начали встрѣчаться экипажи съ офицерами стоящаго здѣсь кадра гвардейскаго кавалерійскаго запаса. Мы миновали зданіе полковаго штаба и, сдѣлавъ поворотъ налѣво, въѣхали въ центральную часть города, которая, точно ручей по узкому оврагу, круто скатывается къ Волгѣ, къ подножію лежащаго на той сторонѣ рѣки стараго Успенскаго монастыря,

III.

Старицкая обитель и ея постриженники.

— «Что, отче честный, есть ли тутъ
 Что посмотреть въ монастырь?»
 — «А посмотри! Запрету нѣтъ!
 Что есть—увидишь».

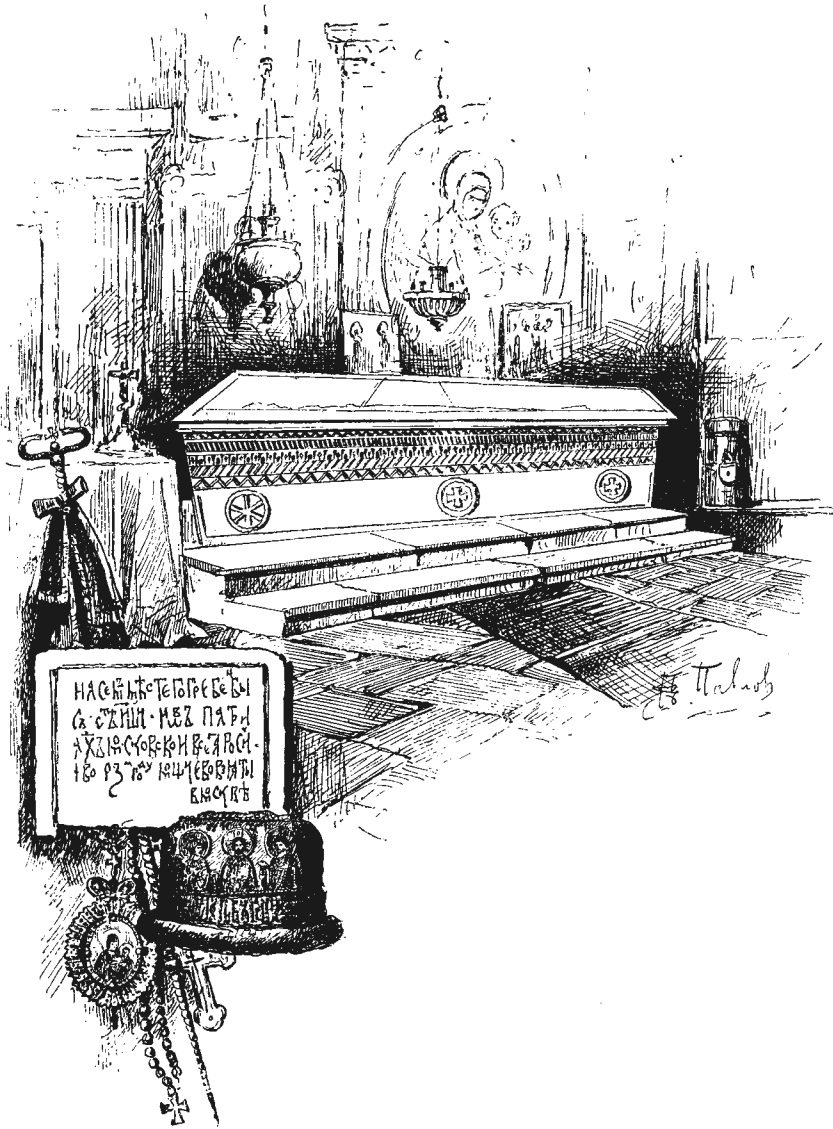
Майковъ.

Успенскій Старицкій монастырь болѣе чѣмъ на полтора ста лѣтъ старше самого города, и потому повѣствованіе свое о Старицѣ мнѣ приходится начинать съ ея обители, тѣмъ болѣе, что монастырь составляетъ едва ли не главную достопримѣчательность города. По времени основанія (XII в.) онъ долженъ быть отнесенъ къ числу самыхъ древнихъ монастырей русскихъ.

Въ 1110 году, изъ дальней Кіево-Печерской лавры пришли сюда, на берега Волги, два инока: Трифонъ и Никандръ. Путь ихъ въ эти сѣверные предѣлы лежалъ, вѣроятно, по Днѣпру до его верховьевъ, откуда они перебрались волокомъ до истоковъ Вазузы и спустились по ней въ Волгу. Плыня по Волгѣ, они облюбовали на правомъ берегу ея урочище, извѣстное подъ именемъ Старого бора. Урочище это расположено на возвышеніи, нѣсколько въ сторонѣ отъ рѣки, и находится какъ разъ противъ нынѣшней Старицы. Иноки поселились въ этой пустынной мѣстности, построили часовню и стали учить приходившій народъ слову Божію. Вѣроятно, около нихъ вскорѣ же начали собираться и другіе любители пустыннаго житія изъ окрестнаго населенія, такъ какъ въ древнемъ помянникѣ, сохранившемся въ обители, вмѣстѣ съ именемъ Трифона, который умеръ въ 1127 году, упомянута и «братія, умершая при его животѣ». Никандръ на 26 лѣтъ пережилъ товарища и скончался въ 1153 году.

Послѣ Никандра въ помянникѣ упоминаются имена правившихъ вслѣдъ за нимъ иноковъ: Мисаила, Порфирія и Феодорита, при которомъ начата постройка деревянной церкви во имя Успенія Божіей Матери, вѣроятно, по примѣру Кіево-Печерской лавры, гдѣ главная церковь освящена также въ честь этого событія. Такимъ образомъ и до нашихъ дней у Старицы существуетъ духовная связь съ дальнимъ Кіевомъ. Вмѣстѣ съ «домомъ Пречистыя Успенія» начата была постройка и другой церкви—Похвалы Богородицы.

Въ виду того, что мѣстность, въ которой находился монастырь, была тогда въ чертѣ новгородскихъ владѣній, надо полагать, что основаніе обители и закладка церкви были совершены по благословенію новгородскихъ архіепископовъ. По крайней мѣрѣ, мы имѣемъ несомнѣнное свидѣтельство, что церковь Успенія освящена новго-

Гробница патриарха Іова въ Старицкомъ монастырѣ.

родскимъ епископомъ Георгіемъ или Гавріиломъ, считавшимся ви-
кариемъ при братѣ своемъ, извѣстномъ Іоаннѣ, архіепископѣ, управ-
лявшемъ въ то время новгородскою паствою. На освященіе храма
прибыль въ обитель и князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, такъ
какъ граница его Суздальскаго княженія находилась неподалеку

отъ мѣстности, занимаемой обителью. Вскорѣ послѣ освященія церкви въ помянникѣ монастыря настоятели начинаютъ именоваться уже игуменами, и первымъ изъ нихъ былъ Кириллъ, скончавшійся въ 1203 году.

Въ половинѣ XIII столѣтія образовалось Тверское княжество, и мѣстности верховьевъ Волги вошли въ составъ его владѣній. Въ монастырскомъ помянникѣ около этого времени встрѣчаются уже имена архимандритовъ: Леванида († 1272), Филарета и Меѳодія. Въ годъ смерти Леванида была освящена, такъ долго строившаяся церковь Похвалы Богородицы и освящена уже не новгородскимъ, а тверскимъ епископомъ. При этомъ можно допустить предположеніе, что архимандритство введено въ обители тверскими владыками, желавшими придать болѣе значенія отошедшему къ новому княжеству монастырю. Дѣйствительно, вмѣстѣ съ именемъ перваго архимандрита Леванида въ помянникѣ записано уже 154 имени иноковъ, и слѣдовательно число монашествующихъ было тогда довольно значительно. Тѣмъ не менѣе, въ силу какихъ-то, неизвѣстныхъ намъ причинъ архимандритство въ обители черезъ нѣсколько времени прекратилось, и она снова стала управляться игуменами. Изъ числа этихъ послѣднихъ упомянемъ объ игуменѣ Серапіонѣ, о которомъ въ помянникѣ замѣчено, что онъ «убиенъ въ 1292 году со всею о Господѣ братією отъ поганыхъ». Подъ «погаными» здѣсь, по всей вѣроятности, подразумѣваются татары, которыхъ сынъ Александра Невскаго, Андрей, дважды приводилъ на Русь въ 1281 и 1293 годахъ. Разгромъ обители, вѣроятно, слѣдуетъ отнести къ послѣднему году, когда Андрей съ татарами, шедшими подъ предводительствомъ ханскаго брата Дуденя, направлялся къ Твери, но узнавъ, что туда уже прибылъ, вернувшійся изъ Орды, князь Михайлъ Ярославичъ,—свернулъ на Волокъ и двинулся къ Новгороду. Такимъ образомъ, тверскому монастырю пришлось поплатиться за неудавшійся походъ противъ столицы княжества. Въ краткой повѣсти объ избіеніи братіи говорится, что тѣла убитыхъ иноковъ были брошены въ Волгу. Теченіе здѣсь быстрое, но, по словамъ лѣтописца, воды рѣки не могли унести тѣла мучениковъ, и, по уходѣ непріятеля, всѣ убитые были взяты изъ воды и погребены въ монастырѣ подлѣ Дома Пречистой. Братіи въ то время насчитывалось въ обители 124 человекъ; убиты, кажется, всѣ до единаго. Впрочемъ, обитель недолго оставалась въ запустѣніи. Около храмовъ снова начали собираться иночествующіе; для управленія ими назначенъ былъ игуменъ Дороевъ, умершій въ 1304 году, но со смертію его прекращается и монастырскій помянникъ, составляющій единственную извѣстную до сихъ поръ лѣтопись событій въ монастырѣ за первые двѣ сотни лѣтъ его существованія. О дальнѣйшей судьбѣ его въ продолженіе цѣлыхъ двухъ съ половиною вѣковъ намъ ничего не извѣстно, и туманъ начинаетъ разсѣиваться

только къ половинѣ XVI столѣтія. Передъ нами появляется силуэтъ уже каменной обители, стоящей на самомъ берегу Волги, украшенной зданіями, которыя сохранились и до настоящаго времени. Своимъ перемѣщеніемъ и постройками монастырь былъ обязанъ князю Андрею Ивановичу Старицкому, родному дядѣ Іоанна Грознаго. Причины, по которымъ князь Андрей Ивановичъ перенесъ монастырь на берегъ, намъ неизвѣстны; мы знаемъ только, что возобновленіе обители на новомъ мѣстѣ совершилось въ 1551 году, и что князь построилъ на свои средства двѣ каменные церкви: соборъ во имя Успенія Божіей Матери и церковь въ честь св. Іоанна Богослова, надъ святыми воротами монастыря, выходившими прямо на Волгу. Для управленія вновь учрежденнымъ монастыремъ, братія вызвала изъ Волоколамской обители уроженца Старицы, Германа Садырева-Полева, который впоследствии былъ архіепископомъ казанскимъ. Германъ явился въ Тверь и былъ возведенъ въ санъ архимандрита, но въ Старицкой обители пробылъ почему-то недолго, всего два съ половиною года, и послѣ присутствія въ Москвѣ на собраніи по дѣлу извѣстнаго Матвѣя Башкина, вернулся въ Волоколамскій монастырь¹⁾. «А былъ той Германъ»,—говоритъ Курбскій объ этомъ старицкомъ уроженцѣ,—«свѣтла рода человекъ, и бѣ онъ яко тѣла великаго мужъ, такъ и разума многого. Аще же и отъ Осифлянскихъ мниховъ четы произыде»,—прибавляетъ князь Андрей Михайловичъ,—«но отнюдь обычая лукаваго и обыкновеннаго ихъ лицемѣрія непричастенъ былъ: но человекъ простой, истинный и не поколебимъ въ разумѣ, и великій помощникъ былъ въ напастехъ и въ бѣдахъ объятымъ, такожь и къ убогимъ милостивъ зѣло».

Однимъ изъ ближайшихъ преемниковъ св. Германа Полева былъ другой архимандритъ Германъ; при немъ въ число братіи поступилъ человекъ, которому суждено было играть одну изъ главныхъ ролей въ царствованіе Феодора Іоанновича и Бориса Годунова. Новопстриженникъ былъ родомъ изъ Старицы, сынъ посадскаго человека; звали его въ міру Иваномъ. Образование онъ получилъ въ монастырѣ подъ руководствомъ самого архимандрита. Постригая его въ монашество, Германъ далъ ему иноческое имя Іова. Въ 1556 году Грозный помѣнялся городами съ двоюроднымъ братомъ своимъ Владиміромъ Андреевичемъ Старицкимъ и, давъ ему въ удѣлъ Дмитровъ, взялъ Старицу себѣ. Вскорѣ же Иванъ Васильевичъ собрался побывать въ своемъ новомъ любимомъ городкѣ и, живя въ Старицѣ, неоднократно бывалъ въ монастырѣ; здѣсь онъ узналъ Іова и, какъ кажется, полюбилъ его. По смерти Германа, Іовъ назначенъ былъ

¹⁾ Костомаровъ въ своей монографіи: «Великорусскіе религиозные вольнодумцы XVI вѣка», говоритъ, что судьба Башкина, послѣ суда, неизвѣстна, но въ краткихъ жизнеописаніяхъ русскихъ святыхъ архим. Игнатія (т. II, XVI в. стр. 91) упомянуто, что Башкинъ былъ отданъ на увѣщаніе архимандриту Герману въ Волоколамскій монастырь.

архимандритомъ обители, а въ 1571 году по желанію Грознаго переведенъ въ Москву, сначала въ Симоновъ, а черезъ четыре года въ Новоспасскій монастырь. Въ этомъ послѣднемъ перемѣщеніи можно видѣть новый знакъ вниманія Грознаго, такъ какъ Новоспасскій монастырь считался въ Москвѣ царскимъ. Въ 1581 году Іовъ хиротонисованъ во епископа коломенскаго, а въ 1586 году переведенъ въ Ростовъ архіепископомъ; но не прошло и года, какъ мы видимъ его уже на Москвѣ въ санѣ митрополита. Наконецъ, 26-го января 1589 года, Іовъ сдѣлался первымъ патріархомъ московскимъ и всея Руси.

«Чѣмъ же обратилъ на себя Іовъ такое вниманіе верховной власти,—спрашиваетъ преосвященный Макарій въ своей «Исторіи Русской церкви»:—чѣмъ заслужилъ такія отличія?» и въ видѣ отвѣта приводитъ характеристику патріарха, помѣщенную въ «Исторіи о первомъ патріархѣ Іовѣ московскомъ». Дѣйствительно, авторъ біографіи рисуетъ намъ и внѣшній, и внутренній обликъ Іова крайне пріятными, привлекательными чертами. Онъ говоритъ, что въ тѣ времена «не обрѣтется челоуѣкъ подобенъ ему ни образомъ, ни нравомъ, ни гласомъ, ни чиномъ, ни похожденіемъ, ни вопросомъ, ни отвѣтомъ», хвалитъ его замѣчательную память, благодаря которой Іовъ зналъ наизусть евангеліе, апостолъ, псалтырь, читалъ на память такія длинныя молитвы, какъ, напримѣръ, на вечернѣ въ день Пятидесятницы и т. д. «Прекрасенъ быше», — продолжаетъ онъ: — «въ пѣніи, и во чтеніи, и во умѣреніи, яко труба дивна всѣхъ веселяя и улаждаая слухи сердца слышателей», и рассказываетъ далѣе, что Іовъ былъ крайне богомоленъ, служилъ по нѣскольку разъ на недѣлѣ самъ, при чемъ въ служеніи былъ простъ, не требовалъ большого числа сослужащихъ «но аще и три, или два, или единъ будетъ, и то готовъ служить съ нимъ». Далѣе біографъ восхваляетъ его трезвость: по его словамъ, Іовъ пилъ только одну воду «и тое въ мѣру»; называетъ его щедрымъ, милостивымъ, и замѣчаетъ: «въ лѣта же его патріаршества много изрядныхъ людей освященныхъ быша церковниковъ, но никто же таковъ дарованіемъ божіимъ украшенъ».

Но изъ послѣдующихъ поступковъ Іова, особенно послѣ кончины государя Феодора Іоанновича, изъ его постоянной и неизмѣнной преданности Годуновымъ, можно заключить, что, помимо своихъ нравственныхъ качествъ, умный и способный старичанинъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ еще и другой причинѣ, что за нимъ давно уже слѣдилъ дальнозоркій глазъ Бориса Феодоровича, видѣвшаго въ немъ прекрасное орудіе для достиженія своихъ широкихъ, честолюбивыхъ плановъ. Костомаровъ думаетъ даже, что и само учрежденіе патріаршества соединилось у Бориса съ дальнѣйшими планами воцаренія. Правда, преосвященный Макарій говоритъ, что это извѣстное мнѣніе совершенно произвольно», но

тѣмъ не менѣ фактъ на лицо, что какъ только у насъ побывалъ антиохійскій патріархъ Іоакимъ, и была высказана мысль объ учрежденіи въ Россіи патріаршества, Іовъ, только недавно переведенный въ Ростовъ, былъ взятъ оттуда на Москву и сдѣланъ митрополитомъ, слѣдовательно первымъ кандидатомъ въ патріархи. Если возведеніе его въ этотъ санъ оттянулось до 1589 года, то вина въ томъ всецѣло падаетъ на грековъ, которые благоразумно предпочли затягивать дѣло какъ можно дольше, получая въ то же время богатые и обильные царскіе подарки, и если бы не нужда, заставившая царьградскаго патріарха Іеремію пріѣхать въ Москву за милостынею, кто знаетъ, на сколько лѣтъ оттянулось бы учрежденіе у насъ патріаршества. Но въ Константинополѣ въ это время произошла важная перемѣна: патріархъ Θεопитъ былъ низвергнутъ султаномъ, и на мѣсто его назначенъ Іеремія, находившійся въ заточеніи. Новый патріархъ явился къ мѣсту своего служенія и съ ужасомъ увидѣлъ, что патріаршій домъ разоренъ и разграбленъ до чиста, жилища помѣщенія обвалились, и сама патріаршая церковь обращена въ мечеть, мало того: его рѣшено было выселить со стараго пепелища и приказано вновь построить домъ и церковь на другомъ, указанномъ мѣстѣ. Средствъ у него, конечно, никакихъ не было, и вотъ въ послѣднихъ числахъ іюня 1588 года въ Москвѣ была получена неожиданная вѣсть, что царьградскій патріархъ уже въ Смоленскѣ. Около половины іюля Іеремія прибылъ въ Москву, но грамоты объ учрежденіи патріаршества съ нимъ не было. Когда наконецъ съ нимъ заговорили объ этомъ дѣлѣ, то Іеремія, по словамъ бывшаго съ нимъ друга Іерооея, митрополита монемвасійскаго, ставить патріарха отказался и предложилъ самъ остаться въ Россіи и патріаршествовать. Борисъ Θεодоровичъ и бояре на это какъ бы согласились, но прибавили, что древняя каедрa Россіи—во Владимірѣ, и предложили ему отправиться туда для жительства. «А то было мѣсто худшее Кукоса»,—замѣчаетъ Іерооей.—«И не говорите мнѣ этого,—отвѣчалъ Іеремія,—никогда этого не сдѣлаю».—Государь созвалъ бояръ и, передавъ имъ желаніе Іереміи остаться въ Москвѣ, продолжалъ: «И мы помыслили, что то дѣло не статочное: какъ намъ такого спрестольника великихъ чудотворцевъ Петра, Алексія и Іоны, и мужа достохвальнаго житія, святаго и преподобнаго отца нашего и богомольца Іова изгнать отъ Пречистыя Богородицы и отъ великихъ чудотворцевъ и учинить греческаго закона патріарха? А онъ здѣшняго обычая и русскаго языка не знаетъ, и ни о какихъ дѣлахъ духовныхъ намъ нельзя будетъ совѣтоваться безъ толмача». Переговоры о поставленіи патріарха продолжались, и Іеремія, наконецъ, убѣдился, что здѣсь греческая коса нашла на русскій камень; онъ согласился уступить и поставитъ особаго для Россіи патріарха. Возведеніе Іова въ санъ патріарха московскаго и всея Руси было совершено въ Успенскомъ соборѣ.

Возвратившись домой, въ Константинополь, Іеремія собралъ соборъ, на которомъ признано и утверждено учрежденіе московскаго патріаршества. Четыре восточныхъ патріарха распредѣлялись по старшинству и значенію ихъ каедръ въ слѣдующемъ порядкѣ: первымъ считался константинопольскій, вторымъ—александрійскій, третьимъ—антіохійскій и четвертымъ—іерусалимскій. Новому московскому патріарху было отведено пятое мѣсто, послѣ іерусалимскаго. Государь и бояре выразили желаніе, чтобъ русскій патріархъ, по значенію пасомаго имъ государства, занялъ третье мѣсто въ ряду восточныхъ патріарховъ, между alexandрійскимъ и антіохійскимъ, но это желаніе, не смотря на богатые подарки, не было уважено греками. Въ церковномъ служеніи русскіе патріархи получили тѣ же внѣшнія преимущества, какія были у восточныхъ. Амвонъ, на которомъ облачался патріархъ, былъ о двѣнадцати ступеняхъ, тогда какъ для митрополита ихъ полагалось только восемь; когда во время литургіи патріархъ садился на горнемъ мѣстѣ, сослужащіе ему архіереи должны были стоять; во время совершенія таинства евхаристіи они не могли пріобщаться сами, но получали причастіе изъ рукъ патріарха. Въ крестныхъ ходахъ передъ патріархомъ несли свѣчу, а во время путешествій впереди его везли серебряный крестъ, а позади пастырскій жезлъ. Богослужебными облаченіями патріарха были: саккосъ съ позвонками и съ нашивною епитрахилью, украшенною золотомъ или жемчугомъ, стихарь, поясъ, епитрахиль съ галліатами, означающими потоки Христовой крови, омофоръ, наколѣнникъ (епигонатій), митра съ крестомъ наверху и, иногда, съ короною по опушкѣ, жезлъ, украшенный зміями; въ обычное же время онъ носилъ рясу съ широкими рукавами, бархатную мантию зеленого или багрянаго цвѣта съ золотыми и серебряными скрижальями и бѣлый клобукъ съ нашивнымъ крестомъ или съ изображеніями херувимовъ и серафимовъ; на груди его были двѣ панагіи и крестъ.

Вступивъ въ управленіе русскою церковью, Іовъ обратилъ вниманіе на распущенность низшаго духовенства; онъ установилъ вновь, учрежденныя еще стоглавымъ соборомъ, но уже забытыя, должности поповскихъ старостъ и десятскихъ, слѣдившихъ за благочиніемъ и исправностью духовенства. Мѣстомъ собранія этихъ должностныхъ лицъ служила особая изба, поставленная недалеко отъ нынѣшняго Василія Блаженнаго; здѣсь старосты и десятскіе должны были сходиться ежедневно. Но, видно, любовь къ порядку и благочинію была чужда нравамъ того времени, потому что лѣтъ черезъ десять послѣ патріаршаго распоряженія тіунъ Іова уже доносилъ своему владыкѣ, что сборная изба стоитъ пуста, что поповскіе старосты и десятскіе безчинствъ не унимаютъ, что безмѣстные попы и діаконы попрежнему сидятъ у Флоровскихъ воротъ, заводятъ игры, бранятся и борются между собою, и тутъ же нанимаются служить литургію. Іовъ

призвалъ къ себѣ старость, увѣщаль ихъ и выдалъ имъ вновь письменный наказъ, бывшій почти повтореніемъ прежняго.

Во времена патріаршества Іова было нѣсколько случаевъ канонизаціи русскихъ святыхъ, на примѣръ, Василія Блаженнаго московскаго, надъ гробомъ котораго царь Ѳеодоръ Іоанновичъ соорудилъ особый придѣлъ при Покровской церкви на Рву, углицкаго князя Романа Владиміровича, Гурія и Варсонофія казанскихъ, Антонія Римлянина и др.

Риторскія свои дарованія краснорѣчивый старичанинъ выказалъ въ привѣтствіи государю по возвращеніи его изъ шведскаго похода, результатомъ котораго было взятіе Иванъ-города, Яма и Копорья. Въ рѣчи своей Іовъ сравнивалъ Ѳеодора Іоанновича съ равноапостольнымъ Константиномъ и съ великимъ княземъ Владиміромъ. Іовъ, повидимому, любилъ кроткаго, незлобиваго государя и по смерти его, не смотря на свою старость, взялъ на себя трудъ составить его жизнеописаніе (вошедшее цѣликомъ въ Никоновскую лѣтопись).

Скончался Ѳеодоръ Іоанновичъ, и для Іова, владѣвшаго, въ лицѣ чернаго и бѣлаго духовенства, внушительною нравственною силою, настало время сослужить великую службу своему милостивцу Борису Ѳеодоровичу. Когда, послѣ отказа Ирины отъ царства, бояре объявили было народу, что правленіе переходитъ въ боярскую думу, а народъ завопилъ, что не хочетъ ни князей, ни бояръ, знаетъ только одну царицу и выборъ новаго царя предлагаетъ сдѣлать патріарху, Іовъ тотчасъ же воспользовался случаемъ и назвалъ Бориса. Всѣ народные походы въ Новодѣвичій монастырь были дѣломъ рукъ патріарха. Соборъ по вопросу объ избраніи царя, на которомъ присутствовало болѣе ста игуменовъ, былъ созванъ имъ же. Засѣданіе собора Іовъ открылъ категоричнымъ заявленіемъ: «А у меня, Іова патріарха, и у митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ, и у архимандритовъ, и игуменовъ, и у всего освященнаго вселенскаго собора, и у бояръ, дворянъ и приказныхъ, и служилыхъ, и у всякихъ людей, и у гостей, и у всѣхъ православныхъ христіанъ, которые были на Москвѣ, мысль и совѣтъ всѣхъ единодушно: что намъ молить государя Бориса Ѳеодоровича, и иного государя никого не хотѣтъ и не желать». Когда свѣтскіе чины, съѣхавшіеся на соборъ, увидали, что дѣло Бориса поставлено прочно, и что выборъ его уже рѣшенъ духовенствомъ, они скромно заявили, что присоединяются къ мнѣнію освященнаго собора. Іовъ счелъ нужнымъ немедленно же закрѣпить это рѣшеніе. «Кто захочетъ искать иного государя, кромѣ Бориса Ѳеодоровича и его дѣтей,—объявилъ онъ,—противъ того всѣмъ свѣтскимъ стоять, какъ противъ измѣнника, всею землею, а патріарху и освященному собору отлучить его отъ церкви: того предадутъ проклятію и отдадутъ на кару градскому суду». Затѣмъ былъ устроенъ, какъ извѣстно, тор-

жественный крестный ходъ съ огромною толпою народа,—который былъ собранъ подъ страхомъ пени въ два рубля,—и Борисъ «принять вѣнецъ смиренно согласился». Іовъ торжествовалъ, хотя и самъ сознается, что за это время ему пришлось испытать «озлобленіе и клеветы, укоризны, рыданія-жь и слезы».

Когда Борисъ вернулся изъ похода противъ Казы-Гирея, Іовъ устроилъ ему торжественную встрѣчу, произнесъ рѣчь и въ заключеніе такъ расчувствовался, что повалился Борису въ ноги.

Затишье первыхъ лѣтъ царствованія Годунова было, какъ извѣстно, только затишьемъ передъ бурей, и въ 1600 году на западѣ уже сверкнула первая зарница, это были, смутные сначала, слухи, что Димитрій не убитъ. Борисъ сдѣлался жестокъ и подозрителенъ, «и до толика зла доиде отъ смутителей,—говоритъ жизнеописатель Іова,—яко господамъ вездѣ отъ рабовъ своихъ дрожати и бояться, и повсюду плачь бысть господамъ, и многія великія дома запустѣша отъ злаго того нестроенія, и мнози отъ великихъ вельможъ лютыми и нужными бѣдами и скорбями погибоша». Словомъ настало время, когда Іовъ въ силу своего высокаго сана первосвященника русской церкви могъ выступить передъ царемъ въ качествѣ печальника за обитаемыхъ.—«Что, отче святой,—пеняли ему многіе,—новотворимое сіе видиши, а молчиши?»—Но если Борисъ начиналъ напоминать собою Грознаго, то Іовъ во всякомъ случаѣ не былъ митрополитомъ Филиппомъ. «И совѣсть сердца его,—говоритъ біографъ,—яко стрѣлами устрѣлена бываше и не могій что сотворити, еже сѣмена лукавствія сѣема видя и виноградъ Христова дѣлатель сый, изнеможе, токмо ко Господу Богу единому взирая, ниву ту недобрую слезами обливаше. Быстрѣ убо и строптивѣ сей царь Борисъ и не хотя видѣти обличника себѣ». Этими послѣдними словами біографъ какъ бы старается извинить Іова, но онъ забываетъ, что покойный Иванъ Васильевичъ былъ еще быстрѣе и строптивѣе, и это не мѣшало архипастырямъ въ родѣ Филиппа Колычева и вышеупомянутаго Германа Полева безъ страха обличать его прямо въ глаза.

Когда появился въ Польшѣ Лжедимитрій, грамота, разосланная по всему Московскому государству, о томъ, что онъ не кто иной, какъ Гришка Отрепьевъ, была подписана Іовомъ; по его же распоряженію состоялся обрядъ торжественнаго проклятія самозванца. Но ничто не помогало; гроза подвигалась все ближе и ближе. Борисъ былъ уже серьезно нездоровъ, и Іовъ, вѣроятно, началъ сознавать, что добромъ дѣло не кончится; онъ вознамѣрился удалиться на покой. Сохранилась его прощальная грамота, въ которой онъ, ссылаясь на старость и недуги, отрекается отъ патріаршества и выражаетъ желаніе пребывать отнынѣ въ уединеніи. Но, по всей вѣроятности, дѣлу этому не было дано хода; по крайней мѣрѣ, по смерти Бориса Іовъ все еще оставался на мѣстѣ. Онъ не покинулъ

своего престола даже послѣ сверженія и заключенія подѣ стражу молодого царя Θεодора Борисовича. Костомаровъ дѣлаетъ даже предположеніе, не поклонился ли новому царю, наравнѣ съ другими, «этотъ архипастырь, всегда уважавшій силу и успѣхъ». Но съ этимъ взглядомъ почтеннаго историка трудно согласиться. Во-первыхъ, противъ такого предположенія говоритъ вышеупомянутое желаніе Іова удалиться съ каведры еще во времена Бориса, во-вторыхъ, прежнія грамоты патріарха, писанныя и въ Польшу и въ Московское государство о Гришкѣ Огрепьевѣ, и самое проклятiе образовали слишкомъ большую пропасть между нимъ и новымъ царемъ, чтобы примиреніе было возможно. Въ-третьихъ, оправдывающимъ Іова доводомъ служить обстоятельство, на которое не замедлил обратить вниманіе преосвященный Макарій, а именно: повинная грамота отъ Москвы была отправлена въ Тулу къ Лжедмитрію только съ одними боярами; въ числѣ посольства не было ни митрополитовъ, ни архіепископовъ, хотя самозванецъ и требовалъ этого въ своей грамотѣ; слѣдовательно патріархъ въ этой повинной не участвовалъ. Іовъ могъ оставаться послѣ сверженія Годуновыхъ вовсе не изъ желанія перейти на сторону новаго царя, а просто въ силу инерціи, не предпринимая ничего, потерявъ голову и, быть можетъ, все еще надѣясь, что народъ, свергнувшій свѣтскую власть, не рѣшится коснуться власти духовной и въ рѣшительный моментъ не выдастъ его обидчикамъ.

Но самозванецъ уже выбралъ себѣ другого патріарха, и участь Іова была рѣшена. Однажды, когда онъ служилъ въ Успенскомъ соборѣ литургію, явились посланные отъ Лжедмитрія со множествомъ народа, вооруженнаго оружіемъ и дреколiемъ, и объявили патріарху, что онъ лишенъ сана. Іовъ сложилъ панагію предъ иконою Владимірской Богоматери и произнесъ свою прощальную молитву: «О пречистая владычица Богородица!—сказалъ онъ: — Эта панагія и святительскій санъ возложены на меня недостойнаго въ твоемъ храмѣ, у честнаго твоего чудотворнаго образа. Девятнадцать лѣтъ исправлялъ я слово Сына Твоего; христіанская вѣра нерушима была. Нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, видимъ, что на православную вѣру находить вѣра еретича. Мы грѣшныя молимъ, умоли, пречистая, Сына Твоего Христа Бога, утверди сію православную христіанскую вѣру непоколебимо!» На него надѣли черное платье, позорили, таская «въ церкви и по площади», какъ рассказываетъ онъ самъ, и наконецъ, посадивъ въ простую телѣгу, отправили въ монастырь, въ Старицу. Впрочемъ мѣсто заточенія было, повидимому, назначено по его желанію.

Возвращаясь съ Іовомъ въ Старицу, мы застаемъ архимандритомъ обители другого ея знаменитаго постриженника, преподобнаго Діонисія Зобниновскаго, о которомъ я въ свое время упоминалъ,

говоря о Ржевѣ¹⁾. Ржевичъ по рожденію, Діонисій (въ мѣрѣ Давидъ) еще въ дѣтствѣ переселился съ своими родителями въ Старицу, гдѣ отецъ его былъ избранъ въ старосты Ямской слободы. Г. Скворцовъ въ своемъ изслѣдованіи о преподобномъ²⁾ говоритъ, что когда родители Давида переселились въ Старицу, ему было около 6 или 7 лѣтъ. Мальчика отдали для обученія грамотѣ двумъ старицкимъ монахамъ Гурію Ржевиту и Герману Стареченину. Последній былъ не кто иной, какъ Германъ Тулуповъ, извѣстный писатель Четьихъ-Миней; списываніемъ и собираніемъ жизнеописаній святыхъ онъ занимался уже въ лаврѣ, гдѣ жилъ во время архимандритства своего ученика. Давидъ былъ нрава скромнаго и много перенесъ въ школѣ отъ сверстниковъ, хотя наставники были имъ довольны. Возмужавъ, онъ хотѣлъ было поступить въ монашество, но родители, которые впоследствии постриглись и сами, теперь отговорили его и нашли ему невѣсту. Давидъ женился, но все-таки сталъ служить Богу, сдѣлавшись священникомъ въ селѣ Ильинскомъ, въ 12-ти верстахъ отъ Старицы. Черезъ шесть лѣтъ онъ овдовѣлъ, схоронивъ почти одновременно съ женою и двухъ своихъ сыновей. Въ качествѣ вдоваго священника, онъ, по правиламъ Стоглава, уже не могъ совершать въ своей церкви литургіи, и теперь сама судьба какъ бы направляла его въ монастырь. Давидъ вернулся въ Старицу и постригся около 1601 или 1602 года. Вѣроятно, монастырскія власти уже давно знали ильинскаго священника, потому что вскорѣ онъ былъ сдѣланъ казначеемъ, а въ 1605 году былъ уже архимандритомъ Старицкой обители, куда, какъ мы знаемъ, пристава, въ іюнѣ мѣсяцѣ, привезли свергнутаго патріарха. Діонисій угостилъ и отпустилъ ихъ, а самъ явился къ Іову и, не смотря на приказаніе держать его «во озлобленіи скорбнемъ», старался всячески устроить и успокоить старца. Такимъ образомъ, въ стѣнахъ обители встрѣтились оба ея знаменитыхъ постриженника, изъ которыхъ одинъ уже заканчивалъ свое земное поприще, тогда какъ трудный и многострадальный путь другого едва только начался. Вскорѣ по прибытіи въ Старицу дряхлый, болѣзненный патріархъ лишился зрѣнія, и это обстоятельство, по словамъ нѣкоторыхъ, было причиною, что царь Василій Ивановичъ Шуйскій, вступившій на престолъ по низверженіи Лжедимитрія, не возвратилъ Іова на патріаршую каѳедру; быть можетъ, тому были и другія причины, но, какъ бы то ни было, а дѣйствительно, еще при жизни Іова, патріархомъ на Руси сдѣлался Гермогенъ. Тѣмъ не менѣе, объ Іовѣ въ Москвѣ вспомнили. Шуйскій, большой сторонникъ торжественныхъ церковныхъ церемоній, которыми онъ думалъ успокоить

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ» 1894 г., июнь, стр. 706—707.

²⁾ Діонисій Зобнинскій, архимандритъ Троицкаго Сергіева монастыря (нынѣ лавры). Историческое изслѣдованіе преподавателя Тверской духовной семинаріи Дмитрія Скворцова. Тверь. 1890.

умы народа, уже перенесшій въ Москву мощи Димитрія царевича, задумаль устроить торжество всенароднаго патріаршаго прощенія и разрѣшенія отъ клятвъ, измѣнъ и клятвопреступленій, сдѣланныхъ народомъ въ послѣдніе смутные годы. И вотъ, въ началѣ февраля 1607 года, въ Старицу были отправлены за Ювомъ Пафнудій, митрополитъ сарскій и подонскій, Пимень, архимандритъ Симонова монастыря, архидіаконъ Алимпій и другіе, съ царскою каптанюю, на восьмеркѣ лошадей, обитою внутри соболями, въ которой, 14-го февраля, бывшій патріархъ и прибылъ въ Москву. Между тѣмъ, отъ имени народа была составлена челобитная патріархомъ, въ которой говорилось: «не только живущіе во градѣ семъ, но и живущіе во всѣхъ градѣхъ страны сей просятъ раврѣшенія и прощенія, какъ живымъ отъ мала до велика, такъ и тѣмъ, которые отошли отъ міра сего прежде». Насталь день 20-го февраля, день послѣдняго, предсмертнаго торжества Юва. Загудѣли московскіе колокола, и народъ со всѣхъ концовъ города повалилъ къ Кремлю. Въ Успенскомъ соборѣ давно уже не было мѣста, и толпа наполнила площади кремлевскія. Ювъ съ Гермогеномъ направились къ собору посреди необозримой толпы народа. Войдя въ Успенскій соборъ, Ювъ приложился къ иконамъ и сталъ у патріаршаго мѣста, а Гермогенъ началъ пѣть молебень. Послѣ молебствія къ патріархамъ подошли выборные съ челобитною, и Гермогенъ приказалъ архидіакону Алимпію прочесть ее во всеуслышаніе съ амвона. Затѣмъ тотъ же Алимпій прочелъ и разрѣшительную грамоту отъ Юва, Гермогена и всего освященнаго собора. Въ грамотѣ о смерти Димитрія царевича было сказано глухо, что онъ убитъ въ Угличѣ; имя Годунова при этомъ не названо. По прочтеніи грамоты народъ бросился къ Юву, кланялся въ землю, цѣловалъ его руки, просилъ благословенія. Это было искупленіе за тѣ побои и оскорбленія, которымъ патріархъ подвергся на этомъ же мѣстѣ два года назадъ.

Ювъ вернулся въ Старицу, но силы его видимо угасали, и 19-го юня того же года онъ скончался, до послѣдняго дня окружаемый заботами и попеченіями Діонисія. Похоронили его у праваго западнаго угла соборной церкви; надъ гробомъ его Діонисій устроилъ небольшую часовенку.

Въ 1652 году, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, тѣло Юва было перевезено въ Москву и положено въ Успенскомъ соборѣ.

Г. Скворцовъ допускаеть предположеніе, что во время послѣдней поѣздки патріарха съ нимъ ѣздилъ въ Москву и старицкій архимандритъ и здѣсь впервые сдѣлался извѣстенъ Гермогену, который оцѣнили его способности и высокія душевныя качества. По крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ смерти Юва, мы видимъ Діонисія уже почти безвыѣздно живущимъ въ Москвѣ, помогающимъ Гермогену въ служеніи, засѣдающимъ съ нимъ на совѣщаніяхъ у царя и выходящимъ вмѣстѣ съ патріархомъ для умиротворенія недовольнаго

Шуйскимъ народа. Въ короткое время Діонисій сдѣлался правою рукою Гермогена.

Въ январѣ 1610 года поляки сняли осаду Троицкой лавры. Троицкій архимандритъ Іоасафъ, утомленный долгими трудами, удалился въ Пафнутаевъ монастырь, и Сергіева обитель осталась безъ начальника. Для исправленія страшныхъ уроновъ, нанесенныхъ врагами обители и всей ея окрестности, царь и патріархъ не могли найти лица болѣе достойнаго, чѣмъ старицкій архимандритъ. Діонисій ничего не зналъ о своемъ назначеніи на столь важный постъ; онъ въ это время былъ въ Ярославлѣ, куда поѣхалъ хоронить какого-то вельможу. Вѣсть о назначеніи достигла до него при такихъ обстоятельствахъ, которыя самому ему показались глубоко знаменательными. Въ то время путь отъ Ярославля до Москвы былъ наполненъ лихимъ народомъ, цѣлыми шайками воровскихъ людей, которые грабили и убивали всѣхъ попадавшихъ имъ прохожихъ и проезжихъ, и только имя доблестной Сергіевой обители пользовалось у нихъ нѣкоторымъ уваженіемъ,—троицкихъ монаховъ они не трогали. Діонисій зналъ это и, возвращаясь въ Москву, рѣшился назваться Сергіевымъ. Имя чудотворца спасло ихъ отъ многихъ бѣдъ въ пути. Путники уже подъѣзжали къ самой Троицкой обители. Встрѣчу имъ показался монастырскій служка. «Кая власть ѣдетъ?»—окликнулъ онъ. «Троицкаго Сергіева монастыря старецъ изъ сель ѣдетъ»,—отвѣчали спутники Діонисія. Но служка усомнился и повторилъ вопросъ. Озадаченные путники снова увѣрили, что старецъ отъ Троицы. «Скажите правду,—заговорилъ служка:—не старицкій ли это архимандритъ? Я посланъ къ нему съ грамотами отъ царя и патріарха». Діонисіи заглянулъ въ грамоты и увидѣлъ, что онъ и дѣйствительно теперь уже «Сергіевъ старецъ», что онъ архимандритъ Троицкаго монастыря. Началось его многотрудное, двадцатитрехлѣтнее служеніе родинѣ, но и въ эти тяжелыя, скорбныя времена Діонисій не забывалъ своей родной старицкой обители и, во время своего троицкаго архимандритства, пожертвовалъ въ нее много цѣнныхъ вкладовъ.

И. Тюменевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

В. В. ВЕРЕЩАГИНЪ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ПРЕКРАСНАЯ коллекція изданій *Θ. И. Булгакова* по русскому искусству увеличилась еще капитальнымъ произведеніемъ, посвященнымъ всецѣло одному изъ оригинальнѣйшихъ современныхъ русскихъ художниковъ—*В. В. Верещагину*. Не легкая задача представлялась на этотъ разъ *г. Булгакову*: едва ли въ средѣ русскихъ художниковъ нашихъ дней кто либо обладаетъ такимъ усердіемъ и трудолюбіемъ, какъ *В. В. Верещагинъ*; едва ли у кого изъ нихъ можетъ найтись болѣе многочисленное собраніе произведеній, чѣмъ въ четырехъ только серіяхъ картинъ *В. В. Верещагина* (*Средне-Азіатской, Индійской, Русско-Турецкой войны и Палестинской*); едва ли у кого изъ современныхъ живописцевъ всѣ произведенія стоятъ на такомъ равнокачественномъ уровнѣ художественной добросовѣстности, какъ у *В. В. Верещагина*; едва ли кто такъ много заставлялъ говорить, спорить и писать о себѣ, и наконецъ едва ли можно указать на другого художника, который бы такъ много говорилъ, писалъ и печаталъ о самомъ себѣ, какъ *В. В. Верещагинъ*, воплощающій не только рыцаря кисти, но и... рыцаря пера, шашки, пштыка, пули и мины. Предъ такимъ обиліемъ матеріала для графической и литературной характеристики художника, которому едва минуло 53 года, можно было по истинѣ очутиться въ завидномъ затрудненіи—въ *embarras du choix*. Въ то же время нельзя было и медлить: серія произведеній *В. В. Верещагина* новаго цикла уже народилась; уже выставлены въ Москвѣ, а не сегодня-завтра появятся и въ Петербургѣ картины «русскія», эпоса освободительной войны 1812 г., и,

конечно, на этомъ не остановится художникъ, столь неутомимый и ненасытный въ служеніи своемъ искусству. Не даромъ про него сказать, какъ напоминаетъ Ѳ. И. Булгаковъ, величайшій изъ германскихъ художниковъ нашихъ дней, 80-ти-лѣтній Менцель: «der kann Alles»—«вотъ этотъ все можетъ»...

Передъ указаннымъ обиліемъ матеріала г. Булгакову не оставалось ничего иного, какъ сдаться на почетную капитуляцію, т. е. храбро рискнуть громадными затратами на изданіе и, проникнувшись до нѣкоторой степени отличительнымъ свойствомъ виновника торжества—ненасытностью г. Верещагина, увеличить объемъ и цѣнность труда своего до такихъ размѣровъ, до которыхъ не доведенъ былъ г. Булгаковымъ ни одинъ изъ прежнихъ его альбомовъ русской живописи. И г. Булгаковъ потрудился не только за себя, но и за будущихъ грядущихъ лѣтописцевъ русскаго искусства: онъ воспользовался не только всѣми печатными матеріалами для очерка жизни и дѣятельности художника, но и добылъ отъ послѣдняго автобіографическія воспоминанія и особенно драгоцѣнныя свѣдѣнія, разъясняющія не «малое количество неточностей, противорѣчивыхъ показаній и неясностей въ существующихъ печатныхъ біографіяхъ его», отъ которыхъ не свободна и «самая обширная, самая интересная изъ нихъ, принадлежащая перу В. В. Стасова», помѣщенная въ «Вѣстникъ изящныхъ искусствъ» (за 1883 г.). Свѣдѣнія эти, въ большинствѣ случаевъ весьма рельефно характеризующія художника, разбросаны щедрой рукой и въ упомянутомъ интересномъ очеркѣ «Жизни и дѣятельности В. В. Верещагина», и въ очеркѣ-предисловіи г. Булгакова «В. В. Верещагинъ, какъ художникъ», и въ очеркѣ «Выставки (заграничныя) художественныхъ произведеній В. В. Верещагина». Наконецъ, въ Верещагинскомъ сборникѣ г. Булгакова помѣщены цѣлыхъ двѣ статьи самого художника «О реализмѣ» и «О прогрессѣ въ искусствѣ», до сихъ поръ не появившіяся на русскомъ языкѣ и напечатанныя поанглійски въ приложеніи къ каталогу выставки произведеній его въ Нью-Йоркѣ, въ 1891 г. Кромѣ того, читатель найдетъ не лишеныя интереса замѣчанія художника и въ хронологическомъ спискѣ произведеній В. В. Верещагина, впервые появляющемся въ свѣтъ въ трудѣ Ѳ. И. Булгакова; о полнотѣ этого перечня можно судить потому уже, что въ него вошли произведенія В. В. Верещагина съ 11-ти-лѣтняго возраста (рисунокъ-копія 1853 года, рисунки съ картинъ, съ гравюръ, съ гипсовыхъ и мраморныхъ фигуръ и другія раннія произведенія по 1862 г.), о которыхъ имѣлись до сихъ поръ лишь отрывочныя и разбросанныя свѣдѣнія; заканчивается этотъ перечень «Произведеніями, исполненными въ разное время», въ ряду которыхъ поименованы «Русскіе типы», московскіе, ростовскіе, ярославскіе и костромскіе виды,—очевидно, все плоды послѣднихъ сравнительно годовъ. Большою подробностью отличается перечень «Па-

В. В. Верещагинъ въ 1888 году.

лестинскихъ картинъ и этюдовъ», хотя все-таки тутъ поименованы, кажется, не всѣ картины этого цикла.

Изъ всей массы произведеній и набросковъ В. В. Верещагина, въ сборникѣ г. Булгакова помѣщены 203 снимка, 2 вида мастерской и студіи Верещагина въ Maisons-Lafitte близъ Парижа и

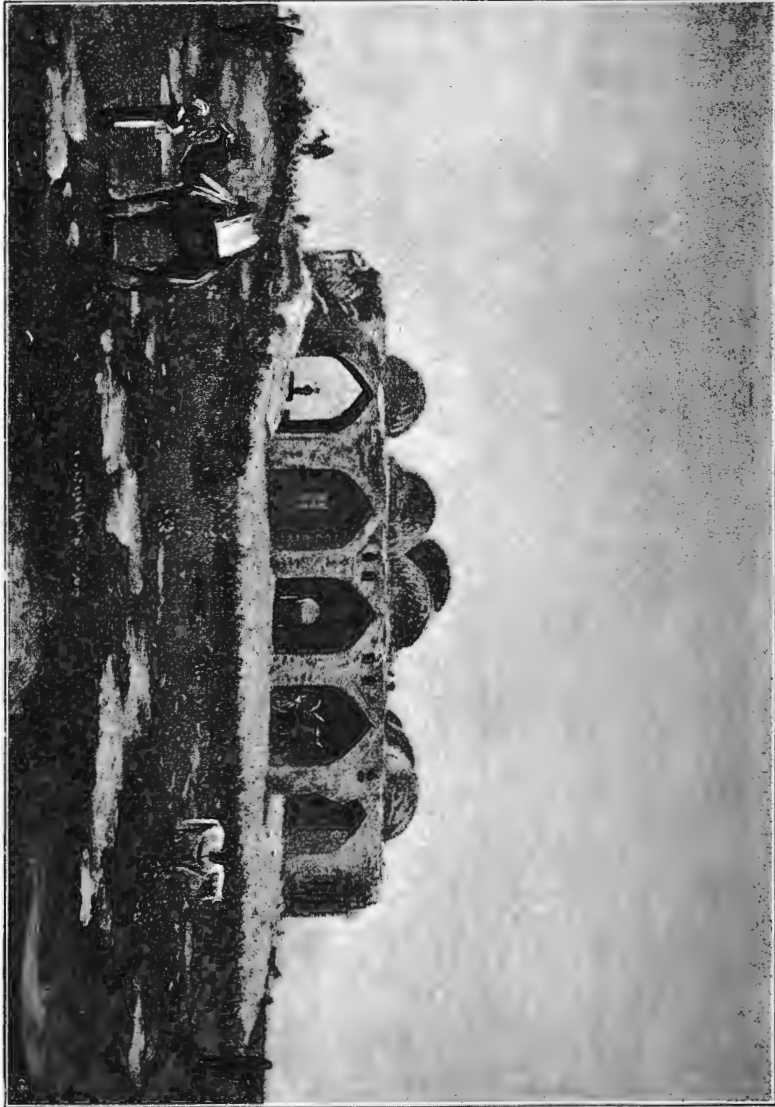
Хоръ дервишей.
Картина В. В. Верещагина.

Киргизъ.

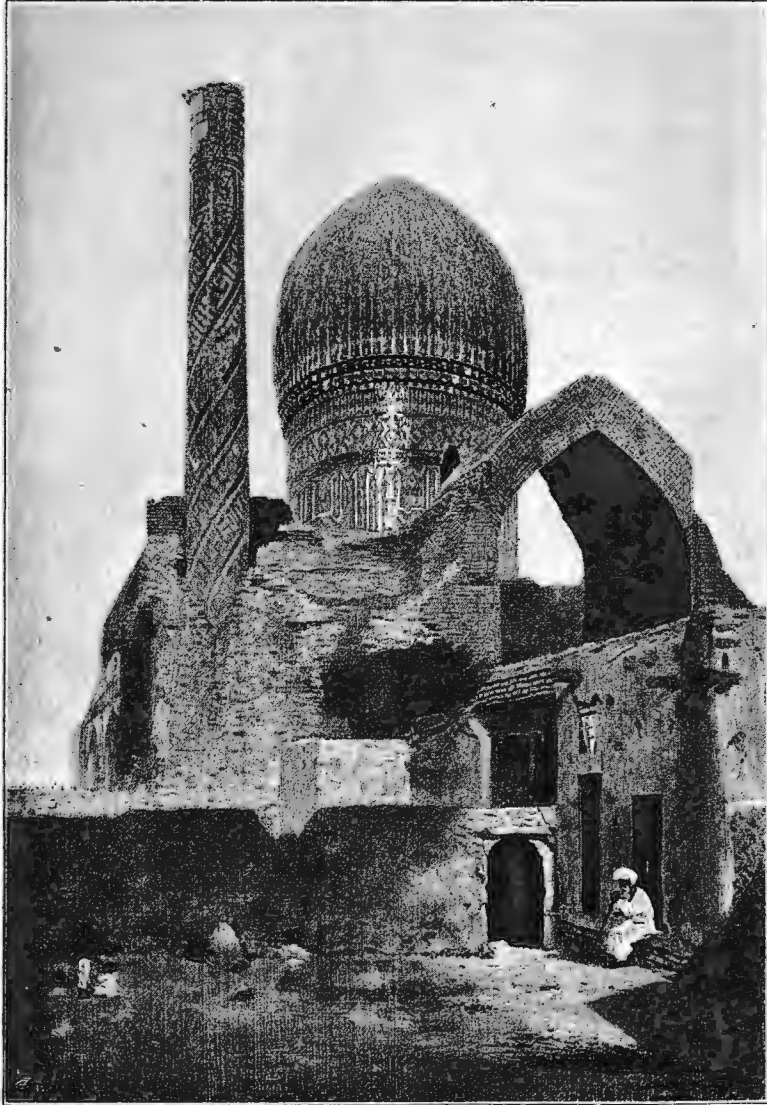
Картина В. В. Верещагина.

15 портретовъ художника, начиная съ 1858—1859 г. (на которомъ В. В. является еще гардемариномъ) и кончая настоящимъ временемъ (1895 г.). Тутъ проходятъ передъ читателемъ изображенія художника за 1863, 1868, 1872, два за 1877 г., «до раны», полу-

Колоды Муръ-Робътъ въ Голднѣ стѣнѣ.
Иль туркестанскій картинъ Р. В. Верещагина.

ченной на миноскъ на Дунаѣ, и «послѣ раны», портреты 1880, 1882, 1883, 1884, 1885, 1886, 1887 и 1888 г. Послѣдній портретъ мало чѣмъ отличается отъ портрета «настоящаго времени»—и такъ какъ его удобнѣе воспроизвести здѣсь, то мы и представляемъ его

Мечеть Тамерлана.

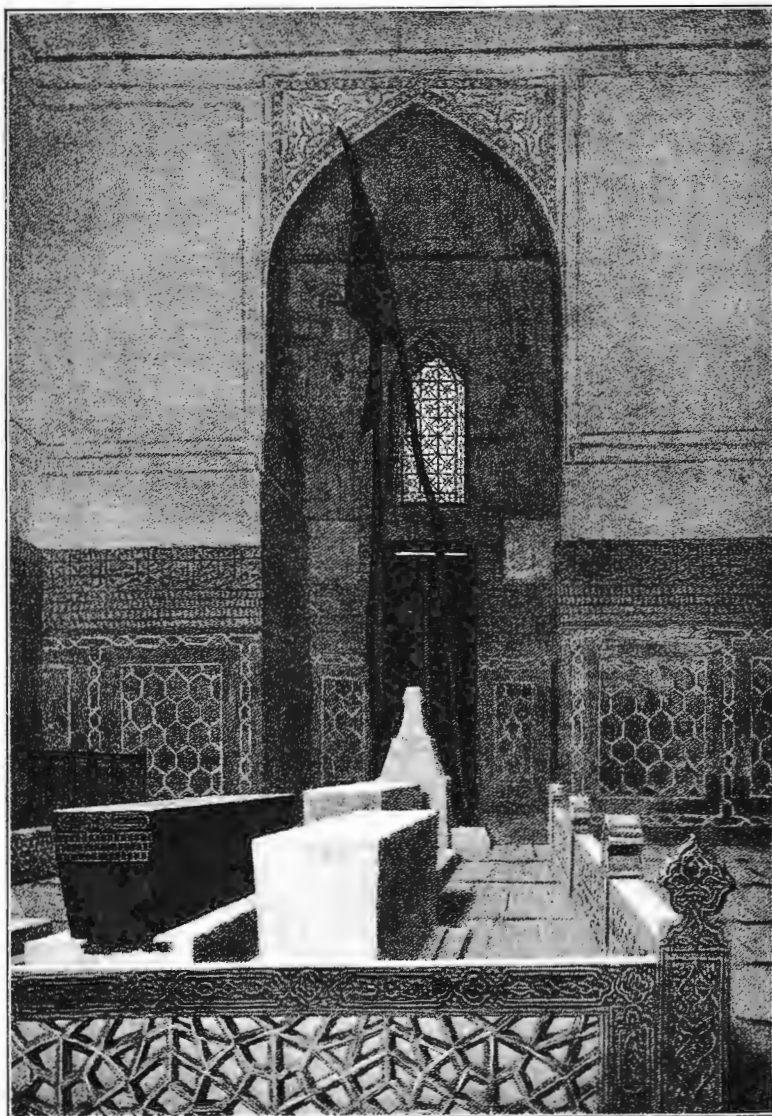
Картина В. В. Верещагина.

читателю вмѣстѣ со снимками съ нѣкоторыхъ произведеній г. Верещагина, пользуясь тѣмъ, что г. Булгаковъ любезно предоставилъ въ распоряженіе «Историческаго Вѣстника» клише изъ своего изданія. Такимъ образомъ, читатели получаютъ весьма полное и точное понятіе о Верещагинскомъ сборникѣ г. Булгакова, занимающемъ

по праву выдающееся мѣсто въ его коллекціи альбомовъ русской живописи.

О художникѣ, который «все можетъ», о которомъ покойный Мейсонье отзывался, что онъ представляетъ явленіе единичное, «совершенно новое, еще небывалое», рисунки котораго еще въ 1865 г. изумляли Жерома и Бида, и заставляли послѣдняго говорить Верещагину: «Никто не рисуетъ такъ, какъ вы!..»—конечно, даже и объемистый сборникъ г. Булгакова, испещренный личными сообщеніями г. Верещагина, не сказалъ «всего». Но онъ во всякомъ случаѣ очень многое дополняетъ, объясняетъ въ тѣхъ представленіяхъ и мнѣніяхъ, которыя существуютъ въ публикѣ о В. В. Верещагинѣ. Особенно выдѣляются, подчеркиваются необычайная объективность художника, доходящая положительно до самопожертвованія въ дѣлѣ воспроизведенія, передачи, фиксировки своихъ зрительныхъ и художественныхъ впечатлѣній, и рядомъ съ этимъ необычайная субъективность въ сужденіяхъ объ искусствѣ, его роли, его значеніи и особенно о роли и значеніи въ судьбахъ искусства самого художника, субъективность, доходящая тоже почти до уничтоженія, но не самого себя, конечно, но всѣхъ собратій по искусству, значеніе которыхъ онъ готовъ свести къ нулю. Г. Булгаковъ приводитъ интересный отзывъ И. Н. Крамского объ объективности Верещагина: «его форма такъ объективна, сочиненіе такъ безыскусственно и не выдуманно, что кажется фотографическими снимками съ дѣйствительно происходившихъ сценъ. Но такъ какъ мы знаемъ, что этого нѣтъ и быть не могло, то въ сочиненіи и композиціи участвовалъ, стало быть, талантъ и умъ». Другимъ указаніемъ на «объективность» художника служитъ приводимое также г. Булгаковымъ указаніе, что «извѣстный французскій ученый по исторіи искусствъ Поль Манцъ, увидѣвъ Верещагинскія изображенія памятниковъ мусульманской и индійской архитектуры, настаивалъ на приобрѣтеніи ихъ въ качествѣ образцовыхъ пособій для архитектурныхъ школъ». Эта объективность, являющаяся причиной того, что громадное большинство произведеній г. Верещагина отмѣчается такимъ равенствомъ и братствомъ въ качественномъ уровнѣ, что ихъ почти можно назвать прекрасными до монотонности,—не умаляетъ, однако, значенія художника, а, напротивъ, создаетъ ему то положеніе «единичнаго», «совершенно новаго», «небывалаго явленія», которое признавалъ за нимъ Мейсонье, объясняетъ тотъ отзывъ, который высказалъ о Верещагинѣ Менцель. Дѣйствительно только крайняя объективность даетъ художнику возможность «дѣлать все» (*der kann Alles*).

Объективность эта, однако, не далась легко художнику: присущая его характеру, его натурѣ, она требовала и требуетъ отъ него необычайныхъ усилій для того, чтобы проявиться въ его произведеніяхъ: «Напрасно думаютъ,—воскликаетъ г. Верещагинъ,—«что

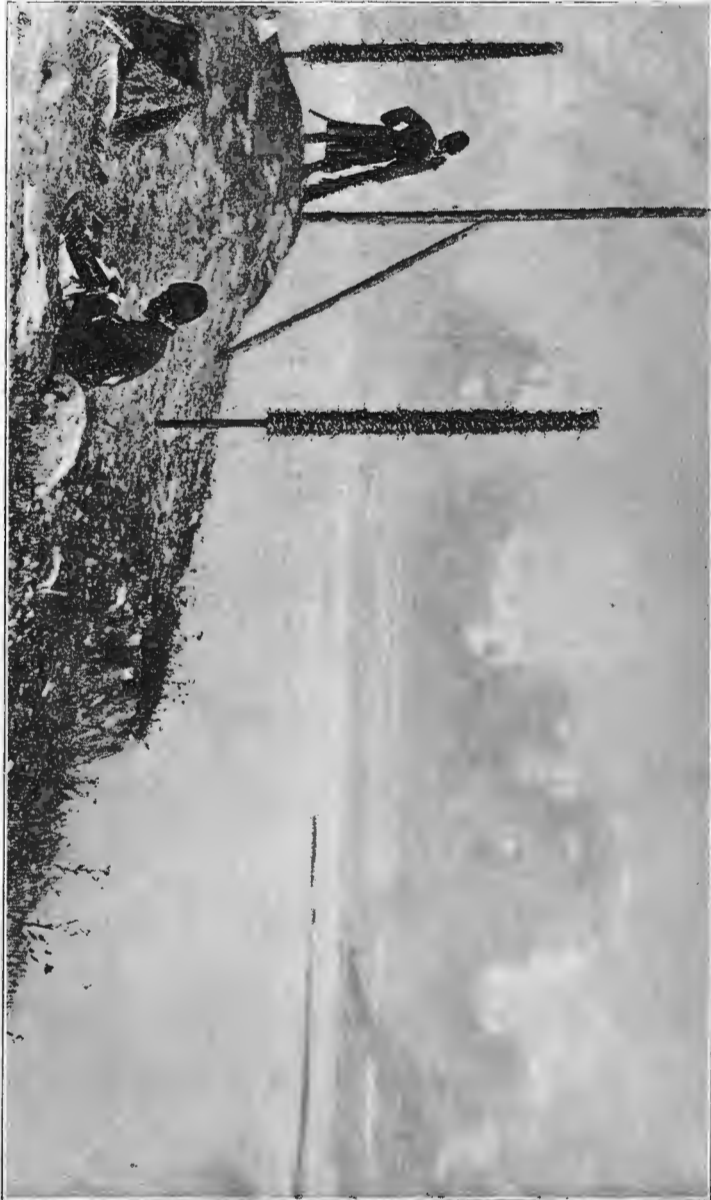
Гробница Тамерлана.

Картина В. В. Верещагина.

такая художественная добросовѣстность (къ этому я свожу всѣ новые методы) легка; громадныя полотна валились мнѣ на носъ, прорывались, заносились пескомъ, прыгали подъ кистью и т. п., чѣмъ просто приводили меня въ отчаяніе, но я не покидалъ разъ принятой манеры. Скажутъ—все это пустяки. Врете, господа, обма-

«истор. вѣстн.», январь, 1896 г., т. LXIII.

15

Кавачій Шкетъ.
Картина В. В. Верещагина.

Снѣжные траншеи на Шипкѣ.
Картина В. В. Верещагина.

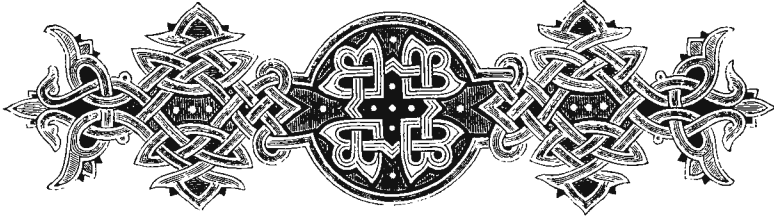
нываетея рутиную: я лично всю жизнь буквально вырывалъ у себя куски мяса, горстями ѣлъ хининъ отъ постоянной лихорадки, и она, т.-е. эта самая лихорадка, какъ я хорошо въ этомъ убѣдился,— плодъ невѣроятныхъ усилій надъ собой, производимыхъ для добыванія правды въ краскахъ, силы и натуральности въ сюжетахъ» (стр. 8). Когда художнику захотѣлось непремѣнно написать этюды высочайшихъ горъ, покрытыхъ не старымъ, а новымъ снѣгомъ, недавно выпавшимъ, во всей его бѣлизнѣ,—онъ поднялся на гору Канчинги въ Индїи, на высоту 15.000 ф., гдѣ солнце жгло ему голову и спину, въ то время какъ на груди отъ дыханья собирался ледъ, а пальцы едва могли держать палитру и кисть отъ холода; лицо художника страшно опухло, самого его поддерживали два кули. Но всѣ эти вырванные съ такимъ трудомъ, съ такими немовѣрными усилїями фак-симиле природы были только этюдами, которыми потомъ художнику приходилось пользоваться для воспроизведенія въ картинахъ. И тутъ «объективность», преслѣдовавшая его и имъ преслѣдуемая, постоянно приводила его къ труду гигантовъ: для этого въ Maisons-Lafitte близъ Парижа имъ была устроена мастерская, вращавшаяся на рельсахъ, вслѣдъ за солнцемъ, и вся заливавшаяся солнцемъ. Другая мастерская тамъ же имѣла громадныя размѣры: 100 футъ (около 15 саж.) длины, 50 ширины, 33 вышины; дверь въ 3 саж., окно въ 6 саж. вышины и 3 ширины; въ ней художникъ казался едва замѣтнымъ, самыя большія картины представлялись крошечными жанрами. И здѣсь все-таки художникъ писалъ свои индѣйскія картины только лишь «въ самыя жаркіе дни, чтобы не нарушить *impression* и *illusion* индѣйской жары»... Поистинѣ нельзя не согласиться съ В. В. Верещагинымъ, что «невѣроятныя усилія» имъ потрачены на писаніе «прямо съ улицы. Не смотря на то, что приспособленіе у меня было такое, какъ ни у кого изъ художниковъ—и солнце меня палило, и морозъ сковывалъ руки, и вѣтеръ не разъ валилъ десятиаршинныя полотна,—думалъ, авось, однако, оцѣнить этотъ трудъ, не какъ цѣль, конечно, а какъ средство! И что же подѣлки подъ солнце, подъ *plein air* принимаются за такую же чистую монету, какъ и мои надрыванія всего моего существа для передачи эффектовъ различныхъ освѣщеній дня». Ревнивость къ объективности на этомъ не останавливалась у художника, она достигала у него поистинѣ сектантскаго фанатизма, и какъ только высказывалось малѣйшее указаніе на проявленіе субъективности въ его произведеніи, онъ не останавливался передъ уничтоженіемъ картины, или, какъ говорится въ сборникѣ г. Булгакова, передъ казнью картинъ. Такимъ образомъ были сожжены замѣчательныя и, можетъ быть, лучшія изъ средне-азиатскихъ картинъ Верещагина—«Забутый», «Окружили—преслѣдуютъ», «Вошли»—потому что художнику было высказано, что въ нихъ онъ допустилъ извѣстную долю субъективности, или,

какъ нѣкоторые говорили, даже тенденціозности! Но не потому ли именно эти казенныя картины и отличались особенно выгодно въ блестящей массѣ картинъ Туркестанской выставки? Не потому ли онѣ и производили болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ тѣ, въ которыхъ стремленіе къ объективности совершенно заграждаетъ самого художника и даетъ поводъ къ сужденію, вырвавшемуся у Крамского?

Крайности всегда сходятся. Выше указано, что рядомъ съ этой фанатической объективностью въ твореніяхъ Верещагина уживается необычайная субъективность въ сужденіяхъ и оцѣнкѣ своего значенія, своей роли въ искусствѣ и даже въ общественномъ, культурномъ своемъ значеніи, субъективность чисто эгоистическая, развитая до болѣзненности, соперничающая съ субъективной чувствительностью музыкантовъ и композиторовъ, которые, какъ извѣстно изъ всѣхъ служителей искусствъ, наиболѣе склонны къ самопоклоненію, къ самодовольству. Можно было бы привести множество примѣровъ въ подтвержденіе и этой характерной черты нашего художника, но, къ счастью, этого уже не позволяетъ намъ недостатокъ мѣста. Говоримъ—къ счастью, потому что отъ тѣхъ крайнихъ, подчасъ уродливыхъ проявленій эгоистической субъективности, не имѣющей никакого почти отношенія къ художественной дѣятельности В. В. Верещагина, останется современемъ лишь одно смутное воспоминаніе, произведенія же его еще долго будутъ служить гордостью русскаго искусства.

В. С. Р.

НАСТАВНИКЪ ЦАРСКИХЪ ДѢТЕЙ.

Я передъ Ангеломъ благимъ
Добру и правдѣ обещаю
Всегда служить перомъ моимъ!
И если я обѣтъ нарушу,
И если низости вмѣя
Когда нибудь вползетъ мнѣ въ душу,
И развратится рѣчь моя,
Пускай мой бѣлый гость обратно
Къ тебѣ умчится, помрачась...

(изъ стих. Я. К. Грота «Перо»).

I.

ОКОЙНЫЙ вице-президентъ академіи наукъ, Яковъ Карловичъ Гротъ, пользовался при жизни широкою и заслуженною извѣстностью въ мірѣ учебномъ и ученомъ. Авторитетъ академика былъ настолько великъ, что даже наше капризное правописание должно было ему подчиниться, и въ учебныхъ заведеніяхъ установилось правило «писать по Гроту». Русская филологія имѣла въ лицѣ этого неутомимаго поборника просвѣщенія истиннаго друга—ему она обязана многими разъясненіями и толкованіями свойствъ нашего языка и оборотовъ рѣчи. Велики его заслуги также въ области ученаго издательства. Роскошное изданіе «Сочиненій Державина», на примѣръ, послужить надолго образцомъ работъ подобнаго рода. Но я не имѣю въ виду въ предлагаемомъ очеркѣ касаться этой стороны дѣятельности Якова Карловича: она достаточно из-

вѣстна—о ней много говорилось и при жизни покойнаго, и послѣ его кончины въ послѣдовавшихъ некрологахъ. Въ этомъ отношеніи нашъ ученый не былъ обойденъ должной признательностью и оцѣнкой современниковъ, такъ что академикъ А. Ѳ. Бычковъ въ своей привѣтственной рѣчи по случаю 50-ти-лѣтней учено-литературной дѣятельности Грота безъ преувеличенія выразился, что имя Якова Карловича «давно» присоединено къ именамъ тѣхъ членовъ академіи наукъ, «которыхъ по пользѣ, принесенной ими нашему отечеству, знаетъ и уважаетъ всякій образованный русскій». Мнѣ хочется обратить вниманіе читателей на ученаго академика, какъ на педагога, которому было поручено трудное и отвѣтственное дѣло преподаванія наукъ и руководства учебными занятіями наслѣдника престола, безвременно скончавшагося Николая Александровича, и его трехъ братьевъ. Съ этой стороны наша публика до сихъ поръ чрезвычайно мало знала Грота, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ это одна изъ самыхъ любопытныхъ страницъ его жизни. Да и откуда было почерпнуть настоящія свѣдѣнія по этому интересному предмету? Хотя царственный воспитанникъ уже давно смежилъ свои очи, за то былъ живъ еще его старый учитель, при жизни котораго, разумѣется, невозможно было касаться этой щекотливой темы, творить свой судъ надъ его труднымъ дѣломъ, и тѣмъ болѣе, что самъ учитель не давалъ къ тому никакого повода какимъ либо изданіемъ мемуаровъ или исповѣди. Нынѣ обстоятельства измѣнились—и ученикъ и наставникъ стали достояніемъ исторіи, и послѣдняя успѣла уже обогатиться чрезвычайно цѣннымъ источникомъ для сужденія о томъ, каковъ былъ Яковъ Карловичъ, какъ наставникъ царственныхъ дѣтей, которому довѣрчиво поручилъ своихъ сыновей ихъ державный родитель. Источникъ этотъ—вышедшая недавно прекрасная книга: «Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ», гдѣ въ числѣ прочихъ данныхъ имѣются чрезвычайно цѣнныя «автобіографическія замѣтки», а также «Мысли, посвященныя въ бозѣ почившему государю наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу въ день его совершеннолѣтія». Не успѣла выйти въ свѣтъ названная книга, какъ за нею послѣдовала другая—«Переписка Я. К. Грота съ П. А. Шлетневымъ» изданная трудами вдовы покойнаго академика, Наталіи Петровны Гротъ, и ея сына, профессора Варшавскаго университета К. Я. Грота. Этимъ изданіемъ, какъ гласитъ предисловіе къ біографіи Якова Карловича, «наука и литература обяваны просвѣщенному и милостивому почину его императорскаго высочества августѣйшаго президента академіи наукъ и его теплому отношенію къ памяти покойнаго». Оба труда и «Данныя къ біографіи» и «Переписка» представляютъ собою богатый вкладъ въ нашу литературу и рисуютъ образъ Грота въ его истинномъ и всестороннемъ освѣщеніи въ связи съ эпохой былыхъ годовъ. «Пе-

реписка» знакомить насъ съ первыми шагами на научно-педагогическомъ поприщѣ Якова Карловича въ бытность его въ Гельсингфорсѣ профессоромъ Александровскаго университета, а также рисуетъ намъ, подъ какими учено-литературными воздѣйствіями сложился его симпатичный мужественный характеръ, его честный образъ мыслей. Подробно говорить объ его перепискѣ съ Плетневымъ еще преждевременно, надо обождать выхода слѣдующихъ двухъ томовъ этого изданія, и тогда изъ дружеской бесѣды двухъ закадычныхъ пріятелей можно будетъ извлечь немало любопытныхъ чертъ для характеристики обоихъ русскихъ ученыхъ, а также для освѣщенія научно-литературнаго десятилѣтія сороковыхъ годовъ. Для настоящаго очерка мое вниманіе останавливаетъ на себѣ первая книжка, гдѣ имѣется нѣкоторый матеріалъ для обрисовки Грота, какъ педагога, какъ наставника царскихъ дѣтей, какъ дѣятеля науки, попавшаго волею судьбы въ необычную обстановку приближеннаго ко двору. Но задавшись такой цѣлью и ознакомившись для того и съ педагогическими воззрѣніями нашего академика изъ его собственныхъ статей, разбросанныхъ въ разныхъ журналахъ, я почувствовалъ значительные пробѣлы въ своемъ матеріалѣ и въ своихъ источникахъ; явилось желаніе восполнить эти пробѣлы, освѣтить тѣ темныя мѣста, то недосказанное или сказанное вскользь, что явилось слѣдствіемъ изученія «Автобіографіи» и «Мыслей». Это желаніе побудило меня обратиться къ семьѣ покойнаго Якова Карловича, съ просьбой дать мнѣ надлежащія указанія и поясненія. Благодаря содѣйствію членовъ семьи, мнѣ удалось ознакомиться съ нѣкоторыми рукописными документами изъ богатѣйшаго архива покойнаго академика. Документы эти, не подлежащіе въ ближайшемъ будущемъ опубликованію, заключаются преимущественно въ воспоминаніяхъ самого Якова Карловича или въ запискахъ его супруги, тщательно ведшей длинную лѣтопись жизни своего мужа. Такимъ образомъ печатные источники, проверенные рукописными изъ семейнаго архива и дополненные указаніями современниковъ, позволяютъ мнѣ въ краткихъ чертахъ, въ предѣлахъ доступныхъ времени, представить на судъ читателей настоящій очеркъ, гдѣ изложена педагогическая дѣятельность Якова Карловича при дворѣ; при этомъ считаю долгомъ выразить Натальѣ Петровнѣ Гротъ¹⁾ и ея сыновьямъ, Константину Яковлевичу и Николаю Яковлевичу²⁾, свою сердечную признательность за помощь и содѣйствіе.

¹⁾ Небезызвѣстная писательница для дѣтей и по педагогическимъ вопросамъ, сотрудничавшая въ 1860—1870 г. въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ: «Журналъ для воспитанія», «Современной лѣтописи», «Семейныхъ вечерахъ» и нѣкоторыхъ друг.

²⁾ Проф. Варшавскаго и Московскаго университетовъ.

II.

Всякій преподаватель лицомъ къ лицу съ молодежью, въ своихъ непрерывныхъ и долгихъ сношеніяхъ съ нею, волею-неволею, силою вещей и своего положенія долженъ въ концѣ концовъ раскрыть свой нравственный обликъ и явиться въ истинномъ свѣтѣ со всѣми своими достоинствами и недостатками. Вотъ почему педагогическая дѣятельность больше, чѣмъ какая либо другая, можетъ быть, открываетъ возможность судить о человѣкѣ во всей его полнотѣ и настоящемъ значеніи. вмѣстѣ съ тѣмъ, если положеніе педагога въ обыденной жизни бываетъ трудно, отвѣтственно, то тѣмъ сильнѣе проявляются эти свойства въ положеніи наставника царственныхъ дѣтей. Тутъ, помимо отчета родителямъ, имѣетъ большое значеніе отвѣтственность передъ цѣлымъ народомъ, передъ судомъ исторіи. Кроме того, здѣсь приходится считаться съ такими факторами, которыхъ нѣтъ въ обыденной жизни, нѣтъ въ заурядной средѣ. Необычайность обстановки выбиваетъ, такъ сказать, человѣка изъ колеи, и ему неожиданно приходится сообразоваться съ массой обстоятельствъ, отношеній и давленій, которыя часто противъ его воли даютъ направленіе его дѣятельности и перевертываютъ его планы.

Мы имѣемъ уже въ литературѣ богатые источники для сужденія о воспитаніи двухъ наслѣдниковъ престола текущаго столѣтія, обстоятельную картину взаимоотношеній царственныхъ дѣтей и ихъ воспитателей. Я разумѣю воспитаніе Александра I Лагарпомъ¹⁾ и Александра II Жуковскимъ²⁾. Не вступая въ разсмотрѣніе системъ, созданныхъ этими руководителями государевыхъ первенцовъ, не касаясь этого вопроса, уже достаточно разработаннаго нашей литературой, не могу, однако, не отмѣтить нѣкоторыхъ сторонъ въ этой любопытной страничкѣ русской жизни. Какъ извѣстно, оба воспитателя — и Лагарпъ и Жуковскій, дѣйствовали при обстановкѣ чрезвычайно благопріятной, пользовались личнымъ расположеніемъ и полнымъ довѣріемъ державныхъ родителей, благодаря чему получили возможность стать въ очень близкія, интимныя отношенія къ своимъ воспитанникамъ. Вслѣдствіе этого характеры великихъ князей Александра Павловича и Александра Николаевича въ значительной степени сложились подъ воздѣйствіемъ атмосферы классныхъ комнатъ; здѣсь были впервые заброшены тѣ сѣ-

¹⁾ См. «Сборникъ Русскаго Историческаго Общества», т. V, а также статью М. Сухомянинова «Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ», въ «Исслѣдованіяхъ и статьяхъ» и мой очеркъ «Республиканецъ при русскомъ дворѣ», «Историческій Вѣстникъ», 1888 года, № 10.

²⁾ См. «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», т. XXX, а также статью Д. Лебедева «Воспитаніе императора Александра II», въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1881 года, № 10.

мена, всходы которыхъ мы можемъ явственно усмотрѣть въ первые по крайней мѣрѣ годы царствованій учениковъ Лагарпа и Жуковскаго. Педагогическія традиціи классныхъ компаній остались незыблемыми, и юноши, ставъ со временемъ у кормиль правленій, какъ бы старались осуществить то, что рисовалось въ видѣ свѣтлыхъ перспективъ въ годы молодости и энтузіазма.

Приступая къ занятіямъ съ Александромъ Павловичемъ, Лагарпъ мечталъ создать изъ своего ученика «друга свободы, покровителя наукъ и искусствъ, который явится въ міръ провозгласить идеи равенства и независимости». Что вышло въ концѣ концовъ изъ мечтаній швейцарскаго республиканца, достаточно извѣстно, но нельзя здѣсь не отмѣтить, однако, что первые шаги молодого государя по управленію своимъ народомъ безусловно носятъ на себѣ отпечатокъ политическихъ симпатій наставника,—стоитъ хотя бы вспомнить основаніе «неоффиціального комитета», изъ Кочубея, Новосильцева, Ад. Чарторійскаго и Строганова, съ его конституціонными тенденціями! Не менѣе отчетливо отразилось вліяніе Жуковскаго на складъ характера Александра II и его главнѣйшихъ реформахъ, введшихъ Россію въ семью европейскихъ народовъ съ ихъ широкими культурными цивилизаторскими задачами.

Да встрѣтитъ онъ обильный чествомъ вѣкъ!
 Да славнаго участникъ славный будетъ!
 Да на чредѣ высокой не забудетъ
 Святѣйшаго изъ званій: человекъ.

Таковъ былъ завѣтъ поэта-наставника своему ученику, завѣтъ, который тотъ осуществилъ въ своихъ освободительныхъ реформахъ, гдѣ именно на первомъ мѣстѣ поставлено — «святѣйшее изъ званій: человекъ». Это исканіе челоѣчности проведено было Жуковскимъ красной нитью чрезъ всю систему воспитанія великаго князя Александра Николаевича, и ее же онъ требовалъ, какъ главное руководящее качество отъ наставника. «Чтобы преподавать цесаревичу науку,—писалъ онъ между прочимъ государынѣ,—недостаточно быть только ученымъ. Слѣдуетъ быть ученымъ въ наукѣ челоѣчества съ точки зрѣнія всѣхъ временъ, и въ особенности настоящей эпохи, наблюдать его во всѣхъ положеніяхъ, испытать борьбу челоѣческихъ страстей, въ особенности на поприщѣ политическомъ, гдѣ онѣ въ нашъ вѣкъ бываютъ такъ сложны и такъ бурны, слѣдуетъ пройти этотъ курсъ наукъ не по книгамъ, но по событіямъ, и выработать изъ этихъ практическихъ наблюденій нравственныя правила».

Подобно тому, какъ современники осуждали Лагарпа, утверждая, что онъ, какъ Крыловскій орелъ научилъ львенка лишь «птичьимъ нуждамъ» и только искусству «вить гнѣзда», такъ находились и такіе, которые видѣли въ системѣ Жуковскаго слишкомъ много мечтательности, недостатокъ фактической обосновки, отсутствіе про-

стоты и ясности. Это отсутствіе простыхъ идей, постоянства, нужныхъ при воспитаніи, нѣкоторые относили къ недостатку твердыхъ убѣжденій, къ излишней проектоманіи поэта-воспитателя. Въ числѣ несогласныхъ съ общимъ педагогическомъ настроеніемъ Жуковскаго находился между прочимъ и ближайшій его пріятель — издатель «Современника», П. А. Плетневъ, имѣвшій несомнѣнное вліяніе на складъ убѣжденій и направленіе научно-литературной дѣятельности своего молодого друга, Я. Грота, будущаго воспитателя наслѣдника-цесаревича и его братьевъ, рекомендованнаго двору именно ректоромъ Петербургскаго университета. Скептицизмъ Плетнева не былъ простымъ брюзжаніемъ, вызваннымъ злою завистью, соревнованіемъ; онъ явился продуктомъ новаго времени, когда все громче и громче стала раздаваться проповѣдь «маленькихъ дѣлъ», осужденіе исканія «подвиговъ» и стремленіе къ «совѣстливому и спокойному исполненію долга въ томъ кругу дѣятельности, какая кому достается въ удѣлъ»¹⁾. Реальная струя, проникшая уже въ 1850 годахъ въ нашу литературу, замѣчается и въ иныхъ областяхъ умственныхъ теченій. Въ самомъ политическомъ романтизмѣ той эпохи кроется или по крайней мѣрѣ рука объ руку нарождается уже нѣкоторый скептицизмъ, который все громче и громче твердитъ: «поменьше словъ, побольше дѣла». Плетневъ, хотя по складу своего ума, по литературнымъ традиціямъ, принадлежалъ къ поклонникамъ либеральныхъ вѣяній первой половины текущаго столѣтія, однако въ значительной степени разнится уже отъ «мечтателей» 1830—1840 годовъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ еще дальше отстоитъ отъ «реалистовъ» 1850—1860 годовъ.

Въ его характерѣ, въ его общественной дѣятельности и научно-литературныхъ трудахъ встрѣтились двѣ зари разныхъ эпохъ — зари гаснущей и пробуждающейся... Но я не имѣю въ виду давать характеристики Плетнева; можетъ быть, когда выйдутъ всѣ три тома его «Переписки» съ Гротомъ, я и остановлюсь на этой темѣ для одного изъ своихъ текущихъ очерковъ; пока же считаю долгомъ отмѣтить, что редакторъ-издатель «Современника» являлся въ періодъ выступленія Якова Карловича на общественное поприще виднымъ представителемъ теоріи — «побольше дѣла». Такъ въ одномъ изъ писемъ къ своему молодому другу въ Гельсингфорсъ онъ писалъ²⁾: «Одни санкюлоты кричатъ безъ толку противъ завоеваній. Развѣ Польшѣ было лучше до присоединенія ея къ Россіи, да и Финляндіи тоже? Надобно говорить дѣло, а не фразы». Это стремленіе къ дѣловитой серьезности, къ спокойному анализу фактовъ проникаетъ всѣ сужденія Плетнева и отъ него какъ бы передается его молодому другу, который самъ по себѣ, по свойству своей

¹⁾ Я. Гротъ. Рѣчь къ выпускнымъ воспитанникамъ Александровскаго лицея на актѣ 24 мая 1859 года. Извѣстія II Отдѣленія Академіи Наукъ, 1859 года, т. VIII, вып. II.

²⁾ «Переписка», стр. 70.

натуры и германской крови, и безъ того былъ въ достаточной степени склоненъ къ удержанію порывовъ, къ самообузданію и къ управленію твердой рукой своего жизненнаго корабля. Гротъ, какъ читатели увидятъ далѣе, явился на горизонтѣ нашей русской жизни именно тѣмъ вполне обрусѣвшимъ иностранцемъ, который, подобно нѣкоторымъ своимъ собратьямъ, сумѣлъ счастливо соединить идеальныя черты германской расы съ чисто-русскими. Идеальная честность, цѣломудренная святость служенія своимъ обязанностямъ и упорное трудолюбіе совмѣстно съ мягкостью характера и удивительной простотой и скромностью—таковы отличительныя черты характера этого замѣчательнаго подвижника русской науки. Онъ не ищетъ «подвиговъ» въ жизни, онъ ограничиваетъ себя лишь «маленькими дѣлами», но за то въ совершенствѣ выполненными, строго обдуман-ными и согласованными съ общимъ благомъ. Въ своей рѣчи при выпускѣ 21-го курса воспитанниковъ Александровскаго лицея ¹⁾ онъ такъ излагаетъ свое жизненное profession de foi: «... Идите въ путь съ готовностью не быть узанными, не быть оцѣненными, даже съ увѣренностью, что истинная, но скромная заслуга рѣдко со-знается и награждается по всей справедливости,—говорилъ онъ своимъ бывшимъ слушателямъ,—имѣйте въ виду одно только: вездѣ и во всѣхъ обстоятельствахъ, не смотря ни на какія внѣшнія вы-годы, дѣйствовать благородно и добросовѣстно. Отечеству нужны безкорыстные поборники правды, нужны мужественные воины на полѣ чести гражданской! становитесь же твердо въ ряды этихъ воиновъ, подъ свѣтлыя знамена этой прекрасной борьбы»... А въ 1859 году онъ говорилъ слѣдующему выпуску: «... Въ нашемъ отече-ствѣ рѣдки люди. Русская нація по даровитости своей даетъ государству множество способныхъ чиновниковъ и вообще ловкихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ; но, повторяю, она образуетъ срав-нительно слишкомъ мало людей, какъ моральныхъ личностей, вполне развитыхъ, усвоившихъ себѣ твердое убѣжденіе и специально при-готовленныхъ для избранной каждымъ дѣятельности. У насъ, какъ обыкновенно бываетъ въ молодыхъ обществахъ, какъ-то легко смо-трать на жизнь и на ея требованія: мы всѣ очень дорожимъ своими правами и твердо знаемъ ихъ, но о своихъ обязанностяхъ заботятся немногіе изъ насъ... Милостивые государи, зачѣмъ искать подвиговъ? Въ этомъ-то исканіи и заключается величайшее заблужденіе... Лучшій, самый трудный и вмѣстѣ самый доступный для всякаго подви-га есть совѣстливое и спокойное исполненіе долга въ томъ кругу дѣя-тельности, какой кому достается въ удѣлъ. Пусть только каждый трудится на своемъ поприщѣ ежедневно, неутомимо, съ веселымъ духомъ, не мудрствуя лукаво и помня, что важна не его отдѣльная дѣятельность, а сумма всѣхъ дѣятельностей, направленныхъ къ одной цѣли — общему благу».

¹⁾ Памятная книжка императорскаго Александровскаго лицея на 1856—1857 годъ.

Я нарочно привелъ эти выдержки изъ рѣчей Якова Карловича воспитанникамъ лицея, такъ какъ въ нихъ удивительно рельефно рисуется весь складъ его характера, его завѣтныя убѣжденія, его основы жизни. И эти же основы, эти же убѣжденія, родственныя во многихъ отношеніяхъ съ тѣмъ, что исповѣдывалъ и его старшій другъ — П. А. Плетневъ, легли краеугольнымъ камнемъ всей дѣятельности Грота при дворѣ, въ качествѣ преподавателя великихъ

Яковъ Карловичъ Гротъ въ 1854 году.

князей, всей его воспитательной системы, которую онъ почерпнулъ изъ непрестанной работы надъ собственнымъ духомъ, изъ наблюдений надъ окружающею жизнью, изъ знанія природы людей и изъ лучшей сокровищницы ума—литературы и науки. Но прежде чѣмъ подробно говорить объ этой сторонѣ жизни Якова Карловича, считая необходимымъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни и литературно-общественной дѣятельности на основаніи преимущественно опубликованной его автобіографіи.

III.

Я. К. Гротъ родился въ Петербургѣ 15-го декабря 1812 года. Отецъ его, Карлъ Ефимовичъ Гротъ, служилъ тогда въ департаментѣ государственныхъ имуществъ контролеромъ; онъ былъ единственный сынъ пастора Іоакима Грота, уроженца Голштиніи, прѣхавшаго въ Россію при Петрѣ III, за два года до воцаренія Екатерины II. На пятомъ году отъ рожденія маленькій Гротъ уже осиротѣлъ, оставшись совмѣстно съ братомъ¹⁾ и сестрою на рукахъ матери, нѣмки по происхожденію, урожденной Цизмеръ. Несмотря на свою національность, мать Якова Карловича, почитая Россію своимъ единственнымъ отечествомъ, воспитала дѣтей въ любви къ русскому языку и народу, въ привязанности и благодарности къ Россіи. Вдовѣ удалось устроить мальчиковъ на казенный счетъ въ лучшее учебное заведеніе того времени — Царскосельскій лицей, гдѣ Я. К. съ самаго начала до окончанія курса считался первымъ воспитанникомъ по успѣхамъ и поведенію. Слишкомъ большое разнообразіе предметовъ, которые преподавались лицеистамъ, и какое-то смѣшеніе гимназическаго курса съ университетскимъ вредило, по собственному воззнанію Грота, основательности ученія. «Недостатокъ основательнаго обученія вознаграждали мы въ нѣкоторой мѣрѣ свободнымъ чтеніемъ,—говоритъ онъ въ своихъ запискахъ,—конечно, многіе ограничивались одними романами, но другіе читали также историческія сочиненія, классическихъ писателей и поэтовъ. Не надо забывать, что мы поступили въ лицей только черезъ 9 лѣтъ послѣ выпуска Пушкина и Дельвига: преданіе о нихъ и ихъ товарищахъ было такъ еще свѣжо и не могло не имѣть большого вліянія на все наше умственное развитіе: любовь къ поэзіи и попытки въ стихотворствѣ сдѣлались между нами тѣмъ болѣе общими, что первый нашъ профессоръ по русской литературѣ, Кошанскій, поощрялъ это направленіе». «Мы всѣ тянулись за Пушкинымъ,—повѣствуетъ далѣе Гротъ,—и хотъ ни одинъ изъ насъ даже не приблизился къ нему, но мы рано выработали себѣ правильный языкъ и еще на школьной скамьѣ дѣлались литераторами. Въ числѣ лицейскихъ поэтовъ былъ и я; впрочемъ, я выбралъ на свою долю скромное поприще баснописца и выступалъ на немъ довольно рѣдко». Не малую пользу оказали молодому лицеисту и издававшіеся имъ на старшемъ курсѣ литературные журналы—«Лицейскій Вѣстникъ» и «Муравей», гдѣ склонные къ сочинительству воспитанники помѣщали свои произведенія въ стихахъ и прозѣ. Эти журналы не имѣли дѣльнаго направленія и, по сознанію самого издателя, были только тѣмъ хороши, что доставляли лицеистамъ упражненіе въ изложеніи

¹⁾ Константинъ Карловичъ, нынѣ статсъ-секретарь и членъ государственнаго совѣта.

мыслей и могли служить путемъ къ раскрытію рода и степени авторскихъ способностей. Въ эти школьные годы развитіе Грота приняло совершенно созерцательное направленіе, «чему много способствовала затворническая жизнь лица среди живописной мѣстности, украшенной еще болѣе историческими воспоминаніями, а съ другой стороны среди самыхъ преданій заведенія, приобрѣтавшихъ особенный блескъ отъ поэтической славы Пушкина и извѣстности многихъ другихъ лицъ, которыя тамъ же получили свое образованіе въ первыя времена лица». Воспитываясь такимъ образомъ подъ воздействием поэтической славы Пушкина, Гротъ рано развилъ въ себѣ литературныя способности, при чемъ главныя его симпатіи лежали не столько на сторонѣ поэтическаго творчества, сколько ученыхъ изслѣдованій и по преимуществу историческаго содержанія. По окончаніи лица, онъ опредѣлился на службу въ канцелярію комитета министровъ, гдѣ преимущественно былъ занятъ перепискою текущихъ журналовъ; отсюда, съ назначеніемъ его главнымъ начальникомъ, барона Корфа, государственнымъ секретаремъ, и онъ былъ переведенъ въ государственную канцелярію, гдѣ опять-таки безконечная переписка и механической трудъ приводили его въ полнѣйшее отчаяніе. «Дни уходятъ, — писалъ онъ въ дневникѣ, — не оставляя ни въ умѣ, ни въ сердцѣ прочныхъ слѣдовъ; зато они оставляютъ по себѣ толстыя кучи исписанной веленовой бумаги; будешь мнѣ чѣмъ похвастать, показывая внуку или сыну шкапы государственной канцеляріи; съ какой гордостью скажу: сочинять не сочинялъ, а писывалъ! Невольно приходитъ на мысль: ужели на 24-мъ году отъ роду, въ лѣто служенія нашего 4-е, воспитавшись въ одномъ изъ первыхъ заведеній, я не могъ бы лучше быть употребленъ на службу?» Несмотря на одуряющую тоску канцелярской атмосферы, Гротъ не похоронилъ въ ней своихъ природныхъ склонностей къ литературѣ и наукѣ. Онъ продолжаетъ ревностно свое самообразованіе и самовоспитаніе и пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы развить и обогатить свои познанія. И нужно отдать молодому человѣку полную справедливость — онъ съ удивительною настойчивостью, настойчивостью далеко не русскаго свойства, идетъ къ своей цѣли, хотя, несмотря на весь гнетъ канцелярской службы, не имѣетъ на первыхъ порахъ мужества порвать съ этой службой. Въ 1837 г. онъ черезъ своего однокашника знакомится съ Плетневымъ, издателемъ «Современника», гдѣ помѣщаетъ свой переводъ «Мазепы» Байрона и гдѣ дѣлается постояннымъ ревностнымъ сотрудникомъ вплоть до перехода этого журнала въ 1847 году въ руки Панаева и Некрасова. Знакомство съ Плетневымъ и вступленіе въ кругъ литераторовъ имѣло рѣшающее значеніе въ жизни Грота. «Канцелярская служба и перспектива лестной карьеры не могли уже отвлечь меня отъ науки и литературы», сознается самъ Яковъ Карловичъ. Ученый и литераторъ заговорили въ немъ сильно

и властно, и баронъ Корфъ былъ вполнѣ правъ, сказавъ о немъ однажды въ разговорѣ съ Плетневымъ: «пропалъ для службы». Гротъ въ автобіографіи рисуесть въ слѣдующихъ словахъ свое настроеніе духа: «Дѣйствительно, по пословицѣ: «какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ», я сталъ серьезно стремиться къ такому положенію, которое давало бы мнѣ возможность совершенно посвятить себя любимымъ занятіямъ и удалиться отъ сферы, гдѣ, какъ я давно замѣчалъ, успѣхи часто зависятъ болѣе отъ извѣстной ловкости и нѣкоторой хитрости, чѣмъ отъ истинныхъ заслугъ и добросовѣстнаго исполненія обязанностей. Жить и дѣйствовать въ такой средѣ было мнѣ тяжело, и не разъ припоминался мнѣ стихъ:

Служить бы радъ, прислуживаться тошно!

«Съ тѣхъ поръ въ моей духовной жизни началась новая эпоха, въ которой главнымъ для меня лицомъ былъ Плетневъ». Почти одновременно съ этимъ знакомствомъ Гротъ для поправленія здоровья предпринимаетъ поѣздки за предѣлы столицы и въ одну изъ такихъ получаетъ возможность посѣтить Финляндію и ея столицу Гельсингфорсъ. Эти два обстоятельства, — и знакомство съ Плетневымъ и посѣщеніе Финляндіи, имѣли рѣшающее значеніе въ жизни Якова Карловича: «Передъ оживленными литературными интересами, передъ любовью къ природѣ и поэзіи, съ которыми я воротился въ Петербургъ, канцелярская служба, состоявшая въ занятіяхъ почти механическихъ, становилась для меня болѣе и болѣе постылою. Въ головѣ моей серьезно развивался планъ покинуть службу и посвятить себя литературѣ. Напрасно Плетневъ представлялъ мнѣ, какъ такой шагъ невыгоденъ въ разныхъ отношеніяхъ; но я остался твердъ въ своемъ намѣреніи, не смотря на то, что новая должность доставляла мнѣ 1500 р. жалованья, а доброе расположеніе начальника обѣщало всякія блага впереди. Лѣто 1839 г. я опять провелъ въ Финляндіи, которая уже манила меня, какъ знакомый край, ей я обязанъ былъ и улучшеніемъ здоровья, и многими интересными знакомствами; изученіе этого особеннаго міра съ двумя разнородными языками, съ цѣлой скандинавской литературой, сулило мнѣ много умственныхъ наслажденій».

По крови голштинецъ, Яковъ Карловичъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то удивительно, чуть ли не сразу, сроднился съ сѣвернымъ скандинавскимъ міромъ; тамошняя культура съ ея лойальностью, съ ея историческимъ трудолюбіемъ и внѣшней и внутренней чистоплотностью оказалась сродни его цѣломудренному духовному настроенію, съ его жаждой европейскаго знанія, съ его корректностью и нравственной выдержкой. Уже послѣ первой поѣздки онъ вывозитъ изъ Финляндіи «Фритіофа», переводъ котораго доставилъ ему вполнѣ почетную извѣстность въ литературѣ двухъ народовъ; рядъ послѣдовавшихъ очерковъ, касающихся

Финляндіи, какъ, напримѣръ, «Знакомство съ Рунебергомъ», «О финнахъ и ихъ національной поэзіи», «О скандинавской мифологіи» и другихъ, напечатанныхъ въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ», дѣлають Грота какъ бы связующимъ звеномъ двухъ смежныхъ сѣверныхъ міровъ — скандинавскаго и славянскаго. Наша читающая публика впервые только черезъ него узнаеть о богатыхъ сокровищахъ скандинавскаго эпоса, о величавыхъ, мрачныхъ, холодныхъ, но прекрасныхъ, картинахъ сѣверной природы, о сосѣднемъ маленькомъ и трудолюбивомъ народѣ, сумѣвшемъ среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ широко развить свою культуру. На долю Грота выпалъ счастливый жребій поработать на невоздѣланной еще литературной нивѣ, и это обстоятельство сослужило ему въ годы молодости добрую службу. Появись онъ въ журналистикѣ только съ своими оригинальными и переводными произведеніями не изъ скандинавскаго міра, вѣроятно, ему не такъ скоро удалось бы завоевать себѣ то прочное литературное положеніе, которое онъ однако занялъ, благодаря знакомству и сближенію съ Финляндіей, уже въ началѣ 1840-хъ годовъ. И должно замѣтить, что финское холодное солнце, озарившее его первые шаги на литературномъ поприщѣ, нашло въ немъ признательнаго пріемнаго сына, который сумѣлъ воздать должное пріотившей его странѣ.

IV.

Вскорѣ встрѣтилась и возможность для Грота переимѣнить свое служебное поприще,—тѣ же Плетневъ и Жуковскій рекомендовали его графу Ребиндеру, министру статсъ-секретарю великаго княжества Финляндскаго и исправляющему должность канцлера императорскаго Александровскаго университета, который предложилъ ему занять при немъ мѣсто чиновника особыхъ порученій, съ тѣмъ, чтобы современемъ получить имѣющуюся быть учрежденной должность инспектора финляндскихъ училищъ по преподаванію русскаго языка. Чрезвычайно интересны свѣдѣнія, сообщаемыя Гротомъ по вопросу, какъ было встрѣчено петербургскимъ обществомъ его рѣшеніе всецѣло посвятить себя педагогической и литературно-научной дѣятельности. «Вѣсть о моемъ переходѣ быстро разнеслась между моими знакомыми,—разсказываетъ Яковъ Карловичъ.— Всѣ были поражены, не могли никакъ понять, какъ я рѣшаюсь жертвовать своею карьерою, находили, что я поступаю опрометчиво, а иные считали меня просто сумасбродомъ. Впослѣдствіи я узналъ, что до одного изъ бывшихъ моихъ товарищей, находившагося тогда въ Италиі, дошелъ даже слухъ, что я помѣшался. Мнѣ было тяжело являться въ общество; вездѣ меня допрашивали о моемъ намѣреніи, выражали свое недоумѣніе, на что же я надѣюсь. Тогдаш-

ній директоръ департамента народнаго просвѣщенія (В. Д. Комовскій), братъ моего лицейскаго товарища, замѣтилъ мнѣ, что онъ меня не понимаетъ, что въ нашемъ обществѣ званіе ученаго еще не пользуется достаточнымъ уваженіемъ, и что, конечно, я современемъ раскаюсь въ томъ, что дѣлаю. Все это, однакожь, нисколько меня не смущало: такъ сильно я чувствовалъ, что исполняю неотразимое требованіе своей природы, и съ свѣтлою юношескою довѣрчивостію глядѣлъ на будущее. Но дѣло было сдѣлано: баронъ Корфъ написалъ будущему моему начальнику чрезвычайно лестный обо мнѣ отзывъ, и вотъ я уже принадлежу къ вѣдомству финляндскаго статсъ-секретаріата».

Въ іюнѣ 1840 года Гротъ переѣхалъ въ Гельсингфорсъ, гдѣ и прожилъ двѣнадцать лѣтъ, сначала въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, а потомъ—ординарнаго профессора по кафедрѣ русскаго языка, словесности и исторіи. Этотъ періодъ жизни Я. К. въ Финляндіи былъ чрезвычайно полезенъ для культурнаго сближенія этой страны съ нашимъ отечествомъ и притомъ сближенія чрезвычайно сердечнаго, свѣтлаго, радостнаго. Это братаніе народовъ въ лицѣ ихъ лучшихъ представителей науки и литературы достигло особенной крѣпости на юбилейныхъ торжествахъ по случаю 200-лѣтняго юбилея Гельсингфорскаго университета. Вотъ какъ вспоминаетъ эти дни общаго веселія и братскаго союза финляндецъ Шауманъ ¹⁾. «Самымъ многозначительнымъ и достойнымъ упоминанія эпизодомъ этихъ праздниковъ было дружеское сближеніе между гостившими у насъ русскими съ финскими учеными и литераторами. Здѣсь первое мѣсто посредника и соединителя принадлежитъ безспорно Я. Гроту. Совсѣмъ еще молодой человекъ, не достигшій и тридцати лѣтъ, тонко образованный и въ полномъ смыслѣ джентельменъ во всемъ своемъ существѣ, онъ рано познакомился съ шведскимъ языкомъ и литературой и былъ извѣстенъ, какъ переводчикъ на русскій языкъ саги Фритіофа. Уже въ 1838 г. посѣтилъ онъ Финляндію и между прочимъ въ Борго завязалъ знакомство съ Рунебергомъ, котораго онъ изобразилъ съ восторженной теплотой въ одномъ русскомъ журналѣ. Въ то же время, познакомившись съ Цигнеусомъ, Ленротомъ, Нервандеромъ, онъ всѣмъ имъ умѣлъ внушить къ себѣ уваженіе и сердечную пріязнь. Личными связями своими и языкознаніемъ онъ такимъ образомъ приготовилъ себѣ положеніе, какое тогда не возможно было и предполагать: къ занятію кафедры при нашемъ университетѣ. И такъ какъ онъ вполнину былъ у насъ, какъ дома, то и былъ особенно способенъ сблизить нашихъ финскихъ литераторовъ съ своими соотечественниками. Съ обѣихъ сторонъ наилучшія и самыя теплыя отношенія оживляли всѣхъ на этихъ празднествахъ, сгладившихъ всѣ неровности и братски соединившихъ финновъ съ

¹⁾ См. прим. 2, на стр. 88 автобіографическихъ замѣтокъ Я. К. Грота.

русскими. Высшаго пункта достигли эти сердечныя отношенія, когда въ воскресенье 19-го іюня, въ свободный отъ промоціонныхъ торжествъ день, часть русскихъ литераторовъ, между которыми были Плетневъ, князь Одоевскій, графъ Сологубъ, Я. Гротъ и другіе, пригласили на обѣдъ Францена, Рунеберга, Ленрота и многихъ другихъ финскихъ ученыхъ. На этомъ обѣдѣ произнесено было Я. Гротомъ теплое стихотвореніе, и состоялось соглашеніе, чтобы въ память юбилея изданъ былъ международный альманахъ съ участіемъ русскихъ и финскихъ писателей. Редакція сборника, который долженъ былъ выйти на двухъ языкахъ—русскомъ и шведскомъ, поручена была Гроту. И дѣйствительно, альманахъ вышелъ на обоихъ языкахъ, ранѣе весны 1842 года съ посвященіемъ его высочеству канцлеру университета государю наслѣднику. Въ самомъ дѣлѣ, казалось, наступило время настоящаго братскаго единенія въ будущемъ и сближенія между русскими и нашими литературными силами, или скорѣе приобщеніе нашей литературы къ русской. Но вотъ протекло съ тѣхъ поръ 50 лѣтъ, и альманахъ Грота остался одинокимъ явленіемъ, которому не замѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ подражанія».

Всѣ двѣнадцать лѣтъ пребыванія Якова Карловича въ Финляндіи, помимо ихъ общественнаго значенія, должны быть разсматриваемы, какъ благопріятная школа, въ которой онъ успѣлъ закалить свой характеръ для житейской борьбы, прочувствовать, такъ сказать, свои убѣжденія и сложиться въ того ученаго литератора и педагога, какимъ мы встрѣчаемъ его уже въ 1850 г. въ роли наставника царственныхъ дѣтей. Онъ достигаетъ за то время обширной филологической научности, и нмя его, какъ писателя и ученаго, начинаетъ пользоваться извѣстностью и всеобщимъ уваженіемъ. «...Лекціи мои, — говоритъ онъ въ своей автобіографіи,—которыхъ часть я долженъ былъ читать по необходимости на шведскомъ языкѣ, требовали отъ меня большихъ усилій и постояннаго упражненія въ практикѣ этого языка, притомъ я въ каждый курсъ составлялъ новыя записки и готовилъ ихъ къ изданію на шведскомъ языкѣ, что отчасти и исполнилъ. Такъ какъ въ университетѣ факультетскіе экзамены производились на латинскомъ языкѣ, то я вынужденъ былъ сильно налечь на этотъ предметъ, чтобы усовершенствоваться въ свободной латинской рѣчи. Кромѣ того, прилежно изучалъ языки финскій и польскій, а позже и всѣ славянскія нарѣчія, начиная съ чешскаго. Все это вмѣстѣ не позволяло мнѣ начать никакого большого труда, и я ограничивался статьями по русской и шведской исторіи и литературѣ, изслѣдованіями по русскому языку (теорія глаголовъ), описаніемъ моихъ путешествій по Финляндіи и Швеціи и переводами изъ шведскихъ поэтовъ, особенно изъ Рунеберга. Они появлялись въ «Современникѣ», въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ «Москвитяинѣ», въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», въ «Сѣверномъ Обзорѣннѣ» и въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Кромѣ того, я

печатать статьи и стихотворенія по дѣтской литературѣ въ «Звѣздочкѣ» (Ишимовой), а въ 1847 г. я издалъ въ Петербургѣ отдѣльной книгой мои «Переѣзды по Финляндіи», описаніе путешествія моего отъ Ладожскаго озера до Торнео вмѣстѣ съ знаменитымъ Ленротомъ».

Работы Грота на темы о Финляндіи доставили ему немало друзей среди шведскихъ и финскихъ литераторовъ и ученыхъ. Лучшіе представители скандинавской мысли становятся его ближайшими пріятелями, сближаются черезъ его посредство съ русской литературой и начинаютъ внимательно слѣдить за развитіемъ нашихъ журнальныхъ направленій. Русскія изданія проникаютъ въ гельсингфорское общество, и Плетневскій «Современникъ» получаетъ здѣсь большую популярность. «Самымъ важнымъ результатомъ моего опредѣленія въ Гельсингфорскій университетъ я считаю то,—признаетъ самъ Гротъ,—что онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все населеніе Гельсингфорса, приобрѣло русскую бібліотеку, основанную моими стараніями и изъ которой всякій можетъ бесплатно получать книги. Удобствомъ этимъ пользуются особенно военные и свеаборгскіе моряки, но есть и другіе читатели. Прочіе результаты остаются до сихъ поръ въ области возможности». Но рядомъ съ успѣхами Якова Карловича въ гельсингфорскомъ обществѣ, какъ литератора и ученаго, растетъ его успѣхъ и въ Петербургѣ. Помимо личныхъ заслугъ и достоинствъ на поприщѣ журналистики, необходимо отмѣтить то счастливое для него обстоятельство, что въ столицѣ у него оставался истинный другъ, который не скупился на пропаганду въ высшихъ кругахъ, а также при дворѣ, своего молодого пріятеля. Плетневъ обладалъ въ Петербургѣ большими связями, пользовался высокимъ авторитетомъ въ придворныхъ сферахъ, какъ дѣятель науки и литературы; преподавалъ русскую словесность и исторію государю наслѣднику Александру Николаевичу и его сестрамъ — великимъ княжнамъ Маріи и Ольгѣ Николаевнамъ; онъ сумѣлъ расположить къ себѣ царственныхъ учениковъ, благодаря чему двери гостиныхъ высшаго петербургскаго свѣта были передъ нимъ широко открыты. Съ его собственнымъ именемъ и именемъ «Современника» былъ тѣсно связанъ ореолъ славы Пушкина, а дружба и близость съ Жуковскимъ позволяли въ немъ видѣть могикана литературныхъ традицій безсмертнаго автора «Евгенія Онѣгина». Ректорство въ университетѣ дѣлало его близкимъ къ міру науки, къ шумнымъ аудиторіямъ молодежи. Короче сказать, Плетневъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ общественныхъ дѣятелей Петербурга второй половины 1840 годовъ. Покровительство и дружба такого человѣка, безъ сомнѣнія, были чрезвычайно полезны Гроту въ его единеніи съ обществомъ столицы, которое безъ этого могло легко забыть его. Письма Плетнева¹⁾ полны увѣдомленій Якова Карловича о тѣхъ

¹⁾ См. «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. I.

или иныхъ отзываютъ о немъ не только свѣтскихъ людей, но и придворныхъ сферъ. «Вы пишете, — говоритъ въ одномъ письмѣ Гротъ, — что сообщили его высочеству нѣсколько извѣстій о Цигнеусѣ и обо мнѣ. Что слишкомъ, то слишкомъ: досугъ ли наслѣднику заниматься литературными мелочами, а тѣмъ болѣе дѣянiями столь темныхъ людей». Въ другой разъ Плетневъ увѣдомляетъ о слѣдующемъ прiятномъ для его друга эпизодѣ: «Во дворцѣ я долго говорилъ съ А. Армфельтомъ. Онъ рассказалъ мнѣ, какъ наслѣдникъ ему доказывалъ, что ты долженъ засѣдать въ консисторiи и имѣть право на ректора и декана. Армфельтъ представляетъ, что ты, вѣрно, не свободно владѣешь латинскимъ языкомъ, а наслѣдникъ говорилъ, что неправда, ибо ты учился въ лицѣѣ, гдѣ многіе хорошо знаютъ латыни». Не только дѣятельность Грота по университету была прекрасно извѣстна наслѣднику, какъ канцлеру этого заведенiя, онъ былъ ознакомленъ также и съ поэтическими занятiями молодого профессора. Такъ, когда Гротъ посвятилъ красавицѣ «Маркизѣ М. А. Траверсе» хорошенькое стихотворенiе по случаю ея отъѣзда въ Петербургъ, напечатанное Плетневымъ въ «Современникѣ» (1841 г., т. XXI), надѣлавшее шума въ свѣтскихъ салонахъ, и по поводу котораго «дамы шутя побранивали автора за его нападки на Петербургъ», наслѣдникъ цесаревичъ шутя поручилъ Мятлеву защитить столицу противъ Грота. Мятлевъ выполнилъ порученiе и на своемъ оригинальномъ стихотворномъ языкѣ отвѣтилъ Гроту, обращаясь собственно къ предмету распри:

Ахъ, правда ли се qu'on a dit,
 Что въ Чухляндю ужъ madî
 По бѣлой дикой ихъ дорогѣ
 Рѣшились и давай Богъ ноги.
 Что за поспѣшность? лишь amorce
 Вамъ представляетъ Гельсингфорсъ.
 Какихъ похвалъ, рукоплесканiй,
 Какихъ восторговъ, восклицанiй
 Еще вамъ нужно, — что за спѣхъ?
 Вскружили голову у всѣхъ,
 Мы всѣ вамъ жертвуемъ сердцами.
 Въ любви имъ не сравнятся съ нами.
 Чухонцы могутъ ли любить?
 Чухонецъ масло можетъ сбить,
 Салакушку скоптить прекрасно,
 А чтобы полюбить такъ страстно,
 Какъ въ Петербургѣ, — мудрено.
 Имъ это чувство не дано.
 Въ нихъ не бряцаетъ эта струнка.
 Ихъ пища кислая филь брунка (простокваша),
 Они вамъ скажутъ: мюке бра (очень хорошо)!
 И тѣмъ убьютъ уже бобра,
 А болѣе и не просите,
 Но здѣсь вы только посмотрите

Царицей, и мы всё горимъ,
 Всё про любовь вамъ говоримъ.
 Оставайтесь адѣсь же вakra флика (хорошенькая дѣвушка),
 Мы благодарны будемъ мюке,
 И всё мы закричимъ вотъ такъ:
 Такаре мюкасть, такъ, такъ, такъ (премного благодарны).

На это шуточное стихотвореніе, писанное по порученію наслѣдника, Гротъ счелъ нужнымъ отвѣтить двумя стихотвореніями, изъ коихъ для характеристики Я. К., какъ поэта, приводимъ одно—«Исправленіе»:

Нѣтъ, нѣтъ: я болѣе не стану
 Ихъ пышный городъ порицать;
 Я вижу, вопреки туману,
 Въ которомъ имъ пришлось дышать,
 Въ нихъ чувство есть—вкусъ вѣрный, тонкій;
 Имъ красоту дано цѣнить,
 И будь богиня хоть чухонкой,
 Они готовы положить
 Предъ ней сердца, отдавшись плѣну,
 И будто греки, за Елену
 Войну всѣмъ финнамъ объявить.
 Чухонецъ я, согласенъ въ томъ съ поэтомъ,
 Но если правъ онъ въ этомъ,
 То долженъ называть чухонкою и ту,
 Чью воспѣваетъ красоту:
 Я ей землякъ—она подобно розѣ,
 На финскихъ льдахъ цвѣтетъ, какъ въ парникѣ,
 А я готовъ въ стихахъ и въ прозѣ
 Писать на всякомъ языкѣ
 О рѣдкомъ сѣверномъ цвѣткѣ.

Эта веселая стихотворная полемика извѣстна была при дворѣ и не могла не вызвать вниманія къ одному изъ ея участниковъ. Наслѣднику, безъ сомнѣнія, были извѣстны и другія произведенія Грота въ болѣе серьезномъ родѣ, имѣющія непосредственное отношеніе къ личности цесаревича; стихотворенія эти—«17-го апрѣля 1841 г.» (На бракосочетаніе наслѣдника цесаревича Александра Николаевича съ Маріей Александровной Гессенъ-Дармштадтской) и переводъ со шведскаго «Пѣсни финскаго стрѣлковаго баталіона», написанной по случаю назначенія новорожденнаго великаго князя Александра Александровича шефомъ баталіона.

Такимъ образомъ, наслѣдникъ Александръ Николаевичъ втеченіе довольно большого періода времени имѣлъ возможность, и преимущественно черезъ Плетнева, ознакомиться заочно съ Гротомъ, полюбить его, увѣриться въ его качествахъ, а главное въ способности честно выполнять свои обязанности. Профессоръ Александровскаго университета не былъ для него незнакомцемъ, а потому его появленіе при дворѣ въ качествѣ наставника сыновей наслѣдника

не заключало въ себѣ чего нибудь необычайнаго или вызывающаго недоумѣніе. Эта новая перемѣна въ судьбѣ и дѣятельности Якова Карловича послѣдовала въ 1853 году и произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

V.

Осенью 1852 года скончалась жившая вмѣстѣ съ сыномъ старушка-мать Грота, а въ концѣ октября онъ получилъ отъ Броневскаго, директора Александровскаго лицея, предложеніе занять въ лицѣ каеэдру русской словесности, чего давно желалъ принцъ Ольденбургскій. Яковъ Карловичъ, однако, не рѣшался слишкомъ опрометчиво на промѣну каеэдры университетской, хотя и вдали отъ родины, на лицейскую, не будучи увѣренъ, зачтутся ли ему годы финляндской службы на полученіе пенсіи, и переписывался объ этомъ съ Плетневымъ, который тѣмъ сильнѣе желалъ переѣзда своего друга въ Петербургъ, что лишился въ то время единственной любимой дочери. «Когда я еще колебался принять вызовъ лицея,— повѣствуетъ Гротъ въ своей автобіографіи,—вдругъ получаю письмо отъ Плетнева, которое кончалось такъ: «Только два слова: уже два года у меня лежало на сердцѣ доставить въ лицѣ твоемъ государю наслѣднику достойнѣйшаго наставника для его дѣтей, какимъ былъ Жуковскій для него самого». Далѣе говорилось, что генеральъ Зиновьевъ пріѣзжалъ къ нему совѣтоваться о выборѣ учителя русскаго языка, на что Плетневъ выразилъ мысль, какъ важно сосредоточить ученіе въ вѣдѣніи одного лица, и повторилъ эту мысль великому князю наслѣднику, призвавшему его къ себѣ. Августѣйшему канцлеру нашему эта мысль понравилась, и онъ велѣлъ Плетневу окончить дѣло съ Зиновьевымъ. Но послѣдній умолялъ Плетнева упросить меня на первый разъ не требовать званія инспектора, пока онъ лично не познакомится со мною и не приметъ въ сердце убѣжденія, что можетъ безпрепятственно передъ Россіей назвать меня инспекторомъ ученія будущаго наслѣдника престола. Плетневъ, вѣря въ благородство его, и что онъ оцѣнитъ меня и труды мои, подался на его убѣжденія и заключалъ письмо свое словами: «Пріѣзжай же скорѣе. Теперъ два побужденія».

Усматривая въ этомъ вызовѣ «промысль, направляющій судьбу его», Гротъ тотчасъ же поспѣшилъ въ Петербургъ, гдѣ и свидѣлся съ Зиновьевымъ. Вотъ что передаетъ Гротъ объ этомъ свиданіи: «Тутъ я узналъ отъ него, что такъ какъ великая княгиня находится, что въ возрастѣ августѣйшихъ дѣтей ея всего полезнѣе, чтобы бѣльшая часть преподаванія была сосредоточена въ рукахъ одного лица, то онъ можетъ предложить мнѣ пока должность преподавателя нѣсколькихъ предметовъ, именно: русскаго языка, исторіи всеобщей и русской, географіи и нѣмецкаго языка съ тѣмъ, что

всѣми этими предметами я долженъ заниматься отдѣльно съ каждымъ изъ двухъ старшихъ великихъ князей: Николаемъ и Александромъ Александровичами. При этомъ онъ прибавилъ, что я, какъ человѣкъ, носящій нѣмецкую фамилию и мало извѣстный, не могу по предположенію Плетнева занять мѣсто инспектора классовъ, а долженъ довольствоваться званіемъ учителя. Неопытный въ дѣлахъ дворскихъ и привыкши думать болѣе о наилучшемъ исполненіи взятаго на себя дѣла, чѣмъ о своей личной выгодѣ, я не сдѣлалъ заранѣе никакихъ условій и принялъ предлагаемое скромное положеніе, по которому мнѣ назначено было за всѣ предметы преподаванія вмѣстѣ—даже менѣе, чѣмъ я имѣлъ въ Финляндіи, такъ что при дороговизнѣ петербургской жизни сравнительно съ гельсингфорсской, невозможно было жить на эти средства. Вотъ что вынудило меня принять вмѣстѣ и лицейскую каѳедру, хотя это совершенно разрывало мое время и не позволяло употребить свои силы исключительно на высокое служеніе дѣтямъ будущаго государя.

«Наслѣдникъ, канцлеръ нашъ, которому я представился, и которому, конечно, выставленъ былъ главнымъ поводомъ моего вызова лицей, обошелся со мной очень милостиво, разспрашивалъ объ университетѣ, выразилъ сожалѣніе, что я его покидаю, и надежду, что я буду такъ же полезенъ заведенію, въ которомъ воспитывался. Разговоръ заключилъ онъ словами: «Поручаю вамъ моихъ ребятъ—шекъ и увѣренъ, что вы съ совершеннымъ успѣхомъ будете заниматься ими». При этомъ онъ выразилъ желаніе, чтобы я переѣхалъ какъ можно скорѣе и началъ свои уроки, если можно, уже въ концѣ января».

Согласно даннымъ ему указаніямъ, Гротъ, «разоривъ свое гнѣздо въ Гельсингфорсѣ», въ январѣ 1853 г. былъ уже въ Петербургѣ, а съ 4-го февраля приступилъ къ новымъ занятіямъ, въ должности простаго лишь преподавателя. Такимъ образомъ мы видимъ, что Яковъ Карловичъ, благодаря нѣкоторому предубѣжденію генерала Зиновьева, не получилъ возможности, какъ на то надѣялся Плетневъ, стать къ великимъ князьямъ въ тѣ близкія и непосредственныя отношенія, какія нѣкогда были между наслѣдникомъ и Жуковскимъ, а еще прежде того между Александромъ Павловичемъ и Лагарпомъ. Между нимъ и воспитанниками сразу стали стороннія лица, съ вліяніями и мнѣніями которыхъ приходилось по необходимости сообразоваться и считаться. Благодаря такому положенію, а также тому, что онъ былъ стѣсненъ въ прямыхъ сношеніяхъ съ державными родителями учениковъ, и вліяніе Грота на великихъ князей не могло обнаруживаться въ желанной ему степени, несмотря даже на то, что въ его лицѣ сосредоточено было главное руководство умственнымъ развитіемъ дѣтей; приходилось, слѣдовательно, испытывать нѣкоторую неопредѣленность положенія, что въ значительной степени ослабляло его педагогическіе принципы и силу созданной имъ си-

стемы. Это необходимо отмѣтить, ради истины, ради тѣхъ могущихъ возникнуть ложныхъ выводовъ о преподавательской дѣятельности Якова Карловича, которая какъ бы тускнѣетъ по сравненіи ея съ таковою же Жуковскаго и Лагарпа. Каковы же были тѣ реальныя основы, которыя бывший профессоръ почерпнулъ изъ своей прежней двѣнадцатилѣтней педагогической дѣятельности на пользу молодежи въ высшемъ учебномъ заведеніи?

Вопросы педагогическіе вообще и о нравственной основѣ воспитанія въ частности уже рано начали занимать собою Грота. Симпатичный образъ педагога съ его гуманными взглядами на жизнь и на обязанности людей уже достаточно обрисовывается въ его произведеніяхъ для дѣтей, печатавшихся въ «Звѣздочкѣ» Ишимовой въ продолженіе 1840—1850 гг. Въ одномъ изъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Трудъ» ¹⁾ 1846 г. онъ даетъ слѣдующее наставленіе дѣтямъ:

Дѣти! Надобно трудиться:
 Богъ насъ создалъ для труда.
 Ахъ, отъ праздности родится
 Много горя и стыда!
 Въ жизни лучшія мгновенья
 Покупаются трудомъ,
 Сладкій часъ отдохновенья
 Лишь усталому знакомъ.

 Тотъ, кто хочетъ доброй славы,
 Долженъ хлѣбъ свой въ потѣ ѣсть:
 Не за игры и забавы
 Достается людямъ честь.
 Безъ усилій, безъ терпѣнья
 Не бывалъ никто великъ:
 Трудъ—источникъ возвышенья:
 Счастливъ, кто къ нему привыкъ!»

Въ рѣчи къ воспитанникамъ лицея ²⁾ онъ также развиваетъ свои задачи образованія и воспитанія. «Душу дополняютъ чувство и воля,—говоритъ онъ,—такъ и для полноты образованія необходимо сверхъ знаній, во-первыхъ, совершенное развитіе чувства нравственнаго и эстетическаго, во-вторыхъ, развитіе характера, какъ представителя воли... Вънцомъ духовнаго развитія челоуѣка бываетъ неизмѣнное направленіе воли,—тѣ, что называется характеромъ... Основаніе характера составляютъ твердыя убѣжденія—плодъ вполне развитаго религіозно-нравственнаго чувства, вѣрныхъ понятій и зрѣлыхъ познаній. Этому противится слабость челоуѣка, заставляющая его безпрестанно заботиться о видимыхъ благахъ вмѣсто истинныхъ, о

¹⁾ Я. Гротъ. «Стихи и проза для дѣтей». Изд. 3-е. Сиб. 1892.

²⁾ «Памятная книжка Императорскаго Александровскаго лицея» на 1856—1857 годъ.

своемъ внѣшнемъ благосостояніи, о своихъ наслажденіяхъ и удобствахъ, о положеніи въ свѣтѣ».

Въ статьѣ «Замѣтка о значеніи идеаловъ въ воспитаніи» ¹⁾ Гротъ говоритъ: «И въ семействѣ и въ обществѣ дѣти видятъ по большей части примѣры, въ которыхъ нѣтъ ничего ни назидательнаго, ни улаждающаго душу... и тутъ и тамъ такая атмосфера, въ которой легко погибаетъ зародышъ всякаго благороднаго стремленія, и сердце рано пріучается заглушать въ себѣ всякую высшую потребность, увлекаясь общимъ настроеніемъ. Вотъ почему недостатокъ идеальныхъ образовъ въ дѣйствительности долженъ по возможности вознаграждаться изображеніемъ изъ міра исторіи или вымысла».

Приведенныя мнѣнія Якова Карловича, высказанныя по разнымъ поводамъ, но именно въ періодъ его преподавательскаго руководства дѣтьми наслѣдника Александра Николаевича въ 1850-хъ годахъ, рисуютъ намъ достаточно рельефно его принципы образованія и воспитанія. Выработка твердаго характера и воли, при помощи непрестаннаго труда, развитіе религіозно-нравственнаго чувства и зрѣлыхъ убѣжденій, покоящихся на вѣрныхъ понятіяхъ и познаніяхъ—таковы элементы, которые должны бытъ положены въ основу всякой воспитательной системы. И дѣйствительно, насколько возможно прослѣдить изъ педагогической дѣятельности Грота, сначала въ роли простаго преподавателя, а потомъ въ должности инспектора классовъ во дворцѣ, онъ удивительно послѣдовательно и настойчиво проводитъ черезъ всѣ свои отношенія съ великими князьями указанные принципы. Можетъ быть, эта настойчивость, а также строгая опредѣленность требованій неволью и вполнѣ естественно накладывали нѣкоторую печать сдержанности и внѣшней оффиціальности на этихъ самыхъ отношеніяхъ, но зато ей нельзя отказать въ ясности и простотѣ. Гротъ, какъ увидятъ читатели изъ дальнѣйшаго изложенія, силою обстоятельствъ былъ лишенъ возможности окончить преподаваніе наслѣднику Николаю Александровичу и его братьямъ университетскаго курса; но думается мнѣ, что и въ періодъ гимназическаго преподаванія, длившагося 6 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ, онъ успѣлъ достигнуть до нѣкоторой степени желательныхъ результатовъ. По крайней мѣрѣ, если мы не можемъ за преждевременной кончиной великаго князя Николая Александровича прослѣдить на его дѣяніяхъ вліянія системы Грота, за то мы съ большей или меньшей вѣроятностью можемъ сказать, что складъ характера второю ученика Якова Карловича, въ Божѣ почившаго императора Александра III, носить на себѣ явную печать его руководства. Трудолюбіе, непреклонность воли, высокое религіозно-нравственное чувство—качества, отличавшія покойнаго государя—все это тѣ основы жизни, которыя Гротъ выставлялъ всегда своимъ ученикамъ, какъ «вѣнецъ духовнаго развитія человѣка».

¹⁾ «Журналъ для воспитанія», 1858 г., № 10.

VI.

Когда Яковъ Карловичъ принялъ въ свое вѣдѣніе великихъ князей, то старшему изъ нихъ, наслѣднику Николаю Александровичу, было всего девять лѣтъ, а брату его Александру Александровичу не минуло еще и полныхъ восьми. До новаго наставника великіе князья занимались только по Закону Божьему у законоучителя протоіерея Бажанова, а грамотѣ—у Вѣры Николаевны Скрыпицыной. Познанія обоихъ великихъ князей были очень не велики, а Александръ Александровичъ даже съ трудомъ читалъ и писалъ, поэтому Гроту съ первыхъ же шаговъ пришлось употребить не мало труда для достиженія элементарныхъ основъ знанія и много поработать надъ методами преподаванія. Онъ, при наличности лекцій еще въ лицей, былъ буквально занятъ съ ранняго утра до глубокой ночи, и первые годы его вторичнаго пребыванія въ Петербургѣ отмѣчены такимъ трудомъ, что ему даже пришлось нѣкоторымъ образомъ потерять здоровье на службѣ; онъ сталъ страдать болѣзнію правой руки (Schreibkrampf), такъ что вынужденъ былъ прибѣгнуть къ упражненію лѣвой руки! Вотъ какъ описываетъ онъ въ автобіографіи свое положеніе того времени: «Поступивъ одновременно профессоромъ въ лицей и наставникомъ къ великимъ князьямъ,—повѣствуетъ Гротъ,—я четыре дня въ недѣлю долженъ былъ заниматься во дворцѣ съ 7-ми часовъ утра и до 2-хъ часовъ съ небольшими промежутками для отдыха, а остальные два утра читать лекціи въ двухъ старшихъ курсахъ лицея. Служба была особенно трудна отъ мая до ноября, а иногда даже и до декабря, такъ какъ я долженъ былъ либо ѣздить въ Царское Село, Петергофъ и даже Гатчину уже наканунѣ, чтобъ быть во дворцѣ въ 7 часовъ утра, либо, переѣзжая съ семействомъ, заранее нанимать себѣ квартиру въ мѣстахъ загороднаго пребыванія, откуда два раза въ недѣлю переноситься въ лицей. Стоявшіе тогда во главѣ воспитанія генералы Н. В. Зиновьевъ и Г. Ѳ. Гогель, не считали нужнымъ освободить меня отъ матеріальныхъ заботъ, очень сложныхъ и обременительныхъ при необходимости частой перемѣны мѣста, и объявили мнѣ, что я, какъ учитель, не имѣю права на квартиру за городомъ. А между тѣмъ, лѣтніе мѣсяцы (каникулы у великихъ князей не полагалось) воспитатели особенно пользовались моимъ присутствіемъ, чтобъ замѣнить другихъ уѣхавшихъ на лѣто преподавателей, и мнѣ приходилось брать на себя ихъ уроки, напримѣръ, по французскому и англійскому языку и вообще повторенія по всѣмъ предметамъ. При поѣздкахъ же въ Гапсаль и на коронацію въ Москву къ занятіямъ со мной присоединялся и великій князь Владиміръ Александровичъ. Особенно трудно было мнѣ въ первый годъ новой дѣятельности. За неимѣніемъ въ то время

хорошихъ учебниковъ, я самъ писалъ для каждаго великаго князя, сообразно со степенью его развитія и знаній,—записки по всѣмъ предметамъ и въ то же время составлялъ подробный курсъ русской литературы для двухъ старшихъ классовъ лицея».

Что же это были за записки, которыя приходилось Якову Карловичу готовить своимъ царственнымъ ученикамъ? На первое время ему пришлось составить для наслѣдника миниатюрную грамматику, которую учитель и проходилъ съ нимъ, такъ сказать, наглядно на примѣрахъ изъ лучшихъ нашихъ поэтовъ и писателей. Благодаря своимъ блестящимъ способностямъ, позволявшимъ ему быстро, точно налету, схватывать и запоминать всякій предметъ, великій князь Николай Александровичъ скоро овладѣлъ законами русской рѣчи и въ теченіе всей своей жизни положительно удивлялъ всѣхъ знавшихъ его красотою изложенія своихъ мыслей и плавностью рѣчи. Когда уже послѣ его смерти государыня-мать перечитывала письма своего сына окружающимъ, восхищеннымъ литературностью изложенія этихъ писемъ, то она лично дала слѣдующее объясненіе качествамъ слога: «Всѣмъ этимъ онъ былъ обязанъ Гроту. Онъ самъ это всегда признавалъ». Когда Буслаевъ принялъ на себя послѣ Грота дальнѣйшее знакомство наслѣдника съ русскимъ языкомъ, то также былъ удивленъ его прекрасными и твердыми познаніями въ этой области. Не такъ легко, однако, далось способному мальчику знаніе церковно-славянскаго языка, преподаваніе котораго, по инициативѣ государыни императрицы, началось уже съ 1855 года; то-есть собственно самое чтеніе не особенно затруднило великаго князя, но теорія языка долго ему не давалась. Въ значительной степени объясненіе тому почерпается въ складѣ умственныхъ способностей старшаго ученика. Всякій предметъ схватывалъ онъ чрезвычайно быстро, такъ что поражалъ окружающихъ блескомъ своего ума, но, къ сожалѣнію, пріобрѣтенныя знанія не долго удерживались въ его памяти, недостаточно передумывались имъ, не входили, такъ сказать, въ его плоть и кровь. Учителю было не мало труда бороться съ этой поверхностностью его умственныхъ дарованій, правда, чрезвычайно блестящихъ по внѣшности, но недостаточно глубокихъ. По запискамъ же, составляемымъ самимъ наставникомъ, приступилъ наслѣдникъ къ занятіямъ исторіей и географіей. При имѣвшихся въ его распоряженіи двухъ урокахъ въ недѣлю на эти предметы, Гроту пришлось не мало потрудиться для составленія краткихъ, но содержательныхъ записокъ для этихъ отраслей знанія. Занятія начались съ древней исторіи, потомъ перешли къ средней и затѣмъ къ новой до эпохи революціи. Записки по древней исторіи были составлены по сочиненію Грота «The History of Grece», русская исторія — по Карамзину и Соловьеву. При прохожденіи географіи Я. К. обращалъ особенное вниманіе на математическую географію, на чер-

ченіе картъ и вообще сознательное отношеніе къ явленіямъ окружающей природы. Успѣхами въ нѣмецкѣмъ языкѣ наставникъ не могъ особенно похвастать, такъ какъ на этотъ предметъ удѣлялось всего два неполныхъ часа въ недѣлю, при отсутствіи практики въ этомъ языкѣ среди членовъ семьи. Нѣсколько иной характеръ носили занятія съ вторымъ ученикомъ, великимъ княземъ Александромъ Александровичемъ. Здѣсь, преслѣдуя тѣ же цѣли яснаго и точнаго знанія, Гроту приходилось прибѣгать къ инымъ методамъ преподаванія, методамъ, объясняемымъ какъ возрастомъ Александра Александровича, такъ и складомъ его способностей. Принявъ великаго князя изъ вѣдѣнія В. Н. Скрыпицыной, Гроту на первыхъ же порахъ пришлось обратить свои силы на выработку дикціи ребенка: при громкомъ чтеніи послѣднимъ, въ его произношеніи чувствовалось какое-то механическое препятствіе, которое и подлежало устранить. При трудолюбіи и усидчивости маленькаго ученика, Яковъ Карловичъ успѣшно справился съ этимъ недостаткомъ природы, и мальчикъ скоро началъ бѣгло и отчетливо читать. По складу своего ума, своихъ способностей и характера, Александръ Александровичъ представлялъ достаточную противоположность брату; въ немъ не замѣчалось внѣшняго блеска, быстроты усвоенія и пониманія — наоборотъ, ученіе давалось ему, особенно на первыхъ порахъ, съ значительнымъ трудомъ и требовало серьезныхъ усилій. Но эти слабыя стороны съ полнымъ успѣхомъ искупались иными качествами, отсутствіемъ которыхъ страдалъ старшій братъ. Великій князь отличался внимательностью, сосредоточенностью, прилежаніемъ и усидчивостью. Онъ любилъ учиться, на урокахъ докапывался, что называется, до корня вопроса и всякое знаніе усваивалъ себѣ прочно и обстоятельно. Труднѣе всего ему доставалась теорія языковъ, любимымъ же его занятіемъ было чтеніе и преимущественно историческое, а также путешествій. «Разказы американца Парлея» объ Европѣ, Азій, Африкѣ и Америкѣ, имѣвшіе своимъ назначеніемъ давать дѣтямъ первоначальное понятіе объ исторіи и географіи, были любимымъ его чтеніемъ и производили на его дѣтское воображеніе сильное впечатлѣніе. По этой же книжкѣ съ ея заключительными вопросами въ концѣ каждой главы о содержаніи прочитаннаго получилъ великій князь первыя познанія по міровѣдѣнію.

Кромѣ указаннаго сочиненія американца Парлея, Яковъ Карловичъ ввелъ въ дѣтскую бібліотеку обоихъ учениковъ слѣдующія книги, пользовавшіяся ихъ особымъ расположеніемъ: дѣтскаго Донъ-Кихота, книжки Фурмана, исторію Ламе-Флери (изд. 1838 г.), исторію Ишимовой, расказы Зонтага. Если Александръ Александровичъ особенно увлекался расказами Парлея, то слѣдникъ болѣе всего пристрастился къ «Разказами дѣтямъ [изъ древняго міра Карла фонъ-Беккера], русскій переводъ каковаго сочиненія

былъ исправленъ Яковомъ Карловичемъ. На чтеніе вообще и на знакомство съ русскими писателями было обращено Гротомъ серьезное вниманіе. Поклонникъ эстетическаго воспитанія, воспитанія на идеальныхъ образахъ выдающихся произведеній словесности, онъ сознавалъ страшный пробѣлъ въ нашей жизни хорошей и разумной дѣтской литературы. Для восполненія этого пробѣла онъ возымѣлъ прекрасную мысль давать своимъ питомцамъ читать отечественныхъ классиковъ съ необходимыми поправками и сокращеніями въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ, печатаемыхъ въ какой нибудь казенной типографіи специально только для употребленія великихъ князей въ двухъ-трехъ экземплярахъ. Такимъ образомъ при содѣйствіи Ростовцева ему удалось отпечатать отдѣльными оттисками «Капитанскую дочку», «Путешествіе въ Эрзерумъ», «Божьи дѣти» Основьяненко, «Послѣднее сраженіе Фигнера». Эти произведенія были прочитаны дѣтьми съ величайшимъ восторгомъ, но, увы! задуманное прекрасное дѣло оттисковъ не встрѣтило сочувствія его коллегъ по руководству великихъ князей, и дальнѣйшее появленіе оттисковъ было признано неудобнымъ.

Направленіе классныхъ занятій Грота исчерпывается двумя понятіями—серьезность и положительность. Для достиженія желанныхъ результатовъ онъ придерживался діалектическаго способа преподаванія, т. е. заставлялъ своихъ учениковъ самихъ думать до отвѣтовъ и такимъ образомъ на основахъ самостоятельности приобрѣтать тѣ свѣдѣнія, которыя могли бы въ иномъ случаѣ приобрѣтаться путемъ запоминанія.

Въ своихъ классныхъ отношеніяхъ къ царственнымъ дѣтямъ Яковъ Карловичъ держалъ себя въ высшей степени дѣловито; твердо останавливалъ ихъ шалости и прекращалъ во время уроковъ всякіе посторонніе, не идущіе къ дѣлу разговоры. Онъ требовалъ отъ нихъ прилежанія, дисциплины, аккуратности, чистоты и порядка въ держаніи школьныхъ книгъ и тетрадей. По заведенному порядку, обращаясь къ ученикамъ, онъ не величалъ ихъ по титулу, но просто называлъ по имени и отчеству. Несмотря на нѣкоторую официальность и сухость отношеній между наставникомъ и учениками, онъ пользовался, однако, ихъ сердечной любовью, и уроки Якова Карловича были любимыми часами занятій великихъ князей. Въ его присутствіи они старались держать себя сдержанно, строго; очевидно наставникъ дѣйствовалъ на нихъ вліяніемъ своей корректной личности. Съ вступленіемъ Титова въ исправленіе обязанностей «завѣдующимъ ученъемъ великихъ князей» начинается новый педагогическій періодъ Грота при царскихъ сыновьяхъ.

VII.

Владиміръ Павловичъ Титовъ ¹⁾ сталъ извѣстенъ въ русской литературѣ своимъ сотрудничествомъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» Погодина, гдѣ напечаталъ рядъ критическихъ и историческихъ статей, главнѣйшія изъ которыхъ: два отрывка изъ сочиненія Флетчера о «Русскомъ государствѣ», содержаніе путешествія кавалера Гамба (consul de roi à Tiflis) въ южную Россію и преимущественно въ Закавказскія области. Въ 1840 г. онъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Оттоманской Портѣ, а ко времени его приглашенія на должность воспитателя великихъ князей занималъ важный постъ штургартскаго посланника. Титовъ, занявъ въ концѣ 1856 г. должность инспектора классовъ при дѣтяхъ молодого государя, т. е. ту должность, которая, какъ надѣялся Плетневъ, должна была быть предоставлена Гроту, не былъ подготовленъ къ ответственному званію воспитателя наслѣдника цесаревича; у него не было ни необходимой педагогической опытности, ни достаточнаго свободного времени вслѣдствіе своихъ отношеній къ большому свѣту для посвященія себя всецѣло класснымъ занятіямъ великихъ князей. Естественно, что ему нуженъ былъ опытный помощникъ, который de facto въ значительной мѣрѣ будетъ первенствующимъ практическимъ руководителемъ всего преподаванія. И выборъ его, конечно, не могъ остановиться ни на комъ другомъ, какъ на человѣкѣ, который собственно, по праву и по замысламъ Плетнева, долженъ бы былъ занимать то мѣсто, которое было, однако, предоставлено ему. Яковъ Карловичъ былъ вскорѣ сдѣланъ помощникомъ Титова, но сближеніе ихъ между собою совершилось не сразу, и ему предшествовали нѣкоторые предварительные переговоры, о коихъ нелишне будетъ здѣсь сказать. Необходимо, однако, предварительно замѣтить, что Гротъ встрѣтилъ назначеніе В. Титова безъ всякаго чувства зависти и, основываясь главнымъ образомъ на добрыхъ отзывкахъ Плетнева о новомъ воспитателѣ, молилъ Бога найти въ его лицѣ человѣка себѣ одномыслящаго и преданнаго дѣлу. «Я не хочу сдѣлать шага, чтобы перемѣнить свое скромное положеніе,—говорилъ онъ:—напротивъ, желаю въ немъ остаться, надѣясь, что судьба сама измѣнитъ какъ нибудь къ лучшему воспитаніе Николая и Александра Александровичей и позаботится о ихъ благѣ! Я увѣренъ, что найдется человѣкъ, который будетъ для нихъ полезнѣе меня, а я ограничусь только исполненіемъ своихъ скромныхъ обязанностей».

У Титова сложились опредѣленныя воззрѣнія на дѣло преподаванія дѣтямъ государя, воззрѣнія, съ которыми его будущій помощ-

¹⁾ О Титовѣ см. у Н. Варсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина».

никъ далеко не былъ солидаренъ. Во-первыхъ, онъ полагалъ, что въ томъ возрастѣ, въ которомъ находятся великіе князья, не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія развитію ума. Главное необходимо укрѣплять ихъ память, для чего надлежитъ какъ можно больше заставлять ихъ учить наизусть, какъ говорится—«зубрить да зубрить». Въ этомъ отношеніи семинарская система преподаванія рисовалась ему вполне цѣлесообразною. Во-вторыхъ, онъ считалъ необходимымъ раздѣлить преподаваніе всеобщей исторіи между разными преподавателями по ихъ національностямъ и при томъ на непремѣнномъ условіи, чтобы это преподаваніе велось именно на иностранныхъ языкахъ. Тщетно возражалъ Гротъ противъ такой системы, указывая, что этимъ нарушается единство систематическаго преподаванія, и что лучше предоставить учителямъ иностранныхъ языковъ право сообщать на своихъ урокахъ и въ чтеніяхъ частныя, такъ сказать, біографическіе факты и анекдоты изъ жизни царей и великихъ людей, а чтеніе всей всеобщей исторіи сосредоточить въ однѣхъ рукахъ. Но его возраженія не имѣли успѣха, и всеобщая исторія была раздѣлена между нѣсколькими преподавателями. Въ-третьихъ, Титовъ нашелъ возможнымъ ввести въ число классныхъ предметовъ преподаваніе законовѣднія, для чего и былъ приглашенъ Кавелинъ, читавшій, однако, свой курсъ довольно короткое время. И въ ранней необходимости этой отрасли знанія не сходилъ во мнѣніи Гротъ съ своимъ начальникомъ. По его мнѣнію, слѣдовало сначала укрѣпить и упрочить фактическія историческія знанія наслѣдника, а затѣмъ уже постепенно вводить въ систему преподаванія университетскія науки съ философскимъ характеромъ. Но и здѣсь онъ потерпѣлъ неудачу, и законовѣдніе было включено въ росписание занятій цесаревича.

Чрезвычайно полезною, однако, оказалась внѣшняя реорганизація дѣла преподаванія великимъ князьямъ, честь которой неотъемлемо принадлежитъ Титову. Онъ настоялъ, чтобы воспитательство было отдѣлено отъ учительства, и чтобы никто изъ постороннихъ лицъ, за исключеніемъ, само собою разумѣется, родителей, не присутствовалъ на урокахъ великихъ князей, и чтобы никто не мѣшалъ бесѣдѣ наставниковъ и учениковъ.

Что касается до личныхъ отношеній между Яковомъ Карловичемъ и инспекторомъ классовъ, то эти отношенія, хотя и носили на себѣ вполне дружескій характеръ, однако иногда заволакивались нѣкоторыми недоразумѣніями, проистекавшими главнымъ образомъ изъ несоотвѣтствія педагогическихъ воззрѣній, вслѣдствіе чего Гротъ вынуждаемъ былъ подавать Титову объяснительныя записки, вызывать его на личныя объясненія; и должно замѣтить, что по большей части представленія и мнѣнія автора записокъ принимались въ расчетъ и иногда приводили къ благопріятнымъ результатамъ. Новый воспитатель желалъ какъ бы провести грань между влія-

ніями преподавателей на своихъ воспитанниковъ въ томъ смыслѣ, что оставлялъ за собою поле наибольшаго воздѣйствія на наслѣдника, а остальныхъ предоставлялъ инымъ второстепеннымъ вліяніямъ. И въ подборѣ состава наставниковъ онъ проводилъ нѣкоторое различіе, выдѣляя для цесаревича лучшихъ и наиболѣе дорогихъ учителей, а для остальныхъ учениковъ считая возможнымъ ограничиться болѣе второстепенными. Эти какъ общія тенденціи Титова, такъ и касающіяся Грота лично, какъ преподавателя русскаго языка, не встрѣчали сочувствія послѣдняго, и онъ считалъ нужнымъ поставять своему начальнику на видъ, что родительскому сердцу всѣ дѣти равны, и что еще неизвѣстно, кому промыселъ вручить державныя бразды правленія русскимъ народомъ. Привожу здѣсь одну записку Якова Карловича, извлеченную изъ его драгоцѣннаго архива, которая достаточно рельефно рисуетъ намъ серьезный обликъ царскаго наставника. «Метода, принятая мною для преподаванія ихъ высочествамъ русскаго языка, была результатомъ строго обдуманнаго мною плана и соображенія всего того, что по этому предмету написано лучшими педагогами. Если въ наше время основательное знаніе отечественнаго языка сдѣлалось необходимымъ условіемъ образованія каждаго частнаго человѣка, тѣмъ менѣе могутъ обойтись безъ него лица, которымъ суждено стоять во главѣ общества. Всестороннее знакомство съ нимъ считаю я особенно важнымъ для наслѣдника, которому предназначено быть судьей и двигателемъ отечественнаго просвѣщенія, зиждущагося на преуспѣяніи роднаго слова, какъ орудія національной мысли, науки и искусства. Основными правилами всякаго воспитанія казались мнѣ слѣдующія требованія: все, что ни дѣлаешь, дѣлай хорошо и умѣй отдавать себѣ отчетъ во всемъ, что ни дѣлаешь. Поэтому я рѣшился въ первые годы своего преподаванія наиболѣе приучить ихъ высочества къ размышленію и вниманію сколько это совмѣстно съ ихъ возрастомъ и способностями каждаго. Законы языка въ его главныхъ и, такъ сказать, крупныхъ чертахъ такъ естественны и просты, что осязательны всякому и даже дѣтскому уму. Знакома ихъ высочества съ нужнѣйшими изъ нихъ и всегда подчиняя теорію практикѣ, я никогда не выражалъ ни одной мысли, которая превышала мѣру ихъ развивающихся силъ... Я не хотѣлъ жертвовать точностью и твердостью знанія, развитіемъ ума и привычки къ вниманію тому поверхностному направленію и обманчивому блеску, которые до сихъ поръ, къ несчастію, составляютъ столь общій недостатокъ нашего русскаго образованія»...

Вскорѣ послѣ подачи этой записки между авторомъ ея и Титовымъ произошелъ слѣдующій любопытный разговоръ.

— Вы одинъ изъ тѣхъ людей,—сказалъ Титовъ Якову Карловичу,—о которомъ я слышался болѣе всего хорошаго, и я бы не желалъ, чтобы вы что нибудь въ моихъ словахъ и намѣреніяхъ

могли истолковать вкось; поэтому я хочу объясниться съ вами съ полной откровенностью. Между нами все должно дѣлаться съ полного согласія.

— Я и самъ хотѣлъ просить васъ откровенно объяснить мнѣ ваши планы.

— Именно смотря на васъ, какъ на человѣка высокаго образованія и развитія, мнѣ кажется для васъ слишкомъ низкимъ преподаваніе механизма языка. Вы не должны смотрѣть такъ, что у васъ отнимають предметъ: мы просто всѣ должны работать и распредѣлять работу по удобству и временнымъ требованіямъ.

Слѣдствіемъ этого разговора было то, что Гротъ отказался отъ преподаванія русскаго языка, но съ тѣмъ, чтобы его занятія возобновились съ началомъ преподаванія русской литературы.

Новымъ преподавателемъ языка ко двору государя былъ приглашенъ нѣкто В. И. Классовскій¹⁾, авторъ посредственныхъ учебниковъ: «Краткая исторія русской словесности», «Основанія словесности», «Составъ, формы и разряды словесныхъ произведеній», «Грамматика церковно-славянскаго языка» и нѣкоторые другіе. Классовскій представлялъ собою любопытный типъ искателя истины, бросающійся отъ крайностей позитивизма къ самому мрачному мистицизму. Сомнѣнія, а также экзальтаціи, обуревавшія его отъ времени до времени, оказывали губительное вліяніе на его здоровье и состояніе умственныхъ способностей, такъ что онъ вынужденъ былъ даже брать продолжительные отпуска и заниматься серьезнымъ возстановленіемъ своего здоровья. Въ періоды его отпусковъ Я. К. Гротъ снова возвращался къ отнятому у него преподаванію русскаго языка и успѣвалъ соединять вновь возложенныя на него занятія по инспектурѣ съ учительствомъ этого предмета, а также исторіи и географіи.

Въ октябрѣ 1857 года, по возвращеніи государя съ семьей изъ Царскаго Села, Гротъ былъ представленъ къ должности инспектора классовъ съ слѣдующими обязанностями:

- 1) наблюденіе за приготовленіемъ уроковъ великихъ князей;
- 2) пріисканіе и приготовленіе имъ всѣмъ чтенія;
- 3) чтеніе съ великими князьями по два часа въ недѣлю съ каждымъ;
- 4) участіе въ составленіи учебныхъ руководствъ и другихъ пособій;
- 5) замѣна манкирующихъ преподавателей чтеніемъ или другими занятіями.

Вознагражденіе по настоящей должности было ему увеличено до 3.000 рублей. «Но какъ теперь частое присутствіе мое во дворцѣ становилось еще необходимѣе, то я передалъ въ лицѣ половины лекцій (въ младшемъ курсѣ) вмѣстѣ съ половиной жалованья Перевлѣсскому,

¹⁾ О немъ см. въ журналѣ «Современность», 1877 г., № 25.

говорить онъ въ автобіографіи: такимъ образомъ матеріальное положеніе мое улучшилось только тѣмъ, что мнѣ стали давать квартиру за городомъ (въ Петергофѣ къ натурѣ, а въ Царскомъ Селѣ деньгами)».

Педагогическія тенденціи Грота не измѣнились съ появленіемъ Титова, и онъ попрежнему обращалъ самое тщательное вниманіе на сформированіе характеровъ своихъ учениковъ и, главнымъ образомъ, наслѣдника цесаревича. «По моему мнѣнію очень важно, утверждалъ онъ, чтобъ юноша находилъ какъ въ воспитаніи, такъ и въ ученіи непрерывное противодѣйствіе своей стремительности; съ такимъ ученикомъ нѣтъ надобности заботиться о блестящихъ внѣшнихъ результатахъ, которые достигнуть съ ними легко, и должно все стараніе устремить на разработку внутренней стороны духа, на развитіе въ немъ основательности, трудолюбія, сосредоточенности». Въ характерѣ своего старшаго воспитанника онъ усматривалъ тотъ существенный недостатокъ, что у него преобладаетъ умъ надъ сердцемъ, излишне развито воображеніе. Не имѣя возможности всегда замѣнять часто хворавшаго Классовскаго, онъ рекомендовалъ на эту должность И. А. Гончарова для наслѣдника, а Эвальда для великихъ князей Александра и Владиміра Александровичей. При занятіяхъ по исторіи Россіи и русской словесности Гротъ читалъ, собственно говоря, исторію всего просвѣщенія въ Россіи, наглядно знакомя наслѣдника не только съ твореніями знаменитыхъ писателей, но и со всѣмъ, что о нихъ писано было лучшаго, о ихъ вліяніи на эпоху, о ходѣ просвѣщенія и учрежденіяхъ по этой части во всѣ царствованія, такъ что представлялъ ему полную, пространную картину образованія и умственнаго движенія въ Россіи; сообщалъ также ему всѣ доступныя его возрасту и развитію новости журналистики. Такъ, онъ читалъ вмѣстѣ съ нимъ тѣ статьи изъ журналовъ, которыя могли имѣть просвѣтительное вліяніе на умъ наслѣдника; на примѣръ, «О ѣздѣ по Россіи» (отъ Калязина до Калиша), изъ «Русской Бесѣды», статью Погодина «О происхожденіи крѣпостного права въ Россіи», изъ «Журнала для воспитанія» статью Чумакова «О положеніи учителей въ обществѣ» и многое другое подобное. Касаясь современныхъ ему вѣяній литературы (1850 годы), Яковъ Карловичъ утверждалъ, что «если теперь и заходятъ слишкомъ далеко въ литературѣ, то это именно слѣдствіе прежняго стѣсненія всего, даже разумнаго, нежели теперешняя свобода; что всякія притѣсненія рано или поздно производятъ реакцію, и что мысли нуждаются нѣкоторый просторъ, потому что иначе все, что есть свободнаго, талантливаго, порядочнаго, бываетъ осуждено на бездѣйствіе, затерто и все нисходитъ на уровень посредственности, а это, конечно, вредитъ всякому успѣху».

Какъ видятъ читатели, Гротъ не удалялъ наслѣдника отъ жизни, ставилъ его въ предѣлахъ возможности, конечно, лицомъ къ лицу

съ дѣйствительностью, освѣщая ее, истолковывая ее согласно своему просвѣщенному пониманію и научнымъ даннымъ. Въ положеніи наставника великихъ князей и при томъ человѣка науки, отрицавшаго необходимость въ жизни громкихъ «подвиговъ», блеска и широкихъ задачъ, онъ могъ только скептически относиться къ тѣмъ мечтателямъ, которые считали полезнымъ опредѣлить наслѣдника въ Московскій университетъ или которые, подобно Погодину, въ его извѣстномъ «Письмѣ къ наставнику его императорскаго высочества государя наслѣдника», появившемся въ заграничной печати, создавали слѣдующую фантастическую и несбыточную систему воспитанія царственнаго сына: «Электрическіе токи изъ народа,—писаль Погодинъ Титову,—изъ земли, надо провести въ ихъ учебныя (т. е. великихъ князей) комнаты, надо, чтобы ежеминутно приносились туда свѣжія и любопытныя вѣсти обо всемъ, что происходитъ въ отечествѣ,—въ Казани и Одессѣ, Архангельскѣ и Саратовѣ, въ Сибири и Малороссіи. Живое сообщеніе должно быть устроено съ народомъ такъ, чтобы великіе князья жили одною съ нимъ жизнью, горевали, радовались, веселились, чувствовали по временамъ одинаковый голодъ и жажду, благодарили и молились вмѣстѣ. Надо, чтобы они познакомились со всѣми сословіями, не черезъ театральныя декорации, а побывали бы и у крестьянъ въ избѣ и хлѣву, и у купца въ мелочной лавочкѣ, и у попа, у прозвири въ ихъ хижинахъ, и у подьячаго на чердакѣ; посѣтили бы сѣнокосъ и жатву, крестьянскую свадьбу, похороны, толкучій рынокъ, земскій судъ, пріемный день губернатора; пожили бы въ уѣздномъ городѣ, въ селѣ, на фабрикѣ».

Такого рода иллюзіямъ, само собою разумѣется, Гротъ не могъ сочувствовать, какъ не могъ вполне согласиться съ иною системою, опирающеюся на принципы, совершенно противныя Погодинскимъ народническимъ началамъ, введенные весной 1858 года въ систему преподаванія новымъ воспитателемъ великихъ князей—Гриммомъ.

VII.

Какъ уже сказано выше, Титовъ не былъ педагогомъ по призванію, почему и его нѣкоторые проекты по воспитанію наслѣдника не отличались практичностью и не могли приходиться по сердцу государынѣ Маріи Александровнѣ. Къ числу таковыхъ проектовъ, напримѣръ, долженъ относиться тотъ, по которому предлагалось учредить въ Зимнемъ дворцѣ или по близости его маленькое учебное заведеніе, куда бы поступали наиболѣе способныя дѣти изъ дворянъ лѣтъ наслѣдника и по нисходящимъ степенямъ классовъ возраста его братьевъ, и куда бы дѣти государя ходили учиться. Проектъ Титова внесъ нѣкоторое разочарованіе въ вѣру относительно педа-

гогическихъ способностей наставника, и положеніе его при дворѣ нѣсколько поколебалось. Желая заручиться сильнымъ союзникомъ, вліятельнымъ по своимъ связямъ въ высшихъ сферахъ, Титовъ вызвалъ изъ-за границы «для какихъ-то воспитательныхъ совѣщаній» г. Гримма, по словамъ Грота, человѣка, «вовсе не знавшаго русскаго языка, но слывшаго почему-то отличнымъ педагогомъ». Гриммъ не былъ новичкомъ въ Петербургѣ. Нѣкогда онъ состоялъ гувернеромъ и учителемъ чистописанія въ пансіонѣ Муральта, затѣмъ находился при дѣтяхъ Нессельроде и, повышаясь въ своемъ общественномъ положеніи, благодаря расположенію графа Нессельроде, графа Литке, попалъ, наконецъ, въ инспекторы классовъ къ великому князю Константину Николаевичу. Въ 1858 году Гриммъ жилъ въ Дрезденѣ, имѣя на себѣ высокій русскій чинъ, украшенный орденами и на пенсіи отъ русскаго правительства въ размѣрѣ 3.500 рублей. На основаніи воспоминаній о немъ живыхъ и понынѣ современниковъ, на основаніи его романа изъ петербургскаго высшаго общества «Die Fürstin der siebenten Werst» (запрещеннаго впоследствии въ Россіи, когда авторъ получилъ высокое назначеніе при наслѣдникѣ Николаѣ Александровичѣ), по отзывамъ о немъ заграничной печати, а также на основаніи его научной статьи «Wanderungen nach Südosten» (Berlin, 1855 г.), мы можемъ достаточно наглядно составить себѣ понятіе о личности этого новаго педагога. Гриммъ считалъ, что Россія не имѣетъ ни исторіи, ни литературы, что русскими должно управлять только посредствомъ самаго строгаго режима, идеаль котораго онъ усматривалъ въ правленіи императора Николая Павловича конца 1840-хъ и начала 1850-хъ годовъ. Безъ сильной власти, граничащей съ деспотизмомъ, по его мнѣнію, русскіе всегда останутся ничтожнымъ народомъ, безъ всякаго значенія, потому что сами по себѣ ничего никогда не могли произвести и ни на что не способны. Гриммъ былъ представителемъ того заѣзжаго къ намъ космополитизма, который принесъ Россіи первой половины текущаго столѣтія столько вреда. Типъ такихъ космополитовъ чрезвычайно удачно нарисованъ въ одномъ изъ стихотвореній Грота. Привожу это стихотвореніе полностью, такъ какъ оно очень характерно освѣщаетъ [сатирическую музу Якова Карловича, съ которой читатели еще не успѣли ознакомиться ¹⁾].

КОСМОПОЛИТЬ.

Благородный человѣкъ!
 Какъ мила ему Россія!
 Для нея дескать на вѣкъ
 Бросилъ онъ мѣста родныя.
 Русь отъ сердца полюбя,
 Для нея—не для себя
 Собираетъ они рубли
 Дорогой ему земли.

¹⁾ См. Я. К. Гротъ. Нѣсколько данныхъ къ его биографіи, стр. 133.

Безкорыстный человекъ!
 Въ жертву русскому народу,
 Посвятивъ ему свой вѣкъ,
 Онъ принесъ души свободу!
 Эту нашу любя,
 Для нея—не для себя
 Онъ беретъ то перстень,
 То российский орденъ.

Благородный человекъ!
 Въ пользу русской молодежи,
 На чужбинѣ весь свой вѣкъ,
 Въ школахъ лѣзетъ онъ изъ кожи.
 Нашу службу полюбя,
 Для нея—не для себя
 Онъ ужъ русский гражданинъ
 И приличный носить чинъ.

Скромный, честный человекъ!
 Языкомъ плѣнившись русскимъ,
 Пробивается весь вѣкъ
 Онъ нѣмецкимъ и французскимъ.
 Нравы Руси полюбя,
 Въ честь ея, не для себя
 Онъ ѹ хвастаетъ, и лжетъ,
 И ругаетъ нашъ народъ.

Безкорыстный человекъ!
 Вотъ, набивъ свои карманы,—
 Чтобы дома кончить вѣкъ,
 Ёдетъ онъ въ родныя страны.
 Русь отъ сердца полюбя,
 Для нея—не для себя
 Онъ везетъ съ собой рубли
 Дорогой ему земли.

Дальновидный человекъ!
 Безъ пятна и укорины
 Доживаетъ онъ свой вѣкъ
 Въ городкѣ своей отчины.
 Русь попрежнему любя,
 Ублажаетъ онъ себя
 Русскимъ чиномъ, орденкомъ
 И набитымъ кошелькомъ.

Приѣхавъ въ Петербургъ, Гриммъ скоро отѣснилъ Титова и въ концѣ концовъ занялъ его мѣсто при великихъ князьяхъ, сохранивъ за собою весь окладъ Титова, присвоенный ему по должности посланника при Штутгартскомъ дворѣ. Что же касается бывшего воспитателя, то онъ занялъ высокій постъ члена государственнаго совѣта, а съ 1871 года, по просьбѣ графа Д. А. Толстаго, принялъ на себя трудъ предсѣдателя археографической комиссiи.

Съ вступленіемъ Гримма въ должность воспитателя наслѣдника и его трехъ братьевъ (Александра, Владиміра и Алексѣя Александровичей), система воспитанія значительно измѣнилась. Преобладающими науками въ новой схемѣ росписанія уроковъ явились науки физико-математическія, а также музыка и гимнастика, а изученіе русской исторіи и русской словесности, какъ предметовъ, не заслуживающихъ, по мнѣнію Гримма, серьезнаго вниманія, отошло на второй планъ. Понятно, что новыя вѣянія въ классныхъ комнатахъ великихъ князей противорѣчили основнымъ воззрѣніямъ Якова Карловича, по мнѣнію котораго «въ воспитаніи будущаго государя должны преобладать тѣ науки, которыя разрабатываютъ внутренняго человека, а не тѣ, которыя только знакомятъ его съ внѣшними явленіями природы». Стороннику гуманитарнаго образованія не оставалось болѣе мѣста при новомъ порядкѣ вещей, и онъ, утомленный непосильными трудами, разочарованный во многихъ своихъ благихъ намѣреніяхъ и начинаніяхъ, рѣшилъ подать въ отставку. Наступалъ день совершеннолѣтія государя наслѣдника, гимназическій курсъ наукъ былъ съ нимъ полностью пройденъ, и онъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ откланялся своимъ царственнымъ ученикамъ. Но прежде чѣмъ окончательно распрощаться съ наслѣдникомъ цесаревичемъ; онъ поднесъ ему въ день его совершеннолѣтія альбомъ, гдѣ имѣются чрезвычайно цѣнныя «мысли», завѣщанныя наставникомъ будущему державному вождю русскаго народа. Альбомъ открывается «посвященіемъ», на слѣдующемъ мѣстѣ поставлена «молитва цесаревича», гдѣ встрѣчаются слѣдующія благородныя пожеланія: «Во всѣхъ моихъ поступкахъ пусть выражается благородная степенность, пусть не покидаетъ она меня вполнѣ, даже посреди развлеченій и забавъ. Да присоединится къ ней энергическая твердость воли и низмѣнное самообладаніе. Готовясь нѣкогда управлять другими, я долженъ прежде всего научиться управлять самимъ собою, побѣждать свои слабости, не давать воли страстямъ... Дай мнѣ любовь къ тихимъ занятіямъ, внушивши мнѣ любознательность, которая бы не давала мнѣ покоя, которая бы побуждала меня учиться и читать, пока еще время. Пошли мнѣ любовь къ правдѣ и умѣнье отличать людей преданныхъ отъ лживыхъ и суетныхъ. Но особенно, Господи, молю Тебя объ одномъ: зажги въ сердцѣ моемъ теплую любовь къ человѣчеству. Даруй мнѣ сердѣ любящее, исполненное участія къ ближнему. На высотѣ величія, въ нѣдрахъ обилія и роскоши не дай мнѣ забывать страданій и несчастій, ежеминутно претерпѣваемыхъ вдали отъ меня; дай мнѣ помнить, что Ты поставилъ меня такъ высоко не для собственнаго моего счастья, но для того, чтобъ я способствовалъ къ распространенію счастья между другими, чтобъ я былъ орудіемъ Твоей воли для утвержденія на землѣ царства добра и истины».

Объясняя «особенность положенія» наслѣдника (§ II), Гротъ говоритъ:

«Слава ждетъ Васъ; но помните, что рядомъ съ нею стоитъ и безславіе. Въ этомъ отношеніи Ваше мѣсто гораздо опаснѣе, нежели положеніе всякаго частнаго лица. Если молодой человѣкъ, съ которымъ я сравнивалъ Васъ, измѣнитъ въ послѣдствіи своимъ благороднымъ стремленіямъ, онъ останется въ неизвѣстности, онъ исчезнетъ въ тысячахъ ему подобныхъ, не оставивъ по себѣ слѣда... Но Ваше имя уже заранѣе занесено на страницы исторіи. Вы должны либо прославить, либо обезславить его; тутъ нѣтъ середины: Вы или оправдаете мѣсто, которое опредѣлено Вамъ самимъ рожденіемъ, — тогда Вы прославитесь, или Вы покажете себя недостойнымъ этого мѣста, — тогда Вы унизите свое имя; для Васъ будутъ позоромъ не одни темныя дѣла и ошибки: для Васъ самое отсутствіе великихъ дѣяній будетъ уже безславіемъ».

Въ главѣ о «Правдивости» мы читаемъ:

«Въ самомъ дѣлѣ, кто, если не сильные міра въ особенности, обязаны блюсти правду и распространять ея царство на землѣ? Какъ высоко должны они цѣнить счастье быть поборниками того, въ чемъ выражается воля Провидѣнія, быть на землѣ представителями этой воли! Какъ должны они покровительствовать и поддерживать тѣхъ, которые любовью къ правдѣ становятся ихъ естественными, надежнѣйшими помощниками и сотрудниками! Какъ должны они ненавидѣть и чуждаться тѣхъ, которые посредствомъ лжи, козней и лести заявляютъ себя врагами ихъ чести и славы, врагами отечества, общаго блага и самого Провидѣнія, ибо вооружаются противъ правды значить дѣйствовать противъ вѣчныхъ цѣлей Божьихъ! Но если неправда презрительна и ненавистна въ подданномъ, который, чувствуя свою немощь, ищетъ въ обманѣ незаконнаго оружія силы, — что сказать о вождѣ народовъ, который бы отъ юности не возлюбилъ правды со всѣмъ жаромъ чистой души? Для вѣнценосца нѣтъ тѣхъ побужденій, которыя заставляютъ частное лицо прибѣгать къ лжи. Чтобы говорить правду, ему не нужно даже рѣшимости. Кого трепетать ему, кромѣ Бога? Предъ кѣмъ не посмѣетъ онъ высказать правдиваго слова, совершить правдиваго дѣла? Но для него нужно другого рода мужество: онъ долженъ умѣть выслушивать правду, искать ее, узнавать и принимать безъ гнѣва, даже и тогда, когда бы въ ней заключалось противорѣчіе его собственнымъ мыслямъ и желаніямъ. Могущественный примѣръ государя долженъ рѣшить торжество правды или лжи въ цѣлой странѣ, ибо если зная его — правда и щитъ его свѣтелъ; какъ солнце, то невѣжество и коварство не смѣютъ выползати изъ темныхъ убіжищъ своихъ; а если въ тѣни престола его гнѣздится мракъ лжи, то и нигдѣ въ его царствѣ не восходитъ солнце правды, и все царство его есть царство тьмы».

Коснувшись вопроса «о любви народа къ монарху», авторъ «Мыслей» высказываетъ слѣдующія положенія:

«Государь и народъ должны составлять одно. Нѣтъ на землѣ союза величественнѣе и важнѣе этого, потому что отъ него зависитъ благоденствіе миллионѣвъ; но нѣтъ также союза могущественнѣе, потому что онъ ведетъ государства къ величію и славѣ. Вѣчная хвала тому государю, который понялъ это, который счастье своего народа поставилъ задачею жизни, для котораго внутреннее благосостояніе государства выше блеска оружія, выше шума побѣдъ и завоеваній. Насколько бы онъ ни осуществилъ счастье подданныхъ, но одна забота его о благѣ столькихъ людей пролетѣтъ на него благословенія потомства, яркими чертами впишетъ имя его въ скрижали исторіи».

Наконецъ въ заключительной (XI) гл. «Какъ узнавать истину» Гротъ поучаетъ своего ученика такими соображеніями:

«Отчего правда легко затмевается передъ людьми, высоко стоящими? Оттого, что они по большей части сносятся только съ такими лицами, которыя на лѣстницѣ общественныхъ знаній и должностей стоятъ всего ближе къ нимъ. Такъ какъ не всѣ эти избранные побуждаются въ своихъ дѣйствіяхъ однимъ стремленіемъ къ правдѣ, и нѣкоторые изъ нихъ, напротивъ, бываютъ движимы своими страстями, личными видами, заботою о собственной своей пользѣ, то естественно, что эти нѣкоторые стараются скрыть или представить въ ложномъ свѣтѣ все то, что не согласно съ ихъ собственной выгодой. И такъ человѣкъ, высоко стоящій, находится безпрестанно въ опасности быть обманутымъ, часто даже касательно самыхъ важныхъ и близкихъ для него интересовъ, и это тѣмъ болѣе, что между окружающими его есть люди, всячески старающіеся удалять отъ него тѣхъ, которые могли бы открыть ему глаза. Отсюда ясно, что главное средство узнавать истину заключается въ правилѣ: не гнушаться общенія съ людьми, гораздо ниже насъ стоящими. Часто немногія слова, обмѣненные съ такимъ человѣкомъ, могутъ озарить нашъ умъ внезапнымъ свѣтомъ и вывести насъ изъ долговременнаго заблужденія».

Тутъ же въ «Альбомѣ» помѣщено слѣдующее прекрасное стихотвореніе, посвященное наслѣднику, которое рисуешь намъ высокогуманныя требованія къ жизни, предъявляемыя его авторомъ:

«Минутный призракъ — жизнь земная,
И блескъ и шумъ ея — обманъ;
Но тайна скрыта въ ней святая,
И смыслъ божественный ей данъ.

Тому, что зреть плотское око,
Ты легкой вѣры не давай,
Но въ сокровенное глубоко
Духовнымъ взоромъ проникай.

И вѣдай: многое, что низко,
Стоитъ предъ Богомъ высоко,
И часто въ жизни то къ намъ близко,
Чего мы ищемъ далеко.

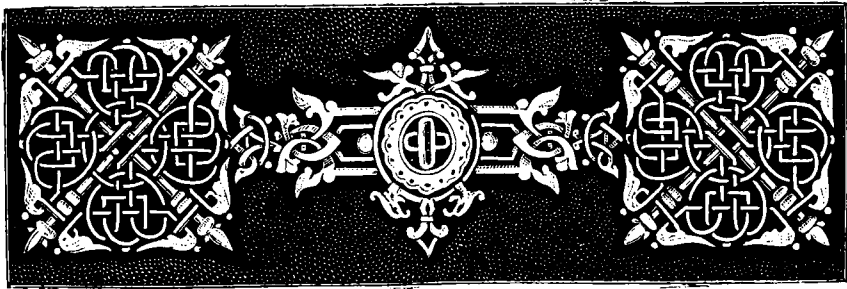
О, воспитай въ себѣ умѣнье
Въ пучинѣ призраковъ и лжи
Провидѣть истины явленье
Очами зоркими души.

Наслѣдникъ былъ очень растроганъ подношеніемъ Якова Карловича и искренно благодарилъ его за прекрасный памятникъ. Разставаніе царственныхъ учениковъ съ наставникомъ носило трогательный характеръ, и великій князь Александръ Александровичъ, обнимая его, со слезами все повторялъ: «Да зачѣмъ вы уходите, Яковъ Карловичъ? Оставайтесь!». Государь императоръ Александръ Николаевичъ былъ также огорченъ уходомъ Грота и на вопросъ Зиновьеву, какой же награды желаетъ наставникъ его сыновей?—получилъ въ отвѣтъ скромное рѣшеніе Якова Карловича не принимать никакихъ высшихъ государственныхъ должностей, кромѣ слѣдуемой ему по положенію и за выслугу пенсіи въ 1500 р. Но государь удвоилъ эту пенсію, перечисливъ въ нее все жалованье, которое Гротъ получалъ послѣднее время, какъ наблюдатель классовъ, т. е. скромный окладъ въ 3000 р.

Въ 1862 г. Яковъ Карловичъ оставилъ службу и въ лицѣ и тѣмъ безвозвратно покончилъ свои отношенія къ педагогическому поприщу, посвятивъ себя всецѣло служенію литературѣ и наукѣ.

Б. Глинскій.

КУРЬЕЗЫ ИЗЪ ВРЕМЕНИ ПОСЛѢДНЯГО ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ.

ВЪ МАѢ 1862 года, въ городѣ Ковелѣ, Волынской губерніи, большая толпа народа собралась въ мѣстномъ костелѣ. Много экипажей окрестныхъ помѣщиковъ стояло вокругъ него, а простонародье — мѣщане и крестьяне, не вмѣщаясь внутри, тѣснились у дверей.

Былъ воскресный день. Я зналъ, что поляки собирались въ то время, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ костелахъ для изліянія своихъ польско-патріотическихъ чувствъ, и мнѣ хотѣлось

узнать, что здѣсь дѣлается.

Съ трудомъ удалось мнѣ пробраться въ костелъ. Я остановился шагахъ въ трехъ отъ входа; пройти дальше не было никакой возможности. Но съ этого мѣста былъ виденъ весь костелъ: чистая публика сидѣла на скамьяхъ и на стульяхъ предъ алтаремъ, а простонародье толпой тѣснилось между скамейками, по сторонамъ ихъ и особенно у входа. На каедрѣ съ лѣвой стороны показался ксендзь и послѣ краткой молитвы сталъ проповѣдывать. Онъ объяснялъ значеніе словъ Спасителя: «блаженни нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное». Подъ нищими духомъ онъ разумѣлъ нищихъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова — калѣкъ, хромыхъ, слѣпыхъ, голодающихъ и безпомощныхъ старцевъ. До пришествія Спасителя въ міръ, — говорилъ ксендзь, — всѣ эти несчастные не пользовались покровительствомъ закона; они были въ тягость всѣмъ, и ихъ бросали въ море, какъ ненужныхъ членовъ общества. При-

шелъ Спаситель, и положеніе вещей измѣнилось. Онъ обратилъ всю свою любовь къ этимъ несчастнымъ, утѣшалъ ихъ, исцѣлялъ и, наконецъ, закрѣпилъ за ними въ неотъемлемую собственность царство небесное.

Что за оказія?—подумалъ я, слушая эту проповѣдь. И къ чему понадобилась ксендзу такая явная, кощунственная, извращающая нравственныя понятія, ложь?

Недоумѣніе мое вскорѣ разрѣшилось. Въ заключеніе своей проповѣди ксендзъ обратился къ толпѣ съ воззваніемъ: «итакъ радуйтесь вы, обездоленные, безпріютные, нуждающіеся въ кускѣ насущнаго хлѣба, не имѣющіе куда преклонить голову! вамъ принадлежитъ царствіе небесное!» Толпа отвѣтила на это воззваніе радостнымъ вздохомъ, довольная собой, своимъ положеніемъ и ксендзомъ. Такъ заигрывалъ ксендзъ съ церковной кафедрой съ просто-народьемъ, на содѣйствіе котораго, какъ извѣстно, много рассчитывали поляки въ началѣ возстанія.

Я былъ очень озадаченъ этой оригинальной проповѣдью и пожелалъ повидаться съ ксендзомъ-проповѣдникомъ. Случай скоро представился: вечеромъ того же дня я встрѣтился съ нимъ въ квартирѣ одного чиновника. Послѣ нѣсколькихъ общихъ словъ, я прямо перешелъ къ интересовавшему меня предмету и высказалъ ксендзу свое удивленіе по поводу его проповѣди.

— А что такое?—спросилъ ксендзъ.

— Да какъ же вы позволяете себѣ говорить съ церковной кафедрой, откуда должно исходить только слово истины, явную, завѣдомую неправду? Видѣть каждый подростокъ, сколько нибудь учившійся, знаетъ, что подъ нищими духомъ въ ученіи Спасителя о блаженствѣ надо разумѣть не обыкновенныхъ нищихъ, между которыми такъ много воровъ и мошенниковъ, совершенно непригодныхъ для царства небеснаго, а людей смиренныхъ, сознающихъ свое безсиліе въ дѣланіи добра и приписывающихъ всякое доброе дѣло дѣйствию Божьей благодати.

— Ну васъ съ этими отвлеченностями!—замѣтилъ ксендзъ,—мы не занимаемся ими въ своихъ проповѣдяхъ. У насъ принято говорить проповѣдь *ad hominem*, только бы подѣйствовать на чувство слушателя. Вы замѣтили, какой глубокой вздохъ раздался въ костелѣ въ отвѣтъ на мое послѣднее воззваніе. Значитъ, цѣль моя достигнута: я подѣйствовалъ на сердце слушателя.

Но для чего понадобилось вызывать въ народѣ бессмысленные вздохи, ксендзъ такъ и не пояснилъ мнѣ.

Разговоръ перешелъ затѣмъ къ интересовавшему тогда всѣхъ предмету—польскому возстанію. Бессмысленность его была очевидна для всѣхъ здравомыслящихъ людей: не существовало никакихъ поводовъ къ возстанію, никакихъ ресурсовъ на успѣхъ его. Въ этомъ смыслѣ началъ и я свой разговоръ съ ксендзомъ.

— Не бессмысленно ли, — сказалъ я, — поднимать знамя бунта въ то время, когда государь такъ милостивъ къ полякамъ, поставилъ польскаго аристократа во главѣ управленія царствомъ и предоставилъ полякамъ всевозможныя льготы. Притомъ нѣтъ никакого основанія рассчитывать на успѣхъ возстанія. Глупо было бы думать, что необученный и плохо вооруженный сбродъ можетъ побѣдить миллионную, правильно организованную русскую армію.

— Русскія войска, — сказалъ ксендзъ, — это скотъ, который гонятъ кнутомъ, а повстанцы — это герои, убѣжденные воины, для которыхъ мало десяти русскихъ солдатъ на одного повстанца. Кромѣ того, насъ поддержитъ Наполеонъ, а за нимъ и другіе.

Этотъ взглядъ на русскаго солдата и на героя-повстанца, эти надежды на Наполеона поддерживали въ началѣ возстанія мятежный духъ у большинства поляковъ. Какъ скоро пришлось имъ разочароваться!

Но особенно поразило меня въ отвѣтъ ксендза сужденіе его о значеніи благодѣяній государя для Польши.

— Для Польши, — сказалъ ксендзъ, — не нуженъ такой царь. Вотъ императоръ Николай былъ настоящимъ для насъ царемъ. Онъ держалъ насъ въ ежовыхъ рукавицахъ, жалъ насъ и этимъ поддерживалъ польскій духъ, не далъ заглухнуть польской идеѣ. А нынѣшній государь гладитъ насъ по головкѣ, чтобы совсѣмъ сгладить съ лица земли.

На такое сужденіе о благодѣяніяхъ государя я могъ только отвѣтить, что мнѣ теперь совершенно понятенъ смыслъ извѣстной польской пословицы: «пока существуетъ міръ, полякъ не будетъ братомъ русскаго», но виновны въ такой глубокой розни, какъ выходитъ изъ нашего разговора, не русскіе, а поляки.

— Мы не можемъ довольствоваться никакими льготами, — продолжалъ ксендзъ, — пока не предоставлена католическому духовенству свобода пропагандировать католическое ученіе среди православныхъ. Въ настоящее время мы, ксендзы, стѣснены въ выполненіи своей священной обязанности. Будь я свободенъ въ своей миссіонерской дѣятельности, я обратилъ бы въ католичество всю Волынскую губернію въ годъ-два, а много въ три года.

— Слишкомъ много самоувѣренности въ этихъ словахъ, — замѣтилъ я, — и полное невниманіе къ свидѣтельству исторіи. Нашъ православный народъ втеченіе многихъ вѣковъ подвергался гоненіямъ со стороны католическаго духовенства, когда была предоставлена ксендзамъ полная свобода дѣйствій, однако не безъ успѣха боролся съ врагами своей вѣры и сохранилъ ее до нашего времени. Теперь же и подавно нечего думать о полномъ торжествѣ католичества; теперь правительство своей мощной рукой оградило православныхъ отъ посягательства ксендзовъ. Не спорю, что, не буди этой защиты, католическая пропаганда могла бы имѣть значитель-

ный успѣхъ, благодаря извѣстной ловкости ксендзовъ, апатіи православнаго духовенства и невѣжеству народа. Но успѣхъ при такихъ условіяхъ былъ бы сомнителенъ, непроченъ и вовсе не доказывалъ бы нравственной силы миссіонеровъ. Попробуйте склонить на свою сторону человѣка убѣжденнаго. Вотъ я, на примѣръ, предлагаю убѣдить меня въ истинѣ католичества.

На это предложеніе ксендзъ отвѣтилъ иронически: «къ чему мнѣ такая паршивая овца». Въ такой шутливой формѣ онъ выразилъ опредѣленную мысль, что человѣкъ, сознательно убѣжденный въ истинѣ православія, для него потерянный человѣкъ, и что онъ можетъ ловить рыбу только въ мутной водѣ.

Вскорѣ послѣ описанной встрѣчи, ксендзъ викарій позволилъ себѣ сдѣлать фальшивое заявленіе съ костельной кассы по слѣдующему поводу. Мѣстная полиція увѣдомила настоятеля костела о правительственномъ распоряженіи, которымъ воспрещалось совершать въ костелахъ общественныя панихиды безъ вѣдома и согласія полиціи. Распоряженіе вызвано было тѣмъ, что въ костелахъ совершали въ то время панихиды по пяти мученикамъ, то есть по пяти убитымъ во время устроенной варшавской чернью манифестаціи передъ домомъ намѣстника, и на этихъ панихидахъ, совершаемыхъ съ явною цѣлю возбуждать въ массахъ католическаго населенія неудовольствіе противъ правительства, были собираемы деньги для революціонныхъ цѣлей. Ксендзъ викарій передалъ это распоряженіе прихожанамъ въ извращенномъ видѣ. «Отнынѣ,—сказалъ онъ,—если хотите молиться, обращайтесь за совѣтомъ и благословеніемъ не въ костель, а въ полицію». За такой дерзкій поступокъ его сослали въ одинъ изъ православныхъ монастырей сѣверной Россіи.

Подобное враждебное отношеніе ко всему русскому замѣтно было и у другихъ ксендзовъ, съ которыми приходилось мнѣ встрѣчаться. Они не были только такъ откровенны, какъ ковельскій викарій.

Кромѣ мѣстныхъ враговъ, во время возстанія появлялось на Волыни много разныхъ проходимцевъ изъ царства Польскаго, рыскавшихъ по губерніи съ цѣлю возбуждать мятежный духъ въ польскомъ населеніи и собирать деньги на революцію. Одинъ изъ такихъ проходимцевъ, ксендзъ, прибылъ въ домъ помѣщицы С..., въ имѣніи ея въ Луцкомъ уѣздѣ. Мѣстный приходскій священникъ замѣчалъ и прежде, что какія-то неизвѣстныя, подозрительныя личности наѣзжаютъ въ домъ помѣщицы, и собирався уже дать знать объ этомъ военному начальству, какъ вдругъ, съ появленіемъ подозрительнаго ксендза въ деревнѣ, рѣшилъ явиться къ начальству не съ голословнымъ только заявленіемъ, а съ вещественнымъ, такъ сказать, доказательствомъ, или, какъ выразился батюшка, съ личнымъ. Нимало не медля, онъ взялъ нѣсколько надежныхъ крестьянъ и отправился съ ними къ дому помѣщицы.

Быль вечеръ. Яркій свѣтъ блисталь въ окнахъ помѣщичьяго дома, и видно было, какъ собиравшееся общество окружило ксендза и внимательно прислушивалось къ его рѣчамъ, а ксендзъ съ какимъ-то листкомъ въ рукѣ, занимая почетное мѣсто, горячо ораторствовалъ. Не сомнѣваясь болѣе, что это агентъ народоваго жонда, священникъ смѣло вошелъ съ крестьянами въ залъ и приказаль имъ арестовать ксендза. Все это онъ продѣлаль такъ неожиданно, рѣшительно и быстро, что ксендзъ безпрекословно отдался въ руки, и никто изъ присутствовавшихъ не оказалъ сопротивленія.

Въ ту же ночь отвезли ксендза въ г. Владиміръ, гдѣ была тогда главная квартира командующаго войсками на Волыни, генерала Козлянинова. На другой день священникъ самъ передалъ ксендза генералу и вручилъ ему революціонную прокламацію, взятую изъ рукъ виновнаго. Генераль обнялъ священника и благодарилъ его за этотъ патріотическій поступокъ.

Между тѣмъ, помѣщица, не теряя времени, подала жалобу волинскому епархіальному архіерею, Антонію, въ которой, не упоминая объ арестѣ ксендза въ ея домѣ, указала на возмутительное нахальство, съ какимъ священникъ вторгся въ домъ ея и разогналъ ея гостей при помощи крестьянъ. Послѣдовала резолюція преосвященнаго: «произвести строгое дознаніе, а священнику запретить священнослуженіе».

Священникъ не боялся слѣдствія и не сомнѣвался въ благопріятномъ исходѣ его, такъ какъ считаль себя правымъ. Но запрещеніе священнослуженія сильно возмущало его: это наказаніе роняло авторитетъ священника въ глазахъ прихожанъ. Чтобы выйти изъ непріятнаго положенія, ему не оставалось другого средства, какъ лично объясниться съ преосвященнымъ, рассказать ему, какъ было дѣло, и вывести изъ заблужденія, въ которое ввела преосвященнаго помѣщица своей жалобой. Но, явившись въ возбужденномъ состояніи, онъ не сумѣлъ рассказать толково своего дѣла.

— Помѣщица невѣрно передала въ своей жалобѣ мой поступокъ,—сказаль священникъ.—Я не только вторгся въ домъ ея, но и схватилъ бывшаго у нея ксендза.

— Ну, что-жь,—замѣтилъ преосвященный,—ты схватилъ ксендза, потому что сильнѣе его (священникъ дѣйствительно былъ атлетическаго сложенія), а будь ксендзъ покрѣпче, онъ схватилъ бы тебя.

— Да вѣдь это—ксендзъ агитаторъ.

— А ты почему знаешь? Это не твое дѣло.

Такъ и ушелъ священникъ отъ архіерея ни съ чѣмъ.

Впрочемъ, дѣло его вскорѣ приняло благопріятный оборотъ. Командующій войсками отнесся къ архіерею съ запросомъ, нѣтъ ли препятствія къ награжденію священника орденомъ. Не знаю, что отвѣтилъ преосвященный, но запрещеніе священнослуженія было тотчасъ отмѣнено.

Приведенный примѣръ воинствующаго священника быть, кажется, единственный на Волыни за все время возстанія. Отъ православнаго духовенства, которому вообще не къ лицу воинственность, трудно и ожидать повторенія подобныхъ случаевъ. Не выходя изъ круга своихъ обязанностей, священникъ могъ заявить администраціи о появившихся въ деревнѣ подозрительныхъ личностяхъ, но дальнѣйшія мѣры преслѣдованія этихъ лицъ, въ томъ числѣ и арестъ ихъ, долженъ былъ предоставить установленной на то власти. Въ этомъ смыслѣ имѣлъ основаніе и преосвященный Антоній относиться съ недоувѣріемъ къ заявленіямъ священника.

Резолюція преосвященнаго о запрещеніи священнику священнослуженія, послѣдовавшая прежде, чѣмъ справедливость обвиненія подтверждена была слѣдствіемъ, была вызвана, по всей вѣроятности, чрезвычайною важностью взведеннаго на священника обвиненія. Но не безъ значенія могло быть въ данномъ случаѣ и очень невыгодное мнѣніе преосвященнаго о волынскомъ духовенствѣ вообще. Онъ считалъ это духовенство строптивымъ, ополченнымъ и рѣшительно не удовлетворяющимъ своему назначенію — служить оплотомъ православія и русской народности. Когда бывшій генераль-губернаторъ Юго-Западнаго края, Безакъ, въ своихъ заботахъ по обрусенію края, призналъ необходимымъ замѣнить волынское и подольское духовенство, какъ не удовлетворяющее своему назначенію, великорусскимъ духовенствомъ, преосвященный Антоній отнесся весьма сочувственно къ такой мѣрѣ и, какъ говорятъ, подписалъ проектъ, составленный въ этомъ смыслѣ генераль-губернаторомъ. Но проекту не суждено было осуществиться. Святѣйшій синодъ, куда поступилъ проектъ на разсмотрѣніе, отнесся къ дѣлу, какъ и слѣдовало ожидать, съ величайшею осторожностью. Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію проекта, онъ предложилъ кievскому митрополиту Арсенію, который въ теченіе многихъ лѣтъ управлялъ Подольской и Волынской епархіями, высказать свое мнѣніе по данному вопросу. Митрополитъ Арсеній далъ лестный отзывъ о духовенствѣ обѣихъ епархій и въ заключеніе высказалъ мнѣніе, что было бы величайшею несправедливостью примѣнять такую суровую мѣру къ тому духовенству, которое въ теченіе многихъ вѣковъ, въ преемственномъ рядѣ поколѣній, вынесло на своихъ плечахъ всѣ трудности и невзгоды борьбы за православіе и русскую народность.

Нельзя, однако, сказать, чтобы не было основаній для невыгоднаго мнѣнія о волынскомъ духовенствѣ того времени. Преосвященный Антоній, имѣвшій обыкновеніе дѣлать замѣчанія священникамъ въ церкви, подчасъ въ рѣзкой формѣ, по поводу разныхъ упущеній и безпорядковъ, встрѣчалъ оскорбительные для него протесты, вмѣсто скромнаго подчиненія его требованіямъ. Эти оскорбленія были такъ многочисленны и оставили въ немъ такое тяже-

лое воспоминаніе, что въ первой своей рѣчи на владимірской каедрѣ, которую занималъ преосвященный послѣ волинской, онъ выразился: «Благодарю Бога, что вывелъ меня изъ земли египетской». Тамъ же, во Владимірѣ, онъ разсказалъ въ кругу своихъ близкихъ, для характеристики волинскаго духовенства, интересный эпизодъ изъ времени своего управленія Волинскою епархіей.

Однажды, во время проѣзда преосвященнаго по епархіи для ревизіи церквей, выѣхалъ къ нему навстрѣчу священникъ изъ ближайшаго села, остановилъ экипажъ и подошелъ за благословеніемъ.

— Откуда ты?—спросилъ преосвященный.

— Я настоятель церкви ближайшаго села, куда ваше высокопреосвященство изволите ѣхать.

— Зачѣмъ же ты выѣхалъ сюда? Ты обязанъ встрѣтить меня въ своей церкви.

— Знаю это. Но знаю также и то, что вы имѣете обыкновеніе бранить священниковъ въ церкви, въ присутствіи прихожанъ. Если вамъ угодно бранить и меня, дѣлайте это здѣсь, въ открытомъ полѣ, а оскорблять себя въ церкви, въ присутствіи прихожанъ, я не позволю.

— И такихъ случаевъ,—прибавилъ преосвященный,— не перечесть ¹⁾.

Характерно въ настоящемъ разсказѣ то, что возмутительное отношеніе священника къ архіерею представляется здѣсь, не какъ вспышка грубой натуры, а какъ проявленіе польскаго гонора съ его отличительными свойствами — болѣзненной чувствительностью самолюбія и высокоуміемъ.

Духовенство, среди котораго было много лицъ съ такими непривлекательными нравственными чертами, невыгодно отличалось отъ скромнаго и непритязательнаго великорусскаго духовенства. Ошибка преосвященнаго заключалась въ томъ, что онъ не обратилъ въ свое время надлежащаго вниманія на эту особенность среды, въ которой предстояло ему дѣйствовать, и относился къ духовенству на Волини такъ же, какъ относился прежде къ великорусскому духовенству. Вышло не ладно. Одни и тѣ же отношенія были приняты различно тѣмъ и другимъ духовенствомъ. Поясню это примѣромъ.

Какъ-то на завтракѣ у преосвященнаго въ Почаевской лаврѣ былъ въ числѣ гостей настоятель Мелецкаго первокласснаго монастыря, архимандритъ Серафимъ, великоросъ по происхожденію. Преосвященный предложилъ ему опредѣлить напитокъ въ одной изъ стоявшихъ на столѣ бутылокъ. То была «сливянка». Но архиман-

¹⁾ Эти свѣдѣнія передать мнѣ учитель полтавской гимназіи Н. Из—ій, уроженецъ Владимірской губ., присутствовавшій во Владимірскомъ соборѣ при встрѣчѣ преосвященнаго Антонія.

дритъ ошибся въ опредѣленіи и сказалъ: это—венгерское вино.— «О дуракъ, братъ»,—замѣтилъ съ улыбкой преосвященный. Возвратившись въ свой монастырь, архимандритъ разсказалъ мнѣ эту исторію и въ заключеніе прибавилъ: «какой простой, искренній и добрый человекъ нашъ преосвященный».

Волынское духовенство не поняло бы этой простоты.

Еще больше смущалъ русскихъ людей польскій языкъ, служившій разговорнымъ языкомъ въ кругу духовенства. Почти всѣ священники говорили попольски, но не многіе могли говорить удовлетворительно порусски. А въ нѣкоторыхъ уѣздахъ польскій языкъ былъ господствующимъ и вытѣснилъ изъ употребленія русскій языкъ. По крайней мѣрѣ, я могу утверждать это относительно Ковельскаго уѣзда, гдѣ имѣлъ возможность быть въ близкихъ отношеніяхъ къ мѣстному духовенству въ теченіе четырехъ слишкомъ лѣтъ, проведенныхъ мною въ этомъ уѣздѣ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Въ 1861 году, зашелъ ко мнѣ какъ-то священникъ села Личинъ, о. Л—скій. Послѣ привѣтствія на польскомъ языкѣ, онъ заговорилъ на томъ же языкѣ о цѣли своего посѣщенія.

— Батюшка, пожалуйста, не говорите со мною попольски,—сказалъ я:—я не полякъ и не говорю попольски.

Смущенный священникъ отвѣтилъ, что не владѣетъ русскимъ языкомъ. Дѣйствительно онъ пытался было говорить со мною порусски, но выходило нѣчто ужасное, какая-то странная смѣсь польскихъ и русскихъ словъ.

— Какъ же это вы, православный священникъ, успѣли такъ скоро забыть русскій языкъ?—спросилъ я.—Вѣдь вы окончили курсъ семинаріи въ 1857 году, и не прошло четырехъ лѣтъ, какъ успѣли забыть то, чему учились больше десяти лѣтъ.

— Я и въ семинаріи плохо зналъ русскій языкъ, былъ близокъ съ товарищами, которые говорили со мною на польскомъ языкѣ, а по окончаніи курса, все время, какъ состою священникомъ, ни разу ни съ кѣмъ не говорилъ порусски.

Послѣ случалось мнѣ часто бывать въ домахъ священниковъ, преимущественно на многолюдныхъ вечернихъ собраніяхъ. Получалось впечатлѣніе такое, какъ будто вы въ гостяхъ не у православнаго священника, а у какого нибудь зажиточнаго шляхтича. Во всѣхъ комнатахъ стоялъ гулъ отъ польской рѣчи. Священники могли еще поддерживать кое-какъ разговоръ на русскомъ языкѣ, а жены ихъ и дѣти ни слова не говорили порусски и даже не понимали русской рѣчи.

При недостаточномъ знаніи русскаго языка священники не исполняли главнѣйшей своей обязанности—учительской. Одинъ изъ выдающихся дѣятелей того времени на Волыни очень удачно охарактеризовалъ ихъ, назвавъ требисполнителями, а не народ-

ными учителями. Правда, сельскіе священники говорили проповѣди поочередно въ праздничные дни въ соборахъ уѣздныхъ городовъ; но то было мертвое слово, и притомъ взятое, большею частью, напрокатъ изъ ученическихъ тетрадей семинаристовъ. Между тѣмъ была настоящая потребность въ живомъ словѣ, въ систематическомъ раскрытіи и уясненіи православнаго ученія, въ виду враждебныхъ посягательствъ католичества. Крестьяне рѣшительно не понимали различія по существу между католичествомъ и православіемъ, посѣщали безразлично костелы и православные храмы, исповѣдывались у ксендзовъ, особенно въ большіе католическіе праздники—Тѣла Господня, св. Антонія и др., и попадали, такимъ образомъ, при извѣстной ловкости ксендзовъ, въ число прихожанъ костела. Много было единичныхъ случаевъ совращенія крестьянъ, а въ городѣ Кременецъ весь приходъ Богоявленской церкви оказался неожиданно окатоличеннымъ. Всѣ прихожане этой церкви изъ года въ годъ исповѣдывались и приобщались въ мѣстномъ костелѣ и были записаны по костельнымъ исповѣднымъ книгамъ; но не знали объ этомъ ни благочинный, жившій въ томъ же городѣ, ни приходскій священникъ. Жандармское управленіе узнало о совращеніи и увѣдомило архіерея. Это случилось при архіепископѣ Арсеніи, накануне польскаго возстанія.

Умственная безпомощность крестьянъ сказывалась не только въ религиозномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Крестьяне не понимали значенія совершавшихся тогда событій, не знали, что дѣло шло о защитѣ священныхъ завѣтовъ ихъ предковъ, что борьба велась для защиты православной вѣры и всѣхъ основъ русскаго народнаго быта. Отсюда становится понятнымъ странный вопросъ, съ которымъ въ простотѣ сердца обратились ко мнѣ три крестьянина въ самый разгаръ возстанія: «Зачѣмъ царь ведетъ войну съ поляками, гонить войска въ Польшу и поднимаетъ на ноги все населеніе? Не лучше ли было бы, если бы царь лишилъ взбунтовавшихся поляковъ своего покровительства, далъ имъ короля и только насъ оставилъ подъ своей мощной рукой?». Борьба съ поляками имѣла для крестьянъ единственный понятный смыслъ, какъ борьба съ помѣщиками—ихъ угнетателями, съ господами, которымъ они поработены,—однимъ словомъ, сводилась къ рѣшенію аграрнаго вопроса.

Во время возстанія правительство привлекло крестьянъ къ активному участию въ борьбѣ. На нихъ возложена была обязанность слѣдить въ селахъ за проѣзжающими и задерживать безпаспортныхъ и подозрительныхъ лицъ. Съ этою цѣлью были устроены караулы изъ крестьянъ, которые по ночамъ расхаживали по деревнѣ съ громадными колыями въ рукахъ и съ крикомъ «ведро» ¹⁾.

¹⁾ По всей вѣроятности, испорченное нѣмецкое выраженіе: weg da—кто тамъ?

Но крестьяне не умѣли различать своихъ отъ чужихъ; все, что не изъ ихъ среды, они считали подозрительнымъ. Не слышно было, чтобы крестьянамъ удалось задержать какое нибудь подозрительное лицо, а людей благонамѣренныхъ, русскихъ и притомъ хорошо имъ извѣстныхъ, задерживали, требовали у нихъ паспортовъ и, за отсутствіемъ грамотныхъ между караульными, тащили къ писарю, иногда за двѣ-три версты въ сторону отъ дороги. За свою неосмотрительность часто получали они порядочную потасовку, особенно отъ проѣзжавшихъ офицеровъ. Такъ бывало ночью, а днемъ каждый проѣзжающій долженъ былъ росписаться въ книгѣ, кто онъ, куда и откуда ѣдетъ. Книга находилась въ корчмѣ, подъ наблюдениемъ сторожа изъ крестьянъ. Насколько эта мѣра была несостоятельна, я могъ убѣдиться во время своего проѣзда изъ Кременца въ гор. Острогъ. У корчмы одного села сторожъ остановилъ меня и пригласилъ въ корчму росписаться въ книгѣ. Вхожу, раскрываю книгу и вижу въ ней много записей, но ни одной дѣйствительной фамиліи; всѣ фамиліи заимствованы изъ Гоголя: Держиморда ѣдетъ изъ Кременца въ острожскій уѣздный судъ, Ляпкинь-Тяпкинь по своимъ дѣламъ, Чичиковъ къ невѣстѣ. Я посмѣялся, росписался и поѣхалъ дальше. На обратномъ пути останавливаюсь у той же корчмы и спрашиваю сторожа, надо ли росписаться. «Нѣтъ, не надо!—отвѣтилъ крестьянинъ,—приставъ взялъ книгу и сказалъ: пусть лучше ничего не пишутъ, чѣмъ писать чортъ знаетъ что». Такъ отсутствіе грамотныхъ крестьянъ въ деревнѣ парализовало практичную, повидимому, мѣру.

Всѣ эти недостатки духовенства и кореннаго православнаго населенія Волыни особенно рѣзко бросались въ глаза въ то исключительное время. Необходимость устраненія ихъ была признана всѣми, кто интересовался успѣхомъ русскаго дѣла на Волыни. Не могъ не сознавать этой необходимости и митрополитъ кievскій Арсеній, о которомъ вспоминаетъ Волынская епархія, какъ о просвѣщенномъ пастырѣ и мудромъ администраторѣ. Но онъ расхотѣлся въ мнѣніи о средствахъ къ достиженію цѣли съ тѣми, кто готовъ былъ, въ видахъ обрусенія края, дѣлать насильственные эксперименты надъ мѣстною жизнію, въ родѣ замѣны мѣстнаго духовенства великорусскимъ. Польза отъ перемѣщенія на Волынь великорусскихъ священниковъ, по меньшей мѣрѣ, была слишкомъ гадательна. Великорусское духовенство, не знакомое съ мѣстными условіями жизни, могло и само тяготиться своимъ новымъ положеніемъ и быть въ тягость населенію. Мы помнимъ, какъ архимандритъ Серафимъ, о которомъ упомянуто въ нашемъ разсказѣ, возмущался тѣмъ, что мѣстный простолудинъ ѣстъ борщъ, а не кислоти, съ краской въ лицѣ дѣлалъ рѣзкіе выговоры крестьянкамъ, которыя называли себя «Галка», «Параска», а не «Агаея», «Прасковья». Съ другой стороны, не было основаній смотрѣть на мѣстное духо-

венство, какъ на зачумленное, не способное при болѣе благоприятныхъ условіяхъ удовлетворить своему назначенію. Нельзя винить лично священниковъ за то, что они говорили попольски. Могло ли и быть иначе, когда повсюду слышалась только польская рѣчь? Попольски говорили помѣщики, торговцы и даже чиновники въ присутственныхъ мѣстахъ, переполненныхъ лицами польскаго происхожденія. Измѣнились обстоятельства послѣ возстанія: чиновничьи мѣста заняты русскими людьми, явилось на Волыни много русскихъ помѣщиковъ,—и не слышно болѣе польской рѣчи въ кругу духовенства. И для просвѣтительной дѣятельности духовенства были тогда неблагоприятныя условія. То было время крѣпостного права, когда высокое званіе «человѣкъ» съ трудомъ усвоилось рабу-крестьянину, и никому въ мысль не приходило учить тяглыхъ людей. Послѣ освобожденія крестьянъ просвѣтительная дѣятельность духовенства оживилась, особенно въ послѣднее время, когда на духовенство возложена обязанность взять въ свои руки дѣло народнаго образованія. Впрочемъ, успѣхи въ этомъ трудномъ дѣлѣ пока весьма незначительны. При взглядѣ на темную массу населенія Волыни все-таки приходится сказать: «жатва многа, а дѣлателей мало».

Л. Омелянскій.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

В ЯНВАРЯ 21-го исполнится пятидесятилѣтіе со дня основанія Географическаго Общества, играющаго въ исторіи развитія нашего общественнаго самосознанія такую выдающуюся роль. Общество это, несмотря на свое сравнительно кратковременное существованіе, успѣло вступить въ столь неразрывные узы со всею русской жизнью, что рѣшительно трудно указать тѣ стороны и сферы, куда бы оно такъ или иначе не простирало своего вліянія, гдѣ бы оно не оказало существенной, вполнѣ осязательной пользы. Археологія, статистика, географія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, антропологія, лингвистика, разныя физико-математическія науки, переселенческій вопросъ, уголовное судопроизводство, кустарные промыслы и проч. и проч.—ведѣ наблюдаются слѣды плодотворной работы членовъ этого общества. Славянскій міръ многимъ обязанъ обществу своимъ сближеніемъ съ Россіей. Западная Европа и германо-романскій міръ также черезъ него во многихъ отношеніяхъ получили правильное понятіе о Россіи и ея народностяхъ; многолюдные конгрессы европейскіхъ ученыхъ часто видѣли въ своей средѣ нашихъ русскихъ представителей научной мысли, которые иногда занимали на этихъ конгрессахъ первенствующее мѣсто (вице-предсѣдатель общества П. П. Семеновъ на послѣднемъ международномъ конгрессѣ въ Лондонѣ). Наконецъ, именно Географическое Общество своими блестящими экспедиціями примирило иноземный міръ съ русскимъ гениемъ и доказало, что если наши сосѣди по праву съ гордостью называютъ имена Гум-

болѣе, Стенли и другихъ, то и мы съ неменьшимъ правомъ можемъ указывать, какъ на предметъ отечественной гордости, на такихъ ученыхъ путешественниковъ, каковы: Крузенштернъ, Пржевальскій, Сѣверцовъ, Слѣпцовъ и многіе иные. Если опять-таки западь опередилъ насъ во многихъ отрасляхъ знанія, то въ области географической науки мы съ величайшимъ успѣхомъ догнали своихъ старшихъ братьевъ. Организация экспедицій поставлена у насъ съ научной стороны блестяще, и мировѣдѣніе въ лицѣ русскихъ отважныхъ путешественниковъ и снаряжавшаго ихъ ученаго общества обрѣло въ нашемъ отечествѣ истинныхъ друзей и неутомимыхъ поборниковъ. Даже наша государственная власть, опираясь на пытлиность ученыхъ, вышедшихъ изъ нѣдръ Географическаго Общества, въ значительной степени обязана имъ своими поступательными успѣхами на Востокъ и въ глубь Центральной Азіи, къ этой колыбели человечества. Естествознаніе и статистика, ставшія въ наши дни краеугольнымъ камнемъ всякаго опытнаго знанія, на которомъ зиждется вся современная жизнь, пріобрѣли въ лицѣ Географическаго Общества того могущественнаго покровителя, который, говоря безъ преувеличеній, реформировалъ нашу экономическую жизнь. Еще менѣе 50 лѣтъ тому назадъ у насъ слышались возгласы противъ методовъ статистики; много борьбы грубой и невѣжественной сгруппировалось вокругъ этого вопроса, и только настойчивый голосъ Географическаго Общества заставилъ смолкнуть невѣжественные толки. Оно поставило въ большинствѣ нашихъ правительственныхъ главныхъ учрежденій своихъ адептовъ и пионеровъ и побудило тѣмъ руководствоваться въ рѣшеніяхъ практическихъ вопросовъ непреложными законами истины. Одна эта мирная побѣда просвѣщенія надъ мракомъ чего стоитъ!

Черезъ три недѣли отъ выхода настоящей книжки потекутъ въ ученое общество поздравленія и благопожеланія всей Русской земли. Желая и съ своей стороны принести лепту на этотъ свѣтлый праздникъ мысли, «Историческій Вѣстникъ» присоединяетъ и свой голосъ къ общему чествованію и, опережая нѣсколько событіе, спѣшить сообщить своимъ читателямъ краткую исторію возникновенія Географическаго Общества и главные моменты его жизни. Источникомъ для настоящаго очерка послужила обширная (въ 80 печатн. листовъ) исторія Императорскаго Географическаго Общества, имѣющая выйти ко дню юбилея, съ которою мы имѣли возможность ознакомиться въ корректурныхъ листахъ, благодаря просвѣщенной любезности ея составителя, предсѣдателя Общества, сенатора Петра Петровича Семенова.

Мысль объ основаніи Русскаго Географическаго Общества родилась впервые въ 1844 г., когда великому князю Константину Николаевичу только что минуло 17 лѣтъ отъ роду. Возведенный съ

ранняго дѣтства своимъ родителемъ, императоромъ Николаемъ I въ званіе генераль-адмирала, онъ подъ руководствомъ вице-адмирала, ген.-адъютанта, *Ө. П. Литке* получилъ обширныя познанія въ наукахъ физико-математическихъ и географическихъ. Въ видахъ удовлетворенія любознательности талантливаго великаго князя, *Ө. П. Литке* и преподаватель статистики и географіи, извѣстный *К. И. Арсеньевъ*, задумали учредить Географическое Общество, которое бы состояло подъ предсѣдательствомъ великаго князя *Константина Николаевича*. Мысль эта, главная цѣль которой было собрать и направить лучшія молодыя силы Россіи на всестороннее изученіе родной земли, нашла живое сочувствіе и поддержку въ четырехъ кружкахъ, стоявшихъ близко къ интересамъ науки и просвѣщенія.

Первый этотъ кружокъ состоялъ изъ мореходовъ — *Ө. П. Литке*, *И. О. Крузенштерна*, барона *Ф. И. Врангеля* и *П. И. Рикорда*, которые успѣли уже покрыть себя громкою славою своихъ плаваній и открытій.

Второй вышелъ изъ нѣдръ физико-математическаго отдѣленія нашей Академіи Наукъ, а потому состоялъ преимущественно изъ лицъ иноземнаго происхожденія, относившихся не всегда сочувственно къ представителямъ русской мысли и державшихся замкнутой кружковщины. Въ числѣ этихъ ученыхъ, вошедшихъ въ составъ учредителей общества, были такія крупныя авторитеты науки, каковы: естествоиспытатель *К. М. Бэръ*, астрономъ *В. Я. Струве*, геологъ *Г. П. Гельмерсенъ*, статистикъ *К. П. Кеппенъ*. Сочувствіе этихъ академическихъ силъ учрежденію новаго ученаго общества съ разнороднымъ составомъ участниковъ было въ значительной степени подогрѣто результатами изслѣдованій только что вернушагося *А. Ө. Миддендорфа* изъ путешествія на Таймырскій полуостровъ, въ Амурскій бассейнъ и на берега Охотскаго моря.

Третій кружокъ комплектовался изъ тогдашнихъ и бывшихъ офицеровъ главнаго штаба, оказавшихъ вполнѣнныя услуги развитію географическихъ наукъ, а именно изъ *Ө. Ө. Берга* (вполнѣнникъ царства Польскаго), *М. П. Вронченко* (геодезистъ), *М. Н. Муравьева* (вполнѣнникъ министръ государственныхъ имуществъ, генераль-губернаторъ виленскій).

Четвертый кружокъ состоялъ исключительно изъ чисто-русскихъ людей, образованныхъ, талантливыхъ, которые при наличности достаточной свободы во времени могли принести несомнѣнную пользу при всестороннемъ изученіи Россіи. Здѣсь можемъ назвать слѣдующихъ лицъ: *К. И. Арсеньева*, *А. И. Левшина*, *Пл. А. Чихачева*, литератора *В. И. Даля* и князя *В. Ө. Одоевскаго*.

Около этого кружка, носившаго на себѣ въ противовѣсъ академическому, національный русскій характеръ, группировались многіе молодые образованные дѣятели, стяжавшіе себѣ вполнѣд-

ствѣ почтенныя имена въ исторіи нашего просвѣщенія и нашей общественной жизни, на примѣръ, А. Заблоцкій-Десятовскій, братья Зеленые, А. Головинъ, В. Григорьевъ, П. Валуевъ, А. Норовъ, Д. А. и Н. А. Милютины, Д. Замятинъ, Изм. Срезневскій, графъ Д. А. Толстой, И. Вернадскій, графъ Уваровъ, К. Кавелинъ, Ю. Самаринъ, П. П. Семеновъ и множество другихъ. «Направленіе этого исключительно русскаго кружка,— говоритъ въ своей исторіи Общества П. П. Семеновъ,— обусловило въ послѣдствіи и направленіе всего Общества, поставившаго себѣ задачею способствовать всѣми силами изученію Россіи и странъ съ нею сопредѣльныхъ (этихъ послѣднихъ по столько, по сколько то вызываютъ интересы нашего отечества), и такое направленіе осталось, если можно такъ выразиться, девизомъ всей полувѣковой дѣятельности Общества».

Въ теченіе всего 1844 года среди членовъ названныхъ кружковъ шли толки и совѣщанія объ организаціи Общества, при чемъ по большей части собирались въ Зимнемъ дворцѣ, на половинѣ великаго князя Константина Николаевича; въ 1845 году изъ кружковъ образовалось основное зерно будущаго учрежденія, состоявшее изъ 17 человекъ-учредителей, и они стали собираться уже на квартирѣ В. И. Даля, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, условившись между собою испросить высочайшее соизволеніе на учрежденіе Общества черезъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскаго, къ которому Даль стоялъ близко, занимая должность чиновника особыхъ порученій и личнаго его секретаря. Ходатайство объ учрежденіи Географическаго Общества встрѣтило сочувствіе, и уже 15-го августа 1876 года мы читаемъ слѣдующее высочайшее повелѣніе, напечатанное въ «Сенатскихъ объявленіяхъ»: «По ходатайству генераль-адъютанта Литке и нѣсколькихъ другихъ лицъ объ учрежденіи Русско-географическаго Статистическаго Общества, съ состояніемъ его въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, къ вѣдѣнію коего принадлежитъ статистика государства, онъ, г. министръ внутреннихъ дѣлъ, входилъ о семъ съ предложеніемъ въ комитетъ министровъ, по положенію коего государь императоръ 6-го августа на ходатайство учредителей соизволилъ, съ наименованіемъ Общества, коего цѣль состоитъ въ разработкѣ отечественной географіи, статистики и этнографіи, Географическимъ, благоволивъ утвердить въ то же время представленный учредителями временной уставъ и даровать Обществу по десяти тысячъ рублей серебромъ ежегодно изъ государственнаго казначейства».

19-го сентября 1845 г., въ квартирѣ В. И. Даля, состоялось собраніе учредителей Общества. Здѣсь, кромѣ высочайшаго повелѣнія, было прочтано отношеніе генераль-адъютанта Ф. П. Литке къ министру внутреннихъ дѣлъ слѣдующаго содержанія: «Полученное при письмѣ вашего высокопревосходительства отъ 15-го августа,

письмо на имя его высочества великаго князя Константина Николаевича, съ увѣдомленіемъ о вновь учредившемся Русскомъ Географическомъ Обществѣ и о послѣдовавшемъ всеилостивѣйшемъ соизволеніи на предложеніе его высочеству званія предсѣдателя того Общества, я не замедлилъ представить великому князю. Предложеніе сіе, согласно съ волею державнаго его родителя, государь великій князь принялъ съ удовольствіемъ, но не безъ сожалѣнія, что не можетъ быть столько полезенъ, какъ бы того желалъ, Обществу, котораго его высочество постигаетъ всю важность и успѣхамъ котораго готовъ содѣйствовать всѣми зависящими отъ него средствами».

На этомъ же собраніи были избраны помощникомъ предсѣдателя—*Ө. П. Литке*, дѣйствительными членами *51* лицо, а почетнымъ *Л. А. Перовскій*. Журналъ засѣданія былъ составленъ *П. И. Кеппеномъ* и подписанъ *8* присутствующими членами-учредителями.

Организація общества была выработана въ общемъ собраніи, *7-го* октября, въ зданіи Академіи Наукъ, подъ предсѣдательствомъ *Ө. П. Литке*, въ присутствіи *48* первоначальныхъ членовъ Общества. Собраніе на этомъ засѣданіи избрало совѣтъ Общества, въ коемъ должно было сосредоточиваться управленіе всѣми дѣлами, а также административный составъ *4* отдѣленій, въ коихъ должна была развиваться вся научная дѣятельность Общества. Управленіе этими отдѣленіями было поручено совѣтомъ: отдѣленіемъ общей географіи—барону *Ф. П. Врангелю*, географіи Россіи—*В. Я. Струве*, этнографіи—*К. М. Бэру*, статистики—*П. И. Кеппену*. Кромѣ управляющихъ отдѣленіями, въ составъ совѣта Общества, согласно временному уставу, было выбрано *8* членовъ, а именно: *К. И. Арсеньевъ*, *Ө. Ө. Бергъ*, *М. П. Вронченко*, *Г. П. Гельмерсенъ*, *В. И. Даль*, *А. И. Левшинъ*, *Э. Х. Ленць* и *М. Н. Муравьевъ*.

Какъ читатели могутъ сами убѣдиться, преобладающимъ элементомъ въ администраціи общества оказался академическій нѣмецкій кружокъ, и это-то именно обстоятельство послужило источникомъ нѣкоторыхъ смуть и разногласій въ Обществѣ, которыя въ концѣ-концовъ улеглись съ вторичнымъ избраніемъ *Ө. П. Литке*. Замѣстителемъ послѣдняго на время его отсутствія изъ Петербурга былъ избранъ въ засѣданіи *7-го* октября непремѣнный секретарь Академіи Наукъ, *П. Н. Фусъ*, а почетнымъ членомъ министръ народнаго просвѣщенія *С. С. Уваровъ*. Секретаремъ Географическаго Общества былъ принятъ, по предложенію *Ө. П. Литке* и по рекомендаціи ему *В. И. Далемъ*, безъ баллотировки, *А. В. Головинъ* (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія).

Наибольшая доля заботы выпала въ первое время на отдѣленіе географіи Россіи, почему, по предложенію *П. Н. Фуса*, оно было раздѣлено на *2* комитета: географіи математической и физической. Въ первое время совѣтъ Общества собирался въ Академіи Наукъ,

а съ октября 1846 г. онъ пріискалъ себѣ собственное помѣщеніе въ домѣ Пуцина, у Пѣвческаго моста. «Въ теченіе организаціоннаго періода (1845—1850 г.) постепенно установились между двумя главными органами Общества—совѣтомъ и отдѣленіями, такія отношенія, которыя послужили залогомъ успѣшной дѣятельности Общества во все время полувѣковаго его существованія, говоритъ въ своей исторіи Общества П. П. Семеновъ. Отдѣленія, при свободномъ приливѣ къ нимъ всѣхъ интересующихся успѣхами географическихъ наукъ въ Россіи, сдѣлались тѣми лабораторіями, въ которыхъ происходилъ обмѣнъ мыслей, возбуждался починъ полезныхъ общественныхъ предпріятій на пользу науки, возбуждались способы достиженія предположенныхъ цѣлей, оцѣнивались уже совершенные труды, въ послѣдствіи съ цѣлью присужденія за нихъ наградъ Общества, разрабатывались и обнародывались полученные предпринимаемыми изслѣдованіями результаты и проч. Въ совѣтѣ же сосредоточивалась вся административная и распорядительная дѣятельность Общества, осуществленіе, по мѣрѣ возможности, предположеній отдѣленій, пріисканіе и распределеніе средствъ выполненія задуманныхъ отдѣленіями предпріятій и вообще всякаго рода содѣйствіе научной дѣятельности какъ отдѣленій, такъ и отдѣльныхъ членовъ Общества. Такимъ образомъ совѣтъ со своимъ предсѣдателемъ и августѣйшимъ предсѣдателемъ всего Общества явились результатомъ свободной дѣятельности Общества, посредниками между ними и высшими органами правительства, меценатами въ Россіи географическихъ наукъ въ самомъ обширномъ и распространительномъ ихъ смыслѣ. Такъ, по инициативѣ августѣйшаго предсѣдателя Общества, высочайшимъ указомъ 3-го декабря 1846 г. повелѣно собственной его императорскаго высочества конторѣ внести въ одно изъ государственныхъ учрежденій изъ суммъ его высочества, предсѣдателя Общества, 5.000 рублей съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ съ этого капитала Общество ежегодно присуждало золотую медаль за географическія работы».

Первое присужденіе этой Константиновской медали состоялось въ ноябрѣ 1849 г. начальнику только-что оконченной въ то время Сѣверно-Уральской экспедиціи—Э. К. Гофману.

Главныя силы молодого Общества сосредоточивались въ общихъ комитетахъ географіи Россіи; не оставалось безъ дѣйствій и отдѣленіе этнографіи и статистики; иначе обстояло дѣло въ отдѣленіи общей географіи, которая какъ бы оставалась безъ движенія, при наличности специальныхъ комитетовъ для математической географіи (съ картографіею, геодезіею и астрономіею) и физическихъ (съ геологіею и естествознаніемъ), не могло поставить себѣ широкихъ задачъ. Послѣ сложенія съ себя бар. Врангелемъ званія управляющаго отдѣленіемъ общей географіи и послѣ избранія на его мѣсто Г. П. Гельмерсена, послѣдній сталъ собирать чле-

новъ отдѣленія и комитета въ одно общее засѣданіе, и такимъ образомъ отдѣленіе общей географіи слилось съ комитетомъ и превратилось *de facto* въ отдѣленіе географіи физической, а остальная половина отдѣленія географіи Россіи, предсѣдательствуемая В. Я. Струве—въ отдѣленіе географіи математической, и это обстоятельство, какъ фактъ совершившійся, быть узаконенъ впоследствии окончательнымъ уставомъ Общества.

Заботы совѣта о составленіи устава начались съ конца 1847 г., для чего и составлена была комиссія подъ предсѣдательствомъ Литке изъ 4-хъ членовъ совѣта и 4-хъ членовъ, избранныхъ общимъ собраніемъ Общества. Самыми дѣятельными членами при разсмотрѣніи устава оказались Д. А. и Н. А. Милютины, изъ коихъ послѣдній, какъ свидѣтельствуемъ историкъ Общества, «внесъ нѣсколько страстный элементъ въ дебаты комиссіи, но принесъ ей большую пользу, такъ какъ въ концѣ концовъ много статей проекта было иложено согласно съ его взглядами». Рѣзко возражали также В. В. Григорьевъ и К. А. Неволинъ въ поданной ими особой запискѣ, направляя свои замѣчанія преимущественно на тотъ проектъ статьи, по которой имѣлось въ виду выдвинуть на первый планъ занятія географическою наукою вообще, оставляя на второмъ планѣ изученіе Россіи. Согласно ихъ настояніямъ, поддерживаемымъ и другими членами Общества, статья 8-я устава была измѣнена, и изученію Россіи отведено первенствующее значеніе. Въ этихъ-то соображеніяхъ и было упразднено отдѣленіе общей географіи, а отдѣленіе географіи Россіи раздѣлено на 2 отдѣла. Большихъ разногласій достигло Общество при рѣшеніи вопроса объ избраніи предсѣдательствующихъ и ихъ помощниковъ. Братья Милютины приводили принципъ автономіи отдѣленій, что имъ послѣ усиленной борьбы и удалось достигнуть. Остраго напряженія достигло разногласіе и по вопросу объ избраніи предсѣдателя общества, его помощника и секретаря. И здѣсь Милютины настаивали на свободномъ принципѣ самоуправленія въ томъ смыслѣ, чтобы эти должностныя лица избирались изъ всего состава общества, въ то время какъ Литке настаивалъ на избраніи таковыхъ изъ трехъ только выставленныхъ совѣтомъ кандидатовъ. Мнѣніе Милютиныхъ одержало верхъ. Несогласія вызывали и другіе параграфы выработываемаго устава, и въ этой борьбѣ ясно обнаружилась тенденція двухъ партій—академической, нѣмецкой, стоящей за централизацию власти, и русскою съ Милютиными во главѣ, выдвигавшихъ принципы свободного самоуправления и автономіи. 28 декабря 1849 г. новый уставъ удостоился высочайшаго утвержденія, послѣ чего онъ до нашихъ дней уже не подвергался болѣе никакимъ законодательнымъ измѣненіямъ. Вотъ что говоритъ г. Семеновъ по поводу того положенія, которое Общество заняло въ нашей жизни, благодаря прекрасно выработанному своему уставу: «Конечно, втеченіе истекшаго полу-

вѣка жизнь брала свое, и если бы кодифицировать нынѣ всѣ мало-по-малу установленные этою жизнью и истекающими изъ нея разъясненіями и постановленіями совѣта Общества порядки, то оказалось бы, что Общество значительно выросло изъ контуровъ, набросанныхъ ему уставомъ 1849 года, впрочемъ, никогда и не ставившаго ему неодолимыхъ препятствій къ его развитію. Но это и доказываетъ жизненную силу Общества и составляетъ его славу и крѣпость. Не путемъ всегда сопряженнаго съ потрясеніями и смутами законодательнаго процесса пересмотра устава достигало Общество своего развитія и преуспѣянія: оно создало ихъ болѣе непосредственнымъ и вѣрнымъ путемъ свободнаго, посильнаго труда сгруппировавшихся подъ стягомъ Русскаго Географическаго Общества членовъ, оно глубоко пустило свои корни въ родную почву путемъ непосредственнаго и живого общенія съ внимательно изучаемыми имъ мѣстными жизненными интересами всѣхъ близкихъ и дальнихъ уголковъ нашего необъятнаго отечества».

Организація труда, выработанная практически для Общества, рисуется П. П. Семеновымъ такъ:

«Дѣятельность Общества сосредоточивается по преимуществу въ главныхъ его органахъ: отдѣленіяхъ Общества и его совѣта. Четыре отдѣленія Общества соотвѣтствуютъ четыремъ главнымъ отраслямъ географическихъ наукъ. Отдѣленіе математической географіи занимается вопросами, относящимися до геодезіи, картографіи и опредѣленія географическаго положенія пунктовъ посредствомъ астрономическихъ наблюденій; отдѣленіе географіи физической вопросами, относящимися до геологіи, гидрологіи, климатологіи, ботанической и зоологической географіи. Замѣнивъ собою прежнее отдѣленіе общей географіи, оно вѣдаетъ и всѣ научные вопросы, не относящіеся непосредственно до трехъ остальныхъ отдѣленій. Отдѣленіе статистики занимается вопросами статистическими, то-есть вопросами примѣненія цифроваго метода къ явленіямъ экономическимъ и соціологическимъ и вообще изслѣдованіями, основанными на этомъ методѣ. Отдѣленіе этнографіи занимается не только антропологіею въ тѣсномъ смыслѣ, но и изученіемъ нарѣчій, нравовъ; обычаевъ разныхъ народностей и въ особенности изученіемъ бытовыхъ сторонъ жизни русскаго народа.

Отдѣленія Общества пользуются полною автономіею; составляются они изъ членовъ Общества, свободно приписывающихся къ тому или другому отдѣленію, сами избираютъ своихъ предсѣдательствующихихъ, уже не назначаемыхъ совѣтомъ, какъ это было при дѣйствіи временнаго устава, собираются въ засѣданія для обсужденія входящихъ въ кругъ ихъ дѣятельности вопросовъ, сами выбираютъ комиссіи, имѣютъ починъ во всѣхъ полезныхъ научныхъ предпріятіяхъ, обсуживаютъ всѣ вопросы, предположенія и работы, до нихъ относящіяся, вносимые отдѣльными членами или посторон-

ними лицами въ совѣтъ или отдѣленія Общества, обсуживаютъ, посредствомъ особыхъ комиссій, присужденіе наградъ, раздаваемыхъ Обществомъ, и вносятъ въ совѣтъ свои предложенія о такомъ присужденіи, редактируютъ свои «Записки» и предпринимаемыя ими, съ согласія совѣта, изданія и т. п. Однимъ словомъ вся чисто научная дѣятельность Общества сосредоточивается въ его отдѣленіяхъ, служащихъ главными научными органами общества.

Совѣтъ же Общества, состоящій изъ вице-предсѣдателя, помощника предсѣдателя, предсѣдательствующихъ въ отдѣленіяхъ, секретаря и 8 членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ и выбывающихъ поочереды черезъ каждые четыре года, завѣдываетъ всѣми дѣлами Общества, организуетъ его предпріятія, предлагаемыя или обсуживаемыя отдѣленіями, прискиваетъ средства для осуществленія такихъ предпріятій, а существующія средства распределяетъ, по своему усмотрѣнію, между предлагаемыми отдѣленіями, предпріятіями и т. п. Вице-предсѣдатель, помощникъ предсѣдателя и секретарь составляютъ исполнительное бюро Общества, принимаютъ мѣры къ осуществленію постановленій совѣта и завѣдываютъ всѣми его сношеніями. Участіе въ дѣятельности Общества его августѣйшаго предсѣдателя, оставаясь внѣ опредѣленія статьями устава, является вполне факультативнымъ. Такимъ образомъ практика установила, что августѣйшій предсѣдатель, являясь высшимъ мѣценомъ географическихъ наукъ, входитъ по собственной инициативѣ въ роль предсѣдателя какъ Общества, такъ и его совѣта.... А совѣтъ Общества обращается за разрѣшеніемъ или содѣйствіемъ къ своему предсѣдателю во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ это содѣйствіе представляется особенно полезнымъ и необходимымъ по существу дѣла».

За все время своего существованія Географическое Общество состояло подъ августѣйшими предсѣдательствами, — сначала великаго князя Константина Николаевича, а по кончинѣ его, послѣдовавшей 13-го января 1892 года, великаго князя Николая Михайловича.

Значеніе усопшаго предсѣдателя было охарактеризовано вице-предсѣдателемъ общества такъ: «На широкій и еще далекій путь вывелъ онъ призванное имъ къ жизни и вѣчно признательное ему Общество. Недалеко то время, когда и всѣ мы, сверстники и сотрудники въ Бозѣ почившаго великаго князя, вслѣдъ за нимъ уйдемъ на вѣчный покой. Но еще долго и долго будетъ жить созданное имъ на пользу и славу Россіи Русское Географическое Общество. И пусть идутъ наши дѣти и внуки по проложенному имъ пути, оживляемые двумя его завѣтными чувствами: пылкою любовью къ родной землѣ и глубокою, ничѣмъ не сокрушимую вѣрою въ великую будущность русскаго государства и русскаго народа».

Что касается до вице-предсѣдателей общества, то они слѣдовали въ такомъ порядкѣ: сначала былъ избранъ Ѳ. П. Литке, сохранившій это званіе до 1850 года, когда былъ избранъ М. Н. Муравьевъ. Первый періодъ отличался, по словамъ П. П. Семенова, слѣдующимъ настроеніемъ: «оно находилось въ полномъ соотвѣтствіи съ стремленіями того, въ то время еще молодого, поколѣнія русскаго общества, которое впоследствии получило прозваніе «людей сороковыхъ годовъ». Поколѣніе это, въ сознаніи своихъ развивающихся силъ, стремилось къ возстановленію какъ бы порванной, послѣ реформъ Петра Великаго, связи нѣсколько космополитически образованныхъ высшихъ слоевъ русскаго общества съ русскимъ народомъ и направилось на изученіе быта и экономическаго положенія сельскаго населенія имперіи, приведшее передовыхъ людей поколѣнія къ полному сознанію необходимости улучшенія этого быта....., которое неминуемо было связано съ отмѣною крѣпостнаго права». Обращаясь къ характеристикѣ новыхъ вѣяній, имѣвшихъ въ лицѣ Н. А. Милютина своего главнаго выразителя, составитель исторіи рисуетъ ее въ слѣдующихъ чертахъ: «Весьма естественно было молодымъ силамъ развивающагося Общества стремиться идти самобытно и самостоятельно по избранному и излюбленному имъ пути¹⁾, и какъ бы почтенны ни представлялись вновь прибывающимъ въ большомъ количествѣ членамъ Общества его старыя вожди, безспорно корифеи географической науки въ Россіи, но лишь только молодому поколѣнію Географическаго Общества казалось, что эти корифеи не выказываютъ достаточно дѣятельнаго сочувствія къ его излюбленному самобытному національному направленію, то оно становилось въ оппозицію съ ними, стараясь замѣнить ихъ лицами съ несомнѣннымъ въ его глазахъ русскимъ національнымъ направленіемъ. Этимъ и объясняется совершившаяся перемѣна предсѣдательствующихъ въ двухъ отдѣленіяхъ Общества (этнографія и статистика), а въ самомъ началѣ разсматриваемаго періода и въ третьемъ (физической географіи), также какъ и возрастающая оппозиція противъ достойнаго вице-предсѣдателя общества». Ѳ. П. Литке невольно смотрѣлъ на Географическое Общество, какъ смотритъ «опытный и умный капитанъ корабля на оснащенный и взлелѣянный имъ въ борьбѣ съ стихійными явленіями корабль». Отношенія его къ административнымъ членамъ Общества обрисовываются г. Семеновымъ слѣдующимъ образомъ: «Онъ, конечно, относился съ глубокимъ уваженіемъ къ научнымъ знаніямъ своихъ лейтенантовъ-управляющихъ отдѣленіями и часто подчинялся ихъ взглядамъ, но въ глазахъ его выборные молодого поколѣнія не имѣли достаточнаго авторитета и, при всемъ своемъ несомнѣнномъ и высокомъ рус-

¹⁾ Народности.

скомъ патриотизмѣ, онъ скептически относился къ народнымъ стремленіямъ и симпатіямъ сравнительно молодыхъ избранниковъ Общества... «Что касается этихъ послѣднихъ, то они стремились расширить свои полномочія, и путемъ самаго разносторонняго изученія своего отечества, а въ особенности русскаго народа, способствовать развитію его національной самодѣятельности». Отношенія между молодежью и Ѳ. П. Литке обострились настолько, что на слѣдующее четырехлѣтіе (1850 года) выбраннымъ оказался М. Н. Муравьевъ, «къ которому вожаки оппозиціи хоть и не имѣли непосредственнаго душевнаго расположенія, но отдавали справедливость выдающемуся уму и сильному характеру этой во всякомъ случаѣ крупной личности, считая Муравьева вполне «русскимъ человѣкомъ», въ томъ значеніи, которое они придавали этому слову».

Новый вице-предсѣдатель общества принялся за дѣло энергично и умно, стремясь привлечь въ Общество какъ можно больше членовъ, но его личный характеръ былъ настолько тяжелъ и неуживчивъ, что вскорѣ онъ даже среди приближенныхъ себѣ встрѣтилъ не мало недоброжелателей. Вскорѣ ему открылась болѣе широкая дорога государственной дѣятельности, и въ 1857 году онъ сложилъ съ себя званіе вице-предсѣдателя, на каковую должность вновь съ радостью возвратился Ѳ. П. Литке, ставшій во главѣ теперь уже нѣсколько реформированнаго состава главныхъ вожаконъ Общества, придававшихъ ему уже чисто-русскую національную окраску.

Заслуги Литке передъ наукою общеизвѣстны и о нихъ не стоитъ распространяться. Въ его вторичное вице-президентство Географическое Общество широко развернуло свои силы и довело ихъ до того блеска, который онѣ высказали въ первой экспедиціи Пржевальскаго. Четвертый періодъ исторіи общества названъ составителемъ изъ скромности—«періодомъ экспедицій Н. М. Пржевальскаго», а пятый періодъ съ 1885 г. по 1895 г.—«послѣднимъ десятилѣтіемъ», но такое раздѣленіе и такая номенклатура намъ кажется неточною. Если Географическое Общество дѣлится на періоды по именамъ его выдающихся руководителей, то періодъ съ 1871 г. и по нынѣшній годъ долженъ бы былъ именоваться «Семеновскимъ», такъ какъ почтенный вице-предсѣдатель Общества, состоя слишкомъ 23 года во главѣ этого ученаго учрежденія, положительно тѣснѣе, чѣмъ кто либо изъ членовъ его, связалъ неразрывною связью свое имя съ именемъ Географическаго Общества. Его путешествіе въ предѣлы Тянь-Шаня доставило ему извѣстность путешественника, а рядъ статей, сочиненій, редакціонныхъ трудовъ — имя ученаго въ области міровѣдѣнія, статистика, экономиста. Участіе въ освобожденіи крестьянъ связало все его общественное и государственное служеніе родной землѣ съ великими реформами Александра II. Много благотворительныхъ обществъ въ столицѣ считаютъ его сво-

имъ членомъ, и многія изъ нихъ имѣють въ его лицѣ ревностнаго предсѣдателя. Многіе путешественники, составившіе себѣ громкую извѣстность, обязаны вице-предсѣдателю Общества не только своей славой, но и возможностью посвятить себя общественной, литературной и научной дѣятельности. Назовемъ только для примѣра: Гр. Н. Потанина, Клеменца, Дембовскаго, Черскаго. Наконецъ, прочное положеніе, занятое статистикой въ нашихъ государственныхъ учрежденіяхъ, завоевано ей въ значительной степени П. П. Семеновымъ.

Передать даже вкратцѣ лѣтопись дѣяній Общества на пользу просвѣщенія и славу Россіи нѣтъ никакой возможности; въ общихъ чертахъ мы и въ предисловіи отмѣтили тѣ области, гдѣ оно особенно замѣтно наложило печать своего вліянія, но тѣмъ не менѣе ради полноты нашей замѣтки укажемъ то наиглавнѣйшее, что оно можетъ указывать потомству, какъ славный памятникъ своему 50-лѣтнему существованію.

На первомъ планѣ этого памятника выступаютъ научныя экспедиціи, снаряженныя Обществомъ. Мысль о снаряженіи экспедиціи для изслѣдованія сѣвернаго Урала возникла въ средѣ отдѣленія географіи Россіи немедленно по его основаніи. Главными инициаторами первой экспедиціи были Г. А. Гельмерсенъ и академикъ Бэръ, которые наведены были на мысль о ней совершеннымъ въ 1844 г. путешествіемъ графа Кейзерлинга и Крузенштерна въ Печорскій край, достаточно выяснившимъ скудныя свѣдѣнія наши о сѣверномъ Уралѣ. Поэтому въ 1846 г. было предположено снарядить экспедицію «для изслѣдованія границы между Европою и Азіею на всемъ протяженіи сѣвернаго Урала». Во главѣ предпріятія сталъ профессоръ минералогіи и геологіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ Э. К. Гофманъ. Эта экспедиція настолько поглотила силы и средства Географическаго Общества, что въ первое пятилѣтіе его дѣятельности снарядить какую нибудь экспедицію въ другія дальнія страны не было уже возможности. Но стремленіе къ такого рода дѣятельности было, и Литке проектировалъ экспедицію въ Берингово море, на Камчатскіе берега и на о.о. Алеутскіе и Курильскіе.

Вскорѣ, однако, сама жизнь явилась съ требованіями экспедицій и въ томъ направленіи, куда искони тяготѣли историческія судьбы нашего отечества, т. е. за границу Уральскаго хребта, къ Среднеазиатскому плоскогорью. «Наперекоръ боязливой политикѣ тогдашняго министерства иностранныхъ дѣлъ, сила обстоятельствъ неудержимо влекла Россію въ глубь Азіи, — говоритъ г. Семеновъ. На обширномъ пространствѣ, разстилающемся за предѣлами обнимаемой его съ сѣвера и запада укрѣпленной казачьими поселками Сибирско-Оренбургско-Уральской линіи, обитали подвижныя кочевники киргизскихъ ордъ, которые, одни вслѣдъ за другими, вступая въ силу сознаній или самой необходимости въ русское подданство, требовали отъ нея защиты отъ набѣговъ и за-

хватовъ своихъ южныхъ сосѣдей. Это обстоятельство, въ связи съ необходимостью обезпечить отъ постоянныхъ грабежей кочевниковъ торговые караваны, черезъ посредство которыхъ завязывались все болѣе и болѣе наши торговыя сношенія съ независимыми еще въ то время владѣніями Турана, заставляли Россію выдвигать впередъ необходимыя для достиженія упомянутыхъ цѣлей опорные пункты». Удовлетворяя этимъ теченіямъ жизни, Географическое общество въ длинномъ рядѣ блестящихъ путешествій какъ бы расчищаетъ будущее поле вліянія, а также утвержденія русской государственной власти въ Азіи. Одинъ сухой перечень экспедицій, снаряженныхъ Географическимъ обществомъ, займетъ нѣсколько печатныхъ страницъ, а потому, за недостаткомъ мѣста, ограничиваемъ свою задачу только напоминаніемъ именъ нѣкоторыхъ главнѣйшихъ лицъ, которыя такъ много потрудились на поприщѣ научныхъ открытій. Имена эти — Поляковъ, Струве, П. Семеновъ, А. Буныковский, Н. Ханыковъ, С. Максимовъ, Пѣвцовъ, Мушкетовъ, Ядринцевъ, Шепелевъ, Гр. Потанинъ, Гогель, Федченко, Сѣверцовъ, А. Тилло, А. Воейковъ, Д. Анучинъ, П. Ровинскій, Черскій, Грумъ-Гржимайло, Громбчевскіе, Обручевъ, Роборовскій, Козловъ и многіе другіе. Но вѣнца славы научныхъ путешествій достигло Общество въ четыре блестящихъ экспедиціи Н. М. Пржевальскаго съ 1871 по 1885 годъ. На свѣтломъ праздникѣ науки, 21-го января, мужественный и прекрасный образъ безвременно скончавшагося путешественника выступить во всей рельефности. Онъ — истинный сынъ Географическаго Общества, котораго оно вывело изъ неизвѣстности, взлелѣяло и которому дало полную возможность развернуть во всю мощь свои богатырскія силы. И онъ сумѣлъ отплатить Обществу за все содѣланное ему. Великолѣпный памятникъ въ Александровскомъ саду, воздвигнутый стараніями Общества, есть не только памятникъ великому русскому путешественнику, но и косвеннымъ образомъ тому ученому Обществу, которое сумѣло поддержать молодого офицера генеральнаго штаба, разглядѣть въ чертахъ его молодого лица слѣды гѣнія и будущей славы Россіи.

Не успѣла среди членовъ Общества возникнуть идея объ экспедиціяхъ, какъ почти одновременно потребовались силы Общества на осуществленіе и другого дѣла — картографическихъ работъ. Въ то же время и отдѣлы этнографіи и статистическій проявляютъ свою жизненность. Нельзя не отмѣтить, что и для исторической науки ученое Общество не пожалѣло своихъ трудовъ, обративъ вниманіе на нашу историческую географію. Труды Заблоцкаго-Десятовскаго, Неволіна, Калачова тѣсно связаны съ исторіей этнографическаго отдѣла: здѣсь взяли свое происхожденіе классическія «Пятинны Новгородскія», отсюда же родилось изданіе «Писцовыхъ книгъ».

Издательская, удивительно плодотворная, дѣятельность Общества содалась уже съ первыхъ дней его существованія. Съ самаго на-

чала было рѣшено имѣть свой печатный органъ, каковымъ и явились «Записки Географическаго Общества», послужившія прототипомъ и изданія «отдѣловъ» Общества преимущественно Западной и Восточной Сибири. Не будемъ распространяться и объ этихъ изданіяхъ, какъ равно и объ остальныхъ, длинный списокъ которыхъ, украшенныхъ именемъ Географическаго Общества, самъ по себѣ составляетъ цѣлую брошюру, а всѣмъ извѣстная «Риттерова Азія» можетъ представить цѣнный матеріалъ для самостоятельной библиотеки. Обилію изданій и печатаемыхъ въ немъ ученыхъ сочиненій не мало способствовали учрежденныя Обществомъ медали, изъ коихъ главнѣйшая константиновская.

Вскорѣ по основаніи Географическаго Общества, къ нему стали обращаться какъ отдѣльныя личности (напримѣръ, Голубковъ), такъ и цѣлыя корпораціи (напримѣръ, с.-петербургское купечество), предоставляя въ его распоряженіе значительныя средства для тѣхъ или другихъ экономическихъ изслѣдованій. Отсюда—дѣятельность Общества на пользу процвѣтанія отечественной промышленности и торговли; отсюда же взяли свое происхожденіе такіе извѣстные литературные и ученые труды, каковы Ив. Аксакова объ Украинскихъ ярмаркахъ, Ѡ. Тернера «Объ изслѣдованіи внутренней торговли». Статистическая дѣятельность Общества очень велика, и по этому предмету уже достаточно сказано. Труды Янсона, Тройницкаго и другихъ были осуществлены подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ и при поддержкѣ Географическаго Общества. Вопросы о сельской общинѣ, о кустаряхъ и кустарной промышленности, переселенческой и многіе иные, были подняты или разрабатываемы въ нѣдрахъ Общества. Короче, все, что клонилось ко благу Россіи, начиная съ освобожденія крестьянъ, встрѣчало въ членахъ Географическаго Общества самыхъ ревностныхъ поборниковъ!..

Мы не будемъ касаться научной дѣятельности этого учрежденія въ спеціальной области физико-математическихъ наукъ. Здѣсь послѣ Академіи Наукъ оно не знаетъ конкурентовъ, и основаніе полярныхъ станцій, имѣющихъ такое большое значеніе въ дѣлѣ разработки вопросовъ зоологическихъ, астрономическихъ, метеорологическихъ, придаетъ дѣятельности Общества характеръ пракческаго служенія научнымъ истинамъ.

Участіе Географическаго Общества въ европейскихъ научныхъ конгрессахъ, его присутствіе на всемірной выставкѣ въ Парижѣ съ «Русскимъ отдѣломъ» немало послужило на пользу сближенія нашего отечества съ Западной Европой.

Но не только въ странахъ Стараго Свѣта заслужило Русское Географическое Общество себѣ почетную извѣстность, оно распространило славу о себѣ въ дальнихъ земляхъ дотолѣ невѣдомыхъ и таинственныхъ народовъ. Выходя за предѣлы своей ближайшей задачи, оно сумѣло протянуть руку содѣйствія знаменитому русскому

путешественнику Миклухъ-Маклаю въ его открытіяхъ на островѣ Тихаго океана и Остъ-Индскаго архипелага, а также оказывало нравственную поддержку безвременно скончавшемуся А. В. Елисеѣву въ его странствованіяхъ по землямъ дальняго Востока.

Плодотворному развитію дѣятельности Общества, неутомимой дѣятельности и любви къ наукѣ его членовъ, въ значительной степени, какъ уже сказано выше, содѣйствовала и разумная организація, гдѣ нѣтъ централизаціи и связанныхъ съ ней доктринерства и отвлеченной теоретичности. Воспринимая отъ своихъ провинціальныхъ отдѣленій указанія опыта, совѣтъ Общества идетъ лишь на встрѣчу всему тому, что выдвигаетъ сама жизнь. Широко развитые областные отдѣлы (Юго-Западный, Сѣверо-Западный, Кавказскій, Оренбургскій, Закаспійскій, Пріамурскій и два Сибирскихъ) питаютъ, такъ сказать, свой центръ и не даютъ ему возможности замкнуться въ тѣсныя рамки ученаго чиновничества.

Верховная власть уже давно высоко оцѣнила дѣятельность Географическаго Общества, никогда не отклоняла его ходатайствъ и всѣми силами споспѣшествовала развитію его полезной дѣятельности. Но почтенное ученое учрежденіе никогда не злоупотребляло готовностью правительства приходить ему на помощь. За свои полвѣка жизни оно не обошлось государству и полнаго милліона рублей, выгоды же, имъ доставленныя, не измѣряются никакими денежными единицами. Покойный государь Александръ Александровичъ высоко цѣнилъ заслуги Географическаго Общества и больше всѣхъ своихъ предшественниковъ поддерживалъ матеріальную сторону его благосостоянія. И благополучно царствующій молодой Державный Вождь Россіи, вскорѣ по вступленіи на прародительскій престолъ, обратился къ Обществу съ всемилостивѣйшимъ рескриптомъ, гдѣ заявилъ, что «имѣлъ случай убѣдиться, какую пользу принесли труды Географическаго Общества и его отдѣловъ дорожному намъ отечеству». «Увѣренный, сказано далѣе въ рескриптѣ, что Географическое Общество и впредь будетъ продолжать развивать свою дѣятельность на пользу и на славу отечеству, выражаю ему и отдѣламъ Мое благоволеніе и съ готовностію принимаю званіе Покровителя Императорскаго Географическаго Общества».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ

Пермская Старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. А. Дмитриева. Выпускъ VI. Первые годы послѣ Ермака и смутное время. Пермь. 1895 г. Пермскій край. Сборникъ свѣдѣній о Пермской губерніи, издав. губ. статист. комитетомъ. Т. III, подъ редакціею дѣйств. чл. комитета А. А. Дмитриева. Пермь. 1895.

Ы УЖЕ ИМѢЛИ случай говорить на страницахъ «Историческаго Вѣстника» о трудахъ А. А. Дмитриева по разработкѣ мѣстной исторіи Пермскаго края, края обширнаго и имѣющаго важное значеніе въ общей исторіи Россіи ¹⁾. Но тогда г. Дмитриевъ былъ еще только дебютантомъ на поприщѣ Пермской исторіографіи, помѣщая свои статьи въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Съ тѣхъ поръ онъ приобрѣлъ видное положеніе среди мѣстныхъ, областныхъ русскихъ историковъ цѣлымъ рядомъ монографій и изданіемъ «Пермской Старины», сборника его самостоятельныхъ историческихъ статей и матеріаловъ. Первый выпускъ этого сборника вышелъ въ 1889 г. и заключалъ въ себѣ сводъ извѣстій о «Перми Великой» съ древнѣйшихъ временъ до XVII в.; въ настоящее время передъ нами шестой выпускъ «Пермской Старины», обнимающій первые годы послѣ Ермака и смутное время въ предѣлахъ Велико-Пермской области.

¹⁾ См. «Историч. Вѣстн.», 1884 г., т. XVIII, стр. 488 и слѣд.

Этот выпуск открывается полемической статьей г. Дмитриева подъ заглавиемъ «Къ исторіи Сибирскаго вопроса», направленной противъ рецензента IV и V выпусковъ «Пермской Старины» г. Адрианова. Г. Адриановъ, основываясь на такъ называемой «Есиповской» или «Осиповской» сибирской лѣтописи, вслѣдъ за г. Небольсинымъ, еще въ 1848 и 1849 гг. издавшимъ изслѣдованія о сибирскихъ лѣтописяхъ и о покореніи Сибири, отрицаетъ участіе Строгановыхъ въ этомъ дѣлѣ; г. Дмитриевъ, опираясь на «Лѣтопись Строгановскую», слѣдуетъ противоположному взгляду. Въ настоящей рецензії мы не станемъ излагать подробно эту любопытную полемику, имѣющую большое значеніе для научнаго, критическаго изученія сибирскихъ лѣтописей, едва лишь начатаго; замѣтимъ только, что вопросъ о Ермакѣ, о приглашеніи его Строгановыми и о покореніи имъ Сибири, правильнѣе Кучумова улуса, — является по отношенію къ сибирской исторіи своего рода «Варяжскимъ вопросомъ», и исторической критикѣ предстоитъ поработать не мало надъ его разъясненіемъ. Несомнѣнно, что историкъ имѣетъ дѣло съ цѣлымъ цикломъ легендъ, окружающихъ историческую личность Ермака, и что часть этихъ легендъ относится до участія Строгановыхъ въ подвигахъ Ермака, — легендъ, которыя и нашли себѣ мѣсто въ такъ называемой Строгановской лѣтописи. Задача исторической критики — освободить и въ данномъ случаѣ реально-историческіе факты отъ легендарной примѣси. Статья «къ Сибирскому вопросу» заканчивается весьма интересной хронологической таблицей всѣхъ событій, касающихся «покоренія Сибири» съ 1572 по 1587 годъ включительно, въ которой г. Дмитриевъ исправляетъ свои прежніе недосмотры и преданіями и народными пѣснями о Ермакѣ. «Изслѣдованія» г. Дмитриева въ VI выпускѣ «Пермской Старины» состоятъ изъ четырехъ главъ: — I, Участіе Чердыни въ построеніи новыхъ русскихъ городовъ въ Сибири послѣ Тобольска (1590—1601 г.); — II, Послѣдняя борьба Кучума съ русскими и его гибель (1593—1600 г.); — III, Отношеніе преемниковъ Иоанна Грознаго къ Строгановымъ (1584—1614 г.); — IV, Пермскій край въ смутное время (1606—1613 г.). Всѣ эти главы, представляя отчасти добавленія къ изслѣдованіямъ г. Дмитриева, помѣщеннымъ въ предыдущихъ выпускахъ «Пермской Старины», составлены весьма обстоятельно, на основаніи первоисточниковъ. Нѣкоторыя изъ нихъ сообщаютъ новыя данныя для общей исторіи Россіи. Такова, напримѣръ, IV глава. С. М. Соловьевъ и Н. И. Костомаровъ винятъ жителей Пермской земли въ косности и безучастіи въ обще-русскомъ дѣлѣ спасенія отечества въ лихолѣтье смутнаго времени. Г. Дмитриевъ, на основаніи документальныхъ свидѣтельствъ, снимаетъ съ пермичей этотъ тяжелый укоръ. Приведемъ его подлинныя слова, составляющія выводъ изъ сообщенныхъ имъ фактовъ:

«Участіе Перми Великой въ «великомъ ратномъ дѣлѣ» оказывается весьма скромнымъ, въ сравненіи, напримѣръ, съ устюжанами и сольвыгодцами. Но не слѣдуетъ забывать, что Устюгъ Великій пережилъ невзгоды новгородскихъ смуть задолго до смутнаго времени, а Пермь Великая еще живо помнила тогда Сибирское взятіе, которое она вынесла преимущественно на своихъ плечахъ. Соль же Вычегодская сыграла замѣтную роль въ смутное время, благодаря главнымъ образомъ Строгановымъ, которые тогда жили тамъ. Такъ какъ

Пермь Великая изъ своихъ земныхъ вѣдръ дала имъ весьма значительную долю состоянія, то она имѣетъ основаніе оспаривать у Сольвычегодска нѣкоторую долю заслугъ его предъ отечествомъ. Кромѣ того, Строгановы, какъ мы знаемъ, ограничились участіемъ въ первоначальномъ завоеваніи Сибири и поддержкѣ Ермака, а остальная Пермь Великая, т. е. Чердынъ, Соликамскъ и Кайгородъ съ ихъ вѣздами, несли на себѣ потомъ всю тяжесть этого завоеванія, въ смыслѣ снабженія Сибири хлѣбными и всякими другими запасами, что сильно истощало ихъ матеріальныя средства. Скажутъ, что эта повинность лежала и на другихъ поморскихъ городахъ, но пусть вспомнятъ, что только Чердынъ и Соликамскъ были порубежными городами на пути въ Сибирь, что именно на великопермскихъ воеводъ ложилась наибольшая отвѣтственность за исправное снабженіе вновь завоеванной обширной страны предметами первой необходимости. Мы видѣли ихъ неоднократныя официальныя заявленія верховной власти о томъ, что въ Перми, въ государственной казнѣ, денегъ нѣтъ, что недоимки составляли здѣсь обычное явленіе; но видѣли также, что, не смотря на то, они въ смутное время по мѣрѣ возможности все-таки служили общему дѣлу, чѣмъ и какъ могли, и только воевода Акинфовъ во вторую половину своего воеводства дѣйствительно бездѣйствовалъ, ограничиваясь постоянными обѣщаніями помощи и очень немного исполняя изъ этихъ обѣщаній» (стр. 121—122).

«Матеріалы» VI выпуска относятся къ исторіи Строгановыхъ. Они суть слѣдующіе: 1) Библиографическія замѣчанія о первой жалованной грамотѣ Строгановымъ на земли въ Перми Великой, 1558 года; 2) Двадцать одна грамота, относящаяся къ Строгановымъ, XVI—XVII вв.; 3) и 4) выписки изъ Строгановскихъ синодиковъ, Сольвычегодскаго и Орловскаго.

III-й томъ «Пермскаго края» есть продолженіе изданія, предпринятаго крупнымъ литературнымъ и общественнымъ пермскимъ дѣятелемъ Д. Д. Смышляевымъ († 15-го ноября 1893 г.). Посвященный его памяти, томъ этотъ открывается его біографіей и прекрасно исполненнымъ фототипическимъ портретомъ. Книга представляетъ читателю массу интереснѣйшихъ свѣдѣній (всѣхъ статей въ сборникѣ 24) о прошломъ и настоящемъ Пермскаго края: по археологіи, этнографіи, исторіи, и по экономическому и общественному быту населенія. Изъ этихъ статей отмѣтимъ: интересныя замѣтки о пермскихъ древностяхъ извѣстнаго и почтеннаго пермскаго археолога Ѳ. А. Теплоухова, еще новыя данныя по исторіи Строгановыхъ (матеріалы къ исторіи пермскаго заповѣднаго имѣнія гр. Строгановыхъ и ихъ родословная), наказъ горнымъ надзирателямъ, составленный въ 1736 г. В. Н. Татищевымъ и въ первые издаваемыя, и біографіи мѣстныхъ ученыхъ и литераторовъ. Кромѣ упомянутой выше біографіи Д. Д. Смышляева, мы находимъ здѣсь біографіи двухъ пермскихъ историковъ, составленныхъ А. А. Дмитриевымъ: Ѳ. А. Вологова (р. 1790, † 1856 г.) съ фототипическимъ портретомъ и И. В. Вологодина (р. 1842, † 1895 г.). Глубоко поучительна и интересна жизнь обихъ почтенныхъ пермскихъ дѣятелей. Оба они происходятъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ графовъ Строгановыхъ и оба, благодаря своимъ личнымъ, умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, выдвинулись изъ своей среды на поприщѣ учено-

литературномъ. Это мѣстные Ломоносовы, которыми преисполнена Русская земля, «выводящая изъ народа, по словамъ поэта, столько сильныхъ, благородныхъ», но которыхъ мы, къ стыду нашему, такъ мало знаемъ.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на личности Ѳ. А. Волегова. Волеговъ не печаталъ крупныхъ своихъ произведеній при жизни; только три незначительныя статьи помѣстилъ онъ въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», но просьбѣ мѣстнаго губернскаго статистическаго комитета, коего былъ членомъ. Его, такъ сказать, открылъ А. А. Дмитриевъ, сообщившій о немъ впервые біографическія свѣдѣнія въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» въ 1882 г. и напечаталъ тамъ же его историческія труды, главнѣйшимъ изъ которыхъ являются «Историческія свѣдѣнія о гг. Строгановыхъ», написанныя въ 1827 г., т. е. задолго до книги о томъ же проф. Устрялова, появившейся въ 1842 г. (напеч. въ «Перм. Губ. Вѣд.» 1876—1877 г.). Весьма интересна родословная Волегова, родословная крѣпостной крестьянской семьи, восходящая къ концу XVII в. Предокъ Волеговыхъ, Григорій Волеговъ, крѣпостной гр. Строгановыхъ, въ исходѣ XVII в. былъ грамотнымъ. Грамотными были его сынъ, Махайла Григорьевъ, и три внука: Тимоѣей, Степанъ и Яковъ Михайловы. Они всѣ были дворовыми гр. Строгановыхъ, и изъ нихъ старшій, Тимоѣей, находился потомъ на казенной службѣ, въ Усольѣ, а меньшей, Яковъ, во второй половинѣ XVIII в. занялъ важный постъ управляющаго всѣхъ пермскихъ имѣній гр. А. С. Строганова. Потомство всѣхъ ихъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, состояло изъ грамотныхъ. Четвертый внукъ Григорія Волегова, Никита Михайловъ, остался безграмотнымъ крестьяниномъ-землепашцемъ. Онъ приходился роднымъ дѣдомъ Ѳедоту Алексѣевичу Волегову, писателю, отецъ котораго, Алексѣй Никитинъ, былъ также простымъ пахаремъ и тоже безграмотнымъ. Изъ четырехъ братьевъ Алексѣя Никитина были только двое грамотныхъ, а изъ восьми его сыновей грамотъ обучились уже семеро. Изъ нихъ трое были отпущены гр. Строгановыми на волю задолго до 19-го февраля 1861 г. Въ числѣ ихъ находился и историкъ, Ѳедотъ Алексѣевичъ, получившій отпускную въ 1818 году, молодымъ 18-ти лѣтнимъ юношею; затѣмъ служилъ онъ въ Петербургѣ, въ сенатѣ, а въ 1828 г., получивши на государственной службѣ два классныхъ чина, поступилъ на службу къ бывшимъ своимъ господамъ, гр. Строгановымъ, и оставался на ней, съ перерывомъ въ полтора года, до своей кончины въ 1856 г. Замѣчательно, что сынъ Ѳедота Алексѣевича Волегова, Василій Ѳедотовичъ, женился на вѣмкѣ, Раленбекъ; за вѣмцевъ же вышли замужъ и три его дочери: одна — за Лейхтфельда, другая — за Мейснера и третья за Линдера; четвертая дочь умерла дѣвницей.

Д. Корсаковъ.

**Опись собранія оружія графа С. Д. Шереметева. Составилъ Э. Ленцъ.
Съ приложеніемъ 26 фототипическихъ таблицъ. Спб. 1896.**

Въ предисловіи къ этому роскошному изданію составитель его сообщаетъ, что въ составъ замѣчательнаго собранія оружія графа С. Д. Шереметева входятъ исключительно предметы вооруженія и отчасти охотничьи принадлежно-

сти, составлявшіе въ теченіе приблизительно 4-хъ вѣковъ собственность рода Шереметевыхъ—что еще болѣе увеличиваетъ цѣнность и значеніе этого собранія оружія, подобныхъ которому составитель насчитываетъ около десятка, съ Московскою оружейною палатою и собраніемъ оружія австрійскаго императорскаго дома во главѣ. Всего въ описи г. Ленца значится 1,357 номеровъ, которые для удобства описанія распределены составителемъ на два главныхъ отдѣла: 1) оборонительное и 2) наступательное оружіе. Въ первомъ отдѣлѣ описаны броне, кольчуги, юшманы, кюяки-корацины (доспѣхи изъ металлическихъ бляхъ, прикрѣпляемыхъ къ кожѣ или какой либо матеріи), зеркала (складныя полулаты изъ 4-хъ пластинокъ, защищающихъ грудь, спину и оба бока), нагрудники и назатыльники, поручи, перчатки, кольчужныя прикрѣгтя для ногъ—налядвенники, наколѣнники и наголенники, нагольва, наплѣшники и щиты. Въ этомъ отдѣлѣ числится 249 предметовъ оборонительнаго вооруженія, въ числѣ которыхъ имѣются весьма рѣдкіе, даже единственные въ своемъ родѣ экземпляры: юшманъ № 31, часть монгольскаго кюяка № 55, зеркало конца XIV вѣка № 67 (почти всѣ зеркала съ интересными арабскими и персидскими надписями, приводимыми составителемъ въ русскомъ переводѣ), наручи № 66, ерихонка (родъ нагольва, шлема) № 178, наконецъ прекрасно сохранившійся экземпляръ восточнаго щита съ позднѣйшими русскими надписями.

Коллекція наступательнаго оружія въ собраніи графа С. Д. Шереметева богата не только числомъ предметовъ, но и большимъ разнообразіемъ и прекраснымъ подборомъ ихъ. Отдѣлъ этотъ составитель раздѣляетъ на три группы: 1) бѣлое оружіе (мечи, палаши, кончары, сабли и т. п.); 2) оружіе на древкахъ и ударное (шестоперы, пернаты, булавы, клевцы, топоры и бердыши); метательное оружіе—луки и стрѣлы и, наконецъ, оружіе огнестрѣльное. Въ числѣ многочисленныхъ и прекрасныхъ экземпляровъ послѣдняго наибольшій интересъ представляютъ первообразы нынѣшнихъ магазинныхъ и сзади заряжающихся разгибныхъ восточныхъ ружей, съ прототипами нынѣшнихъ металлическихъ гильзъ въ видѣ желѣзныхъ патроновъ къ кремневымъ ружьямъ, шестизарядный револьверъ XVI вѣка и семиствольные пистолеты (нидерландскіе). Въ концѣ своего труда г. Ленць описалъ пороховницы, натруски, баклаги, мундштуки, стремена, подковы, сумки, нагайки, ошейники. Хотя по недостатку времени, которымъ г. Ленць располагалъ для составленія «Описи собранія оружія графа С. Д. Шереметева», опись эта представляется, по его словамъ, какъ бы только полнымъ инвентаремъ собранія, каждый предметъ котораго точно взвѣренъ, взвѣшенъ и описанъ г. Ленцомъ, а многіе, кромѣ того, съ помощью многочисленныхъ фотографическихъ снимковъ, сдѣланы доступными и для нагляднаго ознакомленія,—но во многихъ случаяхъ составитель не ограничился этими скромными рамками и дополнилъ описаніе отдѣльныхъ группъ оружія краткими сообщеніями объ историческомъ развитіи той или другой группы у той или другой народности и другими свѣдѣніями, почерпнутыми имъ изъ русской и иностранной литературы по этому предмету и изъ знакомства съ иностранными собраніями оружія. Вотъ почему «Опись оружія графа С. Д. Шереметева» представляетъ гораздо болѣе интересъ, чѣмъ это можно ожидать по скромному названію книги. Отпечатана она роскошно, а приложенныя фото-

типи исполнены образцово, такъ что и по содержанію и по внѣшности изданіе это составитъ драгоцѣнный вкладъ въ нашей небогатой специальной литературѣ подобныхъ памятниковъ старины.

В. Ч. С.

М. И. Драгомировъ. Разборъ романа „Война и Миръ“. Кіевъ. 1895.

Обращаемъ вниманіе всѣхъ читателей и почитателей графа Толстого на эту небольшую, но очень интересную брошюру. Входящія въ составъ ея шесть статей были написаны авторомъ по мѣрѣ появленія отдѣльных томовъ «Войны и Мира», напечатаны въ специально военномъ журналѣ и потому остались, можно сказать, неизвѣстными болѣе широкому кругу читателей. Между тѣмъ изъ всей груды печатной бумаги, изведенной безчисленными авторами на разборъ различныхъ произведеній графа Толстого, можно сказать, заслуживаютъ прочтенія только статьи Н. Н. Страхова, на которыя мы еще недавно обращали вниманіе читателей «Историческаго Вѣстника», статьи К. Н. Леонтьева, помѣщенныя въ свое время въ «Русскомъ Вѣстникѣ» подъ заглавіемъ «Анализъ, стиль и вѣяніе», къ сожалѣнію, до сихъ поръ не изданныя отдѣльно, и настоящая брошюра М. И. Драгомирова. Въ ней крайне интересна и поучительна самая постановка вопроса: авторъ разсматриваетъ знаменитый романъ чисто съ военной точки зрѣнія, такъ, какъ онъ разсматривалъ бы любой учебникъ стратегіи или тактики, и своимъ огромнымъ знаніемъ и опытомъ, можно сказать, подавляетъ великаго романиста на этой, столь несвойственной его дарованію, почвѣ. Разумѣется, это не художественная критика, на которую знаменитый военный писатель и не заявляетъ ни малѣйшихъ претензій; но для правильной, всесторонней и безпристрастной оцѣнки графа Толстого небольшая брошюра М. И. Драгомирова незамѣнимый матеріалъ. Въ самомъ началѣ авторъ резюмируетъ свои взгляды слѣдующимъ образомъ: «Романъ графа Толстого интересенъ для военнаго въ двоякомъ смыслѣ: по описанію сценъ военныхъ и войсковаго быта и по стремленію сдѣлать нѣкоторые выводы относительно теоріи военнаго дѣла. Первые, то-есть сцены, неподражаемы и, по нашему крайнему убѣжденію, могутъ составить одно изъ самыхъ полезнѣйшихъ прибавленій къ любому курсу теоріи военнаго искусства; вторые, то-есть выводы, не выдерживаютъ самой снисходительной критики по своей односторонности, хотя они интересны, какъ переходная ступень въ развитіи воззрѣній автора на военное дѣло». И надо отдать справедливость генералу Драгомирову, что онъ доказываетъ правильность своего взгляда самымъ блистательнымъ, можно сказать, математически неопровержимымъ способомъ. Трудно представить себѣ болѣе блестящія, вѣрныя и остроумныя страницы, чѣмъ тѣ, гдѣ генераль Драгомировъ показываетъ, какъ должно освѣтить графъ Толстой теоретическими замѣтками, вложенными въ уста князя Андрея, имъ же самимъ геніально созданную героическую фигуру Багратіона, и какъ дѣйствительная жизненная правда, свѣтящаяся въ художественной сторонѣ изображенія, не можетъ быть заглушена никакою теоріей, даже тою, которую исповѣдуетъ самъ художникъ. Пресловутый «разладъ художника и мыслителя», жеванный

и пережеванный десятками бездарностей, съ удивительной точностью поставленъ и разъясненъ въ брошюрѣ генерала Драгомирова. Наши несмѣтные критики слишкомъ часто смѣшиваютъ силы ума съ тѣми средствами, которыми онъ располагаетъ, и потому вѣчно вращаются въ бѣличьемъ кругу, стараясь доказать ничтожество графа Толстого, какъ мыслителя. Между тѣмъ великій романистъ столь же превосходный мыслитель, какъ художникъ; но теоретикъ онъ удивительно плохой, односторонній и, главное, поверхностный, а потому исключительный и нетерпимый. Вотъ этотъ слѣпой догматизмъ, уродующій великія дарованія графа Толстого, и выясненъ съ неподобнымъ совершенствомъ генераломъ Драгомировымъ, поскольку этотъ догматизмъ скрывается въ неправильностяхъ и односторонности военныхъ воззрѣній автора «Войны и Мира». Разбирая этотъ разборъ, положительно затрудняешься въ похвалахъ, не зная, чему въ немъ отдать предпочтеніе. Вотъ превосходный анализъ воззрѣній князя Андрея съ точки зрѣнія историка литературы военнаго дѣла; вотъ замѣчательная характеристика его, какъ строеваго офицера, вотъ блестящій анализъ взглядовъ графа Толстого на военную исторію; вотъ глава четвертая, въ которой авторъ, точно химической реакціей на палимпсестъ, заставляетъ выступать изъ чисто художественныхъ страницъ романа ту дѣйствительность, которую графъ Толстой замолчалъ, покрывъ ея мѣсто своими узкими и односторонними разсужденіями, вотъ, наконецъ, главы пятая и шестая; гдѣ читателя невольно поражаетъ неподобное опроверженіе дѣлаго ряда категорически высказанныхъ графомъ Толстымъ взглядовъ его по теоріи военнаго дѣла. Сколько намъ извѣстно, генералъ Драгомировъ былъ первымъ въ литературѣ, кто высказалъ категорическое положеніе: «Въ «Войнѣ и Мирѣ» два человѣка—артистъ и мыслитель; и первый при каждомъ удобномъ случаѣ бьетъ на голову второго. Иной еще разъ артистъ какъ будто соглашается помолчать изъ снисхожденія къ слабому товарищу, но какъ только примется говорить, разбиваетъ въ конецъ» (стр. 107); какъ всегда бываетъ, первый высказавшій мысль высказалъ ее и лучше, и цѣльвѣй, и убѣдительнѣй, и шире всѣхъ, кто подхватилъ впослѣдствіи его идею. Повторяемъ еще разъ то, что сказали въ самомъ началѣ: чтеніе брошюры генерала Драгомирова обязательно для всѣхъ безусловно читателей «Войны и Мира», такъ какъ этотъ романъ, по самому свойству его автора, нуждается для полнаго усвоенія въ строгой и широкой критической оцѣнкѣ; между тѣмъ, всесторонняго его разбора мы еще не имѣемъ, а изъ останавливающихся на отдѣльных частностяхъ мы можемъ указать на три первоклассныхъ и вполне разнородныхъ разбора: Н. Н. Страхова, К. Н. Леонтьева и М. И. Драгомирова.

В. Никольскій.

Е. В. Пѣтуховъ. Очерки изъ литературной исторіи синодика. Историко-литературныя наблюденія и матеріалы. Спб. 1895.

Настоящая книга, изданная Обществомъ любителей древней письменности, представляетъ собой докторскую диссертацию автора, профессора Нѣжинскаго историко-филологическаго института. Огромному большинству нашей интелли-

гентной публики самый предмет диссертации можетъ представиться совсѣмъ неизвѣстнымъ и даже неинтереснымъ: о синодикѣ знаютъ, какъ о сборникѣ поминаній, а потому онъ представляется чѣмъ-то сухимъ, не имѣющимъ никакого литературнаго значенія. Между тѣмъ въ дѣйствительности это далеко не такъ. Подъ именемъ синодика въ древней русской литературѣ разумѣлось три разнородныхъ памятника: во-первыхъ, этимъ именемъ назывался чинъ православія, заимствованный изъ Византіи и подвергавшійся измѣненіямъ на русской почвѣ; во-вторыхъ, именемъ синодика обозначался помянникъ, въ который записывались имена умершихъ для поминанія ихъ въ церкви за упокой, и, наконецъ, въ-третьихъ, синодикомъ въ XVII и XVIII вѣкѣ называлась такая книга, которая, кромѣ поминаній, заключала въ себѣ разнообразныя къ нимъ комментаріи или предисловія въ видѣ разсужденій, разсказовъ, описательныхъ лирическихъ статей и отрывковъ съ соотвѣтствующими иллюстраціями. Этотъ третій типъ синодиковъ, заключая въ себѣ много поучительныхъ элементовъ, получилъ совершенно особенное литературное значеніе, сдѣлавшись очень популярной, распространенной книгой и перейдя въ лубочную литературу. Такое распространеніе синодика дѣлаетъ его весьма существеннымъ источникомъ для изученія народнаго міросозерцанія, а потому и нельзя не привѣтствовать попытку г. Пѣтухова изслѣдовать составъ и происхожденіе этого литературнаго памятника.

Изслѣдованіе распадается на двѣ части: въ первой авторъ разсматриваетъ судьбу чина православія (то-есть первой части синодика) на русской почвѣ, а во второй говоритъ о литературныхъ элементахъ синодика, какъ народной книги въ XVII и XVIII вѣкахъ. Сличая разныя редакціи русскаго текста чина православія съ греческимъ оригиналомъ, г. Пѣтуховъ приходитъ къ тому выводу, что существовали двѣ самостоятельныя русскія редакціи чина православія, изъ которыхъ первая возникла не позднѣе начала XV вѣка, а, можетъ быть, и гораздо ранѣе, вторая же является въ первый разъ въ Постной Тріоди кievскаго изданія 1627 года. Первая русская редакція отличается буквальностью перевода, которая обусловила трудность его пониманія безъ справки съ оригиналомъ и рядъ непослѣдовательностей переводчика въ синтактичскомъ строѣ его труда. Вторая русская редакція представляетъ самостоятельный переводъ съ греческой распространенной редакціи. Таковы результаты изученія русскаго текста чина православія, то-есть перваго типа книгъ, называемыхъ синодиками. Гораздо большій литературный интересъ имѣетъ изслѣдованіе синодика, какъ народной книги, или того его типа, который заключаетъ въ себѣ разныя повѣствованія и поученія. Въ содержаніи этой книги можно отмѣтить двѣ главныя части: общія поминанія и «предисловіе». Литературное значеніе имѣетъ преимущественно вторая часть. Въ ней можно выдѣлить слѣдующіе пять элементовъ: историческій, теоретическій, повѣствовательный, лирико-описательный и болѣе обширныхъ статей и отрывковъ изъ нихъ. Предисловіе имѣетъ три редакціи, и разсмотрѣніе его литературныхъ элементовъ приводитъ къ заключенію о преобладаніи въ немъ переводнаго содержанія надъ незначительной частью русскаго, причѣмъ послѣднее является главнымъ образомъ въ статьяхъ, не принадлежащихъ органически къ основ-

ному составу синодика. Иллюстраціи ничего не даютъ сверхъ текста, лишь слѣдуя за нимъ съ возможной полнотой. Переводный матеріалъ составители синодика черпали уже изъ готовыхъ переводовъ, не обращаясь къ чужеземнымъ подлинникамъ и подчиняя выбранное содержаніе одной господствующей идеѣ, каковою является сознаніе необходимости церковной молитвы за усопшихъ и милостыни, а при жизни—своевременнаго покаянія. Общій характеръ синодика покаянно-аскетическій, и идея, положенная въ его основаніе, существовала издавна въ сознаніи русскаго народа, что подтверждается, какъ связью его мотивовъ съ русскими духовными стихами и легендами, такъ и фактическими данными о бытовой сторонѣ русской жизни въ XVI и XVII вѣкахъ. Причина появленія синодика именно въ XVI—XVII вѣкахъ лежала, какъ въ чисто литературныхъ условіяхъ времени, такъ, вѣроятно, и въ необходимости дать отпоръ рационалистическимъ мнѣніямъ касательно одного изъ вопросовъ церковнаго вѣроученія и обрядности (то-есть поминовенія усопшихъ), мнѣніямъ, получившимъ вмѣстѣ съ другими подобными мнѣніями особенное распространеніе въ эти столѣтія.

Таковы въ краткомъ резюме выводы, къ которымъ пришелъ г. Пѣтуховъ въ своемъ весьма интересномъ изслѣдованіи. Обиліе рукописнаго матеріала, которымъ авторъ пользовался и въ общественныхъ, и въ частныхъ собраніяхъ, тщательное изученіе источниковъ, осторожность въ заключеніяхъ, дѣлають его книгу существеннымъ вкладомъ въ изученіе древне-русской письменности, особенно тѣхъ произведеній, которыя имѣють характеръ сборниковъ и до сихъ поръ еще весьма мало были предметомъ точнаго историко-литературнаго анализа.

А. В—инъ.

Галицко-русская библиографія XIX-го столѣтія съ увзглядненіемъ русскихъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Вуковинѣ (1801—1886). Составилъ Иванъ Ем. Левицкій. Томы I—II. Хронологическій списокъ публикацій. Львовъ. 1895.

Означенный трудъ извѣстнаго галицкаго писателя-публициста И. Е. Левицкаго представляетъ собою явленіе далеко незаурядное въ исторіи современной галицко-русской литературы. Это — первый и, можно сказать, единственный опытъ научнаго систематическаго обзора произведеній галицко-русской литературы съ перваго года нынѣшняго столѣтія до послѣднихъ дней, опытъ, сдѣланный во всеоружіи глубокаго знанія родной литературы, полной научной добросовѣстности и рѣдкаго трудолюбія. Въ своей «Библиографіи» Левицкій собралъ и систематизировалъ съ пояснительными примѣчаніями возможно полныя и подробныя свѣдѣнія о всемъ томъ, что было напечатано въ предѣлахъ Австро-Венгріи на русскомъ языкѣ (церковнымъ, гражданскимъ и латинскимъ шрифтомъ) авторами различныхъ національностей — съ одной стороны, и что было напечатано какъ въ Австро-Венгріи, такъ и въ другихъ странахъ на польскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ авторами — галицко-русскими уроженцами, — съ другой. Въ результатъ получился классическій, капитальный трудъ, дающій автору право на почетное мѣсто

въ ряду выдающихся библиографовъ настоящаго времени. Цѣнность разсматриваемаго труда г. Левицкаго увеличивается еще тѣмъ, что автору приходилось работать на почвѣ почти невоздѣланной и даже прямо таки неблагоприятной для него. Кто хорошо знакомъ съ тѣми жалкими общественно-литературными отношеніями, какія существуютъ теперь въ Галичинѣ и вообще въ Прикарпатской Русси, тотъ пойметъ, съ какою колоссальною трудностью сопряжено здѣсь серьезное и точное веденіе библиографіи. Авторъ справедливо говоритъ, что едва ли есть въ мірѣ другое культурное общество, такъ мало заинтересованное судьбою своихъ литературныхъ произведеній, какъ русско-прикарпатское общество. И это не голословная фраза. По словамъ Левицкаго, «въ русскомъ Прикарпатыи ницѣ—не найдешь съ фонаремъ и десяти людей европейскихкихъ библиомановъ или ученыхъ тружениковъ, умѣющихъ опѣнять достоинство книжныхъ сборовъ родной литературы. Произведенія печати съ 1840 и 1850 годовъ стали едва ли не археологическою древностью, и если бы не обязательныя по закону о печати высылки экземпляровъ въ львовскую университетскую библиотеку, то было бы немислимымъ отыскать нынѣ въ Галичинѣ публикаціи (произведенія печати) даже съ 1860 и 1870 годовъ».

Дѣйствительно, библиотеки въ Прикарпатыи владѣютъ довольно скуднымъ собраніемъ галицко-русскихъ книгъ. Даже такія значительныя мѣстныя библиотеки, какъ библиотека «Народнаго дома», содержащая 30.000 томовъ, библиотека Львовскаго университета и общества «Просвѣтъ», обнаруживаютъ у себя поразительный недостатокъ болѣе или менѣе старинныхъ литературныхъ произведеній не только буковинской, венгерской, но даже и галицкой Руси. Этотъ недостатокъ автору «Библиографіи» приходилось восполнять поисками въ книгохранилищахъ частныхъ лицъ—русскихъ въ Венгрии и Буковинѣ, часто наталкиваясь, по сознанію автора, на полное равнодушіе къ его труду со стороны этихъ послѣднихъ.

Конечно, при такихъ условіяхъ работы, въ трудѣ г. Левицкаго неизбѣжно должны были вкрасться нѣкоторыя пробѣлы, пропуски и неточности. И они есть тамъ, и ихъ сознаетъ самъ авторъ. Но эти пропуски настолько не значительны и такъ ступшевываются въ массѣ всего матеріала работы нашего библиографа, что нисколько не умаляютъ неоспоримыхъ достоинствъ его почтеннаго труда, составляющаго цѣнный вкладъ въ небогатую галицко-русскую библиографическую литературу.

Нѣтъ сомнѣнія, что библиографія является однимъ изъ главныхъ источниковъ для исторіи умственнаго развитія каждаго народа и вообще культуры; она указываетъ всѣ фазы, черезъ которыя проходилъ народъ въ своемъ стремленіи къ образованію, и, какъ вѣрное зеркало, отражаетъ въ себѣ и олицетворяетъ всю умственную жизненность народа. Это глубокое историко-литературное значеніе библиографіи давно уже сознавалось лучшими умами галицко-русскаго народа, и еще съ половины настоящаго столѣтія начали появляться попытки галицко-русской библиографіи. Таковы труды: Я. Головацкаго въ журналѣ «Галичанинъ» за 1863 годъ—списокъ «галицкихъ публикацій» съ 1772—1848 годъ; Стефановича въ пражскомъ *Slovansky katalog bibliograficky*—списокъ «малорусскихъ публикацій»; Дѣдицкаго—

списокъ книгъ и брошюръ, изданныхъ «Галицко-русскою Матицею» съ 1848—1885 г.; Франка— въ львовской «Правдѣ»— «Библиографичный покажчикъ статей печатанихъ въ Правдѣ у всіхъ 13 рочникахъ» (1867—1883 г.); Петрушевича— нѣсколько библиографическихъ указателей въ журналахъ. Кромѣ того, о русско-галицкой библиографіи писали Межовъ— «Библиографическій указатель галицко-русской литературы отъ 1837 до 1862 года (трудъ болѣе другихъ точный и серьезный) и Ундольскаго— «Очеркъ славяно-русской библиографіи церковной печати» (1491—1864 г.), трудъ, въ которомъ относительно галицко-русскихъ изданій находятся значительныя неточности и пропуски, которые и указаны Я. Головацкимъ въ его «Дополненіи къ очерку славяно-русской библиографіи В. М. Ундольскаго».

Упомянутыми трудами исчерпывается почти вся галицко-русская библиографическая литература XIX столѣтія. Недостаточность этихъ трудовъ, не смотря на ихъ все-таки немаловажное значеніе, очевидна. Всѣ они или обнимаютъ короткіе промежутки времени, часто почти одни и тѣ же, или трактуютъ только объ изданіяхъ русской гражданской или церковной печати, опуская русско-галицкія изданія другими письменами. Кромѣ того, они неполны, разбросаны въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, не составляютъ одной цѣлости, чѣмъ, конечно, сильно затрудняется пользованіе ими. «Галицко-русская библиографія» Левицкаго устраняетъ эти неудобства и недочеты. Построенная на новомъ, вполне научномъ принципѣ, о которомъ я упоминалъ выше, она даетъ полнѣйшій и всесторонне обследованный обзоръ галицко-русской литературы нынѣшняго столѣтія.

На основаніи главныхъ чертъ, какія носятъ на себѣ галицко-русскія литературныя произведенія XIX вѣка, г. Левицкій раздѣлилъ библиографическій матеріалъ въ своемъ трудѣ на два отдѣльныхъ періода, именно— на до-конституціонный (1801—1860 г.), составляющій первый томъ его «Библиографіи», и на конституціонный (1861—1886 г.), дающій содержаніе второму тому ея. Литературные плоды галицко-русскихъ тружениковъ, дѣйствовавшихъ въ до-конституціонный періодъ, могутъ съ точки зрѣнія современнаго прогресса показаться незначительными. Но они дали толчекъ дальнѣйшему развитію литературы, и уже простая справедливость требовала передать позднѣйшимъ поколѣніямъ имена и труды тѣхъ первыхъ галицко-русскихъ литературныхъ пионеровъ, которые при незавидныхъ обстоятельствахъ потрудились на пользу отечественной литературы и просвѣщенія. Со стороны автора было большою заслугой вызвать эти литературные памятники изъ глубины забвенія. За это ему скажетъ спасибо всякій любитель славянской литературной старины.

Не меньшую заслугу автора составляетъ и то, что онъ въ списокъ сочиненій, вошедшихъ въ составъ «Галицко-русской библиографіи», даетъ точную копію заглавныхъ листовъ этихъ сочиненій, воспроизведенныхъ на томъ самомъ языкѣ и тѣмъ родомъ письменъ, на какомъ были напечатаны подлинники. При этомъ г. Левицкій къ менѣе извѣстнымъ или важнѣйшимъ сочиненіямъ и статьямъ дѣлаетъ примѣчанія и болѣе или менѣе подробныя поясненія, или указываетъ, гдѣ можно ближе познакомиться съ тѣмъ или

другим литературным памятником, попутно исправляет ошибки прежних библиографов и проч.

Имѣя въ виду дать, такъ сказать, графическое представленіе развитія галицко-русской печати, авторъ весьма рационально принялъ въ своемъ трудѣ хронологическій порядокъ обзора этой печати, который показываетъ, черезъ какія фазы проходило развитіе галицко-русской словесности, и какъ съ году на годъ усиливалось національное галицко-русское самосознаніе. Такой порядокъ матеріала обнаруживаетъ въ авторѣ глубокое пониманіе того значенія, которое имѣетъ для культурной исторіи народа принятое имъ на себя дѣло.

Говоря о періодическихъ изданіяхъ, Левицкій въ своей «Библиографіи» не только приводитъ заглавія этихъ изданій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и указываетъ въ алфавитномъ порядкѣ и по категоріямъ предметовъ достойныя вниманія статьи въ нихъ, иногда даже пересказывая вкратцѣ ихъ содержаніе. Приѣмъ весьма цѣлесообразный и полезный, потому что именно въ періодическихъ изданіяхъ — газетахъ, журналахъ, альманахахъ, сборникахъ, календаряхъ — находится главнѣйшій матеріалъ для галицко-русской словесности, почти вся изящная и научная литература. Здѣсь былъ нелегкій трудъ для автора, но онъ выполнилъ его добросовѣстно.

Трудную и кропотливую свою работу г. Левицкій достойно завершилъ, приложивъ къ обоимъ томамъ толково составленный алфавитный указатель по предметамъ и именамъ авторовъ, гдѣ довольно часто раскрываетъ псевдонимы и криптонимы мало кому извѣстныхъ галицко-русскихъ писателей.

Оцѣнка труда Левицкаго будетъ не полна, если не упомянуть еще о прекрасно составленномъ предисловіи къ первому тому «Библиографіи», гдѣ онъ сообщаетъ статистическія данныя литературнаго движенія Галицкой Руси въ до-конституціонный періодъ.

Н. Рыжковъ.

Подробная опись 962 рукописямъ начала XVII до начала XIX столѣтій „Долматовскаго архива“. Составлена І. Д. Преображенскимъ и Н. А. Альбицкимъ. Спб. 1895.

Костромская губернская ученая архивная коммиссія, которой принадлежитъ разсматриваемая «Подробная опись 962 рукописямъ», поставила себѣ очень важную задачу собирать въ мѣстныхъ помѣщичьихъ усадьбахъ старинные документы, потерявшіе для владѣльцевъ практическое значеніе, хранить эти документы въ своемъ архивѣ и печатать систематическія ихъ описи. Такого рода трудъ, предпринятый коммиссіей, несомнѣнно, долженъ принести большую пользу всѣмъ изслѣдователямъ стариннаго быта и областной исторіи, которая до послѣдняго времени не могла у насъ похвалиться своей разработанностью, такъ что можно смѣло сказать, что этотъ существенный отдѣлъ исторической науки остается почти нетронутымъ и ждетъ внимательнаго изученія грядущихъ историковъ. Однимъ изъ первыхъ условій уснѣшности подобныхъ изслѣдованій слѣдуетъ признать собраніе, а въ особенности сбереженіе богатаго матеріала, хранящагося въ частныхъ рукахъ и подвергающагося постоянной опасности уничтоженія: печальная участь многихъ помѣщичьихъ библиотекъ

и коллекцій рукописей и актовъ, проданныхъ въ раздробъ или пошедшихъ на обертки въ лавочки, достаточно оправдываетъ начинаніе Костромской архивной комиссіи. На воззваніе комиссіи о доставленіи ей матеріаловъ нѣкоторые помѣщики отозвались весьма сочувственно, и въ комиссію стали поступать не только отдѣльные старинные акты, но и большія собранія документовъ, въ теченіе продолжительнаго времени накопившихся въ усадьбахъ. Между прочимъ сперва въ распоряженіе, а затѣмъ въ собственность комиссіи было представлено владѣлицею села Долматова, г-жею Ермоловой, собраніе документовъ съ начала XVII вѣка до начала XIX вѣка, заключающее въ себѣ болѣе 1.000 рукописей разнообразнаго содержанія. Небольшая часть этихъ документовъ была напечатана во 2-мъ выпускѣ издаваемого комиссіей сборника «Костромская Старина», остальные же описаны въ настоящемъ трудѣ членовъ комиссіи, гг. Преображенскаго и Альбицкаго. Всѣ матеріалы «Долматовскаго архива» оказались документами цѣлой вѣтви рода Куломзинныхъ, владѣвшихъ сосѣднимъ съ сельцомъ Долматовымъ, сельцомъ Магуевымъ съ конца XVII до конца XVIII вѣка, а также и владѣльцевъ самого Долматова, дворянъ Головцыныхъ. Въ описаніи гг. Преображенскаго и Альбицкаго документы сгруппированы въ 16 отдѣловъ: здѣсь мы находимъ документы, касающіеся государственной службы Куломзинныхъ, частныя письма, сговорныя записи, росписи приданому невѣстѣ, выводныя и отпускныя на крестьянскихъ невѣстѣ записи, заемныя кабалы, служилыя кабалы, акты на передачу правъ на недвижимыя имѣнія, грамоты отказныя, ввозныя, раздѣльныя, послушныя, выписки изъ писцовыхъ, переписныхъ и межевыхъ книгъ, ровизскія сказки, квитанціи въ уплатѣ подушныхъ денегъ и другихъ государственныхъ сборовъ, по наборамъ рекрутъ, работниковъ и драгунскихъ лошадей, челобитныя, поколѣбныя росписки и т. д. Всѣ эти документы, хотя и относятся исключительно къ родамъ Куломзинныхъ и Головцыныхъ, представляютъ очень большое количество данныхъ экономическихъ и статистическихъ, такъ что на ихъ основаніи можно возстановить довольно полную картину быта помѣщичьяго и крестьянскаго, особенно въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Описаны документы очень обстоятельно, а нѣкоторые изъ нихъ приведены въ описаніи цѣликомъ. Къ описанію приложены указатели именъ личныхъ и географическихъ, списки приказнымъ дьякамъ и боярамъ, вѣдавшимъ приказами, упоминаемымъ въ актахъ, костромскимъ губнымъ старостамъ и воеводамъ и родословныя росписи князей Мещерскихъ и дворянъ Куломзинныхъ.

Передавъ кратко, на сколько позволяли размѣры журнальной рецензіи, содержаніе «Описи», мы не можемъ не пожелать, чтобы и другія архивныя комиссіи послѣдовали примѣру костромской и дали бы тѣмъ возможность поставить на прочную почву изученіе внутренней областной нашей исторіи.

А. В.

Народная Академія. Доброе Слово. Книга первая. Изъ поученій высокопресвященнѣйшаго Палладія, митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго. Книга вторая. Изъ поученій высокопресвященнаго Антонія, архіепископа финляндскаго и Выборгскаго. Изданіе С. Г. Рункевича. Спб. 1895.

Хотя народническое направленіе съ давнихъ поръ составляетъ крупный фактъ нашей умственной и общественной жизни, но до самаго послѣдняго времени представители этого теченія обращали мало вниманія на непосредственныя нужды народа, увлекаясь главнымъ образомъ кабинетными спорами. Въ этомъ отчасти нужно искать объясненіе, почему такъ медленно подвигалось у насъ дѣло народнаго просвѣщенія, и почему народъ принужденъ былъ питаться весьма плохой умственной пищей. Разныя неудобоваримыя издѣлія московскаго Никольскаго рынка (въ родѣ исторіи англійскаго милорда Георга или рыцаря Гуака) долгое время были единственными изданіями, которыя книжный рынокъ пускалъ въ обращеніе среди народа. Теперь, когда лучшія литературныя силы стали класть свою ленту въ полезное дѣло книгоиздательства для народа, оно начало принимать болѣе благоприятный оборотъ: пригодныхъ для народнаго чтенія книгъ появляется все больше и больше. Вслѣдствіе этого теперь каждый предприниматель, спекулирующій на «мужицкіе» гроши, уже не можетъ разсчитывать на снисходительное отношеніе къ себѣ только потому, что его «товарь» лучше московско-никольскаго Г. Рункевичъ затѣялъ, повидимому, довольно широкое предпріятіе, имѣющее цѣлью удовлетворять назрѣвшей потребности въ хорошихъ книгахъ для народнаго чтенія. «Доброе Слово» — это только первая серія дѣлаго изданія, именуемаго «Народной Академіей». На основаніи двухъ вышедшихъ книжекъ нужно сказать, что это изданіе и задумано неудачно, и выполняется крайне неудовлетворительно. Начать хотя бы съ заглавія. Если претенциозность и грубые эффекты всегда непріятны, то тѣмъ болѣе эти качества поражаютъ въ книжкѣ, изданной для народнаго чтенія. А такое именно впечатлѣніе производитъ титулъ «Народная Академія», придуманный г. Рункевичемъ для своего изданія. Что касается задачи изданія, то г. Рункевичъ формулируетъ ее слѣдующимъ образомъ (см. обложку): «Народная Академія» имѣетъ своею задачей освѣтить съ высшей, христіанской точки зрѣнія по возможности всѣ стороны жизни». Считая лучшимъ матеріаломъ для этой цѣли проповѣди нашихъ витій, издатель замѣчаетъ: «избирая изъ поученій наиболѣе существенное, оригинальное, ясное и издавая по наивозможно дешевой цѣнѣ, «Народная Академія» въ «Добромъ Словѣ» открываетъ доступъ народу къ неисчерпаемой сокровищницѣ уроковъ пастырскаго христіанскаго слова». Выполненіе этой задачи сдѣлано безъ системы, или, пожалуй, въ системѣ, но вѣскольکو странной. Каждую книжку издатель посвящаетъ одному какому нибудь проповѣднику, снабжаетъ біографіей послѣдняго подъ эпитафюмъ: «знайте труждающихся у васъ». Вслѣдствіе этого изданіе г. Рункевича получаетъ видъ біографической бібліотеки нашихъ здравствующихъ духовныхъ сановниковъ, а не бібліотеки для народнаго чтенія. Выборъ проповѣдей дѣлается способомъ не-

удачнымъ, да и неудобнымъ. Издатель выхватываетъ верёдко десятокъ, другой строкъ изъ проповѣди, имѣющей опредѣленный смыслъ, и помѣщаетъ подъ отдѣльнымъ заглавіемъ. Лишенный логической связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, отрывокъ иногда не совсѣмъ даже понятенъ. Таковъ отрывокъ на 150 стр. 1-й кн. подъ заглавіемъ: «Тяжкіе вздохи ветхой земли». Вотъ онъ: «Человѣкъ верёдко слышитъ тяжкіе вздохи ветхой земли въ сокрушительныхъ буряхъ, видитъ обильныя слезы ея въ водахъ потопныхъ, содрогается при страшныхъ потрясеніяхъ земли, съ шумомъ раскрывающей свои глубокія раны, иногда воздухъ теряетъ правильность стихійнаго сорастворенія, и его струи текутъ не для оживленія, а на поврежденіе и ослабленіе природы нашей; моровыя язвы, заразные болѣзни обходятъ землю, какъ ужасная рать, и нѣтъ силъ, нѣтъ средствъ у человѣка остановить этого врага, который самъ невидимъ, а видимо сокрушаетъ и разитъ все, къ чему ни прикоснется». Истинный смыслъ этого отрывка, такъ неудачно выхваченнаго, безспорно, можно узнать только тогда, если прочесть его въ общей связи всего поученія. Равнымъ образомъ не совсѣмъ удачнымъ считаемъ выборъ для народнаго чтенія поученій высокопр. Антонія. Глубокое богословствованіе нашего знаменитаго архипастыря едва ли будетъ доступно простому народу. Да при томъ же по условіямъ своей архипастырской жизнѣдѣтельности высокопресв. Антоній касался темъ, совершенно чуждыхъ жизни пахаря-поселянина, разрабатывалъ вопросы, рѣшеніе которыхъ не можетъ имѣть приложенія въ несложномъ быту простонародья. Значительную часть второй книжки составляютъ отрывки поученій, говоренныхъ архипастыремъ въ назиданіе новопостригаемымъ студентамъ духовной академіи (14 отр.), также—о значеніи высшаго образованія—богословскаго (8) или свѣтскаго (7) и т. д. Высокопресвященный Антоній направлялъ свое слово къ богословски-образованной аудиторіи, естественно, примѣнялъ свою рѣчь къ степени ея понятій; между тѣмъ простой народъ нуждается въ простой, безыскусственной рѣчи, а не въ богословско-философскихъ трактатахъ, которые едва ли будутъ ему понятны. Одну изъ проповѣдей высокопресв. Антонія г. Рункевичъ прямо озаглавливаетъ: «Современнымъ образованнымъ юношамъ». Какихъ же читателей предполагаетъ г. Рункевичъ? Можетъ быть, онъ имѣлъ въ виду «народъ» въ самомъ широкомъ смыслѣ? Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было переиздавать проповѣди въ неумѣло выкроенныхъ отрывкахъ, когда всякій интересующійся богословскими вопросами можетъ прочесть эти проповѣди въ цѣломъ и не изломанномъ видѣ?

К—чь.

Сказки, собранныя братьями Гриммами. Иллюстрированныя Гротъ-Юганномъ и Лейнвеберомъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей П. Н. Полеваго. Спб. 1895.

Имя братьевъ Гриммовъ неразрывно связано съ исторіей нѣмецкаго національнаго движенія начала нынѣшняго столѣтія, но этимъ далеко не исчерпывается значеніе этихъ двухъ замѣчательныхъ дѣятелей. Они являются прежде всего учеными, открывшими новую область для научныхъ изслѣдованій, по-

20*

ложившими прочное основаніе изученію этой области и указавшими методъ. Яковъ Гриммъ своими трудами по такъ называемой германистикѣ не только содѣйствовалъ уясненію прошлаго германскаго племени, изученію германскихъ нарѣчій и мифологіи, но и вообще оказалъ неоцѣненную услугу европейской наукѣ выработкой приѣмовъ сравнительнаго изученія народныхъ вѣрованій и народной словесности; его братъ Вильгельмъ, отмежевавшій себѣ болѣе скромный уголокъ работы и слѣдовавшій во многомъ Якову, имѣеть также несомнѣнныя самостоятельныя заслуги. Методъ, указанный братьями Гриммами, былъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ измѣненъ Бенфеємъ и новѣйшими изслѣдователями-эволюціонистами; нѣкоторые ихъ выводы устранены теперь наукой, но этимъ нисколько не умаляется значеніе этихъ крупныхъ дѣятелей: въ существенныхъ чертахъ наука идетъ по пути, намѣченному ими. Однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ Гриммовъ, благодаря которому имя ихъ на долгое время останется популярнымъ въ Германіи, было собраніе ими нѣмецкихъ народныхъ сказокъ, такъ какъ своей записью они успѣли во время сохранить исчезающія въ Германіи остатки сказочнаго эпоса. Въ этомъ собираніи Гриммами руководилъ не одинъ спеціальнѣйшій филологическій интересъ, они видѣли въ сказкахъ много такого, что имѣеть абсолютную поэтическую цѣнность, извѣстное воспитательное значеніе. Вотъ какъ объясняютъ они этотъ свой взглядъ: «то, что уже такъ многообразно и постоянно сызнова радовало, трогало и поучало предшествовавшія намъ поколѣнія, то ужъ, конечно, должно представляться намъ необходимымъ, ибо носить въ себѣ несомнѣнно жизненное начало. Вотъ почему, собирая эти сказки, мы имѣли въ виду и то, чтобы присущая имъ поэзія могла на всѣхъ воздѣйствовать, всѣхъ радовать, кто способенъ ей радоваться». Возражая тѣмъ, которые говорятъ, что дѣтямъ не слѣдуетъ читать сказокъ, Гриммы справедливо замѣчаютъ: «дождь и роса, какъ истинная благодать, ниспадаютъ на все, что на землѣ произрастаетъ; тотъ, кто боится свои растенія выставить на дождь и росу и, въ виду ихъ нѣжности, поливаетъ ихъ комнатной водой,—неужели же можетъ потребовать, чтобы дождь и роса вовсе не падали на землю?»

Сказки Гриммовъ издавались въ Россіи не разъ, но почти всѣ старыя изданія отдичаются неполнотой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и слишкомъ произвольной передачей сказочнаго текста, близкой къ его искаженію. Поэтому нельзя не привѣтствовать прекрасной мысли г. Маркса издать полный переводъ Гриммовскаго сборника съ иллюстраціями, вполне соответствующими тексту, извѣстныхъ нѣмецкихъ художниковъ Гротъ-Юганна и Лейнвебера. Первое изданіе этого перевода, заключающее въ себѣ почти всѣ сказки подлинника (изъ 210 исключено только 11, не подходящихъ къ нашимъ литературнымъ условіямъ), было мало доступно публикѣ по своей цѣнѣ (14 р.), и теперь вышло новое дешевое изданіе, по своей внѣшности вполне изящное. Редакція перевода принадлежитъ П. Н. Полевому и исполнена съ умѣніемъ и вполне добросовѣстно, такъ что текстъ передается почти дословно. Въ заключеніе не можемъ не сдѣлать одного маленькаго замѣчанія: въ такомъ дѣйствительно прекрасномъ изданіи просто досадно видѣть образчикъ чисто американской рекламы: на стр. 46, на очень хорошемъ рисункѣ къ сказкѣ «Три человѣка въ

лѣсу», на платьѣ дѣвушки, говорящей съ тремя человѣчками, довольно крупно напечатано: «Журналъ Нива. С.-Петербургъ». Право, не стоило портить рисунокъ этой рекламой журналу, и безъ того извѣстному. А. В.

Юродство о Христѣ и Христа ради юродивые. Историческій очеркъ житія сихъ подвижниковъ благочестія. Покровскаго и Василія Блаженнаго, въ Москвѣ, собора ключарь священникъ Іоаннъ Ковалевскій. Москва. 1895.

Написать назидательную брошюру о юродствѣ задача весьма легкая: для этого достаточно пересказать, не мудрствуя лукаво, житія подвижниковъ этой категоріи. Другое дѣло—научно изслѣдовать эту своеобразную страсть христіанскаго аскетизма, освѣтить ее психологически и исторически; такая задача весьма серьезна, и надлежаще выполненный трудъ по этому вопросу могъ бы представлять значительный интересъ. Сочиненіе о. Ковалевскаго представляетъ нѣчто среднее между серьезнымъ трактатомъ и назидательною брошюрою. Значительную половину книги авторъ посвятилъ установкѣ общихъ понятій о сущности и цѣли этого подвига и его согласіи съ духомъ Евангелія. Эта часть книги написана слишкомъ многословно, пересыпана цвѣтами тяжелаго краснорѣчія и пестритъ утомительными выписками. Совершенно лишне, на примѣръ, было пускаться въ длинное разсужденіе объ отношеніи ума къ откровенію и т. п. А между тѣмъ о. Ковалевскій ни словомъ не обмолвился по самому существенному вопросу, именно о границахъ, отдѣляющихъ истинное юродство отъ ложнаго. Не отрицая частыхъ случаевъ злоупотребленія на этой почвѣ и говоря объ этомъ даже съ достаточной силой негодованія, авторъ проходитъ молчаніемъ естественный и неизбѣжный вопросъ: какъ можно отличить истиннаго юродиваго отъ мистификатора? Типическій признакъ этого явленія, по опредѣленію автора—«внѣшняя отрѣшенность отъ ума и пренебреженіе къ мелкимъ условіямъ сложившагося быта»—вовсе не имѣетъ той рѣзкой опредѣленности, чтобы служить критеріемъ отличія: вѣдь и ловкій мошенникъ отлично можетъ усвоить себѣ «внѣшнюю отрѣшенность отъ ума» и очень охотно будетъ пренебрегать «мелкими условіями сложившагося быта». Здѣсь весьма умѣстно было бы указаніе, какимъ критеріемъ руководилась сама церковная власть при канонизаціи юродивыхъ.

Второй отдѣлъ книжки—историческій—скомпанованъ несложно и тоже не имѣетъ особенныхъ достоинствъ. Авторъ вовсе не выдѣлилъ трактуемаго вида подвижничества изъ сферы однородныхъ ему и, гдѣ трудно бываетъ доказать древнее происхожденіе и каноническую основу подвига, говоритъ не о юродствѣ, а вообще о монашествѣ. Равнымъ образомъ оставленъ совершенно въ тѣни вопросъ о внутренней связи между юродствомъ Востока и Россіи. Что касается біографій (или житій) угодниковъ—пяти восточныхъ и двадцати русскихъ,—то это не что иное, какъ простой пересказъ текста первоисточника. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ иногда приводятся варианты, и даже содержится умѣренная критика текста (по Ключевскому и др.). Тонъ рѣчи вездѣ благоговѣйный и назидательный, иногда—полемиическій, съ обычными при-

мами нашей апологетики. Нельзя не упомянуть здѣсь о странномъ приѣмѣ автора ставить святоотеческія творенія наряду съ текстомъ «Домашней Бесѣды», такъ что въ одномъ случаѣ мнѣніе автора подкрѣпляется святоотеческимъ авторитетомъ, въ другомъ—авторъ приводитъ длинную выписку изъ этого журнала тоже въ видѣ безспорнаго авторитета. Не мѣшало бы въ этомъ случаѣ быть болѣе разборчивымъ.

Въ общемъ книжка о Ковалевскаго хотя претендуетъ на нѣкоторую научность, но скорѣе примыкаетъ къ богословскимъ трудамъ третъестепенной цѣнности и можетъ удовлетворять лишь спеціальному вкусу людей, любящихъ «божественное» чтеніе.

К. Х.

Въ странѣ черныхъ христіанъ. Очерки Абиссиніи. Ф. Волгина. Спб. 1895. („Полезная Библіотека“).

Толково составленная небольшая книжка г. Волгина изложена живымъ языкомъ и читается легко и съ интересомъ. Книжка начинается географическимъ и этнографическимъ очеркомъ Абиссиніи; далѣе излагается въ общихъ чертахъ довольно любопытная исторія этой страны, древней Эіопіи, родины библейской царицы Савской, обворожившей когда-то Соломона. Замѣтимъ, между прочимъ, что нынѣшній «царь царей» Абиссиніи, негусъ Менеликъ II, производитъ свой родъ отъ Соломона и названной царицы,—трудно рѣшить, съ большимъ ли правомъ, чѣмъ нѣкоторыя итальянскія фамиліи ведутъ свои родословныя отъ Ромула и Нумы Помпилія. Вторая и большая половина книжки посвящена очень еще недлинной исторіи нашихъ непосредственныхъ сношеній съ «страной стоячаго солнца», начиная съ печальной памяти громкой «экспедиціи» «атамана вольныхъ казаковъ» Ашинова,—трескучей, какъ фейерверкъ, и столь же безплодной,—и кончая менѣе громкими, но болѣе солидными по своимъ результатамъ экспедиціями гг. Машкова и Елисѣева съ Леонтьевымъ. Книжка иллюстрирована нѣсколькими портретами и рисунками въ текстѣ, правда, не особенно высокой пробы. Къ сожалѣнію, самый текстъ носитъ слѣды спѣшности; встрѣчаются странные недосмотры. Напримѣръ, на страницѣ 23 читаемъ: «Изъ соли изготовляются пластинки въ 20 километровъ длины (! ?), 5 ширины и 3 толщины; пластинки эти замѣняютъ въ странѣ денежные знаки». Представьте положеніе читателя, не особенно свѣдущаго по части метрической системы и наводящаго въ календарѣ справку о томъ, что километръ немного менѣе нашей версты...

А. П.

Починъ. Сборникъ Общества Любителей россійской словесности. Москва. 1895.

Общество любителей россійской словесности предпринимаетъ изданіе ежегоднаго литературнаго сборника. Въ предисловіи къ нему сказано, что въ него войдутъ прежде всего,—какъ живая лѣтопись дѣятельности Общества,—статьи и рѣчи, читанныя на публичныхъ собраніяхъ и вечерахъ Общества, и рефераты, обсуждавшіяся на очередныхъ, закрытыхъ засѣданіяхъ, затѣмъ

оригинальныя и переводныя произведенія членовъ Общества. Вышедшій сборникъ «Починъ» свидѣтельствуетъ о томъ, что составители его серьезно отнеслись къ своей задачѣ. Въ сборникъ помѣщены интересныя работы дѣйствительныхъ членовъ общества: Л. Н. Толстого («Три притчи»), Е. Некрасовой (статья о Ник. Плат. Огаревѣ и «Изъ воспоминаній Н. М. Сатина» о времени Герцена), В. Шенрока (комментаріи ко второму тому «Мертвыхъ Душъ»), В. Якушкина (о Н. И. Новиковѣ), П. Боборыкина («Судьбы русскаго романа»), Алекс. Веселовскаго (о Грибоѣдовѣ), И. Иванова (поэзія Некрасова), А. Кирпичникова (о Крыловѣ), Ф. И. Буслаева («Язычество и христіанство»), Златовратскаго (Воспоминаніи о Левитовѣ), Гольцева (объ Ап. Григорьевѣ) и т. д. Не всѣ, конечно, статьи одинаковаго достоинства, но, тѣмъ не менѣе, въ общемъ «Починъ» составленъ интересно и разнообразно, какъ это видно изъ приведеннаго нами перечня вошедшихъ въ него статей. Дополненіемъ къ главному отдѣлу сборника является справочный отдѣлъ, имѣющій цѣлью сообщить практически полезныя свѣдѣнія для людей, близко стоящихъ къ литературѣ и печатному дѣлу. На первый разъ сообщены уставы, отчеты и т. д. нашихъ литературныхъ обществъ, вспомогательныхъ учреждений, свѣдѣній объ огражденіи законодательствомъ авторской собственности и важнѣйшихъ статейхъ устава о печати. Въ слѣдующихъ сборникахъ будутъ помѣщены отчеты о важнѣйшихъ явленіяхъ литературы и подвергнуты библиографическому описанію литературныя новости — книги и статьи.

А. Ф—въ.

Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. (1708—1893). Редакція С. А. Венгерова, изд. Г. В. Юдина. Вып. I и II. Спб. 1895.

Полный и точный перечень русскихъ книгъ необходимъ, какъ для занимающихся изученіемъ русской исторіи и литературы, такъ и вообще для всѣхъ имѣющихъ соотнесеніе съ книжнымъ отдѣломъ: бібліотекарей, книгопродавецъ и т. д. Существующія у насъ библиографическія пособія: словари писателей, каталоги отдѣльныхъ собраній, списки официальные произведеній печати и т. п., далеко не полны, не всегда закончены и часто не отличаются точностью, да и, кромѣ того, такихъ изданій очень мало. Въ виду этого нельзя не привѣтствовать начала новаго изданія С. А. Венгерова, представляющаго собою подготовительныя работы «Критико-біографическаго словаря русскихъ писателей и ученыхъ», который начать г. Венгеровымъ почти уже 10 лѣтъ тому назадъ. Съ самаго начала изданія своего «Словаря» г. Венгеровъ сталъ составлять списокъ русскихъ книгъ, сводящій въ одно указанія множества отдѣльныхъ пособій, и втеченіе 6 лѣтъ, послѣ большого труда и матеріальныхъ затратъ, у него образовался каталогъ въ 250.000 карточекъ. Въ работѣ своей г. Венгеровъ не ограничился руководствомъ однихъ пособій, а все добытое изъ нихъ рѣшилъ провѣрить по подлинникамъ, причѣмъ не малую помощь оказалъ ему въ этомъ дѣлѣ извѣстный бібліофилъ Г. В. Юдинъ. Благодаря этому обстоятельству, трудъ г. Венгерова по своей точности и достовѣрности безспорно очень важенъ. Изданіе расположено въ алфавитномъ порядкѣ именъ

авторовъ и переводчиковъ, при чемъ относительно каждаго автора сообщаются по возможности точныя, сжатыя біографическія свѣдѣнія. Въ вышедшихъ двухъ выпускахъ «Русскихъ книгъ» мы имѣемъ описаніе книгъ «А — Акафистъ», составляющее 6 печатныхъ листовъ убористой печати. По этому можно судить о будущихъ размѣрахъ изданія, которое несомнѣнно будетъ очень полезно, и намъ остается только пожелать г. Венгеру успѣшно и скорѣе довести это дѣло до конца.

А. В.

Священникъ Е. Сѣдинскій. Городъ Каменецъ-Подольскій. Историческое описаніе. Кіевъ. 1895.

Недѣзя не признать вполнѣ удачною мысль каменецкаго городского управленія ознаменовать исполнившееся въ 1893 году столѣтіе воссоединенія Подоли съ Россіей изданіемъ историческаго описанія своего города. Появленіе книги, заглавіе которой мы привели выше, представляетъ тѣмъ болѣе отрадное явленіе, что на русскомъ языкѣ до сихъ не было сочиненія, которое могло бы дать возможность ознакомиться съ столь интереснымъ и важнымъ въ историческомъ отношеніи прошлымъ города Каменца. Составленіе его исторіи городское управленіе возложило на священника Сѣдинскаго, который съ большимъ рвеніемъ и любовью занимается изученіемъ подольской старины и заявилъ уже себя въ этомъ отношеніи нѣсколькими историческими трудами. Въ задачу о. Сѣдинскаго не входило написаніе подробной монографіи по исторіи Каменца. Это, впрочемъ, было бы даже невозможно въ настоящее время, такъ какъ источники по данному вопросу еще не разработаны и не изданы. Цѣль о. Сѣдинскаго болѣе скромная, и онъ въ введеніи къ своему труду такъ опредѣляетъ ее: «издавая настоящую книжку, мы желаемъ пополнить пробѣлъ въ нашей литературѣ — дать русскимъ читателямъ историческія свѣдѣнія о нашемъ городѣ. Во многихъ случаяхъ намъ пришлось только ограничиться пересказомъ того, что находится въ польской литературѣ. Конечно, насколько возможно, мы старались освѣтить факты исторіи съ нашей, русской, точки зрѣнія, обратить вниманіе на историческіе памятники русскіе, православные, такъ какъ эта сторона исторіи нашего города часто игнорировалась польскими историками. Въ этомъ отношеніи нашъ трудъ представляетъ только опытъ историческаго описанія Каменца».

Трудъ о. Сѣдинскаго распадается на двѣ главныя части: въ первой — онъ даетъ обстоятельный очеркъ. внѣшнихъ историческихъ судебъ Каменца съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго; а во второй — занимается исторіей внутренней его жизни. Тутъ онъ главнымъ образомъ останавливается на исторіи укрѣпленій города (каменецкой крѣпости), на исторіи его религіозной жизни, просвѣщенія и организаціи городского управленія. Кроме того, авторъ сообщаетъ также историческія свѣдѣнія относительно торговли и промышленности Каменца, относительно его населенія, такъ что въ общемъ получается довольно обстоятельная картина культурнаго развитія этого города.

Книжка издана очень старательно, а текстъ ея иллюстрируютъ снимки съ болѣе важныхъ историческихъ памятниковъ Каменца, а также виды этого очень живописно расположеннаго города.

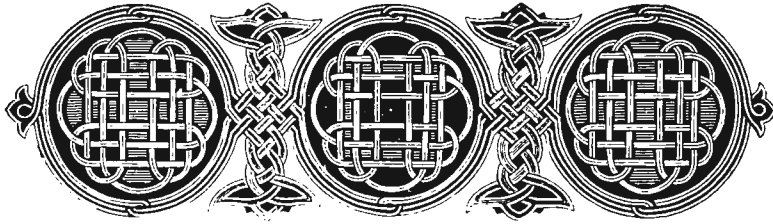
Н. Д.—чѣ.

В. Алексѣевъ. Древне-греческіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Спб. 1895.

Настоящая книга представляетъ изъ себя хрестоматію греческихъ поэтовъ въ русскихъ переводахъ: этимъ объясняется ея значеніе и цѣль. Предназначенная для школьнаго главнымъ образомъ употребленія, она, благодаря біографическимъ очеркамъ и введенію, очень хорошо составленнымъ г. Алексѣевымъ, съ успѣхомъ можетъ служить и болѣе обширному кругу читателей. Нельзя не пожалѣть только объ отсутствіи примѣчаній и толкованій, столь необходимыхъ для русской читающей публики, не смотря на господство у насъ классицизма, глубоко невѣжественной по части классической древности. Равнымъ образомъ существеннымъ пробѣломъ книги должно признать отсутствіе указателей, особенно важныхъ въ хрестоматіи, составленной изъ разнообразныхъ отрывковъ. Что касается въ частности до ея состава, то онъ былъ обусловленъ главнымъ образомъ размѣрами и свойствами русской переводной съ греческаго языка литературы; нужно даже замѣтить, что г. Алексѣевъ нерѣдко своимъ подборомъ переводовъ болѣе характеризуетъ эту послѣднюю, чѣмъ подлинныхъ авторовъ, заимствуя отрывки изъ различныхъ переводчиковъ. Во всякомъ случаѣ книга эта, являясь первой и единственной въ своемъ родѣ, заслуживаетъ, за сдѣланными выше оговорками, безусловной похвалы. Несомнѣнно, ей предстоитъ широкое распространеніе и прочный успѣхъ, къ тому же по полному праву. На 981 страницѣхъ она заключаетъ 74 эпиграммы изъ антологіи, отрывки изъ Илиады и Одиссеи, а также «Войну лягушекъ и мышей» и пять гимновъ Гомера, семь отрывковъ изъ Гезіода, отрывки и избранныя пьесы изъ Тиртея, Сафо, Алкея, Солона, Мимнерма, Анакреона, Пиндара и, наконецъ, множество отрывковъ изъ дошедшихъ до насъ пьесъ Эсхила, Софокла, Эврипида и Аристофона. Не взирая на огромные размѣры книги, цѣна ея назначена болѣе чѣмъ умѣренная, что, впрочемъ, объясняется самымъ характеромъ изданія. Нельзя не пожелать появленія такой же хрестоматіи греческихъ прозаиковъ, особенно если она будетъ исполнена съ тою тщательностью и съ тѣмъ умѣньемъ, которыя вообще свойственны работамъ г. Алексѣева.

В. Никольскій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ГАЗЕТА ВЪ ДРЕВНЕМЪ РИМѢ. Извѣстный знатокъ классической древности, академикъ Гастонъ Буассье, сообщаетъ интересныя данныя о газетѣ въ древнемъ Римѣ, въ статьѣ, напечатанной во второй ноябрьской книжкѣ *Revue des Deux Mondes* прошлаго года ¹⁾. Несмотря на высокое культурное развитіе классическаго міра, онъ не понималъ необходимости газетъ, безъ которыхъ современный человѣкъ не можетъ жить; греки вовсе не знали ничего подобнаго, а римляне, еще страннѣе, имѣли нѣчто схожее съ нашими газетами, но не умѣли извлекать изъ своей газеты никакой пользы, и она, впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, проявляла въ неизвѣстности. Тотъ фактъ, что Римъ прошелъ, такъ сказать, мимо одной изъ величайшихъ общественныхъ силъ нашего времени и не предугадалъ ея значенія,—составляетъ любопытную историческую загадку, тѣмъ болѣе непонятную, что въ Римѣ процвѣтали еще болѣе, чѣмъ въ наше время, афиши. Напримѣръ, въ Помпеѣ можно на каждомъ шагу встрѣтишь вырѣзанныя на камнѣ, на мраморѣ и на мѣди официальныя объявленія, отъ обнаруженія императорскихъ указовъ до протоколовъ религиозныхъ корпорацій и даже частныхъ контрактовъ о переходѣ владѣнія или пользованія землей; менѣе важныя объявленія, напримѣръ, о сдачѣ помѣщеній, о различныхъ представленіяхъ и т. д., писались просто на деревянной дощечкѣ, или, отштукатуренной стѣнѣ черной, или красной красками. Это выставленіе афишъ на открытомъ воздухѣ вполнѣ объясняется условіями древней жизни, которая протекала большею частью на улицахъ и на форумѣ; насколько же велико было число этихъ афишъ, или надписей, доказываетъ тотъ фактъ, что ихъ уже найдено и напечатано въ *Corpus inscriptionum latinarum* —

¹⁾ Journal de Rome, par M. Gaston Boissier. *Revue des Deux Mondes*, 15 novembre, 1895.

сто двадцать тысяч штук, и до сих пор постоянно отыскиваются новыя, что дало поводъ Сень-Беву справедливо замѣтить: «настоящій Монiteur римлянъ надо искать въ безконечныхъ мраморныхъ и бронзовыхъ страницахъ, на которыхъ они выбивали свои законы и побѣды». Кромѣ обширнаго распространенія афишъ, въ древнемъ Римѣ процвѣтали чтецы и переписчики, такъ что всѣ замѣчательныя литературныя произведенія проникали въ публику этимъ двойнымъ путемъ, а на городскихъ стѣнахъ выставлялись объявленія о тѣхъ новыхъ сочиненіяхъ, которыя можно было приобрѣтать у переписчиковъ, или въ библиотекахъ, значительно распространившихся въ Римѣ во времена имперіи. Что касается до новостей, составляющихъ всю суть современныхъ газетъ, то, съ одной стороны, онѣ передавались устно, а съ другой письмами извѣстныхъ общественныхъ личностей. Эти письма переписывались во многихъ экземплярахъ и проникали въ провинціи; въ числѣ подобныхъ прототиповъ газетныхъ корреспондентовъ находился Цицеронъ, который особенно много писалъ такихъ писемъ передъ наступленіемъ междоусобной войны. Такъ велось дѣло обнародованія извѣстій и новостей въ Римѣ до Цезаря, который впервые создалъ римскую газету, хотя совершенно особаго вида. Одно изъ его первыхъ распоряженій, по свидѣтельству Светонія, касалось ежедневнаго составленія и обнародованія протоколовъ засѣданій сената и народныхъ засѣданій. Какимъ образомъ и гдѣ выставлялись эти протоколы, достоверно неизвѣстно, но надо полагать, что это дѣлалось на форумѣ. Мало-по-малу, чего Цезарь, конечно, вовсе не предвидѣлъ, къ этимъ чисто официальнымъ протоколамъ разные писакки начали прибавлять и всякія новости о происшествіяхъ, какъ въ городѣ, такъ и внѣ его. Когда же, при послѣдующихъ императорахъ, не только прекратились народныя собранія, но и сенатскіе акты стали рѣдкостью, то добавочная часть установленныхъ Цезаремъ объявленій сдѣлалась главнымъ ихъ содержаніемъ. Впрочемъ и самъ Цезарь включалъ въ протоколы сената и народныхъ собраній неофициальныя извѣстія: такъ, между прочимъ, онъ обнародовалъ въ нихъ свой отказъ отъ предложеннаго ему титула царя. Такимъ образомъ, постепенно создалось то, что римляне называли *Acta diurna populi romani*, и что, примѣняясь къ современнымъ нравамъ, можно назвать римской газетой, тѣмъ болѣе, что самое слово, т. е. газета, *journal* происходитъ отъ *diurna*. Какое значеніе скоро приобрѣла эта газета, можно судить по письмамъ Цицерона и Плинія младшаго, которые постоянно заботятся, чтобы имъ ежедневно списывали копи этой римской газеты. Она существовала во все время Римской имперіи, но нимало не развивалась и служила только для распространенія извѣстій. Никто въ Римѣ не подозрѣвалъ, какую политическую силу можетъ имѣть эта распространительница извѣстій и новостей. Конечно, для того, чтобы эта римская газета превратилась въ современную газету, недоставало много условій, а главное лучшихъ способовъ составленія и распространенія ея. Составлялась она чисто официальнымъ путемъ, и часто самъ императоръ назначалъ секретаря, писавшаго текстъ газеты; отъ этого естественно она дѣлалась сухой и мало интересной. Поэтому римляне не уважали своей газеты, которая, въ продолженіе пяти вѣковъ, не сдѣлала ни одного шага впередъ и оставалась при Феодосіи такой же, какою была при Августѣ. Это отсутствіе уваженія римлянъ къ своей газетѣ обнаруживается

и въ трудахъ Тацита: по словамъ его друга Плинія, онъ бралъ свѣдѣнія изъ *Acta diurna*, но такъ мало уважалъ этотъ источникъ, что пользовался имъ не настолько, насколько требовало бы достоинство его историческихъ трудовъ.

— Новыя изслѣдованія о Петраркѣ и Боккачіо. Изученіе великихъ писателей, имена которыхъ написаны на фронтонахъ исторіи итальянскои поэзіи: Данте, Петрарки и Боккачіо, постоянно продолжается не только на ихъ родинѣ, но и въ другихъ европейскихъ странахъ. Такъ въ декабрьскихъ номерахъ *Deutsche Rundschau* и *Revue des Deux Mondes* появились статьи Крауса о Петраркѣ ¹⁾ и Эмилія Гебгарта—о Боккачіо ²⁾, а надняхъ очеркъ англійскаго публициста Симандса о Боккачіо, какъ человѣкѣ и авторѣ, напечатанъ отдѣльной брошюрой. Хотя нѣмецкій ученый и признаетъ, что первый изъ указанныхъ поэтовъ въ настоящее время первенствуетъ надъ остальными двумя, но указываетъ, что не такъ было всегда: въ XVI вѣкѣ Салзоніеги Петрарки былъ напечатанъ въ 65 издавняхъ, а «Божественная комедія» Данте—только въ тридцати, а въ слѣдующемъ вѣкѣ въ трехъ. Слава Петрарки въ свою очередь также померкла, начиная съ XVIII вѣка, и только въ 1825 году Уго Фосколо возстановилъ ее. Съ тѣхъ поръ изученіемъ пѣвца Лауры стали заниматься въ Италіи: Сангитти, Бартолли, Графъ и Кардуччи; во Франціи—Кина, Мальякъ, Мезеръ и Коменъ; въ Англии—Маколей; въ Германіи—Фойхтъ, Гергельтъ и Кертингъ. Всѣ эти труды поставили на подобающій ему высокій пьедесталь великаго итальянскаго поэта XIV вѣка, но оставалось еще изучить его, какъ человѣка, ученаго и патріота; въ этомъ отношеніи большую услугу оказало обнаруженіе его переписки, которая, къ сожалѣнію, написана не на тосканскомъ нарѣччіи, а по-латыни. Во всякомъ случаѣ, по словамъ Крауса, который въ любопытной статьѣ рисуетъ обстоятельную характеристику домашней жизни Петрарки, на основаніи этой переписки,—въ своихъ письмахъ онъ не только сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о своей семьѣ, образѣ жизни, путешествіяхъ и эстетическихъ вкусахъ, но и выражаетъ свои взгляды на политику императора, итальянскихъ государей, генуезскую и венеціанскую республику, папу и т. д. Значеніе Петрарки, какъ инициатора эпохи Возрожденія, тѣмъ важнѣе для Италіи, что безъ изученія его не понятенъ послѣдующій расцвѣтъ итальянскои литературы и между прочимъ Декамеронъ Боккачіо, который былъ другомъ Петрарки и умеръ спустя немного лѣтъ послѣ него. По справедливому опредѣленію итальянцевъ, Петрарка былъ «первымъ новымъ человѣкомъ», въ томъ смыслѣ, что онъ былъ душою интеллектуальнаго возрожденія, отъ котораго ведетъ начало нынѣшняя умственна жизнь всего свѣта. Онъ присутствовалъ при зарожденіи новой, благородной цивилизаціи, но его чуткая, болѣзненная, лирическая душа высказывала, съ самой его юности и до старости, только грустныя мысли. Онъ поетъ о несчастной химерической любви, описываетъ страданія изгнанника, говоритъ о суевѣ всякой славы, о разочарованіи во всемъ, даже въ свободѣ среди тогдашнихъ разнузданныхъ нравовъ и мечтаетъ о сладости смерти. Все, что онъ любилъ, все, къ чему онъ стремился, исчезло,

¹⁾ *Petrarca in seiner correspondenz, von X. Kraus. Deutsche Rundschau, december.*

²⁾ *Boccaccio, par Emile Gebgart, Revue de Deux Mondes, 1 novembre et 1 decembre.*

какъ призракъ: и Лаура, и римская республика при Ріензи, и тайна греческаго языка. Вокругъ него средніе вѣка быстро разрушались, и хотя онъ приложилъ свою руку къ этому великому дѣлу и былъ пламеннымъ врагомъ схоластики, но все-таки въ его поэзіи, мысляхъ и общественной дѣятельности сказывается человѣкъ, стоящій на границѣ двухъ міровъ, стараго и новаго, такъ что, по образному выраженію Гебгарта, «свѣтъ зари, освѣщающій чело перваго новаго человѣка, имѣетъ отчасти печальный оттѣнокъ вечернихъ сумерекъ». Совершенно инымъ представляется Боккачіо, которому французскій ученый посвящаетъ свой послѣдній трудъ. «Не столь великій по мысли, не столь чистый по душѣ, говорилъ онъ, Боккачіо былъ гораздо живѣе и счастливѣе; онъ отличался, по свидѣтельству современниковъ, приятнымъ, веселымъ характеромъ, блестящимъ краснорѣчіемъ и любовью къ удовольствіямъ. Для него не существовали платоническія чувства, и какъ въ жизни, такъ и въ поэзіи онъ былъ поклонникомъ красоты во всѣхъ ея проявленіяхъ». Декамеронъ служитъ блестящимъ отраженіемъ внутренней души и внѣшней жизни его автора. Въ самомъ прологѣ къ этому знаменитому сборнику разсказовъ чувствуется живая, веселая нота, впервые открыто говорящая прости среднимъ вѣкамъ, монашескому аскетизму и культу смерти. Если всѣ его разказы отличаются необыкновенной художественностью, то это происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что они служатъ воплощеніемъ основнаго взгляда эпохи Возрожденія на жизнь и счастье. Для новой Италии первое условіе счастья было спокойствіе, проповѣдываемое Эпикуромъ, тотъ миръ души, который возвышаетъ человѣка надъ всѣми случайностями, страданіями и страстями. Въ этомъ отношеніи Боккачіо представляетъ рѣзкій контрастъ съ Петраркой, который, нанося удары старому, отжившему міру, все-таки оплакивалъ его, и онъ впервые примѣнилъ къ искусству то спокойное равнодушіе, которое составляло отличительную черту всѣхъ художниковъ и артистовъ эпохи возрожденія. Его живые, колоритные, реальные разказы поражаютъ свободной ироніей, сознательнымъ рационализмомъ и не только эпикурейскими стремленіями, но и презрительнымъ равнодушіемъ къ клерикализму, чему, конечно, не мало содѣйствовали, предшествовавшіе Боккачіо, безгранично смѣлый Данте и саркастически относившійся къ авиньонской церкви Петрарка. Разказы Декамерона, по мѣткому выраженію Гебгарта, по одной своей внѣшности уже возбуждаютъ восторгъ, какъ утонченныя, сложныя, дышущія умомъ и красотой, бронзовыя изваянія Бенвенуто Челлини». Вообще не оконченный трудъ французскаго ученаго, только что избраннаго въ академики по отдѣленію нравственныхъ и политическихъ наукъ, заключаетъ въ себѣ много интереснаго и дѣлаетъ честь его автору, профессору въ Сорбоннѣ и одному изъ лучшихъ знатоковъ Италии, средневѣковой и послѣдующихъ вѣковъ, какъ литературной, такъ мистической и художественной. Конечно, въ этомъ отношеніи большой авторитетъ имѣетъ и Джонъ Аддингтонъ Симандсъ, но его очеркъ о Боккачіо ¹⁾, прежде напечатанный въ Academy, представляя сжатый сводъ новѣйшихъ трудовъ объ итальянскомъ поэтѣ, отличается нѣсколькими самостоятельными выводами автора, которые не выдерживаютъ критики. Такъ онъ не раздѣляетъ мнѣнія, принятаго те-

¹⁾ Giovanni Boccaccio, as man and author, by J. Addington Symonds, London, 1896.

перь большинствомъ изслѣдователей Боккачіо о томъ, что онъ родился въ Парижѣ, и не приводитъ доказательствъ, подтверждающихъ это мнѣніе; также бездоказательно онъ сомнѣвается въ принадлежности Боккачіо удивительнаго разсказа «Фіаметта» и приписываетъ его Альберти.

— Итальянская Федра. На основаніи новѣйшихъ итальянскихъ историческихъ трудовъ и недавно напечатанныхъ архивовъ дома Д'Эсте, Е. Родоконаки, въ первомъ декабрьскомъ номерѣ *La Vie Contemporaine* ¹⁾, представляетъ достовѣрный разсказъ о любви сына маркиза феррарскаго Николая III, Уго, и его мачихи, Паризины. До сихъ поръ историческій фактъ о существованіи итальянской Федры извѣстенъ былъ скорѣе въ видѣ легенды и служилъ предметомъ для поэмы Байрона (Паризина) и разсказа Банделло, которые придали ей извращенный видъ, въ первомъ случаѣ — слишкомъ поэтичный, а во второмъ — черезчуръ фантастическій. Теперь же, благодаря архивнымъ изысканіямъ, можно добиться истины на счетъ этого романическаго эпизода итальянскихъ нравовъ XV столѣтія. Владѣтель Феррары Николай III Д'Эсте славился своими политическими интригами, которыя придали могущество его небольшимъ владѣніямъ, и распутной жизнью, которая доходила до того, что феррарцы серьезно говорили о трехстахъ его побочныхъ дѣтяхъ. Во всякомъ случаѣ онъ признавалъ значительное число незаконныхъ сыновей и хотя мало заботился о нихъ, но старшаго очень любилъ и осыпалъ постоянными милостями. Это и былъ Уго, герой драмы, разыграншейся въ феррарскомъ дворцѣ. Ему было 14 лѣтъ, когда отецъ женился на второй женѣ, именно на Паризинѣ, дочери Андрея Малатесты, владѣтеля Сезена, которой было тогда только 15 лѣтъ. Сначала молодая маркиза была занята новой для нея придворной жизнью и быстро слѣдовавшими у нея тремя дѣтьми, изъ которыхъ первые были двойни; но потомъ старый, развратный мужъ совершенно омрачилъ ея существованіе, и она стала искать въ интеллектуальныхъ развлеченияхъ выхода изъ одинокой, скучной жизни. Она занималась музыкой, играла на арфѣ и посвящала почти все свое свободное время чтенію преимущественно французскихъ и итальянскихъ романовъ того времени, при чемъ самой любимой ея книгой была исторія Тристана и Изеутты, пользовавшейся тогда большою популярностью, такъ какъ въ ней, можно сказать, резюмировалась вся сантиментальность среднихъ вѣковъ. Какъ Лансело погубилъ Франческу Ди-Римини, такъ Тристанъ возбудилъ страстные порывы въ молодой, красивой, двадцатилѣтней Паризинѣ, а на ея бѣду подлѣ нея находился во дворцѣ также молодой и красивый Уго. Судя по недавно найденнымъ придворнымъ счетамъ, близкія отношенія между молодыми людьми начались съ невинныхъ подарковъ Паризины, которая приказывала придворнымъ портнымъ шить то одинъ, то другой богатый нарядъ для юноши. Мало-по-малу материнскія заботы и ласки перешли въ нѣчто, совершенно иное и, благодаря общему разврату, царившему при феррарскомъ дворѣ, по примѣру самого маркиза, между мачихой и пасынкомъ возникла преступная связь. Нѣсколько времени они спокойно предавались своей страсти, такъ какъ Паризина часто путешествовала и брала съ собою Уго, въ чемъ никто не видѣлъ ничего подозрительнаго.

1) Une Phèdre Italienne: Ugo et Parisina, par E. Rodoconachi, *La Vie Contemporaine*, 1 décembre, 1896.

Съ своей стороны и старый маркизь много разъѣзжалъ по Итали, такъ что супруги проводили немного времени вмѣстѣ. Благодаря этой свободѣ, молодые люди забыли необходимыя предосторожности, и катастрофа наступила совершенно просто, безъ мелодраматическихъ перипетій, которыми украсили легенды конецъ романической любви Паризины и Уго. Однажды управляющій дворцомъ, Джіокомо Рубино, увидѣлъ въ одной изъ дворцовыхъ галлерей молодую фрейлину всю въ слезахъ. Онъ ухаживалъ за этой молодой дѣвушкой, а потому сталъ съ интересомъ разспрашивать о причинѣ постигншаго ее горя: та рассказала, что Паризина разсердилась на нее за что-то и нанесла ей ударъ. При этомъ молодая дѣвушка, въ пылу негодованія, открыла управляющему тайну своей госпожи, которая при ней позволяла себѣ обращаться слишкомъ легкомысленно съ Уго. Старикъ заступился за оскорбленную фрейлину и, забывъ о всѣхъ милостяхъ къ нему Паризины, пошелъ прямо къ маркизу и рассказалъ ему обо всемъ. Николай III допускалъ распушенность нравовъ только относительно себя, а не жены, и приказалъ тотчасъ просверлить отверстие въ потолокъ той комнаты, гдѣ всегда встрѣчалась возлюбленная чета. Когда же онъ самъ убѣдился въ преступности Паризины, то немедленно велѣлъ арестовать какъ ее, такъ и Уго. Это было ночью съ 20 на 21 мая 1424 года. Какъ только вѣсть объ этомъ событіи распространилась по городу, то вся Феррара пришла въ волненіе, такъ какъ Паризина была очень популярна, благодаря своей добротѣ и щедрости. Двое изъ самыхъ именитыхъ гражданъ, въ числѣ которыхъ былъ ближайшій другъ маркиза, отправились къ нему и пламенно умоляли его пощадить бѣдную женщину, но Николай III остался непреклоненъ, и на другой же день, послѣ быстро произведеннаго слѣдствія и суда, оба, и Паризина и Уго, были обезглавлены въ тюрьмѣ. Рассказываютъ, что доносчику было поручено отвести Паризину на мѣсто казни, и что по дорогѣ несчастная чрезвычайно плакала и металась, но когда увидала окровавленную плаху и узнала, что ранѣ отрубили голову ея возлюбленному, то перестала сокрушаться и сама потребовала, чтобы ускорили ея смерть. Въ то же время отрубили голову и придворному садовнику, Рангони, который, какъ оказалось, содѣйствовалъ молодымъ людямъ въ ихъ преступной любви. Тѣла всѣхъ трехъ жертвъ были похоронены въ ту же ночь въ церкви св. Франциска, а не брошены въ рѣку, какъ гласила легенда. Однако, въ ту же ночь маркизь раскаялся въ своей поспѣшности и, сожалея не жену, которой никогда не любилъ, а сына, который, по тогдашнимъ обычаямъ, долженъ былъ сдѣлаться его наслѣдникомъ, приказалъ позвать начальника тюрьмы и спросилъ у него, живъ ли Уго. Когда же онъ узналъ, что казнь уже совершена, то пришелъ въ отчаяніе и сталъ, по словамъ феррарскаго лѣтописца, восклицать: «пусть и мнѣ отрубятъ также голову, если Уго умеръ!» До самаго утра онъ горько плакалъ и грызъ зубами палку, но хотя Байронъ и воспѣлъ вдохновенными стихами его родительское горе, но, въ сущности, онъ не долго сокрушался и женился въ третій разъ на Ричардѣ, дочери маркиза Салюса. Однако, судьба отомстила за Уго и Паризину: маркизь Николай III былъ отравленъ въ Миланѣ, и ему наслѣдовалъ второй его незаконный сынъ, братъ Уго, Леонелло.

— Письма Вольтера и Дидро къ Франсуа Троншену. Генри Троншень нашелъ въ своемъ семейномъ архивѣ и напечаталъ невѣдомыя

досалъ письма Вольтера, Дидро и Гримма къ его дѣду Франсуа Троншену, который былъ членомъ государственнаго совѣта въ Женевской республикѣ¹⁾. Оказывается, что этотъ скромный, почтенный, швейцарецъ, родственникъ извѣстнаго доктора Теодора Троншена и богатаго финансиста Робера Троншена, отличался страстью къ литературѣ, самъ писалъ безконечныя, безсмысленныя трагедіи, и находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Вольтеромъ, Дидро и Гриммомъ, которые, повидимому, уважали его, какъ человѣка, и пользовались его добротой, но не высоко цѣнили его драматическія произведенія, хотя давали ему совѣты на счетъ его трагедій и, какъ видно изъ писемъ, отзывались о нихъ довольно снисходительно, чтобы не обидѣть автора. Троншенъ имѣлъ очень похвальную привычку не только сохранять всѣ получаемыя имъ письма, но и снимать копіи съ своей собственной корреспонденціи, а потому его потомку было очень легко составить, на основаніи этихъ документовъ, любопытный томъ историческихъ матеріаловъ для характеристики выдающихся французскихъ умовъ XVIII вѣка. Конечно, главный предметъ переписки Троншена были его скучныя, бездарныя трагедіи, но въ письмахъ Вольтера и Дидро, касающихся этихъ неудачныхъ литературныхъ произведеній, встрѣчается много интереснаго. Такъ Дидро, написавшій для Троншена планъ трагедіи «Теренція» и совѣтуя ему въ длинномъ письмѣ, какъ лучше вышить узоры на приготовленной канвѣ, очень характеристично говоритъ: «главное, будьте ясны и придайте всѣмъ вашимъ сценамъ вѣроятный характеръ, такъ какъ безъ ясности и вѣроятности не можетъ быть сценичной иллюзіи. Въ комедіи сложность и запутанность завязки желательна, но въ трагедіи можно достигнуть сильнаго впечатлѣнія только сосредоточеніемъ вниманія зрителя на одномъ, или двухъ дѣйствующихъ лицахъ, такъ какъ зритель вовсе никѣмъ не интересуется, если авторъ обращаетъ его вниманіе на слишкомъ много лицъ. Сцены не дѣлайте длинными и, на сколько возможно, избѣгайте монологовъ. Главное же не бѣгайте за эффектами: они сами явятся, если ваша трагедія будетъ реальна и правдива. Наконецъ, заботьтесь какъ можно болѣе о вашемъ стилѣ, потому что пьеса не можетъ имѣть успѣха, если она не написана чистымъ, правильнымъ, изящнымъ, нервнымъ и гармоничнымъ языкомъ». Еще замѣчательнѣе отзывъ Дидро въ другомъ письмѣ о Шекспирѣ: «О, этотъ Шекспиръ, страшный человѣкъ; это не античный гладиаторъ, не Аполлонъ Бельведерскій, а чудовищный, грубый, святой Христофоръ въ церкви Парижской Богоматери; это готическій колоссъ, подъ ногами котораго всѣ мы можемъ пройти». Вольтеръ также высказываетъ въ своихъ письмахъ къ Троншену взгляды на драматическое искусство, но его переписка интереснѣе по тому свѣту, который она бросаетъ на извѣстную уже ловкость самого Вольтера въ дѣлахъ. Онъ всячески пользовался добротой и услугами Троншена за свое любезное отношеніе къ его трагедіямъ, которыхъ онъ самъ не читалъ, а отдавалъ на просмотръ своимъ пріятелямъ. Почтенный женевецъ такъ высоко цѣнилъ дружбу автора «Заиръ», что исполнялъ всевозможныя для него порученія, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Вольтеръ, при его содѣйствіи, купилъ домъ близъ Женевы, въ знаменитомъ Фернеѣ,

¹⁾ Le chancelier François Tronchin et ses amis: Voltaire, Diderot, Grimm, etc., d'après les documents inédits, Paris, 1895.

Впрочемъ, Троншенъ умѣлъ обдѣлывать дѣла не только своихъ друзей, но и свои собственныя. Такъ въ одномъ изъ писемъ Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II въ 1780 году встрѣчаются слѣдующія слова: «достоуважаемый Троншенъ продалъ когда-то вашему величеству хорошенную коллекцію картинъ, и потомъ онъ увѣрялъ, что излѣчился отъ своей страсти къ картинамъ; но бывають болѣзни, которыя возвращаются, когда этого нимаю не ждешь. Такъ онъ теперь собралъ новую коллекцію картинъ, болѣе многочисленную и болѣе драгоценную, чѣмъ первую». Удалось ли Троншену спустить въ Россію и эту вторую коллекцію, неизвѣстно, но нѣсколько картинъ изъ его первой галлерей, именно французскихъ, голландскихъ и фламандскихъ мастеровъ, находятся по настоящее время въ С.-Петербургскомъ Эрмитажѣ.

— Альфредъ Рамбо и его книга объ участіи Россіи въ Семилѣтней войнѣ. Среди французскихъ историковъ, занимающихся изученіемъ Россіи, видное мѣсто занимаетъ Альфредъ Рамбо, который въ настоящее время сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе парижской печати, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, онъ избранъ наднѣжъ въ сенаторы, а, во-вторыхъ, напечаталъ недавно свой новый трудъ: «Русскіе и пруссаки; Семилѣтняя война»¹⁾. Поэтому не удивительно, что Арманъ Дю-Мениль нарисовалъ его литературный портретъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ *Revue Bleue*²⁾. Оказывается, что почтенный ученый, неумоимо знакомящій своихъ соотечественниковъ съ прошедшимъ и настоящимъ Россіи, человѣкъ нестарый; ему только пятьдесятъ четыре года; и онъ всю свою жизнь посвятилъ литературной и педагогической дѣятельности. Во времена декабрьской имперіи онъ былъ профессоромъ въ лицейѣ Нанси, Буржа и Кольмара, но имѣлъ нѣкоторыя непріятности, потому что на своихъ лекціяхъ исторіи критиковалъ дѣйствія Наполеона I въ Испаніи. Это вынудило его подать въ отставку и, чтобы обезпечить себя отъ дальнѣйшихъ подобныхъ столкновеній, онъ съ одной стороны выдержалъ экзаменъ на адвоката, а съ другой написалъ и защитилъ диссертацию на степень доктора литературы: «О Греческой имперіи въ IX вѣкѣ». Для этого перваго своего ученаго труда онъ изучилъ языки: современный греческій, русскій, польскій и сербскій, такъ какъ въ сущности это сочиненіе можно назвать изслѣдованіемъ о происхожденіи восточнаго вопроса. Достигнувъ сразу извѣстности въ научномъ мірѣ Франціи и восточной Европы, Рамбо тотчасъ послѣ провозглашенія республики получилъ кафедру въ Каенскомъ университетѣ и посвятилъ свой первый курсъ исторіи французскаго владычества въ Германіи отъ 1792 по 1811 г., которая потомъ была издана въ двухъ томахъ и имѣла значительный успѣхъ. Спустя два года, онъ отправился въ Россію, объясняя своимъ пріятелямъ, съ чисто пророческимъ предвидѣніемъ: что «тамъ, а нигдѣ иначе, можно найти союзъ, который возстановитъ европейское равновѣсіе въ нашу пользу, эту страну надо изучать во всѣхъ ея видахъ: правительство и народъ, исторію и литературу, земледѣліе и финансы, армію и флотъ». Добросовѣстно исполнилъ онъ свою задачу: исколесилъ всю Россію отъ

¹⁾ Russes et Prussiens: guerre de sept ans, par Alfred Rambaud, Paris, 1895.

²⁾ Portraits contemporains: Alfred Rambaud, par Armand du Mesnil, *Revue Bleue*, novembre, 1895.

Финляндии до Крыма и отъ Варшавы до предѣловъ Азіи, перечиталъ безчисленное число русскихъ книгъ, занимался въ русскихъ архивахъ, основательно познакомился съ прошедшимъ и настоящимъ русскаго народа, усовершенствовался въ русскомъ языкѣ такъ, что говорилъ публично рѣчи, и, результатъ всего этого, написалъ цѣлый рядъ почтенныхъ трудовъ: «Исторія Россіи отъ ея основанія до нашихъ дней», «Эпическая Россія: Исслѣдованіе о русскихъ былинахъ» «Французы и русскіе», «Москва и Севастополь» (въ составъ этого сочиненія вошла его статья, «Русскіе въ Севастополѣ», которая надѣлала много шума, доказывала, что память о Севастополѣ одинаково дорога и славна для обѣихъ націй и заслужила сочувственный отзывъ императора Александра III, тогда еще наслѣдника, который въ отвѣтъ на присланную ему статью авторомъ поздравилъ его съ содѣйствіемъ къ сближенію обѣихъ націй), «Собраніе инструкцій, данныхъ французскимъ посланникомъ въ Россію» съ примѣчаніями, и, наконецъ, указанное уже сочиненіе о участи Россіи въ Семилѣтней войнѣ. Эти обстоятельные труды о Россіи, однако, не мѣшали Рамбо заниматься внутренней политикой, профессурой и литературными трудами по исторіи своего отечества. Онъ долго былъ директоромъ канцеляріи Жюль Ферри во время министерства послѣдняго, блестяще исполнилъ правительственное порученіе въ Алжирѣ на счетъ введенія тамъ школъ новаго типа для туземцевъ и наконецъ поступилъ въ концѣ прошедшаго года въ сенатъ; какъ педагогъ и историкъ, онъ занималъ кафедру исторіи въ Сорбоннѣ и написалъ нѣсколько пользующихся общимъ уваженіемъ книгъ, а именно, исторію французской (цивилизациі, которая представляетъ картину постепеннаго развитія всѣхъ отраслей національной жизни; краткую исторію французской революціи, одинъ изъ лучшихъ сжатыхъ очерковъ этого событія, и сводъ разнообразныхъ свѣдѣній о французскихъ колоніяхъ, подъ названіемъ «Колоніальная Франція». Кромѣ этого, онъ издаетъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ, академикомъ Эрнестомъ Лависомъ, громадную Всеобщую Исторію отъ 4-го вѣка, нѣсколько томовъ которой уже вышло, и впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ редактировалъ *Revue Bleue*, гдѣ, задолго до посѣщенія Кронштадта французскими моряками, проповѣдовалъ необходимость для Франціи союза съ Россіей, такъ что, когда пламенно поддерживаемая имъ идея вступила на путь пракческаго осуществленія, то Жюль Ферри публично сказалъ: «вы болѣе дипломатовъ содѣйствовали этому событію», и французское правительство наградило его, за услуги въ этомъ отношеніи, орденомъ Почетнаго Легіона.

Новый трудъ Рамбо «Русскіе и пруссаки во время Семилѣтней войны» отличается обычными достоинствами всѣхъ его прежнихъ сочиненій о Россіи. Главнымъ образомъ онъ основанъ на извѣстномъ трудѣ Масловскаго «Русская армія въ Семилѣтнюю войну», и въ сущности представляетъ только мастерски сжатое резюме этого спеціальнаго и трудно переваримаго для обыкновеннаго читателя военнаго сочиненія, съ прибавленіемъ касающихся къ разсказываемымъ событіямъ Семилѣтней войны отрывковъ изъ записокъ Болотова, мемуаровъ Генри Деката, переписки Фридриха Великаго и его собственнаго сочиненія объ этой войнѣ. Такимъ образомъ, передъ глазами читателя проходитъ полная и блестящая панорама единственной войны, которую вела Россія съ Пруссіей, не только съ военной точки зрѣнія, но также съ дипломатической, обще-

ственной и бытовой. Кромѣ указанныхъ источниковъ, Рамбо пользовался всѣми печатными сочиненіями и журнальными статьями, а равно архивными матеріалами, какъ на русскомъ, такъ и иностранныхъ языкахъ, по изучаемому имъ предмету, а потому его очеркъ хотя и кратко, но вполне знакомитъ читателя съ результатами историческихъ изслѣдованій, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, о томъ любопытномъ эпизодѣ русской и всеобщей истории, когда впервые русскія войска появились въ центральной Европѣ и въ союзѣ съ Франціей и Австріей, не только унизили такого гениальнаго полководца, какъ Фридрихъ Великій, но и нѣкоторое время занимали восточную Пруссію, даже самый Берлинъ. Для читателя, не очень интересующагося военными дѣлами, любопытнѣе описанія безконечныхъ переходовъ войскъ съ одной позиціи на другую и даже картинъ двухъ главныхъ русскихъ побѣдъ: Апраксина—при Эгерсдорфѣ и Салтыкова—при Кунерсдорфѣ, когда пруссаками командовалъ самъ Фридрихъ, рельефный рассказъ Рамбо о дипломатическихъ и придворныхъ интригахъ въ Петербургѣ и Вѣнѣ, которыя постоянно задерживали военныя дѣйствія, а еще болѣе его систематическій очеркъ четырехлѣтняго занятія русскими восточной Пруссіи и набѣга на Берлинъ, который находился въ рукахъ русскихъ впродолженіе четырехъ дней. Этотъ смѣлый захватъ прусской столицы русскимъ отрядомъ генерала Тотлебена, подъ самымъ носомъ австрійской арміи, которая рассчитывала сама совершить этотъ подвигъ, надѣлалъ много шума въ Европѣ, и Вольтеръ писалъ графу Александру Шувалову: «ваши войска въ Берлинѣ произвели больше эффекта, чѣмъ всѣ оперы Мотастазіо». Но этотъ славный эпизодъ участія русской арміи въ Семилѣтней войнѣ имѣетъ и печальную сторону: его герой, Тотлебенъ, взявшій Берлинъ не съ оружіемъ въ рукахъ, а вслѣдствіе ловкой сдѣлки съ городскимъ муниципалитетомъ, который предпочелъ сдать столицу русскимъ, а не австрійцамъ, грозившимъ ее разрушить, въ скоромъ времени оказался измѣнникомъ и вступилъ въ тайныя сношенія съ Фридрихомъ, доставляя ему свѣдѣнія о движеніи русской арміи. Объ этомъ послѣднемъ событіи Рамбо сообщаетъ даже такія свѣдѣнія, которыхъ не имѣлъ Масловскій, такъ какъ они заимствованы изъ напечатанныхъ, послѣ появленія книги Масловскаго, XIX и XX томовъ политической переписки Фридриха II. Все, что до сихъ поръ было еще темнымъ въ этомъ постыдномъ дѣлѣ измѣны русскаго генерала, хотя и нѣмецкаго происхожденія, теперь вполне выяснено и такимъ авторитетнымъ {человѣкомъ, какъ самъ Фридрихъ Великій. Его письма, приведенныя Рамбо, выясняютъ весь ходъ измѣны Тотлебена и его сношеній съ пруссаками, чрезъ еврея Сабатку. Около двадцати разъ Фридрихъ упоминаетъ о томъ, что онъ получилъ, или ждетъ свѣдѣній отъ Тотлебена, съ которыми онъ и сообразовалъ свои военныя дѣйствія, и, наконецъ, 6-го іюля, онъ писалъ своему брату: «вотъ Тотлебена и арестовали; болтливость его погубила, и вы можете себѣ представить, какъ это обстоятельство случилось не кстати». Тотлебенъ дѣйствительно былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ, гдѣ его процессъ продолжался до 1763 года, когда Екатерина II замѣнила состоявшійся противъ него смертный приговоръ изгнаніемъ изъ Россіи, что не составило большого наказанія для нѣмца, который спокойно удалился въ Померанію, въ богатое помѣстье, купленное, вѣроятно, на прусскія деньги

Однако, Екатерина II, по неизвѣстнымъ причинамъ, спустя шесть лѣтъ, вернула этого измѣнника въ Россіи и привяла снова на службу, такъ что онъ умеръ въ 1773 году въ Варшавѣ, въ чинѣ генераль-лейтенанта. Вообще Рамбо отзывается самымъ лестнымъ образомъ о русской армии, которая, по его словамъ, впервые выказала тогда Европѣ всѣ свои достоинства, которыя такъ рельефно обнаружилась впоследствии: въ 1812, 1854 и 1877 годахъ, а въ настоящее время еще увеличены, благодаря техническимъ усовершенствованіямъ, европейской культурѣ и научному прогрессу, достигнутымъ Россіей въ продолженіе послѣднихъ полутора ста лѣтъ.

— Г-жа Жоффренъ въ Польшѣ. Графъ Пьеръ де-Сегюръ описываетъ во второмъ декабрьскомъ номерѣ «Revue de Paris» ¹⁾ путешествіе г-жи Жоффренъ въ Польшу къ королю Станиславу-Августу Понятовскому въ 1766 г., на основаніи семейнаго архива ея дочери, маркизы Фертэ-Имбо, находящагося теперь въ рукахъ маркиза Эстампа. Благодаря этимъ, невѣдомымъ доселѣ, рукописнымъ матеріаламъ и напечатанной нѣсколько лѣтъ тому назадъ перепискѣ между г-жею Жоффренъ и королемъ Станиславомъ-Августомъ Понятовскимъ, этотъ любопытный историческій эпизодъ представляется читателю въ настоящемъ его свѣтѣ. Г-жа Жоффренъ пользовалась большою славою не только въ Парижѣ и Франціи, но и во всей Европѣ, какъ обладательница одного изъ вліятельнѣйшихъ парижскихъ салоновъ XVIII вѣка. Хотя она сама была скромнаго происхожденія, именно дочь придворнаго лакея, а мужъ ея былъ богатымъ парижскимъ промышленникомъ, но въ виду ея крупнаго состоянія и умѣнья составлять себѣ кружокъ изъ видныхъ представителей аристократіи, науки, литературы и искусства, г-жа Жоффренъ царила на Олимпѣ, состоявшемъ изъ такихъ замѣчательныхъ личностей, какъ Фонтенель, Мариво, д'Аламберъ, Буше, Гальяни, принцъ де-Линь, герцогиня Лавальеръ, маркиза Дюра и т. д. Всѣ знатные иностранцы, даже королевской крови, считали необходимымъ посѣтить салонъ этой необыкновенной женщины, которая происходила изъ простой, буржуазной среды, заняла первое мѣсто среди блестящаго Парижа XVIII вѣка. Въ числѣ знатныхъ иностранцевъ, пользовавшихся наибольшимъ успѣхомъ въ ея салонѣ, былъ молодой полякъ, Станиславъ-Августъ Понятовскій, и г-жа Жоффренъ такъ любила и заботилась о немъ во время бурныхъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Парижѣ, что онъ называлъ ее матерью, и когда впоследствии его выбрали въ польскіе короли, то онъ сообщилъ объ этомъ г-жѣ Жоффренъ, одной изъ первыхъ. Объ его письмѣ по этому случаю составила цѣлая легенда. Одни, и въ томъ числѣ Сень-Бевъ, говорили, что онъ написалъ только четыре слова: «мама, вашъ сынъ—король»; а баронъ Глейхенъ приводилъ слѣдующій вариантъ: «мама, я царствую, не браните меня больше». Но теперь оказывается, что письмо было не столь лаконично, хотя не менѣе оригинально: король въ сущности писалъ слѣдующее: «милая мама, мнѣ кажется, что послѣ вчерашняго событія мнѣ еще болѣе доставляетъ удовольствія называть васъ этимъ именемъ. Я выбранъ въ короли такъ спокойно и единогласно, какъ никогда въ польской исторіи. Князь-примасъ передъ выборомъ подходилъ ко всѣмъ экипажамъ, въ которыхъ находились самыя знатныя дамы королевства, и спрашивалъ

¹⁾ Le voyage de madame Geoffrin en Pologne, par le comte Pierre de Ségur, «Revue de Paris», 15 decembre 1895.

ихъ, за кого онѣ подають голосъ. Если бы вы находились въ числѣ ихъ, то вы, конечно, также избрали бы своего сына. Это событіе привело въ восторгъ скромную, спокойную г-жу Жоффренъ, и, по приглашенію своего названнаго сына, она отправилась черезъ нѣсколько времени навѣстить его въ Варшавѣ. Она выражала такой шумный и пламенный энтузіазмъ по случаю этого путешествія, а польскій король придавъ ей приему въ своей столицѣ столь пышный характеръ, что злые языки не задумались оклеветать шестидесятилѣтнюю старуху, обвиняя ее въ скандальной интригѣ съ молодымъ, тридцатитрехлѣтнимъ королемъ. По самому тщательному изслѣдованію этого вопроса, Сегюръ доказываетъ, что эта добрая, почтенная женщина никогда не доходила относительно Понятовскаго до той постыдной страсти, которою не менѣе знаменитая г-жа дю-Деффанъ, семидесятилѣтняя, слѣпая, преслѣдовала Горація Вальполя при общемъ смѣхѣ всего Парижа. Она просто любила молодого Понятовскаго, какъ юншу, о которомъ добродушно заботилась много лѣтъ и съ чисто буржуазной гордостью ликовала по случаю восшествія на престолъ своего любимца. Онъ же не могъ забыть оказанныхъ ему услугъ въ Парижѣ, когда онъ часто нуждался въ добрыхъ совѣтахъ и денежной помощи, а потому считалъ необходимымъ, какъ только ему улыбнулось счастье, хоть чѣмъ нибудь выказать свою благодарность той, которую онъ съ искреннимъ уваженіемъ называлъ второй матерью. Путешествіе г-жи Жоффренъ и пребываніе въ Польшѣ дѣйствительно имѣли необыкновенный характеръ: ее окружали чисто королевскими почестями, и Станиславъ-Августъ помѣстил ее въ своемъ дворцѣ, публично называлъ мамой и устроилъ въ честь ея безконечный рядъ блестящихъ празднествъ. Но, какъ на солнцѣ есть пятна, такъ и въ великолѣпномъ приемѣ, оказанномъ въ Варшавѣ г-жѣ Жоффренъ, обнаружались непріятныя для нея стороны, и она на опытѣ увидѣла, что польскимъ дворомъ нельзя такъ же легко управлять, какъ ея парижскимъ салономъ, гдѣ ей всѣ безпрекословно повиновались. Главнымъ образомъ произошли столкновенія между нею и дядями короля, князьями Чарторійскими, и это дало поводъ къ ссорѣ съ самимъ Станиславомъ-Августомъ, которая хотя и была заглажена быстрымъ примиреніемъ, но побудила г-жу Жоффренъ сократить свое пребываніе въ Варшавѣ. Послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ Варшавѣ она вернулась въ Парижъ, заѣхавъ по дорогѣ въ Вѣну, гдѣ была принята съ большими почестями императрицей Маріей-Терезіей, императоромъ Іосифомъ и первымъ министромъ Кауницемъ. Въ концѣ своей статьи Сегюръ упоминаетъ о томъ, что изъ писемъ Станислава-Августа видно, что Екатерина II также приглашала г-жу Жоффренъ посѣтить Петербургъ, но что послѣдняя отказалась отъ этого визита, въ виду дальнаго пути и зимняго времени. Но это обстоятельство ничѣмъ не подтверждено и также невѣрно, какъ утвержденіе Сегюра, что переписка Екатерины II съ г-жей Жоффренъ исчезла, и что г-жа Жоффренъ не одобрила манифеста Екатерины по случаю смерти Петра III, вызвала только своимъ смѣлымъ замѣчаніемъ типическій отвѣтъ Екатерины: «увы, сударыня, мой манифестъ составленъ не для иностранныхъ государствъ, а для моего народа». Во-первыхъ, письма Екатерины II г-жѣ Жоффренъ не исчезли, а напечатаны, по крайней мѣрѣ въ значительномъ числѣ, именно шестнадцать, въ I томѣ сборника императорскаго русскаго историческаго общества, во-вторыхъ, что хотя эта переписка

и была очень дружеская, но она прекратилась именно послѣ поѣздки г-жи Жоффренъ въ Польшу, которая, вѣроятно, не нравилась Екатеринѣ, а, въ-третьихъ, г-жа Жоффренъ выразилась довольно смѣло относительно манифеста Екатерины, но по поводу смерти не Петра III, а Иоанна Антоновича, и Екатерина написала ей по этому случаю: «вы разсуждаете объ этомъ манифестѣ, какъ слѣпой о краскахъ; онъ написанъ не для иностранныхъ государствъ, а для того, чтобы сообщить всю правду Русской имперіи». Хотя нѣтъ никакихъ свѣдѣній, чтобы Екатерина II приглашала г-жу Жоффренъ въ Петербургъ, но въ одномъ изъ ея писемъ къ ней она дѣйствительно говоритъ, что бросила бы въ рѣку всѣ брилліанты на свѣтѣ, если бы этимъ могла добиться пребыванія у себя ея парижскаго друга г-жи Жоффренъ) и не смотря на то, что послѣ поѣздки послѣдней въ Варшаву переписка между ними прекратилась, но по поводу смерти г-жи Жоффренъ въ 1777 году Екатерина писала Гримму, что это извѣстіе причинило ей большое огорченіе, и что она не довольна ни однимъ изъ похвальныхъ словъ, произнесенныхъ, или написанныхъ по этому случаю.

— Подлинный разсказъ Мирабо о его любви къ Софи Монье. Всѣмъ извѣстенъ романическій эпизодъ изъ жизни великаго французскаго трибуна на счетъ его любви къ Софи Монье, но до сихъ поръ не былъ напечатанъ его собственный разсказъ объ этомъ событіи въ драматической формѣ, не смотря на то, что копія потерянной рукописи находилась въ рукахъ усыновленнаго имъ Люка де Монтиньи, который показывалъ ее нѣкоторымъ писателямъ, въ томъ числѣ Ломени, заимствовавшему изъ нея нѣсколько отрывковъ въ своей книгѣ о Мирабо. Въ настоящее время виконтъ Генри Бегуэнъ случайно купилъ подлинную рукопись Мирабо на какой-то распродажѣ и, сравнивъ ее съ копіей, которая хранится у внука Монтиньи, подготовилъ къ печати, но предварительно помѣстивъ самую интересную ихъ часть въ первой декабрьской книжкѣ *Revue de Paris* ¹⁾. Драматическій разсказъ Мирабо, написанный имъ въ Венсенѣ, гдѣ онъ былъ заточенъ, вслѣдствіе ареста его и Софи Монье, послѣ ихъ бѣгства въ Голландію, состоитъ изъ шести главъ, или діалоговъ. Въ первыхъ четырехъ разговариваютъ между собою Мирабо и Софи, при чемъ вторая, третья и четвертая главы непечатанныя теперь въ *Revue de Paris*, представляютъ драматическую картину развитія ихъ любви отъ ея начала до бѣгства изъ Понтарліе. Что касается до первой главы, то въ ней заключается бесѣда Мирабо и Софи при первомъ ихъ знакомствѣ, и она какъ бы служитъ вступленіемъ къ драмѣ. Пятая и шестая глава уже посвящены разговорамъ маркизы Монье съ ея пріятельницей г-жей де-Сенъ-Беленъ и тутъ Мирабо, на основаніи своихъ воспоминаній и сообщенныхъ ему замѣтокъ маркизой, разсказываетъ всю исторію ихъ бѣгства черезъ Дижонъ и Швейцарію въ Голландію, бѣдственную, но счастливую, жизнь влюбленной четы вдвоемъ, ихъ арестъ и заключеніе Мирабо въ Венсенскую крѣпость, а Софи въ Жіенскій монастырь. Хотя давно напечатанныя письма Мирабо къ Софи придали классическій характеръ исторіи ихъ любви, и существуетъ французская мелодрама, въ которой героями

¹⁾ *Amour de marquis de M... et du comté de M...*, par Mirabeau, avec un avant-propos, par le vicomte Henri Begouen. *Revue de Paris* 1 decembre 1895.

служить эта историческая влюбленная чета, но все-таки подлинный рассказ Мирабо возбуждает большой интерес и придает своим искренним, жгучим характеромъ какъ бы новую прелесть старой, знакомой исторіи. Изъ перваго разговора между Мирабо и Софи читатель узнаетъ завязку драмы, долженствовавшей интересовать весь свѣтъ болѣе ста лѣтъ. Онъ былъ тогда молодымъ узникомъ въ тюрьмѣ провинціального городка Понтарліе не за какое нибудь преступленіе, а по капризу его отца; она была молодая жена стараго, ревниваго мужа. По тогдашнимъ обычаямъ аристократу-арестанту дозволялось посѣщать мѣстное свѣтское общество, и не удивительно, что молодые люди, встрѣтившись, полюбили другъ друга. Но несмотря на то, что Софи Монье имѣла платоническія интрижки съ офицерами, она долго колебалась, прежде чѣмъ измѣнила своему мужу, и Мирабо побудилъ ее къ этому рыцарскимъ поступкомъ. Узнавъ, что одинъ офицеръ, которому она имѣла неосторожность писать письма, хотя, по ея увѣренію, между ними не было ничего серьезнаго, компрометируетъ бѣдную женщину своимъ хвастовствомъ, предложилъ ей добыть эти письма, хотя бы цѣной дуэли. Такое самоотверженіе окончательно побудило влюбленную молодую женщину отдаться своему рыцарю, и послѣдній разговоръ между ними передъ ихъ бѣгствомъ отличается такой жгучей страстью, какую рѣдко встрѣтишь въ какомъ либо романѣ, или драмѣ. Въ каждомъ словѣ Софи слышится, наболѣвшее желаніемъ любви, молодое сердце, а рѣчи Мирабо звучатъ такимъ пламенемъ, на которое способенъ былъ только этотъ титанъ французской революціи. Напримѣръ, на всѣ мольбы влюбленнаго юноши, не мучить его платонической любовью, маркиза отвѣчаетъ: «мой другъ, я готова слушать твои доводы, какъ они ни опасны и ни соблазнительны, но не приставай ко мнѣ такъ быстро... я уступила тебѣ мои губы, а ты овладѣлъ моей грудью и хочешь все большаго и большаго! Твои поцѣлуи слишкомъ краснорѣчивы, и твоя Софи слишкомъ слаба... Дай мнѣ вздохнуть, успокойся, постарайся меня убѣдить, и вѣдь если бы я только слушала мое сердце, то это было бы для тебя слишкомъ легко». На это Мирабо отвѣчаетъ: «Софи, моя Софи, зачѣмъ ты меня такъ терзаешь? Ты раздѣляешь мои желанія и отвергаешь мой пылъ; ты даришь мнѣ свою любовь и отказываешься раздѣлить мою страсть... Я цѣлую твои губы, твои глаза; мое сердце жаждетъ соединиться съ твоимъ, ты зажигаешь во мнѣ жгучее пламя и не хочешь его утолить... Несправедливая, неблагодарная Софи, ты издѣваешься надъ моими страданіями, зачѣмъ же было указывать мнѣ издали счастье, которымъ не даешь мнѣ воспользоваться... Повѣрь, что отказывать въ блаженствѣ любимому человѣку—не исполненіе долга, а то же, что умереть съ голода, считая утоленіе его недоволенной жадностью. По моему мнѣнію, если честная женщина сказала какому нибудь человѣку: я тебя люблю, и поцѣловала его, то она уже обязана не отказывать ему ни въ чемъ, подъ пустыми предлогами. Если ты не вѣришь моей чести, то значить, ты не любишь, а если любишь и вѣришь, что я неспособенъ измѣнить тебѣ, то зачѣмъ же доводить меня до безумія, до самоубійства у твоихъ ногъ! И не думай, Софи, что, питая къ тебѣ жгучую страсть, я не люблю тебя всей душой и не забочусь о твоей чести. Люби меня, Софи... Люби меня и вѣрь, что твой Габріель, пользуясь твоими прелестями, будетъ цѣнить и твои добродѣтели. Чѣмъ больше ему будетъ при-

чинъ питать къ тебѣ благодарность, тѣмъ онъ будетъ нѣжнѣе, вѣрнѣе и преданнѣе». Въ результатѣ Софи уступаетъ и страстно шепчетъ: «Хотя говорятъ, что пользование женщиной—могила любви, но я не хочу этому вѣрить, мой Габріель. Я приношу себя въ жертву твоимъ желаніямъ. Можетъ быть, я этимъ уничтожу всю нашу счастливую любовь, но я не могу больше терпѣть, чтобы ты такъ терзался. Будь же моимъ мужемъ, если ты не довольствуешься моей теперешней любовью».—«Мое все, моя любовь,—отвѣчаетъ Мирабо: — время, любовь отомстятъ за меня!»—«Нѣтъ!—воскликаетъ маркиза: — ты самъ отомсти мнѣ за всѣ твои мученія, моя любовь, мое все, мое добро!» Хотя весь этотъ драматическій разговоръ дышитъ пламенной любовью, и, повидимому, Мирабо долго держалъ свои клятвы, такъ какъ—послѣ пребыванія съ Софи въ Швейцаріи и Голландіи, онъ и далеко отъ нея, въ тюрьмѣ, высказываетъ свою страсть къ ней, но какъ только онъ покинулъ Венсенскую крѣпость, то уже въ немъ не остается и слѣда этой любви. А если Софи могла утѣшаться, что любовь къ ней замѣнилась въ немъ любовью не къ женщинѣ, а къ французскому народу, и что онъ забылъ ее только потому, что сдѣлался великимъ трибуномъ, то она сама вскорѣ измѣнила ему ради новаго поклонника, и если наложила на себя руки отъ несчастной любви, то не къ Мирабо, а къ другому. Онъ же узналъ объ ея трагической смерти во время одного изъ бурныхъ засѣданій учредительнаго собранія, послѣ пламенной рѣчи за права человѣка.

— Аустерлицъ 90 лѣтъ тому назадъ и теперь. Второго декабря прошедшаго года минуло 90 лѣтъ главнѣйшей побѣдъ Наполеона, и европейская пресса откликнулась на эту годовщину. Изъ всѣхъ статей, посвященныхъ Аустерлицу, наибольшій интересъ представляютъ совершенно кстати, появившаяся глава объ этомъ знаменательномъ событіи въ «Исторіи Наполеона», которую второй годъ печатаетъ американскій историкъ Слоанъ въ *Century Magazine* ¹⁾, и очеркъ теперешняго положенія Аустерлицскаго поля битвы, помѣщенный Ленотромъ въ *Le Monde Moderne* ²⁾. Хотя послѣдній авторъ пересыпаетъ свой разговоръ о недавнемъ посѣщеніи Аустерлица историческими воспоминаніями о битвѣ, но они основаны исключительно на извѣстномъ разказѣ графа Сегюра, такъ что въ историческомъ отношеніи имѣетъ гораздо болѣе значенія мастерски сдѣланное Слоаномъ, на нѣсколькихъ страницахъ, резюме всего, что писалось такъ обильно, и на всѣхъ языкахъ, въ томъ числѣ и Толстымъ, о величайшей битвѣ настоящаго вѣка, которая, по словамъ компетентныхъ авторитетовъ, является до сихъ поръ самымъ гениальнымъ проявленіемъ военного искусства. Сжато, рельефно, картинно, американскій историкъ разсказываетъ, какъ Наполеонъ, называемый имъ въ послѣдней главѣ его труда «властелиномъ войны», гениально подготовилъ уничтоженіе союзныхъ армій и столь же гениально исполнилъ свой планъ. Съ помощью лазутчиковъ, шпионовъ и посланнаго имъ къ Александру своего адъютанта, Савари для мирныхъ переговоровъ, Наполеонъ узналъ, съ величайшимъ удовольствіемъ, что русскіе настояли на немедленномъ на-

¹⁾ *Life of Napoleon Bonaparte: Napoleon the war Lord, by William Sloane, Century Magazine, december, 1895.*

²⁾ *Austerlitz, par G. Lenotre, Le Monde Moderne, decembre, 1895.*

ступленіи союзной арміи, и рѣшилъ поймать ее въ ловко устроенную ловушку. Онъ не только предоставилъ ей свободно совершить обходъ французовъ съ правой стороны, но отступилъ отъ Аустерлица, занимавшаго господствующую позицію, и смѣло рѣшилъ ударить имъ въ флангъ, для чего занялъ другую соседнюю возвышенность, Пратценъ, которая сдѣлалась центромъ битвы. Какъ всегда, наканунѣ вечеромъ онъ лично осмотрѣлъ всю позицію и, обѣщавъ своимъ генераламъ не принимать личнаго участія въ битвѣ, какъ онъ это дѣлалъ до тѣхъ поръ и о чемъ объявилъ въ прокламаціи, онъ дѣйствительно въ самомъ рѣшительномъ и побѣдоносномъ своемъ сраженіи не находился подъ огнемъ, что дало поводъ нѣкоторымъ критикамъ упрекать его въ трусости; но, конечно, нѣтъ и тѣни основанія въ этой клеветѣ, и если онъ дѣйствительно издала слѣдилъ на этотъ разъ за исполненіемъ своего плана и постоянно, даваемыхъ имъ лично, распоряженій во время битвы, то, по справедливому замѣчанію Слоана, онъ сдѣлалъ это потому, что во-первыхъ, далъ слово своимъ сподвижникамъ не рисковать жизнью, если они исполнятъ свой долгъ, и сдержалъ свое слово, такъ какъ они сдержали свое, а во-вторыхъ, онъ, въ качествѣ простаго генерала и перваго консула самъ велъ своихъ солдатъ на бой и ставилъ на карту всю свою будущность, а теперь впервые нашелъ возможнымъ послѣдовать примѣру всѣхъ вѣнценосныхъ полководцевъ и не подвергать себя личной опасности. Но если въ этомъ отношеніи и нашлись критики, то относительно плана аустерлицкой битвы и ея практическаго выполненія, всѣ, враги и поклонники, одинаково признаютъ ихъ геніальными. Что же касается до ея результатовъ, то Наполеонъ имѣлъ полное право всегда говорить объ Аустерлицѣ, какъ о зенитѣ своей славы, называть себя аустерлицкимъ побѣдителемъ и напоминать своимъ солдатамъ объ аустерлицкомъ солнцѣ, такъ какъ не только союзныя арміи были разбиты на голову и потеряли 15000 убитыми и ранеными, а 20000 плѣнными, но и Франція получила гегемонію надъ Европой. Въ виду такого историческаго, а не только военнаго значенія Аустерлица, рассказъ Ленотра о теперешнемъ положеніи этой, быть можетъ, славнѣйшей мѣстности въ исторіи XIX вѣка, читается съ живѣйшимъ любопытствомъ. По его словамъ, въ маленькомъ, моравскомъ городкѣ, Брюнѣ замѣчательнъ только находящійся въ одномъ изъ его предмѣстій столбъ съ надписью: «Аустерлицъ 2¹/₂ мили». Дорога ведетъ туда прямая, пересѣкающая невысокіе холмы, и вся окружающая мѣстность не имѣетъ того трагическаго характера, которымъ до сихъ поръ отличаются поля битвъ подъ Іеной, Ватерлоо, Ваграмомъ и Лейпцигомъ. Тамъ все напоминаетъ объ ужасной битвѣ: и стѣны, и деревья, и самая земля. Здѣсь, напротивъ, нѣтъ ничего подобнаго: равнина веселая, поля обработаны, дома чистенькіе, бѣлые, гнѣздятся среди зеленыхъ садовъ и, смотря на все это, скорѣе можно предположить, что тутъ происходило не кровавое истребленіе людей, а какой нибудь грандіозный международный праздникъ. Трехъ часовъ достаточно для того, чтобы осмотрѣть аустерлицкое поле сраженія во всемъ его объемѣ: изъ фермы Пиндулки, гдѣ находилась палатка Наполеона наканунѣ битвы, узенькая дорожка, вдоль ручья ведетъ въ Шатанецъ, мимо того холма, который доселѣ носитъ названіе «Наполеоновскаго». Изъ Шатанца можно достигнуть въ часъ до селенія Кобельницъ, среди кото-

раго пали три французскихъ генерала, въ томъ числѣ Морланъ, тѣло котораго было, по приказанію Наполеона, отправлено въ Парижъ для торжественныхъ похоронъ, но потомъ забыто и только найдено вполнѣ сохранившимся въ 1814 году въ медицинской школѣ въ бочкѣ съ ромомъ, куда оно было положено докторами на полѣ битвы, за недостаткомъ средствъ къ бальзамированію. Отъ Кобельница начинается подъемъ къ Пратцену: трудно себѣ представить болѣе мирное зрѣлище, чѣмъ эта маленькая деревушка, изъ-за обладанія которой, девяносто лѣтъ тому назадъ, боролись, въ продолженіе двѣнадцати часовъ, 150.000 французовъ, русскихъ и нѣмцевъ. Вдоль единственной улицы, оканчивающейся у церкви, тянется рядъ чистенькихъ домиковъ, украшенныхъ ползучими розами, и нигдѣ не видно ни развалинъ, ни слѣдовъ пуля, или ядеръ въ стѣнахъ, ни памятниковъ, которые напоминали бы о разыгравшейся тутъ трагедіи. Только по дорогѣ изъ Пратцена въ Крановецъ, среди полей, возвышается большой, массивный каменный крестъ: онъ почернѣлъ, покривился на сторону и осѣлъ, такъ что почти достигаетъ земли своими поперечными концами. «Я достигъ,—разсказываетъ Ленотръ,—этой мѣстности, называемой окрестными поселянами Большой Могилей, въ сумерки: солнце садилось за брюнскими холмами, на небѣ быстро бѣжали темныя облака, какой-то запоздавшій пахарь спокойно проходилъ своимъ плугомъ по землѣ, упоенной кровью столькихъ жертвъ, и невольно я перенесся мыслью къ такому же вечеру девяносто лѣтъ тому назадъ, когда массы умирающихъ французовъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, силились увидѣть въ послѣдній разъ своими потухшими глазами маленькую фигуру Наполеона, который, остановившись здѣсь, получилъ донесеніе объ уничтоженіи русской гвардіи, и на восклицаніе одного мамелюка по имени Мустафы: «возьми, императоръ, знамя, жаль, что я не могъ отрубить голову великаго князя Константина и принести тебѣ»,—отвѣтилъ:—«молчи, гадкій дикарь!» Въ двухъ часахъ отъ Пратцена лежитъ Аустерлицъ, маленькое мѣстечко, съ единственной широкой улицей, ведущей къ старинному замку, который сохранился въ томъ же самомъ видѣ, въ которомъ онъ былъ, когда 1 декабря 1805 года въ немъ ночевалъ Александръ, а спустя два дня въ той же комнатѣ спалъ Наполеонъ. Какъ тогда, такъ и теперь этотъ замокъ принадлежитъ семьѣ знаменитаго австрійскаго дипломата Кауница, и хотя снаружи онъ чрезвычайно простой архитектуры, внутри помѣщенія очень роскошны, но хуже любого дворца: тутъ есть и парадныя гостинныя, и бальныя залы, и галереи, и даже театръ, все въ стилѣ XVIII вѣка. Въ центрѣ находится комната, которую четыре дня занималъ Наполеонъ, и съ тѣхъ поръ никто не спалъ въ ней на кровати подъ балдахиномъ, изъ шелковой матеріи шафраннаго цвѣта, отъ которой остались теперь одни только лохмотья, благодаря времени и многочисленнымъ посѣтителямъ, безжалостно уносившимъ кусочки матеріи въ память. Въ окрестностяхъ Аустерлица еще обращаетъ на себя вниманіе небольшой холмъ на дорогѣ въ Зарошицъ, гдѣ 4 декабря 1805 года произошло свиданіе между Наполеономъ и австрійскимъ императоромъ, въ виду всей французской арміи, выстроенной какъ бы для парада.

Берлинъ отъ конца XVIII вѣка до половины XIX
Недавно вышелъ второй томъ обширнаго труда нѣмецкаго историка Люд-

вига Гейгера объ исторіи Берлина ¹⁾: онъ обнимаетъ три эпохи въ этой исторіи—именно упадокъ и вырожденіе, отъ 1786 по 1808 г.; возрожденіе и освобожденіе, отъ 1808 до 1815 г. и, двадцать пять лѣтъ мирнаго процвѣтанія, отъ 1815 до 1840 г. Въ первомъ отдѣлѣ этого тома ученый авторъ рассказываетъ царствованіе Фридриха-Вильгельма II и первые годы его пріемника Фридриха Вильгельма III, при чемъ, какъ и въ предыдущей части своего труда, онъ главнымъ образомъ занимается живымъ воспроизведеніемъ интеллектуальной жизни прусской столицы. Передъ глазами читателей проходитъ рельефная панорама литературныхъ нравовъ того времени, въ которой главное мѣсто занимаетъ философскій споръ за и противъ Канта, а также беллетристическая и критическая борьба между романтиками, съ Тикомъ во главѣ, и ихъ врагами подъ предводительствомъ Коцебу. Кромѣ того, онъ описываетъ и берлинскія удовольствія того времени, клубы и салоны, среди которыхъ первое мѣсто занимали гостиныя Рахили Левингъ и Генриеты Герцъ. Вслѣдъ за этимъ мрачнымъ временемъ упадка берлинской жизни, зенитомъ котораго было занятіе Берлина французами, когда нѣмецкія газеты возставая противъ короля и королевы, прославляли «великаго и сладкаго Наполеона», Іоаннъ Миллеръ заискивалъ передъ французскимъ правительствомъ въ надеждѣ получить теплое мѣстечко, а Ланге печатно увѣряетъ, что французская окупація продлится безъ конца—наступаетъ патриотическое движеніе, которое окончилось возрожденіемъ какъ всей Германіи такъ и Берлина. Этой славной для всякаго нѣмца, эпохѣ Гейгеръ посвящаетъ свои самыя краснорѣчивыя страницы, на которыхъ онъ рассказываетъ о подъемѣ научнаго духа трудами Фихте, Шлейермахера, Гумбольдта и проч., о народной агитаціи Арнота, Шлегеля и т. д., объ основаніи Берлинскаго университета, о созданіи Яномъ германскаго союза, о поэмахъ Фуке, лекціяхъ Адама Мюллера, о пьесахъ Теодора Кернера и о борьбѣ за независимость Германіи. Въ сравненіи съ этимъ бурнымъ временемъ третья эпоха берлинской исторіи, описываемая Гейгеромъ, кажется менѣе интересной, но всущности она съ литературной точки зрѣнія гораздо любопытнѣе. Сначала передъ читателемъ проходитъ колоссальная фигура Гете, имѣвшаго громадное вліяніе на берлинское общество и на романтиковъ, потомъ наступаетъ время реакціи, вслѣдъ за убійствомъ Коцебу; тогда цензура безгранично свирѣпствуетъ, прекращаются всякія политическія стремленія и снова наступаетъ царство новаго романтизма съ его представителями: Гофманомъ, Шамиссо и т. д. При этомъ Гейгеръ не забываетъ ни одной стороны берлинской жизни въ эту четверть вѣка. Онъ рисуетъ бѣглыя, но вѣрныя характеристики лирическихъ поэтовъ: Вейта, Куглера, Вакернагеля и т. д., онъ описываетъ засѣданія различныхъ обществъ, знакомитъ съ міромъ драматурговъ, актеровъ и критиковъ; наконецъ посвящаетъ цѣлую главу тому, что называется берлинскою шуткой (berliner witz) и ея создателю, а съ тѣмъ вмѣстѣ основателемъ берлинскаго журнализма, Сафиру. Однако, мало-по-малу въ Берлинѣ снова пробуждается политическая жизнь, и онъ проявляетъ сочувствіе къ освобожденію Греціи и къ іюльской революціи; вмѣстѣ съ тѣмъ научная дѣятельность все болѣе и болѣе развивается въ

¹⁾ Berlin 1688—1840, Geschichte des geistigen Lebens der preussischen Hauptstadt, von Ludwig Geiger. Zweiter Band. 1786—1840. Berlin. 1895.

университетахъ, гдѣ приобрѣтають громкую извѣстность: Гегель, Ранке Савиньи, Риттеръ и т. д. Все это ясно и рельефно отражается въ книгѣ Гейгера, которая вообще представляетъ полную картину стараго Берлина.

Любопытнымъ дополненіемъ къ разсказу Гейгера о двухлѣтнемъ занятіи Берлина французами можетъ служить статья Артура Леви въ *Revue de Paris*, подъ заглавіемъ «Наполеонъ въ Берлинѣ» 1). Этотъ очеркъ, основанный на печатныхъ матеріалахъ и документахъ, хранящихся въ французскихъ архивахъ, среди которыхъ видное мѣсто занимаетъ дневникъ о пребываніи Наполеона за границей, веденный его секретаремъ барономъ Фэнгомъ—обстоятельно сообщаетъ все, что дѣлалось въ Берлинѣ, во время посѣщенія его Наполеономъ въ 1806 году; при этомъ особенно рельефно выступаетъ постыдное поведеніе берлинцевъ и вообще пруссаковъ, которые, забывъ свой патріотизмъ, стали такъ подобострастно унижаться передъ Наполеономъ, что по словамъ одного нѣмецкаго писателя, въ безпристрастїи котораго нельзя сомнѣваться, «Наполеонъ не зналъ—радоваться ему или стыдиться за нихъ». Общественный элементъ такъ низко палъ въ то время, что берлинскія муниципальныя власти напервѣ старались услужить французскому правительству, а самые видныя прусскіе аристократы, какъ князь Изенбургъ и принцъ Гогенцолернскій, предложили Наполеону образовать два полка изъ прусскихъ дезертировъ или плѣнныхъ, для помощи французской арміи. Первый изъ этихъ полковъ былъ дѣйствительно сформированъ, но отличился лишь уличными ссорами своихъ солдатъ и офицеровъ съ берлинскими гражданами, а также удивительнымъ приказомъ по полку его командира князя Изенбурга, который созывалъ подъ знамена «Наполеона Великаго, нашего непобѣдимаго императора и обожаемаго героя». Къ безчестью пруссаковъ надо сказать, что охотниковъ поступить въ этотъ полкъ нашлось много, вѣроятно, потому, что при поступленіи на службу каждому добровольцу выдавалась премія въ 12 франковъ. Подобный примѣръ національнаго униженія тѣмъ болѣе не понятенъ, что Наполеонъ, изъ дипломатическихъ видовъ, вовсе не тѣснилъ пруссаковъ, учредилъ въ Берлинѣ и другихъ городахъ особыя комиссіи изъ мѣстныхъ жителей, вмѣсто муниципалитетовъ, строго наблюдая, чтобы французскія власти не злоупотребляли своей силой и даже оказали особое уваженіе старому пастору Эрману, который одинъ во всемъ Берлинѣ осмѣлился публично и прямо въ лицо побѣдителю при Іенѣ протестовать противъ его неуважительныхъ словъ относительно королевы Луизы. Дѣйствительно Наполеонъ, при приѣмѣ смѣннаго имъ берлинскаго муниципалитета, увлекся своимъ краснорѣчіемъ и позволилъ себѣ не только грубо, оскорбительно отозваться о королевѣ, ненавидѣвшей его болѣе всего на свѣтѣ, но и заявить, что онъ наканунѣ видѣлъ съ удивленіемъ въ Потсдамѣ портретъ императора Александра въ спальнѣ красавицы королевы. Всѣ пруссаки молча слушали эту неприличную выходку, но старый пасторъ не выдержалъ и громко сказалъ: «государь, это неправда». Наполеонъ понялъ, что сдѣлалъ большую ошибку, и не только не подвергъ строгой карѣ смѣлаго служителя алтаря, но подзвалъ его къ себѣ, спросилъ кто онъ такой, похвалилъ его за преданность къ королевѣ и прибавилъ, что совершенно

1) Napoleon a Berlin, par Artur Lévi, Revue de Paris, 1 decembre, 1895.

понимаетъ его патріотическія чувства. Потомъ онъ никогда не забывалъ даннаго ему урока и постоянно отзывался съ уваженіемъ о старомъ пасторѣ. Наполеонъ провель въ Берлинѣ почти мѣсяцъ и занимался въ тамошнемъ дворцѣ и въ Потсдамѣ текущими французскими дѣлами, какъ будто онъ находился въ какомъ нибудь загородномъ парижскомъ дворцѣ. Даже Берлиномъ былъ помѣченъ одинъ изъ самыхъ важныхъ актовъ его царствованія, именно актъ о континентальной блокадѣ. Берлинцы такъ быстро примирились съ французскимъ владычествомъ, что общественная жизнь текла своимъ обычнымъ образомъ: театры, гулянья, рестораны были полны публикой, какъ во времена гогенцолерновъ, и не только толпы берлинцевъ стекались смотрѣть на парады Наполеона, но даже многіе изъ берлинскихъ гражданъ съ гордостью носили мундиръ вновь образованной французами мѣстной національной гвардіи. Вообще, по свидѣтельству особыхъ постановленій берлинскаго административнаго совѣта и муниципальныхъ комиссій нѣкоторыхъ другихъ прусскихъ городовъ, отношенія между побѣжденными и побѣдителями были такія дружескія, что французская окупація оставила въ нѣмецкихъ сердцахъ самыя пріятыя воспоминанія.

— Столѣтній юбилей Карлайля. 4-го декабря прошлаго года праздновали въ Лондонѣ первую столѣтнюю годовщину со времени рожденія знаменитаго англійскаго писателя Томаса Карлайля. По этому случаю было устроено торжественное засѣданіе всѣхъ друзей и поклонниковъ автора «Sartur Resortus» и «Исторіи Французской революціи»; изъ числа произнесенныхъ рѣчей самая замѣчательная принадлежала Джону Морлею, бывшему министру по ирландскимъ дѣламъ въ послѣднихъ либеральныхъ министерствахъ и автору многихъ выдающихся сочиненій по исторіи и литературѣ. Онъ представилъ хотя краткую, но блестящую, справедливую и вполне безпристрастную оцѣнку одного изъ величайшихъ и оригинальнѣйшихъ мыслителей XIX вѣка. По мѣткому выраженію Морлея, Карлайля напрасно называли въ послѣдніе года его жизни «мудрецомъ Чельси» (по Лондонскому предмѣстью, въ которомъ находился домъ Карлайля, обращенный ко дню его юбилея въ Карлайлевскій музей); онъ былъ всѣмъ, чѣмъ угодно, только не мудрецомъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ приписываютъ этотъ титулъ, напримѣръ, Гете и Эмерсону. Карлайль былъ скорѣе проповѣдникомъ, художникомъ, пророкомъ, а для мудреца онъ былъ слишкомъ увлекающимся, слишкомъ пылкимъ, слишкомъ бурнымъ темпераментомъ, отрицавшимъ умственное и нравственное равновѣсіе, составляющее основу мудреца. Если съ чѣмъ нибудь можно сравнить карлайлизмъ, то лишь съ байронизмомъ: то и другое дышало не мудростью, а главное титанической силой. Хотя онъ былъ систематическимъ врагомъ многоаго, что свято для современнаго человѣка, именно человѣческой свободы, науки и логики, а въ мѣстѣ съ тѣмъ защитникомъ культа героевъ и диктаторской власти сильныхъ геніальныхъ людей, но нельзя придавать буквальнаго значенія его многочисленнымъ парадоксамъ, и въ основѣ его проповѣдей противъ демократической свободы лежала пламенная любовь къ страждущимъ и униженнымъ, а также столь же пламенное негодование на всѣхъ общественныхъ эксплуататоровъ. Какъ онъ мирить свой культъ Фридриха II съ этой любовью и съ этой ненавистью, составить вѣчную загадку и, по словамъ Морлея, лучше не ломать себѣ головы

надъ ея разрѣшеніемъ, не пугаться парадоксовъ Карлайля, а учиться у него той борьбѣ со всякой рутинной и формализмомъ, которая составляла всю суть его ученія. Если въ нѣкоторыхъ изъ своихъ сочиненій онъ является врагомъ политической свободы, то никто болѣе его не защищалъ внутренней свободы каждаго человѣка отъ всѣхъ внѣшнихъ препонъ. Эта проповѣдь внутренней человѣческой свободы и придаетъ Карлайлю его великое значеніе, по мнѣнію Морлея, въ исторіи умственнаго развитія Англіи въ XIX вѣкѣ. Кромѣ того, онъ былъ великимъ художникомъ и, несмотря на странный, часто темный и ему одному принадлежащій языкъ, Карлайль рисовалъ такія картины, которыя будутъ жить настолько, насколько сохранится англійскій языкъ. Въ сущности онъ былъ великимъ поэтомъ въ прозѣ, и какъ поэтамъ прощаются невольныя отступленія отъ логики, ради ихъ поэтическаго вдохновенія, такъ нельзя и этому поэту-прозаику ставить въ вину его многіе, болѣе чѣмъ странные парадоксы «Какъ въ книгахъ, такъ и въ разговорахъ Карлайля,—говорить Морлей,—можно было вынести болѣе ободряющаго впечатлѣнія, чѣмъ руководящаго наставленія. Къ этой вулканической натурѣ нельзя было прибѣгать за полезымъ совѣтомъ въ разрѣшеніи теоретическихъ или практическихъ вопросовъ. По счастью, въ тѣ времена искатель истины могъ перейти изъ Чельси въ Благитъ, отъ Карлайля къ Джону-Стюарту Миллю, у котораго находилъ желаемый совѣтъ и желаемую помощь въ погонѣ за истиной». Впрочемъ и самъ Карлайль не только часто сознавалъ всю шаткость своихъ парадоксовъ, но даже высказывалъ это своимъ друзьямъ. Такъ, возстававъ противъ войны Сѣвера съ Югомъ за освобожденіе негровъ, онъ, въ письмѣ къ Эмерсону, чрезвычайно откровенно высказалъ, что анархическая Америка сдѣлала въ этой войнѣ такое великое дѣло, которое было бы не по плечу Фридриху Великому или какому либо другому идеальному руководителю людей.

— Смерть Александра Дюма и Бартелеми Сентъ-Илера. Кончина знаменитаго французскаго драматурга Александра Дюма и престарѣлаго Бартелеми Сентъ-Илера, извѣстнаго своей ученою и политическою дѣятельностью, возбудили цѣлый рядъ статей и очерковъ во французскихъ журналахъ. Хотя, повидимому, Бартелеми Сентъ-Илеръ не игралъ выдающейся роли ни въ политикѣ, ни въ наукѣ, но отзывы о немъ возбуждаютъ интересъ, вопервыхъ, потому, что рисуютъ почтенную личность честнаго общественнаго дѣятеля, бывшаго долгое время депутатомъ, сенаторомъ и министромъ, а въ то же время преданнаго наукѣ ученаго, переводчика Аристотеля и изслѣдователя классической старины, впрочемъ же, по возбужденному его смертію вопросу о долговѣчности парламентскихъ дѣятелей. Этотъ послѣдній вопросъ чрезвычайно любопытно развитъ въ статьѣ Эдгара Бурлетона, въ *La Vie Contemporaine*¹⁾. Оказывается, что Бартелеми Сентъ-Илеръ умеръ девяноста лѣтъ, и за нѣсколько дней до смерти участвовалъ въ академическомъ засѣданіи, а наканунѣ присутствовалъ въ сенатѣ; по этому поводу Бурлетонъ доказываетъ статистикой, что парламентаризмъ одинъ изъ самыхъ могущественныхъ элементовъ долговѣчности въ наше время. Такъ средняя цифра жизни членовъ конвента, самаго бур-

¹⁾ *La Longévité des parlementaires, par Edgar Bourloton. La Vie Contemporaine, 1 decembre 1895.*

наго изъ французскихъ представительныхъ собраній, составляла 69 лѣтъ, тогда какъ въ то время французы среднимъ числомъ жили не далѣе 30 лѣтъ, а пятеро изъ нихъ умерло, достигнувъ самаго престорѣлаго возраста, отъ 89 до 97 лѣтъ. Въ парламентѣ 1815 года, при бурбонахъ, средняя цифра жизни для депутатовъ достигла до 74 лѣтъ, тогда какъ для всей Франціи эта цифра не превышала 32 лѣтъ, а изъ числа 378 членовъ этого парламента 87 умерли на девятомъ десяткѣ, а 18—на десятомъ. Многіе члены національнаго собранія 1848 года еще живы до сихъ поръ и если бы они всѣ умерли въ настоящее время, то средняя цифра жизни для тогдашнихъ депутатовъ достигла бы 71 года, тогда какъ средняя жизнь современнаго француза 31 годъ. Въ числѣ самыхъ старыхъ изъ этихъ депутатовъ 1848 года находились только что умершіе Бартелеми Сентъ-Илеръ 90 лѣтъ и баронъ Гекернъ, убійца Пушкина, 83 лѣтъ. Настоящій парламентъ также имѣетъ въ своихъ рядахъ не малое число маститыхъ старцевъ; такъ сенаторамъ Жюлю Симону—81 годъ, Барту—82 года и Эмануэлю Араго—83, а депутатамъ Пьеру Блану—89 лѣтъ, и Вуазену—82. Вообще средняя цифра лѣтъ теперешнимъ сенаторамъ—62 года, а депутатамъ—50.

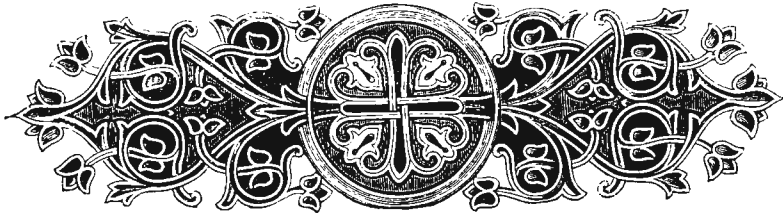
Если мы перейдемъ къ статьямъ французскихъ журналовъ, появившихся по случаю смерти Александра Дюма, то и тутъ мы увидимъ, что она возбудила специальный вопросъ, именно о литературной наслѣдственности. Дѣйствительно во всѣхъ литературахъ очень рѣдко у отцовъ писателей были сыновья писатели, но и тѣ примѣры, которые до сихъ поръ были, далеко не говорятъ въ пользу превосходства сыновей надъ отцами. Такъ известно, что у Софокла былъ сынъ поэтъ, у Расина второй сынъ писалъ стихи, у романиста Бульвера сынъ оказался авторомъ, у Лопе-де-Вега былъ сынъ поэтъ, да еще существовала цѣлая серія Троллоповъ, передававшихъ отъ отца къ сыну литературный талантъ. Новсе это примѣры не выдающіеся, и можно смѣло сказать, что Александры Дюма, отецъ и сынъ, первые, въ какой бы то ни было литературѣ, представили образецъ перехода отъ отца къ сыну первокласснаго литературнаго таланта одной и той же категоріи. Въ настоящее время есть еще одинъ подобный примѣръ во французской литературѣ: сынъ знаменитаго романиста Альфонса Додэ, Леонъ, написалъ уже нѣсколько романовъ, обратившихъ на себя общее вниманіе, и обнаруживающихъ въ немъ несомнѣнный беллетристическій талантъ. Но во всякомъ случаѣ еще рано сказать, превзойдетъ ли онъ своего отца, какъ авторъ «Дамы съ камеліями» превзошелъ творца Монтекристо. Что касается до литературныхъ характеристикъ и біографическихъ очерковъ только что умершаго Александра Дюма, то слѣдуетъ указать на *Revue Encyclopedique*, посвятившее ему цѣлый номеръ отъ 15 декабря ¹⁾, и на статью о немъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія въ послѣднемъ французскомъ кабинетѣ, Реймона Пуанкарэ ²⁾. Конечно, отличительный, характеръ всѣхъ этихъ отзывовъ—чрезмѣрный, излишній и несправедливый дифирамбъ въ честь покойнаго писателя, которому почему-то нѣсколько поколѣній французовъ поклонялось, какъ великому драматургу и нравственному проповѣднику, хотя въ сущности онъ былъ только ловкимъ соста-

¹⁾ Alexandre Dumas fils, etudes par E. Faguet, H. Castets et H. Lapauze. *Revue Encyclopedique*, 15 decembre, 1895.

²⁾ Alexandre Dumas, par Raymond Poincaré. *Revue de Paris*, 15 decembre 1895.

вителимъ эффектныхъ пьесъ, авторомъ посредственныхъ романовъ и составителемъ самыхъ бессмысленныхъ брошюръ по общественнымъ вопросамъ. Что касается до его прославленной дѣятельности въ качествѣ общественнаго моралиста, врагъ безнравственности и падшихъ женщинъ, онъ, однако, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ водворенію на современной французской сценѣ кокотокъ и адюльтеровъ. Но это не мѣшало ему самому вмѣстѣ съ тѣмъ быть очень добрымъ и хорошимъ человѣкомъ, любить свою мать—простую швею и отца—геніальнаго рассказчика, но легкомысленнѣйшаго изъ людей, а равно быть буржуазнымъ семьяниномъ, отцомъ двухъ дочерей и мужемъ сначала Надежды Нарышкиной, а потомъ, за вѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, Генриеты Ренье, дочери извѣстнаго актера. Онъ умеръ 71 года и очень характерно завѣщать, чтобы его хоронили безъ священниковъ, солдатъ (на что онъ имѣлъ право, какъ кавалеръ Почетнаго Легіона) и рѣчей, что и было исполнено. Кромѣ того, онъ запретилъ, въ своемъ завѣщаніи, издавать оставшія послѣ него рукописи. Но наврядъ ли его послушаются въ этомъ отношеніи, такъ какъ онъ уже давно ничего не печаталъ, а извѣстно, что въ послѣдніе годы онъ работалъ надъ двумя пьесами: *Les Nouvelles Couches* и *La Troublante*.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Политическіе ссылки въ Туруханскомъ краѣ.

ИЛЬНЫЕ ПОЖАРЫ, бывшіе въ началѣ восьмидеся-
тихъ годовъ въ Восточной Сибири, истребили ббльшую
часть архивовъ мѣстныхъ присутственныхъ мѣстъ,
такъ что для современнаго изслѣдователя сибирской
старины представляются крайне скудныя свѣдѣнія,
которыми мы и дѣлимся съ нашими читателями по
данному вопросу.

Но прежде, чѣмъ говорить о политическихъ ссыл-
ныхъ, считаемъ нелишнимъ познакомить съ самимъ
Туруханскимъ краемъ. Край этотъ находится на сѣ-
верѣ Енисейской губерніи, подѣ 65' 55" сѣверной ши-
роты и 105' 18" восточной долготы, и граничитъ на
сѣверѣ — Ледовитымъ океаномъ, на югѣ — Енисейскимъ округомъ, на во-
стокѣ — Якутскою областью и Иркутскою губерніею и на западѣ — Тоболь-
скою и Томскою губерніями, занимаетъ 1.616.374,6 квадратныхъ верстъ,
т. е. почти двѣ трети всей Енисейской губерніи. Туруханскій край, по
своей отдаленности отъ болѣе населенныхъ частей губерніи и по неудоб-
ству сообщенія даже и въ настоящее время мало извѣстенъ и почти не
изслѣдованъ; главные въ немъ жители: инородцы, крестьяне и ссылки.

Первымъ политическимъ ссылкой былъ князь Федоръ Шаховской,
сосланный въ Сибирь на поселеніе въ 1826 году безсрочно; но затѣмъ
послѣдовалъ высочайшій указъ его императорскаго величества, данный
правительствующему сенату 22 августа 1826 года, слѣдующаго содержанія:
«По разсмотрѣніи доклада, отъ верховнаго уголовного суда намъ подне-
сеннаго 10 іюля сего года, оному суду даннымъ, смягчили мы уже опре-
дѣленные государственнымъ преступникамъ наказанія. По чувствамъ

милосердія, желая въ сей торжественный для насъ и Россіи день облегчить еще болѣе жребій сихъ преступниковъ, повелѣваемъ сосланнаго въ Сибирь на поселеніе безсрочно, Шаховского, оставить на поселеніи на двадцать лѣтъ». Шаховской прибылъ въ Сибирь и поселенъ въ Туруханскій край въ декабрѣ 1826 года и скоро расположилъ къ себѣ мѣстныхъ жителей ссудою ихъ деньгами, также совѣтами своими къ разведенію картофеля и огородныхъ овощей, лѣченіемъ, обученіемъ дѣтей грамотѣ (впослѣдствіи это было запрещено политическимъ ссыльнымъ) и вообще участіемъ къ улучшенію ихъ быта. Въ мартѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года въ Туруханскій край былъ перемѣщенъ изъ Якутска Бобрищевъ-Пушкинъ, который съ самаго начала своего пребыванія былъ признанъ мѣстными полицейскими властями помѣшаннымъ; по донесенію окружнаго начальника, онъ страдалъ ипохондріею отъ находящейся въ немъ черно-желчной болѣзни (?), отъ понесеннаго имъ наказанія, раскаянія въ своемъ преступленіи и отъ крайней нищеты. Эти причины сдѣлали то, что онъ одичалъ, пересталъ мыться и отростилъ себѣ бороду. Все его занятіе состояло въ ежедневномъ хожденіи въ церковь ко всѣмъ службамъ и чтенія книгъ священнаго писанія. Всѣ имѣвшіяся у него деньги и платья онъ роздалъ бѣднымъ и на вопросъ окружнаго начальника, для чего онъ это дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ: «я посельщикъ, къ чему мнѣ, я долженъ сносить теперь участь свою, такъ какъ заслужилъ ее, я наказанъ государемъ за мое преступленіе, и нѣтъ мнѣ надежды на прошеніе». За симъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ 20 іюня 1827 года сообщилъ енисейскому губернатору, что его императорское величество высочайше повелѣтъ соизволилъ состоящаго на поселеніи въ Туруханскѣ князя Шаховского поселить въ какомъ либо иномъ городѣ ввѣренной ему губерніи. Сообщая объ этомъ для исполненія туруханскому отдѣльному приставу, губернаторъ добавляетъ, чтобы Шаховской былъ отправленъ въ городъ Красноярскъ съ тѣмъ, чтобы онъ отнюдь ни въ чемъ не терпѣлъ, ибо на сіе есть высочайшая государя императора воля. Бобрищевъ-Пушкинъ же, оставшись одинъ, еще болѣе казался помѣшаннымъ, и, по донесенію пристава, онъ сталъ бѣгать по комнатѣ, размахивая руками, то долгое время молчитъ, уткнувшись въ уголъ, и даже сталъ обнаруживать признаки безпокойнаго помѣшательства; но въ слѣдующемъ году его здоровье поправилось, и онъ, согласно заявленному желанію, въ мартѣ 1828 года былъ принятъ въ туруханскій Троицкій монастырь; но въ іюнь того же года игумень этого монастыря Аполосъ донесъ о причиненныхъ ему Бобрищевымъ-Пушкинымъ «безчеловѣчныхъ поступкахъ», за что онъ былъ переведенъ въ Енисейскій Спасскій монастырь, и что случилось съ нимъ, изъ дѣлъ Турханскаго края не видно.

Въ іюнь 1828 года въ Туруханскъ прибыли новые ссыльные: Николай Лиссовскій, Сергѣй Кривцовъ и Иванъ Абрамовъ, которые для жительства наняли домъ мѣщанки Скорняковой за 60 р. въ годъ. Изъ нихъ Кривцевъ въ маѣ 1829 года былъ переведенъ въ г. Красноярскъ. Оставшимся на жительствѣ въ Туруханскѣ Лиссовскому и Абрамову съ высочайшаго разрѣшенія дозволено было въ 1831 г. заниматься торговыми оборотами въ Туруханскомъ краѣ, для чего ѣздить для покупки хлѣба и другихъ припасовъ въ Енисейскъ. Въ 1833 году Лиссовскій женился на дочери мѣстнаго протоіерея Алексѣя Петрова—Платонидѣ.

Ссылные, судя по получаемымъ денежнымъ письмамъ, жили безбѣдно, за исключеніемъ Бобринцева-Пушкина, который за все время ссылки получилъ лишь сто рублей ассигнаціями.

Д. Лазаревъ.

Царскій кучеръ.

Въ 1870 годахъ, когда отецъ мой состоялъ въ должности церковнаго старосты Соловьевской Свято-Николаевской церкви (Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губ.), и въ панскомъ лѣсу помѣщалась церковная пасѣка, въ которой пасѣчникомъ былъ мѣстный крестьянинъ Меѳодій Деревянченко, по уличному Цапко, мнѣ довелось быть по дѣлу у сказаннаго пасѣчника. Въ куренѣ Меѳода было чисто, какъ въ хатѣ, была также и божница, на которой стояли двѣ иконы: одна Зосимы Соловецкаго—обыкновенная принадлежность крестьянскихъ пасѣкъ, покровителемъ которыхъ считается преп. Зосима Соловецкій, который и рисуется стоящимъ среди пасѣки и окропляющимъ пчелокъ святою водою; другая икона святителя Николая чудотворца Мврѣ-Ликійскихъ. Икона Зосимы—произведеніе кисти моего родителя, мѣстнаго крестьянина Прокопія Лукина Савченка, икона же святителя Николая Фряжской иконописи: обѣ сказанныя иконы были украшены свѣжими лѣсными цвѣтами, при чемъ на полочкѣ предъ иконою святителя Николая лежали бѣлыя перчатки, что меня весьма заинтересовало, такъ какъ старику-крестьянину, какимъ былъ Меѳодъ Цапко, перчатки были вещь совсѣмъ ненужной. На мой вопросъ: зачѣмъ у святой божницы лежатъ перчатки?—старикъ Меѳодъ отвѣтилъ:

— А, то моя святыня!...

— Какая такая святыня?

— У тыхъ палаткахъ я возывъ императора Николая Павловича, бувъ царскимъ кучеромъ, у тыхъ палаткахъ я получывъ одъ его величества и шість сребныхъ карбованцивъ...

— Ну?... Въ самомъ дѣлѣ?... Давно это было?...

— А було сее въ конці сороковыхъ годівъ, якъ не ошибаюсь; тоді я бувъ кучеромъ у пана Михайловскаго ¹⁾. Ну, тоді произжавъ императоръ Николай Павловичъ почтовымъ трахтомъ на городъ Радомысль; ото панъ Михайловскій и высловъ мене кочею (экипажемъ), щобъ я одъ Кочерева (почтовая станція) визъ царя, ну, и приказавъ мені, щобъ я якъ буду везты царя, до щобъ надівъ на руки білы палатцы, оці самы (сказаль, Меѳодъ, указывая на перчатки, хранившіяся у иконы св. Николая), мені давъ ихъ симъ панъ Михайловскій. Ну, ото ѣ надівъ я тиі палатки, якъ везъ царя. Якъ привезъ я царя на станцію, до царъ звелевъ позвать мене на станцію. Якъ увыйшовъ я у ту комнату, дѣ бувъ царъ, до заразы упавъ навколяшки (на колѣни), але царъ заразы сказавъ: «встанъ, мужичокъ!» Я вставъ, тоді царъ мене пытае:

— Скажи мужичокъ, что тебѣ милѣе всего на свѣтѣ?...

¹⁾ Образъ Павловичъ Михайловскій, бывший владѣлецъ с. Соловьевки и попечитель кіевской 1-й гимназіи.

— Богъ, отечество и царь,—одвѣтивъ я царю,—бо такъ мене маты навчила змалечку (въ малолѣтствѣ).

— Молодецъ!—похвалывъ мене царь и давъ мені три сребныхъ карбованці.

— Ну, теперъ скажи, на что ты употребишь эти деньги?—спытавъ ще мене царь.

— На молитву и добрыя дѣла: одного рубля дамъ попу, щобъ одслужывъ молебень за здоровье вашего величества; за другого рубля куплю икону святителя Николая — патрона вашего величества, а на третьего куплю паньскимъ осавуламъ водки...

— Постой, постой голубчикъ; а развѣ доброе дѣло покупать осавуламъ водку?... перебивъ мене царь.

— Звисно добре, коли я загоджу ихъ, щобъ не били моей матери на панщынѣ...

— Твоя правда, мужичокъ!... Такъ вотъ же тебѣ еще три рубля, покупай водку осавуламъ, лишь бы не били твоей доброй матери, которая, можетъ быть, и дождетъ вольности и свободы... сказалъ тогда царь и давъ мені еще три сребныхъ карбованці. Тоді я поклонывсь царю въ ноги, а царь и каже:

— Ну, поѣзжай, братецъ, домой; дай Богъ тебѣ и твоей матери дождаться свободы, о которой я всегда думаю, которой желаю и которая будетъ для васъ непремѣнно...

— Ото жъ той образъ св. Николая, который я купывъ за царского корбованця, ото тыи й палчатки, въ которыхъ я возывъ царя и въ которыхъ я получаю отъ царя подарокъ — шесть сребныхъ карбованцівъ,—сказаль Меоодъ, указывая на образъ св. Николая и лежація передъ нимъ перчатки.—Посли того мени и прозвали Цапко, нибыто кацапъ¹⁾... добавилъ Меоодъ.

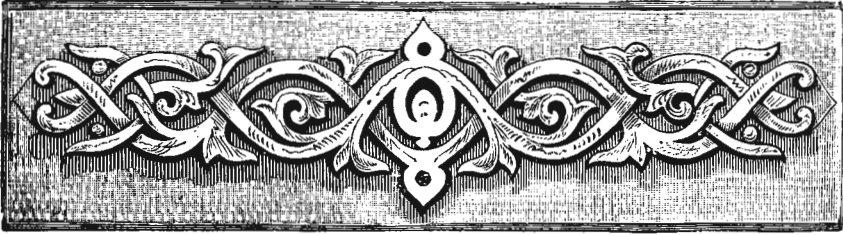
— Кто же тебя прозваль?

— Польскы панкы, бовоны бачете не любылы руськыхъ людою. Тыи панки ви булы слугы пана Мыхаловскаго, —сказаль въ заключеніе своего рассказа старый пастѣчникъ, Цапко. Впослѣдствіи я узналь, что перчатки, въ которыхъ Меоодъ возилъ царя, были положены въ гробъ Меоода, согласно его волѣ.

Крестьянинъ Иваиъ Савченко.

¹⁾ Кацапъ—русскій мужикъ изъ великороссійскихъ губерній.

С М Ъ С Ъ.

ОТКРЫТИЕ памятника императору Александру III въ фортѣ Александровскомъ состоялось 22-го октября. Памятникъ сооруженъ въ воспоминаніе хивинскаго похода. Онъ отлитъ изъ чугуна на Воткинскомъ заводѣ, имѣеть видъ колонны и увѣнчанъ бюстомъ императора Александра III. По двумъ сторонамъ четырехугольнаго основанія на металлическихъ доскахъ изображены имена и фамиліи чиновъ Мангышлакскаго отряда, участвовавшихъ въ хивинскомъ походѣ, въ томъ числѣ и М. Д. Скобелева; на третьей сторонѣ вырѣзано стихотвореніе; на четвертой — надпись: «сей памятникъ сооруженъ по иждивенію и на собственные средства бывшаго старшаго врача Мангышлакскаго отряда Ивана Одиховскаго». Памятникъ поставленъ на отдѣльной горѣ къ юго-западу отъ крѣпости, въ близкомъ отъ нея разстояніи.

Открытие памятника стрѣлку Степану Яковлеву въ Мурза-Рабатѣ состоялось 6-го августа. Памятникъ этотъ воздвигнуть для увѣковѣченія слѣдующаго событія. Безсрочно-отпускной 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, поступившій на службу въ 1863 году изъ крестьянъ Псковской губерніи, Порховскаго уѣзда, Яковлевъ, былъ старостой на ст. Мурза-Рабатъ во время кокандскихъ безпорядковъ въ августѣ 1875 г. 5-го августа къ нему прискакали ямщики съ извѣстіемъ, что къ Мурза-Рабату движется огромная толпа кокандцевъ. Они ускакали на почтовыхъ лошадахъ дальше, несмотря на требованія Яковлева остаться, и уговаривали его сдѣлать то же. Яковлевъ имѣлъ полную возможность спастись бѣгствомъ; у него нашлось во всякомъ случаѣ достаточно времени по отбѣдѣ ямщиковъ чтобы забаррикадировать станціонныя ворота, заложить окна и двери и приготовиться къ оборонѣ. Сознательно рѣшившись защищать свой постъ до послѣдней крайности, храбрый стрѣлокъ не поддался и на хитрости азіатовъ, пытавшихся всевозможными

способами и обѣщаніями выманить его со станціи послѣ того, какъ его мѣткія пули охладили пылъ перваго ихъ натиска. Станція Мурза-Рабать находилась тогда на южной сторонѣ дороги. Она стояла на открытомъ мѣстѣ и никакихъ построекъ вокругъ себя не имѣла. Обстоятельство это весьма, конечно, благопріятствовало оборонѣ. Кокандцы ограничивались перестрѣлкой, приносившей вредъ только имъ однимъ. Когда стемнѣло, они бросились на станцію, стараясь выбить ворота, что имъ отчасти и удалось. Яковлевъ отразилъ натискъ, причемъ два или три смѣльчака были имъ заколоты штыкомъ у самыхъ воротъ. Въ теченіе наступающей затѣмъ ночи нападающіе ограничивались стрѣльбой въ проломъ, сдѣланный ими въ воротахъ, чтобы Яковлевъ не имѣлъ возможности задѣлать его. На слѣдующій день, 6-го августа, кокандцы привезли изъ окрестныхъ ауловъ сухой клеверъ и стали бросать зажженные снопы его во дворъ станціи и къ ея воротамъ. Яковлевъ, спасаясь отъ огня, заперся въ самомъ зданіи, но кокандцы пробрались на крышу и, продѣлавъ въ ней отверстіе, спускали горѣвшіе снопы внутрь зданія. Отважный защитникъ станціи рѣшился тогда на послѣднее средство, которое ему оставалось: онъ бросился къ каменной постройкѣ надъ родникомъ находившейся шагахъ въ 40. Яковлеву пришлось пробиваться чрезъ вражескую толпу, окружавшую горѣвшее зданіе, — и въ 15 шагахъ отъ цѣли герой палъ, изрубленный шашками, успѣвъ, однако, уложить еще нѣсколько человѣкъ. Отрубленную голову его кокандцы увезли съ собой, а истерзанный трупъ оставили на мѣстѣ. Впослѣдствіи на этомъ же мѣстѣ тѣло Яковлева было предано землѣ. Въ 1877 г. надъ могилой былъ воздвигнутъ болѣе чѣмъ скромный памятникъ, жалкій видъ остатковъ котораго побудилъ «Окраину» въ нѣсколькихъ словахъ выразить надежду, что сослуживцы покойнаго не допустятъ могилѣ его сравниться съ землей, которую онъ обогатилъ своею кровью. Немедленно же офицеры и нижніе чины 3-го Туркестанскаго баталіона, съ командиромъ во главѣ, составили подписку и съ наступленіемъ текущей весны было приступлено къ постройкѣ новаго надгробнаго памятника. Утромъ 6-го августа состоялось торжественное его освященіе священникомъ туркестанской стрѣлковой бригады въ присутствіи представителей отъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона. Памятникъ представляетъ собой глыбу гранита, стоящую на пьедесталѣ изъ четырехъ такихъ же глыбъ, внутреннія стороны которыхъ притесаны другъ къ другу и соединены цементомъ. На цоколѣ утверждены каменный крестъ, имитация деревяннаго изъ двухъ обрубковъ съ корой и сучьями. Общая высота памятника около пяти аршинъ. Лицевая его сторона обращена на югъ, къ дорогѣ. У подножія, въ нѣсколько наклонномъ положеніи, укрѣплена связанная цементомъ плита отъ стараго памятника. Девять тумбъ изъ глубоко врытыхъ въ землю большихъ валуновъ окружаютъ памятникъ, обведенный кругомъ канавой. На черной чугунной доскѣ золотыми буквами выведена надпись: «Стрѣлку Степану Яковлеву, доблестно павшему 6-го августа 1875 года послѣ двухдневной защиты имъ ст. Мурза-Рабать противъ шайки кокандцевъ. — Офицеры и стрѣлки 3-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона 1895 года».

Освященіе памятника профессору Н. И. Нерсесову. 15-го октября на Ваганьковскомъ армянскомъ кладбищѣ въ Москвѣ былъ освященъ памятникъ, сооруженный на могилѣ профессора Московскаго университета Н. И. Нерсесова. Въ 10 часовъ утра въ армянской Крестоваздвиженской церкви въ Армянскомъ переулкѣ совершена была заупокойная литургія, а по окончаніи ея — панихида. Затѣмъ въ 2 часа дня на кладбищѣ у могилы покойнаго отслужена была панихида, и совершенно освященіе памятника въ присутствіи помощника ректора Московскаго университета Н. А. Звѣрева, предсѣдателя московскаго юридическаго общества С. А. Муромцева,

нѣкоторыхъ профессоровъ университета, студентовъ, родныхъ покойнаго и членовъ армянской колоніи. Памятникъ представляетъ невысокую четырехгранную колонну изъ темнаго мрамора, увѣнчанную золотымъ крестомъ. На лицевой сторонѣ памятника помѣщенъ за стекломъ портретъ Н. І. Нерсесова, окруженный вѣнкомъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Подъ портретомъ золотыми буквами на армянскомъ языкѣ сдѣлана надпись слѣдующаго содержания: «Нерсесъ Іосифовичъ Нерсесовъ, профессоръ императорскаго Московскаго университета. Родился 20-го апрѣля 1848 г., скончался 14-го марта 1894 г.». Такая же надпись на русскомъ языкѣ сдѣлана на задней сторонѣ памятника, который украшенъ живыми цвѣтами и пальмовыми вѣтвями и окруженъ многочисленными вѣнками, возложенными на могилу покойнаго при его похоронахъ. Надъ памятникомъ возвышается шатеръ изъ металлической сѣтки съ желѣзной крышей, увѣнчанной вызолоченнымъ крестомъ.

Освященіе памятника на могилѣ А. Н. Плещеева. 26-го сентября, въ день кончины Алексѣя Николаевича Плещеева, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ происходило освященіе памятника, воздвигнутаго на его могилѣ. Въ 10 часовъ утра въ Успенской церкви монастыря началась заупокойная литургія, совершенная мѣстнымъ духовенствомъ при пѣніи хора монахинь, въ присутствіи многочисленныхъ почитателей покойнаго. Въ числѣ собравшихся на торжество присутствовали: нѣсколько профессоровъ университета, представители печати, члены семьи покойнаго, много учащейся молодежи и др. Послѣ литургіи бывшіе въ храмѣ перешли къ могилѣ поэта, гдѣ, по совершеніи панихиды, открытъ былъ вновь воздвигнутый памятникъ, съ большимъ мраморнымъ бюстомъ поэта, изготовленнымъ въ Парижѣ скульпторомъ Бернштамомъ. Памятникъ окружала масса металлическихъ вѣнковъ, возложенныхъ на могилу поэта еще при его похоронахъ, и нѣсколько новыхъ — отъ общества любителей россійской словесности «Дѣйствительному члену Алексѣю Николаевичу Плещееву», отъ журнала «Родина» — «Незабвенному другу души человѣка», нѣсколько вѣнковъ отъ членовъ семьи покойнаго. Послѣ панихиды предсѣдатель общества любителей россійской словесности проф. Н. И. Стороженко произнесъ рѣчь. Затѣмъ однимъ изъ присутствующихъ произнесены были стихи въ память А. Н. Плещеева. Управляющій шанталовской (Рославскаго уѣзда) сельской школой, сооруженной на средства покойнаго и поддерживаемой его семьей, г. Рыковъ, высказалъ сардечную благодарность отъ всѣхъ учащихся и учащихся этой школы.

Семьдесятипятилѣтіе михайловской артиллерійской академіи и училища. 25 ноября, въ день 75-лѣтія своего существованія, михайловское артиллерійское училище собрало въ стѣнахъ своихъ болѣе тысячи прежнихъ и нынѣшнихъ питомцевъ. Въ числѣ старѣйшихъ генераловъ находились товарищи генераль-фельдцейхмейстера, генераль-адъютантъ Софіано, генералы Рѣзвый, Фадѣевъ, Пашиловъ, академикъ Дубровинъ, заслуженный профессоръ Чебышевъ, члены артиллерійскаго комитета и начальники артиллерійскихъ частей; въ числѣ бывшихъ артиллеристовъ находился предсѣдатель комитета министровъ, статсъ-секретарь Дурново, начальникъ главнаго казачьяго управленія генераль Бунаковъ, главный военный прокуроръ генераль Масловъ, начальникъ николаевской инженерной академіи и училища генераль Шильдеръ, директоры кадетскихъ корпусовъ, с.-петербургскій градоначальникъ и проч. Въ церкви совершенна литургія и молебствіе, за которымъ возглашены царское многолѣтіе, вѣчная память почившимъ императорамъ и великому князю Михаилу Павловичу, а также воинамъ за вѣру, царя и отечество, животь свой на полѣ брани положившимъ, и многолѣтіе начальствующимъ, учащимъ и учащимся. Въ церкви не могли вмѣститься всѣ артиллеристы, и новая

пристройка подлѣ церкви была сплошь заполнена офицерствомъ; въ самой церкви стояли лишь генералы и юнкера. Въ строю этихъ послѣднихъ находился въ первый разъ новый артиллерійскій юнкеръ, великій князь Андрей Владиміровичъ. Къ богослуженію прибылъ въ училище августѣйшій генераль-фельдцейхмейстеръ генераль-фельдмаршалъ великій князь Михаилъ Николаевичъ съ сыномъ великимъ княземъ Сергіемъ Михайловичемъ, ихъ высочества герцоги Георгъ Георгіевичъ и Михаилъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкіе. Августѣйшаго генераль-фельдцейхмейстера встрѣтилъ начальникъ академіи и училища генераль Демьяненко. Послѣ богослуженія всѣ прошли въ большую залу, гдѣ юнкера были выстроены противъ эстрады, а на эстрадѣ находился хоръ и духовой оркестръ изъ юнкеровъ же. Великій князь Михаилъ Николаевичъ, войдя въ залу, поздоровался съ юнкерами и передалъ имъ поздравленіе государя. Раздалось ура, хоръ на эстрадѣ запѣлъ «Боже царя храни» и исполнилъ молитву «Днесъ благодать св. Духа». Начальникъ академіи и училища прочиталъ высочайшій приказъ по артиллерійскому вѣдомству съ назначеніями и наградами. Сопровождавшее это чтеніе «ура» замѣнилось звуками гимна, исполненнаго хоромъ духовыхъ инструментовъ. Затѣмъ инспекторъ училища г. м. Гукъ прочиталъ статистическія свѣдѣнія о дѣятельности академіи и училища за 75 лѣтъ ихъ существованія. Очеркъ этой дѣятельности представилъ затѣмъ самъ начальникъ, генераль Демьяненко, указавъ, сколько администраторовъ, ученыхъ вышло изъ училища и какія существенныя изобрѣтенія внесли артиллеристы въ военное дѣло. Ими разработаны почти всѣ вопросы по веденію войны и всѣ усовершенствованія до новаго ружья, которымъ вооружается теперь наша армія, включительно. Заведеніе давало и храбрыхъ воиновъ, и свѣдущихъ офицеровъ, и людей, самоотверженно служащихъ дѣлу, жертвующихъ жизнью, какъ капитанъ Пампушко. Генераль пожелалъ въ заключеніе, чтобы училище заслужило отъ нынѣ царствующаго государя такія же милости, какія были оказаны ему въ Бозѣ почивающимъ императоромъ Александромъ III. «Да здравствуетъ нашъ государь-артиллеристъ, нашъ почетный президентъ академіи—ура!»—провозгласилъ генераль. «Ура» было возгласлено затѣмъ въ честь великаго князя Михаила Николаевича. Благодарностью присутствующимъ, посѣтившимъ праздникъ, генераль закончилъ свою рѣчь. Августѣйшій генераль-фельдцейхмейстеръ поздравилъ присутствовавшихъ съ праздникомъ, высказавъ, что вѣчная память останется почившимъ, честь и слава всѣмъ дѣятелямъ, — «а молодежь, — сказалъ великій князь, обращаясь къ юнкерамъ, — я увѣренъ, поддержитъ честь и славу и нашего оружія, и нашего прекраснаго заведенія». Въ одной изъ аудиторій по исконному обычаю гостямъ былъ предложенъ «праздничный пирогъ». Въ 5½ часовъ состоялся товарищескій обѣдъ въ Сѣверной гостинницѣ. День торжества закончился вечернимъ концертомъ юнкеровъ въ присутствіи августѣйшаго почетнаго вице-президента и августѣйшихъ почетныхъ членовъ академіи, а также многихъ высокопоставленныхъ лицъ. Въ десять часовъ вечера начался оживленный и многолюдный балъ.

Пятидесятлѣтіе пятой гимназіи праздновалось 2-го октября. Зданіе гимназіи было съ утра убрано флагами. Лѣстницы были убраны коврами и растеніями. Гимназисты были построены съ трехъ сторонъ шпалерами въ малой актовомъ залѣ, гдѣ въ присутствіи многочисленныхъ гостей преосвященный Іоаннъ, епископъ нарвскій, новый ректоръ С.-Петербургской духовной академіи, въ сослуженіи настоящихъ и бывшихъ законоучителей гимназіи, совершилъ благодарственное молебствіе съ обычными многолѣтіями; пѣли гимназисты. Изъ малаго зала послѣ молебна присутствовавшіе прошли по коридорамъ, среди шпалеръ гимназистовъ, въ большую актовую залу. На эстрадѣ передъ портретами трехъ послѣднихъ императоровъ, обста-

вленной растеніями, заняли мѣста министр народнаго просвѣщенія статсъ-секретарь гр. И. Д. Деляновъ, преосвященный Іоаннъ, попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа т. с. Капустинъ. На эстрадѣ же заняли мѣста директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія т. с. Аничковъ, помощникъ попечителя д. с. с. Лаврентьевъ, д. с. с. Мохначевъ, Муромцевъ, педагогическій совѣтъ гимназіи. На торжествѣ присутствовали членъ ученаго комитета министерства т. с. Лемоніусъ и прочіе директора гимназій и реальныхъ училищъ. Въ глубинѣ залы помѣстился оркестръ гимназистовъ, который и открытъ актъ исполненіемъ «Коль славенъ», съ пѣніемъ хора. Затѣмъ г. Ивановъ прочиталъ извлеченіе изъ обстоятельно составленной имъ исторической записки. Хоръ воспитанниковъ, управляемый г. Федоровымъ, подъ акомпаниментъ на роялѣ преподавателя г. Эльмана, исполнилъ русскую народную пѣсню «Слава». Преподаватель гимназіи г. Дюковъ произнесъ рѣчь о дѣятельности гимназіи. Оркестръ гимназистовъ исполнилъ юбилейный маршъ преподавателя музыки г. Кадлеца, послѣ чего начался приемъ адресовъ. Первые привѣтствовали свою alma mater бывшіе ученики депутаціей (профессоръ Бородинъ, гг. Раевскій и Гедда); они представили капиталъ для выдачи процентовъ бѣднѣйшимъ оканчивающимъ курсъ ученикамъ. Затѣмъ гимназіи—1-я, 2-я, 3-я, 4-я (Ларинская), 6-я, 10-я и гимназія Человѣколюбиваго общества привѣтствовали 5-ю гимназію адресами; читались привѣтственные телеграммы отъ другихъ учебныхъ заведеній и учениковъ гимназіи; въ числѣ ихъ отъ профессора Васильева и отъ нашего императорскаго консула въ Китаѣ. Директоръ гимназіи д. с. с. Янко въ своей рѣчи сообщилъ нѣкоторыя данныя объ успѣхахъ учениковъ. За время установленія аттестатовъ зрѣлости изъ 517 учениковъ 391 получили аттестаты. Въ послѣдній годъ всѣ 28 учениковъ 8-го класса кончили съ этими аттестатами. Послѣдовала раздача наградъ за минувшій учебный годъ. Затѣмъ слѣдовали награды и похвальные листы переходящимъ изъ класса въ классъ. Награды выдавалъ министр, а преосвященный благословлялъ награждаемыхъ. Актъ закончился исполненіемъ хоромъ и оркестромъ гимназіи гимна. Въ 5 час. въ залахъ гимназіи состоялся обѣдъ подъ звуки оркестра петербургскихъ пожарныхъ. Графъ Деляновъ провозгласилъ тостъ за государя императора и императорскую фамилію, за митрополита Палладія, преосвященнаго Іоанна, за попечителя округа и за гимназію; были подняты бокалы за министра, за преподавателей. Въ живой рѣчи изложилъ свои воспоминанія о бывшихъ учителяхъ гимназіи ея ученикъ т. с. Раевскій и просилъ почтить вставаніемъ память добрыхъ дѣятелей. Помощникъ попечителя округа д. с. с. Лаврентьевъ очертилъ идеаль учителя, его святое призваніе, и поднялъ бокалъ за всѣхъ тружениковъ дѣла образованія во всей Россіи. Гимназистовъ министр на два дня освободилъ отъ занятій въ память юбилея.

Пятидесятилѣтіе Михайловскаго Воронежскаго кадетскаго корпуса было торжественно отпраздновано въ Воронежѣ 8-го ноября. Еще въ 1834 году воронежское дворянство обращалось съ ходатайствомъ объ открытіи въ Воронежѣ кадетскаго корпуса, предлагая употребить на это собранную имъ по подпискѣ сумму, около 700,000 рублей. Но какъ ни значительно представлялась на первый взглядъ эта сумма, все же она далеко недостаточна была для постройки и надлежащаго обезпеченія такого учрежденія, какъ кадетскій корпусъ, и посему ходатайство воронежскаго дворянства было тогда отклонено. Дѣло грозило, если не окончательно заглухнутъ, то, по крайней мѣрѣ, надолго затянуться; но въ средѣ воронежскаго дворянства нашелся человѣкъ, согласившійся пожертвовать потребную для учрежденія корпуса сумму. Это былъ одинъ изъ воронежскихъ помѣщиковъ — отставной генераль-маіоръ Николай Дмитриевичъ

Чертковъ. Въ 1836 году поступило отъ него заявленіе, что онъ жертвуетъ на устройство въ Воронежѣ кадетскаго корпуса и на его обезпеченіе 1.500,000 рублей и 1.000 душъ крестьянъ съ землей (послѣ Чертковъ вмѣсто этой тысячи крестьянскихъ душъ внесъ 500,000 рублей). Пожертвованіе было принято и дѣло закипѣло. 14-го сентября 1837 года, въ присутствіи великаго князя Михаила Павловича, заложено было главное зданіе, а 8-го ноября 1845 года корпусъ былъ торжественно открытъ и наименованъ «Михайловскимъ» въ честь великаго князя Михаила Павловича. Чертковъ былъ награжденъ чиномъ генераль-лейтенанта, орденомъ св. Анны 1 степени и утвержденъ почетнымъ попечителемъ корпуса († въ 1852 г.), первымъ директоромъ коего былъ воронежскій же дворянинъ полковникъ Винтуловъ. Черезъ три года было высочайше пожаловано корпусу знамя. Въ 1865 году корпусъ былъ преобразованъ, какъ и всѣ тогдашніе кадетскіе корпуса, въ военную гимназію и именовался Михайловскою Воронежскою военною гимназіей. Въ 1886 году всѣ военныя гимназіи, а въ томъ числѣ и Михайловская Воронежская, были переименованы въ корпуса, причѣмъ измѣненъ былъ ихъ курсъ, и обращено особенное вниманіе на специальную военную подготовку. 8 мая 1887 года Воронежскій Михайловскій корпусъ посѣтили въ Бозѣ почившій императоръ Александръ III съ государыней императрицей, тогда наслѣдникомъ цесаревичемъ, нынѣ благополучно царствующимъ государемъ императоромъ Николаемъ Александровичемъ и великимъ княземъ (нынѣ наслѣдникомъ цесаревичемъ) Георгіемъ Александровичемъ. За истекшіе 50 лѣтъ въ корпусѣ получило образованіе около 1,800 человекъ, изъ коихъ въ настоящее время находится на службѣ свыше 800 человекъ (въ чинѣ генераль-лейтенантовъ—5 и генераль-майоровъ—22). Многіе изъ питомцевъ корпуса со славой пали на полѣ битвы частью въ Крымскую, частью въ послѣднюю Турецкую кампанію. Имена этихъ доблестныхъ героевъ (13) на черныхъ мраморныхъ доскахъ записаны въ церкви корпуса. Особенно замѣчательнъ изъ этихъ героевъ поручикъ Данилевскій, который, въ одну изъ схватокъ въ послѣднюю кампанію, вмѣстѣ съ двумя офицерами, защищалъ послѣднее оставшееся въ отрядѣ орудіе, пока не былъ изрубленъ черкесами въ куски. Корпусъ насчитываетъ 8 «своихъ» георгіевскихъ кавалеровъ. Но не только на военномъ поприщѣ прославили себя питомцы Воронежскаго корпуса. Многіе по выходѣ изъ корпуса довершили свое образованіе въ высшихъ заведеніяхъ и затѣмъ посвятили себя различнымъ отраслямъ государственной и общественной службы и составили себѣ извѣстность своими трудами. Изъ числа таковыхъ, какъ умершихъ, такъ и понынѣ здравствующихъ, можно указать, напримѣръ, извѣстнаго натуралиста и изслѣдователя ботаники и геологіи Воронежскаго края Тарачкова, этнографа Павлова, редактора «Воронежскаго Сборника» и основателя «Воронежскаго Телеграфа» Малыхина, редактора «Филологическихъ записокъ» Хованскаго, редактора «Новаго Времени» Суворина, Де-Пуле, редактора «Артиллерійскаго Журнала» Ермолова, директора Киевскаго кадетскаго корпуса П. А. Алексѣева, заслуженнаго профессора Михайловской артиллерійской академіи Тахтарева, начальника Сестрорѣцкаго оружейнаго завода Мосина, Барсукова, Берга и др. Всѣ эти цифры и имена достаточно ясно говорятъ въ пользу благотворной дѣятельности корпуса. Торжество началось съ утра 7-го ноября заупокойною литургіей и панихидой по Чертковѣ, служившимъ въ корпусѣ и учившимся въ немъ. Въ самый же день праздника, 8-го ноября, въ богослуженіи приняли участіе епископы Анастасій, Воронежскій и Владиміръ, викарій Воронежской епархіи, съ многочисленнымъ духовенствомъ. При богослуженіи присутствовалъ главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній генераль-отъ-инфантеріи Махотинъ и многія почетныя лица. По окончаніи богослуженія, около часу попо-

лудни, сдѣланъ былъ небольшой отдыхъ, а затѣмъ кадеты были проведены въ сборный залъ, куда были приглашены и всѣ гости. Начался актъ. Поздравивъ съ юбилейнымъ праздникомъ, главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній прочиталъ телеграмму, полученную имъ утромъ отъ военного министра, слѣдующаго содержания: «Государь Императоръ поздравляетъ Михайловскій Воронежскій кадетскій корпусъ съ исполнившимся 50-лѣтнемъ, выражаетъ ему свое благоволеніе и признательность за воспитаніе людей, проникнутыхъ вѣрнопопуданническими чувствами, причеиъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ время, проведенное въ Михайловскомъ корпусѣ весной 1887 года». Въ концѣ телеграммы присоединено было поздравленіе и отъ самого военного министра. Громкое и долго несмолкавшее «ура» прогремѣло по корпуснымъ заламъ. Лишь только смолкли клики «ура», оркестръ кадетъ исполнилъ «Торжественный маршъ», соч. Рехакъ, написанный по случаю 50-лѣтняго юбилея, а хоръ пѣвчихъ исполнилъ «Хоръ въ гриднищѣ», изъ оперы Сѣрова «Рогнѣда». Затѣмъ на эстраду взошелъ директоръ корпуса генераль-маіоръ Рѣпинъ и, поздравивъ корпусъ съ юбилееиъ отъ имени великаго князя Михаила Николаевича, прочиталъ краткую исторію Михайловскаго кадетскаго корпуса, составленную къ юбилейному празднику. Окончаніе чтенія исторической записки было покрыто звуками «Финала» изъ оперы «Жизнь за Царя», исполненнаго соединенными силами хора пѣвчихъ и струннаго оркестра кадетъ. Къ эстрадѣ, между тѣмъ, приблизились депутаты, явившіеся для поздравленія. Первымъ подошелъ къ начальнику военно-учебныхъ заведеній губернаторъ В. З. Коленко. Выразивъ поздравленіе, онъ пожелалъ корпусу воспитывать не только воиновъ, но и истинныхъ христіанъ, а въ знакъ своихъ пожеланій вручилъ икону св. князя Владиміра, который вмѣстѣ съ воинственностію соединилъ въ себѣ равноапостольную святость. Послѣ губернатора благословилъ корпусъ иконою святителя Митрофана епископа Анастасій. Затѣмъ слѣдовало поздравленіе отъ донцовъ, отъ начальника Сестрорѣцкаго оружейнаго завода Мосина, какъ бывшаго кадета. Послѣдній подарилъ воспитавшему его корпусу въ изящномъ футлярѣ изобрѣтенное имъ ружье, которое въ настоящее время вводится въ русской арміи. Дворянство, городскія учрежденія и учебныя заведенія, какъ гражданскія, такъ и духовныя, выразили свои поздравленія: первыя—вещественными подношеніями, состоящими изъ драгоцѣнныхъ евангелій и креста, а послѣднія—сочувственными адресами, большинство которыхъ было вложено въ изящныя папки и украшено виньетками. Было прислано также поздравленіе отъ бывшаго законоучителя Воронежскаго кадетскаго корпуса, нынѣшняго ректора Московской духовной академіи, архимандрита Лаврентія, который благословилъ корпусъ иконою пр. Сергія. Въ концѣ привѣтствій было сказано нѣсколько сочувственныхъ словъ однимъ изъ престарѣлыхъ бывшихъ кадетъ Воронежскаго корпуса. На каждое привѣтствіе генераль-отъ-инфантеріи Махотинъ отвѣчалъ благодарностію, причеиъ, обратясь къ кадетамъ, приглашалъ ихъ выразить свою признательность громкимъ «ура». Когда окончился пріемъ депутацій, директоръ корпуса, взоида на эстраду, объявилъ, что къ настоящему юбилейному празднику прислано 115 поздравительныхъ телеграммъ и 25 писемъ. Изъ телеграммъ были прочитаны: отъ наказнаго атамана Святополкъ-Мирскаго и двухъ племянниковъ покойнаго «благодѣтеля» Черткова: егермейстера двора его величества Г. А. Черткова и дѣйствительнаго статскаго совѣтника М. И. Черткова, которые, выражая свои сожалѣнія, что не могли лично принести поздравленія, желали процвѣтанія корпусу на многіе годы. Въ заключеніе директоръ корпуса сказалъ, что сочувственное отношеніе къ корпусу, которое выражено отъ духовенства, городского управления, земскихъ учрежденій, разныхъ учебныхъ заведеній и другихъ, свидѣ-

тельствуетъ, что Михайлонскій кадетскій корпусъ, очевидно, заслужилъ это сочувствіе, и, обращаясь съ теплою рѣчью къ кадетамъ, завѣщаль имъ поддерживать добрыя традиціи заведенія и воспитывать въ себѣ чувство признательности. Актъ закончился гимномъ. Затѣмъ кадеты, порогно, прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній и почетныхъ гостей. Лишь только кончилось это шествіе, началось другое, совершенно импровизованное, приведшее всѣхъ въ восторгъ, — шествіе бывшихъ кадетъ, многіе изъ которыхъ, уже дряхлые старики, разбитые недугами и даже снявшие военную форму. По сигналу «къ столу» кадетамъ предложень былъ обѣдъ, на которомъ присутствовали и почетные гости, а послѣ кадетскаго обѣда сервированъ былъ обѣдъ почетнымъ гостямъ, бывшимъ кадетамъ и служащимъ въ корпусѣ. Участники обѣда, которыхъ было свыше 260 человекъ, размѣстились по аншлагамъ — указателямъ выпускровъ. Первый тостъ, произнесенный главнымъ начальникомъ за драгоцѣнное здоровье Государя Императора и за Императрицу Александру Ѳеодоровну, покрытый долго несмолкавшимъ «ура», открылъ цѣлый рядъ тостовъ и рѣчей. Обѣдъ закончился въ 6½ часовъ вечера. Съ 9 часовъ вечера въ корпусѣ начался юбилейный балъ. Къ началу его корпусъ, по наружному фасаду весь иллюминированный разноцвѣтными фонарями и газowymi вѣздами, представлялъ рѣдкую картину. Внутреннее убранство корпуса тропическими растеніями, хвоеми, оружіемъ, гербами и флагами неволью обращало на себя вниманіе. Балъ, открытый общимъ полонезомъ, продолжался до 4-хъ часовъ утра. 9 ноября въ залѣ Дворянскаго собранія состоялся юбилейный товарищескій обѣдъ, а 10 числа балъ въ Дворянскомъ же собраніи. Не могшіе присутствовать на торжествѣ питомцы корпуса, находившіеся въ Петербургѣ, двойкою ознаменовали юбилей воспитавшаго ихъ заведенія. 8 ноября въ часъ дня, въ церкви св. Духа, бывшими кадетами Воронежскаго корпуса была отслужена панихида по генераль-лейтенантѣ Н. Д. Чертковѣ, основавшемъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ этотъ корпусъ. Число молящихся было немногочисленно, но большинство ихъ были почтенные генералы. Были и статскіе. Панихида была отслужена на самой могильной доскѣ въ главныхъ входныхъ дверяхъ храма. Прахъ Н. Д. Черткова покоится у порога церкви. Кромѣ могильной плиты, вдѣланной въ полъ у лѣвой стороны двери, на стѣнѣ поставленъ скромный мраморный кіотъ съ иконою и вѣчно горящей передъ нею лампадой. Въ кіотъ вдѣлана золотая доска съ надписью: «Основателю Воронежскаго кадетскаго корпуса». Затѣмъ въ 6 часовъ вечера бывшіе кадеты собрались на товарищескій обѣдъ въ ресторанѣ Донона, гдѣ въ обѣденной залѣ поставленъ былъ декорированный растеніями портретъ великодушнаго основателя корпуса. Во время обѣда предсѣдательствовавшимъ за столомъ М. Н. Самбикинымъ провозглашенъ былъ тостъ за здоровье Государя Императора, сопровождавшійся восторженнымъ «ура» всѣхъ присутствовавшихъ и національнымъ гимномъ, исполненнымъ хоромъ музыки л.-гв. Павловскаго полка; далѣе слѣдовалъ тостъ за процвѣтаніе Воронежскаго корпуса, послѣ чего собравшіеся почтили вставаніемъ память его учредителя. Затѣмъ съномъ пользовавшагося общео любовью кадетъ бывшаго преподавателя русскаго языка въ корпусѣ П. В. Малыхина, С. П. Малыхинымъ, произнесено было написанное имъ по случаю юбилея прочувствованное стихотвореніе и прочтено письмо принадлежащаго къ первому выпуску воронежскихъ кадетъ А. С. Суворина, въ теплыхъ выраженіяхъ привѣтствовавшего своихъ одноклассниковъ по случаю близкаго сердцу каждаго изъ нихъ торжества. По окончаніи обѣда еще долго продолжалась бесѣда.

25-ти-лѣтіе общины св. Георгія. 26-го ноября исполнилось 25-ти-лѣтіе Георгіевской общины, основанной по иниціативѣ покойной графини Е. Н.

Гейденъ. Цѣль общины, намѣченная ея учредителями, была крайне широкая: «твердой ногой стать противъ напора бѣдствій, преслѣдующихъ человѣчество въ видѣ жалкихъ гигиеническихъ условій нашего быта, ежедневныхъ болѣзней, эпидемій, а въ случаѣ войны—облегчить страданія раненыхъ на полѣ битвы». И община, насколько позволяли ея средства, служила этой задачѣ. На полѣ битвы отряды общины служили нашимъ раненымъ: черезъ полевой 74 временной госпиталь, гдѣ пришлось работать сестрамъ общины, прошло 40.000 больныхъ. Въ мирное время сестры боролись также геройски съ холерой: въ баракѣ общины было 127 холерныхъ. Община имѣетъ больницу съ хирургическимъ отдѣленіемъ, аптеку, амбулаторію. Въ больницѣ съ 1871 по 1882 г. лежало 2.916 чел. и, по преобразованіи, съ 1883 по 1895 г., было 11.076 чел., всего почти 14.000 чел. За 25 лѣтъ пользовались хирургическимъ лѣченіемъ 2.557 человекъ, которымъ сдѣлано 1.751 операція. Амбулаторія, съ января 1871 г. по октябрь 1895 г., имѣла 2.792.659 посѣщеній, наиболѣе по внутреннимъ болѣзнямъ. На празднованіе 25-ти-лѣтія Георгіевской общины прибыли: почетная предсѣдательница принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская, попечительница М. А. Сольская, члены совѣта общины, врачи и сестры; въ числѣ гостей члены государственнаго совѣта: Сольскій, Саломонъ, генераль Роопъ, государственный контролеръ Филипповъ, генераль Даниловъ, почти всѣ столичныя медицинскія знаменитости, медицинское начальство и главные врачи разныхъ учрежденій. Торжественную литургію и молебствіе совершалъ высокопреосвященный митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій Палладій съ преосвященнымъ Назаріемъ, епископомъ гдовскимъ, двумя архимандритами, настоятелемъ церкви общины о. А. Колоколовымъ и прочимъ духовенствомъ. Правая сторона церкви вся уставлена была шпалерою сестеръ милосердія въ бѣлыхъ капорахъ и передникахъ на коричневыхъ платьяхъ; центръ составляла смѣшанная публика мужчинъ и дамъ, а слѣва видѣлись группы знатныхъ богомольцевъ, мундиры, ленты и звѣзды. И церковная лѣстница, и сосѣдній залъ—все было занято молящимися. Послѣ богослуженія всѣ перешли въ сосѣднюю залу, гдѣ за почетнымъ столомъ заняли мѣста ея императорское высочество принцесса Евгенія Максимиліановна, М. А. Сольская, о. Колоколовъ, сестра Карцева, празднующая сегодня 40 лѣтъ своей дѣятельности, почетные опекуны: Оомъ, баронъ Корфъ и др. Предсѣдатель общества «Краснаго Креста» ген.-ад. фонъ-Кауфманъ прочиталъ высочайшій рескриптъ императрицы Маріи Феодоровны на имя принцессы Евгеніи Максимиліановны. Попечительница общины М. А. Сольская обратилась къ принцессѣ отъ имени общины съ благодарственнымъ адресомъ, въ которомъ было выражено постановленіе совѣта: наименовать двѣ кровати въ новомъ зданіи кроватями принцессы Евгеніи Максимиліановны. Были положены тутъ же на столѣ двѣ серебряныя доски на эти кровати съ фотографіями принцессы, съ набросанными на фонѣ доски золочеными вѣтвями дуба и съ выгравированными соответствующими надписями. Затѣмъ принцесса, въ свою очередь, вставъ съ кресла, привѣтствовала адресомъ сестру-настоятельницу общины Е. И. Карцеву, въ честь которой совѣтъ постановилъ одну изъ кроватей наименовать ея именемъ. Принцесса Евгенія Максимиліановна вручила также М. А. Сольской образъ Богоматери отъ совѣта общины, благодарнаго за ея труды и руководство. Послѣ этого послѣдовалъ цѣлый рядъ депутацій и адресовъ. Первый адресъ прочиталъ инспекторъ военныхъ госпиталей ген.-лейт. бар. Мейендорфъ отъ августѣйшаго главнокомандующаго и войскъ округа (съ депутаціею); затѣмъ городской голова В. А. Ратьковъ-Рожновъ (съ депутаціею) произнесъ рѣчь, въ которой обрисовалъ дѣятельность общины и поднесъ адресъ отъ города, украшенный акварелями, съ видами зданій Думы и

общины. Далѣе подходили депутаціи: отъ императорской военно-медицинской академіи (начальникъ ея академикъ Пашутинъ), русскаго общества охраненія народнаго здравія (директоръ медицинскаго департамента д-ръ Рагозинъ), общинъ сестеръ милосердія: Свято-Троицкой, Крестовоздвиженской, Александровской (тайн. сов. Никоновъ), Евгеніевской, Спб. дамскаго лазаретнаго комитета (ген. баронъ Корфъ), больницы «Всѣхъ Скорбящихъ» (почетный опекунъ ген. Араповъ). Главный врачъ Маринской больницы д-ръ Е. В. Павловъ привѣтствовалъ общину рѣчью. Между прочимъ ораторъ указалъ на плодотворную дѣятельность общины въ мирное время и заключилъ что представителямъ больницъ для бѣдныхъ особенно радостно благодарить общину и сестеръ-труженицъ въ пользу ихъ и выразить здѣсь желаніе, чтобъ эти 25-ть лѣтъ, еще пока самый короткій предѣлъ дѣятельности общины, открывали собою для будущаго безпредѣльное продолженіе благотворной дѣятельности, ея роста и процвѣтанія. Горячо написанный адресъ прочиталъ докторъ Раухфусъ отъ дѣтской больницы принца Петра Ольденбургскаго. Затѣмъ слѣдовали депутаціи: Николаевской дѣтской больницы (д-ръ Рейтцъ), врачей императорскаго воспитательнаго дома (д-ръ Лебединскій), императорскаго института экспериментальной медицины (директоръ проф. Лукьяновъ обратилъ вниманіе на серьезную научную постановку дѣятельности общины), больничныя учрежденія Петербурга (д-ръ Нечаевъ), гаваньскаго родильнаго пріюта (проф. Славянскій), терапевтической клиники академіи и общества русскихъ врачей (проф. Поповъ). Принцесса Евгенія Максимилановна прочитала телеграмму отъ государыни императрицы Маріи Феодоровны. Въ нижнихъ комнатахъ зданія былъ предложенъ гостямъ отъ двора ея высочества завтракъ. На праздникъ всѣ прослужившіе не менѣе 10-ти лѣтъ женщины-врачи и сестры милосердія были въ пожалованныхъ имъ знакахъ отличія Краснаго Креста 2-й степени, пожалованныхъ при грамотахъ.

25-ти-лѣтіе С.-Петербургскаго общества архитекторовъ было отпраздновано торжественнымъ собраніемъ въ конференцъ-залѣ академіи художествъ 10-го ноября. Къ 2-мъ часамъ собрались всѣ члены общества и депутаты отъ другихъ обществъ. Настоятелемъ академической церкви было совершено благодарственное молебствіе. Затѣмъ за столомъ засѣданія заняли мѣста члены правленія общества архитекторовъ. Въ срединѣ, на предсѣдательскомъ креслѣ, находился вице-президентъ императорской академіи художествъ гофмейстеръ графъ Толстой, справа—т. с. Жиберъ, слѣва—т. с. Бенуа (Н. Л.). Секретарь общества Максимовъ прочиталъ съ кафедръ извѣстный уже высочайшій рескриптъ о присвоеніи обществу титула императорскаго. Рескриптъ выслушанъ стоя и цокрытъ общимъ «ура». Военный оркестръ на хорахъ исполнилъ «Боже, Царя храни». Вице-президентъ академіи, графъ Толстой, передалъ обществу поздравленіе великаго князя Владиміра Александровича, почетнаго предсѣдателя общества, и сожалѣніе е. и. в., что онъ не имѣетъ возможности лично предсѣдательствовать сегодня и радуется, что сегодняшнее засѣданіе происходитъ въ стѣнахъ академіи. Затѣмъ начались привѣтствія депутацій и подношеніе адресовъ. Привѣтствовали: совѣтъ института гражданскихъ инженеровъ (читалъ г. Султановъ), императорское общество поощренія художествъ (Д. В. Григоровичъ), совѣтъ императорскаго русскаго техническаго общества (г. Бѣлелюбскій), московское общество архитекторовъ (г. Быковскій произнесъ рѣчь, высказавъ, что петербургское общество принесло огромную пользу дѣлу русскаго зодчества), гальсингфорское общество архитекторовъ (инженеръ г. Нюберъ), російское пожарное общество (камеръ-юнкеръ князь Львовъ), с.-петербургское политехническое общество (г. Цизе); редакціи: «Инженернаго Журнала» (генераль-лейтенантъ

Савурскій), журнала «Строитель» (г. Гарановскій); высказалъ свои благожеланія полковникъ Черноцкій, прочитаны телеграммы: архитекторскаго отдѣла общества политехническаго музея въ Москвѣ, архитекторскаго одесскаго техническаго общества, рижскаго политехническаго отдѣла, кievскаго общества архитекторовъ и заграничныхъ—общества архитекторовъ въ Берлинѣ, французскаго общества архитекторовъ и письмо его предсѣдателя г. Шарля. Всѣ привѣтствія сопровождались общими аплодисментами, но особенно горячо привѣтствовалося чтеніе Д. В. Григоровича и письмо г. Шарля, равно какъ и французская телеграмма. Затѣмъ г. Китнеръ прочиталъ историческій очеркъ дѣятельности общества, которымъ были предприняты цѣлый рядъ работъ на пользу общественнаго дѣла родной страны, напримѣръ, устройство выставки, устройство 83 конкурсовъ, изданіе журнала. Обществу остается только пожелать, чтобы и остальное 25-ти-лѣтіе было также плодотворно. Объявлены имена избранныхъ въ предшествовавшее засѣданіе въ почетные члены: гг. Гедике, Шреттеръ, Китнеръ и гр. Сюзоръ.

50-лѣтіе литературной дѣятельности князя Р. Д. Эристова. 22-го октября въ Тифлисѣ произошло чествованіе грузинскаго поэта князя Р. Д. Эристова по случаю пятидесятилѣтія его литературной дѣятельности. Въ 11 часовъ утра тысячная толпа собралась въ оградѣ Кашоэтской св. Георгія церкви, куда черезъ нѣкоторое время въ открытомъ ландо привезли чествуемаго маститаго поэта. Въ церкви преосвященный епископъ Александръ, въ сослуженіи архимандрита Леонида и высшаго монашествующаго и благаго духовенства, отслужилъ молебствіе съ обычнымъ многолѣтіемъ. Многолѣтіе было провозглашено и князю Р. Д. Эристову. Послѣ молебствія преосвященный епископъ Александръ обратился къ князю Р. Д. Эристову съ рѣчью на грузинскомъ языкѣ и поднесъ ему маленькую икону Спасителя; засимъ сказалъ рѣчь о значеніи грузинской литературы и литературныхъ дѣятелей архимандритъ Леонидъ, послѣ чего привѣтствовалъ чествуемаго поэта и поднесъ ему также икону настоятель Кашоэтской церкви протоіерей Чрелаевъ. По окончаніи молебствія князь Р. Д. Эристовъ въ ландо былъ привезенъ въ зданіе дворянскаго театра, который былъ биткомъ набитъ публикой; многіе стояли въ корридорѣ, не найдя въ театрѣ мѣста. У входа въ каравансарай грузинскаго дворянства чествуемаго поэта встрѣтили грузинскимъ маршемъ хоръ военной музыки, а пѣвчіе хоры гурийскій и грузинскій—національными пѣснями. Весь театръ внутри былъ убранъ гирляндами зелени и экзотическими растеніями. На сценѣ, съ правой стороны отъ партера, было устроено на особомъ возвышеніи почетное мѣсто для поэта, вокругъ были размѣщены представители дворянства разныхъ губерній и уѣздовъ Закавказья, городовъ, обществъ, учреждений, русскихъ, армянскихъ и грузинскихъ періодическихъ изданій, а также и отдѣльныя лица. Когда появился князь Р. Д. Эристовъ, многочисленная публика, среди которой находилось множество дамъ, привѣтствовала маститаго юбиляра дружнымъ «ура» и аплодисментами. Засимъ началось чтеніе адресовъ, депешъ, привѣтствованіе представителями и подношеніе цѣнныхъ подарковъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей, альбомовъ и пр. Князь Р. Д. Эристовъ всталъ при громкихъ аплодисментахъ и, поблагодаривъ всѣхъ за честь, оказанную ему, вышелъ. До экипажа тысячная публика провожала маститаго поэта восторженными кликами и оваціями.

Чествованіе памяти Т. Н. Грановскаго и С. М. Соловьева въ московскомъ историческомъ обществѣ. 4-го октября состоялось засѣданіе московскаго историческаго общества, посвященное памяти Т. Н. Грановскаго и С. М. Соловьева. Первымъ говоритъ предсѣдатель общества профессоръ В. И. Герье. Одновременное чествованіе памяти обоихъ историковъ, — ска-

заль онъ,—не является случайнымъ. Грановскій и Соловьевъ были въ жизни связаны между собою узами самыхъ близкихъ отношеній: смерть соединила ихъ еще тѣснѣе, навсегда закрѣпивъ въ нашихъ умахъ совмѣстную память о нихъ. Но столь же тѣсная связь существуетъ и между отдѣлами науки, представителями которыхъ были оба историка,—между исторіей всеобщей и исторіей русской: чествованіе памяти ихъ есть въ то же время чествованіе и этой связи. Приведенныя затѣмъ В. Е. Якушкинымъ выдержки изъ неизданныхъ рукописей—изъ записокъ А. Н. Афанасьева и письма Т. Н. Грановскаго—живо перенесли слушателей къ послѣднимъ днямъ жизни знаменитаго профессора. Цитаты изъ записокъ Афанасьева внесли, между прочимъ, нѣкоторыя поправки и измѣненія въ отзывъ послѣдняго о Грановскомъ, извѣстный въ печати по появившейся въ «Русской Старинѣ» части записокъ его: теперь мы видимъ у автора сочувственную оцѣнку значенія и заслугъ Грановскаго, глубокую скорбь по поводу кончины послѣдняго. Прочитанныя докладчикомъ письма Грановскаго, адресованныя къ К. Д. Кавелину, прекрасно охарактеризовали настроеніе Грановскаго незадолго до кончины. По окончаніи доклада г. Якушкина студентъ г. Коваленскій прочелъ стихотвореніе, посвященное памяти Грановскаго. Профессоръ В. О. Ключевскій, ученикъ С. М. Соловьева и слушатель его въ Московскомъ университетѣ въ 1863 и 1864 гт., сообщилъ свои воспоминанія о С. М. Соловьевѣ, какъ о преподавателѣ. Докладчикъ отчетливо и ярко представилъ какъ внѣшнія и внутреннія особенности чтеній С. М., такъ и вліяніе, какое производили они на его аудиторію. С. М. не читалъ свои лекціи: сидя на кафедрѣ съ закрытыми глазами, онъ говорилъ,—бесѣдовалъ, произнося явственно каждое отдѣльное слово, точно рѣзалъ мысль свою тонкими ломтиками, и рѣчь его ровно и плавно текла. Онъ былъ скорѣй не профессоръ, а ученый, размышляющій вслужь въ своемъ кабинетѣ, и если онъ не трогалъ и не плѣнялъ, то зато заставлялъ размышлять. Мысль его, нить разказа уловлялись, какъ-то незамѣтно, безъ тѣни утомленія: изложеніе всегда было ясно, легко, «прозрачно», отличалось удивительной гармоніей мысли и слова: послѣднее всегда выбиралось «по росту» первой, и мысль, чистымъ, полновѣснымъ зерномъ падала на умы его слушателей. Но какъ ни проста казалась рѣчь Соловьева, все въ ней—отъ голоса до всего склада ея—было тщательно взвѣшено и обдуманно, было результатомъ серьезной подготовки.

Чествованіе Археологическимъ институтомъ памяти **Н. В. Калачова**, **П. И. Саввантова** и **Д. А. Ровинскаго** происходило въ торжественномъ собраніи членовъ, преподавателей, слушателей и любителей археологіи 25-го октября вечеромъ. Въ числѣ почетныхъ гостей присутствовали министр народнаго просвѣщенія гр. И. Д. Деляновъ и братъ основателя института В. В. Калачовъ. Собраніе было созвано для чествованія памяти учредителя института Н. В. Калачова, со дня кончины котораго исполнилось десять лѣтъ, Д. А. Ровинскаго и П. И. Саввантова. По этимъ тремъ лицамъ была отслужена панихида, передъ началомъ которой священникъ произнесъ слово, посвященное памяти Ровинскаго. Панихида служилась на русскомъ и на греческомъ языкахъ. Зала института была полна. Послѣ богослуженія А. П. Вороновъ произнесъ рѣчь о значеніи Н. В. Калачова, какъ архивиста. Это былъ человѣкъ, посвятившій всю свою жизнь удивительно разносторонней и въ то же время полезной дѣятельности: онъ былъ юристомъ, историкомъ, общественнымъ дѣятелемъ, выдающимся архивистомъ, организаторомъ архивнаго дѣла въ Россіи, горячимъ дѣятелемъ по освободительной реформѣ и учредителемъ единственнаго пока въ Россіи Археологическаго института. Онъ съ юныхъ лѣтъ почувствовалъ любовь къ родной старинѣ, еще студентомъ читалъ лѣтописи и надписи въ московскихъ храмахъ и на старыхъ могильныхъ плитахъ и въ

этихъ письменахъ искалъ живой связи прошлаго съ настоящимъ. Его дѣятельности много способствовала и его служба въ археографической комиссії и въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, гдѣ оставила до него слѣды плодотворная дѣятельность Бантышъ-Каменскаго. Въ 50-хъ годахъ онъ извѣдывалъ большую часть Россіи, изучая провинціальныя архивы, а за границею познакомился съ веденіемъ архивнаго дѣла и съ подготовкою ученыхъ архивистовъ. Въ архивахъ онъ видѣлъ богатые сокровищницы, въ которыхъ найдутся отвѣты на очень многіе вопросы жизни, и видѣлъ въ нихъ условія для развитія научнаго, государственнаго и національнаго. Директоръ института А. Н. Труворовъ прочелъ рѣчь отсутствовавшаго профессора Н. П. Лихачева, посвященную памяти сенатора Д. А. Ровинскаго—почетнаго члена института. Не служба и не высокій санъ доставили его имени громадную извѣстность не только въ Россіи, но и за границей, а его труды, которыми онъ составилъ эпоху въ изученіи русскаго искусства. Совокупность его изданій можетъ быть сопоставлена по своему значенію развѣ только съ изданіями вѣнченоснаго археолога императора Николая I. Ровинскій работалъ самостоятельно и одинъ изъ первыхъ отыскалъ съ удивительнымъ чутьемъ корень изученія техники нашего древняго иконописанія. Изучая это дѣло, онъ объѣхалъ много старинныхъ храмовъ и даже раскольничьихъ молеленъ. Трудъ его по иконописи былъ увѣнчанъ Уваровскою преміей, но сильно измѣненъ цензурой. Это обстоятельство убило въ немъ навсегда охоту къ изученію иконописи. Второй трудъ его о гравированіи, также представленный на уваровскій конкурсъ, былъ строго осужденъ еще въ рукописи В. В. Стасовымъ. Ровинскій понялъ, что критикъ правъ, и съ этой поры въ немъ исчезъ диллетантъ, вмѣсто котораго явился серьезный ученый и знатокъ дѣла. Одно за другимъ выходять его роскошныя, дорогія, многотомныя изданія, охватывающія цѣлыя области народнаго творчества: гравированные портреты, русскія народныя картинки, снимки съ портретовъ Рембранта, быстро разошедшіяся въ Россіи и за границей, и многое другое. Онъ былъ чуждъ отдыха и смерть застала его больнымъ физически, но бодрымъ духомъ, полнымъ энергіи и замышлявшимъ текущей осенью приступить къ новому грандіозному изданію въ 10 тысячъ листовъ. Но этой осени ему не суждено было дожидаться. Въ одной изъ залъ института была устроена выставка всѣхъ изданій Д. А. Ровинскаго. Проф. Н. В. Покровский посвятилъ прекрасную рѣчь памяти перваго пионера русской археологической науки П. И. Саваитова и сдѣлалъ характеристику его личности, дѣятельности и археологическихъ трудовъ. Онъ очертилъ его, какъ труженика, прокладывавшаго первыя тропинки въ мало еще разработанной въ его время археологіи.

Выставка изданій Д. А. Ровинскаго. 2 сентября, вечеромъ, въ помѣщеніи Московскаго библиографическаго кружка открылась выставка, посвященная памяти Д. А. Ровинскаго, продолжавшаяся также и 3-го сентября съ 10 ч. утра до 3 ч. дня. На выставкѣ, между прочимъ находилось восемь портретовъ покойнаго, исполненныхъ Пожалостинымъ и Иорданомъ, и почти всѣ его рѣдкія изданія, доставленные изъ коллекцій Д. М. Струкова, Н. П. Рогожина, П. А. Ефремова, I. Н. Клебеля, изъ Кутузовской избы, библиотеки кружка и др. Было также нѣсколько предсмертныхъ писемъ покойнаго къ П. А. Ефремову и А. Д. Торопову. Особенное вниманіе публики останавливали сатирическіе листы XVIII вѣка съ рисунками на тогдашніе вопросы дня, пятитомное изданіе «Русскіихъ народныхъ картинъ», прекрасные атласы съ произведеніями Чемесова, Н. И. Уткина, И. Берсенева, Иордана и другихъ русскихъ граверовъ. Кромѣ этихъ изданій на выставкѣ находились работы покойнаго по исторіи русской иконописи («Исторія русскихъ иконъ и иконописанія до конца

XVII вѣка» и «Матеріалы русской иконографіи», 12 вып.), «Достовѣрные портреты московскихъ государей», виды Соловецкаго монастыря, полное собраніе гравюръ Рембранта и его учениковъ, «Лицевой апокалипсисъ», «Азбука Каріона Истомина». Вечеромъ же 2-го сентября библиографическій кружокъ чествовалъ память Д. А. Ровинскаго особымъ засѣданіемъ. Предсѣдатель собранія А. Д. Тороповъ, очертивъ огромныя заслуги покойнаго въ особенности по изданію гравюръ, предложилъ почтить память его вставаніемъ. Затѣмъ былъ прочитанъ докладъ Г. А. Джаншіева, посвященный обрисовкѣ личности Д. А. Ровинскаго и его участію въ работахъ по освобожденію крестьянъ и введенію суда присяжныхъ. За отсутствіемъ г. Джаншіева докладъ его былъ прочитанъ В. Я. Брюсовымъ.

Диспутъ Д. В. Айналова. 1-го октября въ часъ пополудни въ IX аудиторіи С.-Петербургскаго университета приватъ-доцентъ Д. В. Айналовъ защищалъ диссертацию подъ заглавіемъ «Мозаика IV и V вѣковъ. Исслѣдованія въ области иконографіи и стилия древне-христіанскаго искусства», представленную имъ для полученія степени магистра исторіи и теоріи искусства. Интересная тема диссертации привлекла на диспутъ многочисленную публику, среди которой находилось много профессоровъ. Уроженецъ Мариуполя (род. 1860 г.), диссертантъ кончилъ курсъ въ 1888 г. въ Новороссійскомъ университетѣ со степенью кандидата историко-филологическихъ наукъ, затѣмъ выдержалъ магистерскій экзаменъ при С.-Петербургскомъ университетѣ и въ 1891 г. въ качествѣ приватъ-доцента читалъ лекціи въ Казанскомъ университетѣ. Слѣдующіе два года провель за границей, изучая памятники искусства въ Вѣнѣ, Римѣ, Флоренціи и др. городахъ Италіи и Сициліи, въ Парижѣ и Мадридѣ. Г. Айналовъ извѣстенъ въ русской археологической литературѣ какъ своимъ обширнымъ трудомъ надъ мозаиками кіевской Софіи, исполненнымъ совмѣстно съ Е. К. Рѣдинымъ, такъ и цѣлымъ рядомъ мелкихъ трактатовъ и статей по изданію и анализу памятниковъ древне-христіанскаго искусства. Диспутъ начался рѣчью диссертанта, въ которой онъ выяснилъ важное значеніе мозаикъ для изученія христіанскаго искусства, при чемъ обратилъ особенное вниманіе на связь искусства Запада съ искусствомъ Востока. Ваятыя въ связи съ другими произведеніями древняго искусства мозаики являются наиболѣе сохранившимся и содержательнымъ памятникомъ. «Историкъ литературы найдетъ въ мозаикахъ,—закончилъ свою рѣчь г. Айналовъ,—новыя данныя, новыя черты легендъ и апокрифовъ, историкъ народовъ найдетъ новыя ясныя данныя для исторіи сношеній Востока и Запада, историкъ религіи увидитъ въ нихъ направленіе идей и вѣрованій, историкъ культуры почерпнетъ нѣсколько данныхъ, характеризующихъ связи античнаго міра съ христіанскимъ и черты, выражающія постепенное ослабленіе этихъ связей». Послѣ рѣчи диссертанта былъ прочитанъ отзывъ о диссертации проф. Н. П. Кондакова, согласно которому нѣкоторое увлеченіе и недостатокъ строгой критики въ толкованіяхъ всегда выкупались въ мелкихъ трудахъ г. Айналова живого любознательностью и трудолюбіемъ, такъ что уже до появленія диссертации «Мозаика въ IV и V вв.» автору ея была обезпечена почетная репутация и вниманіе въ нашей литературѣ. Новое исслѣдованіе отводитъ широкое мѣсто вопросамъ о стилѣ, формахъ и типахъ, рисункѣ и краскахъ и предлагаетъ ту точку зрѣнія на мозаики, что эта декоративная область искусствъ, въ данную эпоху, преслѣдовала, помимо задачъ, привнесенныхъ торжествомъ церкви, также и собственныхъ, чисто художественныхъ цѣли, исполненіе которыхъ зависѣло отъ усвоенія наслѣдій античнаго міра и ихъ примѣненія къ темамъ новаго содержанія. Главная тема диссертации—анализъ сюжетовъ мозаикъ и ихъ общаго и частнаго иконографическаго содержанія. Такъ, г. Айналовъ даетъ между прочимъ, совершенно новое объясненіе мозаикъ церкви св. Пуденціаны и обстоятельно

разрабатываетъ мозаики триумфальной арки и нефа церкви S. Maria Maggiore въ Римѣ. Интересны нѣкоторыя подробности способа работы диссертанта. Онъ долженъ былъ, не прибѣгая къ лѣсамъ и помѣщаясь на узкомъ карнизѣ, надъ колоннадою громаднаго храма S. Maria Maggiore, срисовывать мозаики одну за другою и, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, исполнить даже въ краскахъ достаточно вѣрные эскизы. Эта личная работа надъ срисовкой мозаикъ имѣетъ особенную цѣнность въ виду того, что извѣстно, какъ далеки отъ оригинала роскошные рисунки въ краскахъ, выполненные безъ пониманія научныхъ задачъ рисовальщиками для изданія де-Росси. По прочтеніи отзыва проф. Кондакова официальные оппоненты, профессора И. В. Помяловскій и А. Н. Шукаревъ, пришли къ заключенію, что работа г. Айдалова составляетъ цѣнный вкладъ въ христіанскую историческую археологію. Въ заключеніе было объявлено, что историко-филологическій факультетъ признаетъ диспутанта достойнымъ ученой степени магистра исторіи и теории искусства.

Диспутъ А. В. Никитскаго. 8-го октября въ одной изъ аудиторій С.-Петербургскаго университета А. В. Никитскій, читающій лекціи въ Новороссійскомъ университетѣ, защищаль диссертацию подъ заглавіемъ «Дельфійскіе эпиграфическіе этюды», представленную имъ для полученія степени магистра греческой словесности. Диспутантъ кончилъ курсъ въ Историко-филологическомъ институтѣ и съ 1882 года состоитъ преподавателемъ одесской духовной семинаріи. Онъ былъ командированъ отъ министерства народнаго просвѣщенія въ Грецію для подготовленія къ профессорскому званію, а въ 1891 году сдалъ экзаменъ въ Новороссійскомъ университетѣ на степень магистра греческой словесности. Представленная имъ историко-филологическому С.-Петербургскаго университета диссертация посвящена специальному изслѣдованію дельфійскаго эпиграфическаго матеріала, опубликованнаго до недавняго сравнительно времени, съ цѣлью подвести итоги прежнимъ работамъ, видоизмѣнить и дополнить выводы изъ старыхъ надписей. Въ этомъ отношеніи его предупредилъ нѣмецкій изслѣдователь Помтовъ, предпринявшій аналогичную работу съ тою же цѣлью и блестяще закончившій ее въ концѣ 80-хъ годовъ. Поэтому въ выводахъ и заключеніяхъ своей диссертации г. Никитскій большею частью считается съ мнѣніями Помтова. По мнѣнію перваго изъ официальныхъ оппонентовъ, профессора по кафедрѣ всеобщей исторіи Э. Э. Соколова, работа диспутанта—образцовое эпиграфическое изслѣдованіе; второй оппонентъ, проф. В. К. Эрнштедтъ, указаль на нѣкоторые недостатки работы, въ особенности же ея изложенія. Крайне рѣзко выраженные, но неубѣдительныя возраженія сдѣланы были двумя оппонентами изъ публики. Одинъ изъ нихъ назваль диссертацию просто компиляціей, тяжело написанной и являющейся въ сущности не болѣе, какъ рецензіей на трудъ Помтова; другой не вполне счастливо старался опровергнуть пониманіе диспутантомъ цитируемыхъ имъ источниковъ, вызывая своими возраженіями опроверженія со стороны официальныхъ оппонентовъ. Въ заключеніе историко-филологическій факультетъ признаетъ диспутанта достойнымъ степени магистра греческой словесности.

Диспутъ М. Крашенинникова. 5-го ноября въ IX аудиторіи С.-Петербургскаго университета приватъ-доцентъ М. Крашенинниковъ защищаль диссертацию подъ заглавіемъ «Августалы и сакральное магистерство» для полученія ученой степени доктора римской словесности. Трудъ этотъ—довольно объемистый—представляетъ собою изслѣдованіе въ области римскаго муниципальнаго права и древностей. Въ немъ авторъ между прочимъ проводитъ мысль о томъ, что августалы—не жрецы и не магистраты, а сакральные магистраты императорскаго культа, и что римское жречество и сакральная магистратура—не одно и то же. Въ заключеніе онъ даетъ

этимологическое объяснение слова pontifex. На диспутъ присутствовали: ректоръ университета П. В. Никитинъ, деканъ факультета И. В. Помяловскій, академикъ В. Г. Васильевскій и нѣсколько профессоровъ. Официальными оппонентами были И. В. Помяловскій и Ѳ. Ф. Зелинскій. Въ заключеніе диспута диссертантъ былъ торжественно провозглашенъ докторомъ римской словесности.

Диспутъ А. А. Спасскаго. 3 декабря въ часъ пополудни въ большой аудиторіи Московской духовной академіи состоялся магистерскій диспутъ. Доцентъ академіи по кафедрѣ новой гражданской исторіи А. А. Спасскій защищалъ свое сочиненіе: Историческая судьба сочиненій Аполлинарія Лаодикійскаго съ краткимъ предварительнымъ очеркомъ его жизни (Сергіевъ посадъ, 1895 г.), представленное на соисканіе степени магистра богословія. Магистрантъ, уроженецъ Вологодской губерніи, кончилъ курсъ въ 1890 году и, какъ лучшій воспитанникъ, оставленъ былъ при академіи въ качествѣ профессорскаго стипендіата; затѣмъ въ 1891 году назначенъ былъ преподавателемъ подольской семинаріи, а въ 1893 году приглашенъ въ академію для занятія означенной кафедрой. Диспутъ начался рѣчью А. А. Спасскаго, въ которой онъ объяснилъ исторію происхожденія своей диссертациі; поводомъ къ ней, какъ оказалось, послужили новѣйшія изслѣдованія западныхъ ученыхъ: Каспери, Дрезеке и Гарнака объ Аполлинаріи и его сочиненіяхъ. Затѣмъ слѣдовали возраженія официальныхъ оппонентовъ, профессоровъ А. П. Лебедева и И. Н. Корсунскаго. Изъ нихъ первый обратилъ вниманіе на нѣкоторыя возбуждавшія недоумѣнія или недостаточно разработанныя и обоснованныя стороны въ биографіи Аполлинарія и въ сужденіяхъ автора о христологическихъ, хилиастическихъ и другихъ чертахъ ученія Аполлинарія и аполлинаристовъ; а второй — указалъ на нѣкоторые пробѣлы по части литературы предмета (особенно упущеніе изъ вниманія рукописей московской синодальной бібліотеки, содержащихъ въ себѣ или самое ученіе Аполлинарія, или опроверженіе этого ученія) и сдѣлалъ возраженія противъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ VIII главѣ диссертациі («Аполлинарій какъ поэтъ»). Но тотъ и другой оппоненты съ величайшею похвалою отнеслись къ труду магистранта вообще, помимо указанныхъ небольшихъ частныхъ недостатковъ представляющему собой выдающееся явленіе въ богословской, особенно нашей отечественной литературѣ. Защиту авторомъ диссертациі совѣтъ призналъ удовлетворительною и постановилъ ходатайствовать чрезъ его высокопреосвященство митрополита московскаго предъ святѣйшимъ синодомъ объ утвержденіи А. А. Спасскаго въ степени магистра богословія.

Историческое общество. Въ засѣданіи 11-го октября историческаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ г. Шафрановъ прочелъ интересный очеркъ изъ исторіи неурожаевъ и продовольствія казенныхъ крестьянъ въ началѣ XIX столѣтія. Очеркъ этотъ составленъ докладчикомъ на основаніи документовъ и переписки о неурожаяхъ, хранящихся въ архивахъ. Докладчикъ подробно остановился, между прочимъ, на неурожаяхъ Черниговской и Екатеринославской губерній въ 1820-мъ и 1821-мъ годахъ. Черниговскому продовольственному комитету было ассигновано на пособіе пострадавшимъ отъ неурожаевъ 500 тыс. руб., израсходовано 577 тыс. руб. Когда былъ закупленъ комитетомъ хлѣбъ, мѣстныя цѣны на зерно тотчасъ понизились. Этому пониженію содѣйствовало также выселеніе изъ края евреевъ — монополистовъ хлѣбной торговли. Хлѣбъ раздавался казеннымъ крестьянамъ въ ссуду; при возвратѣ они обязывались сдѣлать небольшую прибавку въ видѣ процента. Деньги, выданныя въ пособіе пострадавшимъ отъ неурожая, были израсходованы. Тогдашній министръ финансовъ Гурьевъ потребовалъ отчета въ этомъ израсходо-

ваніи, но не могъ добиться, кому и сколько роздано хлѣба. Въ 1821 году губернаторъ Шеміотъ заявилъ о неурожаѣ въ Екатеринославской губ. Причина неурожая—засуха и овражки. Для пособія пострадавшимъ была организована особая комиссія изъ совѣтниковъ казенной палаты и вице-губернатора Языкова, находившаяся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ министерствомъ финансовъ. Донесеніе Шеміота оказалось сильно преувеличеннымъ. Причины такого преувеличенія заключались въ желаніи Шеміота, по примѣру черниговскаго комитета, безконтрольно израсходовать денежное пособіе. Однако, это ему не удалось, такъ какъ онъ встрѣтился съ сильнымъ и честнымъ противникомъ, вице-губернаторомъ Языковымъ. Въ то время, какъ губернаторъ на основаніи данныхъ земской полиціи, доносилъ о бѣдствіяхъ крестьянъ отъ неурожая и о необходимости для нихъ пособій, вице-губернаторъ Языковъ; лично объѣхавъ губернію, собралъ постановленія волостныхъ сходо́въ и донесенія волостныхъ головъ и убѣдился въ отсутствіи бѣдствія. Тогда Шеміотъ сталъ обвинять Языкова въ превышеніи власти и другихъ преступленіяхъ. Дѣло это доходило до комитета министровъ. Сенаторъ Брозингъ, назначенный провѣрить дѣло, убѣдился въ правотѣ Языкова. Шеміотъ былъ преданъ суду. Затѣмъ В. А. Мякотинъ сообщилъ «эпизодъ изъ екатеринославской комиссіи; судъ надъ нѣжинскими избирателями». До настоящаго времени господствуетъ мнѣніе, что указы для депутатовъ-участниковъ екатеринославской комиссіи составлялись безъ давленія на тогдашнее общество. Неосновательность такого мнѣнія г. Мякотинъ выяснилъ интереснымъ эпизодомъ, показавъ, что нѣжинскіе и батуринскіе избиратели не только не могли послать въ комиссію желательнаго депутата, но были, кромѣ того, принуждены отказаться отъ своего наказа депутату. Избиратели желали внести въ наказъ пунктъ о дозволеніи выбрать гетмана. Генералъ-губернаторъ Малороссіи Румянцевъ отдалъ подъ судъ всѣхъ избирателей, дѣйствовавшихъ въ разрѣзъ его желаніямъ; они были разжалованы и даже часть ихъ была приговорена военнымъ судомъ къ смерти. Однако, сенатъ ослабилъ наказаніе, а затѣмъ Екатерина II на прошеніи, поданномъ на ея имя обвиненными, написала «Богъ проститъ». Избирателямъ были возвращены должности и права.

Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ. Въ февралѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ Константинополѣ состоялось открытіе русскаго археологическаго института, учрежденія, имѣющаго весьма важное значеніе для развитія русской археологической науки и изслѣдованія богатѣйшихъ историческихъ матеріаловъ на почвѣ древней Византіи. По точному смыслу устава, высочайше утвержденнаго 23-го мая 1894 года, русскій археологическій институтъ при императорскомъ посольствѣ въ Константинополѣ имѣетъ цѣлью направлять на мѣстѣ научныя занятія русскихъ ученыхъ древностями и исторіей Греціи, Передней Азіи и вообще земель, входившихъ въ составъ Византійской имперіи, преимущественно времени христіанства, и тѣмъ способствовать развитію русской археологической науки на основѣ непосредственнаго изученія вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ поименованныхъ странъ. Византійскія археологія, представляя самостоятельный научный интересъ, въ то же время устанавливаетъ неразрывную связь между положеніями исторіи собственно византійской и общеевропейской. Изученіе Византіи немислимо безъ серьезнаго знакомства съ отношеніями славянскими, а славяне играютъ важную роль въ исторіи Западной Европы. Что касается интересовъ русской науки, то въ свидѣльствахъ византійскихъ историковъ и хронистовъ мы черпаемъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о славянахъ восточно-европейской равнины въ до-лѣтописную эпоху. Византиновѣдѣніе для русскихъ, имѣетъ значеніе національное, а между тѣмъ византиновѣдѣніе ждетъ

еще просвѣщенныхъ работниковъ. Практическіе результаты дѣятельности института, выразившіеся уже довольно осязательно, общаюто ему свѣтлое будущее и популярность. Библіотека института состоитъ изъ 9 тысячъ томовъ (около двухъ тысячъ названій), причеиъ въ нее вошли цѣнныя изданія по исторіи и археологіи Востока; институтскій кабинетъ древностей и милицъ-кабинетъ имѣютъ въ своемъ распоряженіи весьма рѣдкіе экземпляры памятниковъ древности. Научная экспедиція, совершенная въ маѣ мѣсяцѣ 1895 года директоромъ института въ Трапезундъ и окрестные монастыри дала особенно плодотворные результаты: найдены неизвѣстныя до сихъ поръ важныя рукописи, числоиъ до 200, которыя готовятся нынѣ къ изданію; въ настоящее время предпринята новая экскурсія въ аеонскіе монастыри, съ цѣлью разысканія новыхъ научныхъ матеріаловъ. Въ институтѣ работаетъ нѣсколько членовъ его изъ Россіи, а періодически устраиваемыя, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, засѣданія института, въ коихъ принимаютъ участіе какъ наличные члены, такъ и постороннія лица, съ разрѣшенія директора, знакомятъ мѣстное интеллигентное общество съ результатами изысканій.

Туркестанскій кружокъ любителей археологіи въ Ташкентѣ. Министерствомъ народнаго просвѣщенія сдѣланы въ сентябрѣ мѣсяцѣ распоряженія относительно удовлетворенія ходатайства объ учрежденіи въ Ташкентѣ туркестанскаго кружка любителей археологіи. Согласно уставу, дѣятельность кружка состоитъ въ ознакомленіи съ памятниками старины, находящимися въ предѣлахъ Туркестанскаго края, въ описаніи ихъ и нанесеніи на археологическую карту, при содѣйствіи мѣстной администраціи, въ производствѣ археологическихъ раскопокъ и въ обработкѣ мѣстныхъ матеріаловъ для печати. Во главѣ учредителей кружка стоитъ туркестанскій генераль-губернаторъ, генераль-лейтенантъ баронъ Вревскій, который, по уставу, считается почетнымъ председателеиъ кружка.

Отчетъ Одесской городской публичной библіотеки за 1894 г. Изъ только что опубликованнаго этого отчета видно, что въ отчетномъ году билетовъ на право занятій въ библіотекѣ выдано было 4.253; изъ нихъ мужчинамъ—3.558, а женщинамъ--695. Всѣ эти лица посѣтили библіотеку 46.464 раза; такимъ образомъ, на каждое лицо приходится нѣсколько болѣе 10 посѣщеній; незначительность этой средней цифры объясняется тѣиъ, что многія лица являютося только изрѣдка или по одному разу въ годъ для наведенія какихъ нибудь справокъ. Наибольшее число посѣщеній приходится на зимніе мѣсяцы съ сентября по мартъ; весной и лѣтомъ, вслѣдствіе выѣзда изъ города многихъ лицъ, число посѣщеній сокращается; въ теченіе года библіотека въ продолженіе одного мѣсяца (юля) закрыта. Въ 1894 г. затребовано было 77.881 названіе книгъ, журналовъ и газетъ; изъ этого числа удовлетворено было 73.119 требованій; такимъ образомъ на каждого читателя приходится въ годъ по 18½ названій полученныхъ книгъ; среднимъ числоиъ ежедневно 255 названій. Отказано на 4.762 требованія; отказы приходились отчасти потому, что нѣкоторыя книги, какъ сочиненія проф. Чупрова, Карѣева, произведенія Шпилльгагена, постоянно находятся въ чтеніи, отчасти въ виду требованій на книги, изытаыя изъ обращенія циркулярами г. министра внутреннихъ дѣлъ, отчасти вслѣдствіе отсутствія затребованныхъ книгъ. Въ теченіе 1894 г. библіотека обогатилась 2.049 названіями въ 3.473 томахъ и брошюрахъ, въ общемъ на сумму приблизительно въ 6.000 рублей. Изъ нихъ пожертвовано: 1.800 названій, въ 2.835 томахъ, на сумму 4.800 рублей и куплено 228 названій въ 591 томѣ на сумму 1.186 рублей. Въ библіотекѣ въ настоящее время находится 41.112 названій въ 80.374 томахъ. Кроме того библіотека обладаетъ 13 славяно-русскими рукописями, коллекціеиъ гравюръ въ 177 экземпляровъ, среди которыхъ есть представляющія большую рѣдкость,

собраниемъ автографовъ русскихъ и иностранныхъ писателей въ 233 экземплярахъ. Въ числѣ автографовъ хранится въ особомъ залечатанномъ пакетѣ коллекція писемъ попечителя петербургскаго учебнаго округа, г. Калустина; пакетъ этотъ можетъ быть вскрытъ лишь послѣ смерти автора писемъ. Кромѣ того въ распоряженіи городской библіотеки для удовлетворенія требованій читателей находится библіотека одесскаго славянскаго благотворительнаго общества св. Кирилла и Мефодія, состоящая изъ 2.545 названій въ 3.647 томахъ и небольшой коллекціи рукописей и старопечатныхъ книгъ.

Московскія городскія бесплатныя читальни имени И. С. Тургенева и А. Н. Островскаго въ 1894 году. Согласно думскому отчету къ 1-му января 1894 г. Тургеневская читальня имѣла всего 3,294 названія книгъ, при 267 дублетахъ, въ количествѣ 5,953 томовъ. Въ теченіе года поступило въ читальню вновь 52 назв. и 19 дублетовъ, въ количествѣ 155-ти томовъ. Периодическихъ изданій въ отчетномъ году было выписано 25 названій, пожертвованы редакціями 10 названій и 1—выписано съ уступкой со стороны редакціи. Въ теченіе 305-ти дней читальня имѣла всего 69,251 посѣтителей, среднимъ числомъ по 227,05 въ день, при чемъ обращаетъ на себя вниманіе то, что число читателей въ отчетномъ году уменьшилось противъ 1893 года на значительную цифру —7,332 чел., или на 9,6 процентомъ. Сократили число посѣщеній почти всѣ категоріи читателей, кромѣ группы чиновниковъ, число которыхъ дало незначительное повышеніе въ пользу 1894 года (съ 559-ти на 587 ч.). Главными посѣтителями читальни были «учащіеся въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ» (26,899 посѣщеній, или 38,84%), которые вмѣстѣ съ «женщинами учащимися» (1182 посѣщ.) предъявили наибольшій спросъ на дѣтскія книги. За ними по числу посѣщеній слѣдуютъ служащіе въ частныхъ предпріятіяхъ (12,333 посѣщ., или 17,81%), читавшіе вмѣстѣ съ чиновниками (587 пос.), студентами (2,318 пос.), военными (462 пос.), неимѣющими опредѣленныхъ занятій (10,171 пос.) и женщинами не учащимися (1,050 посѣщ.) охотнѣе всего погѣсти и романы русскіе. Купцы и промышленники, сдѣлавшіе 1,758 посѣщеній, ремесленники и мастеровые (9,312 посѣщ.) и фабричныя рабочіе и прислуга (1,816 посѣщеній) отдавали преимущество иллюстрированнымъ журналамъ, а учителя (361 пос.) и лица свободныхъ профессій (992 пос.) читали болѣе всего толстые журналы. Замѣтимъ здѣсь кстати, что группа учителей болѣе всѣхъ другихъ сократила число посѣщеній въ отчетномъ году (съ 699 въ 1893 году на 361 посѣщ.), вѣроятно, благодаря отсутствію общелитературныхъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Въ отчетѣ имѣется таблица, показывающая число читанныхъ книгъ различныхъ авторовъ. Первое мѣсто въ этой таблицѣ принадлежало въ 1894 году графу Л. Н. Толстому, сочиненій котораго было выдано 1.291 книга, второе занималъ Гоголь (1,041 кн.), третье—изданія для народа (965 кн.), затѣмъ—Достоевскій (928 кн.), Тургеневъ (903 кн.) и т. д. Гр. А. Толстой занималъ 8-е мѣсто, Пушкинъ 11-е, Щедринъ,—13-е, Загоскинъ—14-е, Гончаровъ—15-е, Некрасовъ—16-е, Печерскій—17-е. Изъ 39-ти иностранныхъ авторовъ читались болѣе всего Куперъ, Дюма, Эмаръ, Герштекеръ, Гюго, Диккенсъ, Шпильгагенъ и т. д. Что касается читальни имени Островскаго, то книжный инвентарь ея на 1-е января отчетнаго года состоялъ изъ 1,975-ти названій, 76 дублетовъ, всего 3146 томовъ. Въ теченіе года читальня приняла новыхъ книгъ 49 названій, 14 дублетовъ, въ количествѣ 99 томовъ, изъ которыхъ всего болѣе романовъ, повѣстей и пр.—15 назв., 6 дубл. и 52 тома. Относительно числа читателей и здѣсь отмѣчено уменьшеніе ихъ противъ предыдущаго года на 258 чел. Здѣсь уменьшеніе числа посѣщеній коснулось главнымъ образомъ учащихъ въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, студентовъ, учителей и военныхъ. Затѣмъ главный контингентъ читателей

состоялъ изъ учащихся въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ (50,28%); студенты, занимающіе второе мѣсто, дали только 7,93%, ремесленники и мастеровые—7,4%, служащіе въ частныхъ предприятияхъ—6,43% и т. д. Послѣднія мѣста принадлежали учителямъ (0,90%), военнымъ (0,78) и духовенству (0,05). Охотнѣе всего читались большинствомъ группъ читателей иллюстрированные журналы; студенты и женщины не учащіяся предпочитали повѣсти русскія, учащіяся обоого пола—дѣтскія книги. По числу выданныхъ книгъ иллюстрированные журналы заняли лишь третье мѣсто, между тѣмъ какъ первое принадлежало дѣтскимъ книгамъ, а второе—повѣстямъ русскимъ; иностраннымъ принадлежало 4-е мѣсто. Какъ и въ Тургеневской читальнѣ, первое мѣсто, по числу затребованныхъ сочиненій, занялъ гр. Л. Н. Толстой (392 требованія). Далѣе шли: Тургеневъ, (315 требованій), Гоголь (312 требованій), Гончаровъ (301 треб.), Достоевскій, Островскій и проч. Изданія для народа требовались 206 разъ, Щедрина—153, Пушкина—154, Писемскаго—147, Некрасова—143, Печерскаго—120, Лермонтова—85, Загоскина—69, Лажечникова—65 разъ. Изъ иностранныхъ авторовъ первыя семь мѣстъ заняли: Куперъ, Дюма, Сенкевичъ Шпильгагенъ, Гюго, Эмаръ и Диккенсъ.

Читальни московскаго общества распространенія полезныхъ книгъ. Московское общество распространенія полезныхъ книгъ, принятое недавно подъ непосредственное покровительство его величества, имѣющее особую комиссію по устройству библиотекъ при больницахъ, пріютахъ и т. п., давно уже занимается собираемъ книгъ и денегъ на устройство библиотечекъ и съ 1872 года устроило библиотеки при московскихъ больницахъ, тюрьмахъ и пріютахъ въ количествѣ всего 65,730 томовъ. О больничныхъ библиотекахъ, общество сообщаетъ, что въ больничныхъ палатахъ, гдѣ больные отъ скуки не знали, что съ собою дѣлать, теперь устраивается общее чтеніе. Одинъ грамотный читаетъ, а человекъ по 10 слушаютъ. Въ нѣкоторыхъ больницахъ, гдѣ больные съ заразными болѣзнями обязаны оставаться дольше, явилась потребность раздавать буквари, по которымъ больные учатся одинъ отъ другого читать. Кромѣ этихъ библиотечекъ, общество распространенія полезныхъ книгъ устроило три собственныхъ читальни. Первая изъ нихъ открыта съ сентября 1892 г. и помѣщается въ Серпуховскомъ казенномъ училищѣ; въ ней теперь 1,040 экз. книгъ. Во 2-й и 3-й читальняхъ по 800 книгъ. Вторая существуетъ съ декабря 1894 г. на Пречистенкѣ, въ домѣ Туркестанова. Третья читальня для взрослыхъ откроется въ сентябрѣ, помѣщеніе для нея предоставлено бесплатно Московско-Казанскою желѣзною дорогою на товарной станціи. Первыя двѣ читальни открыты исключительно для дѣтей обоого пола отъ 6-ти до 16-ти лѣтъ и только въ праздничные дни и на лѣто закрываются. Изъ отчета 1-й читальни за 4½ мѣсяца, съ октября 1894 г. по 26-е февраля 1895 г., видно, что за этотъ срокъ ее посѣщали 310 мальчиковъ и 68 дѣвочекъ, изъ нихъ огромное большинство, именно 317, учащихся въ различныхъ школахъ. До чего малъ и недостаточенъ запасъ книгъ въ этихъ читальняхъ, видно изъ того, что, напримѣръ, въ 1-й читальнѣ книгъ по географіи и путешествіямъ всего 23 названія, по естественной исторіи всего 30. Всего больше требовались картины въ папкахъ и въ иллюстрированныхъ журналахъ. Изъ 1-й читальни съ 20-го ноября 1894 г. стали выдавать книги для чтенія также на домъ дѣтямъ, извѣстнымъ библиотечкаря или представившимъ удостовѣреніе изъ своего училища. На домъ книги брали 78 дѣтей. Случаевъ окончательной пропажи книгъ, данныхъ на домъ, до сихъ поръ не было ни одного.

Городская художественная галлерей П. и С. М. Третьяковыхъ въ Москвѣ. Въ появившемся отчетѣ о дѣятельности московской городской думы за 1894 годъ помѣщены интересныя свѣдѣнія, касающіяся картин-

ной галлерей П. и С. М. Третьяковыхъ, перешедшей въ вѣдѣніе городского управленія съ 15-го мая 1893 года. Въ моментъ перехода въ собственность города галлерей располагала слѣдующими художественными богатствами: 1.278 картины масляной живописи русскихъ художниковъ, стоимостью 858.652 рубля; 9 произведеній русской скульптуры на 15.100 рублей; 470 рисунковъ русскихъ художниковъ, стоившихъ 34.684 рубля, и 83 картины и рисунка иностранныхъ художниковъ, 4 танаргскихъ статуэтки и 5 гобеленовъ, стоившіе всѣ вмѣстѣ 520.520 рублей. Такимъ образомъ, цѣнность всѣхъ произведеній галлерей равнялась 1.428.929 рублей. За отчетное время, т. е. за 1893 и 1894 года, галлерей пополвилась слѣдующими произведеніями: на средства города были приобрѣтены 7 подготовительныхъ оригиналовъ для Владимірскаго собора въ Кіевѣ работы профессора В. М. Васнецова, обошедшіеся въ 10.000 рублей; затѣмъ поступили въ видѣ пожертвованій: 30 картинъ русскихъ художниковъ отъ П. М. Третьякова, общемою стоимостью въ 20.620 рублей, (причемъ наиболее дорогой картиной является «Радость праведныхъ о Господѣ» В. М. Васнецова, стоившая 10.000 рублей, затѣмъ «Осенній букетъ» И. Е. Рѣпина и портретъ П. И. Чайковскаго работы Н. Д. Кузнецова—по 2.000 рублей каждая и «Сходка» С. А. Коровина—1.000 рублей. Цѣнность остальныхъ колеблется между 25 рублями и 500 рублей); по одной картинѣ пожертвовали—И. М. Прянишниковъ («Проселокъ» А. К. Саврасова), И. И. Левитанъ, Н. Н. Ге и С. С. Шайкевичъ и 2 картины поступило отъ Е. Ф. Прянишниковой (Портретъ И. М. Прянишниковой работы В. Е. Маковского и «Этюдъ крестьянскихъ дѣтей на берегу рѣки» кисти И. М. Прянишниковой); сверхъ того пожертвованы разными лицами 19 рисунковъ, изъ коихъ 12 отъ П. М. Третьякова, цѣнностью 1.320 рублей, и наконецъ отъ него же поступила мраморная статуя «Христіанская мученица» профессора Антокольскаго, стоящая 15.000 рублей. Въ 1893 году галлерей была открыта для публики (съ 15-го августа) въ теченіе 116 дней, причемъ количество посѣщеній достигло до 59.042 (болѣе всего въ сентябрѣ—20.445 посѣщеній и октябрѣ—12.494 посѣтителей). Въ 1894 году галлерей была открыта для посѣщеній 305 дней и имѣла 87.561 посѣщеній (наибольшее число падаетъ на январь—11.399 и февраль—10.144 посѣтителей). Каталоговъ разошлось: въ 1863 году—10.131 и въ 1894 году—16.288. Въ первые мѣсяцы число посѣтителей въ нѣкоторые праздничные дни было такъ велико, что впускъ новыхъ временно приходилось приостанавливать.

Дѣятельность костромской ученой архивной комиссіи. Въ послѣднемъ общемъ собраніи комиссіи избрано было болѣе 20 новыхъ членовъ, принесшихъ въ даръ комиссіи довольно много важныхъ документовъ или открывшихъ для изслѣдованія свои домашніе архивы, какъ, напримѣръ, г-жи Корнилова, Карцева и друг., затѣмъ — священниковъ, доставившихъ свои труды по археологій и, наконецъ, почетнымъ членомъ избранъ кронштадтскій протоіерей о. Іоаннъ Сергіевъ, приславшій свое благословеніе въ письмѣ на имя предсѣдателя. Въ настоящее время комиссія особенно озабочивается намѣреніемъ сохранить всѣ памятники исторіи, относящіеся ко времени инокини Марѣы, матери перваго царя изъ дома Романовыхъ, бывшей костромской помѣщицы, вотчина которой находилась въ с. Домнинѣ съ деревнями вблизи извѣстнаго теперь села Молвитина. Предсѣдатель комиссіи имѣлъ возможность сдѣлать предварительное обозрѣніе всей этой мѣстности, и о результатахъ своей поѣздки въ с. Домнино сдѣлалъ сообщеніе членамъ комиссіи въ собраніи 29-го августа. Результаты эти выразились въ добытыхъ копіяхъ съ древнихъ актовъ, какъ, напримѣръ, завѣщаніе инокини Марѣы, разныхъ актовъ московскаго монастыря, которому была завѣщана вотчина, и прочее. Нашелся цѣлый родъ, ведущій начало отъ современника важнаго событія пона Евсевія; родъ

этотъ доселѣ сохранился, преемственно занимая мѣста священниковъ въ селѣ Домнинѣ. Кромѣ того, найдены историческія записки и копія съ прошеній XVII вѣка, равно какъ и исповѣдныя записи и межевые акты. При этомъ намѣчены пункты мѣстности, которые желательно снять посредствомъ фотографии. Кромѣ того, членомъ комиссіи г. Бекаревичемъ представленъ отчетъ о произведенныхъ въ истекшемъ году раскопкахъ кургановъ на правомъ и лѣвомъ берегахъ Волги, доставившихъ болѣе тысячи предметовъ разныхъ эпохъ. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ не встрѣчаются въ коллекціяхъ другихъ изслѣдователей и имѣютъ важное значеніе для уясненія вопроса о первыхъ поселенцахъ Костромской области. Въ числѣ предметовъ довольно много бронзовыхъ вещей и вообще предметовъ домашняго обихода, имѣющихъ серьезный интересъ въ смыслѣ изученія археологіи края и значительно обогатившихъ музей комиссіи. Сообщены были, наконецъ, извлеченія изъ наказовъ временъ Екатерины II, имѣющихъ значеніе для исторіи не только Костромской губерніи, но и вообще нашего отечества, особенно по обнаруживающимся въ нихъ тенденціямъ разныхъ сословій къ своему обособленію и къ защитѣ своихъ правъ и привилегій, какъ, напримѣръ, заявленія купечества Костромы и другихъ городовъ, и въ особенности фабрикантовъ и заводчиковъ. Этотъ трудъ комиссіи несомнѣнно представитъ интересъ въ своей окончательной разработкѣ.

Любопытный историческій памятникъ. Корреспондентъ «Варшавскаго Дневника» обращаетъ вниманіе на то, что верстахъ въ пяти отъ Новогорговска расположена деревня Окунинъ. Въ этой деревнѣ находится изба, теперь принадлежащая нѣкому Ивану Афеку, къ которой провелъ цѣлыя сутки Наполеонъ, наблюдая за переправой своихъ войскъ черезъ рѣку Наревъ, у Помѣхова. Деревня лежитъ на пологой возвышенности, постепенно спускающейся къ рѣкѣ. Рѣка, деревни у ея береговъ, верстъ на восемь кругомъ — все видно какъ на ладони, такъ что мѣсто вполне подходитъ для такихъ наблюденій. У входа въ избу вырѣзана на стѣнѣ надпись на французскомъ языкѣ: «Palais de l'empereur, le 23 decembre 1806». Буквы этой надписи, со странными заковычками, носятъ на себѣ отпечатокъ старины. Внутри избы, въ углу, черная мраморная доска, на которой, выгравировано по латыни: *Napoleo M. Imperator Rex - Hostes persequens — Nic postem egit — 23 X bris 1806, in Okunin.* Владѣлецъ домика, словоохотливый старикъ, съ уваженіемъ относится къ памяти великаго полководца и въ виду того, что изба уже еле держится, намѣренъ обратиться къ французскому консулу съ вопросомъ, что съ нею дѣлать. Отецъ Афека также цѣнилъ память Наполеона и приобрѣлъ довольно оригинальную вещицу. На деревянномъ тронѣ сидитъ мѣдная статуя Наполеона, одна нога котораго попираетъ земной шаръ. Въ Окунинѣ живутъ два брата Ивана Афека. Владѣльца замѣчательной избы, въ отличіе, называютъ «Афекъ Наполеонъ». Даже, по его словамъ, бумаги адресуютъ на имя Афека-Наполеона.

Старина г. Путивля. Корреспондентъ «Южнаго Края», указывая на то, что въ Путивлѣ сохранилось много остатковъ старины, которыми, къ несчастію, мало кто интересуется и которые съ теченіемъ времени могутъ уничтожиться безъ всякой пользы для археологіи, высказываетъ сожалѣніе, что въ Путивль не пріѣдетъ хорошій археологъ, для котораго здѣсь нашлось бы много интереснаго. Памятники старины приходятъ въ ветхость; мѣстное общество относится къ нимъ очень апатично; не было даже составлено описи цѣнныхъ остатковъ старины. Далѣе авторъ корреспонденціи перечисляетъ цѣнные въ археологическомъ отношеніи предметы. Въ старомъ корпусѣ монастыря хранятся: 1) образъ Жировецкой Божіей Матери литовскаго письма, которымъ родители благословляли Марію Мнишекъ; 2) кресло, на которомъ сидѣлъ Лжедимитрій, принимая

перешедшихъ къ нему путивлянъ; 3) дарохранильница, напоминающая по формѣ своей православную дарохранильницу, но украшенная католическими картинами-миніатюрами, изображающими страданія Спасителя съ латинскими надписями; дарохранильница деревянная и уже приходящая въ ветхость; 4) шитая золотомъ по шелку плащаница начала XVI вѣка; 5) нѣсколько весьма древнихъ и цѣнныхъ архіерейскихъ и митрополитическихъ панагій и крестовъ; 6) нѣсколько богослужебныхъ книгъ стараго письма и требникъ Петра Могилы и наконецъ 7) деревянное изваяніе Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, доставленное также Лжедмитріемъ. Въ монастырской бібліотекѣ хранится нѣсколько грамотъ и документовъ царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича. Въ мѣстномъ соборѣ также есть много историческихъ документовъ, вполнѣ открытыхъ для пыли и мышей и сокрытыхъ отъ глазъ археологовъ.

Къ біографіи Т. Г. Шевченки. Въ № 242 «Русскихъ Вѣдомостей» помѣщена небольшая замѣтка г. Матова, заключающая нѣсколько новыхъ данныхъ къ біографіи малороссійскаго поэта. Въ бытность свою въ Орскѣ авторъ замѣтки встрѣтился съ однимъ изъ сослуживцевъ Т. Г. Шевченки, Агапомъ Ѳеодоровичемъ К., бывшимъ фельдфебелемъ одной изъ тѣхъ ротъ 4-го Оренбургскаго линейнаго батальона, въ рядахъ которой поэтъ состоялъ рядовымъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. А. Ѳ. теперь, подъ семдесятъ лѣтъ; онъ—дряхлый старикъ, еще не утратившій однако же способности держать въ своихъ рукахъ бразды правленія надъ многочисленнымъ семействомъ. Изъ его разсказовъ г. Матову оказалось, что Шевченко почти все время своей невольной службы находился у А. Ѳ. К. въ ротѣ. Старикъ запомнилъ Шевченку больше всего потому, что тотъ «служилъ на особомъ положеніи». Человѣкъ онъ былъ, по словамъ А. Ѳ., веселый и съ товарищами не прочь выпить. Велъ себя смиренно, лишь время отъ времени задумывался; держали его «болно ужъ крѣпко. Писать и рисовать ему запрещалось; такъ бывало онъ, иногда, пойдеть въ укромное мѣсто, и мажетъ на стѣнѣ углемъ или мѣломъ картины». На стѣнахъ писалъ и стихи—все заборы испачкалъ. Офицеры его любили: все-таки онъ очень скучалъ. Во время Сыръ-Дарьинскаго похода Шевченко наравнѣ съ прочими попалъ въ команду. Къ учебной солдатской аммуниціи онъ былъ непривыченъ, а о походной и говоритъ нечего, такъ какъ все-таки пользовался нѣвѣстными льготами. Въ походѣ выступили въ жаркій, безвѣтряный день; даже киргизы ѣхали безъ верхняго халата. Только переправился отрядъ чрезъ Орь и вступилъ въ зеленую еще въ то время степь, какъ Шевченко вдругъ палъ въ строю. Ротный командиръ сначала было прикрикнулъ на сбѣжавшихся къ нему офицеровъ и доктора, но потомъ сжалился: Шевченку положили въ походную повозку и двинулись дальше. Скоро впрочемъ онъ поправился и мало-по-малу привыкъ къ условіямъ походной жизни. Другой орскій старожиль М. И. Бажановъ разсказывалъ г. Матову, что Шевченко нарисовалъ между прочимъ любопытную аллегорическую картину. Она представляла изъ себя малороссійскую деревушку со всеми аксессуарами южной природы. На первомъ планѣ картины выдѣляется ветхая хатка, обнесенная высокимъ частоколомъ. Синеватое небо мѣстами затянато тучками, изъ-за которыхъ по-временамъ вырываются солнечные лучи и, проникая чрезъ отверстіе частокола, живописными узорами золотятъ хатку. Лицомъ къ оградѣ и затылкомъ къ избушкѣ стоитъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія; въ распростертыхъ рукахъ онъ держитъ развернутую солдатскую шинель и пытается загородить ею проникающіе чрезъ ограду солнечные лучи и, такимъ образомъ, оставить въ тѣни убогую хатку. Гдѣ эта картина—М. И. не знаетъ. На разспросы г. Матова, не хранятся ли въ архивѣ воинскаго начальника какіе либо документы, относящіеся

къ ссылкѣ Шевченки, онъ получилъ отвѣтъ, что документы эти сгорѣли въ послѣдній большой пожаръ 1888 г., уничтожившій весь Орскъ.

Еъ біографіи Н. А. Добролюбова. Въ началѣ октября мѣсяца «Русскія Вѣдомости» помѣстили слѣдующую любопытную замѣтку г. Кудринскаго. Въ архивѣ нижегородской духовной консисторіи хранятся «Дѣло о поступленіи въ Санктпетербургскую духовную академію ученика высшаго отдѣленія нижегородской семинаріи Николая Добролюбова», дающее нѣсколько официально точныхъ данныхъ, касающихся школьныхъ успѣховъ извѣстнаго писателя, и обстоятельствъ его перехода изъ духовнаго званія въ свѣтское. Н. А. Добролюбовъ не кончилъ полного курса семинаріи. Послѣ декабрьскихъ испытаній онъ вышелъ изъ нея и рѣшилъ поступить въ университетъ. Отецъ (священникъ нижегородской Никольской церкви) наотрѣзъ отказалъ ему въ поступленіи въ университетъ. Тогда Добролюбовъ рѣшилъ поступить въ петербургскую академію. Старикъ согласился и въ февралѣ 1853 года подаль преосвященному Іереміи прошеніе, въ которомъ писалъ, что сынъ его «желаетъ поступить въ С.-Петербургскую духовную академію и съ этою цѣлью изготовилъ отъ себя прошеніе къ его сіятельству г. оберъ-прокурору св. синода и кавалеру гр. Николаю Александровичу Протасову, въ которомъ проситъ о дозволеніи явиться ему въ с.-петербургское академическое правленіе къ положенному сроку, для испытанія». Отецъ изъявилъ на это свое полное согласіе, обѣщавъ воспитывать сына въ академіи на свой счетъ и просилъ на это дѣло «святительскаго благословенія и содѣйствія». На этомъ прошеніи преосвященный написалъ резолюцію: «представить мнѣ семинарское правленіе справку о его успѣхахъ и поведеніи обстоятельно» (27-го февраля). Въ мартѣ, 9-го числа представлена преосвященному «выписка изъ дѣлъ нижегородскаго семинарскаго правленія о поведеніи и успѣхахъ ученика высшаго отдѣленія семинаріи Николая Добролюбова, оказанныхъ имъ въ теченіе всего курса ученія семинарскаго». Приводимъ эту выписку буквально: «I. Въ низшемъ отдѣленіи семинаріи ученикъ Добролюбовъ при поведеніи, способностяхъ—«весьма хорошихъ» (5), прилежаніи—«постоянно ревностномъ» успѣлъ: по катехизическому ученію, св. Писанію, ученію о богослужебныхъ книгахъ, словесности, исторіи гражданской—«весьма хорошо» (5); математикѣ—«очень хоряшо» (4); языкамъ: латинскому, греческому и нѣмецкому—«весьма хорошо» (5). II. Въ среднемъ отдѣленіи: при поведеніи, способностяхъ—«отмѣнно хорошихъ» (5) и прилежаніи «постоянно ревностномъ», успѣлъ: по разумѣнію св. Писанія, логики, психологіи, герменевтикѣ, патристикѣ—«отлично хорошо» (5); по церковно-библейской исторіи, исторіи русской, физикѣ—«весьма хорошо» (5); по естественной исторіи—«отлично» (5); по языкамъ: латинскому, греческому и нѣмецкому—«весьма хорошо» (5). III. Въ высшемъ отдѣленіи семинаріи на испытаніяхъ, бывшихъ въ декабрѣ мѣсяцѣ минувшаго 1852 года, оказался успѣшнымъ: при способностяхъ—«весьма хорошихъ» (5) и прилежаніи—«постоянно ревностномъ» по св. Писанію, догматическому богословію, церковной исторіи и археологіи—«весьма хорошо» (5); по сельскому хозяйству—«очень хорошо» (4); по медицинѣ—«хорошо» (3); по языкамъ: латинскому и греческому—«весьма хорошо» (5). Поведенія рекомендованъ въ теченіе сентября, октября, декабря, января, февраля большею частью: «отлично хорошаго», «скромнымъ», «прилежнымъ», и внимательнымъ къ своему дѣлу». На докладѣ семинаріи преосвященный написалъ: «заготовить письмо къ е. с. г. оберъ-прокурору св. синода съ прописаніемъ справки и прошеніемъ Добролюбова». Письмо было послано, разрѣшеніе получено, и Добролюбовъ въ августѣ мѣсяцѣ отправился въ Петербургъ. Слѣдуя своему внутреннему влеченію, онъ поступилъ не въ духовную академію, а въ педагогическій институтъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ

графъ Протасовъ (отношеніемъ отъ 8-го октября за № 11.281) увѣдомилъ просвѣщеннаго Іеремію, что Добролюбовъ выдержалъ экзаменъ въ педагогическій институтъ и просить (согласно ходатайству конференціи главнаго педагогическаго института) уволить его изъ духовнаго званія для поступленія въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія. Какъ извѣстно, Добролюбовъ безъ затрудненій былъ уволенъ въ свѣтское званіе.

† **Е. А. Вѣловъ.** 2-го ноября въ С.-Петербургѣ скончался отъ чахотки на 70-мъ году жизни д. с. с. Евгений Александровичъ Вѣловъ, извѣстный своею педагогическою и учено-литературною дѣятельностью. Покойный родился въ Нижнемъ-Новгородѣ и воспитывался въ мѣстной гимназіи, гдѣ преподавателемъ исторіи состоялъ П. И. Мельниковъ, позже извѣстный своими романами и повѣстями изъ приволжскаго быта. По окончаніи гимназическаго образованія, Е. А. поступилъ на историко-филологическій факультетъ Казанскаго университета, а затѣмъ, выпущенный кандидатомъ въ 1849 году, началъ свою педагогическую службу какъ преподаватель исторіи и географіи, сначала въ пензенскомъ дворянскомъ институтѣ, затѣмъ въ саратовской гимназіи и саратовскомъ женскомъ институтѣ, занимая вмѣстѣ съ тѣмъ должность инспектора классовъ, и, наконецъ, переѣхавъ въ Петербургъ, въ императорскомъ Александровскомъ лицей, гдѣ и служилъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ (1870—1895). Кромѣ того, покойный преподавалъ исторію въ Покровской и Василеостровской женскихъ гимназіяхъ. Со своими педагогическими занятіями Е. А. Вѣловъ соединялъ учено-литературную дѣятельность. Она выразилась въ напечатаніи извѣстныхъ учебниковъ «Русская исторія» и «Курсъ средней исторіи для высшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и самообученія» (Спб., 1878 г.) и въ длинномъ рядѣ статей, изъ которыхъ слѣдуетъ назвать: «О смерти царевича Димитрія» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1873 г., кн. 7—8), «Отношенія Фридриха II къ русскому двору» («Древняя и Новая Россія», 1875 г., кн. 8), «Результаты войнъ Россіи съ Турціей» (1877 г., кн. 6—8), «Императоръ Александръ I» (1877 г., кн. 12), «Одинъ изъ русскихъ государственныхъ вопросовъ въ началѣ XIX вѣка» («Историческій Вѣстникъ», 1880 г., кн. 10), «Объ историческомъ значеніи русскаго боярства до конца XVII вѣка» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1886 г., кн. 1—3; отдѣльно: Спб., 1886 г., 180 стр.), «Московскія смуты конца XVII вѣка» (1887 г., кн. 1—2) и «Предварительныя замѣчанія къ исторіи царя Іоанна Васильевича Грознаго» (1890 г., кн. 12).

† **И. С. Некрасовъ.** 3-го ноября въ Швейцаріи скончался ректоръ императорскаго Новороссійскаго университета, ординарный профессоръ по кафедрѣ русскаго языка и русской литературы, докторъ русской словесности, изслѣдователь древне-русской литературы Иванъ Степановичъ Некрасовъ. Происходя изъ духовнаго званія, покойный родился въ Москвѣ въ 1836 году и воспитаніе получилъ въ московской 2-й гимназіи, а съ 1855 г. на филологическомъ факультетѣ Московскаго университета, гдѣ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ учениковъ профессоровъ Ф. И. Булаева и С. П. Шевырева. Въ 1859 году онъ окончилъ университетскій курсъ со степенью кандидата и съ золотомъ медалью, полученною за сочиненіе «Исторія Псковскаго княжества», о которой профессоръ С. М. Соловьевъ далъ весьма лестный отзывъ. 1-го октября того же года И. С. Некрасовъ назначенъ былъ преподавателемъ русской словесности въ московскій кадетскій корпусъ, а съ 4 сентября 1863 г. сталъ читать тотъ же предметъ въ московской 4-й гимназіи. Въ 1864—1867 гг. онъ преподавалъ тотъ же предметъ сыновьямъ великой княгини Маріи Николаевны. Послѣ этого онъ былъ преподавателемъ въ московскомъ сиротскомъ домѣ. Выдержавъ экзаменъ на магистра, онъ избранъ былъ въ 1869 году исправляющимъ должность доцента въ Новороссійскій университетъ, а въ февралѣ слѣдую-

шаго года защитилъ съ большимъ успѣхомъ магистерскую диссертацию «Зарождение національной литературы въ сѣверной Руси» (Одесса, 1870 г.) и утвержденъ доцентомъ. За сочиненіе «Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго домостроя» (Москва, 1873 г.) И. С. Некрасовъ получилъ отъ Московскаго университета степень доктора русскаго словесности въ 1873 году и 27-го февраля того же года избранъ былъ ординарнымъ профессоромъ, минуя званіе экстраординарнаго. Онъ читалъ для студентовъ всѣхъ отдѣленій весьма интересный курсъ о народномъ элементѣ въ памятникахъ искусственной русскаго языка до XIII вѣка, для специалистовъ—о житіяхъ святыхъ въ древне-русской литературѣ, а затѣмъ 20 лѣтъ слишкомъ читалъ всѣ части общаго курса исторіи русскаго языка (до Тургенева включительно) и рядъ специальныхъ курсовъ. Съ 1874 по 1890 г. онъ былъ деканомъ своего факультета, а въ 1890 г. избранъ ректоромъ университета. Кромѣ названныхъ диссертаций покойному принадлежали еще слѣдующіе труды: Разборъ книги Шапова «Русскій расколъ старообрядства» (Лѣтописи Тихонравова, 1859 г., т. II), «О жизнеописаніяхъ святыхъ» («Русская Рѣчь», 1861 г., № 40), По поводу повѣсти «Князь Серебряный» («Московскія Вѣдомости», 1862 г., № 274), «Женскій литературный типъ древней Руси» («Филологическія Записки», 1864 г., кн. 3), «О портретныхъ изображеніяхъ русскіхъ угодниковъ въ ихъ житіяхъ» («Сборникъ общества древне-русскаго искусства» 1866 г.), «Новѣйшія изданія памятниковъ древней итальянской литературы» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1867 г., кн. 5 и 6), «Древне-русскій литераторъ» («Бесѣды въ обществѣ любителей словесности», 1867 г., вып. 1), «Древне-русское сказаніе объ убійствѣ въ Угличѣ» («Чтеніе въ обществѣ исторіи и древностей русскіхъ», 1868 г., кн. 1), «Нѣсколько данныхъ для характеристики древне-русскаго иконописца» («Вѣстникъ Московскаго Археологическаго Общества», 1868 г., вып. IV), «О современныхъ задачахъ изученія древне-русской литературы» (Отчетъ Новороссійскаго университета за 1869 годъ), «По поводу народнаго сказанія о двѣнадцати пятницахъ» («Филологическія Записки», 1870 г., кн. 3), «О значеніи Пушкина, Лермонтова и Гоголя въ исторіи русскаго языка» (Одесса, 1887 г.) и «О задачахъ изученія древне-русской литературы и народной поэзіи» (Спб., 1892 г.). Имъ же написанъ рядъ рецензій о пьесахъ, представленныхъ на премію Вуцины при Новороссійскомъ университетѣ. За свои труды покойный былъ избранъ въ дѣйствительные члены общества любителей русскаго языка при Московскомъ университетѣ (съ 20-го октября 1867 г.) и въ члены-корреспонденты императорскаго археологическаго общества въ Москвѣ (съ 17-го октября 1867 г.).

† П. М. Мартыновъ. 25 ноября въ Бѣлевѣ, Тульской губерніи, скончался писатель историкъ Петръ Мартыновичъ Мартыновъ. Покойный происходилъ изъ мѣщанской среды и родился въ Бѣлевѣ въ 1828 году; образованіе получилъ въ бѣлевскомъ уѣздномъ училищѣ, а затѣмъ выдержалъ экзаменъ въ Московскомъ университетѣ на званіе домашняго учителя по предмету русскаго языка. Въ 1859 году покойный, по распоряженію г. попечителя Московскаго учебнаго округа, былъ допущенъ къ исправленію должности учителя русскаго языка въ одоевскомъ уѣздномъ училищѣ, въ каковой должности и былъ утвержденъ по выдержаніи въ томъ же году въ педагогическомъ совѣтѣ тульской гимназіи спеціального испытанія на званіе учителя. Въ 1872 году П. М. было поручено исправленіе должности штатнаго смотрителя указаннаго училища, а черезъ два года послѣ того онъ былъ утвержденъ въ этой должности. Оставивъ затѣмъ педагогическую дѣятельность, П. М. поселился въ Бѣлевѣ, гдѣ послѣдніе годы занималъ должность смотрителя бѣлевскаго вдовьяго дома и покинулъ эту службу, по разстроенному здоровью, лишь

за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти. Покойному принадлежитъ честь ознакомленія публики съ историческимъ прошлымъ Бѣлева и его уѣзда, которыми были посвященъ рядъ статей, помѣщенныхъ имъ въ разные годы на столбцахъ «Тульскихъ губернскихъ Вѣдомостей». Изслѣдованію той же мѣстной старины посвящены и очерки его, печатавшіеся въ «Историческомъ Вѣстникѣ», какъ-то: «Село Мишенское—родина Жуковскаго»; «Жабынская Введенская пустынь»—описаніе мужскаго общежительнаго монастыря, въ которомъ почиваютъ мощи преподобнаго Макарія Жабынскаго; «Бѣлевскій вдовій домъ»—описаніе бывшаго дома купцовъ Дороеевыхъ, въ которомъ по пути изъ Таганрога въ Петербургъ остановилась императрица Елизавета Алексѣевна и въ которомъ она скончалась, послѣ чего, на память усопшей императрицы, въ этомъ домѣ было учреждено убѣжище для вдовъ; «Бѣлевское маркитантство» — краткая исторія странствованія въ былое время бѣлевцевъ, въ качествѣ маркитантовъ, въ походахъ за русской арміи. Послѣдними литературными произведеніями покойнаго были напечатанныя имъ въ 1895 г. въ «Тульскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ»: «Васькова гора» — историческая справка о происхожденіи названія горы, лежащей въ трехъ верстахъ отъ Бѣлева, и «Старина въ Бѣлевскомъ Спасо-преображенскомъ монастырѣ».

† С. М. Краевъ. Въ послѣднихъ числахъ октября въ городѣ Екатеринодарѣ, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, скончался одинъ изъ старѣйшихъ тружениковъ провинціальной печати—Семень Михайловичъ Краевъ. Въ Вильнѣ, Минскѣ, Одессѣ, Ростовѣ-на-Дону онъ являлся организаторомъ и затѣмъ ближайшимъ сотрудникомъ мѣстныхъ періодическихъ изданій. При его энергическомъ участіи въ Ростовѣ-на-Дону возникъ «Приазовскій Край»; онъ же, по преимуществу, впоследствии способствовалъ преобразованію издававшейся въ Ростовѣ газеты «Донская Пчела» въ газету «Югъ». Краевъ работалъ также и въ столичныхъ газетахъ, какъ петербургскихъ, такъ и московскихъ.

† А. И. Сюзевъ. 3-го ноября скончался въ С.-Петербургѣ соиздатель и редакторъ «Ремесленной Газеты» и журнала «Техническій сборникъ и вѣстникъ промышленности» Александръ Ивановичъ Сюзевъ. Покойный принималъ живое и дѣятельное участіе въ «Ремесленной Газетѣ» со дня выхода перваго номера и не только редактировалъ это изданіе, но написалъ для него множество разнообразнѣйшихъ статей, крупныхъ и мелкихъ. Изъ наиболѣе крупныхъ его статей можно отмѣтить: «Слесарное дѣло», «Окрашивание металловъ», «Производство гнутой мебели» и др. Окончивъ въ 1874 г. курсъ въ московскомъ техническомъ училищѣ со званіемъ механика-строителя, А. И. нѣкоторое время занимался частными работами по своей специальности, а также педагогическою дѣятельностью въ Дельневскомъ техническомъ желѣзно-дорожномъ училищѣ. Затѣмъ онъ вступилъ на службу въ Сѣверное страховое общество, гдѣ болѣе 15 лѣтъ состоялъ техникомъ и инспекторомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ былъ приглашенъ въ качествѣ управляющаго въ страховое общество «Москва».

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

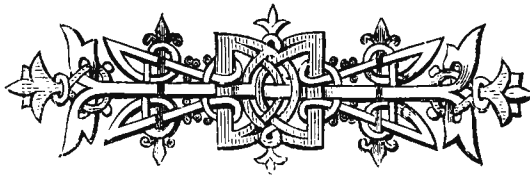
Портретъ Петра Великаго.

Въ прошломъ году, на выставкѣ печатнаго дѣла, типографія «Новаго Времени» въ числѣ многихъ работъ своихъ выставила, между прочимъ, два портрета, художественно исполненные хромофотографіей въ нѣсколько

красокъ, а именно: короля французскаго Людовика XIV и императора Петра Великаго. Портретъ Людовика XIV мы приложили къ июльской книгѣ «Историческаго Вѣстника» 1895 г., а къ настоящей книгѣ прилагаемъ портретъ Петра Великаго. Оригиналъ его, кисти талантливаго живописца прошлаго столѣтїя Таннауера, находится въ Романовской галереѣ Зимняго дворца.

Таннауеръ, или Данненгауеръ, былъ рекомендованъ Петру Великому во время пребыванїя его въ 1711 году въ Карлсбадѣ. Петръ привезъ молодого художника съ собою въ Россїю и въ 1712 году пожаловалъ ему званіе придворнаго живописца. Таннауеръ написалъ съ Петра нѣсколько портретовъ. О немъ въ дневникѣ камеръ-юнкера Берхгольца (часть II, стр. 303) говорится слѣдующее: «Послѣ обѣда (31 октября 1722 года) его высочество (герцогъ Голштинскій) съ Бонде и со мною ѣздилъ къ императорскому придворному живописцу Данненгауеру, который родомъ саксонецъ, и смотрѣлъ сдѣланные имъ портреты императора, императрицы, обѣихъ принцессъ, князя и княгини Меншиковыхъ, всѣ оригинальные, одинаковой величины и одинъ лучше другого. Хотя каждый изъ нихъ отличается необыкновеннымъ сходствомъ и не имѣлъ никакихъ недостатковъ, однако всѣхъ похожѣе былъ портретъ императора, совершенная натура».

Кромѣ того, въ сочиненїи современника Петра, Нартова: «Любопытныя сказанїя объ императорѣ Петрѣ Великомъ» тоже упоминается о Таннауерѣ: «Въ послѣднія свои лѣта Петръ Великій имѣлъ въ своей службѣ искуснаго портретнаго живописца Данненгауера, который совершенно на италїанскій вкусъ, прекраснѣйшими красками и съ отмѣннымъ расположенїемъ свѣта и тѣни, совершенно подобныя изображенїя сего монарха и его супруги, написалъ въ различномъ положенїи».

ОСАДА САРАГОССЫ

(Zaragoza)

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ПЕРЕСА ГАЛЬДОСА

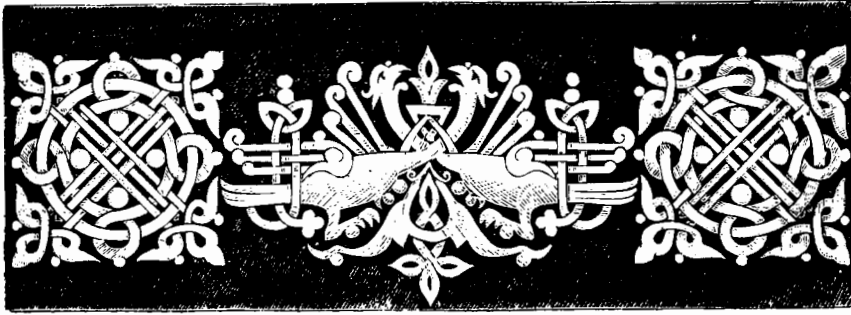
Переводъ съ испанскаго Е. УМАНЕЦЪ

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ФРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1896

I.

Ы ДОБРАЛИСЬ до Сарагоссы поздно вечеромъ 18-го декабря. Входя въ заставу Санхо, мы услышали, какъ часы на Новой башнѣ пробили десять. По внѣшности мы представляли собою очень жалкую картину; наше платье было все въ лохмотьяхъ, и къ тому же мы ощущали страшный голодь. Намъ пришлось идти черезъ Лерму, Серверу, Агреду, Тарасону и Борху, карабкаться на горы, переходить въ бродъ рѣки, пока, наконецъ, мы не вышли на большую дорогу Алагона, измученные до послѣдней степени. Не смотря на всѣ эти страданья, радостное сознание, что мы свободны, удесятиряло нашу энергію.

Насъ было четверо; между Лермой и Когольсомъ намъ удалось высвободить наши руки отъ веревки, связывавшей группу нашихъ плѣнныхъ соотечественниковъ, и бѣжали изъ французскаго плѣна. Въ день бѣгства мы соединили деньги, оказавшіяся при насъ; набралось всего одиннадцать реаловъ. За три дня мучительнаго пути мы истратили почти все, такъ что по прибытіи въ Сарагоссу нашъ общественный капиталъ состоялъ всего изъ тридцати одной кварты. Мы купили хлѣбъ и дружески раздѣлили его на четыре части.

Донъ Рокве, одинъ изъ нашихъ спутниковъ, имѣлъ въ Сарагоссѣ добрыхъ знакомыхъ, но поздній вечерній часъ не позволялъ намъ явиться въ семейный домъ. Розыскиванье друзей мы отложили до слѣдующаго дня, а такъ какъ у насъ не было средствъ

для того, чтобы остановиться въ гостиницѣ, то мы принялись искать уголка, гдѣ бы провести ночь.

Прилавки рынка показались намъ слишкомъ неудобными и жесткими для нашихъ измученныхъ членовъ. Мы побывали въ наклонной башнѣ, и хотя одинъ изъ спутниковъ и предложилъ лечь въ колокольнѣ, но я отклонилъ эту мысль, такъ какъ тамъ мы были бы какъ въ открытомъ полѣ. Мы все-таки тутъ отдохнули и поужинали сухимъ хлѣбомъ; ѣли мы его, однако, съ большимъ аппетитомъ, поглядывая на склонившуюся башню, напоминавшую собою гиганта, который заглядываетъ, что дѣлается у его ногъ. При свѣтѣ луны этотъ гигантъ былъ похожъ на фантастическую фигуру, которая не можетъ держаться прямо. Когда по небу плывутъ тучи, то, сидя внизу, невольно вздрагиваешь, такъ и кажется, что эти тучи увлекутъ за собой башню; однако, она вѣчно падаетъ и никогда не упадетъ.

Пройдя нѣсколько большихъ улицъ съ массою развалинъ, мы дошли до площади Санъ-Мигуэль, а оттуда, переходя изъ переулка въ переулокъ, добрались до монастыря св. Энграчии, разореннаго французами. У всѣхъ четверыхъ вырвалось единодушное восклицаніе, доказывавшее одну общую мысль: мы нашли мѣсто, гдѣ можно провести ночь.

Стѣна фасада съ мраморнымъ портикомъ еще стояла, украшенная множествомъ изящнѣй святыхъ съ спокойными лицами, какъ будто не знавшими о катастрофѣ. Внутри мы увидали поломанныя арки, колоссальныя колонны, безформенные куски стѣнъ; увидали рѣзбу, украшенія, статуи, въ безпорядкѣ разбросанныя по полу. Въ стѣнахъ были круглыя, словно выточенные, дырки отъ пуль. Въ одной изъ сохранившихся частей потолка еще висѣла люстра для лампадъ; кое-гдѣ на полу, между деревомъ и камнемъ, уже пробивалась трава.

Среди этого разоренія находилось нѣсколько совершенно цѣлыхъ, нетронутыхъ предметовъ, какъ, напримѣръ, органъ и маленькая исповѣдальница. При взглядѣ на эти обломки и вещи, не потерявшія своей прежней формы, казалось, что разгромъ здѣсь сдѣланъ лишь наскоро, что онъ еще не вполне оконченъ. Весь монастырь какъ будто еще дрожитъ отъ бомбъ и ждетъ новыхъ нападений.

Донъ Рокве сказалъ намъ, что подъ этой церковью есть другая, нижняя, въ которой покоится прахъ святыхъ мучениковъ Сарагоссы, но входъ въ это подземелье былъ заваленъ. Глубокая тишина царствовала тамъ; но вдругъ намъ показалось, что мы слышимъ человѣческіе голоса. По первому впечатлѣнію мы склонны были думать, что это тѣни христіанскихъ мучениковъ, потревоженные нами, шепчутся въ своихъ могилахъ. Въ ту же минуту, при мелькнувшемъ свѣтѣ луны, мы увидали группу людей, жавшихся въ углубленіи между двухъ огромныхъ упавшихъ колоннъ. Это

были нищіе Сарагоссы, которые нашли себѣ здѣсь дворець. Мы пристроились къ нимъ и улеглись спать.

Донъ Рокве мнѣ говорилъ:

— Я знаю дона Хозе де-Монторіа, одного изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ Сарагоссы. Мы оба изъ Мекиненцы, вмѣстѣ учились въ школѣ, вмѣстѣ играли. Хотя я и не видѣлъ его цѣлыхъ тридцать лѣтъ, но думаю, что онъ насъ хорошо приметъ. Онъ, какъ истый арагонецъ, самый душевный человѣкъ. Мы его увидимъ, друзья мои, увидимъ дона Хозе де-Монторіа... Я съ Монторіа въ родствѣ по матери. Мы придемъ къ нему и скажемъ...

Донъ Рокве уснулъ и я также.

II.

Наше жесткое ложе не позволяло проспать до поздняго утра, да и голодь разбудилъ насъ рано. Такъ какъ у насъ не было уборной, гдѣ мы могли бы умыться, то мы тотчасъ же собрались въ путь, отыскивать знакомыхъ. Всѣмъ намъ опять-таки пришла одна и та же мысль, что хорошо бы позавтракать, но мы единодушно должны были прийти къ заключенію, что наши скудныя средства не позволяютъ этого.

— Не огорчайтесь, друзья мои,—сказалъ донъ Рокве,—скоро я всѣхъ васъ приведу къ моему другу; онъ насъ угоститъ.

Когда онъ это говорилъ, мы увидали женщину и двухъ мужчинъ; это были наши ночные сосѣди и, повидимому, народъ привычный къ ночевкамъ въ такихъ углахъ. Одинъ изъ мужчинъ былъ безногій, на костыляхъ и двигался порою просто на четверенькахъ; это былъ старикъ съ веселымъ смуглымъ лицомъ. Онъ любезно поклонился намъ, и донъ Рокве спросилъ его, не знаетъ ли онъ, въ какой части города находится домъ дона Хозе де-Монторіа.

— Донъ Хозе де-Монторіа? — воскликнулъ нищій. — Да я его знаю лучше, чѣмъ моихъ собственныхъ дѣтей. Лѣтъ двадцать тому назадъ онъ жилъ въ улицѣ Альбардерія, потомъ переѣхалъ въ улицу Парра, потомъ... Да, я вижу, вы не здѣшніе?

— Да, мой другъ, мы не здѣшніе, и пришли присоединиться къ гарнизону этого города.

— Такъ что вы не были здѣсь 4-го августа?

— Нѣтъ.

— Не видали значить и битву при Эрасѣ? — спросилъ нищій, садясь противъ насъ.

— И этого не видали.

— А донъ Хозе де-Монторіа былъ тамъ; онъ вмѣстѣ съ другими захватилъ у французовъ пушку... Я вижу, что вы ничего не знаете! Изъ какой же страны свѣта пришли вы?

— Изъ Мадрида,—сказалъ донъ Рокве.—Такъ, значить, вы можете намъ сказать, гдѣ живетъ мой другъ донъ Хозе?..

— Какъ же не могу, какъ же не могу! — отвѣтилъ онъ и, вынувъ кусокъ хлѣба, принялся завтракать.— Изъ улицы Парро онъ переселился въ Энмедіо. Вѣдь вы знаете, что всѣ дома взорваны... Тамъ былъ Эстебанъ Лопесъ, солдатъ десятой роты волонтеровъ изъ Арагона, онъ съ сорока солдатами прогналъ всѣхъ французовъ.

— Это по истинѣ удивительно,—замѣтилъ донъ Рокве.

— Но если вы не видали 4-го августа, то значить вы ничего не видали,—продолжалъ старикъ.—А я видѣлъ и битву 4-го іюня, когда былъ въ улицѣ Паха и видѣлъ артиллеристку, когда она стрѣляла изъ пушки.

— Да, да, мы уже слышали о героизмѣ этой знаменитой женщины,—возразилъ донъ Рокве,—но еслибъ вы намъ сказали...

— Хорошо; донъ Хозе де-Монторіа большой другъ коммерсанта Андреса Гуспиде, который 4-го августа стрѣлялъ изъ переулка Соновой башни; туда сыпались гранаты, бомбы, картечи, а донъ Андресъ стоять, какъ столбъ. Больше ста мертвыхъ было вокругъ него, и онъ одинъ убилъ пятьдесятъ французовъ.

— О, это храбрый человѣкъ, и онъ другъ моего друга?

— Да, сеньоръ,—отвѣтилъ нищій.— Они оба первые рыцари въ Сарагоссѣ и каждую субботу подаютъ мнѣ милостыню. Меня зовутъ Пепе Пальехасъ, по прозванію Sursum Corda, потому что я цѣлыхъ двадцать девять лѣтъ былъ ризничимъ и пѣлъ... но это все равно, и вы, вѣроятно, слышали обо мнѣ въ Мадридѣ.

— Да,—сказалъ донъ Рокве, уступая порыву великодушія,— мнѣ кажется, мы тамъ слышали о васъ. Не правда ли, друзья мои?

— Ну, такъ вотъ... — продолжалъ нищій.— И вамъ надо знать, что послѣ этого я просилъ милостыню у дверей монастыря св. Энграчии, осажденнаго этими разбойниками 13-го августа. Теперь я прошу у Іерусалимскаго монастыря, гдѣ меня всегда можно найти... Такъ вотъ 4-го августа я былъ здѣсь и видѣлъ, какъ изъ церкви вышелъ Франциско Квилесъ, сержантъ первой роты, перваго стрѣлковаго баталіона, и онъ, какъ вамъ извѣстно, съ тридцатью пятью солдатами выгналъ французовъ изъ монастыря Епсагнаціон... Я вижу, что вы удивляетесь, да... А вотъ здѣсь въ саду св. Энграчии умеръ подполковникъ Мигуэль Жила. По крайней мѣрѣ двѣсти труповъ было тутъ въ саду. Конечно, еслибъ не присутствовалъ донъ-Мигуэль Саламеро... Да вы не знаете ничего этого?

— Нѣтъ, другъ мой,—отвѣтилъ донъ Рокве,— мы ничего этого не знаемъ и хотя мы и съ удовольствіемъ готовы послушать чуда, которыя вы намъ рассказываете, но теперь насъ больше всего интересуется, гдѣ найти дон-Хозе, моего стараго пріятеля,

потому что мы всѣ четверо страдаемъ болѣзною, которая называется голодь.

— Я сейчасъ же поведу васъ туда, — сказалъ нищій, предложивъ намъ своего хлѣба. — Но прежде я хочу сказать вамъ одну вещь, а именно, что еслибъ Маріано Серезо не защищалъ Альхаферіо, какъ онъ защищалъ, то ничего бы не было въ Портильо. Что это за человекъ Маріано Серезо, царствіе ему небесное! 4-го августа онъ ходилъ по улицамъ со шпагой и наводилъ на всѣхъ страхъ. Св. Энграція была похожа на вулканъ, сеньоры. Бомбы и гранаты падали, какъ дождь, но патриоты обращали на нихъ такое же вниманіе, какъ на капли воды. Большая часть монастыря разрушилась, дома дрожали; огонь въ окнахъ, огонь вверху, огонь внизу. Французы падали, какъ мошки, и сарагосцевъ не мало легло тутъ. Шестьдесятъ непріятельскихъ пушекъ было направлено на эти стѣны. Вы этого не видали? А я видѣлъ, обломки кирпичей и комья земли такъ и взлетали на воздухъ, но мертвыхъ кляли другъ на друга, и они служили баррикадами. Наши стрѣляли безъ конца, и скоро французскія пушки остались безъ прислуги. Когда командиръ увидаль, что одна пушка осталась безъ прислуги, онъ крикнулъ: «Эполеты тому, кто заклепаетъ эту пушку!» и Пепильо Руисъ пошелъ, какъ въ садъ, въ майскій день, заклепалъ пушку и вернулся съ улыбкой. А въ это время упала другая стѣна монастыря, многихъ тутъ подавило. Но командиръ, Антоніо Квадрось, сказалъ, что это ничего, и видя, что непріятель пробилъ большую брешь, самъ сталъ закладывать ее мѣшками съ шерстью. Тогда пуля попала ему въ голову. Его оттащили оттуда, онъ сказалъ, что и это ничего, и умеръ.

— Охъ! — съ нетерпѣніемъ произнесъ донъ Рокве. — Мы въ восторгѣ, сеньоръ *Sursum Corda*, и самый искренній патриотизмъ овладѣваетъ нами, слушая васъ, но если бы вы намъ сказали, какъ найти...

— Господи, да развѣ я не скажу? — воскликнулъ нищій. — Кажется, вѣдь чаще всего въ жизни я видѣлъ домъ дона Хозе де-Монторіа, такъ какъ онъ близко отъ Санъ-Пабло. Ахъ, вы не видали того, что происходило въ больницѣ? А я видѣлъ, да; туда также сыпались бомбы и гранаты. Больные, видя, что на нихъ валится крыша, стали выскакивать въ окна, другіе кувыркомъ бросались съ лѣстницъ. Слышались вопли, а сумасшедшіе въ своихъ камерахъ выли, какъ звѣри, другіе расхаживали съ хохотомъ и танцовали въ ужасными жестами. Нѣкоторые гуляли по улицамъ, какъ въ карнавалъ, или взбирались на колокольню и оттуда проповѣдовали, что за грѣхи людей будетъ сожженъ весь городъ. Женщины прибѣжали на помощь больнымъ и всѣхъ увели въ Пиларскій монастырь. Съ Новой башни звонили, когда летѣла бомба, но крикъ народа заглушалъ колоколь. Французы надвигались по

улицѣ св. Энграція, завладѣли больницей и монастыремъ Санъ-Франциско. Всѣ наши лучшіе начальники грудью бросились на непріятели, а изъ-за баррикады, которую она сама же и сдѣлала, ихъ ждала съ ружьемъ въ рукахъ графиня де-Бурета.

— Какъ, женщина, да еще и графиня воздвигала баррикады и стрѣляла? — съ энтузіазмомъ спросилъ донъ Рокве.

— Вы этого не знали? Такъ откуда же вы появились? Сеньора Марія де-Виллавиченчіо ходила по улицамъ, ласковыми словами воодушевляла ослабѣвшихъ, а потомъ, ставъ во главѣ партіи поселянъ, крикнула: «Мы всѣ умремъ здѣсь, прежде чѣмъ пропустимъ непріятели!»

— О, какая прелесть! — воскликнулъ донъ Рокве, икая отъ голода. — И съ какимъ удовольствіемъ я послушалъ бы все это съ полнымъ желудкомъ! Такъ вы говорите, что домъ дона Хозе находится...

— Находится тамъ, — отвѣтилъ хромой. — Такъ вотъ французы вломились въ главныя улицы, а наши поселяне такъ и рѣзали ихъ на куски. У меня до сихъ поръ стоитъ шумъ въ ушахъ отъ выстрѣловъ и криковъ. Тѣ дома, которыхъ не могли защитить, жгли дотла. Со всѣхъ сторонъ подымалось пламя... Мужчины, женщины, дѣти, всякій, у кого только были руки, всѣ защищались. Вы этого не видали? Такъ, значить, вы не видали ничего... Такъ вотъ Палафоксъ вышелъ въ этотъ день изъ Сарагоссы...

— Довольно, другъ мой, довольно, — произнесъ донъ Рокве, теряя наконецъ терпѣніе, — мы въ восторгѣ отъ вашихъ рассказовъ, но если вы сейчасъ же не проводите насъ до дома моего друга или не укажете, какъ намъ его найти, то мы найдемъ одни.

— Сейчасъ, сеньоры, не сердитесь, — отвѣтилъ Sursum Corda, заковылявъ начетверенькахъ. — Пойдемте туда, съ большимъ удовольствіемъ. Вонъ, видите этотъ домъ? Тутъ живетъ Антоніо Ластэ, первый сержантъ четвертаго баталіона; онъ спасъ шестнадцать тысячъ четыреста піастровъ изъ церковной кассы и отнялъ у французовъ воскъ, который они украли.

— Впередъ, впередъ, пріятель, — видя, что невозможный болтунъ опять присаживается и собирается рассказывать о подвигахъ Антоніо Ластэ.

— Теперь ужъ скоро придемъ, — отвѣтилъ онъ. — Я былъ здѣсь утромъ 1-го іюля, когда встрѣтилъ Хиларіо Лафуэнте, и онъ мнѣ сказалъ: «Сегодня атакуютъ Портилью». Тогда я отправился посмотрѣть, что тамъ такое, и...

— Мы уже все это знаемъ, — сказалъ донъ Рокве. — Пойдемте скорѣе, а потомъ поговоримъ.

— А вотъ этотъ разоренный и сожженный домъ, — не унимался хромой, — горѣлъ 4-ю. Подполковникъ второго стрѣлковаго баталіона бросился сюда съ пушкой и...

— Мы знаемъ все остальное, пріятель,—повторилъ донъ Рокве.— Поторапливайтесь впередъ.

— Но Кодэ земледѣлецъ изъ прихода Магдалины сдѣлалъ еще лучше,—продолжалъ старикъ, снова присаживаясь,—когда подошли французы, всѣ разбѣжались, а Кодэ спрятался подъ пушку, французы прошли, не замѣтивъ его, а онъ при помощи старухи, давшей ему веревку, перетащилъ пушку ко входу въ улицу. Пойдемте, я вамъ покажу.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы ничего не хотимъ видѣть, идите впередъ безъ всякихъ разговоровъ.

Мы такъ понукали его и такъ были глухи ко всѣмъ его исторіямъ, что въ концѣ концовъ, хотя и не скоро, онъ привелъ насъ въ улицу Хиларца, гдѣ находился домъ дона Хозе де-Монторіа.

III.

Но, увы! дона Хозе не было въ немъ, и намъ пришлось его розыскивать въ предмѣстьи города. Двое изъ нашихъ сопутниковъ, утомленные этими скучными переходами изъ улицы въ улицу, отдѣлились отъ насъ, рассчитывая собственными силами розыскать себѣ пристанище. Я остался вдвоемъ съ дономъ Рокве и отправился вмѣстѣ съ нимъ по направленію къ Бернардонѣ.

Такая продолжительная прогулка пѣшкомъ и натошакъ не представляла особенной прелести для нашихъ усталыхъ членовъ, но крайняя необходимость побуждала насъ двигаться впередъ, пока мы не нашли наконецъ радушнаго сарагосца, встрѣтившаго насъ очень ласково.

Когда мы подходили, Монторіа спиливалъ старыя оливковыя деревья, окружавшія его домъ; этого требовалъ планъ защиты улицъ барикадами. И не одинъ только нашъ другъ собственными руками разрушалъ доставшійся ему по наслѣдству прекрасный садъ; всѣ окрестные землевладѣльцы занимались тѣмъ же и съ такимъ спокойствіемъ наблюдали за этими разрушительными работами, какъ будто слѣдили за сборомъ винограда.

Монторіа говорилъ намъ:

— Прежде всего я спилилъ весь мой садъ тамъ, около Хуэрва, а теперь понадобился и этотъ, такъ какъ, говорятъ, намъ готовится нѣчто ужасное, судя по огромному количеству войскъ, которыя надвигаются на насъ французы.

Мы рассказали ему о томъ, какъ Мадридъ сдался на капитуляцію, что очень его огорчило, и о томъ, чего мы только-что наслушались, разумѣется, въ преувеличенномъ видѣ, о подвигахъ Сарагоссы. Онъ пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Тутъ сдѣлали все, что только могли.

Затѣмъ донъ Рокве началъ выставлать мои военныя и гражданскія доблести, чѣмъ размѣшилъ меня, такъ какъ большая часть его похвалъ была чистою выдумкой. Онъ началъ съ того, что я принадлежу къ одной изъ извѣстнѣйшихъ фамилій Нижней Андалузіи, и что я участвовалъ въ знаменитой битвѣ при Трафальгарѣ, какъ морякъ. Упомянулъ также о томъ, что мнѣ дано высокое назначеніе въ Пэру, и что во время осады Мадрида у Puerta de los Pozos я оказалъ такія чудеса храбрости, что французы, захвативъ многихъ плѣнниковъ, считая меня опаснымъ, рѣшили отправить во Францію. Онъ прибавилъ, что я, благодаря моей необыкновенной сообразительности, придумалъ и привелъ въ исполненіе планъ бѣгства въ Сарагоссу, и что мои способности несомнѣнно дадутъ блестящіе результаты въ будущемъ.

Между тѣмъ Монторіа осматривалъ меня съ головы до ногъ, и если отъ его взгляда не ускользнули дыры на моемъ платьѣ и обуви, то во всякомъ случаѣ онъ не могъ не замѣтить, что даже и въ лохмотьяхъ я имѣлъ приличный видъ. Осмотрѣвъ меня, онъ сказалъ мнѣ:

— Дубина! Я не могу принять васъ въ третью эскадру оруженосцевъ дона Сантьяго Сасъ, которой состою капитаномъ, но вы поступите въ роту моего сына, а если не желаете, то уходите изъ Сарагоссы, потому что здѣсь не нужны праздные люди. А васъ, донъ Рокве, другъ мой, такъ какъ вы не созданы для войны, дубина... мы сдѣлаемъ практикантомъ въ военномъ госпиталѣ.

Какъ только донъ Рокве услышалъ это, онъ по обыкновенію съ разными витіеватыми приемами объяснилъ, что, прежде чѣмъ приниматься за работу, мы были бы въ восторгѣ, еслибъ намъ дали по хлѣбу. Тогда мы увидали, что Монторіа сдвинулъ брови и взглянулъ на насъ такъ строго, что мы задрожали, и намъ показалось, что насъ сейчасъ выгонять за дерзость попросить ѣсть. Мы пролепетали скромныя извиненія. Со вспыхнувшимъ лицомъ нашъ протекторъ отвѣтилъ намъ:

— Такъ вы голодны? Дубина, убирайтесь къ чорту съ сотней тысячъ дубинъ! Почему вы этого раньше не сказали? Неужели я человѣкъ способный согласиться на то, чтобъ его друзья были голодны, дубина! Знайте же, что у меня больше сотни окороковъ ветчины виситъ въ кладовой, и стоитъ не меньше двадцати бочекъ вина, да, сеньоръ; а быть голоднымъ и не сказать мнѣ этого прямо въ лицо, безъ обиняковъ, это значитъ оскорбить такого человѣка, какъ я. Ну, идите скорѣе въ домъ и велите зажарить зайца да сдѣлать яичницу изъ двухъ десятковъ яицъ, да пусть зажарятъ шесть куръ и откупорятъ семь бутылокъ вина, потому что я также хочу завтракать. Придутъ всѣ сосѣди, и мои дѣти, если они недалеко. А вы, сеньоры, будете мною наказаны. Вы будете безъ вся-

кихъ церемоній ѣсть, что вамъ дадутъ. Здѣсь не понимаютъ комплиментовъ, дубина. Вы, сеньоръ донъ Рокве, и вы, сеньоръ де-Арачели, здѣсь у себя дома, и сегодня, и завтра, и всегда! Дубина! Хозе де-Монторіа—другъ своихъ друзей, все, что онъ имѣетъ, принадлежитъ имъ.

Рѣзкое великодушіе Монторіа насъ даже смутило. Такъ какъ онъ не допускалъ комплиментовъ, то мы принуждены были отложить въ сторону свѣтскія любезности и принять все, какъ должно. За завтракомъ онъ не давалъ намъ покоя.

— Что вы такъ мало ѣдите?—говорилъ онъ мнѣ.—Можетъ быть, вы нѣжнаго воспитанія и привыкли къ разнымъ тонкостямъ? Мнѣ это не нравится, кабальеро; я, кажется, разсержусь и силою заставлю васъ ѣсть. Эй, опорожните-ка этотъ стаканъ вина. Развѣ при дворѣ вино лучше? Ничуть не бывало. Такъ пейте же, дубина, или я васъ знать не хочу.

Такимъ образомъ мнѣ приходилось ѣсть и пить больше, чѣмъ этого требовалъ мой желудокъ, но надо было отвѣтить на великодушіе Монторіа, и не время было думать о своемъ здоровьѣ, когда являлась опасность потерять его дружбу.

Послѣ завтрака опять принялись за пилку деревьевъ, и богатый землевладѣлецъ работалъ, не переставая.

— Посмотримъ,—говорилъ онъ,—удастся ли имъ на этотъ разъ атаковать замокъ. Вы не видали еще нашихъ работъ? Я даль для барикады двѣсти мѣшковъ шерсти, но это пустякъ, я отдамъ все, что имѣю.

Когда мы отправились въ городъ, Монторіа повелъ насъ взглянуть на барикады, сдѣланныя въ западной части. У заставы Портильо была воздвигнута полукруглая батарея, защищавшая монастырь Августиновъ. Отъ этого зданія до монастыря Тринитаріевъ шла также высокая, хорошо укрѣпленная стѣна, обрытая глубокимъ ровомъ, тянущимся вплоть до кладбища Эрасъ, гдѣ 15-го іюня произошла кровопролитная битва.

Съ сѣверной стороны у заставы Санхо, по берегу Эбро также шли укрѣпленія, оканчивавшіяся ровомъ. Всѣ эти работы, сдѣланныя хотя и старательно, но наскоро, не имѣли устойчивости. Если бы одинъ изъ французскихъ генераловъ, не знавшій удивительной храбрости сарагосцевъ, увидаль эти огромныя земляныя насыпи, онъ посмѣялся бы надъ стараніями этихъ людей, но такъ или иначе необходимо было покориться военнымъ требованіямъ обороны. Тогдашняя Сарагосса по сравненію съ Данцигомъ, Метцемъ, Севастополемъ, Кароагеной, Гибралтаромъ и другими знаменитыми взятыми крѣпостями была не болѣе, какъ картонной игрушкой.

IV.

Дома Хозе де-Монторіа еще разъ поссорился со мной и доношь Рокве за то, что мы не хотѣли взять у него денегъ на кое-какія покупки, необходимыя намъ; здѣсь повторились удары кулакомъ по столу, и посыпался цѣлый градъ дубинъ и иныхъ, подобныхъ этому словечекъ, пока мы не пришли къ взаимному соглашенію.

Здѣсь мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ объ этомъ оригинальномъ человѣкѣ. Дону Хозе было лѣтъ шестидесятъ; высокаго роста, цвѣтуцій, широкоплечій, здоровый, довольный собой, онъ сохранилъ спокойствіе совѣсти. Въ этомъ добродѣтельномъ и примѣрномъ человѣкѣ не доставало только воспитанія, или, вѣрнѣе сказать, свѣтскаго лоска, которымъ тогда уже начинали блистать дѣти богатыхъ семействъ.

Донъ Хозе не понималъ тонкостей этикета и былъ чуждъ лестной лжи и любезнаго обращенія. Такъ какъ у него самого душа всегда была нараспашку, то онъ требовалъ того же и отъ своихъ друзей и не любилъ недомолвокъ. Въ минуты гнѣва онъ не помнилъ себя и доходилъ до крайностей и почти всегда раскаивался въ этомъ.

У него не было колебаній, и его христіанскія добродѣтели были, быть можетъ, нѣсколько грубы, какъ кусокъ прекраснаго мрамора, до котораго не дотроулся рѣзецъ скульптора. Надо было умѣть понять его самого и его странности, эксцентричность, если только можно назвать эксцентричностью его великодушіе относительно всякаго ближняго, безъ исключенія. Онъ никогда не умѣлъ скрыть того, что происходило въ его душѣ, и изъ-за этого наживалъ себѣ непріятности. Онъ прощалъ обиды, вознаграждалъ хорошіе поступки и большую часть своего состоянія раздавалъ неимущимъ.

Одѣвался онъ просто, много ѣлъ, постился весь Великій постъ и фанатически поклонялся Пиларской Богоматери, покровительницѣ Сарагоссы. Его разговорный языкъ не отличался изысканностью и, какъ онъ признавался самъ, никоимъ образомъ не могъ удержаться отъ слова дубина, ежеминутно подвертывавшагося ему на языкъ.

Онъ имѣлъ жену и троихъ дѣтей. Жена его, Леокадія Сарьера, родомъ изъ Наварры, была прекрасная женщина. Двое старшихъ дѣтей, сынъ и дочь, были уже семейные люди и подарили отцу нѣсколько внуковъ. Младшій, Августинъ, предназначался къ служенію церкви, какъ и его дядя. Со всѣми ними я познакомился въ первый же день, и они мнѣ очень понравились. Они относились ко мнѣ съ такимъ искреннимъ радушіемъ, какъ будто знали меня давнымъ давно. Я, какъ человѣкъ вообще довѣрчивый, сразу почувствовалъ глубокую симпатію къ этой милой семьѣ.

— Донъ Рокве, — сказала я вечеромъ моему товарищу, когда мы легли спать въ отведенной намъ комнатѣ, — я никогда не встрѣчалъ еще такихъ людей. Неужели всѣ арагонцы такіе?

— Ну, всякіе бываютъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—но людей, подобныхъ дону Хозе де-Монторіа, и такихъ семействъ, какъ это, очень много въ Арагонѣ.

На слѣдующій день я принялся за дѣло. Рѣшительность этихъ людей возбудила во мнѣ такой сильный энтузіазмъ, что мнѣ хотѣлось, во что бы то ни стало, слѣдовать ихъ примѣру. Всѣмъ извѣстно, что въ эти тяжелые дни Сарагосса и сарагосцы совершали чудеса храбрости, и что все происшедшее въ этомъ безсмертномъ городѣ въ устахъ повѣствователей принимало окраску легенды героическихъ временъ. Въ болѣе отдаленной эпохѣ подвиги сарагосцевъ приняли еще обширнѣйшіе размѣры, и въ Англии и Германіи эти босые солдаты, съ головами, обвязанными рваными платками, казались какими-то фигурами на котурнахъ.

— Сдайтесь на капитуляцію, и мы васъ одѣнемъ,—говорили французы при первой осадѣ, удивляясь стойкости бѣдныхъ, оборванныхъ поселянъ.

— Мы не умѣемъ сдаваться,—былъ отвѣтъ,—и наши тѣла можетъ покрыть только слава.

Эти и подобныя этимъ фразы заставили о себѣ говорить по всей Европѣ.

13-го декабря Палафоксъ издалъ манифестъ, по которому всѣ испанцы другихъ провинцій должны были оставить Сарагоссу въ двадцать четыре часа въ силу того, что скопленіе лишняго народа въ городѣ могло лишь тормозить дѣло, и, кромѣ того, въ военное время берегли провіантъ. Но за нѣсколько дней до моего прихода изданъ приказъ собрать солдатъ центрального полка, разбросаннаго въ Туделѣ, и такимъ образомъ, хотя я и не принадлежалъ къ названному полку, но, благодаря тому, что я участвовалъ при осадѣ Мадрида, и протекціи Монторіа, я былъ зачисленъ въ сарагосскій гарнизонъ.

Меня приняли въ батальонъ волонтеровъ Санъ-Педро, выдали мнѣ мундиръ и ружье. Въ стрѣлковый батальонъ Сантьяго Саса я не попалъ, потому что онъ состоялъ почти исключительно изъ прихожанъ церкви Санъ-Пабло, и туда не принимали слишкомъ молодыхъ людей. По этой же причинѣ и сынъ дона Хозе де-Монторіа, Августинъ, записался въ батальонъ Санъ-Педро. Судьба послала мнѣ въ немъ добраго товарища и превосходнаго друга.

Съ перваго же дня моего вступленія разнеслись слухи о томъ, что французы близко, но подтвердились они лишь 20-го. Уже смеркалось, когда непріятельскій отрядъ подошелъ къ Цуэрѣ съ лѣвой стороны, угрожая предмѣстью, другой, подъ предводительствомъ Сушэ, подошелъ справа къ Санъ-Ламберто. Главнокомандующій Монсэ съ тремя дивизіями приблизился къ Хуэрта. На насъ на двигались сорокъ тысячъ человѣкъ.

Французы, сгорая нетерпѣніемъ разбить насъ, начали свои дѣйствія 21-го раннимъ утромъ. Они осадили гору Торреро и лѣвое предмѣстье рѣки Эбро, пункты, безъ которыхъ не было никакой возможности подойти къ городу. Мы принуждены были оставить Торреро въ силу опасности ея защиты, но въ предмѣстьѣ сарагосцы выказали столько храбрости и энергичнаго упорства, что этотъ день остался однимъ изъ блестящихъ дней въ блестящей исторіи Сарагоссы.

Съ четырехъ часовъ утра батальонъ Санъ-Педро былъ назначенъ охранять позицію отъ Св. Энграціи до монастыря Тринитаріевъ; это былъ самый слабый пунктъ среди укрѣпленій, окружавшихъ городъ. Позади Св. Энграціи находилась батарея de los Martires, мостъ Хуэрва былъ защищенъ редутомъ, который тянулся до Сосновой башни и далѣе почти по прямой линіи до монастыря Тринитаріевъ, оканчиваясь у заставы Карменъ. Кто видѣлъ Сарагоссу, тотъ легко пойметъ мое описаніе, потому что до сихъ поръ еще сохранились развалины Св. Энграціи и застава Карменъ.

И такъ мы оберегали описанное пространство, и часть солдатъ разбила нашъ бивуакъ въ одномъ изъ садовъ рядомъ съ коллегіей Карменъ. Я не разставался съ Августинемъ Монторіа, потому что его спокойный характеръ и любовь, которую онъ мнѣ выказалъ съ первой встрѣчи, дѣлали его общество пріятнымъ для меня; кромѣ того, въ нашихъ идеяхъ и взглядахъ на вещи было что-то общее.

Это былъ очень красивый молодой человѣкъ, съ большими живыми глазами, высокимъ лбомъ и тѣнью серьезной грусти въ лицѣ. Его сердце, какъ и сердце его отца, было полно великодушія, изливавшагося при всякомъ удобномъ случаѣ; благодаря образованію, въ немъ не замѣчалось ни рѣзкихъ сужденій, ни рѣзкихъ манеръ дона Хозе. Августинъ вступалъ въ жизнь съ увѣренностью человѣка, богато одареннаго умомъ и сердцемъ; казалось, ему не достаетъ лишь широкой арены для самыхъ благородныхъ, высокихъ поступковъ. Къ этимъ качествамъ присоединялось блестящее воображеніе, но увѣренное, твердое. Онъ не былъ похожъ на большинство молодежи, которая нерѣдко сама не знаетъ, на что идетъ; Августинъ, воспитанный въ латинской школѣ, зналъ свою дорогу впереди.

Будучи поэтомъ въ душѣ, онъ старательно изучалъ древнихъ классиковъ и богословіе. Отцы семинаріи, люди ученые и очень хорошо относившіеся къ молодежи, считали его своего рода свѣтиломъ и надѣялись увидать Августина, какъ служителя церкви. Семья Монторіа была въ восторгѣ отъ этой будущности сына и съ нетерпѣніемъ ожидала дня, когда онъ будетъ служить первую обѣдню.

Для меня было несомнѣнно, что Августинъ не созданъ былъ для церкви. Его родные, такъ же какъ и отцы семинаріи, не хотѣли этого понять, хотя бы имъ сказать это самъ Святой Духъ. Способный богословъ, наизусть знавшій всего Горациа и удивлявшій

отцовъ и родныхъ своими обдуманнѣми, сознательными отвѣтами на экзаменахъ, имѣлъ такую же склонность къ церкви, какъ Моцартъ къ войнѣ, Рафаэль къ математикѣ или Наполеонъ къ танцамъ.

V.

— Габріэль, — сказалъ онъ мнѣ въ это утро, — тебѣ хочется драться?

— Августинъ, а тебѣ хочется драться?—отвѣтилъ я вопросомъ на его вопросъ.

Мы съ нимъ послѣ трехъ дней знакомства были уже на ты.

— Не особенно, — сказалъ онъ. — Представь себѣ, что первая пуля убьетъ насъ...

— Ну, что же, мы умремъ за родину, за Сарагоссу, и хоть потомство и не вспомнитъ насъ, но всегда благородно пасть на полѣ битвы для такой высокой цѣли.

— Все это прекрасно,—съ грустью возразилъ онъ,—а все-таки жалко умереть... Мы молоды. Кто знаетъ, что суждено намъ въ жизни?

— Жизнь—это нищета, и, чтобъ она казалась лучше, не надо о ней думать.

— Такъ говорятъ старики, а мы только еще начинаемъ жить. Откровенно говоря, я вовсе не желалъ бы умереть въ этомъ ужасномъ кругу, которымъ насъ окружили французы. Въ первой битвѣ также всѣ воспитанники семинаріи принимали участіе, но сознаюсь тебѣ, что тогда я былъ храбрѣе, чѣмъ теперь. Тогда какой-то особенный огонь разливался въ моей крови и кидалъ меня въ самые опасныя пункты, и я не боялся смерти. Сегодня совсѣмъ другое: я боюсь, и каждый ружейный выстрѣлъ заставляетъ меня вздрагивать.

— Это понятно,—отвѣтилъ я.—Страхъ не существуетъ, пока не сознается опасность; поэтому и говорятъ, что самые храбрыя солдаты,—это новобранцы.

— Нѣтъ, это совсѣмъ не то. Откровенно говоря, Габріэль, это происходитъ потому, что вовсе не хочется умирать такъ, безъ всякой причины. На случай, если я умру, я дамъ тебѣ порученіе, которое, я надѣюсь, ты исполнишь, какъ искренній другъ. Пойми хорошенько, что я тебѣ скажу. Видишь ты эту наклонную башню, которая какъ будто засматриваетъ, что тутъ происходитъ, или слушаетъ, о чемъ мы говоримъ?

— Это Новая башня; я ее вижу. Какое же порученіе къ этой сеньорѣ дашь ты мнѣ?

Среди неправильныхъ и неровныхъ крышъ города, между минаретовъ и церковныхъ колоколенъ, возвышалась передъ нами Новая башня.

— Ну, такъ слушай,—продолжалъ Августинъ.—Если меня убьютъ при первыхъ же выстрѣлахъ этого начинающагося дня, когда окончится битва, и васъ распустятъ по бивуакамъ, ты пойдешь туда...

— Въ Новую башню? Приду, войду...

— Нѣтъ, милый, входить не надо. Я тебѣ скажу: ты придешь на площадь Санъ-Филиппо, гдѣ находится башня... Посмотри въ ту сторону: видишь, рядомъ съ высокой колокольней стоитъ низенькая? Она напоминаетъ скромнаго монашка, стоящаго передъ каноникомъ.

— Да, я вижу монашка. Если не ошибаюсь, это колокольня Санъ-Филиппо. Вотъ звонять...

— Это къ обѣднѣ, къ ранней обѣднѣ,—съ волненіемъ сказалъ Августинъ.—Развѣ ты не слышишь этого перезвона?

— Хорошо, что же я долженъ сказать этому монашку, совершающему этотъ перезвонъ?

— Ничего, дѣло совсѣмъ не въ томъ. Ты придешь на площадь Санъ-Филиппо. Если ты помотришь на колокольню, то увидишь, что она стоитъ въ углу, и съ этого угла начинается широкая улица, ты войдешь въ нее и повернешь налѣво въ такую же широкую улицу, которая называется Антонъ-Трильо. Ты пойдешь по ней, пока церковь не останется за спиною. Тогда ты увидишь домъ и остановишься...

— И сейчасъ же вернусь.

— Нѣтъ; рядомъ съ домомъ, о которомъ я тебѣ говорю, есть садъ, къ нему ведетъ навѣсъ шоколаднаго цвѣта. Ты войдешь туда...

— Войду туда и тамъ останусь.

— Да нѣтъ, ты увидишь...

— Однако ты поблѣднѣлъ, какъ полотно, Августинъ. Что значать эти дома и эти башни?

— Значать то, что когда ты туда придешь...—продолжалъ мой другъ, волнуясь все больше и больше.—Предупреждаю тебя, что ты долженъ идти поздно вечеромъ... Хорошо, ты придешь, остановишься, подождешь немного, потомъ перейдешь на противоположный тротуаръ и увидишь черезъ заборъ сада окно. Возьми маленькій камешекъ и брось его въ стекло, но такъ, чтобы не дѣлать большого шума.

— И затѣмъ тотчасъ же выйдетъ она.

— Нѣтъ, милый, имѣй терпѣніе; и потомъ, почему ты знаешь, выйдетъ она, или не выйдетъ?

— Хорошо; предположимъ, что выйдетъ.

— Раньше я скажу тебѣ еще одну вещь: тамъ живетъ дядя Кандіола. Ты знаешь, кто это дядя Кандіола? Это сарагосецъ, человѣкъ, у котораго, какъ говорятъ, цѣлый подвалъ набитъ деньгами. Онъ очень скупъ и ростовщикъ; когда онъ даетъ въ долгъ, то не

падать своих должников. Онъ прекрасно знаетъ гражданскіе законы, и бѣда тому, кто затѣветъ съ нимъ тяжбу.

— Такъ что, значить, домъ съ шоколаднаго цвѣта навѣсомъ похожъ на прекрасный дворецъ?

— Совсѣмъ нѣтъ; ты увидишь жалкій, полуразвалившійся домишко. Я же тебѣ говорю, что дядя Кандіола скупецъ. Онъ не истратитъ реала, хоть бы его разстрѣляли, и если ты увидишь его тутъ, то подашь ему милостыню. Въ Сарагоссѣ всѣ его ненавидятъ, презираютъ и насмѣхаются надъ нимъ. Если не ошибаюсь, его зовутъ кажется донъ Иеронимо де Кандіола изъ Малорки.

— И у этого дяди Кандіолы есть дочка.

— Да подожди, пожалуйста. Какой ты нетерпѣливый! Ну, почему ты знаешь, есть у него дочь, или нѣтъ?—сказалъ онъ, стараясь скрыть отъ меня свое смущеніе.—Такъ вотъ, какъ я тебѣ уже сказалъ, дядю Кандіолу ненавидитъ весь городъ за его скупость и злое сердце. Онъ многихъ бѣдняковъ посадилъ въ тюрьму, послѣ того, какъ разорилъ ихъ. Кромѣ того, во время осады онъ не далъ ни одной квартиры на войну и самъ не пошелъ, не хотѣлъ принять въ свой домъ раненыхъ, и когда одинъ разъ сказалъ, что ему ни до кого нѣтъ никакого дѣла, народъ чуть не разорвалъ его.

— Значить, этотъ обладатель домика съ садомъ и навѣсомъ шоколаднаго цвѣта,—порядочный негодяй. А что если когда я брошу камешекъ въ окно, выйдетъ дядя Кандіола съ веревкой въ рукахъ и отхлещетъ меня за авантюры съ его дочкою?

— Не балагурь, пожалуйста, и молчи. Развѣ ты не знаешь, что, какъ только начинаеть смеркаться, Кандіола запирается въ свой подвалъ и тамъ пересчитываетъ деньги до полуночи? Станетъ онъ заниматься... Сосѣди рассказываютъ, что изъ подвала доносятся звукъ золота, какъ будто тамъ пересыпаютъ цѣлые мѣшки золотыхъ монетъ.

— Прекрасно; я приду, брошу камешекъ, подожду, она выйдетъ, и я ей скажу...

— Ты ей скажешь, что я умеръ... нѣтъ, нѣтъ, не будь такъ жестокъ. Дай ей мои эполеты... нѣтъ, скажи ей... нѣтъ, лучше ничего ей не говори.

— Въ такомъ случаѣ, я дамъ ей эполеты.

— Нѣтъ, и эполеты не давай.

— Да, я понялъ. Когда я приду, то пожелаю ей добраго вечера и уйду напѣвая...

— Нѣтъ, она должна знать о моей смерти. Ты сдѣлай то, что я тебя прошу.

— Но если ты меня ни о чемъ не просишь?

— Да куда же ты торопишься? Подожди. Можетъ быть, меня еще и не убьютъ.

— Да, такъ зачѣмъ же было все это начинать?

— Но со мною совершается нѣчто странное, Габріэль, и я тебѣ расскажу откровенно. Мнѣ очень, ужасно хотѣлось бы довѣрить тебѣ эту тайну, которая давить мнѣ грудь. Кому же мнѣ и сказать, какъ не тебѣ, моему другу? Если я тебѣ не скажу, то у меня сердце разорвется, какъ граната. Я очень боюсь какънибудь проговориться во снѣ и поэтому стараюсь не спать по ночамъ. Если бы мой отецъ, мать, братъ знали объ этомъ, они бы меня убили.

— А отцы семинаріи?

— Не говори мнѣ о нихъ. Вотъ ты увидишь, что случилось. Ты знаешь радге Ринкона? Онъ меня очень любитъ и каждый вечеръ беретъ съ собою на прогулку въ Торреро или по дорогѣ въ Фуслиболъ. Мы главнымъ образомъ разговариваемъ о богословіи. Ринконъ такой страстный поклонникъ Горація, что постоянно повторяетъ: «Жаль, что этотъ человѣкъ не былъ христіаниномъ, его можно было бы сдѣлать каноникомъ». Онъ всегда носитъ съ собою маленькій томикъ Эльзивируса, и когда мы устаемъ отъ ходьбы, то садимся, онъ читаетъ вслухъ, и мы дѣлаемъ разные коментаріи... Хорошо... теперь я тебѣ скажу, что радге Ринконъ приходился родственникомъ Маріи Ринконъ, покойной жены Кандіолы, у котораго по дорогѣ Монзальбарба есть домъ, такъ жалкій домишко, скорѣе похожій на хижину, чѣмъ на домъ, но окруженный густымъ садомъ съ превосходнымъ видомъ на Эбро. Разъ, вечеромъ, мой учитель вздумалъ навѣстить своего родственника. Мы отправились туда, вошли въ садъ, Кандіолы не было, но къ намъ навстрѣчу вышла его дочь, и Ринконъ сказалъ ей:

— «Мариквилья, предложи персиковъ этому молодому человѣку, а мнѣ принеси стаканчикъ того, что ты знаешь».

— А Мариквилья красива?

— Не спрашивай этого. Неужели некрасива? Ты увидишь. Padre Ринконъ взялъ ее за подбородокъ и, повернувъ ко мнѣ лицомъ, сказалъ:

— «Августинъ, сознайся, что ты во всю твою жизнь ни разу не видалъ такого прелестнаго личика. Посмотри, что за огненные глаза, что за ангельскій ротъ, что за чудный лобъ».

Я дрожалъ, а Мариквилья, зардѣвшись яркимъ румянцемъ, засмѣялась. Тогда радге Ринконъ продолжалъ:

— «Тебѣ, какъ будущему служителю алтаря и примѣрному молодому человѣку, понимающему страсть только къ книгамъ, можно показать это сокровище. Полюбуйся, юноша, вѣнцомъ творенья Создателя. Замѣть выраженіе этого лица, нѣжность этихъ взглядовъ, грацію улыбки, свѣжесть губъ, стройность всей фигуры и признайся, что если красивы небо, цвѣты, горы, то все-таки вся природа блѣднѣетъ передъ законченнымъ совершенствомъ красивой женщины».

Такъ говорилъ мнѣ мой учитель, и я въ изумленіи смотрѣлъ на этотъ вѣнецъ творенья, который безспорно былъ лучше Энеиды. Я

не умѣю объяснить тебѣ, что я чувствовалъ. Представь себѣ, что Эбро, эта большая рѣка, сливающаяся съ моремъ, неожиданно повернула свое теченіе обратно, къ Астуріи де-Сантильяно; нѣчто подобное совершалось въ моемъ мозгу. Я самъ изумился, чувствуя, что всѣ мои мысли повернули назадъ, избравъ себѣ какую-то новую дорогу. Говорю тебѣ, что я былъ изумленъ, да и до сихъ поръ не могу прійти въ себя. Глядя на нее, я говорилъ себѣ: «Я люблю ее; какъ это я раньше не догадался объ этомъ?» Но это было мое первое свиданіе съ Мариквильей.

— А персики?—поинтересовался я.

— Мариквилья такъ же была смущена, какъ и я. Радге Ринконъ заговорилъ съ работникомъ о томъ, какія опустошенія сдѣлали въ домикѣ французы (это было въ началѣ сентября, спустя мѣсяцъ послѣ первой осады), и я съ Мариквильей остался вдвоемъ. Моимъ первымъ побужденіемъ было убѣжать; она мнѣ призналась потомъ, что и ей хотѣлось сдѣлать то же самое. Но, ни она, ни я, мы не убѣжали. Я вдругъ почувствовалъ въ себѣ какую-то необыкновенную энергію. Нарушая молчаніе, я сталъ говорить съ ней о самыхъ незначительныхъ вещахъ, но потомъ я сталъ храбрѣе, и мнѣ казалось, что я не говорю банальностей. Мариквилья почти не отвѣчала мнѣ, но глаза ея были выразительнѣе всякихъ отвѣтовъ. Наконецъ, насъ позвалъ радге Ринконъ, и мы ушли. Прощаясь, я шепнуть ей, что мы скоро вернемся. Мы направились къ Сарагоссѣ, но дорога, деревья, Эбро, монастырь Пиларской Богоматери, магазины, дома, заборы садовъ, вѣянье вѣтра, лай собакъ—все мнѣ казалось инымъ; небо и земля измѣнились. Мой добрый учитель погрузился въ чтеніе Горація, а я сказалъ ему, что Горацій ничего не стоитъ. Онъ разсердился и даже погрозилъ, что разлюбитъ меня.

— Это было въ началѣ сентября,—сказалъ я,—а что же было потомъ?

— Съ этого дня для меня началась новая жизнь. Началось это съ беспокойства, съ бессонницы; мнѣ опротивѣло все, что не было Мариквильей. Даже родительскій домъ сдѣлался для меня невыносимымъ, и я бродилъ въ окрестностяхъ города, стараясь уединеніемъ успокоить мой умъ. Я возненавидѣлъ семинарію, книги и богословіе, такъ что, когда наступилъ октябрь, и мнѣ пришлось вернуться къ отцамъ, я сказался больнымъ и остался дома. Благодаря войнѣ, которая каждого изъ насъ заставила взяться за оружіе, я могу жить свободно, выходить во всѣ часы дня и часто видаться и разговаривать съ ней. Я иду къ ея дому, дѣлаю условленный сигналъ, она открываетъ окно съ рѣшеткой, и мы долго говоримъ. Иногда прохожіе идутъ мимо, но такъ какъ мы выдаемся преимущественно вечеромъ, и я надвигаю свой плащъ чуть не на самые глаза, то меня никто не узнаетъ. Но молодые люди начали уже поговаривать между собою о томъ, что у Мариквильи есть какой-то таинственный

женихъ. Тогда изъ боязни, что насъ откроютъ, мы рѣшили не переговариваться больше черезъ рѣшетку. Марія теперь выходитъ въ садъ. Тамъ намъ никто не можетъ помѣшать.

— А дядя Кандіола?

— Дядя Кандіола, думая, что его дочь спитъ, отправляется въ свой подвалъ считать деньги, а его единственная старая служанка покровительствуетъ намъ. Мы садимся въ саду на каменную лѣстницу, подъ тѣнью высокаго тополя и смотримъ, какъ черезъ его листья мелькаетъ луна. Среди этой тишины наши души сливаются съ природой, и чувство наше не можетъ быть выражено словами. Мы такъ счастливы, что порою намъ становится страшно. Такъ проводимъ мы цѣлые часы. Ночь тому назадъ, я просидѣлъ съ ней почти до утра, такъ какъ отецъ думаетъ, что я въ полку, и мнѣ нечего торопиться домой. Когда начало свѣтать, мы простились. Изъ сада видны крыши сосѣднихъ домовъ и верхушка Новой башни. Мариквиля, указавъ на нее, сказала мнѣ:

— «Когда эта башня выпрямится, я разлюблю тебя».

Августинъ умолкъ, потому что въ эту минуту раздался пушечный выстрѣлъ со стороны Монте Торреро, и мы оба повернулись туда.

VI.

Французы начали бомбардировать укрѣпленія Торреро, которыя защищали десять тысячъ человѣкъ подъ предводительствомъ храбрыхъ генераловъ Филиппа Сенъ-Марша и О'Нейля. Волонтеры Борбоны, Кастилія, Кампо Сегорбино, Аликанте, полкъ Фернандо VII, отрядъ Мурсиа и другіе полки, которыхъ не упомяну, открыли огонь.

Съ редута Мартиресъ мы увидали начало битвы, когда французскія колонны бросились вдоль канала на Торреро. Долго длились ружейные выстрѣлы. Этотъ пунктъ, какъ менѣе опасный, былъ защищенъ хуже, чѣмъ Бухнаvista и Каза-Бланка. Было уже поздно, когда наши войска въ порядкѣ отступили за Американскій мостъ, захвативъ всѣ свои орудія, кромѣ одной пушки, разбитой непріятельскимъ огнемъ.

Между тѣмъ вдаль послышался сильный шумъ, и такъ какъ здѣсь огонь почти прекратился, то мы предположили, что сражаются въ предмѣстьѣ.

— Тамъ бригадиръ донъ-Хозе Манзо, — сказали мнѣ Августинъ, — съ Арагонскимъ полкомъ, которымъ командуетъ Маріано Валькеръ, волонтеры Хуэска съ Педро Виллакамца, волонтеры Каталуньи и много другихъ отрядовъ. А мы сидимъ здѣсь, сложа руки! Съ этой стороны все кончилось. Насегодня французы удовольствуются осадой Торреро.

— Или я очень ошибаюсь, или сейчас будут атаковать Санъ-Хозе,— замѣтилъ я.

Всѣ взгляды устремились въ указанную сторону, направо отъ насъ.

— Тамъ Реновалесъ, — сказалъ Августинъ, — храбрый Маріано Реновалесъ, отличившійся при первой осадѣ; онъ командуетъ отрядомъ Валенсіи.

У насъ все было готово къ энергической защитѣ. Въ Пиларскомъ редутѣ, въ батарее Мартиресъ, въ Сосновой башнѣ, также какъ и около монастыря Тринитаріевъ, артиллеристы ждали съ зажженными фитилями, а пѣхота стояла на своихъ позиціяхъ, готовясь открыть огонь при приближеніи первой колонны. Было холодно, и многіе дрожали.

Мое предположеніе не замедлило осуществиться; огромная колонна французской пѣхоты двинулась на монастырь Санъ-Хозе. Повидимому, непріатели за послѣдніе три мѣсяца потеряли память, они забыли, что неожиданности и сюрпризы невозможны въ Сарагоссѣ. Они подошли, съ большимъ довѣріемъ на разстояніе выстрѣла, какъ бы желая однимъ своимъ видомъ напугать нашихъ солдатъ. Прийдя изъ Силезіи, они не знали, что значить война въ Испаніи. Къ тому же такъ легко захвативъ Торреро, они разсчитывали и на дальнѣйшую легкую побѣду. И такъ, безпрепятственно подойдя на разстояніе выстрѣла, они, конечно, не ожидали, что со всѣхъ бойницъ Санъ-Хозе на нихъ посыплется страшный огонь. Оставивъ на мѣстѣ многихъ убитыхъ, французы поспѣшно отступили. Въ это время съ батареи Мартиресъ раздались радостныя восклицанія и побѣдоносные крики. Такъ встрѣчаетъ во время войны солдатъ смерть непріателя. Человѣкъ, который въ мирное время не можетъ курицы убить безъ содроганья, прыгаетъ отъ радости, видя, какъ умираютъ сотни крѣпкихъ, молодыхъ, веселыхъ людей, въ сущности никому не сдѣлавшихъ зла.

Такимъ образомъ атака Санъ-Хозе была быстро отпарирована. Тогда французы должны были понять, что если мы и отступили отъ Торреро, то ради соображеній, а не изъ трусости. Одинокая, беззащитная Сарагосса, безъ внѣшнихъ укрѣпленій и замковъ, снова принялась за земляныя насыпи, канавы, барикады, чтобы снова защитить себя отъ первой артиллеріи и первыхъ инженеровъ міра. Много людей, много орудій, массу пороху и всевозможныхъ изощреній ума и оружія понадобилось непріателю, чтобы пробить эти барикады и насыпи. Но за ними стояли арагонцы, оружіе которыхъ не ломится и не тупится, и которые безъ горячей битвы не уступили французамъ ни одной пяди своей земли.

Колокольная Новой башни звонить уныло. Когда раздается этотъ могучій звонъ, всякій знаетъ, что городъ въ опасности и нуждается во всѣхъ своихъ гражданахъ. Что такое? Что происходитъ? Что случилось?

— Въ предмѣстьѣ происходитъ что-то недоброе,—сказалъ Августинъ.

— Въ то время, какъ насъ атакуютъ здѣсь, чтобъ оттянуть побольше людей, непріятель дѣйствуетъ по ту сторону рѣки.

— Такъ было и во время первой осады.

— Въ предмѣстье! Въ предмѣстье!

Когда мы это говорили, изъ французскаго лагеря до насъ долетѣло нѣсколько пуль, чтобы доказать намъ, что мы должны остаться здѣсь. Къ счастью, Сарагосса обладала достаточнымъ количествомъ людей и могла послѣтъ всюду. Мой батальонъ покинулъ стѣны св. Энграціи и направился къ Козо.

Мы не знали, куда насъ ведутъ, но, очевидно, мы шли въ предмѣстье. Улицы были полны народа. Старики, женщины, подвижные любопытствомъ, желали видѣть опасные пункты, разъ они не могутъ участвовать въ самой опасности. Улицы Санъ-Хиль, Санъ-Педро, Кухильерія были почти непроходимы; огромная толпа женщинъ стремилась по нимъ къ Пилару и къ Сео. Пушечные выстрѣлы не пугали, а скорѣе воодушевляли эту толпу; загорались споры. На площади Сео мы увидали кавалерію, которая среди народа пробиралась къ мосту; моему батальону пришлось искать другого прохода. Когда мы проходили мимо портика церкви Сео, до насъ донеслись вопли молящихся женщинъ. Немногихъ мужчинъ, желавшихъ проникнуть въ храмъ, женщины совсѣмъ не впустили.

Мы вышли на берегъ рѣки близъ Санъ-Хуана и остановились на возвышенности въ ожиданіи распоряженій. Напротивъ, на другомъ берегу происходила битва. На первомъ планѣ виднѣлась роща Маканасъ; дальше, ближе къ мосту, маленькій монастырь Альтабасъ, еще далѣе монастыри Санъ-Лазаро и Иисуса.

За этой декорацией отражался въ водахъ широкой рѣки ужасный перекрестный огонь; слышался непрерывный гулъ пушекъ и человѣческихъ голосовъ; тучи темнаго дыма поднимались къ облакамъ. Всѣ парапеты были сдѣланы изъ красной черепицы, снятой съ ближайшихъ крышъ, и сливались въ одну огненно-красную массу. Издали вся земля казалась залитой кровью.

Французы держались близъ большой дороги въ Барселону и Фуслибаль и дальше вдоль садовъ, тянувшихся у этихъ дорогъ. Съ двѣнадцати часовъ они атаквали наши траншеи у барселонской дороги, не смотря на перекрестный огонь съ Санъ-Лазаро и мѣстечка Мачело. Они стремились овладѣть нашими батареями. Многіе падали, но ослабѣвающія линіи тотчасъ же подкрѣплялись новыми частями, и бой продолжался. Минутами они уже достигали парапета, и тутъ бой принималъ еще болѣе ожесточенный характеръ.

Начальники, сверкая своими саблями, шли впередъ, какъ люди, поставившіе себѣ цѣлью жизни захватить эти черепичные парапеты. Въ эти ужасныя минуты падали сотни людей, и на землѣ

ложились рядами и солдаты, и сержанты, и офицеры, и полковники. Это была настоящая битва двухъ народовъ; по мѣрѣ того, какъ опасность положенія зажигала въ нашихъ сердцахъ неизмовѣрную храбрость и упорство, французы становились все возбужденнѣе, они мстили, какъ оскорбленные люди, забывая въ себѣ воиновъ.

Эта торопливость и пылкость погубили ихъ. Имъ надо было шагъ за шагомъ, при помощи артиллеріи брать наши позиціи и сохранить спокойствіе, а не рубить съ плеча людей, доказавшихъ свою стойкость въ дѣлѣ 15-го іюля и 4-го августа. Не слѣдовало относиться съ такимъ пренебреженіемъ къ силамъ непріятеля, какъ въ Испаніи, такъ и позднѣе въ Пруссіи; обдуманнѣйшій планъ сраженія привелъ бы къ лучшимъ результатамъ, чѣмъ экзальтированная рѣзня.

Несомнѣнно, что еслибъ французы слѣдовали примѣру своего безсмертнаго полководца, всегда дѣйствовавшаго на основаніи строгихъ логическихъ выводовъ, они въ дѣлѣ Сарагоссы должны были выказать болѣе знанія человѣческаго сердца, того знанія нравственныхъ причинъ, безъ котораго война есть не болѣе, какъ дикая, жестокая рѣзня. Наполеонъ, съ его необыкновенною проникающей способностью, понялъ бы характеръ сарагосцевъ и воздержался бы посылать противъ нихъ открытыя колонны.

Не буду касаться подробностей этого ужаснаго дня 21-го декабря, одного изъ славнѣйшихъ дней вторичной осады столицы Арагоніи, тѣмъ болѣе, что я лично не участвовалъ въ дѣлѣ и знаю о немъ лишь по разсказамъ очевидцевъ этого кроваваго побоища. Достаточно знать, что къ вечеру французы отступили, оставивъ поле битвы усѣяннѣйшимъ убитыми. Представлялся удобный случай преслѣдовать ихъ кавалеріей, но послѣ небольшого совѣта наши военачальники рѣшили не рисковать своими людьми въ такомъ опасномъ положеніи.

VII.

Съ наступленіемъ ночи и возвращеніемъ части нашихъ войскъ въ городъ, весь народъ бросился въ предмѣстье взглянуть на мѣсто сраженія, посмотрѣть на разрушенія, сдѣланныя огнемъ, и счесть убитыхъ. Оживленіе и движеніе въ этой части города были необыкновенныя. Съ одной стороны группы солдатъ съ лихорадочной веселостью пѣли пѣсни, съ другой — сосредоточенность набожныхъ людей, переносившихъ раненыхъ къ себѣ въ дома; со всѣхъ сторонъ слышались веселые возгласы общей радости, сыпались вопросы, восклицанія, рыданія раздавались рядомъ со смѣхомъ.

Было девять часовъ, когда мой батальонъ порвалъ ряды, и за неизмѣнимъ казармъ, такъ какъ всѣ онѣ были переполнены, намъ было позволено отлучиться на нѣсколько часовъ. Мы съ Августы-

номъ отправились къ собору Пиларской Богоматери, куда народъ стекался цѣлыми толпами. Съ трудомъ пробрались мы въ церковь. Я даже удивился тѣмъ усиліямъ, которыя дѣлалъ каждый, желавшій пробраться къ капеллѣ, гдѣ стояла Богоматерь. Молитвы, жалобы, выраженія благодарности составляли хоръ, не имѣющій ничего общаго съ обыкновенною молитвою вѣрующихъ. Это былъ какой-то непрерывный разговоръ съ рыданіями, съ криками, съ нѣжными словами, съ откровенными признаніями. Падали на колѣни, цѣловали полъ, садились на рѣшетку капеллы, обращались къ образу, называя его ласковыми именами, употребляемыми въ обиходномъ языкѣ. Тѣ, которые за множествомъ народа не могли подойти, говорили издали, размахивая руками. Здѣсь не было ризничихъ, чтобы остановить возбужденные крики, похожіе на бредъ; здѣсь не было торжественной тишины, подобающей святости мѣста, здѣсь каждый былъ, какъ у себя дома въ домѣ любимой Богоматери, покровительницы сарагосцевъ, здѣсь всякій чувствовалъ себя, какъ въ своей семьѣ.

Удивленный этимъ пыломъ, я протолкался впередъ къ рѣшеткѣ и увидѣлъ знаменитый образъ. Кто его не видѣлъ или кто не знаетъ его по многочисленнымъ снимкамъ и статуямъ, которые можно встрѣтить въ каждомъ уголкѣ нашего полуострова? Налѣво отъ малаго алтаря, возвышающагося въ глубинѣ капеллы, въ нишѣ, отдѣланной въ золото съ чисто-восточною роскошью, стояла, какъ и теперь стоитъ, небольшая фигура. Огромное количество восковыхъ свѣчъ горитъ передъ нею, и свѣтъ ихъ сливается съ блескомъ драгоценныхъ камней, платья и короны. Золотомъ и брилліантами усыпана ея шея и пальцы ея рукъ. Живое созданіе, безъ сомнѣнія, не выдержало бы всей тяжести этихъ драгоценностей.

Длинное платье безъ складокъ оставляло открытыми только однѣ руки, и младенецъ Иисусъ, сидящій на лѣвой рукѣ, едва показываетъ свое смуглое личико изъ парчи и драгоценныхъ камней. Лицо Богоматери, обтершееся отъ времени, также смугло; на немъ лежитъ выраженіе спокойной ясности, какъ эмблемы вѣчнаго блаженства. Въ ея блестящихъ глазахъ, устремленныхъ внутрь храма и освѣщенныхъ свѣтомъ восковыхъ свѣчей, есть какъ будто пристальность и сосредоточенность человѣческаго взгляда. Невозможно было, видя ее въ первый разъ и находясь среди этой наэлектризованной толпы, не прибавить нѣсколько словъ горячей молитвы къ этимъ непрерывнымъ мольбамъ.

Я смотрѣлъ на образъ, когда Августинъ сжалъ мнѣ локоть и проговорилъ:

— Посмотри, она тутъ.

— Кто, Богоматерь? Я ее вижу.

— Нѣтъ, милый, Мариквилья. Ты видишь ее? Вонъ тамъ, напротивъ, подлѣ колонны.

Я взглянулъ и только увидаль множество народа. Мы тотчасъ же отошли отъ капеллы и стали сквозь толпу пробираться къ другой сторонѣ.

— Дяди Кандіолы нѣтъ съ нею, — радостно сказалъ Августинъ, — она пришла со служанкой.

И говоря это, онъ расталкивалъ толпу направо и налево, отдавливалъ ноги, мялъ шляпы, дергалъ платья. Я слѣдовалъ за нимъ, дѣлая то же самое, пока мы, наконецъ, не очутились противъ очень красивой молодой дѣвушки, въ прелести которой я теперь убѣдился моими собственными глазами.

Страсть моего друга имѣла основаніе; Мариквилья дѣйствительно стоила безумной любви. Она привлекала вниманіе своимъ блѣднымъ, смуглымъ лицомъ съ глубокими черными глазами, правильнымъ носомъ и небольшимъ, красиво очерченнымъ лбомъ. Въ ея манерѣ себя держать было много непринужденности; когда она опускала глаза, какая-то нѣжная грусть разливалась по ея лицу и передавалась собесѣднику.

Она сдержанно улыбнулась, увидя насъ, и въ ея глазахъ мелькнулъ испугъ. Мнѣ сразу показалось, что она принадлежитъ къ типу серьезныхъ, но пылкихъ женщинъ, которыя мало говорятъ, не кокетничаютъ и не любятъ ничего искусственнаго. Впослѣдствіи я имѣлъ случай подтвердить это послѣднее заключеніе. По лицу Мариквильи было розлито спокойствіе и увѣренность въ самой себѣ. Въ отличіе отъ большинства женщинъ, воспламеняющихся очень быстро, эта дѣвушка воспламенялась не скоро, но за то и не на минуту. Другія, мягкія, какъ воскъ, таютъ отъ небольшого огня, Мариквилья же нужень былъ пламень, чтобъ растопить ея сердце.

Кромѣ красоты, мое вниманіе было привлечено изяществомъ ея костюма. Наслышавшись о скупости дяди Кандіолы, я думалъ, что его дочь ходитъ чуть не въ лохмотьяхъ, и вмѣсто того встрѣтилъ почти роскошь. Послѣ Августинъ объяснилъ мнѣ, что этотъ скупецъ изъ скупцовъ не только позволяетъ дочери хорошо одѣваться, но даже самъ даритъ ей драгоценныя венцы. Кандіола былъ способенъ допустить умереть съ голоду своихъ ближайшихъ родственниковъ, но для дочери его кошелекъ всегда былъ широко раскрытъ. Надо отдать ему справедливость, что онъ очень любилъ молодую дѣвушку, и это чувство отчасти примиряло съ его баснословною скупостью.

Не успѣлъ мой другъ перекинуться и десятью словами съ своей прелестной Мариквильей, какъ къ намъ неожиданно подошелъ какой-то человѣкъ и, окинувъ насъ подозрительнымъ взглядомъ, направился къ молодой дѣвушкѣ, взялъ ее за руку и сердито произнесъ:

— Что ты здѣсь дѣлаешь? А вы, тетка Гведита, зачѣмъ привели ее въ такой часъ въ Пиларскій соборъ? Домой, сію же минуту домой!

И проталкивая вперёд сеньориту и служанку, онъ направился къ выходу, и вскорѣ всѣ трое скрылись у насъ изъ виду.

Это былъ самъ Кандіола. Я хорошо его помню, и это воспоминаніе заставляетъ меня дрожать отъ ужаса. Съ короткой сцены въ церкви Пиларской Богоматери этотъ человѣкъ запечатлѣлся въ моей памяти, такъ какъ принадлежалъ къ типу людей, которыхъ трудно забыть. Старый, сгорбленный, жалкій, болѣзненный, съ подозрительнымъ, безпокойнымъ взглядомъ, этотъ человѣкъ дѣлался антипатичнымъ съ первой минуты. Его короткій, вздернутый носъ, рѣдкіе, обципанные волосы и такія же полусѣдыя брови, землистый цвѣтъ лица, широкія уши, рѣзкій голосъ, оборванное платье, словомъ, вся его личность съ головы до ногъ производила отталкивающее впечатлѣніе. Само собою становилось понятнымъ, что у Кандіолы не можетъ быть друзей.

Кандіола не носилъ бороды, его лицо, согласно тогдашней модѣ, было выбрито, хотя бритва касалась его щекъ, очевидно, не болѣе раза въ недѣлю. Если бы донъ Иеронимо носилъ бороду, то его можно было бы принять за одного изъ венеціанскихъ торговцевъ, которые путешествуютъ по большимъ дорогамъ и продаютъ книги.

— Ты видѣлъ этого жалкаго и смѣшного старика? — спросилъ меня Августинъ, когда мы остались одни, глядя на дверь, за которою исчезла Мариквилья.

— Ему не нравится, что у его дочери есть женихи.

— Но я увѣренъ, что онъ не видаль, какъ я говорилъ съ нею. У него можетъ быть подозрѣніе, но не больше. Если отъ подозрѣнія онъ перейдетъ къ увѣренности, мы съ Мариквильей погибли. Ты замѣтилъ, какъ онъ на насъ взглянулъ? Проклятый скупецъ, черная анаѣемская душа!

— Плохой у тебя тестъ.

— Такой плохой, — съ грустью сказалъ Монторіа, — что я не далъ бы за него двухъ ломаныхъ кварто. Я увѣренъ, что сегодня ночью онъ будетъ подсматривать за нею, хорошо еще, что онъ не имѣетъ привычки ее бить.

— А развѣ сеньору Кандіолѣ будетъ непріятно видѣть свою дочку замужемъ, за сыномъ дона Хозе де-Монторіа?

— Да ты съ ума сошелъ?... Да... поди, поговори съ нимъ объ этомъ! Кромѣ того, что этотъ жалкій скупецъ бережетъ свою дочь, какъ мѣшокъ съ золотомъ, и, повидимому, никогда не намѣренъ разстаться съ нею, онъ питаетъ давнишнюю глубокою ненависть къ моему отцу за то, что тотъ вырвалъ изъ его когтей нѣсколькихъ несчастныхъ должниковъ. Говорятъ тебѣ, что если онъ узнаетъ, что его дочь любить меня, то онъ запретъ ее въ подвалѣ, гдѣ у него хранится золото. Я ужъ не говорю о томъ, что будетъ съ моимъ отцемъ, если онъ это узнаетъ... Я дрожу при одной мысли объ этомъ. Главная причина, которая не даетъ мнѣ спать по но-

чамъ, и состоитъ въ томъ, что я все представляю себѣ минуту, когда моему отцу и моей матери сдѣлается извѣстной моя роковая любовь къ Мариквильѣ. Сынъ дона Хозе де-Монторіа влюбленъ въ дочь дяди Кондіолы! Что за ужасъ!... Молодой человѣкъ, которому современемъ суждено быть епископомъ... епископомъ, Габріэль! Понимаешь ли ты весь ужасъ этого положенія?

Говоря это, Августинъ въ отчаяніи ударился головою о церковную стѣну.

— И ты думаешь продолжать любить Мариквилью?— спросилъ я его.

— Не спрашивай меня объ этомъ,—энергично возразилъ онъ.— Ты ее видѣлъ? Ну, такъ, если ты ее видѣлъ, зачѣмъ же ты спрашиваешь, буду ли я продолжать ее любить? Ея отецъ и мои родители скорѣе желали бы видѣть меня мертвымъ, чѣмъ женатымъ на ней. Пойми, Габріэль, что они хотятъ, чтобъ я былъ епископомъ! Соедини жизнь епископа и вѣчную, до гроба любовь къ Мариквильѣ, соедини это, и ты пожалѣешь меня.

— Богъ открываетъ невѣдомые пути,—сказалъ я.

— Это правда. Иногда какая-то безпредѣльная надежда закрадывается мнѣ въ душу. Кто знаетъ, что принесетъ намъ завтрашній день? Господь и Пиларская Богоматерь не оставятъ меня.

— Ты поклонникъ этого образа?

— Да. У насъ дома есть ея образъ, и моя мать ставитъ передъ ней свѣчи, чтобъ меня не ранили на войнѣ, а я гляжу на нее и говорю про себя: «Богородица, пусть эти свѣчи напоминаютъ тебѣ также, что я не могу разлюбить дочь Кондіолы!»

Мы были на паперти, сообщающейся съ капеллой. Здѣсь, въ стѣнѣ, есть отверстіе, черезъ которое вѣрующіе подходятъ приложиться къ рѣшеткѣ, окружающей образъ. Августинъ приложился къ красному мрамору и я также, затѣмъ мы вышли изъ церкви и направились къ нашему бивуаку.

VIII.

На слѣдующій день, 22-го, Палафоксъ на слова парламентаря, присланнаго Монсе, съ предложеніемъ сдаться, отвѣтилъ слѣдующими знаменитыми фразами.

— «Я не умѣю сдаваться; поговоримъ объ этомъ послѣ смерти».

Затѣмъ, онъ напечаталъ въ газетахъ большое, краснорѣчивое воззваніе. Однако, по общему мнѣнію, ни это воззваніе, ни другія прокламаціи не принадлежали перу главнокомандующаго. Ходили слухи, что за нимъ кроется умнѣйшая личность padre Базиліо Боджіеро, котораго часто видали на самыхъ опасныхъ пунктахъ, окруженнаго патріотами и военнымъ начальствомъ.

Защитники очень возгордились славнымъ для нихъ исходомъ битвы 21-го. Необходимо было, для того, чтобы умѣрить ихъ пылъ, предпринять самостоятельное нападеніе. Такъ и было въ дѣйствительности, но всякій хотѣлъ участвовать въ дѣйствующей арміи, почему и пришлось раздѣлить ее на отряды. Наши выходы, сдѣланные осторожно, имѣли хорошіе результаты, такъ какъ французы, вытянувшіеся въ линію вокругъ города, готовились къ правильному, серьезному нападенію. Къ тому же въ Сарагоссѣ находилось огромное войско, чему очень радовался простой народъ, но люди развитые понимали, что въ этомъ скопленіи людей существуетъ огромная опасность; на содержаніе арміи требовалось много провіанта, за истребленіемъ котораго долженъ былъ послѣдовать голодъ, этотъ великій генераль, всегда побѣждающій блокируемыя крѣпости.

24-го Реновалесъ сдѣлалъ вылазку съ баталіонами крѣпости Санъ-Хозе и отрѣзалъ оливковую рощу, скрывавшую работы непріятелей. 25-го Хуанъ О'Нейлъ съ волонтерами Арагоніи и Хухека неожиданно напалъ на враговъ и разбилъ ихъ, а 31-го сдѣлано было еще двѣ вылазки при большемъ количествѣ людей и съ большимъ успѣхомъ.

Въ теченіе дня мы прекрасно могли видѣть съ возвышеній первыя параллели французовъ, подымавшіеся на разстояніи ста шестидесяти саженой отъ стѣны. Они работали съ большою энергіей и днемъ и ночью, и мы замѣтили, что по всей линіи они переговаривались цвѣтными сигнальными фонарями. Время отъ времени мы начинали пальбу по нимъ, но причиняли имъ мало вреда.

Утромъ 31-го мой батальонъ, по приказу Реновалеса, долженъ былъ нанести врагу пораженіе въ центрѣ, отъ Торреро до дороги Муэла, въ то время, какъ бригадиръ Бутронъ дѣлалъ то же самое около Бернадонны, то есть въ лѣвомъ французскомъ флангѣ. Онъ вышелъ съ инфантеріей и кавалеріей въ заставы Санхо и Портильо.

Чтобы отвлечь вниманіе французовъ, командиръ велѣлъ одному батальону расположиться около Тенеріасъ, а между тѣмъ съ волонтерами Оливенса и Валенсіи мы по мадридской дорогѣ двинулись прямо на французскую линію. Подъ прикрытіемъ летучихъ отрядовъ, мы неожиданно бросились на непріятельскую инфантерію, вышедшую намъ навстрѣчу. Нѣкоторые скрылись за полуразрушенной башней. Съ минуту мы стояли въ нерѣшительности, затѣмъ, часть нашего отряда окружила башню, а часть пустилась въ погоню за убѣгавшими, но Реновалесъ вернулъ насъ, и мы бросились съ пиками на защищавшихъ башню.

Въ ту минуту, когда мы вступали въ небольшой дворикъ, я замѣтилъ, что моя линія рѣдѣетъ; нѣсколько товарищей упало на моихъ глазахъ; я взглянулъ направо, боясь не найти въ живыхъ моего дорогого друга, но онъ былъ тутъ. Монторіа и я не были ранены.

Мы не могли посвятить много времени на радостное сознание, что мы живы и здоровы, потому что Реновалесъ скомандовалъ слѣдовать впередъ къ линіи траншей, сдѣланныхъ французами. Мы направились направо, чтобы соединиться съ волонтерами Хуэска, подвигавшимися по дорогѣ Муэла.

Само собою разумѣется, что французы вовсе не ожидали подобныхъ нападений и не были подготовлены къ нимъ. Ихъ главныя силы были сосредоточены на работахъ параллели. Мы раздражали ихъ постояннымъ огнемъ, пользуясь каждою удобною минутою, пока не подоспѣвали ихъ большіе отряды; безоружныхъ людей мы брали въ плѣнъ, отбирали лопаты и заступы. Все это дѣлалось съ необыкновенной энергіей, съ горячими восклицаніями и въ сильномъ возбужденіи при мысли, что насъ видятъ изъ города.

Въ эту вылазку все благопріятствовало намъ, потому что пока мы безжалостно разрушали работы по первой параллели, наши баталіоны подъ предводительствомъ бригадира Бутрона сражались съ непріятельскими отрядами у Бернардона. Пока волонтеры Хуэска и гренадеры Палафокса нападали на французскую инфантерію, кавалерійскіе эскадроны Нумансіи и Оливенса, вышедшіе изъ заставы Санхо и сдѣлавшіе большой обходъ, заняли Алагонскую дорогу. Какъ разъ въ это время французы должны были отступить, требуя подкрѣпленія.

Нѣсколько пылкихъ, молодыхъ лошадей вырвалось изъ-за траншеи и потоптало все подъ ногами, унося несчастныхъ сѣдоковъ къ Торреро. Многіе попали на наши пики, а вслѣдъ бѣгущимъ мы посылали выстрѣлы. Многіе, будучи не въ состояніи перепрыгнуть черезъ канавы, падали въ нихъ, другіе, бросая оружіе, бѣжали куда глаза глядятъ; нѣкоторые геройски защищались, предпочитая смерть плѣну, наконецъ, кучка храбрецовъ, запершись въ кирпичномъ сарайчикѣ, наскоро изъ сухихъ вѣтокъ и щепокъ развели огонь и предпочли задохнуться въ дыму.

Все описанное здѣсь произошло въ очень короткій промежутокъ времени, пока французы послали за большимъ отрядомъ, который долженъ былъ наказать насъ за эту дерзкую экспедицію. У горы Торреро забили барабаны, и мы увидали, что на насъ надвигается большой отрядъ кавалеріи. Но солдаты Реновалеса и Бутрона сдѣлали свое дѣло, и намъ нечего было ждать, пока насъ атакуетъ эта кавалерія, подоспѣвшая лишь къ концу сраженія; мы отретировались, пожелавъ имъ издали добраго вечера на самомъ отборномъ солдатскомъ жаргонѣ.

Мы имѣли время захватить нѣсколько орудій, которыя должны были дѣйствовать на слѣдующій день; кромѣ того, забрали, множество заступовъ и торопливо, на ходу, разрушали работы по параллели, ведя въ то же время за собою плѣнныхъ.

Хуанъ Пирли, одинъ изъ нашихъ товарищей по баталіону, вер-

нулся въ Сарагоссу въ кепи французскаго инженера къ немалому удовольствію народа, въ добавокъ онъ принесъ съ собою сковороду, на которой былъ приготовленъ завтракъ у неприятелей, когда мы на нихъ напали.

Въ нашемъ баталіонѣ оказалось девять человекъ убитыхъ и восемь раненыхъ. Когда Августинъ присоединился ко мнѣ уже около заставы Кармень, я замѣтилъ, что у него рука въ крови.

— Ты раненъ?—спросилъ я его, осматривая рану.—Нѣтъ, это только глубокая ссадина.

— Да, это ссадина,—отвѣтилъ онъ,—но сдѣлана она не пулей, не копьемъ, не саблей, а зубами. Когда я сталъ вырывать у француза кирку, съ которой онъ бросился на меня, этотъ негодяй всадилъ мнѣ въ руку всѣ свои зубы.

Когда мы входили въ городъ черезъ заставу Кармень и Портилью, со всѣхъ центральныхъ редутовъ и крѣпостей стрѣляли въ преслѣдовавшія насъ колонны.

Этихъ двухъ выходовъ было достаточно, чтобы нанести не мало вреда французамъ. Кромѣ того, что они потеряли много людей, мы испортили небольшую часть ихъ первой параллели и унесли съ собою много землекопныхъ орудій. А главное, Бутронъ взялъ на эту смѣлую экспедицію военныхъ инженеровъ, и они имѣли время снять планы неприятельскихъ работъ и дать отчетъ объ этихъ работахъ главнокомандующему.

На стѣнахъ было множество народу. Услышавъ выстрѣлы, всѣ высыпали сюда, желая узнать, въ чемъ дѣло. Мы были встрѣчены радостными восклицаніями; отъ самаго Санъ-Хозе до монастыря Тринитаріевъ широкая шеренга мужчинъ и женщинъ, вскарабкавшихся на стѣну, хлопала въ ладоши при нашемъ приближеніи или привѣтливо размахивала платками. Картина была очень живописна.

Затѣмъ раздался пушечный выстрѣлъ; съ редутовъ стрѣляли въ опустѣвшее поле; нашъ входъ въ городъ напоминалъ триумфальное шествіе; слышались пѣсни, виваты, радостныя восклицанія. Въ окнахъ и на балконахъ ближайшихъ домовъ стояли женщины, съ невыразимымъ любопытствомъ прислушивавшіяся къ пушечнымъ выстрѣламъ и шуму артиллеріи. У крѣпости Портилья заставили толпу разступиться. Подлѣ св. Энграціи образовалось нѣчто похожее на всеобщій праздникъ. Наконецъ, пушечные выстрѣлы, дѣль которыхъ состояла лишь въ облегченіи нашего отступленія, прекратились только съ Альхаферіи, время отъ времени раздавался выстрѣлъ по неприятелю.

Въ награду за трудности этого дня мы на слѣдующій получили красныя нашивки и, сознавая рискованность этого выхода, padre Боджеро, устами генерала, сказалъ намъ между прочимъ:

«Вчера вы ознаменовали послѣдній день года дѣломъ, достой-

нымъ васъ... При звукѣ кларнета ваши обнаженные сабли опустились на головы враговъ и положили ихъ на мѣстѣ. Нумансія! Оливенса! Вы доказали, что ваши горячіе кони сумѣютъ постоять за честь испанскаго войска. Вашъ энтузіазмъ достоинъ этихъ священныхъ стѣнъ, вложите въ ножны ваши окровавленные сабли, которыя служатъ залогомъ вашего благоденствія и опорой отчизны!..».

IX.

Съ этого памятнаго во второй осадѣ дня, такъ же, какъ день битвы при Эрасѣ въ первой, началась тяжелая работа, непрерывная горячка, въ которой находились цѣлыхъ полтора мѣсяца осаждающіе и осажденные.

Выходы, сдѣланные въ первыхъ числахъ января, не имѣли особенной важности. Французы, окончивъ первую параллель, подвигались зигзагами ко второй и работали съ такой энергичной быстротою, что вскорѣ наши лучшія южныя позиціи Санъ-Хозе и Пиларскій редутъ были окружены батареями, по шестнадцать пушекъ въ каждой. Мы не переставали открывать огонь по неприятелю и захватывать его врасплохъ неожиданными небольшими нападеніями. Но генераль Юно, замѣнившій въ эти дни Монсе, упорно велъ работы впередъ.

Нашъ баталіонъ оставался на прежнемъ мѣстѣ не вдалекѣ отъ моста Хуэрва. Радіусъ его огня обнималъ порядочное разстояніе, скрещиваясь съ огнемъ изъ Санъ-Хозе. Батареи Мартиресъ, Ботаническаго сада и Сосновой башни, находились ближе къ городу, въ менѣе опасныхъ пунктахъ и служили какъ бы резервами на случай опасности.

Къ намъ присоединилось много волонтеровъ изъ сарагосцевъ, нѣсколько отставныхъ солдатъ и не мало поселянъ, вооруженныхъ чѣмъ попало, по собственному вкусу. Въ нашемъ редутѣ было восемь пушекъ. Командовалъ отрядомъ Доминго Ларрипа, а артиллеріей Франциско Бетбесе, предводительствовалъ же начальникъ инженеровъ Симоно, человѣкъ, доказавшій свою храбрость и свой умъ.

Нашъ редутъ, хотя и былъ построенъ довольно крѣпко, но не былъ защищенъ. На входной двери, выходящей къ срединѣ моста, была прикрѣплена доска со слѣдующей надписью:

«Непобѣдимый редутъ Пиларской Богоматери. Сарагонцы! умремъ за Пиларскую Богоматерь или побѣдимъ!».

Внутри не имѣлось кроватей, и мы спали прямо на полу. Доставка провизіи была поручена совѣту, установленному военной администраціей, но совѣтъ этотъ, при всемъ своемъ желаніи, не могъ насъ удовлетворить. Къ счастью, почти изъ всѣхъ сосѣднихъ

домовъ намъ ежедневно приносили провизію, и нерѣдко насъ одѣвали тѣ же самыя женщины, которыя съ 31-го пріютили въ своихъ домахъ и лѣчили раненыхъ.

Пирли, о которомъ я уже упоминалъ, былъ молодой поселянинъ изъ предмѣстья. Ему было лѣтъ двадцать, и онъ обладалъ необыкновенно нервнымъ и веселымъ характеромъ. Я никогда не видалъ его грустнымъ, онъ съ пѣснями нападалъ на французовъ, и когда вокругъ него свистѣли пули, онъ прыгалъ и растопыривалъ руки и ноги самымъ комичнымъ образомъ. Гранатный огонь онъ называлъ каменнымъ дождемъ, гранаты — сеньорами, порохъ — черной мукой и другими словами, которыхъ я теперь не припомню. Пирли, хоть и плохой формалистъ, былъ прекраснымъ товарищемъ.

Не помню, говорилъ ли я о дядѣ Гарчестъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, родомъ изъ Гаррапинильосъ, крѣпкій, здоровый, съ желѣзными мускулами и въ то же время необыкновенно ловкій и проворный; онъ былъ молчаливъ, а когда разговаривалъ, то ругался, но очень добродушно. У него была небольшая собственность въ окрестностяхъ, состоявшая изъ скромнаго домика, онъ своими собственными руками разрушилъ домикъ и повывалъ фруктовыя деревья, чтобъ ничего не доставалось непріятелю. Я слышалъ, что онъ отличился 16-го августа во время первой осады, и на его правомъ рукавѣ была широкая нашивка за храбрость.

Онъ былъ такъ плохо одѣтъ, что ходилъ чуть не голый, и не потому что у него не было платья, а потому, что ему все некогда было одѣться. Его тѣло покрывалось только славой. Онъ спалъ безъ подушки и ѣлъ меньше, чѣмъ анахоретъ; двухъ небольшихъ кусковъ хлѣба и кусочка сухой, какъ кожа, солонины, ему было достаточно на цѣлый день. Онъ былъ человѣкъ, склонный къ размышленію, и когда наблюдалъ за работами во второй параллели, говорилъ:

— Слава Богу, что приближаются, чортъ побори!.. Эти анаемскіе люди хоть кого выведутъ изъ терпѣнья!

— Чего вы такъ торопитесь, дядя Гарчестъ? — спрашивали мы.

— Чортъ побори! Мнѣ надо еще разъ посадить фруктовыя деревья, прежде чѣмъ пройдетъ зима, — отвѣчалъ онъ, — а въ этомъ мѣсяцѣ я хотѣлъ заново отстроить домъ.

По-настоящему у дяди Гарчеса на лбу должна была бы быть дощечка, какъ у дверей редута, съ надписью: «Непобѣдимый человѣкъ!».

Но кто это приближается къ намъ по мосту, опираясь на толстую палку, въ сопровожденіи лохматой собачки, которая лаеетъ на каждого прохожаго, но просто изъ любезности, не имѣя ни малѣйшаго намѣренія кусаться? Это padre Mateo изъ Вусто, капелланъ волонтеровъ Сарагоссы, очень уважаемый старшій. Не смотря на

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергѣя Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

ФЕВРАЛЬ, 1896

СОДЕРЖАНИЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1896 г.

	стр.
I. Сильфида. Романъ. Часть первая. Гл. IV—VI. (Продолженіе). И. Н. Потапewко	369
II. Воспоминанія С. Н. Терпигорева (Атавы). III—IV. (Продолженіе) .	401
III. Чортъ. Изъ житейскихъ встрѣчъ. А. В. Амфитеатрова	425
IV. Воспоминанія пропадающаго человѣка. IV—VI. (Продолженіе). Н. И. Свѣшниковъ	440
V. Послѣдніе дни жизни императора Александра I. Письма Ф. Р. Мартоса	471
Иллюстрація: Кончина императора Александра I.	
VI. Наводненіе въ Петербургъ 2-го ноября 1895 года. I—IV. А. П. Че- хова	500
Иллюстраціи: 1) Галерная Гавань (со стороны Смоленскаго поля) на второй день послѣ наводненія.—2) Галерная Гавань (со стороны Шкиперскаго протока) на второй день послѣ наводненія.	
VII. Отъ Ржева до Углича. IV—V. (Продолженіе): И. Ф. Тюменева .	525
Иллюстраціи: 1) Старица и древній Борисоглѣбскій соборъ.—2) Пятицкая церковь въ старицѣ.—3) Церковь св. Иоанна Богослова въ Старицкомъ монастырѣ.—4) Введенская церковь въ Старицкомъ монастырѣ.—5) Памятникъ на мѣстѣ Борисоглѣбскаго собора въ Старицѣ.—6) Остатки дворца Иоанна Грознаго и схематическій набросокъ мѣстности стараго города.—7) Церковь Николы въ Капустникахъ въ Твери.—8) Предсмертная молитва князя Михаила Ярославича.—9) Древняя Тверская крѣпость.—10) Видъ собора и части дворца въ Твери.	
VIII. Современные литературные дѣятели. Александръ Константино- вичъ Шеллеръ. А. И. Фаресова	
IX. Главныя направленія русской литературы начала XIX столѣтія. А. К. Вороздина	
X. М. И. Семевскій въ его воспоминаніяхъ. Д. И. А.	594
Иллюстрація: Михайлъ Ивановичъ Семевскій.	
XI. Болѣзнь или реклама? Б. Б. Глинскаго	618
XII. Артистъ-народникъ. Г. Л. П.	654
Иллюстрація: Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ.	
XIII. Николай Алексѣевичъ Осокинъ. Н. И. Афанасьева	668
Иллюстрація: Николай Алексѣевичъ Осокинъ.	
XIV. Критика и библиографія	678
1) Одесса (1794—1894). Изданіе городского общественаго управленія къ столѣтью города. Одесса, 1895. С. Р. Г.—2) М. С. Корелинъ. Паденіе античнаго міросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Спб. 1895. П. А.—3) А. Алферовъ, А. Грузинскій, Ф. Нелидовъ, С. Смирновъ. Десять чтеній по литературѣ, съ 29 рисунками. Москва, 1895. С. Т.—4) Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община. (La cité antique). Исслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. Переводъ съ послѣдняго XIV изданія Н. П. Спиридонова. Москва, 1895. Б. Никольскаго.—5) Всеволодъ Чешинякъ. Жуковскій, какъ революціонъ Шиллера. Критическій этюдъ. Рига, 1895. А. Б.—6) Biblioteka ordynacyi Krasinskiх. Muzeum Konstantego Swidzinskiego. Tom trzynasty. Dugaryusz wojny moskiewskiej 1633 roku z rękopisu wydali przedmowa zaopatrzył Alexander Rembowski. Warszawa. 1895. (Библиотека майората Красинскихъ. Музей К. Свидзинскаго. Томъ тринадцатый. Днев-	

См. слѣд. стр.

никъ Московской войны 1633 г., изданный по рукописи и снабженный предисловіемъ Александромъ Рембовскимъ. Варшава. 1895. Н. Любовича.—7) П. Ф. Акаемовъ. Куявы. Историко-этнографическій очеркъ. Варшава. 1895. Н. Н.—8) Очерки простонароднаго житія-бытїя въ Витебской Бѣлоруссии и описаніе предметовъ обиходности. (Этнографическія данныя). Съ географическимъ видомъ Витебской губерніи и четырьмя чертежами въ текстѣ. Составилъ Н. Я. Никифоровскій. Витебскъ. 1895. Н. Н.—9) *Livre d'or à la mémoire d'Alexandre III*, par Nicolas Notovitch. Edition du comité patriotique du Livre d'or Paris. 1895. Б. В. Н.—10) Н. П. Лихачевъ. Каталогъ легучихъ изданій и ихъ перепечатокъ: манифесты, указы и другія правительственныя распоряженія въ отдѣльныхъ изданіяхъ и перепечаткахъ. Разныя отдѣльные листы и брошюры. Спб. 1895. Б—а.—11) Пережитки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ. Этнографическій очеркъ А. Е. Богдановича. Гродно. 1895. Н. Н.—12) Ковалевскій, М. Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. Переводъ съ французскаго М. Юлпина. Спб. 1895. П. А.

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи 695

1) Соціалистическое государство въ старину.—2) Война въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ.—3) Вестминстеръ съ его основанія до нашихъ дней.—4) Герцогъ Лозень и его отношенія къ Екатеринѣ II.—5) Прологъ кампаніи 1812 года и дневникъ Кастелліана.—6) Польско-еврейской мессія и его ученики.—7) Штраусъ и его переписка.—8) Два поэта.

XVI. Смѣсь 715

1) Торжественное 170-е засѣданіе Императорской Академіи Наукъ.—2) 75-тилѣтіе Императорскаго общества поощренія художествъ.—3) 75-тилѣтіе журнала «Христіанское Чтеніе».—4) 85-тилѣтіе журнала «Филологическія Записки».—5) 85-тилѣтіе служебной и учено-литературной дѣятельности Л. Н. Майкова.—6) Чествованіе памяти Д. А. Ровинскаго въ Академіи Наукъ.—7) Чествованіе памяти К. Д. Ушинскаго.—8) Собраніе Славянскаго благотворительнаго общества.—9) С.-Петербургское археологическое общество.—10) Московское археологическое общество.—11) Императорское общество любителей древней письменности.—12) Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III.—13) Московскій Библиографическій кружокъ.—14) Антропологическое общество при императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.—15) Общество для вспомошествованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—16) Собраніе театральнаго общества.—17) Новыя правила о преміяхъ А. С. Пушкина.—18) Отчетъ Одесской городской читальни.—19) Статистика театровъ и увеселеній въ Россіи.—20) Раскопки мечети Вибі-ханымъ.—21) Валаамское преданіе.—22) Некрологи: Н. П. Жандръ; А. Ф. Копыловъ; А. А. Алексеевъ; Н. А. Маевъ; Я. И. Вейнбергъ; В. А. Дашковъ.

XVII. Замѣтки и поправки 743

1) Маска Пушкина. Д. С—ова.

XVIII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Александра Константиновича Шеллера.—2) Осада Сарагоссы (*Zaragoza*). Историческій романъ Переса Гальдоса. Гл. X—XVI. (Продолженіе). Переводъ съ испанскаго Е. Уманецъ.

СИЛЬФИДА¹⁾.

(Романъ въ трехъ частяхъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

ОРУЧИКЪ Верховскій вышелъ изъ театра въ крайне безпокойномъ настроеніи духа. Ничего существеннаго и важнаго въ его жизни не случилось въ этотъ вечеръ, а между тѣмъ на душѣ у него было прескверно. Сдѣлка, которую онъ въ теченіе какихъ нибудь двухъ минутъ совершилъ въ литерной ложѣ, не представляла ничего исключительнаго,—такія сдѣлки встрѣчались на каждомъ шагу. Всякій благомыслящій человѣкъ сказалъ бы, что онъ держалъ выгодное пари, и похвалилъ бы его за это. Получить двѣнадцать душъ по выбору, то-есть здоровыхъ, способныхъ, молодыхъ, наиболѣе пригодныхъ для полезной работы, рискуя противъ этого, въ случаѣ проигрыша, одной крѣпостной дѣвкой, это все равно, что играть навѣрняка, или взять выигрышъ впередъ. Въ особенности для Верховскаго это приобрѣтеніе было важно.

И онъ ничего не имѣлъ противъ этого. Но когда онъ смотрѣлъ на дѣло съ другой стороны, то ему казалось, что эти двѣнадцать

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIII, стр. 7.

душъ, если даже онъ ихъ и получить, будутъ ему вѣчнымъ укоромъ. Изъ ложнаго самолюбія онъ не могъ отказаться отъ условій пари. Онъ не могъ сказать Тугарину и Остужинымъ: «я Дашеньку не отдамъ и за тысячу душъ, Дашенька мнѣ дорога, я люблю Дашеньку!» Его подняли бы на смѣхъ, надъ нимъ острили бы, издѣвались бы, говорили бы, что онъ слишкомъ рано впалъ въ старость, коли его сердцемъ можетъ владѣть красивая крѣпостная дѣвка, съ которою у него ничего не можетъ быть общаго. Мало ли въ Москвѣ благородныхъ дѣвицъ, изъ которыхъ каждая способна понять и оцѣнить его, какъ человѣка своего круга и положенія и одинаковыхъ понятій, взглядовъ, воспитанія? Подъ старость, когда человѣку поздно уже думать о женскомъ сочувствіи, отчего не побаловаться красивымъ тѣломъ деревенской прелестницы? Не мудрено, если старикъ и привяжется къ такой бабѣ, потому что ему ничего уже не нужно, кромѣ заботливаго ухода и тепла. Не возбраняется позабавиться этимъ и въ молодости—иные забавляются даже слишкомъ—но допустить себя до того, чтобы дорожить этой дѣвкой, чтобы бояться распорядиться ею, какъ своимъ добромъ, остановиться передъ явной, очевидной даже для младенца, выгодой,—это унижительно.

И Верховскій свою сердечную привязанность къ Дашѣ старался скрывать даже отъ самого себя. Всѣ знакомые знали, для чего онъ вывезъ ее изъ деревни, и какую роль она играла при немъ, но всѣ думали, что это простая забава, не болѣе. Онъ увѣрялъ себя въ томъ же. Но теперь, когда Дашенька была поставлена на карту, онъ явственно почувствовалъ, что она ему не забава. Ея нѣжныя ласки, ея безконечная преданность ему и готовность идти по его приказанію хоть въ огонь, готовность не рабская, а сердечная, привязали его къ ней гораздо больше, чѣмъ хозяина къ красивой вещи, которою онъ обладаетъ. Она была дорога ему.

И вотъ онъ, изъ-за одной только боязни быть смѣшнымъ, ея счастье, да и свое собственное, добровольно поставилъ въ зависимость отъ чужой воли, отъ чужого каприза, или отъ случая. Полковникъ Бентышъ-Полянскій обмолвился словомъ, его поймалъ на этомъ словѣ Тугаринъ, и составилось пари. Исторія самая обыкновенная. Въ ресторанѣ собралось вечеромъ обычное общество, которое всегда группировалось вокругъ Бентышъ-Полянскаго и Тугарина. Тугаринъ — балагуръ, душа общества, благодаря ему оно никогда не скучаетъ; Полянскій—кошелекъ; въ его присутствіи никто не имѣетъ права платить, это его право, которое дано ему съ общаго согласія. Собралось челоѣкъ двадцать пестрой публики всякихъ возрастовъ. Вино, по обыкновенію, лилось рѣкой, и подавалось исключительно «Бентышевское вино», отборное, драгоцѣнное, которое для полковника выписывалось и никому, кромѣ какъ ему, не подавалось. Кто-то вспомнилъ исторію, которую слышалъ

сегодня въ городѣ, и о которой много говорили. Какой-то кавалеристъ, сѣвъ на лошадь въ Аккерманѣ, скакалъ чуть не безъ отдыха до самой Москвы, останавливаясь только на нѣсколько часовъ, чтобъ покормить лошадь и себя. Онъ хотѣлъ испытать выносливость лошади и свою собственную, а больше всего ему хотѣлось, чтобы о немъ стали говорить.

Когда онъ въѣзжалъ въ заставу и видѣлъ уже издали кремлевскіе куполы, лошадь подъ нимъ свалилась и пала на мѣстѣ, а его, истощеннаго и разбитаго, снесли въ лазарѣтъ. Объ этомъ говорила вся Москва.

— Я нахожу это просто глупымъ поступкомъ!—сказалъ по этому поводу полковникъ.

— Однако-жъ, онъ достигъ своей цѣли!—возразилъ Тутаринъ,— о немъ теперь говорятъ.

— Поговорятъ три дня и перестанутъ! Изъ-за этого не стоило терять лошади и портить свое здоровье!

— Ну, не всякому удастся заставить Москву говорить о себѣ цѣлыхъ три дня!

— Вотъ пустое! Хотите, я заставлю ее говорить обо мнѣ три мѣсяца!? И при этомъ—лошади не потеряю и здоровье сохраню въ цѣлости!

— Для этого надо снять съ неба звѣзду и поставить ее на крестѣ колокольни Ивана Великаго!..—сказалъ кто-то.

— Или положить ее въ карманъ!—прибавилъ другой.

Полковникъ промолчалъ, какъ бы предоставляя своимъ друзьямъ досыта наговориться на эту тему, а, можетъ быть, въ это время голова его, поощряемая виномъ, работала надъ вопросомъ, чѣмъ можно заставить Москву говорить три мѣсяца. Прошло съ полчаса. Разговоръ не умолкалъ и началъ уже незамѣтно переходить на другія темы. Полковникъ только подливалъ себѣ вина и прихлебывалъ по глотку. Мысли его были далеко отъ окружавшаго его общества. Тутаринъ поглядѣлъ на него и, слегка ударивъ его по плечу, сказалъ полунасмѣшливо.

— Ну, что, дорогой мой Бентышъ, все думаете, какъ снять звѣзду съ неба и...

— И положить ее въ карманъ!—закончилъ полковникъ, ударивъ кулакомъ по столу, и лицо его вдругъ озарилось новой мыслью, которая, быть можетъ, какъ разъ въ это время родилась въ его головѣ.—Сниму и положу въ карманъ!—объявляю это вамъ! И заставлю Москву ломать голову три мѣсяца!

— А-а!—раздалось со всѣхъ сторонъ!—Это любопытно!

— Чѣмъ можете вы заставить этому вѣрить, полковникъ?—спросилъ Тутаринъ.

— Чѣмъ хотите! Предоставляю выборъ вамъ!

— Э, я—человѣкъ бѣдный! Сто червонцевъ для меня деньги!

— Къ услугамъ вашимъ! — заявилъ Полянскій и протянулъ руку.—Вы знаете, что для меня будетъ важно не это!

— Ну, а для меня и это не будетъ вредно! — отвѣтилъ Тугаринъ, протянувъ руку съ своей стороны.—Назначайте срокъ!

— 6-го мая, въ 12 часовъ дня всѣ, присутствующіе здѣсь, опять соберутся снова и рѣшатъ, сдержалъ ли я свое слово!

— Что-жъ, все это честные малые! я согласенъ! — сказалъ Тугаринъ.

Они ударили по рукамъ. Пари состоялось. Полковникъ потребовалъ еще вина, и затѣмъ скоро всѣ разошлись.

Тугарину сто червонцевъ не трудно выбросить, а для полковника эта горсть золота ничего не значить. Его кошелекъ такъ полонъ, что эта сумма не уменьшитъ его вѣса. Оба они могли позабавиться этою игрою. А Верховскій присталъ къ нимъ изъ какого-то страннаго тщеславія, подталкивавшаго его во что бы то ни стало сыграть въ этой исторіи хотя маленькую роль. Предлагая пари, онъ не разсчитывалъ обогатиться, у него не было корыстныхъ расчетовъ. Ему только хотѣлось быть вмѣстѣ съ побѣдителемъ. Онъ долго колебался между спорившими сторонами, не зная, на чьей сторонѣ шансы. Въ полковника онъ вѣрилъ всегда. Его бурная, рѣшительная, подчасъ дикая натура, удивительно сочетавшаяся съ холодной выдержкой и желѣзной настойчивостью, покоряла нѣжную, нерѣшительную душу молодого прапорщика. Онъ давно привыкъ считать, что для полковника Бентышъ-Полянскаго нѣтъ ничего невозможнаго. Этому отчасти способствовали его широкія связи, его дружба съ правящими лицами въ Москвѣ, изъ которыхъ ине отъ него зависѣли. Но это ужъ было слишкомъ отвѣтственное обѣщаніе. При томъ же оно такъ неопредѣленно, и рѣшеніе вопроса зависитъ отъ всего ихъ общества. Но твердое заявленіе со стороны полковника рѣшило для него дѣло.

И вотъ онъ, сидя въ каретѣ Тугарина, который предложилъ ему доставить его домой, дрожалъ и терзался при мысли, что будетъ завтра въ 12 часовъ дня. Онъ представлялъ себѣ, что полковникъ не смогъ сдержать слова, или общество признало его подвигъ недостаточнымъ. Онъ представлялъ, что ему приходится отдать Дашу Остужишынѣ, которые преподносятъ ее въ подарокъ Тугарину, и мысленно закрывалъ уши, какъ бы для того, чтобы не слышать своихъ мыслей.

— Что это вы такъ дрожите, прекрасная отроковица? — спрашивалъ его Тугаринъ, — у васъ лихорадка?

— Да, мнѣ холодно!... — отвѣчалъ Верховскій, чтобъ отдѣлаться.

— Надо было взять шинель съ подкладкой. А то вы вотъ все франтите, все налегкѣ...

— Послушайте, генераль, позвольте мнѣ ѣхать къ вамъ ночевать! — вдругъ сказалъ Верховскій.

— Отроковица! Да съ великимъ удовольствіемъ! Правда, вамъ ѣхать далеко, съ лихорадкой это вредно. Поѣдемъ, поѣдемъ! Я вамъ малинки попить дамъ. У меня есть старушка Февронья, она вамъ отменно это сдѣлаетъ.

— Нѣтъ, малинки не надо!

— Ну, и безъ малинки очень будетъ пріятно!

Верховскому малина не помогла бы. Ему просто надо было только не попасть домой, чтобъ не видѣть сегодня Дашу. Ему казалось, что онъ сгоритъ отъ стыда или провалится сквозъ землю, когда почувствуетъ на себѣ ея взгляды, полныя нѣжности и довѣрія. Нѣтъ, лучше ея не видѣть вовсе. Ночь какъ нибудь пройдетъ, а тамъ станетъ полдень, и все рѣшится.

Они пріѣхали къ Тугарину, который занималъ четыре большихъ комнаты въ своемъ домѣ, а остальную часть дома сдавалъ подъ жилье чиновникамъ. Обстановка этихъ комнатъ была дикая. Здѣсь можно было найти всякій сбродъ: и дорогой турецкій коверъ, и простое грубое ряденце, и драгоцѣнное строго выдержанное въ стилѣ кресло, прибывшее сюда прямо изъ Парижа, и произведеніе собственнаго тугаринскаго столяра, и попавшее сюда чудомъ полотно Веласкеза, и какую-то доморощенную маэню, изображавшую разрѣзанный арбузъ на блюдѣ. Но бросалось въ глаза множество мягкихъ вещей — дивановъ, креселъ, кушетокъ всевозможныхъ формъ. Хозяинъ любилъ мягко посидѣть и полежать, это было видно изъ всего. Замѣчательна была у Тугарина коллекція трубокъ, къ которымъ онъ съ молодыхъ лѣтъ имѣлъ пристрастіе. Онъ собиралъ ихъ вездѣ, гдѣ только приходилось ему бывать въ качествѣ солдата, и въ Россіи, и въ чужихъ странахъ, и у него ихъ былъ цѣлый возъ, который онъ любилъ показывать гостямъ. По нимъ онъ своеобразно опредѣлялъ характеръ народовъ и племенъ, которые изъ нихъ курили.

— Вотъ, — говорилъ онъ, вынимая изъ кучи коротенькую тоненькую трубочку, — это — финнъ! У него такой же коротенькій умъ, какъ и его трубка, и такой же узкій характеръ. Смотрите, какой аккуратный и скучный фасонъ ея, такой же и онъ самъ и его жизнь. А вотъ! — восклицалъ онъ, вытаскивая длинную, тяжелую трубку тонкой рѣзной работы, отдѣланную пестрой, грубоватой мозаикой, — это востокъ. Чтобъ курить изъ такой тяжелой посуды, надобно любить сидѣть на мѣстѣ по нѣсколько часовъ. А что за воображеніе: пестрое, но бесполезное!...

Такія характеристики могъ онъ дѣлать безъ конца, и когда ему было скучно, онъ подходилъ къ своей коллекціи, перебиралъ трубки и вспоминалъ по нимъ эпизоды своей военной жизни.

Верховскій устроился на одномъ изъ мягкихъ дивановъ, но ему всю ночь не спалось. Онъ до разсвѣта ворочался съ боку на бокъ, а когда, наконецъ, заснулъ тревожнымъ сномъ, то видѣнія у него были такія страшныя, что онъ кричалъ во снѣ и заставлялъ Туга-

рина проснуться и приводить его въ чувство. Привидѣлось ему, что онъ проигралъ пари, отдалъ Дашеньку Остужинымъ, а она пришла къ нему въ полночь, когда онъ спалъ, и удавилась, повѣсившись на крюкъ какъ разъ надъ его кроватью. Холодный потъ покрывалъ все его тѣло. Тугаринъ обезпокоился.

— Голубчикъ, и впрямь, не схватили-ль вы по вчерашней погодѣ горячку!? — воскликнулъ онъ, заботливо укутывая его одѣяломъ, — не послать ли за докторомъ?

Верховскій отказался. Но Тугаринъ просидѣлъ на его диванѣ до восьми часовъ, когда они начали одѣваться и пить чай.

У стараго генерала съ деревянной ногой въ сущности было доброе сердце.

II.

Они сидѣли за чайнымъ столомъ, когда изъ передней послышался осторожный скрипъ двери и нерѣшительные шаги. У Тугарина не полагалось докладывать. Къ нему приходили только мужчины, и онъ всѣхъ принималъ охотно. Дверь его квартиры всегда была отперта. Если онъ бывалъ занятъ или не въ духѣ, онъ прямо заявлялъ гостю.

— Садитесь, батюшка, и сами себя услаждайте. Я занятъ (или я не въ расположеніи), ужъ сердитесь, не сердитесь, а не могу!

Доклады онъ считалъ излишней церемоніей и говорилъ: «Это не болѣе, какъ поводъ поставить у дверей лишняго человѣка! Ну, что жъ такое, если гость придетъ не во-время? Я скажу ему: пришель, моль, не во-время,—онъ и уйдетъ. Другое дѣло, ежели бы я фальшивыя деньги дѣлалъ, а то вѣдь я этимъ не занимаюсь!».

Дверь въ столовую пріотворилась, и въ нее заглянула узкая голова съ тщательно напомаженными и приглаженными сѣдыми волосами, съ длиннымъ, худымъ, блѣднымъ, морщинистымъ, безволосымъ лицомъ, которое улыбалось какой-то улыбкой скелета.

— Чайкъ попиваете, мон гѣнѣгал?—чрезвычайно слащавымъ голоскомъ изрекла голова и видимо ждала приглашенія.

— А-а! Газета, газета! Просимъ пожаловать! Въ самое настоящее время!—весело, шутливо воскликнулъ Тугаринъ.—Каковы новости?

«Газета» вошла, многократно раскланялась передъ хозяиномъ и гостемъ и заняла указанное мѣсто за столомъ.

— Чаю газетѣ, чаю!—скомандовалъ Тугаринъ, но лакей и безъ того уже звенѣлъ посудой, потому что видѣлъ входившаго гостя.— Ну, ну, не теряйте времени! Что новаго на свѣтѣ?

— О! Есть кой-что! Есть! Есть такое, мон гѣнѣгал, что вы ахнете! — промолвила «газета».

— Ахъ! ахъ! и ахъ! Вотъ вамъ напередъ, въ доказательство

моего довѣрія!—сказаль Тугаринъ.—А вы, газета, купайте и врите въ одно и то же время! Эти два занятія совмѣстимы!...

— Зачѣмъ же врать, *mon général*, когда существуетъ событіе захватывающее? Зачѣмъ же врать? Ахъ, какъ вы удивитесь! Какъ вы удивитесь!

«Газета» имѣла свое имя, отчество и прозваніе, но они рѣдко произносились. Его звали Аркадіемъ Аполлоновичемъ Ковряжинымъ, онъ былъ дворянинъ, когда-то обладалъ большимъ состояніемъ, которое спустилъ, потомъ служилъ, но больно ужъ явно проворовался и потерялъ службу, но не хотѣлъ ни за что потерять права появляться въ порядочныхъ домахъ и потому придумалъ себѣ профессію собирателя и распространителя новостей. Это далеко не былъ болтливый человѣкъ, напротивъ, по природѣ онъ былъ склоненъ скорѣе къ сантиментальной мечтательности наединѣ съ самимъ собою. Но ему надо было непременно хорошо и за порядочнымъ столомъ пить чай, завтракать, обѣдать, опять пить чай и ужинать и все это—каждый день, и вотъ онъ переходилъ изъ дома въ домъ, рассказывая за завтракомъ то, что услышалъ за утреннимъ чаемъ, за обѣдомъ то, что узналъ за завтракомъ и такъ далѣе, а если нечего было рассказывать, то сочинялъ. Иногда онъ велъ предварительную бесѣду съ какимъ нибудь полицейскимъ чиновникомъ или служащимъ при какомъ нибудь важномъ лицѣ и, благодаря этому, отъ него нерѣдко узнавали немаловажныя новости. Его вездѣ принимали съ удовольствіемъ и по нѣсколько дней ждали, какъ принимаютъ и ждутъ газету люди, жаждущіе новостей. Это былъ устный репортеръ, а лучше—цѣлая газета, такъ какъ онъ былъ полонъ извѣстій «по всѣмъ отдѣламъ». Онъ былъ очень высокъ и тонокъ, носилъ необыкновенно длинный сюртукъ и, стыдясь своей лысины, прикрывалъ ее мало достигавшимъ цѣли старымъ парикомъ, который съѣдалъ у него множество банокъ дешевой помады.

— Появилась на свѣтъ танцовщица Сильфида! — началъ Ковряжинъ, отлотавъ чуть не залпомъ полстакана чаю съ густыми сливками.

— Вотъ такъ новость! Ха, ха, ха! Сильфида? Посохова? А вы только что узнали?

— Не торопитесь, не упреждайте, *mon général*! Она вчера плясала въ театрѣ Сильфиду, и зрители восторгались! Ахъ, какъ она плясала! Ахъ, какъ она плясала! Что за ножки! Что за воздушная легкость!

— Да вы же не видѣли! Вѣдь васъ тамъ не было! Ну, врите, врите дальше!

— *Mon général*! *Mon général*! Надо слушать и болѣе ничего!

— Ага! Ну, слушаемъ!

— И вотъ ея не стало!

— Какъ не стало?

— Такъ вотъ и не стало!

— Да что вы околесину несете? Умерла она, что ли?

— Нѣтъ, не умерла, а просто не стало ея! Изъ театра-то вышла и даже съ горничной, и въ карету сѣла—тоже съ горничной; а никуда не пріѣхала. Дядя ея, слѣпой майоръ Чистопольевъ...

— Чистопольевъ?

— Ну, да, Чистопольевъ... Майоръ въ отставкѣ, двадцать лѣтъ какъ слѣпъ, живетъ за Москвой-рѣкой...

— Да что вы говорите? Майоръ Чистопольевъ? Да гдѣ же онъ? Да вѣдь мы съ нимъ когда-то друзьями были... Я считалъ его умершимъ... Но дальше, дальше... Такъ онъ ей дядя?..

— Онъ ей дядя. Сегодня былъ у князя, у самого князя и говоритъ: отдайте мнѣ мою племянницу! Ее похитили, увезли, гдѣ, кто, куда, неизвѣстно! Къ театру подѣхала карета и кучеръ точь-въ-точь такой, какъ у Чистопольева, и увезла, да больше ея и не видали...

Тугаринъ поднялся, а Верховскій вскочилъ съ мѣста и забѣгалъ по комнатѣ.

— Возможно ли? Это уже не смѣлость, а дерзость! Это чистое сумасшествіе! Прямо изъ театра, послѣ рукоплесканій!—воскликнули они оба.—Но что же дальше?

— А дальше ничего! Полиція ищетъ, да только не найдетъ! Князь вышелъ изъ себя и сказалъ: живого или мертвого, а доставить мнѣ обидчика! Мы его казнимъ, разстрѣляемъ, военнымъ судомъ! А только не найдутъ!

— Почему не найдутъ?

— Гм... Тончайшее обстоятельство! Карета Чистопольева была арестована полиціей и задержана до двухъ часовъ ночи... Понимаете? А между прочимъ она, Сильфида-то, изъ театра въ 12 часовъ поѣхала въ этой самой каретѣ и даже съ кучеромъ точь-въ-точь схожимъ...

— Что за чудеса такія!

— Именно, чудеса, mon général! Вся Москва уже говоритъ объ этомъ! Вся какъ есть Москва, а скоро и въ Санктъ-Петербургѣ заговорятъ! Вотъ такъ исторія, mon général!

— Послушайте, почтеннѣйшая газета, а вы не врете?—спросилъ Тугаринъ, котораго такъ поразила эта новость, что онъ считалъ ее почти невѣроятной.

— Mon général! — на этотъ разъ обиженнымъ тономъ воскликнулъ Ковряжинъ. — Возможно ли, чтобы я такимъ образомъ сталъ врать!? Да этакой исторіи не выдумаешь! Въ голову не придетъ! Ну, ну, скажите, mon général, развѣ вамъ пришло бы въ голову такое?

— Такъ вѣдь я же не газета, батюшка вы мой! На то вы и газета, чтобъ выдумывать!

— Гм... Газета! Этакого даже настоящей, печатной газетѣ не избобрѣсти! Подумайте: какая нужна смѣлость! Всѣ ей рукоплещутъ, даже, можно сказать, вельможныя особы восторгаются! Всѣ кричатъ: вотъ, молъ, новая звѣзда загорается! А онъ ее, эту самую звѣзду, хватъ у всѣхъ изъ-подъ носу, да и...

— Да и въ карманъ? а? Ха, ха, ха, ха!—вдругъ остановившись, съ какими-то безумными, пылающими глазами, воскликнулъ Верховскій, и нервный неудержимый хохотъ мѣшалъ ему сказать еще что нибудь.—Звѣзда... звѣзда... хватъ и... въ карманъ! Ха, ха, ха!—повторялъ онъ и опять заливался смѣхомъ.— Mon général! Ваше превосходительство!

Тугаринъ сперва съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него, потомъ въ головѣ у него зашевелилось какое-то воспоминаніе, и вдругъ все ясно освѣтилось. Онъ строго посмотрѣлъ на Верховскаго, схватилъ его за руку и, промолвивъ мимоходомъ для Ковряжина: «Васъ, отроковица, надо холодной водой вспрыснуть! У васъ нервы!»—увелъ Верховскаго въ третью комнату.

Здѣсь онъ сразу понизилъ голосъ и промолвилъ, строго сдвинувъ брови:

— Развѣ вамъ не извѣстно, прекрасная отроковица, что объ иныхъ вещахъ надлежитъ догадываться про себя? Если вы догадались правильно, то знаете, какая отвѣтственность бываетъ за такую смѣлость?

— А вы... вы тоже догадались, генераль?

— Помолчите-ка! Я вотъ спроважу эту египетскую мумію!...

Онъ посадилъ его на диванъ, а самъ поковылялъ обратно. Ковряжинъ уже всталъ и, повидимому, собирался откланяться. Тугаринъ сказалъ ему:

— Вѣчно вотъ таковъ этотъ юнецъ! Совсѣмъ какъ есть барышня! А вы уходите, газета?

— У меня дѣлъ, mon général, по горло!—отвѣтилъ, какъ бы извиняясь за свой уходъ, Ковряжинъ.

— Ну, еще бы! Такая новость! Я думаю, вы нынче въ четырнадцати мѣстахъ чай пьете! А? Вотъ, право, вы бы лучше на себя подписку объявили, какъ дѣлаютъ настоящія печатныя газеты! Я первый подписался бы!

— Все шутите, mon général! Все шутите! Ну, я иду!

Онъ раскланялся и исчезъ. Тугаринъ тотчасъ опять пошелъ въ третью комнату, гдѣ нашелъ Верховскаго въ состояніи какого-то нервнаго подергиванья.

— Эге, господинъ поручикъ, я вижу, вы обезумѣли отъ надежды приобрѣсти двѣнадцать душъ!—съ саркастической усмѣшкой произнесъ Тугаринъ.

— Нѣтъ, не оттого! Хотите знать, отчего, генераль? Оттого, что

я, можетъ быть, получилъ возможность не сдѣлать страшную подлость!...

— Гм... Какъ бы не такъ! Этой возможности вы никогда уже не получите, отроковица!

— Почему такъ?

— Потому что вы эту подлость уже сдѣлали!—по возможности избѣгая рѣзкаго тона, отвѣтилъ Тугаринъ.

Верховскій низко опустилъ голову.

— Вы, генераль, вслухъ высказали мою мысль!... Это она душила меня сегодня ночью... что же, вы можете теперь презирать меня!...

— Э, полно вздоръ молоть, батюшка! Не стану я васъ презирать!... Коли, говорите, душила, значить—совѣсть ваша въ исправномъ видѣ находится! Молодой человѣкъ, безчестные поступки чаще мы совершаемъ по нашему малодушію, по слабости характера, чѣмъ по нашей собственной подлости. Вѣдь я думалъ объ эомъ еще вчера, въ театрѣ, въ то самое время, какъ вы держали ваше пари съ молодцами... я нарочно и Дашеньку-то вашу себѣ въ подарокъ назначилъ...

— Какъ нарочно?

— А такъ: думаю, по малодушію, онъ подлость-то учинить, а я ему Дашеньку отдамъ обратно въ неприкосновенности, вотъ дѣло-то мы и поправимъ, не сдвинувъ Дашеньку даже съ мѣста...

— Генераль!—порывисто воскликнулъ Верховскій и схватилъ его руку.—Вы благороднѣйшій изъ людей, какихъ только я видалъ въ своей жизни!

— А можетъ статься, вы все больше негодяевъ видали?—шутливо сказалъ Тугаринъ.—Тогда и честь не велика!... Нѣтъ, нѣтъ, я шучу, прекрасная отроковица! Я вѣдь васъ сердечно люблю, такъ оттого это! Слышите, опять кто-то пришелъ! Эге, клянусь честью, это близнецы-молодцы! Я ихъ узнаю по неуловимой вибраціи воздуха... Эй!—громко крикнулъ онъ, — братья-разбойники! пожалуйте сюда! Слышали новость-то? а?

— Про Сильфиду?—спросили разомъ оба брата, здороваясь съ хозяиномъ и съ гостемъ.

— Ну, да, про нее самое! Неужто слышали? Значить, газета-таки не вретъ!

— А онъ былъ уже здѣсь?

— Чай пилъ!

— Помилуй Богъ! Вся Москва разинула ротъ отъ удивленія. Прямо со сцены взять артистку, какъ какую нибудь курицу...

— Такимъ образомъ вы полагаете, что этого событія хватить на три мѣсяца разговоровъ для Москвы?

— О, хватить и побольше! Дѣло завяжется серьезное! Сказываютъ, самъ князь близко къ сердцу взялъ... Много говорятъ про

какого-то Чистопольева — слѣпой поэтъ, чувствительные стихи сочиняеть. Онъ ей дядя.

— А мнѣ другъ! — замѣтилъ Тугаринъ, поднявшись и направляясь къ маленькому шкафику, стоявшему у стѣны. Онъ говорилъ, отпирая шкафъ и потомъ взявъ въ немъ съ чѣмъ-то: — Вотъ и мнѣ эта исторія послужила въ пользу. Я о другѣ узналъ, котораго считалъ въ числѣ умершихъ. Вотъ какъ бываетъ: живутъ люди въ одномъ городѣ двадцать лѣтъ и не встрѣчаются...

— Что это вы тамъ дѣлаете? — спросилъ одинъ изъ братьевъ, когда изъ шкафа послышался глухой звонъ перебираемыхъ монетъ.

— Червонцы отсчитываю! — отвѣтилъ Тугаринъ.

— Зачѣмъ?

— Да вѣдь вы же признаете, что разговора будетъ больше, чѣмъ на три мѣсяца. Ну, значить, надобно положить на столъ сто червонцевъ...

— Какъ? Развѣ это дѣло полковника?

— Даже если это и достовѣрно, — сказалъ Тугаринъ, — двадцать человѣкъ, которые соберутся нынче въ ресторанъ, этого не знаютъ... Поняли?

— Чего не понять! Это само собою ясно!

Тугаринъ завернулъ сто червонцевъ въ цвѣтной шелковый платокъ, положилъ въ карманъ и объявилъ, что уже половина двѣнадцатаго. Они всѣ одѣлись и пошли пѣшкомъ въ ресторанъ.

Ш.

Тутъ собралось уже все общество. Не доставало только ихъ, да самого полковника, который, какъ герой или подсудимый, имѣлъ право явиться послѣ всѣхъ. Въ довольно большой комнатѣ съ глухими стѣнами, съ одной только дверью, выходившей въ отдѣльную переднюю, на длинномъ столѣ, обыкновенно, когда вокругъ него сидѣло это общество, уставленномъ бутылками и бокалами, теперь не стояло ничего. Былъ часъ дѣловой, слишкомъ ранній для вина. Иные изъ гостей нетерпѣливо посматривали на часы, торопясь къ своимъ служебнымъ дѣламъ. Они явились только потому, что хотѣли сдержать слово да кстатѣ освѣдомиться насчетъ того, сумѣлъ ли полковникъ и на этотъ разъ, какъ всегда, выполнить обѣщаніе. Но всѣмъ уже было извѣстно театральное событіе. Всѣ говорили о Сильфидѣ. Большая часть присутствующихъ вчера были въ театрѣ и, конечно, причислились къ ея поклонникамъ. Поэтому, отдавая должное смѣлости и рѣшительности похитителя, качествамъ, которыя всѣми почитались за добродѣтель, въ то же время покачивали головами и находили, что это уже слишкомъ.

При появлении Тугарина, все к нему бросились, чтобы узнать его мнение. Он, однако, промолчал. Он вынул из кармана сверток и торжественно положил его на стол.

— Вот моя ставка! — сказал он.

— Как? Раз вы проиграли? — раздались со всех сторон вопросы.

— Почему мне знать? Это могут решить только здесь.

— Мы ничего удивительного еще не слышали!

— А раз то, о чем вы сейчас все говорите, не довольно удивительно?

Все посмотрели на него с недоумением и недоверием. Он продолжал: — Господа, раз в Москве найдется еще другой безумец, способный решиться на такое дерзкое дело?

— Так вы полагаете...

— Полагаю, что нам остается только его спросить... А, вот и полковник! — воскликнул он, увидев входящего Бентш-Полянского. Все взглянули на дверь и были поражены. Никогда еще не видели полковника таким, каким он был теперь. Когда он являлся в общество своих друзей, лицо его было ясно, на губах светилась усмешка, в небольших продолговатых темных глазах искрилась веселость, которая заражала всех, и она-то делала его центром общества. Теперь лицо его было бледно и мрачно; его характерная голова, державшаяся всегда прямо и высоко, с таким видом, что для этого человека нет ничего невозможного, что его бурные, подчас дикие желания никогда не могут встретить препятствий и границ, — была наклонена, брови озабоченно сдвинуты, и на лбу образовалась глубокая складка. Он никому не протянул руки, никому не улыбнулся, а только поклонился всем и сел за стол, вокруг которого начали усаживаться остальные. Какое-то тяжелое молчание, к которому не была привычна эта комната, водворилось в ней.

Когда все уселись, Тугарин сказал:

— Полковник, мы слышали уже о том, что вчера ночью исчезла одна блестящая звездочка с театрального неба... Никто в Цейхгаузе Москвы не знает, чья это работа. Но если бы оказалось, что это один из двадцати, сидящих здесь, людей с благородной душой, то остальные девятнадцать головами поручились бы за то, что юной звездочке не будет нанесено даже самой малой обиды. Так ли?

Послышались подтверждающие восклицания. Тугарин продолжал: — Нам достаточно будет услышать от полковника «да», чтобы мы поняли все и сумели из двадцати сделать одним человеком, который умел хоронить тайну. Мы только хотели бы знать, почему наш полковник нынче не таков, как всегда? Что мешает ему быть веселым и приветливым?

— То мѣшаеть, — отвѣтилъ полковникъ, — что никогда еще въ жизни я не жалѣлъ о совершенномъ мною, а нынче казнюсь!

— О-о! — раздалось со всѣхъ сторонъ выраженіе изумленія по поводу того, что полковникъ говоритъ непривычныя ему рѣчи.

— Такъ можно и повернуть! — сказалъ Тугаринъ.

— Нѣтъ, генераль, поворотъ невозможенъ! Повѣрьте мнѣ, если я это говорю.

Всѣ переглянулись. Что-то тяжкое послышалось въ этихъ словахъ полковника, и всѣмъ сдѣлалось какъ-то не по себѣ. Онъ, который не признавалъ ни сожалѣнія, ни раскаянія, считая свою волю, свое малѣйшее желаніе закономъ, сидитъ передъ ними съ потупленнымъ взоромъ, съ видомъ отчаянья, съ сознаниемъ какъ бы уже совершеннаго дурного дѣла; значитъ, случилось что нибудь, превышающее мѣру, сломившее и его желѣзную самоувѣренность. Что же это? Не опоздало ли заявленіе Тугарина о томъ, что «юной звѣздочкѣ не будетъ нанесено даже самой малой обиды», за что головами ручаются остальные девятнадцать — «люди съ благородной душой»? Не нанесена ли уже эта обида? Не слишкомъ ли поздно они собрались здѣсь?

Тугаринъ тяжело поднялся съ своего мѣста. Казалось, никогда еще деревянная нога такъ не обременяла его и не доставляла ему такъ много хлопотъ, какъ теперь. Казалось, обходя столъ и приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ полковникъ, онъ дѣлалъ это не охотно. Онъ взялъ со стола свой свертокъ и подалъ его полковнику.

— Вотъ мой проигрышъ, полковникъ! — сказалъ онъ: — вы исполнили ваше обѣщаніе, можетъ быть, въ большей степени, чѣмъ слѣдовало. Сейчасъ наше общество разойдется въ такомъ печальномъ настроеніи, въ какомъ никогда еще не расходилось. А васъ я прошу объ одномъ одолженіи.

— Я хотѣлъ бы, чтобъ это была величайшая услуга съ моей стороны! — отвѣтилъ полковникъ.

— Можетъ быть, такъ и будетъ. Прошу васъ остаться здѣсь со мною на четверть часа!

Полковникъ согласился. Всѣ поднялись и начали расходиться. Судя по необычно серьезному тону, какимъ говорилъ Тугаринъ, отъ этихъ четверти часа никто не ожидалъ ничего хорошаго.

Когда они остались вдвоемъ, Тугаринъ сѣлъ на свое прежнее мѣсто, какъ разъ напротивъ полковника и, какъ-то тяжеловѣсно набравъ воздуха въ легкія, сказалъ:

— Вы не сомнѣваетесь въ моей дружбѣ, полковникъ?

— До сихъ поръ не имѣлъ ни одного случая къ этому! — отвѣтилъ Полянскій, повидимому, не понимая, зачѣмъ Тугаринъ объ этомъ заговорилъ.

— Я могу подтвердить это вамъ. Но бываютъ такія сдѣленія

обстоятельствъ, которыя заставляють и самую дружбу, хотя бы на время, отложить въ сторону... Клянусь честью, вы сейчасъ подумали, что въ старомъ сердцѣ Тугарина звѣздочка зажгла молодой огонь, и онъ говоритъ съ вами, какъ съ соперникомъ...

Полковникъ ѣтрицательно покачалъ головой.

— Вы не ошиблись. Нѣтъ, не соперникъ я вамъ, мой дорогой полковникъ. Тутъ совсѣмъ другое. Судьба вѣдь иногда играетъ нами, какъ шахматными пѣшками, заставляя врагу оказывать услугу, а друга пронзить шпагой. Я вамъ расскажу это. Когда я былъ еще о двухъ ногахъ и служилъ въ арміи, былъ у меня другъ, съ которымъ я дѣлилъ свою душу. Богъ знаетъ, что насъ соединило. Надо полагать, именно то, что въ его нравѣ были качества, недостававшія моему, а въ моемъ было то, чего его характеру не хватало. Я былъ подвиженъ, дѣятеленъ, страстенъ, любилъ перемѣны, разнообразіе жизни, я былъ вспыльчивъ и рѣзокъ, а онъ — натура мягкая, нѣжная, задумчиво-мечтательная и сосредоточенная на своемъ внутреннемъ мірѣ. Онъ могъ по цѣлымъ часамъ смотрѣть на какое нибудь розовое облачко, плывущее по небу, или любоваться ручейкомъ, съ журчаніемъ катящимся по склону горы. Но онъ однимъ своимъ кроткимъ взглядомъ усмиралъ мои страсти, и подчасъ это спасало мнѣ мою честь, избавляя отъ тяжело-несправедливаго поступка. Но случилось, что онъ заболѣлъ, вышелъ въ отставку, поѣхалъ къ себѣ въ деревню, а меня усади въ походъ, гдѣ я заработалъ себѣ вотъ эту деревянную ногу, и я потерялъ его изъ виду. Онъ вышелъ въ отставку майоромъ, а я позже получилъ генеральскій чинъ. И вотъ двадцать лѣтъ я ничего о немъ не слышалъ. Я полагалъ, что его нѣтъ на свѣтѣ. Но нынче утромъ я вдругъ услышалъ его имя. Это случилось, благодаря вамъ, полковникъ...

— Благодаря мнѣ?—съ изумленіемъ спросилъ Бентышъ-Полянский, съ глубокимъ вниманіемъ слушавшій его.

— Да, благодаря вамъ. Узналъ я, что онъ живетъ въ Москвѣ, что на его попеченіи находится осиротѣлая племянница, которая радовала его своими успѣхами, но затѣмъ онъ получилъ тяжкое оскорбленіе, такъ какъ какой-то неизвѣстный ему смѣльчакъ похитилъ эту дѣвочку и упряталъ въ надежное мѣсто... Если вы узнаете, полковникъ, что этотъ мой другъ—старъ и лишенъ зрѣнія...

— Чистопольевъ?—спросилъ полковникъ, весь вздрогнувъ и порывисто поднявъ голову:—вы говорите о немъ, генераль?

— Вамъ это легко понять!—отвѣтилъ Тугаринъ.—Итакъ, если вы знаете, полковникъ, что этотъ мой оскорбленный другъ старъ и лишенъ зрѣнія, то вы сами поймете, какую это обязанность налагаетъ на меня!..

Полковникъ поднялся и выпрямился.—Я къ вашимъ услугамъ, генераль! Я только надѣюсь, что, во вниманіе къ моему нынѣшнему душевному состоянію, вы будете такъ великодушны, что избавите

меня отъ какихъ бы то ни было переговоровъ. Мы знаемъ и уважаемъ другъ друга. Я заранѣе принимаю всѣ условія, какія вы назначите!

— Я не могу избавить васъ ни отъ чего, что положено обычаемъ въ вопросахъ чести, полковникъ! Вотъ все, о чемъ намъ надо было говорить. Надѣюсь, мы расстаемся друзьями, пока не сойдемся при иныхъ условіяхъ!

Онъ протянулъ руку, а полковникъ крѣпко пожалъ ее. — При всякихъ условіяхъ мы ими останемся, генераль! — отвѣтилъ Бентшгъ-Полянскій. Тугаринъ повернулся къ двери и вышелъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Папа поддержала свою барышню сильными руками, привычными къ тяжелой работѣ, и бережно перенесла ее на диванъ. Она ничего не видѣла, кромѣ этого блѣднаго лица съ закрытыми глазами, окруженными длинной зубчатой тѣнью отъ рѣсницъ.

«Дышитъ ли?»—съ ужасомъ думала она и, увидавъ, что грудь ея тяжело подымается и опускается, прошептала: «Дышитъ, дышитъ! Царица небесная, будь съ нею»!

Она нашла на диванѣ мягкую вышитую гарусомъ подушку съ изображеніемъ вѣтки дерева, съ сидящими на ней птицами, и подложила ее подъ голову Натальѣ Александровнѣ. Ни о томъ, куда они попали, ни о томъ, какъ это произошло, ни о томъ, что съ ними будетъ, не думала она. У нея была одна мысль, одно желаніе: поскорѣе привести въ чувство барышню.

Но Наталья Александровна лежала безъ движенія. Лицо ея казалось спокойнымъ. Ея состояніе не походило на обморокъ, а скорѣе на глубокій сонъ. Можетъ быть, ей грезились свѣтлыя картины ея будущихъ успѣховъ на сценѣ, блестящей славы съ множествомъ вѣнковъ и цвѣтовъ? Она была слаба отъ природы, а долгая жизнь въ казенномъ пансіонѣ, при строгихъ порядкахъ, при требовательности въ обученіи танцамъ, еще болѣе изнурили ея организмъ. Нервы ея, напряженные вслѣдствіе чрезмѣрнаго волненія въ театрѣ, при видѣ чуждой обстановки, подъ вліяніемъ отчаянія, сразу подались и отказались служить ей.

Гдѣ-то послышался шелестъ, и скрипнула дверь. Папа въ первый разъ оглянулась и только теперь замѣтила, что они находятся въ большой комнатѣ съ высокимъ росписнымъ потолкомъ. Тяжелыя гардины висѣли надъ окнами и надъ двумя дверями, плотно закрывая ихъ. Во всемъ преобладалъ нѣжно голубой цвѣтъ, въ мебели, въ гардинахъ, въ краскахъ на потолкѣ, въ гладкихъ мато-

выхъ обояхъ на стѣнахъ, даже въ рисунокѣ ковра, покрывавшаго моль. Паша никогда еще въ жизни не видала даже издали такой роскоши. Взглядъ ея невольно остановился надъ мраморнымъ каминомъ, на которомъ стояла подъ прозрачнымъ стекломъ большая бронзовая конская группа съ маленькими часами. А широкое, спускавшееся отъ потолка до самаго пола, зеркало отражало диванъ, лежащую на немъ дѣвушку и самое Пашу. Въ зеркалѣ же она увидала и подвигающуюся къ нимъ высокую сухощавую женщину въ цвѣтномъ платьѣ и въ чепцѣ. Паша подняла глаза, а женщина дѣлала ей руками успокоительные знаки.

— Пусть спитъ, голубка моя, пусть поживаетъ!..—шепотомъ промолвила женщина, остановившись передъ диваномъ и съ глубокимъ сочувствіемъ качая головой.—Господи Боже, Создатель мой! Какая молодышечка! Совѣмъ дитя малое! Цвѣсти бы тебѣ, цвѣточекъ, да радоваться солнышку! Что же это она такъ сейчасъ и заснула?—спросила она, ласково обращаясь къ Пашѣ.

Увидѣла Паша, что лицо у старухи доброе, и добрыя слова она говорить, и бросилась она къ ней, какъ къ спасительницѣ. — Тетенька, милая! Да гдѣ же это мы? Да для какого же дѣла насъ сюда завезли? Что хотять сдѣлать надъ моей барышней?..

— Присядь, дѣвушка, присядь!—отвѣтила ей старуха и усадила ее на стулъ.—А то у тебя самой-то ноги дрожать, и лица на тебѣ нѣтъ. Крѣпостная, что ли?

— Извѣстно... А то какая же?

— Чья будешь?

— Чистопольева.

— Богатые господа?

— Нѣтъ, не богатые, а только что добрые и лучше у нихъ жить, какъ у богатыхъ.

— Это такъ, дѣвушка! Ну, а она—дочка ему будетъ или какъ?

— Племянница... Сиротка она. Ни отца, ни матери!.. У дяди да у тети на заботѣ. А самъ-то баринъ нашъ — слѣпой... Вотъ его и легко обидѣть...

— Да гдѣ же онъ ее подхватилъ-то? Въ такую пору!.. На балъ вы съ нею ѣздили или какъ? Платьице-то не по-бальному спито!..

— Нѣтъ, тетенька, не на балъ, а не знаю, какъ вамъ сказать... Съ малолѣтства, какъ родители ихъ померли, отдали ихъ въ театральное ученье... Чтобы потомъ на театрѣ танцы представлять...

Старуха перекрестилась.—Царица небесная! Дворянское-то дитя! Вотъ оно что значитъ—сиротка! Чего съ нею только не сдѣлаютъ? И что же, плясала?

— Нынче и плясала!.. На царскомъ театрѣ, слышала я — такъ онъ прозывается. И цвѣтовъ ей сколько принесли, и сластей—прямо пудами! И важные господа приходили и просили у ней дозволенія

ручку поцѣловать. А она, какъ дитя, краснѣетъ, только и всего... Да гдѣ же мы, тетенька? Что будетъ съ барышней-то моей?

— Милая моя! Да развѣ-жъ я могу знать это? Такая же я подневольная, какъ и ты!.. Только доброту-то, какъ вотъ у двоюкъ господь, мы рѣдко видимъ... Охъ! одно только скажу: баринъ—большой человѣкъ; и графы, и князья, и всякіе генералы ему пріятели, и богатство у него несчитанное!.. Три деревни имѣетъ, въ Москвѣ два дома, а въ Питерѣ цѣлыхъ пять. А мнѣ приказъ вышелъ тутъ находится и все по желанію твоей барышни исполнять, чтобы ей, какъ царевнѣ въ сказкѣ, никакого недостатка ни въ чемъ не было. Вотъ только и всего. А о прочемъ ничего мнѣ неизвѣстно.

Паша поникла головой, но скоро опомнилась, подошла къ Натальѣ Александровнѣ и опять стала пристально смотрѣть ей въ лицо. Старуха положила ей руку на плечо.

— Ты, дѣвушка, оставь ее. Это слава Богу, что спитъ она. Сонъ дастъ ей силы перенести горе. А ты поди въ спальню, да приготовь постельку, какъ ей по вкусу, и прочія комнаты посмотри. Можетъ, чего и не хватаетъ, такъ ты скажи, оно, какъ по шучьему велѣнью, и явится. Такой приказъ. Пойдемъ, дѣвушка! А она теперь долго спать будетъ!

Паша машинально пошла за нею. Старуха развернула портьеру и ввела ее въ небольшую полукруглую комнату. Розовый свѣтъ отъ фонаря, висѣвшаго высоко подъ потолкомъ, падалъ на широкую кровать съ высокими спинами изъ розоваго дерева, съ тонкой рѣзьбой, изображавшей спѣлыя гроздья винограда и между ними—амуровъ,—съ высокой периной, накрытой нѣжно-розовымъ покрываломъ изъ тонкаго шелка. На двухъ окнахъ, выходившихъ въ садъ,—былы занавѣси, обшитыя дорогими алансонскими кружевами; на свѣтломъ веселенькомъ коврѣ, застилавшемъ весь полъ, у самой кровати лежалъ пышный мѣхъ изъ соединенныхъ между собою четырехъ лисьихъ шкуръ, съ головами этихъ звѣрей, глядѣвшими въ разныя стороны полукружья. Старуха подвела Пашу къ изящному комоду, открывала ящики и показывала ей тончайшее батистовое бѣлье, предназначенное для Наташи. Легкій капотецъ весь въ розовыхъ цвѣточкахъ висѣлъ на спинкѣ кресла, тутъ же лежали мягкія пуховыя туфельки. Слѣдующая, совсѣмъ маленькая комнатка, была уставлена туалетомъ и умывальными принадлежностями. Рядомъ была ванная изъ блестящей красной мѣди, внутри побѣленная полудой. Чѣмъ больше смотрѣла на все это Паша, тѣмъ сильнѣе сжималось у нея сердце.

— Тутъ все заготовлено какъ будто на всю жизнь! Такъ неужто-жъ ее въ заперти держать будутъ, мою милую барышню? Это—словно золоченая клѣтка, а она, моя горестная,—пойманная птичка!

— Ничего тебѣ не могу сказать, умница!—отвѣтила съ сокру-

шеніемъ старуха:—мало я знаю, а что и знаю, о томъ былъ строгій приказъ не сказывать. Самъ все, должно, объяснить...

— Самъ!?—съ содроганіемъ повторила Паша.

— Самъ. Скоро, должно, и прибѣдетъ...

— Господи! Да что же, онъ ее силкомъ возьметъ? Вѣдь не пойдеть же она волей на такое дѣло...

— Не знаемъ мы!.. Не нашего это ума дѣло!

— Молодой онъ? — съ глазами, полными страха, допрашивала Паша.

— Молодой-то, молодой! Тридцать пятый ему годъ всего. А чиномъ уже большой человѣкъ...

— Графъ?

— Нѣтъ, не графъ, а старой дворянской фамиліи, которая отъ самого татарскаго шаха, это — по-ихнему — царя, идетъ. А чинъ имѣеть полковничій и цѣлому полку командиръ! Скоро, должно, и генераломъ будетъ... Ахъ, да что же это я болтаю?.. Строго наказано ничего не сказывать...

— Тетенька, говорите, что ужъ!.. Никому не разболтаю... По крайности буду знать, какой онъ человѣкъ, который на мою барышню осмѣлился... Небойсь, женатый?

— Нѣтъ, не женатый!

— Слава тебѣ, Господи! Хоть одного этого грѣха нѣтъ... Можетъ, барышню подъ вѣнецъ поведеть...

Старуха медленно покачала головой.— Охъ, наврядъ, моя милая!.. Наврядъ! Не таковской онъ породы!..

— Ой, батюшки! Не проснулась ли моя барышня?!—вдругъ спохватилась Паша, прислушавшись къ легкому шуму за портьерой.

— И то... Поди!—послала ее старуха.

Когда Паша вошла въ голубую комнату, Наталья Александровна сидѣла на диванѣ, спустивъ ноги на полъ. Она сидѣла съ поникшей головой, и вся ея поза выражала отчаяніе. Вдругъ она опять кинулась на диванъ, зарылась лицомъ въ подушку и зарыдала.

— Паша, Паша! Чѣмъ я заслужила это у Бога?—рыдая восклицала она.—Вѣдь понимаешь ты, понимаешь ты, зачѣмъ сюда насъ завезли! Насъ хотятъ спрятать отъ свѣта...—Она подняла голову.—Знаешь, Паша, теперь не видать мнѣ сцены... Я умру безъ нея, слышишь, Паша? я умру! я не могу жить безъ сцены! Что это за женщина?

Она испуганно закрыла лицо ладонями. Старуха, услышавъ ея рыданія, вошла въ голубую комнату, но, не рѣшившись подойти близко къ Наташѣ, всплеснула руками и застыла у порога.

Вдругъ она суетливо пробѣжала черезъ комнату и выбѣжала въ переднюю. Ей показалось, что на лѣстницѣ раздаются шаги. Паша почувствовала, что по всему ея тѣлу пробѣжала дрожь, а ноги и руки ея похолодѣли.

II.

Быстро вошла старуха, съ лицомъ до безконечности озабоченнымъ, и выразительнымъ шепотомъ обратилась прямо къ Пашѣ: — Дѣвушка, выйди отсюда!.. Выйди вонъ туда, въ спальню... Сію минуту онъ тутъ будетъ...

Паша не двигалась съ мѣста и смотрѣла то на нее, то на Наташу.—Барышня, выйи велеть!—нерѣшительно сказала она.

— Выйди, Паша, я ничего не боюсь!—промолвила Наталья Александровна, и голосъ ея звучалъ такъ странно, какъ будто это было уже не то слабое существо, которое сейчасъ только обливалось слезами и приходило въ полное отчаяніе, а какое-то другое — твердо увѣренное въ себя, въ своихъ силахъ.

Глаза ея уже не были влажны. Она вытерла ихъ, и они больше не плакали. Она какъ-то вся выпрямилась, оправила платье, и въ лицѣ ея, въ которомъ за минуту передъ этимъ было столько еще дѣтской беспомощности, появилось выраженіе рѣшимости. Старуха наклонилась къ ней и быстрымъ движеніемъ руки перекрестила ея голову:

— Помоги тебѣ Богъ, золотая барышня! — тихо сказала она и быстро увела Пашу въ спальню. Наташа осталась сидѣть на диванѣ. Прошло минуты двѣ, никто не появлялся. Въ домѣ было тихо. Часы на каминѣ пли беззвучно. Но вотъ раздвинулась портьера слѣва, тамъ, гдѣ Наташа ея и не замѣтила, и вдругъ безшумно, точно изъ-подъ земли выросла и остановилась высокая, статная фигура въ военномъ сюртукѣ.

Наташа подняла на него глаза. Липо его было очень серьезно. Но какъ ни старалась она думать о немъ дурно, она не могла найти въ этомъ лицѣ ни одной черты, которая отталкивала бы отъ него. Что-то какъ будто роковое свѣтилось въ его темныхъ глазахъ, что-то даже какъ бы притягивало къ нимъ, и у Наташи на одинъ мигъ мелькнула въ головѣ мысль, которая испугала ее: «Боже, неужели я создана для него?»

Онъ стоялъ и пристально смотрѣлъ на нее, какъ бы изучая ея настроеніе и въ то же время ожидая, что она первая скажетъ чтонибудь.

Она поднялась, выпрямилась и промолвила: — Я не знаю, кто вы! Я и не хочу этого знать! Зачѣмъ я вамъ? Отпустите меня!

— Я не могу васъ отпустить!

Это были его первыя слова. Но они были произнесены такимъ безповоротнымъ тономъ, и въ голосѣ его слышалось столько власти, что ей стало ясно: ея не отпустить.

— Я не могу уважать васъ!—сказала она.

— Я и не стою вашего уваженія. Но я заслужу его.

— Это невозможно! Этого никогда не будетъ!

Онъ подошелъ ближе и остановился у стола, положивъ на него руку.—Почему вы такъ увѣрены въ этомъ? Развѣ вы можете знать будущее?

— Потому что вы способны на насиліе надъ человѣкомъ, надъ женщиной въ особенности. Такого человѣка нельзя уважать...

— Вы правы. Но, можетъ быть, вы убѣдитесь, что я лучше, чѣмъ кажусь, и что мой поступокъ имѣетъ только одну цѣль—сдѣлать васъ счастливой...

— Насиліемъ?

— Вы взволнованы, это естественно. Будьте добры, сядьте. Вѣдь я тоже взволнованъ, вы видите, и это—сверхъ ожиданія... Я не думалъ найти васъ тако... Знайте только, что я не способенъ сдѣлать вамъ зло...

Она какъ-то машинально подчинилась его приглашенію и опустилась въ кресло. Онъ тоже присѣлъ на стулъ у самого стола. Онъ сказалъ:

— Въ нашей жизни большую часть нашихъ поступковъ, по крайней мѣрѣ главнѣйшіе изъ нихъ, тѣ, которые имѣютъ глубокое вліяніе на всю нашу жизнь, мы дѣлаемъ потому, что не можемъ не дѣлать ихъ. Иное кажется безумнымъ—и намъ самимъ и тѣмъ, кто смотритъ со стороны, другое—ужаснымъ, а въ дѣйствительности оказывается, что въ этомъ-то и состоитъ наше счастье. Я вамъ говорю прямо: мой поступокъ не обдуманъ, но я не признаю обдуманныхъ поступковъ. То, что неизбежно, то, къ чему мы предназначены, должно рождаться въ нашихъ головахъ внезапно, неожиданно, потому что у судьбы оно давно готово; а то, надъ чѣмъ мы долго думаемъ, не годится для жизни, потому что оно искусственно придумано нами.

— Я говорю вамъ одну только правду и прошу замѣтить и повѣрить мнѣ, что я никогда ни въ чемъ не лгу. Эта мысль, мысль о васъ, пришла мнѣ однажды, когда я сидѣлъ въ кругу друзей, и въ тотъ же мигъ я уже зналъ, что приведу ее въ исполненіе. И потому я долженъ былъ привести ее въ исполненіе. Если бы я этого не сдѣлалъ, то всегда чувствовалъ бы неполноту жизни, потому что не совершилъ бы необходимаго, заготовленнаго намъ судьбой. Понимаете ли вы меня, Наталья Александровна?

Она смотрѣла въ его блестящіе глаза, и ей становилось страшно. Но это былъ не тотъ страхъ, какой мы чувствуемъ передъ человѣкомъ, способнымъ сдѣлать намъ зло, это былъ страхъ передъ самой собой, потому что слова его овладѣвали ею, покоряли ему ея мысли. Она такъ часто задумывалась надъ этими вопросами и сама такъ много значенія придавала необходимости и неизбежности того, что назначено судьбой. Онъ какъ бы отвѣчалъ на ея мысли, говорилъ ея словами, и она боялась, что онъ будетъ говорить та-

кимъ образомъ долго, и въ душѣ ея умереть та рѣшимость, которая давала ей силы такъ твердо говорить съ нимъ.

Но онъ остановился и послѣ небольшого перерыва своей рѣчи прибавилъ.—Простите... Быть можетъ, сегодня вы не въ состояніи слушать меня?.. Вы устали въ театрѣ, и на васъ должна была повліять неожиданность... Въ такомъ случаѣ я удалюсь.

Онъ всталъ и поклонился съ видимымъ намѣреніемъ уйти. Она, какъ бы очнувшись, вспомнила, что не сказала ему ничего, что, словно подавленная его рѣчами, она съ виду стала поддаваться ему, и онъ имѣетъ право думать, что она примиряется съ насиліемъ надъ нею и съ своей судьбой.

— Погодите!—какъ-то слишкомъ порывисто и рѣзко остановила она его:—умоляю васъ, отпустите меня... Отпустите меня къ дядѣ.

Она молитвенно сложила и протянула къ нему руки.—Еще не поздно... Теперь никто еще не знаетъ... Велите отвезти насъ къ нему!..

Онъ съ чрезвычайно серьезнымъ лицомъ, медленно отрицательно покачалъ головой.—Этого я не могу!—произнесъ онъ съ такой твердостью въ голосѣ и во взглядѣ, которая не давала никакой надежды.

Тогда она вдругъ упала передъ нимъ на колѣни, и слезы опять неудержимо полились изъ ея глазъ.—Ради Бога!.. Вы такой благородный... Вы такъ благородно говорите... Выслушайте! Я люблю сцену... Я обожаю сцену! Я не могу жить безъ нея... Я задохнусь безъ нея!.. За что-жъ вы меня губите? Что я вамъ сдѣлала дурного? Вы найдете другую... Развѣ мало насъ на сценѣ, молоденькихъ женщинъ, которыя со сцены кажутся не такими, какъ другія?.. Она, можетъ быть, будетъ осчастливлена всѣмъ этимъ... Но я—нѣтъ... я здѣсь, какъ въ гробу... За что же вы меня, такую молодую, еще не испытавшую жизни, кладете въ гробъ и заколачиваете крышку?.. Вѣдь это жестоко, это безчеловѣчно, это страшно, страшно!.. Я вижу, вы — человѣкъ образованный, изъ хорошаго общества, почему же со мной вы поступаете, какъ разбойникъ? Вы—офицеръ, вы защитникъ слабыхъ, за всякую другую женщину, еслибъ ее кто обидѣлъ на улицѣ, вы заступились бы, а меня вы берете на улицѣ, обманомъ завозите въ неизвѣстное мнѣ мѣсто и душите здѣсь!.. Я не могу дышать здѣсь! Я не могу, не могу... Я задохнусь... Ради Бога, отпустите меня!

Онъ стоялъ передъ нею блѣдный и подавленный. Казалось, онъ не ждалъ отъ нея такихъ словъ; казалось, вся эта сцена потрясла его, и онъ переживалъ колебаніе. Была минута, когда она надѣялась, что ея мольбы приведутъ къ желанной цѣли, что онъ слышать его. Но это потому, что она его не знала.

Бентышъ-Полянкскій былъ доступенъ колебаніямъ и всякаго рода душевнымъ слабостямъ, но онъ переживалъ ихъ внутри себя и

никогда никому не показавъ вида, что переживаетъ ихъ. Онъ зналъ себя и умѣлъ выжидать, давать слабости пройти и не принималъ никакихъ рѣшеній втеченіе минуты. Поступалъ же онъ всегда такъ, какъ было задумано, какъ пришла ему мысль въ моментъ своего зарожденія. Можетъ быть, и теперь онъ слишкомъ долго заставилъ ее стоять на колѣняхъ и проливать слезы лишь потому, что въ душѣ его еще боролись различныя чувства.

Наконецъ, онъ почувствовалъ себя побѣдителемъ и нашелъ въ себѣ силы сказать: «нѣтъ».

Какъ бы онъ ни былъ тронутъ ея мольбой, сколь ни были бы убѣдительно ея слова о любви къ сценѣ, о томъ, что это для нея гробъ, что она здѣсь задохнется, какъ бы онъ ни понималъ ея положеніе (а онъ входилъ въ него и сочувствовалъ ей), но для него важнѣе и первѣе всего было его собственное положеніе. Обладая чуткой душой и отзывчивымъ сердцемъ, онъ тѣмъ не менѣе никогда еще въ жизни не поставилъ себя на второмъ планѣ; не было ни одного случая, чтобы чье нибудь положеніе онъ считалъ важнѣе, чѣмъ свое. Если онъ видѣлъ двухъ постороннихъ ему людей, одинъ изъ которыхъ былъ неправъ, а другой обиженъ, онъ безъ колебанія бралъ сторону второго и становился его добровольнымъ защитникомъ. Но если кто нибудь сталкивался съ нимъ самимъ, то онъ не умѣлъ поступить иначе, какъ взять свою сторону и защищать только себя, свое положеніе, хотя бы обидчикомъ былъ онъ самъ.

Ея положеніе было серьезно. Она—почти дитя, ей улыгнулось счастье и пообѣщало множество благъ. Она, очевидно, страстно любить сцену, и значить—это ея призваніе. Нѣсколько часовъ тому назадъ она вѣрила—и у нея были на это основанія—въ блестящую будущность артистки, общей любимицы, окруженной славой и сотнями поклонниковъ, восторгающихся ея талантомъ. И вотъ разомъ все у нея отнято, и будущее представляется темнымъ и неизвѣстнымъ. И все это онъ понималъ, ни на іоту не уменьшая ея горя.

Но онъ сказалъ слово, которое слышали двадцать человѣкъ, эти двадцать завтра соберутся у Дюссо и произнесутъ приговоръ. Неужели же они будутъ имѣть право сказать, что Бентынгъ-Полянскій не сдержалъ своего слова? Этого никогда еще никто не имѣлъ права сказать... И не будетъ имѣть этого права.

Онъ отвѣтилъ ей съ своей обычной твердостью:

— Нѣтъ, Наталья Александровна, нѣтъ! Ваше несчастье велико, я это понимаю! Повѣрьте мнѣ: я въ своей жизни многое видѣлъ и испыталъ! Я видѣлъ и женщинъ въ подобномъ положеніи, и онѣ плакали, молили и ломали руки, но я не вѣрилъ ни ихъ мольбамъ, ни ихъ слезамъ... Но ваше горе я чувствую и вашимъ слезамъ вѣрю... И все же... Все же мы должны подчиниться судьбѣ: она этого хочетъ. Еслибъ она этого не хотѣла, эта мысль не при-

шла бы мнѣ въ голову, обстоятельства не сложились бы такъ, что я могъ сдѣлать это безъ помѣхи... Да, да, посмотрите, подумайте... Какъ все это было... Мнѣ нужны были темнота, ненастье, шумъ вѣтра, и все это явилось въ тотъ часъ, когда было надобно, явилось для всѣхъ неожиданно, послѣ чуднаго весенняго дня... Развѣ это не указаніе, развѣ это ничего не говоритъ вашему сердцу?.. Развѣ это не доказательство того, что вы присуждены не обществу, не публикѣ, которая восхищается вами, рукоплещетъ вамъ, пока вы забавляете и развлекаете ее своей красотой и своимъ искусствомъ, но сломайте вы въ чрезмѣрномъ усердіи ногу и покиньте сцену, и она васъ забудетъ и станетъ точно также восхищаться и рукоплескать другой... Вотъ что такое слава! Слава, это—благодарность неблагодарныхъ... Вы присуждены мнѣ на всю жизнь... Слушайте, встаньте... Вы не должны такъ стоять... Встаньте!.. Я оставлю васъ, чтобы вы могли успокоиться и размыслить... Вы видите, я отъ васъ ничего не требую. Ваша красота, ваша прелестная душа, которая въ немногихъ словахъ и движеніяхъ уже вся обнаружилась,—онѣ сами достойны того, чтобы требовать. И я заранѣе дѣлю съ вами всѣ блага, какія выпали и выпадутъ на мою долю. Вы уже владѣете ими точно также, какъ и я... А чтобы вы знали, въ чемъ они состоятъ, мнѣ довольно будетъ сказать вамъ, что зовусь я Андреемъ Михайловичемъ Бенгтышъ-Полянскимъ... Желаю вамъ сколь возможно спокойно провести эту ночь. Помните только, что вы въ этомъ домѣ полная хозяйка и въ границахъ его вы можете приказывать, какъ царица.

Онъ повернулся и исчезъ за драпировкой. Наталья Александровна склонила голову на стулъ, стоявшій вблизи ея, и замерла безъ слезъ и безъ стонувъ въ какомъ-то нѣмомъ отчаяннѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Было около трехъ часовъ ночи, когда Андрей Михайловичъ, спустившись по темной лѣстницѣ, очутился въ маленькомъ дворикѣ, а затѣмъ въ узкой аллеѣ сада. Позади его, на изрядномъ разстояніи, шель слуга съ фонаремъ въ рукѣ, освѣщая ему путь. Тучи начали уже разсѣиваться, на песчаной дорогѣ не было лужъ. Вода вся стекла въ небольшой прудъ, наполнившійся до краевъ.

Дойдя до калитки, онъ сдѣлалъ слугѣ знакъ рукой. Тотъ остановился. Андрей Михайловичъ вышелъ изъ сада. Широкая пустынная загородная улица вся была залита водой и освѣщалась только нѣсколькими звѣздочками, проглянувшими на небѣ. Въ маленькихъ мѣщанскихъ домахъ, большею частью обращенныхъ фасадами внутрь

дворовъ, не было видно огня. Близость разсвѣта чувствовалась въ утренней свѣжести воздуха, но самый разсвѣтъ еще не начался.

Но, не смотря на темноту, кучеръ стоявшей неподалеку маленькой каретки, разглядѣлъ его и какъ-то беззвучно тихо подкатилъ по мягкой влажной землѣ. Андрей Михайловичъ самъ отворилъ дверцу и, сказавъ кучеру въ полголоса: «домой!» — вошелъ въ каретку и затворился.

Лошади быстро помчались черезъ обширныя лужи, свернули къ рѣкѣ, пронеслись по мосту и выѣхали на улицу, гдѣ въ два ряда высились уже вполнѣ городскіе дома. Черезъ полчаса каретка остановилась у длиннаго трехэтажнаго дома на Дмитровкѣ. Въ подъѣздѣ виденъ былъ неяркій огонь. Двое слугъ въ темносинихъ ливреяхъ стояли по бокамъ входной двери съ улицы. Эти двѣ фигуры, смѣняясь другими, точь-въ-точь такими же, подобранными по росту, по толщинѣ, даже по лицу, украшали этотъ подъѣздъ вѣчно, не смотря ни на ночь, ни на осенній ливень, ни на зимнюю стужу. Они разомъ повернулись лицомъ къ двери и распахнули ее, что дѣлали всегда, когда ктонибудь входилъ въ эту дверь. Дверь никогда не запиралась на ключъ. Эти двѣ фигуры охраняли ее лучше, чѣмъ самый крѣпкій замокъ.

Внизу, въ обширной передней, цѣлая толпа слугъ была на ногахъ. Они не смѣли пойти спать или даже вздремнуть здѣсь, сидя на подоконникѣ, или прислонившись къ стѣнѣ,—до тѣхъ поръ, пока баринъ не вернулся. Еслибъ ему вздумалось вернуться послѣ восхода солнца, они бодрствовали бы до той поры.

Шинель Андрея Михайловича, калоши, фуражка—все это въ одинъ мигъ слетѣло съ него и притомъ съ такой ловкостью, что онъ и не почувствовалъ. Онъ поднялся во второй этажъ и прошелъ цѣлый рядъ комнатъ. Всѣ онѣ были освѣщены, хотя въ цѣломъ домѣ, кромѣ слугъ, повидимому, не было ни души. Слуги, точно изъ-подъ земли выростающіе на каждомъ шагу, по походкѣ своего барина, по блеску его глазъ, узнавали, что онъ не въ добромъ духѣ. Иные изъ нихъ, едва проснувшись и протирая глаза, дрожали отъ страха, хотя не чувствовали за собой никакой вины. Вѣдь для того, чтобъ быть наказаннымъ, никакой вины и не требовалось. Не было необходимости въ томъ, чтобы гнѣвъ его былъ вызванъ чѣмънибудь внѣшнимъ. Часто онъ привозилъ съ собою съ улицы уже готовый гнѣвъ, и тогда ему ничего не стоило сказать первому, попавшемуся на глаза слугѣ: «ступай, скажи Евстрату, чтобъ тебя высѣкли!» И тотъ безпрекословно шелъ къ Евстрату и требовалъ именемъ барина, чтобъ его высѣкли.

Но то, что блестяло теперь въ глазахъ барина, было не гнѣвъ. Гнѣвъ требуетъ жертвы, и взоры Андрея Михайловича въ такихъ случаяхъ ищутъ предмета, на которомъ можно было бы остановиться; а теперь онъ, казалось, не видалъ ничего и никого на пути.

Онъ прошелъ прямо въ свой кабинетъ и, найдя тамъ фигуру съ бритымъ лицомъ, съ сѣдыми коротко остриженными волосами, единственную изъ до сихъ поръ встрѣчавшихся ему—не въ ливреѣ, а въ скюртукѣ, и не вытянувшуюся передъ нимъ, а стоявшую довольно свободно, обратился къ ней:

— Андрей Михайлычъ, позови сюда Шипицкаго!..

И онъ бросился въ глубокое кресло съ видомъ человѣка, безконечно утомленнаго.

— Кажись, они почивать изволятъ, Андрей Михайлычъ!—мягко, какъ-то особо преподнося, какъ бы подавая на подносѣ каждое слово, отвѣтилъ старый слуга въ скюртукѣ.

— Разбуди!—коротко приказалъ баринъ, и въ этой краткости слуга увидѣлъ ему хорошо вѣдомый признакъ. Что-то тамъ клокочетъ въ бариновой груди, и не просто онъ зоветъ управляющаго. Ночь на исходѣ, панъ Шипицкій теперь сладкій сонъ вкушаетъ, а барину нѣтъ до этого дѣла. Въ такихъ случаяхъ спорить не приходится. И онъ пошелъ будить Шипицкаго.

Этотъ старый слуга пользовался столь большими привилегіями, какъ право носить скюртукъ, а не ливрею, не всегда соглашаться съ бариномъ, а иногда и возражать ему, стоять передъ нимъ въ естественной позѣ, а не вытягиваться до того, чтобы трещали кости, и—главное, никогда не быть сѣченнымъ,—единственно благодаря тому обстоятельству, что его имя совпадало съ именемъ барина, т. е. его, какъ и барина, звали Андреемъ Михайловичемъ. Ради этого къ нему стали относиться снисходительно тому тридцать слишкомъ лѣтъ, когда еще только родился на свѣтъ нынѣшній владѣлецъ домовъ, душъ, земель и милліоновъ, Андрей Михайловичъ Бентъшгъ-Полянскій. Невозможно было дать въ зубы Андрею Михайловичу или выпоротъ его на конюшнѣ, когда въ дѣтской кроваткѣ лежало богоподобное существо, тоже называвшееся Андреемъ Михайловичемъ; унижительно было даже одѣтъ въ лакейскую ливрею этого человѣка. У него не было рѣшительно никакихъ личныхъ достоинствъ, которыя отличали бы его отъ остальныхъ слугъ. Но съ той поры ему стали оказывать всякое снисхожденіе, приставили его къ будущему наслѣднику, который называлъ его не иначе, какъ полнымъ именемъ, которое принадлежало и ему и потому было почтенно. Приходилось иногда выслушивать и мнѣнія Андрея Михайловича-слуги, потому что мнѣнія человѣка, носящаго такое имя, должны быть уважаемы. Благодаря этому, Андрей Михайловичъ, котораго въ первую половину его жизни нещадно били всѣми способами, вторую половину ея прожилъ спокойно. Страшное имя «Евстратъ», при произнесеніи котораго у всѣхъ остальныхъ слугъ являлось мучительное предчувствіе въ тѣхъ мѣстахъ тѣла, по которымъ сѣкутъ, для него было пустымъ звукомъ. Ему всѣ завидовали, не исключая даже и самого Евстрата, который, хотя и

завѣдывалъ наказаніями и поролъ всѣхъ, кого къ нему посылали, но и самъ не былъ ничѣмъ застрахованъ отъ возможности быть выпоротымъ.

Панъ Шипицкій явился въ сюртукѣ, накинутомъ на ночную сорочку, въ мягкихъ сапогахъ, съ всклокоченными волосами и съ негодованіемъ въ заспанныхъ глазахъ. Но губы его старались вѣжливо улыбнуться, а самъ онъ дѣлалъ видъ, что ему не могли доставить большаго удовольствія, какъ поднявъ съ постели въ четвертомъ часу ночи для Андрея Михайловича.

Андрей Михайловичъ не поднялъ головы и не взглянулъ на него, а произнесъ сквозь зубы, какъ бы и не къ нему:—Этотъ человѣкъ можетъ спать спокойно.

— Кто работаетъ днемъ, тотъ обязанъ спать ночью, полковникъ!—съ достоинствомъ возразилъ на это Шипицкій.

— Но отъ иной работы не спится.

— То не работа, когда не спится... А отъ работы всегда сонъ приходитъ.

— А отъ совѣсти уходить, у кого она есть!..

— У меня есть моя совѣсть, господинъ полковникъ! — промолвилъ панъ Шипицкій, вспыхнувъ и легонько ударивъ себя кулакомъ въ грудь. Но онъ тотчасъ подавилъ въ себѣ эту благородную вспышку и сказалъ смягченнымъ голосомъ: — У полковника есть какое либо важное дѣло, когда меня разбудили въ такой часъ?

— Нѣтъ, я только хотѣлъ посмотрѣть на ваше лицо, панъ Шипицкій... Какое оно у васъ послѣ такого дѣла...

Онъ неожиданно поднялъ голову и засталъ Шипицкаго врасплохъ, когда тотъ не успѣлъ еще убрать съ своего лица негодованіе. И такъ какъ онъ теперь успѣшилъ улыбнуться, то лицо это получило жалкое выраженіе. Если бы художникъ, написавшій лицо, выражающее гнѣвъ, захотѣлъ передѣлать его въ веселое и, начавъ эту работу съ губъ, придалъ имъ привѣтливую складку, а потомъ оставилъ кисть, чтобы отдохнуть, то это лицо походило бы на лицо Шипицкаго. Андрей Михайловичъ разсмѣялся.

— Ну, не сердитесь, Викентій Генриховичъ! — прибавилъ онъ. — А присядьте. Я вѣдь оттуда!

— А! оттуда! — промолвилъ Шипицкій и, усвоивъ выраженіе человѣка, готоваго принять участіе въ обсужденіи важнаго дѣла, сѣлъ. — Что же тамъ дѣлается?

— Вы отлично обдѣляли это скверное дѣло! — сказалъ полковникъ.

— По вашему личному приказанію, Андрей Михайловичъ. Это для меня законъ! А ежели вы не довольны, такъ и передѣлать можно!

— Передѣлать нельзя, Викентій Генриховичъ!

— Ну, если такъ далеко зашло, то скверное дѣло сдѣлалъ не я, а кто-то другой!

— Будьте покойны, панъ Шипицкій; пока мы ограничиваемся только вашимъ сквернымъ дѣломъ... Ну; перестанемте обмѣниваться ядовитыми стрѣлами. У меня скверно на душѣ. Мнѣ стало жаль этого ребенка!...

— И потому вы рѣшили скушать его въ другой разъ!..

— А что, если онъ меня скушаетъ?

— То это будетъ чудо!

— А вы вѣрите въ чудеса, панъ Шипицкій?

— Въ такія—почти нѣтъ! Чѣмъ она васъ тронула?

— Тѣмъ, чего вы не поймете. Чистотой души, святостью... Тѣмъ, чего намъ съ вами не хватаетъ, панъ Шипицкій, и чего мы еще не видали въ женщинахъ...

— Надо было увидеть!—сказалъ Шипицкій, слегка зѣвнувъ.—По крайней мѣрѣ для васъ—что нибудь новое. А то вы скучать начали въ Москвѣ. А завтра какой разговоръ будетъ! Вотъ языкамъ—работы!...

Андрей Михайловичъ посмотрѣлъ на него съ сожалѣніемъ. Вотъ передъ кѣмъ онъ думалъ раскрыть и облегчить свою душу. Шипицкій аргистически исполнить всякое порученіе и при этомъ даже не задастъ себѣ вопроса, къ какому роду дѣлъ принадлежитъ оно—хорошихъ или дурныхъ, но затѣмъ, исполнивъ порученіе, онъ заснетъ сномъ праведника. Онъ не беретъ на свою совѣсть никакого дѣла, которое приходится ему выполнить. Онъ «служить», это его «должность», а съ совѣстью развязывайся тотъ, кому онъ «служить», или кто хочетъ. Вся его «должность» состоитъ изъ такихъ дѣлъ, что если бы онъ вздумалъ относиться иначе, то хоть не живи на свѣтѣ. А жить на свѣтѣ все-таки было надо, да панъ Шипицкій любилъ жить недурно. !

— Идите спать, Викентій Генриховичъ!—съ выраженіемъ легкаго презрѣнія сказалъ ему Андрей Михайловичъ.

Шипицкій не заставилъ повторить предложеніе. Спать ему хотѣлось нестерпимо. Онъ тотчасъ же поднялся и пошелъ къ двери, пробормотавъ мимоходомъ:

— Спокойной вамъ ночи!

— Завтра получите сто червонцевъ, которые я выиграю отъ Тугарина! Они—ваши!

Шипицкій, хотя и зналъ, что эти червонцы достанутся ему, какъ главному работнику въ «скверномъ дѣлѣ», тѣмъ не менѣе счелъ своимъ долгомъ остановиться у порога и отвѣсить затылку Бентышъ-Полянскаго низкій поклонъ.

— Покорно васъ благодарю, полковникъ!—сказалъ онъ съ чувствомъ и пошелъ спать.

II.

Полковникъ тотчасъ всталъ и, заложивъ руки въ карманы рейтузъ, зашагалъ по комнатѣ. Прочные полы вздрагивали и поскрипывали отъ его тяжелыхъ шаговъ подъ толстымъ краснымъ сукномъ, которымъ были обиты. Въ окна уже заглядывалъ разсвѣтъ, а ему не спалось, онъ и не думалъ о снѣ.

Сколько разъ жизнь сталкивала его лицомъ къ лицу съ женщинами, и никогда онъ не испытывалъ ничего подобнаго! То были женщины всѣхъ общественныхъ положеній — отъ изящной обитательницы свѣтской гостиной до грубой деревенской дѣвки, у которой даже душа была не обыкновенная, а ревизская; по этой части у него была громкая слава. Не мало рассказывалось подобныхъ исторій, въ которыхъ онъ былъ героемъ. Однихъ онъ бралъ по соглашенію, платя за это огромными кушами, другихъ по сочувствію, третьихъ хитростью, четвертыхъ силой. Для него не существовало препятствій въ тѣхъ случаяхъ, когда въ голову его западала мысль. И во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ испытывалъ недолговременное влеченіе, которое проходило большею частью вмѣстѣ съ достиженіемъ цѣли. Однихъ становилось ему жаль, другія казались смѣшными, третьи внушали отвращеніе. Но ни одинъ изъ этихъ случаевъ не мѣшалъ ему спать сномъ здороваго человѣка, у котораго совѣсть чиста.

Теперь онъ испытывалъ нѣчто новое. Ему было жаль Наталью Александровну, но не потому, что она передъ нимъ плакала; онъ видѣлъ, какъ она страстно и свято любила дѣло, отъ котораго онъ оторвалъ ее, и къ которому для нея уже нѣтъ возврата. Онъ видѣлъ передъ собой молодую женщину, которая дрожала и убивалась не за свою безопасность — она какъ бы даже не допускала мысли, что ей можетъ грозить опасность, да и понимала ли она, что ожидаетъ ее? Нѣтъ, она слишкомъ чиста для этого. Она страдала единственно отъ того, что ее оторвали отъ обожаемой сцены, отъ безгранично любимаго искусства.

И онъ переживалъ борьбу, какой еще никогда не было въ его душѣ. Съ давнихъ поръ привыкли считать его деспотомъ. Всѣмъ казалось, что онъ ставитъ свой капризъ выше всего на свѣтѣ. А самъ онъ чувствовалъ себя рабомъ своего каприза. Сколько разъ онъ, высказавъ однажды свою волю и видя потомъ, что она безумна и несправедлива, возмущался ею, но не былъ въ силахъ отмѣнить ее. То, что разъ пришло въ голову и превратилось въ рѣшеніе, должно было совершиться. Онъ и теперь являлся какъ бы ходатаемъ передъ своей волей, высказанной нѣсколько дней тому назадъ. Если бы онъ не былъ уже рабомъ этого каприза, онъ не задумываясь отпустилъ бы Наталью Александровну къ ея дядѣ, а завтра, когда она выступила бы въ театрѣ, засыпалъ бы всю

стену цвѣтами. Но теперь это было невозможно, и его ходатайство было напрасно. Пылкій, огненный, чувственный, не знавшій для женщины другого назначенія, какъ только отвѣчать на плотскія желанія мужчины, и ничего иного не искавшій у женщинъ, онъ въ первый разъ въ жизни почувствовалъ уваженіе къ женщинѣ, съ которой говорилъ полчаса. Никакихъ чувственныхъ желаній не пробудила въ немъ эта маленькая Сильфида, которую онъ обрекъ себѣ въ жертву. Ему хотѣлось стать передъ нею на колѣни и поклониться ей. Она овладѣла его мыслями и чувствами; онъ, шагая по кабинету до восхода солнца и долго послѣ, когда солнце поднялось и позолотило стѣны домовъ и верхушки деревьевъ, мечталъ о ней и ощущалъ желаніе бѣжать къ ней, смотрѣть на нее, говорить съ нею. Неужели онъ поймался? Онъ, который съ холоднымъ презрѣніемъ всегда говорилъ о любви? Онъ былъ того мнѣнія, что любить можно что угодно, только не женщину. Въ женщинѣ можно искать и находить удовольствіе, ею можно украсить жизнь, какъ любымъ удобствомъ, но не болѣе. И вотъ этому ребенку, взятому со сцены, едва вступающему въ жизнь и имѣющему о ней самыя смутныя понятія, быть можетъ, суждено перемѣнить всѣ его взгляды и перевернуть всю его жизнь. Ну, чтожъ, судьба! Онъ, который по капризу сотнями ссылалъ своихъ людей въ Архангельскую губернію, гдѣ у него была земля, чтобы разогнать дурное расположеніе духа, приказывалъ цѣлой деревнѣ раздѣться и переплывать рѣчку, награждая червонцами тѣхъ, кто приплывалъ раньше; онъ, съ глубокимъ равнодушіемъ разлучавшій дѣтей съ матерями, мужей съ женами, отдававшій въ солдаты по произволу—кого хотѣлъ,—онъ вѣрилъ въ судьбу. Но онъ признавалъ судьбу только для себя и для тѣхъ, кого онъ хотѣлъ считать равными себѣ, для этихъ же судьбой былъ онъ самъ.

Въ это утро онъ машинально пилъ кофе и глоталъ тартинки изъ свѣжаго масла и ростбифа, которыя обыкновенно подавали ему къ чаю. Онъ пришелъ въ себя только, когда пробило двѣнадцать часовъ. Онъ немного опоздалъ въ ресторанѣ.

Шипицкій въ это утро къ нему не являлся. Обыкновенно онъ приходилъ часовъ въ десять и знакомилъ его въ самыхъ общихъ чертахъ съ ходомъ его имущественныхъ дѣлъ за минувшія сутки и вмѣстѣ съ тѣмъ освѣдомлялся на счетъ того, не будетъ ли какихъ либо фантазій на предстоящія. Но появленіе пана Шипицкаго не означало, что ему не о чемъ докладывать, или что онъ, въ отместку за ночное безпокойство, проспалъ позже обыкновеннаго.

Онъ, какъ всегда, и въ этотъ день въ семь часовъ утра былъ на ногахъ, а въ половинѣ восьмого уже выпилъ чай и принималъ управителей домовъ Полянскаго и старшихъ слугъ, дѣлая имъ приказанія на предстоящій день. Но онъ на этотъ разъ былъ невнимателенъ и видимо куда-то торопился. Онъ даже не окончилъ

своего приёма, схватил шапку и вышел на улицу. Ему надо было побывать въ двухъ-трехъ домахъ, гдѣ очень рано узнавали городскія новости, и поприслушаться къ тому, что говорятъ.

Было начало девятого часа. Въ домахъ вставали рано. Онъ нашёлъ хозяевъ за чайнымъ столомъ, посидѣлъ во всѣхъ мѣстахъ по десяти минутъ, дѣлая видъ, что зашелъ мимоходомъ во время утренней прогулки, наслушался всякихъ пустяковъ, но не услышалъ даже намека на ночное происшествіе. Это даже нѣсколько обезпokoило его. Онъ, конечно, не сомнѣвался въ томъ, что втеченіе дня новость выплыветъ на поверхность и облетитъ всю Москву, но у него были особыя причины торопить ее. Прежде всего, какъ добросовѣстный исполнитель воли своего патрона, онъ долженъ былъ добиться, чтобъ до двѣнадцати часовъ дня по Москвѣ уже шли бурные разговоры. Иначе рѣшеніе девятнадцати «судей» можетъ быть не такъ опредѣленно, какъ это нужно. А затѣмъ его очень интересовали сто червонцевъ, на которые онъ смотрѣлъ уже, какъ на свои собственные.

Онъ забѣжалъ къ княжескому дому и попалъ туда какъ разъ въ тотъ моментъ, когда карета Чистопольева отъѣзжала. Онъ сразу узналъ ее. Въ послѣдніе дни онъ очень внимательно изучалъ эту карету. Изъ этого онъ заключилъ, что князь уже знаетъ. А если такъ, то знаетъ весь княжескій домъ, всѣ чиновники и слуги и, конечно, сейчасъ станутъ рассказывать посѣтителемъ, а тѣ разносить по городу. Но Шипицкій на этомъ не успокоился. Онъ вспомнилъ о Ковряжинѣ, который могъ оказать ему незамѣнимую услугу, и помчался къ нему. Этого господина трудно было застать дома. Онъ рано ощущалъ приступы аппетита и потому рано начиналъ свой обходъ. Однако, это было ограничено. Ковряжинъ посѣщалъ только «порядочные» дома, а въ такихъ домахъ вставали не очень рано.

Шипицкій засталъ его. Дѣло въ томъ, что Ковряжинъ не ограничивался тѣмъ, что ходилъ по гостинымъ, или, лучше сказать, по столовымъ, такъ какъ онъ являлся въ тѣ часы, когда ѣли; къ нему и на домъ забѣгали узнать, нѣтъ ли чего новаго. Ужъ онъ всякую новость навѣрно зналъ раньше, чѣмъ «Московскія Вѣдомости», а много было такихъ, которыя нельзя было помѣстить въ печатномъ органѣ, но онѣ свободно держались въ его головѣ. Ковряжинъ охотно сообщалъ все, что зналъ, никогда никому не отказывая.

Онъ занималъ небольшую комнату въ бѣдномъ дворянскомъ семействѣ, приходившемся ему дальней родней. Обстановка у него была мизерная, но онъ называлъ ее «спартанской», держалъ лакея, душа котораго принадлежала ему, единственное, что осталось у него отъ прежняго благосостоянія. Этотъ лакей ходилъ безъ ливрея, такъ какъ у Ковряжина не было средствъ поддерживать въ при-

личною видѣ эту торжественную одежду, но, когда являлся какойнибудь гость, лакей докладывалъ барину по всѣмъ правиламъ этого искусства.

Ковряжинъ былъ уже въ своемъ длинномъ сюртукѣ и собирался выйти изъ дому, когда явился Шипицкій.

— Давно не видалъ васъ! Здравствуйте! — наскоро поздоровался съ нимъ гость. — Нѣтъ ли чего новаго? просто хоть пропадай безъ новостей.

Ковряжинъ началъ пространно рассказывать ему мелкія городскія сплетни, которыя всѣ давно зналъ Шипицкій.

— А скажите, — перебилъ его Викентій Генриховичъ: — не можете ли вы мнѣ толкомъ рассказать, что такое случилось вчера въ театрѣ?

— Въ какомъ театрѣ? — спросилъ Ковряжинъ и жадно раскрылъ глаза, почуявъ въ словахъ гостя невѣдомый матеріалъ для интереснаго разказа.

— Гм... Что? Еслибъ я зналъ, что, то и не спрашивалъ бы у васъ! У меня люди болтаютъ сегодня утромъ какой-то вздоръ... Про какую-то Сильфиду... что это за Сильфида? Вы вѣрно знаете?

— Сильфида? Посохова вчера танцевала Сильфиду... Ну, такъ что же?

— Да вотъ въ томъ-то и дѣло: что же! Похитилъ ее кто-то, что ли... Не могу вамъ хорошенько сказать...

— Да ну-те! Можетъ ли это быть? — съ необычайною живостью воскликнулъ Ковряжинъ, рѣшивъ въ душѣ — было это или не было — включить эту исторію въ число новостей.

— Рассказываютъ, будто отъ какого-то полицейскаго слышали... А я же ничего не знаю...

— Скажите, пожалуйста! — промолвилъ Ковряжинъ и съ такимъ нетерпѣніемъ сталъ смотрѣть черезъ окно на улицу, что Шипицкому оставалось только подняться и проститься, что онъ и сдѣлалъ. Этого было достаточно, остальное додѣлалъ самъ Ковряжинъ.

Шипицкій зашелъ еще къ нѣсколькимъ знакомымъ. Здѣсь уже смутно слышали о какомъ-то театральномъ приключеніи, но еще не знали, въ чемъ дѣло. Но, когда онъ, возвращаясь домой, проходилъ мимо квартиръ тѣхъ знакомыхъ, у которыхъ былъ раньше, то ему кричали въ окно:

— Викентій Генриховичъ! Пойдите минуточку! Слышали? Вотъ такъ исторія! Сильфида-го! А? Какова? Вообразите! Вчера плясала, а сегодня ея какъ не бывало!...

И ему передавали подробности. Послѣ этого онъ успокоился. По его расчету получаса было довольно, чтобъ новость разошлась по всей Москвѣ. Подходя къ дому, онъ увидалъ выходящаго изъ подъ-

ѣзда Андрея Михайловича. Онъ подбѣжалъ къ нему, остановилъ его и сообщилъ:

— Ну, я полагаю, что теперь уже вся Москва знаетъ...

— Хлопочете, панъ Шипицкій?— иронически спросилъ Полянский.

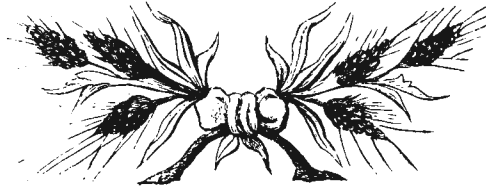
— Я всегда для васъ хлопочу, полковникъ! это — моя обязанность...

— Ну, часа черезъ два приходите за червонцами...

Шипицкій съ пріятностью усмѣхнулся и проводилъ его благодарнымъ взглядомъ.

И. Потапенко.

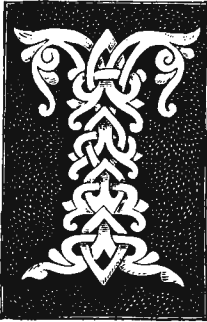
(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ С. Н. ТЕРПИГОРЕВА ¹⁾.

III.

ЕЩЕ РЪ, чтобы дальнѣйшее было понятно совсѣмъ и представлялось читателю въ настоящемъ свѣтѣ, я долженъ нѣсколько остановиться на личности сперва нашего инспектора, а потомъ директора, Григорія Ивановича Бернгарда, и указать на тотъ общій характеръ воспитанія и ученія въ гимназіяхъ, который былъ въ то время не у насъ однихъ, а и вездѣ въ нашей по крайней мѣрѣ полосѣ, судя по разсказамъ товарищей, перешедшихъ въ нашу гимназію изъ другихъ сосѣднихъ гимназій смежныхъ съ нами губерній.

Григорій Ивановичъ Бернгардъ былъ высокій, худой, чахлый, даже, говорятъ, чахоточный мужчина, лѣтъ пятидесяти въ то время, гладко выбритый, причесанный съ высѣчками, съ желтымъ румянцемъ на щекахъ. Онъ былъ, говорятъ, когда-то учителемъ математики, но не у насъ, а въ другой какой-то гимназіи, къ намъ онъ пошелъ прямо ужъ инспекторомъ. Жена у него была, напротивъ, женщина небольшого роста и необыкновенной толщины. Въ гимназіи у насъ разсказывали объ ея интимныхъ отношеніяхъ къ жан-дармскому полковнику Д. Н. Дурново, извѣстному въ городѣ ходоку по этой части. По крайней мѣрѣ поводъ къ этому былъ въ его ежедневныхъ посѣщеніяхъ семейства Бернгарда, жившаго въ самомъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIII, стр. 50.
«ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ», ФЕВРАЛЬ, 1896 Г., Т. LXIII.

зданіи гимназіи. Дурново положительно ни одного вечера не пропускалъ, чтобы не заѣхать, хоть на часъ или на два; обыкновенно же онъ пріѣзжалъ часовъ въ семь и оставался часовъ до двухъ ночи. Но я не хочу утверждать справедливость этихъ ходившихъ тогда слуховъ. Я подтверждаю только тотъ фактъ, что Дурново почти всѣ вечера до глубокой ночи просиживалъ здѣсь. Читатели увидятъ, что дальше это будетъ мнѣ нужно въ моемъ разсказѣ.

Бернгардъ, какъ личность, былъ въ полномъ смыслѣ слова ничтожество. Жалкій низкопоклонникъ передъ ни на что не нужнымъ ему старымъ развратникомъ губернаторомъ, передъ губернскимъ предводителемъ, ничтожный и презрѣнный трусъ передъ начальствомъ округа, наѣзжавшимъ къ намъ время отъ времени изъ Харькова, и темный, самый безстыдный взяточникъ, который бралъ всѣмъ, ни отъ чего не отказывался: бралъ деньгами, мукой, крупой, гусями, утками, даже свѣжей рыбой, пойманной тутъ же въ рѣкѣ. Въ качествѣ директора училищъ губерніи, онъ ежегодно лѣтомъ, послѣ нашихъ экзаменовъ, отправлялся въ объѣздъ ревизовать уѣздныя училища, и тутъ ужъ смотрителя этихъ училищъ, грабившіе тоже безъ зазрѣнія совѣсти съ кого попало и что попало, въ свою очередь обдирались имъ, какъ липки.

Что происходило во время этихъ его объѣздовъ и пребываній его въ уѣздныхъ городахъ во время ревизіи уѣздныхъ училищъ— это цѣлая эпопея казнокрадства, мздоимства и лихоимства... Вѣдившіе съ нимъ въ эти экспедиціи наши пансіонскіе служители разсказывали намъ потомъ все это, и мы слушали ихъ, не зная рѣшительно, чему больше удивляться, изобрѣтательности его, какъ взяточника, или смѣлости и даже наглости его, съ которыми онъ бралъ свои взятки, никого и ничего, повидимому, не боясь и даже не опасаясь хоть скольконибудь.

Въ августѣ, когда мы съѣзжались въ гимназію, иногда немного ранѣ насъ, иногда немного позднѣе, возвращался и онъ изъ своей экспедиціи, обремененный добычей. Онъ везъ съ собой подаренное ему сукно кушцами, у которыхъ дѣти были въ училищахъ, шелковые и шерстяныя матеріи, шали, платки, ковры, полотна, чай, сахаръ, кофе. Не везъ онъ съ собой только то, что могло испортиться у него въ дорогѣ, лѣтомъ, во время его продолжительнаго путешествія изъ одного уѣзднаго города губерніи въ другой.

Положительно никакое воображеніе не можетъ представить себѣ этихъ его путешествій и возвращенія домой этого его каравана, если добавить къ этому, что это все происходило не гдѣнибудь въ Средней Азіи, въ какойнибудь Хивѣ или Бухарѣ, а всего какихънибудь тридцать лѣтъ назадъ въ одной изъ самыхъ дворянскихъ губерній, гдѣ столько вліятельныхъ и чиновныхъ людей, изъ которыхъ очень многіе проводятъ тамъ лѣто.

А возвратившись домой, онъ встрѣчалъ у себя дома новое изо-

биліе, которое заключалось въ привезенныхъ съ каникулъ дарахъ родителей гимназистовъ...

И вотъ, смотря по тому, кто сколько привезъ, онъ устанавливалъ къ нему на всю зиму свои отношенія.

— Ну, со мною будетъ теперь хорошъ, придирайтесь ко мнѣ не будетъ,—говорилъ привезшій болѣе или менѣе хорошій кушъ или подарокъ.

— Ты сколько привезъ?

— Пятьдесятъ. А ты?

— Я двадцать пять. Да къ Рождеству отецъ пришлетъ ему курятами, козлятами, гусятами, овса.

— А я привезъ ему двадцать пять рублей и восемь окороковъ.

— Я ничего не привезъ, отецъ по почтѣ послалъ ему.

— А сколько?

— Кажется, сто.

— Ну, братъ, смотри. Слѣдующій разъ ужъ меньше ему нельзя будетъ дать.

Такіе разговоры происходили у насъ правильно два раза въ годъ—въ августѣ, когда возвращались съ лѣтнихъ каникулъ, и въ январѣ, когда пріѣзжали послѣ Крещенія съ Рождественскихъ праздниковъ. Необычныя, сверхъ положенія, такъ сказать, взятки получались имъ, и объ нихъ шли у насъ разговоры, еще во время экзаменовъ, когда родители давали за переводъ дѣтей изъ класса въ классъ или при окончаніи курса за золотыя или серебряныя медали, чтобы онѣ были присуждены ихъ дѣтямъ, а не другимъ.

И все это совершалось до того безъ зазрѣнія совѣсти и до того на глазахъ у всѣхъ, что невозможно почти представить себѣ, чтобы это онъ дѣйствовалъ одинъ, безъ участія, т. е. не дѣлясь съ харьковскимъ окружнымъ начальствомъ, до котораго все это не могло не доходить.

Насъ же, воспитанниковъ, онъ не стѣснялся ужъ совершенно, понимая, вѣроятно, что это только напрасная и ненужная вовсе забота, такъ какъ родители, навѣрно же, не скрываютъ отъ насъ, что даютъ ему взятки за насъ.

Пріѣхалъ однажды къ директору отецъ одного воспитанника съ женой; дали ему взятку; директоръ, довольный его поведеніемъ, угостилъ чаемъ и потомъ вмѣстѣ съ своей женой проводилъ родителей воспитанника до передней. Тутъ, надѣвая пальто и подбирая платье, чтобы не запачкаться дорогой, мать воспитанника имѣла неосторожность поднять при этомъ платье такъ высоко, что стала видна ея вышитая юбка.

— Ахъ, какая прелесть! Вотъ вышивка-то! Ахъ, какая прелесть!—воскликала все директорша.—Покажите-ка, пожалуйста!—И опять: Ахъ, какая прелесть! Ахъ, какая прелесть!

Матери воспитанника ничего не оставалось больше, какъ вы-

зваться прислать и ей такую же точно, какъ только успѣютъ вышить въ деревнѣ вышивальщицы.

— Ахъ, это не скоро. Когда-то еще будетъ,—съ грустью отвѣчала ей директорша,—а вотъ если бы вы мнѣ эту самую подарили... Вамъ вѣдь все равно...

— Но, помилуйте, какъ же? Вѣдь, она грязная,—видите, вотъ забрызгана грязью. Грязь ужасная на дворѣ.

— Это все равно. Это ничего.

— Да ты, душа моя, сними, пойдѣ, доставь удовольствіе госпожѣ директоршѣ,—сказала ей мужъ.

Такъ та и сдѣлала, пошла съ ней опять въ комнату, сняла и отдала ей юбку.

— Охъ, ты моя франтиха, — воскликнулъ директоръ, увидавъ свою жену, возвратившуюся съ побѣдой опять въ переднюю провожать гостей: — эти женщины всѣ, кажется, одинаковы, — добавилъ онъ, обратясь къ отцу воспитанника, стоявшему съ нимъ въ передней въ ожиданіи, когда возвратится его жена... Я помню, родители того воспитанника (Энкеля) прямо отъ директора пріѣхали къ намъ въ пансіонъ и рассказывали сыну, какое съ ними было заключеніе у директора, а этотъ всѣмъ намъ потомъ.

— Это чортъ знаетъ что!—воскликали мы.

— Конечно, чортъ знаетъ что, но что же подѣлаешь, вѣдь онъ знаетъ, что изъ математики я слабъ, а экзамены на носу.

— Это было, когда мы были ужъ въ шестомъ классѣ. Ни малѣйшаго стѣсненія, ни малѣйшаго зазрѣнія совѣсти!...

И, тѣмъ не менѣе, несмотря на весь этотъ ужасъ обстановки, этого директора грабителя, мздоимца и лихоимца, этихъ шутовъ и пьяницъ учителей, воровъ воспитателей или прямо ужъ содержанцевъ, какъ этотъ перебѣжчикъ, Бронъ, которому было вѣрено наше воспитаніе и обученіе, достаточно было сперва одной свѣтлой личности—Кованько—и отчасти другой—Крункова, чтобы въ насъ не зачалло порядочное чистое чувство, и уцѣлѣло стремленіе ко всему свѣтлому и живому. До такой степени живуче и отзывчиво въ молодежи чувство порядочности, чести и стремленія къ воплощенію этого въ самихъ себѣ и въ жизни! Кажется, все ужъ было сдѣлано для того, чтобы было вытравлено изъ насъ все чистое и порядочное, а, между тѣмъ, одинъ огонекъ, горѣвшій на головѣ любимаго и хорошаго человѣка, не далъ намъ сбиться съ пути въ этомъ окружающемъ со всѣхъ сторонъ мракѣ и вывелъ на дорогу. Пораительно это...

Въ концѣ пребыванія нашего въ гимназіи, т. е. когда мы были ужъ въ седьмомъ классѣ, директоръ сталъ вдругъ почему-то особенно и исключительно придираться къ двумъ гимназистамъ изъ нашихъ товарищей—Кватцу, очень скромному и тихому воспитаннику (нынѣ доктору), и Пикоку — англичанину, славному малому,

отличному товарищу, но страшно вспыльчивому (теперь тоже доктору). Оба они были бѣдные люди, но, кажется, онъ не вѣрилъ этому, предполагая, что они не дадутъ ему взятокъ изъ нежеланія давать ихъ, думаютъ, что и безъ этого обойдутся. Придирки его доходили до возмутительной несправедливости и наконецъ сдѣлались прямо ужъ оскорбительными и невыносимыми. Пикокъ за какіе-то пустяки — оторванную пуговицу, не по формѣ остриженные волосы, что-то въ этомъ родѣ, онъ поставилъ на колѣни въ классѣ. Блѣдный весь, но онъ сталь. Въ седьмомъ классѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до выпуска—это былъ у насъ почти безпримѣрный случай такого наказанія.

Пикокъ не могъ на это смотрѣть иначе, какъ на оскорбленіе, и при томъ нанесенное ему изъ-за такого пустяка, за которъй вполне достаточно замѣчанія, наконецъ выговора.

Что-то въ родѣ этого, теперь не помню ужъ хорошо, продѣлалъ онъ и съ Кватцемъ. Этотъ былъ хотя и тихій, смиренный нѣмецъ, но страшно упорный и не скоро забывалъ обиду. Такимъ онъ былъ и съ товарищами. Онъ отличный былъ товарищъ, не выдастъ, заступится всегда, но очень какъ-то трудно сходился со всѣми и даже почти, можно сказать, дичился всѣхъ. Со мною онъ былъ еще лучше, чѣмъ съ кѣмъ нибудь изъ товарищей, но тоже и у насъ ничего не было общаго съ нимъ: онъ занимался химіей, физикой, цѣлые дни проводилъ въ аптекѣ съ пріятелями своими аптечными помощниками, провизорами и т. п., а нашъ кружокъ, въ которомъ я былъ, избиралъ себѣ другое, смотрѣлъ въ другую совсѣмъ сторону.

Никакой особой дружбы не было у него и съ Пикокомъ.

Однажды, это было черезъ недѣлю послѣ приключенія съ Кватцемъ и съ Пикокомъ, вечеромъ Гуаданини, во время отдыха, когда мы съ нимъ гуляли, таинственно очень и загадочно спросилъ меня:

— Ты умѣешь молчать?

— А что?

— Такъ. Одно есть очень важное обстоятельство.

— Какое?

— Ты долженъ дать слово, что не скажешь никому.

— Даю.

— И у насъ въ кружкѣ—никому. Ни Львову, ни Энkelю. Они хорошие ребята, но могутъ проболтать, особенно Львовъ. — То, что я буду тебѣ говорить, никто не знаетъ, кромѣ насъ троихъ — Пикокъ, Кватца и меня, да вотъ ты, четверо будемъ знать.

— Даю тебѣ слово, что никому не скажу,—повторилъ я.

— Ну, такъ, вотъ въ чемъ дѣло. Довольно мы терпѣли отъ этого подлеца. Надо же хоть наконецъ проучить его. Надо очистить отъ него гимназію. Надо сдѣлать такъ, чтобъ ему нельзя было ужъ больше въ ней оставаться.

— Да какъ это сдѣлать?

— А вотъ, ты слушай. Кватцъ съ Пикокомъ придумали бросить ему въ окно банки съ ассафетидой, ты знаешь—этакая зловонная жидкость, отъ которой вонь и въ недѣлю онъ не выведетъ изъ квартиры. Разобьемъ окно, да эта вонь—скандалъ на весь городъ... Но этого мало. Это сдѣлаютъ они, но ты имъ тоже долженъ помочь.

Я удивился:—Чѣмъ же я-то имъ могу помочь?

— А вотъ чѣмъ. Ты это можешь, ты это лучше всѣхъ можешь сдѣлать. Ты долженъ написать такую прокламацію, гдѣ все это изложишь и объяснишь, почему это съ нимъ сдѣлано, и въ ней должно быть сказано, что это не будетъ прекращено впредь до тѣхъ поръ, пока онъ не оставитъ гимназіи, не выйдетъ въ отставку...

Я кое-что ужъ пописывалъ и считался авторитетомъ по этой части, тѣмъ болѣе, что успѣхъ и несомнѣнный пророчили мнѣ и Кованько, учитель словесности, и Бѣлозеровъ, вновь назначенный къ намъ инспекторъ. Обращеніе ко мнѣ съ просьбой написать прокламацію было поэтому дѣломъ и вполнѣ понятнымъ и естественнымъ, тѣмъ болѣе, что я считался къ тому же и хорошимъ, вѣрнымъ товарищемъ.

— Хорошо,—сказалъ я.—Но вотъ что: онъ вѣдь узнаетъ сейчасъ же мою руку. Начнутъ сличать и сейчасъ же узнаютъ.

— Объ этомъ не безпокойся. Ты только напиши, а ужъ переписуютъ другіе.

— Кто же?

— Да я, на примѣръ.

— Да и тебя узнаютъ.

— Ну, ужъ это дудки.

И онъ, подойдя къ столу, написалъ мнѣ что-то такимъ измѣнившимся почеркомъ, что я даже не узналъ его руки.

— Что? Хорошо?

— Хорошо,—согласился я.—Когда же надо написать?

— Сегодня.

— Какъ сегодня?

— Такъ, очень просто. Завтра съ вечера наклеить на всѣхъ столбахъ фонарныхъ эти прокламаціи, а потомъ, когда все будетъ готово, бросать ему въ окна двѣ банки этой жидкости.

Мы начали обсуждать съ нимъ, что собственно и какъ сказать въ этой прокламаціи.

— Да какъ сказать? Сказать все такъ, какъ есть, обо всѣхъ порядкахъ, какіе онъ завелъ у насъ, объ его взяточничествѣ и проч. Чего же ужъ тутъ еще стѣсняться!

— Да это такъ,—соглашался я.

Въ семь часовъ насъ позвали звонкомъ садиться заниматься, готовить уроки къ завтрашнему дню. Мы занимались, сидя всѣ

вмѣстѣ за однимъ огромнымъ, въ длину всей комнаты, дубовымъ столомъ, съ особыми ящиками для книгъ и тетрадокъ каждому, съ однимъ ключемъ для всѣхъ. Столъ этотъ стоялъ въ огромной стеклянной галлерей, вѣроятно, бывшемъ зимнемъ садѣ, когда этотъ домъ былъ еще частнымъ домомъ губернскаго предводителя, пожертвовавшаго его дворянству для пансіона. Входъ въ пансіонъ былъ мимо этой галлерей, такъ что, проходя въ подъѣздъ, вечеромъ, когда у насъ горѣли уже лампы, можно было видѣть, чѣмъ каждый изъ насъ занимался въ это время, сидя за столомъ. Бернгардъ, директоръ, когда былъ еще и инспекторомъ, любилъ подглядывать за нами черезъ эту стеклянную стѣну. Ему изъ темноты насъ видно, а намъ изъ освѣщенной комнаты его не видать. Бывало придетъ къ намъ въ пансіонъ и долго не входитъ, все смотритъ, кто и что изъ насъ дѣлаетъ. А потомъ—расправа!

За столомъ я сидѣлъ рядомъ съ Гуадонини, когда занимались, а чаще чтонибудь читали въ полъ-голоса или просто разговаривали. Теперь, сѣвъ за столъ, мы съ нимъ продолжали намеками и недосказанными фразами говорить о готовящемся завтра событіи.

— А ты бы набросалъ черновую, — сказалъ Гуадонини. — А то когда же послѣ?

Я вынулъ бумагу, перекинулся еще кой-какими вопросами съ нимъ и началъ писать прокламацію въ видѣ объявленія отъ директора училища Тамбовской губерніи родителямъ и родственникамъ учениковъ вообще всѣхъ училищъ губерніи. Въ объявленіи этомъ говорилось, что оно издается для руководства и для справокъ при взносахъ за переводъ недостойныхъ учениковъ изъ класса въ классъ, а также и для полученія ими наградъ и медалей при окончаніи курса, что господинъ директоръ дѣлаетъ это съ цѣлью ввести единообразіе и достигнуть вообще порядка въ этихъ дѣлахъ, а также и облегчить родителямъ ихъ сношеніе съ нимъ, такъ какъ онъ убѣдился изъ опыта, что многіе не рѣшаются обращаться къ нему просто по излишней и неумѣстной въ подобныхъ случаяхъ щекотливости. Къ объявленію была приложена такса—за что сколько платится, и назначены особыя пріемные часы для переговоровъ по этимъ дѣламъ и для вносовъ денегъ.

Все это было написано въ совершенно серьезномъ тонѣ безъ малѣйшаго шаржа. Невѣроятною являлась только самая откровенность публикаціи, но къ откровенности въ этомъ родѣ директора всѣ, предполагалось, давно ужъ привыкли.

Объясненіе причинъ, почему ему сдѣланъ скандалъ, мы рѣшили отложить до другого раза, просто изъ суевѣрнаго страха,—какъ же это такъ мы напишемъ и расклеимъ публикаціи, когда еще не удалось и не совершенно еще самое покушеніе? Это можетъ помѣшать ему: «не говори гопъ, не перепрыгнувши».

Вся прокламація была почти ужъ у меня написана, и Гуадонини

сидѣвшій рядомъ со мною, ужь прочиталъ ее и былъ отъ не восторгѣ, какъ вдругъ раздалось обычное и знакомое намъ «тсс...», директоръ стоитъ и смотритъ. У меня сильно, сильно застучало сердце, и потомъ вся кровь стала подниматься въ голову.

— Не гляди на окна, не поднимай головы,—шепталь возлѣ меня Гуадонини.—Показывай видъ, какъ будто перечитываешь написанное тобою и вообще занятъ и ничего не слышишь и не замѣчаешь.

Но что дѣлать съ написаннымъ? Мы знали, что директоръ, когда еще и инспекторомъ былъ, не только подходилъ къ намъ и прочитывалъ, что передъ нами лежало, но рылся у насъ и въ ящикахъ.

Теперь онъ директоръ (онъ два года былъ исправляющимъ должность директора и только что недавно былъ утвержденъ), ходитъ рѣже къ намъ, даже очень рѣдко сравнительно, но разъ онъ пришелъ, кто же и что ему помѣшаетъ предаться своему любимому занятію? Мы это оба отлично сознавали и потому оба работали теперь мозгами, что сдѣлать съ этой прокламаціей, куда ее дѣвать. Сейчасъ онъ войдетъ, можетъ быть, замѣтитъ наше волненіе, почему нибудь мы бросились ему въ глаза, и къ намъ первымъ же и подойдетъ, съ насъ начнетъ...

Въ столъ прятать нельзя было, въ карманъ тоже — онъ выворачивалъ иногда наши карманы.

— Стащи незамѣтно листъ подъ столъ, разорви его пополамъ, одну половинку дай мнѣ, а другую рви самъ,—училъ Гуадонинъ,—изорвемъ въ мелкіе куски, ничего онъ не соберетъ и не прочтетъ.

Но я рѣшилъ иначе, съ кусками рваной бумаги мы могли попасться, возбудить его подозрѣніе: я тихонько стянулъ листъ подъ столъ, сложилъ его, разстегнулъ куртку, рубашку и спряталъ за рубашку, не станеть же онъ меня раздѣвать.

Но Бернгардъ прошелъ и, сверхъ всякаго ожиданія и обыкновенія, былъ даже веселъ, ласковъ и шутилъ съ нами. Это бывало съ нимъ очень, очень рѣдко, можетъ быть, пять, шесть разъ за все время и, какъ нарочно, въ этотъ вечеръ, когда, по шуточному выраженію Гуадонина, «мы точили ножи» на него. Онъ даже подходилъ къ намъ съ Гуадонинымъ и говорилъ о чемъ-то съ нами—объ экзаменахъ, которые были ужь не за горами, чтобы мы лучше занимались, готовились къ нимъ. Даже съ маленькими, съ которыми онъ всегда былъ особенно суровъ, щипалъ ихъ, какъ бы шутя, за волосы, такъ что у нихъ на глазахъ навертывались слезы, а у него между пальцами оставались прядочки волосъ, даже съ маленькими онъ этотъ вечеръ былъ веселѣй и шутилъ почеловѣчески.

— Что это съ нимъ?—говорилъ я.

— Чуетъ... Чуетъ его сердце,—отвѣчалъ Гуадонинъ.

— Ну вотъ!

— Ты не вѣришь въ предчувствія? А я вѣрю. Знаешь, я убѣжденъ, увѣренъ, что намъ все это завтра отлично удастся. Я совершенно спокоенъ...

Я какъ сейчасъ помню, мнѣ стало вдругъ почему-то жаль Бернгарда. Слухи о томъ, что онъ выходитъ въ отставку — правда, что это уже не первый разъ—ходили у насъ, и я думалъ: зачѣмъ это еще дѣлать? Мы кончаемъ, кончимъ всѣ навѣрно. Богъ съ нимъ...

Я сказалъ объ этомъ Гуадонину.

— Тряпка,—отвѣчалъ онъ мнѣ.

Бернгардъ походилъ по пансіону, рѣшительно ни къ кому не придрался и довольный, веселый и спокойный ушелъ отъ насъ. По уходѣ его начался, по обыкновенію, дымъ коромысломъ, всѣ почувствовали, что гора съ плечъ свалилась, и что когда-то еще придетъ опять гроза, а теперь можно вздохнуть свободно; дежурный воспитатель испытывалъ, конечно, то же самое настроеніе. Самый удобный былъ моментъ намъ съ Гуадоинымъ заняться своимъ дѣломъ; никто и не обратитъ вниманія на насъ...

Я вытащилъ опять прокламацію, мы еще разъ прочли ее съ Гуадоинымъ, поправили что-то въ ней, и я отдалъ ему ее переписывать.

Но гдѣ онъ будетъ это дѣлать? Первую, заглавную строку надо написать крупно и черно, чтобы бросалась въ глаза, а какъ это писать здѣсь же, за общимъ столомъ? Здѣсь, кто и не знаетъ, увидитъ, невольно попадетъ на глаза.

— Заголовокъ надо сдѣлать покороче, — сказалъ онъ. — Надо, чтобы его можно было скорѣе написать, и чтобы по немъ по одному всѣ, кто прочитаетъ его, останавливались и читали бы дальше. Мы какъ-то сократили его.

Гуадоинъ тогда сѣлъ и началъ переписывать одну прокламацію за другой, оставляя ненаписаннымъ заголовокъ съ тѣмъ, что онъ напишетъ его послѣ, вечеромъ, совсѣмъ ужъ когда пойдутъ всѣ на верхъ спать, а онъ останется подъ предлогомъ забрать съ собою какія-то книги нужныя, чтобы ночью готовиться къ урокамъ завтрашнимъ.

Онъ писалъ, а я ходилъ возлѣ него или стоялъ, наблюдая, чтобы ктонибудь не замѣтилъ, что такое онъ пишетъ, и не подошелъ бы какънибудь нечаянно близко къ нему. Удивительно выходило это у него. Никомъ образомъ нельзя было догадаться, что это писано его рукой.

— Хорошо?—самодовольно спрашивалъ онъ меня.

— Удивительно!

— То-то! Останется доволенъ...

Прокламаціи писались на полулистахъ писчей бумаги, и онъ написалъ ихъ въ вечеръ штукъ двадцать, помнится, если не больше.

— Ну, на всю Московскую улицу хватить,—сказаль онъ, окончивъ писать послѣднюю.—Довольно.

— Хватить. Довольно.

Заголовки онъ написаль, когда всѣ пошли на верхъ спать, крупно, размашисто, далеко видно. Засыпаль пескомъ и принесъ съ собою въ спальню.

На утро онъ передалъ ихъ въ гимназiи Пикоку или Кватцу, не помню хорошо.

Разставаясь, уходя изъ гимназiи въ пансионъ, мы съ Гуадо-нинимъ крѣпко пожали руки Пикоку и Кватцу.

— Ну, дай Богъ, пора: довольно онъ надъ нами потѣшился.

— Довольно,—отвѣчали они.

— А въ которомъ думаете часу?—спросиль я.

— Да такъ часовъ въ семь или восемь.

— А что будете раньше дѣлать—бросать или расклеивать?

Обсудили этотъ непредвидѣнный ими вопросъ и рѣшили, что расклеивать надо позже, когда все ужъ удался, хотя, пожалуй, тогда будетъ опаснѣе: узнаютъ въ городѣ о происшествiи и скорѣе обратятъ вниманiе на того, кто что-то ходитъ ночью и наклеиваетъ. Но рѣшено было ужъ такъ. Въ пансионѣ этотъ вечеръ мы провели съ Гуадоинимъ въ какомъ-то странномъ состоянiи или настроенiи: какъ-то не говорилось вовсе. Мы только обмѣнялись съ нимъ нѣсколькими фразами.

— А что-то тамъ?

— Да, что-то наши теперь?

— Боюсь я за Пикока,—сказаль я.

— А я за Кватца скорѣе,—отвѣчалъ Гуадоининъ...

— Почему?

— Такъ, онъ какой-то...

— Ты думаешь, нерѣшительный?

— Нѣтъ—неловкiй онъ. Пожалуй, попадетъ.

— А Пикокъ ужъ очень отчаянный.

— Это и хорошо. Вѣдь это одинъ моментъ.

Мы говорили, какъ опытные заговорщики, которые ужъ хозяева, свои люди въ этакаго рода дѣлахъ, знаемъ, какъ ихъ дѣлать, что главнѣе всего, при этомъ, на что надо рассчитывать и надѣяться и чего остерегаться и опасаться... Такъ мы и легли спать въ этотъ вечеръ.

На утро пришедшiй смѣняться дежурный воспитатель принесъ первый извѣстiе о томъ, что вчера, въ десять часовъ вечера какiе-то злоумышленники бросили въ окно директорской квартиры изъ губернаторскаго сада (черезъ цѣлую улицу, и при томъ въ этомъ мѣстѣ очень широкую) двѣ банки съ зловонной жидкостью. Одна банка попала въ квартиру, пробивъ стекло, а другая удари-лась въ перекладину и упала между рамъ. Зловонiе въ квартирѣ

ужасное, такъ что всѣ окна теперь выставлены, и директорская семья выселилась куда-то.

Всѣ были изумлены этимъ извѣстіемъ... Мы съ Гуадонинымъ удивлялись не менѣе другихъ.

— И кто же это?—спрашивали воспитателя.

— Неизвѣстно,—пожимая плечами, отвѣчалъ онъ.

— Но на кого, по крайней мѣрѣ, думаютъ?

— Ни на кого. Ничего неизвѣстно...

— Но подозрѣваютъ же кого нибудь?

— Да мало ли кого подозрѣваютъ. Думаютъ на этихъ,—онъ указалъ головой на сосѣднее съ нашимъ пансіономъ «училище для дѣтей канцелярскихъ служителей»:—народъ все отчаянный, къ тому же онъ многихъ въ прошломъ году порѣзалъ на экзаменахъ... Думаютъ и на гимназистовъ...

— Ну, изъ гимназистовъ кто же?

— Да мало ли.

— Изъ гимназистовъ некому,—говорили всѣ въ одинъ голосъ.

— И потомъ еще...—подумавъ не много, рассказывалъ воспитатель:—сегодня ночью по всей Московской улицѣ, на всѣхъ фонарныхъ столбахъ наклеили скандальныя, срамныя для директора объявленія...

— Это еще что такое?—удивлялись мы, а Гуадонинъ больше всѣхъ.

Наконецъ, въ восемь съ половиною часовъ насъ выстроили парно и повели въ гимназію.

Квартира директора была съ другой стороны, и намъ не надо было проходить мимо нея—это ужасно было досадно, хотѣлось посмотрѣть на нее, но какъ же идти: подумаютъ, пожалуй, что еще смѣются надъ нимъ, радуются его несчастью.

Когда мы пришли—немного ранѣе обыкновеннаго—ни Пикока ни Кватца еще не было.

— Ну, какъ попались?

— Не можетъ быть. Глупости какія,—увѣренно отвѣчалъ Гуадонинъ.

Гимназія была полна слуховъ и рассказовъ о происшествіи. Рассказывали подробности, говорили, что нѣсколько человѣкъ ужъ арестовано, видѣли, какъ ихъ провели. Передавали такія подробности, что любо было даже слушать. И ни одного рассказа близкаго къ истинѣ, ни одного подозрѣнія близкаго даже къ намъ...

Аккуратно въ свое время, какъ разъ передъ началомъ лекцій, явились Кватцъ съ Пикокомъ, спокойные, скромные, въ глазахъ одно удивленіе.

— Да тамъ всѣ окна выбиты,—говорилъ Пикокъ.—Я сейчасъ мимо проходилъ, когда шелъ сюда.

— Это не выбиты,—это выставили ихъ, потому что тамъ такая вонь, что дышать нельзя.

— И не знаютъ, кто это сдѣлалъ?

— Ничего неизвѣстно.

Но знающіе все и видѣвшіе все своими глазами начали рассказывать имъ, какъ все это было. Пикокъ съ Кватцемъ слушали съ неподражаемымъ удивленіемъ и любопытствомъ.

Во время перваго урока,—не помню, кто ужъ у насъ читалъ,—вдругъ дверь въ классъ открылась, и вошелъ Бернгардъ. Онъ молча, рассчитывая, очевидно, что глаза его узнаютъ виноватаго, тотъ смутится передъ нимъ, обвелъ всѣхъ взглядомъ, постоялъ, постоялъ, съ страной злобой усмѣхнулся и проговорилъ, грозя намъ пальцемъ:

— Ну, погодите вы мнѣ. Я узнаю ужъ...

И вышелъ.

Весь классъ, и мы въ томъ числѣ, съ удивленіемъ пожимая плечами, переглянулись.

Начались прерванные лекціи.

IV.

Къ окнамъ директорской квартиры были поставлены жандармы. Какъ только начинало смеркаться, они являлись и стояли всю ночь. Дней черезъ пять эти окна закрыли наконецъ. Говорятъ, что вонь въ квартирѣ вывели будто бы.

— Вранье, этого не можетъ быть,—говорилъ Кватцъ.

— Можно и новую завести,—добавлялъ Пикокъ.

Рассказывали, что каждую ночь съ вечера прячутъ куда-то дворниковъ, и они оттуда высматриваютъ, кто идетъ, заглядываютъ въ окна, останавливаются напротивъ.

Въ городѣ начали наконецъ всѣ смѣяться надъ этимъ карауломъ.

— Поздно. Это бы надо раньше смотрѣть. Какой же дуракъ пойдетъ теперь бросать опять,—говорили всѣ.

Всѣ разслѣдованія, всѣ розыски и властей и жандармовъ не приводили ни къ чему. Въ обѣихъ аптекахъ отвѣчали, что никто ассафетиды за это время не покупалъ, а главное, въ такомъ огромномъ количествѣ. Очевидно, это кѣмъ-то было откуда-то привезено. Спрашивали въ аптекахъ уѣздныхъ городовъ черезъ уѣздныхъ властей, но и тамъ ассафетиды никто въ такомъ количествѣ не покупалъ.

Недѣли черезъ двѣ жандармовъ прогнали. Прошло дня два, ихъ опять поставили.

— А! Это ловушка,—соображали мы.

Но это была не ловушка, а подметное письмо, полученное директоромъ, въ которомъ его предупредляли о готовящемся новомъ на него покушеніи.

Это письмо писали не мы. Но идея пугать его намъ понравилась, и мы начали писать ему этакія же письма: получить, пускай вздрагиваетъ, это ему полезно: мы вздрагивали же отъ него...

Но эффектъ, произведенный скандаломъ, началъ проходить, забываться. Результатовъ, какихъ мы желали, очевидно нечего было и дожидаться. Все успокоивалось. Жандармовъ окончательно убрали. Даже письма съ точнымъ опредѣленіемъ дня и часа покушенія, которыя мы посылали время отъ времени, не производили никакого впечатлѣнія. Воспитатели говорили, что онъ получаетъ ихъ, даже не читаетъ, а бросаетъ въ каминъ.

Очевидно, надо было повтореніе...

Но какъ это сдѣлать? Теперь это гораздо труднѣе: никто не караулить, не слѣдить, повидимому, а почему знать, а ну, какъ откуданибудь да и слѣдятъ?

Пикокъ съ Кватцемъ ходили серьезные, какъ и слѣдуетъ людямъ, обдумывающимъ рѣшительный шагъ, быть можетъ, послѣдній въ ихъ жизни. Шутить этимъ нечего было.

Наконецъ, они остановились на такомъ планѣ дѣйствій: бросать зловонныя банки пѣшкомъ нечего было и думать, надо подѣзжать на лошади. Гдѣ достать лошадь? Извозчикъ докажетъ; кучеръ проболтается. Надо достать лошадь у когонибудь въ полное свое распоряженіе, ѣхать одному на ней или вдвоемъ съ человѣкомъ, который ужъ ни за что не выдастъ.

Пикокъ давалъ уроки въ домѣ купца Малина, его сыну, мальчику лѣтъ восемнадцати, нашему однолѣтнику, очень порядочному и неглупому. У Малина, человѣка богатаго, было много лошадей. И вотъ Пикокъ началъ каждый день, послѣ обѣда, въ сумерки кататься съ Малинымъ въ бѣговыхъ санкахъ вдвоемъ. Это продолжалось недѣли двѣ. Они проѣзжали мимо оконъ директорской квартиры, и Пикокъ рассчитывалъ, въ какомъ разстояніи онъ можетъ бросить бутылку съ этой жидкостью въ увѣренности, что она не только долетитъ до окна, но и пробьетъ его, попадетъ къ квартирѣ. Наконецъ, онъ «открылъ» Малину, какъ бы это хорошо было повторить съ Бернгардомъ эту же штуку опять.

— А что же? Отлично. Кто же насъ поймаетъ? На этакихъ дѣлахъ насъ развѣ можно поймать; никого и разглядѣть нельзя,— отвѣтилъ обрадованный Малинъ, тоже чѣмъ-то давно ужъ озлобленный на Бернгарда:—но только гдѣ достать этой жидкости?

Пикокъ сказалъ, что постарается, и взялъ съ Малина честное слово не болтать.

— Ну, я нашелъ, все готово,—объявилъ онъ намъ съ Гуадонини. И рассказалъ, какъ и что.

— Только теперь опять надо прокламаціи.

— Будутъ,—отвѣчали мы.

— Надо изложить въ нихъ подробно, за что это все ему дѣ-

лается, и сказать, что это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока онъ не выйдетъ въ отставку.

— Будетъ все сказано.

— Только, смотрите, скорѣй.

— А что?

— Я надняхъ хочу это сдѣлать.

И вторую я написалъ прокламацію. Гуадонинъ точно также переписалъ ее въ еще большемъ количествѣ, потому что не было такой спѣшки, какъ первый разъ, и можно было удобнѣе это все сдѣлать. Кажется, онъ уходилъ для этого въ лазаретъ и писалъ тамъ— не помню.

Въ этой второй прокламаціи говорилось ужъ рѣшительнымъ серьезнымъ тономъ, что съ нимъ не шутятъ и рѣшили добиться своего, что если ему этихъ зловонныхъ посылокъ покажется мало, примутъ противъ него мѣры еще серьезнѣе. Прокламаціи были написаны коротко, но сильно. Я не знаю, куда она у меня, то-есть чернетка, дѣвалась: лѣтъ пять назадъ я еще ее находилъ у себя въ бумагахъ.

Наконецъ, насталъ назначенный день. «Доброе» должно было совершиться въ семь часовъ, вечеромъ, какъ только зажгутъ фонари. По совершеніи всего, Кватцъ долженъ былъ, какъ и прежде, первый разъ, расклеить на фонарныхъ столбахъ улицы прокламаціи.

Разставшись съ ними въ этотъ день, послѣ классовъ въ гимназій, мы съ Гуадоининымъ опять пожали имъ руки и пожелали успѣха.

— Конечно, удастся,—увѣренно говорилъ Гуадоининъ.

— А если...

— Нечего, но если: удастся и все тутъ.

— Какъ это ты такъ увѣренъ?

— А безъ увѣренности и не начинать лучше...

На этотъ разъ о совершившемся мы узнали въ тотъ же вечеръ отъ инспектора, который пришелъ въ пансіонъ осведомиться, не былъ ли кто изъ насъ въ этотъ вечеръ въ отпуску. Оказалось, что всѣ дома, и никто не выходилъ.

— Ну, очень радъ. На васъ по крайней мѣрѣ не будетъ подозрѣній.

Онъ принесъ ужасныя подробности. Оказалось, что у директора былъ въ этотъ день какой-то торжественный обѣдъ, и только что всѣ встали изъ-за стола и прошли въ гостиную, окна которой выходили на улицу, и одна изъ его дочерей начала играть на рояли, а присутствовавшій тутъ на обѣдѣ непрѣмный солидный гость Бернгардовъ—полковникъ жандармскій Дурново, помѣстился у окна,—какъ въ этотъ самый моментъ черезъ голову его, все обливая по дорогѣ, съ страшной силой влетѣла въ окно бу-

тылка изъ-подъ шампанскаго, ударилась о противоположную окну стѣну и упала въ раскрытый рояль... Задыхаясь отъ зловонія, перепуганные гости повыбѣжали кто куда и въ чемъ попало... На самого Бернгарда это произвело потрясающее впечатлѣнне, рассказы-валъ инспекторъ.

Инспекторъ меня очень любилъ.

Онъ позвалъ меня и началъ ходить со мною по залу, рассуждая объ этихъ происшествіяхъ.

— Да вѣдь всякая мѣра терпѣнія исполнилась,—говорилъ я ему откровенно... Конечно, это месть...

— Но это ужасно...

— Ужасно, но вышло отъ него въ миллионъ разъ больше. Что онъ народу погубилъ, что развратилъ...

— Онъ подастъ въ отставку.

— Это ему давно надо было сдѣлать.

— Теперь чтожь ему остается?

Мы долго ходили съ нимъ взадъ и впередъ по залу. Онъ могъ думать, что я знаю, кто это все дѣлаетъ; онъ зналъ, что я ему беззавѣтно преданный человѣкъ, какъ можно быть преданнымъ только въ семнадцать лѣтъ, могъ рассчитывать, что я ему если не прямо скажу, то хотя намекну, не называя ни фамилій, ни именъ—это ему не нужно было—на ту среду, изъ которой это все выходитъ—участвуютъ ли тутъ гимназисты или нѣтъ, это дѣло не ихъ, а съ другой стороны, но онъ ни однимъ намекомъ не далъ мнѣ понять этого, не заикнулся даже искушать меня.

Черезъ двадцать лѣтъ, встрѣтившись съ нимъ послѣ того ужъ здѣсь, въ Петербургѣ, за обѣдомъ у меня, я, припомнивъ старину, спросилъ его:

— А знаете ли вы, кто тогда это все дѣлалъ—бросалъ эти воючки, писалъ прокламаціи и проч.?

— Кто—не знаю и тогда не зналъ, то-есть именъ, но былъ увѣренъ, конечно, что это гимназисты.

— А я и тогда зналъ,—сказалъ я.

— А вы думаете, я этого не зналъ?.. Я по глазамъ вашимъ видѣлъ, что вы знаете...

Мнѣ кажется, если бы онъ тогда спросилъ меня, особенно если бы пообѣщалъ мнѣ не выдавать никого, я бы, говоря откровенно, пожалуй бы, и назвалъ ему и себя и другихъ участниковъ. Но онъ слишкомъ благородно смотрѣлъ на человѣка и, зная мою чистую преданность ему, не захотѣлъ этимъ пользоваться для посторонней цѣли...

Эта вторая «исторія» съ директоромъ произвела и въ городѣ впечатлѣнне несравненно болѣе сильное, чѣмъ первая; изъ прокламацій къ тому же увидали, что это дѣло пошло не на шутку ужъ, и всѣ ясно видѣли и говорили, что это какіе же гимназисты.

Мальчишкамъ этого никогда не устроить. Да наконецъ сила, съ которой была брошена шампанская бутылка съ вонючей жидкостью, — развѣ это сила мальчишеская. Здѣсь очевидно и несомнѣнно орудуютъ люди, гораздо ранѣе еще оскорбленные или обиженные директоромъ, которые почему-то только теперь приступили къ отместкѣ и требуютъ удаленія его. Но особенно былъ пораженъ, смущенъ и чувствовалъ себя крайне неловко жандармскій полковникъ Д. Н. Дурново, котораго бросавшіе вонючку въ окно не могли не видѣть, въ ярко освѣщенной комнатѣ, и тѣмъ не менѣе однакожь не посмотрѣли на это и все-таки бросили ее, чуть-чуть только чудомъ какимъ-то не зацѣпивши его при этомъ. Онъ клялся, божился, давалъ честное слово, что все разознаетъ и тогда покажетъ, что онъ можетъ сдѣлать за это виновнымъ...

Въ обществѣ ходили самые разнообразныя слухи и предположенія, но ничего близкаго даже, какъ и первый разъ, не было къ истинѣ. Слушая эти рассказы и объясненія отъ товарищей гимназистовъ, передававшихъ, что говорятъ въ томъ или другомъ кругу и словѣ общества, и сами бывая по воскресеньямъ въ отпускахъ, мы только удивлялись, какъ это люди такъ склонны всегда придумывать самыя хитрыя и запутанныя объясненія фактовъ, вмѣсто простыхъ, не сложныхъ и всегда самыхъ близкихъ поэтому къ истинѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, ну, кому это изъ окончившихъ курсъ могло прійти въ голову начать черезъ годъ, черезъ два, съ такимъ отчаяннымъ рискомъ мстить человѣку, теперь для нихъ уже совершенно неопасному, а главное и не нужному, который больше ужъ не можетъ сдѣлать имъ никакого вреда? Ясно, что это дѣло людей, близко заинтересованныхъ въ его уходѣ, что этотъ уходъ его имъ нуженъ, и они добиваются этого, рискуя всѣмъ.

Но на этомъ простомъ объясненіи останавливались менѣе всего, а придумывали невозможно хитрыя комбинаціи. Подозрѣвали даже юнкеровъ какихъ-то квартировавшаго тогда въ Тамбовѣ полка; подозрѣвали семинаристовъ, которые будто бы мстили за то, что директоръ гимназіи написалъ объ нихъ что-то ихъ ректору, замѣтивъ кого-то изъ нихъ въ безобразномъ видѣ на улицѣ. Богъ знаетъ, что рассказывали и уходили все дальше и дальше отъ того, какъ было дѣло на самомъ дѣлѣ.

А между тѣмъ этотъ разъ мы были одинъ моментъ, что навывается, на волоскѣ, чуть-чуть все не открылось.

Утромъ на другой день, когда насъ привели въ гимназію, и мы только что вошли въ коридоръ, то почувствовали вдругъ этотъ ужасный, противный запахъ ассафетиды. Гуадонинъ, шедшій со мной рядомъ, остановился и сталъ нюхать воздухъ, стараясь найти, откуда идетъ это зловоніе. Направо у самаго почти входа висѣла шинель Пикокъ, и запахъ прямо и несомнѣнно шелъ отъ нея. На встрѣчу въ коридорѣ попался намъ Пикокъ.

— Уходи сейчасъ. Это отъ твоей шинели вонь? Ахъ, что ты дѣлаешь,—шепнули мы.

— У меня нѣтъ другой. Мнѣ не въ чемъ.

— Въ штатскомъ тогда приходи. Иди сейчасъ.

Пикокъ мгновенно накинулъ шинель и вышелъ подъ предлогомъ, что забылъ дома книги, не смотря на то, что сейчасъ должны были уже начаться классы. Вонь прошла съ его уходомъ.

А между тѣмъ ее замѣтили, почували ужъ и другіе, и въ коридорѣ шелъ разговоръ объ этомъ.

Какъ никому не пришло въ голову обратить вниманіе на Пикокову шинель, эта задача для меня не объяснима.

Онъ возвратился въ штатскомъ платьѣ въ серединѣ лекціи, и на это тоже никто не обратилъ по счастливой случайности никакого вниманія. Такъ это и сошло.

— Да какъ же ты это выпачкалъ?—спрашивали мы его.

— Пробка, должно быть, была плохо закупорена. Не понимаю! Должно быть, когда я размахнулъ уже, чтобы бросить бутылку, изъ нея капнуло...

— Сожги ты ее, проклятую. Можетъ, обыскъ еще будетъ.

— Помилуй, да она новая у меня,—отвѣчалъ онъ пресерьезно.— Ну, какъ нибудь сойдетъ. Ничего... Я выведу...

Онъ выводилъ эту вонь изъ шинели, кажется, до самаго окончанія курса въ гимназій.

«Развалина», какъ называли мы, да и всѣ теперь, директорскую квартиру, стояла опять съ открытыми настѣжъ окнами, и директорская семья, должно быть, опять куда-то выбралась.

Но уже ни жандармовъ, ни дворниковъ по вечерамъ и ночью не стояло у подъѣзда. Прятали ли они ихъ гдѣ нибудь въ потайныхъ мѣстахъ или сочли это напраснымъ, бесполезнымъ посмѣшищемъ, вызывавшимъ только улыбку у прохожихъ,—но ихъ не было видно по крайней мѣрѣ.

И самъ тоже директоръ на этотъ разъ уже не обнаруживалъ никакой энергіи. Онъ даже, какъ бы стараясь казаться разстроеннымъ, а, можетъ быть, и дѣйствительно будучи разстроенымъ, не приходилъ даже въ гимназію первые пять, шесть дней послѣ этого.

Слухи о выходѣ его въ отставку стали ходить все опредѣленнѣе и настойчивѣе. Рассказывали, что ему даже прямо изъ Харьковова посовѣтовали это сдѣлать и при томъ какъ можно скорѣе.

Послѣ возбужденій, толковъ, разговоровъ и споровъ объ «исторіи», волновавшей и всю гимназію съ воспитанниками и учителями и весь городъ, настала тишина: не забыли «исторіи», не перестали интересоваться ею, а все же какъ-то притихли всѣ объ ней, точно ждали ея разгадки и объясненія: погодите, дескать, немного, вотъ-вотъ все откроется, узнаемъ все.

Одинъ изъ нашихъ товарищей былъ сынъ этого самаго жандармскаго полковника Дурново — не знаю, гдѣ онъ теперь, но его тогда любили, былъ хорошій мальчикъ — мы разспрашивали его, не знаетъ ли онъ чего, не слыхалъ ли чего отъ отца?

Онъ повторилъ намъ какую-то одну изъ самыхъ глупѣйшихъ басенъ, ходившихъ въ городѣ по этому случаю, и увѣрялъ, что это такъ и было.

— Отецъ прямо говоритъ, что это такъ, а ужъ онъ знаетъ, — увѣрялъ онъ.

— Ничего твой отецъ не знаетъ.

— Это какъ же?

— Да такъ. Что за вздоръ! Развѣ это могло такъ случиться, какъ ты рассказываешь. Это басни, чепуха, вздоръ...

Но онъ даже обижался за это подозрѣніе въ некомпетентности его отца...

Приближалась весна. Подходила Святая. Она была въ томъ году ранняя, должно быть, потому это я помню, что ѣхалъ въ деревню домой еще по снѣгу, хотя уже по испорченной сильно дорогѣ. На одномъ постояломъ дворѣ, по дорогѣ изъ Тамбова къ намъ въ деревню, я встрѣтилъ хорошаго нашего знакомаго сосѣда М—ва. Онъ тоже ѣхалъ изъ Тамбова, гдѣ былъ въ какомъ-то комитетѣ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, видался каждый день съ губернаторомъ, а теперь въ ожиданіи, пока отдохнуть его лошади, отъ нечего дѣлать пилъ чай со мною и вдругъ, какъ бы припомянувъ, сказалъ:

— А какая это глупость въ гимназій-то была у васъ въ этомъ бросаніи директору вонючекъ. Ну, вотъ все и открылось теперь...

— То-есть какъ?—съ замираніемъ сердца спросилъ я.

— Все теперь узнали. Это, оказалось, двое гимназистовъ.

— Кто такіе?

— Не помню хорошо фамилій.

— Вы откуда же это узнали?

— Вчера вечеромъ у губернатора.

У меня сердце чуть-чуть билось. Я чувствовалъ, что кровь вся опять поднимается въ голову, какъ и тогда, когда мы увидали Бернгарда, смотрѣвшаго на насъ съ наружной стороны стеклянной галереи, гдѣ мы сидѣли и занимались.

А онъ продолжалъ:

— Хорошій это будетъ сюрпризъ ихъ родителямъ къ Святой...

— Да ужъ это нѣсколько разъ говорили, что нашли кто, узнали; это все подозрѣнія одни, — сказалъ я, желая вызвать его на дальнѣйшія сообщенія.

— Нѣтъ, это не подозрѣнія. У нихъ нашли съ полцуда еще этой гадости. Узнали, и откуда они ее доставали.

— Откуда?—спросилъ я.

— Изъ Воронежа.

Я улыбнулся. Ассафетиду Кватцъ доставалъ черезъ своего знакомаго аптечнаго мальчика въ Тамбовѣ же, въ одной изъ аптекъ. Мнѣ стало легко. Эти невѣрныя сообщенія его, сказанныя имъ при томъ такимъ увѣреннымъ тономъ, успокоительно дѣйствовали.

Но больше ничего я отъ него не узналъ, да и онъ самъ, очевидно, ничего больше не зналъ. Такъ мы съ нимъ и разстались.

Но онъ все же отравилъ мое спокойное и безмятежное настроеніе, въ какомъ я ѣхалъ въ деревню провести Святую... — «А ну, какъ въ самомъ дѣлѣ попали на слѣдъ? Это невѣрно, конечно, что жидкость изъ Воронежа, но, можетъ, Пикокъ съ Кватцемъ нарочно сказали, что изъ Воронежа, чтобы не выдать своего аптекаря? Двое — вотъ это скверно... Пикокъ и Кватцъ — двое... А кто писалъ прокламаціи? Вѣдь ихъ, конечно, спросятъ объ этомъ, и они должны будутъ назвать кто. Вѣдь не могутъ же имъ повѣрить, если они скажутъ, что не знаютъ кто.

Бросаніе жидкости съ появленіемъ въ ту же ночь всякій разъ и прокламаціи въ несомнѣнной связи: это ясно!... Скверныя мысли лѣзли мнѣ всю дорогу, пока я ѣхалъ остатокъ пути до деревни. Нехорошее какое-то невысказанное чувство все время шевелилось, не давая покоя, ни забыться, ни отвлечься другими какими мыслями... Потомъ я началъ думать и соображать о себѣ уже лично, о своей личной отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ... — Положимъ, они и скажутъ, кто писалъ и приклеивалъ, — думалъ я. — Гуаданини еще могутъ какъ нибудь узнать, сравнить почеркъ, найдутъ похожія буквы, встрѣчающіяся тамъ — узнать его еще можно; но какъ же можно узнать меня? Черновой первой совсѣмъ нѣтъ, она уничтожена, а второй прокламаціи черновая здѣсь у меня, со мною... Мало ли что можно на меня сказать? Что я за дуракъ, буду сознаваться? Не знаю ничего. Вздоръ они на меня говорятъ. Да, наконецъ, тотъ же инспекторъ, который меня такъ любитъ, скажетъ, что этого быть не можетъ, заступится за меня. Онъ, конечно, будетъ ручаться за меня... «А это какъ же ты? Вѣдь помнишь, вы всѣ давали слово другъ другу идти вмѣстѣ и къ отвѣту, если это выйдетъ, откроется, и вы попадетесь?» Они будутъ отвѣчать, а я въ сторонѣ пройду?... Они пойдутъ за это за все къ отвѣту, а я буду ихъ видѣть и молчать, стоять въ сторонкѣ въ безопасности?... Но сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ начиналась работа и подлой мысли о самосохраненіи, которая, какъ червякъ какой-то, шевелилась и въ головѣ и отдавалась въ сердцѣ, заставляя его то захолонуть, то биться сильнѣе и сильнѣе. Я не давалъ этой мысли осилить честныхъ мыслей объ общей съ товарищами отвѣтственности; но она шевелилась, и именно какъ ползучій червякъ, и я чувствовалъ, что она-то и есть всему причина, всему этому страху. Не будь ея, и самый страхъ не былъ бы такъ страшенъ.

Дома я засталъ всѣхъ здоровыми, веселыми, всѣ такъ обрадовались мнѣ, разспрашивали, что и какъ. Они тоже уже слышали объ «исторіяхъ» въ гимназіи, дошли и до нихъ слухи, но они ничего не знали толкомъ. Они даже не тревожились за меня, потому что я былъ въ пансіонѣ, въ закрытомъ заведеніи, и слѣдовательно, какъ же мнѣ участвовать въ этихъ ночныхъ походахъ?

Они меня начали разспрашивать, какъ это все было, на кого думаютъ, про кого говорятъ.

- Ничего неизвѣстно,—отвѣчалъ я.
- Да, это угрюмый человѣкъ,—говорили они про директора.
- Онъ подалъ въ отставку.
- Вслѣдствіе этой исторіи?
- Да. Ему велѣли изъ Харькова,—увѣренно отвѣчалъ я.
- Ну, хотя это-то слава Богу, по крайней мѣрѣ.
- Да вѣдь эта исторія для этого и дѣлалась.
- Отчаянные вы всѣ какіе, — говорила матушка съ любовью, съ замираніемъ сердца, но и съ радостью, весело поглядывая на меня.

Я хранилъ смиренный видъ.

Дня черезъ три или четыре, въ самый разливъ половодья, мы поѣхали куда-то къ сосѣдямъ верстъ за десять, куда по дорогѣ не встрѣчалось ни мостовъ, ни гатей, ни луговъ. Мы пробыли тамъ до вечера почти и вернулись, когда совсѣмъ стемнѣло. Тамъ было очень весело, и я былъ въ самомъ отличномъ расположеніи, забывая понемногу о неприятномъ слухѣ, сообщенномъ мнѣ М—ъ относительно раскрытія «исторіи» гимназической, какъ вдругъ дома намъ сказали, что безъ насъ былъ нашъ становой приставъ, мой и нашъ общій пріятель, Маріонковъ, много разспрашивалъ обо мнѣ, когда я пріѣхалъ, и велѣлъ сказать, что былъ по очень важному дѣлу и непременно заѣдетъ завтра, а я чтобы никуда не уѣзжалъ до него.

Отецъ съ матушкой совершенно спокойно выслушивали все это, не понимая, какое это такое у него важное и спѣшное, можетъ быть, дѣло, и дѣлали по этому случаю разныя предположенія, а я, помню, какъ прислонился къ притолкѣ двери, такъ и стоялъ:

— Конечно, это онъ обо мнѣ... Ну, конечно... У нихъ никакого дѣла нѣтъ... Это онъ не къ нимъ, а ко мнѣ. Дали знать, и онъ прискакалъ... И потомъ разспрашивалъ, когда я пріѣхалъ... Велѣлъ сказать, чтобы я никуда не уѣзжалъ до него.

Я чувствовалъ и усиленное біеніе сердца и кровь, то отступающую, то подступающую къ головѣ, и страшное ощущеніе—какое-то щекотаніе въ горлѣ, точно душитъ меня кто...

Всѣ пошли пить чай туда, въ угольную, гдѣ его подавали уже, а я едва могъ отойти отъ притолки, дошелъ до дивана въ кабинетѣ и усѣлся на немъ.

— Ты гдѣ?... Что-жъ ты не идешь чай пить?— услыжалъ я голосъ отца.

Я всталъ и молча пошелъ къ нимъ.

Они что-то такое вспоминали изъ видѣннаго дорогой или слышаннаго на вечерѣ у сосѣдей и совершенно позабыли даже о приѣздѣ становаго, и ихъ, повидимому, нисколько даже не интересовало то важное дѣло, по которому онъ приѣзжалъ и завтра приѣдетъ опять.

— А какое это можетъ быть дѣло у него?— спросилъ я совершенно произвольно какъ-то.

— У кого?...—спросилъ отецъ,—ахъ, у Петра Ивановича-то?... вспомнилъ онъ.

— Да.

— Да такъ, вздоръ какой нибудь. Онъ вѣдь любитъ шутить иногда. Какое же дѣло? Никакого...

Я былъ, должно быть, блѣденъ, или вообще сильно измѣнился, потому что и отецъ и мать нѣсколько разъ въ этотъ вечеръ спрашивали меня.

— Что съ тобой? Ты какой-то чудной...

— Ничего, такъ,—отвѣчала я,—усталъ.

— Такъ ложись раньше спать.

Я такъ и сдѣлалъ—пошелъ раньше спать.

— Это навѣрно... думалъ я... Тамъ узнали все и... Но хорошо еще, что Маріонковъ... Можно будетъ сдѣлать что нибудь... Онъ скажетъ мнѣ, что... Онъ научитъ меня... И вдругъ, съ идеей объ обыскѣ, пришло мнѣ въ голову, что черновая прокламація у меня съ собою вѣдь... Тамъ она въ чемоданѣ.

Чемоданъ былъ въ другой смежной комнатѣ, и я босой, прислушавшись, не слѣдить ли кто, нацыпочкахъ прокрался въ эту другую, смежную комнату и въ темнотѣ отыскалъ въ чемоданѣ то, что мнѣ было нужно. Но куда спрятать?... Я спряталъ въ кабинетѣ на шкафъ съ книгами. Тамъ, въ пыли, кому придетъ охота рыться?... Странная вещь, мнѣ ужасно почему-то жаль было ее уничтожить. И на что она, эта черновая, была мнѣ нужна?

Ночь я кое-какъ проспалъ, то и дѣло просыпаясь. Утромъ, помню, я все ходилъ отъ окна къ окну, посматривая, не ѣдетъ ли Маріонковъ. Наконецъ, часовъ въ двѣнадцать я увидалъ его сани тройкой, еле тащившіяся по распутившейся, совсѣмъ растаявшей дорогѣ. Я дождаться не могъ, когда онъ доберется до дому, подѣдетъ и встанетъ—меня тянуло на встрѣчу къ нему, какъ бы выбѣжать поскорѣе на крыльцо его встрѣтить. Онъ въ шубѣ, забрызганый весь въ грязи, обнялъ меня, и мы расцѣловались.

— Когда приѣхалъ?

Я сказалъ.

— Ну, что, все благополучно?.. Хорошо идетъ у васъ?..

— Ничего.

— Перейдете навѣрно?

— Не перейду, кончатъ вѣдь уже надо.

— Ахъ, да! кончите?.. надѣтесъ?

У него и въ глазу ничего не было. Въ передней его встрѣтилъ уже и отецъ. Они дружески поздоровались.

— Вы вчера были?.. Что такое?.. Какое дѣло?..—спросилъ его отецъ.

— Да вотъ его хотѣлось видѣть, — смѣясь отвѣчалъ Маріонковъ, — вѣдь на нѣсколько дней пріѣхалъ, боялся не застать, а мнѣ завтра надо на нѣсколько дней въ городъ... Выросъ-то какъ!.. Боже мой...

Я вздохнулъ свободно.

Когда я вернулся въ гимназію, то-есть въ пансіонъ, тамъ было все спокойно попрежнему, ни слуху, ни духу объ «исторіяхъ», и повидимому никакого и слѣдствія не было, по крайней мѣрѣ ничего объ этомъ не было слышно... Но за то было положительно ужъ извѣстно, что директоръ подалъ прошеніе объ отставкѣ, хотя, однакожъ, кончить намъ придется все-таки еще при немъ, — отставку онъ получитъ послѣ нашего выпуска. Сообщили также, что къ экзаменамъ нашимъ изъ Харькова пріѣдетъ инспекторъ округа Ѳ. Л. Тюринъ, — на экзамены и кстати для ревизіи чего-то, или наоборотъ для этой ревизіи и кстати къ экзаменамъ.

Инспекторъ Бѣлозеровъ, котораго я видѣлъ въ гимназіи въ тотъ же день, подозвалъ меня, спросилъ, какъ я провелъ дома праздники, и сказалъ:

— Ну, готовьтесь, смотрите, изъ математики. Директоръ золь на весь вашъ классъ; онъ убѣжденъ, что это ему весь вашъ классъ тогда устроилъ.

— Мы надѣмся всѣ на васъ.

— Что могу, но всего я не могу.

Бернгардъ почти ужъ не ходилъ въ это время ни въ гимназію, ни въ пансіонъ. Мы видѣли его почти случайно и, онъ какъ-то тоже умышленно избѣгалъ встрѣтъ, а когда и встрѣчался, проходилъ молча, ни съ кѣмъ ничего не говоря.

Мы дѣлали свои расчеты и соображенія. Зачѣмъ ему намъ теперь мстить? Все равно вѣдь онъ уже уходитъ, разсуждали мы. Другіе возражали: навѣрно будетъ мстить. Чѣмъ онъ теперь рискуетъ? Ничѣмъ. Порѣжетъ половину на экзаменахъ и уѣдетъ въ Харьковъ. (Было уже извѣстно, что по выходѣ въ отставку онъ уѣзжаетъ на житье въ Харьковъ). Не ѣхать же за нимъ туда и тамъ его допекать.

Наконецъ начались и экзамены. За день или за два до нихъ явился инспекторъ округа, Тюринъ, высокій, худой, бритый старикъ, въ вицмундирѣ со звѣздой, ходившій нѣсколько сутуловато и даже согнувшись. Ему уступили квартиру въ пансіонѣ, отвѣдя для этого дежурную комнату и нашу гостиную.

Начались экзамены. Прошелъ одинъ экзаменъ, другой. Бернгардъ присутствовалъ, но не выказывалъ ничего, кромѣ необычнаго совѣтъ для него равнодушія и даже безучастія. Мы удивлялись даже этому.

Точно онъ уже не директоръ, и ему нѣтъ никакого дѣла до этого. Онъ даже, напротивъ, выказывалъ скорѣе благодушіе,— нѣсколько разъ заступался, защищалъ какъ-то, когда хотѣли поставить плохой балъ.

— Хотите показаться передъ начальствомъ человѣкомъ, на котораго напрасно нападали,— говорили мы, объясняя такъ образъ его дѣйствій.

— Нѣтъ, боится, а ну, какъ, да теперь еще при Тюринѣ, да повторять эту штуку опять?— возражали другіе.

Тюринъ почему-то придавалъ особенное какое-то значеніе всякимъ письменнымъ разрѣшеніямъ задачъ; письменнымъ отвѣтамъ, упражненіямъ, переводамъ и сочиненіямъ. Это было мнѣ очень на руку. Формой изложенія я владѣлъ вполнѣ свободно. По исторіи я написалъ какое-то сочиненіе, и оно ему чрезвычайно понравилось. Разумѣется, это были какіе-то коментаріи, но другіе и этого не могли сдѣлать, хотя сколько нибудь удовлетворительно. По русской словесности я подаль два «сочиненія»: одно — разборъ Гончаровскаго «Обломова», перифразъ какой-то журнальной критики чуть ли не изъ «Современника», а другое — очеркъ «Черствая доля», который потомъ было напечатанъ въ «Русскомъ Мірѣ», издаваемомъ Героглифовымъ.

— Вы, конечно, въ университетъ поступите?— прочитавши ихъ, спросилъ меня Тюринъ.

— Да-съ.

— Въ какой?

— Въ Петербургскій.

— Почему же не въ нашъ, не въ свой, въ Харьковскій?

— У меня родные въ Петербургѣ.

— Тамъ вамъ надо будетъ сдавать повѣрочный экзаменъ, а тутъ у насъ вы можете прямо поступить.

Я промолчалъ.

— Ну-съ, желаю вамъ успѣха. Если не посчастливится тамъ, въ Петербургѣ, на экзаменѣ, милости просимъ къ намъ въ Харьковъ. У насъ всегда найдется для васъ мѣсто въ университетѣ.

Сказалъ и подаль мнѣ руку. Это было событіе небывалое. На меня особенно какъ-то посматривали товарищи, когда, отойдя отъ стола, я вернулся къ нимъ.

Это было на послѣднемъ нашемъ экзаменѣ. У меня оставалась одна только маленькая загвоздка, которая, хотя и очевидно была не опасная послѣ всего этого, но все-таки тревожила меня—это нехватка одного балла изъ математикки. Я спросилъ, уходя, Бѣлозерова.

— Вздоръ... выкиньте изъ головы, прибавить, конечно, — отвѣтилъ онъ:— Какъ же это можно не прибавить послѣ того, что вамъ сказалъ Тюринъ? Будьте покойны. Поздравить васъ. Вы, надѣюсь, зайдете проститься?..

— Алексѣй Максимовичъ! — съ упрекомъ, радостный, сіяющій весь отъ счастья, воскликнулъ я.

Черезъ три дня окружной уѣхалъ, выдали намъ аттестаты, мы узнали тутъ, что онъ пріѣзжалъ исключительно и нарочно для экзаменовъ нашихъ, такъ какъ въ Харьковѣ опасались новыхъ какихъ-то безпорядковъ по случаю ихъ, зная нашего директора и невозможный его характеръ.

Одѣтый уже въ штатское, я пошелъ проститься съ инспекторомъ Бѣлозеровымъ на квартиру.

— Хотите сигарку?.. — сказалъ онъ.— Вы тогда дали мнѣ слово не курить въ пансіонѣ и, я знаю, не курили.

— Не куриль.

— Я знаю,—повторилъ онъ,—а теперь закурите.

Мы долго съ нимъ просидѣли, толкуя о будущемъ моемъ. Я намѣревался поступить на филологическій факультетъ, на которомъ былъ и онъ, и на который меня страшно тянула тогда любовь къ исторіи и литературѣ.

— Благословляю васъ,—сказалъ онъ на прощаньи. Мы поцѣловались и разстались.

Когда я уже совсѣмъ уходилъ отъ него, онъ вернулъ меня и спросилъ:

— А къ директору зайдете? Вы не были еще вѣдь?

— Да нужно ли?

— Зайдите. Богъ съ нимъ. Никогда не надо зла помнить...

Бернгардъ жилъ внизу, въ той же все еще квартирѣ.

— Дома Григорій Ивановичъ? — спросилъ я отворившую мнѣ дверь прислугу.

— Нѣтъ-съ. Скоро они будутъ, должно быть.

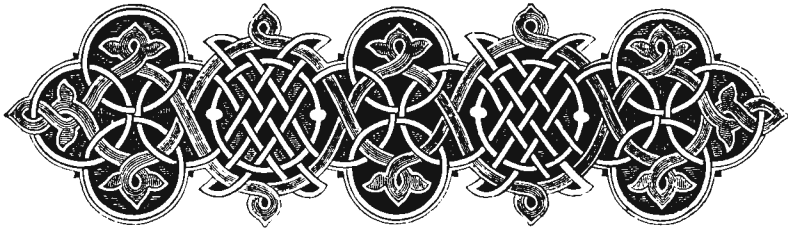
Я взялъ листъ бумажки и написалъ, что уѣзжая я хотѣлъ проститься съ нимъ и для этого заходилъ къ нему.

Больше я уже не встрѣчался съ нимъ, знаю только, что онъ потомъ служилъ гдѣ-то въ Харьковской губерніи по выборамъ и былъ, кажется, мировымъ посредникомъ или мировымъ судьей. Онъ умеръ лѣтъ черезъ десять послѣ этого.

Вечеромъ я простился съ товарищами, то-есть съ своимъ собственнымъ кружкомъ, на гуляньѣ въ губернаторскомъ саду и въ ночь уѣхалъ въ деревню, чтобы недѣли черезъ двѣ ѣхать уже въ университетъ сдавать повѣрочный экзаменъ.

Сергѣй Терпигоревъ (Атава).

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЧОРТЪ.

Изъ житейскихъ встрѣчъ.

УРЪЕРСКІЙ поѣздъ мчалъ меня изъ Вѣны въ Россію. Я взялъ путь на Краковъ, Львовъ и Волочискъ. Сверхъ обыкновенія, пассажировъ ѣхало не много. Я оставался въ купѣ одинъ до самаго Прэрау, гдѣ сѣверная дорога императора Франца-Юсифа сходится съ линіей на Прагу. Въ Прэрау ко мнѣ подсѣлъ попутчикъ, лица его я не могъ хорошо разглядѣть, — въ вагонѣ стемнѣло, а когда въ потолокъ купѣ вспыхнулъ бѣлый полушаръ электрическаго фонаря, спутникъ мой уже вытянулся во всю свою длину на свободномъ диванѣ и громко храпѣлъ, укрытый съ головою куньею шубкою. По шубкѣ этой я рѣшилъ, что мой дорожный компаньонъ — полякъ изъ Галиціи: нѣмцы и чехи такихъ не носятъ. Въ Прэрау «поляка» провожала цѣлая свита молодыхъ людей, весьма почтительно обнажившихъ головы, когда поѣздъ тронулся. Значить, особа не простая.

Подъ Краковомъ незнакомецъ проснулся и минутъ пять зѣвалъ такъ громко и широко, что я началъ было серьезно опасаться за цѣлость его челюстей. А тутъ еще навернулся въ память старинный стишокъ на зѣваку.

Во время оно
Китъ проглотилъ Іону;
Не ты-ль, Никита,
Проглотилъ кита?

Чтобы скрыть невольную улыбку, я прильнулъ лицомъ къ окну и внимательно вглядывался въ предразсвѣтныя сумерки, пока не привелъ себя въ достаточно серьезное настроеніе. Оборачиваюсь наконецъ, — попутчикъ мой сидитъ, опершись покавалерійски, руками на колѣна, и любопытно смотритъ на меня яркими глазами. Необычайная острота его взгляда поразила меня. Незнакомцу было на видъ лѣтъ сорокъ пять, пожалуй, даже слишкомъ; лицо — очень измятое жизнью, некрасивое и мало симпатичное, но запечатлѣнное умомъ необыкновеннымъ. Въ толпѣ вы замѣтили бы и выдѣлили бы это лицо изъ десятковъ тысячъ: настолько характерны были выпуклости лба у висковъ и крѣпкій хищный ротъ, съ выдавшимися впередъ челюстями. Незнакомецъ улыбнулся: ни у кого ни раньше, ни позже не видалъ я болѣе зубатаго рта — совсѣмъ волчья пасть, полная острыми рѣзцами и клыками. Да и весь-то мой попутчикъ, когда оскалился въ улыбку, походилъ на лобастаго матераго волка, какъ изображенъ онъ Густавомъ Дорэ въ иллюстраціяхъ къ сказкамъ Перро, когда облизывается на Красную Шапочку. За Краковомъ мы разговорились.

— Гдѣ панъ їдзе, проше пана? — началъ ликантропическій спутникъ, учтиво наклоняя голову. Голосъ его былъ довольно мягокъ, но съ хрипотцой, а манера говорить престранная: онъ точно лаялъ.

— Въ Кіевъ.

Попутчикъ тотчасъ же перешелъ съ польскаго языка на рускій, или, вѣрнѣе сказать, на русинское нарѣчіе. Когда я не понималъ или онъ самъ затруднялся найти подходящее къ разговору слово, онъ переходилъ то на польскій, то на нѣмецкій языкъ.

— Вы галичанинъ? — спросилъ я.

— Н-нѣтъ... я живу въ Германіи... но Галиція — моя родина, по крайней мѣрѣ, нравственная... мой любимый край...

Онъ опять оскалился, словно котѣлъ проглотить свою излюбленную Галицію, и, замаявъ разговоръ о себѣ, принялся выпрашивать меня очень быстро и очень тонко, съ манерою ловкаго и наблюдательнаго интервьюера, кто я такой, чѣмъ занимаюсь, выгодно ли литературное «ремесло» (онъ такъ и выразился) въ Россіи, какія газеты у насъ больше въ ходу, кого изъ иностранныхъ писателей больше переводятъ, и кто изъ литературной молодежи входитъ въ моду. Съ старою русскою литературою, кончая Тургеневымъ, онъ былъ знакомъ въ совершенствѣ. О Чеховѣ зналъ, хотя и не читалъ его. Объ Альбовѣ, Баранцевичѣ, Станюковичѣ, Потапенкѣ, Маминѣ-Сибирякѣ и не слыхивалъ. Отъ писателей разговоръ незамѣтно перескочилъ къ литературнымъ вѣяніямъ, къ декадентамъ и символистамъ, а черезъ нихъ и къ общему мистическому настроенію послѣдней четверти XIX вѣка, который, наскучивъ тьмами низкихъ истинъ, бросилъ въ насъ возвышающіе

обманы бредней теософическихъ, спиритическихъ, сатаническихъ, родиль Блататскую и Пеладана, выдвинулъ впередъ Данте Росетти и пре-рафаэлитовъ, и воцарилъ надъ сливками парижскаго и лондонскаго общества—здѣсь буддйскаго ламу, тамъ—Вельзевула средневѣковыхъ шабашей, тутъ—бичующаго себя четками трапписта... Въ Россіи тогда эти вѣянія были еще вновь, чуть зарождались, на западѣ же фантастическая эпидемія свирѣпствовала уже широко и настойчиво.

— Наклонность современнаго общества къ необыкновенному,—сказалъ незнакомецъ, нагибаясь ко мнѣ и свѣтя мнѣ прямо въ глаза своими глазами—огоньками (при этомъ меня обдало тонкими англійскими духами),—наклонность къ необыкновенному смущаетъ многихъ. Друзья государственнаго прогресса, работники практической цивилизаціи видятъ въ европейской эпидеміи супернатурализма зловѣщій признакъ реакціи, поворота чуть не къ среднимъ вѣкамъ. Я, конечно, не рѣшусь оспаривать реакціоннаго характера всѣхъ этихъ ученій и увлеченій. Папство и полицейское государство всегда ѣхали на чортѣ и на чудѣ, какъ на своихъ боевыхъ коняхъ. Но я не придаю современному супернатурализму серьезно вліятельнаго значенія. Двѣсти лѣтъ реалистическаго мышленія нельзя заслонить ни козлинымъ хвостомъ сатаны съ брокенскаго шабаша «въ первый разъ по возобновеніи», ни мѣдными божками съ Тибета. Просто: мы немножко пересолили съ реалистическою разсудочною послѣдовательностью, устали, засохли и, такъ какъ человѣкъ, даже самый прозаическій, всегда эстетикъ по натурѣ—ему захотѣлось, наконецъ, сверхъестественнаго дивертисмента... Въ наше время массы и личности, ихъ составляющія, сдѣлались удивительно похожими другъ на друга. Прежде какъ-то было, что масса—одно, личность—другое, а теперь они одно и то же. Я говорю про ихъ психологію. И вотъ сколько я ни наблюдалъ отдѣльные экземпляры увлеченія сверхъестественнымъ, ни разу я не видалъ такого увлеченія въ чистомъ видѣ, безъ скептической примѣси: два вѣка реалистической дисциплины сказываются, какъ видите! И, въ общемъ, человѣкъ, пока не сошелъ съ ума, гораздо легче разувѣряется въ необыкновенномъ, чѣмъ рѣшается ему повѣрить... У меня близъ Черновицъ есть пріятель—помѣщикъ, который, подъ особо-фантастическимъ настроеніемъ, вообразилъ себя своего рода Пигмалиономъ и готовъ былъ клясться, что его любитъ мраморная статуя... описывалъ даже свои свиданія съ нею... и статуя эта была вовсе не невинная и добродушная Галатей, но вампиръ какой-то... онъ весь изсохъ во время этой дикой иллюзорной любви, сталъ каплять кровью... И что же? Годъ тому назадъ встрѣчаю его въ Берлинѣ: здоровъ, какъ быкъ, женатъ на толстѣйшей нѣмкѣ, спорить о табачной монополіи и ругаетъ все необыкновенное, какъ прусскій фельдфебель... Ха-ха-ха!...

— На эту тему есть, помнится, красивый рассказ у Захеръ-Мазоха,—замѣтилъ я.

Мой собесѣдникъ внимательно взглянулъ на меня.

— Можеть быть... не помню... А у васъ читають Захеръ-Мазоха?

— Очень любятъ. И его и Эмиля Францога.

— Кто вамъ больше нравится?

— Разумѣется, Захеръ-Мазохъ.

Незнакомецъ одобрительно закивалъ головою:

— И мнѣ тоже. У васъ есть вкусъ. И мнѣ тоже...

Онъ задумался.

— Скажите,—возобновили онъ разговоръ,—не замѣчали вы, что у каждой необыкновенной исторіи есть непременно два оборота, какъ у медали? Такъ—трагедія, такъ—водевиль. Такъ величаво—такъ—глупо и пошло. Впрочемъ,—улыбнулся онъ,—иначе и быть не можеть: таковъ и самъ отецъ всей сверхъестественной лжи—дьяволъ: то Сатана Байрона и Мильтона, то смѣшной чортикъ уличнаго Петрушки... Вы любите исторіи съ чертями?

— Какъ вамъ сказать? Равнодушень къ нимъ.

— Я расскажу вамъ случай, гдѣ чортъ игралъ весьма трагическую роль и велъ себя чортовски, хотя и горько поплатился за это...

Мѣсто дѣйствія здѣсь—на невысокихъ галиційскихъ холмахъ, между которыми несетъ насъ поѣздъ.

Время, лѣтъ сорокъ, много пятьдесятъ тому назадъ. Я могъ бы представить вамъ живыхъ свидѣтелей происшествія.

Недалеко отъ Коломыи есть фольваркъ Цѣхинець. Въ ту пору онъ принадлежалъ пану... ну, положимъ, хоть Висловскому, помѣщику не изъ самыхъ крупныхъ, но съ хорошимъ достаткомъ и большимъ вѣсомъ въ округѣ. Жилъ и правилъ хозяйствомъ Висловскій по-старинному—настоящимъ польскимъ патриархомъ-феодаломъ, но человекъ былъ добрый, съ хлопами ладилъ и даже роковой 1840 годъ, когда столько галиційскихъ пановъ погибло подъ ножами и въ пожарахъ народнаго возстанія, Висловскому не отозвался лихомъ. Память его и до сихъ поръ въ почетѣ и между поляками, и между русскими. Висловскій давно уже вдовѣлъ. Жилъ онъ въ своемъ фольваркѣ вдвоемъ съ дочерью Стефою—шестнадцатилѣтнею красавицей, пышною и дикою, какъ лѣсной шиповникъ. Панну Стефу только что просватали за молодого графа, скажемъ, къ примѣру, Стембровскаго, въ горы, верстъ за двѣсти отъ Цѣхинца.

Въ одинъ прекрасный полдень, знойный и мгlistый, какіе часто томятъ галичанъ въ іюлѣ, когда курятся болота и выгорають поземными пожарами лѣса, Вавжинець¹⁾ Клюга, сынъ дьячка изъ униатскаго поселка, подъ самымъ Цѣхинцемъ, отправился въ садъ

¹⁾ Лаврентій.

пана Висловскаго за очень привычнымъ ему, но не совсемъ похвальнымъ дѣломъ—красть яблоки.

Этотъ Вавжинецъ былъ оригинальный мальчишка—изъ поэтическихъ уродцевъ, какихъ такъ любятъ описывать...—разсказчикъ усмѣхнулся, останавливая на мнѣ со странною веселостью свои блестящіе глаза,—такъ любятъ описывать помянутые вами сейчасъ Захеръ-Мазохъ и Французъ...

Природа наградила Вавжинца личикомъ ангела и тѣломъ дьяволенка, укоротивъ ему лѣвую ногу противъ правой, хромота повлекла за собою кривобокость, и мальчикъ выросъ горбуномъ. Какъ всѣ уродцы, если они не злы и не идіоты, онъ отличался рѣдкою музыкальностью и былъ большой мечтатель—охотникъ считать звѣзды и улетать мыслями за тридцать земель въ тридцатое царство. Что касается его умственныхъ способностей... ихъ размѣръ, я думаю, достаточно опредѣленъ уже тою подробностью, что ему было восемнадцать лѣтъ, а онъ лазилъ по чужимъ садамъ воровать яблоки съ тѣмъ, чтобы ввечеру проигрывать ихъ ребятишкамъ въ бабки.

Вавжинецъ благополучно перебрался черезъ каменную ограду сада пана Висловскаго—съ полнымъ пренебреженіемъ къ битому стеклу на ея гребешкѣ: на подошвахъ, колѣнкахъ и ладоняхъ у него была верблюжья кожа. Онъ облюбовалъ два дерева и раздумывалъ, за какое принятъе раньше, когда его окликнуть голосъ «съ неба»:

— Вотъ это хорошо! Панъ Вавжинецъ Клюга изволятъ красть господскія яблоки. Не заболѣла бы за то у мосьпана потылица.

У Вавжинца душа раздвоилась и ушла въ пятки. Онъ закрылъ глаза, чтобы не видать, по крайней мѣрѣ, свѣта въ ту страшную минуту, какъ садовникъ схватитъ его за шиворотъ и поволочетъ предъ грозныя очи самого пана Висловскаго; а тамъ расправа короткая: лозаны, да какіе! Но шиворотъ оставался свободнымъ, садовникъ не появлялся, все было тихо, и... Вавжинецъ струсиль еще больше. Онъ былъ готовъ думать, что голосъ раздался и впрямь съ неба,—именно тотъ голосъ, о которомъ рассказывалъ ребятамъ въ школѣ ксендзъ Игнаць, будто онъ предостерегаетъ людей, когда они замыслятъ дурное дѣло, о Всевидящемъ Окѣ. Вавжинецъ со страха накинулъ себѣ на голову мѣшокъ, въ два прыжка очутился у стѣны и перемахнулъ бы черезъ нее, если бы его не остановилъ смѣхъ—тоже съ неба, но черезчуръ задорный, чтобы быть небеснымъ. Онъ взглянулъ по направленію смѣха и мигомъ успокоился: его дразнила съ вѣтвей старой, густолиственной груши панна Стефа.

Панны Стефы Вавжинецъ ничуть не боялся, потому что она была дѣвушка озорница, скорѣе способная помочь ему ограбить отцовскій садъ, чѣмъ выдать вора. Въ глухомъ Цѣхинцѣ она росла, какъ трава, свободная, своевластная и буйная. Вавжинецъ въ ран-

ніе дѣтскіе годы игрывалъ съ нею, и она колотила его, какъ всёхъ своихъ сверстниковъ. Однажды, на рожденье, онъ принесъ въ подарокъ одиннадцатилѣтней Стефѣ пару перепеловъ. Дѣвочка спутала пташкамъ ножки, потомъ выколола булавкою глаза и смѣялась, глядя, какъ слѣпыя птички скачутъ наобумъ, безсильныя найти другъ друга.

— А ты таки трусишка!—сказала панна Стефа, когда вдоволь насмѣялась надъ Вавжинцомъ.

— Я было думалъ, что идетъ старый Янушъ,—оправдывался юный воришка.—А вы, панночка, дай вамъ Богъ здоровья, что тамъ дѣлаете на группѣ?

— Учусь летать,—серьезно отвѣтила панна Стефа.

Вавжинецъ разинулъ ротъ:

— Гмъ... вотъ она какая штука!.. а зачѣмъ бы я леталъ на вашемъ мѣстѣ?

— Мнѣ завидно твоей матери. Она, сказываютъ, каждую субботу летаетъ верхомъ на помелѣ на шабашъ...

Ничѣмъ нельзя было большѣ уколотъ Вавжинца, какъ назвать мать его вѣдьмою. А она дѣйствительно знахарила и слыла хорошею лѣкаркою на весь околотокъ. Кумушки давно породнили бабу Эльжбету съ сатаною, и самое уродство Вавжинца, странное на нихъ взглядъ, потому что и Эльжбета славилась, въ свое время, писаною красавицею, и мужъ ея дьячокъ, Базыль, былъ молодецъ мужчина,—приписывали тихомолкомъ бѣсовскому вмѣшательству въ семейный союзъ Клюги. Вавжинецъ самъ немножко вѣрилъ, что мать его не безъ грѣха по колдовской части; онъ утѣшалъ себя только тѣмъ, что она, если и вѣдьма, то вѣдьма добрая—не какъ другія, и только лѣчитъ людей и скотъ, но никого не портитъ, не завязываетъ заломовъ на ржи, не выдаиваетъ молока изъ чужихъ коровъ, не крадетъ ни росы съ луговъ, ни младенцевъ изъ беременныхъ женщинъ. Онъ ничего не отвѣтилъ на насмѣшку панны Стефы, насупился и глядѣлъ въ землю.

— Правда, что ты чортовъ сынъ?—продолжала безжалостная дѣвущка, наслаждаясь смущеніемъ юноши.

— Богъ знаетъ, что вы говорите, панночка,—съ досадою отозвался Вавжинецъ.—Ну, какъ я могу быть чортовымъ сыномъ, когда я крещеный? Вотъ и крестъ на шеѣ.

— Это ничего не значить. Хоть ты и крещеный, а отецъ у тебя все-таки не Базыль, но чортъ. И, когда тебя крестили, онъ разсердился и такъ толкнулъ попа подъ руку, что тотъ уронилъ тебя на костельный полъ. Оттого у тебя и ноги хромя, и горбъ на спинѣ, и весь ты такой уродъ.

У Вавжинца стояли слезы въ глазахъ.

— Ужъ лучше я уйду, чѣмъ слушать этакое,—сказалъ онъ, забрасывая мѣшокъ за спину.—Развѣ я виноватъ, что родился калѣ-

кою? За что тутъ издѣваться? Прощайте, панна Стефа, счастливо вамъ оставаться—на вашей грушѣ!

— Куда же ты бѣжишь?—а яблоки, которыя ты пришелъ воровать?

— Пускай ихъ пекельные бѣсы воруютъ!

— И отецъ твой съ ними?!

Совсѣмъ обозленный Вавжинець бросился къ стѣнѣ, но панна Стефа громко крикнула ему:

— Ни съ мѣста, дрянь! Стой, когда велятъ. Не то я сейчасъ закричу: ловите вора... Распишутъ тебѣ спину...

Она смягчила голосъ:

— Больно некстати обидчивъ, пане Вавжинець Клюга. Экая важность, что я пошутила и назвала тебя чортовымъ сыномъ, а мать твою вѣдьмою. Да хоть бы и въ самомъ дѣлѣ вѣдьма... гмъ!.. можетъ быть, я и сама вѣдьма.

— И хвостъ у васъ есть?—язвительно спросилъ Вавжинець, уже нѣсколько примиренный съ барышнею, но все-таки мстя этимъ вопросомъ за свою обиду. Панна Стефа хладнокровно возразила:

— Нѣтъ. Да я еще молода. Авось, вырастетъ.

Она захохотала, прибавивъ:

— Ну, какъ же не вѣдьма? Вотъ видишь, летать учусь.

— И скоро вы, панна Стефа, полетите?

— А вотъ, какъ ты отцѣпишь меня отъ груши, такъ я и полечу.

И видя, что Вавжинець опять разинулъ ротъ, продолжала съ сердитымъ взоромъ и густымъ румянцемъ на щекахъ:

— Дуракъ! Слушаешь, развѣсивъ уши, мои небыллицы, а не догадаешься, зачѣмъ я сижу на грушѣ, точно кукушка, альбо бѣсъ, закоханный въ вербу ¹⁾. Меня пришилило сукомъ за платье, и я не могу двинуться, потому что боюсь располосовать цѣлое полотнище. И занесла же меня нелегкая на дерево въ новомъ платьѣ, только что изъ Львова... Помоги мнѣ сойти.

Вавжинець вскарабкался на грушу и освободилъ новую Андромеду, такъ комически прикованную къ сухому суку. Вдобавокъ къ неловкости своего положенія, Андромеда была нагружена нѣсколькими десятками спѣлыхъ грушекъ-малгужатокъ и не смѣла отнять руки отъ фартука, чтобы не рассыпать плодовъ. Но, соскакивая на землю, панна Стефа поскользнулась и едва не упала, груши дождемъ посыпались въ траву. Стефа подумала, что это штуки Вавжинца, и вспыхнула:

— Вотъ тебѣ за это! — крикнула она и ударила горбуна по лицу.

Вавжинець и не думалъ уронить барышню. Получивъ ни за что, ни про что пощечину, онъ остолбенѣлъ, потомъ разсвирѣпѣлъ...

¹⁾ Мѣстная пословица.

— Драться? Ладно же! Коли такъ, ѣшьте ваши груши! ѣшьте ваши груши!

И онъ пустился скакать по разсыпаннымъ плодамъ, втаптывая ихъ въ землю. Теперь онъ дѣйствительно походилъ на дьяволенка.

Панна Стефа была рослая, могучая дѣвушка, съ розовымъ лицомъ и съ голубыми глазами, странно мутными подъ поволокою. Но, опомнившись отъ перваго изумленія, она раскраснѣлась, какъ кумачъ, поволока сплыла съ ея глазъ, и они засверкали, какъ звѣзды.

— Ахъ, гаманъ! лайдакъ! заплатишься ты мнѣ за это! — крикнула она.

Вавжинецъ очень хорошо помнилъ, по дѣтскимъ годамъ, тяжесть рукъ панны Стефы. Поэтому, когда она кинулась на него, онъ, не разсуждая, бросился наутекъ. Стефа мчалась за нимъ, стараясь отрѣзать ему перебѣгъ къ стѣнѣ. Тогда онъ повернулъ вглубь сада. Она долго не могла настичь Вавжинца и порою нагибалась, чтобы схватить съ земли палое яблоко или кусокъ кирпича, и швыряла ихъ въ спину горбуна... Раза три она попала мѣтко, и Вавжинецъ вскрикивалъ отъ боли. Это разсмѣшило панну Стефу, и ярость ея унялась; теперь она гналась за Вавжинцемъ, толкаемая уже не столько жаждою отплатить за дерзость, сколько увлеченіемъ самой погони, разгулявшимся инстинктомъ борьбы.

Панна Стефа бѣгала быстрѣе Вавжинца, но онъ былъ босикомъ. а она—въ тяжелыхъ башмакахъ. Долго кружили они по саду. Наконецъ, Вавжинцу удалось проюркнуть къ стѣнѣ. Онъ думалъ перемахнуть ее однимъ скачкомъ, но сорвался, и въ то же мгновеніе панна Стефа набѣжала на него и схватила его за плечи... Теперь они стояли лицомъ къ лицу, задыхающіеся, красные, потные, сердито нахмуренные.

— Пустите меня: я не дамъ себя бить! — пропепталъ Вавжинецъ, глядя прямо въ глаза барышни.

— Увидимъ,—тоже пепотомъ сказала панна Стефа и замахнулась.

Онъ перехватилъ ея руку, и между ними, одинаково сильными, завязалась нѣмая борьба, какъ между двумя злыми звѣрятами. Панна Стефа подставила Вавжинцу ногу, онъ повалился, но, вмѣстѣ съ собою, уронилъ и ее. Они покатались въ травѣ, грудь къ груди и глаза къ глазамъ. Озлобленіе у обоихъ прошло. Оба казались другъ другу странными, и странною самая борьба, такъ непонятно пріятная въ мутномъ зноѣ этого полдня, напитаннаго ароматами сырой земли, травы и созрѣвшихъ плодовъ...

Прошло три дня. Вавжинецъ ходилъ совѣтъ пальной. До сихъ поръ дѣтскій умъ его внезапно просвѣтился; онъ чувствовалъ себя взрослымъ и несчастнымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ панна Стефа вырвалась изъ его объятій и, закрывъ лицо руками, убѣжала въ гу-

стой вишенникъ, жизнь горбуна потеряла всякій смыслъ: онъ не понималъ себя и боялся людей. Боялся пана Висловскаго, боялся графа Стембровскаго, боялся и самой панны Стефы, которая, онъ былъ увѣренъ, такъ оскорблена, что непременно погубить его... Три дня, съ утра до вечера, онъ чувствовалъ себя то въ петлѣ, то подъ плетями, то панъ Висловскій, привязавъ къ дереву, къ той самой проклятой грушѣ, разстрѣливалъ его изъ ружья мелкою бекасиною дробью, то грабя Стембровскій привязывалъ его къ конскому хвосту, между тѣмъ какъ Стефа хлопаетъ въ ладони и злобно хохочетъ. И всѣхъ казней ему казалось еще мало для себя.

Однако, въ фольваркѣ все было спокойно... Мало-по-малу успокоился и Вавжинець. Происшедшее начало воображаться ему сномъ, такимъ страшнымъ и опаснымъ, что лучше бы о немъ забыть.

Но однажды, когда онъ, уставъ полоть гряды, спалъ у себя на огородѣ, его разбудила, мѣтко брошенная ему въ голову, картофелина. Оглядѣвшись, онъ увидаль надъ плетнемъ розовое лицо Стефы, съ такими же ярко-звѣздистыми глазами, какъ тогда, въ саду...

— Здравствуй,—сказала она.

Онъ молчалъ. Сердце его заколотилось, дѣлалось трудно дышать, и онъ забоялся, что умретъ на мѣстѣ.

— Что же ты не приходишь больше въ садъ?—спросила Стефа.

Онъ опять не отвѣтилъ и только, не отрываясь, глядѣлъ на нее, точно кроликъ на гремучую змѣю.

Стефа позвала:

— Поди сюда.

Когда Вавжинець приблизился, она, быстро осмотрѣвшись, положила ему на плечи свои бѣлыя руки и прильнула къ его губамъ медлительнымъ и крѣпкимъ поцѣлуемъ. У Вавжинца пошла кругомъ голова, міръ повернулся вверхъ дномъ передъ глазами, и онъ потерялъ память, давно ли тянется и опьяняетъ его этотъ поцѣлуй. И вдругъ онъ охнулъ отъ острой жгучей боли... Стефа оторвала свои губы отъ его глубоко укушенныхъ губъ; струя крови бѣжала по его подбородку, двѣ, три алыя капли остались на ея губахъ. Она смотрѣла на Вавжинца торжествующимъ взглядомъ—властнымъ и жестокимъ: она видѣла, что онъ покорень ею, сломенъ, растоптанъ, что онъ рабъ ея на всю жизнь. Она сняла руки съ его плечъ, перешла отъ плетня черезъ тропинку къ чужому плетню, сосѣдскому и, не глядя болѣе на Вавжинца, оцѣпывала бѣлорозовую павилику... И опять между ними не было сказано ни одного слова. Наконецъ, она сухо приказала:

— Ты проводишь меня въ Цѣхинець.

Съ этого вечера жизнь Вавжинца и Стефы полетѣла вихремъ въ чаду потайныхъ свиданій; романъ ихъ не могъ тянуться долго: въ сентябрѣ ожидали графа Стембровскаго, который облаживалъ свои кредитныя дѣлишки съ жидами въ Вѣнѣ, и вслѣдъ за его

пріѣздомъ должна была состояться свадьба Стефы. Ни Стефа, ни Вавжинецъ не думали о томъ, чтобы противоѣдствовать этой свадьбѣ: какъ для всего Цѣхинца, такъ и для нихъ она была дѣломъ роковымъ и неизмѣннымъ, для всѣхъ желательнымъ и рѣшительнымъ безповоротно. *Abgemacht*, какъ говорятъ нѣмцы.

— Когда ты выйдешь за графа, я утоплюсь, — спокойно говорилъ Вавжинецъ.

Стефа презрительно пожимала плечами.

— Ну, вотъ еще!..

— Ты не вѣришь?

— Нѣтъ, вѣрю... только это будетъ глупо.

— Почему глупо?

— Не стоитъ.

— Ты думаешь?

— Я думаю, что я не стала бы тошиться, если бы ты женился, — съ какой же стати тошиться тебѣ, когда я выйду замужъ?

Подъ угрозою короткаго срока они наполняли свою любовь всѣмъ разнообразіемъ, какое способно породить это чувство, всѣмъ счастіемъ и всѣми муками страсти. Между ними происходили ужасныя ссоры, кончавшіяся безумными объятіями, — насмѣшки, брань и драка, которыя размѣнивались на поцѣлуи.

— За что ты меня полюбила? — спрашивалъ Вавжинецъ.

Стефа презрительно отвѣчала:

— За то, что ты дуракъ, а дуракамъ счастье.

— Я вовсе не дуракъ, — обидѣлся Вавжинецъ.

Стефа смѣряла его долгимъ, любопытнымъ взглядомъ.

— Не дуракъ?.. Тѣмъ хуже для тебя...

— Ну, нѣтъ: мнѣ больше нравится быть умнымъ.

— Чѣмъ ты будешь умнѣе, тѣмъ больнѣе будетъ тебѣ, когда я тебя брошу. Желай лучше вовсе одурѣть, пока я еще съ тобою и могу помочь тебѣ... потерять разумъ.

Но въ другой разъ она сама сказала ему, лежа на его колѣняхъ своею прекрасною головою:

— Я люблю тебя за то, что я красавица, а ты звѣрь. За то, что ты нищій горбунъ, за то, что ты ходишь босикомъ, за то, что ты грубъ со мною, какъ хлопъ со своею хлопкою, я люблю тебя за то, что тебя не за что любить. А еще я люблю тебя за то, что, если бы мой отецъ подозрѣвалъ, что я съ тобой здѣсь, на этомъ сѣновалѣ, онъ заперъ бы двери сюда вонъ тѣмъ тяжелымъ замкомъ и своею рукою зажегъ бы сарай со всѣхъ четырехъ угловъ. И вотъ бы когда, вотъ бы когда ты узналъ, какъ я умѣю любить и цѣловать... Ты не пожалѣлъ бы жизни и умеръ бы счастливый...

Глаза ея дико блестѣли:

— Я люблю тебя за то, что унижаю себя, отдаваясь тебѣ, за то, что мы обкрадываемъ моего жениха, котораго я заранѣе нена-

вижу, зачѣмъ онъ на мнѣ женится, и мнѣ прочитаютъ въ костелѣ, что я должна его бояться... Какъ я буду смѣяться его чванству и важности, когда буду вспоминать тебя... Ха-ха-ха! то-то рога торчатъ у ясновельможнаго пана графа подъ его короною. У твоего отца—чорта—не длиннѣе! Я люблю тебя за то, что я сумасшедшая, и часто сама не знаю, чего больше хочу—цѣловать тебя или зарѣзать... чтобы текла кровь... много-много крови... И... ахъ, зачѣмъ ты въ самомъ дѣлѣ не чортовъ сынъ? Тогда я любила бы тебя еще больше...

Стембровскій пріѣхалъ. Передъ свадьбою—на послѣднемъ свиданіи съ Вавжинцемъ—Стефа сухо и холодно приказала ему разъ навсегда выкинуть ее изъ памяти, никогда не попадаться ей на глаза и въ особенности, Боже сохрани, когда либо хоть намекомъ обмолвиться о прошлыхъ ихъ отношеніяхъ.

— Я достану тебя вездѣ, всегда,—говорила она, стиснувъ свои острые бѣлые зубы,—и ты знаешь меня, знаешь и то, что я всегда добуду себѣ людей, которые за одну мою улыбку съ радостью пойдутъ на эшафотъ. ...Я прикажу содрать съ тебя, съ живого, кожу,—и сдерутъ.

Вавжинецъ—синій, какъ мертвецъ—почти не слыхалъ ея угрозъ. Онъ безсмысленно повторялъ:

— Не беспокойтесь, панна Стефа... я знаю свое мѣсто... я знаю свое мѣсто.

Когда панну Стефу обвинчали, и борзые кони уносили молодыхъ Стембровскихъ изъ Цѣхинца въ ихъ далекій замокъ, Вавжинецъ замѣшался въ толпу челяди, собравшейся во дворѣ фольварка. Въ воротахъ лошади чего-то испугались, вышла сумятица, давка, и одинъ человекъ попалъ подъ колеса. Этотъ человекъ былъ Вавжинецъ. Графиня Стефа сидѣла въ каретѣ, блѣдная, какъ полотно, но даже не взглянула на раненаго, когда его, безчувственнаго, съ разбитою головою и переломанными руками, проносили мимо.

Говорятъ, что битая посуда и гнилая верба живутъ два вѣка. Какъ ни тяжело былъ израненъ Вавжинецъ, онъ выжилъ: лѣкарка-мать его выходила... А затѣмъ онъ пропалъ изъ Цѣхинца—и слѣдъ его простылъ.

Молодая графиня жила съ мужемъ согласно. Семь мѣсяцевъ спустя послѣ свадьбы, она оступилась и упала съ невысокой лѣстницы какъ разъ во время, чтобы вслѣдъ затѣмъ преждевременно разрѣшиться отъ бремени мальчикомъ,—съ замѣтно искривленнымъ позвоночнымъ хребтомъ. Доктора сказали, что ребенокъ жизнеспособенъ, но общааетъ быть хромымъ и горбатымъ. Графъ былъ очень огорченъ, графиня—равнодушна. Новорожденнаго назвали Феликсомъ и пририсовали новый кружокъ къ родословному древу: графъ Феликсъ Алоизъ Стембровскій, anno domini 185... Затѣмъ въ палацѣ графа совершились чудеса.

Въ одинъ весьма скверный апрѣльскій вечеръ, холодный и дождливый, въ дѣтской, гдѣ спалъ маленькій графъ, надо было затопить каминъ. Пламя весело разгорѣлось и собрало къ себѣ весь женскій штатъ, приставленный къ надеждѣ рода Стембровскихъ: няньку, мамку и двухъ подьянекъ-дѣвчонокъ. Каминъ отпылалъ... тлѣли одни красные уголья, медленно покрываясь бѣлою золою. Прислуга болтала... Вдругъ одна изъ подьянекъ завизжала не человѣческимъ голосомъ и — вытаращенными глазами и трясущимся пальцемъ — указала на каминъ: изъ трубы медленно спускались чьи-то безобразныя, синія ноги... Ноги эти безбоязненно ступили на угли и — на глазахъ онѣмѣвшаго отъ ужаса женскаго собранія — изъ камина вылѣзъ чортъ.

Не обращая вниманія на бабъ, чортъ проковылялъ къ колыбели графчика.

— Это мое! — сказалъ онъ осиплымъ голосомъ, взявъ спелена-таго ребенка на руки и исчезъ съ нимъ въ трубу: какъ пришелъ, такъ и ушелъ.

Мамка повалилась въ обморокъ; нянька впала въ истерику; изъ дѣвчонокъ одна забилась въ уголь за шкафомъ и, будучи не въ силахъ сказать хоть слово, тряслась всѣмъ тѣломъ, не попадая зубомъ на зубъ; другая, наоборотъ, металась по дѣтской, съ отчаяннымъ безтолковымъ крикомъ... Прошло не менѣе четверти часа прежде, чѣмъ добились отъ нихъ, въ чемъ дѣло. Графа-отца, какъ нарочно, не было дома. Что касается графини, она казалась скорѣе разгнѣванною, чѣмъ изумленною... Прислуга смотрѣла на нее съ ужасомъ и за спиною госпожи открещивалась: уродство графчика, появленіе чорта и его властное «это мое» были приведены суевѣрною дворнею въ систему, — и графиня Стефанія, въ общемъ мнѣніи — равно и крестьянъ, и пановъ-сосѣдей, превратилась въ злобную вѣдьму... о ней пошли тѣ же сплетни, что о бабѣ Эльжбетѣ, матери горемычнаго Вавжинца...

Нечего говорить, что исчезнувшаго въ объятіяхъ чорта графчика принялись розыскивать, какъ только опомнились отъ возбужденія первой суматохи... Напрасно, — дьяволъ не оставилъ по себѣ ни одного слѣда.

Приѣхалъ графъ-отецъ. Онъ далеко не былъ вольнодумцемъ, вѣрилъ въ чорта, какъ истинный католикъ, — однако вѣрилъ отвлеченно, то-есть, что есть гдѣ-то онъ, анаема, на свѣтѣ — съ хвостомъ, рогами и копытами, и пакостить исподтишка добрымъ людямъ; но чтобы чортъ, *in persona*, могъ явиться въ замокъ его, графа Стембровскаго, и утащить его собственнаго графскаго ребенка, — этому онъ рѣшительно не повѣрилъ. Не повѣрилъ и тому, что жена его вѣдьма, и прикрикнулъ на добродушнаго старика-ксендза, когда тотъ вздумалъ было совѣтовать ему — попытать, твердо ли ясновельможная пани привержена къ христіанской вѣрѣ.

— Богъ знаетъ, что вы мелете, отецъ! Не у васъ ли она исповѣдуются каждую недѣлю? И не вы ли сами допускали ее до святыхъ тайнъ? Коли она вѣдьма, такъ и вы колдунъ... Нѣтъ, нѣтъ, тутъ какія-то шашни! и я выведу ихъ на свѣжую воду!..

Онъ сдѣлалъ женѣ рѣзкую сцену. Но голубые глаза Стефы совсѣмъ помутились и оглупѣли подъ поволокою, когда графъ накинудся на нее съ требованіемъ объясненій. Недоумѣло слушая вопли и ругательства супруга, она только пожимала плечами да повторяла:

— Я-то здѣсь причемъ? Я-то что могу знать?

Графъ почувствовалъ, что онъ смѣшонъ, и оставилъ графиню въ покоѣ...

Кто хорошо ищетъ, въ концѣ концовъ свое находитъ. Графъ напалъ на слѣдъ «чорта»: кое-кто изъ холоповъ встрѣтили въ ночь, какъ пропалъ графчикъ Феликсъ, на большой дорогѣ уродливую фигурку, съ ношею подъ армякомъ... Сведя нѣсколько такихъ показаній вмѣстѣ, графъ опредѣлилъ направленіе, куда удалился чортъ, и энергично взялся за розыскъ...

Разсказывать, какъ онъ искалъ чорта, я вамъ не буду: долго, да и не въ томъ суть, какъ онъ искалъ,— важно, что нашелъ. Нашелъ при избушкѣ на курьихъ ножкахъ, одиноко брошенной среди забытаго смолокуренаго майдана, какихъ много-много въ галиційскихъ лѣсахъ, тогда почти дѣвственныхъ.

Графъ былъ одинъ — съ ружьемъ и собакою. Чутье пса и вывело его къ лѣсной хижинѣ, гдѣ поселился чортъ. Сквозь вѣтви графъ отлично разглядѣлъ нечистаго своимъ охотничьимъ глазомъ: то былъ горбунчикъ, съ запачканою рожею; онъ, въ прихромку скакалъ передъ избушкою, напѣвая:

Лыковые лапотки,
Суконныя покромочки...

Онъ держалъ на рукахъ и тетешкалъ ребенка! Графъ призналъ шолковое одѣяло своего сына. Взявъ ружье на прицѣлъ, онъ двинулся на чорта... чортъ все еще пѣлъ свои

Лыковые лапотки,
Суконныя покромочки...

но, слышавъ шорохъ вѣтвей, обернулся... и увидалъ графа. Онъ страшно выпучилъ глаза. Секунды двѣ, три враги молча смотрѣли другъ на друга, словно удивляясь одинъ другому. Потомъ чортъ положилъ ребенка на траву и, поднявъ съ земли ружье, тоже прицѣлился... Тогда графъ выстрѣлилъ. Чортъ повалился навзничь въ траву: пуля хлопнула его прямо въ сердце. Графъ подошелъ къ убитому; черты труна показались ему знакомыми.

— Гдѣ я видѣлъ этого мерзавца? и чѣмъ его обидѣлъ, что онъ вздумалъ красть моего сына?—ломалъ онъ себѣ голову, пока на звукъ его рога не сошлись разсыпанные по лѣсу егеря.

— Да это горбунъ Вавжинецъ Ключа, изъ-подъ Цѣхинца! — воскликнулъ одинъ изъ егерей, бывший съ графомъ на его свадьбѣ въ фольваркѣ пана Висловскаго.

Въ самомъ дѣлѣ это былъ онъ...

Графъ взялъ найденнаго Феликса на руки, хотѣлъ его поцѣловать, но... вдругъ страшно поблѣднѣлъ и, передавъ мальчика ближнему егерю, приказалъ съ отвращеніемъ:

— Возьми его, носи домой! У меня руки не тверды... послѣ этого!

Онъ указалъ на трупъ.

Всю дорогу, пока добрели до замка, у графа тряслась нижняя челюсть и ходили судорогою руки. Онъ вспомнилъ Вавжинца, вспомнилъ, какъ уродецъ ни съ того, ни съ сего бросился подъ колеса его свадебной кареты, прикинулъ въ умѣ преждевременное рожденіе Феликса, сравнилъ искривленное тѣльце ребенка съ трупомъ убитаго горбуна и понялъ необъяснимую охоту чорта стащить младенца—графчика... Въ замкѣ онъ, прежде — всего, снялъ со стѣны тяжелую казацкую нагайку и, не сказавъ никому ни одного слова, прошелъ къ графинѣ. Получасомъ позже онъ вышелъ изъ ея спальни, багровый, шатаясь... сорваннымъ голосомъ приказалъ закладывать лошадей и ускакалъ въ городъ къ судѣ заявить о совершенномъ имъ убійствѣ Вавжинца...

Графиню Стефу нашли въ спальнѣ едва живую. Графская нагайка превратила тѣло ея въ сплошной синякъ; губы были расплющены въ лепешку; лѣвый глазъ мотался мертвымъ студнемъ по щепѣ... Оскорбленный мужъ оказался въ расправѣ своей настоящимъ татаринкомъ. Обвинять ли его за жестокость? Не знаю. Кто поручится, что, при подобныхъ обстоятельствахъ, мы съ вами не поступили бы такъ же или даже еще хуже? По суду графъ былъ оправданъ, какъ убійца невольный,—признали, что онъ застрѣлил Вавжинца по необходимости, чтобы самому не погибнуть отъ разбойника, убитаго съ оружіемъ въ рукахъ. Эпизодъ похищенія чортомъ графскаго ребенка замаяли, во избѣжаніе громкаго скандала: теперь онъ былъ ужъ слишкомъ объяснимъ и прозраченъ. Немедленно, по оправданіи своемъ, графъ развелся съ Стефою, взявъ на себя вину и обѣщаясь платить графинѣ крупную ежегодную пенсію, съ тѣмъ, чтобы Стефа убиралась изъ Галиціи навсегда и куда хочетъ, только подальше. Она переселилась въ русскую Польшу въ Варшаву, и, говорятъ, пустилась тамъ во всѣ тяжкія.

Вотъ вамъ самая сверхъестественная исторія изъ дѣйствительной жизни, какую я знаю. И... неправда ли, что, несмотря на трагическій конецъ, она все-таки похожа на водевиль съ переодѣваніемъ?

— А что случилось съ Феликсомъ?

— Право, не знаю... кажется, умеръ — и хорошо сдѣлалъ. Нынѣшняго графа Стембровскаго зовутъ не Феликсомъ, а Альфредомъ...

Поѣздъ приближался къ Львову. Попутчикъ мой ѣхалъ на Черновицы, и ему надо было ждать во Львовѣ *Personen-Zug* на свою линію... Любезно простясь со мною послѣднимъ оскаломъ своихъ волчьихъ зубовъ, незнакомецъ не успѣлъ вылѣзти изъ купэ, какъ уже попалъ въ объятія какихъ-то молодыхъ людей... и удалился, сопровождаемый ими, какъ король свитою. Кондуктора и желѣзнодорожное начальство смотрѣли на эту встрѣчу съ почтительнымъ любопытствомъ...

— Кто это такой?—спросилъ я нашего оберъ-кондуктора.

Онъ даже глаза на меня вытаращилъ.

— Какъ, сударь? Вы ѣхали въ одномъ купэ—и не познакомились? Это — знаменитый писатель Леопольдъ Захеръ-Мазохъ... *sehr berühmt... sehr berühmt...*

А. Амфитеатровъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ПРОПАЩАГО ЧЕЛОВѢКА ¹⁾.

IV.

Отъѣздъ изъ Петербурга.—Два дня въ Твери.—Приѣздъ въ Москву.— Неудачные поиски ночлега.—Въ части.—На случайной квартирѣ.—Намѣреніе пробраться въ Одессу.—Возвращеніе въ Москву.—Продажа часовъ и бѣлья.—Болѣзнь.—Въ больницѣ.—Распродажа послѣднихъ вещей.—Путь на родину.—Встрѣча съ родными.—Жизнь въ отцовскомъ домѣ.—Я дѣлаюсь сторожемъ церкви царевича Дмитрія.—Комедія съ самоубійствомъ.—Рѣшеніе отца отпустить меня въ Петербургъ.

ЕЛѢЗНЫЕ ДОРОГИ въ то время не представляли такихъ удобствъ, какъ теперь. Поѣздъ съ пассажирами третьяго класса достигалъ Москвы только чрезъ двое сутокъ, и пассажировъ возили въ тѣхъ вагонахъ, которые теперь назначаются подъ грузъ, и въ которыхъ были подѣланы сплошныя и узенькія скамейки, а съ обѣихъ сторонъ вагона, въ дверяхъ, было вырублено по небольшому отверстію для свѣта, которое на ночь закрывалось доскою, почему въ вагонѣ была совершенная темнота. Но зато пассажирскій тарифъ тогда былъ очень дешевъ; я до Твери заплатилъ только два рубля двадцать пять копеекъ; а такъ какъ изъ десяти рублей, полученныхъ мною отъ хозяина, у меня оставалось еще около шести рублей (остальные я пропилъ съ пріятелями мастеровыми и дворниками), то мнѣ этихъ денегъ вполнѣ было бы достаточно, чтобы добраться на родину.

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», 1896 г., т. LXIII, стр. 142.

Уѣзжая изъ Петербурга, я хотя и взялъ билетъ до Твери, т. е. до ближайшей станціи къ нашему городу, но вовсе и не думалъ ѣхать домой. Я боялся отца. Я не сомнѣвался, что если вернусь домой, не доживъ своего срока, отказанный хозяиномъ и безъ денегъ, то отецъ непремѣнно высѣчетъ меня и изобьетъ, и потому мнѣ хотѣлось разжиться деньгами. Но для того, чтобы разжиться ими, я ничего не могъ придумать, а только мечталъ. То мнѣ воображалось, что я вотъ сейчасъ найду капиталецъ въ количествѣ сотъ трехъ, пяти, или тысячи рублей, и для этого ходилъ все больше въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было меньше народа, чтобы въ случаѣ находки никто не узналъ о ней, и мнѣ не пришлось бы дѣлиться или совсѣмъ съ ней разстаться; то я мечталъ, что мнѣ представится случай отличиться какимъ нибудь геройскимъ подвигомъ, напримѣръ: спасти жизнь какой либо знаменитой особы, и тогда вмѣстѣ съ деньгами посыплются на меня и другія награды и почести; или, наконецъ, мнѣ представлялось, что дорогой въ меня влюбится какая нибудь богатая барыня—молодая или старая все равно,—и за мой отвѣтъ на ея любовь осыплетъ меня деньгами съ головы до ногъ. Промечтавъ такимъ образомъ всю дорогу до Твери и двое сутокъ въ Твери, я рѣшился ѣхать въ Москву и тамъ поискать счастья.

Пріѣхавъ въ Москву часу въ первомъ дня, я пошелъ бродить по ней наугадъ, также строя въ своей фантазіи разные воздушные замки, и часа черезъ полтора очутился въ самомъ ея центрѣ у Никольскихъ воротъ—на толкучкѣ. Здѣсь я остановился у расположившагося около какой-то ограды букиниста и купилъ у него двѣ довольно толстыя старыя книги за гривенникъ. Наконецъ, я сталъ подумывать о ночлегѣ и рѣшился отправиться на постоянный дворъ.

Я слыхалъ о существованіи въ Москвѣ Тверской-Ямской и надѣялся найти себѣ тамъ на постоянныхъ дворахъ ночлегъ. Съ этою цѣлію я сталъ разспрашивать туда дорогу и къ сумеркамъ добрался до мѣста. Подойдя къ первому двору, я попросился ночевать. Стоявшій у воротъ мужчина въ засаленномъ полушубкѣ сухо отвѣтилъ мнѣ, что здѣсь ночлежниковъ не пускаютъ. Я подошелъ къ другому двору, попросился, но и тамъ не пустили; я зашелъ къ третьему, но и тутъ дворникъ только обругалъ меня, а стоявшіе съ нимъ, по видимому, ямщики громко засмѣялись и провожали меня словами: «Вишь какой напелся ночлежникъ... Какой пряткій... Пусти его ночевать». Я отошелъ на средину улицы, посмотрѣлъ на нихъ и недоумѣвалъ, за что это меня вездѣ гоняютъ, да еще насмѣхаются. Уже начинало вечерѣть, а я оставался безъ пристанища и не зналъ, гдѣ пріютиться. Я рѣшился въ послѣдній разъ испытать счастья и подошелъ къ одной кучкѣ, гдѣ стояло человѣкъ пять или шесть мужичковъ, и спросилъ:

— Дяденьки, скажите, пожалуйста, гдѣ бы мнѣ почевать? Я сегодня пріѣхалъ изъ Питера и вотъ пришелъ сюда въ Ямскую ночевать, а меня нигдѣ не пускаютъ.

Нѣкоторые изъ нихъ засмѣялись, одинъ послалъ къ чорту, а одинъ, какъ видно, подобрѣе, спросилъ меня:

— Ты пріѣхалъ изъ Питера, зачѣмъ же ты тамъ у машины не спросилъ, гдѣ ночевать? Тамъ есть такіе дома, тебя и пустили бы, а здѣсь, братъ, тебя никто не пустить.

— Отчего же, говорю я, вѣдь у меня есть паспортъ?

— Отчего? Отчего? Чудака человѣкъ. А что намъ твой паспортъ? Кто ты знаетъ, какой у ты паспортъ? Свой, а може и чужой. Мы здѣсь люди больше все неграмотные... паспорта чужіе разбирать не умѣемъ. Ты паспортъ-то дашь, а самъ ночью что ни будь стибришь, тогда и ищи тебя по паспорту. Вотъ кабы ты съ лошадыю былъ, такъ тебя бы пустили, а такъ нельзя.

— Такъ скажите, пожалуйста, гдѣ бы мнѣ найти ночлегъ?

— А кто ее знаетъ, гдѣ тебѣ найти ночлегъ? Иди въ будку, спрости будочника, може, онъ тебя и пустить.

Дѣлать было нечего, я пошелъ въ будку. Когда я пришелъ къ будочнику и объявилъ ему свое положеніе, тотъ сначала пытливо посмотрѣлъ на меня, какъ будто мѣрять глазами, а потомъ сказалъ:

— Въ будкѣ у насъ, братъ, почевать никому не полагается; да и мѣста у насъ нѣтъ; а ты, если тебя нигдѣ не пускаютъ, такъ иди въ часть, попросись у дежурнаго, тотъ пустить.

Наконецъ, я пришелъ въ часть и сталъ тамъ просить ночлега. Дежурный офицеръ сначала мнѣ было отказалъ; когда же я объяснилъ ему свое положеніе и то, что я во многихъ мѣстахъ проился, но меня не пускаютъ, и добавилъ, что на улицѣ я не могу же почевать, во-первыхъ, потому, что теперь зима, и можно замерзнуть; а, во-вторыхъ, что меня могутъ счесть за вора,—то офицеръ сожалелся надо мной и сказалъ:

— Куда же, любезный, я тебя здѣсь помѣщу? Особеннаго мѣста для ночлежниковъ здѣсь нѣтъ, а съ арестантами я тебя не могу оставить, потому что тамъ можетъ что нибудь случиться съ тобой, а я за это долженъ буду отвѣчать. Но вотъ погоди, я спрошу у вѣстовыхъ, не знаютъ ли они, куда можно пристроить тебя на ночлегъ.

Одинъ изъ вѣстовыхъ вызвался доставить мнѣ ночлегъ, и мы съ нимъ отправились.

Въ квартирѣ, въ которую меня привели, жильцовъ было много во всѣхъ комнатахъ и во всѣхъ углахъ. Тутъ были и постоянные комнатные, и угловые жильцы, и пріѣзжіе. На вопросы, заданные мнѣ моими соквартирантами: откуда я? и зачѣмъ пріѣхалъ въ Москву?—я вралъ и вралъ какъ-то бессмысленно, безтолково; увѣрялъ, что я петербургскій лабазникъ, хотя моя одежда вовсе не

похожа на лабазника (на ней не было ни пылинки муки, а вся она была засалена и залита масломъ); что хозяинъ посылалъ меня въ Калугу купить двѣсти мѣшковъ крупчатки (я и того не зналъ, что въ Калугѣ петербургскими лабазниками крупчатка никогда не покупается), и что я, справившись съ хозяйскимъ дѣломъ, желаю теперь въ Москвѣ розыскать своихъ угличскихъ товарищей, а потомъ отправлюсь на родину погостить. Не знаю, вѣрили ли моему вранью, или нѣтъ, но только мнѣ не перечили. Кто были квартирные хозяева и жильцы этой квартиры, я теперь не помню; помню только, что одинъ пріѣзжій изъ Ржева поилъ меня чаемъ и по секрету сказалъ мнѣ, что это чай копорскій, и, вѣроятно, рассчитывая, что у меня есть деньги, предлагалъ мнѣ этого чаю нѣсколько пудовъ по дешевой цѣнѣ и совѣтовалъ вообще заняться этой торговлей, говоря, что она очень прибыльна. Но такъ какъ у меня не было даже рубля, то я только пообѣщавъ ему устроить эту комерцію по возвращеніи съ родины.

Прожилъ я въ Москвѣ три дня, много бродилъ по ней и все искалъ себѣ какого нибудь счастья, въ родѣ находки, или чего нибудь другого изъ раньше описаннаго фантазерства. На четвертый день у меня осталось денегъ только двадцать двѣ копейки, и съ этими деньгами я рѣшился изъ Москвы пробраться въ Одессу, въ которой, какъ я отъ кого-то слыхалъ, деньги наживаются очень легко, и будто тамъ обыкновенные поденщики зарабатываютъ по три рубля въ день. Взваливъ свою котомку на спину, я назначилъ себѣ маршрутъ сначала на Калугу, потомъ на Харьковъ, потомъ на Кіевъ и т. д. до Одессы. Добывать себѣ пропитаніе въ дорогѣ я рассчитывалъ своими книгами, которыми хотѣлъ по деревнямъ удовлетворять православныхъ, подобно тому, какъ древніе баяны удовлетворяли нашихъ предковъ своими рассказами и пѣснями, рассчитывая, что за это меня будутъ поить и кормить и нарасхватъ приглашать на ночлегъ.

Я прошелъ нѣсколько деревень, останавливался гдѣ попить и отдохнуть, гдѣ погрѣться, а гдѣ и щей попросить и каждый разъ вынималъ свои книги и пробовалъ читать. Но православные или совсѣмъ меня не слушали, или слушали и не понимали, что я имъ читаю; если же гдѣ и оказывался какой любопытный, то, немного послушавъ, уходилъ со словами: «я думалъ, что это божественное ты читаешь, а то—нѣтъ». За ночлеги же и прихлебку мнѣ все-таки приходилось платить, хотя и очень дешево.

Такимъ образомъ, я въ два дня прошелъ около сорока пяти верстъ, и изъ двадцати двухъ копеекъ у меня осталось только семь. Вставъ утромъ на своемъ второмъ ночлегѣ, я увидѣлъ невозможность путешествовать дальше безъ денегъ, а бывшіе при мнѣ часы я опасался показывать, чтобы ихъ не сочли краденными и не отняли бы. До ближайшаго города, черезъ который мнѣ слѣдовало

проходить, оставалось столько же, сколько я отошелъ отъ Москвы, а потому я подумалъ, да и повернуть обратно въ Москву.

6-го января 1856 года, утромъ, я вернулся опять въ Москву. Не знаю, гдѣ я шелъ отъ Калужской заставы, но только помню, что очутился на берегу Москвы рѣки, напротивъ того мѣста, гдѣ стоитъ колокольня Ивана Великаго. День былъ праздничный; народу масса, звонъ съ колокольни Ивана Великаго и съ другихъ церквей такъ и гудѣлъ, заглушая даже разговоры рядомъ стоявшихъ людей. На другой сторонѣ рѣки, въ Кремлѣ, всѣ площади также были залиты народомъ: всѣ ожидали крестнаго хода на Иорданъ. Мнѣ страшно хотѣлось ѣсть, и я все присматривался, кому бы продать часы. Наконецъ, уже не помню, тутъ ли въ толгѣ, или перейдя на другую сторону, на толкучку, я ихъ продалъ за полтора рубля и тотчасъ отправился въ трактиръ. Выйдя изъ трактира, я въ томъ же домѣ увидалъ у крыльца билетикъ, что здѣсь отдаются углы; я зашелъ въ квартиру и нанялъ уголь за полтора рубля въ мѣсяцъ, отдавъ хозяйкѣ полтинникъ въ задатокъ.

На этотъ разъ въ Москвѣ я рѣшился остаться подолѣе. Мѣста или какой нибудь работы я все-таки не искалъ, а въ мою голову пришла сумасбродная мысль, что Костя долженъ прислать мнѣ денегъ для того, чтобы я могъ опять отправиться въ дальнѣйшій путь, именно въ Одессу. Съ этою цѣлью, я на другой же день написалъ ему письмо, адресовавъ на извѣстнаго буфетчика, и просилъ, чтобы онъ выслалъ мнѣ въ Москву по крайней мѣрѣ рублей десять, угрожая, что иначе я опишу отцу его и дядѣ, т. е. бывшему моему хозяину, все его участіе въ моихъ поступкахъ. Но прошла недѣля и болѣе, а я не получалъ отъ него никакого отвѣта. Рубль, оставшійся у меня изъ денегъ, вырученныхъ за часы, я проѣлъ, и мнѣ пришлось прибѣгнуть къ новой распродажѣ: сперва я спустил кое-какое бѣльишко, а потомъ уже и книги, выручивъ за все съ чѣмъ-то цѣлковый. Наконецъ, я проѣлъ и эти деньги и вдобавокъ заболѣлъ.

Двое сутокъ провалялся я на квартирѣ, но болѣзнь моя усиливалась, и мнѣ посовѣтовали отправиться въ больницу. Чтобы идти туда, нужно было достать паспортъ, который отданъ былъ въ прописку и находился въ кварталѣ. Паспортъ оказался еще не прописаннымъ, и потому въ кварталѣ мнѣ посовѣтовали отправиться въ больницу черезъ часть. До частнаго дома было далеко, и я едва добрался до него и сталъ просить, чтобы меня отправили въ больницу. Но изъ этой части почему-то меня не захотѣли отправить въ больницу, а велѣли идти въ другую. До другого частнаго дома было около трехъ верстъ или болѣе, а у меня уже совсѣмъ не хватало силъ идти. Къ счастью, у меня оставался еще гривенникъ: и вотъ я за этотъ гривенникъ нашелъ себѣ добраго извозчика, который и довезъ меня до указанной части.

Здѣсь, благодаря Бога, люди оказались поговорчивѣе, и меня безъ замедленія отправили въ больницу.

Въ больницѣ на другой день докторъ прописалъ мнѣ сильное слабительное и какую-то микстуру, и я скоро почувствовалъ облегченіе. На третій день докторъ спросилъ, хочу ли я ѣсть. Я отвѣтилъ, что хочу, и онъ замѣнилъ мнѣ овсянку какимъ-то другимъ кушаньемъ. Но этого кушанья мнѣ не пришлось попробовать, потому что какой-то другой больной попросилъ фельдшера, чтобы тотъ замѣнилъ его порцію мою, почему я и остался опять съ овсянкой. Часъ или полтора спустя послѣ обѣда, меня позвали изъ палаты; полагая, что меня хотятъ вымыть въ ванной, я обрадовался. Но вмѣсто ванной мнѣ подали мою одежду и приказали убраться домой.

Очень мнѣ не хотѣлось выходить такъ рано изъ больницы, потому что я чувствовалъ себя еще очень слабымъ, но дѣлать было нечего; мнѣ сказали, что докторъ лучше знаетъ, на сколько я здоровъ.

Возвратясь на квартиру въ свой грязный и сырой уголь, я рѣшился, будь что будетъ, отправиться на родину. Приду домой, думаю я, повалюсь отцу и мачихѣ въ ноги, попрошу у нихъ прощенія и самъ попрошу отца, чтобы онъ свелъ меня на конюшню и тамъ наказалъ розгами или кнутомъ. Въ тотъ же день я отнесъ остальное содержимое моей котомки на толкучку и выручилъ отъ продажи остатковъ моего имущества съ чѣмъ-то полтинникъ; изъ этихъ денегъ часть я отдалъ хозяйкѣ, а съ остальными на слѣдующій день, помолясь на московскія церкви, поплелся за Троицкую заставу.

Было очень холодно въ тотъ день, въ который я вышелъ изъ Москвы. Хотя стояла ясная погода, но морозъ былъ жестокой и съ вѣтромъ, а одежда на мнѣ была очень плоха: сапоги холодные, полушубокъ старый, и подъ него нечего было надѣть. Все это мало защищало меня отъ стужи, а силы мои были еще такъ слабы отъ болѣзни, что я не могъ скоро идти и согрѣваться въ ходьбѣ. На мое счастье по пути со мной ѣхала партія мужичковъ, возившихъ дрова въ Москву. Одинъ изъ нихъ крикнулъ мнѣ:

— Садись, любезный, довезу до Троицы. Много ли дашь?

— А сколько возьмешь?

— Давай двугривенный.

— Возьми, говорю, дядюшка, пятналтынный.

И онъ посадилъ меня за пятналтынный.

Ѣхали мы до Троицы хотя и порядочной рысцой, но все-таки дорога мнѣ показалась очень длинною, потому что морозъ давалъ чувствовать себя сильно: ноги мои до того озябли въ холодныхъ сапогахъ, что у меня не хватало терпѣнія, и я не думалъ добраться до ночлега, не отморозивъ ихъ. Около полуночи, наконецъ, мы пріѣхали на постоянный дворъ къ Троицѣ-Сергію.

Первымъ моимъ дѣломъ было разуться, и я увидѣлъ, что пальцы ногъ совершенно побѣлѣли. Они стучали объ полъ, точно кости, и я уже боялся, что совсѣмъ останусь безъ ногъ; но спасибо хозяину постоялаго двора, онъ далъ мнѣ полчайной чашки водки, и я скоро оттеръ ихъ. Привезшимъ меня мужичкамъ дальнѣйшая дорога была также попути мнѣ верстъ на двадцать пять; они взяли меня съ собой за семь копеекъ. Распростившись съ мужичками, я пошелъ пѣшкомъ. Мнѣ оставалось идти до Углича верстъ девяносто, но я первые два дня уходилъ едва по десяти верстъ. Кое-какъ, съ трудомъ, я добрался до села Заозерья.

Село это было мнѣ не совсѣмъ по тракту; оно отстояло отъ большой дороги версты на двѣ или на три въ сторону; но я захотѣлъ въ него пробраться потому, что въ этомъ селѣ жила одна наша родственница, выданная замужъ за подрядчика—поставщика холста, потомственного почетнаго гражданина Ермакова. Я думалъ побывать у нея и попросить какой нибудь помощи, но, придя въ село, у меня не хватило смѣлости навѣстить богатую тетку, и я, переночевавъ у одного крестьянина, занимавшагося также, какъ и мой отецъ, колщевничаньемъ, потащился далѣе. Заозерье отъ нашего города находится всего въ тридцати пяти верстахъ, но я только на другой день послѣ обѣда могъ прійти домой.

Не радость предстоящаго свиданія съ родными послѣ долгой разлуки наполняла мое сердце, а только стыдъ и страхъ терзали его. Не много не доходя до своего дома, я встрѣтилъ отца, поклонился ему, но не рѣшался подойти ближе и поздороваться, а онъ, хотя и отвѣтилъ на мой поклонъ, но не узналъ меня. Въ сѣняхъ нашего дома я встрѣтилъ младшую сестру и робко сказалъ ей:

— Здравствуй, Маша.

— Здравствуй,—отвѣтила она,—ты кто такой?

— Какъ, неужели ты брата-то своего не узнала?

Она что-то пробормотала мнѣ въ отвѣтъ, чего я не слышалъ, и повернула въ горницу; я пошелъ за ней.

Войдя въ горницу и помолясь иконамъ, я прежде всего, по обычаю, поклонился мачихѣ въ ноги; а потомъ поздоровался съ нею и съ сестрой. Мачиха, здороваясь со мною, замѣтила, что я едва стою на ногахъ, подумала, что я пьянъ, и спросила:

— Что тебя съ вѣтру, что ли, качаетъ?

Полагая, что она сдѣлала такой вопросъ изъ соболѣзнованія, я отвѣтилъ:

— Нѣтъ, такъ.

— Да,—говоритъ она,—вѣтеръ-то на улицѣ не маленькій, есть съ чего пошатнуться.

Затѣмъ, сдѣлавъ мнѣ нѣсколько вопросовъ: за что мнѣ отказали, давно ли? и какъ я добрался домой?—она послала меня въ стряпунную—на печку, чему я былъ очень радъ, не изъ-за того

только, что мнѣ хотѣлось погрѣться, а изъ-за того, что, по приходѣ, не сразу попадусь отцу на глаза.

Часа черезъ два вернулся и отецъ съ торга. Не знаю, какъ былъ онъ предупрежденъ о моемъ возвращеніи, но только, когда онъ вошелъ въ стряпущую, а я, сойдя съ печи, поклонился ему въ ноги и поздоровался, онъ, не помню, чтобы очень ругалъ меня; помню только, что сказалъ мнѣ:

— Хоть бы ты домой-то пришелъ не пьяный.

— Тятенька, я вовсе не пьяный. Мнѣ и пить-то было не на что.

— Да вѣдь мать, говоритъ, видѣла, какъ ты шатался.

Я не могъ оправдываться. Я чувствовалъ себя кругомъ виноватымъ передъ ними, но мнѣ было тяжело, что слабость мою отъ болѣзни мачиха приняла за пьянство, и съ перваго же раза нагала на меня. Все-таки на этотъ разъ я не сталъ оправдываться, мнѣ не хотѣлось, или, вѣрнѣе сказать, я не смѣлъ болѣе раздражать отца.

Какъ описать то внутреннее состояніе, въ которомъ я находился первое время по прибытіи на родину? Страхъ и стыдъ неотступно терзали мою душу. Съ мѣсяцъ, или болѣе, я почти не выходилъ изъ стряпущей и не слѣзалъ съ печи; идти въ горницу было для меня настоящею пыткой. За столомъ я сидѣлъ, какъ на иголкахъ, мнѣ постоянно думалось, что на меня смотрятъ, не много ли я съѣлъ, или выпилъ, и потому не рѣдко выходилъ изъ-за стола голоднымъ, особенно, когда отецъ бывалъ дома. Отца своего я до того боялся, что почти постоянно избѣгалъ встрѣчи съ нимъ,—и это было не безъ причины. Въ продолженіе шести мѣсяцевъ, которые мнѣ пришлось на этотъ разъ пробыть на родинѣ, я не только не слышалъ отъ него какого либо ласковаго слова, но даже не помню, проходилъ ли хотя одинъ день, когда онъ былъ дома, чтобы онъ меня не обругалъ, или, по крайней мѣрѣ, не попрекнулъ Петербургомъ. Разъ, я помню, онъ какъ-то немного выпилъ и, напустившись на меня, такъ сталъ жестоко бить желѣзнымъ аршиномъ, что, если бы не заступилась старшая сестра, бывшая на этотъ разъ у насъ въ домѣ, то едва ли я вышелъ бы изъ его рукъ безъ увѣчья. Въ другой разъ, когда онъ набросился на меня за что-то на дворѣ, я до того испугался и вмѣстѣ съ тѣмъ остервенился, что схватилъ какое-то орудіе, и только мачиха, оттащившая отца за руку отъ меня, можетъ быть, спасла его отъ бѣды.

Когда же отецъ уѣзжалъ на ярмарку, я дѣлался нѣсколько смѣлѣе; но все-таки избѣгалъ являться въ горницу, опасаясь встрѣтить когонибудь изъ родныхъ или знакомыхъ. Еще небольшая была бѣда, когда приходилось съ кѣмъ встрѣтиться и разойтись безъ разговоровъ, но если же кто изъ любопытства, или, можетъ быть, изъ участія, начиналъ спрашивать меня о моемъ житіи въ Петербургѣ, то отъ такихъ вопросовъ я просто сгоралъ со

стыда, въ душѣ желалъ любознательному собесѣднику провалиться и всячески старался отдѣлаться отъ него.

Работая что нибудь на дворѣ, разчищая снѣгъ, нося дрова или воду, я постоянно прислушивался, не скрипнетъ ли калитка, и, услышавъ скрипъ, старался спрятаться отъ взора пришедшаго, а когда нужно было сходить на Волгу за водой для самовара, то я дѣлалъ это или утромъ рано, или вечеромъ, чтобы меня не замѣтили сосѣди, или не встрѣтить кого нибудь изъ знакомыхъ.

Одежда моя, когда я прибылъ на родину, какъ я раньше уже описывалъ, была совсѣмъ плохая: старый засаленный полушубокъ, бѣлье, что было на мнѣ, и старые сапоги—вотъ и все. Впрочемъ, на первое время мнѣ дали пару стараго отцовскаго бѣлья для перемѣны, и потому, можно себѣ представить, насколько я былъ радъ, когда однажды, чистя дворъ, мнѣ удалось найти трехрублевую бумажку. Хозяина этой бумажки у насъ въ домѣ не оказалось, и мнѣ на эти три рубля, къ празднику Пасхи, мачиха спила новую ситцевую рубашку и казinetовые штаны.

Съ наступленіемъ весны, какъ ни было тяжело мое положеніе, но молодость начинала брать свое; мнѣ хотѣлось и погулять и имѣть какую нибудь работу. Я сталъ мечтать снова о Петербургѣ, или о холщевничаньи вмѣстѣ съ отцемъ; но я не смѣлъ его просить ни о томъ, ни о другомъ, и только, когда онъ былъ выбранъ въ сторожа городской безприходской церкви царевича Дмитрія, я рѣшился его просить, чтобы онъ не нанималъ за себя посторонняго на эту должность, а позволилъ бы мнѣ исправлять ее. Отецъ согласился, и я каждую ночь сталъ ходить сторожить церковь.

Церковь царевича Дмитрія находится въ самой срединѣ города, на высокому берегу Волги, которая въ этомъ мѣстѣ имѣетъ довольно большой изгибъ, и потому видъ отъ церкви очень живописенъ; съ правой стороны, у самой почти церкви, находится довольно глубокой оврагъ, называемый у насъ просто ручей, служившій прежде, по описанію городскихъ лѣтописцевъ, крѣпостнымъ ровомъ, но въ настоящее время ручей этотъ наполняется водою только весною, во время разлива Волги. За ручьемъ тянется Фроловская набережная, за которой второй ручей, а за нимъ, по чрезвычайно крутому и высокому, зеленому берегу, расположены большіе каменные дома, обладатели которыхъ въ прежнее время занимались кожевеннымъ производствомъ, и потому при каждомъ домѣ видѣлись кожевенныя сушильни; затѣмъ пейзажъ заканчивался пригороднымъ селомъ Золоторучьемъ.

Съ лѣвой стороны церкви, не много дальше отъ берега, возвышается остатокъ стариннаго княжескаго дворца,—небольшое каменное зданіе съ слюдяными окнами, огороженное оградой съ желѣзною рѣшеткою; въ верхнемъ этажѣ его находилась, какъ гласитъ исторія, палата царевича Дмитрія, а въ нижнемъ устроены

совершенно темный подвалъ, изъ котораго, по народному преданію, въ старинныя времена, были прокопаны подземные ходы подь Волгу въ Красное Село и Орлекъ, княжескія усадьбы, находящіяся отъ города верстахъ двухъ или трехъ. Ближе же къ Волгѣ устроена терраса, на которой разставлены старинныя пушки и пищали, бывшія прежде на стѣнахъ городской крѣпости. Не много далѣе стоитъ Преображенскій соборъ, а рядомъ съ нимъ довольно большой и тѣнистый городской садъ, затѣмъ опять ручей, а за ручьемъ набережная, на которой находятся лѣсныя биржи.

Напротивъ церкви, чрезъ Волгу, стоитъ очень большая и красивая каменная дача Супонева, съ огромнымъ и роскошнымъ садомъ; правѣе отъ нея виднѣется роща и усадьба Скрипицына, а съ лѣвой стороны находится часть города, называемая у насъ Заволжьемъ, за которой видна Богоявленская гора, одна изъ самыхъ высокихъ и крупныхъ по всей Волгѣ, получившая свое названіе отъ монастыря, въ старину находившагося на ней и теперъ не существующаго.

На Волгѣ, у самаго спуска отъ церкви, стояла парходная пристань, а нѣсколько правѣе, чрезъ ручей, находились яичныя и хлѣбныя пристани. Около яичныхъ пристаней, подь горою, стояли шатры, въ которые сваливали привозимыя изъ деревень барышниками яйца. Въ этихъ шатрахъ очень часто ночевали приказчики, а на каждой биржѣ были караульные, такъ называемые коренные. Изъ нихъ было много молодыхъ парней, съ которыми я скоро подружился и нерѣдко, оставляя церковь на произволь Божій, прогуливалъ пѣлыя ночи. Это не могло укрыться отъ отца: соборные сторожа, нерѣдко, видя какъ приходили ко мнѣ пріятели, а иногда и женщины, и какъ я оставлялъ церковь и уходилъ съ ними, передали о моемъ поведеніи нашему церковному старостѣ, а тотъ пожаловался на меня отцу; отецъ угрожалъ меня высѣчь на конюшнѣ, но я на этотъ разъ успѣлъ куда-то скрыться и нѣсколько дней не показывался ему на глаза.

Однажды, отправляясь на сторожку, я захватилъ съ собою кувшинъ для волжской воды и когда, прогулявъ по обыкновенію ночь и выпивъ съ пріятелями, несъ домой кувшинъ на головѣ, запутался въ отцовскомъ длинномъ армякѣ, уронилъ кувшинъ и разбилъ.

Я видѣлъ, что бѣда была неминуемая, что мнѣ не миновать отцовскихъ рукъ, и потому, не зная, какъ избавиться отъ побоевъ, прежде всего, спрятался въ огородѣ между грядъ и высматривалъ оттуда, когда отецъ уйдетъ на торгъ.

По уходѣ его, я тихонько пробрался въ конюшню и залѣзъ на сѣноваль, а такъ какъ болѣе половины потолка надъ конюшнею было разобрано и распилено на дрова, то изъ конюшни можно было видѣть большую часть сѣновала.

Вотъ тутъ-то мнѣ и пришла мысль, чтобы избѣжать побоевъ, пострадать отца самоубійствомъ.

Съ этою цѣлью я отыскалъ не толстую, но крѣпкую веревку; на одномъ концѣ ея сдѣлалъ мертвую петлю, а другой конецъ прикрѣпилъ, на самомъ видномъ мѣстѣ, къ стропиламъ крыши. Затѣмъ я отворилъ окно, нарочно, чтобы было больше свѣта, и усѣлся на перекладину, взявъ въ лѣвую руку петлю веревки, а правую рукою подперъ голову, какъ будто раздумывая тяжелую думу. Въ такомъ положеніи я рѣшился просидѣть до тѣхъ поръ, пока меня не замѣтятъ.

Прошло полчаса, а можетъ быть, и того менѣе, въ конюшню вошла, гостившая у насъ въ то время, сестра моей мачихи. Открытое мною слуховое окно привлекло ея вниманіе... Но я не дрогнулъ, не пошевелинулся, не подалъ виду, что ее замѣтилъ, а только еще болѣе насунился и угрюмѣе сдвинулъ брови, представляя себя настолько погруженнымъ въ свои мысли, что будто ничего не замѣчаю. Она же, притворивъ тихонько за собою дверь, какъ будто, боясь разбудить меня, опрометью побѣжала въ домъ.

По уходѣ ея, я сначала ухмыльнулся, думая, что все будетъ по моему, и моя жизнь измѣнится; но вслѣдъ за этимъ въ головѣ моей шевельнулась мысль совершенно противоположная; а что, подумалось мнѣ, если мачиха съ отцомъ не обратятъ вниманія на мою продѣлку, и мнѣ, просидѣвъ такъ нѣсколько времени, придется или самому слѣзть съ сѣновала, или, что еще хуже, отецъ придетъ меня снимать кнутомъ, либо палкою; тогда хоть и въ заправду давится. Но, къ счастью моему, это предположеніе не оправдалось; не прошло и двухъ минутъ, какъ въ конюшню вмѣстѣ съ сестрою вошла мачиха и, увидавъ меня сидящимъ въ такомъ положеніи, кликнула: «Николай!»

Я на первый окликъ ничего не отвѣчалъ, но затѣмъ, какъ будто выведенный изъ глубокой думы, вздрогнулъ и уставилъ на нее глаза.

— Николай!—повторила опять мачиха.

— Ну что? отвѣчалъ я на второй окликъ.

— Что ты тутъ сидишь?

— Да такъ, ничего,—и съ этимъ словомъ я выпустилъ веревку изъ руки, какъ будто желая скрыть свое намѣреніе.

— Что же ты не идешь домой?

— А зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ? Иди чай пить.

— Не хочу я чаю.

— Ну, вотъ, не хочу. Иди, говорятъ, самоваръ только для тебя и стоитъ на столѣ.

— Не хочется мнѣ чаю-то сегодня.

— Иди, тебѣ говорить, чай пить, пока отецъ на торгу.

Я, какъ бы нехотя, поднялся съ перекладки, спустился внизъ и тихонько пошелъ домой. На столѣ дѣйствительно стоялъ еще самоваръ, но онъ былъ уже остывшій. Сейчасъ же въ него положили горячихъ угольевъ и, чего никогда не бывало, заварили свѣжаго чаю и принесли кринку горячаго молока... То мачиха, то ея сестра попеременно приходили и наливали мнѣ чаю; а я, усѣвшись къ сторонкѣ и уткнувъ лицо въ окно, съ такимъ удовольствіемъ и аппетитомъ пилъ чай, съ какимъ не пивалъ всѣ эти шесть мѣсяцевъ; хотя я все еще старался хмурить брови и смотрѣть исподлобья, но въ душѣ былъ радъ, что моя выдумка имѣла такой оборотъ.

Въ это время пришелъ съ торга отецъ и, увидавъ меня, не снимая картуза, прямо обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Гдѣ это, молодчикъ, ты изволилъ быть?

Я взглянулъ на него исподлобья и молчалъ; но вслѣдъ за нимъ вбѣжала въ горницу младшая моя сестра и закричала:

— Тятенька, тятенька, иди-ка скорѣе въ стряпушую, маменька зоветъ.

А мачиха изъ сѣней тоже кричить:

— Иванъ Ивановичъ, поди скорѣе сюда, нужно.

Отецъ вышелъ изъ горницы, а я остался допивать чай.

Покончивъ съ чаемъ, я вышелъ на дворъ и направился къ банѣ.

Отецъ съ мачихой что-то толковали у конюшни; замѣтивъ меня отецъ мягко кликнулъ: Николай!

Я оглянулся, остановился, но ничего не отвѣчалъ.

— Пойди-ка сюда, — еще мягче сказалъ отецъ.

Я молча подошелъ къ нимъ.

— Ну, что ты хочешь дѣлать? Здѣсь ли заняться чѣмъ хочешь, или опять въ Петербургъ?

— Въ Петербургъ бы поѣхалъ, — отвѣчалъ я сухо.

— Ну, такъ вотъ сегодня вечеромъ въ Тверь-то пароходъ поидетъ, такъ и поѣзжай, коли хочешь.

— Ну, ладно, говорю, я поѣду.

— Такъ я сейчасъ пойду, выправлю тебѣ паспортъ.

— Хорошо, выправьте, — отвѣтилъ я и пошелъ прочь.

Они ни одного слова не спросили меня, съ какимъ намѣреніемъ я привязывалъ веревку съ мертвой петлей, а я не поднималъ отъ земли глазъ и не могъ видѣть, снята ли она была съ стропиль въ то время, или нѣтъ.

Точно по щучьему велѣнію, все устроилось въ нѣсколько часовъ: отецъ взялъ мнѣ паспортъ и купилъ поддевку, мачиха ситцу на рубашки и истопила баню, а тетка и сестра сшили мнѣ бѣлье. Въ восемь часовъ вечера я былъ совсѣмъ готовъ, а въ девять, распростясь во второй разъ съ родиной, уже отправился снова въ Петербургъ.

Вступивъ на пароходъ, я почувствовалъ себя какъ бы вырвавшимся изъ тяжелой неволи, хотя родина все еще была мнѣ мила, но пережитое въ эти шесть мѣсяцевъ дома было для меня самымъ тяжелымъ гнетомъ.

V.

На пароходѣ.—Мечты.—Поденщина на голландской биржѣ.—Въ сливочной лавкѣ.—Семейство моего ховянина.—Поступленіе въ мелочную лавку.—Отказъ отъ мѣста по неспособности.—Дачевладѣлецъ и трактирщикъ Налисовъ.—Моя первая любовь.—Въ леодолахъ.—Въ кегельбанѣ.—Передвижной тракторъ.—Скитаніе по разнымъ мѣстамъ.—Вяземскій домъ.—Полумонахъ Саша.—Его оригинальная торговля.—Прусковъ.—Розыскиваніе рекрута.—Дороеевъ и Тузовъ.—Торговля лубочными картинками.—Окончаніе срока моему паспорту.—Въ арестантской.—Староста Сенька-бродяга.—На порукахъ.—Бѣдствія.—Въ водоливахъ.—Безъ занятій.—Чтеніе и стихи.—Отъѣздъ на родину.

Мѣрно шедшій пароходъ, на которомъ находилась масса разнообразнаго народа и нѣсколько музыкантовъ, и на которомъ мнѣ приходилось ѣхать въ первый разъ, увозилъ меня опять на свободу. Я былъ радъ, что освободился отъ отцовскаго гнѣва; но я не былъ золъ на отца. Всю дорогу до Петербурга я былъ въ самомъ пріятномъ настроеніи духа и мечталъ о томъ, что по приѣздѣ поешу на какое нибудь мѣсто, или займусь какимъ нибудь дѣломъ, и уже не буду прокучивать деньги, а стану часть ихъ отсылать отцу и младшей сестрѣ на обновки, а другую часть буду беречь для того, чтобы въ слѣдующій разъ можно было приѣхать домой хорошимъ молодцемъ, котораго всѣ почитали бы, какъ настоящаго питерца. Изъ прошлой своей петербургской жизни, я признаться по совѣсти, жалѣлъ только о томъ, что не умѣлъ беречь краденныя у хозяина деньги и, отправляясь снова въ Петербургъ, не заканвался не красть, если къ этому представится возможность. Живя на родинѣ, я узналъ, что въ деревнѣ питерцевъ почитаютъ болѣе всего по присылаемымъ и привозимымъ ими деньгамъ, а не потому, какъ они жили тамъ—честно, или нѣтъ. Конечно, открытое воровство осуждается, но такія кражи, какъ кража изъ хозяйской выручки, въ большинствѣ считается только наживой.

По приѣздѣ въ Петербургъ, я опять отправился къ сестрѣ, жившей тогда на Черной рѣчкѣ. Зять и сестра приняли меня довольно радушно и стали хлопотать о томъ, какъ бы мнѣ пріискать мѣсто, а я между тѣмъ принялся съ однимъ родственникомъ за поденную работу на голландской биржѣ. Хотя я былъ еще молодъ и не великъ ростомъ, но былъ довольно силенъ и въ семнадцать лѣтъ работалъ на биржѣ самыя тяжелыя работы, перевѣшивая свинецъ и

сандаля; но къ работамъ на биржѣ мнѣ еще придется вернуться, и тогда я постараюсь описать ихъ на сколько могу.

Недѣли черезъ двѣ мнѣ вышло мѣсто въ сливочную лавку на Черной рѣчкѣ, съ жалованьемъ по четыре рубля въ мѣсяцъ, но и этому я былъ очень радъ, потому что мнѣ въ первый разъ еще приходилось служить за жалованье.

Лавка, въ которую я поступилъ, была очень небольшая. Въ ней торговалъ самъ хозяинъ, и, кромѣ меня, не было никакой другой прислуги во всемъ домѣ. Семейство хозяйское состояло только изъ трехъ человѣкъ: хозяина съ хозяйкою и отца хозяйки, въ домѣ котораго и находилась лавка. Прожилъ я на этомъ мѣстѣ полтора мѣсяца, потому что лавка открывалась только на лѣто, пока жили дачники. Такъ какъ служащихъ, кромѣ меня, не было, то мнѣ приходилось исправлять здѣсь всякую работу: я убиралъ скотину (было двѣ коровы и лошадь), копалъ картофель, ѣздилъ въ городъ за товаромъ и торговалъ въ лавкѣ.

Я уже сказалъ, что хозяйское семейство состояло только изъ трехъ лицъ; но такого несогласнаго и безобразнаго семейства я еще не встрѣчалъ.

Владѣлецъ дома, тестъ моего хозяина, прожившійся купецъ, въ послѣдствіи служившій въ ратникахъ, былъ страшный пьяница и буйнъ. Бывало, какъ только выйдетъ изъ кабака, то, по крайней мѣрѣ, за полверсты слышно, какъ онъ оретъ.

За безобразія и буйство полиція много разъ забирала его подъ арестъ, но это нисколько не помогало, и на него, какъ говорится, махнули рукой. Дома онъ также постоянно буйнилъ, и я его сильно боялся, но Богъ миловалъ, я не попадался подъ его кулаки.

Зять его, мой хозяинъ, тоже постоянно пилъ и такъ пилъ, что нѣсколько разъ сходилъ съ ума. Но онъ, по крайней мѣрѣ, былъ очень смиренный человѣкъ, и чѣмъ пьянѣе, тѣмъ смиренѣе.

Говорили, что онъ до женитьбы былъ очень степенный и трезвый человѣкъ и хорошій торговецъ; но какъ женился, такъ и началъ запивать, и эти запои перешли наконецъ въ постоянное пьянство.

Жена его, еще очень молодая женщина, до того была сварлива, что безъ ругани, безъ чертыханья, кажется, не умѣла и говорить. Она постоянно съ кѣмъ нибудь ругалась — или съ отцомъ, или съ мужемъ, или со мной. Всѣ сосѣди и знакомые приписывали пьянство ея мужа ея сварливому и, можно сказать, полусумасшедшему характеру.

До меня у этихъ хозяевъ за лѣто, съ мая мѣсяца, пережило шесть человѣкъ служащихъ; никто не могъ выдержать этого содома болѣе мѣсяца, но я прожилъ до закрытія лавки.

Воровать мнѣ въ этой лавкѣ, какъ у Киселева, было не возможно потому, что выручка постоянно запиралась хозяиномъ: онъ ея не довѣрялъ не только мнѣ, но и женѣ и тестю. Если же когда

случалось, что онъ, пьяненькій, оплошаетъ припрятать ключъ, то непремѣнно кто нибудь уже сходить въ выручку и частичку утянуть оттуда. Впрочемъ, я долженъ сознаться, что сигары, папиросы и кой-какія лакомства я и тутъ кралъ.

Такъ же, какъ и мои предмѣстники, я не смогъ долго ужиться у пьяныхъ хозяевъ, и въ половинѣ сентября я опять остался безъ дѣла и поселился у зятя. Я пробовалъ было искать какого нибудь мѣста или поденной работы, но не могъ найти ни того, ни другого, и долженъ былъ пропутаться слишкомъ два мѣсяца безъ занятій и даромъ ѣлъ чужой хлѣбъ.

Въ концѣ ноября сестра выхлопотала мнѣ мѣсто въ мелочную лавку на углу Малой Садовой и Итальянской улицъ, по пяти рублей въ мѣсяцъ. Въ мелочной лавкѣ жить показалось мнѣ очень тяжело. Мѣсить квашню съ непривычки до того было трудно, что я въ три дня натеръ себѣ кровяныя мозоли и такъ уставалъ за этой работой, что потъ лилъ съ меня градомъ, тогда какъ мальчишка, жившій тутъ третій годъ, такъ привыкъ, что мѣсилъ квашню очень свободно, будто играя. Хозяинъ, полустаровѣръ, строгій и скупой старикъ, видя мою неспособность, чрезъ мѣсяцъ отказалъ мнѣ, и я отправился опять на Черную рѣчку къ зятю.

Зять въ это время квартировалъ въ домѣ мѣщанина Ивана Алферовича Налисова, который прежде былъ берейторомъ у графини Строгановой, гдѣ и нажилъ себѣ небольшой капиталецъ, на который купилъ двѣ довольно порядочныя дачи на углу Черной рѣчки и теперешней Сердобольской улицы и въ одной изъ нихъ устроилъ трактиръ.

Налисовъ открывалъ трактиръ только на лѣто, при томъ, безъ крѣпкихъ напитковъ, такъ что онъ былъ похожъ скорѣе на постоянный дворъ, гдѣ приставали разные дачные торговцы, бродячіе музыканты, шарманщики и тому подобные промышленники. Всѣ сараи, конюшни, чердаки, заняты были ночлежниками и ихъ товаромъ.

Мнѣ два лѣта приходилось служить у Налисова, и я болѣе всего, по своему пристрастію къ чтенію, старался знакомиться съ букинистами, которые тогда ходили по городу и по дачамъ съ перекидными мѣшками. Кромѣ любви къ чтенію, мнѣ нравилась и самая ихъ торговля, въ то время очень выгодная и свободная, и я страстно желалъ сдѣлаться букинистомъ.

Не зная хорошо трактирнаго дѣла и при этомъ пускаясь въ разныя спекуляціи, Налисовъ въ скоромъ времени разстроилъ свое состояніе. Въ то время, о которомъ я говорю, дѣла его были уже очень шатки; онъ жилъ довольно бѣдно, и дачи его были заложены. Семейство Налисова состояло изъ жены, двухъ сыновей и двухъ дочерей.

Младшая дочь, Катя, училась въ финской школѣ и всю недѣлю находилась у своей тетки въ городѣ, а домой приходила только на

праздники. Ей было четырнадцать лѣтъ. Красивенькая, веселенькая дѣвушка, она часто ходила на верхъ къ моей сестрѣ и просиживала иногда цѣлые вечера. Мнѣ было тогда восемнадцать лѣтъ, и я влюбился въ Катю первую чистою любовью; но я скрывалъ свои чувства отъ всѣхъ постороннихъ и отъ нея. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ, до второй моей поѣздки въ Угличъ, я любилъ Катю неизмѣнно; но я ни разу не осмѣлился признаться ей или сказать кому либо другому о своей любви, хотя все мое воображеніе, всѣ мои мечты, только и были наполнены ею.

Первое время, по оставленіи мелочной лавки, я вздумалъ было поискать какую нибудь работу: ходилъ нѣсколько разъ на голландскую биржу; но зимой тамъ было очень мало работы, и я ни разу не могъ попасть въ поденщину.

Зять мой въ то время барышничалъ: ѣздилъ на большую дорогу подъ Поклонную гору, въ Парголово и по деревнямъ, гдѣ и скупалъ разную живность: коровъ, телятъ, поросятъ и пр., которыхъ иногда рѣзалъ дома, а иногда живьемъ продавалъ въ городѣ. Мнѣ нравилась эта торговля; но зять очень рѣдко бралъ меня съ собой и вовсе не хотѣлъ приучать къ ней. Послѣ же Крещенія, видя, что я не могу найти самъ себѣ дѣла, онъ купилъ другую лошадь и пристроилъ меня возить ледъ.

Проработавъ мѣсяца полтора съ ледоколами, я опять остался безъ дѣла, но уже мало и заботился о немъ: мнѣ нравилось жить у сестры потому, что, хоть разъ въ недѣлю, я могъ видѣть Катю.

Послѣ Пасхи Иванъ Алферовичъ, который представлялся мнѣ въ мечтахъ моимъ будущимъ тестемъ, и которому я старался всячески выказать уваженіе, рекомендовалъ меня въ услуженіе при кегляхъ, на углу Черной рѣчки и Ланского шоссе.

На кегляхъ будніе дни у меня были совершенно свободны отъ работы, но за то по ночамъ и въ праздники доставалось порядкомъ. Жалованье было очень маленькое: помнится, что я получалъ только три рубля въ мѣсяць; но Иванъ Алферовичъ и хозяинъ наобѣщали мнѣ очень хорошій чайный доходъ, который на самомъ дѣлѣ былъ однако, тоже очень скудный.

Въ это лѣто хозяинъ мой съ Иваномъ Алферовичемъ составили компанію для чайной торговли на гуляньяхъ.

Иванъ Алферовичъ изъ своего заведенія отдѣлилъ кое-какую мебель: столы, стулья, а также посуду и скатерти; а хозяинъ мой, Христіанъ Ивановичъ, взялъ напрокатъ палатку для трактира, кубы, и обязался нести всѣ расходы по перевозкѣ и покупкѣ чая и проч. Для перевозки нашего подвижнаго трактира нанималась большею частью мебельная лодка. Торговать ѣздили мы на Куллербергъ, на Крестовскій островъ, на Пороховые въ Ильинскую пятвицу, на Благинъ островъ 22-го іюля и на Смоленское кладбище 28-го іюля.

Въ послѣднее гулянье компаньоны поссорились между собою

изъ-за какихъ-то расчетовъ. Кто изъ нихъ былъ правъ, кто виновать, или, вѣрнѣе сказать, кто изъ нихъ кого опутывалъ, я не зналъ; но получилъ приказаніе отъ своего хозяина везти все трактирное заведеніе прямо къ нему. Проѣзжать нужно было мимо дачъ Налисова, и Иванъ Алферовичъ просилъ меня остановиться съ лодкою у него и не ходить къ хозяину, пока не выгрузятъ всего имущества. По долгу службы, я долженъ былъ исполнить приказаніе хозяина, но, изъ любви къ Катѣ, я предпочелъ услужить Ивану Алферовичу, за чтò и былъ отказанъ отъ мѣста.

Впрочемъ, я скоро опять поступилъ въ сливочную къ прежнему хозяину, но на этотъ разъ прожилъ тутъ не долго, разошелся съ хозяйкой и опять перебрался къ зятю.

Вторичное пребываніе мое въ Петербургѣ продолжалось слишкомъ четыре года (съ 1856 по 1861 годъ), и во все это время я перемѣнилъ болѣе десятка должностей. Кромѣ описанныхъ уже мною: трактирской, мелочной, сливочной, я служилъ еще у Дорота въ ресторанѣ, у Гадалина въ кондитерской, на Петербургской сторонѣ въ булочной, сторожемъ при балаганѣ Симонсона, въ печникахъ, кухаремъ у портныхъ и въ разныхъ поденныхъ работахъ; но при всемъ томъ я очень часто находился и безъ дѣла. Лѣтомъ я всегда имѣлъ какое нибудь занятіе; но зимою, когда находился безъ дѣла, проживалъ большею частію у зятя или у Налисова, а нерѣдко приходилось ночевать и подъ заборомъ. Я не былъ лѣнивъ, въ то время не пьянствовалъ, и потому могу объяснить всѣ эти неудачи двумя причинами: вопервыхъ, вспыльчивостью, упрямствомъ и безразсудностью моего характера. Я не могъ, или, вѣрнѣе, не хотѣлъ переносить иногда очень справедливые выговоры, дѣлаемые мнѣ моими хозяевами. Вовторыхъ—моею любовью къ Катѣ. Гдѣ бы я ни служилъ, и какъ бы выгодна ни была эта служба, но меня постоянно тянуло на Черную рѣчку. Жить близь Кати, видѣть ее постоянно было моимъ наслажденіемъ. Я совсѣмъ не хотѣлъ служить на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было свободнаго времени, въ которое я могъ бы, подъ какимъ нибудь предлогомъ, побывать у Налисовыхъ. Въ лѣтнее же время для меня положительно становилось въ тягость житье въ городѣ, почему я каждое лѣто непременно старался попасть на какую нибудь должность на Черной рѣчкѣ; пріятнѣе же всего было служить у отца Кати. Тутъ я служилъ ревностно и честно, не смотря на безвыгодность и кратковременность этой службы.

Въ концѣ 1859 года, отойдя отъ Гессе, портного въ Пассажѣ, у котораго я былъ поваромъ для мастеровыхъ, я пошелъ пріискивать себѣ квартиру. Проходя по Обуховскому проспекту, у воротъ дома князя Вяземскаго, я увидалъ билетикъ, на которомъ значилось, что въ квартирѣ № 4 отдаются углы. Не раздумывая, я зашелъ туда и нанялъ себѣ помѣщеніе за рубль въ мѣсяць. Я не

имѣлъ еще тогда понятія, что значитъ Вяземскій домъ. Я не зналъ, что попадаю въ знаменитую Вяземскую трущобу, въ то время извѣстную болѣе подъ названіемъ Полторацкой.

Квартира, въ которую я попалъ, находилась въ томъ же флигелѣ, надъ банями, въ которомъ я и сейчасъ пишу эти строки, но только этажемъ ниже. Ее содержалъ столяръ, работавшій съ двумя сыновьями. Она состояла изъ двухъ равныхъ по величинѣ комнатъ. Въ первой по стѣнкамъ были устроены койки, изъ которыхъ двѣ занималъ хозяинъ съ сыновьями, а остальные отдавались жильцамъ; посрединѣ же были поставлены верстаки. Во второй находилась русская печь, три маленькія каморки, небольшія нары и полати. На этихъ-то полатахъ я и помѣстился.

Всѣхъ жильцовъ въ нашей квартирѣ было около двадцати пяти человѣкъ. Тутъ жили мелкіе торговцы, разные рабочіе, нищіе и люди неопредѣленныхъ занятій. Между всѣмъ этимъ людомъ мнѣ особенно памятенъ одинъ безбородый полумонахъ, полумужчина, полуженщина. Саша, такъ звали его, ходилъ постоянно, зимою и лѣтомъ, въ какомъ-то капотѣ, въ родѣ подрясника, а на головѣ носилъ что-то среднее между монашескою шапкою и женскимъ капоромъ. Голосъ у него былъ какой-то пронзительно-пискливый, скорѣе похожій на птичій, чѣмъ на человѣческій. Онъ былъ не плѣшивъ и никогда не стригся, но волосы у него на головѣ такъ были рѣдки и коротки, что голова его казалась совсѣмъ полунагой.

Саша занимался оригинальнымъ ремесломъ—торговлею. Онъ покупалъ въ рынкѣ большіе мѣдные кресты, подпиливалъ ихъ, на подобіе старыхъ, серебрилъ по извѣстному ему способу, затѣмъ навязывалъ ихъ на мокрый шнурокъ и въ банный день, взявъ подъ мышку грязное бѣлье и мокрый вѣшникъ, носилъ ихъ по одной штукѣ продавать за серебряные, увѣряя простодушныхъ покупателей, что нашелъ крестъ въ банѣ.

Каждый крестъ обходился Сашѣ копейекъ въ пять, въ шесть, а продавать удавалось за рубль, за полтора и дороже. Такихъ крестовъ онъ продавалъ штукъ шесть и болѣе въ день, зарабатывая постоянно рублей семь, восемь и даже десять; но всю выручку Саша каждый вечеръ прокучивалъ съ женщинами въ притонахъ разврата.

Говоря о своей квартирѣ, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ вообще и о пресловутомъ домѣ Вяземскаго и его жителяхъ.

Въ то время существовалъ еще знаменитый Полторацкій переулокъ, противъ котораго на Сѣнной находился обжорный рядъ, и ютились всевозможныхъ родовъ промышленники: начиная съ цирюльника, торговца нюхательнымъ табакомъ и кончая изобрѣтателями игры на рыбку и на рака и въ ремешекъ.

Дворъ этого дома былъ не мощный и рѣдко чистился, вслѣдствіе чего грязь и лѣтомъ и зимою была непроходимая, а воздухъ

одурающій. Какъ велико было населеніе Вяземскаго дома, не могу сказать; но въ то время тутъ находились еще четыре жилыхъ флигеля, изъ которыхъ три теперь уже сломаны, а четвертый превращенъ въ конюшни и кладовыя.

При массѣ людей, проживавшихъ съ надлежащими видами и прописанныхъ, проживало много безпаспортныхъ и такихъ, которые почему либо не хотѣли прописаться или прописывали подложные паспорта. Здѣсь находились также и мастера всевозможныхъ фальшивыхъ документовъ. Конечно, обо всемъ этомъ я узнать уже впоследствии, главнымъ образомъ отъ своего товарища Прускова, о которомъ будетъ говориться ниже.

Можетъ быть, прежде среди жильцовъ Вяземскаго дома было тогда болѣе, нежели теперь, личностей, занимавшихся разными темными операціями; но при всемъ томъ, тридцать два года назадъ, совсѣмъ не было слышно, чтобы въ квартирахъ этого дома производилась торговля виномъ; если же и торговали, то, по всей вѣроятности, не такъ свободно и не въ такихъ размѣрахъ, какъ теперь идетъ эта торговля. Это обстоятельство слѣдуетъ, мнѣ кажется, приписать особенной бдительности агентовъ прежнихъ винныхъ откуповъ.

Поселившись въ Вяземскомъ домѣ, я вначалѣ ничѣмъ не занимался, а только проѣдалъ оставшіяся у меня деньжонки; но скоро я ихъ истратилъ и продалъ уже нѣкоторыя мелкія вещи. Надо было приниматься за работу, а ея не было, и мнѣ нерѣдко приходилось голодать.

Въ это время къ намъ переселился изъ другой квартиры старорусскій мѣщанинъ Павелъ Евстиеевъ Прусковъ. Это былъ еще очень молодой человѣкъ—лѣтъ двадцати трехъ-четырехъ и хорошо грамотный. Онъ прежде занималъ на какомъ-то казенномъ заводѣ выгодную должность, гдѣ, кромѣ жалованья, наживалъ еще деньги отъ казеннаго добра; но, потерпѣвъ неудачу въ любви, сталъ пьянствовать и потерялъ должность.

Съ Прусковымъ я скоро сдружился, и онъ сдѣлался для меня вѣрнымъ товарищемъ. Да и для всѣхъ вообще трезвый Прусковъ былъ, что называется, душа человѣкъ; но пьяный онъ проявлялъ невыносимый и буйный характеръ, рвалъ на себѣ одежду, разбивалъ, что попадалось подъ руку, и готовъ былъ драться съ каждымъ встрѣчнымъ и поперечнымъ.

У Прускова была мать, жившая въ услуженіи, и братъ; но послѣдній былъ мазурикъ и въ то время, когда я познакомился съ Прусковымъ, находился гдѣ-то подъ арестомъ. Про брата своего Прусковъ рассказывалъ, что тотъ дѣлалъ такіе смѣлые кражи и грабежи, что даже на Сѣнной его ужасно боялись. Онъ нѣсколько разъ судился, а въ Спасской части (тогда 3-я Адмиралтейская) содержался подъ арестомъ въ одинъ мѣсяць разъ по десяти и бо-

лѣе, и до того надоѣдалъ приставу и квартальному надзирателю, что тѣ предлагали ему деньги, лишь бы онъ выселился изъ подвѣдомственнаго имъ района.

Прусковъ проживалъ въ домѣ Вяземскаго уже не первый годъ, и потому у него было много знакомыхъ. Благодаря имъ, онъ досталъ и себѣ и мнѣ работу: бить сваи на устраиваемыхъ тогда чрезъ каналы перемычекъ для водопроводныхъ трубъ. Впрочемъ, работа эта продолжалась недолго, и мы недѣли черезъ три остались опять безъ дѣла.

У Прускова, кромѣ знакомства въ Вяземскомъ домѣ, было не мало еще знакомыхъ и на сторонѣ. Онъ зналъ всѣхъ сѣнновскихъ фискаловъ, мазуриковъ, поддѣльвателей фальшивыхъ документовъ и тому подобныхъ промышленниковъ, хотя самъ ничѣмъ такимъ не занимался.

Однажды къ нему пришелъ безсрочно-отпускной солдатъ Иванъ Матвѣевъ, уроженецъ Царскосельскаго уѣзда, который до солдатства занимался производствомъ капорскаго чая и сдачею охотниковъ въ солдаты. Потолковавъ кое о чемъ въ квартирѣ, онъ пригласилъ меня съ Прусковымъ въ трактиръ, гдѣ и спросилъ, не знаемъ ли мы какого нибудь молодца, который согласился бы продаться въ солдаты, обѣщая намъ по полсотнѣ рублей за рекомендацію. Я отозвался незнаніемъ такихъ людей, а Прусковъ и по этой части оказался свѣдущимъ человѣкомъ. Онъ обѣщалъ Матвѣеву побывать и разузнать въ разныхъ мѣстахъ, а мнѣ присовѣтовалъ пошляться по кабакамъ и поспрашивать у кабацкихъ завсегдатаевъ, нѣтъ ли желающаго продаться.

И вотъ я отправился бродить по окрестнымъ кабакамъ... Придешь, свернешь махорочную папирску, осмотришь публику и подойдешь къ какому нибудь молодцу, предложишь ему покурить, а потомъ и поведешь разспросы: при дѣлѣ онъ или безъ дѣла? какого званія? сколько ему лѣтъ?.. Потолковавъ такимъ образомъ, начинаешь уже переходить къ дѣлу: «Вотъ, говоришь, у меня есть знакомый богатый человѣкъ и добрѣйшая душа; ему хочется за своего сына приискать человѣка въ солдаты. Ужъ онъ всю жизнь не оставилъ бы этого человѣка!» И за тѣмъ начинаешь расхваливать солдатское житье.

Послѣ долгихъ поисковъ намъ съ Прусковымъ удалось найти для Ивана Матвѣева подходящаго человѣка; но онъ оказался съ нѣкоторыми недостатками, и его нельзя было сдать въ солдаты въ Петербургѣ. Иванъ Матвѣевъ имѣлъ знакомыхъ чиновниковъ въ Новгородской казенной палатѣ, способныхъ, какъ онъ говорилъ, за деньги принять и совѣтъ неспособнаго. Онъ обѣщалъ взять въ Новгородъ и меня съ Прусковымъ, чтобы тамъ при сдачѣ, на мѣстѣ, выдать намъ обѣщанный гонораръ; но, вмѣсто того, ухалъ въ Новгородъ только съ хозяиномъ-клиентомъ и съ охотникомъ. Когда

же вернулся изъ Новгорода, сдавъ охотника, то началъ жаловаться на хозяина, для котораго ставилъ рекрута, что тотъ будто бы его обманулъ и не отдалъ по условію за сдачу денегъ, почему мы съ Прусковымъ и остались ни съ чѣмъ.

Въ той же квартирѣ, кромѣ описанныхъ мною Саши и Прускова, занималъ каморку крестьянинъ Калужской губерніи Филиппъ Дороеевъ. Онъ проживалъ съ женою и сыномъ, тогда еще десятилѣтнимъ мальчикомъ, а въ настоящее время—купцомъ, имѣющимъ бумажные магазины и конвертную фабрику.

Какъ ни тѣсна была каморка Филиппа Дороеева, но онъ помѣщалъ въ ней еще жильца, своего родственника, отставного солдата Тузова (отца теперешняго гостинодворскаго книгопродавца).

Дороеевъ въ прежнее время былъ подрядчикъ-каменщикъ, но, разорившись на нѣкоторыхъ подрядахъ, бросилъ свое ремесло и принялся за выгодный и тогда еще дозволенный промыселъ — лотерею.

Они съ Тузовымъ ходили съ фортуною и косточками по трактирамъ и казармамъ, гдѣ и розыгрывали платки, картины и прочія бездѣлушки. Торговля, или, вѣрнѣе, промыселъ этотъ былъ на столько выгоденъ, что они очень часто доставали на немъ по семи и десяти рублей въ день на человѣка. Кромѣ того, Дороеевъ съ своею лотереєю ѣздилъ и по ярмаркамъ, гдѣ барыши его были еще прибыльнѣе. Товару у Дороеева было много: онъ покупалъ его партиями, а потому мелкіе разносчики ходили къ нему на квартиру покупать разныя лубочныя картины и мелкія книжки.

Я въ свободное время поучивалъ его сына грамотѣ, а по праздникамъ и по вечерамъ бралъ картины и ходилъ торговать ими по трактирамъ. Въ то время картины были еще самой простой работы, преимущественно московскихъ литографій — черныя и раскрашенныя—и раскупались очень хорошо.

Самая лучшая для меня торговля была въ трактирѣ «Малиникъ» на Сѣнной, противъ гауптвахты. Во дворѣ дома, гдѣ находился означенный трактиръ, насчитывали до пятнадцати заведеній съ публичными женщинами. Въ одну половину трактира этихъ женщинъ не пускали, но за то другая половина была переполнена ими, солдатами и разнымъ сбродомъ. По вечерамъ и праздникамъ тамъ бывала такая масса народу, что не только не хватало столовъ и стульевъ, но и всѣ пустыя пространства были заняты толпами.

Во время этой торговли картинами я познакомился съ моимъ землякомъ, букинистомъ Серапіономъ Хорхоринымъ. Какъ и прочіе букинисты, онъ торговалъ съ перекидными мѣшками, но торговалъ не по господамъ, а преимущественно по рынкамъ, продавая и давая читать книги разнымъ торговцамъ. Я ходилъ съ нимъ торговать нѣсколько разъ, но для меня эта торговля была невыгодна, потому что всѣ вырученныя деньги къ вечеру мы пропивали.

Наступилъ мартъ мѣсяцъ, и подоспѣлъ срокъ моему паспорту. Денегъ у меня не было ни копейки. Зятя просить я не хотѣлъ — боялся. На Черную рѣчку въ эту зиму я также не ходилъ, одичалъ и избѣгалъ всѣхъ знакомыхъ.

Какъ сейчасъ помню, былъ хорошій, ясный день. Я выпелъ на дворъ, и у меня невольно покатились слезы. «Вотъ, подумалъ я, начинается и весна; все какъ будто оживаетъ; солнце свѣтитъ такъ весело, а мнѣ приходится идти въ неволю и по этапу отправляться на родину».

Не сказавъ никому ни слова, я купилъ два листа бумаги, написалъ два большія жалобныя письма, одно—къ зятю, а другое—къ родителямъ; потомъ пригласилъ Прускова пройти со мной не далеко. Дорогою я объяснилъ ему, что у меня уже кончился срокъ паспорту, и я намѣренъ идти въ часть и просить, чтобы меня отправили по этапу на родину. Затѣмъ, я просилъ Прускова передать написанныя мною письма сестрѣ. Мы отправились съ нимъ въ Апраксинъ рынокъ, гдѣ я смѣнялъ свою сибирку на какой-то кафтанчикъ, послѣ этого зашли въ трактиръ и тамъ распростились.

Въ кварталѣ я засталъ дежурнаго помощника надзирателя, которому объяснилъ свое положеніе, и онъ, написавъ отношеніе, отослалъ меня въ арестантскую.

Арестантская, въ которую меня посадили, была коротенькая комната въ три окна. Подъ окнами, отъ стѣны до стѣны, устроены были сплошныя нары, а между ними и задней стѣной было небольшое, аршина въ полтора, пространство.

На нарахъ первое мѣсто отъ дверей, подъ окномъ, занималъ староста. У него посланъ былъ довольно мягкій матрацъ, двѣ или три подушки, и хорошее одѣяло. Ближе къ нему помѣщались его помощники. Остальныя мѣста раздавались тоже по распоряженію старосты, и на нихъ клали или тѣхъ, которые уже долго содержались, или тѣхъ, у кого были порядочныя деньги. Остальные арестанты размѣщались или подъ нарами, или на полу въ проходѣ.

Всякаго вновь приведеннаго арестанта помощники старосты постоянно встрѣчали со словами: «А, въ гости! милости просимъ! Только надо тебя обыскать, нѣтъ ли у тебя ножа?» Подъ предложемъ исканія ножа, они осматривали всѣ карманы, снимали сапоги и, если находили какія нибудь цѣнныя вещи или деньги, то передавали ихъ старостѣ, который часть денегъ отдавалъ помощникамъ за парашку, т. е. за уборку сортира, часть выпрашивалъ на масло къ образу, часть бралъ себѣ, за что обѣщалъ дать хорошее мѣстечко на нарахъ. Впрочемъ, послѣднее условіе не всегда исполнялось потому, что на нарахъ могли помѣститься не болѣе тридцати человѣкъ, а всѣхъ арестованныхъ въ первую ночь, помню хорошо, было семьдесятъ два человѣка.

Старостой Спасской части на этотъ разъ былъ старый, т. е. опытный арестантъ. Его звали просто Сенька бродяга. Онъ уже

разъ восемь ходилъ подь чужимъ именемъ по этапу въ разные мѣста, откуда или освобождался, или убѣгалъ и опять возвращался въ Петербургъ. На этотъ разъ Сенька уже около двухъ лѣтъ содержался за справками и слишкомъ годъ находился старостою, отъ чего и нажилъ хорошия деньги. Говорили, что у него было сотъ около пяти капитала и много серебряныхъ и золотыхъ вещей, несмотря на то, что онъ пришелъ въ часть въ опоркахъ.

На второй день моего ареста меня съ другими арестантами послали на работу—подметать улицу вокругъ частнаго дома. Памятно мнѣ и посейчасъ, съ какимъ озлобленіемъ смотрѣлъ я на проходящихъ свободныхъ людей. Не знаю, почему и за что, но мнѣ такъ и хотѣлось каждому проходящему пустить въ загривокъ метлою.

Прошло уже три дня, какъ я содержался въ части. Была вербная недѣля, и на Вербной же былъ день Благовѣщенія. Въ Благовѣщеніе, утромъ, часовъ въ десять, меня вызвали въ контору. Я сначала думалъ, что съ меня хотятъ снять еще допросъ для отсылки справокъ на родину. Но, войдя въ канцелярію, я увидаль своего квартирнаго хозяина, Прускова и Филиппа Дороеевича.

— Мы пришли взять тебя на поруки,—сказаль мнѣ Дороеевъ.— Хочешь ли на волю?

Я положительно не ожидалъ такого счастья и, остолбенѣвъ, стоялъ, не зная, что отвѣтить и кого благодарить.

— Вотъ, если хочешь,—продолжалъ Дороеевъ,—такъ мы попросимъ у надзирателя тебя на поруки, а завтра сходимъ въ адресную экспедицію, и я вышравлю тебѣ отсрочку.

Я поклонился въ ноги Филиппу Дороеевичу, и слезы благодарности брызнули у меня изъ глазъ.

— Не меня благодари,—сказаль Дороеевъ,— а жену; это она упросила меня; говорить, что въ этотъ день и птичекъ на волю выкупаютъ изъ клѣтки.

Чрезъ полчаса я уже былъ на свободѣ.

На Пасхѣ я опять принялся за торговлю картинами. Но дѣло вышло такъ плохо, что я спустилъ свой товаръ съ большимъ убыткомъ, а деньги всѣ истратилъ. Я побоялся показаться Дороееву, отъ котораго бралъ товаръ безъ денегъ, и началъ скитаться.

Много ли, мало ли времени я скитался, теперь уже не помню; помнится только, что мнѣ приходилось ночевать въ водопроводныхъ трубахъ, огромное количество которыхъ лежало тогда около памятника Петра Великаго. Наконецъ, я отправился на Черную рѣчку къ сестрѣ, а потомъ рѣшился уже показаться и на квартиру.

Какъ приняли меня квартирный хозяинъ и Дороеевъ, я уже не упомяну; помню лишь, что съ этого времени мнѣ приходилось опять много голодать. Я даже доходилъ до того, что терся и прислуживалъ около мазуриковъ въ знаменитомъ тогда ихъ притонѣ—Сухаревкѣ (Сухаревка, въ настоящее время трактиръ «Ярославль», находится въ домѣ Вяземскаго, по Обуховскому проспекту).

Въ июнѣ мѣсяцѣ Прусковъ поступилъ въ водоливы на лодки—паузки, доставлявшіе песокъ на кирпичный заводъ за Охтою, и на эту работу пригласилъ меня съ собою.

Работа была очень легкая, или, вѣрнѣе сказать, ея почти и совсѣмъ не было, а получали мы по полтиннику въ день, изъ которыхъ пятнадцать копеекъ платили обжигалу за харчи. Въ свободное время, котораго у насъ было въ волю, мы ѣздили на лодочкѣ въ Магросскую слободку въ трактиръ не столько пить чай, какъ читать газеты.

Проработавъ здѣсь нѣсколько недѣль, я наконецъ совсѣмъ ушелъ къ сестрѣ на Черную рѣчку, гдѣ остальное время лѣта ходилъ собирать грибы.

Зиму до половины февраля я тоже прожилъ у зятя. Работы нигдѣ не было никакой; да я ея и не искалъ уже потому, что находился опять безъ паспорта и собирался уѣхать на родину, но недостаточность средствъ задерживала мой отъѣздъ. Полное отсутствіе какого либо занятія развило во мнѣ еще болѣе страсть къ чтенію, и я за это время много перечиталъ романовъ, повѣстей и мелкихъ стихотвореній, а чтеніе, въ свою очередь, породило во мнѣ желаніе и самому писать. Я написалъ восемь или десять стихотвореній, которыя почти всѣ посвящаль Катѣ. Грустно мнѣ было оставлять Петербургъ и разставаться съ Катей, но я сознавалъ безцѣльность своей Петербургской жизни, и потому стремился поскорѣе на родину.

Передъ отъѣздомъ я зашелъ вмѣстѣ съ сестрою проститься къ Налисовымъ. Прощаніе было самое сердечное, а у Кати я замѣтилъ навернувшіяся на глазахъ слезы. Любила она меня или нѣтъ, я не могъ этого узнать, но все время нашего знакомства она была со мною ласкова. На вокзалѣ я передалъ сестрѣ раньше приготовленное мною письмо къ Катѣ, въ которомъ писалъ, что безнадежность моей любви къ ней заставляетъ меня покинуть Петербургъ. Но это была неправда.

VI.

Возвращеніе на родину.—Холодный приемъ со стороны родныхъ.—Поступленіе въ кучера къ повѣренному питейными откупамъ.—Работа на плотинѣ.—Поступленіе на фабрику.—Иванъ Ивановичъ Гобертъ.—Порядки на фабрикѣ.—Вторая любовь.—Оставленіе фабрики.—Въ овощной лавкѣ.—Въ лачугѣ у товарища.—Неудачное обращеніе за помощью къ архимандриту.—Дома у отца.—Путь въ Петербургъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1861 года я вторично пріѣхалъ изъ Петербурга на родину.

Я уже говорилъ, что предыдущіе передъ этимъ слишкомъ четыре года я прожилъ или на разныхъ очень незавидныхъ мѣстахъ,

или совсѣмъ безъ занятій, а потому мнѣ и во второй разъ пришлось пріѣхать изъ Питера ни съ чѣмъ.

Зять тогда самъ жилъ очень небогато, и отправить меня на родину стоило ему не малаго расчета. Но сестра (царство ей небесное) настолько меня любила, что, несмотря на свои, нерѣдко стѣсненные, обстоятельства, всегда старалась, чѣмъ только возможно, помочь мнѣ. И на этотъ разъ она, опасаясь, чтобы я безъ паспорта какъ нибудь не попалъ въ полицію, упросила мужа дать мнѣ на дорогу денегъ, а сама снабдила бѣльемъ и необходимыми подарками для родныхъ.

Въ то время Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги еще не было, и мы ѣздили изъ Петербурга до Твери по Николаевской дорогѣ, а отъ Твери до Углича на перемѣнныхъ, складываясь для этого по шесть человекъ и нанимая тройку рублей за тринадцать, пятнадцать и дорожке, смотря по тому, какова была дорога.

Была глухая ночь, когда я съ колокольчикомъ подъѣзжалъ къ своему дому. Поклажи у меня было очень немного, и я могъ бы отъ постоялаго двора, гдѣ останавливались ямщики, легко дойти пѣшкомъ до дому; но я отдалъ послѣдній, оставшійся у меня гривенникъ ямщику на водку, лишь бы онъ меня подвезъ къ дому съ колокольчикомъ, чтобы родные мои видѣли, что я пришелъ не пѣшкомъ, а пріѣхалъ на тройкѣ. Но я ошибся въ расчетѣ: родные мои крѣпко спали и не слышали, какъ я подъѣхалъ, не слышали и звенѣвшаго колокольчика. Долго мнѣ пришлось стучать въ ворота и въ окно, чтобы разбудить ихъ; наконецъ, отецъ услышалъ и впустилъ меня въ горницу.

Послѣ обычныхъ поклоновъ въ ноги отцу и мачихѣ и цѣлованій, меня спросили, какъ я добрался. Я сказалъ, что пріѣхалъ на тройкѣ, но мнѣ не вѣрили, а были убѣждены, что я пришелъ пѣшкомъ.

— А что, Николай, вѣрно у васъ, тамъ, въ Питерѣ, бумага-то дорога?—вдругъ спрашиваетъ меня мачиха, когда я улегся на полу спать.

— Какая бумага?—переспросилъ я, не понимая ея вопроса.

— Да вотъ бумага, на которой пишутъ.

— Нѣтъ,—говорю я,—по копейкѣ листъ продають, а есть и по грошу.

— А мы думали, что у васъ тамъ ужъ и очень дорога.

— Почему же вы такъ думали?—спрашиваю.

— Да письма-то отъ васъ больно ужъ рѣдко приходятъ; неужели на почтѣ теряють?

Я ничего на это не отвѣтилъ, только подумалъ: ну, вотъ ужъ и начинается; что-то завтра будетъ?

Но на другой день со мной мало и разговаривали, только отецъ что-то сердито раза два спросилъ, а мачиха обходила молча.

Опять настало такое же житье, какое было пять лѣтъ тому на-

задъ. Опять я боялся свободно вымолвить слово, заявить какоенибудь желаніе или выразить въ чемънибудь свое мнѣніе; боялся взять кусокъ хлѣба и за обѣдомъ найдаться досыта.

Такъ продолжалось мѣсяца три; затѣмъ я поступилъ къ жившему у насъ на квартирѣ, повѣренному питейнаго откупа, — въ кучера, для разъѣздовъ съ нимъ по кабакамъ въ нашемъ уѣздѣ.

Хозяинъ мой былъ сверхштатный повѣренный по откупу. Обязанность его состояла въ томъ, чтобы ѣздить по находящимся въ уѣздѣ кабакамъ, дѣлать учетъ продававшимся винамъ и разливать ихъ. Жалованья онъ получалъ отъ пятидесяти до шестидесяти рублей въ мѣсяцъ, изъ которыхъ долженъ былъ нанимать отъ себя кучера и содержать пару, полагавшихся отъ конторы откупщика, лошадей. Мое жалованье было небольшое, восемь рублей въ мѣсяцъ на своемъ содержаніи; но ѣзда по деревнямъ въ лѣтнее время мнѣ очень нравилась. Постоянно мѣнявшіяся мѣстности, свѣжій здоровый воздухъ, свѣжая деревенская и недорогая пища (за обѣдъ на мѣстахъ стоянокъ съ повѣренныхъ брали по пятнадцати копеекъ, а съ кучеровъ только по семи копеекъ) и при разливѣ попадавшійся стаканъ водки—все это меня доводило до удовольствія и веселило; только хозяинъ мой былъ на столько капризный человекъ, что кучера у него не уживались. До меня кучера мѣнялись у него черезъ недѣлю, черезъ двѣ, много черезъ три; сколько мнѣ ни нравилась эта работа, сколько ни хотѣлось ѣсть собственный хлѣбъ, чтобы не возвращаться опять къ домашнему, но я не могъ прослужить болѣе мѣсяца.

Разсчитавшись съ своимъ хозяиномъ и дополучивъ отъ него какія-то копейки, я отправился на фабрику. Я раньше слышалъ, что за Волгой, на Варгунинской фабрикѣ, по случаю перестраивавшейся тамъ плотины, требуются рабочіе, и поступилъ къ подрядчику, поставщику чернорабочихъ, по пяти рублей въ мѣсяцъ на его содержаніи.

Проработавъ на плотинѣ мѣсяца два, мнѣ захотѣлось поступить на самую фабрику, чтобы обезпечить себѣ работу и на зиму. Для этого я сошелся съ фабричнымъ десятникомъ, нѣсколько разъ его угощалъ и, кромѣ того, обѣщалъ ему хорошій магарычъ, если онъ доставитъ мнѣ мѣсто. Хлопоты мои не пропали даромъ; въ скоромъ времени, когда у десятника спросили рабочаго на фабрику, онъ представилъ меня мастеру англичанину, и тотъ на первое время поставилъ меня въ помощники къ прессовщику—прессовать промѣтую и измолотую матерію; но здѣсь я пробылъ не долго и меня перевели въ клееварню толочь канифоль. Сначала я зналъ только одну эту работу, но потомъ устроили еще котель для варки клея, прибавили еще рабочаго, и меня поставили къ котлу варить клей. Работа эта была вовсе не тяжелая, но очень грязная, липкая: за недѣлю такъ испачкаешься, что едва отмоешься въ банѣ.

Сюда къ намъ очень часто похаживалъ братъ директора фабрики, англичанинъ Иванъ Ивановичъ Гобертъ. Не знаю, имѣлъ ли онъ какую нибудь долю въ фабрикѣ, или нѣтъ, но только онъ не входилъ ни въ какія распоряженія; а придетъ бывало такъ себѣ, посмотреть, спросить что нибудь, побалагурить, помѣряется съ кѣмъ нибудь силою (онъ былъ очень силенъ: двѣ двухпудовыя гири поднималъ съ полу и держалъ до десяти минутъ надъ головою; изъ всей фабрики только одинъ рабочій могъ поднять такъ гири и за это получилъ отъ него въ подарокъ романовскій дубленый полушубокъ). За то рабочіе его любили и считали за честь, если онъ придетъ и поболтаетъ съ кѣмъ нибудь.

Захаживая ко мнѣ, Иванъ Ивановичъ разспрашивалъ, кто я, знаю ли грамотѣ и гдѣ прежде жилъ. Я, конечно, не преминулъ похвастать, что учился въ уѣздномъ училищѣ и кончилъ курсъ съ аттестатомъ, что жилъ прежде въ Петербургѣ, нѣсколько времени занимался книжной торговлей; любилъ почитать и читалъ много романовъ и стихотвореній, и даже самъ сочинялъ стихи, причемъ прочелъ ему одно или два изъ моихъ стихотвореній, которыя теперь уже и самъ забылъ. Но знанія мои въ литературѣ, даже въ русской, оказывались совершенно ничтожными сравнительно съ тѣмъ, что зналъ Иванъ Ивановичъ. Все-таки онъ похвалилъ мою любознательность и даже подарилъ мнѣ три рубля; но посоветовалъ выкинуть изъ головы поэзію и ознакомиться лучше съ химіей, чтобы быть полезнымъ рабочимъ. Однако, въ то время я былъ на столько еще не свѣдущъ, что не понималъ, чему учить химію, и Иванъ Ивановичъ долженъ былъ мнѣ это объяснить. Я бы, пожалуй, и увлекся предложеніемъ Ивана Ивановича, если бы было по чему учиться, но приобрести такую книгу въ своемъ городѣ я не могъ, а чтобы выписать изъ Петербурга, не имѣлъ свободныхъ денегъ, да и не зналъ, сколько она стоитъ, и откуда можно ее приобрести, а Ивана Ивановича просить объ этомъ не посмѣлъ, или, вѣрнѣе, не догадался.

Въ теченіе года мнѣ пришлось работать на фабрикѣ почти во всѣхъ ея отдѣленіяхъ; гдѣ бывало не хватаетъ человѣка, то мастеръ и говоритъ: позвать маленькой, такой—показывая рукою на мой ростъ—мальчикъ съ клееварни, и меня тащили на другую работу, гдѣ я и находился до возвращенія стараго или до постановки на это дѣло другого постояннаго рабочаго.

Исключая клееварни и обрѣзной, во всѣхъ прочихъ отдѣленіяхъ фабрики работа производилась днемъ и ночью, и рабочіе чередовались одну недѣлю день, а другую ночь. Жалованья простые рабочіе получали отъ восьми до десяти рублей, старшіе отъ двѣнадцати и до двадцати пяти, а мальчики, дѣвушки и женщины отъ пяти и до семи рублей въ мѣсяцъ. Работа въ самой фабрикѣ, или, какъ у насъ называли, въ корпусѣ, была не особенно тяжела, но въ ка-

ждомъ отдѣленіи были свои неудобства: въ роляхъ и у прессовъ сильно мокро; въ самочерпнѣ и въ обрѣзной не безопасно потому, что не трудно попасть подъ ножикъ, или въ шестерню; а въ бѣлильной и парильной, особенно, когда бываетъ усиленная бѣлка матеріи, невыносимо: ѣдкій и удушливый газъ нестерпимо рѣзаль глаза, производилъ непрерывный, рѣзкій кашель и захватывалъ дыханіе. Кашель зачастую не давалъ всю ночь уснуть, и при этомъ отдѣлялась цѣлая лужа обѣленной, какъ молоко, мокроты. Этотъ удушливый газъ ужасно былъ вреденъ зимою; но лѣтомъ, когда всѣ окна и двери были постоянно открыты, онъ скорѣе выдувался, и работать было легче.

Вопреки всѣмъ описаніямъ безнравственности и циничности фабричныхъ рабочихъ, я долженъ сказать, что у насъ на фабрикѣ соблюдалась безусловная благопристойность. Молодые ребята, работая нерѣдко вмѣстѣ съ дѣвушками, не позволяли себѣ ни неприличныхъ шутокъ, ни сквернословія. Каждая неблагопристойность, если она была замѣчена или по чьей либо жалобѣ доходила до мастера, наказывалась штрафомъ; но, кромѣ этого, неиспорченность нравовъ можно объяснить еще и тѣмъ, что на этой фабрикѣ совсѣмъ не было пришлагаго народа: работали все или городскіе, или ближніе деревенскіе, все люди, взятые изъ семьи.

Я въ то время былъ молодъ и, какъ уже сказалъ, былъ влюбленъ въ Петербургѣ, но, проживъ съ годъ на родинѣ, я началъ забывать свою возлюбленную, а чрезъ полтора года мнѣ и здѣсь приглянулась дѣвушка, съ которой я часто работалъ въ бѣлильной. Дуня, дочь нашего мѣщанина, очень недурненькая и скромная семнадцатилѣтняя дѣвушка, положительно увлекла меня: я только и бредилъ ею, писалъ въ честь ея стихи, и, какъ образецъ, привожу одно изъ этихъ стихотвореній, сохранившееся въ моей памяти до сихъ поръ:

Испытавъ любви оковы,
 Я хотѣлъ ее забыть;
 Но прелестны ваши взоры
 Снова мнѣ велятъ любить!
 Ахъ! вы снова показали
 Нѣжну сердцу путь къ любви
 И, какъ будто, вы сказали:
 Сердце, ты опять живи!
 И теперь, я вамъ признаюсь,
 Что любовью къ вамъ горю;
 Я теперь вамъ открываюсь
 И отъ васъ отвѣта жду.
 Но ужель въ любви столь страстной
 Получу я вашъ отказъ?
 Ахъ, тогда скажу, напрасно
 Только я влюбился въ васъ!

Къ этой немудрой пѣсенкѣ я подыскалъ мотивъ и распѣвалъ ее въ бѣлильной.

— Какая хорошенькая пѣсенка,—сказала разъ Дуня.

— Это,—говорю я,—Авдотья Матвѣевна, вамъ посвящается.

— Какъ это посвящается?

— Да, такъ, вамъ посвящается, потому что я для васъ только ее и сочинилъ.

Дуня ничего мнѣ на это не сказала—только надула губки и ушла.

Она рассказала полругамъ о моемъ признаніи, а тѣ сдѣлали мнѣ выговоръ за такое неприятое, или, по ихъ понятіямъ, неприличное признаніе молодой дѣвушкѣ. Мнѣ сдѣлалось и совѣстно и обидно, что я не понять и не оцѣненъ въ любви, и я скоро бросилъ фабрику.

Во время моей службы на фабрикѣ я большую часть жалованья отдавалъ въ домъ, а на оставшіяся у меня деньги одѣлся довольно прилично, что дало мнѣ возможность вскорѣ опять получить должность. Въ то время у насъ въ домѣ квартировали живописцы; хозяинъ ихъ откомендовалъ меня въ овошенную лавку, и я изъ фабричнаго сдѣлался торговцемъ.

Въ этой лавкѣ, какъ и вообще въ провинціи, торговали не одними овошенными товарами; тутъ были и краски, и табакъ, и вино, и всякая всячина. Торговля шла довольно хорошо, товару было много, жалованья мнѣ положили, противъ фабричнаго, болѣе приличное, семьдесятъ пять рублей въ годъ на хозяйскомъ содержаніи, тогда какъ на фабрикѣ я получалъ всего восемь рублей въ мѣсяцъ на всемъ своемъ. Хозяинъ былъ хорошій и смиренный человекъ.

Хотя я былъ доволенъ этимъ мѣстомъ и старался, насколько могъ, но долженъ сознаться, что и тутъ былъ не безгрѣшенъ. Въ выручку я не ходилъ,—красть деньги было не возможно,—но я потаскивалъ сигары и папиросы и, спускаясь въ подвалъ, пристрастился попивать кагоръ. Все это сходило благополучно—пьянымъ я не напивался, курилъ скрытно, и меня ни въ чемъ не замѣчали; но почему-то меня не взлюбилъ старшій приказчикъ, а изъ угожденія ему и мальчики. О всякой сдѣланной ошибкѣ или малѣйшемъ упущеніи съ моей стороны доносилось хозяину; такія нападки повторялись ежедневно; однако я все выносилъ, не желая оставить эту должность.

Но вотъ однажды, при заперѣ лавки, меня заподозрѣли въ кражѣ папиросъ; хотя при обыскѣ у меня ничего не нашли, но все-таки я былъ отказанъ.

Что было дѣлать? Прійти домой и сказать, что я отказанъ, я не смѣлъ—боялся отца, да и совѣстился домашнихъ и жильцовъ; я рѣшился идти къ одному моему товарищу по фабрикѣ и на время поселиться у него.

Товарищъ мой былъ человѣкъ еще очень молодой и совершенно одинокій; онъ жилъ въ своей лачужкѣ на краю города. Когда я постучался къ нему и рассказалъ свое положеніе, онъ принялъ меня; я же съ своей стороны, конечно, не преминулъ пообѣщать ему, что щедро отблагодарю за такой пріемъ, когда получу расчетъ съ хозяина; но получить не пришлось ничего, и я прожилъ такимъ образомъ недѣлю.

Раньше я много слышался о добротѣ и благотворительности архимандрита Покровскаго монастыря, находившагося всего въ двухъ верстахъ отъ нашего города. Къ этому-то благотворителю я и рѣшился идти просить помощи.

Я попросилъ товарища принести съ фабрики листъ писчей бумаги и, за неимѣніемъ чернилъ и пера, написалъ архимандриту письмо карандашемъ. Письмо было составлено, по моему мнѣнію, трогательно и убѣдительно и начиналось такъ: «Ваше Высокопреподобіе, отецъ и благотворитель!». Затѣмъ излагалось мое положеніе и просьба о помощи. Написавъ это письмо, я былъ очень доволенъ его содержаніемъ, думая, что оно такъ и прострѣлитъ душу архимандрита, что онъ пойметъ и оцѣнитъ мои достоинства. Но ожиданія мои не сбылись.

Спустя минутъ десять послѣ того, какъ я передалъ послушнику мое письмо, въ пріемную вышелъ архимандритъ и, глядя въ письмо, сказалъ:

— Я не ваше высокопреподобіе, да и письма мнѣ карандашемъ не пишутъ; а ты, чѣмъ писать письма, лучше бы искалъ себѣ какой работы, вѣдь ты человѣкъ еще молодой—иди съ Богомъ.

Уничтоженный отъ стыда и разбитой надежды и при томъ же голодный, я шелъ отъ архимандрита и думалъ: «Да, вотъ они благотворители-то, а еще архимандритъ, святой отецъ, а нисколько въ немъ нѣтъ милосердія, да и людей не можетъ понять».

Однако, когда я шелъ далѣе по чистому полю, горе мое понемногу стало изглаживаться, и я началъ придумывать какой нибудь другой исходъ.

На этотъ разъ я рѣшилъ вернуться домой.

Я уже не пошелъ къ своему товарищу и цѣлый день до вечера бродилъ въ отдаленныхъ пустыхъ улицахъ города, а когда стемнѣло, то разъ тридцать прошелъ по своей улицѣ, все выглядывая, что у насъ дѣлается въ домѣ.

Это былъ день праздничный, на святкахъ. Я видѣлъ въ окно, что у насъ въ домѣ небольшая вечеринка, и потому мнѣ казалось еще болѣе неудобнымъ явиться, да и было совѣстно. Но голодъ взялъ свое, и я, видя, что нѣкоторые посторонніе разошлись, а свои собрались въ одну горницу, потихоньку пробрался въ темную половину.

Конечно, меня приняли не совсѣмъ дружелюбно; но подробностей уже не помню, да ихъ не стоитъ и описывать; брань и упреки

всегда сводились къ тому, что я, вмѣсто того, чтобы быть отцу помощникомъ, только дармоѣдствовалъ на его хлѣбахъ.

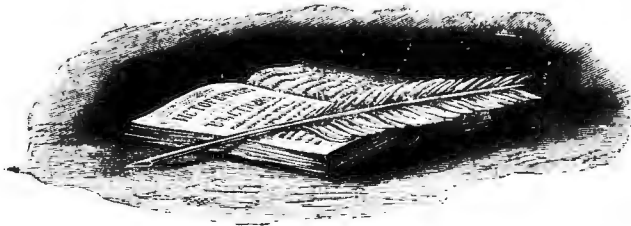
До великаго поста я снова пробылъ безъ дѣла; но постомъ задумалъ во что бы то ни стало опять отправиться въ Петербургъ, Домашніе меня не удерживали, но и не думали поощрять или помогать.

Я продалъ за пять рублей свою пару платья, выправилъ паспортъ и простился съ Угличемъ, имѣя въ карманѣ около трехъ рублей.

До Твери я дошелъ пѣшкомъ; что я видѣлъ во время этого путешествія, гдѣ ночевалъ и сколько денегъ пропутешествовалъ, не помню; но на пятый день я былъ въ Твери; денегъ у меня на желѣзную дорогу не хватило, и я принужденъ былъ еще кое-что продать. Въ Петербургъ я пріѣхалъ на Вербной недѣлѣ. Зять и сестра меня приняли хорошо; сестра даже была рада моему возвращенію, и я на первое время остался у нихъ.

Н. И. Свѣшниковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

ИЩАЕМЫЯ ниже письма заключаютъ въ себѣ много неизвѣстныхъ до сихъ поръ и весьма любопытныхъ подробностей о пребываніи императора Александра I и императрицы Елисаветы Алексѣевны, въ 1825 году, въ Таганрогѣ и о послѣднихъ дняхъ жизни государя. Письма эти писаны тогдашнимъ предсѣдателемъ таганрогскаго коммерческаго суда, Фѣдоромъ Романовичемъ Мартосомъ, къ брату его, Ивану Романовичу Мартосу, жившему въ Кіевѣ. Оба названные Мартоса приходились родными племянниками извѣстному скульптору Ивану Петровичу Мартосу. За сообщеніе писемъ приносимъ благодарность А. М. Лазаревскому.

I.

Почтеннѣйшій братецъ! Вы, конечно, уже изволите знать, что къ намъ въ Таганрогъ ожидаются большіе посѣтители, а потому легко себѣ представить можете о суматохѣ, какая теперь у насъ дѣлается по всему городу.

Сначала на имя мое по эстафетѣ было получено отъ министра внутреннихъ дѣлъ письмо по секрету съ предварительнымъ увѣдомленіемъ, что великія особы въ Таганрогъ пожалуютъ. Потомъ прискакалъ курьеръ съ увѣдомленіемъ, что императоръ и императрица соизволятъ пожаловать; затѣмъ приѣхалъ гофъ-курьеръ и архитекторъ для выбора квартиры, съ предписаніемъ отъ Дибича, что государю угодно остановиться въ томъ домѣ, который онъ занималъ въ 1818 году, и на исправленіе прислано 25 тысячъ рублей.

Теперь градоначальнической домъ, совсѣмъ передѣлываютъ со стороны внутренняго расположенія и едва ли успѣютъ. Государь изволить пожаловать къ намъ 13-го, а государыня — 23-го сентября. По сему случаю теперь у насъ много наѣхало, да и генераль-губернатора съ супругою ожидаемъ. Государь изволить здѣсь зимовать, а въ маѣ мѣсяцѣ изволить отправиться на кавказскія воды. Подрядъ на все отдается на 8 мѣсяцевъ. Еще не рѣшено, кто у насъ будетъ квартировать; я хочу Дибича, а гофъ-куррьеръ хочетъ, чтобъ у насъ стоялъ Вилье и другой докторъ, находящійся при императрицѣ, съ тѣмъ, чтобы сей послѣдній остался у насъ на цѣлую зиму. Чуть ли на послѣднее не должно будетъ согласиться, ибо ближе ко дворцу нѣтъ другого дома, какъ нашъ. Столь неожиданное посѣщеніе императора всѣхъ насъ куражить, но Богъ знаетъ, будетъ ли онъ столько къ намъ милостивъ, сколь онъ милости свои изливаетъ по другимъ губерніямъ.

При семъ не излишнимъ почитаю увѣдомить васъ и о знакомствѣ нашемъ съ извѣстнымъ статсъ-секретаремъ Кикинымъ. Онъ обѣдалъ у градоначальника, куда меня и Ульяну Андреевну¹⁾ пригласили. За обѣдомъ онъ спросилъ, чей это садъ предъ оконникомъ. Градоначальникъ отвѣтилъ: «вотъ хозяева», указывая на насъ. Начался разговоръ о деревьяхъ и цвѣтахъ, и онъ столько былъ снисходителенъ, что просилъ позволенія побывать въ нашемъ саду. Мы отвѣчали, что онъ намъ сдѣлаетъ много чести, если пожалуетъ; и такъ, вставши изъ-за стола, онъ съ женою и сестрою генерала Ермолова и со всѣми гостями пожаловали къ намъ въ садъ, а потомъ въ горницы; пили въ саду шампанское за его здоровье, и онъ былъ столько снисходителенъ, что обѣщался разныхъ сѣмянъ и луковицъ прислать намъ, по прибытіи въ Петербургъ.

Пожелавъ вамъ всякаго благополучія, имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою и братомъ, Федоръ Мартосъ.

29-го августа 1825 года, Таганрогъ.

II.

Почтеннѣйшій братецъ! Императоръ изволилъ къ намъ пожаловать 13-го числа въ 9 часовъ пополудни. Приказано было всѣмъ намъ ожидать въ церкви, но онъ проѣхалъ прямо во дворецъ. 14-го приказано было въ 9 часу приготовиться для представленія, въ башмакахъ и подъ пудрою, и мы до 12 часовъ ожидали; наконецъ, приказано было позвать духовенство, потомъ военныхъ, потомъ чиновниковъ, а затѣмъ дворянство. Когда мы явились и стали по ранжиру, и когда государь изволилъ выйти, то градоначальникъ началъ списокъ читать, и когда прочли мою фамилію, то государь, подойдя ко мнѣ, сказалъ:

¹⁾ Жена О. Р. Мартоса.

— Вашей фамиліи много служатъ въ Петербургѣ, не родственники ли ваши?

— Одинъ изъ нихъ, который служитъ директоромъ департамента министерства юстиціи, — родной мой братъ, а который служитъ въ академіи художествъ — дядя.

— Знаменитый художникъ Мартосъ какъ вамъ сродни?

— Дядя, — отвѣчалъ я.

— Поэтому вашъ отецъ родной братъ петербургскому Мартосу?

— Точно такъ, — отвѣчалъ я.

— Гдѣ вашъ отецъ служилъ?

— По гражданской части.

— Давно ли вы въ настоящей должности?

— Третій годъ, — отвѣчалъ я.

Послѣ сего обратился онъ къ прокурору и, кончивши церемонію, откланялся и пошелъ въ свои покои.

Вчерашняго числа приказано было въ 10 часовъ явиться въ церковь подъ пудрою и ожидать дальнѣйшихъ повелѣній. Обѣдня кончилась. Государь прежде молебна уѣхалъ, и мы разбрелись, кто куда попалъ.

Обѣдъ у государя былъ, одни генералы, къ которому однакожъ не былъ приглашенъ ни Бухаринъ, бывший кievскій губернаторъ, ни харьковскій попечитель.

Послѣ обѣда государь прогуливался по городу, а г. Вилье позвалъ меня къ себѣ и продержалъ до 11-ти часовъ ночи. Сегодня государь ѣздилъ въ крѣпость, въ тюремный замокъ и карантинъ и вездѣ былъ доволенъ. Будучи же въ карантинѣ и плѣнясь мѣстоположеніемъ, приказалъ градоначальнику строить новый карантинъ и начать съ завтрашняго дня. Таганрогъ ожидаетъ большихъ для себя милостей.

Вилье мнѣ вчера по секрету сказалъ и приказалъ никому не сказывать, что государь располагаетъ всю площадь отъ дворца до крѣпости засадить садомъ и дворецъ увеличить вторымъ этажемъ. Ожидаютъ сюда графа Аракчеева, генерала Чернышева, а графа Воронцова къ 21 числу.

Государь располагаетъ ѣхать въ Астрахань, но еще неизвѣстно, когда изволитъ отправиться. Балъ отъ города назначенъ 25-го числа. Пришли два эадрона лейбъ-казаковъ, назначенъ комендантъ, и учреждена экстра-почта. Нѣкоторые поговариваютъ, что государь долго изволитъ у насъ прожить.

Градоначальникъ докладывалъ Дибичу о награжденіи чиновниковъ, но Дибичъ сказалъ, чтобы дожидаться генераль-губернатора.

16-го сентября.

III.

Начало и конецъ настоящаго письма утрачены, но по содержанію видно, что оно писано между 16 и 25 сентября, такъ какъ заключаетъ въ себѣ рассказъ о посѣщеніи государемъ 16-го сентября тюрьмы, карантина и проч.

... наитить тутъ мѣсто, какъ и вездѣ устроено для преступниковъ, но тутъ что-то представляло волшебное. Остановясь на галлереѣ, государь изволилъ увидѣть сквозь темный сводъ вдали иконостасъ, золотомъ сіяющій, а по сторонамъ галлерей пріятнѣйшія площадки, усаженныя садовыми деревьями съ такимъ вкусомъ, что нельзя не любоваться. Императоръ столько былъ на все внимателенъ, что, войдя въ церковь, осматривалъ ее, а потомъ изволилъ ходить по нѣкоторымъ отдѣленіямъ, былъ въ больницѣ, тутъ же заведенной собственно для арестантовъ, былъ въ общей столовой арестантской и изволилъ быть въ кладовыхъ, гдѣ въ одной, въ шкафахъ, лежало чистое бѣлье и платье арестантовъ, а въ другой, провизія, заготовленная на нѣсколько мѣсяцевъ; потомъ былъ въ кухнѣ, осматривалъ посуду и, на что ни обращалъ свои взгляды, вездѣ видѣлъ отмѣнный порядокъ и вкусъ.

Изявляя свое удовольствіе, государь изволилъ было выйти, но подоспѣлъ англійскій принцъ, и онъ опять поворотилъ. Потомъ былъ въ карантинѣ и тамъ изволилъ сказать, что здѣшній карантинъ лучше одесскаго и еодосійскаго. При себѣ приказалъ осматривать пассажировъ и всю ту операцію дѣлать, какъ по уставу сказано. Когда люди нагѣ, по учиненіи присяги, приведены были въ отдѣленіе, гдѣ доктора осматриваютъ, то государь самъ въ лорнетъ нѣсколько разъ всматривался и, обращаясь къ инспектору, сказалъ: «нельзя ли поближе къ нимъ подойти?»—но Степанъ Ивановичъ отвѣчалъ, что нельзя. Послѣ сего, когда государь далъ знакъ, чтобы его провели въ то отдѣленіе, гдѣ черти съ желѣзными щипцами стоятъ, то инспекторъ сказалъ: «здѣсь строгій карантинъ, не прикажете ли другою дорогою обвести?» на что государь сказалъ: «я вездѣ пройду», и пошелъ; и, кончивши осмотръ карантина, очень былъ доволенъ. Возвратясь въ городъ, заѣхалъ въ городскую больницу, потомъ на биржу, противъ которой стояло около пятисотъ каботажныхъ судовъ, что придавало болѣе важности нашей биржѣ. Возвратясь оттуда, изволилъ быть у обѣдни, а потомъ принималъ чиновниковъ.

Коммерческаго суда чиновники, я не знаю по какому случаю, поставлены были ниже комитетскихъ и таможенныхъ, но съ нами случилось по священному писанію: и послѣдніе паче первыхъ. Когда читанъ былъ списокъ прежде о комитетскихъ, государь поклонился и—ничего, затѣмъ о таможенныхъ—тоже никому ни слова, затѣмъ дошла очередь до меня; государь изволилъ остановиться,

удостоилъ спросить меня: давно ли я въ службѣ, давно ли здѣсь? Когда я кончилъ свои объясненія, онъ изволилъ еще меня спросить сими словами: «вамъ, конечно, родственникъ Мартосъ, который у насъ служить?» Когда я сказалъ: «родственникъ, ваше императорское величество» то онъ добавилъ: «онъ намъ сдѣлалъ знаменитый памятникъ», и, сдѣлавъ мнѣ маленькій поклонъ, пошелъ далѣе и ни съ кѣмъ ни слова, покуда не дошло дѣло до предводителя дворянства и помѣщиковъ, съ которыми немного разговаривалъ. Когда чиновники и дворяне вышли, вступили купцы. Блюдо греческаго общества стоило 5 тысячъ, а русскаго—3 тысячи рублей. Государь удостоилъ принять хлѣбъ, а блюда приказалъ отослать въ Москву, и, говоря о пользахъ торговли, подтвердилъ, что объ учрежденіи таганрогскаго порта завѣряетъ ихъ императорскимъ словомъ.

Вообразите общую радость, когда это дошло до народа, вокругъ дома стоявшаго, и всѣ начали кричать: ура! ура!..

IV.

Почтениѣйшій братецъ! Съ 15-го числа рѣдкій день проходитъ, чтобы не было приказанія быть въ башмакахъ и при пудрѣ, отъ чего я такъ усталъ, что едва держусь на ногахъ. Вы уже изволите знать, какъ я былъ представленъ къ государю, и что со мною государь говорилъ. Теперь позвольте начать продолженіе. 18-го числа государь изволилъ осматривать карантинъ въ другой разъ и подтвердилъ строить оный, а 19-го назначилъ быть въ богоугодныхъ заведеніяхъ. Г. Вилье, узнавши, что моя Ульяна Андреевна попечительница, два раза присылалъ за мною и совѣтовалъ ей быть тамъ, на что моя Ульяна Андреевна и рѣшилась.

Когда государь изволилъ пожаловать, то моя Ульяна Андреевна съ другими чиновниками встрѣтила его на крыльцѣ. Г. Вилье, увидѣвши мою Ульяну Андреевну, тотчасъ подошелъ къ государю и сказалъ: «ваше величество, имѣю честь рекомендовать вамъ мою хозяйку», а градоначальникъ добавилъ: «супруга предсѣдателя коммерческаго суда Мартоса и попечительница сего заведенія». Государь поклонился ей и сказалъ: «Очень радъ, что имѣю удовольствіе съ вами познакомиться. Я знаю родственниковъ мужа вашего, въ особенности знаменитаго художника, онъ имѣетъ двухъ сыновей», и рассказалъ, гдѣ они служатъ.

Послѣ сего показалъ рукою, дабы Ульяна Андреевна пошла впередъ. И когда вошли въ первую палату, то государь началъ спрашивать нѣкоторыхъ стариковъ—кто они и давно ли здѣсь находятся; потомъ, проходя покои, вошелъ въ женское отдѣленіе и далѣе въ кухню и, обратясь къ Ульянѣ Андреевнѣ, спросилъ:

— Сколько блюдъ имъ готовятъ?

Она отвѣчала, что въ обыкновенные дни по два и по три блюда, а въ праздники и болѣе, на что государь изволилъ сказать:

— Благодарю васъ, что вы такимъ добрымъ дѣломъ занимаетесь.

Потомъ провели императора въ кладовую, гдѣ всѣ шкафы были открыты съ платьемъ. Государь подошелъ къ шкафамъ, смотрѣлъ нѣкоторыя вещи и сказалъ: «прекрасно!» а градоначальникъ добавилъ: «это все, ваше величество, собрано стараніемъ и трудами госпожи Мартосовой», причемъ государь опять повторилъ ей свою благодарность и повторилъ, что ему весьма пріятно имѣть ея знакомство, на что Ульяна Андреевна отвѣчала: «я очень счастлива, что за свои труды удостоилась видѣть ваше величество», на что государь сдѣлалъ поклонъ и уѣхалъ. Г. Вилье, возвращаясь изъ дворца, сейчасъ прислалъ за мною и очень былъ доволенъ, что Ульяна Андреевна не оробѣла, причемъ г. Вилье добавилъ, что онъ разсказалъ уже, что Ульяна Андреевна мастерица разводить садъ и цвѣты, на что государь спросилъ, что это ея садъ, а г. Вилье сказалъ: «ея, и сама она его насадила». 21-го числа на разсвѣтѣ графъ Воронцовъ прибылъ. Приказано было явиться къ нему въ 7 часовъ, но мы простояли до трехъ часовъ пополудни, ибо онъ былъ у государя долго, а потомъ и государь къ нему пожаловалъ. Того-жъ дня данъ былъ отъ города балъ, который и государь удостоилъ своимъ присутствіемъ и пробылъ полтора часа. Сначала началъ онъ танцевать съ графинею Воронцовой, затѣмъ съ градоначальницей, а потомъ съ моею Ульяною Андреевной и удостоилъ ей сказать:

— Я вашъ близкій сосѣдъ, и раздѣляетъ насъ только дорога.

Государь на балѣ изволилъ быть въ конноегерскомъ мундирѣ и въ башмакахъ. И на другой день за столомъ говорилъ, что балъ былъ такъ блистателенъ, что онъ ни въ одномъ губернскомъ городѣ такого не имѣлъ, и что онъ никакъ не полагалъ найти здѣсь такую прекрасную публику.

Наступило 23 число, и намъ приказано было въ первомъ часу быть въ соборѣ; потомъ другою повѣсткою объявлено, дабы въ два часа собрались въ монастырь Варвація; а въ 11 часовъ государь изволилъ за двѣ станціи отправиться на встрѣчу къ императрицѣ.

Ровно въ пять часовъ прибыли въ городъ и прямо въ монастырь, а оттуда во дворецъ. Народу стеченіе было пребольшое. Государь въ одномъ экипажѣ пріѣхалъ съ императрицею въ церковь и изъ церкви во дворецъ.

24-го приказано было явиться намъ тоже подъ пудрою и въ башмакахъ къ князю Волконскому въ 9-ть часовъ; но мы простояли до 12-ти часовъ, а потомъ сказали намъ, что императрица не можетъ принять чиновниковъ, ибо изволила отправиться съ императоромъ прогуливаться. Возвратясь домой, узналъ, что г. Вилье за-

ходилъ къ намъ и говорилъ, что онъ успѣлъ уже отрекомендовать императрицѣ хозяйюшку и расхвалилъ садъ, и что императрица изволила сказать: «я надѣюсь, что вапа хозяйюшка позволить мнѣ иногда прогуливаться въ своемъ саду», а посему и приказалъ, чтобы аллеи въ саду какъ можно были чище.

Сегодня онъ, возвратясь изъ дворца, опять зашелъ къ намъ и сказалъ, чтобы послать императрицѣ цвѣтовъ, и самъ отобралъ 20 горшковъ, которые съ его же человѣкомъ и были отправлены. Спустилась часть, онъ опять послалъ своего человѣка узнать, гдѣ поставлены цвѣты; въ отвѣтъ ему сказали, что императрица всѣ цвѣты приказала поставить въ залѣ; а потомъ нѣсколько горшковъ велѣла поставить въ гостиной, что мою Ульяну Андреевну чрезвычайно восхищаетъ.

Императоръ съ семи часовъ до девяти прогуливается пѣшкомъ, а съ одиннадцати часовъ въ одномъ экипажѣ съ императрицею до перваго часа. Обѣдъ оканчивается ровно въ часъ, а въ третьемъ часу опять ѣдутъ вмѣстѣ гулять и ѣздить по городу до пяти часовъ. Императору нашъ городъ очень понравился, онъ самъ устраиваетъ городской садъ и самъ назначаетъ рабочимъ, что надобно дѣлать. Уже саду штатъ сдѣланъ, и выписывается лучший садовникъ изъ Петербурга. Разговаривая съ градоначальникомъ, сказалъ: «позвольте мнѣ въ вашемъ саду похозяйничать», приказалъ купить дачу и рощицу, примыкающую къ саду, дабы распространить оныя.

Какъ Папкова новый домъ и садъ смежный со дворцомъ описанъ за казенныя взысканія, то изволилъ государь сказать: «или деньги пусть внесетъ или домъ купить съ публичнаго торгу», и, кажется, будетъ повелѣніе продать его въ нашемъ судѣ. Между тѣмъ садъ уже чистятъ, да и домъ чуть ли теперь же не начнутъ исправлять. Всѣ придворные очень довольны Таганрогомъ, кромѣ Волконскаго. Въ вечеру опять повѣстка получена, чтобы чиновники завтрашняго дня въ девять часовъ собрались къ Волконскому. Градоначальникъ докладывалъ графу Воронцову о наградѣ чиновниковъ, но онъ сказалъ, что это не къ спѣху, а надобно заняться, что поважнѣе. Изъ сихъ словъ можете замѣтить, какое его къ намъ расположеніе; о семъ мнѣ объявилъ секретно градоначальникъ. Г. Вилье не согласился вмѣстѣ стоять съ Штофрегенемъ, и потому для сего послѣдняго назначена другая квартира. Для всѣхъ придворныхъ назначено 18 домовъ. Запрашивался, что кто хочетъ взять деньгами, другіе объявили цѣну, а я отвѣчалъ, что я ничего не требую. Наслѣдники Варвація за два дома положили 12 тысячъ. Г. Вилье столько ко мнѣ милостивъ, что я вамъ не могу того изъяснить; онъ коль скоро возвратится изъ дворца, то присылаетъ за мною, и я иногда просиживаю у него часа по четыре. Я такихъ добрыхъ англичанъ еще и не видѣлъ.

Прощайте. 25 сентября, въ 11 часовъ ночи. Графъ Аракчеевъ

и Чернышевъ скоро сюда обѣщаются. Бухаринъ еще здѣсь; онъ говоритъ, что ему совѣстно получать напрасно 9 тысячъ пенсіона, а потому просится на службу. Онъ имѣлъ у государя двѣ аудіенціи и ни одинъ разъ не обѣдалъ.

V.

Почтениѣйшій братецъ! Вчерашняго числа, во второмъ часу, приходитъ къ намъ камердинеръ государя и объявляетъ, что государь и государыня желаютъ быть въ нашемъ саду въ четыре часа. Легко можете себѣ представить нашу суматоху: бросились въ садъ чистить и подметать дорожки, а я между тѣмъ побѣжалъ къ г. Вилье и едва успѣлъ кое-что убрать, какъ вдругъ отворяется калитка, сдѣланная противу дворца, и вошли въ оную императрица и императоръ. Мы бросились туда, встрѣтили ихъ величества, и императрица, подошедши ко мнѣ, изволила сказать:

— Ивану Петровичу вы родной племянникъ?

— Такъ точно, ваше величество,—отвѣчалъ я.

— Часто ли вы имѣете съ нимъ переписку? Давно ли вы были въ Петербургѣ?

И когда я на все отвѣтилъ, то императрица сказала:

— Онъ теперь очень старъ, но при всемъ томъ довольно бодръ.

Какъ я занимался съ императрицею, государь изволилъ подойти къ моей Ульянѣ Андреевнѣ и поцѣловать у ней руку, а потомъ и у дочери ея. Два раза обошли садъ, а потомъ сѣли на диваны, и оба поминутно разговаривали о всякой всячинѣ. Государыня благодарила Ульяну Андреевну за занятія ея богоугодными заведеніями, а государь вспомнилъ, что онъ танцовать въ Кіевѣ съ старшею дочерью, которая за Рындинымъ, и, обратясь къ императрицѣ, изволилъ сказать:

— У нея дочь красавица и имѣетъ у себя достойнаго мужа.

Потомъ рассказалъ, гдѣ Рындинъ сначала служилъ и гдѣ раненъ, и что отецъ его былъ сенаторомъ.

Императрица много разъ благодарила за присланные цвѣты и когда спросила: «это у васъ все розы?»—то Ульяна Андреевна отвѣчала: «розы, и неужгодно ли вашему величеству удостоить меня принять отъ меня розовой воды?»—на что императрица изволила сказать: «неужели вы сами дѣлаете розовую воду»? А когда она отвѣчала: «сама дѣлаю», то императрица изволила сказать: «мнѣ будетъ пріятно, если вы меня одолжите». Когда прохаживались, то наша Катенька стояла вдали. Государь спросилъ, что это за дѣвица. И когда Ульяна Андреевна сказала: это племянница моего мужа, на что государь спросилъ: Мартосова? то Ульяна Андреевна отвѣчала—Мартосова, послѣ чего государь подозвалъ ее, и когда начали на

диванъ садиться, то онъ и Катю просилъ сѣсть непремѣнно. Сіи дорогіе гости пробыли у насъ въ саду ровно часъ и когда прощались, то государь всѣхъ ихъ цѣловаль руки и даже Катѣ. Государыня при прощаньи изволила сказать, что если здоровье ея позволить, то она будетъ посѣщать нашъ садъ. При разговорѣ, когда императоръ сказалъ: «какой прекрасный день», то дочь моей Ульяны Андреевны сказала: «это правда, государь, день сей для насъ самый счастливый», на что государь поблагодаря сказалъ: «какъ вы добры». Сіе посѣщеніе во многихъ родило большую зависть, а г. Вилье помираетъ со смѣху и проситъ не говорить никому ни слова о его имени. Когда я началъ благодарить его за сіе посѣщеніе и поцѣловаль въ плечо, то онъ сказалъ: «покуда я служу, могу быть тебѣ полезенъ, только никому не говори того, что отъ меня слышишь». Прощайте, дай Богъ, чтобы вы были здоровы.

VI.

Почтеннѣйшій братецъ! Третьяго дня выѣхалъ генераль-губернаторъ вмѣстѣ съ градоначальникомъ въ Ростовъ и Нахичевань, и потому до возвращенія сего послѣдняго я управляю столицей, если только Таганрогъ можно назвать симъ именемъ. Вчерашняго дня г. Вилье спрашивалъ меня—дворянка ли моя жена, гдѣ отецъ ея имѣетъ имѣніе, и какого чину онъ, а потомъ подалъ мнѣ листъ бумаги и приказалъ написать о семъ записку, которую я въ короткихъ словахъ и составилъ. Сія записка еще ввечеру на его столѣ лежала, а сего дня поутру ея уже не было; однакожь г. Вилье и сего дня не располагаетъ, какъ кажется, быть во дворцѣ.

Какъ у князя Волконскаго въ квартирѣ начали передѣлывать печки, то князь и перешелъ дней на десять въ нашъ домъ и занимаетъ ту комнату, гдѣ ваша спальня была, и столовую, а г. Вилье занимаетъ ту половину, которая отъ улицы. По сему случаю теперь въ нашемъ домѣ и гофмаршальскій столъ и всѣ кушанья изъ царской кухни носятъ черезъ нашъ садъ. Государь выѣзжаетъ 11-го числа въ Черкасскъ и располагаетъ быть въ Азовѣ, а 14-го опять къ намъ пожалуетъ. Вчерашняго числа приѣхалъ генераль Клейнмихель, а къ 14-му будетъ и графъ Аракчеевъ. Бухаринъ все еще здѣсь живетъ; однако жъ ни одинъ разъ не былъ приглашаемъ къ столу императора. Государь обѣщаль городу льготу на 10 лѣтъ, десятую часть таможенного сбора и, кажется, если не половину, то весь винный откупъ. Государь къ Таганрогу очень милостивъ, и все въ немъ ему нравится, о семъ онъ изволилъ сказать и тогда, когда былъ въ нашемъ саду. Говорятъ, будто бы государь изволилъ сказать, что здѣсь чиновники очень хорошіе и всѣ на своихъ мѣстахъ. Послѣ такого одобренія, конечно, должно бы намъ всѣмъ ожидать его милостей, но, увы! кромѣ одного чи-

новника, получившаго Владимира 4-й ст., никто не удостоенъ никакою наградою, и вы легко можете отгадать, отчего сіе происходитъ, но я боюсь откровенно писать, зная, что и самыя мелочныя вещи доходятъ до слуха генераль-губернатора. Иванъ Петровичъ писалъ ко мнѣ, что онъ отправилъ графу Воронцову чертежи монумента Потемкину, и поручилъ мнѣ побывать у графа и спросить, нравятся ли ему его прожекты и рисунки. Графъ мнѣ отвѣчалъ, когда я къ нему пришелъ и о семъ доложилъ, что Иванъ Петровичъ, вашъ дядя, очень кстати прислалъ рисунки, и я при удобномъ случаѣ доложу государю и послѣ обо всемъ подробно буду ему отвѣчать. На вопросъ мой, нравятся ли ему рисунки, онъ сказалъ: «превосходны и превзошли даже мое ожиданіе, пожалуйста, напишите ему о семъ», о чемъ я и писалъ къ Ивану Петровичу. Откланиваясь графу, я сказалъ: «прошу ваше сіятельство удостоить меня своимъ покровительствомъ и милостію», на что онъ отвѣсилъ мнѣ нѣсколько поклоновъ, и тѣмъ наша аудіенція кончилась. На другой день, видѣвшись онъ съ г. Вилье, сказалъ: «посоветуйте своему хозяину, чтобы онъ всѣ дѣла по суду кончилъ до моего выѣзда, и ни одного не осталось». Когда г. Вилье мнѣ о семъ сказалъ, то я ему отвѣчалъ, что всѣхъ дѣлъ по суду только 15 такихъ, которыя никакими средствами нельзя кончить, ибо вызываются отвѣтчики изъ другихъ губерній, и неизвѣстно, когда они явятся. Его сіятельство не удостоилъ меня ни однимъ словомъ о томъ, что я понизилъ цѣну на дрова, что судно разломалъ, чрезъ которое цѣлый мѣсяцъ былъ боленъ, не сказалъ полслова и за то, что я спасъ провіантъ безъ всякихъ для казны издержекъ, равно и за открытіе приказа.

Я вамъ въ прежнемъ письмѣ позабылъ написать, что государь, прощаясь съ Ульяной Андреевной, изволилъ сказать:

— Я теперь со всею фамиліею Мартосовъ знакомъ.

Вчерашній день фрейлины Волконская и Валуева гуляли въ нашемъ саду и просили прислать розовой воды, которую тотчасъ къ нимъ и послали.

Посѣщеніе императора и императрицы въ нашемъ саду сдѣлало много шуму въ городѣ; другіе отъ досады готовы были начинать разводить сады, но Богъ знаетъ, кто въ нихъ будетъ прохаживаться. На послѣднемъ балѣ Катенька наша играла не послѣднюю роль. Князь Волконскій подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что ваша племянница прекрасная дѣвушка и похожа на княжну, которой фамиліи я теперь не вспомню. Я благодарилъ его за вниманіе и сказалъ, что она еще не въ такомъ возрастѣ, чтобы знать себя, и можно сказать, что ей никто такихъ комплиментовъ не дѣлалъ. Я однакожъ о семъ Катенькѣ не сказывалъ.

3-го октября.

VII.

Почтеннѣйшій братецъ! Государь изволить завтрашній день выѣзжать и ночуетъ въ Нахичевани, оттуда въ Черкасскъ, и въ Старый Черкасскъ, и въ Азовъ, и потомъ обратно въ Таганрогъ 15-го числа. Сегодня начали потихоньку проговаривать, что государь, возвратясь въ Таганрогъ, проживеть до 20-го числа, а потомъ въ Крымъ, а съ Крыму опять въ Таганрогъ изволить возвратиться. Говорятъ, что графъ Воронцовъ и г. Грейгъ уѣдутъ въ Крымъ въ слѣдующій вторникъ. Графъ опять къ намъ будетъ въ ноябрѣ. Вчерашній день былъ у градоначальника обѣдъ, очень блистательный не по числу особъ, но по достоинству. Всѣ придворные генералы, начиная съ князя Волконскаго, а изъ пріѣзжихъ одинъ графъ и Грейгъ, а дамъ только была графиня Воронцова, Бачманова съ дочерью и моя Ульяна Андреевна съ дочерью. Нашихъ чиновниковъ никого не было, кромѣ меня. Г. Лонгиновъ, статсъ-секретарь императрицы, очень хорошій человѣкъ и говорилъ мнѣ, что Иванъ Петровичъ иногда у него бываетъ, а васъ не помнитъ. Онъ когда былъ у насъ, то съ перваго слова сказалъ: «рекомендую себя, я хохоль, вашъ братъ». Я вчера за обѣдомъ познакомился съ правителемъ главнаго штаба Яценкомъ, онъ еще очень молодъ и уже дѣйствительный статскій совѣтникъ. Мы бы охотно послѣдовали вашему совѣту и сдѣлали рѣшетку въ саду, но намъ сказали, что это надобно было сдѣлать пораньше, а теперь опасно, дабы не обезпокоить императрицы; калитка же прорублена еще до пріѣзда государя и по распоряженію архитектора придворнаго.

Сколько мы увѣрены были прежде въ полученіи награды, столько теперь сомнѣваемся, ибо о сию пору никому ничего не дано. Третьяго дня Ульяна Андреевна послала императрицѣ букетъ цвѣтовъ, и императрица приказала благодарить. Букетъ былъ самый мизерный, изъ цвѣтовъ, какіе теперь нашлись въ саду, показали его Вилье, который сказалъ: «нѣтъ нужды, что букетъ не хорошъ, посылайте, я уже говорилъ императрицѣ, что вы съ самой зари въ саду роетесь, слѣдственно это будетъ кстати». Государь изволилъ быть въ саду городскомъ, сорвалъ съ одного дерева вѣтвь, принесъ ее къ императрицѣ, но императрица не узнала, что за дерево: итакъ прислали ту вѣтвь къ Ульянѣ Андреевнѣ спросить, что за дерево,—она отвѣчала, что тутовое или шелковичное.

Государь выѣзжаетъ точно 20-го числа въ Крымъ и изволигъ возвратиться къ намъ чрезъ 17 дней.

10-го октября.

VIII.

Почтеннѣйшій братецъ! Послѣ того, какъ я отправилъ къ вамъ послѣднее письмо отъ 10-го числа, того же самаго дня былъ присланъ къ намъ въ 3-мъ часу камердинеръ государя съ увѣдомленіемъ, что государь пожалуетъ къ намъ въ садъ чрезъ полчаса. Моя Ульяна Андреевна находилась уже тогда въ саду, и не прошло десяти минутъ, какъ и государь изволилъ пожаловать и, поцѣловавши руку Ульяны Андреевны, изволилъ спросить, какова она въ своемъ здоровьѣ. Ульяна Андреевна взаимно спросила о здоровьѣ государя, а потомъ о здоровьѣ императрицы, и государь сказалъ, что императрица прогуливалась пѣшкомъ и очень чувствуетъ себя хорошо. Послѣ сего государь изволилъ сказать, что онъ ѣдетъ на четыре дня изъ Таганрога и пришелъ проститься. Ульяна Андреевна сказала: «да благословитъ Богъ путь вашъ, и да возвратитесь къ намъ, ваше величество, въ совершенномъ здоровьѣ», за что государь снялъ шляпу и благодарилъ Ульяну Андреевну. Идя по аллеѣ и разговаривая съ Ульяной Андреевною, государь изволилъ замѣтить, что офицеръ прошелъ чрезъ садъ по другой аллеѣ, и въ ту же минуту, оставивъ разговоръ, спросилъ: «васъ очень много обезпокоили постоемъ, впрочемъ, я увѣренъ, что г. Вилье скромный квартирантъ». На что Ульяна Андреевна отвѣчала: «можетъ ли насъ безпокоить такая особа, которая охраняетъ здоровье вашего величества». Государь опять снялъ шляпу и благодарилъ ее. Идя дальше изъ аллеи въ аллею, государь спросилъ: «имѣете ль вы дачу или хуторъ?» Ульяна Андреевна отвѣчала: «Въ этомъ садѣ и домѣ заключается все наше состояніе». Послѣ сего перешелъ разговоръ къ деревьямъ и цвѣтамъ. Государь изволилъ говорить, какіе онъ видѣлъ сады за границей, и нѣкоторые случаи рассказывалъ изъ путешествія своего въ Европу. На сей разговоръ пришла дочь Ульяны Андреевны и наша Катенька. Онъ поцѣловалъ ихъ руки и спросилъ о здоровьѣ. За симъ спросилъ: «Это ваша племянница?»—Ульяна Андреевна отвѣчала: «Племянница мужа моего». Спросилъ, много ли она имѣла со мной дѣтей, и когда узналъ, что одинъ сынъ былъ и померъ, то изволилъ сказать:—«Что дѣлать, Богу такъ угодно, сѣтовать не должно». Узнавши же, что она отъ Рындиной давно не имѣетъ писемъ, изволилъ сказать: «Молитесь Богу, все будетъ хорошо». Разговоръ перемѣнился и обратился къ погодѣ и здоровью императрицы. При семъ случаѣ Ульяна Андреевна сказала: «Мы всѣ молимъ Бога о здоровьѣ ея величества». Государь опять благодарилъ ее и, пройдя еще одну аллею, остановился и началъ прощаться. У Ульяны Андреевны два раза поцѣловалъ руку, а у Саши и Кати по одному разу, и откланявшись пошелъ и, пройдя до половины аллеи, остановился. Когда всѣ наши

подошли къ нему, то государь изволилъ сказать: «Позвольте мнѣ быть въ вашемъ саду и по возвращеніи изъ Черкаска». На сіе Ульяна Андреевна отвѣчала, что приметъ сіе за величайшее для себя счастье. Вотъ вамъ всѣ новости, до насъ относящіяся, и хотъ онѣ не принесли намъ еще никакой существенной пользы, но мы и тѣмъ остались довольны, что имѣли счастье въ нашемъ саду принимать російскаго императора. Нѣкоторыя дамы лопаются отъ досады, но мы сего какъ будто не примѣчаемъ. Я изъ всего не могу разобрать двухъ задачъ: одну ту, что государь, ѣхавши на четыре дня, пришелъ проститься, а другую, что два раза сряду поцѣловаль руку Ульяны Андреевны при прощаньи. Если бы онѣ не былъ царь, то можно бы и тотъ и другой случай принять за особенное расположеніе, но какъ онѣ земной владыка, то тутъ и всѣ умствованія теряются въ лабиринтѣ недоумѣнія. Нужно вамъ доложить, что въ такихъ важныхъ случаяхъ я всегда обращаюсь къ г. Вилье, а потому и въ настоящемъ случаѣ бросился къ нему съ вопросомъ, нужно ли мнѣ быть въ саду. Г. Вилье отвѣчалъ, что въ саду не должно быть никому, и поставьте у калитки чело-вѣка, дабы никого не пущать, исключая генераль-адъютантовъ, которымъ не запрещать, но должно только сказать, что государь здѣсь; ибо государь, когда захочетъ, пришлетъ просить хозяина или хозяйку къ себѣ. Я ему сказалъ, что моя Ульяна Андреевна въ саду, и я пошла сказать, чтобы она оттуда вышла, на что онѣ отвѣчалъ, что когда хозяйка тамъ, то не надо уже ее оттуда вы-зывать, для государя будетъ пріятно найти ее за работой; почему я и не смѣлъ войти въ садъ до тѣхъ поръ, пока государь въ ономъ изволилъ быть. Въ одно время государь изъ окошка уви-дѣлъ, что одинъ полковникъ вышелъ изъ нашего сада; подозвавши его, изволилъ сказать: «Вы, кажется, черезъ садъ сдѣлали уже про-хожую дорогу?», Полковникъ отвѣчалъ, что здѣсь живетъ князь и гофмаршальскій столь, на что государь возразилъ: «Я знаю, однакоже не надо слишкомъ беспокоить хозяина, можно ходить кру-гомъ». Полковникъ отвѣчалъ: «Мы имѣемъ позволеніе отъ хо-зяина», и государь изволилъ сказать: «Какъ скоро это такъ, то это другое дѣло». Государь возвратился третьяго дня въ 7 часовъ вечера. Я узнавши, что г. Вилье пріѣхалъ, тотчасъ пошелъ къ нему, а между тѣмъ баронъ Дибичъ черезъ садъ прямо пришелъ къ намъ во флигель и пробылъ не болѣе минутъ пяти, но успѣлъ 4 раза поцѣловать руку Ульяны Андреевны. Изъ флигеля я при-шелъ на половину къ Вилье, и онѣ, увидя меня тамъ, сказалъ, что онѣ былъ у насъ и, взявши мою руку, такъ сдавилъ, какъ бы за-душевный пріятель. Барона Дибича квартира передѣлывается, а потому онѣ и перешелъ къ намъ на мѣсто князя Волконскаго, ко-торый наканунѣ пріѣзда ихъ перешелъ въ свою квартиру.

20-го іюля государь опять предпринимаетъ вояжъ въ Крымъ и возвратится къ намъ 5-го ноября. Государь по возвращеніи своемъ, увидя градоначальника, сказалъ:

— Здравствуйте, ваше превосходительство,—въ городахъ, находящихся подъ управленіемъ вашимъ, я нашелъ во всемъ исправность.

Государь, ѣхавши въ Черкасскъ, остановился на дачѣ Платова, Мышкиной, а оттуда выѣхалъ въ городъ верхомъ, при пушечныхъ выстрѣлахъ.

На сей разъ, кажется, довольно будетъ новостей, а что дастъ Богъ впередъ, о томъ не умедлю васъ увѣдомить. Прощайте, желаю вамъ всякаго благополучія.

Монументъ князя Потемкина разрѣшенъ, итакъ теперь Ивану Петровичу новыя занятія.

17-го октября.

IX.

Почтеннѣйшій братецъ! Я увѣренъ, что вы, получа сіе письмо, съ такимъ удовольствіемъ будете читать его, съ какимъ я оное писать начинаю. 28-го числа пріѣхалъ къ намъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій съ порученіемъ отъ императрицы, дабы моя Ульяна Андреевна пожаловала во дворецъ, на другой день, въ 5 часовъ, то-есть 29-го числа. Приглашеніе насъ восхитило и не менѣе того удивило, что самъ князь употребленъ былъ для сего, а не другой кто. Дождавшись назначеннаго времени, Ульяна Андреевна отправилась во дворецъ, гдѣ императрицей была принята очень милостиво и удостоилась бесѣдовать съ нею ровно часъ. Ульяна Андреевна два раза начинала откланиваться, но императрица начала новый разговоръ и тѣмъ ее останавливала. Потомъ, когда Ульяна Андреевна въ третій разъ начала откланиваться отъ предосторожности, дабы не сдѣлать собой безпокойства, то императрица, разворотя платокъ, вынула изъ онаго фермуаръ и, отдавая Ульянѣ Андреевнѣ, изволила сказать:

— «Я увѣрена, что вы меня полюбили, прошу принять въ знакъ памяти».

Ульяна Андреевна, принимая фермуаръ, хотѣла было поцѣловать ручку, но императрица не допустила, къ чему также не изволила допустить и при самой встрѣчѣ. Въ теченіе всего времени Ульяна Андреевна успѣла три раза поцѣловать въ плечо императрицу, за что и сама удостоилась получить три поцѣлуя въ лицо. Ульяна Андреевна и теперь отъ чувствъ, восхищеніемъ и радостію преисполненныхъ, рассказывая о семъ, не можетъ говорить безъ слезъ.

Когда Ульяна Андреевна пріѣхала во дворецъ, то камеръ-лакей встрѣтилъ ее, проводилъ въ залу и, указывая мѣсто, просилъ сѣсть,

самъ въ то же время пошелъ съ докладомъ, чрезъ минуту возвратился и просилъ Ульяну Андреевну въ гостиную, въ которую, когда Ульяна Андреевна вошла, то камеръ-лакей вышелъ и притворилъ за собою дверь. Черезъ минуту государыня изволила выйти, и первыя ея слова были тѣ, что начала извиняться, что такъ долго Ульяну Андреевну заставила себя дожидать. Ульяна Андреевна, подходя къ ней, осмѣлилась просить у нея поцѣловать ручку, но императрица изволила сказать: «Дайте я васъ поцѣлую», при семъ Ульяна Андреевна успѣла ее поцѣловать въ плечо. Послѣ сего императрица изволила сказать:

— «Я васъ давно хотѣла видѣть и лично поблагодарить за то удовольствіе, какое вы мнѣ доставляете своими цвѣтами, лишая себя онаго».

Ульяна Андреевна отвѣчала: «Поставляю себѣ въ большую милость, что ваше величество удостоили принять оныя»; при чемъ императрица, указывая на горшокъ, спрашивала: «что это за прекрасные цвѣты, которыхъ въ Петербургѣ не бываетъ?»

— «Здѣсь называютъ ихъ дубовыя астры»,— отвѣчала Ульяна Андреевна, и въ самомъ дѣлѣ они расцвѣтаютъ прелестно всѣ вдругъ и бѣгаютъ на одномъ стеблѣ цвѣтовъ за 50 пунсоваго цвѣта.

Послѣ сего начался разговоръ о погодѣ, о выѣздѣ государя, о строеніяхъ города, о коммерціи. На вопросъ, какъ вы нашли городъ, когда пріѣхали, Ульяна Андреевна отвѣчала, что нашъ домъ тогда былъ изъ числа первыхъ, но со времени того, какъ государь осчастливилъ нашъ городъ своимъ прибытіемъ въ 18 году, городъ нашъ получилъ другой видъ. Государыня изволила сказать: «Я увѣрена, что городъ еще лучше поправится, ибо государь предполагаетъ соединить Волгу съ Дономъ».

Послѣ сего императрица удостоила спросить: «въ какой должности вашъ мужъ служить и какъ давно?», потомъ спросила, за кѣмъ дочь, и пожелала, чтобы и другая ея дочь нашла также выгодную партію, какъ первая, затѣмъ удостоила спросить про Катеньку— ея ли она племянница, или мужа, и какъ давно у насъ находится. Объясняя на всѣ вопросы, Ульяна Андреевна осмѣлилась спросить о здоровьѣ ея величества, на сіе императрица сказала:

— «Когда я была въ вашемъ саду, тогда я была очень слаба, а теперь, слава Богу, я чувствую себя лучше, бываютъ дни, что я хожу пѣшкомъ версты по три и болѣе».

При семъ Ульяна Андреевна осмѣлилась сказать: «Государыня! наша единственная молитва къ Богу о здравіи вашемъ», что государыня приняла съ благоволеніемъ и благодарила ее. Государыня изволила удивиться, когда моя Ульяна Андреевна сказала, что у насъ въ саду нѣсколько тысячъ вдругъ расцвѣтаетъ тюльпановъ, а когда изволила спросить о сирени (любимый цвѣтъ императрицы), то Ульяна Андреевна отвѣчала, что насажена цѣлая аллея. Импера-

трица, прощаясь, изволила сказать, что она за удовольствіе поставитъ чаще въ нашемъ саду прогуливаться. Возвращенія императора ожидаютъ завтрашняго числа. Прощайте, желаю вамъ всякаго благополучія. Фермуаръ цѣнятъ въ 3 тысячи рублей.

4-го ноября.

X.

Почтениѣйшій братецъ! Государь изволилъ возвратиться 5 числа въ 8 часовъ вечера, прежде нѣсколькими минутами отъ другихъ экипажей, и во дворецъ изволилъ вѣхаться, равно и по улицѣ дворцовой ѣхалъ шагомъ.

Черезъ минуту былъ присланъ фельдъегерь узнать: готова ли квартира г. Вилье и освѣщена ли? Я отвѣчалъ фельдъегерю, что квартира готова, освѣщена, и самъ хозяинъ г-на Вилье ожидаетъ. Черезъ минуту опять камеръ-лакей прибѣжалъ узнать, не пріѣхалъ ли г. Вилье. Сказали—его еще нѣтъ. Опять черезъ минуту третій посланный явился просить г. Вилье во дворецъ, когда пріѣдетъ. На этотъ разъ самъ г. Вилье пріѣхалъ и тотчасъ, сбросивъ шинель, пошелъ во дворецъ, давъ при томъ знакъ, чтобы я его проводилъ черезъ садъ. Идя по саду, онъ мнѣ по секрету сказалъ, что государи боленъ, и приказалъ не говорить о семъ никому. Черезъ два дня секретъ сдѣлался извѣстнымъ по городу, только въ различныхъ видахъ: одни говорили, что государь боленъ желудкомъ, другіе говорили, что у него насморкъ, между тѣмъ мы могли судить о его болѣзни изъ того, что г. Вилье цѣлыя ночи во дворцѣ просиживалъ и возвращался въ квартиру по утру часовъ въ 9-ть, на самое короткое время. Въ прошедшій понедѣльникъ г. Вилье прислалъ за мною, но я былъ въ судѣ; ему сказали, что хозяйка дома; онъ велѣлъ ее къ себѣ позвать и только что началъ говорить о болѣзни, какъ опять его во дворецъ позвали, черезъ что самое и не могъ онъ ничего сказать. Послѣ сего, спустя около двухъ часовъ, возвратясь въ квартиру, прислалъ за мною. Я побѣжалъ къ нему и только успѣлъ сказать, какъ я давно не имѣлъ удовольствія васъ видѣть, онъ отвѣчалъ:

«Скажу тебѣ пріятную новость, государь объявляетъ черезъ меня монаршую благодарность женѣ твоей за соболѣзнованія объ немъ. Я сказалъ государю, что хозяйка моя очень жалѣетъ объ немъ желаетъ скорѣйшаго выздоровленія, что государь принялъ мило-стиво и поручилъ мнѣ поблагодарить ее, смотри, не забудь, исполни его порученіе».

Я отъ радости поцѣловалъ его въ плечо и благодарилъ, сколько меня достало. Послѣ сего онъ сказалъ мнѣ проводить его ко дворцу, съ котораго времени я уже болѣе его не видѣлъ. Идя садомъ, дорогою сказалъ:

— «Дабы не породить въ другихъ домахъ зависти, совѣтую твоей женѣ никому о семъ не хвалиться и не говорить, ибо могутъ сіи слова, переходя изъ рукъ въ руки, увеличить, и въ семъ увеличенномъ видѣ могутъ дойти и до государя».

Я его увѣрилъ, что о семъ никто не будетъ знать, и дѣйствительно, кромѣ васъ, никто о семъ не знаетъ. Скажу вамъ еще одинъ странный случай: за день до пріѣзда государя князь Волконскій повстрѣчался съ однимъ директоромъ клуба и спрашивалъ его, будетъ ли въ воскресенье балъ. Директоръ отвѣчалъ—будетъ, и, увидясь со мной, сказалъ мнѣ: я согласился, и балу положено быть въ воскресенье, то-есть 8-го числа. Разнесшіеся слухи о болѣзни государя насъ поколебали, и мы были въ крайнемъ затрудненіи, что дѣлать, какъ въ субботу къ вечеру пришелъ къ намъ г. Лонгиновъ, статсъ-секретарь императрицы; разговоръ начался о балѣ, и я ему объяснилъ свое безпокойство. Г. Лонгиновъ сначала увѣрялъ, что не должно останавливать бала, а наконецъ совѣтовалъ стѣздить къ князю и у него спросить разрѣшенія. Мысль сія показалась мнѣ и моему товарищу очень хорошей, и мы, спустя минуту, пустились за разрѣшеніемъ и за совѣтомъ. Князь выслушалъ насъ благосклонно и обѣщалъ разрѣшить насъ черезъ полчаса, съ чѣмъ мы и разѣхались. Послѣ сего, около 11 часовъ ночи, фельдъ егеръ явился ко мнѣ и требовалъ меня къ князю; я поѣхалъ, и первыя его слова были, что онъ докладываетъ императрицѣ и государю о балѣ, и имъ угодно, чтобъ былъ балъ. На сіе я сказалъ: «Ваше сіятельство, неужели вы изволили о такомъ мелочномъ случаѣ докладывать государю?» на что князь отвѣтилъ: «Я долженъ быть сіе сдѣлать, ибо самъ я васъ никакъ разрѣшить не могъ», и нѣсколько разъ повторилъ, чтобъ балъ былъ непременно. Однакоже мы обдумывали хорошенько, на завтрашній день поѣхали къ князю и доложили, что 4 свадьбы въ городѣ, на которыхъ наши музыканты цѣлую ночь играли и всѣ мертво пьяны, а отъ того и балу дать не можемъ. Князь жалѣлъ о семъ странномъ случаѣ, но не усиливался, и мы, отдѣлавшись отъ бала, весьма были рады, ибо въ самомъ дѣлѣ неприлично, что государь боленъ, а мы бы пировали и веселились.

Жена моя цѣлуетъ васъ отъ души и поручила сказать, что она скоро ожидаетъ къ себѣ фрейлину Валуеву и княжну Волконскую. Вы вѣрно сей припискѣ разсмѣтесь.

11-го ноября. По секрету.

XI.

Почтеннѣйшій братецъ! Въмѣсто того, чтобы вамъ похвалиться о какъй либо монаршей милости, я долженъ васъ увѣдомить, о Боже! о самомъ величайшемъ несчастіи. Нашъ вселюбезнѣйшій государь

пріѣхалъ изъ Крыму боленъ лихорадкой; 15-го числа исповѣдывался и пріобщался, а сегодня находится въ такомъ положеніи, что всякую минуту ожидаютъ его кончины; храмы открыты, стекающійся народъ стоитъ на колѣняхъ въ слезахъ и рыданіи, но наши молитвы не доходятъ до Бога. Еще вчера отъ сильныхъ обмороковъ приходилъ на минуту въ чувство и сказалъ сіи слова императрицѣ: «вы устали, успокойтесь, какой прекрасный день!» и потомъ опять уснулъ, а сегодня, по увѣренію медиковъ, все должно быть кончено. Прощайте, душу мнѣ раздираетъ горестъ, и я не въ состояніи болѣе писать.

18 ноября.

Къ Константину Павловичу посланы два фельдъегеря, и третій готовъ. Кабинетъ опечатанъ и весь дворъ въ неизвѣстномъ положеніи. О Боже, что будетъ съ императрицей!

ХП.

Почтеннѣйшій братецъ! Съ сердечнымъ сокрушеніемъ и душевной горестью долженъ я вамъ сказать, что возлюбленный нашъ монархъ, послѣ кратковременной болѣзни, переселился въ вѣчное жилище 19-го числа, въ одиннадцатомъ часу и 50 минутъ пополудни. Говорятъ, что государь, несмотря на просьбы придворныхъ, не согласился принимать лѣкарствъ, даже не уважилъ просьбы императрицы, просившей его со слезами отъ имени своего всего семейства и всей Россіи, и началъ принимать лѣкарства послѣ уже причастія святыхъ таинъ и то по убѣжденію священника, ставшаго передъ нимъ на колѣни и произнесшаго, что и святое писаніе повелѣваетъ призывать къ болящему врачей.

Никто не можетъ понять причины, отъ чего государь не согласился принимать лѣкарства прежде; но и принятія имъ пилюли 15 числа не послужили ему въ пользу, ибо когда клистиръ поставили, то пилюли вышли цѣлы, что навело на всѣхъ ужасное безпокойство и отчаяніе. До того, пока государю предлагали лѣкарства съ сильнѣйшими убѣжденіями, то онъ рѣшительно отказался и неоднократно говорилъ: «когда Богу угодно, чтобы былъ здоровъ, то и безъ вашихъ лѣкарствъ выздоровѣю».

Послѣ причастія поставлены были къ затылку нѣсколько десятковъ пьявокъ, двѣ изъ нихъ больно укусили, и онъ ихъ въ ту же минуту оторвалъ.

Приложили также горчицы къ ногамъ. Государь приказалъ камердинеру снять ее; камердинеръ рѣшился сказать: «пусть горчица полежитъ, это нужно для вашего здоровья». На сіе государь сказалъ: «приложи себѣ и тогда узнаешь», послѣ чего горчица и

была снята съ ногъ. Вы не можете себѣ представить, въ какомъ горестномъ положеніи нашъ городъ нынѣ находится: вездѣ плачь, вой и рыданія, ибо всѣ столь великія надежды исчезли. Что же касается собственно до нашего семейства, то мы безъ слезъ не можемъ объ немъ вспомнить, ибо быть удостоену толикихъ милостей и въ одну минуту лишиться ихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и потерять всѣ тѣ надежды, кои я имѣлъ и о коихъ нѣкоторые уже намъ говорили—это такъ больно, что во всю жизнь нельзя сего забыть.

Придворные проклинають Крымъ и, между нами будь сказано, достается и Воронцову, что онъ уговорилъ государя туда ѣхать. Изъ Черкасска выписаны уже 4 генерала для дежурства и 6 полковниковъ для часовыхъ. Государь еще лежитъ въ своемъ кабинетѣ. Въ залѣ дѣлають катафалку, а стѣны обивають чернымъ сукномъ. По утру и въ вечеру отправляется панихида, на которую приказано являться всѣмъ чиновникамъ. За архіереемъ послана эстафета. Императрица выѣхала въ домъ Шахматова, и всякій день по два раза навѣщаетъ тѣло императора, и тогда всѣ выходятъ вонъ. Императрица тоже, говорятъ, не принимаетъ лѣкарствъ и едва жива; теперь она говѣетъ, а завтрашній день будетъ пріобщаться святыхъ тайнъ. Константина Павловича ожидають самого или отъ него курьера завтрашняго числа. Всѣ весьма переболѣли, однакожъ Волконскаго, Дибича и Чернышева сей день видѣлъ на панихидѣ. Вилье боленъ, и никого къ нему не допускають; я едва успѣлъ два раза у него бытъ, и то на одну минуту. Въ первые три дня я нѣсколько разъ въ домѣ былъ у него и просилъ, чтобы меня къ нему пустили, но не смѣли сего сдѣлать; послѣ доложили ему обо мнѣ, и онъ отвѣчалъ: «я ему хотѣлъ добро сдѣлать, но не сдѣлалъ, а потому и не могу его видѣть». Наконецъ, однакожъ самъ прислалъ за мной, я явился, и мы, протолковавши добрые полчаса, разстались. Я боюсь, чтобы онъ не пришелъ въ отчаяніе.

Представьте! за день до отъѣзда государя въ Крымъ, государь всталъ изъ-за стола и сейчасъ сѣлъ писать, день былъ ясный, но вдругъ наплы тучи, и сдѣлалось такъ темно, что ему не видно было писать, приказалъ подать свѣчи и продолжалъ свою работу; наконецъ, тучи прошли, и государь такъ записался, что свѣчи предъ нимъ горѣли безъ надобности. Послѣ сего камердинеръ вошелъ и просилъ позволенія принять свѣчи, ибо днемъ не хорошо, если свѣчи горятъ. Государь улыбнулся, пошутилъ на счетъ его суевѣрія и приказалъ принять свѣчи; когда же заболѣлъ, то говорятъ, что, увидя того самага камердинера, сказалъ:

— «Помнишь ли свѣчи. Я не здоровъ, и чуть ли мнѣ не придется умереть!»

И, не смотря на сіе предсказаніе, не хотѣлъ принимать лѣкарствъ. Первые дни была почта задержана, и вокругъ города стоялъ караулъ, дабы никто не выѣхалъ.

25 ноября.

XIII.

Почтеннѣйшій братецъ! Благодарю васъ за пріятнѣйшее поздравленіе, оно утѣшило бы насъ въ другое время очень много, но теперь придало намъ еще болѣе слезъ и горести. Дай Богъ, чтобы впередъ было лучше, но теперь куда бы вы ни пошли, и съ кѣмъ бы вы ни повстрѣчались, начинается привѣтствіе со слезъ и рыданій.

Тѣло императора уже вынесено изъ кабинета въ залу и лежитъ на катафалкѣ. Панихида отправляется по утру архіереемъ, а послѣ обѣда архимандритомъ, но въ церковь когда будетъ выносъ, неизвѣстно. Всѣ отправленные курьеры въ Варшаву уже возвратились, исключая послѣдняго, повезшаго извѣстіе о смерти государя, котораго еще третьяго дни ожидали, но говорятъ, что онъ еще не возвращался. Движеніе въ штабѣ не пресѣкается, курьеры, говорятъ, отправляются очень часто; но во всемъ наблюдается большой секретъ. Отъ сего черезъ три дня, а можетъ, и болѣе, будемъ знать всему конецъ. Императрица опять переѣхала во дворецъ и всякій разъ передъ панихидой или послѣ панихиды изволить выходить къ тѣлу поклониться, поцѣлуетъ и опять въ свою комнату уходитъ. Дай Богъ, чтобы она въ состояніи была перенести сей жестокій ударъ.

Для любопытства вашего посылаю двѣ копіи изъ именныхъ указовъ. Судя по симъ указамъ, чего бы еще долженъ былъ ожидать Таганрогъ! Но теперь, кажется, все кончилось.

Прощайте, будьте здоровы и благополучны.

4 декабря.

Сѣздъ въ городѣ такъ великъ, что почти не достаетъ квартиръ Домъ, за который прежде платили 400 рублей въ годъ, платится теперь въ мѣсяцъ 500 рублей. Кажется, сколько прежде увѣрены были, что великій князь сюда будетъ, столько же теперь въ томъ не увѣрены.

XIV.

Почтеннѣйшій братецъ! Продолжая извѣщать васъ о печальныхъ извѣстіяхъ, я счелъ нужнымъ при семъ и копію церемоніала, какой составленъ для выноса тѣла въ монастырь Варвація. Сего числа получилъ нашъ судъ и градоначальникъ указы изъ общаго собранія, о приведеніи на вѣрность службы новому императору Константину Павловичу, каковой обрядъ и будетъ выполненъ завтрашняго числа вмѣстѣ съ генераль-адъютантами, генераль-губернаторомъ и со всѣмъ дворомъ. Отъ вдовствующей императрицы

пріѣзжалъ сюда камергеръ князь Гагаринъ и, пробывши здѣсь полторы сутки, отправился обратно въ Петербургъ. Курьеры всякій день пріѣзжаютъ изъ Петербурга и Варшавы; но какія... извѣстія привозятъ, въ томъ наблюдается большая тайна. Кажется по всему, что теперь перестали ожидать сюда Константина Павловича; но прежде полагали, что онъ сюда, навѣрное, заѣдетъ. У насъ еще неизвѣстно, гдѣ Константинъ Павловичъ—въ Варшавѣ или въ Петербургѣ, а извѣстно, что князь Лопухинъ поѣхалъ въ Варшаву депутатомъ; но о семъ говорятъ въ городѣ, а не придворные.

Прощайте, желаю всякаго благополучія.

9 декабря.

Позвольте поздравить васъ съ новымъ императоромъ, и дай Богъ, чтобы онъ былъ для всѣхъ насъ добръ и милостивъ.

XV.

Почтеннѣйшій братецъ! Вчерашняго числа былъ выносъ тѣла императора изъ дворца въ монастырь по тому плачевному церемониалу, котораго копію съ прошедшею почтою я къ вамъ препроводилъ. Собрались въ половинѣ 8-го, а шестіе началось въ 9 часовъ и продолжалось до 1-го часа, а вся церемонія кончилась въ половинѣ 2-го часа. Исключая генераль-адъютантовъ и всего двора, бывшихъ въ мантіяхъ и въ распущенныхъ шляпахъ, мы всѣ были въ однихъ мундирахъ и съ открытыми головами, держа въ лѣвой рукѣ шляпу, а въ правой свѣчу, отъ сего, кажется, должны заболѣть многіе, ибо морозъ и вѣтеръ были порядочные. При всѣхъ сихъ степеніяхъ, для моего здоровья неблагоприятныхъ, вообразите мое положеніе! По очереди досталось мнѣ первую ночь надъ тѣломъ въ церкви дежурить съ 7-ми часовъ вечера до 7-ми часовъ утра, для чего я, несмотря на душевныя и тѣлесныя нездоровья, готовляюсь.

Императрица крайне разстроена въ своемъ здоровьѣ, несмотря на сіе, велѣла, что, когда гробъ тронуть съ мѣста, то доложить ей, когда же доложили ей, что выносятъ тѣло, то она изволила пройти въ придворную церковь и одна осталась въ ней, но неизвѣстно еще, какъ долго въ оной находилась.

До прихода духовенства императрица выходила и простилась съ тѣломъ.

Прощайте, желаю вамъ совершеннаго здоровья.

11 декабря.

Письмо сіе опоздало на почту и потому осталось неотосланнымъ того числа, почему и дополняю оное.

Для препровожденія тѣла государя ожидаются сюда 11 флигель-адъютантовъ и 1 генераль-адъютантъ. Тѣло будетъ отправлено въ

Петербургъ 26-го числа сего мѣсяца, съ соблюденіемъ того парада, какъ говорятъ, который былъ и при выносѣ изъ дворца. На сихъ дняхъ ожидается жена князя Волконскаго съ дочерью и графиня Строганова.

Императрица въ своей комнатѣ всегда одна и никого не принимаетъ, кромѣ доктора своего, и то на одну минуту, почему многіе желаютъ, чтобы графиня Строганова скорѣе пріѣхала, ибо она, говорятъ, очень большая пріятельница императрицы. Г. Вилье 12-го числа былъ допущенъ къ императрицѣ и, пріѣдя оттуда, позвалъ меня и велѣлъ тотчасъ послать челоуѣка спросить о здоровьѣ императрицы, что я тотчасъ и сдѣлалъ, а между тѣмъ велѣлъ къ себѣ попросить Ульяну Андреевну, и когда она пришла, то онъ приказалъ подать вина, котораго и выпили по рюмкѣ за упокой императора, сказавъ сіи слова:

— «Я сей день первый поздравляю императора и въ сей день дѣлалъ добро многимъ, а теперь хочу раздѣлить его съ вами, ибо я увѣренъ, что вы покойника любили».

Г. Вилье напередъ сего неоднократно мнѣ говорилъ, что за другихъ не знаетъ, но ты былъ бы такъ награжденъ, какъ никто изъ твоихъ собратій, что подтвердилъ и теперь, говоря:

— «Жаль, что великаго Александра нѣтъ, сей день ознаменованъ бы былъ большими милостями для Таганрога, да и моя хозяйка не была бы забыта».

Сверхъ того, онъ еще дополнилъ, что нашъ домъ государь имѣлъ въ замѣчаніи очень хорошемъ по многимъ отношеніямъ (что сіи слова значатъ, — по многимъ отношеніямъ, ни я, ни Ульяна Андреевна не понимаемъ); сверхъ того, онъ припомнилъ разговоръ свой съ императрицей, бывшій до отъѣзда еще въ Крымъ, что государыня изволила сказать: «ваша хозяйка мнѣ съ перваго взгляда мнѣ понравилась, я не думала, чтобы она была русская, она похожа на англичанку». Сію ночь я опять иду на дежурство, и еще придется одинъ разъ дежурить 26 числа: караулъ при гробѣ въ церкви состоитъ изъ одного генерала, изъ трехъ дежурныхъ штабъ-офицеровъ, въ числѣ коихъ одинъ изъ статскихъ и два офицера на часахъ.

16 декабря.

XVI.

Почтеннѣйшій братецъ! Съ послѣдней почтой получена у насъ копія письма, посланнаго изъ Таганрога въ Петербургъ къ императрицѣ императрицею. Копія сія написана пофранцузски и съ русскимъ переводомъ, которую я когда показалъ г. Вилье, то онъ, не одобряя перевода, самъ въ ту минуту сѣлъ и перевелъ его, котораго копію и вамъ для любопытства посылаю. Сверхъ того, доложу вамъ, что я былъ на дежурствѣ 16-го числа и списалъ стихи съ

Кончина Императора Александра I.
Факсимиле гравюры И. Кулякова 1927 года.

образка, который государь носилъ на себѣ и который теперь лежитъ на его рукахъ: вотъ они: «Ты, Господи, путь мой направишь и отъ гибели меня избавишь, спасешь созданіе свое».

На оборотѣ распятіе Спасителя. Тѣло императора вывозить будутъ 26-го числа сего мѣсяца, для чего готовится 120 лошадей. Съ мѣста конвоировать будетъ лейбъ-казацкій полкъ до Бахмута, а тамъ смѣнитъ его Таганрогскій драгунскій полкъ, и такъ далѣе полки будутъ перемѣняться. Къ 25 февраля тѣло прибудетъ въ Царское Село. Императрица тоже всякій день, въ 7 часовъ вечера, изволяетъ ѣздить въ монастырь, но въ сіе время всѣ уходятъ изъ церкви, кромѣ одного камеръ-лакея, который, не входя въ церковь, ожидаетъ ея величество въ дверяхъ.

Разсказываютъ странный случай, когда государя вынесли изъ покоевъ на дворъ, то увидѣли орла, вверху парящаго, когда же тѣло вынесли на улицу, то и орелъ перемѣнилъ полетъ и продолжалъ летѣть, куда несли тѣло. О семъ меня увѣряли дежурный генераль и офицеръ, которые стоятъ на часахъ и которые сами видѣли.

Прощайте, будьте здоровы и благополучны.

19 декабря.

XVII.

За болѣзнью я вамъ не успѣлъ сказать, что Ульяна Андреевна опять была у императрицы, и вотъ какимъ случаемъ: императрица въ одно время спросила своихъ камеръ-юнгферинъ, давно ли у нихъ была мадамъ Мартосъ, и когда онѣ отвѣтили, что ужъ недѣли двѣ, какъ ея не видали, то императрица изволила сказать: «когда придетъ, то скажите мнѣ, я ее хочу видѣть». Послѣ сего и еще нѣсколько дней прошло, какъ Ульяна Андреевна послала спросить камеръ-юнгферинъ о здоровьѣ и просить ихъ къ себѣ, то онѣ отвѣчали, что заняты дѣломъ и просятъ къ себѣ. Ульяна Андреевна пошла, и, не зная ничего, сидитъ въ ихъ горницѣ и по своей манерѣ шутить, какъ вдругъ дверь изъ библіотеки отворяется, выходитъ императрица, проситъ мою Ульяну Андреевну къ себѣ въ библіотеку, и три четверти часа удостоила своей бесѣдою. Послѣ сего посѣщенія императрица вышла въ комнату камеръ-юнгферинъ и увидя, что онѣ очень суетятся укладкою вещей къ отъѣзду, изволила сказать: «не торопитесь, можетъ быть, мы еще останемся здѣсь», а на другой день, увидя князя Волконскаго, изволила сказать, что «мнѣ мадамъ Мартосъ не совѣтуетъ теперь ѣхать, подождемъ хорошаго времени и тогда поѣдемъ». Послѣ чего были посланы къ губернаторамъ увѣдомленія, что императрица оставляетъ свою поѣздку до другого времени, и чтобы лошади со станцій были распушены. Не очень давно императрица изволила спросить: «кажется, мадамъ Мартосъ хотѣла въ нашей церкви говѣть, не теперь

ли она говѣеть?» Камеръ-юнгферины отвѣчали, что она еще не говѣла, и что у нея и мужъ боленъ, да и дочь нездорова, на что императрица изволила сказать: «ахъ, бѣдная она, да есть ли у нихъ докторъ?» Ей отвѣчали, что ходитъ придворный лейбъ-медикъ Ренгольтъ. Ульяна Андреевна говоритъ, что послѣ того, какъ императрица была въ нашемъ саду, нѣтъ теперь никакого подобія, однѣ кости и кожа, и говорить долго никакъ не можетъ. Надобно вамъ знать, что придворные всѣ готовы летѣть изъ Таганрога, не смотря ни на время, ни на всѣ невозможности, такъ имъ Таганрогъ опротивѣлъ; но теперь останутся, и очень съ большимъ негодованіемъ, какъ сіе можно замѣтить изъ словъ нѣкоторыхъ особъ.

Если я буду въ состояніи окончить весь журналъ о болѣзни государя, которому будетъ принадлежать и описаніе посланной къ вамъ (?), то я пришлю его къ вамъ на разсмотрѣніе. Начиная дѣлать замѣтки, я никакъ не думалъ, чтобъ вышла изъ нихъ большая тетрадь, и притомъ довольно занимательная. Сверхъ сего, признаюсь вамъ, что я со времени приѣзда къ намъ покойнаго государя занимался собраніемъ его анекдотовъ, которые надобно также исправить, а нѣкоторые требуютъ того, чтобъ отыскать самыхъ людей и повѣрить¹⁾. Прощайте, будьте здоровы и благополучны.

27-го марта, 1826 года.

Представьте, какое лѣкарство мнѣ Ренгольтъ приказалъ употреблять! Пить почаще одну холодную воду и даже безъ сахару и безъ всякой примѣси, и больше ничего. Онъ утверждаетъ, что это самое первое лѣкарство отъ подагры. Сверхъ того, запретилъ принимать слабительныя.

XVIII.

Моя Ульяна Андреевна опять удостоилась быть 11-го числа у императрицы. Будучи у камеръ-юнгферинъ, императрица узнала о томъ и сама изволила выйти и просила Ульяну Андреевну къ себѣ въ кабинетъ; потомъ водила ее въ гостиную, показывала свои цвѣты, два горшка, которые императрица изволила сказать, что сама за ними смотрѣла и для памяти пришлетъ ихъ къ Ульянѣ Андреевнѣ, которые на другой день и изволила прислать. Благодарила Ульяну Андреевну, что она присовѣтовала ей не ѣхать въ столь дурную погоду, и жаловалась на свое нездоровье, показывая, что у нея очень грудь болитъ; но моя Ульяна Андреевна такъ не наплась, что не сказала ни одного слова, чтобы она еще здѣсь на время осталась, а только сказала: «какъ вашему величеству и теперь ѣхать при столь слабомъ здоровьи!». Ульяна Андреевна боялась, чтобъ на нее не разсердились, ибо и за прошлый разъ, кажется, князь

¹⁾ Ни «тетрадки», ни «анекдотовъ» въ бумагахъ Мартоса не найдено.

остался на нее недоволенъ, обѣщавъ прислать изъ оранжереи цвѣтовъ для нея, а потомъ отказалъ, и, будучи дней пять назадъ въ нашемъ саду, сказалъ: онъ не можетъ дать никакихъ цвѣтовъ, ибо они поступили уже въ вѣдомство градоначальника. Пасхи, по совѣту вашему, Ульяна Андреевна не смѣетъ поднести императрицѣ; впрочемъ, если хоть одна будетъ хорошо выпечена, то она спросить о семь камеръ-юнгферинъ. Къ крайнему сожалѣнію, императрица изволить уѣзжать 22-го числа сего мѣсяца, и все уже готово, и отъѣздъ ея величества всѣхъ насъ сокрушаетъ; какъ, между тѣмъ, всѣ придворные съ нетерпѣніемъ ожидаютъ сей минуты, такъ-то имъ здѣсь наскучило жить, и вообразите, какъ на грѣхъ, у насъ то холода, то безпрестанные дожди по сію пору, даже верба не распустилась, и у насъ въ саду ни одного еще цвѣточка не распцѣло, тогда какъ во всѣ прежніе годы теперь уже всѣ сады отцвѣтали.

14-го апрѣля.

XIX.

Почтеннѣйшій братецъ! Предположеніе ваше на счетъ пасхи сбылось, и за совѣтъ моя Ульяна Андреевна васъ благодарить наипокорнѣйше. Двѣ пасхи, одна прѣсная, а другая сладкая, вышли довольно удачны, и посему она наканунѣ праздника пошла къ камеръ-юнгферамъ, которыя одобрили ея намѣреніе, и потому она въ 12^{мъ} часу послала пасхи, положивъ на всякой букетъ цвѣтовъ и, сверхъ того, 6 горшковъ съ цвѣтами. Камеръ-юнгферины тотчасъ доложили императрицѣ, которая велѣла ихъ къ себѣ принести и велѣла поставить ихъ въ своемъ кабинетѣ, и приказала людямъ сказать, что ея величество лично будетъ благодарить мадамъ Мартосъ. Этотъ случай не могъ быть произведенъ по секрету. Женщина г-жи Бачмановой, находящаяся въ услуженіи при камеръ-юнгферинахъ, дала знать о семь госпожѣ своей, которая, желая сдѣлать сюрпризъ императрицѣ, послала и отъ себя пасху, только другіе говорятъ, что будто бы сіе сдѣлано поутру на первый день праздника, а другіе говорятъ—наканунѣ. Какъ бы сіе ни было сдѣлано, только вышло подражаніе. Посмотримъ, что будетъ дальше. На первый день праздника императрица изволила прислать Лонгинова просить къ себѣ Ульяну Андреевну на 20-е число, послѣ обѣдни. Подобнаго рода приглашеніе сопровождается какими либо отличіями, и потому позывъ сей родилъ во всѣхъ крайнее любопытство, чѣмъ онъ кончится. Назначенное число пришло; Ульяна Андреевна посылаетъ къ камеръ-юнгферамъ узнать, можетъ ли она къ нимъ прежде заѣхать. Отвѣтъ полученъ, что она должна во всей формѣ пріѣхать на парадное крыльцо прямо, гдѣ ее ужъ ожидаютъ. Помолясь Богу, моя Ульяна Андреевна отправилась во дворецъ, гдѣ тотъ

часть введена была въ гостиную, въ которой императрица ее встрѣтила и насаждала ей много благодарностей за ея одолженія, нѣсколько разъ плакали вмѣстѣ, и потомъ при прощаньи императрица изволила сказать: «увѣрю васъ, гдѣ бы я ни была, я васъ никогда не забуду». До того же изволила говорить, что ей Таганрогъ очень нравится, и если она будетъ жива, то непременно пріѣдетъ въ Таганрогъ. Многіе полагали, что ея прощанье будетъ ознаменовано какою либо особенною милостію, которая, кажется, была и назначена, но кажется, что князь исполненію сего помѣшалъ. Впрочемъ, мы очень благодарны и за ту честь, какою императрица насъ удостоила своимъ приглашеніемъ,—я говорю—насъ потому, что императрица и обо мнѣ два раза изволила спрашивать: выздоровѣлъ ли я, и совѣтовала беречься, говоря, что эта болѣзнь хотя мучительна, но за то долговѣчна. Въ первый день праздника князь прежде прислалъ два билета къ намъ, а потомъ самъ пріѣхалъ и, выходя отъ насъ, захотѣлъ быть въ саду; мы оба его провели въ оный, и онъ, не видя ни одного цвѣтка, смѣялся: «гдѣ же ваши тюльпаны, о которыхъ вы такъ много говорили?». Къ счастью, на другой день расцвѣло тюльпановъ около десятка, и такъ тотчасъ послали ихъ къ императрицѣ и два къ князю въ увѣреніе, что приходитъ время расцвѣтатъ имъ. Сверхъ того, одинъ кустъ расцвѣлъ крошечныхъ фіалочекъ, которые тотчасъ срѣзали и отослали къ императрицѣ, ибо императрица объ нихъ два раза говорила Ульянѣ Андреевнѣ; а въ самый день отъѣзда своего императрица велѣла всѣ наши горшки, а также и изъ своей оранжереи, какіе были горшки съ цвѣтами, отнести къ намъ, равно и букетъ тюльпановъ приказала отослать, говоря сіи слова: «я боюсь, что они въ дорогѣ поломаются, пусть они остаются у мадамъ Маргосъ»; а фіалочки сама вынула изъ стакана, обтерла, связала бѣлою ленточкою и положила себѣ за платье. Это цвѣты самые фаворитныя императрицѣ, и онѣ немного скидываютъ на незабудочки. Теперь у насъ большія заботы съ тюльпанами. Императрица просила выслать къ ней луковицъ, при сихъ луковицахъ мы хотимъ сдѣлать коллекцію всѣхъ цвѣтовъ, какіе только есть сихъ тюльпановъ. Накопали премножество, начали ихъ засушивать, но не впопадъ, сорвали во время дождя, и они цвѣта свои перемѣнили. Призвали для сего учителя ботаники, и сей, кажется, не лучше нашего знаетъ; два дня какъ онъ уже симъ дѣломъ занимается, но посмотримъ, какой будетъ конецъ, никто не знаетъ, для чего сіе приготовленіе дѣлаемъ, и кто насъ спрашиваетъ, то мы говоримъ, что вы любите очень цвѣты, и для васъ мы хотимъ сюрпризъ сдѣлать. Вы не повѣрите, сколько теперь начали заниматься цвѣтами; всѣ сходятъ съ ума на цвѣтахъ, даже Бачманова и ея дочь Шахматова не спятъ и бредятъ только цвѣтами. Я вамъ никогда, кажется, не писалъ, что мы на томъ мѣстѣ, гдѣ у насъ былъ корридоръ, между домомъ и флигелемъ, въ прошломъ году

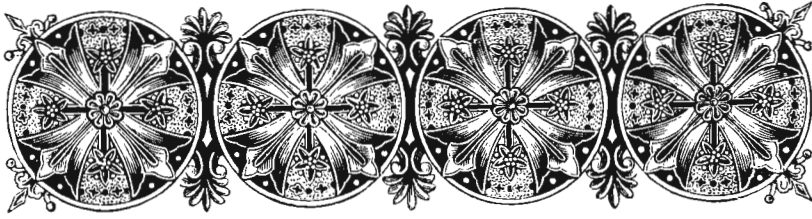
сдѣлали небольшую оранжерею, фасадъ которой и государю покойному понравился; онъ думалъ, что это придѣланъ къ дому залъ, и потому онъ разъ сказалъ: «вашъ домъ очень скрасила зала, которую вновь придѣлали»; но когда сказали, что это оранжерея, то онъ сказалъ: «а! это очень похвально, и когда я свой садъ разведу и устрою оранжерею, то можете отъ меня пользоваться цвѣтами». Сія оранжерея теперь довольно наполнена хорошими растеніями, которую неоднократно посѣщали фрейлины. Шахматова съ ума сходитъ и уже начала около своего дома дѣлать оранжерею. Мы смѣемся и говоримъ: можно теперь и сады разводить, и оранжерею строить, но кто въ нихъ будетъ бывать? Нѣтъ уже на свѣтѣ того, кто на сія вещи смотрѣлъ глазами знатока и охотника. Сія оранжерея сдѣлана во время управленія градоначальникомъ и стоитъ намъ 300 рублей, а теперь нельзя бы ея сдѣлать и за тысячу. Кончивши объ одномъ, начну теперь говорить о другомъ. Императрица передъ отъѣздомъ, желая оказать свою милость чиновникамъ, приказала потребовать отъ градоначальника списокъ тѣхъ чиновниковъ, коихъ онъ находитъ достойными къ подаркамъ. Сія записка послана была отъ князя, и я совсѣмъ о томъ не зналъ и еще лежалъ въ постели отъ болѣзни. О сей запискѣ нѣкоторые придворные сказали мнѣ по секрету, и я не зналъ, что дѣлать; но между тѣмъ, разсчитывая, кого же болѣе долженъ онъ, градоначальникъ, рекомендовать, какъ не меня, сдавшего ему городъ въ лучшемъ устройствѣ, и потому думалъ, что онъ перваго меня поставитъ, а потомъ и другихъ, но что-жъ бы вы думали? Градоначальникъ миновалъ меня и не болѣе десяти человекъ нашелъ достойными къ подаркамъ, тогда какъ онъ имѣлъ право обо всѣхъ сдѣлать списокъ и представить, ибо на то было желаніе самой императрицы. Говорятъ, что князь, получа сіе представленіе, сказалъ градоначальнику: «вамъ бы надобно было помѣстить въ своемъ представленіи тѣхъ чиновниковъ, о коихъ императрицѣ лично извѣстно, а при томъ вы помѣстили такихъ чиновниковъ, о коихъ вы сами мнѣ дурно говорили, и все ваше представленіе наполнено о подьячихъ и секретаряхъ». Какъ ко мнѣ два раза въ недѣлю пріѣзжалъ Лонгиновъ навѣщать въ болѣзнь, то я съ нетерпѣніемъ ожидалъ его видѣть. Наконецъ, онъ пріѣхалъ, и я безъ обиняковъ спросилъ его, состою ли я въ списокѣ. Лонгиновъ отвѣчалъ, что онъ прочиталъ представленіе и удивился, что я не былъ помѣщенъ, однакожъ за то никому не будетъ ничего, добавляя притомъ: «вашъ градоначальникъ странный человекъ, не пріѣхалъ спроситься, какъ это въ такихъ случаяхъ водится, и помѣстилъ Богъ знаетъ кого, частныхъ приставовъ и свою канцелярію, и тѣмъ испортилъ и другимъ». Кончилось тѣмъ, что по представленію никому ничего не дали, а роздали только подарки: полковнику, который стоялъ въ караулѣ, коменданту, флотскому офицеру, пріѣхавшему изъ Севастополя съ катеромъ, и почтмейстеру, а намъ всѣмъ

шипъ подъ носъ. Это послѣдствіе той благотворительной особы, о которой Иванъ Петровичъ писалъ, что меня за глаза съ нимъ познакомилъ; онъ готовъ всѣхъ насъ утопить въ лужѣ, да и опредѣлить къ намъ градоначальникомъ своего тону челоуѣка. Впрочемъ, при отъѣздѣ императрицы градоначальникъ получилъ дорогую табакерку съ вензелемъ императрицы, а сверхъ того, какъ онъ просилъ императрицу крестить сына, то и жена его получила дорогой фермуаръ. Итакъ, любезный братецъ, вы теперь видите всѣ странности, со мною случившіяся, и признаюсь, что я не могъ ихъ перенести равнодушно и было очень заболѣлъ. Могло ли что быть вѣрнѣе того, когда государь, будучи въ Черкасскѣ, раздавалъ милости многимъ чиновникамъ, а полковнику, который на караулѣ съ ротою своею здѣсь стоялъ, изволилъ сказать: «я тебя вмѣстѣ съ таганрогскими чиновниками награжу», а притомъ, бывши болѣе другихъ императрицѣ извѣстенъ, не могъ ли я навѣрное полагать, что получу какой ни на есть подарокъ; но, видно, Богу такъ угодно, что я при столь важныхъ и необыкновенныхъ случаяхъ ничего не получилъ. Да будетъ впередъ его святая воля надо мною! Отъ города испрашивали позволенія явиться къ государынѣ депутатамъ для изъявленія благодарности и для прощанья. Когда, получено было на сіе позволеніе, то граждане для поднесенія хлѣба избрали было меня, какъ гражданина, но градоначальникъ сказалъ головѣ, что Мартосу неприлично сіе дѣлать, какъ служащему чиновнику, отчего и былъ избранъ Павелъ Саватѣевичъ Шахматовъ.

Прощайте, желаю вамъ всякаго благополучія.

4-го мая.

НАВОДНЕНИЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ 2-го НОЯБРЯ 1895 ГОДА.

ПЕТЕРБУРГѢ, какъ извѣстно, періодически подвергается наводненіямъ, во время которыхъ низменныя части города страдаютъ болѣе или менѣе ощутительно, въ зависимости отъ высоты поднятія воды.

О первомъ, исторически доказанномъ наводненіи еще до закладки Петербурга, въ 1691 году сообщаетъ Веберъ, бывшій въ Россіи саксонскимъ резидентомъ при Петрѣ Великомъ. Въ это время, по его словамъ, вода достигала до 25 футовъ высоты, потому что доходила до крѣпости Ніеншанца, лежавшей на мѣстѣ нынѣшней Охты. Значитъ, вся площадь, занимаемая нынѣшнимъ Петербургомъ, была подъ водою, и мѣстные рыбаки спасались на Дудергофскія высоты. Если это такъ, то можно себѣ представить, что за грандіозное по размѣрамъ было это наводненіе.

Слѣдующее наводненіе въ 1715 году Веберъ видѣлъ самъ, но по его описанію заключить о высотѣ воды нельзя. Ближайшее къ этому наводненіе было въ 1716 году. Источники того времени не говорятъ о томъ, что происходило въ этотъ день въ Петербургѣ, но въ Ревелѣ «военную шведскую гавань разорило и три корабля на берегъ выкинуло». Случилось это утромъ 13-го ноября. Значитъ, въ Петербургѣ высшій моментъ наводненія пришелся на ночь. Веберъ же описываетъ и наводненіе 1721 года, случившееся также въ ноябрѣ. Тогда Петропавловская крѣпость, которую начали строить въ 1706 году, и Ладожскій каналъ, начатый въ 1716 году, были въ многихъ мѣ-

ствахъ повреждены. По улицамъ «вода мчала съ неимоверною быстротою разными суда и множество лѣсу». Черезъ пять дней несчастіе повторилось, но не сильно. Послѣ этого наводненія впервые былъ читанъ на всѣхъ перекресткахъ при барабанномъ боѣ указъ: «Какъ вода начнетъ прибывать, то весь рогатый скотъ и лошадей отсылать въ лѣсъ» (въ то время Петербургъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ лѣсомъ). Императоръ Петръ I не раздѣлялъ общаго всѣмъ страха передъ явленіемъ природы, а «во время той высокой воды и шторма, выѣхавъ на буерѣ отъ Зимняго дворца, на лугъ, окружающій Адмиралтейство, изволилъ тѣшиться лавированіемъ между церковью св. Исаакія и Греческою». Далѣе насчитываются поднятія воды 23-го ноября 1723 года на 7 футовъ 7 дюймовъ (по другимъ свѣдѣніямъ 8-го ноября) и 5-го ноября 1725 года. Первое описывается современникомъ такъ: «Въ сію ночь дулъ вѣтръ со всею жестокостью, и вода поднялась въ 3 часа такъ высоко, что выступила изъ всѣхъ каналовъ... Происшествіе сіе нанесло множество безпокойства и причинило значительные убытки». О второмъ упоминаетъ академикъ Крафтъ, но не даетъ ни описанія, ни доказательствъ его. Поэтому оно остается подъ сомнѣніемъ. Слѣдующее наводненіе, достигавшее 8 футовъ 2 дюймовъ, произошло 1-го ноября 1726 года. Послѣ него Екатериною I былъ изданъ указъ: «Понеже отъ прибылой нечаянной воды, за низостью здѣсь въ строеніяхъ, обывателямъ есть не безъ разоренія; того ради, сожалья о нихъ, ея императорское величество указала: для опасности отъ такой же воды, всякое строеніе впредь кому гдѣ надлежитъ строить, выше нынѣшней (1726 г.) бывшей воды на футъ и для того вездѣ на строеніяхъ поставить знаки; о чемъ въ народъ и архитекторамъ объявить». Чулковъ, авторъ «Историческаго описанія россійской комерціи», утверждаетъ, что послѣ этого наводненія выступилъ изъ воды островокъ Буянъ, тотъ самый, который теперь называется Пеньковымъ буяномъ.

12-го октября 1729 года снова «была высокая вода», затопившая всѣ острова. Наводненіе это описано въ примѣчаніяхъ къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» 28-го октября 1729 года.

Высокая вода была также 15-го сентября 1732 года, попортившая много сооружений, и 10-го сентября 1736 года. Въ этотъ день были затоплены почти всѣ части города, и «вѣтръ пробѣгалъ въ одну секунду 123 фута».

Наиболѣе памятнымъ было наводненіе 17-го августа 1744 года. Ему предшествовала сильная убыль воды въ каналахъ, а затѣмъ слѣдовало поднятіе. На крѣпостныхъ воротахъ въ Петербургѣ было, по словамъ Крафта, отмѣчено чертою на высотѣ 8 футовъ 5 дюймовъ наводненіе 22-го октября 1752 года. Вода залила весь городъ за исключеніемъ Литейной части и острова, гдѣ теперь стоятъ Александро-Невская лавра. Наводненіе это повторилось 25-го, 26-го и

27-го октября, а 28-го при полномъ безвѣтріи вода стояла высоко цѣлыя сутки.

Въ 1756 году наводненіе достигало 7 футовъ 3 дюймовъ по однимъ источникамъ и 8 футовъ по другимъ. Изъ одного изъ сенатскихъ указовъ видно, что и въ 1757 году была жестокая буря и наводненіе.

Очевидецъ, иностранецъ Тукъ, рассказываетъ: «Послѣднее и разорительное наводненіе случилось 10-го сентября 1777 года, три дня послѣ новолунія и во время самаго низкаго стоянія барометра. Почти весь С.-Петербургъ былъ на два локтя подъ водою, а Васильевскій островъ и Петербургская сторона претерпѣли весьма много: малые дома, мосты и деревья сдѣлались жертвою сего наводненія. Галіоты, бота и большія барки причинили также неизмѣримый вредъ, ибо плавали по улицамъ».

По поводу этого наводненія былъ изданъ новый указъ, и нѣкоторыя изъ предписаній его выполняются еще и теперь. Но большая часть ихъ уже сдана въ архивъ. Въ указѣ этомъ говорится слѣдующее:

«Когда въ Коломнахъ и по оконечности Васильевского острова (т. е. въ слободахъ Галерной гавани) вода на берега выходитъ начнется, то данъ будетъ сигналъ для Коломенъ изъ Подзорнаго дома (нынѣ Лопманскій островокъ), а для Васильевского острова въ Галерной Гавани, тремя выстрѣлами изъ пушекъ, и въ обоихъ сихъ мѣстахъ поднять будетъ на шпицахъ днемъ красный флагъ, а ночью по три фонаря; для жителей въ Коломнахъ учрежденъ будетъ пекеть у Калинкина моста, отъ котораго по первой пушкѣ пойдетъ барабанщикъ до Алатченина (Аларчина) мосту и обойдетъ Коломню, бивъ въ барабанъ; то же будетъ сдѣлано и въ Галерной гавани, отъ стоящей близъ оной гауптвахты, отъ коей барабанщикъ по слободѣ ходить и въ барабанъ бить будетъ, не для того, чтобъ отъ сей прибыли и въ другихъ частяхъ города опасность отъ наводненія была, но токмо, чтобъ обыватели въ оныхъ про то знали, и въ Коломнѣ и по оконечности Васильевского острова живущіе въ дома возвращались; сдѣланъ будетъ сигналъ изъ Адмиралтейства поднятіемъ на шпицѣ со всѣхъ четырехъ сторонъ по красному флагу, а ночью по фонарю. Въ случаѣ же возвышенія воды до такого градуса, что можетъ пролиться и внутрь города, тогда для всѣхъ въ ономъ жителей сдѣланъ будетъ сигналъ въ Адмиралтейской крѣпости, пятью выстрѣлами изъ пушекъ, и выставлены будутъ на Адмиралтейскомъ шпицѣ со всѣхъ четырехъ сторонъ днемъ бѣлые флаги, а ночью по два фонаря; то по сей стрѣльбѣ къ бужденію жителей къ предосторожности будутъ бить въ Адмиралтействѣ въ колоколь, но токмо не набатнымъ, но продолжительнымъ звономъ. Къ вящему спасенію людей содержаны быть имѣютъ при Коломнахъ въ двухъ мѣстахъ довольное число гребныхъ большихъ судовъ, а именно: у

Алатченина (Аларчина) мосту и на рѣкѣ Пряжкѣ, которымъ въ случаѣ наводненія, гдѣ нужда требовать будетъ, подъѣзжать и всякое вспоможеніе чинить повелѣно, что сдѣлано будетъ и съ партикулярной верфи».

Изъ предписаній этого указа отошли въ область преданій барабанщикъ, колокольный звонъ и большія гребныя суда; сигналы же флагами и фонарями и пушечные выстрѣлы сохранились и до сихъ поръ.

Сохранились еще воспоминанія о двухъ наводненіяхъ: 1788 и 1802 годовъ. Въ эти годы вода поднималась до 7 футовъ 5 дюймовъ. За ними слѣдовало грозное и достопамятное наводненіе 7-го ноября 1824 года, во время котораго вода въ Петербургѣ поднялась до 13 футовъ 7 дюймовъ. Это страшное несчастіе было описано подробно какъ очевидцами, такъ и позднѣйшими изслѣдователями, а потому я на немъ и оканчиваю этотъ краткій историческій обзоръ.

Перехожу къ наводненію въ ночь съ 1-го на 2-е ноября 1895 года. Оно наступило вдругъ, и въ 2 часа 50 минутъ ночи вода достигла высоты почти 8 футовъ. Въ затопленныхъ мѣстахъ почти всѣ спали.

Предвѣстники наводненія были еще съ вечера (о нихъ я буду говорить подробнѣе ниже), и потому всякому, покажется страннымъ, какъ рѣшились люди лечь спать, когда съ моря надвигается вода. Объясняется это тѣми порядками, которые заведены въ Петербургѣ при наводненіяхъ еще испоконъ вѣка. Когда вѣтеръ дуетъ съ моря и нагоняетъ воду до трехъ футовъ выше обычнаго уровня, то палаты изъ пушекъ черезъ опредѣленные промежутки времени. Первые выстрѣлы производятся въ Галерной гавани, т. е. именно тамъ, гдѣ и слѣдуетъ. Если вода идетъ выше, то пушки въ Гавани умолкаютъ, и пальба начинается съ Петропавловской крѣпости. Во время наводненія 2-го ноября сильный вѣтеръ относилъ звуки выстрѣловъ съ крѣпости въ противоположную сторону, и гаваньцы ихъ не слышали. Видя, что ихъ пушки безмолвствуютъ, они успокоились и, въ надеждѣ на милосердіе Божіе и на русское авось, уложились дѣтей и сами улеглись спать.

Помощникъ директора главной физической обсерваторіи, генераль М. А. Рыкачевъ, дѣлая въ Русскомъ Техническомъ Обществѣ сообщеніе о возможности предсказывать наводненія, сообщилъ, между прочимъ, очень характерный фактъ. Вода все шла на прибыль, а обитатели низкихъ мѣстъ безмятежно спали. Бодрствовала только полиція.

— Отчего вы не начинаете будить народъ? Вода поднимается,—спросилъ помощникъ директора обсерваторіи городского.

— Выстрѣловъ нѣтъ,—отвѣтилъ городской.

Онъ былъ правъ. По всему Петербургу раздавалась частая ночная канонада, отъ которой по временамъ дрожали въ окнахъ стекла, а на Васильевскомъ островѣ, въ самомъ опасномъ мѣстѣ, никто

этой канонады, благодаря противному вѣтру, не слышаль. Полиція потомъ будила обывателей и будила очень энергично, но это было уже тогда, когда вода нахлынула и сама заявила о себѣ. Фактъ этотъ показываетъ, что сигнализациа съ помощью пушекъ цѣли не достигаетъ.

Спали гаваньцы и обитатели прочихъ низкихъ, заливаемыхъ водою, мѣстъ еще и потому, что небольшія, неопасныя поднятія воды въ Петербургѣ не рѣдкость. Поднимается вода, постоитъ немного и уйдетъ обратно. По даннымъ главной физической обсерваторіи, наводненій неопасныхъ въ среднемъ бываетъ по два въ годъ, а въ 1879 и въ 1890 годахъ ихъ было по шести. При такихъ условіяхъ можно привыкнуть и, если при этомъ не слышно пушекъ, то можно и укладываться спать.

Наводненія наши интересны еще и въ томъ отношеніи, что большинство ихъ происходитъ осенью и преимущественно въ октябрѣ. Днемъ они случаются рѣже, чѣмъ ночью. Изъ 38 наводненій послѣднихъ лѣтъ 23 случились ночью и только 15 произошли днемъ.

Наводненіе 1—2 ноября по своей силѣ считается третьимъ въ XIX столѣтіи и вторымъ послѣ большого августовскаго наводненія 1890 года. Оно настолько характерно, что я позволю себѣ нѣсколько остановиться на немъ, подкрѣпляя свои наблюденія нѣкоторыми цифрами изъ доклада ген. М. А. Рыкачева въ Техническомъ Обществѣ.

Въ эту памятную ночь я нѣсколько разъ ѣздилъ на Неву къ Дворцовому мосту. Тамъ прикрѣплена мѣрка (футштокъ), раздѣленная на футы и дюймы, и туда обыкновенно стекается публика слѣдить за прибылью и убылью воды. Какъ только раздается пушечный выстрѣлъ, такъ въ этомъ мѣстѣ въ короткое время собирается толпа, и стоящій здѣсь на посту городской дѣлается страдальцемъ. Ему приходится непрерывно отвѣчать публикѣ на настойчивые разспросы о высотѣ воды и о ея прибыли и убыли.

Вечеромъ 1 ноября вода была на 1—2 фута ниже ординара, не смотря на то, что цѣлый день съ утра дулъ съ моря свѣжій вѣтеръ. Дулъ онъ порывами, такъ что всѣ проходившіе по мосту сразу хватались за шапки, какъ будто ими дирижироваль невидимый капельмейстеръ. Нева была очень непривѣтлива—холодная и бурная. Небо то покрывалось разорванными въ ключья облаками, то становилось чистымъ. Пока я въ одну изъ этихъ ночныхъ поѣздокъ къ Невѣ проѣхалъ по Невскому отъ Литейнаго къ Адмиралтейству, я два раза видѣлъ на небѣ звѣзды, и два раза ихъ застлало тучами.

Часамъ къ девяти вечера поднятіе воды стало очень замѣтнымъ. Дворцовый мостъ выгорбился, и въ вагоны конки стали припрягать, вмѣсто одной, двѣ пристяжныхъ. На башнѣ Адмиралтейства уже были вывѣшены обычные при наводненіяхъ красные фонари, извѣщающіе публику о томъ, что вода поднялась до трехъ футовъ. Нѣ-

Галерная гавань (со стороны Смоленскаго поля) на второй день полсть на водненія.

сколько ранѣе въ городъ донеслись изъ Галерной гавани пушечные выстрѣлы; но они были такъ слабы, что одна часть публики слышала ихъ, а другая—нѣтъ.

Въ десять часовъ вечера Дворцовый мостъ поднялся еще выше, но немного. Вода прибывала очень медленно. Движеніе конки было прервано, но пѣшеходное сообщеніе въ Васильевскимъ островомъ продолжалось безпрепятственно. Въ это время опредѣлить направленіе вѣтра простымъ ощущеніемъ было трудно даже на мосту. Казалось, будто онъ мѣнялся самымъ капризнымъ образомъ: то подуетъ въ лицо, то сильный порывъ его ощущается сзади, то онъ дуетъ со стрѣлки, то, наконецъ, отъ Адмиралтейства. Наблюдать футштокъ за темнотою было уже нельзя, да и ступени, ведущія къ нему, были во избѣжаніе опасности загорожены рогатками.

Въ послѣдній разъ я былъ здѣсь между полуночью и часомъ. Картина была та же. Вѣтеръ дулъ такими же порывами, какъ и раньше. Нева была черна и непривѣтлива. Въ ней не видно было обычнаго отраженія огоньковъ отъ фонарей университетской набережной. По временамъ только показывались набѣгавшіе къ берегу сѣрые гребешки волнъ. Мостъ также былъ заставленъ рогатками. О высотѣ воды безъ футштока судить было трудно. Пушекъ не было. На мой вопросъ городской повторилъ, вѣроятно, уже тысячу разъ произнесенную имъ фразу:

— 4 фута 2 дюйма. Пошла на убыль.

Съ этимъ я и уѣхалъ домой.

Съ наводненіями я былъ знакомъ раньше и по показаніямъ футштока могъ почти безошибочно опредѣлить, что дѣлается въ Гавани. При той высотѣ воды, которую мнѣ назвалъ городской, ждать опасности не было резона. По моимъ соображеніямъ, вода могла дойти до ближайшихъ къ берегу домовъ Наличной улицы—и только. Стало быть, жители Гавани могли спать спокойно. По словамъ городского, вода пошла уже на убыль, слѣдовательно опасность миновала, и можно было надѣяться на благополучный исходъ.

Но этой надеждѣ не суждено было осуществиться. Съ половины второго ночи снова стали раздаваться учащенные выстрѣлы. Вода пошла на прибыль и попла быстро. Отъ 1 до 2 часовъ она сразу поднялась на 2 фута 4 дюйма и еще черезъ часъ достигла уже высоты 7 футовъ 11 дюймовъ, т. е. восьми футовъ безъ одного дюйма. Нахлынула она волною, прикатившейся въ Неву изъ Финскаго залива съ удивительной для такой громадной массы быстрою. Въ это именно время въ Гавани и другихъ низкихъ мѣстахъ и происходили тѣ драмы, о которыхъ говорится въ приведенныхъ ниже отрывкахъ изъ писемъ.

Совершивъ свое опустошительное дѣло, вода пошла на убыль такъ же быстро, какъ и нахлынула. Но уже настало утро, и было свѣтло, а въ Гавани все еще плавали по улицамъ на лодкахъ.

II.

Въ эту же ночь пострадали и другія части Петербурга. Вода залила подвалы на Васильевскомъ островѣ на пространствѣ между Смоленскимъ кладбищемъ и Малымъ проспектомъ. Здѣсь вышла изъ береговъ рѣчка Смоленка. Въ этой мѣстности пушечныхъ выстрѣловъ также не было слышно, и обитатели спали сномъ праведниковъ. Будить ихъ приходилось отчасти полиціи, отчасти же ихъ подняла съ постелей сразу нахлынувшая вода. Здѣсь, на узенькой рѣчкѣ Смоленкѣ, особенно рельефно сказалось то явленіе, что наводненіе надвигалось волною.

Послѣ этого наводненія редакціей «Новаго Времени» была открыта подписка въ конторѣ газеты, или, вѣрнѣе, приѣмъ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ наводненія. Отыскиваніе этихъ бѣдныхъ и раздача имъ пожертвованныхъ денегъ были возложены редакціей на меня. Впослѣдствіи ко мнѣ присоединился и А. Н. Черманъ. Занимаясь раздачей, мы получили массу писемъ отъ пострадавшихъ. Изъ нихъ я позволяю себѣ привести нѣсколько выдержекъ, характеризующихъ силу наводненія. Вотъ онѣ:

...«Пострадали тяжело отъ наводненія въ ночь съ 1 на 2 ноября, «потеряли все свое имущество и даже здоровье. Едва спаслись отъ «явной гибели, потому что вода застигла сонныхъ, и не было никакой возможности думать о спасеніи своего крайне бѣднаго имущества, котораго мы теперь лишились. Умоляемъ помочь намъ. Мы «всѣ страдаемъ теперь болью во всемъ тѣлѣ. Убѣдительно просимъ» и т. д.

...«Проживаемъ на самомъ берегу... съ семьёю дѣтьми. Имущество, побывавшее въ водѣ, погибло все. Дѣти, побывавшія въ водѣ, «хвораютъ... Представить себѣ невозможно ужасъ, когда дѣтей нашихъ сонныхъ и голыхъ на рукахъ пришлось тащить по водѣ «свыше груди. Крики о помощи всѣхъ проживающихъ въ нашемъ «домѣ были отчаянные. Не оставьте ради Бога безъ помощи» и т. д.

...«Какъ пострадавшій во время наводненія, я, какъ старый чело­вѣкъ, болѣзненный, пострадалъ, ходя въ квартирѣ по самую грудь «въ водѣ, и испортилъ этимъ и безъ того свое плохое здоровье при «лѣтахъ моихъ 72 отъ роду... Убѣдительно прошу и умоляю ваше «превосходительство» и т. д.

...«Я съ шестью малолѣтними дѣтьми едва могла спасти ихъ, не «говоря объ имуществѣ, которое совершенно попорчено. Вода такъ «быстро и неожиданно залила наше подвальное помѣщеніе, что не «было никакой возможности думать о спасеніи имущества. Поло­женіе наше было настолько ужасно, что не поддается равно ни­«какому описанію. Я ходила въ квартирѣ по самыя плечи въ водѣ. «Это вы можете усмотрѣть въ нашей квартирѣ, въ которой видны «ясно и явно на стѣнахъ слѣды воды. Одежда дѣтей и теперь еще

«не повысохла. Перины и матрастики дѣтей совершенно теперь негодны. Одно было спасеніе—бѣжать въ верхній этажъ съ дѣтьми-крошками и проживающими со мною въ одной квартирѣ... Если не послѣдуетъ вашего милосердія о помощи намъ, то положеніе наше дойдетъ до крайнихъ предѣловъ нищеты, и придется идти съ сумою».

...«Осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить посѣтить насъ, потерпѣвшихъ отъ наводненія, которыхъ вы еще не успѣли посѣтить, «но между прочимъ вода была по шею»...

...«Съ двумя дѣтьми я припадаю къ благотворительнымъ стопамъ вашимъ, дорогой благодѣтель, прошу протянуть руку помощи, за что молю Всевышняго, такъ что намъ отъ воды была одна погибель»...

...«Все скудное мое имущество размокло и развалилось. Самъ я «и дѣти сильно простудились, и теперь положительно нечѣмъ обогрѣться и обсушиться»...

Эти выдержки, взятые почти безъ выбора изъ огромной пачки писемъ и прошеній (около 300), достаточно характеризуютъ то ужасное положеніе, въ которомъ находились жители низкихъ окраинъ Петербурга въ ночь съ 1 на 2 ноября.

На Петербургской сторонѣ вода побывала на Александровскомъ проспектѣ, на улицахъ Корпусной, Колтовскихъ, Провіантской, Спасской, Бѣлозерской, Грязной и на Кронверкскомъ проспектѣ. Опустошенія здѣсь произведены значительныя. Была ли вода на другихъ островахъ,—миѣ не удалось узнать съ точностью. Ни съ Крестовскаго, ни съ Елагина, ни съ Каменнаго писемъ и просьбъ не поступало.

Въ самомъ Петербургѣ особенно пострадала Коломна. Намъ пришлось раздавать пособія въ Коломнѣ по Садовой, Екатерининскому каналу, Фонтанкѣ, Англійскому проспекту и по рѣкѣ Пряжкѣ. Въ общемъ пространство, охваченное наводненіемъ, было довольно велико.

Теперь, когда тревога, вызванная этимъ стихійнымъ явленіемъ, уже улеглась, и о прошедшемъ можно разсуждать спокойно, я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о возможности предсказывать наводненія. Идея эта, о чемъ я уже упомянулъ выше, была высказана въ Техническомъ обществѣ помощникомъ директора Главной физической обсерваторіи М. А. Рыкачевымъ и вызвала всеобщія симпатіи, какъ очень дѣльная и удобовыполнимая.

Дѣло въ томъ, что наводненія были и несомнѣнно будутъ еще и впереди. Существуетъ масса проектовъ оградить Петербургъ отъ этого несчастія, но пока хотя одинъ изъ нихъ осуществится, необходимо придумать какой бы то ни было, хотя бы даже палліативный, способъ для того, чтобы наводненія причиняли какъ можно меньше матеріальнаго ущерба людямъ, которые и безъ того бѣдны. Самымъ радикальнымъ средствомъ было бы, конечно, поголовное переселеніе всѣхъ гаваньцевъ на болѣе высокія мѣста, но такъ какъ

этого сдѣлать сразу, вдругъ нельзя, то приходится ограничиваться тѣми мѣрами, которыя находятся въ напемъ распоряженіи въ настоящее время и не требуютъ большихъ затратъ. Къ числу этихъ мѣръ почтенный метеорологъ относитъ услуги, которыя можетъ оказать физическая обсерваторія.

Условія, при которыхъ Петербургъ подвергается наводненіямъ, изучены теперь метеорологіей на столько, что уже выведено общее правило, которое въ короткихъ словахъ можно передать такъ. Если на Финскомъ заливѣ возникаетъ самостоятельно или приносится съ Атлантическаго океана барометрической минимумъ; если въ то же время на юго-востокѣ Россіи стоитъ барометрической максимумъ и если, наконецъ, минимумъ, о которомъ только что шла рѣчь, въ своемъ поступательномъ движеніи проходитъ сѣвернѣе Петербурга, то наводненіе всегда возможно, такъ какъ на Финскомъ заливѣ въ это время господствуютъ именно тѣ вѣтры; которые гонятъ воду въ дельту Невы. Если же минимумъ проходитъ южнѣе Петербурга, то опасаться повышенія воды нѣтъ надобности: при дующихъ въ это время вѣтрахъ его быть не можетъ.

Въ Финскомъ заливѣ вода поднимается раньше, нежели въ Невѣ. Такъ въ Ганге 1—2 ноября вода поднялась на одиннадцать часовъ раньше. Волна, слѣдовательно, катилась по залву очень медленно. Если на пути этой волны поставить метеорологическіе сторожевые, наблюдательные пункты, которые по телеграфу сообщали бы въ Петербургъ о тѣхъ часахъ, когда въ нихъ поднимается вода, то физическая обсерваторія, согласуя эти телеграммы съ метеорологической картою дня, могла бы вычислить скорость движенія и силу надвигающейся на Петербургъ высокой волны и была бы въ состояніи предупредить обывателей за нѣсколько часовъ о возможности наводненія. За это время гаваньцы и обитатели другихъ мѣстъ успѣли бы заблаговременно переташить свои пожитки въ верхніе этажи и избавились бы отъ грустной необходимости ходить по поясъ и по горло въ холодной водѣ. И сами они и дѣти ихъ были бы избавлены отъ простудъ.

Такова идея М. А. Рыкачева. Для того, чтобы организовать такія предсказанія, онъ проектируетъ основать наблюдательные метеорологическіе пункты на сѣверномъ берегу Финскаго залива въ Ганге, Фридрихсгамѣ и Транзундѣ, на южномъ берегу—въ Ревелѣ и при Нарвскомъ маякѣ и по срединѣ залива—на островахъ Гогландѣ, Сескарѣ и Кронштадтѣ. Въ виду того, что наводненія происходятъ иногда и отъ мѣстныхъ вѣтровъ, дующихъ въ Финскомъ заливѣ, предсказанія не всегда будутъ безусловно точными, но это нисколько не помѣшаетъ дѣлу. Предсказанія о буряхъ и штормовыя предостереженія, разсылаемая обсерваторіей по всей Россіи, сбываются также не всегда, тѣмъ не менѣе никто не сомнѣвается въ ихъ пользѣ. То же самое было бы и съ предсказаніями о наводненіяхъ.

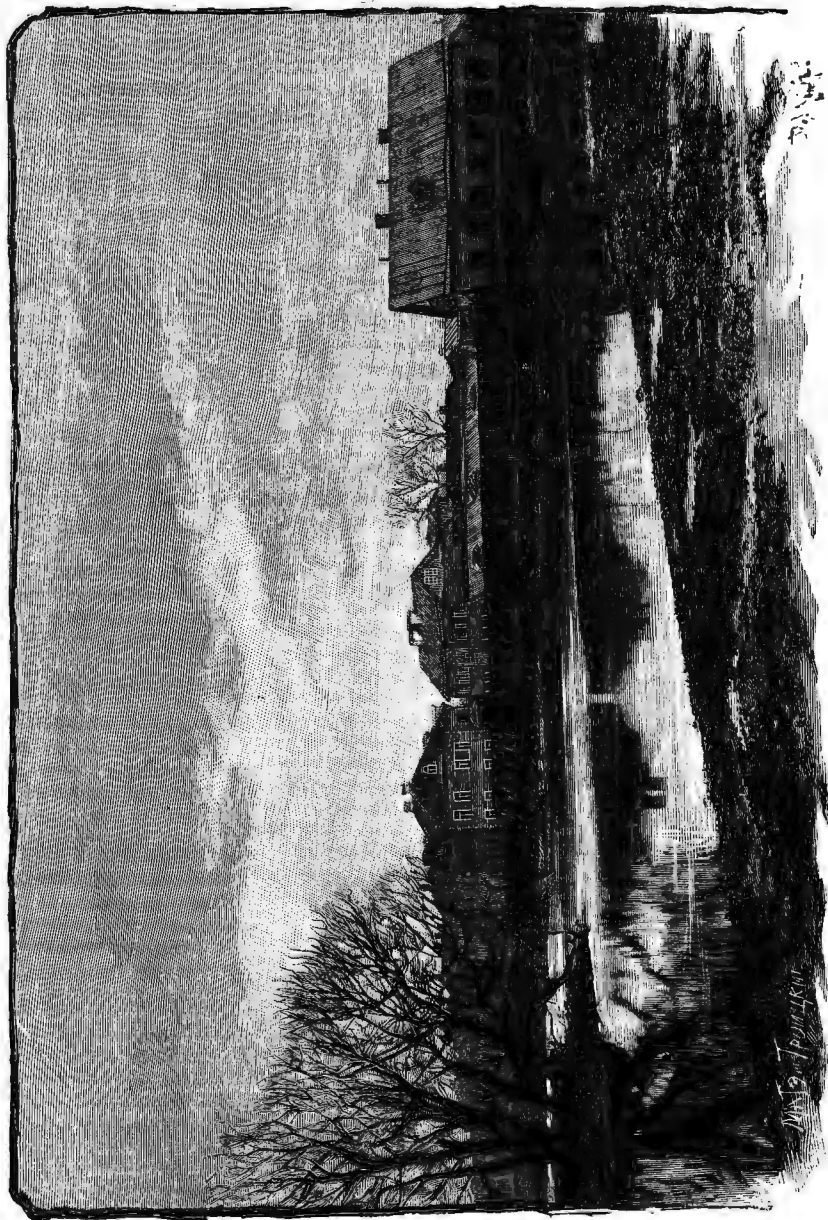
Устройство наблюдательныхъ пунктовъ стоило бы ничтожныхъ денегъ: въ видѣ единовременной затраты на первоначальное устройство и обзаведеніе станцій около 8 тысячъ и затѣмъ въ видѣ ежегодныхъ расходовъ на жалованье наблюдателямъ, которое М. А. Рыкачевъ выразилъ въ очень скромной цифрѣ—по 250 рублей въ годъ на человѣка. Нѣтъ сомнѣнія, что такія небольшія деньги въ Петербургѣ найдутся, и что эти пункты будутъ устроены въ недалекомъ будущемъ. Теперь же я возвращусь къ прошедшему.

III.

Когда организованъ былъ въ конторѣ «Новаго Времени» приемъ добродетельныхъ пожертвованій въ пользу пострадавшихъ, и они полились щедрымъ потокомъ, раздача пособій была возложена первоначально на меня. Но уже съ перваго же дня хожденія по Галерной гавани выяснилось, что задача эта одному человѣку не по силамъ, и потому я очень обрадовался, когда на помощь мнѣ, по собственной инициативѣ, пришелъ А. Н. Черманъ. Дальнѣйшую раздачу и посѣщеніе подваловъ мы совершали съ нимъ уже вдвоемъ до самаго конца этой операціи, втеченіе почти двухъ съ половиною недѣль. Во время этихъ путешествій мы насмотрѣлись вдоволь всего: и нищеты, и горя, и болѣзней, и отчаянія, и радостей, и притворства, и попрошайничества, и разврата и, наконецъ, были свидѣтелями того оштрафованнаго состоянія голодныхъ и пьяныхъ людей, передъ которымъ намъ приходилось отступать, а въ двухъ случаяхъ даже и прямо спасаться.

Раздача пособій началась 11-го ноября и окончилась 30-го. Въ первый день раздавалъ я одинъ. Картины, на которыя я наткнулся, далеко не были обычными какъ съ вѣшной, такъ и съ внутренней стороны. Впрочемъ, я былъ нѣсколько подготовленъ къ нимъ. Второго ноября, послѣ наводненія, я побывалъ въ Гавани съ фотографическимъ аппаратомъ. Я засталъ тамъ еще много воды, много затопленныхъ домовъ, поломанныхъ заборовъ, снесенныхъ мостковъ, плавающихъ бревенъ и досокъ и даже большой, тяжелый боть, выброшенный далеко на сушу и, точно въ насмѣшку, оставленный водою подъ окнами одного дома на перекресткѣ двухъ улицъ.

Жители Гавани ходили унылые, озабоченные и усталые послѣ бессонной ночи. Одни изъ нихъ ходили торопливо, другіе же двигались медленно и безцѣльно, напоминая собою тѣ печальныя и растерянныя фигуры, которыя встрѣчаются на пепелищахъ только что потушенныхъ пожаровъ. На однихъ лицахъ была написана озабоченность и суетливость, другія же смотрѣли апатично и даже тупо. На двухъ углахъ Наличной улицы двѣ сосѣдки жаловались громко другъ другу на свои потери, и одна изъ нихъ плакала и причитала:

Галерная гавань (со стороны Шкиперскаго протока) на второй день послѣ наводнения.

— Все, какъ есть, до ниточки мокрое; дрова унесло-о, ни одного полѣшка не оста-а-лось...

Одни только дѣтишки беззаботно бродили по лужамъ и перебрасывались щепочками и мокрою корою отъ дровъ.

Все это до извѣстной степени должно было меня подготовить; но та дѣйствительность, съ которою мнѣ пришлось столкнуться недѣлю спустя, превзошла самую пылкую фантазію. Достаточно будетъ указать на то, что на Васильевскомъ островѣ нѣсколько дней выкачивали воду изъ погребовъ пожарные съ помощью насосовъ и паровыхъ машинъ. Въ Гавани же ее вычерпывали изъ подвальныхъ квартиръ ведрами и ждали, пока она сама всосется въ почву. Все это сказалось впоследствии страшной сыростью, холодомъ и массою простудныхъ болѣзней, преимущественно ревматизмовъ.

Въ первый день я поѣхалъ въ Гавань только съ 50-ю рублями, пожертвованными неизвѣстнымъ мнѣ лицомъ, скрывшимъ свое имя подъ литерою Г. Конвертъ съ этими деньгами передала мнѣ редакция съ просьбою раздать наиболѣе пострадавшимъ по моему усмотрѣнію. Бѣдучи въ Гавань, я смотрѣлъ на это порученіе, какъ на случайное, и не подозрѣвалъ, что моя статья въ «Новомъ Времени» вызоветъ такой щедрый потокъ благотворительности.

Первые адреса пострадавшихъ я досталъ въ Гавани у мѣстнаго околоточнаго надзирателя, и первая квартира, куда я попалъ, оказалась затхлымъ и сырымъ подваломъ, въ который надо было спуститься внизъ по двумъ ступенямъ. Окна у этой квартиры находились почти у самаго потолка. Вся квартира состояла изъ небольшой угловой комнаты, маленькаго бокового чуланчика, занятаго тяжелой, полуразрушенной кроватью, и изъ небольшой кухни съ русскою печью. Стѣны оклеены дешевыми обоями съ грязнымъ и сырымъ бордюромъ на томъ уровнѣ, до котораго доходила вода. На очагѣ печи трещить нѣсколько щепочекъ подъ горшкомъ съ какимъ-то варевомъ. Надъ очагомъ на веревочкѣ висятъ дѣтскіе рваные чулки, пальтишки и рубашенки. Все это было повѣшено для просушки и виситъ уже шестыя сутки. Во всей квартирѣ—сыро, и деревянный некрашенный полъ напоминаетъ, отъ скопившейся подъ нимъ почвенной воды, только что вымытый полъ. Стекла въ окнахъ ослизля, мутныя, подоконники сырые.

Въ этомъ сыромъ и промозгломъ подвалѣ въ двѣ квадратныхъ сажени живетъ вдова съ семью ребятами. Дѣти голы и босы. Одѣться не во что. Дровъ было немного, но ихъ унесло, и печка уже нѣсколько дней не топится. Занять дровъ не у кого, потому что сосѣди тоже пострадали и дорожатъ каждымъ полѣномъ. Приходится поневолѣ дрогнуть. Выпустить дѣтей на улицу — тоже нельзя, потому что вся теплая рухлядь намочла, вата потеряла свою эластичность и къ тому же никакъ не можетъ въ сырой атмосферѣ просохнуть. Мебель убогая и вся попорчена. Сосновый столъ разошелся по

швамъ. Дѣтишки спятъ въ повалку гдѣ попало и на чемъ попало. Нищета поражающая. Вода въ этомъ подвалѣ стояла на два аршина. Столы и стулья во время наводненія плавали по комнатѣ. Даже въ печи было мокро.

Хозяйка-вдова представляетъ собою очень выразительный типъ изстрадавшейся и привыкшей ко всякимъ лишеніямъ голодающей матери, всѣ заботы которой направлены къ тому, чтобы накормить, согрѣть, одѣть и обуть семеро малолѣтнихъ дѣтей. Средства никакихъ, вопросъ о пищѣ составляетъ вопросъ дня. Пока былъ живъ мужъ, перебивались кое-какъ; онъ умеръ — и все пошло прахомъ: изъ человѣческаго жилища пришлось переселяться въ подвальную, сырую конуру.

Вдова подала послѣ наводненія прошеніе о помощи градоначальнику и потому приняла меня за чиновника, которому и стала излагать свои нужды, упирая главнымъ образомъ на дрова. Я ей далъ высшую сумму, какую только могъ дать—семь рублей, и, чтобы замаскировать подачку, роздалъ эти деньги по рублю дѣтямъ. Они брали бумажки, не понимая ихъ значенія и цѣнности. Узнавъ, что я посланъ не отъ градоначальника, а отъ добрыхъ людей, вдова вдругъ оставила свой плаксивый тонъ и начала искренно благодарить, заявляя, что моя помощь свалилась ей точно съ неба. Бросивъ тонъ официальнаго плача, она тутъ же при мнѣ начала съ нескрываемой радостью высчитывать, сколько изъ этихъ денегъ пойдетъ на дрова и сколько останется Васькѣ на чулки, Колькѣ и Дунькѣ на башмаки и т. д.

— Отчего же вы расплакались, когда я вошелъ? — спросилъ я, удивленный внезапною переменою тона.

— Я думала, что вы изъ полиціи,—отвѣтила съ горькой улыбкой вдова.—Разсчитывала, что, если заплачу, такъ больше дадутъ. Сами видите, бѣдность какая. Отъ горя и на хитрость пойдешь...

Отыскивать въ Гавани квартиры — дѣло очень не легкое. Если у васъ въ рукахъ есть адресъ, положимъ, д. 10, кв. 5, то это еще не значитъ, что вы скоро найдете эту квартиру номеръ пятый. Выйдя отъ этой вдовы, я долго искалъ слѣдующую, стоявшую у меня въ списокѣ квартиру въ томъ же домѣ. Я обошелъ весь дворъ кругомъ, присматриваясь къ каждой двери и читая написанныя на косякахъ каракули вмѣсто цифръ, но нужной мнѣ двери найти не могъ. А за этой дверью, судя по своей замѣткѣ, я долженъ былъ найти старика моряка со сломанной рукой и съ дряхлою старухой женой. Оставить ихъ безъ помощи мнѣ не хотѣлось.

Но поиски мои были напрасны. Я рѣшилъ уйти изъ двора и уже направился къ воротамъ, но, по счастью, встрѣтилъ мальчугана лѣтъ десяти и обратился къ нему съ вопросомъ на всякій случай.

— Квартира пятая? Съ поломанной рукой? Пойдемте, я васъ поведу,—весело отвѣтилъ мальчуганъ. И дѣйствительно повелъ.

Мы съ нимъ обогнули домъ, прошли черезъ весь дворъ и оказались у небольшой дверки, ведущей въ сарай.

— Здѣсь,—сказалъ мой проводникъ.

Я не повѣрилъ и посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Здѣсь, здѣсь, идите смѣло,—увѣрилъ онъ меня, смѣло толкнулъ дверь и вошелъ въ нее первый. Я послѣдовалъ за нимъ и сразу очутился впотьмахъ.

— Идите сюда, въ эту дверь... Направо... Они тутъ живутъ... Никитичъ, къ тебѣ пришли.

Мальчуганъ нащупалъ въ темнотѣ какую-то другую дверь, и я увидѣлъ вправо отъ себя полоску тусклаго свѣта. Сдѣлавъ шагъ черезъ порогъ, я увидѣлъ себя въ крохотной комнаткѣ съ единственнымъ окошечкомъ, упирающимся въ сѣрый заборъ. Свѣта было такъ мало, что потребовалось нѣсколько времени для того, чтобы оглядѣться и понять, гдѣ находишься.

Когда я получилъ способность различать въ полутьмѣ предметы, то у меня невольно сдѣлалось скверно на душѣ. Я былъ въ углу сарая величиною въ полтора квадратныхъ аршина. Этотъ уголъ, передѣланный въ конуру для жилья, съ врѣзаннымъ въ стѣну маленькимъ окошечкомъ и кое-какъ сложенной печкой, служилъ квартирою для двухъ отживающихъ свой вѣкъ и всѣми забытыхъ стариковъ, мужа и жены. Онъ служилъ когда-то и гдѣ-то матросомъ и плавалъ по разнымъ морямъ. Теперь же онъ сидитъ безпомощно на старой скрипучей кровати и держитъ руку на перевязи. Отъ боли и отъ старческихъ ревматизмовъ, подновленныхъ наводненіемъ, онъ смотритъ тусклымъ взглядомъ и соображаетъ не сразу. Сѣдая полуостриженная борода всклокочена, волосы на головѣ всклокочены. Противъ него сидитъ на стулѣ такая же дряхлая, какъ и онъ, подруга его жизни. Между ними на столѣ стоитъ миска съ отколотымъ краемъ. Въ ней плаваютъ въ водѣ корки черного хлѣба и мелко искрошенная луковица. Рядомъ, на разбитомъ блюдечкѣ— соль. Старики готовятся обѣдать.

— Была у васъ вода?—спрашиваю я, чтобы завязать разговоръ.

— Ась?—переспрашиваетъ старикъ.

— Вода у васъ была?

— Вода?

— Да, вода.

— Вода была, была...

— Сильно пострадали?

— Ась?

— Подмочило сильно?

— Подмочило?

— Да.

— По это мѣсто.

Старый матросъ проводитъ рукою по груди.

- Сколько платите за этого чуланъ?
- Ась? Громче, не слышу.
- За чуланъ сколько платите?
- За чуланъ? Полтора рубля, полтора рубля.
- Чѣмъ живете? Работаете чтонибудь?
- Я-то?
- Да, вы.

— Бумагу, спички, конверты продавалъ, пока ноги ходили. А теперь безъ хлѣба сидимъ. Руку сломалъ, и ревматизмы донимать въ ногахъ стали. Никакъ не согрѣмся со старухой: дровъ нѣтъ. Товаръ вода попортила.

- Вотъ вамъ три рубля на дрова.
- Ась?
- На дрова три рубля.

Положивъ деньги на столъ, я поспѣшилъ выйти скорѣе на воздухъ. Атмосфера конуры, густо пропитанная острымъ запахомъ лука, раздражала носъ и глотку и вызывала на глазахъ слезы. Затворяя за собою дверь, я еще разъ взглянулъ на стариковъ. Онъ сидѣлъ на своей кровати также неподвижно, какъ и прежде, а его жена, не проронившая ни одного слова, съ недоумѣніемъ смотрѣла на кредитный билетъ. Оба молчали.

На дворѣ я невольно задумался. Съ непривычки я положительно недоумѣвалъ, какъ могутъ жить люди въ такой обстановкѣ. Въ одномъ мѣстѣ на пяти аршинахъ жмутся мать и семеро дѣтей, а въ другомъ нищета отвоевала себѣ уголъ сарая и молча и безропотно зябнетъ, тонетъ и голодаетъ въ ожиданіи наступленія вѣчнаго покоя старымъ костямъ. Неужели этихъ стариковъ нельзя помѣстить куданибудь въ богадѣльни? Почему въ это дѣло не вмѣшается администрація и не запретить жить въ подвалахъ? Вѣдь въ Питерѣ найдется чердаковъ достаточно.

Такъ я рассуждалъ потому, что все видѣнное здѣсь было для меня ново и хватало за душу. Впослѣдствіи, встрѣтивъ сотни подобныхъ примѣровъ и поприсмотрѣвшись, я сталъ относиться къ нимъ гораздо спокойнѣе. На всѣхъ стариковъ и старухъ не хватило бы богадѣленъ. На одномъ только настаиваю: подвалы необходимо закрыть для жилья. Они служатъ прямыми и самыми усердными поставщиками для больницъ и разсадниками разныхъ болѣзней.

Изъ раздумья меня вывелъ мальчуганъ.

- Теперь еще куданибудь пойдете?— спросилъ онъ меня.
- Да. Пойду, мой другъ. Мнѣ нужно въ домъ 20, квартира 6.
- Къ столяру? Знаю, знаю... Онъ страхъ какой бѣдный. У него пятеро дѣтей и одна дѣвочка-дурочка. Пойдемте, онъ—бѣдный.
- А ты почему знаешь, что мнѣ нужны только бѣдные?
- Вы деньги раздаете. Я видѣлъ.

— А до меня ктонибудь раздавалъ?

— Нѣтъ, никого не было. Обѣщали раздавать изъ Васильеостровскаго театра, да не даютъ. Тамъ спектакль былъ.

— Ты учишься гдѣнибудь?

— Въ школѣ учусь.

— Какъ тебя зовутъ?

— Ѳедоръ. Такъ пойдемте къ столяру. Я васъ проведу.

— Пойдемъ, веди.

Мальчуганъ превратился въ моего проводника и съ серьезной важною зашагалъ впереди, болтая самымъ дѣловымъ тономъ. Онъ оказался знающимъ Гавань и всѣхъ ея обитателей вдоль и поперекъ и безъ труда продиктовалъ мнѣ адреса всѣхъ наиболѣе пострадавшихъ. При этомъ онъ сообщилъ мнѣ столько подробностей о семейномъ положеніи и состояніи разныхъ лицъ и такъ обстоятельно подсчиталъ, что у кого попорчено, что я удивился.

— Откуда ты все это знаешь?—спросилъ я его.

— Въ школѣ мальчики про себя рассказываютъ. Вотъ здѣсь столляръ живетъ. Онъ калѣка—у него рука и бокъ болятъ. Прежде работалъ табуретки на рынокъ, а теперь и этого дѣлать не можетъ. Послѣ воды захворалъ. Пошелъ къ доктору, а докторъ ему говоритъ: «ложись въ больницу». Какъ же ему ложиться, когда у него пять человѣкъ дѣтей? Кто ихъ кормить будетъ?

— Да ты, братъ, рассуждаешь, какъ большой,—не удержался я отъ улыбки.

Онъ тоже улыбнулся, но тотчасъ же сдѣлалъ серьезное лицо и дѣловымъ тономъ проговорилъ:

— Нагнитесь. Здѣсь дверь низкая.

Дѣйствительно, пришлось нагнуться и нагнуться, какъ слѣдуетъ. Мой юный проводникъ исчезъ въ такую низенькую дверь, которую можно было принять скорѣе за входъ въ мышеловку, нежели за дверь въ жилую квартиру. Здѣсь насъ тоже охватила тьма кромѣшная и сырость, а затѣмъ мы вступили въ маленькую конурку съ однимъ окномъ.

Читателю, быть можетъ, покажется смѣшнымъ или утрированнымъ, если я скажу, что въ этой квартирѣ у столяра я не зналъ, куда положить свою шапку и поставить палку. На самомъ же дѣлѣ я дѣйствительно былъ въ затрудненіи. Вообразите комнату въ сажень длины и два аршина ширины. На этомъ пространствѣ стоитъ плита, затѣмъ коммодъ, два стула, столъ и большая двуспальная, задернутая дешевенькимъ ситцевымъ пологомъ кровать. Въ промежуткахъ кое-какъ втиснуты сундукъ и что-то похожее на грубо сколоченную изъ досокъ дѣтскую кроватку. Свободнымъ остается въ результатѣ такое тѣсное пространство, на которомъ два человѣка могутъ разойтись только бокомъ и притомъ тѣсно прижавшись другъ къ другу. Въ комнатѣ было сыро и свѣжо. Плита была

холодна. Съ кровати изъ-за полога выглядывало три дѣтскихъ личика. Два ребенка около семи и восьми лѣтъ сидѣли съ ножками на стульяхъ у стола и перебирали камешки и кусочки кирпича, которые служили у нихъ вмѣсто игрушекъ. При моемъ входѣ они сдѣлали большіе глаза и застыли отъ удивленія.

Столяра не было дома. Онъ съ трудомъ поплелся на работу. Дома была его жена—тощая, болѣзненная женщина съ глубоко ввалившимися глазами. Повѣсть, которую она мнѣ рассказала въ теченіе тѣхъ двухъ минутъ, которыя я провелъ у нея, грустна и коротка. Мужъ былъ здоровъ и кое-что зарабатывалъ по столярной части. Жилось сносно: рублей 20 въ мѣсяцъ вырабатывали. Были и сыты, и обуты, и одѣты. Бога гнѣвить нечего, жаловаться было нельзя. Дѣтьми Богъ благословилъ — пошли одинъ за другимъ. Лѣтъ пять такъ хорошо жили. Потомъ Господь бѣду, должно быть, за грѣхи послалъ. Мужъ поднялъ что тяжелое и надорвался. Рука стала плохо дѣйствовать, и бокъ болить. Кашляетъ. Работа пошла уже не та. Прежнихъ двадцати рублей уже взять негдѣ было. Пришлось въ подвалъ переѣзжать, а отъ подвала у него кашель еще больше сталъ, и бокъ сильнѣе болить. До сихъ поръ кое-какъ табуретки на рынокъ дѣлалъ, а послѣ наводненія, когда онъ дѣтей спасалъ, да въ холодной водѣ по поясъ ходилъ, здоровье еще хуже стало... Сегодня черезъ силу на работу пошелъ, да гдѣ ужъ ему! Душою такъ и рвется къ дѣлу, а руки не владѣютъ. Надоѣло ему бѣдному на нашъ голодъ и холодъ смотрѣть... Больше всего ему дочку жаль: она у насъ — дурочка, умопомѣшательство у нея тихое. Все сидитъ и молчитъ, сидитъ и молчитъ. Развѣ вотъ братишка съ нею въ камешки играетъ. Теперь ей съ нимъ хорошо, все у насъ подмочило, одѣться ему не во что,—онъ и сидитъ съ нею...

— Во время наводненія вы спали?—спросилъ я.

— Въ томъ-то и горе наше, что спали. И пушекъ не слышали...

Здѣсь я оставилъ очень небольшую сумму, но и ею такъ обрадоваль бѣдную женщину, что она со слезами бросилась цѣловать мою руку, не смотря на мои протесты. Между нами завязалось что-то въ родѣ борьбы. Я пряталъ руки за спину и старался поскорѣе выйти изъ комнаты, а она старалась поймать хоть одну изъ нихъ и, во что бы то ни стало, поцѣловать. Кончилось это тѣмъ, что дѣти, видя непривычную для нихъ картину, заревѣли сразу во всѣ пять голосовъ. Это спасло меня отъ дальнѣйшихъ выраженій благодарности. Мать бросилась утѣшать дѣтей и доказывать, что «дядя—добрый, принесъ денегъ; дровъ купимъ, хлѣбца купимъ, го-стинцевъ купимъ», а я тѣмъ временемъ улизнулъ.

Когда мы оказались уже на дворѣ, мой проводникъ снялъ шапку, почесалъ у себя въ затылкѣ и съ досадою проговорилъ:

— Ну, да и народъ!..

— А что?

— Совсѣмъ ѣсть нечего. Хлѣба корки въ домѣ нѣту. Мужъ пошелъ на работу. А развѣ онъ можетъ работать? Онъ пилю въ рукахъ удержать не можетъ. Дастъ ему кто нибудь копейку или двѣ, ну, онъ и купить хлѣба дѣтямъ, а самъ дня по три не ѣсть и еще молчить, никому не говорить... Теперь куда пойдѣмъ?

Я сказала адресъ. Оказалось, что надо идти на другую улицу. Мой Федоръ привелъ меня въ довольно грязный и узенькій дворъ, изъ котораго былъ виденъ темный пустырь и зеркало Шкиперскаго протока. Въ этомъ дворѣ все покосилось: домъ накренился на бокъ, убогий сарайчикъ согнулся на сторону, а часть забора, подмытаго водою, совсѣмъ лежала на землѣ.

Мы вошли въ квартиру, состоящую изъ двухъ или трехъ комнатъ. Одну изъ комнатъ, очень крошечную по размѣрамъ, занимаютъ двѣ старухи чуть не по 70 лѣтъ каждая. Мебелишка убогая, и сами старухи убогія, въ плохой одежонкѣ. Одна изъ нихъ сидѣла въ углу на стулѣ, поджавъ ноги, а другая собирала съ полу тряпкою воду. Сначала мнѣ показалось, что она моетъ полъ, но потомъ я узналъ, что у нихъ изъ-подъ пола періодически выступаетъ вода.

Обѣ старухи, повидимому, струсили, когда я, свѣрившись съ своей бумажкой, назвалъ ихъ по именамъ. Обѣ онѣ приняли меня за кого-то, имѣющаго власть выселить ихъ изъ угла, и съ испугомъ стали перешептываться. Сидѣвшая съ поджатыми ногами старуха хотѣла встать и не могла.

— Вытащи изъ-подъ меня ноги-то, Агабья... Свело ихъ ревматизмой,—попросила она.

Старуха, собиравшая воду, бросила тряпку и помогла своей товаркѣ распрямить ея ноги, а потомъ, поддерживая подъ мышки, помогла ей встать. Передо мною выросла высокая, сухая и прямая, какъ палка, старуха.

— Что вамъ, сударь, угодно?

Я объяснилъ ей, что добрые люди послали меня съ порученіемъ передать ей четыре рубля, и подаль ей деньги. Сначала она не поняла и долго не понимала; я долженъ былъ повторить ей. Съ минуту она стояла въ нерѣшительности и не брала протянутыхъ ей денегъ. Потомъ, вѣроятно, сообразила, быстрохватила костлявыми пальцами бумажки и съ какой-то почти ребяческой радостью и задыхаясь заговорила:

— Деньги! Агабья, деньги! А?.. Агабья, дровъ куплю... Дровъ куплю... дровъ... а?..

Вслѣдъ за нею и Агабья стала какъ-то испуганно и недовѣрчиво бормотать:

— Дровъ, матушка, дровъ...

— Чѣмъ онѣ живутъ?—спросилъ я своего слутника по дорогѣ къ слѣдующему дому.

— Та, которой вы денегъ дали, прежде ходила по покойникамъ Псалтырь читать, а у другой, у Агаеви, въ городѣ какая-то благодѣтельница есть; каждое первое число ей чайку и сахарку и по рублю денегъ даетъ.

— А теперь старуха читаетъ Псалтырь?

— Читаетъ, только съ обманомъ, дома.

Мальчуганъ захихикалъ.

— Съ какимъ обманомъ?

— Агаеви ее надуваетъ. Ходитъ тайкомъ отъ нея на Смоленское кладбище и собираетъ милостыню. Что соберетъ, все ей приносить и говорить, что ей велѣли дома у себя за упокой почитать. Ну, старуха вѣритъ и читаетъ... Этимъ только и живутъ... Одна безъ другой не пьютъ и не ѣдятъ... У нихъ вода много попортила.

Переходя такимъ образомъ изъ дома въ домъ и съ одной улицы на другую, я обошелъ одиннадцать квартиръ. Мой добровольный спутникъ Федоръ не отставалъ отъ меня ни на шагъ. Всюду мнѣ приходилось встрѣчаться съ такою бѣдностью, которая, наконецъ, нагнала на меня какую-то неопредѣленную тоску. Особенно жутко мнѣ было въ двухъ подвальныхъ квартирахъ, гдѣ хозяева старались замаскировать свою вопіющую бѣдность, прикрывая безногіе столы вязаными салфеточками и дырявые стулья лоскуточками ситца. Въ одной изъ этихъ квартиръ живетъ древняя старушка— вдова офицера, со старушкой же дочерью. Обѣ онѣ сильно пострадали отъ наводненія, но старались тщательно скрывать свою бѣдность. Отъ моей маленькой помощи онѣ не отказались, но, принимая ее, страшно сконфузились и взяли деньги съ такимъ замѣшательствомъ, какъ будто онѣ совершали что-то нехорошее. Видно, что когда-то онѣ жили лучше, и теперь принимать подачку имъ тяжело. Въ другой квартирѣ съ такою же обстановкой, съ занавѣсочками на окнахъ и даже съ парадною, но пустою лампою на столѣ, я передалъ небольшую сумму молодой женщинѣ, въ складкахъ платья которой прятала свою голову прехорошенькая дѣвочка лѣтъ четырехъ. Получивъ отъ меня деньги, эта женщина заторопилась, конфузиво пробормотала что-то и, накинувъ на плечи платокъ и взявъ дѣвочку на руки, выбѣжала изъ квартиры въ одно время со мною и быстрымъ шагомъ направилась въ лавочку покупать ребенку хлѣба и молока.

Моя деньги растаяли быстро. Оставался еще только одинъ рубль. Его я рѣшилъ отдать своему спутнику-мальчугану. Онъ весь такъ и засіялъ и порѣшилъ, что эти деньги пойдутъ ему на сапоги. При этомъ для доказательства своихъ словъ онъ поднялъ ноги одну за другою, и я увидѣлъ, что у его сапогъ существуютъ только одни верхи, и совсѣмъ нѣтъ подметокъ. Сквозь огромныя круглыя дыры видны были его собственныя, живыя подошвы.

Возвращался я домой, полный далеко не веселых впечатлений и думь. Отчетъ о моихъ походахъ былъ сданъ въ типографію въ тотъ же вечеръ.

IV.

Черезъ день я поѣхалъ снова въ Гавань уже вмѣстѣ съ А. Н. Черманомъ. Дорогой я рассказалъ ему о тѣхъ услугахъ, которыя оказалъ мнѣ мальчуганъ Ѳедоръ, и мы рѣшили снова взять его съ собою, если только намъ удастся отыскать его. Рѣшили мы также добавить ему еще рубля два на сапоги. Кромѣ того, онъ былъ намъ необходимъ еще и потому, что неизвѣстный жертвователь поручилъ намъ раздать въ запечатанныхъ конвертахъ деньги именно въ тѣхъ квартирахъ, въ которыхъ я уже былъ и о которыхъ писалъ. Безъ Ѳедора мы рисковали найти ихъ не такъ скоро.

Вообще о гаваньской дѣтворѣ—мальчишкахъ и дѣвочкахъ, у насъ осталось самое пріятное воспоминаніе. Это были наши лучшіе и безкорыстные помощники, дававшіе намъ самые точные адреса и указывавшіе на настоящихъ бѣдняковъ. Къ ихъ указаніямъ мы прислушивались чутко. Когда къ намъ приставали на улицѣ просители, они насъ тихонько предупреждали, кому не слѣдуетъ давать. Часто въ этихъ случаяхъ они насъ дергали за платье. Предупрежденія эти были какъ нельзя болѣе кстати. Среди настоящихъ бѣдняковъ попадались и недобросовѣстные попрошайки и попрошайки, не стыдившіеся являться къ намъ за помощью по два и по три раза.

Опишу одинъ такой типъ. Это—Бондырева, или Бондыриха, какъ ее зовутъ въ Гавани,—маленькая старушонка съ очень типичнымъ лицомъ и сизымъ носомъ. Настоящая ея профессія, какъ мы узнали позже, — попрошайничество и поддержаніе питейнаго акциза. Она насъ страшно надувала, но продѣлывала это такъ ловко, что мы даже не могли на нее сердиться и всякій разъ при воспоминаніи о ней только смѣялись и теперь иногда смѣемся. Эта Бондыриха, когда мы ее еще совсѣмъ не знали, получила отъ насъ подачку на улицѣ, поблагодарила и скрылась. Часа два спустя, въ одной изъ квартиръ мы увидѣли ее же. Она кланялась и просила, увѣряя, что она здѣсь живетъ и что сильно пострадала отъ воды. Типичное лицо ея заставило насъ съ Черманомъ переглянуться. Мы замѣтили ей, что она, кажется, уже получила. Она обидѣлась и стала отрицать получку съ такимъ жаромъ, съ такими клятвами и крестами, что намъ стало стыдно за свою ошибку. Мы рѣшили, что ошиблись, и выдали ей снова.

— Вы ей уже давали,—заявилъ намъ одинъ изъ нашихъ мальчугановъ-проводниковъ.

— Когда давали? Что ты врешь?—закипятилась Бондыриха и стала такъ усердно божиться, что мы и мальчика увѣрили въ томъ,

что онъ ошибся. Но мальчуганъ упорно стоялъ на своемъ и называлъ намъ еще двухъ мѣстныхъ дамъ, которыхъ мы должны остерегаться. Впослѣдствіи онъ оказался вполнѣ правъ.

На третій или на четвертый день раздачи въ другой уже квартирѣ мы встрѣтили опять то же знакомое лицо и снова усомнились, но на этотъ разъ уже не услышали ни рѣзкой, непріятной божбы, ни клятвъ. Старушка намъ скромно и съ достоинствомъ отвѣтила, что она уже нѣсколько дней не выходила изъ квартиры, видѣла насъ нѣсколько разъ изъ окна, какъ мы ходили изъ дома въ домъ, но все терпѣливо ждала, пока мы съ своей благостыней посѣдимъ и ее. Тонъ былъ такъ полонъ достоинства и такъ скромень, что А. Н. Черманъ замѣтилъ мнѣ:

— Какъ она поразительно похожа на ту. Помните?

— Да,—отвѣтилъ я.—Сходство поразительное, но, вѣроятно, случайное.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ мой спутникъ.

— Полетаева, вдова. Мужъ умеръ. Я теперь безъ средствъ... Вотъ занимаю уголокъ.

Мы выдали ей кредитку и пошли дальше.

— А вы опять Бондырихъ дали?—заявили мальчуганы.

— Да неужели это Бондырева?—удивились мы оба.

— А то кто же? Конечно, она. Нарочно забѣжала въ чужую квартиру, чтобы еще разъ получить. Она—старуха хитрая. Притворяться умѣетъ.

— Отчего же вы насъ не предупредили?

— Мы васъ дергали за пальто, да вы не обратили вниманія. Мы думали, что вы еще ей дать хотите.

Послѣ этого случая мы рѣшили не попадать болѣе на удочку и уже всякій разъ въ толпѣ искали прежде всего эту старуху. Предосторожность оказалась не лишней. Она еще нѣсколько разъ обращалась къ намъ въ разныхъ мѣстахъ за пособіемъ, но теперь мы ее уже уличали и прогоняли сначала вѣжливо, а потомъ, наконецъ, и грубо. Но это помогало мало. Она постоянно вертѣлась у насъ передъ глазами и кланчила. Въ послѣдній разъ мы ее видѣли пьяною. Она въ одно и то же время и просила, и молилась, и бранила насъ на чемъ свѣтъ стоитъ.

Мальчуганы-добровольцы составляли намъ большое подспорье, какъ живые адресъ-календари, совѣтчики и знатоки мѣстности. Въ первые дни намъ приходилось искать ихъ, а затѣмъ они уже сами стерегли наши пріѣзды, выростали, какъ изъ-подъ земли, и въ двѣ минуты окружали насъ уже цѣлою толпою. Одни становились на подножки нашей пролетки, другіе вѣпались на рессоры и на заднюю ось, а остальные бѣжали сзади рысью и прибывали къ мѣсту, сильно запыхавшись и тяжело дыша. Передъ началомъ раздачи всякій разъ одному, наиболѣе расторопному, мы вручали адреса, а

другой присутствовалъ въ качествѣ добровольнаго ассистента: отворялъ намъ калитки и двери и воевалъ съ остальною толпою ребятъ, не пуская ихъ во дворъ. Оба эти ассистента считали почему-то своею обязанностью непременно входить съ нами въ каждую квартиру и присутствовать при записи и раздачѣ. Какъ мы съ А. Н. Черманомъ ни старались оставлять ихъ за дверями,—намъ это не удавалось. Ни убѣжденія, ни просьбы, ничто не помогало. Они смотрѣли на себя, какъ на серьезныхъ дѣйствующихъ лицъ, считали себя хозяевами положенія и главенствовали надъ остальною толпою мальчишекъ и дѣвченокъ, которые смотрѣли на нихъ съ искренней завистью и считали ихъ чѣмъ-то въ родѣ особенно счастливыхъ избранныхъ. Если нашихъ спутниковъ сами хозяева, стараясь не выстуживать квартиры, не пускали внутрь, то они обидчиво и гордо отвѣчали:

— Ну, чего не пускаешь?! Угорѣлъ что ли? Мы раздаемъ.

Интересны были отношенія этихъ мальчугановъ, да и всей вообще гаваньской публики къ намъ. Мы съ А. Н. Черманомъ для удобства чередовались. Обыкновенно одинъ изъ насъ записывалъ имена и адреса, а другой носилъ при себѣ и раздавалъ деньги. Этими ролями мы мѣнялись. При этомъ оказывалось, что если деньги въ рукахъ у А. Н. Чермана, то всѣ относились къ нему и съ просьбами и съ самымъ раболѣпнымъ уваженіемъ, а меня игнорировали, какъ прихвостня. Если же деньги начиналъ раздавать я, то та же толпа переносила все свое уваженіе сразу на меня, а моего товарища не ставила ни въ грошъ.

Во второй день мы, кромѣ запечатанныхъ конвертовъ, роздали четыреста рублей и при этомъ отмѣтили очень отраднѣйшій фактъ. Во всѣхъ квартирахъ, гдѣ я побывалъ раньше одинъ, мы при вторичномъ посѣщеніи (для раздачи конвертовъ по волѣ благотворителей) находили вездѣ въ печахъ огонь и посуду съ варевомъ, дѣтишки были веселы и согрѣты, а въ сѣняхъ мы натыкались иногда въ темнотѣ на небольшія кучки дровъ. Очевидно, первая потребность была удовлетворена, и благотворительныя деньги пошли впрокъ.

Въ этотъ день мы роздали пособія въ 39-ти квартирахъ и, возвращаясь домой, могли съ нѣкоторымъ внутреннимъ удовольствіемъ констатировать, что наши обходы квартиръ были какъ нельзя кстати. Мальчуганы водили насъ добросовѣстно въ очаги самой безпросвѣтной бѣдности. Раздавая чужія деньги, мы были скупы, старались помочь возможно большому числу лицъ, давая поменьше, но намъ приходилось встрѣчаться и съ такими случаями убожества, что мы, выйдя изъ квартиры, снова возвращались въ нее и прибавляли еще немножко къ тому, что было только уже дано. Одинъ разъ мы не вернулись почему-то и прошли дальше, но потомъ долго испытывали такое ощущеніе, какъ будто мы обидѣли кого-то. Ощущеніе было очень скверное.

Были и очень характерныя сцены. Въ одной подвальной конурѣ съ затхлымъ воздухомъ и запахомъ сырой кислоты наше появленіе произвело испугъ. Хозяйка—тощая, болѣзненная женщина съ цѣлой оравой ребитишекъ позади, увидя насъ, испуганно всплеснула руками и вскрикнула:

— Батюшки мои! Никакъ это комиссія высылать меня изъ подвала пришла?! Господи, куда же я дѣнусь съ пятью ребятами-то?..

На лицѣ ея былъ такой искренній испугъ, что намъ съ трудомъ удалось разуверить ее. Нѣсколько рублей, переданныхъ дѣтямъ, оживили ее, но она долго не могла прійти въ себя.

Выбирали мы больше многосемейныхъ, или, какъ говорятъ въ Гавани, «дѣтныхъ». Одиночекъ мы старались обходить или же давать имъ какъ можно меньше. Во многихъ семьяхъ мы встрѣчали дѣтей, которыя учатся въ школѣ, но не могутъ посѣщать ее, потому что нѣтъ обуви или теплаго платья. Въ этихъ случаяхъ мы прямо обращались къ матерямъ съ вопросомъ: сколько нужно? Отвѣты насъ поражали. На обувь съ насъ просили рубль, а на теплое пальто—не болѣе трехъ рублей. Какъ эти люди ухитряются на такія ничтожныя деньги обуваться и одѣваться,—для насъ осталось загадкой, тѣмъ болѣе, что у меня есть собственныя дѣти, и трата на ихъ обувь одолеваетъ меня сильно.

Этотъ вопросъ впрочемъ рѣшилъ отчасти мой первый знакомецъ Ѳеодоръ. Во второй пріѣздъ въ Гавань я засталъ его сіяющимъ и счастливымъ. Онъ былъ въ крѣпкихъ сапогахъ съ голенищами. На мой вопросъ о цѣнѣ онъ отвѣтилъ:

— Рубль съ четвертью. Рубль третьяго дня дали вы, а четвертакъ маменька прибавила.

— Гдѣ же ты ихъ купилъ?

— Къ вамъ въ городъ ходилъ на толкучку. Старые въ придачу оставилъ.

Потомъ мы узнали, что отцы и матери исполняли свои обѣщанія свято, и деньги, взятые отъ насъ на обувь и на платье дѣтямъ, тратили именно на эти предметы. Въ слѣдующіе дни эти самыя дѣти сопровождали насъ по улицамъ общей толпою въ приличной обуви и теплыхъ пальтишкахъ большей частью съ чужаго плеча.

Припоминаю я теперь одного мальчугана маленькаго, худенькаго, съ большими выпуклыми глазами. Ему было не болѣе семи лѣтъ. Онъ весь день не отставалъ отъ насъ, вертѣлся подъ ногами и все время молилъ:

— Дяденьки, миленькіе, зайдите къ намъ. Мы—бѣдные.

Мы опросили его. Оказалось, что онъ живетъ съ матерью въ другомъ концѣ Гавани, довольно далеко отъ того мѣста, которое мы рѣшили обойти въ этотъ день. Забираться такъ далеко не входило въ наши планы. Мы были въ началѣ Гавани, а онъ

жить далеко за Шкиперскимъ протокомъ. Наши проводники заявили хоромъ:

— У, это далеко, за мостомъ.

Мы сказали мальчугану, что побываемъ у него завтра, но онъ не успокоился. Гдѣ бы мы ни были, откуда бы ни выходили, насъ всюду преслѣдовали его выпуклые полные мольбы глаза и плаксивый голосокъ:

— Дяденьки, миленькіе, мы—бѣдные. Зайдите...

Съ этою фразою онъ бѣгалъ за нами цѣлый день, и мы не могли отдѣлаться отъ него ни крестомъ, ни пестомъ. Хуже всего было то, что, постоянно забѣгая впередъ, онъ попадалъ намъ подъ ноги и мѣшалъ ходить. Дошло даже до того, что мы прикрикнули, а одинъ изъ проводниковъ безъ церемоніи сшибъ его съ ногъ со словами:

— Не лѣзь, чортъ. Вѣдь сказано: завтра.

Тѣмъ не менѣе черезъ пять минутъ мы снова услышали:

— Дяденьки, мы—бѣдные.

Къ концу дня этотъ пучеглазый и неотвязчивый, какъ муха, ребенокъ до того надоѣлъ намъ, что мы рѣшили разъ навсегда отдѣлаться отъ него. Мы взяли его съ собою на извозчика и поѣхали къ нему, оба достаточно, если не злые, то по меньшей мѣрѣ сердитые. Но вскорѣ намъ пришлось раскаяться въ этомъ чувствѣ.

Мальчуганъ привезъ насъ къ своей матери въ ужасную и холодную конуру. Видъ этой матери съ больнымъ, но интеллигентнымъ лицомъ произвелъ на насъ удручающее впечатлѣніе. Описывать ее и нашъ разговоръ я не въ силахъ, но мы оба поняли сразу, почему этотъ пучеглазый ребенокъ бѣгалъ за нами такъ неотступно. Онъ не умѣлъ намъ сказать, что они оба съ матерью давно голодны и несчастны, и что мать стыдится выйти на улицу и попросить. Она насъ не ждала.

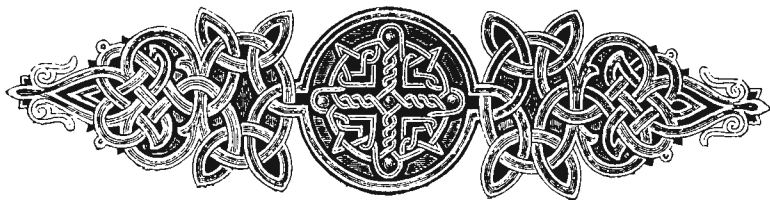
Когда мы ей дали небольшую сумму, она была такъ поражена, что, держа за руку сына, зашаталась отъ волненія и слабости и безсильно упала всѣмъ туловищемъ на постель.

Послѣ этого визита мы не могли уже продолжать раздачу. Къ тому же стемнѣло, мы устали, и въ карманѣ оставалось только 4 или 5 рублей. Мы велѣли извозчику ѣхать домой. Всю дорогу мы молчали. Я чувствовалъ себя прямо сбитымъ съ толку, съ хаосомъ въ головѣ.

Позднимъ вечеромъ намъ сообщили въ редакціи, что за день въ конторѣ набралось болѣе тысячи рублей въ пользу бѣдняковъ, и что завтра надо продолжать раздачу.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Ал. Чеховъ.

ОТЪ РЖЕВА ДО УГЛИЧА ¹⁾.

(Путѣвые наброски).

IV.

Старица.

Городокъ назывался прежде не Старицею, а Любимъ-городомъ. Поднялась на него Литва, а жители, узнавъ о томъ, сдѣлали подъ Волгой подкопъ и схоронили въ немъ все имущество, чтобы ничто не досталось врагамъ. Литва взяла городъ и, когда увидѣла, что грабить нечего, такъ озлобилась на жителей, что перебила ихъ всѣхъ, а городъ сожгла до основанія. Пришелъ на помощь тверской князь и увидаль одиѣ развалины да среди нихъ единственную углѣвную ветхую старицу съ клюкой. На мѣстѣ стараго города онъ построилъ новый и назвалъ его выгѣшнамъ именемъ.

Изъ мѣстныхъ преданій.

РЕМЕНИ до заката солнца оставалось еще часа полтора, и мы, наскоро занявъ номеръ въ гостиницѣ, отправились въ городъ съ цѣлью посѣтить сегодня же стѣны его древней обители.

Улица, круто спускавшаяся къ Волгѣ, выходила на базарную площадь, на самомъ берегу рѣки. Направо отъ этой улицы тянулся довольно возвышенный берегъ, съ городскими постройками, налѣво—поднималась большая высокая гора, на пустынной вершинѣ которой въ старину возвышались массивныя стѣны города съ соборомъ, княжими хоромами, теремами, дворами боярѣ, именитыхъ гостей и пр. Теперь на ней одиноко стоитъ новый, некраси-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIII, стр. 184.

вый соборъ, казенной архитектуры, а на самой вершинѣ, гдѣ въ былыя времена находился главный центръ города, разгуливаетъ на просторѣ вѣтеръ. Торговые ряды на площади по случаю Воскреснаго дня были закрыты. Посрединѣ площади красовалась каменная часовня въ память императора Александра II, а съ лѣвой стороны, прислонясь къ горѣ,—бѣлая каменная церковь св. Параскевы Пятницы. По стилю архитектуры ее можно отнести къ первой половинѣ нашего столѣтія, хотя средняя часть храма, по всей вѣроятности, построена значительно ранѣе. Подлѣ алтарнаго полукружія, выходящаго на площадь, поставлены, симметрично по бокамъ, двѣ часовни, что придаетъ внѣшнему виду храма довольно оригинальный характеръ. Западная часть постройки почти сплошь прилегаетъ къ горѣ, и колокольня находится всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ уступа величественной горной массы. Самыя лучшія мѣста подлѣ Волгою заняты гостинымъ дворомъ, который едва ли помнитъ время своего послѣдняго ремонта, и амбарами, за которыми, налѣво отъ базарной площади, тотчасъ же прекращается и городъ. Дорога, идущая подлѣ горою вдоль берега Волги, приводитъ къ деревянному мосту, перекинутому на ту сторону и почти упирающемуся въ прежнія, нынѣ заложеныя, монастырскія ворота, увѣнчанныя небольшою церковью.

Чтобы войти въ обитель, надо было обогнуть стѣну вокругъ праваго угла. Пройдя старую угловую башню, мы вышли къ южному фасаду ограда. Здѣсь, посрединѣ стѣны, были устроены новыя ворота съ башнею, которая находилась въ полной дисгармоніи съ характеромъ остальныхъ построекъ. Причина этой дисгармоніи объяснилась тутъ же. На стѣнѣ воротъ, съ внутренней стороны, крупными буквами была начертана широковѣщательная надпись: «1885 г. августа 30 дня сооружены сіи св. Успенскія ворота, выстроена башня надъ часовней и покрыта желѣзомъ ограда настоятелемъ архимандритомъ Агаангеломъ, по плану его, на его же собственный коштъ». Намъ говорили, что авторъ этой неудачной башни потомъ былъ отданъ за что-то подлѣ судъ и находится на покоѣ въ одномъ изъ вологодскихъ монастырей, Старицкою же обителью управляетъ теперь игуменъ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по тротуару, проложенному отъ воротъ до собора, мы точно погрузились въ глубь времени, во вторую половину шестнадцатаго столѣтія. Прямо передъ нами высились стѣны собора, построеннаго княземъ Андреемъ Ивановичемъ Старицкимъ, и рядомъ съ нимъ характерная колокольня, нѣсколько позднѣйшаго времени. Налѣво стояла каменная масса Введенской церкви, построенной Грознымъ, а изъ-за нея вдали видѣлась граціозная церковка Іоанна Богослова надъ прежними святыми воротами, поставленная Андреемъ Ивановичемъ, но повидимому перестроенная въ XVII вѣкѣ. На фонѣ кое-гдѣ выдѣлялись старыя ка-

менныя стѣны съ угловыми башнями. Современныя зданія настоятельскихъ и братскихъ келлій направо были почти сплошь закрыты зеленою кустовъ и, широко раскинувшихъ свои вѣтви, березъ; ворота съ башнею 1885 года давно уже остались позади, такъ что впечатлѣніе старины не нарушалось никакимъ новѣйшимъ диссонансомъ.

По дорожкѣ навстрѣчу намъ шелъ монахъ съ двумя богомолками. Мы освѣдомились у него о мѣстѣ погребенія патріарха Іова.

— Какъ же, есть, есть,—заговорилъ онъ:—вотъ подь колокольной палатка-то. Тамъ и гробница; только мощи его не здѣсь.

— А гдѣ же?—задалъ я лукавый вопросъ.

— Говорятъ, увезены куда-то, не то въ Москву, не то въ другое мѣсто. А впрочемъ хорошенько не знаю, можетъ быть, и здѣсь. А вы пріѣзжіе?

— Пріѣзжіе?

— Откуда?

— Изъ Петербурга.

— Я вотъ вамъ сейчасъ схимника позову, онъ и покажетъ.

Явился позванный имъ старичекъ схимникъ, въ шапочкѣ съ крестами спереди и сзади, очень добродушнаго вида, отъ старости нѣсколько туговатый на ухо.

Пока онъ отпиралъ дверь въ палатку, составляющую нижнюю часть колокольни, монахъ указалъ намъ издали на небольшое окно подлѣ церкви Іоанна Богослова, въ зданіи старыхъ воротъ.

— Вотъ окошечко-то,—замѣтилъ онъ:—тутъ, говорятъ, патріархъ-то и жилъ въ послѣднее время. Тамъ у него подлѣ воротъ и келья была.

Схимникъ отворилъ дверь, и мы по узкому корридорчику вступили въ палатку. По поводу этой палатки въ рукописномъ житіи Іова, находящемся въ бібліотекѣ Саввино-Старожевскаго монастыря, приведенъ рассказъ о явленіи патріарха Діонисію и его замѣчаніе, не совсѣмъ, впрочемъ, понятное. «И по преставленіи его (Іова),—говорится въ рукописи,—и по погребеніи, по его святительскому приказу и повелѣніемъ архимандрита Діонисія, надъ гробомъ его создана палатка каменная. И не по мнозѣмъ же времени является святѣйшій Іовъ патріархъ архимандриту Діонисію и глаголетъ ему: поставили вы надъ гробомъ моимъ палатку не по моему приказу, мнѣ де палатка строить не тѣмъ переводомъ».

Впереди, у стѣны, прямо противъ входа, помѣщалась каменная, орнаментированная гробница, въ которую, при погребеніи, было положено тѣло патріарха, и гдѣ оно находилось въ продолженіе сорока пяти лѣтъ, до перенесенія въ Москву. Высто крышки на гробницѣ было помѣщено большое изображеніе Іова, въ родѣ иконы, въ серебряной ризѣ.

— Вѣдь покойный патріархъ, кажется, не причисленъ къ лику святыхъ?—освѣдомился я.

— Нѣтъ, нѣтъ, не прославленъ, — заговорилъ монахъ: — а это вотъ у насъ скимникъ панихиды по немъ служить, такъ онъ это ужъ отъ себя и украсилъ.

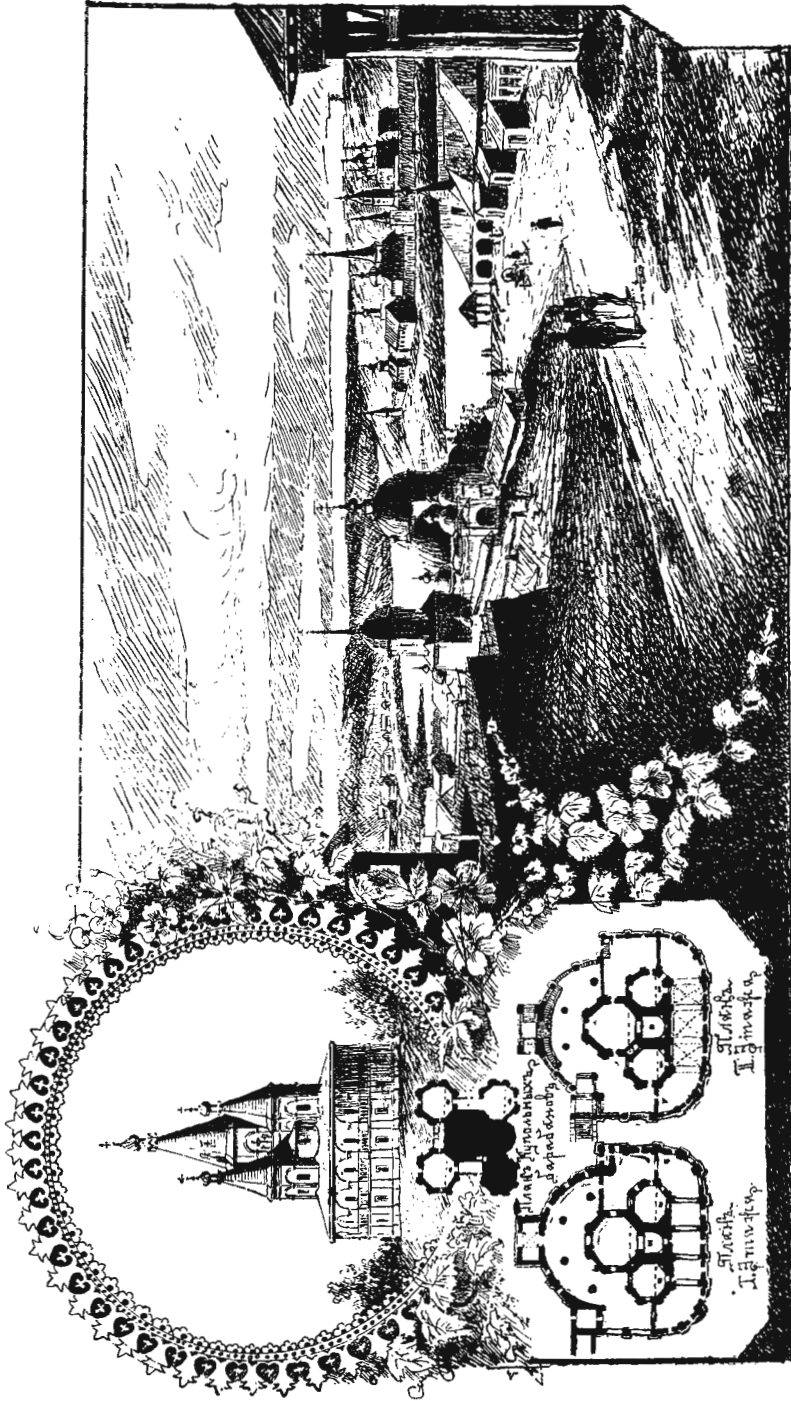
Скимникъ стоялъ молча; онъ повидимому ничего не слыхалъ изъ нашего разговора. Впрочемъ, надо замѣтить, что, украшая портретъ серебрянымъ окладомъ, на подобіе иконы, онъ могъ быть правъ по-своему. Въ житіи Іова приведено нѣсколько случаевъ исцѣленія отъ его мощей лицъ, страдавшихъ нервными расстройствами (такъ называемыхъ бѣсноватыхъ).

— А вотъ и запись его надгробная, — указалъ монахъ на дощечку, висѣвшую у входа. Мы прочли слѣдующее:

«7115 года іюня въ 19 день, на день Воскресенія, въ нощи, преставися рабъ Божій святѣйшій патріархъ 1-й Іовъ Московскій и всея Россіи, уроженецъ города Старицы, изъ посадниковъ. Отъ своихъ вданъ въ монастырь Старицкой Успенской Божіей Матери архимандриту Герману. Отъ него наученъ чтенію и слову Божію; въ ономъ же монастырѣ постриженъ въ монашество тѣмъ же архимандритомъ и посвященъ въ іеромонаха. Отъ благочестиваго царя и великаго князя Іоанна Васильевича умоленъ быти архимандритомъ въ ономъ монастырѣ, а потомъ взятъ бысть на Коломну во епископа, отъ туда переведенъ бысть въ Ростовъ во архіепископа. Изъ Ростова на Москву въ митрополиты, изъ митрополитовъ въ патріархи Московскіе и всея Россіи. По времени наста самозванецъ Гришка Отрепьевъ, возненавидѣлъ и сослалъ его въ Старицкій Успенскій монастырь подъ началь, гдѣ, проживая не малое время, окончилъ жизнь. Погребенъ крутицкимъ Пафнугіемъ митрополитомъ и тверскимъ Теокистомъ архіепископомъ при архимандритѣ Діонисіи, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, въ сей палаткѣ. Нынѣ же чудодѣйствуя молитъ о всѣхъ Вседержителя Бога Господа нашего Іисуса Христа. Аминь.

Обѣщавъ зайти на слѣдующій день, мы поблагодарили своихъ новыхъ знакомыхъ и простились съ ними. Солнце уже закатилось, когда мы вышли снова на Волгу и направились обратно въ городъ. На небѣ еще алѣла вечерняя, потухавшая заря, и массивный силуэтъ горы одиноко и молчаливо высился по ту сторону Волги; снизу его уже окутывала мгла незаметно разстилавшихся подъ берегомъ сумерекъ. Вверху на откосѣ горы, почти противъ самаго моста, виднѣлся небольшой каменный столбикъ, означавшій мѣсто бывшаго здѣсь стариннаго храма во имя св. Бориса и Глѣба.

Перейдя мостъ, я присѣлъ на прибрежный камень, чтобъ сдѣлать набросокъ одного мотива, заинтересовавшаго меня съ художественной стороны; товарищъ мой поднялся на дорогу, проходившую подъ горою, и занялся изученіемъ общаго силуэта монастыря.

Старица и древній Борисоглебскій соборъ.

Становилось все темнѣе и темнѣе. По опустѣвшей дорогѣ прогромыхали колеса какой-то старой, допотопной брички, и снова все стихло. Только Волга попрежнему неумоимо бѣжала мимо города, точно торопясь поскорѣе пробѣжать свой далекій путь.

Вернувшись въ гостиницу, мы узнали, что въ городѣ, вѣроятно, благодаря присутствію военныхъ, имѣется даже клубъ, помѣщающійся въ зданіи нашей гостиницы, въ второмъ этажѣ, причѣмъ нашъ номерной въ дни собранія превращается въ главнаго официанта. Клубъ процвѣтаетъ преимущественно зимою. Занятія членовъ тѣ же, что и въ другихъ мѣстахъ: играютъ въ карты, танцуютъ, по четвергамъ играетъ полковая музыка; бываютъ и спектакли, устраиваемые заѣзжими актерами, любительскихъ же покуда не было. Лѣтомъ увеселенія въ городѣ прекращаются, но жители не скучаютъ. Они то заняты предстоящимъ смотромъ полку, то ожидаютъ приѣзда какого нибудь высокопоставленнаго лица и т. п. Такъ, напримѣръ, когда мы приѣхали въ Старицу, интересовавшимъ весь городъ вопросомъ былъ приѣздъ архіерея. Объ этомъ намъ сообщили и въ монастырѣ, и въ лавкѣ, куда мы зашли за папиросами, и въ гостиницѣ, такъ что мы теперь отлично знали, что приѣдетъ онъ по желѣзной дорогѣ, изъ Ржева, что станція находится отъ города въ 10 верстахъ, что за нимъ уже посланы экипажи, что встрѣчать его поѣхалъ игумень и пр. и пр. Но помимо этихъ, такъ сказать, чрезвычайныхъ событій, жители Старицы, по видимому, благодушествуютъ и въ своей обыденной обстановкѣ.

Чуть только начинается смеркаться, особенно въ праздничный день, какъ обыватели и прекрасныя обывательницы уже спѣшатъ на улицу къ воротамъ посидѣть на лавочкѣ и посумерничать, причѣмъ для крылатаго божка любви наступаетъ самое горячее время, и онъ порывисто мечется отъ воротъ къ воротамъ. Долго еще раздавались подъ нашими окнами веселая болтовня, остроты и шутки, сопровождавшіяся громкимъ смѣхомъ на всю улицу.

На слѣдующее утро мы снова отправились въ монастырь и, проходя по знакомой уже улицѣ, встрѣтили образчикъ старицкаго остроумія. На вывѣскѣ мѣстнаго ресторана красовался слѣдующій афоризмъ:

Чай, вино и пиво
Съ пріятелемъ въ бесѣдѣ—диво!

Съ другой стороны входа была изображена цѣлая жанровая картина на сюжетъ: чиновникъ, играющій на билліардѣ. Внизу подпись: «Не въ должности, потому что нынѣшнюю недѣлю говѣю».

Впрочемъ далеко не всѣмъ обывателямъ Старицы и ея окрестностей живется одинаково весело. Выйдя съ базара на берегъ Волги, мы взглянули вверхъ по теченію. На правомъ берегу, вдали, бѣлѣли обнаженные пласты старицкаго бѣлаго камня. Это была одна изъ каменоломенъ, разсѣянныхъ около города, на обоихъ берегахъ Волги.

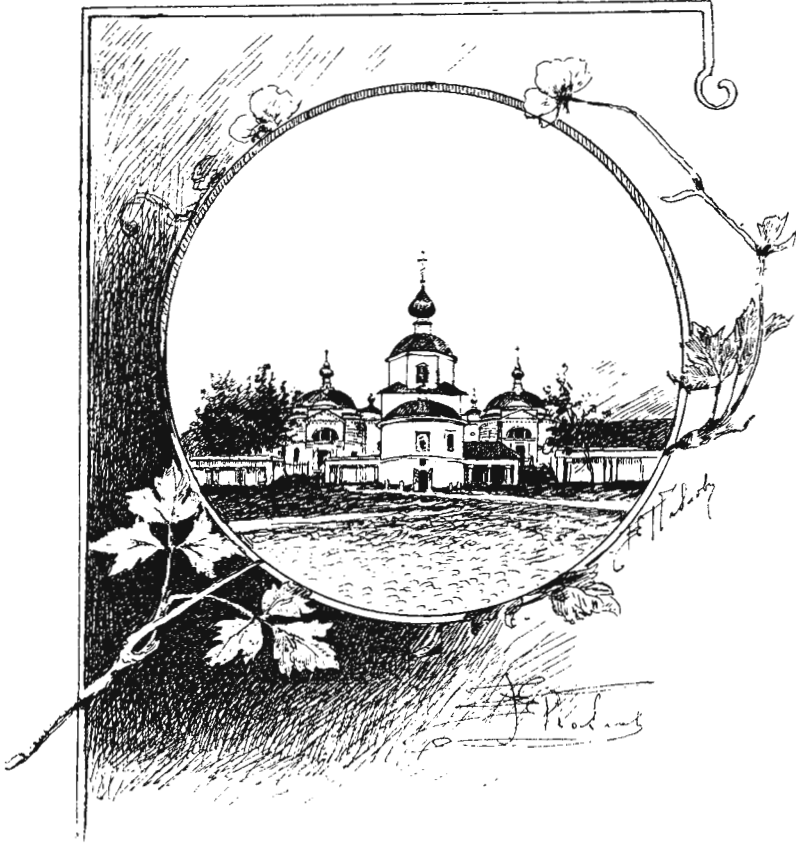
Судя по видѣннымъ нами гробницамъ, камень этотъ особою прочностью не отличается, но, тѣмъ не менѣе, спросъ на него есть и довольно значительный. Камень большими партиями сплавляется внизъ по Волгѣ и идетъ въ дѣло при устройствѣ фундаментовъ, лѣстницъ, тротуаровъ. По словамъ г. Рагозина, сотня плитъ изъ этого камня, шириною въ четверть аршина и длиною въ три четверти каждая, стоитъ въ продажѣ 15—20 рублей, на мѣстѣ же эта самая сотня покупается у крестьянъ, разрабатывающихъ каменоломни, по два съ половиной, по три и много уже, если по три съ половиной. Если бы крестьянинъ успѣлъ обтесать вчернѣ десять такихъ плитъ за день, то заработалъ бы 25 или 35 копеекъ, на самомъ же дѣлѣ онъ не зарабатываетъ и этой скромной поденщины. Прежде чѣмъ тесать камень, надо его добыть, на что уходитъ не мало времени,—камень хрупокъ и при работѣ безпрестанно ломается, въ немъ попадаются прослойки кремня, заставляющія бросать начатую плиту, какъ негодную, и т. д. Поэтому на изготовленіе сотни плитъ зачастую уходитъ цѣлый мѣсяцъ упорнаго, тяжелаго и опаснаго труда. Говорю—опаснаго, потому что крестьяне работаютъ въ постоянномъ страхѣ, что обрушившеюся глыбою имъ раздробить руку, или ногу, проломить голову, или убьетъ наповалъ. И все это за какіе нибудь три, три съ половиной въ мѣсяцъ! Просто не вѣрится описанію почтеннаго изслѣдователя Волги, а между тѣмъ въ книгѣ своей онъ приводитъ дословный разговоръ съ самими крестьянами, сообщившими ему эти свѣдѣнія. Что же заставляетъ этихъ людей томиться на такой работѣ, доставляя барыши однимъ скупщикамъ, которые, сплавивъ плиты почти даромъ по теченію Волги, получаютъ за свои три рубля по пятнадцати, по двадцати? — «Одно, что привычка,—отзывались крестьяне:—дѣды работали, ну, и мы... думаешь, что заработаешь, а только увѣче одно»...

Другое дѣло было бы, если бы нашлся добрый человекъ, который помогъ бы имъ завести свои, хотя бы не мудрыя, суденышки, научилъ бы ихъ сплавлять работу на рынокъ самимъ и на первое время защитилъ бы ихъ отъ конкуренціи и прижимокъ кулаковъ-скупщиковъ. Тогда навѣрное каждый изъ этихъ добровольныхъ каторжниковъ, съ покрытіемъ всѣхъ расходовъ, получилъ бы не менѣе 8—10 р. за сотню своихъ трудовыхъ плитъ.

Когда мы пришли въ монастырь, въ соборѣ уже шла обѣдня. Соборъ этотъ, какъ я говорилъ, построенъ въ первой четверти XVI столѣтія княземъ Андреемъ Ивановичемъ Старицкимъ. Онъ сооруженъ изъ бѣлаго камня, по словамъ г. Звѣринскаго ¹⁾, «на подобіе церкви, что на Синайской горѣ», но откуда почерпнуто это свѣдѣніе, мнѣ неизвѣстно. Купола и верхнія части собора дере-

¹⁾ См. его Матеріалъ для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской имперіи, 1892 г., т. II.

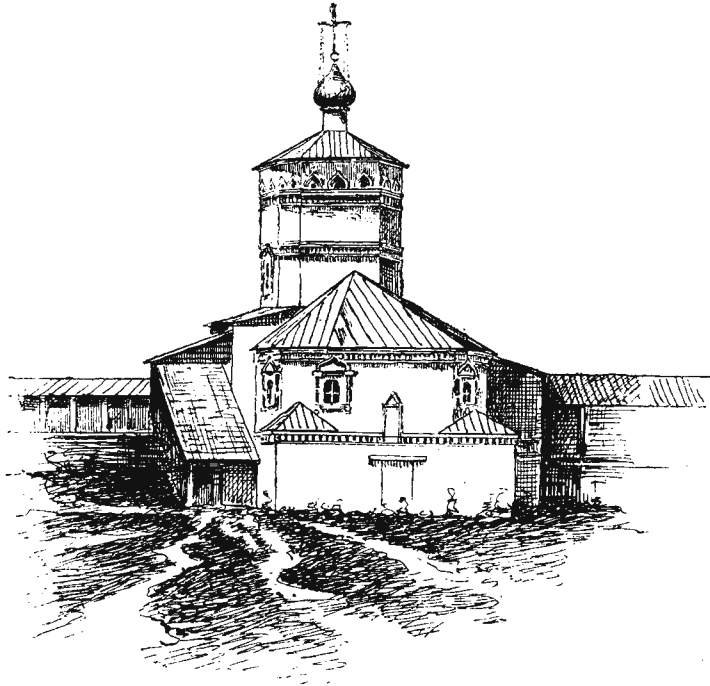
вянные и оштукатурены по подрѣшетнику; одна изъ пяти главъ собора уже покривилась и требуетъ скорого ремонта. Въ трапезной части собора, въ южномъ углу, примыкающемъ къ колокольнѣ, помѣщена каменная доска съ надписью, которую, по всѣмъ вѣроятіямъ, надо отнести къ XVII столѣтію: «На семъ месте погребень бысь святѣйшій Іовъ патріархъ московской и всея Россіи, и во

Пятицкая церковь въ Старицѣ.

160-мъ году (1652) мощи ево взяты к Москвѣ». Въ самомъ соборѣ интересна солея, очевидно старинная: три ступеньки ея вырѣзаны довольно прихотливою фигурою и утверждены каждая на особыхъ точеныхъ столбикахъ. Въ иконостасѣ замѣчательны двѣ иконы, помѣщенные рядомъ съ мѣстными: направо за Спасителемъ—икона Успенія Божіей Матери, даръ архимандрита Діонисія Зобниновскаго, налѣво, за Богоматерью, образъ св. Троицы—даръ Іоанна Грознаго.

Послѣ обѣдни мы познакомились съ служившимъ іеромонахомъ, о. Виталіемъ. Узнавъ, что насъ интересуесть прошлое монастыря, онъ очень любезно сообщилъ намъ все, что зналъ самъ по этому предмету, и, приведя въ свою келью, указалъ хранящіеся у него печатные матеріалы. Въ монастырѣ отецъ Виталій исправляетъ, кажется, должность казначея. Онъ сообщилъ намъ, что въ ризницѣ хранится плащаница работы царицы Анастасіи Романовны и два серебряныхъ стакана, пожертвованные Грознымъ за упокой души убитаго имъ сына, царевича Ивана Ивановича, и очень сожалѣлъ,

Церковь св. Іоанна Богослова въ Старицкомъ монастырѣ.

что не можетъ показать намъ ризницу, такъ какъ ключи хранятся у игумена, который уѣхалъ теперь встрѣчать архіерея. По той же причинѣ онъ не могъ провести насъ и въ Введенскую церковь, построенную, по преданію, Грознымъ. По поводу Грознаго въ монастырѣ сохранилось преданіе, что, бывая часто въ обители, онъ нерѣдко исполнялъ здѣсь обязанности понамаря. И посейчасъ еще, — говорилъ о. Виталій, — сохранилась память объ его псарномъ и конномъ дворахъ въ названіяхъ Псаревской улицы и деревни Конькова. Въ Введенской церкви хранится крестъ работы Петра Великаго, впрочемъ уже достаточно извѣстный по рисункамъ, помѣща-

впихся въ иллюстрированныхъ журналахъ. Крестъ имѣеть около 2 аршинъ высоты, на немъ помѣщена рѣзная фигура распятаго Спасителя; судя по надписи, онъ сдѣланъ Петромъ въ Кончезерѣ, во время пользованія минеральными водами, и какъ попалъ сюда въ Старицу, неизвѣстно. Подобный же крестъ находится и въ церкви, сооруженной Петромъ на марціальныхъ минеральныхъ водахъ близъ Кончезера, въ Олонецкой губерніи.

Протившись съ о. Виталиемъ, мы прошли по монастырскому кладбищу, расположенному за соборнымъ алтаремъ. Съ сѣверной стороны къ собору почти вплотную примыкаетъ церковь, построенная въ 1818 году, мѣстными помѣщиками Тутолмиными. Подваль церкви обращенъ въ обширный склепъ, который прежде сообщался съ церковью посредствомъ отверстія въ потолокъ, но потомъ эта пустота въ церковномъ полу признана неудобною, и отверстіе закрыто. Въ склепѣ мы видѣли нѣсколько памятниковъ семейства Тутолминыхъ, недурной работы. Сдѣлавъ наброски древнихъ церквей обители, мы повернули къ колокольнѣ, чтобы еще разъ взглянуть на палатку Юва. Замѣчу кстати, что колокольня построена значительно позднѣе палатки, а именно въ 1686 году, какъ гласить о томъ надпись на стѣнѣ.

Схимникъ встрѣтилъ насъ, какъ старыхъ знакомыхъ, и даже благословилъ просфорю. У него въ палаткѣ было нѣсколько больныхъ, пришедшихъ за совѣтомъ. Бесѣда старца съ больными, у гробницы перваго русскаго патріарха, имѣла характеръ какого-то стариннаго, наивнаго простодушія. Подходить къ нему крестьянинъ, еще не старый, но блѣдный, изможденный, и жалуется, что болятъ ноги, что весь нездоровъ и внутри что-то неладно.

— Бурчить? — спрашиваетъ схимникъ.

— Бурчить.

— Ну, это воздушная болѣзнь! Тутъ надо молиться, да сходить куда нибудь въ монастырь по обѣщанію. Тѣснить его надобно. Молебень тоже отслужить можно; этого онъ боится. Святой водицы раза три въ день; это тоже полезно. Вотъ молитвой-то да святой водой ты его и тѣсни, и тѣсни, чтобъ ему терпѣнья не стало.

— Я вѣдь дома-то, какъ слѣдуетъ быть, хозяйствую, и домъ у меня, и все, — а тутъ словно что сдѣлалось: вотъ ужъ третья королева недавно издохла, просто бѣда чистая.

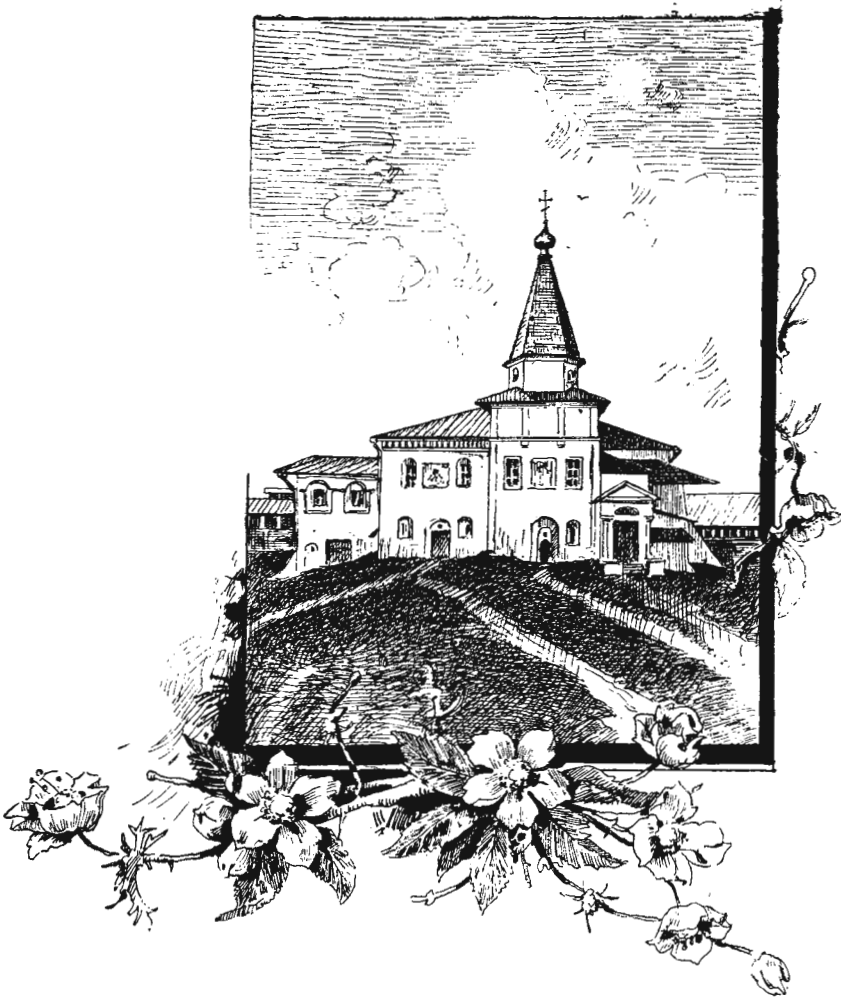
— Вотъ, вотъ она съ тебя-то и на скотинку кидается. Это болѣзнь лукавая. Тоже молебень бы отслужилъ. Съ крестнымъ ходомъ можно во дворъ-то.

— Служили ужъ.

— Да ты не разъ, а раза три въ годъ. Ну, и водицей святой покропить можно и въ воду имъ водицы-то подлей, и пройдетъ все, дастъ Богъ. Тутъ главное тѣснить его надобно, тѣснить, —

чтобъ поблажки ни въ чемъ не было. Жизнь веди чистую, грѣши поменьше, да Богу молись, да водичкой-то святой не забывай, вотъ оно все и наладится.

Мы вышли изъ палатки и, оглянувшись еще разъ на остававшуюся позади старину, направились къ воротамъ. Теперь, ко-

Введенская церковь въ Старицкомъ монастырѣ.

нечно, жизнь монастыря можно назвать скорѣе прозябаніемъ, но въ XVI и XVII столѣтіяхъ Старицкая обитель была хорошо извѣстна въ предѣлахъ московской Руси, имѣла въ Москвѣ на Никитской улицѣ собственное подворье, и еще въ половинѣ прошлаго столѣтія за нею числилось до трехъ тысячъ душъ крестьянъ.

Когда, въ 1723 году, совершалось торжественное перенесеніе мощей св. Александра Невскаго изъ Владиміра въ Петербургъ, то въ числѣ высшаго духовенства, назначеннаго для встрѣчи и проводовъ мощей, не былъ забытъ и старицкій архимандритъ. По штатамъ 1764 года монастырь обращенъ въ штатный 3-го класса и съ тѣхъ поръ началъ мало-по-малу клониться къ упадку.

Мы обошли заволжскую часть города, расположенную около монастыря и состоящую большею частью изъ деревянныхъ домиковъ и лачужекъ. Все это разбросано по крайне неровной поверхности праваго берега и представляетъ хотя и живописный, но бѣдный, почти грустный видъ. Церквей здѣсь, впрочемъ, нѣсколько, есть и Воскресенье, и Воздвиженье, и Илья Пророкъ, и Иванъ Предтеча, но онѣ, въ общей массѣ какъ-то мало замѣтны, исключая, впрочемъ, церкви Воскресенія, красиво расположенной на берегу Волги, почти бокъ о бокъ съ монастыремъ, нѣсколько ниже по теченію. Намъ посылали въ часовню, лежащую за городомъ по московской дорогѣ. Одни говорили, что на мѣстѣ, гдѣ она поставлена, будто бы умеръ патріархъ Іовъ, возвращаясь изъ Москвы, другіе утверждали, что во время перенесенія тѣла его въ Москву, на томъ мѣстѣ остановились лошади, везшія мощи, и не хотѣли тронуться съ мѣста, когда же ихъ начали понуждать, то онѣ оторвали себѣ не то подковы, не то самыя копыта—вѣрный признакъ, что святителю не угодно было разставаться съ своею Старицею. Но такъ какъ жара была невыносимая, а до часовни приходилось идти до двухъ верстъ, то мы разсудили употребить время, которое намъ оставалось пробыть въ Старицѣ, съ меньшею затратою силъ и съ большею пользою. Намъ предстояло еще осмотрѣть гору, возвышавшуюся за Волгою, противъ монастыря, на которой, въ свое время, была раскинута древняя Старица, и гдѣ еще оставались слѣды какихъ-то зданій, построенныхъ по преданію Грознымъ.

Перейдя на лѣвую сторону и устроивъ въ своей гостиницѣ маленькій полчасовой отдыхъ, мы отправились на гору. Путь нашъ лежалъ мимо кузницъ, поставленныхъ на возвышеніи, позади Пятницкой базарной церкви. Когда-то кузнечное дѣло и ручнаяковка подковъ, лопатъ, серповъ и проч. были едва ли не главною спеціальностью города. Теперь все это прекратилось, и четыре-пять кузницъ, видѣнныхъ нами, представляли собою жалкій остатокъ прежняго производства.

Поднявшись на гору, мы вышли къ собору, уединенно стоящему посреди зененаго луга. За соборомъ, правда, виднѣются казенные магазины и нѣсколько другихъ казенныхъ зданій, но они не придаютъ картинѣ никакого оживленія, и соборъ кажется стоящимъ на пустырь. Соборъ построенъ въ классическомъ стилѣ Александровскаго времени и не представлялъ бы изъ себя ничего замѣчательнаго, если бы подъ карнизомъ его не была вдѣлана надпись, на

которую всякому любителю древней русской архитектуры слѣдуетъ обратить вниманіе. Надпись эта написана на кафельныхъ изразцахъ и по языку, и правописанію относится археологами къ концу XVII вѣка. При перенесеніи ея на карнизъ нынѣшняго собора, нѣкоторые кафли, вѣроятно, затерялись, и въ надписи не достаетъ нѣсколькихъ словъ. Мы дополнимъ ихъ, въ скобкахъ, по догадкамъ извѣстнаго любителя и знатока русской старины г. Мартынова. Вотъ текстъ надписи:

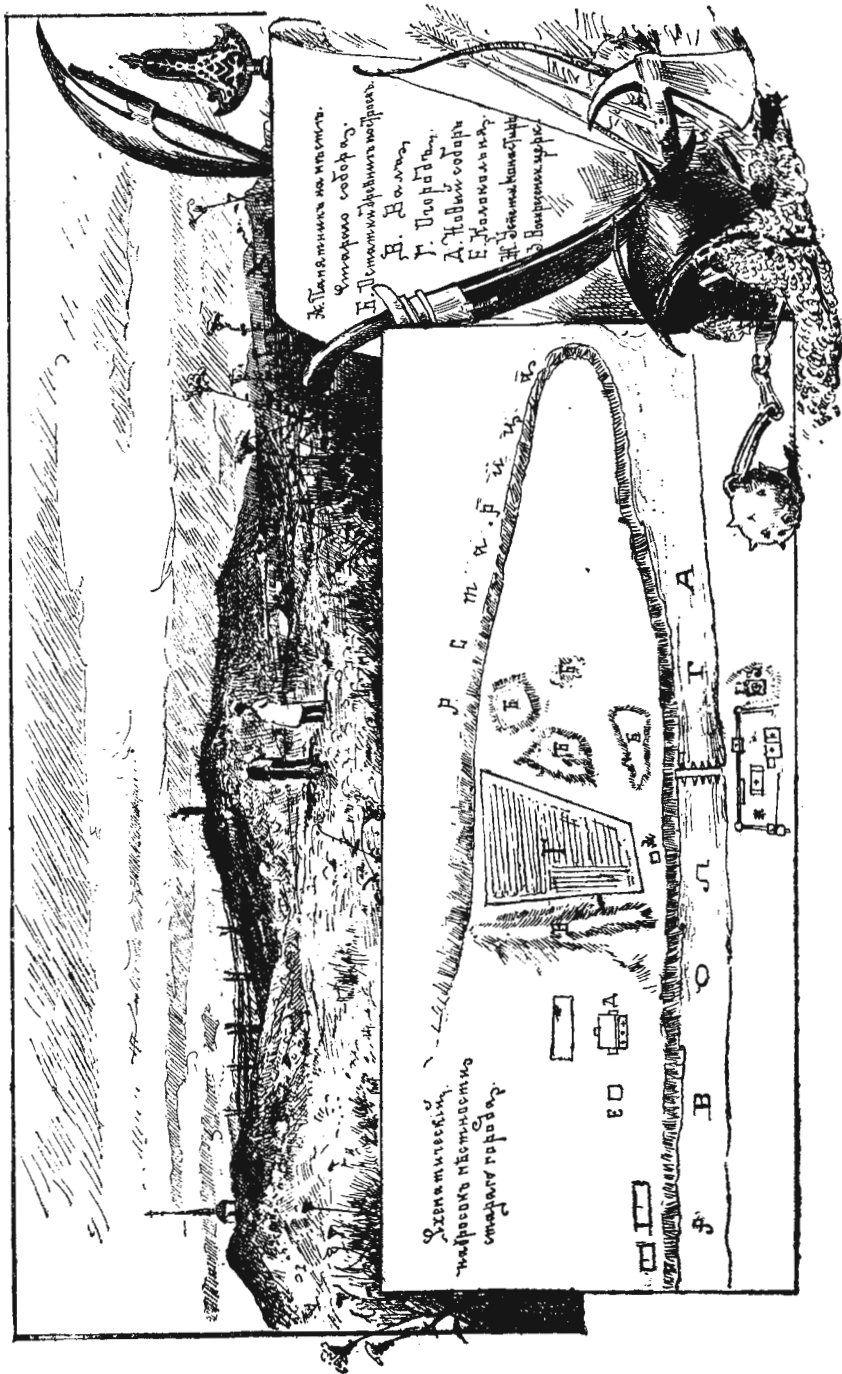
«Лѣта 7066, іюля — дня, зачатъ бысть сей храмъ въ городѣ Старицѣ святыхъ страстотерпцевъ Христовыхъ, князей русскихъ

Памятникъ на мѣстѣ Борисоглѣбскаго собора въ Старицѣ.

и обою братій по плоти Бориса и Глѣба, нареченныхъ во святомъ крещеніи Романа и Давида, при державѣ благовѣрнаго государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича и при великомъ князѣ (Юріи) Васильевичѣ и Ѳеодорѣ Іоанновичѣ всея Руссіи и при пресвященномъ митрополитѣ (Макаріи) тверскомъ (епископѣ Акакіи), а отдѣлася сія святая церковь въ лѣто 7069 и освящена (на память) великихъ страстотерпцевъ и русскихъ князей Бориса и Глѣба и святого чудотворца Николая великорѣцкаго, родителямъ на помяновеніе и въ память прочимъ родомъ, сему граду на украшеніе и

на утверждение отъ противныхъ супостатовъ и всѣмъ христіанамъ на спасеніе». Надпись эта относится къ одному изъ крайне интересныхъ сооружений эпохи Грознаго. Къ сожалѣнію, этотъ древній памятникъ нашего древняго зодчества около 1803 года былъ разобранъ, и матеріаль его употребленъ на постройку новаго собора. Если бы мѣстный старожилъ г. Веревкинъ не сдѣлалъ, въ свое время, рисунка съ этого храма, мы не имѣли бы о немъ никакого представленія, а между тѣмъ старицкій Борисоглѣбскій храмъ могъ бы быть названъ, по стилю, младшимъ братомъ московскаго Василия Блаженнаго. «Послѣ церкви въ Дьяковѣ и Василия Блаженнаго, — говоритъ архитекторъ Л. В. Даль: — это третій образецъ церкви XVI вѣка, построенной не по общепринятой у насъ формѣ четырехугольника съ тремя абсидами и главою, а въ видѣ кучки изъ нѣсколькихъ восьмигранныхъ, башнеобразныхъ строеній, служившихъ каждое отдѣльною церковью или придѣломъ. Эта форма плана сопровождается на Дьяковской церкви и Василия Блаженнаго необыкновенно богато расчлененными фасадами, не только не похожими на остальные, дошедшія до насъ русскія церкви, но даже и между собою; можно подумать, что вкусъ русскихъ, освободившихся только что отъ татаръ и сдѣлавшихся изъ подданныхъ властителей, поднялся на короткое время и пустился въ изобрѣтательность и новизну, покуда духовенство не вернуло его на старыя пути». Фасадъ Борисоглѣбскаго храма, сравнительно съ Дьяковскою церковью и Василиемъ Блаженнымъ, отличался крайнею простотою: пять придѣловъ покрыты пятью гладкими шатрами. Стѣны были украшены рѣзьбою на камнѣ и цвѣтными изразцами. На восточной стѣнѣ находилось изображеніе Распятія, составленное изъ кафельныхъ изразцовъ. Чтобы представить себѣ фасадъ храма въ его первоначальномъ видѣ, слѣдуетъ откинуть каменную паперть, которою онъ былъ окруженъ, вѣроятно, не ранѣе XVII вѣка. (Около этого времени и деревянныя лѣсенки въ каждый изъ придѣловъ Василия Блаженнаго были замѣнены общими каменными папертями). «Наружная обдѣлка этой паперти, — говоритъ г. Даль: — указываетъ на еще позднѣйшую передѣлку ея, уже въ классическое время готическихъ колоннъ и завитковъ; при этомъ, можетъ быть, и забраны пространства подъ арками и между столбовъ, бывшія во всѣхъ древнихъ церквахъ открытыми еще при первыхъ царяхъ Романовыхъ, какъ, напримѣръ, въ селѣ Коломенскомъ и первоначально въ Василии Блаженномъ». Изъ надписи видно, что старицкій храмъ начатъ постройкою въ 1558 году, т. е. черезъ четыре года послѣ Василия Блаженнаго, и освященъ въ 1561. Судя по планамъ въ немъ, какъ и въ московскомъ храмѣ, должно было находиться девять престоловъ въ разныхъ этажахъ, но освящены изъ нихъ только три, въ среднемъ: главный во имя св. Бориса и Глѣба, правый во имя св. Николая великорѣцкаго и лѣвый въ честь Благовѣщенія.

Остатки двorca Юанна Грознаго и схематическій набросокъ мѣстности старика горбача.

За нынѣшнимъ соборомъ, поперекъ горы тянется высокій валъ. Древній Борисоглѣбскій храмъ находился, вѣроятно, сзади него, потому что каменный столбъ, сооруженный въ память разобранной постройки, находится по ту сторону вала.

Мы направились къ этому памятнику. Онъ поставленъ надъ самымъ обрывомъ къ Волгѣ, и видъ отъ него на противоположащій монастырь, на церковь Воскресенія и на Волгу, красивыми изгибами уходящую вдаль, очень живописенъ.

Въ столбѣ сдѣлано углубленіе, въ которомъ помѣщается икона святыхъ братьевъ страстотерпцевъ. Хотя въ городѣ намъ и говорили, что памятникъ поставленъ на мѣстѣ стараго собора, тѣмъ не менѣе едва ли можно допустить, чтобы такая крупная постройка могла быть выдвинута на самый откосъ. Храмъ помѣщался, вѣроятно, противъ этого мѣста, но нѣсколько дальше отъ края, быть можетъ, тамъ, гдѣ теперь разведенъ огорождъ.

Пройдя валъ, мы уже вступили въ черту древняго города. Вершина горы имѣетъ здѣсь приблизительно форму равнобедреннаго треугольника, основаніемъ котораго служитъ вышеупомянутый валъ. Вдоль одной стороны треугольника протекаетъ Волга, другую образуетъ теченіе небольшой рѣчки Старицы, а вершину его составляетъ впаденіе этой послѣдней въ Волгу. Сейчасъ же за валомъ тянется большой огорождъ, окруженный плетнемъ, а за нимъ находятся фундаменты построекъ, приписываемыхъ преданіемъ Грозному. Далѣе—одинъ сплошной громадный пустырь, похожій на какой-то унылый выгонъ, безъ кустика, безъ деревца. Грустно и тяжело было смотрѣть на эту опустѣлую мѣстность, гдѣ, начиная съ 1297 года, когда «срубленъ бысть городъ на Волзѣ, ко Зубцову, на Старицѣ», и вплоть до XVII столѣтія кипѣла жизнь, бушевали страсти, раздавались призывные звуки ратныхъ трубъ, бряцанье оружія, гдѣ люди жили, волнуясь своими крупными и мелкими интересами, работали, трудились... а теперь не только отъ нихъ, но даже и отъ самаго города не осталось ничего, и только вѣтеръ разгуливаетъ по широкой равнинѣ. Мы прошли ее всю и не встрѣтили ни одной живой души; да и кого въ настоящее время заинтересуетъ этотъ голый, печальный пустырь? А между тѣмъ Старица въ XV и XVI столѣтіяхъ была довольно замѣтнымъ городомъ на Руси. Здѣсь княжили сыновья великихъ князей тверскихъ, а послѣ—московскихъ. Іоаннъ III отдалъ ее въ удѣлъ сыну своему, Андрею Іоанновичу, который, какъ мы упоминали выше, возобновилъ монастырь и перенесъ его на новое мѣсто. Во время малолѣтства Іоанна Грознаго старицкій князь представлялъ силу, которой побаивались даже на Москвѣ, высылали противъ него войско и, чтобы захватить его въ свои руки, не оставались даже передъ клятвопреступленіемъ. Андрей Іоанновичъ умеръ въ московской тюрьмѣ, и Старица перешла къ сыну его, Владиміру Андреевичу, но въ 1556 году Грозный вымѣнялъ у своего

двоюроднаго брата Старицу на Дмитровъ и окончательно присоеди-
 нилъ ее къ своимъ владѣнiямъ. Изъ числа другихъ городовъ мо-
 сковской державы Старица почему-то пользовалась особымъ распо-
 ложенiемъ государя Ивана Васильевича. По преданiю, онъ называлъ

Церковь Николы въ Капустникахъ въ Твери.

ее Любимъ-городомъ и подолгу гащивалъ въ ней на высококомъ бе-
 регу Волги. Здѣсь онъ принималъ англичанина Дженкинсона, от-
 сюда велъ переговоры съ Польшею, и здѣсь же, въ 1581 году, пред-
 ставлялся ему папскiй посоль Антонiй Поссевишъ. Весьма вѣроятно,
 что и въ постройкѣ Борисоглѣбскаго собора царь принималъ дѣя-

тельное участіе, желая украсить свой недавнопріобрѣтенный любимый городокъ.

Что касается развалинъ, находящихся неподалеку отъ вала, то о нихъ трудно сказать положительно, были ли это постройки Грознаго, какъ говоритъ преданіе, или онѣ относятся къ другому времени. Остатки построекъ сохранились въ трехъ мѣстахъ неподалеку другъ отъ друга. Среднее зданіе выше и больше другихъ. Остатки его, въ видѣ довольно высокаго холма, замѣтно возвышаются надъ окрестностью. Если подняться на этотъ холмъ, состоящій главнымъ образомъ изъ камня, то въ южной его части откроется большое, полузасыпанное щебнемъ углубленіе, уходящее подъ землю. Быть можетъ, это углубленіе и подало поводъ преданію утверждать, что здѣсь были царскіе погреба. Правѣе отъ холма къ Волгѣ находятся остатки какой-то продолговатой кирпичной постройки, а лѣвѣе, къ старицкому оврагу, — фундаментъ зданія совершенно правильной, прямоугольной формы. Впереди главнаго холма, повидимому, существовала еще какая-то постройка, о чемъ свидѣлствуютъ беспорядочно разбросанныя по землѣ груды кирпича. Не только эти остатки фундаментовъ, но и вся вершина горы требуютъ серьезнаго изслѣдованія и тщательныхъ раскопокъ. Можно быть вполне убѣжденнымъ, что трудъ и издержки не будутъ здѣсь потрачены даромъ.

Едва ли не послѣднимъ разгромомъ Старицы слѣдуетъ считать разгромъ 1609 года, произведенный Зборовскимъ и Шаховскимъ. Незадолго передъ тѣмъ Старица, присягнувшая ранѣе Лжедмитрію, снова перешла на сторону Шуйскаго, и тушинцы рѣшили показать на ней примѣръ своего мщенія. Двигаясь къ Торжку, панъ Зборовскій съ двумя тысячами литовскихъ людей и князь Григорій Шаховской съ тысячею русскаго сброда свернули черезъ Зубцовъ на Старицу. Отъ Зубцова они тронулись ночью и утромъ, подойдя къ городу, бросились на приступъ. Ратныхъ людей въ городѣ было мало. Видя, что имъ не удержаться, жители бросились въ церкви и заперлись тамъ. Поляки ворвались въ городъ и начали расправу. Они не щадили никого, убивали даже малолѣтнихъ и самый городъ сожгли до основанія. Съ этимъ разгромомъ связано мѣстное преданіе, помѣщенное въ житіи Іова и касающееся испѣленія нѣкоего Іоанна Тулупова, — быть можетъ, родственника извѣстнаго писателя Четьихъ-Миней Германа Тулупова. Этотъ Іоаннъ заболѣлъ лютою болѣзнию, отъ которой повредился даже въ умѣ. И вотъ однажды, незадолго до прихода Зборовскаго, видитъ онъ видѣніе: въ Успенскомъ монастырѣ открываются западныя двери соборнаго храма, и изъ нихъ выходитъ сама Пресвятая Богородица; справа ее поддерживаетъ святитель Николай, слѣва — патриархъ Іовъ. И слышитъ онъ голосъ, который повелѣваетъ ему идти къ воеводѣ князю Семену Путятину и къ протопопу Іоанну съ приказаніемъ, чтобы шли

они въ главную соборную церковь Михаила Архангела, пѣли бы молебны, святости бы воду, обошли бы съ крестнымъ ходомъ городскія стѣны, и Богъ помилуетъ ихъ отъ нападенія литовскихъ и русскихъ воровскихъ людей. Иоаннъ разсказалъ домашнимъ о видѣннѣи и требовалъ, чтобы его вели къ воеводѣ, но родители его, зная его болѣзненное состояніе, не обратили на это никакого вниманія. Черезъ день надъ городомъ показались непріятели, «градъ Старицу обступиша и пожгоша и люди въ немъ мечю подклониша и пожгоша соборную церковь во имя Архангела Михаила и прочіе соборныя же церкви каменные, во имя Николая чудотворца и святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба разориша, и въ нихъ множество людей посякоша». Такой же участи подвергся и монастырь съ бывшими въ немъ монахами и народомъ. Между прочимъ, непріятели ворвались и въ домъ Тулупова. Иоаннъ, связанный, въ качествѣ бѣсноватаго, разорвалъ свои веревки и началъ литовскихъ людей «поносить и укоряти». Они рубили его мечами, искололи копьями и удалились. Весь тотъ день съ утра до вечера Иоаннъ пролежалъ запертво. Ночью онъ очнулся противъ своего двора на берегу Волги. Рубашка на немъ была вся изрублена, исколота и окровавлена, но на тѣлѣ не оказалось ни одной раны, болѣзнь прошла, и сталъ онъ «здравъ и смысленъ, яко никоего зла пострада».

Остатокъ дня мы посвятили на осмотръ города, раскинутаго подъ горою и далѣе на холмахъ лѣваго берега Волги. Мы спустились къ самой Волгѣ, которая имѣетъ здѣсь очень быстрое теченіе. Плоты, спускавшіеся внизъ, не проходили, а буквально проносились мимо насъ, причемъ правившіе ими люди не проявляли ни излишней суетливости, ни безпокойства. Вѣроятно, здѣшняя быстрина не опасна. По берегу раскидано много рыбацкихъ хатокъ. Мы разговорились съ нѣкоторыми изъ рыбаковъ. По ихъ словамъ, рыбы здѣсь не особенно много, но она не дорога, значительно дешевле, чѣмъ въ Ржевѣ. Рыбаки помнятъ 1883, коронаціонный годъ; тогда уловъ былъ хорошъ, и стерлядь продавалась живая по 30 к. фунтъ, а чуть уснетъ—по 17 к. Теперь, когда рыбы стало меньше, цѣна стерляди доходитъ гривенъ до восьми за фунтъ, но рубль считается уже дорого. Въ числѣ рыбаковъ оказался даже археологъ. Онъ заявилъ намъ, что городъ прежде имѣлъ 60 верстъ въ окружности, относительно же дворца Иоанна Грознаго категорично заявилъ, что дворецъ строенъ не имъ, хотя и долженъ быть отнесенъ къ его времени. Съ берега мы снова поднялись въ городъ.

На одной изъ обширныхъ городскихъ площадей находится приходская церковь Вознесенія Господня. Прежде на этомъ мѣстѣ былъ женскій монастырь, остатки ограда котораго видны еще и посейчасъ. По преданію, онъ былъ основанъ Иоанномъ Грознымъ и существовалъ до учрежденія штатовъ при Екатеринѣ II. Въ 1764 году, роковымъ для многихъ русскихъ обитателей, онъ былъ упраздненъ и

обращенъ въ приходскую богадѣльную церковь, съ тѣмъ, чтобы находившіяся въ немъ монахини остались при церкви до смерти. Вѣроятно, монашествующихъ было уже немного, такъ какъ въ 1768 при церкви значились только игуменья и три монахини. Вокругъ церкви расположено довольно обширное кладбище, оставшееся отъ монастыря. На немъ находится могила монахини Пелагеи, которую жители считаютъ сестрою патріарха Іова. Можно предположить, что во время разгрома Старицы шайками Зборовскаго и Шаховскаго сильно пострадала и женская обитель; по крайней мѣрѣ, на одной изъ надгробныхъ плитъ, у сѣверной стѣны церкви, мы нашли извѣстіе о томъ, что въ половинѣ XVIII столѣтія обитель была построена заново. Вотъ содержаніе надписи: «Лѣто отъ созданія мира 7176, отъ воплощенія же Бога слова 1668 года, априлія въ 9 преставися раба Божія игуменія, знаменосица і строительница святаго мѣста сего Марина Исидорова доч... (фамиліи мы точно разобратъ не могли). Строенія же ея во обители сей церковь каменная, 2 престола: Вознесеніе Христово, Знаменіе Богородицы и вся святая обитель сія во градѣ Старицѣ».

Поздно вечеромъ вернулись мы въ гостиницу усталые, но очень довольные симпатичнымъ городкомъ и пережитыми за этотъ день впечатлѣніями.

Теперь ближайшею нашею цѣлью была Тверь, куда мы рѣшили проѣхать по желѣзной дорогѣ. Въ тотъ же вечеръ мы наняли лошадей до станціи, находящейся въ 10 верстахъ отъ города, и содержатель почты далъ намъ такую красивую, лихую тройку, что когда мы съ громомъ и звономъ покатали по улицамъ, то стоявшій у казеннаго зданія часовой счелъ своимъ долгомъ сдѣлать намъ на караулъ.

Ямщикъ оказался изъ нынѣшнихъ и только что выѣхалъ изъ города, какъ пустилъ лошадей шагомъ и попросилъ у насъ «панеросочку».

У.

Тверь.

Тверь городокъ—Москвы уголокъ.

пословица.

Отъ вокзала до города считаютъ около трехъ верстъ, но въ дѣйствительности оно кажется меньше, по крайней мѣрѣ, мы проѣхали его незамѣтно, разсматривая городъ, длинною лентою развертывавшейся передъ нами съ своимъ соборомъ, дворцомъ, церквами, казенными зданіями и другими постройками, перемѣшанными съ густыми массаами зелени садовъ и бульваровъ.

Предсмертная молитва князя Михаила Ярославича.—Вверху: древняя тверская крепость.—Въ кругѣ: нынѣшней тверской соборъ.

«ИСТОРИЧЕСКОЕ ВЪЗНѢНІЕ», ФЕВРАЛЬ, 1896 Г., Т. LXIII.

12

Воздвигнутый изъ пепла, послѣ страшнаго пожара 1763 г., волею и щедротами Екатерины, городъ въ концѣ прошлаго столѣтія считался однимъ изъ лучшихъ и благоустроенныхъ провинціальныхъ городовъ. Эти признаки благоустройства остались въ Твери и до нашего времени; все здѣсь чисто, прилично, каменные постройки, окрашенныя въ казенный желтый цвѣтъ, разставлены видимо по заранѣ обдуманному плану, бульвары разбиты правильно, главная улица, Милліонная, широка, и ея прямая линія разнообразится тремя симметрично расположенными площадями со зданіями присутственныхъ мѣстъ, почтовой конторы и пр. Но на площадяхъ этихъ между булыжникомъ пробивается трава, видъ ихъ пустыненъ и унылъ, въ самомъ центрѣ города такъ же тихо, какъ и на окраинахъ, нѣтъ движенія, нѣтъ жизни, городъ точно дремлетъ, точно застылъ въ ожиданіи чего-то. Таково впечатлѣніе, производимое Тверью на свѣжаго, пріѣзжаго человѣка.

Оставивъ вещи въ гостиницѣ, мы тотчасъ же отправились ближе знакомиться съ городомъ и начали осмотръ съ собора. Милліонная улица привела насъ къ длинному двухэтажному зданію дворца, построенному подлѣ собора, и уперлась въ широкій пустырь, на которомъ одиноко стояла ветхая церковь Никола въ Капустникахъ. Пустырь одною стороною выходилъ на Волгу, а другою спускался къ рѣчкѣ Тьмакѣ, за которою на пригоркѣ, почти противъ перваго Никола, возвышался второй Никола, называемый «въ Звѣринцѣ».

Хотя отъ прежней Твери въ этомъ мѣстѣ не осталось ничего, кромѣ собора и двухъ сравнительно не древнихъ Николь, но, благодаря писцовымъ книгамъ и изслѣдованію почтеннаго археолога Н. Н. Овсянникова, мы можемъ, хотя въ общихъ чертахъ, представить себѣ внѣшній типъ и расположеніе города въ XVII вѣкѣ. Мѣстность, окружающая соборъ, была занята крѣпостью, или собственно городомъ. Въ концѣ XVII вѣка мы застаемъ ее рубленною по осыпи, окруженною землянымъ валомъ, тыномъ и рвомъ. Этотъ дѣтинецъ былъ очень не великъ и охватывалъ собою только мѣсто подъ нынѣшними, ближайшими къ собору зданіями. Онъ былъ окруженъ съ одной стороны Волгою, съ другою — Тьмакою, а съ третьей—глубокимъ рвомъ, прокопаннымъ отъ Тьмаки къ Волгѣ, при чемъ нынѣшняя Милліонная, прежде Вознесенская улица почти цѣликомъ оставалась за стѣною и находилась уже въ такъ называемомъ Загородскомъ посадѣ. Въ крѣпость вели четверо воротъ: Владимірскія, Благовѣщенскія, Волжскія и Тьмацкія. По книгамъ извѣстно, что Владимірскія ворота были сооружены изъ камня въ 1674 году на средства архіепископа Іоасафа, который около того же времени, построилъ и нынѣшнюю церковь Никола въ Капустникахъ. Ворота имѣли 9-ть сажень вышины и были украшены иконописью: на наружной сторонѣ: «Предста царица одесную Тебѣ», на

внутренней — «Спасъ во облацѣ» съ предстоящими тверскими святыми. Затворовъ у воротъ не было; по обѣ ихъ стороны были придѣланы каменные стѣны, но не далѣе, какъ на 2 сажени, и затѣмъ начинался деревянный тынъ—эти ворота находились на нынѣшней Милліонной улицѣ. Благовѣщенскія ворота помѣщались между Владимірскими и Тьмацкими и получили названіе отъ сосѣдней Благовѣщенской церкви, бывшей въ дѣтинцѣ. Подлѣ нихъ, по словамъ писцовой книги, была караульная изба, «а въ ней были стрѣльцы на караулѣ». Въ книгѣ увѣковѣчена даже соборная просвирня Анютка, жившая подлѣ этихъ воротъ; у нея было три сына: Друганка, Максимка да Трешка, а подать они давали архіепископу. Тьмацкія и Волжскія ворота выходили на Тьмаку и Волгу. Около Тьмацкихъ воротъ стояла архіепископская мельница.

Главное мѣсто въ городѣ принадлежало, конечно, собору св. Спаса Златоверхаго. За алтаремъ собора находился Аванасьевскій монастырь, въ которомъ окончилъ дни свои, утомленный борьбою съ москвичами, князь Михайль Александровичъ (1399 г.). Съ сѣверной стороны къ собору примыкали зданія владычняго двора, построеннаго въ XVII вѣкѣ архіепископомъ Іоасафомъ, изъ камня, послѣ того, какъ прежній владычній дворъ сгорѣлъ во время пожара 1661 года. Этотъ владычній дворъ тянулся отъ собора почти сплошною линіей до самыхъ Волжскихъ воротъ, въ составъ его входили: дворы конюшенный и житный, кельи архіерейскія, казначейскія и братскія, столовая палата, приказъ судный и казенный, хлѣбня, поварня, погребу и ледникъ; «на сѣняхъ» была устроена Іоасафомъ каменная церковь Происхожденія честныхъ древъ Креста Господня. Теперь вся мѣстность владычняго двора занята дворцомъ и примыкающимъ къ нему садомъ. Здѣсь же неподалеку были дворы соборнаго причта и подворья монастырей: Старицкаго, Отроча, Желтикова и другихъ. Палаты князей тверскихъ находились недалеко отъ собора, по всей вѣроятности, на югъ отъ него, быть можетъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ возвышается теперь зданіе тверской гимназіи. Въ московскія времена внутри города появились: воеводскій дворъ и приказная изба. Писцовая книга 1685—1686 года сохранила намъ и цифры, дающія понятія о величинѣ этихъ построекъ; такъ воеводскій дворъ занималъ площадь въ 19-ть сажень длины и 16-ть ширины, а сѣзжая или приказная изба 7-мъ сажень въ длину и 5-ть въ ширину. Кромѣ Аванасьеваго монастыря въ городѣ находился еще другой — Троицкій, но въ 1626 году онъ помѣченъ «запустѣвшимъ издавна». Остальное пространство города было занято дворами бояръ и служащаго люда, амбарами, торговыми лавками, полулавками и скамьями.

Если нынѣшній соборъ, построенный въ концѣ XVII вѣка, не представляетъ интереса глубокой древности, зато о мѣстѣ, на которомъ онъ поставленъ, можно смѣло сказать, что оно «земля свята

есть». Искони на этомъ мѣстѣ находилась главная духовная твердыня города, сначала (около 1271 г.) деревянный соборъ св. Козьмы и Даміана, потомъ въ 1285 году при князѣ Михаилѣ Ярославичѣ и епископѣ Симеонѣ заложенъ каменный Преображенскій храмъ — Спасъ Золотоверхій, разобранный за ветхостію въ XVII столѣтіи. Нынѣшній соборъ построенъ архіепископомъ Сергіемъ въ 1682 г. по образцу московскаго Успенскаго собора. Его пять главъ, увѣнчанныя массивными золочеными крестами, окрашены въ синюю краску, на которой, какъ на небѣ, разбросаны яркія золотыя звѣзды. Такое украшеніе главъ мы видѣли на многихъ церквахъ Тверской губерніи. Противъ юго-западнаго угла находится высокая трехъ-ярусная колокольня, построенная около половины прошлаго столѣтія. На ней вмѣстѣ съ новыми колоколами находится и три старыхъ: первый — временъ Алексѣя Михайловича, второй — Михаила Ѳеодоровича и третій — временъ Грознаго съ упоминаніемъ на надписи имени св. Анастасіи.

Тотчасъ же при входѣ въ соборъ, мы увидѣли изображеніе князя-мученика Михаила Ярославича. Икона писана масляными красками и принадлежитъ, несомнѣнно, новѣйшему времени, но на ней переданъ типъ князя, взятый со старинной иконы. Обликъ святаго настолько характеристиченъ, настолько чуждъ всякой условности, что, не смотря на раздѣляющія насъ 500 лѣтъ, въ голову невольно приходитъ мысль о точномъ портретѣ князя. Если древняя икона и не можетъ быть почему либо отнесена къ XIV вѣку, то она легко могла быть скопирована съ болѣе древняго оригинала, написаннаго вскорѣ послѣ мученической кончины князя. Наружность Михаила Ярославича, судя по изображенію, отличалась крайнимъ добродушіемъ. Этотъ высокій, открытый лобъ, переходящій въ замѣтную лысину, курчавые волосы, негустая и недлинная борода, не прикрывающая и подбородка, небольшіе, слегка опущенные усы, — все это мало заключаетъ въ себѣ героическаго и воинственнаго, но въ свѣтлыхъ, открытыхъ глазахъ, въ спокойныхъ, почти мягкихъ, линіяхъ бровей, въ контурѣ губъ и общемъ выраженіи лица читаешь какую-то добросердечную простоту и, не смотря на сухость древняго рисунка, чувствуешь пріятный, симпатичный обликъ тверскаго князя.

Но вотъ и самъ онъ покоится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ у стѣны, подлѣ праваго клироса. Измученные, истерзанные останки доблестнаго борца за Тверь хранятся теперь въ богатой серебряной ракѣ. Когда находишься предъ этою священною гробницею, невольно припоминаются послѣднія минуты страдальца въ роковую среду 22-го ноября 1318 года. Въ этотъ день утромъ князь, уже осужденный татарскимъ судомъ, и предчувствуя близкій конецъ, пожелалъ пріобщиться Св. Тайнъ. Сопутствовавшій ему игуменъ отпѣлъ заутреню и часы, послѣ чего началъ правило ко св. причащенію, но князь

пожелалъ самъ прочесть его и, взявъ книгу, сталъ читать съ умиленіемъ и слезами. Причастившись онъ подозвалъ къ себѣ двѣнадцатилѣтняго сына своего Константина и началъ съ нимъ предсмертную бесѣду. Онъ говорилъ о княгинѣ, объ остальныхъ сыновьяхъ, посылалъ имъ послѣдній привѣтъ, распредѣлялъ между ними свои владѣнія, говорилъ о боярахъ и о тѣхъ, «иже съ нимъ быша и до меньшихъ, не веля презрѣти ихъ». Окончивъ бесѣду,

Кимрская икона Спасителя въ тверскомъ соборѣ.

князь поникъ головою и глубоко задумался, приготовляясь къ ожидавшимъ его мученіямъ.

— Прискорбна душа моя до смерти,—вымолвилъ онъ и велѣлъ подать себѣ псалтырь, духовныя пѣсни котораго не разъ служили ему утѣшеніемъ въ скорби. Князь открылъ 54 псаломъ.

— Внуши, Боже, молитву мою и не презри моленія моего,—раздался среди тишины его голосъ.

Игумень, два священника и бывшіе съ княземъ въ ордѣ тверскіе бояре молча стояли въ сторонкѣ, глядя на страдальца, томившагося и духовно, и тѣлесно подъ тяжестью, давившей ему шею и плечи, деревянной колодки.

— Сердце мое смятется во мнѣ, и боязнь смерти нападе на мя,—читалъ Михайлъ далѣе:—страхъ и трепеть прійде на мя и покры мя тьма.

Онъ остановился.

— Что предвѣщаетъ мнѣ этотъ псаломъ? — обратился онъ къ священникамъ.

— Тебѣ ли, князь, не знакомы эти псалмы?—успокаивали священники, боясь еще болѣе смутить страдальца. Они перевернули листъ и указали на слова въ концѣ псалма: «возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитааетъ, и не дастъ во вѣки смятенія праведнику».

Лишь только Михаилъ, окончивъ чтеніе, закрылъ книгу, какъ въ палатку вбѣжалъ блѣдный, дрожащій отрокъ.

— Господинъ князь! — заговорилъ онъ: — идутъ отъ хана Кавгадый и князь Юрій Даниловичъ со множествомъ народа прямо къ твоей вѣжѣ.

Михаилъ Ярославичъ быстро поднялся и замѣтилъ со вздохомъ:

— Знаю, зачѣмъ идутъ—убить меня.

Онъ наскоро отправилъ Константина къ ханшѣ, а самъ сталъ творить послѣднюю молитву.

Кавгадый и Юрій остановились на торгу, неподалеку отъ палатки Михаила, сошли съ коней и послали убійцъ для совершения казни...

Дикая, возмутительная картина встаетъ передъ глазами! Убійцы врываются въ шатеръ, разгоняютъ людей и начинаютъ бить Михаила, дергаютъ за колодку изъ стороны въ сторону и, наконецъ, бросаютъ его объ стѣну вѣжи съ такою силою, что вѣжа проламывается. Михаилъ вскакиваетъ на ноги, его снова валяютъ на полъ, нещадно бьютъ пятами, ударяютъ головою о землю. Наконецъ, одинъ русскій, быть можетъ, москвичъ, по имени Романецъ, выхвативъ большой ножъ, ударяетъ князя въ ребра и вырѣзываетъ сердце. Вѣжа разграблена, люди Михаила обобраны, избиты, закованы. Когда Юрій съ Кавгадыемъ входятъ въ шатеръ, тѣло мученика нагое валяется на полу.

Увидавъ этотъ опозоренный трупъ, даже Кавгадый пришелъ въ ярость и закричалъ на Юрія:

— Не братъ ли онъ тебѣ старѣйшій, какъ отецъ! Зачѣмъ же тѣло его лежитъ нагое?

Юрій велѣлъ своимъ прикрыть тѣло. Черезъ нѣсколько времени останки князя были отвезены въ Москву и нѣкоторое время находились при церкви Спаса на Бору, пока, наконецъ, тверичи не выпросили ихъ у Юрія и не перенесли на родину.

На двухъ изъ центральныхъ столбовъ тверскаго собора находятся два изображенія послѣднихъ минутъ благовѣрнаго князя. На первомъ мы видимъ его предсмертную молитву, на второмъ — моментъ самой кончины мученика. Картины эти написаны въ 1838 году по благословенію тверскаго архіепископа Григорія. Помимо своего содержанія, картины обращаютъ на себя вниманіе и худо-

жественностью исполненія. Профессоръ С. П. Шевыревъ, заѣхавшій въ Тверь на обратномъ пути изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ 1847 г., упоминаетъ объ этихъ изображеніяхъ и авторомъ ихъ называетъ ученика московской школы живописи, свободнаго художника Орлова. На нашемъ рисункѣ мы помѣстили главную группу изъ предсмертной молитвы, а надъ нею вверху видъ древней тверской крѣпости со св. Спасомъ Златоверхимъ, съ вышеупомянутой старинной иконы, сохранившей намъ типъ Михаила Ярославича. Икона эта хранится въ соборѣ. На ней вмѣстѣ съ княземъ изображена и его мать Ксенія, а посрединѣ,—поддерживаемая ихъ руками,—тверская крѣпость.

Подъ соборомъ схоронены многіе тверскіе князья съ своими супругами, какъ-то: первый князь Твери Ярославъ Ярославичъ, казненный въ ордѣ Александръ Михайловичъ, Михаилъ Александровичъ Микулинскій, Иванъ Всеволодовичъ Холмскій и другіе.

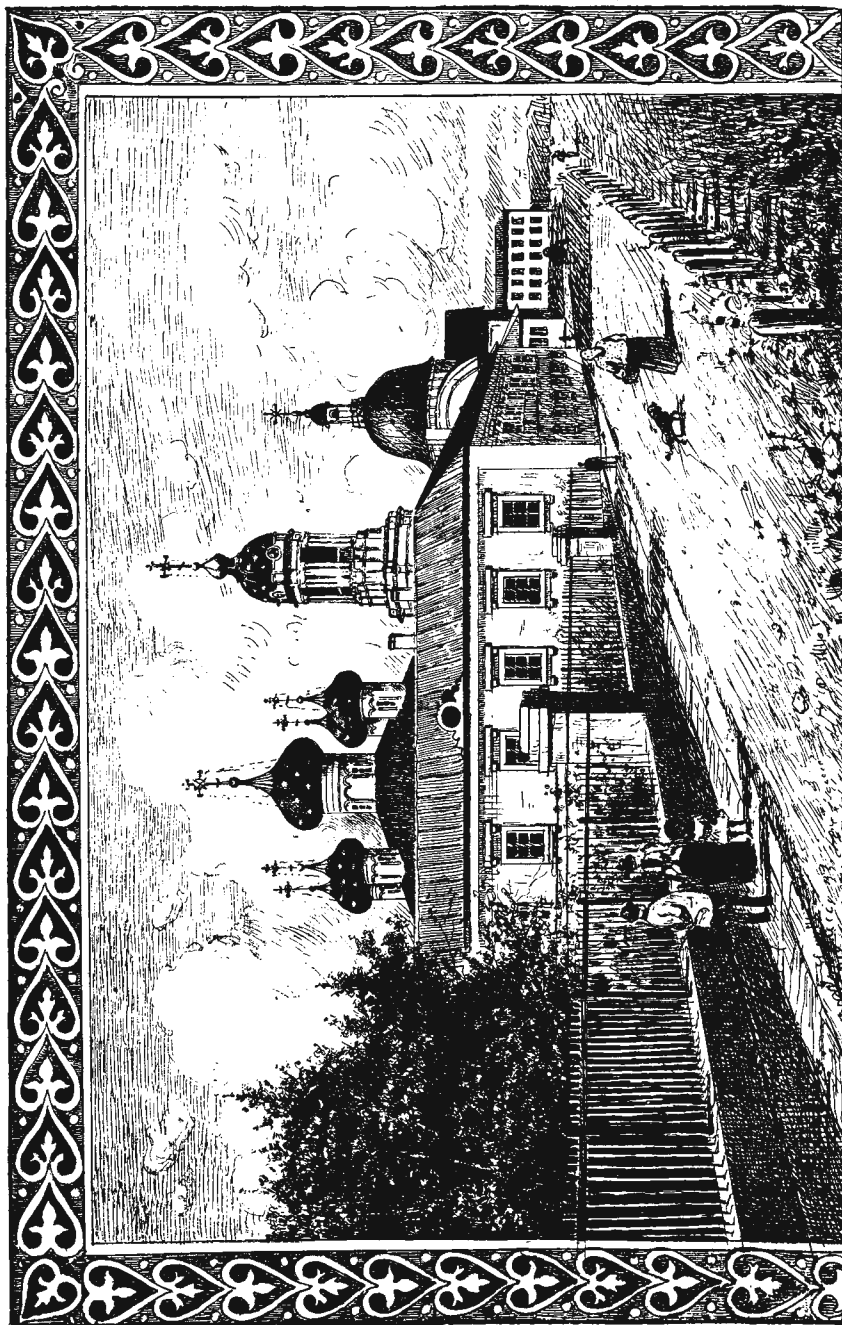
Свѣтлый, просторный соборъ и внутри производитъ такое же пріятное впечатлѣніе, какъ снаружи. По стѣнамъ всюду живопись на библейскіе и евангельскіе сюжеты, а внизу цѣлая портретная галерея тверскихъ архипастырей.

У южной стѣны, неподалеку отъ гробницы Михаила Ярославича, помѣщается большой нерукотворенный образъ Спасителя, хорошаго письма и, повидимому, древній. Интересно, что до 1839 года образъ этотъ находился въ питейномъ домѣ села Кимры и привлекалъ массу богомольцевъ. Хотя чудотвореній отъ него нигдѣ записано не было, но въ народѣ жило непоколебимое убѣжденіе, что образъ чудотворный, и молящіеся наполняли кабакъ. Въ 1836 году тверской архіепископъ Григорій, впослѣдствіи митрополитъ с.-петербургскій, обратилъ на это вниманіе и нашель, что мѣсто для поклоненія святой иконѣ не совсѣмъ удобно. Оказалось, что кимряки давно уже хотѣли перенести ее въ церковь и еще въ 1825 году входили о томъ съ прошеніемъ въ тверскую казенную палату, но прошеніе оставлено безъ послѣдствій на томъ основаніи, что икона принадлежитъ казнѣ. Кимряки терпѣли нѣсколько лѣтъ, но наконецъ не выдержали и собрали 50 рублей, долженствовавшіе возмѣститъ казнѣ цѣнность иконы и ея украшеній. Деньги были приложены къ прошенію, но результатъ получился тотъ же. Наконецъ, въ 1836 году за дѣло взялся самъ владыка и поручилъ хлопоты своей консисторіи, но и консисторія получила отъ палаты вѣжливый отказъ. А икона попрежнему стояла въ кабацѣ, доставляя порядочный доходъ цѣловальнику. Мало того, нашлись въ Кимрѣ добрые молодцы, которые, благодаря иконѣ, придумали, хотя и несложную, но довольно прибыльную спекуляцію. Извѣстно, что простой народъ мало знакомъ съ употребленіемъ бумажниковъ и портмонэ. Еще покойный М. Е. Салтыковъ замѣтилъ, что у мужика сапоги — «все одно, что ломбардъ», но иногда ломбардъ этотъ изъ голенища пере-

носится въ платокъ, который обыкновенно помѣщается въ шапкѣ. И вотъ какъ только наступало воскресенье или другой праздничный день, когда окрестные крестьяне съѣзжались на рынокъ, причемъ каждый изъ нихъ считалъ долгомъ побывать и въ кабакѣ, добрые молодцы съ ранняго утра занимали свои мѣста подлѣ дверей. Лишь только простодушный посѣтитель отворялъ дверь и вваливался въ заведеніе, какъ неизвѣстная рука мигомъ срывала съ него шапку и швыряла ее на улицу, гдѣ ее тотчасъ же подхватывали другія таинственныя, но ловкія руки. Шапка пропадала безслѣдно, а мужичку читалась приличная нотація, что не слѣдуетъ входить въ шапкѣ въ помѣщеніе, гдѣ есть такая святая икона. Впрочемъ, не всѣ посѣтители попадали въ эту ловушку; болѣе осторожные успѣвали и сохранить шапку, и помолиться, и даже пожертвовать свою добровольную лепту на икону, но эти деньги нигдѣ не записывались, никѣмъ не провѣрялись, часто бросались въ ящикъ за стойку или валялись просто на полу. Присутствіе иконы, конечно, не удерживало посѣтителей отъ криковъ, пѣсенъ, брани и т. п.— словомъ, дѣло не могло оставаться въ такомъ положеніи. Потерпѣвъ неудачу въ палатѣ, консисторія обратилась въ губернское правленіе, съ утвержденнымъ владыкою постановленіемъ, объ отобраніи св. иконы изъ неприличнаго и безобразнаго мѣста ея находженія. Губернское правленіе отнеслось въ казенную палату съ предложеніемъ сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе, а палата передала все дѣло на разсмотрѣніе департамента разныхъ податей и сборовъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы окончилась вся эта исторія. Но неутомимый владыка Григорій перенесъ дѣло въ синодъ и только послѣ того, какъ оберъ-прокуроръ синода, графъ Протасовъ, снесся съ министромъ финансовъ, икона была наконецъ передана въ духовное вѣдомство и помѣщена на свое нынѣшнее мѣсто въ тверскомъ соборѣ.

Взглянувъ еще разъ на симпатичныя черты Михаила Ярославича, мы вышли изъ собора и направились подъ гору къ Волгѣ. Слева тянулся вышеупомянутый пустырь, упирающійся въ Тѣмаку, справа начинались за соборомъ зданія дворца, передѣланныя около 1780 года изъ архіерейскаго дома, находившагося на мѣстѣ прежняго владычнаго двора. Отъ дворца спускался къ Волгѣ красивый и обширный дворцовый садъ.

Дворецъ, въ смыслѣ постройки, не отличается ни размѣрами, ни особымъ изяществомъ, но онъ интересенъ для насъ по нѣкоторымъ соединеннымъ съ нимъ воспоминаніямъ. Въ началѣ нашего столѣтія здѣсь поселился принцъ Ольденбургскій, назначенный на постъ новгородскаго, тверскаго и ярославскаго генералъ-губернатора. Супруга его, великая княгиня Екатерина Павловна, какъ извѣстно, была большая поклонница искусства и просвѣщенія, и горячо покровительствовала всѣмъ благимъ начинаніямъ въ наукѣ и литера-

Видъ собора и части дворца изъ Г'вери.

турѣ. Грандіозный трудъ «Исторіи государства Россійскаго», которому, съ 1803 года, посвятилъ себя Карамзинъ, конечно, не могъ не привлечь къ себѣ горячихъ симпатій великой княгини. Исторіографъ нѣсколько разъ былъ въ Твери и неоднократно гостилъ во дворцѣ въ продолженіе 1810, 1811 и 1812 годовъ. «Не могу изъяснить тебѣ—пишетъ онъ другу своему И. И. Дмитріеву,—какъ великая княгиня и принцъ ко мнѣ милостивы. Я узналъ ихъ несравненно болѣе прежняго (писано въ февралѣ 1811 г.), имѣлъ случай ежедневно говорить съ ними по нѣскольку часовъ между нашихъ историческихъ чтеній. Великая княгиня во всякомъ состояніи была бы одною изъ любезнѣйшихъ женщинъ въ свѣтѣ; а принцъ имѣетъ ангельскую доброту и знанія необыкновенныя въ нѣкоторыхъ частяхъ». Погрузившійся въ глубь вѣковъ всей душою, всѣмъ существомъ своимъ, впечатлительный, склонный къ сентиментализму историкъ поддался обаянію старины, обаянію древней, исконной Руси, охладѣлъ къ реформѣ Петра, нарушившей, по его мнѣнію, терпѣливое, медленное, но прочное развитіе государства, и подъ этимъ же консервативнымъ угломъ зрѣнія взглянуть и на современную ему эпоху первыхъ лѣтъ царствованія Александра I. Взгляды Карамзина очень понравились великой княгинѣ, и она просила его изложить ихъ письменно. Исторіографъ написалъ свою «Записку о древней и новой Россіи», въ которой отнесся съ недовѣріемъ къ реформамъ молодого императора. Когда, весной, 1811 года, Александръ I былъ проездомъ въ Твери, великая княгиня Екатерина Павловна устроила въ присутствіи императора чтеніе нѣкоторыхъ главъ изъ исторіи, продолжавшееся болѣе двухъ часовъ, послѣ чего Карамзинъ познакомилъ государя съ содержаніемъ своей «Записки». По замѣчанію М. П. Погодина, біографа Карамзина, государь взглянулъ на записку, какъ на выраженіе недовольства цѣлой партіи, и въ началѣ было прогнѣвался на Карамзина, но потомъ явно охладѣлъ и къ Сперанскому. Въ письмѣ къ Дмитріеву самъ Карамзинъ упоминаетъ объ этой бесѣдѣ въ слѣдующихъ словахъ: «говорилъ съ нимъ не мало, и о чемъ же? О самодержавіи!! Я не имѣлъ счастья быть согласенъ съ нѣкоторыми его мыслями, но искренно удивлялся его разуму и скромному краснорѣчію». Но помимо ученыхъ и литературныхъ занятій, великая княгиня и ея супругъ интересовались и общественной жизнью Твери. Въ воспоминаніяхъ Е. Ѳ. Тимковскаго, помѣщенныхъ въ «Кіевской Старинѣ», говорится объ ихъ стараніяхъ сплотить и оживить мѣстное общество, «весьма равнодушное къ связямъ дружбы и общегитія». Но тверскіе именитые граждане, повидимому, были тяжелы на подъемъ. «Бывало,—пишетъ г. Тимковскій,—не дозвуются ихъ на придворные вечера или балы, такъ что, сверхъ пригласительныхъ билетовъ, не разъ должны были еще посылать камеръ-лакеевъ съ каретами, чтобы притащить дородныхъ купцовъ съ разрумяненными ихъ женами, какъ возятъ въ

столицахъ актеровъ и актрисъ». Дочерей своихъ купечество держало по-старинному, взаперти. Въ 1813 году, къ которому относятся тверскія воспоминанія г. Тимковскаго, имъ дозволялось только одно публичное гулянье, но за то продолжавшееся цѣлый мѣсяцъ. «Съ 1 іюля по 1 августа, — говорилъ онъ, — почти ежедневно, и въ полдень и вечеромъ, онѣ оставляютъ свои терема и въ лучшихъ нарядахъ, истинно русскихъ, появляются хороводами то на улицѣ, то у своихъ домовъ, чтобы, какъ говорится, себя показать и людей посмотреть. По захожденіи солнца во всѣхъ концахъ города раздаются ихъ громкія, веселыя пѣсни. Но какъ собраніе дѣвицъ не можетъ, да и не должно быть безъ кавалеровъ, то и длиннополые кандидаты супружества, то-есть суженые, тутъ какъ тутъ. Впрочемъ, сколько помню, все шло чинно, благопристойно, въ своемъ видѣ и порядкѣ, что подтвердить могутъ и всѣ бывшіе тамъ наши братья, кургузые зрители». Обычай народныхъ гуляній существуетъ въ Твери и по настоящее время, причемъ, главнымъ образомъ, поводами къ гуляньямъ служатъ крестные ходы и храмовые праздники въ разныхъ частяхъ города.

Идя вдоль рѣшетки дворцоваго сада, мы вышли на Волгу, и Тверь развернулась передъ нами во всей своей красѣ. Весь городъ былъ какъ на ладони. Планъ его очень незамысловатъ. Вправо отъ насъ вдоль Волги тянулась городская часть, составляющая казовую сторону Твери и заключающая въ себѣ соборъ, дворецъ, присутственные мѣста и лучшія улицы. Лѣвѣе отъ насъ, за пустыремъ, находилось устье Тьмаки, а далѣе, вверхъ по Волгѣ, тянулось, такъ называемое, Затъмачье; таковъ планъ праваго берега. На лѣвомъ, противъ насъ, окутанная въ зелень, была расположена заволжская часть, вправо, ниже по теченію, виднѣлось устье Тверцы съ Отрочимъ монастыремъ, а за Тверцою четвертая часть города — Затверчье. Плашкоутный мостъ соединялъ оба берега.

Отложивъ посѣщеніе остальныхъ частей города до вечера, мы продолжали ознакомленіе съ городскою частью, и направились вдоль берега внизъ по теченію. Тянувшаяся справа рѣшетка дворцоваго сада образовала въ одномъ мѣстѣ небольшой выступъ, на которомъ устроена площадка, и поставлены скамьи для отдохновенія и наслажденія отсюда панорамой города и Волги. Но если видъ съ площадки доставляетъ истинное наслажденіе, то не менѣе наслаждались мы въ этомъ мѣстѣ и видомъ сада съ его изящною по рисунку, пышною, бархатистою зеленою, надъ которою высоко въ небѣ горѣли кресты тверскаго собора, а синіе купола его, выглядывая изъ-за деревьевъ, сверкали сотнями золотыхъ звѣздъ, — чисто русскій, характерный мотивъ!

Черезъ нѣсколько минутъ мы подошли къ обрыву на мѣстѣ древняго рва, соединявшаго Волгу съ Тьмакою и составлявшаго съ этой стороны границу городскихъ укрѣпленій. Замѣчу здѣсь

кстати, что попытка возобновить тверскія укрѣпленія была сдѣлана въ началѣ прошлаго столѣтія. Укрѣпивъ Новгородъ, Петръ I прислалъ и въ Тверь «математическихъ наукъ учителя», извѣстнаго Леонтія Филипповича Магницкаго, для приведенія города въ оборонительное положеніе, но Магницкій пробылъ здѣсь всего три мѣсяца, возвелъ нѣсколько фольверковъ и уѣхалъ. На томъ дѣло и остановилось, и фольверки мало-по-малу были размыты водою, такъ что отъ нихъ остались только самые незначительные слѣды.

За дворцовымъ садомъ, окончившимся подлѣ рва, потянулись вдоль Волги сады губернагорскій и общественный; между ними находится спускъ къ плашкоутному мосту. Въ общественномъ саду построенъ очень недурненькій двухэтажный ресторанъ, съ верхняго балкона котораго открывается прекрасный видъ на Волгу и на берегъ съ мостомъ, гдѣ замѣтно болѣе оживленія, чѣмъ въ другихъ частяхъ города.

Глядя на этотъ берегъ, съ снующимъ по нему простымъ людомъ, невольно переносишься мыслью къ концу прошлаго столѣтія, и въ воображеніи возникаетъ скромная, но интересная жанровая картинка. Простой людъ, бурлаки, судорабочіе, такъ же какъ и теперь, сплываютъ по берегу, на Волгѣ бабы полощутъ бѣлье, шумъ и говоръ далеко разносятся надъ водою, а неподалеку въ травѣ лежитъ бѣдно одѣтый мальчикъ лѣтъ пятнадцати и чутко прислушивается къ окружающему его выразительному, мѣткому народному говору. Этотъ мальчикъ—Иванъ Андреевичъ Крыловъ, проведеній въ Твери свое дѣтство и даже начавшій здѣсь службу въ качествѣ писца сначала въ коммерческомъ уѣздномъ судѣ, а потомъ въ тверскомъ магистратѣ. Отецъ его, Андрей Прохоровичъ, переселившійся послѣ Пугачевщины въ Тверь, умеръ въ 1779 году, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ къ жизни и, Иванъ Андреевичъ, еще не имѣя четырнадцати лѣтъ отъ роду, долженъ былъ поступить на службу. Въ Твери онъ написалъ свою «Кофейницу», въ которой яркою искоркою сверкнулъ его своеобразный, крупный талантъ. Служа въ управѣ и магистратѣ, Крыловъ особенно любилъ посѣщать въ свободное время этотъ берегъ Волги и проводилъ здѣсь по нѣскольку часовъ кряду, прислушиваясь къ народной рѣчи. Онъ не забывалъ во всю жизнь этихъ посѣщеній и даже въ старости рассказывалъ о нихъ своимъ друзьямъ. Кто знаетъ, не на этомъ ли берегу образовался тотъ характерный, мѣткій Крыловскій языкъ, которому мы удивляемся въ его басняхъ?

Впереди, за общественнымъ садомъ показалась Самолетская пристань и цѣлый рядъ домовъ, построенныхъ по набережной вдоль Волги въ стилѣ конца прошлаго столѣтія. Дома очень похожи одинъ на другой и сохранились въ томъ видѣ, въ какомъ были построены при Екатеринѣ послѣ пожара 1763 года.

Мы повернули отъ Волги на Милліонную и вышли къ Гости-

ному двору, неподалеку отъ общественнаго сада, построенному также послѣ пожара на мѣстѣ стараго Гостиного двора, упоминаемаго въ писцовыхъ книгахъ. Въ XVII столѣтіи вся нынѣшняя городская часть, за исключеніемъ крѣпости, составлявшей городъ въ собственномъ значеніи слова, была занята Загородскимъ посадомъ. Если воеводскій домъ и приказная и губная избы, имѣвшія значеніе нынѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ, находились въ самомъ городѣ, то здѣсь, на посадѣ, сосредоточивалась главнымъ образомъ торговля, въ вышеупомянутомъ Гостиномъ дворѣ, и городская и уѣздная управы, вершившія дѣла въ такъ называемой земской избѣ; тутъ же по близости находился и неизбѣжный кружечный дворъ. Все это помѣщалось на нынѣшней Милліонной, неподалеку отъ Владимірскихъ воротъ.

Второю улицую въ городѣ послѣ Милліонной считается Мирносицкая. Мы прошли и по ней, но ни церковь св. женъ Мирносицъ, давшая ей имя, ни сама улица, кромѣ красиваго протянутого вдоль нея бульвара, ничего особо замѣчательнаго въ себѣ не заключаютъ. На бульварѣ сидѣла торговка съ сѣрыми, запыленными пряниками и леденцами. Убогій товаръ былъ разложенъ на лоткѣ, причемъ подстилкою ему служила музыкальная пьеса съ именемъ Henri Wieniawsky. Sic transit gloria mundi!

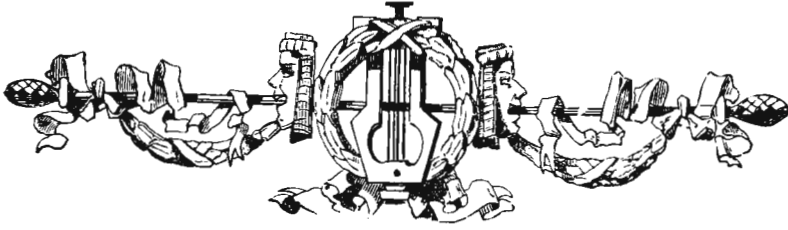
Въ заключеніе обзорѣнія этой части Твери мы отправились взглянуть на «Татарскія горы», находящіяся на окраинѣ города, на которыхъ, какъ думаютъ, въ свое время располагались станомъ въ шатрахъ ханскіе баскаки, непривычные къ комнатному воздуху. Извозчикъ провезъ насъ въ другой конецъ Милліонной, гдѣ къ ней примыкаютъ кузницы и постройки ямской слободы, расположенной на московскомъ шоссе, и вскорѣ остановился у пригорка, на которомъ поставлена церковь во имя Смоленской Божіей Матери, и раскинуто кладбище.

— Если вамъ татаръ нужно, — замѣтилъ онъ, — такъ ихъ туда подальше хоронятъ, вонъ къ тому концу.

На кладбищѣ мы встрѣтили нѣсколько стариковъ и старухъ, но никто изъ нихъ ничего не могъ сказать ни про татарскія горы, ни почему онѣ такъ называются, и даже самое названіе было имъ мало знакомо. Всѣ называли гору просто Смоленскимъ кладбищемъ, а когда мы заговаривали о татарахъ, то старики, подобно извозчику, указывали намъ на отдаленный конецъ кладбища, замѣчая, что тамъ ихъ дѣйствительно хоронятъ. Неужели память о татарскихъ горахъ осталась только въ книгахъ?

И. Тюменевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

Александръ Константиновичъ Шеллеръ.

I.

ТОЛЬКО что законченное полное собраніе сочиненій А. К. Шеллера, въ 15 томахъ, даетъ намъ поводъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ писателѣ, занимающемъ безспорно одно изъ видныхъ мѣстъ среди современныхъ беллетристовъ. Мы не имѣемъ въ виду подвести итогъ всей многолѣтней литературной дѣятельности его, а хотимъ указать лишь на одну изъ яркихъ ея особенностей, именно на то, что въ своихъ произведеніяхъ Шеллеръ представляется намъ не только моралистомъ, но и вѣрнымъ бытописателемъ разнообразныхъ явленій русской общественной жизни за послѣднія тридцать лѣтъ.

Выступивъ на литературное поприще въ 60-хъ годахъ, онъ въ первыхъ своихъ романахъ: «Гнилыя болота» и «Жизнь Шупова», воспроизвелъ борьбу стараго поколѣнія съ новымъ по всѣмъ жгучимъ вопросамъ изъ эпохи реформъ. Наиболѣе сильно здѣсь очерчены авторомъ семейный деспотизмъ и школы съ учителями безъ любви къ дѣтямъ и деморализующимъ «товариществомъ» не только въ начальныхъ школахъ, но и въ университетѣ. Въ выведенныхъ имъ семьяхъ дѣти всегда одиноки и ищутъ утѣшеній на сторонѣ среди чужихъ лицъ. Родители не являются ихъ друзьями, не добиваются ихъ довѣрія, занятые службой—не интересуются ихъ знаковыми и симпатіями, не предостерегаютъ отъ увлеченій съ пробу-

жденіемъ возмужалости, и не удивительно, что со временемъ дѣти позорятъ себя «подлогами», стрѣляются, втираются въ чужія семьи «приблудными псами», гордятся тѣмъ, что разстроили чужое счастье, и не брезгая тѣмъ, что ихъ любовница живетъ на средства другаго мужчины и т. д. «Никто и никогда,—замѣчаетъ авторъ:—не разъясняли имъ въ золотую пору дѣтства, что прежде, чѣмъ сдѣлаться членомъ въ своей семьѣ, надо сдѣлаться гражданиномъ, членомъ обширной неумирающей семьи—общества... Если бы насъ научили съ пеленокъ любить общество и считать себя прежде всего его членомъ, то никогда въ жизни мы не потеряли бы жажды жить, никогда не осиротѣли бы... Не было бы счета нашей роднѣ, не было бы счета нашимъ друзьямъ, не было бы границъ нашей дѣятельности, и никогда не знали бы мы, что значить скука, отчаяніе, разрушеніе морали и безцѣльность жизни».

Шеллеръ усиленно старался убѣдить общество, что этотъ идеаль семьи всего менѣе осуществленъ въ жизни, и наши дѣти всего болѣе страдаютъ отъ недовольства въ своемъ собственномъ родномъ гнѣздѣ. Не менѣе горькую ихъ участь рисуетъ онъ и во время ихъ пребыванія въ университетѣ, гдѣ молодежь живетъ совершенно ненормально, особнякомъ отъ общества, и безпрепятственно развивается въ томъ или другомъ направленіи, не встрѣчая достойныхъ уваженія примѣровъ и возраженій со стороны опытныхъ людей. Молодой человекъ лишенъ возможности и по матеріальному положенію, и отсутствію «знакомствъ» и часто умѣнья себя держать—провести вечеръ въ обществѣ просвѣщенныхъ и установившихся людей, разрѣшить съ ихъ помощью политическіе и соціальные вопросы, и на живомъ дѣлѣ провѣрить свои силы. Единомышленники и раздутое однородное чтеніе, при ничтожности лично наблюдаемыхъ фактовъ и ощущеній, способствуютъ фанатизму теорій, безъ практическихъ ихъ примѣненій. вмѣсто полезныхъ общественныхъ дѣятелей, являются «въ пространствѣ» живущіе мечтатели, тратящіе свои силы и порывы въ тѣсномъ мірѣ единомышленниковъ, безъ пользы для остальнаго общества. Шеллеръ рассказывалъ мнѣ о томъ, какъ въ 60-хъ годахъ онъ роздалъ стремившимся въ народъ молодымъ людямъ болѣе сотни своихъ программъ съ вопросами для собиранія на мѣстѣ разныхъ свѣдѣній по рабочему вопросу въ Россіи. Молодые люди были чрезвычайно начитаны и съ самыми высокими намѣреніями; но, вернувшись осенью, послѣ каникулъ, въ Петербургъ, ни одинъ изъ нихъ не возвратилъ ему его программы съ отвѣтами. А между тѣмъ, сообразно этимъ свѣдѣніямъ, А. К.—чѣ собиранся написать статью о томъ же рабочемъ классѣ, интересы котораго они изучали по книгамъ. Многіе изъ нихъ для тѣхъ же рабочихъ выпросили у него даровое изданіе «Ассоціацій», но сами по себѣ они не ударили палецъ объ палецъ въ этомъ направленіи на живомъ, требующемъ терпѣнія и заботливости, дѣлѣ.

— Ты вот все читаешь книги, а когда же ты думаешь? у тебя широкіе горизонты, а пробовалъ ли ты хотя бы на маленькомъ дѣлѣ провѣрить кое-что изъ своихъ взглядовъ? знаешь ли ты, что крупное дѣло безъ умѣнья начать его и вести—самое дурное дѣло; что хорошая идея съ ничтожными людьми самая дурная идея?—вотъ вопросы, съ которыми молодежи совсѣмъ не приходится сталкиваться въ ея умственной изоляціи отъ общества опытныхъ и наиболѣе умственно развитыхъ людей.

Подобное освѣщеніе авторомъ вопроса о «молодомъ поколѣніи» чрезвычайно важно, и едва ли не этимъ изолированнымъ положеніемъ молодого поколѣнія и въ школахъ, и въ стѣнахъ университета объясняется претензія молодежи на выдающуюся роль въ общественной жизни, не смотря на свою «нахлѣбническую» и политическую немощь. Базельскій профессоръ А. Тунъ, въ одномъ изъ своихъ произведеній о Россіи, говоритъ: «Студенчество въ Россіи изъ болѣе глубокихъ народныхъ слоевъ, чѣмъ въ Германіи; это большею частью дѣти поповъ, мѣщанъ, мелкихъ чиновниковъ, плохо воспитанные и съ дурной школьною подготовкою. Особенно это замѣчается въ Петербургѣ, гдѣ дѣти богатыхъ классовъ воспитываются въ лицеяхъ и училищѣ правовѣдѣнія. Большинство студентовъ бѣдны, они терпятъ нужду въ самомъ необходимомъ и принуждены сами поддерживать свое существованіе, если не получаютъ стипендіи. Но и въ такихъ случаяхъ они плохо питаются, живутъ въ грязныхъ квартирахъ и нуждаются въ деньгахъ для покупки книгъ. Эти условія заставляютъ играть такую большую роль обществамъ вспомошествованія, кассамъ, читальнямъ, дешевымъ столовымъ, которыя составляютъ въ мірѣ студенческомъ своего рода экономическіе и соціальные вопросы и приводили неоднократно къ беспорядкамъ и т. д.». Изолированное положеніе недовольной молодежи вызываетъ въ ней преувеличенное представленіе о своихъ силахъ и идеализацію простаго народа, развиваемую не степенью нашей ему полезности (хотя бы обученіемъ грамотѣ домашней прислуги въ періодъ нашего студенчества; дружескимъ общеніемъ съ ночлежниками и бѣдняками на окраинахъ столицы; умѣнемъ жить въ деревняхъ и селахъ продолжительные годы, безъ разочарованій и ожесточеній и т. д.), но чрезмерно раздутой мечтательностью, иногда съ помощью книгъ, безъ возраженій болѣе опытныхъ людей или провѣрки себя на живомъ дѣлѣ.

Изъ подобныхъ умственныхъ берлогъ г. Шеллеръ выпускаетъ людей мало подготовленными къ практической жизни, безхарактерными, напоминающими иногда червонныхъ валетовъ (Винтеръ съ комп. въ «Безпечальномъ житьѣ» и т. д.), иногда конспираторовъ à la Максимъ Муратовъ («Внѣ жизни»), иногда—уже съ большимъ характеромъ дѣльцовъ, въ родѣ «Ртищева» или Орлова изъ «Голи», и еще рѣже идеалистовъ Рудыхъ, Шуповыхъ и Прохоровыхъ, озаченныхъ исключительно осушеніемъ «Гнилыхъ болотъ» и про-

пагадной болѣе свѣтлаго порядка вещей. Эти послѣдніе изъ университетской молодежи—«наши Штевены»—особенно дороги автору. Можетъ быть, имъ мы обязаны тѣмъ, что, не смотря на безотрадное отношеніе г. Шеллера къ семьѣ, школѣ и университету даже въ эпоху, слѣдующую за Крымской кампаніей,—онъ все-таки преисполненъ въ своихъ произведеніяхъ добраго упованія на ближайшее будущее. Въ такомъ же полномъ идеализма направленіи о близкомъ измѣненіи семья, школы и общества подъ вліяніемъ новыхъ людей и реформъ написаны Шеллеромъ послѣдующіе романы: «Господа Обносковы», «Въ разбродъ», «Засоренныя дороги» и «Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ». Здѣсь его герои пытаются на дѣлѣ провести въ массу болѣе высокій уровень образованія и привычекъ, напоминая, по энергіи, дѣятелей «Распространительнаго Движенія» (University Extention) Арнольда Тоинби и даже героини его, по примѣру женщинъ «Арміи Спасенія» или «Pionners Women Club'a» могли бы устроить изъ себя концертъ у дверей кабаковъ, и прекраснымъ пѣніемъ и музыкой удержатъ идущихъ туда и вызвать обратно къ новой жизни или, по примѣру Sommerwille Club'a, собираться вмѣстѣ не для литературныхъ новостей и Ворта, но для устройства такихъ же клубовъ для женщинъ рабочаго сословія, перерабатывая социальный ихъ духъ въ сліяніи съ ними примѣромъ и поступками.

Не смотря на отсутствіе въ нашемъ бытѣ благопріятныхъ условій для развитія героевъ, сильные характеры въ романахъ Шеллера вполнѣ реальны и понятны при всеобщемъ возбужденіи умовъ въ эпоху «десятилѣтія реформъ», когда нерѣдко ничтожныя личности всплываютъ на поверхность и чуть не дѣлаютъ исторію. Но при дальнѣйшемъ наблюденіи за ними, авторъ дѣлается все болѣе и болѣе ригористомъ, съ ужасомъ замѣчая, что послѣ-реформенное поколѣніе даже въ собственной жизни оказалось не менѣе «отцовъ» и легкомысленнымъ и безнравственнымъ. Его холостая жизнь исполнена пороками, даже безъ силы и увлеченій; собственная семейная жизнь менѣе устойчива, чѣмъ у отцовъ, и ей никто не придаетъ значенія первостепенной важности для человѣка; отношенія лицъ между собою въ обществѣ преисполнены раздраженія, зависти и разлада между словомъ и дѣломъ. Человѣкъ до тѣхъ поръ только и хорошъ, пока что нибудь можно изъ него извлечь для себя; всѣ прочія его достоинства перестали интересовать насъ. Идеаль бывшаго идеалиста послѣ 30—40 лѣтъ превратился въ рубль и въ связи у высокопоставленныхъ лицъ, съ прославленіемъ ихъ «государственныхъ умовъ» въ стихахъ и газетахъ или либеральничаньемъ изъ-за угла и полнѣйшей бездѣятельностью тамъ, гдѣ у него есть голосъ и положеніе. Вотъ этихъ-то лицъ, уклонившихся отъ нормальнаго типа семьянина и гражданина, г. Шеллеръ преслѣдовалъ въ большинствѣ послѣдующихъ своихъ произведеній. Правда, въ 60—70 годахъ являлись люди, не только отрицавшіе крѣпостной порядокъ

вещей, но и полные упованій въ обновленіе семьи образованной женщиной, признававшіе за ней равноправнаго человѣка и идеализировавшіе общину, земство, гласный судъ, свободу печати, молодежь, воскресныя школы и т. д. Этихъ лицъ г. Шеллеръ оберегаетъ отъ клеветы и исполненъ къ нимъ симпатіи въ цѣломъ рядѣ своихъ положительныхъ типовъ когда эти лица были послѣдовательны и вѣрны себѣ. Но на ряду съ этими благородными личностями вынырнули и дѣйствительные «нигилисты», т. е. эмансипировавшіеся во всѣхъ отношеніяхъ новые люди, которые били по щекамъ сперва крѣпостныхъ людей, а потомъ идеи... Вмѣстѣ съ барщиной и оброками они выбросили за бортъ и многія установившіяся понятія о личной нравственности, о цѣнности жизни ближняго и его привычекъ, о красотѣ, поэзіи, общественныхъ приличіяхъ, уваженіи женщины, боготвореніи въ любви человѣка и т. д., напоминая собою отчасти Раскольниковъ, Смердякова, Ивана Карамазова и всецѣло олицетворяя Ситникова съ Кукшиной. Съ нравственной пустотой въ душѣ, они съ легкимъ сердцемъ пристали къ новой жизни и на первыхъ же шагахъ компрометировали себя ученіемъ о томъ, что человѣку «все позволено». Это о нихъ было писано Герценомъ, что въ первомъ задорѣ освобожденія они торопились сбросить съ себя всѣ условныя формы и это затруднило всѣ простѣйшія отношенія съ ними. Снимая все до послѣдняго клочка, наши *enfants terribles* гордо являлись какъ мать родила, а родила то она ихъ плохо, наслѣдниками дурной и нездоровой жизни нисшихъ петербургскихъ слоевъ. Передняя, казарма, семинарія, мелкопомѣстная господская усадьба, перегнувшись въ противоположное, сохранились въ крови и мозгу, не теряя отличительныхъ чертъ своихъ. Они всѣмъ говорили въ отместку: вы лицемѣры, мы будемъ циниками; вы были нравственны на словахъ, мы будемъ злодѣями на словахъ; вы были учтивы съ высшими и грубы съ низшими, мы будемъ грубы совсѣми; вы кланяетесь не уважая, мы будемъ толкаться не извиняясь; у васъ чувство достоинства было въ одномъ приличіи и внѣшней чести, мы за честь себѣ поставимъ поправленіе всѣхъ приличій и презрѣніе всѣхъ *points d'honneur* овъ. Сбрасывая съ себя всѣ покровы, самые отчаянные стали щеголять въ костюмѣ Гоголевскаго пѣтуха. Ногота не скрыла, а раскрыла, кто они. Она раскрыла, что ихъ систематическая неотесанность, ихъ грубая и дерзкая рѣчь, не имѣетъ ничего общаго съ неоскорбительной и простодушной грубостью крестьянина, и очень много съ пріемами подъяческаго круга, торговаго прилавка и лакейской помѣщичьяго дома. Народъ ихъ также не счелъ за своихъ, какъ славянофиловъ въ мурмолахъ. Для него они остались чужимъ, низшимъ слоемъ враждебнаго стана, исхудалыми баричами, стрекулистами безъ мѣста, нѣмцами изъ русскихъ. Бить въ рожу по первому возраженію, если не кулакомъ, то ругательнымъ сло-

вомъ, называть Д. С. Милля ракальей, забывая всю службу его— развѣ это не барская замашка, которая «старога Гавриду, за измятое жабо клещеть въ усь да въ рыло». Развѣ въ этой и подобной выходкахъ вы не узнаете квартальнаго, исправника, становаго, таскающаго за сѣдую бороду бурмистра? Развѣ въ нахальной дерзости манерь и отвѣтовъ вы ясно не видите дерзость дореформенной офицерщины, и въ людяхъ, говорящихъ съ высока и съ пренебреженіемъ о Шекспирѣ и Пушкинѣ, внучать Скалозуба, получившихъ воспитаніе въ домѣ дѣдушки, хотѣвшаго «дать фельдфебеля въ Вольтеры». Этотъ типъ людей безпардонной базаровщины, сформировавшійся на ряду съ лучшими людьми 60-хъ годовъ съ большой, дающей воспитаніемъ и научными занятіями, выправкой, всегда занималъ г. Шеллера и не обманывалъ его своимъ нахальствомъ и шумомъ. Но особенность Шеллера въ этомъ случаѣ заключалась въ томъ, что онъ винилъ и здѣсь «отцовъ», всего менѣе заботящихся о «дѣтяхъ». Не вваливая грѣхи первыхъ на молодежь, авторъ стремился указать, подъ какими вліяніями развились кривые и болѣзненные отпрыски нашего общества. Читая его самыя мрачныя страницы о людяхъ и порядкахъ, чувствуешь, во имя какихъ свѣтлыхъ идеаловъ нападаетъ онъ на всю нескладницу нашей жизни, и это насъ примиряетъ съ нимъ. А. К. Шеллеръ удѣляетъ ненавистному типу эмансипировавшихся во всемъ людей много своихъ романовъ и повѣстей. «Наша первая любовь», «Кукушка новой формаци», «Несчастный бракъ», «Тернистый путь»— это все произведенія, гдѣ Шеллеромъ описаны новые «отцы по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ», ихъ предбрачныя связи и пробныя семьи, заставляющія съ собеннымъ сожалѣніемъ вспомнить тогдашнюю пропаганду о свободномъ обращеніи съ женщиной и отсутствіе въ русской жизни суровой «Перчатки» Бьернсона и «Сонаты» Л. Н. Толстого. Шеллеръ восполнялъ этотъ пробѣлъ въ русской литературѣ изображеніемъ молодыхъ людей обоюго пола, запятнавшихъ себя многочисленными «увлеченіями», «ошибками» и вступающихъ съ «черной памятью» въ законный бракъ для пожизненныхъ заботъ другъ о другѣ. Разумѣется, новобрачная съ «черной памятью» не многимъ лучше въ семейной жизни, чѣмъ и «полудѣва» изъ Марсея Прево. Этотъ типъ у г. Шеллера названъ «Кукушкой новой формаци» съ лицомъ «ангела на рафаэлевской картинѣ» и «крайней степенью лживости» тайно и въ открытыхъ по почтѣ письмахъ къ обманутымъ ею же любовникамъ, не жалѣя себя собственно потому, что со стыдомъ и честью покончены были давно всѣ счеты. Этотъ типъ барышни изъ аристократической и разорившейся семьи въ романахъ А. К. Шеллера созданъ по преимуществу имъ въ русской литературѣ. У Тургенева имѣется только одинъ такой типъ— въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» Варвара Павловна Лаврецкая. У большинства нашихъ писателей русскія женщины—поэтическія барышни, изъ

которыхъ выходятъ вполсѣдствіи либо монахини, либо свѣтскія дамы, гордыя исполненіемъ высокаго долга семьянинки, либо дѣловыя фельдшерицы, учительницы, врачи, либо глупыя Кукшны, но не безперемонныя, до мозга костей эгоистки, иногда цинично открытвенныя, чаще замаскировавшіяся новыми взглядами и вкусами либеральнаго общества.

«Плохое пансіонское образованіе, крайне развитое при помощи чтенія романовъ воображеніе, крайняя избалованность вслѣдствіе красоты, удивительная способность на время увлекаться всѣмъ: и красотой мужчины, и краснорѣчіемъ оратора, и ничтогой горемыки, и собственными фантазіями» — вотъ элементы, изъ которыхъ у г. Шеллера слагается этотъ новѣйшій безсердечный типъ женщины. Онъ говоритъ о ней, что «она сама вѣрила тому, что ея мужъ и любовники притѣсняли ее и обманывали. Она никогда не сознавала, что она обираетъ ихъ, потому что деньги уплывали изъ рукъ, какъ вода, на наряды, на извозчиковъ, на бѣдняковъ, безъ цѣли и смысла, и она всегда нуждалась. Она часто плакала и жаловалась, но чисто подѣтски, утѣшаясь первою ласкою, а ласкали ее очень охотно тѣ, кого поражала ея замѣчательная красота. Обыкновенно ея связь съ мужчиною съ того и начиналась, что онъ выслушивалъ ея жалобы, утѣшалъ ее, бранилъ своего безсердечнаго предшественника и этимъ подливалъ масла въ огонь, такъ что она въ концѣ концовъ считала себя мученицей, перенесшей страшныя страданія. Она отдыхала отъ этихъ страданій въ новыхъ объятіяхъ до тѣхъ поръ, покуда и новый любовникъ не оказывался почему либо извергомъ». Въ періодъ горячей привязанности, послѣ пламенныхъ писемъ и свиданій, она на всякій случай, въ постороннемъ обществѣ, держалась съ любимымъ человѣкомъ оскорбительно холодно и непріязненно, чтобы вполсѣдствіи, при новыхъ увлеченіяхъ, имѣть право сказать, что онъ преслѣдовалъ ее, что она давно не знала, какъ отдѣлаться отъ него, и неоднократно искала спасенія въ Невѣ и т. д. Это не измѣна ему, а естественное охлажденіе къ «извергу». Это ея отзывъ о человѣкѣ, который поилъ-кормилъ ее, пріучалъ къ труду и своимъ именемъ прикрывалъ всѣ ея незаконныя связи и послѣдствія... Разумѣется, «воплощенная ложь» въ женщинѣ рано или поздно обнаруживается для всѣхъ съ очевидностью, и тогда «Кукушка новой формации», прогуливая свою молодость въ чужихъ гнѣздахъ, рѣшается, наконецъ, свить свое собственное гнѣздышко, выходя за мужъ за нетребовательнаго младенца; но, говоритъ г. Шеллеръ, «только уже не для высиживанія и призрѣванія своихъ птенцовъ, а для того, чтобы застраховать лично себя отъ холодовъ и непогодъ приближающейся старости». День, когда благородный мужчина подойдетъ къ ней близко, будетъ началомъ его безчестія и гордыхъ молчаливыхъ страданій, предостерегаетъ Шеллеръ, и современная жизнь все чаще и чаще подтверждаетъ

это мнѣніе. Типъ лживой, образованной и безсердечной эгоистки, рвущей сердце преданнаго ей человѣка, какъ дѣти рвутъ муху по частямъ: сперва крыло, потомъ ногу, не замѣчая даже мукъ живаго существа,—чрезвычайно распространенъ въ жизни, но очень мало выведенъ въ русской литературѣ. У Шеллера онъ варьируется и въ романахъ «Паденіе» и въ «Бездомникахъ», гдѣ супруга скучаетъ въ своей семьѣ и оживаетъ только въ гостяхъ, за интересными новостями, или при видѣ новой красоты, ума и порока. Всѣ эти страницы объ отрицательныхъ семьяхъ прямо взяты изъ жизни 60—70 годовъ и являются, по мнѣнію автора, «главною причиною нравственнаго ничтожества нашей молодежи». Для полноты семейнаго быта за послѣднія тридцать лѣтъ, у г. Шеллера есть и положительная солидарная между собою семья Рудыхъ въ «Гнилыхъ болотахъ», Катерина Марковна въ «Насѣдкѣ», посвятившая себя воспитанію чужихъ дѣтей и жертвующая своей дѣвичьей репутаціей, чтобы спасти замужнюю подругу отъ подозрѣній обманутаго мужа и т. д. За цѣлымъ рядомъ отталкивающихъ женскихъ типовъ послѣдней формаціи Шеллеръ никогда не забывалъ образъ чистой дѣвушки, оберегающей отъ грѣха свое тѣло не менѣе души, и мать, умѣющую собственнымъ примѣромъ воспитывать дѣтей въ духѣ трудолюбія и гуманности. Это имъ онъ писалъ полныя признательности строки: «Хорошая русская женщина стоитъ неизмѣримо выше хорошаго мужчины. Переживъ сотую долю тѣхъ страданій, которыя выпали на долю ей, мужчина озлобляется; съ ней этого никогда не бываетъ. Принося самую малую долю пользы своей проповѣдью или службой, мужчина, какъ бы онъ ни былъ развитъ, начинаетъ гордиться въ душѣ своими заслугами, и только умъ его спасаетъ отъ самохваленія; онъ говоритъ съ гордостью о своей честности, какъ будто честность его заслуга, а не обязанность,—и этой черты нѣтъ въ хорошей женщинѣ. Она лишаетъ себя всѣхъ удовольствій, которыхъ никогда не лишить себя мужчина, и отдается всецѣло, какъ мать, жена или дочь, своимъ обязанностямъ. Она, и только она, воспитала цѣлыя поколѣнія честныхъ и твердыхъ людей и никогда, даже передъ самою собою, не сводила итоговъ своихъ заслугъ; она даже скорбитъ о своей неспособности приносить пользу. Спросите всѣхъ вполне честныхъ людей, кому они обязаны всѣмъ тѣмъ, что въ нихъ есть хорошаго? Изъ ста девяносто девять отвѣтятъ: «женщинѣ». Она работаетъ за мужа въ деревнѣ, она отстаиваетъ грудь въ среднемъ классѣ своихъ дѣтей отъ пьянаго или озлобленнаго неудачами мужа, она спасаетъ отъ крайней степени пустоты и разврата людей высшаго круга, и за все это ее держать въ неволѣ, въ невѣжествѣ, въ безправіи, оскорбляють, позорятъ и потомъ удивляются, если встрѣтятъ падшую женщину! Но спросите ихъ: «кто виновникъ вашего паденія?» Онѣ отвѣтятъ: «мужчина», и будутъ правы. Ихъ воспитывали въ

школѣ, которую создалъ мужчина, стараясь выростить для себя хорошенькихъ и ловкихъ, но немыслящихъ самокъ; первая сухая учебная книга и первый растлѣвающий романъ, попавшіе въ ихъ руки, были подсунуты имъ и написаны женщиной; первая сѣть, сплетенная отъ бездѣлья, для развлеченія отъ празднои скуки, была разставлена имъ опять тѣмъ же женщиной; бросилъ ихъ онъ, а не онъ его; первый комъ грязи пущенъ въ нихъ его же рукой. Онъ хвастнулъ въ минуту пріятельскаго кутежа своей удачнои интригой, и пошла женщина мыкаться по свѣту съ печатью развратницы, заброшенная грязью такими же неразвитыми и падшими женщинами, какъ она, которыхъ также воспиталъ, также погубилъ мужчина. А виновникъ ея паденія клеймитъ ее страшнымъ русскимъ названіемъ, тѣмъ названіемъ, которое заставляетъ прохожаго отвернуться съ отвращеніемъ даже отъ покойницы, носившей его и утопившейся въ минуту безвыходной нищеты... И между тѣмъ, какъ любила мужчину хорошая русская женщина! Попелъ ли хоть одинъ русскій мужчина въ ссылку за падшей женщиной? Вы не найдете, вѣроятно, ни одного. А женщина шла, полная святой любви, считавшая свои ласки, свои заботы необходимыми для мужа, и таилась въ ней тайная надежда, быть можетъ, смутная для нея самой, спасти всеспасающей любовью отъ отчаянія или отъ новыхъ преступленій однажды падшаго человѣка. Не удерживали ее никакія страданія, никакія препятствія: переносила она бѣдность, холодъ и голодъ, брань и оскорбленія этапныхъ звѣрей и долгіе годы тяжелой жизни гдѣ нибудь въ глубинѣ Сибири. Въ этой рѣшительности была ея высочайшая нравственность, и блѣднѣютъ передъ нею всѣ прославленные дѣянія героевъ съ ихъ мишурнымъ блескомъ, барабанною славою и оиміамными куреніями».

Вотъ какую женщину въ семьѣ хотѣлъ бы видѣть г. Шеллеръ, и многія изъ нихъ воспроизведены имъ во весь ростъ въ его романахъ. Его иногда даже упрекали за излишнюю идеализацію русской женщины, но эти упреки покажутся смѣшными, когда вспомнишь, что русская жизнь создавала и такіе типы, какъ жены декабристовъ, какъ умершая въ 1895 году Н. В. Стасова. Да и мало ли можно насчитать высокаго строя души русскихъ женщинъ! Теперь намъ легче понять и желчныя нападки Шеллера на женщинъ низменнаго типа, расплывающихся съ изумительнои быстротой, не лишенныхъ образовательнаго ценза, съ отличнымъ происхожденіемъ и не застрахованныхъ своей изношенностью отъ преклоненія передъ ними мужчинъ высокаго ума и души. Ни у одного беллетриста нѣтъ столько дурныхъ женщинъ подъ гриммомъ новѣйшей культуры, какъ у г. Шеллера; но только онъ этому не радуется, какъ другіе писатели о новой женщинѣ — и въ этомъ его разница отъ нихъ. Передъ нами проходитъ цѣлый рядъ женскихъ типовъ, совершенно своеобразныхъ, если кто потрудится прослѣдить

ихъ на протяженіи всего полного собранія сочиненій А. К. Шеллера. Его женщины руководятъ школами и филантропическими пріютами, дѣлятъ радости предбрачной жизни съ оскверняющими и убивающими всякую любовь тайнами; вступаютъ въ законный бракъ съ воспоминаніями; воспитываютъ собственныхъ дѣтей въ чужихъ гнѣздахъ: дѣвочекъ въ институтахъ, а мальчиковъ въ латинскихъ школахъ, подготавливая изъ нихъ враговъ себѣ и т. д. Женскій вопросъ трактуется г. Шеллеромъ такъ разнообразно, какъ ни у одного изъ позднѣйшихъ беллетристовъ.

II.

Вопросъ о школахъ и семьѣ сливается въ одинъ общій—педагогическій. Ему Шеллеръ посвятилъ «Наши дѣти», «Основы образованія въ Европѣ и Америкѣ», «Письма челоѣка, сошедшаго съ ума» и т. д. Вообще для автора педагогическій вопросъ не только важнѣе, но и «проклятѣе» (говоря словами Гейне) всѣхъ иныхъ вопросовъ. Вотъ почему и всѣ прочія произведенія г. Шеллера имѣютъ несомнѣнное воспитательное значеніе для русскаго общества. Его первые романы изображали шестидесятые годы («Гнилыя болота», «Жизнь Шупова» и т. д.) со смѣлымъ призывомъ «впередъ безъ страха и сомнѣній»; послѣдующій романъ «Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ» подводитъ итогъ шестидесятымъ годамъ въ скорбномъ признаніи одного изъ Прохоровыхъ о томъ, что «у насъ не всегда доставало развитія, мы иногда оказывались ниже принятыхъ на себя задачъ. Мы являлись плохими учителями, плохими переводчиками, корректорами, служаками. Новыя идеи и новые порядки произвели наплывъ множества лицъ, почувствовавшихъ необходимость труда. Всю эту массу полуразвитыхъ, шедшихъ изъ-за куска хлѣба пролетаріевъ стали упрекать за неумѣнье хорошо исполнять взятый на себя трудъ и за шатаніе изъ стороны въ сторону, отъ одной работы къ другой, но тутъ, конечно, виновата не эта масса и не новыя идеи. Неумѣнье трудиться завѣщено ей прошлымъ; вѣчное хватанье за множество дѣлъ было слѣдствіемъ этого неумѣнія. Насъ не учили никакому ремеслу и давали намъ только отрывки научныхъ свѣдѣній, и мы выходили негодными ни къ чему». Авторъ не скрываетъ горькой правды объ итогахъ шестидесятихъ годовъ и, разумѣется, это онъ о нихъ писалъ слѣдующія строки: «вражда между извѣстною частью стараго поколѣнія и извѣстною частью новаго дѣлалась все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Многое изъ этой вражды было смѣшно, многое печально, но въ большей части случаевъ скверно. Нерѣдко самыя ожесточенныя словесныя битвы давались не изъ-за убѣжденій, а изъ-за предсѣдательскаго мѣста въ гостиной, занимаемаго тѣмъ или другимъ представителемъ одного или двухъ враждующихъ поколѣ-

ній. Иногда остроумное, повторенное въ обществѣ слово юноши приводило въ ярость беззубаго старикашку, и онъ старался найти въ этомъ словѣ и паденіе нравовъ, и неуваженіе къ порядку, и все, что вамъ угодно, но только не простую безгрѣшную острогу, которой житья было два вечера и одно утро. Иногда юноша, не имѣя никакихъ убѣжденій, но наслушавшись рѣзкихъ словъ въ обществѣ убѣжденныхъ юношей, схватывалъ на лету нѣсколько крайнихъ мнѣній, бѣжалъ съ ними въ общество, какъ съ какимъ нибудь кладомъ, и, встрѣтивъ отпоръ этимъ мнѣніямъ, ершился, очертя голову, шелъ далѣе, защищая краденныя и плохо понятыя мнѣнія, сверкалъ глазами, стискивалъ кулаки, трепалъ волосы. Все это сильно пахло раздраженіемъ мелкихъ самолюбицъ крошечныхъ великихъ людей. Никого не беспокоило желаніе сдѣлать изъ противника союзника, что всегда возможно, если обѣ стороны честно преданы убѣжденіямъ, а не завидуютъ, что юноша хочетъ имѣть такія же человѣческія права, какъ и старикъ. Мнѣ становилось день ото дня грустнѣе и грустнѣе, я понималъ, что при подобномъ ходѣ дѣлъ невозможно никакая дѣятельность, и въ то же время боялся желать развязки. Все перебралъ я въ это время въ своей памяти: и дѣтство, и училищную жизнь, и споры въ обществѣ, то обвинялъ себя, то другихъ, и съ тяжелой грустью видѣлъ повсюду слѣды пустой, безцѣльной, ничѣмъ не оправдываемой вражды, нетерпимости, неуваженія людей другъ къ другу. Менѣе всего хотѣлось мнѣ въ это время оправдывать отцовъ или дѣтей, я просто понималъ, что многіе изъ тѣхъ и другихъ просто жалки и равно безсильны въ дѣлѣ мысли и трезваго хладнокровнаго обсужденія вещей; я видѣлъ, что долго не будетъ исхода изъ этого положенія вещей». Это признаніе автора свидѣтельствуетъ о скорбныхъ явленіяхъ общественной жизни, подъ вліяніемъ которыхъ развивалось и дальнѣйшее литературное направленіе г. Шеллера. Послѣ этого признанія остается одинъ шагъ до пессимизма, если только та же общественная жизнь не обрадуетъ автора дѣйствительно новыми людьми. Такихъ людей однако дальнѣйшая жизнь еще менѣе давала г. Шеллеру, и онъ отражалъ послѣдовательно наиболѣе яркія ея явленія все съ большею и большею грустью объ утратѣ въ жизни свѣтлыхъ идеаловъ шестидесятыхъ годовъ и окончательномъ упадкѣ въ обществѣ либеральнаго направленія. Вслѣдъ за идеалистами, неудачниками и гг. Ситниковыми—Кукшиными, родился къ 1880-мъ годамъ типъ добродушнаго ренегата, вышучивающаго свое прошлое и подготавлиющаго собственныхъ дѣтей не вѣрить ни въ какіе идеалы и скорѣе ненавидить ихъ, чѣмъ что либо прежде полюбить въ жизни. А. К. Шеллеръ откликнулся на это явленіе Серпуховымъ въ романѣ «Паденіе». Въ это время, послѣ 1881 года, уже подготавливалась новѣйшая культура съ злымъ и систематическимъ ренегатомъ, презирающимъ идеалистовъ и неудачниковъ 60-хъ го-

довъ, ругающимъ все, кромѣ себя: и литературу, и общество, и земство, захватывая однако все себѣ и не оставляя ничего другимъ: пользуясь всѣми, пока они нужны, и ничего для нихъ не дѣлая, когда нужда миновала въ нихъ. Этотъ эгоистъ—презирающій бѣдность и мечтанія объ окнѣ въ Европу, глумящійся надъ шестидесятниками и т. д., есть прямой потомокъ эпохи реформъ и реакцій. Шеллеръ вывелъ этотъ типъ въ «Ртищевѣ», какъ очень яркаго представителя крайняго реакціоннаго времени. По нашему мнѣнію, «Ртищевъ» наиболѣе любопытный типъ и наиболѣе удавшійся г. Шеллеру. «Прежде было барство,—ненавижу я его, откровенно говоритъ Шеллеръ,—а все же тамъ бывали рѣдко такіе господчики, которые толковали бы, что къ нимъ люди идутъ только для того, чтобы ихъ объѣдать. Всякая гадость гнѣздилась въ нихъ, только не это мелочничество».

«Средствъ нѣтъ, не для чего и сзывать этихъ прихлебателей, нужно честно жить въ своихъ четырехъ стѣнахъ»,—авторитетно заявляетъ Ртищевъ, убѣждая въ томъ же и свою жену. Разорившихся родственниковъ-аристократовъ онъ честить, какъ враговъ: «имъ легче начать торговать собою, продавать свою честь, красть, поддѣлывать векселя, чѣмъ принятыя за дѣло. Да и что они знаютъ, что умѣютъ? Они даже и чистоплотными были до той поры, пока другіе за нихъ все дѣлали. Не стало у нихъ дѣвки Евгешки, и явились зашлепанные подола, шлепающіе ихъ по разодраннымъ пяткамъ немыхъ чулокъ. Давно пора вырвать съ корнемъ вонъ эту сорную траву нашихъ бѣдныхъ родственниковъ». Точно также онъ принялся вырывать съ корнемъ у жены всѣ привитыя ей въ умной отцовской семьѣ взгляды и привычки. Жена не должна жить собственной жизнью, а только «приноравливаться» къ мужу. Эту ломку производилъ Ртищевъ безъ грубости, безъ жесткости, безъ криковъ и ссоръ, не сознавая, что это ломка живаго существа. «Мы идемъ своей дорогой, не мѣшаясь съ распутной толпой», говоритъ онъ женѣ, желая, чтобы она была также эгоистомъ, также бранила всѣхъ и все, людей, порядки, общество, литературу. Чтобы ничего не было у нея святого, кромѣ его самого... Онъ достигаетъ своей цѣли, убѣждая ее въ томъ, что «семейная жизнь поглощаетъ въ сущности всю женщину».

— Всѣ эти барышни и барыни, скачущія съ лекціи на лекцію, отъ товаровъ къ товаркамъ, отъ новостей къ новостямъ — самая худшая изъ породъ... Идутъ по торной дорожкѣ къ разврату,—говорилъ онъ про всѣхъ учащихся дѣвушекъ.—Сегодня бѣгаютъ на курсы, завтра къ студентамъ за совѣтами, послѣ завтра на ночлегъ къ любовникамъ. Мужская молодежь — эти «мальчики безъ штановъ»—праздно болтаютъ о высокихъ предметахъ. Политика не ихъ дѣло и не имъ играть спокойствіемъ народа. А самый народъ безъ узды немислимъ, и эта узда—его религіозность.

Такимъ образомъ, онъ добился того, что жена свила ему гнѣздышко и окружила исключительно его одного своими заботами. А онъ что далъ ей? Изъ свободнаго человѣка сдѣлалъ крѣпостную... У нея были привязанности ко всему великому и прекрасному, а его воззрѣніе на людей такое, что весь міръ состоитъ изъ негодьяевъ, кромѣ его самого; что искусство есть бездѣльничество или развращеніе; литература—клоака грязи и подстрекательства и т. д. «Все, однимъ словомъ, за бортъ выпшвырнулъ. Ему легко безъ всякаго груза къ цѣли идти, а ей?»

— Тебѣ надо было взять не жену, а служанку, которая за плату исполняла бы кстати и роль жены!—замѣтила она мужу, когда въ концѣ концовъ чаша затаенныхъ страданій была переполнена.

— Ты съ ума сошла!—рѣзко проговорилъ онъ.

— О, я давно сошла съ ума, давно... въ ту минуту, когда рѣшилась выйти за тебя замужъ, когда выслушала первую твою проповѣдь объ обязанностяхъ честной жены. Ты вѣдь только объ этомъ мнѣ и проповѣдовалъ. Честная жена должна оставить отца и мать, прилѣпиться къ мужу; честная жена не должна разорять мужа, помогая его или своимъ роднымъ и кому бы то ни было, честная жена не должна имѣть ни друзей, ни близкихъ, ни своихъ привязанностей, ни своихъ взглядовъ, честная жена должна развратничать только съ мужемъ... А онъ? У него какія обязанности? Никакихъ! Никакихъ!

Въ отчаяніи жена застрѣливается... Таковъ у г. Шеллера типъ ренегата, воспитавшагося въ позднѣйшую эпоху реакцій. Этотъ типъ подмѣченъ въ нашемъ обществѣ Шеллеромъ впервые (если не считать Боборыкинскаго романа: «Поумнѣль»), и въ наше время число представителей этого типа растетъ. Это старое барство, вырождающееся въ безсердечныхъ буржуа, которые, не моргнувъ глазомъ, перейдутъ черезъ чужіе трупы, лишь бы имъ было хорошо. Это—торжествующіе оскудѣнышы. Практики! Побѣдители! Сильные люди—передъ которыми всѣ прочія существа—«худая трава въ полѣ».

III.

Если постепенное развитіе и умственнаго и нравственнаго роста молодежи и общества, подъ вліяніемъ школы и семьи, выведено по преимуществу въ серіи первоначальныхъ Шеллеровскихъ романовъ и рассказовъ, то тотъ же ростъ общества, вслѣдствіе экономическихъ въ немъ переменъ, выведенъ авторомъ въ послѣднихъ произведеніяхъ: «Голь», «Алчущіе» и семья Муратовыхъ въ «Старыхъ гнѣздахъ», въ «Хлѣбѣ и зрѣлищахъ», «Безпечальномъ житьѣ», «И молотомъ и золотомъ», «Совѣсть». Они всѣ посвящены эпохѣ «Оскудѣнія» и возникновенія на развалинахъ дворянской Руси нашего

tiers-état: черномазой аристократіи изъ «Голи» по городамъ и изъ «Алчущихъ» по деревнямъ. Особенность воспроизведенной авторомъ любопытной эпохи заключается въ томъ, что у большинства писателей (напримѣръ, у С. Атавы) «оскудѣныши» изъ чистокровныхъ дворянъ не были способны удержать за собой позиціи и приспособиться къ условіямъ послѣ-реформенной жизни; у г. Шеллера гибнуть барышни, не брезгающія послѣ разоренія даже узами Ги-меней съ мужиками и лавочниками («Конецъ Бирюковской дачи»); гвардейскіе хлыщи и трактирные герои Муратовы, неудачно берущіеся за дѣла Іерусалимскихъ дворянъ, и господа Ломовы, умѣющіе только закладывать имѣнія да кричать: «куда мы идемъ!» Съ другой стороны гибнутъ революціонеры Благолѣповы («Голь») да Максимъ Муратовъ («Внѣ жизни»). Шеллеръ умѣлъ воспроизвести весьма удачно представителей послѣ-реформеннаго дворянства, не поднявшихся на ноги и пострадавшихъ безъ толку на всѣхъ поприщахъ. Но онъ не былъ слѣпъ къ тому, что изъ той же эпохи «Оскудѣнія» вышли и «Побѣдители» изъ перелицевавшихся «оскудѣнышей» и нигилистовъ. Таковъ его «Ртищевъ» и Орловъ въ «Голи» по городамъ; таковы его Кожуховы въ «Алчущихъ» по деревнямъ. «Новыя учрежденія, — говоритъ г. Шеллеръ, — потребовали цѣлыя полчища новыхъ людей. Этихъ людей пришлось поневолѣ вербовать не среди привилегированныхъ классовъ, захватывавшихъ прежде все только въ свои руки, а гдѣ попало среди мѣщанъ, среди недоучекъ, среди голяковъ. Изъ этихъ людей сразу создался новый классъ разночинцевъ; ихъ, можетъ быть, неловко было спрашивать объ ихъ происхожденіи, о степени ихъ образованія, но ихъ нельзя было не принимать въ лучшихъ кружкахъ, потому что они ворочали дѣлами и имѣли денежные средства». Интеллигентъ изъ «Голи», взявшійся за умъ, тотчасъ розыскалъ дорогу къ сладкому пирогу съ тою только разницею, что его родовитый предокъ бралъ кусокъ вилкой и ножомъ, а этотъ — немытой пятерней. Изъ нихъ не вышли «Штевены», которые въ 60-хъ годахъ обѣщались Шеллеру осушить «Гнилыя болота», и за которыхъ авторъ ручался, что ихъ нельзя превратить въ подлецовъ, но зато одинъ «на желѣзную дорогу взялъ концессию и выпелъ съ капиталомъ, другой основалъ банкъ и ловкой аферой приобрѣлъ сотни тысячъ въ одинъ день, третій... чортъ знаетъ, иногда кажется, что третій просто укралъ гдѣ-то сотни тысячъ, но тѣмъ не менѣе надо признать, что онъ богатъ, и пожимать ему руки. Всѣ эти люди кутятъ, входятъ въ высшій кругъ и соперничаютъ съ барями»...

Не менѣе сильными являются за послѣднее время и новые землевладѣльцы-меліораторы, у которыхъ «батракъ спитъ однимъ глазомъ», но котораго новые помѣщики любятъ посвоему, т. е. какъ дойную корову, которую надо для своихъ выгодъ хорошо содержать, но быть съ нимъ вмѣстѣ съ тѣмъ «выжигой» и всегда

«насторожь». Этотъ типъ меліораторовъ-землевладѣльцевъ пока еще только нарождается въ селахъ и въ русской беллетристикѣ выведенъ очень мало. У г. Шеллера они очерчены съ обычной ему талантливостью и скорбію о томъ, что дѣловитость послѣ-реформеннаго поколѣнія чисто кулацкаго свойства. Въ «Алчущихъ», кромѣ растерявшихся послѣ эмансипаціи дворянъ, выводится на сцену цѣлая семья кряжистыхъ людей, которые сумѣли и послѣ освобожденія крестьянъ взяться здоровыми руками за дѣло, подъ руководствомъ своей дѣловитой матери изъ аристократокъ, устранившей отъ себя своего разорителя—«флигель-адъютанта», т. е. мужа (Елизавета Андреевна Кожухова). Эти люди, вѣчно роющіеся въ навозѣ, глинѣ и кирпичѣ, являются противоположностью тѣмъ разорившимся дворянамъ (Ломовымъ), которые воображаютъ, что въ деревнѣ «стоитъ выписать новую коляску, новыя дрожки купить да полкурицы завести въ усадьбѣ—вотъ и хозяйство».

Такимъ образомъ «Оскудѣніе» дворянъ въ романахъ г. Шеллера совершенно иное, чѣмъ, напримѣръ, у Атавы. Послѣдній видѣлъ увертюру «Оскудѣнія» и не прослѣдилъ до конца судьбу своихъ «тамбовцевъ», а г. Шеллеръ скорѣе присутствовалъ на послѣднемъ актѣ землевладѣльческой эпопеи, и его «Голь», и «Алчущіе» имѣютъ исторически-бытовой интересъ. Можно смѣло сказать, что г. Шеллеръ отражалъ въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ всѣ крупныя явленія русской жизни за послѣднія 30 лѣтъ въ размѣрѣ своего симпатичнаго таланта. О воспитательномъ его значеніи для русскаго общества г. Скабичевскій писалъ, что «многіе Шуповы, Прохоровы или Русовы въ дѣйствительной жизни ускорили свое нравственное развитіе и выходъ на спасительный путь подъ вліяніемъ чтенія романовъ А. К. Шеллера и, конечно, и до сихъ поръ, на склонѣ жизни своей, не перестаютъ вспоминать объ ихъ авторѣ, какъ о лучшемъ своемъ наставникѣ и другѣ» («Русская Мысль», №№ 1 и 2 за 1889 г.).

Воспитательное значеніе г. Шеллера обусловлено, конечно, тѣмъ, что, кромѣ бытового интереса, его произведенія проникнуты высокою моралью и строгимъ риторизмомъ. «Научившись громить чужіе пороки,—говоритъ онъ:—мы считали себя освобожденными отъ обязанности слѣдить за собственною нравственностью. Въ этомъ, быть можетъ, главное зло нашей эпохи предлюбодѣвъ мысли на каеэдрахъ суда, школы, университетовъ, церкви и литературы. Пророки и апостолы нашего времени, эти друзья меньшей братіи, ѣздятъ на рысакахъ, пьютъ шампанское, бросаютъ горсти золота на женщинъ легкаго поведенія, и бѣднякъ послѣ встрѣчи съ ними, такъ и остается при томъ убѣжденіи, что онъ встрѣтился по крайней мѣрѣ съ губернаторомъ, если не съ самимъ министромъ» («Надъ обрывомъ»).

Профессоръ Ор. Миллеръ въ правѣ было сказать, что этотъ взглядъ Шеллера на русскую жизнь въ 60-хъ годахъ проглядѣли...

«Въ противномъ случаѣ ему бы тогда досталось, надъ нимъ бы смѣялись, его бы стали чуждаться. Между тѣмъ взглядъ этотъ заключалъ въ себѣ существенное дополненіе и поправку къ направленію 60-хъ годовъ» («Литературный Пантеонъ», 1889 г., № 1). Какъ ни былъ А. К. Шеллеръ увѣренъ въ поступательномъ движеніи 60-хъ годовъ, онъ все-таки напоминалъ людямъ необходимость выработки характера прежде всего въ борьбѣ съ своей собственной природой и скорбѣлъ за несостоятельность многочисленныхъ своихъ героевъ. Теперь и въ западной литературѣ (Ибсенъ, Бьернсонъ, Зудерманъ, Бурже, Сенкевичъ) и въ нашей («Соната» Л. Толстого) чувствуется поворотъ именно къ этому направленію, въ которомъ неизмѣнно работалъ г. Шеллеръ. Въ послѣдніе годы, судя по произведеніямъ, Шеллеръ сталъ уже совершенно пессимистомъ, воспроизводя либо бездѣльныхъ и вырождающихся интеллигентовъ («Конецъ Бирюковской дачи»), либо влюбленныхъ въ себя «Ртицевыхъ» и перелицевавшихъ оскудѣннѣйшей и нигилистовъ въ кулацкую черномазую аристократію. Но, разумѣется, не на этихъ людей авторъ надѣется, думая о лучшемъ будущемъ. Это тѣ люди, которые останутся за бортомъ, когда общество двинется впередъ, и явится возможность ему самому обсуждать внутренніе вопросы жизни. По поводу чисто-художественныхъ приѣмовъ Шеллера, слѣдуетъ сказать, что законченные типы съ сильнымъ бытовымъ движеніемъ въ его романахъ жизненны и всегда написаны прочувствованно, а обстановочные типы, среди которыхъ вращается главный герой — самъ авторъ,—уносятъ читателя въ лучшее будущее и часто мѣшаютъ опредѣлить размѣръ художественности автора. Кто обратилъ вниманіе на установившіеся и законченные типы автора, тотъ признаетъ г. Шеллера за несомнѣннаго художника; а кто будетъ возиться только съ обстановочными типами, тому романы г. Шеллера покажутся болѣе блѣдными. По нашему мнѣнію, его чиновники-учителя, семейные деспоты изъ Шуповки, филантропы-аристократы и филантропы-бѣдняки (капитанъ Хлопко въ «Лѣсъ рубятъ», Макаръ Макаровичъ въ «Ртицевѣ» и т. д.), «Наша первая любовь», «Кукушка новой формациі», «Насѣдка», «Паденіе», «Бездомники», «Ртицевъ», «Голь», «Алчущіе», «Конецъ Бирюковской дачи» и т. д. несомнѣнно художественные и этическіе образы, выхваченные изъ дѣйствительной жизни съ мясомъ и съ кровью. Конечно, это не безсмертные типы, но подобныя типы создаютъ только первостепенныя дарованія. Даже мелкіе рассказы г. Шеллера дышатъ тѣмъ непосредственнымъ реализмомъ, который создалъ беллетристамъ позднѣйшей школы извѣстность. Но мѣсто г. Шеллера будетъ не съ ними, а въ рядахъ беллетристовъ, имѣющихъ [не только художественное, но социальное и этическое значеніе для русскаго общества.

IV.

Не смотря на многописаніе, г. Шеллеръ тщательно отдѣлываетъ свои произведенія и затрачиваетъ на нихъ массу труда. Еще недавно онъ говорилъ мнѣ:

— Я переписываю каждую свою вещь по четыре раза. Въ первый разъ я пишу содержаніе романа или повѣсти. Дѣйствующія лица у меня разговариваютъ, развертываютъ самое дѣйствіе и сюжетъ. Во второй разъ я пишу обстановку: вѣдь не голые же и не въ облакахъ у меня герои бесѣдуютъ и живутъ между собой. На обстановку и описаніе среды, наружности, одежды и т. д. идетъ очень много труда, и я не могу сдѣлать обстановку одновременно съ содержаніемъ: въ большомъ романѣ легко тогда перезабыть и характеры, и даже имена героевъ. Вѣдь романъ пишется годами! Все нужно отдѣльно написать. Въ третій разъ я исправляю самое содержаніе. Исправленія всегда значительныя. Развитіе содержанія, осмысленность романа и его этическое значеніе—очень трудно сдѣлать. Въ этомъ все значеніе художника... Въ четвертый разъ я исправляю слогъ и техническіе недостатки. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ роману появиться въ печати, онъ держиваетъ четыре переписки.

Не менѣе трудно было добиться Шеллеру и настоящей оцѣнки своего вліянія на читателей. Его упрекали въ дѣланности героевъ («Тенденціозный романистъ» П. Никитинъ, въ журн. «Дѣло»); а самую тенденцію автора одно время г. Скабичевскій называлъ «сентиментальнымъ прекраснородіемъ въ мундирѣ реализма» («Отечеств. Зап., 1873 г.). Но въ настоящее время повсемѣстнаго торжества гг. Ртищевыхъ тотъ же г. Скабичевскій, какъ уже сказано, охотно и радостно привѣтствуетъ честныхъ героевъ Шеллера. Ни для кого уже нѣтъ сомнѣнія въ томъ, особенно по прочтеніи XV тома сочиненій Шеллера съ очерками изъ народныхъ движеній Европы (Савонарола и Кампанелла, анабаптисты и пролетаріатъ во Франціи), что симпатіи автора не на сторонѣ сытой буржуазіи, а обращены къ неофициальному и непризнанному пока царству людей будущаго изъ сферъ рабочихъ классовъ. «Эта новая сила, говоритъ онъ, долгое время держалась въ черномъ тѣлѣ и считалась чуть ли не опасною, но, наконецъ, исторія обратила на нее вниманіе, вывела ее на свѣтъ и не успокоится до тѣхъ поръ, пока не дастъ лучшихъ условий жизни для этой массы». Вотъ во имя какого идеала Шеллеръ презиралъ своихъ торжествующихъ «Ртищевыхъ», Орловыхъ въ «Голи», Кожуховыхъ въ «Алчущихъ» и т. п. лицъ, не понимающихъ, что значить «себя и своихъ—любить послѣдними» и какъ посвятить свою жизнь самому многочисленному и полезному классу націи—нашей меньшей братіи. Не менѣе отрицательно относился Шеллеръ и

къ доброжелательнымъ дѣтелямъ, не желающимъ знать своей страны и тѣмъ не менѣе работать въ ея интересахъ въ самомъ воинственномъ направленіи. Во имя того же народнаго идеала авторъ говоритъ о нихъ съ грустью: «они стремились силою пересоздать моментально все общество, весь его строй, всѣхъ людей; но въ своемъ прямолинейномъ радикализмѣ они съ лихорадочною поспѣшностью шли отъ отрицанія къ отрицанію, въ неудержимой экзальтаци, стирая съ земли всѣ существовавшія религіозныя традиціи, науку, искусство, правительство,—и ихъ горсть сразу очутилась лицомъ къ лицу съ цѣлымъ полчищемъ враговъ, изъ которыхъ каждый отстаивалъ что нибудь дорогое для него. На ихъ жестокія крайности общество отвѣтило не менѣе жестокими крайностями: оно было сильнѣе и побѣдило ихъ, не разбирая, кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ, смѣшивая въ одну кучу и высоко-гуманныхъ людей и безумцевъ». Авторъ стоитъ за мирное объединеніе людей взаимнымъ пониманіемъ общихъ интересовъ, воспитаніемъ благородныхъ характеровъ въ семьѣ и школѣ на живомъ дѣлѣ, упраздненіемъ предбрачной жизни съ разными «Кукушками» и постановкой въ основѣ общественной дѣятельности интересовъ народныхъ массъ. Онъ демократъ-постепеновецъ. «Медленно осушиваются гнилыя болота; истинный переворотъ совершается въ теченіе многихъ трудныхъ лѣтъ»... Мирные перекрещены и прочіе коммунисты создали хотя научныя доктрины и добивались хотя чего нибудь на извѣстное время, — воинствующіе не добились ни до чего, замѣчаетъ авторъ «Революціоннаго анабаптизма».

Заканчиваю характеристику тридцатилѣтней дѣятельности А. К. Шеллера въ русской литературѣ скромнымъ воспоминаніемъ о немъ у меня на вечерѣ, гдѣ онъ встрѣтился съ нынѣ уже покойнымъ Н. С. Лѣсковымъ, и послѣдній сталъ говорить съ нимъ объ его «Полномъ собраніи сочиненій».

— Для меня, — сказалъ Лѣсковъ: — совершенно непонятно, почему изданія Писемскаго, Хвоцинской не расходятся, и почему Атава увѣренъ въ ходкости своего полнаго собранія сочиненій, если оно будетъ предпринято. Не смотря на мой полицеймейстерскій носъ въ литературномъ дѣлѣ, я пересталъ понимать публику за послѣдніе годы. Вотъ и мое собраніе сочиненій разошлось, а вѣдь я не былъ увѣренъ въ этомъ успѣхѣ. Гдѣ этотъ благородный подписчикъ и мой читатель, который меня кормитъ? Покажите мнѣ его! Я не вижу... Ко мнѣ ходятъ все какіе-то люди, благодарятъ и присылаютъ письма, а разговоришься съ ними—охватываетъ неодолимый гнѣвъ на нихъ, и я боюсь—меня задушитъ астма. Между мною и моимъ читателемъ ничего оказывается нѣтъ общаго... Только и чувствуешь облегченіе, когда придетъ одна изъ слушательницъ съ Рождественскихъ курсовъ! Эта, какъ будто, понимаетъ меня, не рѣчистая, а

резонная дѣвушка... Вотъ и все утѣшеніе старому литератору за 35 лѣтъ его страданій въ литературѣ.

Лѣсковъ долго распространялся на тему о рискованности въ настоящее время предпринимать кому либо изъ писателей изданіе «Полнаго собранія сочиненій», когда публика потеряла собственную фізіономію и одинаково раскупаетъ Лѣскова и отца Іоанна Кроншгадтскаго, и книгу «О женщинахъ» съ вопросительнымъ знакомъ.

Разговоръ затянулся и былъ полонъ интереса не только о томъ, что такое наша публика, но и современный писатель и чѣмъ, между прочимъ, популяренъ А. К. Шеллеръ въ русскомъ обществѣ. На другой день я зашелъ къ Шеллеру и засталъ его за письмомъ ко мнѣ, которое онъ мнѣ такъ и передалъ неоконченнымъ, по поводу замѣчаній Лѣскова о томъ, нужно ли Шеллеру рисковать изданіемъ его полнаго собранія сочиненій, и что въ немъ можетъ обезпечить ему подписку. Видимо, этотъ вопросъ занималъ г. Шеллера. Его отвѣтъ до такой степени интересенъ, что, получивъ позволеніе автора пользоваться его письмомъ, я приведу его здѣсь цѣликомъ, какъ самое вѣское заключительное слово о г. Шеллерѣ.

Онъ писалъ ко мнѣ:

«Лѣсковъ мнѣ задалъ вопросъ, почему я такъ тороплюсь съ изданіемъ полнаго собранія своихъ сочиненій. Отвѣтъ у меня одинъ: мнѣ надѣ подвести окончательный итогъ моей болѣе чѣмъ тридцатилѣтней литературной дѣятельности, пока еще позволяютъ это сдѣлать мои распатанные далеко не легкой трудовой жизнью нервы. Крупные художники, первостепенные таланты могутъ вовсе не заботиться объ этомъ, зная твердо, что они оставляютъ огромное наслѣдство, и что даже неумѣлые наслѣдники не сумѣютъ обезцѣнить ихъ богатствъ. Вандербильдамъ все равно, меньше или больше ихъ богатство на какойнибудь милліонъ долларовъ. Совсе не въ такомъ положеніи стоимъ мы, второстепенные труженики литературы: мы не можемъ даже быть убѣждены въ томъ, что послѣ нашей смерти соберутъ то, что мы сѣяли на литературной нивѣ, и потому намъ особенно дорого и отраднo, когда мы на закатѣ жизни можемъ свести итогъ того, что сдѣлано нами, и оставить памятью о себѣ «Полное собраніе» своихъ сочиненій. Начиная литературную дѣятельность, я, къ моему великому счастью, не страдалъ самомнѣніемъ, служащимъ для многихъ источникомъ мученій отъ неудовлетвореннаго самолюбія, и сразу высказалъ въ предисловіи къ своему первому роману «Гнилыя болота», что людямъ, съ небольшимъ талантомъ и обреченнымъ, подобно мнѣ, на тяжелый трудъ, нечего и думать о созданіи художественнаго произведенія, но что и на насъ, какъ и на всѣхъ другихъ нашихъ согражданахъ, лежитъ долгъ, по мѣрѣ нашихъ силъ, служить нашимъ ближнимъ. Въ моемъ второмъ романѣ «Жизнь Шупова» я опять вернулся къ той же мысли, сказавъ: «сѣйте хлѣбъ, а васильки сами выро-

стуть». И теперь послѣ тридцати слишкомъ лѣтъ, оборачиваясь на пройденный мною путь, я вижу, что я всегда стремился твердо держаться этого правила, т. е. говорить то, что я считаю нужнымъ и полезнымъ въ нашемъ обществѣ. Кто прочелъ все написанное мною, тотъ знаетъ, что я старался показать родителямъ и педагогамъ, какъ они, не умѣя и не желая свято исполнять своихъ обязанностей, губягъ своихъ дѣтей и приготавливаютъ изъ нихъ себѣ враговъ; я въ десяткѣ мѣсягъ своихъ произведеній указывалъ весь вредъ науки, не подготовляющей людей къ практической дѣятельности въ нашемъ отечествѣ, нуждающемся въ мастерахъ, въ техникахъ, въ инженерахъ и по неволѣ обращающемся къ содѣйствію иностранцевъ, когда свои молодыя силы гибнутъ безъ дѣла на одной канцелярской работѣ; я стремился объяснить въ «Голи» исторію нашего общественнаго движенія въ шестидесятыхъ годахъ и въ исторіи семьи Мураговыхъ и въ Алчущихъ доказать, до какой степени паденія дошла неподготовка къ дѣятельности людей послѣ эмансипаціи крестьянъ; такъ называемый «женскій вопросъ» и вопросъ о той благотворительности, въ которую играютъ люди или отъ праздности, или ради наживы, затронуть мною въ романѣ «Мужъ и жена», «Паденіе», «Лѣсъ рубягъ» и т. д. Мои романы считались часто чуть ли не опасными, но, слава Богу, это время прошло, и теперь слышатся голоса, другого рода. Покойный Ор. Ѳ. Миллеръ писалъ обо мнѣ, что они являются «поправкой къ 60-мъ годамъ», а въ «Русской Мысли» Скабичевскій признаетъ меня «воспитателемъ и другомъ русскаго общества». Это своего рода награда за тридцатилѣтнюю дѣятельность, но досталась она не легко».

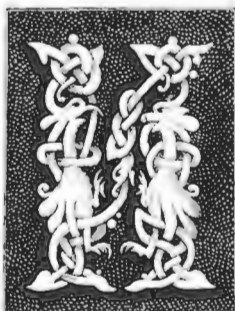
Въ этомъ письмѣ А. К. Шеллеръ, указывая на утилитарное значеніе своихъ произведеній, нѣсколько умаляетъ свои чисто художественныя силы. На сколько цѣнить его наше общество доказывается тѣмъ, что А. К.—чѣ наиболее читаемый авторъ по библиотечной статистикѣ и останется такимъ надолго. Не причисляя его, разумѣется, по художественнымъ силамъ къ Достоевскимъ и Тургеневымъ, мы однако не сомнѣваемся, что быговой и общественный типъ за послѣднія 30 лѣтъ во многихъ своихъ важныхъ моментахъ взять г. Шеллеромъ вѣрно и умно, какъ никѣмъ изъ писателей новѣйшей школы, и въ этомъ его разница отъ нихъ.

А. Фаресовъ.

ГЛАВНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НАЧАЛА XIX СТОЛѢТІЯ ¹⁾.

ЗУЧЕНІЕ русской литературы XVIII и начала XIX вѣка, опредѣляя сильнѣйшее западное вліяніе, какъ на развитіе нашей общественной мысли, такъ и на способы ея выраженія, устанавливаетъ между прочимъ тотъ фактъ, что литературное заимствованіе является у насъ почти всегда въ видѣ крайне слабой копии своего западнаго образца, и притомъ оказывается часто въ значительной степени запоздалымъ, такъ что заимствовались иногда такія идеи и формы, которыя на Западѣ представлялись уже давно устарѣлыми и оставленными. Такое ослабленіе оригиналовъ западнаго умственнаго движенія и запоздалость заимствованія объясняются, конечно, прежде всего нашей неподготовленностью къ воспріятію идей, выработанныхъ на Западѣ долгимъ процессомъ ея цивилизаціи, процессомъ, по отношенію къ которому мы держались совсѣмъ въ сторонѣ, пока мощная рука Петра Великаго не подняла завѣсу, отдѣлявшую насъ отъ европейскаго міра. Съ этого момента мы становимся сперва въ положеніе зрителей, людей, наблюдающихъ за ходомъ западнаго духовнаго развитія, но не принимающихъ въ немъ почти никакого участія уже потому, что этотъ процессъ для насъ совершенно чуждъ и непонятенъ. Мы совсѣмъ не подготовлены къ его пониманію, и чтобы достигнуть этого пониманія, намъ нужно

¹⁾ Вступительная лекція, читанная въ Петербургскомъ университетѣ 20-го января текущаго года.

усвоить результаты всего предшествовавшего развитія, надо начать учиться прямо азбукѣ. Уже не разъ указывалось, что первое время нашего сближенія съ Западомъ пошло на усвоеніе чисто матеріальной стороны его культуры, но и въ эту пору заимствованіе распространяется отчасти на идеи, только идеи берутся такія, которыя и на Западѣ уже сложены въ архивъ, переводятся устарѣлыя книжки. Такимъ внѣшнимъ характеромъ заимствованія объясняется у насъ и роль псевдоклассицизма: мы взяли только форму, тогда какъ идейное содержаніе классическаго направленія, имѣвшаго смыслъ политическаго и общественнаго движенія, осталось намъ совсѣмъ чуждымъ.

Подобно нашему ложноклассицизму, въ видѣ блѣдной и запоздалой копіи западнаго образца являются у насъ просвѣтительная философія XVIII вѣка и тѣсно съ нею связанный сентиментализмъ. Исслѣдователи русской литературы Екатерининской эпохи, какъ характерную ея особенность, отмѣчаютъ заимствованіе съ Запада именно идей, но при этомъ далеко не ясно, какой метаморфозѣ подверглись заимствованныя идеи на русской почвѣ. На своей родинѣ просвѣтительная философія имѣла огромное вліяніе, увлекла своей пропагандой все общество и привела къ коренному переустройству политическихъ и соціальныхъ отношеній, тогда какъ у насъ, насажденная правительственными усиліями, она оказала воздѣйствіе на самый ограниченный кружокъ выдающихся умовъ и отразилась въ либеральныхъ фразахъ Екатерининскаго «Наказа», да въ нѣсколькихъ неважныхъ официальныхъ мѣропріятіяхъ. Какъ ни ничтожны результаты вліянія у насъ просвѣтительной философіи, и какъ бы ни казались блѣдными произведенія нашихъ ея адептовъ сравнительно съ западными образцами, во всякомъ случаѣ польза, принесенная ею, несомнѣнна, такъ какъ она дала толчекъ развитію нашей самостоятельной мысли, направивъ ее на путь изслѣдованія нуждъ и критики недостатковъ русской жизни и этимъ содѣйствуя сближенію литературы съ реальными потребностями русскаго общества.

Екатерининское правительство, само вызвавъ движеніе и увидавъ, къ какимъ результатамъ привелъ сходный процессъ на Западѣ, измѣнило свое отношеніе къ литературѣ, и то, что раньше усиленно поощрялось, теперь оказалось преступнымъ и подверглось энергичному преслѣдованію. Но, какъ говорить поэтъ, «лишь духу власть духа дана», послѣвъ былъ сдѣланъ, и далъ хотя слабые всходы, но такіе, которыхъ не въ силахъ уничтожить никакая репрессія, ни суровыя мѣры Екатерины, ни даже еще болѣе крутой образъ дѣйствій императора Павла I, когда былъ воспрещенъ «впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы онѣ языкѣ ни были, безъ изыятія», и даже музыкальныхъ произведеній, причемъ, конечно, имѣлись въ виду ходячіе тогда революціонные

напѣвы. Замѣчательно, что даже въ эту эпоху крайняго утѣсненія мысли иногда проскальзывали въ журналахъ совсѣмъ неподозрительныя тирады. Такъ, въ первомъ номерѣ «Политическаго журнала» на 1790 года, издававшася осторожнымъ профессоромъ Московскаго университета, Сохацкимъ, мы читаемъ слѣдующую чрезвычайно характерную и краснорѣчивую оцѣнку современныхъ политическихъ событій въ Европѣ: «Въ 1789 году весь свѣтъ былъ потрясенъ столь сильно, что вездѣ открылись чрезвычайныя движенія, и произошло въ Европѣ начало новой эпохи человѣческаго рода. Послѣ многихъ столѣтій 1789 годъ есть самый достопамятный. Со времени крестовыхъ походовъ никогда еще не было такой эпохи, какъ сія, въ которой бы политическое мнѣніе распространилось и промчалось чрезъ всю Европу съ толикою живостью и соучаствованіемъ. Духъ свободы учинился воинственнымъ при концѣ XVIII, какъ духъ религіи при концѣ XI вѣка. Тогда вооруженною рукою возвращали святую землю, нынѣ святую свободу. Тогда ратовали противъ Саладиновъ, нынѣ противъ собственныхъ государей. Французы брали тогда крѣпости у невѣрныхъ королей, нынѣ брали они ихъ у христіаннѣйшаго. Какъ тогда, такъ и теперь энтузіазмъ превратился во многихъ годахъ въ крушеніе и фанатизмъ. Отсѣкали людямъ головы, грабительствовали и разрушали дома и крѣпости, дабы показать права человѣчества... Но при сильныхъ превращеніяхъ невозможно избѣгнуть буйныхъ излишествъ»¹⁾).

Литературное движеніе не могло окончательно заглухнуть, но вынуждено было притихнуть, принять нѣсколько иную форму, и такой-то новой формой является сентиментализмъ, замѣчающійся изрѣдка въ литературѣ и до начала репрессіи. Родоначальникомъ западнаго сентиментализма былъ Ричардсонъ. Его романы кажутся намъ теперь безконечно длинными, скучными, и нужно имѣть большое терпѣніе, чтобы осилить его романическую трилогію, но совсѣмъ не такое впечатлѣніе производитъ онъ на своихъ современниковъ: они съ увлеченіемъ зачитывались его романами, и причина этого увлеченія кроется въ томъ, что Ричардсонъ сказалъ въ своей области новое слово, выступилъ союзникомъ философовъ XVIII вѣка въ сферѣ нравственной. Приторная чувствительность и длинноты изложенія романовъ Ричардсона нашли строгаго судью въ лицѣ Вольтера, но и этотъ строгій критикъ въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ идетъ по слѣдамъ Ричардсона и пишетъ «Нанину», которая, по мѣткому замѣчанію Лессинга, есть не что иное, какъ драматизированная Ричардсоновская «Памела». Дидро и Руссо относятся къ Ричардсону уже совсѣмъ не такъ, какъ Вольтеръ: Дидро сравниваетъ его съ Монсеемъ, Софокломъ, Эври-

¹⁾ Всѣ курсивы въ этой цитатѣ принадлежатъ подлиннику.

пидомъ, говоритъ, что впечатлѣніе, произведенное на него чтеніемъ «Клариссы», было такъ неотразимо сильно, что онъ не могъ работать и представлялся своимъ друзьямъ человѣкомъ, находящимся въ ненормальномъ состояніи. Руссо уподобляетъ Ричардсона Гомеру и беретъ его себѣ за образецъ въ «Новой Элоизѣ». На столько же сильнымъ оказывается впечатлѣніе, произведенное романами Ричардсона въ Германіи. Основу этихъ романовъ составляетъ гуманность, признаніе интереса во всякой человѣческой личности, какъ таковой, независимо отъ ея соціального положенія, а этимъ и должно объяснить успѣхъ сентиментализма. Кромѣ этого, не слѣдуетъ забывать, что истинный сентиментализмъ нисколько не исключалъ юмористическаго отношенія къ жизненнымъ явленіямъ, какъ это видно изъ знаменитаго «Путешествія» Стерна. Въ сентиментализмъ не было первоначально той односторонности, благодаря которой онъ и на западѣ обратился во что-то уродливое, когда на первый планъ выступила слащавая чувствительность, а поэтому и понятно, что въ своемъ чистомъ, первоначальномъ видѣ это литературное направленіе должно было быть однимъ изъ сильныхъ орудій европейскаго прогресса.

Обращаясь къ русскому сентиментализму, мы замѣчаемъ, что и онъ, какъ и всякое другое заимствованное теченіе нашей литературы, оказался блѣдной копіей съ своего западнаго оригинала. Мы и въ этомъ случаѣ заимствовали почти одну внѣшность, мы стали копировать не основу движенія, а тѣ искаженія, которымъ оно подверглось у себя на родинѣ. Произошло это отчасти и отъ нашей неподготовленности, а главнымъ образомъ отъ того новаго отношенія правительственныхъ круговъ къ литературѣ, какое обнаруживается со второй половины царствованія Екатерины. Какъ всегда бываетъ съ неумѣлыми подражателями, мы пересолили, впали въ шаржъ, каррикатуру, и если, читая Ричардсона, испытываешь теперь нѣкоторую скуку, то перечитывая нашихъ сентименталистовъ, трудно иногда удержаться отъ иронической улыбки: до того они представляются натянутыми, неестественными, слащавыми. Но не слѣдуетъ торопиться съ такимъ насмѣшливымъ осужденіемъ, такъ какъ иногда мысль, кажущаяся намъ черезчуръ наивною, въ свое время совсѣмъ не была смѣшной, а имѣла подчасъ и очень серьезный смыслъ. Такъ, напримѣръ, мы всѣ привыкли иронически относиться къ знаменитой фразѣ Карамзина: «вѣдь и крестьянки чувствовать умѣютъ!» но, подсмѣиваясь надъ этой фразой, мы забываемъ, что, признавая возможность человѣческихъ чувствъ и въ крестьянахъ, она для многихъ была дѣйствительно чѣмъ-то новымъ въ ту эпоху, когда вполнѣ естественнымъ казалось не менѣе знаменитое восклицаніе г-жи Простаковой относительно дворовой дѣвки Палашки: «Бредить, бестія! Какъ будто благородная!».

Какъ ни слабо, однако, проявилось у насъ сентиментальное на-

правление, но и ему трудно было свободно развиваться, и оно не имѣло почти никакого простора: Карамзину приходилось признаваться, что онъ «умираетъ авторски», даже «Письма русскаго путешественника» не могли выйти въ полномъ своемъ объемѣ въ царствованіе императора Павла, и только въ 1801 году были напечатаны двѣ послѣднія части этихъ писемъ. Въ виду такого стѣсненія всякаго проявленія общественной мысли, весьма естественной была общая радость при восшествіи на престолъ 12-го марта 1800 года императора Александра I, объявившаго въ своемъ манифестѣ о намѣреніи править «по законамъ и по сердцу» своей бабки, императрицы Екатерины Великой. Карамзинъ говоритъ, что «вѣсть объ этомъ событіи была въ цѣломъ государствѣ вѣстью испупленія; въ домахъ, на улицахъ, люди плакали, обнимали другъ друга, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія». Литература живо отозвалась на это общее ликованіе. Державинъ привѣтствовалъ новаго государя одой, въ которой очень прозрачно намекаетъ на предшествовавшую мрачную эпоху:

Замолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ.
На лицахъ Россовъ радость блещетъ.

Александръ въ этой одѣ называется «ангеломъ кротости и мира, любимымъ сыномъ благихъ небесъ», и о немъ говоритъ своимъ подданнымъ Екатерина, появляющаяся въ облакахъ:

Се небо нынѣ посылаетъ
Вамъ внука моего въ царя,
Внимать вы прежде не хотѣли
И презрили мою любовь.
Вы сами отъ себя терпѣли:
Я нынѣ васъ спасаю вновь.

Въ такомъ же восторженномъ духѣ привѣтствовалъ новаго императора и Карамзинъ, сравнивая Александра съ ангеломъ Божиимъ, сіяющимъ благостью и красотой, уподобляя его воцаренію явленію «милая весны», которая

Съ собой приноситъ намъ забвенья
Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы.

Обращаясь къ монарху, писатель въ порывѣ радостнаго энтузіазма высказываетъ такія надежды, одушевлявшія современное русское образованное общество:

Ты будешь солнцемъ просвѣщенья—
Наукой счастливъ человѣкъ—
И блескомъ твоего правленья
Осыпанъ будетъ новый вѣкъ.
Се музы, къ трону приступая
И черный крепъ съ себя снимая,
Твоей улыбки милой ждуть!

Обращеніе Екатерины къ своему внуку, который являлся прямымъ наследникомъ ея духа, помимо Державинской оды, встрѣчается въ произведеніи юнаго бакалавра Московскаго университета, А. Ѳ. Мерзлякова. Екатерина говоритъ Александру:

Я для тебя, мой внукъ преславный,
Хранила мой народъ избранный
И лавры для тебя рвала.
Въ чертогѣ радости небесной
Я слышала въ душѣ своей
Россіи каждый вздохъ сердечный,
И каждая слеза отъ ней
Мое блаженство отравляла.
Теперь (чего давно желала)
Въ тебѣ, тобой жить буду я!

Новая эпоха, наступившая для Россіи съ воцареніемъ Александра, сулитъ поэту прекращеніе всѣхъ бѣдствій, омрачавшихъ жизнь русскаго общества въ недавнее время:

Утѣштесь, чада бѣдъ и муки!
Нѣтъ ни страданій ни разлуки!
Отецъ, спѣши къ своимъ сынамъ,
Братъ съ братомъ нѣжно обоймися.

Эти бурныя, неумѣренныя выраженія восторга и самыхъ радужныхъ надеждъ, высказывавшіяся образованными людьми различныхъ взглядовъ и направленій, прекрасно характеризуютъ переходъ отъ тягостной поры пригнетенія мысли къ первому времени царствованія Александра. На престолъ вступилъ человекъ, воспитанный Лагарпомъ и Муравьевымъ въ духѣ либеральныхъ ученій XVIII вѣка, окруженный молодыми сподвижниками, носившими самые смѣлыя планы переустройства Россіи на основаніи гуманныхъ теорій «Духа законовъ» и «Общественнаго договора». Рядъ милостей, ознаменовавшихъ начало царствованія, рядъ либеральныхъ реформъ, проводившихся въ первые годы Александровской эпохи, возбуждалъ сильнѣйшее движеніе общественной мысли, получившей теперь возможность открыто высказываться. Въ своемъ «Похвальномъ словѣ Екатеринѣ Великой» Карамзинъ, позабывъ тяжелое время конца царствованія Екатерины и исчисляя заслуги государыни, особенно подчеркиваетъ, что Екатерина «образовала государственную систему монархической Россіи, согласную съ истиннымъ счастіемъ человека, слѣдственно несогласную съ печальнымъ именемъ раба, которымъ прежде гражданинъ назывался въ отечествѣ напемъ и которое навсегда уничтожилось Екатериною»; что «она уважила въ подданномъ санъ человека, нравственнаго существа, созданнаго для счастья въ гражданской жизни, она преломила обвитый молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣтвь любви и не только объявила торжественно, что владыки земные должны властвовать для блага народнаго, но всѣмъ своимъ долготѣннымъ царствованіемъ утвер-

дила сію вѣчную истину, которая отнынѣ будетъ правиломъ російскаго трона: ибо Екатерина научила насъ разсуждать и любить въ порфирѣ добродѣтель». Въ этихъ словахъ заключается не только историческій панегирикъ Екатеринѣ, въ нихъ не какойнибудь слабый намекъ на современность, а прямое, опредѣленное указаніе новаго пути, по которому пошло современное общественное движеніе. Карамзинъ основываетъ журналъ, въ которомъ свободно обсуждаетъ разные общественные вопросы, преимущественно то, что касается просвѣщенія, такъ какъ на эту сторону государственнаго быта было обращено особенное вниманіе правительства. Заботы правительства о народномъ образованіи выразились въ учрежденіи университетовъ и гимназій, въ планѣ общаго устройства народнаго просвѣщенія. Литература шла на встрѣчу этимъ мѣрамъ правительства, разъясняя ихъ значеніе обществу, а съ другой стороны поднимать былъ правительствомъ же вопросъ о предоставленіи литературѣ свободы въ обсужденіи разныхъ общественныхъ дѣлъ. Необходимость расширенія рамокъ печатнаго обсуждения сознавалась многими въ тогдашнемъ обществѣ, какъ это видно изъ напечатанной академикомъ М. И. Сухомлиновымъ, анонимной записки 1804 г., авторъ которой говоритъ: «истинные сыны отечества ждуть уничтоженія цензуры, какъ послѣдняго оплота, удерживающаго ходъ просвѣщенія тяжкими оковами и связывающаго истину рабскими узами». Результатомъ этого стремленія правительства къ облегченію печатнаго слова былъ новый цензурный уставъ 1804 года, въ 21-мъ § котораго говорится: «Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать»; а слѣдующій параграфъ прямо гласитъ: «скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины... не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою печати, возвышающею успѣхи просвѣщенія».

Въ связи съ заботами о народномъ просвѣщеніи былъ поднятъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Въ книгѣ Пнина «Опытъ о просвѣщеніи» между этими двумя вопросами устанавливается тѣснѣйшая зависимость, такъ какъ просвѣщеніе, по мнѣнію автора, выражается не въ количествѣ ученыхъ и писателей, а въ охраненіи правъ собственности и личной безопасности гражданъ; крѣпостное же право является отрицаніемъ этихъ правъ за очень большимъ классомъ земледѣльцевъ, а потому правительство, стремясь къ распространенію истиннаго просвѣщенія, должно оградить права крестьянской собственности. Помимо этого весьма логическаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ книгѣ Пнина, вопросъ этотъ, какъ и при Екатеринѣ, дѣлается предметомъ статей многихъ публицистовъ, которые разрѣшаютъ его съ разныхъ точекъ зрѣнія, приходятъ иногда къ заключеніямъ, могущимъ намъ казаться неправильными, оши-

бочными, но важно уже то, что вопросъ возбужденъ и, хоть не на долгое время, сталъ предметомъ гласнаго обсужденія.

Такимъ образомъ, общественные и политическіе вопросы снова, какъ въ Екатерининскую эпоху, дѣлаются предметомъ обсужденія литературы, и такъ какъ правительство, вызвавшее это обсужденіе, было настроено въ либеральномъ смыслѣ, то большинство нашихъ представителей литературы высказывается въ томъ же направленіи. Однако, этотъ либерализмъ уже въ эту пору начинаетъ вызывать нѣкоторые протесты, и его западническая окраска очень легко даетъ возможность его врагамъ противопоставить планамъ различныхъ преобразованій вопросъ о народности.

Этотъ сложный и жгучій вопросъ затрогивался въ нашей литературѣ и раньше, особенно сильно при императрицѣ Екатеринѣ II, но въ сущности онъ былъ поставленъ на очередь еще въ до-Петровскую эпоху, когда начиналось у насъ культурное воздѣйствіе Запада. Многое въ нашемъ расколѣ объясняется противодѣйствіемъ западнымъ новшествамъ, возбуждавшимъ серьезныя опасенія москвичей еще въ XVII вѣкѣ. Желѣзная воля Петра Великаго, сознававшего необходимость заимствовать просвѣщеніе съ Запада, такъ какъ другого источника не было, смирила противодѣйствіе старорусской партіи, но послѣ него не разъ проявляются попытки вернуться къ народной старинѣ. Каждый разъ, какъ правительство признаетъ нужнымъ обратиться къ новымъ заимствованиямъ съ Запада, въ обществѣ раздаются отдѣльные голоса, осуждающіе такія заимствования и элегически восхваляющіе отжившую старину. Критика заноснаго просвѣщенія особенно сильна въ сатирическихъ журналахъ царствованія Екатерины, у Щербатова же и Болтина мы можемъ даже указать нѣчто вродѣ славянофильства. Всѣ эти панегиристы «добрыхъ старыхъ нравовъ», нападая на западное просвѣщеніе и обвиняя его въ ухудшеніи нашихъ нравовъ, не замѣчаютъ того, что они нападаютъ на искаженіе этого просвѣщенія, которому оно подвергается у насъ, или на такія его стороны, которыя осуждаются и на Западѣ и которыхъ, слѣдовательно, намъ не было никакой нужды перенимать; а при этомъ, относясь критически къ недостаткамъ нашихъ заимствованій, панегиристы старины совсѣмъ умалчивали о хорошихъ сторонахъ заимствованнаго.

Такъ было при Екатеринѣ, и то же самое повторяется въ первые годы царствованія Александра, при чемъ представителямъ партіи, враждебной новизнамъ, легко было опираться на сильное возбужденіе патріотическаго чувства, вызванное борьбой съ Наполеономъ. Въ литературѣ оживляются нападки на галломанію, однако новыхъ, оригинальныхъ сатирическихъ образовъ не создается, а выдвигаются съ незначительными измѣненіями старые знакомые, осмѣянные Екатерининской литературой. Нѣкоторый отголосокъ того же остраго вопроса о народности мы видимъ въ литератур-

номъ спорѣ о старомъ и новомъ слогѣ, спорѣ, поднятомъ Шишковымъ и его послѣдователями противъ карамзинистовъ. Споръ о стилистическихъ особенностяхъ Шишковъ связывалъ съ болѣе общимъ вопросомъ объ иноземномъ вліяніи на наше духовное развитіе и обвинялъ своихъ противниковъ въ безнравственности, безвѣріи, отсутствіи патриотизма. Вотъ какъ говоритъ онъ о воспитаніи нашего общества: «какое знаніе можемъ мы имѣть въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣти знатнѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ отъ самыхъ юныхъ ногтей своихъ находятся на рукахъ у французовъ, прилѣпляются къ ихъ нравамъ, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получаютъ весь образъ мыслей ихъ и понятій». Самый лучший воспитатель изъ иностранцевъ не можетъ внушить своему ученику любви къ отечеству, — каковъ же будетъ результатъ, спрашивалъ Шишковъ, «если положимъ въ немъ (то есть въ воспитателѣ) еще худыя нравы, склонность къ безвѣрію, своевольству, къ повсемѣстному гражданству, къ новой и пагубной философіи, къ симъ обманчивымъ именамъ начальствующаго безначалія, вѣрной измѣны, челоуѣколюбиваго терзанія людей, скванной свободы?» Во всемъ этомъ много вѣрнаго: дѣйствительно національный элементъ необходимъ въ воспитаніи, и иноземные учителя очень часто были плохи, но гдѣ же было взять своихъ учителей? Вѣдь нельзя же было довольствоваться Цыфиркиными и Кутейкиными!

Въ приведенныхъ словахъ Шишкова обращаетъ на себя вниманіе выраженіе: «начальствующее безначаліе», — не хотѣлъ ли этими словами Шишковъ обозначить на своемъ оригинальномъ языкѣ конституцію?

Если это такъ, то мы подходимъ къ тому политическому вопросу, который вызвалъ появленіе въ свѣтъ знаменитой Карамзинской «Записки о древней и новой Россіи». Увлекавшійся въ былое время западничествомъ, космополитизмомъ и даже при воцареніи Александра высказывавшій отчасти конституціонныя мысли, Карамзинъ подъ вліяніемъ изученія русской исторіи, критикуя современное русское общественное движеніе, становится патриотомъ и представляетъ императору Александру записку, въ которой, предостерегая его отъ излишняго увлеченія либеральными планами, излагаетъ свой взглядъ на историческое образованіе государственнаго строя Россіи и на современныя ея потребности. Любопытно здѣсь осужденіе реформы Петра, предъ которой Карамзинъ прежде преклонялся. «Имя русскаго, — говоритъ Карамзинъ, — имѣетъ ли теперь для насъ ту силу неисповѣдимую, какую оно имѣло прежде? И весьма естественно: дѣды наши, уже въ царствованіе Михаила и его сына, присвоивая себѣ многія выгоды иноземныхъ обычаевъ, все еще оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный россиянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а святая Русь — первое го-

сударство. Пусть назовутъ то заблужденіемъ; но какъ оно благопріятствовало любви къ отечеству и его нравственной силѣ! Теперь же, болѣе ста лѣтъ находясь въ школѣ иноземцевъ, безъ дерзости можемъ ли похвалиться своимъ грежданскимъ достоинствомъ? Нѣкогда называли мы всѣхъ иныхъ европейцевъ невѣрными, теперь называемъ братьями; спрашиваю: кому бы легче было покорить Россію — невѣрнымъ или братьямъ? то-есть кому бы она, по вѣроятности, долженствовала болѣе противиться? При царѣ Михаилѣ или Теодорѣ вельможа російскій, обязанный всѣмъ отечеству, могъ ли бы съ веселымъ сердцемъ на вѣкъ оставить его, чтобы въ Парижѣ, въ Лондонѣ, Вѣнѣ спокойно читать въ газетахъ о нашихъ государственныхъ опасностяхъ? Мы стали гражданами міра, но перестали быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гражданами Россіи. Виною—Петръ».

Это осужденіе Петровской реформы до извѣстной степени сближаетъ Карамзина съ позднѣйшимъ славянофильствомъ, но только до извѣстной степени, такъ какъ славянофилы осуждали лишь нѣкоторыя стороны реформы, а та чрезмѣрная идеализація старой Руси, то затушевываніе грѣховъ до-Петровской Россіи и то исключительное превознесеніе русскаго народа предъ всѣми другими, которыя проявляются въ «Запискѣ» Карамзина, совсѣмъ чужды славянофиламъ. Въ этомъ случаѣ Карамзинъ въ своей запискѣ гораздо болѣе подходит къ тому выраженію нашего патріотизма, которое характеризуется именами націонализма и казенной народности. И дѣйствительно, въ ту эпоху довольно опредѣленно выяснились только два направленія нашей политической мысли: западничество и теорія казенной народности; что же касается славянофильства, какъ стройной философско-политической системы, то оно совсѣмъ еще не сложилось, хотя отдѣльные его элементы можно указывать и у Карамзина, и у Шишкова, и у явившихся позже декабристовъ.

Правительство, къ которому обращались въ спорѣ о народности обѣ партіи, до 1812 года было настроено въ либеральномъ духѣ, предоставляло литературѣ самой разбираться въ волновавшихъ ее спорахъ, придерживалось по отношенію къ ней политики невмѣшательства, тѣмъ болѣе, что крайняя умѣренность тогдашней литературы и не могла требовать такого вмѣшательства, хотя во временамъ въ дѣйствіяхъ правительства проглядываетъ нѣкоторая непослѣдовательность. Такая непослѣдовательность обнаружилась по отношенію къ упомянутой книгѣ Пнина, которая вскорѣ послѣ напечатанія подверглась запрещенію, а также въ отношеніи къ мистицизму, усилившемуся въ первые годы царствованія Александра. Дать общее опредѣленіе этого мистическаго движенія крайне трудно, въ немъ съ самаго начала замѣчалось очень много отгнѣнковъ, но въ большинствѣ писаній нашихъ мистиковъ сущность ихъ проповѣди сводилась къ борьбѣ противъ «лжеименнаго разума», то-есть противъ

просвѣтительной философіи XVIII вѣка, такъ что въ этомъ отношеніи мистики близко сходились съ представителями тогдашнихъ теорій народности. Но правительство смѣшивало мистиковъ съ опасными революціонерами, иллюминатами, и съ 1806 г. начинаетъ запрещать мистическія сочиненія; очень можетъ быть, что, преслѣдуя мистицизмъ, правительство желало оказать поддержку либерализму, хотя не совсѣмъ либеральными мѣрами. Какъ бы то ни было, правительство все же оставляетъ литературѣ нѣкоторую свободу, и такъ идетъ дѣло до 1812 года, когда во всей внутренней политикѣ замѣчается рѣзкій поворотъ къ другимъ началамъ.

Но прежде, чѣмъ перейти къ этому новому фазису исторіи литературы Александровской эпохи, надо сказать нѣсколько словъ о положеніи чисто-художественной литературы въ разсмотрѣнный періодъ. Въ этой области особенно яркаго оживленія покуда не видно, такъ какъ дѣйствуютъ преимущественно представители старыхъ литературныхъ направленій: допѣваетъ свои пѣсни маститый Державинъ, около котораго группируются продолжатели псевдоклассицизма; Крыловъ находитъ новую форму выраженія своихъ взглядовъ, форма, которая его обезсмертила, но въ сущности онъ повторяетъ то же, что говорилъ еще въ своихъ сатирическихъ произведеніяхъ болѣе ранней поры, являясь представителемъ непосредственно-народнаго направленія; Карамзинъ отдается публицистикѣ и исторіи, а его послѣдователи доводятъ нашъ сентиментализмъ до полного вырожденія, такъ что на смѣну ему должно выступить новое литературное теченіе. Такимъ новымъ теченіемъ оказывается романтизмъ Жуковского, представляющійся въ началѣ такимъ же блѣднымъ подражаніемъ западному образцу, какимъ были другія болѣе раннія заимствованія, и въ первое время отличающійся отъ сентиментализма только обстановочной стороною своихъ произведеній, а по идеямъ очень къ нему близкій. Нельзя не упомянуть, что въ эту же пору начинается дѣятельность Батюшкова, которая оказала такое благотворное вліяніе на развитіе творчества Пушкина, и теперь же появляются первые наши реалисты въ лицѣ Беницкаго и Нарѣжнаго. Въ дѣятельности всѣхъ этихъ писателей опять таки видно сильное западное вліяніе съ тою же характерною чертой ослабленія оригиналовъ.

Отечественная война и послѣдовавшій за нею заграничный походъ, содѣйствуя сильнѣйшему подъему патріотическаго чувства, имѣли помимо того огромное вліяніе и на императора Александра и на русское общество, вызвавъ въ первомъ поворотъ къ новымъ убѣжденіямъ и расширивъ и укрѣпивъ во второмъ пониманіе тѣхъ идей, которыя высказывались правительствомъ въ началѣ царствованія. Вотъ какъ говоритъ объ измѣненіи общественнаго настроенія Фонвизинъ въ своихъ «Запискахъ»: «Въ походахъ въ Германію и Францію наши молодые люди ознакомились съ европейскою

цивилизацией, которая произвела на нихъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что они могли сравнивать все, видѣнное ими за границею, съ тѣмъ, что имъ на всякомъ шагу представлялось на родинѣ: рабство огромнаго большинства русскихъ, жестокое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія власти, повсюду царствующій произволъ—все это возмущало и приводило въ негодованіе образованныхъ русскихъ и ихъ патріотическое чувство». По свидѣтельству современниковъ, въ быту гвардейскихъ офицеровъ произошла коренная перемена: прежняя веселая, разсѣянная жизнь, проходившая въ кутежахъ, картежной игрѣ и свѣтскихъ удовольствіяхъ, не могла удовлетворять этихъ молодыхъ людей, у которыхъ явились болѣе серьезные запросы, пробудилось стремленіе къ знанію, интересъ къ общественнымъ дѣламъ. Такъ какъ большинство этой молодежи состояло изъ военныхъ, то новое ея направленіе прежде всего должно было отразиться въ сферѣ служебной, въ отношеніяхъ дисциплинарныхъ, которыя стали гораздо мягче, такъ что во многихъ полкахъ совсѣмъ оставлены были суровыя тѣлесныя наказанія, бывшія до того въ большемъ ходу. Но одной военной сферой вліяніе новыхъ идей не могло ограничиться, выдвинулся опять впередъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ, и теперь этотъ вопросъ получаетъ самое правильное разрѣшеніе въ смыслѣ признанія необходимости освободить крестьянъ съ землей. Устройство суда, упорядоченіе администраціи, широкое распространеніе просвѣщенія въ народѣ—таковы идеальные запросы, волновавшіе молодежь во второй половинѣ царствованія Александра. Очень часто въ этихъ мечтаніяхъ проявлялось кое-что незрѣлое, непродуманное, часто эти толки уподоблялись тому шуму, которымъ отличался кружокъ Репетилова, часто слово не соответствовало дѣлу, такъ что могло вызвать колкую эпиграмму поэта:

Поглядишь, нашъ Мирабо
Бѣднаго Гаврилу
За измятое жабо
Хлещеть въ усъ да въ рыло.

Всѣ такіе укоры вполне возможно дѣлать тогдашнему общественному движенію, но не надо забывать, что рядомъ съ извращеніями, рядомъ съ фразерствомъ однихъ, у другихъ проявлялись самыя серьезныя стремленія улучшенія общественнаго быта, рядомъ съ говоруномъ Репетиловымъ стоялъ искренній, убѣжденный идеалистъ Чацкій.

Параллельно съ этимъ возбужденіемъ общественнаго сознанія растетъ и литературное движеніе и принимаетъ новыя формы. Тотъ романтизмъ, который, будучи заимствованъ у второстепенныхъ нѣмецкихъ писателей, являлся прежде у Жуковскаго въ формѣ довольно безсодержательной мечтательности, теперь, подъ вліяніемъ французскихъ романтиковъ и Байрона, значительно осложняется въ

своимъ содержаніемъ, вносить въ нашу литературу элементъ протеста противъ несовершенствъ окружающей жизни, сближаетъ литературу съ общественными запросами, такъ что она получаетъ уже значеніе выразительницы идейной жизни и перестаетъ играть роль стилистическаго упражненія въ разныхъ родахъ поэзіи и прозы. Такой новый характеръ литературы находитъ себѣ удовлетворительное объясненіе въ томъ обстоятельстве, что небольшой тогда кружокъ литераторовъ былъ въ тѣсной связи съ представителями разныхъ партій, увлеченныхъ вопросами общественными. Очень легко указывать не серьезную сторону въ занятіяхъ «Арзамаса», упрекать его членовъ въ отсутствіи интереса къ общественнымъ дѣламъ, но не слѣдуетъ забывать, что одинъ изъ самыхъ легкомысленныхъ членовъ этого общества, Пушкинъ, былъ въ тѣсныхъ дружескихъ связяхъ со многими изъ декабристовъ и въ этомъ періодѣ своей поэтической дѣятельности не разъ отзывался на «вольнолюбивыя мечты» тогдашняго образованнаго общества. Такъ въ извѣстномъ стихотвореніи «Деревня», за которое между прочимъ приказалъ его благодарить императоръ Александръ, Пушкинъ энергично возстаетъ противъ крѣпостнаго права:

Увижу-ль я, друзья, народъ не угнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?

Въ посланіи къ Чаадаеву поэтъ говоритъ о тѣхъ общественныхъ стремленіяхъ, которыя одушевляли его такъ же, какъ и Чаадаева и многихъ другихъ современниковъ:

Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души высокіе порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья.
Россия вспрянетъ ото сна.

Другой арзамасецъ, кн. Вяземскій, пишетъ энергичное стихотвореніе «Негодование», въ которомъ сочувственно отзывается на преобразовательныя стремленія лучшей части русскаго общества.

Но въ то время, какъ въ обществѣ и литературѣ происходило движеніе, напоминавшее своимъ характеромъ первые годы царствованія Александра, въ самомъ императорѣ совершался переломъ, крайне неблагоприятный всѣмъ этимъ мечтамъ, происходила съ временными отклоненіями въ сторону реакціи, сѣмена которой были посеяны еще до 1812 года. Правда, и послѣ Отечественной войны время отъ времени, императоръ возвращается къ прежнимъ своимъ либеральнымъ идеямъ. Въ 1818 году, при открытіи варшавскаго сейма, Александръ произнесъ рѣчь, которая, по словамъ Карамзина,

«сильно отозвалась въ молодыхъ сердцахъ» въ Россіи, такъ что многіе «спятъ и видятъ конституцію». Между прочимъ императоръ сказалъ членамъ сейма: «Образованіе, существовавшее въ вашемъ краѣ, дозволяло мнѣ немедленно ввести то, которое я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законно-свободныхъ учреждений, бывшихъ непрестанно предметомъ моихъ помышленій и которыхъ спасительное вліяніе, надѣюсь я, при помощи Божіей, распространить и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя. Такимъ образомъ вы мнѣ подали средство явить моему отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему приуготовляю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнуть надлежащей зрѣлости». Въ это же время, по порученію императора, Новосильцовымъ составлялся проектъ этихъ законно-свободныхъ учреждений и для Россіи...

Но рядомъ съ подобными спорадическими проявленіями прежнихъ либеральныхъ идей, въ Александрѣ по отношенію къ внутренней политикѣ все ярче и ярче выражалось то направленіе, которое въ немъ выработалось подъ вліяніемъ западныхъ реакціонеровъ и мистиковъ. Никогда не отличавшійся опредѣленностью своихъ религіозныхъ убѣжденій, склонявшійся раньше къ деизму французскихъ мыслителей, а впослѣдствіи выработавшій себѣ туманный идеалъ христіанства, который не соотвѣтствовалъ ни одному изъ дѣйствительныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, Александръ очень легко подпалъ вліянію г-жи Крюднеръ, этой Магдалины, которая экзальтированно посвятила его въ тайны протестантскаго мистицизма. Еще въ первые годы царствованія Александръ отчасти сочувствовалъ разнымъ нашимъ мистикамъ, теперь же, подъ вліяніемъ баронессы Крюднеръ и разныхъ заѣзжихъ методистовъ и квакеровъ, пораженный величіемъ той исторической миссіи, которая выпала на его долю, онъ далъ полный просторъ въ своемъ царствѣ всѣмъ возможнымъ мистическимъ ученіямъ. Но мистицизмъ былъ воинствующимъ ученіемъ и, пользуясь покровительствомъ Александра и министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына, вступилъ въ борьбу со всякимъ свободнымъ проявленіемъ мысли, скольконибудь несогласной съ его основными положеніями. Та протестантская окраска, которою отличался этотъ новѣйшій мистицизмъ, возбудила противъ себя, наконецъ, сильнѣйшія возраженія со стороны православной церкви, но пока не выступилъ со своими обличеніями архимандритъ Фотій, мистицизмъ продолжалъ господствовать. Фотій побѣдилъ, князь Голицынъ долженъ былъ уйти, но отъ этого мысль нисколько не вытрала, такъ какъ на мѣсто мистическаго изувѣрства явилось изувѣрство византійское, нисколько не соотвѣтствующее идеалу истиннаго православія, которое, по выраженію Хомякова, предполагаетъ «свободу мнѣнія и сомнѣнія».

Этотъ гнетъ въ области совѣсти, въ области религіозной, вполне

соотвѣтствовали реакціонному направленію въ дѣлахъ свѣтскихъ, распоряженіе которыми цѣликомъ было передано въ руки гр. Аракчеева, этого «проклятаго змѣя», какъ его называли въ своихъ письмахъ Закревскій, Киселевъ и кн. П. М. Волконскій. Аракчеевъ, Фотій, Голицынъ, Шишковъ—всѣ одинаково должны были бороться съ проявленіями свободной общественной мысли, такъ какъ въ нихъ видѣлось правительству отраженіе западныхъ революціонныхъ идей, пропагандировавшихся обществами иллюминатовъ, карбонаріевъ и т. п.

Мрачную и тяжелую картину представляетъ собой Александровское царствованіе во вторую свою половину по отношенію къ общественному сознанію и просвѣщенію, но новое развитіе литературы оказывалось прочнымъ, его ничѣмъ нельзя было уничтожить. Нѣсколько разногласное тріо Аракчеева, Фотія и кн. Голицына становится мишенью цѣлаго ряда мѣткихъ и злыхъ эпиграммъ Пушкина, противъ Аракчеева направляется напечатанное въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 года стихотвореніе Рылѣва: «Къ временщику», въ которомъ поэтъ говоритъ между прочимъ:

Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
 Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
 Неистовый тиранъ родной страны своей,
 Взнесенный въ важный санъ проництвами злодѣй!
 Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь
 И въ гордомъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь!
 Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
 Изъ устъ твоихъ хула—достойныхъ хвалъ вѣнецъ!

Прочитавъ это рѣзкое обличеніе, общество содрогнулось, страшась за судьбу благороднаго смѣльчака, но временщикъ смолчалъ, не пожелавъ узнать себя въ этомъ изображеніи.

Но самое всестороннее, яркое и неотразимое обличеніе всего этого мрака и застоя уже было подготовлено, хотя не могло теперь еще выйти въ свѣтъ. Въ это время уже написана знаменитая комедія Грибоѣдова, эта «вѣчно юная красавица» ¹⁾, въ которой передъ нами выступаетъ восторженный борецъ-идеалистъ Чацкій (единственный идеальный типъ, выработанный нашей литературой XIX вѣка, по замѣчанію Гончарова) и громить общество Фамусовыхъ, Молчалиныхъ, Скалозубовъ, и въ этой средѣ просвѣщеніе подвергается такому же гоненію, какому оно подвергалось со стороны Магницкихъ, Фотиевъ и Аракчеевыхъ, дѣйствія и заявленія которыхъ прекрасно изображаются въ приговорѣ Фамусовскаго общества:

Ученость — вотъ чума!

и въ намѣреніи Скалозуба дать Репетилловскому кружку фельдфебеля въ Вольтеры. Въ комедіи этой несомнѣнно отразились многія западно-

¹⁾ Выраженіе, принадлежащее профессору Московскаго университета Алексію Н. Веселовскому.

европейскія вліянія, но также несомнѣнно, что она произведеніе вполне народное, такъ какъ ярко и полно выражаетъ жизненныя русскія потребности, что Чацкій, будучи вполне просвѣщеннымъ европейцемъ, въ то же время горячо любитъ свою родину и желаетъ ей блага, а поэтому, заканчивая настоящій очеркъ, я позволю себѣ повторить въ нѣсколько расширенномъ видѣ положеніе, примѣненное академикомъ А. Н. Веселовскимъ къ народному эпосу, и измѣню его такимъ образомъ: «народная литература всякаго историческаго народа есть по необходимости международная», то-есть народная литература обречена на смерть, если она отдѣляется китайской стѣной отъ вліянія другихъ литературъ, и только воспринявъ вполне это чужое вліяніе и претворивъ его въ своемъ духѣ, она можетъ предъявлять притязаніе на вліяніе на другія литературы, на равноправность въ общечеловѣческомъ обмѣнѣ идей, на внесеніе собственнаго вклада въ сокровищницу міровой цивилизаціи.

А. Бороздинъ.

М. И. СЕМЕВСКІЙ ВЪ ЕГО ВОСПОМИНАНІЯХЪ.

ЧЕТЫРЕ ГОДА ТОМУ НАЗАДЪ, 9 марта 1892 г., скончался редакторъ-издатель журнала «Русская Старина», Михаилъ Ивановичъ Семевскій. Заслуги, оказанныя имъ русской исторической наукѣ, которой онъ посвящалъ, въ теченіе 36 лѣтъ, всѣ свои силы и энергію, такъ еще свѣжи и настолько извѣстны, что мы не считаемъ нужнымъ распространяться о нихъ; 267 книжекъ «Русской Старины», изданныхъ Семевскимъ и заключающихъ въ себѣ неисчерпаемую массу драгоценнѣйшихъ матеріаловъ для отечественной исторіи, навсегда сохраняютъ добрую и благодарную память о немъ среди всѣхъ, кто интересуется судьбами своей отчизны. Теперь вдова Семевского, Елисавета Михайловна, издала біографію своего покойнаго мужа, составленную В. В. Тимошукъ¹⁾, преимущественно на основаніи его собственныхъ замѣтокъ и писемъ, среди которыхъ разсыпано много любопытныхъ данныхъ для характеристики какъ самого Семевского, такъ и нѣкоторыхъ дѣятелей недавняго времени.

Жизнь Семевского не богата событіями. Онъ родился 4 января 1837 г. въ имѣніи своего отца, сельцѣ Оedorцовѣ, Псковской губ., Великолуцкаго уѣзда, и провелъ дѣтство, до поступленія въ 1847 г. въ Полоцкій кадетскій корпусъ, частью въ родительскомъ домѣ,

¹⁾ Михаилъ Ивановичъ Семевскій, основатель историческаго журнала «Русская Старина». Его жизнь и дѣятельность 1837—1892 г. Съ приложеніемъ двухъ портретовъ М. И. Семевского и факсимиле его письма. Біографическій очеркъ, составленный Вѣрой Васильевной Тимошукъ, съ предисловіемъ и подъ редакціей Н. К. Шильдера. Изданіе Е. М. Семевской. Спб. 1896.

частью у своего дяди Богущкаго. Четыре года пребыванія въ домѣ послѣдняго наложили тяжелую печать на характеръ Семевского, сдѣлавъ его замкнутымъ, недовѣрчивымъ. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу своему воспитателю и другу Малевичу, говоря о своей первой поѣздкѣ къ отцу послѣ производства въ офицеры: «повѣрите ли, мой добрый другъ, если я вамъ скажу, что я неохотно поѣхалъ въ отпускъ; стыдно, но долженъ сознаться, что съ неудовольствіемъ оставилъ Москву и на двѣ недѣли разстался со своими занятіями. Но вы повѣрите этому странному признанію, если вспомните, что сердце мое было холоднѣе и умъ эгоистичнѣе, нежели у всѣхъ братьевъ моихъ; дисциплина и четырехъ-годичное суровое обращеніе со мной дяди А. М. Б—го, съ 1841—1845 года, вырвало изъ моего сердца много добрыхъ, нѣжныхъ чувствъ».

По окончаніи Полоцкаго корпуса, Семевскій перешелъ въ Дворянскій полкъ, откуда былъ выпущенъ въ 1855 году прапорщикомъ въ л.-гв. Павловскій полкъ. Съ этого времени онъ сталъ завязывать связи въ литературномъ мірѣ, заниматься пополненіемъ своего образованія, посѣщая лекціи Московскаго университета, когда попалъ на время въ Москву вмѣстѣ съ Павловскимъ полкомъ, и изучать русскую литературу и исторію. Слѣдствіемъ этихъ занятій явился въ 1856 году его первый литературный трудъ—ислѣдованіе о предкахъ автора «Горѣ отъ ума» А. С. Грибоѣдова. Постепенно призваніе къ литературно-научной дѣятельности настолько окрѣпло и развилось въ Семевскомъ, что служба въ полку явилась помѣхой для его дальнѣйшихъ занятій интересовавшими его предметами, и, оставивъ въ 1857 году полкъ, онъ поступилъ репетиторомъ въ Первый кадетскій корпусъ. Неудачный экзаменъ на званіе учителя русскаго языка предрѣшилъ его выходъ въ 1860 году изъ Перваго корпуса, но не прервалъ еще окончательно его педагогической дѣятельности: онъ продолжалъ давать уроки въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ частныхъ домахъ. Къ 1860—1863 гг. относится развитіе литературной дѣятельности Семевского, и его историческія монографіи, составленныя, большею частью, на основаніи новыхъ архивныхъ матеріаловъ, не только съ интересомъ читались публикою, но на ихъ долю, вмѣстѣ съ произведеніями другихъ талантливыхъ писателей того времени, выпала завидная участь отвлечь русское общество отъ чтенія, въ большинствѣ, вздорныхъ историческихкихъ романовъ и пробудить въ немъ потребность и стремленіе къ болѣе серьезному знакомству съ отечественной исторіей. Въ 1864 году Семевскій поступилъ на службу въ государственную канцелярію, что, однако, не помѣшало ему основать въ 1870 году свой журналъ и руководить имъ, несмотря на свои служебныя занятія. Въ 1882 году Семевскій вышелъ въ отставку въ чинѣ тайнаго совѣтника и уже всецѣло отдался своей «Русской Старинѣ» и общественной дѣятельности въ качествѣ гласнаго думы, а одно время това-

рища с.-петербургскаго городского головы. Какъ гласный, Семевскій не только принималъ самое дѣятельное участіе въ развитіи и упроченіи въ Петербургѣ первоначальнаго народнаго образованія, но неоднократно выступалъ и съ собственными проектами и предложеніями по разнымъ отраслямъ городского хозяйства, къ которымъ слѣдуетъ отнести его мысль объ учрежденіи въ Петербургѣ городского ломбарда. Характерная особенность думской дѣятельности Семевского отгнѣна въ предисловіи къ его біографіи, написанномъ Н. К. Шильдеромъ: «Безспорно, онъ оказалъ городу и его населенію не мало полезныхъ услугъ, въ особенности, въ области народнаго образованія, но главное значеніе, главный смыслъ его думской дѣятельности заключаются, по нашему мнѣнію, не въ его трудахъ, какъ члена училищной и ревизіонной комиссій, товарища городского головы, не въ его участіи въ разработкѣ различныхъ мѣропріятій и вопросовъ, а въ томъ, что въ думѣ онъ являлся представителемъ духовныхъ интересовъ и потребностей города, принявъ на себя нелегкую и часто неблагодарную задачу выяснить его выборнымъ, что, по слову великой евангельской истины, «не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ человѣкъ», нужно заботиться не объ однѣхъ его матеріальныхъ нуждахъ. При каждомъ удобномъ случаѣ Михаилъ Ивановичъ пользовался своимъ правомъ голоса, чтобы обращать вниманіе думы на то или другое событіе, имѣвшее связь съ духовной жизнью человѣка, и тѣмъ приучать наше общество сознавать и цѣнить заслуги въ этой сферѣ дѣятельности. По мнѣнію Михаила Ивановича, первый признакъ культурности народа — это умѣніе отличать и чествовать своихъ выдающихся людей, и онъ старался насадить это умѣніе среди русскаго общества, которое, увы, слишкомъ часто подвергается упрекамъ за то, что такъ быстро забываетъ тѣхъ, кого еще вчера оно превозносило до небесъ».

Личность покойнаго М. И. Семевского, оцѣнка его дѣятельности, его взгляды на изученіе исторіи очень вѣрно обрисованы въ предисловіи Н. К. Шильдеромъ.

Что касается біографіи Семевского, составленной г-жей Тимошукъ, то самыми интересными мѣстами являются приведенныя въ ней многочисленныя выписки изъ писемъ и автобіографическихъ замѣтокъ М. И. Семевского. Покойный основатель-редакторъ «Русской Старины», при своей разнообразной дѣятельности, сталкивался съ обширнымъ кругомъ лицъ, а потому его воспоминанія представляютъ безспорно интересъ. Къ сожалѣнію, всѣ набросанныя имъ замѣтки о своемъ прошломъ не были приведены имъ въ порядокъ и обработаны; къ тому же, всѣ воспоминанія его касаются столь близкаго къ намъ времени, затрогивая очень многихъ изъ современныхъ намъ дѣятелей, что, конечно, не скоро представится возможность увидѣть ихъ въ печати полностью. Орывки изъ автобіографическихъ замѣтокъ Семевского, напечатанныя теперь въ

его біографіи, обрисовываютъ его, какъ человѣка въ высшей степени наблюдательнаго, умѣвшаго спрашивать и слушать, знавшаго, на что слѣдуетъ обратить вниманіе, что стоитъ быть записаннымъ. О несомнѣнномъ интересѣ этихъ записокъ читатель можетъ судить по выдержкамъ, которыя мы позволимъ себѣ привести изъ той части ихъ, которая напечатана въ его біографіи.

Изъ воспоминаній Семевского о пребываніи въ кадетскомъ корпусѣ характеренъ его отзывъ о лицахъ, которымъ ввѣрялось въ то время воспитаніе юношества.

«Я поступилъ въ военно-учебное заведеніе,—говоритъ онъ въ своихъ памятныхъ замѣткахъ,—въ такое время, когда въ корпусахъ царила суровая, болѣе сказать, жестокая и зачастую лишенная всякаго смысла муштровка. Происходило это, впрочемъ; не столько отъ указаній, шедшихъ изъ Петербурга, сколько отъ крайне неумѣлаго выбора дежурныхъ офицеровъ и ротныхъ командировъ, которымъ ввѣрялась не одна военная выправка своихъ питомцевъ, но и руководство нравственнаго развитія и воспитанія юношей.

«Громадное большинство этихъ псевдо-воспитателей было изъ глубокой арміи, люди безъ малѣйшаго образованія, нерѣдко полуграмотные, и изъ нихъ выдѣлялись и имѣли нѣкоторое благотворное вліяніе лишь тѣ, которыхъ Господь надѣлилъ отъ природы добрымъ сердцемъ. Но была и хорошая сторона въ суровой кадетской школѣ, мною и моими сверстниками пройденной: молодые люди закалялись въ исполнительности, въ исправности при исполненіи отъ нихъ требуемаго, являлось содружество и товарищество однокашниковъ, нерѣдко сохранявшееся многіе годы и по оставленіи учебнаго заведенія».

Дворянскій полкъ, куда Семевскій поступилъ по окончаніи корпуса, представлялъ уже рѣзкую противоположность съ послѣднимъ.

«Товарищеская жизнь въ Дворянскомъ полку и въ смѣнившемъ его Константиновскомъ кадетскомъ корпусѣ была несравненно лучше, нежели въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ: о кулачномъ правѣ здѣсь не было и помину, воспитанникамъ всѣ говорили «вы», тѣлесныя наказанія уже не существовали; выборъ дежурныхъ офицеровъ былъ значительно лучше, нежели въ провинціальномъ корпусѣ, а учителя и наставники и по своимъ познаніямъ и по педагогическимъ приемамъ были неизмѣримо выше полоцкихъ педагоговъ». «Вообще въ Дворянскомъ полку кадетамъ жилось несравненно пріятнѣе, нежели въ Полоцкѣ; съ ними обходились лучше, лучше кормили ихъ, все было чище, аккуратнѣе, и, несмотря на царствовавшую еще въ корпусахъ строгую дисциплину, въ воспитательномъ дѣлѣ уже начало чувствоваться то гуманное вѣяніе, которое послѣ Севастопольскаго погрома выразилось въ рѣшительномъ переломѣ ко всему лучшему».

Семевскій еще на школьной скамьѣ обратилъ на себя вниманіе бывшаго тогда начальникомъ военно-учебныхъ заведеній Я. И. Ро-

стовцева, не разъ оказывавшаго ему впослѣдствіи свое покровительство. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ онъ впервые увидѣлъ Ростовцева.

Ростовцевъ долженъ былъ пріѣхать въ Полоцкъ въ 1852 году, чтобы произвести смотръ кадетскому корпусу. Его пріѣзда ожидали, конечно, съ трепетомъ.

«1-е іюля срокъ, назначенный для пріѣзда генерала, минулъ, — сообщалъ Михайлъ Пвановичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ отцу, — и Ростовцева уже бросили ожидать послѣ многихъ ошибочныхъ и забавныхъ встрѣчъ. Такъ, напримѣръ, Матусевичъ, прапорщикъ Витебскаго гарнизона, выпущенный изъ нашего корпуса, вздумалъ къ своимъ братьямъ пріѣхать въ лагерь въ каретѣ шестерней на почтовыхъ; но лишь только онъ показался въ виду лагеря, весь лагерь съ крикомъ выбѣжалъ на встрѣчу. Иванъ Яковлевичъ одѣлся въ мундиръ, Петръ Григорьевичъ Хаменко (корпусные офицеры) бросился бриться, отъ поспѣшности обрѣзалъ носъ, а между тѣмъ вообразите положеніе несчастнаго прапорщика, надѣлавшаго такую кутерьму своею каретою.

«Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ ложныхъ тревогъ, Ростовцева совсѣмъ перестали ожидать, какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день, 7-го іюля, въ 4 часа пополудни, прискакалъ изъ города гонецъ съ извѣстіемъ, что «его превосходительство, начальникъ штаба, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, пріѣхалъ». Вслѣдъ за нимъ прискакалъ другой, съ объявленіемъ, что въ 7 часовъ будетъ смотръ. Иванъ Яковлевичъ совершенно смѣшался; въ лагерь началась ужасная суматоха, которую и вообразить себѣ трудно; все чистилось, мылось, одѣвалось, и къ 7 часамъ насилу были готовы, а между тѣмъ только въ половинѣ седьмого пришли усталые, измученные кадеты 4-го класса 2-го отдѣленія со съемки изъ Струни. Иванъ Яковлевичъ не успѣлъ еще выстроить батальонъ, какъ пріѣхалъ Ростовцевъ и съ перваго слова началъ такъ:

— «Любезный Забусовъ, да батальонъ-то твой и стать ровно не умѣетъ!

«Любезный Забусовъ» не зналъ, куда дѣться, и чрезъ полчаса, несмотря на то, что кадеты дѣлали всѣ приемы очень порядочно, Ростовцевъ, уже пріѣхавшій сердитымъ, еще болѣе разсердился и нѣсколько разъ обращался къ Забусову съ подобными словами: «да ты не умѣешь совсѣмъ учить, любезный Забусовъ, да ты здѣсь не годишься, я тебя въ армію сошлю!» и, наконецъ, прогналъ батальонъ, сказавъ: «это не что иное, какъ стадо свиней!»

«Но къ вечеру Ростовцевъ смиростивился и во время ужина, развеселившись, вызвалъ отъѣзжающихъ кадетъ въ Петербургъ, выстроилъ ихъ въ шеренгу и, разговаривая съ нѣкоторыми изъ нихъ, остановился передъ Семевскимъ, сказавъ: «здѣсь, кажется, уже было два Семевскихъ, оба гвардейца, ты долженъ тоже выйти въ гвардію».

Въ Семевскомъ скрывался талантливый актеръ-любитель, игра котораго удостоилась даже милостиваго одобренія императора Александра II, и даровитый чтець драматическихъ произведеній. Въ бытность свою репетиторомъ перваго кадетскаго корпуса, онъ устроилъ въ корпусѣ спектакль, на которомъ кадетами была разыграна «Женитьба» Гоголя. По словамъ самого Семевского, поставленная имъ пьеса «сошла, безъ преувеличенія сказать, великолѣпно!» На одномъ изъ представлений ея былъ и Ростовцевъ, и Семевскій приводитъ его отзывъ о сочиненіяхъ Гоголя.

«Надо замѣтить, что Ростовцевъ не любитъ сочиненій Гоголя, почему при началѣ пьесы сидѣлъ пасмурный; но мастерская игра кадетъ (особенно свахи), интересъ и комизмъ пьесы разогнали съ его лица морщины; онъ сталъ хохотать, и смѣхъ его постоянно сопровождался оглушительными рукоплесканіями. По окончаніи пьесы Ростовцевъ пришелъ за кулисы, взялъ меня подъ руку и, идя со мной по залѣ, сказалъ:

— «Видишь что, любезный Семевскій, пьеса разыграна превосходно. Твои кадетики — молодцы на славу, только позаботься, голубчикъ, чтобы нѣкоторыя выраженія, немного тривіальныя, были выпущены. А то завтра будетъ на спектаклѣ государь съ сыновьями, такъ чтобы великіе князья не передали матери о томъ, что они слышали здѣсь нехорошія слова. При всѣхъ достоинствахъ произведеній Гоголя, у него всегда есть слабость напичкать лексиконъ скандальныхъ словъ; пожалуйста, исправь это... Но играютъ очень, очень хорошо. Государь, вѣрно, останется доволенъ».

Устроенный Семевскимъ спектакль чуть не послужилъ для него источникомъ крупныхъ неприятностей. По поводу этого спектакля въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» появилась замѣтка, подписанная «В. К.—нъ», возбудившая сильное неудовольствіе военно-учебнаго начальства. Директоръ корпуса, генераль Лихонинъ, заподозрѣлъ, что она написана Семевскимъ, и послѣднему съ трудомъ удалось разубѣдить его въ этомъ. Характерно, какъ Лихонинъ выразилъ ему свое подозрѣніе.

— «Любезный Семевскій,—началь директоръ, видимо затрудняясь распекалъ за идеи, за литературное дѣло,—вы слышали, что напечатана статья въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ?»

Семевскій отвѣчалъ утвердительно.

— «Вамъ извѣстно, что ею крайне недоволенъ Ростовцевъ, что онъ три дня распекалъ полковника Вирюлева, пропустившаго эту статью, что, наконецъ, слухъ носится, что авторъ статьи—вы? Не спѣшите отвѣчать. Я скажу вамъ, любезный Семевскій, какъ сказалъ бы сыну своему: берегите себя. Въ васъ виденъ талантъ, видна предприимчивость, пылкость. Будьте осторожныѣ. Не увлекайтесь каждою либеральною идеею. Онѣ, т. е. идеи, бывають обыкновенно подкрашены съ одной стороны и увлекають неопытныхъ

людей блестящею стороною, не обнаруживая темной. Я слышалъ, что вы имѣете большое знакомство въ кругу молодыхъ литераторовъ; естественно, что въ кругу ихъ вы привыкаете разсуждать обо многомъ, о чемъ слѣдуетъ молчать. Я самъ, мой другъ, бывалъ въ молодости въ кругу умныхъ людей, но я молчалъ постоянно; я пропитывался ихъ идеями, и онѣ меня создали такимъ, какимъ нынѣ меня видите. Я, не думайте иное, самъ человекъ прогресса, не люблю застоя, но для меня нужно, чтобы идея была разобрана со всѣхъ сторонъ: тогда я ее усвою. Такъ, напримѣръ, толкуютъ вездѣ, вездѣ пишутъ и говорятъ, что земля должна быть крестьянская. Какая ложь?.. А вѣдь все это либеральныя идеи! И послѣ этого писать статью въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ?»—Нѣтъ, стойте, скажу вамъ безъ обиняковъ, что я слышалъ, что вы принадлежите къ партіи славянофиловъ, слѣдовательно, вы возстааете противъ стараго порядка. Видите, я все знаю, что касается до моихъ подчиненныхъ, и такъ какъ вы человекъ, подающій надежды, то почелъ долгомъ васъ предостеречь»...

Изъ воспоминаній Семевского, относящихся ко времени его пребыванія въ Павловскомъ полку, интересны слѣдующія строки о перемѣнѣ, которую онъ нашелъ въ полку, по возвращеніи изъ четырехмѣсячнаго отпуска въ ноябрѣ 1856 года.

«Павловскій полкъ я не узналъ. Но къ лучшему или къ худшему измѣнился онъ—это вы увидите. Во главѣ полка вмѣсто прежняго деспотически грубаго, наглаго командира стоялъ Паткуль, генераль-адъютантъ, l'ami de l'Empereur, свѣтскій, вертлявый, съ французскою рѣчью и красивою наружностью. При немъ уже не ругали солдатъ по..., не полосовали спины измученныхъ гренадеръ шомполами, офицеры старались быть утонченнѣе, вѣжливѣе. Эта реформа ослѣпила меня. Но, къ сожалѣнію, подъ блестящей оболочкой скрывался тотъ же мелкій, бездушный развратъ, та же пустота жизни, тѣ же интрижки изъ-за самыхъ ничтожныхъ интересовъ... Болѣе и болѣе недовольный и полковою жизнью, и полковыми товарищами, мастерами маршировать, посѣщать биллиардныя, расчесывать проборы, примазывать усы, вывертывать ногами въ танцахъ, тяготясь и безсмысленною полковою службою, я старался развлечься занятіями... Самъ Паткуль, при своемъ лоскѣ свѣтскости, при своемъ мягкомъ, добромъ характерѣ—человекъ, въ жизнь свою ничего не прочитавшій, въ жизнь свою ни о чемъ не подумавшій серьезно!»

Въ автобіографическихъ замѣткахъ Семевского разсказано, какъ духъ новаго времени отразился на доступности архивовъ для изслѣдователей родной исторіи.

«Въ прежнее время, въ царствованіе Николая Павловича, наши архивы были или склады полусгнившаго бумажнаго хлама, или хо-рошо устроенныя кладовыя, куда не проникалъ ни одинъ нескром-

ный взоръ. Очень рѣдко, совершенно случайно, выходили изъ этихъ кладовыхъ въ крайне скромныхъ размѣрахъ новыя свѣдѣнія, большею частью, по запросу самого августѣйшаго ихъ хозяина.

Михаиль Ивановичъ Семевскій.

Поинтересовался, на примѣръ, знать Николай Павловичъ о судьбѣ Артемія Волынскаго, о судьбѣ правительницы Анны Леопольдовны,—и вотъ чиновниками крайне секретно составлялись двѣ, три записки и оставались въ копіяхъ въ рукахъ весьма немногихъ

лицъ. Духъ новаго времени вскрыль затворы этихъ кладовыхъ. Подлежащія министерства, на просьбы мои о допущеніи въ тотъ или другой архивъ, конфузались отвѣчать отказомъ. Предо мною послѣдовательно открылись архивы Главнаго Штаба, Академіи Наукъ, Синода, куда я, впрочемъ, не имѣлъ досуга заглянуть, и въ особенности растворился мнѣ архивъ Государственный, т. е. архивъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, заключающій въ себѣ драгоцѣнные матеріалы о царствованіи Петра Великаго и о послѣдующихъ эпохахъ».

Особенно интересны воспоминанія Семевского объ А. Н. Островскомъ. По приѣздѣ въ Москву въ 1855 году онъ отправился къ профессору А. Д. Галахову, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо отъ Я. И. Ростовцева, и, какъ страстный поклонникъ произведеній Островскаго, жившаго, какъ извѣстно, въ Москвѣ, сталъ разспрашивать о немъ своего собесѣдника.

Галаховъ крайне несочувственно отнесся къ намѣренію Семевского познакомиться съ Островскимъ, высказавъ, что «Свои люди» Островскаго—произведеніе и талантливое и безукоризненное, но что самъ авторъ человѣкъ крайне странный, что весь московскій литературный міръ раздробился на кружки, и что самый темный изъ этихъ кружковъ—кружокъ Островскаго, отвергающій пользу изученія иностранныхъ языковъ, проповѣдующій о народности, объ исключительномъ посвященіи себя всему русскому, преклоняющійся передъ купеческимъ сословіемъ, которое одно еще заключаетъ въ себѣ мало тронутый русскій бытъ. При этомъ Галаховъ высказалъ, что все это хорошо, но давно перешло мѣру, и совѣтовалъ Семевскому не втягиваться въ этотъ кружокъ, а то онъ не принесетъ ему добра.

Слова Галахова не удержали Семевского отъ его намѣренія, и 26-го октября, вечеромъ, онъ отправился къ Островскому.

«Въ Срѣтенскомъ переулкѣ,—писалъ Семевскій,—у Николы Воробины (что за клички церковей въ матушкѣ Москвѣ попадаются—это удивительно), я набрелъ на собственный деревянный домикъ Островскаго. По темной и грязной деревянной лѣстницѣ я поднялся въ мезонинъ, гдѣ живетъ геніальный комикъ. Едва я отворилъ дверь, по обычаю московскому, не запертую, двѣ собаченки бросились мнѣ въ ноги. За собаченками явился мальчикъ съ замаранной мордочкой и съ пальцемъ во рту—знакъ, выразившій его изумленіе при взглядѣ на офицера, забредшаго въ такую пору; за мальчикомъ виднѣлся другой, за другимъ, съ вытаращенными глазами, смотрѣла на меня кормилица съ груднымъ младенцемъ. Признаюсь, при взглядѣ на этихъ ребяташекъ я, зная достовѣрно, что Островскій холостъ, невольно подумалъ о дворовой дѣвкѣ Ивана Ивановича, Гапкѣ, которая дарила холостому барину ежегодно по ребенку. Скинувъ съ себя шинель, что исполнить было некому, я

прошелъ влѣво черезъ комнату—старый лисій салопоъ просушился на парадномъ мѣстѣ, т. е. на столѣ, посреди комнаты. Наконецъ, я вошелъ въ третью маленькую комнатку, освѣщенную стеариновой свѣчкой: простой столъ, одна сторона котораго была завалена бумагами, и нѣсколько стульевъ составляли мебель ея; за столомъ сидѣла женщина съ работой, недурна собой, но, какъ видно, простого званія, и Александръ Николаевичъ Островскій; первая, заслыша чужой голосъ, улетѣла за перегородку (откуда, какъ и слѣдуетъ, выглядывала, хотя смотрѣть было не на что). Хозяинъ же, заслыша мой голосъ и шаги, всталъ и стоялъ въ недоумѣннѣи, скинуть ли ему халатъ или нѣтъ. Недоумѣннѣе его прекратилось, когда онъ увидѣлъ передъ собою мальчугана.

Бѣдность, проглядывавшая въ квартирѣ автора «Своихъ людей», не только не поразила Семевского неприятнымъ образомъ, но еще болѣе подняла Островскаго въ его мѣннѣи.

«Войдя въ комнату», — писалъ Семевскій, — я увидѣлъ передъ собой очень дороднаго человѣка, на видъ лѣтъ тридцатипяти, полное мѣсяцеобразное лицо, обрамленное мягкими русыми волосами, обстриженными въ кружокъ, порусски; мало замѣтная лысина виднѣется на маковкѣ; голубые глаза, кои немного щурятся при улыбка, даютъ необыкновенно добродушное выраженіе его лицу.

«Я имѣю честь видѣть передъ собою Александра Николаевича Островскаго?»—началъ я, раскланиваясь, какъ Чичиковъ, съ ловкостью почти военнаго человѣка.

«Утвердительный отвѣтъ и приглашеніе садиться я получилъ отъ моего идола. Compliments и рассказъ, въ коемъ заключалась моя маленькая литературная дѣятельность на школьной скамьѣ, объяснили Островскому, что я за птица, и изъ какихъ хоромовъ къ нему залетѣлъ. Островскій слушалъ меня со вниманіемъ, по всей вѣроятности, думая въ это время: «правда ли, впрямь, это?». Мальчуганъ въ гвардейскомъ мундирѣ—вывѣска пустоты... Все это не располагало въ мою пользу»...

Во второе посѣщеніе Семевскимъ Островскаго послѣдній былъ очень любезенъ и разговорчивъ. Интересны его отзывы о Тургеневѣ и Анненковѣ.

«Тургеневъ,—сказалъ Островскій,—человѣкъ хорошій и писатель съ большимъ талантомъ; мы съ нимъ сошлись весьма недавно... Да, талантъ у него большой, но онъ не можетъ вырваться изъ-подъ той коры, которая охватила его голову, набитую наиглупѣйшимъ свѣтскимъ воспитаніемъ. Онъ человѣкъ богатый и, вопреки своему ложному русско-французскому воспитанію, страстно любя отечественную литературу, сдѣлался туристомъ, ѣздитъ по Россіи и, такимъ образомъ, сдѣлался однимъ изъ тѣхъ писателей, кои, посмотрѣвъ сквозь стеклышко, въ какой понявѣ одѣта русская баба, записываютъ это въ свою памятную книгу»...

«Нынѣшній императоръ очень любитъ Тургенева, и въ одномъ изъ собраній, встрѣтя его, его величество ласково сказалъ:

— «Что вы пишете теперь?»

— «Ничего, ваше императорское величество,—отвѣчалъ смущенный неожиданною милостію Тургеневъ.

— «Пишите и пишите больше,—продолжалъ ласково императоръ, отходя отъ него.

«Да, теперь Тургеневъ, Анненковъ и Писемскій, живя всѣ трое въ Петербургѣ, составили кружокъ, къ которому ходятъ на поклонъ редакторы петербургскихъ журналовъ.

«Анненковъ,—продолжалъ Островскій,—человѣкъ съ талантомъ ниже второстепеннаго, человѣкъ, до сихъ поръ незамѣтный, но отъ одного прикосновенія къ гениальному писателю возвышается самая личность разбирателя; Анненковъ составилъ біографію Пушкина, составилъ добросовѣстно, безъ особыхъ претензій—и занялъ почетное мѣсто въ современной литературѣ».

Какъ-то Семеваскій сталъ просить Островаго подарить ему на память отрывокъ изъ черновой рукописи «Своихъ людей». Черновые наброски комедіи были спрятаны у Островаго въ боковомъ нижнемъ шкапикѣ конторки, стоявшей у него въ спальнѣ, такъ что для того, чтобы достать ихъ, нужно было отодвинуть ее отъ печки, мѣшавшей открыть шкапикъ. Островскій семь мѣсяцевъ собирался сдѣлать это, но, «одержимый русскою крыловскою лѣнью», не приводилъ своего намѣренія въ исполненіе, хотя хранившіяся тамъ бумаги и были нужны ему. Просьба Семеваго подвинула его на столь рѣшительный шагъ. Они вмѣстѣ отправились въ спальню, и Семеваскій сталъ помогать Островскому снимать съ конторки всѣ вещи, которыя могли разбиться при передвиженіи ея.

«Первое, что мнѣ попалось,—писалъ объ этомъ Семеваскій Благовѣстлову,—былъ большой бюстъ Гоголя, сдѣланный Рамазановымъ по маскѣ, снятой съ мертваго автора «Ревизора»; за Гоголемъ, въ настоящую величину человѣческой головы, снятъ былъ мною бюстъ А. Н. Островаго; взявъ его въ руки, я невольно вспомнилъ о разсказахъ на счетъ громаднаго самолюбія автора «Своихъ людей».

— «Что вы такъ пристально смотрите, неужели не узнаете? Это мой бюстъ: Рамазановъ его снялъ въ 1850 году; я былъ тогда гораздо тоньше... Да рубля за два или за три вы можете найти этотъ бюстъ въ редакціи «Москвитянина» и въ петербургскихъ лавкахъ,—сказалъ мнѣ Александръ Николаевичъ...

«Поднявъ кипу бумагъ и встряхнувъ ее такъ, что отъ облака пыли чихнулъ я, чихнулъ Александръ Николаевичъ и двое ребятисшекъ за перегородкой, Островскій началъ разбирать эту кипу.

— «Перваго и втораго дѣйствія «Своихъ людей» нѣтъ у меня, они у Погодина.

«Я пригорюнился.

— «Но позвольте, позвольте, вотъ сцены изъ второго дѣйствія,— продолжалъ Островскій, разбирая бумаги,— вотъ и третье дѣйствіе, все это писано моею рукою съ черновыхъ набросковъ, а вотъ и четвертое дѣйствіе въ первомъ видѣ, какъ оно вышло у меня— извольте получить»...

Легко представить себѣ, какой «неподдѣльный восторгъ» возбудилъ въ Семевскомъ этотъ подарокъ.

Послѣдующія встрѣчи Семевскаго съ Островскимъ относятся къ 1860 и 1879 годамъ. Первая изъ нихъ произошла въ квартирѣ Аполлона Григорьева, у котораго собрались въ тотъ вечеръ, кромѣ Островскаго и Семевскаго, В. и Н. Курочкины, Всеволодъ Крестовскій, В. И. Водозовъ, И. Ѳ. Горбуновъ и другіе. Самъ хозяинъ, по словамъ Семевскаго, былъ въ крайне возбужденномъ состояніи отъ неумѣреннаго питья. Островскій пріѣхалъ къ нему, чтобы прочесть ему свою «Воспитанницу».

«Я и всѣ присутствовавшіе такъ и впились въ чтеца, — говоритъ Семевскій.— Пьеса эта довольно извѣстна, она прямо выхвачена изъ крѣпостнаго помѣщичьяго быта и преисполнена множествомъ дивно очерченныхъ сценъ и характеровъ, живьемъ выхваченныхъ изъ тогдашняго русскаго помѣщичьяго провинціальнаго общества. Чтеніе нимало не уступало достоинству пьесы. Островскій—одинъ изъ лучшихъ чтецовъ въ современномъ обществѣ. При чтеніи онъ не измѣняетъ голоса, но даетъ такіе превосходные оттѣнки каждому выдвигаемому вновь лицу, что, не называя это лицо, читатель прямо видитъ, кто изъ нихъ выбѣгаетъ на сцену; словомъ сказать, вы живо представляете себѣ каждое изъ дѣйствующихъ лицъ. На этотъ разъ самъ чтець не былъ доволенъ главнѣйшимъ изъ своихъ слушателей. Пламенный его поклонникъ, Аполлонъ Григорьевъ, прерывалъ чтеніе азартными, восторженными восклицаніями удовольствія, стучалъ по столу, словомъ сказать, его выходы видимо огорчали Островскаго. Онъ нѣсколько разъ останавливался и угрюмо, съ сдержанною досадою говорилъ: «Да, успокойся, ты, Аполлонъ», и, кончивъ чтеніе, тотчасъ уѣхалъ».

Посѣтивъ Островскаго, въ его пріѣздъ въ Петербургъ въ 1879 г., Семевскій увидѣлъ того же Александра Николаевича, какимъ зналъ его въ 1855 году,—простого, нѣсколько угрюмаго, но радушнаго и словоохотливаго.

Во время этого свиданія съ Семевскимъ, Островскій высказалъ много интереснаго о положеніи у насъ театральнаго дѣла, русскаго драматическаго писателя и о процессѣ своего художественнаго творчества. Вотъ отрывки изъ ихъ бесѣды.

— «Диковинное положеніе русскаго драматическаго писателя (говорилъ Островскій): кончилъ пьесу и садись, пиши прошеніе: имѣю честь представить начальству театра такую-то пьесу и покорнѣйше прошу принять ее, и т. д., и т. д.

— «Идетъ пьеса на просмотръ цензуры, литературнаго театральнаго комитета и т. д., и т. д. Но, скажите, есть ли гдѣ такое положеніе за границей для тамошнихъ писателей? Всюду мало-мальски талантливую вещь для театра, какъ говорится, оторвутъ съ руками. Не автору приходится писать прошеніе, а его просятъ и все для него устраиваютъ. Здѣсь же, у насъ, на Руси, мало написать пьесу, надо провести ее по всевозможнымъ мытарствамъ. Но вотъ она прошла, она на сценѣ, начинаются репетиціи. Вы должны взять на себя рѣшительно все: не только учить актеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые или ничего не могутъ сдѣлать изъ роли по своей бездарности, а замѣнить ихъ рѣшительно некѣмъ, или если и могутъ, то самолюбіе, капризъ и лѣность мѣшаютъ имъ исполнить свое дѣло такъ, какъ они должны были бы это сдѣлать. Но возни съ актерами еще мало. Вамъ предстоитъ взять на себя и всѣ обязанности режиссера, что и гдѣ поставить, словомъ, всю обстановку пьесы вы рѣшительно должны взять на себя, въ противномъ случаѣ выйдетъ совершенное безобразіе. Отсюда, повѣрите ли, пріѣдешь въ Петербургъ и попадешь въ такую каторжную работу при постановкѣ пьесы, что объ отдыхѣ, о посѣщеніи добрыхъ пріятелей и думать нечего. Уходишь на репетиціи часовъ въ десять, иногда въ три часа вернешься домой, то такъ изломанъ и утомленъ и нравственно, и физически, что рѣшительно не хочется никуда идти».

Островскій съ горечью высказался объ отношеніи къ драматическимъ авторамъ рецензентовъ, публики, не дальновидныхъ въ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ.

— «Но рецензенты наши, публика—какъ часто среди ихъ слышимъ: «эта пьеса написана наскоро, не обдѣлана, не выработана». Да понимаютъ ли они, что я ничего не пишу наскоро, каждый сюжетъ обдумываю весьма долгое время, ношусь съ нимъ пѣлый годъ, грезится и видится онъ мнѣ со всѣми въ немъ лицами постоянно и не даетъ мнѣ покою до тѣхъ поръ, пока не уляжется на бумагу. Набросавши сценки, начинаешь разговоръ, не кончаешь фразы, не доводишь сцены до конца, набрасываешь другую, переводишь съ мѣста на мѣсто; у меня пьеса пишется долго, почти всегда не менѣе года, и, до самаго кануна отсылки ея въ цензуру, самой пьесы у меня, въ строгомъ смыслѣ говоря, нѣтъ: она никогда у меня не пишется послѣдовательно, сцена за сценой, актъ за актомъ. Обыкновенно забѣжить ко мнѣ въ Москвѣ Р.

— «Ну, что у васъ, Александръ Николаевичъ, написано? Ну, и всегда отвѣтишь: «Нѣтъ, ничего не написано».

— «И, дѣйствительно, пока не выльется пьеса вся, какъ она у меня сложилась въ головѣ, до тѣхъ поръ я никакъ не могу сказать, что мною что нибудь написано, потому что то тамъ, то здѣсь не окончена сценка, то не выведенъ до конца разговоръ, и уже накануне отсылки дашь послѣдній штрихъ, сзовешь нѣсколько пере-

писчиковъ, которые и отхватываютъ копию, и пьеса посылается. Ну, не выписаны сцены, не удалось очертить тотъ или другой характеръ, это значитъ не вылились они изъ головы такъ, какъ бы хотѣлось, ну, не хватило на это таланта; все это можетъ быть, въ этомъ и вините, но ужъ никакъ не кричите, что пьеса набросана наскоро и небрежно».

Между прочимъ Островскій высказалъ Семевскому, что онъ считаетъ себя въ долгу передъ многими изъ своихъ друзей, изъ среды писателей и артистовъ, уже сошедшихъ въ могилу, такъ какъ едва ли кто либо, кромѣ него, могъ бы сказать о нихъ справедливое слово.

— «Вотъ, напримѣръ, что у насъ путнаго сказано объ Аполлонѣ Григорьевѣ? А этотъ человѣкъ былъ весьма замѣчательный. Если кто зналъ его превосходно и могъ бы о немъ сказать вполне вѣрное слово, то это именно я. Прочтите, напримѣръ, С—ва. Ну, что онъ написалъ объ Аполлонѣ Григорьевѣ?—ни малѣйшаго пониманія, чутья этого человѣка!»

При этомъ Островскій прибавилъ, что хотя у него нѣтъ свободнаго времени, чтобы заняться составленіемъ своихъ собственныхъ воспоминаній, но они могутъ быть вполне замѣнены письмами къ нему различныхъ артистовъ и писателей, накопившимися у него въ огромномъ количествѣ съ 1850 года. Онъ обѣщалъ Семевскому пересмотрѣть ихъ, снабдить примѣчаніями и, въ такомъ видѣ, передать ихъ ему въ полное его распоряженіе. Приходится пожалѣть, что, по всей вѣроятности, что либо помѣшало Островскому привести въ исполненіе свое намѣреніе, но только обѣщанныя имъ письма не были присланы Семевскому.

Изъ воспоминаній Семевского о первой порѣ изданія имъ «Русской Старины» интересенъ его рассказъ о томъ, какъ ему удалось добиться освобожденія отъ предварительной цензуры. Благодаря затрудненіямъ съ цензурой, первыя три книжки «Русской Старины» сильно запоздали выходомъ, и составъ ихъ, по отзыву Семевского, былъ «столь блѣденъ, сухъ и скученъ», что онъ сталъ опасаться, что если такъ пойдетъ и дальше, то его предпріятіе совершенно рухнетъ. Поэтому онъ сталъ хлопотать объ освобожденіи «Русской Старины» отъ предварительной цензуры и нашелъ себѣ защиту въ лицѣ двухъ членовъ государственнаго совѣта, графа М. А. Корфа и П. А. Муханова, согласившихся ходатайствовать за него передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

«На это ходатайство понадобилось лишь нѣсколько минутъ. Передъ однимъ изъ засѣданій государственнаго совѣта, въ поне-дѣльникъ, въ такъ называемой «курилкѣ»—маленькой комнаткѣ, гдѣ курятъ и толкуютъ между собою члены совѣта, сначала Мухановъ, а потомъ Корфъ попросили министра внутреннихъ дѣлъ, Тимашева, освободить «Русскую Старину» отъ предварительной цензуры. Министръ попробовалъ было сдѣлать одно лишь возраженіе:

«въ однородномъ съ этимъ изданіемъ «Русскомъ Архивѣ»,—сказалъ онъ,—Липранди, имѣвшій многія тайныя порученія отъ правительства, вздумалъ было печатать различные документы изъ своей дѣятельности въ качествѣ секретнаго агента въ царствованіе императора Николая Павловича, а потому я не хочу освободить «Русскую Старину» отъ предварительной цензуры, а то и она, того гляди, заведетъ у себя какого нибудь Липранди, и тотъ огласитъ подобные документы».

«Но, когда Мухановъ, а главное Корфъ, завѣрили, что этого не будетъ, и что попечительная цензура и подъ карательнымъ соусомъ все-таки въ состояніи будетъ скушать ту или другую книжку «Русской Старины», которая ей не полюбится, тогда разрѣшеніе о свободѣ состоялось».

Сдѣлавшись по службѣ своей въ государственной канцеляріи лично извѣстнымъ бывшему предсѣдателю государственнаго совѣта, великому князю Константину Николаевичу, который всегда умѣлъ отыскивать и выдвигать людей талантливыхъ и въ числѣ другихъ привлекъ и М. И. Семевского къ работѣ по кодификаціи положенія о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, Михаилъ Ивановичъ, благодаря благосклонному вниманію великаго князя къ его литературнымъ трудамъ, получилъ доступъ въ архивъ и бібліотеку принадлежавшаго великому князю Константину Николаевичу Павловскаго дворца. По подлинной рукописи, хранившейся въ этой бібліотекѣ и составлявшей собственность августѣйшаго владѣльца города Павловска, были переведены и изданы при «Русской Старинѣ» записки Манштейна.

Подъ ближайшимъ наблюденіемъ и редакціей Семевского появилась въ 1877 г. составленная по архивному матеріалу Павловской бібліотеки и изданная иждивеніемъ великаго князя Константина Николаевича книга «Павловскъ», очеркъ возникновенія и современнаго положенія этого города.

По поводу этого изданія въ замѣткахъ М. И. Семевского сохранились слѣдующія строки:

«27-го ноября 1877 г. пригласилъ меня къ себѣ великій князь Константинъ Николаевичъ. Онъ болѣе и болѣе поправляется послѣ неприятнаго съ нимъ приключенія въ Парижѣ, гдѣ онъ оступился и вновь сломалъ ногу, которая уже разъ была у него сломана. Великій князь, какъ извѣстно, очень близорукъ, и этотъ случай произошелъ также по его близорукости. Но и вообще здоровье великаго князя, кажется, не изъ лучшихъ. Онъ довольно худъ, блѣденъ, что, впрочемъ, не мѣшаетъ его наружности быть весьма симпатичной, исполненной ума и особенной привлекательности.

— «А, любезнѣйшій!—обратился ко мнѣ великій князь, выходя съ костылькомъ въ рукахъ, на который опирался.— Я васъ при-

гласилъ на два слова. Государь ¹⁾ возвратилъ мнѣ вчера исторію города Павловска и очень благодарилъ за весьма интересное чтеніе, какое доставила ему эта книга. Но онъ ее не только прочелъ, а и сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя замѣтки; замѣтки эти не велики, но мнѣ пріятно, что онѣ показываютъ, что государь прочелъ сочиненіе съ большимъ и особеннымъ вниманіемъ. Пожалуйте за мной.

«Въ маленькой проходной комнаткѣ, между большимъ кабинетомъ князя и биллиардною, всегда въ эти часы, отъ двѣнадцати до часу, толчется народъ; здѣсь же можно было видѣть двухъ сыновей великаго князя, являющихся ежедневно, именно въ это время, привѣтствовать съ добрымъ утромъ отца. На этотъ разъ великаго князя здѣсь же встрѣтилъ очень маленькій офицерикъ съ подвязанной рукою, въ полной парадной формѣ. Великій князь встрѣтилъ его весьма радушно, обнялъ, подставилъ щеку свою для поцѣлуя и сталъ спрашивать о здоровьѣ. Оказалось, что это одинъ изъ раненыхъ, въ которомъ принялъ особое участіе великій князь, давши ему пріютъ на время излѣченія въ своей дачѣ «Оріанда», на южномъ берегу Крыма. Князь и вновь приглашалъ русскаго офицера, когда то понадобится, пріѣхать пожить къ нему на дачу. Въ кабинетѣ великаго князя (очень большая высокая комната, весьма заставленная множествомъ вещей и мебели) два стола, поставленные другъ къ другу подъ угломъ, составляютъ мѣсто обычныхъ и многочисленныхъ докладовъ предсѣдателю государственнаго совѣта, морскаго министерства и предсѣдателю множества различныхъ учрежденій.

— «Вотъ пожалуйста сюда, ко мнѣ, поближе. Я вамъ прочту эти замѣчанія.

«Замѣтки государя писаны карандашемъ, весьма извѣстнымъ мнѣ почеркомъ, мелкимъ, убористымъ, безъ малѣйшихъ ошибокъ. Замѣтокъ, дѣйствительно, было не много, и онѣ касались поправокъ о времени прибытія или отъѣзда тѣхъ или другихъ особъ августѣйшей фамиліи 1820-хъ годовъ, равнымъ образомъ о времени пребыванія въ тѣ же годы въ городѣ Павловскѣ первенца-сына великаго князя Николая Павловича, то-есть самого государя императора. Составитель книги, не имѣя возможности провѣрить нѣкоторые мелочные факты, въ особенности, указанія на мѣсяцы тѣхъ или другихъ годовъ, бралъ свѣдѣнія этого рода изъ различныхъ воспоминаній и записокъ, не имѣвъ возможности провѣрить эти данныя съ показаніями камеръ-фурьерскихъ журналовъ.

«Журналы эти, какъ извѣстно, напечатаны министерствомъ императорскаго двора, но напечатаны не для публики, да и самое изданіе ихъ окончилось 1776 годомъ. Важны или не важны этого рода поправки, но нельзя не подивиться необыкновенно обширной

¹⁾ Александръ II Николаевичъ.

«Истор. вѣстн.», февраль, 1896 г., т. LIII.

и свѣтлой памяти государя о событіяхъ, отстоящихъ отъ нынѣшняго времени болѣе, нежели на полвѣка, и, притомъ, повидимому, далеко не столь крупныхъ, чтобы они могли вѣзаться въ память шести-семилѣтняго отрока.

«Вотъ, напримѣръ, образчикъ помянутыхъ поправокъ. Составитель книги о Павловскѣ говоритъ, что великая княгиня Марія Павловна была гостей своей матери Маріи Ѳеодоровны въ Павловскѣ въ 1824 г. съ своей дочерью Августою или Августиною, нынѣшнею императрицею германскою. Впрочемъ, въ книгѣ сказано, что Марія Павловна именно весну и часть лѣта 1825 г. провела съ этою дочерью въ Павловскѣ (стр. 225). Государь императоръ замѣчаетъ: «Марія Павловна съ своими дочерьми, принцессами Марією и Августою, равно и великая княгиня Анна Павловна, обѣ прибыли въ Гатчино въ сентябрѣ 1824 года и оставались до августа 1825 года». Гораздо позже, справившись въ случайно доставшейся мнѣ выпискѣ изъ камеръ-фурьерскаго журнала, я убѣдился, что эта поправка почти дословно вѣрна: разница весьма не велика.

«Княгиня Анна Павловна пріѣхала въ августѣ и уѣхала въ іюлѣ слѣдующаго 1825 года, а Марія Павловна прибыла въ октябрѣ 1824 года, но уѣхала съ дѣтьми именно 1-го августа 1825 года. Но удивительно, что такого рода обстоятельство, какъ прибытіе тетокъ въ Россію, цѣлѣвавшихъ, впрочемъ, свое отечество и свою родительницу довольно часто, такъ глубоко и ясно вѣзалось въ память государя императора. Въ этомъ же родѣ и прочія замѣтки.

— «Справьтесь, пожалуйста,—сказаль мнѣ князь,—и провѣрьте. Быть можетъ, что и государь самъ ошибается. Но, во всякомъ случаѣ, пріятно помѣстить эти замѣтки и поправки особымъ приложеніемъ къ книгѣ о Павловскѣ. Государь, впрочемъ, полагаель, чтобы по нимъ сдѣлать надлежащее исправленіе въ будущихъ изданіяхъ этой книги, но, Богъ вѣсть, будетъ ли когда второе и третье изданіе; и первое очень плохо идетъ. Итакъ, напишите эти замѣтки на особыхъ листахъ, и я разошлю ихъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ лицамъ, которымъ разосланы экземпляры этой книги. Какъ видите, въ погрѣшностяхъ ничего нѣтъ особенно серьезнаго, а тѣмъ болѣе колоссальнаго. Но опять повторяю, что мнѣ крайне пріятно, что государь не только прочель книгу, но прочель ее съ большимъ вниманіемъ, и она ему очень и очень понравилась. При этомъ государь разсказаль мнѣ довольно интересный анекдотъ. Въ книгѣ ошибочно упомянуто, будто въ одномъ изъ спектаклей въ Павловскѣ играла дѣвица Марсъ; играла не Марсъ, а, какъ поправиль государь, знаменитая артистка Жоржъ. Эта Жоржъ пользовалась громадною славою въ Парижѣ, и съ нею только соперничала артистка Марсъ.

— «Все парижское высшее общество и дворъ, вслѣдствіе этого, раздѣлялись на двѣ партіи: одна партія была за Жоржъ, а другая

поклонялась Марсъ. Какъ извѣстно, императоръ Наполеонъ I-ый былъ поклонникомъ артистки Жоржъ, ну, и, конечно, къ ней уже никто не смѣлъ прикоснуться, и она для двора была особеннымъ свѣтиломъ и кумиромъ. И что же вы думаете? Пріѣзжаетъ въ Парижъ молодой бравый русскій офицеръ; это былъ впоследствии очень извѣстный Б... Онъ влюбляется въ Жоржъ, ухаживаетъ за нею и, наконецъ, внезапно увозитъ ее въ Россію. Здѣсь, конечно, ей тотчасъ даютъ дебютъ, все петербургское общество спѣшитъ на спектакль, въ которомъ участвуетъ гениальная артистка. Дѣло было лѣтомъ. Государь жилъ во дворцѣ на Каменномъ островѣ; онъ также отправляется на этотъ первый спектакль, но, при этомъ, не беретъ съ собой, вопреки обыкновенію, дежурнаго флигель-адъютанта и оставляетъ его во дворцѣ. Этотъ дежурный былъ не кто другой, какъ Б.

— «Легко представить себѣ огорченіе страстно влюбленнаго въ Жоржъ!»

«Пользуясь настоящею бесѣдой съ великимъ княземъ, я доложилъ его высочеству, что февральскую книгу «Русской Старины» предполагаю посвятить истекшему 25-лѣтнему періоду, и, такъ какъ мое изданіе, говорилъ я, посвящено событіямъ и лицамъ минувшимъ, лицамъ, сошедшимъ уже за смертью со сцены, то я именно предполагаю вывести рядъ изъ нихъ, рядъ изъ дѣятелей, наиболѣе замѣчательныхъ на государственномъ поприщѣ въ послѣднее время.

«Таковы, напримѣръ, князь Барятинскій, графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, князь Гагаринъ, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, Николай Алексѣевичъ Милютинъ и нѣкоторые другіе.

— «Что же, мысль очень хорошая,—сказалъ великій князь.— Не забудьте, однако, присоединить графа Панина—вѣдь онъ преемникъ Якова Ивановича Ростовцева по крестьянскому комитету. Изъ документовъ Ростовцева надо бы помѣстить его записку, которую онъ подалъ передъ смертью государю».

«Я доложилъ, что записка эта уже была напечатана въ «Русскомъ Архивѣ» 1868 году.

— «Ну, что же,—замѣтилъ великій князь,—слѣдовало бы ее вновь напечатать, она въ высшей степени важна для характеристики Якова Ивановича и его отношеній къ великому дѣлу освобожденія крестьянъ. Надо бы также вамъ не забыть князя Воронцова. Вѣдь лебединая пѣснь его относится къ пережитому послѣднему періоду, и, если выведете Ивана Матвѣевича Толстаго, то не забудьте доктора Енохина: онъ принадлежалъ къ числу близкихъ государя, входилъ въ его интимный кружокъ. Разумѣется, нѣкоторыя вещи, какъ, напримѣръ, дневникъ путешествія 1830 годовъ съ наслѣдникомъ-цесаревичемъ Ивана Матвѣевича Толстаго, необходимо будетъ показать государю и испросить его разрѣшенія. Но мысль, повторяю, вообще подобнаго состава книги очень хорошая.

«Вотъ уже почти три года, что мнѣ случается, а въ 1876 и 1877 году случалось довольно часто, бесѣдовать съ великимъ княземъ»,—продолжаетъ Михаилъ Ивановичъ.—«Онъ очень простъ въ обращеніи, и въ немъ ничего нѣтъ такого, что бы смущало, а тѣмъ болѣе пугало собесѣдника. Я ему не рѣдко возражалъ и спорилъ, а однажды довелось сказать и нѣсколько горячо довольно большое возраженіе. Такъ какъ великій князь довольно внимательно читаетъ «Русскую Старину», то мнѣ случалось показывать ему нѣкоторые интересные документы и записки. Такъ были предъявлены ему письма изъ Севастополя князя Меншикова къ князю Горчакову. А когда онъ замѣтилъ однажды по поводу записокъ бывшаго адъютанта Меншикова, Панаева, что Панаевъ сильно увлекается и во многомъ совершенно напрасно восторгается княземъ Меншиковымъ, что князь Меншиковъ былъ, безспорно, замѣчательнаго ума человекъ, но при этомъ страшный себялюбецъ, человекъ, въ высшей степени холодный, эгоистъ и именно такой, который не былъ способенъ выдвинуть какое либо дарованіе и ободрить это дарованіе ласкою, наградою и вообще какимъ бы то ни было поощреніемъ. Послѣ этого разговора я доложилъ какъ-то великому князю поступившую ко мнѣ замѣтку одного изъ моряковъ, старыхъ вице-адмираловъ, въ которой почти дословно высказано было то же, что сказалъ мнѣ объ этомъ лицѣ самъ великій князь. Замѣтка была уже набрана и тиснута въ цензурномъ экземплярѣ «Русской Старины», не вышедшемъ еще въ свѣтъ. Дѣло было въ Павловскѣ въ обычный утренній пріемъ. Былъ ли великій князь не въ духъ, дѣйствительно ли онъ забылъ самъ, что мнѣ же говорилъ о князѣ Меншиковѣ, тѣмъ не менѣе онъ насупился и сильно раздраженнымъ тономъ сталъ говорить:

— «Что это такое, какъ можно это печатать, кто это пишетъ, о комъ? Меншиковъ такихъ громадныхъ заслугъ человекъ, такого необыкновеннаго ума и достоинства, что говорить о немъ такъ въ высшей степени странно, и тотъ, кто говорить это, не стоитъ сапога покойнаго Меншикова.

«Спокойно выслушавъ эти замѣчанія, я не менѣе спокойно же и неторопливо, въ присутствіи бывшаго тутъ же третьяго лица, управляющаго городомъ Павловскомъ, Голенко, сказалъ великому князю:

— «Если позволите мнѣ объяснить, ваше высочество, такъ я долженъ сказать въ защиту моего изданія «Русской Старины», что это изданіе, прежде всего, имѣетъ цѣлью историческую истину. Для достиженія этой цѣли оно открываетъ свои страницы одинаково какъ похвалѣ, такъ и порицанію. Грѣшно было бы сказать, что «Русская Старина» не умѣетъ оцѣнивать по достоинству тѣхъ людей, которые оказали заслуги общему нашему отечеству. Я бы могъ упомянуть о длинномъ рядѣ дѣятелей, которые нашли вполне спра-

ведливую оцѣнку на страницахъ моего изданія. Говоря, наиримѣрь, о томъ же Меншиковѣ, кто же, какъ не я, издатель «Русской Старины», вызвалъ появленіе тѣхъ восторженныхъ мемуаровъ Панаева, которые превознесли Меншикова необыкновенно; но, помѣстивъ эти мемуары и нисколько ихъ не ослабивъ никакими выпусками, я, тѣмъ не менѣе, думаю, что «Русская Старина» сохраняетъ за собою полное право представить отзывы о томъ же князѣ Меншиковѣ и его порицателей. Только тогда, имѣя передъ собою и восторженные похвалы поклонниковъ историческаго лица, и строгую, быть можетъ, и крайне придирчивую критику его враговъ и порицателей, можно сдѣлать совершенно справедливый выводъ объ историческомъ дѣятелѣ. Вотъ причины, почему я предполагалъ дать мѣсто этой замѣткѣ; она, впрочемъ, еще не окончательно отпечатана, и я именно только хотѣлъ выслушать ваше о ней мнѣніе.

«Великій князь немедля смягчился и уже въ видѣ просьбы сказалъ:

— «Да, вы правы относительно программы и цѣли вашего изданія; но на этотъ разъ все-таки прошу эту слишкомъ придирчивую статейку исключить; въ ней почти нѣтъ фактовъ, а только голословныя разсужденія, и изданіе отъ этого ничего не проиграетъ, если вы не примете эту замѣтку.

«Я было раскланялся и направился изъ кабинета, но князь уже совсѣмъ ласково остановилъ меня, сказавъ: «куда же вы спѣшите? потолкуемте о нашемъ общемъ изданіи»¹⁾.

«Въ концѣ-концовъ скажу, что это одинъ изъ самыхъ образованныхъ, начитанныхъ и уже, конечно, по самому своему положенію, весьма много видѣвшій государственный человѣкъ. Онъ доступенъ наукѣ, литературѣ и воспримчивъ на все доброе и хорошее».

Между прочимъ, въ автобіографическихъ замѣткахъ Семевского сохранился разсказъ о томъ, какъ зародилась сплетня, ходившая по Петербургу въ январѣ 1889 года, по словамъ которой Семевскій, во время представленія своего государю императору Александру III по случаю пожалованія ему анненской ленты, получилъ будто бы высочайшій выговоръ за печатаніе въ «Русской Старинѣ» матеріаловъ «не вполне исторической давности».

Семевскій представлялся государю 11-го января 1889 года въ Аничковомъ дворцѣ. Представлявшихся въ тотъ день была масса.

«Въ первомъ часу пополудни выпелъ государь императоръ въ общегенеральскомъ скюртукѣ и съ обычной благосклонностью, начиная съ военныхъ, сталъ подходить къ каждому изъ представлявшихся».

Наконецъ, очередь дошла до Семевского.

¹⁾ Книга «Павловскъ».

«Приблизившись ко мнѣ,—говоритъ онъ,—государь императоръ съ благосклонною улыбкой протянулъ мнѣ руку, и дежурный флигель-адъютантъ, глядя въ списокъ, доложилъ его величеству: «Тайный совѣтникъ Семеваго—по случаю пожалованія ордена Анны 1-й степени».

— «Вы служите въ Археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія?

— «Такъ точно, ваше императорское величество, имѣю честь служить въ Археографической комиссіи и нынѣ лѣтомъ совершилъ большую поѣздку по Россіи для осмотра архивовъ и архивныхъ ученыхъ комиссій; посѣтилъ довольно много городовъ и видѣлъ, какъ въ нихъ все болѣе и болѣе занимаются нѣкоторыя отдѣльныя лица, а иногда и цѣлыя группы трудами въ области археологіи, и въ особенности трудятся по отечественной исторіи и археологіи, подъ высокимъ покровительствомъ вашего императорскаго величества, архивныя ученые комиссіи.

— «Продолжаете заниматься въ той же комиссіи? — продолжалъ государь, благосклонно улыбаясь.

— «Такъ точно, ваше величество.

«Видя, что государь еще стоитъ предо мной, и вспомнивъ, что и въ прежніе годы, когда я имѣлъ счастье представляться его величеству, я излагалъ передъ государемъ нѣкоторыя обстоятельства, до предмета моего представленія касавшіяся, я нашелъ возможнымъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, дабы принести слѣдующую благодарность:

— «Осмѣлюсь, ваше величество,—сказалъ я съ глубокимъ поклономъ,—принести признательность вамъ, государь, за постоянно благосклонное вниманіе, какое являете ваше императорское величество втеченіе 20-ти лѣтъ къ издаваемому мною журналу «Русская Старина». Ваше величество и почти всѣхъ особъ августѣйшей вашей фамиліи я имѣю счастье видѣть въ числѣ постоянныхъ читателей моего журнала.

«Государь императоръ, съ тою же улыбкой и нимало не измѣняя голоса, сказалъ:

— «Да, это изданіе весьма интересно, но въ немъ иногда появляются матеріалы и свѣдѣнія не вполне исторической давности».

Хотя государь говорилъ не громко, и эти слова могли быть слышаны лишь двумя, тремя лицами, они быстро разнеслись по городу и, наслоенныя вариантами, послужили основаніемъ упомянутой сплетнѣ.

Въ 1883 году, по случаю избранія его въ товарищи с.-петербургскаго городского головы, Семеваго долженъ былъ явиться графу Д. А. Толстому, бывшему тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Графъ Толстой встрѣтилъ его очень дружелюбно, но прямо высказалъ ему, чего требуетъ отъ него, какъ товарища городского головы.

— «Я буду просить васъ отнюдь не заниматься въ думѣ вопросами внутренней политики, — началъ министр. — Вы справедливо указали въ вашей рѣчи въ думѣ, которую я прочелъ, что общественное управление города имѣть городское положеніе, что этимъ положеніемъ опредѣлены задачи дѣятельности думы, и этихъ задачъ, какъ вы опять такъ справедливо сами замѣтили, гг. гласнымъ слишкомъ достаточно: ихъ хватить не на одно, а и на два поколѣнія».

Затѣмъ графъ Толстой высказалъ, что работы Семевскому предстоитъ много, но что самое главное — умѣть распредѣлять свое время, и при этомъ сослался на свой примѣръ.

— «Все, что присылается ко мнѣ, сосредоточивается и должно быть собираемо къ 9-ти часамъ утра въ одной изъ первыхъ комнатъ, у г. Романченко, котораго вы, вѣроятно, знаете. Тамъ, къ этому часу, ждетъ меня порядочная груда пакетовъ. Ровно въ 9 часовъ я подхожу къ этому столу, требую эти пакеты и ихъ вскрываю. Валуевъ былъ послѣдній министръ внутреннихъ дѣлъ, который все читаль... «Надо умѣть, что читать и какъ читать. Я, кажется, набилъ себѣ въ этомъ отношеніи руку и глазъ, управляя болѣе десяти лѣтъ двумя министерствами — народнаго просвѣщенія и вѣдомствомъ святѣйшаго синода».

Затѣмъ графъ Толстой рассказалъ Семевскому слѣдующій бывшій съ нимъ случай.

— «Былъ я какъ-то съ докладомъ у покойнаго государя Александра Николаевича. Его величество оставилъ меня обѣдать; со мною же обѣдали князь Горчаковъ, Урусовъ и Валуевъ. Государь былъ утомленъ. На вопросъ о причинѣ его утомленія, государь замѣтилъ:

— «У меня сегодня было пять учителей (то-есть пять министровъ съ докладами).

— «Васъ утомляютъ эти доклады, государь?»

— «Нѣтъ, доклады меня не утомляютъ, а утомляютъ меня эти постоянныя присылки пакетовъ и телеграммъ, въ особенности, иногда по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Эти ежеминутныя присылки меня тормозать, терзають и какъ бы держатъ въ лихорадкѣ.

«Говоря это, императоръ, видимо, намекалъ на князя А. М. Горчакова, у котораго была слабость всякій вздоръ въ видѣ телеграммы, которую онъ получалъ отъ своихъ консуловъ, не только отъ посланниковъ, по прочтеніи посылать государю императору.

— «Ваше величество, — сказалъ я тогда государю, — позвольте доложить вамъ, и, притомъ, въ видѣ совѣта, пріемъ, мною уже употребляемый болѣе десяти лѣтъ при управленіи двумя министерствами. У меня запрещено подавать пакеты въ разное время дня; все должно сосредоточиваться къ извѣстному часу рано утромъ, напримѣръ, къ девяти.

— «Какъ же, однако?—возразилъ государь,—а если что случится въ 10 часовъ, и тебѣ принесутъ въ десять пакетъ, ты его не при-
мешь и не прочтешь до завтрашняго дня?»

— «Не распечатаю, ваше величество. Что же можетъ случиться такое, что бы вызвало необходимость присылки ко мнѣ экстреннаго пакета позже того срока, который долженъ быть извѣстенъ моимъ служащимъ, моимъ подчиненнымъ? Что можетъ случиться? Загорится Императорская Публичная Библиотека—ко мнѣ пришлютъ сторожа сказать, или приѣдетъ чиновникъ. Зашалятъ студенты—приѣдетъ директоръ, опять нѣтъ надобности въ пакетѣ. Если же не установить такого режима, то будетъ совершенное безурядье».

По словамъ гр. Толстого, это безурядье при его вступленіи было очень велико, но онъ быстро установилъ свой порядокъ.

— «Да и судите сами,—говорилъ графъ,—министерство, напри-
мѣръ, должно посылать въ комитетъ министровъ къ каждому пер-
вому числу извѣстныя вѣдомости. Вдругъ я получаю наканунѣ
31-го или 30-го числа, часовъ въ 12-ть утра, пакетъ съ надписью:
«весьма нужное». Это, значитъ, департаментъ запоздалъ предста-
вить на мою подпись закономъ установленныя для комитета ми-
нистровъ вѣдомости. Я очень хорошо понимаю, что таковой пакетъ
дѣйствительно является весьма нужнымъ, но я не вскрываю его,
дабы не давать поблажку неисправному чиновнику, а надписываю
подъ словами «весьма нужное»—«не вѣрю», и возвращаю пакетъ
обратно. Пусть прилетѣтъ завтра утромъ. Вскорѣ это замѣтили, и
явилась полная аккуратность. Но за то я, и съ своей стороны, ни-
когда не заставляю чиновниковъ, отъ директора до начальника
отдѣленія, буде для доклада такового назначенъ у меня часъ, про-
ждать хоть пять минутъ въ приемной. Мнѣ случается иногда ждать
запоздавашаго директора, вице-директора или начальника отдѣленія,
но изъ нихъ никто не можетъ сказать, чтобы я продержалъ ихъ
въ передней послѣ установленнаго часа».

Разсказавъ о распредѣленіи своего дня, гр. Толстой прибавилъ,
что читать газеты или журналы при управленіи министерствомъ
не удается, но что онъ дѣлаетъ исключеніе для «Русской Старины»,
которую проглядываетъ въ первый же день по ея выходѣ

— «Въ ней много интереснаго,—высказалъ гр. Толстой Семев-
скому,—притомъ, всегда встрѣчаю кое-что и для моего труда, къ
исторіи Екатерины II. Кстати, вы не имѣете моей послѣдней мо-
нографіи «Взглядъ на воспитаніе въ Россіи въ XVIII вѣкѣ до
1782 года». Вотъ эта книга, возьмите ее; въ ней, въ сжатомъ
очеркѣ, представлена картина образованія въ Россіи до 1782 года.
Сухомлиновъ, въ своей «Исторіи Академіи», во многомъ ошибается,
здѣсь же вы найдете довольно много новаго.

«Гр. Толстой съ видимымъ увлеченіемъ предметомъ научнымъ,
его занимавшимъ и даже, какъ видно, и теперь (1883 г.) занимаю-

щимъ, сталъ мнѣ говорить о взглядахъ Шлецера, Екатерины II, Иосифа II и другихъ дѣятелей XVIII вѣка на воспитаніе, на учебныя заведенія... Словомъ, передо мною въ эти минуты, вполне для меня интересныя, сидѣлъ умный, любознательный человѣкъ, интересующійся историческою наукою».

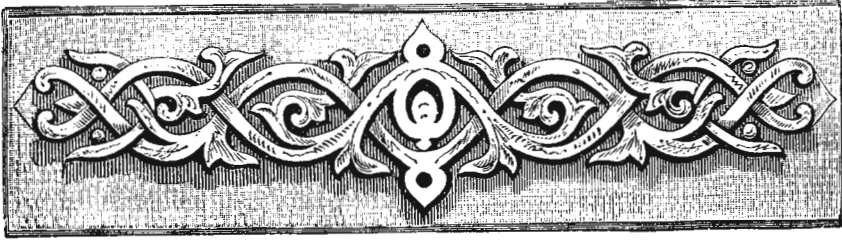
Прощаясь, гр. Толстой сказалъ Семевскому:

— «Ну, желаю вамъ полного успѣха, поработаемъ, поработаемъ!»

Къ біографіи М. И. Семевского приложены, между прочимъ, кромѣ двухъ его портретовъ, рядъ писемъ къ нему Г. Е. Благосвѣтлова, К. Д. Ушинскаго, Д. Е. Кожанчикова, Л. Н. Модзалевскаго и др. Изъ нихъ особенный интересъ представляютъ письма Благосвѣтлова, заключающіе въ себѣ обильный матеріалъ для этого энергичнаго и своеобразнаго дѣятеля на поприщѣ русской журналистики шестидесятыхъ годовъ.

Д. И. А.

БОЛѢЗНЬ ИЛИ РЕКЛАМА?

Во Франціи люди не попались на удочку, а назвали символизмъ его настоящимъ именемъ, т. е. сумасшествіемъ или спекуляціей. Такой приговоръ произносятъ надъ нимъ лучшіе представители литературы любого направленія («Върожденіе» Макса Нордау).

I.

ВЪ КРИТИЧЕСКОМЪ ТРУДѢ г. Мережковскаго «О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы» имѣются слѣдующія любопытныя строки: ...«Когда въ литературѣ начинаютъ появляться молодые люди или, лучше сказать, молодые мертвецы, какъ г. Волинскій, когда отъ самыхъ юныхъ, только что начинающихъ, вѣетъ уже холодомъ могилы, страшнымъ запахомъ смерти и тлѣна, это — признакъ послѣднихъ дней цѣлаго поколѣнія: уже тутъ несомнѣнно быть худу! Въ самомъ дѣлѣ, не стоимъ ли мы передъ бездною. Caveant consules! Если современная литературная анархія будетъ прогрессировать по тому же пути, страшно подумать, до чего мы дойдемъ черезъ двадцать, тридцать лѣтъ». Въ этихъ словахъ, вырвавшихся изъ глубины наболѣвшаго сердца, заключается безошадный приговоръ надъ цѣлымъ поколѣніемъ литературной молодежи восьмидесятыхъ годовъ, къ которому принадлежитъ и самъ г. Мережковскій, и г. Волинскій, надъ поколѣ-

нѣмъ, о которомъ въ статьѣ «Молодежь и ея руководители» ¹⁾ я объ- щалъ побесѣдовать съ читателями «Историческаго Вѣстника». Поводъ къ такой бесѣдѣ въ настоящее время у меня накопилось достаточно: вышло въ свѣтъ нѣсколько литературныхъ произведе- ній, въ которыхъ рельефно выражается духовное настроеніе за- нимающаго меня поколѣнія, и которыя несомнѣнно по своему содержанию и направленію такъ или иначе привлекутъ къ себѣ вниманіе читающей публики. Нѣкоторыя изъ нихъ уже вызвали оцѣнку присяжныхъ критиковъ, другія ждуть еще своего суда, который, вѣроятно, не замедлитъ появиться. Труды эти слѣдующіе: «Отверженный», романъ Д. С. Мережковскаго, «Русскіе критики», литературные очерки А. Л. Волынскаго, «Новые люди», рассказъ З. И. Гишпіусъ (Мережковской); кромѣ того, въ № 1 «Сѣвернаго Вѣстника» за 1896 г. напечатанъ широковѣщательный литератур- ный манифестъ подъ заглавіемъ «Идеализмъ и буржуазность» за подписью редактора-издательницы журнала Л. Я. Гуревичъ и постоянного сотрудника ея, «сотоварища по литературѣ», какъ онъ самъ себя именуетъ, А. Волынскаго, — манифестъ, обнаруживающій курьезные вкусы и нравы редакціи журнала, руководимаго съ 1891 г. особенной, тѣсно сплоченной литературной группой именно такъ называемыхъ «восьмидесятниковъ»; наконецъ, въ декабрѣ 1895 г. въ «Новомъ Времени» напечатаны фельетоны г. Сигмы, писанные какъ бы въ возраженіе на мою статью о молодежи и трактующіе именно объ этой молодежи. Вотъ всѣ эти указанныя обстоятельства и позволяютъ мнѣ собрать довольно обширный матеріалъ для ха- рактеристики «новыхъ людей» на основаніи ихъ собственныхъ су- жденій и признаній. Но прежде, чѣмъ приступить къ этой характе- ристикѣ и изложенію символа вѣры занимающей меня молодежи, я считаю долгомъ въ краткихъ чертахъ выяснить тотъ обществен- ный генезисъ восьмидесятника, который въ конечномъ своемъ результатѣ далъ типичныхъ его представителей въ лицѣ супру- жеской четы гг. Мережковскихъ, г. Волынскаго, г-жи Гуревичъ и другихъ той же общественной формаціи. Дабы отстранить отъ себя всякій упрекъ въ пристрастіи, въ тенденціозности, я поста- раюсь въ предѣлахъ возможности выполнить свою задачу, такъ сказать, «чужими руками», т. е. воспользуюсь тѣмъ историче- скимъ матеріаломъ, который даетъ для своей автобіографіи самъ литературный восьмидесятникъ. Матеріалъ этотъ почерпается изъ двухъ книжекъ — «Письма о современной молодежи и направле- нійхъ общественной мысли» N.N. (Москва, 1888) и «Безъ загла- вія» А. Кугеля (Спб., 1890 г.), сотрудника «Петербургской Га- зеты», пишущаго подъ псевдонимами «Дебютантъ» и «Номо повисъ». Оба молодые писателя обстоятельно рисуютъ намъ отличительныя

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», декабрь, 1895 г.

свойства поколѣнія 1880-хъ гг. и выясняютъ, изъ какого источника главнымъ образомъ проистекаютъ эти свойства. Необходимо, однако, предварительно замѣтить, что «Письма о современной молодежи» и глава «о молодомъ поколѣніи» въ книжкѣ «Безъ заглавія» написаны далеко не съ одинаковымъ талантомъ и знаніемъ дѣла, а также — не съ одинаковыми цѣлями. Если первый трудъ имѣетъ какое нибудь значеніе, то только развѣ въ той части, гдѣ отмѣчены дефектныя стороны современнаго автору поколѣнія, такъ какъ въ своихъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ г. N.N. проявляетъ во всей силѣ тѣ недостатки и пороки, которые осуждаетъ въ первой части труда. Анонимный авторъ — нео-славянофилъ и высказываетъ притязаніе обратить всѣхъ своихъ товарищей въ какую-то малопонятную группу «православныхъ народниковъ». Очевидно, молодой человекъ находился, когда писалъ свою брошюру, подъ сильнымъ вліяніемъ проповѣди Достоевскаго и Ив. Аксакова, и выводы его не болѣе, какъ отголосокъ и, замѣтимъ кстати, довольно блѣдный, этихъ столповъ славянофильства. Но оставимъ въ сторонѣ туманные порывы автора и обратимся къ повѣствовательной части его изложенія. Наблюдая московское студенчество 1880-хъ годовъ, онъ отмѣчаетъ въ немъ слѣдующія характерныя черты: отрицательныя—во-первыхъ, верхоглядство, во-вторыхъ, абстрактность мышленія, въ-третьихъ, халатность отношенія къ занятіямъ; положительныя—во-первыхъ, живая воспримчивость и отзывчивость на вопросы жизни, во-вторыхъ, гибкость, въ-третьихъ, искренность и прямоту, и въ-четвертыхъ, отвращеніе къ формализму. Въ этой сбивчивой классификаціи характерныхъ чертъ я считаю нужнымъ остановиться лишь на первой группѣ.

Результатомъ чего являются перечисленныя черты, и что проистекаетъ изъ нихъ? Всѣ умственные недостатки молодежи 1880-хъ годовъ, по толкованію автора, являются продуктомъ уродливаго воспитанія въ средней школѣ, въ гимназіяхъ и въ дальнѣйшемъ уже развиваются на почвѣ общественныхъ недуговъ, созданныхъ предшествовавшимъ поколѣніемъ «отцовъ» въ шестидесятые годы. Классическая система, при отсутствіи реального знанія, отечествовѣдѣнія, ведетъ къ верхоглядству, абстрактности мышленія, а дѣйствующій формальный университетскій уставъ не приучаетъ студенчество къ серьезному труду. «... Оживленіе нашихъ классическихъ гимназій есть мѣра настоящая и существенная для искорененія многихъ важныхъ пороковъ нашей молодежи,—говоритъ онъ,—добавимъ сюда еще то положеніе, что только свободное развитіе науки въ университетѣ, а не формальныя мѣры, можетъ способствовать привлеченію студенчества въ аудиторіи и развитію любви ихъ къ занятіямъ наукою». Безъ этихъ существенныхъ реформъ современная молодежь будетъ повально представлять собою только «лишнихъ людей» или «многочисленную группу интеллигентныхъ буржуа, выхо-

лощенныхъ, выхоленныхъ, элегантныхъ, льстивыхъ, съ холодной кровью и мертвой душой». Только педагогическія реформы испѣляютъ молодежь и позволяютъ ей передѣлать современную окружающую дѣйствительность русской жизни, которая рисуется автору слѣдующей мрачной картиной: «Повальное хищеніе, пониженіе уровня нравственности, потеря вѣры въ Бога, въ семью, въ государство, даже въ самого себя. Общая протрація, безсиліе, ухарское отрицаніе, скука жизни, самоубійство и подлость, подлость безъ конца»... Дальнѣйшія разсужденія автора не представляютъ особеннаго интереса. Въ нихъ высказалось незнаніе русской исторической дѣйствительности, и сужденія г. N. N. носятъ на себѣ слѣдъ вліянія не то «Московскихъ Вѣдомостей», не то «Гражданина», а скорѣе всего—«Русскаго Дѣла» С. Шарапова. Посмотримъ же теперь, что толкуетъ по поводу тѣхъ же восьмидесятихъ годовъ другой современникъ-лѣтописецъ, талантливый фельетонистъ «Петербургской Газеты», г. Кугель. Этого даровитый писатель, къ сожалѣнію, размѣнивающій себя на дешевую монету въ мелкой прессѣ, часто печатаетъ замѣтки, которыя заслуживаютъ вниманія широкаго круга читателей. Къ таковымъ принадлежатъ напечатанные въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» г. Авсѣенки за 1888 г. очерки подъ заглавіемъ «Молодое поколѣніе», вошедшіе впослѣдствіи въ книжку «Безъ заглавія». Очерки эти, повидимому, писаны подъ вліяніемъ цитированныхъ уже «Писемъ о современной молодежи», но рѣзко рознятся отъ послѣднихъ своимъ серьезнымъ правдивымъ тономъ, здравымъ исканіемъ истины, отсутствіемъ мистики и тумана. Съ первыхъ же страницъ читатель чувствуетъ, что имѣетъ дѣло хотя, можетъ быть, и съ заблуждающимся, преувеличивающимъ по молодости лѣтъ, испуганнымъ, но во всякомъ случаѣ съ здоровымъ членомъ общества, свободнымъ отъ невращенія и сохранившимъ ясный смыслъ жизни. Но тѣмъ-то и цѣнны мнѣ эти очерки г. Кугеля, что въ нихъ—тотъ же діагнозъ больной «молодой Россіи», какъ и у г. N. N., указаніе на тотъ же первоисточникъ современныхъ недуговъ.

II.

«Кто же укралъ у насъ будущее?» спрашиваетъ съ негодованіемъ молодой писатель, установивъ предварительно положеніе, что современный молодой университетскій интеллигентъ ни болѣе ни менѣе, какъ только беспочвенный и отъ всего оторванный «молодой человѣкъ недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ». Украла это наше будущее—средняя школа, выпустившая насъ не подготовленными къ жизни изъ своихъ затхлыхъ классовъ въ шумныя университетскія аудиторіи,—отвѣчаетъ г. Кугель. «Оторванность нынѣшняго молодого поколѣнія отъ предыдущихъ теченій русской мысли стоитъ, мнѣ кажется, внѣ всякаго спора,—утверждаетъ онъ.

Что... дѣлала школа, на попеченіе которой мы были отданы? Въ лучшемъ случаѣ — она ничего не дѣлала, въ худшемъ — она дѣлала прямо обратное тому, что слѣдовало... Раздувая дѣтскія шалости и лепетъ младенческаго ума въ сознательный актъ протеста, школа только подливала масла въ огонь. Многие, о чемъ только смутно догадывались, выдвигалось репрессіею начальства, въ видѣ ясно намѣченнаго и очерченнаго пункта. И мысль горѣла, кипѣла въ собственномъ соку, потому что эта гимназическая наука, рассчитанная на дѣтскую, невинность и на дисциплинированіе незрѣлаго и наивнаго ума, не могла доставить никакого матеріала для горѣнія. Это было въ полномъ смыслѣ слова самосожженіе. Зародышъ беспочвенности, составляющій самый главный и крупный грѣхъ нынѣшняго поколѣнія, слѣдуетъ искать, такимъ образомъ, далеко позади, въ годы ранней юности. Еще тамъ обнаруживаются всѣ признаки умственного и нравственнаго пустоцвѣта и отсутствія прочныхъ устоевъ. Между тѣмъ, для нормальнаго развитія требуется наличность какого нибудь дисциплинирующаго начала. Это можетъ быть либо опредѣленный идеалъ, подготовляющій настоящее для будущаго, либо какая нибудь прочная традиція, регулирующая настоящее во имя прошлаго, либо, наконецъ, серьезный трудъ, который самъ по себѣ является и цѣлью, и преданіемъ, и средствомъ. Но во время нашей школьной юности не было ни того, ни другого, ни третьяго». Что же дала высшая школа—университетъ?... «Университетская наука сохраняла для насъ всѣ черты гимназической,—говоритъ г. Кугель,—съ тою разницею, что «натура получала импульсъ не извнѣ, а формально извнутри. Но натура все-таки преобладала и опредѣляла все теченіе нашей университетской жизни. Лекціи иксовъ, игрековъ и зетовъ кое-какъ вызубривались къ экзаменамъ, но центръ нашей умственной работы лежалъ все-таки въ сторонѣ. Гдѣ именно онъ лежалъ—я этого въ точности сказать не могу. Мода на естественныя науки уже прошла и былѣмъ поросла, политическая экономія и соціологія также уже перевалила за свой кульминаціонный пунктъ, а мода на исканіе началъ безусловной правды и этической теоріи только начала нарождаться. Но это не важно. Важно, что эта была все та же бурлящая мысль, висѣвшая въ воздухѣ, дезорганизованная, обольстительно округлая съ внѣшней стороны и поразительно пустая внутри. И не было того дисциплинирующаго знамени, того научно-общественнаго стяга, который бы могъ сплотить вокругъ себя учащуюся молодежь и оформить порывы ея блуждающей мысли». Я долженъ распрощаться съ г. Кугелемъ и отказаться отъ пользованія его дальнѣйшими разсужденіями, съ которыми, сказать къ слову я въ значительной мѣрѣ не согласенъ. Изъ всего высказаннаго авторомъ мы получаемъ тотъ же выводъ, что и у г. N.N. Оба писателя признаютъ молодежь 1880 годовъ поколѣніемъ духовно-больнымъ,

«лишнимъ» на житейскомъ пути, безъ ясныхъ идеаловъ и убѣжденій и виновникомъ во всѣхъ этихъ недостаткахъ считаютъ школу. Но, можетъ быть, и г. Кугель, и авторъ «Писемъ» судятъ дѣло пристрастно? Посмотримъ же, что говоритъ (и говоритъ, скажемъ кстати, мѣстами достаточно спутанно и неясно) другой представитель литературныхъ восьмидесятниковъ, взявшій подъ свою защиту молодежь противъ моихъ нападокъ на нее. Въ своихъ фельетонахъ «Люди будущаго вѣка» г. Сигма, возражая мнѣ, спрашиваетъ въ одномъ мѣстѣ: «Какое же основаніе имѣемъ мы думать, что наша молодежь, пишущая стихи и играющая на віолончели, есть молодежь недоразвившаяся, пустоцвѣтная, пустое мѣсто въ исторіи русскаго общественнаго развитія? Повторяю, я вижу десятки, можетъ быть, сотни этой молодежи, и ей не хватаетъ только одного физическаго здоровья. Но въ этомъ виновата дикая система ученья, виноваты родители, подчиняющіеся этой системѣ, а не они, молодые люди, съ ввалившеюся грудью, впалыми щеками, лимоннымъ цвѣтомъ лица и жиденькими волосиками. Они—жертвы мозгового культа, жертвы средневѣковой схоластики, больше ничего. Они — жертвы государственной нерасчетливости, ибо какъ иначе назвать ту систему, которая беретъ у юношества здоровье, нужное всю жизнь и во всѣхъ профессіяхъ, и даетъ взамѣнъ посредственное знаніе древнихъ языковъ, которое не нужно во всю жизнь и ни въ одной профессіи?» Въ заключительной части фельетоновъ онъ уже прямо, нѣсколько противорѣча себѣ, говоритъ: «Система образованія, уже осужденная временемъ, сузила, высушила душу молодежи... Недостатокъ матеріальныхъ средствъ уменьшилъ относительное количество широкообразованныхъ людей». Я не стану полемизировать съ моднымъ фельетонистомъ. Какъ читатели могутъ убѣдиться сами изъ приведенныхъ выписокъ, авторъ явно противорѣчитъ себѣ. Съ одной стороны, онъ утверждаетъ, что все горе лишь въ недостатокѣ «физическаго здоровья», а съ другой—ужь оказывается, что молодежь гуляетъ по бѣлу-свѣту съ «высушенной, суженой душой». Я не стану ловить своего литературнаго собрата на другихъ многихъ логическихъ ошибкахъ, противорѣчіяхъ (напримѣръ, его сужденія о 1860-хъ гг. и ихъ разности отъ 1840-хъ г.); удовольствуюсь въ настоящемъ случаѣ только тѣмъ клиническимъ, такъ сказать, матеріаломъ, который онъ даетъ мнѣ для характеристики молодежи. Считаю нужнымъ отмѣтить, однако, еще одно его утвержденіе, а именно, что современная молодежь, къ которой и онъ самъ принадлежитъ, «идетъ къ невѣдомому богу», благодаря чему ея симпатіи «символизму» законны, какъ необходимая реакція шестидесятымъ годамъ, реакція, вызывающая его, г. Сигмы, полнѣйшія сочувствіе и одобреніе.

III.

Итакъ изъ показаній современниковъ достаточно выясняется то общее положеніе, что поколѣніе 1880-хъ годовъ ¹⁾ — поколѣніе, въ большинствѣ случаевъ болѣзненно пораженное, причемъ симптомы болѣзни выражаются недостаткомъ знанія, верхоглядствомъ, мистицизмомъ («невѣдомый Богъ» и «символизмъ»), эгоизмомъ (высупенныя души), отсутствіемъ твердыхъ убѣжденій и «оторванностью ея отъ предыдущихъ теченій русской жизни». Констатируя эти болѣзненные симптомы, приходится невольно вспомнить Макса Нордау и его любопытную хотя часто и парадоксальную книгу «Вырожденіе», гдѣ имѣется блестящій анализъ психопатическихъ свойствъ нѣкоторой части западно-европейской интеллигенціи въ лицѣ ея художниковъ, писателей и мыслителей. Въ сжатомъ резюме положенія автора сводятся редакторомъ русскаго перевода книги «Вырожденіе», г. Сементковскимъ, къ слѣдующимъ выводамъ (стр. XXIX): «Жизнь современныхъ интеллигентныхъ людей дѣйствительно слагается такъ, что надо удивляться, какъ процентъ душевно-больныхъ, истеричныхъ, неврастениковъ, въ сущности еще такъ малъ,—говорить г. Сементковскій со словъ Макса Нордау. Въ перечисленіи условий, столь неблагоприятно отражающихся на умственномъ здоровьѣ интеллигенціи, встрѣчается у Нордау еще пробѣлъ: онъ не касается неблагоприятнаго вліянія, которое имѣютъ школа на нервную систему—вслѣдствіе чрезмѣрныхъ требованій, предъявляемыхъ учащимся, и вообще вся современная воспитательная система, гибельно отражающаяся на нервной жизни подростяющихъ поколѣній. Слѣдовательно та мрачная картина, которую рисуетъ намъ Нордау, можетъ быть еще дополнена, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы получаемъ ясное представленіе о всей совокупности условий, разрушительно вліяющихъ на нервную систему и искажающихъ умственную и нравственную жизнь современной интеллигенціи. Чрезмѣрная впечатлительность, субъективизмъ въ опредѣленіи значенія разныхъ жизненныхъ явленій, эгоизмъ, какъ послѣдствіе этого субъективизма, склонность къ предоставленію воли фантазіи, не стѣсняемой наблюденіемъ, опытомъ, вниманіемъ, мистицизмъ, какъ результатъ этой склонности, нерасположеніе относиться трезво къ дѣйствительности, неспособность къ выдержанному труду, нравственная извращенность, психопатизмъ во всѣхъ его видахъ, пессимизмъ, какъ послѣдствіе болѣзненнаго состоянія и неудовлетворенности, склонность къ самоубійству, — все это и со-

¹⁾ Считаю, однако, долгомъ оговориться во избѣжаніе могущихъ возникнуть нареканій. Признавая также молодежь 1880-хъ годовъ поколѣніемъ болѣзненнымъ, я не распространяю этого опредѣленія на всѣхъ безъ исключенія. Такія исключенія есть и въ литературѣ, и въ наукѣ, и исключенія при томъ достаточно рельефныя. О нихъ я имѣю намѣреніе потолковать въ другой разъ.

ставляетъ ту почву, на которой широко распространяются разныя художественныя произведенія и философскія ученія, не состоятельныя по существу, но прельщающія значительное число людей, находящихся въ нихъ отраженіе своихъ собственныхъ болѣзненныхъ чувствъ или оправданіе своимъ извращеннымъ инстинктамъ, своимъ психопатическимъ стремленіямъ. Съ большею силою анализа Нордау выясняетъ намъ эту сторону вопроса. Кромѣ того, онъ указываетъ, какъ эти болѣзненные теченія общественной мысли умышленно поддерживаются и усиливаются разными лицами, вполне здоровыми въ умственномъ отношеніи, но заинтересованными въ ихъ распространеніи для корыстныхъ цѣлей, чтобы самимъ выдвинуться, обратить на себя вниманіе и доставить себѣ матеріальныя выгоды. Спекуляція на психопатическія теченія общественной мысли достигаетъ въ настоящее время очень широкихъ размѣровъ. Какъ всякая другая спекуляція, она, конечно, не имѣетъ самостоятельнаго значенія, но во всякомъ случаѣ сильно способствуетъ дальнѣйшему развитію этихъ теченій, тѣмъ болѣе, что и печать все болѣе забываетъ о своей роли руководительницы общества и превращается въ прислужницу его дурныхъ инстинктовъ».

Прошу вникнуть хорошенько въ эти слова, излагающія воззрѣнія М. Нордау, и вспомнить то, что мною извлечено изъ показаній современниковъ о русскомъ поколѣніи молодежи 1880-хъ годовъ. Не бросается ли сразу въ глаза, что тѣ болѣзненные симптомы духовнаго настроенія молодежи, о которыхъ свидѣлствуютъ г.г. Кугель, N. N., Сигма, встрѣчаются en masse и въ числѣ симптомовъ, отмѣченныхъ М. Нордау, какъ признакъ «вырожденія»? Безспорно, да и не даромъ же сами молодые писатели именуютъ себя «лишними людьми», а покойный Н. Шелгуновъ окрестилъ это поколѣніе названіемъ «пожертвованное». Разница только въ томъ, что нѣмецкій мыслитель, найдя удачное слово «вырожденіе», игнорируетъ въ значительной степени факторы иного свойства, какъ, напримѣръ, социальныя, экономическія, а отчасти и политическія. Г. Сементковскій сдѣлалъ одну изъ необходимыхъ поправокъ, могущихъ найти свое обоснованіе и въ свидѣтельствахъ «восьмидесятниковъ», а именно онъ указалъ, что болѣзненность, аномальность душевнаго и умственнаго строя молодежи въ значительной степени объясняются воздѣйствіемъ нынѣшней воспитательной системы. Шелгуновъ же, пользуясь словомъ «пожертвованное», подразумѣваетъ здѣсь слѣдствіе социальныхъ причинъ. Вотъ почему я и полагаю, что діагнозъ болѣзни, установленный Нордау, примѣнимъ для того случая, о коемъ здѣсь идетъ рѣчь, если только мы будемъ имѣть въ виду все сказанное самими «восьмидесятниками» объ источникѣ ихъ болѣзни и характерѣ той среды, въ которую они вступили со скамьи школы средней и высшей.

Но не суть ли отмѣченные недостатки молодежи лишь случай-

ное совпаденіе съ характерными особенностями «вырождающихся» людей? Существуетъ ли дѣйствительная аналогія между тѣмъ, что наблюдаетъ авторъ «Вырожденія», и нѣкоторыми конкретными явлениями русской дѣйствительности? Нѣтъ, случайности здѣсь не существуетъ, а аналогія несомнѣнна: стоитъ только отъ общихъ разсужденій «восьмидесятниковъ» о своемъ поколѣніи перейти къ индивидуальнымъ чертамъ литературныхъ портретовъ, обрисовывающихся изъ ознакомленія съ литературой послѣдняго времени, о коей я имѣю въ виду говорить сегодня и принадлежащей именно молодежи 1880-хъ годовъ.

Видное мѣсто среди клиническихъ субъектовъ, выставленныхъ Нордау, занимаютъ такъ называемые «символисты». Вотъ какими представляетъ ихъ авторъ «Вырожденія»?.. Символисты «представляютъ собою замѣчательный примѣръ склонности психопатовъ составлять кучки, говоритъ онъ. Въ то же время они обладаютъ всѣми другими свойствами, характеризующими выродившихся и слабоумныхъ субъектовъ: безграничнымъ тщеславіемъ и чрезмѣрно высокимъ мнѣніемъ о себѣ, сильною воспримчивостью, неясностью и безсвязностью мысли, болтливостью (въ психіатріи логорея), полною неспособностью къ серьезному усидчивому труду... Всѣ они... люди глубоко-невѣжественные, и такъ какъ по слабости характера и по недостатку вниманія не были способны къ систематическому труду, то въ силу извѣстнаго психопатическаго закона увѣрили самихъ себя, что презираютъ всякое положительное знаніе и считаютъ занятіемъ, достойнымъ человѣка, только мечтаніе и отгадываніе, т.-е. «интуицію». Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Мореасъ и Гюэтъ, ставшіи впослѣдствіи «магомъ», читали все безъ разбора, что только имъ попадалось подъ руки у сосѣдняго букиниста, и плодами такого чтенія они угощали своихъ товарищей въ напыщенныхъ и таинственныхъ рѣчахъ. Слушатели воображали, что они занимаются серьезнымъ дѣломъ, но въ сущности они пріобрѣтали только безпорядочныя, поверхностныя знанія, которыя потомъ выгружали въ статьихъ и брошюрахъ, представляющихъ для нормальнаго читателя поистинѣ комическое столпотвореніе именъ Шопенгауэра, Дарвина, Тэна, Ренана, Шелли, Гёте, выхваченныхъ обрывковъ мыслей, непонятныхъ и дерзко-искаженныхъ положеній, словомъ, какихъ-то загадочныхъ отбросовъ, какой-то смѣси непереваренного чужаго добра». Далѣе авторъ говоритъ: «они скрашиваютъ свою неспособность къ умственной дисциплинѣ и выдержанному труду разными громкими и ласкательными названіями. Они толкуютъ о «художественномъ темпераментѣ», «свободной геніальности», «борьбѣ съ мелкими будничными стремленіями». Они издѣваются надъ тупоголовымъ буржуа, исполняющимъ, точно автоматъ, свою ежедневную работу, и презираютъ людей, требующихъ, чтобы всякій имѣлъ опредѣленное дѣло, и относящихся съ недоувѣріемъ къ «свободнымъ ху-

дожествамъ». Одинъ изъ представителей символизма жалуется: «Уличная суета, скрипъ колесъ правительственнаго механизма, газеты, выборы, перемѣны министерствъ, никогда не вызывали такого страшнаго шума, какъ теперь; крикливое всемогущество торговли подавило въ сознании народной массы стремленіе къ прекрасному, а промышленность отняла у нея досугъ, оставленный политикою». Наука, по мнѣнію этого писателя, «вычеркнула» слово: тайна. Тѣмъ же росчеркомъ пера она вычеркнула и слова: человѣчность, радость, истина, красота... Поэтому они утверждаютъ: «мы чувствуемъ себя окруженными неизвѣстнымъ и требуемъ, чтобы намъ по крайней мѣрѣ оставленъ былъ какой нибудь доступъ къ нему. Эволюціонная теорія и позитивизмъ преградили дорогу... Вотъ почему эволюціонная теорія хотя и породила великія мысли, но оказалась неспособною руководить умами». Мистика дорогѣ этимъ больнымъ людямъ, и они всѣми силами проповѣдуютъ смѣсь сверхчувственнаго и чувственнаго, религіозную и любовную мечтательность, при чемъ голова ихъ полна сладострастныхъ картинъ. Въ окружающихъ насъ явленіяхъ, пока еще недоступныхъ человѣческому уму, они видятъ знаменіе тайны, видятъ символы, посредствомъ которыхъ таинственная сила старается раскрыть или отмѣтить многое чудесное. Но эти больные люди, мистики и символисты—вовсе не простыя жертвы недуга, достойныя только состраданія. Изъ своей аномальности они сумѣли извлечь достаточную степень выгоды... «Для нихъ важно было, чтобы о нихъ вообще заговорили, утверждаетъ авторъ «Вырожденія». Они осѣдлали своихъ коней и полагали, что они превосходные наѣзники. Не довольствуясь достигнутымъ успѣхомъ, они начали втираться въ редакціи большихъ газетъ, и когда имъ удавалось просунуть въ дверь только одинъ палець, они вмигъ оказывались въ редакціонной комнатѣ, занимали въ ней мѣсто и обращали членовъ редакціи въ свою вѣру»; но во Франціи, — говоритъ Нордау, — «люди не попались на удочку, а назвали символизмъ его настоящимъ именемъ, то-есть сумасшествіемъ или спекуляціей. Такой приговоръ произносятъ надъ нимъ лучшіе представители литературы любого направленія».

IV.

Наблюдается что либо подобное въ нашей современной русской литературѣ, свѣжестью, красотой и реализмомъ которой мы до сихъ поръ такъ гордились? Увы, отрицательнаго отвѣта не приходится давать, и остается только констатировать, что въ настоящее время литература переступила уже порогъ клинической невмѣняемости. Большое поколѣніе 1880-хъ годовъ съ его мистическимъ исканіемъ «невѣдомаго бога», съ его «верхоглядствомъ», «высушенной душой», «оторванное отъ предыдущихъ теченій русской жизни», «пожертво-

ванное», необходимо должно было поставить отечественной литературы своих достойных, типичных представителей. И они не замедлили выступить шумно, радостно, дерзко... Они явились во всевозможных обликах: поэтовъ, беллетристовъ, критиковъ, философовъ и, наконецъ, даже редакторовъ ежемѣсячныхъ журналовъ. На русскую литературу пахнуло, по образному выражению г. Мережковского, «холодомъ могилы, страшнымъ запахомъ смерти и тлѣна». Конечно, у нихъ были свои предтечи, которыхъ по невѣжеству, зависти и злобѣ они не желали признавать за своихъ, но которые на самомъ дѣлѣ были застрѣльщиками того же лагеря. Покойный В. Бибиковъ ¹⁾, этотъ типичный представитель русскаго декадентства, не былъ признанъ и оцѣненъ редакціей того журнала, которая въ наши дни такъ шумно распустила гнилое знамя символизма. Лучшее произведение этого писателя «Мученики» («Сѣверный Вѣстникъ», 1891 г., № 12) было напечатано подъ псевдонимомъ И. Викторова и можетъ быть рассматриваемо, какъ самый красивый «ядовитый цвѣтокъ, выросшій на сорной литературной нивѣ безвременья восьмидесятыхъ годовъ». Тотъ же В. Бибиковъ, при содѣйствіи перемѣнившаго къ тому времени свое направленіе г. Ясинскаго, усиленно пропагандировалъ въ русскомъ обществѣ больного французскаго поэта Бодлера съ его мистицизмомъ, сладострастіемъ, ненавистью къ жизни и движенію. Въ концѣ же 1880-хъ годовъ широко развернулъ свои недюжинныя силы К. Фофановъ, этотъ больной поэтъ «безнадежныхъ петербургскихъ тумановъ, изъ которыхъ вышли полубезумные и таинственные герои Достоевскаго». Г. Мережковский далъ слѣдующую прекрасную характеристику своего больного сотоварища по перу: «За каждымъ его вдохновеніемъ вы чувствуете смутный гулъ никогда не засыпающей столицы, говоритъ онъ въ сочиненіи «О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ въ современной русской литературѣ»,—похожій на бредъ въ сумракѣ бѣлыхъ ночей, одиночество бѣдныхъ меблированныхъ комнатъ, которое доводитъ всѣми покинутыхъ людей до отчаянія, до самоубійства, декорацію грязныхъ улицъ Петербурга, которыя вдругъ, въ извѣстный часъ вечера, при извѣстномъ отгѣнкѣ туманной зари, смѣшанномъ съ голубоватымъ отблескомъ электричества, дѣлаются похожими на фантастическій и мрачный сонъ. Вы начинаете вѣрить, что это вовсе не шутка, когда поэтъ говоритъ вамъ о страхѣ безумія, о своей болѣзни, о нищетѣ, о гибели, что въ самомъ дѣлѣ въ рукѣ, писавшей подобныя строки, была лихорадочная дрожь, что поэтъ, говорящій о голодѣ, знаетъ по опыту, что такое голодь. Между приемами вамъ слышатся живые стоны живого человѣка. Вотъ что всего дороже въ поэзіи, вотъ за что можно все простить. За эти капли теплой человѣческой крови,

¹⁾ О В. И. Бибиковѣ см. прекрасный очеркъ С. А. Венгерова въ 8 т. «Критико-биографическаго словаря».

прямо изъ сердца упавшія на страницы книги, можно простить и дикость образовъ, и неуклюжесть формы, и наивныя описанія тропической природы, составленныя по школьнымъ учебникамъ географіи».

Но и К. Фофановъ, подобно В. Бибикову, не былъ признаваемъ въ началѣ своей болѣзненной поэтической дѣятельности «восьмидесятниками» и вынужденъ былъ искать себѣ великодушнаго пристанища среди чуждыхъ ему людей стараго поколѣнія. И г. Мережковский, и рецензенты «Сѣвернаго Вѣстника», этого современнаго очага символизма, не хотѣли признавать за г. Фофановымъ значенія типичнаго представителя современной больной литературы, къ которой понемногу примыкали они сами. Очевидно, «восьмидесятники» еще не собрались въ кучку, не столковались, шли въ разбродъ, не узнавая другъ друга въ наступившихъ потемкахъ русской дѣйствительности. Эпидемія еще не разыгралась, были только единичные случаи заболѣваній. Съ теченіемъ же времени болотные огоньки стали все чаще и чаще вспыхивать на современной литературной нивѣ... Прозорливый наблюдатель уже въ началѣ текущаго десятилѣтія имѣлъ право воскликнуть: быть худу! И это худое свершилось, свершилось поразительно быстро—на протяженіи какихъ нибудь четырехъ, пяти лѣтъ.

Въ одномъ изъ своихъ путешествій на Востокъ г. Потанинъ рассказываетъ любопытный случай, когда цѣлая мѣстность была поражена нервнымъ недугомъ, выразившимся въ повальной пляскѣ жителей. Во время случившагося землетрясенія тангутами овладѣло безуміе — они стали дико плясать, прорипать, ясновидѣть. Увлечение пляскою передавалось съ быстротою молніи отъ человѣка къ человѣку, отъ одной деревни къ другой, и вскорѣ вся долина въ окрестностяхъ г. Си-гу была заражена нервнымъ недугомъ. Но китайцы вскорѣ справились съ эпидеміей—они послали войско, перепоролы плясуновъ, и болѣзнь какъ рукой сняло.

Нѣчто аналогичное наблюдаемъ мы и въ исторіи новѣйшей русской литературы. Острый недугъ невращенія поразилъ вначалѣ двухъ, трехъ умственно и духовно-анемичныхъ «восьмидесятниковъ» — они стали «выкликать» о горизонтахъ «новой красоты», о символахъ, о сладострастіи, о ненависти къ жизни съ ея будничными обязанностями, о презрѣніи къ представителямъ буржуазіи и позитивной науки, короче стали на первое время достаточно несогласно проповѣдовать все то, что мною изложено выше, когда шла рѣчь о французскихъ символистахъ. Сумерки общественной жизни являлись благопріятной обстановкой для нервнаго зараженія; болезненное и безъ того поколѣніе 1880 годовъ, по свойству своему чрезвычайно воспріимчивое, не находило въ себѣ энергіи противодѣйствія надвигавшемуся и расплывавшемуся въ даль и ширь недугу, и эпидемія съ каждымъ днемъ стала захватывать въ свою власть

все большее и большее число лицъ: заболѣлъ г. Мережковскій, его супруга г-жа Гиппиусъ, г. Волынский, г-жа Гуревичъ, г-жа З. Венгерова, пострадалъ отъ эпидеміи даже г. Минскій, стали жертвами ея всѣ тѣ, которые, по выраженію г. Перцова, «повально пишутъ стихи и играютъ на віолончели», или, о которыхъ съ выраженіемъ симпатіи свидѣтельствуетъ г. Сигма, что они «идутъ къ невѣдомому богу». Больныхъ набралось такое количество, что для нихъ потребовалась даже своего рода «палата № 6», которая и нашла себѣ помѣщеніе въ редакціи «Сѣвернаго Вѣстника», замѣнившаго съ нынѣшняго года всѣ свои прежнія выѣски единою, огромною, рѣзко бросающеюся въ глаза, на которой крикливыми буквами выведена надпись: «Возвышенный символическій смыслъ». Такимъ образомъ для больныхъ нашлось помѣщеніе, палата вскорѣ обстроилась, условія приѣма объявлены, назначены и часы поступленія; кліенты размѣстились по койкамъ.

Знакомыя все лица! Тутъ «сорокалѣтній молодой поэтъ» г. Минскій, рядомъ г-жа Зинаида Венгерова, здѣсь же безпокойно вертящійся на мѣстѣ г. Мережковскій, бредящій то нѣмецкимъ философомъ Ницше, то декламирующій красивые, но безумные символическіе стихи. рядомъ съ нимъ и объявившая себя «новымъ человѣкомъ» г-жа Гиппиусъ (Мережковская), безсвязно лепечущая по адресу г. Волынскаго: «И вы, и я окружены врагами: тѣмъ отраднѣ встрѣтитесь друзьямъ»; сюда по нѣкоторымъ днямъ заходятъ гг. Фофановъ, Бальмонтъ и другіе молодые символисты послушать изступленную рѣчь самаго почетнаго обитателя «палаты»—г. Волынскаго, автора литературныхъ очерковъ «Русскіе критики», который, подобно Шарлю Морису во Франціи, является «теоретикомъ и философомъ символизма». Тутъ же по обязанностямъ хозяйства присутствуетъ и содержательница заведенія Л. Я. Гуревичъ, которая, разгуливая по палатѣ подъ руку съ литературнымъ «магомъ» палаты, изслѣдующимъ «художественныя и поэтическія произведенія изнутри», сирѣчь съ г. Волынскимъ, громко выкрикиваетъ: довѣрчивые русскіе люди, поддержите мою торговлю клиническимъ товаромъ! Всѣ сосѣдніе торговцы плохи, въ ихъ лавкахъ буржуазныя произведенія. Одна я лишь съ своими любезными помощниками могу вамъ доставить художественное наслажденіе возвышеннаго символическаго смысла!..

Не знаю, поддержитъ ли довѣрчивая русская публика слезно зывающую къ ней г-жу Гуревичъ — это покажетъ время; я же съ своей стороны спѣшу оповѣстить собратьевъ по перу, именно изъ числа тѣхъ, что сбиваются все чаще и чаще и въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ, и въ публицистическихъ работахъ, что въ учрежденіи г-жи Гуревичъ имѣются еще свободныя койки и, какъ слышно, за недорогую плату...

V.

Старѣйшій по возрасту въ заведеніи «возвышенный символическій смыслъ»—Н. М. Минскій. Этотъ поэтъ, какъ недавно это засвидѣтельствовалъ въ одномъ изъ своихъ очерковъ «Литература и жизнь» Н. К. Михайловскій, уже достигъ 40-лѣтняго возраста, такъ что собственно ему не мѣсто среди молодежи 1880-хъ годовъ, но какъ смерть, такъ и болѣзнъ все сравниваютъ и въ возрастѣ и положеніи—

И солнца ею сокрушатся,
И звѣзды ею потушатся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ,

а потому и заразившійся эпидеміей символизма авторъ «Бѣлыхъ ночей» очутился бокъ-о-бокъ съ гг. Мережковскимъ, Волынскимъ и другими. Кстати это и небезвыгодно: символисты, какъ я уже говорилъ выше, не брезгаютъ «спекуляціей». Въ общей кучкѣ остальныхъ больныхъ довѣрчивая и добросердечная читающая публика можетъ охотнѣе обратить свой любопытствующій взоръ и на сорокалѣтняго молодого поэта.

Въ былые годы, и даже еще весьма недавно, г. Минскій плѣнялъ сердца молодежи своими гражданскими мотивами и міровою скорбью; всякій передовой студентъ считалъ долгомъ имѣть въ своей библіотекѣ рукописный экземпляръ «Гефсиманскаго сада»; но нынѣ времена измѣнились—на гражданственность спросъ въ современномъ обществѣ упалъ, а борьба за нее и тяжела и не даетъ осязательнаго блага. И вотъ г. Минскій отвернулся отъ этой скучной буржуазійности, погрузился въ изученіе авторовъ «Вырожденія», сталъ любовно и со вкусомъ комментировать туманные и неудобопонимаемыя произведенія Метерлинка, сошелся съ гг. Мережковскимъ, Волынскимъ и прочими и... превращеніе въ символиста или заболѣваніе свершилось: авторъ «Бѣлыхъ ночей» сталъ достояніемъ психіатрической литературы. Въ «посвященіи», къ 3-му изданію своихъ «Стихотвореній» (1896 г.) онъ пишетъ:

Я цѣпи старыя свергаю,
Молитвы новыя пою.
Тебѣ, далекой, гимнъ слагаю,
Тебя, свободную, люблю.
.....
.....
Но впавшей въ океанъ бездонный
Возврата нѣтъ волнѣ ручья.
Въ твоихъ цѣпяхъ освобожденный,
Я—вѣчно твой, а ты—ничья.

Судя по нѣкоторымъ чертамъ, разбросаннымъ въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ поэта, сбившагося съ пути истины, онъ разумѣть адѣсь подъ словами «свободная» и «далекая» или какую-то симво-

листу или даже, может быть, самую символическую поэзію. Итакъ «въ цѣпяхъ освобожденный» (?) г. Минскій объявляетъ, что онъ начинаетъ пѣть новыя пѣсни. Замѣчу, кстати, что эти новыя пѣсни поются поэтомъ исключительно въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и въ послѣднемъ № этого журнала (1896 г.) онъ названы «холодными словами». Пусть читатель, однако, не думаетъ, что эти слова имѣютъ въ виду оттолкнуть, опечалить слушателя. Нѣтъ, въ этихъ словахъ заключается проповѣдь индифферентизма и эгоизма, то ученіе, которое указываетъ намъ: уснуть, остыть, забыть, простить. Въ такомъ только состояніи замерзанія или нравственной летаргіи человѣкъ можетъ постигнуть «невѣдомаго бога» и «отразить душою прозрачный, синій лучъ...» (!?!). Я думаю, что послѣ словъ—«освобожденія въ цѣпяхъ» и «отраженія душою синяго луча» о г. Минскѣ не приходится долѣе распространяться. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ безнадежно-больнымъ субъектомъ, причѣмъ приходится только констатировать, что его состояніе опасно, такъ какъ въ своемъ 3-мъ изданіи «Стихотвореній» онъ объявляетъ о приготовленіи къ печати труда З. А. Венгеровой «Идеалистическое творчество прежде и теперь», т. е. о собраніи тѣхъ статей, которыя въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ имѣли своимъ назначеніемъ пропагандировать среди русской читающей публики иностранныхъ декадентовъ, символистовъ и англійскихъ прерафаэлитовъ. Этимъ объявленіемъ г. Минскій содѣйствуетъ завѣдомо дурному дѣлу и вмѣсто того, чтобы убѣдить молодую писательницу заняться своимъ умственнымъ оздоровленіемъ, влечетъ ее за собою на путь болѣзненного символизма. На пятомъ десяткѣ годовъ жизни такое дѣяніе совратительства обнаруживаетъ только закоренѣлость недуга писателя, который поэтому самому не вызываетъ къ себѣ даже чувства соболѣзнованія или снисхожденія.

Естественно, что послѣ сказаннаго выше необходимо остановиться на г-жѣ З. Венгеровой. Эта молодая дѣятельница журналистики, попавшая, смѣю думать, только временно въ психіатрическое заведеніе г-жи Гуревичъ (см. «Сѣверный Вѣстникъ», 1896 г., № 1), заслуживаетъ сожалѣнія. О г-жѣ Венгеровой свѣдѣній въ справочной литературѣ не имѣется («Критико-біографическій» словарь ея брата до буквы В еще не достигъ), но вѣдомо только, что она подвизается въ нашей журналистикѣ не очень давно и преимущественно въ «Вѣстникѣ Европы», гдѣ, захлебываясь отъ восторга, описываетъ дѣянія и произведенія литературныхъ психопатовъ запада. Очерки ея написаны съ большимъ знаніемъ дѣла, вполне литературно и, къ величайшему удивленію, простымъ, яснымъ языкомъ, безъ всякихъ вывертовъ и крикливыхъ символизмѣвъ, что значительно отличаетъ ее отъ собратьевъ по палатѣ г-жи Гуревичъ. Можетъ быть, почтенная редакція, которая почему-то охотно печатаетъ эти статьи о литературной психопатіи, выправляетъ слогъ своей сотрудницы, и вѣроятно же всего предположить, что г-жа Венгерова

обрѣтается еще только въ первичныхъ трансактахъ болѣзни. Ея наивная восторженность передъ разными Метерлинками, Морисами, Мередитами несомнѣнна — она торжественно-ликующе повѣствуетъ ихъ жизнеописанія, представляетъ образцы ихъ творчества и по всей видимости безъ ума отъ всей декадентской поэзии. Можетъ быть, г-жу Венгерову въ настоящемъ случаѣ смущаетъ то обстоятельство, что родина всей этой литературной психопатіи—Западная Европа, подражать которой многіе еще наши дѣятели печати считаютъ нужнымъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ; можетъ быть, даже это европейское клише побуждаетъ и почтенную редакцію «Вѣстника Европы» культивировать въ изобиліи эти «ядовитые цвѣтки литературы», но, какъ бы то ни было, бѣдный русскій читатель отъ всей этой пропаганды больныхъ писателей ничего не выигрываетъ.

Г-жа Венгерова не безнадежно-больная, и недугъ ея не носить на себѣ хроническаго характера. Вылѣчить ее легко—стоитъ только «Вѣстнику Европы» прекратить печатаніе ея статей о декадентствѣ, изолировать ее отъ гг. Минскихъ, Волынскихъ и прочихъ русскихъ символистовъ и отдать подъ надзоръ и напоруки брата, С. Венгерова—трудолюбиваго и даровитаго русскаго критика и составителя извѣстнаго «Словаря». Подъ его воздѣйствіемъ, и въ его школѣ г-жа Венгерова навѣрное излѣчится отъ своего недуга—страсти къ литературнымъ психопатамъ и примѣнить свои недюжинныя силы къ изученію болѣе нормальныхъ теченій столь хорошо ей знакомой западно-европейской литературы, чѣмъ окажется несомнѣнную пользу русскому обществу.

Большій интересъ представляетъ собою для психіатрической литературы З. Н. Гиппиусъ, супруга поэта-символиста Д. Мережковскаго. Эта писательница страдаетъ явной неврастеніей на почвѣ анемичнаго литературнаго творчества. Г-жа Гиппиусъ лѣтъ уже пять какъ появилась въ нашей журналистикѣ, и ея беллетристическія произведенія занимаютъ вполне опредѣленное мѣсто въ новѣйшей русской литературѣ. Она не пишетъ большихъ повѣстей, романовъ, а пробавляется лишь мелкими рассказами, которые по своимъ сюжетамъ стоятъ на грани дѣтской литературы и литературы для взрослыхъ. Герои г-жи Гиппиусъ не взрослые люди, надѣленные опытомъ жизни, страстями и убѣжденіями. Передъ читателемъ проходитъ цѣлая галерея портретовъ юныхъ гимназистовъ, кадетовъ, студентовъ, юнкеровъ. Эта молодежь мужскаго пола ухаживаетъ за гимназистками, институтками или дѣвками, получающими воспитаніе въ родительскомъ домѣ. Разговоры ихъ чисто-дѣтскіе, разсужденія незрѣлыя, занятія днемъ, на людяхъ, не содержатъ въ себѣ ничего дѣльнаго, серьезнаго, достойнаго вниманія. Передъ читателями двигаются маленькія куколки, маріонетки, очень мило одѣтыя въ дешевыя дѣтскія платьица или мундирчики, волосики ихъ гладко причесаны, или

заплетены въ косички, при нихъ постоянно имѣются гувернантки, тетеньки, бонны. Этотъ дѣтскій міръ настолько заполняетъ собою всѣ представленія г-жи Гиппиусъ, что въ разсказѣ «Простая жизнь» у нея даже изображенная супружеская чета писателей — люди «веселые, бѣгаютъ по комнатамъ, ловятъ другъ друга, смѣются—точно дѣти». И манера писать у автора нѣсколько смахиваетъ на дѣтскія упражненія — фразы коротенькія, краски блѣдныя, краски дешевой акварели. Я бы могъ рекомендовать разсказы г-жи Гиппиусъ, какъ недурной подарокъ подростающему поколѣнію на елку, если бы... если бы, при внимательномъ ознакомленіи съ плодами ея творчества, я не пришелъ къ категорическому заключенію, что авторъ — писательница больная, съ разстроенной нервной системой, не совсѣмъ чистымъ воображеніемъ и вреднымъ общественнымъ profession de foi. Ея молодежь неспособна къ здоровому проявленію любви, не чувствуетъ обычнаго гнѣва или горя. На всѣхъ описываемыхъ ощущеніяхъ лежитъ печать какой-то болѣзненности. Влюбленные молодые люди не просто цѣлуются, клянутся въ любви или даже нарушаютъ заповѣди воздержанія, — нѣтъ, они только изнываютъ въ томительныхъ любовныхъ положеніяхъ, только сладострастничаютъ, прижимаются другъ къ другу ближе и тѣснѣе, жаждутъ въ объявшемъ ихъ блаженномъ состояніи обрѣсти «близость къ природѣ». Близость къ природѣ! — таковъ лозунгъ г-жи Гиппиусъ. Эта близость все должна простить и оправдать — и зло, и добро, такъ какъ все дозволено, все одинаково законно. Поцѣлуй героевъ не обычные поцѣлуй, описанные съ поконъ вѣка въ романахъ, а особые — сладострастные. Вотъ героиня цѣлуетъ свою невѣсту и думаетъ — «какія у нея мягкія, пріятныя губы», а нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ же, уже будучи женихомъ, обнималъ другую особу и надѣялся въ ея объятіяхъ найти себѣ счастье. И эта другая особа, миссъ Май, поучала его: «живи со мной, а доживай... съ кѣмъ хочешь... Я о свадьбахъ и знать не хочу. Любовь живая. Она пришла и ушла. А свадьбы — какое мнѣ дѣло? Пусть тамъ кто хочетъ... Я на это не пойду». Прошу замѣтить при этомъ, что эта эротическая психопатка не вызываетъ гнѣва г-жи Гиппиусъ, напротивъ — она героиня разсказа, которую авторъ старательно и любовно обрисовываетъ передъ читателями. Въ другомъ разсказѣ — «Местъ», опять идетъ дѣло о поцѣлуяхъ, и писательница набрасываетъ слѣдующую любопытную сценку: «Мама обѣими руками держала голову Далай-Лобачевского и крѣпко и рѣдко цѣловала его, медленно отрывая губы и отстраняясь немного каждый разъ, точно желая взглянуть ему въ глаза». Сынъ же этой милой «мамы», восьмилѣтній мальчуганъ, наблюдаетъ эту сцену, запоминаетъ ее и рассуждаетъ потомъ въ постели: «мама цѣловала Далай-Лобачевского, а папа ей это запрещаетъ, потому что жена, которая цѣлуется не съ мужемъ, а съ другимъ, измѣняетъ мужу». Этотъ пассажъ съ поцѣлуями даетъ мальчику Костѣ право

на мѣсть матери, и эта мѣсть, злое и скверное чувство ребенка, не вызываетъ осужденія г-жи Гиппіусъ: онъ законный актъ, существующій въ природѣ! Можно бы еще указать на инныя болѣзненные черточки, кривыя линіи въ произведеніяхъ г-жи Гиппіусъ-Мережковской, но я полагаю, что и приведеннаго достаточно для утвержденія, что рассказы «Новые люди» не могутъ быть рекомендованы для юношескихъ библіотекъ. Меня смущаетъ только, почему молодая писательница считаетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ «новыми людьми», и почему она считаетъ нужнымъ подарить ихъ г. Волинскому?

Въ предисловіи къ сборнику рассказовъ «Новые люди» мы читаемъ слѣдующее обращеніе къ г. Волинскому: «Разными путями можно идти къ одной цѣли. Ваша дорога отлична отъ моей, оружіе, которымъ вы боретесь,—иное, но мы идемъ въ одну сторону, ведемъ одну войну. И вы, и я окружены врагами: тѣмъ отраднѣе встрѣтятся друзьямъ. Духъ того, что вы пишете, близокъ мнѣ, и я дарю вамъ эту книгу—первыя ступени къ новой красотѣ, которая дорогѣ намъ обоимъ».

Читали ли вы что нибудь потѣшнѣе этого предисловія? Первыя ступени новой красоты! какъ онѣ вамъ нравятся? И какъ комична роль г. Волинскаго, парадирующаго передъ публикой въ амилуа повивальной бабки, принимающей отъ г-жи Гиппіусъ новыхъ, т. е. новорожденныхъ людей! Злѣе каррикатуры трудно было нарисовать: г. Волинскій съ засученными рукавами въ костюмѣ повитухи!... Сдѣлано это молодой писательницей по наивности, въ затемнѣніи умственныхъ способностей, а, можетъ быть, и изъ добраго желанія улучшить пребываніе своего супруга, Д. С. Мережковскаго, въ психіатрическомъ заведеніи г-жи Гуревичъ, гдѣ г. Волинскій, этотъ «магъ» палаты, могъ бы въ отместку за литературные очерки г. Мережковскаго, цитированные выше, какъ нибудь обидѣть своего критика. Мое сердце трогаетъ эта забота г-жи Гиппіусъ о комфортѣ своего мужа, но дѣла это тѣмъ не менѣе не мѣняетъ: что смѣшно — смѣшно. Помѣшательство автора «Новыхъ людей» тихое и неопасное: она не выкрикиваетъ, страдаетъ маніей преслѣдованія и только чуть слышно бредитъ символическими стихами, одинъ изъ образчиковъ которыхъ и привожу здѣсь.

ЦВѢТЫ НОЧИ.

О, ночному часу не вѣрите!
Онъ исполненъ злой красоты.
Въ этотъ часъ люди близки къ смерти,
Только странно живы цвѣты.
Темны теплыя, тихія стѣны,
И давно каминъ безъ огня,
И я жду отъ цвѣтовъ измѣны.
Ненавидятъ цвѣты меня.
Среди нихъ мнѣ жарко, тревожно,

Ароматъ ихъ душень и смѣль—
 Но уйти отъ нихъ невозможно,
 Но нельзя избѣжать ихъ стрѣль.
 Свѣтъ вечерній лучи бросаетъ
 Сквозь кровавый шелкъ на листы...
 Тѣло нѣжное оживаетъ—
 Пробудились злые цвѣты.
 Съ ядовитаго арума мѣрно
 Капли падаютъ на коверъ.
 Все таинственно, все невѣрно—
 И мнѣ тихій чудится споръ.
 Шелестятъ, шевелятся, дышатъ,
 Какъ враги, за мною слѣдятъ,
 Все, что я думаю, знаютъ, слышатъ
 И меня отравить хотятъ...
 О, часу ночному не вѣрьте,
 Берегитесь злой красоты!
 Въ этотъ часъ всѣ мы близки къ смерти—
 Только странно живы цвѣты.

Тшишш... не тревожьте сна больной г-жи Гипшюсъ, не прерывайте ея бреда: злые цвѣты хотятъ ее отравить и слышатъ все, что она думаетъ... Бѣдная! на ея выздоровленіе мало надежды: она находится подѣ постояннымъ вліяніемъ своего супруга, съ одной стороны, и философа символизма, г. Волинскаго, съ другой, которые оба и заражаютъ ее своимъ нервнымъ разстройствомъ.

VI.

Перейдемте къ другой койкѣ, гдѣ на больничной дощечкѣ значится: Д. С. Мережковскій—авторъ романа «Отверженный», переводчикъ и комментаторъ романа Лонгуса «Дафнисъ и Хлоя», постоянный сотрудникъ «Сѣвернаго Вѣстника». Слова — «авторъ критическаго труда «О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы» по требованію г. Волинскаго зачеркнуты, какъ напоминающія ему, г. Волинскому, непріятныя страницы его журнальной дѣятельности. Г. Мережковскій подвизается на литературномъ поприщѣ лѣтъ десять уже и успѣлъ создать себѣ репутацію несомнѣнно даровитаго писателя. Кандидатъ историко-филологическаго факультета здѣшняго университета, онъ часто поражаетъ своихъ читателей большимъ запасомъ знаній, особенно въ области античной и западно-европейской литературы. Поэтическія его произведенія отличаются красивымъ стилемъ, обработанностью, но страдаютъ отсутствіемъ искренности, простоты и сердечности. «Всѣ эти его Аввакумы, Сильвіо и т. п.,—говоритъ г. Скабичевскій въ своей «Истории новѣйшей русской литературы»,—представляются вымученными исчадіями превыспренней, но холодной фантазіи, исполненными банальныхъ риторическихъ фразъ, повидимому очень кра-

сивыхъ, но такихъ же безжизненныхъ и мишурныхъ, какъ искусственные цвѣты съ проволочными стеблями, съ коленкоровыми листьями и батистовыми цвѣтами». Эта характеристика нѣсколько излишне строга, какъ равно жестоко утверждение и г. Буренина, отрицающаго въ г. Мережковскомъ всякіе признаки таланта и низводящаго его поэтическія произведенія къ школьнымъ упражненіямъ недоучившагося гимназиста. Вообще присяжная критика предъявила къ молодому писателю непомѣрно-высокія требованія, упустивъ изъ виду, что онъ типичный «герой безвременья», чахлый цвѣтокъ на мусорной нивѣ современной поэзіи. Судите цвѣтокъ, но судите и свойства той почвы, которая произростила его. Правда, къ нападкамъ на него г. Мережковский въ послѣднее время далъ самъ поводъ, выпустивъ въ продажу книжку, гдѣ съ видомъ непогрѣшимаго знатока вздумалъ судить развязно всю русскую литературу и ея современныхъ критиковъ, но этотъ пассажъ случился всего года три назадъ, а нападки на поэта раздались, когда еще онъ только въ образѣ простого «жреца Аполлона» показывался публикѣ. Я склоненъ думать, что это обстоятельство имѣло роковое вліяніе на литературную судьбу г. Мережковского. Вспомните свидѣтельства г. Кугеля и г. NN., сверстниковъ разбираемаго нами поэта, о своихъ товарищахъ студентахъ 1880-хъ годовъ, и вы поймете, съ какимъ багажемъ характерныхъ свойствъ выступилъ г. Мережковский на литературное поприще. Свойства эти — верхоглядство, абстрактность мышленія, воспримчивость, оторванность отъ предыдущихъ теченій русской мысли, неспособность къ логическимъ построеніямъ, къ синтезу и недостатокъ усидчивости въ работѣ, плохое физическое здоровье, — каковыми печальными атрибутами наградила школа, средняя и высшая, своихъ бѣдныхъ питомцевъ. Г. Мережковский, достойный ея представитель; онъ классикъ *rig-sang* (кандидатъ историко-филологическаго факультета) и, какъ таковой, вышелъ изъ лона своей *almae matris* субъектомъ больнымъ духовно и физически; но не смотря на таившіеся въ немъ слѣды разрушенія, первые шаги его литературной дѣятельности не были рѣзко отмѣчены печатью безнадежности. Въ стихотвореніи 1883 г. (см. сборникъ его «Стихотвореній», изд. 1888 г.) «Поэту» г. Мережковский дѣлаетъ слѣдующее свое симпатичное литературное *profession de foi*.

Не презирай людей! безжалостной и гнѣвной
 Насмѣшкой не клейми ихъ горестей и нуждъ,
 Сознавъ могущество заботы повседневной,
 Ихъ страха и надеждъ не оставайся чуждъ.
 Какъ другъ, не какъ судья неумолимо-строгий,
 Войди въ толпу людей и оглянись вокругъ,
 Пойми ты говоръ ихъ и смутный гулъ тревоги,
 И стонъ подавленный невыразимыхъ мукъ.
 Сочувствуй горячо ихъ радостямъ и бѣдамъ,
 Узнай и полюби простой и темный людъ,
 Внимай безъ гордости ихъ будничнымъ бесѣдамъ

И, какъ святыню, чти ихъ незамѣтный трудъ.
 Сквозь мутную волну житейскаго потока
 Жемчужины на днѣ ты различишь тогда:
 Въ постыдной оргіи продажнаго порока—
 Слѣды раскаянья и жгучаго стыда,
 Улыбку матери надъ тихой колыбелью,
 Молитву грѣшника, и поцѣлуй любви,
 И вдохновеннаго возвышенною цѣлью,
 Борца за истину во мракѣ и крови.
 Поймешь ты красоту и смыслъ существованья
 Не въ упонительной и радостной мечтѣ,
 Не въ блестящихъ и цвѣтахъ, но въ терніяхъ страданья,
 Въ работѣ, въ бѣдности, въ суровой простотѣ.
 И жаждущую грудь роскошно утоляя,
 Нисчерпаема, какъ нектаръ золотой,
 Твой подвигъ тягостный сторицей награждая,
 Изъ жизни сумрачной поэзія святая
 Полетѣя свѣтлою, могучею струей.

Если эти стихи не могутъ служить образцомъ истиннаго поэтического вдохновенія, то они во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ о добрыхъ порывахъ и намѣреніяхъ вступающаго на поприще общественной дѣятельности молодого человѣка. Но какою мачихою обратилась къ нему судьба, какая драма разыгралась въ его жизни! Анемичный, слабаго здоровья, съ присущими всѣмъ восьмидесятикамъ недостатками, но вооруженный во всякомъ случаѣ добрыми намѣреніями, онъ былъ сурово встрѣченъ литературной старшей братіей. И рецензенты, и критики, стали что есть мочи бить по его бѣдной головѣ; одинъ толкалъ его на одну сторону, другой отшвыривалъ въ противоположную сторону. Юноша не выдержалъ всѣхъ этихъ пинковъ и обидъ, голова его пошла кругомъ, мысли перепутались и... вскорѣ онъ сталъ достояніемъ психіатрической литературы. Эпидемія мистицизма, символизма и декадентства въ то время (начало 1890-хъ годовъ) уже обнаружилась; болотные огоньки литературы вспыхивали то здѣсь, то тамъ. В. Бибииковъ уже выкрикивалъ стихи Бодлера, К. Фофановъ въ припадкѣ безумія воспѣвалъ «окровавленный кончикъ луны», Минскій писалъ свою гуманную книгу: «При свѣтѣ совѣсти», полную глубокаго мистицизма, съ его неразрѣшимыми метафизическими вопросами о безконечномъ, о смерти, о «невѣдомомъ богѣ», г. Волынский уже провозгласилъ торжество «новой мозговой линіи»... Больныхъ уже было много и все такихъ, съ которыми судьба сводила г. Мерещковскаго ежедневно, ежечасно. Въ общественной жизни царилъ глубокой сумракъ... Критическіе бичи свистали по его спянкѣ... Паническій ужасъ объялъ молодого писателя, его воспримчивая, нервная натура не имѣла силы противодѣйствовать злу, бороться съ надвигавшимся недугомъ, и вскорѣ онъ запѣлъ «новыя пѣсни» символическаго содержанія, сталъ выкрикать непонятныя здоровымъ людямъ слова, вторя общему хору своихъ литературныхъ пріятелей. Клиника

обогатилась новымъ экземпляромъ. Я не стану утомлять и разстраивать нервы читателей всѣмъ тѣмъ символическимъ бредомъ, которыми въ теченіе послѣднихъ лѣтъ г. Мережковскій наполнилъ страницы нашихъ журналовъ. Для образца приведу лишь одно изъ послѣднихъ, кстати, по выполненію очень красивыхъ стихотвореній, напечатанныхъ въ «Литературныхъ приложеніяхъ» къ журналу «Нива» (1895 года, № 12).

«То, чѣмъ я былъ»....

Скажите мнѣ, за что люблю, о волны,
Вашъ сладостный и непонятный шумъ,
Когда всю ночь ему внимаю, полный
Таинственныхъ и несказанныхъ думъ.....
Измѣнчивы, какъ я, и неизмѣнны,
Вы боретесь, и нѣтъ вамъ тишины,
И все-таки вы праздны и блаженны,
И олимпійской рѣзвостью полны.
Вы любите безумныя тревоги
И тихую, глубокую лазурь,
И каждый разъ еще яснѣй, какъ боги,
Съ улыбкою выходите изъ бурь.
И страстнаго вы учите безстрастью —
Не вѣрять злу людскому и добру,
Быть радостнымъ и не стремиться къ счастью
И жизнь любить, какъ вѣчную игру.
И мудрости вы учите свободной —
Все пѣніемъ и смѣхомъ побѣждать,
И въ красотѣ великой и холодной
Безцѣльно жить, безцѣльно умирать.
Вашъ вольный шумъ — для сердца укоризна.
Мой духъ влечетъ къ вамъ древняя любовь.
Не прахъ земли, а вы — моя отчизна,
Вы — то, чѣмъ былъ и чѣмъ я буду вновь!.....

Какая разница въ настроеніяхъ поэта начала 1880-хъ годовъ и половины 1890-хъ годовъ, какой контрастъ жизненныхъ задачъ! Тамъ — любовь къ ближнему, жажда дѣла и труда, здѣсь — индифферентное настроеніе, эгоизмъ, исканіе лишь олимпійскаго веселья и удовольствій, при чемъ освѣщающій все идеаль:

Безцѣльно жить, безцѣльно умирать!

Рядомъ съ этой переменной настроеній, нельзя не обратить вниманія, до какого совершенства достигла форма его стиха. Тамъ слогъ тяжелый, дубоватый, здѣсь — стиль легкій, звучный. Графоманія въ данномъ случаѣ оказала ему несомнѣнную и единственную услугу. Но не въ стихотворной дѣятельности г. Мережковскаго слѣдуетъ искать диагноза болѣзни. Авторъ далъ намъ иные источники суда надъ своей литературной дѣятельностью — прозаическія произведенія — «Критическіе очерки», романъ «Отверженный» и переводъ романъ Лонгуса «Дафнисъ и Хлоя».

VII.

Поэтъ-неврастеникъ, обижаемый и вышучиваемый рецензентами и критиками, не могъ не затаить въ сердцѣ мести и гнѣва; подобно злему мальчику «Костѣ» изъ разсказа г-жи Гиппиусъ, онъ рѣшилъ отмстить своей матери-литературѣ. Къ грѣхамъ ея не трудно было придратъся, и вотъ онъ выступилъ съ книжкой «О причинѣ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы», гдѣ далъ генеральное сраженіе всѣмъ своимъ противникамъ и хулителямъ. Образчикъ борьбы съ литераторами во имя мрака онъ почерпнулъ у своего собрата по ремеслу, у г. Волинскаго, который въ тѣ дни уже успѣлъ стяжать себѣ печальную славу претенціознаго и «смѣшного писателя». Образецъ былъ избранъ г. Мережковскимъ удачно — и мнѣніе, что онъ «измѣнникъ нашей родной русской литературѣ¹⁾», хоть нѣсколько приблизило его къ комической фигурѣ критика «Сѣвернаго Вѣстника», породило его съ редакціей этого журнала. Умственный аппаратъ г. Мережковскаго, когда онъ писалъ свои очерки, былъ уже совсѣмъ разстроенъ, и мысли здѣсь, по мѣткому выраженію г. Михайловскаго, «прыгали, какъ блохи». Въ этой критической работѣ г. Мережковскій подвергнулъ анаемѣ всѣхъ писателей, которые не признавали за нимъ репутаціи даровитаго поэта: досталось и г. Буренину, и г. Скабичевскому, и Протопопову, и г. Волинскому, послѣднему въ особенности. Пощаженымъ остался лишь г. Михайловскій, да и то, я думаю, больше по традиціямъ молодыхъ лѣтъ, когда онъ, Мережковскій, выступая на литературное поприще, клялся въ стихахъ быть честнымъ писателемъ и гражданиномъ и служить тому знамени, которое держитъ въ своихъ рукахъ соціологъ-публицистъ «Русскаго Богатства». Видно, совѣсть еще говорила въ молодомъ критикѣ, къ тому же г. Михайловскій не давалъ ему нужнаго повода для мести. Я не стану занимать читателей критическими разсужденіями г. Мережковскаго; въ свое время они нашли должную оцѣнку въ статьяхъ гг. Буренина, Скабичевскаго, Михайловскаго. Отмѣчу лишь одинъ моментъ, который любопытенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ нынѣшніе кліенты психіатрическаго заведенія г-жи Гуревичъ не сразу дружески сошлись въ одну кучку символистовъ, а первоначально, не узнаваемые другъ другомъ, шли въ разбродъ и даже въ упомомаченіи подымали руки на братьевъ своихъ. Я разумѣю отношенія г. Мережковскаго къ г. Волинскому. Въ самомъ началѣ статьи отмѣчено, какъ судить авторъ книги «О причинахъ упадка...» критика «Сѣвернаго Вѣстника», и какъ онъ по поводу его предрекаетъ русской литературѣ: быть худу!

¹⁾ См. А. Скабичевскій, «Сочиненія», стр. 838.

Вотъ какой литературный портретъ г. Волынскаго нарисованъ поэтомъ-символистомъ:

«Критикъ г. Волынской презираетъ простой человѣческій языкъ философа г. Волынскаго. Онъ даже притворяется русскимъ патриотомъ, когда ужъ русскаго въ немъ нѣтъ ровно ничего. Онъ откапываетъ какіе-то невѣроятные допотопные цвѣты краснорѣчія, чудовищно-комическіе, отъ которыхъ становится не смѣшно, а жутко на сердцѣ читателей, какъ отъ тѣхъ предметовъ роскоши, нѣкогда веселенькихъ и плѣнительныхъ бездѣлушекъ, которыя черезъ тысячелѣтія находятъ среди мертвыхъ костей въ гробахъ. Богъ съ ней, съ легкой ироніей, съ беззаботнымъ юморомъ г. Волынскаго! И эта зловѣщая карриатура на Спинозу своими мертвыми устами, своимъ деревянно-цвѣтистымъ языкомъ проповѣдуетъ деревянно-мертваго талмудическаго Бога. Въ сказочныхъ новеллахъ Эдгара Поэ являются мертвецы, ненадолго воскресшіе, одаренные искусственной жизнью. Они дѣйствуютъ, ходятъ, говорятъ, даже смѣются, совѣмъ, какъ живые. Ничего добраго не предвѣщаютъ ихъ лица безъ кровинки, напряженный, лихорадочный блескъ въ глазахъ. И настоящіе живые люди съ недобримъ предчувствіемъ смотрятъ на нихъ и думаютъ: быть худу. Юный рецензентъ «Сѣвернаго Вѣстника» всегда казался такимъ мертвецомъ изъ рассказовъ Эдгара Поэ, одареннымъ какою-то противоестественной жизнью. Пишетъ онъ статьи, проповѣдуетъ Бога, громитъ матеріализмъ, даже проявляетъ попытки юмора, совѣмъ, какъ живой, и все-таки я ничему не довѣряю и думаю: быть худу».

Только очень обозленный человѣкъ могъ нарисовать такую карриатуру на «Спинозу съ мертвыми устами», написать такой портретъ, куда художникъ-поэтъ вложилъ самыя мрачныя краски своего карандаша. Бѣдный г. Волынской!—думалъ я, читая эту характеристику; но какъ же близорукъ г. Мережковскій, когда онъ не узнаетъ въ этой карриатурѣ нѣкоторыхъ собственныхъ типическихъ чертъ! «Быть свалкѣ»,—говорилъ я себѣ, и мои слова оправдались въ послѣдствіи: г. Волынской разразился длинной іереміадою противъ своего портретиста. Но что комичнѣе всего, такъ это то, что г. Мережковскій въ своихъ разсужденіяхъ о новомъ Спинозѣ усиленно подчеркиваетъ его принадлежность къ еврейству. Дурного тутъ, пожалуй, нѣтъ ничего ни для г. Волынскаго, ни для г. Мережковскаго, но вотъ что оказалось: еврейство отрелось на страницахъ «Восхода», этой литературной колыбели г. Волынскаго, отъ всякой солидарности съ своимъ бывшимъ сотрудникомъ, выразило ему презрѣніе и извергло изъ нѣдръ передового еврейства. Лѣтопись человѣческая обогатилась новымъ событіемъ. Какъ въ музыкѣ имѣется Фаустъ настоящій и «Фаустъ наизнанку», такъ и скрижали литературы богаты нынѣ двумя эпизодами: отлученіемъ настоящаго Спинозы грознымъ собраніемъ раввиновъ въ Амстердамѣ и отлученіемъ карриатурнаго «Спинозы съ

мертвыми устами» органомъ г. Ландау. Какая комическая аналогія событій въ жизни двухъ философовъ! И я убѣжденъ, что въ исторіи умственного и душевнаго затменія г. Волынскаго г. Ландау сыгралъ немалую роль. Но вернемся къ г. Мережковскому.

Высмѣиваемый, какъ поэтъ, осуждаемый, какъ критикъ, онъ рѣшилъ выступить передъ публикой въ новомъ обликѣ — обликѣ романиста и переводчика. Въ какой области искать сюжетовъ своему будущему произведенію, въ какой органъ печати обратиться съ своимъ произведеніемъ? Какъ бывший студентъ историко-филологическаго факультета, онъ остановилъ свое вниманіе на классическомъ мірѣ Эллады и Рима; какъ заправскій уже символистъ, явно оторвавшійся отъ былыхъ теченій русской мысли, онъ поборолъ свое самолюбие и распростерся въ прахъ передъ г. Волынскимъ: прости, не помни зла — мы теперь оба «прекрасны, какъ боги», прими мое больное произведеніе и напечатай его въ руководимомъ тобою символическомъ журналѣ! Я думаю, что г. Волынский никогда въ жизни еще такъ не торжествовалъ, какъ въ ту минуту, когда г. Мережковскій ловилъ его руку для лобзанья. Буря восторга забушевала въ груди критика, и онъ снисошелъ: романъ «Отверженный» былъ принятъ редакціей «Сѣвернаго Вѣстника». Конечно, г. Волынский не простилъ въ злобномъ сердцѣ своемъ автору фразы «мертвой головѣ изъ Эдгара Поэ», и еще настанетъ день, когда онъ вспомнитъ г. Мережковскому его сатирическую выходку, но пока... пока можно *faire bonne mine au mauvais jeu* и тѣмъ болѣе, что искупительной жертвой тутъ явилась г-жа Гиппиусъ съ ея неосмысленнымъ лепетомъ о «первыхъ ступеняхъ къ новой красотѣ». Да здравствуетъ самопожертвованіе во имя союза символистовъ! Но, бѣдная г-жа Гиппиусъ! какой цѣной достигла она этого союза: писательница лежитъ теперь больная въ палатѣ «Возвышенный смыслъ символизма»...

Когда г. Мережковскій задумалъ своего «Отверженнаго», онъ былъ уже вполне сформировавшійся символистъ, съ идеаломъ «безъ цѣли жить, безъ цѣли умирать». Умственные его способности уже потерпѣли катастрофу, а тутъ вдругъ ему встрѣтилось на пути ученіе безумнаго нѣмецкаго философа Ницше, въ которомъ, конечно, онъ уже разобрался рѣшительно не былъ въ состояніи. Мысли его уже не заскакали, «какъ блохи», а расплзлись во всѣ стороны, какъ темные, обрубленные, куски червяковъ. Наступилъ моментъ полного умственного маразма, но моментъ во всякомъ случаѣ выгодный, чтобъ заставить о себѣ говорить. Публика русская была заинтересована ученіемъ Ницше, и вотъ г. Мережковскій безсвязно собралъ свои обрывки университетскаго знанія греческихъ и римскихъ древностей, присосѣдилъ сюда свое знакомство съ христіанской философіей (вѣроятно, изъ лекцій покойнаго Владиславлева), привычною рукой графомана наскоро связалъ все это въ одну кучу, напшиговалъ ее ученіемъ Ницше, облилъ лучами поэзіи, и историче-

скій романъ былъ готовъ. О, онъ достигъ успѣха—о немъ заговорили! Теперь, лежа на койкѣ рядомъ съ г. Волынскимъ, онъ можетъ смѣло смотрѣть ему въ глаза: они сравнялись въ извѣстности. Направленіе обоихъ писателей мрачно, реакціонно, представители критики считаютъ ихъ обоихъ опасными для общества, произведенія ихъ печатаются въ одномъ и томъ же журналѣ. Чего же болѣе? Г. Мережковский имѣетъ даже шансы преимущества—его романъ написанъ хорошимъ русскимъ языкомъ, чего не можетъ достигнуть, несмотря на всю свою графоманію, сосѣдъ по койкѣ. Есть и еще одна существенная разница, отличающая обоихъ писателей: г. Мережковский, несмотря на всѣ страшные выводы, вытекающіе изъ его романа, явилъ себя на этотъ разъ высокимъ художникомъ, талантливымъ творцомъ, на палитрѣ котораго оказались блестящія, яркія краски. Безумные крики, раздающіеся со страницъ «Отверженнаго», дѣйствительно потрясаютъ, волнуютъ читателей, и въ этомъ-то вся опасность для общества такого произведенія, которое старательно преподносится ему въ двухъ видахъ—и на страницахъ ежемѣсячнаго журнала, и въ отдѣльномъ изданіи. Малосвѣдущую, легковѣрную и увлекающуюся толпу растлѣвающее учене автора о двухъ правдахъ въ мірѣ, стоящихъ внѣ добра и зла, о томъ, что царство Люцифера равно Богу, такое учене, говорю я, можетъ толпу развратить, сбить съ толка, вышибить изъ нея послѣдніе свѣтлые идеалы, которыми она и безъ того небогата. Романъ «Отверженный» — вещь талантливая, но безуміемъ своей морали опасная и ядовитая. Вліяніе этого литературнаго произведенія должно быть парализовано, и къ чести нашей критики всѣхъ отгѣнковъ должно замѣтить, что она отнеслась къ г. Мережковскому съ осужденіемъ и негодованіемъ. Безумецъ названъ своимъ именемъ. Такіе противоположные по своимъ убѣжденіямъ органы печати, какъ «Русскій Вѣстникъ» и «Русское Богатство» или «Недѣля», одинаково осудили автора романа «Отверженный».

Содержаніе романа г. Мережковскаго—жизнь Юліана Отступника съ его юныхъ дней до послѣдняго вздоха, перемѣны въ его судьбѣ, любопытные эпизоды его бурнаго существованія. Эпоха выбрана авторомъ эффектная, и онъ отнесся къ своей задачѣ съ любовью и стараніемъ. Обстановочная сторона дѣла нарисована имъ превосходно, вся, такъ называемая, *nature morte* просто приводитъ въ восторгъ: всѣ эти портики, храмы, статуи, дома, улицы, бани, рельефно выступаютъ на полотнѣ художника, и самъ знатокъ дѣла, г. Бакаловичъ, могъ бы позавидовать кисти молодого писателя. Очень хороши также уличныя сцены, напримѣръ, въ кварталахъ Селевкии Сирійской (ч. I, гл. VI), отдѣльные эпизоды романа—вселенскіе соборы (гл. XV ч. I, или VI, ч. II), съ ихъ нестройнымъ движеніемъ толпы, съ колоритными группами христіанъ разныхъ толковъ; недурно сдѣлано также описаніе битвъ съ германцами, съ персами, изо-

браженіе событій въ Парижѣ и множество другихъ взятыхъ порознь, отдѣльныхъ картинъ, отдѣльныхъ эпизодовъ. Но сила романа, по замыслу автора, не въ описательной части, не въ мелкихъ историческихъ эпизодахъ, а въ психологіи главнаго дѣйствующаго лица Юліана Отверженнаго, въ разговорѣ его съ приближенными, въ портретахъ этихъ приближенныхъ, въ субъективномъ анализѣ фактовъ и характеровъ, въ фальшивомъ освѣщеніи исторической дѣйствительности. Не стоитъ ловить автора на мелкихъ промахахъ — его знаніе древней исторіи не всегда его выручаетъ, и онъ ненамѣренно, а, можетъ быть, иногда тенденціозности ради не прочь отступить отъ истины. «Средній читатель не замѣтитъ этихъ промаховъ, а критики направятъ свое благосклонное вниманіе на иную сторону дѣла», такъ, вѣроятно, думалъ г. Мережковскій и не ошибся въ расчетѣ. Впрочемъ, нельзя не отмѣтить, чтъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1896 г., № 1) на историческія детальныя несообразности обращено достаточное вниманіе, почему интересующихся этимъ направляю по указанному адресу.

VII.

Главная историческая фальшь романа г. Мережковского заключается въ томъ, что авторъ увѣряетъ, будто языческій политезизмъ былъ побѣжденъ именно при Юліанѣ «Отверженномъ», когда вмѣстѣ съ тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, язычество уже сошло со сцены, и отъ него лишь оставались мелкія, мертвыя части, которыя авторъ и пытается гальванизировать, какъ что-то цѣльное, одухотворенное, сильное и мощное. Такимъ образомъ, фонъ картины нарисованъ въ искаженномъ видѣ, случайными, неправильными мазками и сомнительными красками. Одинаково неправильно поставлена и освѣщена фигура героя — Юліана. Г. Мережковскій не называетъ его общепринятымъ въ исторіи именемъ «Отступника», а придумываетъ ему эпитетъ «Отверженный», и дѣлается это неспроста. Юліанъ не отступился, по мнѣнію автора, отъ господствовавшей религіи, а былъ лишь отвергнутъ не кѣмъ инымъ, какъ нелюбимыми имъ христіанами, этими людьми, «полными ужаса и смрада галилейскаго». Во имя своего дикаго ученія — культа античной бездушной красоты, авторъ не щадитъ красокъ, чтобъ представить галилеянъ въ мрачномъ, несимпатичномъ видѣ. Сцены, гдѣ дѣйствующими лицами являются эти представители альтруизма, написаны имъ удивительно реально, сильно, красиво, но врядъ ли исторически-правильно. Ему во что бы то ни стало надо ради своихъ тенденцій, почерпнутыхъ изъ ученій символистовъ, изъ ученія Ницше, выставить христіанъ смрадными, и онъ въ видѣ антитезы эгоистической эллинской жизни, радостной красотѣ, обнажаетъ тѣло христіанское и покрываетъ его всяческими изъязвами. «Это была хри-

стіанка, старая дѣва, искавшая жениховъ. На головѣ ея возвышался парикъ въ видѣ шлема, «галеріонъ», изъ знаменитыхъ въ то время германскихъ волосъ, пересыпанныхъ золотою пудрою, описываетъ г. Мережковскій дѣйствующихъ лицъ устроенной Юліаномъ процесіи. Вся, какъ восточный идолъ, увѣшанная драгоценными камнями, натягивала она тигровую шкуру на свою изсохшую старушечью грудь, безстыдно набѣленную,—и улыбалась жеманно». Таковъ внѣшній видъ христіанки, а вотъ вамъ язычница, жрица символизма, культъ чистой красоты. Передъ нами нарисована голая Арсиноя; она мечетъ дискъ. «Она открыла лицо, закинувъ руки надъ головою. Волосы ея на концахъ были блѣдно-золотые, какъ желтый медь на солнцѣ, съ болѣе темнымъ рыжеватымъ оттѣнкомъ у корней. Губы полуоткрылись съ улыбкой дѣтской радости. Солнце скользило по голому тѣлу ниже и ниже. Она стояла чистая, облеченная свѣтомъ и красотой, какъ самыми цѣломудренными изъ одеждъ». Въ своихъ комментаріяхъ къ роману Лонгуса «Дафнисъ и Хлоя», о коихъ ниже, г. Мережковскій такъ рассуждаетъ (стр. 15): «что можетъ быть чище и дѣвственнѣе граціозныхъ пляшущихъ нимфъ, обвитыхъ воздушными туниками, или пастушковъ, не знающихъ даже имени любви? Но вы невольно чувствуете, что если герои еще и не знаютъ любви, то поэтъ уже слишкомъ хорошо, слишкомъ безнадежно позналъ, что такое любовь».

Когда я читалъ описанія г. Мережковскимъ голыхъ тѣлъ языческихъ женщинъ и даже мраморныхъ статуй, я подумалъ: поэтъ позналъ, что такое любовь, но не здоровую любовь, а то сладострастіе, которое онъ съ такимъ восторгомъ воспѣваетъ! Будь живъ покойный Ѳеодоръ Павловичъ Карамазовъ, онъ потрепалъ бы г. Мережковскаго по плечу и сказалъ: «миленькій, у тебя губа не дура! но зачѣмъ ты маскируешь свои чувства холодными символами? ты, какъ и я, смакуешь клубничку»...

Нарисовавъ фальшиво фонъ своей исторической картины, тенденціозно представивъ въ отталкивающемъ видѣ христіанъ и воспѣвъ эллинское голое тѣло, авторъ выдвигаетъ на первый планъ фигуру Юліана и его учителя, хитраго іерофанта Максима Эфесскаго. Вотъ характерная бесѣда этихъ двухъ героевъ (стр. 54).

- Двѣ истины!..
- Двѣ. Все двойственно.
- Ты соблазняешь...
- Не я, но полная истина соблазнительна и необычайна. Если боишься— молчи.
- Я не боюсь. Говори все. Галилеяне правы?
- Да.
- Зачѣмъ же я отрекся?
- Есть еще другая правда.
- Высшая?
- Нѣтъ! Равная той, отъ которой ты отрекся.
- Но во что же вѣрить? Гдѣ Богъ, котораго я ищу?

— И тамъ, и здѣсь. Служи Ариману, служи Ормузду, какъ хочешь, но помни, что оба равны, царство Люцифера—равно царству Бога.

— Куда идти?

— Выбери одинъ изъ двухъ путей и не останавливайся.

— Какой?

— Если вѣришь въ Него, возьми крестъ, иди за нимъ, какъ Онъ велѣлъ. Будь смиреннымъ, будь дѣвственнымъ, будь агнцомъ безгласнымъ въ рукахъ палачей. Бѣги въ пустыню, отдай Ему плоть и духъ, и разумъ. Терпи. Вѣрь. Это одинъ изъ двухъ путей: великіе страстотерпцы галилеяне достигаютъ такой же свободы, какъ Прометей и Люциферъ.

— Я не хочу!

— Тогда избери другой путь: будь владыкой, будь подобнымъ древнимъ, суровымъ мужамъ. Будь сильнымъ, будь гордымъ, будь неумолимымъ и прекраснымъ. Не жалѣй, не люби, не прощай! Возстань и побѣди все! Да будетъ тѣло твое, какъ тѣло мраморныхъ полубоговъ! Бери и не отдавай! Вкуси отъ запретнаго плода и не раскайся! Не вѣрь и познавай! И міръ будетъ твой, и ты будешь, какъ Титанъ и Ангель, возставшій на Бога!

— Но я не могу забыть, что въ словахъ галилеянина есть правда, я не могу вынести двухъ истинъ!

— Если не можешь, будешь, какъ всѣ. Лучше погибнуть...

Приведу для характеристики литературной фізіономіи г. Мережковского и его вкусовъ еще одну характерную сцену (стр. 237), когда Юліанъ во время своего похода противъ персовъ, отшвырнувъ ногою жертвенникъ, къ ужасу толпы, съ воздѣтыми къ небу руками и горящими глазами восклицаетъ:

— Клянусь вѣчною радостью, заключенною здѣсь, въ моемъ сердцѣ, отрекаюсь отъ васъ, какъ вы отъ меня отреклись, покидаю васъ, какъ вы меня покинули, блаженные и безсильные. Я одинъ противъ васъ, олимпійскіе призраки! Я подобенъ вамъ, но не равенъ, потому что я—человѣкъ, а вы только боги. Давно уже сердце мое жаждало послѣдняго освобожденія, и вотъ теперь я порываю нашъ договоръ. Я смѣюсь надъ моимъ суевѣрнымъ ужасомъ, надъ дѣтскимъ лепетомъ вашихъ пророчествъ. Я жить, какъ рабъ, и могъ бы умереть, какъ рабъ, но я проснулся, я понять, что я—сильнѣе боговъ, потому что, обреченный смерти, я побѣдить смерть. Не надо унынья, не надо страха, не надо жертвъ, не надо молитвъ. Кончено! Отнынѣ въ жизни моей не будетъ ни одной тѣни, ни одного трепета, ничего, кромѣ олимпійскаго вѣчнаго смѣха, который я похищаю у васъ, умершіе, ничего—кромѣ небеснаго огня, который я похищаю у васъ, безсмертные! Жизнь моя будетъ, какъ неподвижная лазурь, въ которой вы нѣкогда жили, а теперь—умираете, чтобы уступить мѣсто намъ, богоподобнымъ!.. Максимъ, Максимъ, ты правъ: духъ твой на мнѣ!

Правда Максима—эта правда о двухъ истинахъ, проповѣдь жизни безъ страха, безъ жертвъ и молитвъ почерпнута г. Мережковскимъ цѣликомъ изъ сочиненія «Сумерки идоловъ» Ницше. Двойственный, болѣзненный свѣтъ гнилой морали безумнаго нѣмецкаго философа пришелся по душѣ г. Мережковскому, и онъ облилъ имъ своихъ излюбленныхъ героевъ романа—и Юліана, и Максима, и Арсиною. Въ романѣ «Отверженный», авторъ является у насъ въ литературѣ первымъ провозвѣстникомъ торжества ученія «Сумерекъ идоловъ» и тѣмъ даетъ основаніе причислить себя къ безнадежно больнымъ

людямъ, которые, пользуясь своимъ природнымъ талантомъ, подобно болотному огоньку, только вводятъ читателей въ заблужденіе и затягиваютъ ихъ въ гнилое болото. Въ очеркъ о молодежи я назвалъ романъ г. Мережковскаго «прекраснымъ»; слово употреблено мною не совѣтъ точно: слѣдовало сказать «талантливымъ», чего я не отрицаю и посейчасъ. Романъ талантливъ, интересенъ, и читателю, стоящему на уровнѣ философскихъ знаній вѣка, можетъ доставить много удовольствія, но для массы, для читателей ординарныхъ онъ—произведеніе вредное, дурное по своей тенденціи и эротической болѣзненной чувственности.

Эта эротоманія захватываетъ въ настоящее время г. Мережковскаго все сильнѣе и сильнѣе и, что проглядывало въ романѣ «Отверженный», только какъ начало болѣзни, въ комментаріяхъ къ роману Лонгуса «Дафнисъ и Хлоя» обнаруживается во всей силѣ. Его увлеченіе двойной моралью Олимпа и Голгофы находитъ себѣ здѣсь подтвержденіе съ примѣсью при этомъ самыхъ извращенныхъ любовныхъ чувствъ. Г. Мережковскій говоритъ (стр. 10—11) въ предисловіи къ Лонгусу: «Но для насъ, людей XIX вѣка, ожидающихъ въ таинственныхъ сумеркахъ новаго, еще невѣдомаго солнца, предчувствующихъ, что Великій Панъ, умершій пятнадцать вѣковъ тому назадъ, скоро долженъ воскреснуть, эта вѣщая, сладкая грусть дѣлаетъ поэму Лонгуса особенно близкой, понятной и плѣнительной. Они похожи на насъ, эти странные, одинокіе и утонченные эстетика, риторы, софисты, гностики IV вѣка. Они такъ же, какъ мы, люди глубоко-раздвоенные, люди прошлаго и будущаго, только не настоящаго, дерзновенные въ мысляхъ, робкіе въ дѣйствіяхъ, среди мрака и холода носящіе въ себѣ зародыши новой жизни, стоящіе на рубежѣ стараго и новаго, люди Упадка и вмѣстѣ съ тѣмъ Возрожденія, или, говоря современнымъ, общепринятымъ и все-таки почти никому непонятнымъ языкомъ, это — въ одно и то же время и декаденты, то-есть гибнущіе, доводящіе утонченность дряхлаго міра до болѣзни, до безумья, до безвкусыя, и «символисты, то-есть возрождающіеся, предрекающіе знаменьями и образами то, что еще нельзя сказать словами, потому что оно еще не настало, а только вѣетъ и чувствуется,—пришествіе Новаго Міра».

Г. Мережковскій начерталъ здѣсь свой собственный портретъ, но забылъ присоединить сюда еще одну черточку—сладострастность. Истолковывая съ сочувствіемъ на всѣ лады невѣдомаго античнаго автора, онъ поучаетъ насъ, что (стр. 36): «христіане подъ любовью понимали братскую жалость, а Лонгусъ—сочетаніе мужскаго и женскаго начала во вселенной, то, что мы теперь называемъ гениемъ рода—сладострастіе». И дальше: «Лонгусъ показалъ намъ любовь, какъ верховную силу природы, любовь—внѣ добра и зла, выше добра и зла, любовь, какъ высшую свободу и познаніе міра въ красотѣ».

Русскій Ницше, сладострастный мистикъ, г. Мережковскій не

довольствуется тѣмъ, что при содѣйствіи античныхъ образовъ насаждаетъ въ русской литературѣ, онъ простираетъ свои злые замыслы и дальше: въ предисловіи къ роману «Отверженный» онъ обѣщаетъ свою теорію двухъ истинъ развить въ трилогіи. Первая книга уже отпечатана подѣ фирмой «Отверженный», вторая должна заимствовать свой сюжетъ изъ эпохи «Возрожденія», гдѣ въ героѣ этой части—Леонардо да-Винчи, онъ покажетъ воскресшую борьбу Голговы и Олимпа, и наконецъ, третья часть должна насъ перенести въ эпоху Петра Великаго, гдѣ въ лицахъ преобразователя Россіи и его сына Алексѣя снова во всей силѣ пробуждается антитеза язычества и христіанства, при чемъ Петръ Великій долженъ явиться передъ читателемъ въ блестящемъ нарядѣ язычника, а сынъ его—въ смиренной хламидѣ христіанина! Каковъ замыселъ автора? Какова болѣзненность мысли и стремленіе подгонять подѣ искусственныя формы выношенные въ душѣ идеалы? Бѣдная русская исторія, развязный историческій романистъ!.. Г. Мережковскій просто спекулируетъ своимъ психическимъ разстройствомъ, потому что рѣшительно не хочется вѣрить, чтобъ университетская наука не научила его распознавать смысла эпохъ и событій, отошедшихъ отъ насъ не въ столь далекое прошлое.

Это—безнадежно и буйно больной. Оставимъ его корчиться на своей койкѣ и перейдемъ къ философу символизма, къ «Спинозѣ съ мертвыми устами».

VIII.

Г. Волинскій не долженъ былъ бы быть разсматриваемъ, какъ опасный и серьезно-больной, подобно г. Мережковскому. Если съ послѣднимъ критики и рецензенты разговариваютъ серьезно, на него сердятся, негодуютъ, то дѣлается это потому, что онъ дѣйствительно даровитый писатель, могущій завлечь въ свои ядовитыя сѣти неопытныхъ и наивныхъ читателей, склонныхъ въ «болотныхъ огонькахъ» видѣть истинный свѣтъ. Не то представляетъ изъ себя г. Волинскій. Это дѣятель журналистики старательный, усидчивый, кропотливый, но положительно мало даровитый и, какъ всякая посредственность, не могущій рассчитывать на широкій кругъ вліянія. Серьезно имъ заниматься наша критика уже давно перестала—надъ нимъ только смѣются и... его не читаютъ. Г. Михайловскій, кажется, первый объявилъ его «смѣшнымъ писателемъ», г. Буренинъ приравниваетъ его творенія къ разряду дѣтской любочной литературы, порожденныя завистью къ взрослымъ и тщеславіемъ. Г. Мережковскій... но я уже достаточно указывалъ, какъ думаетъ авторъ «Отверженнаго» о своемъ сосѣдѣ по койкѣ, такъ что повторять не стоитъ; г. Скабическій пропускаетъ г. Волинскаго, не считая до сихъ поръ нужнымъ останавливаться на его

журнальныхъ статьяxъ, какъ на предметѣ очень ничтожномъ; редакціи «Вѣстника Европы» и «Русскихъ Вѣдомостей» усматриваютъ въ немъ явленіе реакціонное; редакція «Восхода» его предала анаемѣ, и только иногда г. Левъ Тихоміровъ изъ «Русскаго Обзорѣнія» одобрительно треплетъ его по плечу и цитируетъ его туманныя изреченія, въ чемъ нѣкоторые не безъ основанія видятъ подтвержденіе поговорки, что «рыбакъ рыбака видитъ издалека». Итакъ, въ общей сложности г. Волынской, какъ литературный дѣятель, не Богъ вѣсть сколь опасный, и о немъ не стоило бы долго распространяться, если бы сюда не замѣшалась одна совершенно особая сторона дѣла, которая и побуждаетъ меня обратить на него особенно серьезное вниманіе. «Не довольствуясь достигнутымъ успѣхомъ, они, т. е. символисты, говоритъ Нордау, начали втираться въ редакціи большихъ газетъ, и когда имъ удавалось просунуть въ дверь только одинъ палець, они въ мигъ оказывались въ редакціонной комнатѣ, занимали въ ней мѣсто и обращали членовъ редакціи въ свою вѣру». Можно подумать, что Нордау, когда писалъ эти строки, имѣлъ именно въ виду нашего философа символизма, г. Волынскаго. Послужной списокъ послѣдняго точь въ точь составилъ по указанной программѣ. Сначала онъ что-то пописывалъ въ «Восходѣ», потомъ получилъ работу въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», помѣстивъ здѣсь двѣ-три компилятивныя статьи по философіи,—просунулъ палець въ дверь редакціи, и вскорѣ очутился вершителемъ судьбы журнала. Онъ подписываетъ редакціонные манифесты; изъ-за него издательница журнала со всѣми ссорится, его же въ своихъ статьяxъ прославляетъ постоянный сотрудникъ г. Л. Полонскій, для его же величанія приглашаютъ старенькаго и захудалаго литератора, В. Чуйко (вѣроятно, на такое комическое амплуа не нашли никого болѣе даровитаго!), объ его отъѣздахъ на дачу объявляется въ лѣтнихъ книжкахъ журнала. Короче, онъ занялъ въ редакціи столь видное положеніе, какого еще никто никогда въ нашей литературѣ не занималъ! Вѣдь какая же редакція будетъ постоянно анонсировать отъѣзды сотрудниковъ, или гдѣ принято, чтобы членъ редакціи заставлялъ своихъ собратьевъ величать себя на всѣ лады въ руководимомъ имъ же органѣ печати? Литературная братія только качала головами, наблюдая такое зрѣлище, пожимала плечами и говорила: безтактно! комично! Но такъ или иначе, а г. Волынской оставался фактическимъ руководителемъ журнала, имѣлъ власть вершить дѣла редакціи и выступать отъ имени всего «Сѣвернаго Вѣстника». Чѣмъ же ознаменовалъ себя г. Волынской, какъ управитель редакціонныхъ дѣлъ? Постепенно и понемногу онъ обратилъ «Сѣверный Вѣстникъ» изъ журнала съ яркой прогрессивной окраской въ первый періодъ его существованія, изъ органа печати переходнаго времени, съ не совсѣмъ твердымъ направленіемъ, но тяготѣвшаго къ старымъ традиціямъ—во второй періодъ, онъ обратилъ его, говорю я, въ колы-

бель символизма, въ ту психіатрическую палату «Высшій символическій смыслъ», гдѣ лежатъ на койкахъ безнадежно больные г.г. Минскій, Мережковскій и другіе. Метаморфоза эта случилась не сразу, но полегоньку-помаленьку и безповоротно. Сразу вывѣску было опасно мѣнять, а потому въ качествѣ подготовительнаго періода на сцену былъ выдвинутъ добрѣйшій и великій писатель русской земли, графъ Л. Н. Толстой, вмѣстѣ съ домочадцами, которые позировали передъ публикой то въ роли оригинальныхъ писателей, то въ роли переводчиковъ. Пока великій писатель отвлекалъ къ себѣ вниманіе публики, за его выгодною и широкою спиною совершились нужныя г. Волинскому перемѣны—журналъ былъ окрашенъ въ символическій цвѣтъ, а онъ, г. Волинскій, обрядился въ тогу философа символизма. Дѣйствительно, на гр. Толстомъ журналу было опасно держаться—«Новое Время» очень удачно и во время предупредило публику, что игра, такъ сказать, на Толстого вещь опасная, ибо по данному имъ праву русской печати любое изданіе можетъ бесплатно перепечатывать и издавать его произведенія. И вотъ, когда гр. Толстой оказался плохой приманкой, г. Волинскій выдвинулъ на сцену символизмъ. Публика вѣдь падка на новинку! но, чтобъ ее еще болѣе расшевелить, командиръ журнала прибѣгъ къ совершенно непозволительному способу зазыванія подписчиковъ, способу еще доселѣ не практиковавшемуся нашей «большой прессой» и бывшему достояніемъ только рыночныхъ листковъ самаго послѣдняго качества. Г. Волинскій, по малому знакомству съ порядочными нравами журналистики, куда его не пускаютъ, взялъ за образецъ рекламу «Нови», пущенную лѣтъ десять тому назадъ въ обращеніе, но и ту ухитрился отгнать, сообразно своимъ нехорошимъ замашкамъ, самымъ непригляднымъ образомъ. Въ литературномъ манифестѣ «Сѣвернаго Вѣстника» за 1896 годъ, № 1, подъ заглавіемъ «Идеализмъ и буржуазность» изложена положительная программа журнала на новый годъ. Въ заключительныхъ словахъ мы читаемъ: «Направленіе «Сѣвернаго Вѣстникъ» должно быть названо идеалистическимъ, какъ въ научной, такъ и въ жизненной ¹⁾ области. Критическій идеализмъ, какъ мы уже сказали, обнимаетъ всѣ стороны человѣческой жизни. По самому духу своему, идеалистическая философія является источникомъ безпощадной критики въ двухъ направленіяхъ. Разбирая весь матеріалъ познавательнаго процесса, она безстрашно разрушаетъ всякія иллюзіи догматическаго мышленія. Въ области эстетики критическая философія первая обрисовала и оцѣнила значеніе художественныхъ наслажденій, придавъ красотѣ—въ произведеніяхъ искусства—возвышенный символическій смыслъ. Проникая въ глубину души, гдѣ скрыта воля—причина человѣческой дѣятельно-

¹⁾ Практической?

сти, она открываетъ передъ мыслящимъ сознаниемъ самое широкое поприще для практической дѣятельности»... и т. д.

Такая программа, написанная туманнымъ языкомъ, какъ читатели могутъ убѣдиться сами, ни болѣе, ни менѣе, какъ простое пустословіе, съ яркимъ цвѣткомъ «символическаго возвышеннаго смысла» въ центрѣ. Что это за смыслъ, мы видѣли достаточно изъ произведеній выше разобранныхъ авторовъ. Вѣроятно же всего, редакція имѣла главнымъ образомъ въ виду ту часть ученія Ницше и г. Мережковскаго, гдѣ сказано: «вкуси отъ запретнаго плода и не раскайся». Думаю такъ потому, что въ своемъ литературномъ манифестѣ редакція именно вкушаетъ запретнаго плода—пустословія и злословія, причемъ не выражаетъ никакого раскаянія. Съ пустословіемъ мы уже ознакомились; что же касается злословія, то оно выразилось тѣмъ, что, приглашая въ свою психіатрическую палату подписчиковъ, редакція журнала весь центръ тяжести манифеста полагаетъ въ опороченіи своихъ собратьевъ по профессіи. Всѣ главнѣйшіе органы нашей ежемѣсячной прессы политическаго характера осуждены издательницею и командиромъ «Сѣвернаго Вѣстника» и, хотя они не названы *en toutes lettres*, но всякій легко пойметъ, о комъ здѣсь идетъ рѣчь. Въ этомъ осужденіи, не касаясь уже безтактности поступка, не хорошо главнымъ образомъ то, что тутъ сдѣланы сомнительные намеки на направленіе журналовъ въ духѣ, не пользующемся «по нынѣшнимъ временамъ» благорасположеніемъ правящихъ сферъ, употребленъ слишкомъ хорошо извѣстный способъ «Московскихъ Вѣдомостей», «Гражданина», «Русскаго Обозрѣнія». Этотъ манифестъ—очень грустное явленіе нашей журнальной жизни, небывалое еще явленіе, которое врядъ ли можетъ вызвать сочувствіе порядочныхъ людей по адресу составлявшихъ его. Мнѣ жаль г-жу Гуревичъ, что она вступила на скользкій путь скверной рекламы и, если г. Волынскому больше уже нечего терять изъ своей литературной репутаціи, то вѣдь ея-то дѣятельность, какъ писательницы, вся еще впереди! Это слѣдовало сообразить, когда она подписывала манифестъ.

Итакъ, мы познакомились съ г. Волынскимъ, какъ руководителемъ журнала. Что же представляетъ онъ собою, какъ критикъ, какъ работникъ пера?

Въ вышедшемъ нынѣ сборникѣ его статей подъ заглавіемъ: «Русскіе критики», имѣется достаточный матеріалъ для отвѣта на поставленный вопросъ. Не смотря на все душевное отвращеніе къ автору, обнаруживающееся сразу послѣ первой же прочитанной страницы предисловія, я имѣлъ терпѣніе ознакомиться со всѣми 52 печатными листами книжки. Тема богатая, интересная—она волновала меня, охватывала, но, Боже мой! что сдѣлалъ съ нею этотъ жалкій писатель. Какъ, не смотря на два года упорной, непрерывной работы, онъ ничего не сумѣлъ представить живого, увлекательнаго! Напыщен-

ный стиль съ перезвономъ крикливыхъ фразъ, какія-то особенныя вымученныя словечки, вѣчныя многоточія, восклицательные знаки, замѣняющіе истинное вдохновеніе, настоящій паэосъ. Ни одна мысль не высказана имъ просто, ясно—вездѣ ужимки, кривлянье, потуги. Знаки препинанія, туманныя фразы о красотѣ, о художественномъ темпераментѣ, сомнительныя намеки на неблагонадежность русскихъ передовыхъ бойцовъ литературы, безцѣльное, никуда ненужное выкрикиванье философскихъ терминовъ, прославленіе метафизики, брань—грубая, площадная по адресу, представителей публицистики—таково внѣшнее впечатлѣніе отъ книги г. Волинскаго. Тлѣномъ, мертвечиной вѣетъ отъ каждой страницы, и вы съ тоскою и разстроенными нервами перевертываете страницу за страницей... Но не даетъ ли она чего нибудь цѣннаго въ качествѣ фактическаго матеріала своимъ читателямъ? Увы, тоже нѣтъ. Ни одного новаго событія, ни одного неизвѣстнаго факта, ни одной положительной черточки, которая бы охарактеризовала съ невѣдомой еще стороны выведеннаго на сцену писателя. Біографическій его матеріалъ весьма скуденъ; возьмите любой біографическій очеркъ изъ «Библіотеки» Павленкова, и вы найдете тутъ гораздо больше, чѣмъ у г. Волинскаго, и притомъ сдѣланнаго, куда лучше, талантливѣе. Бѣлинскій, Писаревъ, Добролюбовъ, Страховъ, Юркевичъ, Катковъ, Чернышевскій, Антоновичъ—сколько можно было сказать интереснаго объ этихъ выдающихся дѣятеляхъ литературы, а если порыться хорошенько даже въ опубликованныхъ матеріалахъ, то и новаго; но въ «Русскихъ критикахъ» вы не найдете ничего подобнаго. Все старое и притомъ старое, испорченное нехорошими руками автора! Какого же метода работы онъ держался? «Изучая дѣятельность русскихъ критиковъ, я держался, какъ это будетъ видно изъ самой книги,—говорить г. Волинскій,—того мнѣнія, что критика художественныхъ произведеній должна быть не публицистическою, а философскою, должна опираться на твердую систему философскихъ понятій извѣстнаго идеалистическаго типа». Вотъ во имя этой-то философской критики что же дѣлаетъ этотъ ограниченный графоманъ? Онъ изолируетъ художественныя произведенія печати отъ общественной среды, ставитъ ихъ внѣ пространства и времени, отнимаетъ у критиковъ этихъ произведеній общественный *standpunkt* и, создавъ такимъ образомъ уродливое положеніе для тѣхъ и другихъ, начинаетъ выкрикивать туманныя фразы объ отсутствіи философскихъ знаній у Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго и остальныхъ. Получается нелѣпая и комичная картина: висящіе гдѣ-то въ туманномъ пространствѣ русскіе публицисты и нагло насакивающаящій на нихъ г. Волинскій съ совершенно неумѣстными вопросами: такую-то страницу Гегеля читалъ? Нѣтъ? Дуракъ! Главу такую-то Канта знаешь? Нѣтъ? Невѣжда, болванъ! И все въ такомъ родѣ на протяженіи 826 страницъ! Что же получается отъ такого

прелестнаго метода: всѣ русскіе передовые дѣятели печати лежатъ поверженными въ прахъ, а надъ ихъ мертвыми тѣлами приплясываетъ г. Волынский. «Внимательное изслѣдованіе русской критики, — торжествующе выкрикиваетъ онъ высокимъ фальцетомъ, — можно сказать, съ первыхъ ея проблесковъ до ея современныхъ представителей, привело меня къ убѣжденію, что художественная русская литература до сихъ поръ не нашла себѣ истолкователей, которые стояли бы на высотѣ этой трудной и чрезвычайно важной задачи. Искусство шло въ Россіи своими самобытными путями, независимо, а часто и въ глубокомъ противорѣчій съ поверхностными умственными теченіями буржуазной культуры. Русская критика, которая даже въ своихъ лучшихъ представителяхъ никогда не углублялась до истинно-философскихъ идей, волнующихъ всякаго крупнаго художника, не могла идти навстрѣчу настоящему искусству, сближать его съ сознательною жизнью русскаго общества». И вотъ такой-то критикъ, углубившійся до истинно-философскихъ идей, теперь нашелся: это онъ — г. Волынский! онъ самый, критическіе очерки котораго, придутъ «на помощь лучшимъ инстинктамъ художественныхъ талантовъ въ борьбѣ съ ошибками ихъ собственнаго случайнаго опыта»; искусство, благодаря его работамъ, «окрѣпнетъ въ своихъ коренныхъ основахъ и, переживъ броженіе современной исторической эпохи, вступитъ въ новую стадію своего развитія, создастъ совершенные образцы новой красоты, болѣе прозрачной, (?) гармонирующей съ идеальными требованіями просвѣтлѣннаго нравственнаго чувства и убѣжденія». Вотъ ради этой-то широкой задачи, назрѣвшей для даннаго момента, г. Волынский подробно и разсмотрѣлъ, и оцѣнилъ, по его мнѣнію, литературную дѣятельность наиболѣе авторитетныхъ и вліятельныхъ критиковъ, то-есть, по остроумному выраженію одного фельетониста, обдалъ ихъ брызгами липкой грязи. Изъ сказаннаго мною читатель ясно можетъ убѣдиться, что мы имѣемъ дѣло съ писателемъ, страдающимъ ярко выраженной маніей величія. Но г. Волынский, мало того, что маньякъ, онъ злой, завистливый, неблагодарный и трусливый журнальный дѣятель, въ чемъ весьма не трудно убѣдиться. Подобно Урію Гипу изъ романа Диккенса «Давидъ Копперфильдъ младшій», онъ подходит къ каждому разбираемому писателю, извиваясь змѣей, съ кривляньемъ и ужимками; онъ начинаетъ свои рѣчи съ изъявленія любви, преданности и уваженія и, когда вы слышите уже первое слово, сказанное фальшивымъ ласковымъ голосомъ, вами овладѣваетъ нервное раздраженіе, и вы предчувствуете, что вотъ-вотъ свершится какая нибудь пакость. И предчувствіе васъ не обманываетъ. Наговоривъ комплиментовъ Бѣлинскому, онъ ловко ввертываетъ сейчасъ же всего одну лишь фразу, назначеніе которой развѣнчать писателя: «въ немъ не было той умственной силы, — говоритъ г. Волынский, — которая, исходя изъ стойкихъ идеаловъ и непоколеби-

мыхъ теоретическихъ понятій, является культурнымъ рычагомъ, сообщающимъ опредѣленное направленіе историческому прогрессу»... Сказавъ нѣсколько ласковыхъ словъ Добролюбову, воздавъ должное его уму, логикѣ, онъ уже шипитъ — а статьи его «производятъ все-таки слабое, почти блѣдное впечатлѣніе». Такихъ пассажей я могъ бы привести множество, но не дѣлаю этого, щадя безрелигиозность читателей. Въ битвѣ съ русскими критиками онъ прибѣгаетъ къ невольнительному средству. Выкапывая свои аргументы изъ статей «Москвитянина», «Лекцій Шевырева» и прочихъ источниковъ того же рода, онъ не обнаруживаетъ, гдѣ купилъ свой товаръ, а преступая законы признательности, спѣшитъ сказать какую нибудь неприятность по адресу обворованнаго, или же торопится, какъ ни въ чемъ не бывало, поглумиться надъ міросозерцаніемъ этого писателя. Поэтому малосвѣдующій читатель, не обладающій знаніемъ источниковъ, не всегда можетъ выяснитъ себѣ, что за критикъ такой г. Волинскій: либераль не либераль, да какъ будто и не консерваторъ, тѣмъ не менѣе «о честности высокой говоритъ» — извольте тутъ разобраться! Пусть не хлопочетъ читатель искать и общественныхъ убѣжденій у автора «Русскихъ критиковъ»: у него ихъ нѣтъ, и быть не можетъ, такъ какъ онъ человѣкъ малообразованный, а если онъ что-то толкуетъ на эту тему, то это только маска, позволяющая ему выпускать №№ журнала, гдѣ имѣются рубрики общественныхъ вопросовъ, на кои существуетъ спросъ въ публикѣ. Культу собственнаго величія онъ готовъ все принести въ жертву, рѣшительно все, а юродство символизмомъ служить ему, очевидно, хорошей статьей дохода въ учрежденіи г-жи Гуревичъ «Возвышенный символическій смыслъ» и позволяетъ ему надѣяться, что наконецъ-то и на него обратитъ лестное вниманіе публика, подобно тому, какъ она это дѣлаетъ по отношенію г. Н. Михайловскаго и г. Влад. Соловьева. Извѣстность этихъ двухъ писателей не даетъ ему покоя. Если взять на себя неблагоприятный трудъ прослѣдить всю дѣятельность за послѣднее время г. Волинскаго, то убѣдишься, что вся его критико-философская дѣятельность вертится на оси зависти, гдѣ съ одной стороны положена ненависть къ г. Михайловскому, а съ другой—къ г. Соловьеву. Онъ внимательно слѣдитъ за писаніемъ каждаго изъ нихъ, ловитъ каждое ихъ слово, разыскиваетъ не только ихъ труды, напечатанные въ Россіи, но и за границей, что даетъ ему возможность предлагать авторамъ, какъ то часто дѣлаетъ и г. Левъ Тихомировъ, такіе вопросы, на которые русскому писателю не всегда удобно отвѣчать. Г. Волинскій несомнѣнно большой писатель, но въ своемъ несчастіи сумѣвшій почерпнуть благія радости жизни. Подальше отъ него! подальше и отъ всѣхъ остальныхъ обитателей описаннаго мною учрежденія, которое я такъ внимательно и долго осматривалъ по обязанностямъ публициста!

И я съ разстроенными нервами и болью въ сердцѣ шель отъ

нихъ прочь по Троицкой улицѣ, направляясь къ своимъ здоровымъ товарищамъ «восьмидесятникамъ», чтобъ отдохнуть душой и въ бесѣдѣ съ ними забыть г. Волынскаго и его товарищей, какъ вдругъ по дорогѣ меня остановилъ незнакомый мнѣ молодой человѣкъ: «Многоуважаемому Б. Б. Глинскому отъ К. Бальмонта»,—сказалъ онъ съ милой улыбкой и протянулъ мнѣ небольшую книжку. На оберткѣ въ углу скромно было обозначено «Бальмонтъ», а на переднемъ фасадѣ изображены летящія внизъ головою дикіе гуси съ неимоверно-длинными уродливыми крыльями. Я развернулъ книжку и прочелъ послѣднюю страницу.

«За предѣлы предѣльнаго,
Къ безднамъ свѣтлой безбрежности,

Въ ненасытной мятежности,
Въ жаждѣ счастья цѣльнаго,

Мы воздушные, летимъ,
И помедлить не хотимъ.

И едва качаемъ крыльями.

Все захватимъ, все возьмемъ.
Жаднымъ чувствомъ обоймемъ.

Дерзкими усилями
Устремляясь къ высотѣ,
Дальше, прочь отъ грани тѣсной,

Мы домчимся въ міръ чудесный,
Къ неизвѣстной

Красотѣ!

Холодный потъ выступилъ у меня на лбу.

— Какъ, еще произведение символизма!—воскликнулъ я,— еще новая гусиная пѣснь о неизвѣстной красотѣ? Нѣтъ, увольте. Обратитесь лучше въ учрежденіе «Возвышенный символическій смыслъ»,— тамъ между г. Минскимъ и г. Мережковскимъ еще имѣется свободная койка. Торопитесь занять. Ваши сосѣди съ удовольствіемъ прослушаютъ ваши гусиные пѣсни, а мнѣ некогда... я усталъ... прощайте!

Б. Глинскій.

АРТИСТЪ-НАРОДНИКЪ.

ИСТОРИЧЕСКИЯ свѣдѣнія о покойномъ артистѣ Императорскихъ театровъ, Иванѣ Ѳедоровичѣ Горбуновѣ, чрезвычайно скудны, несмотря на то, что и при жизни его о немъ не мало писалось, а послѣ смерти въ газетныхъ некрологахъ и того больше. Тѣмъ не менѣе раннее дѣтство, отчій домъ, юность, такъ и остались невѣдомыми страницами его жизни; да какъ-то никто этимъ особенно и не интересовался: самъ покойный Горбуновъ начиналъ свое общественное лѣтоисчисленіе съ знакомства съ А. Н. Островскимъ и П. М. Садовскимъ, съ бытія своего въ редакціи «молодого Москвитянина», а что было до того, подъ какими воздѣйствіями окружающей жизни сложился его личный характеръ, его артистическій талантъ, его творчество импровизатора, онъ обходилъ молчаніемъ. Даже покойный М. И. Семевскій, сообщая на страницахъ «Русской Старины» о Горбуновѣ и созданномъ его фантазіей генералѣ Дитягинѣ, не сумѣлъ посвятить читателей въ автобіографическія подробности одного изъ своихъ лучшихъ «знакомыхъ».

«Народный рассказчикъ», «народный писатель», «народный артистъ»—Горбуновъ вышелъ изъ нѣдръ русской жизни той самобытной рельефной фигурой, въ которой сосредоточились типичныя черты нашего національнаго характера; большой природный умъ, неизсякаемый тонкій юморъ, мѣткая наблюдательность, даровитость, скромный и незлобивый характеръ—таковы положительныя стороны этого характера; но рядомъ съ ними нельзя обойти отрицательныхъ, каковы: небрежность, разбросанность, нѣкоторыя лѣньность, широкій русскій разгулъ и народное «себѣ на умѣ», отсутствіе брезгливости въ знакомствахъ, способность приспособляться къ обстоя-

тельствамъ и времени. Иванъ Федоровичъ былъ чрезвычайно богатъ и тѣми и другими національными характерными чертами, и это-то обстоятельство дѣлало его другомъ толпы, пріятелемъ-собутельникомъ всякаго встрѣчнаго-поперечнаго, дѣлало его своего рода народнымъ героемъ, его балованнымъ дѣтищемъ, котораго всюду и всегда встрѣчали съ распростертыми объятіями. И онъ шелъ охотно въ любившую его толпу, которая была истинной его стихіей, неся ей свой неизсякаемый юморъ, свой веселый смѣхъ, свое неисчер-

Иванъ Федоровичъ Горбуновъ.

паемое балагурство. Толпа его понимала, цѣнила, а еще больше понимала онъ психологію этой толпы, ея индивидуальности, ея легко смѣняющіяся настроенія. Бесѣдуя съ своими слушателями или появляясь передъ зрителями, онъ не задавался серьезными цѣлями пуританской морали,—онъ трунилъ только надъ слабостями русскаго характера и несуразностями нашей бытовой жизни.

Начало артистической и литературной дѣятельности Горбунова, какъ уже сказано выше, находится въ тѣсной связи съ именами Островскаго и Садовскаго. Впервые онъ выступилъ на сценѣ въ

«Истор. вѣстн.», февраль, 1896 г., т. LXXI.

Москвѣ 16-го ноября 1853 г. на домашнемъ спектаклѣ у г-жи Пановой, гдѣ игралъ полового въ пьесѣ «Не въ свои сани не садись», при чемъ А. Н. Островскій игралъ Маломальскаго. Незадолго передъ тѣмъ онъ познакомился съ извѣстнымъ литераторомъ Н. Бергомъ, который обратилъ вниманіе на его выдающіяся артистическія способности и ввелъ его въ тѣсный кружокъ писателей молодой редакціи обновленнаго «Москвитянина». Въ число членовъ этого кружка входили: Островскій, Писемскій, Аполлонъ Григорьевъ, Алмазовъ, Эдельсонъ, Потѣхинъ, Печерскій-Мельниковъ, Кокоревъ (беллетристъ), Мей, Н. Бергъ, Т. И. Филипповъ и друг. «Мы познакомились съ И. Θ. въ 1853 г. въ Москвѣ у А. Н. Островскаго, который жилъ тогда у Николы въ Воробинѣ,—повѣствуетъ Т. И. Филипповъ въ своей замѣткѣ¹⁾ «Памяти Горбунова»,—его простота, любезный открытый нравъ, замѣчательная скромность, съ перваго раза привлекли меня къ новому знакомому, а выслушанный мною рассказъ «Утро квартальнаго надзирателя» далъ мнѣ понять, что я вижу передъ собою истиннаго художника, бриліантъ чистой воды. Съ той поры И. Θ. усвоенъ былъ кружкомъ молодого «Москвитянина» и, по распаденіи кружка, оставался ео всеми бывшими его членами въ неизмѣнныхъ дружескихъ отношеніяхъ. А. Н. Островскій и П. М. Садовскій въ той области искусства, въ которой собирался дѣйствовать И. Θ., были два гиганта недосыгаемой высоты и несоизмѣримой силы: ихъ постоянному наблюденію и вліянію И. Θ. былъ обязанъ тѣмъ тонкимъ чувствомъ мѣры, которымъ отличаются все его рассказы, и полною свободою отъ того, что французы зовутъ *charge* и что обыкновенно соблазняетъ начинающихъ художниковъ легкостью дешеваго успѣха. Разумѣется, ничье вліяніе не оградило бы И. Θ. отъ этого слишкомъ распространеннаго порока, если бы въ собственной природѣ его дарованія не было залоговъ строгой художественной трезвости. Но едва ли можно поручиться, что онъ хотя бы на время не впалъ въ этотъ грѣхъ, если бы, вмѣсто Островскаго и Садовскаго, онъ, на первыхъ порахъ своей дѣятельности, попалъ подъ руководство, напримѣръ, Самойлова. Общеніе съ другими членами «молодого Москвитянина» не осталось безъ пользы для развитія въ И. Θ. общаго литературнаго вкуса и силы его природнаго юмора: Е. Н. Эдельсонъ и Б. И. Алмазовъ должны быть упомянуты здѣсь на первомъ мѣстѣ».

С. Венгеровъ въ интересномъ очеркѣ «Молодая редакція «Москвитянина»²⁾ дѣлаетъ прекрасную обрисовку литературной фізіономіи этого журнала и анализъ природныхъ дарованій выдающихся его руководителей, анализъ, выясняющій, что обобщало всехъ писателей Погодинскаго органа въ одну молодую тѣсно сплоченную, ярко

¹⁾ «Новое Время», 1895 г., декабрь.

²⁾ «Вѣстникъ Европы», 1888 г., № 2.

окрашенную литературную группу... «Съ какой стороны мы ни подойдемъ къ кружку молодой редакціи,—говорить г. Венгеровъ,—со стороны ли художественнаго матеріала, который давали члены его, со стороны ли теоретическихъ симпатій, мы должны будемъ признать, что онъ имѣлъ свой специальный оттѣнокъ, различный отъ кружковъ «Современника» и «Отечественныхъ Записокъ». Въ шестидесятыхъ годахъ Достоевскій назвалъ группировавшихся около журнала «Время» писателей «почвенниками». Въ гораздо большей степени такой клички заслуживала молодая редакція «Москвитянина». Это именно были люди почвы, реальной дѣйствительности, по преимуществу. Ихъ интересъ къ родному быту проистекалъ не изъ славянофильской идеи богоизбранности русскаго народа, не изъ близорукой увѣренности въ томъ, что все русское прекрасно въ силу того, что оно русское. Если еще въ Аполлонѣ Григорьевѣ, съ его безпредѣльнымъ энтузіазмомъ, и сидѣла частичка мистической любви къ родному быту, то остальные товарищи его любили этотъ бытъ только потому, что онъ свой, родной, что съ нимъ неразрывно связаны общественные и индивидуальныя интересы каждою изъ нихъ. И если мистическій патріотизмъ славянофиловъ и абстрактную, руководившуюся исключительно чужеземными образцами, любовь къ родинѣ западниковъ сороковыхъ годовъ можно сравнить съ восторженнымъ отношеніемъ къ страстно-любимой женщинѣ, то спокойную, основанную на органической близости, любовь къ родному быту такихъ художниковъ-этнографовъ, какъ Островскій, Писемскій, Мельниковъ, Кокоревъ, Потѣхинъ ¹⁾ и др., вполне можно сравнить съ привязанностью сына, брата, который прекрасно знаетъ недостатки любимаго существа, но оттого не менѣе все-таки его любить».

Вотъ эта-то любовь къ своему народу, при сознаніи его недостатковъ, и составляла канву, по которой импровизировалъ свои бытовые картинки Горбуновъ. Если Островскій воплощалъ изгъяны русской жизни въ выпуклыхъ образахъ, нарисованныхъ во весь ростъ, то ученикъ его, покойный Иванъ Ѳедоровичъ, почерпая сюжеты для своихъ очерковъ изъ той же области «темнаго царства», набрасывалъ лишь контуры этихъ образовъ, дѣлалъ лишь черновые эскизы, не задаваясь цѣлью ихъ тщательной отдѣлки. Если сравнить комедіи Островскаго съ рассказами Горбунова, то мы найдемъ въ нихъ много аналогій и по темѣ и по портретамъ; но въ этомъ не слѣдуетъ искать какихъ либо заимствованій или подражательности—сходство являлось результатомъ одинаковаго знанія русской дѣйствительности, такъ называемой «подоплеки» ея съ составляющими ее самодурами-представителями, Гоголевскими героями на фонѣ комическихъ событій и столкновеній. Какъ всякое серьезное творчество, произведенія Островскаго проникнуты началомъ борьбы,

¹⁾ и И. Ѳ. Горбуновъ, замѣтаемъ мы отъ себя.

борьбы свѣта и мрака, легкіе же и по большей части веселые рассказы Горбунова освѣщены невиннымъ юморомъ, вызывающимъ лишь веселую улыбку и смѣхъ надъ дѣйствіями и словами выведенныхъ на сцену персонажей. Вотъ почему, если драмамъ и комедіямъ автора «Грозы» суждено, если не навсегда, то по крайней мѣрѣ еще надолго будить чувство негодованія и горечи зрителей, и тѣмъ самымъ глубоко запечатлѣваться въ ихъ сердцахъ, то произведеніямъ Горбунова суждена лишь, по мѣткому выраженію В. Михневича, «тѣнная слава», которая исчезнетъ изъ памяти современниковъ такъ же скоро, какъ и память объ ихъ творцѣ. Въ качествѣ образчика литературнаго творчества Ивана Ѳедоровича приведемъ здѣсь одинъ его маленькій рассказъ изъ категоріи тѣхъ, которые создали ему всероссійскую извѣстность, сдѣлали его любимцемъ толпы и который прекрасно иллюстрируетъ юморъ автора.

На почтовой станціи.

(ночью).

- Ямщики! Эй, ямщики! Тарантасъ подъѣхалъ!..
- Вставай... чья чередѣ-то?..
- Микиткина...
- Микитка!.. Слышь!.. Микитка, гладкій чортъ!.. тарантасъ подъѣхалъ...
- Сейчас!..
- Да какъ же ты теперича поѣдешь-то?
- А что?
- Ночью-то?!..
- Такъ что же?..
- По косогорамъ-то?
- Такъ тарантасъ-то вляпаешь!..
- Вляпаешь! Пятнадцать годовъ ѣзжу, да вляпаешь!..
- Ваше благородіе! Тутъ на 7-й верстѣ къ Озерецкому-то косогору, такъ вотъ отъ поштоваго епартамента обозначено, чтобъ сумлѣнія не было.
- Помилуйте, ваше благородіе, я пятнадцать годовъ ѣзжу...
- Онъ тѣ въ загривокъ-то наладеть...
- Наклали!.. Мазали что лича?..
- Смазано...
- Извольте садиться, ваше благородіе!
- Смотри, осторожнѣе...
- Помилуйте, сударь, я 15 годовъ ѣзжу. Ямщики, извѣстно, со смотрителемъ за одно... Смотрителю тольбы самовары наставлятъ, пользоваться... Тпру!..
- Что?
- Вотъ этотъ самый косогоръ-то и есть.
- Осторожнѣй!
- Помилуйте, сударь, я 15 годовъ ѣзжу. Не извольте сумлѣваться... Тпру!..
- Смотри!
- Точно что оно, апосля дождя, тутъ жидко.
- Держи!..
- Господи!—ужли въ 15-то годовъ дороги не знаю...

(Тарантасъ падаетъ).

- Что-жъ ты, чортъ тебя возьми..
- Подижъ ты! Кажинный разъ на этомъ мѣстѣ..

Приведенная сценка пропадаетъ въ значительной степени въ ея простой литературной передачѣ. Надо было быть самимъ Горбуновымъ съ его мимикой и модуляціями голоса, чтобъ придать ей тотъ бытовой реальный интересъ, при которомъ, какъ живые, встаютъ и обстоятельства закладки тарантаса и фигура безпечнаго ямщика, ѣдущаго на авось, съ вѣрой, что кривая вывезетъ. Точно также и всѣ остальные многочисленные рассказы и сценки автора были именно сильны въ его передачѣ, почему съ его кончиной этотъ оригинальный родъ творчества долженъ исчезнуть или по крайней мѣрѣ обратиться въ то безколоритное ремесло, которое переходитъ въ простой грубый фарсъ, въ балаганъ и кривлянье. Но на литературныя произведенія Ивана Федоровича нельзя смотрѣть только съ точки зрѣнія ихъ забавнаго сюжета—многія изъ нихъ имѣли и глубокой смыслъ сатиры на недуги общественныя, которые и поднесъ омрачаютъ нашу дѣйствительность. Вотъ какъ истолковываетъ эти лучшія произведенія Т. И. Филипповъ: «Между произведеніями этой зрѣлой поры внимательный взоръ можетъ отмѣтить не мало такихъ, которымъ, сверхъ ихъ художественнаго совершенства, нельзя отказать и въ важномъ общественномъ значеніи,—говоритъ онъ.—Напримѣръ, когда бѣднягу портного изъ Гусева переулка взяли въ участокъ за его невинное намѣреніе летѣть съ нѣмцемъ въ воздушномъ шарѣ и когда изъ народа раздается голосъ: «и какъ это возможно безъ начальства летѣть?»—мысль не останавливается на забавномъ смыслѣ этого частнаго случая, но простирается далѣе его, къ болѣе важнымъ общественнымъ явленіямъ. Рассказъ о засѣданіи «Общества прикосновенія къ чужой собственности», вмѣстѣ съ взрывомъ неудержимаго хохота, вызываетъ (увы! вызываль) и взрывъ негодованія и унынія своимъ сходствомъ съ дѣйствительными нравами нашихъ общественныхъ дѣятелей, которые нимало не стѣсняются тѣмъ, что «грабить не приказано». Рассказъ «о кражѣ брюкъ» есть правдивое и живое изображеніе изнанки быта судебныхъ учреждений, вызывающее объ исправленіи зла. Въ числѣ рассказовъ И. Ф. есть и такіе, въ которыхъ сквозь комическую оболочку проступаетъ замѣтная поэтическая жилка и живое чувство природы и подъ которыми не усомнился бы подписать свое имя первоклассный художникъ, таковы: Лѣсъ, Безотвѣтный».

Къ сожалѣнію, Горбуновъ не оставилъ по себѣ записанными всѣхъ тѣхъ рассказовъ, сценъ, эпизодовъ, на передачу которыхъ онъ былъ такой мастеръ и такой охотникъ. Большинство ихъ было мгновенно создано по какому нибудь поводу, въ пріятельскомъ разговорѣ, передавалось присутствующимъ и... они не оставались ни авторомъ, ни слушателями записанными. В. Михневичъ въ своемъ очеркѣ

о Горбуновѣ подѣ заглавіемъ «Тлѣнная слава» ¹⁾ передаетъ слѣдующее объ этихъ импровизаціяхъ.

«Особенно памятенъ мнѣ одинъ вечеръ въ домѣ почтеннаго С. В. Максимова, одного изъ старѣйшихъ и сердечнѣйшихъ друзей покойнаго,—говорить онъ.

«Насъ было человѣкъ десять у радушнаго хозяина и за ужиномъ, по обыкновенію, мы собрались слушать присутствовавшаго среди насъ Ивана Федоровича.

«На тотъ разъ И. Ф. былъ въ ударѣ и въ томъ особомъ счастливомъ настроеніи, которое чудесно опредѣлили поэтъ:

О чемъ пѣть буду—не знаю,
Но пѣсня зрѣеть...

«Точно также, вѣроятно, за минуту еще не зная, что намъ расскажетъ, онъ неопутительно остановился на внезапно вспавшемъ ему на память грустно-комическомъ эпизодѣ изъ деревенской народной жизни. Эпизодъ былъ самый заурядный—возбужденіе и безсовѣстная эксплуатація темнаго народнаго суевѣрія, съ одной стороны, и съ другой — противодѣйствующія мѣропріятія мѣстныхъ просвѣщенныхъ властей; но какая яркая, потрясающая драма, полная траги-комическихъ коллизій, прошла передъ нашими глазами въ изумительной, животворной передачѣ нашего вдохновеннаго импровизатора-рассказчика! Какой колоритностью, какой правдой, какимъ глубокимъ юморомъ — тѣмъ, что смѣется сквозь слезы, — дышали каждая сцена, каждая картина! Съ какой несравненной выпуклостью и психологической законченностью были обрисованы въ нѣсколькихъ мастерскихъ штрихахъ многочисленныя дѣйствующія лица драмы: эта темная, ослѣпленная, жалкая толпа, эти бѣдные, хворые мужики и бабы, движимые горячею вѣрой и чаящіе спасенія въ нелѣпости, эти корыстные подстрекатели суевѣрія, эти сельскія власти, полицейскіе, исправникъ, губернаторскій чиновникъ по особымъ порученіямъ...

«Уже больше десяти лѣтъ прошло, какъ я слышалъ этотъ рассказъ, и слышалъ его всего одинъ разъ, но онъ и теперь представляется мнѣ съ такой живостью и полнотою, какъ будто я слышалъ его не далѣе вчерашняго дня.

«Не могу описать, какое сильное впечатлѣніе произвелъ онъ на насъ тогда! Какъ теперь помню, Иванъ Федоровичъ рассказывалъ спокойно, ровнымъ, тихимъ голосомъ, безъ подчеркиваній и интонацій, почти безцвѣтно, рассказывалъ съ серьезнымъ лицомъ, безъ жестовъ и мимическихъ вывертовъ, но въ этомъ удивительно простомъ, по формѣ, рассказѣ чувствовалось то проникновенное, строгое вдохновеніе, которое доступно только дѣйствительно «высокому

¹⁾ «Новости» 1895 г., декабрь.

художнику» и которое хватаетъ слушателя за сердце, умиляетъ его и возвышаетъ, дѣлаетъ его самого чище и лучше.

«Разсказъ длился, помню, часа два, и во все его время мы сидѣли, какъ очарованные, затаивъ дыханіе и не спуская восхищенныхъ глазъ съ разсказчика. И какъ самъ онъ въ эти дивныя минуты былъ не похожъ на того обычнаго, «веселаго» Ивана Ѳедоровича, котораго мы видѣли на театральной сценѣ, въ клубныхъ собраніяхъ, на свѣтскихъ вечерахъ, въ ресторанѣ, вообще, на публикѣ! Самъ, очевидно, увлекаясь и своимъ творческимъ наитіемъ, и самимъ разсказомъ, онъ былъ свѣтель и прекрасенъ, какъ можетъ быть прекрасенъ опять таки одинъ только «высокій художникъ».

«Никогда не изгладятся во мнѣ ни этотъ единственный въ своемъ родѣ разсказъ, ни благодарная память къ покойному за тѣ добрыя, прекрасныя минуты, которыя онъ заставилъ меня тогда пережить.

«И какъ вспомнишь, что такія вдохновенныя, художественныя вещи пропали безслѣдно и навсегда, никѣмъ не воспроизведенныя и не записанныя, беретъ невыразимая жалость и досада! Простой стенографъ могъ бы до нѣкоторой степени спасти эти сокровища отъ гибели, но этого никогда никому не приходило въ голову и всего менѣе—самому разсказчику, который обыкновенно скоро забывалъ свои импровизаціи и не могъ бы ихъ уже возстановить, да, кажется, и не пробовалъ этого дѣлать... онъ зналъ, что «смѣхъ—великое дѣло», какъ завѣщалъ Гоголь, что «высокій, восторженный смѣхъ» стоитъ «высокаго лирическаго движенія», и что «цѣлая пропасть между такимъ смѣхомъ и кривляньемъ балаганнаго скомоороха». Если онъ часто, даже, быть можетъ, слишкомъ часто переступалъ эту пропасть, если онъ вѣское червонное золото своего смѣха размѣнивалъ на дешевую, ходячую мелочь для общаго увеселенія,—объ этомъ нужно пожалѣть, а коль винить, такъ прежде всего виноваты въ этомъ мы сами...».

Не менѣе тепло вспоминаетъ Горбунова и его импровизаторскій талантъ П. Гнѣдичъ ¹⁾. «Иванъ Ѳедоровичъ,—говоритъ онъ,—какъ разсказчикъ, былъ извѣстенъ части петербуржцевъ не со сцены, а какъ гость, за столомъ,—за обѣдомъ, за ужиномъ, на литературномъ вечерѣ. Вотъ гдѣ во всей силѣ, во всемъ блескѣ развертывался его артистическій талантъ. Каждое его слово здѣсь было проникнуто юморомъ, умомъ, неподдѣльной правдой. Со сцены его детальная работа пропадала, интонаціи не всегда доходили во всей полнотѣ до слушателей. Здѣсь же, въ семейномъ кругу, не пропадало ни одного штриха. Лица, не слышавшія Горбунова въ такой бесѣдѣ, не могутъ представить, сколько истиннаго художественнаго наслажденія дарилъ слушателямъ артистъ...»

«То внезапно онъ начиналъ разсказывать, какъ въ оны дни въ

¹⁾ «Нива», 1896 г., № 2.

Москвѣ избирали соборныхъ протодіаконовъ, какъ служили какіе представители церкви, какая жизнь была въ Замоскворѣчьи до Островскаго. И все это было увлекательно, красочно, образно, картинно—все представлено въ лицахъ.

«Иногда онъ изображалъ въ лицахъ цѣликомъ судоговореніе окружного суда: съ чтеніемъ обвинительнаго акта, допросомъ свидѣтелей, рѣчью прокурора и защитника, совѣщаніемъ присяжныхъ. И это была тонкая сатира; всѣ персонажи, до послѣдняго свидѣтеля и дежурнаго жандарма, стояли передъ слушателями, какъ живые. И судилъ ихъ великій художникъ, клеймя ихъ недостатки, заставляя смѣшныя стороны ихъ портретовъ выступать на первый планъ; но судилъ онъ ихъ «неумытно»,—«спокойно зря на правыхъ и виновныхъ, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва».

«Какъ великъ былъ Горбуновъ—это могли чувствовать только его современники. Съ его смертью погибъ и его дивный талантъ: для потомства онъ не представитъ изъ себя ничего реального, осязательнаго, къ нему будутъ относиться, какъ къ миѳическому существу, оспаривать его значеніе».

Къ этимъ характеристикамъ литературныхъ импровизаций Ивана Ѳедоровича не приходится болѣе ничего прибавлять. Съ этими импровизациями Горбуновъ выступилъ въ кружокъ Островскаго, и ими онъ приобрѣлъ себѣ широкую извѣстность въ Петербургѣ, куда навсегда переѣхалъ въ ноябрѣ 1855 г. Здѣсь онъ дебютировалъ на сценѣ Александринскаго театра въ пьесѣ Стаховича «Ночное», имѣлъ успѣхъ и былъ принятъ на казенную сцену. Съ тѣхъ поръ онъ, какъ сказано въ его некрологѣ¹⁾, неустанно, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, служилъ родному искусству. Послѣ дебюта онъ прекрасно сыгралъ роль Емельяна въ «Охотникѣ въ рекруты» и роль съ переодѣваніемъ въ «Комедіи на станціи», и сдѣлался любимцемъ публики. Не было такой народной или бытовой пьесы, въ которой въ свое время покойный не принималъ бы участія. Въ репертуарѣ Островскаго онъ былъ свой человѣкъ и съ особеннымъ усгѣхомъ игралъ Аеоноу въ «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ» и Кудряша въ «Грозѣ».

Но не только, какъ рассказчикъ сценъ изъ народной жизни или актеръ въ бытовыхъ роляхъ, пользовался Иванъ Ѳедоровичъ извѣстностью въ публикѣ. Имъ былъ созданъ въ высшей степени оригинальный типъ, отъ имени котораго онъ выступалъ съ рѣчами на публичныхъ обѣдахъ и торжествахъ. Генерала Дитятина знала или по крайней мѣрѣ о немъ много слышала почти вся грамотная Россія. Когда собравшійся кружокъ лицъ, по тому или другому поводу желалъ получить историческое толкованіе переживаемаго событія, то всѣ тотчасъ обращались къ присутствовавшему Горбунову съ во-

¹⁾ «Нов. Вр.», 1895 г., № 7122.

просомъ: «А ваше мнѣніе, ваше превосходительство?» И Горбуновъ становился въ «генеральскую позу» и начиналъ рѣчь отъ имени Дитятина, гдѣ освѣщаль современный вопросъ съ точки зрѣнія 1830—1840 гг. текущаго столѣтія. М. И. Семевскій въ «Русской Старинѣ» ¹⁾ далъ слѣдующій біографическій очеркъ этого служака. «Время его рожденія опредѣлить чрезвычайно трудно. Есть нѣкоторое основаніе отнести годъ его рожденія къ 1796 или 1797 г., т. е. ко времени восшествія на престолъ Павла Петровича... Дитятинъ—типъ служака добраго, давно отжитаго времени. Онъ—суровый поборникъ дисциплины, неумолимый и постоянный врагъ всѣхъ реформъ, въ особенности въ военномъ бытѣ, ознаменовавшихъ 25-тилѣтній минувшій періодъ. По его мнѣнію, грамотность не только портитъ, но она развращаетъ солдата, не менѣе того, какъ портитъ его, по мнѣнію его превосходительства, и война. Солдатъ созданъ для караульной въ мирное время службы, для вытяги, муштровки, а самая фізіономія его для зуботычинъ. Дитятинъ знакомъ и съ литературой, но это знакомство почти замыкается періодомъ Державина. Онъ весьма охотно и не безъ выраженія цитируетъ Ломоносова, Державина, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Дмитріева, снисходитъ къ Ивану Андреевичу Крылову; но Пушкинъ для него уже поэтъ весьма юный, и которому онъ не можетъ простить его вольнодумства. Генеральъ находитъ, что его добрый пріятель, Александръ Христофорычъ Бенкендорфъ, въ опеку своей надъ Пушкинымъ былъ слишкомъ мягокъ и снисходителенъ... Дитятинъ дорогъ и крайне интересенъ тѣмъ, что мы видимъ передъ собою лицо, съ плотью и кровью какъ бы вставшее изъ могилы, по меньшей мѣрѣ изъ конца 1830 и эпохи 1840 годовъ, когда въ нашемъ отечествѣ царилъ полная увѣренность, что все и вся должно вершить начальство; когда общество не должно было вмѣшиваться рѣшительно ни во что; когда дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, на какой бы высотѣ нравственнаго и умственнаго развитія они ни находились, должна была ограничиваться жизнью матеріальною въ самомъ тѣсномъ смыслѣ; когда духовные интересы были подавляемы; когда литература была только терпима, и кругозоръ ея былъ тѣсно ограниченъ опекою III-го Отдѣленія, личнымъ произволомъ ея шефовъ гр. Александра Христофоровича Бенкендорфа и его преемника гр. (потомъ князя) Алексѣя Ѳедоровича Орлова съ его усерднымъ, ловкимъ подручникомъ Леонтиемъ Васильевичемъ Дубельтомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опекою стоголавой цензуры, выглядывавшей на печать со злобою и ревностію изъ всѣхъ министерствъ и отдѣльныхъ управленій до коннозаводства включительно. Въ виду этого бытіе генерала Дитятина въ высшей степени полезно: онъ является въ современномъ русскомъ обще-

¹⁾ «Русская Старина», 1888 г., № 12.

ствѣ не потѣшникомъ только собравшагося кружка добрыхъ знакомыхъ, всегда весело и радушно его принимающаго въ свою среду, но и лицомъ, имѣющимъ весьма серьезное значеніе. Этотъ типъ ...однимъ бытіемъ своимъ воскрешаетъ въ нашей памяти то суровое время, въ которое русское общество, ублажаемое увѣреніями въ несокрушимой силѣ Русскаго государства, дремало безъ праваго суда, безъ гласности, безъ печати, вѣнчая собою всѣ ужасы и язвы крѣпостнаго права»...

Для иллюстраціи приводимъ здѣсь характерную рѣчь генерала Дитятина, сказанную Горбуновымъ на банкетѣ, данномъ въ Петербургѣ Ивану Сергѣевичу Тургеневу.

«Мм. гг. Вы собрались сюда чествовать литератора 40-хъ годовъ Ивана Тургенева... Я противъ этого ничего не имѣю, и, по приглашенію гг. директоровъ, явился сюда неприготовленнымъ встрѣтить здѣсь такое собраніе російскаго ума и образованности. Хотѣлось бы и говорить, но говорить, находясь среди васъ, трудно: вопервыхъ, разница нашихъ взглядовъ, во-вторыхъ, мое официальное положеніе, въ-третьихъ, присущая людямъ нашей эпохи осторожность; однимъ словомъ, насъ учили болѣе осматриваться, чѣмъ всматриваться; больше думать, чѣмъ говорить; однимъ словомъ, насъ учили тому, чему, къ сожалѣнію, уже не учатъ теперь. Мм. гг.! Вы слишкомъ молody. Изъ васъ нѣтъ ни одного, который былъ бы свидѣтелемъ того перелома и треска въ литературѣ, котораго я былъ свидѣтелемъ.

«Въ началѣ 30-хъ годовъ, выражаясь риторическимъ языкомъ, среди безоблачнаго неба, тайный совѣтникъ Дмитріевъ внезапно былъ обруганъ семинаристомъ Каченовскимъ. Подняли шумъ... Критикъ скрылся... Далѣе генераль-лейтенантъ, сочинитель патриотической исторіи 12-го года, Михайловскій-Данилевскій, былъ обруганъ. Были приняты мѣры... Критикъ испытать на себѣ быстроту фельдъегерской тройки... стало тихо. Но на почвѣ, усѣянной, удобренной мыслителями 30-хъ годовъ, показались всходы; эти всходы заколосились, и первый тучный колось, сорвавшійся со стебля въ 40-хъ годахъ, были «Записки охотника», принадлежащая перу чествуемаго вами литератора, отставнаго коллежскаго секретаря Ивана Тургенева.

«Въ простотѣ солдатскаго сердца, я взялъ эту книгу, думая найти въ ней записки какого либо военнаго охотника... оказалось, что подъ поэтической оболочкой скрываются такія мысли, о которыхъ я не рѣшился не доложить графу Закревскому. Графъ сказалъ: «я знаю». Я въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ князю Сергѣю Михайловичу Голицыну. Онъ говоритъ: «это дѣло администраціи, а не мое». Я сообщилъ конфиденціально митрополиту Филарету. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что это «вѣяніе времени».

«Я увидѣлъ, что совершается что-то странное,—и посторонился.

«Теперь я, мм. гг., стою въ сторонѣ, пропускаю мимо себя нестройные ряды идей, мнѣній, постоянно сбивающіеся съ ноги, и всѣмъ говорю: хорошо! Но мнѣ уже никто не отвѣчаетъ: «рады стараться, ваше превосходительство!», а только взводные киваютъ съ усмѣшкой головой. Я кончилъ».

Способность перевоплощаться въ дѣйствовавшихъ лицъ былыхъ эпохъ съ ихъ своеобразнымъ міросозерцаніемъ и языкомъ была въ Горбуновѣ чрезвычайно велика. Онъ былъ прекраснымъ историкомъ, понималъ настроенія исторической эпохи, а еще болѣе овладѣвалъ формой былой рѣчи. Его литературныя поддѣлки подъ древнерусскій языкъ вводили въ заблужденіе ученыхъ. «Составленное имъ описаніе поѣздки древняго русскаго боярина въ Эмсъ ввело даже опытныхъ археологовъ въ крайнее недоумѣніе, говорить по этому поводу Т. И. Филипповъ. Думая, что это подлинный статейный списокъ

XVII ст., ученый П. И. Савваитовъ долго не могъ прійти въ себя отъ удивленія, вообразивъ, что рулетка существовала уже въ XVII вѣкѣ». Вотъ образчикъ его поддѣлокъ:

I.

ЧЕЛОВИТНАЯ XVII СТ.

(По титулѣ).

Бьетъ челомъ и плачется сиротишка твой, государь, разбойнаго приказа писчикъ Павликъ. Въ прошлыхъ годѣхъ вельно мнѣ сидѣть въ разбойномъ приказѣ безотступно и всякія разбойныя и татинныя дѣла списывать, а жалованье мнѣ противъ другихъ подьячихъ вполы, да сапоги, да однорядка, да шапка. И я, сирота, сидючи въ разбойномъ приказѣ, о твоёмъ великаго государя дѣлѣ радѣть. А нынѣ та однорядка износилась и сапоженки поистлѣли—въ приказѣ ходить нужно: пальцы прихватываютъ и пяткамъ тягота великая. Царь Государь! смилуйся для своего многолѣтняго здравія и всемірныя радости царевича (имя рекъ), вели мени, сиротишку, обувь.

Помѣта: Объявлено государево жалованье: дать однорядку, да сапоги, да шапку.

II.

ЧЕЛОВИТНАЯ XVIII СТ.

(По титулѣ).

Его сіятельство, генераль-аншефъ, генераль-адъютантъ, преображенскаго полку бригадиръ, приказалъ мнѣ, нижайшему, быть въ юстицъ-коллегіи у письменныхъ дѣлъ безъ срока. И я, будучи въ юстицъ-коллегіи, Ея Императорскаго Величества интересу служилъ. А нынѣ мнѣ, нижайшему, юстицъ-коллегіи резолюція: отъ юстицъ-коллегіи отставить, на основаніи указовъ ея императорскаго величества. А мнѣ, нижайшему, при холодной атмосферѣ, жить въ резиденціи Ея Императорскаго Величества невозможно. А посему...

Резолюція: Определить ея императорскаго величества на молочный дворъ для смотрѣнія, а кормъ оттуда же натурою.

III.

ПРОШЕНІЕ XIX СТ.

Прослуживъ безпорочно тридцать лѣтъ и не имѣя возможности при настоящей дороговизнѣ хлѣба и мяса...

Резолюція: По непредставленію марокъ, оставить безъ послѣдствій.

Кромѣ этихъ литературныхъ памятниковъ ¹⁾, сценъ, очерковъ, рѣчей, поддѣлокъ, его перу принадлежитъ также обширный трудъ (неоконченный) «Драматическіе дѣятели въ ихъ біографіяхъ съ основанія русскаго театра до нашихъ дней», составленный по самымъ полнымъ и разнообразнымъ источникамъ. Его стараніями также устроено «артистическое фойэ» въ Александровскомъ театрѣ. Здѣсь онъ собралъ обширную коллекцію портретовъ, видовъ и разныхъ документовъ, относящихся къ прошлому нашей драмы.

Скончался Иванъ Ѳедоровичъ 24 декабря 1895 г. послѣ продолжительнаго діабета, вызвавшаго въ послѣднее время скоротечную чахотку. Похороненъ онъ въ Александро-Невской лаврѣ.

Г. Л. И.

¹⁾ Напечатаны въ «Современникѣ», «Искрѣ», «Отеч. Зап.», «Общезанимательномъ Вѣстникѣ», «С.-Петербург. Вѣд.» времятъ Корша, «Новомъ Времени», «Русской Старинѣ».

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢВИЧЪ ОСОКИНЪ.

НИКТО НЕ МОГЪ ожидать, что смерть похититъ такъ скоро и неожиданно одного изъ выдающихся дѣятелей нашего Поволжья, заслуженнаго профессора Казанскаго университета, Николая Алексѣевича Осокина. Еще не такъ давно, въ концѣ октября прошлаго 1895 года, онъ былъ въ Петербургѣ, полный свѣтлыхъ надеждъ на недалекое будущее, когда вся наша родина покроется сѣтью народныхъ школъ, когда всѣ, желающіе получить образованіе, не будутъ тщетно искать свободныхъ вакансій въ дѣйствующихъ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ качествѣ представителя казанскихъ профессоровъ хлопотать объ открытіи въ Казани высшихъ женскихъ курсовъ. Это одинъ изъ мотивовъ его пріѣзда, имѣвшій общественный характеръ. Другой мотивъ личный. Николай Алексѣевичъ кончалъ 27-го октября тридцатилѣтіе своей службы и желалъ сохранить свою профессуру еще на пять лѣтъ, такъ какъ не чувствовалъ себя ни старымъ, ни слабымъ. Дѣйствительно, кто видѣлъ покойнаго въ это время, тотъ не повѣрилъ бы, что ему 52 года, такъ много было въ немъ энергии и жизни, и такимъ молодежавымъ онъ казался. Изъ Петербурга покойный уѣхалъ съ увѣренностью, что если не всецѣло, то частью хлопоты его увѣнчаются успѣхомъ. Однако, онъ ошибся и не могъ пережить разочарованія въ своихъ надеждахъ. 29-го декабря его не стало: телеграфъ извѣстилъ объ его скоропостижной кончинѣ. У меня имѣется письмо Николая Алексѣевича, написанное имъ за четыре дня до смертнаго часа. Содержаніе письма и почеркъ, которыми оно написано, свидѣтельствуютъ о тяжелыхъ нравственныхъ страданіяхъ покойнаго. «Мнѣ отказано,— пишетъ Николай Але-

ксѣвичъ, — въ добавочномъ окладѣ, и я оставленъ на службѣ съ обычной пенсіей. Дѣло, конечно, не въ 1200 рубляхъ, а въ чести». Далѣе слѣдуетъ безнадежная скорбь по поводу того, что дѣлать. «Конечно, изъ этого одинъ исходъ — подать въ отставку». Такой же исходъ былъ совершенно не желателенъ Николаю Алексѣвичу, такъ какъ съ университетской каедрой онъ сроднился съ юныхъ лѣтъ и въ тотъ моментъ, когда писалъ, чувствовалъ въ себѣ достаточный запасъ энергіи и силъ для продолженія любимаго дѣла. Тяжесть душевнаго волненія при такихъ обстоятельствахъ легко представить. Покойный не выдержалъ этой тяжести.

Мнѣ пришлось познакомиться съ нимъ лѣтомъ 1890 года, во время казанской выставки. Николай Алексѣвичъ устраивалъ два отдѣла — учебный и этнографическій, участвовалъ въ разныхъ коммисіяхъ, словомъ, хлопоталъ и весь былъ поглощенъ выставкой. Приходилось удивляться его необычайной дѣятельности онъ всюду поспѣвалъ, работалъ съ юношескимъ увлеченіемъ и въ то же время не переставалъ слѣдить за городской и земской жизнью, интересоваться журналистикой и театромъ. У него все кипѣло въ рукахъ. Затѣмъ мы встрѣтились съ нимъ въ Казани въ прошломъ году. Разговоръ чаще всего касался народнаго образованія. Николай Алексѣвичъ въ это время уже составилъ докладъ о введеніи обязательнаго обученія мальчиковъ въ Казанской губерніи, который желалъ прочесть въ февральскую сессію губернскаго земскаго собранія, хотя сомнѣвался въ успѣхѣ. Между прочимъ я обратился къ нему съ просьбой подарить мнѣ свою автобіографію, что онъ охотно исполнилъ. Пользуюсь случаемъ привести эту автобіографію какъ для выясненія плодотворной ученой и общественной дѣятельности покойнаго, такъ и его личности, выразившейся въ симпатіяхъ и антипатіяхъ и въ манерѣ изложенія. Многое изъ того, что написано Николаемъ Алексѣвичемъ, «до поры до времени» не можетъ быть опубликовано.

Автобіографія Н. А. Осокина.

«Я родился въ Петербургѣ 10 апрѣля 1839 г. и учился въ пятой петербургской гимназіи, гдѣ кончилъ курсъ съ медалью въ 1860 г. Могу съ удовольствіемъ вспомнить, что насъ учили хорошо, и положительно убѣжденъ, что теперь такихъ гимназій нигдѣ въ Россіи нѣтъ. Мы начинали латынь съ IV класса и, кончая въ VII, довольно свободно à livre ouvert читали Ливія и Виргилія, такъ что съ перваго курса университета легко переходили къ Тациту. При этомъ естественнымъ наукамъ было отведено много времени, начиная съ I класса. До III-го включительно преподавалась зоологія, въ IV-мъ общая ботаника, въ V-мъ — частная; въ томъ же классѣ при физикѣ полгода

преподавалась химія съ опытами и формулами; въ VI—минералогія, въ VII—начало физиологій. Въ русскихъ сочиненіяхъ съ V класса немыслимы были орфографическія ошибки, коими теперь изобилуютъ писанія студентовъ. Вотъ возможный идеаль гимназіи на основаніяхъ превосходной Уваровской системы.

«По совѣту профессора Благовѣщенскаго, въ домѣ котораго я давалъ частные уроки (еще съ IV класса гимназіи), я поступилъ на филологическій факультетъ Петербургскаго университета и усердно слушалъ Стасюлевича и Костомарова. Съ 1860—1861 учебнаго года началось движеніе подъ вліяніемъ тѣхъ хитроумцевъ польскихъ, которые очень ловко разыграли на насъ всю музыку. Движеніе обострилось осенью 1861 года. Университетъ былъ закрытъ и снова открытъ подъ обязательствомъ взять матрикулы. Я поступилъ вновь съ массой другихъ, исполнившихъ обязательство, но обстоятельства, или точнѣе, движеніе массы заставило возвратитъ матрикулы. Университетъ былъ снова закрытъ. Я замѣшанъ въ движеніи лично не былъ, то-есть не попалъ ни въ крѣпость, ни въ Кронштадтъ, а жилъ мирно въ Коломнѣ и продолжалъ давать уроки. Наконецъ, рѣшено было «предложить» незамѣшаннымъ 150 студентамъ казенныя стипендіи съ проѣздомъ въ Москву, Харьковъ и Казань. Я избралъ послѣдній университетъ, благодаря совѣтамъ нашего попечителя И. Д. Делянова (который былъ расположенъ ко мнѣ съ гимназической скамьи и до сихъ поръ считаетъ меня «своимъ ученикомъ», хотя я отслужилъ 30 лѣтъ) и того же профессора Н. М. Благовѣщенскаго. Въ Казань я прибылъ 2 октября 1862 года, и вотъ съ тѣхъ поръ связана моя судьба съ педагогической и общественной жизнью этого города, который на моихъ глазахъ совершенно видоизмѣнился и во внѣшнемъ, и во внутреннемъ отношеніяхъ.

Въ Казанскомъ университетѣ я былъ зачисленъ прямо на второй курсъ филологическаго факультета. Здѣсь я усердно принялся за работу: политическихъ поползновеній, коими были чреваты петербургскіе студенты, здѣсь не было, по крайней мѣрѣ въ серьезной степени. Сознаю, что въ Казани было болѣе простора и болѣе удобствъ для занятій, чѣмъ въ Петербургѣ, хотя эти слова могутъ казаться парадоксомъ, такъ какъ столица, казалось, даетъ студентамъ богатые средства Публичной бібліотеки. Но бѣда въ томъ, что обширныя и дешевыя развлечения отвлекаютъ молодежь отъ серьезныхъ занятій. Я, на примѣръ, бывши два года петербургскимъ студентомъ едва ли два раза заглянулъ въ Публичную бібліотеку, а изъ Казани, избравъ специальностью итальянскую исторію и средніе вѣка, каждый вакалъ ѣздилъ въ Петербургъ на послѣдніе гроши (съ уроковъ) и не пропускалъ для той же бібліотеки ни одного дня. Сознаю также, что въ Петербургѣ я не сдѣлалъ ничего, написалъ только маленькую повѣсть для «Сына Отечества» еще въ 1859 г., будучи въ гимназіи. Тамъ я много читалъ, но главнымъ обра-

зомъ занимался посѣщеніемъ итальянской оперы, изучалъ для этого итальянскій языкъ, занимался теоріей и исторіей музыки, но для науки время прошло даромъ. За то въ Казани я не зналъ ни прогулокъ, ни развлеченій, и три года сплошь высидѣлъ за книгами и научными работами. Благотворное вліяніе имѣли на меня В. И. Григоровичъ и Н. Н. Буличъ (только надняхъ скончавшійся). На перваго я молюсь до сихъ поръ и могу сравнить его только съ Θ . И. Буславымъ, считая того и другого апостолами русской науки. Буличу

Николай Алексѣвичъ Осокинъ.

я былъ всегда много обязанъ. Онъ меня рекомендовалъ оставить при университетѣ на вакантную кафедру всеобщей исторіи, которая была свободна съ удаленія Ешевскаго въ Москву, то-есть съ 1856 года. Я уже тогда началъ печататься, хотя былъ только студентомъ. Въ 1864 году въ «Бесѣдѣ» Достоевскаго въ первой книжкѣ была помѣщена первая часть моей монографіи о Савонаролѣ, которая въ слѣдующемъ 1865 году вышла отдѣльно подъ заглавіемъ: «Савонарола и Флоренція». Тогда же я получилъ золотую медаль за боль-

шое изслѣдованіе, написанное на четвертомъ курсѣ на тему, данную факультетомъ: «Аттендоло Сфорца да-Котиньола и итальянское наемничество въ средніе вѣка». Изъ него я напечаталъ въ формѣ трехъ отдѣльныхъ монографій въ 1866 г.: «Королева Іоанна II», «Замѣтки по экономической исторіи Италіи», «Неаполитанскіе государи XIV вѣка». Около того же времени я напечаталъ свою «Вступительную лекцію въ курсъ XIV вѣка: личный и историческій характеръ Оливера Кромвелля».

«Магистерскій экзаменъ я сдавалъ въ Москвѣ: по всеобщей исторіи у Герье (прямого преемника Грановскаго, черезъ Кудрявцева и Ешевскаго), по русской исторіи у Соловьева, по политической экономіи у Бабста. Экзаменъ я окончилъ въ сентябрѣ 1867 г. и въ октябрѣ того же года былъ единогласно избранъ исправляющимъ должность доцента по кафедрѣ всеобщей исторіи. Это было въ своемъ родѣ единственное явленіе: могу сказать не безъ гордости. Такъ какъ выборъ въ исправляющіе должность принципиально не соответствовалъ закону, то графъ Толстой, тогдашній министр, не утвердилъ выбора, а предложилъ назначить меня приватъ-доцентомъ съ сохраненіемъ стипендіи, что въ матеріальномъ отношеніи для меня было даже выгодно. Какъ «*pro venia legendi*», я защитилъ «Савонаролу и Флоренцію» и съ начала 1868 г. приступилъ къ чтенію курса древней исторіи (общаго) и исторіи XIII столѣтія (спеціального). Открывки изъ послѣдняго я помѣстилъ въ 1869 г. въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» подъ заглавіемъ «Римская церковь въ XIII вѣкѣ». Этотъ курсъ я сразу сталъ излагать по источникамъ и съ тѣхъ поръ избралъ средніе вѣка своею спеціальностью.

«Впродолженіе двадцатилѣтней профессорской дѣятельности я въ изложеніи полнаго курса всеобщей исторіи повторился только три раза; такимъ образомъ, я полный курсъ читалъ впродолженіе восьми лѣтъ и полагаю, что всякое иное отношеніе къ дѣлу не соответствуетъ предмету и научному достоинству изложенія. Предметомъ магистерской диссертациі я избралъ «Исторію Альбигойцевъ», и первый томъ ея, доведенный до кончины папы Иннокентія III, т. е. до 1215 года, защитилъ лѣтомъ 1869 года, послѣ чего былъ избранъ въ доценты. Критика привѣтствовала эту книгу весьма сочувственно. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» за популярность изложенія, за стремленіе развить извѣстныя идеи вѣротерпимости въ публикѣ, приравнивали къ Грановскому, хотя прибавляли—онъ не можетъ имѣть теперь его вліянія. Еще бы!!!

«Для второго тома «Исторіи Альбигойцевъ и ихъ времени», предназначеннаго для докторской диссертациі, я былъ командированъ министромъ во Францію для занятій въ государственномъ архивѣ, національной бібліотекѣ и въ разныхъ архивахъ съ лестными рекомендательными письмами. Я собралъ массу интереснаго рукопис-

наго матеріала — слѣдственныхъ протоколовъ первой, т. е. провансальской инквизиціи, установилъ впервые ея дату и подробную ея исторію озаглавилъ «Первая инквизиція и завоеваніе Лангедока французами». Окончивъ печатаніе въ 1872 году, получилъ степень доктора въ маѣ этого года. Этотъ массивный томъ, почти сплошь составленный по источникамъ, вызвалъ, вѣроятно, по своей специальности болѣе отзывовъ во французской критикѣ («Revue de deux mondes», «Revue bibliographique» «Revue critique» etc.), чѣмъ въ русской («Вѣстникъ Европы» и др.). Интересно, что іезуитъ отецъ Мартыновъ на меня очень озлился... Вторую заграничную поѣздку съ научною цѣлью я предпринялъ, уже женившись, въ 1874 г. Я работалъ надъ историческимъ матеріаломъ въ архивахъ Загребскомъ, Венеціанскомъ и даже Ватиканскомъ, съ особаго разрѣшенія папы. Болѣе всего я извлекъ изъ Венеціанскаго Archivio generale di stato, благодаря указаніямъ извѣстнаго Чекетти. Часть этого матеріала разработана въ отдѣльныхъ статьяхъ, частью еще классифицируется для будущаго труда: «О православіи на славянскомъ западѣ». Третья моя поѣздка за границу относится къ 1876 г. и была посвящена специально исторіи итальянскаго искусства.

«Имѣя имущественный цензъ жены (урожденной Марьиной), я немедленно, по приобрѣтеніи дома, былъ на первыхъ же выборахъ избранъ гласнымъ городской думы, а затѣмъ на земскихъ выборахъ уѣзднымъ земскимъ гласнымъ, откуда былъ избранъ представителемъ Казанскаго уѣзда въ губернскіе гласные. Это было въ 1881 г., и съ тѣхъ поръ я непрерывно избираюсь какъ въ думѣ, такъ и въ земствѣ, а также безсмѣнно почетнымъ мировымъ судьей. Въ общественной дѣятельности мнѣ удалось приобрѣсти довольно прочное положеніе; я сосредоточился главнымъ образомъ на вопросахъ народнаго образованія и кое-что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи при поддержкѣ прогрессивныхъ элементовъ думы и обоихъ земствъ, хотя, надо замѣтить, не всегда въ послѣднее время эти элементы поддерживаютъ дѣло народнаго обученія. Мнѣ съ перваго же года какъ въ думѣ, такъ и въ земствахъ, пришлось участвовать чуть не во всѣхъ дѣловыхъ комиссіяхъ. Я былъ членомъ думской финансовой и ревизіонной комиссій; цѣлыя пять лѣтъ предсѣдателемъ ревизіонной комиссіи губернскаго земства, нѣсколько трехлѣтій—въ уѣздномъ земствѣ и пр. Въ уѣздномъ земствѣ я былъ избранъ съ перваго же трехлѣтія членомъ училищнаго совѣта отъ земства, въ каковомъ состою по сіе время. Эта должность ввела меня самымъ близкимъ образомъ въ кругъ интересовъ народнаго образованія въ уѣздѣ и городѣ Казани, такъ какъ казанскія городскія начальныя школы подчиняются тому же училищному совѣту.

«Я засталъ въ городѣ 14 школъ; онѣ были крайне тѣсны, запущены, содержались плохо. Съ купеческой думой (насъ было только четверо гласныхъ профессоровъ изъ 72 общаго числа гласныхъ)

трудно было что либо сдѣлать на пользу школы. Въ этомъ отношеніи рѣшающее вліяніе имѣло прибытіе на ревизію сенатора Ковалевскаго, посланнаго Лорисъ-Меликовымъ изслѣдовать дѣйствія губернатора Н. Я. Скарятина. Сенаторъ формально обратилъ вниманіе городского головы Янышевскаго—кстати сказать, профессора—на невозможное положеніе городскихъ школъ. Назначена была коммиссія, въ которую вошли попечитель округа Шестаковъ, я и проф. Мельниковъ. вмѣстѣ съ новымъ энергичнымъ инспекторомъ В. Ѳ. Люстрицкимъ (который такъ много послужилъ развитію и прочной постановкѣ народнаго образованія въ Казани и уѣздѣ), коммиссія обслѣдовала школы и представила цѣлый проектъ и планъ реорганизаціи и дальнѣйшаго развитія школъ. За свое бездѣйствіе Янышевскій былъ забалотированъ и головою былъ избранъ А. А. Лебедевъ. При немъ, но не вслѣдствіе его личной энергіи, или, точнѣе, благодаря его доброму невмѣшательству, вслѣдствіе почина группы благомыслящихъ гласныхъ, число школъ возросло до 23; всѣ онѣ переполнены: въ одной до 350, въ нѣсколькихъ по 200 учащихся, чего нѣтъ въ столицахъ. Каковы эти школы свидѣтельствуешь самъ министръ. Графъ Деяновъ въ 1888 году посѣтилъ четыре школы и пришелъ въ восторгъ. Нынѣшній попечитель округа В. А. Поповъ, котораго я считаю лучшимъ знатокомъ народной школы (онъ занимался ими въ Польшѣ 24 года), даетъ о большинствѣ ихъ самый лестный отзывъ. Персоналъ изъ гимназистокъ замѣчательнъ. Учителей почти нѣтъ: вездѣ учительницы, при чемъ въ каждомъ отдѣленіи, почти всюду, отдѣльная учительница. Бюджетъ народныхъ школъ изъ 20 тысячъ возросъ до 45 тысячъ рублей. Но въ послѣднія шесть лѣтъ не открыто ни одной школы.

«То же въ земствѣ. Съ 1882 г. число школъ въ уѣздѣ изъ 40 возросло до 90, а бюджетъ изъ 18 тысячъ до 47 тысячъ рублей. Но и здѣсь въ послѣднее время настала регрессъ. Управа, которая много сдѣлала въ этомъ отношеніи, особенно при предсѣдательствѣ П. П. Перцова, въ послѣднемъ XXX очередномъ собраніи, лишена права своею властью открывать школы, какъ доселѣ практиковалось, и кредитъ въ 500 рублей отнять. Я приготовилъ докладъ о постепенномъ введеніи обязательнаго обученія (хотя бы мальчиковъ) и разработалъ въ напечатанныхъ «Таблицахъ» матеріалъ, но почти увѣренъ, что докладъ не пройдетъ. Библіотеки въ волостяхъ, организованныя губернскимъ земствомъ (на что затрачивалось 3.000 рублей въ годъ), теперь закрыты, и исчезло также многое другое хорошее. Сообщаю эти подробности, потому что онѣ весьма характерны и относятся къ дѣлу просвѣщенія.

«Въ 1885 году я напечаталъ свою актовую рѣчь подъ заглавіемъ: «Политическія движенія въ Западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка». Изданіе скоро разошлось. Въ концѣ 80-хъ годовъ я задался мыслью издать свои университетскія чтенія въ

доступномъ для массы изложеніи и съ сохраненіемъ ученаго аппарата. Соглашеніе съ издателями не состоялось по отношенію курса Римской имперіи, такъ какъ была задержка въ иллюстраціяхъ; послѣ этого я рѣшился остановиться на «Исторіи среднихъ вѣковъ», предпринялъ изданіе всецѣло на свой счетъ, но печатая курсъ въ приложеніи къ «Ученымъ запискамъ университета». Въ 1888—1889 году я напечаталъ два большихъ тома въ трехъ частяхъ. Почти во всѣхъ журналахъ появились вполнѣ сочувственные отзывы; исключеніе представляетъ рецензія въ «Русской Мысли» и официальномъ журналѣ ¹⁾ за подписью В—ій, который очень удачно воспользовался (по поводу перваго тома) частными промахами, недосмотрами и опечатками. Тѣмъ не менѣе ученый комитетъ одобрилъ «Исторію среднихъ вѣковъ» для библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. «Исторіографію среднихъ вѣковъ» я издалъ отдѣльно. Она была также одобрена. Въ томъ же 1888 году я издалъ задуманную по собственному плану на одномъ громадномъ листѣ «Генеалогическую таблицу Каролинговъ въ связи по женскимъ линіямъ съ династіями Западной Европы». Такъ какъ всѣ западныя династіи были въ продолженіе 12-ти вѣковъ въ родственныхъ связяхъ, то такое синхронистическое сопоставленіе облегчало запоминаніе сложныхъ родственныхъ отношеній въ цѣломъ рядѣ поколѣній до нашего времени. Святѣйшій синодъ, ранѣе ученаго комитета, одобрилъ эту «Таблицу» для духовныхъ учебныхъ заведеній. Я предполагаю издать ее на французскомъ языкѣ. Въ 1892 году я сдѣлалъ второе изданіе своей рѣчи: «Политическія движенія въ Западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка», безъ измѣненій. Ее привѣтствовали всѣ рецензенты вполнѣ сочувственно съ рѣдкимъ единодушіемъ, а ученый нашъ комитетъ немедленно рекомендовалъ даже для ученическихъ библиотекъ. Надняхъ комитетъ грамотности приобрѣлъ эту книгу для народныхъ библиотекъ.

«Передъ казанской выставкой 1890 года я былъ избранъ предсѣдателемъ мѣстнаго отдѣленія русскаго техническаго общества. На выставкѣ я организовалъ два отдѣла: учебный и историко-этнографическій, издавъ ихъ научные каталоги. По поводу юбилея 25-лѣтія дѣятельности мировыхъ учреждений я, по просьбѣ мировыхъ судей, произнесъ 16-го мая 1894 года рѣчь о значеніи мировыхъ учреждений съ историческимъ очеркомъ мирового института въ Казани. Она напечатана въ «Журналѣ Министерства Юстиціи».

«Я не говорю о своей дѣятельности въ разныхъ учепыхъ, учебныхъ, филантропическихъ учрежденіяхъ. Въ Ксеніинской гимназій вмѣстѣ съ почтеннымъ С. В. Дьяченко я состою членомъ попечительнаго совѣта, какъ прежде въ реальномъ училищѣ. Въ городскомъ музеѣ—однимъ изъ директоровъ. 27-го октября 1892 года я

¹⁾ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія».

утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора. 27-го октября 1895 года состоится 30-ти-лѣтіе, а вмѣстѣ и окончаніе профессорской службы.

Н. Осокинъ.

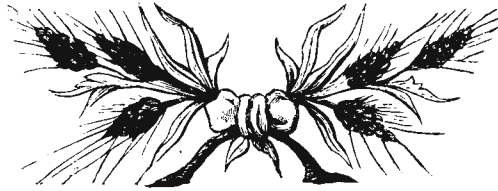
Казань. 17-го июня 1895 года.

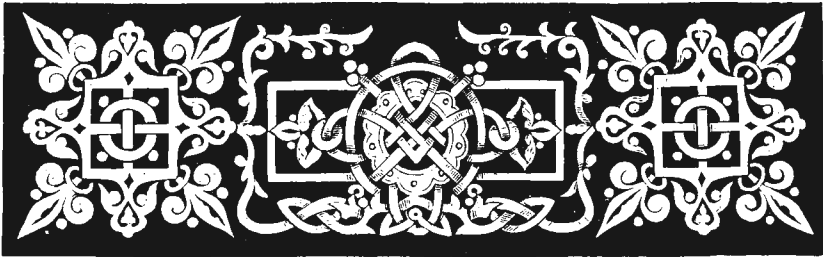
Имя профессора Осокина, какъ общественнаго дѣятеля, пользовалось большой популярностью по всему Поволжью. Распространеніе образованія среди народа являлось предметомъ его неусыпной заботливости. Благодаря его непосредственному вліянію, Казань и Казанская губернія обогатились нѣсколькими десятками новыхъ школъ; существовавшія до него замѣтно улучшились въ санитарномъ и учебно-воспитательномъ отношеніяхъ. Завѣтной мечтой покойнаго было введеніе въ губерніи всеобщаго обученія. Съ его убѣжденнымъ, энергичнымъ голосомъ, раздававшимся въ засѣданіяхъ различныхъ общественныхъ учрежденій, всегда надо было считаться. Интересы городскихъ и сельскихъ обывателей имѣли въ лицѣ Н. А.—ча горячаго и смѣлаго представителя. Уничтоженіе сословныхъ привилегій, сліяніе всѣхъ въ одинаковыхъ гражданскихъ правахъ, гарантія личной и имущественной безопасности, равенство передъ закономъ, гласный судъ, гуманность и широкое распространеніе знаний—были основными принципами его дѣятельности. Какъ ученый—специалистъ средневѣковой исторіи вообще, исторіи Италіи и инквизиціи въ частности—Н. А.—чѣ займетъ почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ. Онъ былъ мощнымъ слугою науки и виднымъ представителемъ мысли и знаний. Въ своихъ лекціяхъ и частныхъ бесѣдахъ покойный широко пользовался политическими фактами для оцѣнки той или иной эпохи. «Міровая исторія человѣчества въ высшемъ представленіи своемъ,—писалъ онъ,—есть исторія цивилизаціи, а цивилизація есть продуктъ творческой мысли; слѣдовательно, всеобщая исторія есть исторія мысли. Политическія событія, которыя долгое время считались за исторію исключительно, представляются лишь «рябью могучей рѣки»: эта рябь можетъ въ минуты бури обратиться въ волны громадной высоты, но движеніе сообщается рѣкѣ непрерывною работою человѣческой мысли¹⁾». Таковъ основной взглядъ профессора Осокина на исторію вообще. Его память была феноменальной. Масса фактовъ, именъ и цифръ какъ давно минувшаго, такъ и недавняго запоминалась Н. А.—чемъ безъ труда, и онъ умѣло и во время пользовался ими для подкрѣпленія своихъ доводовъ и развитія своей мысли. Изложеніе покойнаго отличалось популярностью; оно было чуждо туманной философіи и трескучихъ, гром-

¹⁾ Н. А. Осокинъ. Политическія движенія въ Западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка.

кихъ фразъ. Въ этомъ отношеніи его «Исторія среднихъ вѣковъ», представляющая собой изданіе университетскихъ лекцій, является интересной и доступной книгой для каждаго грамотнаго. Въ послѣднее время Николай Алексѣевичъ подготовлялъ къ печатанію «Новую и новѣйшую исторію» и изслѣдованіе «Православіе на Славянскомъ западѣ». Какъ человекъ, покойный отличался доброжелательствомъ, доступностью и простотой обращенія. Онъ не помнилъ зла и являлся всегда на помощь тѣмъ, кто работалъ во имя общаго блага. Всякій, кто имѣлъ случай встрѣтиться съ профессоромъ Осокинымъ, находилъ въ немъ интереснаго собесѣдника, всецѣло преданнаго наукѣ и общественному дѣлу. Своимъ личнымъ интересамъ онъ отводилъ всегда послѣднее мѣсто.

Н. Афанасьевъ.

КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.

Одесса (1794—1894). Изданіе городского общественнаго управленія въ столѣтію города. Одесса. 1895.

ДЕССКОЕ ГОРОДСКОЕ общественное управление долго готовилось къ празднованію столѣтняго юбилея своего города; была избрана спеціальная коммиссія для выработки и составленія плана этого празднованія, у этой коммиссіи и явилась мысль увѣковѣчить первое столѣтіе богатой Одессы какимъ либо изданіемъ. Коммиссія рѣшила издать описаніе Одессы, всѣ стороны жизни которой нашли бы себѣ должную оцѣнку и были бы представлены съ возможной полнотой. Для выполненія этой цѣли былъ составленъ особый редакціонный комитетъ, между членами котораго были предложены различные вопросы. Плодомъ трудовъ этого комитета и явилась лежащая предъ нами громадная (LXXII + 836 стр. текста in 4°) съ планами и рисунками книга.

Первая глава посвящена исторіи Одессы; она представляетъ бѣглый очеркъ прошлаго этого города и во всемъ обнаруживаетъ въ высшей степени поверхностное отношеніе авторовъ (гг. Димитріу и Терновскій) къ своей задачѣ, выполненной ими безъ должнаго изученія источниковъ, которые имъ, какъ работавшимъ для городского изданія, несомнѣнно были открыты; вслѣдствіе этого данный очеркъ не даетъ ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что было извѣстно по данному вопросу по трудамъ Смольянинова, Скальковского, Надлера и др.

Послѣ этого вводнаго очерка и начинается собственно описаніе Одессы: территория, климатъ, населеніе; исторія городского общественнаго управленія; торговля и промышленность; благоустройство, пути сообщенія; архитектура; народное здравіе; духовная жизнь и народное образованіе; благотворительность. Перечень приведенныхъ заголовковъ отдѣловъ указываетъ, что изданное описаніе дѣйствительно охватываетъ различныя стороны жизни Одессы, но все это выполнено не всегда такъ, какъ должно быть въ юбилейномъ изданіи. Въ однихъ отдѣлахъ мы находимъ или только слегка обработанный архивный матеріалъ и передачу свѣдѣній изъ отчетовъ, а въ другихъ простое перечисленіе зданій и проч.; такъ, напр., исторія городского управленія представляетъ довольно интересный по матеріалу очеркъ, но оставляетъ многого желать по обработкѣ этого матеріала; обобщеній или выводовъ авторъ (г. Чудновскій) не дѣлаетъ и не вдается въ разборъ многихъ частныхъ вопросовъ, которые могли бы дать весьма интересное разъясненіе причинъ роста города и его развитія, о которомъ авторы всѣхъ статей данной книги усиленно говорятъ; въ главѣ о «благоустройствѣ» города больше говорится объ исторіи учрежденій, чѣмъ о пригодности самыхъ учрежденій; такъ поражаетъ своей обстоятельностью исторія одесскаго водопровода, о недочетахъ котораго сдѣланъ лишь намекъ (стр. 300). Глава же, посвященная архитектурѣ, представляетъ почти исключительное перечисленіе зданій, которыя, по мнѣнію автора (г. Шейнсъ), должны быть сочтены красивыми, къ числу ихъ при этомъ обязательно относятся всѣ городскія строенія (см., напр., стр. 417 о городской аудиторіи, въ которой лекторъ можетъ потерять голосъ, хотя она и построена, по словамъ автора, «въ строго классическомъ греческомъ стилѣ»), но почти не говорится о пригодности ихъ и соответствіи назначеннымъ цѣлямъ. Глава о благотворительности производитъ лучшее впечатлѣніе; авторъ ея (г. Бориневичъ) не ограничился лишь приведеніемъ голыхъ свѣдѣній изъ отчетовъ различныхъ благотворительныхъ обществъ, но, очевидно, искренно желалъ показать несправедливость упрека Одессѣ «въ отсутствіи благотворительности, въ холодности къ страданіямъ и нуждамъ младшей братіи», для чего немало, повидимому, поработалъ.

Опуская главы о климатѣ, торговлѣ, промышленности и народномъ здравіи Одессы, какъ трактующія о вопросахъ специальныхъ, хотя и не лишенихъ общаго интереса, мы должны отмѣтить еще главу—о духовной жизни и народномъ образованіи; одна часть ея, именно духовная жизнь города и высшее образованіе, написана проф. А. И. Кирпичниковымъ и отличается выдающимися достоинствами; авторъ прекрасно сгруппировалъ собранный имъ матеріалъ и далъ интересный очеркъ духовной жизни Одессы, которая всегда представляется любопытной по тому обилію иностранныхъ элементовъ, которые съ самаго начала ея существованія входили въ составъ населенія, видѣвшаго въ Одессѣ свое дорогое новое отечество и желавшаго дать ей плоды культуры того отечества, изъ котораго явились члены этого населенія; очеркъ г. Кирпичникова читается съ большимъ интересомъ и служитъ несомнѣннымъ украшеніемъ всей книги; другая же часть собственно о народномъ образованіи составлена г. Ленцомъ и представляетъ рѣзкій диссонансъ съ очеркомъ г. Кирпичникова; г. Ленцъ

даетъ почти исключительно только имена школъ, существовавшихъ въ старой Одессѣ (стр. 633; было бы интересно знать хоть что нибудь о школахъ, которыя были содержимы въ Одессѣ цѣлымъ рядомъ иностранцевъ; г. Ленцъ почти ничего не говоритъ о преподаваніи въ нихъ); весьма слабъ и безцвѣтенъ у г. Ленца вышелъ и очеркъ дѣятельности и трудовъ Н. И. Пирогова, котораго Одесса имѣла счастье видѣть своимъ попечителемъ; въ историческомъ очеркѣ народнаго образованія Одессы нужно было бы объ этомъ выдающемся педагогѣ сказать больше того, что находимъ на стр. 656 и слѣд.; встрѣчаются у г. Ленца и мелкія, но нежелательныя неточности, напримѣръ, время основанія въ Одессѣ коммерческаго училища показано не точно: названъ 1873 г., а дальше говорится о 1862 (стр. 665, 666).

Общее впечатлѣніе отъ знакомства съ юбилейнымъ изданіемъ Одессы получается неблагоприятное; невольно рождается вопросъ, какую пользу можетъ принести оно. Лежащая предъ нами книга является чѣмъ-то въ родѣ обычнаго «путеводителя», такъ какъ за немногими исключеніями свѣдѣній въ ней по различнымъ вопросамъ не больше; разница лишь въ томъ, что городъ затратилъ несомнѣнно очень большія деньги на свое изданіе, а частные предприниматели дѣлаютъ это экономнѣе; иллюстраціи въ общемъ плохи, а портреты совершенно не удовлетворяютъ даже скромнымъ требованіямъ; Одесса должна бы была почтить память Де-Рибаса, Ришелье, гр. Строгонова и др. болѣе приличными портретами. Приложенный въ концѣ книги указатель отличается беспорядочностью: находимъ Де-Рибасъ I. М., а на указанной страницѣ (328) говорится о Феликсѣ Де-Рибасѣ. Болѣе детальное разсмотрѣніе показало бы еще больше недочетовъ одесскаго юбилейнаго изданія, но и сказаннаго, кажется, достаточно для того, чтобы пожалѣть о томъ, что городское одесское управленіе не поискало болѣе рациональнаго употребленія для денегъ, которыя затрачены на это изданіе.

О. Р. Г.

М. С. Корелинъ. Паденіе античнаго міросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Спб. 1895.

«Всемирно-историческіе кризисы, говоритъ авторъ во вступленіи, неодинаково проявляются въ жизни народовъ. Иногда они выражаются шумнымъ паденіемъ государствъ, разрушеніемъ городовъ, опустошеніемъ странъ, часто истребленіемъ цѣлыхъ поколѣній и даже цѣлыхъ народовъ. Но огонь, желѣзо и производимый ими губительный шумъ далеко не всегда составляютъ существенную сторону кризиса. Весьма многіе и наиболѣе благотворные перевороты происходили въ душѣ индивидуума и такимъ путемъ измѣняли общественныя отношенія». Таковъ именно былъ кризисъ, пережитый культурнымъ челоѣчествомъ въ началѣ нашей эры. Это великая историческая драма, въ которой дѣйствующими лицами являются не столько люди, сколько идеи,—идеи, принадлежавшія двумъ различнымъ и по существу своему противоположнымъ міросозерцаніямъ, антично-языческому и новому христіанскому. Книга г. Корелина, представляющая собою курсъ лекцій, читанныхъ авторомъ три года тому назадъ въ Московскомъ политехническомъ музеѣ, посвя-

щена именно изображенію этой исторической драмы, сценой которой былъ весь тогдашній культурный міръ, совпадавшій съ Римской имперіей, длительность драмы—первые три вѣка нашей эры. Драматическое движеніе слагается изъ двухъ параллельныхъ теченій—нисходящаго и восходящаго. Первое, это—постепенное паденіе антично-языческаго міросозерцанія, второе—постепенное торжество новаго, христіанскаго. Центръ тяжести сочиненія г. Корелина составляетъ первое изъ этихъ двухъ движеній; второе является на сцену лишь насколько это необходимо для связи и пониманія цѣлаго. Въ виду такой постановки своей задачи, авторъ особенное вниманіе удѣляетъ тѣмъ попыткамъ реформировать язычество, которыми искренніе приверженцы античныхъ идеаловъ думали спасти отъ крушенія античное міросозерцаніе. Попытки эти, выразившіяся главнымъ образомъ въ четырехъ этико-философскихъ школахъ—стойческой, эпикурейской, неоплатонической и неопифагорейской, должны были, конечно, потерпѣть такую же неудачу, какъ попытка спасти отъ крушенія ветхое зданіе заплатами и подпорками. Но главная причина неуспѣха этихъ реформаціонныхъ попытокъ заключалась въ ихъ внутреннемъ противорѣчьи; ихъ инициаторы хотѣли спасти античное міросозерцаніе, и въ то же время они относились отрицательно къ традиціонному язычеству, которое было въ сущности настоящею почвой этого міросозерцанія. Кромѣ того, всѣ эти философско-этические школы были чисто рационалистическими ученіями, и уже въ силу одного этого ни одна изъ нихъ не могла сдѣлаться почвой для новаго (или подновленнаго) міросозерцанія, потому что никакое міросозерцаніе (не исключая современнаго «позитивистскаго») не можетъ обойтись безъ элемента вѣры. А между тѣмъ именно потребность вѣры, жажда чуда были особенно сильны въ эту эпоху—и не въ массахъ только, но въ меньшей степени и въ образованномъ слоѣ общества. Очень живо иллюстрируется это настроеніе эпохи однимъ характернымъ эпизодомъ, который мы передадимъ въ сокращенномъ видѣ, со словъ г. Корелина. Во II вѣкѣ нѣкто Александръ, смѣлый и ловкій авантюристъ изъ малоазійскихъ грековъ, явился въ Македоніи, гдѣ вскорѣ приобрѣлъ извѣстность въ качествѣ гада-теля. Для большаго успѣха онъ купилъ змѣю и выдрессировалъ ее. Желая вернуться въ свой родной городъ Абонотейхъ, онъ, съ цѣлью подготовить себѣ для этого почву, пустился на слѣдующую продѣлку. Въ одномъ изъ македонскихъ храмовъ Аполлона онъ зарылъ двѣ мѣдныя доски съ надписью, что богъ Эскулапъ съ своимъ отцомъ Аполлономъ поселятся въ Абонотейхѣ. Когда вскорѣ доски «случайно» были найдены, вѣсть о пророческой надписи быстро разлетѣлась повсюду, а въ Абонотейхѣ произвела такое сильное впечатлѣніе, что городской советъ сдѣлалъ постановленіе построить новый храмъ грядущимъ божествамъ. Александръ рѣшилъ, что пора вернуться на родину... Въ красномъ одѣяніи, съ распущенными длинными волосами, явился онъ въ Абонотейхъ, объявляя себя пророкомъ, а свою дрессированную змѣю—богомъ Эскулапомъ, явившимся въ образѣ своего обычнаго атрибута. Нѣсколько «чудесъ», въ которыхъ дрессированная змѣя играла не послѣднюю роль, окончательно убѣдили всѣхъ въ подлинности «бога» и «пророка». Слава Александра вскорѣ достигла и Рима, гдѣ новый «пророкъ» имѣлъ также огром-

ный успѣхъ. Изображенія новаго «бога» (въ видѣ змѣи съ человѣческой головой) тысячами продавались въ Римѣ. Учрежденный при его храмѣ оракулъ «работалъ» на всю имперію. Въ Абонотейхѣ образовалась цѣлая фабрика святыхъ, которыя всюду распространялись или сообщниками шарлатана, или его убѣжденными апостолами. Характернѣе всего то, что не одна толпа слѣдовала за Александромъ; среди высшаго римскаго общества, даже при дворѣ самого императора-философа Марка Аврелія, смѣлый шарлатанъ имѣлъ многочисленныхъ поклонниковъ.

Изложеніе автора вполне общедоступное и не требуетъ для своего пониманія специальной исторической подготовки. Это одновременно и «серьезное» и «легкое» чтеніе. Въ типографскомъ и корректурномъ отношеніи книжка задана безукоризненно.

П. А.

А. Алферовъ, А. Грузинскій, Ф. Нелидовъ, С. Смирновъ. Десять чтеній по литературѣ съ 29 рисунками. Москва. 1895.

Десять чтеній, находящихся въ названной книгѣ, не представляютъ одного общаго цѣлага: это ничѣмъ не связанныя между собою статьи разныхъ авторовъ и разнаго достоинства. Разсматривая эти статьи по алфавиту авторовъ, мы должны сказать, что принадлежащія перу г. А. Алферова хотя не блещутъ особой новизной и оригинальностью, но отличаются болѣе популярной манерой изложенія и искуснымъ выборомъ темъ. Г. Алферову принадлежитъ статья «Петрушка и его предки», первоначально печатавшаяся въ газетѣ «Русскія Вѣдомости» въ 1894 г. и теперь вошедшая въ этотъ сборникъ въ значительно дополненномъ видѣ. Въ предлагаемомъ очеркѣ, на основаніи главнымъ образомъ иностранныхъ источниковъ и пособій, набросана исторія «бѣлаго миша» (*simus albus*) латинскихъ ателланъ, перешедшаго черезъ рядъ превращеній и на русскую кукольную сцену подъ именемъ «Петрушки». Очеркъ написанъ хотя и нѣсколько неровно, но чрезвычайно живо и, если не ошибаемся, представляетъ первый опытъ исторіи «Петрушки» на русскомъ языкѣ (до 1894 г. извѣстны лишь замѣчанія Д. А. Ровинскаго въ V томѣ «Русскихъ народныхъ картинокъ» 1881 г.).

Тому же г. Алферову принадлежатъ очерки «Донъ Кихоть Ламанчскій Сервантеса» и «Даніэль Дюфо» и его романъ «Робинзонъ Крузо». Эти очерки имѣютъ тѣ же достоинства, какъ и первый, но на нашъ взглядъ кажутся нѣсколько бѣднѣе: можетъ быть, потому, что темы ихъ далеко не отличаются свѣжестью.

Слѣдующій въ алфавитномъ порядкѣ участникъ сборника, г. А. Грузинскій, далъ также три очерка и также далеко неравнаго достоинства. Слабѣе прочіихъ — «Русскіе народные пѣвцы», сплошь составленный изъ выписокъ. Статья о В. Г. Вѣлинскомъ — лучше другихъ по живости и искренности, зато «Д. И. Фонвизинъ» того же автора, не смотря на свою краткость, производитъ довольно непріятное впечатлѣніе.

Г. Ф. Нелидову принадлежатъ въ этомъ сборникѣ двѣ статьи: «Максимъ Грекъ» и «Хулители наукъ въ Екатерининской сатирѣ XVIII в.». Первая на-

писана изящнымъ языкомъ, факты сообщены довольно полно, чтобы изъ нихъ можно было сдѣлать соотвѣтствующій выводъ, но авторъ слишкомъ тенденціозенъ: вѣдь пора, кажется, теперь смотрѣть на «знаменитое» посланіе архіепископа новгородскаго Геннадія нѣсколько иначе. Человѣкъ этотъ писалъ съ увлеченіемъ; а потому не могъ не впасть въ крайность; по крайней мѣрѣ его изображеніе всеобщей безграмотности кажется намъ совершенно гиперболичнымъ! Послѣ розысканій проф. А. Соболевскаго о грамотности въ старой Московской Руси можно бы и нѣсколько осторожнѣй относиться къ свидѣтельствамъ въ родѣ Геннадіевскаго. Затѣмъ, совершенно невѣрно характеризовать XVI в. — вѣкомъ безприсыпнаго сна народнаго русскаго сознанія: въ этомъ вѣкѣ именно особенно сильно заявляетъ о себѣ зарождающееся народное сознаніе въ возникновеніи такъ называемыхъ ересей. Если же это движеніе мысли выражается] въ области религіозной и церковной, то лишь потому, что иныя, научныя области сужденія были неизвѣстны московскимъ прогрессистамъ, каковыми являются св. Нилъ Сорскій, Вассіанъ Патрикѣевъ и Заволжскіе старцы. Напрасно также авторъ съ какимъ-то злорадствомъ описываетъ наружность іосифлянскаго митрополита Данила: что же тутъ дурного, что это былъ «молодой, румяный лицомъ и тучный тѣломъ человѣкъ», имѣвшій «гласъ умѣренъ» и «ступаніе кротко»; дѣло не въ этихъ внѣшнихъ чертахъ! Характеристика самого Максима Грека такъ завалена этими не нужными отступленіями, что обликъ этого представителя «Горе отъ ума XVI вѣка», какъ мѣтко выражается г. Нелидовъ, совершенно заслоняется мелочами, аксессуарами, бутафорскими принадлежностями.

«Хулители наукъ въ Екатерининской сатирѣ XVIII в.» характеризованы недурно. Къ сожалѣнію, авторъ и здѣсь для большей наглядности отступаетъ отъ требованій истины и характеризуетъ этихъ хулителей и весь бытъ XVIII вѣка по сатирическимъ журналамъ, тогда какъ изъ изслѣдованій В. Ф. Солнцева (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Библиографъ и отд.) извѣстно, что по крайней мѣрѣ «Всякая всячина» и цитируемая г. Нелидовымъ «Смѣсь» черпали безъ разбора свой матеріалъ изъ заграничныхъ, французскихъ и англійскихъ, источниковъ. Онъ впасть здѣсь въ такую же ошибку, какъ и его источники и пособія: труды Аванасьева и Незеленова ¹⁾), отличающіеся довольно поверхностнымъ отношеніемъ къ текстамъ изслѣдуемыхъ журналовъ.

Послѣднему изъ названныхъ участниковъ лежащаго передъ нами сборника, г. Смирнову, принадлежатъ два также недурно написанныхъ очерка: «С. Т. Аксаковъ», гдѣ вѣрно указано мѣсто этого писателя въ исторіи русской литературы, и «Д. В. Григоровичъ», гдѣ авторъ главнымъ образомъ характеризуетъ воспитательное значеніе этого писателя для молодежи: съ однимъ лишь мы не можемъ согласиться — съ восхваленіемъ романа «Проселочныя дороги» — болѣе неудачнаго и скучнаго произведенія нельзя найти во всемъ собраніи сочиненій почтеннаго романиста, а г. Смирновъ пытается даже поставить этотъ романъ «безъ интриги» и безъ тѣни творческаго вдохновенія рядомъ съ «Мертвыми душами» Гоголя.

¹⁾ Н. И. Новиковъ, гл. I.

Не смотря на не многіе, примѣченные нами недостатки, книга составлена удачно и читается съ интересомъ. Можемъ отъ души пожелать ей распространенія среди учащейся молодежи и въ такъ называемой большой публикѣ, тѣмъ болѣе что цѣна ея поразительно низка и доступна всякому — 1 руб. за томъ въ 250 стр. Въ концѣ книги приложенъ авторами статей списокъ книгъ, послужившихъ для нихъ пособиями. О. Т.—скій.

Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община. (La cité antique). Исслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. Переводъ съ послѣдняго XIV изданія Н. Н. Спиридонова. Москва. 1895.

Привѣтствуемъ появленіе новаго русскаго перевода этого превосходнаго, въ истинномъ смыслѣ слова, классическаго произведенія. Первый русскій переводъ Корша, сдѣланный въ 1869 г., давно вышелъ изъ продажи, да къ тому же и устарѣлъ, такъ какъ авторъ постепенно исправлялъ и дополнял свою книгу; новый переводъ поэтому удовлетворяетъ очень живой потребности нашей читающей публики. Книга Фюстель-де-Куланжа наравнѣ съ «Духомъ римскаго права» Иеринга составляетъ и наилучшее первое чтеніе и постоянную настольную книгу каждаго, изучающаго римское право и вообще государственныя древности Греціи и Рима. Превосходно написанная, до послѣднихъ мелочей продуманная и снабженная богатѣйшимъ критическимъ аппаратомъ, она замѣчательно искусно группируетъ матеріалъ около одной общей мысли — сакральныя основъ быта народовъ классической древности. Не слѣдуетъ, конечно, упускать изъ виду, что, слишкомъ строго придерживаясь своего главнаго воззрѣнія, авторъ нерѣдко односторонне освѣщаетъ явленія, подлежащія его изслѣдованію; но зато съ избранной имъ точки зрѣнія онъ вполне освѣтилъ и исчерпалъ вопросы своего предмета. Соединяя величайшую ученость съ мастерскою художественностью изложенія, онъ своей строго научной книгѣ сумѣлъ придать увлекательность и интересъ общедоступнаго чтенія. При такихъ исключительныхъ достоинствахъ нельзя ставить этой книгѣ въ вину сравнительно малой самостоятельности въ пониманіи источниковъ, которое у Фюстель-де-Куланжа цѣликомъ принято изъ нѣмецкой науки; его задачей собственно и было свести въ одну цѣльную картину результаты современнаго изученія древности. Огромный успѣхъ книги лишній разъ свидѣтельствуетъ о выдающемся выполненіи этой задачи. Что касается новаго русскаго перевода, то его недостатки, каковы бы они ни были, не могутъ уменьшить успѣха книги. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что онъ весьма далекъ отъ совершенства. Неточное употребленіе юридическихъ терминовъ нерѣдко мѣшаетъ пониманію мысли автора въ ея русскомъ изложеніи; неправильные обороты рѣчи затрудняютъ чтеніе; наконецъ принятые въ наукѣ терминны не всегда удачно замѣняются русскими частями рѣчи. Такъ, «сакральный» далеко не всегда удобно замѣнять выраженіемъ «священный»; крайне печальной ошибкой представляется намъ изобрѣтеніе переводчикомъ какихъ-то «веевъ» (стр. 89), когда рѣчь идетъ о городѣ Вейи; не говоримъ о порядочномъ количествѣ другихъ такихъ же про-

маховъ и о неправильностяхъ языка, перечислять которыя не хватило бы мѣста въ короткой рецензiи. Не можемъ не указать еще на то, что цитаты древнихъ авторовъ въ подстрочныхъ примѣчанiяхъ отличаются большою пестротою и множествомъ ошибокъ. Во-первыхъ, имена авторовъ не вездѣ вѣрны: Аппiанъ названъ Аппiемъ на стр. 89, Теогнисъ — Теогнистомъ на стр. 137, дигесты — дигестомъ на стр. 26 и дигестой на стр. 286 и 295; далѣе, названiе произведенiя приводится то порусски, то полатыни, то погречески; нѣкоторыя названiя переведены, другiя не переведены. Все это отнюдь не маловажные недостатки, которыхъ слѣдовало бы избѣгать и во всякомъ случаѣ исправить въ новыхъ изданiяхъ перевода, которыя несомнѣнно должны потребоваться въ непродолжительномъ времени.

В. Никольскiй.

Всеволодъ Чешихинъ. Жуковскiй, какъ переводчикъ Шиллера. Критическiй этюдъ. Рига. 1895.

«Поэтъ-переводчикъ» — таковъ эпитетъ, который мы привыкли постоянно повторять, говоря о литературной дѣятельности Жуковскаго, и этотъ эпитетъ вошелъ даже во всѣ гимназическiе учебники русской словесности. Этимъ эпитетомъ вполне справедливо опредѣляется одна изъ существенныхъ сторонъ творчества Жуковскаго, хотя при этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что качество переводовъ Жуковскаго до сихъ поръ оцѣнивалось вполне голословно: они признавались прекрасными, вѣрно передающими духъ подлинника, но обстоятельнаго ихъ изученiя сравнительно съ оригиналами мы не видимъ ни въ общихъ обзорахъ литературы, ни въ специальныхъ изслѣдованiяхъ, посвященныхъ Жуковскому, каковы книга Зейдлица и прекрасная работа г. Загарина. Г. Чешихинъ, поставивъ себѣ задачей пополнить этотъ пробѣлъ, хотя бы только въ отношенiи переводовъ Жуковскаго изъ Шиллера, очень вѣрно указываетъ, что такое изслѣдованiе, опредѣляя точно качество перевода, можетъ способствовать уясненiю поэтической индивидуальности переводчика, причемъ масштабомъ можетъ служить уклоненiе переводчика въ ту или другую сторону отъ подлинника. Разсматривая дѣятельность Жуковскаго, какъ переводчика Шиллера, г. Чешихинъ отмѣчаетъ въ ней три періода: первый включаетъ переводы Жуковскаго, начиная отъ перваго подражанiя въ 1805 до 1821 г.; центральнымъ моментомъ втораго періода является 1821 годъ, когда былъ оконченъ капитальнѣйшiй переводъ изъ Шиллера — «Орлеанская дѣва»; третiй періодъ продолжается отъ 1821 до 1833 года, когда былъ сдѣланъ послѣднiй поэтическiй переводъ изъ Шиллера баллады «Эльзвинскiй праздникъ». Г. Чешихинъ слыхаетъ переводы съ оригиналами во всѣхъ деталяхъ, причемъ рядомъ со стихотворнымъ переводомъ Жуковскаго даетъ свой точный, прозаическiй. Относительно перваго періода дѣятельности Жуковскаго изслѣдователь указываетъ, что уже въ этотъ періодъ замѣчаются у Жуковскаго точность въ передачѣ мысли и формы подлинника, свобода слога и плавность стиха, наиримѣръ, въ «Графъ Габсбургскомъ», но при этомъ недостаткомъ Жуковскаго является его неумѣние сравниться съ отвлеченно-философскими идеями автора въ его лирическихъ произведенiяхъ. Переводъ

«Орлеанской дѣвы», относящейся, какъ сказано, ко второму періоду, по анализу г. Чепихина, «прекрасенъ»; «отличается главнѣйшими особенностями идеальнаго перевода, какъ художественнаго воссозданія пьесы на чужомъ языкѣ». Жуковскій близко придерживается подлинника, часто переводитъ стихъ въ стихъ, не нарушая однако чистоты и изящества русской рѣчи; есть въ переводѣ и незначительныя погрѣшности, такъ какъ Жуковскій пренебрегъ многими характерными черточками въ обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, составляющихъ среду героини, и не всегда удачно передалъ отвлеченныя разсужденія и афоризмы въ стихахъ, обильно разсыпанные Шиллеромъ въ его драмѣ. Наконецъ, переводы третьяго періода показываетъ, что поэтъ вполнѣ достигъ гармоническаго сліянія идеи и формы, но тутъ же замѣтно стремленіе вмѣсто переводовъ давать пересказы, при чемъ особенное вниманіе Жуковскаго сосредоточивается на идейной сторонѣ произведеній Шиллера; замѣчается стремленіе сдѣлать поэзію средствомъ поученія, почему г. Чепихинъ называетъ этотъ періодъ дидактическимъ.

Таковы главные выводы, къ которымъ пришелъ г. Чепихинъ въ результатъ своего добросовѣстнаго и весьма полезнаго изслѣдованія. Остается пожелать, чтобы подобная же работа была произведена и по отношенію къ многочисленнымъ переводамъ Жуковскаго изъ другихъ европейскихъ поэтовъ, чтобы вопросъ о значеніи переводческой дѣятельности Жуковскаго во всей ея совокупности получилъ прочную основу для своего разрѣшенія. А. В.—икъ.

Biblioteka ordynacyi Krasińskich. Muzeum Konstantego Świdzińskiego. Tom trzynasty. Dyaryusz wojny moskiewskiej 1633 roku z rękopisu wydał i przedmową zaopatrzył Alexander Rembowski. Warszawa. 1895. (Библиотека майората Красинскихъ. Музей К. Свидзинскаго. Томъ тринадцатый. Дневникъ Московской войны 1633 г.. изданный по рукописи и снабженный предисловіемъ Александромъ Рембовскимъ. Варшава. 1895).

Библиотека гр. Красинскихъ въ Варшавѣ, въ составъ которой входитъ богатое собраніе книгъ и рукописей, завѣщанныхъ ей К. Свидзинскимъ, въ послѣднее время принялась опять энергичнѣе за изданіе хранящихся въ ней историческихъ матеріаловъ. Благодаря тому, что покойный Свидзинскій собиралъ рукописи по всей юго-западной Россіи, эта библиотека обладаетъ особенно цѣнными матеріалами по исторіи нашего отечества, и издаваемые ею документы часто представляютъ не малый интересъ для русскихъ историковъ. Но особенно можно это сказать о недавно вышедшемъ XIII томѣ «Библиотеки майората Красинскихъ». Онъ весь посвященъ войнѣ Россіи съ Польшей въ 1633 году, окончившейся Поляновскимъ миромъ.

Г. Рембовскій, директоръ библиотеки Красинскихъ, нашелъ въ этомъ книгохранилищѣ рукопись (№ 709), написанную одною рукою, въ которой разсказывается ходъ войны 1633 года, то въ видѣ просто дневника событій, то въ видѣ писемъ Яна Москоржовскаго къ своему брату Андрею. Кромѣ писемъ Москоржовскаго, которому несомнѣнно принадлежитъ и дневникъ, въ этой

рукописи находятся также письма и других лиц, равно какъ и официальные документы, относящіеся къ событіямъ войны 1633 года. Хотя, такимъ образомъ, изданная г. Рембовскимъ рукопись и не представляетъ собою въ строгомъ смыслѣ дневника, но онъ тѣмъ не менѣе озаглавилъ ее такъ, въ виду того, что пересылавшіяся Москоржовскимъ своему брату описанія военныхъ дѣйствій велись изо дня въ день, хотя и прерываются другими документами.

Начинается этотъ дневникъ 1-го января 1633 года и кончается 28-го мая слѣдующаго года. Москоржовскій подробно рассказываетъ день за днемъ о военныхъ событіяхъ за это время. Иногда даже имъ прилагаются къ своимъ сообщеніямъ планы военныхъ дѣйствій. Не скрываетъ онъ промаховъ и неудачъ съ польской стороны. Часто сѣтуетъ на отсутствіе порядка и энергіи въ польскомъ лагерѣ. Но, съ другой стороны, онъ сообщаетъ также подробныя свѣдѣнія о силахъ и состояніи русскаго войска, о положеніи тамъ продовольственной части и т. п. Много новыхъ и интересныхъ подробностей относительно этой войны найдетъ въ разсказахъ Москоржовскаго русскій историкъ.

Что касается способа изданія г. Рембовскимъ даннаго источника для войны 1633 года, то въ этомъ отношеніи онъ не пошелъ далѣе другихъ польскихъ издателей историческихъ матеріаловъ. Онъ ограничился лишь небольшимъ введеніемъ, въ которомъ сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно издаваемой рукописи, и указалъ на отношеніе дневника М. къ другимъ источникамъ польскимъ и русскимъ по исторіи войны 1633 года. Затѣмъ въ концѣ книги онъ приложилъ составленный г. Вольскимъ указатель именъ лицъ и географическихъ названій, а также объясненіе нѣкоторыхъ старыхъ польскихъ словъ, которыя не находятся въ словарѣ Линде. Что же касается самаго текста рукописи, то издатель не нашелъ нужнымъ его изучить и снабдить различными объясненіями, какъ это дѣлается въ современныхъ научныхъ изданіяхъ историческихъ матеріаловъ. Онъ не позаботился связать поясненіями различныя части этого «дневника». Къ сожалѣнію, до сихъ поръ большая часть издателей историческихъ документовъ считаютъ свое дѣло исполненнымъ, если они напечатаютъ текстъ рукописи. Г. Рембовскій не счелъ даже нужнымъ сообщить биографическія свѣдѣнія объ авторѣ дневника—Янѣ Москоржовскомъ. Упомянутое о томъ, что Москоржовскій былъ «офицеромъ и въ то же время секретаремъ при Христофорѣ Радзивилѣ, гетманѣ польномъ литовскомъ», далеко недостаточно, чтобы оцѣнить историческое значеніе этого описанія войны 1633 года, а тѣмъ болѣе понять различныя недомолвки и намеки его автора. Относительно же Самуила Пржишковскаго, письма котораго къ Андрею Москоржовскому и Яну Стоинскому вошли также въ составъ этого «дневника», издатель ни однимъ словомъ не обмолвился, кто онъ былъ. Между тѣмъ, всѣ вышеупомянутыя лица не безызвѣстны въ польской исторіи. Янъ и Андрей Москоржовскіе, Самуэль Пржишковскій и Янъ Стоинскій принадлежали къ виднымъ членамъ секты антитринитаріевъ; а двое послѣднихъ были даже писателями. Въ королевскомъ лагерѣ подъ Смоленскомъ Янъ Москоржовскій и Пржишковскій преслѣдовали, повидимому, какіе-то интересы своей секты, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ намековъ въ письмахъ перваго. Поэтому указаніе со стороны издателя, къ какому религіозному лагерю

принадлежалъ авторъ дневника, было бы далеко не лишнимъ и могло бы даже многое объяснить въ характерѣ этого новаго источника по исторіи русско-польской войны 1633 года.

Н. Любовичъ.

Н. Ѳ. Акаемовъ. Куявы. Историко-этнографическій очеркъ. Варшава. 1895.

«Куявами въ старыя годы называлась часть лѣваго побережья Вислы, составляющаго нынѣ уѣзды Нешавскій и Влоцлавскій Варшавской губерніи и Иноврацлавскій округъ Пруссіи. Этотъ небольшой уголокъ, получившій названіе отъ плодородной почвы своей (sic), населенъ племенемъ любопытнымъ, какъ по своему прошлому, такъ и по этнографическимъ особенностямъ». Такъ начинается свою брошюру г. Акаемовъ. Къ сожалѣнію, однако, читатель, дойдя до послѣдней страницы брошюры, такъ и не узнаетъ, въ чемъ собственно заключаются «особенности» «племени», населяющаго бывшя Куявы, и что любопытно въ этомъ вновь открытомъ Куявскомъ «племені»; читатель не узнаетъ даже изъ брошюры г. Акаевова, составляетъ ли это «племя» этнографическую единицу, хотя бы какъ разновидность великополяковъ, одной изъ вѣтвей поляковъ. Авторъ увѣряетъ, правда, что жители прежнихъ Куявъ представляютъ «довольно опредѣленный типъ», и характеризуетъ этотъ типъ по Кольбергу слѣдующимъ образомъ: «Куявякъ по большей части красивъ, средняго роста, коренастъ, сплеть и гибокъ, съ выразительными чертами лица. Лицо небольшое, скорѣй продолговатое, чѣмъ круглое, бѣлое, волосы на лбу подстриженные, на затылкѣ длинныя, по большей части темныя, но встрѣчаются и свѣтлыя, особенно у дѣтей. Носъ продолговатый, усомъ крестьянинъ не носитъ и старательно бреется». Быть можетъ, куявякъ дѣйствительно таковъ, какъ здѣсь описанъ, но что же изъ этихъ чертъ принадлежитъ исключительно ему? чѣмъ онъ отличается отъ сосѣдей?—на это мы такъ и не находимъ отвѣта въ книгѣ г. Акаевова. Далѣе авторъ говоритъ, что куявяки распадаются сообразно характеру населяемой ими мѣстности на полевыхъ и боровыхъ; «вотъ тутъ-то мы найдемъ характеристику нашихъ незнакомцевъ»,—думаетъ читатель; не тутъ-то было! г. Акаемовъ заявляетъ, что «боровяки почти не считаютъ себя куявяками» и все... О прошломъ племени куявяковъ мы не услышимъ отъ г. Акаевова ничего любопытнаго; изъ 5 главъ, посвященныхъ прошлому, мы узнаемъ, что тутъ были князья, которые имѣли гербы и какіе именно, потомъ были короли, которые воевали, имѣли такія-то помѣстья (перечислено), потомъ была борьба протестантства съ католичествомъ, въ протестантство перешли такіе-то паны (перечислено), потомъ черезъ много лѣтъ приходилъ Наполеонъ и раздалъ своимъ маршаламъ такія-то помѣстья (опять перечисленіе). Что дѣлалъ простой народъ, это самое «племя» куявяковъ, о которыхъ хотѣлъ, повидимому, вести свой рассказъ г. Акаемовъ, такъ и остается неизвѣстнымъ. Остальныя 4 главы посвящены быту крестьянъ, живущихъ въ мѣстности, называвшейся куявами, и это наиболѣе интересная часть брошюры г. Акаевова, но и здѣсь изложеніе автора заставляетъ желать многого. Факты (не новыя, а заимствованныя у Кольберга) оставлены безъ всякаго освѣщенія, языкъ

тяжелъ и несвободенъ отъ вопіющихъ полонизмовъ, названія предметовъ приведены попольски и оставлены не только безъ перевода, но и безъ транскрипціи, что дѣлаетъ чтеніе книги для лицъ, незнакомыхъ съ польскимъ языкомъ, крайне затруднительнымъ (а знающій польскій языкъ, конечно, предпочтетъ обратиться не къ г. Акаемову, а къ Кольбергу). Иногда своеобразное изложеніе г. Акаемова можетъ ввести читателя въ грубое заблужденіе, напримѣръ, авторъ говоритъ, что мужская одежда называется «покуявски» *łachy* (лахи), а женская *szmaty* (шмáти); читатель вправѣ подумать, что это особыя кувяскія слова, тогда какъ это общепольскія и значатъ первое—лохмотья, второе—куски, тряпки. Новаго въ книжкѣ г. Акаемова нѣтъ ничего—вся его брошюра компиляція, при томъ довольно неуклюжая, по Кольбергу и малоизвѣстному историку Баруцкому; слѣдовательно научнаго значенія брошюра г. Акаемова не имѣетъ; точно также она не можетъ считаться популярной книгой, такъ какъ популярная работа должна прежде всего быть интересной по самой своей темѣ, а какое дѣло среднему читателю до какого-то уголка Польши, нѣкогда называвшагося Кувявами, когда и о самой Польшѣ и ея народѣ этотъ читатель знаетъ не Богъ вѣсть какъ много; во-вторыхъ, популярная работа должна читаться легко, книжка же г. Акаемова наводитъ скуку неуклюжимъ изложеніемъ, ненужными перечисленіями собственныхъ именъ, нестрящими въ ней непонятными для русскаго читателя польскими словами и полнымъ отсутствіемъ какого бы то ни было освѣщенія надерганныхъ изъ разныхъ источниковъ фактовъ.

Непонятно, зачѣмъ появилась въ свѣтъ такая книжка. Н. К.

Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Вѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности. (Этнографическія данныя). Съ географическимъ видомъ Витебской губерніи и четырьмя чертежами въ текстѣ. Составилъ Н. Я. Никифоровскій. Витебскъ. 1895.

Г. Никифоровскій наблюдалъ жизнь бѣлорусскаго крестьянина слишкомъ тридцать лѣтъ, и эти продолжительныя наблюденія привели автора къ тому же выводу, къ которому приходятъ почти всѣ этнографы, именно, что бытъ нашего простонародья, повидимому, столь консервативнаго, на дѣлѣ переживаетъ непрерывную эволюцію, и что старина, даже недавняя, постепенно отходить въ область преданій. Этотъ именно выводъ былъ одной изъ причинъ, заставившихъ г. Никифоровскаго приняться за настоящій трудъ, въ которомъ онъ задался цѣлью «иллюстрировать» отживающій бытъ бѣлорусскаго крестьянина. Книга г. Никифоровскаго рисуетъ домашнюю жизнь бѣлорусскаго крестьянина въ два десятилѣтія, «на рубежѣ которыхъ стоитъ историческое 19-го февраля 1861 г.», и рисуетъ его съ такой обстоятельностью, что передъ читателемъ является полная и яркая картина этого горемычнаго житья, въ курныхъ избахъ вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ, житья, при которомъ чистый хлѣбъ былъ лакомствомъ, а называемая разными трогательно нѣжными именами водка единственной отрадой, скрашивавшей это сѣрое существованіе.

Положительно ужасенъ былъ этотъ бытъ, рисуемый г. Никифоровскимъ; но, къ сожалѣнью, авторъ очень мало говоритъ, каковъ этотъ бытъ теперь, насколько онъ измѣнился; по словамъ автора, теперь «ѣсть мужикъ чистый ржаной хлѣбъ, кое-когда пшеничные пироги домашняго изготовленія, изрѣдка пьетъ чай изъ собственнаго самовара, одѣвается въ фабричныя ткани, обувается въ стройныя сапоги, живетъ въ чистой избѣ со струганымъ поломъ, имѣеть кой-какую столярную мебель, лавочную утварь и посуду, выѣзжаетъ въ мастерскомъ, даже расписанномъ, экипажѣ на сытой лошади, которая убрана ременной сбруей». Если сравнить эту картину съ начертанной самимъ же г. Никифоровскимъ картиной прежняго быта, то придется вывести заключеніе, что Витебская губернія не только прогрессируетъ несравненно быстрѣе, чѣмъ вся остальная Русь, но и является еще вдобавокъ однимъ изъ наиболѣе счастливыхъ уголковъ нашего отечества; такое явленіе, если бы оно дѣйствительно существовало, было бы совершенно необъяснимо, но врядъ ли можно допустить его существованіе, врядъ ли многіе изъ крестьянъ дѣйствительно наслаждаются такимъ благополучіемъ, какое изобразилъ намъ г. Никифоровскій, и врядъ ли Витебская губернія избѣжала общаго всей Руси развитія безземельнаго и малоземельнаго пролетаріата, для котораго современная жизнь съ ея поднявшимися потребностями гораздо тяжелѣе прежняго существованія. Но если мы позволяемъ себѣ усомниться въ возможности такъ рѣзко противопоставлять «вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій», какъ это дѣлаетъ г. Никифоровскій, то мы должны признать, что самое описаніе этого минувшаго вѣка (по нашему мнѣнію, далеко еще не совсѣмъ минувшаго), сдѣланное г. Никифоровскимъ съ возможной полнотою и добросовѣстностью, является хорошимъ вкладомъ въ нашу этнографическую литературу и полезнымъ пособіемъ для всякаго желающаго знать, какъ живетъ въ крестьянской избѣ.

Н. Е.

**Livre d'or à la mémoire d'Alexandre III, par Nicolas Notovitch.
Edition du comité patriotique du Livre d'or. Paris. 1895.**

Хотя настоящая книга вышла въ свѣтъ въ Парижѣ, и на французскомъ языкѣ, но она почти въ той же мѣрѣ предназначена для русской публики, какъ и для французской, и потому мы считаемъ не бесполезнымъ дать о ней библиографическій отзывъ. Le livre d'or не что иное, какъ иллюстрированный и красиво изданный in—4° альбомъ въ память кончины императора Александра III. Во главѣ книги помѣщены факсимиле съ краткихъ характеристикъ почившаго государя и отзывовъ о немъ, данныхъ по просьбѣ составителя альбома, нашего соотечественника, г. Нотовича, наиболѣе выдающимися представителями современной Франціи. Подъ этими автографами мы встрѣчаемъ имена Массене, Лабуле, Коппе, Жюля Симона, Зола, Оне, Бурже, Гуссе, графа д'Оссонвилль, Пастера, о. Дидона, Клареси. Затѣмъ идетъ на нѣсколькихъ страницахъ біографія императора Александра III съ особенно подробнымъ описаніемъ обстоятельствъ его предсмертной болѣзни и кончины въ Ливадіи. Къ этой біографіи примыкаетъ непосредственно описаніе впечатлѣнія, вызваннаго во Франціи печальнымъ извѣстіемъ о событіи 20-го октября

1894 г. Здѣсь воспроизведены официальные телеграммы, которыми представители Франціи обмѣнялись съ особами императорской фамилии, и манифестаціи соболѣзнованія, имѣвшія мѣсто въ сенатѣ, палатѣ депутатовъ, со стороны городовъ, корпорацій, духовенства, арміи, учащейся молодежи. Около половины книги занято сводомъ отзывовъ и мнѣній французской прессы, дѣйствительно поражающихъ читателя разнообразіемъ точекъ зрѣнія и въ то же время единодушнѣмъ сужденіемъ и выводами. Сверхъ того, *le livre d'or* воспроизводитъ нѣсколько десятковъ стихотвореній на кончину императора Александра III и двѣ музыкальныя пьесы. Многочисленные, хотя, правда, очень неважно исполненные, рисунки посвящены преимущественно коронаціи, франко-русскимъ празднествамъ, болѣзни и погребенію императора Александра III и вѣнкамъ, присланнымъ изъ Франціи для возложенія на гробъ усопшаго. Книга предназначена для самыхъ широкихъ круговъ читающей публики и издана специальнымъ патриотическимъ «комитетомъ золотой книги», главнымъ дѣятелемъ котораго, повидимому, является виконтъ де Сиври, извѣстный редакторъ-издатель авторитетнаго военнаго журнала «*l'Echo de l'armée*». В. В. Н.

Н. П. Лихачевъ. Каталогъ летучихъ изданій и ихъ перепечатокъ: манифесты, указы и другія правительственныя распоряженія въ отдѣльныхъ изданіяхъ и перепечаткахъ. Разные отдѣльные листы и брошюры. Спб. 1895.

Подъ летучими изданіями авторъ настоящаго труда разумѣетъ «всѣ такіе памятники печатнаго дѣла, которые по разнымъ причинамъ имѣютъ тенденцію послѣ временнаго употребленія теряться и исчезать изъ обращенія». Число такихъ изданій очень велико, такъ какъ печатный станокъ постоянно выпускаетъ массу своихъ произведеній, имѣющихъ лишь временное значеніе, чѣмъ и объясняется указываемая г. Лихачевымъ «тенденція исчезать изъ обращенія»: старыя афиши, либретто, объявленія, приказы, формы, отдѣльные оттиски правительственныхъ распоряженій и др. подобныя изданія, по минованію въ нихъ надобности, обращаются въ печатный хламъ, и рѣдко кому приходитъ въ голову, что хорошо составленная коллекція такого хлама можетъ оказаться полезной не только въ смыслѣ одной библиографіи, но представляетъ интересъ и для исторіи литературы и вообще культуры. Въ массѣ нашихъ русскихъ летучихъ изданій совсѣмъ особенное положеніе занимаютъ правительственныя распоряженія: манифесты, указы и разнаго рода объявленія во всенародное извѣстіе, рассылавшіяся по присутственнымъ мѣстамъ и расклеивавшіяся на столбахъ и по стѣнамъ зданій. Всѣ эти отдѣльные листы мало обращали на себя вниманіе библиографовъ, а между тѣмъ среди нихъ есть и такіе, которые не вошли въ «Полное Собраніе Законовъ» или по своему частному характеру, или потому, что не были въ рукахъ редакторовъ собранія, или наконецъ пропущены намѣренно, какъ, напримѣръ, обстоятельный указъ 6-го іюля 1762 года, или «Бибиковскій» манифестъ во время Пугачевскаго бунта. Правительственныя распоряженія издавались и перепечатывались въ большомъ количествѣ и въ провинціяхъ, много выходило изъ-подъ печат-

наго станка походныхъ канцелярій, и весь этотъ матеріаль, часто очень цѣнный не въ одномъ библиографическомъ отношеніи, ждетъ еще своего описанія. Поэтому-то каталогъ Н. П. Лихачева, правда, еще не полный, не исчерпывающій даже собственнаго собранія автора, является важнѣйшимъ пособіемъ для людей, занимающихся нашей исторіей XVIII и XIX вѣковъ. Помимо правительственныхъ распоряженій и объявленій, въ этомъ каталогѣ описаны многія любопытныя летучія изданія литературнаго характера: слова, рѣчи, оды, поздравительныя стихотворенія и т. п., и это описаніе мѣстами существенно дополняетъ библиографическіе труды Сопикова, Ундольскаго и Ровинскаго. Размѣры нашей замѣтки не позволяютъ подробно останавливаться на всѣхъ сообщаемыхъ г. Лихачевымъ документахъ, но считаемъ не лишнимъ привести интересное поздравленіе Троицкой семинаріи въ день восшествія на престолъ Екатерины II: авторъ увѣряетъ, что предъ воцареніемъ Екатерины «всѣ россіяне рыдали, и крайне всякъ стоналъ предѣлъ», но «Богъ защита былъ имъ самъ»:

Вложишь онъ въ мысль Орловъ Россійскихъ
Достойно дѣло похвалы,
Орловъ, гнѣздящихся въ Балтійскихъ
Брегахъ, вложилъ противъ хулы.
Настѣдну приказалъ Орлицу
Себѣ избрать въ Императрицу:
Вдругъ устремились всѣ Орлы,
Взвившись, Орлицу ободрили,
Россію всю возвеселили и т. д.

Эти ясныя намеки на извѣстныя политическія событія любопытны не для одной библиографіи. Вообще книга г. Лихачева заключаетъ въ себѣ много такихъ данныхъ, которыя, показавшись на первый взглядъ мелочами, являются весьма важнымъ историческимъ матеріаломъ. В—ъ.

Пережитки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ. Этнографическій очеркъ А. Е. Богдановича. Гродно. 1895.

Трудъ г. Богдановича посвященъ переживаніямъ первобытнаго міросозерцанія у бѣлорусскаго крестьянства, а такъ какъ эти переживанія пока составляютъ почти единственное духовное богатство нашего крестьянства, то, въ сущности, трудъ этотъ является вмѣстѣ съ тѣмъ попыткой обзора народнаго міровоззрѣнія. Наше образованное общество настолько мало знаетъ народъ, особенно его духовный міръ, что всякая попытка познакомить русское общество съ этимъ роднымъ и близкимъ, но въ то же время невидимымъ міромъ, должна считаться весьма желательной. Къ сожалѣнію, г. Богдановичъ, трудъ котораго заключаетъ въ себѣ массу любопытнаго матеріала какъ для спеціалиста, такъ и для всякаго образованнаго человѣка, увлекся желаніемъ придать своей работѣ «научный» характеръ и не ограничился простымъ хотя бы и связнымъ изложеніемъ своихъ матеріаловъ, а началъ ихъ «объяснять», руководствуясь при этомъ, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, «Основами социологіи» Спенсера, «Исторіей цивилизаціи въ Англіи» Бокля, «Первобыт-

ной культурой» Тейлора и статьей г. Мечникова «Культурное значеніе демонизма», при этомъ г. Богдановичъ совершенно игнорируетъ специальную литературу вопроса, съ которой, повидимому, не знакомъ. Мы вполнѣ понимаемъ, что научное изслѣдованіе всѣхъ вопросовъ, затрогиваемыхъ г. Богдановичемъ, потребовало бы годы труда и очень обширную специальную эрудицію, поэтому не можемъ упрекать г. Богдановича за то, что онъ не взялся за это дѣло, но разъ нельзя написать изслѣдованія, остается только издать «сырые матеріалы», а не вносить поверхностной диллетантзмъ, который только уменьшаетъ цѣнность книги. Трудъ г. Богдановича по массѣ любопытныхъ данныхъ представляетъ собой много цѣннаго, но выводы автора, какъ иногда они ни остроумны, не обоснованы и часто совершенно произвольны. Вслѣдствіе отсутствія подстрочныхъ ссылокъ, читатель безъ специальныхъ справокъ не можетъ рѣшить, съ чѣмъ мнѣніемъ имѣетъ онъ дѣло: Спенсера, г. Мечникова, Бокля, г. Богдановича или Тейлора? Малое знакомство автора съ специальной литературой заставляетъ его повторять отвергнутыя мнѣнія, какъ нѣчто вполнѣ свѣжее, истинное; такъ онъ вѣритъ еще въ «Знича», серьезно толкуетъ о Бѣлбогѣ и Чернобогѣ, какъ представителяхъ общеславянскаго дуализма и т. д. Всѣ матеріалы, сообщаемые г. Богдановичемъ, записаны имъ самимъ и представляютъ только часть имѣющихся у него матеріаловъ. Къ сожалѣнію, г. Богдановичъ, сдѣлавъ изъ своего собранія выборку всего «типичнаго и по нашему мнѣнію цѣннаго для науки», какъ выражается онъ самъ, повидимому, не намѣренъ печатать остальнаго. Очень жаль, слѣдовало бы ужъ самой наукѣ предоставить судить, что для нея цѣнно, при чемъ не «типичное», быть можетъ, окажется наиболѣе цѣннымъ. Съ крестьянствомъ г. Богдановичъ, повидимому, знакомъ прекрасно и сумѣлъ внушить нѣкоторымъ лицамъ изъ этой среды такое довѣріе, что ему сообщали даже заговоры, обыкновенно очень неохотно передаваемые кому бы то ни было. Очень много у г. Богдановича собрано суевѣрій, характеризующихъ взгляды народа на окружающій міръ; есть въ его собраніи и описанія обрядовъ, но къ нимъ авторъ относится какъ бы съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ.

Въ общемъ книжка г. Богдановича очень интересна, а авторъ ея, повидимому, очень способный собиратель, поставленный къ тому же въ прекрасныя условія.

Было бы желательно, чтобы г. Богдановичъ продолжалъ свою полезную дѣятельность, но «не мудрствуя лукаво».

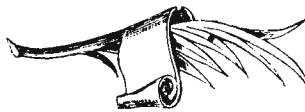
Н. К.

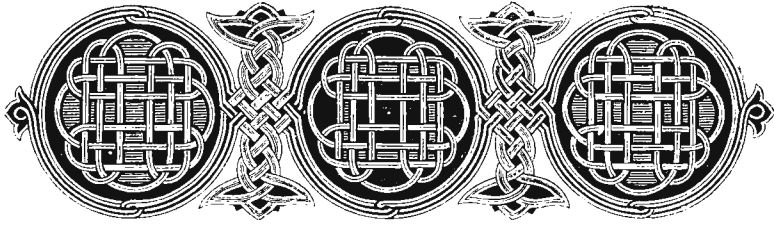
Ковалевскій, М. Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. Переводъ съ французскаго М. Юлшина. Спб. 1895.

Книга М. Ковалевскаго составилась изъ лекцій, читанныхъ имъ года четыре тому назадъ въ Стокгольмскомъ университетѣ; такъ какъ онѣ были читаны пофранцузски, то на этомъ же языкѣ и появились впервые въ печати, чѣмъ и объясняется на первый взглядъ странное обстоятельство, что сочиненіе русскаго писателя является предъ нами въ русскомъ переводѣ. Лекціи проф. Ковалевскаго (форма лекцій сохранена въ «Очеркѣ») представляютъ

собою краткое и популярное резюме такихъ капитальныхъ, но мало доступныхъ для обыкновеннаго читателя, изслѣдованій автора въ области первобытной социологии, какъ «Первобытное право», «Современный обычай и древнїй законъ», «Законъ и обычай на Кавказѣ». Въ вопросѣ о характерѣ первобытной семьи авторъ рѣзко расходится съ главнымъ авторитетомъ въ этой области, извѣстнымъ американскимъ антропологомъ Морганомъ. Отвергая господство беспорядочнаго полового общенія у первобытнаго человѣка, проф. Ковалевскій проводитъ ту основную мысль, что матриархальная (основанная на «материнствѣ»), патриархальная (основанная на «отцовствѣ») и, наконецъ, индивидуальная (или «парная») семья были тремя преемственными фазами эволюціи семьи. Эта эволюція совершилась или стремится совершиться у народовъ, принадлежащихъ къ различнымъ расамъ и религіознымъ исповѣданіямъ, и слѣдовательно совершенно независима отъ послѣднихъ. Непосредственное знакомство автора съ бытомъ славянъ и кавказскихъ горцевъ дало ему въ руки массу чрезвычайно цѣннаго матеріала въ подкрѣпленіе его основныхъ положеній, въ особенности относительно матриархата, вопросъ о существованіи котораго у арійцевъ до сихъ поръ подвергался сомнѣнію въ наукѣ. Основная идея, которую авторъ проводитъ относительно собственности, заключается въ положеніи о существованіи строгаго параллелизма между эволюціей собственности и эволюціей семьи. Именно, тремъ фазисамъ послѣдней — семьѣ матриархальной, патриархальной и индивидуальной — соотвѣтствуютъ, по мнѣнію автора, подобныя же преемственныя и параллельныя первымъ фазы развитія собственности, а именно: собственность коммунистическая, семейно-родовая и, наконецъ, частная. Одна изъ лекцій посвящена характеристикѣ начинающаго въ послѣднее время интересоваться и западныхъ ученыхъ русскаго «міра» и выясненію причинъ его постепеннаго разложенія. Въ концѣ книжки приложенъ составленный переводчикомъ перечень русскихъ трудовъ проф. Ковалевскаго. Переводъ можно признать вполне удачнымъ, а цѣну книги умѣренной (60 коп. за 152 страницы убористаго и четкаго шрифта).

П. А.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО ВЪ СТАРИНУ. Тѣ, которые считаютъ государственный социализмъ новѣйшимъ изобрѣтеніемъ и социалистическое государство неосуществимой утопій,—прочтутъ съ удивленіемъ статью Симиора Лонга въ декабрьской книжкѣ *Westminster Review*¹⁾ о томъ, что подобное государство дѣйствительно существовало въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ и погибло лишь подъ ударами безжалостнаго завоевателя. Дѣло идетъ о древнемъ Перу, покоренномъ испанцами въ XV столѣтіи, и внутреннее устройство котораго вполне напоминаетъ Сѣверную Америку XX вѣка, какъ ее рисуетъ Беллами въ своемъ знаменитомъ романѣ. Основой административнаго раздѣленія Перу была десятичная система: единицей служила чунча, или сельская община изъ десяти семействъ; десять чунчъ составляли почаку; десять почакъ—хоарангу; десять хоарангъ—хунъ или округъ въ 50,000 душъ. Каждое изъ этихъ подраздѣленій имѣло во главѣ администратора, отвѣтственнаго передъ своимъ высшимъ начальникомъ, который, въ свою очередь, отвѣчалъ за благосостояніе вѣрннаго ему населенія передъ инкой—верховнымъ главой всей этой сложной бюрократіи. Обязанности означенныхъ чиновниковъ были двоякаго рода: съ одной стороны они должны были содѣйствовать всеѣмъ подначальнымъ имъ людямъ въ удовлетвореніи ихъ потребностей, раздавать имъ сѣмена для посѣва, ткань для одежды, дѣся для постройки дома, сгорѣвшаго, или снесеннаго бурей, а съ другой они исполняли все административныя обязанности и производили судъ, а въ важныхъ случаяхъ передавали разбирательство, неподлежащихъ ихъ юрисдикціи, дѣлъ высшему администратору. Земля счита-

¹⁾ Socialistic state in Perou, by Seamor Longue, *Westminster Review*, december 1895.

лась собственностью чунчи и раздѣлялась на мелкіе участки, или тупы, каждый изъ которыхъ могъ прокормить одного человѣка и его жену. Подобно тому, какъ дѣлалось въ древней Германіи, и въ Перу совершался, чрезъ опредѣленные промежутки времени, новый передѣлъ земли для поддержки полнаго между всѣми равенства. Жатва дѣлилась на три части: одна шла въ пользу инки, другая—жрецамъ солнца и третья—народу. Но при этомъ соблюдался очень странный порядокъ: прежде всего обрабатывались поля, посвященные жрецамъ, потомъ поля, предназначенныя старикамъ, вдовамъ, дѣтямъ и вообще лицамъ, не могущимъ работать, вслѣдъ за этимъ—поля всего народа и только послѣ всѣхъ—поля инки. Повидимому, земледѣльческій трудъ не бралъ много часовъ и оставлялъ рабочимъ досугъ для веселья. Главной промышленностью въ Перу было производство сукна изъ шерсти ламы, какъ домашней, такъ и дикой. Охота за этими животными происходила въ извѣстныя времена года, и въ ней участвовало значительное число людей, подъ руководствомъ чиновниковъ. Шерсть раздавалась всѣмъ семьямъ поровну, но, въ противоположность земледѣльческому труду, сначала надлежало отработать извѣстное количество сукна для инки, а затѣмъ уже можно было трудиться для себя. Но рудники драгоценныхъ металловъ эксплуатировались исключительно въ пользу инки и жрецовъ. Раздѣленіе труда не существовало, а каждый перувианецъ былъ въ одно и то же время земледѣльцемъ, плотникомъ, ткачемъ, саложникомъ, портнымъ и т. д., а жены помогали своимъ мужьямъ во всѣхъ этихъ отрасляхъ труда. Исключеніе составляло лишь такое производство, которое требовало особаго искусства, напримѣръ, металлическія издѣлія, достигшія въ Перу высокой степени совершенства, благодаря искусству спеціальныхъ артистовъ и мастеровъ. Администрація вмѣшивалась во все и строго смотрѣла за тѣмъ, чтобы каждый членъ общины совершалъ только работу, соответствующую его силамъ. Жители каждаго селенія дѣлились на чегыре класса: первому отъ 16 до 20 лѣтъ и второму—отъ 20 до 25 предназначалась легкая работа а третьему—отъ 25 до 50—самая трудная и наконецъ четвертому—отъ 50 до 60—менѣе трудная. Женщины также подходили подъ эту классификацію и, кромѣ того, исполняли свою домашнюю работу. Хотя въ Перу не была извѣстна грамота, но тамъ существовала строгая система официальной регистраціи. Для этого употреблялись веревки различныхъ цвѣтовъ, называвшіяся квишамы, и правительство имѣло точныя статистическія свѣдѣнія о положеніи каждаго округа, его почвы, климата и естественныхъ произведеній. Если какое нибудь несчастье посѣщало ту или другую общину, то высшія власти, узнавъ объ этомъ, немедленно принимали мѣры къ прекращенію тяжелыхъ для населенія послѣдствій. Число часовъ для рабочихъ, по крайней мѣрѣ, въ рудникахъ было такъ регулировано, что ихъ здоровье не страдало отъ слишкомъ тяжелаго труда. Народу не отказывали въ удовольствіяхъ, и по нѣскольку разъ въ годъ давались общественные праздники, на которыхъ пѣли, танцевали и смотрѣли драматическія представленія, не лишеныя интереса, какъ доказываетъ одна сохранившаяся до нашего времени подобная пьеса. Таковы были въ главныхъ чертахъ государственныя и общественныя учрежденія Перу, имѣвшаго въ эпоху испанскаго завоеванія 800,000 кв. миль пространства, т. е. обнимавшаго страну большую,

чѣмъ Германія, Австрія, Франція и Испанія, взятая вмѣстѣ. Тогда населеніе этой мѣстности было гуще, чѣмъ теперь, почва прекрасно воздѣлана, дороги въ отличномъ положеніи, а зданія столь великолѣпны, что ихъ развалины до сихъ поръ приводятъ въ восторгъ всѣхъ путешественниковъ. «Конечно,—замѣчаетъ Симоръ Лонгъ,—если смотрѣть на перувианскія государственныя и общественныя учрежденія съ точки зрѣнія демократическихъ и социальныхъ идей нашего времени, то ихъ недостатки бросаются прямо въ глаза. Одинъ тотъ фактъ, что двѣ трети плодовъ народнаго труда предоставлялись инкѣ и жрецамъ, подрываетъ значеніе этой уродливой формы коллективизма, но все-таки самый принципъ такъ благотворенъ, что даже въ столь несовершенномъ видѣ онъ обезпечивалъ благосостояніе народа, который не зналъ пауперизма, бича современныхъ цивилизованныхъ государствъ. Конечно, нельзя признать деспотической и теократической имперіи инковъ за идеаль, но для многихъ бѣдныхъ людей современной Европы было бы благодѣяніемъ перенестись въ южную Америку за 400 лѣтъ тому назадъ. Конечно, имъ показалось бы эта нація, не знавшая ни чрезмѣрной нищеты, ни скандальнаго богатства, и гдѣ каждому гражданину было обезпечено безбѣдное существованіе—если не болѣе цивилизованной, то, во всякомъ случаѣ, болѣе человѣчной, чѣмъ наша Европа XIX столѣтія. Если бы, прибавляетъ англійскій авторъ, нашлись мудрые критики, которые стали бы указывать, что такое государственное устройство, какъ въ Перу, именно только могло существовать въ невѣжественную эпоху и при дикомъ деспотизмѣ, то имъ очень легко возразить, что людямъ жилось лучше нашего при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, не благодаря этимъ условіямъ, а вопреки имъ. Нѣтъ сомнѣній, что можно замѣнить главный недостатокъ перувианской системы, именно деспотизмъ, уничтожавшій всякую индивидуальную дѣятельность, другимъ видомъ коллективизма, который уважалъ бы свободу каждаго гражданина. Мы не споримъ, что не легко выработать такую систему, но это не значитъ, что она невозможна. Не признавая матеріальнаго благоденствія единственной цѣлью человеческой жизни, мы, однако, не можемъ допустить, чтобы полное отсутствіе матеріальныхъ благъ у большинства людей возвышало общественную нравственность. Въ послѣднее время общественное мнѣніе склоняется къ тому, что бѣдность и нищета не составляютъ необходимыхъ элементовъ человѣческаго прогресса, а, напротивъ, что можно ихъ всецѣло уничтожить, какъ уничтожено рабство во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ».

— Война въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Извѣстный антропологъ и социологъ, профессоръ Летурно, напечаталъ въ концѣ прошедшаго года новый свой трудъ изъ предпринятой имъ длинной серіи отдѣльныхъ сочиненій по исторіи эволюціи человѣческихъ расъ. Прежде онъ рассмотрѣлъ постепенно эволюцію религіозныхъ идей, правовыхъ отношеній, политическихъ учреждений, литературныхъ вѣяній, собственности и семьи, а теперь очередь дошла до войны, и въ обширномъ томѣ «Война въ различныхъ человѣческихъ расахъ»¹⁾ онъ нарисовалъ полную и любопытную картину этого бича чело-

¹⁾ La guerre dans les diverses races humaines. par Ch. Letourneau. Paris. 1895.

ческаго рода, имѣющаго, согласно эпиграфу книги, взятому изъ другаго сочиненія того же автора: «цѣлю—грабежъ, а средствомъ къ достиженію этой цѣли — убійство». Новая монографія Летурно отличается всѣми достоинствами и недостатками его прежнихъ трудовъ, именно основательной исторической подкладкой, популярнымъ изложеніемъ и прогрессивною точкою зрѣнія, но излишней растянутостью, безконечной болтовней и совершенно ненужными, только обезсиливающими впечатлѣнія его логическихъ доводовъ, водянистыми разглагольствованіями. Большая часть «Войны» посвящена описанію военныхъ обычаевъ дикихъ народовъ, какъ въ прежнія, такъ и въ теперешнія времена: передъ читателями проходитъ безконечная панорама, въ которой являются одни за другими всѣ невѣжественныя человѣческія расы, со своими военными досиѣхами и способами убивать другъ друга. Негры Африки, папуасы Полинезіи, индѣйцы Америки, эскимосы и татары составляютъ предметы особыхъ главъ, и авторъ подробно рисуетъ всѣ ужасныя и отвратительныя средства веденія ими войны. Почти также обстоятельно онъ излагаетъ военное устройство, военные нравы и системы военнаго искусства со всѣми ихъ губительными для человѣчества послѣдствіями въ древнемъ мірѣ: въ Китаѣ, Египтѣ, Эіоіопіи, Аравіи, Ассиріи, Финикіи, Іудеи, Индіи, Персіи, Греціи и Римѣ; но гораздо сокращеннѣе говоритъ онъ о видоизмѣненіи войны у германскихъ, латинскихъ и славянскихъ народовъ въ средніе вѣка, а новѣйшимъ временамъ съ феодальной эпохи онъ посвящаетъ только одну послѣднюю главу своей книги, которая еще трактуетъ вообще о причинахъ и послѣдствіяхъ войны, о томъ, необходима ли она, и о способахъ ея уничтоженія. Являясь горячимъ противникомъ войны, которая, по его словамъ, не что иное, какъ дикое взаимное истребленіе человѣческихъ существъ, Летурно приходитъ къ заключенію, что война еще можетъ быть допустима среди животныхъ и варварскихъ племенъ, которыми она ведется инстинктивно и часто изъ-за необходимой борьбы за существованіе; но чѣмъ народы становятся образованнѣе и чѣмъ болѣе они прикрываютъ свои военныя стремленія лицемерными софизмами о чести и славѣ, даже примѣшивая къ пролитію крови ближнихъ самого Бога—верховный источникъ добра и любви, тѣмъ очевиднѣе война принимаетъ характеръ позорнаго преступленія. Несмотря на это, въ продолженіе многихъ вѣковъ, пока человѣчество медленно двигалось на пути развитія, способы веденія войны оставались почти безъ измѣненія и только въ продолженіе послѣднихъ пяти столѣтій, когда человѣческая цивилизація стала дѣлать быстрые шаги впередъ, соотвѣтственно начались неимовѣрные успѣхи въ дѣлѣ истребленія людей. Война, прямое отрицаніе цивилизаціи, находила и находитъ въ ней способы къ своему распространенію, и въ настоящее время, когда міръ кичится своими новыми великими открытіями, главное мѣсто въ нихъ занимаютъ чудовищныя военныя орудія и снаряды. Мало того, современные люди, считающіе себя послѣднимъ словомъ просвѣщенія и какъ научнаго, такъ и нравственнаго развитія, полагаютъ, что война не только необходима, но пользуется санкціей общественныхъ, нравственныхъ и религіозныхъ законовъ. Самымъ краснорѣчивымъ возраженіемъ на эту нелѣбую и противную всѣмъ началамъ нравственности и религіи, теорію служить, по словамъ Летурно, нарисованная имъ картина

всѣхъ ужасовъ войны, какъ въ старину, такъ и въ настоящее время. «Кажется, говоритъ онъ, всѣ описанныя мною неизбѣжныя послѣдствія войны: убійства, грабежъ, разореніе страны, уничтоженіе лучшихъ и самыхъ здоровыхъ народныхъ силъ, обѣдненіе государствъ и почти всегда возбуждаемый военными успѣхами деспотизмъ—достаточно ясно подтверждаютъ, что военная слава не что иное, какъ преступленіе противъ человѣчества». Всѣ старанія пресловутыхъ свѣтилъ международнаго права, съ Вателемъ во главѣ, придать санкцію закона войнѣ и ея результатамъ: завоеваніямъ, контрибуціямъ и т. д., только возмутительные и неосновательные софизмы, также какъ и аргументы тѣхъ мудрецовъ, которые пытаются доказать, что война божественнаго происхожденія, а слѣдовательно всегда была и всегда будетъ. Напротивъ, Летурно чрезвычайно логично, и какъ неизбѣжный выводъ изъ всѣхъ собранныхъ имъ фактовъ гибельнаго вліянія войны, утверждаетъ, что недалеко то время, когда человѣчество пойметъ всю глупость и преступность истреблять и разорять другъ друга безъ всякой причины, на потѣху сильныхъ міра сего, или изъ ложно понятаго безсмысленнаго патріотизма; единственнымъ же, вполне вѣрнымъ способомъ ускорить наступленіе этой эпохи онъ указываетъ на быстрое распространеніе истиннаго образованія въ народныхъ массахъ, благодаря чему легко уничтожатся софизмы, на которыхъ до сихъ поръ строится апологія войны. Конечно, вмѣстѣ съ образованіемъ, по его словамъ, могущественнымъ способомъ для уничтоженія войны было бы измѣненіе повсюду политическихъ формъ и экономическихъ условій въ томъ смыслѣ, чтобы всякая нація свободно распоряжалась своей судьбой. Тогда естественно исчезнетъ всякая мысль о насильственныхъ завоеваніяхъ, и патріотизмъ преобразится, а борьба между націями перейдетъ съ поля брани на арену интеллектуальной, художественной и литературной борьбы. «Вѣчный міръ, говорилъ еще Кантъ, невозможенъ, но онъ можетъ быть безгранично близокъ къ достиженію». Съ своей стороны Летурно прибавляетъ, что, вопреки мудрому изреченію великаго философа, безгранично близкое недостижимо только въ математикѣ, а въ дѣйствительной жизни, въ концѣ концовъ, всегда достигается цѣль, къ которой стремятся искренно, неудержимо. «Поэтому,—говоритъ онъ въ послѣднихъ строкахъ своего труда,—не подлежитъ сомнѣнію, что наступитъ день, когда человѣчество, достигшее большаго нравственнаго развитія, чѣмъ наше поколѣніе, будетъ смотрѣть на войну такъ же, какъ мы смотримъ на лодоѣдство, когда-то неизбѣжный ея элементъ».

— Вестминстеръ съ его основанія до нашихъ дней. Много существуетъ въ англійской литературѣ историческихъ, археологическихъ и религіозныхъ трудовъ о томъ кварталѣ Лондона, который подъ названіемъ Вестминстера соединяетъ въ себѣ самые замѣчательные памятники старины и наиболѣе интересныя зданія, въ которыхъ сосредоточивается современная политическая и общественная жизнь Англии, именно аббатство, гдѣ покоятся всѣ знаменитости ея исторіи, парламентъ, дворцы, министерства и т. д. Но въ концѣ прошедшаго года вышли двѣ книги, которыя служатъ значительнымъ вкладомъ въ эту спеціальную литературу, и какъ популярнымъ, интереснымъ текстомъ, такъ и великолѣпными иллюстраціями знакомятъ читателей съ исторіей этого любопытнаго уголка англійской столицы. Одна изъ нихъ написана

дочерью теперешняго декана Вестминстерскаго аббатства, мистрисъ Мурей Смитъ, и представляеть не только картину существованія въ продолженіе многихъ вѣковъ Вестминстерскаго аббатства, но и обстоятельное описаніе теперешняго его положенія, всѣхъ памятниковъ, находящихся въ его церкви, всѣхъ остатковъ старины вокругъ аббатства и пр.¹⁾). Другая изъ указанныхъ книгъ принадлежитъ извѣстному романисту серу Вальтеру Безанту и служить дополненіемъ къ напечатанному имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ любопытному изслѣдованію Лондона въ историческомъ отношеніи²⁾). Такъ же, какъ въ своемъ первомъ сочиненіи, и въ настоящемъ трудѣ, талантливый беллетристъ и старательный изслѣдователь старины не даетъ читателю полной исторіи Лондона, или Вестминстера, и доведеннаго до настоящаго времени описанія со всѣхъ точекъ зрѣнія столицы и ея отдѣльнаго квартала, но знакомитъ въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ очерковъ съ выдающимися эпизодами изъ ихъ прошедшаго. Онъ самъ говоритъ въ послѣсловіи къ «Вестминстеру», что его книга не исторія, а серія главъ о тѣхъ сторонахъ исторической жизни Вестминстера, которыя ему казались наиболѣе типичными и наименѣе извѣстными. «Вестминстеръ, говоритъ онъ, хотя и составлялъ особый городокъ, вошедшій въ составъ крупной агломерациі, извѣстной подъ названіемъ Лондона, но онъ съ самаго начала не имѣлъ ничего общаго съ другими англійскими городами; въ немъ никогда не было ни гражданъ, ни муниципалитета, а онъ составлялъ принадлежность къ монастырю и его церкви, къ дворцамъ и государственнымъ учрежденіямъ, находящимся въ его предѣлахъ, такъ что его жители были только резидентами и какъ бы пользователями, а не собственниками той мѣстности, гдѣ они обитали. Церковь аббатства съ ея памятниками, школа, новое парламентское зданіе и Вестминтеръ-голь съ происходившими въ нихъ историческими событіями блестятъ своимъ отсутствіемъ на страницахъ этой книги, такъ какъ я считалъ, что все это входитъ въ общую исторію Англии, а не въ специальную лѣтопись Вестминстера, и было уже не разъ прекрасно описано. Но за то я старался воспроизвести мѣстность, на которой возникъ Вестминстеръ, въ ея первобытномъ видѣ, жизнь бенедиктинскихъ братьевъ знаменитой обители, странный средневѣковой обычай охранять въ предѣлахъ аббатства всѣхъ, искавшихъ въ немъ пріюта, не исключая преступниковъ, блестяція празднества плантагенетскаго и стюартовскаго дворовъ, бурныя сцены парламентскихъ выборовъ въ прошедшемъ столѣтіи и разнообразную уличную и труппную жизнь вокругъ аббатства, въ отдаленныя времена». Хотя и можно сожалѣть, что задача Безанта ограничена, но надо отдать ему справедливость, что онъ исполнилъ ее со своимъ обычнымъ талантомъ и замѣчательной картинностью, такъ что дѣйствительно рисуемая имъ сцена старинной вестминстерской жизни вполнѣ переносятъ читателя въ ту эпоху и въ ту среду, которыя онъ изображаетъ мастерскою и художественною кистью. Пользуясь отчасти древними лѣтописями и свидѣтельствомъ очевидцевъ болѣе новыхъ событій, а отчасти по-

¹⁾ «Annals of Westminster Abbey». By E. T. Bradley (Mrs A. Murray Smith). With a Preface by the Dean of Westminster and a chapter on the Abbey buildings by F. T. Micklethwaite. London. 1895.

²⁾ Westminster. By Walter Besant. London. 1895.

полняя въ бытовыхъ сценахъ имѣющійся историческій матеріалъ фантазіей беллетриста, основанной, однако, на достовѣрныхъ фактахъ, онъ рельефно возсоздаетъ прошедшее, которое какъ бы въ живой панорамѣ проходитъ передъ глазами читателя. Наибольшій интересъ представляютъ главы, посвященныя Вестминстеру, какъ обители средневѣковыхъ монаховъ съ ихъ оригинальными обычаями и какъ уѣжищу для людей всѣхъ званій и положеній;—первой англійской типографіи, заведенной Какстономъ подъ сѣнью аббатства, и пяти дворцовъ, существовавшихъ въ ея предѣлахъ. Не говоря ни слова, согласно своей программѣ, о Букингамскомъ дворцѣ, какъ о теперешнемъ центрѣ англійской монархіи, Безантъ указываетъ, что англійскій народъ никогда не интересовался Сентъ-Джемскимъ и Кенсингтонскимъ дворцами, какъ мѣстопробываніями непопулярной ганноверской династіи, а напротивъ всегда съ любовью останавливался и до сихъ поръ вспоминаетъ объ остальныхъ двухъ дворцахъ—древнѣйшемъ, собственно Вестминстерскомъ дворцѣ, и Вайтъ-Голѣ, гдѣ жили Тюдоры и Стюарты, такъ какъ въ ихъ стѣнахъ, отъ которыхъ остались лишь самые незначительные слѣды, произошли всѣ славныя, и печальныя, но все-таки національные эпизоды прошедшей исторіи Англій. По этой причинѣ и новый историкъ Вестминстера отвелъ видное мѣсто въ своей книгѣ тѣмъ сценамъ старинной вестминстерской жизни, которыя произошли въ этихъ двухъ дворцахъ.

— Герцогъ Лозенъ и его отношенія къ Екатеринѣ II. Два года тому назадъ французскій историкъ, Гастонъ Могра, напечаталъ первую часть большого труда подъ общимъ заглавіемъ «Конецъ Общества», разумѣя подъ этимъ обществомъ великосвѣтскій мірокъ XVIII столѣтія, и очень ловко выбралъ центромъ, вокругъ котораго, какъ на оси, вертѣлись рельефныя картины доживавшей свой вѣкъ французской аристократіи и блестящаго ея представителя герцога Лозена. Поэтому онъ и придалъ особое названіе этой книгѣ: «Герцогъ Лозенъ и придворная, интимная жизнь при Людовикѣ XV¹⁾», а недавно вышедшій второй и послѣдній томъ соотвѣтственно его предмету озаглавленъ: «Герцогъ Лозенъ и дворъ Маріи-Антуанетты²⁾». Такимъ образомъ въ настоящее время передъ читателемъ дѣйствительно открывается полная панорама того веселаго, легкомысленнаго, безумнаго, блестящаго по внѣшности и пустого внутри, французскаго общества XVIII столѣтія, которое при Людовикѣ XV, когда Лозенъ начиналъ свою жизнь на колѣняхъ маркизы Помпадуръ, убаюкивало себя чарующимъ сномъ любви, роскоши и удовольствій, а при Людовикѣ XVI очнулось вмѣстѣ съ Лозеномъ подъ лезвиемъ гильотины. Герой Гастона Могра какъ нельзя лучше воплощалъ въ себѣ весь наружный доскъ французскаго общества послѣднихъ лѣтъ феодальной монархіи, такъ дорого заплатившаго за свою вѣковую сатурналію. Юный, красивый, аристократичный, потомокъ знаменитаго рода Бироновъ, герцогъ Лозенъ, въ первую эпоху своей кратковременной, но шумной, полной самыхъ драматическихъ переживаній, жизни, т. е.

¹⁾ La fin d'une société. Le duc de Lauzun et la cour intime de Louis XV. Par G. Maugras. Paris. 1893.

²⁾ La fin d'une société. Le duc de Lauzun et la cour Marie-Antoinette; par. G. Maugras. Paris. 1895.

до смерти Людовика XV, думаль подобно всему, окружавшему его, обществу только о томъ, какъ веселиться, пьянствовать, играть и одерживать легкія побѣды надъ тогдашними, болѣе чѣмъ легкомысленными, красавицами. **Послѣдній** элементъ его существованія до двадцатилѣтняго **возраста** придавъ ему такую всеобщую извѣстность Донъ-Жуана, что **ея** уже не могли поколебать его дальнѣйшія попытки занять видное мѣсто на политической и общественной аренѣ. Поэтому до сихъ поръ имя Лозена возбуждаетъ память о локоть, обворожительномъ Ловеласѣ и болѣе ни о чемъ; въ значительной степени онъ виноватъ самъ въ этомъ мнѣніи о немъ послѣдующихъ поколѣній, такъ какъ его **межуары**, напечатанные въ началѣ нынѣшняго столѣтія и достоверность которыхъ Могра фактически подтверждаетъ безспорными доказательствами, исключительно представляютъ рядъ непрерывныхъ любовныхъ интригъ. Трудно даже подвести итогъ его побѣдамъ, составляющимъ въ сущности всю суть перваго тома сочиненія его новаго біографа, но вторая часть уже знакомитъ насъ съ другимъ, невѣдомымъ до сихъ поръ, Лозеномъ, очень кстати перемѣнившимъ послѣ смерти дѣда свое имя на герцога Бирона, и для характеристики французскаго общества послѣдней половины XVIII вѣка этотъ Лозень второй манеры еще болѣе знаменателенъ. Надоѣло ему наконецъ прожигать жизнь и переходить отъ одной женщины къ другой, не зная никакого интереса въ своемъ безцѣльномъ существованіи, кромѣ животной любви, и прислушиваясь къ начинавшемуся вокругъ него политическому движенію, а, быть можетъ, предчувствуя близкую гибель того общества, прототипомъ котораго онъ служилъ, Лозень задумаль найти себѣ серьезныя занятія. Онъ брался за все, бросался всюду, составлялъ дипломатическіе проекты и добивался поста французскаго посла при той, или другой державѣ, поступилъ на военную службу и, предпринявъ экспедицію въ Африку, завоевалъ Сенегаль, отправился въ отрядъ Рошамбо помогать американцамъ въ ихъ борьбѣ за свободу и своими подвигами обратилъ на себя вниманіе Вашингтона, затѣмъ, при открытіи генеральныхъ штатовъ, онъ явился однимъ изъ пламенныхъ ораторовъ народной партіи и былъ мужественнымъ сторонникомъ Мирабо, наконецъ, какъ только началась борьба новой Франціи со старой Европой, онъ поступилъ въ ряды ея защитниковъ и быстро дошелъ до званія главнокомандующаго то въ той, то въ другой изъ многочисленныхъ армій того времени. Но всѣ эти попытки не увѣяались успѣхомъ, не выдвинули его изъ ряда второстепенныхъ дѣятелей и кончились гильотиной во время террора, сомнѣвавшася въ искреннихъ республиканскихъ чувствахъ бывшаго украшенія двухъ дворовъ. Одной изъ причинъ неудачи въ серьезной дѣятельности этого постоянного удачника въ любовныхъ интригахъ было именно то обстоятельство, что онъ никогда всею душою не отдавался политической и общественной дѣятельности, а приурочивалъ и подчинялъ ее все тѣмъ же женщинамъ, которыя составляли главный двигатель всей его сорокалѣтней жизни: такъ дипломатомъ онъ хотѣлъ сдѣлаться для того, чтобы жить въ Варшавѣ и содѣйствовать планамъ княгини Чарторійской, въ которую онъ былъ влюбленъ, быть можетъ, болѣе всѣхъ своихъ безчисленныхъ поклонницъ; на политическую арену онъ выступилъ для огражденія интересовъ Маріи-Антуанетты, съ которой онъ находился въ самыхъ

интимныхъ отношеніяхъ, хотя о характерѣ этихъ отношеній существуютъ до сихъ поръ большія сомнѣнія; Сенегаль онъ завоевалъ и освобождалъ Америку съ досады на охлажденіе къ нему Маріи-Антуанетты, оказавшей предпочтеніе Ферзену; наконецъ онъ принялъ сторону революціи изъ угожденія къ г-жѣ Де-Кюньи, сумѣвшей внушить ему вторую, главную страсть его бурной жизни. Кромѣ этого, онъ вездѣ и всегда, въ самые критическіе моменты своей жизни, не упускалъ случая побѣждать женскія сердца. Все это вмѣстѣ придаетъ Лозену во вторую эпоху его жизни еще болѣе представительный характеръ въ качествѣ прототипа французскаго свѣтскаго общества XVIII вѣка: онъ такъ же, какъ и это общество, слишкомъ поздно и недостаточно искренно предался новой жизни, новымъ идеямъ; онъ такъ же, какъ и это общество, оказался слишкомъ глубоко растлѣннымъ для плодотворнаго возрожденія и сложилъ свою красивую, буйную голову въ общей катастрофѣ старыхъ порядковъ во Франціи. Для насъ особый интересъ представляютъ тѣ страницы, которыя Могра посвящаетъ попыткѣ Лозена сдѣлаться дипломатомъ, такъ какъ эта попытка состояла въ проектѣ заключенія союза между Франціей и Россіей, для чего онъ вступилъ въ переписку съ Екатериной Второй. Подкладкой этого страннаго, малоизвѣстнаго эпизода его жизни была любовь къ княгинѣ Чарторійской, долго находившейся въ связи съ княземъ Репнинымъ, который былъ представителемъ Россіи въ Варшавѣ и пожертвовалъ ради нея своимъ высокимъ положеніемъ на родинѣ. Послѣ долгихъ усилій знаменитому селадону удалось покорить сердце прелестной польки, но, кромѣ Репнина, ему служилъ препятствіемъ мужъ страстно обожаемой женщины, князь Адамъ Чарторійскій, увезшій ее въ Варшаву. Лозену казались недостаточными мгновенныя свиданія съ княгиней, для которыхъ онъ пріѣзжалъ на одну ночь изъ Парижа въ Польшу, и вотъ онъ придумалъ сдѣлаться дипломатомъ, для того, чтобы получить постъ французскаго посла въ Варшавѣ, облегчить свою любовную интригу съ очаровательною полькой. Онъ окружилъ себя дипломатическими документами, старательно изучилъ польскій вопросъ по его отношеніямъ къ Пруссіи и Россіи, а въ результатѣ онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что лучше всего для Польши и для Франціи, если бы Россія отдѣлилась отъ Пруссіи и составила союзъ съ Франціей, а потому онъ составилъ проектъ о подобномъ союзѣ и хотя находился въ очень щекотливыхъ отношеніяхъ съ княземъ Адамомъ Чарторійскимъ, но прежде всего передалъ этотъ проектъ князю. Послѣдній нашель его очень выгоднымъ для своей родины и передалъ его Штакельбергу, тогдашнему представителю Россіи въ Варшавѣ. Штакельбергу не менѣе понравился проектъ Лозена, и онъ въ свою очередь отправилъ его къ императрицѣ Екатеринѣ, а Лозенъ съ своей стороны сообщилъ кошію французскому министру иностранныхъ дѣлъ Вержену. Чарторійскій придалъ такое серьезное значеніе этому дѣлу, что черезъ нѣсколько времени вызвалъ Лозена въ Варшаву и сообщилъ ему, что его проектъ произвелъ самое лучшее впечатлѣніе на Екатерину, и что успѣшное его осуществленіе зависитъ только отъ согласія Франціи. Для полнаго же убѣжденія Лозена въ сообщенныхъ ему свѣдѣніяхъ, Чарторійскій привелъ къ нему ночью Штакельберга, и они втроемъ, обсудивъ все дѣло, рѣшили, что Штакельбергъ на другой же день снова

наишегъ императрицѣ, а Лозенъ въ то же время пошлетъ Вержену подробную записку и потребуетъ отъ него официальныхъ полномочій для веденія переговоровъ. Такъ и было сдѣлано; Лозенъ остался въ Варшавѣ ожидать отвѣтовъ отъ обѣихъ державъ. Изъ Россіи онъ оказался вполне удовлетворительный, и Екатерина, принявъ предложеніе импровизованнаго дипломата, дала ему самыя широкія полномочія. Она не могла сдѣлать официально перваго шага, но поручала герцогу сообщить Вержену объ ея тайныхъ намѣреніяхъ и просила его сообщить ей о видахъ французскаго двора. Съ своей стороны Верженъ, не сообщая никакого прямого отвѣта, потребовалъ немедленнаго возвращенія въ Версаль Лозена для личныхъ объясненій. Такимъ образомъ молодой французскій ловеласъ, доселѣ только побѣждавшій женскія сердца, явился во французское министерство иностранныхъ дѣлъ, какъ уполномоченный иностраннаго государства, именно Россіи. Онъ объяснилъ Вержену желаніе императрицы, чтобы дѣло было быстро окончено и въ самой глубокой тайнѣ, почему она отказывалась принять французскаго посла иначе, какъ въ качествѣ простаго путешественника. Конечно, при этомъ Лозенъ подразумѣвалъ, что этимъ тайнымъ посломъ будетъ не кто иной, какъ онъ. Но Верженъ отнесся очень хладнокровно къ проекту Лозена отчасти по недобвѣрью къ искренности Екатерины, а отчасти потому, что онъ хотѣлъ отправить посломъ въ Петербургъ своего друга Жюнье, которому и предпочиталъ поручить переговоры о союзѣ. Лозенъ, однако, не сложилъ рукъ и съ одной стороны продолжалъ вести переписку со Штакельбергомъ, а съ другой сталъ дѣйствовать на королеву Марію-Антуанетту, милостями которой онъ пользовался въ то время въ высшей степени, съ цѣлью расположить ее въ пользу союза съ Россіей. Когда ему показалось, что почва въ этомъ отношеніи была достаточно подготовлена, онъ лично написалъ императрицѣ, предлагая ей обойтись въ этомъ важномъ дѣлѣ безъ всякой помощи министровъ, которые только тормозили его, и, подписавъ трактатъ о союзѣ съ Франціей, прислать его прямо къ Маріи-Антуанеттѣ, которая уже вынудитъ у мужа его подпись, а затѣмъ дѣло будетъ въ шляпѣ. Екатерина на это согласилась и поручила Лозену написать означенный трактатъ, но когда онъ приступилъ къ окончательнымъ переговорамъ съ Маріей-Антуанеттой, то послѣдняя, по своему обычному легкомыслію и нерѣшительности, отказалась выѣхать въ политическія дѣла. Такимъ образомъ Лозену пришлось отказаться отъ своего излюбленнаго плана и сообщить Екатеринѣ объ его неудачѣ. Въ отвѣтъ онъ получилъ очень любезное письмо императрицы, въ которомъ она предлагала ему поступить на русскую службу въ качествѣ начальника вновь образовавшихся кавалерійскихъ полковъ изъ казаковъ, татаръ и башкировъ. Лозенъ съ удовольствіемъ принялъ бы это лестное предложеніе, но Маріа-Антуанетта просила его отложить на годъ отъѣздъ въ Россію. Это происходило въ 1776 году, а затѣмъ, хотя императрица еще не разъ подтверждала свое желаніе видѣть Лозена на русской службѣ, обстоятельства измѣнились, и жизнь Лозена приняла иной оборотъ. Все, что сообщаетъ Могра объ отношеніяхъ своего героя къ Екатеринѣ II, тѣмъ любопытнѣе, что онъ, повидимому, черпалъ свои свѣдѣнія изъ подлинныхъ документовъ во французскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, а до сихъ поръ объ этихъ отношеніяхъ извѣстно было

только по краткимъ указаніямъ на этотъ предметъ самого Лозена въ его мемуарахъ. Что же касается до русскихъ источниковъ, относительно сношеній Россіи съ Франціей при Екатеринѣ, то ни въ ея обширной перепискѣ, напечатанной въ нѣсколькихъ томахъ сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, ни въ дневникѣ Храповицкаго, ни въ бумагахъ Безбородко, Паниныхъ, Воронцовыхъ и т. д. не говорится ни одного слова о Лозенѣ, а тѣмъ болѣе объ его отношеніяхъ къ русской императрицѣ и о проектѣ франко-русскаго союза.

— Прологъ кампаніи 1812 года и дневникъ Кастелляна. Альберъ Вандаль продолжаетъ помѣщать въ журналахъ отрывки изъ III тома своего капитальнаго труда: «Наполеонъ I и Александръ I», который долженъ появиться надвѣяхъ. Во второй январьской книжкѣ *Revue de Paris*¹⁾ напечатанъ рассказъ талантливаго автора о томъ, что онъ называетъ прологомъ похода на Россію, то-есть о пребываніи Наполеона въ Дрезденѣ среди всѣхъ европейскихъ континентальныхъ государей передъ отбытіемъ его въ великую армію. Прежде начала задуманной имъ колоссальной войны, долженствовавшей, по его мнѣнію, укрѣпить за нимъ окончательную гегемонію надъ всѣмъ свѣтомъ, Наполеонъ задалъ одно изъ тѣхъ блестящихъ представлений, которыми онъ такъ ловко умѣлъ пускать пыль въ глаза Европѣ. Подъ предлогомъ отвезти свою жену Марію-Луизу къ ея родителямъ, онъ отправился съ ней въ Дрезденъ къ своему вѣрному союзнику королю саксонскому и тамъ созвалъ конгрессъ государей подъ своимъ предсѣдательствомъ. Путешествіе императорской четы изъ Парижа до саксонской столицы было однимъ непрерывнымъ торжественнымъ шествіемъ, среди самыхъ пышныхъ и раболѣпныхъ встрѣчъ. На слѣдующій день послѣ пріѣзда, 16 мая, во дворцѣ, отведенномъ Наполеону и Маріи-Луизѣ, отслужено было парадное молебствіе и произошелъ дипломатическій приемъ, на которомъ участвовалъ даже русскій посланникъ, Ханыковъ. Наполеонъ принялъ его такъ любезно и на столько отличилъ отъ другихъ дипломатовъ, что одни изъ присутствующихъ увидѣли въ этомъ залогъ мира, а другіе болѣе наблюдательные подумали только, что великій завоеватель, подготавливая атаку, скрываетъ изъ хитрости свои когти. Хотя въ сущности французскій императоръ былъ въ гостяхъ у саксонскаго короля, но, желая показать всему свѣту, что онъ въ каждомъ европейскомъ центрѣ полный хозяинъ, Наполеонъ взялъ съ собою не только весь свой дворъ, отъ высшихъ сановниковъ до поваровъ, но и всю придворную обстановку: серебро, посуду, государственные брилліанты и т. д. Не успѣлъ императоръ устроить подобающимъ образомъ сцену для блестящаго представлення, какъ стали съѣзжаться нѣмецкіе государи: прежде всего явились члены Рейнскаго союза, за исключеніемъ короля вестфальскаго, представителемъ котораго была его жена, потому что Наполеонъ рѣшилъ на этотъ съѣздъ старинныхъ коронованныхъ особъ Европы не допускать своихъ родственниковъ, какъ вновь истребленныхъ государей неполнѣ надежныхъ относительно королевскаго этикета. Затѣмъ прибылъ австрійскій императоръ со своей женой и прусскій король безъ жены. Въ продолженіе двѣнадцатид-

1) *Napoléon à Dresde*, par A. Vandal. *Revue de Paris*, 15 janvier, 1896.

«ИСТОРИЧЕСКОЕ ВѢСТНИКЪ», ФЕВРАЛЬ, 1896 Г., Т. LXIII.

цати дней французскій императоръ, считая всю эту высокую кампанію своимъ гостями, угощалъ и забавлялъ ихъ съ необычайной пышностью и роскошью, но вмѣстѣ съ тѣмъ не упускалъ случая дать почувствовать какъ имъ, такъ и всему міру, что онъ былъ ихъ повелителемъ, а они его вассалами. Всѣ присутствующіе, кромѣ одной австрійской императрицы, какъ бы наперерывъ, старались доказать своимъ низкопоклонствомъ, что гегемонія Наполеона была дѣйствительнымъ фактомъ. Общее лакейство доходило до того, что на одномъ парадномъ спектаклѣ поставленъ былъ апоѳеозъ, въ которомъ всю сцену занимало громадное вертящееся солнце съ надписью: «менѣе велико и менѣе прекрасно, чѣмъ онъ»; императоръ австрійскій, сидѣвшій рядомъ съ Наполеономъ, обратился къ нему съ улыбкой и, кивая головой, открыто одобрялъ аллегорію. Даже Наполеону это показалось пересоломъ, и онъ, пожимая плечами, громко сказалъ: «они, должно быть, считаютъ меня большимъ дуракомъ». Но если въ этомъ случаѣ его здравый смыслъ одержалъ верхъ надъ жаждой поклоненія, то не разъ въ Дрезденѣ онъ доказывалъ воочію, какъ даже геніальный человѣкъ можетъ дойти до глупости, поддавшись безмысленнымъ стремленіямъ; такъ, окруженный старинными европейскими вѣнценосцами, онъ сталъ воображать себя однимъ изъ нихъ и окружалъ себя бурбонскимъ придворнымъ этикетомъ, даже однажды онъ забылся до того, что, говоря съ австрійской императрицей, сказалъ, что дѣла французской революціи пошли бы совершенно иначе, если бы выказалъ большую твердость его бѣдный дядя, подъ которымъ онъ разумѣлъ Людовика XVI, приходившагося дѣйствительно дядей Маріи-Луизѣ, черезъ Марію-Антуанетту. Но всѣ эти выходки мелочного самолюбія и безконечныя празднества не мѣшали Наполеону неустанно работать, подготавливая походъ на Россію во всѣхъ его мелочахъ, возстаніе въ Польшѣ и поддержку всей Европы въ задуманномъ имъ громадномъ предпріятіи. Наконецъ все было готово, дрезденская комедія сыграна, и Наполеонъ, убѣдившись изъ доклада графа Нарбона, прискакавшаго изъ Вильны, что всякіе переговоры съ Александромъ тщетны, закрылъ конгрессъ государей и двадцать восьмого мая отправился догонять свою армію, быстро двигавшуюся къ предѣламъ Россіи. «Это былъ прекрасный сонъ, но слишкомъ краткій», говорилъ потомъ король саксонскій о дрезденскомъ прологѣ роковой кампаніи 1812 года.

Новые матеріалы объ этой кампаніи постоянно появляются во Франціи, и недавно вышедшій дневникъ маршала Каstellана ¹⁾ имѣетъ не малое значеніе для историка того времени, а также для всякаго любознательнаго читателя, желающаго познакомиться съ дѣйствительной подкладкой великихъ событій. Этотъ дневникъ велся въ продолженіе пятидесяти восьми лѣтъ самымъ аккуратнымъ образомъ и часто изо дня въ день человѣкомъ, который принадлежалъ къ старинной французской аристократіи, служилъ адъютантомъ при главной квартирѣ Наполеона во время испанской войны, австрійскаго похода 1809 года и русской кампаніи, принималъ участіе въ качествѣ командира гусарскаго полка въ войнахъ 1813 и 1814 года, а потомъ занималъ высшія военныя должности при реставраціи, іюльской монархіи и второй имперіи,

¹⁾ Journal du maréchal de Castellane, t. I, 1804—1823, t. II, 1828—1882, Paris, 1895.

доставившей ему маршалской жезл. Въ вышедших до сихъ поръ двухъ томахъ воспоминаній Кастелляна наибольшій интересъ возбуждаютъ тѣ страницы, которыя относятся до его юношескихъ походовъ въ Испаніи и Россіи, тѣмъ болѣе, что онъ состоялъ при Наполеонѣ, лично видѣлъ его во всякое время и безъ всякой официальной рисовки. Главное достоинство его рассказа заключается въ безыскусственной правдивости, простотѣ и реальности; въ противность многимъ авторамъ мемуаровъ того времени, которые только бьютъ на эффектъ и стараются постоянно рисовать геройскія картины, онъ передаетъ прозаично и безъ всякихъ прикрасъ, но съ постояннымъ живымъ человѣчнымъ отгѣнкомъ то, что онъ самъ видѣлъ. Такъ, напримѣръ, въ надѣлавшихъ столько шума, блестящихъ, но слишкомъ театральныхъ, мемуарахъ Марбо попадаетъ сцена, въ которой онъ представляетъ Наполеона, идущаго во время испанской кампаніи по горамъ, среди страшной мятели, опираясь на руки Дюрока и Лана, при чемъ повѣствуется тономъ лѣтописца геройской эпопеи, что императоръ приказалъ всѣмъ офицерамъ и солдатамъ взяться подъ руки подобнымъ же образомъ, для противодѣйствія разсвирѣпѣвшей стихіи, и самъ двинулся впереди всѣхъ съ крикомъ: «впередъ». Все это очень эффектно и сценично обставлено, но не дышитъ жизненной правдой, а Кастеллянтъ, описывая ту же сцену, берется за дѣло совершенно иначе. Онъ просто рассказываетъ, что означенный переходъ черезъ горы въ снѣжную бурю и при ужасной гололедицѣ былъ чрезвычайно труденъ, что солдаты отказывались идти впередъ, говоря, что это невозможно, что императоръ со своими приближенными упорно подвигался впередъ, что когда онъ уже не могъ болѣе ѣхать верхомъ, то продолжалъ путь пѣшкомъ, постоянно спотыкаясь, а когда онъ поскользнулся и упалъ, то, поднимаясь, громко промолвилъ: «f. . . métier» (подлое ремесло). Тѣми же рѣдкими и важными достоинствами для автора дневника отличаются воспоминанія Кастелляна о походѣ 1812 года, который онъ описываетъ кратко, но очень рельефно, изо-дня-въ-день, отъ перехода черезъ Нѣманъ до перехода черезъ Березину. Въ сущности онъ не сообщаетъ ничего новаго, но, читая его дневникъ, можно слѣдить, почти шагъ за шагомъ за Наполеономъ при вступленіи его въ Россію, въ Смоленскѣ, на Бородинскомъ полѣ сраженія, въ Москвѣ и при роковомъ отступленіи, до той минуты, когда онъ бросилъ остатки своей несчастной арміи и уѣхалъ въ Парижъ. Ко всему Кастеллянтъ относится очень безпристрастно и мало высказываетъ своихъ мнѣній, предпочитая факты, но когда онъ позволяетъ себѣ размышленія, то они отличаются большимъ благоразуміемъ, даже предвидѣніемъ; такъ при первыхъ же шагахъ въ Россіи онъ записываетъ въ свой дневникъ отъ 29-го іюля: «когда мы углубимся совершенно въ Россію, то повторится то, что было въ Испаніи, и мы не встрѣтимъ ни одной кошки». Преимущественно говоря о Наполеонѣ и французахъ, онъ иногда рассказываетъ любопытные факты или интересные слухи и о русскихъ. Между прочимъ онъ сообщаетъ, что по толкамъ въ Вильнѣ причиной незащиты этого города Александромъ было нѣсколько мелкихъ фактовъ, случившихся тамъ во время его пребыванія и истолкованныхъ имъ, какъ дурныя предзнаменованія, именно, что во время торжественной службы въ церкви, на которой онъ присутствовалъ, полъ былъ усыпанъ ельникомъ; что

дѣлается въ Польшѣ въ знакъ чести, въ Россіи же при похоронахъ, а при иллюминаціи дома генерала Бенингсена, давшего балъ императору, корона надъ его колоссальной статуей неожиданно погасла. О Москвѣ Кастеллянь отзывался восторженно и считаетъ, что это одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ на свѣтѣ, но замѣчаетъ не безъ ироніи: «трудно себѣ представить все великолѣпье дворцовъ русскихъ вельможъ, и это объясняется тѣмъ, что имъ легко строить и украшать дома, благодаря крѣпостному труду; то, что во Франціи стоило бы два милліона, имъ обходится въ 50,000 фр.». Величина Москвы поражала француза, и онъ выражается по этому случаю буквально тѣми же словами, какъ Грибоѣдовъ: «дистанціи громадны въ Москвѣ». Отношенія французовъ съ русскими войсками были самыя любезныя, и по словамъ Кастелляна на аванпостахъ вокругъ Москвы офицеры и солдаты обѣихъ армій дружески обходились другъ съ другомъ, мѣнялись виномъ и предупреждали взаимно о своихъ движеніяхъ. Въ Москвѣ французамъ жилось весело, не смотря на пожары; они завели театръ, хотя имѣлись всего двѣ актрисы, выписали итальянскихъ пѣвцовъ и намѣревались тамъ зимовать, полагая, что весной Наполеонъ поведетъ ихъ въ Индію. Императоръ, какъ всегда, работалъ неустанно въ своемъ кабинетѣ и часами ѣздилъ верхомъ обозрѣвать все; по словамъ его камердинера, сказаннымъ Кастелляну, онъ очень заботился, чтобы всѣ знали объ его неуспынныхъ трудахъ, и приказывалъ ставить двѣ свѣчки на всю ночь у окна своего кабинета, говоря: «Пусть солдаты думаютъ, что ихъ императоръ не спитъ, а все работаетъ». Что касается до ужасовъ рокового отступленія, то они какъ нельзя рельефнѣе выступаютъ изъ краткихъ замѣтокъ, которыя Кастеллянь заносилъ каждый вечеръ въ свой дневникъ, а насколько тяжелы были переносимыя великой арміей страданія, доказываютъ его слова, записанныя 12-го декабря близъ Ковно: «Передъ нами зрѣлище такихъ ужасовъ, которые, конечно, никогда болѣе не повторятся».

— Польско-еврейскій мессія и его ученики. Польскій историкъ Александръ Краушаръ нашелъ въ различныхъ архивахъ своей родины и Германіи много матеріаловъ, бросающихъ новый свѣтъ на основателя одной религіозной секты, имѣвшей большую извѣстность въ концѣ прошедшаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго. Талантливо обработавъ всѣ собранныя свѣдѣнія, онъ напечаталъ очень интересную историческую монографію, подъ названіемъ «Франкъ и польскіе франкисты» ¹⁾. Этотъ Франкъ, называвшій себя барономъ, былъ въ сущности польскій еврей Іосифъ и представлялъ курьезный типъ среди многочисленныхъ авантюристовъ XVIII вѣка. Онъ сумѣлъ основать особую секту и, пользуясь слѣпымъ довѣріемъ ея членовъ, разыгрывалъ роль мессіи. Благодаря его удивительному вліянію на своихъ учениковъ, ему удалось собрать значительную сумму денегъ, и онъ нанялъ у одного изъ нѣмецкихъ князьковъ средневѣковой замокъ въ Оффенбахѣ на Майнѣ, куда стали стекаться со всѣхъ сторонъ вѣрующіе въ новаго мессію. Онъ жилъ почти съ царственной пышностью и пользовался патриархальною властью надъ

¹⁾ Frank i Frankisy Polscy (1726—1816). Monografia historyczna przez Alexandra Kraushara. Cracow. 1895.

своими учениками: такъ одна женщина убѣжала изъ его замка, не желая болѣе оставаться въ сектѣ, но ее захватили франкисты и вернули на мѣсто, а владѣтель замка, князь Изенбургъ, объявилъ, что полицейская юрисдикція не распространяется на его владѣнія, хотя бы часть ихъ и была уступлена временно другому лицу. Въ виду своего восточнаго происхожденія, Франкъ носилъ роскошную турецкую одежду и принималъ своихъ учениковъ и постороннихъ посѣтителей, лежа на диванѣ, съ величіемъ султана. Учрежденная имъ секта была основана, какъ всѣ подобныя мистическія религіи, начиная съ магометанства и кончая мармонами, на видѣніяхъ и откровеніяхъ Чъмъ болѣе онъ пользовался успѣхомъ, тѣмъ новый мессія становился надменнѣе, и отказываясь отъ своего отца, простого еврейскаго разносчика, онъ сталъ доказывать, что произошелъ отъ королевскаго рода. Выѣзжалъ онъ изъ своего замка всегда въ золоченой каретѣ и съ блестящей свитой. Въ теченіе нѣкотораго времени ему однако не повезло, и поляки, схвативъ его, заточили въ Ченстоховѣ; но когда этотъ городъ былъ взятъ русскими, то фантастическому мистику была дана свобода, и онъ отправился въ Вѣну къ императору Іосифу, который питалъ особую склонность къ подобнымъ мистикамъ. Но въ концѣ концовъ его обманъ обнаружился, и онъ скончался, какъ простой смертный, отъ апоплексическаго удара въ 1791 году. Но смерть мессіи не поколебала вѣры его учениковъ, и секта продолжала процвѣтать подъ руководствомъ его дочери Евы, которую посѣтилъ въ Оффенбахѣ императоръ Александръ I въ ту эпоху, когда онъ находился подъ вліяніемъ г-жи Крюднеръ. Однако, мало-по-малу наплывъ новыхъ сектантовъ сталъ уменьшаться, фонды секты начали истощаться, и нѣсколько разъ она была близка къ банкротству, а послѣ смерти Евы Франкъ наступило совершенное крушеніе секты. Послѣдній франкистъ умеръ въ 1860 году, и его звали Францискомъ Залесскимъ; въ послѣдніе годы своей жизни онъ никогда не разговаривалъ о баронѣ Франкѣ, отвѣчая молчаніемъ на всѣ разспросы. Въ замкѣ, гдѣ нѣкогда процвѣтала эта секта, теперь устроена гостиница.

— Штраусъ и его переписка. Одинъ изъ ближайшихъ друзей знаменитаго автора «Жизнь Иисуса» Давида-Фридриха Штрауса, историкъ греческой философіи, Эдуардъ Целлеръ, собралъ и напечаталъ шестьсотъ писемъ Штрауса къ его пріятелямъ¹⁾. Кромѣ того, что это любопытное изданіе обнаруживаетъ Штрауса въ невѣдомомъ еще качествѣ образцоваго мастера эпистолярнаго стиля, оно также служитъ къ выясненію многихъ сторонъ его жизни и даетъ читателямъ болѣе ясное и живое понятіе объ его личности, чѣмъ чтеніе его сочиненій. Самой характеристичной чертой этого передоваго мыслителя было имъ самимъ замѣченное преобладаніе ума надъ всѣми другими элементами его бытія. У него, какъ у всѣхъ, были нервы, но какую роль они ни играли, всегда въ концѣ концовъ разумъ бралъ надъ ними верхъ. Иногда ему казалось, что сердце въ немъ преобладаетъ, но вскорѣ ему приходилось признать, что это было ошибочно, и что онъ всегда жилъ только умомъ, однимъ умомъ. При этомъ замѣ-

¹⁾ Ausgewählte Briefe von David Friedrich Strauss, herausgegeben und erläutert von Eduard Zeller, Bonn, 1895.

чательно, что всѣ великіе мыслители проходили черезъ разные фазы умственнаго развитія: вѣрующіе дѣлались скептиками, скептики сомнѣвались въ своемъ скептицизмѣ, пессимисты временно убаюкивали себя надеждами, оптимисты впадали въ ипохондрію, но Штраусъ, однажды составивъ себѣ убѣжденіе, никогда уже его не измѣнялъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытна его жизнь, которая вообще, какъ жизнь всякаго современнаго ученаго, не представляетъ вѣшняго интереса. Онъ родился въ виртембергскомъ городѣ Лудвигсбургѣ въ 1808 году, а умеръ тамъ же въ 1874 г., и въ этотъ промежутокъ времени онъ часто перемѣнялъ свое мѣсто пребыванія въ надеждѣ перемѣной мѣста измѣнить или обновить свою душу, или умъ; но, гдѣ бы онъ ни жилъ, въ Штутгартѣ, Гейльброннѣ или Дармштагѣ, онъ все-таки оставался все тѣмъ же Штраусомъ. То, что онъ утверждалъ въ юности, онъ продолжалъ утверждать передъ смертью и то, что онъ отрицалъ въ началѣ своей ученой карьеры, онъ продолжалъ отрицать и до послѣдняго своего дыханія. Въ тридцать лѣтъ онъ исполнилъ задачу своей жизни и далъ міру все, что могъ ему дать. Въ послѣдующіе тридцать шесть лѣтъ онъ ничего не прибавилъ къ своей славѣ, и Штраусъ представляетъ, быть можетъ, единственный примѣръ великаго ума, у котораго не было исторіи. Двадцати двухъ лѣтъ онъ вышелъ изъ богословскаго факультета Тюбингенскаго университета съ высшимъ дипломомъ и поступилъ пасторомъ въ сельскій приходъ, но ему не пришлось пройти черезъ обычный искусь передовыхъ умомъ, которые путемъ долгихъ умственныхъ и душевныхъ мукъ мѣняютъ свои юношескія вѣрованія прежде на сомнѣнія, а потомъ на тѣ или другія философскія идеи; онъ съ дѣтства считалъ сказками все сверхъестественное, а юношей говорилъ своимъ учителямъ: «если вы хотите, чтобы я вѣрилъ, убѣдите мой разумъ». Поэтому онъ вступилъ въ жизнь скептикомъ, а если и началъ ее протестантскимъ пасторомъ, то онъ смотрѣлъ на исполненіе своихъ религіозныхъ обязанностей, какъ на принятую на себя общественную службу, и очень характеристично писалъ одному пріятелю, также пастору, котораго обвиняли въ проповѣдываніи ереси: «ты самъ виноватъ, ты вздумалъ передавать твоей паствѣ свои собственныя убѣжденія и тѣмъ нарушилъ свой долгъ и всѣ приличія; пасторъ долженъ проповѣдывать прихожанамъ не свою вѣру, а ихъ вѣру, и питать ихъ той пищей, которую они требуютъ». Однако, онъ вскорѣ убѣдился, что подобное дипломатическое отношеніе къ пасторскимъ обязанностямъ не соответствуетъ его живой натурѣ, жаждавшей борьбы. Онъ сбросилъ съ себя стѣснявшіе его узы, что было для него не трудно, такъ какъ онъ имѣлъ обезпеченное состояніе, и посвятилъ себя, по его собственному выраженію, излюбленному ремеслу «выметать ложныя идеи и хлестать тѣхъ, которые поддерживаютъ ихъ». Онъ принялся за работу и двадцати семи лѣтъ онъ уже напечаталъ свой капитальный трудъ, принадлежащій къ разряду тѣхъ немногихъ книгъ, которыя составляютъ эпоху. Сразу онъ приобрѣлъ славу и, какъ всегда, поклонники стали возносить его до небесъ, а враги осыпали его проклятіями. Онъ еще былъ молодъ и уже окончилъ дѣло, предназначенное ему судьбою. «Хорошо быть метлой, — говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, — но что дѣлать метлѣ, когда нечего выметать?» Чтобы занять чѣмънибудь свой, жаждущій труда, умъ, онъ брался за всякаго рода литературную ра-

боту, писалъ біографіи, романы, даже стихи; но все это не увѣнчивалось успѣхомъ, хотя, конечно, заслуживало вниманія въ большей или меньшей степени. Онъ умѣлъ только уничтожать легенды и догматы, а внѣ этого ремесла онъ не могъ себѣ усвоить никогда другого. Онъ называлъ свое ремесло несчастнымъ и ненавидѣлъ теологію, но что ни дѣлалъ, какъ ни философствовалъ, а все-таки не могъ отдѣлаться отъ ея чаръ. Онъ самъ это отлично понималъ и откровенно говорилъ: «я рожденъ на свѣтъ не для того, чтобы быть всеобъемлющимъ умомъ, а напротивъ, мнѣ суждено ограничиться спеціальностью, въ которой я представляю первоклассную силу, и моя злая судьба рѣшила, что этой спеціальностью будетъ теологія». Однако, въ 1848 году, при общемъ демократическомъ подъемѣ Германіи, Штраусъ также попробовалъ выступить на политическую арену, хотя при этомъ онъ уступилъ просьбамъ своихъ друзей, а самъ вполне сознавалъ, что онъ не созданъ для политической, въ особенности парламентской, дѣятельности. Избранный своимъ роднымъ городомъ въ депутаты, онъ нѣсколько времени засѣдалъ въ штутгартскомъ парламентѣ, но, при первомъ удобномъ случаѣ, подалъ въ отставку и распрощался навсегда съ тѣмъ, что онъ называлъ «грязной политикой». Къ общему удивленію, оказалось, что этотъ революціонеръ въ теологіи былъ консерваторомъ въ общественныхъ дѣлахъ. Какъ многіе великіе мыслители, въ томъ числѣ и Ренанъ, онъ ощущалъ ненависть къ демократіи, подозрѣвая ее въ враждѣ къ умственной культурѣ. Съ своей обычной искренностью онъ говорилъ: «если надо избрать между деспотизмомъ сильныхъ міра сего и деспотизмомъ народной массы, то я подамъ голосъ за первое: подъ властью деспота я буду чувствовать свои крылья подрѣзанными, но все-таки я буду имѣть возможность продолжать свое существованіе, а масса своимъ гнетомъ окончательно меня уничтожить, такъ какъ она отрицаетъ все, что я люблю; и все, что составляетъ мое бытіе». Что касается частной и семейной жизни Штрауса, то въ письмахъ, изданныхъ Целлеромъ, замѣченъ осторожный подборъ, изъ уваженія къ находящимся еще въ живыхъ его дѣтямъ, такъ какъ извѣстно, что онъ былъ несчастенъ въ супружествѣ, и пламенно любимая имъ жена, пѣвица Агнеса Шебестъ, не сошлась съ нимъ характеромъ, въ слѣдствіе чего они развѣхались. Въ первое время послѣ этого несчастнаго событія Штраусъ предавался унынію и даже отчаянію, но мало-по-малу онъ успокоился и снова предался своему литературному труду, а главное, какъ онъ самъ выражался, своей духовной женѣ — теологіи. Въ послѣднее время передъ своей смертью, онъ страдалъ тяжелымъ недугомъ, но стоически переносилъ всѣ мученія и продолжалъ до послѣдней минуты письменно разсуждать о Гораціи и Катулѣ со своими друзьями. Почти послѣдними его словами было: «освободиться отъ всякаго зла, отъ всякаго горя и уснуть безъ просыпа — вотъ чего я желаю и чего жду».

— Два поэта. Въ послѣднее время вниманіе европейской прессы сосредоточивалось на двухъ поэтахъ: на Альфредѣ Остенѣ, пожалованномъ англійской королевой въ поэты-лауреаты, и на недавно умершемъ Полѣ Верленѣ, главѣ французскихъ символистовъ и декадентовъ. Между ними въ сущности не было ничего общаго, и торжество одного только случайно совпало съ печальной смертью другого среди нищеты и тяжелыхъ страданій отъ злаго недуга. Аль-

Фредъ Остенъ второстепенный поэтъ, авторъ восьми томовъ посредственныхъ поэмъ, трагедій и стихотвореній, болѣе извѣстенъ, какъ журналистъ, редакторъ журнала «National Review» и одинъ изъ самыхъ видныхъ сотрудниковъ газеты «Standard». Хотя онъ началъ свою литературную карьеру въ либеральномъ «Daily News», но уже давно перешелъ въ ряды консерваторовъ и считается однимъ изъ ярыхъ защитниковъ торіизма и джингоизма, что побудило его писать брошюры противъ «Болгарскихъ ужасовъ» Гладстона. Такимъ образомъ онъ поналъ въ поэты-лауреаты не за свои поэтическія достоинства, которыхъ не имѣется, а за дѣйствительныя заслуги, оказанныя консервативной партіи своей журнальной дѣятельностью. Лордъ Сольсбери при этомъ назначеніи руководствовался, можетъ быть, и чувствомъ благодарности къ редактору журнала, гдѣ онъ когда-то помѣщалъ свои статьи, и несомнѣнно забылъ о секретномъ соглашеніи, которое по слухамъ состоялось между консерваторами и либералами, вовсе не назначать поэта-лауреата послѣ смерти Тенисона. Дѣло въ томъ, что Гладстонъ свято исполнилъ это соглашеніе и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не дѣлалъ подобнаго назначенія, и его примѣру послѣдовали его либеральные преемники, а консерваторы нашли возможнымъ нарушить договоръ и назначили своего вѣрнаго борзописца въ преемники такимъ дѣйствительнымъ поэтамъ, какъ Тенисонъ и Вардевартъ. Конечно, въ длинномъ рядѣ англійскихъ поэтовъ-лауреатовъ большинство было посредственными поэтами и низкопоклонными пѣвцами придворныхъ торжествъ, но по справедливому единогласному мнѣнію всей англійской печати, если поэтъ-лауреатъ, этотъ выжившій остатокъ старины, означаетъ перваго поэта Англій въ данную минуту, то слѣдовало увѣнчать лаврами Свинборна, дѣйствительно главу современнаго англійскаго Парнаса, а такъ какъ это невозможно въ виду радикальнаго характера его поэтическихъ произведеній, то лучше было никого не назначать. Что въ его торжествѣ нѣтъ ничего общаго съ поэзіей, новый поэтъ-лауреатъ доказалъ, напечатавъ тотчасъ послѣ его производства бессмысленную шовинистскую оду въ прославленіе набѣга Джемсона на Трансвааль.

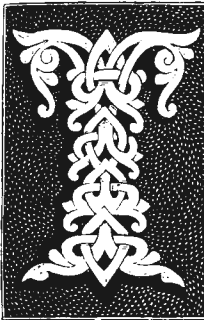
Переходя къ Верлену, прежде всего намъ придется признать, что это былъ дѣйствительно поэтъ и большой поэтъ, бесспорно первый поэтъ современной Франціи, послѣ смерти Виктора Гюго и Леконта-де-Лилля. «Это былъ варваръ, дикарь, бѣдное дитя, говоритъ о немъ Леметръ, но его душа была музыкальная, и голосъ этой дѣтской души иногда раздавался такъ мелодично, какъ ни одинъ голосъ до него». Другой французскій критикъ Фрапсъ, надняхъ избранный въ члены французской академіи, выражается не менѣе характеристично объ оплакиваемомъ всей Франціей поэтѣ: «Конечно, это былъ самый чудовищный и самый мистичный, самый сложный и самый простой, самый безумный и самый безпорядочный, но за то самый вдохновенный и самый искренный изъ современныхъ поэтовъ». Вся его пятидесятидвулѣтняя жизнь прошла въ оргіяхъ, нищетѣ, пьянствѣ, болѣзни и писаніи стиховъ; онъ переходилъ изъ кабака въ тюрьму, гдѣ, по его собственнымъ словамъ, содержался за все, кромѣ воровства, изъ тюрьмы въ больницу и обратно, отъ скептицизма и порнографіи къ мистическому фанатизму и католическому ультрамонтанству, но всегда и вездѣ оставался истиннымъ поэтомъ. Если судьбѣ было угодно поставить его во главѣ

символистовъ и декадентовъ, то онъ самъ не разъ отказывался отъ своихъ неспособныхъ, бессмысленныхъ учениковъ. «Они мнѣ надоѣли, наконецъ, эти цимбаллисты, говорилъ онъ въ 1891 г., съ ихъ нелѣпыми, смѣшными манифестациями. Развѣ такъ поступаютъ, когда хотятъ произвести революцію въ искусствѣ? Въ 1830 г. увлекались и шли въ бой за однимъ знаменемъ, на которомъ красовалась надпись «Египці»; а теперь копошатся на одномъ мѣстѣ, и всякій несетъ свой флагъ съ надписью «Реклама». Я самъ благировалъ, но не имѣю притязанія свои выходки выдавать за евангеліе. Я не сожалѣю своихъ четырнадцати-стопныхъ стиховъ. Я расширилъ область стиха, но не упразднилъ его. Чтобъ были стихи, необходимы въ нихъ рѣзмы». Бѣдный Лилианъ, какъ онъ называлъ себя, выводилъ этотъ эпитетъ анаграмматически изъ своего имени и фамиліи (Paul Verlaine—Pauvre Lilian), былъ несчастливъ во всемъ и въ своей частной жизни и въ семейной, такъ какъ женившись онъ вскорѣ разошелся съ женой, и въ общественной, потому что онъ былъ во времена комюны начальникомъ управленія прессы и долженъ былъ бѣжать въ Лондонъ послѣ разгрома Парижа версальцами.

С М Ъ С Ъ.

ОРЖЕСТВЕННОЕ 170-е засѣданіе Императорской Академіи Наукъ происходило въ обычный для этихъ собраній день — 29 декабря. Первоначально годичныя засѣданія Академіи собирались 27 декабря по слѣдующему случаю. Открытіе Академіи при императрицѣ Екатеринѣ I назначено было на 25 ноября 1725 года; но, по словамъ одного современника, «сіе публичное собраніе на назначенный день за препятіемъ льда быть не могло»: по Невѣ шель ледъ и сообщеніе Васильевскаго острова съ остальнымъ городомъ прекратилось на нѣсколько дней. Поэтому первое торжественное засѣданіе Академіи Наукъ состоялось только 27 декабря 1725 года и неизмѣнно повторялось въ этотъ день до 1776 года, когда, по случаю празднованія пятидесятилѣтняго юбилея Академіи, императрица Екатерина II пожелала присутствовать въ засѣданіи и сама назначила день собранія—29 декабря. Послѣ того до настоящаго времени, въ воспоминаніе посѣщенія государыней, торжественныя годовыя собранія Императорской Академіи Наукъ постоянно происходили въ этотъ день. Въ истекшемъ 1895 г. собраніе посѣтили высокопреосвященный Сергій, митрополитъ московскій, римско-католическій митрополитъ Козловскій, католическій суфраганъ епископъ Сымонъ, товарищи министровъ: народнаго просвѣщенія князь Волконскій и путей сообщенія генераль-лейтенантъ Петровъ, государственный контролеръ Филипповъ, начальникъ

академіи генеральнаго штаба генераль-лейтенантъ Лееръ, весь составъ академикомъ и много посторонней публики. Въ 1 ч. дня, съ прибытіемъ его высочества принца А. П. Ольденбургскаго съ супругой, августѣйшій президентъ Академіи открылъ засѣданіе. На кафедре взошелъ непремѣнный секретарь генераль-лейтенантъ Н. Θ. Дубровинъ и прочиталъ отчетъ о дѣятельности Академіи въ 1895 г. по физико-математическому отдѣленію. Упомянувъ сначала о высочайшемъ пожалованіи 13 января 1895 г. въ распоряженіе Академіи ежегодно по 50,000 р. для раздачи пособій нуждающимся ученымъ и литераторамъ, лекторъ посвятилъ нѣсколько теплыхъ словъ памяти скончавшихся членомъ Академіи: Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградскаго, Д. А. Ровинскаго, Луи Пастера, Θ. Θ. Веселаго, Г. С. Дестуниса, Двайтъ-Дана, К. Людвига, Неймана, Свенъ Ловена, Мартина Герца, М. П. Авенариуса и Рютимейра. Перечисливъ затѣмъ труды академикомъ физико-математическаго отдѣленія, непремѣнный секретарь заявилъ, что главная физическая обсерваторія приметъ участіе на всероссійской промышленной выставкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ. Главная цѣль этого участія заключается въ наглядномъ ознакомленіи публики съ производствомъ метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій, съ состояніемъ метеорологій и климатическими данными въ Россіи и за границей. Къ участію на выставкѣ обсерваторія пригласила университеты и другія учрежденія. Наконецъ, въ видахъ конкуренціи по изготовленію болѣе точныхъ и болѣе дешевыхъ инструментовъ, предоставлена возможность принять участіе на выставкѣ и частнымъ лицамъ. Послѣ того Н. Θ. Дубровинъ прочиталъ отчетъ о присужденіи различныхъ премій. I. На соисканіе премии имени графа Д. А. Толстаго были представлены чегыре сочиненія. Первая медаль въ 300 рублей присуждена ординарному профессору Петербургскаго университета В. А. Жуковскому за его сочиненіе «Древности Закаспійскаго края. Развалины стараго Мерва». Авторъ не ограничился описательною стороной, но постарался перенести читателя къ тѣмъ временамъ, когда на безжизненныхъ теперь мервскихъ равнинахъ была политическая и торговая жизнь, когда вмѣсто безмолвныхъ нынѣ кургановъ, грудъ кирпича, остововъ зданій и стѣнъ, здѣсь были раскинуты многолюдные города и селенія. Вторую медаль въ 250 рублей и деньгами 800 рублей Академія присудила заслуженному профессору Петербургскаго университета В. А. Лебедеву за его трудъ «Финансовое право». Третья медаль въ 150 руб. присуждена секретарю Эстляндскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія А. Н. Харузину за сочиненіе «Крестьянское землевладѣніе въ Эстляндской губерніи по даннымъ 1892—1894 гг.». II. На соисканіе премии имени императора Александра II, учрежденной симбирскимъ дворянствомъ, было представлено только одно сочиненіе Θ. А. Щербины подъ заглавіемъ «Воронежское земство 1865—1889 гг.». Сочиненіе это, представляя собою стройно обработанную монографію о зарожденіи и постепенномъ развитіи самоуправления въ губерніи съ 2¹/₂ миллионнымъ населеніемъ, богато, по мнѣнію Академіи, выводами высокопоучительными для всякаго интересующагося изученіемъ общественной жизни въ нашемъ отечествѣ. На этомъ основаніи оно награждено преміей въ 1,500 р. III. На соисканіе премии имени А. М. Сибиря-

кова было представлено два сочиненія. Изъ нихъ удостоено награды въ 1,500 р. сочиненіе Николая Николаевича Оглобина, подъ заглавіемъ: «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ сибирскаго приказа». По окончаніи чтенія отчетовъ по присужденію премій мѣсто на кафедрѣ занялъ академикъ А. Θ. Бычковъ, который прочиталъ отчетъ о занятіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности и отчетъ по присужденію Ломоносовскихъ премій. На соисканіе этихъ премій поступало нѣсколько сочиненій, но премію удостоено сочиненіе Г. К. Ульянова: «Значеніе глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ». Согласно отчету о занятіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности, въ истекшемъ году третій выпускъ «Словаря русскаго языка» на букву Д, начатый покойнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ, законченъ подъ руководствомъ академика А. Θ. Бычкова, и дальнѣйшее продолженіе этого труда возложено на адъюнкта А. А. Шахматова. Оконченъ печатаніемъ, подъ наблюденіемъ академика А. Θ. Бычкова, четвертый выпускъ «Матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка». Отдѣленіе приступило къ печатанію «Областнаго словаря олонецкаго нарѣчія», составленнаго Г. И. Куликовскимъ. Оконченъ также печатаніемъ первый выпускъ «Литовско-русско-польскаго словаря» братьевъ Юшкевичей подъ редакціей профессора Ф. Θ. Фортунатова. Въ этотъ выпускъ вошли слова на буквы А—Dz. Академикъ М. И. Сухомлиновъ выпустилъ въ свѣтъ третій томъ «Сочиненій Ломоносова съ объяснительными примѣчаніями». Подъ его же редакціей изданы седьмой и восьмой томы «Матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Наукъ». Академикъ П. В. Ягичъ издалъ первый томъ изслѣдованій по русскому языку—«Разсужденія южно-славянскои и русскои старины о церковно-славянскомъ языкѣ». А. Н. Веселовскій напечаталъ статью: «Изъ исторіи эпитета». К. Н. Бестужевъ-Рюминъ написалъ для біографическаго словаря Русскаго Историческаго Общества статью «О Карамзинѣ», которая вышла отдѣльнымъ оттискомъ. Отдѣленіе оказывало матеріальную поддержку нѣкоторымъ ученымъ, изучавшимъ родственные намъ славянскіе народы и ихъ литературу. Въ 1895 году окончены печатаніемъ послѣдній, четвертый томъ сочиненій А. А. Котляревскаго и трудъ Д. А. Ровинскаго: «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вѣковъ»; Θ. А. Брауна: «Разысканія въ области Гото-Славянскихъ отношеній»; второй томъ «Онежскихъ былинъ», собранныхъ А. Θ. Гильфердингомъ, и «Матеріалы для біографіи князя Антиоха Кантемира». Отдѣленіе понесло утраты въ лицѣ своихъ членовъ-корреспондентовъ Н. Н. Булича и П. И. Саввантова. А. Θ. Бычкова смѣнилъ вице-президентъ Академіи Л. Н. Майковъ и прочиталъ отчетъ состоящей при Императорской Академіи Наукъ постоянной комиссіи для выдачи пособій имени императора Николая II нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ. Комиссія открыла свои дѣйствія 18 мая и въ теченіе отчетнаго года имѣла 18 совѣщаній. Въ этихъ совѣщаніяхъ разсмотрѣно 474 ходатайства, изъ коихъ 443 представлены самими нуждающимися, а 31 заявленіе сдѣлано со стороны извѣстныхъ въ литературѣ и наукѣ лицъ о разныхъ нуждающихся въ помощи писателяхъ. Всего удовлетворено 319 ходатайствъ, въ томъ числѣ отъ 203 лицъ за ихъ собственныя заслуги и 116 за заслуги ихъ ближайшихъ родственниковъ. По

мѣсту жительства лица эти распредѣляются такимъ образомъ: 186 въ Петербургѣ и 133—иногороднихъ. Пенсіи назначены 19 лицамъ въ размѣрѣ отъ 300 до 1,200 рублей въ годъ, всего на сумму 9,780 р. въ годъ. Единовременныя пособія выданы на сумму 22,903 р., въ томъ числѣ сдѣланы взносы въ учебныя заведенія за обученіе дѣтей 8 писателей. Пособій, разсроченныхъ по мѣсяцамъ, выдано на 11,585 р. Осталось нерѣшеннымъ одно ходатайство, 154 ходатайства были отклонены, изъ нихъ 84 вслѣдствіе отсутствія уважительныхъ для удовлетворенія причинъ; 37—какъ повторительныя ходатайства лицъ, уже получившихъ пособіе въ отчетномъ году, 23 ходатайства объ оказаніи пособій на изданіе сочиненій и 10 ходатайствъ о выдачѣ ссудъ, такъ какъ по утвержденнымъ правиламъ коммиссія не имѣетъ права выдавать такія пособія. Оставшаяся невыданною въ отчетномъ году сумма въ размѣрѣ 10,752 рублей, согласно высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта, причисляется къ средствамъ будущаго года для выдачи въ послѣдующее время. Вслѣдъ за Л. Н. Майковымъ академикъ князь Б. Б. Голицынъ прочиталъ докладъ «О свойствахъ мельчайшихъ частицъ матеріи». Въ заключеніе были провозглашены имена лицъ, избранныхъ въ члены Академіи. Званіе почетныхъ членовъ Академіи удостоили принять: его императорское высочество наслѣдникъ цесаревичъ Георгій Александровичъ, ея императорское высочество принцесса Евгенія Максимилиановна Ольденбургская, его святѣйшество папа римскій Левъ XIII, его королевское высочество герцогъ Генрихъ Омальскій, членъ Французской академіи, нынѣ состоящій ея директоромъ.

75-лѣтіе Императорскаго общества поощренія художествъ было отпраздновано торжественнымъ актомъ въ помѣщеніи общества, который происходилъ 31-го декабря. Торжество началось молебствіемъ съ провозглашеніемъ многолѣтія всему царствующему дому и учрежденію, а также вѣчной памяти въ Бозѣ почившимъ императорамъ, августѣйшимъ предсѣдателямъ, основателямъ и бывшимъ дѣятелямъ общества. Затѣмъ министръ финансовъ прочелъ высочайшій рескриптъ на имя ея императорскаго высочества принцессы Евгеніи Максимилиановны Ольденбургской, какъ предсѣдателя общества, и указъ капитулу російскихъ императорскихъ и царскихъ орденовъ о всемилостивѣйшемъ пожалованіи «въ воздаяніе полезной дѣятельности и особыхъ трудовъ» по обществу нижеслѣдующихъ орденовъ: Бѣлаго орла—казначею, отставному тайному совѣтнику Евгению Мюссару, Св. Равноапостольнаго князя Владиміра 2-й степени—вице-предсѣдателю, егермейстеру Ивану Балашеву, и Св. Анны 1-й степени—директору музея, дѣйствительному статскому совѣтнику Дмитрію Григоровичу. Вслѣдъ за этимъ ея высочество сказала, что Государь Императоръ поручилъ ей «поздравить отъ его имени членовъ общества и пожелать дальнѣйшаго процвѣтанія и преуспѣянія въ его дѣятельности», и прочла привѣтственную телеграмму на ея имя отъ государыни императрицы Маріи Феодоровны. Послѣ прочтенія какъ высочайшаго рескрипта и указа, такъ и телеграммъ, оркестромъ пріюта принца Ольденбургскаго былъ исполненъ народный гимнъ, а при встрѣчѣ и проводахъ ея императорскаго высочества и принца Александра Петровича Ольденбургскаго—преображенскій маршъ. Торжество

завершилось прочтением секретаремъ общества краткаго историческаго очерка дѣятельности общества за 75 лѣтъ его существованія, послѣ чего августѣйшимъ предсѣдателемъ были посланы благодарственныя телеграммы его величеству государю императору и государынѣ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.

75-ти-лѣтіе журнала «Христіанское Чтеніе». 31 декабря Петербургская духовная академія праздновала 75-лѣтіе журнала «Христіанское Чтеніе». Въ академической церкви предъ литургіей ректоромъ академіи, епископомъ нарвскимъ Іоанномъ, въ сослуженіи старшаго цензора арх. Василія и академическаго духовенства была совершена панихида по основателямъ журнала. Послѣ литургіи было отслужено благодарственное молебствіе съ приглашеніемъ многолѣтія ихъ величествамъ и царствующему дому, духовнымъ властямъ, учащимъ и учащимся. По окончаніи богослуженія, въ академическомъ актовомъ залѣ въ присутствіи профессорской корпораціи и студентовъ редакторъ журнала, э.-о. профессоръ А. П. Лопухинъ, прочелъ рѣчь, въ которой вкратцѣ изложилъ исторію возникновенія «Христіанскаго Чтенія» и объяснилъ тотъ путь, по которому неуклонно шествовалъ журналъ въ теченіе 75 лѣтъ. Инициаторомъ и создателемъ «Христіанскаго Чтенія» по всей справедливости должно назвать ректора академіи архіепископа Григорія (Постникова, впоследствии с.-петербургскаго митрополита, † 1861). Ближайшими его сотрудниками въ этомъ дѣлѣ были: инспекторъ академіи архимандритъ Наанаиль, ректоръ Сиб. семинаріи архимандритъ Поликарпъ и профессора академіи. Журналъ въ самомъ началѣ вызвалъ сочувствіе общества, такъ что, несмотря на высокую цѣну его (20 рублей ассигнаціями въ годъ),— особенно высокую при его небольшомъ объемѣ (около $\frac{1}{2}$ листовъ книжка),— подписка превзошла ожиданія редакціи, и первыя же книжки пришлось печатать вторымъ изданіемъ. Первая книжка вышла въ январѣ 1821 года и съ тѣхъ поръ журналъ непрерывно существуетъ въ теченіе трехъ четвертей вѣка, будучи не только старѣйшимъ изъ нашихъ духовныхъ журналовъ, но и долговѣчнѣйшимъ изъ всѣхъ русскихъ ежемѣсячныхъ изданій. Въ тѣхъ 200 томахъ «Христіанскаго Чтенія», которые вышли въ теченіе 75 лѣтъ, заключается богатѣйшая сокровищница православно-богословскаго знанія,—достойный памятникъ плодотворной дѣятельности Петербургской духовной академіи. Послѣ рѣчи профессора Лопухина академическимъ хоромъ былъ исполненъ концертъ: «Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой».

35-тилѣтіе журнала «Филологическія Записки». 31 декабря 1895 года исполнилось тридцатипятилѣтіе «Филологическихъ Записокъ», издаваемыхъ въ Воронежѣ бывшимъ учителемъ Михайловскаго кадетскаго корпуса Алексѣемъ Андреевичемъ Хованскимъ. Самъ А. А. изданіе своего журнала представляетъ въ связь со своею педагогическою дѣятельностію въ корпусѣ. «У насъ, въ Воронежскомъ корпусѣ, говоритъ А. А. Хованскій въ своей статьѣ о возникновеніи «Филологическихъ Записокъ», нѣкоторые изъ преподавателей составляли (каждый по своей спеціальности) записки по тому или другому отдѣлу науки... Была живая дѣятельность и большое соревнованіе между преподавателями: каждому хотѣлось что либо сдѣлать полезное по своему предмету.

Развито было стремленіе къ учебному дѣлу и, кромѣ того, къ трудамъ научнымъ и литературнымъ». Бесѣда съ директоромъ корпуса о преподаваніи русскаго языка (этотъ предметъ сталъ преподавать Хованскій съ 1849 г.) зародила въ А. А. Хованскомъ мысль о специальномъ органѣ, гдѣ можно было бы помѣщать разные вопросы и отвѣты, какъ лучше и проще вести дѣло преподаванія. Матеріальная необеспеченность останавливала А. А. Хованскаго. Одобреніе товарищей по службѣ П. В. Малыхина и М. Ѳ. Де-Пуле нравственно поддержало его и онъ «дерзнулъ» на скудные учительскія крохи издавать журналъ, посвященный филологическимъ вопросамъ. Къ началу 1860 г. первая книжка «Филологическихъ Записокъ» была уже готова; но осторожный редакторъ-издатель не рѣшился тогда же выпустить ее въ свѣтъ, выжидая болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ въ смыслѣ рекомендаціи журнала со стороны высшаго начальства подвѣдомственнымъ учебнымъ заведеніямъ. Предпріятіе его было принято сочувственно и рекомендовано. Болѣе солидная и вліятельная рекомендація была сдѣлана попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа, совѣтомъ котораго выпуска этого журнала для гимназій и прогимназій признана обязательною. Подписка однако же шла медленно: въ первый годъ было всего 142 подписчика. Изданіе по необходимости пришлось затянуть: 1860 и 1861 годы пошли за одинъ годъ изданія, какъ и слѣдующіе 1862—1863 годы. Первыми сотрудниками А. А. Хованскаго по изданію «Филологическихъ Записокъ» были учителя корпуса: П. В. Малыхинъ, М. Ѳ. Де-Пуле и бывший инспекторъ классовъ В. А. Половцевъ. Къ нимъ присоединились поступившіе въ корпусъ въ первые годы изданія «Записокъ» учителя К. Г. Говоровъ (1863—1865 года) и Н. Ѳ. Бунаковъ (1866—1879). По выслугѣ 25 лѣтъ въ должности учителя, А. А. Хованскій, получивъ небольшую пенсію, вышелъ въ отставку въ 1867 году и всецѣло предался своему изданію, нашедшему сочувствіе въ средѣ ученыхъ филологовъ, поддерживавшихъ и поддерживающихъ его до сихъ поръ.

35-лѣтіе служебной и учебно-литературной дѣятельности Л. Н. Майкова исполнилось 5 января. Собственно литературная дѣятельность Л. Н. началась еще въ его студенческіе годы, когда первая его статья (о преподобномъ Θεодосіи Печерскомъ) была напечатана еще въ журналѣ «Подсвѣжникъ» въ 1858 году, то-есть уже 38 лѣтъ тому назадъ; но официально на ученое поприщѣ Л. Н. Майковъ выступилъ ровно 35 лѣтъ тому назадъ — въ 1860 году, по окончаніи университета (по историко-филологическому факультету) съ капитальнѣйшею работою — «О былинахъ Владимірова цикла», за которую онъ удостоенъ былъ степени магистра русской словесности. Влекомый къ практической дѣятельности, Л. Н. поступилъ на службу въ министерство финансовъ, но, прослуживъ здѣсь очень недолго, перешелъ скорѣ въ статистическій комитетъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Служба не мѣшала, однако, юбиляру заниматься научными изслѣдованіями въ области исторіи литературы, и вслѣдъ за диссертацией онъ выпустилъ цѣлый рядъ работъ, касающихся этнографіи и литературы какъ древняго, такъ и новаго періода; таковы, напримѣръ, «Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій», заключающіе множество цѣнныхъ статей. Такая плодотворная литературная дѣятельность до-

ставила юбиляру почетный постъ помощника директора Императорской Публичной Библиотеки, на который онъ былъ назначенъ въ 1882 гуду. На долю Л. Н. выпала не легкая задача привести въ порядокъ и пополнить обширный отдѣлъ русскихъ книгъ библиотеки и, благодаря его заботамъ и стараніямъ, отдѣлъ этотъ приведенъ теперь въ прекрасное состояніе. Четыре года тому назадъ, по смерти Я. К. Грота, Л. Н. былъ призванъ къ исполненію отвѣтственной должности вице-предсѣдателя Академіи Наукъ. Наконецъ, въ январѣ прошлаго года, когда Государю Императору благоугодно было облегчить положеніе нуждающихся писателей, ученыхъ и публицистовъ дарованіемъ особаго фонда для выдачи изъ него пособій и пенсій, Л. Н. Майковъ былъ назначенъ предсѣдателемъ особой комиссіи, которая была образована при академіи для завѣдыванія этимъ фондомъ.

Чествованіе памяти Д. А. Ровинскаго въ Академіи Наукъ. 10 декабря Императорская Академія Наукъ почтила торжественнымъ публичнымъ засѣданіемъ въ большой конференцъ-залѣ память своего покойнаго члена, сенатора Д. А. Ровинскаго. Залъ былъ полонъ настолько, что не хватало мѣстъ. На эстрадѣ, среди тропической зелени, былъ поставленъ большой портретъ чествуемаго, увѣнчанный вѣнкомъ изъ свѣжей зелени. Къ двумъ часамъ дня на торжество прибыли великіе князья Владиміръ Александровичъ и Константинъ Константиновичъ и принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская. За ними почетныя мѣста заняли: министръ народнаго просвѣщенія, его товарищъ, многіе члены государственнаго совѣта, сенаторы, академики, генералы и много высокопоставленныхъ лицъ. Собраніе происходило подъ предсѣдательствомъ августѣйшаго президента Академіи. За почетнымъ столомъ заняли мѣста также вице-президентъ Л. Н. Майковъ и непремѣнный секретарь Н. Θ. Дубровинъ. Его императорское высочество великій князь Константинъ Константиновичъ открылъ засѣданіе краткою рѣчью, въ которой немногими чертами обрисовывалась дѣятельность Д. А. Ровинскаго въ дѣлѣ изученія искусствъ. Рѣчь эта всѣми присутствовавшими была выслушана стоя. Затѣмъ на кафедре взошелъ вице-президентъ Академіи Л. Н. Майковъ и прочелъ воспоминанія И. Е. Забѣлина о Д. А. Ровинскомъ, которыя охватываютъ молодые годы послѣдняго. Знакомство автора съ Д. А. Ровинскимъ началось осенью 1844 года, когда онъ пріѣхалъ на службу въ Москву въ сенатъ. «Онъ тогда собиралъ гравюры и, можно сказать, охотился за ними и тратилъ на нихъ почти всѣ свои средства, которыя у него были тогда далеко не велики. Въ этой охотѣ онъ не зналъ препятствій и проявлялъ удивительную настойчивость. Я служилъ тогда въ Оружейной Палатѣ. Мы говорили много о ея старинныхъ богатствахъ, и это послужило толчкомъ къ тому, что онъ принялся за изученіе русской старины. Мы вмѣстѣ съ нимъ обозрѣвали древніе соборы и монастыри и совершали, по способу пѣшаго хожденія, походы не только по окрестностямъ Москвы, но и во всѣ сосѣдніе города, гдѣ только мы могли найти матеріалъ для изученія древностей. Образъ жизни мы вели спартанскій. Во время походовъ мы питались только хлѣбомъ, квасомъ и лукомъ. Мы посѣщали М. П. Погодина, встрѣчали у него радушный пріемъ, пользовались его бесѣдами и древнехранилищемъ.

Увлекаясь стариннымъ русскимъ искусствомъ, мы задумали даже издавать журналъ и обратились къ графу Строганову, убѣжденному западнику. Но онъ разсѣялъ наши мечты, сказавъ намъ, что никакого искусства на Руси до Петра не было, и что онъ недоумѣваетъ, о какомъ искусствѣ мы могли бы писать въ нашемъ журналѣ. Затѣмъ Д. А. Ровинскій переѣхалъ въ Петербургъ и тамъ изучалъ и собиралъ коллекціи гравюръ. Въ своихъ поискахъ онъ встрѣчалъ не мало препятствій, особенно со стороны старообрядцевъ, но какъ-то умѣлъ преодолевать ихъ. Первый его ученый трудъ, представленный на премію археологическаго общества, былъ объ иконописи. Съ ранней молодости Д. А. Ровинскаго тянуло «сѣсть на землю». Во время нашихъ походовъ онъ облюбовалъ одно мѣстечко подъ Москвою и постоянно мечталъ о немъ и о сельскомъ хозяйствѣ. Мечта его потомъ сбылась. Онъ купилъ это мѣсто, построилъ на немъ дачу, занялся садоводствомъ и огородничествомъ и жилъ въ этомъ имѣніи каждое лѣто. Тамъ же онъ и погребенъ рядомъ съ своимъ другомъ — Ахшарумовымъ. Когда везли гробъ къ могилѣ, его сосѣди по имѣнію выказали глубокое уваженіе его памяти, останавливая его прахъ у своихъ воротъ и служа литіи». Затѣмъ слѣдовали товарищескія воспоминанія В. В. Стасова о Д. А. Ровинскомъ, прочитанныя самимъ авторомъ, который сдѣлалъ подробную оцѣнку художественно-литературной стороны работъ Ровинскаго. На него сильно вліяли, по заявленію г. Стасова, лучшія стороны господствовавшаго въ Москвѣ въ 40-хъ годахъ славянофильства. «Ребенкомъ онъ былъ живымъ и впечатлительнымъ. Его тянуло въ Петербургъ. Воспитаніе онъ получилъ въ училищѣ правовѣдѣнія, гдѣ въ немъ впервые проснулася жилка любви къ искусству, и гдѣ онъ сошелся съ Ахшарумовымъ. Когда онъ затѣмъ переѣхалъ въ 1844 году на службу въ Москву, въ сенатъ, тамъ образовался кружокъ изъ его товарищей-правовѣдцовъ. Лица, составлявшія этотъ кружокъ, впоследствии достигли высшихъ государственныхъ должностей. Собираніе Ровинскимъ коллекцій началось еще въ самую раннюю пору его жизни; сначала велось безъ системы, а затѣмъ уже по строго-выработанному плану. Сбиралъ онъ предметы русскаго искусства. Учителями его были Погодинъ и Забѣлинъ. Не проводи онъ цѣлыхъ сутокъ въ московской Оружейной Палатѣ, изъ него не вышелъ бы тотъ Ровинскій, котораго мы знали. Ему Погодинъ поручилъ разобрать сундукъ, оставшійся послѣ «академика аллегоріи» Штелина, жившаго при дворѣ Елизаветы Петровны. Здѣсь были найдены очень важные документы и, между прочимъ, единственный гравированный портретъ императрицы, клише котораго было уничтожено по высочайшему повелѣнію. На разборѣ этой коллекціи Ровинскій научился многому. Хотя онъ и любилъ Рембрандта и собиралъ его гравюры, но его симпатіи тяготѣли къ русскому искусству». Перечисливъ затѣмъ ученые труды Д. А. Ровинскаго, В. В. Стасовъ сообщилъ о томъ, какъ онъ, въ качествѣ рецензента, давалъ отзывы Академіи Наукъ о сочиненіяхъ Ровинскаго и настаивалъ на томъ, чтобы премія не была ему выдана, и какъ Ровинскій вмѣсто упрековъ благодарилъ рецензента. Онъ же затѣмъ далъ отзывъ о второмъ сочиненіи Ровинскаго. В. В. Стасова смѣнилъ на кафедрѣ сенаторъ А. Ѳ. Кони, сдѣлавшій очеркъ служебной дѣятельности Ровинскаго. Слѣдующимъ ораторомъ выступилъ президентъ Академіи Художествъ гр. И. И. Толстой, очертившій Д. А.

Ровинскаго, какъ любителя и знатока гравировальнаго искусства и почетнаго члена этой Академіи, которая въ ознаменованіе его заслугъ постановила изготовить его офортный портретъ и повѣсить въ залѣ Академіи и такимъ образомъ увѣковѣчить его черты тѣмъ способомъ гравированія, который онъ такъ любилъ при жизни. Гр. Толстого смѣнилъ академикъ А. Ѳ. Бычковъ, прочитавшій рѣчь на тему: «Д. А. Ровинскій и Императорская Публичная Библіотека». «Публичная Библіотека содѣйствовала Ровинскому въ его работахъ, снабжая его матеріаломъ; въ свою очередь и онъ платилъ ей своими изданіями. Онъ посѣщалъ библіотеку усердно изо дня въ день, и его встрѣчали радушно и даже отпускали ему многія книги и гравюры на домъ. Онъ подарилъ библіотекѣ три рѣдкихъ гравированныхъ портрета Петра I. Сорокъ лѣтъ онъ ѣздилъ по Россіи и по Европѣ, собирая гравюры Рембрандта и скупая относящіяся къ Россіи, и наиболѣе важные экземпляры и уники дарилъ библіотекѣ. Богатства, подаренныя имъ нашему книгохранилищу, выражаются въ тысячахъ экземпляровъ». Послѣднее слово принадлежало другу покойнаго, академику К. С. Веселовскому, который прочелъ статью, озаглавленную «Д. А. Ровинскій и Рембрандтъ». «Въ Рембрандтѣ Ровинскій любилъ и художника и человѣка: Рембрандтъ, въ противоположность Рубенсу, былъ сосредоточенный въ себѣ мыслитель, аскетъ и пуританинъ, и лучшія стороны его духовнаго міра находили себѣ откликъ въ душѣ Ровинскаго. Онъ сталъ страстно собирать нынѣ уже рѣдкіе офорты голландскаго художника и не спалъ ночей, если изъ его рукъ на аукціонахъ ускользала какая нибудь коллекція его гравюръ. За лоскутокъ бумаги величпной въ ладонь онъ платилъ тысячи рублей. Онъ участвовалъ почти на всѣхъ большихъ аукціонахъ въ европейскихъ столицахъ и велъ дѣятельную переписку съ торговцами и собирателями. Онъ такъ дорожилъ своей рембрандтовской коллекціей, что, выѣзжая изъ Петербурга, сдавалъ ее на храненіе въ Государственный Банкъ, какъ драгоценность. Вся эта коллекція завѣщана имъ Императорскому Эрмитажу. Всѣ собранныя имъ гравюры этого художника онъ воспроизвелъ въ Москвѣ фототипіей и сдѣлалъ два изданія ихъ. Этимъ путемъ онъ воздвигъ Рембрандту памятникъ, и что важнѣе всего, памятникъ этотъ голландскому художнику воздвигнуть не соотечественниками его, а русскимъ человѣкомъ». По окончаніи рѣчей торжественное засѣданіе было закрыто въ началѣ шестого часа.

Чествованіе памяти К. Д. Ушинскаго. Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній посвятилъ 22-го декабря торжественное засѣданіе чествованію памяти К. Д. Ушинскаго, со дня смерти котораго исполнилось двадцать пять лѣтъ. Большая аудиторія была переполнена публикой. Въ числѣ присутствовавшихъ находились преподаватели и преподавательницы почти всѣхъ петербургскихъ учебныхъ заведеній. На эстрадѣ былъ поставленъ портретъ Ушинскаго, красивый убранный зеленью и ярко освѣщенный электричествомъ. Первымъ говорилъ М. Л. Песковскій. Онъ привелъ біографію покойнаго педагога, отмѣтивъ выдающіеся моменты его жизни и дѣятельности. Затѣмъ П. Ф. Каптеревъ охарактеризовалъ время преобразованій 60-хъ годовъ, сказавшееся, между прочимъ, въ разнообразныхъ педагогическихъ начинаніяхъ. Вождемъ педагогическихъ движеній явился Ушинскій, проповѣдывавшій се-

мейное воспитаніе для каждаго и общественное для всѣхъ. Д. Д. Семеновъ посвятилъ свою рѣчь характеристикѣ «Дѣтскаго міра» и «Родного слова» — двухъ изданій Ушинскаго, наиболѣе распространенныхъ. Они до сихъ поръ лучшія книги для школьнаго и семейнаго воспитанія. Когда осуществилась реформа освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, Ушинскій требовалъ широкаго распространенія народныхъ школъ, безъ которыхъ великая реформа не можетъ принести всей той пользы, которую слѣдовало отъ нея ожидать. Ушинскій вмѣстѣ съ Пироговымъ создалъ русскую научно-педагогическую литературу. Директоръ Педагогическаго Музея А. Н. Макаровъ заявилъ, что родственники чествуемаго педагога, Н. К. и К. К. Ушинскіе, прислали 6 тысячъ рублей на учрежденіе при Музеѣ преміи имени Константина Дмитриевича, которая выдавалась бы изъ процентовъ черезъ каждые три года за лучшее сочиненіе по народному образованію. Послѣ рѣчи Е. Я. Корсаковой о «Родномъ словѣ», какъ книгѣ семейнаго воспитанія, говорилъ Л. Н. Модзалевскій, охарактеризовавшій, во-первыхъ, взглядъ покойнаго педагога на народность и, во-вторыхъ, основательность его требованій, чтобы изученіе роднаго языка было основой воспитанія и обученія, чтобы русскій языкъ занималъ главное мѣсто въ школѣ среди другихъ предметовъ преподаванія. Ю. Ю. Цвѣтковскій обратилъ вниманіе на то значеніе, которое придавалъ Ушинскій въ дѣлѣ воспитанія влияніямъ природы и роднаго слова. Я. А. Абрамовъ указалъ, что народная школа всѣмъ своимъ настоящимъ строемъ обязана К. Д. Ушинскому. Въ настоящее время учитель, заброшенный въ глухой медвѣжьей уголъ, среди всевозможныхъ матеріальныхъ и нравственныхъ невзгодъ, находитъ утѣшеніе въ идеяхъ покойнаго педагога, выраженныхъ въ руководствѣ къ «Родному слову» и заключающихъ въ себѣ проповѣдь любви къ дѣтямъ и къ народной школѣ. Я. Г. Гуревичъ, указавъ на значеніе дѣятельности Ушинскаго въ области женскаго образованія и на его научный трудъ «Педагогическую антропологию», подробно остановился на редактированіи покойнымъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія». Этотъ сухой научный журналъ при Ушинскомъ приобрѣлъ широкое распространеніе, сдѣлавшись необходимымъ для каждаго учителя. Въ немъ видное мѣсто было отведено вопросамъ педагогики и дидактики, печатались статьи о нравственномъ воспитаніи, о воскресныхъ школахъ, проекты учительскихъ семинарій и проч. Рѣчи, посвященныя памяти Ушинскаго, вызывали общее шумное одобреніе.

Собраніе Славянскаго благотворительнаго общества. Собраніе Славянскаго благотворительнаго общества, очень многолюдное, состоявшееся 10-го декабря, открылъ рѣчью предсѣдатель Общества, графъ Н. П. Игнатьевъ. Графъ упоминалъ о рядѣ событій, происшедшихъ со времени послѣдняго собранія общества, бывшаго 7 мѣсяцевъ тому назадъ, и къ которымъ не могли безучастно относиться русскіе люди, соединенные въ мирное общество, на знамени котораго начертано — «православіе, самодержавіе и народность». Затѣмъ графъ высказалъ приблизительно слѣдующее: «Міровое положеніе Россіи, этого третьяго, срединнаго міра между Европою и Азіею, съ ея самыми жизненными интересами на дальнемъ и ближнемъ Востокѣ, ставитъ ее въ необходимость предусмотрительно слѣдить за теченіемъ дѣлъ у сосѣдей. Мы могли съ чувствомъ

удовлетворенія отнестись къ событіямъ въ родственной намъ Болгаріи, которая послѣ десятилѣтняго отчужденія и разъединенія съ Россіей, виновникъ чего Стамбуловъ палъ печальной жертвой народнаго негодованія, прислала въ Россію депутацію изъ виднѣйшихъ народныхъ представителей съ досточтимымъ митрополитомъ Климентомъ во главѣ. Каковы бы ни были побужденія присылки депутаціи, мы увидѣли, что въ терроризованномъ и обманутомъ болгарскомъ народѣ еще живы и дѣйствуютъ нравственныя узы, связывающія освобожденный народъ съ его братьями освободителями. Депутація сказала намъ про чувства любви и преданности болгаръ къ Россіи и сознаніе того, что безъ братской поддержки Россіи Болгарія не только не можетъ развиваться, но и существовать. Будемъ надѣяться, что Болгарія, такимъ образомъ, современемъ возвратится въ сферу добрыхъ братскихъ отношеній съ русскимъ народомъ. Тревожныя колебанія во внутренней жизни Сербіи—плодъ интригъ и партійной борьбы. Однако, стоящіе теперь у власти представители напредняцкой партіи признаютъ необходимымъ считаться съ народнымъ чувствомъ и уже внимательно относятся къ достойному представителю сербской церкви митрополиту Михаилу, въ чемъ нельзя не видѣть нѣкотораго знаменія времени. Съ тяжелымъ чувствомъ пришлось бы говорить о нашихъ родичахъ, русскихъ въ Галиціи, но по понятнымъ причинамъ мы не можемъ касаться этой большой раны. Всеѣмъ извѣстно, что трехъ-милліонный русскій народъ въ Галиціи лишился теперь и тѣхъ немногихъ представителей, которые защищали его предъ польскимъ управленіемъ. Для русскаго народа, очевидно, теперь еще будетъ тяжело жить, чѣмъ прежде. Мы, члены Славянскаго благотворительнаго Общества, были и остаемся сторонними, хотя и неравнодушными зрителями событій въ славянскомъ мірѣ и, вѣрныя своимъ цѣлямъ—содѣйствовать взаимному духовному общенію славянъ и проясненію ихъ духовныхъ стремленій, продолжаемъ нашу мирную дѣятельность въ этой области. Славянское Общество занято теперь изготовленіемъ популярныхъ изданій для русскаго образованнаго общества въ видахъ ознакомленія его съ тѣми воззрѣніями, которыя именуются славянофильствомъ, а также занято изданіемъ общедоступныхъ словарей нарѣчій». Рѣчь свою графъ заключилъ сообщеніемъ программы настоящаго собранія. За рѣчью графа Игнатъева послѣдовало сообщеніе профессора П. А. Смирнова о народномъ образованіи. Г. Истоминоу прочиталъ сообщеніе о Маріинскомъ женскомъ институтѣ въ Цетиньѣ (праздновавшемъ свое 25-лѣтіе), которымъ руководятъ русскія наставницы, и поддерживается который на средства изъ Россіи и дары августѣйшихъ особъ. Генераль Риттихъ сдѣлалъ интересное сообщеніе о выставкѣ въ Прагѣ.

С.-Петербургское Археологическое общество.—1. 10-го октября состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества подъ предсѣдательствомъ С. Ф. Платонова. Доклады представили С. М. Середонинъ («Наказъ князю М. И. Воротынскому и роспись полкамъ 1572 года») и Х. М. Лопаревъ («Новое свидѣтельство о нашествіи Руси на Константинополь въ 860 году»). С. М. Середонинъ издаетъ въ настоящее время впервые вышесказанный памятникъ, который въ значительной мѣрѣ дополняетъ имѣвшіяся доселѣ извѣстія о второмъ походѣ крымскаго хана Девлетъ-

Гирея на Москву, окончившемся его поражениемъ на берегахъ рѣки Лонасни. Вместе съ тѣмъ подробный анализъ этого памятника даетъ поводъ къ нѣкоторымъ весьма важнымъ выводамъ и соображеніямъ. Здѣсь мы впервые находимъ точное упоминаніе о служивыхъ нѣмцахъ, особый отрядъ которыхъ обозначается въ росписи, а также о томъ, что съ именитыхъ людей Строгановыхъ полагалось взять тысячу казаковъ. Сдѣланныя въ Наказѣ указанія о боярскихъ дѣтяхъ, въ числѣ 184 человекъ, распредѣляемыхъ по полкамъ, обращаютъ на себя вниманіе изслѣдователя въ томъ отношеніи, что въ данный моментъ, когда дѣйствуетъ опричина и когда царь стоитъ въ Новгородѣ, это число составляютъ дѣти боярскіе городовые, не дворовые. Изслѣдованіе Хр. Ѳ. Лопарева имѣетъ своимъ предметомъ памятникъ византійской литературы: «Слово на положеніе ризы Богородицы во Влахернахъ». Докладчикъ доказываетъ, что Слово это принадлежитъ писателю IX вѣка Георгію, бібліотекарю Софійскаго собора, а внослѣдствіи митрополиту никомидійскому, и что заключающіяся въ словѣ подробности о нашествіи разорительнаго для Византіи племени относятся къ походу Аскольда и Дира. Въ томъ же засѣданіи были представлены присланныя И. А. Голышевымъ печатныя покрывала для покойниковъ съ изображеніями на одномъ Распятія Христова, на другихъ — Воскресенія Христова. — II. 23-го октября состоялось засѣданіе классическаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго. Выслушанъ докладъ В. В. Латышева «О херсонскомъ декретѣ въ честь Навклара Синопскаго». Найденный въ 1893 году въ развалинахъ Херсонеса отрывокъ почетнаго декрета о дарованіи проксеніи (т.е. есть, права предстательства въ Херсонесѣ за своихъ синопскихъ соотечественниковъ), права гражданства и другихъ привилегій нѣкоему Каію Евтихіану Навклару, гражданину города Синопа, оказывается составляющимъ одно цѣлое съ другимъ отрывкомъ декрета, начертаннымъ на камнѣ, найденномъ въ 1822 году сарептскимъ колонистомъ Г. А. Цвикомъ въ настилкѣ пола какого-то древняго зданія въ развалинахъ Сарая, бывшей столицы хановъ Золотой Орды. Названный декретъ, по заключенію докладчика, принадлежитъ къ царствованію императора Адриана и, хотя не заключаетъ въ себѣ никакихъ указаній и намековъ на историческія событія или политическое положеніе Херсонеса въ данное время, а лишь характеристику Навклара, однако въ настоящемъ, почти цѣльномъ его видѣ представляетъ цѣнный памятникъ въ области Херсонесской эпитафии. Въ томъ же засѣданіи А. Н. Щукаревъ и В. К. Ершгедтъ сдѣлали сообщенія о вновь вышедшихъ книгахъ по классической археологіи. — III. 10-го ноября состоялось засѣданіе восточнаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена. Были предъявлены собранію древности, вновь присланныя изъ Кашгара Н. Ѳ. Петровскимъ. Среди этихъ вещей обращаетъ на себя вниманіе шиферный обломокъ изображенія Нирваны Будды. С. Ѳ. Ольденбургъ сдѣлалъ сообщеніе о «Lal d'Aristote и его восточныхъ источникахъ». Памятникъ французской литературы XIII вѣка, одно изъ лучшихъ фавль, рассказывающее объ Аристотелѣ, какъ учителѣ Александра Македонскаго, тщетно пытавшемся отклонить своего державнаго ученика отъ чрезмѣрнаго увлеченія

женщиной, которая въ отпущеніе увлекла самого философа до того, что онъ далъ себя осѣдлатъ и проѣхаться на себѣ верхомъ,—остановилъ на себѣ вниманіе нашего ориенталиста, вслѣдствіе сказавшагося въ послѣднее время во французской ученой литературѣ отрицанія восточнаго происхожденія большинства средневѣковыхъ фавль. Между тѣмъ по мнѣнію Гастона Парша (*Les contes orientaux dans la littérature du Moyen-âge*, 1875), эти, полныя жизненной правды, коротенькіе рассказы, или своего рода поэмки, хотя и отражаютъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, міросозерцаніе средневѣкового горожанина, однако обязаны своимъ происхожденіемъ отдаленнѣйшему Востоку, большею частью Индіи, и по своему содержанію находятся въ тѣсной связи съ санскритской буддистской литературой. Приверженецъ того же взгляда, С. Ө. Ольденбургъ прослѣдилъ данный сюжетъ въ его индійской, персидской, арабской и турецкой версіяхъ и тѣмъ внесъ необходимыя поправки въ обобщенія одного новаго французскаго изслѣдователя, опровергающаго восточное происхожденіе французскихъ фавль.—IV. 17-го ноября состоялось общее собраніе Императорскаго русскаго археологическаго общества подъ предсѣдательствомъ его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича. Августѣйшій предсѣдатель общества открылъ засѣданіе рѣчью, въ коей напомнилъ присутствовавшимъ о кончинѣ почетнаго члена общества П. И. Савваитова и дѣйствительнаго члена Д. А. Ровинскаго. Собраніе почтило память усопшихъ вставаніемъ. Затѣмъ А. Ө. Бычковъ прочелъ свои воспоминанія о П. И. Савваитовѣ, а В. В. Стасовъ—о Д. А. Ровинскомъ. Въ томъ же засѣданіи В. Г. Дружининъ прочиталъ рефератъ—«О кладѣ съ готскими древностями, найденномъ въ Пермской губерніи». Кладъ этотъ найденъ въ маѣ 1895 года въ деревнѣ Муслиюмовской, Шадринскаго уѣзда, Пермской губерніи. Между прочимъ, здѣсь оказалась шейная золотая гривна, золотыя оправы ноженъ мечей и инкрустированныя пряжки отъ конскаго убора. До сихъ поръ самымъ сѣвернымъ пунктомъ находженія готскихъ кладовъ считался городъ Нѣжинъ, Черниговской губерніи, такъ что находженіе въ Пермской губерніи вещей, коихъ инкрустація заставляетъ относить ихъ къ типу готскихъ предметовъ, является весьма важнымъ фактомъ при опредѣленіи сѣверной границы распространенія готской культуры въ предѣлахъ нынѣшней Россіи.—V. 13-го декабря состоялось засѣданіе восточнаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества подъ предсѣдательствомъ В. Д. Смирнова. Докладчиками явились Д. А. Позднѣвъ («О картографіи Китая») и А. Г. Туманскій («Легенда о тюркскомъ происхожденіи Сассанидовъ»). Д. А. Позднѣвъ указалъ на крайнюю сбивчивость въ представленіяхъ синологовъ о географическихъ предѣлахъ Китая въ различныя историческія эпохи развитія этого государства. Въ подтвержденіе своей мысли докладчикъ демонстрировалъ изданный въ Шанхаѣ въ 1888 году англійскимъ изслѣдователемъ Оксенгаймомъ историческій атласъ Китайской имперіи, представляющій послѣдовательный сводъ картъ Китая при всѣхъ династіяхъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ. А. Г. Туманскій подвергъ разбору извѣстіе, сообщаемое персидскимъ писателемъ Рашидъ-Эддиномъ, по коему династія Сассанидовъ имѣетъ тюркское происхожденіе.—VI. 19-го декабря состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія Импе-

раторскаго русскаго археологическаго общества подъ предѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова. Докладчиками явились: Ѳ. А. Браунъ («О бастарнахъ въ южной Россіи») и М. А. Дьяконовъ («Къ вопросу о бобыляхъ въ древней Руси»). Ѳ. А. Браунъ поставилъ вопросъ о народности, обитавшей въ мѣстности отъ нижняго теченія Дуная до Карпатовъ въ эпоху отъ начала II вѣка до Р. Х. до конца III вѣка по Р. Х., когда императоръ Пробъ переселилъ во Фракію 100,000 бастарновъ, послѣ чего они исчезли со страницъ исторіи. Недостаточно опредѣленные свѣдѣнія о нихъ писателей древности заставляютъ видѣть въ нихъ то кельтовъ, то германцевъ; докладчикъ склоняется къ гипотезѣ о германскомъ происхожденіи бастарновъ, но видитъ въ нихъ народность, воспринявшую въ свое время весьма многія начала кельтской культуры; бастарны же, въ свою очередь, по своимъ близкимъ отношеніямъ къ сарматамъ были посредствующимъ звеномъ въ дѣлѣ передачи позднѣе появляющимся славянамъ нѣкоторыхъ началъ культуры кельтской, болѣе древней, чѣмъ германская. Докладчикъ въ своихъ соображеніяхъ опирался на данныя географическія и лингвистическія и указывалъ на необходимость разработки археологической стороны вопроса. М. А. Дьяконовъ, изслѣдовавъ соотвѣтственные памятники всего XVI вѣка и первой половины XVII вѣка, поставилъ вопросъ о томъ, что представлялъ изъ себя бобыль въ сравненіи съ тяглыми крестьянами, и пришелъ къ убѣжденію, что бобылемъ назывался крестьянинъ ненашеванный. Оставляя въ сторонѣ людей безземельныхъ, докладчикъ подсчиталъ, на основаніи писцовыхъ книгъ, бобылей, хотя и не пахавшихъ земли, и потому не несшихъ тягла, но имѣвшихъ собственные дворы. Процентъ такихъ дворовъ весьма значителенъ и въ XVI вѣкѣ, но достигаетъ угрожающей цифры (до 26 процентовъ) послѣ смутнаго времени, около 1620 года. Къ этому возрастанію числа бобыльскихъ дворовъ въ началѣ XVII вѣка докладчикъ приурочилъ совершившійся въ 1630 и 1631 годахъ переходъ отъ поземельнаго обложенія къ подворному.

Московское Археологическое Общество.—I. 13 октября происходило засѣданіе Славянской комиссіи Императорскаго Московскаго археологическаго общества. Въ началѣ засѣданія были произведены выборы предѣдателя и его товарища на новое трехлѣтіе. Выбранными оказались: предѣдателемъ—профессоръ М. И. Соколовъ и его товарищемъ—И. А. Линниченко. Послѣ этого слѣдовалъ докладъ М. И. Соколова: «Славянскіе стихи Мардарія Хоникова къ лицевой Библии Пискатори». Центръ тяжести реферата сосредоточивался на недавно приобрѣтенной г. Соколовымъ новой рукописи, относящейся къ 1679 году. Эта рукопись даетъ отвѣты на многіе вопросы; она разъясняетъ, во-первыхъ, кто авторъ надписей на различныхъ старинныхъ гравюрахъ, а во-вторыхъ—къ какому времени относятся стѣнные росписи на древнихъ храмахъ. Послѣднимъ дѣлалъ сообщеніе М. Н. Сперанскій—«Изреченіе Менаандра въ русской письменности».—II. 12 ноября въ засѣданіи Славянской комиссіи Московскаго археологическаго общества, посвященномъ памяти Павла Юсіфа Шафарика, по поводу исполнившагося столѣтія со дня его рожденія, приватъ-доцентъ П. А. Лавровъ сдѣлалъ подробное сообщеніе о жизни и ученой дѣятельности знаменитаго чешскаго слависта, остановившись съ особою подробностью на

его трудахъ, имѣвшихъ общеславянское значеніе. Референтъ представилъ живой очеркъ жизни Шафарика, исполненной важныхъ и плодотворныхъ трудовъ, протекавшей среди постоянной борьбы съ нуждою при явномъ и тайномъ преслѣдованіи со стороны австрійскихъ властей. Вторую половину доклада референтъ посвятилъ оцѣнкѣ ученыхъ заслугъ Шафарика. Референтъ окончилъ свое чтеніе пожеланіемъ, чтобы и впредь не ослаблялись между славянами тѣ чувства взаимности, которыя были характерной чертой поколѣнія чешскихъ ученыхъ эпохи возрожденія и особенно ярко отразились въ жизни Шафарика. Второе сообщеніе профессора Р. Ѡ. Брандта «П. І. Шафарикъ, какъ изслѣдователь славянскаго языка и письма», носило специальный характеръ. — III. 12 декабря въ засѣданіи Московскаго археологическаго общества по докладѣ председателемъ общества, графиней Уваровой, двухъ поступившихъ бумагъ, слово было предоставлено архитектору К. М. Быковскому, который и прочелъ обстоятельный рефератъ о реставраціи Успенскаго собора. Докладчикъ указалъ на значеніе этого собора, какъ святыни и какъ важнаго архитектурно-историческаго памятника. Построенный по плану Фіоравенти, Успенскій соборъ въ теченіе своего многовѣковаго существованія не разъ терпѣлъ отъ пожаровъ и подвергался передѣлкамъ. По счастью эти передѣлки были не настолько существенны, чтобы исказить до неузнаваемости первоначальный видъ собора. Въ послѣднее время стала сознаваться необходимость реставраціи собора, и первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ въ 1883 году реставраціей иконостаса, произведенною архитекторомъ Д. Н. Чичаговымъ при содѣйствіи И. Е. Забѣлина. Въ 1894 году тѣмъ же г. Чичаговымъ, совмѣстно съ архитекторомъ Родіоновымъ, былъ произведенъ осмотръ собора и составлена смѣта. За смертью Д. Н. Чичагова завѣдывать реставраціонными работами выпало на долю докладчика, который взялся за него при постоянномъ и близкомъ содѣйствіи Императорскаго Московскаго археологическаго общества. Послѣднее произвело при участіи своихъ членовъ цѣлый рядъ детальныхъ осмотровъ собора, обнаружившихъ много новыхъ и интересныхъ въ археологическомъ отношеніи подробностей. Прежде всего предстояло возратить окнамъ нижняго ряда ихъ прежнюю форму. Дабы по возможности не портить внутренняго вида собора, рѣшено было, сузивъ окна съ внѣшней стороны, снабдить ихъ откосами. Въ связи съ этимъ возникъ вопросъ о рамахъ. Въ старину стеколъ не было: въ небольшіе переплеты вставлялись листочки слюды. Дабы дать возможно больше свѣта, рѣшено было вставить въ окна цѣльныя зеркальныя стекла. Возстановлены въ прежнемъ видѣ и окна верхняго ряда. Послѣ этого возникъ вопросъ о главахъ собора. Несомнѣнно, что нынѣшняя форма главъ не первоначальная, но во всякомъ случаѣ очень древняя, относящаяся къ XVI вѣку. Одни изъ членовъ общества настаивали на приданіи главамъ ихъ прежняго вида, но другіе—на томъ основаніи, что такая реставрація можетъ быть лишь гадательною—предлагали сохранить нынѣшнюю форму. Это мнѣніе возобладало. При наружныхъ работахъ найдено было слѣдующее: когда было снято нѣсколько слоевъ штукатурки, то оказалось, что соборъ построенъ весь изъ бѣлаго камня, который во многихъ мѣстахъ далъ трещины. Въ виду этого пришлось прибѣгнуть кое-гдѣ къ перелицовкѣ собора и къ замѣнѣ обветшавшихъ камней по-

выми. Основаніе собора оказалось гораздо ниже уровня современного замощенія Кремлевской площади, причѣмъ на нѣкоторой глубинѣ найденъ былъ прекрасно сохранившійся древній цоколь, который и принятъ былъ за образецъ при производствѣ работъ. Нѣкоторые изъ членовъ общества высказывали даже желаніе, чтобы соборъ былъ открытъ до основанія и обнесенъ вокругъ рѣшеткой, но этого сдѣлать было невозможно. Найдена была также хорошо сохранившаяся колонна, по образцу которой и были сдѣланы всѣ остальные, украшающія теперь фасадъ собора. При промывкѣ наружной стѣнописи сквозь позднѣйшіе слои красокъ проглянули очертанія болѣе древней стѣнописи. По предположенію—это работа царскаго изографа Симона Ушакова. Интересъ представляютъ найденные въ стѣнахъ тайники. Во-первыхъ, въ восточной стѣнѣ оказались пустоты. По мнѣнію К. М. Быковскаго, это просто архитектурная уловка, имѣвшая цѣлью уменьшить тяжесть стѣны, стоящей на сводахъ. Что касается до круглаго тайника въ основаніи главнаго купола, то о назначеніи его упоминается въ древнихъ лѣтописяхъ. Тамъ должна была храниться «казна». Въ заключеніе докладчикъ сообщилъ, что при промывкѣ внутренней стѣнописи (реставрація стѣнописи ограничивается только промывкой) во многихъ мѣстахъ обнаружены слѣды древняго рисунка, такъ что современемъ представится возможнымъ и внутренній видъ собора привести въ древней, первоначальный видъ. Сообщение свое г. Быковскій иллюстрировалъ фотографіями и рисунками. Послѣ этого В. И. Сизовъ сообщилъ о своихъ раскопкахъ въ Прибалтійскомъ краѣ, произведенныхъ имъ прошедшимъ лѣтомъ.—IV. 19 декабря, въ засѣданіи археологическаго общества, по прочтеніи протокола предшествовавшихъ засѣданій и доклада накопившихся бумагъ, слово было предоставлено священнику І. І. Кузнецову, который сообщилъ обществу найденныя имъ новыя данныя о построеніи Покровскаго, что на Рву, собора. Докладчику удалось найти въ Румянцовскомъ хранилищѣ рукописей Лѣтописецъ подъ № 611, въ которомъ оказалась вставка изъ другой рукописи, повѣствующая о закладкѣ собора, совершенной будто бы въ 6067 году, въ присутствіи царя Іоанна Васильевича, митрополитомъ Макаріемъ. Здѣсь названъ и зодчій, которому было поручено сооруженіе собора. Это нѣкій Барма съ товарищи. Интересна также подробность о томъ, что только при закладкѣ собора царю Іоанну Васильевичу, послѣ бывшаго при семь знаменія, пришла мысль о сооруженіи придѣла во имя св. Николая Чудотворца. Докладъ вызвалъ весьма оживленныя пренія, главнымъ образомъ касавшіяся вопроса о времени закладки собора и о національности зодчаго, носившаго имя Барма. Не татаринъ ли онъ? Этимъ можно было бы объяснить азіатскій по мнѣнію докладчика типъ собора. Но съ другой стороны, какъ утверждали на засѣданіи, ничего азіатскаго въ стилѣ Покровскаго собора нѣтъ; это просто воспроизведеніе въ каменномъ видѣ древне-русскихъ деревянныхъ построекъ. Скорѣе можно найти слѣды итальянскаго вліянія, но и это не должно играть роли при рѣшеніи вопроса о національности зодчаго. Въ то время и русскіе архитекторы уже ознакомились съ итальянскимъ стилемъ, по крайней мѣрѣ съ главными его основаніями. Кромѣ того, и самое имя Барма можетъ быть вовсе не татарскимъ. Оно могло употребляться, какъ прозвище. Одинъ изъ членовъ общества г. Линниченко высказалъ по этому поводу предположеніе, не есть ли это искаженіе какой нибудь итальянской фамиліи.

Императорское Общество Любителей Древней Письменности.— Въ первомъ послѣднѣмъ перерывѣ засѣданія, происходившемъ 10 ноября, председатель общества заявилъ объ утратахъ, понесенныхъ обществомъ въ лицѣ дѣйствительнаго члена П. И. Савваитова и членовъ-корреспондентовъ Е. А. Бѣлова и И. С. Некрасова. Затѣмъ И. В. Помяловскій посвятилъ нѣсколько словъ характеристикѣ научной дѣятельности П. И. Савваитова и отношеніямъ его къ Обществу, а секретаремъ послѣдняго были прочтены некрологи Е. А. Бѣлова и И. С. Некрасова. Преосвященный Никаноръ, епископъ архангельскій и холмогорскій, прочелъ сообщеніе о «Синодикѣ Двинскаго Михаило-Архангельскаго монастыря». Преднославъ своему сообщенію краткую исторію развитія синодиковъ изъ диптиховъ, куда въ первыя времена христіанства вносились имена христіанъ по мѣрѣ вступленія ихъ въ церковь и по кончинѣ ихъ, преосвященный выяснилъ значеніе двинскаго синодика, какъ образца самаго полнаго изъ сохранившихся этого рода памятниковъ, а затѣмъ перешелъ къ подробному описанію самой рукописи. Синодикъ былъ составленъ въ 1719 году архимандритомъ Двинскаго монастыря Іоасафомъ Черноруцкимъ и раздѣляется на три части. Въ первой находятся наставленія и разсужденія о поминовеніи усопшихъ: любопытную особенность ея представляютъ рифмованные стихи, находящіеся въ концѣ предисловія, подъ заглавіемъ «Извѣстіе о смерти яко имама вси умрети» и наставленіе поминать усопшихъ, написанное стихами же. Во второй части находится до 52 рисунковъ изъ священной исторіи, изъ повѣсти о Щилѣ, сказаній о мытарствахъ души и другіе; эти рисунки представляютъ интересныя подробности въ археологическомъ и особенно бытовомъ отношеніи. Наконецъ, третья часть Синодика содержитъ въ себѣ помянники, въ которые занесены роды не только Архангельскаго края, но и другихъ областей Россіи, напримѣръ, Москвы, Смоленска, Вятки и другихъ. Второе сообщеніе— «Статистическое распредѣленіе древне-русскихъ книгъ въ XI—XV вѣковъ» было прочтено Н. В. Волковымъ. Г. Волковъ указалъ на первую попытку привести въ извѣстность количество сохранившихся древне-русскихъ книгъ, сдѣланную И. И. Срезневскимъ, который насчитывалъ ихъ до 302. По исчисленіямъ, произведеннымъ самимъ докладчикомъ въ русскихъ древлехранилищахъ и отчасти за границей, число уцѣлѣвшихъ рукописей доходитъ до 619, но оно далеко не составляетъ всего, что не только существовало, но и могло уцѣлѣть. Больше сохранилось рукописныхъ книгъ отъ XIV—XV вѣка—406, меньше всего отъ XI—XII вѣка—26, причѣмъ изъ всего числа уцѣлѣло больше всего книгъ священнаго писанія (209) и богослужебныхъ (240); книгъ историческаго содержанія сохранилось лишь 6. Въ дѣлѣ писанія книгъ Новгороду принадлежитъ безспорно первое мѣсто. — Во второмъ засѣданіи, 1 декабря, Н. В. Волковъ сдѣлалъ сообщеніе: «О степени сохранности древнѣйшихъ новгородскихъ церковныхъ книгъ и о не-новгородскомъ происхожденіи діакона Григорія, писца Остромирова Евангелія». Основаніемъ г. Волкову послужилъ счетъ церквей въ Новгородѣ до XIV вѣка и отношеніе къ ихъ числу числа сохранившихся отъ пожаровъ богослужебныхъ книгъ, передававшихся во вновь построенныя церкви. Что касается Григорія, писца Остромирова Евангелія (1056 г.), которое считаютъ древнѣйшимъ памятникомъ собственно новгородской письменности, то г. Вол-

конь путемъ тщательнаго разсмотрѣнія этого памятника пришелъ къ заключенію, что діаконъ Григорій былъ, вѣроятно, кіявляниномъ, состоящимъ при князѣ Изяславѣ, которому Остромиръ приходился родственникомъ. Къ мѣтнію г. Волкова присоединился и академикъ А. А. Шахматовъ. Второе сообщеніе «Къ исторіи политической письменности въ смутное время» было прочтено С. Ѡ. Платоновымъ. Г. Платоновъ обратилъ вниманіе на такъ называемую «грамоту изъ-подъ Смоленска», составленную въ началѣ 1611 г. Грамота эта была написана какъ бы отъ лица русскихъ, томившихся въ королевскомъ оубоѣ подъ Смоленскомъ, и призывала всѣхъ русскихъ людей къ возстанію противъ Сигизмунда и поляковъ. Составленіе этой грамоты приписывали осажденнымъ смолянамъ, и лишь Арцыбашевъ усомнился нѣсколько въ ея подлинности, прочіе же изслѣдователи придавали ей вѣру, такъ какъ грамота была прислана въ Нижній Новгородъ патріархомъ Гермогеномъ. Указавъ на то, что въ смутное время было не рѣдкостью прибѣгать къ подобнаго рода посланіямъ для распространенія политическихъ взглядовъ и свѣдѣній, г. Платоновъ призналъ смоленскую грамоту подложною и написанною для того, чтобы риторическимъ описаніемъ польскихъ несправедливостей и насилій поднять патріотическое рвеніе московскихъ людей. Составители грамоты, выдавая ее, какъ произведеніе людей, бывшихъ подъ Смоленскомъ, думали этимъ сильнѣе повліять на слушателей, но не сумѣли вполне сообразоваться съ обстановкой, въ какой будто бы было написано ихъ посланіе: ими были допущены хронологическія и логическія несообразности. Хотя патріархъ Гермогенъ и содѣйствовалъ распространенію грамоты, но авторомъ ея нельзя его считать. Можно думать, что эта грамота была составлена лицами, близкими къ патріарху, московскими патріотами.— Въ третьемъ засѣданіи, 15 декабря, Н. В. Покровскій сдѣлалъ сообщеніе о второмъ иконописномъ подлинникѣ Сійскаго монастыря 1660 г. Въ первой части подлинника находятся статьи разнаго содержанія; изъ нихъ выдѣляются статьи, касающіяся способовъ сохраненія иконъ и церковной утвари отъ порчи и изготвленія матеріаловъ для иконописанія (золота, олифы, чернилъ и т. п.). Во второй части излагается въ календарномъ порядкѣ иконописный подлинникъ критической редакціи. Въ послѣдней же части даются разъясненія иконографическаго характера. Кромѣ того, иконописный подлинникъ украшенъ: 1) переводами, сдѣланными отъ руки; изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе переводы и рисунки чернеца Никодима, составителя перваго сійскаго иконописнаго подлинника, нынѣ издаваемаго Обществомъ Любителей Древней Письменности; и 2) гравюры, въ числѣ которыхъ находится гравюра «Бесѣда царевича Іоасафа съ пустынникомъ Варлаамомъ», работы гравера Трухменскаго по рисунку Симона Ушакова, и полные гравированные святцы, исполненные, по всѣмъ признакамъ, Леонтьемъ Бунинымъ и представляющіе большую рѣдкость. Второе сообщеніе о древнерусскихъ сказаніяхъ о птицахъ было сдѣлано Хр. М. Лонаревымъ; главнымъ образомъ имъ были разсмотрѣны два старыхъ памятника «Совѣтъ птичій» и «Слово о птицахъ» по рукописямъ XVIII вѣка. Оба сказанія, несмотря на развогласіе, проникнуты общею мыслью: они говорятъ о Богѣ, о грѣхахъ, о будущемъ судѣ и о покаяніи и, вѣроятно, когда-то составляли одно цѣлое, а впоследствии при распространеніи по всей Россіи подверглись

настолько передѣлкамъ, что приняли въ себя воззрѣнія различныхъ мѣстностей нашего отечества. Источникомъ для сказанія послужили физиологъ и другіе подобнаго рода памятники, напримѣръ, толковая папая, апокрифы и проч.; къ физиологическому элементу присоединились птичьи характеристики и отдѣльныя бытовья картинки; большое вліяніе на эти сказанія имѣли, кромѣ того, древне-русскія пословицы и забавныя народные листы. Нѣкоторыя сужденія птицъ по своему апокрифическому характеру въ старину могли считаться предосудительными, а потому памятники подобнаго рода могли подвергнуться запрещенію. Г. Лопаревъ отождествилъ сказаніе о птицахъ съ памятникомъ подъ названіемъ «птичникъ (птичникъ) различныхъ птицъ», который находился въ числѣ запретныхъ книгъ въ древней Руси; эти книги отбирались и сжигались—подобной участи подверглось въ 1679 году и сказаніе о птицахъ; такимъ образомъ это сказаніе до сихъ поръ считалось погибшимъ и извѣстнымъ лишь по заглавію. Въ заключеніе г. Лопаревъ остановился на пѣсняхъ или старинкахъ о чинахъ птицъ на морѣ и указалъ, что только въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ птичій чиновникъ сохранился въ первоначальной чистотѣ, большинство же измѣненій явилось въ XVIII вѣкѣ.

Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. 13 октября по всеподданѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія послѣдовало высочайшее соизволеніе на учрежденіе Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III съ предоставленіемъ названному министру права утвердить уставъ означеннаго Общества. Согласно утвержденному 14 октября графомъ Деляновымъ уставу новое общество учреждается съ цѣлью умноженія и распространенія знаній по отечественной исторіи въ духѣ русскихъ началъ, проявленныхъ въ славное царствованіе въ Божѣ почившаго государя. Для достиженія этой цѣли Обществу предоставляется: а) собирать и обрабатывать свѣдѣнія о царствованіи императора Александра III; б) издавать періодическія и другія сочиненія и сборники по русской исторіи и соприкасающимъ съ нею отдѣламъ исторіи всеобщей, а также по церковнымъ, правовымъ и бытовымъ вопросамъ в) учреждать книгохранилища и читальни, а также снабжать существующія подобныя учрежденія и учебныя заведенія изданіями, отвѣчающими цѣли Общества. Согласно съ кругомъ занятій Общество раздѣляется на три отдѣленія: историческое, издательское и исполнительное. По мѣрѣ надобности общество имѣетъ право открывать свои отдѣлы въ различныхъ городахъ имперіи. Дѣйствительные члены общества вносятъ ежегодно не менѣе 20 рублей или единовременно 500 рублей, члены сотрудники—ежегодно не менѣе 10 рублей или единовременно 250 рублей. Въ почетные члены избираются лица, извѣстныя своими учеными трудами или заслужившія признательность Общества. Дѣлами Общества управляетъ совѣтъ изъ 12 членовъ, число которыхъ, въ случаѣ надобности, можетъ быть увеличено до 25. Первоначально совѣтъ образуется изъ учредителей Общества, въ числѣ которыхъ состоятъ: графы Шереметевъ и Голенищевъ-Кутузовъ, егермейстеръ Сивягинъ, князь Голицынъ и Ухтомскій, тайные совѣтники: Бестужевъ-Рюминъ, А. и Л. Майковы и другія лица.

Московскій Библиографическій кружокъ. Въ понедѣльникъ, 5 декабря, состоялось общее собраніе членовъ Московскаго Библиографическаго кружка. Предсѣдателемъ собранія избранъ былъ предсѣдатель комитета кружка А. Д. Тороповъ, прочитавшій краткій отчетъ о дѣятельности кружка, вступающаго въ пятый годъ существованія. Въ концѣ своего доклада предсѣдатель собранія сообщилъ о возобновленіи временно прекратившагося изданія кружка журнала «Книгоѣдѣніе». Затѣмъ слѣдовалъ докладъ А. И. Яцимирскаго «Шукинское рукописное собраніе», изъ котораго присутствующіе ознакомились съ содержаніемъ рукописнаго хранилища, находящагося въ извѣстномъ московскомъ музеѣ П. И. Щукина. Рукописное собраніе П. И. Щукина, судя по даннымъ доклада, весьма богато и обнимаетъ собою всѣ отрасли старинной русской письменности. Изъ наиболѣе интересныхъ рукописей докладчикъ дѣлалъ выдержки и сопровождалъ свое чтеніе демонстраціею снимковъ съ рукописей, заставокъ и рисунковъ. Вторымъ сообщеніемъ былъ рефератъ П. П. Никольскаго «О первопечатникѣ Иванѣ Федоровѣ», представившаго обзоръ жизни и трудовъ этого дѣятеля.

Антропологическое общество при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Первое собраніе послѣ лѣтнаго перерыва происходило 20-го октября. Профессоръ Э. Ю. Петри сдѣлалъ докладъ объ экскурсіяхъ и путешествіяхъ съ научной цѣлью, предпринятыхъ въ это лѣто по личной инициативѣ и на личныя средства дѣйствительными членами общества. Д-ръ Тасько-Гринцевичъ, будучи въ настоящее время на отдаленной окраинѣ Россіи, въ Троицкосавскѣ, сдѣлалъ наблюденія надъ старообрядцами, которые по своей выдержанности и своеобразнымъ культурнымъ чертамъ представляютъ особенный антропологическій типъ. Свои изслѣдованія докторъ Тасько-Гринцевичъ печатаетъ въ отчетахъ троицкосавскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Въ настоящее время онъ предпринялъ путешествіе съ антропологическою цѣлью въ Ургу, въ Монголію. Профессоръ Якоби изучалъ инородцевъ въ Сибири, въ Тобольской губерніи, изыскивалъ средства для улучшенія ихъ быта и прочелъ въ обществѣ врачей, въ Тобольскѣ, лекцію о средствахъ, могущихъ приостановить быстрое вымираніе «малыхъ сихъ» челоѣчества. Дѣйствительный членъ Романовъ совершилъ путешествіе въ Палестину и Софію, гдѣ собралъ коллекцію череповъ на древнихъ кладбищахъ. Д. А. Дриль передалъ обществу приглашеніе на международный антропологическій конгрессъ осенью 1896 года въ Женевѣ. А. П. Павловъ сдѣлалъ докладъ объ аномаліи череповъ коллекціи доктора Ивановскаго, хранящейся въ антропологическомъ кабинетѣ университета.

Общество для вспоможенія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Въ залѣ Географическаго общества происходило 22-го октября, въ 2 часа дня, общее собраніе членовъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Литературный фондъ). Предсѣдательствовалъ В. А. Манасинъ; присутствовали: П. И. Вейнбергъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. И. Сергѣевичъ, А. А. Потѣхинъ, Н. И. Карѣевъ и другіе. Былъ прочитанъ отчетъ секретаря. Съ 10-го апрѣля по 2-е октября состоялось 12 засѣданій и рассмотрѣно 223 просьбы. По нимъ сдѣланы комитетомъ слѣдующія постановленія: выдано, еди-

новременныхъ пособій 40, на сумму 1,975 р. (въ томъ числѣ уплачено 90 руб. за содержаніе одного писателя въ больницѣ); продолжительныхъ пособій 4, на 465 рублей; безсрочныхъ ссудъ 15, на 2,490 рублей; срочныхъ ссудъ 10, на 1,550 рублей; назначены стипендіи студентамъ: двѣ въ Харьковскомъ и одна въ Петербургскомъ университетѣ; внесена плата за слушаніе лекцій за одну слушательницу высшихъ женскихъ курсовъ; уплачено за ученіе и воспитаніе десяти дѣтей писателей и писательницъ, и замѣщена вакансія въ гимназіи г-жи Таганцевой дочерью одного писателя; выдано на погребеніе четырехъ писателей 156 рублей; отклонено 28 просьбъ отъ 21 лица. Комитетъ входилъ въ сношенія съ редакціями по вопросу объ уплатѣ сотрудникамъ гонорара, выхлопоталъ одной писательницѣ бесплатное помѣщеніе на минеральныхъ водахъ и оказывалъ медицинскую помощь нуждавшимся литераторамъ и ученымъ. Въ общество поступило пожертвованіе 100 рублей на образованіе капитала имени доктора Бѣлоголоваго, и отъ г-жи Шуйской поступило предложеніе двухъ бесплатныхъ вакансій въ учебномъ заведеніи для двухъ дѣвочекъ. Выдана доктору Крылову довѣренность на продажу имѣнія, пожертвованнаго фонду г-жею Палашковской. Казначей прочелъ отчетъ, ознакомившій присутствовавшихъ съ состояніемъ кассы фонда съ 1-го января по 20-е октября. Къ началу года капиталы неприкосновенный и именной составляли сумму 295,815 рублей. Затѣмъ, въ теченіе года поступило въ расходный капиталъ: высочайшихъ и иныхъ пожертвованій, членскихъ взносов, процентовъ, погашеній долговъ и т. д. на сумму 13,033 рублей. Израсходовано на пенсіи, стипендіи, пособия и проч. 19,678 рублей. Перерасходовано 6,450 рублей. Въ именные капиталы, кромѣ расходовъ на изданія, поступило 5,822 рубля, и возмѣщены казначействомъ убытки отъ консервій на сумму 13,078 рублей. Остатокъ ссуднаго капитала равенъ 345 рублей и переходныя суммы 3080 рублей. Общая сумма капиталовъ фонда въ $\%$ бумагахъ, на текущемъ счету и въ долгахъ выражается цифрою 314,446 рублей 29 копеекъ. Засѣданіе Общества закончилось предложеніемъ и избраніемъ новыхъ членовъ, и затѣмъ послѣдовало административное засѣданіе комитета фонда, при закрытыхъ дверяхъ.

Собраніе театральнаго общества. Въ фойе Александровскаго театра состоялось 5 ноября чрезвычайное собраніе русскаго театральнаго общества. Присутствовало много артистовъ и артистокъ: г-жи Савина, Жулева, гг. Ленскій, Варламовъ, завѣдующій канцеляріей министра императорскаго двора В. С. Кривенко, управляющій конторой императорскихъ театровъ В. П. Погожевъ, П. П. Гнѣдичъ, Н. А. Лейкинъ и другіе. Предсѣдатель общества А. А. Потѣхинъ прочелъ письмо министра императорскаго двора о монаршей милости, выразившейся въ томъ, что государь императоръ пожаловалъ изъ собственныхъ суммъ русскому театральному обществу ежегодное пособіе въ пять тысячъ рублей на расширеніе убѣжища въ память императора Александра III для престарѣлыхъ и больныхъ сценическихъ дѣятелей, оказавшихъ выдающіяся услуги русскому театру. Письмо о монаршей милости было выслушано стоя и вызвало долго несмолкавшее «ура». Общество получило возможность расширить убѣжище для престарѣлыхъ и больныхъ артистовъ и усилить въ этомъ отношеніи свою дѣятельность. Мысль о поднесеніи благодарственнаго адреса

его величеству государю императору была встрѣчена съ живымъ и общимъ сочувствіемъ. Послѣ засѣданія въ убѣжищѣ было совершено молебствіе о здравіи государя императора, государыни императрицы и всего царствующаго дома.

Новыя правила о преміяхъ А. С. Пушкина утверждены министромъ народнаго просвѣщенія 15-го декабря минувшаго года. Преміи въ честь А. С. Пушкина учреждены, на основаніи высочайшаго повелѣнія 17-го августа 1881 года, при Императорской Академіи Наукъ и присуждаются: а) за ученныя сочиненія по исторіи народной словесности и народнаго языка, по исторіи русской литературы вообще въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, а также и по иностранной литературѣ, насколько послѣдняя имѣла вліяніе на отечественную въ означенномъ пространствѣ времени; б) такія произведенія изящной словесности въ прозѣ или стихахъ, которыя, при довольно значительномъ объемѣ, отличаются высшимъ художественнымъ достоинствомъ, и в) обстоятельные критическіе разборы выдающихся произведеній по русской изящной литературѣ. Переводы въ стихахъ замѣчательныхъ поэтическихъ произведеній допускаются на конкурсѣ наравнѣ съ оригинальными сочиненіями. На преміи назначенъ, согласно постановленію высочайше учрежденнаго для сооруженія памятника Пушкину комитета, капиталъ въ 20,000 рублей, оставшіяся, за всѣми расходами, отъ собранной по подпискѣ суммы; преміи же присуждаются изъ процентовъ съ этого капитала. За сочиненіе, признанное вполне удовлетворительнымъ, присуждается премія въ 1,000 рублей; за сочиненія же, въ большей или въ меньшей степени отвѣчающія установленнымъ требованіямъ, могутъ быть назначаемы половинныя преміи въ 500 рублей. Пушкинскія преміи присуждаются отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Присужденіе премій, начиная съ 1895 года, производится черезъ одинъ годъ, то-есть въ нечетные годы, именно въ 1897, 1899, 1901 и т. д. Преміи выдаются только самимъ авторамъ или ихъ законнымъ наслѣдникамъ, но не издателямъ увѣнчанныхъ сочиненій.

Отчетъ Одесской городской читальни показываетъ, что въ истекшемъ году для занятій записалось 8,140 человекъ, въ томъ числѣ 1,641 женщина. Въ среднемъ ежегодно записывается около 7,896 человекъ, то-есть изъ всего одесскаго населенія 2,3⁰/₀, а изъ всего числа грамотныхъ — 5,3⁰/₀. Среди посѣтителей замѣчается значительный контингентъ лицъ, посѣщающихъ читальню непрерывно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и менѣе значительный контингентъ прерывающихъ чтеніе на 1—2 года. Причины прерывовъ, по словамъ самихъ посѣтителей, сводятся къ отдаленности мѣстожительства, къ отсутствію досуга, къ отсутствію охоты и т. д. По вѣроисповѣданіямъ посѣтители дѣлятся на 61⁰/₀ евреевъ, 35⁰/₀ православныхъ, а остальные 5 вѣроисповѣданій даютъ около 3,6⁰/₀. На содержаніе этой бесплатной народной читальни израсходовано въ 1894 году 3,516 рублей. Каждый посѣтитель, такимъ образомъ, обошелся городу въ 43,2 коп., а каждое посѣщеніе въ 4,7 к. Изъ сравненія этой цифры расходовъ съ расходами другихъ библиотекъ видно, что посѣтитель городской публичной библиотеки, напримѣръ, обходится городу въ 2 р. 7 к., а посѣщеніе въ 18 коп.; въ Императорской Публичной библиотекѣ обходится въ 7 р. 1 к., а каждое посѣщеніе въ 76 к.; въ петербургскихъ чи-

тальняхъ посѣтитель обходится въ 1 р. 15 к.; въ харьковской — 85 коп. Въ Америкѣ посѣщеніе обходится въ 20 коп., въ Англии — въ 10 коп. Такимъ образомъ, въ Одессѣ каждый посѣтитель и каждое посѣщеніе обходится дешевле, чѣмъ въ другихъ городахъ и библіотекахъ. Карты, отчеты и діаграммы, составленные завѣдующимъ читальней И. Руденко, посланы на Московскую сельско-хозяйственную и техническую выставки.

Статистика театровъ и увеселеній въ Россіи. Благотворительный сборъ съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній въ пользу вѣдомства учреждений императрицы Маріи, введенный въ дѣйствіе съ 1-го октября 1892 года, помимо своего непосредственнаго значенія, послужилъ и для собиранія и свода статистическихъ данныхъ о театрахъ и другихъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ въ Россіи. Напечатанный по распоряженію главноуправляющаго собственною его императорскою величества канцеляріей по учрежденіямъ императрицы Маріи, «Отчетъ» о сборѣ съ публичныхъ зрѣлищъ и увеселеній съ 1-го октября 1892 года по 1-е января 1894 года далъ чрезвычайно много любопытныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній. Превосходно изданный, съ таблицами и діаграммами «Отчетъ» даетъ основаніе предполагать, что и за 1894 годъ онъ представитъ такой же интересъ. Выдержки изъ этого «Отчета», появившіяся въ петербургскихъ газетахъ, показываютъ, что въ Россійской имперіи насчитывается въ настоящее время 1,485 увеселительныхъ заведеній всякаго рода, въ числѣ которыхъ 667 клубовъ, 237 военныхъ и морскихъ собраний, 175 театровъ, 30 концертныхъ залъ, 22 цирка, 112 обществъ драматическихъ, литературныхъ, пѣвческихъ и др., 78 обществъ подъ разными наименованіями, напримѣръ, шахматныя и т. д., 110 садовъ съ платою за входъ. Наибольшее число увеселеній приходится на губерніи Петербургскую, Лифляндскую, Херсонскую и т. п., наименьшее на губерніи: Архангельскую, Олонецкую, Пензенскую и Симбирскую, а въ азиатской Россіи есть области, въ которыхъ вовсе нѣтъ постоянныхъ увеселеній. Благотворительнаго сбора собрано въ 1894 году 711,955 р., такъ что каждое увеселительное заведеніе дало въ среднемъ по 479 рублей. Изъ отдѣльныхъ городовъ наибольшую сумму дали: Петербургъ (161,544 рубля), Москва (103,342 руб.), Кіевъ (32,500 руб.), Рига (30,000 руб.). Изъ выводовъ, которые можно сдѣлать изъ полученныхъ статистическихъ данныхъ, слѣдуетъ отмѣтить, что промышленныя и болѣе населенныя губерніи даютъ и наибольшія суммы благотворительнаго сбора. Посѣщеніе увеселеній лѣтомъ превышаетъ число посѣщеній зимой, но сумма сбора лѣтомъ понижается вслѣдствіе недорогой платы за входъ. Въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ лѣтомъ увеселенія совершенно прекращаются. Значительнѣйшая часть сбора, а именно 544,886 руб., приходится на 50 губернскихъ городовъ и 3 градоначальства Европейской Россіи, а остальная сумма на всѣ прочіе города. Населеніе, на которое распространяется благотворительный сборъ, достигаетъ 120 милліоновъ, такъ что приблизительно приходится по полкопейкѣ съ каждаго человѣка населенія и болѣе 4 копейекъ съ каждаго посѣтителя.

Раскопки мечети Биби-ханымъ. Въ 1895 году архитекторомъ-художникомъ г. Крамаренко произведены раскопки мечети Биби-ханымъ. По сло-

вамъ «Туркестанскихъ Вѣдомостей», художнику-ислѣдователю пришлось прежде всего обратиться къ сохранившимся преданіямъ, которыя могли дать нить къ разгадкѣ того, какое назначеніе имѣли раскинутые въ настоящее время около мечети обломки монолитныхъ колоннъ, базъ и остатки развалившихся стѣнъ. Это же обстоятельство вызвало необходимость произвести раскопки во дворѣ мечети. Нѣсколько дней было употреблено на это. Результатъ получился блестящій. Почти во всю длину двора мечети, по бокамъ главной постройки, съ правой стороны, начиная отъ главной арки, и съ лѣвой—отъ боковой мечети до конца двора, раскопки обнаружили болѣе ста, расположенныхъ въ правильныхъ геометрическихъ разстояніяхъ, базъ, служившихъ основаніемъ разбросаннымъ во дворѣ колоннамъ. Отдѣлка этихъ базъ напоминаетъ основанія сохранившихся еще въ настоящее время угловыхъ колоннъ главной арки. Предполагаютъ, что колонны эти поддерживали громадный навѣсъ, укрывавшій отъ солнечныхъ лучей тысячную толпу молящихся правовѣрныхъ. Открыты также фундаменты минаретовъ, стоявшихъ по угламъ двора медресе. Если прибавить къ этому обнаруженные раскопками фундаменты боковыхъ стѣнъ съ мраморными покочьями, то легко себѣ представить общую картину величественнаго зданія, съ многочисленными боковыми келліями для учителей и студентовъ. Словомъ, изъ-подъ земли и грудъ мусора, сглаженныхъ временемъ, появились на свѣтъ части чего-то и когда-то цѣлаго, великолѣпнаго. Между прочимъ, г. Крамаренко сдѣлалъ въ двухъ мѣстахъ раскопки фундаментовъ арки мечети Биби-ханымъ. Основаніе этой колоссальной постройки уходитъ въ глубину до 7-ми аршинъ. Этимъ изысканіемъ г. Крамаренко опровергнулъ разъ навсегда нелѣпыя толки, проникнувшіе даже въ сочиненія, имѣющія претензію на серіозность, что мечети строились безъ фундаментовъ.

Валаамское преданіе. На Валаамѣ, въ Кленовой рошѣ Спасо-Преображенскаго монастыря, гдѣ погребается братія, есть, по словамъ «Свѣта», старинная эпитафія на доскѣ, въ которой сказано, будто Магнусъ II, шведскій король, былъ въ числѣ иноковъ Валаама. Магнусъ II (XIV в.) неудачно воевалъ съ Новгородомъ, былъ свергнутъ съ престола и заключенъ въ тюрьму. Освобожденный сыномъ своимъ Гавкиномъ, онъ бѣжалъ изъ Швеціи и, по шведскому преданію, утонулъ; но нѣтъ ничего невозможнаго, если стихи Валаамова монастыря передаютъ правду. Вотъ эти стихи: «На семь мѣстъ тѣло погребено. Въ 1371 г. землѣ оно предано. Магнусъ, шведскій король св. крещеніе воспрія. При крещеніи Григоріемъ наречеса. Въ Швеціи 1316 г. рожденъ. Въ 1360 г. на престолъ возведенъ. Великую силу имѣя и оною ополченъ, Двоекратно на Россію воевалъ. По прекращеніи войны клятву давалъ, Но преступивъ клятву, паки вооружился, Тогда въ свирѣпыхъ волнахъ погрузился, Въ Ладожскомъ озерѣ войско его осталось И вооруженнаго флота знаковъ не оказалось. Самъ онъ на корабельной доскѣ носился, 3 дня и 3 ночи Богомъ хранился. Отъ топленія былъ избавленъ, Волнами къ берегу сего скита управленъ, Иноками взятъ и въ обитель внесенъ, Православнымъ крещеніемъ просвѣщенъ. Потомъ на мѣсто царскія діадимы Облеченъ въ монахи удостоился схимы». Достоверность этой надписи бесспорно весьма проблематична; но самый фактъ ея нахожденія возбуждаетъ уже значительный интересъ.

† **Н. П. Жандръ.** 5-го декабря, въ С.-Петербургѣ, скончался отъ паралича сердца д. с. с. Николай Павловичъ Жандръ—авторъ трагедіи «Неронъ», нѣсколькихъ другихъ драматическихъ произведеній, рассказовъ и мелкихъ стихотвореній. Покойный родился въ 1817 году, образованіе получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и свою непродолжительную служебную дѣятельность во флотѣ началъ подъ командою М. П. Лазарева. Будучи морскимъ офицеромъ, Н. П. написалъ рядъ стихотвореній, посвященныхъ описанію моря и природы. Передъ крымской кампаніей онъ былъ вынужденъ семейными обстоятельствами покинуть флотъ, поступилъ на службу въ удѣльное вѣдомство и исполнять разнаго рода отвѣтственные порученія въ качествѣ чиновника по особымъ порученіямъ при Л. А. Перовскомъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ М. Н. Муравьевъ пригласилъ покойнаго завѣдывать церковными постройками въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Въ 60-хъ годахъ Н. П. вышелъ въ отставку и всецѣло посвятилъ свои силы литературѣ. Въ 1864 году онъ издалъ въ двухъ томахъ одно изъ крупныхъ своихъ произведеній въ стихахъ—романъ подъ заглавіемъ «Свѣтъ». Нѣсколько страницъ этого романа посвящено описанію геройскихъ подвиговъ защитниковъ Севастополя и до сихъ поръ цитируется на обѣдахъ севастопольцевъ. Въ то же время онъ закончилъ трагедію «Неронъ», поставленную въ первый разъ въ 1869 году на сценѣ Маринскаго театра съ участіемъ Самойлова въ главной роли и г-жи Жуковой въ роли Агрипины. Пьеса выдержала нѣсколько представленій. Въ 1882 году во время всероссійской выставки въ Москвѣ была поставлена другая пьеса покойнаго—драма «Марса посадница». Изъ другихъ неизданныхъ пьесъ Жандра назовемъ драму «Германикъ». Въ 1888 году Н. П. собралъ все свои стихотворенія и рассказы въ стихахъ («Мой сосѣдь», «Покинутая роза» и др.) и издалъ ихъ въ двухъ томахъ. Стихотворенія покойнаго печатались въ «Отечественныхъ Запискахъ» и др. изданіяхъ.

† **А. Ѳ. Копыловъ.** 6 декабря въ С.-Петербургѣ скончался отъ разрыва сердца, на 53 году жизни, старшій цензоръ С.-Петербургскаго комитета цензуры иностранной, дѣйствительный статскій совѣтникъ Адрианъ Ѳедоровичъ Копыловъ. Покойный кончилъ въ 1853 г. курсъ въ университетѣ св. Владимира по историко-филологическому факультету первымъ кандидатомъ. Начавъ свою службу въ черниговской гимназіи, гдѣ преподавалъ исторію, учительствуя затѣмъ въ немировской гимназіи, онъ въ 1863 году, по представленію покойнаго попечителя Кіевского округа Н. И. Пирогова, былъ командированъ на казенный счетъ съ ученой дѣлюю за границу. Покойный слушалъ лекціи въ университетахъ: Берлинскомъ и Тюбингенскомъ и занимался у Дройзена, Моммсена, Гнейста, Паули и другихъ. Послѣ командировки А. Ѳ. перешелъ на службу въ Привислинскій край учителемъ исторіи во вновь открывшуюся въ Варшавѣ «русскую» (теперь—«первая») гимназію: вскорѣ затѣмъ былъ назначенъ инспекторомъ мужской и женской гимназіи въ Люблинѣ. Въ 1867 году онъ былъ приглашенъ въ качествѣ исполняющаго должность ординарнаго профессора занять кафедру русской исторіи въ варшавской Главной школѣ, преобразованной въ 1869 году въ университетъ. Покойный читалъ лекціи въ продолженіе пяти

лѣтъ, затѣмъ до 1883 года занималъ должность начальника учебныхъ дирекцій кѣлецкой и радомской. Въ 1886 году графъ Д. А. Толстой, близко знакомый съ его дѣятельностью на учебномъ поприщѣ, опредѣлилъ его на службу по министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ с.-петербургскомъ комитетѣ цензуры иностранной А. Ѳ. служилъ съ 1888 года. Покойный принималъ дѣятельное участие въ качествѣ постоянного сотрудника въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ которомъ помѣстили рядъ статей и, кромѣ того, велъ отдѣлъ иностранной библиографіи.

† **А. А. Алексѣевъ.** 7 декабря скончался въ Москвѣ въ преклонныхъ лѣтахъ бывший артистъ императорскаго Петербургскаго театра Александръ Алексѣевичъ Алексѣевъ (внѣ сцены Киленинъ). Покойный родился въ 1822 году въ Петербургѣ, учился въ одной изъ петербургскихъ гимназій, но, не кончивъ курса, пристрастился къ театру и сталъ изучать драматическое искусство подъ руководствомъ М. В. Самойловой и затѣмъ въ театральной школѣ у П. А. Каратыгина. Изъ школы А. А. Алексѣевъ былъ выпущенъ 1 апрѣля 1839 года и черезъ недѣлю дебютировалъ на Александринскомъ театрѣ въ водевилѣ «Хороша и дурна» ролью Падчерицына. Въ 1842 году А. А. Алексѣевъ покинулъ Императорскую сцену и надолго отправился въ провинцію, гдѣ игралъ преимущественно на югѣ. На сцену Александринскаго театра А. А. Алексѣевъ былъ снова принятъ въ сезонъ 1856—1857 г. и съ тѣхъ поръ служилъ до самой отставки въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, занимая роли вторыхъ и водевильныхъ комиковъ. Въ то же время покойный игралъ на провинціальныхъ сценахъ и держалъ тамъ же антрепризу. А. А. Алексѣевъ выступалъ и въ Москвѣ, гдѣ, въ театрѣ Шеллапутина, отпраздновалъ 3 февраля 1889 года свой пятидесятилѣтній юбилей, выступивъ въ водевилѣ «Въ тихомъ омутѣ черти водятся». Въ послѣдніе годы А. А. Алексѣевъ жилъ въ Москвѣ, преподавалъ уроки драматическаго искусства и режиссировалъ изрѣдка любительскими спектаклями. Покойный написалъ воспоминанія, напечатанныя въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и изданныя отдѣльно (М., 1894, изд. журнала «Артистъ»).

† **Н. А. Маевъ.** 2 января въ С.-Петербургѣ скончался отъ паралича сердца отставной генералъ-маіоръ Николай Александровичъ Маевъ, одинъ изъ крупныхъ дѣятелей въ Туркестанскомъ краѣ. Покойный родился въ С.-Петербургѣ 21 февраля 1835 г., по окончаніи курса во второй с.-петербургской гимназій въ 1855 г. поступилъ подпрапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ и принималъ участие въ крымской кампаніи. Выйдя въ 1863 году въ отставку, онъ слушалъ лекціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Во время пребыванія въ военной службѣ покойный сотрудничалъ въ народныхъ журналахъ: «Народное Чтеніе», «Грамотей», «Мірской Вѣстникъ» и «Чтеніе для солдатъ», — въ двухъ послѣднихъ онъ съ 1861 г. былъ помощникомъ редактора. Сотрудничая въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», онъ въ 1870 напечаталъ тамъ большую статью: «Орографія Европейской Россіи». Съ назначеніемъ покойнаго генерала Кауфмана генералъ-губернаторомъ Туркестанскаго края, Н. А. поселился въ Ташкентѣ, гдѣ съ 1869 г. былъ назначенъ редакторомъ «Туркестанскихъ Вѣдомостей». Н. А. принималъ участие въ различныхъ экспедиціяхъ по на-

1/224*

учнымъ изслѣдованіямъ Бухарскаго ханства и друг. мѣстностей. По иниціативѣ покойнаго въ Ташкентѣ возникло нѣсколько ученыхъ обществъ. Затѣмъ покойный, въ качествѣ секретаря туркестанскаго статистическаго комитета, стоялъ во главѣ «Туркестанскаго Сборника». Принимая живѣйшее участіе въ учрежденіи публичной бібліотеки, музея, покойный заботился объ устройствѣ областныхъ выставокъ и былъ главнымъ устройтелемъ отдѣла Туркестанскаго края на средне-азиатской выставкѣ въ Москвѣ въ 1891 г. Покойнымъ были собраны обширныя коллекціи, которыя въ разное время были пожертвованы Московскому и Казанскому университетамъ. Во время хивинской экспедиціи Н. А. принималъ въ ней участіе и былъ единственнымъ корреспондентомъ съ театра военныхъ дѣйствій. Сверхъ многочисленныхъ статей въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ», ему принадлежали: «Путеводитель отъ Петербурга до Ташкента» (1870 года), «Топографическій очеркъ Туркестанскаго края» (1872 г.), статьи въ «Туркестанскомъ Ежегодникѣ» (тт. II, III и IV), «Географическій очеркъ Гиссарскаго края» («Извѣстія Императорскаго Географическаго Общества» 1876 г., вып. IV), «Рекогноспировка горныхъ путей въ Бухарскомъ ханствѣ» (1879 г.), «Туркестанская выставка» (1886 года) и др. Въ послѣднее время Н. А. Маевъ жилъ въ Петербургѣ, состоя дѣйствительнымъ членомъ Географическаго общества и непремѣннымъ членомъ московскаго Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи.

† Я. И. Вейнбергъ, 6-го января, въ Москвѣ скончался окружный инспекторъ Московскаго учебнаго округа, почетный членъ Московскаго университета, Яковъ Игнатьевичъ Вейнбергъ. Родомъ изъ Гомеля, Я. И. родился въ 1824 г. и получилъ образованіе въ одесскомъ Ришельевскомъ лицѣѣ, по окончаніи курса въ которомъ, въ 1846 г., поступилъ въ Московскій университетъ, на физико-математическій факультетъ. Окончивъ въ 1852 г. курсъ первымъ кандидатомъ, онъ въ 1852 г. былъ опредѣленъ на должность учителя математики въ московскую губернскую (нынѣ 1-ю) гимназію. Въ послѣдующіе годы онъ занимался, кромѣ того, преподаваніемъ физики въ 1-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, географіи — въ Александровскомъ корпусѣ; а въ 60-хъ годахъ состоялъ инспекторомъ 3-й гимназіи и преподавателемъ физики въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ. Въ 1870 г. онъ былъ назначенъ окружнымъ инспекторомъ московскаго учебнаго округа и занималъ эту должность до самой кончины, завѣдуя, главнымъ образомъ, средними учебными заведеніями; особенно близки были ему интересы реальнаго и техническаго образованія. Научныя работы Я. И. начались съ метеорологическихъ наблюденій на обсерваторіи Константиновскаго межеваго института, которыя онъ велъ двадцать пять лѣтъ, и обработалъ въ цѣломъ рядъ таблицъ и статей, помѣщенныхъ въ издаваніяхъ императорскаго общества испытателей природы. Въ 1867 г. имъ была напечатана большая статья «Критическій разборъ теории урагановъ» (съ картою и рисунками), въ «Извѣстіяхъ императорскаго Общества любителей естествознанія» (т. IV., в. 2), гдѣ имъ были помѣщены и многія другія статьи по физическимъ и географическимъ вопросамъ, какъ, напримѣръ: «Измѣнился ли климатъ Москвы» (1866), «Вліяніе очертанія материковъ и свойствъ

почвы на умственное развитіе человѣка» (1868), «Объ изслѣдованіяхъ надъ абсолютнымъ нулемъ температуры и наибольшею плотностью тѣлъ» (1870), «Приложеніе механическаго эквивалента съ частичнымъ силамъ» (1880), «Объ уменьшеніи количества воды въ источникахъ и рѣкахъ» (1880), «Важность возвышенностей для наблюденій метеорологическихъ и астрофизическихъ» (1891). Особенное вниманіе обратило на себя его сочиненіе «Лѣсъ» (М., 1884 г.), въ которомъ подробно разобрано значеніе лѣса въ климатическомъ отношеніи, указаны на многихъ примѣрахъ вредныя послѣдствія лѣсоистребленія и усиленно настаивается на важности сохраненія лѣсовъ для Россіи. Кромѣ того, Я. И. помѣстилъ нѣсколько работъ по математической физикѣ въ «Бюллетенѣ Общества испытателей природы» и рядъ популярныхъ статей (напримѣръ, объ усмиреніи волнъ масломъ, объ искусственномъ произведеніи дождя и др.) въ научно-литературныхъ журналахъ. Въ послѣдніе годы Я. И. интересовался, между прочимъ, вопросомъ о самовозгараніи волокнистыхъ веществъ, о чемъ дѣлалъ сообщеніе въ публичномъ засѣданіи Общества любителей естествознанія, котораго онъ состоялъ почетнымъ членомъ. Въ концѣ 1893 года, по случаю исполнившагося 40-лѣтія учебной и ученой дѣятельности Якова Игнатьевича, совѣтъ Московскаго университета, на основаніи предложенія, подписаннаго 30-ю профессорами, избралъ юбиляра въ почетные члены Московскаго университета.

† **В. А. Дашковъ.** 8 января, въ Москвѣ, скончался предсѣдательствующій въ московскомъ присутствіи опекунскаго совѣта, почетный опекунъ, попечитель московскихъ женскихъ гимназій, директоръ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Василій Андреевичъ Дашковъ. Покойный родился 2 мая 1819 года въ Рязани, гдѣ отецъ его былъ тогда вице-губернаторомъ и принадлежалъ къ древнему дворянскому роду. Получивъ домашнее образованіе и окончивъ курсъ въ Петрозаводской гимназій, куда поступилъ въ бытность его отца олонекимъ губернаторомъ, покойный, по испытаніи въ юридическомъ факультетѣ Московскаго университета, былъ удостоенъ аттестата на право причисленія по чиновпроизводству къ первому разряду чиновниковъ государственной службы. Въ 1841 году В. А. былъ опредѣленъ въ штатъ канцеляріи московскаго генераль-губернатора и 28 іюля 1842 года получилъ чинъ коллежскаго регистратора. Скоро онъ былъ назначенъ членомъ Московскаго губернскаго статистическаго комитета. Въ 1846 году послѣдовало назначеніе В. А. чиновникомъ особыхъ порученій при московскомъ военномъ генераль-губернаторѣ. Въ 1848 году онъ былъ высочайше назначенъ членомъ Московскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета, при чемъ ему поручено было наблюдать за дѣлами арестантовъ, содержащихся въ городскихъ частяхъ. Положенное ему содержаніе по комитету онъ передавалъ на вспомоствованіе бѣднѣйшимъ семействамъ арестантовъ. Съ 1854 года покойный занималъ послѣдовательно должности почетнаго директора Можайскихъ, Подольскихъ и Клинскихъ богоугодныхъ заведеній, оставаясь чиновникомъ при генераль-губернаторѣ. 21 апрѣля 1859 года В. А. высочайше былъ назначенъ членомъ попечительнаго совѣта заведеній общества призрѣнія въ Москвѣ и

попечителемъ уѣздныхъ богоугодныхъ заведеній въ Можайскѣ, Верѣ, Рузѣ и Звенигородѣ. Въ 1855 году онъ былъ пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера двора его величества, а въ 1860 году въ должность церемоніймейстера. 10 мая того же года онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность помощника попечителя Московскаго учебнаго округа, а чрезъ два года пожалованъ въ церемоніймейстеры двора его величества. На него было, кромѣ того, возложено исполненіе обязанностей попечителя Ново-Екатерининской больницы. Въ 1862 году онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и утвержденъ помощникомъ попечителя Московскаго учебнаго округа. Въ 1866 году состоялось назначеніе его въ должность гофмейстера. Въ 1867 году В. А. во вниманіе къ ревностной службѣ и отличнымъ трудамъ, былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Станислава 1-й степени. Въ маѣ 1867 года получилъ новое назначеніе на должность директора Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ. Съ 1864 года покойный началъ принимать участіе въ дѣлахъ Московскаго художественнаго общества въ качествѣ члена совѣта; въ 1873 году онъ былъ избранъ товарищемъ предсѣдателя этого общества и занималъ это мѣсто въ теченіе двадцати пяти лѣтъ. Въ 1868 году послѣдовало пожалованіе его въ гофмейстеры двора его величества. Въ концѣ декабря 1868 года В. А. былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ московскаго присутствія опекунскаго совѣта и сталъ завѣдывать Павловскою больницей и учебною частью въ Елизаветинскомъ училищѣ. Въ 1873 году покойный былъ назначенъ членомъ совѣта по учебной части Николаевскаго Сиротскаго института. Въ 1874 году съ высочайшаго соизволенія покойный занялъ должность вице-президента комиссіи для построенія храма во имя Христа Спасителя и исполнялъ ее больше года; въ февралѣ того же года онъ былъ избранъ вице-президентомъ Императорскаго общества исторіи и древностей русскіихъ. 15-го декабря 1874 г. В. А. былъ назначенъ попечителемъ московскихъ женскихъ гимназій, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ и званіяхъ. 9-го марта 1879 г., по прошенію, онъ былъ уволенъ отъ завѣдыванія учебною частью Елизаветинскаго училища, причемъ ему была выражена благодарность за плодотворные труды по завѣдыванію учебною частью въ этомъ заведеніи. Въ 1880 г. онъ уволенъ былъ также отъ званія члена совѣта Николаевскаго института. 12-го апрѣля 1881 г. въ награду отличнo-усердной службы и ревностныхъ трудовъ по управленію Московскими женскими гимназіями В. А. былъ пожалованъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. 23-го августа 1886 г. онъ назначенъ предсѣдательствующимъ Московскаго присутствія опекунскаго совѣта. 28-го іюля 1892 г., по случаю празднованія пятидесятилѣтняго юбилея государственной службы, покойный удостоился получить высочайшій рескриптъ и орденъ св. Равноапостольнаго Владимира 1-й ст. Ранѣе ему были пожалованы ордена св. Александра Невскаго съ брилліантовыми украшеніями, Бѣлаго Орла, св. Владимира 2-й ст. и др. Имя В. А. Дашкова тѣсно связано съ рядомъ ученыхъ изданій и важныхъ учрежденій на пользу русскаго просвѣщенія. Имъ было составлено и издано въ свѣтъ «Описаніе Олонекской губерніи въ историческомъ, статистическомъ и этнографическомъ от-

ношеніи» (С.-Петербургъ, 1842 г.). Благодаря его содѣйствію и пожертвованію 40.000 рублей, въ Москвѣ была открыта Обществомъ естествознанія русская этнографическая выставка (съ 23 апрѣля по 18 іюня 1867 года), послѣ которой обширная этнографическая коллекція, состоящая изъ костюмовъ (до 450), манекеновъ (до 300), предметовъ домашняго быта (до 1200), моделей и фотографій (до 2000), цѣнностію свыше 75.000 рублей, была передана обществомъ Московскому Публичному музею и положила начало такъ называемаго «Дашковскаго этнографическаго музея». Съ тѣхъ поръ, при постоянной заботливости покойнаго, этотъ музей ежедневно пополнялся новыми матеріалами и въ настоящее время является замѣчательнымъ учрежденіемъ для нагляднаго знакомства съ русскою и славянскою этнографіей. На средства же покойнаго основателя хранителемъ Музея профессоромъ В. Θ. Миллеромъ было составлено «Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго этнографическаго музея (М. 1887—1895 гг., четыре выпуска). Кромѣ того, В. А. Дашковъ собралъ картинную галерею извѣстныхъ русскихъ дѣятелей, поручая исполненіе портретовъ этихъ лицъ такимъ художникамъ, какъ Крамской, Рѣпинъ, Васнецовъ и др. Эта коллекція портретовъ писателей и вообще замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей была подарена покойнымъ Румянцевскому Музею въ день его пятидесятилѣтія (28 мая 1882 года). Теперь это пожертвованіе, превышающее 300 нумеровъ, носитъ названіе «Дашковскаго собранія изображеній русскихъ дѣятелей». Наконецъ на средства же В. А. Дашкова, былъ изданъ рядъ цѣнныхъ научныхъ трудовъ, какъ, напримѣръ: «Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ, ей принадлежащихъ» (М., 1868—1873 гг., двѣ книги), «Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ» (М., 1876—1889 гг., два тома),—трудъ И. Е. Забѣлина, написанный по предложенію Дашкова,—«Матеріалы для историческаго описанія Румянцевскаго музея» (М., 1812 г.), «Сборникъ матеріаловъ по этнографіи», подъ редакціей проф. В. Θ. Миллера (М., 1886—1888 гг., три выпуска).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Маска Пушкина.

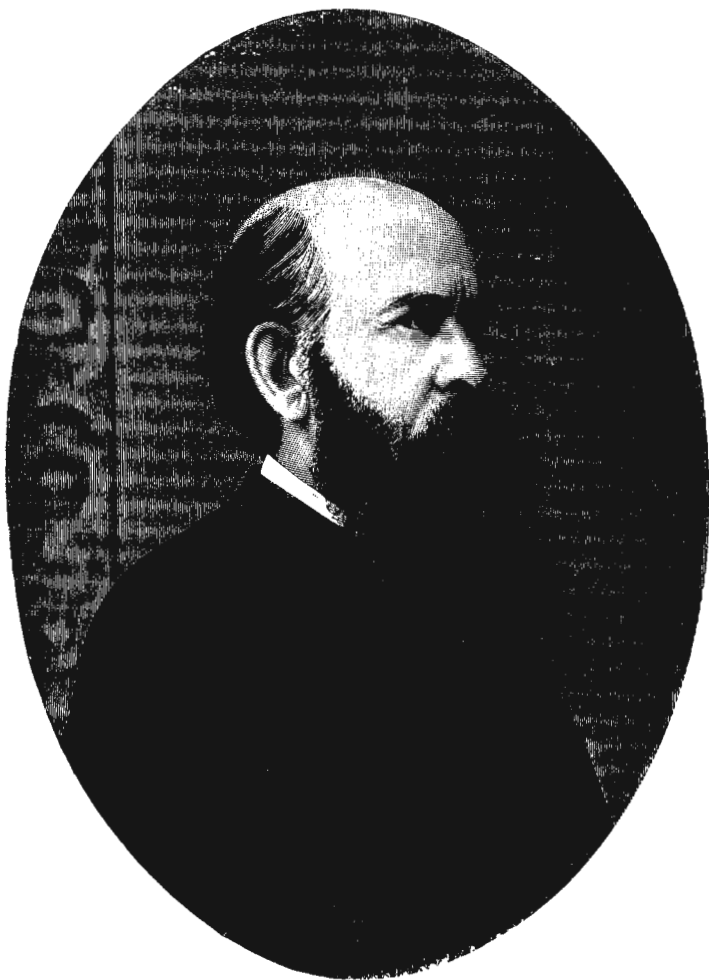
Когда въ іюль 1895 года въ газетахъ появилось извѣстіе о маскѣ А. С. Пушкина, хранящейся въ библиотекѣ Юрьевскаго университета, я полагаю, что рѣчь идетъ о подлинной маскѣ, принадлежавшей Жуковскому. Прочитавъ недавно резюме полемики о Юрьевской маскѣ въ сентябрьской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за 1895 годъ, заключаю изъ нея, что гипсовыхъ снимковъ съ маски Пушкина извѣстно только два: одинъ, принадлежащій г-жѣ Съмечкиной и бывшій на Пушкинской выставкѣ, другой, нашедшійся въ Юрьевѣ. Считаю не лишнимъ указать на существованіе третьяго экземпляра.

Этотъ экземпляръ, пріобрѣтенный моимъ дѣдомъ († въ 1845 году), находится у меня и сохранился хорошо, только гнисъ потемнѣлъ съ наружной стороны, и кое-гдѣ есть легкія царапины. Судя по описанію, онъ сходенъ съ Юрьевскимъ, а не съ тѣми снимками работы Палацци, о которыхъ г. Либровичъ говоритъ, что къ нимъ придѣланы волосы до половины головы: въ верхней части маски, съ краю, есть только небольшое возвышеніе, соответствующее началу волосъ (подобныя возвышеніе есть и на обѣихъ щекахъ; очевидно, это—часть бакенбардовъ).

Черты лица на маскѣ сходны съ портретомъ, приложеннымъ къ № VIII «Русской Старины» за 1880 годъ (рисованнымъ съ натуры Мокрицкимъ), съ тою разницею, что носъ нѣсколько менѣе загнутъ впередъ, и губы слегка раздвинуты, такъ что виденъ рядъ зубовъ.

Д. О—овъ.

АЛЕКСАНДРЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ШЕЛЛЕРЪ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СИБ. 19 ЯНВАРЯ 1896 Г.

старость и слабость, его видѣли во время первой осады на самыхъ опасныхъ мѣстахъ; онъ перевязывалъ раны, напутствовалъ умирающихъ, а здоровыхъ воодушевлялъ ласковыми словами.

Войдя въ редутъ, онъ показалъ намъ большую и тяжелую корзину, которую онъ несъ съ трудомъ; въ корзины лежали съѣстные припасы гораздо болѣе аппетитные, чѣмъ наша ежедневная казенная порція.

— Эти пироги, — сказалъ радге Матео, присаживаясь на полъ и вынимая съѣстное изъ корзинки, — мы дали въ домѣ сеньоры графини де-Бурета, а вотъ эти—въ домѣ дона Педро Рикъ. А вотъ эти два ломтя ветчины посылаетъ вамъ радге Лосхальось: онъ очень хвораетъ желудкомъ, и ему предписали ѣсть ветчину, но онъ отказался ради васъ. А это вотъ недурная бутылка вина. Сами французы охотно бы ее распили.

Мы всѣ невольно взглянули на стѣны. Лохматая собачка начала лаять на линіи французовъ.

— Я принесъ вамъ также фунта два сушеныхъ персиковъ, которые нашелъ у насъ въ кладовой. Мы хотѣли настаивать ими водку, но вамъ тутъ они нужнѣе. Я не забылъ также и тебя, милый Пирли,—прибавилъ онъ, обращаясь къ нашему весельчаку,—такъ какъ ты ходишь чуть ли не голый и безъ плаща, то вотъ я принесъ тебѣ великолѣпный плащъ. Посмотри, это одежда монаха, которую я все собирался отдать какому нибудь бѣдняку. Теперь дарю ее тебѣ, чтобы ты прикрылъ свое тѣло. Конечно, это не солдатскій мундиръ, но вѣдь говорятъ же, что платье не дѣлаетъ монаха, такъ и мундиръ не дѣлаетъ солдата. Надѣнь-ка его, оно къ тебѣ очень пойдетъ.

Старикъ подаль ему свертокъ, и Пирли тутъ же среди общаго смѣха и шутокъ надѣлъ на себя монашеское платье, а такъ какъ на его головѣ все еще было кепи французскаго инженера, захваченное имъ 31-го декабря, то въ этомъ своеобразномъ костюмѣ Пирли имѣлъ въ высшей степени оригинальный видъ.

Вскорѣ послѣ этого пришли нѣсколько женщинъ также съ корзинками провизіи. Появленіе прекраснаго пола сразу измѣнило картину бивуака. Не знаю откуда, но появилась гитара, очевидно, ее откуда-то вытащили; одинъ изъ присутствующихъ тотчасъ же сталъ наигрывать хоту, любимый и безсмертный испанскій танецъ, и въ одну минуту начался импровизированный балъ. Пирли, высокая фигура котораго начиналась французскимъ инженеромъ и оканчивалась испанскимъ монахомъ, былъ однимъ изъ первыхъ танцоровъ; впрочемъ, его пара, граціозная дѣвушка, которую онъ называлъ Мануэла, не отставала отъ него.

Лѣтъ двадцати или двадцати двухъ, эта дѣвушка съ тонкими чертами лица, была стройна и блѣдна. Отъ танцевъ ея лицо скоро разгорѣлось. Съ полуопущенными глазами и румяными щеками,

граціозно приподымая платье и легко летая то въ ту, то въ другую сторону, Мануэла была очаровательна и долго приковывала къ себѣ всеобщее вниманіе. Видя ея возрастающій пылъ, вдохновились и другіе танцоры и музыкантъ, пока, наконецъ, дѣвушка, вся въ поту и изнемогая отъ усталости, не сѣла съ размаху на полъ.

Пирли сѣлъ рядою съ нею; около нихъ образовался цѣлый кружокъ, центромъ котораго была корзинка съ провизіей.

— Посмотримъ, что ты намъ принесла, Мануэлилья, — сказалъ Пирли. — Еслибъ не ты и не радге Бусто, мы бы померли съ голоду. А еслибъ не потанцовать вотъ такъ немножко въ ожиданіи французскихъ горячихъ пирожковъ и сеньоръ, такъ я ужъ и не знаю, что было бы съ бѣдными солдатами!

— Я принесла вамъ то, что было, — отвѣтила Мануэла, вынимая кушанье. — Осталось очень немного, и скоро вамъ придется питаться кирпичами.

— Мы будемъ ѣсть митральезы, посыпанныя черной мукой, — сказалъ Пирли. — Мануэлилья, ну, что же, ты перестала бояться выстрѣловъ?

Говоря это, онъ торопливо взялъ ружье и выстрѣлил на воздухъ. Молодая дѣвушка громко вскрикнула и вскочила на ноги.

— Это ничего, милая, ничего, — сказалъ радге. — Храбрыя женщины не должны бояться выстрѣловъ, наоборотъ, этотъ звукъ долженъ быть также пріятенъ для ихъ слуха, какъ кастаньеты и гитара.

— Когда я слышу выстрѣлъ, — проговорила Мануэлилья, подходя къ намъ въ страхѣ, — у меня вся кровь застываетъ въ жилахъ.

Въ эту минуту французы, очевидно, желавшіе испробовать силу артиллеріи своей второй параллели, дали выстрѣлъ изъ пушки; пуля, ударившись о стѣну редута, раздробила вдребезги нѣсколько черепицъ на крышѣ.

Мы всѣ встали, чтобы взглянуть на непріятельское поле. Дѣвушка въ ужасѣ вскрикнула; дядя Гарчесь началъ кричать какія-то дерзости по адресу французовъ, уснащая ихъ всевозможными ругательствами. Лохматая собачка, бѣгая взадъ и впередъ по стѣнѣ, заливалась неистовымъ лаемъ.

— Мануэла, протанцуемъ еще хоту подъ звуки этой музыки, и да здравствуетъ Пиларская Богоматерь! — воскликнулъ Пирли, запрыгавъ, какъ сумасшедшій.

Мануэла, движимая любопытствомъ, вытягивала шею, чтобы увидеть изъ-за стѣны поле битвы. Затѣмъ, мы замѣтили, что выраженіе страха постепенно исчезаетъ съ ея лица, и, наконецъ, она уже стала смотрѣть довольно спокойно.

— Одна, двѣ, три пушки, — произнесла она, считая огненные жерла, направленныя на насъ издали. — Не бойтесь, молодцы; для васъ это ничего не значитъ.

Со стороны Санъ-Хозе раздавался ружейный залпъ, а въ нашемъ редутѣ забилъ барабанъ, призывая къ оружію. Изъ ближайшаго укрѣпленія вышла небольшая колонна и начала перестрѣливаться издали съ французскими рабочими. Нѣкоторые изъ нихъ, бѣжавшіе налѣво, находились отъ насъ на разстояніи выстрѣла; мы бросились къ бойницамъ и дали по нимъ нѣсколько выстрѣловъ, не дожидаясь распоряженія командира.

Между тѣмъ, всѣ женщины, за исключеніемъ Мануэлы, убѣжали по мосту въ городъ. Не страхъ ли мѣшало двигаться этой дѣвушкѣ? Нѣтъ, она дѣйствительно очень боялась и дрожала, не попадая зубъ на зубъ, но какое-то непобѣдимое любопытство удерживало ее въ редутѣ, и она остановившимся взоромъ смотрѣла на стрѣлковъ и на пушку, которая сію минуту должна была выстрѣлить.

— Мануэла, — сказалъ ей Августинъ, — почему ты не уходишь? Неужели тебѣ не страшно смотрѣть на это?

Дѣвушка, вся дрожа, какъ въ лихорадкѣ, съ побѣлѣвшими губами и высоко вздымающейся грудью, стояла пораженная этой картиной, не въ силахъ двинуться или произнести слово.

— Мануэлилья, — крикнулъ Пирли, подбѣжавъ къ ней, — возьми ружье и выстрѣли.

Противъ нашего ожиданія Мануэлилья вовсе не выказала страха.

— Возьми его, красавица, — продолжалъ Пирли, показывая, какъ надо взять ружье: — приложи сюда палець, нажми посильнѣе и выстрѣли. Да здравствуетъ вторая артиллерійка Мануэла Санхо и Пиларская Богоматерь!...

Дѣвушка взяла въ руки ружье, но по выраженію ея лица замѣтно было, что она сама не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ. Направивъ дрожащими руками ружье на непріятельскіе ряды, она нажала собачку и выстрѣлила.

Сотни криковъ и горячихъ аплодисментовъ встрѣтили эту шалость, и дѣвушка выпустила изъ рукъ ружье. Она была въ восторгѣ, и вновь яркій веселый румянецъ залилъ ея щеки.

— Видишь? Ты ужъ перестала бояться, — сказалъ ей монахъ. — Къ этимъ вещамъ надо только привыкнуть, и онѣ понравятся. Всѣ сарагоссянки должны были бы дѣлать то же самое, тогда Августина и Каста Альваресъ не были бы славнымъ исключеніемъ среди женщинъ.

— Дай-ка другое ружье! — воскликнула дѣвушка. — Я хочу выстрѣлить еще разъ.

— Они ужъ ушли, моя красотка. Вошла во вкусъ хорошаго-го, а? — произнесъ Пирли, приговариваясь опустошить содержимое корзинокъ. — Завтра, если хочешь, я тебя приглашаю на горячіе пирожки. А теперь присядемъ-ка да поѣдимъ хорошенько.

Монахъ, подозвавъ свою собачку, говорилъ ей:

— Полно, полно, довольно лаять; нечего сердиться, а то охрипнешь. Побереги свой голосъ назавтра, а сегодня некого пугать, потому что они, кажется, всё спрятались за паранеты.

И дѣйствительно выстрѣлы съ Сантъ-Хозе прекратились, и французовъ почти не было видно. Вскорѣ снова раздались звуки гитары, вернулись женщины, и началась зажигательная хота съ Мануэлой Санхо и Пирли въ первой парѣ.

Х.

Когда я проснулся рано утромъ на слѣдующій день, я увидалъ, что Августинъ Монторіа ходитъ вдоль стѣны.

— Кажется, сейчасъ начнется бомбардировка,—сказалъ онъ.— Въ неприятельской линіи замѣтно сильное движеніе.

— Начнутъ съ осады этого редута—произнесъ я, неохотно вставая.—Какое мрачное небо, Августинъ! Должно быть, день будетъ очень грустный.

— Я думаю, что насъ сразу атакуютъ съ нѣсколькихъ сторонъ, потому что вторая параллель доведена до конца. Знаешь, когда Наполеонъ, находясь въ Парижѣ, узналъ, что Сарагосса устояла противъ первой осады, онъ страшно разсердился на Лефебра Денуэта за то, что начали осаждать съ Альхаферіи. Онъ потребовалъ планъ Сарагоссы и, внимательно разсмотрѣвъ его, рѣшилъ, что городъ слѣдуетъ осадить съ св. Энграціи.

— Почему?

— Скоро увидимъ. Плохо придется намъ, если приказъ Наполеона приведется въ исполненіе.

— Да. Скажи, пожалуйста, нѣтъ ли у тебя чегонибудь поѣсть.

— Я тебѣ не показывалъ раньше, потому что хотѣлъ сдѣлать сюрпризъ,—сказалъ Августинъ, подавая мнѣ корзинку съ жареными птицами, вареньемъ и тонкими консервами.

— Ты принесть это вчера вечеромъ?.. Какъ это тебѣ удалось уйти изъ редута?

— Я попросился у полковника отлучиться на одинъ часъ. Мариквилля уже заранѣе приготовила это угощеніе. Еслибъ дядя Кандіола зналъ, что двѣ изъ его куриць убиты и зажарены для подарка защитникамъ города, онъ, кажется, съ ума бы сошелъ. Поѣдимъ же скорѣе, сеньоръ де-Арачели, и будемъ ждать бомбардировки. Эге!.. Вотъ она! Бомба... еще... еще.

Восемь батарей, направленныхъ противъ Сантъ-Хозе и Пилара, открыли огонь и какой огонь! Всѣ бросились къ бойницамъ и къ пушкамъ. Прощай завтракъ, жаренныя куры, персики!.. Арагосцы питаются только славой.

Мы отвѣтили нашимъ врагамъ такимъ же пушечнымъ залпомъ, и скоро чувство горячаго патриотизма запылало въ нашей груди. Пули, ударяясь въ черепичныя стѣны и земляныя насыпи, разорвали нашъ редуть, какъ картонный игрушечный домикъ; гранаты, падая между насъ, съ трескомъ разрывались, а бомбы, пролетая надъ нашими головами, падали на улицы и на крыши домовъ.

Весь народъ высыпалъ на улицы. Мужчины бросились къ стѣнамъ, женщины въ госпитали, дѣти и монахи всюду разносили пищу. Не обращали никакого вниманія на эти ужасныя бомбы, разрывавшія крыши, проникавшія въ комнаты, разрушавшія мирные очаги и превращавшія ихъ въ адское пламя, умерщвлявшія стариковъ на ихъ постеляхъ и дѣтей въ колыбеляхъ. Все это ничего. Всякій стремился на улицу спасать церкви, монастыри, больницы, которыя составляютъ общую собственность. Сарагосцы въ эти часы были равнодушны къ матеріальнымъ благамъ, такъ же какъ къ жизни.

Въ первыя минуты насъ посѣтилъ главнокомандующій съ Мариано Серезо, патеромъ Сасъ и генераломъ О'Нейлемъ Педро Рикъ и другими. Побывалъ здѣсь также и донъ Хозе Монторіа. Онъ обнялъ своего сына, проговоривъ:

— Сегодня день побѣды или смерти. Мы увидимся на небесахъ.

За Монторіа шелъ донъ Рокве. Онъ еще раньше осады занялся санитарнымъ искусствомъ и теперь приобрѣлъ уже достаточную опытность. Нѣсколько монаховъ очутилось между насъ при первой перестрѣлкѣ. Они воодушевляли насъ, полные мистическаго пыла, почерпнутаго въ книгѣ Маккавеевъ.

Въ одно и то же время и съ одинаковою яростію атаковали французы Пиларскій редуть и крѣпость Санъ-Хозе. Послѣдняя хоть и могла устоять дольше, благодаря своей твердости, но ея бѣлыя стѣны служили прекрасной мишенью непріятелю. Тамъ находился Реновалесъ съ волонтерами Хуэска и Валенсіи и полками Соріи. Невыгодная сторона крѣпости состояла въ томъ, что она была построена рядомъ съ большимъ зданіемъ, на которое такъ и сыпалась непріятельская артиллерія, разрушивъ его чуть не до основанія; многіе изъ защитниковъ погибли подъ развалинами.

Наше положеніе было выгоднѣе; надъ нашими головами было только небо, и если никакая крыша не отвлекла бомбъ, то все-таки на насъ не сыпались камни и черепица. Стѣны атаковали съ боковъ, и тяжело было видѣть, какъ постепенно разрушался нашъ редуть. Послѣ четырехъ часовъ непрерывнаго огня, непріятелю удалось пробить въ крѣпостной стѣнѣ небольшую брешь.

Такъ прошелъ весь день 10-го января. Намъ непріятель сдѣлалъ мало вреда, но въ Санъ-Хозе была пробита огромная брешь, указывавшая на тяжелую необходимость сдачи. Конечно, пока крѣпость не взорвана на воздухъ, и живы ея защитники, еще была

надежда. Батальоны, работавшіе съ ранняго утра, были замѣнены свѣжими, и когда свечерѣло, и въ открытую брешь тщетно пытались проникнуть непріатели, Реновалесь, стоя на развалинахъ, залитыхъ кровью, среди груды труповъ защищали крѣпость съ остаткомъ своей артиллеріи.

Ночь не прекратила огня, даже наоборотъ, какъ будто усилила. У насъ было много мертвыхъ и не мало раненыхъ. Послѣднихъ сейчасъ же переносили въ городъ монахи и женщины; мертвыхъ же немедленно стаскивали къ бреши и клали въ ряды съ мѣшками, наполненными шерстью.

Въ теченіе ночи мы не отдохнули ни на минуту, и утро 11-го застало насъ за той же работой, какъ наканунѣ; мы уставляли пушки жерлами къ непріательскимъ траншеямъ, стрѣляли въ подходившіе къ намъ отряды, ни на минуту не забывая закладывать брешь мѣшками шерсти и трупами. Такъ провели мы все утро до того мгновенья, когда непріатель новымъ приступомъ взялъ крѣпость Санъ-Хозе, уже превращенную въ развалины.

Въ то время, какъ одни изъ непріательскихъ отрядовъ напали на монастырь, другіе направились въ нашу сторону и для того, чтобы воспользоваться небольшою брешью, по дорогѣ изъ Торреро двигались двѣ пушки и колонна инфантеріи.

Мы считали себя погибшими, стѣны дрожали, и черепица рассыпалась на тысячи кусковъ. Мы бросились къ бреши, которая становилась все шире и шире; насъ встрѣтили жестокимъ огнемъ, такъ какъ французы, видя, что нашъ редутъ постепенно разрушается, подошли къ самому краю рва. Было сумасшествіемъ продолжать эту неравную борьбу; подставляя наши открытыя груди, мы увеличивали только безконечное число жертвъ. На насъ посыпались мѣшки съ шерстью и комья земли, похоронившіе подъ собою почти половину людей.

Пушечный огонь наконецъ прекратился, очевидно онъ былъ уже не нуженъ. Наступила минута невообразимой паники... Ружья выпали изъ нашихъ рукъ... Мы поняли, что мы разбиты, что намъ не устоять передъ этимъ огнемъ, какъ будто зажигающимъ воздухъ; и мы забыли честь, славную смерть, отечество, Пиларскую Богоматерь, имя которой красовалось на двери нашего непобѣдимаго редута. Страшное смятеніе произошло въ нашихъ линіяхъ. Нравственный уровень нашихъ душъ вдругъ до того палъ, что всякій изъ насъ, кто только былъ живъ, хотѣлъ жить во что бы то ни стало. И перескакивая черезъ раненыхъ, толкая мертвыхъ, мы побѣжали къ мосту, оставляя эту ужасную могилу, прежде чѣмъ она закроется за всѣми нами.

По мосту мы скакали въ ужасѣ и страшномъ безпорядкѣ. Нѣтъ ничего отвратительнѣе трусости, ея низость захватываетъ также, какъ и благородство храбрости.

Полководцы кричали намъ:

— Назадъ, канальи! Пиларскій редутъ не сдается!

Ихъ сабли плашмя опускались на наши плечи. Мы повернули, не въ силахъ двигаться впередъ, такъ какъ къ намъ подходили другіе отряды. Мы столкнулись другъ съ другомъ, устыдившись своей трусости при видѣ ихъ благородной храбрости.

— Назадъ, канальи!—кричали офицеры, подгоняя насъ.—Умереть у бреши!

Редутъ опустѣлъ, въ немъ оставались лишь мертвые да раненые. Вдругъ мы увидали въ дыму и пыли высокую, блѣдную фигуру съ выраженіемъ трагическаго спокойствія на лицѣ. Перескакивая черезъ неподвижныя тѣла, черезъ земляныя насыпи, развалины, она вышла впереди насъ и направилась прямо къ ужасной бреши.

Пирли, лежавшій на землѣ раненый въ ногу, воскликнулъ съ ужасомъ:

— Мануэла Санхо, куда ты идешь?!

Все это произошло скорѣе, чѣмъ можно рассказать. За Мануэлой Санхо двинулся одинъ, потомъ трое, потомъ десять, наконецъ всѣ, подгоняемые снова полководцами. Какое-то перерожденіе совершилось въ сердцѣ каждого, и чувство долга передалось отъ одного къ другому, возродившись изъ какого-то невѣдомаго тайника. Мы не понимали, почему мы струсили, какъ не понимали, почему, нѣсколько минутъ спустя, выказали геройскую храбрость. Знаю только, что, движимые какой-то сверхъестественной силой, мы ринулись за этой женщиной на брешь въ ту самую минуту, когда французы производили новую атаку. Наши силы какъ бы удесят�ерились, и мы сбрасывали въ глубокій ровъ этихъ людей, не задолго передъ тѣмъ казавшихся намъ желѣзными.

Отъ выстрѣловъ, отъ ударовъ сабель, отъ гранатъ, брошенныхъ руками, отъ пикъ многіе изъ насъ пали, и ихъ холодбющія тѣла служили баррикадами для оставшихся. Мы защитили входъ въ брешь, и французы отступили, оставивъ у стѣны не мало тѣлъ. Снова загудѣли пушки, и непобѣдимый редутъ не попалъ 11-го во власть Франціи.

Когда эта огненная буря утихла, мы не узнавали другъ друга; мы переродились, и что-то новое, неимоверно жестокое загорѣлось въ нашихъ сердцахъ. На слѣдующій день Палафоксъ говорилъ:

— Бомбы, гранаты и пули даже вся Франція не измѣнятъ ни одного испанца.

XI.

Крѣпость Санъ-Хозе сдалась, или, вѣрнѣе сказать, французы вошли въ нее, когда артиллерія ее раздробила, и одинъ за однимъ пали защитники подъ ея развалинами. Солдаты императора нашли

въ ней лишь множество труповъ и камней, залитыхъ кровью. Они не могли удержаться здѣсь, такъ какъ ихъ блокировали съ батарей Мартиресъ и Ботаническаго сада. Они предприняли земляныя работы, чтобъ овладѣть этими двумя позиціями.

Наши укрѣпленія оказались до того расшатанными, что требовали капитальной поправки, поэтому изданъ былъ приказъ, которымъ всѣ сарагосцы обязывались выйти на работы. Въ приказѣ говорилось, что каждый долженъ имѣть въ одной рукѣ ружье, въ другой лопату.

12-го и 13-го работали не переставая и отстрѣливались, такъ какъ непріятель, понимая, что сразу ничего нельзя сдѣлать, не предпринималъ новой, сильной атаки, а довольствовался легкимъ огнемъ по редуту. Приходилось почти заново передѣлывать укрѣпленія, то-есть насыпать цѣлыя баррикады земли; монахи, каноники, женщины и дѣти помогали намъ въ этомъ. Артиллерія оказалась почти негодной, рвы были на половину засыпаны, и приходилось защищаться при помощи однихъ ружей.

Такъ промучились мы весь день 13-го и видѣли, что съ каждымъ часомъ мы теряемъ людей, не смотря на то, что на смѣну имъ являлись свѣжія силы. 14-го непріятельская артиллерія снова начала разрушать нашу стѣну, открывъ бреши въ центрѣ и съ боковъ, но не дѣлала большихъ атакъ, а все продолжала расширять бреши, держась на такомъ разстояніи, что нашъ огонь не достигалъ ея.

Земляная насыпь, сдѣланная съ такимъ великимъ трудомъ, была уже почти разрушена. Сдача ея дѣлалась лишь вопросомъ времени, такъ какъ она находилась во власти французскихъ орудій, подобно тому, какъ барка находится во власти волнъ океана. Непріятель, лавировавшій отъ нашихъ пуль, наступалъ зигзагами по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. А у насъ не было даже хорошихъ пушекъ, и мы не могли привезть новыхъ, потому что стѣна не выдержала бы ихъ.

Нашимъ единственнымъ ресурсомъ было сдѣлать подкопъ подъ редутъ, чтобы взорвать его, когда имъ завладѣютъ французы, и разрушить мостъ, чтобъ помѣшать имъ войти въ городъ. Такъ и было сдѣлано. Ночами 14-го и 15-го мы дѣлали подкопъ и подрубали мостовые столбы въ надеждѣ, что непріятель ринется на мостъ, на слѣдующее утро. Однако этого не случилось, потому что французы не рѣшались сдѣлать настоящей атаки, не принявъ предосторожностей, и все продолжали свои работы уже совсѣмъ близко отъ рва. При такомъ образѣ дѣйствій наша стрѣльба изъ ружей приносила имъ мало вреда.

Мы были въ отчаяніи, но это отчаянье не могло послужить намъ къ защитѣ. Это были бесполезно потраченные силы, подобно злобѣ сумасшедшаго въ его камерѣ.

Снявъ дощечку съ надписью «Непобѣдимый редуть», мы вечеромъ покинули крѣпость, оставивъ въ ней лишь сорокъ человѣкъ, чтобъ они убивали все, что можно убивать, какъ сказалъ нашъ капитанъ, не желавшій упустить ни малѣйшаго случая, чтобъ повредить непріятелю. Было уже восемь часовъ вечера, когда съ Сосновой башни мы увидали отступление этихъ сорока человѣкъ передъ пиками французовъ.

Подземная мина произвела мало эффекта, за то мостъ, рухнувшій въ воду, сдѣлалъ свое дѣло, и редуть остался на томъ берегу рѣки. Овладевъ этой позиціей и крѣпостью Санъ-Хозе, французы сочли возможнымъ перейти къ устройству третьей параллели, чтобы обогнуть весь городъ.

Мы были грустны, почти безутѣшны. Но что значить этотъ временный упадокъ духа, если завтра, быть можетъ, намъ предстоитъ блестящій день. Въ сущности, послѣ такой ожесточенной рѣзни, необходимо было отдохнуть и имѣть время похоронить убитыхъ и устроить въ домахъ множество раненыхъ. Слава Богу, рукъ хватало на все, и къ нашей общей радости разнеслись слухи, что къ намъ на помощь идетъ огромное испанское войско, собранное въ разныхъ провинціяхъ.

Народъ собирался толпами на площади Сео, противъ арки Магдалины въ ожиданіи газеты, которая, подтвердивъ слухи, заставила всѣ сердца забиться радостной надеждой. Не знаю, дѣйствительно ли такія вѣсти пришли въ Сарагоссу, или это просто была выдумка главнаго редактора дона Игнаціо Ассо, но вѣрно то, что въ печати говорилось о Ридингѣ, двигающемся намъ на встрѣчу съ шестьюдесятью тысячами человѣкъ, что маркизь де Лазанъ, разбивъ французовъ въ сѣверной Каталуньѣ, вступилъ во Францію и тамъ навелъ на всѣхъ ужасъ, что намъ на выручку шелъ также герцогъ дель Инфантадо, что между Блаке и Романой напали на Наполеона и убили двадцать тысячъ человѣкъ, включая Бертье, Нея и Савари, наконецъ, въ Кадиксѣ англійское правительство прислало шестнадцать милліоновъ дурро на военныя издержки. Какъ, что и почему,—газеты ничего не объясняли.

Разнося эти радостные слухи по городу, мы не помнили себя отъ восторга, звонили въ колокола, распѣвали на улицахъ хоту и многими другими способами выражали нашъ патріотизмъ. Это недолгое веселіе необходимо было для измученныхъ людей. Однако, не слѣдуетъ думать, что во время этого радостнаго настроенія прекратился градъ бомбъ. Далеко нѣтъ, французы какъ будто въ насмѣшку надъ газетными сообщеніями награждали насъ двойной дозой выстрѣловъ.

Чувствуя непреодолимое желаніе посмѣяться имъ въ лицо, мы взобрались на стѣну и подъ веселые звуки военной музыки заплѣли хоромъ тутъ же сложившуюся пѣсню.

Пиларская Богоматерь говорить,
Что не хочеть быть французской...

Они также, очевидно, были въ шутовомъ настроеніи и открыли такой огонь, что въ теченіе двухъ часовъ въ городѣ оказалось больше бомбъ, чѣмъ за цѣлый день. Не оставалось ни одного безопаснаго мѣста, ни одной цѣлой крыши.

Семьи бѣжали изъ своихъ домовъ или прятались въ погреба; раненые, лежавшіе въ частныхъ домахъ, переносились въ церкви, ища защиты подъ крѣпкими сводами; другіе брели, куда глаза глядятъ, унося съ собой свои постели. Большинство устроилось въ Пиларскомъ соборѣ и, занявъ всю паперть и внутренность храма, заполнили даже капеллу. Несмотря на всѣ невзгоды, угѣшались, глядя на Богоматерь, блестящій взглядъ которой говорилъ, что она не хочеть быть французской.

ХП.

Мой батальонъ не принималъ участія ни въ выходахъ 22-го и 24-го, ни въ защитѣ мельницы и другихъ позицій, расположенныхъ за Санъ-Хозе, гдѣ наши отряды потеряли много людей, но не мало ущерба принесли и непріятелю. А между тѣмъ въ третьей параллели, расположенной отъ Хуэрва до заставы Кармень, стояло 50 пушекъ самаго большого калибра, направлявшихъ свои жерла на наши слабѣйшіе пункты. Надъ всѣмъ этимъ мы смѣялись, или, вѣрнѣе, дѣлали видъ, что смѣемся, что видно изъ отвѣта Палафокса маршалу Лане, 22-го января принявшаго команду надъ осаждающимъ войскомъ. Палафоксъ сказалъ:

— «Завоеваніе этого города покрыло бы большой славой имя сеньора маршала, еслибъ онъ сдѣлалъ его открытой грудью, а не бомбами и гранатами, которыя могутъ напугать только трусовъ».

Въ концѣ концовъ оказалось, что ожидаемая подкрѣпленія и могучія войска, идущія намъ на помощь, суть плодъ фантазіи нашихъ пыльныхъ головъ и редактора газеты. Никакой помощи мы не дождались, и ни одинъ отрядъ не подкрѣпилъ ослабѣвающей Саратоссы.

Я скоро понялъ, что опубликованное въ газетахъ было выдумкой, уткой, и сказалъ объ этомъ дону Хозе-де-Монторіа и его женѣ, которые приписали мое недовѣріе недостатку истиннаго патріотизма.

Домъ Монторіа грозилъ паденіемъ главной стѣны, такъ какъ крыша была разорвана бомбой. Я вмѣстѣ съ Августиномъ и другими товарищами отправился помочь этой семьѣ наскоро перебраться изъ дому. Старшій сынъ Монторіа, раненый при защитѣ мельницы, расположился вмѣстѣ съ женою и ребенкомъ въ подвалѣ одного изъ сосѣднихъ домовъ, и донья Леокадія ежеминутно ходила къ нимъ, переносила то то, то другое необходимое.

— Я никому не могу довѣрить,—говорила мнѣ она.—Такой ужъ у меня характеръ. Хотя у меня и есть слуги, но я не могу успокоиться, пока не сдѣлаю всего сама. Ну, какъ держать себя мой сынъ Августинъ?

— Какъ и можно было отъ него ожидать, сеньора,—отвѣтилъ я.—Это храбрый молодой человекъ, и его влеченіе къ оружію настолько велико, что я не удивился бы, еслибъ черезъ нѣсколько лѣтъ увидалъ его генераломъ.

— Генераломъ—говорите вы?—воскликнула она съ удивленіемъ.—Мой сынъ будетъ служить обѣдно, какъ только окончится осада, вѣдь вы же знаете, что мы воспитывали его въ этомъ направленіи. Если Господь и Пиларская Богоматерь сохранятъ его въ этой войнѣ, то все пойдетъ попрежнему. Отцы семинаріи увѣряютъ меня, что я увижу моего сына съ митрой на головѣ.

— Такъ и будетъ, сеньора, я въ этомъ не сомнѣваюсь. Но когда посмотришь, какъ ловко онъ дѣйствуетъ оружіемъ, то становится трудно представить себѣ, что эта самая рука, которая теперь взводитъ курокъ, будетъ раздавать благословенія.

— Вы правы, сеньоръ де-Арачели, и я всегда говорила, что духовенству не слѣдуетъ брать въ руки оружія; но что будете дѣлать? У насъ на глазахъ сдѣлались солдатами Сантъ-Яго Сасъ и Мануэль Лазартеса, и патеръ Сантъ-Пабло Антонио Ла-Каза, и патеръ церкви Сантъ-Мигуэль и даже Висенте Казанова, первый богословъ Сарагоссы. Разъ, другіе это дѣлаютъ, то сдѣлалъ и мой сынъ, хотя, я думаю, онъ жаждетъ вернуться въ семинарію и погрузиться въ свои занятія. Вы не повѣрите, въ послѣднее время онъ изучалъ такія огромныя книги, что право въ каждой будетъ по пуду вѣсу... Я просто слушаю, разиня ротъ, когда онъ рассказываетъ что нибудь длинное, длинное и все полатыни. Это, вѣроятно, что нибудь о Христѣ Спасителѣ, о любви, которую Онъ питаетъ къ своей церкви, потому что тамъ все встрѣчаются слова *amorem, formosa, pulcherrima, inflammavit* и другія.

— Именно,—отвѣчала я,—я думаю, что онъ это рассказываетъ изъ книги, подъ названіемъ Энеида, которую написалъ извѣстный Виргилій изъ ордена проповѣдниковъ. Въ ней много говорится о любви Христа къ церкви.

— Должно быть, что такъ,—сказала донья Леокадія.—Теперь, сеньоръ де-Арачели, помогите мнѣ вынести этотъ столъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сеньора, я вынесу его одинъ,—отвѣтилъ я и взялся за столъ въ ту самую минуту, когда въ комнату входилъ донъ Хозе-де-Монторія, по обыкновенію извергая дубину за дубиной.

— Что это такое, дубина?—воскликнулъ онъ.—Мужчины занимаются женскими дѣлами! Вамъ дано ружье въ руки, сеньоръ де-Арачели, не для того, чтобъ перетаскивать мебель съ мѣста на мѣ-

сто. А ты, жена, зачѣмъ занимаешь людей такими пустяками, когда они нужны въ другомъ мѣстѣ? Развѣ служанки, дубина, не могли бы перенести тебѣ мебель? Ничего-то вы не понимаете! Посмотри-ка на улицу, тамъ идетъ графиня де-Бурета съ бинтами, а ея двѣ горничныя несутъ на носилкахъ раненаго.

— Хорошо,—сказала донья Леокадія,—не стоитъ изъ-за этого такъ много шумѣть. Убирайтесь отсюда, всѣ мужчины. Уходите на улицу и оставьте насъ одиѣхъ. Уходи и ты, Августинъ, дитя мое, и да хранитъ тебя Богъ среди этого ада.

— Надо перенести двадцать мѣшковъ муки изъ монастыря Тринитаріевъ въ складъ комитета абатовъ,—сказалъ Монторіа.—Пойдемте всѣ.

И когда мы вышли на улицу, онъ прибавилъ:

— Въ Сарагоссѣ такъ много войска, что скоро намъ придется выдавать солдатамъ лишь по полпорціи. Правда, друзья мои, что есть много припрятанныхъ съѣстныхъ припасовъ, и хоть и вышель приказъ, чтобы каждый давалъ все, что у него есть, но многіе не обращаютъ на него вниманія и прячутъ припасы, въ надеждѣ продать ихъ за высокую цѣну. Какой страшный грѣхъ! Если я ихъ открою, и они попадутся въ мои руки, то я имъ дамъ понять, что такое Монторіа президентъ комитета абатовъ!

Мы подходили къ приходу Санъ-Пабло, когда намъ повстрѣчался padre Матео де-Бусто. Онъ шелъ своей старческой походкой въ сопровожденіи другого монаха, padre Луэнго.

— Какія новости несете вы намъ, padre?—спросилъ Монторіа.

— Я шелъ сказать вамъ, что Хуанъ Гальяръ пожертвовалъ нѣсколько коробовъ колбасъ въ распоряженіе комитета.

— И что Педро Пизуэто,—прибавилъ padre Луэнго,—лавочникъ въ улицѣ Москасъ, жертвуетъ шестьдесятъ мѣшковъ шерсти и всю муку и соль изъ своей лавки.

— Но сейчасъ мы выдержали съ дядей Кандіолой такую баталию, которая не сравнится съ битвой при Эрасѣ,—сказалъ старикъ.

— Какъ же это,—съ удивленіемъ спросилъ донъ Хозе,—развѣ этотъ жалкій скряга не знаетъ, что мы заплатимъ ему за его муку, и что онъ единственный изъ всѣхъ сарагосцевъ, не давшій ровно ничего на войну?

— Къ дядѣ Кандіолѣ не подступишься съ этими проповѣдями,—возразилъ Луэнго.—Онъ сказалъ категорически, чтобъ мы больше не являлись къ нему, если не желаемъ заплатить по ста восьмидесяти реаловъ за каждый кулъ муки; а у него ихъ въ амбарѣ шестьдесятъ восемь.

— Ну, видано ли подобное безстыдство?—воскликнулъ Монторіа, раздражаясь цѣлымъ потокомъ дубинъ, которыхъ я не привожу, чтобъ не утомлять читателя.—Такъ онъ хочетъ по ста восьмидесяти реаловъ? Необходимо заставить понять этого отчаяннаго скрягу

его долгъ, какъ сына Сарагоссы, при подобныхъ обстоятельствахъ. Главнокомандующій далъ мнѣ право покупать необходимые продукты по установленной цѣнѣ.

— А знаете ли, что онъ говоритъ, сеньоръ донъ Хозе? — сказалъ Бусто. — Онъ говоритъ, что кто хочетъ имѣть муку, тотъ долженъ за нее хорошо платить. Онъ говоритъ, что если городъ не можетъ защищаться, то пусть сдастся, что онъ ничего не обязанъ давать на войну, потому что не онъ ее затѣялъ.

— Отправимся туда, — сказалъ Монторіа, и лицо его преобразилось отъ гнѣва. — Мнѣ не въ первый разъ придется пачкать руки объ эту каналью, объ этого кровопійцу!

Я шелъ за Августиномъ и наблюдалъ за нимъ. Онъ поблѣднѣлъ и опустил глаза. Я хотѣлъ съ нимъ поговорить, но онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я молчалъ, и мы продолжали идти въ ожиданіи, что будетъ. Мы скоро вышли въ улицу Антона Трильо, и донъ Хозе сказалъ намъ:

— Ступайте впередъ и постучите въ дверь этого жида; если онъ вамъ не отворитъ, то выломайте дверь, войдите и скажите ему, чтобъ онъ немедленно вышелъ сюда ко мнѣ; если онъ не захочетъ, то притащите его за ухо, но только смотрите, чтобъ онъ васъ не укусилъ, потому что это ядовитая змѣя.

Когда мы отделились, я снова взглянулъ на Августина и замѣтилъ, что онъ весь дрожитъ.

— Габріэль, — сказалъ онъ мнѣ шепотомъ, — я хочу убѣжать... я хотѣлъ бы, чтобъ земля разверзлась подъ моими ногами... Мой отецъ убьетъ меня, но я не могу сдѣлать того, что онъ намъ велитъ.

— Подойди ко мнѣ поближе и сдѣлай видъ, что у тебя подвернулась нога, и что ты не можешь идти дальше, — посоветовалъ я.

Онъ сдѣлалъ такъ, какъ я ему сказалъ, а я вмѣстѣ съ другими сталъ стучать въ дверь. Сначала въ окно высунулась старуха и крикнула намъ нѣсколько дерзостей. Прошло нѣсколько минутъ, и мы увидѣли красивую руку, отодвигавшую занавѣску, за которой показалось прекрасное, блѣдное лицо съ живыми черными глазами, въ ужасѣ выглянувшими на улицу. Въ эту минуту мои спутники и приставшіе къ намъ уличные мальчишки кричали цѣлымъ хоромъ:

— Пусть выйдетъ дядя Кандіола! Пусть выйдетъ эта негодная собака!

Противъ всякаго ожиданія, Кандіола послушался. Очевидно, онъ думалъ, что это лишь одни мальчишки задаютъ ему подобную серенаду, и не подозрѣвалъ о присутствіи президента комитета и двухъ монаховъ. Скоро онъ, однако, понялъ свою ошибку, такъ какъ, отворивъ дверь и выскочивъ на насъ съ палкой въ рукахъ, онъ увидалъ дону Хозе и съ удивленіемъ остановился.

— Ахъ, это вы, сеньоръ де-Монторіа! — сказалъ Кандіола не особенно любезно. — Вы, какъ членъ комитета общественной обороны,

должны были бы распорядиться, чтобъ эти каналы не шумѣли у дверей дома честнаго гражданина.

— Я не членъ комитета общественной обороны, — отвѣтилъ Монторіа, — а предсѣдатель комитета аббатовъ, почему я и пришелъ сюда, сеньоръ Кандіола, прося васъ выйти ко мнѣ; самъ я не желаю входить въ этотъ мрачный домъ, полный пауковъ и крысъ.

— Мы, бѣдные, — съ рѣзкостью возразилъ Кандіола, — не можемъ имѣть такихъ дворцовъ, какъ сеньоръ Хозе де-Монторіа, распорядитель имущества и комуны и дисконтеръ векселей.

— Моимъ состояніемъ я обязанъ работѣ, а не ростовщичеству! — воскликнулъ Монторіа. — Но перейдемъ къ дѣлу, донъ Иеронимо; я пришелъ за мукой... эти отцы уже объяснили вамъ наши условія.

— Да, я продаю, продаю, — отвѣтилъ Кандіола съ хитрой улыбкой, — но я не могу отдать муку по той цѣнѣ, которую предлагаютъ эти сеньоры. Я не отдамъ ее меньше, чѣмъ по сто шестьдесятъ два реала за кулъ.

— Я не спрашиваю цѣны, — произнесъ донъ Хозе, едва сдерживая свое негодованіе.

— Комитетъ можетъ располагать своей собственностью, какъ ему угодно, но въ моей лавкѣ хозяинъ только я одинъ, — продолжалъ старикъ, — и не измѣню моего слова. А теперь каждый можетъ расходиться по домамъ, и я иду къ себѣ.

— Поди сюда, кровопійца! — воскликнулъ Монторіа, свативъ его за руку и заставивъ быстро повернуться. — Поди сюда, Кандіола, я сказалъ, что пришелъ за мукой, и не уйду безъ нея. Войско, защищающее Сарагосу, не можетъ же умирать съ голоду, дубина, и всѣ граждане обязаны содержать его.

— Содержать его? Содержать войско? — произнесъ скупецъ, сверкая глазами. — Да что я его родилъ, что ли?

— Жалкій негодяй! Неужели въ твоей темной душѣ нѣтъ ни капли патріотическаго чувства?

— Я не желаю кормить дармоѣдовъ. Какая намъ необходимость въ томъ, чтобъ французы насъ бомбардировали и разрушали городъ? Проклятая война! И хотять, чтобъ я ихъ кормилъ! Да я охотно бы отравилъ ихъ.

— Каналья, негодяй, позоръ испанскаго народа! — крикнулъ Монторіа, потрясая кулакомъ передъ самымъ носомъ ростовщика. — Я скорѣе предпочелъ бы горѣть на вѣчномъ адскомъ огнѣ, чѣмъ быть тѣмъ, что ты есть, чѣмъ быть дядей Кандіолой хоть на одну минуту! Неужели твоя черная, какъ ночь, совѣсть не мучитъ тебя за то, что ты одинъ изъ всего города ничѣмъ не помогъ войску, защищающему отечество? Неужели общая ненависть и презрѣніе не тяготятъ твоей негодной души?

— Довольно этой музыки, оставьте меня въ покоѣ, — возразилъ донъ Иеронимо, направляясь къ двери.

— Вернись!— снова крикнулъ Монторіа, удерживая его.— Я уже сказалъ тебѣ, что не уйду безъ муки. Если ты мнѣ не дашь ея охотно, какъ каждый порядочный испанецъ, то мы возьмемъ силой, и я тебѣ заплачу по сорока восьми реаловъ за кулъ, какъ у насъ установлено.

— Сорокъ восемь реаловъ?— въ злобѣ воскликнулъ Кандіола.— Да я скорѣе живъ не останусь, чѣмъ отдамъ за эту цѣну. Мнѣ самому дороже стоитъ. Проклятое войско! Что оно-то меня содер- житъ, сеньоръ де-Монторіа?

— Благодари Бога, мерзкій ростовщикъ, что оно не лишило тебя твоей бесполезной жизни! Тебя не поражаетъ великодушіе на- рода? Когда, во время первой осады, мы отдавали солдатамъ по- слѣднее, твое каменное сердце оставалось безчувственнымъ, у тебя нельзя было выпросить старой рубашки, чтобъ одѣть бѣднаго сол- дата, и куска хлѣба, чтобъ накормить его. Сарагосса не забыла твоей подлости. Помнишь, когда послѣ сраженія 4-го августа распредѣ- ляли раненыхъ по домамъ, и къ тебѣ постучались двое въ эту ни- щенскую дверь? Я прекрасно помню: они пришли ночью 4-го августа и своими ослабѣвшими руками стали стучать, прося отворить имъ. Ихъ жалобные стоны не смягчили твоего сердца, ты отворилъ дверь и, толкнувъ ихъ ногою, вышвырнулъ на улицу, сказавъ, что твой домъ не госпиталь. Гдѣ у тебя душа, негодяй? Гдѣ у тебя совѣсть? У тебя нѣтъ души, нѣтъ совѣсти, ты не сынъ Сарагоссы, въ твоихъ жилахъ течетъ жидовская кровь.

Глаза Кандіолы метали искры, колпакъ дрожалъ на его головѣ, и пальцы правой руки конвульсивно сжали огромную палку.

— Да, въ твоихъ жилахъ течетъ жидовская кровь, ты не гра- жданинъ этого благороднаго города. Жалобные стоны этихъ двухъ раненыхъ не раздаются ли теперь въ твоихъ ушахъ? Одинъ изъ нихъ, истекая кровью, умеръ на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы стоимъ. Другой едва доползъ до рынка и рассказалъ намъ о случившемся. Негодяй, неужели ты не боялся, что сарогосцы разорвутъ тебя на дру- гое утро? Кандіола, Кандіолилья, дай мнѣ муку и забудемъ все старое.

— Монторіа, Монторилья,— возразилъ тотъ,— моими трудами не попользуются эти ободранные дармоѣды. Да! Рассказывай тутъ о милосердіи, о великодушіи и о любви къ бѣднымъ солдатамъ! Кто говорить такъ много объ этомъ, тотъ питается на общественный счетъ. Комитетъ абатовъ не посмѣется надо мною, нѣтъ. Какъ будто мы не знаемъ, что значить вся эта музыка о помощи войску! Мон- торіа, Монторилья, кое-что прилипаетъ къ рукамъ, не такъ ли? Хо- рошіе запасы составятся у какогонибудь патріота изъ муки, при- обрѣтенной будто бы для комитета. По сорока восьми реаловъ, а! Хорошая цѣна! А потомъ въ счетахъ, представленныхъ главнокоман- дующему, она окажется купленной по шестидесяти реаловъ, такъ какъ Пиларская Богоматеръ не хочетъ быть французской!

Донъ Хозе де-Монторіа, задыхавшійся отъ гнѣва, услышавъ эти слова, положительно вышелъ изъ себя и, не въ силахъ сдержать своей злобы, бросился на дядю Кандіолу съ видимымъ намѣреніемъ дать ему пощечину; но этотъ, своимъ зоркимъ взглядомъ предугадавъ это намѣреніе, предпринялъ быструю защиту. Какъ котъ, прыгнувъ онъ на Монторіа и обѣими руками схватилъ его за горло, запустивъ въ него свои цѣпкіе, костлявые пальцы и такъ неистово скрежеща зубами, какъ будто между ними находился его врагъ.

Произошла быстрая борьба, во время которой дону Хозе удалось отцѣпить руки скупца, оказавшагося гораздо слабѣе мускулистаго, широкоплечаго арагонца. Сильно встряхнувъ Кандіолу, онъ отбросилъ его отъ себя, и ростовщикъ, какъ трупъ, повалился на землю.

Мы услышали женскій крикъ изъ высокаго окна, и затѣмъ въ двери щелкнулъ замокъ. Въ этотъ драматическій моментъ я искалъ вокругъ себя Августина, но онъ исчезъ безслѣдно.

Донъ Хозе де-Монторіа, весь дрожа отъ гнѣва, толкая ногой упавшаго, говорилъ дрожащимъ, прерывающимся, какимъ-то не своимъ голосомъ:

— Негодный воришка, разбогатѣвшій кровопійца бѣдняковъ, по смѣешь ли ты еще разъ назвать меня воромъ?.. Назвать ворами членовъ комитета аббатовъ?.. Тысяча дубинъ!.. Я тебя научу уважать честныхъ людей... Благодарю тебя, что я не вырвалъ твой поганый языкъ...

Всѣ присутствующіе онѣмѣли отъ ужаса. Наконецъ мы вырвали Кандіолу изъ-подъ ногъ его врага. Вставъ, онъ тотчасъ хотѣлъ снова броситься на него, но Монторіа подошелъ къ дому и крикнулъ:

— Эй, ребята! Войдите въ кладовую и возьмите оттуда кули съ мукою. Да живѣе поворачивайтесь, живѣе!

Множество народу, собравшагося на улицѣ, не допустило стараго Кандіолу войти въ домъ. Его окружили мальчишки, сбѣжавшіеся отовсюду. Одни толкали его впередъ, другіе назадъ, третьи дергали за платье, а большинство забрасывало его грязью. Между тѣмъ навстрѣчу вошедшимъ въ нижній этажъ, служившій кладовой, вышла женщина, въ которой я сразу узналъ прелестную Мариквилью. Молчаливая, дрожащая, спотыкавшаяся на каждомъ шагѣ, она не могла ни идти, ни говорить отъ парализовавшаго ее ужаса. Ея страхъ былъ такъ великъ, что намъ всѣмъ, включая и дону Хозе, стало ее жаль.

— Вы дочь сеньора Кандіолы?—спросилъ онъ, вынимая изъ кармана горсть монетъ и наскоро дѣлая на стѣнѣ счетъ кускомъ угля, поднятаго на землѣ.

— Шестьдесятъ восемь кулей муки,—продолжалъ онъ,—по сорокъ восемь реаловъ; это составляетъ тысячу двѣсти шестьдесятъ четыре. Они не стоятъ и половины, потому что мука отсырѣла. Возьмите деньги, дитя мое; тутъ все сполна,

Мариквиля Кандіола не сдѣлала ни малѣйшаго движенія, чтобъ взять деньги, и Монторіа положилъ ихъ на ящикъ, говоря:

— Вотъ онѣ.

Тогда дѣвушка быстрымъ и энергичнымъ движеніемъ, полнымъ оскорбленнаго достоинства, схватила золотыя монеты, серебро, мѣдь и бросила все это въ лицо дону Хозе. Деньги покатались на полъ и на порогъ двери, прежде чѣмъ присутствующіе могли догадаться о случившемся.

Затѣмъ, Мариквиля, ни слова не говоря, вышла на улицу, ища глазами своего отца среди возбужденной толпы. Наконецъ, при помощи нѣсколькихъ молодыхъ людей, которые не могли безучастно отнестись къ несчастію женщины, она вывела старика изъ плѣна мальчишекъ.

Отецъ и дочь вошли въ домъ, когда мы, нагрузивъ на плечи кули съ мукою, выносили ихъ.

XIII.

Покончивъ съ работой, я сталъ искать Августина, но не встрѣтилъ его нигдѣ, ни въ домѣ его отца, ни въ кладовой комитета аббатовъ, ни въ Козо, ни въ св. Энграціи. Наконецъ, уже вечеромъ я нашелъ его въ пороховой мастерской, близъ Санъ-Хуана.

Я забылъ сказать, что сарагосцы, думая обо всемъ, завели пороховую мастерскую, гдѣ ежедневно изготовлялось довольно большое количество пороху. Я засталъ Августина, помогающаго мастерамъ накладывать въ боченки изготовленный за день порохъ.

— Видишь эту кучу пороха? — въ лихорадочномъ возбужденіи сказалъ онъ мнѣ. — Видишь эти мѣшки и боченки, наполненные взрывчатымъ матеріаломъ? Мнѣ все еще кажется мало, Габріэль.

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Я хочу сказать, что еслибъ эти мѣшки были величиною съ Сарагоссу, я былъ бы еще болѣе радъ. Да! И въ такомъ случаѣ я желалъ бы быть единственнымъ обитателемъ города. Какое наслажденіе! Подумай, Габріэль, еслибъ это было такъ, я самъ бы поджогъ порохъ и взлетѣлъ бы до самаго неба, чтобъ оттуда разлетѣться на тысячу кусковъ, подобно камню, выкинутому кратеромъ вулкана. Отъ моего тѣла, разлетѣвшагося въ разныя стороны, не осталось бы и помину.

— Ты бредишь, Августинъ?

— Смерги жажду я, Габріэль, смерти, — продолжалъ онъ, не слушая меня. — Но я хотѣлъ бы такой смерти... Я не умѣю объяснить. Мое отчаяніе достигло такихъ предѣловъ, что смерть отъ пули, отъ сабли не удовлетворила бы меня. Я хочу раздробиться на куски, хочу быть унесеннымъ вихремъ огня и хочу, чтобъ при этомъ хоть на одну минуту во мнѣ оставалось сознаніе, что я погибаю. Габріэль, я на-

хожусь въ безнадежномъ состояніи... Видишь этотъ порохъ? Такъ представь себѣ, что въ моей душѣ таятся все пламя, которое можетъ вспыхнуть отсюда...

— Перестань, Августинъ, успокойся,—уговаривалъ я.

Но онъ продолжалъ:

— Ты видѣлъ ее, когда она вышла навстрѣчу отцу? Видѣлъ, какъ она бросила монеты? Мариквилья не знаетъ, что человекъ, унижавшій ея отца, мой отецъ. Ты видѣлъ, какъ мальчишки забрасывали грязью бѣднаго Кандіолу? Я признаю, что Кандіола негодяй, но она, въ чемъ же она виновата? Чѣмъ виноваты мы съ ней? Ничѣмъ! Габріэль, мое сердце разрывается, я не могу жить; я побѣгу на самый опасный пунктъ, я буду подставлять грудь подъ огонь французъ, потому что послѣ того, что я видѣлъ сегодня, я не въ силахъ жить.

Я увелъ его отсюда на стѣну, и мы приняли участіе вмѣстѣ съ другими въ работахъ по укрѣпленію, которыя производились въ Тенеріасѣ, самомъ слабомъ пунктѣ, послѣ потери Санъ-Хозе и св. Энграціи. Какъ я уже говорилъ, противъ насъ было выставлено пятьдесятъ большихъ пушекъ. Противъ такой батареи что значили всѣ наши картонныя укрѣпленія?

Предмѣстье Тенеріасъ находится съ восточной стороны города, между Хуэрва и Козо. Въ тѣ времена здѣсь стояли небольшіе домики, населенные преимущественно земледѣльцами и ремесленниками; даже церкви здѣсь не имѣли той прочности, какъ въ Сарагоссѣ. Кварталь этотъ расположенъ полукругомъ, открывающимся въ поле и примыкающимъ къ заставѣ Квемада и кладбищу. Отъ этой линіи расходятся нѣсколько улицъ и переулковъ, безъ всякаго опредѣленнаго порядка. Мѣстами улицы прекращались, и вмѣсто домовъ по обѣимъ сторонамъ шли пустоши или просто луга.

Въ тѣ дни, о которыхъ я говорю, на этихъ пустопорожнихъ мѣстахъ оставались камни и развалины, служившіе баррикадами во время первой осады, когда дома не представляли собою естественной защиты. На берегу Эбро существовали остатки стѣны и груды камней, которыя, по мнѣнію однихъ, остались отъ римлянъ, по мнѣнію другихъ, отъ арабовъ. Въ мое время (не знаю, какъ теперь) эти куски стѣнъ, не тронутыхъ нѣсколькими столѣтіями, употреблялись на подставку домовъ, на углы и фундаментъ. Такимъ образомъ новое прилѣпилось къ старому, подобно тому, какъ испанскій народъ выросъ среди остатковъ другихъ народовъ смѣшанной крови, пока наконецъ не сталъ самимъ собою.

Общій видъ предмѣстья Тенеріасъ увлекалъ воображеніе въ поэтическія воспоминанія арабскаго владычества. Множество черепицы, полнѣйшая беспорядочность фасадовъ, окна со ставнями и навѣсами, отсутствіе всякой архитектуры напоминало собою Востокъ. Здѣсь невозможно было понять, гдѣ кончается одинъ домъ и начи-

нается другой, узнать, два или три этажа имѣетъ домъ, и не служить ли крыша поддержкой двухъ домовъ сразу, большая часть улицъ, оканчивавшихся какимъ-то тупымъ, непроходимымъ угломъ, арки, окружавшія площадь, словомъ все напоминало иной народъ.

Это-то предмѣстье, строившееся безъ всякаго порядка, единственно согласно желанію и вкусу его обитателей, приготовлялось къ защитѣ 24-го и 25-го января съ той минуты, когда мы увидали, что на него направлена большая часть непріятельскихъ орудій. Всѣ семьи, жившія въ предмѣстьи, дѣятельно принялись за работу, причемъ каждый желалъ привести въ исполненіе свои личные стратегическіе планы, и намъ нерѣдко приходилось сталкиваться съ инженерами въ юбкахъ, выказывавшими свои познанія въ войнѣ. Вся сѣверная сторона была усѣяна бойницами, на стѣнахъ были поставлены пушки.

Если бы одинъ изъ этихъ пунктовъ былъ разбитъ, то въ предмѣстьѣ можно было бы защищаться подъ стѣнами церкви Сантъ-Августинъ и Моникасъ, которыя представляли собою настоящія крѣпости. Планъ защиты былъ строго обдуманъ жителями. Имѣлось два выдающихся впередъ пункта: мельница Гонкохха и домъ, принадлежавшій дону Викторіано Гонзалесъ, который и перешелъ въ лѣтописи исторіи подъ именемъ Дома Гонзалеса. Было еще мѣсто, называемое кладбищемъ, отъ названія стоявшей на немъ церкви. Но все предмѣстье, а не часть его, обратилось тогда въ кладбище.

XIV.

Августинъ Монторіа и я вмѣстѣ съ нашимъ батальономъ охраняли городскую мельницу до вечера, а затѣмъ насъ замѣнили волонтеры Хухека, и мы могли всю ночь провести внѣ линіи. Намъ почти не вѣрилось, что мы можемъ отдохнуть нѣсколько часовъ подрядъ, такъ какъ едва кончалась военная служба, какъ начиналась другая, не менѣ трудная работа внутри города. Приходилось переносить раненыхъ въ Сео или Пиларскій соборъ, разбирать загоравшіеся дома или носить провіантъ къ каноникамъ и монахамъ въ монастырь Сантъ-Хуанъ де-Панетесъ.

Мы шли съ Монторіа по улицѣ Пабостре. Я шелъ и съ величайшимъ аппетитомъ ѣлъ кусокъ хлѣба. Мой другъ, мрачный и задумчивый, бросалъ свою порцію попадавшимъ намъ по дорогѣ собакамъ. Я употреблялъ всѣ усилія, чтобы хоть немножко развлечь его, но онъ лишь отрывочными восклицаніями отвѣчалъ на мою болтовню. Дойдя до Козо, онъ сказалъ мнѣ:

— Бьетъ десять часовъ на Новой башнѣ. Знаешь, Габріэль, я хочу пойти туда сегодня ночью.

— Сегодня ночью это невозможно. Спрячь подъ пепломъ пламя твоей любви, пока въ воздухѣ летаютъ эти огненные сердца, кото-

рыя называются бомбы и которыя, ударяясь въ дома, могутъ убить половину жителей.

Дѣйствительно, бомбардированіе, длившееся весь день, продолжалось и ночью почти съ такимъ же упорствомъ. Время отъ времени бомбы, ударяясь въ дома, увеличивали и безъ того огромное число убитыхъ въ городѣ.

— Нѣтъ, я пойду туда ночью,—возразилъ онъ.—Видѣла ли меня Мариквиля въ числѣ людей, стучавшихся въ домъ ея отца? Считаетъ ли она меня причастнымъ къ этому дѣлу?

— Не думаю; эта дѣвушка сумѣетъ понять порядочнаго чело-вѣка. Ты въ этомъ убѣдишься впоследствии, а теперь не время этимъ заниматься. Слышишь? Вонъ въ томъ домѣ зовутъ на помощь, а сюда идутъ нѣсколько бѣдныхъ женщинъ. Посмотри, одна изъ нихъ не можетъ идти, она упала на землю. Очень возможно, что сеньорита Мариквиля Кандіола также ушла помогать раненымъ въ Санъ-Пабло или въ Пиларъ.

— Сомнѣваюсь.

— А, можетъ быть, она въ общественномъ комитетѣ.

— Не думаю и этого. Она у себя дома, и я хочу туда идти, Габріэль; ты можешь переносить раненыхъ, возиться съ порохомъ, если желаешь, а я иду туда.

Тутъ намъ встрѣтился Пирли. Онъ былъ все въ той же одеждѣ монаха, только порванной во многихъ мѣстахъ, а на его головѣ по-прежнему находилась французское кепи, испачканное и смятое. Въ этомъ костюмѣ онъ гораздо больше походилъ на ряженнаго во время карнавала, чѣмъ на солдата.

— Вы идете къ раненымъ?—спросилъ онъ.—У насъ сейчасъ умерло двое, когда мы ихъ несли въ Санъ-Пабло. Тамъ нужны люди, чтобы рыть яму, въ которую положить всѣхъ умершихъ вчера; но я уже поработалъ довольно и иду уснуть часокъ въ домѣ Мануэлы Санхо. А до того потанцуемъ немножко; хотите идти со мной?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—мы пойдемъ въ Санъ-Пабло и будемъ хоронить мертвыхъ.

— Говорятъ, что покойники отравляютъ воздухъ, и что потому такъ много больныхъ, которые умираютъ отъ тифа скорѣе, чѣмъ раненые. Я хочу лучше «горячихъ пирожковъ», чѣмъ эпидемію, «сеньора» меня не пугаетъ, а вотъ горячки я боюсь. Такъ вы идете хоронить мертвыхъ?

— Да,—отвѣтилъ Августинъ,—мы идемъ хоронить мертвыхъ?

— Въ Санъ-Пабло ихъ по крайней мѣрѣ штукъ сорокъ и всѣхъ перенесли въ капеллу,—прибавилъ Пирли.—Если такъ пойдетъ дальше, то скоро живыхъ останется меньше, чѣмъ мертвыхъ. Хотите повеселиться немножко? Не ходите рыть яму, а ступайте лучше въ общественный комитетъ, тамъ есть дѣвушки... Всѣ лучшія се-

ньориты города собрались туда и время от времени поютъ и танцуютъ, чтобъ повеселить душу.

— Тамъ и безъ насъ много народу. А Мануэло Санхо также тамъ?

— Нѣтъ, только благородныя сеньориты, которыхъ пригласилъ комитетъ общественной обороны. Есть много дѣвушекъ также въ госпиталяхъ. Онѣ полюбили эту работу; если которая нибудь изъ нихъ не хочетъ идти, то на нее смотрятъ такими дурными глазами, что она не найдетъ себѣ жениха ни въ этомъ году, ни въ будущемъ.

Мы услышали позади насъ торопливые шаги и обернувшись увидели толпу народа, съ дономъ Хозе Монторіа во главѣ. Увидя насъ, онъ гнѣвно крикнулъ:

— Что вы здѣсь дѣлаете, шалопаи? Три здоровыхъ и сильныхъ человѣка стоятъ, сложа руки, когда у насъ недостаетъ людей для работы! Ступайте отсюда. Видите эти двѣ палки съ перекладинами и шестью петлями вонъ тамъ около Тренкве? Видите эту висѣлицу, поставленную сегодня вечеромъ, для измѣнниковъ? Ну, такъ она пригодится также для лѣнтяевъ. Сейчасъ же за работу или я пинками научу васъ пошевеливаться!

Мы послѣдовали за ними и прошли мимо висѣлицы, петли которой колыхались отъ вѣтра въ ожиданіи шей измѣнниковъ и трусовъ.

Монторіа, взявъ сына подъ руку и указывая ему на эти ужасныя петли, сказалъ:

— Вотъ что мы воздвигли сегодня вечеромъ; посмотри, какой прекрасный подарокъ для тѣхъ, кто не исполняетъ своего долга. Идите скорѣе; я старикъ, но никогда не устаю, а вы молодые еле передвигаете ноги. Нѣтъ уже тѣхъ непобѣдимыхъ людей первой осады! Сеньоры, мы, старики, можемъ служить примѣромъ молодежи, которая, не пообѣдавъ недѣлю, ужъ проситъ горячаго бульону. Пороховаго бульону даль бы я вамъ и угостилъ бы васъ прикладомъ ружья, трусы! Эй, впередъ, надо еще похоронить мертвыхъ и снести на стѣны патроны.

— И навѣстятъ больныхъ этой проклятой эпидеміей, которая распространяется все больше и больше,—сказалъ одинъ изъ спутниковъ.

— Я не знаю, что и думать объ этой эпидеміи, какъ ее называютъ доктора и которую я называю страхомъ, сеньоры, чистѣйшимъ страхомъ,—прибавилъ донъ Хозе.—Чувствовать холодъ, жаръ, зеленѣть и умирать, вѣдь это не больше, какъ признаки страха! Уже нѣтъ болѣе желѣзныхъ людей, сеньоры, людей первой осады! Теперь, когда простоятъ въ теченіе десяти часовъ подъ открытымъ огнемъ, падаютъ отъ усталости и говорятъ, что больше не могутъ. Да вѣдь это сущій пустякъ! Есть люди, которые, потерявъ ногу,

начинають трусить, громко призывають святыхъ мучениковъ и просятъ отнести ихъ на кровать. Это трусость и больше ничего! Да вотъ еще недавно изъ батареи Палафокса уволилось нѣсколько солдатъ, и между ними были люди, у которыхъ одна рука была здорова и невредима. И сейчасъ просятъ бульону... Пусть лучше проливають свою кровь, это лучший бульонъ въ мѣрѣ. Ахъ, какъ мельчаютъ люди, какъ мельчаютъ, тысячу дубинъ!..

— Завтра французы атакуютъ предмѣстье Тенеріасъ,—сказалъ одинъ изъ спутниковъ.— Если у насъ будетъ много раненыхъ, то ужъ и не знаю, куда мы ихъ помѣстимъ.

— Раненыхъ!—воскликнулъ Монторіа.— Здѣсь не нужно раненыхъ. Мертвые не стѣсняють, потому что изъ нихъ дѣлаются барикады, но раненые... Такъ какъ у нынѣшнихъ людей нѣтъ прежней храбрости... то пусть они защищаются до тѣхъ поръ, пока не останется лишь десятая часть изъ нихъ, но только каждый долженъ убить по крайней мѣрѣ десятка два французовъ... Что за ничтожные людипки! Ну, однако, пусть будетъ, что Богу угодно, а пока есть раненые и больные, надо помочь имъ. А что сегодня много собрано куръ?

— Сотни двѣ, изъ которыхъ половина пожертвованы, а остальные куплены по шести съ половиною реаловъ. Нѣкоторые совсѣмъ не хотѣли дать.

— Хорошо. Такой человекъ, какъ я, въ такіе дни занимается курами, каково? Такъ вы сказали, что нѣкоторые совсѣмъ не хотѣли давать? Главнокомандующій далъ мнѣ право обложить пенями тѣхъ, кто такъ или иначе отказывается отъ защиты города, вотъ мы и доберемся до тѣхъ измѣнниковъ... Стойте, сеньоры! Колоколь Новой башни возвѣщаетъ о бомбѣ, летящей въ окрестности. Видите? Слышите? Какой страшный шумъ! Само Провидѣніе послало эту бомбу къ дому этого отвратительнаго жида, который относится равнодушно и почти съ презрѣніемъ къ несчастью своихъ согражданъ. Вонъ народъ бѣжитъ туда, тамъ, кажется, загорѣлся домъ.

Кое-кто изъ насъ бросился въ сторону пожара.

— Остановитесь, остановитесь!—крикнулъ донъ Хозе.— Пусть горитъ, пусть отъ этого дома не останется и помину. Это домъ дяди Кандіолы, а онъ не далъ бы и песеты, чтобъ спасти родъ человѣческой отъ новаго потопа. Эй, Августинъ, куда ты идешь? Ты также туда направляешься? Поди сюда и иди за мною, насъ ждетъ работа въ другомъ мѣстѣ.

Мы шли въ это время мимо школы Пія. Августинъ, повинувшись очевидно влеченію своего сердца, быстро направился къ площади Санъ-Филиппо, слѣдуя за народомъ, бѣжавшимъ въ ту сторону, но энергически остановленный отцомъ, онъ очень неохотно присоединился къ намъ. Что-то дѣйствительно горѣло близъ Новой башни, красная черепица такъ и сверкала въ пламени. Наклонная фигура

башни, средь темноты ночи, возвышалась въ видѣ пурпуроваго монумента, и въ то же время съ ея колокольни раздавался печальный звонъ.

Мы пришли въ Санъ-Пабло.

— Эй, молодцы, помогите-ка рыть эту могилу,— сказалъ намъ донъ Хозе. — Она должна быть широкая и мягкая, мы положимъ въ нее сорокъ труповъ.

Мы принялись за работу въ церковномъ дворѣ. Августинъ рылъ также, какъ и я, и поминутно оборачивался къ Новой башнѣ.

— Страшный пожаръ,— сказалъ онъ мнѣ.— Взгляни, Габріэль, онъ какъ будто бы немножко утихаетъ. Я хотѣлъ бы броситься въ эту огромную яму, которую мы роемъ.

— Нечего торопиться,— отвѣтилъ я,— быть можетъ, завтра утромъ насъ опустятъ въ нее безъ всякой просьбы. Оставь эти глупости и работай.

— Видишь? кажется, пламя уменьшается.

— Да, должно быть, весь домъ сгорѣлъ. Дядя Кандіола, вѣроятно, спрятался въ свой подвалъ, а туда огонь не достигнетъ.

— Габріэль, я побѣгу туда на минутку; мнѣ хочется посмотреть, его ли это домъ. Если мой отецъ выйдетъ изъ церкви, ты скажешь ему... ты скажешь ему, что я вернусь въ одну секунду.

Неожиданное появленіе дона Хозе де-Монторіа не позволило Августину выполнить предполагаемое бѣгство, и мы продолжали рыть общую могилу.

Начали приносить трупы, и раненые и больные, которыхъ ежеминутно пронесли мимо насъ, видѣли удобную постель, приготовляемую нами, постель, въ которую, быть можетъ, завтра уже и ихъ опустятъ. Наконецъ, яма оказалась уже достаточно глубокой, и намъ приказали выйти изъ нея. Одинъ за однимъ опускались трупы въ эту огромную могилу, въ то время какъ нѣсколько патеровъ, окруженныхъ плачущими женщинами, стоя на колѣняхъ, совершали послѣднее напутствіе. Сорокъ тѣлъ было опущено; оставалось только закрыть ихъ землей.

Донъ Хозе Монторіа, съ открытой головою, громко читая Отче Нашъ, бросилъ первую горсть земли, и затѣмъ наши лопаты и заступы быстро принялись совершать остальное. Окончивъ эту работу, мы всѣ опустили на колѣни и тихо молились. Августинъ Монторіа шепталъ мнѣ на ухо:

— Пойдемъ теперь... отецъ уйдетъ. Ты скажешь ему, что мы остаемся здѣсь, чтобъ замѣнить двухъ товарищей, у которыхъ дома есть больной, котораго они хотятъ навѣстить. Скажи ему это, ради Бога, я не смѣю... а потомъ мы сейчасъ же отправимся туда.

XV.

Мы обманули старика и двинулись въ путь. Было уже очень поздно, такъ какъ наша работа въ Санъ-Пабло длилась больше трехъ часовъ. Зарево пожара уже исчезло: наклонная фигура Новой башни скрылась въ темнотѣ ночи, только время отъ времени съ ея колокольни доносился звонъ, извѣщавшій о новой бомбѣ. Скоро мы дошли до площади Санъ-Филиппо и, увидавъ обгорѣвшую крышу, поняли, что сгорѣлъ не домъ дяди Кандіолы, а сосѣдній.

— Господь ее пощадилъ, — радостно произнесъ Августинъ. — Если прегрѣшенія Кандіолы навлекутъ гнѣвъ Божій на его домъ, то добродѣтели и невинность Мариквильи отвлекутъ его. Пойдемъ къ ней.

На площади Санъ-Филиппо былъ еще народъ, но улица Антонъ Трильо была пустыня. Мы остановились около забора сада и прислушались. Здѣсь царилъ такая тишина, что домъ казался необитаемымъ. Неужели это дѣйствительно такъ? Хотя до этого квартала и наименѣе достигали бомбы, но многія семьи покинули свои дома или прятались въ подвалахъ.

— Если я войду, — сказалъ Августинъ, — ты войдешь со мною. Послѣ сегодняшней сцены я боюсь, что жадный и подозрительный донъ Иеронимо всю ночь будетъ сторожить въ саду изъ боязни, чтобъ не вернулись грабить его подвалъ.

— Въ такомъ случаѣ, — возразилъ я, — лучше совсѣмъ не входить, потому что, кромѣ опасности попасть въ руки этого негодяя, случится большой скандалъ, потому что завтра же утромъ вся Сарагосса узнаетъ, что сынъ дона Хозе де-Монторіа, молодой чело-вѣкъ, котораго предназначаютъ для будущей митры, проводитъ ночи съ дочерью дяди Кандіолы.

Но тотъ и другіе приведенные мною аргументы оказались лишь проповѣдью въ пустынѣ. Онъ ничего не хотѣлъ слушать, настоялъ на томъ, чтобъ я слѣдовалъ за нимъ, и, бросивъ въ окно условленный камешекъ, сталъ нетерпѣливо ждать отвѣта. Прошло довольно много времени и, наконецъ, пугливо оглядываясь по сторонамъ, мы замѣтили свѣтъ въ высокому окнѣ. Мы услышали торопливые шаги по лѣстницѣ, затѣмъ безшумно отворилась дверь, ржавыя петли которой очевидно были смазаны заботливой рукою. Мы вошли и столкнулись не съ прелестной дѣвушкой, а со старымъ кислымъ лицомъ, въ которомъ я тотчасъ же узналъ донью Гведиту.

— Нашли время, когда приходитъ, да еще вдвоемъ, — заворчала она. — Пожалуйста, не дѣлайте никакого шума. Идите нацыпочкахъ и не шелестите ни однимъ листикомъ, потому что мнѣ кажется, что сеньоръ не спитъ.

Она говорила намъ это такъ тихо, что мы едва могли слышать, и, приложивъ къ губамъ палецъ, дѣлала намъ знакъ, чтобъ

мы молчали. Садъ былъ небольшой; мы скоро дошли до конца его и очутились подлѣ каменной лѣсенки, ведшей въ домъ. Едва поднялись мы на пять ступенекъ, какъ къ намъ на встрѣчу вышла высокая фигура, закутанная въ мантилью. Это была Мариквилья. Прежде всего она сдѣлала намъ знакъ молчать и съ безпокойствомъ взглянула на маленькое оконце, выходившее въ садъ. Потомъ она выразила удивленіе, видя Августина не одного, но онъ поторопился ее успокоить.

— Это Габріэль, мой другъ, мой лучшій единственный другъ, о которомъ я тебѣ говорилъ столько разъ.

— Говори тише,—сказала Мариквилья.—Еще недавно мой отецъ вышелъ съ фонаремъ изъ своей комнаты и обошелъ весь домъ и садъ.— Мнѣ кажется, что онъ еще не спитъ. Ночь такая темная, спрячемся подъ тѣнь кипариса и будемъ говорить тихо.

Каменная лѣстница вела въ корридоръ, или, вѣрнѣе, на террасу съ деревяннымъ навѣсомъ. Въ глубинѣ этой террасы образовалось тѣнистое мѣстечко отъ стараго кипариса, росшаго въ саду. Раскинувшіяся вѣтви дерева едва пропускали короткіе лучи появившейся луны и отражались на полу.

Подъ защитой этого кипариса Мариквилья сѣла на единственный, находившійся на террасѣ стулъ; Монторія опустился на полъ подлѣ нея, положивъ руки къ ней на колѣни; я также сѣлъ не-вдалекѣ отъ этой красивой парочки. Январская ночь была ясна, суха и холодна. Двое влюбленныхъ, разогрѣтые пыломъ любви, не чувствовали пониженія температуры, но я, какъ чуждый этому пламени, завернулся въ мою шинель, чтобъ не простудиться, сидя на холодной черепицѣ.

Мариквилья сразу начала щекотливый для насъ разговоръ.

— Сегодня утромъ я видѣла тебя на улицѣ,—запептала она.— Когда мы съ Гведитой услышали шумъ голосовъ и стуки въ нашу дверь, я выглянула въ окно и увидала тебя на тротуарѣ, напротивъ.

— Это правда,—въ смущеніи отвѣтилъ Монторія,—я былъ тамъ, но сейчасъ же ушелъ, потому что... меня отпустили.

— Ты не видалъ, какъ эти варвары накинудись на моего отца?— съ волненіемъ продолжала Мариквилья.—Когда этотъ жестокий чуждѣкъ бросился на него, я смотрѣла кругомъ, въ надеждѣ, что ты защитишь моего отца, но тебя нигдѣ не было.

— Я же говорю тебѣ, Мариквилья, дорогая моя,—возразилъ Августинъ,—что я ушелъ раньше... Потомъ мнѣ сказали, что съ твоимъ отцомъ поступили очень жестоко, мнѣ было это такъ непріятно... я хотѣлъ прійти.

Дѣвушка заплакала.

— Да, среди цѣлой толпы никто, никто не двинулся даже, чтобъ защитить его! Я умираю со страху, тамъ наверху, видя его въ опасности. Мы съ тревогой смотрѣли на улицу. Никого,

только одни враги... Ни одной великодушной руки, ни одного доброго слова. Самый жестокий изъ всѣхъ этихъ людей бросилъ моего отца объ землю... О, когда я это вспомню, я не знаю, что со мной дѣлается! Когда я это увидала, я вся замерла отъ страха. До сихъ поръ я не знала настоящаго гнѣва, этого внутренняго огня, который толкалъ меня со ступеньки на ступеньку... Мой несчастный отецъ валялся на землѣ, а этотъ негодяй толкалъ его ногами, какъ ядовитую змѣю.

Она остановилась, чтобы перевести дыханіе и продолжала съ еще большимъ волненіемъ:

— Увидавъ это, я почувствовала, точно во мнѣ загорѣлась вся кровь. Какъ сумасшедшая бѣгала я по комнатамъ, ища оружія, ножа, топора, чегонибудь. Но ничего не могла найти... Со двора доносились жалобные стоны моего отца, я не въ силахъ была болѣе ждать и выбѣжала изъ дому. Очутившись въ кладовой, среди столькихъ людей, я почувствовала новый приступъ страха и не могла двинуться съ мѣста. Тотъ самый человекъ, который оскорбилъ моего отца, протянулъ мнѣ горсть золотыхъ монетъ. Я не хотѣла ихъ брать, но потомъ взяла и силой бросила ему въ лицо. Мнѣ казалось, что у меня въ рукѣ кинжалъ, и что я мщу имъ за отца. Потомъ я сошла со ступенекъ, стала искать отца, но ничего не видала. Только уже черезъ нѣсколько минутъ я увидала, что отецъ валяется въ грязи и молить о помощи.

— О, Марія, Мариквилья, дорогая!— воскликнулъ съ горестью Августинъ, цѣлуя руки несчастной дочери Кандіолы.— Не говори мнѣ больше объ этомъ, не надрывай мою душу. Я не могъ заступиться за него... я долженъ былъ уйти... я ничего не зналъ, я думалъ, что эти люди пришли сюда для другой цѣли. Я знаю, ты совершенно права, но оставь разговоръ объ этомъ, онъ меня оскорбляетъ, доставляетъ мнѣ горе...

— Если бы ты заступился за моего отца, онъ былъ бы благодаренъ тебѣ, а отъ благодарности не далеко и до любви. Ты былъ бы принятъ у насъ въ домѣ...

— Твой отецъ неспособенъ любить кого бы то ни было,— отвѣтилъ Августинъ.— Не жди, чтобы мы чегонибудь достигли этимъ путемъ. Будемъ надѣяться, что наше желаніе исполнится какиминибудь иными, невѣдомыми путями, съ Божіей помощью и совѣмъ неожиданно. Не будемъ думать объ обыкновенномъ, о томъ, что у насъ впереди, потому что насъ окружаетъ опасность, препятствія, невозможность. Подумаемъ о чемънибудь неожиданномъ, выходящемъ изъ ряду вонъ. Съ вѣрою въ Бога и въ нашу любовь будемъ ждать чуда, которое соединитъ насъ, потому что это будетъ дѣйствительно чудо, Мариквилья, въ родѣ тѣхъ чудесъ, которымъ вѣрили прежніе люди, и которымъ не вѣримъ мы.

— Чудо! — грустно воскрикнула Мариквилья. — Это правда.

Ты знатный кабалеро, сынъ людей, которые никогда не согласятся на твою женитьбу на дочери Иеронимо Кандіолы. Весь городъ ненавидитъ моего отца. Всѣ бѣгутъ отъ насъ, никто къ намъ не ходитъ; если я выхожу на улицу, на меня смотрятъ съ насмѣшкой и презрѣніемъ. Дѣвушки моихъ лѣтъ не любятъ водить со мной знакомство, а молодые люди, которые по вечерамъ поютъ подъ гитару любовныя серенады подъ окнами своихъ невѣстъ, останавливаются подъ моими, чтобъ крикнуть какую нибудь дерзость моему отцу и меня самоё называютъ разными дурными именами. Охъ, Боже мой! Я понимаю, что нужно чудо для того, чтобъ я была счастлива... Августинъ, мы уже знаемъ другъ друга четыре мѣсяца, и ты до сихъ поръ не хочешь сказать мнѣ фамиліи твоихъ родныхъ. Конечно, она благороднѣе моей. Но зачѣмъ ты это скрываешь? Если бы всѣ узнали о нашей любви, то ты съ ужасомъ убѣжалъ бы отъ дочери Кандіолы.

— Охъ, не говори этого! — воскликнулъ Августинъ, обнимая колѣни Мариквильи и пряча въ нихъ свое лицо. — Не говори, что я стыжусь моей любви къ тебѣ, не говори этого, потому что ты оскорбляешь Бога. Это неправда. Теперь наша любовь тайна, это такъ нужно, но когда надо будетъ ее открыть, я открою, не смотря на гнѣвъ моего отца. Да, Мариквилья, родные проклянутъ меня, выгонятъ меня изъ дому. Еще недавно ты, гдѣя на эту башню, говорила мнѣ: «Клянусь тебѣ, что моя любовь устойчивѣе этой башни; она можетъ упасть, но моя любовь всегда останется непоколебимой. Сотворенное человѣческими руками не вѣчно, но творенія природы не имѣютъ конца. Ты видѣла Монкайо, эту огромную скалу, возвышающуюся среди другихъ скалъ на западѣ, которую видно съ предмѣстья? Ну, такъ вотъ, когда Монкайо устанетъ стоять на одномъ мѣстѣ и двинется на Сарагоссу, чтобъ превратить ее въ пыль, тогда, только тогда я разлюблю тебя.

Въ такихъ гиперболическихъ и поэтическихъ образахъ рисовалъ мой другъ свою любовь Мариквильѣ, которая, казалось, была очень довольна этимъ сравненіемъ. Съ минуту оба помолчали, но вдругъ мы всѣ трое невольно вскрикнули и взглянули на башню, колоколь которой прозвонилъ два раза. Въ ту же минуту яркая полоса огня озаряла темноту ночи.

— Бомба! Это бомба! — съ испугомъ вскрикнула Мариквилья, бросаясь въ объятія своего друга.

Страшная полоса скользнула надъ нашими головами, надъ садомъ, надъ домомъ, освѣщая на своемъ пути башню, сосѣднія крыши и даже уголъ, гдѣ мы находились. Затѣмъ раздался трескъ. Колоколь снова загудѣлъ, къ нему присоединились колокола другихъ ближайшихъ церквей, и мы услышали, какъ народъ запевелъ, забѣгалъ на улицахъ.

— Эта бомба не убьет насъ,—сказалъ Августинъ, успокаивая свою невѣсту.—Тебѣ страшно?

— Ужасно, ужасно страшно!—отвѣтила она.—Хотя иногда мнѣ кажется, что у меня много храбрости. Я провожу ночи въ молитвѣ, чтобъ Господь пощадилъ нашъ домъ. До сихъ поръ съ нами не случилось никакого несчастія ни въ ту осаду, ни въ эту. Но сколько несчастныхъ погибло, сколько семействъ, никому не сдѣлавшихъ зла, потеряло въ пламени свои дома! Мнѣ такъ страстно хотѣлось бы идти вмѣстѣ съ другими ухаживать за ранеными, но отецъ мнѣ не позволяетъ и всегда ссорится со мною, когда я его прошу объ этомъ.

Когда она говорила это, изнутри дома слышался смутный и отдаленный шумъ; казалось, сеньора Гведита разговариваетъ съ дядей Кандіолой. Мы всѣ трое, повинуваясь одному и тому же чувству, прижались инстинктивно въ самый уголъ и затаили дыханіе, боясь, что насъ откроютъ. Скоро мы уже услышали совсѣмъ близко отъ насъ голосъ старика:

— Зачѣмъ вы встаете такъ рано, сеньора Гведита?

— Сеньоръ,—отвѣтила служанка, высовываясь въ окно, выходящее на террасу, — кто же можетъ спать среди этой ужасной бомбардировки? Вѣдь каждую минуту бомба можетъ застать насъ въ постели, въ одномъ бѣльѣ, и прибѣгутъ сосѣди тушить огонь... Охъ, какой стыдъ! Я ни за что не раздѣнусь, пока не окончатся эта проклятая бомбардировка.

— А моя дочь спитъ?—спросилъ Кандіола, высовываясь въ другое окно, выходящее на конецъ сада.

— Она спитъ наверху, какъ мертвая,—отвѣтила старушка.—Правду говорятъ, что невинность не понимаетъ опасности. Нашу сеньориту бомба пугаетъ не больше, чѣмъ фейерверкъ.

— Еслибъ отсюда можно было увидать, куда упала эта бомба,—сказалъ Кандіола, наполовину высунувшись изъ окна и вытягивая шею, по направленію къ сосѣднимъ домамъ.—Видно зарево, какъ отъ пожара, но нельзя сказать, близко оно или далеко.

— Мнѣ кажется,—произнесла Гведита уже изъ корридора,—что эта бомба упала тамъ, близъ рынка.

— Кажется, что такъ. Еслибъ всѣ онѣ попадали на дома тѣхъ, кто руководить защитниками, то сразу окончились бы наши несчастья... Если я не ошибаюсь, сеньора Гведита, то огонь виднѣтся въ улицѣ Гиринерія. Не тамъ ли помѣщаются кладовыя комитета аббатовъ? Ахъ, благословенна та бомба, которая упадетъ на улицу Хиларца, на домъ этого проклятаго вора!.. Сеньора Гведита, я хочу выйти на улицу и посмотрѣть, не попала ли бомба на домъ этого гордеца, этого канальи, этого душегубца дона Хозе де-Монторія. Я такъ молился объ этомъ сегодня ночью Пиларскоіи Богоматери,

всѣмъ святымъ, св. Домингунто дель-Валь, что, надѣюсь, они наконецъ меня услышали.

— Сеньоръ донъ Геронимо, — возразила Гведита, — оставьте эту бѣготню по улицамъ. Ночь такъ холодна, что не стоитъ схватить воспаленіе легкихъ для того, чтобы посмотрѣть, куда упала бомба, довольно съ насъ и того, что она не упала на нашъ домъ. Если эта не зацѣпила дома этого варвара, то завтра зацѣпитъ другая, у французовъ мѣткій глазъ. Ложитесь-ка лучше спать, а я буду ходить по дому, сторожить, чтобъ чего не случилось.

Кандіола, очевидно, согласился съ мнѣніемъ экономки, потому что онъ закрылъ окно и, должно быть, ушелъ къ себѣ. Но влюбленные долго не прерывали молчанія изъ боязни, что ихъ услышатъ и откроютъ; только когда старушка пришла сказать намъ, что ея сеньоръ храпитъ, какъ боровъ, разговоръ возобновился.

— Мой отецъ желаетъ, чтобъ бомбы падали на домъ его врага, — сказала Мариквилья. — Я лично хотѣла бы нигдѣ ихъ не видѣть, но если иногда и можно желать зла ближнему, то въ этомъ случаѣ это извинительно. Правда?

Августинъ ничего не отвѣтилъ.

— Ты ушелъ, — продолжала молодая дѣвушка, — ты не видалъ, какъ этотъ жестокій, отвратительный, подлый человѣкъ бросилъ его объ землю и, не помня себя отъ злости, сталъ топтать его ногами. Такъ будутъ топтать демоны въ аду его душу. Вѣдь правда?

— Да, — лаконически отвѣтилъ Монторіа.

— Сегодня, вечеромъ, послѣ того, какъ все это кончилось, мы съ Гведитой стали лѣчить ушибы отца. Онъ лежалъ на постели и въ изступленіи кусалъ себѣ пальцы, жалуясь на то, что не могъ осилить своего врага. Мы старались его успокоить, но онъ велѣлъ намъ замолчать. Онъ меня упрекалъ за то, что я бросила на улицу деньги за муку, очень сердился на меня и сказалъ, что если нельзя было взять больше, то не слѣдовало брезговать тремя тысячами реаловъ, говорилъ, что я безумная расточительница, что я его разоряю. Мы никакимъ образомъ не могли его успокоить. Подъ вечеръ мы опять услышали шумъ на улицѣ. Мы думали, что это вернулись тѣ, кто были утромъ. Отецъ былъ внѣ себя, хотѣлъ вскочить съ кровати. Сначала я очень испугалась, а потомъ рѣшила, что надо быть храброй. Думая о тебѣ, я сказала про себя: «Еслибъ онъ былъ съ нами, никто не посмѣлъ бы оскорбить насъ». Такъ какъ шумъ на улицѣ все усиливался, то я, набравшись храбрости, заперла всѣ двери, уговорила отца спокойно лежать въ кровати и стала ждать, что будетъ. Пока Гведита, стоя на колѣняхъ, молилась всѣмъ святымъ, я ходила по дому, отыскивая какогонибудь оружія, наконецъ, нашла ножъ. Прежде видъ всякаго оружія приводилъ меня въ ужасъ, но теперь я взяла ножъ съ полной рѣшимостью. О, я не помнила себя, и даже теперь мнѣ страшно вспо-

мнить объ этомъ. Мнѣ бывало дѣлается дурно, когда я смотрю на раненаго, я пугалась каждой капли крови, я почти плакала, когда при мнѣ наказывали собаку, и никогда не имѣла силъ убить даже мухи; но сегодня, Августинъ, сегодня, когда я услышала шумъ на улицѣ, когда мнѣ послышалось, что стучать въ дверь, когда я ожидала съ минуты на минуту, что предо мной опять появятся эти люди... Клянусь тебѣ, что еслибъ исполнилось то, чего я боялась, еслибъ, когда я сидѣла въ комнатѣ моего отца, у его постели, вошелъ тотъ самый человѣкъ, который оскорбилъ его утромъ, клянусь тебѣ... не колеблясь я зажмурила бы глаза и пронзила бы ему сердце...

— Замолчи, ради Бога! — въ ужасѣ произнесъ Монторіа. — Ты меня пугаешь, Мариквилья; слушая тебя, мнѣ кажется, что ты твоими милыми, невинными ручками вонзаешь въ мое сердце холодную сталь. Въ другой разъ никто не оскорбитъ твоего отца. Ты вѣдь видишь, что сегодня вечеромъ ты только напрасно перепугалась. Нѣтъ, ты не была бы способна сдѣлать то, что говоришь; ты женщина и женщина слабая, чувствительная, застѣнчивая, не способная убить человѣка. Ножъ выпалъ бы изъ твоихъ чистыхъ рукъ, и ты не запачкала бы ихъ въ крови ближняго. Эти ужасы выпадаютъ на нашу долю; мы, мужчины, осуждены на борьбу, и иногда намъ приходится, скрѣпя сердце, лишать жизни людей. Не говори больше объ этомъ, Мариквилья, не вспоминай оскорбившихъ тебя, прости имъ, а главное не убивай никого, даже мысленно.

XVI.

Вглядываясь въ лицо молодой дѣвушки, я даже и въ темнотѣ замѣтилъ, что оно было блѣдно и неподвижно, какъ мраморное. Только въ ея черныхъ глазахъ, когда она подымала ихъ къ небу, сверкалъ какой-то затаенный блескъ. Интересно было наблюдать, какъ въ этой страстной натурѣ боролась врожденная чувствительность съ напускною храбростью. Это подчиненіе любимому человѣку, эта безпомощность плохо вязались съ героическими порывами на защиту отца противъ оскорбившихъ его людей, но все говорило въ ней, что эти порывы вполне искренни.

— Я восхищаюсь твоей дочерней любовью, — продолжалъ Августинъ. — Теперь послушай, что я тебѣ скажу. Я не извиняю тѣхъ, кто дурно отнесся къ твоему отцу, но ты не должна забывать, что онъ единственный человѣкъ, ничего не давшій на войну. Донъ Иеронимо прекрасная личность, но въ его душѣ нѣтъ ни искры патриотизма. Онъ совершенно равнодушенъ къ несчастію города и даже какъ будто радуется, когда побѣда остается не за нами.

Молодая дѣвушка нѣсколько разъ вздохнула и подняла глаза къ небу.

— Это правда, — сказала она затѣмъ. — Ежедневно и ежечасно умоляю я его сдѣлать что нибудь для войны. Ни къ чему это не приводитъ, хотя я и говорю ему о нуждахъ бѣдныхъ солдатъ и о томъ, какъ на насъ косится вся Сарагосса. Онъ только сердится, когда я говорю объ этомъ, и отвѣчаетъ, что тотъ, кто затѣялъ войну, тотъ и долженъ платить. Во время первой осады я была страшно обрадована вѣстью о побѣдѣ 4-го августа и въ тотъ же день вышла на улицу не въ силахъ сдержатъ свое любопытство. Разъ вечеромъ я пошла къ однимъ знакомымъ Урриесъ, тамъ былъ праздникъ по поводу этой побѣды, и я также была очень оживлена и весела. Тогда одна старуха, присутствовавшая тамъ, сказала мнѣ очень громкимъ, рѣзкимъ тономъ:

— Вмѣсто того, чтобъ хохотать и веселиться, почему вы не принесете въ госпиталь хоть старую простыню? Неужели въ домѣ сеньора Кандіолы, у котораго подвалы полны золота, не найдется тряпки для раненыхъ? Твой напашенька единственный изъ всѣхъ, изъ всѣхъ жителей Саррагосы, который ровно ничего не пожертвовалъ для войны.

Всѣ смѣялись, слушая это, а я чуть не умерла со стыда и не могла произнести ни слова. Я сѣла въ уголокъ въ залѣ и просидѣла тамъ весь остатокъ вечера; никто не обращалъ на меня вниманія. Мои подруги, которыя прежде такъ любили меня, даже и не подошли ко мнѣ, а въ общемъ разговорѣ нѣсколько разъ я слышала, какъ порицали и бранили моего отца. О, у меня сердце разрывалось на части! Когда я стала прощаться, чтобъ идти домой, со мною холодно поклонились, и даже хозяева дома отнеслись ко мнѣ съ замѣтнымъ презрѣніемъ. Я вернулась уже поздно, легла, но не могла спать и всю ночь проплакала до утра. Мнѣ было такъ стыдно, что не умѣю даже выразить.

— Мариквилья, — съ нѣжной любовью произнесъ Августинъ, — твои личныя побужденія такъ чисты и высоки, что Господь ради тебя забудетъ жестокость твоего отца.

— Потомъ, — продолжала молодая дѣвушка, — черезъ нѣсколько дней, 4-го августа, пришли двое раненыхъ, о которыхъ говорилъ сегодня во время ссоры этотъ человѣкъ. Когда намъ сказали, что комитетъ назначаетъ въ каждый домъ по два раненыхъ, мы съ Гведитой ужасно обрадовались и торопливо стали приготавливать бѣлье, бинты, постели. Мы ждали ихъ съ такимъ нетерпѣніемъ, что поминутно выглядывали въ окно, не идутъ ли они. Наконецъ, они пришли; мой отецъ, не задолго до того вернувшійся изъ города, былъ въ очень дурномъ настроеніи духа, жаловался на то, что среди убитыхъ есть много его должниковъ, и что поэтому онъ вовсе не получитъ съ нихъ долга, онъ дурно принялъ раненыхъ. Я въ слезахъ цѣловала его и умоляла пустить ихъ ночевать, но онъ не обратилъ никакого вниманія на мои слова и, не помня себя отъ

гнѣва, вышвырнулъ ихъ на улицу, заперъ дверь и крикнулъ: «Пусть за ними ухаживаютъ ихъ родные!».

Дѣвушка помолчала, затѣмъ снова начала въ волненіи:

— Была уже ночь. Мы съ Гведитой страшно огорчились. Мы не знали, что дѣлать, и прислушивались къ стонамъ этихъ двухъ несчастныхъ людей, звавшихъ на помощь. Отецъ заперся у себя въ комнатѣ и принялся сводить какіе-то счеты, забывъ и о насъ и о раненыхъ. Мы пробрались нащипочкахъ въ комнату, окна которой выходятъ на улицу, и стали бросать имъ бинты для ранъ, но они не могли ихъ поднять. Мы позвали ихъ, они насъ увидели и протянули къ намъ руки. Тогда мы привязали къ палкѣ корзинку съ провизіей, но одинъ изъ нихъ уже лежалъ безъ чувствъ, а другой такъ страдалъ, что не могъ ничего ѣсть. Мы успокоивали ихъ нѣжными словами и молились за нихъ Богу. Въ концѣ концовъ мы рѣшились выйти изъ дому хоть на минутку, чтобъ перевязать ихъ раны, но отецъ поймалъ насъ и страшно разсердился. Господи, что это была за ночь!.. Одинъ изъ раненыхъ умеръ посреди улицы, а другой поползъ искать помощи въ иномъ мѣстѣ.

Августинъ молчалъ и я также. Мы оба думали объ этой ужасной сценѣ.

— Мариквилья,—произнесъ, наконецъ, мой другъ,—какъ я горжусь моею любовью къ тебѣ! Городъ не знаетъ твоего золотого сердца, а надо, чтобъ онъ зналъ его. Я хочу сказать всѣмъ, что я тебя люблю, и докажу моему отцу, когда онъ объ этомъ узнаетъ, что мой выборъ удаченъ.

— Я не лучше другихъ дѣвушекъ,—скромно отвѣтила она,—и твои родители всегда будутъ видѣть во мнѣ лишь дочь того, кого называютъ жидомъ. О, я готова умереть со стыда! Я хочу уѣхать изъ Сарагоссы и никогда сюда не возвращаться. Это правда, что мой отецъ родомъ изъ Пальма, но онъ происходитъ не отъ евреевъ, а отъ древнихъ христіанъ, а моя мать была арагонка изъ фамиліи Ринконъ. За что же насъ презираютъ? Что мы сдѣлали?

При этихъ словахъ Мариквилья полунедовѣрчиво, полупрезрительно улыбнулась. Августинъ, повидимому, полный самыхъ мучительныхъ мыслей, молчалъ, опираясь головою на руки своей невѣсты. Какіе-то угрожающіе призраки какъ будто стояли передъ ихъ глазами и смущали душевное спокойствіе.

Наконецъ, Августинъ поднялъ голову.

— Мариквилья, почему ты молчишь? Скажи что нибудь.

— А почему ты молчишь, Августинъ?

— О чемъ ты думаешь?

— А ты о чемъ думаешь?

— Я думаю о томъ,—произнесъ молодой человѣкъ,—что Богъ намъ поможетъ. Когда окончится осада мы обвиняемъ Если

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ЯНВАРЬ 1896 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 29-й.

- Абел, К. d-г. Микроскопическая техника и Диагностика въ гинекологической практикѣ. для студентовъ и врачей. Перев. А. Новикова, подъ ред. проф. Снегирева. Съ 39 рис. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Абовъ, Г. Изъ исторій ученій финляндскаго государственнаго права. Спб. 1891 г. Ц. 40 к.
- Авилонъ, Л. Счастливецъ и другіе рассказы. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Адриановъ, Н. Моментальная фотография въ темное зимнее время при вспышкахъ. Съ 7 рис. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.
- Александровъ, В. Разсужденіе о томъ, какъ охранять 15.000.000 руб. въ годъ, которые летятъ теперь изъ доменъ на воздухъ или предложеніе объ измѣненіи существующаго типа доменной плавки. Спб. 1895 г. Ц. 60 к.
- Андреевская, В. Звѣздочки. Разсказы для дѣтей. Съ 5 рис. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Пята штучокъ, золотой гребешокъ. Съ 6 рис. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Арефа, Н. Инструкція полицейскимъ урядникамъ, съ приведеніемъ дополнительныхъ къ ней узаконеній и распоряженій, а также сенатскихъ и министерскихъ разъясненій. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Астафьевъ, М. Общество для распространенія Св. Писанія въ Россіи (1863—1893). Очеркъ его происхожденія и дѣятельности. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Аванасьевъ, Л. Стихотворенія. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Бальмонтъ. Въ безбрежности. За предѣлы. Любовь и тѣни любви. Между ночью и днемъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Бартевель, С. Поѣздка на Востокъ. (Выдержки изъ писемъ). М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Безобразова, Е. (Василевская). Отдыхъ. Два разсказа для дѣтей. Издан. 3. Съ рис. Спб. 1895 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 50 к.
- Безобразовъ, Н. Грибная сказка. М. 1896 г. Ц. 50 к.
- Бенетова, Ем. (Краснова). Разсказы. Поемное издание. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Бемъ, Ел. Новые салюты. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.
- Бемъ, А., и Давыдовъ, М. Учебникъ гистологии чловѣка со включеніемъ микроскопической техники. Съ 246 рис. Перев. съ нѣм. В. Львова. М. 1896 г. Ц. 3 р.
- Берновъ, М. На ходу. Досуги русскаго пѣшехода, сдѣлавшаго 12.000 верстъ пѣшкомъ по бѣлу свѣту. Съ портретомъ и биографіей. М. 1896 г. Ц. 50 к.
- Богдановъ, С. Обзоръ успѣховъ сельскаго хозяйства въ 1893 году. 1895 г. Кіевъ. Ц. 3 р.
- Боровновъ, Ив. Готовый и скорый расчетъ для служащихъ за жалованіе отъ одного и до тысячи рублей въ мѣсяцъ, съ указаніемъ поденнаго, мѣсячнаго и годового расчета. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Брандтъ, Б. Современная женщина, ея положеніе въ Европѣ и Америкѣ. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.
- Бретъ-Гартъ. Рождественская ночь. Дикенсъ. Скрудждъ. Святочный разсказъ. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.
- Булацель, П. Исслѣдованія о самовольной смерти. Историческ. очеркъ философскихъ возврѣній и законодательствъ о самоубійствѣ. Релевъ. 1894 г. Ц. 2 р.
- Булацель, М. Суворовъ, или нежданный гость-благодѣтель. Историч. картина въ 1 дѣйств. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.
- Булгановъ, Ф. Альбомъ 120-й выставки П. К. Айвазовскаго. Фотогическое издан. Спб. 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Бѣлозоръ, А. Бабушкинъ сюрпризъ. Разсказы для дѣтей. Съ 6 раскраш. карт. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Бѣломоръ, А. Письма о флотѣ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Васильевъ, А. (Проф.). Къ исторіи землевладѣнія въ Свияжскомъ уѣздѣ. Казань. 1895 г. Ц. 30 к.
- Венгеровъ, С. Русскія книги. Съ биографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ (1708—1893 г.). Вып. II. Аддисонъ-Акафистъ. Спб. 1895 г. Ц. 35 к.
- Весь Петербургъ на 1896 годъ. Адресная и справочная книга. С.-Петербурга. Ц. въ перепл. 3 р.

- Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1896 г. Составлена при содѣйствіи Московскаго Городскаго Общественнаго Управленія подъ ред. Д. Игнатовъ. Ч. I. М. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к., въ черепл. 1 р. 75 к.
- Вислюцій, С. Къ вопросу о проведеніи сѣвернаго желѣзнодорожнаго пути. Петербургъ-Кемь-Мурманъ. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.
- Только земледѣліе, отчасти лѣсоводство, могутъ поднять экономическое благосостояніе крестьянъ Сѣвера. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Возможіе или чуда нашего времени. Е. М. М. 1896 г. Ц. 20 к.
- Врангель, М. (графъ). Книга о лошади. Вып. V. Ц. по подпискѣ на 20 вып. 10 р.
- Въ походѣ или охотѣ за скальями. Съ 4 рис. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Габриловичъ, А. Музыкальный Календарь на 1896 г. Ц. 1 р.
- Гейнце, Н. Власть женщины. Повѣсть. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.
- Гейсманъ, П. Начальникъ «деташемента» арміи императрицы Екатерины Великой, подполковникъ Гейсманъ. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Нѣсколько мыслей по вопросу объ отношеніяхъ стратегіи къ политикѣ. По поводу рѣчи В. И. Ламанскаго 10 ноября 1894 г. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Гельдъ, А. Фабрика и ремесло. Перев. съ нѣмецк. Ю. Спасскаго. М. 1896 г. Ц. 25 к.
- Гербартъ, Г. Психологія. Перев. съ примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ А. Нечаева. Съ предислов. Проф. А. Введенскаго. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Гиббинсъ, Англійск. реформаторы. М. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Гиляровский, Вл. Забытая тетрадь. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Гиппиусъ, З. Новые люди. Разказы. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Gowers, W. (Проф.). Руководство къ болѣзнямъ нервной системы. Т. II. Волѣзни головного мозга и черепныхъ нервовъ; обіція и функциональныя болѣзни нервной системы. Съ 182 рис. Спб. 1896 г. Ц. 5 р.
- Головинъ, М. Мужикъ безъ прогресса или прогрессъ безъ мужика. (Къ вопросу объ экономическомъ материализмѣ). Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Головинъ, Д. Объ орошеніи въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Съ 33 рисунк. и 8 таблицами. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Голубевъ, А. Русскіе банки. Справочныя и статистическія свѣдѣнія о всѣхъ дѣйствующихъ въ Россіи государственныхъ, частныхъ и общественныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Съ стѣнной таблицей. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Гофманъ, Н. Водяническій атласъ. По системѣ Де-Кандоля. Съ измѣненіями и дополн. примѣнительно къ Россіи, подъ ред. А. Ф. Ваталина. Спб. 1896 г. Вып. I. Ц. выпуска 1 р.
- Гравиниель, Н. Штрениеръ. Н. Добавленія къ Справочной книгѣ для электротехниковъ. Съ 12 рис. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Грандъ, Сара. Небесные близнецы. Романъ. Перев. съ нѣм. А. Гердъ (Новая бібліотека А. С. Суворина, № 37 и 38). Ц. 1 р. 20 к.
- Гриммъ (братья). Дѣтскія сказки съ рис. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.
- Гуринъ, Евг. (докторъ). Способъ всесторонняго лѣченія азиатской и туземной холеры дезинфекціей и детоксикаціей. Кіевъ. 1895 г. Ц. 10 к.
- Гюго, В. Собраніе сочиненій въ переводѣ русскихъ писателей, подъ редакціей И. Тхоржевскаго. Вып. VIII и IX. Тифлисъ. 1895 г. Ц. каждаго вып. 20 к.
- Гюго, В. Избранныя стихотворенія въ переводахъ русскихъ поэтовъ, подъ редакц. П. Вейнберга. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.
- Данте, Аллигеріи. Божественная комедія. Ч. I. Адъ. Перев. съ итальянскаго, раздѣломъ подлинника. Н. Голованова. Съ портретомъ. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ден.....сній, М. Гальваническое осажденіе металловъ на алюминій и аллюминированіе. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.
- Денисовъ, Л. Пѣною вѣры. Романъ изъ жизни современныхъ раскольниковъ. М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Денисовъ, Л. Подвиги вѣры и примѣры добродѣтелей, почерпнутые изъ жизнеописаній св. угодниковъ Воинскихъ. М. 1896 г. Ц. 2 р.
- Дерюжинскій, В. Отвѣтъ г. профессору И. Т. Тарасову. (Какъ иногда обѣиваются диссертация на ученую степень). Спб. 1895 г. Ц. 25 к.
- Джаншиевъ, Гр. Эпоха великихъ реформъ. Историч. справки. Съ портретами. 6-е дополн. изд. М. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Дмитріева, В. Малышъ и жучка. Разказъ. Съ картин. Удостоен. преміи. Спб. Фребелевскаго общества. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Дрейфусъ, Ф. М. Мировая и социальная эволюція. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Дьяконовъ, М. Акты, относящіяся къ исторіи тѣлаго населенія въ Московскомъ государствѣ. Вып. I. Крестьянскія порядныя. Юрьевъ. 1895 г. Ц. 1 р.
- Дѣдушкины сказки по Годену. Съ 5 раскр. карт. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Езерскій, Ф. Краткій учебникъ счетоводства по упрощенной самоповѣрочной системѣ. Изданіе 9-е. Часть практическая. М. 1896 г. Ц. 40 к.
- Елецъ, Ю. Изъ жизни. Очерки и разказы. Съ 37 рис. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Епанчинъ, И. Иллюстрированный календарь на 1896 г. Настольная внига для сельскихъ хозяевъ и любителей. Изд. 5-е. М. 1896 г. Ц. 75 к.
- Ерминовскій, Геронъ. Веселье о священныхъ событіяхъ годовыхъ праздниковъ. Вильна. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Маринцовъ, Д. О сооруженіи порта императора Александра III въ Либавѣ. Съ 6-ю лист. карт. и чертежей. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.

- Желиховская, В.** Фантастическіе рассказы. Съ рисунками художника С. С. Соломко. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.
- Желѣзнодорожный общій календарь** на 1896 г. Ц. за двѣ части съ приложеніемъ 1 р. 60 к.
- Жидъ, Ш.** Основы по политической экономіи. Переводъ съ франц. Н. Шейниса. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Жизнь замѣчательныхъ людей.** Р. Декартъ. Его жизнь и философская дѣятельность. Биографич. очеркъ Панерка. Съ портр. Ц. 25 к.
- Жукъ, В.** Какъ мать должна кормить ребенка. Общедоступно изложенные совѣты. М. 1896 г. Ц. 50 к.
- Журналъ Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ** 1896 г. Книга первая. Ц. 2 р.
- Зальскій, В.** Экономическія явленія въ мірѣ животныхъ. Казань. 1896 г. Ц. 25 к.
- Залевская, В.** Усовершенствованный профессиональной школой учебникъ кройки и шитья дамскихъ и дѣтскихъ нарядовъ, а также мужского, дамскаго и дѣтскаго бѣлья по французско-польской системѣ. Изд. 2-е, испр. и дополн. Одесса. 1895 г. Ц. 3 р.
- Зель, Е.** Преимущественно современные французскіе лирики въ краткихъ біографіяхъ и произведеніяхъ. 1888—1893 г. Изд. 2-е. М. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Зерингъ, Р.** Борьба за право (Международн. Библ. № 36). Спб. 1895 г. Ц. 25 к.
- Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей.** Ségur. La bataille de la Moscova. Спб. 1895 г. Ц. со словаремъ 40 к.
- Избранныя сочиненія императрицы Екатерины II (1729—1796).** «Наказъ», педагогическія сочиненія, комедіи и сатиры. Съ пояснительными статьями. Подъ ред. Н. Карцева. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.
- Иллюстриров. собраніе греческихъ и римскихъ писателей.** Платонъ. Критонъ. Объяснѣль. А. О. Поспѣшиль. Изд. 12-е. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.
- Иллюстриров. Петербургъ.** Новый адресъ-календарь-хроника. Зимній выпускъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Карлетти, Т.** Современная Россія. Часть II. Русская наука, литература и искусство. Перев. съ итальянскаго А. Волховской. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Карлминскій, М.** Къ вопросу о постановкѣ преподаванія русскаго языка въ педагогическомъ классѣ женскихъ гимназій. Варшава. 1895 г. Ц. 25 к.
- Карповъ, М.** Руководство къ изученію практической фотографіи. Изд. 6-е переработ. и значительно дополн. Съ 101 рис. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Квятковскій, И.** Практическое руководство къ обработкѣ нефти и ея продуктовъ. Ваку. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Келлеръ, И. (проф.).** Жизнь моря, животный и растительный міръ моря, его жизнь и взаимоотношенія. Вып. I. Спб. 1896 г. Ц. выпуска 60 к.
- Кернъ, Э.** Ива, ея значеніе, разведеніе и употребленіе. Изд. 2-е, вновь обработанное и дополненн. Съ 15 рис. и таблицей. Тула. 1896 г. Ц. 1 р.
- Киминъ, В.** Поклѣдніе дни Лермонтова. Историч. драма въ 4-хъ дѣйств. М. 1885 г. Ц. 50 к.
- Ковалевскій, Еяграфъ.** Народное образованіе въ Соединенн. Штатахъ Сѣверной Америки. Съ рисунками, планами. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Козубскій, Е.** Опытъ бібліографіи Дагестанской области. Темиръ-Ханъ-Шура. 1895 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Памятная книжка Дагестанской области. Съ 3 портретами. Темиръ-Ханъ-Шура. 1895 г. Ц. 3 р.
- Cosmopolis. An International Review.** January 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Моролена, С.** Наши желѣзнодорожные тарифы. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Мостадинъ.** Цареградская патриархія и православіе въ Европейской Турціи. Перев. съ сербскаго и предислов. Дм. Никольскаго. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.
- Мокомскій, С.** Примѣчанія къ евангелію въ обличіе штундистовъ и подобныхъ имъ сектантовъ. Кіевъ. 1896 г. Ц. 35 к.
- О томъ, что присяга не запрещена Иисусомъ Христомъ, но предписана. Кіевъ. 1895 г. Ц. 30 к.
- Красновъ, П.** Донцы. Рассказы изъ кавказской жизни. Съ иллюстраціями. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Крестовская, М.** Артистка. Романъ. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Сынъ.—Немудреные и друг. рассказы. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Ревность.—Бабушкина внучка.—Торжество Юліи Андреевны. Спб. 1896 г. Ц. 1 руб.
- Кротъ, П.** Психографія. I. Что такое психографія? М. 1895 г. Ц. 10 к.
- Нулишеръ, М.** Разводъ и положеніе женщины. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Муницій, С.** Начала статика сооруженій. Основанія графическихъ способовъ расчета мостовъ простыхъ системъ. Съ 64 рисунк. въ текстѣ. Изд. 2-е исправл. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Мурсонскій, А. Г.** Полутѣни. II. Изъ Томаса Мура. Стихотворенія. М. 1896 г. Ц. 50 коп.
- Муръ, Э.** Русско-французско-нѣмецкіе общественные разговоры. 9-е исправлен. изд. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ланге, I.** Духовныя движенія. Психофизиологическій этюдъ. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.
- Лафонтеъ.** Васни въ переводахъ Крылова, Измайлова, Дмитриева и др. Съ рис. Дорэ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Легенды о горномъ духѣ Рюбецалѣ.** Обработанныя А. Вагнеромъ. Съ 5 раскр. карт. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Ле-Форъ и Графиньи.** Вокругъ солнца. Необыкновенныя приключенія русскаго ученаго. Съ предисловіемъ Камилла Фламмариона. Издан. 2-е. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Путешествіе на луну. Необыкновенныя приключенія русскаго ученаго. Съ предисловіемъ Камилла Фламмариона. Издан. 2-е. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

- Линдербургъ, П.** Берлинскій дворъ и Вильгельмъ II. Перев. съ нѣм. Кіевъ. 1896 г. Ц. 1 р.
- Липранди, А.** (А. Вольтеръ). Румынія и тройственный союзъ. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.
- Ломброзо, Ц.** Происхождение поцѣлуя. Перев. съ франц. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.
- Лонгусъ.** Дафинь и хлосъ. Древне-греческій романъ. Переводъ Д. Мережковского. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лопухинъ, А.** Жизнь и труды Святого Отца нашего Иоанна Златоуста, архіепископа Константинопольскаго. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Л-тинъ, В.** Не безнравственное ли впечатлѣніе производитъ «Власть тьмы» графа Толстого на «свѣрую публику?» Спб. 1896 г. Ц. 20 к.
- Лунашевичъ, Кл.** Изъ деревни (Акули). Повѣсть для дѣтей. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.
- Лунашевичъ, Кл.** Рыбка-колошка-рѣзвухка. Рассказъ. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Лютерманъ, Р.** Руководство къ практическому изученію производства искусственныхъ цвѣтовъ изъ матеріи. Съ 300 рисун. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Манаровъ, М.** Начертательная геометрія. Съ 98-ю листами чертежей. Изд. 4-е, испр. и дополн. Спб. 1896 г. Ц. 4 р.
- Маленькимъ людямъ.** М. 1896 г. Ц. 20 к.
- Малога, И.** Составъ и способъ приготовления цементнаго раствора (бетона) для получения наибольшей крѣпости. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 15 к.
- Мамасеина, М.** Кое-что объ искусствѣ. (По поводу художественныхъ выставокъ въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Гагѣ лѣтомъ 1895 г.). Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Маргольмъ, Л.** Книга о женщинахъ. Перев. съ нѣм. Кіевъ, 1896 г. Ц. 1 р.
- Миниловичъ, Ф.** Изобразительныя средства славянскаго эпоса. М. 1895 г. Ц. 40 к.
- Милорадовичъ (графъ).** Списки губернскихъ предводителей дворянствъ Россійской Имперіи 1785 — 1895 г. Черниговъ. 1895 г. Ц. 30 коп.
- Минскій, И.** Стихотворенія. Изд. 3-е. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Мордовцевъ, Д.** Свѣту больше! Историческій романъ. Спб. 1896 г. Ц. 70 к.
- Морлей, Дж.** О компромиссѣ. Перев. съ англ. Съ приложеніемъ статьи: «О воспитательномъ значеніи литературы». Изд. 2-е. М. 1896 г. Ц. 75 к.
- Мясоедовъ, А.** Иванъ Стамезкичъ. Вырвавшееся признаніе. Извозчикъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Назарьова, И.** Краткая философія. Воронежъ. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Настольная справочная книга для купцовъ, фабрикантовъ, заводчиковъ, ремесленниковъ.** Спб. 1896 г. Ц. 4 р.
- Наша общественная и промышленная жизнь.** Варшава. 1896 г. Ц. 1 р.
- Немировичъ-Данченко, Влад.** Губернаторская ревизія. (Повѣсть). М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Нѣсколько мыслей по поводу предполагаемыхъ реформъ въ системѣ женскаго образованія.** Спб. 1896 г. Ц. 25 к.
- Никифоровъ, Л.** Джонъ Рескинъ. Его жизнь, идеи и дѣятельность. Съ портретомъ. М. 1896 г. Ц. 15 к.
- Новая игрушка.** Подарокъ послушнымъ дѣтямъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Новицій, А.** Опытъ полной біографіи А. А. Иванова и альбомъ этюдовъ, картинъ, рисунковъ А. А. Иванова. 62 таблицы съ 172 снимками. М. 1895 г. Ц. 25 р.
- Новый медицинскій календарь на 1896 г.** Ц. 1 р.
- Нюбергъ, А.** (проф.). Курсъ портовыхъ сооружений. Ч. 1—6. Спб. 1895 г. Ц. 25 р.
- ? О женщинахъ.** Мысли старья и новья. Изд. десятое. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Обозрѣніе Петербурга.** Путеводитель по С.-Петербургу и адресъ-календарь на 1896 г. Ц. 20 к.
- Общій уставъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, измѣненный и дополненный по 1-е января 1896 г.** Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Оксъ.** Календарь для фельдшеровъ на 1896 г. Ц. 1 р.
- Орловъ, М.** Историческій очеркъ искусственнаго лѣсовозращенія въ Россіи. Варшава. 1895 г. Ц. 75 к.
- Ученіе о лѣсномъ хозяйствѣ, его развитіе, методы и задачи. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.
- Памяти Надежды Васильевны Стасовой.** Съ портретомъ. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Памятники древне-русской церковно-учительской литературы.** Вып. II. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Переводчикова, А.** Осенніе мотивы. Стихотворенія. Саратовъ. 1895 г. Ц. 25 к.
- Переписка Филарета, митрополита Московскаго съ С. Д. Нечаевымъ.** Спб. 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Пермскій край.** Сборникъ свѣдѣній о Пермской губерніи подъ ред. А. А. Дмитріева. Т. III. Пермь. 1895 г. Ц. 2 р.
- Перро.** Сказки. Вып. II. Мальчикъ съ пальчикомъ.—Спящая красавица.—Вып. III. Синія борода и друг.—Вып. IV. Ослиная кожа и др. Спб. 1896 г. Ц. кажд. вып. 15 к.
- Петруша Перловъ.** Рассказъ для дѣтей старшаго возраста изъ временъ отечественной войны 1812 г. М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Пипперъ, А.** Повторительный курсъ органической химіи. Перев. А. Альмедингенъ. Съ 11 рис. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.
- Побѣдоносцевъ, К.** О подражаніи Христу Фомы Кемпійскаго. Переводъ съ латинскаго. Изд. 6-е, вновь просмотрѣнное и дополненное примѣчаніями и разъясненіями изъ духовныхъ писателей. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Погорѣльнъ, И.** Въ дружбѣ съ природой. Русская книжка для первоначальнаго чтенія. Съ 11 хромолитографир. карт. М. 1896 г. Ц. 75 к.
- Подарокъ.** Календарь для хозяекъ на 1896 г. Ц. 70 к.
- Почровский, Е.** (д-ръ). Дѣтскія игры, преимущественно русскія (въ связи съ исторіей, этнографіей, педагогіей и гигиеной). Изд. 2-е, исправл. и дополненн. Съ 105 рис. М. 1896 г. Ц. 2 р.

- с. Поланъ, фр. Психологія характера. Перев. зъ франц. Р. Сементковскаго. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.
- Паразитные случаи явленія умершихъ. Пятнадцать разсказовъ. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Поссе, И. Курсъ интегральнаго исчисленія. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.
- Поталенно, М. Повѣсти и разсказы. Т. IX. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Потъхинъ, Л. Вѣсды по пчеловодству. Съ 10 рис. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.
- Пушкинъ, А. Сказка о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его славномъ и могучемъ богатырѣ князѣ Гвидонѣ и о прекрасной царевнѣ Лебеди. Съ 50 рис. С. С. Соломо. Спб. 1896 г. Ц. 1 р., въ перепл. 1 р. 75 к.
- Пѣтуховъ, Е. А. С. Грибобѣдовъ. Рѣчь. Киевъ. 1896 г. Ц. 25 к.
- Радловъ, Э. Ученая дѣятельность проф. М. И. Каринскаго. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Рамнъ, А. Святый Іоаннъ Златоустъ и семейная жизнь его времени. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Раменскій, М. Братья-Изгои. Романъ въ 3 частяхъ. М. 1895 г. Ц. за три части 2 р.
- Рачинскій, Н. Массажъ и гимнастика при женскихъ болѣзняхъ. Съ пред. проф. Д. О. Оттъ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Регелевъ-Мурскій, П. Цвѣтоводство комнатное и на открытомъ воздухѣ. Съ 92 рис. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Реклю, Э. Земля и люди. Всеобщая географія. Т. XVI. Соединенные Штаты. Съ 66 рис. Спб. 1896 г. Ц. 8 р.
- Реммертъ. О построении нѣкоторыхъ динамомашиинъ и электродвигателей. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Робертъ, М. Краткое руководство миниатюры. Перев. съ франц. М. 1895 г. Ц. 70 к.
- Рыбаковъ, С. О поэтическомъ творчествѣ уральскихъ мусульманъ (татаръ, башкиръ и тентерей). Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Руководство къ кройкѣ платья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго для школьнаго и домашняго употребленія. Съ 36 табл. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Русская Музыкальная Газета. Январь 1896 г. Ц. 50 к.
- Русская Бѣсѣда. Декабрь 1895 г. Ц. 1 р.
- Русскій календарь А. С. Суворина на 1896 г. Годъ 25-й. 12 картъ странъ свѣта и карта Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.
- Русское благотворительное общество въ гор. Юрьевѣ, Лифляндской губерніи. Юрьевъ. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Савваитовъ, М. XII указатель литературы по изслѣдованію С.-Петербурга и его окрестностей въ ветеринарно-статистическомъ и ветеринарно-санитарномъ отношеніяхъ. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.
- Садовъ, А. Древне-христіанскій церковный писатель Лактанцій. Спб. 1895 г. Ц. 2 руб.
- Sahli, H., d-g. Учебникъ клиническихъ методовъ изслѣдованія для студентовъ и практическихъ врачей. Съ 191 рис. въ текстѣ и 2 таблицами. Спб. 1896 г. Ц. 4 р.
- Салиасъ, Е., графъ. Сочиненія. Т. XI. Кудесникъ.—Яункундзе. Т. XII. Самозванка. Т. XIII. Бригадирская внучка.—Крутойрская царевна.—Донскіе гишпанцы. М. 1895 г. Ц. каждаго тома 2 р. 50 к.
- Сальяръ, Е., и Гуринъ, Г. Краткое руководство къ осмотру свиного мяса на трихинны. Съ 35 рисунк. М. 1895 г. Ц. 50 к.
- Сахаровъ, А. По Русской землѣ. Географическіе очерки и картины для чтенія въ семьѣ и школѣ. Изданіе 2-е. М. 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Сельскій Хозяинъ № 12. Ц. 20 к.
- Семеновъ, М. Нѣсколько словъ о критикѣ «стратегической задачи» (отвѣтъ г. Рейсману). Спб. 1895 г. Ц. 20 к.
- Серебровскій, С. Проектъ дачи. Ц. 60 к.
- Сибирскій торгово-промышленный календарь на 1896 г. Томскъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Сидоровъ, А. Къ столѣтней годовщинѣ третьяго раздѣла Польши. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Сладковъ, В. Руководство къ постройкѣ домашними средствами зерносушилки Эсмарха. Спб. 1895 г. Ц. 30 к.
- Словцовъ, И. Обзорніе Россійской имперіи сравнительно съ важнѣйшими государствами. Конспективный курсъ VI класса реальныхъ училищъ. М. 1896 г. Ц. 45 к.
- Соновиннъ, Н. Быть и казаться. Три повѣсти изъ дѣтской жизни. Съ 27 рис. Е. Самокишъ-Судковской. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Соноловичъ, М. О красномъ пѣтухѣ и какъ отъ него уберечься. Самопомощь въ борьбѣ съ пожарами въ селеніяхъ. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.
- Соноловъ, С. Астрономическія изслѣдованія. М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Соронинъ, В. Лекціи по вексельному праву. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Справочная книга русскаго сельскаго хозяина, подъ ред. А. Ф. Ваталина. Изд. 2-е Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Степановъ, П. Русская печь съ плитою въ шесткѣ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Струевичъ, А. Графъ Платовъ. Баклановъ «Популярный очеркъ» (съ картами). Вып. I. Новочеркасскъ. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Суворинъ, А. А. Палестина. Вып. 22. Ц. этому выпуску 2 р. 50 к. По подпискѣ на все сочин. 35 р.
- Tilman, H., d-g. Руководство къ частной хирургіи. Спб. 1896 г. Т. I, съ рис. Ц. 3 р. 50 к., т. II, съ рис. Ц. 4 р., т. III, съ рис. Ц. 2 р. 50 к.
- Тимошунъ, Вѣра. Михаилъ Ивановичъ Семевскій, основатель историческаго журнала «Русская Старина». Его жизнь и дѣятельность 1837—1892 г. Съ приложеніемъ двухъ портретовъ. Съ предислов. и подъ редакц. Н. Шилдера. Спб. 1895 г. Ц. 3 р.
- Тонарснй, М. Кустарное смолокурение въ Россіи изъ смолья-подсочки. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Толкачева, Л. Дочь Феба. Повѣсть. Харьковъ. 1895 г. Ц. 50 к.
- Томъ, Ф. Внушеніе и воспитаніе. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

- Турцевичъ, Ар.** Русская исторія (въ связи съ исторіей великаго княжества Литовскаго). Курсъ III класса. Изданіе 2-е, исправленное. Вильна. 1895 г. Ц. 50 к.
- Тутневичъ, Д.** Что есть торговая несостоятельность. (Опытъ построения опредѣленія въ связи съ изложеніемъ признаковъ для объявленія торговой несостоятельности судовъ). Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Фальевъ, И.** Днѣпровское рыболовство. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.
- Фарраръ, В.** Женщины у домашняго очага. Перев. съ англ. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.
- Францозъ, М.** Сеидеръ Глатейзъ. Романъ изъ еврейской народной жизни. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Фрейманъ, О.** Пажи за 184 г. Вып. 6-й. Фридрихсгамнъ. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Фрэпонъ, Г.** Аquareль. Пейзажъ. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- царевскій, А.** (Проф.). Императоръ Александръ II Освободитель въ памяти народа своего. По поводу открытія памятника Александру II въ Казани. Казань. 1896 г. Ц. 50 к.
- Цицеронъ, М. Т.** Рѣчи противъ Катилины. Съ латинскаго перевелъ В. Алексѣевъ. Съ введеніемъ и примѣчаніями. Изд. 2-е, исправленное и доп. Спб. 1896 г. Ц. 40 к., на велен. бумагѣ 1 р.
- Черный бизонъ.** Разсказъ изъ жизни индѣйцевъ. Съ 5-ю раскраш. рис. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Честность димаря.** Разсказъ изъ индѣйской жизни. Спб. 1895 г. Ц. 80 к.
- Чиколевъ, В.** Справочникъ для электротехниковъ. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.
- Федоровъ, Ал.** Новый принципъ воздухоплаванія, исключаяцій атмосферу, какъ опорную среду. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.
- Шарнгорстъ, И.** Математическая географія для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Шаховская, Л.** Бесарь Адрианъ. Историч. романъ. М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Шевченко, Т.** Кобзарь. Иллюстрировалъ М. Микѣшинъ. Съ малороссійскимъ и русскимъ текстомъ. Спб. 1896 г. Вып. I. Ц. 1 р. 50 к.
- Шерръ, И.** Всеобщая исторія литературы. Вып. VII. Ц. по подпискѣ 6 р.
- Шопенгауэръ, Арт.** Свобода воли и основы морали. Двѣ основныя проблемы этики. Переводъ съ нѣмецкаго Ф. Черниговца. Изд. 3-е. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Явейнъ, Г.** Польза и вредъ велосипедной ѣзды. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.
- Янкуль, И. и Е.** Часы досуга, очерки и картинки по экономическимъ, общественнымъ и литературнымъ вопросамъ. М. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Янкуль, И.** (проф.). Вопросъ о государственномъ вмешательствѣ въ область промышленности. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

поступилъ въ продажу романъ

М. КРЕСТОВСКОЙ

АРТИСТКА.

Цѣна 2 рубля,

а также III и IV томъ повѣстей и разска-
зовъ „Сынъ“, „Ревность“ и др.

Цѣна каждаго тома 1 рубль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
ЧТЕНІЯ
въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
ПРИ
МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Годовое изданіе **Чтеній** состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ въ неопредѣленные сроки. Въ **Чтеніяхъ** помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древне-русской письменности.

Подписная цѣна за годъ **7 р.** въ Москвѣ безъ доставки и **8 р. 50 к.** съ доставкой въ Москвѣ и пересылкой въ другіе города Россіи.

Желающіе подписаться благоволятъ обращаться или въ Общество, или къ казначею Общества Сергѣю Ал. Бѣлокурову (Садовники, д. церкви Георгія, или Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжные магазины **Ө. А. Богданова** (Никольская) и **Н. Карбасникова** (Моховая, противъ Университета, д. Кохъ).

Въ Обществѣ или чрезъ тѣхъ же лицъ можно приобрѣсти изданія Общества за прошлые годы, значащіяся въ каталогѣ, бесплатно доставляемомъ желающимъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русскои и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергѣя Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ФРЕДЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

МАРТЪ, 1896

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1896 г.

	стр.
I. Сильфида. Романъ. Часть первая. Гл. VI—VIII. (Продолженіе). И. Н. Потапенко	745
II. Воспоминанія С. Н. Терпигорева (Атавы). V—VII. (Продолженіе) .	784
III. Холопя мечь. Историческій разсказъ. П. Н. Полевого	808
IV. Воспоминанія пропадающаго человѣка. VIII—IX. (Продолженіе). Н. И. Свѣшниковъ	844
V. Забытый филантропъ. С. Н. Шубинскаго	864
VI. Наводненіе въ Петербургѣ 2-го ноября 1895 года. V—X. (Оконча- ніе.) А. П. Чехова	881
VII. Отъ Ржева до Углича. (Путевые наброски). VI—VIII. (Продол- женіе). И. Ф. Тюменева	909
Иллюстраціи: 1) Тверь: церковь Николы въ Звѣриницѣ и Самолетскій докъ.— 2) «Бѣлая Троица» въ Твери.—3) Христорождественскій монастырь въ Твери.— 4) Желтиковскій монастырь близъ Твери.—5) Отрочъ монастырь въ Твери.	
VIII. Князь Александръ Баттенбергскій въ Россіи. Разсказъ оче- видца. Г. Г. Гожинскаго	934
IX. Журналистъ двадцатыхъ годовъ. А. К. Воровдина	946
Иллюстраціи: 1) Николай Алексѣевичъ Полевой. Съ неизданнаго портрета, рисованнаго карандашомъ и принадлежащаго П. Н. Полевому.—2) Николай Але- ксѣевичъ Полевой. Копія съ портрета, рисованнаго Тиммомъ въ 1846 году.	
X. Русскій дѣятель въ Эстляндіи. Б. В. Глинскаго	960
Иллюстрація: Князь Сергій Владиміровичъ Шаховской.	
XI. Памяти В. Р. Зотова. К. П. Медвѣдскаго	986
Иллюстрація: Владиміръ Рафаиловичъ Зотовъ.	
XII. Памяти Н. Н. Страхова	994
XIII. Александръ Ильичъ Тимошеевъ. (Некрологъ). А. А. Титова . . .	996
XIV. Критика и библиографія	1001
1) Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Выпускъ второй: Славяно-русскій прологъ. Часть первая. Сентябрь—декабрь. Изданіе жур- нала «Странникъ», подъ редакціей проф. А. И. Пономарева. Спб. 1896. Але- ксандра Бронзова.—2) А. В. Верещагинъ. У болгаръ и за границей (1881— 1898). Воспоминанія и разсказы. Спб. 1896. Б. Г.—3) Материалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ третій. М. 1895. Николай Васильевичъ Гоголь и его «Перешка съ друзьями». Историко-литературный очеркъ П. А. Матвѣева. Спб. 1895. А. Б.—4) Сборникъ для содѣйствія самообразованію. Программы чтенія для самообразованія съ приложеніемъ статей Н. И. Карѣева, В. И. Се- мевскаго, М. С. Корелина и И. М. Сѣченова. Спб. 1895. Г.—5) Иванъ Андреевъ. Константинопольскіе патріархи отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія (хронологія этихъ патріарховъ и очерки жизни и дѣятельности важнѣй- шихъ изъ нихъ). Выпускъ первый. Хронологія константинопольскихъ патріарховъ отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія и очерки жизни и дѣятельности св. Аватолія, Геннадія и Іоанна Постника. Сергіевъ Посадъ. 1896. М. В.—6) Карлъ Лампрехтъ. Исторія германскаго народа. Томъ второй. Часть III и IV. Переводъ съ нѣмецкаго П. Николаева. Изд. К. Т. Сходатенкова. Москва. 1895.	

См. слѣд. стр.

А. Н.—7) Мужикъ безъ прогресса или прогрессъ безъ мужика. К. Головина. Спб. 1896. А. Фаресова.—8) Памяти Надежды Васильевны Стасовой, съ портретомъ работы В. Матв. Въ пользу фонда имени Н. В. Стасовой при обществѣ вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на выспихъ женскихъ курсахъ. Спб. 1896. Н.—9) Е. Лависсъ и А. Рамбо. Культура и цивилизація Западной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ. Переводъ съ французскаго съ предисловіемъ Виктора Михайловскаго, приватъ-доцента Московскаго университета. Москва. 1895. П. А.—10) Списокъ губернскихъ предводителей дворянства Россійской имперіи, 1885—1895 г. Списокъ лицъ свиты ихъ величествъ съ царствованія императора Петра Великаго по старшинству ихъ назначенія. Составилъ и издалъ генералъ-лейтенантъ графъ Милорадовичъ. Черниговъ. 1895.

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи 1014

1) Новая исторія румынъ. — 2) Былъ ли Шекспиръ въ Эльсиноръ?. — 3) Итальянскій памфлетистъ XVI столѣтія.—4) Лакей добраго стараго времени.—5) Дипломатическія записки Монгальера.—6) Союзники въ Парижѣ въ 1814 г.—7) Юность Авраама Линкольна. — 8) Воспоминанія французскаго дипломата въ Петербургѣ и въ Берлинѣ въ 1870—1872 г.—9) Новѣйшіе труды англо-русскаго литературнаго общества.

XVI. Изъ прошлаго 1031

Коронаціонные спектакли прежняго времени. С. Танъева.

XVII. Смѣсь 1035

1) Актъ въ Московскомъ университетѣ. — 2) Актъ въ Кіевскомъ университетѣ св. Владимира.—3) Актъ въ Харьковскомъ университетѣ.—4) Актъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ. — 5) Пятидесятилѣтіе Географическаго общества.—6) Пятидесятилѣтіе «Бѣдныхъ людей» Ф. М. Достоевскаго.—7) Пятидесятилѣтіе со дня смерти князя А. А. Шаховскаго.—8) 50-лѣтній юбилей Е. Н. Жуковой.—9) 25-лѣтній юбилей В. И. Писаревой.—10) Московское общество любителей русскаго словесности.—11) С.-Петербургское археологическое общество.—12) Императорское общество любителей древней письменности.—13) Неофилологическое общество, — 14) Общество вспомоществованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—15) Карамзинская общественная бібліотека въ Сибирскѣ.—16) Некрологи: Н. Н. Страховъ; В. Р. Зотовъ; А. И. Незеленовъ; А. В. Арсеньевъ; гр. М. В. Толстой; преосвященный Гавриилъ, епископъ имеретинскій; М. О. Микѣшинъ; Д. М. Леонова; П. Ф. Стефановскій; Н. Г. Залъзовъ.

XVIII. Замѣтки и поправки 1063

1) Къ біографіи И. Ф. Горбунова. Алексія Янцева. — 2) Отвѣтъ г. Кузовникову. Музнецова-Красноярскаго.

XIX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Павла Павловича Пезаровіуса. — 2) Осада Сарагоссы (Zaragoza). Историческій романъ Переса Гальдоса. Гл. XVII—XIX. (Продолженіе). Переводъ съ испанскаго Е. Уманецъ.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ ПЕЗАРОВІУСЪ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 22 ФЕВРАЛЯ 1896 Г.

СОДЕРЖАНИЕ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ 1896 года).

	стр.
Сильфида. (Романъ). Часть первая. Гл. I—VIII. И. Н. Поталенко	7,369, 745
Воспоминанія С. Н. Терпигорева (Атавы) . I—VII	50, 401, 784
Исповѣдь И. В. Шервуда-Вѣрнаго	66
Типы современной деревни. IX. (Продолженіе). Генеральскій Прохоръ. А. В. Круглова	85
Памяти Т. Н. Грановскаго. Ч. Вѣтринскаго	109
<i>иллюстрація:</i> Тимовой Николаевичъ Грановскій.	
Воспоминанія прощающаго человѣка. I—IX. Н. И. Свѣшниковъ	142, 440, 844
На родинѣ Жуковскаго. А. Н. Фирсова	172
<i>иллюстраціи:</i> 1) Домъ Жуковскаго въ Вѣлевѣ.—2) Вѣлевское двухклассное училище имени В. А. Жуковскаго. — 3) Вѣлевская публичная библиотека въ память В. А. Жуковскаго.	
Отъ Ржева до Углича. I.—III. И. Ф. Тюменевъ	184, 525, 909
<i>иллюстраціи:</i> 1) Видъ Волги между Ржевомъ и Зубиномъ. — 2) Зубцовъ. — 3) Успенскій монастырь въ г. Старицѣ. — 4) Митрополитъ Ювъ. — 5) Гробница патриарха Юва въ Старицкомъ монастырѣ.—6) Старица и древній Ворисоглѣбскій соборъ.—7) Пятницкая церковь въ Старицѣ.—8) Церковь св. Іоанна Богослова въ Старицкомъ монастырѣ.—9) Введенская церковь въ Старицкомъ монастырѣ.—10) Памятникъ на мѣстѣ Ворисоглѣбскаго собора въ Старицѣ.—11) Остатки дворца Іоанна Грознаго и схематическія наброски мѣстности стараго города.—12) Церковь Никола въ Калустничахъ въ Твери.—13) Предсмертная молитва князя Михаила Ярославича.—Древняя Тверская крѣпость.—Нынѣшній Тверской соборъ.—14) Кипрская икона Спасителя въ Тверскомъ соборѣ.—15) Видъ собора и части дворца въ Твери.—16) Тверь: церковь Никола въ Звѣринцѣ и Самолетскій долъ.—17) «Бѣлая Троица» въ Твери.—18) Христорождественскій монастырь въ Твери.—19) Желтиковскій монастырь близъ Твери.—20) Отрочь монастырь въ Твери.	
В. В. Верещагинъ и его произведенія. В. С. Р.	217
<i>иллюстраціи:</i> 1) В. В. Верещагинъ въ 1888 году.—2) Хоръ деревни.—3) Киргизъ.—4) Колодцы Мурза Робать въ Голодной степи.—5) Мечеть Тамерлана.—6) Гробница Тамерлана.—7) Казачій пикетъ.—8) Снѣжная траншея на Шипкѣ.	
Наставникъ царскихъ дѣтей. Б. Б. Глинскаго	230
<i>иллюстрація:</i> Яковъ Карловичъ Гротъ въ 1854 году.	
Курьезы изъ времени послѣдняго польскаго возстанія. Л. Омелянскаго.	267
Пятидесятилѣтіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества	278
Чортъ. Изъ житейскихъ встрѣчъ. А. В. Амфитеатрова	425
Послѣдніе дни жизни императора Александра I. Письма. Ө. Р. Мартоса.	471
<i>иллюстрація:</i> Кончина императора Александра I.	
Наводненіе въ Петербургѣ 2-го ноября 1895 года. А. П. Чехова	500, 881
<i>иллюстраціи:</i> 1) Галерная Гавань (со стороны Смоленскаго поля) на второй день послѣ наводненія.—2) Галерная Гавань (со стороны Шмидперскаго протока) на второй день послѣ наводненія.	
Современные литературные дѣятели. Александръ Константиновичъ Шеллеръ. А. И. Фаресова	558
Главные направленія русской литературы начала XIX столѣтія. А. Н. Бородина	578

	стр.
М. И. Семевскій въ его воспоминаніяхъ. Д. И. А.	594
иллюстрація: Михаилъ Ивановичъ Семевскій.	
Болѣзнъ или реклама? Б. Б. Глинскаго	618
Артистъ-народникъ. Г. Л. И.	654
иллюстрація: Иванъ Федоровичъ Горбуновъ.	
Николай Алексѣевичъ Осокинъ. Н. И. Афанасьева	668
иллюстрація: Николай Алексѣевичъ Осокинъ.	
Холопья честь. Историческій разсказъ. П. Н. Полевого	808
Забутый филантропъ. С. Н. Шубинскаго	864
Князь Александръ Баттенбергскій въ Россіи. Разсказъ очевидца. Г. Г. Го- жинскаго	934
Журналистъ двадцатыхъ годовъ. А. Н. Бороздина	946
иллюстрація: 1) Николай Алексѣевичъ Полевой. Съ неизданнаго портрета, рисованнаго карандашемъ и принадлежащаго П. Н. Полевому.—2) Николай Алексѣевичъ Полевой. Копія съ портрета, рисованнаго Тиммомъ въ 1846 году.	
Русскій дѣятель въ Эстляндіи. Б. Б. Глинскаго	960
иллюстрація: Князь Сергій Владимировичъ Шаховской.	
Памяти В. Р. Зотова. Н. П. Медвѣдскаго	986
иллюстрація: Владиміръ Рафаиловичъ Зотовъ.	
Памяти Н. Н. Страхова	994
Александръ Ильичъ Тимоѣевъ. (Некрологъ). А. А. Титова	996
КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ	293, 678, 1001

1) Пермская Старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. А. Дмитриева. Выпускъ VI. Первые годы послѣ Ермака и смутное время. Пермь. 1895 г. Пермскій край. Сборникъ свѣдѣній о Пермской губерніи, издаваемый губ. статист. комитетомъ. Т. III, подъ редакціею дѣйствительнаго члена комитета А. А. Дмитриева. Пермь. 1895. Д. Корсакова.—2) Опись собранія оружія графа С. Д. Шереметева. Составилъ Э. Ленцъ. Съ приложеніемъ 26 фототипическихъ таблицъ. Спб. 1896. в. ч. с.—3) М. И. Драгомировъ. Разборъ романа «Война и Миръ». Киевъ. 1895. Б. Никольскаго.—4) Очерки изъ литературной исторіи синодника. Историко-литературныя наблюденія и матеріалы, Е. В. Пѣтухова. Спб. 1895. А. Б.—ина.—5) Галицко-русская библиографія XIX-го столѣтія съ узглядненіемъ русскихъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Вуковинѣ (1801—1886). Составилъ Иванъ Ем. Левитскій. Томы I—II. Хронологическій списокъ публикацій. Львовъ. 1895. И. Рыжнова.—6) Подробная опись 962 рукописамъ начала XVII до начала XIX столѣтій «Долматовскаго архива». Составлена Г. Д. Преображенскимъ и Н. А. Альбицкимъ. Спб. 1895. А. Б.—7) Народная Академія. Доброе Слово. Книга первая. Изъ поученій высокопреосвященнѣйшаго Палладія, митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго. Книга вторая. Изъ поученій высокопреосвященнаго Антонія, архіепископа финляндскаго и Выборгскаго. Изданіе С. Г. Рункевича. Спб. 1895. И.—ча.—8) Сказки, собранныя братьями Гриммами. Иллюстрированныя Гротъ-Юганномъ и Лейнвеберомъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею П. Н. Полеваго. Спб. 1895. А. Б.—9) Юродство о Христѣ и Христа ради юродивые. Историческій очеркъ житія сихъ подвижниковъ благочестія Покровскаго и Василія Блаженнаго, въ Москвѣ, собора влчочаръ священникъ Иоаннъ Ковалевскій. Москва. 1895. И. х.—10) Въ странѣ черныхъ христіанъ. Очерки Абиссиніи. Ф. Волгина. 1895. («Полезная Библиотека»). А. П.—11) Починъ. Сборникъ Общества Любителей Россійской словесности. Москва. 1895. А. Ф.—ва.—12) Русскія книги. Съ биографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. (1708—1893). Редакція С. А. Венгерова, изд. Г. В. Юдина. Вып. I и II. Спб. 1895. А. Б.—13) Священникъ Е. Стѣпанскій. Городъ Каменецъ-Подольскій. Историческое описаніе. Киевъ. 1895. И. л.—ча.—14) В. Алексѣевъ. Древне-греческіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Спб. 1895. Б. Никольскаго.—15) Одесса (1794—1894). Изданіе городского общественнаго управленія въ столѣтіе города. Одесса. 1895. с. р. г.—16) М. С. Корелингъ. Паденіе вѣчнаго міросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской имперіи). Спб. 1895. П. А.—16) А. Алферовъ, А. Грузинскій, Ф. Нелидовъ, С. Смирновъ. Десять чтеній по литературѣ, съ 29 рисунками. Москва. 1895. с. т.—снаго.—17) Фостель-де-Буланжъ. Древняя гражданская община. (La cité antique). Исслѣдованіе о культурѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. Пе-

реводъ съ послѣдняго XIV изданія Н. Н. Спиридонова. Москва. 1895. Б. Мниольскаго.—18) Всеволодъ Чепихинъ. Жуховскій, какъ переводчикъ Шиллера. Критическій этюдъ. Рига. 1895. А. Б—ина.—19) Biblioteka ordynacyi Krasniskich. Muzeum Konstantego Swidzinskiego. Tom trzynasty. Dyaryusz wojny moskiewskiej 1633 roku z rekopisu wydal i przedmowa zaopatrzyli Alexander Rembowski. Warszawa. 1895. (Библиотека майорота Красинскихъ. Музей К. Свидзинскаго. Томъ тринадцатый. Дневникъ Московской войны 1633 г., изданный по рукописи и снабженный предисловіемъ Александромъ Рембовскимъ. Варшава. 1895). Н. Любовича.—20) Н. О. Акаемовъ. Куявы. Историко-этнографическій очеркъ. Варшава. 1895. н. н.—21) Очерки престоноароднаго життя-быття въ Витебской Бѣлорусси и описание предметовъ обиходности. (Этнографическія данныя). Съ географическимъ видомъ Витебской губерніи и четырьмя чертежами въ текстѣ. Составилъ Н. Я. Никифоровскій. Витебскъ. 1895. н. н.—22) Livre d'or à la mémoire d'Alexandre III, par Nicolas Notovitch. Edition du comité patriotique du Livre d'or Paris. 1895. б. в. н.—23) Н. П. Лихачевъ. Каталогъ летучихъ изданій и ихъ перепечатокъ: манифесты, указы и другія правительственныя распоряженія въ отдѣльныхъ изданіяхъ и перепечаткахъ. Разныя отдѣльные листы и брошюры. Спб. 1895. б—а.—24) Пережитки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ. Этнографическій очеркъ А. Е. Богдановича. Гродно. 1895. н. н.—25) Ковалевскій, М. Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. Переводъ съ французскаго М. Юлшина. Спб. 1895. п. А.—26) Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Выпускъ второй. Славяно-русскій прологъ. Часть первая. Сентябрь—октябрь. Изданіе журнала «Странникъ», подъ редакціей проф. А. И. Пономарева. Спб. 1896. Александра Бронзова.—27) А. В. Верещагинъ. У болгаръ и за границей (1881—1893). Воспоминанія и рассказы. Спб. 1896. в. г.—28) Материалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ третій. М. 1895. Николай Васильевичъ Гоголь и его переписка съ друзьями. Историко-литературный очеркъ П. А. Матвѣева, Спб. 1895. А. Б—ина.—29) Сборникъ для содѣйствія самообразованію. Программы чтенія для самообразованія съ приложеніемъ статей Н. И. Карѣева, В. И. Семеновскаго, М. С. Корелина и И. М. Сѣченова. Спб. 1895. Г—снаго.—30) Иванъ Андреевъ. Константинопольскіе патріархи отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія (хронологія этихъ патріарховъ и очерки жизни и дѣятельности важнѣйшихъ изъ нихъ). Выпускъ первый. Хронологія константинопольскихъ патріарховъ отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія и очерки жизни и дѣятельности св. Анатолія, Геннадія и Іоанна Постника. Сергіевъ Посадъ. 1896. н. в—ій.—31) Карлъ Лампрехтъ. Исторікъ германскаго народа. Томъ второй. Части III и IV. Переводъ съ нѣмецкаго П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1895. А. н.—32) Мужикъ безъ прогресса или прогрессъ безъ мужика. К. Гозовина. Спб. 1896. А. Фаресова.—33) Памяти Надежды Васильевны Стасовой, съ портретомъ работы В. Матэ. Въ пользу фонда имени Н. В. Стасовой при обществѣ вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на высшихъ женскихъ курсахъ. Спб. 1896. М.—34) Е. Лависсъ и А. Рамбо. Культара и цивилизація Западной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ. Переводъ съ французскаго съ предисловіемъ Виктора Михайловскаго, приватъ-доцента Московскаго университета. Москва. 1895. п. А.—35) Списокъ губернскихъ предводителей дворянства Россійской имперіи, 1885—1895 гг. Списокъ лицъ святи ихъ величествъ съ царствованія императора Петра Великаго по старшинству дня назначенія. Составилъ и издалъ генераль-лейтенантъ графъ Милорадовичъ. Черниговъ. 1895.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ . . 314, 695, 1014

1) Газета въ древнемъ Римѣ.—2) Новыя изслѣдованія о Петраркѣ и Боккачіо.—3) Итальянская Федра.—4) Письма Вольтера и Дидро къ Франсуа Троншену.—5) Альфредъ Рамбо и его книга объ участіи Россіи въ Семилѣтней войнѣ.—6) Г-жа Жоффренъ въ Польшѣ.—7) Подлинный разсказъ Мирабо о его любви къ Софи Монье.—8) Аустерлицъ 90 лѣтъ тому назадъ и теперь.—8) Берлинъ отъ XVIII вѣка до половины XIX.—9) Столѣтній юбилей Карла Язы.—10) Смерть Александра Дюма и Бартеlemi Сентъ-Илера.—11) Соціалистическое государство въ старину.—12) Война въ промедшемъ настоящемъ и будущемъ.—13) Вестминстеръ съ его основанія до нашихъ дней.—14) Герцогъ Лозенъ и его отношенія къ Екатеринѣ II.—15) Прологъ кампаніи 1812 года и дневникъ Кастеллана.—16) Польско-еврейскій жессія и его ученики.—17) Штраусъ и его переписка.—18) Два поэта.—19) Новая исторія румынъ.—20) Былъ ли Шекспиръ въ Эльсиноръ?—21) Итальянскій памфлетистъ XVI столѣтія.—22) Лакей добраго стараго времени.—23) Дипломатическія записки Монгальера.—24) Союзники въ Парижѣ въ 1814 году.—25) Юность Авраама Линкольна.—26) Воспоминанія французскаго дипломата въ Петербургѣ и въ Берлинѣ въ 1870—1872 годахъ.—27) Новѣйшіе труды англо-русскаго литературнаго общества.

ИЗЪ ПРОШЛАГО 337, 1031 ^{стр.}

1) Политическіе сьмыслыне въ Туруханскомъ краѣ. Д. Лазарева. — 2) Царскій кучеръ. И. Савченко. — 3) Боровацкіе спектакли прежняго времени. С. Тамбѣва.

СМѢСЬ 341, 715, 1035

1) Открытіе памятника императору Александру III. — 2) Открытіе памятника стрѣлку Степану Яковлеву. — 3) Освященіе памятника профессору Н. И. Нерсисову. — 4) Освященіе памятника на могилѣ А. Н. Плещеева. — 5) Семидесятипятилѣтіе Михайловской артиллерійской академіи училища. — 6) 50-лѣтіе пятой гимназіи. — 7) 50-лѣтіе Михайловскаго воронежскаго бюджетскаго корпуса. — 8) 25-лѣтіе общины св. Георгія. — 9) 25-лѣтіе с.-петербургскаго общества архитекторовъ. — 10) 50-лѣтіе литературной дѣятельности князя Д. Р. Зрястова. — 11) Чествованіе памяти Т. Н. Грановскаго и С. М. Соловьева въ Московскомъ историческомъ обществѣ. — 12) Чествованіе археологическимъ институтомъ памяти Н. В. Калачова, П. П. Саввантова и Д. А. Ровинскаго. — 13) Выставка изданій Д. А. Ровинскаго. — 14) Диспутъ Д. В. Айналова. — 15) Диспутъ А. В. Никитскаго. — 16) Диспутъ М. Крашевникова. — 17) Диспутъ А. А. Спасскаго. — 18) Историческое общество. — 19) Русскій археологическій институтъ въ Константинополѣ. — 20) Туркестанскій кружокъ любителей археологии въ Ташкентѣ. — 21) Отчетъ Одесской городской публичной бібліотеки за 1894 г. — 22) Городскія бесплатныя читальни имени И. С. Тургенева и А. Н. Островскаго въ 1894 году. — 23) Читальня московскаго общества распространенія полезныхъ книгъ. — 24) Городская художественная галлерей П. и С. М. Третьяковыхъ въ Москвѣ. — 25) Дѣятельность костромской ученой архивной комисіи. — 26) Любопытный историческій памятникъ. — 27) Старина г. Путявля. — 28) Къ биографіи Т. Г. Шевченки. — 29) Къ биографіи Н. А. Добролюбова. — 30) Торжественное 170-е засѣданіе Императорской Академіи Наукъ. — 31) 75-тилѣтіе Императорскаго общества поощренія художествъ. — 32) 75-тилѣтіе журнала «Христіанское Чтеніе». — 33) 35-тилѣтіе журнала «Филологическія Записки». — 34) 35-тилѣтіе служебной и учено-литературной дѣятельности Л. Н. Майкова. — 35) Чествованіе памяти Д. А. Ровинскаго въ Академіи Наукъ. — 36) Чествованіе памяти К. Д. Ушинскаго. — 37) Собраніе Славянскаго благотворительнаго общества. — 38) С.-Петербургское археологическое общество. — 39) Московское археологическое общество. — 40) Императорское общество любителей древней письменности. — 41) Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. — 42) Московскій Вибліографическій кружокъ. — 43) Антропологическое общество при императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. — 44) Общество для вспоможенія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. — 45) Собраніе театральнаго общества. — 46) Новая правла о преміяхъ А. С. Пушкина. — 47) Отчетъ Одесской городской читальни. — 48) Статистика театровъ и веселеній въ Россіи. — 49) Раскопки мечети Виби-ханымъ. — 50) Балаамское преданіе. — 51) Актъ въ Московскомъ университетѣ. — 52) Актъ въ Киевскомъ университетѣ св. Владимира. — 53) Актъ въ Харьковскомъ университетѣ. — 54) Актъ въ Петербургскомъ университетѣ. — 55) Пятидесятилѣтіе географическаго общества. — 56) Пятидесятилѣтіе «Вѣднхъ людей» Ф. М. Достоевскаго. — 57) Пятидесятилѣтіе со дня смерти князя А. А. Шаховскаго. — 58) Пятидесятилѣтній юбилей Е. Н. Жулевой. — 59) Двадцатипятилѣтній юбилей В. И. Писаревой. — 60) Московское общество любителей русскаго словесности. — 61) С.-Петербургское археологическое общество. — 62) Императорское общество любителей древней письменности. — 63) Нефилологическое общество. — 64) Общество вспоможенія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. — 65) Карамзинская общественная бібліотека въ Симбирскѣ. — 66) Некрологи: Е. А. Бѣловъ; И. С. Некрасовъ; П. М. Мартыновъ; С. М. Краевъ; А. И. Сюзевъ; Н. П. Жандръ; А. Ф. Копыловъ; А. А. Алексѣевъ; Н. А. Маевъ; Я. И. Вейнбергъ; В. А. Дашковъ.

ЗАМѢТКИ и ПОПРАВКИ 367, 743, 1063

1) Портретъ Петра Великаго. — 2) Маска Пушкина. Д. С. — 3) Къ биографіи И. Ф. Горбунова. Алексѣя Ярцева. — 4) Отвѣтъ г. Кузовникову. Музнецова-Красноярскаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты: Петра Великаго съ оригинала Таннауера, исполненный красками въ хромолитографіи «Новаго Времени», Александра Константиновича Шеллера и Павла Павловича Пезаровиуса. — 2) Осада Сарагоссы (Zaragoza). Историческій романъ Переса Гальдоса. Переводъ съ испанскаго Е. Уманецъ. Гл. I — XXIV. — 3) Объявленія книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.

СИЛЬФИДА.¹⁾

(Романъ въ трехъ частяхъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

III.

ДЬЯ ИЛЫЧЪ Коромысловъ жилъ въ казенной квартирѣ, въ томъ же домѣ, гдѣ помѣщалась театральная школа, но совершеннымъ особнякомъ. Въ его распоряженіи было восемь большихъ, высокихъ, какія бываютъ только въ казенныхъ домахъ, комнатъ, изъ которыхъ пять оставались безъ всякаго употребленія... Семья его осталась жить въ Петербургѣ, а онъ, въ качествѣ временного холостяка, довольствовался тремя комнатами. Въ одной онъ принималъ, и здѣсь стоялъ во всю стѣну большой письменный столъ, заваленный бумагами, и нѣсколько стульевъ для посѣтителей; въ другой спаль; и тутъ ничего не было, кромѣ кровати и умывальныхъ принадлежностей; въ третьей ѣлъ. Весь низъ этой пристройки былъ занятъ кухней и слугами. Судя по обстановкѣ, можно было подумать, что здѣсь живетъ спартанецъ, человекъ, любящій простоту жизни, умѣющій довольствоваться малымъ и скромнымъ. Но многочисленные посѣтители его передней, гдѣ имъ приходилось

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIII, стр. 869.
«Истор. вѣстн.», мартъ, 1896 г., т. LXIII.

иногда по пяти часовъ сидѣть и терпѣливо ждать, когда его превосходительство, директоръ театровъ, вспомнить о нихъ и соизволигь принять, чтобъ напряженно слушать въ теченіе двухъ минутъ,—думали иначе. Не свидѣтельствовали о спартанскомъ образѣ жизни Ильи Ильича и тѣ почти ежедневные веселые праздники, которые онъ устраивалъ для интимнаго кружка въ своемъ маленькомъ загородномъ домикѣ, послѣ полуночи, когда оканчивались представленія въ театрахъ, и гдѣ царила танцовщица, явно уже отцвѣтшая звѣзда, но тѣмъ не менѣе безраздѣльно владѣвшая сердцемъ Коромыслова.

Маленькіе праздники кончались поздно, и потому его превосходительство вставалъ не раньше, какъ около полудня. Передняя же наполнялась съ десяти часовъ. Все это были актеры, актрисы, декораторы, машинисты, музыканты и вообще люди, прикосновенные къ театру и слѣдовательно всецѣло зависѣвшіе отъ Ильи Ильича. Большинство изъ нихъ къ полудню обязано было спѣшить въ театръ, гдѣ шла репетиція, и они уходили, не дождавшись, когда его превосходительство откроетъ глаза и приметъ ихъ, пробовали прійти на другой день, иногда ходили по цѣлымъ недѣлямъ, пока не добивались аудіенціи. И ужъ, конечно, никто не посмѣлъ бы разбудить и поднять съ постели театральнаго властителя раньше времени. Это ни для кого не было бы и выгодно, такъ какъ его превосходительство, вставъ съ головной болью, въ каждой просьбѣ видѣлъ бы личное для себя оскорбленіе и не пощадилъ бы ни виноватыхъ, ни правыхъ. Но въ этотъ день въ квартирѣ Коромыслова происходило нѣчто невѣроятное. Посѣтителей въ передней еще не было, такъ какъ былъ ранній часъ. Даже слуга, обыкновенно спавшій въ передней на диванѣ, еще протиралъ глаза и не успѣлъ убрать съ дивана признаки того, что онъ провелъ на немъ ночь.

Въ это время въ переднюю вошелъ запыхавшійся чиновникъ и безъ дальнихъ разговоровъ спросилъ:

— Его превосходительство всталъ уже?

Слуга сдѣлалъ почтительный видъ, но посмотрѣлъ на него съ глубокимъ удивленіемъ.

— Когда же они вставали въ такую рань? Его превосходительство только въ пятомъ часу ночи домой возвратились!—отвѣтилъ онъ.

— Надо разбудить.

Послѣ этого къ изумленію слуги прибавился ужасъ. Разбудить теперь Коромыслова это значило—сдѣлать несчастными всѣхъ посѣтителей этой самой передней, которые черезъ часъ начнутъ сходиться, и продержатъ въ страхѣ и трепетѣ школу, театръ, контору, всѣ учрежденія, находившіяся въ вѣдѣніи его превосходительства, и всѣхъ, служившихъ въ нихъ людей. Онъ широко раскрылъ глаза, разинулъ ротъ и глядѣлъ на чиновника съ вопросомъ.

— Какъ же это... разбудить?.. развѣ возможно... разбудить ихъ?..
 — Говорю тебѣ: надо разбудить! Князь, понимаешь — самъ князь требуетъ!..

Слуга очень хорошо понималъ, что надъ каждымъ, хотя бы и самымъ страшнымъ генераломъ, есть другой, еще болѣе страшный генералъ, а слово «князь» было для него понятно, какъ и для всѣхъ жителей Москвы, не смотря на то, что въ ней было князей, быть можетъ, больше, чѣмъ во всей остальной Россіи. Тѣмъ не менѣе, какъ бы ни былъ великъ и страшенъ посторонній генералъ, свой всегда страшнѣе, потому что своего чувствуешь надъ собой каждое мгновеніе. Поэтому рѣшимость слуги нисколько не увеличилась. Онъ все-таки не могъ принять на свою душу грѣхъ.

— Я доложу-съ Епифану Игнатъевичу! — промолвилъ онъ: — пуская ужъ они разсудятъ... А мы никакъ не можемъ-съ...

— Ладно, только поскорѣй... Князь требуетъ сейчасъ!..

Слуга удалился. Епифанъ Игнатъичъ занималъ при его превосходительствѣ мѣсто писмоводителя, докладчика и курьера, такъ какъ ему приходилось иногда не только писать «отношенія», но, при скорой надобности, и относить ихъ, куда слѣдуетъ. Это было жалкое существо, постарѣвшее не отъ времени, а отъ бѣдности, существо, никогда ни на что не надѣявшееся, довольствовавшееся скромной участью, всегда и всѣмъ повиновавшееся и до того увѣренное въ своей ничтожности, что ему никогда не приходило въ голову, что бы кто нибудь захотѣлъ поднять на него руку. Поэтому онъ не боялся ни начальнической грозы, ни какихъ либо вѣшнихъ воздѣйствій. Когда его превосходительство гнѣвался, и стрѣлы его гнѣва летѣли направо и налево, сокрушая все, что попадалось на пути, и всѣ блѣднѣли, дрожали и пригибались, онъ равнодушно сидѣлъ за своимъ столикомъ въ передней, выводя на бумагѣ букву за буквой, съ полной увѣренностью, что ни одна стрѣла генеральскаго гнѣва, изъ презрѣнія къ его ничтожности, не зацѣпитъ его. Лѣтъ ему было не больше сорока, но смотрѣлъ онъ старикомъ — съ гладко выбритымъ морщинистымъ лицомъ, съ выдѣзшими бѣлесоватыми волосами, съ какими-то коричневыми пятнами на черепѣ, въ старомъ засаленномъ сюртукѣ, съ почернѣвшими металлическими пуговицами, высокій, костлявый, согбенный, съ широкимъ ртомъ, наполненнымъ непомѣрнымъ количествомъ желтыхъ и черныхъ зубовъ. Онъ жилъ въ двухаршинномъ полутемномъ чуланчикѣ, который называлъ «казенной квартирой», и, сидя на кровати, съ никому неизвѣстными мыслями и желаніями, проводилъ такимъ образомъ все время, которое оставалось отъ службы.

Въ такомъ положеніи засталъ его слуга и теперь.

— Епифанъ Игнатъичъ, тамъ чиновникъ отъ князя... Князь сію минуту требуютъ его превосходительство... Какъ же быть?..

— Князь? Какой князь?— спросилъ Епифанъ Игнатьичъ, какъ канцелярскій чиновникъ, любившій точность выраженій.

— Какой? Извѣстно какой! Самъ князь, значить... Губернаторъ...

— Требуется?

— Да такъ еще требуется, чтобы сію минуту...

— Такъ разбудить...

— Разбудить? Какъ же это разбудить?

— Поди и разбуди. Такъ и скажи: князь, молю, требуется ваше превосходительство.

— Господи Иисусе! Да я лучше дамъ себя повѣсить...

— А что такое?

— Да они меня за это самое въ ступѣ истолкуютъ...

— Ну, такъ что-жъ? Эка бѣда!

— Нѣтъ ужъ, Епифанъ Игнатьичъ, это вы сами какъ нибудь...

— Чтобы я разбудилъ?

— Ужъ какъ нибудь...

— Ладно... Я пойду...

И онъ поднялся. Слуга подумалъ: «Экій, Господи ты Боже мой, смѣлый человѣкъ этотъ Епифанъ Игнатьичъ! Ничего на свѣтѣ не боится...».

А Епифанъ Игнатьевичъ, который ничего на свѣтѣ не боялся, пошелъ прямо въ внутренніе покои его превосходительства.

Въ большой, высокой комнатѣ надъ широкими окнами были спущены темныя шторы, но свѣтъ, проникавшій сквозь щели, позволялъ ясно видѣть всѣ предметы. Его превосходительство лежалъ на пуховикѣ, въ видѣ толстаго кома, завернутаго въ рыжее касторовое одѣяло, изъ котораго выглядывала только голова, откинутая назадъ, въ бѣломъ ночномъ колпакѣ. Ротъ былъ раскрытъ, изъ него вылеталъ легкій храпъ, на верхней, гладко выбритой губѣ сидѣла муха. Толстыя щеки лоснились отъ пота. Очевидно, его превосходительству сонъ доставался нелегко. На ночномъ столикѣ, рядомъ съ кроватью, лежалъ волосами внизъ парикъ—рыжеватый съ просѣдью.

Епифанъ Игнатьичъ сталъ около кровати въ почтительную позу, опустилъ руки по швамъ, и осторожно откашлялся.

— Ваше превосходительство!— произнесъ онъ столь тихимъ сдержаннымъ голосомъ, какъ будто хотѣлъ сообщить своему начальнику глубокой секретъ.

Коромысловъ не услышалъ и продолжалъ пускать храпъ. Муха, однако, испугалась появленія письмоводителя и отлетѣла.

— Ваше превосходительство!— громче прежняго произнесъ Епифанъ Игнатьевичъ, и такъ какъ и это не подѣйствовало, то онъ повторилъ и въ третій.

Но Коромысловъ слишкомъ обременилъ свою голову вчера ночью, чтобы ее можно было такъ просто заставить очнуться.

Тогда Епифанъ Игнатьевичъ почувствовалъ себя въ величайшемъ затрудненіи. Хотя это и былъ человѣкъ, который ничего на свѣтѣ не боялся, но онъ все же зналъ и признавалъ ту огромную, невѣроятную разницу въ положеніи на общественной лѣстницѣ, какая существовала между нимъ и Коромысловымъ. Въ то время, какъ Коромысловъ стоялъ на одной изъ высочайшихъ ступеней (по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія его письмоводителя), Епифанъ Игнатьичъ едва ли даже могъ считаться ступившимъ на первую ступеньку. При такомъ отношеніи могъ ли онъ, даже не боясь ничего на свѣтѣ, рѣшиться растолкать своего начальника? Единственное, на что онъ рѣшился, это — прикоснуться къ одѣялу и осторожно стащить его съ шеи на спину.

Это средство, повидимому, оказалось болѣе дѣйствительнымъ. Его превосходительство тряхнулъ головой, закрылъ ротъ, почесалъ кулакомъ носъ и затѣмъ, слегка перемѣнивъ позу, опять заснулъ. Но такъ какъ теперь онъ дышалъ только при посредствѣ носа, то вмѣсто храпа издавалъ свистъ.

Епифанъ Игнатьевичъ вторично протянулъ руку и стащилъ одѣяло еще ниже. Коромысловъ встрепенулся и открылъ глаза. Епифанъ Игнатьичъ не изъ страха, а изъ уваженія къ начальству отступилъ на два шага и, прикрывъ ротъ рукою, откашлялся, какъ бы собираясь дать отвѣтъ.

Его превосходительство съ соннымъ изумленіемъ глядѣлъ на него, очевидно совершенно не будучи въ состояніи постигнуть этого явленія. Какимъ образомъ это могло случиться, что передъ нимъ, у его кровати стоитъ письмоводитель Столбухинъ? Было бы понятно, если бы это былъ камердинеръ, который могъ прійти за сапогами и за платьемъ, но этогь... Зачѣмъ ему? Это такъ было невѣроятно, что Коромысловъ приписалъ все сновидѣнію и хотѣлъ было опять закрыть глаза. Но въ это время Епифанъ Игнатьичъ промолвилъ:

— Ваше превосходительство!..

Коромысловъ вновь встрепенулся, на этотъ разъ уже окончательно приходя въ сознаніе.

— Столбухинъ? а? это ты? что тебѣ здѣсь надо? — почти безъ голоса, а однимъ только храпомъ воскликнулъ Коромысловъ.

— Ваше превосходительство... отъ князя чиновникъ прибылъ...

— Отъ князя?

— Отъ самого князя...

Его превосходительство такъ порывисто вскочилъ и сѣлъ на постели, что потерялъ колпакъ и сидѣлъ передъ письмоводителемъ съ обнаженнымъ черепомъ.

— Что такое? Который часъ?

— Восемь, девятый, ваше превосходительство!

— Ты спятилъ или пьянъ?

— Я не пьющій, ваше превосходительство... Дѣйствительно чиновникъ прибылъ. Князь требуетъ васъ изволить немедленно...

— Давай одѣваться... Живо!.. Зови этого болвана Сеньку!.. Ну, живѣе...

Но Сенька уже вбѣжалъ въ комнату. Онъ стоялъ за дверью и слушалъ. Мигомъ принялся онъ умывать Коромыслова. Его превосходительство пыхтѣлъ, но не сердился и не ругался, оставляя это напослѣ. Глаза его были красны, вѣки опухли. Сенька опытной рукой приладилъ ему парикъ, на помадилъ и расчесалъ на немъ волосы и въ окончательно отдѣланномъ видѣ выпустилъ въ кабинетъ, потомъ въ переднюю. Карета стояла уже у подъѣзда. Догадливый Сенька заблаговременно позаботился объ этомъ.

Коромысловъ ни о чемъ не разспрашивалъ чиновника. Онъ увидалъ его въ передней и, съ важностью отвѣтивъ на его почтительный поклонъ, быстро сбѣжалъ по лѣстницѣ, сѣлъ въ карету и умчался, оставивъ чиновника идти пѣшкомъ.

Когда въ домѣ князя онъ поднялся въ бельэтажъ и вошелъ въ приемную, князь нервно шагалъ по комнатѣ, изъ чего Коромысловъ заключилъ, что онъ во гнѣвѣ.

— А!— сказалъ князь, увидавъ его и остановившись:—я пригласилъ васъ, чтобъ сообщить любопытную новость... Вы хотя и управляете театрами, но не можете поручиться, что вся ваша труппа на лицо...

Коромысловъ захолопалъ вѣками, ничего не понимая. Князь пояснилъ:

— Вашу вчерашнюю Сильфиду, на которую вы возлагали столько надеждъ, увезли...

— Какъ увезли, ваше сіятельство?

— А вотъ такъ, ваше превосходительство: взяли и увезли... Присядьте, однако... я вижу, что это на васъ чрезмѣрно подѣйствовало...

Коромысловъ сѣлъ. У него подкашивались ноги...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Прошло дня четыре уже, что въ Москвѣ ни о чемъ другомъ не говорили, какъ только о таинственномъ исчезновеніи Сильфиды. Думали-гадали, кто бы могъ рѣшиться на такую дерзость, но безшабашныхъ головъ въ Москвѣ было слишкомъ много, чтобы можно было остановиться на одной изъ нихъ.

Менѣ всего могло кому нибудь прійти въ голову подозрѣніе, что сдѣлалъ это Бентыпъ-Полянской. Человѣкъ этотъ слишкомъ у

всѣхъ былъ на виду. Его огромныя связи съ сильными міра всѣмъ были извѣстны. Ему предстояла блестящая карьера. Хотя онъ далъ довольно доказательствъ своей способности на безумства, но все это были вещи, за которыя не ждалъ его отвѣтъ. Здѣсь — другое дѣло. Здѣсь онъ рисковалъ бы многимъ, а прежде всего своей карьерой.

При томъ же его видѣли въ такихъ мѣстахъ, гдѣ онъ бывалъ всегда, и такимъ, какимъ его знали. Члены англійскаго клуба не были лишены удовольствія встрѣчаться съ нимъ въ клубѣ. Въ театрѣ онъ появлялся каждый вечеръ на своемъ обычномъ мѣстѣ во второмъ ряду. Утромъ его встрѣчали за городомъ на бѣговыхъ дрожкахъ, запряженныхъ удивительнымъ рысакомъ, который мчалъ его, какъ стрѣла. Это было его любимое развлеченіе. Наконецъ, все блестящее общество Москвы присутствовало у него на завтракѣ въ день его рожденія, которое пришлось черезъ два дня послѣ событія.

Завтракать у Бентышъ-Полянскаго, это значило завтракать такъ, какъ нигдѣ во всей столицѣ. Съѣзжаться начинали часовъ въ двѣнадцать, а во второмъ часу садились за столъ. Огромный залъ наполнялся гостями, среди которыхъ не было ни одной дамы, а потому и приемы были здѣсь свободные. Никто ничего не стѣснялся, удивительное «Бентышевское» вино лилось рѣкой, быстро повышая тонъ разговоровъ, а на хорахъ музыка и пѣсенники не умолкали. Вся сановная, знатная и чиновная Москва была здѣсь, группируясь около самого князя, который, являясь въ этотъ домъ, сбрасывалъ съ себя всю, тяжелую для него самого, свою важность, къ которой обязывало его положеніе въ столицѣ, и становился добрымъ малымъ и безшабашнымъ весельчакомъ.

Эти завтраки кончались, когда на дворѣ начинало темнѣть, и хозяинъ провожалъ своихъ гостей при зажженныхъ свѣчахъ.

Станнымъ казалось только то, что на этомъ праздникѣ не было Тугарина. Всѣ знали, что старый инвалидъ былъ въ числѣ близкихъ пріятелей хозяина, что они рѣдкій вечеръ проводили порознь, и что Тугаринъ питалъ къ Бентышъ-Полянскому дружескую привязанность. Нельзя было предположить, что генералъ боленъ, такъ какъ многіе видѣли его на улицѣ. Отсутствовали также и братья Остужишины, которые безъ особыхъ, вѣскихъ причинъ не пропустили бы такого хорошаго случая побыть въ отборномъ обществѣ.

Было часовъ около восьми, когда изъ дома на Дмитровкѣ разъѣзжались послѣдніе гости. Въ числѣ ихъ былъ поручикъ Верховскій. Онъ уже раскланивался съ хозяиномъ, когда тотъ отвелъ его въ сторону и тихо сказалъ:

— Я нуждаюсь въ вашихъ услугахъ, Верховскій. Вы очень обяжете меня, если останетесь на полчаса.

Верховскій поклонился и дождался, когда ушли всѣ гости.

— Прошу васъ, пройдемте въ мой рабочій кабинетъ!—сказалъ хояинъ совсѣмъ не тѣмъ тономъ, какимъ сейчасъ говорилъ съ гостями. Верховскій понялъ, что услуга, о которой онъ говорилъ, относится къ серьезному дѣлу, и сообразно съ этимъ настроился. Легкій хмель немного мѣшалъ ему въ этомъ, но онъ овладѣлъ своей головой и, когда они пришли въ кабинетъ, былъ вполне способенъ выслушать хозяина. Они сѣли, но Андрей Михайловичъ тотчасъ, какъ началъ говорить, поднялся и сталъ ходить по комнатѣ.

— Вы, вѣроятно, замѣтили, Верховскій, что среди моихъ гостей былъ важный недочетъ!..

— Да, признаюсь. Недоставало почтенной деревянной ноги... Я этому дивился не мало!..

— Вы дивились?

— Еще бы! Зная все то, что было между вами!.. Я никогда не находилъ, что благородный характеръ генерала способенъ...

— Что же вы разумѣете?

-- Это ясно, полковникъ! На него дурно подѣйствовали проигрышъ. Сто червонцевъ унесли съ собой дружбу изъ его сердца...

Бентышъ-Полянскій вспыхнулъ.

— Развѣ у васъ были основанія думать такъ дурно о немъ?—спросилъ онъ, передернувъ плечами.

Верховскій замѣтилъ это движеніе и разслышалъ недовольный, какъ бы обиженный тонъ. Онъ понялъ, что его объясненіе не вразвѣтс Бентышъ-Полянскому.

— У меня лично — никакихъ! Но какъ иначе объяснить столь невнимательное отношеніе къ вамъ послѣ такой дружбы?

— Тугаринъ заслужилъ, чтобы его поступки объяснялись какъ можно лучше...

— Я самъ такъ думалъ всегда, но это меня поразило!..

Андрей Михайловичъ прошелся нѣсколько разъ молча.

— Дальнѣйшее васъ, можетъ быть, еще больше поразить, Верховскій... Тугаринъ сдѣлалъ мнѣ вызовъ...

— Вамъ?—съ изумленіемъ воскликнулъ поручикъ.—Тугаринъ? Вамъ?

— Да, и вотъ причина, почему онъ сегодня не пріѣхалъ...

— Но какой же поводъ могъ такихъ друзей превратить въ враговъ?

— Такого повода и не было. Мы съ Тугаринымъ никогда не становились и, надѣюсь, не станемъ врагами... Такъ какъ я нуждаюсь въ вашей услугѣ, Верховскій...

— Вы можете на нее рассчитывать вполне!.. поспѣшно перебилъ его поручикъ.

— Я въ этомъ не сомнѣвался... Да, такъ я долженъ объяснить вамъ это. Поводомъ послужила Сильфида...

— Какъ? Развѣ генералъ имѣлъ на нее виды?.. я этого не зналъ!..

— Нѣтъ, Верховскій... Вы не торопитесь заключать, потому что въ этой исторіи все не такъ, какъ можно догадываться. Генераль не имѣлъ на нее видовъ... Но развѣ вы думаете, что мой поступокъ по отношенію къ этой дѣвушкѣ можно причислить къ вполнѣ порядочнымъ?..

Верховскій на минуту сталъ втупикъ. Такого вопроса со стороны Бентышъ-Полянскаго, который, какъ ему было извѣстно, считалъ благороднымъ все то, что исходило отъ него, онъ не ожидалъ. Молодой поручикъ чаще не раздѣлялъ его мнѣній, чѣмъ присоединялся къ нимъ, чаще въ душѣ не одобрялъ его поступковъ, чѣмъ хвалилъ ихъ, но онъ, по своему положенію небогатаго дворянина, желавшаго поддерживать блестящія знакомства и сдѣлать хорошую карьеру, долженъ былъ чаще скрывать свои мнѣнія, чѣмъ высказывать ихъ открыто, и научился дѣлать это прекрасно. Онъ и на этотъ разъ отвѣтилъ не то, что думалъ, а то, что могло избавить его отъ необходимости высказать свой истинный взглядъ.

— Вы не первый это сдѣлали, полковникъ... Общество наше всегда смотрѣло на это снисходительно!..

— Какое же намъ дѣло до общества и его взглядовъ теперь, когда мы съ вами вдвоемъ? Оно ушло и унесло съ собой свою снисходительность. Почему же намъ продолжать быть къ себѣ снисходительными?.. Я хотѣлъ бы знать ваше, ваше личное мнѣніе, Верховскій!

— Если такъ, полковникъ, то я выскажусь: я не поклонникъ насильственнаго пріобрѣтенія женскихъ сердець...

— Благодарю васъ, Верховскій, за искренность...

— Но почему же именно Тугаринъ взялъ на себя это?

— Есть причина. Тугаринъ узналъ, что Чистопольевъ ей дядя. Чистопольевъ служилъ съ нимъ въ полку и былъ его другомъ. Онъ не зналъ о его пребываніи въ Москвѣ и считалъ его умершимъ. Узнавъ, что старый другъ его слѣпъ, слѣдовательно не можетъ вступить за племянницу, а больше у нея нѣтъ никого, онъ рѣшилъ взять это на себя...

— Какой рыцарскій поступокъ! — воскликнулъ Верховскій, восхищенный рѣшеніемъ Тугарина.

— Я вполнѣ раздѣляю ваше восхищеніе. Тѣмъ не менѣе я долженъ буду направить пистолетъ на грудь этого благороднаго чело-вѣка. Я принялъ вызовъ, Верховскій.

— Иначе вамъ нельзя было поступить, полковникъ...

— Значитъ, вы согласны быть моимъ секундантомъ?

— Безъ сомнѣнія. Вы выбрали мнѣ товарища?

— Нѣтъ, объ этомъ я прошу васъ. Я вполнѣ вѣрю вашему выбору. Я во всѣхъ отношеніяхъ сдаюсь на васъ, Верховскій. Вы расположены ко мнѣ, какъ и къ генералу, и поэтому я могу быть увѣренъ, что моя честь въ надежныхъ рукахъ...

— Спасибо, полковникъ! я дорожу этимъ мнѣніемъ...

— Итакъ, сегодня у васъ имѣется цѣлый вечеръ для того, чтобъ покончить переговоры. Вы изберете товарища и встрѣтитесь съ секундантами генерала. По всей вѣроятности, это будутъ Оступишины. Они безконечно преданы ему и сегодня, какъ и онъ, не сдѣлали мнѣ чести... Вы это замѣтили?

— Конечно... Это находится въ связи!..— отвѣтилъ Верховскій и всталъ.— Я долженъ оставить васъ, чтобы приступить къ переговорамъ...

— Да, пожалуйста. Объ условіяхъ меня не спрашивайте. Я беру заранѣе тѣ, которыя вы съ товарищами выработаете. Съ моей стороны будетъ только два условія. Первое—чтобы это случилось какъ можно скорѣе, хотя бы завтра утромъ, и второе: чтобы мнѣ было предоставлено выбрать мѣсто, и притомъ—не назначая его заранѣе. Тугаринъ настолько вѣритъ мнѣ, что согласится на это... Итакъ, Верховскій... До свиданія!

Онъ крѣпко пожалъ руку Верховскому и отпустилъ его.

Черезъ четверть часа онъ подѣзжалъ въ своей маленькой кареткѣ къ театру. У входа висѣла цвѣтная афиша, на которой объявлялось, что по случаю «внезапной болѣзни» танцовщицы Посоховой назначенный балетъ «Сильфида» отменяется, и вмѣсто него пойдетъ «Дѣва Дуная» съ танцовщицей Ступиной.

«Дѣва Дуная» шла безконечное число разъ въ теченіе трехъ предыдущихъ сезоновъ и всѣмъ изрядно надоѣла. Въ особенности же публика была недовольна тѣмъ, что ее заставляютъ смотрѣть отяжелѣвшую диву, Ступину, про которую всѣ знали, что она въ фаворѣ у Коромыслова. Ужъ и въ прежнее время она не разъ терпѣла фіаско, а теперь, когда всѣмъ стала извѣстна исторія таинственнаго исчезновенія юной Сильфиды, всѣ склонны были объяснять это обстоятельство ревностью отцвѣтающей танцовщицы и привлекали къ отвѣту даже самого Коромыслова. Въ театрѣ поэтому публики собралось не много, а та, что заняла мѣста, была настроена враждебно, и бѣдную Ступину въ этотъ вечеръ ожидали не лавры.

Бентышъ-Полянскій своей обычной спокойной походкой прошелъ къ переднимъ рядамъ и, занявъ свое мѣсто, началъ лорнировать публику съ видомъ человѣка, у котораго на душѣ нѣтъ ни малѣйшей заботы.

Онъ только не досидѣлъ до конца. Оглянувъ недовольнымъ видомъ верхніе ряды, какъ бы возмущенный дурнымъ поведеніемъ неблаговоспитанныхъ зрителей, шикавшихъ и свиставшихъ злополучной Ступиной, онъ вышелъ изъ театра послѣ втораго дѣйствія, сѣлъ въ каретку и покатилъ, но не на Дмитровку и не къ Дюссо, какъ часто дѣлалъ послѣ театра, а черезъ Москву-

рѣку за городъ, гдѣ каретка его остановилась на тихой безлюдной улицѣ, не подалеку отъ калитки, которая вела въ густой тѣнистый садъ.

II.

Домъ Чистопольева имѣлъ всѣ эти дни такой печальный видъ, какъ будто въ одной изъ его комнатъ лежало тѣло дорогаго покойника. Для Антона Макаровича кончились дни спокойнаго созерцанія собственныхъ мыслей и туманныхъ образовъ, рождавшихся въ его душѣ, когда онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ на крыльцѣ или въ саду подъ тѣнью стараго дуба, и слова, помимо его воли, слагались въ длинныя строки, приобрѣтали размѣръ и риѣму, и получались безконечныя поэмы, которыхъ онъ не читалъ никому, и которыя потомъ вытѣснялись новыми и исчезали изъ его памяти. Онъ думалъ поэмами. Избавленный отъ мелкихъ заботъ, которыя всѣ несла Олимпіада Семеновна, лишенный возможности свободно перемѣнять мѣсто и получать новыя впечатлѣнія, онъ предавался созерцанію и жилъ въ сферѣ своихъ тихихъ, мирныхъ ощущеній, далекій отъ дѣйствительной жизни со всѣми ея шереховатостями и дрязгами.

И вдругъ обстоятельства поставили его лицомъ къ лицу съ реальнымъ фактомъ и такимъ вопіющимъ, что онъ какъ бы почувствовалъ призывъ выйти изъ своего покоя и прислушаться къ шуму ежедневной жизни, которая давно уже была чужда его душѣ. Онъ не могъ примириться съ обстоятельствами, и въ то же время видѣлъ себя совершенно безсильнымъ бороться съ ними. Ему оставалось только предаваться отчаянью. Онъ не находилъ себѣ мѣста и высказывалъ свое горе восклицаніями, вздохами и проклятіями. Ему только не хватало слезъ, которыя, можетъ быть, облегчили бы его. За него и за себя проливали слезы Олимпіада Семеновна. Она не умолкала. Она не могла утѣшиться. Оба они считали себя виноватыми въ судьбѣ племянницы, и это отягчало ихъ горе.

Наташѣ было пять лѣтъ, а Лиза была еще на рукахъ у няньки, когда въ теченіе одного мѣсяца они лишились и отца и матери. Посоховы никогда не владѣли большимъ имуществомъ, но и съ той маленькой деревенькой, которая имъ принадлежала въ Ярославской губерніи, они никакъ не могли управиться. Это были скромные, тихіе люди мирнаго склада, не умѣвшіе быть строгими, страдавшіе, когда приходилось взыскивать, и трепетавшіе, когда надо было наказывать. А безъ всего этого людей нельзя было приохотить къ работѣ, и сельское дѣло у нихъ изъ рукъ валилось. Ихъ обманывали, обкрадывали и обижали; сосѣди смѣялись надъ ихъ мягкосердечіемъ и говорили, что они по ошибкѣ созданы людьми и помѣщиками, а что имъ слѣдовало быть ангелами. Кто-то посовѣтовалъ имъ

продать землю и души и купить въ Москвѣ домъ, такъ какъ при этомъ дѣлѣ меньше требуется хлопотъ и возни съ людьми. Они послушались, и въ самомъ дѣлѣ въ Москвѣ имъ зажилося лучше.

Наташу сюда привезли груднымъ ребенкомъ, а Лиза родилась уже въ Москвѣ. Посоховы жили мирно и ладно; они не водили большихъ знакомствъ. Главный ихъ кругъ составлялъ домъ Чистопольева, гдѣ они были родными и гдѣ на ихъ дѣвочекъ смотрѣли, какъ на своихъ, потому что своихъ Богъ не далъ. Дѣвочкамъ предстояла скромная доля небогатыхъ дворянскихъ дѣвицъ, которыя получили бы скудное домашнее образованіе и потомъ вышли бы замужъ за такихъ же небогатыхъ дворянъ и, вѣроятно, были бы счастливы. Но судьба распорядилась иначе.

Москва была потрясена пожарами, которые наводили на жителей паническій ужасъ. Каждый боялся за свое добро и свою жизнь и съ невыразимымъ страхомъ ждалъ завтрашняго дня. Никто не могъ предвидѣть, гдѣ и съ какой стороны произойдетъ несчастье, и убе-речься.

Надъ Посоховыми стряслась бѣда. Ихъ домъ и все имущество поглотилъ огонь вмѣстѣ съ цѣлымъ кварталомъ другихъ домовъ. Но другіе какъ-то вывернулись, а Посоховы увидѣли себя безпомощными, нищими. Если они могли еще рассчитывать на скольконибудь сносное существованіе для себя самихъ, надѣясь на скудную помощь родственниковъ, которые также не были богаты, то судьба дѣвочекъ ужасала ихъ. Они не вынесли этой скорби, заболѣли и одинъ за другимъ умерли, завѣщавъ обѣихъ дѣвочекъ Чистопольевымъ.

Тогда новая судьба Наташи и Лизы еще не опредѣлилась, но Антонъ Макаровичъ постоянно думалъ объ этомъ. Среди его друзей былъ одинъ извѣстный писатель, игравшій значительную роль при театрѣ и имѣвшій вліяніе на директора. Ему пришло въ голову, что дѣвочекъ можетъ воспитать казна и затѣмъ обезпечить ихъ на всю жизнь. Ему было нетрудно выхлопотать для нихъ мѣста въ театральной школѣ, и съ этого времени судьба Посоховыхъ опредѣлилась. Наташа поступила тотчасъ, когда ей не было еще и семи лѣтъ, а Лиза дожила до этого возраста у дяди.

Чистопольевымъ тогда казалось, что они поступили хорошо, тѣмъ болѣе, что у Наташи съ первыхъ же шаговъ обнаружились способности къ танцамъ. У нихъ будетъ ремесло, и онѣ ничего въ жизни не будутъ бояться. Но теперь Антону Макаровичу казалось, что онъ совершилъ тогда преступленіе. Вспоминалъ онъ, что сестра умирая поручила дѣтей ему, а не кому другому. Она говорила: «знаю, что онѣ будутъ тебѣ, какъ родныя, что ты доведешь ихъ до разума»... И теперь онъ думалъ: были ли дѣвочки ему, какъ родныя? Конечно, онъ любилъ ихъ, думалъ, заботился о нихъ, но еслибъ онѣ были его дочерьми, послушался ли бы онъ совѣта друга-писателя и отдалъ ли бы ихъ въ театральную школу? Охъ, нѣтъ,

не захотѣлъ бы онъ удалять ихъ изъ дому, когда въ домѣ такъ много мѣста. Онъ пожелалъ бы быть всегда съ ними, наблюдать за ихъ ростомъ, умственнымъ развитіемъ, лично внушать имъ нравственныя правила. Да и зачѣмъ? Не богаты они, но есть въ домѣ довольно добра, чтобъ одѣть и обуть ихъ и накормить и обучить кой-чему. Ну, а насчетъ племянницъ онъ такъ не разсуждалъ. Для нихъ сценическая карьера показалась ему блестящей. А вотъ она какова эта карьера. Всякій разсматриваетъ тебя, какъ общее и свое добро, всякій норовитъ овладѣть тобой, даже не прося твоего согласія. Ничего этого не случилось бы, если бы племянницы оставались дома. Доля ихъ была бы скромнѣе, онѣ были бы въ неизвѣстности, за то Наташа могла бы распорядиться собой по желанію, а теперь... Волосы на головѣ Антона Макаровича становились дыбомъ, когда онъ мысленно доходилъ до этого «теперь».

Олимпиада Семеновна съ своей стороны невольно увеличивала его горе. Она припоминала, какъ въ первое время, когда возникла мысль объ опредѣленіи дѣвочекъ въ театральную школу, она всячески отбивалась отъ этого. «Какъ можно,—говорила она,—чтобъ дѣвицы изъ честнаго дворянскаго дома да стали бы потѣшать зрителей на сценѣ! И что намъ за нужда отдавать ихъ туда? Слава Богу, и прокормить и тепло одѣть можемъ». Но ее убѣдили, и она сдалась. Теперь она говорила, обливаясь слезами, что ничего бы этого не было, еслибъ тогда ея послушались. А Антонъ Макаровичъ и самъ это понималъ и оттого еще больше казнился. Ихъ общее горе увеличивалось еще присутствіемъ въ домѣ Лизы, которая такъ грустила, что почти отказывалась отъ пищи и сна. Когда въ театральномъ училищѣ стало извѣстно, что Наташа не пріѣхала послѣ спектакля домой, Зоя Ѳедоровна, а вмѣстѣ съ нею и вся школа въ одинъ голосъ объявили, что это устроила Ступина. Но говорилось объ этомъ тихонько, потому что ни для кого, не исключая даже маленькихъ ученицъ младшаго класса, не было тайной, что Ступина любимица директора. Когда Коромысловъ прямо отъ князя пріѣхалъ въ школу и, неизвѣстно за что, разнесъ Зою Ѳедоровну и весь школьный персоналъ, ему, не смотря, повидимому, на безыскусственную свирѣдность, никто не вѣрилъ. «Это онъ нарочно разноситъ, чтобъ никто не повѣрилъ», говорили всѣ.

Но Лиза пришла въ ужасъ, когда ее, лежавшую чуть не въ обморокѣ, вдругъ потребовали въ приемную, гдѣ дожидался свирѣпый директоръ. Ни жива, ни мертва, она шатаясь вошла и остановилась передъ грознымъ начальствомъ. Зоя Ѳедоровна, тоже обливавшаяся слезами, какъ потому, что скорбѣла объ участи лучшей и любимѣйшей воспитанницы школы, такъ и потому, что безвинно заслужила гнѣвъ начальства, замѣтила, что дѣвушка шатается и едва стоитъ на ногахъ.

— Ваше превосходительство, позвольте ей състь!.. Она может упасть!..

Коромысловъ на это только фыркнулъ, а когда Лиза, въ самомъ дѣлѣ долѣе не будучи въ состояніи держаться на ногахъ, сама опустилась на стулъ, онъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ, но ничего не возразилъ: очень ужъ несчастный видъ былъ у бѣдной дѣвочки.

— Посохова!—строго сказалъ ей Коромысловъ:—помни, что ты должна сказать мнѣ всю правду, иначе... иначе...

Онъ не сказалъ, что именно ожидаетъ Лизу въ случаѣ «иначе», но и такъ было ясно, что — не награда. Лиза слушала его, вся дрожа, ожидая дальнѣйшихъ вопросовъ.

— Съ кѣмъ сговаривалась твоя сестра? Съ кѣмъ она переписывалась? Она была съ тобой откровенна... Ты была вчера съ нею за кулисами... Что она тебѣ передавала по секрету?..

Лиза вмѣсто отвѣтовъ огласила комнату громкимъ плачемъ и закрыла лицо руками.

Коромысловъ побагровѣлъ.

— Перестань комедіанничать... Это тебѣ еще слишкомъ рано!.. Вы заводите шашни, а мы за васъ отвѣчать должны!.. Я посажу тебя на двѣ недѣли въ карцеръ!..

Зоя Ѳедоровна, присутствовавшая при этой сценѣ, посмотрѣла на него страннымъ взглядомъ, котораго онъ не понялъ, потому что ничего подобнаго не могъ допустить съ ея стороны. Потомъ она подошла къ Лизѣ, взяла ее за руку и сказала:

— Тебѣ дурно, Посохова, пойдешь!..

Лиза покорно пошла за нею.

— Это что значитъ?—прохрипѣлъ Коромысловъ, но Зоя Ѳедоровна даже не обернулась, а вывела дѣвочку въ корридоръ и тихо промолвила:

— Ничего не бойся, Посохова!.. Иди и успокойся... Онъ неправъ!..

Лиза пошла къ себѣ, а Зоя Ѳедоровна вернулась въ пріемную. У нея уже не было того подавленнаго вида, какой она имѣла до этой сцены. На нее нашла какая-то рѣшимость. Вспомнила она, что въ Петербургѣ въ довольно высокихъ сферахъ есть люди, готовые оказать ей покровительство. Она знала это всегда, но никогда не пользовалась этимъ, а Коромысловъ, привыкшій къ ея покорности, не допускалъ мысли, что она можетъ выйти изъ скромной своей роли. Но эта сцена задѣла ее за живое. У нея было доброе сердце, вмѣщавшее много любви къ бѣднымъ беззащитнымъ питомцамъ школы, у которыхъ было такъ много начальства, что она считала себя въ этой роли лишнею и потому предпочитала роль заботливой заступницы. Защищала ихъ она молчаливо и тихо, стараясь какъ можно мягче исполнять строгіе приказы начальства, а если было возможно,

то и вовсе забывать о нихъ. Но на этотъ разъ ей пришлось вступить громко. Обращеніе Коромыслова съ Лизой показалось ей безчеловѣчнымъ.

— Позволю себѣ спросить,—злбно встрѣтилъ ее Коромысловъ:— что означаетъ подобный образъ дѣйствій?

— Дѣвочка перепугана... Она ребенокъ, ваше превосходительство...—отвѣтила Зоя Федоровна, стараясь соблюсти тонъ подчиненной передъ начальникомъ:—моя обязанность заботиться о здоровьи воспитанницъ...

— Вапа обязанность исполнять требованія начальства!—выпалилъ Коромысловъ.—Я позволю себѣ спросить: кто здѣсь начальникъ: вы или я?

Зоя Федоровна на этотъ вопросъ не отвѣтила: до того было ясно, что начальникъ не она, а Коромысловъ.

— Воспитанница Посохова знаетъ больше, чѣмъ вы думаете. Прошу васъ продержатъ ее три дня въ карцерѣ!..—продолжалъ Коромысловъ, чувствуя себя начальникомъ.

— Ваше превосходительство, я не могу этого сдѣлать... Это было бы несправедливо и безчеловѣчно!.. — твердо возразила Зоя Федоровна.

— Въ такомъ случаѣ вамъ придется оставить это мѣсто и подыскать другое, гдѣ начальство справедливѣе и человѣчнѣе!..

— Я это сдѣлаю, если высшее начальство найдетъ мой образъ дѣйствій неправильнымъ!..—съ поклономъ отвѣтила Зоя Федоровна.

Коромысловъ съ бѣшенствомъ схватилъ шляпу, какъ будто не надѣтъ ее хотѣлъ, а швырнуть въ Зою Федоровну,—и полетѣлъ къ двери.

— А! Хорошо-съ! Хо-ро-шо-съ!..—проскрипѣлъ онъ уже на лѣстницѣ и покинулъ школу.

Зоя Федоровна приказанія его не исполнила. Она утѣшила Лизу, велѣла заложить училищную карету и отпустила дѣвочку къ дядѣ на три дня до конца праздниковъ.

Забѣгая впередъ, скажемъ, что изъ Коромысловскаго «хо-ро-шо-съ» ничего дурнаго для Зои Федоровны не вышло. Коромысловъ былъ отходчивъ. Кромѣ того, успокоившись отъ княжеской взбучки, онъ понялъ, что былъ жестоко не правъ, а дальнѣйшія свѣдѣнія вполне доказали ему это. Двѣ недѣли онъ не ѣздилъ въ школу, потомъ сталъ ѣздить, но дулся на Зою Федоровну и не говорилъ съ нею; потомъ смягчился, заговорилъ, и все пошло постарому.

Лиза проводила праздники у Чистопольевыхъ, въ слезахъ. Когда она въ понедѣльникъ на Оминой недѣлѣ явилась въ школу, ее не узнали, такъ она была худа и блѣдна.

III.

Верховскій послѣ поздняго завтрака отправился къ своему пріятелю, Сѣрбичу, служившему въ одномъ съ нимъ полку. Они были однихъ лѣтъ, вмѣстѣ проходили службу, и состоянія ихъ были приблизительно одинаковы. Верховскій только былъ счастливѣе. Случайно ему удалось попасть въ общество, группировавшееся вокругъ Бентышъ-Полянскаго и Тугарина, а отсюда у него и во всей Москвѣ завелись почтенныя знакомства. Это было важно. Молодой офицеръ становился на виду и легче могъ рассчитывать на то, что его замѣтятъ и подвинутъ впередъ и скорѣе и дальше. Сѣрбичу это не удалось. А между тѣмъ онъ страстно желалъ этого. Онъ просто мечталъ о томъ, чтобъ сдѣлаться вхожимъ въ домъ богатаго и прихотливаго полковника.

Верховскій засталъ пріятеля въ то время, когда онъ хотѣлъ отправиться въ театръ.

— Ты собираешься выйти изъ дому? — спросилъ Верховскій хозяина.

— По всей вѣроятности, намъ по дорогѣ, и мы выйдемъ вмѣстѣ! — отвѣтилъ тотъ. — Ты вѣдь въ театръ?

— Избави меня Богъ! смотрѣть Сгупину послѣ Посоховой, это — подвигъ.

— Какъ? Развѣ Посохова до сихъ поръ не открылась?

— И не откроется. Она въ крѣпкихъ рукахъ...

— Что это значитъ? Ты развѣ знаешь чтонибудь больше, чѣмъ всѣ? Я слышалъ, что даже полиція ничего не можетъ открыть, не смотря на строгій приказъ князя...

— Гм... Полиція! Ей, конечно, не открыть, потому что...

— Ну? Почему же? Почему?

— А, ты любопытенъ?... Хорошо, я тебѣ скажу, если ты за это принесешь мнѣ маленькую жертву...

— Если маленькую... Отчего же нѣтъ?

— А если большую, то нѣтъ?

— Смотря по тому, вызывается ли она необходимостью...

— Необходимостью—нѣтъ. Можно обойтись и безъ тебя. Но она можетъ принести тебѣ пріятные плоды...

— Въ такомъ случаѣ это не будетъ жертва...

— Нѣтъ, будетъ, потому что также легко плоды могутъ оказаться и горькими...

— О, сколько загадокъ! Ну, я согласенъ. Говори, почему полиція не можетъ открыть Посохову...

— Сперва откажись отъ театра. Ты мнѣ нуженъ на цѣлый вечеръ...

— Но у меня билеты!...

— Разорви его!...

— Такъ и быть! Ты меня интригуешь...

Сербичь снялъ шпагу, разстегнулъ мундиръ и сѣлъ съ видомъ человѣка, рѣшившагося остаться дома.

— Итакъ, почему полиція не можетъ отыскать Посохову?

— Потому что она слишкомъ хорошо знаетъ ея мѣстопробываніе...

— Что-о? Какъ это такъ?

— А скажи, ты сумѣешь молчать? Но такъ молчать, какъ могила...

— О, еще бы! когда это нужно... Ты же знаешь меня...

— Конечно... Ты слышалъ исторію о задержкѣ кареты слѣпого поэта Чистопольева, дяди Посоховой? Ну, такъ вотъ. Полиція сама нарочно завязала скандалъ среди кучеровъ, впутала кучера этого самаго Чистопольева, забрала его, посадила за рѣшетку, а карету съ лошадьми выпустила съ другимъ кучеромъ, который былъ въ гримѣ точь-въ-точь похожемъ на того кучера... Ну, свезли, куда надо, а потомъ карету съ лошадьми опять отдали по принадлежности... Понялъ?

— Какія ты чудеса рассказываешь?

— Но погоди... Не въ этомъ дѣло. Я сказать, что Посохова въ крѣпкихъ рукахъ находится. Ты, можетъ быть, хочешь знать, въ чьихъ?...

— Я думаю! Вѣдь этого никто не знаетъ...

— Ну, никто! Есть такіе, что знаютъ! Слыхалъ ты объ обществѣ двадцати?...

— Общество двадцати?—воскликнулъ Сербичь и подскочилъ на своемъ стулѣ. — Такъ эти крѣпкія руки принадлежать полковнику Бентышъ-Полянскому?

— Навѣрно такъ... Ну, теперь ты знаешь больше, чѣмъ вся Москва... Слушай дальше. Ты хорошо знаешь Тугарина?..

— Старога генерала съ деревянной ногой? Еще бы! Они друзья съ Полянскимъ, и, конечно, генераль игралъ въ этой исторіи важную роль...

— Болѣе важную, чѣмъ ты думаешь... Но не ту, какую тебѣ хотѣлось бы приписать ему. Бентышъ держалъ съ нимъ пари, что устроить такую штуку, о которой заговорить вся Москва, вотъ и устроилъ. Тугаринъ заплатилъ сто червонцевъ. А потомъ оказалось, что дядя Сильфиды, Чистопольевъ, старый другъ Тугарина, только генераль не зналъ, что онъ живъ и въ Москвѣ, и что онъ слѣпъ... Ну, теперь угадай, что дальше!

— Нѣтъ, ужъ ты не мучь меня, а рассказывай. Все это такъ удивительно!

— Вотъ видишь! Это гораздо любопытнѣй, чѣмъ смотрѣть, какъ старуха Ступина ломается въ «Дѣвѣ Дуная», и слушать, какъ ей

шикаютъ и свищутъ. Да, такъ оказалось, что Чистопольевъ старый другъ генерала, и они не видались двадцать лѣтъ. Узнавъ это, Тугаринъ заплатилъ сто червонцевъ и...

Верховскій остановился и началъ копотливо раскуривать трубку. Сербичь помогаль ему, но въ душѣ негодовалъ за то, что тотъ прерываетъ рассказъ на самомъ интересномъ мѣстѣ.

— Ну,—сказаль онъ,—заплатилъ сто червонцевъ и?..

— Какъ, развѣ я еще не досказаль? Заплатилъ сто червонцевъ и вызваль его...

— Тугаринъ Бентыша?

— Ну, да.

— На дуэль?

— Само собою. Не на кулачный же бой! Слушай же: сегодня было рожденіе Бентыша, домъ его былъ полонъ, только не было Тугарина и его ближайшихъ друзей, Остужишинныхъ. Когда всѣ разѣхались, полковникъ попросилъ меня быть его секундантомъ...

— А другой кто?

— Другой—ты!

Сербичь порывисто всталъ. Глаза его горѣли, лицо выражало юношескій восторгъ.

— Какимъ же образомъ? Вѣдь онъ меня не знаетъ!

— Онъ довѣрилъ мнѣ выбрать товарища, а я выбраль тебя!

Сербичь бросился къ нему и началъ обнимать его.

— Спасибо, Верховскій! Вотъ такъ спасибо! Ну, я весь въ твоемъ распоряженіи! Говори, что дѣлать надо!

— Одѣвайся и пойдѣмъ къ Тугарину. Онъ пошлетъ насъ къ своимъ секундантамъ, и мы станѣмъ сговариваться. Условія полковника—чтобы поскорѣе, хоть завтра, и чтобы ему предоставили мѣсто назначить. Остальное все отъ Тугарина...

Сербичь торопливо застегивался и требоваль отъ денщика шинель. Черезъ минуту они уже были на улицѣ и быстро шагали по направленію къ особняку Тугарина. Сербичь былъ взволнованъ, всю дорогу разспрашиваль Верховскаго о подробностяхъ и благодарилъ.

— А скажи, что это за пари, которое ты выиграль?—спросилъ онъ.—Эти двѣнадцать душъ... Это имѣеть связь съ этой исторіей?

Верховскій нахмурился.

— Да, да! сумрачно сказаль онъ.—Это имѣеть связь... я держаль пари съ Остужишинымъ... Я былъ за полковника... и выиграль... Вотъ ужъ близко Тугаринскій домъ!—прибавилъ онъ, боясь, чтобъ Сербичь не вздумаль разспрашивать его о подробностяхъ этого ужаснаго пари, мысль о которомъ еще и теперь приводила его въ содроганіе. Послѣ того, какъ онъ провелъ безсонную ночь у Тугарина и затѣмъ побываль у Дюссо, гдѣ узналь о своемъ выигрышѣ, онъ поѣхаль прямо домой и, встрѣтившись съ Дашенькой,

такъ горячо и нѣжно обнять ее, какъ будто много лѣтъ не видался съ нею.

— Вотъ, Дашенька, — сказалъ онъ, — я сейчасъ выигралъ двѣнадцать молодцовъ. Это все будутъ твои. Такъ говори, кого да кого выбрать. Я выигралъ на выборъ!

Красавица недоумѣвала и не понимала, какъ это могло случиться. Ей хотѣлось разузнать, въ чемъ дѣло, и чѣмъ онъ самъ рисковалъ, но онъ закрывалъ ей ротъ страстными поцѣлуями. Потомъ онъ поѣхалъ, какъ условились, къ Остужицкимъ и выбралъ себѣ лучшее, что было въ ихъ богатой дворнѣ. Братья не слишкомъ были довольны его выборомъ, но не сказали ни слова, и люди въ тотъ же день перешли въ вѣдѣніе Дашеньки.

— Слушай, Верховскій! — спросилъ его Сербичъ, когда они подходили къ дому Тугарина. — А не думаешь ты, что послѣ этой дуэли общество двадцати распадется?

— Я думаю, что наоборотъ, оно окрѣпнетъ... Конечно, если дуэль кончится благополучно! — отвѣтилъ Верховскій. — Сколько я замѣтилъ, у Бенгыша сохранилась къ Тугарину вся прежняя дружба. Думаю, что и Тугаринъ, поступая, какъ истинный рыцарь, въ то же время не питаетъ къ нему вражды...

Сербичъ думалъ о новыхъ знакомствахъ и мысленно представлялъ себѣ, какъ черезъ нихъ связи его въ обществѣ расширяются, и онъ достигаетъ того, о чемъ такъ давно и горячо мечталъ. И онъ отъ души желалъ обоимъ завтрашнимъ противникамъ промахнуться. Они вошли во дворъ. Маленькій двухэтажный домикъ Тугарина былъ освѣщенъ. Очевидно, хозяинъ сидѣлъ дома, а, можетъ быть, у него были и гости.

Они поднялись во второй этажъ и вошли прямо безъ доклада, какъ это было въ обычаѣ у Тугарина.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

— А, отроковица! И не одна, а двѣ! — воскликнулъ Тугаринъ, сидѣвшій въ креслѣ, въ правомъ углу комнаты, надъ кучей трубокъ, которыми онъ производилъ смотръ. — Пріятно, пріятно! Вотъ розыскиваю тирольскую трубку... Никакъ не могу сыскать... Запропастилась!

Верховскій представилъ ему Сербича и, чтобы не было никакихъ недоразумѣній, пояснилъ:

— Только ужъ не взыщите, генераль: сегодня насъ привелъ къ вамъ не мирный поводъ...

Тугаринъ, сразу понявшій, въ чемъ дѣло, совершенно тѣмъ же тономъ, какимъ говорилъ о тирольской трубкѣ, промолвилъ:

— Видѣть васъ у себя, Верховскій, и познакомиться съ вами, Сербичъ, я очень радъ, а это до меня не касается... Вонъ тамъ въ кабинетѣ сидятъ мои молодцы, это ихъ дѣло. Съ ними и говорите. А когда кончите, приходите сюда, будете гостями!

Сербича сразу очаровало это грубовато-простецкое обращеніе, и онъ почтительно поклонился Тугарину. Когда они дошли уже до двери кабинета, позади ихъ послышался громкій голосъ хозяина.

— Отроковица! отроковица! А какъ поживаетъ вапа красавица Дашенька?

Верховскій вздрогнулъ и покраснѣлъ.

— Она здорова! Благодарю васъ, генераль! — дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ онъ.

— И счастлива? — спросилъ Тугаринъ.

— Болѣе, чѣмъ когда нибудь!

— А, это дѣлаетъ вамъ честь, отроковица!

Они вошли въ кабинетъ. Остужишины сидѣли за столомъ другъ противъ друга и, очевидно, совѣщались. Собственно говоря, для нихъ это было излишне, такъ какъ они подозрѣвали мысли другъ друга и понимали ихъ съ одного слова. Но предметъ обсуждения слишкомъ былъ важенъ: жизнь, или, по крайней мѣрѣ, здоровье генерала. Верховскій познакомилъ съ ними товарища. Они гдѣ-то уже встрѣчались и знали другъ друга. Новоприбывшіе усѣлись за столомъ, и началось совѣщаніе. Всѣ говорили вполголоса, чтобъ не слышалъ хозяинъ.

Оказалось, что Остужишины дѣйствовали съ полнымъ довѣріемъ отъ Тугарина. Единственное условіе, какое онъ поставилъ, это—чтобы были пистолеты. Ни шпагъ, ни рапиръ онъ не признавалъ. И онъ такъ же, какъ и Бентышъ-Полянскій, просилъ, чтобъ дуэль произошла какъ можно скорѣе.

Совѣщаніе длилось часа полтора. Пистолеты были налицо. Ихъ осмотрѣли, изслѣдовали и одобрили. Назначили разстояніе и рѣшили, что противники будутъ стрѣлять одновременно. Такъ какъ обѣ стороны имѣли безграничныя полномочія, то тутъ же было назначено время: завтра въ шесть съ половиной часовъ утра. Верховскій заѣдетъ сюда въ шесть и повезетъ ихъ въ то мѣсто, какое назоветъ Бентышъ-Полянскій.

Когда было все кончено и записано, всѣ четверо подписались. Старшій Остужишинъ отправился къ Тугарину и прочиталъ ему условія.

— А, ну васъ! — сказалъ онъ. — Мнѣ это совсѣмъ не интересно. Тутъ важно, куда попадутъ тебѣ: въ ляшку или въ лобъ, а этого вамъ, что тамъ ни пишете, все равно не угадать! Зови-ка лучше молодыхъ людей чай пить!

За чаемъ онъ рассказывалъ исторію тирольской трубки, которую отыскалъ, и ни слова не сказалъ о предстоящемъ поединкѣ. Только когда чай былъ выпить, онъ поднялся и замѣтилъ:

— Ну, а теперь по домамъ! Надо рано лечь спать, чтобы завтра рука не дрожала! Эхъ, жалко будетъ одного изъ насъ, ежели судьба захочетъ! Оба вѣдь славные малые! — прибавилъ онъ, пожимая гостямъ руки.

Потомъ онъ обратился къ Сербичу.

— А ежели останусь цѣль, милости прошу захаживать! Васъ, отроковица, не зову, вы сами придете; а съ молодцами мы люди свои.

Они выпли на улицу всѣ четверо вмѣстѣ. Но тутъ Остужишины повели себя официально, какъ представители противной стороны. Они вѣжливо, но холодно раскланялись, сѣли въ ожидавшійся ихъ экипажъ и уѣхали.

— Они всегда такъ холодны съ тобой? — спросилъ Сербичъ.

— О, нѣтъ. Но они боятся, чтобъ ктонибудь не усомнился въ ихъ знаніи тонкостей свѣтскаго обращенія. Поэтому они и ведутъ себя, какъ благвоспитанные враги!...—отвѣтилъ Верховскій.—Вѣдь у этихъ близнецовъ нѣтъ въ душѣ ничего своего, а и дупа-то у нихъ — одна на двоихъ... Ихъ впустили въ общество, вотъ они и боятся, что, если какънибудь не такъ ступятъ или сядутъ, то ихъ выгонятъ...

— Куда мы теперь пойдемъ? Еще нѣтъ двѣнадцати!—спросилъ Сербичъ.

— Зайдемъ къ Бентышъ-Полянскому. Мы должны сообщить ему объ условіяхъ и узнать о мѣстѣ.

— Развѣ ты думаешь, что мнѣ удобно въ первый разъ войти въ его домъ въ такую пору?

— Я полагаю, что твоя роль позволяетъ это!..

Сербичъ согласился, они прошли на Дмитровку и вошли въ домъ Бентышъ-Полянскаго. Слуги наполняли этотъ домъ и еще бодрствовали, изъ чего можно было заключить, что полковника нѣтъ дома. Такъ и было въ дѣйствительности.

— Проводите насъ въ кабинетъ!..—сказалъ Верховскій.—Мы должны дожидаться полковника.

Поручика давно знали въ этомъ домѣ и видѣли, что хозяинъ относился къ нему подружески. Поэтому желаніе его было тотчасъ исполнено. Ихъ проводили въ тотъ самый рабочій кабинетъ, въ которомъ Андрей Михайлычъ нѣсколько часовъ тому назадъ просилъ Верховскаго быть его секундантомъ.

Но не успѣли они усѣсться, какъ вошелъ Шипицкій. Онъ былъ какъ-то необычно взволнованъ и посмотрѣлъ исподлобья на офицеровъ, въ особенности на Сербича, котораго видѣлъ въ первый разъ. Въ ихъ ночномъ посѣщеніи онъ почуялъ что-то неладное. Тѣмъ не менѣе онъ сдѣлалъ въ высшей степени привѣтливое лицо.

— Дождаетесь?—спросилъ онъ, пожимая руку Верховскому.

— У насъ есть важное дѣло!—нѣсколько холодно отвѣтилъ Верховскій, которому Шипицкій былъ противенъ своей неискренностью, пролазничествомъ и раболѣпствомъ не только передъ патрономъ, но передъ всѣми, кто не стоялъ ниже его.

Шипицкій искоса посмотрѣлъ на Сербича, видимо удивляясь, что ему не представляютъ этого незнакомца. А Верховскій находилъ, что это и не нужно. Тогда Викентій Генриковичъ не выдержалъ и самъ подошелъ къ Сербичу.

— Викентій Генриковичъ Шипицкій,—представился онъ:—управляющій дѣлами полковника Бентышъ-Полянскаго!

Сербичъ назвалъ себя и сухо поклонился ему.

— Гм... произнесъ Шипицкій, обращаясь теперь къ Верховскому:—и, должно быть, не маловажное дѣло, когда надо дожидаться въ такой поздній часъ!

— Дѣло серьезное, господинъ Шипицкій! — подтвердилъ Верховскій.

— Ага! И, должно быть, секретное дѣло, когда вы такъ говорите!..—продолжалъ свой косвенный допросъ Викентій Генриковичъ, и глаза его при этомъ старались видѣть больше, чѣмъ слышать уши.

— Это дѣло полковника, и только онъ знаетъ, какъ распорядиться съ нимъ...

— Угу... Панъ поручикъ хорошо умѣетъ отвѣчать!.. промолвилъ Шипицкій и сѣлъ на диванъ.—А у полковника что-то много секретовъ завелось въ настоящее время!.. Что ни день, то секретъ... Вчерашняго дни часа три какую-то бумагу писалъ. Пишетъ, пишетъ и все меня призываетъ и спрашиваетъ, сколько у него земли въ Дороховѣ, а сколько въ Подгорскомъ, а какой лѣсъ тамъ, а какой здѣсь, и про скотъ и про лошадей, и про все. Я и подумалъ: что это, думаю себѣ, съ нимъ сдѣлалось? Ужъ не духовную ли сочиняетъ полковникъ? а?

— Зачѣмъ же ему духовная?—неискреннимъ тономъ спросилъ Верховскій.—Кажется, полковникъ умирать не собирается...

— И я то же самое говорю! Зачѣмъ же ему помирать? Онъ молодъ и здоровъ и одинъ себѣ... Никого на плечахъ не имѣетъ. Живетъ такъ, какъ какой нибудь владѣтельный князь... Женщины къ нему такъ и льнутъ... Я и говорю: зачѣмъ ему помирать? Такъ вѣдь я вамъ скажу, панъ Верховскій, что иному и не хочется, а надо...

— Это какимъ же образомъ?

— А такимъ: ежели честь затронута...

И панъ Шипицкій, не подымая головы, слегка подкатилъ свои глаза подъ опухшія вѣки, чтобъ невзначай увидѣть, каково выраженіе лица у поручика послѣ этихъ словъ. А у поручика на лицѣ было удивленіе. «Дошлый человекъ, этотъ панъ Шипицкій,—думалъ

онъ:—все пронюхаетъ, до всего дойдетъ». Тѣмъ не менѣе, онъ рѣшилъ твердо довести до конца свою роль и ни въ какомъ случаѣ не выдать Шипицкому тайны. Пускай догадывается. Догадываться еще не значитъ—знать. И онъ спросилъ тономъ полного невѣдѣнія:

— А развѣ было чтонибудь такое? Я ничего не слыхалъ объ этомъ, панъ Шипицкій!

— Ха, ха, ха! А я развѣ говорю, что слыхалъ? я не говорю, что слыхалъ. Я говорю: бываетъ, можетъ статься!.. А особливо съ нашимъ паномъ полковникомъ. О! панъ полковникъ человѣкъ горячій и никогда не задумается... Вотъ я и говорю: чего добраго, еще на поединокъ пойдетъ, а? съ него станется!.. Какъ вы полагаете, панъ Верховскій?

— Я не нашель бы тутъ ничего удивительнаго...

— Ага! Я тоже! Еще бы! Развѣ у пана полковника бываетъ чтонибудь удивительное? Вотъ онъ сегодня у насъ полковникъ и первый волокита во всей Москвѣ, а завтра взялъ да и въ монахи пошелъ... Хе, хе, хе! Смотришь, онъ уже игуменъ и подвижникъ, хе, хе, хе! И никто не удивится. Скажутъ: а, Бентышъ-Полянскій игуменъ? что-жъ, отъ него не то еще станется!.. Вотъ я и говорю: примѣрно—я. Что я такое? Человѣкъ—къ услугамъ. Сегодня я жалованье получаю и живу себѣ на свѣтѣ. А завтра пана полковника фантазія осѣнитъ на поединкѣ драться, и лобъ его красивый пуля пробьетъ, либо въ игумены пойти, либо что другое... И тогда панъ Шипицкій волкомъ вой. Вотъ что я говорю! А не дождетесь вы его сегодня, паны поручики, ей-ей не дождетесь... прибавилъ онъ, вставая:—онъ сегодня въ такомъ мѣстѣ, въ такомъ, я вамъ скажу, мѣстѣ, гдѣ слаще оставаться, чѣмъ уходить...

— Все-таки мы должны дождаться!—отвѣтилъ Верховскій.

— Ага! Такое, значитъ, неотлагательное дѣло!.. Такъ, такъ... это бываетъ! ну, а панъ Шипицкій пойдетъ спать... Ему рано вставать надо... А уже я вамъ, чтобъ не скучно было, велю подать чтонибудь... Ромъ у насъ имѣется отмѣнный. Я вамъ чаю'пришлю и рому...

— Не беспокойтесь, панъ Шипицкій!

— Моя обязанность—беспокоиться! А то полковникъ скажетъ, что я его гостей плохо принималъ... Желаю вамъ спокойной ночи!..

Шипицкій удалился и сдержалъ слово. Минуты черезъ три принесли и чай и ромъ. Поручики нашли, что это нелишнее, тѣмъ больше, что ромъ оказался дѣйствительно превосходнымъ, а ждать имъ пришлось очень долго.

II.

Въ маленькомъ загородномъ домѣ, окруженномъ глубокимъ тѣнистымъ садомъ, стояла мертвая тишина. Никому изъ проѣзжавшихъ мимо этого сада или проходившихъ вдоль высокой изгороди, отдѣлявшей его отъ остального міра, не могло прійти въ голову, что тамъ, въ этомъ деревянномъ домѣ, темнозеленая крыша котораго выглядываетъ изъ-за зеленыхъ верхушекъ деревьевъ, чуть-чуть выдѣляясь на ихъ фонѣ, идетъ жизнь, живутъ и страдаютъ люди. Тамъ ходили въ мягкихъ сапогахъ, двигались осторожно, разговаривали шепотомъ, и только дымъ, выходявшій изъ трубы, свидѣтельствовалъ о томъ, что это—домъ жилой. Но топили въ немъ только ночью, стараясь нагрѣть печи на цѣлыя сутки и изготовить пищу на предстоящій день.

Въ первое время Наташа не могла понять своего положенія. Она только чувствовала, что надъ нею совершили насиліе, что ее грубо столкнули съ дороги, по которой она шла, и закрыли отъ нея то, что болѣе всего любила она въ жизни. Ей все еще видѣлся ярко освѣщенный театральнй залъ, наполненный зрителями, слышалась знакомая музыка «Сильфиды», восторженные крики, и ей было нестерпимо жаль всего этого, и она плакала цѣлыми днями, а ночью лежала безъ сна. Но такое состояніе не могло продолжаться долго. Силъ у нея было немного, и вотъ явился тяжелый сонъ, неудержимый, приковывавшій ее къ постели. Сильное нервное потрясеніе, которое она пережила, истомило ее, нервы требовали отдыха. Паша съ боязнью смотрѣла на свою барышню, видя, что она почти съ утра до вечера спитъ, что ее не занимаетъ болѣе ничто, она какъ бы не чувствуетъ уже горя и не замѣчаетъ, что вокругъ нея происходитъ. Но это продолжалось всего дня два; Наташа вдругъ очнулась, силы вернулись къ ней, но тутъ Пашѣ пришлось еще больше удивиться. Ея барышня не плакала. Казалось даже, что она теперь не испытывала горя. Лицо ея было блѣдно, въ немъ видны были слѣды прежнихъ мукъ, но во взглядѣ было столько спокойствія, какъ можетъ быть только у человѣка, примирившагося съ обстоятельствами.

Это поразило не одну Пашу. Полковникъ, явившись вечеромъ въ тотъ день, когда у Наташи прошла сонливость, увидавъ ее, сидѣвшую за столомъ, остановился на порогѣ.

— Радоваться ли мнѣ?—спросилъ онъ, не двигаясь съ мѣста.— Думать ли мнѣ, что вы чувствуете такъ, какъ видите?

— Я гляжу, какъ глядится!—глубоко спокойнымъ, лишеннымъ всякаго выраженія голосомъ, отвѣтила она.

Онъ подошелъ къ ней и взялъ ея руку. Она не протянула ему своей руки, но и не протестовала.

— Вы позволяете?—спросилъ онъ, наклоняя голову, чтобъ поцѣловать ея руку.

Она отрицательно покачала головой.—Нѣтъ!

Онъ поднялъ голову и, не поцѣловавъ ея руки, осторожно положилъ ее обратно ей на колѣни.

— Значить, мнѣ это показалось!—съ печалью въ голосѣ промолвилъ онъ:—а я не возьму ничего безъ вашего позволенія!

— Вы можете взять все... я слабѣе васъ! прежнему голосомъ отвѣтила Наташа.

Онъ взялъ стулъ и присѣлъ недалеко отъ нея.

— Ахъ, Наталья Александровна!—воскликнулъ онъ со вздохомъ:—вижу, что вы меня не понимаете! Я не такой человѣкъ, чтобъ взять насильно душу, которую люблю. А вы узнайте меня: я весь на виду, весь передъ вами!

— Но вы уже взяли ее насильно!

— Да. Но тогда я еще не любилъ ея! Тогда я дѣйствовалъ подъ вліяніемъ внезапной неотвязной мысли, которой не могъ сопротивляться. Но развѣ я зналъ васъ? Да я никогда не говорилъ съ вами, никогда не видалъ васъ близко. Я вамъ скажу больше: когда я смотрѣлъ на васъ изъ партера въ лорнетъ, вы мнѣ даже не нравились. Да, теперь я могу это вамъ сказать. Но, поговоривъ съ вами полчаса, я увидалъ, что вы—тотъ ангелъ, который посланъ съ неба для того, чтобъ охранить отъ невозвратнаго паденія душу грѣшника... Да, вы тотъ ангелъ! И могу ли я причинить боль ангелу?

— Такъ отпустите меня къ моей прежней жизни!—промолвила Наташа, но въ голосѣ ея уже не было ни прежней страстности, ни мольбы. Казалось, говоря это, она только исполняла какой-то невѣдомый долгъ, но въ дѣйствительности ей было безразлично, отпустить ее, или нѣтъ.

Онъ отвѣтилъ:—Это невозможно! Это было бы противъ судьбы!

— Судьба!—какъ-то странно, загадочно произнесла она.

— Да, судьба!—повторилъ онъ:—и вы вѣрите въ нее, я вижу, я чувствую, что вы въ нее вѣрите. И это хорошо...

Она ничего не возразила. Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

Она промолвила:—Я ничего не знаю о моей сестрѣ Лизѣ, о дядюшкѣ, о тетюшкѣ!

— Я знаю все, что съ ними происходитъ!—отвѣтилъ онъ.—Повѣрьте, что они меня тоже интересуютъ, какъ и васъ, потому что они вамъ дороги...

— Что съ ними?

— Они страдали. Лиза много плакала. Въ домѣ вашего дядюшки нѣсколько дней раздавались рыданія. Но имъ уже дали понять, что вы цѣлы и невредимы... И они нѣсколько успокоились. Имъ даже обѣщали, что они скоро васъ увидятъ...

— Когда же?—спросила она, на этотъ разъ замѣтно выйдя изъ своего спокойствія.

— Когда?—я не скажу вамъ этого.

— Почему не скажете?

— Потому, что боюсь, чтобъ это не было насиліемъ надъ вашей душой... Вы слишкомъ ихъ любите, я знаю, и можете принести себя въ жертву, я это тоже знаю...

— Нѣтъ, это вы мнѣ скажите! Я этого требую!

— Хорошо,—если требуете, я скажу. Вы увидите ихъ тогда, когда для васъ самой не будетъ возврата...

Она опустила руки. Черезъ минуту она встала, какъ бы этимъ приглашая его уйти, и онъ подчинился этому невысказанному приглашенію. Эта странная покорность въ человѣкѣ, который силой отнялъ у нея свободу и все, что составляло цѣль ея жизни, играла важную роль въ перемѣнѣ ея настроенія. Первое впечатлѣніе, когда она попала въ загородный домикъ, было таково, что ее ожидаетъ грубое насиліе. Она ждала самаго худшаго, и ея не покидалъ постоянный, неотступный ужасъ. Но вотъ явился онъ съ своей привлекательной наружностью, съ своимъ пріятнымъ голосомъ, съ мягкими, исполненными уваженія, рѣчами, съ готовностью не позволять себѣ ничего такого, что могло бы показаться ей неловкимъ и обиднымъ, и ужасъ мало-по-малу сталъ проходить. Она научилась слушать его, и онъ началъ казаться ей не тѣмъ человѣкомъ, который привезъ ее сюда. Всю горечь нанесенной ей обиды она мысленно какъ бы относила къ другому, или къ какой-то неизвѣстной силѣ, которая одновременно играла и имъ и ею.

— Судьба! Судьба!—все чаще и явственнѣе звучало въ ея душѣ, и, наконецъ, она, незамѣтно для себя самой, увѣровала въ то, что все совершилось по непонятному предназначенію судьбы. И она сказала себѣ:

«Такъ пусть же все дѣлается такъ, какъ хочетъ судьба. Значитъ, не для меня приготовила она дорогу артистки. Она показала ее мнѣ только для того, чтобъ я ее полюбила, а полюбить мнѣ надо было для того, чтобъ я потомъ страдала».

Въ тотъ вечеръ, когда въ кабинетѣ полковника сидѣли два молодыхъ поручика за стаканами чаю съ ромомъ, который такъ любезно прислалъ имъ панъ Шипицкій, Андрей Михайловичъ явился къ Наташѣ съ легкимъ туманомъ въ головѣ. У себя на праздникѣ, гдѣ много было выпито драгоценныхъ винъ, онъ ни на минуту не забывалъ о томъ, что вечеромъ ему, какъ всегда, придется говорить съ Наташей. Но какъ ни былъ онъ остороженъ, все же не могъ избѣжать нѣсколькихъ бокаловъ; къ этому его обязывало положеніе хозяина.

И когда онъ пришелъ къ Наташѣ, она сразу замѣтила странный огонекъ въ его глазахъ и слегка испугалась. Ей показалось,

что онъ пришелъ съ какой-то рѣшимостью, которой прежде у него не было.

— Ага!—промолвилъ онъ нѣсколько болѣе громкимъ голосомъ, чѣмъ тотъ, какимъ говорилъ съ нею всегда,—я вижу, что вы испугались!..

Она молчала и смотрѣла на него съ ожиданіемъ. Онъ сѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ у стола.

— Ну, да!—продолжалъ онъ:—вы видите по моему лицу, что я нынче не таковъ, какъ всегда... У меня ужъ такіе глаза: все выдають! Только глаза! Я владѣю лицомъ, какъ артистъ, но глазами владѣть не могу! не даются!.. Я вамъ объясню это: я просто выпилъ вина немного больше, чѣмъ слѣдуетъ...

Она невольно вздрогнула и слегка подалась назадъ. Его губы сложились въ лукавую улыбку.

— А все-таки вы—женщина, Наталья Александровна! Хотя вы и ангелъ, но въ образѣ женщины... Вотъ увидѣли, что человѣкъ выпилъ лишнее, и испугались... Страхъ неразлученъ съ душой женщины! Нѣтъ, напрасно!.. Если бы я былъ въ миллионъ разъ пьянѣе, я все же только и сдѣлалъ бы, что сталъ бы вотъ такъ на колѣни...

И онъ, къ изумленію Наташи, дѣйствительно опустился передъ нею на колѣни.

Потомъ онъ всталъ и опять заговорилъ:

— Знаете ли вы, Наталья Александровна, что я еще ни передъ кѣмъ въ жизни не становился на колѣни!.. Знаете ли вы, что въ Москвѣ сотни женщинъ почли бы за честь получить ласку полковника Бентышъ-Полянскаго, и многія, очень многія получали эту честь, и полковникъ Бентышъ-Полянскій на другой день забывалъ о нихъ, потому что онъ презиралъ ихъ! Онъ презиралъ все, что дается слишкомъ легко, а ему все легко дается!..

И онъ началъ ей рассказывать о своихъ дѣлахъ и объ отношеніяхъ съ людьми. Она слухала его молча. Она узнала о его блестящемъ служебномъ положеніи, о его огромныхъ богатствахъ, онъ перечислилъ и описалъ свои деревни въ разныхъ концахъ Россіи, свой дома въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Онъ какъ бы отдавалъ ей отчетъ.

— И все это, Наталья Александровна, не доставляетъ мнѣ никакого удовольствія!—прибавилъ онъ. — Вы думаете, что я лгу? Извольте! Хотите, я все это отдамъ въ ваше полное владѣніе? я не задумаюсь...

Она отрицательно покачала головой.

— Не хотите?—спросилъ онъ, вставая съ мѣста, когда уже пробило два часа.—Ну, а можетъ статься, что это такъ и будетъ... Только тогда... Ну, да впрочемъ завтрашній день разрѣшитъ всѣ загадки!..

Онъ взялъ ея руку и прибавилъ цѣлуя:—Завтра мы увидимся рано, очень, очень рано, Наталья Александровна!

Когда онъ, пройдя темной аллеей сада, вышелъ къ своей кареткѣ и затѣмъ быстро мчался въ ней домой, въ головѣ его уже не было и остатковъ хмеля. Онъ вошелъ въ подъѣздъ своего дома и, узнавъ, что панъ Шипицкій уже спитъ, и что въ кабинетъ его ждетъ Верховскій съ какимъ-то другимъ офицеромъ, велѣлъ разбудить Викентія Генриковича, а самъ прошелъ прямо въ кабинетъ.

— Ну, друзья мои!—сказалъ онъ, просто, безъ представленій подавая руку Сербичу, чѣмъ привелъ молодого поручика въ величайшій восторгъ:—вы, конечно, сдѣлали все, и я вамъ сердечно благодаренъ! Что мой генералъ, мой врагъ и въ то же время лучший изъ моихъ друзей, какъ онъ себя чувствуетъ? Должно быть, сидитъ, какъ всегда, надъ своими историческими трубками и рывскиваетъ какую нибудь затерявшуюся въ кучѣ свидѣтельница его военныхъ подвиговъ, которыхъ, кажется, никто, кромѣ этихъ трубокъ, не видалъ.. Ну, а драться мы будемъ серьезно, какъ слѣдуетъ, подружески...

Ему сказали условія, онъ принялъ ихъ безпрекословно.

— Надѣюсь, господа, что вы не собираетесь домой?—прибавилъ онъ:—хотите уснуть, къ вашимъ услугамъ постели, а хотите болтать, я къ вашимъ услугамъ на всю ночь!

— Вамъ, полковникъ, необходимо уснуть нѣсколько часовъ передъ такимъ важнымъ дѣломъ!—сказалъ Сербичъ.

— О!? А мнѣ кажется, что поручику просто хочется спать!—со смѣхомъ отвѣтилъ хозяинъ:—онъ кутилъ всю предыдущую ночь и не смыкалъ глазъ, а?

Сербичъ покраснѣлъ, но тутъ же признался, что предыдущая ночь дѣйствительно была проведена имъ весело.

Явился панъ Шипицкій, заспанный, встрепанный, съ крайне негодующимъ лицомъ, которому онъ старался придать видъ удовольствія.

— Полковникъ, должно быть, имѣетъ до меня чрезвычайное дѣло!—съ плохо скрываемой ядовитостью сказалъ онъ.

— Да ужъ, право, не знаю, какъ вы, панъ Шипицкій, на это посмотрите!—насмѣшливо отвѣтилъ полковникъ.—А я заранѣе извиняюсь, что обезпокоилъ васъ изъ-за пустяковъ. Видите, можетъ быть, не лишне было бы распорядиться на счетъ похоронь...

— Кого же это полковникъ собирается хоронить?

— Нѣтъ, ужъ хоронить вамъ придется, Викентій Генриковичъ! А кого? Да никого иного, какъ полковника Бентышъ-Полянскаго.

— Шутитъ полковникъ надъ паномъ Шипицкимъ!..—подавленнымъ голосомъ промолвилъ Викентій Генриковичъ.

— Нѣтъ, панъ Шипицкій, я не шучу. Завтра утромъ я дерусь съ генераломъ Тугаринымъ. Если останусь живъ, то вамъ нечего

безпокоиться; а если генераль меня прихлопнетъ, то вамъ придется хоронить меня. А ежели такъ случится, что мы оба останемся на мѣстѣ, такъ ужъ вы, Викентій Генриковичъ, не пожалѣйте денегъ, удѣлите сумму и похороните насъ вмѣстѣ... Духовную я сдѣлалъ... Все—одной особѣ, которую вы знаете, и ужъ, конечно, панъ Шипицкій не будетъ въ обидѣ!..

— Благодарю васъ, полковникъ!—прошепталъ панъ Шипицкій и съ блѣднымъ лицомъ опустился въ кресло.

Скоро всѣ пошли спать, но когда Викентій Генриковичъ хотѣлъ сдѣлать то же самое, Полянскій остановилъ его.

— Мнѣ надо вамъ, панъ Шипицкій, сказать два особенныхъ слова! Сядьте!

Панъ Шипицкій, настроившійся такимъ образомъ, что не ожидалъ уже ничего хорошаго, машинально сѣлъ.

— Я готовъ слушать, господинъ полковникъ,—сухо и холодно сказалъ онъ, какъ бы мстя полковнику за то, что тотъ собрался умирать.

— Видите ли, панъ Шипицкій, обстоятельство такого рода, что я долженъ затруднить васъ...

— Для васъ, полковникъ, у меня не можетъ быть затрудненія!..

— Тѣмъ лучше, если такъ! Я оставилъ за собой право назначить мѣсто для поединка, Тугаринъ согласился. Завтра въ шесть часовъ утра всѣ должны собраться, а гдѣ, никто не знаетъ. А такъ какъ мѣсто я избираю въ загородномъ садикѣ, про который знаемъ только мы съ вами, то...

— То я долженъ еще разъ нарядиться кучеромъ и свезти туда Тугарина съ секундантами!..—сквозь зубы докончилъ панъ Шипицкій.

— Ого! Какой вы догадливый! Это какъ разъ то, что я самъ думалъ!

— Я привыкъ исполнять приказанія полковника!..—отвѣтилъ Шипицкій и всталъ.

— Будетъ хорошая награда пану Шипицкому!—замѣтилъ ему въ утѣшеніе полковникъ.

— А какъ же! Особенно, если полковникъ получитъ пулю въ свой почтенный лобъ!

— Даже и тогда, панъ Шипицкій!

У пана Шипицкаго сонъ пропалъ на всю ночь. Не особенно охотно онъ надѣвалъ уже одинъ разъ кучерской кафтанъ, но тогда дѣло было романическое, а въ такихъ случаяхъ и князя одѣвались кучерами. Тогда онъ самъ даже предложилъ свои услуги. При томъ же, везти приходилось красотку, а панъ Шипицкій въ душѣ чувствовалъ себя рыцаремъ. А теперь изволь-ка везти хромого Тугарина и его прислѣзниковъ—панъ Шипицкій догадывался, что это будутъ братья Остужишины, которые такъ и липнутъ къ гене-

ралу. Но дѣлагь нечего,—служба такая. Полковникъ благородень и щедръ, и, конечно, хорошо наградить его. А умереть—такъ ужъ навѣрно что нибудь ему оставить.

«Вотъ какія дѣла совершаются на свѣтѣ!—печально думаль панъ Шипицкій, мучительно ворочаясь на своемъ ложѣ:—благородный человѣкъ находится въ полной власти случая. Вздумалось полковнику подставить лобъ подъ шальную пулю, а пулѣ вздумается пробить этотъ лобъ, и вотъ судьба пана Шипицкаго и перемѣнилась. Хорошо, если къ лучшему, а вдругъ колесо повернется такъ, что все вверхъ дномъ пойдетъ!»

III.

Около пяти часовъ утра у подъѣзда полковничьяго дома на Дмитровкѣ стояли двѣ кареты. Одна была маленькая, та самая, въ которой обыкновенно ѣздилъ Бентышъ-Полянскій. Однако, она была достаточно помѣстительна, чтобъ въ ней могли усѣсться трое. На козлахъ сидѣлъ старый кучеръ, хорошо знавшій дорогу къ загородному домику съ садомъ. Другая была—широкая, неуклюжая; въ ней смѣло могли помѣститься десять душъ. Она была запряжена четверкой, но на козлахъ сидѣлъ не кучеръ, а лакей, котораго, повидимому, очень затрудняли возжи отъ четверки.

Было еще совсѣмъ темно, когда, минуя главный подъѣздъ, изъ воротъ дома вышелъ мужчина средняго роста въ кучерскомъ кафтанѣ, въ мѣховой шапкѣ, съ окладистой рыжей бородой, которая даже въ темнотѣ могла навести на сомнѣніе, и какъ-то ковыляя и пригибаясь, подошелъ къ большой каретѣ и молча влѣзъ на козлы. Лакей почтительно передалъ ему возжи и, когда тотъ сѣлъ, отодвинулся отъ него настолько, что между ними могъ бы помѣститься еще третій. Это онъ сдѣлалъ, очевидно, тоже изъ особенной почтительности.

Но кучеръ съ сомнительной бородой возжами владѣлъ безукоризненно. Лошади пошли у него прекрасно, и карета быстро понеслась по мостовой, гудя колесами. Во всю дорогу между кучеромъ и лакеемъ не было произнесено ни слова. Кучеръ, повидимому, былъ изъ сердитыхъ, или чѣмъ-то недоволенъ. Онъ какъ-то все рычалъ себѣ подъ носъ, а лошади принимали это за поощреніе и прибавляли шагу. Скоро они остановились у домика, въ которомъ было совершенно темно.

— Спать еще!—проворчалъ кучеръ и всякій, мало-мальски знакомый съ дѣломъ, человѣкъ узналъ бы въ этомъ голосѣ голосъ пана Шипицкаго:—Эхъ, молодцы тоже. Беззаботный народъ! Ступай, доложи, что карета ждетъ!

Въ самомъ дѣлѣ, когда лакей вошелъ въ ворота и сталъ стучаться въ домъ, то оказалось, что тамъ еще всѣ спятъ. Тугаринъ

зналъ съ вечера, что отъ Полянскаго прїѣдетъ карета, и потому не беспокоился. Какъ только ему сказали объ этомъ, онъ тотчасъ разбудилъ Оступишинныхъ, которые остались у него ночевать, и со всѣмъ повоенному скомандовалъ имъ—одѣваться. Въ какихъ нибудь пять минутъ и генераль и его секунданты были готовы и вышли на улицу. Одинъ изъ «молодцовъ» бережно несъ ящикъ съ пистолетами. Никто изъ нихъ не спросилъ, куда ихъ повезутъ,—они довѣряли Полянскому. Всѣ просто усѣлись и поѣхали.

— Вотъ,—шутливо сказалъ Тугаринъ:—полжизни проведу среди пуль и ядеръ, а помирать, можетъ быть, придется въ неизвѣстномъ мѣстѣ!

Оступишины не откликнулись. Они были настроены чрезвычайно серьезно. Важность роли, которую они исполняли, проникала ихъ насквозь. Кромѣ того, ихъ пугала возможность потерять Тугарина, къ которому они были искренно привязаны.

По мѣрѣ того, какъ карета удалялась отъ центра города, воздухъ становился яснѣе. Стало замѣтно свѣтать. Уже можно было совершенно явственно различать предметы, когда они подъѣхали къ саду, и карета остановилась около калитки.

Мѣстность была достаточно пустынна, и всѣ нашли, что она подходитъ для намѣченной цѣли. Кругомъ не было замѣтно ни малѣйшаго движенія. Лакей соскочилъ съ козелъ, побѣжалъ впередъ, отворилъ калитку и повелъ прїѣзжихъ въ глубь сада.

Доведя ихъ до просторной площадки, окруженной соснами и старой березой, лакей исчезъ въ гущину деревьевъ. Они увидели скамейку и, присѣвъ, осмотрѣлись. На площадкѣ не было ни души. Сквозь вершины деревьевъ можно было разглядѣть, повидимому, верхній этажъ какой-то постройки, но нельзя было сказать, обитаема она или давно оставлена.

Старшій Оступишинъ вынулъ часы и посмотрѣлъ.—Безъ четверти!—сказалъ онъ.—Сейчасъ должны появиться Верховскій и Сербичъ!

И въ самомъ дѣлѣ, съ той стороны, гдѣ можно было подозрѣвать постройку, изъ гушины зелени выдѣлились три фигуры и стали приближаться къ скамейкѣ. Это были поручики и съ ними старенькій господинъ въ длинномъ темносѣромъ плащѣ. Притягдѣлись и къ нему и узнали въ немъ доктора Тропова, котораго часто встрѣчали въ домѣ Полянскаго. Старичекъ былъ разстроенъ и блѣденъ. Его застали врасплохъ, и ему вовсе не нравилась обязанность засвидѣтельствовать чью нибудь смерть отъ пули. Но онъ не могъ отказать Бентышъ-Полянскому и, поднятый съ постели, поѣхалъ безъ возраженій.

Секунданты занялись пистолетами и отсчитываніемъ шаговъ, а докторъ разговорился съ Тугаринымъ. Ровно въ шесть часовъ появился Бентышъ-Полянскій и направился прямо къ скамейкѣ, на

которой сидѣлъ Тугаринъ. Генераль всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ему навстрѣчу. Они какъ-то одновременно протянули другъ другу руки и крѣпко пожали ихъ.

— Мы вѣдь не враги, полковникъ, и можемъ это сдѣлать!— промолвилъ Тугаринъ.

— И, быть можетъ, въ послѣдній разъ,—откликнулся Бентышъ-Полянский. И они тотчасъ разошлись.

Секунданты заторопились. Пистолеты были уже въ рукахъ у противниковъ. Они стали на мѣста и начали сходитьсь.

— Разъ! Два! Три!—сосредоточенно скомандовалъ Верховскій, и разомъ раздалась два выстрѣла.

Полковникъ пошатнулся. Къ нему подбѣжалъ Сербичъ и поддержалъ его. Остужишины съ своей стороны подскочили къ Тугарину, который, хотя и твердо стоялъ на своихъ ногахъ, но пистолетъ выпалъ изъ его руки, и по лицу было видно, что онъ испытываетъ боль. Докторъ засуетился, подбѣгая то къ одному, то къ другому. Тутъ же, неизвѣстно откуда, появился Шипицкій, въ короткой овчинной шубенкѣ и усердно ухаживалъ за полковникомъ, котораго усадилъ на траву.

— Кажется, мы оба хорошо стрѣляли, генераль!—съ усиліемъ, стараясь принять бодрый и веселый видъ, произнесъ полковникъ, которому Троповъ дѣлалъ въ это время перевязку.

— Жму вашу руку, полковникъ! Я доволенъ вами!—отвѣтилъ Тугаринъ.

Вдругъ общее вниманіе обратилъ на себя какой-то порывистый стукъ сверху, какъ будто кто-то хотѣлъ разбить или съ усиліемъ растворить окно, а вслѣдъ затѣмъ послышался возгласъ:

— Ахъ! Ахъ! Папа! Паша!

Полковникъ весь встрепенулся, и лицо его, не смотря на испытываемую боль, прояснилось. Онъ поднялъ голову и взглянулъ на верхушки сосенъ.

— Что это?—спросили всѣ разомъ.

— Ничего! Ничего!—отвѣтилъ полковникъ,—вотъ туда насъ и сведите, въ этотъ домикъ... Панъ Шипицкій хорошо знаетъ, гдѣ мы...

Но панъ Шипицкій смотрѣлъ сурово и ничего не объяснялъ. Верховскій и Сербичъ подняли полковника и, при помощи Викентія Генриковича, понесли его по узенькой дорожкѣ, которая вела къ дому.

Однако, панъ Шипицкій, не смотря на мрачное настроеніе, распорядился недурно. Полковника снесли во второй этажъ и положили въ голубой гостиной на диванѣ. Послѣ этого Викентій Генриковичъ тотчасъ сбѣжалъ внизъ, поскакалъ на поляну и сказалъ:

— Пожалуйте, ваше превосходительство! Мы полковника устроили и васъ устроимъ!

— Да объясни ты мнѣ, панъ Шипицкій, гдѣ мы находимся?—

спросилъ Тугаринъ, который издавна привыкъ говорить пану—ты. При этомъ онъ осторожно поддерживалъ лѣвой рукой перевязанную—правую.

— Полагаю, ваше превосходительство, что дѣло и само скоро объяснится!—дипломатически отвѣтилъ Шипицкій, который не былъ уполномоченъ открывать тайну.

Тугарина онъ не повелъ наверхъ, а устроилъ его внизу, гдѣ было, кромѣ службъ, двѣ прилично убранныхъ комнаты.

— Вотъ и отлично!—сказалъ Тугаринъ:—а полковникъ будетъ жить?—спросилъ онъ доктора, который былъ здѣсь.

— Будьте покойны, генераль!—отвѣчалъ старикъ.—Хотя вы и ловко всадили ему пулю, однако ничего серьезнаго не задѣли.

— Значить, можно и спокойно заснуть? а?

— Совершенно!

— Вотъ это дѣло! А спать страшно хочется. Я, кажется, изрядно потерялъ крови!

— У васъ еще ея достаточно осталось, генераль!

— Да, этого добра у меня много!

Оступишины остались съ нимъ и расположились въ другой комнатѣ. А доктора онъ прогналъ.

— Идите, батюшка, къ полковнику, у него дѣло поважнѣе!.. И въ самомъ дѣлѣ заснулъ очень скоро.

Наташа плохо спала эту ночь. Вчерашнее посѣщеніе полковника разстроило ее. Въ особенности сильно на нее подѣйствовали его послѣднія слова. Она долго думала, что бы это могло значить, и чувствовала, что въ ея судьбѣ должна произойти какая-то перемѣна. Въ самомъ дѣлѣ, не могло же такъ длиться вѣчно. Нѣтъ такой вещи, съ которой не свыкся бы человѣкъ, но ея положеніе—вдали отъ міра, въ совершенномъ незнаніи, что происходитъ съ близкими людьми, было невозможно. И она со дня на день ждала перемѣны. Насколько она успѣла узнать полковника, онъ былъ человѣкъ не злой, не жестокой и, кажется, не собирался сдѣлать ей ничего дурнаго. Она была увѣрена, что онъ не способенъ оскорбить ее. И долженъ же онъ, наконецъ, увидѣть и понять, что ей нельзя такъ оставаться.

Только передъ разсвѣтомъ она сомкнула глаза и вздремнула. И вотъ, не прошло и часу, какъ подъ окнами ея спальни послышались выстрѣлы. Она проснулась, вскочила съ постели, накинула на плечи платокъ и, вся дрожа отъ страха, изо всей силы толкнула окно, которое съ трескомъ распахнулось. Она увидала картину, показавшуюся ей невѣроятной, невозможной. Полковникъ лежалъ на травѣ, около плеча у него была кровь. Тутъ же были какіе-то неизвѣстные ей люди. Крикъ ужаса вырвался изъ ея груди. Она захлопнула окно и стала наскоро одѣваться, потомъ разбудила Пашу и прислуживавшую имъ женщину,—объ онъ не слышали

выстрѣловъ и спали глубокимъ сномъ. Напрасно она посылала ихъ въ садъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Тѣ только дрожали и ни за что не соглашались. Въ это время на лѣстницѣ послышался топотъ шаговъ, потомъ кого-то внесли въ гостиную. Наташа была въ темно-синемъ капотѣ, волосы ея были распущены, такъ какъ она не успѣла ихъ убрать. Она раздвинула портьеру и вошла въ гостинную.

При видѣ ея Верховскій и Сербищъ остолбенѣли. Оба узнали ее и сейчасъ же поняли, гдѣ они находятся. Они отошли отъ дивана, а Наташа подошла прямо къ полковнику.

— Что съ вами? что это все значитъ?— задыхась отъ волненія, спросила она.

Онъ протянулъ ей лѣвую руку, и она, видя, какъ блѣдно его лицо, не могла отказать ему и взяла эту руку. Между тѣмъ поручики, по приглашенію Шипицкаго, удалились. Они остались вдвоемъ.

— Простите ради Бога! Мы испугали васъ своей перестрѣлкой!— промолвилъ полковникъ, нѣсколько ослабѣвшимъ голосомъ.

— Ахъ, нѣтъ... Но что это значитъ?

— Возьмите стулъ и присядьте ближе... И я вамъ все расскажу!..

Она и въ этомъ не могла отказать ему, взяла стулъ и сѣла.

— Видите ли... Это длинная исторія, а длинныя исторіи мнѣ рассказывать докторъ запретилъ!— сказалъ онъ.

— Такъ не надо, не рассказывайте! Послѣ!— поспѣшно остановила она его.

— Нѣтъ, ужъ я расскажу!.. Слушайте! У меня есть другъ, генералъ Тугаринъ. Онъ меня очень любить... и вотъ съ нимъ-то я и дрался...

— Съ другомъ?

— Да, съ лучшимъ другомъ... И друзьями остались сейчасъ!..

— Изъ-за чего же?

— Изъ-за васъ!

Она посмотрѣла на него полными изумленія глазами. Что такое для нея этотъ генералъ Тугаринъ, и что она для него? Она въ первый разъ слышитъ его имя.

— Да, изъ-за васъ!..— продолжалъ Полянскій:— Длинная исторія!.. Вашъ дядюшка, поэтъ Чистопольевъ, когда-то былъ военнымъ... И былъ у него другъ... Это и есть Тугаринъ... Но они потерялись и двадцать лѣтъ не видались... Теперь онъ узналъ про Чистопольева и что онъ слѣпъ, и сказалъ: чтожъ, дядя ея слѣпъ, не можетъ вступиться, а онъ мнѣ старый другъ, значитъ— это моя обязанность. И вызвалъ меня... Это за васъ!.. Вотъ мы и дрались...

— Боже мой! А онъ... Этотъ другъ... Онъ живъ?

— Онъ меньше пострадалъ, чѣмъ я... Но мы оба хорошо стрѣ-

ляли... А теперь, Наталья Александровна, вы позвольте мнѣ побыть у васъ, пока получу силы уѣхать...

— Вы у себя дома...

— Ахъ, нѣтъ! я хотѣлъ бы, чтобы это было такъ!.. съ искреннимъ чувствомъ произнесъ онъ.

— Боже мой! — опять воскликнула Наташа. — Что вы со мной дѣлаете?

— Успокойтесь... Успокойтесь!.. — сильно пониженнымъ голосомъ промолвилъ онъ и тихо пожалъ ея руку: — Это послѣдняя попытка... Вѣдь я могъ и умереть... Значить, я люблю васъ...

Ей показалось, что послѣднія слова онъ произнесъ въ полузабытїи. Онъ засыпалъ. Глаза его закрылись. Она еще нѣсколько минутъ просидѣла неподвижно.

Потомъ она встала, пошла въ спальню и долго сидѣла на кровати, опустивъ голову и задумавшись. «Могъ умереть... думалось ей: — шель на это... значить, что нибудь въ немъ есть»...

И чувствовала она, что въ сердцѣ ея зачинается что-то новое и непонятное ей. Одно только ей было ясно: что у нея прибавилось бы еще одно и, можетъ быть, самое большее, горе, еслибъ онъ умеръ.

IV.

Тугаринъ проснулся часовъ въ одиннадцать. Остужишины не смыкали глазъ. Они были очень взволнованы и боялись за его здоровье. Но первыя его слова совершенно успокоили ихъ.

— Славно! — воскликнулъ генералъ, потягиваясь, насколько это позволяла ему перевязка. — Теперь бы отлично выпить стаканъ кофею съ хорошими сливками!

Сонъ прекрасно укрѣпилъ его, а рану онъ, привыкшій къ болѣе серьезнымъ поврежденїямъ и потерявшій ногу, считалъ ничтожнымъ обстоятельствомъ.

Должно быть, за дверью кто нибудь безсмѣнно сторожилъ его сонъ, потому что черезъ нѣсколько минутъ вошла старая женщина, неся въ рукахъ подносъ, на которомъ красовались стаканы, кофейникъ, сливки, хлѣбъ, масло и ромъ.

— Вотъ такъ чудо! — промолвилъ Тугаринъ: — ей-Богу же, мы въ волшебномъ царствѣ, или все это намъ снится!..

Кофе былъ выпить всѣми троеми съ величайшимъ аппетитомъ. Послѣ этого появился докторъ.

— Ну, что, какъ полковникъ? — спросилъ его Тугаринъ.

— Полковникъ недѣлю поскучаетъ въ постели, а вы какъ, ваше превосходительство?

— Ну, обо мнѣ нѣтъ даже рѣчи!.. Такъ нельзя узнать, гдѣ мы находимся? а?

— Я ничего не знаю, генераль! Здѣсь все такъ таинственно, такъ прикрыто!..

— Ага! Видна рука пана Шипицкаго. Онъ это ловко умѣетъ дѣлать! Ну, нельзя, такъ и не надо. Полковникъ встанетъ, и мы съ нимъ кутнемъ хорошенько, и онъ все объяснитъ. Впрочемъ, я догадываюсь...

— Догадываетесь, генераль?—съ любопытствомъ спросилъ докторъ.

— Догадываюсь, только вамъ не скажу! А вы вотъ и склопочите-ка намъ лучше карету... Мы домой поѣдемъ... У меня есть еще одно дѣло...

Точно также, какъ кофе, по щучьему велѣнью явилась карета. Она уже стояла у оконъ, только кучеръ былъ не съ рыжей бородой, а тотъ, что привезъ Полянскаго.

Тугаринъ съ своими секундантами вышли, сѣли въ карету и уѣхали. Остужишиныхъ онъ довезъ домой, пожалъ имъ руки и отпустилъ, а самъ доѣхалъ домой и отпустилъ кучера.

Но дома онъ былъ не долго. Онъ какъ бы заѣхалъ затѣмъ, чтобы удивить свою прислугу перевязкой. Посидѣвъ съ полчаса, онъ велѣлъ заложить дрожки и выѣхалъ со двора, приказавъ кучеру держать за Москву-рѣку и отыскать тамъ домъ отставнаго майора Чистопольева.

Въ домѣ Чистопольева горе по Наташѣ приняло тихую форму. Олимпіада Семеновна уже выплакала всѣ слезы и теперь ограничивалась только глубокими, безнадежными вздохами. Самъ Чистопольевъ просиживалъ цѣлые дни въ своемъ кабинетѣ, почти не покидая кресла. Ему больше не приходили въ голову поэтическіе образы, и думы его не выливались въ стихахъ. Онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ и какъ-то приниженнымъ. Ему казалось, что не будь онъ слѣпъ, съ нимъ не посмѣли бы такъ поступить, а если бы и случилось чтонибудь подобное, то онъ сумѣлъ бы вступить и за себя и за племянницу. И никогда онъ еще такъ не чувствовалъ, что слѣпота—великое несчастье, какъ теперь. Лизу взяли въ школу, и она грустила тамъ одна.

Богъ знаетъ, какими путями, до нихъ доходили вѣсти, но какимъ-то образомъ въ домъ залетѣло извѣстіе, что Наташа жива и здорова, и что ей не худо. Въ другой разъ имъ сказали, что она будетъ богата и счастлива, и что они скоро ее увидятъ. Говорилось это случайными посѣтителеми ихъ дома, которые слышали это гдѣ-то, отъ кого-то, а отъ кого и гдѣ, объяснить не могли. Мало давали они вѣры этимъ извѣстіямъ, но все же чувствовали нѣкоторое успокоеніе. Хоть и недостоверные люди передали ихъ, а откуданибудь же да брали они.

И вотъ явился слуга и доложилъ Олимпіадѣ Семеновнѣ, что пріѣхалъ какой-то генераль, да еще съ деревянной ногой, и желаетъ непременно видѣть самого барина.

Олимпиада Семеновна всполошилась. Сердце у нея забилось сильно. Ужъ это навѣрно чтонибудь, относящееся до Наташи. Давно они прекратили всѣ свои знакомства, и рѣшительно назначѣмъ къ нимъ ѣздить генералу. Не смотря на свой возрастъ, стрѣлой побѣжала она въ кабинетъ, заранѣе таща съ собой для Антона Макарьевича его майорскій сюртукъ съ признаками военнаго званія.

— Ахъ, Антонъ Макарьевичъ! Генераль какой-то пріѣхаль, Глаша сказываетъ, что при немъ деревянная нога... И требуетъ, чтобы тебя видѣть... Ужъ это про Наташеньку чтонибудь! Чуетъ мое сердце, что про нее, голубку нашу!

Антонъ Макарьевичъ не спѣша поднялся, снялъ домашній сюртукъ и надѣлъ парадный и только тогда сказалъ:

— Я готовъ принять его! Проси!

Олимпиада Семеновна, разумѣется, оставила кабинетъ, но ушла недалеко, а такъ, чтобы все видѣть и слышать.

И въ самомъ дѣлѣ появился генераль, стуча по полу деревянной ногой. Глаша, замѣнившая Дашу, почтительно показывала ему путь къ кабинету. Олимпиада Семеновна разглядѣла перевязку на его правой рукѣ.

— Пожалуйста-съ!—говорила ему Глаша:—только извольте узнать, что нашъ баринъ—слѣпые, они ничего не видятъ...

— Знаю, знаю, голубушка!—отвѣчалъ Тугаринъ своимъ густымъ голосомъ:—ты мнѣ только покажи его...

Его ввели въ кабинетъ. Антонъ Макарьевичъ стоялъ у стола, придерживаясь за него одной рукой. Глаза его смотрѣли по направлению къ каменному шкафу, занимавшему мѣсто между дверью и окномъ. Онъ внимательно прислушивался.

Тугаринъ остановился и отвѣсилъ поклонъ, хотя это было бесполезно.

— Прошу прощенья,—сказалъ онъ,—что отниму у васъ нѣсколько минуъ!

— Присядьте, прошу васъ, ваше превосходительство... Мнѣ такъ доложили, а я самъ ничего не вижу.

— Совершенно такъ, майоръ! Въ отставкѣ и съ деревянной ногой!—отвѣтилъ Тугаринъ.

Послышалось ли слѣпому что-то знакомое въ голосѣ гостя, или это было тѣсное неуловимое вліяніе старой дружбы, но Чистопольевъ почему-то заволновался.

— Садитесь же, садитесь... Я взволнованъ. Жена мнѣ шепнула, что, можетъ быть, вашъ пріѣздъ имѣетъ касательство до судьбы моей несчастной племянницы...

— Отчасти, майоръ, отчасти!—промолвилъ Тугаринъ, и голосъ его слегка дрогнулъ. Трудно было ему выдерживать свою роль при видѣ стараго друга, на котораго такъ замѣтно повліяло время. Какъ

побѣдила его борода! А эти глаза, которые смотрять и ничего не видять!..

Тугаринъ сѣлъ. То же сдѣлалъ и Антонъ Макарьевичъ.

— Такъ какъ васъ болѣе всего интересуеть племянница, то я долженъ сообщить вамъ, майоръ, что человѣкъ, который ее похитилъ, вполнѣ порядочный, не способный принести ей какое нибудь зло... Я знаю его лично!..

— Вы видали ее?

— Нѣтъ, но полагаю, что скоро она въ состоянїи будетъ посѣщать своихъ родныхъ. Произошло одно обстоятельство...

— Какое?

— Одинъ человѣкъ, желающій вамъ добра, майоръ, вступился за вашу честь и вызвалъ того, кто похитилъ вашу племянницу...

— Есть такой человѣкъ на свѣтѣ?—воскликнулъ Чистопольевъ и въ глубокомъ волненїи всталъ.

— Есть, майоръ... Они дрались... Этотъ человѣкъ получилъ незначительную рану въ руку, а тотъ раненъ болѣе серьезно, но не опасно.

— Да, это, должно быть, благороднѣйшій человѣкъ... Да, я — слѣпецъ и не могу за себя вступить... Какъ я хотѣлъ бы обнять этого друга...

— Старога друга, майоръ!..

— Старога друга?!

— Помните, въ полку, былъ у васъ другъ, майоръ Тугаринъ?

— Боже мой! Какъ не помнить? Можно забыть все, но не такую дружбу! Да развѣ онъ живъ?

— Онъ живъ... Только онъ ужъ не майоръ... Онъ дрался на войнѣ и получилъ генеральскій чинъ... Но онъ потерялъ ногу и вышелъ въ отставку.

— Тугаринъ!—воскликнулъ Антонъ Макарьевичъ, весь дрожа и протягивая руки впередъ.— Да неужели же Богъ привелъ таки!..

Тугаринъ скинулъ маску и объявился. Они горячо обнялись.— Онъ самый! Онъ самый!—говорилъ генералъ:— только ты, братъ, потише, поосторожнѣй, у меня перевязка, я прямо со стрѣльбы!..

Чистопольевъ не могъ ничего говорить отъ волненїя. Вошла Олимпиада Семеновна и тоже узнала бывшаго майора, и полились дружескіе разговоры.

— Но какъ же это случилось... эта дуэль?—спрашивали Чистопольевы.

— Пословица говоритъ: «нѣтъ худа безъ добра!». Оно такъ и оказалось,—отвѣчалъ Тугаринъ.— Какъ случилась эта исторїя съ твоей племянницей и стали про нее говорить, такъ я и узналъ, что есть на свѣтѣ майоръ Чистопольевъ. А то бы такъ и умеръ, не узнавши... Ну, а коли есть онъ на свѣтѣ, да еще зрѣнія лишень, то надо драться за старога друга. Вотъ я и подрался...

— А кто же онъ?

— Прости, дружище, этого не могу сказать тебѣ теперь! Но скоро самъ узнаешь. Скажу только, что мы съ нимъ давними пріятелями были, такими и остались. Онъ благородень, богатъ, какъ Крезъ, молодъ, въ чести и влюбленъ въ твою племянницу. Знаю, что неблагородно поступить съ нею не можеть, иначе порвалъ бы съ нимъ отношенія. А отчего сказать не могу, самъ поймешь: тайну мнѣ довѣрили! Понимаешь? Я съ нимъ дрался, но тайну его долженъ держать, не такъ ли?

Понялъ ли это Антонъ Макарьевичъ? Онъ ничего не сказалъ, а лицо его не выразило никакого опредѣленнаго чувства. Но Олимпиада Семеновна была явно недовольна такой, казавшейся ей странной, честностью и въ тотъ же часъ охладѣла къ другу своего мужа.

Тугаринъ возвращался домой также съ чувствомъ какой-то неудовлетворенности. Двадцать лѣтъ разлуки сдѣлали свое дѣло. Онъ нашель Чистопольева страшно измѣнившимся. Нѣкогда бравый майоръ опустился, размякъ, обабился и какъ-то потускнѣлъ. Воспоминанія о военной жизни звучали для него глухо. Ихъ давно уже покрыла пыль скучной однообразной жизни помѣщика средней руки. Чистопольевъ слушалъ его и какъ будто думать о другомъ. Слѣпота пріучила его мыслью носиться въ своемъ, никому невѣдомомъ мірѣ, среди своихъ особенныхъ думъ и настроеній. А что сказалъ бы этотъ старый другъ, если бы узналъ, что Тугаринъ, не смотря на возрастъ и деревянную ногу, остался такимъ же весельчакомъ, кутилой и жуиромъ, какимъ былъ въ молодости? Что бы сказалъ онъ, этотъ товарищъ его давнихъ любовныхъ походовъ, узнавъ, что старый генераль и теперь непрочь поволочиться?

Но Тугаринъ не жалѣлъ о томъ, что дрался за Чистопольева. Онъ дрался за старую дружбу, вовсе даже еще не зная, что найдеть теперь. Этотъ поступокъ давалъ удовлетвореніе ему самому.

И. Н. Потапенко.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ С. Н. ТЕРПИГОРЕВА ¹⁾.

V.

РОШЛО послѣ этой «исторіи» одиннадцать лѣтъ. Много пережилъ я за это время, много видѣлъ всякихъ видовъ, былъ и на конѣ, какъ говорится, и подъ конемъ.

Въ жаркій лѣтній день я пріѣхалъ обѣдать на дачу къ одному моему земляку С. П. Горсткіну, концессионеру Козловско-Тамбовской земской дороги, человѣку въ это время необыкновенно хлѣбосольному, потому что только что передъ тѣмъ онъ получилъ концессию, наживъ сразу чуть ли не миллионъ, и ошалѣвшему совсѣмъ отъ счастья. Онъ нанималъ тогда дачу на берегу Малой Невки съ садомъ, террасами, верандами, купальнями и проч.

— Гдѣ же всѣ?— спросилъ я, придя въ комнаты и никого не видя.

— Всѣ пошли купаться передъ обѣдомъ.

Пошелъ и я посмотрѣть на нихъ туда. Въ водѣ фыркало и ныряло человѣкъ десять знакомыхъ мнѣ и незнакомыхъ. Меня шумно они привѣтствовали и приглашали къ себѣ въ воду. Вдругъ возлѣ меня вынырнула одна сѣдая, совсѣмъ уже почти лишенная волосъ, голова и, жмурясь и моргая, хриплымъ басомъ спросила:

— Вы тоже тамбовецъ?

— Тамбовецъ,— отвѣтилъ я.

— Кто бы это могъ быть?— думалъ я, посматривая на него, и никакъ не могъ припомнить кто.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIII, стр. 401.

Наконецъ, онъ выкупался и сталъ одѣваться, говоря, какъ славно было въ водѣ.

Толстый лысый господинъ, говорившій басомъ, началъ надѣвать военные панталоны синяго цвѣта и наконецъ надѣлъ такого же цвѣта генеральскій мундиръ. Я тутъ только его узналъ: это былъ Д. Н. Дурново, нашъ бывшій тамбовскій жандармскій полковникъ. Онъ былъ въ это время уже здѣсь и кончалъ третье или четвертое колоссальное наслѣдство: онъ много денегъ прожилъ. Такъ, кое-что я объ немъ слыхалъ за это время, но мы не встрѣчались съ нимъ. Какъ человекъ, онъ пользовался репутаціей добраго, любезнаго и всегда готоваго на услугу, чѣмъ можетъ и что въ его власти. Да и по виду въ немъ нельзя было заподозрѣть злого человека. Обѣдъ былъ холостой, безъ дамъ, и сейчасъ же, разумѣется, начались анекдоты, каламбуры, остроты скоромнаго содержания. Я сидѣлъ рядомъ съ Дурново—съ одной стороны, а съ другой у меня былъ какой-то усатый, съ огромными усами старикъ въ инженерномъ, или въ родѣ инженернаго, мундирѣ. Кто-то рассказывалъ какой-то анекдотъ, сослался на Дурново, сказавъ, что и съ нимъ случилось нѣчто подобное. Дурново сталъ оправдываться, говорить, что этого съ нимъ никогда не было, но видно было, что ему это пріятно, что его считаютъ все еще способнымъ на подобныя шалости.

— Да ужъ нечего, знаемъ мы ваши походы въ Тамбовѣ-то, тоже не новый вѣдь человекъ,—сказалъ Горсткинъ.

Дурново смѣялся. Горсткинъ началъ рассказывать уже какое-то истинное происшествіе изъ этихъ его походовъ, гдѣ они участвовали вмѣстѣ. Дурново началъ опять слабо защищаться, увѣряя, что это было не совсѣмъ такъ. Кто-то въ подтвержденіе шаловливаго поведенія его напомнилъ о томъ, какъ онъ былъ влюбленъ въ директрису.

— Ну, даю вамъ слово, что ничего не было у насъ... на меня вѣдь врутъ ужасно,—горячо заговорилъ вдругъ Дурново.—Это все вздоръ. А иногда я любилъ бывать у нея; дочери очень милыя дѣвушки были.

— Знаемъ мы это!..

— Ну, честное слово.

— Вѣдь вы тамъ каждый день бывали, я помню,—сказалъ я.

— Да бывалъ... А вы почему знаете? Вы тамъ съ ними были знакомы?

— Былъ... Я былъ тогда въ пансіонѣ, гимназистомъ,—сказалъ я.

— А—а... Я, чортъ возьми, тогда чуть не попался самъ съ вами.

— Это какъ?

— А помните?.. да нѣтъ, это послѣ васъ было,—сказалъ Дурново, поглядывая на меня,—гадости-то этой тогда директору въ окно бросили.

— Помню... Это при мнѣ было. Вамъ-то какъ же могло достаться! Вѣдь черезъ васъ тогда бутылка перелетѣла; вы вѣдь у окна сидѣли, а она черезъ васъ въ стѣну попала.

Онъ весь обернулся и смотрѣлъ на меня.

— Вы почему это знаете?

— Знаю, какъ видите.

— Ну, кто это былъ?.. Вы знаете, ну, скажите, — заговорило нѣсколько голосовъ.

— Да вотъ Дмитрій Николаевичъ лучше это знаетъ, — отвѣчалъ я.

— Юнкера!.. самоувѣренно, не допуская сомнѣній, — сказалъ Дурново.

— Ну, вотъ, вы слышите, — проговорилъ я.

— Да нѣтъ, — не довѣряя его компетентности, приставали ко мнѣ, — вы скажите, кто это. Вѣдь тогда такой переполохъ полиція надѣлала въ Тамбовѣ.

— Да какъ же не переполохъ?.. Вотъ Дмитрій Николаевичъ божился, говорятъ, что все отыщеть и съ виноватыми что-то сдѣлать обѣщался, — шутилъ я.

— Ничего я не обѣщался... Ну, что, мальчишки... оправдывался онъ.

— Ну, не говорите.

— А ихъ много тогда было?.. — вдругъ спросилъ онъ.

— Много...

— Не помните, кто?.. Я зналъ многихъ...

— Не помню... Одного, впрочемъ, помню — я... И добавилъ: — но только не я кидалъ, — я сочинялъ эти...

— Прокламаціи?..

— Да.

— Чортъ знаетъ что такое!.. — воскликнулъ Дурново: — не бояться своей рукой... Вѣдь могли бы сравнить почеркъ — узнали бы... Я и предложилъ тогда.

— Нѣтъ, переписано было — не узнали бы, все равно...

Ко мнѣ начали приставать, чтобы я сказалъ, кто еще былъ тутъ замѣшанъ.

— Ну, отчего же не сказать? Теперь-то? Ну, что такое?... Что-жъ они отвѣчать что ли будутъ теперь за это? Мальчишеская шалость.

Но, я помню, я все-таки почему-то не сказалъ: какое-то странное чувство, точно меня кто держалъ за рукавъ, удержало меня...

VI.

Долгое и длинное было путешествіе мое изъ деревни въ Петербургъ. Рязанской дороги тогда еще не было выстроено, и изъ Козлова до Москвы пришлось ѣхать въ какихъ-то тарантасахъ на почто-

выхъ. Я ѣхалъ не одинъ, а съ отцомъ, который былъ самъ когда-то въ Петербургскомъ университетскомъ пансіонѣ, имѣлъ въ Петербургѣ знакомыхъ товарищей и лично зналъ почему-то тогдашняго университетскаго ректора П. М. Плетнева. Къ Плетневу, кромѣ того, было у насъ еще письмо отъ нѣкоего Волченкова, арендатора имѣнія госпожи Плетневой (второй его жены) или ея повѣреннаго, нашего сосѣда, который рекомендовалъ меня Плетневу и просилъ оказать мнѣ всякое покровительство.

Въ Петербургѣ мы остановились у дяди моего, цензора О. И. Рахманинова, цензуровавшаго тогда, между прочимъ, «Современникъ», т. е. мы остановились собственно не у него, а въ тѣхъ же меблированныхъ комнатахъ, гдѣ и онъ жилъ.

Рахманиновъ насъ встрѣтилъ какъ-то странно, попetersбургски, предполагая, вѣроятно, что я буду просить его протекціи, вообще нуждаться въ его покровительствѣ.

— Сережа, ты на какой же намѣреваешься поступить факультетъ?—спросилъ онъ меня,—вѣроятно, вѣдь ты составилъ себѣ какое нибудь представленіе объ этомъ.

— На филологическій, дядя,—отвѣтилъ я.

— Что это за идея?

Я объяснилъ, сказавъ, что люблю исторію, литературу.

— Гм... Что-жъ, ты хочешь учителемъ гимназіи быть потомъ?

— Буду стараться попасть въ профессора.

— Ого!..

Дядя самъ былъ филологъ и кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, но почему-то потомъ поступилъ на службу по министерству юстиціи, и когда набирался какимъ-то новымъ предсѣдателемъ главнаго управленія по дѣламъ печати свѣжій составъ цензоровъ, былъ рекомендованъ ему на эту должность самимъ графомъ Панинымъ, тогдашнимъ министромъ юстиціи. Противъ историко-филологическаго факультета онъ положительно возсталъ.

— Не то время теперь; не туда мы идемъ. За крестьянской реформой сейчасъ будетъ новый судъ, потребуются новые люди для суда, для прокуратуры и адвокатуры, — вотъ твоя должна быть карьера,—говорилъ онъ.

Короче, онъ меня сбилъ. Когда на другой день я поѣхалъ съ отцемъ и съ письмомъ Волченкова къ Плетневу, жившему гдѣ-то на дачѣ, на вопросъ этого послѣдняго: на какой вы хотите поступить факультетъ?—я отвѣтилъ: на юридическій.

Плетневъ насъ принялъ необыкновенно просто, мило и любезно: помню, на какомъ-то балкончикѣ мы пили у него кофе и просидѣли часа два. Онъ обѣщалъ всякое содѣйствіе.

Экзаменъ долженъ былъ начаться черезъ недѣлю. Изъ канцеляріи университета, куда я представилъ свои бумаги, мнѣ выдали какой-то экзаменаціонный листъ, гдѣ было прописано, кто я, въ ка-

кой гимназіи кончилъ и изъ чего сколько получилъ (на основаніи представленнаго мною аттестата). Провѣрка для поступающихъ на юридическій факультетъ должна была быть: изъ русской словесности, исторіи, географіи, латинскаго языка и одного изъ новѣйшихъ—любого—французскаго или нѣмецкаго. Я выбралъ нѣмецкій, такъ какъ совершенно свободно тогда говорилъ на немъ. Изъ всѣхъ этихъ предметовъ у меня были выставлены «отличныя» отмѣтки, кромѣ латинскаго, изъ котораго стояло: «посредственно».

— Дай Богъ, дай Богъ, — недовѣрчиво какъ-то и сомнительно улыбаясь, говорилъ дядя, читая эти отмѣтки: — а все-таки я тебѣ скажу, если тебѣ серьезно предлагали поступить въ Харьковскій университетъ,—ты напрасно отказался. Экзамены здѣсь будутъ, я знаю, въ этомъ году очень серьезные и трудные. Мнѣ говорилъ профессоръ... (Онъ назвалъ какую-то фамилію).

Это, конечно, не могло меня особенно ободрять, а я изъ гимназіи вынесъ, на основаніи опыта, убѣжденіе, что на экзаменахъ знаніе—знаніемъ, но находчивость и увѣренность тоже стоятъ половины знаній.

Наконецъ насталъ день экзаменовъ.

Предсѣдателемъ этой экзаменаціонной комиссіи, или комитета,—какъ это тогда называлось, не помню,—былъ Н. М. Благовѣщенскій, профессоръ русской словесности, авторъ «Ювенала»,—сочиненіе, которое я уже читалъ въ гимназіи въ Тамбовѣ. Въ огромномъ университетскомъ залѣ, вдоль колоннъ, были разставлены черныя доски для писанія на нихъ мѣломъ и столики съ тремя около каждаго стульями: для учителя гимназіи, который экзаменовалъ, для профессора наблюдателя (по каждому предмету были назначены разные) и для экзаменующагося. На черныхъ доскахъ были написаны на каждой, на верху ея, крупно по три, по четыре буквы въ алфавитномъ порядкѣ; это означало, что экзаменующіеся должны были подходить къ тому столику, который стоялъ у доски, на которой были написаны заглавныя буквы его фамиліи. Народу, то-есть пришедшихъ экзаменоваться, въ залѣ было много, до тысячи, если не больше. Я никогда еще не бывалъ ни въ такой толпѣ, ни въ такомъ громадномъ залѣ. Пока я узнавалъ, что, гдѣ и какъ мнѣ экзаменоваться, экзамены уже начались. Когда я отыскалъ доску съ своей буквой и сталъ въ толпѣ, окружавшей экзаменаторовъ и экзаменующихся, отвѣчалъ (изъ русской словесности былъ первый экзаменъ) вначалѣ очень бойко, а потомъ все тише и тише и, наконецъ, совсѣмъ замолчалъ высокій молодой человѣкъ, блондинъ, очень франтовато одѣтый.

— «Неудовлетворительно»,—громко проговорилъ учитель гимназіи въ форменномъ вицмундирѣ, экзаменовавшій его, что-то написавъ въ его экзаменаціонномъ листѣ, и подалъ его ему. Молодой человѣкъ сконфуженный удалился.

Загѣмъ, второй, третій, четвертый—всѣ «неудовлетворительно». Къ учителю экзаменатору, протискавшись черезъ толпу, почтительно передъ нимъ разступившуюся, подошелъ какой-то высокій господинъ съ темными волосами, съ крупными чертами лица, необыкновенно симпатичнаго вида. Учитель ему что-то сказалъ, тотъ съ сожалѣніемъ пожалъ плечами и присѣлъ на стулъ.

— Профессоръ Сухомлиновъ,—услыхалъ я въ толпѣ.

— А-а... вотъ онъ, — подумалъ я, всматриваясь въ любимца студентовъ.

Подошелъ кто-то и началъ экзаменоваться. Этотъ отвѣчалъ ужасно: путалъ, путалъ, ничего не зналъ. Учитель переглянулся съ Сухомлиновымъ и написалъ опять: «неудовлетворительно». Сухомлиновъ всталъ и пошелъ дальше слѣдить, какъ экзаменуютъ на другихъ столикахъ. (Экзаменъ русской словесности происходилъ подъ его наблюденіемъ). Къ столику опять подошелъ кто-то экзаменоваться и снова «неудовлетворительно». Этотъ уже положительно зналъ, тихо, скромно отвѣчалъ, но зналъ несомнѣнно.

— «Что же это такое? — думалъ я,—вѣдь это чортъ его возьми, онъ и меня такъ забракуетъ».

Въ толпѣ глухо поговаривали въ томъ же родѣ, высказывали просто даже недоумѣніе. Вдругъ къ столику подошелъ маленькаго роста, бѣлокурый молодой человѣкъ, взялъ билетъ, присѣлъ на стулъ, и я услыхалъ сначала его одинъ голосъ, а потомъ разговоръ его съ экзаменаторомъ.

— Н... да... время такое было... мрачное было время,—говорилъ ему экзаменаторъ,—если уже такое дарованіе, какъ Гоголь... деспотизмъ... помѣщичья власть, душившая народъ, дни которой наконецъ-то сочтены.

Молодой человѣкъ что-то поддакивалъ...

Отпустивъ его, экзаменаторъ написалъ ему на его листѣ: «удовлетворительно», и сказалъ громко: «хорошо». Счастливица встрѣтили въ толпѣ разспросами и смотрѣли у него листъ его. Потомъ опять долго шло «неудовлетворительно» и наконецъ снова «хорошо» и въ листѣ «удовлетворительно». Этого онъ спрашивалъ о Пушкинѣ, и экзаменовавшійся подробно рассказывалъ его смерть, объясняя ее интригами какой-то «придворной партіи». Все прочее онъ отвѣчалъ невозможно слабо, путалъ и просто молчалъ, не зная, особенно изъ славянскаго языка, который тоже спрашивали. Я все время стоялъ и внимательно слушалъ, стараясь найти разгадку, почему онъ однимъ, которые и хорошо знаютъ, ставитъ «неудовлетворительно», а другимъ, неизмѣримо слабѣ ихъ—удовлетворительно. Теперь я понялъ, въ чемъ суть, нашелъ ключъ къ разгадкѣ.

— Ну, теперь я пойду,—сказалъ я стоявшему со мной рядомъ и, развязно подойдя къ столу, поклонился и подаль свой экзаменаторскій листъ.

— Садитесь... Берите билетъ... Ого!...—вдругъ проговорилъ экзаменаторъ,—откуда!... Изъ тамбовской гимназіи да еще стоитъ: «отлично»... Посмотримъ... «Дворянинъ, сынъ помѣщика»,—продолжалъ онъ читать мой листъ.

Я ввѣлъ билетъ.

— Комедія Фонвизина «Недоросль»,—проговорилъ я, подавая ему билетъ.

Онъ усмѣхнулся.

— Приватдоцентный билетъ,—сказалъ онъ, смотря мнѣ прямо и съ ироніей въ глаза.

— Да,—разсмѣялся я,—это дѣйствительно счастье; я могу вамъ и не про фонвизинскихъ только рассказать, а и про современныхъ.

Онъ, опустившій было глаза въ программу, вдругъ поднялъ ихъ на меня.

— Что вы сказали?

Я повторилъ. Онъ разсмѣялся.

— А много ихъ?

— Хватить, довольно.

— Да,—со вздохомъ сказалъ онъ,—это вѣдь одна изъ самыхъ дворянскихъ, крѣпостническихъ губерній.

— Н-да... хорошая губернія,—иронически отвѣтилъ я.

Онъ началъ меня разспрашивать о бытѣ помѣщичьемъ, даже о моихъ родныхъ. Я рассказывалъ. О «Недоросль»—ни слова. Наконецъ, онъ какъ бы очнулся и началъ отыскивать въ кучкѣ лежавшей передъ нимъ бумаги (перегнутый пополамъ полулистъ писчей бумаги) заголовокъ темы, на которую я долженъ былъ написать сочиненіе. Нашелъ и, подавъ мнѣ, сказалъ: «ну, это вамъ знакомая тема»; на листѣ стояло: «Рабочій день крестьянина». Я отошелъ къ другому столу рядомъ, гдѣ оканчивалъ уже сочиненіе предыдущій, дождался, пока онъ всталъ, и сѣлъ писать.

Я понялъ уже, что я угадалъ вѣрно, въ чемъ вся суть...

Я бы дорого далъ теперь, чтобы имѣть въ рукахъ у себя и привести здѣсь то коротенькое, маленькое сочиненіе, которое я написалъ тогда, и за которое онъ мнѣ поставилъ въ моемъ экзаменаторскомъ листѣ «весьма удовлетворительно» (были приняты только три отмѣтки: неудовлетворительно, удовлетворительно и весьма удовлетворительно). Это было нѣчто невозможное... Я помню, все заключалось въ томъ, что мужикъ, работая, если задасть себѣ вопросъ: для чего онъ работаетъ? то онъ можетъ отвѣтить только: для того, чтобы баринъ мой могъ поѣхать въ «Милютинъ рядъ» и покупать тамъ зимою свѣжей земляники... Я самъ тогда никакого понятія еще не имѣлъ объ этомъ Милютиномъ рядѣ, читалъ только о немъ въ какой-то повѣсти или романѣ, и теперь «вложилъ этотъ «рядъ» въ уста мужика. Но и помимо этого по тону, по развязности сочиненіе было удивительное. Я прочиталъ его, поставилъ пропущенную

гдѣ-то запятую, перемѣнилъ два-три слова и подалъ экзаменатору. По выраженію лица, съ которымъ онъ читалъ его, я видѣлъ, что оно ему по сердцу: онъ довольно улыбался, разъ или два взглянулъ на меня, подмигнувъ глазомъ и покачавъ головой — не ожидалъ, дескать, пріятная неожиданность.

Когда онъ подписалъ экзаменаціонный листъ съ этимъ «весьма удовлетворительно» и отдавалъ его мнѣ, къ столику опять подошелъ Сухомлиновъ.

— Изъ Тамбовской гимназіи и замѣчательно развитой, — тихо сказалъ ему экзаменаторъ.

Сухомлиновъ участливо, весело и одобрительно посмотрѣлъ на меня.

— Сколько? — спросилъ онъ.

— Весьма удовлетворительно, — отвѣтилъ я и, отойдя отъ стола, началъ тихо объяснять собравшейся вокругъ меня кучкѣ, въ чемъ дѣло, на что надо стараться наводить его во время экзаменовъ, на чемъ останавливаться.

— Я долго не понималъ все, въ чемъ суть, и только на послѣднемъ, который экзаменовался передо мной, понялъ это, — сказалъ я, — и, какъ видите...

Я уже не знаю, поняли ли они, что имъ надо дѣлать, и удачно ли примѣнили мой пріемъ. Я поспѣшилъ домой, гдѣ меня ждалъ отецъ.

— Ну что?... — спросилъ онъ.

— Отлично.

Дядя, пришедшій къ намъ, какъ только узналъ, что я вернулся, тоже съ участіемъ сталъ меня спрашивать. Конечно, я былъ доволенъ результатомъ экзамена, но я не могъ не задуматься и надъ тѣмъ, что чтò же это такое? Вѣдь эдакъ и ни за что и ни про что и провалить могутъ, какъ провалили на моихъ уже глазахъ сегодня десятки человѣкъ...

Слѣдующій экзаменъ былъ изъ исторіи, и я зналъ, что профессоръ, наблюдающій за экзаменомъ, Костомаровъ, напѣ бичъ еще съ пятого класса гимназіи, — Костомаровъ, авторъ Богдана Хмѣльницкаго, Стеньки Разина и проч. Мы, я помню, два года еще назадъ читали его и перечитывали. Послѣзавтра я его увижу на экзаменѣ, быть можетъ, онъ будетъ еще и спрашивать меня.

Предмета я не боялся, но неужели опять надо будетъ выѣзжать на этакое же фортелѣ?... .

Въ назначенный день я пришелъ въ залъ и, какъ совсѣмъ не новичекъ уже, при томъ съ отличной отмѣткой на экзаменаціонномъ листѣ изъ русской словесности, прямо прошелъ къ доскѣ съ заглавной буквой своей фамиліи, сталъ поближе къ столику, за которымъ шелъ экзаменъ. Учитель-экзаменаторъ, провѣрявшій наши познанія и отмѣтки нашихъ гимназическихъ учителей, былъ на этотъ разъ человѣкъ довольно не молодой уже, помню, тучный и

съ краснымъ лицомъ. Экзаменовался какой-то высокій, великовозрастный уже молодой человекъ и отвѣчалъ что-то ужасно тихо, такъ что тотъ все переспрашивалъ его и говорилъ: громче, громче... я ничего не слышу. А этотъ говорилъ все такъ же.

— Вы ничего не знаете!.. Гдѣ ужъ вамъ на филологическій! — воскликнулъ толстякъ и рѣшительно написалъ: «неудовлетворительно...». Я сталъ слушать слѣдующаго, — тоже «неудовлетворительно», третьяго, четвертаго, пятаго, и, почти незамѣтно, самъ того не замѣчая, подвинулся къ самому столику и сталъ рядомъ, возлѣ толстяка экзаменатора.

— Пустите... Костомаровъ... услыхалъ я позади. Оглянулся и увидалъ старичка ниже средняго роста съ краснымъ лицомъ въ золотыхъ очкахъ, которые онъ то и дѣло поправлялъ рукой, широко растопыривая при этомъ пальцы... Я засмотрѣлся на него, какъ вдругъ услыхалъ голосъ толстяка экзаменатора: «идите, хотя и фамилія ваша на Т...». Онъ говорилъ это мнѣ и смотрѣлъ на меня. Я даже нѣсколько смутился отъ этой неожиданности, неувѣренно подошелъ съ другой стороны къ столику и взялъ билетъ. Костомаровъ, поговоривъ что-то съ учителемъ, не садясь даже, отошелъ отъ столика.

— Садитесь, — сказалъ учитель. — Что вамъ досталось?

— Начало царствованія императрицы Екатерины II, — сказалъ я, мысленно радуясь счастью своему: здѣсь можно было опять пройтись насчетъ направленія...

— Ну-съ, рассказывайте, что знаете?.. — сказалъ экзаменаторъ, посмотрѣвъ въ мой экзаменаціонный листъ и добавилъ: — у васъ стоитъ отмѣтка «отлично».

— Я занимался въ гимназіи, — сказалъ я.

— Ну, вотъ расскажите-ка намъ, какъ и съ чего началось это царствованіе.

Я прямо посмотрѣлъ ему въ глаза, и мнѣ показалось, что онъ улыбается.

«Попробовать», — мелькнуло у меня въ головѣ, и я сказалъ: какъ отвѣчать? по официальному учебнику или..?

— Что—или?

— Или такъ, какъ я знаю.

Онъ улыбнулся и спросилъ:

— А вы что знаете?

— Все...—самоувѣренно отвѣтилъ я.

— Ну, всего-то не нужно... а такъ... намеками... — сказалъ толстякъ.

Я началъ «намеками...».

— Довольно, — равнодушно проговорилъ онъ, остановивъ меня на десятой, — не болѣе, я думаю, — фразѣ, взявъ перо и, я видѣлъ, написалъ размахисто: «весьма удовлетворительно».

Всѣхъ до меня и послѣ меня онъ спрашивалъ по крайней мѣрѣ листовъ по пяти и даже десяти, а тутъ — «весьма удовлетворительно» на десятой фразѣ... Я и этотъ успѣхъ объяснилъ себѣ такъ же и тѣмъ же...

— Ну, что?..—спросили меня дома, когда я пришелъ.

— Отлично,—опять отвѣтилъ я.

— «Ну, а что же это теперь изъ географіи будетъ?—думалъ я все:—на какомъ конѣ тутъ ѣздить придется? По всей вѣроятности, на томъ же»,—рѣшилъ я про себя и сталъ готовиться, т. е. сталъ просматривать учебникъ, припоминать, въ какомъ городѣ случилось что подходящее «къ дѣлу», къ чему придравшись я могъ бы въ требуемомъ направленіи отличиться: «эхъ, если бы Сибирь! — завистливо подумалъ я: — тутъ бы можно разгуляться!»...

Я не помню теперь что, но что-то такое въ этомъ же родѣ произошло и на экзаменѣ изъ географіи; я рассказывалъ какое-то историческое событіе и освѣщалъ его бенгальскимъ огнемъ въ требуемомъ, или, по крайней мѣрѣ, въ излюбленномъ направленіи.

Чему это приписать, чѣмъ это объяснить — я не знаю, но на меня и тогда, на экзаменахъ, и послѣ, на лекціяхъ, и теперь, въ литературныхъ работахъ, всякая тенденціозность, всякая натяжка, всякая партійность дѣйствуютъ самымъ отвратительнымъ образомъ. Я положительно этого не выношу. На меня сейчасъ нападаетъ скука какая-то, я слушаю или читаю и только сожалью всегда автора или оратора. И кого это онъ хочетъ обмануть, — думалъ я, — кому это нужно?

Но это нужно... За эту непонятливость мою я дорого платилъ, плачу и буду платить, но тоже, конечно, и не поступлюсь никогда въ этомъ отношеніи.

Послѣ послѣдняго экзамена—изъ латинскаго, на успѣхъ въ которомъ я меньше всего могъ рассчитывать и рассчитывалъ,—я вернулся домой, получивъ «удовлетворительно», совсѣмъ ошалѣвши отъ счастья.

Отца не было дома; не рассчитывая, что я такъ скоро вернусь, онъ куда-то ушелъ.

— А дядя дома? — спросилъ я.

— Дома-съ.

Предполагая, что у него никого нѣтъ, я распахнулъ дверь и влетѣлъ къ нему.

Но онъ, оказалось, не одинъ. У него сидѣлъ какой-то блѣдный худой человекъ, бритый, въ очкахъ и что-то тихимъ, даже пискливымъ голосомъ говорилъ съ нимъ. Другой, тоже сидѣвшій съ нимъ, былъ одѣтъ франтомъ съ эспаньолкой, или, правильнѣе, бородкой, и большими, на концахъ нафабранными, усами. Всѣ разомъ оглянулись на меня. Увидѣвъ мой радостный, но и смущенный видъ, дядя спросилъ:

— Ну, что?.. Сдалъ?

— Все сдалъ, слава Богу.

— Это мой племянникъ. Послѣдній экзамень сдалъ, поступаетъ въ университетъ, — сказалъ дядя, и, потомъ, когда я раскланялся, добавилъ:— Николай Гавриловичъ Чернышевскій... Иванъ Ивановичъ Панаевъ...

Оба протянули мнѣ руки и весело поздравили, пожелавъ всякихъ успѣховъ.

Справа изъ дверей въ это время показался еще одинъ господинъ — тоже худощавый, блѣдный съ небольшою бородкою, за которую онъ взялся, остановившись въ дверяхъ.

— Николай Алексѣевичъ!..— воскликнулъ дядя, вставая ему навстрѣчу.

Вошедшій хрипло заговорилъ.

По портрету и по «Николай Алексѣевичъ» я догадался, что это Некрасовъ, и поспѣшилъ удалиться, чтобы не мѣшать имъ заниматься дѣломъ.

Мнѣ немножко какъ будто неловко и совѣстно вспоминать теперь это возбужденіе, радостное ощущеніе, которое, я помню, я испытывалъ тогда, встрѣчая то ту, то другую знаменитость тогдашней науки и литературы. Эти чувства теперь какъ-то не въ ходу, не приняты уже, такъ сказать: ихъ нѣтъ. Потомъ, гораздо уже позднѣе я видалъ молодыхъ людей тогдашняго моего возраста, встрѣчавшихъ въ первый разъ Салтыкова, Достоевскаго, Гончарова, Тургенева, и совсѣмъ не то чувство замѣчалъ у нихъ.

— Ахъ, это-то и есть Салтыковъ? Это-то и есть Достоевскій?— и больше ничего: одинъ любопытный взглядъ, полуоборотъ назадъ въ случаѣ встрѣчи на улицѣ, и только.

— Я налетѣлъ тамъ, у дяди, на Некрасова, Панаева, Чернышевскаго,— рассказывалъ я отцу, когда онъ вернулся домой.

— Ну, а тамъ?..

— Слава Богу, все кончено.

Погода въ этотъ день была чудная, ясная, и дядя послѣ обѣда предложилъ поѣхать куда нибудь.

— Надо его поразвлечь, — сказалъ онъ, кивая на меня. — Ну, дѣло прошлое, я не ожидалъ, что онъ пройдетъ. И потомъ, изъ провинціи... Это много, ужасно много значить...

Я слушалъ и только улыбался.

Мы поѣхали на какой-то, неизвѣстный мнѣ тогда Петровскій островъ, гдѣ пѣла какая-то пѣвица, какой-то жидъ игралъ на стеклышкахъ, напились чаю и вернулись домой.

VII.

Меблированные комнаты на Малой Морской, въ которыхъ жилъ мой дядя, цензоръ Петербургскаго цензурнаго комитета, Ѳедоръ Ивановичъ Рахманиновъ, содержала добрѣйшая старушка А. М. Шпильге, нѣмка по происхожденію и аккуратности, но совсѣмъ русская душа по безкорыстію, радушію и гостепріимству. Черезъ дядю, жившаго у ней съ самаго пріѣзда его въ Петербургъ, съ нею перезнакомились всѣ земляки-тамбовцы, бывавшіе у него. Потомъ, пріѣзжая слѣдующій разъ въ Петербургъ, они останавливались ужъ у нея и, такъ какъ они большею частью пріѣзжали тогда опредѣлять дѣтей въ казенныя, петербургскія учебныя заведенія, брать ихъ на каникулы и проч., то добрѣйшая Анна Максимовна познакомилась и съ этимъ вторымъ, такъ сказать, поколѣніемъ. Уѣзжая, родители поручали ей навѣщать своихъ дѣтей, брать ихъ къ себѣ въ отпускъ по праздникамъ и воскресеньямъ, ей же оставляли и деньги, чтобы она выдавала имъ понемногу по мѣрѣ надобности. Такимъ образомъ, по праздникамъ, по воскресеньямъ у нея собиралась оригинальная компанія дѣтей изъ всѣхъ заведеній, мальчигофъ и дѣвочекъ — и все тамбовцы. А такъ какъ это продолжалось уже не годъ и не два, а много лѣтъ и всѣ, и родители и дѣти ихъ, были въ восторгѣ отъ Анны Максимовны, то слава ея, или, по крайней мѣрѣ, популярность ея была хорошо извѣстна и во всей нашей губерніи. Если кто ѣхалъ изъ Тамбова въ Петербургъ, то или давалъ о себѣ заранѣе ей знать и просилъ приготовить комнату, или, остановившись сперва въ гостиницѣ, переѣзжалъ потомъ къ ней. Меблированные комнаты ея такъ и назывались Тамбовскимъ подворьемъ. И дѣйствительно, кто только у нея не перебивалъ и не жилъ.

Былъ поселенъ въ этомъ «подворьѣ» и я: нанята была мнѣ маленькая-маленькая комнатка въ самомъ концѣ корридора, за семь рублей въ мѣсяцъ. И до чего мнѣ нравилась эта комнатка, — я и рассказать не могу. Маленькая, въ одно окно, съ какой-то, чуть не картонной стѣной въ сторонѣ корридора, но, обращенная на солнце, она была такая цѣлый день веселая... Очень много, конечно, прибавляло ей этой веселости и то, что экзамень я сдалъ такъ удачно, и наконецъ что исполнилось задушевное желаніе, мечта: я—въ университетѣ.

И началась моя новая жизнь...

Дядя, вначалѣ встрѣтившій меня, какъ сказано выше, такъ холодно и опасливо на счетъ возможной отъ меня просьбы о протекціи и покровительствѣ, теперь, когда увидѣлъ, что я не нуждаюсь ни въ томъ, ни въ другомъ, обошелся совершенно и безъ него, вдругъ почувствовалъ ко мнѣ влеченіе и началъ расточать самыя нѣжныя родственныя чувства.

Этотъ порывъ требоваль у него постояннаго проявленія въ чемънибудь, и выражался онъ иногда крайне оригинально, чтобы не сказать прямо, странно и даже нелѣпо: то онъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, начиналь увѣрять меня, что если во мнѣ не только на сутки, на часъ одинъ, но даже на одну минуту остынетъ стремленіе къ университету, жажда науки, то я ужъ пропаль, пропаль на всю жизнь.

— Ты ужъ мертвый тогда. Понимаешь, ты ужъ мертвый, ты умеръ. Такъ и считай,—выпуча глаза и раздувая ноздри, кричалъ онъ, ходя изъ угла въ уголъ по комнатѣ въ своемъ халатѣ съ прорванными, вытертыми сидѣньемъ,—ты понимаешь?

— Понимаю...

То вдругъ, опять-таки ни съ того ни съ сего, входилъ ко мнѣ въ комнату и, увидавъ меня сидящимъ за какойнибудь книгой или лекціей, молча и съ грустной раздумчивостью долго смотрѣлъ на меня, вздыхалъ и, наконецъ, говорилъ:

— Я за тобой зашелъ, Сергѣй, чтобы пойти гулять. Нисколько не отвергая необходимости для молодого человѣка упорнаго и усидчиваго труда, я, однако, не могу не потребовать отъ тебя и при томъ самымъ настоятельнымъ образомъ, чтобы ты урегулировалъ этотъ трудъ. Перерывъ, отдыхъ—необходимы.

— Да я, дядя...

— Не говори, пожалуйста, не говори.

И онъ начиналь длинную рачею о трудѣ, которую и продолжалъ добрую половину дороги.

Тогда, вначалѣ, я не понималъ, что это съ нимъ дѣлалось, т. е. почему это онъ выбиралъ для своихъ экспансивныхъ разговоровъ со мною совсѣмъ ничѣмъ не вызванныя темы. Потомъ я понялъ, или, пожалуй, лучше сказать, узналъ: это означало, что онъ сейчасъ только прочелъ, цензуруя какуюнибудь статью объ этомъ, и она произвела на него такое сильное впечатлѣніе. Вечеромъ, если ему приносили изъ другого журнала статью противоположнаго совсѣмъ направленія, и если она была написана сильно, онъ соглашался и съ ней, совершенно ужъ забывая о первой, которую читалъ утромъ и съ которой тоже былъ совершенно согласенъ... Это былъ феноменальный человѣкъ въ этомъ отношеніи. И что всего удивительнѣе, онъ много поработалъ надъ собой и въ университетѣ, который блистательно окончилъ, и потомъ, слушая ужъ на службѣ, здѣсь, въ Петербургѣ лекціи втораго факультета (юридическаго) въ качествѣ вольнослушателя... Познавательныя способности, если такъ можно выразиться, у него были блистательныя, но ничего не могъ онъ себѣ усвоить, не имѣлъ никакого образа мыслей, никакихъ, что называется, убѣжденій. По странной игрѣ случая ему постоянно доставалось цензурировать изданія діаметрально противоположныя, и оттого онъ былъ постоянно вечеромъ въ противорѣчьи съ тѣмъ, что

онъ же самъ защищать и доказывать утромъ. Человѣкъ страшно впечатлительный и нервный отъ природы, подъ конецъ отъ подобнаго чтенія и отъ подобныхъ послѣдствій чтенія, онъ сдѣлался совсѣмъ какимъ-то полоумнымъ, доказывая Богъ знаетъ что и потому самъ же, сейчасъ, когда видѣлъ, что съ нимъ не хотятъ спорить и соглашаться, подъ вліяніемъ нервного раздраженія начиналъ доказывать прямо противоположное.

Благодаря этой странности своего умственного склада, на него и въ то время, въ началѣ его цензорской карьеры, свѣжіе люди, приходившіе въ первый разъ съ нимъ въ соприкосновеніе, смотрѣли съ удивленіемъ; подъ конецъ же его пребыванія здѣсь и потомъ въ Москвѣ, куда онъ былъ переведенъ, онъ производилъ впечатлѣніе тронутаго, и люди, имѣвшіе съ нимъ дѣло, были въ отчаяніи просто

Какъ я сказалъ выше, вскорѣ послѣ моего поступленія, онъ почувствовалъ приливъ нѣжныхъ чувствъ ко мнѣ и велъ все вотъ эти странные со мною разговоры. Но ему этого, должно быть, казалось мало, иногда онъ вдругъ начиналъ меня кормить, именно, не угощать, а кормить: сейчасъ послѣ обѣда у Анны Максимовны Шпильге, нашей квартирной хозяйки, гдѣ мы оба столовались, вообще очень порядочнаго и сытнаго, онъ звалъ меня съ собою сходить куда-то и ужъ дорогой спрашивалъ, чего я хочу.

— Т. е. какъ чего?

— Ну, кушать чего хочешь?

— Ничего!—съ удивленіемъ восклицалъ я.

— Сергѣй!.. Нехорошо. Нехорошо это. Я знаю, что ты хочешь, не можешь не хотѣть кушать и говоришь неправду.

— Да, дядя...

— Сергѣй!.. Я тебя прошу... Я могу потерять всякое уваженіе къ тебѣ... человѣкъ, который... и т. д., и т. д. И мы шли съ нимъ куданибудь въ ресторанъ, и онъ заказывалъ тамъ мнѣ бифштексъ, котлетку и съ самымъ сердечнымъ, добрымъ, участливымъ чувствомъ смотрѣлъ, какъ я ѣлъ—чуть не давился, и ѣлъ.

А то приходило ему въ голову поить меня шоколадомъ.

— Отчего ты такой... странный ты какой-то сегодня?..—спрашивалъ онъ, встрѣтивъ меня.

— Ничего.

— Нѣтъ, ужъ не ничего, а чего...

— Я совсѣмъ здоровъ.

— Сергѣй!.. Развѣ я не вижу. Ты малокровенъ. Тебѣ надо пить шоколадъ.

И что бы я ему тутъ уже ни возражалъ, что бы ни приводилъ въ доказательство своего, напротивъ, полнокровія, это нисколько не помогало дѣлу, и онъ сейчасъ же велъ меня въ ресторанъ, спрашивалъ полбутылки портеру, и я пилъ, а онъ сидѣлъ, смотрѣлъ на меня и рассказывалъ о малокровіи. Для лѣченія же шоколадомъ

онъ водилъ меня къ Аничкину мосту, гдѣ недалеко была какая-то кондитерская Аккола. Тамъ я выпивалъ чашку или двѣ шоколаду, и мы возвращались съ нимъ домой въ Малую Морскую, и онъ казался вполне удовлетвореннымъ, успокоеннымъ.

— Да что онъ у тебя такой?—спрашивали нѣкоторые товарищи, бывавшіе у меня, которые познакомились и съ нимъ,—что онъ у тебя въ своемъ умѣ?

— Чудакъ онъ.

— Хорошъ чудакъ! Эдакъ онъ тебя чортъ знаетъ чѣмъ начнетъ поить, и ты будешь пить?

— Да вѣдь это такъ... Временами на него находить.

— Да зачѣмъ ты слушаешься его, исполняешь всѣ эти его дурачества?

— Онъ, въ сущности, добрый малый.

— Онъ содержитъ, что ли, тебя?

— Вздоръ какой!

— Непонятенъ, необыкновененъ онъ совсѣмъ,—пожимая плечами и какъ-то странно поглядывая на меня, говорили они.

А изъ дому я получалъ письма, въ которыхъ меня умоляли держаться сосѣдства и указаній дяди, какъ ужъ испытанно и доказанно умнаго человѣка.

— Да вѣдь онъ сумасшедшій,—говорила про него Анна Максимовна:—кто?.. Федоръ Ивановичъ?—онъ тронутый. Вы только послушайте, что онъ говоритъ,—совершенно серьезно и убѣжденно утверждала она.

— Федоръ Ивановичъ, васъ зовутъ,—однажды позвали его въ то время, когда онъ сидѣлъ у меня и доказывалъ мнѣ что-то въ родѣ того, что я малокровенъ или хочу, долженъ хотѣть ѣсть.

— Кто?.. Что такое?

— Васъ зовутъ.

— А!.. Сейчасъ.

За обѣдомъ, въ тотъ же день у Анны Максимовны я узналъ, что Федоръ Ивановичъ получилъ награду—его произвели въ статскіе совѣтники.

Это было очень кстати и очень хорошо. Обѣдавшіе со мною нѣсколько моихъ товарищей широко раскрыли при этомъ удивленные глаза, а Анна Максимовна сказала:

— Ну, теперь онъ еще больше чудить будетъ.

Вечеромъ онъ повелъ меня гулять съ собою и, когда привелъ въ кондитерскую Аккола поить шоколадомъ, сказалъ:

— Сегодня я узналъ, что мнѣ дали статскаго совѣтника. Теперь мнѣ остается только жениться.

— Ну, что-жь...

— Но объ этомъ надо еще много подумать.

Университетъ.—университетомъ, но меня тянуло страшно тогда и

къ литературѣ. Ѳедоръ Ивановичъ часто говорилъ со мною объ этомъ.

— Я не знаю, что ты хочешь изъ себя сдѣлать?—разсуждалъ онъ,—если хочешь быть хорошимъ юристомъ, для чего тебѣ литература? Я вижу изъ всего этого, что ты на словахъ только соглашаешься на юридическій факультетъ, но душой ты филологъ. Литература и исторія тебя интересуютъ больше всего.

Познавательныя способности, повторяю, у него были прекрасныя; онъ не умѣлъ только усваивать и обобщать то, что познавалъ,—переваривать принятую пищу.

Однажды онъ входитъ ко мнѣ и, не сказавъ ни слова, садится у окна, возлѣ котораго стоялъ мой письменный столикъ. Это было рано утромъ, я еще лежалъ на диванѣ-кровати, закинувъ руки за голову, и раздумывалъ—идти мнѣ сегодня на лекцію, или нѣтъ? Погода стояла отвратительнѣйшая.

— Въ университетъ ты пойдешь сегодня?—спросилъ онъ меня.

— Да вотъ не знаю—погода ужасная. А что?

— Я хотѣлъ поручить тебѣ отвезти письмо къ Некрасову. Хочешь?

Я вскочилъ даже на кровати.

— Конечно!

— Онъ издалъ свои сочиненія. Ему долго не разрѣшали издавнїя ихъ. Разрѣшили—и онъ прислалъ мнѣ одинъ экземпляръ съ надписью. Самому мнѣ ѣхать благодарить его—я цензоръ, цензую его журналъ, и это будетъ неловко, безтактно; ничего не отвѣтить ему на это или написать по почтѣ—опять будетъ неловко въ другомъ ужъ родѣ. Я поэтому остановился на мысли написать ему письмо, въ которомъ благодарить его за это, и отправить его къ нему съ тобой. Въ письмѣ я упомяну о томъ, что ты мой племянникъ.

— Я очень радъ,—сказалъ я.

— Потому,—продолжалъ дядя,—что если литераторъ съ такимъ именемъ, какъ Некрасовъ, даритъ цензору свои сочиненія, это значитъ, что онъ уважаетъ его, а это все, что цензоръ можетъ получить отъ писателя, и чего, если онъ порядочный человѣкъ, долженъ добиваться.

Дядя былъ въ возбужденномъ состоянїи, онъ сіялъ точно. Въ это время, я увѣренъ, онъ не отдѣлялъ себя отъ Некрасова и его взгляды, убѣжденїя, направленїе считалъ своими и его дѣло тоже своимъ, кровнымъ—любимое его выраженїе.

Онъ прочиталъ мнѣ, пока я умывался, одѣвался и наскоро пилъ кофе, обстоятельную рапею о томъ, какъ человѣкъ долженъ ставить себя въ жизни и вотъ тому примѣръ и образчикъ—онъ, поставившій себя такъ, что литераторы даже, и такія звѣзды первой величины, какъ Некрасовъ, и проч. (въ это время, какъ сказано

выше, онъ цензуровалъ «Современникъ», и для него не было литераторовъ выше, какъ тѣ, которые писали въ «Современникъ») относятся къ нему съ уваженіемъ и видятъ въ немъ прежде всего человѣка.

Онъ приходилъ ко мнѣ спросить моего согласія на поѣздку съ такимъ порученіемъ, оказалось, только для проформы, письмо было ужъ написано у него, и онъ тутъ же передалъ мнѣ его.

— И ты, пожалуйста, извозчика возьми. У тебя есть деньги на извозчика?—заботился онъ.

— Есть... есть... А если я его не застану дома?

— Назадъ, назадъ!.. Въ твоей поѣздкѣ только и есть тотъ смыслъ, чтобы лично передать ему отъ меня письмо. А иначе что же? Я бы могъ и съ лакеемъ послать.

— А если скажутъ, что онъ скоро будетъ?

— Подожди. Вѣдь ты это можешь?

— Конечно.

Некрасовъ въ это время жилъ ужъ на той же самой квартирѣ, на углу Литейной и Бассейной, въ домѣ Краевскаго, гдѣ онъ и умеръ потомъ. Я зналъ этотъ адресъ и не одинъ разъ, проходя или проѣзжая по Литейной, всматривался въ окна квартиры, не увижу ли человѣка, котораго обожалъ за его стихотворенія, и за котораго, какъ говорится, душу бы всю отдалъ. Въ гимназіи я немножко даже пострадалъ за него: директоръ, дѣлая у насъ по ящикамъ осмотръ или обыскъ, нашелъ однажды у меня тоненькую книжку его стихотвореній (первое изданіе), гдѣ были и запрещенные тогда стихи: «Поэтъ и гражданинъ». Это было преступленіе, и заходила рѣчь даже объ исключеніи меня, но потомъ какъ-то замяли это дѣло.

Въ передней у Некрасова меня встрѣтилъ его егеръ въ охотничьей одеждѣ съ зелеными обшивками, и штукъ пять роскошнѣйшихъ собакъ понтеровъ; всѣ онѣ окружили меня, обнюхивали и ласкались, я ихъ гладилъ, трепалъ, какъ истый охотникъ самъ.

— Дома Николай Алексѣевичъ?—спросилъ я.

Егеръ кликнулъ кого-то; вошелъ совершенно провинціального вида лакей, такой, какъ у насъ былъ въ Тамбовѣ, и съ серьезнымъ лицомъ спросилъ:

— Вамъ что угодно?

— Отъ цензора Рахманинова.

— Пожалуйста,—сухо сказалъ онъ и указалъ мнѣ на дверь налѣво отъ входа.

Я вошелъ вмѣстѣ съ собаками въ довольно большую комнату съ бильярдомъ по срединѣ, съ чучелами медвѣдей по угламъ и съ гравюрами, изображавшими оленей и лосей, развѣшанными въ массивныхъ рамкахъ по стѣнамъ. Собаки прыгали, ласкались, вообще встрѣчали и продолжали занимать меня чрезвычайно радушно и

гостепріимно. Я занялся ими и не замѣтилъ, какъ въ дверяхъ показалась фигура Некрасова въ туфляхъ, халатѣ и ермолкѣ. Онъ былъ болѣзненно блѣдень, хмуръ и суровъ.

За нимъ стоялъ лакей. Некрасовъ полуобернулся къ нему, и лакей, указывая на меня головой, сказалъ:

— Вотъ они-съ.

Я приблизился и подаль письмо. Некрасовъ торопливо, нервно распечаталъ его и сталъ читать. Я въ это время разсматривалъ его исхудалое, пожелтѣвшее лицо, рѣденькую бородку и усы. Вдругъ на губахъ у него показалась едва замѣтная, но ядовито злая улыбка, и онъ, опуская письмо, перевелъ на меня иронически благодушно улыбавшіеся глаза. Я невольно тоже улыбнулся.

— Я очень радъ,—глухимъ голосомъ и, по обыкновенію, берясь одной рукой за бородку, началъ Некрасовъ,—что я доставилъ Федору Ивановичу удовольствіе. Пожалуйста, передайте ему мой поклонъ. Я бы самъ къ нему заѣхалъ, да вотъ совсѣмъ больной... простудился на охотѣ, должно быть... Да!—вдругъ сказалъ онъ, точно вспомнивъ что:—закусить не хотите ли? рюмку водки; адмиральскій часъ вѣдь теперь... Василій!..

Вошелъ тотъ же человѣкъ его.

— Собери-ка намъ чего нибудь, что тамъ есть... Пожалуйста, вотъ сюда,—продолжалъ Некрасовъ, беря меня рукой слегка за талію.

Мы вошли въ слѣдующую комнату, съ богатыми турецкими диванами по стѣнамъ, огромнымъ круглымъ столомъ, покрытымъ тяжелой дорогой скатертью.

— А вы никогда не говорите, что отъ цензора пріѣхали,—началъ Некрасовъ, ужъ весело улыбаясь, когда мы усѣлись,—вы этимъ пугаете...

— Онъ такой вашъ поклонникъ,—сказалъ я...

— Да и я, и всѣ мы очень любимъ Федора Ивановича... Только страшно все-таки бываетъ! Вѣдь вотъ Фингалъ!—крикнулъ онъ на собаку; Фингалъ подбѣжалъ:—вѣдь вотъ Фингалъ песъ, а дашь ему плетку—несетъ, бережно, съ любовью, а вѣдь тоже боится ея; скажешь: а гдѣ плетка?—слово только услышитъ «плетка», не знаетъ еще что съ нимъ хотятъ дѣлать, а ужъ боится, сейчасъ видно это. Такъ и мы. Шутите вы, въ нашемъ дѣлѣ — цензоръ! Да мы такъ генераль-губернатора не боимся, менторовъ такъ не боимся, какъ цензора; царя онъ страшнѣе!

Я молчалъ. Мое положеніе было почти неловкое. Онъ, должно быть, это сообразилъ или замѣтилъ и совсѣмъ уже благодушно, просто очаровывая меня лѣнливой, усталой, обычной, какъ я узналъ это впоследствии, манерой своей, началъ разспрашивать, что я тутъ дѣлаю въ Петербургѣ, учусь или служу уже.

— Я въ университетѣ,— сказалъ я. (Мы носили тогда и форменное и свое платье; но я былъ въ своемъ для солидности).

Василій принесъ намъ на подносѣ—громадномъ, какіе бывали только у помѣщиковъ—цѣлый городъ закусокъ и бутылокъ, пять разныхъ водокъ и поставилъ все это на столѣ.

Некрасовъ сталъ наливать водку.

— Вамъ какой?..—спросилъ онъ.

— Я не пью никакой. Я дѣйствительно тогда не пилъ еще совершенно ничего.

— Студентъ—и не пьеть? что же такое это!..

Онъ протянулъ мнѣ ужъ налитую рюмку и ждалъ, когда я возьму. Я взялъ ее больше ужъ изъ деликатности:—какъ же, самъ Некрасовъ подаетъ!—и точно также не поставилъ ее обратно на столъ, а поднесъ къ губамъ, страшно посмотрѣлъ на нее и выпилъ.

— Это первая рюмка въ моей жизни,—сказалъ я поперхнувшись.

— Да?.. Ну, будетъ не послѣдняя.

Онъ наложилъ мнѣ цѣлую тарелочку свѣжей икры и, какъ ни увѣрялъ я его, что это много, просилъ, чтобы я ѣлъ.

Я замѣтилъ, что онъ или нарочно тогда сказалъ, что онъ боленъ, или дѣйствительно теперь, со мною, хандра у него прошла, и онъ не замѣчалъ своей простуды: онъ былъ рѣдко такъ благодушно настроенъ.

Провожая меня, когда я ужъ совсѣмъ уходилъ отъ него, онъ мнѣ сказалъ:

— Вотъ когда нибудь позавтракать съ дяденькой-то зашли бы...

— Только какъ же тогда сказать ему о себѣ?

— Ну, да вѣдь это я шучу... Онъ хорошій человѣкъ, я его люблю сердечно.

Федоръ Ивановичъ уже ждалъ меня, и только что я къ нему по-казался, онъ воскликнулъ:

— Не засталъ дома?

— Нѣтъ, онъ дома. Онъ кланяется, благодарить... Онъ закусы-вать меня у себя оставилъ.

— Ну, а такъ, какое впечатлѣніе? Ты замѣтилъ, какъ онъ читалъ мое письмо, какое оно произвело на него впечатлѣніе?

— Очень хорошее. Ему было пріятно.

Я рассказалъ дядѣ о водкѣ, что выпилъ первую рюмку изъ рукъ Некрасова, но о его разсужденіяхъ о цензурѣ умолчалъ благо-разумно.

Потомъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, Федоръ Ивановичъ все нѣтъ-нѣтъ да и заведетъ рѣчь о Некрасовѣ, спросить о какой нибудь подробности моего визита къ нему.

Странный, чудной онъ былъ, конечно, человѣкъ и добивался невозможнаго, даже вѣрилъ, что достигъ этого невозможнаго—сердеч-

наго общенія цензора съ цензуруемыми имъ писателями, но это все-таки показывало въ немъ хорошую идеалистическую сторону его и прекрасно характеризуетъ то время и тѣ отношенія къ литературѣ даже и самой цензуры, подготовляя вліяніе общественнаго мнѣнія, всецѣло стоявшаго на сторонѣ самой полной свободы печати...

Вслѣдъ за Некрасовымъ мнѣ пришлось познакомиться, также исполняя порученіе дяди, и съ Чернышевскимъ. Къ этому я ѣздилъ поздно вечеромъ съ какими-то нужными, имъ довѣренными дядѣ, бумагами, которыя я долженъ былъ передать ему лично. Я не знаю, что это были за бумаги: ни дядя, ни Чернышевскій мнѣ ничего не говорили о ихъ содержаніи. Я пріѣхалъ, помню, въ тотъ моментъ, когда швейцаръ тушилъ огонь на лѣстницѣ у Чернышевскаго, и когда я позвонилъ въ его квартирѣ, меня нескоро пустили и долго я не могъ узнать, дома онъ или нѣтъ. Наконецъ, сюда же, въ переднюю, ко мнѣ вышелъ самъ Чернышевскій, взялъ пакетъ, просилъ благодарить дядю и своимъ пискливымъ голосомъ все извинялся, что заставилъ такъ долго дожидаться. Потомъ, встрѣчаясь со мною, онъ всякій разъ здоровался за руку, какъ-то встряхивалъ ее и спрашивалъ: всѣ ли здоровы?

Онъ производилъ на меня, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе чловѣка прямо разсѣяннаго. Онъ говорилъ, смѣялся даже, хотя очень рѣдко, но голова его, казалось, была занята совсѣмъ въ это время другимъ, и если бы его перебить, остановить какимъ нибудь вопросомъ, онъ бы, пожалуй, не зналъ, что сказать, такъ какъ думалъ въ это время совсѣмъ о другомъ. Но это, можетъ быть, мое личное впечатлѣніе. Я зналъ его очень мало и то очень короткое время. Тогда было распространено мнѣніе, что стихотвореніе Некрасова «Маша» написано на него, или правильнѣе на его жену, что это онъ такой труженикъ, а она такая любительница нарядовъ, и онъ, надрывая себя, работаетъ изъ-за ея прихотей и день и ночь, чтобы достать средствъ. Это дѣлало его въ моихъ глазахъ еще болѣе симпатичнымъ, и онъ, обыкновенно тихій и говорившій даже тихо, казался мнѣ до такой степени достойнымъ сочувствія и участія, что будь я хотя немного поближе знакомъ съ нимъ, я бы непременно сказалъ ему: «Не надрывайте, Николай Гавриловичъ, такъ себя. Вы нужны намъ и долго будете еще нужны: на замѣну вамъ нѣтъ чловѣка, и вы не имѣете права такъ рисковать собою, оставлять начатое вами великое дѣло обновленія умовъ».

На него такъ смотрѣли тогда, и, конечно, я такъ бы ему сказалъ, потому что и я такъ на него смотрѣлъ. Высоко тогда стоялъ Добролюбовъ, высоко превозносили потомъ Писарева, и они и мнѣ казались тогда высокими, но перечитавъ впослѣдствіи и ихъ обонхъ и Чернышевскаго,—какими я нашелъ ихъ обонхъ маленькими въ сравненіи съ нимъ... А кажется еще недавно такъ все это было...

Но если, встрѣчаясь теперь чуть не ежедневно по дѣлу своему, которымъ я живу, съ критико-публицистическими нашими теперешними знаменитостями, вспомнить Чернышевскаго, взглянуть на нихъ, на всѣ ихъ вѣянія, напыщенное сомнѣніе и хотя на мгновение представить себѣ ведущаго этотъ же самый разговоръ Чернышевскаго, — какими эти покажутся букашками и мопсками!

Самый большой, т. е. самый продолжительный разговоръ я велъ съ нимъ, когда однажды онъ пріѣхалъ къ дядѣ съ какой-то корректурой для личныхъ съ нимъ объясненій и не засталъ его дома. Ко мнѣ пришли узнать, когда дядя будетъ, и вообще гдѣ онъ, куда уѣхалъ. Я спросилъ, кто объ этомъ спрашиваетъ, мнѣ сказали — Чернышевскій, и я пошелъ самъ къ нему сказать, что дядя долженъ быть скоро и что самое лучшее, если онъ его подождетъ. Чернышевскій послушался моего совѣта, и мы съ нимъ сѣли у дяди въ гостиную дожидать его.

Онъ былъ очень утомленъ, повидимому, необыкновенно блѣденъ, что усиливалъ его весь черный суконный костюмъ (иначе, какъ всего въ черномъ, я не видывалъ его никогда).

Но онъ былъ въ хорошемъ настроеніи и отъ нечего дѣлать, вѣроятно, разспрашивалъ меня о лекціяхъ Костомарова, Отасюлевича, Сухомлинова, Спасовича — самыхъ популярныхъ и самыхъ посѣщаемыхъ тогда профессоровъ. Я рассказывалъ, а онъ слушалъ, изрѣдка какъ-то поднимая брови и чуть-чуть едва замѣтно улыбаясь усталой иронической улыбкой.

Онъ просидѣлъ тутъ минутъ двадцать. Дядя пріѣхалъ, рассыпался въ сожалѣніяхъ, что заставилъ его такъ долго дожидать.

— Но вѣдь я, Николай Гавриловичъ, не зналъ, что вы ожидаете. Я вѣдь васъ не ждалъ совсѣмъ, — расшаркавшись передъ нимъ, говорилъ дядя, приказывая скорѣй подать чаю, кофе.

Я успелъ, оставивъ ихъ говорить о дѣлѣ.

Во всякомъ случаѣ для меня, по крайней мѣрѣ, и помимо его литературной и публицистической дѣятельности это былъ крайне симпатичный человекъ, необыкновенно располагавшій къ себѣ своей простотой и застѣнчивой скромностью. Это величина будущаго. Когда настанетъ время сдѣлать ему оцѣнку и ее сдѣлаютъ, онъ выростетъ во весь свой ростъ, передъ которымъ у послѣдующихъ лилипутовъ шапки свалятся съ головъ, но онъ выростетъ вовсе не какъ руководитель той политической агитаціи, которая ему приписывалась, или была ведена имъ и въ самомъ дѣлѣ: онъ слишкомъ былъ уменъ и практиченъ, слишкомъ хорошо зналъ и понималъ свое отечество, чтобы повѣрить въ успѣхъ какого бы то ни было предпріятія въ сферѣ дѣйствій, кромѣ дѣйствій умнаго и образованнаго слова на незначительную, сравнительно, кучку населенія, называемую обществомъ. Вообще я не могу себѣ представить даже его послѣдователемъ хожденія на медвѣдя съ перочиннымъ ножомъ, какъ выра-

жался потомъ объ этихъ предпріятіяхъ одинъ покойный тоже писатель—огромный литературный авторитетъ...

Добролюбова я ни разу не видалъ даже. У Рахманинова онъ, кажется, никогда не бывалъ. Я, по крайней мѣрѣ, не помню, чтобы я и слышалъ даже, что онъ у него сидитъ, или тотъ ждетъ его, или что онъ только что уѣхалъ отъ него. Я не слыхалъ даже отъ Рахманинова и никакихъ отзывовъ и характеристикъ о Добролюбовѣ, тогда какъ онъ очень много мнѣ рассказывалъ о Панаевѣ, Некрасовѣ, Чернышевскомъ и другихъ. О Добролюбовѣ, кромѣ того, что я зналъ изъ всѣмъ доступнаго печатнаго матеріала о немъ, я ничего рѣшительно не знаю.

Какъ-то вечеромъ, однажды, все въ эту же зиму 1860—1861 годовъ я зашелъ къ дядѣ въ кабинетъ и засталъ его въ крайне раздраженномъ состояніи. Онъ то садился, то ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ въ своемъ просиженномъ халатѣ и нервно улыбался, выказывая въ то же время по-своему крайнюю любезность и предупредительность. Онъ былъ не одинъ, у него сидѣлъ кто-то высокій, черный съ длинной узкой бородой и, ядовито улыбаясь, продолжалъ что-то рассказывать. Я хотѣлъ было уйти, предполагая, что они говорятъ о дѣлѣ, заняты, но дядя остановилъ меня.

— Куда ты?.. Пожалуйста.

Я остался.

— Это я замѣчалъ, это я и самъ замѣчалъ,—на ходу говорилъ дядя:—дѣйствительно, какъ только является Некрасовъ, вслѣдъ за нимъ сейчасъ же и Панаевъ, а минутъ черезъ пять и Чернышевскій. Я это дѣйствительно и самъ замѣчалъ.

Изъ дальнѣйшаго ихъ разговора я узналъ, что рѣчь идетъ о томъ, что они его «подводятъ», дѣлаютъ это «многообразно» и «многоразлично», какъ выражался черный господинъ, а Чернышевскій мало того пишетъ, насобачился писать еще и такъ и такъ, это чтобы дядя не вычеркивалъ изъ нихъ, онъ не только не терялъ своего стиля и слога, но, казалось, пріобрѣталъ и того и другого еще больше.

Я разсмѣялся при этомъ невольно.

— Тебѣ смѣшно?

Дядя обернулся ко мнѣ.

— Какъ же это можетъ быть?

— Техника,—отвѣчалъ высокій брюнетъ.

— И Панаевъ съ Некрасовымъ дѣйствительно всегда заводятъ разговоръ о постороннемъ, сидятъ, болтаютъ, несутъ всякую чепуху, пока не явится Чернышевскій. Онъ начинаетъ просить поскорѣе прочитать и подписать корректуру, даже останавливаетъ Панаева не мѣшать мнѣ, не рассказывать всякій вздоръ; но могу ли я въ это время спокойно заниматься?.. Ну, и проскакиваетъ...

Оказывалось, что этотъ черный господинъ былъ какой-то слу-

жацій въ цензурномъ вѣдомствѣ и принесъ дядѣ извѣстіе, что ему будетъ сдѣлано замѣчаніе или выговоръ за какую-то пропущенную имъ въ «Современникѣ» статью. И онъ же «открылъ» дядѣ глаза на способъ, употребляемый Некрасовымъ, Панаевымъ и Чернышевскимъ для того, чтобы онъ поскорѣе и, стало быть, кое-какъ читаль статьи для ихъ журнала.

— Но довольно! Теперь я понимаю, и довольно! — рѣшительнымъ тономъ говорилъ дядя, шагая по комнатѣ, — довольно!..

Дверь въ это время тихонько приотворилась, и горничная, выглянувъ въ нее, проговорила:

— Господинъ Некрасовъ.

— Проси! — крикнулъ дядя, запахиваясь и не зная, уходить ему переодѣваться или такъ его встрѣтить. Высокій брюнетъ съ черной бородкой поднялся и сталъ прощаться съ дядей; я тоже поспѣшилъ уйти.

Черезъ часъ, проходя зачѣмъ-то въ «собственную» комнату квартирной хозяйки, для чего надо миновать переднюю, я услыхалъ веселый смѣхъ дяди и голосъ Некрасова, что-то договаривавшаго. Онъ его провожалъ и былъ въ самомъ наилучшемъ настроеніи.

— Ну, что? — спросилъ я его, когда онъ, проводивъ его, зашелъ къ старухѣ Шильге.

— Ты про что? — ужъ съ удивленіемъ спросилъ онъ меня.

— Было объясненіе съ Некрасовымъ?

— Ну, вздоръ какой... Нѣтъ, есть люди, — всякія добрыя отношенія, которыя они видятъ у другихъ, для нихъ ножъ вострый, и они всѣми силами стараются испортить ихъ.

Онъ, очевидно, этимъ намекалъ на высокаго брюнета съ черной бородой и свои отношенія съ Некрасовымъ, Панаевымъ и Чернышевскимъ.

Но, къ сожалѣнію, я узналъ, много лѣтъ спустя, что это было именно такъ. Бѣдный мой дядя, вѣрившій въ искренность и расположеніе къ нему и Некрасова и Чернышевскаго, жестоко въ этомъ заблуждался... Десять лѣтъ спустя, когда я ближе познакомился съ Некрасовымъ, и не какъ писатель, а на охотѣ, я однажды на привалѣ вспомнилъ старину, мою первую въ нимъ встрѣчу, заговорилъ и объ этомъ «способѣ» его и Чернышевскаго въ отношеніи Рахманинова.

— Да какъ же съ ними! на каждого звѣря особая вѣдь уловка должна быть, — отвѣтилъ онъ, закидывая руки за голову и потягиваясь на разостланномъ мягкомъ коврѣ.

— Онъ добрый малый быть... для васъ, — возразилъ я.

— Конечно. А знаете, отчего происходитъ добрый малый? — и, смѣясь, повернулся на бокъ ко мнѣ лицомъ и самъ же отвѣтилъ на свой вопросъ: — отъ добра моего...

Кто-то изъ сидѣвшихъ и лежавшихъ тутъ же на коврѣ — чуть

ли не Ераковъ—началь этому смѣяться. Тогда Некрасовъ приподнялся, сѣлъ на коврѣ и ужь не шуточно, а совсѣмъ серьезно и съ страшной вспыльчивостью заговорилъ о томъ, что онъ вытерпѣлъ и вынесъ отъ цензуры...

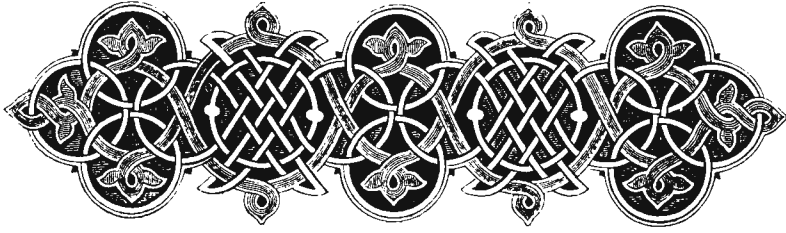
Сидѣвшіе, вообще протестовавшіе, тутъ молча слушали его. Но онъ не долго говорилъ объ этомъ, замолчалъ, потомъ круто повернулъ на что-то другое.

Такого выраженія у него въ глазахъ я никогда не видывалъ послѣ... Охотники видятъ это выраженіе въ глазахъ у смертельно раненаго медвѣдя, когда подходятъ къ нему, и онъ глядитъ на нихъ.

Сергѣй Терпигоревъ (Атава).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ХОЛОПЯ МЕСТЬ.

Историческій разсказъ.

I.

В КОНЦѢ апрѣля 1682 года, темныя, грозныя тучи нависли зловѣщею мглою надъ древнимъ, первопрестольнымъ градомъ, Москвою бѣлокаменною... Хоть и съ внѣшними врагами войны никакой не было: въ мирѣ жило великое и мощное государство Московское и съ Польшей задорной, и съ хищными крымцами, и съ чопорной Швеціей; хоть миловала Богъ отъ всякихъ бѣдъ и напастей тяжкихъ—не слышать было «ни о трусѣ, ни о глѣдѣ, ни о какихъ моровыхъ повѣтріяхъ»... Но все же у всѣхъ московскихъ людей, отъ знатнѣйшаго князя и боярина до простого посадскаго и торговаго человѣка, смутная тревога не покидала сердца, а забота о будущемъ омрачала и туманила чело скорбною думою:

— «Что-то будетъ, какъ новѣшняго царя-батюшки нашего, государя Теодора Алексѣевича, не станеть? А вѣдь ужъ, что ни говори, какъ себя ни утѣшай, близится часъ воли Божіей—близится! Не выжить долго царю батюшкѣ! Быть царицѣ Марѣѣ Матвѣевнѣ вдовою безвременною!».

Вотъ что было у всѣхъ на устахъ, при встрѣчѣ и бесѣдѣ... А на душѣ роились и другіе помыслы, сумрачныя, невеселыя; крылись и другія опасенія, хотя и смутныя и не опредѣлившіяся, однако же на столько страшныя, на столько грозныя, что о нихъ никто не рѣ-

пался высказаться открыто и вслух... И у всѣхъ было, несомнѣнно, на сердцѣ предчувствіе какихъ-то грядущихъ, невѣдомыхъ бѣдствій, у всѣхъ на душѣ лежалъ необъяснимый гнетъ, вызывавшій вздохи и сокрушенія...

— «И о чемъ горюють, о чемъ кручиняются?—старались утѣпать себя болѣе спокойные люди. — Сами не вѣдаютъ! Вѣдь если и поплеть Богъ по душу царя Θεодора Алексѣевича—Его святая воля... Не больше же онъ своего батюшки, блаженной памяти царя Алексѣя Михайловича! А и тотъ, какъ преставился, насъ Богъ отъ всякой смуты миловалъ же!».

— «Такъ у царя-то Алексѣя готовый наслѣдникъ былъ, царь-то Θεодоръ! Аль ты его на старости лѣтъ забывать сталъ?».

— «Великъ ли наслѣдникъ, младъ-юношъ! Да вѣдь и теперь чай, не перевелся же царскій корень?».

— «Не перевелся—упаси Боже!—однако-жъ раздвоился... И то не къ добру! Шутка ли: двѣ царскихъ семьи... Мало ли тутъ что попритчаться можетъ!».

Другіе были озабочены не тѣмъ, что съ государствомъ станется, когда царя Θεодора не станеть, а тѣмъ, что народъ ужъ черезчуръ боекъ сталъ...

— «При молодомъ царѣ всѣ избаловались! Никто надъ собой руки царской не чуетъ, властей не признаетъ... Вотъ что страшно!.. А какъ престоль-то къ рабенку малому перейдетъ, либо къ царевичу Ивану, малоумному и скорбному главою»...

— «Всего худого ждать можно... Вонъ ужъ въ стрѣлецкихъ слободахъ заворошились: благимъ матомъ ревуть, саженныя челобитныя на свое начальство пишутъ; а небось при Алексѣѣ Михайловичѣ блаженной памяти и пикнуть не смѣли!»...

— «Да коли слухамъ вѣрять, сказываютъ, будто и на Дону не тихо, и «отцы святые» въ Брынскихъ лѣсахъ пошевеливаться стали и голову подняли»...

— «О-охъ, быть бѣдствію, коли власть не оснуется твердо, да на смуту рукъ не подыметъ!».

Такъ говорили въ народѣ и въ среднихъ слояхъ населенія столицы; не менѣе тревожно смотрѣли въ близкое будущее и люди той среды, которая стояла ближе къ царской семьѣ и знала все, что совершалось «на Верху».

— «Семья царская великая и несогласная: всѣ врозь смотрять, всѣ власти хотять... И царевны-сестры поупущеніемъ Божьимъ умнѣ братьевъ вышли: изъ терема рвутся... И съ мачихой на ножкахъ... Она за своего птенчика трепещеть, его въ цари провести норовить; а тѣ за своего неключимаго хлопочуть... Промежду нихъ и боярство-то все подблилось, волками другъ на друга смотрять! Что тутъ будетъ, и кто будетъ нами править, пока одинъ царевичъ

подростеть, а другой-то ума отъ сестеръ да отъ тетокъ набравшись, въ разумъ войдетъ... Охъ, что тутъ будетъ! Господи упаси!».

И въ самый-то разгаръ всѣхъ этихъ толковъ, сокрушеній, опасеній, тревогъ и разговоровъ—колоколь Успенскаго собора заунывнымъ звономъ въ необычайное время возвѣстилъ о томъ, что «великій государь, царь Феодоръ Алексѣевичъ, преселился въ горня»...

Словно по данному знаку толпы народа, со всѣхъ концовъ Бѣлокаменной, повалили въ Кремль, къ соборамъ и запрудили все пространство между приказами и рѣшеткой царскаго дворца, за которую пропускались только люди чиновные и сановные: стольники, стряпчіе, дворяне и всѣхъ чиновъ служилые люди, гости и выборные отъ гостиныхъ и черныхъ сотенъ. Безчисленное народное множество гудѣло тысячами голосовъ, какъ гудить пчелиный рой, передъ важнымъ рѣшеніемъ вопроса объ отлетѣ изъ родного, наситеннаго улья... Странною противоположностью этой шумной, галдящей толпѣ представлялись тѣ сословные представители, которые въ глубокомъ, почти благоговѣйномъ молчаніи, съ обнаженными головами, стояли на дворцовыхъ дворахъ за рѣшеткою, охраняемую жильцами въ ихъ яркихъ кафтанахъ, съ блестящими разукрашенными протазанами въ рукахъ. Но вотъ и все народное множество въ свою очередь смолкло и затихло, завидѣвъ издали, что патріархъ, въ полномъ облаченіи, окруженный всѣмъ своимъ клиромъ, съ крестами и иконами, вышелъ на крыльцо передъ церковью Спаса за золотую рѣшеткою...

— «О новомъ царѣ объявлять вышелъ,—пронесся легкій, чуть слышный говоръ по толпѣ, подобный шелесту листьевъ отъ налетѣвшаго вѣтерка...

— «Православные! — такъ обратился патріархъ къ переднимъ, ближе къ крыльцу стоявшимъ рядамъ сословныхъ представителей.— По кончинѣ, блаженной памяти великаго государя и царя Феодора Алексѣевича остались наслѣдниками ему два его брата: старшій—царевичъ Иванъ Алексѣевичъ, и младшій—царевичъ Петръ. Бояре, собравшись въ передней палатѣ, объ избраніи сихъ благородныхъ царевичей совѣщались, а по совѣщаніи положили тому избранію быть общимъ согласіемъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства людей. Кому же быть на царствѣ, православные? Царевичу ли Ивану, или царевичу Петру?».

— «Царевичу Петру быть на царствѣ! — раздался единодушный, общій возгласъ изъ переднихъ рядовъ и, подхваченный всѣми остальными, перекатился за дворцовую рѣшетку на площадь въ толпу народа, которая неистово и шумно загудѣла въ одинъ голосъ:

— «Да здравствуетъ великій государь Петръ Алексѣевичъ! Да здравствуетъ на многія лѣта!».

И между тѣмъ, какъ соборные попы поспѣшно приводили къ присягѣ сословныхъ представителей на дворцовомъ дворѣ, толпы

народа на площади заколебались и двинулись въ разные стороны черезъ кремлевскія ворота, чтобы по всему городу разнести вѣсть объ избраніи царевича Петра на царство, о предпочтеніи младшаго брата старшему, противно всѣмъ доселѣ бывшимъ обычаямъ.

— «Сѣлъ на царство отрокъ, будутъ нами править бояре съ приспѣшниками!»—слышалось въ катившейся по улицамъ волнѣ народной.

— «Станутъ пробиваться на верхъ Нарышкины съ братіей, а Милославскіе имъ ногу подставятъ!»—говорили другіе.

— «Быть бѣдамъ и смутамъ, и завирухѣ не малой!»—твердили многіе.

II.

Въ эту-то эпоху мрачныхъ предзнаменованій и тягостныхъ предчувствій, въ эту пору всеобщихъ ожиданій какой-то большой и грозной бѣды, на обширномъ и многолюдномъ подворьѣ стариннаго боярскаго рода Салтыковыхъ жилъ не великъ человекъ, боярскій холопъ Лука, Сабуръ, по прозванію. Его отецъ, Семень Сабуръ, былъ молодому бояричу Ѳеодору Салтыкову пѣстуномъ; а его мать, Меланья Сабурова, тому же бояричу мамою. Лука Сабуръ, приходившійся по матери молочнымъ братомъ боярича, росъ въ домѣ Салтыковыхъ и былъ съ дѣтства неразлученъ съ бояричемъ Ѳеодоромъ.

Это былъ высокій, ражій, хотя и нѣсколько рябоватый дѣтина, широкоплечій, грудастый, плотный, но стройный. Онъ былъ человекъ недюжинный, по складу характера, и, проведя все дѣтство и отрочество въ боярскомъ домѣ и въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Ѳеодоромъ Салтыковымъ и его сверстниками, многого насмотрѣлся и нахватался, хотя, конечно, многое и понималъ и воспринималъ по-своему. Въ глазахъ всей остальной служни и дворни боярскаго Луки былъ «человекъ большой и пригодный»—нѣчто въ родѣ посредника, черезъ котораго всегда не трудно было обстроить и обставить то или другое дѣльце; а для своего молочнаго брата, Ѳеодора Петровича Салтыкова, Лука былъ первымъ пособникомъ, затѣйщикомъ и заводчикомъ во всѣхъ его играхъ, забавахъ и охотничьихъ пристрастіяхъ. И точно: никто лучше Сабура не умѣлъ выносить кречета, натаскать охотную собаку, выѣздить молодую лошадь, сплести мережу или бредень для рыбы, смастерить дудочку для приманки перепеловъ.

Всѣ обязанности и все понятіе о долгѣ службы для Луки Сабура выражались исключительно въ томъ постоянномъ и непрерывномъ служеніи своему бояричу, на которое уходила вся его жизнь безъ остатка: и внѣ этого служенія не было ни обязанностей, ни долга, ни самой жизни... А вслѣдствіе долгой, непрерывной, съ дѣтства уже установившейся и окрѣпшей связи, между

двумя юношами—бояричемъ и его холопомъ—явилась такая тѣсная, насущная потребность единенія и постоянной близости, которая очень походила на дружбу, не измѣнявшую, впрочемъ, отношеній подчиненности и почтительнаго повиновенія съ одной стороны и ласковаго, снисходительнаго преобладанія и господства съ другой.

Чрезвычайная привязанность и преданность Сабура къ Феодору Салтыкову выражалась, главнымъ образомъ, въ постоянныхъ заботахъ о здоровьѣ и безопасности боярича, въ охраненіи его отъ всякихъ бѣдъ, напастей и случайностей, возможныхъ или мнимыхъ; и эти заботы постоянно складывались для Сабура въ видѣ одного тревожнаго, развѣдающаго вопроса: «чтобы съ бояричемъ какого худа не случилось», и онъ постоянно и всюду—въ Москвѣ, и въ деревнѣ, на богомольѣ, на охотѣ, на рыбной ловлѣ, на звѣриной травлѣ, на ночлегѣ подъ шатрами или на сомнительномъ постояломъ дворѣ среди какого нибудь глухаго захолустья, — принималъ на себя тягостную обязанность зоркаго и подозрительнаго «обережатая». Отъ этой обязанности онъ не отрѣшался и во время пребыванія боярича въ его собственномъ московскомъ подворьѣ, и, чутко прислушиваясь къ разнымъ толкамъ и слухамъ, обращавшимся среди многочисленной Салтыковской дворни и служни, всегда заботился только о томъ, что, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, могло угрожать спокойствію и безопасности его господина, Феодора Петровича Салтыкова. До остальныхъ ему какъ будто и дѣла не было: онъ полагалъ, что они сами сумѣютъ себя оберечь, и не принималъ заботы о нихъ на свою совѣсть.

Каково же было его положеніе, когда среди боярской дворни распространился слухъ о волненіяхъ въ стрѣлецкихъ слободахъ, а изъ разговоровъ своихъ господъ Лука сообразилъ и вывелъ такое заключеніе, что эти волненія грозятъ принять характеръ опасный и стоять въ связи съ какими-то ловко дѣйствующими подпольными силами... Лука Сабуръ тотчасъ насторожился и рѣшилъ, что ему «все это» слѣдуетъ выглядѣть и выслѣдить путемъ личнаго наблюденія, чтобы убѣдиться во-очію, чего можно отъ этой темной и грозной силы опасаться, или, выражаясь его собственнымъ языкомъ: «какое худо можетъ его бояричу отъ головорѣзовъ-стрѣльцовъ приключиться?»

И вотъ онъ пошелъ пропадать по цѣлымъ днямъ съ боярскаго подворья и бродить по стрѣлецкимъ слободамъ, по рынкамъ и базарамъ, гдѣ бабы-стрѣльчихи торговали, и всюду прислушиваться и присматриваться, и по вечерамъ, приходя въ опочивальню Феодора Петровича и помогая ему раздѣваться или разувая его «ножки», на вопросъ боярича, «гдѣ онъ всѣ эти дни пропадаетъ», отвѣчать много разъ сряду:

— «Такъ нужно. На всякій случай опаска не мѣшаетъ...».

Затѣмъ, придя однажды вечеромъ въ опочивальню боярича, онъ рассказалъ ему о шумныхъ стрѣлецкихъ сходкахъ въ Титовомъ

полку, о буйствахъ стрѣльцовъ противъ начальныхъ людей, о ихъ угрозахъ «расправиться по-свойски и съ тѣми, кто повыше ихъ начальниковъ»—и заключилъ свою рѣчь чрезвычайно страннымъ, настойчивымъ выводомъ:

— «Тебѣ бы, бояричъ, надо, не мѣшкая, въ твои рязанскія вотчины выѣхать».

— «Это почему же? Да и какъ же я могу батюшку больного одного оставить?—самъ знаешь, что онъ третій мѣсяцъ съ постели не сходитъ!»

— «Обирай и его съ собой».

— «Его и ворохнуть съ постели нельзя! Да и съ чего ты возьмешь, чтобы мнѣ въ вотчины ѣхать?»

— «А съ того и возьмешь, что тутъ завируха готовится большая... Какъ бы чего недобраго и съ тобой не случилось...».

И такъ каждый день, каждый вечеръ Сабуръ приносилъ бояричу новыя, все болѣе и болѣе тревожныя вѣсти, все чаще и чаще добавлялъ къ нимъ, что «стрѣльцы носъ задрали», что на нихъ ниоткуда «острастки нѣтъ», что къ нимъ приѣзжаютъ по вечерамъ въ полкъ какіе-то молодцы «на сѣрыхъ и карихъ коняхъ», и имъ въ полкъ привозятъ «скорописныя, угрожныя на бояръ грамотки, и что ходить къ нимъ какая-то «бабица», деньги имъ въ сверткахъ на вино раздаеетъ...

— «Да кто же эти молодцы? Кто эта бабица?..»—допрашивалъ своего слугу бояричъ, встревоженный уже не только его вѣстями, но и тѣми толками, которыхъ ему каждое утро приходилось слышаться на боярской площадкѣ, во дворцѣ, гдѣ онъ обязательно долженъ былъ являться въ качествѣ стольника.

— «Кто эти молодцы и эта бабица — того не вѣдаю, а и живъ не буду, коли не провѣдаю на сихъ дняхъ: тамъ ужъ все у меня такъ налажено. Тамъ я съ однимъ парнемъ въ стрѣлецкомъ полку столкнулся, изъ нашихъ же рязанцевъ, и такъ къ нему притесался, что онъ со мной и пьетъ, и гуляетъ, и душу передо мной нараспашку держитъ... Такъ ужъ ты отпусти меня въ слободы дня на два, да на ночь, доберусь я тогда—кто эти молодцы, и откуда они въ слободы къ стрѣльцамъ ѣздить».

Бояричъ отпустилъ его и денегъ далъ ему на гулянку съ землякомъ...

— «Ступай, и все развѣдай, все разузнай!»—говорилъ не на шутку встревоженный бояричъ своему вѣрному холопу, прощаясь съ нимъ въ то утро...

III.

Сойдя съ боярскаго подворья, Лука Сабуръ направился сначала въ Лубянскую стрѣлецкую слободу, къ своему знакомцу, Ѳомѣ Двукраеву, недавно переведенному изъ рязанскихъ городовыхъ стрѣл-

цовъ въ московскій стрѣлецкій Титовъ полкъ. Знакомца своего Лука не засталъ дома: его домашніе сказали, что онъ пошелъ въ ближайшее кружало и «на радостяхъ» бражничаетъ тамъ съ пріятелями.

— «А на какихъ же это радостяхъ?» — спросилъ Лука, стараясь прикинуться и равнодушнымъ, и веселымъ.

— «А вѣстимо — на какихъ. Всѣ они теперь въ большихъ барышахъ: всѣ въ красныхъ сапогахъ ходить зачали... Вчера еще въ приказную избу ихъ созывали: опальныхъ начальниковъ имущество дѣлилось, — вотъ они и загуляли. Тамъ его и сыщешь...».

Кружало было хорошо извѣстно Лукѣ Сабуру, который неоднократно заходилъ туда съ Ѳомой, и потому напрямѣхонько направился къ этому увеселительному заведенію, помѣщавшемуся въ большой, покривившейся, но весьма просторной избѣ въ два жилья. Небольшія окна избы были заслонены вѣтвями густыхъ, старыхъ и вѣтвистыхъ березъ, которыя росли въ палисадникѣ, передъ кружаломъ, и только крыльцо, выступавшее изъ густой зелени, обнаруживало то оживленіе, которое господствовало въ мрачныхъ и низкихъ хоромахъ кружала.

На крыльцѣ толпился всякій сбродъ, среди котораго преобладали стрѣльцы, выдѣляясь изъ общей массы своими цвѣтными шапками и яркими воротниками своихъ строевыхъ кафтановъ. Къ этой толпѣ, то и дѣло, подходили люди со всѣхъ концовъ слободы; веселый шумъ и гамъ царили надъ хмельною толпою, среди которой многіе на крыльцо выносили ковши и чарки, всѣхъ угощая направо и налево съ низкими поклонами.

— «Пей, кумъ, пей! Не своимъ угощаю — даромъ досталось. Пей, а не выпьешь — на улицу выплескивай!» — угощали стрѣльцы своихъ пріятелей и гостей.

— «Выпьемъ, выпьемъ!» — раздавались отовсюду голоса. — «Какъ можно, такое добро, да выплескивать! Что ты, кумъ! Опалѣлъ, что ли!».

— «Благодаримъ, много благодаримъ на угощеньи!» — откланивались другіе угощаемые. — «Дай вамъ Богъ сто лѣтъ здравствовать, сто лѣтъ пьянствовать, сто лѣтъ на корачкахъ ползать...».

— «Ха, ха, ха!» — отозвался одинъ изъ стрѣльцовъ, высокій и бородатый мужчина, лѣтъ тридцати. — «Нѣтъ, братъ, не мы, а начальники-то наши Божьимъ изволеніемъ такъ-то запѣлзали! Въ ноги намъ кланялись, упрашивали съ правежа ихъ снять... А мы — нѣтъ да нѣтъ! Только и кричимъ: «засыпай имъ больше! Бей, не жалѣй!» — да такъ, пока всю душу отъ нихъ не вымотали... Пока всѣ животишки они намъ не отдали! Вотъ и пьемъ на ихъ счетъ, и гуляемъ!».

— «То они нашу кровь пили — теперь мы ихней напились, напились!» — замѣтилъ другой стрѣлецъ, широколицый и курчавый.

— «Ну, и по дѣломъ имъ! Отлились кошкѣ мышинья слезки!» —

отозвался какой-то посадскій, совсѣмъ уже охмелѣвшій и еле державшійся на ногахъ.—«А тебѣ, боярскій холопъ, чего здѣсь надо?»— обратился онъ къ Лукѣ Сабурѣ, пробиравшемуся сквозь толпу.

— «Вѣстимо, не тебя ищутъ— не тебѣ и дорогу въ кружало мнѣ заказывать!»—огрызнулся Лука Сабуръ, отстраняя посадскаго рукой.

— «Братцы!»—крикнулъ посадскій ближайшимъ стрѣльцамъ.— «Допросите, дознайте, чего ради этотъ Салтыковскій холопъ къ намъ въ кружало со своимъ нематымъ рыломъ лѣзетъ! Аль его на боярскомъ погребѣ ковшомъ обнесли?»

— «Ну, да, да! Вѣрно! Чего онъ сюда лѣзетъ? Здѣсь мы, стрѣльцы, съ пріятелями гуляемъ: начальничьи животы пропиваемъ... А ему чего надобно?»—загалдѣли стрѣльцы, обступая Луку и преграждая ему дорогу.

— «Стойте, стойте, братцы!»—закричалъ со стороны Оома Двукроевъ, приземистый и широкоплечій дѣтина, съ пѣлою шапкою рыжихъ волосъ на головѣ.—«Не трогайте моего пріятеля! Пушай до нашего кружала и ему дорога не запала!»

И черезъ плеча товарищей-стрѣльцовъ онъ протянулъ Лукѣ свою широкую, мощную ручищу.

— «Спасибо тебѣ, Оомушка!»—сказалъ пріятелю Лука.—«Кабы не ты, пришлось бы мнѣ съ вашими ребятами считаться—пожалуй бы, и до рукопашной дошло! А я, признаться, у тебя на дому прослышалъ, что идетъ тутъ у васъ гулянка—и я тутъ, какъ тутъ!»

— «И дѣло, пріятель, дѣло! Эй, малый! Давай намъ браги хмельной осьмуху, да ковшъ квасу малиноваго! Пей, пріятель!»

И вотъ за осьмухой холодной браги Оома разсказалъ пріятелю, какъ они своихъ начальниковъ на правезь ставили, какъ съ нихъ свои убытки доправляли и какъ потомъ дѣлили между собою добытое этимъ путемъ имущество.

— «Житье вамъ, какъ я посмотрю!»—сказалъ ему на это въ отвѣтъ Лука Сабуръ.—«Умирать не надо... Не то, что наша доля горькая, холопская, кабальная!»—добавилъ онъ съ притворнымъ вздохомъ.

— «Погоди вздыхать, пріятель!»—шепнулъ ему Оома.—«Сегодня мы до своего начальства добрались; а дня черезъ два и за бояръ вашихъ примемся... Ей-ей! Ужъ это я тебѣ поистинному говорю!»

— «Экъ, еще что выдумалъ!»—проговорилъ съ недовѣрчивой усмѣшкой Лука, подзадоривая Оому на дальнѣйшую откровенность.— «Легко сказать: за бояръ примемся!.. Бояре-то, братъ, за себя постоятъ. Сумѣютъ! Они не вашимъ начальникамъ чета».

— «Такъ ты не вѣришь мнѣ? Не вѣришь?»—заговорилъ Оома, хватая Луку за руку.—«Да развѣ же я не говорилъ тебѣ, что насъ большіе бояре на свою же братію подбиваютъ!»

— «Говорить-то, говорилъ, да такъ, больше стороною, обнякомъ; ну, я, признаться, не очень вѣрилъ; думалъ, что ты не отъ другихъ ли слыхалъ,—не съ чужого ли голоса поешь?»

— «Я-то съ чужого голоса?.. Да какъ это тебѣ и въ голову-то забрело? Да я тутъ всѣ шашни, всѣ входы и выходы знаю! Хопъ? Я тебѣ всѣхъ покажу, кто къ намъ въ полкъ изъ большого дворца ѣздитъ да всѣмъ дѣломъ руководить?»

— «Ужъ будто и покажешь? Чай, похвасталъ, братъ, а потомъ, какъ къ дѣлу подойдетъ—тогда и на попятный».

— «Да лопни мои глаза, коли я тебѣ мимо хоть слово молвилъ!»—почти закричалъ нѣсколько отуманенный хмелемъ Оома, но тотчасъ же спохватился и, понизивъ голосъ, добавилъ:—«сегодня же вечеромъ всѣхъ тебѣ покажу—всѣхъ по именамъ назову... Вѣдь у насъ и «дѣло-то» стоитъ не за горами, а чуть не за плечами»...

И передавая всѣ эти подробности Лукѣ, Оома никакъ не могъ себѣ представить, что онъ роняетъ искру въ порохъ, что Лука слушаетъ его съ жаднымъ, напряженнымъ вниманіемъ не изъ простого любопытства, а изъ такихъ побужденій, которыя были не доступны грубому пониманію Оомы.

— «Я тебя съ вечера къ нашей стѣзжей избѣ сведу»,—продолжалъ Оома внушать и втолковывать Лукѣ.—«Тамъ всѣхъ ихъ во очію увидишь, и рѣчи всѣ услышишь... Узнаешь, что не спроста я тебѣ говорилъ... А чуть только съ боярами управимся, такъ и объ васъ, кабальныхъ, позаботимся... Такъ-то, такъ, пріятель!»

И онъ вполголоса сталъ разъяснять Лукѣ всѣ нити подготавлиаемаго стрѣлецкаго движенія, сталъ истолковывать всѣ побужденія его, насколько онъ самъ ихъ понималъ и могъ постигнуть...

И Лука Обуръ слушалъ его жадно, впиваясь въ него глазами, стараясь запомнить каждое его слово, каждый намекъ, каждое указаніе!.. Слушалъ—готовый броситься на своего пріятеля и задуть его, растерзать за тѣ продерзостныя рѣчи противъ бояръ, которыя тотъ высказывалъ не обинуясь, произнося весьма недвусмысленныя угрозы, намеки на ужасы, которыхъ можно было ожидать. Слушалъ, весь обратившись въ слухъ и вниманіе, чтобы не упустить ни звука—среди хаоса криковъ, возгласовъ, ругательства, сочнаго чмоканья поцѣлуевъ, шумныхъ споровъ и раскатистаго смѣха, перелетавшаго за стѣны тѣснаго кружала и далеко разносившагося по улицѣ.

IV.

Въ воскресенье, 7-го мая, утромъ, послѣ обѣдни, былъ торжественный царскій выходъ въ соборы, а затѣмъ, въ большомъ дворцѣ, къ рукѣ царя Петра Алексѣевича допущены были бояре, окольные и разныхъ иныхъ чиновъ начальныя люди. По окончаніи рукоцѣлованія всѣ бояре и знать нахлынули въ домъ ближняго боярина Кириллы Нарышкина—поздравлять его съ великою, безпричтною царскою милостію: старшій сынъ боярина, Иванъ Кирил-

ловичъ, не смотря на свои 23 года, былъ въ тотъ день возведенъ въ великій санъ боярина и оружничаго.

Понятно, что съѣздъ по этому случаю у Нарышкинскихъ хоромъ былъ огромный; колымаги, кареты и коляски гостей стояли не только во дворѣ Нарышкинскаго дома, но и на улицѣ, по обѣ стороны воротъ, въ которыя то и дѣло въѣзжали новые поздравители. У высокаго крыльца нарядные холопы не успѣвали высаживать и взводить почетныхъ гостей до той ступени лѣстницы, на которой встрѣчали ихъ сыновья Кирилла Полуэктовича и провожали въ хоромы, гудѣвшіе сотнею голосовъ. Тутъ была въ сборѣ вся знать, родовитая и богатая, и всѣ родственники и свойственники Нарышкиныхъ. Какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, такъ и теперь бесѣда вращалась, главнымъ образомъ, около взаимныхъ любезностей и вопросовъ обыденныхъ, въ родѣ пожалованій и милостей, которыми ознаменовалось вступленіе на престолъ царя-отрока, и никто ни единымъ словомъ не рѣшался обмолвиться о тѣхъ тягостныхъ опасеніяхъ, какія были у каждаго на душѣ. Излюбленною тѣмою общаго разговора были весьма пріятные для Нарышкиныхъ толки о предстоящемъ возвращеніи именитаго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, безвинно-сосланнаго при царѣ Θεодорѣ въ дальнюю и страшную ссылку. Всѣ Нарышкины (начиная съ самой царицы Натальи Кирилловны) и всѣ ихъ сторонники нетерпѣливо ожидали пріѣзда этого опытнаго государственнаго человѣка. Они намѣревались свалить на его плечи тяжелую обузу государственныхъ заботъ и вновь обрѣсти то вождѣльное спокойствіе, котораго всѣ были лишены «на Верху» съ тѣхъ поръ, какъ начались загадочныя волненія среди стрѣльцовъ. Ожиданія скорого возвращенія Матвѣева и вновь возродившееся къ нему во всѣхъ довѣріе способствовали даже нѣкоторому самообольщенію, хотя большинство и понимало всю серьезность переживаемаго момента и сущность завязывающейся династической борьбы... Болѣе же всѣхъ обольщали себя надеждами на всемогущество Матвѣева сами Нарышкины; а потому немудрено, что не только въ парадныхъ, пріемныхъ комнатахъ старика Нарышкина, но и въ самыхъ дальнихъ домашнихъ покояхъ Нарышкинскаго дома шли толки о томъ же пріѣздѣ Матвѣева даже между младшими членами Нарышкинской семьи и пріятелями, пріѣхавшими ихъ посѣтить въ этотъ радостный день.

— «Завтра, чѣмъ свѣтъ, мнѣ изъ Москвы выѣзжать»,— съ видимымъ удовольствіемъ и нѣкоторою важностью заявлялъ своимъ пріятелямъ Аванасій Кирилловичъ Нарышкинъ, юноша лѣтъ 20, румяный, цвѣтущій и кудрявый.

— «Что такъ рано?»—спросилъ его молодой стольникъ Михайло Урусовъ.

— «А какъ же? Въ Братовщину поспѣтъ надо: вѣдь я настрѣчу Артамону Сергѣевичу посланъ государыней-сестрицей. Дум-

ный дворянинъ Лутохинъ у Троицы встрѣтитъ; а я съ придворной каретой—въ Братовщинѣ».

— «Ну, дай-то Богъ! Ужъ скорѣе бы онъ прїѣзжалъ... все бы уладилъ!»—послышались нѣсколько голосовъ съ разныхъ сторонъ.

— «Хорошо вамъ въ это вѣрить!» — вступился въ ихъ бесѣду молодой Ѳедоръ Салтыковъ, закадычный другъ и прїятель Аѳанасія Нарышкина.—«А мнѣ не вѣрится, да и все тутъ!»

— «Что тебѣ не вѣрится?»—съ досадою перебилъ друга молодой Нарышкинъ.

— «А вотъ не вѣрится, чтобы бояринъ Матвѣевъ могъ все уладить да устроить, какъ вы всѣ думаете!».

— «Да, видно, ты забылъ, кто таковъ Артамонъ-то Сергѣевичъ Матвѣевъ?»—запальчиво заговорилъ Аѳанасій Нарышкинъ.—«Вѣдь онъ былъ царю Алексѣю другомъ, совѣтчикомъ его и ближнимъ при немъ бояриномъ! Всѣ дѣла онъ вершилъ,—безъ него ничто и не дѣлалось... Онъ прїѣдетъ, и все наладитъ попрежнему»...

— «Какъ же, попрежнему, когда прежде того не видывано и не слыхивано, что теперь творится! Семь лѣтъ онъ въ отлучкѣ былъ, отъ московскаго обычая отвыкъ совѣмъ, да вдругъ наладить! Вѣдь онъ не Богъ же—не всемогущъ!».

— «Не Богъ, конечно, и не всемогущъ», — заговорилъ уже гораздо тише и сдержаннѣе Нарышкинъ.—«Однако онъ человѣкъ умнѣйшій и опытный въ дѣлахъ... Онъ сумѣетъ и смуту унять, кабы она завелась да проявилась»...

— «Вотъ того-то я и опасаюсь: сумѣетъ ли? А что смута завелась, что она готовится — такъ это вѣрно! Поди, прислушайся, что говорятъ въ народѣ?... Знаешь, чай, моего Луку Сабура, брата моего молочнаго... Вотъ его послушай, что онъ рассказываетъ! Страхъ тебя обуюетъ поневолѣ... Кругомъ насъ кобы куются, волки хищные рыщутъ, народъ и стрѣльцовъ мутятъ, на бояръ натравляютъ; и кто всѣмъ дѣломъ ворошить—никому невѣдомо... А ужъ дождемся мы вновь смутнаго времени, когда братъ на брата съ ножомъ шель—вотъ увидишь!»...

Юноша говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ, такъ горячо и сильно, что его слова тяжело подѣйствовали на окружающихъ и на самого Аѳанасія Нарышкина. Никто не рѣшился вступать въ споръ съ Ѳедоромъ Салтыковымъ: даже и самъ Нарышкинъ смолкъ. Всѣ предпочли переменить разговоръ, перевести его на какую-то обыденщину; а затѣмъ одинъ за другимъ удалились, оставивъ друзей наединѣ.

— «Ты не сердись на меня, голубчикъ Аѳанасій Кириллычъ», — сказалъ Ѳедоръ Салтыковъ своему другу, положивъ руку ему на плечо.—«Мы съ тобою что братья названные, и по природѣ-то другъ съ другомъ схожи — издали насъ и не отличишь, пожалуй,—такъ стану ли отъ тебя укрывать, что на сердцѣ таится?! А кабы ты

зналъ, какая меня въ послѣднее время тоска томить, какой страхъ беретъ и за тебя, и за себя, и за всѣхъ нашихъ... Моченьки нѣтъ!»

И онъ тоскливо опустилъ голову на руки, опершись локтями о край стола.

— «Да что съ тобой? Тебя и не поймешь! Среди такой-то нашей радости свѣтлой, среди ликованья, среди веселья, ты чуть не заупокойныя пѣсни поешь»...

— «И самъ не знаю, самъ себя постигнуть не могу, Аеонюшка! — чуть не сквозь слезы проговорилъ юноша. — «А вотъ такъ и чудится мнѣ, что не сегодня, завтра все кругомъ рухнетъ, и всѣхъ насъ задавить! И вѣдь что чудно: Лукъ Сабуру, съ которымъ мы вмѣстѣ выросли сыздѣтства, точь-въ-точь то же чудится, что и мнѣ! Тому еще и сны какіе-то страшные снятся: все кровь, да пожаръ, да набатный звонъ... Онъ все мнѣ говоритъ: уѣхалъ бы ты отсюда на малое время въ дальнія вотчины, не болѣло бы за тебя мое сердце... Одинъ вѣдь ты сынъ у отца!... Неровенъ часъ: вдругъ на тебя какая бѣда стряется! Что тогда?»...

Въ это время, какъ бы въ опроверженіе словъ Ѳедора Салтыкова, изъ парадныхъ комнатъ донеслись громкіе и радостные клики гостей, которые пили застольныя здравицы въ честь хозяина и его сына, новаго боярина.

Аеанасій Нарышкинъ улыбнулся надменной улыбкой и насмѣшливо глянулъ въ сторону Салтыкова.

— «Ну, нѣтъ, Ѳедя! Не вѣрю я въ твои страхи: слѣпымъ надо быть, чтобы не видѣть, что теперь наше время пришло! Мы теперь около сестры-царицы стѣною станемъ и все въ руки заберемъ... Теперь намъ открыта дорога широкая! Гладкая дорога! Давай-ка руку, да вмѣстѣ и пойдемъ, и тогда самъ увидишь, что всѣ твои страхи были лишь суетнымъ мечтаніемъ. Года черезъ три и насъ продвинуть въ окольничьи, а тамъ и въ бояре!»

Ѳедоръ Салтыковъ только рукою махнулъ и не отвѣтилъ ни слова.

V.

Лука Сабуръ, между тѣмъ, въ точности исполнилъ боярскій приказъ: все разузналъ, развѣдалъ, разнюхалъ въ самой большой подробности, какая была доступна его наблюденію; не пожалѣлъ и денегъ на угощеніе своего пріятеля Ѳомы, не пощадилъ и головы своей, вслѣдъ за Ѳомкой втираясь во всякія стрѣлецкія сборища, проникая на ихъ тайныя сходки, гдѣ прикидывался отъявленнымъ бунтаремъ и ненавистникомъ своихъ господъ и большинства бояръ, державшихъ сторону Нарышкиныхъ, отъ которыхъ «всякаго де зла ожидать слѣдуетъ». Благодаря нѣкоторому умѣнью и ловкости, Лука провелъ почти двое сутокъ въ самой средѣ броженія, которое уже

близилось къ окончательному взрыву и, не посвященный въ тайны нити дворцовой интриги, составилъ себѣ о подготовляемомъ движеніи довольно своеобразное понятіе.

Онъ видѣлъ на сборищахъ тѣхъ низшихъ дѣльцовъ, которые подсылались туда тщательно и ловко укрывавшимися главными дѣятелями смуты; а такъ какъ эти сборища происходили на подворьѣ у князя Ивана Хованскаго, то Лука и вывелъ такое заключеніе: князь Иванъ Хованскій и есть главный воротило подготовляемой смуты. По мнѣнію Луки, стѣило бы только его призвать къ отвѣту, его взять въ руки, чтобы овладѣть всѣми нитями заговора и предупредить затѣваемую смуту.

И вотъ, съ запасомъ этихъ свѣдѣній, Лука поздно въ ночь съ субботы на воскресенье вернулся на Салтыковское подворье, забрался въ ту каморку, близъ опочивальни боярича, въ которой спалъ ночью, прилегъ было на свой соломенникъ, думая заснуть часокъ-другой до разсвѣта — и не могъ: мрачныя мысли черными вѣронами кружились у него въ головѣ и не давали ему покоя...

Но вотъ, наконецъ, и свѣтъ забрезжилъ въ окнахъ, красноватыми пятнами проступая на темномъ фонѣ сплошной зелени сада, и жизнь проснулась въ домѣ, и Лука, съ лоханью студеной воды и съ рукомылникомъ въ рукахъ, съ расшитой шелками ширинкой на плечѣ сталъ у двери бояричевой опочивальни, ожидая обычнаго призыва.

А бояричъ Феодоръ Петровичъ спалъ въ тотъ день спокойно и заспался дольше обыкновеннаго. Съ самой отлучки Сабура онъ почти не бывалъ на подворьѣ и чуть ли не цѣлые дни проводилъ то въ большомъ дворцѣ, гдѣ всѣ ликовали по поводу возвращенія Матвѣева, то съ другомъ своимъ Аванасіемъ Нарышкинымъ въ палатахъ Матвѣева, на богатыхъ пиршествахъ, которыми тотъ отвѣчалъ на чествованіе и подарки своихъ друзей и почитателей. Постоянно вращаясь въ этомъ кружкѣ, молодой бояричъ набрался, наконецъ, и бодрости духа, и вѣры во всемогущество именитаго сановника и друга царя Алексѣя. Онъ способенъ былъ уже съ недовѣріемъ отнести къ тѣмъ опасеніямъ и страхамъ, которыя внушилъ ему вѣрный Лука Сабуръ... Ему хотѣлось даже подтрунить надъ близорукостью и довѣрчивостью своего вѣрнаго холопа, который могъ вѣрить какимъ-то слухамъ, собраннымъ отъ старыхъ бабъ по торгамъ да по базарамъ. Но Лука не показывался... Бояричъ справлялся неоднократно о Лукѣ, но слышалъ постоянно одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— «Какъ ономясь, по вечеру, съ подворья ушелъ, такъ съ той поры и глазъ сюда не казалъ».

Тѣмъ болѣе былъ бояричъ удивленъ, проснувшись утромъ въ воскресенье, когда на его обычный утренній зовъ:

— «Эй, кто тамъ? умываться!» — въ ногахъ его постели явился Лука Сабуръ.

— «Гдѣ ты пропадалъ?... Отколѣ взялся?»—весело окликнулъ его бояричъ.

Но въ отвѣтъ на этотъ окликъ Лука проговорилъ отрывисто и торопливо, понижая голосъ:

— «По твоему приказу, все разузналъ... Все развѣдалъ...»

— «Развѣдалъ, кто эта бабица, и кто тѣ молодцы, что по ночамъ въ стрѣлецкія слободы на карихъ да на сѣрыхъ коняхъ пріѣзжаютъ стрѣльцовъ мутить?»—сказалъ бояричъ довольно равнодушно, опираясь локтемъ на изголовье и готовясь слушать докладъ Луки.

— «Иванъ да Петръ Толстые, изъ дворянъ; да дворянинъ же Милославскій Александръ; а бабица—изъ придворной служни, при теткахъ государевыхъ состоитъ. И кони тѣ ихніе, изъ царской же конюшни, съ Житнаго двора.»

— «Да что ты? Никакъ ума рехнулся? Статочное ли дѣло, чтобы кто изъ дворца да въ слободы мутить стрѣльцовъ ѣздилъ?»

— «Это не моего ума дѣло... Что говорю, то вѣрно знаю! Видѣлъ и выслѣдилъ, гдѣ эти люди и притонъ держать, гдѣ и собираются!»—утвердительно и смѣло настаивалъ Лука.

— «Чего добраго, ужъ не въ Большомъ ли дворцѣ?»—насмѣшливо спросилъ бояричъ.

— «Нѣтъ, не въ Большомъ дворцѣ, а въ хоромахъ князя Ивана Хованскаго, что на Сивцевомъ Вражкѣ.»

— «Да я же князь Ивана два дни сряду въ палатахъ Матвѣева и во дворцѣ видѣлъ: онъ былъ тамъ почти безвыѣздно.»

— «Опять-таки я этого ничего не знаю, и сказъ у меня одинъ: недалеко до грѣха... Уѣзжай отсель и съ батюшкой своимъ, коли вамъ обоимъ жизнь дорога и мила!»

Бояричъ поднялся съ подушекъ, присѣлъ на край постели и сталъ внимательно вглядываться въ лицо Луки Сабура.

— «Всѣмъ, всѣмъ вамъ, боярамъ, смерть грозитъ, гибель неминуемая!—продолжалъ мрачно Лука, наклоняясь къ бояричу.—Десятый изъ васъ головы на плечахъ не сносить! Стрѣльцы съ пьяныхъ глазъ объ этомъ во весь голосъ вопятъ. Будутъ, молъ, бояре у праздника!... Уѣзжай же, ради Бога!»

И Лука вдругъ бухнулъ въ ноги къ бояричу и сталъ ему кланяться, и когда онъ взглядывалъ на боярича, тотъ видѣлъ въ глазахъ его слезы.

Теодоръ Петровичъ сначала опѣшилъ. На мгновенье въ его тревожно-настроенномъ воображеніи мелькнули страшныя картины кровавой смуты... Но эти картины были такъ несогласны съ дѣйствительностью, въ которой все улыбалось ему, все сулило блестящую будущность, и притомъ казалось вполне спокойнымъ и умиротвореннымъ послѣ пріѣзда боярина Матвѣева, что бояричу показалось даже стыдно поддаться мрачнымъ внушеніямъ холопа, и онъ поспѣшилъ отогнать отъ себя всякія черныя мысли.

— «Не вѣрю я твоимъ вѣстямъ!—проговорилъ онъ почти съ досадою. — Сдается мнѣ, что на стрѣлецкихъ кружалахъ тебѣ тоже голову вскружило... И не пугаюсь я стрѣлецкихъ угрозъ: онѣ намъ не страшны... Стоитъ только намъ захотѣть, да собрать своихъ холопей, такъ небось тогда не мы отъ нихъ, а они отъ насъ побѣгутъ! Можемъ и мы ихъ припугнуть порядкомъ... Страшенъ, братъ, сонъ, да милостивъ и Богъ! Давай мнѣ обуваться...».

Лука поднялся съ колѣнъ и ни слова не промолвилъ болѣе. Лицо его, простое и рябоватое, приняло свое обычно-спокойное выраженіе, и только въ глазахъ его залегла какая-то тѣнь, какая-то тоскливая забота, которая, видимо, не сходила съ души его... Молча исполнилъ онъ приказаніе боярича, молча присутствовалъ при его умываньи и одѣваньи, молча проводилъ его въ покои стараго боярина... Но внутренній голосъ говорилъ ему, что нельзя ему оставить это страшное дѣло втунѣ.

V.

— «Что же теперь дѣлать? Какъ теперь быть?—сталь раздумывать слуга.—Вѣдь времени терять нельзя! Врагъ близокъ, и гибель близка! Не хочеть онъ меня слушать—послушаютъ другіе, по-старше его!»

И мысль вѣрнаго слуги остановилась на именитомъ бояринѣ Матвѣевѣ, имя котораго было у всѣхъ на устахъ, было достояніемъ общей молвы народной.

— «Онъ царю—ближній, царицѣ—свой человекъ... Его, небось, послушаютъ?... Лишь бы мнѣ добиться, поговорить съ нимъ съ очей-на-очи: я бы все ему рассказалъ, что знаю, что самъ своими очами видѣлъ... А ужъ ежели не приметъ меня бояринъ, либо выслушать не захочеть, тогда пойду въ Приказъ Тайныхъ дѣлъ, да объявлю за собою «слово государево». Хошь и на дыбѣ быть, а правду всю наружу вывести надо!»

И вотъ, тщательно обдумавъ свой планъ дѣйствій, Сабуръ рѣшилъ немедленно приступить къ дѣлу. Незамѣтно ускользнулъ онъ съ подворья боярскаго и направился въ приходъ Никола въ Столпахъ, къ дому Матвѣева, который красовался на весьма видномъ и людномъ мѣстѣ, между Мясницкою и Покровкою.

Около дома кучами стоялъ народъ—пестрая и разнохарактерная толпа, преимущественно сѣраго люда. Во дворѣ, за рѣшетками, также множество народа, среди котораго мелькали и фигуры стрѣльцовъ, въ ихъ сѣрыхъ рядовыхъ кафтанахъ и яркихъ шапкахъ. Съ улицы ко двору безпрестанно подѣзжали то повозки, то всадники; но и всадники спѣшивались, и сидѣвшіе въ повозкахъ высаживались у самага вѣзда во дворъ и затѣмъ шли черезъ весь дворъ пѣшкомъ до самага крыльца боярскихъ хоромъ. На крыльцѣ

и у воротъ прїѣзжихъ гостей встрѣчала цѣлая орава боярскихъ холопей, которые, не обращая на гостей никакого вниманія, громко о чемъ-то между собою переговаривались, а по временамъ вступали даже въ споры и перебранку.

Сабуръ попытался было сунуться въ ворота, почтительно снявъ шапку передъ боярскими холопями, которые заграждали все пространство между воротными столбами, но какой-то высокій дѣтина, въ синемъ кафтанѣ, съ желтыми оторочками, мигомъ схватилъ его за шиворотъ и оттолкнулъ отъ воротъ на улицу.

— «Что пинаешь-то, хамово отродье!—огрызнулся Лука, сжимая кулаки:—я къ барину Артамону Сергѣевичу за дѣломъ иду...».

Громкій хохотъ всей холопской оравы былъ ему отвѣтомъ.

— «Ишь, рябая харя, разопѣлся какъ! Словно къ тещѣ въ гости прїѣхалъ! Оборачивай оглобли!»

И человѣка три самыхъ дюжихъ ребятъ, весьма внушительно засучивъ рукава кафтановъ, выдвинулись впередъ и заступили дорогу Лукѣ.

— «Да вы поймите, нехристи, что я не по своему дѣлу лѣзу боярина тревожить, а отъ господина своего, боярина Петра Михайловича Салтыкова, посланъ...».

— «А хоша бы и отъ ни вѣсть-какого князя ты пришелъ, не смѣй соваться въ ворота безъ спроса... У воротъ мы господа!»—отвѣчали ему холопы Матвѣева.

— «Еще ежели-бъ онъ намъ алтына по два на брата пожертвовалъ, такъ мы бы его до крыльца пропустили: пуцай бы ему тамъ шею наколотили...».

И новый взрывъ хохота покрылъ это проявленіе холопскаго остроумія. Но Лука уже сообразилъ, что въ словахъ холопа заключается намекъ на смазку, полѣзъ за мощной въ голенище сапога и вынулъ шесть алтынъ.

— «На-те, дѣлите, утробы ненасытныя!»—пробормоталъ онъ сурово и, сунувъ деньги въ руки одного изъ холоповъ, прорвался во дворъ, пока тѣ между собою спорили и дѣлили подачку.

Сталъ онъ подходить къ крыльцу: то же и тамъ повторилось. «Куда лѣзешь?»—«Чего впередъ рвешься?»—«Прежде отца въ петлю не суйся!»—такъ встрѣчали и осаживали его боярскіе холопы, не смотря на всѣ его заявленія о томъ, что онъ по дѣлу, и не отъ себя пришелъ, а господиномъ посланъ. Когда же, наконецъ, онъ роздалъ еще алтынъ пять-шесть по разнымъ рукамъ, ему дозволено было стоять у крыльца въ кучкѣ немногихъ другихъ просителей изъ простецовъ и разночинцевъ, ожидавшихъ возвращенія боярина отъ обѣдни. Въ этой кучкѣ всѣ уже успѣли другъ съ другомъ перезнакомиться и поговорить, и каждый каждому рассказывалъ, за какимъ дѣломъ или съ какой челобитной пришелъ къ боярину; одинъ Лука молчалъ, угрюмо и крѣпко держался за балясины крыльца,

чтобы толпа его не отгѣснила, нахлынувъ впередъ, когда бояринъ подѣдетъ.

Наконецъ, за рѣшоткой двора, отъ церкви, показался поѣздъ боярина: конные вершники скакали впереди, разгоняя народъ, за ними грузно покачиваясь и громыхая на высокомъ ходу, медленно катилась карета боярина, за которою, на запяткахъ, стояли четыре рослыхъ гайдука въ черкасскихъ чекменахъ съ откидными рукавами. Самъ бояринъ, сидя въ каретѣ, привѣтливо раскланивался направо и налево черезъ стекольчатая окна, улыбаясь милостиво на шумныя привѣтствія толпы, которая бѣжала по обѣ стороны кареты, горланя во всю глотку.

— «Здравія... Здравія боярину Артамону Сергѣевичу!»

Когда карета вкатилась въ ворота, всѣ, что толпились на дворѣ, завопили въ одинъ голосъ то же, что кричала толпа; многіе стали бросать вверхъ шапки, и потомъ всѣ ринулись къ крыльцу, отъ котораго боярскіе холопы тщетно старались отгѣснить непрошенныхъ благожелателей.

Лука Сабуръ улучилъ какъ разъ ту минуту, когда маститый бояринъ, поддерживаемый съ двухъ сторонъ подъ руки гайдуками, спустился съ высокой подножки и ступилъ на крыльцо... Тутъ онъ и палецъ на колѣни и во весь голосъ проговорилъ:

— «Къ твоему благородію отъ господина моего, боярина Петра Михайловича Салтыкова, по важному дѣлу присланъ...»

— «Охъ, Господи! Грѣхи тяжкіе!» — почти простоналъ бояринъ Матвѣевъ, измученный за послѣдніе дни привѣтствіями и поздравленіями, ликованіями и почестями. — «Ни отдыху, ни сроку не даютъ! Чего тебѣ надо? Встань да говори!»

— «Говорить не смѣю. Приказалъ бояринъ тебѣ передать съ очей на очи. Пока не дозволишь — не встану».

— «Самъ посуди, — уже нетерпѣливо повторилъ бояринъ, — ну, какъ я могу съ тобой пойти бесѣдовать, когда самъ видишь, сколько у меня челобитчиковъ? Вѣдь не прогнать же ихъ всѣхъ для тебя одного...»

— «Батюшка бояринъ! Кормилецъ! Отецъ! Не губи! Прими отъ насъ челобитныя!» — завопили отовсюду самые разнородные голоса, и съ полсотни рукъ протянулись къ боярину съ челобитными.

Но Лука стоялъ на своемъ упорно и твердо:

— «Приказалъ тебѣ бояринъ сказать: прими, выслушай, не то споешься!»

Матвѣевъ внимательно вперилъ взоръ своихъ острыхъ и умныхъ глазъ въ лицо Луки Сабура и, вѣроятно, понялъ, по его выраженію, что онъ не даромъ добивался тайной бесѣды...

— «Ну, Ширяй! — обратился онъ къ одному изъ гайдуковъ, — прими за меня челобитныя и снеси ихъ въ верхнее жильѣ. А ты, молодецъ — какъ тебя звать-то?..»

— «Лука Сабуръ».

— «Ну, ты, Лука, ступай за мной».

Лука послѣдовалъ за бояриномъ въ одну изъ дальнихъ и небольшихъ комнатъ нижняго жилья, гдѣ бояринъ грузно опустился на лавку, снялъ съ себя высокую горлатную шапку и, утирая потъ съ покраснѣвшаго лица и сбдыхъ волосъ, прилипшихъ къ вискамъ и лбу, проговорилъ:

— «Ну, сказывай, что у тебя тамъ за тайны... Да сказывай поживѣе—другихъ не задержи»...

Уже и эти слова охлаждающимъ образомъ подѣйствовали на Сабура: онъ пришелъ спасать боярина отъ гибели неминуемой, а тотъ выказываетъ полное равнодушіе къ тому, что ему собираются сообщить. Однако же, собравшись съ духомъ, онъ пересказалъ боярину довольно складно все, что ему было извѣстно, а въ заключеніе добавилъ:

— «Бояринъ всемилостивый! Гибель грозитъ всѣмъ вамъ!... Головы ваши оцѣнены и на списки переписаны... Будь насторожѣ, изготвься»...

Бояринъ, слушавшій все это молча и спокойно, какъ будто дѣло шло о какомъ нибудь отчетѣ приказнаго дьяка, вдругъ топнулъ ногою и нетерпѣливо перебилъ Луку словами:

— «Только и всего?!»

Лука совсѣмъ опѣшилъ отъ такого неожиданнаго вопроса и не могъ промолвить ни слова въ отвѣтъ.

— «Небось и ты тоже суешься на стрѣльцовъ плести всякую околесную? Будто они смуту замышляютъ, царскій родъ перевести хотятъ—и все такое?»

— «О царскомъ родѣ ничего не слыхалъ,—смущенно отвѣчалъ Лука,—а что стрѣльцы на бояръ зубы точатъ да разобраться въ нихъ хотятъ—такъ это вѣрно, вотъ какъ передъ Истиннымъ! Сами не обинуясь сказываютъ!»

— «Ну, такъ я же тебѣ скажу, что ни тебѣ, никому не повѣрю!— съ раздраженіемъ въ голосѣ проговорилъ Матвѣевъ.— Ко мнѣ еще на Троицкую дорогу выбѣжали семеро стрѣльцовъ и тоже говорили, что и ты, и я ихъ такъ же осадилъ, какъ и тебя! Скажи боярину, что я не опасюсь никакого худа отъ стрѣльцовъ... Они мнѣ столько выказали ласки, такъ опривѣтствовали, такъ отъ усердія своего задали, что я... что я»...

— «Бояринъ! Господинъ! Да они бердыши на васъ точатъ, древки у копій обрубаютъ, чтобы колотъ было удобнѣе... И коноводовъ я ихъ знаю, и указать берусь...»

— «И слышать не хочу! И... и... не думай!» — почти крикнулъ Матвѣевъ и поднялся съ мѣста, повелительно указывая Лукѣ на дверь.

— «Ну, Богъ съ тобой, бояринъ... Попытаюсь я и выше тебя пойти».

— «Ступай, куда хочешь... Только меня оставь въ покоѣ».

И строгій взоръ маститаго боярина, пристально устремленный на Луку изъ-подъ насупленныхъ густыхъ бровей, говорилъ вполне ясно, что Лукѣ отъ боярина ждать нечего: боярину покой нуженъ; ему теперь не до холопскихъ дурацкихъ извѣтовъ...

Поклонился Лука боярину въ поясъ и вышелъ отъ него, какъ ошпаренный.

VII.

Очутившись на улицѣ, среди шумной толпы празднично настроеннаго люда, Лука остановился не вдалекѣ отъ воротъ Матвѣевского дома, обдумывая, куда ему идти, какъ вдругъ на него почти наткнулся какой-то хмельной прохожій и, крѣпко выругавшись, сунулся было въ сторону...

— «Сенька Блудь!»—воскликнулъ Лука, почти радостно хватая встрѣчнаго за рукавъ ободраннаго кафтанишка: такъ кстати прихотилась ему эта случайная встрѣча.

— «Ну, да! Гдѣ Блудь—и я тутъ!»—хрипло проговорилъ старый подьячій, стараясь устоять на одномъ мѣстѣ и опираясь на руку Луки Сабуря. — «Какая до меня нужда? Сказывай!»

Но Сабуръ не спѣшилъ пріятелю о своей нуждѣ сказывать, а только многозначительно подмигнулъ ему въ сторону ближайшаго кружала и завернулъ въ ту сторону.

— «Догадливъ!—пробормоталъ Блудъ, поспѣшно ковыляя о-бокъ съ Сабуромъ,—понимаешь, что сухая ложка ротъ дереть»...

Переступивъ порогъ кружала, Лука спросилъ ендову холодной браги и приказалъ ее поставить передъ подьячимъ; но прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ омочить въ прохладной влагѣ свои длинные, косматые усы, Лука отдернулъ его за плечо отъ ендовы и, наклонясь къ нему на ухо, спросилъ:

— «Научи-ка ты меня, какъ бы мнѣ отсюда въ Приказъ Тайныхъ дѣлъ пробраться? Да и застану ли я тамъ кого въ нонѣшнюю праздничную пору?»

— «Какъ не застать?... Застанешь... замокъ на пробоѣ... да пса на цѣпи... А кого тебѣ тамъ нужно? Можетъ, батоговъ малость захотѣлъ отвѣдать, съ доносомъ на господъ, что ли, туда лѣзешь?»

Лука взметнулъ на него глазами и, не отвѣчая на вопросъ Блуда, проговорилъ шепотомъ:

— «Да вѣдь есть же тамъ... какойнибудь... начальнѣйшій чело-вѣкъ! Вѣдь вѣдаетъ же ктонибудь Приказомъ?».

— «Есть! Какъ не быть! Вѣдаетъ тамъ всѣми дѣлами дьякъ: что порѣшить—быть тому такъ!» — пробормоталъ скороговоркой Блудъ и вновь протянулъ губы къ краю ендовы.

— «Да какой дьякъ-то? Говори, шутъ проклятый!» — почти съ отчаяніемъ проговорилъ Лука Сабуръ, тряся подьячаго за плечо.

— «Какой? Вѣстимо какой: Ларіонъ Ивановъ! А живетъ въ Толмачахъ, около церкви, въ Кривомъ переулкѣ—тамъ его, чай, всѣ собаки знаютъ: идетъ ли, ѣдетъ ли, на него не лаютъ»...

И онъ, уткнувшись въ ендову и опустивъ усы въ пѣнистую брагу, сталъ неудержимо тянуть ее, крѣпко придерживая края ендовы дрожащими руками...

Лука не дожидался, пока онъ ее вытянетъ: вскочилъ съ мѣста и зашагалъ съ Мясницкой на Замоскворѣчье, гдѣ, по указанію Блуда, отыскалъ въ тупикѣ домъ дьяка Ларіона Иванова, стоявшій среди широкаго двора, который примыкалъ къ густому, темному, старинному саду.

Не легко было и здѣсь Лукѣ Сабуру добиться возможности «повидать ясныя очи господина дьяка», который, по словамъ его служни, «изволили опочивъ держать послѣ сытнаго обѣда».

И здѣсь дѣло не обошлось безъ смазки, чтобы холопы дозволили Лукѣ обождать пробужденія господина дьяка. А господинъ дьякъ, какъ оказалось, сномъ шутить не любилъ: добрыхъ два часа пришлось Лукѣ ожидать, стоя въ сѣняхъ и переминаясь съ ноги на ногу. Наконецъ, его позвали къ дьяку въ комнату, и тотъ, еще заспаннѣй и сердитѣй, принялъ Луку довольно сурово:

— «Что за человекъ?»—спросилъ онъ строго, глянувъ на Луку изъ-подъ темныхъ нахмуренныхъ бровей.

— «За какимъ дѣломъ?»—еще рѣзче и отрывистѣе спросилъ его дьякъ, узнавъ его имя и прозвище.

— «Прошу прислушать,—спокойно и твердо проговорилъ Лука Сабуръ.—Хочу объявить за собой «слово государево».

— «Слово государево?»—проговорилъ дьякъ медленно, какъ бы взвѣсивая каждый слогъ; потомъ молча смѣрилъ Луку глазами и добавилъ серьезно:

— «А знаешь ли ты, какому отвѣту подлежать за это будешь... въ случаѣ напраснаго безпокойства?»

— «Знаю»,—отрѣзалъ Лука.

— «Знаешь ли ты, что тебя на дѣбу поднимать стануть, и на дѣбѣ встряхивать, да пыточные рѣчи твои записывать?» — проговорилъ дьякъ съ еще болѣею медлительностью, и его смуглое, худощавое лицо стало еще болѣе хмурымъ.

— «А хопѣ бы и на дѣбу?.. Лишь бы мой сказъ выслушали!»...

— «Смѣлъ ты очень, какъ я на тебя погляжу», — процѣдилъ дьякъ сквозь зубы. — «Ну, да завтра, какъ придеши въ Приказъ, я все разберу: и выслушаю тебя, и сказъ твой въ столпъ впишу. А здѣсь слушать тебя не стану»..

И дьякъ поднялся со своего мѣста.

— «Завтра? А коли завтра-то поздно будетъ?» — укоризненно проговорилъ Лука, глядя прямо въ очи дьяку.

Такое неожиданное возраженіе окончательно вывело господина дьяка изъ терпѣнія, и онъ, нахмуривъ брови, собирався обрушиться на Луку со всякою грозой, какъ вдругъ низенькая дверь въ со-сѣднюю комнату пріотворилась, и очень смазливенькое личико молодой женщины, въ золотой кикѣ, съ жемчужными привѣсками, выглянуло изъ-за двери.

— «Ларивонъ, а Ларивонъ!»—кликнула жена дьяка,—«ступай скорѣе въ садъ! У насъ въ кусту надъ сажалкой соловей запѣлъ»...

Дьякъ словно весь преобразился. И лицо его прояснилось, и весь онъ какъ бы оживился.

Въ отвѣтъ на этотъ призывъ, онъ, правда, махнулъ рукой женѣ, которая тотчасъ скрылась и притворила за собою дверь, но ужъ дьяку и самому не усидѣть было на мѣстѣ.

— «Ну, такъ вотъ, вотъ приходи завтра въ Приказъ... да по-раньше... Тамъ я твое дѣло справлю... А здѣсь не рука мнѣ тебя слушать да допрашивать и еще въ воскресный день!»

— «Да что же это, Господи!!»—въ совершенномъ отчаяніи воскликнулъ Лука, ломая руки. — «Къ кому идти, къ кому въ ноги кинуться—молить, чтобы насъ всѣхъ бѣда страшная минула, чтобы кровь напрасная не пролилась! Какъ упредить смуту великую?».

— «Да, что ты, какъ раскричался?» — проговорилъ дьякъ, нѣсколько оторопѣвшій отъ неожиданнаго порыва извѣтчика. — «Ска-зывай, о чемъ упредить хочешь? На кого у тебя извѣтъ?».

— «На стрѣлецкія воровскія затѣи, злоумышленія и кѣзни! На то, что они...».

— «Э-э, братъ!»—перебилъ дьякъ Луку.—«Это мы уже слышали! Не ты первый къ намъ съ этимъ лѣзешь... Мало ли, что люди плетутъ!.. Объ этомъ и завтра сказать успѣешь. Да впередъ тебѣ го-ворю: осторожно сказывай... Помни, что, по Уложенію, ложному до-носчику первый кнутъ»...

— «Хорошо же!»—рѣзко проговорилъ Лука.—«Приду... Но если будетъ поздно, если на всѣхъ васъ какая бѣда стряется, въ томъ будетъ не моя вина... Самъ на себя пеняй!».

Онъ круто повернулся и, не поклонившись дьяку, вышелъ изъ комнаты. Дьякъ Ларіонъ Ивановъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, пожалъ плечами и чуть не бѣгомъ пустился въ садъ къ своей молодой женѣ—соловьѣ съ ней слушать.

VIII.

Утро понедѣльника, достопамятное утро 15-го мая 1682 года,— наступило ясное, теплое и тихое. Яркое майское солнышко заглянуло и въ опочивальню стараго боярина Петра Михайловича Сал-

тыкова, уже много мѣсяцевъ сряду не покидавшего постели: онъ страдалъ тяжкимъ недугомъ, лѣчился у дохтура-нѣмца, но видѣть, какъ со дня на день силы его слабѣли постепенно, и надежда на выздоровленіе или даже облегченіе недуга давно уже покинула его душу. Но въ это утро, Богъ вѣсть почему, старый хворый бояринъ проснулся со свѣтомъ и почувствовалъ себя какъ-то особенно легко и хорошо. Сѣдой, вѣковѣчный слуга его, Сеня Горбыль, не отходявшій отъ него ни на шагъ во все время болѣзни, былъ чрезвычайно удивленъ тѣмъ легкимъ и бодрымъ видомъ, съ какимъ бояринъ, проснувшись, обратился къ нему и сказалъ довольно громко:

— «Сеня, откинь-ка занавѣсъ у окошка... дай солнышку повеселить мою опочивальню».

Горбыль поспѣшилъ исполнить приказаніе боярина, а затѣмъ подошелъ къ его постели.

— «Эхъ, какъ радостно, да ласково свѣтитъ вешнее-то солнышко!»—произнесъ, какъ бы про себя, бояринъ, приподнимая свою сѣдую голову съ подушекъ и подпирая ее исхудалою рукою.

— «А никакъ тебѣ нонѣ полегче, бояринъ? Въ пору будь сказано»,—замѣтилъ Горбыль, привѣтливо улыбаясь.

— «Благодаренье Богу! Мнѣ и точно полегчало, какъ будто бы»,—отозвался бояринъ.—«И давно я не упомяну, чтобы я спалъ всю ночь; такъ сладко, такъ несказанно сладко, что и передать не могу... И боли не было въ груди, и голова теперь свѣжа: право, словно чудо какое надо мною совершилось»...

Горбыль слушалъ боярина и внимательно всматривался въ его очи.

— «И сны мнѣ снились все такіе чудные, диковинные, такихъ тоже я никогда не видывалъ»,—продолжалъ бояринъ.

— «А какіе же сны-то, бояринъ? Поразскажи мнѣ... Я смолоду гораздъ былъ ихъ разгадывать».

— «Снились мнѣ сады благоуханные, и въ тѣхъ садахъ дерева и цвѣты невиданные, не здѣшніе,—такіе только на иконахъ пишутъ; и на тѣхъ деревьяхъ, по вѣтвямъ сидятъ и перелетываютъ птицы райскія, и по всему саду ихъ пѣсни звонкія разносятся: на тысячи голосовъ тѣ птицы распѣваютъ, на тысячи ладовъ Бога славятъ... И я будто совсѣмъ здоровъ и бодръ попрежнему, и хожу твердо, и дышу легко, безъ удушья, безъ всякой тяготы... И Ѳедя будто бы тоже ѓ-бокъ со мной ходитъ, и все руки у меня цѣлуетъ, и все говоритъ: мы съ тобой отсюда не уйдемъ, здѣсь останемся... не разстанемся»...

Бояринъ, чтобы перевести духъ, откинулся на изголовье и смолкъ на мгновеніе; а Горбыль посмотрѣлъ на него долгимъ, проницательнымъ взглядомъ и подумалъ про себя:

— «Не больно хорошъ твой сонъ! Видно, не долго осталось тебѣ на бѣломъ свѣтѣ маяться».

— «А ужъ что же можетъ быть лучше-то, какъ съ Ѳедей мо-

имъ не разставаться»,—продолжалъ говорить съ радостной улыбкой бояринъ.—«Одинъ онъ у меня остался, голубчикъ сизокрыленькій, одинъ изъ троицъ: двоихъ на службѣ царской Богъ прибралъ. Мнѣ на утѣху одного оставилъ... Да, это, Сеня, не онъ ли сюда идетъ, сапожками поскрипываетъ — чай, на службу ужъ во дворецъ собрался ѣхать»...

И точно дверь опочивальни отворилась, и Феодоръ Петровичъ вошелъ, уже вполне наряженный, въ стольничьемъ кафтанѣ, съ широкими, плетеными золотыми петлицами и кистями, и съ высокимъ козыремъ, на который кольцами спускались темные кудри красавца-юноши.

Онъ подошелъ къ отцу и молча поцѣловалъ его руку. Отецъ поцѣловалъ его въ лобъ и посмотрѣлъ ему въ глаза.

— «Что ты, голубчикъ, какъ будто сегодня не веселъ?»—спросилъ онъ сына.

— «Да, что, батюшка, во всѣ эти дни мнѣ все Лукашка мой досаждаеть! Каркаетъ надо мною, словно воронъ... Вездѣ ему все бѣды чуются... Туда не ѣзди, сюда не ходи!.. Надоѣлъ мнѣ пуще прѣсной пици! Вотъ и сегодня, я было хотѣлъ его къ дохтуру твоему, фонъ-Гадену, послать, чтобы тотъ къ тебѣ заѣхалъ, а онъ упорно стоитъ на своемъ: никого не пущу у твоего стремени ѣхать!.. Не знаю, какъ съ нимъ и быть?»...

— «Голубчикъ, мнѣ сегодня полегчало... Дохтуръ мнѣ не нуженъ... А Лукашка вѣрный тебѣ слуга: ты на него не гнѣвайся... Пусть съ тобою ѣдетъ. Дай, я тебя благословлю, голубчикъ!»

Сынъ сталъ у постели на колѣни; отецъ благословилъ его и поцѣловалъ еще разъ, проговаривъ:

— «Христось съ тобой! Ступай»...

Сынъ ужъ подошелъ было къ двери, когда отецъ его окликнулъ и сказалъ дрогнувшимъ голосомъ:

— «Постой! Дай мнѣ еще на тебя полюбоваться! Вѣдь до вечера теперь, пожалуй, ужъ я не увижу тебя»...

И онъ, прикрывъ глаза отъ свѣта рукою, съ блаженною улыбкой на устахъ, долго смотрѣлъ на сына, приговаривая, какъ будто про себя:

— «Два только такихъ красавца между стольниками царскими и есть: ты да Нарыпкинъ Аеоня... Вы словно братья родные... Тотъ только почернявѣй будетъ, да поплотнѣе чуточку... Такъ, такъ! Ну, ну, ступай, дружокъ! Христось съ тобой»...

Феодоръ Петровичъ вышелъ и приперъ за собою дверь. И старый бояринъ долго не сводилъ съ нея глазъ, какъ бы мысленно слѣдя за удалявшимся сыномъ. Потомъ онъ прилежъ на подушку, подремалъ немного и вдругъ, очнувшись отъ дремоты, тревожно спросилъ у Горбыля:

— «Заглядывалъ ли въ святцы?.. Какихъ сегодня святыхъ?»

— «Пахомія и Евфросина Псковскаго, да Арсенія Ларсійскаго... Да память убіенія блаженнаго царевича Дмитрія Углицкаго...

Бояринъ еще болѣе затревожился.

— «Сыщи-ка, Сеня, житіе царевичево... Вонъ въ томъ изборникѣ, что въ турскій сафьянъ переплетенъ... Да прочти-ка мнѣ житіе блаженнаго царевича»...

Сеня полѣзъ на полку около божницы, порылся, вытащилъ толстый рукописный изборникъ, присѣлъ на скамеечку около кровати боярина, разстегнулъ кованыя застежки книги, перелистала нѣсколько десятковъ страницъ и стала читать «Сказаніе о невинномъ убіеніи царевича Дмитрія».

Бояринъ слушалъ его очень внимательно, по временамъ приостанавливая и заставляя перечитывать нѣкоторыя мѣста, а иногда повторяя въ полголоса, вслѣдъ за чтеніемъ, витіеватыя выраженія, которыя казались ему особенно трогательными и назидательными. И только тогда, когда Горбыль, въ изложеніи «Сказанія», дошелъ до словъ: «и се злокозненніи убійцы и душегубители къ младенцу-царевичу приступаютъ и кровожаждуще простираютъ къ нему взоры»,—старый бояринъ замахалъ рукой и произнесъ въ полголоса:

— «Нѣтъ, нѣтъ! Постой—не читай дальше: я этого слышать не могу»...

Горбыль остановился на полусловѣ и вдругъ поднялъ голову, наклонилъ ее нѣсколько на бокъ и сталъ прислушиваться: дѣйствительно, какой-то странный, смѣшанный звукъ,—не то трескъ, не то звонъ, не то вопль,—сталъ въ это время доноситься откуда-то издалека...

— «Что это? Какъ будто спѣлохъ? Ужъ нѣтъ ли гдѣ пожара?»—нерѣшительно проговорилъ старый Горбыль, прислушиваясь.

— «Пойди, пошли когонибудь узнать»,—встревожился Петръ Михайловичъ,—«да воротись скорѣе доложить мнѣ».

Горбыль поспѣшно вышелъ, а старый бояринъ сталъ вслушиваться въ шумъ, долетавшій съ надворья, и пришелъ, наконецъ, въ совершенное недоумѣніе... То, что издали казалось трещотками, теперь явственно стало доноситься въ видѣ усиленнаго барабаннаго боя, къ которому не менѣе явственно примѣшивались неистовые, нестройные крики и звонъ набата. Крики, барабанный бой и гулъ шумящей народной толпы приближались все болѣе и болѣе, и наконецъ стало слышно, какъ за высокою оградой широкаго боярскаго двора толпа народа, крича и галдя, валила по улицѣ, запружая ее всю и всю наполняя своимъ шумомъ и гамомъ.

— «Что это, Господи! Бьютъ въ барабаны—кричатъ, шумятъ, бѣгутъ... Что это? Ужъ не смута ли какая?»—проговорилъ старый бояринъ, съ трудомъ поднимаясь съ изголовья и спустивъ ноги съ кровати.—«И Сеня мой тоже куда-то затряхнулся... Сеня! Сеня!»

— «Здѣсь я, здѣсь, бояринъ!» — откликнулся Горбыль, отворяя дверь. — «Бѣгалъ, разузнавалъ и въ толкъ-то ничего не возьму»...

— «Да что же это? Кто тамъ валить по улицѣ?.. Что это за барабаны?»

— «Стрѣльцы мутятся, бояринъ! Съ ружьями, и съ копьями, и съ бердышами, бѣгутъ полкъ за полкомъ, къ Кремлю»...

— «Зачѣмъ? Чего имъ надо?»

— «Кричатъ, что царя идутъ смѣнять...»

— «Царя смѣнять? Да что ты? Никакъ въ умѣ рехнулся?»

— «Не прогнѣвайся, бояринъ! Что слышалъ, то и тебѣ сказываю... Царя Петра на Ивана идутъ смѣнять»...

Бояринъ опустилъ печально свою сѣдую голову, почти бессознательно прислушиваясь къ удаляющемуся шуму и гаму толпы; и по мѣрѣ того, какъ она удалялась, все слышнѣе и слышнѣе становилось гудѣніе набата по окрестнымъ церквамъ и вносило невольный страхъ и тревогу въ душу cadaго мирнаго гражданина.

Долго, долго молчали и старый бояринъ, и старый слуга, не смѣя высказать другъ другу свои затаенныя опасенія...

Наконецъ, Петръ Михайловичъ поманилъ къ себѣ Горбыля и сказалъ ему:

— «Приподними меня да поддержи на колѣняхъ — помолиться хочу!»

И долго, долго онъ молился, со слезами, поддерживаемый Горбылемъ.

Вдругъ топотъ коня звонко раздался на помостѣ двора, послышались голоса служни, а, нѣсколько мгновеній спустя, кто-то спѣшно подбѣжалъ къ дверямъ опочивальни, распахнулъ ихъ, и Лука Сабуръ явился на порогѣ, оборванный, блѣдный, съ всклокоченными волосами... На лбу его былъ широкій рубецъ, изъ котораго сочилась кровь... Ею залитъ былъ весь передъ его кафтана. Какъ вошелъ, такъ и пальъ па колѣни передъ старымъ бояриномъ.

— «Батюшка, Петръ Михайловичъ! Стряслась бѣда великая!... Пришли въ Кремль стрѣльцы-головорѣзы, съ бердышами, съ копьями, со всякимъ оружіемъ, всѣхъ насъ съ площади согнали — кого побили, кого поувѣчили, боярскихъ коней, что въ повозки запряжены были, покололи, покалѣчили и всѣхъ изъ Кремля повыгнали, ворота наглухо заперли... Чинять тамъ надъ боярами расправу кровавую... Попытались было мы пробраться: такъ они чуть меня саблями не зарубили; а Ивана Дрозда и вовсе на копыя подыняли... Не знаю, что съ нимъ и сталося»...

Старый бояринъ, какъ стоялъ на колѣняхъ, такъ и опустился на руки Горбыля... Онъ не спрашивалъ, не добивался знать подробности того, что случилось въ Кремль — онъ сразу понялъ весь ужасъ положенія и только одно могъ твердить про себя:

— «Господи! Да будетъ воля Твоя... Да будетъ воля Твоя!»..

Лука Сабуръ долго простоялъ на колѣняхъ, ожидая, что скажетъ бояринъ, а на самомъ и лица нѣтъ — всѣ черты застыли, словно окаменѣли. Наконецъ, не дождавшись боярскаго слова, онъ сдѣлалъ надъ собою тяжкое усиліе и проговорилъ глухимъ голосомъ:

— «Батюшка, бояринъ! Дозволь мнѣ пойти, сыскать моего господина—живаго-ли, мертваго-ли! Хошь голову сложу, а отыщу его»...

— «Ступай, отыщи»,—чуть слышно произнесъ бояринъ Салтыковъ и, въ полномъ изнеможеніи отъ невыносимыхъ внутреннихъ страданій, опустился на изголовье.

Лука поднялся съ колѣнъ, отеръ полою кафтана кровь съ лица и вышелъ изъ боярскаго опочивальни.

IX.

Прошло нѣсколько часовъ въ трепетномъ ожиданіи и въ томительной неизвѣстности. Часы эти нѣвѣроятно долго и медленно тянулись для стараго боярина и его вѣрнаго стараго слуги. Они оба какъ бы замерли въ ожиданіи какого-то роковаго, страшнаго исхода изъ тревогъ и терзаній. Наконецъ, уже подъ вечеръ, въ то время, когда на боярскомъ дворѣ Салтыковыхъ вся дворня давно уже знала о буйствахъ и неистовствахъ, совершенныхъ стрѣльцами въ Кремль и Китай-городѣ, толпа стрѣльцовъ, человекъ въ пятьдесятъ, подошла къ воротамъ Салтыковского подворья и стала стучаться. Встревоженные и напуганные городскими слухами служня и дворня Салтыковыхъ столпились, какъ стадо безъ пастыря, около воротъ, и никто не зналъ, на что слѣдуетъ рѣшиться: отпирать-ли, или нѣтъ? Но за воротами раздался голосъ Луки Сабура, который крикнулъ имъ:

— Отпирайте, не сумлѣвайтесь! Впущайте боярича въ домъ родительскій!

Ворота отперли, и стрѣльцы вошли въ нихъ гурьбою, безъ кафтановъ, въ красныхъ рубахахъ, вооруженные бердышами, копьями и ружьями; у иныхъ рукава были засучены, и руки, и одежда еще запачканы кровью ихъ недавнихъ жертвъ... Многие были уже пьяны и смотрѣли кругомъ дико и свирѣпо... Но всѣ шли безъ шапокъ, окружая Луку Сабура, который бережно несъ на рукахъ чье-то тѣло, завернутое въ окровавленные лохмотья богатой боярскаго одежды и въ обрывки какого-то ковра.

Стрѣльцы остановились среди боярскаго двора. Опираясь на свои бердыши, копьа и ружья, они съ вызывающимъ видомъ, мрачно посматривали на служню боярскаго двора, которая стояла отъ нихъ поодаль и посматривала на нихъ со страхомъ и смущеніемъ... Затѣмъ отъ толпы отдѣлился съ десятокъ стрѣльцовъ, и они вмѣстѣ

съ Лукою двинулись къ крыльцу, вошли въ хоромы боярскія и направились прямо въ опочивальню Петра Михайловича:

— «Вотъ онъ—невинная жертва лютыхъ мучителей!»—проговорилъ Лука, вступая въ опочивальню; и онъ бережно опустилъ на коверъ истерзанннй трупъ несчастнаго боярича и сталъ около него на колѣни.

Старый бояринъ поднялся съ изголовья, никѣмъ не поддерживаемый, движимый какимъ-то страшнымъ напряженіемъ воли. Онъ вскользь бросилъ взглядъ на бездыханное тѣло сына и затѣмъ обратилъ его на стрѣльцовъ, смущенно-столпившихся у порога дверей. И этотъ взглядъ измозженнаго болѣзнию, умирающаго старца былъ такъ грозенъ, горѣлъ такимъ огнемъ, что «лютые мучители» не смѣли поднять передъ нимъ взоры...

— «За что убили вы моего сына?»—твердо проговорилъ старый бояринъ, отчетливо произнося каждое слово.

И каждое слово его, какъ молотомъ, ударило убійць въ голову...

— «Безъ вины убили, бояринъ,—проговорилъ, наконецъ, одинъ изъ нихъ.—Грѣхъ такой приключился... Онъ и указанъ намъ не былъ! Да мы его за измѣнника государева, за Аюньку Нарышкина приняли... Того искали, а сынъ твой подвернулся... Только тогда ужъ спохватились, какъ и того нашли да прикончили... Ужъ ты прости нашъ грѣхъ, бояринъ!»

Свѣтъ погасъ въ очахъ стараго боярина: онъ опустился въ изнеможеніи на изголовье и прошепталъ только чуть слышно:

— «Такъ Богъ судилъ ему и мнѣ! Да будетъ... Его... святая воля!»...

Стрѣльцы зашевелились около дверей: кто-то изъ нихъ хрипло проговорилъ, почти въ слухъ:

— «Ну, чего тамъ! Повинной головы мечъ не рубить!»...

И всѣ гурьбой двинулись въ сѣни, толкая другъ друга и сѣша покинуть этотъ домъ, въ которомъ имъ было тяжело и жутко оставаться...

Горбыль, рыдавшій въ углу у окошка, поднялся со своего мѣста, чтобы притворить дверь опочивальни, и вернулся къ постели, на которой бояринъ попрежнему неподвижно лежалъ на высокомъ изголовьѣ.

— «Сеня!—чуть слышно проговорилъ умирающій,—Богъ судилъ мнѣ не разставаться съ моимъ голубчикомъ... Похорони насъ рядомъ... въ одной могилѣ»...

И онъ замолкъ на вѣки... Когда, полчаса спустя, Горбыль наклонился къ боярину, чтобы посмотрѣть, что съ нимъ случилось, онъ увидѣлъ, что бояринъ не дышитъ... Пощупалъ его лобъ и руки, и убѣдился, что онъ уже мертвъ и холодѣеть...

— «Преставился!»—прошепталъ онъ, крестясь. »

— «Преставился»,— повторилъ глухо и Лука, все еще въ опѣпѣннѣи стоявшій на колѣняхъ у трупа своего обожаемаго бояряча.

И вдругъ, словно очнувшись отъ тяжкаго сна, оглянулся кругомъ, сверкнулъ глазами и, поднявъ къ иконамъ правую руку, проговорилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— «Богъ мнѣ порука, Никола угодникъ и святые двѣнадцать праздниковъ! Всю жизнь, пока не пошлетъ Господь по мою душу грѣшную, буду мстить злодѣямъ за невиннаго страдальца! Мстить, мстить имъ, звѣрямъ лютымъ, кровопійцамъ проклятымъ, до самаго смертнаго моего часа!»

И онъ рыдая упалъ на истерзанный трупъ своего господина.

Х.

Прошло три мѣсяца со времени этихъ страшныхъ событій. Много за это время воды утекло; много совершилось и такихъ событій, какихъ изначала не видывала бѣлокаменная столица Московскаго государства. Во главѣ государства, послѣ кровавыхъ майскихъ дней, явился не одинъ ужъ, а два царя, а надъ царями возвысилась правительница государства, царевна Софья Алексѣевна: женщина во главѣ правленія! Около царевны-правительницы явились новые люди: Василій Голицынъ, Иванъ Милославскій и Иванъ Хованскій, на время все захватившій въ свои руки...

Но въ общей массѣ московскаго населенія продолжало тяготѣть надъ всѣми то же тягостное и мрачное настроеніе, которое всегда овладѣваетъ народомъ, когда онъ не чувствуетъ надъ собою достаточно твердой власти, не надѣется на нее, какъ на крѣпкую опору, и опасается возникновенія смуты, хотя никто ни опредѣлить, ни предвидѣть не можетъ, откуда эти смуты возникнуть... Всѣ жили, что называется, со дня на день, не загадывая на долгое время, и у всѣхъ на устахъ была обычная въ подобные періоды фраза:

— «По нонѣшнимъ смутнымъ временамъ»...

Во всей Москвѣ въ это время быть, кажется, только одинъ человекъ, который зналъ, чѣмъ можно было «смуты избыть» и вновь вернуться къ «временамъ мирнымъ и безмятежнымъ». Онъ зналъ, чего хотѣлъ, онъ намѣтилъ себѣ опредѣленную цѣль, онъ къ ней страстно стремился всѣми силами своей простой, безхитростной души... Человекъ этотъ былъ Лука Сабуръ. Современная ему дѣйствительность—эти такъ называемыя «нонѣшнія времена» — представлялась ему въ такомъ видѣ: вся смута, всѣ бѣды, всѣ опасенія за будущее—все это исходитъ отъ одного злодѣя, князя Ивана Хованскаго; онъ и весь стрѣлецкій бунтъ затѣялъ; у него въ домѣ и собирались главные зачинщики и заводчики смуты; отъ него и розданы были по рукамъ стрѣльцовъ списки, по которымъ совершены были убійства: отъ него и теперь все зло исходитъ... Стоить только

его «принять»—и все пойдет попрежнему, и стрѣльцы уймутся, и возстановится повсюду тишь, да гладь, да Божья благодать.

— «Его принять слѣдуетъ — и пусть я, какъ смраднѣйшій пѣсь издохну на плахѣ, а ужъ всажу я ему ножъ въ сердце! Не умру безъ того!» — вотъ что стало для него завѣтнѣйшею мечтою его сердца, думаю, никогда не выходившею у него изъ памяти и сознанія... Съ этою думою онъ ложился вечеромъ въ постель и поднимался утромъ, и носился безысходно цѣлый день-деньской, съ той самой минуты, когда произнесъ свою страшную клятву надъ окровавленнымъ и охладѣвшимъ трупомъ своего дорогого боярича.

Выпущенный на волю послѣ смерти боярина Петра Михайловича, онъ, вмѣстѣ съ другими холопами Салтыковыхъ, получилъ небольшой надѣлокъ изъ общей суммы, назначенной на роздачу бывшимъ слугамъ боярина, и, кое-какъ перебиваясь и еще не зная, за какое дѣло принятъ, или куда приклонить голову, жилъ въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ своимъ малымъ достаткомъ. Но достатокъ сталъ подходить къ концу, и Лукѣ пришлось наконецъ пріютиться у одного изъ родичей, служившаго младшимъ подключникомъ на житномъ дворѣ Большого дворца. Отъ этого-то родича онъ успѣлъ прознать о кое-какихъ слухахъ и сплетняхъ, подъ покровомъ глубокой тайны распространяемыхъ во дворцѣ правительницы:

— «Хованскіе де князья, и отецъ и сынъ, больно царевнѣ-матушкѣ пріѣлись... ей де отъ нихъ приходится тошнѣхонько, и она бы и рада отъ нихъ отдѣлаться, да, молъ, ихъ побаивается, потому стрѣльцы больно крѣпко за Хованскихъ стоятъ готовы»...

А вскорѣ послѣ того отъ своего пріятели стрѣльца онъ узналъ, что царевна-правительница себѣ между стрѣльцовъ опоры ищетъ, старается ихъ отъ Хованскаго отвадить, а къ себѣ прилучить, и что вотъ ужъ «Стремянный и Сухаревъ полкъ отъ всѣхъ стрѣльцовъ отставать стали и въ руку правительницѣ вѣ-какъ гнуть»...

Всѣ эти слухи и толки затрогивали Луку за живое и не давали ему покоя. Постоянно занятый все тою же, одною, страстно-лежбемою думою, страдая непрерывно тою же нестерпимою жаждою мести, онъ сталъ наконецъ думать, что, убивъ стараго Хованскаго, котораго всѣ величали «стрѣлецкимъ батькой», онъ окажетъ чуть ли не услугу самой правительницѣ, избавить и Москву отъ гвоящей ей бѣды неминуемой.

Въ этихъ видахъ и съ этою именно цѣлью Лука Сабуръ много разъ рѣшался на отчаянное дѣло—убить стараго князя Хованскаго у него на подворьи, либо подстеречь его на пути во дворецъ, и потому никогда не разставался съ завѣтнымъ, остро-отточеннымъ ножемъ-засапожникомъ, который носилъ за голенищемъ и приберегалъ на этотъ именно случай... Но всѣ попытки его проникнуть въ домъ князя Хованскаго оказывались тщетными: то князя не было на Москвѣ, то къ нему никого не допускали, потому что онъ былъ по-

стоянно окруженъ толпою всякихъ чающихъ отъ него милостей и щедротъ. Пытался Лука и тайно проникнуть въ домъ князя и добратся до его опочивальни, но убѣдился въ томъ, что стрѣльцы тщательно князя оберегаютъ, и однажды едва унесъ изъ княжескихъ хоромъ свою буйную головушку. И сколько разъ ни поджидаль Лука князя на пути его слѣдованія во дворецъ, но каждый разъ къ нему и тутъ никакого подступа не было, потому что князь ѣзжалъ не иначе, какъ въ каретѣ, около которой шло и ѣхало до сотни стрѣльцовъ. А тутъ, какъ разъ, черезъ того же родича, подлючника на Житномъ дворѣ, Лукѣ представился случай поступить на службу въ Стремянный стрѣлецкій полкъ, и онъ охотно воспользовался этимъ случаемъ, сообразивъ, что ему, какъ стрѣльцу, легче будетъ дойти до князя Хованскаго и удобнѣе будетъ выполнить свой завѣтный, глубоко-затаенный замыселъ...

Но и тутъ его постигла неудача: онъ и трехъ недѣль еще не прожилъ въ полку, еще ни разу, надѣвъ стрѣлецкій строевой кафтанъ, не успѣлъ увидѣть своего начальника, какъ разнесся слухъ о томъ, что великіе государи съ государыней-правительницей изволятъ шествовать изъ Москвы на богомолье въ обитель Саввы Звенигородскаго, и что Стремянный полкъ пойдетъ за ними слѣдомъ. Лука былъ просто въ отчаяніи, что ему придется изъ Москвы уѣхать и отложить выполнение своего замысла на неопредѣленное время; пытался онъ отпроситься у полковника, чтобы его хоть ненадолго оставили въ Бѣлокаменной, но тотъ такъ грозно на него прикрикнулъ, что Лука Сабуръ не посмѣлъ ему перечить и послѣдовалъ за полкомъ въ походъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прибылъ въ село Воздвиженское, на Троицкой дорогѣ, гдѣ временно остановился Дворъ на отдыхъ.

Только прибывши въ это село, Лука замѣтилъ въ немъ какое-то необычайное оживленіе. Изъ села въ Москву и въ другіе окрестные города то и дѣло скакали гонцы за гонцами; въ село каждый день, съ разныхъ сторонъ, наѣзжали дворяне съ вооруженною свитою холопей; около загороднаго дворца днемъ и ночью разъѣзжали вооруженные стражи изъ стрѣльцовъ и дѣтей боярскихъ, и въ ворота его, накрѣпко запертыя, допускались только приближеннѣйшія лица изъ бояръ, отовсюду нахлынувшихъ въ село Воздвиженское, будто бы съ поздравленіями къ наступающему дню тезоименитства царевны-правительницы. Лука слышалъ толки о какихъ-то угрозныхъ подметныхъ письмахъ, о какихъ-то случайно открытыхъ заговорахъ, но все это было такъ темно и неясно, что ни онъ самъ, ни кто либо изъ его товарищей не могъ въ этихъ толкахъ разобратся, не могъ ничего уяснить себѣ. Всѣ только видѣли, что творится что-то недоброе, что окружающіе правительницу бояре чего-то опасаются, принимаютъ на случай какія-то мѣры предосторожности, но дѣло велось до такой степени скрытно и хранилось въ такой глубокой тайнѣ, что никто изъ меньшей братіи не могъ постигнуть,

откуда именно грозила опасность правительницѣ и ея царственнымъ братьямъ.

Такъ наступилъ достопамятный день 17-го сентября 1682 года!

XI.

Въ тотъ день, на разсвѣтѣ, Лука Сабуръ смѣнился съ караула у главныхъ въѣздныхъ дворцовыхъ воротъ и вмѣстѣ съ товарищемъ, который былъ съ нимъ въ этой смѣнѣ, направился ко двору села, гдѣ стоялъ постоемъ ихъ десятокъ.

Лука, простоявшій на караулѣ съ полуночи, не сомкнувшій глазъ во все это время, плелся домой сумрачный, угрюмый и усталый; тяжелая фузея ломила ему плечо, перевязъ съ берендейкою и дюжиною болтавшихся на ней патроновъ докучно побрякивали на ходу, а бердышъ, который приходилось нести на перевѣсѣ, оттягивалъ ему правую руку. Утомленіе давало себя чувствовать, и Лука еле-еле передвигалъ ноги, думая только о томъ, какъ онъ доберется до своей лавки въ избѣ. Вѣроятно, и его товарищъ былъ занятъ тою же мыслью и такъ же утомленъ, какъ онъ, потому что брелъ ѓ-бокъ съ нимъ молча и лишь изрѣдка сердито оправлялъ перевязъ на плечѣ и отплевывался на ходу. Отойдя съ полверсты отъ двора, оба стрѣльца стали спускаться съ пригорка въ ложбину, къ перекрестку, гдѣ имъ приходилось свернуть налѣво, перейти мостъ и направиться къ своей избѣ на задворкахъ; но едва только они спустились по тропинкѣ, прошли кусты и собирались выйти на дорогу къ селу, обсаженную густыми, тѣсно-разросшимися деревьями, какъ передъ ними, словно изъ земли, выросли два всадника, вооруженные съ головы до ногъ.

— «Стоить здѣсь, обожди!» — сказалъ одинъ изъ нихъ, заступая имъ конемъ дорогу.

— «Что за притча? Изъ-за чего мы тутъ стоять станемъ? Довольно на караулѣ постояли!» — грубо отозвался спутникъ Луки Сабура.

— «Не приказано пуцать!» — крикнулъ ему всадникъ, выразительно наклоняясь къ лукѣ сѣдла и вытаскивая пистолю.

— «Кѣмъ не приказано? У насъ свое начальство есть, небось!» — вступился гнѣвно Лука Сабуръ.

— «По указу великихъ государей никого пропускать не велѣно!» — спокойно отвѣтилъ ему другой всадникъ. — «А съ ослушниками воли государевой поступать приказано, какъ съ разбойниками».

И тотъ тоже вынулъ пистолю.

— «Такъ что же — тутъ намъ сидѣть, что ли, прикажешь? Ночь-то не спавши на службѣ царской»...

— «Обождать придется не долго... Выспишься, авось?» — шутливо замѣтилъ первый всадникъ.

Стрѣльцы спустили фузеи съ плеча, оперлись ихъ прикладами въ землю и угрюмо опустили усталыя головы на руки. Но ждать имъ дѣйствительно пришлось недолго. Справа послышался за деревьями топотъ коней и бряцанье оружія; слышно было, что двигался по дорогѣ значительный конный отрядъ, хотя изъ-за деревьевъ, окутанныхъ утреннимъ туманомъ, и нельзя было различить съ полною ясностью, сколько коней шло въ отрядѣ, который спустился къ рѣкѣ, протопоталъ по мосту, а за мостомъ раздѣлился надвое и направился въ объѣздъ села.

— «Ну, вотъ теперь и вашъ путь чистъ!»—сказалъ одинъ изъ всадниковъ, засовывая пистоль въ кобуръ у луки сѣдла и собирая поводья.

Потомъ оба всадника снялись съ мѣста, охлестнули коней плетями и вскачь пустились догонять удалившіяся отрядъ.

— «Что за диковина? Что бы это значило?»—обратился къ Лукѣ съ вопросомъ его товарищъ.

— «Неладное что-то творится, братецъ мой!»—отозвался Лука Сибуръ.—«И видишь, а понять не можешь?»

Переговаривая о видѣнномъ, оба стрѣльца дошли до села; пытались разспрашивать и встрѣчныхъ крестьянъ, и товарищей; но оказалось, что всѣ знали ровно столько же, сколько они сами, потому что на разсвѣтѣ на обоихъ концахъ села Воздвиженскаго явились сильныя конныя разѣзды, которые никого изъ села не выпускали, а затѣмъ снялись и ушли вслѣдъ за какимъ-то коннымъ отрядомъ сотни въ двѣ коней, который прошелъ кругомъ села въ обходъ по задамъ.

Но усталость наконецъ-таки взяла свое: Лука, тотчасъ по приходѣ домой, сунулся было въ избу, душную и смрадную отъ множества спавшихъ въ ней стрѣльцовъ; но потомъ, вмѣстѣ съ товарищемъ, поставивъ оружіе на мѣсто и повѣсивъ около него перевязи и берендейки, забрался на сѣноваль, подложилъ кафтанъ подъ голову и заснулъ мертвымъ сномъ.

Долго ли спалъ онъ,—и спалъ такъ крѣпко, что даже и сновъ не видалъ!—этого онъ и самъ бы не могъ сказать... Но пробужденіе его было какое-то странное, неожиданное и необычное... Еще прежде, чѣмъ его стали расталкивать, прежде, чѣмъ онъ успѣлъ открыть крѣпко слипшіяся вѣки, онъ уже слышалъ около себя какой-то неясный шумъ, голоса, бѣготню, топотъ, суматоху тревоги...

— «Вставай, вставай скорѣе, чортъ! дьяволь!»—кричалъ надъ самымъ ухомъ его знакомый голосъ товарища, который что есть мочи трясъ его за руку.

— «А!.. Что?!. Пожаръ, тревога!»—проговорилъ Лука, вскакивая съ просонковъ стараясь опознаться въ полутьмѣ сѣновала.

— «Скорѣй, скорѣй! Бѣги! Полковникъ требуетъ! Ужъ вся сотня въ сборѣ, на улицѣ!»—и скрылся за дверью.

Шатаясь, какъ пьяный, Лука еле-еле успѣлъ розыскать кафтанъ и шалку, опоясаться и выбѣжать на улицу, гдѣ дѣйствительно всѣ стрѣльцы Стремяннаго полка были уже въ сборѣ, безъ оружія, въ однихъ кафтанахъ и шалкахъ, и чего-то ждали. Лука поспѣшно розыскалъ свое мѣсто и едва только успѣлъ занять его, какъ изъ ближней избы вышелъ ихъ полковникъ, а рядомъ съ нимъ высокій, худощавый мужчина, съ просѣдью въ длинной и жидкой бородѣ. Лука припомнилъ, что видѣлъ его въ послѣдніе дни во дворцѣ, и что на него указывали, какъ на одного изъ дьяковъ царевны Софьи.

Полковникъ о чемъ-то вполголоса переговорилъ въ дьякомъ и потомъ обратился къ стрѣльцамъ:

— «Господа стрѣльцы! Присланъ къ намъ господинъ дьякъ отъ государыни царевны съ запросомъ, не похочеть ли кто изъ васъ ей службу сослужить: повершить двоихъ измѣнниковъ государевыхъ... Ихъ захватили, и привезли, и вершить порѣшили... а заплечный мастеръ запоздалъ на Москвѣ... И вотъ... большая будетъ награда... тому... ежели кто возьмется»...

Полковникъ чѣмъ далѣе говорилъ, тѣмъ болѣе путался въ словахъ, встрѣчая отовсюду направленные на него сумрачныя, недоумѣвающіе взгляды стрѣльцовъ. И когда рѣчь полковника оборвалась на послѣднемъ словѣ, гробовое молчаніе было ему отвѣтомъ. Потомъ, даже легкій ропотъ пробѣжалъ по рядамъ; но дьякъ, замѣтивъ это, поспѣшилъ вступиться...

— «Господа стрѣльцы! Измѣнники государевы, князя Ивана и Андрей Хованскіе, умыслили на здоровье государево, стрѣльцовъ въ Москвѣ за послѣднее время мутили и на ихъ государскую погибель призывали!.. Государыня-правительница ихъ сегодня захватить повелѣла, сюда въ село Воздвиженское привезти... И здѣсь ихъ судятъ, и они уже въ своемъ воровствѣ повинились, а заплечнаго мастера нѣтъ... Ужели изъ васъ не выщется ни одинъ такой вѣрный и преданный слуга и рабъ великихъ государей, чтобы измѣнниковъ вершить на плахѣ и достойный конецъ воздать имъ за ихъ злодѣянія»...

И дьякъ, произнеся эти слова, обвелъ всѣ ряды пронизательнымъ, испытующимъ взглядомъ. Но то же молчаніе продолжалось, къ великому недоумѣнію дьяка, еще одно мгновеніе... Потомъ вдругъ какое-то волненіе стало замѣтно въ заднихъ рядахъ, и чей-то громкій голосъ произнесъ явственно:

— «Я! Я ихъ повершѹ!»

— «Кто?! Кто такой? выходи!»—крикнулъ дьякъ, встрепенувшись и почти обрадовавшись.

— «Выходи!»—несовѣмъ рѣшительно крикнулъ полковникъ.

Лука Сабуръ протѣснился сквозь передніе ряды и, блѣдный, дрожащій, взволнованный, сталъ передъ дьякомъ.

— «Я... ихъ повершѹ!»—повторилъ онъ, сверкая глазами и снимая шапку передъ дьякомъ.

— «Ну, вотъ и ладно! Такъ ѣдемъ, ѣдемъ поскорѣе во дворець... На твоей вѣрной службѣ тебя великіе государи не забудутъ—наградятъ!»—поспѣшно заговорилъ дьякъ, направляясь къ своей колымагѣ и таща Сабура за рукавъ.

— «Не надо мнѣ никакой награды! Такъ ихъ повершѹ!»—мрачно проговорилъ Сабуръ, поспѣшая вслѣдъ за дьякомъ къ колымагѣ, среди гробового молчанія стрѣльцовъ, ошеломленныхъ всѣмъ, что они видѣли и слышали.

ХІІ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ той поры, какъ князья Хованскіе, отецъ и сынъ, сложили головы на плахѣ; они были забыты толпою, какъ и многіе другіе временщики, ранѣе ихъ поднявшіеся наверхъ величія и славы и, подобно метеорамъ, безслѣдно исчезнувшіе въ туманъ прошлаго... Поунялись и стрѣльцы, такъ высокомѣрно державшіе себя при Хованскомъ и порядкомъ напуганные грозюю запасной рати, которая по указу царевны-правительницы такъ быстро собралась подъ Троицкой обителью, временно укрывшей въ своихъ стѣнахъ обоихъ великихъ государей и государыню-правительницу. Софья, окруженная своею партией и опирающаяся на лукаваго Ивана Милославскаго, почувствовала себя болѣе, чѣмъ когда-либо окрѣпшею во власти, и дѣйствовала уже самостоятельно и увѣренно...

Она не забыла услугу, которую ей такъ кстати оказать рядовой стрѣлецъ Стремяннаго полка, Лука Сабуръ. Когда онъ, по совершеніи казни надъ князьями Хованскими, былъ приведенъ къ царевнѣ Милославскимъ и отказался принять изъ рукъ ея крупную денежную награду,—она приставила его ключникомъ къ погребному запасу на Житномъ дворѣ и, такимъ образомъ, дала ему на всю жизнь полное обезпеченіе въ видѣ одного изъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ, по народному присловью, «и умирать не надо».

Но Луку Сабура не радовало ни это мѣсто, ни обезпеченное житіе, ни тѣ доходы, которые съ его мѣстомъ были сопряжены, и въ нѣсколько лѣтъ могли доставить ему крупный достатокъ...

Онъ ходилъ постоянно угрюмый и сумрачный, удалялся отъ всѣхъ людей, иногда по цѣлымъ днямъ не переступая порога своей просторной избы и никого къ себѣ на порогъ не пуская. Весьма естественно, что его на Житномъ дворѣ никто не залюбливалъ, и что всѣ отъ него сторонились, стараясь всякими каверзами и ябедами отъ него избавиться... Но это было не легко, потому что Лука исполнялъ свою обязанность очень строго и добросовѣстно, погребной запасъ соблюдалъ въ порядкѣ и на отчетѣ, и не давалъ сво-

ему ближайшему начальству никаких поводов къ привязкамъ. Однако же тяжелый сумракъ не сходилъ съ его души, не покидалъ ее ни на часъ, и часто угнеталъ его такъ жестоко, что онъ ни днемъ нигдѣ не находилъ себѣ мѣста, ни ночью не зналъ покоя. И днемъ, и ночью, то и дѣло, чуть только онъ впадалъ въ дремоту и отвлекался отъ дѣйствительности, ему мерещилась площадка передъ воротами загороднаго дворца въ Воздвиженскомъ, бояре, сидящіе поодаль на скамьяхъ, поставленныхъ полукружьемъ, ряды вооруженныхъ конныхъ отрядовъ, окружающихъ шаткіи помости, и на немъ—двѣ плахи, обрызганныя кровью, два тѣла еще почти живыхъ, по которымъ пробѣгаютъ послѣднія содроганія, и двѣ головы въ его рукахъ, съ укоромъ и проклятіемъ, замершими на устахъ...

Напрасно онъ старался себя отуманить, оправдать, утѣшить тою жаждою мести, которую онъ утолил кровью Хованскихъ; напрасно онъ убѣждалъ себя въ томъ, что онъ долженъ былъ поступить такимъ образомъ, что не могъ нарушить клятвы: внутренній голосъ говорилъ ему внятно, что сынъ Хованскаго не могъ принимать участія въ тѣхъ злодѣяніяхъ, за которыя онъ мстилъ такъ страшно отцу! И невольно угрызения совѣсти поднимали со дна его души невыносимыя муки, и долгія ночи проводилъ онъ безъ сна, среди тѣхъ же знакомыхъ ему страшныхъ видѣній...

Однажды, подъ вечеръ, случилось ему идти Кремлевской площадью, мимо Приказовъ: онъ возвращался на Житный дворъ отъ вечерни, которую отстоялъ въ Успенскомъ соборѣ. Какъ разъ на перерѣзъ его дорогѣ, тою же площадью, ковылялъ покачиваясь изъ стороны въ сторону, какой-то пьяный оборванецъ. Грязные лохмотья, подпоясанные мочаломъ, едва прикрывали его худое тѣло, и какое-то подобіе рваной шапчонки еле-еле держалось на его вклоченныхъ, длинныхъ волосахъ, торчавшихъ во всѣ стороны беспорядочными прядями...

— «Господинъ честной! а, господинъ честной—Христову милостыньку... Хошь на крючокъ... потому душа горить!»

Лука Сабуръ глянулъ на оборванца исподлобья и вдругъ узналъ въ немъ знакома:

— «Сенька Блудъ!»—проговорилъ онъ почти дружелюбно и протянулъ было руку за мощной...

Но Блудъ вдругъ испуганно отъ него отшатнулся и замахалъ отчаянно руками...

— «Не надо! Не надо!.. Не давай... Не возьму отъ тебя милостыни... Кровью пахнетъ!»—завопилъ Блудъ.

Сабуръ вздрогнулъ и, оглядываясь кругомъ, проговорилъ смущенно:

— «Что ты, Богъ съ тобой! Чай не призналъ меня?»...

— «Какъ не признать!»—уже весьма настойчиво и нахально

проговорилъ Блудъ, упираясь костлявыми кулаками въ бока и пристально вглядываясь въ лицо Сабура.—«Какъ не признать—заплечнаго-то мастера! Кто тебя не знаетъ? Хованскихъ-то повершилъ... Какъ не признать! На крови ихъ себѣ домъ строишь, мощну свою набиваешь, ихъ кровью напитавшись!»...

— «Молчи, собака! Врешь!.. Я не за деньгами погнался, когда ихъ вершить пошелъ!»— прохрипѣлъ Лука, хватая Блуда за плечо и тряся его изо всей силы.—«Я по государеву приказу измѣнниковъ казнилъ»...

— «Измѣнниковъ!»—злобно и язвительно пропипѣлъ Блудъ, вырываясь изъ рукъ Сабура.—«Анъ нѣтъ, ошибся! Измѣнники-то вонъ гдѣ засѣли!»—добавилъ онъ, указавъ на вышки Кремлевскаго Большого дворца.—«Сидятъ тамъ и радуются, что ты, дуракъ, ихъ отъ Хованскихъ избавилъ... Вмѣстѣ смуту затѣвали, вмѣстѣ кровь проливали: кстати ли было вмѣстѣ и дуванъ дуванить? Хе, хе, хе!»

И, махнувъ рукою на Сабура, Блудъ заковылялъ въ сторону отъ него, громко смѣясь и мотая на ходу своей косматой головой.

Лука Сабуръ простоялъ съ минуту, какъ вкопанный, къ великому соблазну порядочной кучки зѣвакъ, собравшейся кругомъ Блуда; потомъ, какъ бы опомнившись, схватился за голову и опротясь бросился бѣжать по площади, къ Житному двору.

На другой день, спозаранокъ, сторожа и подлючники, служившіе подъ началомъ Луки Сабура, долго и тщетно стучались въ дверь его избы, требуя отъ него выдачи погребнаго запаса: дверь была накрѣпко заперта изнутри, и никто изъ-за нея не отзывался на призывные крики. Пошли наконецъ съ жалобой къ подъячому, и тотъ, посовѣщавшись со своею братією, приказалъ взломать дверь...

Приказъ былъ исполненъ: въ избу Луки Сабура вошли разомъ нѣсколько человекъ и, едва ступивъ изъ сѣничекъ въ комнату, почти наткнулись на охладѣвшій уже трупъ его, лежавшій среди большой лужи крови... Лука лежалъ, крестомъ раскинувъ руки: широкій засапожникъ былъ по рукоятъ всаженъ въ грудь его, противъ самаго сердца.

II. Полевой.

ВОСПОМИНАНІЯ ПРОПАЩАГО ЧЕЛОВѢКА¹⁾.

VIII.

Торговля книгами въ разность. — Книгопродавецъ Шатаевъ. — Братья К. — Поѣздка на родину. — Въ Мышкинѣ на ярмаркѣ. — Въ селѣ Заозерьѣ. — Неудачная торговля. — Въ Калязинѣ. — Знакомство съ Садовскимъ. — Наши странствованія по деревнямъ. — Кража. — Продажа краденыхъ вещей. — Ссора съ Садовскимъ. — Прошеніе милостыни. — Въ острогѣ. — Осторожная компанія. — Отправленіе по этапу въ Угличъ. — Пожаръ. — Знакомство съ Кузнецовымъ. — Возвращеніе въ Петербургъ.

А ЭТОГЪ разъ я пріѣхалъ въ Петербургъ уже съ опредѣленнымъ намѣреніемъ заняться книжною торговлею. Но, чтобы торговать, нужны деньги, а у меня ихъ не было; зять не могъ дать мнѣ; онъ тоже нуждался—ему на Пасху нужно было открывать лавку.

Я началъ искать себѣ работы, и такъ какъ была весна, то и находилъ ее по дачамъ. Гдѣ возьмусь садъ расчистить, гдѣ канавы окопать и, такимъ образомъ, въ теченіе мѣсяца я кое-что заработалъ.

Заработанныя деньги я отдавалъ сестрѣ, но, конечно, ихъ было немного, и она, истративъ изъ нихъ нѣсколько рублей мнѣ на бѣлье и прочее необходимое, послѣдніе три рубля попросила дать зятю въ оборотъ, пока я не примусь за свою торговлю. Я такъ и сдѣлалъ и самъ, какъ умѣлъ, помогалъ ему въ торговлѣ.

Съ весны дѣла у дачныхъ торговцевъ идутъ всегда не важно.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», 1896 г., т. LXIII, стр. 440.

Въ первое время они на перебой, другъ передъ другомъ, стараются продать товаръ какъ можно подешевле, чтобы заручиться покупателями на все лѣто; а затѣмъ уже съ ввѣрившихся имъ покупателей и наперстываютъ весенніе недохватки. То же самое было и съ моимъ зятемъ: я видѣлъ, что онъ самъ очень нуждался въ деньгахъ,—не спрашивалъ у него моихъ трехъ рублей, хотя и сгоралъ желаніемъ заняться своей торговлей.

29-го іюня 1863 года я взялъ наконецъ у зятя три рубля и отправился въ рынокъ купить книжекъ. Не помню уже, указалъ ли мнѣ кто, или я самъ забрелъ въ лавку Василия Гавриловича Шатаева. Онъ надавалъ мнѣ разной мелочи: азбукъ, пѣсенниковъ, сказокъ, житій святыхъ, сомоновъ и т. п.

Первое время я торговалъ мелкими народными изданіями и картинами, имѣвшими тогда несравненно большую цѣнность, чѣмъ теперь. Затѣмъ я сталъ почти ежедневно заходить въ Сытный рынокъ, гдѣ, въ такъ называемомъ Пассажицкѣ, т. е. маленькихъ деревянныхъ ларькахъ, стоявшихъ въ два ряда, посрединѣ грязной немощенной площади, ютились торговцы разнымъ старьемъ. У этихъ торговцевъ, при отсутствіи тогда еще книжныхъ лавочекъ на улицахъ, встрѣчались не рѣдко старья и дѣльные книжонки, которыя я и покупалъ почти за безцѣнокъ.

Торговать я ходилъ преимущественно по дачамъ въ Лѣсной Корпусъ, Новую и Старую деревни, Парголово, Коломяги и по островамъ. Вначалѣ я торговалъ совершенно особнякомъ. Изъ прочихъ книгопродавцевъ, кромѣ Шатаева, я ни къ кому не ходилъ и ни съ кѣмъ не знался. Всѣ приобретаемыя на сторонѣ книги я носилъ показывать Василию Гавриловичу и большею частью промѣнивалъ или на его собственныя, или на дешевыя московскія изданія, за что онъ меня любилъ,—давалъ совѣты по торговлѣ и частенько водилъ въ трактиръ угощать чаемъ.

Шатаевъ былъ тоже не изъ настоящихъ книгопродавцевъ. Прежде онъ былъ посудникомъ; но основавъ, по совѣту и при поддержкѣ В. В. Холмушина, книжную торговлю народными изданіями, впоследствии сдѣлался самъ издателемъ множества народныхъ дешевыхъ книгъ. Всегда трезвый, расчетливый, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, некупой и доброжелательный, онъ, не обладая большими познаніями по книжному дѣлу, чрезъ десятокъ или полтора лѣтъ, сдѣлался въ Петербургѣ первымъ торговцемъ народными книгами и картинами.

Въ это первое лѣто, не смотря на мои малыя свѣдѣнія въ книжной торговлѣ, я торговалъ недурно и завелъ знакомство съ нѣкоторыми изъ дачныхъ покупателей.

Первыми моими знакомыми изъ господъ были три брата К.,—одинъ изъ нихъ былъ тогда студентомъ, а два еще гимназистами. Я очень часто, проходя по Поклонной горѣ, останавливался у за-

нимаемой ими дачи отдыхать и бесѣдовать съ ними. Они были моими учителями и впоследствии имѣли большое вліяніе на мое развитіе; по настоянію старшаго написаны и эти воспоминанія. Но въ первый годъ знакомство мое съ ними ограничивалось только нѣсколькими бесѣдами на дачѣ и посѣщеніемъ ихъ въ городѣ—въ Троицкомъ переулкѣ, гдѣ я былъ пораженъ привѣтливымъ и ласковымъ приѣмомъ, оказаннымъ мнѣ со стороны всего ихъ семейства.

Запасъ моего товара и особенно недостаточность знанія въ немъ давали мнѣ мало хорошихъ покупателей; но все-таки я въ это же лѣто сумѣлъ приобрести себѣ покупателемъ П. А. Муханова, къ которому впоследствии нѣсколько лѣтъ ходилъ и продавалъ книги, чуть ли не на всѣхъ европейскіхъ языкахъ, имѣвшія историческій и описательный характеръ.

Съ наступленіемъ осени, когда дачники поразѣхались, торговля моя пошла хуже, но мною за лѣто было скоплено немного деньжонокъ, и потому я могъ бы, при даровой квартирѣ у зятя, вести это дѣло и зимой безъ большой нужды. Но осенью у меня явились пріятель изъ разныхъ забастовавшихъ дачныхъ торговцевъ; я началъ поигрывать съ ними въ карты и погуливать, почему, въ скоромъ времени, скопленные мною лѣтніе барыши истощились, и я, собравъ остатки своего лѣтняго товара, рѣшился отправиться опять на родину съ тѣмъ, чтобы тамъ заняться этой же торговлей.

Приѣхавъ я въ Угличъ на этотъ разъ съ большимъ мѣшкомъ разныхъ книгъ и книжечекъ. Однако, торговать въ своемъ городѣ на рынкѣ или въ разноску этимъ товаромъ мнѣ показалось дѣломъ стыднымъ, при томъ же и родные мои смотрѣли на это дѣло какъ-то непривѣтливо; отецъ считалъ его шарлатанствомъ, и потому я рѣшилъ торговать по окрестнымъ ярмаркамъ и базарамъ.

Прежде всего я отправился на ярмарку въ г. Мышкинъ, отстоящій отъ Углича въ тридцати верстахъ. Путешествіе это я совершилъ пѣшкомъ въ ночь, съ ношею на головѣ, потому что денегъ у меня не было ни на извозчика, ни на ночлегъ. Не смотря на то, что книги у меня были старыя, а иныя не полныя, я продалъ въ Мышкинѣ, въ два дня, порядочное ихъ количество и съ барышемъ. Вернувшись домой, я долженъ былъ отдать деньги махихъ на расходъ, и такимъ образомъ изъ моей торговли ничего не вышло, кромѣ убыли товара.

Прошла еще недѣля, или полторы; я просидѣлъ безъ дѣла. Дома опять начались выговоры и попреки дармоѣдствомъ, и я надумалъ отправиться съ остатками своего товара въ село Заозерье на Никольскій базаръ.

Идти нужно было тридцать пять верстъ. Погода была холодная, снѣжная, а денегъ у меня опять ни копейки. Собрался я подъ вечеръ; взвалилъ на голову мѣшокъ и зашелъ къ теткѣ, торговавшей тогда въ кабакѣ, попросить у нея гривенничекъ, на который доро-

гою, на перепутьи, хотѣлъ попить чайку; но тетка мнѣ не повѣрила гривенника, и я долженъ былъ всю ночь тащиться съ ношею до базара.

Въ Заозерьѣ я торговалъ уже хуже, чѣмъ въ Мышкинѣ, во-первыхъ, потому, что товару у меня было гораздо меньше; а, во-вторыхъ, потому, что въ окрестностяхъ этого села народъ поспѣрѣе, и тогда еще было мало грамотныхъ. Но я встрѣтился здѣсь съ однимъ московскимъ торговцемъ картинами и мелочью, и тотъ сманилъ меня отправиться вмѣстѣ съ нимъ торговать далѣе по селамъ, а потомъ пройти въ Москву за новымъ товаромъ.

Пѣшіе мы пробрались въ Владимірскую губернію, версть за сто отъ нашего города, и по дорогѣ торговали въ селѣ Троицѣ на Нерлѣ; но дѣла наши подвигались плохо: то, что продавали, то и проѣдали. Наконецъ, въ Николинъ день, въ селѣ Хребтовѣ, видя, что на мой товаръ совсѣмъ нѣтъ покупателей, я разстался съ товарищемъ. Онъ пошелъ къ Москвѣ, а я обратно въ Заозерье и потомъ домой.

Ежедневные, чуть не ежечасные попреки заставили меня опять бѣжать изъ дому. Я ушелъ съ пятью-шестью, оставшимися у меня, книженками и направился куда глаза глядятъ. Дня три я пробылъ въ Угличѣ, у полунищаго старика сапожника, а на четвертый день рѣшился идти въ Кашинъ попытать счастья—попросить у богача Жданова помощи или должности. Всю дорогу я лелѣялъ эту мысль, мечталъ, какъ я ему представляюсь и отрекомендуюсь; но, придя въ Кашинъ, я нѣсколько разъ прошелъ мимо его изящнаго дома, а взойти туда не осмѣлился и, почти голодный, отправился въ Калязинъ, не давая себѣ отчета за чѣмъ.

Отъ Кашина до Калязина разстоянія только восемнадцать верстъ; поэтому я пришелъ туда еще не поздно, но безъ гроша денегъ, а, между тѣмъ, хотѣлось и поѣсть, и выпить, и погрѣться. Я зашелъ въ кабакъ, свернулъ папирску и задумался. Рядомъ со мною сидѣлъ на скамейкѣ мужчина лѣтъ тридцати, красивый и здоровый, одѣтый въ деревенскій, крытый холстомъ зипунъ. Мы съ нимъ разговорились, и я спросилъ у него, не знаетъ ли онъ, гдѣ бы мнѣ сбыть, оставшіяся у меня, двѣ нѣмецкія книженки.

Онъ предложилъ свои услуги, взялъ книги и пошелъ съ ними въ аптеку. Черезъ полчаса, Садовскій, такъ звали его, принесъ мнѣ пятіалтынный. Я не зналъ, что съ нимъ дѣлать. И самому себя нужно удовлетворить, да и товарища нельзя не угостить за услугу; но Садовскій разрѣшилъ мое недоумѣніе, сказавъ:

— Давай выпьемъ по шкалику, на пятакъ закусимъ, а ночевать пойдемъ въ деревню, тамъ насъ и ужиномъ накормятъ.

Съ этого дня я сошелся съ Садовскимъ. Мы съ нимъ постоянно ходили по окрестнымъ деревнямъ, и онъ представлялъ меня—гдѣ за странника-богомольца, а гдѣ—за всезнающаго колдуна-знахаря. Вѣрили или нѣтъ нашимъ розсказнямъ добрые крестьяне—я не знаю;

но намъ нигдѣ не отказывали, вездѣ кормили и поили и радушно оставляли ночевать.

Ходя по деревнямъ, Садовскій постоянно высматриваль, какъ расположены у крестьянъ клѣти, велики ли въ нихъ окошечки, защищены ли они чѣмънибудь, и нѣтъ ли въ деревнѣ собакъ; а потомъ указываль мнѣ, что вотъ тутъ и тутъ можно будетъ поживиться, только бы ночки сдѣлались потемнѣе да поненастиѣе.

Странствовали мы съ Садовскимъ около двухъ недѣль, а поживиться намъ нигдѣ не удавалось. Наконецъ, въ одну непогожую ночь мы порѣшили очистить одну клѣтушку.

Часу во второмъ ночи пришли мы въ деревню, оглядѣлись: огня не видать ни въ одной избѣ. Садовскій подошелъ къ намѣченной клѣтушкѣ, поставилъ дыбкомъ къ маленькому окошечку стоявшія тутъ розвальни, а мнѣ велѣлъ встать на стремя съ угла. Затѣмъ, онъ вынулъ изъ кармана, всегда находившійся при немъ и приспособленный для этой цѣли, крюкъ, огарокъ свѣчки и спички. Прикрѣпивъ крюкъ веревкою къ здоровой палкѣ, служившей ему вмѣсто посоха, онъ забрался на свои подмостки, зажегъ свѣчку и съ помощію ея осмотрѣлъ все, что находится въ клѣтушкѣ. Затѣмъ, онъ своимъ самодѣльнымъ багоркомъ приподнял у незапертыхъ сундуковъ крышки и началъ вытаскивать оттуда, что могъ зацѣпить. Въ полчаса времени Садовскій накидалъ на снѣгъ цѣлую кучу добра, состоявшаго изъ мужскаго и женскаго бѣлья, небольшихъ остатковъ холста, нитокъ и т. д.

— Ну, будетъ, — сказалъ онъ наконецъ. — Натаскалъ много, а путнаго, кажется, ничего нѣтъ. Теперь смотри и слушай хорошенько; а я буду увязывать.

Завязавъ рукава у двухъ женскихъ рубахъ, онъ сдѣлалъ два мѣшка и поклатъ въ нихъ все добытое изъ клѣти.

Взваливъ мѣшки на плечи, мы осторожно выбрались изъ деревни и скорымъ шагомъ пошли въ городъ. Деревня, въ которой мы совершили кражу, стояла верстахъ въ двѣнадцати отъ Калязина; но мы это разстояніе прошли скоро и достигли города еще очень рано досвѣту.

Здѣсь, на Свистухѣ—такъ называется въ Калязинѣ пригородъ—Садовскій подошелъ къ одному покосившемуся и полуразвалившемуся домишкѣ. Постучавъ въ окно, на вопросъ: кто тамъ?—Садовскій сказалъ свою фамилію, и насъ сейчасъ же впустили въ избу.

Хозяйкою этой избы была старуха, переторговывавшая на рынкѣ. Жила она съ сыномъ, разухабистымъ дѣтиною, и снохой, красивой, но совершенно забитой и безотвѣтной молодой женщиной.

Когда мы вошли съ своими ношами въ избу, то хозяева, изъ предосторожности, завѣсили окна, а потомъ зажгли огонь. Садовскій вывалилъ изъ мѣшковъ нашу добычу, отобравъ для себя, что было нужно переодѣтъ, и, давъ мнѣ рубаху, остальное предложилъ старухѣ купить.

Торгъ продолжался недолго, и мы продали все добытое нами имущество за семьдесятъ пять копеекъ и полуштофъ водки; но старуха предварительно разспросила Садовскаго, изъ какой деревни взяты вещи.

— Вѣдь вотъ,—пояснилъ Садовскій,—въ деревнѣ будутъ говорить, что обокрали цѣлковыхъ на десять, а тутъ и съ водкой-то всего на рубль.

Когда мы роспили первый полуштофъ, то послали за другимъ, а затѣмъ разсорились изъ-за оставшихся денегъ. Садовскій остался у старухи, а я ушелъ изъ этого дома, проводилъ дни въ кабакахъ, а ночевать ходилъ въ монастырь преподобнаго Макарія.

Не помню, сколько дней я проболтался въ Калязинѣ, но помню, что въ Крещенье, 6-го января, я стоялъ на паперти собора и просилъ милостыню; мнѣ не подали ни гроша, а потомъ полицейскій надзиратель забралъ меня на рынкѣ, какъ человѣка подозрительнаго.

Я былъ радъ аресту, но въ полицейской арестантской, гдѣ мнѣ пришлось просидѣть двое сутокъ, не давали ни порціонныхъ денегъ, ни пищи. Я просидѣлъ бы голоднымъ, если бы одинъ арестованный не удѣлилъ мнѣ куска изъ принесеннаго ему домашними хлѣба.

На третьи сутки меня перевели въ острогъ, гдѣ я находился около мѣсяца. Какъ ни было тамъ худо, — нары были сплошныя, подстилки не полагалось никакой, а въ щажъ постоянно плавали тараканы, но мнѣ, говоря откровенно, хотѣлось отдалить день своего освобожденія; я боялся явиться домой по этапу.

Въ большой камерѣ, въ которой я находился, всѣхъ арестованныхъ было восемь человѣкъ, и, исключая меня, всѣ состояли подъ слѣдствіемъ. Такъ какъ это было время перехода судебныхъ дѣлъ изъ старыхъ учрежденій въ новыя, то нѣкоторые находились подъ слѣдствіемъ уже нѣсколько лѣтъ.

Между арестованными мнѣ памятны одинъ харчевникъ изъ села Троицы на Нерлѣ, содержавшійся за конокрадство, приемъ краденаго и притонъ воровъ, и два брата портные. Послѣдніе, какъ они сами рассказывали, сначала попались въ маленькой кражѣ; имъ удалось бѣжать и, хотя въ скоромъ времени были пойманы, но съ этого раза у нихъ явилась какая-то манія къ побѣгамъ.

Въ это время они уже болѣе десяти лѣтъ странствовали по разнымъ тюрьмамъ и судились,—одинъ за двѣнадцать, а другой за четырнадцать побѣговъ, да и впредь надѣялись уйти, не смотря на то, что за каждый побѣгъ, когда они попадались, конвойные и сторожа такъ жестоко ихъ били, что имъ приходилось лежать въ больницѣ.

— Что же вы бѣгаете?—спросилъ я однажды младшаго брата:— вѣдь вы знаете, что долго вамъ не нагулять, и попадетесь, такъ опять будутъ бить?

— Ахъ, чудакъ, человѣкъ!— отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, — конечно, если бы знали, такъ лучше бы съ перваго раза не бѣгать, а теперь мы понимаемъ, что намъ на свободѣ ужъ не бывать, а быть въ Сибири; а вѣдь и птичкѣ изъ клѣтки, и той хочется на волю, такъ и намъ хоть часъ погулять, и то наше, и то лестно.

На Масляной недѣлѣ, по полученіи наведенныхъ обо мнѣ справокъ, меня вызвали на этапъ. Отъ Калязина до Углича сорокъ четыре версты, и это разстояніе дѣлится на два перехода.

Трудно передать то чувство стыда, которое охватывало меня каждый разъ, когда мнѣ приходилось являться предъ обществомъ и своими близкими съ позоромъ. Другіе съ нетерпѣніемъ ожидаютъ свободы, но я всякій разъ готовъ былъ отдалить этотъ день не на одинъ мѣсяць, лишь бы только меня выпустили изъ мѣста заключенія прямо на свободу, а не водили арестованнымъ въ нашу управу. Этотъ часъ стыда былъ для меня самою тяжелою пыткой.

Понятно, что дома меня приняли еще хуже, — никто не хотѣлъ не только говорить со мною, но и глядѣть на меня. Всѣ отворачивались, а отцу я не показывался на глаза. Я ушелъ изъ дому и съ мѣсяць шлялся и питался по кабакамъ, а ночевать потихоньку пробирался въ сарай и тамъ зарывался въ сѣно.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1864 года въ Угличѣ случился большой пожаръ. Въ рынкѣ горѣли красные и желѣзные ряды и разныя кладовыя. На пожарѣ и послѣ пожара всегда требуются рабочіе, и я пошелъ на работу сначала насыпать подгорѣвшую рожь въ мѣшки, а потомъ перетаскивать желѣзо. При желѣзной лавкѣ я проработалъ болѣе мѣсяца и въ это время успѣлъ познакомиться съ сыномъ хозяина, добрѣйшимъ и, можно сказать, единственнымъ въ нашемъ городѣ, развитымъ и образованнымъ молодымъ человѣкомъ.

Николай Васильевичъ Кузнецовъ — вѣчная ему память — не былъ похожъ на прочихъ купеческихъ сынковъ. Онъ не любилъ ни танцевъ, ни другихъ развлеченій и съ дѣтства пристрастился къ книгамъ. Познакомясь съ учителями, духовными и другими образованными людьми въ городѣ, онъ перечиталъ почти всѣ выходившія тогда сочиненія лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей и впоследствии приобрѣлъ себѣ довольно порядочную бібліотеку серьезныхъ и дѣльныхъ книгъ.

Николай Васильевичъ, узнавъ отъ меня, что я жилъ въ Петербургѣ и тамъ занимался книжною торговлей, очень благоволилъ ко мнѣ изъ любви къ книгамъ и, когда моя работа кончилась, помогъ мнѣ взять паспортъ и далъ денегъ на дорогу; съ его помощью я въ іюнѣ снова явился въ Петербургъ.

IX.

Торговля книгами въ разность. — Букинистъ Шкварцовъ. — Знакомство съ разными букинистами. — Вязка. — Книготорговецъ Хлѣбниковъ. — Торговля на ларѣ на Черной рѣчкѣ. — Книготорговцы Доновъ и М. Поповъ. — Неудавшійся замыселъ Попова. — Торговля на рѣшеткѣ у Государственнаго Банка. — Притонъ мазуриковъ. — Мщеніе ихъ. — Въ части. — Встрѣча съ К. — Я поселяюсь у него. — Приобрѣтеніе при помощи Ш. ларя у Цѣпного моста. — Поэтъ Орловъ. — Коммуна. — Вечера въ кухмистерской. — Пьянство и его послѣдствія. — Похороны Д. И. Писарева. — Знакомство съ таперомъ К. — Я обкрадываю его. — Опять въ Вяземскомъ домѣ. — Отъѣздъ на родину.

Вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ, я нанялся за рубль работать въ палаткѣ, въ которой торговали водкою во время Ивановскаго гулянья на Крестовскомъ островѣ. Получивъ этотъ рубль, я отправился въ Сытный рынокъ, приобрѣлъ тамъ на полтинникъ старыхъ книжекъ и съ этимъ товаромъ опять принялся за торговлю. Торговалъ я тѣмъ, что называется, ни худо, ни хорошо, все еще плохо понимая въ книжномъ дѣлѣ и все еще не сходясь ни съ кѣмъ изъ книгопродавцевъ, кромѣ Шатаева.

Осенью я сталъ торговать въ разность въ городѣ и въ это время познакомился съ букинистомъ Ефимомъ Андреевымъ, носившимъ прозваніе Шкварцовъ. Близкій родственникъ извѣстнаго въ то время книготорговца Дмитрія Ѳедорова и хорошій знатокъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ книгъ, Шкварцовъ зналъ почти всѣхъ библіомановъ и обладалъ большою смѣлостью и находчивостью; но онъ былъ человѣкъ слабый и, частенько запивая, оставался не только безъ товара, но и безъ сапоговъ. Не рѣдко случалось, что, пропившись до опорковъ, онъ бралъ одного изъ товарищей съ книгами и, придя къ какому нибудь писателю или любителю-библіоману, чуть не насильно навязывалъ свой товаръ и въ то же время безцеремонно, своею рукою, выбиралъ съ полки хорошія книги, увѣряя барина, что онѣ ничего не стоятъ, а нужны его знакомому господину только для справокъ и, если потребуются, то онъ ихъ тотчасъ же возвратитъ. Подобныя анекдоты, и очень забавныя, о Шкварцовѣ и теперь можно слышать отъ старыхъ книгопродавцевъ, особенно отъ Екшурскаго и Герасимова.

Прежде было много букинистовъ, носившихъ по городу свои магазины въ перекидныхъ чрезъ плечо мѣшкахъ. Эти бродячіе книгопродавцы доставляли своимъ покупателямъ большею частью иностранныя и русскія рѣдкія книги, а иногда и подпольныя изданія. Они старались не столько продать свой товаръ на деньги, сколько вымѣнивать его или на книги, или на какія нибудь вещички, потому что для букиниста покупка или мѣна товара всегда бываетъ выгоднѣе, чѣмъ продажа. Всѣ эти букинисты были между собою

солидарны. Они имѣли постоянное пристанище въ трактирѣ «Москва» на углу Вознесенскаго проспекта и Казанской улицы, гдѣ только для нихъ однихъ была отведена особая комната. Но въ то время студенческихъ смуть и разныхъ подпольныхъ изданій особенно лондонскаго производства многіе изъ нихъ побросали бродячую торговлю и начали торговать на постоянныхъ мѣстахъ въ улицахъ или рынкѣ, особенно на ларяхъ по Невскому проспекту, а нѣкоторые были высланы по распоряженію III Отдѣленія.

Съ Шкварцовымъ я торговалъ недолго потому, что въ скоромъ времени онъ опять запыняствовалъ; но, ходя съ нимъ, я уже познакомился съ прочими букинистами, тогда торговавшими на ларяхъ, какъ-то: съ Лепехинымъ, Семеновыми, Ефимовымъ и другими.

Зимой, въ началѣ 1865 года, я провѣдалъ о продажѣ книгъ, оставшихся послѣ извѣстнаго переводчика Мартынова. Я сказалъ объ этой продажѣ Ивану Семенову, носившему кличку Земскій Ярыжка; Семеновъ, посмотрѣвъ книги, пригласилъ Ефимова, котораго величали Беранже, за его лысую голову, и Хлѣбникова, болѣе извѣстнаго въ то время подъ именемъ Перцова.

Они всѣ вмѣстѣ купили эти книги за пятьдесятъ рублей. Началась вязка.

Вязка существуетъ и посейчасъ у всѣхъ рыночныхъ торговцевъ, покупающихъ товаръ сообща. Она происходитъ такъ: купившіе товаръ, разобравъ его, дѣлятъ на части, или, какъ они называютъ, — на нумера; затѣмъ съ cadaго участника берется извѣстный, смотря по стоимости товара, залогъ. По окончаніи этихъ приготовленій, ктонибудь изъ участниковъ назначаетъ за отобранный нумеръ цѣну, за нимъ другой и т. д., пока, какъ на аукционѣ, не набьютъ извѣстной, иногда очень высокой цѣны, и тогда уже эта часть товара остается за послѣднимъ, набившимъ высшую цѣну. Если, напримеръ, какойнибудь товаръ купленъ за сто рублей, а по вязкѣ, между торговцами, идетъ за двѣсти, то изъ другихъ ста рублей выдѣляютъ то, что было израсходовано при покупкѣ, и племянникамъ, т. е. тѣмъ, которые, хотя и находились при этихъ операціяхъ, но, за неимѣніемъ залога, не участвовали въ вязкѣ. Однимъ словомъ, вязка есть аукционъ торговцевъ между собой.

Я тогда еще въ первый разъ присутствовалъ при вязкѣ. Навязали они пятьдесятъ семь рублей, а мнѣ изъ этого выдѣлили четыре рубля. По окончаніи вязки, Хлѣбниковъ, тогда еще не очень богатый, не имѣвшій своихъ домовъ на Петербургской сторонѣ, пригласилъ меня поступить къ нему въ приказчики—торговать на ларѣ у Государственнаго Банка.

Хлѣбниковъ былъ московскій уроженецъ и ранѣе торговалъ тамъ книгами, но, прослужа въ лейбъ-гренадерскомъ полку и выйдя въ безсрочный отпускъ, женился и остался въ Петербургѣ торговать снова въ разноску, затѣмъ въ рынкѣ. Послѣ пожара рынка онъ

переврался на рѣшетку Государственнаго Банка, у Екатерининскаго канала; а въ то время, когда я поступилъ къ нему, онъ имѣлъ уже ларь у думы. Это былъ человѣкъ очень дѣятельный и, несмотря на свою малограмотность, хорошо зналъ толкъ, какъ въ русскихъ, такъ и въ иностранныхъ старыхъ книгахъ. Онъ имѣлъ страсть къ покупкамъ и покупалъ все, что только ему предлагали. Какъ бы далеко его ни пригласили за книгами, онъ отправлялся, не взирая на разстоянiе и на погоду. Случалось иногда, что онъ, на взглядъ другихъ торговцевъ, покупалъ хламъ и по дорогой цѣнѣ, но у него всегда выходило удачно. Живя у Хлѣбникова, я болѣе познакомился съ книгами и понаучился ихъ расцѣнивать. Прожилъ я у Хлѣбникова до мая мѣсяца, а на лѣто мнѣ опять захотѣлось на дачу. Получивъ расчетъ, я купилъ у своего хозяина немного товару и ларь и основалъ свою торговлю на Черной рѣчкѣ, противъ Сердобольской улицы. Случившійся 13-го мая на Черной рѣчкѣ большой пожаръ, отъ котораго сгорѣло семнадцать дачъ, заставилъ меня спустить свой ларь вмѣстѣ съ товаромъ въ рѣчку, и мнѣ пришлось переимѣнить мѣсто для торговли,—переехать къ парому, гдѣ переправляются въ Строгановъ садъ.

Въ это время, вмѣстѣ съ развитiемъ книжной торговли на мостахъ и въ улицахъ, стала развиваться и продажа газетъ, которую первый завелъ въ своей небольшой еще лавочкѣ, у Пассажа, М. В. Поповъ, а за нимъ, на Полицейскомъ мосту—Доновъ. По ихъ слѣдамъ и я началъ торговать на Черной рѣчкѣ вмѣстѣ съ книгами и газетами. Всѣ газеты я получалъ изъ конторы «Голоса» по шести копеекъ за № съ правомъ возврата непроданныхъ назадъ. Такъ какъ въ то время газеты продавались лишь обандероленные, то я отдавалъ ихъ на комиссiю въ фруктовые лари у Строганова моста и въ Новой деревнѣ и въ конторы новодеревенскихъ дилижансовъ.

Книжная торговля на мѣстѣ была очень плоха, и потому я очень часто, наложивъ товару въ мѣшки, ходилъ торговать въ Лѣсной корпусъ или другія окрестности. Товаръ я покупалъ, большею частью, въ Апраксинскомъ рынкѣ или вымѣнивалъ въ домахъ, и торговалъ болѣе французскими книгами преимущественно романами.

Поторговавъ лѣто на дачѣ, я поступилъ осенью къ Донову торговать съ ларя, находившагося на Цѣпномъ мосту, у Лѣтнаго сада. Помнится мнѣ, что въ то время Поповъ вознегодовалъ на букинистовъ; особенно ему былъ ненавистенъ Доновъ, единственный торговецъ газетами съ ларей, который очень много вредилъ его газетной торговлѣ. Поповъ задумалъ уничтожить букинистовъ. Въ лѣтнiе торги онъ рѣшился откупить всѣ лари, на которыхъ торговали книгами; но букинисты, провѣдавъ о его замыслѣ, соединились вмѣстѣ и, заручившись между собой круговыми залогами, подговорили постороннихъ торговцевъ, какъ-то: саечниковъ и фруктовщиковъ, и черезъ ихъ посредство накупили себѣ лари въ другихъ мѣстахъ.

Поповъ, откупивъ принадлежавшіе букинистамъ лари по дорогой цѣнѣ и видя, что этимъ нисколько не уничтожилъ своихъ враговъ, принужденъ былъ возвратить лари обратно букинистамъ, и при томъ съ большимъ убыткомъ для себя.

Съ Доновымъ я долго ужиться не могъ и остальную часть вимы кое-какъ перебывался, торгуя на рѣшеткѣ у Государственного Банка.

Книжная торговля въ то время почти ничѣмъ не была стѣснена; инспекторовъ еще не было, полицейскихъ разрѣшеній не требовалось, да и торговая депутація съ насъ не спрашивала даже жестянокъ, а потому у Государственного Банка, съ Екатерининскаго канала, почти всѣ рѣшетки были завалены книгами, и здѣсь иногда торговали до десяти человѣкъ.

Все это были торговцы старыми книгами, и нѣкоторые изъ нихъ хорошо понимали дѣло. Не смотря на то, что они, такъ сказать, лѣпились другъ на другѣ, торговля шла очень недурно. Постоянные покупатели, какъ П. А. Ефремовъ, Даровскій, Хмыровъ, Стрѣлковскій, Майковъ, Страховъ, пробочникъ Баженовъ, священники Сидонскій, Помяловскій, Никольскій и другіе, заходили очень часто и изъ старья выбирали, что имъ было подходящее, иногда цѣлыми связками. Нерѣдко случалось, что останавливалась карета, и изъ нея выходилъ солидный господинъ и, обойдя эту книжную развалку, тоже покупалъ разнаго старья. Особенно замѣчательнъ и желателенъ для насъ былъ одинъ старичекъ (называли его графомъ Хвостовымъ, но я навѣрно не знаю), который, остановившись у кого либо изъ торгующихъ тутъ, забиралъ чуть не всю его лавочку, но къ другому уже не переходилъ. Тогда другіе товарищи, давъ счастливому продать свой товаръ, подкладывали ему свои книги; старичекъ, забравъ и подложенныя, опять начиналъ съ нимъ торговаться. Этотъ господинъ, каждый разъ, какъ только попадалъ къ Банку, увозилъ съ собою по нѣсколько пудовъ книгъ.

Торгуя у Банка, я расширилъ кругъ своего знакомства среди букинистовъ, прибрѣталъ болѣе знаній въ книжномъ дѣлѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе развращался: круговое пьянство и развратъ происходили у насъ почти ежедневно. Я не говорю о всѣхъ поголовно, но большинство мелкихъ торговцевъ постоянно пьянствовали. Деньги доставались легко, потому что свободы для торговли было много. Въ это время всѣ, кто только мало-мальски успѣлъ управлять собою, всѣ нажили капиталъ, напримѣръ: Екшурскій, Лепехинъ, Ефимовъ, Семеновы и др.

Но, кромѣ свободы, которая способствовала развитію книжной торговли, ей много помогало и самое время, — время всевозможныхъ реформъ и преобразованій, время какого-то особеннаго увлеченія и ожиданія чего-то новаго. Спросы на книги возрастали періодически: одно время быстро шли сочиненія по естественнымъ наукамъ, затѣмъ юридическія, медицинскія и социальныя. Какъ бы ни были

плохи книженки по модному предмету, онѣ раскупались по хорошей цѣнѣ.

Этотъ спросъ на книги толкнулъ къ предпріимчивости нѣкоторыхъ смѣтливыхъ букинистовъ. Первый Н. И. Герасимовъ началъ дѣлать объявленія въ газетахъ о покупкѣ книгъ и, какъ самъ рассказывалъ, приглашеній за товаромъ было не обобратъся. Примѣру его послѣдовалъ покойный Вишневскій, который только объявленіями и составилъ себѣ капиталъ; за нимъ—Богдановъ, я, и потомъ уже нѣсть числа другихъ.

Лѣтомъ, какъ и вездѣ въ городѣ, торговля у Банка была плоха, а потому нѣкоторые изъ букинистовъ отправлялись торговать въ лагеря, гдѣ вообще хвалили торговлю; но я началъ торговать опять по дачамъ. Хотя торговалось и недурно, однако къ концу лѣта черезъ пьянство и развратъ я дошелъ до того, что попалъ въ притонъ мазуриковъ.

Этотъ притонъ находился въ трактирѣ, носившемъ названіе «Римъ», въ Апраксиномъ переулкѣ. Долго я замотался тутъ съ разными темными личностями и самъ принимался за мелкія кражи. Одинъ разъ я стащилъ у своего благодѣтеля К... «Учебникъ уголовного права» Спасовича; другой разъ — у зятя узду съ лошади; потомъ укралъ у гостинодворскаго сторожа тулупъ и затѣмъ сдѣлалъ и еще нѣсколько мелкихъ кражъ.

Но разъ случилось, что въ трактирѣ зашла какая-то пьяная женщина, которая меня угостила и позвала съ собою погулять. Видя это, мазурики пристали ко мнѣ, чтобы я довелъ ее до спуска на канаву, гдѣ намѣревались содрать съ нея одежду. Я принужденъ былъ согласиться, но, доведя ее въ Мучномъ переулкѣ до дома, въ которомъ она жила, впустилъ въ ворота и такимъ образомъ лишилъ ихъ добычи. Видя такое вѣроломство съ моей стороны, они порѣшили отомстить мнѣ и, не подавая никакого вида, пригласили въ портерную, гдѣ старшій изъ нихъ, заказавъ четыре бутылки пива, налилъ мнѣ стаканъ, потомъ другой, а затѣмъ, переговоривъ потихоньку съ портерщикомъ, вдругъ ударилъ меня по носу. Кровь полилась у меня струей. Но онъ схватилъ меня за волосы, свалилъ со стула и началъ бить руками и ногами куда попало; а портерщикъ, стоя у вырочки, показывалъ въ это время на меня посѣтителямъ и говорилъ:

— Вѣдь вотъ какой подлець: сидитъ съ товарищемъ, отъ него угощается, а самъ къ нему въ карманъ залѣзъ. Ну, какъ его не бить?

Памятны мнѣ эти побои, на всю жизнь памятны; но нѣтъ худа безъ добра.

Наколотившись досыта, Евлашка, такъ звали мазурика, опять посадилъ меня пить пиво и угощалъ имъ въ волю; а потомъ, когда мы вышли изъ портерной, сказалъ мнѣ:

— Это тебѣ первая наука; впредь будешь знать, какъ товарищей проводить. Теперь пойдемъ со мной: надо же доставать, что пропито.

Я не противился и пошелъ съ Евлашкой; мы ходили ночью часа три, искали кого бы обогреть, но намъ ничего не удалось. Наконецъ, я гдѣ-то улизнулъ отъ Евлашки.

Съ этого раза я не пошелъ болѣе въ Апраксинъ переулочекъ, а отправился на Петербургскую сторону и тамъ на Большомъ проспектѣ, прикинувшись пьянымъ, попалъ въ часть. Паспорта у меня тогда не было, и меня отправили къ мировому судѣ, который рѣшилъ выдать мнѣ проходное свидѣтельство до Углича и чрезъ полицію выпроводить изъ Петербурга; но когда меня привели въ тотъ участокъ, изъ котораго должны были проводить за городъ, то тамъ только приказали полицейскому дать мнѣ два раза въ шею и съ тѣмъ высунули вонъ.

Очутившись на свободѣ, я не зналъ, что дѣлать; но, поразмысливъ, рѣшился сходить къ сестрѣ, посоветоваться — не ѣхать ли мнѣ опять на родину, чѣмъ болтаться въ Питерѣ и дожидаться, чтобы отправили этапомъ.

Идя по Загородному проспекту, я встрѣтилъ К., того самаго, у котораго стащилъ учебникъ Спасовича. Я уже хотѣлъ было отстраниться отъ него, полагая, что онъ догадался о сдѣланной мною кражѣ; но К., увидавъ меня, окликнулъ и остановилъ. Разспросивъ о моемъ положеніи, онъ далъ мнѣ гривенникъ на хлѣбъ и пригласилъ прійти къ себѣ. На другой день я явился къ нему и высказалъ, что у меня нѣтъ паспорта и негдѣ жить. Тогда К. предложилъ мнѣ поселиться у него въ комнатѣ, которую онъ занималъ вмѣстѣ съ братьями.

Не смотря на то, что К. жили въ домѣ своего дѣдушки, въ богатомъ купеческомъ семействѣ, они держали себя независимо и въ своей комнатѣ принимали, кого хотѣли. Комната эта была посѣщаемая разнородными лицами, знакомыми большей частью старшаго изъ братьевъ. Тутъ бывали и писатели, и адвокаты, и студенты, его товарищи, и другія личности — въ родѣ отставнаго поручика Гугнина и его родственника-великана, фланговаго унтеръ-офицера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка; однимъ словомъ, эта комната была мѣстомъ сближенія сословій. Всѣмъ этимъ лицамъ я, конечно, былъ отрекомендованъ и почти со всѣми въ свою очередь перезнакомился; но болѣе всего я сошелся съ товарищемъ К. по университету М. О. Ш., съ которымъ мы порѣшили основать книжную торговлю.

Не смотря на то, что я научился книжному дѣлу и у Хлѣбникова, и у своихъ банковскихъ товарищей, я былъ еще далеко неопытенъ; но неопытность я искупалъ находчивостью.

Послѣ умершаго уже Шкварцова продавался товаръ и ларекъ,

находившійся на Цѣпномъ мосту у Лѣтняго сада; вотъ этотъ ларекъ, при содѣйствіи Ш., я и приобрѣлъ за полтора ста рублей.

Въ то время уже было введено въ дѣйствіе новое положеніе о цензурѣ и книжной торговлѣ, и для послѣдней требовалось разрѣшеніе градоначальника, выдававшееся не иначе, какъ за поручительство двухъ изъ книгопродавцевъ; за меня поручились Иванъ Семеновъ и Штукинъ.

Приобрѣтя ларь, я ушелъ отъ К. и нанялъ себѣ комнату на Фонтанкѣ, близъ Семеновскаго моста. Комната моя не рѣдко посѣщалась К. и другими знакомыми, приобрѣтенными въ его кружкѣ; но всѣхъ чаще посѣщали меня Ѡ. А. Орловъ, сынъ протоіерея и законоучителя Первой гимназіи, и нѣкто Вася Шведвенгеръ, юноша, постоянно плакавшій или смѣявшійся. Орловъ былъ поэтъ и помѣщалъ свои произведенія въ «Русскомъ Словѣ», «Будильникѣ» и другихъ журналахъ. Всѣ его стихи, которые мнѣ приходилось читать или слышать отъ него, были или довольно остроумными сатирами, или носили отгѣнокъ такъ называемаго «гражданскаго плача». Орловъ былъ влюбленъ въ одну барышню, Дементьеву, впослѣдствіи вышедшую замужъ за писателя Ткачева. Когда Дементьева отказала ему въ своей взаимности, то онъ ударился въ разгулъ и пьянство, и въ этомъ не находилъ себѣ болѣе подходящаго товарища, какъ меня: меня даже прозвали «неизбѣжнымъ» его. И дѣйствительно Орловъ таскалъ меня всюду, гдѣ только возможенъ былъ мнѣ доступъ. Другой мой пріятель, Вася Шведвенгеръ, по происхожденію былъ еврей и проживалъ у своей тетки, содержавшей въ домѣ Краевскаго квартиру, въ которой жили и писатели, какъ-то: Чуйко, Успенскій и еще кто-то. Съ Васей я познакомился у К., а гдѣ и какъ онъ съ нимъ познакомился, я не знаю, но у него была особенная способность знакомиться со всѣми и у всѣхъ выпрашивать на память книжечки (впослѣдствіи я слышалъ отъ К., что онъ сдѣлался гдѣ-то въ провинціи актеромъ). Въ свою очередь Вася ввелъ меня въ коммуны, помѣщавшуюся въ Эртелевомъ переулкѣ, въ домѣ Хрущова. Коммуна эта занимала маленькую комнатку и членами ея состояли В—й, С—й, С—ъ, князь Ч—ъ и В—ъ, и тутъ же пребывали двѣ нигилистки—К. В. и Т. Четверо первыхъ только что отбыли срокъ заключенія въ крѣпости по прикосновенности къ дѣлу К. Впослѣдствіи коммуна эта разрослась.

Помню, какъ однажды, придя къ нимъ и не заставъ никого дома, я взялъ лежавшій надъ дверью ключъ и вошелъ въ квартиру. Я зажегъ свѣчку и хотѣлъ почитать; но, подойдя къ столу, увидалъ такую массу грязи, что мнѣ, хотя и не привыкшему къ комфорту и порядку, и то показалось черезчуръ неприятно. На срединѣ стола, на подносѣ, наполненномъ золою и угольями, стоялъ буквально черный самоваръ, около него блюдечки и стаканы съ набросанными въ нихъ окурками, а весь столъ былъ покрытъ ка-

кой-то сальной грязью, тутъ же лежало на бумагѣ чухонское масло, разсыпанная четвертка табаку и куски хлѣба, и все это было покрыто пылью. На диванахъ, на стульяхъ, на полу разбросаны были разныя вещи и книги, а въ кухнѣ весь полъ былъ усыпанъ угольями.

«Вотъ, говорилъ я самъ себѣ, всѣ они твердятъ о необходимости служить другъ другу, работать, а какъ нѣтъ у нихъ старшаго, некому и заставить поработать, такъ и свою квартиру никто не хочетъ убрать», и, отъ нечего дѣлать, я принялся за чистку и, проработавъ полчаса, намель цѣлый уголь мусора.

Обитатели этой коммуны назывались сморгонцами и гордились этой кличкой потому, будто бы, что ихъ такъ прозвалъ самъ Т—въ, а прозваніе свое они производили отъ мѣстечка или села Сморгоны, гдѣ жители занимаются обученіемъ медвѣдей.

Въ это время въ третьей линіи Васильевскаго острова открылась студенческая кухмистерская, куда Шведвенгеръ поступилъ служителемъ, и, по его приглашенію, я съ Орловымъ нерѣдко посѣщалъ эту кухмистерскую, иногда просто пообѣдать, а иногда на устраиваемые здѣсь общественные вечера. Вечера эти устраивались въ складчину, по подпискѣ по пятьдесятъ копеекъ съ лица, и на нихъ собирались эмансипированныя барышни, студенты и кое-кто изъ писателей, какъ-то И. А. Рождественскій, П. Н. Ткачевъ и др.

На вечерахъ танцовали иногда подъ музыку, иногда подъ пѣсни; нерѣдко происходило чтеніе стиховъ и другихъ сочиненій. (Орловъ почти на каждомъ вечерѣ, взбираясь на стулъ, декламировалъ свое ненапечатанное стихотвореніе «Въ Геесиманскомъ саду»). Много говорилось тутъ рѣчей о свободѣ, равенствѣ и братствѣ; но рѣчи такъ и оставались рѣчами, а для большинства привлекательнѣе всего былъ буфетъ, гдѣ въ изобиліи находились простая водка, пиво и закуски.

Цѣль моего знакомства со всѣмъ этимъ обществомъ была та, что, не довольствуясь книжною торговлей, я, по совѣту младшаго К., задумалъ добиться званія учителя; но, приходя къ кому нибудь, чтобы заняться, я по привычкѣ всегда оканчивалъ мои посѣщенія выпивкой.

Въ апрѣлѣ 1868 г. я торговалъ у Цѣпного Банковскаго моста. Торговля была недурна; покупки книгъ у разныхъ лицъ попадались хорошія и недорогія. Но такъ какъ я манкировалъ своей торговлей, то держалъ у себя неопытнаго, но плутоватаго приказчика, а самъ проводилъ время болѣе съ сморгонцами и съ Орловымъ; при томъ же, вслѣдствіе неаккуратнаго обращенія съ чужими деньгами, я разошелся съ К. и Ш—мъ и потерялъ ихъ поддержку. Отъ этого, дѣла мои скоро попортились, и мнѣ въ предстоящіе торги въ думѣ не на что было откупить мѣсто для ларя.

Здѣсь нужно замѣтить, что торговавшіе въ то время на ларяхъ букинисты откупали отъ города мѣста для ларей два раза въ годъ —

въ октябрѣ и въ апрѣлѣ. А такъ какъ конкурентовъ было много, и никому не хотѣлось остаться безъ мѣста, то они собирались и дѣлали между собою расцѣнку каждому мѣсту — кто на какую цѣну долженъ торговаться, и, выбравъ изъ своей среды надежнаго чело-вѣка, давали залогъ съ тѣмъ, что каждый можетъ торговаться только на свое мѣсто, а въ случаѣ, если бы кто либо изъ постороннихъ сталъ торговаться, и пришлось бы это мѣсто откупить дороже, чѣмъ оно между ними оцѣнено, то товарищи додавали потерпѣвшему переплаченную имъ сумму изъ тѣхъ денегъ, которыя могли оставаться отъ мѣстъ, откупленныхъ дешевле оцѣнки.

Поэтому нерѣдко случалось такъ, что откупившій мѣсто за двѣсти рублей долженъ былъ торговать на немъ за триста и болѣе, а заплатившій триста торговать за полтора.

На мое мѣсто охотниковъ было немного — лучшія мѣста считались на Полицейскомъ и Аничковскомъ мостахъ и у думы. За мое мѣсто платилось за полгода отъ тридцати до сорока рублей, но у меня и этихъ денегъ не было, и я принужденъ былъ обратиться къ Ѡ. Семенову, по прозванью Голова, чтобы онъ ссудилъ ихъ мнѣ на покупку мѣста, обѣщая ему за подобную сумму десять рублей процентовъ и гарантируя ее квитанціей на купленное мѣсто и часами въ залогъ.

Голова былъ падокъ на проценты и принялъ мое предложеніе; но черезъ мѣсяць, видя мою неисправность, онъ передалъ квитанцію и залогъ мой Сергѣю Васильеву, или иначе Пихлеръ, питавшему противъ меня неудовольствіе за то, что я ему разъ отказалъ въ продажѣ купленныхъ мною хорошихъ книгъ. Получивъ квитанцію на свое имя, Сергѣй Васильевъ тотчасъ же чрезъ полицію выселилъ меня изъ ларя. Я подавалъ на него жалобу за причиненные мнѣ убытки, но мировой судья отказалъ. Съ этой неприяности я началъ больше пьянствовать, а поддержать меня нравственно было некому. Къ К. и Т—ву идти я совѣстился, а другіе, какъ Орловъ и прочіе, только болѣе увлекали меня въ пьянство. Съ начала этого лѣта мы съ Орловымъ довольно часто посѣщали семейство Боб—ва, молодого офицера (кажется, онъ состоялъ преподавателемъ въ морскомъ корпусѣ).

Боб—въ былъ хлѣбосоль и либераль; по поводу его хлѣбосольтва и либерализма Орловъ помѣстилъ (сколько помнится, въ «Будильникѣ») слѣдующее стихотвореніе:

«Я для общаго дѣла людей,
Соревнуня его поддержать,
Полтора и двѣсти рублей
Смѣло въ мѣсяць могу проживать.
Я для общаго дѣла готовъ
Либераловъ къ себѣ принимать
И гонимыхъ за правду бойцовъ
Разъ въ недѣлю виномъ угощать.

Я для общаго дѣла могу
 Даже красную шапочку сшить,—
 Показать ее, даже носить,
 Иногда въ очень близкомъ кругу.

Кажется, былъ еще куплетъ, но я его не помню.

И дѣйствительно къ Боб—ву можно было ходить попить и поѣсть. Вкусные и сытные его обѣды всегда были приправляемы водкой, пивомъ и другими винами, а къ чаю и кофе непремѣнно ставились закуски: ветчина, сыръ, масло, малороссійское сало и разныя колбасы, что мнѣ, проживавшему тогда безъ денегъ и впроголодь, было, какъ говорится, исполнѣ по душѣ.

Но скоро всѣ мои пріятели разъѣхались на лѣтнія каникулы. Я прожилъ весь, еще уцѣлѣвшій у меня, товаръ, остался безъ средствъ и безъ квартиры и промышлялъ разными мелкими продѣлками и обманами у своихъ же знакомыхъ.

Помню, въ это лѣто были похороны Писарева. Его отпѣвали въ церкви Маріинской больницы и оттуда гробъ несли на рукахъ до Волковскаго кладбища.

Въ то время Писаревъ для многихъ изъ моихъ знакомыхъ былъ непогрѣшимымъ авторитетомъ. Хотя я его никогда не видалъ, но онъ мѣсяца за четыре передъ смертью посѣщалъ жившаго у меня въ комнатѣ П. В. См—ва, почему я, когда заходила о немъ рѣчь, всегда старался упомянуть, что Писаревъ недавно былъ у меня въ квартирѣ.

На похороны я пошелъ не изъ уваженія къ его памяти, а просто хотѣлъ порисоваться, что вотъ, дескать, и я былъ на похоронахъ Писарева; при томъ у меня была еще затаенная мысль, не удастся ли при такомъ случаѣ угоститься. Между литераторами, студентами и разными курсистками я встрѣтилъ въ оградѣ Маріинской больницы одного своего трактирнаго пріятеля, профессіи котораго не зналъ, но слышалъ, что онъ занимается агентурою. Этотъ господинъ, отведя меня въ сторону, началъ выпрашивать о нѣкоторыхъ личностяхъ, выдававшихся оригинальностью своего костюма и прически.

Я кого зналъ, конечно, назвалъ; но онъ не удовольствовался этимъ и сказалъ:

— Мнѣ нельзя быть на кладбищѣ, а ты ступай, и что тамъ увидишь и услышишь, расскажи мнѣ—я тебя за это угощу.

Я пообѣщаль ему исполнить это порученіе. Когда гробъ несли по Невскому проспекту, то и мнѣ захотѣлось поусердствовать. Видя, что одна маленькая барынька очень пыхтитъ и потѣетъ подъ тяжелой ношей, я подошелъ къ ней и сказалъ:

— Позвольте мнѣ васъ смѣнить: васъ гробъ совсѣмъ задавитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчала мнѣ барынька, — Писаревъ женщину не задавитъ.

Но мнѣ все-таки удалось приткнуться, при чемъ я нечаянно замаралъ пиджакъ о смолу гроба, чѣмъ очень гордился, рассказывая, что это пятно отъ гроба Писарева.

По окончаніи похоронъ, рѣчей и стихотвореній, изъ которыхъ мнѣ показалась болѣе всѣхъ прочувствованной рѣчь Благосвѣтлова, я отыскалъ Ткачева и рассказалъ ему о просьбѣ агента.

— Ну, такъ чтожь,—сказалъ Ткачевъ,—вы, что видѣли и слышали, и расскажите ему, а теперь поидемте въ портерную.

И мы, въ сообществѣ шести или семи барышень, отправились въ портерную пить пиво и ѣсть колбасу.

Ходя съ Орловымъ по разнымъ увеселительнымъ вертепамъ, въ одномъ изъ нихъ, въ Щербаковомъ переулкѣ, мы познакомились съ таперомъ И. А. Кис—мъ.

Несмотря на то, что Кис—въ находился въ такомъ мѣстѣ и въ такой должности, онъ былъ человѣкъ безупречной нравственности и совершенно не пьющій. Онъ тяготился своимъ занятіемъ и искалъ изъ него выхода.

Мы предложили ему поступить въ учительскую семинарію, помѣщавшуюся тогда въ седьмой линіи Васильевского острова, и онъ охотно согласился. Жилъ онъ въ то лѣто на Малой Охтѣ, нанимая отъ домохозяина маленькую комнатку на чердакѣ. По вечерамъ онъ постоянно уходилъ на свои занятія въ Щербаковъ переулокъ, откуда возвращался въ пять или въ шесть часовъ утра, и, отдохнувъ, днемъ занимался приготовленіемъ къ курсамъ. Я не рѣдко ходилъ помогать ему въ занятіяхъ, такъ какъ былъ все-таки посмышленѣе, особенно въ ариметикѣ. Я зналъ, что у Кис—ва водятся деньжонки, а такъ какъ въ то время я частенько бывалъ голодный, то и задумалъ обокрасть его. Долго я держалъ въ себѣ эту мысль, боясь, чтобы какъ нибудь не попасться на дѣлѣ, какъ выражаются въ тюрьмахъ. Наконецъ, 30-го августа 1868 года, рано утромъ, я пришелъ съ этою цѣлью къ Кис—ву и, занявшись съ нимъ днемъ, подъ какимъ-то предлогомъ остался у него ночевать. Кис—въ, по обыкновенію, въ пять часовъ ушелъ на занятіе. Долго я ходилъ взадъ и впередъ по его маленькой комнатѣ, долго боролся съ своею мыслью. Я зналъ, что этимъ поступкомъ погублю себя безвозвратно, зналъ, что если мнѣ и удастся кража, то все равно, рано или поздно, я долженъ отвѣчать за нее.

Но это разсужденіе смѣнялось другимъ: сегодня я здѣсь сытъ, а завтра буду ходить опять голодный. А если мнѣ удастся обокрасть Кис—ва, то я не только могу быть сытымъ, но могу еще и погулять. Залью виномъ и разгуломъ свою совѣсть, а тамъ будь, что будетъ.

Дрожащею рукою выдвинулъ я сначала не запертый нижній ящикъ комода и переодѣлъ бѣлье; затѣмъ досталъ его новые штитлеты и обулся въ нихъ.

Переодѣвъ брюки, жилетъ и пиджакъ, я вышелъ на лѣстницу и оглядѣлся.

Убѣдившись, что никого нѣтъ, я вернулся въ комнату, заперъ на крюкъ дверь и, взявъ топоръ, принялся приподнимать крышку комода, чтобы выдвинуть верхній ящикъ, въ которомъ, какъ я зналъ, лежали деньги и цѣнные вещи Кис—ва; но вслѣдствіе нервного разстройства я неосторожно принажалъ въ одномъ мѣстѣ топоръ и отломилъ маленькій уголокъ крышки комода.

— Ну, все равно,—сказалъ я самъ себѣ,—теперь комодъ вломанъ! Возврата нѣтъ!

Обшаривъ ящикъ, я нашелъ въ немъ только двадцать одинъ рубль мелкимъ серебромъ и золотую цѣпочку; затѣмъ я снова закрылъ ящикъ и вышелъ на крыльцо. На дворѣ никого не было. Я надѣлъ пальто Кис—ва, взялъ его хорошій зонтикъ и хотѣлъ со всѣмъ скрыться, но на этотъ разъ увидалъ шедшую съ улицы хозяйскую дѣвочку.

Тогда я вернулся назадъ, оставилъ зонтикъ и пальто и, взявъ самоваръ, снесъ его внизъ къ хозяйкамъ.

Отворивъ дверь, я сказалъ:

— Поставьте мнѣ самоваръ, пожалуйста, а я только схожу за булками,—и самъ быстро пошелъ за ворота.

Завернувъ за уголъ, я бѣгомъ бросился къ перевозу и, не дожидаясь очереди, сѣлъ въ яликъ и велѣлъ отчаливать. До половины Невы я боялся, все оглядывался, нѣтъ ли за мною погони, но наконецъ успокоился.

Въ то время въ Петербургѣ была еще полная свобода разгулу.

Во множествѣ трактировъ и ресторановъ пѣли арфистки, пѣсенники и играли на разныхъ инструментахъ еврей. Торговля производилась почти всю ночь, и при каждомъ подобномъ заведеніи находились номера.

И вотъ благодаря такой свободѣ разгула, я черезъ трое сутокъ остался совершенно безъ денегъ и прогулялъ всѣ украденныя мною у Кис—ва хорошія вещи.

Я полагалъ, что меня вездѣ и всюду ищутъ, и потому отправился въ Вяземскій домъ, гдѣ на другой же день очутился въ одной рваной рубашкѣ и такихъ же кальсонахъ.

Въ Вяземскомъ домѣ, во флигелѣ, носящемъ и до сихъ поръ названіе «Стекланный корридоръ», я сошелся съ однимъ молодымъ человѣкомъ, сыномъ статскаго совѣтника и бывшимъ воспитанникомъ военной гимназіи.

Оба мы были почти полунагіе, обоемъ намъ было нечего ѣсть, и оба мы пребывали все время въ одномъ изъ кабаковъ Полторацкаго переулка (въ то время во дворѣ Вяземскаго дома было пять кабаковъ), гдѣ помогали кабатчику полоскать посуду и разливать

водку, за что онъ давалъ намъ иногда поѣсть и позволялъ допивать остававшуюся отъ посѣтителей водку.

Недѣли черезъ три я рѣшился извѣстить нѣкоторыхъ изъ прежнихъ моихъ знакомыхъ о своемъ положеніи и мнѣ, удалось найти человѣка, съ которымъ можно было посылать письма.

Первое письмо я послалъ къ М. И. Орфанову и получилъ отъ него въ отвѣтъ рубль. Заручившись этимъ рублемъ, я купилъ еще бумаги и конвертовъ и разослалъ письма къ Щер..., въ бывшій на Мойкѣ пансіонъ Мих..., въ студенческую кухмистерскую, младшему К..., Орлову и другимъ знакомымъ, уже вернувшимся съ каникулъ.

Посланія мои даромъ не пропадали: почти всѣ, соболѣзнуя обо мнѣ, приѣзжали меня навѣстить и кое-чѣмъ помогали, такъ что чрезъ недѣлю я оказался очень прилично одѣтымъ и могъ выходить изъ своего логовища.

Настоящую причину, побудившую меня попасть въ это логовище, знали не многие; отъ тѣхъ же, кто не зналъ, я тщательно скрывалъ ее и объяснялъ мое положеніе разстройствомъ своихъ торговыхъ дѣлъ и послѣдствіемъ пьянства.

Кис—въ, съ недѣлю поискавъ меня по разнымъ мѣстамъ и не найдя, рѣшился объявить полиціи о сдѣланной мною у него кражѣ и, хотя впослѣдствіи по просьбѣ младшаго К. хотѣлъ взять назадъ свое обвиненіе, но было уже поздно, протоколъ перешелъ въ руки судебного слѣдователя.

Младшій К., желая какъ нибудь выручить меня изъ предстоящей бѣды, объяснилъ мое положеніе адвокату Хл... и просилъ его, какъ опытнаго юриста, помочь мнѣ совѣтомъ.

Вопреки моему ожиданію, Хл... посоветовалъ мнѣ не признаваться въ кражѣ и на время уѣхать изъ Петербурга.

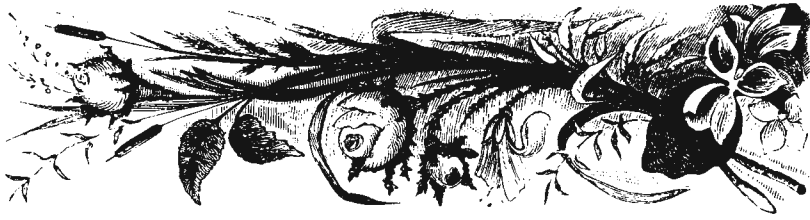
Я такъ и сдѣлалъ, но впослѣдствіи горько раскаялся; я этимъ много повредилъ себѣ; не въ моей натурѣ было заpirationство, а откровеннымъ признаніемъ я если бы и не совсѣмъ спасся, то имѣлъ бы на судѣ большое облегченіе.

Госпожа Мих..., тетка Щер..., не знавшая въ сущности моего поступка, но знавшая, что мнѣ необходимо было ѣхать на родину, дала мнѣ пятнадцать рублей и нѣкоторыя необходимыя въ дорогѣ вещи, и я уѣхалъ въ Угличъ.

Н. Свѣшниковъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАБЫТЫЙ ФИЛАНТРОПЪ.

ОНЕЧНО, всѣ знаютъ нашу военную газету «Русскій Инвалидъ», существующую уже семьдесятъ третій годъ, но едва ли многимъ извѣстно имя ея основателя, Павла Павловича Пезаровіуса, а также цѣли, которыя онъ имѣлъ въ виду, принимая изданіе этой газеты, и необычайные результаты, достигнутые имъ въ короткое время послѣ ея основанія. О Пезаровіусѣ въ нашей печати имѣются лишь отрывочныя свѣдѣнія, и ни въ одномъ изъ нашихъ энциклопедическихъ словарей нѣтъ его біографіи, а между тѣмъ безкорыстная и плодотворная дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка заслуживаетъ самой благодарной памяти. Одушевленный христіанской любовью къ ближнему, Пезаровіусъ, мелкій чиновникъ безъ всякихъ средствъ и связей, сумѣлъ собрать въ пользу воиновъ, раненыхъ въ Отечественную войну, капиталъ въ 400 тысячъ рублей, который и представилъ въ распоряженіе правительства. Такое крупное пожертвованіе повлекло за собою учрежденіе Александровскаго комитета о раненыхъ, получившаго въ послѣдствіи столь широкое и благотѣльное развитіе. Въ будущемъ году исполнится 50 лѣтъ со дня кончины Пезаровіуса, и это даетъ намъ поводъ напомнить о немъ, въ надеждѣ, что кто нибудь займется составленіемъ его подробной біографіи. Съ своей стороны, мы сообщаемъ здѣсь тѣ немногія данныя, которыя намъ удалось найти о немъ самомъ и его филантропическомъ подвигѣ¹⁾.

¹⁾ Главнымъ матеріаломъ намъ послужила напечатанная Пезаровіусомъ въ 1848 году, въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и составляющая теперь бібліографическую

Павель Петрович (Paul Wilhelm) Поміанъ-Пезаровіусъ родился 17-го февраля 1776 года. Онъ былъ сыномъ лютеранскаго пастора въ приходѣ св. Матеея, близъ города Вольмара, Лифляндской губерніи. По окончаніи курса въ Іенскомъ университетѣ, съ званіемъ доктора философіи, Пезаровіусъ въ 1803 году опредѣлился на службу «секретаремъ иностранной переписки» въ канцелярію тайнаго совѣтника Новосильцева, состоявшаго при особѣ императора Александра I; затѣмъ, въ 1804 году, перешель въ комиссію о составленіи законовъ редакторскимъ помощникомъ, а въ 1807 году въ департаментъ министра юстиціи и въ слѣдующемъ году назначенъ совѣтникомъ государственной юстицъ-коллегіи; исполняя эту должность, онъ «за усердную и ревностную службу» получилъ, въ 1812 году, орденъ св. Владимира 4-й степени и чинъ коллежскаго совѣтника.

Вторженіе Наполеона въ Россію вызвало, какъ извѣстно, въ тогдашнемъ обществѣ сильнѣйшій взрывъ патріотизма, выразившійся въ готовности на всякія пожертванія и лишенія и въ единодушной поддержкѣ всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ въ отчаянной борьбѣ съ могущественнымъ врагомъ. Въ Петербургѣ, какъ и вездѣ, военныя событія сдѣлались единственнымъ и неисчерпаемымъ источникомъ разговоровъ во всѣхъ слояхъ населенія, отодвигая на задній планъ всякіе другіе интересы. Каждый думалъ только о томъ, чѣмъ бы проявить сочувствіе къ защитникамъ родины и облегчить государству тягости, налагаемыя на него войной. Пезаровіусъ, неожиданно для себя, явился однимъ изъ видныхъ дѣятелей среди этого патріотическаго одушевленія.

«Въ ранней молодости, — рассказываетъ онъ самъ¹⁾, — страсть къ военному дѣлу одушевляла меня до того, что, будучи еще тринадцатилѣтнимъ отрокомъ, я радостно отказался бы отъ всего, только позволили бы мнѣ вступить въ военную службу и въ рядахъ русскихъ солдатъ биться за Россію. Но «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ распредѣляетъ», и Онъ опредѣлилъ иначе, и я долженъ былъ ограничиться только тѣмъ, что во время повторенія географическихъ уроковъ совершалъ походы на ландкартѣ, строилъ батареи въ нашемъ саду, читалъ «Семилѣтнюю войну» Фридриха II и сочинялъ военныя мелодрамы, въ которыхъ, въ послѣднемъ актѣ,

рѣдкость, брошюра подъ заглавіемъ «Краткая исторія газеты «Русскій Инвалидъ». Затѣмъ, мы пользовались слѣдующими пособиями: 1) «Русскимъ Инвалидомъ» за 1818—1815 годы; 2) Статьей П. С. Лебедева въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1856 года, № 144; 3) Некрологомъ Пезаровіуса, помѣщеннымъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1847 года, № 81; 4) Recke und Napiersky. Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten Lexicon der Provinzen Livland Esthland und Kurland. Mitau. 1827—1882; 5) Сочиненіемъ Колбасина: Литературные дѣтели прежняго времени. Воейковъ съ его сатирою «Домъ сумасшедшихъ». Спб. 1859 года; 6) Формулярнымъ спискомъ о службѣ Пезаровіуса, любезно сообщеннымъ намъ директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ А. Н. Мосоловымъ.

¹⁾ Краткая исторія газеты «Русскій Инвалидъ», стр. 4 и слѣд.

сцена покрыта была янычарами (тогда была турецкая война), павшими подъ штыками русскихъ. Сія страсть къ военной службѣ пробуждалась во мнѣ и послѣ, по временамъ. Такъ, напримѣръ, въ 1810 году (бывъ уже членомъ коллегіи и надворнымъ совѣтникомъ) я чувствовалъ величайшую охоту выучиться ружейнымъ приемамъ; а какъ днемъ служебныя занятія мнѣ того не позволяли, то въ лѣтніе мѣсяцы того года я вставалъ въ два часа по полуночи и отправлялся пѣшкомъ отъ Семеновскаго моста, гдѣ я жилъ тогда, въ Милліонную, въ казармы лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Здѣсь оба мои учителя, унтеръ-уфицеры, Каченовскій и Черняевъ (съ которымъ я имѣлъ удовольствіе свидѣться послѣ французской кампаніи), столь основательно занимались моимъ обученіемъ, что синія пятна на лѣвомъ боку моемъ свидѣтельствовали какъ объ усердіи учителей, такъ и о прилежаніи ученика. Умалчиваю о другомъ, гораздо позднѣйшемъ припадкѣ любви моея къ военной службѣ,—припадкѣ, который заставилъ меня обучаться, подъ руководствомъ отличнаго барабанщика Конно-Гвардейскаго полка Васильева, инструменту, не употребляемому при нѣжныхъ серенадахъ... Съ такою любовью къ военному дѣлу соединялась у меня еще столь же сильная ревность къ славѣ русскаго оружія. Оттого Суворову я обязанъ сильными радостными днями моея молодости. Блестящія побѣды его при Рымникѣ, Треббии и Нови, вѣчно памятный переходъ черезъ Альпійскія горы, наполняли меня чувствомъ энтузіазма. Пусть вообразятъ теперь, что перетерпѣлъ я съ цѣлою Россіей во время нашествія непріятеля въ 1812 году на Святую Русь,—эпоху страданій и вмѣстѣ прекраснѣйшаго обнаруженія любви русскихъ къ отчеству, въ сію истинно религіозную эпоху, когда ежедневно храмы столицы переполнены были людьми всѣхъ состояній, которые, обращаясь съ сердечными мольбами къ Тому, отъ Кого исходитъ всякая помощь на землѣ, ко всемогущему Господу силъ, молили его объ избавленіи отечества отъ враговъ и, наконецъ, когда настало время, Имъ определенное,—были услышаны. За то, кто могъ бы выразить чувство радости обитателей столицы и торжество благодарности, когда пламенныя упованія ихъ исполнились, когда пушки Петропавловской крѣпости возвѣщали рѣшительныя побѣды подъ Тарутинымъ и Малоярославцемъ, и, наконецъ, отступленіе, наносившее смерть и гибель ненавистному врагу.

«Тогда душою моею овладѣло пламенное желаніе указать всѣмъ и каждому на то, какой благодарности заслуживали отъ насъ наши защитники-герои за свое непоколебимое мужество и самоотверженіе, увѣнчавшееся освобожденіемъ отечества. Но что въ силахъ былъ я сдѣлать съ незначительными средствами, какія находились въ моемъ распоряженіи? Все, что тогда могъ я назвать своимъ, состояло только въ счастливой безпечности на счетъ завтрашняго дня,

да въ жалованіи изъ 2,250 рублей ассигнаціями, изъ котораго я уже обязался жертвовать 750 рублей на все время войны ¹⁾. И сколько ни ломалъ я себѣ головы, никакъ не могъ рѣшиться предпринять что либо, ибо для всякаго предпріятія потребны были деньги, а ихъ-то у меня не было. Наконецъ, въ январѣ 1813 года, вдругъ пришла мнѣ мысль издавать газету. Эта мысль сильно занимала меня, потому что въ ея исполненіи я видѣлъ желанный случай не только передавать и съ своей стороны во всеобщее всевѣдѣніе описаніе подвиговъ нашихъ воиновъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пріобрѣсти возможность доставить какъ нибудь облегченіе хотя 50-ти, или даже 100 инвалидамъ, которые, возвращаясь на родину, пойдутъ черезъ Петербургъ. Вотъ цѣль моего стремленія -- цѣль очень скромная и, по справедливости, невысокая! О томъ, чѣмъ въ послѣдствіи времени сдѣлалась газета, я не думалъ, и никто не могъ предвидѣть. И такъ, рѣшившись издавать газету, я приступилъ къ исполненію своего намѣренія безъ всякаго плана и при томъ съ такою поспѣшностью, что неожиданный успѣхъ моего періодическаго листка, по истинѣ, должно приписать одному только благословенію свыше. Мнѣ въ томъ дѣлѣ принадлежало, какъ говорится, по крайней мѣрѣ, доброе желаніе. Но кто производитъ въ человѣкѣ доброе желаніе и способствуетъ исполненію? «Богъ бо есть, дѣйствующій въ васъ и еже хотѣти о благоволеніи».

«Когда я отправился къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія для испрошенія позволенія на изданіе газеты, задуманной за два дня передъ тѣмъ, я не зналъ еще, какое дать ей названіе, и только въ пріемной министра пришло мнѣ на умъ назвать ее «Русскимъ Инвалидомъ». Получивъ разрѣшеніе, я поспѣшилъ къ типографщику, у котораго печатался тогда «Сынъ Отечества». Но когда почтенный типографщикъ (г. Дрекслеръ), приступавшій къ дѣлу гораздо разсудительнѣе меня, спросилъ, могу ли я дать ему въ задатокъ 1,500 рублей, и когда я отвѣчалъ «нѣтъ», переговоры наши кончились. Послѣ нѣсколькихъ столь же бесполезныхъ попытокъ, я наконецъ нашелъ въ покойномъ книгопродавцѣ г. Плюшарѣ такого человѣка, какой мнѣ былъ нуженъ. На объявленіе мое о желаніи издавать газету на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а денегъ къ тому не имѣю, онъ отвѣчалъ шутливымъ и для меня весьма пріятнымъ образомъ: «Eh bien, a sur et mesure qu'il y aura des abonnés nous ferons votre gazette, et si dans un mois il ne s'en presentera plus—nous fermerons la boutique». (По мѣрѣ того, какъ

¹⁾ По поводу этого пожертвованія въ формулярѣ Пезаровіуса сказано: «27-го августа 1812 года, удостоился высочайшаго благоволенія, объявленнаго министромъ юстиціи при слѣдующемъ отношеніи: «Я имѣлъ счастье доводить до высочайшаго свѣдѣнія о пожертвованіи вами получаемыхъ изъ юстицъ-коллегіи ливляндскаго и эстляндскаго дѣла жалованьемъ по 750 рублей въ годъ, пока продолжится война. Его императорское величество, отдавая справедливость патриотическому побужденію вашему, высочайше повелѣтъ соизволилъ изъяснить вамъ, милостивый государь мой, его благоволеніе. Ив. Дмитріевъ».

будутъ являться подписчики, мы станемъ печатать газету, а если черезъ мѣсяць ихъ не прибудеть, закроемъ лавочку, и дѣло съ концомъ). Послѣ такихъ весьма утѣшительныхъ для меня словъ, я думалъ, что газета уже существуетъ, а о томъ, что для существованія ея нужны также и читатели, я помышлялъ мало, такъ что программа, долженствовавшая предшествовать появленію газеты, явилась вмѣстѣ съ первымъ ея номеромъ, 1 февраля 1813 года».

Программа, о которой говоритъ Пезаровіусъ, настолько любопытна, что мы приводимъ ее здѣсь безъ сокращеній:

«Русскій Инвалидъ

«Извѣстіе.

«Подъ симъ названіемъ и форматомъ выйдетъ завтра февраля 1 дня еженедѣльное изданіе историческо-политическаго содержанія, въ которомъ будутъ помѣщаемы слѣдующіе предметы: Выписки изъ военныхъ происшествій, обзорнія и сужденія объ оныхъ.—Черты любви къ отечеству и храбрости, извлеченныя изъ древней и новѣйшей руссійской и всеобщей исторіи.—Всякія впродолженіе сей войны происходившія славныя дѣянія, являющія храбрость, человеколюбіе, отважную рѣшительность и личное пожертвованіе для блага общаго.—Иностранныя извѣстія, сколько нибудь любопытныя для читателя листковъ сихъ.—Направленіе общаго мнѣнія о нынѣшнихъ происшествіяхъ къ настоящей цѣли — и наконецъ, всякое хорошее умопроизведеніе, важное или шуточное, когда оно согласно будетъ съ цѣлію сихъ листовъ.—Издатель, отрицаясь отъ всякой личной выгоды за сей трудъ, намѣренъ весь остатокъ, за вычетомъ нужныхъ на напечатаніе издержекъ, употребить на вспоможеніе инвалидамъ, солдатскимъ вдовамъ и сиротамъ. А дабы большая часть публики могла пользоваться изданіемъ симъ, то полагается цѣна оному самая умѣренная: за весь годъ, составляющій 52 номера, которые будутъ выходить на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ еженедѣльно по субботамъ, здѣсь, въ Санктпетербургѣ 12, а съ пересылкою въ другіе города 15 рублей банковыми ассигнаціями. Каждый изъ гг. подписавшихся имѣеть право представлять о раненыхъ и увѣчныхъ въ нынѣшнюю войну, и объ учинившихся чрезъ то солдатскими вдовами и сиротами, для доставленія имъ нужнаго пособія,—публика ежемѣсячно извѣщаема будетъ о тѣхъ, кои получаютъ вспоможеніе, о количествѣ выданныхъ имъ суммъ и о наличности всѣхъ денегъ, поступившихъ въ кассу.

«Отъ васъ, любезные сограждане! ожидаю я теперь благосклонной помощи.—Только соединенными силами можемъ свершить предполагаемое доброе дѣло.—Еще повторяю, что не личныя какія либо выгоды побуждаютъ меня къ предпріятію труда сего; но единственно священная признательность къ героямъ, сражавшимся за наше спокойствіе и независимость, и желаніе содѣйствовать, по возможности моей, къ облегченію участи вдовъ и дѣтей храбрыхъ воиновъ, падшихъ на полѣ чести за любезное отечество.—Намѣреніе благо—средства позволительныя—да будетъ же и конецъ благоуспѣшенъ!

«Подписка принимается напередъ только въ типографіи г. Плюшара, въ домѣ Кутайсова, гдѣ «Русскій Инвалидъ» будетъ печататься, раздаваться и за три рубля въ годъ доставляться въ домъ. Иногородные благоволятъ адресоваться въ газетную экспедицію с.-петербургскаго почтамта.

«Издатель коллежскій совѣтникъ и кавалеръ

«Павель Пезаровіусъ».

Первый номер «Русскаго Инвалида» вышелъ въ объемѣ одного печатнаго листа сѣрой бумаги, формата небольшой четвертки. Въ немъ, какъ и въ ближайшихъ за нимъ номерахъ, перепечатаны донесенія о дѣйствіяхъ нашей арміи за границею и статьи газеты «Сѣверная Почта»¹⁾ объ опустошеніяхъ, сопровождавшихъ походы непріятели въ Москву и пребываніе его въ этой столицѣ; кромѣ того, помѣщены извлеченія изъ старыхъ газетъ и нѣсколько военныхъ анекдотовъ, частью истинныхъ, частью вымышленныхъ.

Такимъ образомъ, новая газета ни своимъ внѣшнимъ видомъ, ни внутреннимъ содержаніемъ не могла привлечь къ себѣ читателей. Наивность издателя доходила до того, что онъ не позаботился даже выписать хотя бы одну изъ иностранныхъ газетъ, наполнявшихся тогда подробными и разнообразными свѣдѣніями обо всемъ, происходившемъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Понятно, что публика отнеслась съ полнымъ равнодушіемъ къ новорожденному изданію. Первый номеръ «Инвалида» доставилъ издателю всего лишь 12 подписчиковъ! Знакомые добродушно подсмѣивались надъ его затѣей и предсказывали, что «Инвалидъ» скоро умретъ «отъ ранъ своихъ»... Но вѣра Пезаровіуса въ промыселъ Божій и глубокое убѣжденіе, что начатое имъ съ столь чистыми побужденіями дѣло не можетъ погибнуть, оправдались скорѣе, нежели онъ предполагалъ. На помощь ему явились случайныя обстоятельства, которыя неожиданно двинули и упрочили его предпріятіе. Пезаровіусъ разослалъ первый номеръ «Русскаго Инвалида» всѣмъ членамъ царской семьи, находившимся въ Петербургѣ, и нѣсколькимъ высокопоставленнымъ лицамъ. Обѣ императрицы, Марія Ѳеодоровна и Елизавета Алексѣевна, великіе князья Николай и Михайль Павловичи и великая княжна Анна Павловна отнесли съ горячимъ сочувствіемъ къ мысли Пезаровіуса и поспѣшили оказать ему поддержку; они тотчасъ же подписались на семь экземпляровъ «Инвалида» и прислали, вмѣсто объявленной подписной платы, 1,600 рублей. Такое отношеніе императорской фамилии къ предпріятію Пезаровіуса, конечно, обратило на него вниманіе общества, и подписка на новую газету усилилась въ значительной степени, такъ что, черезъ мѣсяць, въ № 4 «Русскаго Инвалида» отъ 22-го февраля, издатель могъ опубликовать первый слѣдующій отчетъ о состояніи кассы:

«Нижеподписавшійся издатель сего, въ пользу инвалидовъ, солдатскихъ вдовъ и сиротъ, посвящаемаго журнала, обязался въ предувѣдомленіи своемъ извѣщать ежемѣсячно публику о состояніи кассы, вырочаемой съ сего изданія, поелику онъ таковою токмо откровенностью въ производствѣ дѣла своего и строжайшею исправностью въ наблюденіи при отчетахъ своихъ опредѣлительной формы удостовѣрить можетъ болѣе и болѣе публику въ безкорыстности предпріятія своего. Нынѣ впервые исполняетъ онъ сіе обѣщаніе, или, лучше сказать, сію обязанность. Типо-

¹⁾ Эта газета издавалась въ то время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

графія г. Плюшара взялась печатать сей журналъ, не требуя задатка, но съ тѣмъ весьма сходнымъ условіемъ, чтобы подписка нигдѣ болѣе не принималась, какъ только въ одной сей типографіи, дабы сіе служило ей залогомъ въ уплатѣ. Но ежели кто при подпискѣ внесетъ по произволію своему, сверхъ подписной цѣны, излишекъ, т. е. за годовое изданіе болѣе 12 рублей, то изъ такового взноса вычитается 12 рублей на уплату издержекъ, а остальное затѣмъ поступаетъ въ кассу на вспоможеніе инвалидамъ нынѣшней войны. По уплатѣ же всѣхъ издержекъ на напечатаніе и проч. вносятся и сіи 12 рублей въ общій счетъ на имя дателя, такъ чтобы ничего не пропадало изъ отчета.

«Годовыя издержки на бумагу и на напечатаніе 1,000 экземпляровъ на русскомъ и 500 экземпляровъ на нѣмецкомъ языкахъ (положены примѣрно) простираются до 5,000 рублей. На уплату переводчикамъ, писцамъ, на корреспонденцію, выписываніе иностранныхъ вѣдомостей и на другіе расходы, кои въ первый мѣсяцъ не могли быть еще показаны опредѣлительно, полагается ежегодно до 3,000 р. Итого 8,000 рублей.

«Въ приходѣ состоитъ отъ 1 до 20 февраля:

«Отъ ея величества государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны за 2 экземпляра 300 рублей, изъ коихъ за вычетомъ 24 рублей на издержки поступило въ кассу на вспоможеніе инвалидамъ	276 рублей.
«Отъ ея величества государыни императрицы Маріи Ѳедоровны за 2 экземпляра 500 рублей; за вычетомъ на издержки 24 рубля остается	470 »
«Отъ ихъ высочествъ государей великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича за 2 экземпляра 600 рублей; за вычетомъ 24 рублей остается	576 »
«Отъ ея высочества государыни великой княжны Анны Павловны за *1 экземпляръ 200 рублей за вычетомъ 12 рублей остается	188 »
«Итого въ кассѣ на вспоможеніе инвалидамъ состоитъ	1,516 »
«Отъ подписчиковъ по 12 рублей за экземпляръ съ 1 по 21-е февраля поступило: черезъ типографію Плюшара 1860 рублей и черезъ газетную экспедицію 300 рублей. Всего	2,160 »

Приведенный нами отчетъ былъ явленіемъ совершенно новымъ для публики; своей простотой и откровенностью онъ произвелъ впечатлѣніе и внушилъ полное довѣріе къ Пезаровіусу. Теперь всѣ могли убѣдиться, что этотъ благородный человѣкъ, основывая газету, не преслѣдовалъ никакихъ личныхъ выгодъ, а стремился, дѣйствительно, лишь къ гуманной и патріотической цѣли, которая въ то тяжкое время не могла не найти отклика въ сердцѣ каждаго, кто искренно любилъ родину.

И въ другомъ отношеніи обстоятельства сложились настолько благопріятно для Пезаровіуса, что, казалось, само Провидѣніе взяло подъ свое покровительство его дѣло. Въ теченіе перваго мѣсяца статьи изъ иностранныхъ газетъ для русскаго изданія «Инвалида» переводилъ, извѣстный впослѣдствіи своей грамматикой, А. X. Востоковъ, но вскорѣ ученныя и служебныя занятія вынудили его отказаться отъ этой работы. Необходимо было отыскать новаго сотруд-

ника. Кто-то указалъ Пезаровіусу на служившаго въ почтамтѣ надворнаго совѣтника Оденталю, какъ на человѣка чрезвычайно способнаго и образованнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, предупреждая, что онъ гордъ и вспыльчивъ до такой степени, что часто приходитъ въ сильнѣйшее раздраженіе безъ всякаго повода, и потому съ нимъ нужно обращаться съ крайней осторожностью. Когда Пезаровіуса познакомили съ Оденталемъ, послѣдній отнесся къ нему довольно высокоумно и прямо назначилъ плату за свою работу, на которую тотъ и согласился безъ возраженій, самъ не зная, откуда ее достанетъ. При прощаніи, Оденталь съ важностью сказалъ:

— Надѣюсь, что каждый разъ, когда я приплю за вами, вы будете являться ко мнѣ.

Пезаровіусъ растерялся, но, боясь лишиться полезнаго сотрудника, обѣщалъ безпрекословно исполнять всѣ его требованія.

Дня черезъ два, въ полночь, Пезаровіусъ уже легъ въ постель, какъ вдругъ раздался звонокъ, и лакей доложилъ, что г. Оденталь ожидаетъ его къ себѣ немедленно. Вспомнивъ данное обѣщаніе, Пезаровіусъ послѣшно одѣлся и отправился къ своему грозному сотруднику. Стояла мартовская оттепель, и рѣдкіе масляные фонари едва мерцали въ темныхъ улицахъ. Извозчиковъ не оказалось, и несчастному издателю пришлось пѣшкомъ шлепать по водѣ и грязи отъ Семеновскаго моста до Конногвардейскаго переулкa, гдѣ жилъ Оденталь. Когда изрядно загрязнившійся Пезаровіусъ вошелъ въ ярко освѣщенный кабинетъ, то увидѣлъ Оденталю, сидѣвшаго за письменнымъ столомъ среди груды иностранныхъ газетъ и журналовъ. Тутъ только Пезаровіусъ догадался, что его новый сотрудникъ былъ почтамтскимъ цензоромъ.

— Вотъ,—сказалъ Оденталь, повелительно указывая на небольшой столикъ, стоявшій у дверей, — послѣднія берлинскія газеты. Витгенштейнъ побилъ французовъ при Лейпцау. Садитесь, выпишите, что нужно, и дайте мнѣ свои выписки,—я тотчасъ переведу ихъ на русскій языкъ.

Изумленію и радости Пезаровіуса не было границъ. Публика особенно интересовалась тогда извѣстіями о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ на Эльбѣ,—и вотъ онъ вдругъ, нечаянно и негаданно, очутился у самаго источника, откуда могъ черпать самыя свѣжія новости! Не разгибая спины, работалъ онъ вмѣстѣ съ Оденталемъ до трехъ часовъ ночи, и какъ только рукописи были готовы, побѣжали съ ними въ типографію Плюшара, помѣщавшуюся на Исакіевской площади, разбудилъ наборщиковъ, заставилъ ихъ при себѣ набирать номеръ газеты и въ восемь часовъ утра публика прочтала въ «Русскомъ Инвалидѣ» на двухъ языкахъ тѣ извѣстія, которыя могла узнать изъ берлинскихъ газетъ лишь черезъ нѣсколько часовъ позже. Такая быстрота въ сообщеніи новостей породила молву, будто редакція «Инвалида» получаетъ извѣстія съ театра войны при по-

средствѣ особыхъ курьеровъ. Подписка сразу поднялась, и къ концу апрѣля число подписчиковъ достигло уже 800 человекъ, что вполне окупало всѣ расходы по изданію. Кромѣ того, Пезаровіусъ началъ выпускать «чрезвычайныя прибавленія», въ которыхъ помѣщались краткія извѣстія о наиболѣе выдающихся успѣхахъ нашихъ войскъ. Эти «чрезвычайныя прибавленія» продавались по 25 копеекъ, и на Невскомъ проспектѣ, на бульварѣ, тогда еще существовавшемъ, предлагались гуляющимъ мальчиками, преимущественно солдатскими сыновьями, и дѣвочками. Дѣти обыкновенно собирались у входа въ типографію Плюшара, съ номерными дощечками, висѣвшими на веревкахъ, обмотанныхъ вокругъ шеи, и представляли, сколько у кого было денегъ,—рубли или полтину. Получивъ за рубль четыре, а за полтину два экземпляра прибавленій, они спѣшили съ крикомъ: «побѣда!» «побѣда!» на бульваръ, гдѣ публика съ жадностью покупала у нихъ объявленія, платя обыкновенно вдвое и втрое. Какъ скоро товаръ былъ проданъ, дѣти опять прибѣгали къ Плюшару, на весь свой барышъ снова покупали экземпляры объявленій и бросались на бульваръ продавать ихъ. Случалось, что иной, представивъ сначала только рубль, возвращался съ бульвара и могъ уже купить прибавленій на пять и даже на десять рублей и болѣе и уносить съ собою домой изрядный барышъ.

Но пожертвованія въ пользу инвалидовъ были незначительны. Очень немногіе подписчики присоединяли къ подписной платѣ нѣсколько личныхъ рублей, да одна дама дала 50 рублей и одинъ англійскій торговый домъ прислалъ 100 рублей. Тогда еще не было видно въ Петербургѣ инвалидовъ; они начали появляться позднѣе.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, довольно посредственный комикъ тогдашняго нѣмецкаго театра, Боркъ, заявилъ Пезаровіусу, что, одушевленный желаніемъ принести посильную помощь инвалидамъ, уступаетъ въ пользу ихъ сборъ съ своего бенефиса. Пезаровіусъ обрадовался такому предложенію и, не смотря на то, что его со всѣхъ сторонъ увѣряли, что онъ попался впросакъ, что лѣтомъ, когда всѣ живутъ на дачахъ, маленькій нѣмецкій театр¹⁾ будетъ пустъ, и Боркъ, уступая свой бенефисъ инвалидамъ, хочетъ только избавиться отъ платы за издержки, взваливъ ихъ на него,—Пезаровіусъ, тѣмъ не менѣе, вѣруя въ свою счастливую звѣзду, заявилъ въ газетѣ о благородномъ желаніи Борка и о томъ, что билеты на спектакль можно получать у него на квартирѣ или въ типографіи Плюшара. Результаты не только оправдали рискъ Пезаровіуса, но превзошли всѣ его ожиданія. Публика разбирала билеты на расхватъ и за кресла, цѣна которымъ была 2 руб. 50 коп., платили по 10, 25, 50, по 150 и даже по 300 рублей. Чистый сборъ отъ спектакля, за вы-

¹⁾ Театръ этотъ помѣщался въ то время въ Малой Милліонной и занималъ часть зданія нынѣшняго Главнаго Штаба.

четомъ всѣхъ расходовъ, доставилъ 3.000 рублей. Боркъ также не остался въ накладѣ, ибо императрица Марія Ѳеодоровна прислала ему 500 рублей на покрытие убытковъ.

«Никогда не надѣялся я, — говоритъ Пезаровіусъ ²⁾, — получить столь значительную сумму. Въ величайшей радости сѣлъ я за столъ, чтобы извѣстить публику посредствомъ газеты о такомъ неожиданномъ мною сборѣ. Я еще не думалъ ни о чемъ другомъ, но, взявъ въ руку перо, написалъ, — собственно не зная самъ, что дѣлаю, — что эти три тысячи хочу положить въ ломбардъ «для составленія основнаго капитала, который скоро будетъ значительнымъ, и въ свое время передать его правительству для обращенія въ пользу инвалидовъ». Итакъ, изъ 3.000 рублей, которыя я въ первый разъ видѣлъ передъ собой и которыя поразили меня своею значительностью, я рѣшился составить капиталъ въ пользу инвалидовъ, предсказавъ, что онъ вскорѣ будетъ огромнымъ! Могла ли подобная мысль родиться въ головѣ человѣка, знакомаго съ теоріей вѣроятностей? Въ то же время я объявилъ, что впредь не могу болѣе трогать суммъ, полагаемыхъ для увеличенія капитала, но что онѣ до передачи правительству будутъ приращаться процентами. Съ тѣхъ поръ пожертвованія умножились, и вотъ тому причина: когда императрица Марія Ѳеодоровна узнала изъ «Русскаго Инвалида» (листки котораго всегда лежали на ея рабочемъ столѣ), что я хочу основать капиталъ, могущій только возрастать, а не убавляться, то человѣколюбивая государыня, благосклоннымъ и трогательнымъ образомъ выражавшая мнѣ въ разныя времена высокое участіе, принимаемое ею въ дѣлѣ инвалидовъ, начала присылать мнѣ послѣ рѣшительныхъ побѣдъ нашихъ армій суммы въ нѣсколько тысячъ рублей (такъ, на примѣръ, 4.000 рублей послѣ Кульмскаго и 8.000 рублей послѣ Лейпцигскаго сраженія) отъ имени «счастливой матери и дѣтей ея». Высокій примѣръ, поданный императрицей, покорившей себѣ любовь всѣхъ вѣроподанныхъ, естественно не могъ остаться безъ подражанія. Публика, увидѣвъ, что государыня вѣряетъ мнѣ, человѣку вовсе неизвѣстному, такія значительныя суммы, и что сіи суммы обращаются въ основной капиталъ, спѣшила доказать такимъ же образомъ свою благодарность къ храбрымъ защитникамъ отечества. Я началъ получать по тысячѣ и болѣе рублей и приобщалъ ихъ къ капиталу, а изъ суммъ менѣе значительныхъ дѣлалъ выдачи раненымъ и солдатскимъ вдовамъ, которые начали появляться въ большомъ количествѣ».

Предсказаніе, или, вѣрнѣе, предчувствіе Пезаровіуса относительно роста инвалиднаго капитала начало сбываться съ неожиданной быстротой и въ неожиданныхъ размѣрахъ. 4-го декабря онъ полу-

²⁾ Краткая исторія «Русскаго Инвалида», стр. 17.

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1896 г., т. LXIII.

чилъ отъ московскаго главнокомандующаго графа Раstopчина слѣдующее письмо ¹⁾:

«По случаю знаменитой побѣды, одержанной подъ стѣнами Лейпцига, содѣлавшей безсмертнымъ великаго государя нашего и на вѣки прославившей оружіе россійское, жители древней столицы московской, движимые любовью къ отечеству и состраданіемъ къ увѣчнымъ защитникамъ онаго, опредѣлили нѣкоторое пособіе въ пользу инвалидовъ, предоставивъ мнѣ пожертвованную ими сумму отправить къ вашему высокоблагородію. Съ особымъ удовольствіемъ принявъ на себя исполненіе сего ихъ желанія, я честь имѣю препроводить къ вамъ при особыхъ спискахъ 42.000 рублей, прося покорно васъ, милостивый государь мой, оныя деньги обратить на извѣстное назначеніе и о полученіи оныхъ не оставитъ меня вашимъ увѣдомленіемъ».

Въ слѣдъ за пожертвованіемъ москвичей, и петербургское купечество доставило въ инвалидный капиталъ 20.000 рублей. Кромѣ того, два концерта въ залѣ Филармоническаго общества, изъ которыхъ одинъ былъ устроенъ Пезаровіусомъ, а другой данъ придворными пѣвчими подъ управленіемъ знаменитаго Бортнянскаго, принесли 10.000 рублей. Наконецъ, въ исходѣ года и самъ Пезаровіусъ могъ приобщить къ капиталу 5.000 рублей, оставшіеся у него за вычетомъ всѣхъ расходовъ по редакціи и изданію газеты. Благодаря всѣмъ этимъ пожертвованіямъ, Пезаровіусъ, выпуская № 51 «Русскаго Инвалида», послѣдній въ 1813 году, могъ показать въ своемъ отчетѣ такія суммы: въ неприкосновенномъ инвалидномъ капиталѣ состояло 115.000 рублей; въ вспомогательной кассѣ 31.575 рублей; въ кассѣ на издержки по изданію 22.477 рублей. Число инвалидовъ, получившихъ пособіе изъ вспомогательной кассы, большею частью за годъ впередъ, простиралось до 825 и солдатскихъ вдовъ 40.

«Таковъ былъ результатъ изданія газеты,—говоритъ Пезаровіусъ съ понятнымъ чувствомъ гордости,—существовавшей не болѣе одиннадцати мѣсяцевъ, которая начала издаваться безъ предварительнаго объявленія, имѣя съ самаго начала не болѣе двѣнадцати подписчиковъ,—газеты, для которой я не осмѣлился испрашивать у правительства ни малѣйшаго пособія, и которая, не смотря на то, по милости Божіей, не только покрыла всѣ издержки изданія и къ концу года приобрѣла значительный капиталъ, но, сверхъ того, поставила меня въ возможность доставлять денежное вспоможеніе возвратившимся на родину почтеннымъ инвалидамъ, проливавшимъ кровь свою въ сраженіяхъ подъ Бауценомъ, подъ Полоцкомъ и при штурмѣ сего города. Инвалиды, при проѣздѣ черезъ Петербургъ, временно размѣщались по квартирамъ на Петербургской сто-

¹⁾ Письмо это напечатано въ № 51 «Русскаго Инвалида» 1813 года.

ронѣ. На дорогѣ къ нимъ нерѣдко случалось мнѣ встрѣчать знакомыхъ. Узнавъ, что я иду къ раненымъ, почти каждый изъ нихъ давалъ мнѣ что нибудь въ пользу заслуженныхъ воиновъ, и такимъ образомъ я приходилъ къ своимъ друзьямъ съ большимъ запасомъ пособія, нежели съ какимъ выходилъ изъ дому. Должно замѣтить, что никогда не давалъ я пособія инвалидамъ отъ своего имени, а всегда отъ имени правительства и, во-вторыхъ, я никогда никого не просилъ заботиться объ инвалидахъ, ибо такія просьбы, по моему убѣжденію, были бы оскорбленіемъ ихъ заслугъ, запечатлѣнныхъ кровью. Но я долженъ также отдать полную справедливость русской публикѣ: она проникнута была священной обязанностью доказать на дѣлѣ свою признательность раненымъ воинамъ, сколько кому позволяли обстоятельства».

Съ 1814 года Пезаровіусъ рѣшилъ выпускать «Инвалидъ» два раза въ недѣлю и потому возвысилъ подписную плату съ 15 до 25 рублей въ годъ, что не только не имѣло неблагоприятныхъ послѣдствій, но, напротивъ, даже усилило подписку.

Патріотическое одушевленіе и общее участіе къ судьбѣ инвалидовъ также постоянно возрастало. Почти во всѣхъ зажиточныхъ семьяхъ каждое радостное событіе или домашній праздникъ приносили что нибудь раненымъ. Въ пользу ихъ дѣлались складчины, давались дѣтскіе спектакли и концерты, устраивались вечера и лотереи, часто въ коммерческихъ играхъ извѣстная часть выигрыша отсчитывалась «на инвалидовъ», въ нѣкоторыхъ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ воспитанники и воспитанницы собирали свои карманныя деньги и отсылали ихъ въ редакцію «для инвалидовъ». Изъ многихъ губерній, даже изъ отдаленныхъ поселеній Сѣверо-Американской компаніи, присылались денежные пожертвованія, вообще простиравшіяся иногда до 20, 30 и даже 40 тысячъ въ мѣсяцъ. Перечисленіе всѣхъ присланныхъ пожертвованій заняло бы много мѣста, и мы ограничимся упоминаніемъ лишь объ одномъ изъ нихъ. Съ извѣстіемъ о взятіи Парижа былъ присланъ отъ государя генераль-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ. Жители Москвы въ изъявленіе своей радости поднесли ему, въ видѣ хлѣба-соли, 2,000 голландскихъ червонцевъ (слишкомъ 20 тысячъ рублей). Получивъ эти деньги, Голенищевъ завязалъ ихъ въ салфетку и послалъ съ дворецкимъ Пезаровіусу «отъ неизвѣстнаго для инвалидовъ».

Къ концу 1814 года основной инвалидный капиталъ, лежавшій въ ломбардѣ, достигъ 300,000 рублей, и, кромѣ того, Пезаровіусъ могъ присоединить къ нему отъ себя 20,000 рублей, оставшіеся отъ издержекъ на изданіе газеты.

Столь блестящій результатъ частной инициативы маленькаго и неизвѣстнаго чиновника, носившаго иностранную фамилію, но имѣвшаго чисто русское сердце и дѣйствовавшего на свой страхъ во

имя любви и состраданія къ челоѣчеству, указалъ правительству на необходимость взять въ свои руки дѣло попеченія о раненыхъ воинахъ и обезпеченіе ихъ судьбы.

18-го августа 1814 года, въ годовщину Кульмскаго сраженія, состоялся высочайшій приказъ объ учрежденіи особаго комитета; обращаясь къ войскамъ, императоръ Александръ, такимъ образомъ, опредѣлилъ задачи комитета: «Геройскіе подвиги ваши всегда обращали вниманіе Мое; дабы вѣще ознаменовать оныя, и въ особенности день 18-го августа, Я отверзаю нынѣ путь удобнѣйшій всѣмъ увѣчнымъ въ послѣднюю незабвенную по громкимъ дѣламъ своимъ войну генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, какъ вышедшимъ уже въ отставку, такъ и тѣмъ, кои отъ ранъ и увѣчевъ въ войну сію оставляютъ впредь службу, и не имѣющимъ другаго состоянія, кромѣ опредѣленнаго при отставкѣ пенсіона, прибѣгать во всѣхъ нуждахъ своихъ ко Мнѣ. А чтобы просьбы ихъ безъ всякаго промедленія были разсматриваемы, повѣрены и поднесены Мнѣ, учреждаю особый комитетъ изъ находящихся при Мнѣ генералъ-адъютантовъ: Уварова, графа Строганова, Голенищева-Кутузова, Закревскаго и Сипягина. Обязанностью комитета сего будетъ: принимать просьбы, пещись о доставленіи возможнаго вспомошествованія немущимъ, изувѣченнымъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, и представлять объ нихъ доклады свои черезъ состоящаго при Мнѣ генерала-отъ-артиллеріи графа Аракчеева».

Съ утвержденіемъ комитета 18-го августа, Пезаровіусъ намѣревался, закончивъ 1814 годъ, отказаться отъ дальнѣйшаго изданія «Русскаго Инвалида» и представить собранныя имъ деньги въ комитетъ; но засѣданія послѣдняго вскорѣ прекратились, такъ какъ большая часть его членовъ отправились вмѣстѣ съ государемъ за границу, на Вѣнскій конгрессъ. «Инвалидъ» продолжалъ выходить и въ 1815 году, но пожертвованія въ пользу раненыхъ стали уменьшаться, а послѣ пораженія Наполеона при Ватерлоо и его отреченія отъ престола почти совсѣмъ прекратились. Тѣмъ не менѣе, къ декабрю мѣсяцу инвалидный капиталъ возросъ до 395,000. Въ этомъ мѣсяцѣ императоръ Александръ возвратился въ Петербургъ, и Пезаровіусъ успѣшилъ повергнуть на высочайшую волю, какъ капиталъ, такъ и 1,200 инвалидовъ, получавшихъ отъ него въ то время постоянныя пособія.

Государь, принявъ деньги, удостоилъ Пезаровіуса слѣдующимъ рескриптомъ:

«Безкорыстное усердіе ваше къ храбрымъ защитникамъ отечества, которое явили вы трехлѣтнимъ изданіемъ публичныхъ вѣдомостей подъ названіемъ «Русскій Инвалидъ» и руководствуясь коимъ приобрѣли на пользу изувѣченныхъ капиталъ въ 395.000 рублей, обратило на себя особенное вниманіе мое. Въ награду толико похвальнаго подвига, жалуя васъ кавалеромъ ордена св. Анны вто-

рой степени, знаки коего, алмазами украшенные, и препровождаю при семъ, увѣренъ будучи, что съ новымъ распоряженіемъ, сдѣланнымъ мною на счетъ означенныхъ вѣдомостей, не престанете вы и впредь продолжать полезный трудъ вашъ, доставляющій способъ соотечественникамъ облегчать жребій изувѣченныхъ на войнѣ собратій своихъ. Пребываю вамъ благосклонный Александръ».

Одновременно съ рескриптомъ Пезаровіусу состоялся указъ правительствующему сенату, который приводимъ вполнѣ:

«Издатель вѣдомостей, именуемыхъ «Русскій Инвалидъ», коллежскій совѣтникъ Пезаровіусъ, предпринявшій трудъ сей изъ единого усердія къ храбрымъ защитникамъ отечества, поднесъ мнѣ просьбу о принятіи въ казенное распоряженіе капитала, посредствомъ означенныхъ вѣдомостей приобрѣтеннаго и составляющаго понынѣ 395.000 рублей.

«Отдавая справедливость столь похвальному подвигу коллежскаго совѣтника Пезаровіуса, я наградилъ его орденомъ св. Анны второй степени, алмазами украшеннымъ, а дабы преподать ему способъ быть и впредь полезнымъ для изувѣченныхъ воиновъ, повелѣваю правительствующему сенату:

«1) Опредѣлить Пезаровіуса членомъ комитета, учрежденнаго по приказу моему 18-го августа 1814 года, поручивъ дирекціи его канцелярію комитета.

«2) Изданіе, коимъ занимался онъ три года, продолжать и впредь подъ наименованіемъ «Русскій Инвалидъ» или «Военныя Вѣдомости».

«3) Сверхъ предметовъ, входившихъ понынѣ въ вѣдомости сіи, помѣщать приказы и другія военныя извѣстія по усмотрѣнію комитета.

«4) Цензуру «Военныхъ Вѣдомостей» предоставить на общихъ основаніяхъ означенному комитету.

«5) Собранную Пезаровіусомъ сумму для приобщенія къ прочему инвалидному капиталу, въ комиссаріатскомъ департаментѣ хранящемуся, и впредь всѣ приношенія, къ издателю «Русскаго Инвалида» поступающія, обращать въ вѣдѣніе комитета.

«6) Съ распоряженіемъ симъ употребленіе денегъ на изданіе «Военныхъ Вѣдомостей» происходитъ должно по назначенію уже комитета.

«7) А какъ отъ коллежскадо совѣтника Пезаровіуса получаютъ пенсіоны 1.200 инвалидовъ, то производство оныхъ и впредь предоставить равномѣрно комитету».

«Александръ».

«С.-Петербургъ, 21-го декабря 1815 г.».

Слова высочайшаго рескрипта, гдѣ государь выражалъ увѣренность, что Пезаровіусъ «не престанетъ и впредь продолжать полезный трудъ свой», обязывали его остаться редакторомъ «Русскаго

Инвалида», перешедшаго теперь въ вѣдѣніе комитета 18-го августа. Съ 1816. года, согласно предложенію Пезаровіуса, «Инвалидъ» началъ выходить ежедневно. Онъ редактировалъ газету еще шесть лѣтъ, до 1822 года, и въ теченіе этого времени чистый доходъ отъ изданія, поступавшій въ пользу инвалидовъ, простирался ежегодно отъ 40 до 60 тысячъ рублей, такъ что общая цифра инвалиднаго капитала, собраннаго Пезаровіусомъ, составляла, какъ то обозначено въ его формулярномъ спискѣ, миллионъ тридцать двѣ тысячи четыреста двадцать четыре рубля!

Въ концѣ 1821 года Пезаровіусъ отказался отъ редакторства, и изданіе «Инвалида» было изъято изъ вѣдѣнія комитета и передано статскому совѣтнику А. Ѳ. Воейкову, извѣстному переводчику «Садовъ» Деляля и автору сатиры «Домъ сумасшедшихъ».

Въ 1817 году, Пезаровіусу пожалованъ по смерти пенсіонъ по 1.500 рублей ежегодно, а при оставленіи имъ съ 1822 года редакторства «Инвалида» велѣно производить изъ суммъ комитета 18-го августа по 3.000 рублей жалованья. Въ 1826 году, по докладу комитета, пенсія его была увеличена еще на 1.500 рублей и, сверхъ того, ему выдано одновременно 7.000 рублей на уплату долговъ, а въ 1834 году ко всему этому присоединена аренда на 12 лѣтъ, по 2.000 рублей въ годъ. Въ 1833 году онъ, имѣя уже чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и орденъ св. Станислава 1-й степени, назначенъ президентомъ Петербургской Евангелической консисторіи (вице-президентомъ ея онъ состоялъ съ 1819 года) съ оставленіемъ членомъ комитета 18-го августа.

Кромѣ редактированія «Инвалида», Пезаровіусъ написалъ и напечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ и безъ означенія своего имени нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ намъ извѣстны заглавія двухъ:

1) *Christliche Katechismusübung, nach Grundlage des kleinen Katechismus Dr. Martin Luthers, zu Nutz und Frommen beydes, der Schuler und Lehrer, verfasst und herausgegeben in Jhar des Heils 1820. St.-Petersburg. Mit mehreren Zusätzen neue aufgelegt. Dresden. 1822.* (Христіанское примѣненіе катехизиса, на основаніи малаго катехизиса д-ра Мартина Лютера, для пользы и благочестія учениковъ и учителей, составлено и издано въ 1820 году. С.-Петербургъ. Со многими дополненіями вновь издано въ 1822 году. Дрезденъ).

2) *Ein Wort der Wahrheit über die Schmähchrift: Meine Verfolgung in Russland; von Karl Limmer, vormals Consistorial-Rath und Prediger zu Saratow, das heist: welcher Limmer nie verfolgt worden, nicht vormals sondern niemals Consistorial-Rath gewesen. Leipzig. 1823.* (Слово правды о пасквилѣ подъ заглавіемъ: «Преслѣдованіе меня въ Россіи» Карла Лиммера, бывшаго совѣтника консисторіи, проповѣдника въ Саратовѣ, то-есть этотъ Лиммеръ никогда не былъ преслѣдуемъ и ни раньше, ни вообще никогда не былъ совѣтникомъ консисторіи. Лейпцигъ. 1823).

Воейковъ получилъ въ свое распоряженіе «Русскій Инвалидъ» исключительно благодаря обширнымъ связямъ и протекціи вліятельныхъ лицъ. Это былъ человѣкъ не безъ дарованій, но безхарактерный, вздорный и безпечный, съ крайне узкими и односторонними взглядами. Онъ редактировалъ «Инвалидъ» до своей смерти, т. е. до 1839 года, и за этотъ періодъ времени газета отличалась полной безсодержательностью; въ ней не было ничего, кромѣ громкихъ и пустыхъ фразъ, жиденькихъ описаній отечественныхъ происшествій и выписокъ изъ иностранныхъ газетъ, сдѣланныхъ безъ всякой системы. Понятно, что при такомъ способѣ веденія дѣла подписка на «Инвалидъ» падала съ каждымъ годомъ, и наконецъ, изданіе не только перестало приносить выгоды, но вовлекло Воейкова въ долги и процессы. Пезаровіусъ, видя гибель предпріятія, которое онъ создалъ и привелъ въ блестящее положеніе, началъ хлопотать объ отобраніи отъ Воейкова редакціи. Многочисленные покровители Воейкова, во главѣ съ Жуковскимъ и всемогущимъ Аракчеевымъ, приняли его подъ свою защиту и, вѣроятно, хлопоты Пезаровіуса не привели бы ни къ какимъ результатамъ, еслибъ смерть Воейкова не разрѣшила вопроса. По высочайшему повелѣнію, 29 іюня 1830 года редакція «Инвалида» снова перешла къ Пезаровіусу, и помощникомъ къ нему назначенъ еще начинавшій тогда свою литературную карьеру А. А. Краевскій. Чтобы поднять газету, Пезаровіусъ увеличилъ ея форматъ, ввелъ политическій отдѣлъ и разныя другія улучшенія. Усилія его отчасти увѣнчались успѣхомъ, но все-таки «Инвалидъ» не могъ уже достигнуть прежняго распространенія. Возможно, что и самъ Пезаровіусъ не имѣлъ ни силъ, ни времени съ той же энергіей работать и отдаваться газетѣ. Какъ бы то ни было, онъ велъ ее до 1847 года, когда тяжелая болѣзнь, скоро порвавшая его полезную жизнь, вынудила его не только опять оставить редакторство, но и просить увольненія отъ службы.

1-го января 1847 года, состоялся слѣдующій приказъ императора Николая I: «Увольняется по прошенію отъ службы, за совершенно разстроеннымъ здоровьемъ, членъ комитета, учрежденнаго въ 18-й день августа 1814 года, тайный совѣтникъ Пезаровіусъ. Государь императоръ, пріемля во всемилостивѣйшее вниманіе незабвенный подвигъ, оказанный тайнымъ совѣтникомъ Пезаровіусомъ основаніемъ инвалиднаго капитала, въ эпоху отечественной войны, высочайше повелѣтъ соизволилъ: при увольненіи его отъ службы назначить почетнымъ членомъ означеннаго комитета и сохранить получаемые имъ изъ инвалиднаго капитала оклады, сверхъ пенсіи, пожалованной ему въ 1817 и 1826 годахъ, за особыя заслуги, и той, которая причитается по послѣдней его должности президента с.-петербургской евангелическо-лютеранской консисторіи».

Ровно черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ отставки, 2 іюля 1847 года Пезаровіусъ умеръ. Забвеніе коснулось его уже при жизни; по край-

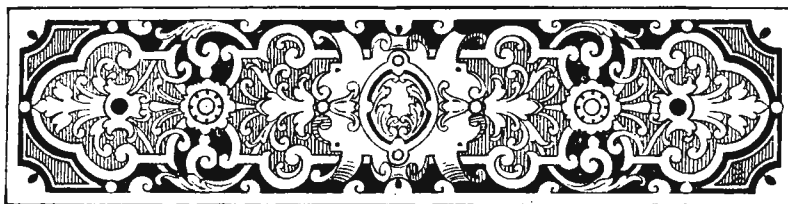
ней мѣръ ни въ «Русскомъ Инвалидѣ», ни въ другихъ петербургскихъ газетахъ того времени мы не нашли ни его некролога, ни описанія его похоронъ. Только однѣ «Московскія Вѣдомости» (№ 81) почтили его память нѣсколькими прочувствованными строками:

«Вчера, 2 іюля,—говорится въ нихъ,—въ 11 часу утра скончался послѣ продолжительной болѣзни, на 74 году отъ рожденія, почетный членъ комитета, высочайше утвержденнаго въ 18 день августа 1814 года, и бывшій редакторъ «Русскаго Инвалида», тайный совѣтникъ Павелъ Павловичъ Пезаровіусъ. Благотворить нуждающимся, жертвовать всѣмъ для ближняго, забывать собственные интересы—вотъ была единственная цѣль, единственное занятіе этой долговременной, полезной обществу, жизни. Тысячи семействъ, вдовъ, сиротъ, раненыхъ, обѣдѣвшихъ отъ несчастныхъ обстоятельствъ, обязаны Пезаровіусу жизнью, воспитаніемъ и тою степенью довольства, съ какою только могли доводить ихъ средства, бывшія въ его распоряженіи. Всегда ходатайствовавшій за другихъ и не заботившійся о самомъ себѣ, Пезаровіусъ жилъ однѣми щедротами государя императора и изъ получаемыхъ имъ окладовъ, которыхъ было достаточно для его умѣреннаго образа жизни, онъ благотворилъ еще своимъ родственникамъ и ни одного бѣднаго не отпускалъ отъ себя безъ помощи. Имя его до сихъ поръ извѣстно было только тѣмъ, кто пользовался его благодѣянiami. Всегда скромный и молчаливый, онъ никому не рассказывалъ о своихъ поступкахъ и не любилъ, чтобы ему напоминали о нихъ; но теперь, когда смерть положила предѣлъ его общепользующей дѣятельности, мы съ чувствомъ глубокой скорби можемъ сказать, что мы въ лицѣ Пезаровіуса лишились одного изъ тѣхъ честныхъ, благородныхъ людей, которыми по справедливости гордится человѣчество и которыхъ имена вносить оно на страницы своей исторіи, какъ лучшее ея украшеніе».

Императоръ Николай Павловичъ приказалъ похоронить Пезаровіуса на счетъ комитета 18 августа и отдать ему, при погребеніи, воинскія почести. Тѣло его опущено въ землю на лютеранскомъ Смоленскомъ кладбищѣ. Пезаровіусъ былъ женатъ на Аннѣ Ѳедоровнѣ Цвейтингеръ, пережившей его всего на два года, и не имѣлъ дѣтей. Могила его начинаетъ приходить въ ветхость. Намъ кажется, что комитету о раненыхъ слѣдовало бы къ исполняющемуся въ будущемъ году пятидесятилѣтію кончины своего основателя позаботиться заблаговременно о возобновленіи его могилы и приведеніи ея въ такой видъ, который былъ бы достоинъ заслугъ, оказанныхъ ему этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ.

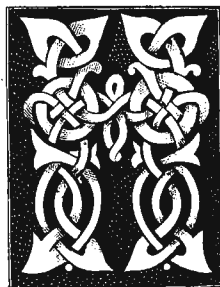
С. Шубинскій.

НАВОДНЕНИЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ 2-ГО НОЯБРЯ 1895 Г. ¹⁾

V.

А СЛѢДУЮЩІЙ ДЕНЬ мы выѣхали рано, чтобы успѣть до наступленія потемокъ обойти какъ можно болѣе подвальныхъ квартиръ. Первое, что насъ порадовало въ Гавани, это нѣсколько возовъ съ дровами, возчики которыхъ наводили справки у городского на перекресткѣ. Это были дрова, присланныя, очевидно, неизвѣстными благодетелями.

Этотъ день раздачи былъ для насъ не легкимъ днемъ. По Гавани уже разнеслась молва о томъ, что по квартирамъ ходятъ «попечители» и раздаютъ деньги. Поэтому гаваньцы съ ранняго утра уже высыпали изъ своихъ подваловъ и квартиръ и поджидали нашего появленія. Не успѣли мы пріѣхать, какъ насъ уже окружила густая толпа, осыпавшая насъ просьбами зайти то на Опочинину, то на Наличную, то на Гаванскую, то на Карташихину улицу. Шумъ и гамъ стоялъ на улицѣ страшный. Насъ давили со всѣхъ сторонъ, теребили за рукава и всячески старались обратить на себя наше вниманіе. Дѣти, увлекшись примѣромъ старшихъ, тоже удвоили свои приставанія и изъ рѣзвой, веселой толпы, которая сопутствовала намъ въ первые два дня, они превратились въ неумолкающую толпу маленькихъ нищихъ. Всѣ говорили сразу. Не успѣли мы сойти съ извозчика, какъ наша про-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIII, стр. 500.

летка была уже буквально усѣяна ребятами. Одни забрались храбро на сидѣнье, другіе заняли ступеньки, третьи повисли на рессорахъ, четвертые съ усиліемъ карабкались на передокъ къ извозчику, и экипажъ сразу превратился въ жужжащій улей.

Толпа между тѣмъ съ каждою минутой все прибывала и прибывала. Изъ-за головъ дѣтей и бабъ намъ видно было, какъ къ тому мѣсту, гдѣ мы стояли, бѣжали, спотыкаясь, все новыя и новыя бабы. Скоро собралось человѣкъ до ста, если не больше.

Мы объявили толпѣ, крича во весь голосъ, что на улицѣ никому ничего давать не будемъ, что будемъ давать только въ квартирахъ и просимъ каждого сидѣть въ своей конурѣ и терпѣливо ждать, пока мы придемъ сами. Толпа не повѣрила.

— А какъ вы обманете, да уѣдете?—раздался скептической голосъ.

— Не уѣдемъ, не бойся,—отвѣтилъ А. Н. Черманъ, улыбаясь наивности вопроса.—А вотъ если вы будете стоять толпою и мѣшать намъ дѣлать наше дѣло, то мы дѣйствительно сядемъ на извозчика и уѣдемъ. Все будетъ зависѣть отъ васъ самихъ,—прибавилъ онъ.

Толпа послушалась и очистила намъ дорогу. Мы объявили, еще разъ надрывая глотку, что начнемъ съ одной улицы и до тѣхъ поръ не свернемъ съ нея на другую, пока не обойдемъ ее отъ одного конца до другого.

Это тоже подѣйствовало. Многіе стали уходить, напоминая:

— На Карташихину зайдите!.. Къ намъ на Опочинину приѣзжайте!.. У насъ на Наличной все потонуло...

Толпа нѣсколько порѣдѣла. Упрямо не давали намъ дороги только три или четыре пьяныя бабы, на возгласы которыхъ мы не обращали вниманія, и которыя за это бранились довольно вѣской бранью. Дѣти тоже не отставали отъ насъ. Мы начали обходъ, издали похожій на шествіе крестнаго хода. Впереди и сзади шли разношерстными группами дѣти, съ боковъ нѣсколько праздныхъ мужиковъ и бабъ, и сзади всѣхъ замыкалъ шествіе блюститель мѣстнаго порядка—городовой. Нашъ возница отпросился у насъ въ ближайшій трактиръ покормить лошадь и попить чайку. Мы его отпустили, и это было, какъ мы убѣдились потомъ, большимъ промахомъ съ нашей стороны и большою ошибкой. Увидя, что мы сами себѣ отрѣзали способъ отступленія, толпа стала гораздо смѣлѣе.

Мы рѣшили держаться какойнибудь системы и начали обходъ съ крайняго дома улицы, переходя съ одного двора въ другой и не сворачивая въ стороны. Въ этотъ день мы обошли пятьдесятъ девять квартиръ. Всюду мы встрѣчались все съ тою же бѣдностью, которая варьировала только въ частностяхъ. Разница была только въ томъ, что въ однихъ подвалахъ было свѣтлѣе и чище, а въ другихъ темнѣе и грязнѣе. Грязь впрочемъ преобладала.

Я не забуду никогда нѣсколькихъ минутъ, проведенныхъ нами въ омерзительнѣйшей берлогѣ, въ которой жались хуже, чѣмъ сельди въ боченкѣ, тѣ самыя пьяныя бабы, которыя не давали намъ покоя на улицѣ. Мы попали туда уже подъ вечеръ, по неотступной просьбѣ дюжого малаго, который клятвенно увѣрялъ насъ, что у него и у его семьи все имущество пропало отъ наводненія. Онъ жилъ въ маленькой комнаткѣ съ большою печью. Тѣснота была страшная, и мы поневолѣ должны были пройти во вторую, болѣе просторную комнату. Парень свѣтилъ намъ маленькой коптящей лампочкой, и при ея скудномъ свѣтѣ мы увидѣли картину, положительно не поддающуюся описанію. Вдоль стѣнъ на помостахъ, замѣнявшихъ постели, лежали и сидѣли четыре омерзительно всклокоченныхъ, изодранныхъ и потерявшихъ человѣческой образъ существа. Всѣ онѣ глядѣли на насъ помутнѣвшими глазами, переругивались между собою и страшно сквернословили. Голоса не было ни у одной: всѣ онѣ отъ водки сипѣли и хрипѣли. При нашемъ появленіи онѣ тотчасъ же стали просить и даже требовать денегъ, пересыпая свои требованія площадною бранью. Одна хотѣла встать съ постели, но тутъ же грохнулась на полъ.

Парень въ красной рубахѣ, держа лампу надъ головой, прерывистымъ речитативомъ излагалъ намъ безсвязно свои нужды и протягивалъ руку. А. Н. Черманъ отсчиталъ ему немного денегъ, но парень заявилъ, что этого ему мало, и потребовалъ прибавки. Лицо его изъ просительнаго стало грубымъ, и глаза засвѣтились нехорошимъ блескомъ.

Мы съ А. Н. Черманомъ переглянулись, и у обоихъ насъ мелькнула одна и та же мысль, что мы попались въ ловушку. Мы попробовали сдѣлать шагъ къ выходу, но парень загородилъ собою дверь и потребовалъ настойчиво прибавки. Положеніе становилось критическимъ. Сзади четыре пьяныя бабы, а впереди здоровый мужикъ съ угрожающимъ взглядомъ, и нѣтъ выхода.

Я не знаю, чѣмъ бы это кончилось, если бы случайно въ первыхъ дверяхъ свади парня не показался городской. Его обезпokoило то, что мы долго застряли въ этомъ вертепѣ, и онъ счелъ за нужное войти. Это насъ спасло. При видѣ городского парень посторонился и очистилъ намъ дорогу. Но выйти изъ этой берлоги намъ удалось не легко. Въ меня сзади вцѣпилась за рукавъ и за воротникъ одна изъ пьяныхъ бабъ и буквально повисла на мнѣ, бормоча:

— Не уйдешь. Давай на бѣдность...

Мнѣ удалось кое-какъ освободиться отъ нея. Слабая отъ пьянства, она грохнулась наземь, и я выскочилъ кое-какъ на воздухъ. Но А. Н. Черману досталось гораздо болѣе, чѣмъ мнѣ. Другая баба такъ вцѣпилась въ него, и такъ крѣпко заkostenѣла ея руки, что онъ, выбѣгая, принужденъ былъ тащить ее по двору, и только у

воротъ едва-едва разжалъ ея пальцы городской. Она осталась у калитки, растрепанная, лежа на землѣ и произнося проклятія и угрозы.

У А. Н. Чермана не оказалось сразу нѣсколькихъ пуговицъ на пальто, и пострадалъ рукавъ. У меня тоже нашлись недочеты въ шубѣ. Потомъ мой товарищъ говорилъ мнѣ, что я былъ блѣденъ, какъ полотно. Я въ свою очередь долженъ былъ сознаться ему, что и въ его лицѣ въ это время было очень мало розовой краски.

Случай этотъ оставилъ въ моей памяти такой глубокой слѣдъ, что даже теперь, когда я пишу о немъ, какъ о далекомъ прошломъ, по воспоминаніямъ, у меня по спинѣ пробѣгаетъ невольная дрожь.

Такихъ случаевъ съ нами было нѣсколько.

Преобладающимъ же впечатлѣніемъ этого дня у насъ было сознаніе, что мы все-таки хоть немного сдѣлали добра въ подвалахъ и доставили обитателямъ ихъ небольшую долю радости. Свѣжему человѣку трудно представить себѣ всю глубину того горя, которое мы встрѣчали въ сырыхъ, темныхъ и затхлыхъ квартирахъ съ кучами полунагихъ и простуженныхъ ребятишекъ. Привожу подлинныя слова А. Н. Чермана, написавшаго ихъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ и напечатаннаго на другой день.

«Многія изъ дѣтей (которыхъ мы видѣли) находятся въ состояніи полного равнодушія ко всему окружающему, и даже приходъ незнакомыхъ людей не вызываетъ въ нихъ никакого впечатлѣнія. Очевидно тутъ сказываются вѣчная сырость и плохое питаніе со всѣми своими послѣдствіями. Изъ всего населенія, участь котораго мы облегчали, какъ могли,—наибольшее сожалѣніе вызывали эти блѣдные, рахитичныя и полусонныя дѣти, спокойное равнодушіе которыхъ способно привести въ ужасъ. Именно ужасно то, что эти беспомощныя существа вступаютъ въ жизнь при такой безотраднѣй и безвыходнѣй нуждѣ. Трудно себѣ представить ту обстановку, среди которой ютятся эти бѣдные люди. Подвалы раздѣлены на крохотныя коморки, куда надо не входить, а буквально влѣзть. Мебели въ большинствѣ случаевъ нѣтъ, и ее замѣняютъ досчатые помосты, изображающіе кровати, столы, диваны и проч. Впрочемъ внѣшняя сторона этихъ жилищъ совершенно блѣднѣетъ передъ состояніемъ духа ихъ обитателей. Всюду намъ встрѣчалась полная забитость и оуплѣтость, которыя съ перваго взгляда казались равнодушіемъ. Большинство принимало деньги съ одурѣлымъ видомъ, и только внезапная блѣдность, растерянность и безсвязный лепетъ благодарности позволяли оцѣнить всю важность случившагося. Многіе такъ и оставались на мѣстѣ, очевидно, плохо вѣря тому, что произошло. А всего только и было, что бѣднякамъ давалось нѣсколько рублей отъ неизвѣстныхъ лицъ. Другіе догоняли уже на улицѣ, плача и лова наши руки. Избѣгать благодарностей оказалось задачей еще болѣе трудной и щекотливой. Другой элементъ,

заслуживающій не меньшаго участія, чѣмъ дѣти—это старики и старухи. Всѣ они поголовно безъ средствъ и безъ заработковъ и, очевидно, тяготятъ своихъ родныхъ; что же касается до стариковъ одинокихъ, то положеніе ихъ не поддается никакимъ описаніямъ. Чѣмъ они живутъ—это страшная и неразрѣшимая загадка. Двухъ такихъ субъектовъ, старика и старуху, мы нашли въ какой-то низкой конурѣ, отдѣльно стоящей во дворѣ. Вода здѣсь поднималась на два аршина и испортила весь скарбъ. Оба представляли изъ себя не людей, а пару какихъ-то ослизлыхъ и полуживыхъ существъ. Наша небольшая помощь вызвала горькія слезы пополамъ съ довольнымъ смѣхомъ».

VI.

Не помню, въ этотъ или въ одинъ изъ слѣдующихъ дней нашего хожденія по Гавани намъ пришлось познакомиться съ примѣромъ удивительнаго самоотверженія, и при томъ самоотверженія ребенка-дѣвочки. Мы оба до сихъ поръ съ отрадою вспоминаемъ о ней и едва ли когда нибудь забудемъ. Поступокъ этой дѣвочки до того поразилъ насъ въ первую минуту, что мы оба долго не могли прійти въ себя. Дѣвочкѣ этой лѣтъ 13—14; зовутъ ее Шурой. Живетъ она гдѣ-то въ самомъ отдаленномъ углу Гавани. Блѣдная, тоненькая, типичная представительница подвального худосочія, но съ хорошими и ясными глазами, она обнаружила такую прекрасную душу, какой отъ нея никакъ нельзя было ожидать по внѣшнему ея виду.

Дѣло было такъ. Мы ходили изъ подвала въ подвалъ страшно утомленные и съ истрепанными отъ разныхъ спенъ нервами. Въ однихъ мѣстахъ насъ поражала бѣдность и отупѣлость, въ другихъ—больные, которымъ мы не имѣли возможности оказать медицинской помощи, въ третьихъ—назойливость и попрошайничество и въ четвертыхъ, наконецъ, та голодная жадность къ деньгамъ, которая заставляетъ бѣдняка относиться къ дающему съ подозрѣніемъ и недоверіемъ. Были случаи, когда какая нибудь семья, получивъ деньги, смотрѣла на насъ такимъ взглядомъ, въ которомъ мы ясно читали:

— Все ли вы намъ передали? Не больше ли благодѣтели намъ назначили? Не утаиваете ли вы?

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ намъ даже и высказывали это намеками. Сначала намъ это было больно и обидно, но потомъ мы обтерпѣлись. Тѣмъ не менѣе сумма всѣхъ этихъ пережитыхъ нами ощущеній сильно разстроивала нервы. Мы и утомлялись скорѣе, и силы измѣняли намъ раньше. Видѣть передъ собой цѣлый день густую толпу въ нѣсколько сотъ человѣкъ, которая напираетъ, тѣснить и не даетъ дороги, — чего нибудь да стоитъ. Чѣмъ ближе

дѣло подходило къ концу дневной раздачи, тѣмъ мы становились слабѣе и нервнѣе.

При такихъ именно обстоятельствахъ намъ цѣлый день не давала покоя эта самая Шура. Она все звала насъ къ себѣ, общая показать намъ самыхъ настоящихъ бѣдняковъ. Она назойливо и безцеремонно теребила то А. Н. Чермана, то меня. Насъ окружала масса дѣтей, и всѣ они приставали къ намъ съ просьбами, но эта дѣвочка какъ-то умѣла выдѣляться изъ ихъ среды и особенно надѣдаться намъ. Мы говорили ей, что заѣдемъ къ ней, когда окончимъ обходъ улицы,—она не вѣрила намъ и отвѣчала:

— Обманете, не заѣдете.

Мы всячески старались отдѣлаться отъ нея, какъ отъ существа, которое намъ страшно мѣшаетъ, но она нисколько не смущалась этимъ. Мы порѣшили, наконецъ, не обращать на нее никакого вниманія и не отвѣчать ей ни слова, какъ бы она ни приставала. И дѣйствительно нѣсколько времени мы крѣпились. Но бывали моменты, когда истощалось всякое терпѣніе. Она ухитрялась какими-то судьбами, когда вся толпа оставалась на улицѣ, проникать въ квартиры, которыя мы посѣщали. Даешь пособіе какойнибудь семьѣ, обернешься,—Шура ужъ тутъ, пристааетъ и просить:

— Пойдемте къ намъ, я вамъ покажу настоящихъ бѣдныхъ.

— Не приставай. Въ свое время будемъ и у твоихъ бѣдныхъ.

— Да вы обманете, не пріѣдете.

— Не мѣшай, говорятъ тебѣ. Отстань, ради Бога...

— Поѣдемте, прошу васъ... Вы сами увидите...

— Будешь приставать — вовсе не пріѣдемъ...

— Какіе вы не добрые! Богъ васъ накажетъ за это... Поѣдемте къ намъ...

И это приставанье продолжалось цѣлый день. Бросить все и поѣхать къ ней, къ ея бѣднымъ, значило разозлить всю толпу, которая и безъ того награждала ее пинками. Слѣдя за настроеніемъ толпы, мы ясно видѣли, что, по мѣрѣ того, какъ текло время, она, эта толпа, становилась нетерпѣливѣе и назойливѣе. Неполучившимъ еще ничего казалось, что мы очень долго засиживаемся въ подвалахъ, и намъ на эту тему безъ всякой церемоніи на улицахъ дѣлались замѣчанія.

— Если бы вы такъ долго не сидѣли въ этомъ домѣ, такъ давно уже успѣли бы побывать у насъ на Карташихиной улицѣ,—раздавался чейнибудь голосъ изъ толпы.

— Имъ что! Они чужія деньги раздають, а не свои,—поддерживалъ другой недовольный голосъ.

Каждому хотѣлось получить поскорѣе, и каждый высказывалъ свое нетерпѣніе. Съ своей точки зрѣнія толпа была права. Многіе по нѣсколько часовъ мерзли на улицѣ, слѣдуя за нами по пятамъ, изъ боязни, чтобы мы нечаянно не пропустили ихъ подвала. На-

пряженное состояніе толпы становилось съ каждою четвертью часа все больше, и недовольство выражалось рѣзче. При наступленіи сумерекъ многіе начинали понимать, что сегодня они уже не получить, и это ихъ озлобляло. Наше положеніе было не лучше. Намъ каждую минуту могли смять, и ходившій за нами по доброй волгѣ городской ничѣмъ не могъ бы помочь намъ, потому что и его смяли бы точно также безъ всякихъ разговоровъ. Измѣнить же разъ принятый планъ раздачи по одной улицѣ отъ начала ея и до конца, летать съ Карташихиной на Остоумову и съ Гаваньской на Наличную — было невозможно. Тогда толпа могла бы насъ смѣло упрекнуть въ томъ, что мы раздаемъ не всѣмъ, а по выбору. Теперь же она видѣла по крайней мѣрѣ, что у насъ существуетъ опредѣленный планъ дѣйствій, и сдерживала себя.

Вотъ въ такое-то именно время неотвязчивая Шура, не слушавшая никакихъ резонновъ, была для насъ истиннымъ наказаніемъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что мы, наконецъ, ругнули ее, а она со слезами въ голосъ назвала насъ недобрыми и въ свою очередь отвѣтила намъ какою-то дерзостью.

Осенніе сумерки наступаютъ въ Петербургѣ, какъ извѣстно, быстро, и мы не успѣли обойти въ этотъ день всей улицы. Стукнувшись нѣсколько разъ въ подвалахъ лбами о низкіе косяки и при толки, мы должны были сознаться, что дальнѣйшія наши путешествія становятся невозможными. Пора было подумать о возвращеніи. Къ тому же нашлись добрые люди, которые предупредили насъ.

— Вамъ, благодѣтели милостивые, лучше бы теперь уѣзжать отсюда. Темно уже... Скоро съ заводовъ мужики пойдутъ. Народъ пьяный. Какъ бы грѣха не вышло.

То же самое посовѣтовалъ намъ и городской. То же говорили намъ и наши пустые желудки и наша физическая и нравственная усталость. Мы рѣшили уѣхать.

Но это было легче рѣшить, нежели исполнить. Увидя, что мы, выйдя изъ послѣдняго подвала, направляемся прямо къ извозчику, толпа поняла, что мы отъ нея ускользаемъ, что раздачи болѣе сегодня не будетъ, и что не успѣвшіе еще ничего получить съ тѣмъ и вернуться домой,—толпа сдѣлала рѣзкое и рѣшительное движеніе къ тому, чтобы загородить намъ дорогу къ экипажу. Городовой попробовалъ было расчистить намъ путь, но его отгѣснили, а мы оказались, какъ раки на мели, въ самомъ центрѣ толпы и въ самомъ безпомощномъ положеніи. До пролетки было три шага, но ихъ надо было брать не иначе, какъ съ бою.

На этотъ разъ вывезла находчивость А. Н. Чермана.

— Гдѣ эта старуха съ Карташихиной улицы, которая цѣлый день приставала къ намъ?—закричалъ онъ толпѣ.

— Здѣсь, здѣсь, батюшка,—отвѣтили нѣсколько старухъ сразу.

— Говори скорѣе свой адресъ. Мы сейчасъ поѣдемъ раздавать на Карташихину.

Старухи, а съ ними и десятокъ бабъ въ одно и то же время закричали намъ свои адреса.

— Ну, такъ кто живетъ на Карташихиной, тѣ идите скорѣе къ себѣ насъ встрѣтить. Мы ѣдемъ туда.

Часть толпы отдѣлилась и хлынула въ сторону. Это намъ очистило дорогу къ извозчику. Мы, конечно, велѣли ему ѣхать не на Карташихину, а домой.

Но домой мы попали не сразу. Освободившись отъ угнетающаго натиска толпы, мы оба вздохнули полной грудью, и видъ пустой улицы и сознаніе, что насъ уже болѣе не жмутъ и не тискаютъ, — подѣйствовали на насъ оживляющимъ образомъ.

— Фу! — вздохнулъ А. Н. Черманъ. — Слава Богу, удрали. У меня съ нервами, чортъ знаетъ, что дѣлается.

— А у меня ноги трясутся, — сознался я.

— Надо будетъ завтра передышку сдѣлать.

— Непремѣнно надо. Теперь ко мнѣ обѣдать и сводить счета.

— Ладно.

На поворотѣ одной изъ улицъ насъ окликнули. Мы какъ-то невольно, сами не зная зачѣмъ, остановили извозчика. Къ намъ быстро подбѣжала дѣвочка. Это была Шура.

— Поѣдьте къ намъ, — взмолилась она. — Я нарочно здѣсь ждала, когда вы поѣдете... У меня тамъ бѣдныя... Я за вами цѣлый день бѣгала...

Въ голосѣ ея звучала такая умоляющая нотка, что мой спутникъ только вздохнулъ.

— Видно, отъ судьбы не уйдешь, — рѣшилъ онъ. — Поѣдемъ, что ли, къ ней, чтобы ужъ отвязаться? А?

— Дѣлать нечего, поѣдемъ, — согласился я.

— Эй дѣвчонка, садись съ нами и показывай дорогу.

Дѣвочка быстрѣе лани впрыгнула въ пролетку и сразу принялась командовать извозчику:

— Поворачивай назадъ и вези по такимъ улицамъ, гдѣ нѣтъ народа... Я тебѣ буду говорить, гдѣ надо ѣхать.

Наставивши возницу на путь истинный, она обернулась къ намъ и весело проговорила:

— Вотъ бабушка-то будетъ рада!...

Лицо ея дышало такою радостью одержанной надъ нами побѣды, что мы невольно улынулись и вступили съ нею въ бесѣду. Она назвала намъ свое имя, но не выказывала охоты къ болтовнѣ и все смотрѣла впередъ и торопила извозчика. Ей все казалось, что нашъ лихачъ ѣдетъ медленно. Ей хотѣлось бы летѣть на крыльяхъ.

Кстати два слова о лихачѣ. Мы ѣздили дѣйствительно на лихачѣ за счетъ редакціи, и редакція не скупилась и охотно платила за него, поставивъ намъ неперемѣннымъ условіемъ, чтобы деньги, поступающія въ контору отъ благотворителей, расходовались исклю-

чительно только на раздачу пострадавшимъ и никуда болѣе. Этого же мнѣнія держались и мы во все время нашихъ хожденій по подваламъ. Наше передвиженіе не стоило благотворителямъ ни одной копейки.

Сначала мы скромно ѣздили на простомъ извозчикѣ, но опытъ скоро убѣдилъ насъ, что экономія въ этомъ случаѣ не только бесполезна, но даже прямо вредна. На лихачѣ мы выигрывали массу времени, которое такъ дорого въ короткіе ноябрьскіе дни и, кромѣ того, могли спастись отъ толпы, не прерывая нашей дѣятельности. Въ Гавани мы должны были дорожить каждою минутой, и быстроногій конь лихача оказывалъ намъ при этомъ громадныя услуги. Если насъ очень тѣснила толпа на Гаваньской улицѣ, мы, обманувъ ее чѣмъ нибудь, быстро вскакивали въ полетку и чрезъ двѣ минуты уже снова начинали ходить по подваламъ на Карташихиной и успѣвали побывать въ пяти-шести домахъ прежде, чѣмъ толпа успѣвала догнать насъ. Когда здѣсь намъ становилось не въ моготу, мы употребляли тотъ же маневръ и перелетали на Опочинину, или на какую нибудь другую улицу, гдѣ поле было чисто, и гдѣ мы могли дѣйствовать свободно, не ощущая мѣшающихъ тисковъ.

Раньше я сказалъ, что мы въ одинъ изъ первыхъ дней сдѣлали громадную ошибку, отпустивъ извозчика пить чай въ трактиръ. За эту оплошность мы жестоко поплатились. Окончивъ въ этотъ день раздачу, мы должны были идти пѣшкомъ въ трактиръ довольно далеко. Толпа шла за нами по пятамъ, сильно возбужденная тѣмъ, что мы прекратили раздачу, и не вѣрила тому, что мы уже роздали все до послѣдняго рубля. Положеніе наше было прескверное. Мы каждую секунду боялись, что насъ остановятъ, прижмутъ къ забору и станутъ грубо обыскивать. Свистни въ это время кто нибудь одинъ въ толпѣ, и я не берусь рѣшать, что изъ этого вышло бы дальше.

Войдя въ трактиръ, страшно взволнованные, мы тотчасъ же велѣли нашему возницѣ подавать. Но пока онъ копался и кончалъ свои сборы со свойственною русскому человѣку медлительностью, толпа осадила трактиръ, наполнила собою его переднія комнаты и подняла страшный шумъ и гвалтъ.

Трактирная прислуга оторопѣла. Наконецъ, нашелся одинъ изъ половыхъ, который показалъ намъ черный ходъ. Черезъ него мы кое-какъ выбрались во дворъ, гдѣ нашъ возница еще только взнуздывалъ лошадь, сѣли въ пролетку и приказали гнать во всю. Толпа съ улицы замѣтила нашъ выѣздъ изъ воротъ въ переулокъ и бросилась за нами. Кляча не слушалась кнута, и на этотъ разъ мы могли сравнительно спокойно удрать, лишь благодаря разстоянію, но никакъ не лошади. Съ той поры мы стали ѣздить на лихачѣ, и онъ, какъ видно будетъ дальше, дѣйствительно оказалъ намъ услугу.

Шурѣ все-таки казалось, что нашъ Иванъ ѣдетъ очень медленно,

не смотря на то, что мы единымъ духомъ перемахнули черезъ деревянный мостикъ и оказались за Шкиперскимъ протокомъ. Поколесивъ здѣсь изъ улицы въ улицу и изъ одного темнаго переулка въ другой, мы оказались, наконецъ, гдѣ-то въ такой мѣстности, гдѣ съ одной стороны шумѣло и терялось въ ночной темнотѣ море, съ другой—разстилалась мрачная даль ничѣмъ не застроеннаго пустыря, а вправо и влѣво еле-еле можно было различить дома улицы съ удивительно рѣдкими и тусклыми фонарями.

У одного изъ домовъ Шура остановила кучера и побѣжала впередъ, командуя, чтобы мы шли за нею въ ворота. Кое-какъ въ потьмахъ, спотыкаясь на ступеняхъ, мы вошли въ домъ и очутились среди такой обстановки, которая поразила даже и нашъ привыкшій уже глазъ.

Въ крохотной коморкѣ, величиною не болѣе двухъ аршинъ, мы увидѣли старуху, полулежавшую на помостѣ, прикрытомъ тряпками и замѣнявшемъ ей постель. Одна рука ея висѣла на бинтѣ изъ грязной ситцевой ветоши, прикрѣпленномъ къ стѣнкѣ на гвоздѣ.

Старуха мотала головой, ритмически качалась изъ стороны въ сторону и бормотала что-то неопредѣленное.

Оказалось, что рука у нея обварена до плеча, и она такимъ образомъ сидитъ и качается отъ боли цѣлые дни и ночи. Невозможно высказать, какое чувство овладѣло нами при видѣ этого голоднаго, стараго и изнемогающаго отъ страданій существа, которое приковано къ мѣсту и не можетъ позаботиться о своемъ жалкомъ существованіи. Всѣ видѣнные нами за день картины поблѣднѣли передъ этою картиной.

Мы дали старухѣ нѣсколько рублей и заявили, что это добрые люди велѣли передать ей на лѣченіе. вмѣсто всякаго отвѣта она только застонала, и изъ глазъ ея полились слезы.

Шура тутъ же показала намъ еще двѣ семьи, живущія вмѣстѣ. Оказалось, что ни у кого нѣтъ ни гроша. Тутъ же, по ея же требованію, мы помогли, на сколько могли, еще одинокой молодой женщиной, которая, хотя и зарабатываетъ кой-какіе гроши, но потеряла во время наводненія все имущество. Послѣ этого та же неутомная Шура потащила насъ въ другой конецъ дома, гдѣ мы застали пятерыхъ, едва лепечущихъ дѣтей. Мать ихъ, прибѣжавшая уже потомъ, таскаетъ воду по домамъ по 15 копеекъ въ день. Мы выдали ей сначала немного, но потомъ раздумали и принесли ей еще небольшую прибавку. Мы въ это время застали ее въ слезахъ передъ иконою.

Покончивъ все это, мы вспомнили о Шурѣ, стали спрашивать, кто она такая, и предложили ей денежную помощь, но она отказалась:

— Намъ не надо. Мы съ маменькой зарабатываемъ. Мы на рынокъ жилетки шьемъ.

Оказалось, что всѣ лица, указанные ею, изъ-за которыхъ она такъ хлопотала, бѣгала за нами цѣлый день и выслушала столько непріятностей,—люди совершенно для нея чужіе, и что она дѣйствовала только по влеченію своего добраго сердца. Это насъ обоихъ такъ сильно тронуло, что мы обратились къ ней съ ласкою, какую только могли придумать, и даже расцѣловали ее. Но сама она была, кажется, довольнѣе всѣхъ. Она была довольна тѣмъ, что настояла на своемъ и помогала бабушкѣ съ обваренной рукой и остальнымъ «настоящимъ» бѣднымъ. Она плакала, и сквозь слезы въ ея глазахъ свѣтилась такая радость, что у насъ, не смотря на всю неприглядность окружавшей обстановки, на душѣ стало тепло и хорошо. Когда мы послѣ этого возвращались домой, мы почти не чувствовали ни разбитости, ни усталости. Самоотверженный поступокъ дѣвочки по дѣйствовалъ на насъ такъ живительно, что когда мы послѣ темной Гавани попали на освѣщенные электричествомъ Морскую и Невскій, то намъ показалось, что и огни горятъ свѣтлѣе, и магазины стали красивѣе и богаче, и лошадь нашего лихача бѣжить быстрѣе...

При слѣдующихъ поѣздкахъ мы уже встрѣчали Шуру, какъ старую знакомую и вполне вѣрнаго человѣка, на котораго можно положиться. Мы ей поручали поэтому иногда такую часть работы, которой мы не могли сдѣлать сами. Мы поручали ей раздачу бѣлья и разной ветоши, которую намъ доставляли добрые люди на квартиру. Этихъ узловъ было порядочно. Одинъ узелъ бѣлья былъ даже присланъ на мое имя по почтѣ изъ провинціи. Шура, знавшая всю бѣдноту въ лицо, раздавала очень добросовѣстно, но черезъ нѣсколько дней отказалась, говоря, что изъ этой раздачи возникаютъ непріятности. Послѣ этого мы всѣ узлы стали пересылать въ Гаванское благотворительное общество.

Недѣлю спустя, Шура, встрѣтивъ насъ въ Гавани, заявила такимъ тономъ, какъ будто бы хотѣла сказать намъ что-то замѣчательно пріятное и хорошее:

— Побывайте у насъ опять. Къ намъ пріѣхали новые бѣдные.

Поощренная успѣхомъ перваго опыта, она наивно стала смотрѣть на себя, какъ на печальницу о бѣдныхъ.

VII.

Все, что я теперь рассказываю по воспоминаніямъ, составляетъ только тысячную долю того, что мы видѣли. Всего рассказать невозможно, хотя матеріала хватило бы на цѣлый томъ. Очень многія частности и детали я опускаю, потому что и читателю было бы скучно пробѣгать почти однообразный перечень нищеты, и мнѣ было бы трудно и не пріятно вновь переживать эти печальныя картины. Въ виду этого въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду останавливаться кратко только на томъ, что мнѣ казалось почему либо выдающимся.

Послѣ трехъ или четырехъ визитовъ въ Гавань мы порѣшили, что на время раздачу здѣсь надо прекратить, для того, чтобы немного поулеглись приподнятыя страсти мѣстнаго населенія. Да и сами мы чувствовали потребность сдѣлать маленькую передышку для себя. А затѣмъ мы рѣшили, что въ Гавани уже кое-что сдѣлано, первыя и самыя настойчивыя нужды удовлетворены, а потому настало время побывать и въ другихъ потопленныхъ частяхъ города. Въ силу такого рѣшенія мы раздѣлились. А. Н. Черманъ взялъ на себя Коломну, а я направился въ тотъ затопленный на Васильевскомъ островѣ треугольникъ, который лежитъ между Малымъ проспектомъ, семнадцатою линіею и Смоленскою рѣчкой.

Очень возможно, что А. Н. Черманъ самъ когда нибудь опишетъ то, что онъ встрѣтилъ въ Коломнѣ и на Петербургской сторонѣ, поэтому въ настоящей главѣ я буду говорить только о раздачѣ въ намѣченномъ мною треугольникѣ.

Не смотря на то, что мѣстность эта лежитъ сравнительно недалеко отъ Гавани, характеръ ея и ея обитателей—совсѣмъ иной. Гавань состоитъ изъ деревянныхъ одноэтажныхъ и рѣдко двухъэтажныхъ домиковъ, и всѣ они—на курьихъ ножкахъ; здѣсь же дома все многоэтажные, и особнячки въ одинъ этажъ попадаются не часто. Но не смотря на то, что дома полѣзли вверхъ, подвалы въ нихъ все-таки есть. Они заселены, и водою ихъ заливаетъ. Чердаки, антресоли и мезонины также существуютъ, но они дороже подваловъ.

Здѣсь я началъ свои походы съ углового дома на Маломъ проспектѣ. Адресъ этого дома былъ указанъ въ письмѣ одного добраго человѣка въ редакцію. По словамъ письма, этотъ домъ пострадалъ сильнѣе всѣхъ. Дѣйствительно, подваловъ въ немъ оказалось много, но всѣ они во время моего визита уже были пусты. Населеніе ихъ, сильно пострадавшее отъ наводненія, бѣжало отсюда и разбрелось по всему Васильевскому острову. Пришлось отыскивать ихъ по адресной книгѣ старшаго дворника.

Дворникъ оказался человѣкомъ очень добрымъ, богобоязненнымъ и набожнымъ, охотно изъявилъ желаніе дать мнѣ адреса всѣхъ своихъ бывшихъ жильцовъ, но, къ сожалѣнію, его домовая книга не могла похвастать порядкомъ и исправностью. Одни жильцы съѣхали, не оставивъ своихъ новыхъ адресовъ, а другіе не были внесены въ книгу. Дѣло затянулось, но все-таки нужныя мнѣ свѣдѣнія я, хотя и съ трудомъ, но досталъ.

Народъ здѣсь не похожъ на гаваньскій. При опросахъ оказывалось, что почти всѣ женщины работаютъ либо гильзы, либо поденно ходятъ на табачныя фабрики папиросницами, а мужчины служать на заводахъ, большею частью, тоже поденно. Абсолютно голодныхъ здѣсь я не нашелъ. Всякій хоть что нибудь добываетъ себѣ на хлѣбъ. Наводненіе разорило ихъ, уничтожило все ихъ грошевое имущество, но заработковъ не лишило. Въ виду этого здѣсь я былъ

гораздо экономнѣе въ раздачахъ и свѣдѣнія собирають точнѣе и строже. Исключеніе составляли дряхлые старики и старухи и большія семьи, гдѣ заработковъ главы не хватало.

Здѣсь помощи не ждали ни откуда, и потому она явилась для нихъ неожиданностью, вызывавшей искреннія слезы благодарности, земные поклоны, цѣлованіе рукъ и т. п. На хлѣбъ здѣсь не просили, какъ въ Гавани, но мнѣ много приходилось выдавать на обувь и на выкупъ платы. Я никогда въ жизни и нигдѣ не видѣлъ такъ много измятыхъ, истрепанныхъ и засаленныхъ квитанцій изъ ссудныхъ кассъ, какъ здѣсь. Я вынесъ при видѣ ихъ такое впечатлѣніе, какъ будто вся эта часть города поголовно заложила себя въ руки ростовщиковъ и только живетъ для того, чтобы платить имъ проценты. Послѣ наводненія число заложенныхъ вещей удесятирилось. Почти всѣ дѣвки и бабы, работающія гильзы и папиросы, принуждены были заложить свои теплыя пальто и шубки и бѣгали на работу въ однихъ платочкахъ. Это, однако, не прошло для нихъ безнаказаннымъ. Много ихъ схватило простудныя болѣзни и переселилось въ больницы.

Наибольшій процентъ пострадавшихъ отъ воды переселился изъ подваловъ на чердаки, но очень многіе даже и по переселеніи опять таки полѣзли въ подвалы, точно ихъ какая-то невидимая сила влечетъ къ промозглому, грязному воздуху и къ вѣчной сырости. Чердаки здѣсь оказываются поразительными. Лѣстницы такъ круты, узки и неудобны, что если, не приведи Богъ, случится пожаръ, то жильцамъ спасенія нѣтъ никакого. Придется выбирать одно изъ двухъ: или бросаться изъ оконъ на мостовую или же горѣть живьемъ. Я не знаю, разрѣшаются ли подобныя ужасныя лѣстницы строительнымъ уставомъ, но съ нравственной точки зрѣнія ихъ положительно слѣдуетъ поставить въ упрекъ (и даже въ тяжелый упрекъ) архитекторамъ и домовладѣльцамъ.

Картины поражающей, безвыходной бѣдности мнѣ пришлось видѣть только въ пяти или шести квартирахъ, но за то ужъ это была бѣдность вопіющая, голодная, холодная и многосемейная. Въ маленькомъ сыромъ чуланчикѣ жмутся мать, отецъ и пять-шесть душъ дѣтей. Всѣ исхудалые, чахлые и зеленые. Дѣти мрутъ и непрерывно болѣютъ, и родители какъ-то свыклись уже съ этимъ и смотрятъ на смерть какимъ-то равнодушнымъ и отупѣлымъ взглядомъ: Богъ даль, Богъ и возьмь.

— Зайди, благодѣтель-кормилецъ, въ девятую квартиру, — звала меня старуха: — дѣтей тамъ орава и всѣ голодныя.

Въ этой квартирѣ, въ подвалѣ, я засталъ исхудалую мать, которая съ часу на часъ ждала момента, чтобы подарить міръ новымъ младенцемъ. Одного младенца дня четыре тому назадъ свезли на кладбище, одного съ дворникомъ отправили въ дѣтскую больницу, трое другихъ лежали на одной кровати въ сильномъ жару,

одинъ былъ у матери на рукахъ, а послѣдній сидѣлъ у стола и уныло ковырялъ грязной ложкой въ пустой мискѣ.

— Такъ вотъ всѣ, болѣзненный мой, и хворають, такъ одинъ за другимъ и хворають, — жалуется мать. — Одинъ подымется, другой свалится, а нынче такъ сразу трое на голову жалуются, горячіе стали... Похоронили одного...

— Что у васъ дѣтки ѣдятъ? Чѣмъ кормите?

— Чѣмъ кормимъ? Что сами ѣдимъ, тѣмъ и ребятамъ кормимъ; что отецъ принесетъ, то и ѣдимъ: хлѣбца, лучку, квасу... иной разъ селедку купимъ.

— Мужъ гдѣ работаетъ?

— Поденщикъ, милый, поденщикъ. Да вотъ нынче третій день безъ работы. Работы нынче мало стало...

Получивъ деньги, эта баба, не смотря на свое «тяжелое» положеніе, прямо грохнулась мнѣ въ ноги.

Въ другомъ подвалѣ, тоже въ большой семьѣ, мать умоляла меня не говорить ей мужу, сколько я ей далъ.

— Провѣдаетъ—отниметъ, кровопивецъ, и пропѣетъ.

Въ одномъ алополучномъ домѣ, въ дырѣ, раздѣленной пополамъ, тѣснятся двѣ семьи: одна съ пятью, а другая съ тремя дѣтьми. Когда я къ нимъ вошелъ, мужей не было дома, а бабы ссорились и ругались между собою на чемъ свѣтъ стоитъ и такъ увлеклись, что показывавшій мнѣ дорогу дворникъ долженъ былъ окликнуть ихъ.

— Вы! Горластыя! Мало вамъ дня было на ругань? Гости къ вамъ привелъ, барина...

— Что еще за сволочь такая пришла?—свирѣпо отвѣтила одна изъ бабъ. Другая стала пристально и подозрительно всматриваться въ меня.

Когда дѣло объяснилось, обѣ бабы сразу присмирѣли и сейчасъ же принялись за жалобы. Ссора у нихъ—явленіе постоянное. Если у дѣтей одной въ рукахъ торчитъ корка хлѣба, а другой нечѣмъ заткнуть рты своимъ ребятамъ, то этого уже вполне достаточно для самой крупной ругани. Если въ одной семьѣ ѣдятъ какое нибудь варево, а въ другой сидятъ на сухоядѣннн, то баталія неизбежна. И это у нихъ повторяется каждый день. И вмѣстѣ жить трудно, и разѣхаться невозможно.

Моя маленькая помощь нѣсколько успокоила ихъ, но не надолго. Я имъ оставилъ по два рубля на ребенка и по три рубля на мать, но и это послужило поводомъ къ ссорѣ. Когда я уходилъ, одна изъ бабъ уже начинала:

— Ишь, твоимъ стервецамъ больше далъ... Наплодила прорва...

— И эдакъ вотъ, ваше благородіе, господинъ попечитель, они кажинный день съ утра и до ночи языкомъ не отдыхаютъ, — пояснилъ мнѣ дворникъ по дорогѣ къ слѣдующей квартирѣ.

— А при мужьяхъ онѣ какъ?—спросилъ я.
 — При мужьяхъ—ничего. Боятся. У мужей съ ними расправа короткая.

— Мужья дерутся, что ли?

— За самый первый сортъ... Вотъ въ этой квартирѣ старушка живетъ. У ей недавно сынъ застрѣлился... Прикажете постучать?... Бѣдная очень и малость умомъ тронувши...

Побывалъ я и у старушки. Описывать не стану. Одинокая, унылая, голодная и потрясенная семейнымъ горемъ. Безучастна ко всему въ мірѣ: и къ голоду и къ деньгамъ. Развалина, разрушающаяся не по днямъ, а по часамъ...

Здѣсь же я видѣлъ и другую грустную квартиру. Дряхлая старушка, дряхлая кровать, дряхлая картина на стѣнѣ, дряхлый столъ и на столѣ клѣтка съ чижиномъ. Больше ничего и никого. Вся жизнь и всѣ помыслы старушки сосредоточились на единственномъ дорогомъ ей существѣ—на чижики. Больше она ни о чемъ не думаетъ и ни о чемъ не заботится. Дадутъ ей поѣсть — пожуетъ, а нѣтъ—и такъ обойдется. Сидитъ и все только грустно смотритъ на птичку. Кормятъ эту старушку двѣ дѣвочки-подростки, живущія за стѣнкой. Обѣ онѣ — круглыя сироты. Живутъ тѣмъ, что плетутъ изъ мха и бумажныхъ цвѣтовъ вѣнки и продаютъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Рядомъ живетъ токарь, принимающій въ починку зонтики. На его дверяхъ наклеена бумажная вывѣска. Но ему не везетъ. Работаетъ онъ на сторонѣ, поденно, и все ждетъ заказовъ, а когда приходятъ заказчики — его дома нѣтъ. При мнѣ онъ былъ дома и съ восторгомъ взялъ пять рублей. У него чахотка. При наводненіи его «подмочило», и съ тѣхъ поръ онъ сталъ чувствовать сильную слабость и не можетъ спать по ночамъ.

Въ этой же мѣстности я познакомился съ дворникомъ, который охотно водилъ меня по подваламъ въ своемъ дворѣ и рассказывалъ подробности о жильцахъ и о самомъ себѣ. Всѣ пострадали отъ воды, только онъ одинъ уцѣлѣлъ. У него въ дворницкой воды слава Богу не было. Не будь въ Питерѣ наводненій — былъ бы хорошій городъ: жить можно и въ деревню посылать есть чего. Въ деревнѣ семья большая: жена и трое ребятъ. Одному здѣсь скучно.

Когда я кончилъ обходъ, онъ снялъ шапку и тоже сталъ просить пособія. Отъ воды страхъ какъ пострадалъ. Воды въ дворницкой было на два аршина, жену въ больницу отправилъ, дѣти всѣ простудились...

При разставаніи я получилъ отъ него очень лестный эпитетъ «шеромыжникъ» и довольно крѣпкое словцо.

На одной изъ линій близъ Малаго проспекта мнѣ пришлось пережить нѣсколько очень тяжелыхъ минутъ. Въ угловомъ домѣ, съ котораго я началъ обходъ, сильно пострадали отъ воды три

семьи съ огромнымъ количествомъ ребятъ. Послѣ наводненія онѣ переѣхали на одну изъ линій близъ Малаго проспекта, и всѣ три поселились въ одной квартирѣ. Я ихъ отыскалъ съ трудомъ, но все-таки отыскалъ въ одномъ изъ громаднѣйшихъ домовъ новѣйшаго фасона. Домъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ корпусовъ, выходитъ на двѣ улицы и раздѣленъ на нѣсколько сотъ мелкихъ квартиръ, рассчитанныхъ на мелкаго же жильца. Отыскалъ я своихъ «пострадавшихъ» уже вечеромъ, съ помощью дворника, по домовой книгѣ. Дворникъ же и провелъ меня къ нимъ (за подачку, конечно). Въ первой комнатѣ баба мыла полы. Пришлось по темному корридорчику, спотыкаясь на каждомъ шагу о разную рухлядь, пройти дальше во вторую. Изъ второй меня почему-то пригласили въ третью, въ самую глубь квартиры. Въ этой комнатѣ по случаю мытья половъ собраны были всѣ дѣти. На одной изъ кроватей, поставленныхъ вдоль стѣнъ, лежали рядомъ въ бѣловой корзинѣ двое недавно родившихся близнецовъ, съ сосками во рту. Завернуты они были въ рванья тряпки. Въ комнатѣ стоялъ содомъ отъ дѣтской возни и сильно «пахло Русью».

Комната сразу наполнилась народомъ. На первый планъ выдвинулись четыре дюжихъ мужика, изъ которыхъ трое были главами семействъ, а четвертый, лѣтъ 22 — старшимъ сыномъ одного изъ этихъ семействъ. За мужиками толпились три бабы — жены и матери и, кромѣ нихъ, еще двѣ бабы — чужія. Въ одной семьѣ было шестеро дѣтей, а въ другихъ двухъ по пяти. Всѣ дѣти были здѣсь же на-лицо. Итого въ одной маленькой комнаткѣ со спертымъ воздухомъ, пространствомъ въ три квадратныя сажени, собралось двадцать пять человекъ. Я былъ двадцать шестой. Всѣ они обступили меня кругомъ, со всѣхъ сторонъ.

Лица мужиковъ мнѣ не внушали довѣрія. Глядѣли они другъ на друга угрюмо и злобно. Очевидно, они въ своемъ обиходѣ не ладили между собою. Пока я ихъ опрашивалъ и переписывалъ, они отгѣсняли другъ друга и перебранивались.

Зная напередъ по запискѣ дворника, сколько я встрѣчу народа, я заранѣе отсчиталъ ту сумму, которую рѣшилъ передать этимъ семьямъ, и положилъ въ карманъ пальто, чтобы не лазить при публикѣ въ бумажникъ, въ которомъ у меня было рублей около семисотъ. Разсчиталъ я вѣрно, но расчетъ мой оказался никуда негоднымъ.

На столѣ, у котораго я стоялъ, лежала аспидная доска и грифель. На этой доскѣ, во избѣжаніе споровъ, я написалъ имена всѣхъ членовъ каждой семьи, проставилъ цифры и подвелъ итоги. Вышла какъ разъ та сумма, которую я отложилъ заранѣе. Мужики слѣдили за моими вычисленіями зорко.

— Такъ? — спросилъ я ихъ, подведя итогъ.

— Такъ, — отвѣтили мнѣ. — Сумма правильная.

— Теперь выберите между собою старшого. Я ему передамъ деньги. Пусть онъ между вами ихъ и подѣлитъ.

— Я буду за старшого,— выдѣлился самый ражій мужикъ.

— Согласны ему довѣрить раздачу?

Вся публика немного помялась, но потомъ отвѣтила неохотно:

— Согласны.

Я вынулъ деньги. У мужиковъ заблестѣли глаза.

— Такъ вотъ смотрите,— началъ я.— Здѣсь столько-то рублей. Я ихъ при васъ сосчитаю.

Пересчиталъ я ихъ, кладя по одной на столъ. Оказалось вѣрно.

— Теперь я сосчитаю,— заявилъ старшой, сгребъ ассигнаціи и началъ, плюя на пальцы, считать ихъ. На десятой одна трехрублевка на виду у всѣхъ упала на полъ. Мужикъ, не переставая считать, наступилъ на нее ногою.

— Три рубля на полъ уронилъ,— заявилъ я ему.

— Ничего я не уронилъ,— грубо отвѣтилъ онъ и такъ посмотрѣлъ на меня, что я почувствовалъ себя далеко не въ своей тарелкѣ.— Трехъ рублей не хватаетъ,— нахально заявилъ онъ, держа пачку въ рукѣ.

— Говорять тебѣ: уронилъ,— отвѣтилъ я.— Оттого и не хватаетъ.

— Ничего я не ронялъ, а сколько ты далъ, столько тутъ и есть.

Его переходъ сразу на ты не предвѣщаль ничего хорошаго. Вступать съ нимъ въ препирательство не имѣло смысла. Всѣ его сожителі знали, что бумажка была у него подъ ногою, и молчали. Я посмотрѣлъ на толпу, ища съ ея стороны поддержки, но услышалъ оттуда только грубый возгласъ:

— Обсчитывать, баринъ, не слѣдуетъ... Надо сполна...

У всѣхъ мужиковъ глаза горѣли самымъ непріятнымъ огнемъ, и лица раскраснѣлись. Оставалось только одно: достать новую трешницу и добавить къ общей суммѣ. Но какъ это сдѣлать? Вынуть при такомъ настроеніи публики весь бумажникъ значило явно идти на встрѣчу всякимъ случайностямъ. Я уже былъ наученъ опытомъ въ Гавани, гдѣ разъ неосторожно показалъ пачку рублей въ сто мелкими кредитками. Мнѣ прямо замѣтили:

— Вишь, какъ много у васъ денегъ, а вы такъ мало даете. А деньги-то эти — всѣ вѣдь наши.

Какъ бы то ни было, а трешницу доставать было надо. Уйти, не додавъ, было невозможно, къ тому же и путь къ двери былъ для меня закрытъ публикой, которая, конечно, не выпустила бы меня такъ легко. Пока я обдумывалъ, какъ быть, мужикъ перешелъ уже въ наступленіе и сталъ торопить.

— Не хватаетъ, баринъ; надо доложить.

Я вспомнилъ, что по счастью угромъ положилъ отдѣльно въ

жилетный карманъ три рубля на извозчика. Вынулъ я ихъ и положилъ на столъ. Мужикъ тотчасъ сгрѣбъ ихъ и присоединилъ къ общей пачкѣ.

— Ну, теперь, господа, до свиданья. Дайте дорогу.

Но дороги мнѣ не дали. Двѣ бабы бросились на колѣни и завопили:

— Нѣтъ, батюшка, благодѣтель, будьте милостивы, подѣлите сами, какъ рассчитали. У насъ неприятности будутъ.

— Вѣрно, пускай самъ баринъ подѣлитъ,—поддержали бабъ мужья.

— Чего дѣлать? Я раздамъ,— со злостью отвѣтилъ старшій.

— Раздашь, знаемъ тебя!.. Пускай баринъ дѣлать.

— Баринъ мнѣ препоручилъ.

— Мало что препоручилъ. Нешто онъ тебя знаетъ, каковъ ты есть? Дѣлите насъ, баринъ, сами.

— Говорять, раздѣлю. Сволочи вы послѣ этого.

— Не ври зря. Клади деньги на столъ.

Старшій со злобой бросилъ деньги на аспидную доску, но не двинулся съ мѣста, боясь принять ногу съ кредитки.

Я принужденъ былъ, скрѣпя сердце, приняться за раздѣлъ. Но здѣсь меня ожидало самое большое горе. Сумма выходила правильно, но для раздачи каждой семьѣ въ руки ея доли нужно было размѣнять три рубля на рубли. При этомъ открытіи у меня выступилъ потъ на лбу. Размѣнять было невозможно. Рублевья бумажки у меня были, но лежали онѣ глубоко въ бумажникѣ. Теперь же, при такомъ настроеніи духа «пострадавшихъ», при ихъ алчныхъ взглядахъ на деньги, вынимать изъ кармана деньги — значило прямо рисковать всей суммой. Если старшій не постыдился уворовать три рубля, и всѣ его сожители были съ нимъ солидарны, то онъ могъ бы легко вырвать у меня изъ рукъ пузатый бумажникъ, а остальные всѣ въ этомъ добромъ дѣлѣ только помогли бы ему. При этомъ я былъ бы неминуемо измятъ, потому что единственная выходная дверь была отдѣлена отъ меня тою же публикой.

Я попробовалъ пойти на сдѣлку, раздѣлилъ деньги на три кучи, въ которыхъ не хватало по одному рублю, и предложилъ имъ взять каждому свое, а оставшуюся трепяницу размѣнять безъ меня и взять каждой семьѣ по рублю.

— Нѣтъ, баринъ, подѣлите сами ужъ до конца.

— Поймите, что у меня нѣтъ рублевокъ. Размѣняйте ктонибудь зелененькую, тогда сразу выйдетъ все ладно.

— Давайте, баринъ, я сбѣгаю.

— Не давайте, баринъ, онъ пропѣеть, не вернется.

— Лучше я побѣгу.

— Ну, сбѣги.

— Баринъ, благодѣтель, не давайте. Этотъ еще хуже...

Началась руготня. Мое положеніе становилось сквернымъ. Поглядѣлъ я уныло на дверь и только вздохнулъ. Пока мнѣ не удастся всѣхъ примирить—не выйти мнѣ отсюда. Но положеніе мое стало еще хуже, когда старшой съ пресквернымъ взглядомъ заговорилъ болѣе, чѣмъ развязно.

— Дѣли, баринъ, скорѣе; некогда.

Полѣзъ я на удачу въ другой карманъ пальто и по счастью нашелъ тамъ рублевку и мелочь. Рублевка нашлась, но — только одна. Шиломъ моря не нагрѣешь. Мнѣ нужно было ихъ три. Въ глубинѣ души я радъ былъ бросить имъ еще по три рубля, лишь бы освободиться отъ пытки, но для этого нужно было лѣзть въ бумажникъ. А тутъ проклятый мужикъ, казавшійся мнѣ въ эту минуту настоящимъ разбойникомъ, не переставалъ торопить:

— Поищи, баринъ, въ другихъ карманахъ. Деньги, небойсь, есть.

Мужикъ, чувствуя, что я въ его власти, прямо глумился надо мною. У меня начало стучать въ вискахъ. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ мучительной пытки, ко мнѣ явилась въ голову та мысль, которая помогла мнѣ сразу покончить все дѣло, и съ которой въ сущности и слѣдовало бы начать. Изъ рубля и мелочи я составилъ полтора рубля и положилъ на одну кучу. Затѣмъ, прервавъ пополамъ спорную трешницу, я положилъ ея половинки на остальные двѣ кучи. Споръ былъ рѣшенъ.

Толпа поняла не сразу, но понявъ осталась довольна и взяла деньги. Бабы даже стали благодарить. Ражій мужикъ безъ церемоніи вынулъ изъ-подъ ноги бумажку и спряталъ въ карманъ. Дорогу къ двери мнѣ очистили безпрекословно и даже съ причитаніями благодарности и пожеланіемъ всѣхъ благъ земныхъ и небесныхъ.

Когда я вышелъ на воздухъ и увидѣлъ надъ собою небо, я долго не вѣрилъ себѣ. Въ вискахъ стучало, и колѣни дрожали. Пройдя весь длинный, плохо освѣщенный дворъ, я нашелъ ворота запертыми на замокъ. Съ улицы окликалъ меня мой извозчикъ, думая, что я сбѣжалъ отъ него. Пока нашли дворника, и пока онъ бѣгалъ за ключемъ, прошла четверть часа, показавшаяся мнѣ вѣчностью. Мнѣ такъ и казалось, что вотъ сейчасъ выбѣгутъ изъ квартиры мои «пострадавшіе» и объявятъ мнѣ снова, что я имъ не додалъ...

Когда я пріѣхалъ домой, мои родные нашли, что я былъ блѣденъ. У меня же долго не выходилъ изъ головы ражій мужикъ, укравшій три рубля и смотрѣвшій на меня скверными, нахальными глазами.

VIII.

Въ этой мѣстности я побывалъ еще одинъ разъ съ А. Н. Черманомъ, и затѣмъ мы снова поренесли нашу дѣятельность въ Галерную гавань.

Наша миссія съ каждымъ днемъ становилась все труднѣе и труднѣе, а въ конторѣ «Новаго Времени» между тѣмъ деньги все прибывали и прибывали. Стали поступать денежныя письма даже и изъ провинціи. Доброхотнымъ пожертвованіямъ не предвидѣлось и конца. Чуть не каждый день мы, усталые и разбитые, давали самимъ себѣ и другъ другу слово прекратить раздачу, но потомъ раздумывали и брали свое рѣшеніе назадъ. Намъ казалось, что изъ-за личныхъ непріятностей бросать раздачу было бы малодушіемъ. Сообщать же публикѣ въ нашихъ газетныхъ отчетахъ о всемъ томъ, что намъ приходилось испытывать, мы, по взаимному соглашенію, не считали нужнымъ. Такія сообщенія могли бы выходить подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ очень нервными. Жертвовавшая публика довѣряла намъ исполнѣ, стало быть, и мы должны были оправдать ея довѣріе и довести дѣло до конца или, по крайней мѣрѣ, до того момента, когда раздача сама собою станетъ невозможной.

А до этого уже было не далеко. Гаваньцы понемногу стали входить во вкусъ. Въ короткое время мы обошли съ нашей помощью 342 подвала (и впереди оставалось не менѣе). Этого было совершенно достаточно для того, чтобы по всей Гавани разнеслась вѣсть о двухъ благотворителяхъ, и для того, чтобы поднять на ноги все населеніе. Насъ уже стали поджидать не только у воротъ, но даже разставляли часовыхъ на углахъ. Стоило только показаться нашему экипажу, какъ тотчасъ же по всей Гавани разлеталась быстро условная сигнализациа. Больше всего рвенія выказывали мальчишки. Завидя насъ, они пускались во всю прыть по улицамъ и возвѣщали во все горло:

— Благодѣтели пріѣхали! Благодѣтели пріѣхали!

Благодаря этому, насъ оцѣпляли въ одну минуту густой толпой. На первомъ планѣ обыкновенно выступали пьяные и профессиональные нищіе, но мы отъ нихъ отдѣлывались быстро, заявляя о нихъ трезвымъ гражданамъ, которые удаляли ихъ охотно и энергично и не столько, конечно, для водворенія благочинія, столько для того, чтобы самимъ занять ихъ мѣсто. Это были тѣ самые нищіе, которыхъ сотрудникъ одной мелкой газеты обозрѣвалъ съ извозчика и по поведенію которыхъ онъ, не заходя ни въ одинъ подвалъ, рѣшилъ и оповѣстилъ въ своей статьѣ, будто благотворительность не достигаетъ дѣли, и жертвуемая деньги попадаютъ только въ руки пропойць.

Къ концу второй недѣли гаваньцы выработали уже цѣлую систему. Они запаслись клочками бумаги, на которыхъ были написаны ихъ адреса, и назойливо совали ихъ намъ въ руки. Мы складывали эти бесполезные клочки въ карманы и привозили ихъ домой цѣлыми узлами. Пробовали мы ихъ потомъ регистрировать, но изъ этого ничего не выходило. Тутъ были и ничего еще не получившіе и такіе, которые не стыдились просить во второй и даже въ третій разъ. Мы не отступали отъ своей системы обходить улицу отъ начала до конца, никуда не сворачивая, но это не мѣшало жителямъ всѣхъ сосѣднихъ и даже отдаленныхъ улицъ ходить за нами съ утра и до потемокъ, какъ ходятъ за крестнымъ ходомъ. Просительный тонъ мало-по-малу переходилъ въ требовательный. Гаваньцы уже перестали смотрѣть на насъ, какъ на людей, отъ доброй воли которыхъ зависитъ давать и прекратить раздачу. Они стали привыкать къ мысли, что мы обязательно должны давать имъ. Намъ почти на каждомъ шагѣ давали понять, иногда очень безцеремонно, что они знаютъ, сколько для нихъ пожертвовали благотворители, что ихъ не проведешь, и что они, въ случаѣ чего, найдутъ способъ получить свое и т. д.

Это настроеніе сказалось и въ письмахъ гаваньцевъ, которыя посылались ими ежедневно въ редакцію газеты цѣлыми десятками. Въ первое время письма эти обыкновенно начинались словами: «Осмѣливаюсь припасть къ благотворительнымъ стопамъ вашего высокопревосходительства...» и въ подписяхъ стояло: «всенижайшій мѣщанинъ» или «всенижайшая и всепокорнѣйшая просительница»; за послѣднее же время въ Гавани нашелся «аблакаты», писавшій въ редакцію отъ имени бѣдныхъ прошенія, которыя всѣ заканчивались уже совсѣмъ другимъ тономъ: «покорнѣйше прошу редакцію сдѣлать настоящее распоряженіе о выдачѣ мнѣ денежнаго вспомошествованія изъ суммъ, ввѣренныхъ редакціи гг. благотворителями въ пользу пострадавшихъ отъ наводненія». Бывали и такія письма, въ которыхъ говорилось: «Хотя я и получила отъ гг. членовъ редакціи пособие, но по случаю болѣзни ногъ мнѣ дали мало, почему прошу редакцію прислать мнѣ остальные (!) деньги». Нашелся даже одинъ домовладѣлецъ, точно обозначившій свое имя и адресъ, который изъ тѣхъ же «суммъ, ввѣренныхъ гг. благотворителями редакціи», требовалъ довольно развязнымъ тономъ на ремонтъ своего дома, ссылаясь на то, что домъ мало приноситъ дохода.

Вообще мы съ А. Н. Черманомъ путемъ опыта стали приходить къ заключенію, что хотя мы и внесли довольно солидную помощь болѣе, чѣмъ въ 500 подваловъ, напоили и согрѣли болѣе трехъ тысячъ дѣтей и стариковъ, тѣмъ не менѣе удовлетворить нужды всей Гавани мы были бы не въ силахъ, если бы даже раздача затянулась на цѣлые мѣсяцы. Чѣмъ больше мы помогали, тѣмъ больше и тѣмъ назойливѣе становилась толпа просителей и тѣмъ сильнѣе

насъ рвали на части. Каждый вечеръ, подводя итоги, мы внутренно молили Бога о томъ, чтобы притокъ пожертвованій въ контору прекратился. Но на утро мы раздумывали, брали новую тысячу и ѣхали опять продолжать старую исторію.

Неприятіе всего было то, что толпа мѣшала намъ въ нашихъ передвиженіяхъ, загораживая дорогу. Не будь ея мы вдвое скорѣе и вдвое больше обошли бы подваловъ. Но нашу публику урезонить не было возможности. За нами неотступно ходилъ городской, но и онъ не могъ ничего подѣлать. Его форма потеряла въ глазахъ толпы свое внушающее значеніе. На помощь городскому иногда выдѣлялся, съ корыстною, конечно, цѣлью, какойнибудь мѣстный забулдыга и принимался расчищать намъ дорогу, но его грубые приемы только злили и безъ того возбужденную толпу.

Кромѣ этихъ невзгодъ, прибавилась еще новая. Къ концу нашей дѣятельности въ Гавань стали, какъ въ обѣтованную землю, стекаться толпы туенядцевъ и всякой сволочи съ разныхъ концевъ Петербурга. Гаваньцы смотрѣли на нихъ косо, а они въ свою очередь имъ показывали зубы. Мы твердо рѣшили не давать имъ, но случилось, что по ошибкѣ въ многосотенной толпѣ комунибудь изъ нихъ доставалась рублевка. Въ этомъ случаѣ аборигены осыпали насъ укоридами за то, что мы раздаемъ чужимъ ихъ деньги. Когда же мы отказывали пришлецамъ, то они осыпали насъ самой отборной и площадной бранью. Въ обоихъ случаяхъ доставалось намъ же.

Въ виду всего этого мы рѣшили прервать наши поѣздки въ Гавань дня на два — на три, рассчитывая, что аппетиты и страсти ея обитателей поуспокоятся немного. Такъ мы и сдѣлали. Но «пострадавшіе» успѣли пронюхать наши адреса, и въ нашихъ квартирахъ съ утра и до ночи неумолкаемо дребезжали звонки просителей. Эти звонки не давали намъ покоя болѣе двухъ недѣль и только къ половинѣ декабря стали рѣже. Одновременно съ этимъ мы стали получать цѣлые вороха просительныхъ писемъ, въ числѣ которыхъ было не мало и заказныхъ. Я лично получилъ ихъ около трехсотъ, и почти столько же было доставлено и А. Н. Черману. Находились догадливые люди, которые въ одно и то же время писали и мнѣ и моему товарищу. Сначала я отправлялъ эти письма въ Человѣколюбивое общество, при которомъ организовано бюро для регистраціи бѣдныхъ, но тамъ скоро почему-то перестали принимать мои посылки. Намъ же съ ними дѣлать было положительно нечего.

Во время передышки мы съѣздили снова въ Коломну и тамъ обошли нѣсколько пострадавшихъ отъ воды подваловъ и побывали на линіяхъ Васильевского острова.

Отъ посѣщенія Коломны у меня осталась въ памяти интеллигентная семья съ нѣсколькими зелеными и блѣдными дѣтьми. Въ

квартиру надобно было спускаться на нѣсколько ступеней. Въ комнатахъ было чистенько и уютно. На столахъ салфеточки, на мебели — чехлы. Мать — молодая, прилично одѣтая дама. Со всѣхъ сторонъ и отъ каждой олеографіи на стѣнѣ вѣетъ благополучіемъ и достаткомъ. Но за кулисами оказывается совсѣмъ не то. Дворникъ заявляетъ намъ, что во время наводненія въ этой квартирѣ вода стояла на два аршина слишкомъ, что столы и комоды стоятъ только для вида, а въ сущности никуда, послѣ воды, не годятся, что дѣти всѣ простужены, самъ — больной, сама еле двигаетъ ноги; за квартиру не заплачено, дровъ давно уже нѣтъ, а въ печи — уже и забыли, когда варилося...

Въ другой квартирѣ, въ Коломнѣ же, мы нашли комнату, у одной стѣны которой ютился со всею своей мастерской сапожникъ, а у другой безъ умолку кашлялъ на убогой кровати старикъ-нѣмецъ. Подлѣ него десятилѣтняя дочь съ утра до ночи дѣлаетъ изъ папиросной бумаги пестрые цвѣты. Этимъ заработкомъ живутъ и отецъ и дочь. Старикъ смотритъ скорбно на свою кормилицу и изрѣдка повторять:

— Du, mein liebes Kind!.. Warum bin ich so. alt und krank?

Квартира эта поразительна своимъ контрастомъ: въ комнатахъ нѣтъ перегородки, и видно все, что дѣлается въ обоихъ углахъ. У сапожника на полу грязь и соръ, а у больного нѣмца — образцовая чистота и опрятность.

Къ этой дѣвочкѣ, между прочимъ, пріѣзжала, по ея словамъ, *eine gute und wohlthätige Dame*, просидѣла около часа, читая ей длинную нотацію о томъ, какъ надо вести себя, и оставила два рубля.

IX.

Чтобы закончить свои воспоминанія, опишу послѣдніе два дня нашихъ странствованій по Гавани.

Наканунѣ насъ извѣстили о трехъ довольно прискорбныхъ случаяхъ, будто бы происходившихъ въ Гавани въ тѣ два дня, когда насъ не было. Рассказывали намъ это мѣстные жители, а сколько въ этихъ рассказахъ правды — судить не берусь, но по личному опыту я склоненъ имъ вѣрить.

Говорили, что одинъ благотворитель, военный, пріѣхалъ по конкѣ и, выйдя изъ вагона, вздумалъ раздавать. При появленіи благотѣтеля, сигнализациа была немедленно пущена въ ходъ, и онъ въ одинъ мигъ былъ атакованъ толпою, въ авангардѣ которой первыми номерами были, конечно, пьяные и забулдыги. Дѣло тотчасъ же приняло такой оборотъ, что военный принужденъ былъ снова войти въ вагонъ, а полиціи потребовалось не мало усилій для того, чтобы разогнать забулдыгъ. Вслѣдъ за этимъ пріѣхала какая-то дама, но толпа налетѣла на нее съ просьбами (и, конечно, не желая ей ни

малѣйшаго зла) такъ стремительно, что благотворительница въ одинъ мигъ оказалась на мостовой и упала такъ неловко, что поднялась въ крови. Наконецъ, о третьей благотворительницѣ рассказывали, что она пріѣхала съ чаемъ и сахаромъ и лишь только вошла съ двумя сверточками въ первый подвалъ, какъ все оставшееся въ пролеткѣ было уже украдено.

Въ виду такихъ вѣстей мы предупредили нашего лихача Ивана, чтобы онъ на всякій случай не отставалъ съ своимъ рысакомъ ни на одинъ шагъ. До сихъ поръ мы попадали въ Гавань либо съ Большого, либо съ Малаго проспекта, судя по тому, гдѣ мы рассчитывали встрѣтить меньше народа. Но теперь при сигнализаци, которой могъ бы позавидовать телеграфъ, вѣхать незамѣтно не было никакой надежды. Мы повернули въ Гавань съ Большого проспекта и направились въ зарѣчную часть, чтобы оттуда начать обходъ. Пока мы еще ѣхали къ мостику черезъ Шкиперской протокъ, за нами уже бѣжала толпа, а у каждаго воротъ стояли кучи женщинъ и дѣтей, которыя тоже присоединялись къ толпѣ. Все это была публика, уже получившая съ насъ контрибуцію ранѣе. То, что она бѣжала за нами, не предвѣщало ничего пріятнаго по очень понятной причинѣ: почтенная публика желала сорвать съ насъ еще по разу. Наканунѣ мы тщательно провѣрили адреса, гдѣ мы уже были, и намѣтили ту улицу, на которой еще не были.

Съ нея мы и начали. Объявили толпѣ, что на улицѣ никому давать не будемъ, а городского попросили никого не пускать за нами во дворы. Сначала такъ и было, но черезъ полчаса толпа пересилила полицію и стала врываться не только во дворы, но и въ квартиры. Выходя изъ какого нибудь подвала, мы должны были въ сѣняхъ расчищать себѣ дорогу локтями и плечами, точно въ церкви. Какъ изъ земли выростали откуда-то разные убогіе старики и старухи, требовавшіе подачки, а одна изъ нихъ, помнится, попросила не на нужды, а прямо «къ празднику на кофей». Въ нѣсколькихъ домахъ, во дворахъ и на улицѣ намъ попадался одинъ и тотъ же оборванецъ съ отекившимъ отъ пьянства лицомъ и съ запахомъ сивухи, увѣрявшій настойчиво, что онъ три дня не ѣлъ. Чтобы отвязаться отъ него, мы дали ему гривенникъ. Онъ сходилъ въ кабакъ, выпилъ и снова воротился къ намъ съ тѣми же увѣреніями.

Но особенно преслѣдовали насъ двѣ мѣстные дамы, которыя по нашимъ спискамъ и по увѣренію толпы ухитрились получить съ насъ уже по два раза. Обѣ онѣ не отставали отъ насъ ни на шагъ, врывались въ каждую квартиру и теребили насъ за платье. Одна изъ нихъ, два раза выманившая у насъ деньги на паспортъ, и теперь ходила съ пачкою какихъ-то казенныхъ, полицейскихъ бумагъ, раскладывала ихъ по столамъ и махала ими прямо передъ нашимъ носомъ. Мѣшали эти двѣ дамы страшно, но избавиться отъ нихъ

не было, казалось, никакихъ силъ. Въ одинъ часъ онѣ, и только онѣ, утомили насъ такъ сильно, что мы принуждены были посидѣть въ одной квартирѣ минутъ пять для того, чтобы хоть немного отдохнуть и отдышаться.

Вездѣ въ этихъ подвалахъ насъ встрѣчали чуть не со слезами радости. Бѣдняки этой улицы цѣлыя двѣ недѣли ждали нашего посѣщенія и истомились, видя, что мы ходимъ по другимъ улицамъ. Насталъ праздникъ и для нихъ.

— Мы ужъ думали, что вы къ намъ и не заглянете... Сердце все изболѣло: думаемъ, а, ну, какъ насъ забудутъ...

— Господа, благодѣтели, скажите, какъ васъ зовутъ: въ поминанье записать...

Мы съ А. Н. Черманомъ плохо раздѣляли эту радость и совѣмъ не отвѣчали на вопросы. Намъ было не до того. Мы видѣли только толпу на улицѣ и на дворѣ, прилипавшую лицами къ стекламъ, чтобы узнать по нашимъ движеніямъ, скоро ли мы выйдемъ. Сквозь эту толпу жадную, съ воспаленными отъ слезъ или отъ водки глазами, съ недружелюбнымъ взглядомъ и съ неумолкаемымъ стоустьимъ ревомъ намъ предстояло пробираться при всякомъ переходѣ изъ дома въ домъ. Городовой почти поминутно снималъ шапку и вытиралъ съ лица потъ.

Наконецъ, часа черезъ четыре мы почувствовали себя уже не въ силахъ продолжать работу далѣе. Начинало темнѣть, и денегъ уже оставалось мало, а домовъ не обойденныхъ еще много. Городовой уже два раза шепталъ:

— Теперь бы вамъ, ваши скородія, уѣзжать надо бы. Не ровень часъ... Озвѣрѣли...

Мы рѣшили послѣдовать этому совѣту и направились къ пролеткѣ. Но чего намъ это стоило!! Толпа сомкнулась стѣною и уцѣпилась за насъ. Городовой былъ мигомъ оттертъ. Передъ нами замелькали озвѣрѣлыя, пьяныя рожи. Послѣ нѣсколькихъ минутъ увѣщаній, борьбы и обѣщаній мы могли протиснуться къ экипажу настолько, чтобы ухватиться за него руками. Кое-какъ удалось намъ вскочить на подножки и сказать кучеру:

— Трогай живѣе...

Иванъ былъ наготовѣ. Рысакъ подобрался всѣмъ корпусомъ и дернулъ. У А. Н. Чермана затрепала пола, а я съ большимъ трудомъ высвободилъ рукавъ своего пальто изъ цѣпкихъ пальцевъ какого-то оборванца, который ежеминутно рисковалъ попасть подъ колеса. Намъ вслѣдъ неслись гуль и ругань.

Возвратясь домой, мы бѣгло подсчитали итогъ. Оказалось, что мы въ одной только Гавани роздали уже болѣе шести съ лишкомъ тысячъ.

Обѣдать въ этотъ вечеръ мы были не въ силахъ и только смотрѣли на блюда. Нервы у насъ были въ страшномъ безпорядкѣ.

Больше всего волновало насъ то, что оставалась еще одна не розданная тысяча, и что завтра нужно было ѣхать опять.

Мы условились выѣхать изъ дому, какъ можно пораньше, чтобы успѣть засвѣтло обойти какъ можно больше домовъ. Теперь мы были уже готовы на всякія случайности и утѣшали себя только тѣмъ, что это послѣдній день раздачи.

На бѣду въ этотъ день—это было 30-е декабря выпалъ снѣгъ, и нашъ Иванъ выѣхалъ на санихъ съ тяжелой медвѣжьей полостью. Мы велѣли ему убрать ее подъ себя, чтобы облегчить себѣ возможность поскорѣе въ случаѣ натиска выпрыгнуть въ сани.

Нашъ ранній пріѣздъ въ Гавань сослужилъ намъ службу. Насъ не ждали въ эти часы, и вѣстовые были еще не на всѣхъ углахъ. Намъ удалось въ этотъ день обойти болѣе шестидесяти квартиръ и раздать болѣе 1,200 рублей. Пьяныхъ и забуддыгъ еще не было. Явились они только черезъ часъ. Они опоздали и страшно обозлились, но затѣмъ все-таки взяли свое. Начали они съ упрековъ за то, что не получили вчера, и затѣмъ вмѣстѣ съ толпою шлялись за нами во всякій дворъ и во всякія сѣни.

Я не стану описывать этого дня. Онъ былъ похожъ на вчерашній. Новаго было только то, что въ двухъ квартирахъ мы встрѣтили симулянтовъ. Въ одной мы нашли здороваго, бородатаго мужика, который за часъ до этого ходилъ за нами въ толпѣ и обращалъ на себя вниманіе. Теперь же онъ уже вторую недѣлю лежалъ на лавкѣ подъ тулупомъ въ тифѣ, а жена (?) его горько плакала и причитала. Все это было продѣлано такъ грубо и спито такими бѣлыми нитками, что намъ стало гадко. Въ другой квартирѣ баба въ интересномъ положеніи, лежа въ постелѣ, просила придачи на младенца, котораго она, по всѣмъ признакамъ, ждала съ минуты на минуту. Въ промежуткахъ между словами она стонала. Получивъ деньги, она встала на ноги и разрѣшилась отъ бремени... сверткомъ тряпья.

Мы ходили въ этотъ день часа четыре, но послѣдній часъ, вѣрнѣе финалъ нашихъ походовъ, останется въ нашей памяти, вѣроятно, надолго. Когда мы выходили изъ послѣдней подвальной квартиры, на дворѣ насъ ждала уже правильная осада. Душъ сорокъ оборванцевъ, до этой поры даже не видавшихъ Гавани, ворвались во дворъ, выстроились въ нѣсколько рядовъ шеренгой и настойчиво потребовали «помощи отъ наводненія», намекнувъ довольно прозрачно, что если мы не дадимъ честию, то они церемониться не стануть. Ихъ фізіономіи и движенія не давали ни малѣйшей возможности сомнѣваться въ этомъ. У калитки со двора стояли два сторожа изъ ихъ же команды. Мы съ Черманомъ переглянулись и взглянули на городского. Онъ былъ блѣденъ и смотрѣлъ на насъ въ свою очередь испуганно. Положеніе было критическое и на этотъ разъ уже серьезно опасное.

Исходъ оставался только одинъ: бросить имъ денегъ и, пока они ими займутся,—спѣшить къ калиткѣ. А. Н. Черманъ вошелъ въ сѣни и тамъ отсчиталъ деньги въ отдѣльную пачку, а я сталъ, внутренно дрожа, устанавливать команду въ ряды, чтобы сосчитать ихъ и во всякомъ случаѣ заставить ихъ думать, что они сейчасъ будутъ удовлетворены всѣ. Но самый способъ раздачи пугалъ серьезно и меня и моего спутника. Сколько бы мы ни дали, каждый изъ этихъ бродягъ могъ заявить, что ему мало, и тогда они безъ церемоніи залѣзли бы сами въ наши карманы и вообще обошлись бы съ нами не очень нѣжно. Чтобы отвлечь сторожей отъ калитки, я велѣлъ и имъ становиться въ ряды. По счастью они послушались, и дорога къ калиткѣ очистилась. За калиткой же на улицѣ толпа очевидно волновалась. До меня долетали возгласы: — Во дворѣ раздаютъ... Пропойцамъ и чужимъ даютъ.

Изъ сѣней вышелъ А. Н. Черманъ съ отсчитанными уже деньгами. Наступалъ самый опасный моментъ—моментъ раздачи. Глаза всей публики такъ и впились въ кулакъ А. Н. Чермана, изъ котораго были видны кончики бумажекъ. Мы хотѣли, чтобы роздалъ городской, но онъ отказался.

Въ эту минуту изъ толпы выдѣлился одинъ изъ гаваньцевъ—тоже изъ не особенно заслуживающихъ довѣрія.

— Позвольте, я имъ раздамъ,—предложилъ онъ.

Мы обрадовались, что нашелся дуракъ, который самъ лѣзетъ въ опасность. Звали его Юбкинъ. Цѣль, съ которою онъ предложилъ намъ свои услуги, была ясна. Онъ рассчитывалъ при раздачѣ утаить хоть одну бумажку. Но по глупости онъ упустилъ изъ виду, что и всѣ оборванцы тоже прекрасно проникли въ его сокровенную мысль и были насторожѣ.

Мы торжественно передали ему деньги въ виду всей честной компаніи и, сдѣлавъ знакъ городскому, быстро направились къ калиткѣ. Но здѣсь насъ ждала новая неприятность. Оборванцы, чтобы мы не убѣжали, завязали щеколду веревкой. У насъ не было ни ножа, ни какого либо инструмента. Пока городской развязывалъ и распутывалъ веревку, его руки дрожали. Позади насъ уже начинался шумъ дѣлежа.

Когда калитка открылась, городской былъ отброшенъ, и во дворъ ворвалась съ улицы новая толпа.

Какъ мы добрались до саней, я теперь не помню, и А. Н. Черманъ помнить плохо. Толпа хватала насъ за руки, за плечи и за рукава. Когда мы не сѣли, а кое-какъ приткнулись въ сани, городскому пришлось отрывать отъ насъ десятки вѣпившихся рукъ. Платье наше трещало по швамъ. Когда рысакъ дернулъ, двѣ или три фигуры, схватившіяся за задокъ саней, упали на землю. Что дѣлалось во дворѣ, гдѣ Юбкинъ раздавалъ деньги, мы не знали и знать не старались. Для насъ было ясно, что ему не только не

удастся утаить что нибудь, но что его самого обыщутъ всего до послѣдней нитки и отнимутъ даже то, что безспорно принадлежало ему. Мы ему не завидовали.

Пока рысакъ мчалъ насъ по Гаваньской улицѣ, по ея сторонамъ толпами стояла публика и кричала:

— Куда же вы благодѣтели?! Къ намъ зайдите... Вы у насъ еще не были...

Послѣднее, что донеслось до моихъ ушей, былъ энергичный, но далеко не лестный для насъ эпитетъ.

Въ первой же овощной лавочкѣ на Большомъ проспектѣ мы спросили себѣ сельтерской воды. Мы ощущали такую жажду, какъ будто бы только что вырвались изъ жгучихъ песковъ Сахары.

Такъ закончилось наше благотворительное паломничество по Гавани.

Х.

Теперь подвожу итоги. Всего нами посѣщено, по гѣмъ записямъ, которыхъ мы успѣвали дѣлать, 603 квартиры, и денежная помощь оказана болѣе, чѣмъ 3,500 лицамъ, считая стариковъ и дѣтей. Всего мы раздали по всѣмъ мѣстамъ Петербурга, пострадавшимъ отъ наводненія, за 20 дней—10,540 руб. 70 коп. Всѣ эти деньги пошли въ прокъ и на пользу. Эти деньги вносили въ подвалы тепло, одежду и пищу. На долю разныхъ пьяницъ и оборванцевъ досталось въ разное время не болѣе 100—150 рублей. Собственно на Гавань пришлось около 7,500 рублей. Правда, удовлетворены не всѣ бѣдняки, но виноваты въ этомъ не мы, а недостатокъ организаціи въ нашихъ дѣйствіяхъ. Думать же о какой бы то ни было организаціи не было времени. Приливъ пожертвованій произошелъ также внезапно, какъ произошло и самое наводненіе. Нужно было не разсуждать и не обдумывать, а дѣйствовать. У кого найдется время и охота, пусть теперь на свободѣ пообдумаетъ, какъ нужно будетъ поступить, если Богъ на Питеръ снова нашлетъ воду. Намъ же съ А. Н. Черманомъ кажется, что мы сдѣлали все, что только сумѣли и смогли. Подробные отчеты открыты для желающихъ въ редакціи и конторѣ «Новаго Времени», а копии съ нихъ—въ канцеляріи градоначальника. Оставшіяся отъ нашей раздачи деньги употреблены на дрова, которыя были закуплены большой партией по дешевой цѣнѣ близъ одной изъ станцій Николаевской дороги и переданы Гаваньскому благотворительному обществу. Дровъ куплено 400 сажень. Кромѣ того, изъ этихъ же суммъ А. Н. Черманомъ приобрѣтено болѣе, чѣмъ на тысячу рублей, фланели и разнаго матеріала для бѣлья и платья.

Ал. Чеховъ.

ОТЪ РЖЕВА ДО УГЛИЧА ¹⁾.

(Путевые наброски).

VI.

З а т ь м а ч ь е .

СТАЛЬНУЮ половину дня мы употребили на осмотръ мѣстности, расположенной за рѣкою Тьмакою.

Въ началѣ XVII вѣка эта часть города, носившая названіе Затъмацкаго посада, заключала въ себѣ 13 улицъ, 26 церквей и 6 монастырей, теперь же во всѣхъ четырехъ частяхъ Твери насчитывается не болѣе 34 церквей, а изъ шести Затъмацкихъ монастырей уцѣлѣлъ только одинъ.

Пройдя пустырь, раскинувшійся подлѣ собора, мы спустились къ Тьмакѣ и очутились подлѣ самаго ея устья. Впереди былъ мостъ, соединяющій Затъмачье съ центромъ города, а на той сторонѣ, почти подъ самымъ мостомъ, возвышалась церковь Николы въ Звѣринцѣ, указывающая своимъ названіемъ на существованіе здѣсь въ стародавнія, бывшая времена звѣринца тверскихъ князей, дворецъ которыхъ находился неподалеку, близъ собора. Здѣсь же, не въ дальнемъ разстояніи отъ церкви, существовалъ въ древности и татарскій дворъ, гдѣ останавливались татарскіе баскаки и другіе пріѣзжіе ордынцы. Существованіе этого двора за Тьмакою не исключаетъ возможности допустить преданіе и о татарскихъ горахъ въ городской части, гдѣ татары могли

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXIII, стр. 525.

раскидывать свои шатры лѣтомъ, оставляя за собою право пользования дворомъ въ зимнее время.

На самомъ устьѣ Тьмаки, всего въ 65 саженьяхъ отъ Никольской, въ Звѣринцѣ, церкви, находился встарину небольшой островъ и на немъ—извѣстный когда-то въ Твери, Ѳеодоровскій монастырь. Время его основанія, по всѣмъ вѣроятіямъ, слѣдуетъ отнести къ XIV вѣку, по крайней мѣрѣ мы знаемъ, что церковь его, во имя Ѳеодора Стратилата, построена въ 1323 году какимъ-то цареградскимъ игуменомъ Іоанномъ. Повидимому, этотъ чужеземный инокъ не былъ единственнымъ восточнымъ пришельцемъ въ обитель. Въ ватиканской библіотекѣ хранится греческая рукопись XIV или XV вѣка, писанная, судя по надписи, въ Твери, въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ нѣкимъ Ѳомою сиріаниномъ. Вѣроятно, въ смутное время монастырь потерпѣлъ отъ поляковъ, потому что въ началѣ XVII столѣтія мы застаемъ церковь его стоящею безъ кровли, а изъ построекъ находимъ только три кельи: архимандритскую и двѣ «крестьянскихъ». Во времена Алексѣя Михайловича, Никонъ, неоднократно проѣзжая черезъ Тверь въ свой новопостроенный Иверскій монастырь, просилъ царя отдать ему Ѳеодоровскую обитель для приѣзда. Просьба была уважена, и монастырь, по изложеніи Никона, остался за патриаршимъ домомъ. Въ началѣ прошлаго столѣтія монастырь получилъ прозваніе училищнаго, такъ какъ въ немъ была основана первая школа въ Твери. Указомъ 1724 года Петръ I отдать его архіерейскому дому для устройства школы, въ которой бы получали образованіе дѣти духовнаго званія. Но къ концу столѣтія обитель пришла въ такую ветхость и упадокъ, что бывшій тогда ректоромъ тверской семинаріи св. Тихонъ Задонскій вошелъ въ консисторію съ предложеніемъ перенести изъ монастыря всѣ церковныя вещи въ соборную ризницу, такъ какъ воры уже покушались ограбить церковь и испугались только криковъ монастырскаго сторожа. Вѣроятно, что въ это время въ монастырѣ не было уже ни школы, ни достаточнаго числа братіи, потому что въ отвѣтъ на предложеніе ректора, въ 1773 году, послѣдовала резолюція преосвященнаго Платона: церковныя вещи передать въ соборную ризницу, а самую церковь за ветхостію продать на сломъ. Но покупатели давали такія незначительныя суммы, что экономъ архіерейскаго дома разобралъ церковь хозяйственнымъ способомъ и матеріалы отвезъ въ Трехсвятское, резиденцію тверскихъ архіереевъ,—и остались на мѣстѣ монастыря только груды щебня, да могилы иноковъ. Волга въ весеннее время размывала порою эти могилы. Многіе изъ гробовъ оказались сдѣланными изъ старецкаго камня, и одна такая каменная гробница хранится въ тверскомъ музеѣ.

Теперь нѣтъ даже и острова, на которомъ помѣщалась обитель. Пароходное общество «Самолетъ», въ 1857 году, соединило его съ берегомъ, и мѣстность получила совсѣмъ другой обликъ. На мѣстѣ

бывшаго звѣринца существовала впадина, быть можетъ, искусственный прудъ. Общество «Самолетъ» углубило ее и устроило на этомъ мѣстѣ докъ для своихъ пароходовъ, оградивъ его со стороны Волги валомъ, соединяющимъ монастырскій островъ съ лѣвымъ берегомъ Тьмаки. На устьѣ рѣки устроены три шлюза для ввода пароходовъ въ докъ. На берегу поставлены нѣсколько домиковъ, въ которыхъ помѣщается управленіе и мастерскія. Докъ можетъ вмѣстить въ себѣ до 22 пароходовъ.

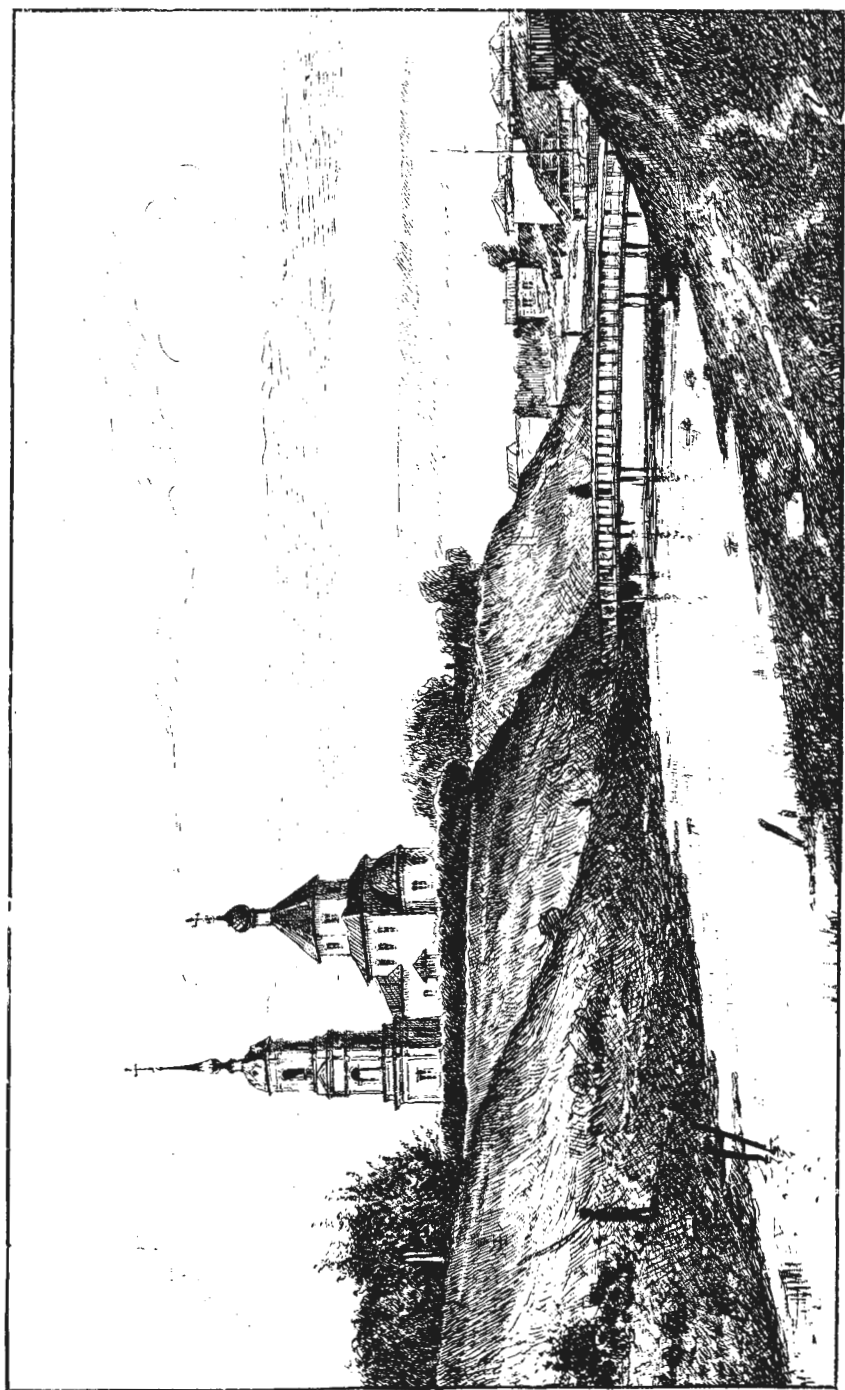
Сдѣлавъ набросокъ устья Тьмаки и прилегающей къ нему мѣстность, мы поднялись на пригорокъ къ церкви Николы въ Звѣринцѣ. Въ ней находится три иконы изъ бывшаго Феодоровскаго монастыря, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ замѣтить очень древнее изображеніе св. Феодора Стратилата. Противъ южной стороны церкви, черезъ улицу находится бульваръ, идущій по берегу вдоль Тьмаки. На столбѣ, въ началѣ бульвара, помѣщена надпись, что бульваръ называется Головинскимъ и устроенъ на средства городского головы Головинскаго.

Отъ бульвара мы направились къ церкви Бѣлой Троицы, которая представляетъ собою древнѣйшій остатокъ тверской старины и построена еще въ царствованіе Іоанна Грознаго въ 1564 году. По словамъ писцовой книги, она сооружена усердіемъ «тверитянина Гавріила Тушкинскаго да Тихона Иванова Алексѣевыхъ, дѣтей Ламиныхъ» и отдана ими со всею утварью и строеніемъ «въ домъ Живоначальныхъ Троицы въ Сергіевъ монастырь». Церковь перенесла и погромъ Твери при Грозномъ, и страшные годы смутнаго времени, оставшись невредима и во время опустошавшихъ Тверь ужасныхъ пожаровъ. Но пощажена огнемъ и ниспосылаемыми на Тверь бѣдствіями церковь Бѣлой Троицы все-таки не была пощажена руками «украшителей», которые, въ сравнительно недавнее время, придѣлали къ ней два теплыхъ придѣла и колокольню, причемъ послѣдняя, по обыкновенію, нисколько не вяжется съ стилемъ самой церкви. Узкія церковныя окна были передѣланы на широкія еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Церковь имѣетъ семь главъ: пять большихъ и двѣ маленькія, поставленныя надъ восточными углами. Внутри церковь покрыта сводами, которые кажутся довольно низкими, но это происходитъ отъ особой причины: надъ этими сводами, подъ крышей, устроенъ еще второй рядъ сводовъ, заключающій въ себѣ такъ называемые тайники, куда во время непріятельскихъ нашествій окрестные жители укрывали свои цѣнныя вещи, а иногда прятались и сами. Такихъ тайниковъ на церкви три; попасть въ нихъ можно только съ крыши черезъ особыя отверстія. Въ церкви за престоломъ хранится очень древній деревянный крестъ, имѣющій не восемь концовъ, какъ обыкновенно, а только семь, благодаря отсутствію верхней оконечности, такъ что верхъ его составляетъ досочка съ надписью Пилата. Интересны также царскія врата и

железное кованое паникадило посреди храма, сдѣланное на подобіе глобуса. Всѣ эти вещи дошли до насъ отъ временъ глубокой древности и составили бы украшеніе любого музея.

Изъ шести монастырей, существовавшихъ въ Затымацкомъ посадѣ, сохранился только одинъ—женскій, Христорожественскій. Мы побывали въ немъ у вечерни. Судя по постройкамъ и внѣшнему виду монастыря, можно сдѣлать заключеніе, что рука дающихъ въ Твери не оскудѣваетъ. Благолѣшіемъ своимъ онъ обязанъ главнымъ образомъ представительницамъ мѣстнаго дворянства, а также купечеству; такъ, наприимѣръ, извѣстно, что только на ремонтъ собора и его внутреннее украшеніе сосѣдніе съ монастыремъ фабриканты, Каулинъ и Залогинъ, употребили болѣе ста тысячъ рублей. Монастырь расположенъ на правомъ берегу Тьмаки, въ немъ живутъ 32 штатныхъ монахини и 211 послушницъ.

Въ церкви мы были пріятно поражены, найдя подробное, обстоятельное описаніе монастыря, что составляетъ большую рѣдкость въ нашихъ православныхъ обителяхъ. Къ сожалѣнію, недостатокъ историческихъ данныхъ не позволяетъ составить себѣ ясное представленіе о былой жизни монастыря: ни основатель его, ни самое время основанія— неизвѣстны. Можно только положительно утверждать, что обитель уже существовала въ XV столѣтіи, такъ какъ, судя по жалованной грамотѣ великаго князя Василя Ивановича, данной на имя игуменіи Александры, въ 1513 году, обитель была уже хорошо устроена и имѣла свои вотчины. Грамота освобождала игуменію и монастырскихъ священниковъ отъ пошлинъ и поборовъ, отъ суда десятильниковъ и наѣздниковъ тверского владыки. Въ духовныхъ дѣлахъ они были подсудны только самому тверскому архіепископу, а въ уголовныхъ—государю. «Крестьянъ же,—прибавлено въ грамотѣ,—судить игуменія съ сестрами, попъ и дьяконъ, и ихъ на мѣстникъ». Въ 1555 году грамота Василя Ивановича была подтверждена Грознымъ. Въ 1613 году, въ сожженную и разоренную поляками обитель вернулась игуменія Аполлинарія съ пятью или шестью уцѣлѣвшими монахинями и снова начала строить церковь и келіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ обитель поступила царская жертва великой инокини-старицы Марѣы Ивановны, но насколько скромны были жертвы старицы-инокини, можно видѣть изъ описанія ея вклада: «Ризы полотняныя, оплечье выбойчатое, да стихарь полотняный, оплечье выбойчатое; патрахель зеңденинная, подкладка холщевая; поручи зеңденинныя, пуговицы оловянныя, да книга Миная общая въ десть печатная». Алексѣй Михайловичъ построилъ въ монастырѣ вторую деревянную церковь во имя своего ангела и пожертвовалъ въ нее оловянные сосуды, книги, ризы и всю утварь. Около 1703 года дочь новгородскаго дворянина Растопчина, Евдокія, въ монашествѣ Елена, перенесла въ обитель свою родовую икону Тихвинской Божіей Матери, отъ которой стали совершаться исцѣ-

Тверь: церковь Николы въ Звѣрицѣ и Самолетскій докъ.

ленія. Вѣсть о чудесахъ привлекала въ монастырь большое число богомольцевъ, и матеріальное положеніе обители начало понемногу поправляться. Но епархіальная власть не повѣрила чудесамъ, и въ 1739 году икона была отобрана и поставлена въ соборную ризницу, но послѣ большого пожара 1763 года снова возвращена въ монастырь, гдѣ находится и до настоящаго времени.

Документы, относящіеся къ прошлому столѣтію, сохранились въ болѣе полномъ видѣ. Между прочимъ среди нихъ находится вѣдомость прихода и расхода монастырскихъ суммъ за 1742 годъ. Въ вѣдомости этой нѣкоторыя записи не лишены и общаго интереса, такъ какъ заключаютъ въ себѣ бытовые птрихи, рисующіе отношенія монастырей того времени къ начальству: «въ поднось преосвященному поднесено хлѣба и калачей на 60 копеекъ; барановъ куплено, въ поднось воеводѣ три барана; подъячимъ денегъ 1 рубль; еще подъячимъ дано за письмо 10 копеекъ; ходили къ архимандриту въ Желтиковъ поклониться, снесли гостинцу — холстину, калачей всякихъ на 60 копеекъ; церковь перекрывали три раза, дано 60 копеекъ; Поздѣва жена родила; снесено гостинцу на 5 копеекъ; къ Михайлу Тулубьеву, жена родила, снесено гостинцу на 15 копеекъ; еще ему дано 1 рубль». Такая любезность со стороны монахинь къ мірянамъ объясняется тѣмъ, что Поздѣвъ и Тулубьевъ оба служили въ консисторіи; Поздѣвъ — простымъ чиновникомъ, а Тулубьевъ секретаремъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, вмѣстѣ съ новою игуменією Назаретою (урожденною Шванвичъ) прибыла въ монастырь и бывшая фрейлина Екатерины II Марья Васильевна Шкурина; въ октябрѣ 1801 года она приняла монашество подъ именемъ Павлы. Шкурина, хорошо знавшая музыку, преобразовала богослужбное пѣніе въ монастырѣ и, благодаря своимъ связямъ при дворѣ, дѣятельно помогала игуменіи въ украшеніи обители. Съ 1803 года ихъ стараніями установленъ ежегодный крестный ходъ въ монастырь, собирающій массу богомольцевъ. Постройка нынѣшняго собора начата въ 1809 году, уже послѣ того, какъ Назарета и Шкурина были переведены въ Казань. Преемница Назареты, Палладія, заготовила множество кирпича и дикаго камня, но когда во дворцѣ началась спѣшная перестройка для пріѣзда великой княгини Екатерины Павловны и ея супруга, то игуменія отдала весь свой собранный матеріалъ на дворець. Это пожертвованіе было, конечно, вознаграждено, матеріалъ собранъ новый, и въ 1810 году совершена закладка храма. Строеніе храма шло успѣшно, и къ 1812 году онъ вчернѣ былъ оконченъ, но двѣнадцатый годъ разразился надъ Россіей такою грозою, что объ отдѣлкѣ новаго храма нечего было и думать; мало того, всѣ обитательницы монастыря, въ виду опасности, грозившей Твери отъ французовъ, были отправлены въ Мологу, гдѣ и прожили до минованія опасности. Но едва лишь вернулись онѣ

въ монастырь, какъ 19 сентября 1813 года новый храмъ рухнулъ до основанія и превратился въ груды щебня и мусора. Здѣсь-то игуменья и сестра проявили наибольшую энергію, и несмотря на несчастіе, на массу неблагопріятныхъ обстоятельствъ, онѣ, какъ муравьи, неумоимо продолжали трудиться, собирать пожертвованія, матеріаль, и труды ихъ увѣнчались успѣхомъ: на мѣстѣ развалинъ выросъ новый большой соборъ, освященный въ 1820 году. Съ тѣхъ поръ возникли и многія другія зданія, придающія монастырю его нынѣшній красивый и богатый видъ. Средствами къ содержанію монастыря служатъ доходы съ богомольцевъ, суммы, получаемыя за печеніе просфоръ во всѣ приходскія церкви Твери, проценты съ неприкосновеннаго капитала въ 35,000 рублей, штатное жалованье по третьему классу и пр. Кромѣ того, монастырь владѣеть землями и лѣсными дачами въ Тверскомъ и Бѣжецкомъ уѣздахъ.

Ближайшими сосѣдями монастыря являются двѣ фабрики: Берга и Морозова. Берговская, основанная въ 50-хъ годахъ московскими купцами Каулинымъ и Залогинимъ, производитъ ежегодно на миліонъ рублей бумажныхъ тканей и считается однимъ изъ солидныхъ предпріятій этого рода. Другая бумагопрядильная товарищества тверской мануфактуры Морозовыхъ отличается еще бѣльшими оборотами и еще болѣе грандіознымъ устройствомъ. Это цѣлый городокъ въ миниатюрѣ. Помимо обширныхъ изданій самой фабрики, здѣсь имѣются даровыя помѣщенія для рабочихъ. Холостые и одинокіе помѣщаются группами въ большихъ общихъ помѣщеніяхъ, семейные занимаютъ отдѣльныя комнаты, причемъ каждая десять семействъ пользуются особою кухнею. Всюду порядокъ и чистота. При фабрикѣ существуетъ для рабочихъ своя лавка съ съѣстными припасами и при ней большая пекарня. Цѣны на всѣ продукты понижены до минимума, и понятно, что, доставляя большое удобство и облегченіе рабочимъ, лавка никакого дохода администраціи не приноситъ. Для дѣтей-сиротъ и полусиротъ устроенъ пріютъ и при немъ ясли для грудныхъ, которыхъ матери оставляютъ здѣсь, отправляясь на работу. Тутъ же помѣщается больница и родовспомогательный покой. Школа устроена образцово, въ ней четыре класса съ тремя параллельными отдѣленіями. Учащихся въ школѣ дѣтей насчитывается болѣе двухсотъ человекъ. Неподалеку отъ школы помѣщается библіотека и при ней особая зала для развлеченій. Кромѣ садика для дѣтей, на фабрикѣ устроенъ скверъ и для взрослыхъ. Словомъ, всюду, куда ни взглянешь, видна гуманная и щедрая предусмотрительность. Дай Богъ, чтобъ всему рабочему люду на Руси можно было современемъ жить въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, какъ рабочее населеніе Морозовскаго городка.

Обсмотрѣвъ Затѣмачье, мы отправились въ Желтыковскій монастырь, находящійся въ пяти верстахъ отъ города. Путь нашъ лежалъ мимо станціи желѣзной дороги по песчаной, поросшей кустар-

никомъ мѣстности. Мѣстоположеніе монастыря на берегу Тьмаки очень живописно. Теперь въ немъ насчитывается не болѣе 20 человекъ братіи, но въ старину обитель была извѣстна даже за тверскими предѣлами. Главную достопримѣчательность ея составляютъ мощи св. Арсенія, епископа тверскаго, который и основалъ обитель въ 1394 году, при великомъ князѣ тверскомъ Михаилѣ Александровичѣ. Князь Михаилъ всю жизнь боролся съ Москвою за свою отчизну и наконецъ усталый, обезсиленный постригся въ Аванасьевскомъ монастырѣ. Чинъ постриженія князя совершалъ св. Арсеній, дѣлившій съ нимъ и радости, и горе долгой, и многотрудной жизни, а вскорѣ и самъ удалился на покой въ свой Желтиковскій монастырь, гдѣ скончался въ ночь на 2-е марта 1409 года. Въ монастырѣ хранятся: панагія Арсенія, омофоръ, посохъ и каменный гробъ, сдѣланный имъ еще при жизни, но особенною художественностью работы отличается покровъ съ мощей святого, вышитый шелками и золотомъ. Съ этимъ покровомъ связана монастырская легенда, относящаяся ко временамъ литовскаго разоренія. Во время погрома обители и разграбленія церкви одинъ изъ непріятелей сдернулъ этотъ покровъ съ гробницы святого, набросилъ его вмѣсто попоны на своего коня и сѣлъ въ сѣдло. Но вдругъ налетѣлъ шкваль и сшибъ съ ногъ коня вмѣстѣ со всадникомъ. Грабитель былъ убитъ на мѣстѣ, а покровъ отъ того же порыва вѣтра высоко взлетѣлъ на воздухъ и повисъ на крестѣ главнаго купола. Въ монастырѣ же сохраняется и древній образъ св. Арсенія, писанный во время открытія мощей его, которое совершилось въ присутствіи Іоанна III, остановившагося въ Твери во время своего новгородскаго похода 1483 года. На восточной сторонѣ монастыря, близъ св. воротъ, Петромъ Великимъ построена церковь во имя Алексѣя человека Божія, по случаю болѣзни царевича Алексѣя Петровича. Подлѣ нея находятся три комнаты, въ которыхъ царевичъ останавливался во время своего пребыванія въ монастырѣ. На монастырскомъ кладбищѣ похороненъ, между прочимъ, извѣстный поэтъ тверичъ Федоръ Николаевичъ Глинка и знаменитый проповѣдникъ, тверской архіепископъ Амвросій Протасовъ, скончавшійся въ 1831 году.

VII.

На берегу Тверцы.

О, блаженна истина велицѣбная!
 О, блаженъ воистину и преблаженъ,
 кто исполнилъ заповѣди Христовы
 и отъ своихъ за истину пострадалъ!

(Слова цари Алексѣя Михай-
 ловича о св. митрополитѣ Фи-
 липпѣ).

Утро слѣдующаго дня мы посвятили осмотру заволжской стороны Твери.

Главный интересъ этой части города составляетъ устье Тверцы и построенный близъ него Отрочь-монастырь. Судя по лѣтописнымъ указаніямъ, монастырь построенъ въ очень древнія времена, быть можетъ, даже нѣсколько ранѣе самой Твери. Названіе «Отрочь» подало поводъ къ разнымъ догадкамъ для объясненія его происхожденія. Одни говорятъ, что здѣсь, во время оно, существовать небольшой городокъ-крѣпость съ гарнизономъ изъ княжескихъ отроковъ, обязанныхъ защищать устье Тверцы со стороны Новгорода, другіе же по этому поводу рассказываютъ цѣлую легенду, дѣйствіе которой происходитъ во времена перваго тверскаго князя Ярослава Ярославича, брата Александра Невскаго. Одинъ изъ любимыхъ отроковъ князя, по имени Григорій, выискалъ себѣ невѣсту въ подгороднемъ селѣ Едимоновѣ. Она была дочь мѣстнаго причетника, носила имя Ксеніи и отличалась замѣчательною красотою. Наканунѣ дня, назначеннаго для вѣнчанія Григорія, князь отправился на охоту въ окрестности Едимонова. Настала ночь, Ярославъ Ярославичъ легъ въ своемъ шатрѣ, и во снѣ ему приснилась красавица, его будущая суженая. На другой день онъ снова выѣхалъ на охоту и спустилъ своего сокола на показавшуюся въ небѣ бѣлую лебедь. Лебедь понеслась по направленію къ Едимонову, соколъ за нею. Князь погнался слѣдомъ и, пріѣхавъ въ село, увидѣлъ, что лебедь исчезла, а соколъ его зачутался цѣпочкою въ церковномъ крестѣ. Ожидая, пока освободятъ сокола, Ярославъ Ярославичъ вошелъ въ церковь, гдѣ все уже было готово для бракосочетанія Григорія съ Ксеніею. Князь взглянулъ на невѣсту и въ тотъ же мигъ узналъ въ ней дѣвушку, которая была предназначена ему во снѣ. Онъ такъ былъ пораженъ ея красотою, что тутъ же взялъ ее за руку и со словами: «Вѣнчай, погь!» всталъ съ нею передъ аналоемъ. Бракосочетаніе совершилось. На свадебномъ пиру князь со вѣтовалъ Григорію, не теряя времени, выбрать себѣ новую невѣсту, но опечаленный отрокъ отрекся отъ міра и, поселившись надъ сля-

ніемъ Волги съ Тверцою, основаль здѣсь монастырь. По другому варианту, Ксенія также видѣла во снѣ князя, узнала въ немъ своего будущаго супруга, и когда князь вошелъ въ простой одеждѣ въ домъ ея отца, гдѣ она сидѣла рядою съ Григоріемъ, она встала и сказала окружающимъ: «Воздайте честь вашему государю», а князь тотчасъ же повелъ ее въ церковь.

Такова легенда, но г. Борзаковскій, добросовѣстный изслѣдователь исторіи Тверскаго княжества, считаетъ ее вымысломъ какого нибудь книжника, такъ какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, монастырь существовалъ уже во времена князя Ярослава Ярославича. Въ старину полное имя монастыря было: Отрочъ Успенскій Пречистый Общій.

Въ настоящее время всѣ постройки въ монастырѣ новыя, и отъ древней обители не осталось ничего, кромѣ воспоминанія объ одной кельѣ, въ которой мученически окончилъ дни свои одинъ изъ доблестныхъ героевъ XVI столѣтія—святитель Филиппъ, въ міру Федоръ Степановичъ Колычевъ. Сосланный Грознымъ въ Отрочъ монастырь, онъ терпѣливо сносилъ и голодъ, и холодъ, и всяческія притѣсненія отъ своего пристава Кобылина. Насталъ 1569 годъ, Іоаннъ Васильевичъ отправился черезъ Тверь казнить Новгородъ, и 23-го декабря Малюта Скуратовъ постучался въ монастырскія ворота. Святитель еще ранѣ говорилъ окружающимъ, что приспѣло время исполненія его подвига, и въ этотъ день утромъ приобщился св. Тайнъ. Войдя въ келью святого, Малюта началъ говорить о походѣ царя на Новгородъ и просилъ благословенія. «Твори то, зачѣмъ ты присланъ»,—замѣтилъ старецъ и тутъ же сталъ на молитву. Какъ извѣстно, Малюта задушилъ его подушкою. Прикрикнувъ на игумена и братію, что, благодаря ихъ недосмотру, митрополитъ умеръ отъ утара, Скуратовъ приказалъ вырыть при себѣ могилу за алтаремъ церкви и оставилъ обитель лишь послѣ того, какъ тѣло было предано землѣ. Въ 1591 году, по ходатайству соловецкихъ иноковъ, мощи страдальца были препровождены въ Соловецкій монастырь, гдѣ Филиппъ въ продолженіе 18 лѣтъ (съ 1548—1566 гг.) былъ игуменомъ. Около половины XVII столѣтія Никонъ торжественно перенесъ ихъ въ Москву и положилъ въ Успенскомъ соборѣ.

Дѣятельность Филиппа по московской митрополіи достаточно извѣстна всѣмъ, но, быть можетъ, не всѣ знаютъ, что, помимо своихъ подвижническихъ и христіанскихъ доблестей, Филиппъ отличался замѣчательно свѣтлымъ умомъ и рѣдкими административными способностями, которыя блистательно проявилъ во время управленія Соловецкою обителью. Уже не говоря о томъ, что при немъ монастырь украсился новыми церквами, обогатился и средствами и новыми владѣніями и пр., такъ что для одного перечисленія его заслугъ соловецкому лѣтописцу потребовалось нѣсколько страницъ книги, въ той же лѣтописи находимъ и любопытныя свѣдѣнія объ

его усовершенствованіяхъ въ хозяйствѣ и монастырской агрономіи; вотъ нѣсколько примѣровъ:

«До Филиппа игумена квасъ парили, ино сливали вся братія и слуги многіе, и изо швалень, а при Филиппѣ парятъ квасъ старецъ да пять человѣкъ, и сливають тѣ же, а братія уже не сли-

«Бѣлая Троица» въ Твери.

вають, ни слуги, ни изо швалень; а тотъ квасъ самъ сольется со всѣхъ щановъ, да верхъ подымутъ, ино трубою пойдетъ въ монастырь, да и въ погребъ самъ льется, да и по бочкамъ разойдется самъ по всѣмъ».

«Да до Филиппа игумена на сушило рожь носили многіе братья, а Филиппъ игумень нарядилъ телѣгу; сама насыпается, да и привезетца, да и сама и высыплеть рожь на сушило».

«Да до Филиппа игумена подсѣвали рожь многіе братья, а Филиппъ игумень доспѣлъ сѣвальню: десятью рѣшеты одинъ старецъ сѣеть; да при Филиппѣ же доспѣли рѣшето; само сѣеть, и насыпаеть, и отруби и муку разводитъ розно, да и крупу само же сѣеть, и насыпаеть, и разводитъ розно крупу и высѣйки».

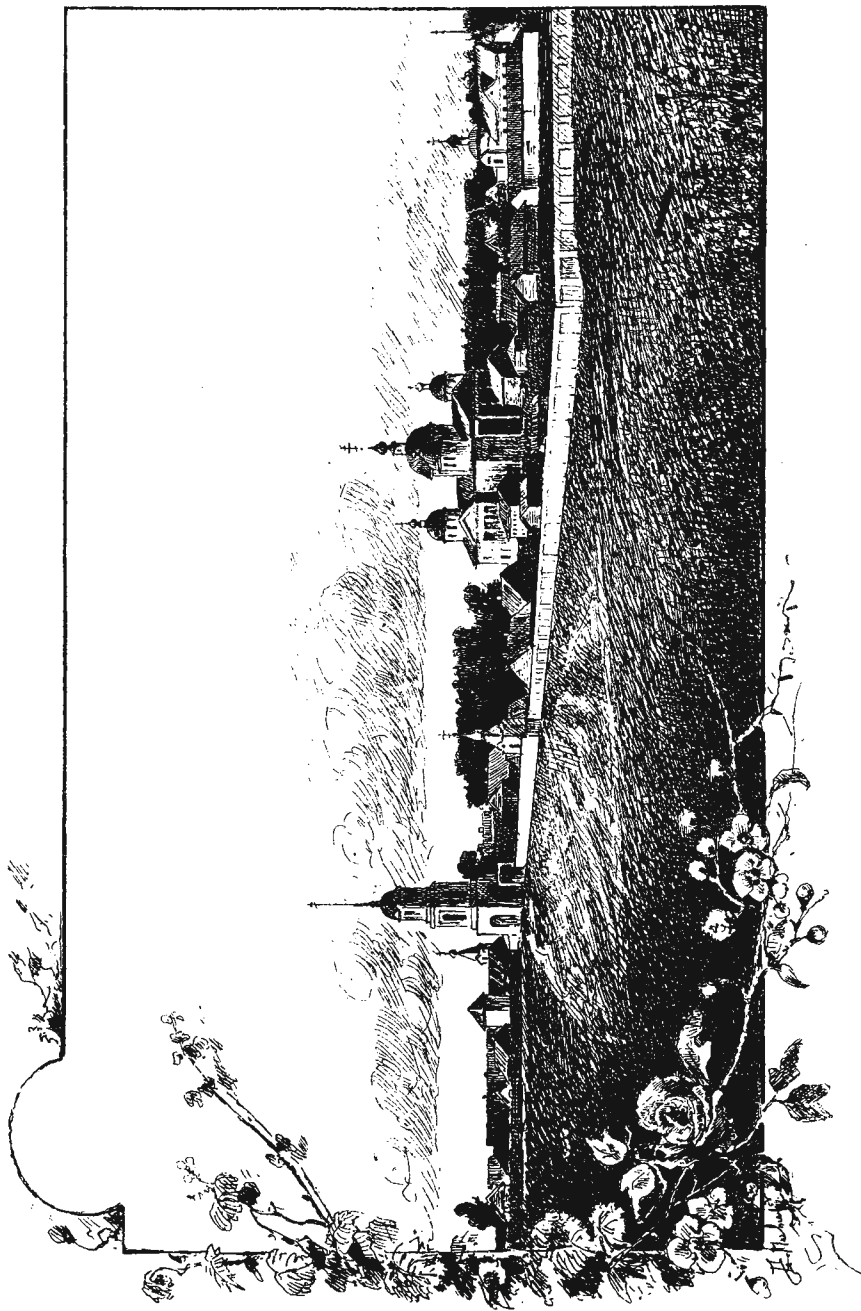
«Да до Филиппа братья многіе носили рожь на гумно вѣяти, а Филиппъ нарядилъ вѣтръ мѣхами въ мельницѣ вѣяти рожь» и т. д.

Не забудемъ, что все это происходило въ XVI столѣтіи.

Лѣтъ за сорокъ до св. Филиппа въ монастырѣ былъ заточень Максимъ грекъ, обвиненный въ искаженіи перевода священныхъ книгъ. Онъ прожилъ здѣсь двадцать лѣтъ и написалъ нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій.

Осматривая монастырь, мы познакомились съ ризничимъ о. Алексѣемъ, который любезно показалъ намъ здѣшнія достопримѣчательности. Соборъ, построенный въ 1722 году, показался намъ очень высокимъ, особенно внутри, но архитектура его ничѣмъ особеннымъ не отличается. Лѣтъ сто назадъ въ куполь его ударила молнія, пролетѣла по иконостасу и расколола царскія врата. Въ храмѣ хранятся двѣ старинныя иконы: святителя Николая и митрополита Петра, изъ которыхъ послѣдняя особенно интересна по типу изображенія святого. Здѣсь же, позади лѣваго клироса находится деревянный гробъ, въ которомъ прежде покоилось тѣло св. Филиппа. Когда оно, въ 1652 году, было перенесено изъ Соловковъ въ Москву, тверской епископъ выпросилъ у государя этотъ гробъ, на память Твери. Въ него были сначала положены мощи св. Арсенія Желтиковскаго, впослѣдствіи же, когда для нихъ устроили особую серебряную раку, гробъ перевезли въ Отрочъ монастырь и поставили въ соборѣ.

О. Алексѣй провелъ насъ и въ церковь, устроенную на мѣстѣ кельи св. Филиппа, находившейся въ юго-восточномъ углу монастыря. Стѣны церкви росписаны изображеніями изъ жизни святителя. Между прочимъ, на одной изъ стѣнъ изображена арка, запертая сквозною желѣзною рѣшеткою. Она изображаетъ какъ бы входъ въ келью святого, который представленъ въ глубинѣ молящимся передъ иконою. Живопись, впрочемъ, довольно посредственная. При церкви устроенъ особый придѣлъ во имя св. Тихона Задонскаго, бывшаго архимандритомъ Отроча-монастыря съ 1759 по 1761 годъ. Въ алтарѣ этого придѣла о. Алексѣй показалъ намъ серебряный ковчегъ, сооруженный стараніями и усердіемъ Тихона, который былъ вызванъ изъ монастыря прямо для хиротоніи во епископа. По поводу этой хиротоніи отмѣчу довольно интересный фактъ. Весною 1761 года потребовалось назначить викарія новгородскому архіепископу. Для возведенія въ епископскій санъ петербургскій митрополитъ Димитрій Сѣченовъ назначилъ семь кандидатовъ. Въ первый

Христорождественский монастырь въ Твери.

день Пасхи митрополитъ съ Епифаніемъ Смоленскимъ должны были метать о нихъ жребій. Епифаній просилъ включить въ число кандидатовъ и тверского ректора семинаріи архимандрита Тихона. «Онъ еще молодъ, время не ушло», — замѣтилъ митрополитъ, хотѣвшій сдѣлать Тихона архимандритомъ Сергіевой лавры, однако по просьбѣ Епифанія велѣлъ записать и Тихона. Въ это время тверской ректоръ служилъ съ преосвященнымъ Аѳанасіемъ пасхальную литургію въ Тверскомъ соборѣ. Во время херувимской пѣсни архіерей, стоя у жертвенника, вынималъ части о здравіи. Въ числѣ прочихъ сослужащихъ къ нему подошелъ и архимандритъ Тихонъ съ обычнымъ прошеніемъ: «Помяни мя, владыко святыи!».— «Епископство твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ», — отвѣчалъ Аѳанасій и тутъ только, замѣтивъ свою обмолвку, съ улыбкою прибавилъ: «Дай вамъ Богъ быть епископомъ». Въ тотъ же день въ Петербургѣ трижды метали жребій, и трижды выпадалъ жребій Тихона. Обмолвка Аѳанасія оказалась пророческимъ предчувствіемъ.

До 1764 года монастырь владѣлъ 1.300 душъ крестьянъ, теперь же чуть ли не весь его доходъ ограничивается 950 р. арендной платы за огородъ, раскинутый передъ нимъ вдоль берега Волги.

Пройдя восточными монастырскими воротами, мы очутились подлѣ самага устья песчаной Тверцы, скромно соединяющей свои воды съ водами Волги. Общей видъ этого устья не отличается ни шириною, ни грандіозностью, а между тѣмъ этотъ пунктъ составляетъ начало извѣстной въ свое время Вышневолоцкой системы, самага стараго изъ трехъ водныхъ путей, соединяющихъ Волгу съ Невою. Возникшая по мысли Петра, система эта въ былое время принесла огромную пользу русской торговлѣ и если теперь, съ устройствомъ Тихвинской и особенно Маріинской системы, слава ея померкла, если этотъ первый водный путь съ Волги въ столицу находится въ пренебреженіи и заустѣннѣ, то все-таки нельзя утверждать, что пѣсня его спѣта окончательно, и что въ будущемъ онъ снова не принесетъ пользы если не нижнему, то, по крайней мѣрѣ, верхнему Поволжью.

Тверца, какъ извѣстно, верховьями своими почти соприкасается съ рѣкою Цною, впадающею въ озеро Мстино, такъ что, въ древности, между ними существовалъ очень небольшой волокъ, или, точнѣе, — волочекъ. Принявъ въ себя Цну, озеро Мстино выпускаетъ въ свою очередь р. Мсту, соединяющую его съ Ильменемъ и знаменитую своими Боровицкими порогами, которые настолько опасны для судоходства, что во избѣжаніе вѣрной гибели въ ихъ стремнинахъ, вдоль ихъ, по берегу, встарину былъ устроенъ для товаровъ особый волокъ, называвшійся Нижнимъ; волочекъ же между Тверцою и Цною получилъ прозвище Вышняго. Это названіе Вышняго Волочка перешло впоследствии и на городокъ, образовавшійся надъ Цною и давшій свое имя всей системѣ.

Для облегченія судоходства по этому пути, помимо соединенія Тверцы съ Цною особыми каналами и углубленія русла мелководной Цны (работы, начатыя еще при Петрѣ), въ сосѣднихъ озерахъ, посредствомъ шлюзовъ, были устроены значительные резервуары воды, поднимавшіе, во время прохода каравановъ, какъ уровень озера Мстина, такъ и самой Мсты, вслѣдствіе чего Боровицкіе пороги съ ихъ подводными камнями становились менѣе опасными и болѣе доступными для судоходства. Правда, что плыть по Боровицкимъ быстринамъ можно было только скрѣпя сердце; правда, что самъ Петръ, по словамъ мѣстнаго преданія, миновавъ пороги, выпивалъ каждый разъ рюмку своей анисовки, а купцы, проведя благополучно свои суда, устраивали на радостяхъ гомерическія попойки,— тѣмъ не менѣе главныя преграды были устранены, оба волока отошли въ область преданій, и суда, хотя не безъ труда и опасностей, приходили водою изъ Астрахани, Казани и Нижняго прямо въ Петербургъ. Съ теченіемъ времени количество озерныхъ резервуаровъ было увеличено, пороги, по возможности, расчищены, въ обходъ бурнаго Ильменя устроены два канала, Вишерскій и Сиверсовъ, посредствомъ которыхъ суда прямо изъ Мсты проходили въ Волховъ, и вообще сдѣлано многое для облегченія судоходства, но при всемъ томъ грозные Боровицкіе пороги во всѣ времена составляли Ахиллесову пятую этой системы, и отъ Волочка до Новгорода судоходство по Мстѣ было исключительно только сплавное, такъ какъ, благогаря имъ, всякая тяга вверхъ, противъ теченія, была совершенно немислима.

По Вышневолоцкой системѣ проходило ежегодно три каравана: весенній (отъ 1 200 до 1.500 судовъ), нагруженный еще зимою на пристаняхъ бассейна верхней Волги; за нимъ слѣдоваль лѣтній (отъ 1.000 до 1.200 судовъ) съ пристаней средняго Поволжья, отъ Рыбинска, а послѣднимъ проходилъ осенній (отъ 750 до 1000 судовъ) съ низовымъ товаромъ. Ко времени прохода этихъ каравановъ вода изъ резервуаровъ выпускалась, горизонтъ системы становился судходнымъ на всемъ протяженіи, окрестные жители спѣшили къ берегамъ на заработки, и отъ Твери до Новгорода закипала дѣятельность. На трехъ караванахъ здѣсь проходило товара миллионъ на восемнадцать ежегодно съ одной Волги, если же прибавить къ этому грузы, отправляемые съ самой системы и съ заильменскихъ рѣкъ, то цѣнность всего товара, провозимаго по системѣ, слѣдуетъ возвысить до 26.000,000 р. с.

Таково было движеніе по системѣ въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ; но съ тѣхъ поръ, благодаря устройству и развитію другихъ двухъ системъ, а также конкуренціи, представляемой судоходству желѣзными дорогами, Вышневолоцкая система начала клониться къ упадку. Караваны сократились до самаго незначительнаго минимума и наконецъ прекратились совсѣмъ. Система глос-

нетъ, на нее махнули рукою, но, думаемъ, что это только до поры, до времени.

— На Тверцу на нашу любуетесь?—обратился къ намъ еще не старый крестьянинъ, проходившій берегомъ.—Зарастаетъ она, кормилица, совсѣмъ зарастаетъ.

Мы разговорились. Оказалось, что онъ и живетъ на Тверцѣ, верстахъ въ 25 отъ Твери. Зимомъ ѣздитъ въ Петербургѣ извозчикомъ, а лѣтомъ промышленяеть судовою тягою.

— Шесть коней съ братомъ держимъ,—продолжалъ онъ.—Земли-то у насъ на четыре души, а семья—одиннадцать человѣкъ; надо кормиться. Отцу девяносто лѣтъ, работать не можетъ, вотъ мы съ братомъ вдвоемъ и стараемся. Да на Тверцѣ теперь дѣловъ совсѣмъ нѣтъ; больше по Волгѣ вверхъ тянемъ, да въ сторону отъ нея, по рѣкамъ. Тянемъ въ Старицу, въ Зубцовъ и во Ржевъ, и въ Осташковъ; случается по Селижаровкѣ. Только я туда боюсь, въ Осташковъ-то.

— Что же?

— Утопнуть тамъ можно, вверху-то. Недавно туда рядили, и цѣну хорошую давали, брать посылалъ, да я не рѣшился. Больно тамъ бичевникъ плохъ. Судходства большого нѣтъ, а ходятъ суденышки маленькія, лошади въ 3, не больше, такъ что можно сказать, что бичевника-то настоящаго и совсѣмъ нѣтъ; тянуть гдѣ удобнѣе, то по правому берегу, то по лѣвому, и не одинъ разъ приходится черезъ Волгу вбродъ перебираться. Вотъ тутъ-то и гляди! Извѣстно, бродъ въ рѣкѣ не во всякомъ мѣстѣ, а есть такіе кражики узенькіе, съ берега на берегъ подъ водою вкось тянутся сажень на сто на полтора, по нимъ и перебираются. А чуть маленько забралъ лишка въ которую нибудь сторону, сорвался—и готово! Да мы и тутъ съ братомъ на шестеркѣ за лѣто-то рублей сотни двѣ съ половиною заработали. Слава Богу! Лошадки хорошія, привычныя, а есть одна,—всегда у насъ передовою ходитъ,—такъ та лѣтъ двѣнадцать у насъ въ этой должности состоитъ. Все знаетъ, все понимаетъ. Только скажешь ей: «выше!» она ужъ сама отъ рѣки въ гору забираетъ; а скажешь: «ниже!»—опять къ рѣкѣ сворачиваетъ.

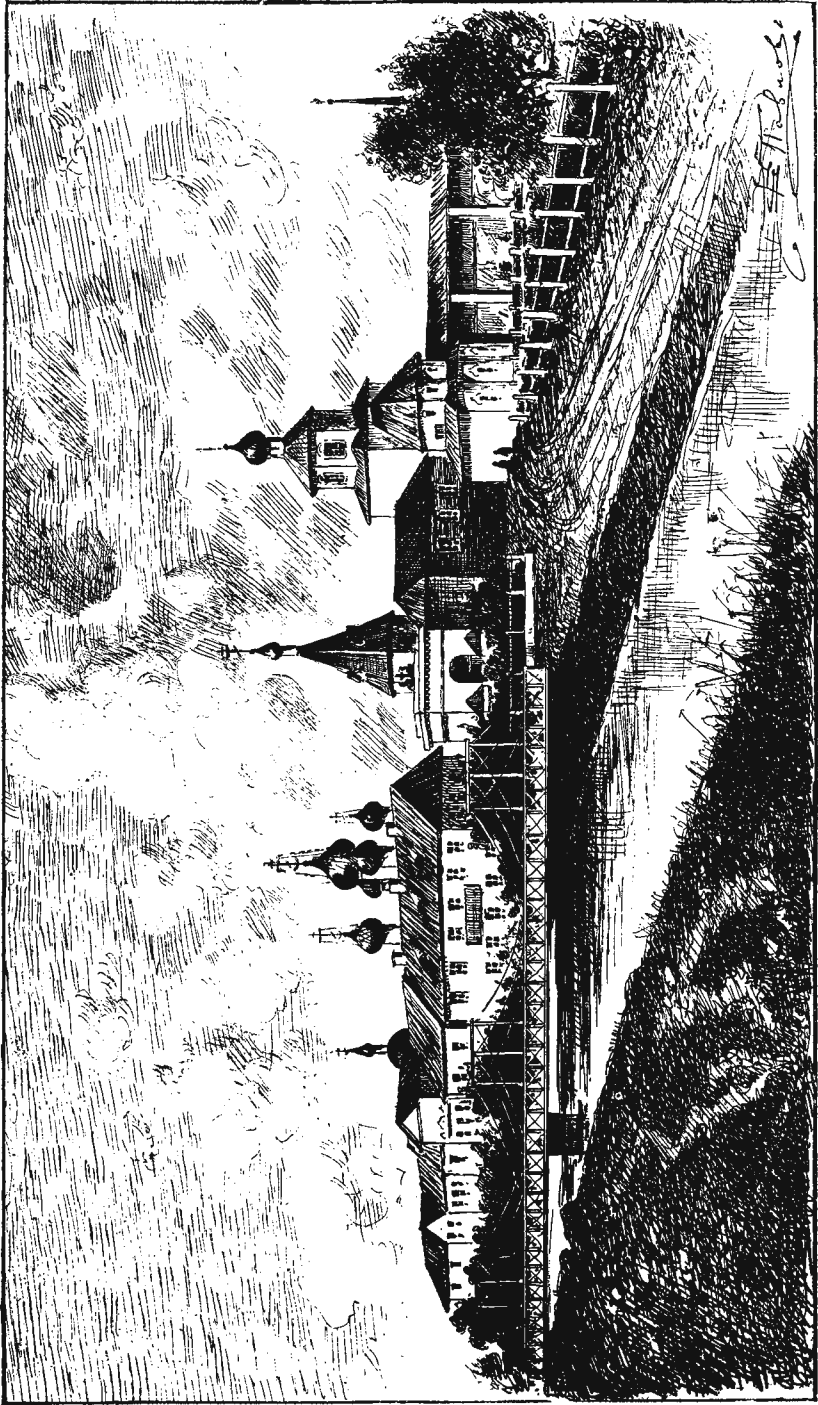
— А какъ плата за тягу?

— Разно. Это годомъ бываетъ. Какая вода, какое судно. Вотъ я, напримѣръ, недавно въ пять день на тройку 20 рублей выручилъ,—только это рѣдко.

— Ну, вотъ, положимъ, у меня одна лошадь.

— Хорошо. Вотъ я къ тебѣ и прихожу. Я значить подрядился и набираю коней. Ну, вотъ, положимъ, отъ Твери до Волочка сто восемьдесятъ верстъ; ну, больше четырехъ рублей не дамъ. Это ужъ если цѣны высокія: четыре съ полтиной.

— И долго ли ты за эти четыре рубля проѣздишь?

Желтиковскій монастырь близъ Твери.

— А это ужъ, милый другъ, мое дѣло. Тутъ ужъ я тебѣ ничего общать не могу. Если вода хорошая, погоню скоро, и въ недѣлю доѣду, а то полторы и двѣ. Мнѣ самому лучше,—скорѣе-то. Тамъ въ дорогѣ-то вѣдь все мое: и сѣно, и овесъ, и хомуть, и шлея; ты ужъ ни объ чемъ не заботишься. Да только скоро-то не всегда выходитъ; то на мели гдѣ застрянетъ, то на камень бросить,—мало ли чего бываетъ.

— А лоцманъ?

— Что жъ лоцманъ? И лоцманъ ничего не подѣляетъ, даромъ, что по два рубля въ день получаетъ. Вода-то мѣстами, что твоя молонья летитъ. Судно большое, грузное; коней двадцать тянутъ двумя берегами. Ну, если у нихъ бичева лопнула, и ты свою поскорѣ рѣжь. А то назадъ потащить и коней всѣхъ въ рѣку сорветъ. Тутъ прямо рѣжь бичеву скорѣ, да Бога благодари, что цѣль остался. Мы, погонщики, точно разбойники — всѣ съ ножами и ходимъ. А лоцману не до руля: барку-то и такъ, и этакъ выворачиваетъ. Онъ только бѣгаетъ да кричитъ, чтобы конецъ гдѣ нибудь зачалили. Конецъ-то ину пору по берегу бѣжить, тащится. Ну, если поймаемъ, забѣжимъ впередъ, да гдѣ нибудь и зачалимъ за дерево, за пень, или тамъ за что придется. Въ баркѣ-то вѣдь тысячь по двѣнадцати пудовъ грузу.

— А какіе грузы?

— Хлѣбъ больше, да еще рыба. Судаки сушеные—тѣ въ мѣшкахъ, а остальные больше въ бочкахъ. Отъ Макарья много рыбы идетъ. Вотъ на Макарьевскихъ-то намъ хорошо! Тутъ мы вдоволь всего поѣдимъ; и рыбкой угостятъ и прочимъ. Однако, прощенья просимъ,—спохватился онъ,—братъ наказывалъ повидаться съ нимъ поскорѣ; работа какая-то наклеивается.

Онъ раскланялся и почти бѣгомъ пустился къ пѣшеходному мосту, наведенному черезъ Волгу противъ устья Тверцы.

На другой день, на пароходѣ, мы разговорились опять съ однимъ изъ погонщиковъ и имѣли случай пополнить наши свѣдѣнія относительно конной тяги. Новому нашему собесѣднику приходилось неоднократно бывать и въ Осташковѣ, и въ Торжкѣ, и въ Волочкѣ. По его словамъ, въ прошломъ году, вверхъ по Тверцѣ прошло до сотни судовъ, но они поднимались не далѣе Торжка,—гдѣ товары перегружаются на «Новоторку», или Волочка, гдѣ они поступаютъ въ вагоны Николаевской желѣзной дороги. Тверца, по его описанію, быстрѣе Волги, но имѣетъ песчаное дно, за которое, въ случаѣ надобности, всегда можно захватиться якоремъ. Въ Волгѣ есть очень спокойные плеса, но встрѣчаются и «ярыя», бойкія мѣста. Большія суда тянутся обоими берегами и въ бойкихъ, стремительныхъ мѣстахъ, въ порогахъ, проводятся по одиночкѣ, при чемъ къ судну подпрягаются лошади и отъ другихъ судовъ, стоящихъ на якорѣ и ожидающихъ очереди. А мѣста попадаютъ иногда очень «ярыя».

— Въ Бенскомъ порогѣ,—замѣтилъ онъ:—такъ прямо глазомъ и видно, что надо судно на сажень вверхъ поднять.

Впрочемъ крупныя суда выше Ржева не поднимаются.

Лоцманъ получаетъ вознагражденіе, равное платѣ за пару лошадей. Отъ Твери до Ржева платится за пару—рублей 25 и до 30; столько же получаетъ и лоцманъ.

Выше Ржева ходятъ мелкія суда, вязки и третняки съ грузомъ отъ 800 до 1,500 пудовъ. Отъ Селижаровскаго посада въ сторону къ Осташкову суда тянутся уже мѣстными лошадьми, которыя и мельче, и легче волжскихъ, а потому и болѣе пригодны для мяткой, глинистой почвы береговъ Селижаровки; сама же рѣчка, по его словамъ, быстра и камениста. Добравшись до озера Селитера, суда идутъ уже на веслахъ, или буксируются пароходами Савина и монастырскими отъ Нила-угодника.

Относительно переходовъ въ бродъ черезъ Волгу,—которыхъ такъ боялся нашъ первый собесѣдникъ,—онъ замѣтилъ, что дѣйствительно приходится разъ до десяти перебираться на лѣвый берегъ и обратно, напимѣръ, около Бенскаго порога и въ другихъ мѣстахъ, но онъ не боится,—привыкъ.

— Тутъ вся сила въ передней лошади. Конечно, такая ужъ и ставится, бывалая, памятливая. А если передняя лошадь хороша, такъ почти и править не надо; какъ вошла по гужи въ воду, тутъ ужъ ей самой волю дай,—выйдетъ!

Ему неоднократно приходилось ходить и въ лоцманахъ. По его разсказу, опасность при порывѣ бичевы вовсе не такъ велика, какъ описывалъ первый. Правда, что у погонщиковъ за хомутами часто бываютъ воткнуты ножи, но они прибѣгаютъ къ нимъ только въ крайнихъ случаяхъ. Каждое судно идетъ всегда съ двумя кругами бичевы. Одинъ кругъ находится въ дѣйствиіи и прикрѣпленъ къ мачтѣ, другой, срощенный съ нимъ, лежитъ на палубѣ. Если первый кругъ лопнетъ, начинаютъ тотчасъ же травить второй. Въ это время погонщики успѣваютъ повернуть лошадей и слѣдуютъ за судномъ внизъ по теченію, пока ему не удастся бросить якорь. Конечно, въ быстрыхъ порогахъ, особенно при каменистомъ днѣ, когда якорь не можетъ зацѣпиться и часто даже ломаетъ крылья, приходится обрѣзывать и другую бичеву, но это случается очень рѣдко.

VIII.

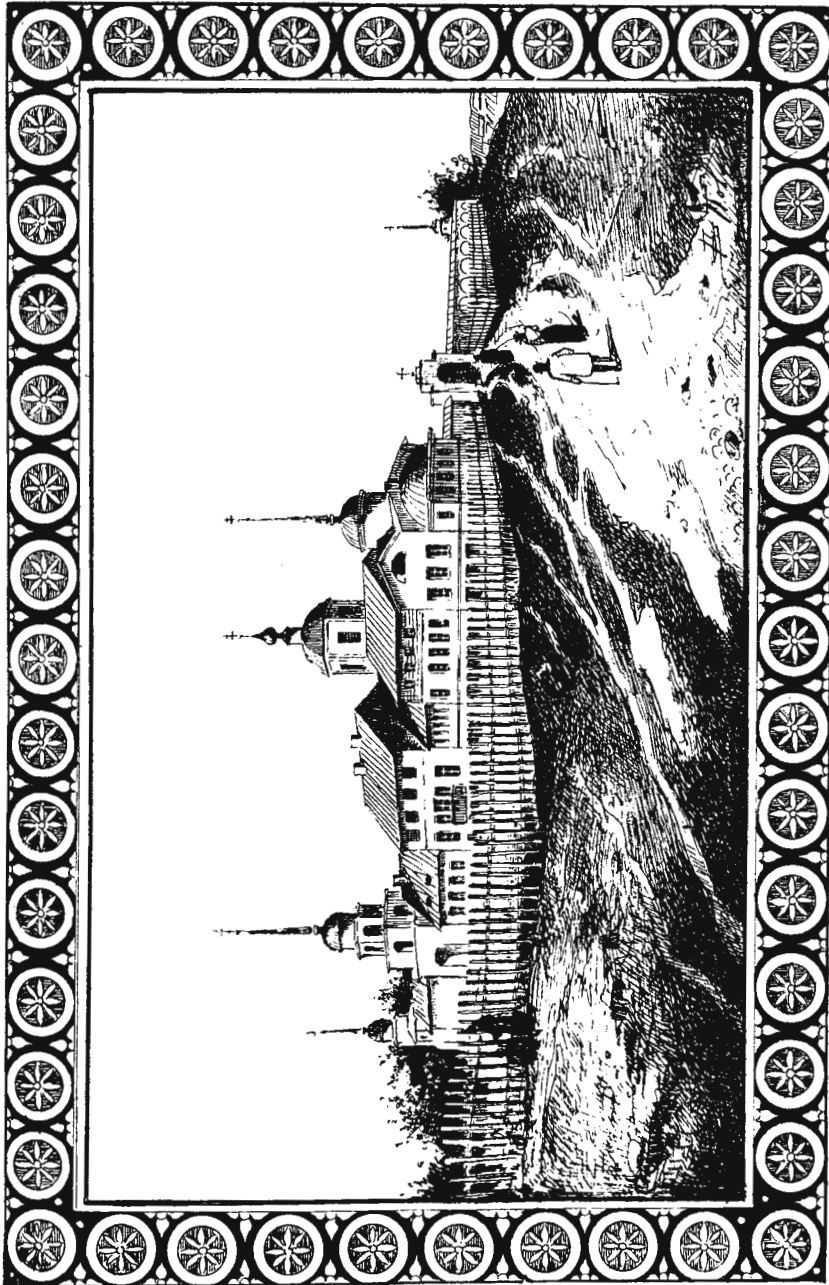
Тверской музей.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

А. С. ПУШКИНЪ.

Быть въ Твери и не видѣть Тверскаго музея значило бы повторить исторію Крыловскаго «Любопытнаго», который въ кунсткамерѣ не примѣтилъ слона. И дѣйствительно Тверь можетъ, по справедливости, гордиться своимъ музеемъ. Основанный въ 1866 г. стараніями тверскаго губернатора Петра Романовича Багратіона, музей въ началѣ предназначался для храненія образцовъ мѣстныхъ произведеній земледѣльческой, фабричной и ремесленной производительности, произведеній минеральнаго, растительнаго и животнаго царствъ, а также для предметовъ, относящихся къ этнографіи и археологіи Тверской губерніи. Живое участіе въ дѣлѣ собиранія предметовъ для музея принялъ и покойный поэтъ Федоръ Николаевичъ Глинка. Заводскіе и промышленные образцы были собраны довольно быстро и въ достаточномъ количествѣ. Что же касается до предметовъ археологіи, то еще въ 1872 году, то-есть спустя шесть лѣтъ со времени основанія музея, въ немъ находились только: мѣдный крестъ, бердышъ, желѣзанный ножъ, нѣсколько монетъ и глиняная кубышка, въ которой онѣ были найдены. Но въ томъ же 1872 году въ помощники предсѣдателя тверскаго статистическаго комитета былъ избранъ извѣстный археологъ Августъ Казимировичъ Жизневскій. Благодаря его стараніямъ, а также просвѣщенному содѣйствію начальника губерніи А. Н. Сомова и архіепископа тверскаго преосвященнаго Саввы, археологическій отдѣлъ началъ расти не по днямъ, а по часамъ, такъ что въ настоящее время онъ заключаетъ въ себѣ не одну тысячу номеровъ различныхъ предметовъ и болѣе двухъ тысячъ документовъ, столбцовъ, тетрадей и книгъ. Интересъ, возбуждаемый музеемъ въ мѣстномъ населеніи, растетъ съ каждымъ годомъ, какъ это отчасти можно видѣть по числу бывающихъ въ немъ посѣтителей. Въ 1874 году музей посѣтили только 12 человекъ, въ слѣдующемъ 1875 году посѣтителей было уже 374, въ 1877—854, въ 1879—2.121, а въ 1881—6.631. Громадная зала тверской гимназіи, отведенная подъ помѣщеніе музея, становится тѣсною для его коллекцій, и теперь возникаетъ мысль о перемѣщеніи музея въ зданіе дворца.

Когда мы подъѣхали къ гимназіи, сторожъ объявилъ намъ, что музей открытъ для публики по воскреснымъ днямъ, и тутъ же посоветовалъ обратиться лично къ самому г. Жизневскому, занимающему теперь должность управляющаго казенною палатою.

Отрочъ монастырь въ Твери.

(Церковь на углѣ кельи св. Филиппа помещается въ нижнемъ этажѣ углового зданія — валѣво отъ воротъ).

Августъ Казимировичъ принялъ насъ крайне любезно и, не смотря на то, что очень занятъ по службѣ, нашеть время лично отправиться съ нами въ музей и показать его коллекціи.

— Музей для меня лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней и лучшее отдохновеніе,—говорилъ онъ, подходя съ нами къ гимназіи, и дѣйствительно онъ всею душою, всѣмъ существомъ преданъ своему дѣтищу, которое живетъ имъ и развивается, благодаря его заботамъ и попеченію.

Такого разнообразія и богатства, какъ въ Тверскомъ музеѣ, намъ нигдѣ не приходилось встрѣчать въ провинціи. Каждый отдѣлъ выставленныхъ предметовъ заключаетъ въ себѣ не отдѣльные экземпляры того или другого рода, а цѣлыя коллекціи съ вариантами, разновидностями и подраздѣленіями. Хотя мы и спѣшили осмотромъ, боясь утомить нашего любезнаго чичероне, тѣмъ не менѣе, при всей поспѣшности, мы провели въ музеѣ около двухъ часовъ и не замѣтили, какъ пролетѣло время.

Не стану описывать всѣхъ подробностей нашего осмотра, упомяну только о наиболѣе выдающемся.

Въ отдѣлѣ древностей первобытнаго времени помѣщены предметы, найденные при раскопкахъ на берегахъ озеръ: Селитера, Сига и Овселука, также въ курганахъ Корчевскаго уѣзда и др.: нѣсколько каменныхъ шлифованныхъ молотовъ, глиняные горшки съ клеймами на днѣ и на бокахъ, бусы, кольца, пряжки, привѣски, изъ которыхъ особенно интересна одна выпуклая съ конской головкой и бубенчиками, развѣшанными на цѣпочкахъ.

Въ числѣ каменныхъ крестовъ первое мѣсто занимаетъ Стерженскій крестъ, о которомъ я говорилъ въ очеркахъ своего путешествія по верховьямъ Волги. Затѣмъ—Лопастницкій, найденный на берегу пролива между озерами Лопастницы и Витбино, находящимися неподалеку отъ Овселука. Предполагаютъ, что онъ поставленъ также при началіи работъ по прорытію канала,—нынѣшняго пролива,—соединяющаго озеро. Форма трехконечнаго креста, въ видѣ буквы Т, называемаго египетскимъ, встрѣчается здѣсь на нѣсколькихъ надгробныхъ камняхъ, изъ которыхъ пять найдено въ самой Твери и одинъ въ Зубцовѣ на Полустовой горѣ. Интересенъ также камень, называемый «Степаномъ». Онъ найденъ въ 1835 году Ѳедоромъ Николаевичемъ Глинкою въ Бѣжецкомъ уѣздѣ. На камнѣ вырублена фигура изъ трехъ прямоугольниковъ, вставленныхъ одинъ въ другой и соединенныхъ прямыми полосками, расположенными на крестъ въ вертикальномъ и горизонтальномъ направленіи. Сбоку написано имя: Степанъ или Степана. По мнѣнію ученаго Финнъ Магнусена, знатока скандинавской археологіи, фигура означаетъ мѣсто поединка, такъ какъ встарину для судебныхъ поединковъ *Nólmanga* мѣсто отдѣлялось въ три пространства съ тремя окружностями и обозначалось веревками, канавками, небольшими валиками и т. п. Имя же

Степанъ написано въ память лица, убитаго на такомъ поединкѣ и похороненнаго подъ камнемъ. Но есть и другое, болѣе простое объясненіе: камень могъ быть простымъ межевымъ знакомъ владѣній какого-то Степана, такъ какъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ фигура изъ прямоугольниковъ была найдена и на другихъ камняхъ, но безъ всякой надписи и, быть можетъ, представляла собою простой землемѣрный знакъ.

Между иконами, хранящимися въ музеѣ, первое мѣсто безспорно принадлежитъ изображенію св. князя Владиміра, св. Аркадія Новоторжскаго и св. Моисея Угурина кисти знаменитаго Симона Ушакова, писанному имъ въ 1677 году, на 49 году жизни, въ эпоху полного развитія его таланта. Изъ другихъ иконъ особенно интересна икона преподобныхъ Ефрема и Аркадія Новоторжскихъ съ видомъ стараго Торжка и Борисоглѣбскаго монастыря XVII столѣтія. Икона писана новоторжцемъ, пономаремъ Филипповской церкви Евсеиміемъ Недоносковымъ, въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка. Обращаютъ на себя вниманіе, какъ композиціею, такъ и выполненіемъ, иконы: Распятія, креста Господня съ предстоящими царемъ Константиномъ, царицею Еленою, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, царицею Маріею Ильиничною и патриархомъ Никономъ, дагѣ, икона «О тебѣ радуется», образъ ангела хранителя съ похужденіями, нѣсколько старинныхъ царскихъ вратъ и друг. Здѣсь же находится и колоссальная надгробная доска, лежавшая надъ гробницею князя Владиміра и княгини Агриппины въ Ржевскомъ соборѣ.

Отдѣлъ наперсныхъ и натѣльныхъ крестовъ настолько обширенъ и разнообразенъ, что для подробнаго его осмотра потребовался бы цѣлый день времени, а для описанія — особая брошюра.

Въ числѣ покрововъ на св. Дары есть одинъ, поступившій въ музей изъ церкви погоста Рогожи на берегу Селигера. Покровъ шить золотомъ, серебромъ и шелками по шелковой ткани дымчатого цвѣта. На немъ, по бокамъ лежащаго на дискосѣ младенца, вышиты лики святыхъ бывшихъ ангелами царя Михайла Теодоровича и его семейства. Какъ попалъ такой покровъ въ Рогожскій погостъ, неизвѣстно. Интересны также на престольная индитія 1671 года съ вышитымъ изображеніемъ похвалы Богородицы и лицевой покровъ на мощи св. Ефрема Новоторжскаго, положенный въ 1644 году княземъ Теодоромъ Семеновичемъ Куракинымъ.

Въ богатой коллекціи церковныхъ облачений встрѣчается много интересныхъ мотивовъ орнамента, особенно на оплечьяхъ.

Среди старинныхъ свѣчей есть одна, найденная въ 1871 году въ берегѣ рѣки Нерли близъ Троицко-Нерльской слободы. Нашедшій свѣчу крестьянинъ представилъ ее въ церковь, и тамъ она была помѣщена передъ образомъ. Вѣсть о чудесной находкѣ быстро распространилась по окрестности, и народъ толпами шелъ въ цер-

ковъ, гдѣ уже началось служеніе молебновъ, пока мѣстный благочинный не донесъ объ этомъ куда слѣдуетъ. Свѣча вытребована была въ консисторію и потомъ передана въ музей. Въ томъ же 1871 году при копаніи фундамента подъ новую колокольню въ селѣ Оковцахъ было найдено мѣдное паникадило съ двуглавымъ орломъ вверху и литыми рыцарскими головками на рожкахъ, въ которые вставлялись свѣчи. Полагаютъ, что оно уцѣлѣло изъ утвари, пожертвованной Грознымъ въ Оковецкую церковь, и, вѣроятно, въ смутныя времена зарыто въ землю вмѣстѣ съ другими церковными вещами.

Изъ брачныхъ вѣнцовъ составлена очень разнообразная коллекція. Есть вѣнцы лубяные (XV — XVI вѣка), есть деревянные, жестяные, крашеные и золоченые, одни въ видѣ обруча, шириною въ 2 вершка, другіе въ видѣ шапки, третьи въ видѣ короны и т. д.

Въ особомъ шкафу помѣщаются старинныя женскіе костюмы, надѣтые на манекенахъ, распределенные по городамъ. Есть костюмъ тверской, ржевскій, весьегонскій, осташковскій, торжковскій, вышневолоцкій. Наибольше интересенъ весьегонскій, который относится чуть ли не къ XVII столѣтію. Сохранились въ музей и старинныя рукавички, которыми тверскія красавицы прикрывали свои личики отъ назойливыхъ постороннихъ взглядовъ. Рукавички дѣлались изъ штофа или другихъ матерей и вышивались блестками, золотомъ и разными цвѣтами; иногда онѣ дѣлались съ мѣховою опушкою. Есть въ музей и коробочки, въ которыхъ красавицы хранили свои румяна и бѣлила, а также разныя мелкія вещи. Особенно интересна одна такая коробочка, цилиндрической формы, съ эмалевыми рисунками: княгини, князя-отрока съ цвѣткомъ и княжны съ зеркаломъ. Коробочка эта, предназначенная повидимому для храненія румянъ, долгое время находилась въ родѣ Толмачевыхъ и завѣщана музею одною изъ его представительницъ.

Въ музей хранятся знаменитые часы ржевскаго механика самоучки Терентія Ивановича Волоскова и полный костюмъ перваго исторіографа Твери, нотариуса Діомида Карманова, въ которомъ онъ представлялся въ Твери императрицѣ Екатеринѣ II. Есть также и портретъ извѣстнаго строителя вышневолоцкаго шлюза — М. И. Сердюкова. Сердюковъ пользовался большимъ расположеніемъ Петра Великаго и изображенъ въ пожалованномъ ему государемъ кафтанѣ.

Изъ другихъ портретовъ музея отмѣчу портретъ великой инокини Мары, писанный, по предположенію, съ самой великой старицы какимъ нибудь иностраннымъ художникомъ, два портрета великой княгини Екатерины Павловны и портретъ преосвященнаго Нектарія, архіепископа сибирскаго и тобольскаго, о которомъ я говорилъ при описаніи Ниловой пустыни ¹⁾. Портретъ Нектарія пи-

¹⁾ См. «Въ верховьяхъ Волги», «Историческій Вѣстникъ», апрѣль, 1894 г.

санъ по именному повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, и подлинникъ его находится въ пустыни, здѣсь же хранится копія. Когда нибудь музей, быть можетъ, украсится хорошими портретами и другихъ тверскихъ уроженцевъ и дѣятелей. А ихъ много! Достаточно припомнить только имена адмирала Корнилова, драматурга Озерова, гравера Уткина, И. Е. Забѣлина, П. А. Плетнева, М. Е. Салтыкова и друг.

Тверь, какъ извѣстно, славится своими пряниками и мятнымъ горохомъ. И это производство не забыто въ музей. На ряду съ образцами Савинскихъ кожъ и юфти и другими произведеніями тверскихъ фабрикъ, выставлены и образцы пряниковъ, изъ которыхъ особенно выдѣляется одинъ, свадебный, съ надписью: «Даръ сердечный четѣ соединенной». Мѣрою пряникъ полтора аршина длины и аршинъ ширины; цѣна ему десять рублей.

Объ отдѣлахъ домашней утвари, оружія, строительныхъ матеріаловъ, письменныхъ принадлежностей, равно какъ о богатѣйшемъ собраніи рукописей и монетъ не стану и распространяться; это завело бы меня слишкомъ далеко. Скажу только, что для подробнаго осмотра музея и всей массы собраннаго въ немъ промышленнаго, археологическаго и этнографическаго матеріала потребовался бы, по крайней мѣрѣ, цѣлый мѣсяць.

Когда мы вышли изъ музея, на улицѣ шелъ, давно желанный въ Твери, проливной дождь. У Августа Казимировича зонтика не оказалось.

— Я такъ сжился съ нуждами губерніи и нашихъ крестьянъ, — сказалъ онъ: — что нарочно не взялъ съ собою зонтика, чтобъ дождь не ушелъ. Теперь слава Богу! А меня пусть помочить.

Сторожъ снабдилъ его своимъ зонтикомъ, и мы разстались съ почтеннымъ археологомъ, личность котораго произвела на насъ самое пріятное впечатлѣніе.

И. Тюменевъ.

(Окончаніе съ слѣдующей книжки).

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ БАТТЕНБЕРГСКІЙ ВЪ РОССІИ.

Рассказъ очевидца.

РОШЛО десять лѣтъ со дня низверженія и доставленія въ Россію болгарскаго князя Александра Баттенбергскаго. Событіе это сдѣлалось уже достояніемъ исторіи, а между тѣмъ до сихъ поръ о немъ не имѣется въ печати никакихъ свѣдѣній.

Въ настоящее время самъ бывшій болгарскій князь Александръ Баттенбергскій уже умеръ. На сколько мнѣ извѣстно, умерли также почти всѣ дѣйствующія лица, прикосновенныя ко временному пребыванію болгарскаго князя въ Россіи, и потому я являюсь чуть ли не единственнымъ лицомъ, близко стоявшимъ къ покойному князю во время нахождения его въ гор. Рени, Бессарабской губерніи, куда онъ былъ привезенъ подъ конвоемъ на болгарскомъ военномъ пароходѣ.

Событіе это произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ то время я состоялъ на службѣ въ Измаильской бригадѣ отдѣльнаго корпуса пограничной стражи и, въ чинѣ штабсъ-ротмистра, командовалъ ренинскимъ отрядомъ, имѣя постоянное мѣстожительство въ гор. Рени. Заштатный приграничный городъ Рени расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки Дуная; преобладающій элементъ народонаселенія этого города составляютъ греки съ примѣсью болгаръ; русскіе являлись въ то время исключительно въ лицѣ служащихъ чиновниковъ; представителями же военнаго сословія были: я, командиръ 3-го отдѣла Измаильской бригады, подполковникъ Вилчковскій, нынѣ умершій, и жандармскій офицеръ, изъ которыхъ

подполковникъ Виличковскій очень часто уѣзжалъ въ гор. Измаилъ, гдѣ собственно жила его семья, а жандармскій офицеръ, пользуясь свободой, не рѣдко отлучался на охоту въ окрестности города. При отсутствіи подполковника Виличковскаго, по разнымъ случаямъ, я официально исполнялъ его обязанности и командовалъ отдѣломъ. Подробностей этихъ я касаюсь потому, что онѣ находятся въ тѣсной связи съ пребываніемъ въ гор. Рени болгарскаго князя.

Квартиру я занималъ на возвышенномъ берегу Дуная, почти у самой таможенной пристани; движеніе пароходовъ по Дунаю производится непрерывно, днемъ и ночью, до прекращенія навигаціи, при чемъ нѣкоторые коммерческіе и пассажирскіе пароходы останавливаются у пристани, гдѣ производится досмотръ какъ пассажировъ, такъ и товара, при посредствѣ ренинской таможни, расположенной также у самой пристани.

Однажды, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1886 года, около четырехъ часовъ по полудни, на Дунаѣ показался военный пароходъ, наполненный воинскими иностранными чинами; я не обратилъ на него особеннаго вниманія, такъ какъ подобные пароходы съ войсками довольно часто проходятъ по Дунаю, но, когда пароходъ этотъ, поровнявшись съ моей квартирою, подалъ сигнальный свистокъ и началъ приставать къ берегу, то это обстоятельство не могло уже не заинтересовать меня потому, что военные иностранные пароходы на нашей пристани никогда не останавливались, по крайней мѣрѣ этого не случилось при мнѣ.

Я наскоро надѣлъ шашку и вышелъ по направленію къ пристани, къ которой пароходъ этотъ началъ причаливать; такъ какъ таможенная пристань отстояла отъ моей квартиры не болѣе 250 шаговъ, то я, спустя пять минутъ, стоялъ уже на пристани и началъ со вниманіемъ осматривать прибывшій военный пароходъ, не успѣвшій еще стать на якорь. На пароходѣ, въ окнахъ каюты, виднѣлись по два вооруженныхъ солдата, оказавшіеся впоследствии часовыми. На палубѣ находились пять или шесть офицеровъ въ болгарской походной формѣ, при револьверахъ, и между ними выдѣлялся одинъ офицеръ въ формѣ военнаго юриста. Остальная затѣмъ часть палубы была занята нижними чинами, которые поспѣшно начали выстраиваться съ ружьями.

Тутъ моему удивленію не было уже границъ, такъ какъ водвореніе иностраннаго войска въ наши предѣлы, въ мирное время, составляетъ чуть ли не цѣлую эпоху даже для военнаго лица. Продолжая недоумѣвать, я стоялъ на пристани и растерянно смотрѣлъ на офицеровъ, которые весьма развязно распорядились на пароходѣ, съ видимымъ желаніемъ выгрузиться на пристань. Я долженъ сказать при этомъ, что дня за два до прибытія болгарскаго парохода у насъ въ Рени пронесся неясный слухъ о томъ, что въ Болгаріи произошли какія-то смуты, но опредѣленнаго ничего никто не зналъ.

Когда пароходъ окончательно установился у пристани, то, по распоряженію одного изъ офицеровъ, были переброшены съ парохода на пристань «сходни», и офицеры начали сходить на пристань, направляясь ко мнѣ. Я смотрѣлъ на нихъ вопросительно; при приближеніи ко мнѣ, офицеръ въ формѣ юриста, приложивъ правую руку къ козырьку, сказалъ мнѣ на французскомъ языкѣ:

— Позвольте представиться, я прокуроръ Стояновъ. Скажите, пожалуйста, кто у васъ комендантомъ города?

Я отвѣтилъ ему, что гор. Рени заштатный, и что коменданта въ немъ нѣтъ.

— Кто же у васъ по крайней мѣрѣ старшее военное лицо въ городѣ?—продолжалъ вопрошать меня тотъ же офицеръ.

Я отвѣтилъ ему, что въ настоящее время старшее военное лицо въ городѣ—я, такъ какъ командиръ отдѣла находится въ отсутствіи, а я заступаю его мѣсто, другихъ же военныхъ лицъ въ городѣ не имѣется вовсе.

— Если вы старшее лицо, то примите отъ насъ Александра Баттенбергскаго, — сказалъ тотъ же офицеръ, дѣлая выразительный жестъ рукою по направленію къ каютѣ парохода. — Мы привезли его, пусть выдержитъ въ Россіи экзаменъ, — добавилъ офицеръ-юристъ довольно громко, не стѣсняясь тѣмъ, что окна каюты были открыты, и слова его, безъ всякаго сомнѣнія, были услышаны виновникомъ прибытія болгарскаго парохода.

Послѣ подобнаго заявленія я окончательно растерялся, и тутъ для меня сдѣлался яснымъ туманный приграничный слухъ о смутахъ въ Болгаріи, который пронесся у насъ почти наканунѣ появленія болгарскаго военнаго парохода. Оправившись отъ подобной неожиданности, я сказалъ болгарскому прокурору, что при какихъ бы обстоятельствахъ ни прибылъ въ Россію князь Александръ Баттенбергскій, я не считаю себя вправѣ лично водворять его, а долженъ испросить на это разрѣшеніе у подлежащаго начальства; но пока получится разрѣшеніе, имъ всѣмъ придется ожидать на пароходѣ. «Если вы на это согласитесь,—добавилъ я,—то я сейчасъ же телеграфирую объ этомъ инцидентѣ начальнику бессарабскаго таможеннаго округа». Прокуроръ, посоветовавшись предварительно съ остальными офицерами, сказалъ мнѣ, что онъ согласенъ ждать, такъ какъ они обязаны безусловно оставить князя въ Россіи, заручившись официальнымъ документомъ о томъ, что князь сданъ ими приграничнымъ русскимъ властямъ. При этомъ болгарскій прокуроръ попросилъ меня разрѣшить ему перемѣстить пароходъ на городскую пристань, находившуюся отъ таможенной пристани на разстояніи полторы версты. На перемѣщеніе это я далъ ему разрѣшеніе, но при условіи, чтобы никто изъ его команды не сходилъ на берегъ безъ моего спроса. Вслѣдъ за сямъ пароходъ началъ отчаливать отъ берега по направленію къ городской пристани, а я

отправился въ городъ на телеграфную станцію, отдавъ предварительно приказаніе старшему вахмистру, чтобы онъ учредилъ наблюдательный постъ на городской пристани, вмѣнивъ ему въ обязанность слѣдить за дѣйствіями болгарскаго парохода и обо всемъ замѣченномъ доносить мнѣ. Отправивъ часовъ въ пять по полудни телеграмму начальнику бессарабскаго таможеннаго округа о прибытіи въ гор. Рени болгарскаго князя, привезеннаго на пароходѣ подъ конвоемъ, я ожидалъ дальнѣйшаго распоряженія, которое предполагалъ получить на другой же день; съ наступленіемъ ночи я приказалъ усилить наблюдательный постъ и поставить его на самой пристани. Ночь прошла спокойно; весь слѣдующій день я ждалъ распоряженія по телеграфу отъ своего начальства, но такового въ этотъ день не послѣдовало.

Болгарскій пароходъ стоялъ у пристани, а болгарскіе офицеры прогуливались по палубной площадкѣ, не проявляя особеннаго волненія или безпокойства. На третій день я получилъ телеграмму отъ командующаго войсками одесскаго военнаго округа слѣдующаго содержания: «Разрѣшить болгарскому князю выгрузиться на берегъ и помѣстить его въ городѣ подѣ строгимъ присмотромъ, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій отъ министра иностранныхъ дѣлъ и не допуская никакихъ сообщеній князя съ посторонними лицами». Получивъ эту телеграмму, я отправился къ городскому головѣ, фамиліи котораго теперь уже не помню, но знаю очень хорошо, что онъ былъ изъ мѣстныхъ зажиточныхъ болгаръ; я предъявилъ ему телеграмму командующаго войсками и предложилъ затѣмъ отвести соотвѣтствующее помѣщеніе для болгарскаго князя. Подумавъ нѣсколько минутъ, городской голова сказалъ, что въ городѣ положительно не имѣется подходящаго помѣщенія, но что онъ съ удовольствіемъ помѣститъ князя у себя на полномъ иждивеніи. Заручившись этимъ любезнымъ приглашеніемъ, я отправился на городской кордонъ своего отряда, взялъ съ собою шесть вооруженныхъ объѣзчиковъ на лошадахъ и съ ними прибылъ на пристань въ экипажѣ городского головы, предназначавшемся собственно для князя Александра Баттенбергскаго. Самого князя я еще не видѣлъ, такъ какъ онъ, со дня прибытія парохода, не выходилъ изъ каюты, въ дверяхъ и окнахъ которой продолжали стоять парные часовые. Прибывъ на пристань, я отправился на пароходъ и, встрѣтивъ на палубѣ болгарскаго прокурора, просилъ его доложить князю, что послѣдовало разрѣшеніе переѣхать ему въ городъ, гдѣ онъ долженъ ожидать особаго распоряженія министра иностранныхъ дѣлъ. Выслушавъ меня, офицеръ отправился въ каюту, а я сошелъ на пристань и ожидалъ князя. Прошло минутъ двадцать, и на палубѣ начали выстраиваться нижніе чины съ ружьями, въ двѣ шеренги; ихъ оказалась на пароходѣ цѣлая рота; когда люди были выстроены, изъ каюты показался сначала болгарскій прокуроръ, имѣя подѣ

мышкою правой руки небольшую деревянную шкатулку. По его знаку, ротный командиръ скомандовалъ: «смирно», затѣмъ «на плечо», «слушай», «на краулъ». Вслѣдъ затѣмъ изъ каюты вышелъ князь Александръ Баттенбергскій въ формѣ генераль-лейтенанта русской службы, въ сопровожденіи молодого человѣка лѣтъ 22-хъ въ штатскомъ костюмѣ, оказавшагося младшимъ братомъ болгарскаго князя, Иосифомъ. Князь Александръ Баттенбергскій былъ высокаго роста, лѣтъ 35-ти, очень представительный, даже красивый шатенъ, съ небольшою темно-русою бородою. Выраженіе его лица было чрезвычайно грустное, но въ движеніяхъ онъ сохранялъ совершенное спокойствіе. Подойдя къ ротѣ, онъ поздоровался и сказалъ на болгарскомъ языкѣ краткую, но прочувствованную прощальную рѣчь приблизительно слѣдующаго содержанія: «Прощайте, братцы! Я васъ оставляю навсегда и оставляю вашу родину, которую я любилъ и люблю всѣмъ своимъ сердцемъ, но Богу угодно было, чтобы я уѣхалъ изъ Болгаріи; что же дѣлать, на то Его Святая воля; я покоряюсь судьбѣ, но хочу васъ хотя теперь убѣдить, что болгарскій народъ и всю болгарскую страну я всегда любилъ и буду любить до конца своей жизни». Въ концѣ этой рѣчи голосъ князя замѣтно дрожалъ, и на глазахъ навернулись слезы, которыя онъ торопливо, стеръ, стараясь ихъ скрыть отъ присутствующихъ. Подойдя къ офицерамъ, онъ подалъ каждому руку и началъ сходить на пристань вмѣстѣ съ своимъ братомъ, въ сопровожденіи всѣхъ наличныхъ офицеровъ. На пристани я представился князю и доложилъ ему, что для него квартира уже приготовлена въ домѣ городского головы. Князь подалъ мнѣ руку и поблагодарилъ за хлопоты, причѣмъ, обративъ вниманіе на вооруженныхъ объѣздчиковъ, окружившихъ предложенный ему экипажъ, спросилъ меня:

— Скажите, пожалуйста, что же это за войско, и почему они окружили экипажъ? это, вѣроятно, для охраны?

Я подтвердилъ предположеніе князя, хотя это была, строго говоря, не охрана, а конвой, какъ для арестованнаго. Въ это время подошелъ ко мнѣ болгарскій прокуроръ и сказалъ:

— Примите отъ меня шкатулку, это собственная касса князя, и въ ней заключается 50.000 франковъ звонкой монетой; въ полученіи же отъ меня этихъ денегъ я васъ попрошу выдать мнѣ квитанцію.

Я ему отвѣтилъ, что мнѣ нѣтъ надобности принимать эту кассу, такъ какъ князь находится на лицо, и потому гораздо удобнѣе для него вручить шкатулку непосредственно по принадлежности; прокуроръ на это согласился, и мы отправились вмѣстѣ въ квартиру городского головы, причѣмъ князь Баттенбергскій помѣстился съ братомъ въ приготовленномъ для него экипажѣ, а я съ прокуроромъ поѣхали на извозчикѣ; багажъ же князя, состоявшій изъ трехъ небольшихъ чемодановъ, былъ отправленъ мною безъ таможеннаго

досмотра съ старшимъ унтеръ-офицеромъ Ренинскаго кордона на отдѣльной подводѣ. Это происходило около 12-ти часовъ дня. По прибытіи въ квартиру городского головы, князь помѣстился въ отведенныхъ для него трехъ комнатахъ; при выходныхъ дверяхъ его помѣщенія я поставилъ объѣздчика при револьверѣ, отдавъ ему приказаніе ни впускать, ни выпускать никого безъ моего разрѣшенія, а самъ остался во второй половинѣ квартиры, въ качествѣ караульнаго офицера, такъ какъ, получивъ такую строгую телеграмму отъ командующаго войсками, я не рѣшался оставить князя подъ присмотромъ только нижнихъ чиновъ ввѣреннаго мнѣ отряда. Болгарскій прокуроръ при мнѣ вручилъ князю его казну и просилъ его выдать росписку въ полученіи 50.000 франковъ. Князь безпрекословно исполнилъ его желаніе и не читая подписалъ росписку, редактированную прокуроромъ, не провѣряя наличности денегъ въ шкатулкѣ, которую просилъ меня взять на сохраненіе. Я согласился, но попросилъ князя запечатать ее предварительно сюргучной печатью, такъ какъ касса имѣла видъ обыкновенной шкатулки, къ которой легко подобрать ключъ. Я это сдѣлалъ, имѣя въ виду оставить шкатулку въ квартирѣ городского головы, ибо самъ не могъ постоянно присутствовать на мѣстѣ храненія шкатулки. Печати у князя не оказалось, и онъ вручилъ мнѣ именной перстень, прося опечатать кассу, что мною и было исполнено, въ присутствіи домохозяина, которому я и отдалъ опечатанную кассу для храненія. Впослѣдствіи оказалось, что тотъ же самый болгарскій офицеръ, послѣ окончательнаго отреченія князя отъ престола, предъявилъ къ послѣднему судебный искъ, съ цѣлью взыскать къ князю позаимствованные якобы у него 50.000 франковъ, представивъ въ удостовѣреніе справедливости росписку князя, но ему не удалась эта продѣлка.

Въ 5 часовъ по полудни городской голова просилъ меня доложить князю, что обѣдъ готовъ, и онъ просить его съ братомъ въ столовую, причѣмъ хозяинъ пригласилъ и меня обѣдать. Я поблагодарилъ за приглашеніе, но сказалъ ему, что, быть можетъ, князь пожелаетъ обѣдать безъ постороннихъ лицъ. На это гостепріимный хозяинъ сказалъ:

— Ну, и прекрасно, тогда мы съ вами будемъ обѣдать у меня въ кабинетѣ.

Я доложилъ князю, что хозяинъ просить его въ столовую, и что обѣдъ для него уже готовъ. Князь поблагодарилъ меня и сказалъ, что сейчасъ придетъ. Въ столовой суетился хозяинъ, приготавливая закуски и вина; князь вошелъ вмѣстѣ съ братомъ и любезно познакомился съ хозяиномъ, представивъ ему и своего брата, а затѣмъ спросилъ:

— Гдѣ же офицеръ? Пожалуйста, пригласите его и сами садитесь съ нами.

При появленіи моемъ въ столовую, князь любезно пригласилъ меня садиться, указавъ на свободное мѣсто возлѣ себя. Обѣдъ прошелъ очень вяло, князь ѣлъ немного, отказался отъ второй рюмки водки и въ продолженіе всего обѣда, состоявшаго изъ шести блюдъ, выпилъ одинъ стаканъ мѣстнаго бессарабскаго вина. Я рассчитывалъ, что князь возбудитъ разговоръ о происшедшемъ въ Болгаріи переворотѣ, но ожиданія мои были напрасны; князь предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, касающихся моей службы, спросилъ, далеко ли отъ города вокзалъ, и по окончаніи обѣда сейчасъ же всталъ, извиняясь усталостью, и ушелъ съ братомъ въ свою комнату. Къ вечернему же чаю онъ не выходилъ, и я съ нимъ болѣе въ этотъ день не видѣлся. Младшій братъ князя произвелъ на меня впечатлѣніе безличнаго человѣка; онъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ, имѣлъ растерянный видъ, и вообще внѣшность его составляла рѣзкій контрастъ съ умнымъ и осмысленнымъ выраженіемъ брата. На слѣдующій день, около часу дня, я получилъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ шифрованную телеграмму и отправился къ управляющему Ренинской таможенной за ключемъ, при помощи котораго я могъ прочесть текстъ телеграммы, такъ какъ лично шифрованнаго ключа я не имѣлъ, но мнѣ было извѣстно, что ключи эти имѣются у каждаго управляющаго таможенной и у жандармскаго офицера. Управляющаго таможенной Александровскаго (нынѣ умершаго) я не засталъ дома; оказалось, что онъ уѣхалъ въ румынскій городъ Галацъ для совѣта съ докторами, и для меня оставалось единственное средство получить ключъ отъ жандармскаго офицера, къ которому я и отправился, но, увы, офицера этого я тоже не засталъ дома и жандармскій унтеръ-офицеръ мнѣ сказалъ, что офицеръ уѣхалъ на охоту три дня тому назадъ, и неизвѣстно, когда возвратится. Я окончательно сталъ втупикъ и съ полнымъ отчаяніемъ обратился къ унтеръ-офицеру съ вопросомъ:

— Что же я теперь буду дѣлать!?! Мнѣ нуженъ ключъ отъ шифрованныхъ телеграммъ, иначе я не могу прочесть телеграмму министра!

Жандармскій унтеръ-офицеръ, повидимому, былъ очень удивленъ, что я къ нему обратился за разрѣшеніемъ этого вопроса и растерянно мнѣ отвѣтилъ:

— Не могу знать, ваше благородіе, ключъ находится подъ замкомъ въ письменномъ столѣ у нашего офицера, и безъ нихъ никакъ невозможно ничего сдѣлать.

— Покажи мнѣ столъ, въ которомъ хранится ключъ,—сказалъ я, послѣ нѣкотораго раздумья, жандармскому унтеръ-офицеру.

— Пожалуйте, — отвѣтилъ послѣдній, вводя меня въ квартиру офицера.— Вотъ здѣсь, — сказалъ онъ, указывая рукою на средній ящикъ письменнаго стола, находившагося въ кабинетѣ.

Я машинально пощупалъ рукою указанный ящикъ, который оказался запертымъ на внутренній замокъ.

— Ты, что же, остался присматривать за офицерскою квартирою?—спросилъ я жандармскаго унтеръ-офицера.

— Точно такъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Такъ ты, братъ, выслушай, что я тебѣ скажу, — обратился я довольно внушительно къ нему: — тебѣ, конечно, извѣстно, что въ Рени находится болгарскій князь, и что я донесъ объ этомъ по начальству; извѣстно тебѣ также и то, что я получилъ шифрованную телеграмму отъ министра иностранныхъ дѣлъ, который, по всей вѣроятности, сообщаетъ мнѣ высочайшее распоряженіе государя императора по этому предмету, а потому, какъ ты самъ видишь, телеграмму необходимо сейчасъ же прочесть, иначе могу попасть подъ судъ не только я, но и твой офицеръ, котораго нѣтъ въ городѣ уже нѣсколько дней; а потому письменный столъ необходимо взломать и достать ключъ. Можешь ли ты исполнить, если я, какъ офицеръ, прикажу тебѣ разбить кабинетный столъ съ секретнымъ замкомъ?

Слова мои произвели на этого нижняго чина сильное впечатлѣніе; у него видимо происходила внутренняя борьба, что проявлялось, выступившимъ на его лицѣ, крупнымъ потомъ, наконецъ онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Ваше благородіе! Я пошлю за слесаремъ, а вы извольте сами ему приказать взломать секретный ящикъ.

— Чего же лучше, — обрадовался я этой изворотливости жандармскаго унтеръ-офицера и приказалъ ему безотлагательно послать за слесаремъ.

Унтеръ-офицеръ отправился исполнять мое приказаніе, а я, оставшись одинъ, началъ размышлять объ этомъ обстоятельстве. Ломать секретный столъ жандармскаго офицера и брать ключъ отъ шифрованныхъ телеграммъ составляетъ чуть ли не нарушеніе государственной тайны, за которое по опредѣленію закона могутъ вздернуть въ извѣстныхъ случаяхъ даже офицера,—думалъ я,—но съ другой стороны промедленіе въ исполненіи высочайшей воли, изложенной въ телеграммѣ министра иностранныхъ дѣлъ, влечетъ за собою тѣ же послѣдствія, а потому я долженъ оставаться при первоначальномъ рѣшеніи, то-есть немедленно ломать секретный ящикъ блюстителя общественной благонадежности. Спустя полъ-часа, показавшееся для меня цѣлымъ вѣкомъ, прибылъ жандармскій унтеръ-офицеръ въ сопровожденіи слесаря. «Ломай ящикъ», — приказалъ я послѣднему, что онъ и не замедлилъ исполнить. Когда же возвратился впослѣдствіи съ охоты жандармскій офицеръ, то при встрѣчѣ со мною не выразилъ никакого неудовольствія и сказалъ, что о моемъ самоуправствѣ даже не донесетъ своему начальству. Я, конечно, усомнился въ этомъ, но, повидимому, онъ исполнилъ свое обѣщаніе, такъ какъ я не получалъ ни отъ кого никакихъ запросовъ по этому предмету. Черезъ двѣ минуты я уже держалъ

шифрованныйъ ключъ въ своихъ рукахъ и, долженъ признаться, первый разъ въ жизни я видѣлъ эту мудрую тайну. Удаливъ унтеръ-офицера и слесаря изъ комнаты, я приступилъ къ прочтенію телеграммы, но это оказалось для меня не легко даже при помощи ключа. Лица, пріобрѣвшія навыкъ въ чтеніи шифрованныхъ телеграммъ, послѣ нѣкотораго навыка читаютъ ихъ даже безъ ключа, почти также скоро, какъ обыкновенную рукопись, я же читалъ телеграмму эту первый разъ, и каждая буква, извлеченная мною изъ шифрованнаго текста, сопровождалась такими усиліями, что съ меня лился градомъ потъ; наконецъ черезъ часъ телеграмма была прочитана, она заключала въ себѣ слѣдующее:

«Объявить князю Александру Батгенбергскому, что онъ можетъ свободно возвратиться въ Болгарію черезъ ближайшій пунктъ австрійской границы; если же князь пожелаетъ направиться въ Петербургъ, то сообщить ему, что на сіе не послѣдуетъ высочайшаго соизволенія».

Содержаніе этой телеграммы меня не особенно удивило, такъ какъ, судя по послѣднему образу дѣйствій болгарскаго правителя, трудно было разсчитывать, что ему могли бы разрѣшить отправиться въ столицу. Я спряталъ телеграмму вмѣстѣ съ ключемъ въ боковой карманъ мундира и отправился во временное пребываніе развѣнчаннаго болгарскаго князя, съ цѣлью сообщить ему, что онъ свободенъ и можетъ отправиться восвояси. Я, конечно, не сомнѣвался, что князь обрадуется дарованной ему свободѣ, тѣмъ болѣе, что на третій же день его пребыванія въ Рени въ Болгаріи произошелъ новый переворотъ, при которомъ его партія одержала побѣду, и князь былъ снова возстановленъ на болгарскомъ престолѣ, о чемъ ему было сообщено по телеграфу его приверженцами, которые умоляли князя возвратиться въ Болгарію и казнить дерзновенныхъ виновниковъ государственной измѣны. Хотя телеграммы эти не доходили до князя, вслѣдствіе полученнаго распоряженія о томъ, чтобы князь, до особаго распоряженія, ни съ кѣмъ не сообщался; но разъ послѣдовало распоряженіе о безпрепятственномъ возвращеніи его въ Болгарію, то возстановленіе князя на болгарскомъ престолѣ не могло уже составлять никакого секрета. Я былъ не мало удивленъ, когда послѣ моего сообщенія о дарованной ему свободѣ и о безпрепятственномъ возвращеніи въ Болгарію князь нахмурилъ брови и сказалъ, что ему нѣтъ надобности ѣхать въ Австрію, что же касается Болгаріи, то онъ во всякомъ случаѣ туда не возвратится, «но я долженъ,—сказалъ князь,—безотлагательно уѣхать въ Петербургъ и вась покорнѣйше прошу приказать приготовить для меня экстренный поѣздъ».

Я никакъ не ожидалъ подобнаго заявленія и нѣсколько смутился, затрудняясь сообщить ему присланное изъ Петербурга распоряженіе; наконецъ, я объявилъ ему, что въ Петербургъ онъ не

можетъ ѣхать потому, что на это не послѣдовало высочайшаго разрѣшенія. Послѣднія слова мои произвели удручающее впечатлѣніе; князь, повидимому, не былъ къ этому подготовленъ, такъ какъ нѣкоторое время стоялъ и смотрѣлъ на меня, какъ бы не понимая, что я ему сказалъ, но затѣмъ потеръ рукою лобъ, прошелся два раза по комнатѣ и, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— «Если вы говорите, что въ Петербургъ я ѣхать не могу, то въ такомъ случаѣ я вынужденъ уѣхать въ Австрію, и поэтому экстренный поѣздъ мнѣ необходимъ во всякомъ случаѣ, почему прошу васъ, телеграфируйте кому слѣдуетъ, что я прошу, чтобы мнѣ снарядили экстренный поѣздъ и какъ можно скорѣе; при чемъ, если возможно, то до конечной приграничной австрійской станціи.

Я сказалъ князю, что экстренный поѣздъ я могу заказать здѣсь же на мѣстной желѣзнодорожной станціи, но это будетъ стоить не менѣе 600 рублей.

— О! я не могу уплатить теперь такой суммы, — сказалъ онъ: — у меня хотя и есть при себѣ немного денегъ, но я расходовать ихъ не могу, такъ какъ неизвѣстно, какіе меня ждутъ расходы въ будущемъ за границей, и какъ велико будетъ мое путешествіе; телеграфируйте въ управленіе желѣзныхъ дорогъ, что я прошу нарядить поѣздъ бесплатно.

Я сказалъ князю, что исполню его желаніе, но не ручаюсь за успѣхъ и, раскланявшись съ нимъ, отправился къ начальнику мѣстной желѣзнодорожной станціи для переговоровъ по поводу даннаго мнѣ княземъ порученія.

Начальникомъ желѣзнодорожной станціи Рени былъ въ то время нѣкто Пашута, съ которымъ я былъ коротко знакомъ; онъ посоветовалъ мнѣ телеграфировать въ главное управленіе юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ просьбу болгарскаго князя, что я исполнилъ и за обѣдомъ сообщилъ объ этомъ князю. За обѣдомъ князь былъ все еще печаленъ и задумчивъ, хотя замѣтно оправился отъ поразившаго его сюрприза и старался казаться не огорченнымъ, самъ вступая въ разговоръ со мной и съ хозяиномъ дома; сначала разговоръ былъ общій, но затѣмъ князь коснулся Болгаріи и очень хвалилъ болгарскій народъ, говоря, что болгары хотя еще люди природы, такъ какъ цивилизація мало коснулась болгарскихъ деревень, но въ общемъ люди эти весьма сердечны и правдивы. Я воспользовался случаемъ и обратился къ князю съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Скажите, пожалуйста, ваше высочество, чѣмъ вы объясняете послѣднія политическія событія въ Болгаріи?

— Видите ли, ротмистръ, — сказалъ князь, — я вамъ повторяю, что болгаре сами по себѣ народъ весьма сердечный, страну эту я люблю всѣмъ сердцемъ, и чувство это во мнѣ сохранится навсегда, не смотря на происшедшее во мнѣ душевное потрясеніе; но я вамъ долженъ сказать, что послѣднія политическія событія есть не что

иное, какъ послѣдствія заблужденія молодежи; по крайней мѣрѣ героями этого событія является рота юнкеровъ, предводительствуемая двумя, тремя молодыми офицерами; не будь здѣсь подпольной интриги лицъ, пользовавшихся моимъ довѣріемъ, то, конечно, ничего бы подобнаго не случилось; я, разумѣется, не оправдываю себя, что довѣрялъ безгранично тѣмъ лицамъ, которыя сдѣлали меня жертвою такого гнуснаго насилія. Вы представьте себѣ, — продолжалъ князь, — одинъ изъ почтеннѣйшихъ офицеровъ, которыхъ вы видѣли на пароходѣ, ворвался въ мою спальню въ 2 часа ночи, когда юнкерская рота занимала дворцовый караулъ, и, приставивъ къ моему виску револьверъ, сказалъ мнѣ грубымъ тономъ: «объявляю вамъ, что вы свергнуты съ болгарскаго престола, и если вамъ дорога жизнь, то вы немедленно должны одѣваться и слѣдовать за нами». Понятно, что всякое сопротивленіе при подобныхъ обстоятельствахъ было не мыслимо, да я впрочемъ и не думалъ объ этомъ. Конечно, все это въ общемъ очень грустно, но заблужденія молодости составляютъ неизлѣчимую современную болѣзнь во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ, — заключилъ со вздохомъ князь свое печальное повѣствованіе.

Князь къ концу своей рѣчи замѣтно взволновался воспоминаніями и, выпивъ нѣсколько глотковъ вина, всталъ, раскланялся и вышелъ въ гостиную въ сопровожденіи своего брата. Послѣ обѣда, князь пожелалъ осмотрѣть окрестности города и отправился въ экипажѣ на прогулку, сопровождаемый двумя объѣздчиками на лошадяхъ.

Вечеромъ въ тотъ же день пришелъ начальникъ станціи и сообщилъ князю, что управленіемъ разрѣшено снарядить бесплатный экстренный поѣздъ, и князь попросилъ его приготовить поѣздъ къ 8-ми часамъ утра на слѣдующій день. Въ тотъ же вечеръ прибылъ изъ Кишинева, по распоряженію губернатора, совѣтникъ кишиневскаго губернскаго правленія, Аршеневскій, который получилъ приказаніе сопровождать князя до австрійской границы. Я сдалъ ему князя вмѣстѣ съ его казною. На другой день, въ 7 часовъ утра князь, въ сопровожденіи меня, совѣтника Аршеневскаго и городскаго головы, отправился на вокзалъ. При прощаніи князь очень благодарилъ городского голову за гостепріимство, а меня за оказанное ему вниманіе, и такъ расчувствовался, что подарилъ мнѣ на память десятокъ папирозъ съ Александровскою короною и объяснилъ при этомъ, что папирозы онъ всегда заказываетъ въ Одессѣ и платитъ при оптовомъ заказѣ три рубля за сотню; папирозы эти оказались не важными. По отходѣ поѣзда начальникъ станціи получилъ дополнительную телеграмму, въ которой требовалось взыскать съ князя за экстренный поѣздъ до станціи Раздѣльной около 600 рублей.

Начальникъ станціи засуетился и телеграфировалъ въ догонку поѣзда на слѣдующую станцію.

Впослѣдствіи оказалось, что князь отказался уплатить деньги, обѣщая выслать ихъ изъ-за границы, и просилъ совѣтника поручиться за него, на что послѣдній и согласился, а спустя годъ, по иску управленія желѣзныхъ дорогъ, совѣтникъ уплатилъ за экстренный поѣздъ, такъ какъ князь своего державнаго слова не исполнилъ и не выслать денегъ.

Затѣмъ, спустя три дня, князь торжественно былъ встрѣченъ своими приверженцами на австрійской границѣ и вновь возстановленъ на престолъ, послѣ чего послалъ государю императору телеграмму, въ которой клялся въ сохраненіи вѣрноподданническихъ чувствъ и спрашивалъ, что ему дѣлать въ дальнѣйшемъ. Но когда получилъ извѣстную лаконическую отвѣтную телеграмму, въ которой было сказано, что ему надлежитъ самому знать, что онъ долженъ дѣлать, то немедленно отрекся отъ престола и уѣхалъ въ Австрію, поручивъ судьбу Болгаріи регентству. Дальнѣйшая карьера Александра Баттенбергскаго была не особенно завидна. Вскорѣ онъ поступилъ въ австрійскую армію, чуть ли не прежнимъ чиномъ поручика, перемѣнилъ свой титулъ на титулъ графа Гартенау, женился на какой-то танцовщицѣ, командовалъ полкомъ и въ заключеніе умеръ отъ проглоченной имъ косточки отъ вишневаго варенья.

Г. Г. Гошинскій.

ЖУРНАЛИСТЪ ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ ¹⁾.

В НЫНѢШНЕМЪ году, 22-го февраля, исполнилось пятидесятилѣтіе со дня кончины Н. А. Полевого, а 22-го іюня предстоитъ столѣтіе его рожденія, и поэтому мы полагаемъ необходимымъ представить читателямъ «Историческаго Вѣстника» общую характеристику этого замѣчательнаго дѣятеля нашей литературы и журналистики, и тѣмъ почтить его память.

Полевой происходилъ изъ стариннаго рода курскихъ посадскихъ людей, изъ такой семьи, которая по своему характеру рѣзко выдѣлялась изъ общаго уровня нашего купечества. Если и теперь этому сословію вполне справедливо можетъ быть брошенъ упрекъ въ косности, недостаткѣ предприимчивости, стремленіи итти по разъ проторенному пути безъ всякаго уклоненія, то въ прежнее время подобный упрекъ былъ еще болѣе основателенъ, такъ какъ посадскіе люди слишкомъ часто не вѣдали ничего за предѣлами своего посада, своей округи. Но не таковъ былъ родъ Полевыхъ: въ немъ самая смѣлая предприимчивость являлась отличительной чертой съ давнихъ временъ. Изъ братьевъ дѣда нашего писателя одинъ погибъ въ Персіи во время возмущенія Тахмасъ-Кули-хана, другой, Иванъ, пропалъ въ Америкѣ, увлеченный смѣлыми торговыми предпріятіями; старшій дядя Николая Алексѣевича поѣхалъ въ Камчатку, но тоже не воротился, и наконецъ его отецъ, Алексѣй Евсевьевичъ, въ молодыхъ лѣтахъ

¹⁾ Матеріаломъ для настоящаго очерка послужили прежде всего сочиненія Николая Алексѣевича Полевого, затѣмъ записки его брата, Ксенофонта, статьи Вѣлинскаго, Чернышевскаго, А. Н. Пыпина, М. И. Сухомянова и др., а также нѣкоторые письма Н. А., за сообщеніе которыхъ считаю долгомъ принести благодарность П. Н. Полевому.

бросилъ Курскъ, уѣхалъ въ Сибирь и провелъ тамъ почти всю остальную свою жизнь, исполненную самыхъ разнообразныхъ трудовъ, предпріятій и лишеній. Въ характерѣ Алексѣя Полевого была какая-то двойственность, проявлявшаяся и въ его промышленныхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ ругинность чередовалась часто съ крайней смѣлостью, и въ его отношеніяхъ семейныхъ, особенно въ отношеніяхъ къ занятіямъ сына. То онъ поощрялъ мальчика учиться, то вдругъ объявлялъ его стремленіе къ знанію вздоромъ и требовалъ, чтобы онъ сдѣлался «дѣловымъ человѣкомъ»: въ эти минуты книги и тетради Николая подвергались уничтоженію, разрывались и сжигались.

Николай Алексѣевичъ унаслѣдовалъ отъ отца его сильный характеръ, его стойкость и смѣлость въ борьбѣ со всякаго рода препятствіями и, оставаясь дѣловымъ человѣкомъ, какъ этого требовалъ отецъ, главнымъ образомъ направилъ свою энергію на ту сферу, которая представлялась иногда отцу вѣдоромъ. Онъ жадно читалъ все, что ему ни попадалось подъ руку, и результатъ, по его словамъ, получился слѣдующій: «если надобно выразить умственное образованіе мое до 1811 года, то оно было таково: я прочиталъ тысячу томовъ всякой всячины, помнилъ все, что прочиталъ, отъ стиховъ Карамзина и статей «Вѣстника Европы» до хронологическихъ чиселъ и библии, изъ которой могъ пересказывать наизусть цѣлыя главы, но это былъ какой-то хаосъ мыслей и словъ, когда самъ я едва начиналъ мыслить».

Но эта безсистемность, хаотичность чтенія окончилась въ 1814 году: съ этого времени Полевой усердно принимается за русскую грамматику и начинаетъ учиться французскому и нѣмецкому языкамъ, прямо съ азбуки. Но, усвоивъ элементы знанія, надо было выработать себѣ и нѣкоторое правильное міросозерпаніе, и единственной мечтой юноши становится ученье. «Вскорѣ увидѣлъ я всю недостаточность, всю нелѣпость образованія своего до того времени. Мнѣ надобно было пересоздавать всѣ мои идеи, весь запасъ читаннаго мною съ самаго дѣтства. Изученіе языковъ повело меня въ новый міръ чтенія. Настоячивое размышленіе показало мнѣ недостатки системъ и образа обыкновеннаго ученія. Я рѣшился самъ для себя написать русскую грамматику и русскую исторію. Грамматика академіи и «Исторія Государства Россійскаго» не удовлетворяли меня, когда я сравнивалъ первую съ ясною, точною грамматикою латинскою, а вторую съ Тацитомъ по слогу, съ лѣтописями по изложенію фактовъ. Изученіе латинскаго и греческаго языка, переводы съ нѣмецкаго, французскаго, переработка русской грамматики, критическій разборъ русской исторіи—вотъ что составляло теперь мои занятія. Я отказался отъ легкаго чтенія и не писалъ уже ни стиховъ, ни прозы. Нарочно налагалъ я на себя самыя тяжкія работы: выучивалъ по триста вокабулъ въ вечеръ; выписалъ всѣ гла-

голы изъ Геймова словаря, переспрагаль каждый отдѣльно и составилъ новыя таблицы русскихъ спряженій. Силы мои казались мнѣ неистоимы; все было такъ легко, такъ подручно, а впереди все такъ свѣтилось и блестяло!»...

Этотъ автобіографическій отрывокъ замѣчательно ярко рисуетъ намъ Полеваго: изъ этого признанія мы видимъ, что уже въ юности Полевой отличался тѣми свойствами, которыя всегда составляли характерную особенность его литературнаго облика, т. е. настойчивымъ стремленіемъ къ возможной широтѣ, энциклопедичности знанія и критическимъ отношеніемъ къ усвоиваемому матеріалу, склонностью провѣрить этотъ матеріалъ, проявить свою индивидуальную самостоятельность. Но еще многого не хватало молодому человѣку. Въ 1817 году было напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» первое литературное произведеніе Полеваго, описаніе проѣзда и пребыванія императора Александра I въ Курскѣ; увидѣть въ печати свой первый опытъ было, конечно, большимъ торжествомъ для начинающаго автора, но въ то же время онъ видѣлъ, что статья его «вся переправлена, перечерчена издателемъ», и что поправки были справедливы. Но падать духомъ не приходилось, а напротивъ для Полеваго въ этомъ былъ новый толчекъ къ дальнѣйшему самосовершенствованію. До 1820 года литературныя занятія по необходимости занимаютъ второе мѣсто въ жизни Полеваго, на первомъ планѣ стоятъ дѣла купеческія, въ этомъ же году онъ оставляетъ Курскъ, а черезъ два года, со смертію отца, онъ цѣликомъ отдается литературѣ.

Помимо помощи отцу, такое воздержаніе отъ литературной дѣятельности объясняется и недостаточной къ ней подготовленностью Полеваго, который самъ это сознавалъ. Для уясненія степени образованія Полеваго въ это время можетъ служить цѣннымъ матеріаломъ слѣдующее, приводимое нами безъ всякихъ измѣненій, письмо Полеваго къ одному изъ его знакомыхъ, нѣкоему Брянцеву, писанное въ 1820 году:

«Любезный другъ

«Николай Андреевичъ!

«Ахъ!.. вотъ что вырвалось и полетѣло къ другу, когда я дрожащею рукою развернулъ милое твое посланіе. О ты, другъ, кого и вѣтръ въ поляхъ не обгонялъ!! ахъ! Можно-ль сердцу запретить, чтобы друзей намъ не любить. И твое меланхолическое чувство ударило въ мое сердце, потрясло воображеніе, разогрѣло душу, потревожило память, прошло во всѣ нервы; онѣ воспрянули—предъ очами души моей мелькнулъ, какъ призракъ полуночи—кто?.. тѣнь друга, а что такое другъ... о ты, не знающій дружбы, удались и не спрашивай: другъ есть другъ, то-есть другъ, о души холодныя! какъ счастливъ другъ — и я курю табакъ и пускаю къ тебѣ облака, туда, гдѣ ты,

Николай Алексѣвичъ Полевой.

Съ неизданнаго портрета, рисованнаго съ натуры карандашомъ въ 1843 году.

тамъ, тамъ за синимъ океаномъ, въ дали, въ мерцаніи богрянномъ—но я не имѣю дара описывать сладостное слияніе радостей дружбы—о дружба, даръ, небесная, святая, отрада сердцу золотая, молодая, святая, а злоба да будетъ проклятая, а недружба въ адъ загнатарая а мы другъ друга лобызая, на дружбу уповая—вотъ радость какая—ахъ! твой геній и меня побудилъ испытать, не могу ли издать, нѣсколько звуковъ на лирѣ арфеевой, но не могу. Не забывай меня—о другъ мой, для чего на лирѣ своей гремишь, а самъ не паришь—ахъ! Прошу тебя, начни писать трагедію, здесь онѣ въ великомъ употребленіи. Писать можно ее въ стихахъ, тутъ таже ценятся и хорошіе стихи, я же недавно читалъ трагедію Радимъ и Дагода, чудесное произведеніе творческаго генія; или пиши комедію. У насъ есть превосходныя, напрямѣръ, комедія Сумбуръ, нельзя безъ слезъ читать, какъ человѣкъ умираетъ на сценѣ отъ чрезмернаго хотанья. Примись писать трагедію и знаешь ли, гдѣ предметъ? повѣсть Марыина роца и Рогдай—вотъ ты загремишь, театръ загремитъ, народъ загремитъ — и ты безсмертенъ... О другъ! охъ! дай, дай, дай мнѣ увидѣть тебя въ вѣнкѣ, котораго не заслужишь мѣрными стихами. Хоть посиди подольше, да зато высиди. Воображай меня въ дымѣ табачнаго облака толпой, прахъ оставя гробовой трубочку схвата рукой

«И слуга и другъ я твой,

Н. П.

«Буду ждать ответа отъ тебя, принялъ ли ты мой совѣтъ».

Письмо это переполнено всевозможными грамматическими ошибками, и въ знакахъ препинанія и противъ этимологіи, но, помимо этихъ ошибокъ, изъ самаго склада письма бросается въ глаза, что его авторъ—человѣкъ далеко некультурный, нахватавшійся разныхъ мудреныхъ словъ изъ читанныхъ имъ книжекъ, старающійся подражать этимъ книжкамъ, но совсѣмъ не умѣющій этого сдѣлать: этотъ человѣкъ еще не выработался, находится, такъ сказать, въ рудиментарномъ состояніи, а такъ какъ онъ намѣренъ быть литераторомъ, то ему еще очень много надо потрудиться надъ своимъ образованіемъ. Послѣ этого насъ невольно поражаетъ та быстрая переимѣна, которая произошла въ этомъ рудиментѣ: черезъ два года Полевой получаетъ отъ академіи наукъ большую серебряную медаль за грамматическое изслѣдованіе, за свои таблицы русскихъ спряженій, а еще черезъ три года онъ дѣлается редакторомъ журнала, въ которомъ принимаютъ участіе наши лучшія литературныя силы. Для такой метармофозы, конечно, нужны были далеко не дюжинныя природныя дарованія и далеко не заурядная работа надъ собой.

Кто-то, перефразируя древнее изреченіе объ ораторахъ и поэтахъ, сказалъ, что журналистомъ надо родиться, а сдѣлаться журналистомъ нельзя,—и трудно не согласиться съ этимъ замѣчаніемъ. По-

стоянная журнальная работа требуетъ совсѣмъ особеннаго темперамента, требуетъ необыкновенной чуткости и отзывчивости на все вокругъ совершающееся; ученость, знанія, необходимыя журналисту, приобретаются трудомъ, временемъ, но никакая ученость, никакой трудъ не могутъ выработать того умѣнья воспринимать жизненные впечатлѣнія, переработывать ихъ въ своемъ сознаніи и передавать воспринятое другимъ людямъ, словомъ, того особаго темперамента, который нуженъ настоящему журналисту (не случайному журнальному сотруднику). Журналистъ—человѣкъ неутомимый, безпокойный, интересующійся всѣмъ, на что человѣкъ кабинетный очень часто не обратитъ никакого вниманія. Такимъ-то неутомимымъ человѣкомъ, такимъ журналистомъ отъ природы былъ Полевой. Изданіе журнала давно уже было его завѣтной мечтой: еще десятилѣтнимъ ребенкомъ онъ задумывалъ издавать газету «Азіатскія Вѣдомости», въ родѣ «Московскихъ Вѣдомостей», и журналъ: «Другъ Россіи» въ родѣ «Московского Меркурія», отъ котораго приходилъ въ восторгъ. Въ двадцатыхъ годахъ Полевой не разъ въ московскихъ образованныхъ кружкахъ поднималъ вопросъ объ изданіи журнала, но дѣло все какъ-то не устроивалось, пока онъ не рѣшился начать его одинъ, на свой страхъ.

Въ 1824 году Полевой представилъ министру народнаго просвѣщенія А. С. Шишкову программу изданія со слѣдующаго года ежемѣсячнаго журнала: «Московскій Телеграфъ». Необходимость новаго изданія мотивировалась такимъ образомъ: «Въ настоящемъ состояніи наукъ и словесности въ Россіи, повременное сочиненіе, производя быстрое сообщеніе ученыхъ занятій, доставляя читателямъ удобный способъ сообщать свои сочиненія публикѣ и слышать мнѣнія просвѣщенныхъ особъ, предварительно прежде изданія оныхъ вполне, въ то же время сообщая новѣйшія сочиненія, изысканія и открытія иностранныхъ ученыхъ мужей, представляя публикѣ чтеніе пріятное по самому разнообразію онаго, у насъ принесетъ пользы, конечно, болѣе, нежели въ каждомъ другомъ государствѣ». Въ предполагаемомъ изданіи исключалась политика, а также и то, что служить предметомъ «легкаго, поверхностнаго» чтенія, и содержаніе журнала резюмировалось въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ: «1) сообщеніе отечественной публикѣ статей, касающихся до нашей исторіи, географіи, статистики, словесности, которыя бы иностранцамъ показывали благословенное отечество наше въ истинномъ его видѣ, и 2) сообщеніе также всего, что любопытнаго найдется въ лучшихъ иностранныхъ журналахъ и новѣйшихъ сочиненіяхъ, или что неизвѣстно еще на нашемъ языкѣ, касательно наукъ, искусствъ, художествъ вообще и словесности древнихъ и новыхъ народовъ». Программа эта отличается крайней энциклопедичностью, и противники нападали на эту сторону изданія, говоря, что въ журналъ входитъ все, «начиная отъ бесконечно-малыхъ въ математикѣ, до пѣтушыхъ

гребешковъ въ соусъ и бантиковъ на дамскихъ башмакахъ», но энциклопедизмъ, который, какъ мы сказали, составлялъ одно изъ отличительныхъ свойствъ самого издателя, нисколько не вредилъ успѣху журнала, такъ какъ подобная разносторонность нужна была публикѣ¹⁾, и, кромѣ того, этотъ недостатокъ (если его считать недостаткомъ) искупался тѣмъ общимъ направленіемъ, которое очень хорошо умѣлъ проводить въ своемъ изданіи Полевой. Поэтому-то «Московскій Телеграфъ» оказался совсѣмъ не похожимъ на другіе современные ему журналы, которые можно было скорѣе назвать сборниками, альманахами, такъ какъ именно та гармоничность въ подборѣ статей, которая необходима журналу и которая была въ «Московскомъ Телеграфѣ», въ нихъ совершенно отсутствовала.

Объединеніе, гармонія вносились въ «Московскій Телеграфъ» съ одной стороны тѣми философскими воззрѣніями, которыя Полевой старался проводить въ общественное сознание, а съ другой — литературной критикой, впервые получившей такое видное положеніе въ русскомъ журналѣ. Благодаря своимъ московскимъ друзьямъ, И. В. Кирѣевскому, Андросову, Веневитинову, Полевой познакомился съ философіей Шеллинга и одно время сильно ею увлекался, но эта система не совсѣмъ была ему ясна, и гораздо доступнѣе для него и болѣе по его вкусу оказался философскій эклектизмъ Кузена, пользовавшійся въ то время большимъ успѣхомъ, а потому Полевой въ своемъ журналѣ и старался передавать ученіе этого мыслителя. Бѣлинскій въ увлеченіи Кузеномъ видитъ слабую сторону дѣятельности Полеваго, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что для массы общества Кузенъ былъ гораздо доступнѣе, чѣмъ германскіе философы, и Полевой, знакомя общество съ его эклектической системой, несомнѣнно былъ полезенъ, такъ какъ подготавливалъ свою публику къ усвоенію болѣе глубокихъ и сложныхъ нѣмецкихъ системъ.

Какъ ни важно было распространеніе въ обществѣ философскихъ взглядовъ, гораздо болѣе значенія для воспитанія общества имѣла критика Полеваго, главной цѣлью которой было внесеніе къ намъ новыхъ эстетическихъ понятій, выработанныхъ на Западѣ, защита такъ называемаго романтизма противъ отжившаго уже свой вѣкъ классицизма. Полевой въ своихъ статьяхъ старался выяснять и общія теоретическія основанія новаго литературнаго направленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ примѣнялъ эти общіе принципы къ изученію явленій русской литературы, давая въ своихъ критическихъ очеркахъ рядъ мѣткихъ характеристикъ нашихъ выдающихся писателей XVIII и начала XIX вв., такихъ характеристикъ, которыя оказали

¹⁾ На эту потребность публики указывалъ и самъ Полевой въ первомъ номерѣ своего журнала. «Для изображенія совершеннаго журнала,—говорилъ онъ,—вообразите зеркало, въ которомъ отражается весь міръ нравственный, политическій и физическій. Такой журналъ едва ли не болѣе многихъ книгъ принесетъ пользы».

замѣтное вліяніе на сужденія послѣдующей нашей критики, особенно Бѣлинскаго. Когда Полевой выступилъ со своими критическими статьями, онъ оказался въ такомъ же положеніи, въ какомъ впоследствии былъ Бѣлинскій, дебутируя со своими знаменитыми «Литературными мечтаніями». Какъ впоследствии Бѣлинскому пришлось заявить, что у насъ нѣтъ литературы, такъ и теперь Поле-

Николай Алексѣевичъ Полевой.

Копія съ портрета, рисованнаго Тиммомъ въ 1846 году.

вой долженъ былъ приступить къ ниспроверженію цѣлаго ряда кумировъ, созданныхъ тогдашними литературными кружками или пользовавшихся почетомъ въ силу устарѣлыхъ преданій. Бороться съ установленными авторитетами дѣло трудное: какъ смѣть свое сужденіе имѣть? Полевой пошелъ въ разрѣзъ съ этимъ молчалинскимъ принципомъ, онъ предпочелъ ему знаменитое изреченіе: *ami-*

«истор. вѣстн.», мартъ, 1896 г., т. LXIII.

cus Plato, sed magis amica veritas, онъ осмѣлился имѣть и высказывать свое сужденіе, и этимъ создалъ себѣ массу литературныхъ враговъ, изъ которыхъ иные не могли ему простить его дерзостей и послѣ его смерти: такъ, князь Вяземскій, указывая на разрушеніе Полевымъ авторитетовъ, называетъ его родоначальникомъ «литературныхъ кондоттиери». Полевому нужно было оправдываться, доказывать свое право относиться критически къ произведеніямъ литературныхъ генераловъ. Такъ, приступая къ разбору «Исторіи Государства Россійскаго», онъ предпосылаетъ такое объясненіе: «Не думаемъ, чтобы благомыслящіе люди поставили въ вину рецензенту его неизвѣстность и огромность славы творенія, имъ разсматриваемаго. Мѣстничество въ литературѣ пора намъ изгнать, какъ изгнать сей гибельный предрасудокъ изъ гражданскаго нашего быта. Безпристрастіе, почтеніе къ человѣку, его достойному, таковы обязанности, исполненія которыхъ должна требовать публика отъ критика, не только твореній Карамзина, но и всякаго явленія литературнаго. Чѣмъ болѣе голосовъ, болѣе мнѣній, тѣмъ лучше. Мы должны истреблять несчастную полемику, безславящую хорошаго литератора, должны предоставлять ее тѣмъ людямъ, которые хотѣтъ сдѣлаться извѣстными, хотя бы безславіемъ, но критика справедливая, скромная, судящая о книгѣ, не объ авторѣ, далека отъ того, что многіе у насъ почитаютъ критикой, такъ далека, какъ небо отъ земли. Критика есть дыханіе литературы, и всякое покушеніе достигнуть критики дѣльной должно, по крайней мѣрѣ, быть извинено людьми безпристрастными».

Существенной стороною критическихъ статей Полеваго является замѣна прежнихъ схоластическихъ приемовъ исключительно стилистическаго разбора, введенныхъ у насъ Сумароковымъ, анализомъ содержанія разсматриваемыхъ произведеній съ точки зрѣнія народности, непосредственности, искренности и цѣльности вдохновенія, и въ этой-то точкѣ зрѣнія и заключалось главное теоретическое основаніе романтизма. Эти принципы проводятся Полевымъ въ цѣломъ рядѣ статей, посвященныхъ разбору сочиненій Жуковскаго, Пушкина, Державина, Ломоносова, Кантемира, Хемницера. Такъ какъ, по романтической теоріи, поэтъ высказывается въ своихъ произведеніяхъ весь, всѣмъ своимъ существомъ, а не одной какой либо стороною своего духа, то Полевой, перебирая нашихъ крупныхъ и мелкихъ поэтовъ и находя, что большинство изъ нихъ выражается въ своихъ произведеніяхъ односторонне, признавалъ истинными поэтами только Державина и Пушкина. Не имѣя возможности въ краткомъ очеркѣ разсматривать детально характеристики нашихъ поэтовъ, данныя Полевымъ, мы приведемъ изъ его статьи о Державинѣ сжатый очеркъ всей нашей литературы, въ которомъ онъ даетъ самыя общія, но вполнѣ опредѣленные оцѣнки творчества наиболѣе выдающихся нашихъ писателей.

«Державинъ былъ поэтъ; характеръ его былъ поэтической, въ самомъ обширномъ смыслѣ, поэтической преимущественно. Кромѣ Пушкина, у насъ не было другаго столь исключительно поэтическаго характера, со времени преобразования Россіи ни прежде, ни послѣ Державина. Въ душахъ всѣхъ другихъ поэтовъ русскихъ поэзія только отвѣчивалась, не свѣтила самобытно, не наполняла собою, не сжигала, такъ сказать, всего бытія ихъ. Оттого направленія ихъ были либо слишкомъ частны, односторонни, либо слишкомъ развлеченны и разнообразны. Сила души, устремленная на многое вдругъ, не соединенная въ одну точку, разливалась на все окружающее ихъ и чрезъ то развлекала, разрушала собственно-поэтическое стремленіе. Такъ Ломоносовъ былъ поэтъ въ жизни, невѣроятной и романической, но собственно поэзія была только слабою стихіею обширнаго міра его души. Онъ былъ столь же ученый человѣкъ, сколько стихотворецъ. У Крылова, Дмитріева, Фонъ-Визина, поэзія была вдохновеніемъ ума, а не непобѣдимымъ стремленіемъ выразить себя въ поэтическихъ созданіяхъ. У Жуковскаго она навѣяна уныніемъ души и удивительною пріемчивостью чужихъ впечатлѣній. Грусть души Жуковскаго и происшедшее отъ того стремленіе за предѣлы міра, къ чему-то неразгаданному, тайному, отзываются въ самыхъ торжественныхъ его пѣснопѣніяхъ. Батюшковъ вдохновлялся противоположною своего бытія съ пламенными думами сердца и души: его сочиненія были какъ будто желаніе забыть на время въ наслажденіяхъ поэзіи неисполненныя мечты жизни. Негодованіе сдѣлалось музою Грибоѣдова, иногда только вспыхивавшею божественнымъ огнемъ поэтическаго восторга. Каятемиръ и Хемницеръ, одинъ, какъ вельможа, смѣло шутя, другой робко и осторожно подсмѣиваясь надъ людьми, не были истинными поэтами. Такъ являются намъ всѣ другіе русскіе стихотворцы, съ тѣхъ поръ, какъ поэзія разродилась въ Россіи съ бытомъ общественнымъ, перестала быть необходимымъ народнымъ пѣніемъ, свободно, неволью выливающимся изъ души при звукахъ простой музыки. Не говоримъ о Сумароковыхъ, Херасковыхъ, Петровыхъ, Княжнинныхъ, которые не писали бы, если бы не читали написаннаго прежде ихъ другими. Но рассмотрите всѣхъ остальныхъ, старыхъ и новыхъ поэтовъ нашихъ — Козлова, Баратынскаго, Языкова, Богдановича, Озерова, кн. Долгорукова, и вы убѣдитесь въ частномъ, одностороннемъ, случайномъ, такъ сказать, ихъ стремленіи. Не таковы Державинъ и Пушкинъ, у которыхъ поэзія необходимость жизни, вся душа, все бытіе ихъ».

Мы можемъ не соглашаться съ приведенными характеристиками, находить ихъ односторонними, устарѣлыми, можемъ отвергать и самый критеріумъ Полеваго, но мы не можемъ отрицать исторической цѣнности этихъ очерковъ для развитія нашей критической мысли, не можемъ не видѣть въ нихъ значительнаго шага впередъ отъ го-

сподства эстетическихъ воззрѣній Батте, Эшенбурга и Лагарпа, считавшихся непререкаемой истиной въ нашей литературѣ начала нынѣшняго столѣтія и ограничивавшихся исключительно внѣшней стороной литературныхъ произведеній; мы не можемъ также отвергать важности заявленія Полеваго о необходимости связи литературы съ «общественнымъ бытомъ», такъ какъ именно установленіе такой связи и составляетъ всю задачу нашего литературнаго развитія, начиная съ 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Полевой поэтому съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ родоначальникомъ нашей послѣдующей критики, положившей въ основаніе оцѣнки литературныхъ произведеній извѣстные философскіе и общественные принципы. Послѣ Полеваго принципы мѣнялись, его точка зрѣнія, истекавшая изъ философіи Кузена и теорій романтиковъ, была оставлена, оказалась непригодной для оцѣнки новыхъ литературныхъ явленій, но самое важное, что уже не было никакой возможности возвратиться къ тѣмъ теоріямъ и къ тѣмъ приемамъ, которымъ онъ нанесъ окончательный ударъ своей критикой.

Критическія статьи Полеваго, общее направленіе «Московского Телеграфа», интересъ и новизна сообщавшихся имъ свѣдѣній соиздали журналу небывалый до того въ нашей литературѣ успѣхъ, такъ что число его подписчиковъ довольно скоро достигло 2,000, но этотъ успѣхъ породилъ зависть въ другихъ журналистахъ, зависть, поддержанную раздраженіемъ, которое вызывали критическіе взгляды Полеваго. Литературные олимпійцы были задѣты за живое смѣлымъ указаніемъ ихъ промаховъ, и кто же былъ дерзкій разрушитель ихъ авторитетовъ? Какой-то выскочка, купецъ, содержатель водочнаго завода, самоучка, не имѣющій никакого диплома. Упрекъ Полевому въ томъ, что онъ неучъ, самоучка, въ тѣ времена положительно не имѣлъ почти никакого смысла, такъ какъ самоучками, при крайне низкомъ уровнѣ нашихъ и высшихъ и среднихъ школъ, не дававшихъ своимъ питомцамъ никакого серьезнаго образованія, были въ сущности всѣ наши тогдашніе писатели: всѣмъ имъ приходилось самостоятельнымъ трудомъ вполне перерабатывать, передѣлывать то, что давала имъ школа. Слѣдовательно, за устраненіемъ этого упрека Полевому, оставался противъ него другой аргументъ, въ ту эпоху дѣйствительно очень важный,—его сословное происхожденіе. Въ мірѣ писателей бывали и въ тѣ времена «высочки», рагвенусы, но они должны были отличаться умѣренностью и аккуратностью, должны были почтительно относиться къ литераторамъ изъ аристократической среды. Полевой, напротивъ, оказался черезчуръ самостоятельнымъ, и противъ него начинается ожесточенная война, при чемъ дозволенными признаются всякія средства, и литературныя, и не литературныя. Въ журналахъ появляется цѣлый рядъ обличительныхъ статей противъ «Московского Телеграфа», печатается и ходитъ въ рукописяхъ множество эпи-

граммъ на Полевого и его брата, въ театральныхъ пьесахъ вставляются куплеты въ родѣ вызвавшихъ энергичный протестъ въ Московскомъ театрѣ стиховъ Писарева:

«Журналистъ безъ просвѣщенья
Хочетъ публику учить;
Самъ не кончивши ученья,
Всѣхъ собираетъ учить;
Мертвыхъ и живыхъ тревожить,
Не пора-ль ему шепнуть:
«Тотъ другихъ учить не можетъ,
Кто учился какъ нибудь».

Но самымъ дѣйствительнымъ способомъ дѣйствія противъ Полевого оказался путь совсѣмъ не литературный. Графъ Бенкендорфъ съ 19-го по 23-е августа 1827 года получилъ одинъ за другимъ три доноса, въ которыхъ Полевой выставлялся опаснымъ якобинцемъ, при чемъ указывалось и на происхождение изъ «средняго сословія, которое, по натурѣ вещей, всегда болѣе склонно къ нововведеніямъ, общающимся имъ уравненіе въ правахъ съ привилегированными классами». Любопытно, что вмѣстѣ съ Полевымъ въ этихъ доносахъ опасными якобинцами выставляются князь Вяземскій, И. В. Кирѣевскій и другіе вполне консервативные московскіе литераторы. Мы не будемъ рассказывать обо всѣхъ потаенныхъ дѣйствіяхъ враговъ Полевого, о всѣхъ его столкновеніяхъ съ цензурными требованіями: все это очень хорошо выяснено въ статьяхъ М. И. Сухомлинова. Обратимся къ развязкѣ исторіи «Телеграфа». Сильнѣйшій врагъ Полевого, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, добился послѣ долгихъ стараній прекращенія «Московского Телеграфа»; въ то же время Полевой подвергся негласному запрещенію не только что либо издавать отъ своего имени, но даже и выставять свое имя подъ новыми своими статьями и сочиненіями, и это запрещеніе тяготѣло надъ нимъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ¹⁾. Только уже по переѣздѣ его изъ Москвы въ Петербургъ, въ 1837 году, послѣ многихъ хлопотъ, это запрещеніе было снято съ бывшаго издателя «Московского Телеграфа». Для характеристики враждебнаго отношенія тогдашнихъ литературныхъ кружковъ къ Полевому, не лишнимъ будетъ привести изъ дневника Пушкина, когда-то признававащаго «Московскій Телеграфъ» лучшимъ нашимъ журналомъ, слѣдующую замѣтку: «Телеграфъ» запрещенъ. Уваровъ представилъ государю выписки, веденныя нѣсколько мѣсяцевъ и обнаруживающія неблагонамѣренное направленіе, данное Полевымъ его журналу (выписки ведены Бруновымъ, по совѣту Блудова). Жуковскій говоритъ: «Я радъ, что «Телеграфъ» запрещенъ, хотя жалѣю, что запретили». «Телеграфъ» достоинъ быть своей участи. Мудрено съ большою наглостью про-

¹⁾ Это обстоятельство сообщено намъ П. Н. Полевымъ.

повѣдывать якобинизмъ передъ носомъ правительства; но Полевой былъ баловень полиціи. Онъ умѣлъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска». Эта замѣтка чрезвычайно характерна не только для Пушкина, ставившаго себѣ въ заслугу, что онъ въ «жестокій вѣкъ возславилъ свободу», но и для всѣхъ упомянутыхъ въ ней лицъ, принадлежавшихъ къ знаменитому «Арзамасу»...

Изданіе «Московского Телеграфа» было блестящей порой литературной дѣятельности Полевого, кругъ которой въ это время не ограничивается однимъ журналомъ, такъ какъ Полевой издаетъ нѣсколько повѣстей и романовъ въ духѣ Гофмана или Вальтеръ-Скотта, произведеній, въ свое время увлекавшихъ читателей, но теперь уже утратившихъ интересъ... Но важнѣе этихъ беллетристическихъ опытовъ была его «Исторія русскаго народа», имѣвшая цѣлью внести поправку въ ту картину русской старины, которая была создана Карамзинымъ. Полевой говорилъ, что Карамзинъ историкъ «прошлаго вѣка», человекъ, которому осталось совѣмъ чуждымъ европейское движеніе новѣйшей исторической науки, стремящейся къ философскому объединенію событій съ всемірно-исторической точки зрѣнія, что Карамзинъ, какъ онъ самъ признается, есть только повѣствователь, и притомъ такой, который считаетъ нужнымъ «раскрашивать» событія. Въ исторіи Карамзина Полевой видѣлъ своего рода историческій классицизмъ, и въ видѣ полемики противъ этого классицизма явилась «Исторія русскаго народа». «Карамзинизмъ» представлялся Полевому чѣмъ-то ложнымъ, одностороннимъ по самой своей сущности, и, разбирая Пушкинскаго «Бориса Годунова», Полевой справедливо указывалъ, что главный недостатокъ этой великой трагедіи заключается именно въ «карамзинизмѣ». Задавшись цѣлью примѣнить къ русской исторіи тѣ приемы научной разработки, которые указаны были на Западѣ въ трудахъ Нибура, Гизо, Тьерри и другихъ новѣйшихъ историковъ, Полевой въ своей «Исторіи русскаго народа» далъ много интересныхъ объясненій нашего прошлаго, но онъ увлекся своей полемикой противъ Карамзина и въ историческомъ сочиненіи, по замѣчанію Бѣлинскаго, остался такимъ же журналистомъ, какимъ былъ во всѣхъ другихъ своихъ сочиненіяхъ.

Таковъ блестящій періодъ дѣятельности Полевого; съ прекращеніемъ же «Московского Телеграфа», съ отнятіемъ у него возможности высказываться, начинается для Полевого періодъ упадка. Тяжелыя матеріальныя обстоятельства вмѣстѣ съ удручающими нравственными испытаніями сломили эту энергичную, крѣпкую натуру: во всѣхъ его литературныхъ предпріятіяхъ послѣ «Московского Телеграфа» передъ нами уже не прежній смѣлый борецъ за независимое развитіе русской мысли, какимъ мы его знали въ первую эпоху его дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ Полевой оказался уже отсталымъ и не понялъ новаго литературнаго движе-

ня, не понявъ Гоголя и его натуральной школы: онъ пережилъ себя. Но, хотя иногда онъ и высказываетъ намѣреніе оставить со-всѣмъ литературный трудъ, не быть прежнимъ Донъ-Кихотомъ, какъ онъ называетъ себя въ одномъ изъ писемъ къ брату, все же разстаться съ журналистикой было выше его силъ, и даже въ послѣдній годъ своей жизни онъ принимается за изданіе «Литературной Газеты», работаетъ надъ ней дни и ночи и окончательно подрываетъ свои силы...

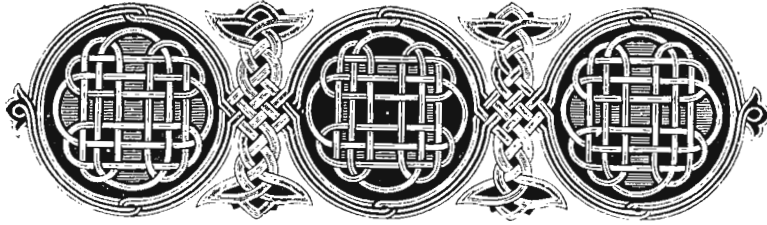
Такова была судьба этого человѣка, котораго Бѣлинскій въ своемъ обширномъ некрологѣ ставитъ, по его вліянію на развитіе нашей литературы, рядомъ съ Ломоносовымъ и Карамзинымъ. Очень поучительна для насъ жизнь Полевого. Она поучительна, какъ образецъ необыкновенной энергіи, какъ проявленіе рѣдкаго въ нашемъ обществѣ смѣлаго индивидуализма и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ одна изъ страничекъ длиннаго мартиролога русской мысли въ то «доброе старое время», когда у такого горячаго патріота, какимъ былъ И. С. Аксаковъ, вырвалось отчаянное сознание:

Сплошнаго ала стоитъ твердыня,
Царить безсмысленная ложь!

.....
Ликуй же, ложь, а насъ, безумцевъ
Урокомъ горькимъ испытуй,
Гони со свѣта вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй.

А. Бороздинъ.

РУССКІЙ ДѢЯТЕЛЬ ВЪ ЭСТЛЯНДИИ.

...Почему въ предѣлахъ Русской имперіи будетъ существовать полтора миллиона слишкомъ русскихъ подданныхъ сельскаго состоянія, лишенныхъ тѣхъ благъ поземельнаго и гражданскаго устройства, какими пользуются прочіе подданные Россіи сельскаго же состоянія?

Ив. Серг. Аксаковъ.

КЛЮЧАЯ въ серію намѣченныхъ мною очерковъ для «Историческаго Вѣстника» областные вопросы русской жизни въ ихъ современномъ историко-публицистическомъ освѣщеніи, мнѣ приходится по свойству журнальной работы искать для каждаго очерка подходящій случай, предлогъ. Такіе случаи помогли мнѣ побесѣдовать въ 1894 г. съ читателями о нѣкоторыхъ вопросахъ сибирской жизни (статьи «Николай Михайловичъ Ядринцевъ», «Изъ исторіи колонизаціи Востока»), а въ 1895 году напечатать довольно большую монографію о нашемъ сѣверѣ (Заброшенный край). Въ настоящее время появилось два сочиненія, которыя позволяютъ мнѣ коснуться западной окраины и поговорить объ Эстляндской губерніи, въ связи съ десятилѣтнею дѣятельностью тутъ покойнаго губернатора князя С. В. Шаховскаго, этого типичнаго представителя администраціи эпохи императора Александра III. Сочиненія эти— «Вѣнокъ на могилу эстляндскаго губернатора князя С. В. Шаховскаго» (Ревель, 1896 г.) и т. XI «Трудовъ эстляндскаго губернскаго статистическаго комитета» подъ заглавіемъ «Крестьянское землевладѣніе въ Эстляндской губерніи по даннымъ 1892—1894 гг.» (Ре-

вель, 1895). Я далеку отъ желанія вызывать къ жизни споръ, смѣю надѣяться, уже сошедшій со сцены—о феодальныхъ правахъ балтійскаго рыцарства. Съ осуществленіемъ въ Остзейскомъ краѣ извѣстныхъ реформъ прошлаго царствованія, о коихъ будетъ рѣчь ниже, споръ этотъ можно считать поконченнымъ и сдѣланнымъ уже достояніемъ исторіи, почему и рѣшаюсь говорить объ остзейскомъ вопросѣ, какъ о предметѣ, не могущемъ въ настоящее время вызвать пожара политическихъ страстей. Кромѣ того, въ виду интереса, который возбуждаютъ въ нашемъ обществѣ за послѣднее время вопросы экономическіе вообще и крестьянскаго хозяйства въ частности, не лишне коснуться, какъ въ высшей степени ненормально и несправедливо поставленъ этотъ вопросъ именно въ области, считающей себя аванпостомъ Западной Европы и мнящей за собою преимущества европейской культуры передъ сѣрою русскою дѣйствительностью. Въ виду того, что всѣ намѣченные вопросы тѣсно связаны съ личностью князя С. В. Шаховскаго, я предпочитаю придать настоящей статьѣ характеръ біографическаго очерка покойнаго администратора, являющагося, какъ уже сказано выше, типичнымъ представителемъ эпохи царствованія Александра III. Дѣлаю это тѣмъ охотнѣе, что, насколько мнѣ извѣстно, въ нашей такъ называемой «большой печати» личность сошедшаго съ жизненнаго поприща этого государственнаго дѣятеля не нашла себѣ еще полной оцѣнки. Можетъ быть, этому хоть нѣсколько поможетъ предлагаемый краткій очеркъ, біографическое основаніе котораго почерпнуто главнымъ образомъ изъ свѣдѣній, разбросанныхъ въ статьяхъ, вошедшихъ въ книжку «Вѣнокъ на могилу князя С. В. Шаховскаго».

I.

Генеалогическіе корни рода князей Шаховскихъ уходятъ въ далекую глубь русской исторіи. Общимъ родоначальникомъ князей Вяземскихъ, Смоленскихъ, Ярославскихъ и Шаховскихъ считается князь Ростиславъ—Михаилъ Мстиславовичъ Смоленскій, скончавшійся въ 1166 году, внукъ Владиміра Мономаха. Князья Шаховскіе принимали участіе во многихъ крупныхъ событіяхъ отечественной исторіи, причемъ нѣкоторымъ изъ нихъ приходилось занимать выдающіяся мѣста въ іерархіи служилыхъ людей русскаго государства. Князь Сергій Владиміровичъ Шаховской, дворянинъ Тверской губерніи, приходился внучатымъ племянникомъ извѣстному писателю-драматургу, кн. Александру Александровичу Шаховскому, и родился въ Москвѣ 14-го іюня 1852 г. отъ второго брака князя Владиміра Львовича Шаховскаго съ Александрой Павловной Ефремовой. Первоначальное воспитаніе Сергій Владиміровичъ получилъ въ домѣ родителей, въ с. Вознесенскомъ Кашин-

скаго уѣзда, подъ руководствомъ Софьи Николаевны Фишеръ, рожденной Вейсъ, начальницы извѣстной женской классической гимназiи въ Москвѣ. Г-жа Фишеръ не покидала своего надзора за ученiемъ воспитанника, даже когда онъ поступилъ въ гимназiю и проходилъ здѣсь полный курсъ наукъ. Ей онъ обязанъ, какъ сказано въ краткомъ жизнеописанiи, «тою способностью къ усидчивому, упорному труду и тѣмъ чуткимъ пониманiемъ своихъ обязанностей и долга, которые впослѣдствiи такъ ярко выразились въ его жизни и дѣятельности». Рядомъ съ влiянiемъ воспитательницы необходимо отмѣтить то воздѣйствiе на складъ характера и убѣжденiй молодого князя, которое оказалъ его дядя, бывшiй профессоръ географiи въ Московскомъ университетѣ, Александръ Павловичъ Ефремовъ. Этотъ представитель людей 1840-хъ годовъ нѣкогда примыкалъ къ кружку Н. Станкевича и до послѣднихъ дней своихъ сохранилъ близкiя отношенiя къ людямъ науки и литературы, каковы—М. Н. Катковъ, семья Аксаковыхъ, Ѳ. Буслевъ, Н. Крыловъ. Ефремовъ, отличавшiйся большою любовью къ собиранiю книгъ, оставилъ послѣ себя богатѣйшую специальную библиотеку, которая и была приобрѣтена лицеемъ цесаревича Николая въ Москвѣ. Вышiй профессоръ Московскаго университета являлся неопѣненнымъ руководителемъ князя Сергiя Владимiровича при прохожденiи имъ курса въ высшемъ учебномъ заведенiи. Окончивъ съ серебряною медалью 1-ю московскую гимназiю, князь поступилъ потомъ на физико-математическiй факультетъ тамошняго университета, гдѣ ему пришлось слушать лекцiи профессоровъ: Давыдова, Бугаева, Бредихина, Богданова, Любимова. Занимаясь практически подъ руководствомъ послѣдняго, съ нимъ случилось на одной изъ лекцiй печальное происшествiе, оставившее по себѣ слѣды на всю жизнь и въ концѣ концовъ приведшее его даже къ преждевременной катастрофѣ. При производствѣ какихъ-то опытовъ по физикѣ произошелъ взрывъ; князя, стоявшаго ближе другихъ къ аппарату, отбросило взрывомъ въ сторону и обо что-то ударило настолько сильно, что онъ впалъ въ безсознательное состоянiе, перешедшее потомъ въ судорожный припадокъ. Такiе припадки повторялись и впослѣдствiи и причиняли ему жестокiя страданiя. Это перiодически повторявшееся состоянiе болѣзненности требовало очень правильнаго режима жизни, который, однако, покойный Сергiй Владимiровичъ иногда нарушалъ, полагаясь на свой «упругiй и устойчивый организмъ». И это обстоятельство несомнѣнно въ значительной степени имѣло влiянiе на его преждевременную кончину. Вскорѣ послѣ печальнаго происшествiя на лекцiи, молодой князь въ сопровожденiи своего дяди, А. П. Ефремова, для возстановленiя пошатнувшагося здоровья, предпринялъ поѣздку за границу. Проведя нѣкоторое время въ австрiйскомъ мѣстечкѣ Ишлѣ, русскiе путешественники посѣтили главнѣйшiе города Италiи, Францiи, Германiи и Англiи. Въ

1874 г. Сергій Владиміровичъ окончилъ курсъ въ университетѣ со степенью кандидата и вступилъ на самостоятельный путь жизни человѣкомъ хорошо образованнымъ, успѣвшимъ уже ознакомиться съ условіями европейской культуры, притомъ человѣкомъ глубоко-религіознымъ въ «духѣ стараго русскаго закала», каковое направленіе имъ было вынесено изъ родительскаго патриархальнаго дома.

Служебное свое поприще молодой кандидатъ университета началъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, причислившись къ азіатскому департаменту. Сдавъ вскорѣ дипломатическій экзамень, дающій право на дипломатическую службу за границей, онъ въ срединѣ 1875 г. получилъ мѣсто секретаря русскаго консульства въ Рагузѣ, во главѣ котораго стоялъ извѣстный дипломатъ А. С. Юнинъ, положившій столько силъ въ дѣло освобожденія отъ турецкой зависимости Черногоріи. Съ этого времени и въ продолженіе четырехъ лѣтъ жизнь князя Шаховскаго является тѣсно связанной съ «славянскимъ дѣломъ», которому ему пришлось послужить сначала въ качествѣ дипломатическаго чиновника, а потомъ въ званіи завѣдующаго дѣятельностью «Краснаго Креста» въ сѣверной Болгаріи и восточной Румеліи. Дѣятельность князя Сергѣя Владиміровича по «Красному Кресту» заслуживаетъ серьезнаго вниманія, такъ какъ здѣсь впервые ему удалось обнаружить силу своего административнаго дарованія и явить собою типъ общественнаго дѣятеля, который наперекоръ бюрократической рутинѣ успѣлъ на своихъ плечахъ вынести очень трудное и отвѣтственное дѣло.

II.

Ко времени прибытія князя Шаховскаго въ Черногорію знамя возстанія въ славянскихъ земляхъ уже широко развѣвалось и, конечно, по складу своихъ убѣжденій, по традиціямъ московскихъ кружковъ, онъ не могъ остаться въ сторонѣ отъ сдѣлавшагося уже стихійнымъ освободительнаго движенія. Онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, удостоивается даже высочайшей признательности покровительницы общества, государыни императрицы Маріи Александровны, но чиновные круги Петербурга поглядѣли на общественную дѣятельность дипломатическаго чиновника иначе, и вотъ въ мартѣ 1876 года его «безъ объясненія причинъ», но, какъ говорилось тогда, «за слишкомъ большое сочувствіе Герцеговинскому возстанію» вызываютъ, по указаніямъ изъ Вѣны, на родину и назначаютъ дѣлопроизводителемъ Азіатскаго департамента по славянскимъ дѣламъ. Чиновная, канцелярская служба не могла удовлетворить энергичнаго, рвущагося къ жизни молодого человѣка, и онъ принимаетъ горячее участіе въ дѣлахъ Славянскаго благотворительнаго общества, гдѣ его избираютъ членомъ исполнительнаго комитета, организованнаго

для пособія славянамъ и поддержки ихъ въ борьбѣ съ Турціей. Движеніе среди славянъ тѣмъ временемъ развивалось все сильнѣе и сильнѣе, и подъ общественнымъ давленіемъ наше правительство само стало во главѣ активнаго выраженія сочувствія непокорнымъ братушкамъ. Въ Москвѣ раздался уже мощный голосъ Алаксандра II, и Россія снова скрестила свое вѣковое оружіе съ сынами полумѣсяца. «Сербія, Черногорія и Болгарія уже отошли теперь на второй планъ, если не дальше, говоритъ князь Шаховскій въ письмѣ къ одному знакомому. Славянскій вопросъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ поднятый турецкими славянами для рѣшенія собственными силами, перешелъ у насъ въ вопросъ національный. Наше общество не увѣрили, не приказали ему вѣрить въ національное родство наше съ поработенной турками расой; оно само создало и почувствовало эту связь, окрѣпло въ этомъ сознаніи и, можетъ быть, впервые поняло будущія міровыя цѣли и задачи Россіи. Въ какойнибудь годъ, кажется, общество пережило и нравственно выросло больше, чѣмъ въ 10—20 лѣтъ. Это нравственное обновленіе, это самосознаніе совершилось съ поразительной быстротой. Я хорошо помню интересы и общій строй и характеръ нашей общественной жизни до моего отъѣзда въ Рагузу; сравнивая его съ настоящимъ, я нахожу цѣлую пропасть... Сколько выяснилось и опредѣлилось личностей, благодаря этой развившейся нравственной общественной чуткости!.. Совсѣмъ не видно, какъ будто провалился куда-то этотъ народившійся у насъ за послѣдніе годы типъ нравственныхъ деспотовъ — типъ пролазновъ, съ утонченной хитростью и ловкостью умѣвшихъ подъ шумъ громкихъ словъ — чести, долга, дѣла и т. п., подъ шумъ вездѣ и всюду выкрикиваемыхъ ими нравственныхъ началъ, обдѣлывать свои личныя дѣлишки, затирать людей истинно честныхъ и нравственныхъ изъ боязни, чтобы послѣдніе, ставши на ряду съ ними, не обнаружили бы, что золото и что амальгама»... Къ числу лицъ, которыя въ тѣ дни, по словамъ автора письма, «выяснились и опредѣлились», долженъ быть по всей справедливости отнесенъ и онъ самъ, князь С. В. Шаховскій. Боязливая канцелярская рутина стала для него уже неопасна и онъ снова появляется на поверхности русской жизни въ официальной роли дипломатическаго агента въ Одессѣ, на каковомъ поприщѣ оказываетъ большія услуги «Красному Кресту» по сбору пожертвованій для пособія раненымъ и больнымъ воинамъ. Еще до отъѣзда въ Одессу онъ заручился обѣщаніемъ князя Черкаскаго состоять во время войны въ его распоряженіи по введенію гражданскаго управленія въ Болгаріи и по «Красному Кресту». Поэтому, получивъ порученіе сопровождать въ главную квартиру великаго князя главнокомандующаго дунайской арміей, онъ, по прибытіи 1-го мая 1877 года въ Кишиневъ, остался тутъ и поступилъ въ распоряженіе князя Черкаскаго. Участвуя въ Кишиневѣ, Плоэштѣ, Букарестѣ въ под-

готовительныхъ работахъ по обѣимъ отраслямъ дѣятельности князя Черкаскаго, Сергѣй Владиміровичъ передвигался съ главной квартирой по мѣрѣ наступательнаго движенія нашихъ войскъ. Нельзя, однако, не отмѣтить, что, какъ это свидѣтельствуется неизвѣстный авторъ въ главѣ «изъ воспоминаній о князѣ Шаховскомъ», послѣдній не особенно ладилъ съ своимъ начальникомъ, «ибо тотъ любилъ лесть и угодничество, былъ натурой крайне деспотической и произвольной. Но князь Черкасскій дорожилъ Сергіемъ Владиміровичемъ, какъ необыкновенно исполнительнымъ, энергичнымъ и не задумывавшимся передъ дѣломъ челоѣкомъ». Дѣятельность князя Шаховскаго въ этотъ періодъ была очень хлопотливая и сопряжена съ опасностями личной жизни; онъ исполнялъ разнообразныя, возлагавшіяся на него порученія, участвуя въ сопровожденіи транспортовъ съ ранеными и съ грузами «Краснаго Креста», завѣдуя устройствомъ въ Систовѣ складовъ, устройствомъ питательныхъ пунктовъ для раненыхъ и больныхъ, въ осмотрѣ лазаретовъ и проч. Полгода работы при князѣ Черкасскомъ послужило хорошей подготовительной школой для даровитаго молодого дѣятеля и помогло ему заручиться тѣмъ опытомъ и знаніями, которыя ему такъ пригодились впоследствии на томъ же Балканскомъ полуостровѣ и въ Закаспійскомъ краѣ при войскахъ Скобелева. Въ одну изъ командировокъ съ летучимъ санитарнымъ отрядомъ въ Горній и Дальній Петрополь, для оказанія помощи раненымъ, князь Шаховскій упалъ въ темнотѣ вмѣстѣ съ лошадыю въ ровъ и получилъ поврежденіе колѣнной чашки лѣвой ноги. Серьезная болѣзнь ноги не позволила ему оставаться на театрѣ военныхъ дѣйствій и онъ былъ доставленъ въ декабрѣ 1877 года съ санитарнымъ поѣздомъ въ Москву, гдѣ и пролежалъ безъ движенія около трехъ мѣсяцевъ. Но не прошло и года, какъ въ ноябрѣ 1878 года мы снова встречаемся съ княземъ Шаховскимъ въ сѣверной Болгаріи въ роли главноуполномоченнаго «Краснаго Креста» при нашихъ оккупационныхъ войскахъ.

III.

Въ третьей главѣ «Вѣнка», посвященной общественной благотворительности князя Шаховскаго, встрѣчаются слѣдующія любопытныя слова: «Архивы Краснаго Креста, когда они откроются для изслѣдованія, представятъ обильный матеріалъ къ изученію дѣятельности князя Шаховскаго: они не только послужатъ къ возвеличенію памяти его, но еще болѣе къ установленію правильнаго взгляда на задачи Краснаго Креста вообще, на приемы и программу его дѣятельности на будущее время,— къ опредѣленію нормъ для инструкцій, отчетности и проч. Все это готовое, выработанное княземъ, лежитъ подъ спудомъ, затерянное въ отчетахъ, которыхъ ни-

кто не читаетъ, или въ письмахъ и донесеніяхъ его, публикѣ недоступныхъ. Узнаемъ мы при этомъ, сколько интригъ, огорченій, затрудненій, бѣдствій и опасностей ему пришлось встрѣтить, вытерпѣть и преодолѣть». Дѣйствительно, просматривая «Очеркъ дѣятельности Краснаго Креста при оккупационныхъ русскихъ войскахъ въ княжествѣ Болгарскомъ и восточной Румелии (1878—1879 г.) князя С. В. Шаховскаго» (изд. 1886 года, С.-Петербургъ), мы можемъ и до обнародованія архивныхъ документовъ составить себѣ ясное понятіе, какое выдающееся положеніе въ этомъ обществѣ пришлось занимать покойному князю. Не даромъ же М. Д. Скобелевъ, этотъ врагъ всякаго сторонняго вмѣшательства въ военное дѣло со стороны частныхъ лицъ, признавалъ за Сергѣемъ Владиміровичемъ значеніе «силы» и въ его лицѣ примирялся съ вторженіемъ въ подвѣдомственную ему область чужого начала. Не смотря на окончаніе войны и подписаніе берлинскаго трактата, присутствіе Краснаго Креста было въ высшей степени необходимо на Балканскомъ полуостровѣ во все время оккупации. Въ лицѣ этого учрежденія нашъ больной солдатъ видѣлъ инстанцію, относившуюся къ нему, согласно прекрасному выраженію князя Шаховскаго, «какъ къ страдалцу и человѣку, а не какъ къ входящему или исходящему номеру». Вотъ какую рисуетъ Сергѣй Владиміровичъ дѣятельность Краснаго Креста во время войны: «Красному Кресту пришлось на первыхъ же порахъ помогать военному вѣдомству и не только персоналомъ и имуществомъ изъ собственныхъ, казавшимися неизсякаемыми, запасовъ, но и восполнять также другіе значительные пробѣлы, оказавшіеся въ дѣятельности того же вѣдомства и вредно отразившіеся на тяжелой участи раненыхъ и больныхъ. Въ силу этихъ обстоятельствъ, частный и вспомогательный характеръ дѣятельности Краснаго Креста началъ мало-по-малу измѣняться. На ряду съ казенными учреждениями начинаютъ появляться собственные учрежденія Краснаго Креста; на поля битвъ Красный Крестъ посылаетъ легчіе отряды; по всему эвакуационному пути открываетъ питательные и ночлежные пункты; въ тылу организуетъ собственные лазареты и даже выдвигаетъ ихъ на самый театръ военныхъ дѣйствій; принимаетъ дѣятельное участіе въ эвакуации какъ по грунтовымъ, такъ и по желѣзнымъ дорогамъ, формируетъ собственный обозъ съ усовершенствованными приспособленіями, выписываетъ изъ-за границы и организуетъ на собственные средства санитарные поѣзда; на ряду съ военнымъ вѣдомствомъ работаетъ на эвакуационныхъ пунктахъ и въ эвакуационныхъ комиссіяхъ; наконецъ, по окончаніи войны, на собственные средства сооружаетъ шесть санитарныхъ баржъ и прокладываетъ новый эвакуационный путь по Дунаю и, только поставивши это послѣднее дѣло на прочное рациональное начало, передаетъ его военному вѣдомству». Не смотря на окончаніе войны, не смотря на то, что въ распоряженіи военно-

медицинскаго вѣдомства осталась масса временныхъ госпиталей, прекрасно организованныхъ и съ излишкомъ снабженныхъ всѣмъ необходимымъ, положеніе больныхъ солдатъ, не будь при нихъ помощи «Краснаго Креста», было бы въ высшей степени тяжкое. «Всѣ условія были дѣйствительно блестящи только съ внѣшней стороны и оставались такими сами по себѣ, а больной самъ по себѣ, и, несмотря на изобиліе всего специально для него предназначеннаго, продолжалъ нуждаться въ частной помощи, зачастую въ предметахъ первой необходимости», говоритъ князь Шаховской въ своемъ «Очеркѣ дѣятельности Краснаго Креста». Вотъ какими безотрадными картинками изъ жизни больного солдата въ госпиталѣ иллюстрируетъ авторъ свой отчетъ. «Въ любомъ изъ военновременныхъ госпиталей, говоритъ онъ, въ каждую данную минуту, преслѣдуя интересы больного, представители хозяйственной и медицинской части переживаютъ острый и хроническій періодъ самой традиціонной вражды, получившей какъ бы право гражданства. На госпитальной кухнѣ почти ежедневно идетъ не менѣе ожесточенная борьба изъ-за тѣхъ же интересовъ больного между сестрой-хозяйкой и различнаго рода наименованій чинами хозяйственной части. Въ свою очередь и сами хозяйственные чины не избѣгаютъ борьбы со всякаго рода поставщиками и подрядчиками и, подчасъ, между собою изъ-за казенныхъ или собственныхъ интересовъ. Сегодня побѣда за однимъ, завтра за другимъ... Едва ли не всякая сестра милосердія, которой привелось хотя бы короткое время исполнять должность хозяйки на госпитальной кухнѣ, засвидѣтельствуетъ сколько незаслуженнымъ обидамъ, грубостямъ и оскорбленіямъ ей приходилось подвергаться со стороны всякаго рода комиссаровъ, подрядчиковъ и смотрителей за то только, что она браковала несвѣжую провизію, требовала законнаго числа золотниковъ въ порціяхъ хлѣба и мяса и вообще оберегала во всемъ дѣйствительные интересы больного. Больному, напримѣръ, холодно лежать въ госпитальномъ шатрѣ подъ однимъ одѣяломъ; комиссаръ не выдаетъ другого, а между тѣмъ въ цейхгаузѣ въ нихъ недостатка нѣтъ. Обыкновенная оговорка въ этомъ случаѣ: «вещь казенная; счетомъ принялъ, счетомъ и сдать долженъ; за однимъ комплектомъ услѣдишь, а коли выдашь второй, то и не замѣтишь, какъ или больной, или служитель украдетъ и продастъ, а за всякую недостающую по описи вещь я долженъ вносить деньги изъ своего кармана, то ужъ пусть лучше лежатъ въ цейхгаузѣ, дѣлѣе будетъ»... Взглядъ смотрителей, «что, молъ, госпитальное имущество само по себѣ, а больной самъ по себѣ». Недостатокъ и даже полное отсутствіе чая, кипятку, вина, махорки—вещь обычная, какъ предметовъ, значащихся въ спискѣ лѣкарствъ. «Бывали и такіе примѣры,—повѣствуетъ князь Шаховской,—что госпиталь, расположенный на крайнемъ эвакуаціонномъ пунктѣ, посылаетъ своихъ больныхъ въ день эвакуаціи, не-

смотря на дождь и глубокую грязь, пѣшкомъ, да еще съ котомками собственнаго солдатскаго скарба за плечами, на разстояніи почти версты до пристани, хотя въ его полное распоряженіе «Красный Крестъ» отдалъ достаточное количество фургоновъ и лошадей. Происходитъ же это единственно отъ того, что всѣ лошади раскозаны и остаются неподкованными, такъ какъ госпиталь безобозный и на этотъ предметъ расходовъ произвести не можетъ. А вотъ еще фактъ, чисто анекдотическаго свойства, котораго мы сами были свидѣтелемъ. При посѣщеніи одного изъ госпиталей начальство осталось очень недовольно, встрѣтивъ между больными нѣсколько тифозныхъ, которыхъ, по его соображеніямъ, не должно было оказаться. Несмотря на заявленія и протесты какъ старшаго врача, такъ и ординаторовъ, по распоряженію начальства, тифозные были разжалованы въ лихорадочныхъ. По отъѣздѣ начальства, добросовѣстные врачи, не смотря на то, что на скорбныхъ листахъ слово «тифъ» было замѣнено словомъ «лихорадка», продолжали этихъ официально лихорадочныхъ неофициально лѣчить отъ тифа. Между тѣмъ, продолжать выписывать для нихъ изъ аптеки ледъ и вино было уже невозможно, такъ какъ эти средства при лѣченіи лихорадокъ, какъ извѣстно, не употребляются. Конечно, врачи не замедлили обратиться къ помощи «Краснаго Креста».

Изъ этой отрицательной картины жизни больныхъ солдатъ ясно видно, сколько надо было употреблять силъ, энергіи и средствъ, чтобъ облегчить ихъ тяжелое положеніе и во время, послѣдовавшее за прекращеніемъ военныхъ дѣйствій. Дѣла, такимъ образомъ, оставалось еще много, надо было всюду имѣть свое недремлющее око. И вотъ въ роли этого-то руководителя, не перестававшаго дѣйствовать общественно-благотворительнаго механизма, князь Шаховской и явилъ себя на вполнѣ должной высотѣ, чѣмъ и запечатлѣлъ навсегда свое имя въ исторіи «Краснаго Креста».

IV.

Принявъ на себя званіе главноуполномоченнаго Краснаго Креста въ сѣверной Болгаріи, Сергѣй Владиміровичъ обратилъ особенное вниманіе на улучшеніе условій дѣятельности сестеръ милосердія и правильную организацію института сестеръ. Благодаря его просвѣщенному и гуманному взгляду на этотъ вопросъ, онъ сумѣлъ оставить тяжелую работу этихъ труженицъ такими правилами и такою обстановкой, что заставилъ смолкнуть недоброжелательство, часто ихъ окружавшее, и высоко поднялъ ихъ авторитетъ и въ глазахъ больныхъ, и въ мнѣніи госпитальнаго начальства. Взглядъ его на положеніе сестеръ милосердія лучше всего обрисовывается изъ

слѣдующихъ его словъ ¹⁾: «Безпрекословно подчиняясь приказаніямъ и требованіямъ главнаго врача госпиталя и ординаторовъ во всемъ, что касается ухода за больнымъ, сестра должна, по нашему мнѣнію, являться лицомъ свободнымъ и самостоятельнымъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, клонящихся къ заботѣ о больномъ и охраненію его интересовъ. Она не только имѣетъ право, но и обязана доводить до свѣдѣнія госпитальнаго начальства обо всемъ, клонящемся ко вреду

Князь Сергѣй Владиміровичъ Шаховской.

или ущербу для больного, и притомъ имѣть настолько авторитета, чтобы ея слово могло имѣть дѣйствительное значеніе. Только при такихъ условіяхъ сестра въ состояніи приносить дѣятельную пользу больному, облегчая не только его страданія, но и его положеніе въ госпиталѣ. Повторяемъ, только до тѣхъ поръ сестра можетъ быть

¹⁾ «Очеркъ дѣятельности Краснаго Креста», стр. 17.

«ИСТОРИЯ ВОССТАНІЯ», МАРТЪ, 1896 Г., Т. LXIII.

полезна больному, пока она сохраняетъ въ госпиталѣ свободное и самостоятельное положеніе; другими словами, пока она не находится въ полномъ подчиненіи у госпитальнаго начальства, а зависитъ отъ представителя Краснаго Креста». Если прослѣдить страницу за страницей отчета князя Шаховскаго по его дѣятельности въ званіи уполномоченнаго въ сѣверной Болгаріи и въ качествѣ завѣдующаго всей дѣятельностью Краснаго Креста какъ въ княжествѣ Болгарскомъ, такъ и въ Восточной Румелии, то просто диву даешься его энергіи и щепетильному отношенію къ возложеннымъ на него обязанностямъ. Вотъ какъ очерчиваетъ его общественное служеніе корреспондентъ «Голоса» (1879 г., № 195)²⁾: «Къ счастью,—говоритъ онъ,—эвакуація вся вообще предоставлена въ руки исключительно «Краснаго Креста», который назначилъ главнымъ уполномоченнымъ своимъ князя С. В. Шаховскаго, молодаго человѣка, лѣтъ 27—28-ми. Лучшаго выбора «Красный Крестъ» не могъ сдѣлать. Чрезвычайно любезный и милый относительно подчиненныхъ, которые обращаются съ нимъ скорѣе, какъ съ любимымъ и уважаемымъ старшимъ товарищемъ, чѣмъ какъ съ начальникомъ, князь Шаховской, въ то же время, дѣятеленъ и энергиченъ. Съ утра до ночи работаетъ онъ самъ и, разумѣется, заставляетъ тѣмъ и подчиненныхъ ему не сидѣть сложа*руки. Но что выше всякихъ похвалъ въ князѣ, это—его крайняя щепетильная добросовѣстность въ обращеніи съ доверенными ему суммами «Краснаго Креста», «съ мужицкой, вдовьей и сиротской копейкой», какъ называетъ онъ эти деньги. Нѣтъ бездѣлицы, въ которую онъ не вникалъ бы самъ или посредствомъ близкихъ къ нему доверенныхъ лицъ. Наиболѣе дѣятельными изъ такихъ помощниковъ является докторъ А. Н. Вейсъ, тверитянинъ, изъ русскихъ русскій, не смотря на свою нѣмецкую фамилію, уполномоченный «Краснаго Креста», и личный секретарь князя, молодой зырянинъ изъ Вологды—В. С. Аванасьевскій, чрезвычайно дѣятельный работникъ. Въ лицѣ этого милѣйшаго зырянина сосредоточивается вся канцелярія князя Шаховскаго; больше никого нѣтъ и не было. Тутъ и кассиръ, и бухгалтеръ, и маленькій отрядъ писарей, и весь тотъ безчисленный персоналъ, который обыкновенно составляетъ необходимую принадлежность всякаго болѣе или менѣе удрученнаго годами, чинами и орденами уполномоченнаго. Втроемъ, съ своимъ другомъ дѣтства Вейсомъ и съ Аванасьевскимъ, князь Шаховской вникаетъ во все. Они же рабочихъ сами наймутъ и матеріалъ, какой нужно, не побрезгуютъ сами лично купить и, наконецъ, собственными глазами наблюсти, что и какъ изъ этого матеріала дѣлается». Далѣе корреспондентъ рассказываетъ любопытный образчикъ общественной бережливости и экономіи князя. Когда потребовались для переправки больныхъ водою черезъ Дунай спе-

²⁾ «Вѣнокъ», стр. XXI.

ціально приспособленныя для того баржи, и, когда по смѣтѣ оказалось, что пріобрѣтеніе такихъ баржъ въ Вѣнѣ обойдется 200.000 франковъ за 2 баржи, то князь, при содѣйствіи гг. Вейса и Аванасьевскаго, сумѣлъ построить домашними средствами требуемыя баржи, сохранивъ на этой экономической постройкѣ въ пользу «Краснаго Креста» до 98.000 франковъ и притомъ безъ всякаго ущерба для дѣла... «Князь съ своимъ неизмѣннымъ Аванасьевскимъ объѣзжаютъ поочередно каждый пунктъ, наблюдая за всѣмъ лично и всѣми руководя. И все это дѣлается тихо, скромно, безъ комфортабельныхъ экипажей, запряженныхъ шестеркой лошадей, за дорогую цѣну привозимыхъ въ Болгарію. Скажите, часто ли случалось вамъ слышать такія рѣчи о нашихъ общественныхъ дѣятеляхъ?»—такъ заканчиваетъ свое сообщеніе корреспондентъ газеты.

Выполнивъ блестяще возложенное на него дѣло эвакуаціи больныхъ, обставивъ положеніе больного солдатика наивозможно лучшими условіями, сохранивъ отъ расточительности собранныя по копейкѣ добротныя народныя даянія, князь Шаховской закончилъ свсю миссію на Балканскомъ полуостровѣ открытіемъ нѣсколькихъ больницъ для милиціи и населенія Восточной Румелии и организовалъ дотолѣ совершенно отсутствовавшее въ этой провинціи медицинско-санитарное дѣло,—«дѣло, по словамъ Сергѣя Владиміровича, упущенное изъ виду нашей администраціей и не предусмотрѣнное дипломатами, составлявшими органической статутъ, и безспорно являвшееся для провинціи вопросомъ существенной необходимости». Кромѣ того, по желанію государыни Маріи Александровны, онъ основываетъ въ Болгаріи Общество св. Пантелеймона и, при сотрудничествѣ матери Скобелева, Ольги Николаевны, Филиппопольское сиротопиталище. Распростившись съ Болгаріей, онъ недолго оставался въ праздности на родинѣ, и осенью 1880 г. мы встрѣчаемся съ княземъ Шаховскимъ уже въ Закаспійскомъ краѣ въ отрядѣ Скобелева при взятіи Геокъ-Тепе, опять-таки въ роли главноуполномоченнаго «Краснаго Креста».

V.

И это общественное служеніе Сергѣя Владиміровича отмѣчено тѣми же достоинствами, что и въ предыдущемъ періодѣ: снова на первомъ планѣ поставлена забота о раненомъ и страждущемъ простомъ человѣкѣ, тѣ же предупредительныя заботы объ институтѣ сестеръ милосердія, та же разумная, но никоимъ образомъ не скаредная, заботливость о вѣренныяхъ суммахъ. Его «отчетъ о дѣятельности общества въ Закаспійскомъ краѣ» (1880—1881 годовъ)¹⁾ свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ распоряжался здѣсь

¹⁾ Изд. въ Спб., 1888 года.

и стягивалъ къ себѣ нити управленія уже вполнѣ твердою и опытною рукою, почему и послѣдствія эвакуаціи, главный предметъ занятій главноуполномоченнаго «Краснаго Креста», оказались также блестящи, какъ и на Балканскомъ полуостровѣ. Но этотъ періодъ жизни князя Шаховскаго отмѣченъ особымъ интересомъ, имѣвшимъ вліяніе на всю его послѣдующую судьбу. Здѣсь, подъ градомъ текинскихъ пуль, среди вѣчныхъ опасностей для жизни, онъ успѣлъ полюбить ту дѣвушку, старшую его годами (8 лѣтъ), которая впоследствии пошла рука объ руку съ нимъ по дальнѣйшему его жизненному пути и безусловно имѣла значительное вліяніе на весь складъ его дѣятельности, являясь постоянно то помощницей, то даже вдохновительницей своего мужа. Дѣвушка эта была — сестра милосердія, старшая дочь военнаго министра, графиня Е. Д. Милютина, съ которою и свела судьба князя Шаховскаго на дальнемъ востокѣ, куда она прибыла еще ранѣе его, вмѣстѣ съ отрядомъ сестеръ «Крестовоздвиженской Общины», заинтересованная изученіемъ дѣятельности сестеръ милосердія во время военныхъ дѣйствій. Эти мѣсяцы работы на пользу страждущихъ солдатъ озарены въ жизни сестры милосердія изъ вышшаго общестка не только лучами христіанской любви къ ближнему, но и зарею влюбленности къ энергичному представителю того благотворительнаго учрежденія, которому съ рискомъ для жизни она отдала свои силы. На протяжении всего отчета князя Шаховскаго вездѣ выступаетъ симпатичный образъ этой дѣвушки, которая, покинувъ высшій свѣтъ, наравнѣ со всѣмъ персоналомъ «Краснаго Креста» ежеминутно рисковала не только жизнью, но и позорнымъ плѣномъ у среднеазиатскихъ дикарей. Пользуясь находящимся у меня подъ рукою «отчетомъ», извлеку отсюда сценку, прекрасно иллюстрирующую тѣ моменты опасности, коимъ въ числѣ прочихъ подвергалась и графиня Милютина.

«Между тѣмъ, въ лагерѣ начался сильнѣйшій переполохъ, — описываетъ день 30-го декабря 1880 года составитель отчета. — Перекрестный огонь непріятеля, напавшаго на него съ тыла и фланга, рѣзкій свистъ пуль, летѣвшихъ по всѣмъ направленіямъ, и глубокая темень, скрывающая отъ глазъ все окружающее, вызвали страшную панику. Въ особенности между торговцами — персами и армянами, которые, какъ помѣшанные, бросилась на площадку, гдѣ былъ разбитъ лазаретъ, рассчитывая тамъ найти спасеніе; другіе же начали стрѣлять изъ своихъ землянокъ во что попало. Нѣкоторые безумно куда-то метались, кричали, падали, снова вставали, подерживая и увеличивая распространившуюся панику. Въ эти критическія минуты.... мы быстро собрали всѣхъ санитаровъ, носильщиковъ, имѣвшихъ ружья, нарядили изъ нихъ нѣсколько часовыхъ, поставивъ на площадкѣ у лазарета, которую очистили предварительно, при помощи ихъ, отъ беспорядочной толпы персовъ и армянъ, а остальныхъ санитаровъ отправили къ тылу лагеря къ

небольшой части войска, отбивавшей нападеніе. Собравъ затѣмъ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи кучеровъ и другую прислугу и приказавъ имъ вооружиться дубинами, кольями, ножами и вообще чѣмъ только можно, мы разставили ихъ возлѣ лазарета для защиты его на случай, если бы непріятельская конница прорвалась въ лагерь. Рѣзкимъ контрастомъ съ тѣмъ, что творилось кругомъ, служилъ лазаретъ «Краснаго Креста» въ моментъ начала нападенія непріятеля на лагерь. Хладнокровіе работавшаго старшаго врача Слежановскаго и его помощника доктора Трейберга, вмѣстѣ съ полнымъ спокойствіемъ, неутомимо помогавшей имъ графини Милютиной, дѣйствовали въ первое время весьма благотѣтельно на раненыхъ. Перевязка продолжалась безостановочно. Но вотъ выстрѣлы учащаются, переходя по временамъ въ сплошную барабанную дробь. Зловѣщіе крики, доносившіеся издали, становятся все ближе и ближе, и вдругъ все сливается въ какой-то бѣшеный вихрь нечеловѣческаго воя! Въ наметѣ зашевелились. «Господи Іисусе Христе, помилуй насъ», — тихо раздается чей-то болѣзненный голосъ, и блѣдное лицо раненаго медленно приподнимается съ подушки, съ испугомъ озираясь кругомъ. Но сѣрое сукно просторнаго зимняго намета и слабый свѣтъ стеариновой свѣчи да рядъ носилокъ, съ такими же, какъ онъ, скрываютъ отъ него то, что творится тамъ, внѣ шатра, и скрытый ужасъ все растетъ, принимая исполинскіе размѣры. Вотъ рядомъ поднялся еще, съ трудомъ опираясь на худую руку: «Знать, послѣдній часъ пришелъ», шепчуть его губы... Зашевелились уже многіе, кто-то жалобно застоналъ. «Нѣтъ! даромъ не отдамся», произнесъ голосъ на крайней носилкѣ, изъ которой поднялась длинная, длинная фигура оренбургскаго казака. «Вылѣзай, завѣтная», — проговорилъ онъ, вытаскивая свою старенькую пашку изъ-подъ тюфяка и обнажая ее. Нѣсколько пуль съ рѣзкимъ свистомъ пронизываютъ наметъ. «Графиня, тамъ не хорошо!» — обращается къ Милютиной съ поблѣднѣвшимъ лицомъ докторъ Слежановскій, указывая рукою на шатеръ: «Вамъ бы лучше пойти къ себѣ». Графиня отрицательно качаетъ головою. Перевязка продолжается, и яростные крики съ возгласомъ: Алла! раздаются совсѣмъ близко, кажется, вотъ тутъ, сейчасъ за наметомъ! «Графиня, уходите! Я проведу васъ, — снова повторяетъ Слежановскій нѣсколько измѣнившимся голосомъ. «Хорошо! пойдете», — какъ-то нерѣшительно проговариваетъ она, медленно отходя отъ раненаго. «Докторъ, въ случаѣ если... Вы убейте меня», обращается Милютина къ Слежановскому; но отвѣта не послѣдовало. Графиня обращается къ другому, который далъ слово исполнить. Вдругъ все смолкло, и наступила тишина. Черезъ нѣсколько минутъ несутся звуки марша добровольцевъ. Или совсѣмъ плохо, или нападеніе отбито!? Генералъ Скобелевъ пользовался музыкой

въ обоихъ случаяхъ. Въ этотъ разъ нападеніе отбито на всѣхъ пунктахъ».

Много такихъ часовъ и дней, полныхъ тревоги и опасности, пришлось пережить графинѣ Милютиной, но вотъ война окончилась, Геокъ-Тепе палъ, эвакуація раненыхъ окончилась, и оба, и князь Шаховскій и дочь военнаго министра, возвратились въ Петербургъ. Вскорѣ послѣдовала ихъ свадьба, а въ концѣ 1881 года супружеская чета прибыла уже въ Черниговъ, куда князь Сергій Владиміровичъ былъ назначенъ губернаторомъ.

Дѣятельность новаго черниговскаго губернатора отмѣчена особенно его служеніемъ дѣлу благотворительности. «Попытка организовать помощь бѣднымъ путемъ приходскихъ попечительствъ, воспитаніе сиротъ, учрежденіе богадѣльни для престарѣлыхъ, новое зданіе приюта вѣдомства императрицы Маріи, прогрессивное увеличеніе капиталовъ— были результатами руководства князя, читаемъ въ 3-й главѣ «Вѣнка». Общество «Краснаго Креста», по приглашенію князя Шаховскаго, выступило на живое дѣло, организовавъ попытку борьбы съ бичемъ-дифтеритомъ; но, не входя непосредственно въ задачи «Краснаго Креста» и требуя большихъ средствъ, попытка эта осталась одинокимъ случаемъ, блестящимъ «крестовымъ походомъ», не получившимъ санкціи для дальнѣйшей постоянной организаціи. Тѣмъ не менѣе съ этого времени Главное Управление включило въ программу «Краснаго Креста», если не обязательно, то потенциально борьбу съ эпидеміями, но не разрѣшило употреблять на этотъ предметъ капиталъ «Краснаго Креста», обязавъ мѣстные комитеты, въ каждомъ случаѣ, производить для сего отдѣльные мѣстные сборы денегъ». Больше всего интересовался князь въ періодъ своего четырехлѣтняго управленія Черниговской губерніей переселенческимъ вопросомъ, при чемъ, какъ свидѣтельствуетъ его биографъ¹⁾, онъ «горѣлъ желаніемъ, чтобы его привлекли ближайшимъ образомъ къ участію въ этомъ сложномъ дѣлѣ», однако желанію князя, по неизвѣстнымъ причинамъ, не суждено было осуществиться. Тѣмъ не менѣе въ вѣренной ему губерніи ему удалось призвать мѣстныя силы «Краснаго Креста» на организацію для переселенцевъ, двинувшихся зимою на Амуръ, питательнаго пункта, съ раздачею горячей пици и теплой одежды для дѣтей, что несомнѣнно содѣйствовало уменьшенію числа заболѣваній и смертности среди тронувшихся въ путь бѣдняковъ.

12-го апрѣля 1885 года князь Шаховскій былъ переведенъ изъ Черниговской въ Эстляндскую губернію, гдѣ на него было возложено чрезвычайно трудное дѣло— введеніе въ краѣ общегосударственныхъ русскихъ началъ управленія.

¹⁾ «Вѣнокъ», гл. 8, тран. 77.

VI.

Назначеніе новаго начальника въ Эстляндскую губернію составляло предметъ чрезвычайной заботы правительства. Согласно съ общими государственными принципами того времени, рѣзко выраженными въ рядѣ правительственныхъ мѣропріятій и законоположеній, въ новомъ начальникѣ края желали видѣть свѣжаго человѣка, не связаннаго традиціями петербургскихъ канцелярій или началами, положенными въ основаніе нашей внутренней политики въ предшествовавшее царствованіе. На очереди неотложно былъ поставленъ вопросъ объ обрусеніи окраинъ, сближеніи ихъ съ центромъ и введеніи тутъ общихъ принциповъ государственнаго управленія всей Россіи. Для выполненія этой программы нуженъ былъ новый человѣкъ, въ складѣ убѣжденій, въ политическихъ симпатіяхъ котораго искали чисто національныя начала, дѣлавшія его представителемъ русской политики, какъ ее истолковывали московскіе публицисты, отчасти М. Н. Катковъ, отчасти И. С. Аксаковъ. Вотъ какъ въ сентябрѣ 1885 года въ газетѣ «Русь» излагалъ редакторъ газеты свой взглядъ на вопросъ о Балтійской окраинѣ: «... Съ освобожденіемъ крестьянъ въ Балтійскихъ губерніяхъ, передъ русскимъ правительствомъ явилось совсѣмъ ужь иное внутреннее распредѣленіе жителей края и ихъ между собою социальныхъ и юридическихъ отношеній: наличнаго населенія въ краѣ два слишкомъ милліона... изъ нихъ на долю привилегированной, нѣмецкой національности отчисляется не болѣе 150 тысячъ; остальные (1,800 тысячъ или около этого) — латыши и эсты, не считая нѣсколькихъ десятковъ тысячъ русскихъ переселенцовъ. Эти почти два милліона латышей и эстовъ (или вообще 80% населенія) выступаютъ съ 1819 года новымъ факторомъ въ жизни остзейскихъ губерній, — слѣдовательно новымъ факторомъ и для государственной въ краѣ политики. Правительству приходится имѣть дѣло уже не съ одною мѣстною народностью, а съ тремя, и рѣшить теперь для себя вопросъ: имѣеть ли оно право хмуриться и игнорировать такое новое для него, юридически узаконенное явленіе? имѣеть ли оно право признавать эти почти два милліона гражданъ безправными и отдавать ихъ въ жертву интересовъ незначительнаго меньшинства? имѣеть ли право всею силою своей власти, въ угоду этому меньшинству, отмечивать латышей и эстовъ, и даже своихъ русскихъ подданныхъ, въ томъ краѣ живущихъ? На эти вопросы не можетъ быть двухъ отвѣтовъ. Отвѣтъ одинъ: не имѣеть, равно какъ не имѣеть права подчинять насильственно и меньшинство большинству или обращать, насильственно же, и нѣмцевъ въ латышей или эстовъ, не говоря уже о русскихъ. Единственный справедливый способъ уравновѣсить взаимныя отношенія трехъ или четырехъ въ краѣ народностей, это — под-

чинить ихъ общему имперскому праву, признать для нихъ обязательными общій государственный языкъ и общіе государственные законы, не касаясь ни ихъ вѣры, ни народной индивидуальности. Какой юристъ, какой философъ, какой политикъ можетъ опровергнуть вѣрность такого вывода? Чего бы стоили «культура», «цивилизация» и «наука» (что все почитается нѣмцами ихъ духовнымъ, какъ бы прирожденнымъ достояніемъ), еслибъ онѣ стали расходиться съ такими положеніями здраваго смысла и самой элементарной честности? Поэтому медлить и коснѣть нечего. Отмѣну привилегій долженъ признавать всякій добросовѣстный и просвѣщенный балтіецъ нѣмецкой національности—самъ, безъ правительственнаго понужденія. Но образумятся или не образумятся наши балтійскіе бароны, отмѣна не можетъ не состояться, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Одновременно на очереди должно быть поставлено и преобразование Дерптскаго университета, этого орудія искусственнаго онѣмечиванія латышей и эстовъ коштомъ русскаго государства и народа»... Если дать себѣ трудъ вспомнить, что говорилъ на ту же тему нѣкогда Ю. Самаринъ въ своихъ знаменитыхъ «Окраинахъ», то, сводя мнѣнія обихъ публицистовъ къ лучшимъ сторонамъ единства ихъ программы, мы убѣдимся, что въ основаніе ея полагались отмѣна рыцарскихъ привилегій и дарованіе въ краѣ эстамъ и латышамъ началъ равноправности безъ посягательства, однако, на ихъ этнографическія особенности. Отчасти въ томъ же духѣ высказывался и М. Н. Катковъ, но въ его программѣ дѣйствій наиглавнѣйшее мѣсто отводилось, такъ сказать, наказуемости за оппозицію балтійскихъ рыцарей и возможно скорѣйшему обрусенію края въ непосредственной зависимости отъ твердо-проводимыхъ началъ административной централизаціи, причемъ вопросъ о «народной индивидуальности» мало имѣлъ въ его глазахъ значенія. Нельзя не отмѣтить, что и наша прогрессивная печать искренно желала также «сближенія» остзейскихъ провинцій «съ русскою семьей» на почвѣ общихъ государственныхъ и земскихъ принциповъ управленія, но только высказывалась по этому предмету очень осторожно, какъ бы опасаясь пожара политическихъ страстей съ одной стороны и излишняго административнаго вмѣшательства въ бытовую жизнь, въ ущербъ принципамъ самоуправленія. Такъ, выражая сочувствіе вводимой судебной реформѣ, составитель общественной хроники «Вѣстника Европы» (1886 г., № VIII) говорилъ: «Высочайше утвержденнымъ закономъ 3-го іюня, составленнымъ въ духѣ судебныхъ уставовъ, введены весьма существенныя измѣненія и улучшенія въ функціяхъ остзейскихъ судовъ, ихъ прокуратуры и судебной полиціи. Хотя этотъ законъ не измѣняетъ въ корнѣ остзейскаго сословнаго судопроизводства, но въ то же время онъ исправляетъ его существенные недостатки, вводитъ до нѣкоторой степени главнѣйшіе принципы судебныхъ уставовъ—устность и гласность, расширяетъ власть про-

курорскаго надзора, и вообще можетъ быть разсматриваемъ, какъ временныя правила, которыя предшествуютъ введенію полной судебной реформы въ Остзейскомъ краѣ, т. е. объединенію его съ «единой русской семьей» въ судебномъ отношеніи; а такъ какъ судебная реформа, подобно другимъ, сблизила «русскую семью» съ общей семьей всѣхъ образованныхъ народовъ челоѣчества, то чрезъ нихъ съ послѣднею сблизится и Остзейскій край. Въ этомъ смыслѣ объединеніе съ Россіей не должно, повидимому, вызывать никакихъ возраженій со стороны остзейской интеллигенціи, и, по крайней мѣрѣ, лучшая ея часть не можетъ отнестись къ такому объединенію иначе, какъ съ почтѣйшимъ сочувствіемъ». Такимъ образомъ, вопросъ о сближеніи окраинъ со всею русскою землею признавался всѣми органами нашей печати, какъ желательное явленіе, и спорящіе расходились между собою лишь въ средствахъ осуществленія этого сближенія и тѣхъ началъ, на коихъ оно должно произойти. Полемическій шумъ и крайности, высказываемыя въ пылу брани, не содѣйствовали, конечно, ясному разумѣнію въ читателяхъ задачъ русской власти на Балтійскомъ поморьѣ и, смѣю думать, далеко не всегда отражались благотворно на дѣйствіяхъ представителей администраціи. И оппозиція балтійскихъ рыцарей въ защиту своихъ феодальныхъ, аристократическихъ правъ и демократическія требованія русской печати составляютъ любопытную страницу въ исторіи челоѣческой культуры, каковая страница найдетъ себѣ со временемъ безпристрастнаго цѣнителя и историка.

Ко времени назначенія князя Шаховскаго на постъ начальника Эстляндской губерніи пререканія между органами русской прессы и оппозиція остзейскихъ бароновъ выступали на поверхность жизни чрезвычайно шумно и рѣзко; съ другой стороны, настоятельность реформъ для окраинныхъ губерніи со стороны правительственной власти была признана неотложною, что все въ совокупности привлекало къ молодому администратору напряженное вниманіе общества, такъ что отъ его личныхъ дарованій, такта и опыта зависѣло зарекомендовать себя съ выгодной или невыгодной стороны въ чрезвычайно трудномъ дѣлѣ и щекотливомъ положеніи.

VII.

Вступивъ въ управленіе ввѣренной имъ губерніи, князь Шаховской обратилъ, конечно, серьезное вниманіе на многія, по его мнѣнію, ненормальныя стороны мѣстной жизни, которыя онъ и счелъ долгомъ рельефно обрисовать въ «Приложеніяхъ ко всеподданнѣйшимъ отчетамъ» за первые годы своего губернаторства и противъ которыхъ и должны были быть направлены будущія реформы края. «Отчеты» за 1885 и 1887 гг. даютъ въ этомъ отношеніи богатый и

любопытный материал и въ способахъ самого изложенія авторомъ фактовъ позволяютъ судить, насколько его точка зрѣнія на нужды края совпадала съ воззрѣнiемъ на этотъ предметъ извѣстныхъ московскихъ публицистовъ, а также тенденцiй правящихъ сферъ второй половины 1880-хъ годовъ. Обращаясь къ социальнo-политическому строю Эстляндской губернии, онъ обрyсовываетъ его такъ: «Лица, принадлежащiя къ рыцарскому сословию, пользуются въ губернии совершенно особымъ положенiемъ, проистекающимъ изъ исключительныхъ условiй, въ коихъ искони находилось мѣстное дворянство въ качествѣ потомковъ пришлыхъ изъ Германiи покорителей Балтiйскаго поморья. Имъ предоставлены, по мѣстнымъ законамъ, обширныя права и преимущества. Область преимуществъ и правъ эстляндскаго рыцарства распространяется на сферу государственной, религиозной и экономической жизни губернии и обуславливается своеобразнымъ характеромъ дворянско-сословнаго самоуправления. Лица, избираемыя рыцарствомъ изъ своей среды, вѣдаютъ не только дѣла, непосредственно до нуждъ дворянскаго сословiя относящiяся, но и предметы, кои во внутреннихъ губернияхъ Россiи находятся въ вѣдомствѣ правительственныхъ учрежденiй и лицъ. Такъ, отправленiе правосудiя въ многочисленныхъ судебныхъ мѣстахъ губернии и завѣдыванiе полицейскимъ надзоромъ въ уѣздахъ предоставлено всецѣло избраннымъ изъ среды рыцарскаго класса чиновникамъ, не утверждаемымъ при томъ въ своихъ должностяхъ правительственною властью. Дворянскiе представители выбираются затѣмъ въ составъ управленiя дѣлами евангелическо-лютеранской церкви, въ попечители и смотрители находящихя въ вѣдомствѣ дворянства учебныхъ заведенiй и т. п. Почтовая гоньба въ губернии, доставленiе казенной и частной корреспонденцiи также въ распоряженiи дворянства». Разсматривая положенiе сельскаго сословiя въ строѣ рыцарской строго-аристократической конституцiи, князь Шаховской въ «Отчетѣ» за 1887 годъ освѣщаетъ его слѣдующими соображенiями: «Благодаря существующему порядку, крестьянское населенiе лишено возможности и права знать истинную цѣль и дѣйствительное распределенiе денежныхъ сборовъ, ими уплачиваемыхъ, такъ какъ лишены представительства своихъ интересовъ въ учрежденiяхъ, такъ или иначе завѣдующихъ дѣломъ повинностей... Такимъ образомъ, въ силу мѣстныхъ особенностей, классъ, на своихъ плечахъ выносящiй *de facto* всю тягость земскаго обложенiя на пользы и нужды преимущественно дворянскаго сословiя и его политической организацiи, крестьяне—лишены благотѣльной гарантiи, установленной для другихъ губерний, въ коихъ дѣйствуютъ постановленiя земскаго устава, по коимъ «никто не можетъ требовать и не обязанъ платить на губернскiя и частныя повинности, въ теченiе опредѣленнаго трехлѣтiя, болѣе того, что въ объявленiи по окладному листу назначено»... Единственнымъ посредникомъ между учреж-

денемъ, взимающимъ земельныя подати, и крестьянами-плательщиками служить помѣщикъ, который является не только сборщикомъ, отвѣчающимъ передъ дворянствомъ за исправный платежъ всего слѣдующаго съ его имѣнія количества сбора, но и тѣмъ единственнымъ органомъ, который, въ предѣлахъ своей вотчины, производитъ раскладку слѣдуемой съ имѣнія общей суммы сбора». Указывая на эти политическо-соціальныя условія мѣстной жизни, какъ на требующія коренной реформы, въ духѣ общеперскихъ законовъ, кн. Шаховскій считалъ необходимымъ произвести переимѣну и въ строѣ учебно-воспитательнаго дѣла, которое, по словамъ его «Отчета», дѣйствуетъ въ такомъ видѣ: «мѣстное управленіе школъ состоитъ въ Эстляндской губерніи подъ предсѣдательствомъ избираемаго приходскимъ конвентомъ изъ своихъ членовъ инспектора, изъ одного мѣстнаго церковнаго попечителя, приходскаго проповѣдника и одного волостного старшины прихода. Упомянутый совѣтъ завѣдываетъ школами всего уѣзда и состоитъ подъ предсѣдательствомъ инспектора, избираемаго высшею комиссіею сельскихъ народныхъ школъ, изъ двухъ церковныхъ попечителей, избираемаго на уѣздномъ собраніи, одного изъ проповѣдниковъ, по назначеніи мѣстной евангелическо-лютеранской консисторіи, и двухъ засѣдателей приходскихъ судовъ уѣзда», при этомъ онъ отмѣчаетъ то малопонятное дѣйствіе установленія, по которому «на церковные конвенты и церковныхъ попечителей возложено завѣдываніе дѣлами дорожной повинности».

Вотъ всѣ эти перечисленныя ненормальныя стороны мѣстной жизни и должны были быть, по мнѣнію князя Шаховскаго, реформированы и согласованы съ дѣйствующими по всей имперіи учрежденіями. Отчасти по его указаніямъ, но главнымъ образомъ при его содѣйствіи и черезъ его посредство за десять лѣтъ почти бытности его губернаторомъ въ Эстляндской губерніи, введены здѣсь (а также въ сосѣднихъ Курляндской и Лифляндской губерніяхъ) слѣдующія реформы, которыя суммированы въ «Краткой исторіи Прибалтійскаго края» покойнаго Евграфа Васильевича Чешихина въ послѣдней главѣ въ слѣдующей послѣдовательности. «Законъ 9 іюля 1888 г. о преобразованіи полицейскаго устройства предшествовалъ еще болѣе важному закону 9 іюля 1889 г. Въ силу перваго правительственная полиція за мѣнила собою прежнюю вотчинную полицію, въ крестьянскомъ быту ставившую крестьянина въ тѣсную зависимость отъ помѣщичьей власти. Освобожденіе крестьянъ отъ сословной опеки помѣщиковъ началось еще въ силу положенія 19 февраля 1866 года объ общественномъ волостномъ крестьянскомъ управленіи. Законъ 9 іюля 1889 года о примѣненіи къ Прибалтійскому краю судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года и о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій—завершилъ упомянутое освобожденіе; преобразование состояло въ томъ, что крестьянскій волостной судъ и управленіе получили строго правительственный характеръ, уже совер-

шенно чуждый вліянія помѣщика. На правительственныхъ комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ возложенъ закономъ 9 іюля 1889 года надзоръ за волостнымъ общественнымъ управленіемъ крестьянъ и за правильнымъ примѣненіемъ законовъ, обезпечивающихъ поземельное устройство крестьянъ и опредѣляющихъ отношенія ихъ къ помѣщику и т. д. Судебные уставы 1864 г., согласно закону 9 іюля 1889 г., дали населенію гласное устное судопроизводство на государственномъ языкѣ, взамѣнъ прежняго судопроизводства на нѣмецкомъ языкѣ, основаннаго на формальномъ канцелярскомъ и негласномъ ходѣ дѣлъ. Въ то же время происходила въ Прибалтійскомъ краѣ и учебная реформа. Съ 1884 г. учреждается и преобразовывается изъ нѣмецкихъ училищъ—цѣлый рядъ городскихъ училищъ съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ. Законами 23 мая 1889 г. и 17 апрѣля 1890 г. введено обязательное обученіе всѣмъ предметамъ, кромѣ Закона Божія евангелическо-лютеранскаго исповѣданія, на русскомъ языкѣ во всѣхъ мужскихъ и женскихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, при чемъ допущено послѣдовательное примѣненіе этой основной и рѣшительной мѣры втеченіе пяти лѣтъ, такъ, чтобы къ началу 1895 г. все преподаваніе во всѣхъ частныхъ училищахъ велось на русскомъ языкѣ. 19 февраля 1886 г. послѣдовалъ именной указъ о передачѣ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія всѣхъ сельскихъ евангелическо-лютеранскихъ школъ и учительскихъ семинарій. Въ то же время совершилось и преобразование среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ закономъ 10 апрѣля 1887 г. вводился повсемѣстно русскій преподавательскій языкъ. Также и высшія учебныя заведенія не остались внѣ реформы. Въ ветеринарномъ институтѣ Юрьева преподаваніе на русскомъ языкѣ введено еще въ 1883 г.; въ Юрьевскомъ университетѣ, въ которомъ введенъ общій университетскій уставъ 1884 г.; обязательное чтеніе всѣхъ лекцій на русскомъ языкѣ (кромѣ богословскаго факультета) предположено съ 1895 г.; преподаваніе въ рижскомъ политехническомъ училищѣ на русскомъ языкѣ уже предположено осуществить въ 1898 г. Вообще, повсемѣстное введеніе русскаго языка (напримѣръ, въ городскихъ управленіяхъ и пр.) до переименованія Дерпта въ Юрьевъ и Динаминда въ Усть-Двинскъ включительно — было наиболѣе яркимъ выраженіемъ общаго обрусенія края».

Этотъ длинный рядъ преобразованій, введенныхъ во всемъ Остзейскомъ краѣ и Эстляндской губерніи при князѣ Шаховскомъ, конечно, не всегда встрѣчалъ сочувствіе мѣстнаго привилегированнаго сословія, и русской администраціи приходилось считаться съ сильной оппозиціей со стороны рыцарства. Тѣмъ не менѣе какихъ либо особенно серьезныхъ столкновеній мы не знаемъ, кромѣ случаевъ въ дѣлѣ отчужденія церковныхъ земель, что относится уже къ вопросу объ общественной дѣятельности князя.

VIII.

Какъ общественный дѣятель, князь Сергѣй Владиміровичъ отмѣтилъ свое пребываніе въ Эстляндской губерніи горячимъ служеніемъ насажденію и поддержкѣ здѣсь православія. По этому предмету мѣстные газеты въ своихъ некрологахъ князя Шаховскаго высказались такъ: «Выше православія для него не было ничего на землѣ,—читаемъ мы въ «Рижскомъ Вѣстникѣ».—Любовь его къ православной церкви Христовой и къ построению храмовъ Божіихъ была сильнѣе и крѣпче всего, привязывающаго насъ къ землѣ. По истинѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ онъ былъ воинъ Христовъ»; а въ «Revaler Beobachter»: «Онъ оказалъ большія услуги греко-православной церкви здѣшняго края. Пютицкій монастырь и новыя церкви для сельскихъ православныхъ приходовъ служатъ памятниками его дѣятельности. Ему же принадлежитъ починъ построенія православнаго соборнаго храма на Вышгородской площади города Ревеля».

Эта дѣятельность князя Шаховскаго имѣла то преимущественное значеніе, что, удовлетворяя съ одной стороны законнымъ чувствамъ мѣстнаго, чисто-русскаго населенія, она шла вмѣстѣ съ тѣмъ на встрѣчу возникшему съ 1883 года между эстонскимъ населеніемъ Эстляндіи движенію въ православіе, что вызывало необходимость формировація новыхъ приходовъ и постройку церквей для нихъ. Въ первое время по открытіи приходовъ и назначеніи въ нихъ причтовъ, богослуженіе совершалось въ наемныхъ крестьянскихъ избахъ и обывательскихъ домахъ, гдѣ, вслѣдствіе тѣсноты, не могли помѣститься всѣ желающіе помолиться и гдѣ совершеніе богослуженія требовало громаднѣйшей выносливости со стороны причта. «Оставляя новые приходы въ такомъ печальномъ положеніи было неудобно во многихъ отношеніяхъ,—сказано въ первой главѣ «Вѣнка»,—и даже рискованно, потому что неутвердившіеся въ православіи новыя чада ея легко могли придти къ разочарованію и неустойчивому колебанію». Къ выдающимся предпріятіямъ въ этой области, получившимъ осуществленіе за его время, по его личной инициативѣ и непосредственномъ участіи, принадлежатъ: 1) постройка церквей въ новыхъ (15) сельскихъ православныхъ приходахъ; 2) постройка часовни въ Ревелѣ; 3) постройка православнаго соборнаго храма въ Ревелѣ; 4) постройка дома для Ревельскаго Преображенскаго сиротскаго пріюта, и 5) основаніе и устройство Пюхтицкаго женскаго монастыря и др. Церковно-строительное дѣло, при той интензивности, которую рѣшили ему придать князь Шаховской, конечно, не могло быть организовано на началѣ добротныхъ даяній, почему губернаторъ и исходатайствовалъ о выдачѣ ему на этотъ предметъ 420,000 рублей изъ суммъ государственнаго казначейства. Но недостаточно было наличности денежныхъ средствъ на церковно-строительное дѣло, не-

обходимо было еще разрѣшить трудный въ Эстляндской губерніи вопросъ—о приобрѣтеніи земельныхъ участковъ для сооруженія необходимыхъ строеній. Вотъ тутъ-то и проявилась во всей силѣ упорная оппозиція балтійскаго рыцарства, оппозиція, потребовавшая для благополучнаго разрѣшенія вопроса вмѣшательства законодательной власти. Священникъ К. Тизикъ описываетъ слѣдующимъ образомъ ходъ этого вопроса въ первой главѣ «Вѣнка»: «Вопросъ этотъ,—говоритъ онъ,—рѣшаемый большею частію благополучно въ мѣстностяхъ со сплошномъ православно-русскимъ населеніемъ, гдѣ подѣ церковь охотно уступаютъ землю и сельскія общества, и мѣстные помѣщики,—въ Прибалтійскихъ губерніяхъ представляетъ значительныя затрудненія. Вся земля здѣсь составляетъ собственность помѣщиковъ-нѣмцевъ, которые, въ силу сложившихся историческихъ обстоятельствъ, по принципу являются противниками православной церкви въ Эстляндіи. Нѣкоторые изъ нихъ благоразумно вступали въ добровольное соглашеніе и уступали землю за сносную плату, иные даже дарили неудобные участки, чтобы избавиться отъ уступки лучшихъ участковъ, намѣченныхъ духовнымъ вѣдомствомъ... Но иные наотрѣзъ отказывались вступать въ какія либо сдѣлки по этому предмету, избѣгали встрѣчи съ лицами, которымъ поручалось приобрѣтеніе участковъ, отговаривались незнаніемъ русскаго языка, баронъ Штакельбергъ на о. Вормсѣ даже выставлялъ такое препятствіе, что съ отдѣленіемъ для православной церкви пяти десятинъ пустопорожней земли на всемъ островѣ можетъ погибнуть овцеводство, или запрашивали невозможную цѣну, словомъ — всякими мѣрами до крайности затягивали и затрудняли дѣло, такъ что приобрѣтеніе церковныхъ участковъ путемъ добровольнаго соглашенія становилось положительно невозможнымъ. Въ виду такого положенія дѣла являлось необходимымъ прибѣгнуть къ другимъ, болѣе дѣйствительнымъ и соответствующимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ мѣрамъ для приобрѣтенія церковныхъ участковъ, именно путемъ принудительнаго отчужденія»¹⁾. Указавъ далѣе, съ какимъ сердечнымъ участіемъ относились мѣстные крестьяне-лютеране къ торжеству освященія новопостроенныхъ православныхъ церквей, священникъ К. Тизикъ отмѣчаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и факты противоположныя въ поступкахъ бароновъ-землевладѣльцевъ. Последнее обстоятельство, по словамъ автора, напоминало, «что еще не совсѣмъ отошли въ прошлое тѣ недавніе дни, когда православныхъ Веллискаго прихода хоронили рядомъ съ самоубійцами, потому что своего кладбища они еще не имѣли, а помѣщикъ, онъ же и церковный попечитель, не позволялъ хоронить православныхъ на лютеранскомъ кладбищѣ».

Рядомъ съ постройкой многочисленныхъ церквей князь Шаховской дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобъ поднять въ населеніи авторитетъ церковно-служителей и облегчить ихъ матеріальное положе-

¹⁾ Высочайше утвержденныя правила 10-го февраля 1886 года.

ніе. Не менѣе того стремился онъ и къ сплоченію между собою русскаго общества, въ видахъ чего его стараніями въ городахъ Ревель и Везенбергъ выстроены русскія общественныя собранія. Взглядъ его на необходимость сплоченія между собою русскихъ элементовъ изложенъ имъ въ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ¹⁾: «Коренные русскіе бѣдны,—писалъ князь министру,—прищлый русскій элементъ, по преимуществу еще бѣднѣе. Но отсутствіе средствъ не уничтожаетъ въ людяхъ потребности къ общественной жизни. За неимѣніемъ общественнаго собранія приходилось бы многимъ изъ нихъ дѣлать приемы у себя, что сопряжено было бы съ непосильными для нихъ расходами и въ концѣ концовъ могли бы вывести ихъ изъ бюджета и заставить жить сверхъ средствъ. Да и независимо отъ этаго, приемы въ частныхъ домахъ не могутъ замѣнить общественнаго собранія. При такихъ условіяхъ общество разбилось бы на отдѣльные кружки и перестало бы существовать какъ общество. Между тѣмъ, на нашей окраинѣ, гдѣ русскіе люди наперечетъ, нужно стремиться не къ разъединенію русскихъ силъ, не къ дробленію ихъ на кружки и партіи, а, напротивъ того, къ ихъ соединенію и сплоченію. При такомъ только условіи общество и можетъ выполнить лежащую на немъ нравственную обязанность—быть проводникомъ въ мѣстную, чуждающуюся всего русскаго, среду русскихъ культурно-патріотическихъ задачъ и тѣмъ способствовать установленію духовной связи окраины съ имперіей».

Сплотивъ вокругъ себя русскіе элементы, князь Шаховской, при самомъ дѣятельномъ содѣйствіи своей супруги, воспользовался этими элементами, чтобъ замѣнить ими мѣстныя благотворительныя общества, носившія на себѣ узко-національный и «конфессіональный характеръ». Сдѣлавъ предварительно попытку проникнуть въ эти учрежденія въ качествѣ союзника и встрѣтивъ въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ отпоръ со стороны рыцарства и пастората, онъ перешелъ затѣмъ къ наступательной дѣятельности и вынужденъ былъ нанести жестокій ударъ тайному Verein'у, имѣвшему назначеніемъ объединить всѣ приходскія попечительства съ цѣлью германизации мѣстнаго эстонскаго и латышскаго населенія. Убѣдившись въ существованіи этого тайнаго Verein'a, онъ потребовалъ отъ его вожаковъ представленія разрѣшеннаго устава. Послѣдніе поняли, что борьба въ этомъ отношеніи съ администраціей бесплодна, и прекратили дѣйствія тайнаго союза. На смѣну послѣднему князь Шаховской немедленно перенесъ въ существовавшее еще до него ревельское русское благотворительное общество кругъ благотворительнаго вѣдѣнія Verein'a и въ составѣ правленія общества организовалъ коллегіальный исполнительный органъ, подъ наименованіемъ «Контора для бѣдныхъ», съ платнымъ при ней агентомъ, на коего и возложена была исполнительная работа. Организовавъ правильно это учрежденіе, онъ посѣщавъ при

¹⁾ «Вѣнокъ», стр. 89.

дѣйствовавшемъ уже «Красномъ Крестѣ» основать особый комитетъ для борьбы съ эпидеміями. Во главѣ этого комитета стала Терезія Петровна Воленсъ, пріобрѣтшая себѣ широкую извѣстность, какъ сестра милосердія, еще во время Севастопольской войны. Основаніе такого комитета было тѣмъ особенно необходимо, что до князя Шаховского санитарное дѣло и дѣло призрѣнія больныхъ стояло въ Эстляндской губерніи очень плохо. Такимъ образомъ, упразднивъ «конфессіональныя» учрежденія бароновъ, онъ сумѣлъ замѣнить ихъ новыми русскими, устранивъ отъ нихъ всякую національную исключительность.

Эти мѣропріятія, значительно содѣйствовавшія подъему народнаго самосознанія мѣстныхъ русскихъ, а также эстовъ и латышей, вмѣстѣ съ указанными выше мѣропріятіями правительства, имѣли главнымъ своимъ назначеніемъ сближеніе окраинъ съ условіями всей русской жизни вообще, введеніе туда тѣхъ началъ, на которыхъ жидется весь строй русской земли. О достоинствахъ или недостаткахъ этого строя здѣсь не мѣсто говорить, но нельзя, во всякомъ случаѣ, не отмѣтить, что, по сравненіи его съ исключительной конституціей, которою до 1880-хъ годовъ пользовались остзейскіе бароны, онъ носитъ на себѣ значительно болѣе демократическій характеръ, содержитъ въ себѣ болѣе общечеловѣческихъ началъ братства и равноправности. То, что прежде было достояніемъ небольшой горсти пришлаго аристократическаго сословія, распространяется отнынѣ на всѣ остальные, и дѣлаетъ жизнь мѣстнаго крестьянина гораздо болѣе приглядною и согласною съ законами справедливости. Но не смотря на все, сдѣланное въ жизни этого крестьянина, остается одинъ пробѣлъ, и притомъ весьма существенный, который все-таки держитъ его вдали отъ тѣхъ благъ, которыми онъ долже нѣ бы былъ пользоваться. Я разумѣю здѣсь экономическое состояніе сельскаго населенія. Уравненіе условій жизни мѣстнаго крестьянства съ обще-русскимъ, все-таки не сдѣлано въ полномъ объемѣ. Свободный лично, онъ по старому продолжаетъ оставаться въ тяжелой зависимости отъ помѣщика. Вотъ, что говорить по этому предмету г. Харузинъ, въ недавно вышедшемъ трудѣ «Крестьянское землевладѣніе въ Эстляндской губерніи»: «слѣдуетъ отмѣтить, «что арендаторы и собственники, какъ крестьянской, такъ и той части мызной земли, которая предоставлена крестьянамъ въ пользованіе вмѣстѣ съ ихъ семьями, составляетъ только 41,4% всего числа душъ крестьянскаго сословія. Если предположить, что все пространство земли крестьянскаго пользованія подѣлено между всѣми крестьянами, то на каждую душу обоого пола пришлось бы по 2,19 десятины всей земли и по 0,5 дес. пахоти; согласно этому, Эстляндская губернія принадлежитъ къ разряду губерній Европейской Россіи, наибѣднѣйшихъ землею. Въ дѣйствительности же въ Эстляндской губерніи земельное богатство [распредѣляется иначе и крайне неравномѣрно... Собственно, крестьянская земля обеспечи-

васть 23,7% всего населенія 7,5 десятинами всей земли... и 10,5% — 1,5 десятинами всей земли..., т. е. обезпечиваетъ только 34,2% всего крестьянскаго населенія. Принимая во вниманіе, что крестьяне Эстляндской губерніи пользуются кромѣ крестьянской земли и частью земли мызной, которая, слѣдовательно, въ свою очередь, обезпечиваетъ часть крестьянскаго сословія землею, слѣдуетъ это послѣднее раздѣлить на три разряда: 1) безземельныхъ крестьянъ—58,6%, 2) обезпеченныхъ землею по 1,5 десятины на душу—14,8%, и 3) обезпеченныхъ землею хорошо (по 7,4 дес. на душу)—26,6%, т. е. безземельный рабочій классъ, земельный пролетаріатъ и мелкіе землевладѣльцы». Какъ бы для смягченія такой невеселой картины, г. Харузинъ спѣшитъ съ утѣшеніемъ, утверждая, что законченныя при князѣ Шаховскомъ реформы, сыграли весьма значительную роль въ дѣлѣ усиленія продажи крестьянскихъ участковъ и недѣленіе необезпеченныхъ землею. «Это наше предположеніе, говоритъ г. Харузинъ, повидимому, подтверждается и тѣмъ, что съ 1890 года, т. е. со времени введенія института комиссаровъ по крестьянскимъ дѣламъ, а затѣмъ, по утвержденіи особой формы министромъ внутреннихъ дѣлъ арендныхъ контрактовъ, нормирующихъ взаимное отношеніе помѣщика и крестьянъ, не безъ пользы для послѣднихъ, продажа крестьянскихъ участковъ ежегодно весьма значительно увеличилась».

Дѣйствительно, въ средѣ правящихъ сферъ существуетъ стремленіе что нибудь сдѣлать въ пользу крестьянства Эстляндской губерніи, но этотъ вопросъ — вопросъ будущаго. При князѣ Шаховскомъ въ этомъ направленіи ничего не было сдѣлано существеннаго, почему и въ десятилѣтнемъ его управленіи краемъ рѣзко въ глаза бросается такая брешь, которая не позволяетъ разсматривать политику того періода, какъ нѣчто вполне законченное и органически-цѣльное въ духѣ программы Юр. Самарина и Ив. Аксакова, и что окончательно сближало бы нашу окраину съ устоями экономической и соціальной жизни остальной Россіи. Администрація, сломивъ конституціонный строй, эгоистически выработанный рыцарствомъ только на свою потребу, не успѣла вмѣсто него создать иного, прикрѣпленнаго къ нѣдрамъ народной жизни глубокими и мощными корнями.

Можетъ быть, князь Шаховской и сдѣлалъ бы современемъ въ этомъ отношеніи необходимыя и существенныя поправки, но судьба судила иное. Возобновившіеся въ первой половинѣ 1894 года извѣстные уже читателямъ припадки имѣли роковой исходъ. Въ одинъ изъ такихъ припадковъ, случившійся 12-го октября 1894 года, его не стало, и край лишился энергичнаго, просвѣщеннаго дѣятеля, который положилъ немало труда и силъ на созданіе въ вѣрной ему губерніи новаго строя жизни.

Б. Глинскій.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА РАФАИЛОВИЧА ЗОТОВА.

I.

ЕВРАЛЯ шестого, текущаго года, скончался ветеранъ русской журналистики, Владиміръ Рафаиловичъ Зотовъ.

Потеря эта не является, конечно, неожиданной. Зотовъ умеръ 76 лѣтъ, проработавъ въ литературѣ болѣе полувѣка. Силы долго не оставляли его, и только съ начала минувшаго года сдѣлалось очевидно, что Зотовъ стоитъ на грустной «очереди». 5-го мая онъ писалъ редактору «Историческаго Вѣстника» С. Н. Шубинскому: «Я уже съ недѣлю на дачѣ, хотя лѣто порадовало только немногими теплыми апрѣльскими днями Переѣздъ въ каретѣ, а не по желѣзной дорогѣ, утомилъ меня, а тутъ еще я повѣрилъ въ возможность у насъ ранняго тепла и еще немного простудился. Теперь, впрочемъ, поправился, хотя и не рассчитываю дожидаться рѣшенія нашей комиссіи (при Академіи Наукъ). Весьма вѣроятно, что возвращаться въ домъ Краевскаго мнѣ не придется, а съ вами надо будетъ проститься заочно. Да и пора, право: 75 лѣтъ весьма достаточно для труженика-журналиста, и я удивляюсь, какъ это М — овъ живетъ 79-й, а С — ій 77-й годъ». Отъ 12-го іюня того же года В. Р. писалъ: «Плохо, С. Н., и, кажется, намъ съ вами больше не увидѣться. Желудочно-кишечное разстройство у меня такое, что его ничѣмъ нельзя остановить. О рѣшеніи комиссіи 13-го января меня увѣдомилъ П. еще 18-го мая, и вслѣдъ затѣмъ я получилъ официальную бумагу, но въ казначействѣ дѣла о пенсіяхъ тянутся пять-шесть мѣсяцевъ, и врядъ ли мнѣ придется увидѣть хоть грошъ изъ этой пенсіи»..

Послѣднее письмо Зотова къ С. Н. было отъ 19-го декабря: «Я все еще не могу покончить съ отправленіемъ на тотъ свѣтъ,— жаловался В. Р.—День лучше, день хуже. Силы не возвращаются положительно. Почти ничего не дѣлаю, даже читаю мало. Во всякомъ случаѣ еще не прощаюсь съ вами послѣднимъ, хотя бы и заочнымъ лобзаніемъ».

Итакъ, Зотову суждено было и вернуться въ домъ Краевского, гдѣ онъ жилъ много лѣтъ, и воспользоваться пенсіей имени императора Николая II, пожизненнымъ пособіемъ изъ литературнаго фонда и единовременной выдачей 800 рублей изъ кассы взаимопомощи. Передъ смертью судьба улыбнулась ему. Помимо матеріальнаго значенія, эта пенсія и пособіе имѣли для В. Р. и нравственное значеніе: дѣятельность его, какъ ни какъ, оказывалась оцѣненной и вознагражденной. Конечно, представленіе о «наградѣ» очень растяжимо. «Награда», выпавшая на доло Зотова за пятьдесятъ пять лѣтъ литературнаго труда, возбуждаетъ въ иныхъ совсѣмъ не отрадныя мысли. «Зотовъ умеръ,—пишетъ г. Михневичъ,— всѣми забытый, въ тѣсной квартирѣ и въ убогой обстановкѣ, и проводить его гробъ куда-то на пустынное, загородное Успенское кладбище собралась небольшая кучка старыхъ товарищей и друзей. И эта смерть, и эти похороны были печальны въ полномъ значеніи этого слова; но немногимъ веселѣе была и эта долгая, труженическая, безупречно честная жизнь.

«У всякой службы есть выслуга съ обезпеченіемъ немощной старости, у всякаго труда есть отдыхъ, даже для каторжной работы полагаются сроки. Зотовъ слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ ревностно проработалъ въ журналистикѣ безъ выслуги, безъ отдыха и срока, проработалъ до полного истощенія силъ, до потери способности держать перо въ рукахъ, былъ «честнымъ писателемъ и прекраснымъ человѣкомъ», былъ «добросовѣстнымъ, полезнымъ, неутомимымъ работникомъ, какихъ мало въ нашей литературѣ», и, по компетентному свидѣтельству его друга, г. С. Ш.¹⁾, «справедливо пользовался уваженіемъ всѣхъ, кому дороги лучшія литературныя преданія и кто цѣнитъ въ писателѣ не одно только дарованіе, но и благородныя побужденія и стремленія», которыми онъ руководится.

«Къ этому слѣдуетъ прибавить, что В. Р. и въ другихъ отношеніяхъ представлялся рѣдкимъ дѣятелемъ, «какихъ мало» въ нашей журналистикѣ и особенно въ нынѣшней. Онъ былъ человѣкомъ высокообразованнымъ, зналъ почти всѣ европейскіе языки и владѣлъ необъятной начитанностью, о которой можно судить уже по его огромной «Исторіи всемірной литературы». Какъ свидѣтельствуеетъ г. С. Ш., матеріалъ для этой книги онъ собиралъ въ теченіи 30-ти лѣтъ. «Перечислить все написанное В. Р. невозмож-

¹⁾ Некрологъ Зотова въ № 7.168 «Новаго Времени».

но,—говорить г. С. Ш.:—его произведенія, собранныя вмѣстѣ, составили бы нѣсколько десятковъ томовъ».

«Кто зналъ Зотова, тотъ, я думаю, не въ состояніи представить его себѣ иначе, какъ за письменнымъ столомъ, съ перомъ въ рукахъ, или что нибудь читающимъ своими потухшими, утомленными и страшно близорукими глазами».

До чего же дослужился этотъ неутомимый, полезный и добросовѣстный труженикъ журналистъ?

«Въ высшей степени скромный, непритязательный и деликатный, онъ довольствовался ничтожными вознагражденіями по несенію разныхъ редакціонныхъ обязанностей и, случалось, терпѣливо мирился съ такимъ иногда служебно-подчиненнымъ, унижительнымъ положеніемъ, что вчужѣ становилось больно за него и обидно. Вѣдь, въ иныхъ нашихъ редакціяхъ, даже либеральныхъ, сотрудники, особенно кто помирнѣе, трактуются нисколько не деликатнѣе, не мягче и не равноправнѣе, чѣмъ трактовались въ доброе старое время канцеляристы своимъ начальникомъ, какимъ-нибудь «чиновнымъ извергомъ», по выраженію Щедрина, въ иной дореформенной канцеляріи».

«Зная Зотова и его ресурсы, видя его въ неавантажныхъ положеніяхъ, въ тяжелой и непріятной зависимости, приходилось невольно дѣлать горько-поучительныя сравненія и сопоставленія. Сколько людей, неизмѣримо менѣе способныхъ и образованныхъ, несравненно менѣе достойныхъ и полезныхъ, если не прямо гнусныхъ и вредныхъ, выдвигались, дѣлали карьеру, пріобрѣтали видное положеніе, благосостояніе и даже вліяніе, благодаря наглости, практической ловкости и глупому случаю, тогда какъ скромный, честный Зотовъ до конца и безъ исхода тянулъ неблагодарную ляжку журнальнаго чернорабочаго и, когда силы его оставили, былъ близокъ положительно къ нищетѣ!

«Я посѣтилъ его мѣсяца за три до смерти,—разсказываетъ г. Михневичъ,—и засталъ въ томъ тяжеломъ, безнадежномъ положеніи, которое можно бы назвать ликвидаціей человѣка, а въ настоящемъ случаѣ—ликвидаціей писателя. Это чувствовалось во всей скромной, неприхотливой обстановкѣ, нарушенной, беспорядочно сдвинутой съ мѣста и на половину опустошенной, какъ это бываетъ передъ выѣздомъ или послѣ какой нибудь тревоги, либо несчастья въ домѣ. Но самое печальное, удручающее впечатлѣніе производили беспорядочно сваленныя въ кучу на полу, разбитыя, разрозненныя книги, еще недавно — добрыя, вѣрные, старые друзья своего хозяина. Теперь онѣ ему не нужны. Книги продавались за безцѣнокъ букинистамъ и охотникамъ, и все наиболѣе цѣнное было уже выбрано... Полная ликвидація писательскаго гнѣзда!

«Еще печальнѣе была моя встрѣча съ самимъ В. Р. Онъ меня сначала не узналъ, хотя тутъ же сказалъ, что ждалъ именно меня,

назвавъ мое имя и отчество. Опустившійся, мертвенно блѣдный, истощенный и обезсиленный до того, что, стоя на ногахъ, шатался, какъ былинка, онъ былъ невыразимо жалокъ. Съ минуту онъ бодрился, уклонялся отъ сторонней помощи, настойчиво повторялъ, что онъ «все еще самъ можетъ», что онъ еще «ничего» и чувствуетъ себя «очень бодро», но бодрости этой хватило ненадолго.

Владиміръ Рафаиловичъ Зотовъ.

Сѣвъ въ кресло, онъ мгновенно впалъ не то въ забытье, не то въ дремоту...

«Это была смерть заживо, была та же ликвидація, моральная и духовная!»

Тяжелую картину нарисовалъ г. Михневичъ, но могла ли она быть иною? При всѣхъ заслугахъ Зотова, какъ журналиста, при всѣхъ отличныхъ достоинствахъ его, какъ человѣка, онъ не обладалъ ничѣмъ, что держало бы его постоянно «на виду», сохраняя память

о немъ и въ обществѣ, и въ литературѣ. За пятьдесятъ пять лѣтъ В. Р. написалъ безконечное множество статей, фельетоновъ, очерковъ, изслѣдованій, романовъ, стиховъ, драматическихъ произведеній и т. д., и т. д., но ему не удалось оставить послѣ себя такого созданія, которое неразрывно было бы связано съ его именемъ и разъ навсегда отводило бы ему опредѣленное мѣсто въ литературѣ. Въ этомъ надо искать причину скорого забвенія и отсутствія живого вниманія къ писателю, безусловно почтенному, благородному, искреннему...

II.

Зотовъ далъ вѣрную оцѣнку значенія той категоріи литературныхъ дѣятелей, къ которой принадлежалъ самъ. «И не принадлежа къ первокласснымъ писателямъ,—говоритъ онъ,—не обладая выдающимся, блестящимъ дарованіемъ, можно приносить пользу на поприщѣ журналистики возможнымъ развитіемъ и популяризацией идей прогресса, просвѣщенія, гуманности. Не принимая на себя роли проповѣдника и наставника, журналистъ можетъ проводить эти идеи во всѣхъ формахъ литературы, преслѣдуя въ то же время отсталыя рутинныя понятія и предрасудки, дикіе взгляды и допотопныя убѣжденія въ сферахъ общественной и политической жизни. Дѣлать общедоступными идеи великихъ мыслителей, вводить въ практику, на сколько это возможно при современномъ устройствѣ общества, сколько нибудь осуществимыя теоріи, добытыя опытомъ и мышленіемъ, бороться упорно и неустанно со всѣми ненормальными явленіями въ жизни, хотя бы они прикрывались благонамѣренностью, ложнымъ патріотизмомъ и псевдоблагочестіемъ, опровергать здравой логикой или насмѣшками всѣ софизмы невѣжества, всѣ громкія фразы фанатической нетерпимости и личныхъ своекорыстныхъ выгодъ—вотъ цѣль и назначеніе журналиста»...

Этому назначенію Зотовъ оставался вѣренъ отъ начала до конца своей долговременной литературной дѣятельности. Онъ былъ человекомъ стараго закала, старыхъ традицій. Какую бы статью Зотова вы ни взяли, ваше вниманіе будетъ прежде всего привлечено замѣчательной эрудицией автора. В. Р. всегда зналъ предметъ, о которомъ намѣревался писать. Сужденія его могли быть сухи, лишены оригинальности и смѣлости; онъ могъ обнаруживать въ извѣстныхъ случаяхъ даже узость и тенденціозность, но каждая написанная имъ строка продумана, свидѣтельствуетъ о всестороннемъ образованіи и замѣчательной искренности журналиста. Такіе работники уже не появляются въ нашей литературѣ. Правда, людей, берущихся за что угодно, считающихъ себя компетентными въ любой области и нынче непочатый край, но, во-первыхъ, эти люди преисполнены величайшаго самолюбія, что неминуемо отражается на работѣ круп-

ными недостатками, а во-вторых, нравственный ценз и умственный багаж современных «всезнаек» нерѣдко оказывается ниже даже снисходительной критики.

Потому-то для переживаемаго нами времени личность Зотова представляет много поучительнаго. Въ искусствѣ теперь пошли какіе-то декаденты, въ журналистикѣ—бойкіе мужчины, отрицающіе необходимость опредѣленныхъ убѣжденій и твердости принциповъ. Встрѣтить статью или рассказъ, написанные талантливо—нынче вовсе не рѣдкость; но встрѣтить талантливо написанный рассказъ или статью, гдѣ мысль автора слѣдовала бы въ ясно намѣченномъ направленіи и проистекала изъ здороваго, сильнаго чувства,—рѣдкость величайшая. У нынѣшнихъ писателей чувства настолько же смутны и дряблы, насколько мысль безформенна, не ярка и не сильна. Если бы вся наша литература состояла изъ подобныхъ талантливыхъ, но нездоровыхъ произведеній, она, конечно, ничего отъ этого не выиграла бы. Талантъ лишь могучее вспомогательное средство. Какъ ни велико его значеніе, талантъ не отшлифованный, не опредѣлившійся въ своемъ призваніи, не сознающій своихъ размѣровъ, не оживленный искреннимъ горячимъ убѣжденіемъ, не имѣющій передъ собою ясной и нешрѣнно сильной цѣли, не вооруженный эрудиціей,—можетъ причинять только вредъ литературѣ, внося въ умы читателей путаницу и смуту.

В. Р. Зотовъ сознавалъ, что судьба не надѣлила его «блестящимъ, выдающимся дарованіемъ». Одаренный извѣстнымъ вкусомъ, «литературностью», умѣніемъ ясно и послѣдовательно излагать свои мысли, онъ могъ работать въ любой отрасли слова. Дебютъ его состоялся въ «Маякѣ» Бурачка, гдѣ В. Р. помѣстилъ стихотвореніе. Бурачекъ провозгласилъ Зотова преемникомъ Пушкина и хотя, разумѣется, очень ошибся, однако стихи молодого поэта нельзя было не признать вполне удовлетворительными по формѣ и содержащими опредѣленную художественную идею. Затѣмъ Зотовъ началъ писать романы, повѣсти, драматическія произведенія, критическія статьи, фельетоны. Конечно, врядъ ли кто помнитъ его драмы: «Святославъ», «Король Энціо», «Шкиперъ», «Мольеръ», «Чума въ Миланѣ», «Диогенъ», «Расинъ» романы: «Человѣкъ съ характеромъ», «Старый домъ» (въ 12 частяхъ), повѣсти и рассказы: «Волтижерка», «Между Петербургомъ и Москвою», «Комедія въ оперѣ», «Докторша», и пр. Романъ «Старый домъ» былъ напечатанъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Дѣйствіе романа тянулось черезъ длинный рядъ поколѣній, начинаясь въ эпоху Петра Великаго и доходя до современной появленію романа эпохи. Романы и драмы Зотова не отличались художественностью и мастерствомъ отдѣлки, но это не были также пошлые романы и глупыя драмы. Наоборотъ, въ драматическихъ, напримѣръ, произведеніяхъ Зотовъ обнаруживалъ большую начитанность, основательное знакомство съ даннымъ временемъ и бытомъ, съ характе-

рами различныхъ историческихъ лицъ. Онъ не выдумывалъ драматическіе сюжеты, а бралъ ихъ изъ исторіи. Тутъ сказывалось больше желаніе познакомить зрителей въ интересной сценической формѣ съ біографіями замѣчательныхъ людей (Диогена, Расина, Мольера), нежели соперничать съ Шекспиромъ—претензія, весьма распространенная среди гг. драматурговъ нашихъ дней.

Съ беллетристикой и драматургіей Зотовъ покончилъ приблизительно во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Тутъ онъ выступаетъ исключительно въ роли критика и публициста. Рядъ статей о Пушкинѣ и Лермонтовѣ (особенно о Лермонтовѣ), напечатанныхъ имъ въ «Сѣверномъ Сіяніи», «Иллюстрированной Газетѣ» и «Воскресномъ Досугѣ», останавитъ, вѣроятно, вниманіе и послѣдующихъ критиковъ двухъ великихъ нашихъ поэтовъ.

Безспорную цѣнность представляютъ статьи Зотова для энциклопедическихъ словарей Толя и Березина. Третій томъ словаря Толя почти весь составленъ В. Р., въ словарѣ же Березина Зотову принадлежитъ до пятидесяти статей и буква Л подрядъ до слова «Литва». Неудивительно, что, разбирая энциклопедическіе словари, выходившіе послѣ Толя и Березина, В. Р. обнаруживалъ не только замѣчательныя познанія въ данной области, но и превосходное пониманіе технической стороны дѣла.

Почти съ самаго основанія и до прекращенія «Голоса», Зотовъ былъ секретаремъ и постояннымъ сотрудникомъ этой газеты, а въ послѣдніе годы работалъ исключительно въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и «Наблюдателѣ».

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» В. Р. Зотовъ велъ отдѣлъ «Смѣси» и «Заграничныхъ историческихъ новостей». Ему же принадлежать многія рецензіи въ бібліографическомъ отдѣлѣ и рядъ самостоятельныхъ статей (напримѣръ, о дневникѣ Никитенко и др.). Въ «Наблюдателѣ» Зотовъ также завѣдывалъ опредѣленнымъ отдѣломъ (иностранная хроника), писалъ статьи объ иностранной литературѣ и разборъ новыхъ книгъ. Въ первые годы изданія «Наблюдателя» В. Р. принималъ дѣятельное участіе въ редактированіи этого журнала, что, конечно, благотворно отзывалось на общей фізіономіи «Наблюдателя».

III.

Остается немного прибавить къ той бѣглой характеристикѣ В. Р. Зотова, какъ человѣка и писателя, которую мы сдѣлали выше.

Какъ-то незадолго до закрытія «Голоса» ближайшіе сотрудники газеты снимались группою. В. Р. написалъ къ этой «группѣ» пояснительное стихотвореніе, въ которомъ посвятилъ себѣ слѣдующія строки:

Вотъ и онъ — Владиміръ Зотовъ,
 Чуждъ житейскихъ всѣхъ расчетовъ,
 Жаромъ юности согрѣтъ,
 До сѣдыхъ волосъ дожившій,
 Ничего не прикопившій
 Про запасъ для дряхлыхъ лѣтъ,—
 Развѣ это не поэтъ?
 Хоть стихи его не звучны,
 Онъ не тискалъ въ сборникъ скучный
 Вдохновенія плоды,
 Пѣлъ, какъ птица въ часъ веселый,
 Или въ дни борьбы тяжелой
 Провозвѣстникомъ бѣды.
 И въ кружкѣ друзей хоть тѣсною
 Онъ, быть можетъ, не умретъ,
 Пусть поэтомъ неизвѣстнымъ—
 Только гражданиномъ честнымъ
 Онъ въ потомство перейдетъ.

Зотовъ переходитъ въ потомство честнымъ гражданиномъ. Можно придерживаться иныхъ возрѣній, нежели тѣ, которымъ служилъ онъ всю жизнь, но нельзя не воздать ему должнаго, нельзя не почитать въ немъ писателя стойкаго, искренняго, добросовѣстнаго.

Характеристика Зотова осталась бы не законченной, если бы мы умолчали объ его отношеніи къ еврейскому вопросу. Еще въ первые годы изданія «Иллюстраціи» Зотовъ нашель въ себѣ мужество занять по отношенію къ «гонимому племени» надлежащую позицію. Тогда противъ него «протестовали». Протестъ вызвалъ, между прочимъ, рядъ блестящихъ выходовъ со стороны «Современника», гдѣ Добролюбовъ, и въ прозѣ, и въ стихахъ, жестоко осмѣялъ «протестантовъ», а всю исторію назвалъ—жидовскою! Однако, юдофобство не прошло Зотову даромъ, и еврейскіе органы, въ родѣ «Сѣвернаго Вѣстника», забывая всѣ его заслуги, не забыли его «преступленія». Не далѣе, какъ въ концѣ минувшаго года, вышла книга одного литературнаго рецензента, еврея, опять воскрешающая память о «поступкѣ» «Иллюстраціи». Безпринципный борзописецъ называетъ Зотова клеветникомъ, человѣкомъ увертливымъ и безъ всякихъ убѣжденій!!! Конечно, неприязнь со стороны «литераторовъ», подобныхъ автору упомянутой книги, можетъ служить только лишнимъ доказательствомъ безукоризненности нравственнаго облика В. Р.

Итакъ, въ нашей литературѣ опять вакантное мѣсто... За короткое время этихъ вакантныхъ мѣстъ набралось много. Умерли Лѣсковъ, Терпигоревъ, Страховъ, Зотовъ... Кто же пришелъ имъ на смѣну?... А впереди невольно считаешь новыя потери...

К. Медвѣдскій.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА СТРАХОВА.

НВАРЯ 24-го скончался Николай Николаевичъ Страховъ. Эта смерть не была неожиданностью ни для самого покойнаго, ни для его друзей. Еще весной минувшаго года у него образовался ракъ языка — болѣзнь, смертельный исходъ которой можно лишь отсрочить и то лишь на самое непродолжительное время. Захвативъ болѣзнь довольно поздно, покойный подвергся мучительной операціи: ему вырѣзали заразительныя части языка, такъ что онъ долгое время совершенно лишень былъ возможности говорить. Послѣ операціи онъ уѣхалъ въ Ясную Поляну, къ графу Л. Н. Толстому, и затѣмъ, проведя нѣсколько времени въ Кіевѣ, отправился въ Крымъ. Хотя операція была произведена чрезвычайно успѣшно, хотя силы больного ежедневно возвращались, онъ отнюдь не скрывалъ отъ себя ненадежности этого здоровья. «Заниматься собою мнѣ довольно противно», писалъ онъ 15-го іюля. «Слава Богу, конецъ уже близко, и, надѣюсь, непостыдно дожить до него». — «Слава Богу», писалъ онъ 7-го сентября, «здоровье мое поправляется съ каждымъ днемъ, хотя съ каждымъ днемъ близится дряхлость и смерть. Напрасно вы меня укоряете за неписаніе: я самъ каждый день думаю о томъ, какъ бы писать и о чемъ слѣдовало бы писать; но отъ думы до дѣла не доходитъ. Читатели не имѣютъ права много требовать отъ старика». Тѣмъ не менѣе съ сентября мѣсяца до самой кончины онъ усердно работалъ надъ новой, задуманной имъ статьею — «О естественной системѣ». Кромѣ того, за послѣднее время онъ писалъ свои краткія воспоминанія для одного изъ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника», готовившаго къ печати обзоръ его литературной дѣятельности по поводу исполнившагося минувшимъ лѣтомъ ея сорокалѣтія; эти біографическія свѣдѣнія войдутъ въ названную статью, которую мы имѣемъ въ виду помѣстить въ апрѣльской книжкѣ. Правда, покойный жаловался на трудность работы, на утомленіе; но былъ бодръ и веселъ до послѣдней минуты. Болѣзнь

возобновилась у него дней за 10 до кончины: ракъ перешелъ на легкія и сердце.

Великъ и невозвратимъ пробѣлъ, оставленный смертью покойнаго въ русской литературѣ; отзывы прессы, помѣщаемые нами въ «Смѣси» настоящей книжки, даютъ яркое тому доказательство. За послѣдніе годы наше общество теряетъ одного за другимъ своихъ лучшихъ руководителей, и они уходятъ, не оставляя по себѣ ни преемниковъ, ни замѣстителей. Тѣмъ больнѣе и глубже ощущается утрата человѣка, бывшаго единственнымъ въ своей области и совѣщавшаго въ себѣ такое разностороннее просвѣщеніе, такое тонкое дарованіе, такой высокой складъ воли и ума, какъ Н. Н. Страховъ. Его дѣятельность — изумительный примѣръ безкорыстной любви къ наукѣ, искусству, Россіи; ни передъ властью, ни передъ модой, ни передъ толпой и ея увлеченіями никогда не заискивалъ онъ и высказывалъ свою мысль съ тою независимостью, прямою и точностью, которыя свойственны лишь самымъ выдающимся и самобытнымъ умамъ. Текущая минута имѣла весь его интересъ и не имѣла надъ нимъ ни тѣни власти. Большая свобода духа невозможна для писателя. Восторженно благоговѣя предъ истиннымъ величіемъ, онъ не ослѣплялся никакимъ ложнымъ очарованіемъ, никакою славою, никакимъ успѣхомъ; смѣло можно свазать, что ни одинъ мыслитель и критикъ не сохранялъ предъ лицомъ величайшихъ авторитетовъ такъ спокойно и твердо свое независимое мнѣніе, какъ онъ. Никакая слава не могла заглушить его добродушной ироніи, никакое пренебреженіе не могло предъ нимъ затмить истинныхъ достоинствъ писателя или художника. Сквозь градъ всеобщихъ насмѣшекъ онъ провозглашалъ величіе графа Л. Н. Толстого, Н. Я. Данилевскаго, А. А. Григорьева, высмѣивалъ и разоблачалъ Дарвина, Фейербаха, Милля, Спенсера,—не справляясь съ тѣмъ, за кѣмъ изъ нихъ бѣжала реклама или мода, кого считалось страннымъ или смѣшнымъ превозносить и даже читать. Свободный умъ, онъ во всей своей дѣятельности стремился и умѣлъ освобождать людскіе умы, ставить ихъ лицомъ къ лицу съ коренными задачами мысли, не стѣсня затѣмъ ихъ выводовъ и сужденій никакими догматами, никакими готовыми формулами. Потому его произведенія—на вѣчныя времена великій источникъ свободы мысли и сужденія, великая школа духовной самобытности и независимости. Русское творчество еще не изсякло, и русскому народу есть еще что сказать міру; но каждая самобытная русская мысль—это можно теперь уже сказать съ увѣренностью—неизбѣжно должна будетъ пройти въ своемъ развитіи освобождающее горнило произведеній только что скончавшагося писателя. Каждому изъ насъ говорить каждая страница его произведений:

Не міръ духовъ намъ запертъ властный:
Твой смыслъ закрытъ! Но ты прозри,
Встань, ученикъ! Омой, несчастный,
Земную грудь въ лучахъ заріи!

АЛЕКСАНДРЪ ИЛЬИЧЪ ТИМОФЕЕВЪ.

(НЕКРОЛОГЪ).

ТЪ ПРОШЛОМЪ декабрѣ мѣсяцѣ, въ Новгородѣ, въ уединеніи, какъ-то незамѣтно отошелъ въ вѣчность одинъ изъ старѣйшихъ представителей отечественной науки, тайный совѣтникъ Александръ Ильичъ Тимофеевъ. Умеръ онъ на 76 году отъ рожденія, почти всѣми забытый, а 24-го декабря былъ погребенъ въ новгородскомъ Десятинномъ монастырѣ.

Вся долгая жизнь и учено-служебная дѣятельность покойнаго Александра Ильича представляетъ собою типичную картину того пути, который проходитъ всякій человѣкъ, надѣленный отъ природы только трудолюбіемъ, силами и способностями, прежде чѣмъ достигнуть извѣстнаго общественнаго положенія. Покойный—сынъ московскаго мѣщанина, бывшаго прежде (по словамъ Александра Ильича) купцомъ, но вслѣдствіе неудачъ и несчастныхъ обстоятельствъ бросившаго торговлю. Александръ Ильичъ родился въ Москвѣ 21-го ноября 1820 года. Семилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ отданъ въ уѣздное училище, откуда, по окончаніи курса, какъ лучшій ученикъ, поступилъ въ московское коммерческое училище, гдѣ и кончилъ курсъ въ іюнѣ 1838 года кандидатомъ коммерціи съ чиномъ XIV класса. По выходѣ изъ училища, онъ поступилъ секретаремъ къ директору Московскаго архива минист. иностр. дѣлъ князю Михаилу Андревичу Оболенскому. При деспотическомъ (даже для того времени) и настойчивомъ характерѣ князя, Александру Ильичу приходилось иногда очень тяжело. Часто, по словамъ покойнаго, князь, при гостяхъ, разражался крупною бранью по адресу Тимофеева, или во время званныхъ обѣдовъ, гдѣ присут-

ствовали и его сверстники, третировали его, какъ послѣдняго лакея, или грубо приказывали: «ей ты, Тимоеевъ, ступай, съѣзди за виномъ, за пирожнымъ»... «Все претерпѣлъ Ильичъ, все претерпѣлъ»,— часто говаривали покойный въ дружеской бесѣдѣ, со вздохомъ вспоминая это тяжелое время. Прошло болѣе шести лѣтъ, а Александръ Ильичъ все еще переносилъ терніи секретарскихъ обязанностей при суровомъ директорѣ архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Наконецъ, какъ человѣкъ привычный разбирать древніе акты и хорошо читающій неразборчиво-кудрявую скоропись XVII—XVIII вѣковъ, Александръ Ильичъ, благодаря нѣкоторымъ знакомствамъ, въ 1844 г. переехалъ въ Петербургъ, и здѣсь, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова, допущенъ къ занятіямъ въ археографической комиссіи. Но только черезъ пять лѣтъ послѣ этого, въ декабрѣ 1849 года, онъ, по указу правительствующаго сената, былъ исключенъ изъ подушнаго оклада, получилъ командировку и утвержденъ въ чинѣ коллежскаго регистратора, уже на тридцатомъ году жизни. Съ этого времени, до 1-го ноября 1894 года, Александръ Ильичъ непрерывно продолжалъ свою службу въ археографической комиссіи. Чиновникомъ названной комиссіи покойный былъ назначенъ лишь въ 1856 году; въ 1864 году былъ уже членомъ ея, а въ юнѣ 1873 года назначенъ правителемъ дѣлъ той же комиссіи. При постепенномъ движеніи по службѣ Александръ Ильичъ получилъ всѣ ордена до Владиміра 3-й степени (въ 1872 году), Станислава (1881 года) и Анны 1-й степени (1883 года), а въ апрѣлѣ 1889 года произведенъ въ тайные совѣтники. Долгая служба въ археографической комиссіи выработала изъ покойнаго глубокаго знатока и практическаго цѣнителя по изданію древнихъ актовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ— незамѣнимаго и строгаго корректора подобнаго рода изданій: «люблю ловить мазуриковъ»,— часто говаривали въ такихъ случаяхъ Александръ Ильичъ, исправляя послѣднюю корректуру. Мы считаемъ излишнимъ дѣлать оцѣнку древностей, изданныхъ подъ редакціей и при участіи покойнаго: эти изданія говорятъ сами за себя. Каждый, кому приходилось заниматься русской исторіей или русской археологіей по первоисточникамъ, неизбѣжно наталкивался на имя Тимоеева и невольно научался понимать всю важность археографическихъ изданій, связанныхъ съ этимъ именемъ.

И родъ службы, знаніе дѣла и любовь къ нему невольно сближали покойнаго съ многими высокопоставленными и учеными лицами, въ тѣхъ или иныхъ предѣлахъ интересующимися археологіей. Покойный былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ министрами: Норовымъ, Мухановымъ и въ особенности съ предсѣдателемъ археографической комиссіи В. П. Титовымъ. Насколько близки, откровенны и сердечны были эти отношенія, мы судимъ по имѣющимся у насъ подъ руками письмамъ Норова къ Александру Ильичу. Для характеристики указанныхъ отношеній мы позволимъ себѣ привести двѣ

выдержки изъ этихъ писемъ: «Благодарю васъ, мой добрѣйшій Александръ Ильичъ», — писалъ Норовъ въ 1866 году, — «за высылку экземпляровъ Даниила. Мнѣ бы очень нужно было повидаться съ вами, если вамъ возможно, теперь же, если вы не дома и воротитесь позднѣе, то вы знаете, что я—полуночникъ. Очень одолжите меня. Вашъ А. Н.».—«Потрудитесь, ради Даниила, съѣздить въ бібліотеку нашей Академіи Наукъ взглянуть на кенигсбергскій списокъ Нестора, въ концѣ котораго находится хожденіе Даниила—намъ необходимо его имѣть въ рукахъ и просмотрѣть. Карамзинъ ссылается именно на этотъ списокъ. Н. Я сижу дома и никуда не выѣзжаю»...

Теперь еще не время сдѣлать полный очеркъ жизни покойнаго, который былъ личностью довольно своеобразною. Обширный кругъ знакомства, служебныя, дѣловыя и частныя дружескія отношенія съ высокопоставленными лицами, петербургской интеллигенціей, чиновничествомъ, купечествомъ (среди котораго найдется еще много живыхъ свидѣтелей этихъ отношеній) — представляли собою богатую почву для развитія этой чисто русской натуры. И будущій біографъ, вспоминая дѣятельность покойнаго и разбирая оставшіяся послѣ него богатый матеріалъ — многочисленныя письма, записки, стихотворенія и другіе документы, кажется, вынужденъ будетъ озаглавить свой трудъ не иначе, какъ «Александръ Ильичъ Тимооеевъ и его время», чтобы обрисовать эту личность, слившую свою жизнь съ жизнью общества. Во всякомъ случаѣ мы не можемъ не отмѣтить одной отличительной, характерной черты въ душевномъ строѣ Александра Ильича, проходившей чрезъ всю его продолжительную жизнь. Это чувство внутренняго самоудовлетворенія, которое дѣлало его всегда счастливымъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова. По признанію самого покойнаго, все, чего только онъ желалъ, къ чему стремился, какъ къ завѣтной цѣли, всегда исполнялось и оправдывалось въ дѣйствительности, безъ особенныхъ жертвъ съ его стороны. Уклоняясь отъ подробной оцѣнки того значенія, какое имѣла дѣятельность Александра Ильича для русской науки, мы считаемъ необходимымъ только напомнить объ изданіяхъ, сдѣланныхъ подъ его редакціей. Не задолго до своего увольненія (1-го ноября 1894 г.) онъ напечаталъ (въ размѣрѣ большого полулиста почтовой бумаги) перечень своихъ трудовъ. Этотъ списокъ былъ напечатанъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, которые Александръ Ильичъ и роздалъ ближайшимъ друзьямъ и знакомымъ. Мы и помѣщаемъ здѣсь эту послѣднюю печатную работу покойнаго, которая хотя и въ сухомъ перечнѣ указываетъ, что сдѣлано имъ для науки.

А. И. Тимоеевъ.

(1838—1893 г.).

Изданы подъ его редакцію:

- 1) X, XI и XII-я томы Дополненій къ Актамъ Историческимъ.
- 2) II, III, VIII, IX, X и XI тт. Русской Исторической Библіотеки.
- 3) III и IV тт. Новгородскихъ Писцовыхъ книгъ.
- 4) О Россіи, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, сочиненіе Котошихина (3-е изданіе).
- 5) 1-я и 2-я книги Памятниковъ Сибирской исторіи XVIII вѣка.
- 6) Сборникъ князя Хилкова.
- 7) Кунгурскіе акты XVII вѣка (1668—1699 гг.)¹⁾.
- 8) Подробный каталогъ изданій Археографической комиссіи, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1836 по 1893 годъ, съ объясненіемъ содержанія каждаго тома (три изданія).

Памятники, изданные фотолитографически:

- 9) Кунгурская лѣтопись, съ картинами.
- 10) Чертежная книга Сибири 1701 года.
- 11) Повѣсть временныхъ лѣтъ по Ипатскому списку.
- 12) Изборникъ великаго князя Святослава 1073 года.
- 13) Лѣтовникъ Георгія инока (двѣ книга).
- 14) Козма Индикопловъ.
- 15) Житіе св. Евфросиніи Суздальской.
- 16) Остромирово евангеліе (два изданія).
- 17) Кругъ церковнаго древняго знаменнаго пѣнія, шесть частей.
- 18) Палея, рукоп. XV вѣка.
- 19) Откровеніе Авраама.

Принималъ участіе въ изданіяхъ:

- 1) Тверской лѣтописи (XV-й т. полн. собр. русск. лѣтописей).
- 2) VII, VIII и IX томовъ Дополненій къ Актамъ Историческимъ.
- 3) Четырнадцать (I, II, IV—XV) томовъ Актовъ Южной и Западной Россіи.
- 4) 2-го изданія сочиненія Котошихина о Россіи.
- 5) Списковъ іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія Церкви.
- 6) Путешествія игумена Даніила по Св. Землѣ.
- 7) V-го тома Актовъ Западной Россіи.
- 8) I и II томовъ Актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи.
- 9) Описанія рукописей Археографической Комиссіи.
- 10) Розыскныхъ дѣлъ о Ѳеодорѣ Шакловитомъ, I-й томъ.
- 11) Герольда Гейденштейна записки о Московской войнѣ (1578—1582 гг.).

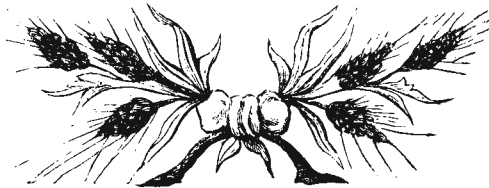
¹⁾ Здѣсь онъ только принималъ участіе. А. Тятковъ.

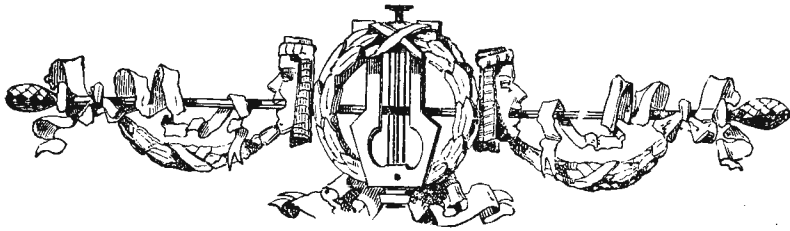
- 12) Записокъ гетмана Жолкевскаго о Московской войнѣ.
- 13) Сборника Муханова (Дополненіе съ Указателемъ).
- 14) О первоначальной Русской лѣтописи, 2-й томъ (посмертный трудъ князя М. А. Оболенскаго).
- 15) Трехъ томовъ Памятниковъ дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ.
- 16) Памятниковъ дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Нѣмецкимъ Орденомъ въ Пруссіи.
- 17) Памятниковъ дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Крымскою и Нагайскою ордами и съ Турціею.
- 18) Странствованій Василя Григоровича Барскаго по святымъ мѣстамъ Востока, четыре части.
- 19) XI-го тома полного собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго (стихотворенія).
- 20) Жизнь и труды М. П. Погодина, книги 1-я, 3-я, 4-я 5-я, 6-я и 7-я.
- 21) Указатель къ Степенной книгѣ.
- 22) Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I. (Указатель).
- 23) Расходная книга патріаршаго приказа кушаньямъ, подававшимся патріарху Адріану, 1698—1699 г.
- 24) XII-й и XV томъ Русск. Истор. Библіотеки.
- 25) Великія Миней Четви митроп. Макарія, вып. 4-й.

Всего *восемьдесятъ семь* томовъ и одна брошюра (текстъ и указатель къ Чертежной книгѣ Сибири).

Изъявлена благодарность авторамъ за содѣйствіе при розысканіи матеріаловъ для изданныхъ ими изслѣдованій: 1) княземъ П. П. Вяземскимъ (Замѣчанія на Слово о полку Игоревѣ изд. 1875 г.); 2) профессоромъ Московскаго университета А. С. Павловымъ (Памятники древне-русскаго каноническаго права, 1880 г.); 3) предсѣдателемъ Нижегородской ученой архивной комиссіи А. С. Гацкимъ (Нижегородскій Лѣтописецъ, 1886 г.); 4) Н. П. Лихачевымъ (Разрядные дѣякія XVI вѣка, 1888); 5) Н. Д. Чечулинымъ (Города Московскаго государства въ XVI в., 1889 г.); 6) В. Г. Дружининимъ (Расколъ на Дону въ концѣ XVII вѣка, 1889 г.).

А. Титовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Выпускъ второй: Славяно-русскій прологъ. Часть первая: Сентябрь—декабрь. Изданіе журнала „Странникъ“, подъ редакціей проф. А. И. Пономарева. Спб. 1896.

ПЕРВОМЪ выпускѣ предпринятаго г. Пономаревымъ изданія «Памятниковъ» мы уже говорили въ апрѣльской книгѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года, при чемъ нами было высказано пожеланіе, чтобъ хорошо начатое дѣло шло удачно впередъ. Несмотря на то, что наше общество въ значительномъ большинствѣ своемъ оказываетъ мало расположенія къ подобнаго рода изданіямъ, какъ къ чему-то довольно скучному, смѣемъ думать, что первый выпускъ «Памятниковъ» встрѣтилъ иное къ себѣ отношеніе. Иначе трудно было бы издателю продолжать свое дѣло. А между тѣмъ онъ черезъ годъ по выходѣ перваго выпуска нашелъ возможность выпустить въ свѣтъ и второй, при томъ, размѣрами значительно превосходящій первый. Этотъ второй выпускъ посвященъ славяно-русскому прологу, который въ послѣднее время обратилъ на себя вниманіе нашихъ писателей. Изъ пролога именно начали брать сюжеты для своихъ произведеній покойный Н. С. Лѣсковъ и Л. Н. Толстой, хотя, — мимоходомъ замѣтимъ, — и тотъ, и другой обращаются съ проложнымъ матеріаломъ слишкомъ безцеремонно. У многихъ явилась потребность поближе ознакомиться съ прологомъ, — потребность, возбужденная именно названными писателями. Отсюда естественно было ожидать, что какой нибудь специалистъ въ данной области придетъ навстрѣчу этой потребности. Это и сдѣлалъ г. Пономаревъ. Къ сожалѣнію, не можемъ не отмѣ-

титъ при этомъ двухъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, въ настоящемъ выпускѣ исчерпана только первая треть проложнаго года (въ до-петровскія времена нашъ годъ, какъ извѣстно, начинался съ сентября мѣсяца): сентябрь—декабрь. Слѣдовательно, цѣльнаго «года» мы и теперь еще не имѣемъ въ общедоступномъ изданіи. Впрочемъ, это обстоятельство поправимо: надѣемся, что въ слѣдующіе годы недостающее будетъ восполнено г. Пономаревымъ. Во-вторыхъ, и «Житійныя чтенія Пролога», и «Слова и поученія», и, наконецъ, «Церковно-учительныя повѣсти и рассказы» сообщаются въ данномъ выпускѣ памятниковъ лишь по выбору, а не всѣ изъ имѣющихся въ славяно-русскомъ прологѣ. Это—крайне нежелательное явленіе. Правда, г. Пономаревъ приводитъ, повидимому, вполне резонныя основанія, почему онъ не могъ поступить иначе, но намъ кажется, что ссылка на эти основанія въ устахъ именно его нѣсколько неожиданна. Онъ жалуется на неподготовленность почвы, на недостатокъ предварительныхъ работъ, только при наличности которыхъ и незатруднительно было бы надлежащимъ образомъ издать прологъ цѣликомъ. Между тѣмъ еще шесть лѣтъ тому назадъ, слушая на годичномъ академическомъ актѣ рѣчь г. Пономарева, посвященную прологу, мы убѣдились, что лекторъ—полный хозяинъ въ этой сферѣ. Его знакомство съ послѣднею за шесть лѣтъ несомнѣнно стало еще тѣснѣе. Его знанія по вопросу о прологѣ теперь стали, конечно, еще яснѣе, еще опредѣленнѣе... Почему бы г. Пономареву и не заняться подготовкою упомянутой почвы, расчисткою путей къ надлежащему изданію пролога? Смѣемъ думать, что его труды увѣнчались бы полнымъ успѣхомъ... Но, впрочемъ, все это — «*ria desideria*». Будемъ считаться съ дѣйствительностію, съ тѣмъ, что г. Пономаревъ даетъ намъ. Данный выпускъ памятниковъ—плодъ трудолюбія только одного издателя (въ первомъ принимали участіе 4 лица). Онъ начинается обширною статьею послѣдняго, характеризующею славяно-русскій прологъ въ церковномъ и народно-литературномъ значеніи. Эта статья, представляющая собою историко-литературный очеркъ по данному вопросу, какъ плодъ солиднаго изученія дѣла, читается и съ пользою, и съ неослабнымъ интересомъ. (За вступительною статьею (— LXVI) слѣдуютъ три отдѣла. Въ первомъ нашли мѣсто Житійныя чтенія пролога (1 — 72 стр.), числомъ 32. Изъ нихъ особенное вниманіе читателя обращаютъ на себя чтенія о преп. Сергіи Радонежскомъ (25 сентября), св. Іоаннѣ Златоустѣ (5 ноября), св. Александрѣ Невскомъ (23 ноября же) и св. Николаѣ Чудотворцѣ (6 декабря). Во второмъ отдѣлѣ передаются проложныя Слова и поученія (—126), числомъ 57. Изъ нихъ болѣе интересны: св. Василія (3 сентября), св. Іоанна Златоуста (16, 19, 30 сентября, 24 октября, 11, 21 ноября, 20 декабря и друг.) и нынѣ. Въ третьемъ отдѣлѣ находимъ Церковно-учительныя повѣсти и рассказы (—155), числомъ 22. Наибольшій интересъ возбуждаетъ отрывокъ изъ собесѣдованій св. Григорія Двоеслова о томъ, какую пользу приносить поминовеніе усопшихъ (9 ноября). Вообще,—скажемъ между прочимъ,—собесѣдованія св. Григорія Двоеслова о загробной жизни уже давно тщательно изучены г. Пономаревымъ и особо изслѣдованы имъ въ его магистерской диссертациі (Спб., 1886 г.). Въ заключеніи разсматриваемаго выпуска находятся обстоятельно и научно составленныя примѣчанія (217): 1) къ житійнымъ чтеніямъ о свя-

тыхъ, 2) къ словамъ и поученіямъ и 3) къ церковно-учительнымъ повѣстямъ и рассказамъ.

Еще разъ высказавъ сожалѣніе, что г. Пономаревъ не общаетъ дать намъ полнаго пролога, мы считаемъ долгомъ заявить, что все предпринятое издателемъ выполнено имъ съ возможною тщательностью и добросовѣстностью.

Александръ Вронзовъ.

А. В. Верещагинъ. У болгаръ и за границей (1881—1893). Воспоминанія и рассказы. Спб. 1896.

Авторъ извѣстныхъ очерковъ «Дома и на войнѣ», братъ художника В. Верещагина, выпустилъ теперь продолженіе своихъ воспоминаній подъ вышеозначеннымъ заглавіемъ. Въ настоящее время, когда въ нашемъ обществѣ, вѣроятно, пробудится въ силу извѣстныхъ политическихъ событій интересъ къ освобожденной нами нѣкогда Болгаріи, очерки г. Верещагина появляются кстати. Первая часть книги «У болгаръ» переноситъ насъ къ знаменательнымъ годамъ русско-турецкой войны, и авторъ въ бойко-нарисованныхъ портретахъ и сценкахъ воскрешаетъ передъ нами эпическую борьбу за свободу «братушекъ». Къ труду г. Верещагина не слѣдуетъ подходить съ серьезной цѣлью найти здѣсь объясненія тѣмъ или инымъ событіямъ, найти здѣсь освѣщеніе и разгадку характеровъ выведенныхъ лицъ. Ничего такого въ «воспоминаніяхъ и рассказахъ» вы не найдете. Здѣсь простой, безхитростный и нѣсколько наивный рассказъ о былыхъ встрѣчахъ, повѣствованіе о видѣнномъ вскользь, и слышанномъ и перечувствованномъ. Какой нибудь строгой послѣдовательности въ главахъ здѣсь также нѣтъ — можете ихъ переставлять, можете ихъ читать въ разбивку, и впечатлѣніе ваше мало отъ этого измѣнится. Передъ читателемъ мелькаетъ, какъ въ калейдоскопѣ, или, лучше, въ хорошо освѣщенной панорамѣ, рядъ миниатюрныхъ эскизовъ, сдѣланныхъ бойкимъ карандашемъ, но эскизовъ, порою говорящихъ много русскому сердцу. Здѣсь и «бѣлый генералъ», рядомъ и простой солдатикъ, и пресловутый интендантъ, и высокопоставленное лицо — короче много лицъ мелькаетъ передъ вашими глазами и, перелистывая страницу за страницей, вы твердите: «родное, близкое, милое!» Порою, правда, приходитъ на умъ, почему г. Верещагинъ не занимствовалъ для своего карандаша красокъ у брата, автора извѣстныхъ картинъ изъ эпохи русско-турецкой войны, но, вѣдь, мало ли какія желанія могутъ прийти въ голову читателя и не на всякое же хотѣнье можетъ отвѣчать писатель! Онъ просто пописываетъ, какъ Богъ ему на душу послалъ, ну, а ужъ ваше дѣло цѣнить его творенія по достоинству, а я съ своей стороны ранѣе счелъ долгомъ предупредить, что особыхъ истолкованій или освѣщеній вы у него не ищите. Менѣе интересна часть подъ заглавіемъ «за границей». Слишкомъ ужъ все здѣсь эпизодично, случайно, а порою излишне откровенно, какъ, напримѣръ, рассказъ о томъ, какъ онъ на обѣдѣ, даномъ ему магнатами г. Пешта, подобно скиѹу, въ жизни не видѣвшему токайского вина, упился имъ, не достигнувъ и середины обѣда, до положенія ризъ. Третья часть названа «въ русской глуши», которую автору пришлось посѣщать по обязанностямъ службы, въ качествѣ члена-оцѣнщика

дворянскаго банка. Въ этой части г. Верещагинъ положительно выказываетъ свои значительныя беллетристическія силы и недюжинный умъ сатирика. Скупецъ-помѣщикъ, дама, ведущая хозяйство, ея сынъ — Nicolas, будущій дипломатъ, нарисованы недурно и заставляютъ читателя отъ души посмѣяться. Можно пожалѣть, что именно этой третьей части онъ удѣлилъ въ своей книгѣ наименьшее мѣсто. Вѣроятно, какъ члену оцѣнщику банка, ему пришлось немало повидать народа, такъ было бы желательно, чтобъ онъ, забывъ на время свои встрѣчи съ «героями», посвятилъ больше времени описанію знакомой ему глуши. Этимъ онъ оказалъ добрую услугу литературѣ, да и себѣ стяжаетъ на вѣрное хорошее имя правописателя провинціи.

В. Г.

Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ третій. М. 1895. Николай Васильевичъ Гоголь и его «Переписка съ друзьями». Историко-литературный очеркъ П. А. Матвѣева. Спб. 1895.

Прежде чѣмъ разсматривать содержаніе недавно выпедшаго третьяго тома труда г. Шенрока, полагаемъ нелишнимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній вообще о характерѣ этого біографическаго изслѣдованія, такъ какъ уже самое заглавіе книги г. Шенрока вызвало совершенно противорѣчащія другъ другу оцѣнки критиковъ: въ то время, какъ академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и профессоръ Е. В. Пѣтуховъ считаютъ это заглавіе слишкомъ скромнымъ (съ чѣмъ, какъ видно, соглашается и самъ авторъ), Ѳ. А. Витбергъ въ своей статьѣ, напечатанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1892 г., видитъ въ заглавіи не скромность, а неточность, которой никакъ нельзя одобрить, такъ какъ книга г. Шенрока представляетъ собой скорѣе сводъ его собственныхъ изслѣдованій. Повидимому, этотъ вопросъ о заглавіи не имѣетъ особенной важности, но при ближайшемъ знакомствѣ съ трудомъ г. Шенрока невольно возникаетъ недоумѣніе, что же такое представляетъ собой этотъ трудъ: есть ли это только сводъ комментированныхъ матеріаловъ, или это біографія Гоголя, или же, наконецъ, біографія, соединенная съ литературно-критическимъ изслѣдованіемъ творчества Гоголя. Разрѣшеніе этого недоумѣнія дастъ намъ прочный критеріумъ того, какъ слѣдуетъ относиться къ книгѣ г. Шенрока, такъ какъ требованія, предъявляемыя къ своду матеріаловъ, совсѣмъ не тѣ, какія ставятся въ отношеніи къ біографическому очерку или къ критической оцѣнкѣ писателя. Въ сущности и г. Витбергъ, слишкомъ, пожалуй, сурово разбиравшій книгу г. Шенрока, и тѣ рецензенты, которые хвалятъ г. Шенрока за скромность въ выборѣ заглавія да и самъ г. Шенрокъ, называющій свою книгу «обзоромъ жизни Гоголя», согласны въ томъ, что книга представляетъ собой не «Матеріалы», а опытъ самой біографіи Гоголя, хотя при этомъ г. Витбергъ добавляетъ, что біографія «слишкомъ неполна, слишкомъ небрежно обдумана и слишкомъ небрежно написана». Въ виду такого единогласія и враговъ, и друзей, и самого г. Шенрока въ опредѣленіи характера его книги, мы считаемъ себя въ правѣ смотрѣть на нее именно, какъ на біографію Гоголя. Однакоже ставши на такую точку зрѣнія, нельзя не замѣтить, что въ книгѣ эле-

ментъ изслѣдованія очень часто вытѣсняется простымъ сообщеніемъ новаго матеріала, а также и попытками дать критическую оцѣнку тѣхъ или другихъ произведеній Гоголя. Приводимые г. Шенрокомъ новые матеріалы для біографіи Гоголя и для характеристики его отношеній къ разнымъ лицамъ и литературнымъ партиямъ имѣютъ несомнѣнно важное значеніе, помогаютъ выясненію многихъ фактовъ внутренней жизни Гоголя, но смѣшеніе голаго матеріала съ біографическимъ повѣствованіемъ невыгодно отражается на изложеніи книги, такъ что упрекъ г. Витберга, что книга небрежно написана, имѣетъ нѣкоторую долю основанія. Наконецъ, третій элементъ книги, то-есть критическія соображенія г. Шенрока, далеко не можетъ быть признанъ ея украшеніемъ, такъ какъ новаго въ этихъ замѣчаніяхъ очень мало, они кажутся слишкомъ шаблонными, а литературныя параллели, приводимыя г. Шенрокомъ, не всегда удачны: таково, на примѣръ, сопоставленіе повѣсти о капитанѣ Кошѣйкинѣ съ «Придворной грамматикой» Фонвизина, или слѣдующая параллель: «Въ «Петербургскихъ наброскахъ» въ словахъ: «въ Москвѣ на гуляньѣ всегда попадется въ самой серединѣ модной толпы какая нибудь матушка съ платкомъ на головѣ и ужъ совершенно безъ всякой талии» есть несомнѣнное сходство съ однимъ мѣстомъ въ первоначальномъ наброскѣ описанія бала въ первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ»: «Легкій головной уборъ держался только на однихъ ушахъ, и казалось, говорилъ: «Эй, улечу; жаль только, что не подниму съ собой кравицы». Конечно, мѣстами вдругъ среди этой модной кучи выказывался невиданный землею чепецъ или какое нибудь перо въ родѣ павлинаго». Но всѣ подобныя недостатки могутъ быть признаны недостатками изложенія и постройки книги и за ними все-таки не теряется несомнѣнное достоинство труда г. Шенрока, сообщающаго много интересныхъ новыхъ данныхъ и дающаго очень удовлетворительное освѣщеніе фактамъ внутренней жизни Гоголя.

Въ разсматриваемомъ третьемъ томѣ «Матеріаловъ» г. Шенрокъ излагаетъ біографію Гоголя съ 1836 по 1842 г.: сказавши о постановкѣ на сцену «Ревизора» и объ отношеніяхъ Гоголя къ Жуковскому и Пушкину, причѣмъ очень хорошо уясняется значеніе вліянія Пушкина на міросозерцаніе Гоголя, г. Шенрокъ подробно разсматриваетъ жизнь Гоголя за границей, его личныя отношенія и литературныя занятія въ это время. Съ гораздо меньшей подробностью, чѣмъ предыдущіе отдѣлы, излагается исторія пребыванія Гоголя въ Москвѣ въ 1841—1842 гг., когда нашему великому писателю приходилось бороться со множествомъ всякаго рода цензурныхъ препятствій при печатаніи перваго тома «Мертвыхъ душъ». Наконецъ, послѣдняя глава настоящаго тома посвящена анализу «Мертвыхъ душъ» и другихъ литературныхъ трудовъ Гоголя за время съ 1836 по 1842 г. Въ сущности эта глава наименѣе удачна, такъ какъ менѣе всего обработана г. Шенрокомъ. Въ приложеніи помѣщенъ очень добросовѣстно составленный сводъ свѣдѣній объ исполненіи комедій Гоголя на сценѣ.

Такимъ образомъ въ слѣдующемъ томѣ своего труда г. Шенрокъ дастъ намъ изложеніе послѣдняго, крайне интереснаго и до сихъ поръ не вполне выясненнаго періода жизни Гоголя. Быть можетъ, г. Шенроку удастся найти какіе нибудь новые матеріалы для того, чтобы лучше характеризовать душев-

ное настроеніе Гоголя за это время, а покуда мы считаемъ не лишнимъ упомянуть о книгѣ г. Матвѣева (заглавіе которой приведено выше), посвященной «перепискѣ» Гоголя съ друзьями. Вообще въ нашей критикѣ вопросъ о послѣднихъ годахъ жизни Гоголя и о послѣднихъ его трудахъ, по почину Бѣлинскаго, который слишкомъ увлекся негодованіемъ по поводу не раздѣлявшихся имъ идей Гоголя и приписалъ послѣднему крайне неблаговидныя намѣренія, вопросъ этотъ является слишкомъ затемненнымъ, а потому и нельзя не привѣтствовать небольшой, но хорошо написанной работы г. Матвѣева, который старается взглянуть на дѣло *sine ira et studio*, не зоветь Гоголя на скамью подсудимыхъ, а даетъ намъ вполне безпристрастный анализъ того, что дѣйствительно думалъ и высказывалъ Гоголь. Г. Матвѣевъ очень вѣрно отмѣчаетъ, что какого либо «переворота въ настроеніи Гоголя никогда не бывало, и что то мистическое настроеніе, которымъ отличался Гоголь въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ, совсѣмъ не было для него чѣмъ-то новымъ, но развивалось очень медленно и послѣдовательно». Не менѣе интереса представляютъ собой и замѣчанія г. Матвѣева относительно печатанія «Переписки съ друзьями».

А. В—инъ.

Сборникъ для содѣйствія самообразованію. Программы чтенія для самообразованія съ приложеніемъ статей Н. И. Карѣева, В. И. Семеновскаго, М. С. Корѣлина и И. М. Сѣченова. Спб. 1895.

Нашъ взглядъ на программы по самообразованію, составленныя петербургскимъ кружкомъ литераторовъ и ученыхъ, знакомъ уже достаточно читателямъ «Историческаго Вѣстника», такъ что повторять сказанное въ осеннихъ книжкахъ прошлаго года не приходится. Считаемъ, однако, долгомъ отмѣтить то пріятное обстоятельство, что гг. составители какъ будто вняли голосамъ рецензентовъ, и программы, выпущенныя нынѣ въ продажу отдѣльнымъ изданіемъ, носятъ на себѣ болѣе скромный отпечатокъ. Такъ, благодаря введенному двойному шрифту, жирному и обыкновенному, удалось нѣсколько отодвинуть на второй планъ личныя самолюбія и предоставить первенствующее мѣсто дѣйствительно достойнымъ. Имена редакторовъ отдѣловъ не такъ ужъ бросаются въ глаза и труды ихъ въ большинствѣ случаевъ помѣчены обычнымъ шрифтомъ, благодаря чему нѣсколько мѣняется картина дѣла. Кромѣ того, хвалебная редакція текста упрощена и не встрѣчается уже болѣе такихъ курьезовъ, какъ поглощеніе русскимъ публицистомъ извѣстности цѣлыхъ двухъ иностранныхъ ученыхъ въ области науки о землѣ. Въ предисловіи къ «программѣ» до свѣдѣнія публики доводится, что гг. составители расширили свой замкнутый кружокъ и нынѣ пригласили уже по нѣкоторымъ отдѣламъ свѣдущихъ лицъ. Можно только пожалѣть, что число таковыхъ, по крайней мѣрѣ, для юридической программы далеко еще недостаточно, и приглашенные на помощь г. Карѣеву почтенные К. К. Арсеньевъ и С. А. Муромцевъ врядъ ли въ состояніи дать нужные отвѣты по всѣмъ вопросамъ юридическаго званія. Тѣмъ не менѣе спасибо на этомъ приглашеніи.

Изъ статей, вошедшихъ въ «Сборникъ», заслуживаютъ вниманія очерки

г. Семевского «Крестьяне въ Россіи во второй половинѣ XVIII вѣка» и г. Съченова «Физиологическіе критеріи для установки длины рабочаго дня». Очерки же г. Карѣева и Корелина были въ свое время уже напечатаны въ другихъ изданіяхъ¹⁾ и являются въ настоящее время своего рода медицинскимъ «*repetatur*» для публики. Почему это «*repetatur*» признано ужъ столь необходимымъ, не совсѣмъ ясно, и должно предполагать, что г. Карѣевъ перепечаталъ эти очерки исключительно за неимѣніемъ подъ рукою иного болѣе цѣннаго матеріала. Очеркъ г. Семевского является прекраснымъ конспектомъ его работъ по изученію исторіи крестьянъ во второй половинѣ XVIII вѣка и можетъ служить лицамъ, изучающимъ крестьянскій вопросъ въ его историческомъ развитіи, очень цѣннымъ пособіемъ. Отъ души желаемъ, чтобы его симпатичное обращеніе къ молодежи не осталось гласомъ вошющаго въ пустынь. «Если этотъ очеркъ, представляющій главные выводы изъ продолжительнаго труда надъ одною изъ эпохъ жизни русскаго народа, — говоритъ почтенный изслѣдователь, — не только заинтересуетъ читателей, но и побудитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ посвятить современемъ свою жизнь подобнымъ же изслѣдованіямъ, авторъ будетъ считать себя съ лихвою вознагражденнымъ за свою работу».

Г—скій.

Иванъ Андреевъ. Константинопольскіе патріархи отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія (хронологія этихъ патріарховъ и очерки жизни и дѣятельности важнѣйшихъ изъ нихъ). Выпускъ первый. Хронологія константинопольскихъ патріарховъ отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія и очерки жизни и дѣятельности св. Анатолія, Геннадія и Іоанна Постника. Сергіевъ Посадъ. 1896.

Въ послѣднее время русская историческая наука съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на разработкѣ вопросовъ изъ области византиновѣдѣнія. Византийская исторія получила у насъ въ нѣкоторомъ смыслѣ право гражданства и имѣетъ немалое число своихъ адептовъ, какъ изъ среды лицъ, пользующихся уже установившейся ученою репутаціею, такъ и изъ вновь нарождающихся молодыхъ ученыхъ силъ. Византологіи у насъ посвященъ даже специальный журналъ «Византийскій Временникъ», издаваемый при императорской академіи наукъ. Въ изслѣдованіи исторіи Византіи у насъ принимаютъ дѣятельное участіе не только университеты, но и духовныя академіи, особенно московская и казанская. Въ послѣднихъ въ недавнее время было рассмотрѣно, въ качествѣ магистерскихъ диссертаций, нѣсколько довольно солидныхъ трудовъ, встрѣтившихъ сочувственный отзывъ и среди университетскихъ профессоровъ-византологовъ. Къ числу такихъ работъ слѣдуетъ отнести и книгу г. Андреева, главѣ которой приведено выше.

Сочиненіе г. Андреева, представляющее лишь первый выпускъ задуманнаго труда, состоитъ изъ введенія и четырехъ главъ изслѣдованія. Въ введеніи

¹⁾ Въ «Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона» и VIII т. «Историческаго Обзорія».

(стр. 1 — 14) указывается поводъ къ избранію темы, и опредѣляется задача сочиненія. Въ главѣ первой (стр. 15—43) дѣлается обзоръ пособій для изученія хронологіи константинопольскихъ патріарховъ отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія (451 — 846 г.). Число пособій, бывшихъ въ распоряженіи нашего автора, невелико: онъ критически обзрѣваетъ опытъ византійской хронографіи Э. Муральта, *Πατριαρχικοί πίνακες* Мануила Гедеона, трактатъ о патріархахъ константинопольскихъ Ле-Кена, примѣчанія Бандурія къ каталогу Никифора Каллиста, хронологическую исторію патріарховъ константинопольскихъ Купера и дѣлаетъ краткія замѣчанія о книгѣ Гергенрѣтера и др. Обзоръ всѣхъ этихъ пособій привелъ г. Андреева къ выводу о неудовлетворительности ихъ въ отношеніи къ вопросу о хронологіи константинопольскихъ патріарховъ, — зависѣвшей отъ ненаучности пріемовъ прежнихъ ученыхъ, недостаточности источниковъ, конми они руководствовались, и различныхъ промаховъ и ошибокъ въ опредѣленіи хронологическихъ датъ. Все это вызываетъ необходимость еще разъ изучить источники для хронологіи константинопольскихъ патріарховъ, но при помощи болѣе научныхъ и основательныхъ пріемовъ, — по методу, свободному отъ недостатковъ прежнихъ изслѣдователей. Глава вторая (стр. 44—155) и посвящена обзору источниковъ для хронологіи константинопольскихъ патріарховъ отъ Халкидонскаго собора до Фотія. Здѣсь авторъ критически изслѣдуетъ слѣдующія произведенія: хронику Марцеллина (VI вѣка), хронику Виктора Тунунскаго (VI вѣка), хронографію Іоанна Малала (конца VI вѣка), такъ называемую Пасхальную хронику (VII вѣка), церковную исторію Іоанна Ефесскаго, современника Юстиніана, лѣтопись Теофана (IX вѣка), краткую исторію патріарха Никифора, хроники продолжателя Теофана и Генезія, *Historia miscella*, компендіумъ Кедрина, лѣтопись Іоанна Зонары, менологін и другіе источники. Г. Андреевъ опредѣляетъ время происхожденія каждаго изъ упомянутыхъ источниковъ, сообщаетъ біографическія свѣдѣнія объ ихъ авторахъ, а главнымъ образомъ сосредоточивается на ихъ хронологическихъ показаніяхъ и строго-критически оцѣниваетъ ихъ значеніе для хронологіи константинопольскихъ патріарховъ. Рецензіи, посвященныя источникамъ, иногда довольно кратки, иногда весьма обстоятельны (напримѣръ, характеристика лѣтописи Теофана). Послѣ обзора пособій и источниковъ, въ третьей главѣ книги (стр. 156—204) сообщаются тѣ результаты, къ которымъ г. Андреевъ пришелъ на основаніи предварительныхъ изысканій по своему вопросу, то-есть опредѣляется хронологія каждаго изъ константинопольскихъ патріарховъ отъ Халкидонскаго собора до Фотія. Наконецъ, въ четвертой главѣ разсматриваемаго сочиненія (стр. 205—286) обзрѣвается жизнь и дѣятельность патріарховъ Анатолія, Геннадія I и Іоанна Постника. Каждому изъ этихъ патріарховъ посвящены отдѣльные очерки, обстоятельно знакомящіе читателя со всѣми обстоятельствами ихъ служенія церкви. Характеристики другихъ важнѣйшихъ патріарховъ вселенской церкви составляютъ содержаніе слѣдующаго вышуска.

Разсматривая настоящее сочиненіе г. Андреева, нельзя не видѣть, что авторъ положилъ много труда на разработку темнаго и спутаннаго хронологическаго вопроса касательно византійскихъ патріарховъ. Онъ усердно изучилъ

доступную ему литературу предмета и тщательно извлекъ изъ нея многія данныя, очень цѣнныя въ научномъ отношеніи. Къ нимъ онъ присоединилъ и нѣкоторые самостоятельные выводы, отчасти новые, отчасти построенные на почвѣ старыхъ положеній и изъ прежняго матеріала, но нѣсколько измѣненнаго. Вообще въ авторѣ замѣтно критическое отношеніе къ пособіямъ и источникамъ, нѣкоторая самостоятельность мысли, усердіе въ изслѣдованіи вопроса и энергичное разоблаченіе темноты и неясности, столь свойственной византійской хронологіи. Трудъ его очень полезенъ для византологіи и представляетъ немало цѣнный вкладъ въ науку. Но онъ далекъ отъ полнаго совершенства и вызываетъ разнаго рода замѣчанія. Такъ, представляется страннымъ, почему авторъ критически обозрѣваетъ пособия и источники только для хронологіи константинопольскихъ патріарховъ. Вѣдь онъ пишетъ еще очерки ихъ жизни и дѣятельности. Почему же нѣтъ обзора пособій и источниковъ и для этой части книги? Оправдываться тѣмъ, что матеріалы первой части служатъ таковыми же и для второй, ему нельзя, потому что для второй части есть и спеціальныя источники, на примѣръ, житія патріарховъ. Развѣ они не заслуживаютъ критическаго обзора наряду съ другими источниками? Затѣмъ, критическое изслѣдованіе источниковъ у г. Андреева неизбѣжно оказалось одностороннимъ, такъ какъ онъ разсматриваетъ ихъ исключительно съ хронологической стороны. По части цѣлаго въ данномъ случаѣ нельзя составить полнаго и правильнаго понятія о всемъ цѣломъ. Критическія замѣтки о пособіяхъ оказались мѣстами еще не вполне самостоятельными. Такъ, о трудѣ Муральта сужденіе высказано подъ вліяніемъ официальной оцѣнки его въ «Ученыхъ Запискахъ» императорской академіи наукъ (1855 г., т. III). И. В.—ій.

Карлъ Лампрехтъ. Исторія германскаго народа. Томъ второй. Части III и IV. Переводъ съ нѣмецкаго П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1895.

О переводѣ перваго тома этой книги мы давали отчетъ въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1894 г. (стр. 857—859) и, къ крайнему нашему сожалѣнію, должны были указать на недостаточность подготовки переводчика, замѣтную особенно въ добавочныхъ примѣчаніяхъ послѣдняго. Настоящій томъ, кромѣ небольшого введенія (стр. 1—8), заключаетъ въ себѣ слѣдующія главы: Города и бюргеры въ эпоху Штауфеновъ. Измѣненіе условій землевладѣнія отъ X до XII в.; политика развитія территорій. Политическія слѣдствія измѣнившагося общественнаго строя. Королевская власть при Штауфенахъ; возобновленіе стремленій къ созданію всемірной монархіи 1152—1197 г. Развитіе и сущность рыцарскаго общества. Умственная культура эпохи Штауфеновъ (только поэзія и искусство). Распаденіе имперіи. Обособленіе нѣмецкой народности во Фландріи и въ Голландіи отъ X до XIII вѣка. Германизація страны между Эльбой и Одеромъ. Успѣхи нѣмцевъ на юго-востокъ и на сѣверо-востокъ вправо отъ Одера; исторія колонизаціи до начала XIV вѣка. Возстановленіе національной королевской власти. Послѣдняя великая борьба между папствомъ и имперіей. Золотая Булла. Отдѣльныя государ-

ственные образования на границах нѣмецкаго королевства. Общественное и политическое развитіе бюргерскаго сословія до второй половины XIV вѣка. Городская жизнь и городское общество. Умственная жизнь въ концѣ средних вѣковъ. Князья и территория въ концѣ средних вѣковъ. Королевская власть и борьба между князьями, дворянствомъ и городами во второй половинѣ XIV вѣка. Соборы и Вѣнскій копкордатъ 1448 г. Паденіе вліянія Германіи за границей, внутреннее разложенеіе.

Итакъ, этотъ томъ заключаетъ въ себѣ вторую половину средних вѣковъ и заканчивается изложеніемъ упадка Ганзы соотвѣтственно тому, что авторъ въ этой части своего труда обращаетъ особое вниманіе на исторію средневѣковой торговли. Рядомъ съ этимъ авторъ съ большою подробностью излагаетъ исторію правовъ, для чего пользуется литературными памятниками эпохи, изъ которыхъ приводитъ многочисленныя, прекрасно подобранныя цитаты. А такъ какъ авторъ предназначаетъ свою книгу для читателей, вполне подготовленныхъ, то онъ, на бѣду переводчика, оставляетъ эти средневерхненѣмецкія и даже нижненѣмецкія цитаты безъ перевода. Бѣда г. Николаева въ томъ, что онъ съ одной стороны человекъ очень добросовѣстный, а съ другой къ переводу такой книги недостаточно подготовленный. Справедливо разсуждаетъ онъ, что русскимъ зауряднымъ читателямъ отрывки изъ средневѣковыхъ нѣмецкихъ поэтовъ въ оригиналѣ будутъ непонятны; но онъ совершенно несправедливо полагаетъ, будто онъ въ состояніи дать переводъ большей части этихъ отрывковъ. Переводъ его почти всегда не точенъ, а очень часто и совсѣмъ неправиленъ (см. стр. 57, 125, 142 и мн. друг.).

Та же недостаточность подготовки часто сказывается и въ переводѣ самаго текста. Такъ г. Николаевъ употребляетъ извѣстныя имена средневѣковыхъ дѣятелей въ необычной или даже неправильной формѣ, не всякій узнаетъ въ Христіанѣ изъ Труа (стр. 139) знаменитаго французскаго поэта Кретьена или въ Отто Фрейзингѣ (стр. 79) Оттона Фрейзингенскаго.

Или, напримѣръ, на стр. 124 мы читаемъ: «Рыцарскій идеалъ блестящей эпохи Штауфеновъ не могъ быть инымъ, какъ христіански-понимаемымъ земнымъ и трансцендентальнымъ евдемонизмомъ; такъ и понималъ его Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ:

Отъ неба требуетъ онъ прекраснѣйшихъ звѣздъ,
А отъ земли высочайшихъ наслажденій».

Не вправѣ ли читатель подумать, что приведенные стихи принадлежатъ Вольфраму, какъ, очевидно, подумалъ и самъ г. Николаевъ? А между тѣмъ это стихи — Гете изъ пролога Фауста (на небѣ), изъ рѣчи Мефистофеля о Фаустѣ:

Vom Himmel fordert er die schönsten Sterne
Und von der Erde jede höchste Lust.

Или еще курьезный случай. На стр. 173 мы читаемъ, что Вольфрамъ «не былъ неспособенъ къ страсти; въ старости онъ описывалъ любовныя желанія Сигунена къ странамъ Шіонату». Чтобы понять эти удивительныя любовныя желанія къ странамъ какого-то Шіонату, читатель долженъ взять оригиналъ (III, стр. 238), и тамъ найдетъ онъ *Liebesehnsucht Sigunens nach*

Schionatulander (Шионатуландеръ—дѣйствующее лицо въ Парцивалѣ); г. Николаевъ принялъ Schionatulander за сложное слово и вторую его половину прочелъ, какъ Länder. Такихъ курьезовъ не мало въ усердномъ, но тяжело-ватомъ и неумѣломъ переводѣ прекрасной книги.

Собственныхъ примѣчаній переводчика на этотъ разъ не оказывается.

А. Е.

Мужикъ безъ прогресса или прогрессъ безъ мужика. К. Головина. Спб. 1896.

Книга Головина посвящена вопросу объ экономическомъ материализмѣ, по поводу котораго еще такъ недавно въ разныхъ ученыхъ обществахъ велись горячіе споры между такъ называемыми народниками и марксистами. По мнѣнію автора, первые изъ нихъ проповѣдуютъ «мужика безъ прогресса» въ его общинномъ строѣ съ трехпольемъ, сохой и деревянной бороной, съ полнымъ игнорированіемъ условій всемірнаго обмѣна и необходимости наемнаго труда на сторонѣ, при переполненіи земледѣльческаго хозяйства предложениемъ рабочихъ рукъ и т. д. «Другими словами, пусть не будетъ никакого сельско-хозяйственнаго прогресса, лишь бы на этомъ пути меньшинство не обогнало массу. Пусть остается неподвижнымъ рутинное мужицкое производство, лишь бы не выдвинулось хозяйство наиболѣе смышленныхъ и зажиточныхъ». Этими словами авторъ характеризуетъ ученіе народниковъ, забывая, что народники опасаются капиталистическаго хозяйства, а не «наиболѣе смышленныхъ и зажиточныхъ» лицъ. Ни одинъ народникъ не откажется даже отъ фабрикъ и милліоновъ съ цѣлю организовать трудъ рабочихъ въ интересахъ производителей. То же самое и въ сельскомъ хозяйствѣ. Наиболѣе удачна у г. Головина критика нашихъ «марксистовъ», выдвигающихъ «прогрессъ безъ мужика», о которыхъ авторъ съ негодованіемъ замѣчаетъ: «оборони насъ Богъ, въ интересахъ бездушнаго производства, забывать о нуждахъ живыхъ людей и, слѣпо подражая Западу, помогать обезземелію мужика и отдать его въ кабалу мелкимъ и крупнымъ кулакамъ». Такимъ образомъ, книга г. Головина чисто полемическая, не лишенная остроумія и полезныхъ замѣчаній; но въ общемъ онъ проповѣдуетъ все-таки тотъ же самый экономическій прогрессъ, съ свободной конкуренціей могущественнаго капитала и труда, при которомъ, по его мнѣнію, западному рабочему тѣмъ не менѣе живется лучше, чѣмъ русскому мужику. Онъ говоритъ, что «пора торговаго обмѣна, денежнаго хозяйства и интенсивной земледѣльческой культуры наступили и для Россіи. И чѣмъ живѣе будетъ обмѣнъ, чѣмъ разнообразнѣе и специализованнѣе производство, тѣмъ лучше. Избытокъ сельскихъ рабочихъ долженъ изъ деревни уйги—не въ видахъ обезземелія мужика, какъ плохого производителя, а ради того, чтобы трудъ нашего рабочаго населенія сталъ разнообразнѣе и продуктивнѣе. И, вмѣсто того, чтобы уходить все дальше въ степь и все больше расширять область зернового производства,—для обогащенія нашего отечества слѣдуетъ желать, чтобы этотъ избытокъ рабочихъ обращался къ промышленнымъ занятіямъ. Къ этой цѣли должны быть направлены старанія правительства и земства и, въ помощь имъ, инициатива частныхъ лицъ». Эта программа зе-

мельнаго прогресса является повтореніемъ того самаго предпринимательскаго хозяйства на Западѣ, при которомъ тамъ и возникъ такъ называемый «рабочій вопросъ», не смотря на то, что европейскому пролетарію лучше живется, чѣмъ нашимъ «обдорамъ». Г. Головинъ, становясь между нашими народниками и марксистами въ роли судьи, не принимающаго въ расчетъ ни язвъ европейскаго капитализма, ни выходъ изъ него на почвѣ социализма, конечно, такимъ образомъ, весьма развязно управляетъ съ тѣми и другими, рекомендуя имъ, далеко не новые для улучшенія судебъ рабочаго класса, свои собственные экономическіе итоги.

А. Фаресовъ.

Памяти Надежды Васильевны Стасовой, съ портретомъ работы В. Матэ. Въ пользу фонда имени Н. В. Стасовой при обществѣ вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на высшихъ женскихъ курсахъ. Спб. 1896.

Вышедшая подъ такимъ заглавіемъ небольшая брошюра содержитъ въ себѣ некрологи Н. В. Стасовой, напечатанные въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Здѣсь, такъ сказать, сводъ всего того, что было сказано разными лицами по случаю смерти этой выдающейся женщины нашего общества. Конечно, для родныхъ и друзей покойной Надежды Васильевны всѣ эти некрологи дороги, но на самомъ дѣлѣ добрыхъ ⁹/₁₀ изъ нихъ могли бы свободно и не быть напечатанными, такъ какъ они являются повтореніемъ все одного и того же и мало вносятъ въ разъясненіе характера той, чьей памяти посвященъ сборникъ. Наиболѣе обстоятельнымъ № сборника является статья г-жи Бородаевской, напечатанная въ свое время въ «Историческомъ Вѣстникѣ»; она больше всѣхъ по размѣру и по заключенному въ ней матеріалу. Главнымъ образомъ достоинство ея заключается въ томъ, что Стасова взята здѣсь въ связи съ современными ей обстоятельствами общественной жизни, что не встрѣчается въ остальныхъ некрологахъ и замѣткахъ. Кстати, по поводу «Историческаго Вѣстника»: однажды составительницы сборника воспользовались статьёй, напечатанной въ нашемъ журналѣ, то имъ слѣдовало бы и сдѣлать указаніе, откуда онѣ почерпнули эту статью, какъ онѣ это сдѣлали въ отношеніи остальныхъ некрологовъ. Какія нибудь коротенькія замѣтки въ нѣсколько строкъ въ «Petersbourger Zeitung», «Новостяхъ», «Петербургской Газеты» перепечатаны съ указаніемъ источника, а наибольшая статья (почти листъ) изъ «Историческаго Вѣстника» не удостоилась этой чести. За что такая немилость? Симпатичная дѣль, съ какою издана настоящая брошюрка, привлечетъ къ ней навѣрное вниманіе всѣхъ тѣхъ, кому близко къ сердцу дѣло женскаго высшаго образованія, а для лицъ, дорожащихъ памятью Стасовой, въ сборникѣ найдется немало страницъ, которыя живо воскресятъ передъ ними ея симпатичный образъ.

Н.

Е. Лавинсъ и А. Рамбо. Культура и цивилизація Западной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ. Переводъ съ французскаго съ предисловіемъ Виктора Михайловскаго, приватъ-доцента Московскаго университета. Москва. 1895.

На французскомъ языкѣ книги, соответствующей названному русскому изданію, не существуетъ: Дѣло въ томъ, что г. Михайловскій, какъ онъ самъ

объясняетъ въ предисловіи, выбралъ нѣкоторыя главы изъ четвертаго тома извѣстнаго капитальнаго изданія *Histoire générale*, предпринятаго извѣстной парижской фирмой Армана Колена, подъ редакціею двухъ парижскихъ историковъ Лависса и Рамбо (послѣдній извѣстенъ русской публикѣ, какъ авторъ переведенной на русскій языкъ *Исторіи Россіи*). «Чтобы доставить,—говоритъ переводчикъ,—возможность читателямъ, не обладающимъ достаточными средствами и значительнымъ досугомъ, воспользоваться существенными результатами этой части (т. е. четвертаго тома) совмѣстной работы многихъ французскихъ ученыхъ, здѣсь сдѣлана попытка выбрать самыя выпуклыя и характерныя явленія и представить ихъ въ переводѣ на русскій языкъ». Мы думаемъ, что русскіе читатели будутъ благодарны почтенному переводчику за его счастливую идею. Къ сожалѣнію, переводъ оставляетъ желать многого, какъ въ отношеніи стиля, такъ и въ отношеніи корректуры. Особенно мало извинительны многочисленныя опечатки въ собственныхъ именахъ; къ тому же, послѣднія сплошь да рядомъ оставляются переводчикомъ безъ транскрипціи, что должно затруднять читателей, не знающихъ французскаго языка, а въдѣ переводъ, надо думать, для такихъ именно читателей и предназначается.

П. А.

Списокъ губернскихъ предводителей дворянства Россійской имперіи, 1885—1895 г. Списокъ лицъ свиты ихъ величествъ съ царствованія императора Петра Великаго по старшинству дня назначенія. Составилъ и издалъ генераль-лейтенантъ графъ Милорадовичъ. Черниговъ. 1895.

Всякіе служебные списки имѣютъ несомнѣнно значеніе для составителей указателей, словарей и вообще для лицъ занимающихся, которыя могутъ иногда найти въ нихъ весьма существенныя справки для біографіи того или другого дѣятеля. Поэтому нельзя не быть благодарнымъ графу Милорадовичу за изданіе вышеназванныхъ списковъ, требовавшихъ для своей полноты не мало кропотливыхъ розысканій. Въ спискахъ губернскихъ предводителей указаны фамиліи, имена, отчества, чины и время исполненія должности каждаго изъ нихъ, а въ спискахъ лицъ свиты ихъ величествъ—года и числа назначеній, по царствованіямъ, а также время выбытія изъ свиты или смерти. Любопытны слѣдующія общія цифры: въ царствованіе Петра Великаго въ свиту было назначено 9 лицъ; въ царствованіе Екатерины I—4 лица; Анны Ивановны—10; Ивана Антоновича—1; Елисаветы Петровны—11; Петра III—12; Екатерины II—50; Павла I—93; Александра I—176; Николая I—540; Александра II—939; Александра III—43; Николая II—4. Всего же, въ періодъ тринадцати царствованій, за сто восемьдесятъ семь лѣтъ, было назначено въ свиту ихъ величествъ 1.892 лица.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОВАЯ ИСТОРИЯ РУМЫНЪ. Надняхъ вышла въ Парижѣ первая исторія румынскаго народа на французскомъ языкѣ, составленная профессоромъ университета въ Яссахъ М. Ксенополемъ¹⁾. Она составляетъ результатъ полувѣковой исторической работы научныхъ тружениковъ молодого дунайскаго государства и заслуживаетъ полного вниманія, какъ обстоятельный сводъ всего, что извѣстно о постепенномъ развитіи римской колоніи въ Дакіи, которая, переходя отъ одного фазиса къ другому, дошла наконецъ до теперешняго независимаго королевства. Французская критика, и въ особенности Альфредъ Рамбо, на столбцахъ *Journal des Debats*, очень сочувственно отзываются о первой попыткѣ румынскаго профессора познакомить Европу съ прошедшими судьбами своей родины. Этотъ рассказъ о постепенномъ развитіи Румыніи имѣетъ не только историческій, но и политическій интересъ, такъ какъ она еще не достигла послѣдняго слова своей національной эволюціи и нѣкоторыя ея части до сихъ поръ находятся въ чужихъ рукахъ. Румыны дѣлятся на два главные отдѣлы по сю и по ту сторону Карпатъ: къ первымъ относятся жители Валахіи, Молдавіи и Буковины, а ко второму обитатели Трансильваніи и Темешварскаго Баната. Только первыя двѣ страны вошли въ составъ теперешняго Румынскаго королевства, а остальные принадлежатъ Австро-Венгріи. Въ настоящемъ его видѣ это юное королевство занимаетъ 131.000 кв. килом. съ населеніемъ въ 5.000.000 чело-вѣкъ и считается девятымъ государствомъ Европы, а если присоединить

¹⁾ *Histoire des Roumains de la Dacie Trajane*, par M. Xéropol. Paris, 1896. 2 vol.

къ нему всѣхъ румынъ, разбросанныхъ въ другихъ государствахъ, то оно увеличилось бы вдвое. Что современные румыны мечтають о такомъ увѣнчаніи зданія своей національности, доказываетъ книга Ксенополя и публичное заявленіе одного румынскаго сенатора Градистеану, который 19 февраля 1893 года при открытіи статуи Стефана Великаго предложилъ въ присутствіи короля тостъ за государя не Румыніи, какъ признано трактатами, а румынъ, и прибавилъ при этомъ: «коронѣ вашего величества не достаетъ еще нѣскольکو жемчужинъ: Баната, Буковины и Трансильваніи; будемъ надѣяться, что этотъ пробѣлъ будетъ не вѣчнымъ». Во всякомъ случаѣ, въ виду быстрыхъ успѣховъ, достигнутыхъ румынами въ послѣдніе годы, ихъ надежды на еще болѣе блестящее будущее не кажутся вполне мифическими. Еще недавно теперешнее королевство составляло два враждебныя княжества, находившіяся подъ властью турецкаго султана и отличавшіяся во внутренней своей исторіи постоянными смутами, рѣзней и рабскимъ состояніемъ несчастнаго народа, а теперь Румыніа представляетъ независимое государство съ конституціоннымъ государемъ, отвѣтственными министрами, парламентомъ, свободной печатью и полнымъ равенствомъ гражданъ. Но еще болѣе контрастъ между прошедшимъ и настоящимъ Румыніи представляетъ теперешнее ея положеніе и ея медленное вѣковое развитіе отъ временъ Траяна до царствованія короля Карла. Скольکو различныхъ фазисовъ перешла эта постепенная историческая эволюція, съ которой подробно и обстоятельно знакомитъ Ксенополь въ своемъ трудѣ! Прежде всего передъ нами является дикая, невѣжественная Дакия, которую присоединяють къ Риму торжествующіе легіоны Траяна. Затѣмъ идутъ два вѣка римской цивилизаціи, съ ея муниципальными учрежденіями и художественнымъ блескомъ, какъ свидѣтельствуютъ памятники дакійской старины. Въ теченіе послѣдующихъ семи столѣтій наплывъ варваровъ изъ Азіи: готовъ, гунновъ, славянъ, аварь, венгровъ, мало-по-малу уничтожаетъ даже слѣды римской колоніи на берегахъ Дуная. За этой, долго продолжавшейся, эпохой наступаетъ борьба, широко разбросанныхъ, остатковъ римскихъ поселенцевъ въ карпатской странѣ съ турками, вѣмцами и русскими. Конечно, эта борьба была не равная, и если, въ концѣ концовъ, румынамъ удалось составить независимое государство, то они все-таки заплатили за это дорогой цѣной, именно вынужденной уступкой половины своей національности и ея исторической почвы могущественнымъ сосѣдямъ.

— Былъ ли Шекспиръ въ Эльсинорѣ? Этимъ вопросомъ задается Іонъ Стефансонъ въ статьѣ, помѣщенной въ январской книжкѣ «Contemporary Review»¹⁾, и прямо отвѣчаетъ, что подробное изученіе «Гамлета», обнаруживающее не только полное знаніе его авторомъ датскихъ именъ, словъ и обычаевъ того времени, но и основательное знакомство съ королевскимъ замкомъ въ Эльсинорѣ, чего нельзя было достигнуть только однимъ чтеніемъ книгъ, приводитъ къ убѣжденію, что или Шекспиръ видѣлъ самъ то, что описываетъ въ лучшей изъ своихъ драмъ, или основалъ ее на разсказахъ людей, бывшихъ въ Даніи. Повидимому странно, что теперь возбуждается новый вопросъ по поводу

¹⁾ Shakespeare at Elsinore, by J. Stefansson. Contemporary Review. January, 1896.

«Гамлета», который изъ всѣхъ пьесъ Шекспира наиболѣе изученъ со всевозможныхъ сторонъ и послужилъ предметомъ 2,000 книгъ, статей и т. д. но въ сущности этотъ вопросъ не новый и имѣетъ только новую форму, такъ какъ давно извѣстна легенда о томъ, что Шекспиръ былъ за границей; одинъ изъ его комментаторовъ, пасторъ Девисъ, въ XVII столѣтїи, приводилъ это обстоятельство какъ фактъ. Новый изслѣдователь глубокоинтереснаго вопроса о пребыванїи за границей и специально въ Данїи величайшаго изъ драматурговъ очень осторожно и критически относится ко всѣмъ собраннымъ имъ матеріаламъ, а потому прямо не утверждаетъ, что Шекспиръ былъ въ Эльсинорѣ, но онъ приводитъ двойной рядъ доказательствъ того, что если и нельзя достовѣрно утверждать этого факта, то онъ очень вѣроятенъ, и во всякомъ случаѣ въ Данїи были другіе англійскіе актеры, товарищи Шекспира. Приводимыя Стефансономъ доказательства двойки въ томъ отношенїи, что съ одной стороны онъ въ самомъ текстѣ «Гамлета» находитъ многочисленныя подтвержденїя близкаго знакомства его автора съ мѣстными условїями датской жизни того времени, а съ другой приводитъ несомнѣнныя свѣдѣнїя изъ подлинныхъ датскихъ рукописей, сохранившихся до сихъ поръ о посѣщенїи Эльсинора въ 1585 и 1586 годахъ англійскими актерами той самой труппы, къ которой принадлежалъ Шекспиръ, написавшїй «Гамлета» между 1589 и 1602 годами. Главными доказательствами перваго рода служатъ: 1) измѣненїе легенды о «Гамлетѣ», рассказанной Саксомъ Грамматикомъ и повторенной въ «Трагическихъ исторїяхъ» Бельфорэ, перенесенїемъ мѣста дѣйствїя изъ Ютландїи въ Эльсиноръ; 2) чрезвычайно точное описанїе эльсинорскаго замка извнѣ и внутри; 3) упоминанїе такихъ обстоятельствъ датской жизни того времени, которыя не могли быть извѣстны англичанину, да еще мало образованному, какъ провинціальный актеръ, напримѣръ, пребыванїе Гамлета и его товарищей въ Витенбергскомъ университетѣ, куда тогда большою частью поступали датскіе юноши, или мимическая сцена передъ представленїемъ драмы актерами передъ королемъ, что только въ то время дѣлалось въ Данїи. Но, быть можетъ, самымъ убѣдительнымъ и характеристичнымъ изъ доводовъ Стефансона, основанныхъ на текстѣ «Гамлета», служить простое, но совершенно новое толкованїе знаменитыхъ строкъ «Гамлета», въ которыхъ онъ сравниваетъ портретъ перваго и втораго мужа своей матери; въ текстѣ прямо говорится: «посмотри на эту картину и на ту», а великіе актеры, игравшіе эту роль, по-своему изображали эти портреты, такъ какъ точнаго опредѣленїя ихъ не имѣется въ текстѣ, именно Фехтирь и Росси срывали медальоны стараго короля со своей шеи, а новаго съ шеи матери, другіе вѣшали портретъ дяди Гамлета на стѣну, а портретъ отца снимали со своей груди, третьи обратно — портретъ отца вѣшали на стѣну, а портретъ дяди срывали съ груди матери. Наконецъ Ирвингъ и Сальвини вовсе отвергали портреты и просто на словахъ вспоминали о чертахъ того и другаго короля. Теперь Стефансонъ нашелъ два достовѣрныхъ свидѣтельства: датскаго короля Фридриха II и англичанина Вильяма Сегара о томъ, что въ Кронборгскомъ замкѣ въ Эльсинорѣ находилась комната, увѣшанная тканью, на которой изображались портреты всѣхъ датскихъ королей; первое изъ этихъ свидѣтельствъ относится къ

1585, а второе къ 1603 годамъ. Такимъ образомъ очевидно, что Шекспиръ или самъ видѣлъ эти портреты въ Эльсинорѣ, или слышалъ о нихъ отъ лицъ, бывшихъ въ Даніи. Подтверженіемъ того факта, что творецъ «Гамлета» лично посѣтилъ Эльсиноръ, или тамъ былъ кто нибудь изъ его пріятелей, служить несомнѣнный фактъ пребыванія не только въ Даніи, но и въ самомъ Эльсинорѣ англійскихъ актеровъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ найденные Стефансономъ счета объ устройствѣ для нихъ сцены и уплатѣ актерамъ по пменамъ. Правда, среди этихъ именъ не встрѣчается имя Шекспира, но зато упоминаются имена его товарищей актеровъ, Вильяма Кемпа и нѣкоторыхъ другихъ. Такъ какъ названы въ этихъ счетахъ не всѣ актеры, а только главные, то Стефансонъ полагаетъ, что Шекспиръ могъ находиться въ числѣ не названныхъ актеровъ, тѣмъ болѣе, что существуетъ письмо сэра Филиппа Сиднея, въ которомъ говорится, что онъ послалъ какую-то записку черезъ одного изъ актеровъ, бывшихъ въ Даніи, по имени Виля. Последнее письмо было извѣстно многимъ комментаторамъ Шекспира, и большинство признавало, что это былъ не Шекспиръ, а Кемпъ; но Томпсъ и Бель склоняются въ пользу того предположенія, что подъ Вилемъ разумѣлся божественный Вильямъ. Вотъ все, что отыскалъ послѣ долгихъ трудовъ Стефансонъ для выясненія вопроса о томъ, былъ ли Шекспиръ въ Эльсинорѣ, и его статья тѣмъ любопытнѣе, что она появилась въ одно время съ книгой Леона Додэ, сына знаменитаго романиста: «Путешествіе Шекспира»¹⁾. Въ беллетристической формѣ и съ прибавленіемъ большой доли фантазіи, Додэ рассказываетъ по-своему легендарное путешествіе Шекспира на европейскій континентъ, но неизвѣстно, по какой причинѣ онъ не повѣствуетъ о вѣроятномъ посѣщеніи авторомъ «Гамлета» Даніи, вмѣстѣ съ дѣйствительно бывшими тамъ товарищами-актерами стратфордской труппы, а сочиняетъ какое-то небывалое странствованіе юноши Шекспира по морю и по Голландіи, среди цѣлага ряда мелодраматическихъ эпизодовъ и псевдо-глубокихъ философскихъ преній между нимъ и случайными посѣтителями роттердамскихъ тавернъ. Читая это странное, чтобы не сказать болѣе, беллетристическое произведеніе, невольно сожалѣешь, что его талантливый авторъ не воспользовался трудомъ Стефансона, такъ какъ на основаніи приводимыхъ послѣднимъ достовѣрныхъ данныхъ можно было бы написать очень интересный и блестящій историческій романъ о пребываніи Шекспира на родинѣ Гамлета.

— Итальянскій памфлетистъ XVI столѣтія. По временамъ въ литературѣ и журналистикѣ являются излюбленные предметы, о которыхъ всѣ говорятъ и пишутъ. Такимъ общимъ вниманіемъ пользуется въ послѣднее время во Франціи итальянскій писатель XVI вѣка, Пьетро Аретино. О немъ написана цѣлая книга молодымъ французскимъ ученымъ Пьеромъ Готье²⁾; онъ служитъ героемъ новой пьесы Борнье, дающей съ успѣхомъ на театрѣ «Французской Комедіи»³⁾; одинъ эпизодъ изъ его жизни составляетъ предметъ блестящаго очерка

¹⁾ Le voyage de Shakespeare, par Leon Daudet, Paris, 1896.

²⁾ L'Italie au XVI siècle: L'Arétin, par P. Gauthiez. Paris. 1896.

³⁾ Le fils de l'Arétin, drame en quatre actes, en vers, par le vicomte Henri de Bornier. Paris. 1895.

Жана Ришпена, подъ названіемъ «Любовь Аретино»¹⁾); наконецъ ему посвящены по случаю пьесы Борнье и книги Готье безчисленныя статьи въ журналахъ и газетахъ, изъ которыхъ наиболѣе интересенъ этуль извѣстный знатокъ итальянской старины профессоръ Гебгарта въ *Revue de Paris* ²⁾). Конечно, для знакомства съ любопытной фигурой итальянскаго памфлетиста, который, быть можетъ, первый въ Европѣ сталъ примѣнять на большой ногѣ литературный шантажъ триста лѣтъ тому назадъ, лучшимъ пособіемъ служить добросовѣстный и основательный трудъ Готье; но для полной его характеристики не излишни и тѣ рельефныя страницы, которыя посвящаетъ единственной, симпатичной сторонѣ его жизни, именно преданной любви къ Перринѣ, извѣстный французскій поэтъ и романистъ, Ришпенъ. Что же касается до драмы Борнье, то, несмотря на ея успѣхъ и похвалы парижскихъ критиковъ, она не представляетъ ничего выдающагося въ драматическомъ и литературномъ отношеніяхъ, а въ историческомъ это просто нелѣпая, бессмысленная мелодрама, перевирающая всѣ историческіе факты. Въ ней выведенъ знаменитый памфлетистъ, торговавшій всѣмъ: своими похвалами и своимъ молчаніемъ, своимъ талантомъ и своей совѣстью, раскаявшимся старикомъ изъ-за любви къ сыну, котораго онъ воспитываетъ строго нравственнымъ образомъ, въ полномъ невѣдѣніи прошедшаго отца; когда же сынъ поддается дурному вліянію злодѣя мелодрамы и, начитавшись безнравственныхъ памфлетовъ отца, старается ему подражать, именно хочетъ за большую сумму денегъ продать свое отечество, — отецъ убиваетъ его съ крикомъ: «вотъ мое наказаніе: я ѹбилъ моего сына!», а сынъ шепчетъ: «отецъ, ты меня спасъ». Вся жизнь Аретино и всѣ его сочиненія служатъ самымъ краснорѣчивымъ опроверженіемъ мелодраматической чепухи, сочиненной второстепеннымъ поэтомъ и драматургомъ, хотя и числящимся въ числѣ безсмертныхъ Французской Академіи. Одно имя Аретино возбуждаетъ въ умѣ всякаго, кому знакома Италия XVI столѣтія, самое глубокое презрѣніе и отвращеніе, такъ какъ въ немъ продажность памфлетиста равнялась цинизму романиста. Этотъ ловкій шантажистъ былъ настоящимъ представителемъ развратной, мрачной эпохи итальянской исторіи, во время которой онъ жилъ. Аретино одной рукой просилъ милостыни у сильныхъ міра сего, а другою собиралъ съ нихъ дань, грозя въ случаѣ неуплаты самой низкой клеветой. Онъ самъ говорилъ, что съ бутылкой чернилъ и дѣтью бумаги онъ наживаетъ, благодаря людской глупости, до двухъ тысячъ золотыхъ въ годъ. И всѣ одинаково подчинялись его шантажной литературной дѣятельности: государи, папы, знатныя особы, государственные люди, художники и т. д. одинъ только Микель Анжело не поддавался ни на угрозы, ни на заискиванія памфлетиста, хотя онъ могъ, благодаря своему презрѣнію къ Аретино, лишиться покровительства папы, а слѣдовательно возможности окончить свой знаменитый «Страшный Судъ». Но какъ ни былъ низокъ и развратенъ Аретино, нельзя не удивляться той поразительной эвергѣи, съ которою онъ достигъ славы и могущества, начавъ жизнь въ болыницѣ, гдѣ его родила мать, уличная куртизанка. Онъ нигдѣ и никогда не

¹⁾ Un amour de l'Arétin, par Jean Richepin. La Nouvelle Revue, 1 novembre 1895.

²⁾ A propos du «Fils de l'Arétin», par Emile Gebhart. Revue de Paris, 1 decembre 1895

учился, въ юности занимался ремесломъ переписчика, а потомъ, почувствовавъ въ себѣ поэтическій талантъ, онъ отправился изъ своей родины Аретцо, почему и названъ Аретино, въ Римъ и тамъ сталъ ухаживать за художниками, а главное за ихъ меценатами. Не довольствуясь скромнымъ положеніемъ прихлебателя у богатыхъ, онъ сталъ писать въ прозѣ и въ стихахъ клеветы на извѣстныхъ лицъ, дивирамбы своимъ покровителямъ и скандальные рассказы порнографическаго свойства. Это новое въ то время ремесло быстро обогатило и прославило его, но въ Римѣ онъ не чувствовалъ себя достаточно свободнымъ и переселился въ Венецію, гдѣ въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ разыгрывалъ самую странную, но грандіозную, роль. Онъ былъ всѣми признаннымъ царемъ итальянской литературы, писалъ съ высокомѣріемъ къ Тассу, предлагая свое покровительство, входилъ въ сношенія съ европейскими государями, преирился съ папой и всѣми считался за божественнаго Аретино. Онъ жилъ въ великолѣпномъ дворцѣ на Большомъ Каналѣ; въ его передней висѣли картины Таціана, поднесенныя самимъ художникомъ, а первая мраморная зала была всегда полна красавицами его серала, которыя назывались особымъ именемъ аретинокъ. Богатый, счастливый, развратный, онъ жилъ въ свое удовольствіе, возбуждая зависть во всѣхъ современникахъ, которые прославляли его какъ мудреца и великаго человѣка. Онъ умеръ также счастливо, какъ жилъ, и на шестьдесятъ пятомъ году упалъ среди веселаго ужина, пораженный апоплексическимъ ударомъ. И всѣмъ блескомъ своего веселаго существованія, всѣми своими успѣхами, всей своей славой и всѣмъ своимъ богатствомъ онъ былъ обязанъ одному — литературному шантажу, которому онъ впервые предоставилъ въ Европѣ право гражданства, и которому подчинялись такія могущественныя особы, какъ французскій король Францискъ I, императоръ Карлъ V, папы Павелъ III и Юлій III, англійскій король Іаковъ, коннетабль Монморанси и т. д. Конечно, бывали въ жизни этого блестящаго удачника и грустные моменты, такъ, напримѣръ, лордъ Арундель, посоль англійскаго короля, приказалъ своимъ слугамъ подвергнуть божественнаго Аретино тѣлесному наказанію за гнусный памфлетъ противъ него; но это не мѣшало ему кичиться своимъ величіемъ и печатать въ заголовкѣ своихъ отвратительныхъ памфлетовъ: «Піетро Аретино, свободный человѣкъ по волѣ Божіей», а его клеветамъ, преимущественно клерикаламъ, называть его свѣточемъ божьяго храма, вторымъ сыномъ Божіимъ и т. д. Что касается до поэтически рассказаннаго Ришпеномъ эпизода о его любви къ красивой, больной Перринѣ, то его преданное, нѣжное ухаживаніе за чахоточной молодой дѣвушкой, умершей на его рукахъ, — очень слабый лучъ свѣта въ мрачной исторіи его жизни, тѣмъ болѣе, что трогательныя заботы о больной не мѣшали ему предаваться своимъ обычнымъ оргіямъ съ аретинками.

— Лакей добраго стараго времени. Недавно вышло новое изданіе мемуаровъ Гурвиля ¹⁾, сдѣланное подъ руководствомъ Общества французской исторіи и снабженное многочисленными примѣчаніями ученаго критика, Леона Лёсестра. Эти мемуары уже давно составляли библиографическую рѣдкость, а теперь въ новой, доступной и вполне удовлетворительной формѣ могутъ слу-

¹⁾ Mémoires de Gourville. Ed. de la société de l'Histoire de France Paris 1896.

жить полезнымъ пособіемъ для знакомства съ подноготной блестящаго французскаго общества XVII вѣка. Гурвиль въ продолженіе всей своей жизни былъ не чѣмъ инымъ, какъ лакеемъ, хотя началъ свою карьеру буквально въ лакейской ливреѣ дома Ларошфуко, а въ зенитѣ своей славы обѣдалъ и игралъ въ карты съ королемъ Людовикомъ XIV, уже въ придворномъ мундирѣ. Эта пережѣна въ его внѣшнемъ положеніи не отозвалась на его душѣ, которая попрежнему осталась лакейскою, чтò, однако, нисколько не вредитъ впечатлѣнію его мемуаровъ, а, быть можетъ, его еще усиливаетъ. Чтеніе ихъ рельефно вызываетъ на свѣтъ то старое доброе время, когда въ королевской Франціи простой лакей могъ однимъ лакействомъ дойти до высокиихъ придворныхъ должностей и едва не достигнуть министерскаго поста. Какъ извѣстно, Гурвиль происходилъ изъ буржуазной семьи и, удивившись въ юности, что лакейство самое выгодное ремесло, вышелъ изъ конторы стряпчаго, гдѣ онъ занимался подготовкой къ судебной дѣятельности, и поступилъ въ простые лакеи къ аббату Ларошфуко, а потомъ перешелъ, въ томъ же званіи, къ его брату, будущему герцогу. Чрезвычайно ловкій, изворотливый и безъ всякихъ предразсудковъ, онъ быстро дошелъ до положенія дворецкаго и управляющаго. Пользуясь тѣмъ, что его господинъ постоянно нуждался въ деньгахъ, Гурвиль находилъ всевозможными средствами нужныя ему суммы, при чемъ, конечно, не забывалъ и себя. Такъ какъ Ларошфуко держалъ сторону Кондэ, то Гурвиль легко нашель возможность оказать услуги послѣднему, и хотя его попытка устроить бѣгство Кондэ не увѣнчалась успѣхомъ, но когда Кондэ дѣйствительно очутился на свободѣ, то не забылъ Гурвиля и переманилъ его къ себѣ на службу, даже допуская его къ своему обѣденному столу. Новому своему господину, этотъ примѣрный лакей служилъ съ такимъ же рвеніемъ, какъ старому, а при удаленіи Кондэ во Фландрію онъ нимало не задумался перейти къ его врагамъ и Мазарини принялъ его на королевскую службу. Въ сущности, пережѣняя частнаго господина на короля, Гурвиль только перешелъ изъ маленькаго дома въ большой и, находясь на государственной службѣ, оставался прежнимъ лакеемъ. Онъ также ревностно сталъ исполнять приказанія Мазарини, какъ прежде повелѣнія Кондэ, или Ларошфуко. О томъ, что онъ служитъ государству и странѣ, никогда не входило ему въ голову, а, получивъ мѣсто въ министерствѣ финансовъ, онъ рабски исполнялъ распоряженія своего начальства, конечно, не упуская случая лично обогащаться. Онъ былъ сначала интендантомъ арміи, потомъ сборщикомъ податей въ Гвіенѣ и, наконецъ, секретаремъ королевскаго совѣта. Лучшимъ доказательствомъ, что и на государственной службѣ онъ оставался лакеемъ, представляется тотъ фактъ, что онъ не забывалъ своего прежняго господина Ларошфуко и устраивалъ для него выгодныя, хотя убыточныя для государства, аферы. Несмотря на всю свою ловкость, онъ, однако, по знаменитому дѣлу Фуке попалъ подъ судъ, но бѣжалъ и нѣсколько лѣтъ жилъ въ Бельгіи, Англіи, Голландіи и Германіи. Объясняя вездѣ, также какъ въ своихъ мемуарахъ, случившееся съ нимъ несчастіе интригами партій, Гурвиль пользовался милостями англійскаго короля, принца Оранскаго и т. д. Вскорѣ и самъ Людовикъ XIV забываетъ пропозаннесенный противъ Гурвиля заочный обвинительный приговоръ и даетъ ему важныя дипло-

матическія порученія въ Брауншвейгѣ и въ Испаніи; когда же, онъ съ обычной ловкостью, доводитъ до счастливаго конца вѣренныя ему дипломатическія переговоры, то его возвращаютъ во Францію. Старые его грѣхи забываются, и онъ снова появляется при дворѣ короля, попрежнему занимаетъ высокія должности и оказываетъ услуги своимъ старымъ покровителямъ Кондэ и Ларошфуко. Даже Кольберъ, предавшій его суду за взятки, мирится съ нимъ и заявляетъ согласіе на предоставленіе ему поста министра, или генеральнаго контролера. Но судьба предохраняетъ его отъ такой опасной чести, и примѣрный лакей старой монархической Франціи спокойно умираетъ въ глубокой старости, среди почестей, богатства и славы.

— Дипломатическія записки Монгальера. Вышедшіе въ прошедшемъ году мемуары графа де-Монгальера, о которыхъ говорилось въ «Историческихъ мелочахъ» въ февральской книжкѣ нашего журнала, обратили общее вниманіе на характеристичную фигуру этого тайнаго дипломатическаго агента во времена имперіи и реставраціи. Онъ съ одинаковымъ рвеніемъ служилъ и бурбонамъ во время эмиграціи, и Наполеону, и реставраціи, но его личность была такая подозрительная, что ни одно правительство не рѣшалось пользоваться открыто его дѣйствительно замѣчательными дипломатическими способностями, а держало его въ качествѣ секретнаго агента. Въ особенности недолюбливалъ его Наполеонъ и прямо говорилъ, что можно было бы что нибудь сдѣлать изъ этого умнаго интригана, если бы не слѣдовало его повѣсить, но все-таки платилъ ему значительное жалованье и поручалъ ему составлять записки о политическомъ положеніи Европы, которыя читалъ всегда съ интересомъ. Подобныхъ записокъ Монгальеръ написалъ въ теченіе десяти лѣтъ, отъ 1804—1814 гг. значительное число и онѣ хранятся до настоящаго времени въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ своихъ мемуарахъ онъ дѣлаетъ ссылки на эти записки, а теперь большая ихъ часть напечатана и составляетъ очень цѣнный историческій матеріалъ¹⁾. Къ сожалѣнію, въ этотъ «Сборникъ» вошли только записки, относящіяся къ четыремъ годамъ, отъ 1805—1808 гг., а тѣ, которыя были составлены позднѣе, или уничтожены, или затерялись, а онѣ были тѣмъ интереснѣе, что въ виду заключавшихся въ нихъ откровенныхъ совѣтовъ Наполеону не жениться на австрійской принцессѣ, не начинать войны съ Россіей и ограничить свои чрезмѣрные завоеванія — императоръ прекратилъ подпольную дипломатическую дѣятельность Монгальера и выдачу получаемаго имъ жалованья. Во всякомъ случаѣ и то, что напечатано изъ этихъ письменныхъ докладовъ тайнаго дипломатическаго агента въ первые годы имперіи, имѣетъ большой интересъ. Его взгляды на тогдашнюю политику Англіи, Австріи, Россіи и Пруссіи, а также на отношенія къ нимъ Франціи обнаруживаютъ чрезвычайно прозорливый умъ, основательное знаніе политическихъ дѣлъ того времени и замѣчательное дипломатическое чутье, доходившее какъ бы до предвидѣнія будущаго. Говоря объ Англіи, онъ, напримѣръ, всегда настаивалъ на томъ, что Франціи невысмыслимо заключить съ этой страной прочнаго мира, такъ какъ главная цѣль всѣхъ ея

¹⁾ Les mémoires diplomatiques de Mongaillard. Paris, 1896.

дѣйствій—уничтожить французскій флотъ и французскую торговлю, съ цѣлью упрочить первенство Англiи въ морскомъ и коммерческомъ отношенiяхъ, для чего, между прочимъ, по его словамъ, она при первой возможности утвердится въ Египтѣ и на Красномъ морѣ, если Францiя не предупредитъ ея въ этомъ. Монгальяръ въ особенности ненавидѣлъ Австрiю и постоянно совѣтовалъ не полагаться на ея коварную дружбу, а напротивъ совершенно уничтожить ее, а потому послѣ Аустерлица онъ открыто осуждаетъ излишнюю уступчивость Наполеона и сожалеетъ, что онъ не обладалъ гениемъ Ришелье. Россiя, по мнѣнiю Монгальяра, угрожала быстрымъ увеличенiемъ своего могущества всѣмъ европейскимъ государствомъ, кромѣ Францiи, но все-таки союзъ съ этою державою онъ считалъ для своей родины мало полезнымъ, такъ какъ выгоду изъ него, въ концѣ концовъ, извлекла бы только одна Россiя, въ виду ея стремленiя къ завоеванiю Константинополя, въ чемъ, въ случаѣ тѣснаго союза, Францiи пришлось бы ей не мѣшать. На этомъ основанiи онъ совѣтовалъ Наполеону не увлекаться этимъ союзомъ и напротивъ сдерживать Россiю съ одной стороны поддержкой Турцiи, а съ другой возстановленiемъ королевства Польскаго. Однако во время реставрацiи Монгальяръ перемѣнилъ свое мнѣнiе о союзѣ Францiи съ Россiей и въ тайныхъ дипломатическихъ запискахъ, поданныхъ бурбонамъ, которыя также напечатаны въ вышедшемъ «Сборникѣ», онъ прямо говоритъ, что Россiя не можетъ быть врагомъ Францiи, такъ какъ для нея важно имѣть въ тюркiйскомъ кабинетѣ поддержку противъ политической монополiи Англiи, а съ своей стороны Францiя должна смотрѣть на Россiю, какъ на единственное средство своего спасенiя. О Пруссiи Монгальяръ отзывался при Наполеонѣ самымъ рѣзкимъ образомъ и считалъ, что ей никакъ не слѣдовало позволять перейти изъ второстепеннаго государства въ первостепенное путемъ увеличенiя своихъ владѣнiй на Рейнѣ. Но изъ всѣхъ дипломатическихъ взглядовъ Монгальяра въ его запискахъ, поданныхъ Наполеону, быть можетъ, самый оригинальный, былъ высказанъ имъ относительно евреевъ, въ пользу которыхъ онъ составлялъ планъ объ учрежденiи особаго государства въ Палестинѣ, которое имѣло бы цѣлью поборотъ Англiю на востокъ и отнять у нея Индiю. Дипломатическiя записки Монгальяра, составленныя имъ въ эпоху реставрацiи и теперь напечатанныя, обнимаютъ собою періодъ времени отъ 1815 — 1819 гг. и обнаруживаютъ совершенно новую сторону этого политическаго интригана. Конечно, онъ всячески унижаетъ Наполеона, но, странно сказать, онъ является защитникомъ конституцiоннаго правленiя и прямо говоритъ, что уже прошло то время, когда правительство могло обманывать, или держать подъ палкой народъ и что послѣ французской революцiи возможно только одно управленiе во Францiи—свободное, конституцiонное, имѣющее въ виду національные интересы. Проповѣдуя во время бурбонской реакцiи такіе взгляды, Монгальяръ указывалъ, какъ на образцовое правительство, на Американскіе Соединенные Штаты. «До конца настоящаго столѣтiя,—говоритъ онъ между прочимъ, Соединенные Штаты удивятъ Европу своимъ богатствомъ и могуществомъ, такъ что американскій флотъ будетъ властвовать на всѣхъ моряхъ и запретъ входъ даже въ Темзу».

— Союзники въ Парижѣ въ 1814 году. *Revue Nouvelle* отыскало

любопытный отрывокъ изъ мемуаровъ извѣстнаго уличнаго пѣвца, Анжа Питу и напечатало его въ своемъ нумерѣ отъ 15-го февраля ¹⁾). Въ этомъ отрывкѣ рассказывается, какъ парижане встрѣтили союзныя войска при входѣ ихъ во французскую столицу, и представляется характеристичная картина настроенія, какъ парижанъ, такъ и союзныхъ армій. Что же касается до автора, то онъ былъ очень интересной и оригинальной личностью конца прошлаго столѣтія и начала нынѣшняго. Онъ явился въ Парижъ впервые въ 1789 году и былъ сначала журналистомъ и роялистскимъ агентомъ, а потомъ, сохранивъ послѣднее качество, сдѣлался уличнымъ пѣвцомъ и достигъ громадной популярности своими пѣснями, въ которыхъ всегда просвѣчивала роялистская струнка. Директорія приказала его арестовать, и по приговору суда, онъ былъ сосланъ въ Гвиану, гдѣ пробылъ два года, но потомъ вернулся во Францію и выпросилъ себѣ помилованіе у перваго консула. Поселившись снова въ Парижъ и женившись, онъ открылъ книжную лавку, но черезъ нѣсколько времени обанкрутился. Въ 1814 году онъ служилъ въ національной гвардіи и лично видѣлъ, или слышалъ все то, что рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ. Свой рассказъ о ваятіи Парижа союзниками Анжъ Питу начинаетъ съ событій, случившихся наканунѣ этого памятнаго дня. По его словамъ, настроеніе парижанъ 30-го марта было самое сгранное и противорѣчивое. Въ одномъ и томъ же домѣ, въ одной и той же семьѣ питали противоположныя надежды; на улицахъ слышны были крики: то «да здравствуетъ императоръ», то «долгой императора!»... Вдали происходила послѣдняя борьба съ наступающими союзниками, которые къ тремъ часамъ заняли высоты Монмартра, и тогда ядра начали сыпаться на парижскія предмѣстья; но неожиданно канонада умолкла, и черезъ городъ посигишно прошли французскіе полки, ретируясь передъ врагами, а среди усгрененной толпы слышались самыя разнообразныя толки объгствѣ Наполеона, о переговорахъ, начатыхъ его маршалами съ союзниками, и о капитуляціи французской столицы. Но всего болѣе пугало парижанъ, если вѣрить Питу, слухъ о томъ, что Наполеонъ приказалъ взорвать Гренельскій пороховой магазинъ, въ когоромъ находился такой громадный запасъ пороха и снарядовъ, что при его взрывѣ весь городъ могъ превратиться въ развалины. Не только мирные граждане, но даже солдаты, охранявшіе гренельскій пороховой магазинъ, пришли въ ужасъ и подъ влияніемъ общей паники намочили порохъ, чѣмъ и водворили спокойствіе. Такъ прошла ночь, а на слѣдующій день при восходѣ солнца Наполеонъ удаляется въ Фонтенбло, а двѣнадцать городскихъ мэрровъ отправляются въ главную квартиру союзныхъ государей для заключенія капитуляціи. «Всѣ улицы, рассказываетъ Питу, полны толпами, среди которыхъ видѣются роялистскіе журвалисты раздающіе бѣлые кокарды и побуждающіе всѣхъ кричать: «Да здравствуютъ Бурбоны». Мало-по-малу толпы приходятъ въ восторгъ, и этотъ крикъ повторяется тысячами головами; на балконахъ и въ окнахъ появляются бѣлые флаги. Въ девять часовъ уже на бульварахъ чинно выстроилась значительная часть парижскаго населенія съ бѣлыми кокардами, и когда прискакавшіе адъютанты союзныхъ

¹⁾ Paris et les alliés en 1814, par Ange Pitou. Nouvelle Revue 15 février.

государей убѣдились, что почва вполне подготовлена для торжественнаго приѣма, то вслѣдъ за ними явились и сами монархи. Въ одиннадцать часовъ, они всгунили въ Сенъ-Мартенскія ворота и громко кричали народу: «Мы приносимъ вамъ миръ». На это 400,000 голосовъ отвѣчаютъ: «Да здравствуютъ наши освободители». «Кричите также: «Да здравствуютъ Бурбоны», — говорятъ союзники, и тутъ всѣ радуются, всѣ цѣлуются, крича: «Да здравствуетъ Людовикъ XVIII? Да здравствуютъ союзники». При видѣ этой веселой громадной толпы иностранные государи были очень довольны своей побѣдой и, остановившись на бульварѣ, спросили: все ли тутъ парижское население, на что имъ отвѣчали: «Здѣсь только часть». Прибывъ на площадь Людовика XV, Александръ и другіе государи приняли нѣсколько петицій, а чтобъ доказать свое желаніе возвратитъ престолъ королю, они вынули изъ кармановъ бѣлые платки и, разрѣзавъ ихъ, раздавали направо и налево для перевязей. Однако, они этимъ не удовольствовались и въ знакъ возстановленія Бурбоновъ предоставили Тюльери его будущему обитателю, а сами поселились въ отеляхъ или частныхъ домахъ. Между тѣмъ, союзныя войска заняли Парижъ и расположились бивакомъ на площадяхъ и набережныхъ. Обѣ стороны рѣки представляли самое оживленное зрѣлище: вивандьерки и всякаго рода торговцы живо побратались съ казаками и татарами, которые сразу усвоили себѣ французскія манеры. Весь Парижъ былъ на ногахъ, на всѣхъ лицахъ выражалась радость, и всѣмъ казалось, что иностранцы были настоящими французами. Среди общаго дружескаго братанія возникла въ одной группѣ мысль свергнуть статую Наполеона съ Вандомской колонны, и уже на нее наброшена веревка, а желѣзные ея устои сбиты, когда полученъ приказъ союзныхъ государей охранить цѣлость всѣхъ городскихъ памятниковъ... Одно изъ самыхъ любопытныхъ зрѣлищъ представляло Марсово поле, гдѣ казаки нагромоздили высокіе кучи награбленныхъ ими во всей Франціи вещей и устроили веселую ярмарку. Объяснялись они жестами, которые вполне замѣняли слова. Напримѣръ, одинъ казачій офицеръ, войдя въ ресторанъ, потребовалъ водки и понявъ, что вокругъ него посѣтители разсуждаютъ о Наполеонѣ, онъ принялъ оригинальное участіе въ общемъ разговорѣ: онъ взялъ два стакана, большой и маленькій, поставилъ ихъ рядомъ и, указывая на большой, сказалъ: «Наполеонъ большой», и бросилъ его на полъ, а потомъ положилъ руку на оставшіяся стаканъ и прибавилъ «Наполеонъ маленькій». Вообще казаки героя дня, и модныя парижанки посѣщаютъ безъ боязни ихъ биваки, хотя они смѣло высказываютъ свою любовь къ этимъ блестящимъ посѣтительницамъ... По наступленіи ночи національная гвардія ходитъ патрулемъ по улицамъ вмѣстѣ съ нѣмцами и русскими. Общая тишина нарушается только вздохами любви: всѣ вертепы разврата переполнены, и передъ ихъ дверьми солдаты ждутъ очереди. Куртизанокъ не хватаетъ. Безстыдныя женщины прямо ведутъ торговлю на улицахъ, и среди общей кутерьмы, подъ завѣсами мрака, даже честныя женщины дѣлаются жертвами солдатской разнузданности».

— Юность Авраама Линкольна. Въ декабрьской, январской и февральской книжкахъ американскаго журнала «*Мес Cluris Magazine*» помѣщенъ очеркъ мало извѣстной, но очень любопытной эпохи въ жизни президента Линкольна

именно его молодости¹⁾. Авторъ этого почтеннаго труда М. Мак-Кан-Девисъ старательно собралъ многочисленныя матеріалы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ провелъ свои юныя годы будущій освободитель негровъ, и удачно пополнилъ всѣ пробѣлы, существовавшіе до сихъ поръ даже въ лучшихъ біографіяхъ Линкольна. Двадцати одного года Авраамъ Линкольнъ въ мартѣ 1831 года покинулъ свой родной штатъ Индіану и перешолъ въ Иллинойсъ съ цѣлью зарабатывать себѣ хлѣбъ двумя здоровыми руками, которыя вмѣстѣ съ живымъ умомъ и пламенной энергіей были единственными его средствами къ существованію. Нѣсколько времени онъ пробавлялся поденной работой на различныхъ фермахъ, и только осенью того же года получилъ мѣсто приказчика въ маленькой лавочкѣ въ городкѣ Нью-Салемъ. Въ сущности въ этой лавчонкѣ, гдѣ продавалось все что угодно, болѣе болтали, чѣмъ продавали, и постоянныя ея посѣтители, учредившіе въ ней нѣчто въ родѣ клуба, встрѣтили новаго приказчика очень недружелюбно. Выведенный изъ терпѣнія постоянными несправедливыми нападками, юный Линкольнъ предложилъ разъ навсегда разрѣшить всѣ недоразумѣнія открытымъ, честнымъ боемъ. Туземная молодежь выбрала изъ себя здорovenнаго силача, но Линкольнъ, не задумавшись, принялъ единоборство съ нимъ, и долго борьба длилась съ переменнымъ успѣхомъ, пока силачъ не вздумалъ покончить дѣло предательски: тогда Линкольнъ схватилъ его за горло и сталъ такъ сильно душить его, что тотъ началъ просить пощады, признавая себя побѣжденнымъ. Съ тѣхъ поръ молодой приказчикъ сдѣлался общимъ любимцемъ, и дѣла по лавкѣ пошли съ необыкновеннымъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что Линкольнъ велъ торговлю съ самой щепетильной честностью. Такъ разсказываютъ, что однажды, закрывъ лавку, онъ пошелъ къ одному покупателю, жившему за три мили, чтобъ отнести ему по ошибкѣ взятыя лишніе три цента, а въ другой разъ онъ сдѣлалъ еще болѣе далекое путешествіе, чтобы возвратить покупателю недостававшій въ полуфунтѣ проданнаго чая одинъ унцъ. Въ свободное время Линкольнъ занялся своимъ самообразованіемъ, такъ какъ онъ чувствовалъ, что по внутреннимъ достоинствамъ и уму стоялъ гораздо выше всѣхъ, окружавшихъ его, людей, и помѣхой къ блестящей карьерѣ служила ему только недостаточность его образованія. Ближайшей причиной къ этимъ занятіямъ послужило желаніе его принять участіе въ преніяхъ политическаго клуба въ сосѣднемъ городѣ, а онъ считалъ невозможнымъ говорить неправильно, не зная грамматики, и потому обратился къ мѣстному школьному учителю съ просьбой одолжить ему учебникъ по этому предмету. Оказалось, что единственная грамматика во всемъ околдкѣ находилась у какого-то господина, жившаго въ шести миляхъ отъ Нью-Селема; но это обстоятельство ни мало не испугало Линкольна, и онъ, немедленно отправившись къ счастливому владѣльцу грамматики, купилъ ее на вѣсъ золота. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль онъ основательно изучилъ этотъ учебникъ, и когда на импровизированномъ экзаменѣ учитель одобрилъ его знанія, то онъ сказалъ: «если это называется наукой, то она далась мнѣ такъ легко, что я перейду къ изученію другой». Благодаря

¹⁾ The gauttl of Abraham Lincoln, by J. Mac-Can-Davis. Mac-Clures Magazine, december, 1895, january, february, 1896.

своимъ прилежнымъ занятіямъ, онъ черезъ годъ уже сдѣлался популярнымъ ораторомъ въ клубѣ и поставилъ свою кандидатуру въ члены мѣстнаго законодательнаго собранія. Неожиданное обстоятельство, однако, помѣшало ему дебютировать на полигической аренѣ: вспыхнула война съ индѣйцами подъ предводительствомъ знаменитаго вождя Чернаго Сокола, и Линкольнъ вступилъ волонтеромъ въ собранный отрядъ мѣстной милиціи, который избралъ его своимъ капитаномъ, хотя онъ не имѣлъ никакого понятія о военномъ дѣлѣ. Такъ въ первый же день похода ему пришлось перейти черезъ оврагъ, а онъ не зналъ, какъ построить для этого отрядъ и какъ скоординировать, а потому просто крикнулъ: «вольно на десять минутъ, а потомъ построиться въ ряды по ту сторону оврага». Вскорѣ онъ самъ убѣдился, что не можетъ быть начальникомъ, и, добровольно отказавшись отъ этого поста, служилъ простымъ солдатомъ во время всей экспедиціи, окончившейся полнымъ успѣхомъ. Возвратившись обратно въ Нью-Салемъ, онъ возобновилъ избирательную агитацію и если не добился своего избранія въ депутаты, то высказавшееся въ пользу его число голосовъ было очень значительно. Протоколъ этой баллотировки былъ веденъ самимъ Линкольномъ, который исполнялъ должность секретаря, и это первый официальный документъ, въ которомъ встрѣчается имя величайшаго изъ американскихъ президентовъ послѣ Вашингтона.

— Воспоминанія французскаго дипломата въ Петербургѣ и въ Берлинѣ въ 1870—1872 г. Маркизь Габріакъ, находившійся первымъ представителемъ третей французской республики въ Россіи и въ Германіи, напечаталъ въ послѣднихъ трехъ книжкахъ *Revue des deux Mondes* любопытныя воспоминанія о своемъ пребываніи въ Петербургѣ и Берлинѣ ¹⁾. Наиболѣе интересны свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, относительно русской политики во время франко-прусской войны, и въ подтвержденіе своего разсказа онъ приводитъ не только отрывки изъ официальной переписки дипломатовъ, но и подлинныя слова императора Александра II и князя Горчакова въ личныхъ съ нимъ разговорахъ. Во время седанскаго погрома и паденія декабрьской имперіи французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ былъ генераль Флѣри, который, естественно, подалъ въ отставку послѣ государственнаго переворота 4 декабря, и правительство народной обороны предложило первому секретарю посольства, маркизу Габріаку, остаться въ Петербургѣ въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ. Прежде чѣмъ принять этотъ отвѣтственный и, благодаря обстоятельствамъ, непріятный постъ представителя побѣжденной страны, молодой дипломатъ обратился за совѣтомъ къ князю Горчакову, который, по его словамъ, всегда выказывалъ ему благосклонное сочувствіе. Канцлеръ отвѣчалъ, что не только онъ, но и русскій императоръ, повелѣніе котораго онъ испросилъ по этому предмету, будутъ очень довольны, если маркизь останется въ Россіи представителемъ своей родины. Такимъ образомъ, втеченіе десяти мѣсяцевъ до возобновленія посольства въ Парижъ и въ Петербургѣ, съ назначеніемъ въ первый городъ генерала Леффо, а во второй князя Ор-

¹⁾ *Souvenirs diplomatiques de Russie et d'Allemagne (1870—1872), par le marquis de Gabriac. Revue des Deux Mondes, 1 — 15 janvier et 1 février, 1896.*

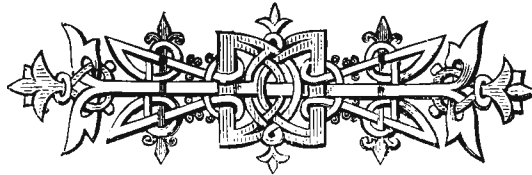
лова, — Габріакъ вынесъ на своихъ плечахъ всю трудную задачу поддерживать дипломатическія отношенія между Франціей и Россіей въ тревожную эпоху осады Парижа, коммуны и первыхъ дней третьей республики. Одна изъ первыхъ его бесѣдъ съ княземъ Горчаковымъ по поводу циркуляра Жюля Фавра о томъ, что Франція не уступитъ неприятелю ни пяди земли, ясно обнаружила всю тяжесть его положенія въ качествѣ представителя такого правительства, которое европейскіе кабинеты не считали надежнымъ. «Говорить, что не уступишь ни одной крѣпости, ни одной пяди своей земли, — сказалъ князь Горчаковъ: — это очень гордо, но надо сознаться, что этого мало; вамъ надо приготовиться къ нѣкоторымъ жертвамъ, а то вѣдь иначе вы не могли бы говорить, еслибъ война имѣла нерѣшительные результаты». Однако, указывая на необходимость жертвъ, русскій канцлеръ обѣщалъ, что его государь будетъ писать своему дядѣ съ цѣлью посовѣтовать ему быть умѣреннымъ въ своихъ требованіяхъ, а если соберется конгрессъ, то Россія громко подыметъ свой голосъ въ пользу того, чтобы условія мира были не слишкомъ отягочительны для Франціи. Габріакъ понялъ, какую пользу можно извлечь изъ этого обѣщанія, и приготовилъ депешу своему правительству, въ которой находилась фраза: «Россія не допуститъ заключенія другого мира, какъ основаннаго на территориальной цѣлости Франціи». Но когда онъ показалъ эту депешу канцлеру, то тотъ замѣтилъ, что не согласенъ на подобную фразу, такъ какъ сказать, что великая держава чего нибудь не допуститъ, означало, что она поддержитъ свое мнѣніе, въ случаѣ надобности, съ оружіемъ въ рукахъ, а до этого Россія никогда не дойдетъ въ отношеніи франко-прусской распри. Поэтому Габріаку пришлось удовольствоваться, продиктованной Горчаковымъ, фразой, что въ Берлинѣ извѣстно желаніе Россіи о томъ, чтобы Франція была избавлена отъ расчлененія. Этими немногими, но характеристичными словами руководителя русской политики вполнѣ обрисовываются ея отношенія къ побѣжденной Франціи, и весь рассказъ Габріака о его дальнѣйшихъ переговорахъ служитъ только ихъ развитіемъ. Вся роль русскаго правительства ограничивалась пожеланіями и личными письмами императора Александра къ Вильгельму, но до прямого вмѣшательства, или давленія на побѣдителей не было и рѣчи. Въ этомъ духѣ былъ принятъ и Тьеръ въ его памятное посѣщеніе Петербурга, а также этимъ же духомъ отличались всѣ дипломатическія отношенія между Габріакомъ и петербургскимъ кабинетомъ. Онъ прямо говоритъ, что большинство въ Россіи выказывало сочувствіе къ Франціи, самъ князь Горчаковъ обнаруживалъ въ извѣстной степени это сочувствіе, но его сдерживала официальная политика и родственныя связи русскаго двора. Хотя очень деликатно, но вполнѣ ясно, Габріакъ намекаетъ на то обстоятельство, что если Россія прямо не подняла своего голоса въ пользу Франціи, то отчасти ее побудило къ подобной политикѣ желаніе обезпечить поддержку Германіи въ случаѣ противодѣйствія Англій и Австріи въ дѣлѣ уничтоженія трактата 1856 года относительно Чернаго моря. Хотя такимъ образомъ Россія не выходила изъ роли нейтральнаго государства, при чемъ ея нейтралитетъ очевидно приносилъ болѣе пользы Германіи, чѣмъ Франціи, но всетаки она одна изъ первыхъ европейскихкихъ державъ признала республику во Франціи, и когда правительство

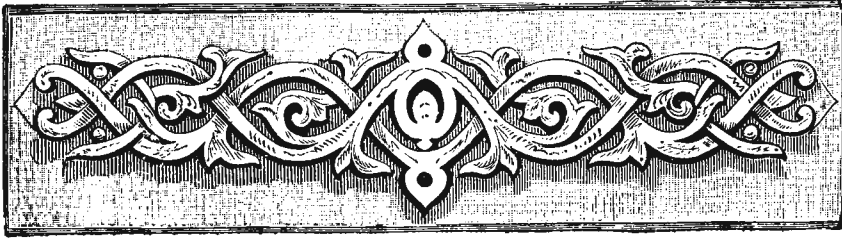
Тьера восторжествовало надъ плачевной парижской оргіей, какъ называлъ коммуны князь Горчаковъ, то выразила полное согласіе на возстановленіе посольскихъ постовъ въ обѣихъ столицахъ. Габріакъ долженъ былъ уступить свое мѣсто генералу Лефло и, снова посовѣтовавшись съ княземъ Горчаковымъ, принялъ мѣсто повѣреннаго въ дѣлахъ при берлинскомъ кабинетѣ. На прощальной аудіенціи императоръ Александръ обошелся съ нимъ очень любезно и между прочимъ сказалъ: «Франціи нечего жаловаться на меня съ тѣхъ поръ, какъ у нея есть установленное правительство. Мое единственное желаніе поддерживать съ нею наилучшія отношенія. Я уважаю Тьера за мужественный патріотизмъ, съ которымъ онъ посвятилъ себя спасенію своего отечества. Усилія его самого и членовъ его правительства къ уничтоженію парижскаго возстанія возбудили къ нему симпатію всѣхъ честныхъ людей, и нельзя не признать, что въ виду располагаемыхъ имъ средствъ онъ не могъ быстрѣе исполнить это дѣло». Кромѣ того, императоръ заявилъ Габріаку, что въ Берлинѣ его ждетъ хорошій пріемъ, и что Бисмаркъ говорилъ императрицѣ, во время ея проѣзда чрезъ Берлинъ, о новомъ французскомъ правительствѣ въ самыхъ лучшихъ выраженіяхъ. Однако, по словамъ Габріака, не всѣ въ Петербургѣ раздѣляли это мнѣніе государя о томъ, что ожидало въ Берлинѣ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, и одно, очень высокопоставленное, лицо высказало ему наканунѣ его отъѣзда: «вы не долго останетесь повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Берлинѣ, такъ какъ этотъ миръ — только перемиріе до того дня, когда Франція соберется съ новыми силами для новой войны». Габріакъ отвѣчалъ, что какъ ни тяжель для Франціи этотъ миръ, но онъ долговременный, и что черезъ полгода, а много черезъ годъ будутъ возстановлены посольства въ Парижѣ и Берлинѣ. Это предсказаніе исполнилось. Габріакъ провель въ Берлинѣ только пять мѣсяцевъ, и его смѣнилъ новый французскій посланникъ, виконтъ Гонто-Виронъ. Конечно, его положеніе въ германской столицѣ было очень трудное и непріятное, а борьба съ Бисмаркомъ совершенно не равная, но все-таки, въ концѣ-концовъ, ему удалось, подъ руководствомъ Тьера, довести до счастливаго конца переговоры объ очищеніи французской территоріи германской арміей и возстановленіи правильныхъ дипломатическихъ отношеній между обѣими странами.

— Новѣйшіе труды англо-русскаго литературнаго общества. Существующее въ Лондонѣ англо-русское литературное общество продолжаетъ дѣятельно стремиться къ достиженію своей цѣли — къ ознакомленію Англій съ Россіей, русскимъ языкомъ и русской литературой. На ежемѣсячныхъ собраніяхъ общества въ послѣднее время былъ прочитанъ цѣлый рядъ докладовъ, преимущественно литературнаго содержанія, хотя были и лекціи, имѣвшія характеръ общественный и политическій. По литературѣ читали: о Гончаровѣ — Г. Гавелокъ, лекторъ англійскаго языка въ Варшавскомъ университетѣ, о Толстомъ — Д. Кенворги, о Лермонтовѣ — миссъ Джертруда Шефердъ и о Тургеневѣ — Е. Брайлей-Годжетсъ. Всѣ эти доклады напечатаны прежде въ сжатомъ видѣ въ лондонскихъ газетахъ, а потомъ, въ болѣе пространномъ видѣ, въ протоколахъ общества, которые появляются отдѣльными брошюрами каждыя три мѣсяца. Конечно, отъ англійскихъ лекторовъ, имѣющихъ цѣлью познакомить въ не-

большомъ очеркѣ съ характеристикою того, или другого русскаго писателя, нельзя требовать новыхъ взглядовъ, или особенно блестящихъ литературныхъ портретовъ, а если они въ своихъ лекціяхъ выражаютъ достаточное знаніе того автора, о которомъ говорятъ, и правильно, безпристрастно рисуютъ его роль въ литературѣ, то большаго отъ нихъ нельзя и ожидать. Въ этомъ отношеніи всѣ указанные лекторы оказываются вполне удовлетворительными, и каждый изъ нихъ добросовѣстно исполнилъ свою задачу. Гавелокъ вѣрно опредѣлилъ значеніе Гончарова, кратко охарактеризовалъ его главнѣйшія произведенія и съ особымъ сочувствіемъ отгѣнилъ его чисто Ребрантовскій реализмъ, не имѣющій ничего общаго, по словамъ англійскаго критика, съ современными французскими реалистами школы Зола. Миссъ Шефердъ рисуетъ, въ очень симпатичныхъ краскахъ, Лермонтова и его поэтическій геній, причемъ указываетъ, что его нельзя признавать только подражателемъ Байрона, такъ какъ, не смотря на его преждевременную кончину, онъ успѣлъ обнаружить совершенно самостоятельный поэтическій талантъ. Еще сочувственнѣе отзывается Брайлей-Годжетъ о Тургеневѣ, котораго онъ прямо ставитъ въ разрядъ всемирныхъ литературныхъ гениевъ, на ряду съ Шекспиромъ, Мильтономъ, Вальтеръ-Скоттомъ и Байрономъ. По его словамъ, настоящей оцѣнкѣ Тургенева много мѣшаетъ быстро распространившійся культъ Толстого, проповѣдническая фигура котораго какъ бы затмеваетъ поэтическую личность романиста-художника. Когда прекратятся литературные споры настоящей минуты, и хладнокровная, здравая критика опредѣлитъ настоящее мѣсто въ всеобщей литературѣ Толстого и Тургенева, то, по мнѣнію англійскаго лектора, послѣдній займетъ гораздо высшее мѣсто и не очень далекое отъ Шекспира и Гете. Нѣкоторые критики сравниваютъ Тургенева съ Бальзакомъ, но Годжетъ считаетъ его гораздо выше по широтѣ и глубинѣ его поэтически-художественнаго таланта; что же касается до значенія Бальзака, какъ основателя школы, то и въ этомъ отношеніи Тургеневъ первенствуетъ надъ нимъ, такъ какъ основанная имъ школа имѣетъ своихъ адептовъ во всѣхъ современныхъ литературахъ. Къ очевиднымъ ученикамъ Тургенева англійскій критикъ причисляетъ во Франціи Додэ, Зола и Бурже, въ Германіи — Гауптмана и Зудермана, въ Америкѣ — Бретъ-Гарта, Джемса и Говельса, въ Англии — Киплингъ. Свою лекцію о Толстомъ Кенвортъ посвятилъ главнымъ образомъ уясненію его философскаго ученія и того вліянія, которымъ оно пользуется въ Англии. Оставивъ въ сторонѣ романиста, онъ исключительно занимается проповѣдникомъ и указываетъ, что въ Англии, родинѣ квакеровъ и другихъ протестантскихъ сектантовъ, была готова почва для воспріянія религіозной и соціальной проповѣди Толстого, которая, по мнѣнію Кенвортъ, благотворно отразится на развитіи англійской національной жизни. Кромѣ литературныхъ докладовъ, въ послѣднее время въ англо-русскомъ обществѣ было и нѣсколько лекцій по инымъ предметамъ: такъ Л. Богдановичъ читалъ о результатахъ русской цивилизаціи въ центральной Азій, священникъ Смирновъ — о московскомъ митрополитѣ Филаретѣ, англійскій генералъ Тиррель — о Россіи и Арменіи, наконецъ, В. Пробинъ-Невинсъ — о причинахъ, побуждающихъ англичанъ не понимать Россіи. Послѣднія два чтенія отличались тѣмъ сочувствіемъ къ Россіи,

которое составляет отличительную черту всѣхъ лекторовъ англо-русскаго общества; генераль Тиррель, представляя грустную картину бѣдствій несчастныхъ армянъ, находящихся подъ турецкимъ владычествомъ, указываетъ на процвѣтаніе ихъ братьевъ въ Россіи и видитъ въ замѣнѣ турецкаго правительства русскимъ единственный для армянъ исходъ, которому долженъ порадоваться всякій другъ цивилизаціи и прогресса. Что же касается до Пробина-Невинса, то онъ поднимаетъ на смѣхъ главныя двѣ причины, побуждающія англичанъ не довѣрять Россіи: именно стремленія русскихъ овладѣть Индіей и религиозныя преслѣдованія въ Россіи. Онъ доказываетъ, что то и другое обвиненіе неосновательно, и что союзъ Россіи съ Англіею вполне возможенъ, естествененъ и необходимъ для просвѣщенія Азіи.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Коронаціонные спектакли прежняго времени.

В ПЕРІОДЫ коронаціонныхъ торжествъ императоровъ Павла Петровича и Александра Павловича императорскихъ театровъ еще не существовало. Для коронаціонныхъ спектаклей въ періоды коронованія императора Николая Павловича въ Москву къ тамошнимъ труппамъ были откомандированы изъ Петербурга артисты и артистки изъ всѣхъ здѣшнихъ казенныхъ труппъ. На утвержденіе высшей театральной власти 11 февраля 1826 года былъ представленъ и утвержденъ репертуаръ, который приводимъ здѣсь съ отмѣтками, сдѣланными начальствомъ.

Пьесы, назначаемыя къ представленію во время празднества коронаціи.

ТРАГЕДІИ.

1. Пожарскій съ Семеновой.
2. Димитрій Донской съ Колосовой.
3. Фингалъ съ Колосовой.
4. Керимъ-Гирей съ Семеновой.
5. Гофолія съ Семеновой.
6. Есѣиръ съ Колосовой.
7. Андромаха—соч. Катенина.

ДРАМЫ.

1. Бояринъ Матвѣевъ вновъ.
2. Аббать л'Еце съ Колосовой.
3. Гусситы подъ Наумбургомъ—возобнов. Отмѣтка: исключается.
4. Великодушіе, или рекрутскій наборъ.
5. Діадима, мелодрама.
6. Валерія съ Колосовой.

КОМЕДІИ БОЛЬШІЯ.

1. Мезантропъ съ Колосовой.
2. Липецкія воды { съ Колосовой.
съ Валберховой.
3. Школа злословія { съ Колосовой.
съ Валберховой.
4. Своя семья съ Дюровой.
5. Ошибки съ Дюровой.
6. Аристофанъ.
7. Ротмистръ Громиловъ.
8. Хвастунъ.
9. Молодость Генриха V.
10. Грубый любовникъ.
11. Богатовъ въ деревнѣ возобнов.
12. Господинъ Богатовъ.

КОМЕДІИ МАЛЫЯ

съ балетами и трагедіями.

1. Тетушка.
2. Нелюбо не слушай.
3. Влюбленный Шекспиръ.
4. Молодые супруги.
5. Говорунъ.
6. Романъ на одинъ часъ.
7. Комедія безъ свадьбы { съ Колосовой.
съ Валберховой.
8. Наслѣдники.
9. Романъ на большой дорогѣ.
10. Притворная невѣрность.
11. Круговая порука, или Чижикъ и Собачка.
12. Завѣщаніе { съ Колосовой.
13. Спальня {
14. Игра любви и случая.
15. Ты и вы.

ОПЕРЫ БОЛЬШІЯ:

1. Титово милосердіе возобнов.
2. Телемакъ.
3. Севильскій цирюльникъ.
4. Весталка.
5. Иоанна д'Аркъ.
6. Волшебный стрѣлокъ.
7. Сандриліона.
8. Иванъ Сусанинъ.
9. Деревенскія пѣвицы.
10. Жанъ Парижскій.

ОПЕРЫ МАЛЫЯ:

1. Пзступленный.
2. Калифъ Багдадскій.
3. Выдуманный кладъ.
4. Любовная почта.
5. Новая суматоха.
6. Буффъ Портной преж.

ВОДЕВИЛИ:

1. Женщина лунатикъ.
2. Фениксъ.
3. Ворожея, или танцы духовъ.
4. Король и пастухъ.
5. Суженаго конемъ не объѣдешь.
6. Новая шалость.
7. Домъ сумасшедшихъ.
8. Удача отъ неудачи.
9. Приключеніе на станціи.
10. Вертеръ.
11. Женщины солдаты.
12. Пѣсня или конторское приключеніе.
13. Рекрутъ астрономъ.
14. Четыре времени года. Отмѣтка: исключается.
15. Казакъ стихотворецъ.
16. Ломоносовъ.

БАЛЕТЫ ГОТОВЫЕ.

1. Карлосъ и Розальба.
2. Калифъ.
3. Федра.
4. Сумбурщица жена.
5. Молодая молочница.

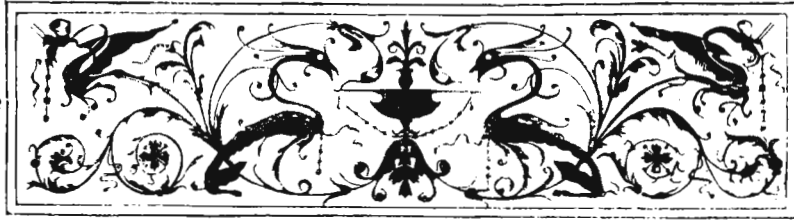
6. Зефиръ.
7. Лаура и Генрихъ.
8. Волшебная флейта.
9. Семикъ.
10. Гулянье въ Марьиной рошѣ.
11. Креки.

8 февраля 1826 года.

Для петербургскихъ театровъ на время торжества по случаю коронаціи императора Николая Павловича главною дирекціею театровъ 27 апрѣля утверждёнъ былъ слѣдующій репертуаръ на 30 спектаклей: для открытія послѣ траура на Маломъ театрѣ трагедія «Пожарскій» и водевиль «Казакъ стихотворецъ»; на Большомъ театрѣ опера «Телемакъ», затѣмъ: драма «Бояринъ Матвѣевъ» и «Гулянье въ Марьиной рошѣ, дивертиссементъ съ пѣніемъ»; комедія «Аристофанъ» съ хоромъ и балетомъ; трагедія «Эдипъ [царь]» и комедія «Два сосѣда»; балетъ «Русланъ и Людмила» и комедія «Своя семья»; сборный спектакль, комедія «Сплетни», опера «Новая суматоха» и разнохарактерный дивертиссементъ съ первыми сюжетами; трагедія «Керимъ-Гирей» съ балетомъ; опера «Севильскій цирюльникъ»; воскресный спектакль: комедія «Ошибки» и дивертиссементъ «Волшебная флейта»; драма «Два сержанта», комедія «Романъ на одинъ часъ» и водевиль «Новыя шалости»; балетъ «Хензи и Тао», комедія «Ротмистръ Громиловъ»; опера «Весталка» съ балетомъ; комедія «Школа злословія» и водевиль «Женщины-солдаты»; трагедія «Меропа» и комедія «Говоруны»; сборный спектакль, комедія «Ревнивая жена» и разнохарактерный дивертиссементъ; воскресный спектакль, комедія «Богатововъ въ деревнѣ» и водевиль «Вертеръ»; балетъ «Сумбурщица-жена» и комедія «Грубый любовникъ»; комедія «Липецкія воды» и водевиль «Домъ сумасшедшихъ»; опера «Іоанна д'Аркъ»; трагедія «Электра и Орестъ» и комедія «Притворная невѣрность»; сборный спектакль, водевиль «Пѣсня или конторское приключеніе», комедія «Сушруги прежде свадьбы» и водевиль «Феникъ или утро журналиста»; воскресный спектакль, комедія «Хвастунъ» и водевиль «Удача отъ неудачи или жидовская корчма»; опера «Синяя борода» съ балетомъ; мелодрама «Діадима»; драма «Габріэль де Вержи» и водевиль «Гусаръ-невѣста»; опера «Волшебный стрѣлокъ»; балетъ «Сумбурщица-жена» и комедія «Влюбленный Шекспиръ»; опера «Сандрильона» съ балетомъ; сборный спектакль, водевиль «Ломоносовъ», комедія «Тетушка» и дивертиссементъ съ первыми сюжетами; воскресный спектакль: драма «Рекрутскій наборъ» и опера-буффъ «Портной».

О. Таявъ.

С М Ъ С Ъ.

СТЬ въ Московскомъ университетѣ. 12 января, въ день храмоваго праздника во имя св. мученицы Татианы, Московскій университетъ праздновалъ сто сорокъ первую годовщину своего существованія. Торжество началось литургіей, которую соборнѣ совершалъ преосвященный Несторъ, епископъ дмитровскій, при участіи Чудовскаго хора пѣвчихъ. Послѣ причащеннаго стиха протоіереемъ Н. А. Еленскимъ было произнесено слово о долгѣ по ученію христіанства. Послѣ литургіи слѣдовало торжественное молебствіе св. Татианѣ, съ провозглашеніемъ многолѣтія Московскому университету, начальствующимъ лицамъ, учащимъ и учащимся. При богослуженіи присутствовали многія почетныя лица, бывшіе воспитанники университета, студенты, служащіе въ университетскихъ учрежденіяхъ и много молящихся. По окончаніи молебствія въ актовомъ залѣ университета, украшенной троическими растеніями, состоялось торжественное годичное собраніе. Актъ открылся пѣніемъ «Днесъ благодать Св. Духа насъ собра». Заслуженный профессоръ медицинскаго факультета Д. Н. Зерновъ произнесъ рѣчь подъ заглавіемъ: «Критическій очеркъ анатомическихъ основаній криминальной теоріи Ломброзо». Затѣмъ помощникъ ректора профессоръ Н. А. Звѣревъ прочелъ краткое извлеченіе изъ отчета о состояніи Московскаго университета за 1895 годъ. По прочтеніи отчета слѣдовала раздача золотыхъ и серебряныхъ медалей, причемъ, при выдачѣ каждой медали, оркестръ исполнялъ тушь, а публика аплодировала. Медали выдавались преосвященнымъ Несторомъ, попечителемъ округа Н. П. Боголѣповымъ и другими почетными лицами. Актъ закончился въ половинѣ третьяго часа дня народнымъ гимномъ, исполненнымъ хоромъ и оркестромъ. Гимнъ былъ повторенъ и покрытъ кликами «ура». Какъ

видно изъ отчета, въ университетѣ состояло преподавателей: профессоръ богословія 1, ординарныхъ профессоровъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 14, на физико-математическомъ 14, на юридическомъ факультетѣ 11, на медицинскомъ факультетѣ 16, итого 56; экстраординарныхъ профессоровъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 6, на физико-математическомъ факультетѣ 8, на юридическомъ факультетѣ 2, на медицинскомъ 21, итого 37; прозекторовъ 4, исправляющій должность прозектора 1, астрономъ-наблюдатель 1, лекторовъ 4, итого 103 преподавателя. Къ концу года при университетѣ состояло 130 приватъ-доцентовъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 26, на физико-математическомъ факультетѣ 34, на юридическомъ факультетѣ 11, на медицинскомъ факультетѣ 59. Общее число преподавателей къ концу 1895 года было 231. Изъ опредѣленныхъ уставомъ кафедръ оставались вакантными по физико-математическому факультету—агрономіи, по юридическому факультету—церковнаго права, торговаго права и торговаго судопроизводства и римскаго права и по медицинскому факультету—терапевтической факультетской клиники, исторіи и энциклопедіи медицины и судебной медицины; предметы второй, пятой и седьмой кафедръ читались профессорами Павловымъ, Захарьиномъ и Нейдингомъ. Лицъ, занимавшихъ непреподавательскія должности, къ концу минувшаго года состояло 255, изъ нихъ занимали штатныя должности 118 и сверхштатныя 137. Въ 1895 году университетъ продолжалъ изданіе «Ученыхъ Записокъ». Кромѣ того, профессорами и преподавателями напечатано и издано много книгъ и отдѣльныхъ статей. Лицъ, оставленныхъ при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ, въ теченіе минувшаго года, состояло 49, изъ нихъ получали стипендіи: изъ суммъ министерства 17, изъ благотворительныхъ суммъ 8, остальные 24 стипендіями не пользовались. Студентовъ въ университетѣ состояло къ 1 января 1896 года 4.147, стороннихъ слушателей 111 и аптекарскихъ помощниковъ, посѣщающихъ лекціи по предметамъ провизорскаго экзамена, — 153; всего слушателей къ 1 января 1896 года — 4.411. Число студентовъ, сравнительно съ прошлымъ годомъ, увеличилось на 241, стороннихъ слушателей на 52. Изъ числа стороннихъ слушателей 71 имѣютъ дипломы российскихъ университетовъ, 4 — дипломы иностранныхъ университетовъ. Въ настоящемъ году, какъ и въ прошломъ, число лицъ, желавшихъ быть принятыми въ число студентовъ Московскаго университета, было столь значительно, что всѣхъ ихъ принять, за недостаточностью университетскихъ помѣщеній, не оказалось возможнымъ, и въ приемѣ на медицинскій факультетъ многимъ было отказано. Не смотря на это, въ 1895 году принято 1.179 студентовъ. Съ 1 января 1895 года по 1 января 1896 года выбыло до окончанія курса 292 человѣка, на 10 менѣе, чѣмъ въ прошломъ году, и по окончаніи полнаго университетскаго курса — 656 человѣкъ, менѣе, чѣмъ въ прошломъ году, на 60; всего въ теченіе года выбыло 938 человѣкъ. Изъ общаго числа студентовъ 4.147 состоитъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 251, на отдѣленіи математическихъ наукъ физико-математическаго факультета 396, на отдѣленіи естественныхъ наукъ того же факультета 533, на юридическомъ факультетѣ 1.587 и на медицинскомъ факультетѣ 1.380. Затѣмъ, ректоромъ были объявлены награды за представленныя сочиненія на

заданныя факультетами темы. Учебно-вспомогательныя учреждения университета по всѣмъ факультетамъ пополнились значительными коллекціями. Къ 1 января 1895 года въ университетской библіотекѣ числилось 135.763 названія книгъ и періодическихъ изданій въ 236.630 томахъ и 20.673 тетрадяхъ и отдѣльныхъ листахъ. Въ теченіе 1895 года по 1 декабря поступило книгъ, журналовъ, атласовъ, картъ и рисунковъ: 2.059 новыхъ названій въ 2.978 томахъ, 41 тетрадяхъ и 1.560 томахъ, 447 тетрадяхъ продолженій уже получившихся изданій, итого 4.538 томовъ, 488 тетрадей. Кроме того, въ числѣ даровыхъ поступленій было дублетовъ: 946 томовъ, 13 тетрадей. Всего за отчетный періодъ поступило 5.484 тома, 501 тетрадь.

Актъ въ Кіевскомъ университетѣ Св. Владиміра состоялся 16-го января. Актъ былъ открытъ пѣніемъ молитвы «Царю небесный», исполненной хоромъ университетскихъ пѣвчихъ. Затѣмъ профессоръ Г. І. де-Метцъ прочелъ рѣчь «О передачѣ энергіи на разстояніи въ Европѣ и Америкѣ». Деканъ юридическаго факультета А. В. Романовичъ-Славатинскій прочелъ записку о состояніи университета Св. Владиміра въ минувшемъ 1895 году. Чтеніе отчета началось со свѣдѣній о перемѣнахъ въ личномъ составѣ университета, причѣмъ записка многосторонне коснулась дѣятельности скончавшагося почетнаго члена университета Н. Х. Бунге. Упомянувъ затѣмъ о скончавшихся членахъ, заслуженныхъ профессорахъ М. П. Авенариусѣ и Ѳ. Ѳ. Эргардтѣ, о знаменитомъ физиологѣ Карлѣ Лудвигѣ и Луи Пастѣрѣ, отчетъ коснулся личнаго состава университета. Къ 1-му января 1896 года университетскую корпорацію составляютъ: 55 ординарныхъ профессоровъ (въ томъ числѣ 12 сверхштатныхъ), 20 экстра-ординарныхъ, 44 приватъ-доцента, 1 астрономъ-наблюдатель, 3 лектора новыхъ языковъ, 5 прозекторовъ, 9 помощниковъ прозекторовъ, 1 инспекторъ и 5 помощниковъ, 1 библіотекарь и 8 помощниковъ, 46 служащихъ при разныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ (лаборантовъ, хранителей кабинетовъ и пр.) и 14 лицъ, занимающихъ штатныя должности по административной части, а всего 212 лицъ. На содержаніе ихъ по смѣтѣ минувшаго года ассигновано изъ казны 269.279 руб. 50 коп. и изъ специальныхъ средствъ университета 12.500 рублей. Для приготовленія къ профессорскому званію при университетѣ состояло въ истекшемъ году 16 стипендіатовъ. Въ студенты университета поступило 743 человекъ. Къ 1-му января наступившаго года состоитъ 2.434, болѣе противъ предыдущаго года на 121 человекъ. На стипендіи и пособія употреблено 50.934 руб. 45 коп. Въ заключеніе ректоръ университета прочелъ о научныхъ работахъ студентовъ и наградахъ за сочиненія.

Актъ въ Харьковскомъ университетѣ. 17-го января Харьковскій университетъ отпраздновалъ 92-ю годовщину своего основанія. Торжество началось архіерейскимъ служеніемъ. Актъ открылся рѣчью профессора Аноимова о «психофизиологіи рѣчи». Отчетъ о состояніи университета въ минувшемъ году читалъ ректоръ университета, предпославшій ему небольшое вступленіе. Изъ отчета видно, что къ 1-му января 1896 г. преподавательскій персоналъ состоялъ изъ 1 профессора православнаго богословія, 56 ординарныхъ, 9 экстра-ординарныхъ и 9 исполняющихъ должность экстра-ординарныхъ профес-

соровъ, 45 доцентовъ и 4 лекторовъ, всего 124 лица. Вакантныя кафедры: теорія и исторія искусствъ, торговое право и судопроизводство, международное право и исторія и энциклопедія медицины. Число студентовъ на 1-е января 1895 г. — 1.313 человекъ (1.278 студентовъ и 35 постороннихъ слушателей). Вновь принято 394 студента и 55 постороннихъ слушателей, въ томъ числѣ 49 фармацевтовъ. Выбыло въ теченіе года 297 студентовъ и 17 постороннихъ слушателей, 14 фармацевтовъ. 1-го января 1896 г. состоитъ студентовъ — 1.372 и 73 постороннихъ слушателя, въ томъ числѣ 66 фармацевтовъ, и на акушерскихъ курсахъ — 36 слушательницъ. По факультетамъ слушатели распределены слѣдующимъ образомъ: 1) на историко-филологическомъ — 39, 2) на физико-математическомъ — 151, 3) на юридическомъ — 380, 4) на медицинскомъ — 802. Стипендіатовъ было 180, изъ нихъ обязательныхъ 47 и необязательныхъ 133. Первымъ выдано 21.532 рубля, а вторымъ — 27.804 рубля, итого — 49.336 рублей. Кроме того, 125 студентамъ было выдано единовременныхъ пособій — 6.639 рублей. Общество пособія недостаточнымъ студентамъ выдало 359 долгосрочныхъ ссудъ, на сумму 5.395 рублей, и краткосрочныхъ — 13.736 рублей. Выпускныя свидѣтельства выданы 203 лицамъ по факультетамъ: историко-филологическому — 6, физико-математическому — 23, юридическому — 76, медицинскому — 98. Удостоены разныхъ степеней и званій 366 лицъ. Университетъ имѣетъ капиталъ въ 775.951 руб., приносящій дохода 33.748 руб. На содержаніе личнаго состава, учебныя пособия и хозяйственныя надобности университета получено изъ государственнаго казначейства 347.684 р., на контроль надъ занятіями студентовъ 9.789 руб., на стипендіи и пособія 32.767 руб., на содержаніе приготовляющихся къ профессорскому званію 3.025 руб., вознагражденіе членамъ экзаменаціонной комиссіи 6.680 руб., обществу испытателей природы 2.500 руб. и инспекцію 11.026 руб., всего 394.916 руб. Плата за слушаніе лекцій составляла 54.565 рублей, а гонораръ преподавателямъ 49.176 руб. Послѣ чтенія отчета состоялась раздача медалей.

Актъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ. 8-го февраля С.-Петербургскій университетъ праздновалъ 77-ю годовщину со дня своего основанія. Педагогическій составъ университета, во главѣ съ ректоромъ П. В. Никитинымъ, занялъ мѣста на эстрадѣ, декорированной тропическими растеніями. Профессоръ Х. Я. Гоби прочелъ отчетъ о дѣятельности университета въ прошломъ году. Число преподавателей въ университетѣ возросло съ 191 до 214 лицъ. Ординарныхъ профессоровъ числилось къ 1-му января 1896 года — 56, экстраординарныхъ — 14, академиковъ — 2, лекторовъ восточныхъ и новыхъ языковъ — 3, преподавателей — 2, привагъ-доцентовъ — 95 (на историко-филологическомъ факультетѣ — 35, физико-математическомъ — 36, юридическомъ — 17 и восточныхъ языковъ — 7), лаборантовъ и хранителей кабинетовъ — 39. Студентовъ и постороннихъ слушателей къ 1-му января 1895 года было 2.804 (изъ нихъ 36 слушателей), поступило 1.073, выбыло 784 (по окончаніи курса — 437, до окончанія курса — 347) и къ 1-му января 1896 года числилось студентовъ — 3.057 и постороннихъ слушателей — 45; всего 3.102. Студенты распределялись такъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 194 человекъ, на физико-математическомъ 1.085 (на математическомъ отдѣленіи 482 и на естествен-

номъ 603), на юридическомъ — 1.673 и восточныхъ языковъ — 105. Изъ нихъ 2.998 лицъ кончили курсъ въ гимназіяхъ, 4 — въ духовныхъ семинаріяхъ и 55 — въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Оставлено при университетѣ: для приготовленія къ профессорскому званію 91, причеиъ 28 лицамъ выдаются стипендіи. Возведены въ ученые степени 20 человекъ: 14 въ степень магистра и 6 въ степень доктора. Денежныя средства университета состояли изъ суммъ штатныхъ, специальныхъ и стипендіальныхъ. Израсходовано на содержаніе личнаго состава 241.389 руб., на учебныя пособія, хозяйственныя и другія нужды — 135.554 р. Выдано стипендій 288 студентамъ въ размѣрѣ 82.274 руб. и пособій 570 студентамъ на сумму въ 8.199 руб. Кроме того, были освобождены отъ платы за слушаніе лекцій 559 студентовъ. Университету сдѣланы пожертвованія: 20.000 руб. на учрежденіе трехъ стипендій имени покойнаго А. Р. фонъ-Эссена, 6.000 руб. на стипендію имени К. Н. Рыбина, 5.000 руб. на стипендію имени А. Н. Бекманъ и 873 руб. отъ профессора П. И. Георгіевскаго на учрежденіе изъ процентовъ преміи имени Ю. Э. Янсона. Библиотека университета приобрѣла покупкой 1.269 названій на сумму 12.189 руб. и получила въ даръ 3.375 названій въ 5.437 томахъ. Къ 1-му января 1896 г. числилось 104.959 названій въ 237.151 томѣ. Послѣ чтенія отчета профессоръ Н. И. Карѣевъ произнесъ рѣчь, посвященную памяти извѣстнаго историка Грановскаго. Ректоръ университета П. В. Никитинъ прочелъ списокъ наградъ, присужденныхъ студентамъ за удачное исполненіе письменныхъ работъ на заданныя темы. Актъ закончился народнымъ гимномъ.

Пятидесятилѣтіе Географическаго общества. 21-го января въ залѣ городской думы торжественно праздновался пятидесятилѣтній юбилей географическаго общества. Зала думы была убрана флагами; на эстрадѣ, среди растений, находился портретъ государя императора и бюсты прежнихъ государей. Въ собраніе въ 1 часъ дня прибыли великіе князья: президентъ императорской академіи наукъ Константинъ Константиновичъ, Дмитрій Константиновичъ, предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ Николаевичъ, Георгій Михайловичъ, Александръ Михайловичъ и герцогъ Георгъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій. Торжество началось съ благодарственнаго молебствія, совершеннаго протоіереемъ Головинымъ; въ концѣ молебствія было приглашено царское многолѣтіе и многолѣтіе всѣмъ членамъ общества. Послѣ этого на эстрадѣ заняли мѣста вице-предсѣдатель географическаго общества сенаторъ т. с. П. П. Семеновъ и члены совѣта общества, ген. Тилло, Стебницкій, Поморцевъ, проф. Мушкетовъ, В. Ламанскій, Вильсонъ, адм. Назимовъ, Барковскій, Струве и Веселовскій. Въ первомъ ряду заняли мѣста августѣйшія особы и почетные гости, среди которыхъ были члены государственнаго совѣта: д. т. с. Н. И. Стояновскій, статсъ-секретарь И. Н. Дурново, статсъ-секретарь В. И. Вешняковъ, А. Ѳ. Бычковъ; генераль-адъютанты: адмиралъ гр. Гейденъ 1-й, Игнатьевъ 2-й, князь Голицынъ, Кауфманъ, Рихтеръ, т. с. Тернеръ, министры: внутреннихъ дѣлъ сенаторъ т. с. И. Л. Горемыкинъ, земледѣлія и государственныхъ имуществъ т. с. А. С. Ермоловъ, государственный контролеръ д. т. с. Т. И. Филиповъ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія оберъ-гофмейстеръ князь С. М. Волконскій, товарищъ министра земледѣлія и государственныхъ иму-

ществъ д. с. с. А. А. Нарышкинъ, товарищъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода т. с. В. К. Саблеръ, начальникъ главнаго морского штаба ген.-адъют. Кремеръ, генераль-адъютанты: адмиралъ Поповъ, Софьяно, главноначальствующій на Кавказѣ Шереметевъ, генералы: приамурскій генераль-губернаторъ Духовской, академикъ Дубровинъ, помощникъ начальника главнаго штаба Бильдерлингъ и другіе генералы и адмиралы, а также городской голова т. с. Ратьковъ-Рожиновъ. Собраніе открылось чтеніемъ высочайшаго рескрипта географическому обществу, который читальъ министръ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинъ. Послѣ высочайшаго рескрипта были прочитаны рескрипты императора Николая I, два—императора Александра II, одинъ—императора Александра III и еще одинъ нынѣ благополучно царствующаго государя. Вице-предсѣдатель общества П. П. Семеновъ прочиталь историческій очеркъ русскаго географическаго общества. Послѣ рѣчи вице-предсѣдателя послѣдовалъ перерывъ, во время котораго высочайшія особы удалились изъ залы, а затѣмъ начался пріемъ многочисленныхъ депутацій, окончившійся лишь въ пятомъ часу пополудни. П. П. Семеновъ, въ краткой рѣчи, высказаль благодарность общества всѣмъ лицамъ, привѣтствовавшимъ этотъ юбилей. Для членовъ общества установленъ серебряный жетонъ: въ лавровомъ вѣнкѣ золотые инициалы И. Р. Г. О., наверху золотая звѣзда, а внизу цифра I.

Пятидесятилѣтіе «Бѣдныхъ людей» **Ф. М. Достоевскаго.** Въ Свято-Духовской церкви Александро-Невской лавры 24 января въ день пятидесятилѣтія «Бѣдныхъ людей» **Ф. М. Достоевскаго** была отслужена по немъ заупокойная обѣдня и панихида, на которой молились вдова и дѣти покойнаго, члены славянскаго общества во главѣ съ В. И. Аристовымъ, К. К. Случевскій и сравнительно небольшое число почитателей. Во время литургіи священникъ Ф. Н. Орнатскій сказалъ слово. Послѣ богослуженія духовенство и всѣ присутствовавшіе перешли на могилу **Ф. М. Достоевскаго**, украшенную зеленью и вѣнками. Здѣсь, у памятника была отслужена литія и пропѣта вѣчная память. Затѣмъ артисты императорскихъ театровъ г. Скворцовъ сказалъ рѣчь о томъ значеніи, которое получили сочиненія **Ф. М. Достоевскаго** въ читающей публикѣ, и о томъ благотворномъ вліяніи, которое оказываютъ они, нося въ себѣ идеи любви къ страдальцамъ, бѣднымъ, униженнымъ и оскорбленнымъ. Со времени выхода въ свѣтъ «Бѣдныхъ людей» прошло полвѣка, но сочиненіе это и теперь не утратило своего воспитательнаго значенія. Написавъ это произведеніе, **Ф. М. Достоевскій** какъ бы начерталь тогда же программу своей будущей творческой дѣятельности. И дѣйствительно ему удалось создать типы Мармеладова, Софьи, Раскольниковъ, Карамазовыхъ и другихъ униженныхъ и оскорбленныхъ. За нимъ одинъ изъ поклонниковъ знаменитаго писателя описаль то тяжелое впечатлѣніе, которое шестнадцать лѣтъ тому назадъ произвело въ учащемся поколѣніи извѣстіе о его кончинѣ.

Пятидесятилѣтіе со дня смерти князя А. А. Шаховскаго, исполнившееся 22 января, было ознаменовано особымъ спектаклемъ въ Александринскомъ театрѣ. Спектакль, собравшій массу публики, начался тѣмъ, что приватъ-доцентъ С.-Петербургскаго университета Шляпкинъ прочиталь очеркъ, посвященный Шаховскому, сообщивъ главныя черты изъ его жизни и дѣятельности.

Послѣ чтенія въ глубинѣ сцены поднялся занавѣсъ, и началось самое чествованіе. За занавѣсомъ собрались артисты и артистки драматической труппы, а еще дальше, на помостѣ, была поставлена статуя князя Шаховскаго, предъ которой, при дружномъ одобреніи публики, исполнена «слава». Спектакль состоялъ изъ комедій «Своя семья» и «Батюшкина дочка». Первая пьеса не всецѣло принадлежитъ Шаховскому: она написана имъ въ сотрудничествѣ съ Грибоѣдовымъ и Хмѣльницкимъ. Не смотря на нѣкоторую устарѣлость, пьеса съ удовольствіемъ была просмотрѣна публикой. Гг. Давыдовъ, Сазоновъ, Ридаль, г-жи Дюжикова, Савина, Жулева, Стрѣльская и Абаринава съ замѣчательнымъ ансамблемъ воскресили комедію въ живомъ, талантливомъ исполненіи. «Батюшкина дочка», написанная Шаховскимъ «въ подражаніе» пекспировской пьесѣ «Укрощеніе строптивой», прошла также весело. Г-жа Потоцкая, игравшая главную роль, г-жи Дюжикова 2-я, Читау, гг. Юрьевъ, Ремизовъ, Петровъ, Рокотовъ и Костровъ старательно отнеслись къ своимъ ролямъ, и пьеса была разыграна съ дружнымъ ансамблемъ. Во второмъ актѣ, сообразно съ замысломъ пьесы, вставленъ былъ балетъ съ участіемъ г-жи Преображенской, Куличевской, гг. Ширяева и Легата.

50-тилѣтній юбилей Е. Н. Жулевой. Въ январѣ исполнилось 50-тилѣтіе сценической дѣятельности артистки петербургскаго Александринскаго театра Екатерины Николаевны Жулевой, старѣйшей, послѣ Е. А. Сабуровой, представительницы драматическихъ труппъ Императорскихъ театровъ. Почтенная артистка, не смотря на свой 65-тилѣтній возрастъ, вполне обладаетъ силами для дальнѣйшей артистической дѣятельности, хотя и много поработала за полвѣка для русской сцены. Съ дѣтства близко стоявшая къ провинціальной сценѣ, Е. Н. Жулева еще дѣвочкой училась въ московскомъ театральномъ училищѣ; затѣмъ по желанію директора Императорскихъ театровъ, А. М. Гедеонова, была переведена въ петербургскую школу. Будучи воспитанницей этого училища, она и дебютировала въ январѣ 1846 года на Александринскомъ театрѣ въ роли Вареньки, въ водевилѣ Коровкина «Новички въ любви». Въ слѣдующемъ году Е. Н. была выпущена изъ училища, и съ 16 марта 1847 года считается ея дѣйствительная служба. Первоначально Е. Н. выступала преимущественно въ водевиляхъ, заступая мѣсто недавно тогда умершей Асенковой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она играла и роли драматическія, одною изъ которыхъ была роль Офелии, а также пѣла и оперныя партіи, для которыхъ у нея былъ выдающійся голосъ. Репертуаръ ея былъ весьма разнообразенъ; въ него входили и водевили, и комедіи (напримѣръ, Лиза въ комедіи «Горе отъ ума»), и драмы, и трагедіи, и мелодрамы. Съ теченіемъ времени, усвоивъ себѣ, главнымъ образомъ, драматическій репертуаръ, Е. Н. перешла на роли благородныхъ матерей и роли въ высокой комедіи. Въ роляхъ свѣтскихъ дамъ и аристократокъ Е. Н. Жулева не имѣетъ соперницъ, отличаясь изяществомъ и благородствомъ манеръ и вѣрностію тона. Игра Е. Н. Жулевой до настоящаго времени носитъ отпечатокъ традицій прошлаго русской сцены, характернымъ признакомъ котораго служитъ нѣсколько приподнятый, драматизированный тонъ, что не препятствуетъ артисткѣ создавать своимъ исполненіемъ живые образы, вѣрные дѣйствительности и съ внѣшней, и съ внутренней стороны.

25-тилѣтній юбилей В. И. Писаревой. 5-го февраля редакція «Варшавскаго Дневника» праздновала двадцатипятилѣтіе непрерывной дѣятельности одного изъ своихъ членовъ, В. И. Писаревой, сестры извѣстнаго въ 60-хъ годахъ Д. И. Писарева. В. И. сотрудничала почти по всѣмъ отдѣламъ «Варшавскаго Дневника», включая и иностраннѣй, и представляетъ едва ли не единственную въ Россіи женщину, трудившуюся въ журналистикѣ четверть вѣка. Редакція варшавской газеты посвятила юбилею своей сотрудницы замѣтку, въ которой въ прочувствованныхъ строкахъ привѣтствуетъ ея прошедшую дѣятельность и выражаетъ увѣренность въ сочувствіи читателей къ этому юбилею невидной, но полезной сотрудницы. Занятія литературою были, такъ сказать, фамильными въ роду Писаревыхъ. Дядя В. И. Писаревой былъ извѣстнымъ водевилистомъ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, а другой ея дядя перевелъ «Мессіаду».

Московское общество любителей русской словесности. 28-го января, въ 1 часть дня, въ актовомъ залѣ университета состоялось первое въ настоящемъ академическомъ году публичное засѣданіе общества любителей русской словесности. Засѣданіе открылось рѣчью предсѣдателя общества профессора Н. И. Стороженко, посвященною по поводу пятидесятилѣтія со дня появленія въ печати (24-го января 1846 года) «Вѣднхъ людей» памяти Ф. М. Достоевскаго, по поводу годовщинъ смерти—памяти А. Ф. Писемскаго, Ф. В. Миллера и И. С. Аксакова. Ораторъ вкратцѣ охарактеризовалъ наиболѣе выдающіяся черты литературныхъ фізіономій названныхъ писателей, послѣ чего пригласилъ собравшихся почтить память ихъ вставаніемъ. Затѣмъ К. М. Станюковичъ и В. Л. Величко прочли свои произведенія: первый—разсказъ «Два моряка», гдѣ изображаются представители двухъ поколѣній моряковъ, нынѣшняго и предшествовавшаго, второй—драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ,— «Двѣ милостыни». Многочисленная публика, наполнившая залу, наградила всѣхъ лекторовъ шумными и продолжительными рукоплесканіями.

С.-Петербургское археологическое общество. I. 15-го января, въ засѣданіи классическаго отдѣленія подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго, докладчиками явились Я. И. Смирновъ («О нѣкоторыхъ христіанскихъ памятникахъ Эпира, Фессаліи, Солуни и Кипра») и С. А. Жебелевъ («Алжирскіе и тунисскіе музеи»). Я. И. Смирновъ представилъ обширную коллекцію произведенныхъ имъ фотографическихъ снимковъ съ памятниковъ византійскаго искусства, извѣстныхъ доселѣ лишь по описаніямъ и по очень неточнымъ воспроизведеніямъ. Особенно интересны памятники Кипра, гдѣ византійское искусство столкнулось съ романскимъ стилемъ въ эпоху крестовыхъ походовъ, когда на Кипрѣ утвердилась династія Лузиньяновъ. С. А. Жебелевъ познакомилъ собраніе съ роскошнымъ альбомомъ античныхъ древностей сѣверной Африки, изданіе котораго предпринято французскимъ правительствомъ, подъ редакціей г. R. de la Blanchère («Musées et collections archéologiques de l'Alger et de la Tunisie»). — II. 30-го января, въ засѣданіи русскаго отдѣленія подъ предсѣдательствомъ С. Ф. Платонова, доклады сдѣлали: Н. И. Веселовскій—«О погребеніяхъ съ конемъ на сѣверномъ Кавказѣ и въ Крыму» и С. А. Адриановъ—«О древнѣйшихъ поселеніяхъ пермскаго племени». Н. И. Веселовскій сообщилъ результаты раскопокъ, произведенныхъ въ 1894 г. въ Кубанской области, около го-

рода Анапы. Конь погребенъ осѣданнымъ; сѣдло отдѣлано орнаментованной костью; при костякѣ всадника сохранилось оружіе; кромѣ того, въ могилѣ найденъ деревянный колъ, побуждающій докладчика вспомнить, что обычай зарывать въ могилу деревянный колъ сохранился у якутовъ и понынѣ. Въ сказанной мѣстности Н. И. Веселовскій открылъ цѣлый рядъ такихъ погребеній. Равнымъ образомъ имъ обнаружены погребенія съ конемъ и въ Крыму. Докладчикъ полагаетъ, что въ этихъ погребеніяхъ сказывается культура тюркскаго кочевого народа. С. А. Адриановъ исторически прослѣдилъ вопросъ о томъ, гдѣ жила первоначально пермь, и какаѣ народности обитала въ нынѣшней Пермской губерніи. Докладчикъ пояснилъ надлежащими данными извѣстіе норманскаго мореплавателя IX вѣка Отара, что при устьѣ Сѣверной Двины онъ нашелъ беармовъ, и утверждалъ, что это и были пермяки, которые затѣмъ двинулись отъ Бѣлаго моря къ Вычегдѣ и только въ XIV вѣкѣ поселились на Камѣ, а до того времени здѣсь жила югра. Археологическія находки, какъ сообщилъ по поводу прочитаннаго доклада А. А. Спицынъ, подтверждаютъ, что бассейнъ Камы въ X вѣкѣ былъ населенъ югорскимъ племенемъ. — III. 31-го января, въ засѣданіи восточнаго отдѣленія подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена, докладъ представилъ г. Д. Кудрявскій на тему «Грихья-Сутра, какъ источникъ для изученія индо-европейской бытовой культуры». Грихья-Сутра, какъ и другіе такого рода памятники санскритской литературы древнѣйшаго, до-буддійскаго, времени, заключаетъ въ себѣ правила домашняго ритуала, предписывающія опредѣленный порядокъ соблюденія обычаевъ, сопровождающихъ такіе моменты жизни человѣка, какъ отдача въ ученіе брахманамъ, первое бритье бороды на 16-мъ году и, наконецъ, свадьба. Въ тогъ же сводъ правилъ входитъ порядокъ жертвоприношеній, тщательно регламентированныхъ брахманами, которые, видимо, заботились обезпечить за собой руководящую роль во всѣхъ случаяхъ жизни и соответственно этому всякій древній патриархальный обычай освѣщали съ своей точки зрѣнія, съ чѣмъ изслѣдователю и приходится считаться, доискиваясь начальныхъ чертъ древняго быта. — IV. 5-го февраля, въ засѣданіи классическаго отдѣленія подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго, докладчиками явились: Я. И. Смирновъ («Археологическая поѣздка по Малой Азіи»), В. В. Латышевъ («Новая греческая надпись») и С. А. Жебелевъ («Пергамскій Траянеовъ»). Я. И. Смирновъ, иллюстрируя свое сообщеніе сдѣланными имъ фотографіями, познакомилъ собраніе съ многочисленными памятниками архитектурными, скульптурными и эпиграфическими, которые частью впервые имъ воспроизводятся, частью же вносятъ весьма существенныя поправки въ представленія, созданныя предшествующими путешественниками по Малой Азіи, какъ, напримѣръ, Texier (*Description de l'Asie Mineure*). Въ древней Каппадокіи докладчикъ изслѣдовалъ ищерныя церкви, высѣченныя въ высокихъ утесахъ, и, судя по внутренней отдѣлкѣ этихъ церквей, пришелъ къ заключенію, что время возникновенія ихъ не раньше XI вѣка. Интересенъ также открытый докладчикомъ хеттскій рельефъ на скалѣ, изображающій какое-то божество. В. В. Латышевъ представилъ текстъ вновь открытой въ Анапѣ, въ мѣстоположеніи древней греческой колоніи Горгиппіи, надписи на большой, въ два метра вышиной, мраморной плитѣ, спасенной отъ гибели мѣстнымъ податнымъ ин-

секторомъ; при содѣйствіи Н. П. Веселовскаго мраморная плита поступила въ собственность императорской археологической комиссіи и помѣщена теперь въ керченскомъ музеѣ. Надпись заключаетъ въ себѣ четыре списка, изъ которыхъ первый есть списокъ побѣдителей въ длинномъ бѣгѣ на праздникъ Гермеса. Всѣхъ именъ 225, и все это имена чисто греческія, за исключеніемъ ограниченное число разъ встрѣчающихся именъ Скионъ и Синдъ, то-есть обращенныхъ въ личныя имена сосѣднихъ народовъ. По даннымъ палеографическимъ надписи эта относится къ III вѣку до Р. Хр. С. А. Жебелевъ представилъ новый выпускъ роскошно издаваемыхъ королевскимъ музеемъ въ Берлинѣ Древностей (Alterthümer). Въ этой второй части V тома художественно воспроизведены результаты раскопокъ и изслѣдованій въ Пергамѣ, опредѣлившихъ мѣстоположеніе и конструкцію храма въ честь императора Траяна.

Императорское общество любителей древней письменности. — I. Засѣданіе 8-го января открылось прочувствованнымъ словомъ предсѣдателя общества графа С. Д. Шереметева, посвященнымъ памяти недавно скончавшагося члена-корреспондента общества — И. Ѳ. Горбунова, бывшаго всегда неизмѣннымъ посѣтителемъ собраній общества съ самаго его основанія. Некрологъ другого члена-корреспондента общества, А. П. Тимоеева, прочелъ Д. Ѳ. Кобекъ. Память почившихъ была почтена вставаніемъ. Затѣмъ А. П. Барсуковъ познакомилъ собраніе съ записью, найденною имъ въ Пензѣ въ старопечатной книгѣ 1628 г. «Лимонарь». Запись сдѣлана владѣльцемъ книги архимандритомъ Краснослободскаго Предтечѣва монастыря Пензенской епархіи о. Іосифомъ; онъ завѣщаетъ эту книгу монастырю на поминъ своей души и указалъ хранить ее на своемъ гробѣ, но отнюдь никому не продавать, не отдавать и не закладывать; это свое желаніе о. Іосифъ настойчиво повторяетъ нѣсколько разъ, говоря, что «книга сия не продажная». Кромѣ того, запись даетъ нѣкоторыя автобіографическія свѣдѣнія объ архимандритѣ, а также и свѣдѣнія о монастырѣ (о пожарѣ, о пожалованіи земли и сѣнныхъ покосовъ и т. д.), относительно котораго сохранилось очень мало свѣдѣній. Второе сообщеніе принадлежало А. І. Ляценку, давшему отзывъ объ издаваемыхъ во Львовѣ обществомъ имени Шевченка «Запискахъ». Сдѣлавъ обзоръ важнѣйшихъ статей по древне-русской литературѣ, помѣщенныхъ въ «Запискахъ», г. Ляценко остановился на статьѣ профессора Грушевскаго, въ которой послѣдній разбираетъ нѣкоторые недавно изданные обществомъ памятники письменности. Особенно хорошо, по мнѣнію г. Ляценка, ведется въ «Запискахъ» отдѣлъ библіографіи, въ которомъ даются отзывы о всѣхъ замѣчательныхъ книгахъ, касающихся южной Руси и выходящихъ какъ въ Россіи, такъ и за границей. По мнѣнію г. Ляценка, такого подробнаго и полнаго библіографическаго обзора не существуетъ въ нашей литературѣ. Въ заключеніе М. П. Соколовъ сообщилъ нѣсколько свѣдѣній о славянскихъ стихахъ къ рисункамъ библии Пискагора, сохранившихся въ полномъ видѣ въ одной рукописи XVIII вѣка (И. Н. Михайловскаго въ Нѣжинѣ), но пзвѣстныхъ въ отрывкахъ подъ старинными гравюрами; благодаря сохранившемуся акростиху, теперь открылось и имя сочинителя этихъ виршей — монаха Мардарія Хоникова. — II. Въ собраніи 26-го января Н. П. Барсуковъ сдѣлалъ сообщеніе «Къ исторіи изданія Пушкинскаго (Лаврентьевскаго) списка

лѣтописи и реподобнаго Нестора». Упомянуть о первой попыткѣ издать Несторову лѣтопись по списку мнѣха Лаврентія, предпринятой Московскимъ обществомъ исторіи и древностей російскихъ въ 1804 г., и сказавъ затѣмъ о преобразованіи этого общества въ 1811 г., совершившемся въ попечительство П. И. Голенищева-Кутузова (племянника полководца), г. Барсуковъ остановился на отношеніи попечителя къ Карамзину и привелъ любопытное письмо перваго къ министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому. Въ этомъ письмѣ Кутузовъ изображаетъ нашего исторіографа, какъ яраго революціонера; онъ пишетъ, что сочиненія Карамзина «исполнены вольнодумческаго и яковинскаго яда», что Карамзинъ «явно проповѣдуетъ безбожіе и безначаліе», что «давно бы пора его запереть, не хвалить его сочиненія, а сжечь ихъ», и совѣтуетъ министру «открыть государю глаза и показать Карамзина во всей его гнусной наготѣ, яко врага всякаго блага и яко орудіе тьмы». Приведа далѣе отзывы графа Ѳ. В. Ростопчина, видѣвшаго съ своей стороны въ Голенищевѣ-Кутузовѣ опаснаго революціонера, мечтавшаго о низверженіи трона, а также слѣдующія замѣчанія Погодина по поводу этого доноса: «...какой осторожности требуетъ судъ о дѣлахъ печати, за который у насъ часто принимаются многіе не приготовленные», Н. П. Барсуковъ перешелъ собственно къ исторіи изданія Несторовой лѣтописи. Оно было поручено знаменитому филологу своего времени Р. Ѳ. Тимковскому; къ сожалѣнію, отечественная война прервала этотъ трудъ, и лишь въ 1824 г., уже по смерти Тимковского, вышли въ свѣтъ нѣсколько отпечатанныхъ имъ листовъ Лаврентьевскаго списка. Второе сообщеніе «Объ апокрифическомъ пророченіи о Христѣ въ кумирницѣ бога Аполлона» было сдѣлано В. Н. Перетцомъ. Апокрифъ этотъ возникъ по образцу «Сказанія Афродитіана о чудѣ въ персидской землѣ», въ которомъ идолы прорицаютъ о рожденіи Христа. Прореченіе о Христѣ является памятникомъ, доселѣ неизвѣстнымъ русскимъ ученымъ: впервые оно издано Хр. М. Лопаревымъ по рукописи XVII вѣка въ описаніи рукописей Императорскаго общества любителей древней письменности. Г-нъ Перетцъ нашелъ въ Императорской Публичной бібліотекѣ болѣе древній списокъ прореченія, около 1400 г., новгородскаго происхожденія, дающій болѣе исправное чтеніе, безъ замѣтныхъ пропусковъ и сокращеній. Въ томъ же засѣданіи было заявлено о принесеніи въ даръ обществу С. А. Бахрушинимъ роскошнаго изданія «Ризница Симонова монастыря» и о нѣкоторыхъ другихъ новыхъ приобрѣтеніяхъ общества.

Неофилологическое общество. Въ послѣднемъ засѣданіи неофилологическаго общества, взамѣнъ двухъ выбывшихъ по очереди членовъ комитета, избраны большинствомъ голосовъ приватъ-доцентъ Фед. Ал. Браунъ и профессоръ С. К. Буличъ. Въ члены ревизіонной комиссіи избраны академикъ В. К. Эрнштедтъ, профессоръ Ив. Н. Ждановъ и г-жа Е. В. Балобанова. Въ члены общества избраны единогласно магистранты П. Н. Шефферъ и А. Ѳ. Погодинъ. Затѣмъ профессоръ С. К. Буличъ познакомилъ собраніе съ программю лингвистическаго отдѣленія при обществѣ, предпославъ ей сжатый очеркъ исторіи научнаго языковѣданія, начиная съ его основателя Франца Боппа и кончая Бругманомъ. Русское языковѣданіе слишкомъ отстало отъ западнаго, и лингви-

стическое отдѣленіе имѣетъ цѣлью наверстать упущенное. Главною его задачею будетъ изученіе живыхъ русскихъ говоровъ, составленіе областныхъ словарей, этимологическаго словаря русскаго языка, а также изученіе инородческихъ языковъ и нарѣчій. Преслѣдуя эти практическія цѣли, оно будетъ также разрабатывать принципиальные вопросы и слѣдить за успѣхами языковѣдѣнія на западѣ. Въ томъ же засѣданіи студентъ В. Ѳ. Шинмаревъ прочелъ рефератъ о любопытной книгѣ харьковскаго профессора Сергѣя Соловьева: «Историко-литературныя этюды. Къ легендамъ объ Іудѣ Предателѣ. Выпускъ I. Харьковъ. 1895». Въ концѣ засѣданія профессоръ консерваторіи Л. А. Саккетти прочелъ докладъ «О задачахъ искусства».

Общество вспомошествованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Въ залѣ Географическаго общества происходило 2-го февраля годовое собраніе общества вспомошествованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Секретарь фонда прочелъ отчетъ за истекшій 1895 годъ. Число членовъ было 512, засѣданій — 25, постановленій на нихъ сдѣлано 612. Пенсіонеровъ состояло 22, выдавались пособія, ссуды, пенсіи, и платилось за обученіе дѣтей писателей. Стипендіями пользовались 6 студентовъ. Выдано пособій продолжительныхъ 3, продлены 13 пособій, одновременныхъ пособій 78, безсрочныхъ ссудъ 33 и срочныхъ 15. Комитетъ входилъ въ сношенія съ редакціями по поводу гонорара и различныхъ недоразумѣній; хлопоталъ о безплатномъ проѣздѣ больному писателю на минеральныя воды и о помѣщеніи въ клиникѣ. Отказано въ просьбахъ 74 лицамъ. Для усиленія средствъ фонда была прочитана П. Д. Боборыкинымъ лекція, устроенъ литературный вечеръ въ память Грибоѣдова и выдана довѣренность д-ру Крылову на приемъ имѣнія, пожертвованнаго фонду г-жею Палашковской. Выпущено 13-е изданіе сочиненій Надсона и новое изданіе сочиненій Гаршина. Былъ устроенъ 30-го декабря литературный вечеръ, и выхлопотано право дать въ пользу общества спектакль. Предсѣдатель фонда принималъ участіе въ засѣданіяхъ комиссіи въ Академіи Наукъ по распредѣленію пособій литераторамъ. Даны справки въ Болгарію, гдѣ мѣстные литераторы и ученые ходятъ учредить фондъ, подобный петербургскому. Были объявлены поступившія пожертвованія и благодарность редакціямъ и типографіямъ, оказавшимъ услуги фонду. Казначей сообщилъ отчетъ о движеніи суммъ за годъ. За это время поступило въ капиталы: неприкосновенный 14,699 руб., именныя 13,354 руб., въ расходный 21,269 руб. и въ оборотныя суммы 4,365 рублей. Израсходовано 23,166 руб. 88 коп. Къ первому января текущаго года состояло капигаловъ: неприкосновеннаго 36,571 руб., именныхъ 283,467 руб., ссуднаго 300 руб. и прочихъ 6,055 рублей. Перерасходъ — 902 рубля. Въ общемъ средства фонда состоятъ: въ процентныхъ бумагахъ 309,275 руб., въ наличныхъ 12,418 руб. и въ долгахъ 2,700 рублей. Г-жа Ватсонъ прочла отчетъ ревизіонной комиссіи, нашедшей всѣ счета въ прекрасномъ состояніи и предложившей собранію выразить благодарность комитету, секретарю и казначею, что и было исполнено. Избрано нѣсколько новыхъ членовъ. Въ члены комитета взамятъ выбывающихъ избраны: Я. Г. Гуревичъ, В. Г. Короленько, В. И. Сергѣевичъ и К. М. Станюковичъ. Новый комитетъ изъ среды своей избралъ на текущій годъ: предсѣдателемъ В. И. Сергѣевича, товарищемъ

его Н. С. Таганцева, казначеимъ Е. П. Картавцева и секретаремъ Н. Ф. Анненскаго. Уходящаго предсѣдателя В. А. Манасейна собраніе поблагодарило за понесенныя имъ труды аплодисментами.

Карамзинская общественная бібліотека въ Симбирскѣ. Изъ отчета бібліотеки за 1894—1895 бібліотечный годъ видно, что къ 20-го ноября 1894 г. бібліотечныхъ суммъ состояло на лицо 16,577 р. 68 к., залоговъ оставалось 2,361 р. 59 к., въ теченіе года по 20 ноября 1895 г. поступило 1,654 руб. 84 коп. и залоговъ 1,103 руб., а всего съ остаткомъ въ приходѣ имѣется 21,696 руб. 91 коп. Въ расходѣ употреблено 1,340 р. 98 коп. и залоговъ возвращено 1,200 руб.; всего израсходовано 2,541 руб. 98 коп. и къ 20 ноября 1895 г. состоитъ на лицо 16,890 руб. 54 коп., залоговъ на 2,264 руб. 59 коп., и всего 19,055 р. 13 коп. Журналовъ и газетъ въ 1895 г. получалось 54 названія; книгъ въ бібліотекѣ состоитъ 15,495 названій въ 33,192 томахъ. Вновь пожертвовано было 59 названій въ 82 томахъ. Число посѣтителей въ отчетѣ не указано; брали книги на домъ 434 человека. Выдано было для чтенія 13,512 томовъ, въ томъ числѣ 6,165 журналовъ.

† **Н. Н. Страховъ.** 24-го января въ С.-Петербургѣ скончался одинъ изъ первоклассныхъ русскихъ писателей, публицистъ и литературный критикъ, магистръ зоологіи, Николай Николаевичъ Страховъ. Подробная біографія покойнаго, составленная на основаніи неизданныхъ матеріаловъ, будетъ помѣщена въ ближайшей книжкѣ «Историческаго Вѣстника», и потому въ настоящемъ некрологѣ будутъ даны лишь отзвы о покойномъ повременной печати и рѣчи, произнесенныя при похоронахъ на его могилѣ. Такъ, г. Никольскій въ «Новомъ Времени» (№ 7151) пишетъ: «Еще надняхъ одно изъ наиболѣе выдающихся дарованій и знаній въ средѣ нашей высшей духовной іерархіи лицъ, поздравляя покойнаго (по поводу недавнихъ журнальныхъ статей) съ сорокалѣтіемъ его литературной дѣятельности, выразилось въ своемъ письмѣ, что въ лицѣ Н. Н. Страхова «привѣтствуетъ просвѣщеннѣйшаго въ Россіи человека». Если прибавить къ этимъ справедливымъ словамъ, что «просвѣщеннѣйшій изъ русскихъ людей» былъ въ то же время глубокимъ, независимымъ и самобытнымъ мыслителемъ, плодовитымъ и разнообразнымъ писателемъ, однимъ изъ лучшихъ въ нашемъ столѣтіи литературныхъ критиковъ, то мы все же укажемъ этимъ только на то, чѣмъ покойный былъ для насъ, его младшихъ и старшихъ современниковъ. Между тѣмъ текущей минутой далеко не исчерпывается вліяніе и значеніе покойнаго. Увѣренность въ томъ основывается на главномъ свойствѣ покойнаго, всегда умѣвшаго при чуткости и отзывчивости на все, его окружающее, при постоянномъ интересѣ и вниманіи къ мельчайшимъ особенностямъ текущей минуты, ко всѣмъ деталямъ занимавшихъ его событій и вопросовъ, сохранить полную зоркость взгляда, полную ясность сужденія. Никакая мода, никакая сила общественнаго увлеченія не могла уклонить или затемнить его пониманіе и приговоръ. Потому современный читатель сквозь произведенія покойнаго прямо подымается изъ всѣхъ мелочей и пустяковъ текущей минуты въ возвышенную область основныхъ задачъ бытія, знанія, художественнаго творчества. Оттого всѣ, кому такъ или иначе придется считаться съ коренными основами современныхъ вліяній и вѣяній, со всѣмъ

наслѣдіемъ эпохи шестидесятыхъ годовъ и позднѣйшими наслоеніями нашей общественной мысли, должны будутъ начинать свои счеты съ произведеній Страхова. Сущность міра и роль человѣка въ мірѣ («Міръ какъ цѣлое»), возможность и задачи самобытнаго русскаго просвѣщенія и его отношеніе къ западно-европейской культурѣ («Борьба съ Западомъ»), основныя проблемы русской художественной литературы («Критическія статьи» и «Замѣтки о Пушкинѣ»), значеніе философіи въ просвѣщеніи и выработкѣ правильныхъ научныхъ методовъ («Философскіе очерки»), вопросы естествознанія съ точки зрѣнія философіи («О вѣчныхъ истинахъ», «Основныя понятія физиологіи и психологіи», и отчасти «Борьба съ Западомъ» и «Міръ какъ цѣлое») — вотъ вопросы, поднимаемые и раскрываемые Страховымъ въ его произведеніяхъ, вопросы, къ которымъ онъ ведетъ своего читателя отъ самыхъ ничтожныхъ частныхъ современной дѣйствительности, очищая вѣковѣчныя задачи мысли отъ той случайной и тѣсной оболочки, въ которую облакаютъ ихъ потребности минуты. Всѣ модныя заблужденія, всѣ Америки, открытыя въ нашей литературѣ, всѣ «обязательныя» ученія, всѣ подавляющіе свободу сужденія авторитеты современности — разоблачены, отвергнуты и преданы самой неотразимой ироніи въ тѣхъ десяти небольшихъ книжкахъ въ желтыхъ обложкахъ, которыя оставлены потомству только что скончавшимся писателемъ. Въ этомъ смыслѣ произведенія Страхова воистину просвѣтительны, и ихъ освобождающее отъ путъ современности, ея модъ и предразсудковъ значеніе — огромно. Всякая самобытно работающая мысль невольно будетъ сознательно или инстинктивно тяготѣть къ тѣмъ книгамъ, которыхъ главною цѣлью было освободить эту мысль, отрѣшить ее отъ всего временнаго и случайнаго и удержать на царскомъ пути человѣческаго познанія — на пути философіи. Трудно въ бѣгломъ очеркѣ дать полную характеристику и оцѣнку значенія покойнаго въ дѣлѣ русской философіи и литературы, но бесспорно уже теперь, что въ области изящной словесности его имя неразрывно связано для всего потомства съ именами Пушкина, Фета, графа Л. Н. Толстого, Тургенева, Герцена, Ал. Григорьева и Н. Я. Данилевскаго. Извѣстность и вліяніе Страхова начались собственно только съ середины 80-хъ годовъ, хотя начало его дѣятельности относится еще къ концу 50-хъ, потому мы еще не можемъ видѣть передъ собою даже самыхъ близкихъ ея воздѣйствій; быть можетъ, даже не скоро и не вдругъ принесетъ свои обильные и благотворные плоды это поздно начавшееся, но глубокое и могущественное вліяніе произведеній покойнаго на русскую жизнь, русскую мысль, русское искусство. Пускай же наше общество, принеши позднюю дань признанія одному изъ своихъ лучшихъ руководителей лишь у порога его могилы, сумѣетъ дорости и до созданія достойнаго ему памятника, завоевавъ и отстоявъ свою умственную свободу, свою духовную самобытность въ той борьбѣ съ западомъ, въ которой покойный былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся борцовъ». — Г. Ю. Николаевъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 27) пишетъ: «Какъ человѣкъ, Н. Н. былъ чрезвычайно симпатиченъ: мягкій, въ высшей степени деликатный, готовый на всякую услугу, готовый помочь всякому и со-вѣтомъ, и дѣломъ. Но его мягкость и деликатность не мѣшали ему быть въ высшей степени правдивымъ. Я никогда не забуду его въ высшей степени вѣр-

ныхъ и мѣткихъ отзывовъ объ иныхъ литераторахъ и ученыхъ. Отъ тѣхъ и другихъ онъ прежде всего требовалъ ясности мысли, точности выраженій, и его нельзя было подкупить никакою фразеологіей. Онъ былъ истинный литераторъ въ самомъ высокомъ значеніи этого слова. Литература была для него цѣлью сама по себѣ, и онъ, всегда мягкій, очень раздражался, видя, какъ у насъ литературу, искусство, обращаютъ въ средство для достиженія постороннихъ литературѣ и искусству цѣлей. Онъ любилъ литературу, можно сказать, нѣжною любовью и тщательно слѣдилъ за ея развитіемъ. Всякое проявленіе дарованія, серьезная и искренняя мысль приводили его въ восторгъ. Онъ вѣрилъ въ литературу, вѣрилъ, что побѣдить въ концѣ концовъ здоровая мысль, здоровое чувство, и потому цѣнилъ самое дѣло, не придавая никакого значенія тому, что называютъ успѣхомъ. Эта его вѣра оправдалась на немъ самомъ. Подобно всѣмъ нашимъ дѣйствительно значительнымъ писателямъ — если это были не беллетристы — онъ не имѣлъ успѣха въ публикѣ, руководимой извѣстной частью журналистики. Но уже съ восьмидесятыхъ годовъ значеніе его стало расти и рости до сихъ поръ. Иныя сочиненія его вышли вторымъ и третьимъ изданіемъ, и, безъ сомнѣнія, значеніе ихъ будетъ расти и рости. Безъ сомнѣнія, понятіе о Страховѣ, какъ о просвѣщеннѣйшемъ въ Россіи человѣкѣ, утвердится среди русскаго образованнаго общества, когда это общество ближе ознакомится съ его произведеніями. Страховъ сдѣлалъ чрезвычайно много и какъ ученый, и какъ философъ, и какъ литературный критикъ, но все же онъ далеко не вполне высказался. И не смотря на то, что онъ умеръ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, смерть его — не вознаграждаемая потеря для русской литературы». — Г. Гамма въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (№ 26) говоритъ: «Страховъ любилъ жизнь и большую часть ея посвятилъ усиліямъ проникнуть въ міровыя выси, въ основы основъ. Всѣ согласятся, что это были добрыя цѣли, что избранное Страховымъ служеніе стяжало ему полное уваженіе хотя бы и среди несогласныхъ съ нимъ». — «С.-Петербургскія Вѣдомости» (№№ 24 и 25) говорятъ: «Русская литература понесла тяжелую потерю въ лицѣ скончавшагося 24-го января. Н. Н. Страхова. Наше сообщеніе, не сомнѣваемся, вызоветъ скорбь въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы русской науки и русской литературы. Смерть вырвала изъ нашей среды одного изъ самыхъ талантливыхъ и убѣжденныхъ защитниковъ истинно-русскихъ началъ въ нашей государственной и общественной жизни. Критикъ, философъ, ученый и публицистъ, такъ счастливо сочетавшіеся въ личности покойнаго писателя, получаютъ справедливую оцѣнку только подъ перомъ будущаго историка нашей литературы, въ которой отведется ему одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Въ его критическихъ трудахъ эстетическое чувство и тонкое пониманіе прекраснаго соединились съ сильнымъ философскимъ умомъ и способностью къ анализу. Страховъ неразрывно связалъ свое имя съ именами людей, составляющихъ гордость и украшеніе русской литературы». — Князь Мещерскій въ свою очередь («Гражданинъ», № 8) слѣдующимъ образомъ характеризуетъ покойнаго: «Вчера скончался одинъ изъ крупнѣйшихъ людей и свѣтилъ нашего литературнаго міра, послѣдній критикъ русской словесности закала и таланта нашихъ крупныхъ творцовъ въ

литературѣ сороковыхъ годовъ — Н. Н. Страховъ. По количеству познаній, по ясности и силѣ ума, по дару владѣнія мыслями и ихъ изложенія, по яркости и убѣдительности своего творчества въ литературѣ Страховъ врядь ли имѣлъ за послѣднія 30 лѣтъ соперника; но между тѣмъ никого не знали меньше Страхова, никого не читали меньше Страхова, ни съ кѣмъ такъ мало не церемонились въ литературѣ, какъ со Страховымъ; а было изъ-за чего церемониться, если принять въ соображеніе, какими пигмеями были всѣ, писавшіе въ литературѣ, и какимъ гигантомъ ума и исполиномъ критики былъ одинокій Страховъ. Эта мистификація, эта злая шутка судьбы съ Страховымъ длилась во все время его жизни и до того въ то же время мало трогала высокую душу и свѣтлый, царившій надъ мелочною жизнью, умъ Страхова, что я не разъ помню его искренно радующимся тому, что кто либо прочиталъ имъ написанное, точно этотъ читатель облагодѣтельствовалъ его незаслуженною честью. Читая его, слушая его чистосердечныя умныя рѣчи, прислушиваясь къ его любимымъ мыслямъ, я не разъ задавалъ себѣ вопросъ: что же значить эта судьба человѣка, составляющаго умомъ и его творчествомъ славу и гордость великаго государства и точно затертаго, заглохшаго? Игра ли и капризь, фортуны, или что либо посерьезнѣе? И это серьезное не есть ли наше варварство, наше высокообразованное невѣжество? Страховъ какъ будто слишкомъ много предъявлялъ собою требованій къ нашей мысли, къ нашему просвѣщенію, къ нашимъ мозгамъ, и мы предпочитали отъ него ускользнуть, тѣмъ его читать, имъ наслаждаться и имъ просвѣщаться. Главная ошибка Страхова, мнѣ представляется, была та, что онъ родился русскимъ. Родись онъ и создай онъ умомъ и знаніямъ все, что онъ создалъ, въ Англии, Германіи, во Франціи даже, при всей ея легкомысленности, его имя давно бы гремѣло и славилось во всемирной наукѣ. Онъ сдѣлалася бы авторитетомъ въ умственномъ руководствѣ образованными поколѣніями, въ храмахъ науки и литературы и, въ особенности, во всѣхъ высшихъ школахъ. Каждый студентъ его бы зналъ, каждый физикъ его бы зналъ, каждый серьезный представитель словесности его зналъ бы. Миръ праху твоему, великій умъ земли русской, всю жизнь посвятившій чистѣйшему мышленію и свѣтлому творчеству». — Наконецъ, въ некрологѣ «Русскаго Слова» (№ 26) сказано: «Писатель очень чуткій и отзывчивый, широко понимавшій явленія современной литературы, покойный первый указалъ русскому обществу и первый сдѣлалъ вѣрную оцѣнку замѣчательнаго таланта А. Григорьева; онъ первый далъ надлежащую характеристику гениальнаго художественнаго дарованія графа Л. Н. Толстаго и выяснилъ значеніе его единственной въ своемъ родѣ эпопеи «Война и Миръ»; онъ первый выступилъ рѣшительнымъ истолкователемъ ученыхъ и общественныхъ заслугъ Н. Я. Данилевскаго, автора книгъ «Дарвинизмъ» и «Россія и Европа». — Наконецъ, приводимъ рѣчи, произнесенныя на похоронахъ Страхова П. А. Кусковымъ, С. Ѳ. Шараповымъ и Б. В. Никольскимъ. I. Рѣчь П. А. Кускова: «Самый очевидный способъ, которымъ жизнь заставляетъ существа, одаренныя свободной волей, идти къ цѣлямъ ея, заключается въ томъ наслажденіи, которое ощущается при исполненіи ея вѣдній. Судя по тому наслажденію, съ которымъ соединено всякое творчество, надо думать, что творчество и составляетъ главную работу

нашей жизни. Но «не можетъ Сынъ творити о себѣ ничего же, аще не еже видить Отца творяща». Можетъ быть, оттого такъ и великъ восторгъ творчества, что въ минуты его человѣкъ видить Бога, и чѣмъ яснѣе мысль его сознаетъ ея видимое, тѣмъ необъятнѣе получается отъ этого наслажденіе. Вся жизнь нашего друга, котораго мы теперь хоронимъ, была почти непрерывнымъ рядомъ такихъ наслажденій. Онъ совершенно ясно выразилъ, въ чемъ состояло упоеніе его философствующей мысли, въ эпиграфѣ, который онъ поставилъ на заглавномъ листѣ одной изъ своихъ книгъ («О вѣчныхъ истинахъ»): *Philosophari nihil aliud est, quam Deum amare* (философствовать есть не что иное, какъ любить Бога). И съ этой любовью ему было такъ хорошо среди 10,000 томовъ его бібліотеки, что его друзья никогда не находили его въ пригнетеномъ состояніи: онъ всегда былъ ясенъ духомъ и всѣмъ доволенъ. Въ послѣдней выпущенной имъ книжкѣ, третьей книжкѣ «Борьба съ Западомъ», онъ говоритъ въ предисловіи: «Въ какой-то старой нѣмецкой книгѣ я видѣлъ, что на заглавной страницѣ третьей части послѣ заглавія было напечатано: третья, послѣдняя и лучшая часть. Очень мнѣ хотѣлось бы имѣть право сдѣлать такую же надпись на этой третьей книжкѣ «Борьбы»: написать, что это послѣдняя и лучшая изъ трехъ. Что она послѣдняя, въ этомъ, кажется, мнѣ нельзя сомнѣваться, чувствуя, какъ убываютъ у меня силы и расположеніе писать. Что она лучшая — этому мнѣ хотѣлось бы вѣрить: писатель вѣдь долженъ стараться идти впередъ по мѣрѣ того, какъ проводить годы и десятки лѣтъ въ чтеніи и размышленіи. Но одного старанія здѣсь мало и объ успѣхахъ своихъ стараній мнѣ слѣдуетъ ожидать и просить суда читателей». Душа его, исполнившая ту волю жизни — чтобы ничего не погубить изъ того, что ей дано жизнью — была освобождена отъ самаго ужаснаго изъ всѣхъ страховъ, отъ страха смерти. Онъ о смерти до послѣдней минуты не говорилъ. Она взяла его въ такое время, когда онъ самъ сознавалъ уже, что у него проходитъ расположеніе писать, значить, когда онъ сознавалъ самъ, что все было имъ сдѣлано, и когда могъ сказать: «Нынѣ отпускаеши». Онъ исполнилъ свой долгъ и умеръ спокойно, воплѣтъ удовлетворенный. Намъ остается пожелать самимъ себѣ подобной кончины». II. Рѣчь С. Ѡ. Шарапова: «У каждаго великаго историческаго народа есть своя духовная жизнь, свой алтарь, на которомъ горитъ національная мысль. И къ этому алтарю народный геній посылаетъ своихъ избранниковъ. Великіе геніи заставляютъ ярко вспыхивать огонь на этомъ алтарѣ, огонь, который и свѣтитъ иногда не только своему народу, но цѣлому человѣчеству. Таковы Пушкинъ, Гоголь, Достоевскій, Толстой. Великіе борцы, великіе характеры становятся около этого алтаря съ мечемъ и бьются за народное святилище. Таковы Аксаковъ, Скобелевъ. Къ этому же алтарю идутъ и скромные труженики мыслители, согрѣтые любовью, одушевленные вѣрою. Они не бросаютъ своихъ лучей на все человѣчество, они не наносятъ богатырскихъ ударовъ, но у великаго очага народнаго самосознанія они зажигаютъ тихій свѣтъ мысли и изслѣдованія, и этотъ свѣтъ горитъ, какъ неугасимая лампада. Надъ свѣжей могилой Н. Н. Стрхова мысль объ этомъ тихомъ свѣтѣ, этой неугасимой лампадѣ, приходитъ сама собою. Да, по истинѣ неугасимую лампадою горѣлъ этотъ мыслитель, и съ его кончиной зажженный имъ свѣтиль-

никъ русской философіи не угаснетъ. Весь Страховъ, все дѣло его жизни, его удивительный анализъ, его тонкое русское чувство, его проповѣдь, все это останется навѣки все тою же неугасимою лампадою у алтаря русской мысли. Последнее прости мы говоримъ только нашему другу, нашему учителю, доброй и милой личности Н. Н. Только этотъ личный нашъ добрый другъ уходитъ отъ насъ, а мыслитель и философъ Страховъ не умираетъ, онъ не можетъ умереть, онъ безсмертенъ. Прости же, дорогой учитель! Прости и позволь надъ твоимъ гробомъ повторить слова поэта: вѣщимъ слухомъ слову Божьему внемля, надъ тобою легкимъ пухомъ ляжетъ русская земля». III. Рѣчь Б. В. Никольскаго: «Не къ друзьямъ покойнаго, олакивающимъ на закатѣ дней своихъ невознаградимую потерю, но къ младшимъ изъ здѣсь присутствующихъ, общимъ горемъ собранныхъ сегодня надъ этою смиренною могилою, позволю себѣ обратить нѣсколько словъ. Не только свое личное горе переживаемъ мы сегодня: всею Россіею понесена великая утрата. Сорокъ лѣтъ непрерывнаго труда, бодрой вѣры въ достоинство и высокое призваніе чловѣка, въ науку и въ искусство, въ величіе историческихъ судебъ нашего отечества, сорокъ лѣтъ упорной и безкорыстной работы, самобытной и тонкой мысли, безпримѣрной свободы мнѣнія, независимости и прямоты сужденія—вотъ прошлое Н. Н. Страхова. Какое высокое призваніе, какія великія задачи! И сколько силъ, сколько знаній, сколько душевной красоты въ ихъ осуществленіи! Между тѣмъ—оглянемтесь вокругъ: какъ скромненькій и невеликій кружокъ пришедшихъ на послѣднее прощаніе съ почившимъ писателемъ! Труденъ, но еще болѣе неблагоприятенъ, чѣмъ труденъ, тотъ путь, которымъ шелъ покойный. Съ его рѣдкими дарованіями, съ его высокимъ трудовымъ самоотверженіемъ онъ за сорокъ лѣтъ непрерывной дѣятельности едва успѣлъ добиться небрежнаго вниманія къ нему того общества, которому былъ однимъ изъ лучшихъ украшеній. Вотъ сознаніе, которое мы должны унести отсюда—не какъ ученики и друзья, пришедшіе грустно разсвѣтаться съ тѣмъ, что было въ покойномъ смертнаго, но какъ люди, едва вступающіе въ область своего жизненнаго призванія, которымъ есть чему учиться и есть что запомнить во исполненіе всемірнаго назначенія своей родины. Запомнимъ же навсегда, какъ мало еще насъ, и какъ еще много требуетъ Россія безкорыстныхъ жертвъ, неблагодарнаго труда, борьбы безъ надежды на скорую побѣду, просвѣщенія безъ надежды на скорое пониманіе и сочувствіе. Поучимся жить для будущаго и ничего не требовать отъ настоящаго. Время не ждетъ, работы бездна, и много ея приходится на долю каждаго изъ насъ, если взвѣситъ надъ этою могилою непоимѣрное величіе задачи, неисчерпанной трудами минувшихъ русскихъ поколѣній. Запомнимъ это и въ самой трудности, въ самой необлагодарности пути, указываемаго намъ покойнымъ, почерпнемъ энергію, бодрость и силы на то, чтобы оказаться готовыми къ исполненію своего долга и достойными своего историческаго призванія».

† В. Р. Зотовъ. 6 февраля въ С.-Петербургѣ скончался одинъ изъ старѣйшихъ современныхъ писателей и ближайшихъ сотрудниковъ «Историческаго Вѣстника», Владиміръ Рафаиловичъ Зотовъ. Покойный былъ сыномъ извѣстнаго въ свое время романиста Рафаила Михайловича Зотова. Онъ родился 22

іюня 1821 года въ Петербургѣ и, послѣ недолгаго пребыванія въ 1-й Петербургской гимназіи, поступилъ для дальнѣйшаго образованія въ Царскосельскій лицей. Въ этомъ заведеніи были сильны литературныя преданія, уцѣлѣвшія еще со времени Пушкина и Дельвига: въ каждомъ воспитанникѣ, въ которомъ замѣчалась хотя искра таланта, уже видѣли наслѣдника великаго поэта. Такъ и В. Р., написавшій еще въ стѣнахъ лицея свои первые стихи и даже напечатавшій ихъ въ «Маякѣ», не въ шутку былъ провозглашенъ «вторымъ Пушкинымъ». Этотъ первый литературный успѣхъ навсегда опредѣлилъ будущую дѣятельность покойнаго, который и раньше выказывалъ наклонности къ литературѣ, еще въ гимназіи и лицей издавая рукописные товарищескіе журналы. По окончаніи лицейскаго курса въ 1841 году однимъ изъ первыхъ стѣ чиномъ X класса В. Р. хотя и служилъ то въ канцеляріи военнаго министерства, то по вѣдомству финансовъ—въ департаментѣ податей и сборовъ,—тѣмъ не менѣе болѣе интересовался литературными занятіями, нежели службой, такъ что, выйдя наконецъ въ отставку, съ 1861 года окончательно посвятилъ себя непрерывнымъ трудамъ на литературномъ поприщѣ. Въ теченіе пятидесяти-пятилѣтней (1841—1896 гг.) дѣятельности имъ было напечатано громадное количество оригинальныхъ и переводныхъ произведеній. Трудно даже и перечислить все, что вышло изъ-подъ его пера. Поэтому остается отмѣтить лишь наиболѣе крупныя сочиненія плодовитаго автора. Къ нимъ относятся, прежде всего, поэмы: «Двѣ колонны» (Спб., 1841 г.) и «Послѣдній Хеакъ» (Спб., 1842 г.), а также двѣ книжки стихотвореній, подъ названіемъ: «Статейки въ стихахъ безъ картинокъ» (Спб., 1843 г.). Далѣе слѣдуетъ множество романовъ и повѣстей, какъ, напримѣръ, «Черный Тараканъ», романъ «Прихоть», «Любовь и приличіе», «Левъ и Барышня», «Жизнь и электричество», «Разказы моего затылка» («Пантеонъ» и «Репертуаръ» 1842—1843 гг.), «Волтижерка», повѣсть («Отечественныя Записки» 1849 г., кн. 11), «Старый Домъ», романъ въ восьми частяхъ («Отечественныя Записки» 1850 г., кн. 10—12; 1851 г., кн. 1—8), «Коломенская роза» (тамъ же, 1850 г., т. 68), «Человѣкъ съ характеромъ», романъ («Библіотека для Чтенія» 1852 г., кн. 7—8), «Между Петербургомъ и Москвой», разказъ («Отечественныя Записки» 1853 г., кн. 4), «Первый Маскарадъ» (1854 г., кн. 1), «Исторія одного паука и двухъ пріятелей» (1854 г., кн. 7), «Любовь въ городской каретѣ» (1856 г., кн. 2), «Комедія въ оперѣ», «Лопухинская легенда», «Лѣшій», «Любовь людей», «Докторша» и мн. др. Одновременно съ этими произведеніями выходили драматическія произведенія въ стихахъ и прозѣ. Изъ нихъ можно назвать драмы «Святославъ», «Новгородцы» (1844 г.), «Расяня» (1851 г.), «Шкиперъ» (1844 г.), «Жизнь Мольера» (1843 г.), «Сынъ степеней» (1844 г.), «Чума въ Милавѣ» (1844 г.), «Дочь короля Рене» и мн. др.; комедіи: «Мѣщанинъ-Дворянинъ», «Дружба и любовь», «Наука и женщины», «Тетушка и добродѣтель» и пр. Такихъ шесть Зотовымъ было написано или переведено около сорока (не считая водевилей), и двадцать семь изъ нихъ были поставлены на сценѣ. Кромѣ того, покойный переводилъ либретто итальянскихъ оперъ, написалъ вмѣстѣ съ графомъ Соллогубомъ либретто для оперы А. Г. Рубинштейна «Куликовская битва» и по поводу столѣтняго юбилея русскаго театра издалъ драматическій

прологъ, подъ названіемъ «30 августа 1856 года» (Спб., 1856 г.), удостоенный особой преміи. Но главнымъ образомъ В. Р. пришлось много потрудиться въ роли журналиста. Въ продолженіе долгаго періода онъ редактировалъ или издавалъ слѣдующіе журналы: «Репертуаръ» (1842—1843 гг.), «Литературную Газету» (1846—1848 гг.), «Сынъ Отечества» (1850 г.), «Иллюстрацію» (1858—1863 г.), «Воскресный Досугъ» (1863—1873 г.), «Иллюстрированную Газету» (1864—1873 годы) и «Иллюстрированную Недѣлю» (1874—1876 годы), гдѣ печаталъ многочисленныя статьи и замѣтки. Помимо сказаннаго В. Р. съ 1850 — 1856 гг. принималъ дѣятельное участіе въ изданіи «Пантеона» Ѳ. А. Кови, гдѣ завѣдывалъ отдѣломъ критики, театра и смѣси. Въ то же время онъ былъ усерднымъ сотрудникомъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» подъ редакціей Краевского и въ 1857 г. въ «Сынъ Отечества» Старчевскаго. Въ 1858 г. онъ основалъ съ Бауманомъ «Иллюстрацію», а для менѣе состоятельныхъ классовъ общества болѣе доступную по цѣнѣ газету «Иллюстрированный Семейный Листокъ». Черезъ шесть лѣтъ изданія, уменьшивъ на половину цѣну обоихъ журналовъ, онъ превратилъ первый изъ нихъ въ «Иллюстрированную Газету», а второй въ «Воскресный Досугъ». Въ этомъ видѣ, переимѣнивъ еще разъ названіе на «Иллюстрированную Недѣлю» и «Неву», они просуществовали 10 лѣтъ, когда Бауманъ, разорившись на разныхъ аферахъ, бѣжалъ за границу. Въ 1873 г. В. Р. примкнулъ къ газетѣ «Голосъ» и весь отдался газетной работѣ, взявъ на себя, между прочимъ, секретарскую и дѣлопроизводительную часть по изданію. Онъ не оставлялъ ни «Голоса», ни «Отечественныхъ Записокъ» до прекращенія этихъ изданій, а въ послѣднее десятилѣтіе постоянно сотрудничалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» и «Наблюдателѣ». Одновременно съ журнальною работою В. Р. принималъ дѣятельное участіе въ лексикографическихъ изданіяхъ, къ которымъ всегда обнаруживалъ особенную склонность и способность, благодаря своему энциклопедическому образованію и знанію языковъ. Такъ, въ 1861—1864 гг. онъ былъ помощникомъ редактора «Русскаго Энциклопедическаго Словаря», въ 1864 г. составилъ почти одинъ, безъ сотрудниковъ, третій томъ «Настольнаго Словаря» Толля; въ 1874 г. принималъ участіе въ «Словарѣ» Березина, а въ послѣднее время, при покойномъ И. Е. Андреевскомъ, въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона, въ которомъ одно время велъ отдѣлъ критико-литературный и читалъ всѣ поступавшія въ редакцію рукописи. Помимо того покойный принималъ участіе въ редакціи сборника «Сѣверное Сіяніе», гдѣ помѣстилъ рядъ статей о Лермонтовѣ («Сѣверное Сіяніе» 1863 г., №№ 3 и 6; 1864 г., №№ 5 и 6) и наконецъ издалъ обширный трудъ—«Исторію всемірной литературы въ очеркахъ, біографіяхъ, характеристикахъ и образцахъ» (Спб., 1876—1882 годы, четыре тома). Изъ журнальныхъ статей покойнаго особенно обращаютъ на себя вниманіе: «Фаустъ Гете и его русскіе переводчики», «Шекспиръ въ его малоизвѣстныхъ произведеніяхъ», «Менаандръ и Теренцій», «Рашель и классицизмъ», «Лермонтовъ въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ» и др. Въ послѣднія же десять лѣтъ В. Р. постоянно сотрудничалъ въ «Наблюдателѣ», гдѣ періодически помѣщалъ «Очерки иностранной литературы» (см. «Наблюдатель» 1886 года, кн. 9, до 1894 года

кн. 1) и въ «Историческомъ Вѣстникѣ», гдѣ, среди другихъ статей, напечаталъ «выдержки изъ автобіографическихъ замѣтокъ», подъ названіемъ: «Петербургъ въ сороковыхъ годахъ» (1890 года, кн. 1—6), и до августа 1895 г. включительно велъ отдѣлы «Смѣсь» и «Заграничныя историческія новости».

† **А. Ш. Незеленовъ.** Въ ночь на 31-е января въ Гурзуфѣ скончался профессоръ русской словесности въ С.-Петербургскомъ университетѣ Александръ Ильичъ Незеленовъ. Сынъ бѣднаго чиновника, служившаго въ правленіи Императорскихъ театровъ, покойный родился 21-го августа 1845 г. въ Петербургѣ, первоначальное воспитаніе получилъ въ пансіонѣ Ларіонова, а затѣмъ въ 3-й петербургской гимназіи, по окончаніи курса въ которой поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. Окончивъ университетъ со степенью кандидата въ 1869 г., А. Ш. поступилъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ Екатерининскій институтъ и скоро началъ свою литературную дѣятельность: его первымъ печатнымъ трудомъ былъ разборъ романа Гончарова «Обрывъ» въ журналѣ «Заря» (1870 г., кн. 5). Одновременно съ преподаваніемъ въ институтѣ покойный успѣлъ выдержать экзаменъ на степень магистра русской словесности и написать большое изслѣдованіе, подъ заглавіемъ «Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 годовъ» (Спб., 1875 г.), которое съ успѣхомъ защитилъ въ началѣ 1876 года и получилъ званіе приватъ-доцента въ Петербургскомъ университетѣ по кафедрѣ русской литературы. Названная диссертанія по обилію собраннаго матеріала и внимательной разработкѣ представляла, да и до сихъ поръ представляетъ, единственно полную монографію, посвященную Новикову, какъ журналисту. За нею, кромѣ педагогическихъ статей въ «Женскомъ Образованіи», вышедшихъ затѣмъ отдѣльною брошюрой, подъ заглавіемъ «О преподаваніи русской словесности» (Спб., 1880, стр. 79), появилась вереница историко-литературныхъ очерковъ и книгъ, какъ, наиримѣръ: «А. С. Грибоедовъ», литературная характеристика («Русская Рѣчь» 1879, кн. 3), «Н. И. Новиковъ въ Шлиссельбургской крѣпости», по новымъ документамъ («Историческій Вѣстникъ» 1882, кн. 12), «А. С. Пушкинъ въ его поэзіи», первый и второй періодъ жизни и дѣятельности, 1799—1826 годовъ (Спб., 1882), «А. Н. Радищевъ», литературная характеристика («Историческій Вѣстникъ» 1883; кн. 4 и 12), «И. С. Тургеневъ въ его произведеніяхъ» (Спб., 1885), «Рѣчь о Пушкинѣ» (Спб., 1887, 16 стр.), «А. Н. Островскій въ его произведеніяхъ», первый періодъ дѣятельности (Спб., 1888), «Новые отрывки и варианты сочиненій Пушкина», изъ рукописей Румянцовскаго музея («Историческій Вѣстникъ» 1889, кн. 3), «Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху» (Спб., 1889, съ портретами), «Евгеній Онѣгинъ, романъ Пушкина», литературный разборъ («Русское Обзорѣніе», 1890, кн. 6) и «И. А. Гончаровъ», литературная характеристика («Русское Обзорѣніе», 1891, кн. 10). Большая часть перечисленныхъ «очерковъ» и «характеристикъ» сначала послужила автору матеріаломъ для лекцій въ университетѣ, Училищѣ Правовѣдѣнія, на высшихъ женскихъ курсахъ и для публичныхъ чтеній, которыя не разъ устраивались покойнымъ съ большимъ успѣхомъ, а затѣмъ дала основу для послѣдняго его труда «Исторія русской словесности для средне-учебныхъ заведеній» (Спб., 1893, двѣ ча-

сти). Эта предсмертная работа, въ короткое время достигшая четвертаго изданія, была удостоена академической преміи. По своимъ критическимъ воззрѣніямъ покойный примыкаетъ къ Аполлону Григорьеву, будучи въ то же время послѣвателемъ своего преемника по университетской кафедрѣ О. Θ. Миллера и подобно послѣднему ставя въ искусствѣ на первый планъ его этическіе элементы. Главнѣйшей заслугой покойнаго и было то, что онъ много содѣйствовалъ своими лекціями распространенію взглядовъ Григорьева, по словамъ Н. Н. Стрехова «натверживая» это имя своимъ слушателямъ.

† **А. В. Арсеньевъ.** Въ ночь съ 13 на 14 января скончался въ С.-Петербургѣ послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни Александръ Васильевичъ Арсеньевъ, сотрудникъ историческихъ и дѣтскихъ журналовъ. Покойный родился въ С.-Петербургѣ 4-го юня 1854 года въ бѣдной семьѣ. Оставшись рано сиротой, онъ получилъ образованіе и воспитаніе въ училищѣ Человѣколюбиваго общества. По окончаніи курса А. В. не былъ въ состояніи продолжать свое образованіе вслѣдствіе болѣзни глазъ. Тогда онъ поступилъ приказчикомъ въ книжный магазинъ, гдѣ постояннымъ чтеніемъ могъ до извѣстной степени пополнить недостатки систематическаго образованія. Имѣя возможность аккуратно слѣдить за всѣми выходящими книгами, онъ занялся библиографическими разборами и рецензіями, которыя помѣщались въ различныхъ журналахъ. Одновременно онъ сталъ сотрудничать въ «Голосѣ» и «Петербургскомъ Листкѣ». Въ 1876 г. покойный занялъ мѣсто секретаря Д. П. Стахѣева, редактировавшаго тогда «Ниву», и помѣстилъ въ этомъ журналѣ множество компилятивныхъ статей, рецензій, біографій и историческихъ очерковъ. М. О. Микѣшинъ, издававшій тогда «Пчелу», пригласилъ А. В. въ постоянные сотрудники и охотно печаталъ его разнообразныя статьи, очерки и стихотворенія. Въ это же время онъ составилъ біографію А. Θ. Погоскаго, приложенную къ собранію сочиненій послѣдняго. Въ 1878 году онъ издалъ дѣтскую книжку «Герои Севастополя». Въ слѣдующіе годы онъ помѣщалъ статьи и стихотворенія въ «Пчелѣ», «Руси», «Дѣтскомъ Читеніи», «Отечественныхъ Запискахъ», «Свѣтѣ» Вагнера, «Игрушечкѣ», «Стрекозѣ» и мн. др. Большинство изъ дѣтскихъ рассказовъ, помѣщенныхъ въ «Дѣтскомъ Читеніи» и «Игрушечкѣ», было издано г. Павленковымъ отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ «Изъ жизни и исторіи». Въ 1879 году Арсеньевъ на конкурсѣ, устроенный журналомъ «Нева», представилъ повѣсть «Первая книжная лавочка» и, согласно рецензіи Я. П. Полонскаго, получилъ за нее премію. Начиная съ 1881 года, въ «Историческомъ Вѣстникѣ» были напечатаны слѣдующія работы покойнаго: «Старинныя дѣла объ оскорбленіи величества», «Первые русскіе студенты за границей», «Неудачный карьеристъ», «Выгорѣцкіе совратители», «Атаманъ Платовъ». Въ 1882 г. А. В. издалъ графическую карту, изображающую красками исторію и развитіе нашей литературы; къ ней былъ приложенъ «Словарь писателей древняго періода русской литературы». «Карта» получила на всероссійской выставкѣ въ Москвѣ почетный отзывъ. Въ 1884 г. покойный вмѣстѣ съ художникомъ Шпакомъ сталъ издавать дѣтскій журналъ «Весна», который, впрочемъ, вскорѣ прекратилъ свое существованіе, такъ какъ у издателей не хватило денегъ, чтобы вести конкуренцію съ другими дѣтскими журналами.

Послѣдніе годы своей литературной работы А. В. посвятилъ исторической беллетристикѣ. Въ это время имъ написаны статьи: «Суды царя Іоанна Грознаго», «Древне-русскіе послы за границей», сказка «Отставной майоръ Курицынъ», повѣсть «Аришка-Уточка», рассказъ «Французинка» и др. Историческая пьеса «Бояринъ Нечай Ногаевъ» завершила литературную дѣятельность А. В. Арсеньева.

† **Гр. М. В. Толстой.** 23-го января въ Троицкой Лаврѣ (въ Сергіевскомъ Посадѣ) скончался на 84 году жизни извѣстный писатель по церковной исторіи графъ Михаилъ Владиміровичъ Толстой. Покойный родился 23-го мая 1812 года и сначала получилъ домашнее воспитаніе. Проживая съ матерью въ Сергіевомъ Посадѣ, онъ пользовался преподаваніемъ профессоровъ Московской духовной академіи, особенно уроками и руководствомъ извѣстнаго философа Ѳ. А. Голубинскаго. Въ 1830 г. покойный поступилъ въ Московскій университетъ вольнымъ слушателемъ по этико-политическому отдѣленію (нынѣ юридическому), но потомъ перешелъ въ студенты медицинскаго факультета и на третьемъ курсѣ получилъ серебряную медаль за сочиненіе по хирургіи: «De laesionibus, quae amputationem requirunt, nec non de varia perficiendi illam ratione». По окончаніи университетскаго курса лѣкаремъ (10 іюля 1835 года) онъ началъ врачебную практику въ Московской Екатерининской больницѣ и напечаталъ свой первый научный трудъ: «Наблюденія надъ временемъ цвѣтенія растеній московской флоры» («Журналъ Садоводства» 1838), даже приобрѣлъ степень доктора медицины за диссертацию «De strychnino» (М., 1838, 48 стр.), но затѣмъ навсегда оставилъ докторскую карьеру, съ 1839 года принявъ на себя должность сотрудника въ такъ называемомъ «Комитетѣ для разбора и призрѣнія просящихъ милостыни». Затѣмъ ему пришлось занимать мѣсто помощника правителя дѣлъ въ Благотворительномъ Обществѣ (1841 — 1851 гг.), состоять директоромъ Московскихъ дѣтскихъ пріютовъ и членомъ Почетительнаго Совѣта. Тогда же имъ были нанечатаны: «Жизнь Іоанна Милостиваго», переводъ съ латинскаго (М., 1839), «Жизнь и чудеса Св. Николая Чудотворца» (М., 1841; эта книга выдержала уже 18 изданій), «Сказаніе о чудотворной Иверской иконѣ Божіей Матери» (М., 1842) и «Очеркъ жизни графини Натальи Александровны Зубовой» («Москвитянинъ», 1844, кн. 5), описанія святыхъ и древностей Ростова Великаго (М., 1847 и 1860) Новгорода, (М., 1861) и Пскова (М., 1861), «Разказы изъ исторіи русской церкви» (М., 1865—1868), выдержавшіе шесть изданій, «Путевыя письма съ Сѣвера» (М., 1868), «Русскіе подвижники» (М., 1876), «Книга, глаголемая описаніе російскихъ святыхъ» (М., 1888), «Патерикъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, или происхождение сѣверо-восточнаго русскаго иночества изъ обители преподобнаго отца нашего Сергія игумена, Радонежскаго чудотворца» (М., 1892), и многочисленныя статьи въ журналахъ «Душеполезное Чтеніе», «Воскресный День», «Чтенія въ Обществѣ Исторія и Древностей», «Дѣтскій Отдыхъ» и др. Всѣ эти работы покойнаго, особенно «Разказы изъ исторіи русской церкви», написанные съ глубокимъ знаніемъ дѣла и съ необыкновенно теплымъ чувствомъ, доставили автору большую извѣстность и избраніе въ почетные члены Московской духовной академіи, въ дѣйствительные члены общества любителей духовнаго просвѣщенія и московскаго обще-

ства исторіи. Въ послѣднія пятнадцать лѣтъ (1880 — 1895) покойный печаталъ отрывки изъ своихъ воспоминаній то подъ заглавіемъ «Мои воспоминанія» (Русскій Архивъ, 1880 г., кн. 3; 1881 г., кн. 2, 3, 5 и 6), то подъ заголовкомъ «Хранилище моей памяти» («Душеполезное Чтеніе» 1890—1895), то подъ названіемъ «Воспоминанія о моей жизни и ученіи въ Сергіевомъ Посадѣ» («Богословскій Вѣстникъ», 1894 г., кн. 10).

† **Пр. Гавріиль, епископъ имеретинскій.** Скончавшійся въ концѣ января преосвященный Гавріиль, епископъ имеретинскій, въ мірѣ Герасимъ Кикодзе, родился въ 1825 году въ Озургетскомъ уѣздѣ, Кутаисской губерніи; богословское образованіе получилъ въ Тифлисской семинаріи и Петербургской духовной академіи. По окончаніи курса въ академіи въ 1849 году былъ назначенъ инспекторомъ Тифлисской духовной семинаріи, въ которой преподавалъ богословіе и физико-математическія науки. Въ 1850 году былъ удостоенъ ученой степени магистра богословія; въ 1854 году принялъ санъ священства, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ и педагогическую дѣятельность. Въ 1856 году, овдовѣвъ, постригся въ монахи и, возведенный въ санъ архимандрита, былъ назначенъ настоятелемъ Давидо-Гареджійской пустыни. 18-го января 1859 года былъ посвященъ въ санъ епископа горійскаго, викарія Грузинскаго экзархата, а вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ членомъ грузино-имеретинской синодальной канторы и настоятелемъ Шуамтисскаго монастыря, что въ Кахетіи. Со 2-го іюля 1860 года получилъ имеретинскую кафедру, на которой состоялъ болѣе 35 лѣтъ. Еще состоя инспекторомъ и преподавателемъ богословскихъ и физико-математическихъ наукъ, почившій началъ свой капитальный трудъ «Основанія опытной психологіи», имѣвшій въ свое время большое значеніе и по выходѣ въ свѣтъ (Сиб., 1858 г.) вызвавшій одобреніе нѣмецкой и русской критики. Преосвященный Гавріиль извѣстенъ и какъ талантливый проповѣдникъ. Проповѣди его выдержали на грузинскомъ языкѣ нѣсколько изданій, переведены на англійскій языкъ и изданы въ Лондонѣ; онѣ въ 1893 году появились и на русскомъ языкѣ. Особенно плодотворна была миссіонерская дѣятельность почившаго іерарха. На всѣхъ мѣстахъ своего служенія преосвященный Гавріиль обращалъ главное вниманіе на умственное и нравственное просвѣщеніе сельскаго духовенства. Между прочимъ, по его инициативѣ и при его энергичномъ содѣйствіи въ 1894 году основана семинарія въ Кутансѣ.

† **М. О. Микѣшинъ.** 19-го января въ С.-Петербургѣ скончался отъ паралича сердца извѣстный художникъ, академикъ скульптуры Михаилъ Осиповичъ Микѣшинъ. Покойный родился въ селѣ Максимовкѣ, Рославльскаго уѣзда, Смоленской губерніи, 6-го февраля 1836 года. Десятилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ отданъ учиться писать масляными красками къ мѣстному иконописцу Титу Авдровичу. Когда онъ кончилъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ и смоленской классической гимназіи, то уже настолько выдвинулся изъ среды своихъ товарищей талантливымъ рисованіемъ масляными красками, что на его юношеское творчество обратилъ вниманіе мѣстный помѣщикъ Вонлярскій. Онъ привезъ юношу въ Петербургъ и опредѣлилъ въ академію художествъ, гдѣ М. О. былъ между прочимъ товарищемъ и близкимъ другомъ Т. Г. Шевченко. Въ академіи М. О. занимался въ теченіе шести лѣтъ въ батальномъ классѣ

профессора Б. П. Виллевалде и получил послѣдовательно всѣ академическія награды по этому классу. За картину, изображающую конныхъ гренадеръ и пріобрѣтенную въ собственность императоромъ Николаемъ I, онъ получилъ серебряную медаль; за картину, представленную на конкурсную тему «Сраженіе при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ», малую золотую. На большую золотую медаль онъ конкурировалъ дважды, написавъ «Паденіе Литовской крѣпости Пиллоны въ княженіе Гедимина» и «Графъ Тилли въ Магдебургѣ». За послѣднюю картину М. О. получилъ первую медаль, званіе класснаго художника и право на шестилѣтнее пребываніе за границей на казенный счетъ. Но этимъ правомъ покойному художнику не пришлось воспользоваться. Въ 1859 году былъ объявленъ конкурсъ на сочиненіе памятника тысячелѣтія Россіи, и М. О. принялъ участіе въ конкурсѣ. Его проектъ памятника сразу доставилъ имя 22-лѣтнему художнику; императоръ Александръ II, въ день открытія памятника въ Новгородѣ (8-го ноября 1862 г.), пожаловалъ М. О. орденъ св. Владиміра IV степени и пожизненную пенсію въ размѣрѣ 1.200 руб. въ годъ. Съ этого времени онъ прекратилъ свою дѣятельность по батальной живописи и сталъ энергично учиться лѣпкѣ у И. Н. Шредера и др., а также участвовать съ большимъ успѣхомъ своими композиціями во всѣхъ монументальныхъ конкурсахъ въ Россіи и во многихъ за границей. Онъ конкурировалъ на памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II, находящейся на площади противъ Александринскаго театра, и изъ представленныхъ академіи художествъ проектовъ его проекту было отдано предпочтеніе. Въ то же время имъ были изготовлены массивныя скульптурныя двери на гробницу князя Пожарскаго въ Суздаль. Въ 1864 году за проектъ памятника Донъ-Педро IV для Лиссабона покойный получилъ званіе почетнаго члена лиссабонской академіи изящныхъ искусствъ, премію и орденъ Христа Спасителя. Затѣмъ онъ составилъ проектъ памятниковъ освободителю Сербіи — Кара-Георгію (Георгію Черному), адмиралу А. С. Грейгу (сооруженъ въ Николаевѣ), сербскому князю Михаилу Обреновичу (два проекта — одинъ для постановки памятника на мѣстѣ убіенія этого князя въ Топчидерѣ, другой для главной площади въ Бѣлградѣ въ память политической дѣятельности убитаго), «Побѣдамъ черноморскаго флота» и «Матросу Шевченко» для Николаева, «Корнилову», «Нахимову» и «Истомину» для Севастополя, «Богдану Хмѣльницкому» для Кіева, «Императору Александру II» для Ростова на Дону, «Ермаку» для Новочеркасска, «Императрицѣ Екатеринѣ II» для Екатеринодара и др. Многие памятники композиціи покойнаго уже сооружены (въ Кіевѣ, Ростовѣ на Дону и др.), открытіе другихъ состоится въ ближайшемъ будущемъ (въ Екатеринодарѣ). Кромѣ того, имъ исполнены по заказу морского министерства носовыя фигуры для фрегатовъ — «Мининъ», «Спиридовъ», «Пожарскій», «Чичаговъ», «Грейгъ», «Лазаревъ» и для яхтъ «Ливадія» и «Держава». М. О. Микѣшинъ пользовался также заслуженною извѣстностью талантливаго иллюстратора. Его многочисленные рисунки разбросаны въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ и украсили альбомы многихъ знакомыхъ покойнаго. Онъ гордился званіемъ русскаго иллюстратора и вездѣ отстаивалъ необходимость улучшить матеріальное положеніе художниковъ, посвятившихъ свою дѣятельность этой отрасли художественнаго творчества. Въ этомъ духѣ онъ сдѣлалъ докладъ

на прошлогоднемъ съѣздѣ дѣятелей печатнаго дѣла. Его рисунками иллюстрированъ, между прочимъ, «Кобзарь» Шевченко. Художественная дѣятельность покойнаго, какъ иллюстратора, сблизила его съ журнальнымъ и артистическимъ міромъ. Когда былъ основанъ художественный клубъ, М. О. явился однимъ изъ дѣятельныхъ директоровъ этого учрежденія и принялъ близкое участіе въ устройствѣ доступныхъ рисовальныхъ классовъ, живыхъ картинъ и спектаклей въ помѣщеніи клуба. Въ концѣ 70-хъ годовъ онъ издавалъ иллюстрированный журналъ «Пчелу», сперва въ качествѣ пайщика съ г. Героглифовымъ, затѣмъ самостоятельно. Со многими выдающимися людьми М. О. поддерживалъ до самой смерти ихъ дружескія отношенія, какъ, напримѣръ, съ Рубинштейномъ, Венявскимъ, Лешетицкимъ, Достоевскимъ, Щербиню, Шевченко и др. Какъ человекъ, покойный отличался богатымъ запасомъ энергіи, живой фантазіей и широкимъ хлѣбосольствомъ. Въ художественной дѣятельности онъ не зналъ усталости, въ общественныхъ дѣлахъ онъ былъ однимъ изъ первыхъ, готовыхъ работать ради общей пользы. Кромѣ того, онъ былъ горячимъ защитникомъ всего русскаго, и потому рисунки иностраннаго происхожденія на разныхъ предметахъ промышленности и торговли вызывали очень часто его негодованіе. Для игральныхъ картъ, изображающихъ рыцарей и иностранныхъ дамъ, онъ сочинилъ рисунки изъ сказочнаго русскаго міра. Лубочной литературѣ, въ которю проникли иностранные юмористическіе сюжеты, онъ далъ рядъ лубочныхъ картинъ съ сюжетами изъ жизни русскаго деревни.

† Д. М. Леонова. 25-го января въ С. Петербургѣ скончалась извѣстная пѣвица, артистка Дарья Михайловна Леонова. Покойная родилась въ 1834 или 1835 г. въ Вышнемъ Волочкѣ, въ семьѣ очень бѣднаго отставнаго офицера. Въ дѣтствѣ уже она проявила замѣчательныя музыкальныя способности, но лишенная средствъ семья не могла дать ей надлежащаго образованія. Ее впрочемъ удалось свезти въ Петербургъ и опредѣлить въ театральную школу, гдѣ она училась пѣнію сначала у Быстрова, потомъ у Вителларо. По выходѣ изъ театральной школы въ 1851 году Д. М. поступила на петербургскую оперную сцену. Къ дебюту въ партіи Вави обратилъ на нее вниманіе самого творца «Жизни за Царя», который привялъ ее подъ свое руководство и содѣйствовалъ ея отпращиванію за границу съ рекомендаціями къ Мейерберу и Оберу. Мейерберъ слушалъ Леонову въ Берлинѣ и былъ въ восторгѣ отъ ея пѣнія и музыкальнаго дарованія, «появляя Глинку и русскую музыку, благодаря ея исполненію», по его словамъ. Съ русскою музыкой, преимущественно Глинки, Д. М. выступала затѣмъ въ Гамбургѣ, Висбаденѣ, Эмсѣ, Остендѣ и вездѣ имѣла огромный успѣхъ. Посѣтивъ потомъ Парижъ, она въ теченіе трехъ мѣсяцевъ занималась подъ руководствомъ Обера, разучивая съ нимъ оперныя партіи. Выступивъ на сценѣ «Théâtre lirique», она исполненіемъ отрывковъ изъ «Жизни за Царя» первая доставила извѣстность глинкинской оперѣ въ «столицѣ міра». Возвратясь изъ заграничнаго путешествія, Д. М. продолжала службу на сценѣ Императорскаго театра, гдѣ оставалась въ теченіе 22-хъ лѣтъ, до 1873 года, когда вслѣдствіе личныхъ несприятностей съ членами дирекціи насильственно должна была покинуть сцену. За время своего служенія Д. М. выступила въ

32-хъ партіяхъ съ огромнымъ и безусловно заслуженнымъ успѣхомъ. Изъ ея репертуара можно назвать рядъ партій, которыя впоследствии уже не находили такой блестящей исполнительницы. Партія Вани въ «Жизни за Царя» и Ратмира въ «Русланъ», княгини («Русалка» Даргомыжскаго), Азучены («Трубадуръ»), Спиридоновны («Вражья сила»), Рогнѣды (первоначально Д. М. пѣла въ оперѣ Сѣрова партію Скульды, такъ какъ партія Рогнѣды была написана для сопрано; потомъ Сѣровъ передѣлалъ, ради голоса Леоновой, заглавную партію), Наташи (опера Вильбоа), Кроатки Дютша, Маргариты («Ратклифъ», г. Кюи), шинкарки («Борисъ Годуновъ» Мусоргскаго) особенно выдѣлялись въ ея выполненіи. Островскій, увидѣвъ Д. М. въ партіи Варвары изъ плохой оперы Кашперова «Гроза», былъ очарованъ ея исполненіемъ и говорилъ, что онъ «мечтаетъ и въ драмѣ о такой же Варварѣ, какую видитъ на оперной сценѣ». Оставивъ сцену, Д. М. сначала посвятила свои силы и средства концертной дѣятельности. Въ поѣздкахъ по русской провинціи, а затѣмъ кругосвѣтномъ путешествіи, во время котораго Д. М., проѣхавъ по Сибири, пробралась въ Японию и Америку, она вездѣ встрѣчала восторженный пріемъ: Объ этомъ путешествіи она напечатала интересные рассказы. Д. М. находилась въ тѣсныхъ, дружескихъ сношеніяхъ со многими представителями музыкальнаго и художественнаго міра; въ особенности она дружески близка была съ покойнымъ Мусоргскимъ, съ которымъ совершала артистическое путешествіе по провинціи и не задолго до его смерти учредила вмѣстѣ съ нимъ музыкальные курсы. Вообще послѣдніе годы своей жизни Д. М. посвящала педагогической музыкальной дѣятельности. Сначала она занималась преподаваніемъ въ Петербургѣ, затѣмъ переселилась въ Москву, откуда въ 1892 году вновь возвратилась къ Петербургѣ. Подъ руководствомъ Д. М. воспитались много пѣвцовъ и пѣвицъ, имѣющихъ теперь извѣстность; однимъ изъ лучшихъ созданныхъ покойной пѣвцовъ является премьеръ московской оперной труппы, теноръ г. Донской. Блестящая артистка, владѣвшая замѣчательнымъ голосомъ и первокласснымъ дарованіемъ, совмѣщалась въ лицѣ Д. М. съ удивительной по своимъ качествамъ женщиной; она всегда охотно шла ко всѣмъ съ помощью и поддержкой; не было благотворительнаго концерта, въ которомъ Д. М. отказалась бы участвовать. Воспоминанія покойной были напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1891 г.

† **П. Ф. Стефановскій.** 26-го января на 37-мъ году жизни скончался во Владикавказѣ пользовавшійся популярностью на Кавказѣ общественный и литературный дѣятель Павелъ Флоровичъ Стефановскій. Уроженецъ Харьковской губерніи, онъ получилъ высшее сельско-хозяйственное образованіе, по окончаніи котораго въ 1881 году устраивалъ въ Курской губерніи учебное хозяйство первой въ Россіи низшей сельско-хозяйственной школы нормальнаго типа. Затѣмъ въ качествѣ земскаго дѣятеля въ Харьковской губерніи онъ занялся разработкой плана и системы ремесленнаго образованія. Работы его въ этой области до сихъ поръ не утратили своего значенія. Приглашенный въ концѣ восьмидесятихъ годовъ секретаремъ терскаго статистическаго комитета, П. Ф. Стефановскій дѣятельно занялся разработкой мѣстныхъ этнографическихъ и историческихъ матеріаловъ. Подъ его редакціей было издано въ 1891 и 1892 годахъ два большихъ тома «Терскихъ сборниковъ», представляющихъ, по бо-

гательству заключающихся въ нихъ матеріаловъ и по тщательной и добросовѣстной разработкѣ ихъ, весьма цѣнную книгу по этнографіи. Исслѣдованія его «О пѣсняхъ терскаго казачества» и «О чеченскихъ пѣсняхъ» имѣютъ большой научный и бытовой интересъ, а большая работа — «Хроника чеченскаго возстанія 1877 года» до сихъ поръ остается единственнымъ историческимъ трудомъ въ этой области. Съ 1893 года П. Ф. Стефановскій редактировалъ мѣстную газету «Терскія Вѣдомости»; но рамки официального изданія оказались для него слишкомъ тѣсными, вслѣдствіе чего онъ покинулъ редакцію въ началѣ прошлаго года и сталъ хлопотать, вмѣстѣ съ нѣсколькими представителями мѣстной интеллигенціи, объ изданіи во Владикавказѣ частной газеты. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ, и новая газета, «Казбекъ», начала выходить съ декабря прошлаго года. П. Ф. недолго пришлось работать въ новомъ изданіи: онъ умеръ внезапно, когда результаты дѣла еще не обозначились.

† **Н. Г. Залѣсовъ.** 22-го января, въ С.-Петербургѣ скончался членъ военнаго совѣта, генераль-отъ-инфантеріи Николай Гавриловичъ Залѣсовъ. Покойный родился въ 1828 году, образованіе получилъ въ Оренбургскомъ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, гдѣ кончилъ курсъ по первому разряду. Будучи молодымъ офицеромъ, Н. Г. участвовалъ въ кампаніи 1854 года; за боевыя отличія былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ мечами. Когда Крымская кампанія сосредоточилась на геройской оборонѣ Севастополя, покойный служилъ въ управленіи генераль-квартирмейстера южной арміи. Въ концѣ 50-хъ годовъ онъ находился въ составѣ посольства, отправленнаго подъ начальствомъ полковника Игнатѣева въ Хиву и Бухару. Участіе въ посольствѣ хорошо познакомило Н. Г. Залѣсова съ мѣстностью и особенностями средне-азиатскихъ ханствъ. Имъ въ это время собранъ богатый матеріалъ, которымъ онъ воспользовался для обстоятельныхъ статей о Бухарѣ и Хивѣ, напечатанныхъ въ «Военномъ Сборникѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ» подъ заглавіями: «Хивинское ханство», «Очеркъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Бухарой», «Посольство въ Хиву и Бухару полковника Игнатѣева» и др. Покойный въ разное время занималъ должность начальника штаба Оренбургскаго военнаго округа и командовалъ 2-й бригадой 7-й пѣхотной дивизіи и 17-мъ армейскимъ корпусомъ. Членомъ военнаго совѣта онъ былъ назначенъ въ 1892 году. За усердную и полезную службу покойный имѣлъ брилліантовые знаки ордена св. Александра Невскаго, орденъ Бѣлаго Орла и др.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ біографіи И. Ѳ. Горбунова.

Авторъ статьи «Артистъ-народникъ» («Историческій Вѣстникъ», февраль, 1896 г.), между прочимъ, говоритъ по поводу біографіи покойнаго артиста И. Ѳ. Горбунова: «раннее дѣтство, отчій домъ, юность такъ и остались невѣдомыми страницами его жизни». Дѣйствительно, если не ошибаюсь, ни въ одной біографической замѣткѣ объ И. Ѳ. Горбуновѣ не только не описаны его дѣтскіе и юношескіе годы, но даже не указано его происхожденіе. Въ виду этого, мнѣ кажется, не лишнимъ будетъ привести указаніе о происхожденіи покойнаго и дать будущимъ его біографамъ нить къ дальнѣйшимъ розысканіямъ. «Артистъ-народникъ» происходилъ изъ среды того самаго народа, изображеніемъ котораго въ своихъ разсказахъ онъ такъ славился. И. Ѳ. Горбуновъ былъ сынъ крѣпостнаго Свербеевыхъ; отецъ его отправлялъ у своихъ господъ должность буфетчика. Учился И. Ѳ. Горбуновъ, что уже отмѣчено въ печати, въ Москвѣ, въ Набилковскомъ училищѣ, съ которымъ всю жизнь не прерывалъ связи, посѣщая его во время пріѣздовъ въ первопрестольную столицу, и въ которомъ имя его предполагаютъ увѣковѣчить стипендіей.

Эти два факта—происхожденіе и мѣсто первоначальнаго обученія, могутъ дать біографамъ И. Ѳ. Горбунова, какъ я сказалъ, нить къ дальнѣйшимъ розысканіямъ. Безъ сомнѣнія, было бы крайне интересно нарисовать картину дѣтства и юности Горбунова и выяснить, при какихъ условіяхъ и подъ какими вліяніями создавался характеръ, и образовалось дарованіе будущаго артиста. Теперь для этого время еще не ушло.

Алексѣй Ярцевъ.

II.

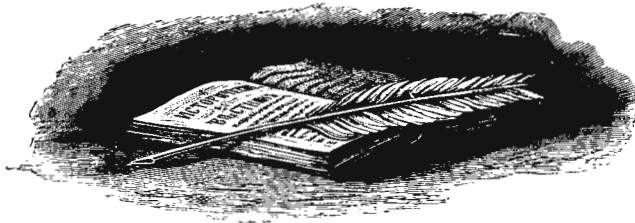
Отвѣтъ г. Кузовникову.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за іюль мѣсяцъ прошлаго года г. Кузовниковъ, дѣлая поправки къ моей статьѣ «О старцѣ Ѳеодорѣ Кузьмичѣ», на основаніи документовъ тюменскаго приказа о ссыльныххъ, увѣряетъ, что передаваемые имъ свѣдѣнія «официальныя и неподлежація никакому сомнѣнію». Съ формальной точки зрѣнія это вѣрно, но изслѣдователи быта ссыльныххъ и бродягъ въ Сибири доказываютъ, что въ большинствѣ случаевъ свѣдѣнія, хотя и официальныя, о лѣтахъ, званіи, именахъ и прошломъ бродягъ не имѣютъ достовѣрности, потому что бродяги называютъ себя вымышленными именами, объявляютъ безграмотными, прибавляютъ себѣ лѣта, мѣняются во время слѣ-

дованія по этапу: все это, въ особенности прежде, среди ссылныхъ было явленіемъ обыкновеннымъ, да и въ настоящее время по Сибири шатаются тысячами разные Иваны Непомнящіе, Иваны-бродяги и т. п., и всѣмъ извѣстно, что подъ этими вымышленными именами скрываются бѣглецы съ поселеній и съ каторжныхъ работъ.

Далѣе, г. Кузовниковъ напрасно приписываетъ лично мнѣ тѣ свѣдѣнія о старцѣ, которыя я сообщалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за май мѣсяць 1895 г.; статью я писалъ на основаніи письменныхъ документовъ о старцѣ и вездѣ дѣлалъ на эти документы ссылки такъ что правильнѣе было бы г. Кузовникову дѣлать поправки къ этимъ документамъ, если только они ему были извѣстны.

Кузнецовъ-Красноярскій.

ты уѣдешь изъ Сарагоссы, я поѣду за тобою хотъ на край свѣта. Твой отецъ говорилъ тебѣ когда нибудь о томъ, что ты выйдешь замужъ?

— Никогда.

— Онъ не будетъ препятствовать нашему браку. Я знаю, что мои родные будутъ противъ, но мое рѣшеніе непоколебимо. Я не понимаю жизни безъ тебя и, потерявъ тебя, я не могъ бы существовать. Въ тебѣ вся суть моей души, еслибъ не было тебя, она была бы похожа на міръ безъ свѣта. Никакая человѣческая сила не разлучить насъ, пока ты меня любишь. Это убѣжденіе такъ глубоко вкоренилось во мнѣ, что когда я думаю о разлукѣ, то мнѣ кажется, будто вся природа перевертывается вверхъ дномъ. Я безъ тебя! Это невозможно. Я безъ тебя!.. Это сумасшествіе, это абсурдъ. Иногда взвѣсивая всѣ представляющіяся намъ препятствія, я трушу, но потомъ во мнѣ возрождается надежда. Если минутами я боюсь смерти, то какой-то тайный голосъ шепчетъ мнѣ, что я не умру, пока ты жива.

Дѣвушка нѣжнѣе прижалась къ нему, онъ продолжалъ:

— Вѣдь ты видишь всѣ пытки, которыя мы выносимъ въ эту осаду? Видишь, какъ сыплются бомбы, гранаты, пули, и умираетъ безчисленное множество моихъ товарищей по оружію. Послѣ перваго ощущенія страха, меня уже ничто не пугаетъ, и я думаю, что Пиларская Богоматерь охраняетъ меня отъ смерти. Ты сама невинна, какъ ангель Божій, твоя любовь ко мнѣ окружаетъ меня такимъ неземнымъ ореоломъ, противъ котораго безсильны люди.

Такъ говорилъ Августинъ, изливая всю душу передъ своей возлюбленной.

— Видишь ли,—сказала Мариквилья,—я также надѣюсь именно на то, что ты сейчасъ высказалъ. Я очень боялась, чтобъ тебя не убили, но потомъ какой-то тайный голосъ сталъ шептать мнѣ, что тебя не убьютъ. Быть можетъ, это оттого, что я горячо молилась Богу во время этого страшнаго огня. Не знаю. Ночью, когда я ложусь спать съ мыслью о бомбахъ, которыя падали, падаютъ и еще упадутъ, я вижу во снѣ кровавыя битвы и слышу звуки оружія. Я много брежу, и Гведита, которая спитъ недалеко отъ меня, говоритъ, что я во снѣ болтаю разныя глупости. Но, вѣроятно, я что нибудь говорю, потому что мнѣ снится, что ты на стѣнѣ, и что мы разговариваемъ съ тобою. Пули не касаются тебя, вѣроятно, потому, что я и во снѣ и наяву читаю за тебя Отче Нашъ. Недавно мнѣ снилось, что я вмѣстѣ съ другими дѣвушками ухаживаю за ранеными, и что многіе изъ нихъ ужъ выздоровѣли отъ однѣхъ нашихъ перевязокъ. А разъ я видѣла во снѣ, что, вернувшись домой, встрѣтила тебя здѣсь, ты былъ съ твоимъ отцомъ, очень лобезнымъ и веселымъ пожилымъ человѣкомъ, и онъ разговаривалъ съ моимъ, они оба сидѣли на диванѣ и казались большими друзьями.

Потомъ твой отецъ съ веселою улыбкой взглянулъ на меня и сталъ предлагать мнѣ вопросы.

Августинъ тяжело вздохнулъ, сознавая всю несбыточность такихъ сновъ.

— А иногда мнѣ снятся грустныя вещи. Когда я просыпаюсь и, прислушиваясь, не слышу бомбардировки, я говорю себѣ: «можетъ быть, французы отступили». Если же я слышу выстрѣлы, то взглядываю на образъ Пиларской Богоматери и по выраженію ея лица вижу, что ты живъ. Весь день я думаю о томъ, что дѣлается на стѣнахъ, и высовываюсь въ окно, чтобы послушать, о чемъ говорятъ на улицѣ проходящіе молодые люди. Иногда мнѣ неудержимо хочется спросить, не видали ли они тебя... Если ты придешь вечеромъ, я всегда такъ рада, такъ довольна. Днемъ мы съ Гведитой стараемся побольше наготовить всего на обѣдъ; когда онъ очень вкусенъ, то прячемъ для тебя или посылаемъ больнымъ и раненымъ съ padre Матео Бусто; онъ приходитъ къ намъ по вечерамъ подъ предлогомъ навѣстить свою родственницу Гведиту. Мы его разспрашиваемъ, какъ идутъ дѣла, а онъ отвѣчаетъ намъ: «Превосходно. Полки наши совершаютъ чудеса храбрости, и французамъ скоро придется отступить, какъ послѣ первой осады». Эти извѣстія о томъ, что все идетъ хорошо, насъ просто съ ума сводятъ отъ радости. Шумъ бомбъ, конечно, насъ огорчаетъ, но мы успокаиваемся въ молитвѣ. По вечерамъ въ спальнѣ мы дергаемъ корпію и шьемъ бинты, которые также уносить padre Бусто, какъ что-то краденое. Заслышавъ шаги отца, мы торопливо все прячемъ и тушимъ огонь, потому что, если онъ узнаетъ о нашей работѣ, онъ будетъ очень сердиться.

Разсказывая о своихъ повседневныхъ горестяхъ и радостяхъ, Мариквилья очень оживилась. Ея пріятный, гармоническій голосъ нѣжною мелодіей отдавался въ нашихъ сердцахъ. Когда она кончила, первый лучъ зари освѣтилъ ея лицо.

— Свѣтаетъ, Мариквилья, — сказалъ Августинъ, — намъ надо уходить. Сегодня мы будемъ защищать предмѣстье Тенеріасъ, сегодня будетъ горячій день, и многіе погибнуть, но Пиларская Богоматерь защититъ насъ, и мы побѣдимъ съ Ея помощью. Будь покойна, Мариквилья, меня не тронуть пули.

— Подожди уходить, — просила молодая дѣвушка. — Наступаетъ день, но сраженіе еще не началось.

Раздался звонъ на башнѣ.

— Слышишь, какія птицы поютъ на утренней зарѣ, — пошутить Августинъ.

Одна, двѣ, три бомбы яркимъ полукругомъ пролетѣли надъ нашими головами.

— Какой ужасъ! — воскликнула Мариквилья, отстраняясь отъ молодого человака. — Неужели Господь не помилуетъ насъ сегодня, какъ помиловалъ вчера?

— На стѣны!—воскликнулъ я, быстро поднимаясь съ мѣста.— Развѣ ты не слышишь, что колокола и барабаны бьютъ призывъ?.. Скорѣе на стѣны!

Мариквиля, охваченная невыразимымъ паническимъ страхомъ, заливаясь слезами, не отпускала отъ себя Августина. Я, рѣшившись уйти, тащилъ его за собою.

Неумолкаемый звукъ колоколовъ и барабановъ, доносившійся изъ города, призывалъ къ оружію, если мы сію же минуту не отправимся къ нашему посту, то насъ могутъ счесть за трусовъ.

— Я ухожу, ухожу, Мариквиля,— говорилъ мой другъ въ глубокомъ волненіи.— Ты боишься огня? Не бойся, этотъ домъ священъ, потому что ты живешь въ немъ, и Господь ради тебя пощадитъ твоего жестокосердаго отца. Прощай.

Въ эту минуту появилась донья Гведита, говоря, что ея сеньоръ проснулся и торопится одѣваться. Тогда Мариквиля сама стала торопить насъ, толкая въ садъ. Августинъ въ страшномъ волненіи сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, потомъ вернулся назадъ къ несчастной дѣвушкѣ. Полумертвая отъ страха и вся въ слезахъ, она смотрѣла намъ вслѣдъ еще окутанная тѣнью пріотившаго насъ кипариса.

Когда мы отворяли калитку, послышался крикъ изъ комнатъ, и мы увидали, какъ дядя Кандіола, полураздѣтый, направлялся къ намъ угрожающей походкой. Августинъ хотѣлъ вернуться назадъ, но я толкнулъ его впередъ, и мы вышли.

— Сію же минуту въ ряды! Въ ряды!— крикнулъ я.— Насъ хватятся, Августинъ. Оставь твоего будущаго тестя одного съ твоей будущей женой.

И мы побѣжали со всѣхъ ногъ къ Козо, откуда увидали множество бомбъ, сыпавшихся на городъ. Всѣ торопились въ разные пункты, кто въ Тенеріасъ, кто въ Портилью, кто въ св. Энграцію, кто въ монастырь Тринитаріевъ. Близъ арки Синеха мы столкнулись съ дономъ Хозе Монторіа, который вмѣстѣ съ другими бѣжалъ въ Альлозди. Въ ту же минуту страшный взрывъ, раздавшійся позади насъ, доказалъ, что не вдалькѣ разорвалась неприятельская граната. Августинъ, услышавъ это, повернулъ назадъ, собираясь бѣжать обратно туда, откуда мы только что возвращались.

— Куда ты идешь, дубина?— крикнулъ ему отецъ, останавливая его.— Въ Тенеріасъ, сію же минуту въ Тенеріасъ

Народъ, сновавшій по улицамъ, тотчасъ же узналъ подробности паденія гранаты. Позади насъ кто-то сказалъ:

— Три бомбы подрядъ упали на домъ дяди Кандіолы.

— Должно быть, ангелы небесные сами направляли пушки,— съ рѣзкимъ смѣхомъ сказалъ донъ Хозе де-Монторіа.— Посмотримъ, какъ спасетъ свои капиталы этотъ отвратительный жидъ, если только онъ остался живъ.

— Побѣдимъ спасать этихъ несчастныхъ!— съ отчаяніемъ сказалъ мнѣ Августинъ.

— Въ ряды, трусы!— грозно крикнулъ старый Монторіа, схвативъ сына своей желѣзной рукою.— Это дѣло женщинъ. Мужчины должны умереть у бреши.

Необходимо было вернуться къ нашему посту, и мы пошли, или, вѣрнѣе, насъ повлекла толпа народа, бѣжавшая защищать предмѣстье Тенеріасъ.

XVII.

Въ то время, какъ артиллерія, расположенная съ южной стороны, бомбардировала городъ, пушки восточной линіи открыли огонь по укрѣпленіямъ Моникасъ, землянымъ насыпямъ, мельницѣ и батареѣ Палафокса. Скоро были открыты три большія бреши, и атака казалась неминуемою. Наканунъ была взята мельница Гонкоэха, хотя предварительно мы ее сожгли.

Французская инфантерія, увѣренная въ побѣдѣ, скакала по полю, отдавая приказы къ атакѣ. Мой баталіонъ занималъ домъ въ улицѣ Пабостро, стѣна котораго была вся пробита выстрѣлами. Многіе изъ поселянъ и нѣсколько полковъ ожидали на куртинѣ почти вѣрной смерти.

Прошло нѣсколько часовъ, французы все продолжали стрѣлять, ожидая, что мы покинемъ предмѣстье. Укрѣпленія разрушались, дома падали съ страшнымъ шумомъ и трескомъ, а герои, едва подкрѣпившись съ утра кускомъ хлѣба, все стояли на стѣнѣ и кричали непріятелю, чтобъ онъ приблизился.

Наконецъ, къ центральной и правой бреши двинулись колонны, сопровождаемыя арріергардными линіями. По всему было видно, что французы хотятъ завладѣть сразу всѣми этими укрѣпленіями, которыя защищаютъ сотни сумасшедшихъ людей. Видно было, что непріятель, раздраженный этимъ упорствомъ, хочетъ во что бы то ни стало провести живыя колонны по трупамъ враговъ.

Не уменьшая храбрости нашихъ, надо упомянуть о томъ, что французы сражались открытой грудью; наши на стѣнахъ дѣлали то же самое. Изъ домовъ мы безъ перерыва стрѣляли въ непріятеля; раненые нашими пулями падали у самыхъ укрѣпленій. Новыя колонны смѣняли разбитыя и дрались съ ожесточеніемъ, въ которомъ сказывалось мщеніе за своихъ собратьевъ.

Нашихъ пало безчисленное количество, люди дюжинами падали на землю на этой линіи, которая была стѣною, а теперь превратилась въ безформенную массу земли, разбитой черепицы и труповъ. Самымъ естественнымъ, самымъ человѣческимъ, было бы покинуть защищаемую позицію, такъ какъ противъ насъ стояла огромная сила необыкновеннымъ искусствомъ, но тутъ не могло быть и рѣчи о

естественномъ и человѣческомъ, а лишь о защитѣ безъ конца, безъ понятія о военныхъ знаніяхъ; пылкіе арагонцы, никогда не знающіе предѣловъ своей горячности, дрались и защищались въ какомъ-то изступленіи.

Такъ продолжалось безграничное упорство. Смерть была случаемъ, ординарнымъ слѣдствіемъ, на которое не обращалось никакого вниманія.

Пока мы дрались на стѣнѣ, другія свѣжія колонны пытались завладѣть домою Гонзалесъ, о которой я уже упоминалъ; но изъ сосѣднихъ домовъ и со стѣны французы были встрѣчены такимъ сильнымъ огнемъ, что должны были отказаться отъ своего намѣренія. Тотъ же самый исходъ получили и атаки нападавшихъ справа у сада Кампореаль и батареи Мартиресъ; силы французовъ далеко превышавшія наши, долго не приводили къ желаннымъ ими результатамъ.

Изъ дома въ улицѣ Пабостро, сосѣдней съ Мельничной улицей, мы, какъ уже сказано выше, поддерживали непрерывный огонь по непріятелю. Вдругъ французскія батареи, расположившіяся въ Санъ-Хозе и обстрѣливавшія стѣны, повернули свои пушки на это старое зданіе; мы почувствовали, какъ задрожали стѣны дома, какъ деревянный потолокъ разлетается въ куски, словомъ, поняли, что домъ готовъ рухнуть.

— Чортъ побери!—воскликнулъ дядя Гарчесь.—Домъ, кажется, обрушится на насъ.

За дымомъ и пылью не было никакой возможности увидать, что дѣлается снаружи и происходитъ внутри.

— На улицу! На улицу!—крикнулъ Пирли, выскакивая въ окно.

— Августинъ! Августинъ! Гдѣ ты?..—кричалъ я, разыскивая моего друга.

Но Августинъ не показывался. Въ эту мучительную минуту, не находя ни двери, чтобы выйти, ни лѣстницы, чтобы спуститься, я бросился къ окну, но спектакль, представившійся моимъ глазамъ, заставилъ меня отступить.

Въ то время, какъ пушки батареи Санъ-Хозе старались похоронить насъ подъ развалинами дома и легко достигали этого, впереди у каре Санъ-Августинъ французская инфантерія, уложивъ на мѣстѣ храбрыхъ защитниковъ, проникла въ брешь. Изъ ближайшихъ улицъ въ непріятеля стрѣляли безъ перерыва, но этотъ огонь приносилъ мало вреда огромнымъ непріятельскимъ колоннамъ, и, пробравшись черезъ брешь, онѣ взобрались на стѣну. При такихъ обстоятельствахъ было бы безуміемъ продолжать защиту.

Я отбѣжалъ отъ окна внутрь комнаты, не помня себя отъ ужаса. Часть стѣны развалилась, образуя широкое открытое пространство, и квадратное окно приняло форму треугольника. Сквозь разбитую

крышу виднѣлось небо, и острые осколки посыпались мнѣ въ лицо. Раздались крики:

— Сюда! Сюда!

Я побѣжалъ за другими внутрь дома.

— Августинъ, Августинъ!—крикнулъ я снова, ища товарища.

Наконецъ я его увидаль среди другихъ, бѣжавшихъ изъ комнаты въ комнату и спускавшихся по лѣстницѣ въ погребъ.

— Ты живъ?—спросилъ я.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ,—да и не интересуюсь этимъ.

Въ погребѣ мы легко пробили небольшое отверстіе и, пройдя въ какую-то каморку, нашли подставную лѣстницу, мы спустили ее и очутились въ маленькой комнатѣ. Одни направились впередъ, разѣскивая выходъ на улицу, другіе остались здѣсь.

Въ моей памяти сохранилось очень отчетливое воспоминаніе о внутренности этой комнатки, слабо освѣщавшейся окномъ, выходившимъ на улицу. Стѣны были увѣшаны изображеніями святыхъ. Въ глубинѣ стояло нѣсколько сундуковъ, обитыхъ желѣзомъ или кожей. На одной изъ стѣнъ висѣли на гвоздяхъ какія-то женскія платья, въ углу стояла старая кровать съ накинутымъ на нее одѣяломъ. На окнѣ находились три большихъ горшка съ цвѣтами и, скрываясь за листьями этихъ цвѣтовъ, двѣ женщины стрѣляли по французамъ, находившимся у бреши. У обѣихъ въ рукахъ были ружья; пока одна заряжала, другая стрѣляла. Одна изъ нихъ высунулась въ окно, взглянуть на поле битвы.

— Мануэла Санхо! — воскликнулъ я, положивъ руку на плечо геройской дѣвушкѣ.—Всякая защита бесполезна; уйдемъ отсюда. Сосѣдній домъ разрушенъ батареями Санъ-Хозе, и на эту крышу также сыплются пули. Уйдемъ отсюда.

Но она не обратила вниманія на мои слова и продолжала стрѣлять. Наконецъ домъ, выстроенный такъ же, какъ и сосѣдній, но еще менѣе устойчивый, зашатался, какъ отъ землетрясенія. Мануэла Санхо бросила ружье. Она и другая женщина, стрѣлявшая вмѣстѣ съ нею, прошли за темную перегородку, откуда раздавались жалобные стоны. Войдя, мы увидали старую, больную женщину, которая въ ужасѣ хотѣла соскочить съ кровати.

— Мама, это ничего,—успокаивала ее Мануэла, обнимая и прикрывая тѣмъ, что попало подъ руку.—Выйдемъ на улицу, домъ, кажется, недолго простоятъ.

Старуха молчала, она не въ силахъ была говорить. Обѣ дѣвушки взяли ее на руки, но мы предложили понести старуху, а имъ поручили наши ружья и часть бѣлья, которое можно было захватить съ собою. Такимъ образомъ мы вышли во дворъ, а оттуда въ другую улицу, куда огонь достигалъ не такъ сильно.

XVIII.

Французы заняли батарею Мартиресъ и въ тотъ же вечеръ завладѣли развалинами св. Энграціи и монастыря Тринитаріевъ. Возможна ли защита укрѣпленія послѣ потери болѣе половины войска? Разумѣется, невозможна. Въ лѣтописи военной стратегіи еще не было случаевъ, чтобы послѣ того, какъ осуждающіе, далеко превышавшіе своими силами осажденныхъ, встрѣчали, по взятіи крѣпостного вала, въ домахъ новыя, неожиданныя крѣпости; французы-завладѣвъ однимъ домомъ, должны были составлять себѣ цѣльный планъ, чтобы завладѣть сосѣднимъ. Тутъ пускались въ дѣло и лопаты, и подкопы, и дружныя атаки на пикахъ; они никакъ не могли себѣ представить, что для того, чтобы завладѣть цѣлою улицей, необходимо было дѣлать параллели, зигзаги, словомъ прибѣгать къ военнымъ хитростямъ.

Французскіе генералы хватались за головы, восклицая:

— Это не похоже ни на что изъ всего, что мы видѣли до сихъ поръ!

Въ знаменитомъ ежедневникѣ Франціи во многихъ мѣстахъ попадаются такія фразы: «Мы вошли въ Спандо; завтра войдемъ въ Берлинъ». Но тамъ не видно такихъ фразъ:

«Послѣ сраженія, длившагося два дня и двѣ ночи, мы взяли въ улицѣ Пабостро домъ № 1-й. Неизвѣстно, когда намъ удастся взять домъ № 2-й».

Мы не имѣли времени для отдыха. Обѣ пушки, замыкавшія улицу Пабостро и уголь заставы Квемадо, остались безъ людей. Нѣкоторые изъ насъ стали у пушекъ, другіе же заняли нѣсколько домовъ въ улицѣ Паломаръ. Французы перестали стрѣлять изъ пушекъ по покинутымъ нами зданіямъ и бросились на насъ. Мы торопливо строили барикады изъ деревьевъ и мѣшковъ съ шерстью.

Такъ какъ непріятель не могъ безъ риска пробраться вдоль всей линіи стѣны, то отряды его зигзагомъ подходили отъ самой городской мельницы къ дому, только что оставленному нами и въ которомъ уцѣлѣлъ лишь нижній этажъ.

Мы сразу поняли, что, овладѣвъ этимъ зданіемъ, французы займутъ крайне выгодную для нихъ позицію; поэтому наше войско тотчасъ же раздѣлено было на гарнизоны, занявшіе наиболѣе опасныя дома. Въ то же время во всѣхъ переулкахъ воздвигались барикады. Съ необыкновеннымъ пыломъ принялись мы за различные способы защиты, между которыми стрѣльба была самымъ легчайшимъ. Мы выбрасывали мебель изъ оконъ и съ балконовъ домовъ, переносили раненыхъ, укладывали мертвыхъ подъ навѣсы зданій; единственныя погребальныя почести, которыя мы могли воздать нашимъ героямъ, состояли въ этомъ перенесеніи ихъ съ мѣста смерти.

Непріятель пытался завладѣть монастыремъ святой Моника, расположеннымъ на линіи Тенеріасъ, нѣсколько сѣвернѣе улицы Пабостро; но крѣпкія стѣны монастыря не такъ легко было взять, какъ эти старыя дома, дрожавшіе до основанія отъ одного пушечнаго ядра. Волонтеры Хухека храбро защищали его, и послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ атакъ французы отложили свое намѣреніе до слѣдующаго дня.

Размѣстившись въ нѣсколькихъ домахъ, мы до вечера сидѣли въ нихъ, какъ въ какой-то западнѣ, и горе тому, кто высовывалъ голову изъ окна. Съ ближайшихъ стѣнъ, крышъ, чердаковъ были устремлены на насъ внимательные глаза, слѣдившіе за малѣйшимъ движеніемъ непріятельскаго солдата.

Когда совсѣмъ стемнѣло, мы начали прорубать выходы, чтобы соединиться съ остальными гарнизонами, расположенными въ другихъ домахъ. Подъ неумолкающій гулъ пушекъ и выстрѣловъ, мы изнутри комнатъ стрѣляли во французскіе пикеты, и они отвѣчали тѣмъ же самымъ. Французы также соединяли свои отряды, какъ и мы. Скоро намъ удалось пробраться въ другіе дома.

Было часовъ десять вечера, когда мы, занявъ одинъ домъ, который находился недалеко отъ квартиры Мануэлы Санхо, услышали вдругъ въ погребахъ и подвалахъ непріятельскіе голоса. По старой лѣсенкѣ вбѣжала къ намъ напуганная женщина и сказала, что французы расположились въ каре за стѣною. Мы тотчасъ же спустились, но не успѣли всѣ мы войти на холодный и узкій дворъ, какъ раздался выстрѣлъ, и одинъ изъ товарищей упалъ раненый въ плечо.

Почти въ темнотѣ разсмотрѣли мы нѣсколько двигавшихся фигуръ и стали по нимъ стрѣлять, подвигаясь впередъ. На звуки выстрѣловъ подоспѣли наши, оставшіеся позади насъ. Французы выскочили изъ своей засады и спрятались за двери какого-то дома. Мы ворвались въ сосѣдній. Теперь мы уже не были въ полной темнотѣ, такъ какъ у французовъ былъ съ собою фонарь, слабый свѣтъ котораго проникалъ сквозь разбитую стѣну и освѣщаль эту кровавую борьбу.

И никогда въ жизни не видѣлъ и никогда еще не участвовалъ въ подобномъ сраженіи, между чetyрехъ черныхъ стѣнъ, при мелькающемъ свѣтѣ далекаго фонаря, отражавшаго гигантскія движущіяся, словно фантастическія тѣни.

Это освѣщеніе не благопріятствовало французамъ, такъ какъ мы ихъ прекрасно видѣли и могли стрѣлять почти въ упоръ. Однако черезъ нѣсколько минутъ два мертвыхъ или смертельно раненыхъ товарища упали на сырой полъ. Несмотря на это, остальные хотѣли продолжать борьбу, такъ какъ непріятель хотя и уменьшилъ огонь, но, очевидно, готовился къ сильнѣйшей атакѣ.

Вдругъ фонарь погасъ, и мы остались въ полнѣйшей темнотѣ.

Мы торопливо стали искать выхода, сталкиваясь другъ съ другомъ. Опасенія въ томъ, что по насъ откроютъ сильный огонь или начнутъ бросать ручныя бомбы въ эту темную могилу, заставили насъ пѣлой гурьбой и въ страшной толкотнѣ спуститься во дворъ.

Забравъ съ собою раненыхъ товарищей и спустившись во дворъ, мы заперли дверь, заложили ее камнями, дровами, кирпичемъ, словомъ всѣмъ, что только нашли во дворѣ. Офицеръ, командовавший нами, разставилъ людей въ разныхъ концахъ дома, чтобъ непріятель, пробравшись черезъ него, не проникъ къ намъ. Мнѣ вмѣстѣ съ другими пришлось отправиться за провіантомъ, такъ какъ всѣ мы нуждались въ подкрѣпленіи силъ.

Очутившись на улицѣ, мы подумали, что попали въ какой-то адъ. Перестрѣлка между домами и стѣнами продолжалась съ прежней силой. При свѣтѣ луны мы могли перебираться съ одного пункта на другой; намъ ежеминутно встрѣчались эскадроны солдатъ и поселянъ, спѣшившіе туда, гдѣ, по словамъ народа, была настоящая опасность. Многие, не входя въ ряды, стрѣляли тамъ и сямъ, откуда было удобнѣе. Колокола всѣхъ церквей звонили заразъ печальнымъ призывомъ, и на каждомъ шагу попадались женщины, переносившія раненыхъ.

Вездѣ, особенно въ центральныхъ улицахъ, примыкавшихъ къ стѣнѣ предмѣстья, виднѣлись кучи тѣлъ, въ которыхъ раненые смѣшивались съ умершими до такой степени, что нельзя было понять, откуда раздаются вопли о помощи. Я никогда не видалъ такой ужасающей картины. Впечатлѣніе смерти отъ ранъ было очень сильно, но еще сильнѣе его получалось впечатлѣніе отъ смерти при эпидеміи. Больные, въ жару и стуча зубами отъ внутренняго холода, безъ словъ, одними устами умоляли помочь имъ.

Наши силы совершенно ослабѣли отъ голода; мы едва держались на ногахъ.

— Гдѣ мы найдемъ что нибудь поѣсть?—спросилъ меня Августинъ.—Кто станетъ теперь заниматься этимъ?

— Но такъ или иначе вѣдь это должно же кончиться, — отвѣтилъ я.—Или городъ сдастся, или мы всѣ погибнемъ.

Наконецъ, около Козо мы встрѣтили правительственный отрядъ, раздававшій раціоны; мы съ жадностью схватили наши и понесли товарищамъ, сколько удалось захватить. Они приняли свои раціоны съ нескрываемой радостью, достойной лучшей участи, но таковъ былъ и есть испанскій солдатъ. Въ то время, какъ мы съ ожесточеніемъ грызли эти сухари, въ баталіонъ проникло общее мнѣніе о томъ, что Сарагосса не могла и не должна была сдаваться никогда.

Была уже полночь, когда огонь началъ уменьшаться. Французы не захватили ни пяди земли больше той, которая находилась подъ нѣсколькими занятыми ими домами, но захваченное они держали крѣпко. Когда наиболѣе вліятельныя лица города, какъ Монторіа,

Черезо, Сасъ, Саламеро и Санъ-Клементе, вернулись домой, послѣ этой мучительной ночи они высказали такое презрѣніе къ неприятелю, что невольно воодушевляли и ободряли слушателей.

— Сегодня ночью сдѣлано мало,—говорилъ старикъ Монторіа.— Люди были какъ-то вялы. Правда, что не стоило жертвовать остаткомъ отрядовъ, и необходимо было держаться установленнаго плана, потому что французы атаквали безъ надлежащаго пыла... Есть нѣсколько несчастныхъ случаевъ, но... это пустяки, дубина... Еслибъ было время, хорошо бы похоронить мертвыхъ, но это еще успѣется. Вотъ эпидемія двигается довольно успѣшно... необходимо дѣлать согрѣвующіе компрессы... компрессы и опять компрессы,— это моя система. Пока еще можно обойтись безъ бульона; бульонъ отвратительное питье. Я далъ бы имъ по порціи водки, и они скоро бы взяли въ руки ружья. Такъ вотъ, сеньоры, кажется, на сегодня праздникъ оконченъ, уснемъ съ полчаса, а завтра... завтра, мнѣ сдается, французы атакуютъ насъ понастоящему.

Въ это время мы съ Августиномъ подошли къ нему, и, увидя сына, донъ Хозе воскликнулъ:

— Ахъ, Августиньо! Я уже спрашивалъ о тебѣ. Но я былъ спокоенъ, потому что въ такомъ дѣлѣ, какъ сегодня, надо ко всему быть готовымъ, вѣдь не мало людей умерло. Ты раненъ?

У Августина рука была въ крови.

— Покажи-ка, покажи-ка,—сказалъ ему отецъ.—Нѣтъ, это ничего, пустая царапина. Охъ, малый, мнѣ сдается, что ты вель себя недостойно Монторіа! А вы, Арачели, потеряли ли хоть ногу?

Я стоялъ на обѣихъ ногахъ.

— Также не ранены! Васъ какъ будто только сейчасъ сдѣлали, ни одного волоска вы не потеряли. Мнѣ сдается, что я вижу передъ собою пару мокрыхъ куръ... Но отдохните немножко, только немножко. Если вы почувствуете приступы эпидеміи, то сейчасъ же согрѣвующіе компрессы и компрессы... это самое лучшее средство. Знайте же, сеньоры, что завтра эти дома будутъ защищаться камень за камень... То же самое будетъ и во всемъ городѣ; въ каждомъ альковѣ будетъ сраженіе. Отправимся въ главный штабъ и узнаемъ, отдастъ ли Палафоксъ такой приказъ. Нѣтъ иного средства: или отдать имъ городъ, или драться за каждый камень, какъ за сокровище. Небось, устанутъ! Сегодня они потеряли шесть или восемь тысячъ человѣкъ. Покойной ночи, молодцы, да постарайтесь завтра стряхнуть съ себя эту трусость...

— Приляжемъ немножко,—сказалъ я моему товарищу, когда мы остались одни.—Отправимся въ гарнизонный домъ, я тамъ видѣлъ нѣсколько матрацовъ.

— Я не хочу спать,—отвѣтилъ Монторіа, продолжая идти.

— Я знаю, куда ты идешь, но намъ нельзя такъ отдаляться, Августинъ.

Толпа мужчинъ и женщинъ двигалась по разнымъ направлєніямъ на перекресткѣ. Вдругъ одна изъ женщинъ быстро подбѣжала къ намъ и бросилась на шею Августину, не произнося ни слова, такъ какъ глубокое волненіе не позволяло ей говорить.

— Мариквилья, Мариквилья, дорогая моя!—воскликнулъ Августинъ, радостно ее обнимая.—Какимъ образомъ очутилась ты здѣсь? Я шелъ искать тебя.

Мариквилья не могла говорить, и еслибъ молодой человекъ не держалъ ея въ своихъ объятіяхъ, она въ изнеможеніи упала бы на землю.

— Ты больная? Что съ тобою? О чемъ ты плачешь? Правда ли, что бомбы разрушили твой домъ?

Очевидно, это было такъ, потому что молодая дѣвушка имѣла очень грустный, безнадежный видъ. Она была одѣта такъ же, какъ мы видѣли ее наканунѣ. Волосы ея были растрецаны, а на нѣжныхъ рукахъ виднѣлись слѣды обжоговъ.

— Да,—сказала она наконецъ упавшимъ голосомъ.—Нашъ домъ уже не существуетъ; у насъ ничего нѣтъ, мы все потеряли. Сегодня утромъ, когда ты ушелъ отъ меня, на крышу упала бомба, потому еще двѣ...

— А твой отецъ?

— Отецъ тамъ и не хочетъ оставлять развалинъ дома. Я цѣлый день искала тебя по городу, чтобъ ты намъ оказалъ какую нибудь помощь. Я попала въ самую перестрѣлку, была на всѣхъ улицахъ предмѣстья, даже заходила въ нѣкоторые дома. Я думала, что ты умеръ.

Августинъ присѣлъ на ступеньку у одного изъ домовъ и, прикрывъ Мариквилью своимъ плащомъ, взялъ ее на руки, какъ ребенка. Отдохнувъ немножко, она рассказала намъ, что они не могли спасти ни одной вещи, что едва имѣли время выбѣжать сами. Бѣдная дѣвушка дрожала отъ холода, и, закутавъ ее въ мой плащъ, мы хотѣли свести ее въ тотъ домъ, гдѣ стоялъ нашъ гарнизонъ.

— Нѣтъ,—сказала она.—Я хочу вернуться къ отцу. Онъ совсѣмъ съ ума сходитъ отъ отчаянья, бранится и негодуетъ на Бога и на всѣхъ святыхъ. Я не въ силахъ была оторвать его отъ того, что вчера еще было нашимъ домомъ. Намъ нечего было ѣсть, сосѣди отказались дать намъ даже кусокъ хлѣба. Если ты не хочешь свести меня туда, то я пойду одна.

— Нѣтъ, Мариквилья, ты не пойдешь туда, — возразилъ Монторіа, — мы помѣстимъ тебя въ одномъ изъ этихъ домовъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, хоть эту ночь ты будешь въ безопасности. А пока Габріэль сходитъ къ твоему отцу, дастъ ему чего нибудь поѣсть и волей или неволей приведетъ его сюда.

Молодая дѣвушка все настаивала на томъ, чтобъ вернуться въ улицу Антонъ Трильо, но такъ какъ она до такой степени ослабѣла,

что едва могла держаться на ногахъ, то мы взяли ее на руки и снесли въ одинъ изъ домовъ въ улицѣ Клавосъ, гдѣ находилась Мануэла Санхо.

XIX.

Едва прекратился огонь пушекъ и ружей, какъ надъ городомъ показалось огромное зарево. Это горѣла аудіенція суда; пожаръ, начавшійся съ полуночи, теперь принялъ угрожающіе размѣры и пожиралъ со всѣхъ четырехъ сторонъ красивое зданіе.

Имѣя въ виду лишь определенную цѣль, я пробирался къ улицѣ Антонъ Трильо. Домъ дяди Кандіолы, горѣвшій въ теченіе цѣлаго дня, наконецъ обрушился подъ тяжелой желѣзной крышей, и черный дымъ густыми клубами подымался съ пожараща. Каменные стѣны, потерявъ свою форму, вырисовывались темными, причудливыми зубцами; кругомъ валялись разбитыя стекла и безформенная черепица. Часть стѣны, выходившей въ садъ, черной грудой лежала на землѣ, и такимъ образомъ крыльцо и входная лѣстница терялись подъ развалинами. Среди этого всеобщаго разрушенія возвышался кипарисъ; какъ мысль, пережившая матерію, онъ незаблѣмымъ монументомъ подымалъ къ небу свои вершины.

Терраса была разобрана на куски, для того, повидимому, чтобъ не дать распространиться огню. Когда я прошелъ въ садъ, я увидалъ направо у забора низкое окно и услышалъ голоса. Эта часть дома сохранилась лучше другихъ, такъ какъ нижній этажъ, составлявшій какъ бы фундаментъ дома, почти не пострадалъ отъ огня, и провалившаяся крыша, прикрывшая собою первый этажъ, не повредила нижнему. Однако тяжесть этой крыши должна была, повидимому, въ непродолжительномъ времени похоронить подъ собою и этотъ этажъ.

Я подошелъ къ группѣ людей, надѣясь найти между ними Кандіолу. Дѣйствительно онъ сидѣлъ здѣсь невдалекѣ отъ забора, со скрещенными руками, съ головой, склоненной на грудь, весь обрванный и въ обжогахъ. Его окружало нѣсколько женщинъ и мальчишекъ, осыпавшихъ его всевозможными дерзостями и насмѣшками. Мнѣ не трудно было разогнать эту толпу, которая, отойдя немного, начала рыться въ пожараща, въ надеждѣ найти тамъ золото дяди Кандіолы. Почувствовавъ себя свободнымъ отъ этой тирани, старикъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Сеньоръ военный, — сказалъ онъ мнѣ, — благодарю васъ за то, что вы прогнали этихъ негодяевъ. У меня сгорѣлъ домъ, и никто не хочетъ мнѣ помочь. Въ Сарагоссѣ уже нѣтъ властей. Что за народъ, сеньоръ, что за народъ! И послѣ этого съ насъ будутъ брать подати, налоги и контрибуцію!

— Власти теперь занимаютъ только военными дѣйствіями, —

возразилъ ему я,—домовъ разрушено такъ много, что нѣтъ никакой возможности помогать всѣмъ.

— Да будетъ тысячу разъ проклятъ тотъ, кто навлекъ на насъ всѣ эти несчастія!—воскликнулъ онъ, поднимая руку надъ своей непокрытой головой.—Всѣ муки ада не искупятъ его вины. Но, однако, чего вамъ здѣсь нужно, сеньоръ военный! Не желаете ли вы оставить меня въ покоѣ?

— Я пришелъ за вами, сеньоръ Кандіола,—отвѣтилъ я,—чтобы отвести васъ туда, гдѣ вы будете въ безопасности, гдѣ залѣчатъ ваши обжоги и накормятъ васъ.

— За мной?... Я не оставляю моего дома,—мрачно произнесъ онъ.— Мнѣ должны его отстроить на общественный счетъ. И куда же вы хотите меня вести? Я... я... я дошелъ до такого состоянія, что готовъ просить милостыню. Мои враги достигли своей цѣли, добились того, что я сдѣлался нищимъ, но я не буду просить милостыни, не буду. Я скорѣе буду питаться моимъ собственнымъ тѣломъ и пить мою собственную кровь, чѣмъ унижусь передъ тѣми, кто довелъ меня до такого состоянія. Ахъ, негодяи! Они воруютъ муку, чтобы потомъ поставить ее въ счетахъ по девяносто и сто реаловъ за кулъ! Они продались французамъ и продолжаютъ защиту лишь для того, чтобъ округлить свои капиталы... потомъ они продадутъ городъ и будутъ правы.

— Оставьте всѣ эти предположенія до другого раза,—возразилъ я,—а теперь слѣдуйте за мною, потому что теперь не время для разговоровъ. Ваша дочь уже нашла безопасное мѣсто, и вы можете присоединиться къ ней.

— Я не тронусь отсюда. А гдѣ моя дочь?—спросилъ онъ съ грустью.—Ахъ, эта сумасшедшая не можетъ даже остаться съ отцомъ, когда онъ въ такомъ горѣ! Стыдъ заставилъ ее убѣжать отъ меня. Да будетъ проклята та минута, когда я узналъ это. Господь, Иисусъ Назарей, и ты, мой патронъ святой Домингунто дель Валь, скажите, за что столько несчастій обрушилось на меня въ одинъ день? Неужели я не добръ, не дѣлаю все, что могу, не помогаю моимъ ближнимъ, ссужая имъ деньги за самые маленькіе проценты, всего-то, принимая во вниманіе нищету, я беру три или четыре реала со ста въ мѣсяцъ? А если я добрый и порядочный человѣкъ, то за что же на меня сыплются всѣ эти несчастія? Слава Господу, что я не потерялъ еще все то небольшое, что мнѣ удалось скопить честнымъ трудомъ, все это спрятано въ подвалѣ, куда не могутъ достигнуть бомбы; но домъ, мебель, вещи и съѣстные припасы, оставшіеся въ кладовой? Да будь я проклятъ, если послѣ того, какъ мнѣ удастся собрать все, что у меня осталось, я не уѣду изъ Сарагоссы, съ тѣмъ, чтобы никогда сюда не возвращаться.

— Оставьте все это до другого раза, сеньоръ Кандіола,—нетерпѣливо произнесъ я,—а теперь слѣдуйте за мною.

— Нѣтъ,—съ бѣшенствомъ крикнулъ онъ,—нѣтъ, это было бы безуміемъ. Моя дочь сдѣлалась дурной дѣвушкой. Не знаю, какъ не убилъ я ея сегодня утромъ. До сихъ поръ я считалъ Мариквиллю примѣромъ добродѣтели и совѣсти, мнѣ было пріятно съ нею, и отъ всякой операціи я откладывалъ реалъ, чтобы купить ей бездѣлушки. Плохая участь постигла мои деньги! Боже мой, ты меня наказалъ за то, что я тратилъ на пустяки деньги, которыя могъ бы утроить! Я довѣрчиво относился къ моей дочери. Сегодня утромъ, проснувшись на зарѣ, я сталъ горячо молиться Пиларской Богоматери, чтобъ она отвлекла бомбы отъ моего дома, и спокойно отворилъ окно, чтобъ взглянуть, какая погода. Поставьте себя на мое мѣсто, сеньоръ военный, и вы поймете мое изумленіе и горе, когда я увидалъ вдругъ двухъ мужчинъ тамъ... тамъ, на этой террасѣ, около кипариса... я ихъ вижу, какъ сейчасъ. Одинъ изъ нихъ обнималъ мою дочь. Оба были въ военной формѣ, я не могъ разсмотрѣть ихъ лицъ, потому что еще не совсѣмъ разсвѣло. Я торопливо выбѣжалъ изъ комнаты, но когда спустился въ садъ, они очутились уже на улицѣ. Видя, что я застигъ ее на самомъ мѣстѣ преступленія, и читая на моемъ лицѣ признаки негодованія, она молчала, потомъ бросилась на колѣни и стала просить прощенія.

— Негодная!—крикнулъ я ей внѣ себя отъ гнѣва,—ты не дочь мнѣ, ты не дочь этого честнаго человѣка, никому не сдѣлавшаго въ жизни зла! Безстыжая, сумасшедшая дѣвчонка, я тебя знать не хочу, ты не дочь мнѣ, убирайся отсюда... Двое мужчинъ, двое мужчинъ въ моемъ домѣ ночью, съ тобою! Ты не пощадила старости твоего отца, ты не подумала даже о томъ, что эти люди могутъ обокрасть меня, не подумала о томъ, что въ домѣ есть много цѣнныхъ предметовъ, которые они легко могутъ положить въ карманъ... Ты достойна смерти! Если я не ошибаюсь, одинъ изъ этихъ мужчинъ уже стащилъ что-то такое... Двое мужчинъ! Два жениха за разъ! И ты посмѣла принимать ихъ ночью въ моемъ домѣ, оскорбляя этимъ честь твоего отца! А я-то, видя изъ моей комнаты свѣтъ у тебя, предполагалъ, что ты занята какою нибудь работой. Негодная дѣвчонка, подумай только о томъ, что вѣдь, пока ты сидѣла въ саду, въ твоей комнатѣ понапрасну горѣла свѣчка...

Не могу сказать, чтобъ мнѣ особенно лестно было выслушивать отъ сеньора Кандіолы подозрѣнія въ кражѣ, рушившіяся на меня и на Августина, но я не перебивалъ его, чтобы потомъ передать все моему другу.

— Охъ, господинъ военный!—продолжалъ Кандіола.—Я не въ силахъ былъ сдержать моего негодованія, взялъ ее за руку и вытолкалъ на улицу. Я былъ такъ раздраженъ, что не зналъ, что дѣлаю. Несчастная просила прощенія и говорила:

— Я его люблю, отецъ, я не хочу скрывать, что я его люблю! Тогда я разсердился еще больше и крикнулъ:

— Проклять тотъ хлѣбъ, которымъ я кормилъ тебя цѣлыхъ девятнадцать лѣтъ! Напустить воровъ въ мой домъ!.. Да будетъ проклять часть, въ который ты родилась! Прежде небо разверзнется надо мною, и Пиларская Богоматерь отвернется отъ меня, чѣмъ я опять буду твоимъ отцомъ, а ты Мариквильей, которую я такъ любилъ!

— Едва я это сказалъ, сеньоръ военный, какъ весь небосклонъ зардѣлся, и на мой домъ посыпались раскаленные куски. Что это быть за ужасъ! Одна бомба упала на крышу, а черезъ какія нибудь пять минутъ упали еще двѣ. Мы побѣжали въ комнаты: пожаръ распространялся съ необыкновенною быстротою, и крыша грозила похоронить насъ тутъ. Намъ хотѣлось спасти нѣсколько вещей, но это оказалось невозможнымъ. Мой домъ, этотъ домъ, который я приобрѣлъ почти за безцѣнокъ у одного должника, сдѣлался пылающимъ вулканомъ; здѣсь трещали стекла, тутъ падала рама, тамъ валилась цѣлая стѣна. Котъ мяукалъ, донья Гведита оцарапала мнѣ лицо, выбѣгая изъ комнаты, мнѣ удалось войти въ мою, чтобы спасти вѣсель, лежавшій на столѣ, и я едва-едва выскочилъ.

Такъ говорилъ дядя Кандіола. Его горе и глубокое нравственное потрясеніе, нервная, отрывочная рѣчь сразу показывали, что этотъ слабый организмъ подорванъ ужасомъ, негодованіемъ и голодомъ. Хотя онъ и говорилъ со мною однимъ, но по его жестамъ видно было, что онъ обращается къ какимъ-то невидимымъ слушателямъ. Ему, вѣроятно, казалось, что онъ слышитъ какія-то возраженія, потому что онъ продолжалъ, какъ бы отвѣчая на чьи-то вопросы:

— Я уже сказалъ, что не двинусь отсюда, пока мнѣ не удастся спасти того, что осталось. Что же, вы думаете, я брошу мою собственность? Въ Сарагосѣ уже нѣтъ болѣе властей. Еслибъ онѣ были, то сюда прислали бы пятерыхъ или десятерыхъ работниковъ, чтобъ они спасли мои вещи. Но, Господи, неужели нѣтъ добрыхъ людей, неужели никто не сжадется надъ несчастнымъ старикомъ, который никому не сдѣлалъ въ жизни зла? Неужели челоуѣкъ, посвятившій всю свою жизнь другимъ, не найдетъ дружеской руки помощи? Нѣтъ, никто не придетъ, а если и придетъ, то только для того, чтобъ въ развалинахъ искать золото... Ха, ха, ха! — онъ засмѣялся сумасшедшимъ смѣхомъ.—Милости просимъ! Я всегда былъ челоуѣкомъ осторожнымъ, а теперь, съ тѣхъ поръ какъ началась осада, запряталъ мои сокровища такъ далеко, что только я одинъ могу найти ихъ. Нѣтъ, воры, ꙗѣтъ, негодяи, нѣтъ, эгоисты, вы не найдете ни одного реала, хоть переройте всѣ развалины, хоть взорвите ихъ.

— Въ такомъ случаѣ, сеньоръ Кандіола, — сказалъ я рѣшительно, взявъ его за руку, чтобъ увести съ собою,— если деньги спрятаны въ вѣрномъ мѣстѣ, то вамъ нечего здѣсь сторожить. Пойдемте отсюда.

— Чего вы вмѣшиваетесь не въ свои дѣла!—крикнулъ онъ, съ силою вырываясь.—Убирайтесь и оставьте меня въ покоѣ. Какъ вы хотите, чтобъ я оставилъ мой домъ, когда власти Сарагоссы не хотятъ прислать сюда пикета? Вы думаете, что въ моемъ домѣ нѣтъ цѣнныхъ предметовъ? Не могу же я уйти, не забравъ ихъ. Развѣ вы не видите, что нижній этажъ уцѣлѣлъ? Если двинуть этотъ заборъ, то туда можно легко войти. Если я отлучусь отсюда хоть на одну минуту, то прибѣгутъ хищные сосѣди, и тогда прощай мое добро, скопленное сорокалѣтними неустанными трудами. Знаете ли, на столѣ въ моей комнатѣ остался мѣдный подсвѣчникъ, который вѣситъ по крайней мѣрѣ три фунта. Его необходимо спасти... Въ столовой, въ буфетѣ, остался хрусталь, онъ также, вѣроятно, цѣль. А, кромѣ того, сеньоры, у меня въ сундукѣ лежатъ векселя, я надѣюсь достать ихъ во что бы то ни стало. Что погибло безвозвратно, такъ это вещи моей дочери: ея платья, ковры, платки, флаконы съ духами,—теперь все это можно бы продать. Ну, могу ли я тронуться отсюда! Сейчасъ придутъ воры... все перероютъ и украдутъ подсвѣчникъ.

Упорство скупца было такъ сильно, что я рѣшилъ уйти безъ него, не дослушавъ его лихорадочной болтовни. Въ это время торопливо подошла донья Гведита съ желѣзной лопатой, киркой и корзинкой съѣстныхъ припасовъ.

— Сеньоръ, — произнесла она, едва переводя духъ и въ изнеможеніи опускаясь на землю, — я принесла заступъ и кирку, ихъ дальнѣ мой племянникъ. Теперь тамъ не такъ необходимы эти орудія, потому что перестали дѣлать укрѣпленія. Вотъ я вамъ принесла поѣсть.

Служанка стала ѣсть съ жадностью, Кандіола же, не взглянувъ на обѣдъ, быстро, какъ бы помолодѣвъ, поднялся съ мѣста и съ помощью заступа началъ отнимать рѣшетку отъ окна. Работая съ лихорадочной торопливостью, онъ говорилъ:

— Если власти Сарагоссы не захотѣли помочь мнѣ, донья Гведита, то мы съ вами вдвоемъ сдѣлаемъ все. Возьмите заступъ и приподнимите вотъ эти бревна, да осторожнѣе, они еще дымятся. Не растеряйте гвоздей.

Затѣмъ, обернувшись ко мнѣ и замѣтивъ, что я удивляюсь понятливости служанки, онъ сказалъ:

— Эй, убирайтесь отсюда подобру-поздорову! Что вамъ надо въ моемъ домѣ? Прочь отсюда! Я знаю, что вы приѣли сюда чтонибудь стянуть. Здѣсь ничего нѣтъ. Все сгорѣло.

Такъ какъ не оставалось надежды привести его въ Тенеріасъ, чтобы успокоить бѣдную Мариквиллю, я ушелъ. Сеньоръ и служанка дѣятельно продолжали свою работу.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ФЕВРАЛЪ 1896 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 30-й.

- Авиловъ, Л. Счастливецъ и другіе рассказы. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Аксамовъ, Иванъ Сергѣевичъ въ его письмахъ. Часть вторая. Письма къ разнымъ лицамъ. Т. IV. Письма къ М. Ф. Раевскому, къ А. Ф. Тютчевой, къ графинѣ А. Д. Блудовой и друг. 1856—1886. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Алексѣевъ, Н. Положеніе о казенной продажѣ питей со включеніемъ относящихся къ нему узаконеній, циркуляровъ, разъясненій и устава попечительствъ о народной трезвости. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Альбовъ, М. Юбилей. (Не совсѣмъ обыкновенная исторія). М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Альбомъ крымскихъ видовъ. Ц. 5 р.
- Антоновичъ, М. Чарльзъ Дарвинъ и его теорія. Съ биографіей и обзоромъ его сочиненій, съ портретомъ. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Антоновичъ, В. Археологическая карта Киевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. «Древности»). М. 1896 г. Ц. 3 р.
- Аргамановъ, С. Къ вопросамъ этики въ современномъ бракѣ. Полоцкъ. 1895 г. Ц. 60 к.
- Арефа, Н. Уставъ о векселяхъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Багалъй, Д. (проф.). Опытъ исторіи Харьковскаго университета (по неизданнымъ матеріаламъ). Т. I. (1802—1816 гг.). Вып. 2-й. Харьковъ. 1896 г. Ц. 1 р. 70 к.
- Баранцевичъ, К. Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Баратынскій, Е. Избранныя сочиненія (1800—1844). (Русская классная бібліотека подъ ред. А. Н. Чудинова). Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Бенеръ, Г. Избранныя легенды. Перев. съ испанскаго Ек. Бекетовой («Дешевая Библіотека» А. С. Суворина. № 188). Ц. 15 к., въ перл. 23 к., въ перепл. 30 к.
- Бенетковъ, А. Географія растений. Очеркъ ученія о распространеніи и распредѣленіи растительности на земной поверхности. Съ особымъ прибавленіемъ о Европейской Россіи и 9 гравюрами. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Берновъ, М. Изъ Одессы пѣшкомъ по Крыму. Спб. 1896 г. Ц. 85 к.
- Бертенсонъ, В. По югу Россіи. Вып. II. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Бехтеревъ, В., (проф.). Значеніе органовъ равновѣсія въ образованіи представленій о пространствѣ. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Библіотека экономистовъ. Франсуа Кенэ. Выбранныя мѣста. Переводъ А. В. Горбунова. М. 1896 г. Ц. 1 р. Жанъ Ватисъ Сэ. Трактатъ политической экономіи. Перев. Е. Каменецкой. Фредерикъ Бастиа. Кобленъ и Лига. Экономическіе софизмы и гармоніи. Что видно и чего не видать. Перев. З. С. Яновской. М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Бишинтонъ, В. Изъ недавняго прошлаго. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Бобровскій, П. Исторія 13-го Лейбъ-Гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка за 250 лѣтъ. Т. IV. Ц. по подлинкѣ 50 р.
- Богдановъ, Ив. Сборникъ циркуляровъ и узаконеній, касающихся преобразованія на основаніи законоположеній 12-го іюля 1889 года учреждений и прочихъ губернск. и уѣздн. администрат. и судебн., правительствен., обществ. и сослов. учрежд., должн. лицъ и крестьянск. управл., обнародованныхъ 1891—1894 гг. Орелъ, 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Брянчаниновъ, А. Русскія народныя сказки. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Съ рисунк. Ц. за выпускъ 10 к.
- Бунге, Г., д-ръ. Объ употребленіи алкоголя. Общедоступная лекція. Пер. д-ра Э. Русаковой. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.
- Ванювъ, С. Ледники и искусственное охлажденіе. Практическое руководство для архитекторовъ, инженеровъ, строителей, домовладельцевъ и сельскихъ хозяевъ. Съ 94 рис. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Волгинъ, А. Обоснованіе народничества въ трудахъ г-на Воронцова (В. В.). Критическій этюдъ. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1896 г. Прибавленіе. М. 1896 г. Ц. 1 р. 25 коп.
- Вѣнокъ на могилу эстляндскаго губернатора князя С. В. Шаховскаго. Подъ редакц. Г. Янчевскаго. Съ портретомъ и 10 фотографіями. Ревель. 1896 г. Ц. 2 р.
- Вязигинъ, А. Петръ Даміани. Борецъ за цер-

- ковно-общественныя преобразования XI вѣка. Харьковъ. 1895 г. Ц. 30 к.
- Георгиевскій, П. Политическая экономія. Ч. II. Вып. II. (Доходъ на капиталъ, доходъ предпринимателя и призваніе бѣдныхъ. Потребленіе цѣнностей). Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Герасимовъ, М. Первое знакомство съ Физикою посредствомъ общедоступныхъ приборовъ, 95 рисунокъ. Руководство для дѣтей средняго возраста. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Гейслеръ, М. Строительный адресъ-календарь на 1896 г. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Гминный законникъ. Справочная книга для чиновъ уѣздной администраціи, земской стражи, гминныхъ войтовъ, салтысовъ, уполномоченныхъ и гминныхъ писарей. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Горшельтъ. Кавказскіе походные рисунки. Вып. VI (послѣдній). Ц. 5 р.
- Гофманъ, С. Новый лѣсной календарь на 1896 г. и справочная книжка для лѣсовладѣльцевъ, лѣсопромышленниковъ, таксаторовъ и землеустроителей. Ц. 80 к., въ перепл. 1 р.
- Грачевъ, В. Разведеніе огородныхъ растеній сѣменами и культура шампиньоновъ. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.
- Григоровскій, С. Сборникъ церковныхъ и гражданскихъ законовъ о бракѣ и разводѣ и судопроизводствѣ по дѣламъ брачнымъ. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Грумъ-Гржимайло, Г. Описание путешествія въ Западный Китай. Т. I. Вдоль Восточнаго Тянь-Шаня. Съ картой, 25 фототип., 5 гравюрами и табл. Спб. 1896 г. Ц. 6 р.
- Гусевъ, Д. Чтенія по патологіи. Вып. I. Введеніе въ патологію и вѣкъ мужей апостольскихъ. Казань. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гюго, В. Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. X и XI. Тифлисъ. 1896 г. Ц. за вып. 20 к.
- Дьянишевъ, Гр. Судъ надъ судомъ присяжныхъ (по поводу статей г. Дейтриха и Гражданскаго). Изданіе 2-е дополн. М. 1896 г. Ц. 50 к.
- Дмитріевъ, А. Пермскій край. Сборникъ свѣдѣній о Пермской губерніи, издаваемый Пермскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ. Т. III. Пермь. 1895 г. Ц. 2 р.
- Достоевскій, Ф. Вѣдныя люди. Романъ. Четырнадцатое изданіе. Спб. 1896 г. Ц. 15 к.
- Дюпанъ, А. Народное законодательство въ Швейцаріи. Историческій обзоръ. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Евреиновъ, А. Полный сводъ акцизныхъ нарушеній. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Ерминъ, Н. Родные звезды. Избранное чтеніе для народа и юношества. Вып. I. Опытъ народной христоматіи и каталога. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Ефимовъ, А. Вадимъ Незвановъ. Лирическій романъ. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Женщина, какъ залогъ прочной жизни націи. Б. В. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.
- Жораръ, Э. Курсъ электричества. Т. I. Съ 266 рис. Изд. 2-е. Ц. за два тома 8 р.
- Жукъ, В. Краткая гигиена женщины-матери, общедоступно изложенная. Съ 14 рис. въ текстѣ, Спб. 1896 г. Ц. 60 к.
- Журналъ юридическаго общества при Императорскомъ Сиб. университетѣ. Книга вторая. Февраль. 1896 г. Ц. 2 р.
- Забранскій, Ю. Выжиганіе по дереву, кожѣ и тканямъ. 2-е совершенно переработанн. изд. М. 1896 г. Ц. 75 к.
- Застѣйнъ, Н. Лекціи по частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. I. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 80 к.
- Ивановскій, В. Русское государственное право. Т. I. Верховная власть и ея органы. Вып. II. Органы центральнаго управленія. Казань. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Иловайскій, Д. Мелкія сочиненія, статьи и письма. Вып. 2-й. М. 1896 г. Ц. 2 р.
- Иеннине, Фр. Руководство къ живописи масляными красками. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Юдль, Фр. Исторія этики въ новой философіи. Т. I. До конца восемнадцатаго вѣка (съ двумя вводными главами о греко-римской и христіанской этикѣ). Перев. съ нѣм. подъ ред. Владиміра Соловьева. М. 1896 г. Ц. 2 р.
- Кампфмейеръ, П. Кустарная промышленность въ Германіи. Перев. съ нѣм. I. Гербера. Приложеніе: Кустарная промышленность въ Россіи. С. Сергѣева. Одесса. 1895 г. Ц. 25 к.
- Кармановъ, Н. Счетныя настольныя таблицы готовыхъ произведеній всѣхъ чиселъ сотни на всѣ числа первой тысячи. Гомель. 1895 г. Ц. 2 р.
- Кашаровъ, М. Главнѣйшіе результаты государственнаго денежнаго хозяйства за послѣднее десятилѣтіе (1886—1894). Статистическое изслѣдованіе. Изданіе Министерства Финансовъ. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.
- Кирилчичиковъ, А. Очерки по исторіи новой русской литературы. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Кирстенъ, Г. Пчеловодство. Перев. съ нѣм. подъ редакц. Л. П. Потѣхина. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Кистеръ, М. (баронъ). Тяжелыя гири. Развитие силы и народненіе мышцъ въ высшей степени. М. 1896 г. Ц. 50 к.
- «Книжный Вѣстникъ». № 11 и 12. 1896 г. Ц. 60 к.
- Коншинъ, М. Общій уставъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ (Св. Зак., т. XII, ч. I). Изд. 4-е, переработ. и дополн. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Корнуновъ, Н. Прпоорціональные выборы. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.
- Коровинъ, А. (врачъ). Послѣдствія алкоголизма и общественная борьба съ нимъ. М. 1896 г. Ц. 35 к.
- Cosmopolis. Revue Internationale. № 2. Ц. 1 р. 50 к.
- Крыловъ, В. Для сцены. Сборникъ пьесъ. Т. IX. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Купчинскій, И. Надо умереть. Сцены въ 3-хъ дѣйств.—Ну, и влетѣлъ! Комед. въ 3-хъ дѣйств.—И въ рукахъ было, да слыхло. Комед. 4-хъ дѣйств.—Ядъ ревности. Драма въ

- 4-хъ дѣйств.—Огнемъ и мечемъ. Драма въ 5-ти дѣйств. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Чюм, ц. Русский романсъ. Очеркъ его развѣтв. Спб. 1896 г. Ц. 75.
- Лаврентьева, С. 50 лѣтъ артистической дѣятельности Эрнесто Росси. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Ладновъ, П. Мѣры и средства къ достиженію лучшихъ успѣховъ по чистоисанію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Одесса 1895 г. Ц. 35 к.
- Лейкинъ, Н. Хлѣбный вопросъ. Юмористическіе рассказы. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Листъ, Ф. Наказаніе и его цѣли. Перев. съ нѣм. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.
- Ломоносовъ, А. Указатель (по операциямъ) къ циркулярамъ Государственнаго Банка (съ 1891—1894 гг.). Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Лунскій, Н. Монетная вычисленія. Одесса. 1895 г. Ц. 50 к.
- Лобанскій, Ф. Краткое руководство къ воздѣлыванію кормовой свеклы. Кіевъ. 1896 г. Ц. 40 к.
- Марковичъ, А. Григорій Карповичъ Котошихинъ и его сочиненіе о Московскомъ государствѣ въ половинѣ XVII вѣка. Одесса. 1895 г. Ц. 1 р.
- Матеріалы къ познанію фауны и флоры Россійской имперіи. Отдѣлъ зоологическій. Вып. II. М. 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Мережинскій, Д. Новая стихотворенія. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Мироновъ, Ѳ. Вѣденіе прижи и всѣхъ тваеній. М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Михайловъ, А. Практическое руководство къ изученію фотографіи для начинающихъ. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.
- Молаассанъ де Гюм. На водѣ. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Морозовъ, Вс. Космографія въ историко-генетическомъ изложеніи для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 98 черт., 20 рис. и картой наиболѣе замѣчат. созвѣздіи, видимыхъ въ Европѣ. Вильна. 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Моръ, Я. Вопросъ объ обремененіи учениковъ нашихъ гимназій въ зависимости отъ ихъ положенія въ семьѣ и домашней обстановкѣ. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Немировичъ-Данченко, Влад. Мгла. М. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Нейштубе, С. Волѣзны домашнихъ птицъ и ихъ лѣченіе. Практическое руководство для гг. сельскихъ хозяевъ, птицеводовъ, любителей птицъ и проч. Съ рис. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Никитинъ, И. Сочиненія. Съ портретомъ fac-simile и биографіей С. Миропольскаго. Школьное 4-е изданіе М. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Новое manuale pharmaceuticum, изданное при участіи д-ра Е. Bosetti Eugen Dietrich's'омъ. Перев. съ 6-го дополн. нѣм. сочин. съ дополн. изъ Россійской Фармакопей IV изданія 1891 г. Подъ ред. д-ра Иванова. Вып. I. Съ 22 рис. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Новый родъ лучей. Популяриный очеркъ новѣйшихъ изслѣдованій проф. А. Рентгена. Съ 2 табл. автотип. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.
- О мѣропріятіяхъ для урегулированія на-шей промышленности и торговли. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.
- Орловъ, М. (проф.). Русское лѣсное хозяйство въ его прошломъ и настоящемъ. Варшава 1895 г. Ц. 40 к.
- Островскій, М. Великая европейская война 1900—1915 гг. Житомиръ. 1896 г. Ц. 20 к.
- Павловскій, А. Скульптура въ Атикѣ до Греко-персидскихъ войнъ. Спб. 1896 г. Ц. 4 р.
- Павловъ, Н. Русская исторія отъ древнѣйшихъ временъ первые пять вѣковъ родной старины (862—1362 гг.). Т. I. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Перси, Л. Краткое изложеніе рѣзбы по дереву. Для любителей. (Съ многими поли-типажами). М. 1895 г. Ц. 70 к.
- Песковскій, М. Обязательный минимумъ образованія. Спб. 1895 г. Ц. 80 к.
- Пиронниковъ, И. Элементарн. курсъ школьнаго пѣнія въ 25 уроковъ. Вильна. 1896 г. Ц. 40 к.
- Плавтъ, Марціи, Т. Хаастливый соддаты. Комед. въ 4-хъ дѣйств. Съ латинскаго перев. В. Алексѣевъ. Съ дополн. и примѣчан. (Дешевая Библіотека А. С. Суворина, №189). Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перелд. 30 к.
- Плещеевъ, А. Нашъ балетъ (1673—1896). Балетъ въ Россіи до начала XIX столѣтія и балетъ въ С.-Петербургѣ до 1896 г. Съ 106 портретами и рисунк. Спб. 1896 г. Ц. 4 р.
- Поворинскій, А. Систематическій указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству гражданскому и уголовному. Спб. 1896 г. Ц. 4 р.
- Поповъ, П. Два разсказа для дѣтей изъ жизни Наполеона I. 1) Ахиллъ и Эмма. 2) Часовой на Пасху. М. 1896 г. Ц. 15 к.
- Потта, Э. д-ръ. Общее ученіе о сельскохозяйственныхъ кормовыхъ средствахъ. Пер. съ нѣм. Рикмана. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Поталенно, И. Новѣсти и разсказы. Т. X. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Потресовъ, С. Стихотворенія. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Правила движенія по желѣзнымъ (паровознымъ) дорогамъ, открытымъ для общественнаго пользованія. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.
- Ремезовъ, М. Клеопатра. Картины античной жизни. М. 1896 г. Ц. 40 к.
- Ремсень, И. Введеніе къ изученію органической химіи. М. 1896 г.
- Рентгенъ. Новый родъ лучей. Переводъ съ нѣм., подъ редакц. проф. И. И. Воргмана. Съ приложеніемъ фототипія. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.
- Новый родъ лучей. Перев. М. Пелатъ. М. 1896 г. Ц. 25 к.
- Ротшундъ, В. Современный красильщикъ (крашеніе ткани). М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Русскій письменникъ. Сборникъ образцовыхъ писемъ, дѣловыхъ бумагъ и коммерческой переписки. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.
- Русскій астрономическій календарь на 1896 г. Нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи. М. 1896 г. Ц. 75 к.
- Савеловъ, Л. Опытъ биографическаго указателя по исторіи и генеалогіи русскаго дворянства. М. 1893 г. Ц. 3 р.

- Садовый альбомъ.** Вып. I. Оранжерейныя и тепличныя растенія, декоративныя и цвѣтущія. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Сальяръ, Е., и Гуринъ, Г.** Краткое руководство къ осмотру свиного мяса на трихины. Съ 35 рис. М. 1896 г. Ц. 50 к.
- Сборникъ** въ пользу начальныхъ еврейскихъ школъ. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.
- Сборникъ** сценъ стихотвореній и курьезовъ, вятыхъ изъ дѣйствительной жизни словесъ общества. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.
- Сборникъ** опредѣлений соединенныхъ присутствій перваго и кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената, образованныхъ на основаніи 1191 и 1195 ст. учрежденія судебн. учреждений. Изд. Министрства Юстиціи. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.
- Сборникъ** публичныхъ лекцій, читанныхъ въ 1895 г. въ Ново-Александрійскомъ Институтѣ Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства въ пользу недостаточныхъ студентовъ Института. Варшава. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- «Сельскій Хозяинъ». № 16. Ц. 20 к.
- Семёвичъ, Г.** Черезъ степи. М. 1896 г. Ц. 40 к.
- Сербиновичъ, Я.** Наша публицистическая печать и экономическіе вопросы. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Сергѣевскій, Н.** Русское уголовное право. Пособіе къ лекціямъ. Часть общая. Изд. 3-е. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Синорскій, М.** Черты изъ психологіи славянъ. Кіевъ. 1895 г. Ц. 20 к.
- Симоненко, П.** Популярная школа или практическій указатель способовъ золоченія, серебрения. Съ 19 рис. М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Симсонъ, П.** Надвиное, ситце-бумажное производство. М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Синявскій, А., и Масаловъ, В.** Исторія всемірной торговли въ связи съ промышленностью. Ч. I. Одесса. 1896 г. Ц. 35 к.
- Сноровъ, А.** Дополненія къ горному уставу. Указанія и распоряженія, опубликованныя съ ноября 1894 г. по декабрь 1895 г. М. 1895 г. Ц. 80 к.
- Совѣтовъ, М.** Справочная записная книжка и календарь для дѣятелей печати. М. 1896 г. Ц. 1 р.
- Сологубъ, Ф.** Стихи. Книга первая. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Солодовниковъ, А.** Законовѣдніе. Часть I. М. 1896 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Солта, Г.** Гуманитарное ученіе или гуманитаризмъ. Автропофаги и вегетарианцы. А. Гриневскаго. Вегетарианство, его смыслъ и значеніе. М. С. Мясо или плоды? Г. Солта. М. 1896 г. Ц. 30 к.
- Спенсеръ, Г.** Соціологія, какъ предметъ изученія. Пер. съ нѣм. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Срезневскій, М.** Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Т. II. Вып. I. Л.—оба. Спб. 1896 г. Ц.
- С.-Петербургъ.** Виды Петербурга. Ц. 1 р.
- Струвевичъ, А. Герон Дона.** Вып. I. Графъ Платовъ и Ваклановъ. Популярный очеркъ съ картами. Новочеркасскъ. 1895 г. Ц. 1 р. 50 коп.
- Стѣрная Марья.** Драматическія произведенія изъ народнаго быта. Насильно миль не будешь. Филюмба-сынонь. Тула. 1896 г. Ц. 50 к.
- «Стѣрный Вѣстникъ». № 2 (февраль). Ц. 1 р. 20 к.
- Тернеръ, Ф.** Государство и землевладѣніе. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.
- Тішаукъ, Р.** Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Пер. съ 7-го франц. изд. подъ ред. д-ра А. Таубера. Спб. 1896 г. Ц. 10 р.
- Титъ Ливій.** Римская исторія отъ основанія города. Переводъ съ латинскаго подъ ред. Адрианова. Т. III, книги XXI—XXV. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Толкачева, Л.** Шалость художника. Повѣсть. Харьковъ. 1895 г. Ц. 25 к.
- Томъ, Ф.** Внушеніе. Его значеніе въ воспитаніи. М. 1896 г. Ц. 40 к.
- Трембовельскій, Д.** Практическое руководство для устройства водопровода въ деревнѣ посредствомъ гидравлическаго тарана. Спб. 1896 г. Ц. 20 к.
- Турчановскій, К.** Опытъ систематическаго каталога важнѣйшихъ пособій къ изученію и преподаванію Географіи. Кіевъ. 1895 г. Ц. 25 к.
- Федотьевъ, П.** Производство сѣрной кислоты. Съ 155 рис. Спб. 1896 г. Ц. 5 р.
- Фельдеъ, Эла.** Къ вопросу о восстановленіи металлическаго обращенія. Охрана металлическихъ запасовъ. Перев. съ нѣм. подъ ред. А. Гурьева. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Ферре.** Легкое и дешовое фотографированіе. Пер. съ франц. П. Симоненко. М. 1895 г. Ц. 75 к.
- Фесенко, И.** Земство, народныя промыслы и торговля. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.
- Фигье, Л.** Исторія чудеснаго въ новѣйшее время. Часть вторая. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.
- Фламаріонъ, М.** Міры дѣйствительныя и воображаемыя. Перев. Святскаго. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Флоринскій, Г.** Западныя славяне въ началѣ и концѣ XIX ст. Кіевъ. 1895 г. Ц. 30 к.
- Жизнь и труды д-ра Фр. Рачкаго, перваго предсѣдателя юго-славянской академіи. Кіевъ. 1895 г. Ц. 50 к.
- Фрэпонъ, Г.** Цвѣты и плоды. Акварель. Съ многими рисункъ. Перев. Поливановой. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Акварель. Настѣкомыя, животныя, птицы, рыбы. Пер. съ фран. Р. Осѣвскій. Руководство для любителей. М. 1895 г. Ц. 1 р.
- Хандриновъ, М.** Описательная астрономія, элементарно изложженная. Кіевъ. 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Харламовъ, В.** Полю и потолоки жилыхъ и нежилыхъ строеній. Съ 211 рис. 1896 г. Ц. 60 к.
- Хвостовъ, В.** Опытъ характеристики понятій Aequitas и aequum jus въ римской классической юриспруденціи. М. 1895 г. Ц. 2 р.
- Какъ не слѣдуетъ писать рецензіи. Отвѣтъ на статью. Г. Чамбарова: «Какъ не слѣдуетъ понимать справедливость у римскихъ юристовъ». М. 1896 г. Ц. 15 к.

- Хитрово, М.** Стихотворенія. Изданіе второе. Спб. 1896 г. Ц 1 р. 50 к.
- Циглеръ, Т.** Что такое нравственность? Перев. съ нѣм. Александра Острогорскаго. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.
- Челпановъ, Г.** Проблема воспріятія пространства въ связи съ ученіемъ объ апріорности и врожденности. Часть I. Представленіе пространства съ точки зрѣнія психологіи. Кіевъ. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Черняевъ, Л.** Къ вопросу о борьбѣ съ засухами. Каннитъ, о его значеніи и будущности въ земледѣліи и возможности обладанія имъ въ Россіи. Изслѣдованія и гипотезы. Спб. 1895 г. Ц. 80 к.
- Чиколовъ, В.** Не былъ и не выдумка. Электрической разсказъ. 2-е дополнен. изданіе. Спб. 1896 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Чичинадзе, Д.** Сводъ учрежденій и уставовъ строительныхъ (Т. XII, ч. I. Св. Зак.). Изд. 2-е, испр. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шарнгорстъ, М.** Математическая географія для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Шелли, Сочиненія.** Пер. съ англ. К. Вальмонта. Вып. IV. М. 1896 г. Ц. 50 к.
- Шепелевичъ, Л.** Кудруна. Перев. II части повмы (Гильда) и опытъ ея изслѣдованія. Харьковъ. 1896 г. Ц. 1 р.
- Шерръ, Г.** Всеобщая исторія литературы. Подъ ред. П. И. Вейнберга. Вып. VIII. Ц. по подпискѣ на все сочин. 6 р.
- Шиллеръ, Пѣсьнъ о колоколѣ.** Поэма. Перев. О. Кармина. М. 1896 г. Ц. 30 к.
- Шиппель, М.** Технической прогрессъ въ современной промышленности. Перев. съ нѣм. Л. Зава. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
- Шматовъ, М.** Узаконеніе и усыновленіе дѣтей. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шперкъ, Ф.** Книга о духѣ моемъ. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.
- Щусьевъ, С.** Опытное поле Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Рос. сіи въ почвенномъ отношеніи. Одесса. 1895 г. Ц. 65 к.
- Энциклопедическій словарь Врокгауза и Эфрона.** Полугошъ 33-й (Култагой — Ледъ). Ц. 3 р.
- Юмамовъ, С.** Соціологическіе этюды. Т. II. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Юзефовичъ, Б.** О философскомъ ученіи гр. Л. Н. Толстого по XIII тому его сочиненій. Критическ. этюды. Изд. 4-е. Кіевъ. 1896 г. Ц. 1 р.
- Яроцій, В.** Одностор. теорія экономическаго развитія. Спб. 1896 г. Ц. 35 к.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА,

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ.

СЪ 52 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

ЦѢНА 3 РУБЛЯ

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 г. — Вѣщесносный хирургъ. — Петръ Великій въ Дептфордѣ. — Императорскій титулъ. — Первые балы въ Россіи. — Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ. — Свадьба карликовъ. — Московскій маскарадъ 1722 года. — Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. — Первый петербургскій генералъ-полицеймейстеръ. — Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе ссыльные. — Дочь Бирона. — Убіство Синклера. — Холмогорская старина. — Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія. — Русскій чудакъ XVIII столѣтія. — Графъ К. Г. Разумовскій. — Екатерина II и ея два статсъ-секретаря. — Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго. — Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія. — Кирьяново, дача княгини Дашковой. — Александрова дача. — Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 г. — Пѣвица Габріелли. — Подпоручикъ Федосѣевъ. — Семейное преданіе. — Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ. — Мнимое завѣщаніе Петра Великаго. — Кладбищенская литература.

Лица, выписывающія эту книгу чрезъ контору «Историческаго Вѣстника» (Спб., Невскій, 38), за пересылку ничего не платятъ.

Въ текущемъ году къ святой недѣлѣ выйдетъ изъ печати и поступитъ въ продажу въ магазинахъ «Новаго Времени» (Невскій, № 38), Фельтена (Невскій, № 20) и у полковника Н. И. Кутепова въ г. Гатчинѣ

РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАЯ И ЦАРСКАЯ ОХОТА НА РУСИ

Съ X по XVI вѣкъ.

По общему характеру и содержанию, это изданіе есть первый опытъ систематическаго изслѣдованія древне-русской великокняжеской и царской охоты—по тѣмъ даннымъ, какія сохранились о ней въ лѣтописяхъ и другихъ литературныхъ и историческихъ памятникахъ древней Руси.

Оглавленіе его слѣдующее:

Введеніе (культурно-историческое значеніе охоты).

Глава I. Естественныя и быговья условія древне-русской охоты.

Глава II. Великіе князья и царя-охотники (охотничьи характеристики отдѣльныхъ великихъ князей кievскихъ, новгородскихъ, московскихъ и царей до династїи Романовыхъ).

Глава III. Способы, орудія и служебный персоналъ княжескихъ охотъ.

Глава IV. Правовыя отношенія великихъ князей, народа и частныхъ лицъ въ области охоты.

Изданіе печатается въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, на великолѣпной заграничной слоновой бумагѣ, въ большую четвертую долю, снабжено множествомъ рисунковъ въ текстѣ (свыше 100) и внѣ текста (8 приложений).

Иллюстраціи состоятъ изъ оригинальныхъ рисунковъ нашихъ извѣстныхъ художниковъ: профессора Васнецова и академика Самокиша, а равно изъ точныхъ воспроизведеній старинныхъ гравюръ, изображающихъ сцены охотничьяго быта, и исполнены посредствомъ хромофотографии, фототипїи въ 3 краски и типографскимъ способомъ.

Изданіе рассчитано на небольшой кругъ любителей охоты и цѣнителей художественныхъ изданій и потому выйдетъ изъ печати въ ограниченномъ количествѣ 400 нумерованныхъ экземпляровъ, по 50 рублей каждый.

Всѣ экземпляры поступятъ въ продажу въ художественныхъ переплетахъ работы Кирхнера.

Иллюстрированные проспекты, отпечатанные на бумагѣ изданія, находятся въ магазинахъ «Новаго Времени» и Фельтена.

Желающіе приобрѣсти изданіе благоволятъ заблаговременно подписаться въ указанныхъ мѣстахъ, уплачивая половину цѣны при подпискѣ и половину при полученіи книги.

Отъ Московскаго Комитета Грамотности.

Московскій Комитетъ Грамотности испытываетъ въ настоящее время недостатокъ средствъ. Публичныя лекціи, доходъ съ которыхъ шелъ на покупку и разсылку народныхъ изданій, не состоялись. Между тѣмъ запросы изъ селъ и деревень все возрастаютъ. Сотнями и тысячами поступаютъ въ Комитетъ просьбы о присылкѣ книгъ для домашняго чтенія, учебныхъ пособій и учебниковъ. Со всѣхъ сторонъ страны начальныя школы всѣхъ вѣдомствъ, народныя библіотеки, читальни, воскресныя школы, повторительные классы при начальныхъ училищахъ и народныя аудиторіи заявляютъ Комитету о своихъ нуждахъ и просятъ о помощи. При такихъ условіяхъ всякое пожертвованіе деньгами или книгами будетъ по истинѣ добрымъ дѣломъ, каждый рубль и каждая хорошая книжка примутся съ глибокою благодарностью. Направлять пожертвованія можно почтою въ Москву въ Комитетъ Грамотности (Смоленскій бульваръ, въ зданіи Земледѣльческой школы).

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергѣя Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

